

ISSN 2227-6548 (Print)
ISSN 2658-6193 (Online)

Том XXVI
2020

**ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ,
ЭТНОГРАФИИ, АНТРОПОЛОГИИ СИБИРИ
И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ**

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY
OF THE SIBERIAN BRANCH OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**Problems of Archaeology,
Ethnography, Anthropology of Siberia
and Neighboring Territories**

Volume XXVI
2020

NOVOSIBIRSK
IAET SB RAS Publishing
2020

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**Проблемы археологии,
этнографии, антропологии Сибири
и сопредельных территорий**

Том XXVI
2020

НОВОСИБИРСК
Издательство ИАЭТ СО РАН
2020

Издание основано в 1995 году

Выходит один раз в год

Утверждено к печати
Ученым советом ИАЭТ СО РАН

Редакционная коллегия

академик РАН *А.П. Деревянко* (главный редактор),
академик РАН *В.И. Молодин* (зам. главного редактора),
чл.-кор. РАН *М.В. Шуньков* (зам. главного редактора),
канд. ист. наук *М.С. Нестерова* (ответственный секретарь),
д-р ист. наук *А.В. Бауло*, канд. ист. наук *А.Е. Гришин*,
д-р ист. наук *С.П. Нестеров*

Рецензенты

д-р ист. наук *Н.А. Берсенева*, д-р ист. наук *С.А. Васильев*, канд. ист. наук *А.Г. Марочкин*,
д-р ист. наук *П.Ю. Павлов*, канд. ист. наук *В.И. Ташак*, канд. ист. наук *С.Г. Скобелев*,
д-р ист. наук *Н.М. Чаиркина*, д-р ист. наук *М.П. Черная*

П781 **Проблемы** археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий /
М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Ин-т археологии и этнографии Сиб. отд-ния
Рос. акад. наук. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. – Т. XXVI. – 957 с.

Очередной том ежегодника «Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий» содержит статьи, в которых представлены результаты новейших исследований по основным направлениям деятельности Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук. Среди авторов – известные и молодые ученые из российских и зарубежных академических и университетских научных центров.

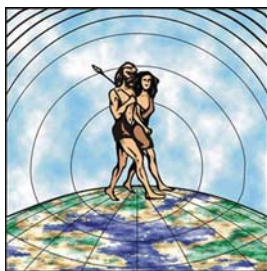
Издание рассчитано на специалистов в области археологии, этнографии, антропологии.

ББК 63.4+63.5

Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories /
Min. of Science and Higher Education of the Russ. Federation, Inst. of Archaeology and Ethnography,
Siber. Branch, Russ. Acad. of Sciences. – Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020. – Vol. XXVI. – 957 p.

The current volume of the annals *Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories* contains articles presenting the results of the most recent research in the main areas of work of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Among the authors are both well-known and young scientists from Russian and foreign academic and university scientific centers.

The issue is intended for specialists in archaeology, ethnology, and anthropology.

**АРХЕОЛОГИЯ КАМЕННОГО ВЕКА
ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ**

Е.В. Акимова, В.М. Харевич✉

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: elaki2008@yandex.ru, mihalich84@mail.ru

Скребки позднепалеолитической стоянки Троицкая (Красноярское водохранилище)

В статье представлены результаты анализа скребков каменной индустрии позднепалеолитической стоянки Троицкая (Средний Енисей). Стоянка Троицкая относится к финальным этапам кокоревской археологической культуры и датируется рубежом плейстоцена – голоцена (9851 ± 109 л.н. (NSK/UGAMS) – 11 600–11 150 кал. лет). Коллекция скребков насчитывает 175 предметов, из которых 170 собраны с поверхности береговой отмели, а 5 получены в культурном слое. Классификация скребков в соответствии с типологической схемой, предложенной для позднего палеолита Енисея З.А. Абрамовой, оказалась малопродуктивной. Большое разнообразие форм изделий привело к тому, что значительную часть орудий нельзя включить ни в одну из типологически выраженных групп. Наиболее эффективным оказалось разделение всего массива скребков на две большие группы в зависимости от степени обработки и протяженности рабочего края. В первую группу вошли сильномодифицированные орудия с протяженным лезвием (округлые скребки, скребки с лезвием по 1/2 и 3/4 периметра). Ко второй группе отнесены слабомодифицированные орудия с коротким лезвием (концевые боковые и угловые скребки). Сравнительный анализ метрических параметров указывает на то, что сильномодифицированные скребки представляют собой отдельные специально подготовленные типы орудий, а не являются результатом постепенной редукции слабомодифицированных орудий. Типологическое и морфологическое разнообразие скребков может быть объяснено как усложнением функций скребков и увеличением перечня обрабатываемых ими материалов и приемов обработки, так и особенностями первичного расщепления в каменной индустрии стоянки, а именно отсутствием стандартизации сколов-заготовок.

Ключевые слова: поздний палеолит, Средний Енисей, кокоревская культура, скребки.

Elena V. Akimova, Vladimir M. Kharevich✉

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: elaki2008@yandex.ru, mihalich84@mail.ru

End-Scrapers from the Troitskaya Upper Paleolithic Site (Krasnoyarsk Reservoir)

This article analyzes end-scrapers of the lithic assemblage from the Troitskaya site (the Middle Yenisei region). The Troitskaya site belongs to the final stage of the Kokorevo culture and was dated to the boundary between the Pleistocene and Holocene (9851 ± 109 BP (NSK/UGAMS) – 11,600–11,150 cal BP). The collection of end-scrapers consisted of 175 items, including 170 surface finds from the foreshore of the reservoir and five end-scrapers from the cultural layer. Due to variety of their morphology, these end-scrapers could not be systematized using the typology proposed by Z.A. Abramova for the Late Paleolithic of the Yenisei region. Thus, these scrapers were divided into two large groups in accordance with the degree of processing and length of the working edge. The first group consisted of strongly modified tools with long working edges (circular end-scrapers, end-scrapers with the working edge reaching 1/2 or 3/4 of the perimeter). The second group included less modified tools with short working edge (end-scrapers with narrow working edge and angle end-scrapers). Comparative study of metric parameters in these two groups has shown that strongly modified scrapers were specially prepared types of tools and did not result from gradual reduction of less modified tools. Such great typological and morphological diversity could be explained by two reasons. First possible reason is gradual increase in sophistication of scrapers' functions accompanied by greater variety of processed raw materials and methods of processing. The second reason is associated with the features of primary lithic reduction at the site, especially with the lack of standardized production of blank-flakes, which caused the diversity of morphology.

Keywords: Upper Paleolithic, Middle Yenisei Basin, Kokorevo archaeological culture, end-scrapers.

Введение

Одной из наиболее многочисленных категорий каменных орудий в позднепалеолитических памятниках традиционно являются скребки. Простота в изготовлении, отсутствие жестких требований к заготовке, оформление ретушью приводят не только к закономерному многообразию форм, но и наличию «переходных», единичных, случайных и т.д. вариантов. Все попытки классификации скребков на отдельных памятниках вынуждают создавать чрезмерно дробные подразделения нередко со «штучным» наполнением [Леженко, 1975; Колобова, 2006; Акимова и др., 2014].

В контексте изучения верхнепалеолитических комплексов бассейна Енисея первый опыт классификации каменного инвентаря принадлежит И.Т. Савенкову в 1890-х гг. Среди 12 групп каменных изделий он указывал, в частности «...соединение скребков и ножей в одной орудии; полуовальные скребки; ...скребки различных форм» [Ларичев, 1969, с. 122]. В конце 1920-х гг. Н.К. Ауэрбах в орудийном наборе индустрии Афонтовой горы III выделял три основных элемента, двумя из которых являлись именно «широкие односторонней обработки скребки, скребочки...» без конкретизации их типологических особенностей, практически не поддающихся упорядочению в связи с многообразием вариантов [1930, с. 37].

Более дробную классификацию категории скребков предложила З.А. Абрамова в 1960–1970-е гг. Так, для памятников кокоревской культуры она выделяла 12 групп (типов) скребков: концевые на пластине, концевые на атипичной пластине, концевые на отщепе, с ретушью по периметру, с ретушью по ½ периметра, на широком отщепе, сегментовидный, с боковым рабочим краем, двойной, угловатый, с выемчатым рабочим краем, на необычной основе [Абрамова, 1979, с. 178]. Аналогичные классификации были созданы практически для всех памятников позднего палеолита, по-прежнему демонстрируя как многообразие форм и вариантов, так и, соответственно, относительность любых аналогий. Попытка создания общей схемы форм скребков, включающей в себя варианты, которые свойственны отдельным памятникам, была предпринята на материалах Дербинского залива [Палеолит Дербинского залива..., 2018]. Основным признаком являлась зависимость между формой заготовки и дислокацией рабочего края [Кукса, 2005; Харевич, 2010].

Для детального изучения морфологической вариативности скребков как одной из основных категорий верхнепалеолитического набора артефактов большой интерес представляют стоянки, где

фиксируются массовые коллекции этих орудий. В палеолите Енисея это, как правило, подъемные комплексы береговой зоны водохранилища, при условии обоснования их принадлежности к одному памятнику и одному культурному слою. К такому типу памятников относится стоянка Троицкая в северной зоне Красноярского водохранилища, исследование которой велось в 2014–2016, 2020 г. [Харевич и др., 2014; Акимова и др., 2017; Харевич, Акимова, Вашков, 2017].

Стоянка Троицкая расположена по правому берегу водохранилища в 80 км южнее плотины Красноярской ГЭС. До затопления месторасположение стоянки представляло собой высокую террасу р. Енисей, с севера ограниченную глубоким логом (руч. Пашкин ключ). Подъемный материал был рассеян вдоль береговой отмели на площади более 4 тыс. м². На поверхности берегового уступа был заложен раскоп площадью 9 м² и проведена зачистка площадью 3 м², пройденная до каргинской палеопочвы, которая залегала на глубине 5 м от дневной поверхности. В разрезе был выявлен только один культурный слой, залегающий на глубине 0,6–0,7 м в легкой пылевой супеси. По кости из раскопа получена дата 9851 ± 109 л.н. (NSK/UGAMS) (11 600–11 150 кал. лет; результаты были калиброваны по программе OxCal (версия 4.2) с использованием калибровочной кривой IntCal13 [Reimer et al., 2013]), которая полностью согласуется со стратиграфическим положением артефактов, залегающих в геологическом слое, который соответствует границе плейстоцена – голоцена.

Из раскопа было получено 285 предметов, в т.ч. многочисленные чешуйки и микропластины из промывки. На береговой отмели собрано 7 083 предмета. Типологическое единство подъемного и стратифицированного материала позволило рассматривать материал стоянки Троицкая как единый, гомогенный комплекс. На основании пластинчатого характера индустрии с соответствующими формами нуклеусов, а также специфического набора каменного инвентаря стоянка Троицкая была отнесена к кокоревской археологической культуре финального верхнего палеолита Енисея [Абрамова, 1979; Лисицын, 2000; Харевич, Акимова, Вашков, 2017].

Технико-типологическая характеристика скребков

Коллекция скребков стоянки Троицкая составляет 175 экз. В ходе разбора культурных отложений было получено 5 скребков, подъемный комплекс, собранный на береговой отмели, насчитывает 170 орудий.

Заготовками для скребков служили отщепы разной толщины, как правило в рамках 0,8–1,5 см, с редкими отклонениями в обе стороны. Интенсивность ретуширования краев и угол нанесения ретуши зависели в большинстве случаев от массивности заготовки. Средние размеры скребков составляют ок. 4 × 5 см. Самые мелкие скребки имеют размеры ок. 2 × 1,5 см. Число скребков на пластинчатых заготовках невелико: собственно на пластинках с классическим соотношением длины и ширины изготовлено только 5 скребков.

Попытки классификации всего массива скребков Троицкой в соответствии с типологией, принятой для финального верхнего палеолита Енисея [Абрамова, 1979], вызвали ряд трудностей. Морфологическое разнообразие орудий стало причиной того, что за рамками типологических категорий остались единичные переходные формы, отнесение которых к той или иной группе очень субъективно. Наряду с этим были сделаны наблюдения, связанные со степенью модификации орудийной заготовки, которые позволяют распределить скребки стоянки Троицкая на несколько основных групп.

Весь массив скребков стоянки (рис. 1, 2) можно разделить на две большие группы. В первую входят интенсивно обработанные орудия, во вторую – орудия, подвергшиеся минимальной обработке. Первую группу можно разделить на две подгруппы. Подгруппа А включает скребки с ретушью по большей части периметра. Это округлые скребки, обработанные чешуйчатой крутой ретушью по всей (рис. 2, 1) или большей части периметра заготовки с «разрывом», как правило, в зоне ударной площадки. Дорсальная поверхность таких орудий могла быть полностью обработана ретушью (скребок-унифас) (рис. 2, 2, 3), нести негатив предыдущего снятия на стадии нуклеуса (рис. 2, 4) или сохранять галечную корку (рис. 2, 6). К подгруппе Б относятся изделия с рабочим краем, занимающим до половины периметра в двух вариантах: сохраняя концевое положение рабочего края (рис. 2, 5) и со скосом на продольный край (рис. 2, 7, 8).

Ко второй группе были отнесены скребки, подвергшиеся наименьшей модификации, с рабочим краем, расположенным на конце (рис. 2, 9, 10, 13) или углу (рис. 2, 11) заготовки. С сокращением протяженности рабочего края и минимизацией оформления начинают использоваться заготовки самой разной формы, что приводит к разнообразию форм и размеров самих скребков.

Для скребков на округлых заготовках место расположения рабочего края не зависело, вероятно, ни от каких факторов, кроме удобства изготовления и использования, соответственно рабочий край мог располагаться как на дистальном конце (см. рис. 1,

2, 3, 5; 2, 2, 7), реже – проксимальном (рис. 2, 4, 10), так и в боковом положении (см. рис. 1, 6–9; 2, 3, 14). Если форма скола была более вытянутой (стандартный пластинчатый скол или короткий широкий отщеп), расположение рабочего края на более узкой части заготовки становилось намного более предпочтительным. Край мог быть соразмерным ширине заготовки (см. рис. 1, 8; 2, 4), обуженным (см. рис. 1, 9) или расширенным (рис. 1, 7; 2, 5, 13).

При использовании удлиненных заготовок наиболее распространенным является вариант, когда слегка выпуклый широкий рабочий край переходит на продольный край заготовки (см. рис. 1, 8; 2, 4, 5). У скребков, где прослеживается залощенность рабочей кромки, участок залощения может фиксироваться как на концевом (поперечном) или боковом (продольном) секторе, так и на слегка скошенном – переходном участке. В большинстве случаев поперечный участок рабочего края совпадает с дистальным концом, но возможен вариант разворота короткой и широкой заготовки по реальной длинной оси, когда концевой участок скребка размещается вдоль более узкого, но «морфологического» продольного края заготовки (рис. 1, 7).

В случае оформления скребков на пластинчатых заготовках ретушь располагается только на дистальном конце (см. рис. 2, 10, 15), иногда со скосом на край (рис. 2, 11), либо на дистальном конце и обоих продольных краях (рис. 2, 8, 9).

Учитывая все варианты протяженности рабочего края, степень захвата им контура заготовки, можно увидеть, что абсолютно преобладают однолезвийные скребки, но с возможным смещением активной рабочей части лезвия и эпизодической (?) подправкой отдельных участков. Двойные противоположащие скребки крайне редки и отмечены только на пластинчатых сколах (рис. 2, 6).

В абсолютном большинстве скребки имеют дорсальное оформление, что связано с естественной большей выпуклостью спинки, вариант с вентральным расположением рабочего края отмечается только в единичных случаях при наличии более выпуклого брюшка (см. рис. 1, 9). По мере уменьшения степени модификации меняется и оформление дорсала: количество унифасов сокращается, начинают преобладать изделия с остатками галечной корки на спинке или негативами снятий с нуклеуса.

Традиционно дорсальные скребки не имеют вентральной подправки. В тех случаях, когда она по каким-либо причинам (утолщенный конец) производилась, выделяются три варианта подправки: 1) грубые короткие отщеповые снятия с ударной площадки по вентралу заготовки (рис. 1, 2; 2, 7); 2) продольно или диагонально направленные пластинчатые плоские снятия (рис. 1, 3, 4; 2, 3, 14);

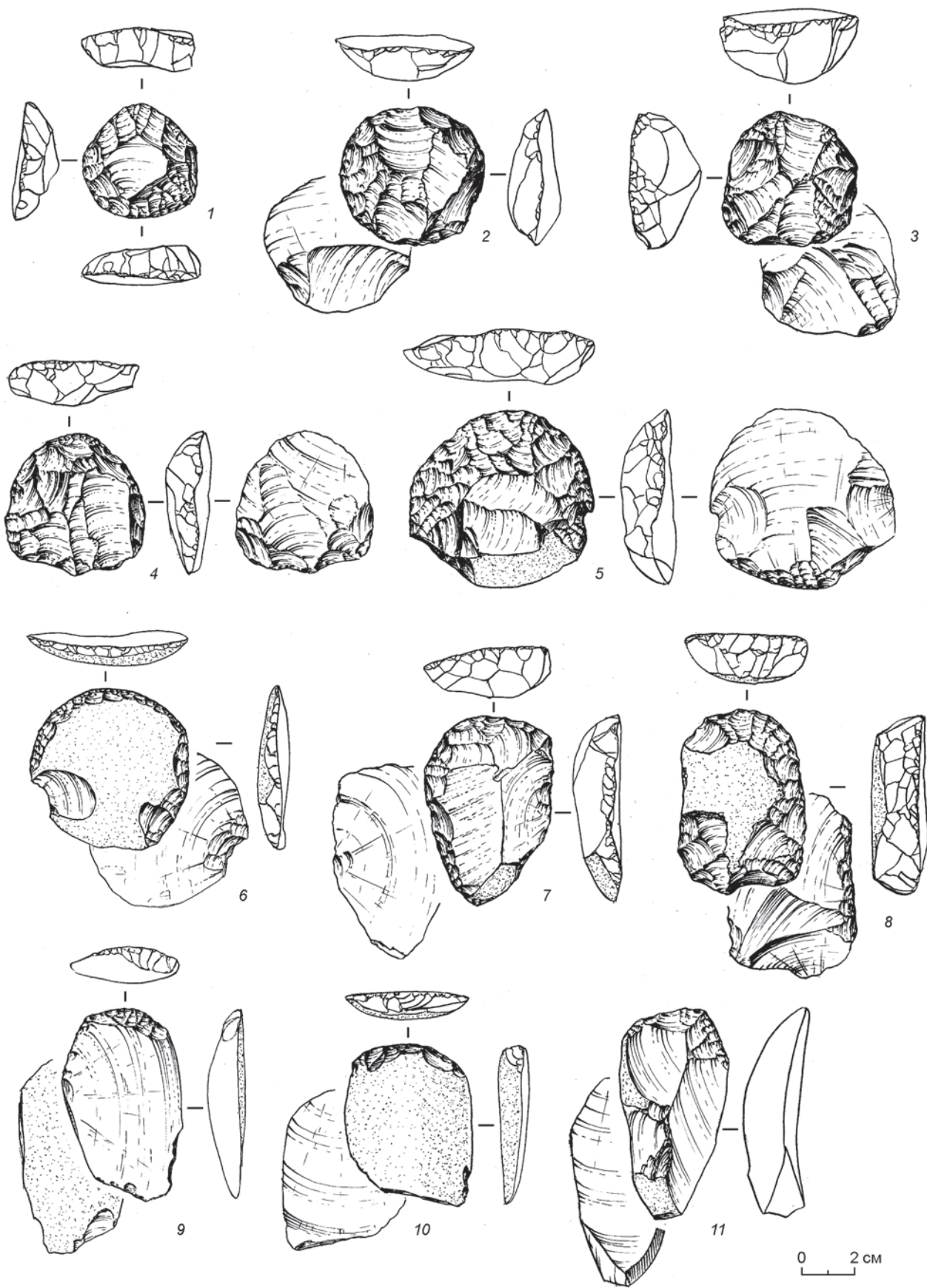

Рис. 1. Скребки стоянки Троицкая.

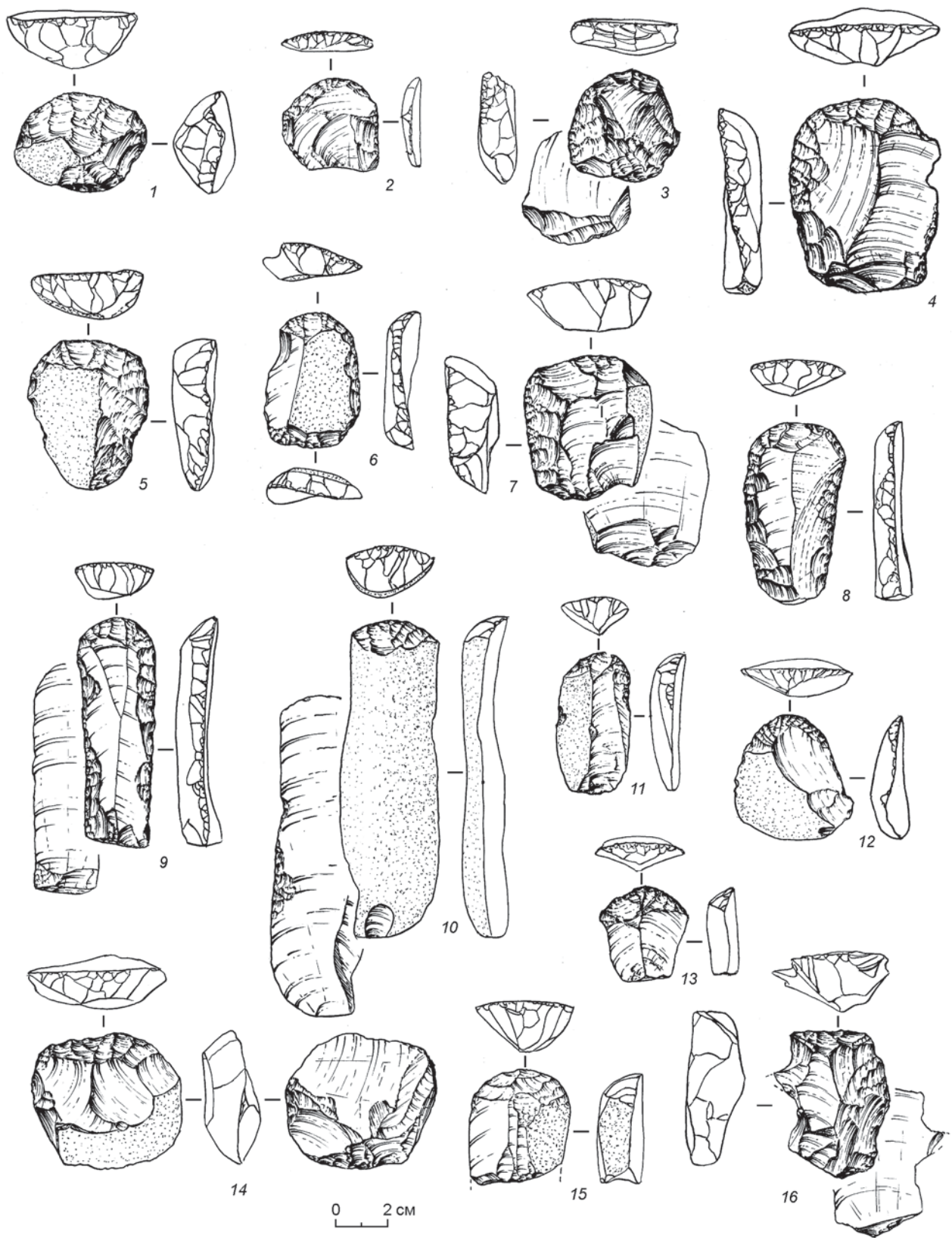

Рис. 2. Скрепки стоянки Троицкая.

3) мелкое плоское ретуширование зоны обушка. Отмечено, что случаи вентральной подработки присутствуют на скребках, близких к эталонной форме, и практически не встречаются на экземплярах со схематическим оформлением рабочего края.

Зашлифовка рабочей кромки, определяемая визуально, отмечена на многих скребках (в абсолютном большинстве изготовленных из аргиллитов) и, очевидно, отражает реальную ситуацию использования предмета в работе, учитывая, безусловно, возможность свежей подправки отдельных участков (рис. 2, 7). В абсолютном большинстве случаев протяженность ретушированного участка превышает протяженность участка зашлифованной кромки. У отдельных скребков по краю лезвия в плане прослеживается угол величиной ок. 100° (рис. 2, 2). Случайность или преднамеренность его формирования не ясна, но возможно, что это могло быть связано с подправкой сношенного скребкового края, но по более короткой дуге.

В коллекции Троицкой также присутствуют орудия, типологически относимые к скребкам, но со следами использования в качестве долотовидных орудий. При этом ни в одном случае не присутствует нитевидная залощенность кромки, позволяющая однозначно судить о факте переоформления именно сработанных скребков. Найдено одно изделие с отчетливо выраженным скребковым рабочим краем и жалцем провертки (сверла) (рис. 2, 16). Во всех этих случаях оформление узкого выпуклого края крутой ретушью могло свидетельствовать только о техническом приеме, но не о скребковой функции изделия.

Столь же размытой и субъективной является граница между скребками и скреблами. Наиболее крупные предметы с округлым рабочим краем (скребки) по размерам соотносятся с предметами, имеющими широкий продольный край (скребла). Протяженность рабочего края скребел Троицкой может составлять от 8 до 12–15 см.

Обсуждение

Разнообразие технико-типологических характеристик и многочисленность скребков стоянки Троицкая позволяет рассмотреть вопрос о причинах их морфологической вариативности.

На наш взгляд, наиболее объективным признаком, определяющим форму орудия, является протяженность рабочего края. На основе этого признака все многообразие скребков стоянки можно разделить на две большие группы. В первую группу входят интенсивно модифицированные изделия, с протяженным рабочим краем. Ее формируют округлые скребки, а также скребки с лезвием по $\frac{1}{2}$ и $\frac{3}{4}$ пери-

метра заготовки. Вторую группу составляют слабо модифицированные орудия с коротким рабочим краем. В первую очередь это концевые, боковые и угловые скребки.

Сырьевой состав скребков этих групп близок и характеризуется преобладанием кварцита. Среди орудий с протяженным лезвием доля скребков из кварцита несколько больше, чем у орудий с коротким лезвием (62 и 47 % соответственно), однако эта разница не является статистически значимой ($\chi^2: 2,8442$, Df: 1, $p = 0,091762$). Среди скребков орудия из кварцита наиболее распространены (50 % изделий), это значительно больше, чем среди скребел (36 %), резцов (6 %) и орудий других типов. Повидимому, данный факт объясняется потребительскими качествами кварцита, в первую очередь его износоустойчивостью. В палеолите Енисея известны случаи, когда скребки из кварцита использовались и транспортировались владельцами в течение продолжительного времени [Гири и др., 2018].

Вторым возможным объяснением типологического разнообразия скребковых форм может являться их соответствие различным стадиям редукции. Подобные выводы о взаимосвязи размеров изделий и стадии модификации были получены на материалах среднего палеолита Г. Дибблом при анализе скребел [Dibble, 1995]. Также определенная зависимость между количеством лезвий конвергентных орудий и удаленностью от источников сырья, а, следовательно, и степенью редукции была отмечена в комплексах крымского микока [Чабай, 2004].

В соответствии с данными наблюдениями справедливо предположить, что в контексте скребков стоянки Троицкая должно фиксироваться уменьшение размеров орудий при увеличении протяженности рабочего края. В таком случае наиболее крупные орудия должны иметь самый короткий рабочий край, а мелкие скребки – наиболее протяженный. Однако в изучаемой коллекции подобной закономерности не фиксируется. График на рис. 3 демонстрирует совсем иную ситуацию. Наиболее мелкие по размерам орудия (менее 3 см) имеют короткое лезвие, а изделия с протяженным лезвием обладают крупными и средними размерами (от 3 до 5 см). Такую же картину демонстрирует график соотношения толщины скребков с протяженным (больше половины периметра) и коротким (меньше половины периметра) лезвиями (рис. 4). Скребки из второй группы значительно тоньше, чем первые (Манн-Уитни U: 1925,5, $p = 0,0057519$).

Выводы

Состав коллекции скребков из каменной индустрии стоянки Троицкая позволяет увидеть огром-

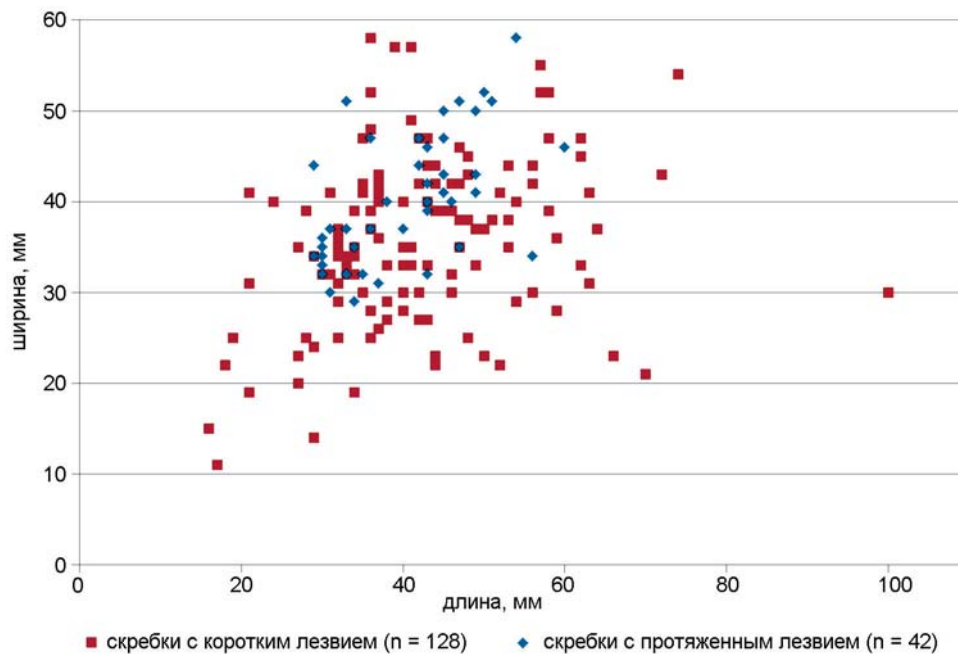

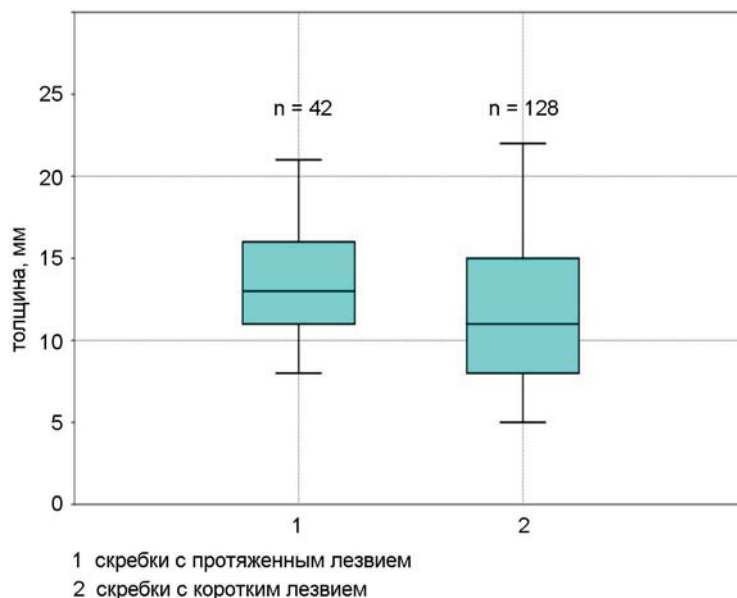
Рис. 3. Распределение скребков стоянки Троицкая в зависимости от линейных размеров.

Рис. 4. Соотношение толщины сильно- и слабомодифицированных скребков стоянки Троицкая.

ное количество вариаций изготовления этих орудий. Разделение орудий в зависимости от степени модификации позволяет выделить две крупные группы. Первую составляют сильно модифицированные изделия с лезвием, занимающим от половины до всей протяженности периметра заготовки. Такие скребки не являются результатом постепенной редукции слабо модифицированных форм, а представляют собой самостоятельные, целенаправленно оформленные орудия. Ко второй группе относятся разнообразные скребки с коротким лезвием. По всей видимости, значительная их часть имеет ситуативный характер.

Разнообразие типов скребков комплекса стоянки Троицкая может являться следствием усложнения функций данных орудий, расширением перечня обрабатываемых материалов и приемов обработки. К сожалению, в отношении каменной индустрии стоянки Троицкая данное предположение вряд ли возможно проверить. Экспонированный характер материалов исключает возможность проведения трасологического анализа.

Еще одним возможным объяснением является система первичного расщепления в комплексе стоянки. Как отмечалось ранее [Харевич, Акимова,

Вашков, 2017], для Троицкой характерна меньшая, чем для классических кокоревских комплексов, стандартизация нуклеусов и системы первичного расщепления в целом – уменьшение доли пластинчатых нуклеусов, преобладание торцовых форм, низкая стандартизация ядрищ [Там же]. Неизбежным следствием этого процесса является разнообразие морфологии сколов и уменьшение доли пластин среди заготовок орудий. Возможно, именно разнообразие морфологии заготовок и обусловило типологическое разнообразие орудийных форм в целом и скребков в частности. Нельзя исключать, что в основе этого процесса лежат оба указанных

фактора – усложнение функционала орудий с одной стороны и уменьшение стандартизации системы первичного расщепления с другой.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР № 0329-2019-0008 «Северо-восток Евразии в позднем плейстоцене – раннем голоцене: культурная динамика, геохронология, развитие природной среды».

Список литературы

Абрамова З.А. Палеолит Енисея. Кокоревская культура. – Новосибирск: Наука, 1979. – 200 с.

Акимова Е.В., Кукса Е.Н., Стасюк И.В., Томилова Е.А., Харевич В.М., Мотузко А.Н. Последние раскопки палеолитической стоянки Усть-Кова в Северном Приангарье // Верхний палеолит Северной Евразии и Америки: памятники, культуры, традиции. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2014. – С. 256–264.

Акимова Е.В., Харевич В.М., Стасюк И.В., Вашков А.А. Археологическое изучение памятников рубежа плейстоцена – голоцена в зоне береговой абразии северной части Красноярского водохранилища // Вестн. Рос. фонда фундам. исследований. – 2017. – № 1. – С. 146–155.

Ауэрбах Н.К. Палеолитическая стоянка Афонтова III // Тр. об-ва изучения Сибири и ее производит. сил. – Новосибирск: Об-во изучения Сибири, 1930. – Вып. 7. – 59 с.

Гиря Е.Ю., Акимова Е.В., Харевич В.М., Стасюк И.В. Клад каменных орудий с позднепалеолитической стоянки Притубинск I (юг Красноярского края) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2018. – Т. 23. – С. 24–43.

Колобова К.А. Приемы оформления каменных орудий в палеолитических индустриях горного Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – 136 с.

Кукса Е.Н. Опыт классификации скребков в палеолите Дербинского археологического района // Истоки, формирование и развитие евразийской политкультурности. Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2005. – С. 125–126.

Ларичев В.Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1969. – Ч. 1. – 390 с.

Лежненко И.Л. Опыт выделения конструктивных элементов модели скребка, их терминология и метрика // Проблемы терминологии и анализа археологических источников: тез. докл. к Вост.-Сиб. регион. совещ. – Иркутск: Иркут. ун-т, 1975. – С. 43–49.

Лисицын Н.Ф. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. – СПб.: Петербург. Востоковедение, 2000. – 230 с. – (Труды ИИМК РАН; т. II).

Медведев Г.И., Савельев Н.А., Лежненко И.Л. Моделирование и технологическая классификация резцов и скребков // Описание и анализ археологических источников. – Иркутск: Иркут. ун-т, 1981. – С. 104–115.

Палеолит Дербинского залива / Е.В. Акимова, В.М. Харевич, И.В. Стасюк, С.А. Лаухин, А.Н. Мотузко, А.Ф. Санько. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – 180 с.

Харевич В.М. Начальная стадия верхнего палеолита Среднего Енисея: дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2010. – 244 с.

Харевич В.М., Акимова Е.В., Вашков А.А. К проблеме верхней границы кокоревской культуры в позднем палеолите Енисея (по материалам стоянки Троицкая) // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2017. – № 1. – С. 182–190.

Харевич В.М., Акимова Е.В., Орешников И.А., Стасюк И.В., Томилова Е.А., Гурулев Д.А., Кукса Е.Н. Разведочные работы на севере зоны Красноярского водохранилища // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2014. – Т. XX. – С. 91–94.

Чабай В.П. Средний палеолит Крыма. – Симферополь: Шлях, 2004. – 324 с.

Dibble H.L. Middle Paleolithic Scraper Reduction: Background, Clarification, and Review of the Evidence to Date // J. of Archaeological Method and Theory. – 1995. – N 2. – P. 299–368.

Reimer P.J., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Blackwell P.G., Bronk Ramsey C., Grootes P.M., Guilderson T.P., Hafliadason H., Hajdas I., Hatt'e C., Heaton T.J., Hoffmann D.L., Hogg A.G., Hughen K.A., Kaiser K.F., Kromer B., Manning S.W., Niu M., Reimer R.W., Richards D.A., Scott E.M., Southon J.R., Staff R.A., Turney C.S.M., Plicht J., van der. IntCal13 and Marine13 Radiocarbon Age Calibration Curves 0–50,000 Years cal BP // Radiocarbon. – 2013. – Vol. 55, N 4. – P. 1869–1887.

References

Abramova Z.A. Paleolit Eniseya. Kokorevskaya kul'tura. Novosibirsk: Nauka, 1979, 200 p. (In Russ.).

Akimova E.V., Kharevich V.M., Stasyuk I.V., Laukhin S.A., Motuzko A.N., Sanko A.F. Paleolith of Derbyna Bay. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2018, 180 p. (In Russ.).

Akimova E.V., Kharevich V.M., Stasyuk I.V., Vashkov A.A. Arkheologicheskoe izuchenie pamyatnikov rubezha pleistotsena – golotsena v zone beregovoi abrazii severnoi chasti Krasnoyarskogo vodokhranilishcha. *Vestnik Rossiyskogo fonda fundamentalnykh issledovaniy*, 2017, No. 1, pp. 146–155. (In Russ.).

Akimova E.V., Kuxa E.N., Stasyuk I.V., Tomilova E.A., Kharevich V.M., Motuzko A.N. Poslednie raspokpi paleoliticheskoj stoyanki Ust'-Kova v Severnom

Priangar'e. In *Verkhniy paleolit Severnoi Yevrazii i Ameriki: pamyatniki, kul'tury, traditsii*. St.-Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2014, pp. 256–264. (In Russ.).

Auerbakh N.K. Paleoliticheskaya stoyanka Afontova III. In *Trudy obshchestva izucheniya Sibiri i ee proizvoditel'nykh sil*. Novosibirsk: Obshestvo uzucheniya Sibiry, 1930, iss. 7, 59 p. (In Russ.).

Chabai V.P. Sredniy paleolit Kryma. Simferopol: Shlyakh, 2004, 324 p. (In Russ.).

Dibble H.L. Middle Paleolithic Scraper Reduction: Background, Clarification, and Review of the Evidence to Date. *J. of Archaeological Method and Theory*. 1995, No. 2, pp. 299–368.

Girya E.Yu., Akimova E.V., Kharevich V.M., Stasyuk I.V. Trove of Stone Paleolithic Tools of Pritubinsk 1 Site (South of the Krasnoyarsk Krai). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya*. 2018, vol. 23, pp. 24–43. (In Russ.).

Kharevich V.M. Nachalnaya stadiya verkhnego paleolita Srednego Eniseya: cand. sc. (history) dissertation abstract. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2010, 244 p. (In Russ.).

Kharevich V.M., Akimova E.V., Oreshnikov I.A., Stasyuk I.V., Tomilova E.A., Gurulev D.A., Kuksa E.N. Razvedochnye raboty na severe zony Krasnoyarskogo vodokhranilishcha. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*, 2014, vol. XX, pp. 91–94. (In Russ.).

Kharevich V.M., Akimova E.V., Vashkov A.A. The problem of the upper chronological border of the Kokorevo culture during the Late Paleolithic of the Yenisei (Troitskaya site). *Vestnik TGU*, 2017, No. 1, pp. 182–190. (In Russ.).

Kolobova K.A. Priemy oformleniya kamennykh orudii v paleoliticheskikh industriyakh gornogo Altaya. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2006, 136 p. (In Russ.).

Kuksa E.N. Opyt klassifikatsii skrebkov v paleolite Derbinskogo arkheologicheskogo raiona. In *Istoki, formirovanie i razvitie evraziiskoi politkul'turnosti. Kul'tury i obshchestva Severnoi Azii v istoricheskom proshlom i sovremennosti*. Irkutsk: State Univ. Press, 2005, pp. 125–126. (In Russ.).

Larichev V.E. Paleolit Severnoi, Tsentralnoi i Vostochnoi Azii, Novosibirsk, 1969, pt. 1, 390 p. (In Russ.).

Lezhnenko I.L. Opyt vydeleniya konstruktivnykh elementov modeli skrebka, ikh terminologiya i metrika. In *Problemy terminologii i analiza arkheologicheskikh istochnikov*. Irkutsk: State Univ. Press, 1975, pp. 43–49. (In Russ.).

Lisitsyn N.F. Pozdniy paleolit Chulymo-Yeniseiskogo mezhdurech'ya. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2000, 230 p. (Trudy Instituta istorii materialnoi kul'tury RAN; vol. II). (In Russ.).

Medvedev G.I., Savel'ev N.A., Lezhnenko I.L. Modelirovanie i tekhnologicheskaya klassifikatsiya reztsov i skrebkov. In *Opisanie i analiz arkheologicheskikh istochnikov*. Irkutsk: State Univ. Press, 1981, pp. 104–115. (In Russ.).

Reimer P.J., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Blackwell P.G., Bronk Ramsey C., Grootes P.M., Guilderson T.P., Hafliadason H., Hajdas I., Hatt'e C., Heaton T.J., Hoffmann D.L., Hogg A.G., Hughen K.A., Kaiser K.F., Kromer B., Manning S.W., Niu M., Reimer R.W., Richards D.A., Scott E.M., Southon J.R., Staff R.A., Turney C.S.M., Plicht J., van der. IntCal13 and Marine13 Radiocarbon Age Calibration Curves 0–50,000 Years cal BP. *Radiocarbon*. 2013, vol. 55, No. 4, pp. 1869–1887.

Акимова Е.В. <https://orcid.org/0000-0002-0952-8026>

Харевич В.М. <https://orcid.org/0000-0003-2632-6888>

С. Алишер кызы✉, С.В. Шнайдер
Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: saltanat.alisher.kyzy@gmail.com

Каменная индустрия неолитических слоев грота Дам-Дам-Чешме-2 (по материалам раскопок А.П. Окладникова)

Грот Дам-Дам-Чешме-2 является одним из ключевых многослойных памятников Восточного Прикаспия. Памятник был открыт в 1947 г. А.П. Окладниковым и исследовался на протяжении нескольких лет, в 1960-х гг. изучение было продолжено Г.Е. Марковым. Материалы нижних слоев памятника отнесены к мезолиту, а верхние слои – к неолитическому периоду. К сожалению, материалы, полученные в ходе работ А.П. Окладникова, до сих пор не были введены полностью в научный оборот. В данной статье приведены результаты технико-типологического анализа неолитических комплексов памятника (слои 3 и 2), мезолитические были опубликованы нами ранее. Проведенный атрибутивный анализ нуклеусов и сколов указывает на использование мелкопластинчатой техники расщепления с применением ударной техники мягким минеральным отбойником. Орудийный набор рассматриваемых комплексов характеризуется микролитами в виде трапеций, единичными треугольниками, скребками, выемчатыми изделиями, остриями, усеченными пластинами, концевыми скребками, также выделяются ретушированные сколы. С целью установления генезиса данных индустрий проведено сопоставление с мезолитическими материалами грота Дам-Дам-Чешме-2. На основе проведенных корреляций установлено использование схожих технологий расщепления и наличие схожих элементов в орудийных наборах, на основании чего обосновывается локальный генезис неолита Восточного Прикаспия. На основании полученных данных и корреляций с неолитическими индустриями региона, где также широко распространены геометрические микролиты в виде трапеций, для слоев 3 и 2 грота Дам-Дам-Чешме-2 предполагаются хронологические рамки в пределах 9–6 тыс. л.н.

Ключевые слова: Восточный Прикаспий, неолит, каменная индустрия, микролиты, трапеции.

Saltanat Alisher kyzy✉, Svetlana V. Shnaider
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: saltanat.alisher.kyzy@gmail.com

Lithic Assemblage from the Neolithic Layers at the Dam-Dam-Cheshme-2 Site (the Evidence of Excavations by A.P. Okladnikov)

The grotto of Dam-Dam-Cheshme-2 is one of the key multilayered sites in the Eastern Caspian Sea region. This site was discovered in 1947 by A.P. Okladnikov who studied it for several years. In the 1960s, research was continued by G.E. Markov. Archaeological evidence from the lower layers of the site belongs to the Mesolithic and from the upper layers – to the Neolithic. The evidence obtained by A.P. Okladnikov's has not yet been fully published. This article presents the results of technical and typological analysis of the Neolithic complexes from the site (layers 3–2). Its Mesolithic complexes have been already published by our team. The attributive analysis of the cores and flakes has revealed small-blade production technique using soft hammer percussion. The toolkit of these complexes includes microliths of trapezoid and occasionally triangle shapes, end-scrapers, notched tools, points, truncated blades, and retouched flakes. For establishing the genesis of these industries, the evidence was compared with the Mesolithic materials from the Dam-Dam-Cheshme-2 site. The same percussion technique and similarity of the toolkits make it possible to suggest the local genesis for the Neolithic complexes from the Eastern Caspian Sea region. This industry demonstrates important similarities with other Neolithic assemblages of the region, suggesting the date between ca. 9000–6000 BP.

Keywords: Eastern Caspian Sea region, Neolithic lithic industry, microliths, trapezoid.

Введение

Восточное побережье Каспийского моря, находящееся на стыке Передней и Центральной Азии, является ключевым регионом для изучения и понимания культурных процессов, происходивших в период финального плейстоцена – раннего голоцена. Его значимость определяется центральным экономико-географическим положением: на этой территории проходили миграции древнего человека из Передней в Центральную Азию [Массон, 1966]. Первые свидетельства заселения Восточного Прикаспия обнаружены в начале XX в. благодаря полевым изысканиям геолога В.Н. Андрусова и археолога А.А. Марущенко (район стоянки Джебел и п-ов Мангышлак) [Окладников, 1953]. В дальнейшем активное изучение региона проводилось силами специального отряда Южно-Туркменской археологической экспедиции (ЮТАКЭ), в которой изучение памятников каменного века возглавил А.П. Окладников, в период с 1947 по 1956 г. Благодаря этим работам обнаружены и изучены десятки археологических объектов [Там же]. Одним из ключевых объектов рассматриваемого региона является многослойный памятник Дам-Дам-Чешме-2.

Дам-Дам-Чешме-2 находится вблизи г. Балханабад (ок. 10 км, рис. 1). Памятник обнаружен в 1947 г.,

в период с 1949 по 1952 г. А.П. Окладников проводил планомерные раскопки в центральной части грота (площадь изученного участка составляет 40 м²) [Окладников, 1949]. Исследователем было зафиксировано 6 литологических слоев (1, 2, 3, 4, 5 (низ), 5 (верх)), из них к эпохе мезолита отнесены слои 4, 5 (низ) и 5 (верх), к периоду неолита – слои 3 и 2. Хронологическая атрибуция слоев произведена на основе типологических аналогий с материалами известных памятников раннеголоценового времени на сопредельных территориях. Археологическая коллекция, полученная в этот период, включает многочисленные каменные артефакты, палеофаунистические останки, фрагменты керамических изделий, ракушки, в т.ч. со следами сверления. Отдельно А.П. Окладниковым была отмечена сланцевая плитка с выгравированными на ней полосами из ромбов, напоминающими стилизованное изображение змей, однако нет указания, из какого слоя было извлечено изделие [Окладников, 1953, с. 61].

В период с 1963 по 1980 г. проводились стационарные исследования памятника Дам-Дам-Чешме-2 силами Туркменской археологической этнографической экспедиции под руководством Г.Е. Маркова [Марков, 1966]. В этот период была вскрыта практически вся площадь грота (240 м²) и выявлено 23 литологических подразделения со следами

Рис. 1. Расположение памятника Дам-Дам-Чешме-2.

деятельности человека, которые были объединены в 9 культурных слоев. Основную часть археологической коллекции памятника составили каменные артефакты (11 тыс. экз.), кроме них культурные слои содержали также керамические изделия, два обломка костяных игл, бронзовое шило, керамическое пряслице. Помимо этого, было обнаружено несколько десятков раковин, среди которых отмечались экземпляры с просверленными отверстиями [Там же, с. 108]. Г.Е. Марковым предложена следующая культурно-хронологическая атрибуция стратиграфических подразделений: слой 9 был отнесен к верхнему палеолиту; слои 8, 7, 6, 5 и нижний уровень слоя 4 – к мезолиту; верхний горизонт слоя 4 и слой 3 – к неолиту, слой 2 – к началу бронзового века [Там же, с. 121–123].

Коллекции, полученные на разных этапах изучения памятника, введены в научный оборот не равномерно. Материалы раскопок Г.Е. Маркова почти в полном объеме опубликованы [1966, 1981], тогда как коллекция, полученная А.П. Окладниковым, отражена в публикациях только частично [1949, 1953]. Следует признать недостаточно полную изученность материалов Восточного Прикаспия и необходимость их детального исследования с привлечением современных методик изучения каменных артефактов. Таким образом, наиболее актуальной задачей на данный момент является проведение анализа каменной индустрии грота Дам-Дам-Чешме-2, полученной в ходе раскопок под руководством А.П. Окладникова.

К сожалению, в предшествующих публикациях и полевых отчетах отсутствует детальное описание слоев, поэтому в рамках данного исследования стратиграфическое разграничение осуществляется с опорой на численность артефактов и особенности орудийных наборов. Так, следуя стратиграфическому описанию обоих исследователей, мы рассматриваем слои 3 и 2 как неолитические [Алишер кызы и др., 2020].

Каменная индустрия неолитических слоев

Индустрия слоя 3 насчитывает 598 экз., из которых 50 % (303 экз.) составляют отходы производства (табл. 1). Представлено 4 экз. нуклеидных изделий. Ядрища в рассматриваемом комплексе выполнены в рамках объемного принципа расщепления, и они представлены одноплощадочными и двуплощадочными цилиндрическими нуклеусами для пластин и пластинок (рис. 2, 6, 8, 9). Одноплощадочный нуклеус выполнен из обломка кремнистого сырья, овальный в поперечном сечении и треугольный в плане. Ударная площадка подготовлена одним снятием, дуга скалывания несет следы абразивной обработки. Двуплощадочные изделия изготовлены из обломков кремнистого сырья, прямоугольных в плане и овальных и трапециевидных в поперечном сечении. Ударные площадки созданы одним снятием, дуга скалывания редуцировалась посредством мелких снятий. Все нуклеусы комплекса оставлены в истощенном состоянии.

Технические сколы в комплексе представлены в количестве 36 экз., характер которых отражает работу с объемными нуклеусами. Самой представленной категорией являются краевые сколы, вторичные полуреберчатые сколы, полуреберчатые сколы и сколы подправки фронта. Также единичными экземплярами представлены такие категории, как «таблетки», «полутаблетки», реберчатые, латеральные, сколы редукиции ударной площадки и дуги скалывания (табл. 2).

Типологически определимые сколы представлены пластинами – 48 экз. (16 %), пластинками – 101 экз. (34 %), микропластинами – 17 экз. (5,5 %) и отщепами – 89 экз. (30 %; см. табл. 1).

Пластины в слое имеют подпрямоугольную и удлиненно-треугольную форму, огранка дорсальной поверхности продольная и бипродольная. Для

Таблица 1. Каменная индустрия неолитических комплексов Дам-Дам-Чешме-2

Категория каменных изделий	Слой 2	%	Слой 3	%	Всего	%
Нуклеусы	2	1,83	4	1,36	6	1,49
Пластины	11	10,09	48	16,27	59	14,60
Пластинки	29	26,61	101	16,89	117	28,96
Микропластины	5	1,85	17	5,76	17	4,21
Отщепы	51	46,79	89	30,17	134	33,17
Технические сколы	11	10,09	36	12,20	48	11,88
<i>Всего, без учета отходов производства*</i>	109	40,37	295	49,33	404	46,54
<i>Отходы производства**</i>	161	59,63	303	50,67	464	53,46
<i>Всего</i>	270	100,00	598	100,00	868	100,00

*Процент от суммы артефактов горизонта без учета отходов производства.

**Процент от общей суммы артефактов.

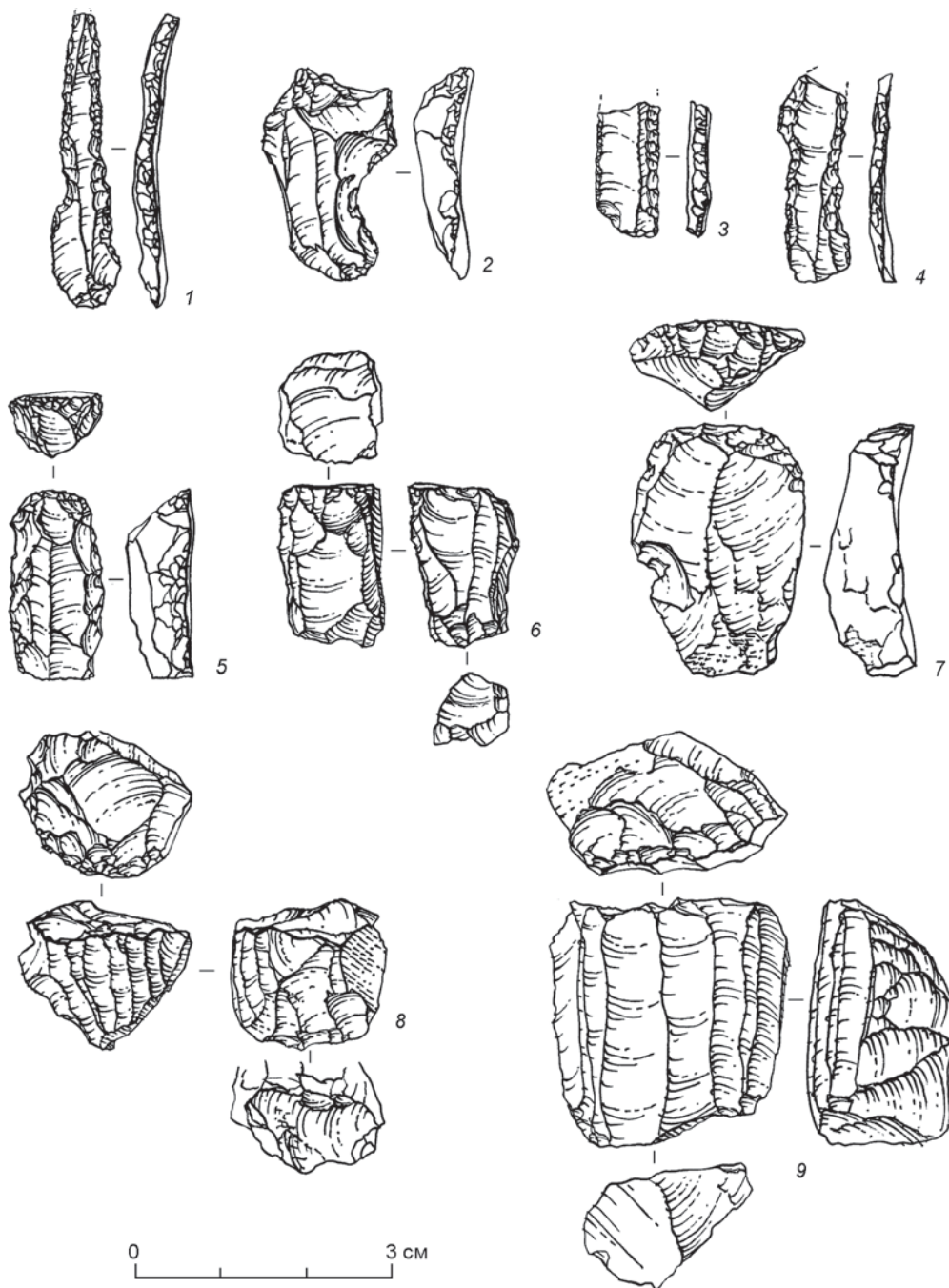

Рис. 2. Каменная индустрия неолитических слоев.

1 – острие; 2, 4 – выемчатые изделия; 3 – пластинка с ретушью притупления; 5, 7 – концевые скребки; 6, 8, 9 – нуклеусы.

сколов данной категории характерно преобладание треугольных и трапециевидных поперечных сечений. Большая часть пластин обладает прямым и изогнутым в медиальной части латеральным профилем. У пластин преобладают гладкие и линейные ударные площадки, которые несут следы прямой редукции.

Пластинки и микропластины демонстрируют схожие морфологические признаки и имеют подпрямоугольную и остроконечную в плане форму.

Для данной категории сколов характерно преобладание линейных и точечных ударных площадок со следами прямой редукции и абразивной обработки. Характерны мелкие конусовидные ударные бугорки, слабо выраженные и расплывчатые; изъязвения практически не отмечается. На пластинках преобладают сколы с треугольным и трапециевидным поперечными сечениями, продольной огранкой дорсальной поверхности и перьевидными дистальными окончаниями.

Таблица 2. Технические сколы неолитических слоев Дам-Дам-Чешме-2

Технические сколы	Слой 2	Слой 3
Реберчатые сколы	–	1
Полуреберчатые сколы	–	3
Вторичные полуреберчатые сколы	–	6
Таблетки	–	1
Полутаблетки	2	2
Краевые сколы	3	14
Сколы подправки фронта	3	4
Сколы подправки ударной площадки	–	1
Сколы подправки дуги скалывания	–	1
Латеральные сколы	–	2
Терминал нуклеуса	3	1
<i>Всего</i>	11	36

Таблица 3. Орудийный набор неолитических комплексов Дам-Дам-Чешме-2

Типы орудий	Слой 2	Слой 3
Треугольники	–	5
Трапеции	–	2
Концевые с выпуклым лезвием	4	5
Концевые скребки с узким лезвием	–	5
Концевые скребки с прямым лезвием	–	2
Концевые скребки с обработанными краями	3	–
Вентральные скребки	–	1
Боковые скребки	1	6
Микроскребки	1	13
Двойные скребки	–	1
Острия	–	1
Проколки	–	2
Выемчатые орудия	2	14
Усеченная пластинка	–	2
Пластинки с альтернативной ретушью	2	–
Пластинки с притупленным краем	–	1
Фрагмент орудия с ретушью притупления	2	–
Сколы с ретушью	–	–
отщепы с ретушью	2	1
пластины с ретушью	3	11
пластинки с ретушью	3	15
технические сколы с ретушью	1	6
осколки	–	6
Сколы с вентральной ретушью	–	–
пластины с ретушью	–	1
пластинки с ретушью	–	5
микропластины с ретушью	–	3
технические сколы с ретушью	–	2
Сколы с ретушью утилизации	–	–
пластины с ретушью утилизации	–	–
<i>Всего</i>	24	110

Отщепы (89 экз.; 30 %) представлены изделиями угловатой и подпрямоугольной в плане формы, ударные площадки большинства сколов гладкие и двугранно-выпуклые. На дуге скалывания отмечаются следы снятия карниза мелкими сколами.

Орудийный набор слоя насчитывает 110 экз. (табл. 3), в нем доминируют скребки (33 экз.), для которых выделены следующие категории: микро-скребки (рис. 3, 5, 9, 10), боковые скребки (рис. 3, 5), концевые скребки с выпуклым, узким и прямым лезвиями (рис. 2, 7) и вентральные скребки. Из геометрических микролитов наличествуют трапеции (рис. 3, 1, 2) и асимметричные треугольники (рис. 3, 12–14). Кроме этого, в коллекции фигурируют многочисленные выемчатые изделия (см. рис. 2, 2, 4) и усеченные пластинки (см. рис. 3, 3, 7), острие (см. рис. 2, 1) и проколки представлены единичными экземплярами (см. рис. 3, 6). Также в комплексе были выделены категории сколов с ретушью (см. рис. 2, 3; рис. 3, 4, 8, 11). В качестве заготовок выступали преимущественно пластинки и пластины, реже – отщепы и технические сколы.

Индустрия каменной коллекции слоя 2 насчитывает 270 экз., отходы производства составляют 59,6 % (161 экз.) всей коллекции (см. табл. 1). В индустрии данного слоя не зафиксированы морфологически определяемые нуклеусы, отмечается только два нуклевидных обломка, на которых прослеживаются негативы микропластинчатых снятий. Технические сколы представлены сколами подживления фронта расщепления, терминальными снятиями нуклеусов, «полутаблетками» и краевыми сколами (см. табл. 2).

Индустрия сколов представлена отщепами (51 экз.), пластинами (11 экз.), пластинками (29 экз.) и микропластинами (5 экз.).

Пластины и пластинки имеют схожие морфологические характеристики, которые свидетельствуют о снятии данных сколов с одноплощадочных изделий. Поперечные сечения треугольные и трапециевидные с изогнутыми и закрученными латеральными профилями. Остаточные ударные площадки характеризуются линейными и гладкими формами и прямой редукцией.

Морфология отщепов нестандартная, характеризуется подпрямоугольными формами скола, многогранными и треугольными поперечными сечениями. Ударные площадки большинства сколов гладкие со следами прямой редукции.

Орудийный набор второго слоя достаточно бедно представлен (26 экз.). Большую часть орудий составляют концевые скребки различных модификаций. Особый интерес представляют удлиненные пластинки с альтернативной ретушью, со следами заполировки. Также единичными экземплярами представлены отщепы, пластины, пластинки и тех-

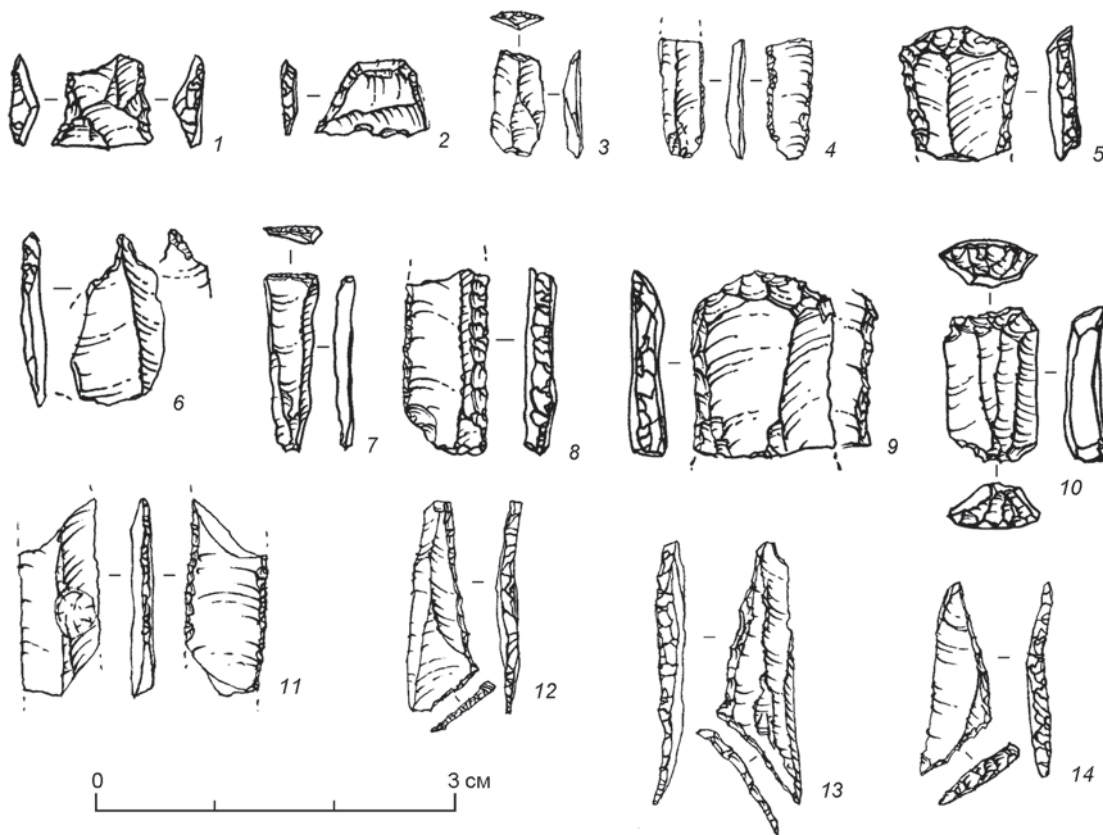

Рис. 3. Орудийный набор неолитических слоев.

1, 2 – трапеции; 3, 7 – усеченные пластинки; 4, 11 – пластинка с центральной ретушью; 5, 9, 10 – микроскребки; 6 – острие; 8 – пластинка с ретушью притупления; 12–14 – треугольники.

нические сколы с дорсальной ретушью, выемчатые изделия и фрагменты орудий с ретушью притупления (см. табл. 3).

Результаты

Проведенный анализ каменных комплексов неолитических слоев (слои 3 и 2) грота Дам-Дам-Чешме-2 позволил определить их основные технико-типологические характеристики. В индустрии неолитических комплексов стоянки использовалось местное кремневое сырье [Окладников, 1953, с. 29]. Количество сколов с естественной кортикальной дорсальной поверхностью (менее 10 %) свидетельствует об осуществлении процесса декортикации вне территории исследованной площади памятника. Вероятнее всего, это может объясниться импортом уже подготовленных преформ/нуклеусов на стоянку, такие же признаки характерны и для мезолитических слоев памятника [Алишер кызы и др., 2020]. Ядрища стоянки утилизировались до финальной стадии, что может свидетельствовать о нехватке качественного сырья или его транспортировке из удаленных источников [Рыбин, Колобова, 2004, с. 24].

В комплексе доминируют двуплощадочные нуклеусы, однако зафиксированы единичные одноплощадочные изделия. Наиболее представительной категорией среди технических сколов являются краевые снятия. Необходимый объем фронту расщепления придавался путем снятий полуреберчатых пластинчатых сколов, для подживания ударных площадок снимались «таблетки» и «полутаблетки».

Среди сколов-заготовок преобладают пластинки и пластины, для которых характерна подпрямоугольная форма. Огранка дорсальной поверхности пластинчатых сколов продольная и бипродольная, поперечное сечение треугольное. Ударные площадки в большинстве случаев гладкие и линейные со следами прямой редукции. Основные морфологические характеристики пластин и пластинок свидетельствуют о том, что для их снятия применялась ударная техника с использованием мягкого отбойника.

Отщепы, представленные в коллекции, вероятно, получены в процессе оформления нуклеусов, на что указывает отсутствие исходных нуклеусов и невозможность морфометрической стандартизации сколов данной категории. Отщепы использовались в качестве заготовок только для концевых скребков и выемчатых изделий.

Соотношение общего количества одноплощадочных нуклеусов с пластинчатыми сколами с продольными огранками – 1 : 80, что может рассматриваться как возможное свидетельство импорта части пластинчатых сколов. При этом отношение двухплощадочных нуклеусов к пластинчатым сколам с бипродольными огранками – 1 : 11. Соотношение нуклеусов с орудиями (одному нуклеусу соответствует 27 орудий) также может указывать на импорт части орудийных форм. В пользу гипотезы об импорте свидетельствует также значительная доля орудий (слой 2 – 5 %, слой 3 – 37 %, слой 4 – 18 %, слой 5 (верх) – 22 % и слой 5 (низ) – 24 % от общего количества артефактов в комплексах без учета отходов производства), которая характерна для индустрий, расположенных в удаленной от источников сырья местности, и для охотничьих лагерей с полным циклом утилизации добычи.

Таким образом, на основе анализа каменной индустрии грота Дам-Дам-Чешме-2 можно заключить, что материалы неолитических комплексов характеризуются мелкопластинчатой индустрией, использованием мягкого минерального отбойника, орудийным набором в виде трапеций, треугольников, скребков и выемчатых изделий, острий и усеченных пластин.

Для установления генезиса рассматриваемых неолитических комплексов проведено сопоставление с локальными мезолитическими индустриями. Мезолитические комплексы Дам-Дам-Чешме-2,

представленные материалами нижних слоев (слои 5 и 4) датируются на основе технико-типологических аналогий с материалами эпипалеолитических/мезолитических комплексов Ирана в пределах ~12–10 тыс. л.н. Для них характерно объемное расщепление, направленное на получение пластин и пластинок посредством использования мягкого отбойника. Орудийный набор мезолитических комплексов характеризуется геометрическими микролитами в виде сегментов, негеометрических микролитов (микрораветтийские острия, прото-прямоугольники, остроконечные пластины с базальной обработкой), проколками, выемчатыми изделиями на пластинах, концевыми скребками различных модификаций [Алишер кызы и др., 2020].

Сопоставление неолитических и мезолитических материалов памятника указывает на большое количество технико-типологических сходств в стратегиях первичного расщепления. В неолитических комплексах так же, как и в мезолитических, первичное расщепление проводилось в рамках объемного принципа для получения пластинчатых сколов. Для оценки различий проанализированных комплексов мы провели статистический анализ метрических показателей представленных нуклеусов и пластинчатых сколов. Использованный нами критерий Краскала-Уоллиса для нескольких выборок показал отсутствие статистической разницы в длине нуклеусов разных слоев ($p = 0,125$). При этом зафиксированы небольшие колебания при сопоставлении ширины

пластинчатых заготовок из анализируемых слоев ($p = 1,912$; рис. 4). Отмеченные различия могут быть связаны с использованием техники скола в слоях 5 (верх) и 4, где выявлено небольшое количество отжимных пластинок [Там же]. При этом в неолитических слоях не отмечается свидетельств применения отжимной техники.

Сопоставление анализируемых комплексов также позволило отметить сходство в орудийном наборе, которое выражается преобладанием концевых скребков и выемчатых изделий. Главным зафиксированным отличием между мезолитическими и неолитическими индустриями является форма геометрических микролитов. Трапеции и треугольники являются маркирующими видами микролитов для неолитических индустрий, когда для мезолитических характерно преобладание сегментов. Самые ранние трапеции в регионе обнаружены в материалах памятника Айгыржал, который

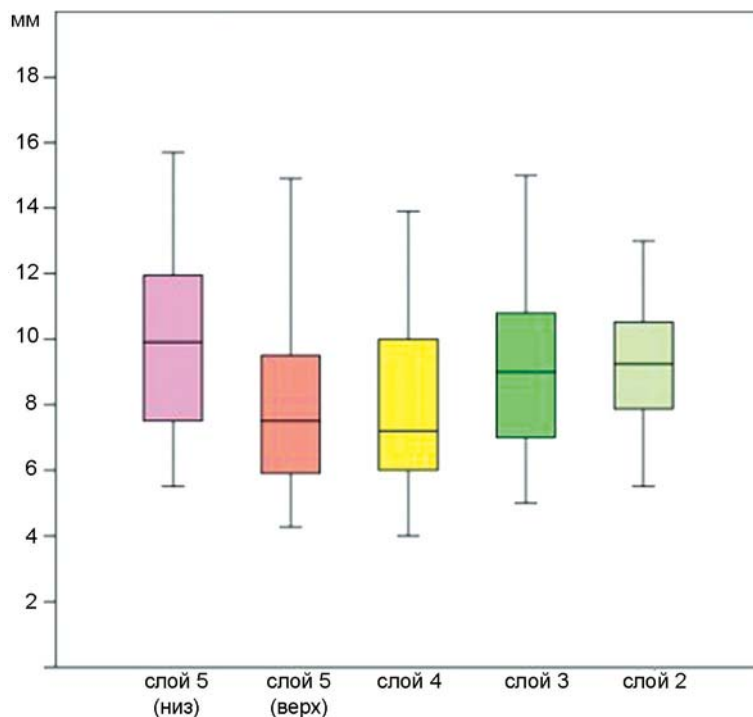

Рис. 4. Длина пластинчатых сколов мезолитических и неолитических слоев Дам-Дам-Чешме-2.

датируется периодом 13 тыс. л.н. (калиброванное значение) [Абдыканова и др., 2015], однако широкое распространение трапециевидных форм отмечается лишь в раннеджейтунских и в кельтеминарских комплексах (8–6 тыс. л.н.) [Коробкова, 1996].

Таким образом, отмеченные технико-типологические сходства свидетельствуют о развитии комплексов в рамках одного культурного явления [Колобова, Шнайдер, Кривошапкин, 2016].

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР № 0329-2019-0009 «Цифровые технологии в реконструкции стратегий жизнеобеспечения древнего населения Евразии».

Список литературы

Абдыканова А.К., Табалдиев К.Т., Чаргынов Т.Т., Рашит-уулу Н., Алишер-кызы С. Результаты исследований памятника каменного века Аламышык в 2012–2013 гг. // Возвращение к истокам: сборник памяти выдающегося археолога В.А. Ранова. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – С. 207–214.

Алишер кызы С., Шнайдер С.В., Колобова К.А., Кривошапкин А.И. Новые данные по мезолиту Восточного Прикаспия: каменная индустрия грота Дам-Дам-Чешме-2 (по материалам раскопок А.П. Окладникова) // *Stratum Plus*. – 2020. – № 1. – С. 257–278.

Колобова К.А., Шнайдер С.В., Кривошапкин А.И. Преемственность развития верхнепалеолитических индустрий в западной части Центральной Азии // *Stratum plus*. – 2016. – № 1. – С. 51–63.

Коробкова Г.Ф. Средняя Азия и Казахстан // Неолит Северной Евразии. Сер.: Археология СССР. – М.: Наука, 1996. – С. 87–133.

Марков Г.Е. Грот Дам-Дам-Чешме II в Восточном Прикаспии // *СА*. – 1966. – № 2. – С. 104–123.

Марков Г.Е. Памятники первобытности в Восточном Прикаспии – грот Дам-Дам-Чешме-1 // *Вестн. Моск. гос. ун-та*. – 1981. – Сер. 8: История. – № 3. – С. 41–55.

Массон В.М. Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. – М., Л.: Наука, 1966. – 290 с.

Окладников А.П. Изучение древнейших археологических памятников Туркмении // КСИИМК. – 1949. – № 28. – С. 67–71.

Окладников А.П. Изучение памятников каменного века в Туркмении (по данным работ IX отряда ЮТАКЭ в 1952 г.) // *Изв. АН ТССР*. – 1953. – № 2. – С. 3–22.

Рыбин Е.П., Колобова К.А. Структура каменных индустрий и функциональные особенности палеолитических памятников Горного Алтая // *Археология, этнография и антропология Евразии*. – 2004. – № 4. – С. 20–34.

References

Abdykanova A.K., Tabaldiev K.T., Charyginov T.T., Rashit-uulu N., Alisher-kyzy S. Rezul'taty issledovaniy pamyatnika kamennogo veka Alamyshyk v 2012–2013 gg. In *Vozvrashchenie k istokam: sbornik pamyati vydavushchegosya arkheologa V.A. Ranova*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, pp. 207–214. (In Russ.).

Alisher kyzy S., Shnaider S.V., Kolobova K.A., Krivoshapkin A.I. New Data on the Mesolithic of Eastern Caspian: Lithic Industry of Dam-Dam-Cheshme-2 Site (based on A.P. Okladnikov's materials). *Stratum Plus*, 2020, No. 1, pp. 257–278. (In Russ.).

Kolobova K.A., Shnaider S.V., Krivoshapkin A.I. Developmental Continuity Between the Upper Palaeolithic and Mesolithic Industries of Western Central Asia. *Stratum plus*, 2016, No. 1, pp. 51–63. (In Russ.).

Korobkova G.F. Srednyaya Aziya i Kazakhstan. In *Neolit Severnoi Yevrazii. Seriya: Arkheologiya SSSR*. Moscow: Nauka, 1996, pp. 87–133. (In Russ.).

Markov G.E. Grot Dam-Dam-Cheshme II v Vostochnom Prikaspii. *Sovetskaya Arkheologiya*, 1966, No. 2, pp. 104–123. (In Russ.).

Markov G.E. Pamyatniki pervobytnosti v Vostochnom Prikaspii – grot Dam-Dam-Cheshme-1. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1981, series 8, No. 3, pp. 41–55. (In Russ.).

Masson V.M. Srednyaya Aziya v epokhu kamnya i bronzy. Moscow; Leningrad: Nauka, 1966, 290 p. (In Russ.).

Okladnikov A.P. Izuchenie drevneishikh arkheologicheskikh pamyatnikov Turkmenii. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii materialnoi kul'tury*, 1949, No. 28, pp. 67–71. (In Russ.).

Okladnikov A.P. Izuchenie pamyatnikov kamennogo veka v Turkmenii (po dannym rabot IX otr'yada YuTAKЭ v 1952 g.). *Izvestia AN TSSR*, 1953, No. 2, pp. 3–22. (In Russ.).

Rybin E.P., Kolobova K.A. The Structure of the Lithic industries and the Functions of Paleolithic Sites in the Altai Mountains. *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*, 2004, No. 4 (20), pp. 20–34.

Алишер кызы С. <https://orcid.org/0000-0003-3138-0942>

Шнайдер С.В. <https://orcid.org/0000-0003-2230-4286>

А.А. Аноикин^{1, 2✉}, Г.Д. Павленок¹, В.М. Харевич¹, Н.А. Кулик¹

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

²Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
E-mail: anui1@yandex.ru

Археологическая разведка на Гилевском водохранилище в Алтайском крае в 2020 году

В 2020 г. Змеиногорским отрядом ИАЭТ СО РАН на береговой линии Гилевского водохранилища (Алтайский край) было выявлено и осмотрено 10 пунктов нахождения археологического материала. Наиболее массовый подъемный материал, относящийся к каменному веку, зафиксирован в четырех пунктах на левобережье водоема. Общая коллекция с этого участка составила более 200 каменных артефактов, включая нуклеусы и орудия, а также несколько фрагментов керамики, в основном эпохи ранней бронзы. На одном из пунктов был обнаружен археологический материал, залегающий *in situ*. Находки представлены двумя мелкими отщепами, лежащими на одном уровне. Типологический облик и сырьевой состав артефактов на данном пункте, полученных *in situ* и в экспонированном состоянии, в сочетании со стратиграфической позицией находок позволяет предполагать, что все материалы относятся к одному комплексу, соответствующему мезолиту/неолиту. Разведочные работы 2020 г. показали высокий потенциал района Гилевского водохранилища в плане поисков новых археологических объектов, в т.ч. каменного века. Была получена представительная коллекция артефактов разных археологических эпох и подтверждено наличие в этой части Алтайского края материалов среднего и верхнего палеолита. На основании выявленных материалов стало возможно предположить заселение данной территории носителями сибирячихинской среднепалеолитической культуры, ранее фиксировавшейся только на пещерных стоянках в горных районах. Анализ распространения археологического материала каменного века вдоль береговой линии водохранилища позволил предполагать, что наибольшая его концентрация в настоящее время связана с сохранившимися участками древнего высокого берега р. Алей и выявлена в тех пунктах, где современная береговая линия водохранилища максимально приближается к затопленному руслу реки.

Ключевые слова: Алтайский край, Гилевское водохранилище, палеолит, мезолит, неолит.

Anton A. Anokin^{1, 2✉}, Galina D. Pavlenok¹, Vladimir M. Kharevich¹,
Natalya A. Kulik¹

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

²Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia
E-mail: anui1@yandex.ru

Archaeological Survey at the Gilevsky Reservoir (Altai Krai) in 2020

In 2020, the Zmeinogorsk Team of the Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS identified and surveyed ten locations with archaeological evidence on the shores of the Gilevsky Reservoir (Altai Krai). The most numerous surface finds of the Paleolithic were made in four locations on the left shore of the reservoir. The collection of finds from this area amounted to more than 200 stone artifacts, including cores and tools, as well as several pottery fragments mainly from the Early Bronze Age. Lithic artifacts – two small flakes in the same geological layer at the same level – were found *in situ* in one location. The typological appearance and raw material composition of the artifacts obtained *in situ* and from the surface, combined with the stratigraphic position of the finds, suggests that all evidence belonged to a single complex associated with the Mesolithic/Neolithic. Archaeological survey in 2020 showed great potential capacity of the area near Gilevsky Reservoir in terms of searing for new archaeological sites including those of the Paleolithic. A representative collection of artifacts

from different periods was obtained, and presence of materials of the Middle and Upper Paleolithic in this part of Altai Krai was confirmed. Based on the evidence obtained, it may be suggested that this territory was inhabited by the carriers of the Sibiryachikha variant of the Altai Middle Paleolithic. Previously, the artifacts of the Sibiryachikha culture were found only in cave sites in mountainous areas. The analysis of the distribution of Stone Age artifacts along the shoreline of the reservoir suggests that their greatest concentration is currently associated with the surviving sections of ancient high shore of the Aley River, where the present-day shoreline of the reservoir is in the closest proximity to the flooded riverbed.

Keywords: Altai Krai, Gilevsky Reservoir, Paleolithic, Neolithic, Mesolithic.

В полевом сезоне 2020 г. Змеиногорским отрядом ИАЭТ СО РАН проводились разведочные работы на территории нескольких районов Алтайского края с целью выявления стратифицированных комплексов каменного века. Одним из основных участков работ являлась береговая линия Гилевского водохранилища (рис. 1), в пределах административных границ Третьяковского р-на. Полномасштабные археологические исследования в районе современного Гилевского водохранилища начались в 70-е гг. XX в., предваряя строительство гидроузла. До заполнения ложа водохранилища в 1980 г. на этой территории было открыто и изучено более 30 памятников археологии от эпохи бронзы до Средневековья [Савко, 2019]. В последующее время археологами Алтайского государственного университета и Института археологии и этнографии СО РАН неоднократно проводился мониторинг береговой линии и велись раскопки разрушаемых археологических объектов, в первую очередь могильников эпохи палеометалла [Демин, Ситников, 2007; Шульга, 2016]. Также на размывах берегов фиксировалось присутствие артефактов более раннего времени, вплоть до предметов, атрибутируемых средним палеолитом [Кунгуров, 2002].

В месте образования Гилевского водохранилища долина р. Алей представляет аккумулятивную равнину, сложенную эолово-аллювиальными лесовыми суглинками, залегающими на пластовом основании [Там же]. Именно наличие мощного чехла рыхлых отложений делает этот район перспективным в отношении поисков стратифицированных объектов плейстоцена – голоцена.

В ходе разведки 2020 г. на обоих берегах водохранилища было выявлено и осмотрено 10 пунктов нахождения археологического материала, включая как уже известные, так и новые точки концентрации разновременных артефактов в поверхностном залегании, а также один стратифицированный объект каменного века.

Наиболее интересный и массовый материал, включающий предметы, относящиеся к разным этапам каменного века, был выявлен на левом берегу водохранилища.

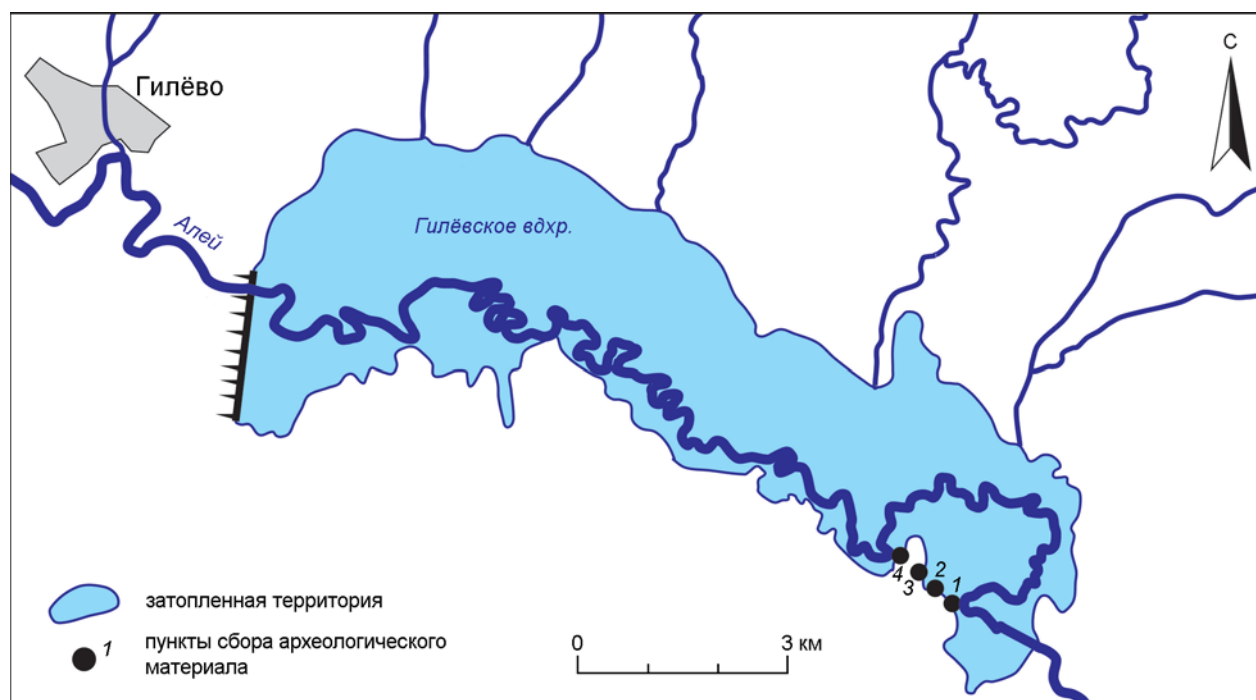

Рис. 1. Карта расположения пунктов сбора археологических материалов Гилевского водохранилища.

Пункт 1. Расположен в 3 км к северо-западу от северной границы с. Староалейское и в 2 км на запад от устья р. Алей (51°03'24,6" с.ш.; 81°58'56,7" в.д.; абс. выс. 290 м).

У подножия невысокого (до 2,5 м) мысовидного выступа берега на площади ок. 100 м² была собрана представительная коллекция, включающая 70 каменных артефактов. Фрагменты керамики на осмотренной площади отсутствовали. Весь материал не имеет признаков изменений состояния поверхности.

Состав каменного сырья довольно разнообразен. Использовался кремний, порфириды и алевролиты с твердостью по шкале Мооса 6–7, реже мелкозернистые песчаники, имеющие твердость по шкале Мооса 5.

Состав изделий включает нуклеус, 5 пластин, 34 отщеп и 30 обломков и осколков. Небольшой подпрямоугольный уплощенный нуклеус выполнен на плитке окремненной осадочной породы (рис. 2, 1). Ядрище подпризматическое одноплощадочное, предназначено для производства микропластин. Ударная площадка прямая, неровная, подправлена мелкими глубокими сколами с фронта и несет следы тонкой подправки рабочей кром-

ки (прямая редукция). Контрфронт естественный. Терминал представляет собой короткое поперечное ребро, оформленное мелкими широкими сколами. Категория пластинчатых изделий включает мелкую пластину и четыре пластинки, не имеющие четкой геометрической формы. К крупным отщепам относятся четыре предмета, к средним – 10, к мелким – 20. Огранка сколов преимущественно субпараллельная, значительно реже конвергентная и ортогональная. Ударные площадки преимущественно гладкие или двухгранные, есть точечные. У части сколов, сохранивших ударные площадки, прослеживается подработка зоны расщепления, в подавляющем большинстве случаев производившаяся прямым редуцированием. К орудийному набору отнесен концевой скребок, выполненный на фрагменте крупного скола.

Концентрация археологического материала на небольшой площади, наличие артефактов разных размеров и отсутствие следов окатанности на поверхности позволили предположить, что находки были спроецированы на береговую отмель недавно и не подверглись значительному перемещению. С целью выявления его возможной стратифицированной позиции на западном борту берегового обна-

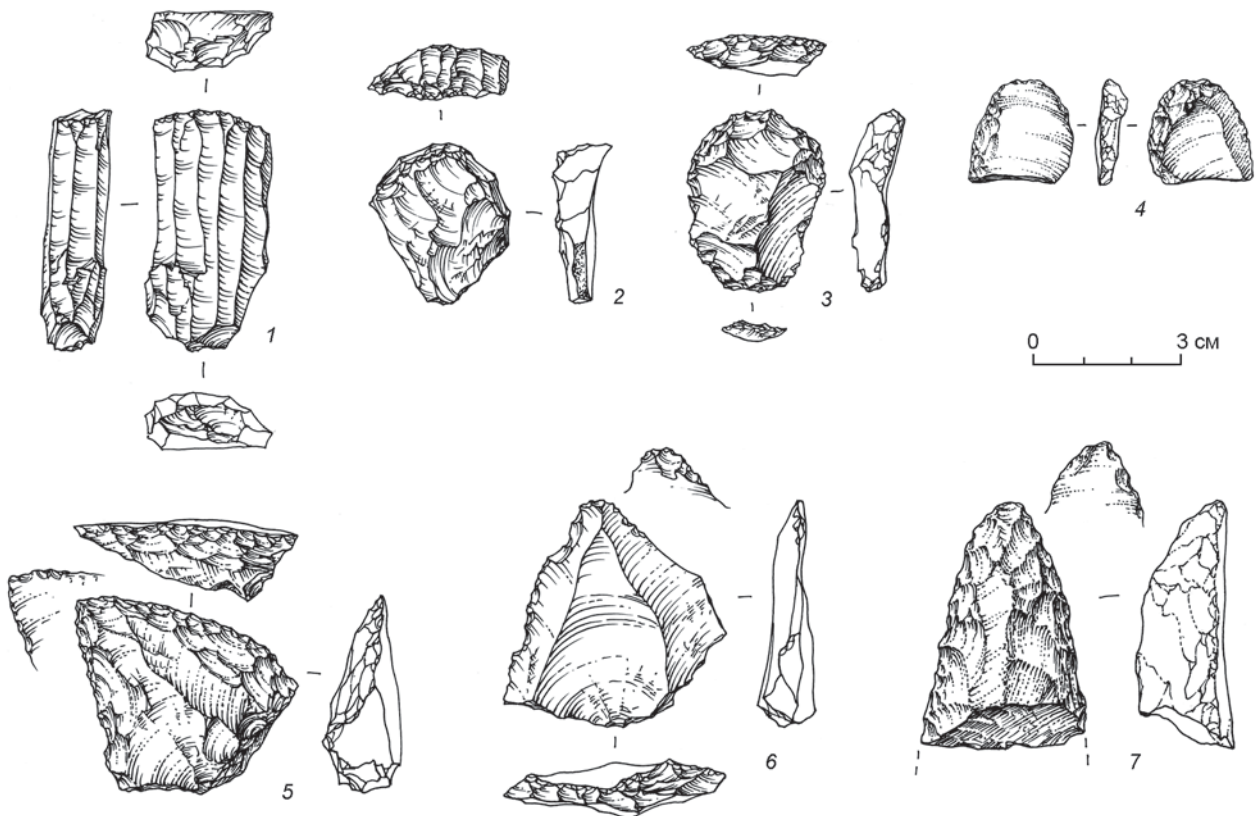

Рис. 2. Каменные артефакты с пунктов сбора археологических материалов Гилевского водохранилища.

1 – нуклеус подпризматический; 2 – «таблетка»; 3 – скребок концевой; 4 – скребок концевой; 5 – скребло *déjété*; 6 – остроконечник левалуа без ретуши; 7 – интенсивно ретушированный остроконечник.

жения был заложен шурф-врезка площадью $1,5 \times 2$ м (по основанию), пройденный на глубину 1,5 м.

В ходе работ на шурфе были вскрыты следующие отложения (сверху вниз):

Слой 1. Современный дерн. Мощность 0,05–0,10 м.

Слой 2. Суглинок легкий, коричневый и темно-коричневый, плотный. Площадь поражения ходами землероев – до 20 %. Мощность 1,1–1,3 м.

Слой 3. Супесь желто-коричневая, плотная, с включениями тонких (первые сантиметры) и не выдержанных по простиранию линз дресвы. Вскрытая мощность – до 0,4 м.

В нижней части слоя 2 (на глубине 1,1 м от дневной поверхности) был обнаружен археологический материал, залегающий *in situ*. Находки представлены двумя мелкими отщепами, лежащими на одном уровне, субгоризонтально, согласно падению слоя. Каменное сырье, из которого выполнены артефакты (светло-серые окремненные осадочные породы аргиллит-алевролитового ряда, с твердостью по шкале Мооса 5), соответствует таковому для большинства предметов из подъемной коллекции.

Типологический облик и сырьевой состав артефактов, полученных *in situ* и в экспонированном состоянии, в сочетании со стратиграфической позицией находок позволяет предполагать, что все материалы относятся к одному комплексу, датируемому начальным этапом голоцена. Культурная атрибуция данного комплекса соответствует мезолитическому или неолитическому времени.

Общая геоморфологическая ситуация на пункте 1 показывает, что археологический материал, видимо, связан с участком локального понижения древнего берега р. Алей. Он сформировался в результате размыва коренного берега, сложенного в верхней части желто-коричневыми супесями позднесартанского времени. Береговые обнажения высотой до 6–7 м ограничивают с двух сторон исследуемый участок, возвышаясь над его поверхностью на несколько метров. Образовавшаяся субгоризонтальная площадка, расположенная существенно ближе к уровню воды в древнем Алее, была, очевидно, более удобна для обитания, чем окружающие возвышенности. Заполнение этого понижения легкими суглинками в результате склоновых процессов происходило, вероятно, достаточно быстро, что может объяснять их однородность и наличие только одного культурного горизонта.

Пункт 2. Расположен в 0,5 км к северо-западу от пункта 1 ($51^{\circ}03'33,8''$ с.ш.; $81^{\circ}58'43,1''$ в.д.; абс. выс. 290 м). Под обнажением высокого берега (7 м) на участке площадью ок. 150 м^2 было собрано 75 артефактов, включая 71 изделие из камня и четыре фрагмента керамики. Фрагменты керамических

сосудов по характеру орнаментации соответствуют эпохе ранней бронзы.

В составе каменного сырья представлены кремни и алевролиты с твердостью по шкале Мооса 6–7, а также скрытокристаллические осадочные породы аргиллит-алевролитового ряда, с твердостью по шкале Мооса 5–5,5.

Коллекцию каменных предметов составляют полуреберчатая пластина, четыре пластины, 42 отщепа, 18 обломков и осколков, шесть чешуек и заготовка изделия, которая по характеру оформления может быть как крупной (5,8 см) преформой клиновидного нуклеуса, так и бифасиально обработанной заготовкой топора. Весь материал не имеет признаков изменений состояния поверхности. Категория пластинчатых изделий включает три мелкие пластины и пластинку, не имеющие четкой геометрической формы. Из отщепов по размерности к средним относятся 7, к мелким – 35. Огранка сколов преимущественно субпараллельная, значительно реже конвергентная и ортогональная. Ударные площадки преимущественно гладкие или двухгранные. Подготовка зоны расщепления прямым редуцированием отмечена у большей части сколов.

По технико-типологическим характеристикам, степени сохранности поверхности и сырьевой составляющей коллекция каменных артефактов из пункта 2 близка таковой на пункте 1 и, вероятно, также может быть отнесена к раннеголоценовому времени (мезолитической или неолитической эпохе).

Пункт 3. Расположен в 0,5 км к северо-западу от пункта 2 ($51^{\circ}03'42,7''$ с.ш.; $81^{\circ}58'29,4''$ в.д.; абс. выс. 289 м). Под обнажением высокого берега (10 м) на участке площадью ок. 200 м^2 была собрана коллекция подъемного материала, включающая 61 артефакт: 60 изделий из камня и один неорнаментированный фрагмент керамики.

В составе каменного сырья представлены скрытокристаллические осадочные породы аргиллит-алевролитового ряда, с твердостью по шкале Мооса 5–5,5.

Коллекцию каменных предметов составляют семь технических сколов, средних размеров пластина, 13 пластинчатых отщепов, 35 отщепов, два обломка, две чешуйки. Все находки не имеют признаков изменений состояния поверхности. Среди технических сколов представлены сколы разжелвачивания (4 экз.), сколы подправки дуги скальвания (2 экз.) и скол подправки ударной площадки нуклеуса для микропластин («таблетка») (рис. 2, 2). Из пластинчатых отщепов по размерности к крупным относятся пять, к средним восемь. Коллекция отщепов включает 9 крупных, 13 средних и 13 мелких. Огранка сколов преимущественно субпараллельная, значительно реже ортогональная и естествен-

ная. Ударные площадки в основном гладкие, менее распространены точечные, двугранные площадки единичны. Прямое редуцирование дуги скальвания отмечается у большей части снятий. Орудийный набор представлен двумя концевыми скребками, выполненными на отщепах (рис. 2, 3).

Для выявления стратиграфической позиции материала, на участке с наибольшей концентрацией подъемного материала в береговом обнажении была заложена вертикальная зачистка шириной 1,5 м, пройденная ступенями на глубину 6,2 м.

В ходе работ зачисткой были вскрыты следующие отложения (сверху вниз):

Слой 1. Современный дерн. Мощность 0,2–0,3 м.

Слой 2. Супесь желто-коричневая, плотная, с включениями субгоризонтальных прослоев и линз дресвы разной мощности (до 0,1 м). Мощность 4,5–4,8 м.

Слой 3. Суглинок легкий, до среднего, светло-коричневый, плотный, оглиненность увеличивается вниз по разрезу. Вскрытая мощность – до 1,2 м.

Археологический материал в зачистке зафиксирован не был.

Анализ полученной коллекции подъемного материала показывает, что она не содержит элементов, выбивающихся из общего числа артефактов по своим технико-типологическим характеристикам, степени сохранности поверхности или сырьевой составляющей. В целом можно предполагать, что по своему составу она достаточно гомогенна и, видимо, культурно-хронологически близка археологическим комплексам пунктов 1 и 2.

Пункт 4. Расположен в 0,5 км к северо-западу от пункта 3 (51°03'48,6" с.ш.; 81°58'19,4" в.д.; абс. выс. 289 м). Под обнажением высокого берега (10–12 м) образующего неглубокий протяженный залив, на участке береговой полосы площадью ок. 500 м² была собрана коллекция подъемного материала, включающая 24 изделия из камня и культурно недиагностируемый фрагмент керамики (фрагмент дна плоскодонного сосуда).

В составе каменного сырья представлены кремь и алевролиты с твердостью по шкале Мооса 6–7, а также скрытокристаллические осадочные породы аргиллит-алевролитового ряда, с твердостью по шкале Мооса 5–5,5.

Коллекцию каменных предметов составляют небольшой одноплощадочный однофронтальный истощенный нуклеус для отщепов, нуклевидный обломок, два технических скола (разжелвачивания и реберчатая пластина), три пластины средних размеров, два пластинчатых отщепа (крупный и средний), 14 отщепов и чешуйка. Археологический материал имеет разную степень изменения состояния поверхности – от неизменной до сильно сглажен-

ной. Большая часть предметов слабоокатана. Среди отщепов по размерности к крупным относится один, к средним – семь, к мелким – шесть. Огранка сколов преимущественно субпараллельная, реже бессистемная и конвергентная. Ударные площадки, как правило, точечные и гладкие. Орудийный набор разнообразен и включает два остроконечника леваллуа без ретуши (рис. 2, 6), угловатое (déjété) скребло (рис. 2, 5) и концевой скребок на отщепе. При этом скребок и скребло имеют сильную степень окатанности, один из остроконечников – слабую, а второй – не окатан.

Анализ коллекции позволяет утверждать, что в ней представлен разновременный материал, часть которого может быть отнесена к эпохе среднего палеолита и находит прямые аналогии среди асамбляжей сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая [Междисциплинарные исследования..., 2018].

При дальнейшем осмотре левого берега водохранилища западнее пункта 4, на участке протяженностью ~6 км, явных зон концентрации артефактов выявлено не было, однако общее число рассеянного археологического материала составило 39 экз., в т.ч. 34 изделия из камня и пять фрагментов керамики. В составе каменного сырья основную долю составляют скрытокристаллические осадочные породы аргиллит-алевролитового ряда, с твердостью по шкале Мооса 5–5,5, но также представлено несколько изделий из кремня с твердостью по шкале Мооса 7.

Остатки керамических сосудов представлены орнаментированными и неорнаментированными фрагментами, включая части венчиков и дна. По характеру орнаментации часть их соответствует эпохе ранней бронзы, часть – раннему железному веку.

Коллекцию каменных предметов составляют небольшой радиальный однофронтальный уплощенный и сильно истощенный нуклеус для отщепов, два нуклевидных обломка, технический краевой скол, три средние пластины, четыре пластинчатых отщепа, 20 отщепов и два обломка. Археологический материал имеет разную степень изменения состояния поверхности – от неизменной до сильно сглаженной. Большая часть предметов слабоокатана. Орудийный набор включает массивный интенсивно ретушированный остроконечник (рис. 2, 7) и концевые скребки на отщепах (рис. 2, 4), в основном крупных. Большинство скребков и остроконечник имеют слабую степень окатанности.

Анализ коллекции позволяет утверждать, что в ней представлен разновременный материал, часть которого (пластины, остроконечник, часть скреб-

ков) по своей морфологии может быть отнесена к ранним этапам верхнего палеолита.

Разведочные работы 2020 г. показали высокий потенциал района Гилёвского водохранилища в плане поисков новых археологических объектов, в т.ч. каменного века. Несмотря на длительное разрушение и размыв береговых отложений, а также интенсивные археологические работы, проводившиеся на этой территории последние 50 лет, исследования текущего года позволили выявить ранее не зафиксированный, хотя и сильно разрушенный, стратифицированный комплекс финала каменного века. Кроме того, была получена представительная коллекция артефактов разных археологических эпох и подтверждено наличие в этой части Алтайского края материалов среднего и верхнего палеолита. На основании полученных материалов стало возможно предположить заселение данной территории носителями сибирячихинской среднепалеолитической культуры, ранее фиксировавшейся только на пещерных стоянках в горных районах.

Общий анализ распространения археологического материала каменного века вдоль береговой линии водохранилища позволил предполагать, что наибольшая его концентрация в настоящее время связана с сохранившимися участками древнего высокого берега р. Алей и выявлена в тех пунктах, где современная береговая линия водохранилища максимально приближается к затопленному руслу реки. В первую очередь, это его юго-восточная часть. Показательно, что на противоположном низком берегу выявлено и изучено большое число памятников эпохи палеометалла, включая могильники и поселенческие комплексы, однако находки предметов палеолитического времени в северо-восточной части водохранилища практически неизвестны.

Благодарности

Авторы выражают благодарность канд. ист. наук Ж.В. Марченко за помощь в определении культурной атрибуции керамического материала и А.В. Абдульмановой за подготовку иллюстраций каменных артефактов. Полевые исследования выполнены за счет гранта РФФИ № 18-09-00031. Лабораторное изучение материала выполнялось в рамках проекта РНФ № 19-18-00198.

Список литературы

Демин М.А., Ситников С.М. Материалы Гилёвской археологической экспедиции. – Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 2007. – Ч. 1. – 273 с.

Кунгуров А.Л. Каменный век Рудного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – Ч. 1: Палеолитические памятники. – 176 с.

Междисциплинарные исследования Чагырской пещеры – стоянки среднего палеолита Алтая / А.П. Деревянко, С.В. Маркин, К.А. Колобова, В.П. Чабай, Н.А. Рудая, Б. Виола, А.П. Бужилова, М.Б. Медникова, С.К. Васильев, В.С. Зыкин, В.С. Зыкина, В.С. Зажигин, А.О. Вольвах, Р.Г. Робертс, З. Якобс, Бо Ли. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – 468 с.

Савко И.А. История археологических исследований в зоне строительства Гилевского водохранилища в 1970-е гг. // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение): мат-лы XIV междунар. науч.-практ. конф. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2019. – С. 116–122.

Шульга П.И. Могильник раннескифского времени Гилёво-10 в предгорьях Алтая. – Новосибирск: Ред.-издат. центр Новосиб. гос. ун-та, 2016. – 258 с.

References

Demin M.A., Sitnikov S.M. Materialy Gilevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii. Barnaul: State Ped. Univ. Press, 2007, pt. 1, 273 p. (In Russ.).

Derevyanko A.P., Markin S.V., Kolobova K.A., Chabai V.P., Rudaya N.A., Viola B., Buzhilova A.P., Mednikova M.B., Vasiliev S.K., Zykin V.S., Zykina V.S., Zazhigin V.S., Volvakh A.O., Roberts R.G., Yakobs Z., Bo Li. Multidisciplinary Studies of Chagyrskaya Cave – a Middle Paleolithic Site in Altai. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018, 468 p. (In Russ.) doi:10.17746/7803-0288-9.2018

Kungurov A.L. Kamennyi vek Rudnogo Altaya. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2002, pt. 1: Paleoliticheskie pamyatniki, 176 p. (In Russ.).

Savko I.A. The history of archaeological research in the construction area of the Gilev reservoir in the 1970s. In *Polevye issledovaniya v Verkhnem Priob'e, Priirtysh'e i na Altae (arkheologiya, etnografiya, ustnaya istoriya i muzeevdenie): Materialy XIV mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2019, pp. 116–122. (In Russ.).

Shulga P.I. Early Scythian Time Necropolis Gilyovo-10 in the Altai Foothills. Novosibirsk: State Univ. Press, 2016, 258 p. (In Russ.).

Анойкин А.А. <https://orcid.org/0000-0003-2383-2259>

Павленок Г.Д. <https://orcid.org/0000-0003-3727-776X>

Харевич М.В. <https://orcid.org/0000-0003-2632-6888>

Кулик Н.А. <https://orcid.org/0000-0002-2641-5517>

А.А. Анойкин✉, В.М. Хареви́ч, Г.Д. Павленок,
Н.А. Кулик, М.Б. Козликин

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: anui1@yandex.ru

Археологическая разведка в Змеиногорском и Курьинском районах Алтайского края в 2020 году

В 2020 г. Змеиногорским отрядом ИАЭТ СО РАН на береговой линии западной части оз. Колыванского (Алтайский край) было выявлено четыре пункта с поверхностным залеганием археологического материала. Общее количество находок составляет 88 экз. Все предметы выполнены из камня и представлены в основном мелкими сколами. В орудийном наборе выделены миндалевидный двояковыпуклый наконечник стрелы, однолезвийное долотовидное изделие и неопределимый фрагмент орудия. По характеру сохранности поверхности предметов, составу использованного каменного сырья, а также типологии изделий, наряду с отсутствием керамики все рассмотренные материалы, предположительно, соответствуют индустриям начального этапа голоценового времени. Общий анализ геоморфологической ситуации в районе оз. Колыванского позволяет предполагать, что данная территория малоперспективна в плане обнаружения стратифицированных комплексов палеолитического времени. Другим районом, где проводились изыскания, являлась долина р. Белой (левый приток р. Чарыш) в ее среднем течении. Визуальный осмотр долины показал, что на ее отдельных участках есть протяженные субгоризонтальные высокие (до 10–15 м) останцы первой надпойменной террасы, представленные аллювиальными отложениями верхнего плейстоцена: песками, супесями, суглинками, илами. Помимо этого, речной аллювий в большом количестве содержит гальку и валунник тонкозернистых алевритов с твердостью 5,5–6,0 по шкале Мооса, хорошо подходящих для регулярного расщепления. Кроме того, долину р. Белой невозможно миновать при передвижении из горных районов Юго-Западного Алтая в западном направлении и она занимает промежуточное положение между известными палеолитическими стоянками горной (пещеры Чагырская и Страшная) и предгорной (местонахождения на Гилевском водохранилище и др.) частей Рудного Алтая. Высокий потенциал долины р. Белой в плане поиска памятников палеолита не вызывает сомнений, однако работы здесь затруднены большой протяженностью площадок, отсутствием естественных обнажений и высоким травостоем.

Ключевые слова: Алтайский край, Рудный Алтай, оз. Колыванское, ранний голоцен, палеолит, мезолит.

Anton A. Anoin✉, Vladimir M. Kharevich, Galina D. Pavlenok,
Natalya A. Kulik, Maxim B. Kozlikin

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: anui1@yandex.ru

Archaeological Survey in Zmeinogorsky and Kuryinsky Districts of Altai Krai in 2020

In 2020, the Zmeinogorsk Team of the Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS identified and surveyed four locations with surface occurrence of artifacts on the shore of the western part of Lake Kolyvan (Altai Krai). In total, 88 items were found; all of them were mainly small flakes made of stone. The toolkit contained an almond-shaped biconvex arrowhead, single-edged adze-like tool, and unidentifiable tool fragment. Preservation degree of objects' surfaces, composition of their raw materials, and typology of the artifacts along with absence of pottery suggest that all this material evidence corresponds to lithic assemblages of the Initial Holocene. Analysis of geomorphological situation in the area of Lake Kolyvan

indicates that this area is not very promising in terms of discovering stratified complexes of the Paleolithic. Another area where archaeological survey was carried out was the valley of the Belaya River (left tributary of the Charysh River) in its middle course. Inspection of the valley has shown extended subhorizontal high (up to 10–15 m) buttes of the first floodplain terrace, consisting of alluvial deposits of the Upper Pleistocene: sands, sandy loams, loams, and silts in some of its areas. In addition, river alluvium contains large amounts of pebbles and boulders of fine-grained siltstones with hardness reaching 5.5–6.0 on the Mohs scale, well suited for regular reduction. The valley of the Belaya River cannot be bypassed when moving from the mountainous regions of Southwestern Altai to the west, and occupies the intermediate position between the Paleolithic sites of the mountainous (Chagyrskaya and Strashnaya caves) and foothill (location on the Gilevsky Reservoir, etc.) parts of the Rudnyi Altai. High potential capacity of the Belaya River valley in terms of searching for Paleolithic sites is beyond doubt. However, the works in the area are hampered by large extension of the sites, absence of natural outcrops, and high grass vegetation.

Keywords: Altai Krai, Rudnyi Altai, Lake Kolyvan, Early Holocene, Paleolithic, Mesolithic.

В полевом сезоне 2020 г. Змеиногорский отряд ИАЭТ СО РАН вел разведочные археологические работы на территории Змеиногорского и Курьинского р-нов Алтайского края. Основной целью исследований являлся поиск новых памятников каменного века, который в пределах указанных административных единиц велся на двух участках: береговая зона оз. Колыванского и долина р. Белой (рис. 1).

Массовый подъемный археологический материал был зафиксирован только в районе оз. Колыванского и залегал на четырех локальных участках. Озеро расположено вблизи северо-западных отрогов Колыванского хребта, сложенных пермскими интрузивными образованиями (гранитоиды, кварцевые диориты, диориты, граниты и плагиогра-

ниты), выходы которых прослеживаются по всему периметру водоема, в виде денудационных останцов. На северо-восточном берегу есть выходы горного хрусталя.

Озеро расположено на контакте трех геоморфологических и ландшафтных зон. На западе и северо-западе это элювиально-делювиальная равнина (относительные высоты 20–50 м) на складчатоглыбовом основании с денудационными останцами. Покровные лессовидные отложения перекрыты среднетощными черноземами. Ландшафт возвышенный (эрозионно-денудационные предгорья), степной, с маломощным суглинисто-щебеночно-глыбовым покровом и скальными выходами. На юге и юго-востоке это эрозионная останцово-гря-

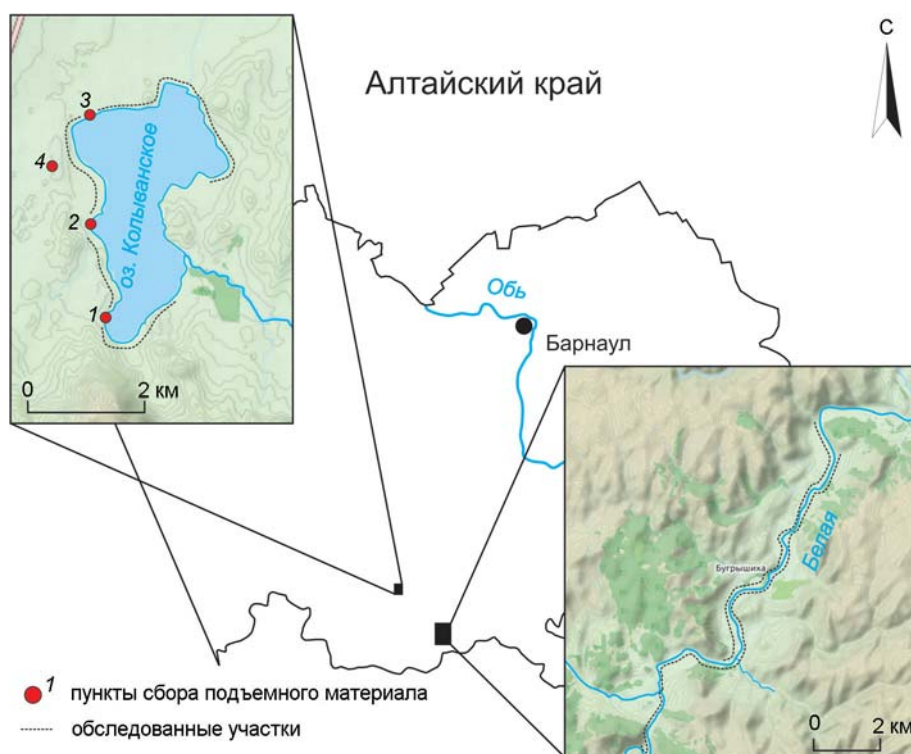

Рис. 1. Карта расположения пунктов сбора археологических материалов и обследованных участков Змеиногорского и Курьинского р-нов Алтайского края.

довая зона (относительная высота 200–400 м), со степным крутосклонным низкогорным ландшафтом. Рыхлый чехол сложен эолово-пролювиальными отложениями, перекрытыми горными черноземами и маломощными (смытыми) суглинками. С севера и северо-востока к озеру подходит мелко-сочник (амплитуда высот 50–400 м). Ландшафт холмисто-увалистый с лессово-суглинистым покровом на скальном цоколе [Кунгуров, 2002].

Район оз. Колыванского неоднократно осматривался археологами Алтайского государственного университета, которые фиксировали здесь наличие значительного количества археологических объектов, в основном курганные могильники, отдельные курганы, а также поселения бронзового века и, возможно, неолита. Кроме того, проводился сбор археологического материала, находящегося в поверхностном залегании, как правило, малочисленного и представленного преимущественно изделиями из камня, атрибутируемыми, как правило, раннеголоценовым временем. Находки каменных артефактов, которые могли относиться к эпохе палеолита, были представлены единичными экземплярами в общей массе подъемного материала [Там же; Кунгуров, Лыжникова, Грушин, 2013; Грушин и др., 2015].

Практически все выявленные в ходе этих работ археологические объекты были сосредоточены на северо-востоке (верхнее течение р. Усть-Колыванка и ур. Старая Деревня) и на участке между озером и с. Саввушки (юго-запад) [Там же].

В ходе разведочных работ 2020 г. основной зоной исследования была береговая линия западной части водоема от границы Алтайского оптико-лазерного центра им. Г.С. Титова (южная оконечность) до истока р. Усть-Каменка (северная оконечность). В результате на обследованной территории было зафиксировано четыре пункта концентрации каменных артефактов, расположенных в основном на низких участках берега, подвергающихся интенсивному размыву.

Пункт 1. Расположен на западном берегу большой подковообразной бухты на южной оконечности озера в 2 км к западу от с. Саввушки (51°36'06,0" с.ш.; 82°13'50,0" в.д.; абс. выс. 336 м). Здесь, на пляже туристического комплекса, на непротяженном участке узкой береговой линии (50 × 2 м) собрана небольшая, но показательная коллекция каменных артефактов, включающая яркие и диагностируемые орудийные формы. Общее количество находок – 28 экз., в т.ч. небольшой нуклеидный обломок, технический скол (полуреберчатая пластина), мелкая пластина, шесть пластинчатых отщепов (средний и пять мелких), восемь отщепов (средний и семь мелких), восемь обломков/осколков и четыре чешуйки. Археологический материал имеет разную

степень изменения поверхности – от неизменной до сильно сглаженной. Основная часть предметов слабоокатана. Огранка дорсала сколов преимущественно субпараллельная и бессистемная. Ударные площадки в большинстве случаев точечные и гладкие, реже – двугранные. Редукция карниза (прямая и обратная) прослеживается на двух сколах из десяти изделий, сохранивших остаточную ударную площадку. Орудийный набор включает небольшой миндалевидный двояковыпуклый наконечник стрелы (рис. 2, 1), мелкое прямоугольное уплощенное однолезвийное долотовидное изделие (рис. 2, 5), со следами забитости и смятости на противоположном лезвию крае, а также неопределимый фрагмент орудия (рис. 2, 3).

Состав каменного сырья достаточно однороден. Это скрытокристаллические осадочные породы аргиллит-алевролитового ряда, с твердостью по шкале Мооса 5,0–5,5, в основном серого цвета. Реже использовались сланцы (твердость по шкале Мооса 4). Два предмета, в т.ч. наконечник стрелы, изготовлены из светло-серого кремня (твердость по шкале Мооса 7), вероятные источники которого расположены вне пределов Колыванского хребта.

По технико-типологическим характеристикам коллекция каменных артефактов может быть отнесена к раннеголоценовым (неолитическим) комплексам.

Пункт 2. Расположен в центральной части западного берега, занимая большую часть пляжа протяженной и слаборезанной подковообразной бухты, в 1,5 км севернее пункта 1 (51°21'40,6" с.ш.; 82°10'59,8" в.д.; абс. выс. 336 м). Археологический материал был распространен исключительно на узкой песчаной полосе (100 × 2 м) в непосредственной близости от уреза воды и не образовывал каких-либо зон концентрации. Общее количество находок составило 10 каменных артефактов, в их числе: мелкий технический скол (вторичный), мелкая пластина, микропластина (рис. 2, 2), средний пластинчатый отщеп (рис. 2, 4), четыре отщепы (три средних и мелкий) и два осколка. Археологический материал имеет разную степень изменения поверхности – от слабо до сильно сглаженной. Основная часть предметов слабоокатана. Каменное сырье представлено скрытокристаллическими осадочными породами аргиллит-алевролитового ряда, с твердостью по шкале Мооса 5,0–5,5, в основном серого цвета. Огранка дорсала сколов субпараллельная и ортогональная. Ударные площадки гладкие (3 экз.), точечная и двугранный. Прямая редукция края ударной площадки фиксируется на одном сколе. Орудийных форм нет.

Состав коллекции не позволяет проводить каких-либо точных культурно-хронологических кор-

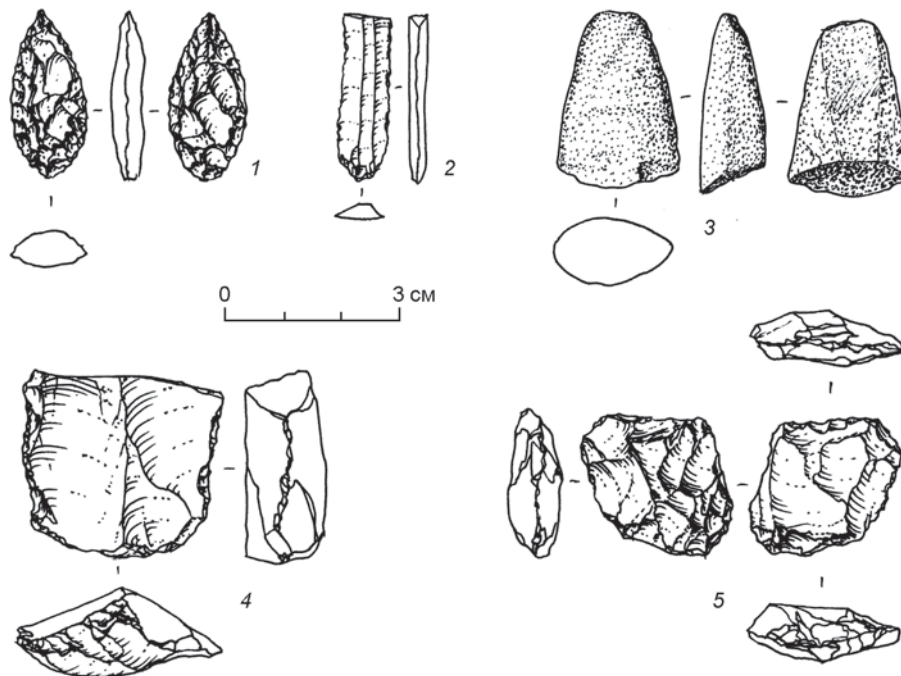

Рис. 2. Каменные артефакты с пунктов сбора археологических материалов оз. Кольванского.

1 – наконечник стрелы; 2 – фрагмент микропластины; 3 – неопределимый фрагмент орудия; 4 – фрагмент пластинчатого отщепа; 5 – долотовидное орудие.

реляций, однако характер сохранности поверхности предметов, состав использованного каменного сырья и техники расщепления сопоставимы с таковыми в коллекции пункта 1. Это наряду с отсутствием керамики позволяет предполагать, что данные материалы, скорее всего, соответствуют индустриям начального этапа голоценового времени.

Пункт 3. Расположен на северо-западной оконечности озера, занимая значительную часть береговой зоны, в 1,5 км севернее пункта 2 ($51^{\circ}22'36,5''$ с.ш.; $82^{\circ}10'56,6''$ в.д.; абс. выс. 336 м). Археологический материал был распространен на узкой песчаной полосе (150×2 м) в непосредственной близости от уреза воды и не образовывал каких-либо зон концентрации. Общее количество находок составило 46 каменных артефактов: небольшой нуклеидный обломок, мелкий технический скол (вторичный), средняя и мелкая пластины, микропластина, средний пластинчатый отщеп, 23 отщеп (2 крупных, 6 средних и 15 мелких), 7 обломков/осколков и 10 чешуек. Орудийных форм нет. Археологический материал имеет разную степень изменения поверхности – от неизменной до сильно сглаженной. Основная часть предметов слабоокатана. В составе каменного сырья в основном представлены скрытокристаллические осадочные породы аргиллит-алевролитового ряда, с твердостью по шкале Мооса 5,0–5,5, в основном серого цвета. Реже использовались сланцы (твердость по шкале Мооса 4).

Огранка дорсала сколов преимущественно субпараллельная, реже бессистемная, гладкая и ортогональная. Ударные площадки преимущественно гладкие и точечные, реже – двугранные и естественные. Подработка краевой зоны ударной площадки прослеживается на 13 сколах из 19 изделий, сохранивших остаточные ударные площадки. Преимущественно это прямая редукция, но есть и обратная редукция, и простое снятие карниза.

Состав коллекции не позволяет проводить каких-либо точных культурно-хронологических корреляций, однако характер сохранности поверхности предметов, состав использованного каменного сырья и техники расщепления сопоставимы с таковыми в коллекции пунктов 1 и 2. Это наряду с отсутствием керамики позволяет предполагать, что все рассмотренные материалы, скорее всего, соответствуют индустриям начального этапа голоценового времени, по аналогии с ранее изученными мезолитическими комплексами Алтая [Лапшин, Кадиков, 1981; Кунгуров, Кадиков, 1985].

Пункт 4. Единственный пункт концентрации археологических материалов, расположенный не на береговой полосе, а на удалении 0,3 км от берега в направлении с. Саввушки ($51^{\circ}22'10,6''$ с.ш.; $82^{\circ}10'26,2''$ в.д.; абс. выс. 340 м). В колее проселочной дороги, на участке протяженностью 50 м, был собран немногочисленный археологический материал, в количестве четырех каменных артефактов. В составе каменного сырья представлены

скрытокристаллические осадочные породы аргиллит-алевролитового ряда, серого цвета, с твердостью по шкале Мооса 5,0–5,5. Это средний пластинчатый отщеп, два отщепа (средний и мелкий) и небольшой обломок. Орудийных форм нет. Все предметы имеют слабую степень изменения поверхности.

Малочисленность и состав коллекции не позволяет проводить каких-либо точных культурно-хронологических корреляций, однако характер сохранности поверхности предметов и состав использованного каменного сырья сопоставимы с таковыми в коллекциях остальных пунктов.

Общий анализ геоморфологической ситуации в районе оз. Колыванского позволяет предполагать, что, несмотря на наличие здесь археологического материала каменного века, встречающегося практически вдоль всей береговой линии и отмеченного также за ее пределами, перспективность данной территории в плане обнаружения стратифицированных комплексов палеолитического времени достаточно низкая. В первую очередь это связано с незначительной по мощности пачкой плейстоценовых отложений или, чаще, ее отсутствием на участках береговых размывов, где современная почва, как правило, залегает непосредственно на выходах коренных пород или элювиальных отложениях. Вместе с тем геоморфологическая позиция водоема на стыке ландшафтных зон, стабильный гидрорежим водоема и удобство доступа к нему определяют привлекательность данной территории для заселения ее древним человеком, что подтверждают известные здесь памятники голоценового времени. Поэтому представляется вполне вероятным, что здесь могут быть обнаружены единичные предметы палеолитического облика, залегающие вне стратиграфического контекста.

Следующим районом, где проводились изыскания, являлась долина р. Белой (левый приток р. Чарыш) в ее среднем течении, в окрестностях с. Бугрышиха, на участке от южного склона г. Палатцы до урочища Финаев Увал и северо-западного склона г. Сосновая (~15 км). Река берет начало в гольцовой зоне Тигирецкого хребта, стекая с юго-восточного склона г. Разработанной (абс. выс. 1962 м). Далее река огибает гольцы Тигирецкого хребта с юга и запада, проходя по его отрогам, и поворачивает на север к долине Чарыша. Согласно имеющимся данным, долины основных притоков Чарыша (Белая, Иня, Маралиха и др.) были заложены в неогене, а транзитная долина Чарыша сформировалась еще в позднем олигоцене и является наиболее древней [Гусев и др., 2015]. В долинах этих рек, являющихся притоками Оби IV и V порядка, свежие оголенные от рыхлого чехла эрозионные склоны просле-

живаются вдоль тыловых швов высокой поймы и первой надпойменной террасы. Это свидетельствует о том, что склоны интенсивно вырабатывались мощными водотоками еще в конце последней ледниковой эпохи. Так, плановое положение эрозионных склонов в долинах Чарыша и его основных притоков позволяет предполагать, что ранее эти водотоки занимали практически все днище долин, имея ширину до 1–2 км и глубину до 10–15 м [Там же]. По данным геологической съемки в настоящее время эрозионные склоны речных долин в данном районе крутые (30–70°). Форма речных долин преимущественно v-образная. Для верхнего и среднего течения р. Белой характерно преобладание процессов эрозии над аккумуляцией. Участками борта долины сложены дочетвертичными скальными образованиями. В других местах склоны выстилаются элювиально-делювиальными глыбово-щебнистыми суглинками и супесями мощностью до 2 м, которые формировались во время последнего оледенения и в голоцене. В районах, примыкающих к возвышенностям, западины в рельефе выстилаются делювиальными щебнистыми суглинками и супесями того же возраста, достигающими по мощности 10 м. Ширина поймы варьирует от нескольких м до 1 км. Отложения высокой и низкой поймы, формировавшиеся в голоцене, представлены песками с гравием и галькой, суглинками и супесями. Их мощность достигает 10 м.

В районе с. Бугрышиха река представляет собой широкий (до 40 м) и мелкий (до 1,5 м) водоток, протекающий в северо-восточном направлении по широкой (до 1 км) долине. Она ограничена с северо-запада и юго-востока горными грядами с превышениями над урезом воды до 300 м и абсолютными высотами до 680 м (г. Чудская).

Река Белая протекает в зоне распространения чинетинской свиты, которая входит в громотухинскую серию (Slgr) пород силурийского возраста. На рассматриваемом участке отложения свиты представлены толщей (400–600 м) неравномерно переслаивающихся зелено-серых, серых, нередко известковистых алевролитов, глинистых сланцев и мелкозернистых песчаников. Изредка встречаются маломощные (первые метры) прослои кварцевых гравелитопесчаников, гравелитов и мелкогалечных конгломератов, а также небольшие линзовидные тела серых, темно-серых, розовато-серых органогенных, в разной мере песчанистых известняков, известняковых песчаников [Там же]. Как показал осмотр руслового аллювия, он содержит разноразмерную гальку, а также мелкий и средний валунник. В аллювии представлены преимущественно алевролиты, сланцы и песчаники, примерно в равных пропорциях. При этом часть их

имеет высокие «потребительские» качества и пригодны для использования в серийном производстве каменных артефактов, включая сложные техники первичного расщепления. В первую очередь, это тонкозернистые алевролиты с разным содержанием аргиллитового материала и твердостью 5,5–6,0 по шкале Мооса. Таким образом, в этой части долины древний человек имел в своем распоряжении легкодоступный и фактически не ограниченный запас каменного сырья.

Визуальный осмотр долины показал, что на ее отдельных участках есть протяженные субгоризонтальные высокие (до 10–15 м) останцы первой надпойменной террасы, представленные аллювиальными отложениями верхнего плейстоцена: песками, супесями, суглинками, илами. Такие участки отмечены как на левом, так и на правом берегах (южная оконечность с. Бугрышиха; участок между двумя безымянными ручьями в 5 км к северу от села; участок между горами Рудничная и Полынская около пос. Подпалатцы). Позиция этих участков в рельефе позволяет предполагать, что с ними могут быть связаны следы пребывания в долине первобытного человека, однако работы здесь затруднены большой протяженностью площадок (до 1 км), отсутствием естественных обнажений и высоким травостоем. Поиск объектов каменного века здесь возможно проводить только методом сплошной шурфовки, что является крайне трудозатратным.

Вместе с тем долина р. Белой расположена на периферии Средне-Чарышского карстового района и на незначительном удалении (12 км на широте с. Бугрышиха) от еще одного крупного притока Чарыша – р. Иня, где находится известная палеолитическая стоянка – пещера Страшная. Иня течет практически параллельно Белой и легкодоступна по долинам боковых притоков. В западном направлении от р. Белой, также на незначительном удалении, находятся оз. Белое и Колыванский хребет, вдоль которого можно выйти к оз. Колыванскому и далее в междуречье рек Алей и Чарыш. На юге в верхнем течении р. Белой через невысокие перевалы между Кипешными и Воробьевыми горами можно попасть к истокам р. Алей, одной из основных речных артерий в этой части Алтая. Таким образом, долина Белой является удобной транзитной магистралью, соединяющей горные и предгорные районы региона. Стоит отметить, что в 20 км от впадения Белой в Чарыш расположена Чагырская пещера, археологические материалы из которой относятся к сибиряхинской культуре среднего палеолита, существовавшей на данной территории 60–50 тыс. л.н. [Междисциплинарные исследования..., 2018]. Следы пребывания ее носителей зафиксированы также на Гилевском водохранилище (р. Алей) (см. статью

Анойкин и др. «Археологическая разведка на Гилевском водохранилище в Алтайском крае в 2020 году» в этом сборнике). Таким образом, долина Белой занимает промежуточное положение между известными памятниками одной палеокультуры; в ее долине в плейстоценовое время могли существовать карстовые убежища и открытые площадки, удобные для проживания; здесь есть пригодное для регулярного расщепления каменное сырье; этот район невозможно миновать при передвижении из горных районов Юго-Западного Алтая в западном направлении. Таким образом, высокий потенциал долины р. Белой в плане наличия здесь памятников палеолита не вызывает сомнений.

Благодарности

Авторы выражают благодарность М.В. Медовиковой за подготовку иллюстраций каменных артефактов и д-ру геол.-минер. наук И.Д. Зольникову за помощь в оценке геоморфологической ситуации в районе работ. Полевые исследования выполнены за счет гранта РФФИ № 18-09-00031. Лабораторное изучение археологического материала, анализ состава каменного сырья проведены в рамках программы НИР № 0329-2019-0002 «Древнейшие культурные процессы на территории Центральной Азии».

Список литературы

- Грушин С.П., Миляев Г.А., Вальков И.А., Кунгуров А.Л.** Результаты археологической разведки в Змеиногорском районе // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 2015. – № 21. – С. 83–87.
- Гусев Н.И., Вовшин Ю.Е., Круглова А.А., Пушкин М.Г., Николаева Л.С., Русанов Г.Г., Плеханов О.А., Богомолов В.П., Строев Т.С., Морева Н.В., Сергеева Л.Ю.** Государственная геологическая карта Российской Федерации. Масштаб 1 : 1 000 000 (третье поколение). Сер. Алтай-Саянская. Лист М-44 – Рубцовск. Объяснит. зап. – СПб.: Картографическая фабрика ВСЕГЕИ, 2015. – 415 с.
- Кунгуров А.Л.** Каменный век Рудного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – Ч. 1: Палеолитические памятники. – 176 с.
- Кунгуров А.Л., Кадиков Б.Х.** Многослойное поселение Усть-Сема // Алтай в эпоху камня и раннего металла. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1985. – С. 29–50.
- Кунгуров А.Л., Лыжникова О.Г., Грушин С.П.** Свод памятников археологии Змеиногорского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 2013. – № 18-19. – С. 456–487.
- Лапшин Б.И., Кадиков Б.Х.** Позднепалеолитическая стоянка у села Майма в Горном Алтае (по материалам Бийского краеведческого музея) // Проблемы

Западно-Сибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 9–21.

Междисциплинарные исследования Чагырской пещеры – стоянки среднего палеолита Алтая / А.П. Деревянко, С.В. Маркин, К.А. Колобова, В.П. Чабай, Н.А. Рудая, Б. Виола, А.П. Бужилова, М.Б. Медникова, С.К. Васильев, В.С. Зыкин, В.С. Зыкина, В.С. Зажигин, А.О. Вольвах, Р.Г. Робертс, З. Якобс, Бо Ли. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – 468 с.

References

Derevyanko A.P., Markin S.V., Kolobova K.A., Chabai V.P., Rudaya N.A., Viola B., Buzhilova A.P., Mednikova M.B., Vasiliev S.K., Zykin V.S., Zykina V.S., Zazhigin V.S., Volvakh A.O., Roberts R.G., Yakobs Z., Bo Li. Multidisciplinary Studies of Chagyrskaya Cave – a Middle Paleolithic Site in Altai. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018, 468 p. (In Russ.). doi:10.17746/7803-0288-9.2018

Grushin S.P., Milyaev G.A., Valkov I.A., Kungurov A.L. Rezultaty arkhologicheskoi razvedki v Zmeinogorskom raione. In *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaiskogo kraja*. Barnaul, 2015, No. 21, pp. 83–87. (In Russ.).

Gusev N.I., Vovshin Yu.E., Kruglova A.A., Pushkin M.G., Nikolaeva L.S., Rusanov G.G.,

Plekhanov O.A., Bogomolov V.P., Stroev T.S., Moreva N.V., Sergeeva L.Yu. Gosudarstvennaya geologicheskaya karta Rossiiskoi Federatsii. Masshtab 1 : 1 000 000 (tret'e pokolenie). Seriya Altae-Sayanskaya. List M-44 Rubtsovsk. Ob»yasnitel'naya zapiska. St. Petersburg: Kartograficheskaya fabrika VSEGEI, 2015, 415 p. (In Russ.).

Kungurov A.L. Kamennyi vek Rudnogo Altaya. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2002, pt. 1: Paleoliticheskie pamyatniki, 176 p. (In Russ.).

Kungurov A.L., Kadikov B.Kh. Mnogosloinoe poselenie Ust'-Sema. In *Altai v epokhu kamnya i rannego metalla*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 1985, pp. 29–50. (In Russ.).

Kungurov A.L., Lyzhnikova O.G., Grushin S.P. Svod pamyatnikov arkhologii Zmeinogorskogo raiona. In *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaiskogo kraja*. Barnaul, 2013, No. 18-19, pp. 456–487. (In Russ.).

Lapshin B.I., Kadikov B.Kh. Pozdnepaleoliticheskaya stoyanka u sela Maima v Gornom Altae (po materialam Biiskogo kraevedcheskogo muzeya). In *Problemy Zapadno-Sibirskoi arkhologii. Epokha kamnya i bronzy*. Novosibirsk: Nauka, 1981, pp. 9–21. (In Russ.).

Анойкин А.А. <https://orcid.org/0000-0003-2383-2259>

Харевич М.В. <https://orcid.org/0000-0003-2632-6888>

Павленок Г.Д. <https://orcid.org/0000-0003-3727-776X>

Кулик Н.А. <https://orcid.org/0000-0002-2641-5517>

Козликин М.Б. <https://orcid.org/0000-0001-5082-3345>

С.К. Васильев✉, М.Б. Козликин, М.В. Шуньков

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: svasiliev@archaeology.nsc.ru

Фаунистические остатки из плейстоценовых отложений в южной галерее Денисовой пещеры (материалы 2019 года)

В результате раскопок плейстоценовых отложений в южной галерее Денисовой пещеры в 2019 г. было получено свыше 64 тыс. костных остатков, относящихся как минимум к 38 видам млекопитающих. Пещерный тафоценоз слоев 11–14 сформировался в основном за счет остатков пищевой активности крупных хищников. Доля костей Carnivora в этих слоях варьирует от 24 до 41 %. В формировании тафоценоза слоев 15–17 заметна роль палеолитического человека. Здесь присутствуют фрагменты обожженных костей, костей со следами порезов от каменных орудий и раскалывания, а также большое количество мелких неопределимых осколков костей и зубов без признаков кислотного воздействия. Сверху вниз по разрезу наблюдается постепенное увеличение доли остатков мегафауны лесных и лесостепных биотопов, достигшее максимума в слое 17. Вместе с тем здесь присутствуют остатки всех основных видов – обитателей открытых пространств. В целом на протяжении всего периода осадконакопления в окрестностях пещеры существовали мозаичные ландшафты. В тафоценозе наиболее многочисленны костные остатки сибирского горного козла и архара. Из числа редких видов обнаружены единичные кости бобра, малого пещерного медведя, россомахи, пещерного льва, снежного барса, гигантского и северного оленей, лося, байкальского яка. Впервые в Денисовой пещере обнаружен фрагмент зуба носорога Мерка, характерного для межледниковых лесных фаун. Основными объектами охоты палеолитического человека служили, видимо, копытные средних размеров – сибирский горный козел, архар, косуля и дзерен.

Ключевые слова: Денисова пещера, плейстоцен, мегафауна, костные остатки, тафоценоз.

Sergey K. Vasiliev✉, Maxim B. Kozlikin, Michael V. Shunkov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: svasiliev@archaeology.nsc.ru

Faunal Remains from the Pleistocene Deposits in the Southern Chamber of Denisova Cave (Evidence of 2019)

Over 64,000 specimens of bone remains belonging to at least 38 mammal species were found during the excavations of Pleistocene sediments in the Southern Chamber of Denisova Cave in 2019. The taphocenosis of layers 11–14 in the cave mainly resulted from eating activities of large carnivorous animals. The share of the Carnivora bones in these layers varied from 24 to 41 %. The role of Paleolithic humans became noticeable in taphocenosis of layers 15–17, represented by fragments of burnt bones, bones with incisions from stone tools and marks from splitting, as well as large number of small unidentifiable fragments of bones and teeth without traces of acid impact. The share of megafaunal remains of forest and forest-steppe biotopes increased from top to bottom, reaching its maximum in layer 17 which contained the remains of all main inhabitants of open spaces. Mosaic landscapes existed in the vicinity of the cave during the entire sedimentation period. The most numerous bone remains in the taphocenosis were those of Siberian ibex and argali. Rare species included individual bones of beaver, small cave bear, wolverine, cave lion, snow leopard, giant deer and reindeer, elk, and Baikal yak. A tooth fragment of Merck rhinoceros – a typical inhabitant of interglacial forest faunas – was discovered. The main objects of hunting by the Paleolithic humans were probably the medium-sized ungulates, such as Siberian ibex, argali, roe deer, and gazelle.

Keywords: Denisova Cave, Pleistocene, megafauna, bone remains, taphocenosis.

В результате раскопок плейстоценовой толщи в южной галерее Денисовой пещеры в 2019 г. найдено свыше 64 тыс. костных остатков позвоночных. Доля определимых костей меняется от 2,5 % в коллекции слоя 17 до 9,7 % в слое 11, составляя в среднем по слоям 5,7 %, что сопоставимо с данными из восточной галереи (5,6 %) пещеры [Васильев, Шуньков, Козликин, 2017] и значительно выше, чем в центральном зале (менее 1 %) [Природная среда..., 2003]. Обнаружены остатки как минимум 38 видов млекопитающих, а также рыб, амфибий и птиц (табл. 1). Общее количество костных остатков по слоям варьирует от 233 экз. из слоя 22 до 15 508 экз. из слоя 12. Преобладают костные остатки мелкого размерного класса: 1–2 и 2–5 см (соответственно 66,8 и 30,8 % в среднем по слоям). Более крупные фрагменты костей и зубов – 5–10 и > 10 см составляют всего 2,2 и 0,2 %. В целом по слоям степень фрагментации костей изменяется мало, незначительно возрастая вниз по разрезу (табл. 2). Наиболее крупные кости найдены в слоях 12 и 13, это дистальные половины плечевых костей бизона и носорога, общая длина которых до слома достигает соответственно 26,5 и 29 см. В слоях 12 и 16 найдено по два целых астрагала бизона.

По всему разрезу, за исключением слоев 11 и 19, отмечены единичные фрагменты обожженных костей черного и черно-коричневого цвета. Их наибольшее количество (0,2 %) зафиксировано в слое 17. Среди обожженных костей определен только нижний конец первой фаланги лисицы из слоя 12. Для слоев 15 и 16 характерен мелко раздробленный материал: кости и почти все зубы из этих отложений представлены мелкими остроугольными осколками без признаков кислотной коррозии. Их происхождение связано, скорее всего, с расщеплением человеком костей копытных средних размеров (сибирского горного козла, козули, дзерена) для извлечения костного мозга.

Тафоценоз слоев 11–14 сформировался в основном за счет пищевой активности хищников, прежде всего пещерной гиены и волка. Большинство фрагментов костей и зубов из этих слоев имеет следы воздействия желудочного сока при прохождении через пищеварительный тракт хищников. Эти костные остатки попадали в пещерные отложения из распавшихся копролитов или из отрывков гиен. Следы деструкции костей отмечены также в материалах из слоев 15–17, однако там их существенно меньше. Наибольшая доля костей хищников (41,3 %) зафиксирована в слое 11, наименьшая – в слое 13 (24,4 %), составляя в среднем по слоям 30,2 %. Самым многочисленным представителем *Carnivora* является пещерная гиена. Количество ее остатков меняется от 3,1 % в слое 17 до 18,8 % в слое 16. Многочисленны

также серый и красный волки (8 % в среднем по слоям) и лисица (6,7 %). Бурый медведь занимает последнюю позицию среди наиболее представленных видов хищников (2,5 %).

От слоя 11 к слою 17 наблюдается постепенное увеличение доли остатков мегафауны лесной и лесостепной биотопических групп при одновременном сокращении доли представителей степных и скальных биотопов (табл. 3). Доля лесной компоненты увеличивается по сравнению с материалами из слоя 12 следующим образом: слой 13 – в 2 раза, слой 14 – в 5 раз, слои 15 и 16 – в 7 раз, слой 17 – в 12 раз. Большая доля (7,9 %) остатков обитателей лесных биотопов в тафоценозе слоя 11 объясняется скоплением мелких костей дистальных отделов конечностей бурого медведя – фаланг и костей запястья. В то же время доля лесостепной компоненты в этом слое наименьшая для всего разреза – 1,9 %. Доля представителей лесостепных биотопов также постепенно возрастает от верхних слоев к нижним: от слоя 11 к слою 17 в 13 раз. Количество остатков обитателя скальных биотопов – сибирского горного козла – в слоях 15 и 17 по сравнению со слоями 11–14 сокращается в 2,5–3 раза. Единственный вид, который условно можно отнести к представителям тундровых биотопов, – северный олень, отмечен только в верхней части разреза, в слоях 11 и 12; его доля не превышает 1 %.

Среди конкретных видов число остатков бурого медведя от слоя 12 к слою 17 возрастает в 5,5 раза, козули от слоя 11 к слою 17 – в 18 раз, марала – в 4 раза. В целом количество остатков оленей возрастает в 16 раз, что свидетельствует о широком развитии лесной растительности. Вместе с тем даже в период наибольшего развития лесных ландшафтов (уровень слоя 17) продолжали существовать, незначительно сократив численность, виды животных открытых пространств – бизон, шерстистый носорог, лошади, дзерен. Заметно уменьшилось, более чем в 5 раз, только количество остатков пещерной гиены (табл. 4).

Таким образом, в период формирования плейстоценовых осадков в Денисовой пещере в ее окрестностях существовали мозаичные ландшафты. В эпохи похолоданий и аридизации климата небольшие лесные участки сохранялись по долинам рек и в горных ущельях. В относительно теплые климатические периоды заметно расширялись лесные ассоциации, но на широких участках долин рек, на водоразделах и на горных склонах южной экспозиции сохранялись участки лугово-степной растительности. Достаточно обширные участки открытых биотопов поддерживались, видимо, благодаря существованию крупных фитофагов – шерстистого носорога, бизона и лошадей, выступавших в роли эдификаторов ландшафтов.

Таблица 1. Видовой состав и количество костных остатков из плейстоценовых отложений в южной галерее Денисовой пещеры

Таксоны	Слои								
	11	12	13	14	15	16	17	19	Всего
<i>Asioscalops altaica</i>	18	28	14	18	8	7	8	–	101
<i>Chiroptera</i> gen. indet.	–	1	1	–	–	–	–	–	2
<i>Lepus tanaiticus</i>	22	14	16	10	3	1	–	–	66
<i>Lepus tolai</i>	20	39	8	–	–	1	1	–	69
<i>Ohotona</i> sp.	9	17	9	6	–	2	–	1	44
<i>Spermophilus</i> sp.	29	115	40	16	1	2	1	–	204
<i>Marmota baibacina</i>	29	17	3	6	2	1	11	–	69
<i>Castor fiber</i>	–	1	1	–	–	–	–	–	2
<i>M. myospalax</i>	51	178	95	145	15	12	25	1	522
<i>Rodentia</i> gen. indet.	120	170	75	104	19	16	15	–	519
<i>Canis lupus</i>	14	35	24	14	7	13	4	–	111
<i>Vulpes vulpes</i>	31	32	33	10	6	7	8	1	128
<i>Vulpes corsak</i>	1	3	1	2	–	–	1	–	8
<i>Cuon alpinus</i>	2	6	6	5	3	5	11	2	40
<i>Ursus arctos</i>	15	7	7	7	3	3	5	2	49
<i>U. (Spelaearctos)</i>	–	–	1	–	–	–	1	–	2
<i>Martes zibellina</i>	–	–	–	1	–	–	–	–	1
<i>G. gulo</i>	–	–	1	–	–	–	–	–	1
<i>Mustela erminea</i>	2	1	–	2	1	–	–	–	6
<i>Mustela nivalis</i>	–	1	–	–	–	–	–	–	1
<i>Mustela altaica</i>	–	3	–	–	–	–	–	–	3
<i>Mustela eversmanni</i>	–	3	1	2	–	–	–	1	7
<i>Crocota spelaea</i>	38	103	47	34	23	29	3	–	277
<i>Panthera spelaea</i>	3	1	–	1	–	1	–	–	6
<i>Uncia uncia</i>	–	–	–	–	–	–	–	1	1
<i>Mammuthus primigenius</i>	1	6	12	1	–	–	1	–	21
<i>Equus (E.) ferus</i>	2	9	3	3	2	3	3	–	25
<i>Equus ovodovi</i>	4	28	15	12	5	5	3	–	72
<i>E. ovodovi/ferus</i>	12	83	40	3	19	16	15	1	189
<i>Coelodonta antiquitatis</i>	4	16	40	10	4	12	4	1	91
<i>Stephanorhinus kirchbergensis</i>	–	–	–	–	–	–	1	–	1
<i>Cervus elaphus sibiricus</i>	–	10	11	12	5	7	5	–	50
<i>Megaloceros giganteus</i>	1	3	3	–	–	–	–	–	7
<i>Alces alces</i>	–	–	–	–	–	1	–	–	1
<i>Capreolus pygargus</i>	2	4	8	12	10	15	13	–	64
<i>Rangifer tarandus</i>	3	5	–	–	–	–	–	–	8
<i>Poëphagus mutus baicalensis</i>	–	1	–	–	–	–	–	–	1
<i>Bison priscus</i>	21	87	66	21	23	6	6	1	231
<i>Procapra gutturosa</i>	–	–	9	4	2	3	3	–	21
<i>Saiga borealis</i>	–	9	2	–	–	–	–	–	11
<i>Procapra/Saiga</i>	2	4	9	7	3	3	3	–	31
<i>Capra sibirica</i>	56	173	91	68	10	18	7	–	423
<i>Ovis ammon</i>	15	31	21	8	1	–	1	–	77
<i>Capra/Ovis</i>	28	81	38	23	7	7	–	–	184
<i>Pisces</i>	–	1	–	–	–	3	–	–	4
<i>Amphibia</i>	–	1	2	2	–	1	1	–	7
<i>Aves</i>	70	105	64	79	16	28	17	1	380
Неопределимые фрагменты	5 798	14 076	14 342	7 816	4 720	6 197	6 858	220	60 027
Всего костных остатков	6 423	15 508	15 159	8 464	4 918	6 425	7 035	233	64 165

Активная пастбищная деятельность многочисленных крупных стадных копытных препятствовала возобновлению подроста лесной растительности, приводила к образованию в лесных массивах широких звериных троп, обширных полян или даже

лесных ландшафтов паркового типа. Роль мегафауны в формировании ландшафтов хорошо изучена на примерах как плейстоценовых межледниковых фаун, так и современных сообществ, в частности фаун африканской саванны [Пучков, 1992, 2001].

Таблица 2. Распределение по размеру фрагментов костей крупных млекопитающих из плейстоценовых отложений в южной галерее Денисовой пещеры

Слой	Размерный класс								Всего
	1–2 см		2–5 см		5–10 см		> 10 см		
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	
11	3 698	61,04	2 146	35,42	200	3,30	14	0,23	6 058
12	8 728	58,97	5 630	38,04	411	2,78	32	0,22	14 801
13	9 954	67,60	4 422	30,03	303	2,06	45	0,31	14 724
14	5 241	64,70	2 674	33,01	169	2,09	17	0,21	8 101
15	3 626	74,61	1 102	22,67	120	2,47	12	0,25	4 860
16	4 847	76,11	1 451	22,79	67	1,05	3	0,05	6 368
17	5 262	75,45	1 608	23,06	100	1,43	4	0,06	6 974
19	147	64,76	70	30,84	9	3,96	1	0,44	227
<i>Всего</i>	41 503	66,82	19 103	30,76	1 379	2,22	128	0,21	62 113

Таблица 3. Распределение (в %) костных остатков крупных млекопитающих различных биотопических групп из плейстоценовых отложений в южной галерее Денисовой пещеры

Слой	Биотопические группы					Кол-во костных остатков, экз.
	Степные	Лесостепные	Лесные	Скальные	Тундровые	
11	62,79	1,86	7,91	26,05	1,40	215
12	59,72	4,34	1,90	31,25	0,87	576
13	63,92	5,68	4,55	25,85	–	225
14	49,06	9,43	9,43	31,08	–	212
15	65,63	10,42	13,54	10,42	–	96
16	53,44	9,98	13,30	23,28	–	421
17	42,86	24,68	23,38	9,09	–	77

Таблица 4. Соотношение (в %) экологически показательных видов или групп видов из плейстоценовых слоев в южной галерее Денисовой пещеры

Таксоны	Слой						
	11	12	13	14	15	16	17
Хищники в целом	41,25	26,18	24,44	29,77	32,09	32,43	33,33
Пещерная гиена	14,79	13,83	9,65	12,98	17,16	12,33	3,13
Бурый медведь	5,84	0,94	1,44	2,67	2,44	2,03	5,21
Лошади	7,00	16,11	11,91	6,87	19,40	15,88	21,88
Олени (кроме северного)	1,17	2,28	4,52	9,16	11,19	9,29	18,75
Косуля	0,78	0,54	1,64	4,58	7,46	6,42	13,54
Марал	–	1,34	2,26	4,58	3,73	2,70	5,20
Северный олень	1,17	0,67	–	–	–	–	–
Бизон	8,17	11,68	13,55	8,02	17,16	6,25	6,25
Дзерен/сайгак	0,78	1,75	4,11	4,20	3,73	5,07	6,25
Сибирский горный козел	21,79	23,22	18,69	25,95	7,46	16,55	7,29
<i>Всего остатков мегафауны в слое, экз.</i>	257	745	487	262	134	592	96

Наибольший интерес вызывают находки следующих видов.

Бобр *Castor fiber*. Представлен неполной ветвью нижней челюсти с обломанными на уровне альвеол зубами из слоя 12 и третьей фалангой из слоя 13. Присутствие бобра указывает на существование древесно-кустарниковой растительности по берегам рек.

Малый пещерный медведь *Ursus savini*. В отложениях литологических слоев 13 и 17 обнару-

жены первая фаланга с неполным верхним концом и расколота в сагиттальной плоскости часть первой пястной кости.

Соболь *Martes zibellina*. Фрагмент верхней челюсти с P³-M¹ найден в слое 14. Соболь является типичным обитателем хвойно-таежных лесов. Единичные находки его костей указывают на небольшие участки таежных биотопов в окрестностях пещеры.

Росомаха *Gulo gulo*. В отложениях слоя 13 обнаружена целая четвертая пястная кость, принадлежавшая мелкой особи. Длина кости – 36,6 мм, ширина верхнего, нижнего концов и диафиза – 5,7, 5,8 и 5,2 мм.

Пещерная гиена *Crocota spelaea*. Остатки гиены присутствует во всех слоях южной галереи, за исключением слоя 19, где определяемые кости единичны. Многочисленные находки молочных зубов (до 10 %) свидетельствуют об использовании пещеры кланами гиен в качестве логова для выведения потомства. Преобладают изолированные зубы или их фрагменты (77,2 %), реже встречаются обломки верхней и нижней челюстей. Кости посткраниального скелета представлены в основном мелкими костями дистальных отделов конечностей – фалангами, запястными, фрагментами метаподий. На большинстве костей отмечены следы погрызов или кислотной коррозии, что указывает на широкое распространение каннибализма среди гиен, особенно в зимнее, голодное время [Природная среда..., 2003]. Наряду с палеолитическим человеком, пещерная гиена находилась на самой вершине пищевой пирамиды, конкурируя с последним из-за добычи и карстовых убежищ. Помимо роли падальщиков, гиены известны также как активные и успешные коллективные охотники. Пещерная гиена, как и современная пятнистая, обитала в открытых биотопах, населенных крупными копытными, являвшимися ее основной добычей.

Пещерный лев *Panthera leo spelaea*. Из восьми находок костей этого высшего хищника шесть являются вторыми фалангами из слоев 11, 12, 14, 16. Одна из них сохранилась целиком, остальные представляют собой фрагменты, поврежденные кислотной коррозией. Редкость находок льва в пещерных отложениях и следы пищевой утилизации на большинстве его костей говорят о том, что эти остатки связаны с деятельностью пещерных гиен. Несмотря на свое название, эти хищники редко использовали пещеры в качестве убежища.

Снежный барс *Uncia uncia*. Третья когтевая фаланга определена из отложений слоя 19. Снежный барс трофически был тесно связан со своей основной добычей – сибирским горным козлом.

Мамонт *Mammuthus primigenius*. Представлен мелкими и тонкими фрагментами пластин зубов молочной генерации (pd 3–4) из всех слоев разреза. Длина пластин составляет 17–43 мм. В слое 11 найден фрагмент пластинки бивня размером 22 × 17 мм, а в слое 14 – фрагмент зуба pd 3, состоящий из трех пластин.

Шерстистый носорог *Coelodonta antiquitatis*. Представлен главным образом (88,5 %) мелкими фрагментами зубов, в т.ч. молочных – ок. 10 %. От-

носительно целые зубы единичны. Ряд обломков зубов, в основном молочных, растворен кислотной коррозией. Присутствуют в слоях также фрагменты костей посткраниального скелета, почти все со следами сильных погрызов. В слое 13 найдены нижняя половина плечевой кости, верхний конец лучевой, локтевая кость с отгрызенными верхним и нижним отделами, сильно изгрызенный астрагал. В слое 19 – верхний и нижний отделы от одной разрушенной лучевой кости. Встречаются также кости запястья и заплюсны, фрагменты метаподий.

Носорог Мерка *Stephanorhinus kirchbergensis*. Небольшой (37 × 15 мм) фрагмент постоянного зуба с признаками, типичными для носорога Мерка, обнаружен в отложениях слоя 17. Для зубов носорога Мерка характерна форфоровидная гладкая и блестящая поверхность эмали толщиной ок. 2 мм, в то время как зубы шерстистого носорога имеют морщинистую и шероховатую эмаль толщиной ок. 3 мм. В среднем плейстоцене этот вид был распространен в Европе, в среднем и позднем плейстоцене – в Китае, Корее и в Сибири, вплоть до берегов Северного Ледовитого океана [Шпанский, 2017; Косинцев и др., 2020]. Кости и зубы *S. kirchbergensis* найдены на Предальтайской равнине в долине Чумыша, а также в Красном Яре и Бибихе рядом с Новосибирском. На этих местонахождениях остатки носорога Мерка встречаются на два порядка реже, чем шерстистого носорога. Этот очень крупный и длинноногий носорог, видимо, был также очень редок и на Алтае. Основу питания носорога Мерка составляли разнотравье и листья деревьев и кустарников, поэтому наиболее широко он был распространен в периоды климатических потеплений [Там же].

Гигантский олень *Megaloceros giganteus*. Представлен единичными находками – сесамовидная кость из слоя 11; грифельная кость, целый резец и два фрагмента левой верхней челюсти одной особи с зубами P³⁻⁴ и M² из слоя 12; неполный P₂, P₃ и сесамовидная кость из слоя 13. Зубы принадлежали крупным животным – длина/ширина P₂ составляет 16,5/13,0 мм, размеры P₃ – 23,5/16,3 мм. Для сравнения у *M. giganteus* из казанцевского слоя местонахождения Красный Яр под Новосибирском размеры P₂ – 14,3-М 16,5–17,8/11,2-М 11,8–13,5 мм; n = 6; размеры P₃ – 20-М 22,2–24/13,9-М 14,8–15,7 мм; n = 8. В верхнем плейстоцене Алтай гигантский олень, судя по серийным находкам из пещеры Логово Гиены, заметно превосходил размерами тела представителей равнинных популяций Южной Сибири и представлял наиболее крупный из подвидов *M. giganteus*.

Лось *Alces alces*. Обнаружено два фрагмента зубов – неполный M₂ в слое 16 и обломок M₁ в слое

17. Это животное являлось типичным обитателем лесных и лесостепных биотопов в периоды относительно теплого климата.

Северный олень *Rangifer tarandus*. Фрагмент нижнего конца пястной кости и зуб верхней челюсти обнаружены в слое 11; корродированный нижний конец metacarpale, третья фаланга бокового пальца, два изолированных зуба верхней челюсти и поврежденный коррозией роговой отросток длиной 62 мм – в слое 12; неполный верхний конец первой фаланги и обломок зуба, оба со следами кислотной коррозии, найдены в слоях 13 и 17. Ширина/поперечник нижнего конца пястной кости – 43,5/21,5 мм, что близко к средним размерам этой кости у современного тундрового оленя. В пещерных и в аллювиальных местонахождениях на юге Западной Сибири остатки *R. tarandus* относительно редки и связаны, как правило, с периодами криохронов или межстадиалов, таких как МИС 3.

Байкальский як *Poephagus mutus baicalensis*. Запястная кость carpi radiale, сильно разъеденная кислотной коррозией, найдена в пределах слоя 12. Она принадлежала не крупной особи, скорее всего самке. Длина кости в проекции – более 39,5 мм, высота в переднем отделе/минимальная – 27/17 мм. У яков и бизонов был резко выражен половой диморфизм, когда взрослые быки намного крупнее и тяжелее коров. Самки байкальского яка, судя по пястным костям, размерами тела примерно соответствовали современным домашним коровам. В пещерах Алтая кости яка встречаются в десятки раз реже, чем бизона.

Дзереи *Procapra gutturosa* и сайга *Saiga tatarica borealis*. Их кости обнаружены во всех слоях, при этом остатков дзерена в 4 раза больше, чем сайги. Более трети фрагментарных и корродированных костей дзерена и сайги разделить до вида не удалось. Фрагменты крупных трубчатых костей и мелкие кости дистальных отделов конечностей составляют более половины (61 %) их остатков, изолированных зубов относительно меньше (39 %).

Список литературы

Васильев С.К., Шуньков М.В., Козликин М.Б. Остатки мегафауны из восточной галереи Денисовой пещеры и вопросы реконструкции природной среды Северо-Западного Алтая в плейстоцене // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 60–64.

Косинцев П.А., Зыков С.В., Тиунов М.П., Шпанский А.В., Гасилин В.В., Гимранов Д.О., Девя-

шин М.М. Первая находка остатков носорога Мерка (*Mammalia, Perissodactyla, Rhinocerotidae, Stephanorhinus kirchbergensis* Jager, 1839) на Дальнем Востоке // Докл. РАН, науки о жизни. – 2020. – Т. 491. – С. 155–158.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Анойкин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

Пучков П.В. Некомпенсированные вюрмские вымирания. Сообщение 2 // Вестн. зоологии. – 1992. – № 1. – С. 58–66.

Пучков П.В. Почему мамонты не вымирали в межледниковья? // Мамонт и его окружение: 200 лет изучения. – М.: ГЕОС, 2001. – С. 253–261.

Шпанский А.В. Вопр. палеозоогеографии носорога Мерка (*Stephanorhinus kirchbergensis* Jager, 1839) (*Rhinocerotidae, Mammalia*) // Геосферные исследования. – 2017. – № 3. – С. 73–89.

References

Kosintsev P.A., Zykov S.V., Gasilin V.V., Gimranov D.O., Devjashin M.M., Tiunov M.P., Shpansky A.V. The First Find of Merck's Rhinoceros (*Mammalia, Perissodactyla, Rhinocerotidae, Stephanorhinus kirchbergensis* Jäger, 1839) Remains in the Russian Far East. *Doklady Biological Sci.*, 2020, vol. 491, pp. 47–49.

Paleoenvironment and Palaeolithic human occupation of Gorny Altai / A.P. Derevianko, M.V. Shunkov, A.K. Agadganyan, G.F. Baryshnikov, V.M. Malaeva, V.A. Ulianov, N.A. Kulik, A.V. Postnov, A.A. Anoin. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2003, 448 p. (In Russ.).

Puchkov P.V. Uncompensated Wurm Extinctions. *Message 2. Vestnik zoologii*, 1992, No. 1, pp. 58–66. (In Russ.).

Puchkov P.V. Pochemu mamonty ne vymirali v mezhljednikov'ya? In *The Mammoth and its Environment: 200 years of study*. Moscow: GEOS, 2001, pp. 253–261. (In Russ.).

Shpansky A.V. Questions Paleozoogeography of *Stephanorhinus kirchbergensis* (Jager, 1839) (*Rhinocerotidae, Mammalia*). *Geosphere Research*, 2017, No. 3, pp. 74–89. (In Russ.).

Vasiliev S.K., Shunkov M.V., Kozlikin M.B. Megafaunal Remains from the Eastern Chamber of Denisova Cave and Problems of Reconstructing the Pleistocene Environments in the Northwestern Altai. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 60–64. (In Russ.).

Васильев С.К. <https://orcid.org/0000-0002-6863-7900>

Козликин М.Б. <https://orcid.org/0000-0001-5082-3345>

Шуньков М.В. <https://orcid.org/0000-0003-1388-2308>

С.К. Васильев^{1, 2}✉, Е.В. Пархомчук^{1, 2}, М.А. Середнёв²,
К.И. Милютин², С.А. Растигеев³, В.В. Пархомчук^{2, 3}

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

²Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

³Институт ядерной физики им. Г.И. Будкера СО РАН
Новосибирск, Россия

E-mail: svasiliev@archaeology.nsc.ru

Позднеплейстоценовая мегафауна юга Западной и Средней Сибири: новые данные по радиоуглеродному датированию и новые находки из аллювиальных местонахождений в 2020 году

Проанализировано 135 радиоуглеродных датировок по остаткам крупных млекопитающих позднего плейстоцена и голоцена юга Западной и Средней Сибири, в т.ч. 41 новая дата, полученная в 2020 г. Датировались прежде всего кости хищников и редких видов копытных: малого пещерного медведя (*Ursus savini*), пещерной гиены (*C. crocuta spelaea*), пещерного льва (*Panthera leo spelaea*), лошади Оводова (*Equus ovodovi*), гигантского (*Megaloceros giganteus*) и северного оленей (*Rangifer tarandus*), тура (*Bos primigenius*), байкальского яка (*Poephagus mitus baicalensis*), сайгака (*Saiga tatarica borealis*). Впервые была получена ¹⁴C дата (20,2 тыс. л.н.) по кости забайкальского парабубала (*Parabubalis capricornis*). Финалом сартанского времени датированы кости шерстистого носорога (*Coelodonta antiquitatis*) и бизона (*Bison priscus*) с рек Орда и Чик. Раннеголоценовый возраст (9,6 и 10,7 тыс. л.н.) имеют остатки бизона из Северного Приангарья. Более 1 тыс. костей от 18 видов плейстоценовой мегафауны было собрано на р. Чумыш в 2020 г., включая две уникальные находки: череп россомахи (*G. gulo*) и фрагмент лопатки овцебыка (*Ovibos moschatus*). Из 76 датированных костей с пляжей Чумыша 81 % относятся к каргинскому, 12 % – к сартанскому времени и 7 % – к голоцену. Существенно (на 620 и 237 экз.) пополнилась коллекция остатков мегафауны с р. Чик и местонахождения Бибиха на р. Оби. 42 кости с Чика датированы каргинским (67 %), сартанским временем (19 %) и голоценом (14 %). Большинство костных остатков из Бибихи относится к среднему плейстоцену, меньшая часть – к раннему и позднему плейстоцену. Общий объем собранных или учтенных костей мегафауны для трех местонахождений составил (кости/виды): Чумыш – 15 795/27, Чик – 3 456/18, Бибиха – 5 708/19.

Ключевые слова: радиоуглеродное датирование, плейстоцен, костные остатки, мегафауна.

Sergey K. Vasiliev^{1, 2}✉, Ekaterina V. Parkhomchuk^{1, 2}, Michail A. Serednyov²,
Kirill I. Milutin², Sergey A. Rastigeev³, Vasilii V. Parkhomchuk^{2, 3}

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

²Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia

³Budker Institute of Nuclear Physics SB RAS,
Novosibirsk, Russia

E-mail: svasiliev@archaeology.nsc.ru

Late Pleistocene Megafauna from the South of Western and Central Siberia: New Data on Radiocarbon Dating and New Finds from Alluvial Sites in 2020

This article presents 135 radiocarbon dates from bone remains of large mammals of the Late Pleistocene and Holocene from the south of Western and Central Siberia, including 41 new dates received in 2020. Primarily, bones of predators and

rare species of ungulates, including small cave bear (*Ursus savini*), cave hyena (*C. crocuta spelaea*), cave lion (*Panthera leo spelaea*), Ovodov's horse (*Equus ovodovi*), giant deer (*Megaloceros giganteus*), reindeer (*Rangifer tarandus*), aurochs (*Bos primigenius*), Baikal yak (*Procapra mutus baicalensis*), and saiga (*Saiga tatarica borealis*) were dated. The ¹⁴C date (20,200 BP) was obtained for the first time for a bone of Transbaikalian parabubal (*Parabubalis capricornis*). The bones of woolly rhinoceros (*Coelodonta antiquitatis*) and bison (*Bison priscus*) from the Orda and Chick Rivers were dated to the Late Sartan period. The remains of bison from the Northern Angara region were dated to the Early Holocene (9,600 and 10,700 BP). Over a thousand bones from 18 species of Pleistocene megafauna were collected at the Chumysh River in 2020, including two unique finds – a wolverine skull (*G. gulo*) and fragment of musk ox (*Ovibos moschatus*) shoulder blade. Out of 76 dated bones from the Chumysh bank, 81 % belonged to the Kargin period, 12 % to the Sartan period, and 7 % to the Holocene. The collection of megafaunal remains from the Chik River and Bibikha locality on the Ob River was substantially enriched (by 620 and 237 specimens). Forty two bones from the Chik River were dated to the Kargin period (67 %), Sartan period (19 %), and Holocene (14 %). Most of bone remains from Bibikha belonged to the Middle Pleistocene, and a smaller part to the Early and Late Pleistocene. In total, the number of the collected or known bones of megafauna at all three locations amounted to (bones / species) 15795/27 from the Chumysh River, 3456/118 from the Chick River, and 5708/19 from Bibikha.

Keywords: radiocarbon dating, Pleistocene, bone remains, megafauna.

За последние годы в Новосибирске на уникальной научной установке «Ускорительный масс-спектрометр ИЯФ СО РАН» было получено 135 радиоуглеродных датировок по костям крупных млекопитающих, происходящих в основном из аллювиальных местонахождений Верхнего Приобья. В 2020 г. в рамках созданного Центра коллективного пользования «УМС НГУ-ННЦ» (AMS “Golden Valley”) на той же установке был продатирован еще 41 образец с рек Чумыш, Чик, Орда, из пещер Логово Гиены на Алтае и Фанатиков в Хакасии, а также из двух местонахождений под Красноярском и с памятника Усть-Тушама-1 на Ангаре (табл. 1). Как и прежде, датированию подвергались главным образом остатки хищников и редких видов копытных, а из костей массовых видов (бизон, шерстистый носорог), предположительно, наиболее поздние. При анализе материала использовался весь массив полученных ранее ¹⁴C дат [Васильев и др., 2016, 2018]. В тексте и таблице приводятся некалиброванные значения радиоуглеродного возраста.

Список по малому пещерному медведю (*Ursus savini*) пополнился тремя новыми датами (41,3, 48,1 и 52,1 тыс. л.н.). Всего из десяти дат девять относятся к первой половине каргинского межстадиала (35,5–53,7 тыс. л.н.) и лишь одна (19,5 тыс. л.н.) – к сартанскому времени.

Были продатированы два крестца пещерных гиен (*C. crocuta spelaea*) (37,4 и 42,1 тыс. л.н.) из пещеры Фанатиков в Хакасии, раскопанные Н.Д. Оводовым в 1977 и 1983 гг. [Оводов, 2009]. Тогда были извлечены четыре скелета взрослых особей разной комплектности и часть скелета молодой гиены. Карстовый колодец пещеры-ловушки, расположенной на крутом склоне предвершинной части водораздельного увала Саксырского хребта, работал, очевидно, лишь эпизодически, с большими интервалами, вплоть до раннего голоцена (см. далее). В плейстоценовом слое здесь были

обнаружены также скелет крупной росомахи, части скелета бизона. Некоторые из остатков зверей попадали в карстовую воронку, вероятно, со склоновыми процессами, в виде разрозненных костей или их фрагментов. Из числа ранее датированных костей гиены с Чумыша и Чика все девять относятся к первой половине каргинского времени (32,4 – >40 тыс. л.н.). Пещерная гиена исчезла на юге Западной Сибири, по-видимому, еще до наступления последнего, сартанского оледенения.

К 15 датировкам (от 13,3 до 55,2 тыс. л.н.), полученным ранее по костям пещерного льва (*Panthera leo spelaea*), добавились 3 новые даты (21, 41,1 и 50,5 тыс. л.н.). Этот вид обитал на юге Западной Сибири вплоть до конца сартанского времени. Наиболее молодой возраст (13,3 тыс. л.н.) имеет поясничный позвонок льва с Чика.

Получены две очень поздние датировки по остаткам шерстистого носорога (*Coelodonta antiquitatis*) – с Орды (15,5 тыс. л.н.) и Чика (15,8 тыс. л.н.). Ранее по той же нижней половине бедренной кости с Орды была получена сходная дата в 14770 ± 210 л.н. [Орлова и др., 2008]. Из пяти дат с Чумыша (22,4–41,6 тыс. л.н.) четыре относятся к каргинскому времени.

Лошадь Оводово (*Equus ovodovi*) – редкий на Предалтайской равнине вид, чьи остатки на Чумыше составляют лишь 0,05 %. Первая ее фаланга показала возраст в 48,5 тыс. л.н. Южнее, в горах Алтая, в каргинское время лошадь Оводово, напротив, являлась наиболее массовым, фоновым видом.

В 2019 г. в список плейстоценовой мегафауны с Чумыша был внесен кабан (*Sus scrofa ferus*) [Васильев, Середнёв, Милютин, 2019]. Его пяточная кость по своим органолептическим признакам мало отличалась от основной массы плейстоценовых костей. Однако возраст данной находки неожиданно оказался позднеголоценовым – 845 ± 84 л.н. Сходным же образом из состава позднеплейстоценовой

Таблица 1. Радиоуглеродные значения возраста костных остатков мегафауны из местонахождений юга Западной и Средней Сибири

Вид, местонахождение	Элемент скелета	Радиоуглеродный возраст, лет	Код
<i>Ursus savini</i> , Чумыш	плечевая кость, целая	41340 ± 528	GV-02626
То же	фрагмент черепа	48100 ± 498	GV-02624
»	бедренная кость, целая	52070 ± 571	GV-02625
<i>C. crocuta spelaea</i> , пещ. Фанатиков	крестец № 1	37350 ± 448	GV-02629
То же	крестец № 2	42140 ± 330	GV-02630
<i>Panthera leo spelaea</i> , Чумыш	локтевая кость	21020 ± 175	GV-02631
То же	диафиз бедренной кости	41120 ± 493	GV-02628
»	бедренная кость, целая	50520 ± 523	GV-02627
<i>Coelodonta antiquitatis</i> , Орда	бедренная, нижний конец	15510 ± 187	GV-02619
<i>Coelodonta antiquitatis</i> , Чик	плечевая, нижняя половина	15810 ± 124	GV-02632
<i>Equus ovodovi</i> , Чумыш	первая фаланга	48480 ± 444	GV-02620
<i>Sus scrofa ferus</i> , Чумыш	пяточная кость, неполная	845 ± 84	GV-02622
<i>Megaloceros giganteus</i> , Чик	лучевая кость, фрагмент	27800 ± 333	GV-02593
То же	вторая фаланга, неполная	29610 ± 452	GV-02594
»	пяточная кость, неполная	30880 ± 359	GV-02597
»	пяточная кость, неполная	36240 ± 444	GV-02596
»	первый шейный позвонок	38100 ± 402	GV-02601
»	берцовая, нижний конец	43760 ± 541	GV-02598
»	затылочный отдел черепа	> 50000	GV-02592
»	вторая фаланга	> 50000	GV-02595
»	первая фаланга	> 50000	GV-02599
»	третья фаланга	> 50000	GV-02600
<i>Rangifer tarandus</i> , Чумыш	плечевая, нижняя половина № 1	23600 ± 202	GV-02607
То же	фрагмент рога № 1	30640 ± 332	GV-02604
»	фрагмент рога № 2	34230 ± 318	GV-02602
»	фрагмент рога № 3	41440 ± 352	GV-02603
»	плечевая, нижняя половина № 2	> 50000	GV-02605
»	плечевая, нижняя половина № 3	> 50000	GV-02606
<i>Bos primigenius</i> , пещ. Фанатиков	пястная кость	9038 ± 116	GV-02618
<i>Poëphagus baicalensis</i> , пещ. Логово Гиены	плечевая, нижний конец	> 50000	GV-02616
<i>Poëphagus baicalensis</i> , пещ. Фанатиков	То же	> 50000	GV-02617
<i>Bison priscus</i> , Ангара, Усть-Тушама-1	второй шейный позвонок	9644 ± 90	GV-02615
То же	роговой стержень	10650 ± 98	GV-02614
<i>Bison priscus</i> , окрест. Красноярска	берцовая (от части скелета)	13210 ± 109	GV-02613
<i>Bison priscus</i> , Орда	бедренная, нижняя половина	14920 ± 122	GV-02608
То же	лучевая кость № 1	15090 ± 114	GV-02609
»	лучевая кость № 2	33350 ± 392	GV-02610
<i>Bison priscus</i> , Чумыш	самка, роговой стержень	> 50000	GV-02611
То же	самка, часть черепа	> 50000	GV-02612
<i>Parabubalis capricornis</i> , Куртак	плюсневая кость	22830 ± 208	GV-02623
<i>Saiga tatarica borealis</i> , Чик	плечевая, нижняя половина	18160 ± 165	GV-02621

фауны с Чика была исключена рысь с раннеголоценовым (8,3 тыс. л.н.) возрастом бедренной кости [Васильев и др., 2018]. Эти примеры показывают, что в определении абсолютного возраста костей пограничной плейстоцен-голоценовой сохранности внешние признаки кости часто обманчивы и радиоуглеродный анализ в таком случае незаменим.

По остаткам гигантского оленя (*Megaloceros giganteus*) с Чумыша и Чика за последние годы

было получено 15 дат [Васильев и др., 2016, 2018]. Две из них, с Чика, неожиданно оказались раннеголоценовыми (8,8 и 11,1 тыс. л.н.). Повторная дата, сделанная по образцу из той же самой роговой штанги, подтвердила полученный ранее возраст (8,6 тыс. л.н.). С целью выявления новых остатков гигантского оленя голоценового возраста, в 2020 г. радиоуглеродному анализу были подвергнуты еще 10 новых костей *M. giganteus* с Чика. При этом ряд

костей (затылочный отдел черепа, первая фаланга, нижний конец берцовой кости) выделялись своей типично субфоссиальной сохранностью. Однако прямое датирование данных костей показало, что первые два образца имеют запредельный возраст (> 50 тыс. л.н.), а третий – 43,8 тыс. л.н. В целом же 14 из 15 датировок остатков гигантского оленя с Чика (из числа новых и сделанных прежде) укладываются в пределы каргинского интерстадиала (от 27,8 до 43,7, и 4 даты > 50 тыс. л.н.). Лишь одна находка датирована началом сартанского времени (22,2 тыс. л.н.). Все восемь имеющихся дат по костям *M. giganteus* с Чумыша также относятся к каргинскому времени (34,7–53,6 тыс. л.н.). В начале голоцена (6,9–10,2 тыс. л.н.) ареал гигантского оленя простирался по лесостепной зоне от Урала, Барабы и Кузбасса до Северного Приангарья [Stuart et al., 2004; Plicht et al., 2015].

Остатки северного оленя (*Rangifer tarandus*) на юге Западной Сибири крайне немногочисленны. Априори предполагалось, что большинство из них связано со временем сартанского оледенения. Выяснилось, однако, что из семи дат (шесть – с Чумыша и одна – с Чика) шесть оказались каргинскими (30,6–41,4 тыс. л.н.) и лишь одна датировка формально попадает в начало сартанского времени (23,6 тыс. л.н.).

Большой интерес представляет датирование целой пястной кости тура (*Bos primigenius*) из голоценового слоя пещеры Фанатиков в Хакасии. Кость выглядит совсем свежей, белой с поверхности и в распиле. Возраст ее (9 тыс. л.н.) хорошо согласуется с датировками костей тура, полученными ранее. Пястные кости с Чумыша и Чика имели возраст 10,2 и 10,6 тыс. л.н. соответственно, а фрагмент черепа с Чумыша – 5,6 тыс. л.н. Очевидно, тур появился на юге Западной Сибири лишь с началом голоцена. В позднеплейстоценовых отложениях его остатков пока не обнаружено.

Запредельный возраст (> 50 тыс. л.н.) показало датирование двух нижних отделов плечевых костей байкальского яка (*Poephagus mutus baicalensis*) из пещеры Фанатиков и Логово Гиены на Алтае. Як на юге Сибири продолжал существовать и в каргинское время. Его несомненные остатки были обнаружены, например, на стоянках Толбага и Варварина гора в Забайкалье, существовавших ок. 27–35 тыс. л.н. [Оводов, 1987].

Было получено шесть новых ¹⁴C дат по костям бизона (*Bison priscus*). Второй шейный позвонок и фрагмент рогового стержня с памятника Усть-Тушамы-1 показали возраст 9,6 и 10,7 тыс. л.н. Ранее отсюда же была получена близкая датировка (10,2 тыс. л.н.) по гигантскому оленю [Plicht et al., 2015]. В начале голоцена в Северном Приан-

гарье еще продолжал сохраняться ряд представителей мамонтового фаунистического комплекса, включавший, помимо бизона и гигантского оленя, также лошадь, северного и благородного оленей, лося и косулю [Васильев, Славинский, Постнов, 2013]. Н.Д. Оводовым в 1967 г. под Красноярском была раскопана часть скелета бизона удивительно свежей сохранности, радиоуглеродный возраст которого составил 13,2 тыс. л.н. Из трех костей бизона с Орды две (бедренная и лучевая) также относятся к финалу сартанского времени (14,9 и 15,1 тыс. л.н.). Вторая лучевая оказалась каргинского возраста (33,4 тыс. л.н.).

Особый интерес представляет датирование неполного черепа и фрагмента черепа с роговым стержнем самок бизона с Чумыша. Оба образца показали запредельные (> 50 тыс. л.н.) значения. Ранее были продатированы шесть фрагментов черепа и рогов самцов бизона с Чумыша, по размерам не уступающих самым крупным среднеплейстоценовым представителям *B. priscus*. Несмотря на это, их возраст оказался каргинско-сартанским, в пределах 20,9–46,1 тыс. л.н. В прежние десятилетия, в основном среди геологов-четвертичников, бытовало мнение, что находки некрупных черепов бизона с тонкими и короткими роговыми стержнями служат надежным индикатором для отложений позднего плейстоцена [Русанов, 1975]. Это было основано на убеждении, что в конце плейстоцена, накануне своего вымирания, бизоны претерпели существенное измельчение. Прямое радиоуглеродное датирование черепов мелких и крупных бизонов с Чумыша показало, что мы имеем здесь дело всего лишь с проявлением нормального полового диморфизма. Мелкие черепа с короткими и тонкими роговыми стержнями принадлежали самкам, а крупные и массивные черепа с длинными и толстыми рогами – самцам *B. priscus*. Предполагать одновременное существование на одной территории двух форм бизона нет никаких оснований. Размеры черепа, рогов и тела бизонов, обитавших на юге Западной и Средней Сибири, оставались практически неизменными со среднего плейстоцена. Крайне незначительно они изменились в сторону измельчения лишь на завершающем этапе последнего оледенения [Васильев, Оводов, 2009].

Началом сартанского времени (22,8 тыс. л.н.) датирована уникальная находка – плюсовая кость, предположительно, принадлежащая забайкальскому парабубалу (*Parabubalis capricornis*). До настоящего времени от этого редкого вида парнокопытных были известны лишь три фрагмента черепа [Громова, 1931; Оводов, Чеха, 2006]. Плюсна была найдена при разборе большой коллекции костей, собранной в Куртакском археологическом районе,

по берегам Красноярского водохранилища. На Куртаке Н.Д. Оводовым ранее также была обнаружена затылочная часть черепа парабубала, а ее фрагмент – на Енисее, в 5 км ниже Красноярска. Левая плюсневая кость сохранилась не полностью: обломан нижний латеральный суставной блок, частично разрушен нижний конец. Длина кости наибольшая – 218,3 мм, дорзальная – 204,8 мм, ширина/поперечник верхнего конца – 32,8/30 мм, то же диафиза в середине – 17,5/21 мм, ширина нижнего конца – ок. 31–32 мм, его поперечник – ок. 18,5 мм. По размерам плюсна существенно длиннее и массивнее, чем у дзерена и сайгака, но короче и стройнее, чем у архара (см. рисунок, 3). Исходя из размеров и общего строения кости можно предположить, что из всех видов *Bovidae* сходного размерного класса, которые реально или потенциально могли обитать на юге Средней Сибири в позднем плейстоцене, она, вероятнее всего, принадлежала именно *P. capricornis*. По размерам тела парабубал, очевидно, был близок к сибирскому горному козлу или же к тундровому северному оленю. При этом он имел длинные и стройные метаподии, приспособленные, как и у других видов антилоп, для быстрого бега по открытым степным пространствам.

Еще одна ^{14}C дата (18,2 тыс. л.н.) по сайгаку (*Saiga tatarica borealis*) пополнила список в 2020 г. Всего же из девяти продатированных костей сайгака (с Чика, Чумыша, Орды и третьего слоя Красноярска) восемь связаны с максимумом сартанского оледенения (15,4–19,7 тыс. л.н.). Лишь одна находка с Чика приходится на середину каргинского времени (39,1 тыс. л.н.). Таким образом, наибольшее распространение на юге Западной Сибири сайгак получил именно в период сартанского оледенения, когда здесь господствовали ландшафты холодных перегляциальных степей.

В 2020 г. продолжился поиск и сбор остатков плейстоценовой мегафауны на местонахождениях Верхнего Приобья. Сплав по Чумышу осуществлялся дважды. В начале июля был пройден участок между селами Мартыново и Кытманово, а в середине сентября – от с. Дмитро-Титово, через г. Заринск до с. Среднекрасилово. Паводок в этом году был относительно слабый и непродолжитель-

Остатки мегафауны с Оби в районе пос. Бибиха (1), с Чумыша (2, 4) и с пляжа Куртака, Красноярское вдхр. (3).

1 – вторая пястная кость *Stephanorhinus kirchbergensis* (вид с волярной стороны); 2 – осевой череп *G. gulo*; 3 – плюсневая кость *Parabubalis capricornis* (вид с дорзальной стороны); 4 – нижний конец лопатки *Ovibos moschatus* (вид с латеральной стороны).

ный, из-за чего костей на пляжи вынесло немного, а сами пляжи оказались частично перекрыты плащом пустого песка. Тем не менее на первом участке удалось собрать или учесть 837 находок, на втором – 175, всего 1 012 определимых костей (табл. 2). Остатки крупных млекопитающих залегают, как правило, в основании второй надпойменной террасы. В весенний паводок они вымываются рекой и выносятся на песчано-галечные пляжи, расположенные обычно сразу за окончанием самого яра. Много костей удалось найти на обсохших отмелях в русле реки и на перекатах, где происходит интенсивный перемыв песчано-галечной толщи. Анализ 76 радиоуглеродных датировок переотложенных костей с Чумыша показал, что 81 % из них относятся к каргинскому интерстадиалу (55–25 тыс. л.н.), 12 % – к сартанскому времени (24–11 тыс. л.н.) и 5 находок (7 %) оказались голоценового возраста.

На участке между Заринском и Среднекрасилово удалось обнаружить две уникальные находки –

Таблица 2. Видовой состав и количество костных остатков млекопитающих из местонахождений на Чумыше, Чике и на Оби в районе пос. Бибиха

Таксоны	Чумыш 2011–2020		Чик 2011–2020		Бибиха 2015–2020	
	кости	в %	кости	в %	кости	в %
<i>Lepus tanaiticus</i>	6	0,04	2	0,06	–	–
<i>Marmota baibacina</i>	1	0,006	–	–	–	–
<i>Castor fiber</i>	15	0,10	7	0,20	2	0,04
<i>Cuon alpinus</i>	2	0,01	–	–	–	–
<i>V. vulpes</i>	2	0,01	–	–	–	–
<i>Canis lupus</i>	11	0,07	5	0,15	5	0,09
<i>Ursus arctos</i>	55	0,35	10	0,29	24	0,42
<i>Ursus savini</i>	65	0,41	9	0,26	18	0,32
<i>G. gulo</i>	2	0,01	–	–	–	–
<i>C. crocuta spelaea</i>	10	0,06	4	0,12	–	–
<i>Panthera leo spelaea</i>	86	0,54	11	0,32	20	0,35
<i>Mammuthus primigenius</i>	1 391	8,81	418	12,09	300	5,26
<i>Equus ex. gr. gallicus</i>	3 595	22,76	1 681	48,64	1 492	26,14
<i>E. (Sussemionus) ovodovi</i>	8	0,05	6	0,17	–	–
<i>Stephanorhinus kirchbergensis</i>	18	0,11	–	–	3	0,05
<i>Coelodonta antiquitatis</i>	1 529	9,68	253	7,32	333	5,83
<i>Camelus knoblochi</i>	2	0,01	–	–	1	0,02
<i>Megaloceros giganteus</i>	496	3,14	52	1,51	201	3,52
<i>Cervus elaphus sibiricus</i>	755	4,78	62	1,79	207	3,63
<i>Alces cf. alces</i>	277	1,56	32	0,93	105	1,84
<i>Cervalces latifrons</i>	–	–	–	–	11	0,19
<i>Capreolus pygargus</i>	4	0,03	–	–	–	–
<i>Rangifer tarandus</i>	15	0,10	9	0,26	7	0,12
<i>Bos primigenius</i>	1	0,006	1	0,03	–	–
<i>Bison priscus</i>	7 442	47,12	874	25,29	2 950	52,68
<i>Saiga borealis</i>	4	0,03	20	0,58	8	0,14
<i>Ovis ammon</i>	1	0,006	–	–	–	–
<i>Ovibos moschatus</i>	2	0,01	–	–	–	–
<i>Praeovibos sp.</i>	–	–	–	–	3	0,05
<i>Soergelia cf. elisabethae</i>	–	–	–	–	18	0,31
Число костных остатков, экз.	15 795	100	3 456	100	5 708	100

череп росوماхи и нижний конец лопатки овцебыка (см. рисунок, 2, 4). Череп крупного взрослого самца *G. gulo* сохранился целиком, отсутствуют лишь резцы, клыки и P¹⁻² с правой стороны. Длина черепа общая – 176 мм, кондило-базальная – 160 мм, основная – 149 мм. Длина С-М¹ – 59,3 мм, ряда P¹-P⁴ – 45,2 мм, P¹-M¹ – 48,7 мм. Скуловая ширина – 111,7 мм, межглазничная – 45,8 мм, в надглазничных отростках – 52 мм, в заглазничном сужении – 33,7 мм. Ширина затылка – 98 мм, затылочных мышечков – 38,4 мм, ширина в P⁴ – 74,7 мм, в клыках – 46 мм. Высота затылка – 59,3 мм. Длина/ширина P⁴ – 23,2/13,6 мм. Череп *G. gulo* с Чумыша существенно крупнее, чем у современных росомех, и лишь незначительно уступает наиболее крупным позднплейстоценовым росомехам из Якутии с р. Берелех [Боескоров, Барышников, 2013].

Относительно некрупная лопатка принадлежала, очевидно, самке овцебыка (см. рисунок, 4). Ширина шейки лопатки – 42 мм, нижнего конца – 71,7 мм, суставной поверхности – 56,5 мм, ее поперечник – 45 мм. Единственная до этого находка *Ovibos moschatus* на Чумыше – четвертый шейный позвонок был датирован 16989 ± 183 л.н. [Васильев и др., 2018]. Не исключено, что новая находка, исходя из ее сохранности, может относиться не к максимуму сартанского оледенения, как предыдущая, а, возможно, к гляциалу ермаковского времени. Надо полагать, что стада овцебыков могли проникать на юг до долины Чумыша лишь на пике очередного оледенения.

Усилиями К.И. Милютин в 2018–2020 гг. была существенно (на 620 экз.) пополнена коллекция определяемых остатков мегафауны с Чика (табл. 2). Сборы переотложенных костей проис-

ходили непосредственно в русле реки при осмотре и зондировании перемытой иловато-песчаной толщи. Основной участок сбора был расположен в 1 км выше ж/д моста и далее вниз по течению до пос. Чик. Из числа редких находок можно упомянуть целую ветвь нижней челюсти очень крупного бурого медведя, часть нижней челюсти пещерного льва, целую лучевую кость гигантского оленя. Из 42 датированных костей две трети (67 %) относятся к каргинскому времени, 19 % – к сартанскому и 6 находок (14 %) – к голоцену. Уникальность местонахождения на Чике состоит в том, что здесь размываются отложения финала плейстоцена и начала голоцена, с которыми связаны находки остатков наиболее поздних представителей мамонтовой фауны, доживших до раннего голоцена (гигантский олень), или же видов, вновь появившихся на юге Западной Сибири с окончанием оледенения (тур).

Из-за относительно слабого паводка рекордно мало костей (237 экз.) удалось собрать на костеносном пляже в районе пос. Бибиха, на Оби, в 40 км ниже Новосибирска. На этом участке реки где-то выше по течению под урезом воды размывается среднеплейстоценовый русловой аллювий, включающий также переотложенные костные остатки раннеплейстоценового возраста. В весенне-летний паводок отмытый материал выносится на пляж, обсыхающий в осеннюю межень. Общий объем костей, пополнивших коллекцию либо учтенных и оставленных на месте, превысил 5,7 тыс. (табл. 2). Наиболее интересная находка 2020 г. – это вторая левая пястная кость носорога Мерка (*Stephanorhinus kirchbergensis*). На Бибихе остатки этого вида встречаются в 100 раз реже, чем шерстистого носорога. Кость раннеплейстоценового типа сохранности, тяжелая, сильно минерализованная и окатанная (см. рисунок, 1). Длина кости – 201,8 мм, ширина/поперечник верхнего конца – 46/49 мм, то же диафиза посередине – 40,3/32,3 мм, нижнего конца в надсуставных буграх – 48,5 мм, в суставе – 43 мм, его поперечник – более 47,5 мм. Она значительно более длинная и стройная, чем МС II шерстистого носорога, максимальная длина данной кости у которого не превышает 180 мм. Размеры кости близки к средним значениям промеров МС II *S. kirchbergensis* из местонахождений Западной Европы [Guérin, 1980].

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР № 0329-2019-0008 «Северо-восток Евразии в позднем плейстоцене – раннем голоцене: культурная динамика, геохронология, развитие природной среды».

Список литературы

- Боескоров Г.Г., Барышников Г.Ф.** Позднечетвертичные хищные млекопитающие Якутии. – СПб.: Наука, 2013. – 199 с.
- Васильев С.К., Оводов Н.Д.** Бизоны (*Bison priscus* Vojanus, 1827) позднего плейстоцена Алтая и юга Средней Сибири // Енисейская провинция. Альманах. – Красноярск: Краснояр. краевой краевед. музей, 2009. – Вып. 4. – С. 77–90.
- Васильев С.К., Пархомчук Е.В., Середнёв М.А., Милютин К.И., Кузьмин Я.В., Калинин П.Н., Растигеев С.А.** Радиоуглеродное датирование остатков редких видов плейстоценовой мегафауны Южной Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – С. 42–46.
- Васильев С.К., Середнёв М.А., Милютин К.И.** Крупные млекопитающие среднего и позднего плейстоцена из аллювиальных местонахождений Бибиха на р. Оби (Новосибирская область) и с р. Чумыш (Алтайский край) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. XXIV. – С. 59–67.
- Васильев С.К., Середнёв М.А., Милютин К.И., Панов В.С.** Сборы остатков мегафауны на реках Чумыш (Алтайский край), Чик и Обь в районе поселка Бибиха (Новосибирская область) в 2016 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 23–28.
- Васильев С.К., Славинский В.С., Постнов А.В.** Гигантский олень (*Megaloceros giganteus* Blumenbach, 1803) в палеофауне голоценовых стоянок Северного Приангарья (Усть-Тушамы-1, Остров Сосновый-Тушамский, Усть-Талая) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та, 2013. – Сер.: История, филология. – Т. 12. – Вып. 7: Археология и этнография. – С. 177–185.
- Громова В.И.** О новой ископаемой антилопе (*Parabubalis capricornis* n. gen. et n. sp.) из Забайкалья // Ежегодник Зоологического музея. – Л., 1931. – Т. XXXII. – С. 127–134.
- Оводов Н.Д.** Фауна палеолитических поселений Толбага и Варварина гора в Западном Забайкалье // Природная среда и древний человек в позднем антропогене. – Улан-Удэ, 1987. – С. 122–140.
- Оводов Н.Д.** Древние звери Хакасии // Астроархеология – естественно-научный инструмент познания протонаук и астральных религий жречества древних культур Хакасии. – Красноярск, 2009. – С. 189–199.
- Оводов Н.Д., Чеха В.П.** Новый представитель коровьих антилоп (*Mammalia, Alcelaphinae*) из Средней Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. XII, ч. I. – С. 218–223.

Орлова Л.А., Васильев С.К., Кузьмин Я.В., Косинцев П.А. Новые данные о времени и месте вымирания шерстистого носорога (*Coelodonta antiquitatis* Blumenbach, 1799) // Докл. АН. – 2008. – Т. 423, № 1, сер. биол. – С. 133–135.

Русанов Б.С. Ископаемые бизоны Якутии. – Якутск, 1975. – 143 с.

Guérin C. Les rhinoceros (Mammalia, Perissodactyla) du Miocène terminal au Pléistocène Supérieur en Europe occidentale: comparaison avec les espèces actuelles // Documents du Laboratoire de Géologie de la Faculté des Sciences de Lion. – 1980. – Vol. 79. – P. 3–1185

Plicht J. van der, Molodin V.I., Kuzmin Ya.V., Vasiliev S.K., Postnov A.V., Slavinsky V.S. New Hococene refugia of giant deer (*Megaloceros giganteus* Blum.) in Siberia: updated extinction patterns // Quaternary Sci. Reviews. – 2015. – N 114. – P. 182–188.

Stuart A.J., Kosintsev P.A., Higham T.F.G., Lister A.M. Pleistocene and Holocene extinction dynamics in giant deer and woolly mammoth // Nature. – 2004. – Vol. 431. – P. 684–689.

References

Boeskorov G.G., Baryshnikov G.F. Pozdnechetvertichnye khishchnye mlekopitayushchie Yakutii. St. Petersburg: Nauka, 2013, 199 p. (In Russ.).

Gromova V.I. O novoi iskopaemoi antilope (*Parabubalis capricornis* n. gen. et n. sp.) iz Zabaikal'ya. In *Ezhegodnik Zoologicheskogo muzeya*. Leningrad, 1931, vol. XXXII, pp. 127–134. (In Russ.).

Guérin C. Les rhinoceros (Mammalia, Perissodactyla) du Miocène terminal au Pléistocène Supérieur en Europe occidentale: comparaison avec les espèces actuelles. In *Documents du Laboratoire de Géologie de la Faculté des Sciences de Lion*, 1980, vol. 79, pp. 3–1185.

Orlova L.A., Vasiliev S.K., Kuzmin Ya.V., Kosintsev P.A. Novye dannye o vremeni i meste vymiraniya sherstistogo nosoroga (*Coelodonta antiquitatis* Blumenbach, 1799). In *Doklady RAS*, 2008, vol. 423, No. 1, series biol, pp. 133–135. (In Russ.).

Ovodov N.D. Fauna paleoliticheskikh poselenii Tolbaga i Varvarina gora v Zapadnom Zabaikal'e. In *Prirodnaya sreda i drevnii chelovek v pozdnem antropogene*. Ulan-Ude, 1987, pp. 122–140. (In Russ.).

Ovodov N.D. Drevnie zveri Khakasii. Astroarkheologiya – estestvenno-nauchnyi instrument poznaniya protonauk i astral'nykh religii zhrechestva drevnikh kul'tur Khakasii. Krasnoyarsk, 2009, pp. 189–199. (In Russ.).

Ovodov N.D., Chekha V.P. Novyi predstavitel' korov'ikh antilop (*Mammalia, Alcelaphinae*) iz Srednei Sibiri. In *Problems of Archaeology, Ethnography,*

Anthropology of Siberia and Neighboring Territories. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2006, vol. XII, pt. 1, pp. 218–223. (In Russ.).

Plicht J. van der, Molodin V.I., Kuzmin Ya.V., Vasiliev S.K., Postnov A.V., Slavinsky V.S. New Hococene refugia of giant deer (*Megaloceros giganteus* Blum.) in Siberia: updated extinction patterns. *Quaternary Sci. Reviews*, 2015, No. 114, pp. 182–188.

Rusanov B.S. Iskopaemye bizony Yakutii. Yakutsk, 1975, 143 p. (In Russ.).

Stuart A.J., Kosintsev P.A., Higham T.F.G., Lister A.M. Pleistocene and Holocene extinction dynamics in giant deer and woolly mammoth. *Nature*, 2004, vol. 431, pp. 684–689.

Vasiliev S.K., Ovodov N.D. Bizony (*Bison priscus* Bojanus, 1827) pozdnego pleistotsena Altaya i yuga Srednei Sibiri. Eniseiskaya provintsiya. Al'manakh. Krasnoyarsk: Krasnoyarskii kraevoi kraevedcheskii muzei, 2009, iss. 4, pp. 77–90. (In Russ.).

Vasiliev S.K., Parkhomchuk E.V., Serednyov M.A., Milutin K.I., Kuzmin Ya.V., Kalinkin P.N., Rastigeev S.A. Radiocarbon Dating of the Remains of Rare Pleistocene Megafauna Species in Southern Siberia. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018, vol. XXIV, pp. 42–46. (In Russ.).

Vasiliev S.K., Serednyov M.A., Milutin K.I. Large Mammals of the Middle and Late Pleistocene from the Alluvial Sites of Bibikha at the Ob River (Novosibirsk Region) and from the Chumysh River (Altai Krai). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019, vol. XXIV, pp. 59–67. (In Russ.).

Vasiliev S.K., Serednyov M.A., Milutin K.I., Panov V.S. Collecting of the Theriofaunal Materials at the Rivers Chumysh (Altai Region), Chick and Ob Near Bibikha Village (Novosibirsk Region) in 2016. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 23–28. (In Russ.).

Vasiliev S.K., Slavinsky V.S., Postnov A.V. Gigantskii olen' (*Megaloceros giganteus* Blumenbach, 1803) v paleofaune golotsenovykh stoyanok Severnogo Priangar'ya (Ust'-Tushama-1, Ostrov Sosnovyi-Tushamskii, Ust'-Talaya). *Novosibirsk State Univ. Bulletin*, 2013, series: Istoriya, filologiya, vol. 12, No. 7: Arckhaeology and Ethnography, pp. 177–185. (In Russ.).

Васильев С.К. <https://orcid.org/0000-0002-6863-7900>

Пархомчук Е.В. <https://orcid.org/0000-0003-2200-884X>

Растигеев С.А. <https://orcid.org/0000-0003-0555-7935>

Пархомчук В.В. <https://orcid.org/0000-0001-5833-0051>

С.А. Гладышев

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: gladyshev57@gmail.com

Истоки позднего палеолита Приморья

Вопрос о происхождении палеолита в Приморье до сих пор остается не решенным. Гипотеза о заселении Приморья с северо-запада через Амурский регион не подтверждается фактами. Ближайшие памятники позднего палеолита с надежной стратиграфией и ^{14}C датами расположены на р. Селемдже (Усть-Ульма и др.) и на юге Сахалина (Огоньки-5). Но между ними и устиновско-суворовской группой стоянок в Южном Приморье документированных палеолитических объектов нет. Археологические материалы памятников позднего палеолита Восточной Азии свидетельствуют об очень раннем времени формирования индустрий с отжимным микрорасщеплением. В последние десятилетия получен значительный объем фактического материала в виде археологических коллекций из стратифицированных памятников в сопровождении большого количества ^{14}C и OSL-дат. На территории Кореи наиболее древними стоянками с микролитическим комплексом являются Янгхунгри и Синбук, возраст которых ок. 29 тыс. кал. л.н. В период от 29 до 20 тыс. кал. л.н. микролитические комплексы распространяются по всей территории Корейского п-ова. В Северном Китае надежно датированные и не вызывающие сомнений памятники с микролитическим компонентом появляются не позднее 22 тыс. кал. л.н. (Сизитан, Лонгвангчан). В северо-восточном Китае, практически на границе с российским Приморьем, находится стоянка Датонг возрастом 20–16 тыс. кал. л.н., чьи материалы имеют несомненное сходство с микролитическими комплексами стоянок устиновско-суворовской группы в Приморье. Наиболее ранние приморские стоянки (Суворово IV, Устиновка-5, -7) имеют возраст 19,5–18,5 тыс. кал. л.н. На основании этих данных предлагается сценарий заселения Приморья с юга, с территории Китая и Кореи.

Ключевые слова: поздний палеолит, отжимное расщепление, клиновидные микронуклеусы, остроконечники с насадом, Корея, Китай, российское Приморье.

Sergey A. Gladyshev

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: gladyshev57@gmail.com

Origins of the Late Paleolithic in Primorye

The origins of the Paleolithic in Primorye are still under discussion. The hypothesis of peopling the region from the northwest via the Amur region has not been convincingly confirmed by facts. The nearest Late Paleolithic sites with clear stratigraphy and ^{14}C dates are located on the Selemdzha River (Ust-Ulma, etc.) and in Southern Sakhalin (Ogonki-5), while there are no any dated Paleolithic locations between these sites and the Ustinovka-Suvorovo group in Southern Primorye. Archaeological evidence of the Late Paleolithic in Eastern Asia demonstrate very early emergence of industries with pressure microflaking. Rich evidence of archaeological collections from stratified sites accompanied by large number of ^{14}C and OSL dates have been obtained in the last decades. The earliest microlithic complexes on the Korean Peninsula are Jangheungri and Sinbuk sites dated to ca. cal. 29,000 BP. In the period of cal. 29,000–20,000 BP, microlithic complexes spread over the entire Korean Peninsula. In Northern China, the sites with microlithic component and reliable dates appeared not later than cal. 22,000 BP (Shizitan, Longwangchan). The Datong site dated to cal. 20,000–16,000 BP and located in Northeastern China almost at the border with the Russian Primorye shows undoubted similarity with the microlithic complexes of the Ustinovka-Suvorovo group of sites. The earliest sites of Primorye (Suvorovo-4, Ustinovka-5 and -7) are of similar age (cal. 19,500–18,500 BP). According to this data, the most likely scenario for peopling the region is associated with the southern route from China and the Korean Peninsula.

Keywords: Late Paleolithic, pressure flaking, wedge-shaped microcores, tanged points, Korean Peninsula, China, Russian Primorye.

Введение

Проблема происхождения палеолита в российском Приморье весьма далека от своего разрешения. Такие вопросы, как время формирования палеолитических индустрий этого региона, место их появления и возможные пути проникновения в Приморье, до сих пор остаются открытыми. Гипотеза о заселении Приморья с северо-запада через Амурский регион не подтверждается фактами. Ближайшие памятники позднего палеолита с надежной стратиграфией и ^{14}C датами расположены на р. Селемдже (Усть-Ульма и др.) и на юге Сахалина (Огоньки-5). Но между ними и устиновско-суворовской группой стоянок в Южном Приморье документированных палеолитических объектов нет [Гладышев, 2019]. На наш взгляд, для решения этих проблем необходимо внимательно проанализировать комплексы позднего палеолита на соседних территориях.

Настоящая публикация посвящена проблематике происхождения позднего палеолита в Приморье. Она является прямым продолжением статьи, опубликованной автором в 2019 г. в ежегоднике «Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий», где анализировались палеолитические комплексы Приморья и синхронные индустрии на соседних территориях Приамурья, Сахалина и Японских о-вов [Там же]. Здесь мы продолжаем анализировать комплексы позднего палеолита теперь уже на территории Китая и Корейского п-ова. Основное внимание уделяется археологическим ансамблям с отжимным микрорасщеплением и сопутствующим ему набором орудий, как близким по времени, так и более древним, чем палеолитические памятники Приморья. В последние десятилетия опубликован большой массив работ, посвященных проблематике возникновения позднего палеолита в Восточной Азии [Вае, 2010, 2017; Feng, 2020; Lee, 2012; Seong, 2008, 2011, 2015; Kuzmin, 2007; и др.]. Особенно хорошо в литературе представлено исследование археологических комплексов позднего палеолита Кореи, проведен тщательный анализ большого массива ^{14}C и OSL-дат.

Палеолитические комплексы с микропластинчатым расщеплением в Корее

Характерной чертой позднего палеолита Корейского п-ова является очень раннее появление и быстрое распространение микропластинчатой отжимной технологии. Первые ее проявления связаны с материалами стоянок Синбук (Sinbuk)

и Янгхунгри (Jangheung-ri) [Lee, 2012; Kuzmin, 2007; Keats, Postnov, Kuzmin, 2019; Seong, 2008, 2015; Кузьмин, 2020].

В одной из своих статей корейский археолог Чунтаек Сеонг [Seong, 2011] отразил огромную работу по верификации накопившихся к тому времени дат (^{14}C и OSL), касающихся позднего палеолита Кореи. Он разделил все даты на три группы: достоверные, сомнительные и недостоверные, а также предложил критерии для этого разделения. К достоверным относятся следующие даты: 1) образцы взяты непосредственно из культурного слоя в массиве археологических находок (уголь из очагов, кости животных); 2) которые имеют две и более коррелирующие даты; 3) даты должны хорошо коррелировать с археологическими находками.

Возраст раннего комплекса с клиновидными микронуклеусами и микропластинами из нижних слоев стоянки Синбук определяется достоверной ^{14}C AMS-датой 29350–28400 кал. л.н. [Keats, Postnov, Kuzmin, 2019, p. 400–402; Seong, 2011, p. 104; Кузьмин, 2020]. На стоянке Синбук (см. рисунок, 1), расположенной практически на южной оконечности Корейского п-ова, выделяется два кластера ^{14}C дат: первый, наиболее древний, соответствует датам 29600–28400 кал. л.н. [Кузьмин, 2020; Keats, Postnov, Kuzmin, 2019, p. 400; Seong, 2011, p. 107]. Второй кластер дат укладывается в интервал 26600–25000 кал. л.н. По мнению Сеонга [2011] и Китса с соавторами [2019], эти даты вполне достоверны. Во-первых, они сделаны по углю, взятому из очагов, во-вторых, этот возраст нисколько не противоречит облику археологической индустрии, определяемой этими датами. Феномен существования широкого диапазона радиоуглеродных дат на палеолитических памятниках северо-восточной Азии хорошо известен и объясняется несколькими эпизодами заселения памятников [Keats, Postnov, Kuzmin, 2019, p. 402]. В нижних, самых древних, слоях стоянки Синбук обнаружено ок. 160 микронуклеусов и примерно 300 микропластин без вторичной обработки. В качестве сырья использовались риолит, кварциты, жильный кварц хорошего качества, халцедон, обсидиан и туфы. В культурном слое обнаружено семь сложных очагов, обложенных обломками туфа и жильного кварца диаметром от 40 до 55 см. Помимо остроконечников с насадом, основную массу орудий составляли резцы, концевые скребки, листовидные бифасы, проколки-шилья [Lee, 2012, p. 15]. Кроме того, найдены топоры с частичной подшлифовкой лезвия и плитки со следами шлифовки. Чопперовидные орудия, ручные рубила и кливеры фиксируются буквально в единичных экземплярах [Ibid., p. 16]. Анализ обсидиановых изделий со стоянки Синбук позволил установить, что

Карта Восточной Азии с расположением археологических стоянок, упомянутых в статье (источник: <https://map-rus.com/south-east-asia.html>).

1 – Синбук; 2–5 – Янгхунгри, Хвадаери, Хопейондонг, Хавагайри; 6 – Суянге (по: [Seong, 2011, p. 95, Fig. 1]); 7 – Шуйдунгоу-1, -2; 8 – Сизитан; 9 – Лонгвангчанг; 10 – Юафанг; 11 – Датонг (по: [Kato, 2014, p. 106, Fig. 1]); 12–14 – Суворово-4, Устиновка-5, -7 (по: [Крупянюк, Табарев, 2015, с. 97, рис. 1]).

это сырье доставлялось на стоянку из двух источников, а именно: с горы Баекду (Baekdu), расположенной в северной Корее, и из Кошидаке (Koshidake) с о-ва Кюсю (Япония) [Ibid., p. 20]. А это говорит о транспортировке сырья не только в рамках Корейского п-ова, но и через Корейский пролив с о-ва Кюсю, что, в свою очередь, подтверждает тезис о высокой мобильности древних человеческих популяций в период начала последнего оледенения и в его максимум.

Стоянка Янгхунгри (Jangheung-ri) находится в центральной части Корейского п-ова в долине р. Хантан (Hantan) (см. *рисунок*, 2–5). Образцы для датирования в виде отдельных угольков были взяты непосредственно из культурного слоя и хорошо согласуются с археологическим материалом. Несмотря на то, что древесный уголь взят не из очагов, большинство специалистов по датированию и археологов признают даты со стоянки Янгхунгри вполне достоверными [Keats, Postnov, Kuzmin, 2019; Seong, 2011]. Важность этого памятника за-

ключается в том, что он иллюстрирует непродолжительный, очень компактный эпизод раннего проявления микролитической технологии на этой территории. Возраст ее определяется двумя достоверными, очень близкими по значению датами – 29650–28350 кал. л.н. [Seong, 2011, p. 100, table 1]. Археологический материал этой стоянки демонстрирует удивительное сходство с комплексом находок памятника Синбук. Коллекция небольшая, в ней присутствуют 5 отжимных микронуклеусов и 30 микропластин, из них 6 предметов ретушированы [Keats, Postnov, Kuzmin, 2019, p. 401]. В орудийном комплексе выделяются остроконечники с насадом, резцы, концевые скребки, проколки.

Дальнейшее развитие микротехники происходит в период от 26 до 20 тыс. кал. л.н. Наиболее полное изменение, происходящие в это время в каменной технологии, отражены в материалах стоянки Суянге (Suyanggaе). Этот памятник открытого типа, расположенный в 100 км к юго-востоку от Сеула, раскапывался с 1983 по 1985 г. (см. *рисунок*, 6). В разрезе

выделено пять археологических слоев. Самым богатым оказался слой 4, из которого получены две даты: 22621–22392 и 21250–18480 кал. л.н. [Seong, 2011, p. 101, table 1]. В комплексе слоя 4 выделяются 195 клиновидных микронуклеусов, сделанных из бифасов, причем несколько микронуклеусов удалось восстановить методом ремонтажа до первоначальной заготовки [Norton et al., 2007, p. 97]. Среди орудий преобладают остроконечники с насадом, концевые скребки, резцы. Кроме того, в слое 4 выделены каменные наковальни.

После 20 тыс. кал. л.н. в микролитических комплексах Кореи исчезают остроконечники с насадом. Как отмечает ряд исследователей [Seong, 2008, 2011; и др.], количество стоянок на территории полуострова в интервале от 20 до 15 тыс. кал. л.н. резко сокращается. Наибольшее число датированных стоянок приходится на начало последнего оледенения, на период 24–20 тыс. кал. л.н. В связи с этим Сеонг [2008, 2011] предполагает, что после 20 и до 15 тыс. кал. л.н., в силу изменения природных условий, происходил отток населения с Корейского п-ова. В целом поздний палеолит Корейского п-ова может быть разделен на три периода.

1. 35–30 тыс. кал. л.н. Иллюстрируются комплексами стоянок Хвадаери и Хопейонгдонг (нижний горизонт). Каменная индустрия характеризуется сочетанием остроконечников с насадом и подпризматическим плоскостным пластинчатым расщеплением.

2. 29–20 тыс. кал. л.н. Представлен материалами стоянок Янгхунгри, Синбук (начало периода) и Суянге (конец периода). В каменной индустрии использование клиновидных микронуклеусов сосуществует с эксплуатацией пластинчатых подпризматических ядрищ. В орудийном наборе сохраняются остроконечники с насадом. Увеличивается доля импортного сырья: обсидиана, яшм, халцедона. На стоянках центральной части полуострова (Янгхунгри, Суянге) отмечен обсидиан, доставленный из северной Кореи, на юге (Синбук) – как из северной Кореи, так и из Японии (о-в Кюсю).

3. 20–15 тыс. кал. л.н. Отмечается резкое сокращение количества датированных памятников. Полное господство отжимного расщепления клиновидных нуклеусов. Наиболее яркие представители – комплексы стоянок Хопейонгдонг (сектор С) и Хавагайри (Hahwagye-ri) (верхний горизонт).

4. 15–10 тыс. кал. л.н. Отмечается также полное господство отжимного расщепления клиновидных нуклеусов и изготовление орудий из микропластин и пластинок. Кроме того, фиксируется значительная доля мелких орудий, изготовленных из жильного кварца.

Палеолитические комплексы с микрорасщеплением в Китае

Несмотря на большой объем научной литературы, посвященной такому актуальному вопросу, как заселение человеком современного типа Северной и Восточной Азии, работ, характеризующих индустриальные комплексы конкретных памятников позднего палеолита на территории Китая, оказалось на удивление мало. В большинстве работ рассматриваются теоретические и методологические вопросы археологии рубежа среднего/позднего палеолита. Существенно меньше, чем в соседней Корее, оказалось датированных памятников, на чьи материалы можно было бы опереться, разбираясь с периодизацией позднего палеолита Китая. Рассматривая проблематику позднего палеолита Восточной Азии в целом, проф. Гавайского университета (Гонолулу) Кристофер Бае приходит к выводу, что после 40 тыс. кал. л.н. комплексы с пластинчатыми технологиями появляются в Восточной Азии, открывая тем самым эпоху верхнего палеолита в этом регионе. Возраст первых зафиксированных проявлений отжимной микропластинчатой техники на стоянках позднего палеолита Китая и Кореи составляет ок. 30 тыс. л.н. В комплексе с пластинами микрорасщепление становится ведущей технологией на протяжении всего позднего палеолита [Baе, 2017, p. 517].

Ряд китайских археологов считает, что отжимное расщепление на территории Китая появилось самостоятельно, достаточно рано на основе местных отщеповых мелкогабаритных индустрий [Feng, 2020; Yi et al., 2016]. Однако тщательный технологический анализ реальных отжимных клиновидных микронуклеусов и микропластин, а также мелких нуклеусов и пластинчатых отщепов мелкогабаритных индустрий доказывает, что между ними нет ничего общего [Yi et al., 2016, p. 135]. Другая группа исследователей видит основу для формирования микропластинчатого расщепления в пластинчатых комплексах раннего верхнего палеолита Китая. Но продолжающаяся до сих пор дискуссия вокруг возраста пластинчатых комплексов раннего верхнего палеолита стоянок Шуйдунгоу-1 и -2 (Shuidonggou) делает и эту гипотезу маловероятной [Keats, Kuzmin, 2015]. К тому же среди научного сообщества нет единого мнения по вопросу о времени происхождения технологии микрорасщепления в Китае. Ряд исследователей отстаивает гипотезу об очень раннем возрасте начала формирования отжимного микрорасщепления в Китае. Они опираются на материалы стоянки Сизитан-29 (Shizitan), пров. Шаньси (см. *рисунк* 8). Наиболее раннее проявление микротехники в коллекции стоянки

Сизитан-29 обнаружено в слое 7, но не сопровождается радиоуглеродными датами. Материалы вышележащего слоя 6 датируются временем 26 тыс. кал. л.н. [Feng, 2020, p. 3] и относятся (вместе с комплексом слоя 7), по мнению Ю Фенг, к первому этапу формирования отжимных микроиндустрий в Центральном Китае [Feng, 2020]. В коллекции из слоя 7 обнаружено 23 микронуклеуса и ок. 2 500 микропластин. Подобный комплекс обнаружен и на стоянке Лонгвангчан (Longwangchan), правда, без абсолютных датировок. На следующем этапе, определяемом рамками 24–17 тыс. кал. л.н., памятники с микроиндустриальными комплексами получают широкое распространение в пров. Шаньси. Это стоянки группы Сизитан: пункты 5, 12, 14 и 29 (слой 2–6). Микронуклеусы сопровождаются концевыми скребками, резцами, ретушированными остриями и проколками. В этот же период появляются и небольшие листовидные бифасы [Ibid., p. 5]. Но далеко не все археологи и специалисты по радиоуглеродному датированию согласны со столь ранним временем проявления микротехники на стоянке Сизитан-29 (слой 7). Например, Я.В. Кузьмин пишет, что для этого памятника отмечен ряд инверсий ^{14}C дат – когда вышележащий слой имеет даты более древние, чем некоторые значения ^{14}C возраста из нижележащего слоя. Он считает, что хронология стоянки Сизитан-29 пока надежно не установлена [2020]. К этому мнению присоединяется Йи с соавторами: они отмечают, что ранние даты в 29–26 тыс. кал. л.н. недостаточно обоснованы и сомнительны. Тем не менее они полагают, что микрорасщепление в Северном Китае появилось до начала максимума последнего оледенения, где-то на рубеже 22 тыс. кал. л.н. [Yi et al., 2016, p. 135]. Примечательно, что в северо-восточном Китае, практически на границе с российским Приморьем, находится стратифицированная стоянка Датонг (Datong), материалы которой демонстрируют индустрию, основанную на расщеплении клиновидных нуклеусов, и большой набор орудий из микропластин и пластинок [Kato, 2014, p. 107]. По мнению Като, материалы стоянки Датонг очень близки коллекции памятника Юафанг (Youfang), расположенного в Северном Китае [Ibid.]. Индустриальный комплекс стоянки Юафанг датируется OSL-методом в очень широком диапазоне, причем даты группируются в два кластера. Первый (древний кластер) имеет диапазон от 29 до 25 тыс. кал. л.н. Второй кластер объединяет даты от 16,5 до 14, 5 тыс. кал. л.н. [Yi et al., 2016, p. 135]. Отбросив самые древние даты, можно констатировать, что начиная от 25 тыс. кал. л.н. на северо-востоке Китая существовали микроиндустрии, которые могли напрямую мигрировать в соседнее Приморье.

Заключение

В рамках целей и задач данной статьи важно, что еще до начала пика последнего оледенения на территории Корейского п-ова и в Центральном и Северном Китае существовали комплексы с отжимным микрорасщеплением. Наиболее ранними памятниками в Приморье, в материалах которых зафиксированы микронуклеусы и микропластины, являются стоянки Суворово-4, Устиновка-5 и Устиновка-7 (см. рисунок 12–14). Возраст памятников Устиновка-5 и Суворово-4 характеризуется ^{14}C AMS-датами, а стоянки Устиновка-7 одной OSL-датой – 18600 кал. л.н. [Kononenko, 2001, p. 43]. В отложениях стоянки Суворово-4 получено четыре даты в диапазоне от 19500 до 18500 кал. л.н. [Кузьмин, 2005, с. 65; Крупянко, Табарев, 2015, с. 102–103]. Время существования микроиндустриального комплекса стоянки Устиновка-5 определяется периодом 18891–18268 кал. л.н. [Крупянко, Табарев, 2015, с. 102–103]. Следовательно, проникновение носителей микроиндустрий в Приморье происходит на рубеже 20–19 тыс. кал. л.н. Поздний палеолит Приморья характеризуется сочетанием развитой пластинчатой (расщепление подпризматических ядрищ) и миропластинчатой (микроклиновидные нуклеусы) технологий и разнообразным орудийным набором, в котором представлены инструменты для обработки всех видов продуктов охотничье-собирательской деятельности: скребки, ножи, резцы, проколки, тесла, топоры, острокопечники (как с насадом, так и без него), ретушированные пластины и микропластины. Аналогичный материал демонстрируют памятники Китая и Корейского п-ова возрастом 22–16 тыс. кал. л.н. На основании вышесказанного мы предлагаем гипотезу о заселении российского Приморья с юга, с территории северо-восточного Китая и Корейского п-ова.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР № 0329-2019-0001 «Заселение первобытным человеком Северной Азии: культурный и экологический контекст».

Список литературы

- Гладышев С.А. Поздний палеолит Приморья (к вопросу о происхождении) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. XXV. – С. 80–85. – doi:10.17746/2658-6193.2019.25.080-085.
- Крупянко А.А., Табарев А.В. Палеолит Приморья // Уч. зап. Сахалин. гос. ун-та. – 2015. – Вып. XI/XII. – С. 96–108.

Кузьмин Я.В. Геохронология и палеосреда позднего палеолита и неолита умеренного пояса Восточной Азии. – Владивосток: ТИГ ДВО РАН, 2005. – 282 с.

Кузьмин Я.В. Происхождение микропластинчатой техники в палеолите Северной и Восточной Азии: один центр или несколько? // Антропогенез.РУ. – URL: <https://antropogenez.ru/article/1103/> (дата обращения: 01.09.2020).

Bae Ch.J. Late Pleistocene Human Evolution in Eastern Asia: Behavioral Perspectives // *Current Anthropol.* – 2017. – Vol. 58, Suppl. 17. – P. 514–524. – doi:10.1086/694078.

Bae K. Origin and Patterns of the Upper Paleolithic Industries in the Korean Peninsula and Movement of Modern Humans in East Asia // *Quaternary International.* – 2010. – N 211. – P. 103–112. – doi:10.1016/j.quaint.2009.06.011.

Feng Yu. Microblades in MIS 2 Central China: Cultural Change and Adaptive Strategies // *PaleoAmerica.* – 2020. – P. 2–19. – doi:10.1080/20555563.2020.1728872.

Kato Sh. Human Dispersal and Interaction During the Spread of Microblade Industries in East Asia // *Quaternary International.* – 2014. – N 347. – P. 105–112. – doi:10.1016/j.quaint.2014.07.013.

Keates S.G., Kuzmin Ya.V. Shuidonggou Localities 1 and 2 in Northern China: Archaeology and Chronology of the Initial Upper Palaeolithic in North-East Asia // *Antiquity.* – 2015. – N 89 (345). – P. 714–720. – doi:0.15184/aqy.2015.22.

Keates S.G., Postnov A.V., Kuzmin Ya.V. Towards the Origin of Microblade Technology in Northeastern Asia // *Вестн. СПб. гос. ун-та. Сер. История.* – 2019. – Т. 64, вып. 2. – С. 390–414. – doi:10.21638/11701/spbu02.2019.203.

Kononenko N.A. Ecology and cultural dynamics of archaeological sites in the Zerkalnaya River Valley during the terminal Pleistocene/early Holocene // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia.* – 2001. – N 5. – P. 40–59.

Kuzmin Ya.V. Geoarchaeological Aspects of the Origin and Spread of Microblade Technology in Northern and Central Asia // *Origin and Spread of Microblade Technology in Northern Asia and North America.* – Burnaby B.C.: Simon Fraser Univ., Archaeology Press, 2007. – Ch. 8. – P. 115–124.

Lee G. Characteristics of Paleolithic Industries in Southwestern Korea during MIS 3 and MIS 2 // *Quaternary International.* – 2012. – N 248. – P. 12–21. doi:10.1016/j.quaint.2011.02.025.

Norton Ch., Bae K., Lee H., Harris J.W.K. A Review of Korean Microlithic Industries // *Origin and Spread of Microblade Technology in Northern Asia and North America.* – Burnaby B.C.: Simon Fraser Univ., Archaeology Press, 2007. – Ch. 6. – P. 91–102.

Seong Ch. Tanged Points, Microblades and Late Palaeolithic Hunting in Korea // *Antiquity.* – 2008. – N 82. – P. 871–883.

Seong Ch. Evaluation Radiocarbon Dates and Late Paleolithic Chronology in Korea // *Arctic Anthropol.* – 2011. – Vol. 48, N 1. – P. 93–112.

Seong Ch. Diversity of Lithic Assemblages and Evolution of Late Palaeolithic Culture in Korea // *Asian Perspectives.* – 2015. – Vol. 54, N 1. – P. 91–112. – doi:10.1353/asi.2015.0004.

Yi M., Gao X., Li F., Chen F. Rethinking the Origin of Microblade Technology: A Chronological and Ecological Perspective // *Quaternary Intern.* – 2016. – N 400. – P. 130–139. – doi:10.1016/j.quaint.2015.07.009.

References

Bae Ch.J. Late Pleistocene Human Evolution in Eastern Asia: Behavioral Perspectives. *Current Anthropology*, 2017, vol. 58, suppl. 17, pp. 514–524. doi:10.1086/694078.

Bae K. Origin and Patterns of the Upper Paleolithic Industries in the Korean Peninsula and Movement of Modern Humans in East Asia. *Quaternary International*, 2010, vol. 211, pp. 103–112. doi:10.1016/j.quaint.2009.06.011.

Feng Yu. Microblades in MIS 2 Central China: Cultural Change and Adaptive Strategies. *PaleoAmerica*, 2020, pp. 2–19. doi:10.1080/20555563.2020.1728872.

Gladyshev S.A. Late Paleolithic of the Maritime Region (towards the question of origin). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019, vol. XXV, pp. 80–85. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2019.25.080-085.

Kato Sh. Human Dispersal and Interaction During the Spread of Microblade Industries in East Asia. *Quaternary International*, 2014, vol. 347, pp. 105–112. doi:10.1016/j.quaint.2014.07.013.

Keates S.G., Kuzmin Ya.V. Shuidonggou Localities 1 and 2 in Northern China: Archaeology and Chronology of the Initial Upper Palaeolithic in North-East Asia. *Antiquity*, 2015, vol. 89 (345), pp. 714–720. doi:0.15184/aqy.2015.22.

Keates S.G., Postnov A.V., Kuzmin Ya.V. Towards the Origin of Microblade Technology in Northeastern Asia. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series: History*, 2019, vol. 64, iss. 2, pp. 390–414. doi:10.21638/11701/spbu02.2019.203.

Kononenko N.A. Ecology and cultural dynamics of archaeological sites in the Zerkalnaya River Valley during the terminal Pleistocene/early Holocene. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2001, vol. 5, pp. 40–59.

Krupianko A.A., Tabarev A.V. Paleolit Primor'ya. In *Uchenye zapiski Sakhalinskogo gosudarstvennogo universiteta*. Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalin Univ. Press, 2015, iss. XI/XII, pp. 96–108. (In Russ.).

Kuzmin Ya.V. Geochronology and paleoenvironment in the Late Paleolithic and Neolithic of Temperate East Asia.

Vladivostok: Pacific Inst. of Geography FEB RAS Publ., 2005, 282 p. (In Russ.).

Kuzmin Ya.V. Geoarchaeological Aspects of the Origin and Spread of Microblade Technology in Northern and Central Asia. In *Origin and Spread of Microblade Technology in Northern Asia and North America*. Burnaby B.C.: Simon Fraser Univ., 2007, Archaeology Press, ch. 8, pp. 115–124.

Kuzmin Ya.V. Proiskhozhdenie mikroplastinchatoi tekhniki v paleolite Severnoi i Vostochnoi Azii: odin tsentr ili neskol'ko? In *Anthropogenez.RU*. URL: <https://antropogenez.ru/article/1103/> (Accessed: 01.09.2020). (In Russ.).

Lee G. Characteristics of Paleolithic Industries in Southwestern Korea during MIS 3 and MIS 2. *Quaternary International*, 2012, vol. 248, pp. 12–21. doi:10.1016/j.quaint.2011.02.025.

Norton Ch., Bae K., Lee H., Harris J.W.K. A Review of Korean Microlithic Industries. In *Origin and Spread of Microblade Technology in Northern Asia and North*

America. Burnaby B.C.: Simon Fraser Univ., Archaeology Press, 2007, ch. 6, pp. 91–102.

Seong Ch. Tanged Points, Microblades and Late Palaeolithic Hunting in Korea. *Antiquity*, 2008, No. 82, pp. 871–883.

Seong Ch. Evaluation Radiocarbon Dates and Late Paleolithic Chronology in Korea. *Arctic Anthropology*, 2011, vol. 48, No. 1, pp. 93–112.

Seong Ch. Diversity of Lithic Assemblages and Evolution of Late Palaeolithic Culture in Korea. *Asian Perspectives*, 2015, vol. 54, No. 1, pp. 91–112. doi:10.1353/asi.2015.0004.

Yi M., Gao X., Li F., Chen F. Rethinking the Origin of Microblade Technology: A Chronological and Ecological Perspective. *Quaternary International*, 2016, vol. 400, pp. 130–139. doi:10.1016/j.quaint.2015.07.009.

Гладышев С.А. <https://orcid.org/0000-0002-7443-654X>

С.А. Гладышев^{1✉}, А.В. Кандыба¹, Нгуен За Дой²,
Нгуен Кхак Шу², Ле Хай Данг², С.О. Карпова³, А.П. Деревянко¹

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

²Институт археологии Вьетнамской академии общественных наук
Ханой, Вьетнам

³Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия

E-mail: gladyshev57@gmail.com

Археологическая разведка в провинции Залай во Вьетнаме в 2020 году

В 2020 г. совместная российско-вьетнамская экспедиция провела археологические разведки в двух районах пров. Залай: Футьен и Анкхе. В первом районе удалось обнаружить пять местонахождений, материалы которых демонстрируют несомненное сходство с комплексом индустрии анкхе, датируемой ранним палеолитом, возрастом ок. 800 тыс. л.н. Были проанализированы коллекции каменных предметов, собранные геологами из Национального музея природы (г. Ханой) в 2019 г. в этом районе. Среди большого количества пунктов, где геологами были обнаружены древние артефакты, надежно удалось определить 14 местонахождений с комплексами изделий раннего палеолита. В основном это простые нуклеусы параллельной системы раскалывания, чопперы и пикообразные орудия, крупные сколы, характерные для комплекса индустрии анкхе. В р-не Анкхе проводилось археологическое изучение местности на периферии территории расположения памятников индустрии анкхе с целью выявления ее границ. Были осмотрены территории севернее, восточнее и южнее района концентрации памятников индустрии анкхе. Археологическая разведка в р-нах Футьен, а также анализ коллекций, собранных вьетнамскими геологами, показали, что археологический материал сконцентрирован в местах выходов каменного сырья к поверхности в виде кварцитовых жил в гранитных массивах. Такая же ситуация наблюдается и в р-не Анкхе. Группа стоянок Рокмынг расположена именно в месте максимальной концентрации кварцитового сырья на берегу р. Ба. Типологический состав артефактов из р-на Футьен (галечные нуклеусы параллельного и радиального принципов расщепления, чопперы, чоппинги, скребла и пикообразные орудия) свидетельствует о большом сходстве этих материалов с комплексом раннепалеолитической индустрии анкхе.

Ключевые слова: Вьетнам, провинция Залай, индустрия анкхе, ранний палеолит, чоппер, пикообразное орудие, ручное рубило.

Sergey A. Gladyshev^{1✉}, Alexander V. Kandyba¹, Nguyen Gia Doi²,
Nguyen Khac Su², Le Hai Dang², Saiana O. Karpova³, Anatoly P. Derevianko¹

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

²Institute of Archaeology Vietnam Academy of Social Sciences,
Hanoi, Vietnam

³Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

E-mail: gladyshev57@gmail.com

Archaeological Survey in Gia Lai Province, Vietnam, in 2020

In 2020, the Joint Russian-Vietnam Expedition conducted archaeological survey in two districts of Gia Lai Province – Phu Thien and An Khe. Material evidence from five locations in the first district demonstrates clear resemblance with the complex of the An Khe industry dated to the Early Paleolithic (ca. 800,000 BP). The team also analyzed the collection of lithic artifacts

gathered by the geologists from the National Museum of Nature (Hanoi) in 2019 in Phu Thien District of Gia Lai Province, and reliably identified fourteen locations with the Early Paleolithic evidence among great number of locations with ancient artifacts discovered by the geologists. These artifacts included simple cores with parallel reduction as well as choppers and peak-like tools typical of the An Khe industry. Archaeological survey in An Khe district was focused on distribution of sites with the An Khe industry for establishing its boundaries. The territories to the north, east, and south of the area with the highest concentration of the sites with the An Khe industry were surveyed. In addition to the analysis of the collection gathered by Vietnamese geologists, a number of surveys in Phu Thien and An Khe districts in Gia Lai Province have demonstrated that archaeological finds were concentrated at the outcrops of raw materials in the form of quartzite veins in granite masses. The same situation was observed in An Khe district. The Rok Tung group of sites was located precisely at the highest concentration of quartzite raw materials on the bank of the Ba River. Typologically, the artifacts from Phu Thien (pebble cores with parallel and radial reduction, choppers, chopping tools, side-scrapers, and pike-like tools) manifest their essential similarity with the Early Paleolithic An Khe industry.

Keywords: Vietnam, Gia Lai Province, An Khe industry, the Early Paleolithic, chopper, pike-like tool, handaxe.

В полевом сезоне 2020 г. совместный российско-вьетнамский археологический отряд проводил разведочные работы в двух административных районах пров. Залай. Первым объектом был р-н Футьен. Археологические находки здесь были обнаружены на плоской денудационной равнине (пенеплене) с редкими останцовыми возвышенностями. Понижения между останцами заполнены маломощными рыхлыми отложениями. Эта равнина расположена между базальтовыми плато Плейку (на севере) и Даклак (на юге). Она прорезана сетью речных водотоков с генеральным направлением течения с севера-запада на юго-восток. Группа обследованных памятников (Киньпэнг-1, -2, Чурунг, Футьен-1, -15) сконцентрирована на левом берегу р. Азун (правый приток р. Ба) к востоку от искусственного водохранилища Азунха и к северу от горы Атхай.

Местонахождение Киньпэнг-1 (N 13°36'50", E 108°17'40") расположено на высоте 204 м (здесь и далее над ур. м.) на плавно понижающемся на северо-восток относительно ровном участке сельскохозяйственных полей на окраине одноименной деревни. Обследованная поверхность частично разрушена котлованами для рисовых полей и ирригационными каналами. Материалы были собраны из отвалов этих сооружений. При осмотре искусственных разрезов котлованов рисовых полей был обнаружен участок с кварцитовым валунно-галечным субстратом, залегающим в стратифицированном состоянии и содержащим археологический материал. На памятнике найдено пять артефактов. Сырьем для их изготовления служил кварцит. Коллекция состоит из нуклеуса, двух сколов, нуклеовидного обломка и гальки со следами апробации. Нуклеус – радиальный (рис. 1, 1), сделан из крупной кварцитовой гальки шаровидной формы. Одна из широких плоскостей предмета является фронтом скалывания с негативами центростремительных сколов. Заготовки скалывались с ребра без специальной подготовки ударной площадки. Сколы представляют собой крупные первичные сколы

с галечными ударными площадками. Нуклеовидный обломок сделан из небольшой гальки яшмовидной породы.

Местонахождение Киньпэнг-2 (N 13°36'52", E 108°16'56", высота 210 м) расположено на слегка всхолмленном участке сельскохозяйственных полей, где относительно недавно был вырублен лес, в 1 300 м к востоку от местонахождения Киньпэнг-1. Местность являет собой обнажение коры выветривания, вероятно, гидроморфного происхождения, с поверхностным залеганием кварцитового валунно-галечного субстрата. Редкие артефакты были обнаружены на поверхности на большом расстоянии друг от друга. Всего собрано семь артефактов. Сырье – кварцит. В качестве заготовок использовались гальки разных размеров и валуны. Коллекция состоит из трех нуклеусов, трех чопперов и преформы пикообразного орудия.

Нуклеусы представлены разными типами. Первый – одноплощадочный однофронтальный поперечного принципа скалывания с подготовленной ударной площадкой (рис. 1, 2). Ядрище сделано из крупной гальки. Ударная площадка оформлена двумя сколами, отщепы-заготовки скалывались параллельно друг другу. Вся остальная поверхность ядрища покрыта галечной коркой. Второй нуклеус относится к типу многоплощадочных многофронтальных, когда раскалывание производилось с любой удобной точки, без формирования площадки и организации фронта скалывания (рис. 1, 3). Ядрище сделано из крупной гальки угловатых очертаний. Последний нуклеус демонстрирует одноплощадочное двухфронтальное расщепление с противоположащими фронтами скалывания (рис. 1, 4). Он служил для получения укороченных отщепов средних размеров. В качестве ударной площадки выступало ребро между фронтами скалывания.

Чопперы сделаны из уплощенных галек средних размеров овальных очертаний (рис. 1, 5). Рабочий край выпуклый, оформлен серией односторонних крупных сколов. Остальная поверхность

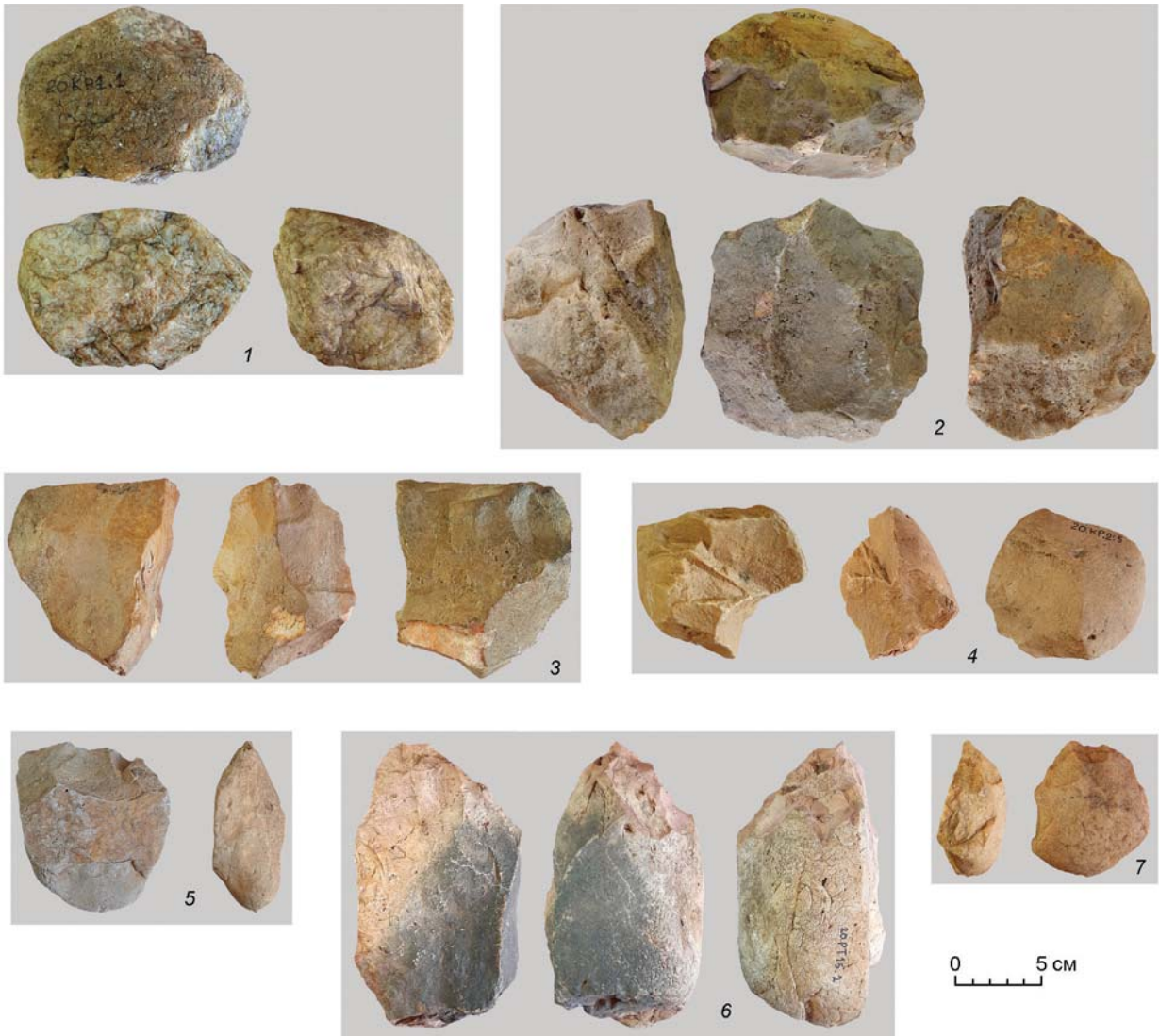

Рис. 1. Каменный инвентарь местонахождений Киньпэнг-1, -2 и Футьен-15.

1 – радиальный нуклеус (Киньпэнг-1); 2 – одноплощадочный однофронтальный нуклеус (Киньпэнг-2); 3 – многоплощадочный многофронтальный нуклеус (Киньпэнг-2); 4 – одноплощадочный двухфронтальный нуклеус (Киньпэнг-2); 5 – чоппер (Киньпэнг-2); 6 – пикообразное орудие (Футьен-15); 7 – чоппер (Футьен-15).

орудий покрыта галечной коркой. Эти изделия можно трактовать и как галечные скребла. Последнее орудие сделано из средних размеров валуна вытянутых очертаний. На естественно приотстренном конце заготовки двумя сколами намечен рабочий край. Это изделие можно трактовать и как заготовку пикообразного орудия, и как незаконченный крупный чоппер.

Местонахождение Футьен-15 (N 13°36'13", E 108°17'54", высота 201 м) представляет собой обнажение коры выветривания, вероятно, гидроморфного происхождения, с поверхностным залеганием кварцитового галечного субстрата. Оно расположено в 1 200 м на юг от местонахождения Киньпэнг-1, к северу от небольшого поселения Чутайхай. Участок местности представляет собой от-

носителю ровную площадку с искусственными лесопосадками, частично уничтожен разработкой карьеров по периметру. Здесь собрано шесть артефактов. Коллекция состоит из нуклеуса, трех пикообразных орудий и двух чопперов. Все артефакты сделаны из кварцита.

Одноплощадочный однофронтальный нуклеус сделан из крупной гальки кубовидных очертаний. Это ядрище иллюстрирует простое параллельное расщепление без подготовки ударной площадки. Пикообразные изделия изготовлены из крупных вытянутых галек овально вытянутых очертаний (рис. 1, б). У всех орудий в зоне рабочего края – треугольное поперечное сечение. Ретушь – разнофасеточная, крутая, многорядная, ступенчатая. Чопперы сделаны из овальных уплощенных галек средних размеров

(рис. 1, 7). Рабочий край выпуклый, оформлен разно-фасеточной, полукруглой, однорядной ретушью. Эти изделия можно определить и как скребла.

Следующий пункт – Футьен-1 (N 13°36'13", E 108°17'54", высота 230 м), находится на восточном склоне горы Атхай, в 4 км южнее местонахождения Киньпэнг-1. Валунно-галечный субстрат распределен по всей площади наклонной поверхности, частично видоизмененной лесосводом и минимальной сельскохозяйственной деятельностью. Коренные породы (базальты) частично разрушены и сильно окатаны. Артефакты залегают разрозненно и не образуют явных скоплений. На этом местонахождении найдено шесть артефактов. В качестве сырья использовался кварцит. Коллекция состоит из двух нуклеусов, двух чопперов, пикообразного орудия и отщепов.

Одноплощадочные однофронтальные нуклеусы сделаны из крупных галек аморфных очертаний. Расщепление простое параллельное. У одного изделия площадка галечная (рис. 2, 1), у другого подготовлена двумя сколами (рис. 2, 2). Чопперы так же сделаны из крупных галек. Неровный, извилистый рабочий край оформлен крупными, однорядными, крутыми сколами. Пикообразное орудие сделано из крупной гальки (рис. 2, 3). Изделие имеет треугольную форму во всех проекциях: в плане, в сечении и в профиле. Две грани рабочего лезвия обработаны крупными сколами, третья грань сохраняет галечную корку. Единственный крупный, первичный отщеп имеет овальные очертания и гладкую неподготовленную ударную площадку.

Местонахождение Чурунг (N 13°36'14", E 108°16'56", высота 214 м) расположено к востоку от горы Рунг и в 1 400 м на юго-запад от местонахождения Киньпэнг-1. Участок представляет собой непрерывный ряд котлованов для рисовых полей, в одном из которых был обнаружен слой валунно-галечного субстрата, содержащего артефакты. Кроме того, часть материала была собрана из отвалов, оставленных после рытья котлованов. На этом местонахождении собрано шесть артефактов. Коллекция состоит из трех нуклеусов, чоппера, пикообразного орудия и отщепов.

Все три нуклеуса относятся к типу простых галечных ядрищ параллельного принципа скалывания с одной галечной площадкой и одним фронтом скалывания. В качестве преформ использовались крупные гальки (рис. 2, 4). Чоппер сделан из овальной уплощенной гальки средних размеров (рис. 2, 5). Слегка выпуклое волнистое лезвие оформлено полукруглой, многорядной, ступенчатой ретушью. Пикообразное орудие сделано из валуна (рис. 2, 6). Изделие имеет неправильную треугольную форму в плане и профиле. Сечение в районе острого края –

треугольное, в районе пятки – неправильно овальное. Две грани орудия в районе рабочего острия обработаны крупными сколами, третья грань сохраняет галечную корку. Орудие имеет значительный вес – ок. 3 кг.

После работ в р-не Футьен экспедиционная группа переместилась в р-н Анкхе, где на протяжении последних четырех лет исследовались комплексы раннепалеолитической индустрии анкхе [Деревянко и др., 2018, 2020]. Основной задачей экспедиции было археологическое изучение местности на периферии территории расположения памятников индустрии анкхе с целью выявления ее границ. Были осмотрены территории севернее, восточнее и южнее района концентрации памятников индустрии анкхе.

Местонахождение Тутху-1 (N 14°05'13", E 108°39'54", высота 457 м) было обнаружено в 5,5 км на северо-запад от группы памятников Рок-тынг, на левом берегу р. Ба, на вершине небольшого холма, поверхность которого выровнена сетью сельскохозяйственных полей. Здесь было найдено семь артефактов. Все они сделаны из кварцита, в качестве заготовок использовались крупные гальки и валуны. Коллекция состоит из трех нуклеусов, пикообразного орудия и трех чопперов. Все нуклеусы сделаны из крупных валунов и относятся к типу одноплощадочных однофронтальных с естественными ударными площадками (рис. 2, 7). Это простые галечные ядрища для получения укороченных крупных отщепов. Пикообразное орудие сделано из валуна овально-треугольных очертаний. Как и у других орудий этого типа, приостренный рабочий край обработан только по двум граням. Все три чоппера сделаны из крупных уплощенных галек овальных очертаний (рис. 2, 8). Рабочие края у орудий извилистые, неровные, оформлены крупными сколами.

Местонахождение Тутху-2 (N 14°05'21", E 108°39'32", высота 458 м) находится в 500 м на север от местонахождения Тутху-1. На распаханном фермерском поле было обнаружено только три артефакта: два нуклеуса и одно скребло. Сырье – кварцит, заготовки – крупные гальки и валуны. Нуклеусы относятся к группе простых параллельных галечных ядрищ. Один из нуклеусов принадлежит к типу одноплощадочных однофронтальных с подготовленной ударной площадкой (рис. 3, 1). Он сделан из валуна и демонстрирует поперечный принцип скалывания. Второй нуклеус сделан так же из валуна и принадлежит к типу двухплощадочных двухфронтальных нуклеусов с подготовленными площадками. Фронты скалывания и ударные площадки сопряжены друг с другом под прямым углом, это ядрище можно назвать ортогональным (рис. 3, 2).

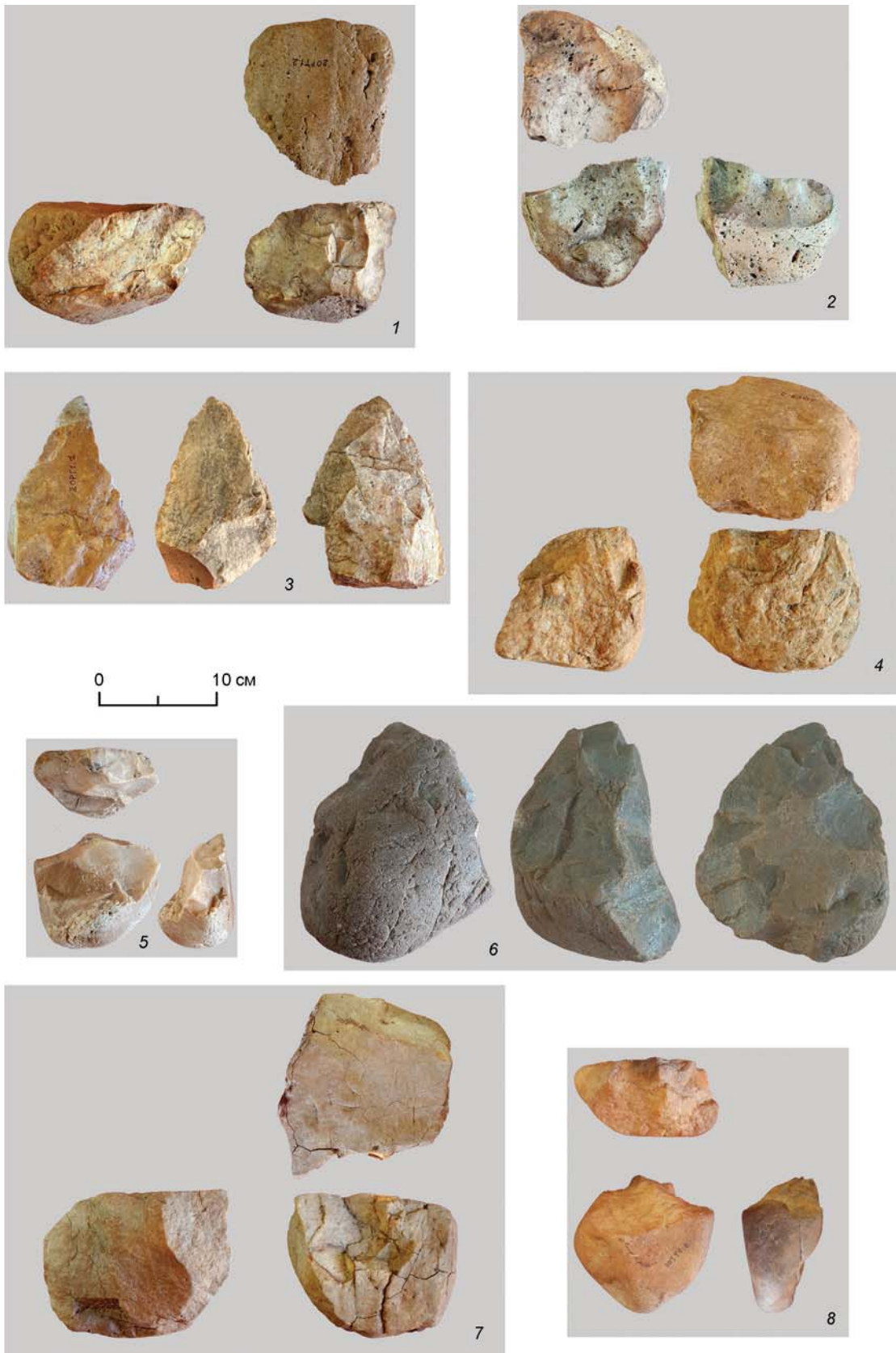

Рис. 2. Каменный инвентарь местонахождений Футьен-1, Чурунг и Тутху-1.

1 – одноплощадочный однофронтальный нуклеус с естественной ударной площадкой (Футьен-1); 2 – одноплощадочный однофронтальный нуклеус с подготовленной ударной площадкой (Футьен-1); 3 – пикообразное орудие (Футьен-1); 4 – одноплощадочный однофронтальный нуклеус (Чурунг); 5 – чоппер (Чурунг); 6 – пикообразное орудие (Чурунг); 7 – одноплощадочный однофронтальный нуклеус (Тутху-1); 8 – чоппер (Тутху-1).

Рис. 3. Каменный инвентарь местонахождений Тутху-2, Хонбун, Антхач и Танчань-1.

1 – одноплощадочный однофронтальный нуклеус с подготовленной ударной площадкой (Тутху-2); 2 – ортогональный нуклеус (Тутху-2); 3 – скребло (Тутху-2); 4 – чоппер (Хонбун); 5 – одноплощадочный двухфронтальный нуклеус (Антхач); 6, 7 – чопперы (Танчань-1).

Скребло сделано из крупной овально вытянутой гальки (рис. 3, 3). Рабочий край расположен вдоль длинной оси артефакта и занимает всю его длину. Ретушь – полукрутая, многорядная, разнофасеточная, ступенчатая.

Следующий пункт – Хонбун (N 14°04'15", E 108°40'20", высота 446 м), расположен на рас-

стоянии 3,5 км к северу от группы памятников Роктынг, на левому берегу р. Ба, на западном склоне горы Хонбун, выровненном интенсивной сельскохозяйственной деятельностью. Здесь найдено всего два артефакта. Сырье – кварцит, заготовки – валуны. Один из артефактов может быть чоппером с приостренным, как у ручного рубила,

концом, обработанным с одной стороны крупными сколами (рис. 3, 4). Один край предмета поврежден при пахоте. Второй артефакт представляет собой нуклеидный предмет. Он сделан из крупного валуна. Поперек длинной оси изделия с неподготовленной поверхности проведено несколько параллельных снятий.

Еще одна находка была сделана буквально в нескольких сотнях метров от местонахождения Хонбун. На краю распаханного поля подобран нуклеус, изготовленный из кварцитового валуна (рис. 3, 5). Это одноплощадочное двухфронтальное ядрище с естественной ударной площадкой и противоположащими фронтами скалывания. Расщепление параллельное, поперечное. Чтобы отделить находку от пункта Хонбун, это место назвали Антхач.

Восемь артефактов было обнаружено на местонахождении Танчань-1 (N 13°56'53", E 108°38'34", высота 420 м). Оно находится на правом берегу р. Ба, в 2,7 км на юго-запад от местонахождения Года, на небольшом холме. Коллекция состоит из преформы нуклеуса, трех ядрищ, трех чопперов и незаконченного пикообразного орудия. Нуклеусы сделаны из овальных галек разных размеров. Они относятся к типу одноплощадочных однофронтальных нуклеусов с естественными ударными площадками поперечного принципа расщепления. Чопперы сделаны из овальных уплощенных галек. Два изделия имеют выпуклый извилистый рабочий край (рис. 3, 6), у одного орудия рабочий край приостренный, как у рубила (рис. 3, 7). Вторичная обработка краевая, крутая, однорядная, крупнофасеточная. Незаконченное пикообразное орудие сделано из крупного валуна. Изделие имеет треугольную в плане форму. Один край орудия обработан полукрутыми крупными сколами, второй край приострен одним продольным сколом без последующей обработки.

Таким образом, осмотр периферийных районов вокруг концентрации памятников индустрии анкхе показал, что по мере удаления от источников сырья количество пунктов с археологическими находками резко снижается. Кроме того, обнаруженные находки единичны, разбросаны на большой территории и не образуют комплексов.

Помимо собственно полевых работ нами были изучены коллекции, собранные геологами из Национального музея природы (г. Ханой) в прошлом году в р-не Футьен пров. Залай. Среди большого количества пунктов, где геологами были обнаружены, по их мнению, древние артефакты, нам удалось определить 14 местонахождений, в коллекциях которых действительно присутствовали изделия раннего палеолита индустрии анкхе. Количественный и качественный состав коллекций очень неравно-

значный. На пяти местонахождениях выделено всего от одного до трех артефактов (пункты Футьен-2, -5, -7, -8, -11). В основном это простые нуклеусы параллельной системы раскалывания, чопперы и пикообразные орудия, крупные сколы, характерные для комплекса индустрии анкхе. В материалах девяти местонахождений выделены более выразительные артефакты.

Коллекция пункта Футьен-1 состоит из 17 артефактов. Семь из них сделаны из плотных, незернистых яшмоидов. Шесть изделий представляют собой сильно сработанные нуклеусы ортогонального типа и один предмет – это преформа нуклеуса. Скорее всего, яшмоидный комплекс относится к неолиту либо культуре хоабинь.

Девять артефактов сделаны из кварцитов. К ним относятся два нуклеуса, четыре орудия, расколота галька и два отщеп. Один нуклеус – одноплощадочный однофронтальный с подготовленной ударной площадкой, сделан из крупной гальки кубовидных очертаний. Второй – радиальный нуклеус, так же сделан из крупной уплощенной гальки овальных очертаний, одна из плоскостей которой служила фронтом скалывания (рис. 4, 1). Ударной площадкой было ребро между широкими плоскостями гальки-заготовки. Орудия включают в себя два чоппера, один чоппинг и пикообразное орудие. Чопперы сделаны из крупных галек, лезвия оформлены одним либо двумя крупными сколами. Чоппинг так же сделан из крупной гальки. Лезвие оформлено с двух сторон сколами средних размеров, пятка подготовлена двумя сколами (рис. 4, 2). Пикообразное орудие выполнено из валуна. Конвергентное лезвие подготовлено двумя продольными сколами по обоим боковым сторонам. В результате получилось пикообразное лезвие. На одной из широких сторон орудия имеется вторичная обработка уплощающими сколами средних размеров.

На местонахождении Футьен-3 выделено пять артефактов. Предметы сильно окатаны. Из-за окатанности трудно определить типы предметов. Можно выделить два нуклеуса, два орудия и крупный отщеп. Оба нуклеуса одноплощадочные однофронтальные с естественными ударными площадками (рис. 4, 3).

Орудия представлены чоппингом и чоппером. Оба сделаны из крупных галек. Чоппинг имеет выпуклое извилистое лезвие, обработанное с двух сторон полукрутыми сколами крупных и средних размеров (рис. 4, 4). Чоппер сделан из вытянутой гальки. Одностороннее лезвие оформлено на длинном крае полукрутыми крупными сколами.

Материалы пункта Футьен-4 представлены пятью сильно окатанными артефактами. Среди них интерес вызывает нуклеус, сделанный из галь-

Рис. 4. Каменный инвентарь местонахождений р-на Футьен.

1 – радиальный нуклеус (Футьен-1); 2 – чопинг (Футьен-1); 3 – одноплощадочный однофронтальный нуклеус (Футьен-3); 4 – чопинг (Футьен-3); 5 – скребло-чоппер (Футьен-4); 6 – пикообразное орудие (Футьен-6); 7 – пирамидальный нуклеус (Футьен-9); 8 – чопинг (Футьен-9).

ки средних размеров. Он имеет одну гладкую естественную ударную площадку и один фронт скальвания. Орудия изготовлены из крупных первичных отщепов. Их можно трактовать как скребла или небольшие чопперы. Извилистые рабочие края подготовлены дорсальной, полукрутой, ступенчатой ретушью (рис. 4, 5).

На следующем местонахождении – Футьен-6 выделено пять артефактов. Сырье так же кварцит, заготовки – крупные гальки и валуны. Три предмета представляют собой гальки и валуны со следами апробации. Единственный одноплощадочный однофронтальный нуклеус с подготовленной площадкой сделан из валуна аморфных очертаний. Пикообразное орудие сделано из крупной гальки. Конвергентное лезвие обработано по двум краям

односторонней, крутой, крупнофасеточной, ступенчатой ретушью (рис. 4, 6).

Коллекция пункта Футьен-9 содержит восемь артефактов, из них пять нуклеусов, два орудия и крупный первичный отщеп. Два нуклеуса относятся к типу одноплощадочных однофронтальных с естественной ударной площадкой. Еще два принадлежат к типу одноплощадочных однофронтальных с подготовленной площадкой. Интересен пирамидальный нуклеус с естественной прямой ударной площадкой и фронтом скальвания, занимающим всю площадь боковой поверхности изделия (рис. 4, 7). Одно из орудий является чоппером, изготовленным из гальки средних размеров. Второе орудие, сделанное из крупной уплощенной гальки, может быть поперечным чоппингом (рис. 4, 8).

Рис. 5. Каменный инвентарь местонахождений р-на Футьен.

1 – одноплощадочный однофронтальный нуклеус (Футьен-10); 2 – рубило (Футьен-10); 3 – двухплощадочный двухфронтальный нуклеус (Футьен-13); 4 – одноплощадочный двухфронтальный нуклеус (Футьен-13); 5 – многоплощадочный многофронтальный нуклеус (Футьен-14); 6 – скребло (Футьен-10); 7 – двухплощадочный двухфронтальный нуклеус (Футьен-14); 8 – чоппер (Футьен-14).

В комплексе каменных предметов с пункта Футьен-10 выделено пять артефактов. Из них два нуклеуса, два орудия и галька со следами апробации средних размеров. Оба нуклеуса одноплощадочные однофронтальные с естественными ударными площадками и укороченными сколами (рис. 5, 1). Одно из орудий – типичное ручное рубило индустрии анкхе с частично бифасиальной подготовкой острого лезвия (рис. 5, 2). Второе орудие – скребло (возможно, скобель) с вогнутым лезвием, подготовленным ступенчатой, полукрутой ретушью (рис. 5, 6).

На местонахождении Футьен-12 собрано девять артефактов. В коллекции выделяются галь-

ки со сколами, первичный отщеп с гладкой естественной площадкой средних размеров, четыре нуклеуса и два орудия. Все нуклеусы сделаны из крупных галек неправильных кубовидных очертаний и относятся к типу одноплощадочных однофронтальных с естественной площадкой. Оба орудия можно трактовать как поперечные чопперы или скребла.

Среди каменных предметов, собранных на пункте Футьен-13 выделено пять артефактов, из них один крупный валун со сколами апробации, два нуклеуса и два отщепа. Один нуклеус относится к типу двухплощадочных двухфронтальных с есте-

ственными сопряженными площадками и противоположащими фронтами скалывания (рис. 5, 3). Второй нуклеус – одноплощадочный двухфронтальный с естественной площадкой и сопряженными фронтами скалывания (рис. 5, 4). Оба отщепа являются вторичными сколами средних размеров с гладкими площадками.

Коллекция каменных артефактов пункта Футьен-14 состоит из девяти изделий. В нее входят пять нуклеусов, два орудия и два крупных первичных отщепа. Нуклеусы сделаны из крупных галек и валунов. Два ядрища относятся к типу одноплощадочных однофронтальных с естественной ударной площадкой. Один из них представляет собой вариант плоского нуклеуса. Еще одно ядрище иллюстрирует одноплощадочный однофронтальный тип нуклеусов с подготовленной одним сколом площадкой. Примечательно многоплощадочное монофронтальное ядрище (рис. 5, 5). У него три подготовленные сопряженные площадки, расположенные на ребре между широкими плоскостями. На одной из плоскостей локализован фронт скалывания. Последний нуклеус (рис. 5, 7) представляет собой тип двухплощадочного двухфронтального нуклеуса с противоположащими естественными площадками и фронтами. Орудия представлены чопперами. Особый интерес вызывает чоппер, сделанный из валуна (рис. 5, 8). У него острый рабочий край, сформированный крупными сколами. Это может быть и одностороннее рубило.

Археологическая разведка в р-не Футьен пров. Залай и изучение коллекций, собранных вьетнамскими геологами в этом же районе, показали, что археологический материал тяготеет к местам выходов каменного сырья в виде кварцитовых жил в гранитных массивах к поверхности. Такая же ситуация наблюдается и в р-не Анкхе этой же провинции. Группа стоянок Роктынг, изучаемая российско-вьетнамской экспедицией на протяжении последних лет, расположена в месте максимальной концентрации кварцитового сырья на берегу р. Ба. Типологический состав артефактов из р-на Футьен (галечные нуклеусы параллельного и радиально-

го принципов расщепления, чопперы, чоппинги, скребла и пикообразные орудия) свидетельствует о большом сходстве этих материалов с комплексом раннепалеолитической индустрии анкхе.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-59-92001 ВАОН-а.

Список литературы

Деревянко А.П., Гладышев С.А., Кандыба А.В., Нгуен За Дой, Нгуен Кхак Шу. Раннепалеолитическая индустрия анкхе во Вьетнаме и проблема первоначального заселения Юго-Восточной Азии // *Stratum plus*. – 2020. – № 1. – С. 29–44.

Деревянко А.П., Кандыба А.В., Нгуен Кхак Шу, Гладышев С.А., Нгуен За Дой, Лебедев В.А., Чеха А.М., Рыбалко А.Г., Харевиц В.М., Цыбанков А.А. Открытие бифасиальной индустрии во Вьетнаме // *Археология, этнография и антропология Евразии*. – 2018. – Т. 46, № 3. – С. 3–21. – doi:10.17746/1563-0102.2018.46.3.003-021.

References

Derevianko A.P., Gladyshev S.A., Kandyba A.V., Nguyen Gia Doi, Nguyen Khac Su. Early Palaeolithic Industry of Ankhe, Vietnam, and the Problem of Initial Peopling of South-East Asia. *Stratum plus*, 2020, No. 1, pp. 29–44.

Derevianko A.P., Kandyba A.V., Nguyen Khac Su, Gladyshev S.A., Nguyen Gia Doi, Lebedev V.A., Chekha A.M., Rybalko A.G., Kharevich V.M., Tsybankov A.A. The Discovery of a Bifacial Industry in Vietnam. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2018, vol. 46, No. 3, pp. 3–21. doi:10.17746/1563-0102.2018.46.3.003-021.

Гладышев С.А. <https://orcid.org/0000-0002-7443-654X>

Кандыба А.В. <https://orcid.org/0000-0002-8749-0465>

Деревянко А.П. <https://orcid.org/0000-0003-1156-8331>

**А.П. Деревянко¹, А.В. Кандыба¹, С.А. Гладышев¹,
А.М. Чеха¹✉, Нгуен За Дой², Ле Хай Данг², С.О. Карпова³**

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

²Вьетнамская академия общественных наук
Ханой, Вьетнам

³Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия

E-mail: Chekhandrej@yandex.ru

Археологический памятник Гора До во Вьетнаме: новая интерпретация комплекса с поверхностным залеганием артефактов

В статье рассматриваются результаты исследования подъемных комплексов местонахождения Гора До, открытого в 1960 г. во Вьетнаме. Трудности изучения данного объекта являются как объективными (отсутствие надежного геологического и биологического контекста), так и субъективными (принадлежность определенной научной парадигме). Эти проблемы могут послужить отправными точками для дискуссий, одной из которых является культурно-хронологическая принадлежность подъемных комплексов Горы До. Первоначально на основании типологического анализа и геоморфологической позиции памятника время существования археологической коллекции определялось средним плейстоценом. Впоследствии эти выводы подвергались критике рядом специалистов. В 2020 г. авторами была обработана небольшая часть археологических материалов Горы До. Целью изучения являлись подъемные сборы поздних годов исследований, не вошедшие в научный оборот. В свете открытий раннепалеолитических индустрий на территории Юго-Восточной Азии представления о морфологии каменных изделий сильно изменились и продемонстрировали совершенно другой орудийный типологический ряд. Так, бифасиальные изделия, иногда называемые ручными рубилами и являющиеся одними из ярких маркеров каменного инструментария раннего палеолита, также оформлены на гальках и имеют совершенно другую технику изготовления. Все это говорит в пользу того, что подъемный комплекс Горы До не относится к эпохе палеолита, тем более раннего. Учитывая наличие археологического материала разной степени выветрелости, можно говорить о том, что Гора До является многократно посещаемой мастерской на выходах сырьем, но только в пределах голоценового времени. Рассмотренный в статье археологический материал демонстрирует невероятную сложность применения технико-типологического метода для определения культурно-хронологического контекста археологических комплексов Юго-Восточной Азии и проблеме шаблонного использования типологического ряда.

Ключевые слова: Юго-Восточная Азия, Вьетнам, Гора До, ранний палеолит, подъемные комплексы, ручное рубило, патинизация.

**Anatolii P. Derevianko¹, Aleksandr V. Kandyba¹, Sergei A. Gladyshev¹,
Andrey M. Chekha¹✉, Nguyen Gia Doi², Le Hai Dang², Sayana O. Karpova³**

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

²Vietnam Academy of Social Sciences,
Hanoi, Vietnam

³Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

E-mail: Chekhandrej@yandex.ru

Archaeological Site of Mount Do in Vietnam: New Interpretation of the Complex with Surface Occurrence of Artifacts

The article discusses the research of surface complexes from the Mount Do site discovered in 1960 in Vietnam. The difficulties of studying that site are both objective, resulting from the lack of reliable geological and biological context, and subjective, associated with a specific scholarly paradigm. These problems may become the starting points for further discussions, one of which is cultural and chronological attribution of the surface complexes from the Mount Do site. Initially, based on the typological analysis and geomorphological position of the site, the time of the archaeological collection was established as the Middle Pleistocene. Subsequently, these conclusions were criticized by a number of experts. In 2020, a small part of the archaeological evidence from the Mount Do site was examined by the authors of this article, since surface finds of recent years still remained unpublished. The discoveries of the Early Paleolithic industries in Southeast Asia have significantly changed the views on the morphology of lithic artifacts, revealing completely different typological series of tools. Thus, bifacial tools which are sometimes called handaxes and which are one of distinctive markers of Early Paleolithic stone tools, were also made of pebbles following completely different production technique. All this suggests that the surface complex of the Mount Do site does not belong to the Paleolithic and particularly to its early stage. Given the presence of archaeological evidence of varying degrees of weathering, the Mount Do site should be considered a repeatedly visited workshop at the outcrops of raw materials, but only in the Holocene. The archaeological evidence analyzed in this article demonstrates incredible complexity of using the technical and typological method in research aimed at establishing the cultural and chronological context for archaeological complexes of Southeast Asia, and problems emerging from the conventional use of typological series.

Keywords: Southeast Asia, Vietnam, Mount Do, Early Paleolithic, surface complexes, handaxe, patination.

Проблема первоначального заселения Евразии и появления раннепалеолитических индустрий в различных частях материка является одной из самых сложных в современном палеолитоведении. И наиболее трудным для интерпретации моментом является определение культурно-хронологической эпохи посредством типологического описания каменного инвентаря. Эти трудности возникают как по объективным причинам (отсутствие надежного геологического и биологического контекста), так и по субъективным (принадлежность определенной научной парадигме). В результате этого возникают спорные моменты в археологии палеолита, в первую очередь касающиеся оценки возраста подъемных археологических комплексов. А для таких регионов, как Юго-Восточная Азия, где облик каменного инструментария претерпевал незначительные изменения в течение всего плейстоцена, эти проблемы могут послужить отправными точками для дискуссий. Одной из таких тем является культурно-хронологическая принадлежность подъемных комплексов Горы До, которые были обнаружены в 1960 г. вьетнамскими учеными при участии советского археолога П.И. Борисковского и отнесены к эпохе раннего палеолита [1966, 1971]. Необходимо отметить, что помимо Горы До в этом районе было обнаружено еще два подобных местонахождения – Гора Нуонг и Кваньен, но их коллекции очень малочисленны, и поэтому основное внимание было уделено археологическому материалу Горы До.

Гора До (N 19°52'24", E 105°43'59") находится в р-не Тхьеуен провинции Тханьхоа на правом берегу р. Чу, недалеко от места слияния этого притока с крупной водной артерией Ма, непосредственно

впадающей в Южно-Китайское море. Высота горного останца эрозионного рельефа составляет 150 м над ур. м. По свидетельству советских геологов, обследовавших совместно с П.И. Борисковским данный объект, Гора До сложена, возможно, коренными мезозойскими базальтами, которые выходят на поверхность из под делювиального шлейфа и образуют осыпи у подножия останца [Борисковский, 1966, с. 51]. Эти осыпи и являлись источником сырья для производства каменных орудий. Поверхность каменных артефактов обнаруженных подъемных комплексов отличалась выветренностью с сильным изменением цвета, отличным от цвета внутренней текстуры. П.И. Борисковским было обработано 825 предметов из 1500 находок, собранных на местонахождении в 1960–1961 гг. Среди артефактов подавляющее большинство составляли отщепы, названные нелеваллуазскими, а также несколько орудий, таких как топорovidные орудия, грубые рубящие орудия и ручные рубила, названные «шелльскими» [Там же, с. 62]. П.И. Борисковский высказывал сомнения по поводу древности данного каменного инструментария, но все равно делал предположение о раннепалеолитическом возрасте памятника, руководствуясь типологическими сравнениями и основываясь на аналогиях с известными в то время подъемными комплексами и материалами стратифицированных стоянок Европы, Африки и Азии. Коллекция Горы До позже увеличилась до 2 648 артефактов за счет сборов 1963 и 1968 г. и также изучалась вьетнамскими археологами, которые поддерживали ранее сделанные заключения советского археолога. На основании типологического анализа и геоморфологической позиции памятника время су-

ществования археологической коллекции определялось средним плейстоценом, но абсолютный возраст коллекции варьировался от 250 тыс. л.н. [Pham Dang Kinh, Luu Tran Tieu, 1973, 1976; Pham Huy Thong, 1976] до 400 тыс. л.н. [Ha Van Tan, 1973]. Впоследствии эти выводы подвергались критике рядом специалистов [Olsen, Ciochon, 1990]. В 1987–1989 гг. американские археологи, посетив указанные местонахождения, работая с коллекцией Горы До в музее Тханьхоа и используя те же критерии при анализе археологического материала, что и П.И. Борисковский (геологический контекст, патинизация, степень выветривания и типология), высказали мнение, что находки относятся к эпохе неолита или бронзового века, но никак не палеолита [Ibid., p. 773].

Вопрос о культурно-хронологической атрибуции археологических комплексов Горы До не прояснен до конца, особенно в отечественном палеолитоведении, поскольку одним из основных источников по древнейшей археологии Вьетнама являются труды П.И. Борисковского. Также следует отметить, что несмотря на неоднократные утверждения различных авторов о возможном присутствии в коллекции разновременных комплексов, попытки разделить каменную индустрию Горы До не предпринимались ни одним исследователем.

В 2020 г. авторами была обработана небольшая часть археологических материалов Горы До. Целью изучения являлись подъемные сборы поздних годов исследований, не вошедшие в научный оборот и хранящиеся в Институте археологии Вьетнамской академии общественных наук в Ханое. Представленная коллекция насчитывала 270 предметов. Из них была выбрана группа артефактов с наиболее сильной степенью выветрелости, поскольку каменный ассамбляж сильно отличался друг от друга по этому критерию. Следует отметить, что в изучаемую группу попали практически все орудия, крупные сколы и нуклеусы. Еще одной особенностью выборки было включение в изучаемую группу предметов, у которых одна из сторон была сильно выветрена, в то время как другая гораздо меньше подвергалась природному воздействию, что говорит о долгом инситульном нахождении на поверхности и продолжительном отсутствии осадконакопления. Сырьем для артефактов был тоже базальт, описанный П.И. Борисковским.

Каменная индустрия памятника Гора До насчитывает 70 предметов (сборы 1979, 1980, 1982, 1986 г.), в т.ч. 5 колотых галек, а также 10 артефактов, исходную форму заготовок которых установить было невозможно из-за полного переоформления в орудия.

Нуклеидный набор насчитывает три крупных массивных нуклеуса квадратной в плане формы про-

стого параллельного принципа расщепления. Слегка скошенные ударные площадки подготовлены серией крупных снятий. Плоские фронты скалывания сохраняют негативы параллельных крупных сколов. Плоские латерали иногда подвергались уплощению, так же, как и основание. Контрфронт специальной обработке не подвергался. Поверхность нуклеусов сильно корродирована эоловой абразией.

Индустрия сколов насчитывает 52 предмета. Первичные сколы насчитывают 13 крупных, в основном коротких, предметов, остаточные ударные площадки которых представлены шестью естественными, шестью гладкими и одним неопределимым типами. Необходимо выделить отдельную категорию массивных макроотщепов (длина по оси скалывания более 10 см) в количестве восьми предметов (рис. 1, 1–3). Определимые остаточные ударные площадки в двух случаях представлены естественным типом. Огранку дорсала определить сложно, т.к. она сильно изменена последующей утилизацией макроотщепов. Данные изделия несут на себе следы последующего расщепления, возможно, как систематического скалывания, так и оформления орудий. Отщепы насчитывают 31 экз., все крупных размеров. Пропорции предметов выглядят следующим образом: удлиненные – 5 экз., короткие – 16 экз., укороченные – 10 экз. Остаточные ударные площадки практически все представлены гладким типом. Огранка дорсала представлена следующими типами: продольная параллельная однонаправленная – 22 экз., гладкая – 3 экз., продольно-поперечная – 6 экз., «комбева» – 1 экз.

Орудийный набор насчитывает 13 предметов. Наиболее представительной группой являются тесловидные изделия в количестве 7 экз. Все предметы крупных размеров (от 10 до 20 см) подпрямоугольной в плане формы. Одно изделие можно охарактеризовать как заготовку тесла, поскольку оформление по продольным краям серией постоянных снятий средних и мелких размеров, а также уплощение одной из фасовых сторон оконтурило предполагаемую форму заготовки, но в то же время она сохраняет массивность и отсутствует оформленное рабочее лезвие (рис. 1, 4). Остальные тесла представляют собой плоские подпрямоугольные изделия, продольные края которых уплощены серией укороченных мелких, часто заломистых сколов (рис. 1, 5, 6; рис. 2, 1). Одна из фасовых сторон уплощена крупными снятиями. Рабочее лезвие зачастую сохраняет следы утилизационных сколов, противоположная сторона является плоскостью разлома. Среди орудий можно выделить два плоских крупных топора овальной в плане формы с фрагментированным окончанием (рис. 2, 2). От тесел их отличает создание острого рабочего края

Рис. 1. Каменные артефакты памятника Гора До.
1–3 – массивные макроотщепы; 4 – заготовка тесла; 5, 6 – тесла.

путем нанесения бифасиальной постоянной чешуйчатой, часто заломистой ретуши. Два предмета можно определить как ножевидные изделия, поскольку данные предметы имеют обушок и противоположащее лезвие, оформленное бифасиальной чешуйчатой заломистой ретушью (рис. 2, 3). Стороны изделий уплощены серией снятий среднего размера. Более подробную характеристику дать невозможно в силу фрагментированности предметов. Также присутствует дивергентное скребло, созданное на массивном треугольном отщепе (рис. 2, 4). Лезвие оформлено на одном из краев первоначально оббивкой, а затем серией постоянных мелких заломистых снятий. Отдельно следует

отметить наличие рубящего орудия, созданного на крупной массивной гальке прямоугольной в плане формы (рис. 2, 5). На одном из поперечных краев оформлено лезвие путем бифасиального снятия сколов среднего размера. Также можно отметить наличие мелких заломов, которые, скорее всего, являются ретушью утилизации.

Исходя из вышеизложенного описания и материалов предыдущих исследований, можно определить, что Гора До являлась мастерской на выходах сырья. В пользу этого говорит наличие массивных нуклеусов, большое количество крупных сколов и отщепов с гладкими ударными площадками, называемыми у П.И. Борисковского «клектонскими»

Рис. 2. Каменные артефакты памятника Гора До.

1 – тесло; 2 – топор; 3 – ножевидное изделие; 4 – дивергентное скребло; 5 – рубящее орудие; 6 – тесловидное орудие.

[1966, с. 58]. Расщепление велось с помощью простой параллельной техники при минимальной подготовке. Целью скалывания было производство крупных сколов-заготовок для последующего переформления в рубящие орудия. Этот момент также отмечается П.И. Борисковским [Там же, с. 62]. Тесловидные инструменты в коллекции являются одним из самых распространенных типов орудий в голоценовые культурно-хронологические эпохи Вьетнама (рис. 2, б), что неудивительно в условиях тропического пояса с постоянным произрастанием бамбука, являющегося важным жизненным ресурсом для человека даже в настоящее время. Наличие тесел и топоров совершенно справедливо вызвало предположение у П.И. Борисковского о возможной примеси неолитического материала [Там же, с. 64], но в итоге на основании аналогий было принято решение считать их кливерами [Там же, с. 65], что, на наш взгляд, было обусловлено в первую

очередь степенью сохранности поверхности предметов. Еще одним примером такой подмены понятий является выделение ручных рубил в коллекции Горы До (рис. 3, 1). Макроотщепы в коллекциях, изученных авторами, впоследствии подвергались интенсивной двусторонней утилизации путем снятия крупных и средних отщепов, после которой зачастую было сложно установить исходную заготовку, а последующее выветривание еще более усиливало сходство данных заготовок с ручными рубилами (рис. 3, 2). Сильное сходство с ручными рубилами имеют колотые гальки со следами бессистемной апробации сырья (рис. 3, 3), которые также могли выступать в качестве преформ для орудий. В свете открытий раннепалеолитических индустрий на территории Юго-Восточной Азии, таких как Байсэ [Се Гуанмао, Ли Цян, Хуан Цишань, 2003] и Анкхе [Деревянко и др., 2018; Деревянко, 2018], представления о морфологии каменных изделий сильно из-

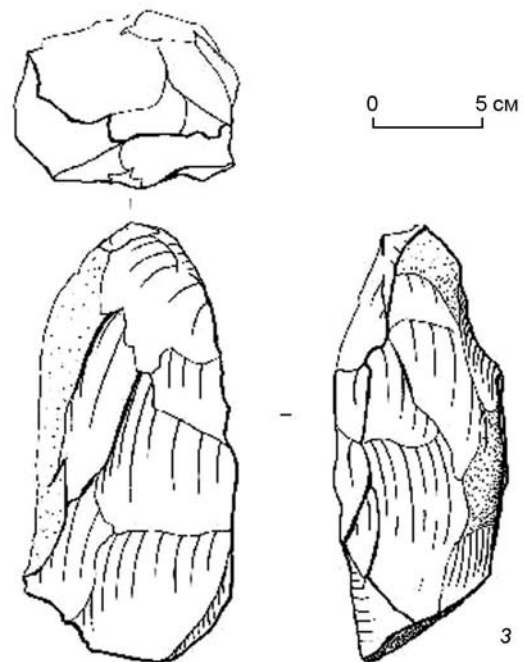
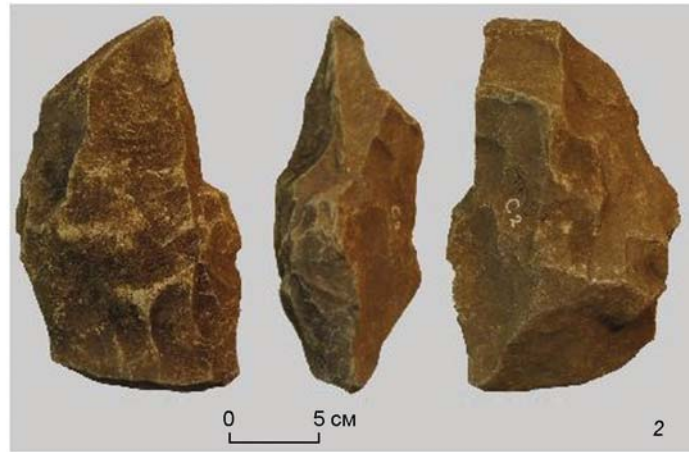
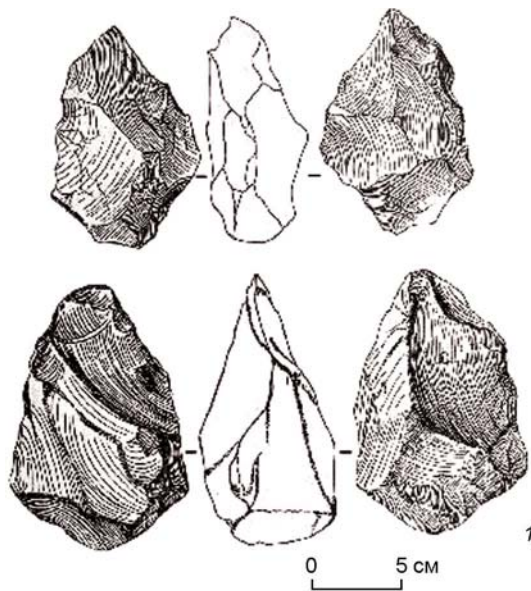

Рис. 3. Каменные артефакты памятника Гора До.

1 – ручное рубило (по: [Борисковский, 1966, с. 63]); 2 – макроотщеп; 3 – колотая галька со следами апробации сырья.

менились и продемонстрировали совершенно другой орудийный типологический ряд, включающий в себя различные категории чопперов, нуклевидные скребки, пики, скребла, созданные в первую очередь на гальках. Бифасиальные изделия, иногда называемые ручными рубилами и являющиеся одними из ярких маркеров каменного инструментария раннего палеолита, также оформлены на гальках и имеют совершенно другую технику изготовления. Все это говорит в пользу того, что подъемный комплекс Горы До не относится к эпохе палеолита, тем более раннего. Дополнительным убедительным свидетельством в пользу этого мнения является то, что

в 1986 г. вьетнамскими археологами были проведены археологические раскопки на памятниках Гора До и Гора Нуонг, в ходе которых была обнаружена мастерская по изготовлению каменных топоров квадратной (квадрилатеральной) формы, хронологически относящихся к раннему железному веку Вьетнама [Nguyen Khac Su, 1989, 2017]. Учитывая наличие археологического материала разной степени выветрелости, можно говорить о том, что Гора До является многократно посещаемой мастерской на выходах сырья, но только в пределах голоценового времени.

Все это демонстрирует невероятную сложность применения технико-типологического метода для

определения культурно-хронологического контекста археологических комплексов Юго-Восточной Азии и проблемность шаблонного использования типологического ряда. Это нисколько не умаляет вклада П.И. Борисковского в развитие археологии Юго-Восточной Азии, а, наоборот, только подчеркивает те трудности, с которыми приходилось сталкиваться первым исследователям в изучении древнейшего прошлого данного региона.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-59-92001 ВАОН-а.

Список литературы

Борисковский П.И. Первобытное прошлое Вьетнама. – М.; Л.: Наука, 1966. – 184 с.

Борисковский П.И. Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии. – Л.: Наука, 1971. – 173 с.

Деревянко А.П. Три глобальные миграции человека в Евразии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. III: Ашельская и бифасиальная индустрия в Африке и Азии: Левант, Аравия, Иран, Индия, Вьетнам и островная часть Юго-Восточной Азии. – 572 с.

Деревянко А.П., Кандыба А.В., Нгуен Кхак Шу, Гладышев С.А., Нгуен За Дой, Лебедев В.А., Чеха А.М., Рыбалко А.Г., Харевич В.М., Цыбанков А.А. Открытие бифасиальной индустрии во Вьетнаме // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2018. – Т. 46, № 3. – С. 3–21.

Се Гуанмао, Ли Цян, Хуан Цишань. Палеолитическая индустрия Байсэ. – Гуанси: Вэньу, 2003. – 180 р. (на кит. яз.). – (Xie Guang-mao, Li Qiang, Huang Qi-shan. Baise jushiqi).

Ha Van Tan. Nui Do and some problems of paleolithic in Viet Nam // Sites of primitive population in Viet Nam. – Ha Noi, 1973. – P. 159–233.

Nguyen Khac Su. Nui Do-data and discussion // Archaeol. – 1989. – Vol. 2. – P. 1–10.

Nguyen Khac Su. Early Paleolithic industry of An Khe and primitive period in Viet Nam // Vietnam Archeol. – 2017. – Vol. 12. – P. 13–25.

Olsen J.W., Ciochon R.L. A review of evidence for postulated Middle Pleistocene occupations in Vietnam // J. of Hum. Evol. – 1990. – Vol. 19. – P. 761–788.

Pham Dang Kinh, Luu Tran Tieu. Ancient Ruins Of Vietnamese People. – Hanoi: Xuai Ban, 1973. – 283 p. (на вьет.). – (Nhung Di Tich Cua Con Nguoi Thoi Toi Co Tren Dat Viet Nam).

Pham Dang Kinh, Luu Tran Tieu. The Lower Palaeolithic site of Nui Do // Vietnam Studies. – 1976. – Vol. 46. – P. 50–106.

Pham Huy Thong. Our Stone Age: From the Mount Do Industry to the Hoa Binh Industry // Vietnam Studies. – 1976. – Vol. 46. – P. 9–49.

References

Boriskovskii P.I. Pervobytnoe proshloe V'etnama. Moscow; Leningrad: Nauka, 1966, 184 p. (In Russ.).

Boriskovskii P.I. Drevnii kamennyi vek Yuzhnoi i Yugo-Vostochnoi Azii. Leningrad: Nauka, 1971, 173 p. (In Russ.).

Derevianko A.P. Three Global Human Migrations in Eurasia. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018. Vol. III: The Acheulean and Bifacial Lithic Industries in Africa and Asia: The Levant, The Arabian Peninsula, Iran, India, Vietnam and the Islands of Southeastern Asia. 572 p. (In Russ.).

Derevianko A.P., Kandyba A.V., Nguyen Khac Su, Gladyshev S.A., Nguyen Gia Doi, Lebedev V.A., Chekha A.M., Rybalko A.G., Kharevich V.M., Tsybankov A.A. The Discovery of a Bifacial Industry in Vietnam. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2018, No. 3, pp. 3–21. DOI: 10.17746/1563-0102.2018.46.3.003-021. (In Russ.).

Ha Van Tan. Nui Do and some problems of paleolithic in Viet Nam. In *Sites of primitive population in Viet Nam*, Ha Noi, 1973, pp. 159–233.

Nguyen Khac Su. Nui Do-data and discussion. *Archaeology*, 1989, vol. 2, pp. 1–10.

Nguyen Khac Su. Early Paleolithic industry of An Khe and primitive period in Viet Nam. *Vietnam Archeology*, 2017, vol. 12, pp. 13–25.

Olsen J.W., Ciochon R.L. A review of evidence for postulated Middle Pleistocene occupations in Vietnam. *Journal of Human Evolution*, 1990, vol. 19, pp. 761–788.

Pham Dang Kinh, Luu Tran Tieu. Nhung Di Tich Cua Con Nguoi Thoi Toi Co Tren Dat Viet Nam [Ancient Ruins of Vietnamese People]. Hanoi: Xuai Ban, 1973, 263 p. (In Viet.).

Pham Dang Kinh, Luu Tran Tieu. The Lower Palaeolithic site of Nui Do. *Vietnam Studies*, 1976, vol. 46, pp. 50–106.

Pham Huy Thong. Our Stone Age: From the Mount Do Industry to the Hoa Binh Industry. *Vietnam Studies*, 1976, vol. 46, pp. 9–49.

Xie Guang-mao, Li Qiang, Huang Qi-shan. Baise jushiqi [The Baise Paleolithic Industry]. Guangxi: Wenwu, 2003, 180 p. (In Chin.).

Деревянко А.П. <https://orcid.org/0000-0003-1156-8331>

Кандыба А.В. <https://orcid.org/0000-0003-0985-9121>

Гладышев С.А. <https://orcid.org/0000-0002-7443-654X>

Чеха А.М. <https://orcid.org/0000-0002-2427-7480>

Карпова С.О. <https://orcid.org/0000-0002-0608-7536>

И.Д. Зольников¹, А.А. Анойкин¹✉, Е.А. Филатов²,
А.В. Васильев², М.А. Аржанников¹

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

²Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
E-mail: anui1@yandex.ru

Разведочные работы в нижнем течении реки Сыня (Шурышкарский район Ямало-Ненецкого автономного округа) в 2020 году

В 2020 г. Нижнеобским палеолитическим отрядом ИАЭТ СО РАН проводились разведочные работы в нижнем течении р. Сыня (правый приток Малой Оби). Был обследован высокий левый берег реки от ее устья до пос. Овгорт, включая приустьевые участки притоков второго порядка. В ходе работ заложено 50 шурфов и зачинок, вскрывающих субаэральные, субаквальные и гляциокомплексы среднего–верхнего неоплейстоцена на глубину до 5 м. В результате исследований открыто три новых стратифицированных позднеголоценовых объекта: Ям-Горт-1, -2, -3, материал на которых представлен фрагментами керамики и термическими обломками галек. Культурный слой на памятниках маркируется углисто-золистым заполнением. Фрагменты керамических сосудов, как правило, неорнаментированные, с нагаром. Орнаментация на остальных в подавляющем большинстве случаев выполнена штампованным волнистым орнаментом (гребенка). Для культуросодержащих слоев на двух памятниках получены AMS-даты, показавшие возраст в пределах 4–3 тыс. кал. л.н. Впервые в этом регионе зафиксированы единичные каменные артефакты (обломок орудия и нуклеус), залегающие *in situ* в отложениях неоплейстоценового времени (местонахождения Ям-Горт-4 и Унсоим). Пока они не имеют точного хронологического определения, однако предварительный возраст этих изделий, согласно общей геолого-геоморфологической ситуации и их позиции в отложениях, оценивается как более древний, чем последнее глобальное оледенение северного полушария в МИС 2. Открытие неоплейстоценовых археологических объектов в низовьях Оби позволяет удревнить более чем в два раза время заселения этой территории, а также отодвинуть границу первоначальной колонизации на 200 км севернее известных на территории Ханты-Мансийского автономного округа памятников финального палеолита.

Ключевые слова: нижняя Обь, Сыня, разведка, палеолит, голоцен, неоплейстоцен, стратиграфия.

Ivan D. Zolnikov¹, Anton A. Anoin¹✉, Egor A. Phylatov²,
Anton V. Vasiliev², Mihail A. Arzhannikov¹

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

²Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia
E-mail: anui1@yandex.ru

Archaeological Survey on the Lower Synya River (Shuryshkarsky District, Yamalo-Nenets Autonomous Okrug) in 2020

In 2020, the Lower Ob Paleolithic Team from the Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS carried out archaeological surveys on the Lower Synya River (right tributary of the Malaya Ob River). High left bank was explored from the mouth of the Synya River, including its tributaries, to Ovgort village. In total, 50 test pits up to 5 m deep and stratigraphic profiles consisting of subaerial, subaquatic, and glacial sediments of the Middle-Upper Neopleistocene were made. Three new stratified Late Holocene sites – Yam-Gort-1, -2, and -3 – were discovered. The evidence from these sites included pottery

fragments and thermal fragments of pebbles; cultural layers were marked by carbonaceous and ashy filling. Pottery fragments with carbon deposits were mostly undecorated. Decoration on a few decorated fragments was made by stamped wavy ornamentation (comb). Radiocarbon dates of two sites were 4000–3000 BP. Lithic artifacts (tool fragment and a core) were found in situ in the Neopleistocene sediments (Yam-Gort-4 and Unsoim) for the first time in this region. This evidence has not yet been dated but according to the geological and geomorphological situation, it is earlier than MIS 2. The discovery of the Neopleistocene archaeological sites in the Lower Ob region makes it possible to move the border of first human migrations 200 km to the north and establish that peopling of this region started two times earlier than it had been previously thought.

Keywords: Lower Ob River, Synya River, archaeological survey, Paleolithic, Holocene, Neopleistocene, stratigraphy.

Согласно современным представлениям, ранняя колонизация северных территорий Азии проходила в несколько этапов, начавшись на рубеже верхнего палеолита и окончательно завершившись в первой половине голоцена (11–6 тыс. л.н.) [Беспрозванный, Косинцев, Погодин, 2014; Величко и др., 2014]. В Приуралье археологические объекты начальных этапов верхнего палеолита известны в бассейне Печоры [Павлов, 2015], на востоке азиатской части материка – в бассейнах рек Лена и Яна (Бунге-Толле, Янская стоянка и др.), а также в устье Енисея (сопкаргинский мамонт) [Питулько, 2019]. При этом существует очень большой территориальный разрыв между этими редкими находками в заполярных районах и основной зоной концентрации палеолитических памятников Сибири, расположенной гораздо южнее (Алтай, Забайкалье, юг Красноярского края и т.д.). Такая ситуация способствовала возникновению гипотезы о существовании не только меридиональных маршрутов ранней колонизации северных территорий, служащих для продвижения первобытных коллективов по долинам главных сибирских рек вслед за стадами крупных животных, но и широтных миграционных перемещений, в первую очередь, при заселении Нижнего Приобья. Это пути, проходящие по субширотным сквозным долинам через Уральский хребет, связывающие Предуралье и Зауралье. Работы последних лет, проводимые авторским коллективом в низовьях Оби и на ее крупных притоках, показали существование геолого-геоморфологических и палеогеографических предпосылок подобных перемещений начиная примерно с 50 тыс. л.н., когда на данной территории уже не существовало ни ледников, ни подпрудных бассейнов [Зольников и др., 2020]. На возможность трансуральских миграций указывают находки артефактов палеолитического облика в береговой зоне на левобережье нижней Оби (Войкарский сор и др.), а также памятники мезолита и неолита, сконцентрированные здесь как в сквозных долинах через Урал, так и вблизи них. При этом Уральский хребет является основным и ближайшим к Обской долине источником качественного каменного сырья (яшмы, кремль, кремневые осадочные породы, эффузивы и др.). Весь имеющийся комплекс дан-

ных позволил предполагать, что человек посещал северо-запад Западно-Сибирской равнины в позднечетвертичное время, а исходной областью его миграционных маршрутов, скорее всего, являлись западные склоны Уральских гор.

В 2020 г. Нижнеобский палеолитический отряд ИАЭТ СО РАН продолжил поиск палеолитических объектов в нижнем течении Оби (Шурышкарский р-н ЯНАО), в т.ч. и с целью верификации данной гипотезы. Наряду с правобережьем Большой Оби (см. статью Зольникова и др. «Разведочные работы на правобережье Большой Оби в 2020 году» в данном сборнике) одним из основных участков исследований стала р. Сыня (левый приток Малой Оби) в ее нижнем течении, где был обследован высокий левый берег реки от ее устья до пос. Овгорт, включая приустьевые участки притоков второго порядка. Выбор района работ определялся в первую очередь тем, что долина Сыни в верхнем течении переходит в один из сквозных проходов через Уральский хребет, установленных ГИС-моделированием рельефа [Зольников и др., 2020], а также наличием в русловом галечнике принесенных со склонов Урала обломков, пригодных для регулярного расщепления горных пород, крайне редких в силу геологической истории на территории нижней Оби (рис. 1).

Археологическое изучение р. Сыня началось сравнительно недавно, что связано прежде всего с труднодоступностью этой территории [Кочегов, Фёдорова, 1995; Рудковский, 2004], и до недавнего времени наиболее древним памятником здесь являлось поселение бронзового века Лов-Санг-Хум III [Рудковский, 2012].

Разведочные работы 2020 г. на р. Сыня включали осмотр бечевника и шурфовку возвышенных участков, связанных с субэральным чехлом I и II надпойменных террас. Всего на изученном отрезке левого берега (правый низкий берег реки имеет возвышение над бечевником, не превышающее первые метры, и заливается в высокие паводки на несколько км) было заложено 50 шурфов и зачисток, вскрывших субэральные, субаквальные и гляциальные отложения среднего–верхнего неоплейстоцена на глубину до 5 м. В результате этих исследований здесь выявлено пять новых археологических

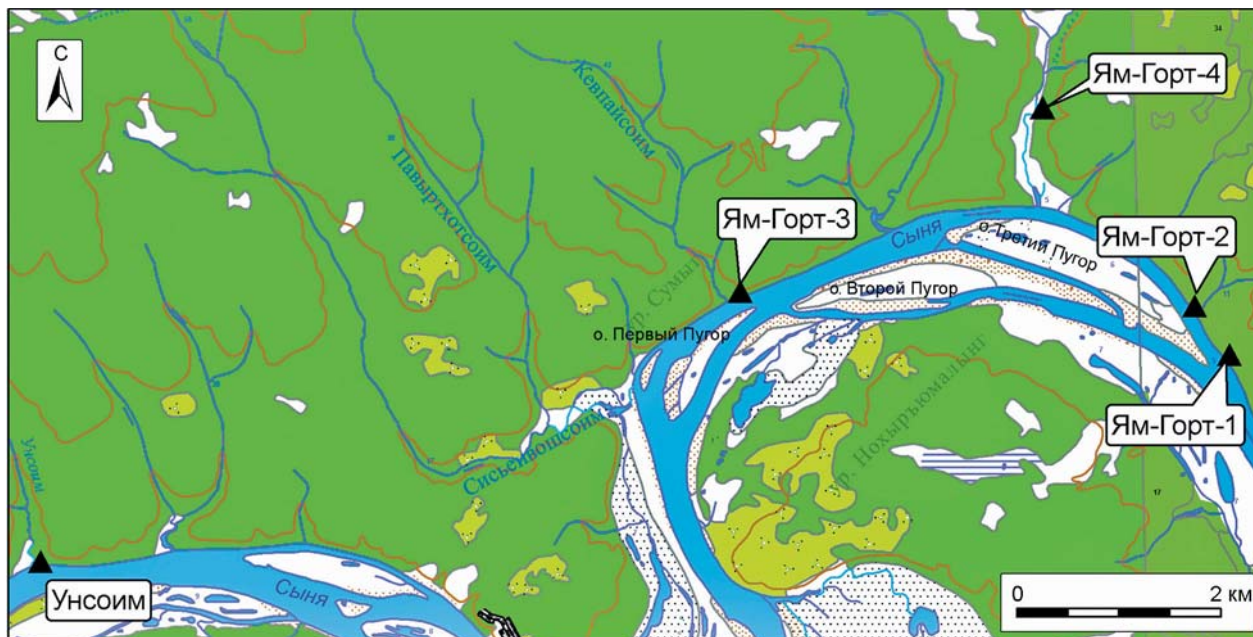

Рис 1. Район разведочных работ 2020 г. в нижнем течении р. Сыня с указанием обнаруженных археологических объектов.

объектов, три из которых (Ям-Горт-1, -2, -3) относятся к эпохе голоцена, а два (Ям-Горт-4 и Унсоим) – ко второй половине позднего неоплейстоцена.

Ям-Горт-1. Памятник расположен на левобережье р. Сыня, в 11 км ниже по течению от пос. Ям-Горт, на правом борту безымянного притока. Площадка, где расположен памятник, имеет южную экспозицию, высота над бечевником – 6 м. На исследованном участке было заложено четыре шурфа, в двух из которых зафиксирован немногочисленный археологический материал. Наиболее полное представление о геологическом строении объекта дает шурф 1 (2 × 1 м), пройденный на глубину 2,7 м.

По восточной стенке сверху вниз шурфом вскрыты следующие отложения.

Слой 1. Современная лесная подзолистая почва. Мощность – 0,2 м.

Слой 2. Светло-бурый неслоистый песок, алевритистый мелкозернистый, с двумя эфемерными палеопочвами, растасканными солифлюкцией на линзы и прослойки толщиной 2–3 см каждая. Субаэральный покров с двумя почвами. Мощность – 0,1 м. В кровле слоя зафиксирован археологический материал.

Слой 3. Светло-серый с буроватым оттенком мелкозернистый, алевритистый песок, неслоистый. Субаэральный покров перфляционный. Мощность – 0,2 м.

Слой 4. Параллельное субгоризонтальное мелкое переслаивание светло-серого алевритового песка и светло-бурого алевропеска, существенно преобразованное солифлюкцией. Субаэральный покров делювиально-солифлюкционный. Мощность – 0,8 м.

Слой 5. Параллельное субгоризонтальное мелкое переслаивание светло-серого с желтым оттенком песка и серого алевритистого песка. От кровли слоя по южной стенке вниз идут клинья – псевдоморфозы по повторно-жильным льдам на глубину до 0,6 м. Субаэральный покров делювиальный. Мощность – 0,3 м.

Слой 6. Параллельное субгоризонтальное мелкое переслаивание серых алевритистых песков и алевропесков. Пятна и линзы Mn до 1 см в поперечнике. Субаэральный покров делювиальный. Мощность – 0,30–0,35 м.

Слой 7. Параллельное субгоризонтальное мелкое переслаивание светло-серых с желтоватым оттенком мелкозернистых песков и серых алевритисто-пелитовых песков. Тонкие постседиментационные клинья глубиной до 0,3 м. пойменный аллювий большой реки. Мощность – 0,50–0,55 м.

Слой 8. Светло-серый хорошо промытый среднезернистый песок. В кровле цепочечный прослой гравийно-галечника. Русловой аллювий большой реки. Видимая мощность – до 0,2 м.

Археологический материал представлен фрагментом неорнаментированного керамического сосуда с нагаром и обломками галек и валунов с признаками термического воздействия. По углю из культуросодержащего слоя на ускорительном масс-спектрометре ИЯФ СО РАН (г. Новосибирск) была получена AMS-дата 3340–3000 кал. л.н. (GV-03041).

Ям-Горт-2. Памятник расположен на левобережье р. Сыня, в 1 км вверх по течению от Ям-Горт-1, на правом борту безымянного притока.

Площадка, где расположен памятник, имеет южную экспозицию, высота над бечевником – 7 м. На исследованном участке было заложено три шурфа, в одном из которых (шурф 1) зафиксирован немногочисленный археологический материал. Часть артефактов (фрагменты керамики) была собрана в поверхностном залегании на месте «выворотня» поваленного ветром дерева, в нескольких метрах от шурфа 1. Геологическое строение объекта на основании разреза, полученного в шурфе 1 (2,0 × 1,0 × 2,6 м), выглядит следующим образом (сверху вниз).

Слой 1. Современная лесная подзолистая почва. Мощность – 0,3 м.

Слой 2. Погребенная палеопочва. В кровле темно-серый до черного гумусовый горизонт 2–3 см толщиной; под ним белесый песчаный горизонт толщиной 4–6 см; еще ниже буроватый горизонт толщиной 3–4 см. Кровля и подошва неровные. Мощность – 0,1 м. В кровле слоя зафиксирован археологический материал.

Слой 3. Серый с палево-бурый оттенком неслоистый песок алевритистый, мелкозернистый. Слабо проявленные за счет литологической однородности солифлюкционные текстуры. Субаэральный покров перфляционно-солифлюкционный. Мощность – 0,3 м.

Слой 4. Серый с табачным оттенком песок, алевритистый с нечетко выраженной параллельной субгоризонтальной тонко-мелкой слоистостью. Субаэральный покров перфляционный. Мощность – 0,3 м.

Слой 5. Серый с табачным оттенком песок, алевритовый, неслоистый, солифлюкционно перемешанный. Подошва неровная с перепадами амплитудой 0,2 м за счет клиньев, идущих вниз. Субаэральный покров солифлюкционный. Мощность – 0,2–0,4 м.

Слой 6. Параллельно субгоризонтальное мелкое переслаивание рыжеватого мелкозернистого алевритового песка и серого алевропеска. Через слой проходят клинья с зубчатыми краями – псевдоморфозы по повторно-жильным льдам, выполненные вышележащим песком. Фиксируются мелкие пятна и прослойки Mn. Субаэральный покров делювиальный. Мощность – 0,6–0,8 м.

Слой 7. Светло-серый хорошо промытый песок, мелко-среднезернистый, параллельно субгоризонтально слоистый. В прикровельной части два мелких (толщиной 2–3 см каждый) прослоя серого алевропеска. Аллювий большой реки. Видимая мощность – до 0,6 м.

Археологический материал представлен 12 фрагментами керамических сосудов разных типов (рис. 2, 1). В основном керамика неорнаментированная, на большинстве фрагментов присутствует

нагар. Представлено три однотипных фрагмента горловины тонкостенных слабопрофилированных сосудов со штампованным волнистым орнаментом (гребенка) по шейке и венчику. По венчику также идет поясок из проколов.

По углю из культуросодержащего слоя и по отложениям палеопочвы на ускорительном масс-спектрометре ИЯФ СО РАН были получены две AMS-даты: 3824–3491 кал. л.н. (GV-03039/2) и 4223–3872 кал. л.н. (GV-03039/1) соответственно.

Ям-Горт-3. Памятник расположен на левобережье р. Сыня, в 6 км ниже по течению от пос. Ям-Горт, на правом приустьевом мысу р. Кеапайсоим. Площадка, где находится памятник, имеет южную экспозицию и представляет собой эрозионный останец на высоте 8 м над бечевником. На исследованном участке было заложено десять шурфов, в трех из которых зафиксирован немногочисленный археологический материал.

Наиболее полное представление о геологическом строении объекта дает шурф 3 (2 × 1 м), пройденный на глубину 1,7 м.

По юго-восточной стенке сверху вниз шурфом вскрыты следующие отложения.

Слой 1. Современная лесная подзолистая почва. Мощность – 0,3 м. В подошве слоя зафиксирован археологический материал.

Слой 2. Антропогенно преобразованная вложка с линзами, пятнами и прослоями гумуса в песке. Мощность – 0,05–0,20 м. В кровле слоя зафиксирован археологический материал.

Слой 3. Светло-бурый параллельно субгоризонтально слоистый алевропесок, иногда алеврит. Субаэральный покров делювиальный. Мощность – 0,3–0,5 м.

Слой 4. Светло-бурый алевропесок неслоистый. Субаэральный покров суперфляционный. Мощность – 0,4 м.

Слой 5. Серая до темно-серой палеопочва. Гумусированный горизонт раздерган и размазан солифлюкцией. Мощность – 0,1 м.

Слой 6. Светло-бурый алевропесок неслоистый. Субаэральный покров суперфляционный. Мощность – 0,15 м.

Слой 7. Темно-серый гумус. Палеопочва. Мощность – 0,05–0,10 м.

Слой 8. Светло-бурый алевропесок неслоистый. Субаэральный покров неслоистый суперфляционный. Мощность – 0,15–0,20 м.

Слой 9. Огнище с углями и гумусом. Мощность – 0,05 см.

Слой 10. Светло-бурый алеврит пелитовый. Озерно-болотные отложения. Мощность – 0,2 м.

Слой 11. Светло-бурый алеврит с галькой и щебнем. Перловый. Видимая мощность – до 0,2 м.

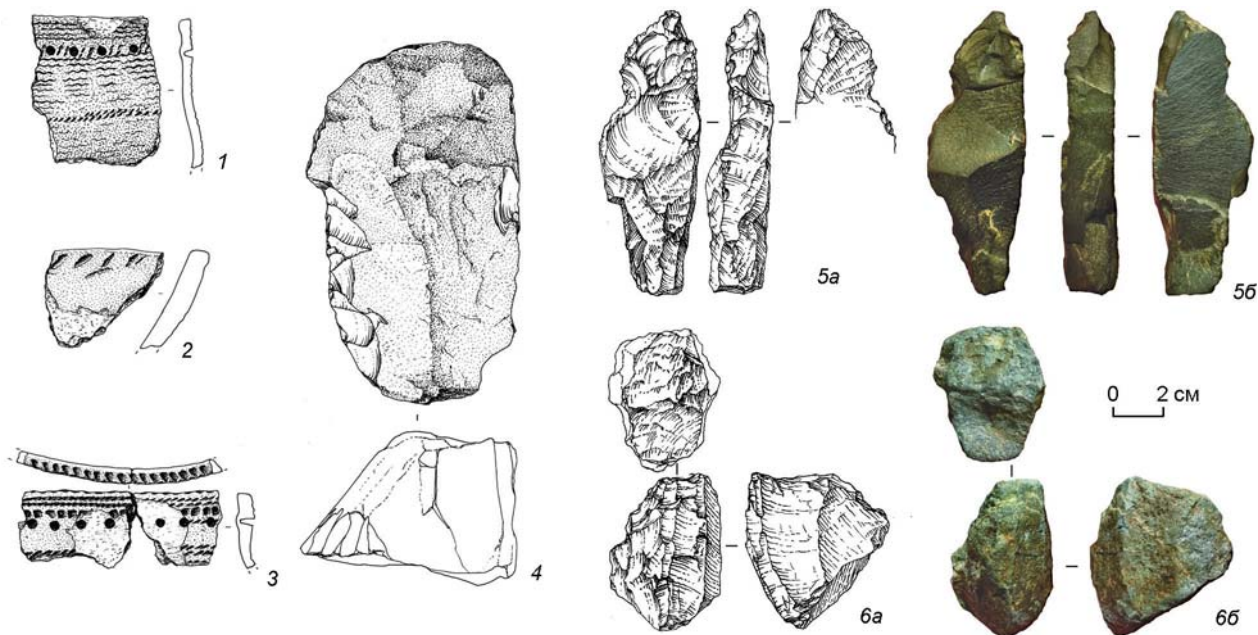

Рис. 2. Археологический материал, полученный в ходе разведочных работ 2020 г. на местонахождениях Ям-Горт-2 (1), Ям-Горт-3 (2, 3), Ям-Горт-4 (5а, 5б), Унсоим (6а, 6б) и бечевнике около местонахождения Унсоим (4).

1–3 – фрагменты керамики; 4 – галечное скребло; 5 – заготовка орудия; 6 – нуклеус.

Археологический материал зафиксирован на контакте слоев 1 и 2 и связан с гумусо-углистыми прослоями, имеющими мощность 2–5 см.

В общей коллекции с объекта присутствуют пять фрагментов керамических сосудов, в т.ч. два апплицирующихся фрагмента горловины тонкостенного слабопрофилированного сосуда со штампованным волнистым орнаментом (гребенка) по шейке и венчику, а также пояском проколов по венчику (рис. 2, 2). Еще один фрагмент представляет собой часть венчика баночного сосуда (?), край которого косо срезан внутрь и орнаментирован косыми насечками (рис. 2, 3).

По углю из огнища в основании разреза (слой 9) на ускорительном масс-спектрометре ИЯФ СО РАН была получена AMS-дата: 10491–10193 кал. л.н. (GV-03035).

Ям-Горт-4. Памятник расположен на левобережье р. Сыня, в 2 км выше по течению от Ям-Горт-2, на левом берегу р. Уньохолсоим, в 0,5 км от ее впадения в Сыню, на береговом мысу южной экспозиции.

На исследованном участке было заложено пять шурфов, в одном из которых зафиксирован единственный артефакт. Шурф имеет г-образную форму (3 × 2 м), общую площадь 5 м² и глубину 2,7 м, высота над бечевником – 5 м.

Шурфом вскрыты следующие отложения (сверху вниз).

Слой 1. Современная лесная подзолистая почва. Мощность – 0,2 м.

Слой 2. Бурый, светло-бурый алеврит неслоистый. Субаэральный покров суперфлюкционный. Мощность – 0,4 м.

Слой 3. Субпараллельное слабонаклонное мелко-среднее переслаивание с падением с юга на север серого алеврита и бурого алевропеска. Слоистость деформирована, но в целом параллельна подошве. Субаэральный покров делювиально-солифлюкционный. Мощность – 0,4 м.

Слой 4. Деформированное переслаивание бурого алевропеска и алеврита. Солифлюксий. Мощность – 0,4 м. В подошве слоя зафиксирован археологический материал.

Слой 5. Бурый пескоалевропелит опесчаненный с редкими валунами и галькой, неслоистый. Морена основная. Мощность – 0,4–0,5 м.

Слой 6. Базальный слой глицеомеланжа из подстилающего светло-серого мелкозернистого песка и бурого диамиктона (пескоалевропелита). Пологие надвиги, полосы, будинаж, пятна. Гляциодинамический контакт. Мощность – 0,2–0,4 м.

Слой 7. Светло-серый песок, деформированный наложенными гляциодинамическими текстурами. В нижней части – валун. Изначально – аллювий. Сейчас – отторженец в морене. Видимая мощность – до 0,7 м.

Археологический материал представлен одним каменным артефактом. Это заготовка орудия, выполненная на плитке темно-коричневой сильно окремененной осадочной породы (рис. 2, 5а, 5б). Широкие плоскости частично покрыты мелкими плоскими

сколами и разноразмерной уплощающей ретушью. Одна из узких граней представляет собой обушок, противоположная – тонкая, подработана мелкой краевой ретушью. Исходя из стратиграфической позиции артефакта, залегающего в делювиально-солифлюкционных отложениях, перекрывающих тазовскую морену, его предполагаемый возраст должен находиться в интервале 50–30 тыс. л.н.

Унсоим. Памятник расположен на левобережье р. Сыня, в 5 км выше по течению от пос. Ям-Горт, на левом устьевом мысу р. Унсоим (приток Сыни). Площадка имеет южную экспозицию, высота над бечевником – 5 м.

На исследованном участке было заложено три шурфа, в одном из которых зафиксирован единственный артефакт. Шурф 2 имеет г-образную форму (3 × 2 м), общую площадь 5 м² и глубину 2,6 м; высота над бечевником – 5 м.

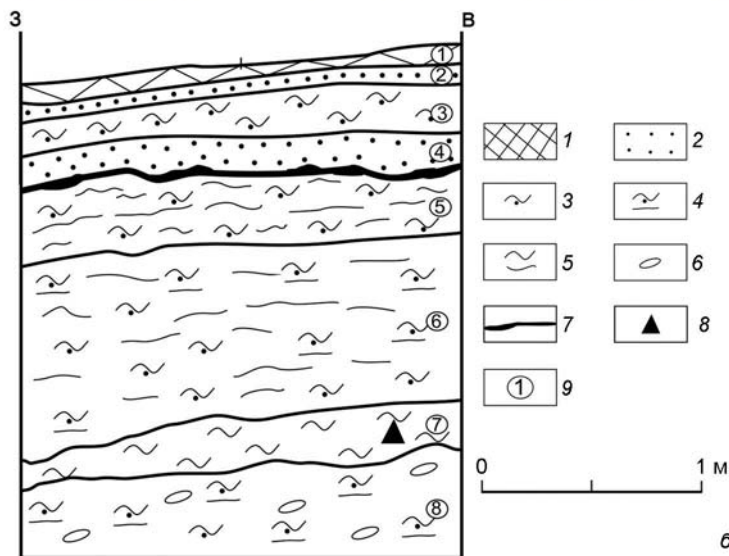

Рис. 3. Фотография (а) и стратиграфический разрез (б) северной стенки шурфа 2 на местонахождении Унсоим.

1 – современная почва; 2 – песок; 3 – алевропесок; 4 – пескоалевропелит; 5 – алеврит; 6 – отложения морены; 7 – палеопочва; 8 – артефакт; 9 – номера литологических слоев.

Шурфом вскрыты следующие отложения (сверху вниз) (рис. 3).

Слой 1. Современная лесная почва. Мощность – 0,2 м.

Слой 2. Светло-бурый алевропесок неслоистый. Субэаральный покров перфляционно-солифлюкционный. Мощность – 0,2 м.

Слой 3. Прослой темно-серый гумусированный. Палеопочва. Мощность – 0,02–0,05 м.

Слой 4. Светло-серый с палевым оттенком алевритистый песок, неслоистый. Субэаральный покров перфляционно-солифлюкционный. Мощность – 0,15–0,35 м.

Слой 5. Гумусированный прослой, «раздерганный» и «растасканный» солифлюкцией. Эфемерная палеопочва. Мощность – 0,2 м.

Слой 6. Светло-бурый алеврит неслоистый. Субэаральный покров суперфляционный. Мощность – 0,50–0,55 м. В подошве слоя зафиксирован археологический и фаунистический материал.

Слой 7. Параллельное субгоризонтальное мелкое переслаивание серого алеврита и бурого пескоалевропелита. Делювий. Мощность – 0,70–0,75 м.

Слой 8. Серый с буроватым оттенком неслоистый алеврит. Субэаральный покров суперфляционный. Мощность – 0,2 м.

Слой 9. Бурый пескоалевропелит с редкими валунами и галькой, неслоистый. Монолитная основная морена. Видимая мощность – до 0,1 м.

Археологический материал представлен одноплощадочным однофронтальным нуклеусом параллельного принципа скалывания, выполненным из серого кварцита (см. рис. 2, ба, бб). Помимо этого, в слое зафиксировано несколько мелких неопределимых фрагментов трубчатых костей. На бечевнике в районе памятника было поднято массивное галечное скребло, оформленное мелкими и средними упорядоченными сколами (рис. 2, 4).

Таким образом, в результате разведочных работ 2020 г. в нижнем течении р. Сыня было открыто три новых стратифицированных позднеголоценовых объекта. Кроме того, впервые в этом регионе зафиксировано присутствие каменных артефактов, относящихся к неоплейстоценовому времени, *in situ*. Пока они не имеют точного хронологического определения, однако пред-

варительный возраст этих изделий по общей геолого-геоморфологической ситуации оценивается как более древний, чем последнее глобальное оледенение северного полушария МИС 2. Следовательно, полученные данные, пусть и имеющие пока предварительный характер, позволяют считать их свидетельствами наиболее ранней колонизации человеком севера Оби, вероятнее всего, связанной с трансуральским движением палеоколлективов на начальных этапах верхнего палеолита.

Благодарности

Исследования выполнены при финансовой поддержке РФФИ, грант № 19-78-20002 «Геохронология и палеогеография долины Нижней Оби позднего плейстоцена в контексте ее заселения палеолитическим человеком». Авторы признательны художникам А.В. Абдульмановой и М.Е. Медовиковой за рисунки археологического материала, а также канд. ист. наук А.В. Новикову и канд. ист. наук Е.С. Богданову за консультации по керамическому материалу.

Список литературы

Беспрозванный Е.М., Косинцев П.А., Погодин А.А. Север Западной Сибири // Первоначальное заселение Арктики человеком в условиях меняющейся природной среды: атлас-монография. – М.: ГЕОС, 2014. – С. 168–181.

Величко А.А., Васильев С.А., Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И. Этапы первичного освоения человеком Арктики и Субарктики // Первоначальное заселение Арктики человеком в условиях меняющейся природной среды: атлас-монография. – М.: ГЕОС, 2014. – С. 422–446.

Зольников И.Д., Анойкин А.А., Макаров С.С., Постнов А.В., Резвый А.С., Глушкова Н.В., Бычков Д.А., Тупахин Д.С., Выборнов А.В. О возможных путях миграций человека на территорию Нижнего Приобья в каменном веке // *Stratum Plus*. – 2020. – № 1. – С. 137–146.

Кочегов Е.И., Фёдорова Н.В. Отчет об археологической разведке в Шурышкарском районе Ямало-Ненецкого автономного округа (река Сыня и ее притоки Несъеган и Лесмиёган). – Екатеринбург, 1995 (рукопись).

Павлов П.Ю. О первоначальном заселении севера Урала // Урал. ист. вестн. – 2015. – № 2. – С. 50–60.

Питулько В.В. Гонка со временем: в поисках начального этапа освоения человеком Сибирской Арктики // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (к 100-летию создания российской академической археологии). – СПб.: Петербург. Востоковедение, 2019. – С. 103–138.

Рудковский С.И. Археологические исследования на памятниках эпохи бронзы в бассейнах рр. Сыня и Вой-

кар в 2002 г. // Традиционные культуры и общества Северной Азии (с древнейших времен до современности): мат-лы XLIV регион. (с междунар. участием) археол.-этнограф. конф. студентов и молодых ученых. – Кемерово, 2004. – С. 195–197.

Рудковский С.И. Особенности периода поздней бронзы в бассейне р. Сыня (по материалам поселения Лов-Санг-Хум III) // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер.: История. – 2012. – № 2. – С. 160–165.

References

Besprozvanniy E.M., Kosintsev P.A., Pogodin A.A. North of West Siberia. In *Initial Human Colonization of Arctic in Changing Paleoenvironments: atlas-monograph*. Moscow: GEOS, 2014, pp. 168–181. (In Russ.).

Kochegov E.I., Fedorova N.V. Otchet ob arkheologicheskoi razvedke v Shuryshkarskom raione Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga (reka Synya i ee pritoki Nes'egan i Lesmiegan). Yekaterinburg, 1995 (copy). (In Russ.).

Pavlov P.Yu. On the Initial Colonization of the North of Ural. In *Ural Historical Herald*, 2015, No. 2, pp. 50–60. (In Russ.).

Pitul'ko V.V. In Pursuit of the Time: Searching for the Initial Human settlement of the Siberian Arctic. In *The Past of Humankind as seen by the Petersburg Archaeologists at the Dawn of the Millennium (to the Centennial of the Russian Academic Archaeology)*. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2019, pp. 103–138. (In Russ.).

Rudkovskii S.I. Arkheologicheskie issledovaniya na pamyatnikakh epokhi bronzy v basseynakh rr. Synya i Voikar v 2002 g. In *Traditsionnye kultury i obshchestva Severnoi Azii (s drevneishikh vremen do sovremennosti): materialy XLIV regional'noi (s mezhdunarodnym uchastiem) arkheologo-etnograficheskoi konferentsii studentov i molodykh uchenykh*. Kemerovo, 2004, pp. 195–197. (In Russ.).

Rudkovskii S.I. The Peculiarities of the Late Bronze Age in the Synya river basin (according to the materials of the settlement Lov-Sang-Khum III). *Tomsk State Univ. J. Series: History*, 2012, vol. 2, pp. 160–165. (In Russ.).

Velichko A.A., Vasilev S.A., Gribchenko Yu.N., Kurenkova E.I. Stages of initial human colonization of Arctic and Subarctic. In *Initial Human Colonization of Arctic in Changing Paleoenvironments: atlas-monograph*. Moscow: GEOS, 2014, pp. 422–446. (In Russ.).

Zolnikov I.D., Anoin A.A., Makarov S.S., Postnov A.V., Rezvyi A.S., Glushkova N.V., Bychkov D.A., Tupakhin D.S., Vybornov A.V. About possible ways of human migrations into the territory of the Lower Ob in the Stone Age. *Stratum Plus*, 2020, No. 1, pp. 137–146. (In Russ.).

Зольников И.Д. <https://orcid.org/0000-0003-1178-5707>

Анойкин А.А. <https://orcid.org/0000-0003-2383-2259>

Филатов Е.А. <https://orcid.org/0000-0002-2675-7736>

И.Д. Зольников¹, А.А. Анойкин¹✉, Е.А. Филатов²,
А.В. Васильев², М.А. Аржанников¹, А.М. Чеха¹

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

²Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
E-mail: anui1@yandex.ru

Разведочные работы на правом берегу Большой Оби в 2020 году

В статье описаны результаты разведочных работ в нижнем течении Оби (Шурьшкарский р-н ЯНАО) в 2020 г. В ходе исследований на правом берегу Большой Оби была изучена береговая линия в трех основных районах: у поселков Горки/Кушеват и Хашгорт, а также в устье р. Лангивожъёган. Всего было сделано 27 шурфов и 4 зачистки береговых уступов, вскрывших субаэральные и субаквальные отложения позднего неоплейстоцена. Возле пос. Кушеват, на правом берегу Кушеватской протоки, в 3 из 12 шурфов зафиксирован палеонтологический материал, залегающий in situ и связанный с отложениями II надпойменной террасы. Все фаунистические остатки (29 экз.) залегают в одном литологическом теле, а предполагаемая площадь их распространения составляет порядка 1 000 м². Видовой состав представлен преимущественно мамонтом и северным оленем. На двух предметах – роге северного оленя и фрагменте трубчатой кости мамонта – зафиксированы возможные следы антропогенного воздействия. Сравнение изученных разрезов с имеющимися данными по району Горки–Кушеват–Лопхари позволяет предполагать, что возраст костеносного слоя на местонахождении Кушеват находится в интервале ~50–35 тыс. л.н. Значение материалов, полученных в ходе разведочных работ 2020 г. на Большой Оби, состоит в том, что впервые на территории Ямало-Ненецкого автономного округа объекты, связанные с деятельностью палеолитического населения, зафиксированы in situ. Весь комплекс полученных в настоящее время данных позволяет утверждать, что раннее заселение палеоколлективами бассейна северной Оби началось на рубеже верхнего палеолита и, вероятнее всего, проходило в широтном направлении, с территории Предуралья.

Ключевые слова: нижняя Обь, поздний неоплейстоцен, верхний палеолит, палеонтология, палеогеография, стратиграфия.

Ivan D. Zolnikov¹, Anton A. Anoiin¹✉, Egor A. Phylatov²,
Anton V. Vasiliev², Mihail A. Arzhannikov¹, Andrew M. Chekha¹

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

²Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia
E-mail: anui1@yandex.ru

Archaeological Survey on the Right Bank of the Bolshaya Ob River in 2020

The article describes the archaeological survey in the basin of the Lower Ob River (Shuryshkarsky District, Yamalo-Nenets Autonomous Okrug) in 2020. The right bank of the Bolshaya Ob River was explored in three main areas: in the vicinity of Gorki/Kushevatskaya and Khashgort villages, and near the mouth of the Langivozhyogan River. In total, 27 test pits were made and four stratigraphic profiles of bank scarps were unearthed revealing subaerial and subaqueous sediments of the Late Neopleistocene. Paleontological evidence in situ in the sediments of the second floodplain terrace was found in three out of 12 test pits in the vicinity of Kushevatskaya village on the right bank of the Kushevatskaya channel. All faunal remains (29 specimens) mainly belonged to mammoth and reindeer, and were found in the same lithological body in the area of about 1 000 m². A reindeer horn and fragment of a mammoth tubular bone showed possible traces of anthropogenic impact. Comparison of the

sections with available data from the Gorki-Kushevatskiy-Lophari area makes it possible to suggest that the age of the Kushevatskiy layer was ca 50–35 kyr BP. Thus, material evidence associated with the Paleolithic population was found for the first time in situ so far in the north, on the Bolshaya Ob River, in 2020. New evidence suggests that the early paleomigration to the Northern Ob River basin from the Urals began in the Upper Paleolithic in the latitudinal direction.

Keywords: Lower Ob River, Late Neopleistocene, Upper Paleolithic, paleontology, paleogeography, stratigraphy.

В 2020 г. Нижнеобским палеолитическим отрядом ИАЭТ СО РАН проводились разведочные работы с целью обнаружения археологических объектов палеолитического времени в бассейне нижней Оби. Основными районами исследований являлись участки коренного берега Большой (восточный рукав) и Малой (западный рукав) Оби, а также нижнее течение притоков второго порядка (реки Сыня, Лангивожьёган, Хашгорт и др.). Все разведочные работы проходили в пределах административных границ Шурышкарского р-на Ямало-Ненецкого автономного округа (рис. 1).

На правом берегу Большой Оби основное внимание было уделено отрезку реки между поселками Горки и Хашгорт. В районе пос. Горки, кроме визуального осмотра бечевника Оби и естественных обнажений на Горкинском мысу, производилась шурфовка участка правого берега Кушеватской протоки, в районе пос. Кушеват, находящегося в 5 км к востоку от пос. Горки (рис. 2).

Основанием выбора места для шурфовки послужило наличие на этом участке мысов южной экспозиции, образованных серией небольших речек/ручьев, пересекающих берег широкими и короткими долинами. Ранее в ходе рекогносцировочных работ 2019 г. [Анойкин, 2020] на этом участке, на береговом мысу левого берега одного из таких водотоков, впадающего в протоку на территории поселка, были заложены два шурфа, не показавшие наличие археологического и палеонтологического материала. В 2020 г. работы были перенесены на противоположный берег устьевой части этой речки, также имеющий вид высокого и широкого мыса. Здесь была заложена серия из 12 шурфов, перекрывших территорию общей площадью

~10 000 м². Результаты шурфовочных работ подтвердили предположение, сделанное ранее на основе наличия подъемного остеологического материала на бечевнике и изучения локальной геологической ситуации, что размывом речки частично разрушен костеносный слой на границе субэвразального и аллювиального ярусов II надпойменной террасы. Стратифицированный палеонтологический материал был выявлен в шурфах 7, 10 и 12 (рис. 2).

Стратиграфическая ситуация во всех шурфах примерно одинакова и в основном отличается мощностью субэвразального комплекса и строением су-

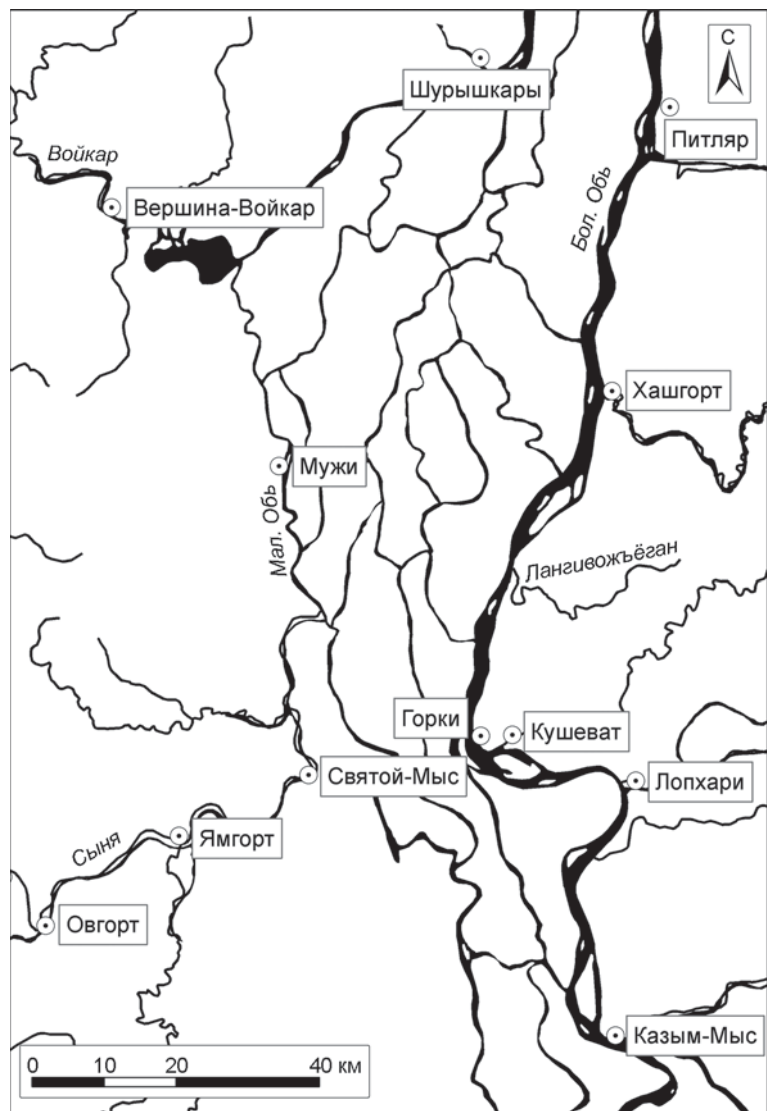

Рис. 1. Основной район разведочных работ 2020 г.

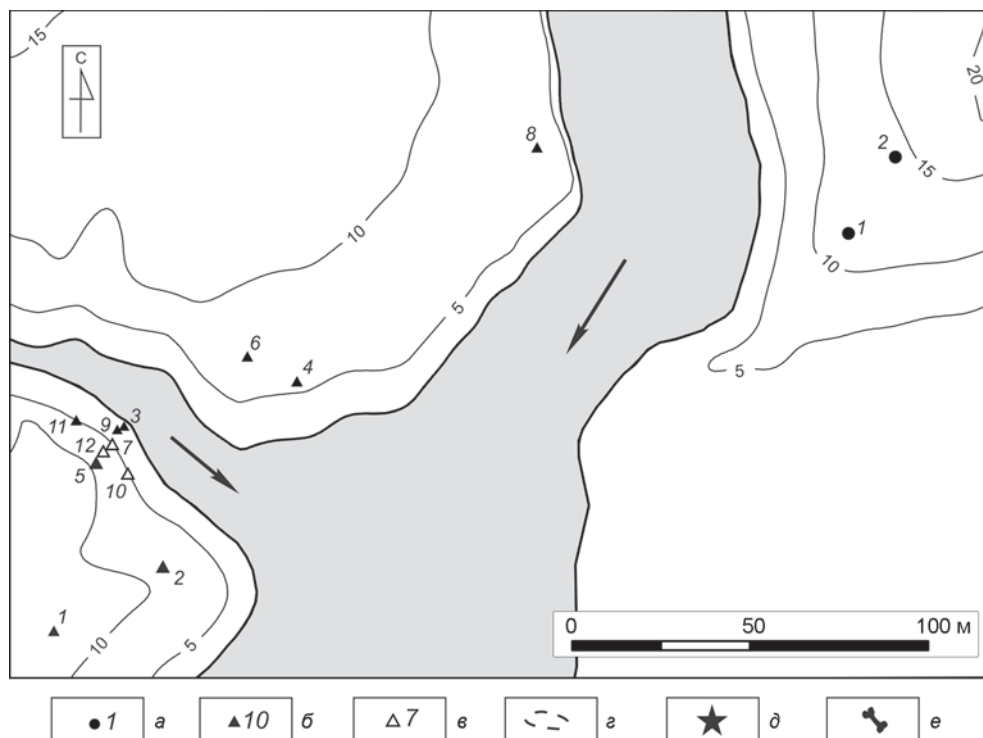

Рис. 2. План местонахождения Кушеват.

a – шурфы 2019 г.; *б* – шурфы 2020 г. без палеонтологического материала; *в* – шурфы 2020 г. с палеонтологическим материалом; *г* – предполагаемые границы распространения костеносного слоя; *д* – подъемный археологический материал; *е* – подъемный палеонтологический материал.

бавальных отложений аллювиального генезиса. Примером такой стратиграфической ситуации, характерной для большинства шурфов, может служить строение разреза на шурфе 12 (2×1 м, высота над бровкой бечевника – 7,4 м), из которого была получена наиболее многочисленная коллекция фаунистических остатков. Описание приводится сверху вниз (рис. 3, *а, б*).

Слой 1. Современная лесная почва. Мощность – 0,1 м.

Слой 2. Светло-серый с бурым оттенком песок, алевритовый тонко-мелко параллельно слоистый. Субаэральный покров преимущественно перфляционно-делювиальный. Мощность – 0,5–0,6 м.

Слой 3. Серый с табачным оттенком алеврит, неслоистый, с редкими мелкими линзами светло-серого мелкозернистого песка. Субаэральный покров преимущественно суперфляционный. Мощность – 2,1–2,3 м.

Слой 4 (рис. 3, *в*). Переслаивание мелко-среднее светло-серого и рыжего песка с серым табачного оттенка алевритом, алевропеском. Местами в песке наблюдается косая слоистость. Слоистость деформирована солифлюкцией. Прибрежный аллювий маленькой реки. Слой содержит палеонтологический материал (рис. 3, *г*). Мощность – 0,3–0,4 м.

Слой 5 (рис. 3, *в*). Светло-серый хорошо промытый мелко-среднезернистый песок, параллельно субгоризонтально слоистый. Русловый аллювий большой реки, побочная фация. Видимая мощность – до 0,2 м.

Более сложная ситуация была зафиксирована на шурфе 10 (2×1 м, высота над бровкой бечевника – 8,3 м). В южной стенке от бровки шурфа сверху вниз прослежены следующие отложения.

Слой 1. Современная лесная почва. Мощность – 0,2 м.

Слой 2. Светло-бурый песчаный алеврит с тонко-мелкой нечетко проявленной параллельной пологоволнистой слоистостью. Субаэральный покров преимущественно суперфляционно-делювиальный. Мощность – 0,3 м.

Слой 3. Светло-бурый алеврит с тонко-мелкой нечетко проявленной параллельной пологоволнистой слоистостью, солифлюкционно деформированной. Субаэральный покров суперфляционно-делювиально-солифлюкционный. Мощность – 0,5 м.

Слой 4. Белесый песок мелкозернистый, интенсивно солифлюкционно деформированный. Мощность – 0,1–0,4 м.

Слой 5. Светло-серый хорошо промытый мелко-среднезернистый песок с параллельной слоистостью, деформированной солифлюкцией. Рус-

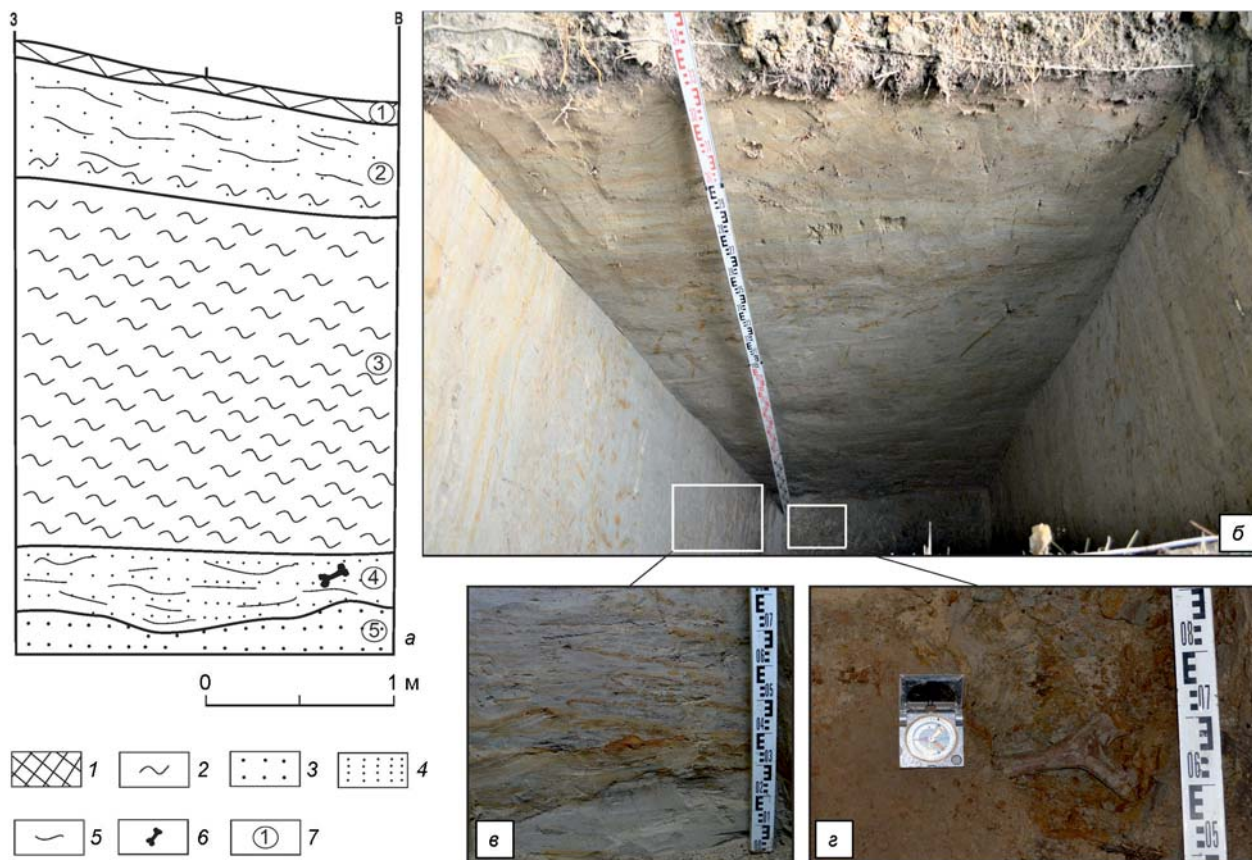

Рис. 3. Стратиграфический разрез (а), фотография (б) и фрагмент (отложения слоев 4 и 5) (в) северной стенки шурфа 12 на местонахождении Кушеват, а также условия залегания палеонтологического материала в слое 4 (з).

1 – современная почва; 2 – алевроит; 3, 4 – песок; 5 – слоистость; 6 – палеонтологический материал; 7 – литологические слои.

ловый аллювий большой реки, побочная фация. Мощность – 0,4–0,9 м.

Слой 6. Светло-серый мелко-среднезернистый хорошо промытый песок, переслаивающийся с ржавым песком и серым алевропеском. Слоистость деформирована солифлюкцией. Прибрежный аллювий небольшой речки. Мощность – 1,0–1,1 м. В слое присутствует палеонтологический материал.

Слой 7. Светло-серый мелко-среднезернистый хорошо промытый песок с тонкой субгоризонтальной слоистостью. Русловый аллювий прибрежной отмели большой реки. Видимая мощность – до 0,2 м.

Несмотря на определенные стратиграфические различия фаунистический материал во всех шурфах, где он зафиксирован, связан с одним литологическим телом. Это позволяет предполагать, что общая площадь участка с костным материалом, залегающим *in situ*, составляет порядка 1 000 м². Общее количество остеологических остатков, обнаруженных на местонахождении Кушеват в стратифицированном залегании, составляет 29 экз. Видовой состав представлен мамонтом, северным оленем и одной костью бизона или овцебыка. Та-

ким образом, фаунистический комплекс местонахождения демонстрирует небольшое видовое разнообразие, где основными видами являются северный олень и мамонт.

По результатам визуального осмотра палеонтологических материалов специалистами лаборатории палеотехнологий на базе научно-образовательного центра «Новая археология» Гуманитарного института Новосибирского государственного университета было сделано предварительное заключение о наличии возможных следов антропогенного воздействия на двух предметах – роге северного оленя и фрагменте трубчатой кости мамонта. В настоящее время эти материалы находятся на стадии исследования. Результаты радиоуглеродного датирования фаунистических остатков пока нет, однако сравнение изученных разрезов с имеющимися данными по району Горки–Кушеват–Лопхари, включая серию радиоуглеродных дат [Зольников и др. (в печати)], позволяет предполагать, что возраст костяного слоя на местонахождении Кушеват находится в интервале ~50–35 тыс. л.н.

Следующим районом работ, расположенным ниже по течению Большой Оби, являлась устьевая

часть р. Лангивожъёган (правый приток). Участок шурфовки находится на правом берегу реки в 1 км от устья. Лангивожъёган здесь делает петлю, оконтуривая своим руслом мыс южной экспозиции. Рядом с береговым обнажением лежит современный лог, около которого были найдены кости мамонта и шерстистого носорога. В районе лога и в 60 м от него выше по реке было поставлено две зачистки от бровки, а также заложено шесть шурфов вдоль тальвега.

По итогам работ получена следующая принципиальная последовательность слагающих берег отложений (снизу вверх, от бровки бечевника, мощность не указана, т.к. отличается на разных участках вскрытия): тазовская морена (пескоалевропелит с галькой и валунами); аллювий первого верхнечетвертичного межледниковья (светло-серые до белых хорошо промытые среднезернистые пески с косой и параллельной слоистостью аллювиального типа); озерно-ледниковые варвиты первого верхнеплейстоценового оледенения (параллельное переслаивание алевропелитов, алевропесков, песков); субаэральный покров (эоловые и делювиальные пески и алевропески с редкими тонкими криогенными клиньями до 1,5 м глубиной). В ходе работ на шурфе 2 в отложениях овражно-балочного солифлюксия в верхней части разреза был зафиксирован фрагмент лопатки мамонта в переотложенном состоянии.

Геолого-геоморфологические данные показали, что лог наследует палеоовраг, который был заложен врезом при спуске ледниково-подпрудного озера, существовавшего внутри долины Оби. После этого вплоть до современности овраг периодически запаковывался и вновь вскрывался под воздействием овражно-балочных процессов.

В результате этих наблюдений было выдвинуто предположение о вымывании современными водами из отложений субаэрального комплекса палеофаунистического материала и переносе его к устью оврага. Расчистки овражных бортов здесь и на других участках показали, что овраги, выраженные в рельефе, как правило, не случайны и закладываются по еще более древним ложбинам, неоднократно запаковывавшимся и вновь вскрывавшимся. Таким образом, история формирования этих локальных современных форм рельефа является гораздо более древней, чем это представлялось ранее. Именно к таким приустьевым участкам часто приурочены скопления мегафауны на приустьевых отмелях.

Еще одним участком, где производился визуальный осмотр и шурфовка неоплейстоценовых отложений, были окрестности пос. Хашгорт и устьевая часть одноименной реки (правый приток Большой Оби).

Здесь было заложено шесть шурфов, перекрывающих площадь ок. 5 000 м² и расположенных вдоль бровки II надпойменной террасы, имеющей южную экспозицию. Шурфами были вскрыты субаэральные и субаквальные отложения на глубину до 3,6 м. Археологического материала и фаунистических остатков при работах обнаружено не было. Все полученные разрезы имеют схожее строение.

Наиболее полный разрез был получен в шурфе 4, которым сверху вниз были вскрыты следующие отложения.

Слой 1. Темно-серый до черного гумус. Паханая залежь. Мощность – 0,3 м.

Слой 2. Светло-серый с палевым оттенком, алевритовый мелкозернистый песок неслоистый. Субаэральный покров эолово-солифлюкционный. Мощность – 0,8 м.

Слой 3. Серый мелкозернистый песок с рыжим ожелезнением в подошве толщиной 2 см. Мелкие точки гумусового детрита (1–2 мм). Палеопочва со смытым гумусовым горизонтом. Мощность – 0,1 м.

Слой 4. Светло-серый с палево-бурым оттенком и рыжими пятнами, полосами ожелезнения мелкозернистый алевритовый песок, неслоистый. Субаэральный покров эолово-солифлюкционный. Мощность – 2,1 м.

Слой 5. Светло-серый до белого хорошо промытый мелко-среднезернистый песок, параллельно субгоризонтально слоистый. Верхний контакт наклонный, резкий, дефляционный, срезает слоистость слоя. Аллювий большой реки. Видимая мощность – до 0,2 м.

Серией шурфов 2020 г. в районе Хашгорта вскрыт субаэральный ярус второй надпойменной террасы Оби на всю глубину залегания. Отсутствие в отложениях археологического и палеонтологического материала, по всей вероятности, обусловлено тем, что мыс южной экспозиции на протяжении долгого времени подмывался речными водами. Соответственно, наиболее перспективные в археологическом плане участки палеоберега, заселенные в период 50–30 тыс. л.н., в настоящее время уничтожены волноприбойной деятельностью. Подобная ситуация наблюдается, например, в районе пос. Лопхари, где за последние 50 лет в результате эрозии высокий берег отступил на несколько десятков метров, а фаунистический материал неоплейстоценового возраста, долгое время собиравшийся местными жителями на участках размыва, теперь здесь не фиксируется.

В 2020 г. Нижнеобским палеолитическим отрядом ИАЭТ СО РАН на Большой Оби открыто новое стратифицированное местонахождение неоплейстоценовой фауны – Кушеват. Среди обнаруженного здесь фаунистического материала

так же в стратифицированном залежании зафиксированы две кости с признаками искусственного воздействия (рог оленя и трубчатая кость мамонта). Естественно-научные данные позволяют предварительно датировать их временным интервалом ~50–35 тыс. л.н. Возможно, раскопочные работы на этом местонахождении, запланированные в следующем году, позволят получить археологический материал в той же позиции. Если эти данные подтвердятся в результате трасологических или археологических изысканий, то материалы местонахождения Кушеват позволят существенно удревнить дату первого появления человека на нижней Оби и переместить границу верхнепалеолитической колонизации этой территории на 300 км севернее относительно известной в настоящее время (стоянка Комудваны, ХМАО). При этом стоит отметить, что в фаунистической коллекции Кушевата доминирующее положение занимает северный олень, что отличает его от «мамонтовых» комплексов Комудваны и Луговское [Макаров, Резвый, Горелик, 2018; Зенин и др., 2006].

Результаты работ последних лет позволяют сделать предположение о том, что на территории северной Оби в позднем неоплейстоцене было две волны колонизации. Свидетельствами заселения бассейна нижней Оби на рубеже неоплейстоцена и голоцена служат стоянки Луговское и Комудваны. Более раннее заселение пока не подтверждается прямыми фактами, однако несомненным аргументом в пользу его существования могут стать результаты изучения местонахождения Кушеват, открытого в 2020 г., если подтвердится предполагаемый позднеплейстоценовый возраст костеносного слоя и наличие следов антропогенного воздействия на некоторых костях. Учитывая, что присутствие древнего человека на ранних стадиях верхнего палеолита уже доказано для территории Республики Коми, Красноярского края и Якутии, обнаружение его следов на нижней Оби в это же время не представляется чем-то невозможным. Особое значение материалов местонахождения Кушеват состоит в том, что впервые на территории Ямало-Ненецкого автономного округа объекты палеолитического возраста зафиксированы не в поверхностном залежании, а *in situ*. Весь комплекс полученных в настоящее время данных, включая предварительные результаты, позволяет утверждать, что раннее заселение палеоколлективами бассейна северной Оби началось на рубеже верхнего палеолита и, вероятнее всего, проходило в широтном направлении, с территории Предуралья. Его возможность определялась наличием сквозных долин в Уральских горах [Зольников и др., 2020], благоприятными палеоклиматическими обстановками в северных

широтах, наличием здесь пригодных для освоения палеоландшафтов, а также многочисленной и достаточно разнообразной фауной, представленной всеми основными видами мамонтового комплекса.

Благодарности

Экспедиционные исследования выполнены при финансовой поддержке Российского научного фонда – грант № 19-78-20002 «Геохронология и палеогеография долины Нижней Оби позднего плейстоцена в контексте ее заселения палеолитическим человеком». Лабораторные исследования археологических материалов проведены в рамках выполнения проекта НИР № 0329-2019-0001 «Заселение первобытным человеком Северной Азии: культурный и экологический контекст».

Список литературы

Анойкин А.А. Отчет в ОПИ. О проведении археологических полевых работ (археологических разведок) в бассейне Нижней Оби в пределах Шурышкарского, Приуральского районов Ямало-Ненецкого автономного округа в 2019 году. – Новосибирск, 2020. – 138 с. (рукопись).

Зенин В.Н., Лещинский С.В., Золотарев К.В., Грутес П.М., Надо М.-Х. Геоархеология и особенности материальной культуры палеолитического местонахождения Луговское // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 1 (25). – С. 41–53.

Зольников И.Д., Анойкин А.А., Макаров С.С., Постнов А.В., Резвый А.С., Глушкова Н.В., Бычков Д.А., Тупахин Д.С., Выборнов А.В. О возможных путях миграций человека на территорию Нижнего Приобья в каменном веке // *Stratum Plus*. – 2020. – № 1. – С. 137–146.

Зольников И.Д., Анойкин А.А., Рендю В., Филатов Е.А., Макаров С.С., Резвый А.С., Постнов А.В., Брусницына А.Г., Васильев А.В., Выборнов А.В., Аржаников М.А., Зоткина Л.В. Человек и мамонтовая фауна на севере Оби в позднем неоплейстоцене // *Stratum Plus*. – (в печати).

Макаров С.С., Резвый А.С., Горелик В.И. Местонахождение Комудваны – новый палеонтолого-археологический памятник Западно-Сибирской равнины // Эволюция жизни на Земле: мат-лы V Междунар. симп. / отв. ред. В.М. Подобина. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2018. – С. 215–217.

References

Anoikin A.A. Otchet v OPI. O provedenii arkhеologicheskikh polevykh работ (arkheologicheskikh razvedok v basseine Nizhnei Obi v predelakh

Shuryshkarskogo, Priural'skogo raionov Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga v 2019 godu. Novosibirsk, 2020, 138 p. (copy). (In Russ.).

Makarov S.S., Rezvyi A.S., Gorelik V.I. Komudvany – A New Paleontological and Archaeological site of the West Siberian Plain. In *Evolution of Life on the Earth: Proceedings of the V International Symposium*, November 12–16, 2018, Tomsk. Tomsk: State Univ. Press, 2018, pp. 215–217. (In Russ.).

Zenin V.N., Leshchinskii S.V., Zolotarev K.V., Grutes P.M., Nado M.-Kh. Lugovskoe: Geoarchaeology and Culture of a Paleolithic Site. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2006, No. 1 (25), pp. 41–53.

Zolnikov I.D., Anoikin A.A., Makarov S.S., Postnov A.V., Rezvyi A.S., Glushkova N.V., Bychkov D.A.,

Tupakhin D.S., Vybornov A.V. About possible ways of human migrations into the territory of the Lower Ob in the Stone Age. *Stratum Plus*, 2020, No. 1, pp. 137–146. (In Russ.).

Zolnikov I.D., Anoikin A.A., Rendu W., Filatov E.A., Makarov S.S., Rezvyi A.S., Postnov A.V., Brusnitsyna A.G., Vasilev A.V., Vybornov A.V., Arzhannikov M.A., Zotkina L.V. Human and mammoth fauna on the Northern Ob in the Late Neopleistocene. *Stratum Plus*. (In print). (In Russ.).

Зольников И.Д. <https://orcid.org/0000-0003-1178-5707>

Анойкин А.А. <https://orcid.org/0000-0003-2383-2259>

Филатов Е.А. <https://orcid.org/0000-0002-2675-7736>

Чеха А.М. <https://orcid.org/0000-0002-2427-7480>

Д.А. Иванова

Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия
E-mail: ivanova.dale@dofu.ru

Атрибуты ритуальной практики эпохи дзёмон, Японский архипелаг

На протяжении эпохи дзёмон древние обитатели Японского архипелага активно изготавливали не только орудия каждодневного использования, но и предметы ритуального, обрядового характера. К таким предметам прежде всего относятся глиняные фигурки догу и каменные жезлы сэкибо. Резкое увеличение атрибутов ритуальной практики наблюдается в период среднего—финального дзёмона. Такие предметы чаще всего фиксируются поломанными и намеренно уложенными внутрь ритуальных комплексов, в исключительных случаях внутрь жилища (на дно жилищного котлована). По данным археологии известны комплексы с единичными находками и кладами ритуальных объектов этих двух категорий артефактов. Объектом нашего исследования выступают уникальные материалы, среди которых находки с памятников Танабатакэ (преф. Нагано), Мидорикава Хигаси (столичный округ Токио), Кинсэй (преф. Яманаси) и Уэнодай «А» (преф. Фукусима). Анализ формы артефактов, их целостности или фрагментарности, а также местоположения предметов внутри жилых и погребальных зон и в целом внутри поселения позволяет высказать идею о защитной или магической функции представленных изделий. Хотя основное внимание уделено специфике глиняных фигурок догу и каменных жезлов сэкибо. В ритуальной и обрядовой практике особое значение отводится разнообразным изделиям из глины и камня. Это прежде всего глиняные маски домэн, разнообразные бусы и каплевидные подвески магатама, каменные и глиняные таблички, небольшие фигурки из туфа, «каменные мечи» и «каменные короны» и проч. Эти изделия имели разнообразные функции (украшение, символ статуса, оберег), многие из которых пока достоверно не определены и требуют более детального исследования в будущих работах.

Ключевые слова: Японский архипелаг, эпоха дзёмон, средний период, ритуальная практика, атрибуты, догу, сэкибо.

Darya A. Ivanova

Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia
E-mail: ivanova.dale@dofu.ru

Attributes of Ritual Practices of the Jōmon Period, Japanese Archipelago

Ancient inhabitants of the Japanese archipelago actively made and used not only everyday tools, but also ritual objects throughout the Jōmon period. These items primarily included the dogū clay figurines and stone sekibō staffs. Sharp increase in the attributes of ritual practices is observed during the Middle and Final Jōmon. Such objects have been most frequently discovered in a broken state and were deliberately stacked inside ritual complexes, and in exceptional cases inside the dwelling space (the bottom of the dwelling pit). According to archaeology, unique complexes with individual finds and hoards of ritual objects are known. This article describes the materials of such complexes, including the finds from the Tanabatake site (Nagano Prefecture), Midorikawa Higashi site (Tokyo Metropolitan Area), Kinsei site (Yamanashi Prefecture), and Uenodai “A” site (Fukushima Prefecture). Analysis of the shape and integrity or fragmentation of the artifacts as well as location of finds inside residential and burial zones, and generally inside the settlements makes it possible to suggest a special protective or magical function of the objects under study. Although the article mainly focuses on specific features of the dogū figurines and sekibō stone staffs, it also notes that special importance in ritual practices was given to various objects of fired clay and objects made of stone, such as clay masks, various beads and drop-shaped magatama pendants, clay and stone tablets, stone figurines, sword-shaped and crown-shaped stone objects, etc. These objects had a variety of functions (decoration, status symbol, amulet, etc.), many of which have not yet been reliably identified and require more detailed research.

Keywords: Japanese archipelago, Jōmon, ritual practice, ritual attribute, dogū, sekibō.

В серии опубликованных ранее работ по эпохе дзёмон мы уже касались специфики памятников ритуального характера [Табарев и др., 2017; Табарев, Иванова, 2019]. В первую очередь, к таким объектам можно отнести различные типы монументальных сооружений, в т.ч. выкладки из камней (скопления и «каменные круги»), земляные насыпи и раковинные кучи (геометрической формы), а также сооружения из дерева. Проявления монументальных сооружений фиксируются уже на ранних этапах эпохи дзёмон (начальный период, ок. 8 тыс. л.н.), а пик приходится на поздний дзёмон (4–3 тыс. л.н.). Однако не всегда о ритуальном назначении того или иного комплекса следует судить по масштабным конструкциям из камня или дерева. Обилие данных показывает, что выводы об обрядовом или ритуальном характере отдельных зон внутри поселенческих комплексов можно делать по сопутствующему материалу в его составе.

Для эпохи дзёмон, наряду с ритуальными сооружениями из выложенных камней и следов от вертикально поставленных структур, характерны уникальные комплексы, представленные единичными изделиями или кладами ритуального характера. Центральное место отводится глиняным фигуркам *догу* (土偶) и каменным жезлам *экибо* (石棒). Помимо этих двух категорий артефактов, к числу атрибутов ритуальной практики принято относить глиняные маски *домэн* (土面), разнообразие бусы *тама* (玉), каплевидные подвески *магатама* (勾玉), ушные диски *дзисэн* (耳栓), глиняные таблички *добан* (土版), каменные таблички из туфа *ганбан* (岩板), каменные фигурки из туфа *гангу* (岩偶), каменные мечи *экито* (石刀), каменные «короны» *эккан* (石冠), небольшие каменные жезлы с шарообразным навершием *эккэн* (石劍) и каменные орудия типа *сикава* (白川型石斧)*. Это наиболее распространенные категории артефактов, которые ассоциируются с ритуальной практикой. Разные виды атрибутов встречаются практически на всей территории японского архипелага, начиная с начального дзёмона и до финальной стадии исследуемой нами эпохи (ок. 11345–2360 кал. л.н.) [Кобаяси, 2019а, с. 82, 134].

Многообразие предметов, относимых к ритуальным, не позволяет описать их все в контексте небольшой работы. Поэтому мы дадим краткую характеристику лишь наиболее известным артефактам (*догу* и *экибо*) в рамках памятников среднего–позднего дзёмона с о-ва Хонсю (5300–3300 кал. л.н.) [Matsumoto, Nabu, Matsui, 2017, p. 437].

Каменные жезлы *экибо* и глиняные фигурки *догу* являлись важным атрибутом ритуальной прак-

тики на протяжении всей эпохи. Об этом свидетельствует тот факт, что артефакты из этих двух категорий практически всегда фиксируются намеренно поломанными либо обожженными. Крайне редко встречаются неповрежденные предметы. На этом основании в японских научных кругах принято считать, что в конце и/или в процессе ритуального акта эти объекты намеренно уничтожались.

Глиняные фигурки *догу* – второй по масштабам обнаружения после керамики вид артефактов, которым приписывается ритуальный характер. В настоящее время на территории северных и центральных регионов о-ва Хонсю найдено свыше 15 тыс. глиняных фигурок, относящихся к эпохе дзёмон, из них более 4 тыс. датированы средним дзёмоном (5300–4400 кал. л.н.). Крупные скопления *догу*, преимущественно состоящие из обломанных фрагментов рук, ног, головы, целого или разломанного пополам туловища, известны по материалам таких крупных комплексов, как Саннай Маруяма (свыше 2000 экз., г. Аомори, преф. Аомори), Сякадо (ок. 1116 фрагментов, г. Кофу, преф. Яманаси), Додзитэ (150 экз., пос. Цунан, преф. Ниигата), Тадао район А1 (123 образца, Токио) [Догу то косумосу, 2012, с. 205–209] (рис. 1). По мнению большинства японских и отечественных специалистов в этой области, *догу* олицетворяет собой не просто тело женщины, а образ женского «божества», воплощая в себе верования, связанные с плодородием как в узком, так и в широком смысле [Харада, 2007; Соловьёва, 2005].

Самые ранние образцы *догу* известны по материалам двух памятников из района Кансай (о-в Хонсю) (рис. 2). Второй половиной – концом изначального дзёмона датирована небольшая фигурка со стоянки Каюми Идзири (г. Мацусака, преф. Мие), для которой характерна керамика, декорированная оттиском шнура, нанесенного в технике прокатывания по стенке сосуда *тадзёмон доки* (多縄紋土器) (12930–11345 кал. л.н.). Фигурка размерами 6,8 × 4,2 × 2,6 см представляет собой небольшой объект подтреугольной формы с двумя маленькими выступами, изображающими груди, обломанными плечиками и головой в виде усеченного конуса. Этим же временным промежутком определена вторая фигурка со стоянки Аидани Каманохара (г. Хигасиоми, преф. Сига), которая из-за своих размеров отнесена к категории *мини-догу*. Это крохотная фигурка весом 14,5 г и размерами 3,1 × 2,7 см с четко выраженной грудью и профилированной талией. В обоих случаях у древних мастеров получились реалистичные изображения женского тела. По мнению исследователей, обе фигурки могли выполнять защитную функцию для местных жителей [Харада, 2007, с. 18–19]. Следует

*Другое название *доккоиси* (独鈷石) – каменный жезл с закругленными краями и желобком посередине.

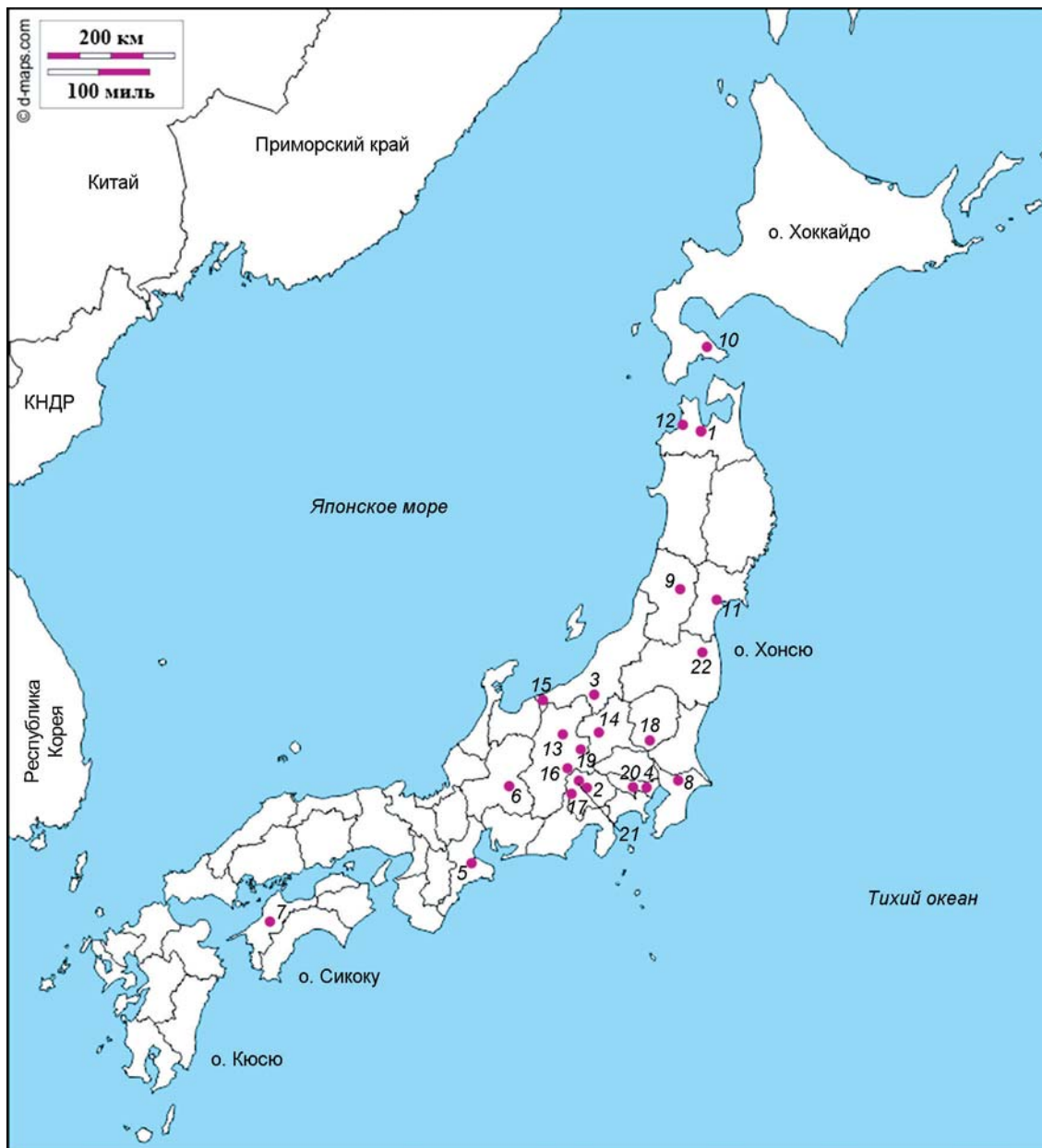

Рис. 1. Расположение памятников, упоминаемых в тексте.

1 – Саннай Маруяма (г. Аомори, преф. Аомори); 2 – Сякадо: (г. Кофу, преф. Яманаси); 3 – Додзигтэ (пос. Цунан, преф. Ниигата); 4 – Тадао район А1 (Токио); 5 – Каюми Идзири (г. Мацусака, преф. Миэ); 6 – Аидани Каманохара (г. Хигасиоми, преф. Сига); 7 – Камикуроива (пос. Кумакоген, преф. Эхиме); 8 – Кинонэ (пос. Сакаэ, преф. Тиба); 9 – Нисиномаэ (пос. Фунагата, преф. Ямагата); 10 – Тёбонаино (пос. Минамикаябэ, преф. Хоккайдо); 11 – Икода (г. Сендай, преф. Мияги); 12 – Камэгаока (г. Цугару, преф. Аомори); 13 – Накаппара (г. Тикума, преф. Нагано); 14 – Гобара (пос. Ивасима, преф. Гумма); 15 – Тёдзяхара (г. Итоигава, преф. Ниигата); 16 – Танабатакэ (г. Тино, преф. Нагано); 17 – Имодзия (г. Минамиарупусу, преф. Нагано); 18 – Симокубо (г. Тотиги, преф. Тотиги); 19 – Китадзава (пос. Сакухо, преф. Нагано); 20 – Мидорикава Хигаси (г. Кунитати, столичный округ Токио); 21 – Кинсэй (г. Кофу, преф. Яманаси); 22 – Уэнодай «А» (с. Иитате, преф. Фукусима).

отметить, что до появления первых антропоморфных фигурок из обожженной глины существовали выгравированные на плоских гальках изображения женских форм. Это прежде всего серия находок из пещеры Камикуроива (пос. Кумакоген, преф. Эхиме), которые отнесены ко времени распространения керамики первой половины изначального дзёмона, с характерным орнаментом из тонких линей-

ных аппликаций или *рюсэнмон доки* (隆線紋土器) (15540–14170 кал. л.н.) [Кобаяси, 2019б, с. 4–5].

На протяжении начального и раннего периодов эпохи дзёмон происходит отработка форм и размеров фигурок. Согласно имеющимся статистическим данным, наивысший расцвет с точки зрения количества изготавливаемых фигурок и вариативности их форм пришелся на средний дзёмон [Догу

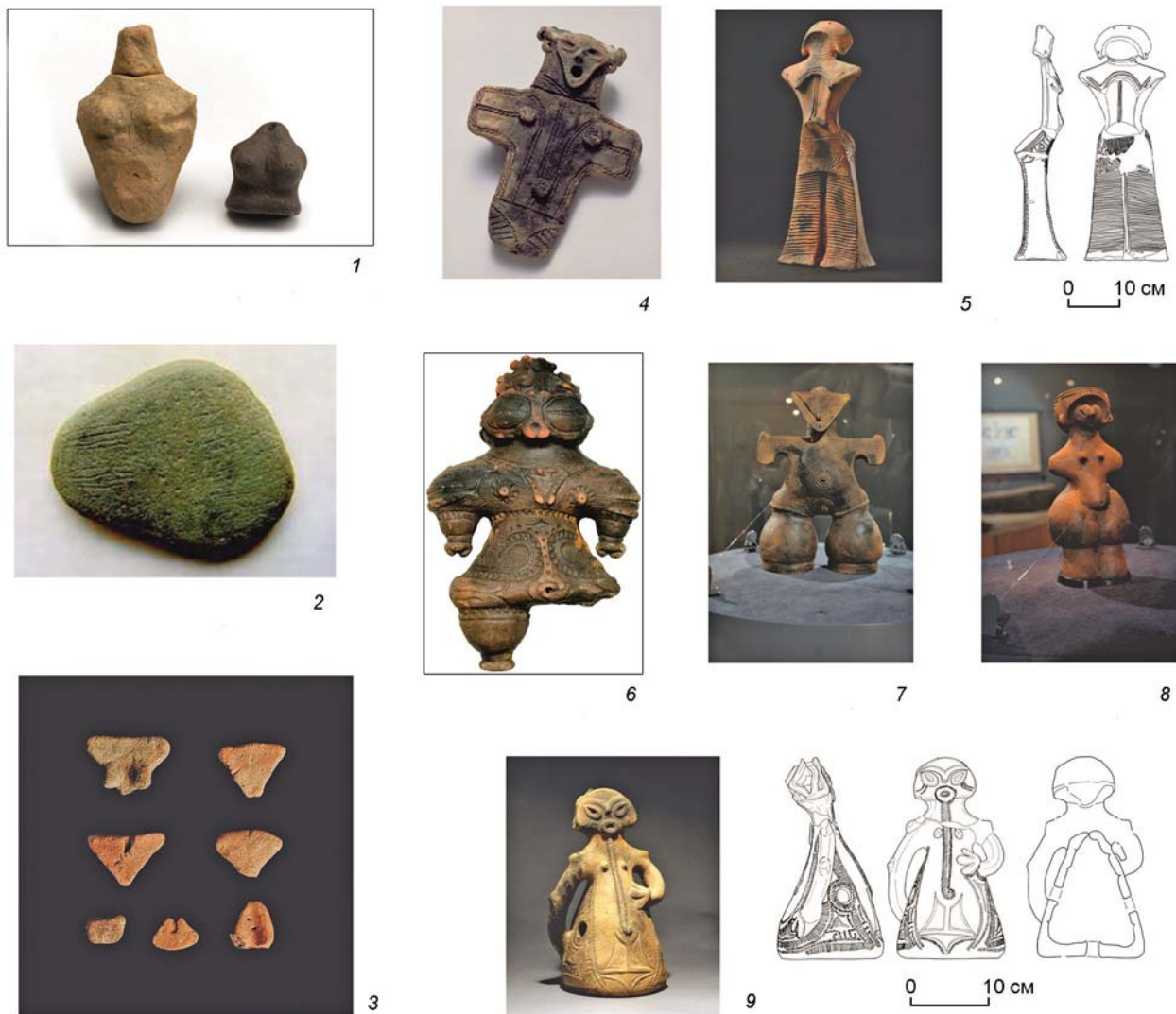

Рис. 2. Основные виды догу, описанные в тексте (по: [Ниппон бунка...; фото автора]).

1 – ранние образцы глиняных фигурок догу (слева стоянка Каюми Идзири, справа стоянка Аидани Каманохара); 2 – выгравированное женское изображение на гальке (пещера Камикуроива); 3 – догу треугольной формы (памятник Кинонэ); 4 – фигурка догу-крест (памятник Саннай Маруяма); 5 – догу Дзёмонская богиня (памятник Нисиномаэ); 6 – догу в снежных очках (памятник Камэгаока); 7 – догу Богиня в маске (памятник Накаппара); 8 – догу Дзёмонская Венера (памятник Танабатакэ); 9 – догу-цилиндр (памятник Имодзия).

то косумосу, 2012]. Подавляющее большинство фрагментов имеют размеры от 5 до 20 см. Самые маленькие образцы догу треугольной формы, размерами от 2 до 4,5 см, были обнаружены на памятнике Кинонэ (пос. Саказ, преф. Тиба). Эти образцы относятся к первой половине начального дзёмона (ок. 11345–10055 кал. л.н.) – ко времени распространения керамики стиля Ёришомон (擦糸文), для которой характерен орнамент, созданный техникой прокатывания штампа-стерженька, дополнительно обмотанного веревочкой [Харада, 2007, с. 20–21; Кобаяси, 2019а, с. 88–89]. Разнообразно местоположение фигурок догу. Среди вариантов можно отметить следующие: внутри грунтовых могил, внутри скоплений камней, раковинных и земляных мусорных куч, внутри жилищ.

Среди наиболее известных на сегодняшний день догу к категории самых крупных экземпляров относятся находки с памятников Нисиномаэ (Дзёмонская богиня, высота 45 × 16,8 см, вес 3,155 кг, средний дзёмон, пос. Фунагата, преф. Ямагата), Тёбонаино (41,5 × 20,1 см, вес 1,745 кг, поздний дзёмон, пос. Минамикаябэ, преф. Хоккайдо), Икода (41,4 см, поздний дзёмон, г. Сендай, преф. Мияги), Камэгаока (догу в снежных очках, 36,7 см, поздний дзёмон, г. Цугару, преф. Аомори), Накаппара (Богиня в маске, 34 см, поздний дзёмон, г. Тикума, преф. Нагано), Саннай Маруяма (догу-крест, 32,5 см, средний дзёмон, г. Аомори, преф. Аомори), Гобара (догу-сердце, 30,5 см, поздний дзёмон, пос. Ивасима, преф. Гумма), Тёдзяхара (29,1 см, средний дзёмон, г. Итогава, преф. Нии-

гата), Танабатакэ (*Дзёмонская Венера*, 27 × 12 см, вес 2,14 кг, средний дзёмон, г. Тино, преф. Нагано) и Имодзия (*догу-цилиндр*, 25,5 см, средний дзёмон, г. Минамиарупусу, преф. Нагано) [Догу то косумосу, 2012] (рис. 2).

Примером использования *догу* в погребальной практике является фигурка с памятника Танабатакэ, которая может быть ориентировочно отнесена к первой половине – середине *среднего дзёмона* (5250 кал. л.н.) [Там же, с. 54]. Во время работ в южной части комплекса в грунтовой могиле № 500 была раскопана крупная антропоморфная фигурка – *Дзёмонская Венера*. Сама могила представляет собой земляную яму овальной формы с размерами 77 × 79 см (верхняя часть) и 71 × 49 см (дно), глубиной 18 см. Уникальность находки заключается в целостности *догу*, что встречается крайне редко. *Догу* располагалась на левом боку вблизи юго-западной стенки могилы. Ее параметры – высота 27 см, ширина варьируется от 5 см вокруг шейки и талии до 12 см (максимальная ширина бедер), вес 2,14 кг. Внутри фигурка полая и имеет разную толщину стенок с максимальным значением 9,2 см в области бедер. Фигурка имеет четко очерченные формы с ярко выраженными зонами головы, верхнего плечевого пояса, талии и бедер. В плечевом поясе наблюдается некое подобие расставленных в стороны рук, однако самих конечностей у фигурки нет. *Догу* устойчиво стоит на массивных ногах без дополнительной поддержки. Голова Венеры украшена неким аналогом головного убора. По мнению исследователей, занимавшихся проведением археологических работ, *Дзёмонская Венера* кардинально отличается от прочих *догу* тем, что она изначально была очень хорошо сконструирована [Танабатакэ исэки, 1990, с. 896–897]. Это способствовало ее хорошей сохранности. В то время как другие фигурки изначально были более хрупкими по своей структуре и целенаправленно ломались во время совершения ритуального действия. Существует мнение, что фигурка изображала беременную женщину. *Дзёмонская Венера* создана мастером высокого уровня и имеет четкую геометрию форм, благодаря чему она выделяется среди других изделий среднего периода и демонстрирует эталон женской красоты эпохи *дзёмон* [Там же, с. 898–899]. Сразу же после открытия в 1989 г. фигурке был присвоен статус «важной культурной ценности Японии». Среди других находок следует отметить еще 44 фрагмента *догу* и ок. 100 изделий из обожженной глины: различные украшения (серьги и подвески), свистулька, керамические диски, антропоморфные налепы [Там же].

Другим массовым атрибутом ритуальной практики являются каменные жезлы *сэкибо*, которые

ассоциируются с мужским началом, в противоположность женскому началу в образе *догу*. Исходя из того, что их форма внешне напоминает (имитирует) мужской половой орган, большинство исследователей склонны относить *сэкибо* к символам плодородия, наряду с *догу*. Другие специалисты считают, что *сэкибо* – атрибут охотничьих ритуалов, проводимых исключительно мужчинами [Дзёмон дзин-но исигами..., 2010, с. 20–24]. Как и *догу*, *сэкибо* чаще всего фиксируются намеренно поломанными (обломанными) и расположенными преимущественно внутри скоплений камней и в жилищных котлованах. В редких случаях встречаются отдельно стоящие *сэкибо*, как, например, большое *сэкибо* в преф. Нагано [Табарев, Иванова, 2019] (рис. 3, 1).

В среднем и главным образом в позднем дзёмоне масштабное распространение получили крупные *сэкибо* диаметром 10–25 см и высотой от 50–70 см до более метра. Такие крупные экземпляры часто находят внутри скоплений камней (вертикально вкопанные, между камней, под скоплениями) или внутри жилищного пространства. В японской литературе встречается термин *огата сэкибо* (大型石棒) или *сэкибо* больших размеров. В настоящее время на территории Японии известны две уникальные находки данного типа артефактов – *большое сэкибо Симокубо* (длина 202 см, вес 70 кг, конец среднего дзёмона, г. Тотиги, преф. Тотиги) и *большое сэкибо Китадзава* (длина 223 см, диаметр 25 см, вес 50 кг, вторая половина среднего дзёмона, пос. Сакухо, преф. Нагано). Уникальность находок заключается в том, что они не относятся к конкретному поселению или погребальному комплексу. Их раскопали случайно, во время ремонтно-строительных работ в обозначенных районах [Танигути, 2015].

На территории северной и центральной Японии зафиксировано 2 934 обломка *сэкибо* (диаметром от 5 см). Данные были собраны по материалам 885 памятников среднего – финального дзёмона. Наибольшее количество *сэкибо* локализовано в преф. Гумма. Второе место занимает преф. Нагано, третье – преф. Тиба. Относительно места обнаружения каменных жезлов: в 491 случае они располагались внутри жилищных котлованов, в 116 случаях – внутри скоплений камней [Дзёмон дзин-но исигами..., 2010, с. 25–26].

Уникальным примером фиксации каменных жезлов внутри жилого пространства является клад из четырех крупных *сэкибо* с комплекса Мидорикава Хигаси (г. Кунитати, столичный округ Токио) (рис. 3, 3). Находка была сделана в 2012 г. во время разбора жилища с каменным полом, которое отнесено ко второй половине среднего – началу

Рис. 3. Каменные жезлы *сэкибо* (по: [Танигути, 2015; Кинсэй исэки II, 1986; Симидзу, 2013]).

1 – большое *сэкибо* (Китадзава, преф. Нагано); 2 – *сэкибо* (памятник Кинсэй, преф. Яманаси); 3 – клад *сэкибо* (памятник Мидорикава Хигаси, столичный округ Токио).

позднего дзёмона [Симидзу, 2013]. В отличие от стандартного типа жилища с каменным полом, данная структура имела котлован круглой формы с размерами $3,2 \times 3,1$ м. Высота стенок в некоторых местах достигала 60 см. По краю котлована, за исключением северо-восточной стороны, в несколько уровней были уложены камни, напоминающие оградку. Поверхность дна котлована, так же за исключением северо-восточной стороны, была вымощена крупными камнями. В северной – северо-восточной части объекта находились выложенные в ряд четыре крупных *сэкибо*, изготовленные из андезитовых «шестигранников». В законченном варианте *сэкибо* имели длину 103,6–112,5 см, ширину 12,95–13,90 см, вес варьировался от 22 до 30,8 кг. *Сэкибо* располагались двумя группами – два жезла с северо-западной стороны и два с юго-восточной. При этом между парами жезлов фиксируется промежуток ок. 30 см. Кроме того, *сэкибо* в северо-западной части котлована имели голубоватый оттенок, а юго-восточная группа *сэкибо* – красноватый от-

тенок. Навершия у всех жезлов изготовлены в форме полусферы, отдаленно напоминающей шляпку гриба. У трех *сэкибо* навершия имеют два уровня, у одного – один уровень. Помимо разницы в форме навершия, исследователи отмечают небольшие расхождения в деталях «шляпок». На одном из жезлов зафиксированы следы воздействия, а именно оббитый край. В японских научных кругах существует мнение о том, что в культурной традиции эпохи дзёмона *сэкибо* использовались в обрядовой практике, которая во многих случаях сопровождалась сожжением и поломкой орудий [Хаккуцусарэта Нихон ретто..., 2013; Табарев, Иванова, 2019, с. 162–163].

Как мы уже говорили, *сэкибо* часто встречаются внутри скопления камней и являются неотъемлемой частью такого рода ритуальных объектов. Ярким тому примером служит небольшой каменный жезл с памятника Кинсэй (г. Кофу, преф. Яманаси). Помимо крупного поселения раннего – финального дзёмона, на комплексе зафиксирован ритуальный комплекс из пяти крупных скопления камней и 23

грунтовых могил. Внутри комплекса находилось несколько скоплений с крупными камнями, вкопанными вертикально либо под наклоном (высотой 1,2–2,0 м), и серия насыпей с вертикально поставленными *сэкибо*. Самый крупный *сэкибо*, высотой 50 см, был расположен в центре скопления № 2 (3,0 × 2,3 м). Еще один каменный жезл (высота 49,5 см, диаметр навершия 25 см) был помещен рядом с каменной глыбой (длина 2 м) в центре скопления круглой формы (диаметр 2,5 м) (рис. 3, 2). Всего на памятнике было зафиксировано 82 *сэкибо* (целые и фрагменты) высотой от 10 до 50 см. В большинстве случаев они имеют завершенную форму – вытянутое овальное или цилиндрическое тулово с навершием в виде полусферы, напоминающей шляпку гриба. Некоторые *сэкибо* представлены необработанными дацитовыми стержнями [Кинсэй исэки II..., 1986, с. 83–115].

Есть случаи, когда каменные жезлы *сэкибо* и глиняные фигурки *догу* располагаются совместно. Так, например, во время разбора скоплений камней № 4 и № 6 на памятнике Уэнодай «А» (с. Итатае, преф. Фукусима) найдены несколько обломков *догу*. Внутрь скопления № 6 – было помещено каменное блюдо и фрагмент *сэкибо*. Скопление № 4 состояло из 20 средних и крупных камней (с человеческую голову), скопление № 6 – из 10 крупных камней. В обоих случаях камни были выложены по-разному, скопление № 4 имело овальную форму (1,2 × 1,0 м), скопление № 6 выложено в форме полумесяца (0,9 × 1,4 м). Существует мнение, что скопление № 6 было своего рода магическим местом, о чем свидетельствует его форма и наличие ритуальных предметов (*сэкибо* и *догу*) [Куцувада, 2010].

Это лишь небольшая часть памятников с объектами ритуального характера. Как видим, *догу* и *сэкибо* встречаются как внутри отдельных погребальных и ритуальных комплексов эпохи дзёмон, так и внутри поселений. Вероятно, их расположение внутри жилищных котлованов и ритуальных мест в центре поселений может ассоциироваться с магической, защитной функцией.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-36-60001 «Материальная культура эпох Дзёмон, Яёй и Кофун: Особенности описательной терминологии и подготовка японско-русско-английского археологического словаря». Автор выражает благодарность профессорам Й. Каномата и Т. Канно (Университет Тохоку, Сендай) за помощь с литературой и ценные консультации.

Список литературы

Дзёмон дзин-но исигами – О:гата сэкибо: ни миру сайги ко:й (Каменные боги людей эпохи дзёмон: ритуальные действия, связанные с сэкибо: больших размеров). – Токио: Кокугакуин дайгаку кэнкю:, 2010. – 140 с. (на яп. яз.).

Догу: то косумосу (Догу и космос). – Токио: Хатори, 2012. – 341 с. (на яп. яз.).

Кинсэй исэки II, дзёмон дзидай-хэн. Кэнъэн ходзё:сэйби дзигё: ни томонау хаккуцу тё:са хо:коку-сё (Памятник Кинсэй, эпоха дзёмон. Археологический отчет о проведении работ, в связи с развитием муниципальной территории). – Кофу: Яманаси-кэн кё:ику иинкай, 1986. – Вып. 41. – 325 с. (на яп. яз.).

Кобаяси Кэнъити. Дзёмон дзидай но дзицунэндай ко:дза (Собрание статей о реальных датах эпохи дзёмон). – Токио: Досэйся, 2019а. – 215 с. (на яп. яз.).

Кобаяси Кэнъити. Современные даты по керамике изначального дзёмона Японского архипелага: с акцентом на материалах о. Кюсю // Кю:сю: ни окэру дзёмон дзидай со:со:ки кэнкю: но то:тацу-тэн – Какути но тэйдзю: сэйкацу но ё:со: (Современные тенденции в исследовании изначального дзёмона о-ва Кюсю: особенности проживания в разных районах острова). – Миядзаки: Кю:сю: дзёмон кэнкю:кай, 2019б. – С. 3–17 (на яп. яз.).

Куцувада Кацухиро. О обстоятельствах нахождения догу, из коллекции музея Сиракава, центра культурного наследия преф. Фукусима // Фукусима-кэн бункадзай сэнта: Сиракава-кан кэнкю: киё: (Науч. бюл. музея Сиракава, центр культурного наследия преф. Фукусима). – Сиракава: Фукусима-кэн кё:ику иинкай, 2010. – С. 87–94 (на яп. яз.).

Ниппон бунка но иригути магадзин «вакару» (Журнал о японской культуре «Вакару»). – URL: <https://intojapanwaraku.com/culture/38011/> (дата обращения: 21.08.2020) (на яп. яз.).

Симидзу Сю. Памятник Мидорикава Хигаси г. Кунитати стол. округ Токио – Археологические остатки структуры с каменным полом и кладом из четырех крупных сэкибо: // Кикан ко:когаку – Дзёмон бунка-но кё:кай (Квартальная археология – Границы культуры дзёмон). – 2013. – Вып. 125. – С. 99–104 (на яп. яз.).

Соловьёва Е.А. Догу: классификация и интерпретация: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2005. – 21 с.

Табарев А.В., Иванова Д.А. Структура, символика и атрибутика ритуальных комплексов эпохи дзёмон на Японском архипелаге // Теория и практика археологических исследований. – 2019. – Т. 27, № 3. – С. 155–168.

Табарев А.В., Иванова Д.А., Нестеркина А.Л., Соловьёва Е.А. Дзёмонская традиция монументальных сооружений на Японском архипелаге: истоки, особен-

ности, распространение // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2017. – Т. 54, № 4. – С. 45–55.

Танабатакэ исэки – Яцугатакэ ниси санроку-но окэру дзёмон дзидай тю:ки-но сю:раку исэки (Памятник Танабатакэ – поселение среднего дзёмона, расположенное у западного подножья горы Яцугатакэ). – Тино: Тино-си кё:ику иинкай, 1990. – 1102 с. (на яп. яз.).

Танигути Ясухиро. Места, где были оставленные сэкибо (каменные жезлы) больших размеров // Гэккан ко:когаку дзя:нару (Ежемесячный археологический журнал). – 2015. – № 678. – С. 3–7 (на яп. яз.).

Хаккуцусарэта Нихон ретто: 2013 син хаккэн ко:косокухо: (Новые открытия в археологии – Японский архипелаг, раскопки 2013 г.). – Токио: Асахи симбун, 2013. – 71 с. (на яп. яз.).

Харада Масаюки. Многообразие фигурок догу // Кокоро то синко: – сю:кё:тэки каннэн то сякай тицудзё (Душа и вера – религиозные идеи и общественный порядок). – Токио: До:сэйся, 2007. – Вып. 11. – С. 17–32 (на яп. яз.).

Matsumoto N., Habu J., Matsui A. Subsistence, Sedentism, and Social Complexity among Jomon Hunter-Gatherers of the Japanese Archipelago // *Handbook of East and Southeast Asian Archaeology*. – N. Y.: Springer, 2017. – P. 437–450.

References

Dogū to kosumosu. Tokyo: Hatori, 2012, 341 p. (In Japan.).

Hakkusareta Nihon rettō 2013 shin hakken kōkosokuhō (New Discoveries in Archeology of Japanese archipelago, Excavations 2013). Tokyo: Asahi shinbun, 2013, 71 p. (In Japan.).

Harada Masayuki. Dogū no tayōsei. In *Kokoro to shikō – shyūkyōteki kannen to shyaki chitsujo*. Tokyo: Dōseishya, 2007, iss. 11, pp. 17–32. (In Japan.).

Jōmon jin no ishigami – Ōgata sekibō ni miru saigi kōi. Tokyo: Kokugakuin daigaku kenkyū, 2010, 140 p. (In Japan.).

Kinsei iseki II (jōmon jidai-hen). Ken'ei hojōseibi jigyoō ni tomonau hakkutsu chōsa hōkoku-sho. Kofu: Yamanashi-ken kyōiku iinkai, 1986, vol. 41, 325 p. (In Japan.).

Kobayashi Ken'ichi. Jōmon jidai no jitsunendai kōza. Tokyo: Dōseishya, 2019a, 215 p. (In Japan.).

Kobayashi Ken'ichi. Nippin retto ni okeru jōmon jidai sōsōki no nendai – Kyūshū no ichizuka o siya ni irete. In *Kyūshū ni okeru jōmon jidai sōsō-ki kenkyū no tōtatsu-ten kakuchi no teijū seikatsu no yōsō happyō yōshi shiryōshū. Dai 29-kai Kyūshū jōmon kenkyūkai Miyazaki taikai*. Miyazaki: Kyūshū jōmon kenkyūkai, 2019b, pp. 3–17. (In Japan.).

Kutsuwada Katsuhiko. Fukushima-ken bunkazai sentā Shirakawa-kan shūzō dogū-no shutsudo jōkyō-ni tsuite. *Fukushima-ken bunkazai sentā Shirakawa-kan kenkyū kiyō*. Shirakawa: Fukushima-ken kyōiku iinkai, 2010, vol. 5, pp. 87–94. (In Japan.).

Matsumoto N., Habu J., Matsui A. Subsistence, Sedentism, and Social Complexity among Jomon Hunter-Gatherers of the Japanese Archipelago. In *Handbook of East and Southeast Asian Archaeology*. N. Y.: Springer, 2017, pp. 437–450.

Nippon bunka no iriguchi magajin “waraku”. URL: <https://intojapanwaraku.com/culture/38011/> (Accessed: 21.08.2020) (In Japan.).

Shimizu Shū. 4-pon no ōgata sekibō o tomonau shikiishi ikō – Tōkyō-to Kunitaich-shi Midorikawa Higashi iseki. *Kikan kōkogaku – Jōmon bunka no kyōkai*, 2013, vol. 125, pp. 99–104. (In Japan.).

Solovieva E.A. Dogu: klassifikatsiya i interpretatsiya: cand. sc. (history) dissertation abstract. Novosibirsk, 2005, 21 p. (In Russ.).

Tabarev A.V., Ivanova D.A. Structure, Symbolism and Attributions of the Ritual Complexes During the Jōmon Period on the Japanese Archipelago. *Theory and Practice of Archaeological Research*, 2019, vol. 27, iss. 3, pp. 155–168. (In Russ.).

Tabarev A.V., Ivanova D.A., Nesterkina A.L., Solovieva E.A. The Jōmon Megalithic Tradition in Japan: Origins, Features, and Distribution. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2017, vol. 54, iss. 4, pp. 45–55.

Tanabatake iseki – Yatsugatake nishi sanroku no okeru jōmon jidai chyūki no shyūroku iseki. Chino: Chino shi kyōiku iinkai, 1990, 1102 p. (In Japan.).

Taniguchi Yashuhiro. Ōgata sekibō no nokosare-kata hōki-ji no jōkyō to koi no patan. *Gekkan kōkogaku jānaru*, 2015, iss. 678, pp. 3–7. (In Japan.).

Иванова Д.А. <https://orcid.org/0000-0002-2873-6664>

**А.Ю. Казанский^{1, 2}, Г.Д. Павленок³, М. Кот⁴, К. Шимчак⁴,
С.А. Когай³, М. Хужаназаров⁵, Г. Мухтаров⁵, К.К. Павленок³✉**

¹Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия

²Геологический институт РАН
Москва, Россия

³Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

⁴Варшавский университет
Варшава, Польша

⁵Национальный центр археологии АН РУз
Самарканд, Узбекистан
E-mail: pavlenok-k@yandex.ru

Петромагнитные и палеомагнитные исследования отложений палеолитических стоянок Каттасай-1, -2

В статье излагаются результаты петромагнитных и палеомагнитных исследований осадочных отложений из разрезов палеолитических местонахождений Каттасай-1 и -2, расположенных в предгорьях Чаткальского хребта Западного Тянь-Шаня (Узбекистан). При геологическом изучении разрезов этих стоянок были выявлены признаки делювиального генезиса культуросодержащих отложений, абсолютный возраст которых (определен при помощи AMS, U/Th и TL методов датирования) соответствует середине МИС 3. Для определения относительной палеомагнитной летописи формирования рыхлых напластований и их генезиса были отобраны 28 образцов из разреза стоянки Каттасай-1 и 26 образцов из разреза Каттасая-2. Анализ магнитной восприимчивости образцов Каттасая-1 показал, что культуросодержащие седименты образовались в результате интенсивного плоскостного смыва, при этом осадочный материал переносился потоком во взвешенном состоянии. Анализ АМВ-образцов Каттасая-2 показал, что осадочные отложения подвергались пластическим деформациям. Изученные отложения разреза Каттасай-2 непригодны для исследования экскурсов геомагнитного поля. Рыхлые отложения стоянок Каттасай-1 и -2 формировались на достаточно крутых склонах, что определяло специфические условия осадконакопления и приобретения породами остаточной намагниченности. Основное влияние на формирование осадков оказывали интенсивные водные потоки, текущие по склону, и пластическая деформация под действием сжатия вдоль поверхности под действием гравитации. В результате этих процессов формировалась своеобразная магнитная текстура осадков и изменялось направление характеристической компоненты намагниченности. Таким образом, в результате комплексных палео- и петромагнитных измерений установлено, что аномальные направления намагниченности в изучаемых образцах связаны не с геомагнитными экскурсами, а с условиями осадконакопления – интенсивным плоскостным смывом и пластической деформацией под воздействием гравитации. Для доказательства существования геомагнитных экскурсов в отложениях склонового ряда необходимы дополнительные предварительные исследования анизотропии магнитной восприимчивости.

Ключевые слова: Западный Тянь-Шань, палеолит, стратиграфический разрез, МИС 3, петромагнитные исследования.

**Alexei Yu. Kazansky^{1, 2}, Galina D. Pavlenok³, Małgorzata Kot⁴,
Karol Szymczak⁴, Sergei A. Kogai³, Mukhiddin Khuzhanazarov⁵,
Gayratkhon Mukhtarov⁵, Konstantin K. Pavlenok³✉**

¹Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

²Geological Institute RAS,
Moscow, Russia

³Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

⁴University of Warsaw,
Warsaw, Poland

⁵National Archaeological Center,
Academy of Sciences of Republic Uzbekistan,
Samarkand, Uzbekistan

E-mail: pavlenok-k@yandex.ru

Petromagnetic and Paleomagnetic Studies of Sediments at the Kattasai-1 and -2 Paleolithic Sites

This article presents the results of petromagnetic and paleomagnetic research of geological sediments at the Kattasai-1 and -2 Paleolithic sites located in the Western Tien Shan piedmonts (Uzbekistan). The geological study of these sites has revealed the signs of deluvial genesis of culture-bearing deposits whose absolute age, determined using AMS, U/Th, and TL dating methods, was in the second half of MIS 3. For establishing the relative paleomagnetic history of sediment formation and genesis, 28 samples were taken from the cross-section of the Kattasai-1 site and 26 samples were taken from the cross-section of the Kattasai-2 site. Analysis of magnetic susceptibility of the Kattasai-1 samples has shown that culture-bearing sediments resulted from intense sheet erosion, and the sedimentary material was transported by the flow in a suspended state. The analysis of the Kattasai-2 samples has revealed that the sediments were subjected to plastic deformation; the sediments from the Kattasai-2 section were unsuitable for studying excursions of the geomagnetic field. The sediments of the Kattasai-1 and -2 sites were formed on relatively steep slopes, which preconditioned specific features of sedimentation and acquisition of residual magnetization. The formation of sediments was influenced by intense sheet erosion along the slope, and plastic deformation of sediments under the impact of compression along the surface under gravity. These processes resulted in distinctive magnetic texture of the deposits and changing direction of the characteristic component of magnetization. Thus, it has been established that anomalous directions of polarity in the samples under study were not associated with geomagnetic excursions, but with conditions of sedimentation, such as sheet erosion and plastic deformation under the impact of gravity. For proving the existence of geomagnetic excursions in slope sediments, additional preliminary studies of the anisotropy of magnetic susceptibility are required.

Keywords: Western Tien Shan, Paleolithic, stratigraphical cross-section, MIS 3, petromagnetic study.

Междисциплинарные исследования последнего десятилетия на территории западной части Центральной Азии, а именно в предгорьях Западного Тянь-Шаня, позволили расширить современные представления о распространении древних человеческих популяций в разных экологических нишах. К сравнительно недавно открытым археологическим местонахождениям относятся палеолитические стоянки Каттасай-1 и -2. Они располагаются в восточной части Узбекистана, примерно в 100 км от Ташкента, в западной части Чаткальского хребта (рис. 1). Каттасай-1 находится на западном склоне удлиненного холма (41°06'49.7" с.ш., 70°05'28.2" в.д., 1320 м над ур. м.), Каттасай-2 – на северо-западном склоне того же холма, ок. 1,3 км к северо-востоку от Каттасая-1 и на 130 м выше (41°07'10.2" с.ш., 70°06'16.3.2" в.д.) [Милютин, 2012].

В 2013–2018 гг. на этих стоянках российско-польско-узбекской экспедицией велись раскопки [Krajcarz et al., 2016]. На Каттасая-1 археологический материал, а также многочисленные раковины моллюсков были зафиксированы в переотложенном состоянии в заполнении эрозионных каналов. Было установлено, что эти культуросодержащие отложе-

ния сформировались в результате делювиальных процессов. Калиброванные радиоуглеродные даты 41 399–38 559 л.н. (Poz-82152) и 41 651–38 511 л.н. (Poz-82153) из слоя 4с, а также U/Th дата 38 305 + 1 016/–1 009 л.н., полученная в результате совместного датирования нескольких образцов моллюсков из слоев 4b и 4с [Там же], указывают, что данная территория была заселена древним человеком в середине МИС 3. В индустрии Каттасая-1 фиксируется использование нескольких схем камнеобработки, близких леваллуазской модели расщепления камня. Они ориентированы на изготовление отщепов (в т.ч. удлиненных).

На стоянке Каттасай-2 были выделены два археологических горизонта. Нижний культурный горизонт, расположенный в основании подслоя 3а, может быть датирован в широком интервале 48–42 тыс. л.н., а верхний горизонт, приуроченный к кровле подслоя 2b, видимо, имеет возраст ок. 48 тыс. лет. Нельзя исключать, что оба горизонта включают одновозрастной археологический материал, хронологически соответствующий середине стадии МИС 3 и неоднократно переотложенный в результате коллювиальных процессов.

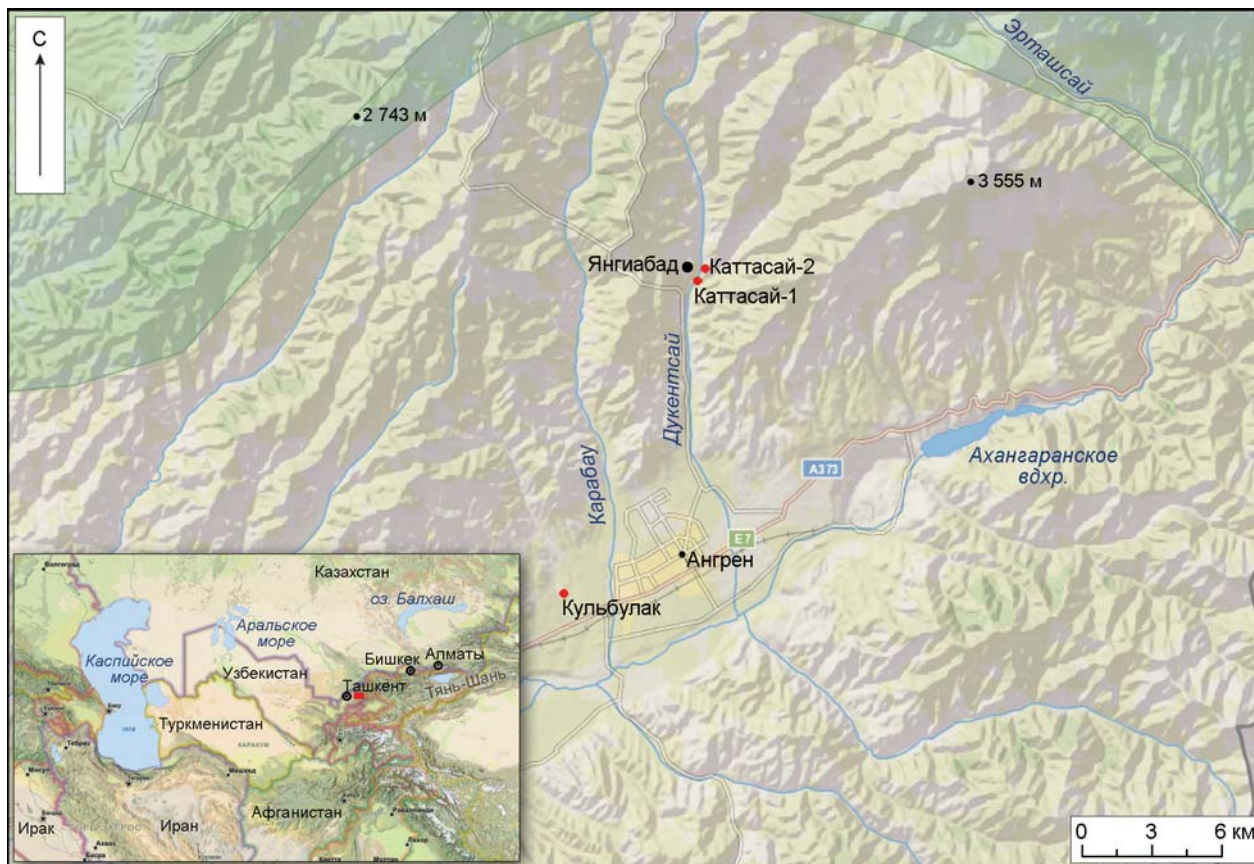

Рис. 1. Географическое положение палеолитических стоянок Каттасай-1 и -2.

Таким образом, верхний и нижний культурные горизонты Каттасая-2 и Каттасая-1 имеют сходный возраст. При этом индустрии Каттасая-2 содержат некоторые специфические формы, свойственные как среднему, так и верхнему палеолиту, и одной из сближающих их черт является присутствие продуктов леваллуазской остройной технологии. Присутствие в технологическом репертуаре обитателей стоянок разнообразных схем леваллуазского расщепления указывает на то, что они могут принадлежать особому варианту развития среднего палеолита запада Центральной Азии.

Для уточнения геохронологических позиций материальных остатков и характера генезиса культуроросодержащих отложений стоянок Каттасай-1 и -2 была предпринята попытка петромагнитного и палеомагнитного изучения геологических разрезов.

Отбор образцов осуществлялся в стандартные пластиковые контейнеры с внутренним объемом 5,0; 5,5; 7,0 и 8,0 см³ из вертикальных стенок раскопов. Ориентировка образцов осуществлялась по магнитному меридиану и солнечному азимуту с помощью геологического компаса Brunton 5008 (США). Шаг отбора в общем случае составлял 10 см. Из разреза местонахождения Каттасай-1 было отобрано 28 образцов; из разреза Каттасай-2 – 26 образцов.

Изучение анизотропии магнитной восприимчивости и палеомагнитные исследования выполнены в Палеомагнитном центре ИНГГ СО РАН (Новосибирск). Для измерения величины объемной магнитной восприимчивости и ее анизотропии (АМВ) использовался мультифункциональный каппа-метр МФК1-FA производства AGICO (Чехия). Количественными оценками АМВ являются степень анизотропии P_j ; линейная (L) и плоскостная (F) анизотропия. Эллипсоид магнитной анизотропии характеризуется направлением и величиной его главных осей (K1 – максимальная, K2 – средняя, K3 – минимальная) и параметром T, определяющим его форму [Tarling, Hroudá, 1993]. Распределение главных осей АМВ определяет магнитную текстуру породы.

Палеомагнитные исследования проводились на криогенном магнитометре 2G Enterprise 755R со встроенной установкой для размагничивания переменным магнитным полем, размещенным в комнате магнитного вакуума. Все образцы прошли ступенчатое размагничивание переменным полем с шагом от 6 до 10 мТл вплоть до 94–104 мТл (всего 13–15 шагов). На каждом шаге измерялись величина и направление вектора естественной остаточной намагниченности (NRM). Интерпретация резуль-

татов размагничивания выполнялась с помощью стандартных алгоритмов [Zijderveld, 1967; Fisher, 1953], реализованных в пакете прикладных программ [Enkin, 1994].

По данным работ последних лет [Krajcarz et al., 2016], стратиграфические разрезы стоянок Каттасай-1 и -2 сложены главным образом делювиальными и коллювиальными суглинками различных оттенков палевого и коричневого цвета, местами биотурбированных и карбонатизированных. В целом в изученной части разреза Каттасай-1 выделяется два слоя: слой 4 (подразделяемый на горизонты 4a, 4b, 4c) и слой 5 (рис. 2). В разрезе Каттасай-2 выделяются три слоя – 2b, 3 и 4 (рис. 3).

Стоянка Каттасай-1. Измерения показали, что степень анизотропии магнитной восприимчивости (P_j) в осадках объекта невелика – менее 1 % (см. рис. 2). Такие же низкие значения характерны для линейной (L) и плоскостной (F) анизотропии, при этом оба этих параметра изменяются в проти-

вофазе. Соответственно, форма эллипсоида анизотропии изменяется от сигарообразной до плоского диска, на что указывают вариации фактора формы (T) от -1 до $+1$ (рис. 2). Магнитная текстура осадков (пространственное распределение осей эллипсоида АМВ) в разрезе Каттасай-1 не характерна для типичных лессово-почвенных толщ Китая, Европы, Сибири и Аляски. Если во всех этих регионах субаэральные осадки имеют типичную осадочную магнитную структуру с преимущественной ориентировкой минимальных осей АМВ перпендикулярно плоскости пласта (в центре стереограммы) и более или менее равномерным распределением осей в горизонтальной плоскости (по краю стереограммы), то в разрезе Каттасай-1 наблюдается обращенная магнитная текстура (рис. 4, 1). Здесь максимальные оси АМВ растянуты вдоль меридиана, а минимальные оси группируются по краю стереограммы в направлении, перпендикулярном $K1$ (рис. 4, 1a).

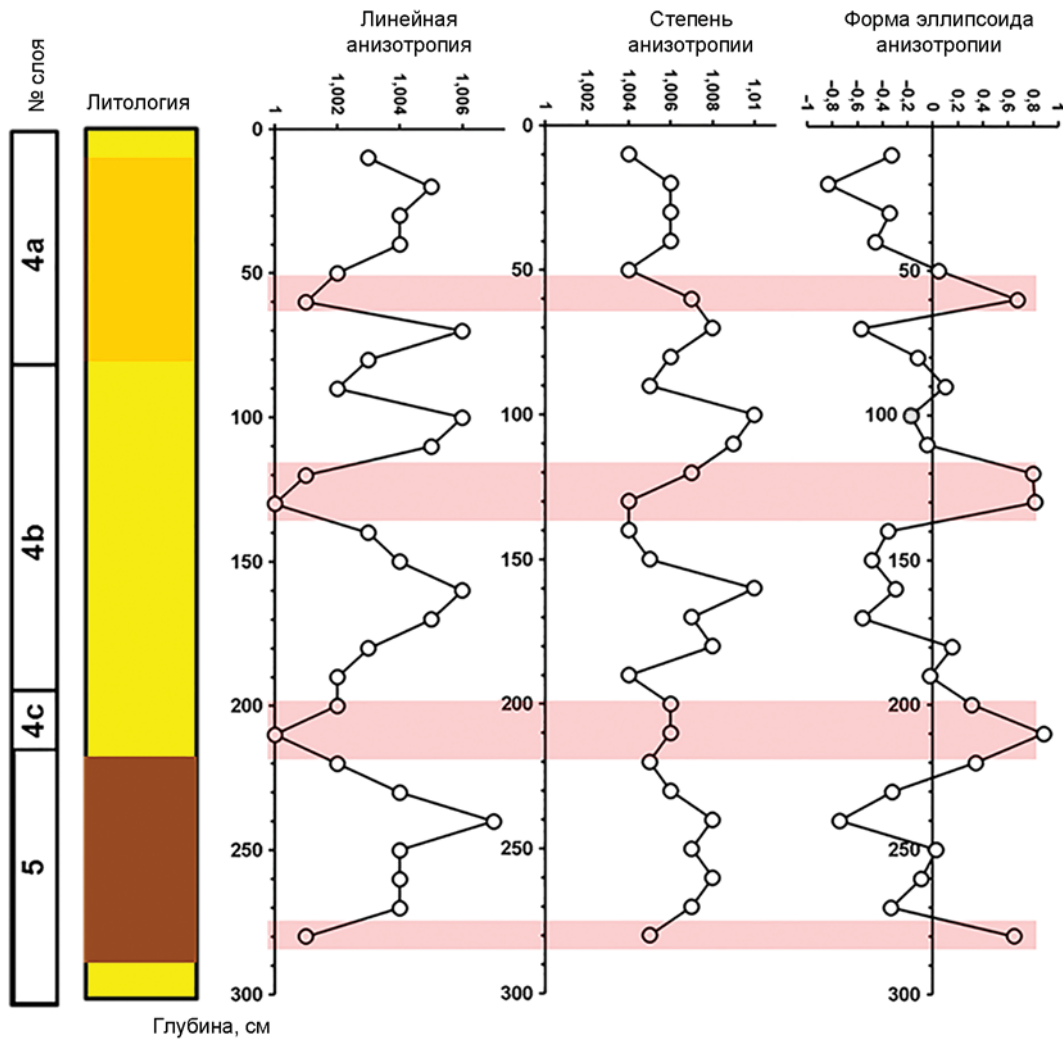

Рис. 2. Литолого-стратиграфическая характеристика разреза стоянки Каттасай-1 и изменения параметров магнитной анизотропии в зависимости от глубины.

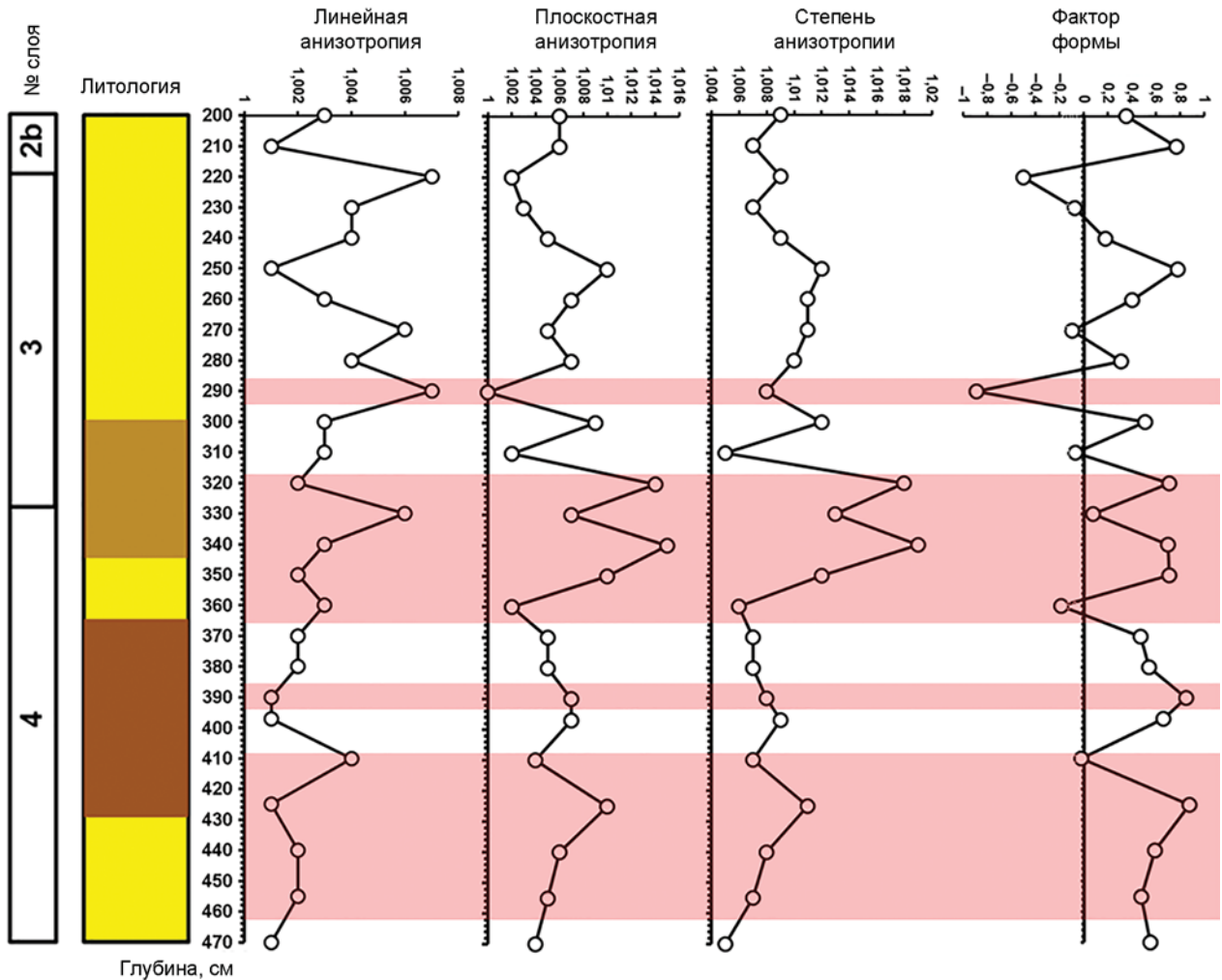

Рис. 3. Литолого-стратиграфическая характеристика разреза и параметры АМВ стоянки Каттасай-2. Красные прямоугольники – интервалы с субмеридиональным трендом распределения осей K1 и 3 – В ориентировке осей K3 (магнитная текстура первого типа).

Такая специфическая магнитная текстура характерна только для осадков, образованных в результате схода турбидитных потоков [Tarling, Hrouda, 1993; Dall’Olio, Felletti, Muttoni, 2013] (модель 3 по: [Попов, Журавлев, 2012]). В разрезе Каттасай-1 подобная магнитная текстура, по-видимому, могла образоваться в результате движения мощных водных потоков вдоль склона при интенсивных осадках и/или таянии снегов. Действительно, направление потока, определяемое по ориентировке среднего направления максимальной оси АМВ [Fabrizio, Dall’Olio, Muttoni, 2016] ориентировкой склона и направлением ископаемых промоин, вскрытых при раскопах стоянки Каттасай-1 [Krajcarz et al., 2016]. Таким образом, отложения Каттасай-1 образовались в результате интенсивного плоскостного смыва, при этом осадочный материал переносился потоком во взвешенном состоянии.

Кроме того, в разрезе наблюдается определенная цикличность – наряду с образцами с линейной

анизотропией и вытянутой формой эллипсоида АМВ ($T < 0$) присутствуют образцы с низкой анизотропией и формой эллипсоида АМВ в виде плоского диска ($T > 0,5$) (см. рис. 2; 4, 1). Эти образцы соответствуют четырем различным интервалам в разрезе (рис. 4, 1). По-видимому, в этих интервалах частично сохранилась первичная плоскостная текстура, характеризующая менее активные условия осадконакопления, таким образом, интенсивность плоскостного смыва в разрезе Каттасай-1 периодически изменялась.

Ступенчатое размагничивание переменным магнитным полем показало, что естественная остаточная намагниченность (NRM) образцов преимущественно однокомпонентная, не считая вязкой составляющей, разрушаемой в полях до 25 мТл (рис. 4, 2). Медианное разрушающее поле, определяющее стабильность намагниченности, варьирует в пределах 15–45 мТл, что характерно для псевдооднодоменных и мелких многодоменных

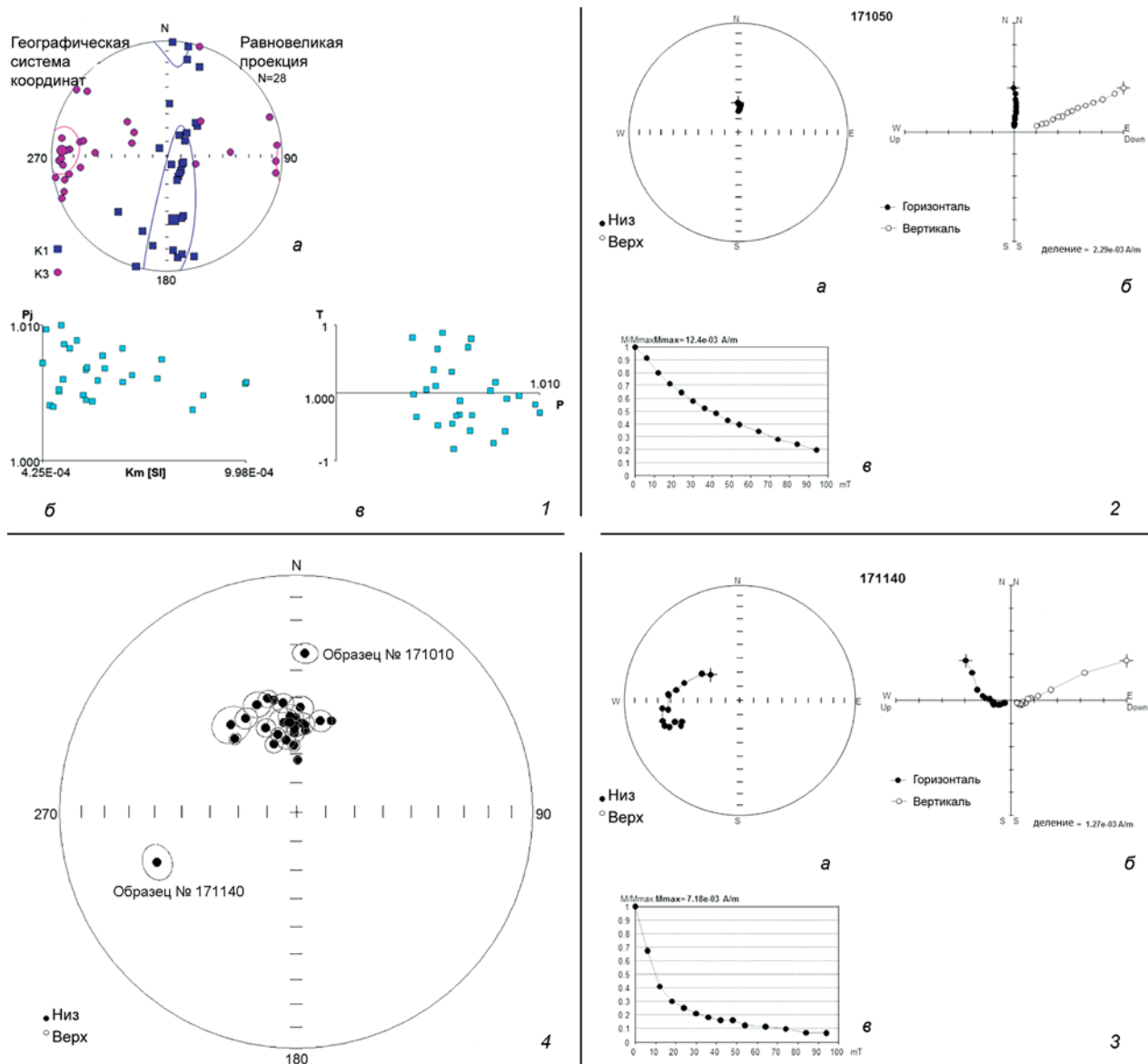

Рис. 4. Результаты палеомагнитных измерений разреза Каттасай-1.

I – магнитная анизотропия отложений в разрезе объекта Каттасай-1: *a* – стереограмма распределения максимальных (К1, синие квадраты) и минимальных (К3, розовые точки) осей АМВ. Крупными символами показаны средние направления, овалами соответствующего цвета – доверительные интервалы; *б* – зависимость между степенью анизотропии и величиной магнитной восприимчивости; *в* – связь между фактором формы и степенью анизотропии; 2, 3 – результаты ступенчатого размагничивания переменным магнитным полем представительных образцов из разреза объекта Каттасай-1: 2 – образец № 171050, прямая намагниченность, *a* – стереограмма изменения направления NRM в процессе размагничивания; *б* – ортогональная диаграмма; *в* – изменения величины NRM; 3 – образец № 171140, аномальная намагниченность, *a–в* – см. 2; 4 – распределение направлений характеристической компоненты намагниченности в разрезе объекта Каттасай-1.

зерен магнетита. Все эти образцы имеют прямую полярность, близкую по направлению к современному геомагнитному полю в точке отбора и малые (менее 5°) доверительные интервалы (рис. 4, 4). Образцы с низкой (менее 15 мТл) величиной медианного разрушающего поля демонстрируют более широкие доверительные интервалы (более 5°) и больший разброс направлений намагниченности (рис. 4, 3; 5). Тем не менее средние направления намагниченности всех образцов $N = 26$; $D = 352,4^\circ$; $I = 59,2^\circ$; $a95 = 3,3^\circ$ (за исключением образцов

№ 171010 и 171140) статистически не отличаются от направления современного геомагнитного поля (с точностью до амплитуды его вековых вариаций).

Образцы № 171010 и 171140 располагаются на различных стратиграфических уровнях, при этом соседние с ними образцы имеют только прямую полярность. Таким образом, аномальные направления намагниченности этих образцов нельзя рассматривать как отражения экскурсов геомагнитного поля. Скорее всего, это случайные ошибки в записи направления намагниченности, связан-

ные с частичным разворотом магнитных частиц в результате плоскостного смыва и/или деформацией осадков.

Стоянка Каттасай-2. Магнитная анизотропия в отложениях местонахождения Каттасай-2 в целом несколько выше, чем в отложениях Каттасай-1 и достигает 2 % (см. рис. 3). При этом наиболее высокие значения демонстрируют Pj и F, и интервалы их максимальных значений в разрезах совпадают. Это свидетельствует о преимущественно плоскостном характере АМВ, что подтверждается значениями фактора формы – у большинства образцов $T \geq 0$ и лишь для двух образцов T меньше $-0,5$. Магнитная текстура осадков в разрезе Каттасай-2

гораздо более сложная, чем в разрезе Каттасай-1 (см. рис. 5, 1). Минимальные оси АМВ здесь лежат почти в плоскости стереограммы и располагаются вдоль двух взаимно перпендикулярных направлений – С – Ю и З – В, тогда как максимальные оси имеют как субширотный, так и субмеридиональный тренд. Такое распределение представляет собой суперпозицию двух различных типов магнитной текстуры. Для первого типа характерна субширотная ориентировка осей K3 и субмеридиональный тренд в распределении осей K1 (рис. 5, 2a); для второго типа ориентировка осей K3 субмеридиональная, а тренд в распределении осей K1 – субширотный (рис. 5, 2б). Первый тип характерен,

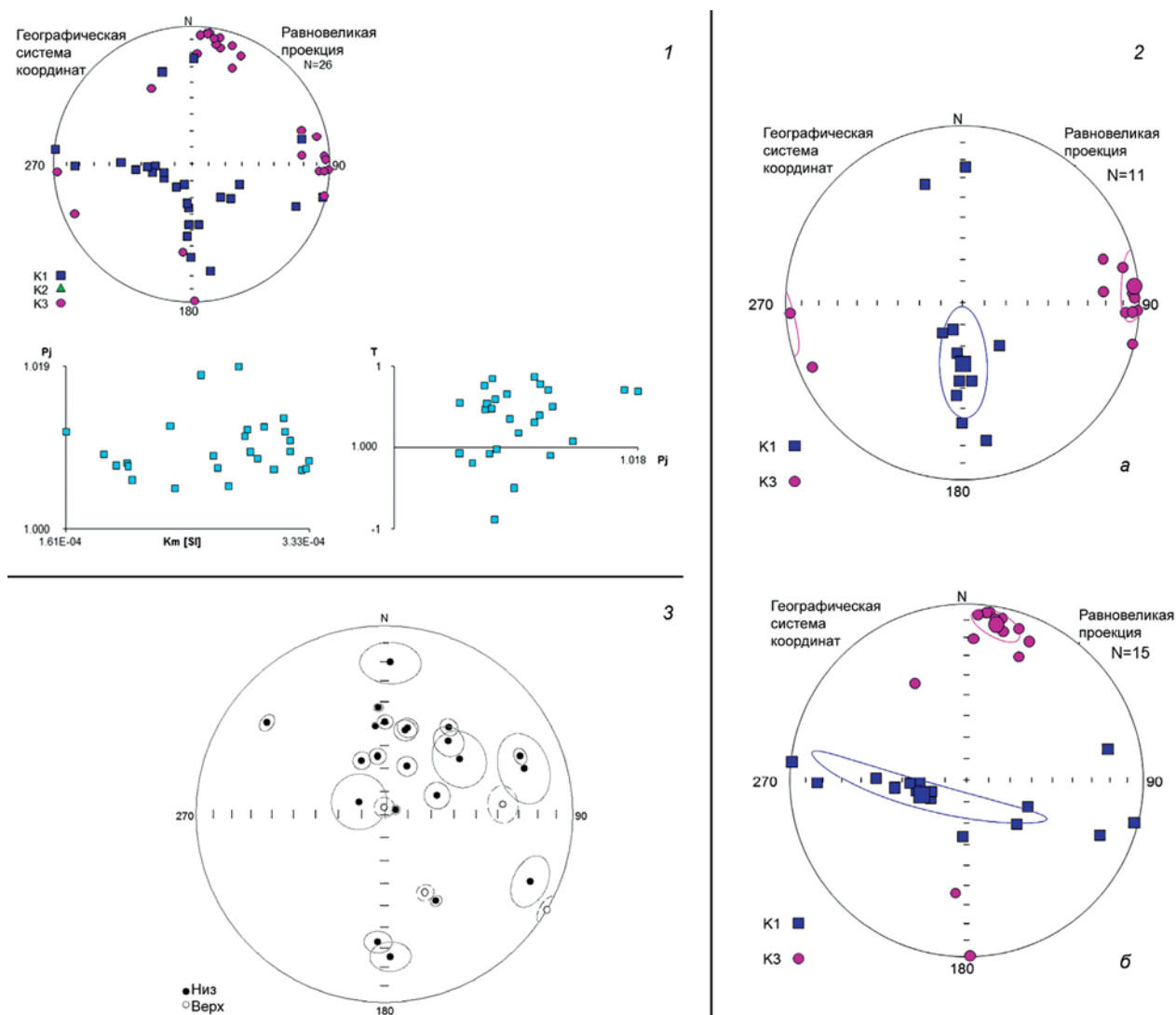

Рис. 5. Результаты палеомагнитных измерений разреза Каттасай-2.

1 – магнитная анизотропия отложений в разрезе объекта Каттасай-2: а – стереограмма распределения максимальных (K1, синие квадраты) и минимальных (K3, розовые точки) осей АМВ, б – зависимость между степенью анизотропии и величиной восприимчивости, в – связь между фактором формы и степенью анизотропии; 2 – магнитные текстуры отложений в разрезе объекта Каттасай-2: а – стереограмма распределения максимальных (K1, синие квадраты) и минимальных (K3, розовые точки) осей АМВ с субширотной ориентировкой K3 (первый тип), б – стереограмма распределения максимальных и минимальных осей АМВ с субмеридиональной ориентировкой K3 (второй тип); 3 – распределение направлений характеристической компоненты намагниченности в разрезе объекта Каттасай-2. Черные кружки – направления прямой полярности; белые кружки – направления обратной полярности, овалы – доверительные интервалы.

в основном, для нижней части разреза, второй – для его верхней части (см. рис. 3).

Магнитная текстура первого типа аналогична магнитной текстуре отложений Каттасай-1 (модель 3 по: [Попов, Журавлев, 2012]), которая, по видимому, образовалась в результате движения мощных водных потоков вдоль склона при интенсивных осадках и/или таянии снегов. Таким образом, горизонты, характеризующиеся магнитной текстурой первого типа, образовались в результате интенсивного плоскостного смыва, при этом осадочный материал переносился потоком во взвешенном состоянии. Направление водного потока, определяемое по среднему направлению оси K1 [Fabrizio, Dall’Olio, Muttoni, 2016], здесь, также как

и на местонахождении Каттасай-1, ориентировано субмеридионально.

Второй тип магнитной анизотропии (рис. 5, 2б) характерен для осадков, испытавших горизонтальное (параллельно границам пласта) сжатие с расслоением [Kanamatsu et al., 2014; Pares, 2015], т.е. горизонты с магнитной текстурой второго типа представляют собой деформированные породы. Пластическая деформация происходила вдоль плоскости слоя, при этом направление сжатия было ориентировано вниз по склону в субмеридиональном направлении (перпендикулярно ориентировке осей K3). Деформационные процессы приводят к механической переориентации магнитных зерен и искажению направлений намагнитченности

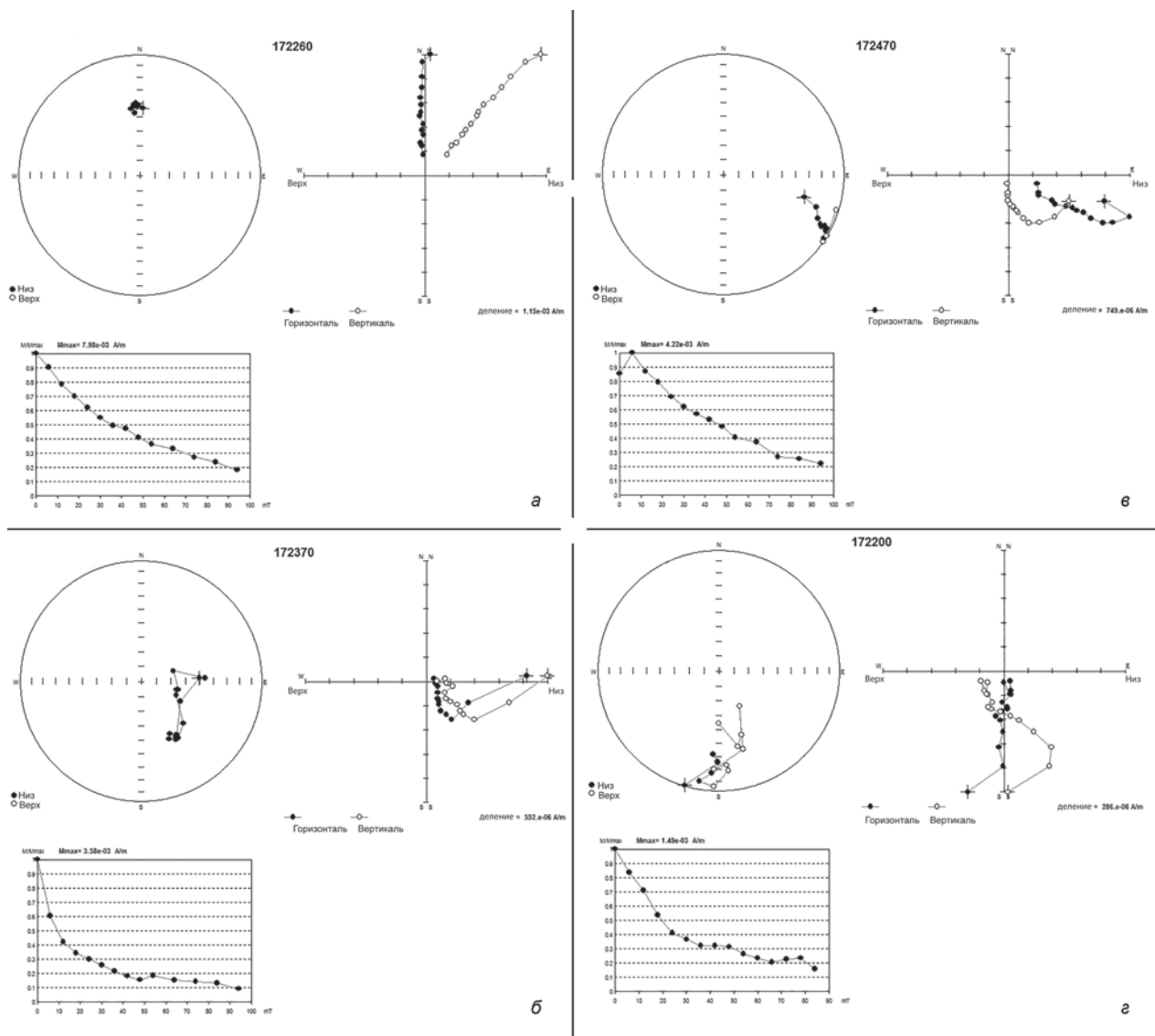

Рис. 6. Результаты ступенчатого размагничивания переменным магнитным полем представительных образцов из разреза объекта Каттасай-2.

a – прямая намагнитченность; *б* – разворот направления ChRM; *в* – разворот направления и занижение наклона ChRM; *г* – обратная намагнитченность.

в осадках [Kanamatsu et al., 2014]. В целом нельзя исключить влияние деформационных процессов и при формировании магнитной текстуры первого типа. Об этом свидетельствует более высокая степень плоскостной анизотропии в осадках Каттасая-2 по сравнению с осадками объекта Каттасай-1, больший разброс направлений максимальных осей K_1 и прямой корреляцией между величиной линейной анизотропии и наклоном характеристической компоненты намагниченности. Таким образом, в отличие от Каттасая-1, при формировании осадков Каттасая-2, наряду с процессами плоскостного смыва, существенную роль играли пластические деформации за счет послойного перемещения осадков вниз по склону.

Ступенчатое размагничивание переменным магнитным полем образцов из осадков Каттасая-2 показало, что естественная остаточная намагниченность (NRM) здесь имеет существенно более сложный состав, чем в осадках Каттасая-1. Прямую полярность имеют только 8 образцов (рис. 5, 3; 6, а), среднее направление которых в целом отвечает направлению современного геомагнитного поля ($N = 8; D = 1,9^\circ; I = 56,0^\circ; a_{95} = 8,2^\circ$). Намагниченность этих образцов, как правило, однокомпонентная, не считая вязкой составляющей, разрушаемой в полях до 25 мТл (рис. 6, а), и малых (менее 5°) доверительных интервалов (см. рис. 5, 3). Направление остальных образцов существенно отличается от современного геомагнитного поля. Наблюдаются разворот векторов намагниченности от направления современного геомагнитного поля вплоть до склонения южных румбов (рис. 5, 3; 6, б) и/или занижения наклона векторов намагниченности (см. рис. 5, 3; 6, в). У трех образцов установлена обратная полярность намагниченности (см. рис. 5, 3; 6, г). При этом видимой закономерности в распределении направлений намагниченности образцов не наблюдается. Следует отметить, что для образцов с аномальными направлениями выхода на характеристическое направление не фиксируется, а намагниченность, разрушаемая в процессе размагничивания, состоит из нескольких компонент с близким направлением (рис. 6, б–г). Это может свидетельствовать о том, что ферромагнитные зерна разного размера неодинаково реагируют на процесс пластической деформации и разворачиваются относительно исходного положения на разные углы. Таким образом, распределение направлений намагниченности (см. рис. 5, 3) не связано с направлением древнего геомагнитного поля, а является, главным образом, следствием пластических деформаций, т.е. изученные осадки разреза Каттасай-2 непригодны для исследования экскурсов геомагнитного поля.

Осадки изученных палеолитических стоянок Каттасай-1 и -2 формировались на достаточно крутых склонах, что обуславливало специфические условия осадконакопления и приобретения породами остаточной намагниченности. Основное влияние на формирование осадков оказывали интенсивные водные потоки, текущие по склону, и пластическая деформация осадков под действием сжатия вдоль поверхности под действием гравитации. В результате этих процессов формировалась своеобразная магнитная текстура осадков и изменялось направление характеристической компоненты намагниченности. Существенные отличия направления намагниченности от направления прямой полярности (аномальные направления) в изученных объектах обусловлены не изменениями геомагнитного поля, а условиями формирования осадков – влиянием водных потоков вдоль склона и/или пластическими деформациями – и не могут рассматриваться как экскурсы геомагнитного поля.

Таким образом, для доказательства существования записей экскурсов геомагнитного поля в осадках склонового ряда необходимы предварительные исследования анизотропии магнитной восприимчивости для выяснения природы аномальных направлений намагниченности.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР № 0329-2019-0002 «Древнейшие культурные процессы на территории Центральной Азии».

Список литературы

- Милютин К.И.** Новые объекты палеолита в бассейне р. Ахангаран (Республика Узбекистан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 143–146.
- Попов В.В., Журавлев А.В.** Использование анизотропии различных магнитных параметров для определения направления сноса материала при изучении турбидитных потоков // Нефтегазовая геология. Теория и практика. – 2012. – Т. 7, № 1. – URL: http://www.ngtr.ru/rub/2/11_2012.pdf (дата обращения: 18.08.2020).
- Dall’Olio E., Felletti F., Muttoni G.** Constraints on mechanisms of deep-water mudstone deposition in the Marnoso Arenacea Formation (Miocene, Italy) through magnetic fabric analysis // J. of Sedimentary Research. – 2013. – Vol. 83. – P. 170–182.
- Enkin R.J.** A computer program package for analysis and presentation of paleomagnetic data. – Sidney: Pacific Geoscience Centre, Geological Survey of Canada, 1994. – 16 p.

Fabrizio F., Dall'Olio E., Muttoni G. Determining flow directions in turbidites: An integrated sedimentological and magnetic fabric study of the Miocene Marnoso Arenacea Formation (northern Apennines, Italy) // *Sedimentary Geology*. – 2016. – Vol. 335. – P. 197–215.

Fisher R.A. Dispersion on a sphere // *Proceedings of the Royal Society of London. Series A*. – 1953. – Vol. 217. – P. 295–305.

Kanamatsu T., Kawamura K., Strasser M., Novak B., Kitamura Y. Flow dynamics of Nankai Trough submarine landslide inferred from internal deformation using magnetic fabric // *Geochemistry, Geophysics, Geosystems*. – 2014. – Vol. 15, iss. 10. – P. 4079–4092.

Krajcarz M.T., Kot M., Pavlenok K., Fedorowicz S., Krajcarz M., Lazarev S.Yu., Mroczek P., Radzhabov A., Shnaider S., Szymanek M., Szymczak K. Middle Paleolithic sites of Katta Sai in western Tian Shan piedmont, Central Asiatic loess zone: Geoarchaeological investigation of the site formation and the integrity of the lithic assemblages // *Quaternary Intern.* – 2016. – Vol. 399. – P. 136–150.

Pares J.M. Sixty years of anisotropy of magnetic susceptibility in deformed sedimentary rocks // *Frontierin Eart Science. Geomagnetism and paleomagnetism*. – 2015. – Vol. 3, N 4. – P. 1–13.

Tarling D.H., Hrouda F. The magnetic anisotropy of rocks. – London: Chapman & Hall Publ., 1993. – 217 p.

Zijderveld J.D.A. A.C. demagnetization of rocks: analysis of results // *Methods in paleomagnetism*. – Amsterdam: Elsevier, 1967. – P. 254–286.

References

Dall'Olio E., Felletti F., Muttoni G. Constraints on mechanisms of deep-water mudstone deposition in the Marnoso Arenacea Formation (Miocene, Italy) through magnetic fabric analysis. *Journal of Sedimentary Research*, 2013, vol. 83, pp. 170–182.

Enkin R.J. A computer program package for analysis and presentation of paleomagnetic data. Sidney: Pacific Geoscience Centre, Geological Survey of Canada, 1994, 16 p.

Fabrizio F., Dall'Olio E., Muttoni G. Determining flow directions in turbidites: An integrated sedimentological and magnetic fabric study of the Miocene Marnoso Arenacea

Formation (northern Apennines, Italy). *Sedimentary Geology*, 2016, vol. 335, pp. 197–215.

Fisher R.A. Dispersion on a sphere. *Proceedings of the Royal Society of London. Series A*, 1953, vol. 217, pp. 295–305.

Kanamatsu T., Kawamura K., Strasser M., Novak B., Kitamura Y. Flow dynamics of Nankai Trough submarine landslide inferred from internal deformation using magnetic fabric. *Geochemistry, Geophysics, Geosystems*, 2014, vol. 15, iss. 10, pp. 4079–4092.

Krajcarz M.T., Kot M., Pavlenok K., Fedorowicz S., Krajcarz M., Lazarev S.Yu., Mroczek P., Radzhabov A., Shnaider S., Szymanek M., Szymczak K. Middle Paleolithic sites of Katta Sai in western Tian Shan piedmont, Central Asiatic loess zone: Geoarchaeological investigation of the site formation and the integrity of the lithic assemblages. *Quaternary International*, 2016, vol. 399, pp. 136–150.

Milutin K.I. Novye ob'ekty paleolita v basseine r. Akhangan (Respublika Uzbekistan). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*, 2012, vol. XVIII, pp. 143–146. (In Russ.).

Pares J.M. Sixty years of anisotropy of magnetic susceptibility in deformed sedimentary rocks. *Frontierin Eart Science. Geomagnetism and paleomagnetism*, 2015, vol. 3, No. 4, pp. 1–13.

Popov V.V., Zhuravlev A.V. Ispol'zovanie anizotropii razlichnykh magnitnykh parametrov dlya opredeleniya napravleniya snosa materiala pri izuchenii turbiditnykh potokov. *Neftegazovaya geologiya. Teoriya i praktika*, 2012, vol. 7, No. 1. URL: http://www.ngtp.ru/rub/2/11_2012.pdf (Accessed: 18.08.2020). (In Russ.).

Tarling D.H., Hrouda F. The magnetic anisotropy of rocks. London: Chapman & Hall Publ., 1993, 217 p.

Zijderveld J.D.A. A.C. demagnetization of rocks: analysis of results. In *Methods in paleomagnetism*. Amsterdam: Elsevier, 1967, pp. 254–286.

Казанский А.Ю. <https://orcid.org/0000-0003-2865-0841>

Павленок Г.Д. <https://orcid.org/0000-0003-3727-776X>

Кот М. <https://orcid.org/0000-0001-5277-0283>

Шимчак К. <https://orcid.org/0000-0003-2735-3247>

Когай С.А. <https://orcid.org/0000-0003-4232-9587>

Хужаназаров М. <https://orcid.org/0000-0001-9250-3809>

Павленок К.К. <https://orcid.org/0000-0003-0205-2077>

**А.В. Кандыба¹✉, В.М. Дьяконов², И.С. Павлов³,
Л.В. Зоткина¹, А.В. Протопопов³, Т.Б. Симокайтис²**

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

²Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
Якутск, Россия

³Отдел изучения мамонтовой фауны АН РС (Я)
Якутск, Россия

E-mail: arhkandyba@gmail.com

Полевые исследования на территории Булунского района в Республике Саха (Якутия) в 2020 году

Проблема первоначального освоения древними популяциями человека экстремальных природных зон и последующего расселения в них является сложной для изучения. Но обнаруженные археологические и палеонтологические местонахождения представляются очень информативным источником. Одним из наиболее изученных является Булунский р-н Республики Саха (Якутия). Первые открытия следов присутствия древнего человека в этом районе относятся к началу XIX в. В последующие два столетия количество открытых памятников, как плейстоценового, так и голоценового возраста, непрерывно увеличивалось. Работы проводились такими археологами, как А.П. Окладников, И.В. Константинов, Ю.А. Мочанов, В.В. Питулько. Большинство памятников приурочено к зонам термокарстовой денудации, поэтому их изучение осложнено тем, что зачастую найденные объекты лишены четкой литологической позиции. Обнаруженные местонахождения представлены как массовым материалом, так и единичными находками. Район разведочного исследования 2020 г. был определен ранее найденным единичным каменным изделием на о-ве Муостах неподалеку от одноименного мыса. Обнаруженное в 2020 г. местонахождение Муостах на одноименном мысе п-ова Быковский также демонстрирует поверхностный характер залегания палеонтологического и археологического материала. В разрозненном состоянии найдены останки восьми видов плейстоценовой фауны (мамонт, бизон, северный олень, сайгак, лошадь, волк, заяц, овцебык), часть которых была фрагментирована древним человеком. Таким образом, зафиксирован новый палеонтологический и археологический памятник на территории Булунского р-на, что говорит о несомненной перспективности данного региона в обнаружении новых свидетельств присутствия человека в период плейстоцена.

Ключевые слова: Булунский р-н, история исследований, плейстоцен, мамонтовая фауна, термоденудация.

**Aleksandr V. Kandyba¹✉, Victor M. Dyakonov², Innokentii S. Pavlov³,
Lydia V. Zotkina¹, Albert V. Protopopov³, Tomas B. Simokaitis²**

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

²Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS,
Yakutsk, Russia

³Department for the Study of Mammoth Fauna,
Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia),
Yakutsk, Russia

E-mail: arhkandyba@gmail.com

Field Research in Bulunsky District in Republic of Sakha (Yakutia) in 2020

Initial exploration of extreme natural zones and subsequent settlement there by ancient human populations is a difficult topic for research. Yet, archaeological and paleontological sites found in these regions are usually very informative. Bulunsky District of the Republic of Sakha (Yakutia) is one of the best studied areas with traces of ancient people first

discovered in the early 19th century. In the subsequent two centuries, the number of the known sites, both of the Pleistocene and Holocene, steadily increased. Archaeological works in the area were carried out by A.P. Okladnikov, I.V. Konstantinov, Y.A. Mochanov, and V.V. Pitulko. Most of the sites occur in the zones of thermokarst denudation; therefore, their study is complicated by frequent lack of clear lithological position. The discovered locations revealed both numerous material evidence and single finds. The survey area in 2020 was determined by previous single find of stone artifact on Muostakh Island located not far from the cape of the same name. Discovery of the Muostakh location on Muostakh Cape of Bykovsky Peninsula in 2020 also demonstrates surface occurrence of paleontological and archaeological evidence. The remains of eight species of the Pleistocene fauna (mammoth, bison, reindeer, saiga, horse, wolf, hare, and musk ox) were found in the scattered state; some of them were fragmented by ancient humans. Thus, a new paleontological and archaeological site has been found in Bulunsky District, which indicates good prospects for discovering new evidence of human presence during the Pleistocene in this area.

Keywords: *Bulunsky District, history of research, Pleistocene, mammoth fauna, thermodenudation.*

На территории Северо-Восточной Азии были получены археологические и геохронологические данные, свидетельствующие о появлении древнего человека 40 тыс. л.н. Но полученные сведения для этого региона очень фрагментарны в силу географической локализованности и специфических климатических особенностей арктической криолитозоны. Одним из наиболее изученных и перспективных районов является Булунский (Республика Саха (Якутия)).

На территории Булунского р-на известно ок. 100 археологических памятников и местонахождений, что делает его одним из довольно хорошо изученных археологами районов Арктики. Булунский р-н включает материковую часть, где находятся низовья рек Оленёк и Лена, а также обширная дельта Лены, и островную часть, состоящую из трех групп островов (Ляховские, Анжу и Де-Лонга) Новосибирского архипелага, омываемых водами морей Лаптевых и Восточно-Сибирским Северного Ледовитого океана. В начале XIX в. после экспедиции М.М. Геденштрома 1809–1811 гг. впервые стали известны следы присутствия древних людей на Новосибирских о-вах [Ермолаев, 1932, с. 23; Питулько, 2019, с. 104, 115]. В 1929 г. геологом М.М. Ермолаевым при исследовании о-ва Большой Ляховский были найдены кости мамонта и кусок бивня со следами обработки каменными орудиями [Ермолаев, 1932, с. 148].

В 1942–1943 гг. впервые было осуществлено целенаправленное археологическое изучение низовьев р. Лены Ленской историко-археологической экспедицией под руководством А.П. Окладникова. В ходе разведочных работ в нижнем течении Лены в пределах границ современного Булунского р-на было выявлено 55 различных археологических памятников и местонахождений, датированных от неолита до этнографического времени: арангасы Бысыттах I, II, стоянки и местонахождения Бэргэсэ, Кестрирюнгкя (Мыс Обух) I–X, Бегинях I–III, Сиктях I–VI, Иччилахское погребение, стоянки Иччилах I, II, Теппей, Берись,

Тыкый I–IV, стоянка и стойбище Эбетием, балаганы Кюсюр I, II, холомо Кураннах, стоянка Булун, мастерские Булункан, Кюп-Сарай, Хаиргас, стоянки Хаиргас, Юлегир I, II, стойбище Юлегир, мастерская и стоянка Чубукулаах I, II, мастерские Суландя I, II, арангас Аякит, поселение Аякит, стоянки Кисилых-Юрях, Хайыргас, Батагай, Чокур-Юрях, Чокуровка, арангас Балаганнах [Окладников, 1946].

В 1967 г. на территории Булунского р-на работал Северный отряд Приленской археологической экспедиции (ПАЭ) ЯФ СО АН СССР под руководством И.В. Константинова. Этому отряду принадлежит открытие практически всех стоянок на булунском участке р. Оленёк: стоянок Нижне-Талоудская, Лагерная, Кюнядинг, Бороллуолаах, Керсюсе, Хотугуй-Нейуо, 255-й км I, II, Суордаах, Полуопка I, II, Хорбусуонка I, II, Хомуйах-Чуомпата, Крест [Константинов, 1970; Аргунов, 1990, с. 111].

В 1973 г. Ю.А. Мочановым на о-ве Большом Ляховском в районе п-ова Кигилях было открыто скопление костей плейстоценовой фауны, предположительно связанное с деятельностью человека [Иванов, 1979, с. 127; Питулько, 1998, с. 15; Мочанов, 2010, с. 15].

В 1981 г. В.В. Колпаковым и В.А. Кацем на левом устьевом мысу руч. Лагерный, левого притока р. Кюютинг (правый приток р. Оленёк), была выявлена неолитическая стоянка Лагерная [Аргунов, 1990, с. 111].

В 1978 г. Северным отрядом ПАЭ ЯФ СО АН СССР была проведена разведка дельты р. Лены. На левом берегу Оленёкской протоки, в 140 км от ее устья, в местности Батыялах, на мысовидных выступах 22–38-метровой террасы, на развешенной поверхности цоколя террасы было выявлено восемь пунктов подъемного материала (Батыялах I–VIII), отнесенного к ымыяхтахской культуре позднего неолита. В 110 км от устья Оленёкской протоки в местности Дюлюнг-Хая на раздернованных участках цокольной террасы высотой 15–20 м было

выявлено еще два пункта подъемного материала эпохи неолита – Дюлонг Хая I, II [Багынанов, Щербакова, 1979а, б].

Наиболее значительные открытия были сделаны в 1989–1990, 2000–2005 гг., когда была обнаружена и исследована Жоховская стоянка – один из самых северных в мире археологических памятников, датированный 8250–7800 л.н. [Питулько, 1998; Питулько, Павлова, 2015]. На стоянке были найдены каменные, костяные и роговые орудия, плетеные изделия, фаунистический и антропологический материал, ставшие ценным источником по реконструкции жизни людей в раннем голоцене в этой части Восточно-Сибирской Арктики, когда Новосибирские о-ва еще оставались частью материковой суши [Питулько, 2019].

В 2000-х гг. были выявлены также следы пребывания древнего человека на о-вах Анжу. Так, на о-ве Котельном была открыта стоянка Тугуттах возрастом 6,7 тыс. лет с микропризматической индустрией, а на о-ве Новая Сибирь – в двух пунктах найдены фрагменты нуклеусов из бивней мамонтов возрастом ок. 36 тыс. лет [Питулько и др., 2015].

В 2015 г. экспедицией РГО «Северная Ойкумена» на о-ве Большом Ляховском в долине р. Зимовье было выявлено два местонахождения костных остатков плейстоценовых животных со следами антропогенного воздействия [Кандыба и др., 2015].

В 2017 г. в составе комплексной историко-палеонтологической экспедиции сотрудник ИГиПМНС СО РАН Т.Б. Симокайтис на поверхности песчаной косы, которая составляет южную оконечность небольшого о-ва Муостах, расположенного в море Лаптевых, в 40 км на ВЮВ от пос. Тикси обнаружил ножевидное-скребловидное изделие, относящееся, вероятно, к позднему палеолиту. Выявить культуросодержащий слой тогда не удалось.

В 2019 г. на о-ве Котельный Новосибирского архипелага в ходе изыскательских работ палеонтологической экспедиции РГО в междуречье Кожевена–Воллосовича были обнаружены костные останки шерстистого мамонта, примерно 30–40 % от полного скелета [Павлов, Suzuki, 2020]. Костный материал был рассеян на небольшой территории – частично лежал на поверхности, а частично был погружен в толщу четырех байджерахов. На местонахождении были найдены фрагменты черепа, бивней, лопатка, шейные, грудные и поясничные позвонки, фрагмент крестца, фрагменты ребер, таза и костей конечностей. На данный момент это наиболее полный скелет, обнаруженный на о-ве Котельный. Также были выявлены следы

от орудий древнего человека (порезы, царапины) на черепе, позвонках и ребрах. Одним из неоспоримых свидетельств физического воздействия человека является обнаруженный кончик каменного орудия, оставшийся на кости лопатки животного. Также рядом со скелетными остатками были найдены и идентифицированы орудия труда древнего человека, предположительно точило для ножа со следами интенсивного использования и что-то типа лопаточки. Результаты радиоуглеродного анализа соответствуют каргинской эпохе позднего плейстоцена.

Новые открытия на Новосибирских о-вах стали известны в 2020 г., когда была открыта стоянка на о-ве Столбовом, найден единичный артефакт на п-ове Тас-Ары о-ва Котельный, выявлены останки мамонта со следами разделки каменными орудиями в северо-восточной части о-ва Котельный, обнаружен единичный артефакт в центральной части о-ва Новая Сибирь [Дьяконов и др., 2020].

Одним из новых местонахождений, открытых в 2020 г., является участок м. Муостах п-ова Быковский со стороны бухты Буор-Хайа и моря Лаптевых. Здесь был собран фаунистический материал вдоль береговой линии с обрывистыми и частично сполженными берегами. Местность представляет собой злако-ивкомовые и полигональные мохово-разнотравные тундры на суглинках увалистой равнины в сочетании с термокарстовыми комплексами на невысоких водоразделах. В силу продолжающейся активной термоденудации происходит разрушение рельефа м. Муостах, особенно в приморской его части. Чуть менее активно термоденудационные процессы действуют по долинам рек и ручьев, на относительно ровных тундровых площадях вдали от водотоков развиваются термокарстовые процессы. Все это в той или иной степени способствует обнаружению палеонтологических остатков т.н. мамонтовой фауны. Обнаруженные кости в зависимости от того, залежали ли они в мерзлоте или были перезахоронены, имеют разную степень сохранности. Их цвет от желтого до темно-коричневого. Кости в основном фрагментированы.

Были обнаружены остатки восьми видов плейстоценовой фауны: мамонт, бизон, северный олень, сайгак, лошадь, волк, заяц, овцебык.

Одним из первых был найден шерстистый мамонт (*Mammuthus primigenius* (Blumenbach, 1799)). Собрано четырнадцать фрагментов костей: шейный позвонок, тазовая кость (2 экз.), хвостовой позвонок, фрагмент ребра (3 экз.), плюсовая кость, фаланга, щепка бивня (3 экз.), фрагменты трубчатых костей (2 экз.). Ко взрослой особи шерстистого мамонта относится седь-

мой шейный позвонок (малой карликовой формы), тазовые кости (2 экз.), хвостовой позвонок, фрагмент ребер (3 экз.), фрагмент проксимальной части плюсневой кости, фаланга, щепка бивня (3 экз.). Фрагменты двух зубов примерно DP4 и M1 принадлежат мамонту возрастом 6–9 лет. Обнаруженные фрагменты бедренной кости и большой берцовой кости без эпифизов соответствуют детенышу мамонта. Обе кости от одной особи возрастом не более 3-х месяцев.

Собрано девятнадцать фрагментов костей от разных особей степного или первобытного бизона (*Bison priscus* (Vojanus, 1827)). Это фрагмент черепа, 2-й, 3-й, 4-й, 6-й шейные позвонки, фрагмент грудного отдела позвонка, фрагмент крестца, фрагмент первого ребра, фрагмент ребра, фрагмент лопатки, фрагмент плечевой кости, фрагмент лучевой кости, фрагмент дистального эпифиза бедренной кости, пяточные кости (2 экз.), фрагмент пястной кости, III фаланга (3 экз.).

Обнаружено одиннадцать фрагментов костей ископаемой лошади (*Equus lenensis*), в т.ч. левая нижняя челюсть, у которой отсутствует передняя и проксимальная части, сустав нижней челюсти, шейный позвоночник, фрагмент грудного отдела позвоночника, крестец, фрагмент левой лопатки, пястная кость, фрагмент бедренной кости, фаланга, копытцевая кость молодой особи.

Найденные части северного оленя (*Rangifer tarandus* (Linnaeus, 1758)) насчитывают двенадцать фрагментов костей. Это фрагмент черепа с основанием рога (2 экз.), фрагмент грудного отдела позвоночника, фрагмент крестца, фрагменты тазовой кости (3 экз.), фрагмент плечевой кости, плюсневая кость, таранная кость (2 экз.), фаланга.

В единственном экземпляре обнаружена пястная кость детеныша ископаемого овцебыка (*Ovibos moschatus* (Blainville, 1816)). Также найден фрагмент дистальной части лопатки ископаемого сайгака (*Saiga borealis* (Tschersky, 1876)). Интерес представляет фрагмент правой части черепа волка с сохранившимися тремя зубами. Этот череп существенно отличается от черепа голоценового волка более короткими размерами. Последним видом, обнаруженным на местонахождении Муостах, является заяц, а точнее фрагмент черепа особи с сохранившимися тремя зубами в левой части.

Предварительный трасологический анализ девяти предметов с местонахождения Муостах показал, что следы искусственной обработки присутствуют на пяти из них. На фрагменте бивня мамонта были зафиксированы серии насечек разной глубины, направленные практически под прямым углом друг к другу. На одной из поверхно-

стей кости волка отмечаются ярко выраженные следы строгания, большая серия разнонаправленных насечек и интенсивная сглаженность, предположительно связанная с лощением. На двух фрагментах костей мамонта практически не отмечается каких-либо насечек или иных очевидных следов искусственной подготовки поверхности, однако общие морфологические особенности указывают на преднамеренное отделение этих фрагментов, предположительно путем рубки. Пластика из бивня мамонта обнаруживает несколько больших серий линейных следов разной направленности и глубины на внешней стороне. Кроме того, общая форма предмета также указывает на ее искусственное получение путем расклинивания [Pitulko, Pavlova, Nikolsky, 2015, с. 265]. Точный возраст местонахождения на данный момент определить трудно. Обнаруженный видовой состав местонахождения Муостах позволяет говорить о принадлежности костей к плейстоценовой фауне. Изучение сравнительно небольшого участка м. Муостах продемонстрировало перспективность подобных исследований, но в то же время их трудоемкость. Следует также отметить, что активные термоденудационные процессы, происходящие в Сибирской Арктике, хоть и относительно облегчают поисковую работу, но при этом фактически уничтожают остатки фаунистического комплекса и свидетельства пребывания древнего человека на арктическом пространстве.

Благодарности

Авторы выражают благодарность сотрудникам Государственного природного заповедника «Усть-Ленский» и лично директору А.Н. Дьячковскому, а также И.И. Стручкову и другим жителям Булунского р-на за неоценимое содействие в организации полевых исследований.

Список литературы

Аргунов В.Г. Каменный век Северо-Западной Якутии. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. – 213 с.

Багынанов Н.Г., Щербакова Н.М. Работы в дельте Лены // Археологические открытия 1978 года. – М.: Наука, 1979а. – С. 209–210.

Багынанов Н.Г., Щербакова Н.М. Первые археологические работы в дельте Лены // Отчетная научно-теоретическая конференция. Археология. Этнография. Источниковедение. – Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 1979б. – С. 43–44.

Дьяконов В.М., Симокайтис Т.Б., Протопопов А.В., Павлов И.С., Плотников В.В., Хлахула И., Долакова Н. Новые местонахождения и объекты археологии на архипелаге Новосибирских островов // Междис-

циплинарные археологические исследования древних культур Енисейской Сибири и сопредельных территорий: тез. Междунар. науч. конф. (Красноярск, 20–22 октября 2020 г.) / отв. ред. П.В. Мандрыка. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2020. – С. 24–25.

Ермолаев М.М. Геологический и геоморфологический очерк острова Большого Ляховского // Тр. Совета по изуч. производит. сил АН СССР. – 1932. – Вып. 7. – С. 147–228.

Иванов В.Л. Архипелаг двух морей. – М.: Мысль, 1979. – 160 с.

Кандыба А.В., Григорьев С.Е., Тихонов А.Н., Никольский П.А., Обадэ Т.Ф., Чепрасов М.Ю., Макаров В.С., Новгородов Г.П. Полевые исследования на острове Большой Ляховский (Российская восточная Арктика) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2015. – Т. XXI. – С. 82–85.

Константинов И.В. Неолитические стоянки на Оленёке // По следам древних культур Якутии. – Якутск: Кн. изд-во, 1970. – С. 73–93. – (Труды Приленской археологической экспедиции).

Мочанов Ю.А. 50 лет в каменном веке Сибири (археологические исследования в азиатской части России): в 2 т. – Якутск: Медиа-холдинг «Якутия», 2010. – Т. 1. – 548 с.

Окладников А.П. Ленские древности. – Якутск: Якут. гос. типогр., 1946. – Вып. 2. – 186 с.

Павлов И.С., Suzuki N. Табаяряхский мамонт (*Mammuthus primigenius* Blum, 1799) с острова Котельный, Новосибирский архипелаг // Природные ресурсы Арктики и Субарктики. – 2020. – Т. 25, № 2. – С. 56–66. – DOI: 10.31242/2618-9712-2020-25-2-4.

Питулько В.В. Жоховская стоянка. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. – 186 с.

Питулько В.В. Гонка со временем: в поисках начального этапа освоения человеком Сибирской Арктики // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (к 100-летию создания российской академической археологии). – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. – С. 103–136.

Питулько В.В., Павлова Е.Ю. Опыт радиоуглеродного датирования культуросодержащих отложений Жоховской стоянки (Новосибирские о-ва, Сибирская Арктика) // Зап. ИИМК РАН. – 2015. – № 12. – С. 27–55.

Питулько В.В., Павлова Е.Ю., Никольский П.А., Иванова В.В., Басилян А.Е., Анисимов М.А., Ремизов С.О. Расселение человека в Сибирской Арктике в позднем неоплейстоцене и голоцене: новые материалы к археологической карте // IV Северный археологический конгресс: доклады, 19–23 октября 2015, г. Ханты-Мансийск. – Екатеринбург, 2015. – С. 152–176.

Pitulko V.V., Pavlova E.Yu., Nikolsky P.A. Processing of the Mammoth Tusk in the Upper Palaeolithic of the Arctic

Siberia (with Particular Reference to the Materials of the Yana Site) // *Stratum Plus*. – 2015. – Vol. 1. – P. 223–283.

References

Argunov V.G. Kamennyi vek Severo-Zapadnoi Yakutii. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1990, 213 p. (In Russ.).

Bagynanov N.G., Shcherbakova N.M. Raboty v del'te Leny. In *Arkheologicheskie otkrytiya 1978 goda*. Moscow: Nauka, 1979a, pp. 209–210. (In Russ.).

Bagynanov N.G., Shcherbakova N.M. Pervye arkheologicheskie raboty v del'te Leny. In *Otchetnaya nauchno-teoreticheskaya konferentsiya. Arkheologiya. Etnografiya. Istochnikovedenie*. Irkutsk: State Univ. Press, 1979b, pp. 43–44. (In Russ.).

D'yakonov V.M., Simokaitis T.B., Protopopov A.V., Pavlov I.S., Plotnikov V.V., Khlakhula I., Dolakova N. New locations and objects of archeology on the archipelago of the Novosibirsk islands. In *Mezhdistsiplinarnye arkheologicheskie issledovaniya drevnikh kul'tur Eniseiskoi Sibiri i sopredel'nykh territorii: tez. Mezhdunar. nauch. konf. (Krasnoyarsk, 20–22 oktyabrya 2020 g.)*. Krasnoyarsk: Sib. Feder. Univ., 2020, pp. 24–25. (In Russ.).

Ermolaev M.M. Geologicheskii i geomorfologicheskii ocherk ostrova Bol'shogo Lyakhovskogo. In *Trudy Soveta po izucheniu proizvoditelnykh sil AN SSSR*, 1932, iss. 7, pp. 147–228. (In Russ.).

Ivanov V.L. Arkhipelag dvukh morei. Moscow: Mysl', 1979, 160 p. (In Russ.).

Kandyba A.V., Grigor'ev S.E., Tikhonov A.N., Nikol'skii P.A., Obade T.F., Cheprasov M.Yu., Makarov V.S., Novgorodov G.P. Field research on the Bolshoy Lyakhovskiy island (Eastern Russian Arctic region). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, vol. XXI, pp. 82–85. (In Russ.).

Konstantinov I.V. Neoliticheskie stoyanki na Oleneke. In *Po sledam drevnikh kul'tur Yakutii*. Yakutsk: Kn. press, 1970, pp. 73–93. (Trudy Prilenskoj arkheologicheskoi ekspeditsii). (In Russ.).

Mochanov Yu.A. Fifty years in the Stone Age of Siberia (Archeological Studies in the Asian Part of Russia). Yakutsk: Media-kholding "Yakutiya", 2010, vol. 1, 548 p. (In Russ.).

Okladnikov A.P. Lenskie drevnosti. Yakutsk: Yakut. gos. tipogr., 1946, vol. 2, 186 p. (In Russ.).

Pavlov I.S., Suzuki N. Tabayuryakhsky mammoth (*Mammuthus primigenius* Blum., 1799) from the island of Kotelny, Novosibirskiy Archipelago. In *Prirodnye resursy Arktiki i Subarktiki*, 2020, vol. 25, No. 2, pp. 56–66. (In Russ.). DOI: 10.31242/2618-9712-2020-25-2-4

Pitulko V.V. Zhokhovskaya stoyanka. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 1998, 186 p. (In Russ.).

Pitulko V.V. Gonka so vremenem: v poiskakh nachal'nogo etapa osvoeniya chelovekom Sibirskoi Arktiki.

In *Proshloe chelovechestva v trudakh peterburgskikh arkheologov na rubezhe tysyacheletii (K 100-letiyu sozdaniya rossiiskoi akademicheskoi arkheologii)*. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2019, pp. 103–136. (In Russ.).

Pitulko V.V., Pavlova E.Yu. Radiocarbon dating of culture-bearing deposits of the Zhokhov site (New Siberia archipelago, Siberian Arctic). In *Transactions of the Institute for the History of Material Culture RAS*, 2015, No. 12, pp. 27–55. (In Russ.).

Pitulko V.V., Pavlova E.Yu., Nikolsky P.A. Processing of the Mammoth Tusk in the Upper Palaeolithic of the Arctic Siberia (with Particular Reference to the Materials of the Yana Site). In *Stratum Plus*, 2015, vol. 1, pp. 223–283.

Pitulko V.V., Pavlova E.Yu., Nikolskii P.A., Ivanova V.V., Basilyan A.E., Anisimov M.A., Remizov S.O. Rasselenie cheloveka v Sibirskoi Arktike v pozdnem neopleistotsene i golotsene: novye materialy k arkheologicheskoi karte. In *IV Severnyi arkheologicheskii kongress: doklady, 19–23 oktyabrya 2015, g. Khanty-Mansiisk*. Yekaterinburg, 2015, pp. 152–176. (In Russ.).

Кандыба А.В. <https://orcid.org/0000-0003-0985-9121>

Дьяконов В.М. <https://orcid.org/0000-0002-4899-6148>

Павлов И.С. <https://orcid.org/0000-0002-4417-1800>

Зоткина Л.В. <https://orcid.org/0000-0002-1912-3882>

Протопопов А.В. <https://orcid.org/0000-0001-6543-4596>

Симокайтис Т.Б. <https://orcid.org/0000-0002-4969-247X>

А.В. Кандыба✉, А.Г. Рыбалко

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: arhkandyba@gmail.com

Результаты разведочных археологических работ в районе Геджухского водохранилища (Республика Дагестан) в 2020 году

Территория Приморского Дагестана является одним из неандертальских рефугиумов в Евразии. Целый кластер среднепалеолитических памятников Дарвагчайского георхеологического района, обнаруженных в последнее десятилетие, позволяет утверждать, что здесь на протяжении длительного хронологического промежутка присутствовали неандертальские популяции. Статья посвящена результатам исследований среднепалеолитических комплексов новых местонахождений Дарвагчай-карьер-3 и Дарвагчай-карьер-4, материалы которых относятся к финальному этапу среднего палеолита и дополняют фактический материал данного культурно-хронологического диапазона на территории Северо-Восточного Кавказа. Полученные археологические материалы демонстрируют подавляющее доминирование леваллуазской техники при сравнительно небольшом среднепалеолитическом инструментарии. Все артефакты относятся к единой технической традиции и выполнены из однообразного сырья с одинаковой сохранностью поверхности. Установленные технико-типологические характеристики позволяют соотносить данный материал с ранее уже известными стратифицированными комплексами финального среднего палеолита Дарвагчай-залив-1 и Дарвагчай-карьер-2. На данный момент в Дарвагчайском георхеологическом районе обнаружен кластер местонахождений с каменными индустриями, относящимися к финальному этапу среднего палеолита. Особенно технико-типологического облика каменных индустрий с ярко выраженными леваллуазскими чертами и отсутствием верхнепалеолитических форм свидетельствуют о специфическом облике среднего палеолита Приморского Дагестана. Данные исследования финальной поры среднего палеолита приближают нас к решению проблемы появления и последующего развития человека современного физического типа. В результате может быть не только реконструирован культурно-исторический процесс на данной территории в неоплейстоцене, но и решены проблемы, касающиеся содержания и корректировки границ культурно-хронологических эпох палеолита Кавказа и Арало-Каспийского бассейна в целом.

Ключевые слова: Дагестан, местонахождения с поверхностным залеганием артефактов, финальная пора среднего палеолита, леваллуазская система расщепления.

Aleksandr V. Kandyba✉, Andrey G. Rybalko

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: arhkandyba@gmail.com

Results of Archaeological Survey in the Area of the Gedzhukh Reservoir (Republic of Dagestan) in 2020

The Caspian Dagestan was one of Neanderthal refugia in Eurasia. A whole cluster of the Middle Paleolithic sites in the Darvagchay geoarchaeological region, discovered in the last decade indicates the habitation of Neanderthal populations in that area over a long period of time. This article presents the research into the Middle Paleolithic complexes from the new sites of Darvagchay-karier-3 and Darvagchay-karier-4 with the material evidence of the Final Middle Paleolithic, elucidating this cultural and chronological period in the Northeastern Caucasus. The archaeological evidence obtained demonstrates the overwhelming dominance of the Levallois technique in a relatively small Middle Paleolithic toolkit. All artifacts belong to the same technical tradition and were made of the same raw materials with the same preservation degree of the surface. These technical and typological features make it possible to correlate this material evidence with the previously known stratified

complexes from Darvagchay-zaliv-1 and Darvagchay-karier-2 of the Final Middle Paleolithic. Currently, a cluster of sites with stone industries of the Final Middle Paleolithic has been discovered in the Darvagchay geoarchaeological region. Specific technical and typological aspects of stone industry with the pronounced Levallois features and absence of the Upper Paleolithic features makes it possible to suggest a specific appearance of the Paleolithic in the coastal Dagestan. New information on the Final Middle Paleolithic is an important step towards solving the problem of the emergence and subsequent development of the anatomically modern humans, making it possible not only to reconstruct cultural and historical processes in the region in the Neopleistocene, but also adjust the boundaries of cultural areas and chronological periods of the Paleolithic in the Caucasus and Aral-Caspian basin as a whole.

Keywords: *Dagestan, localities with surface occurrence of artifacts, Final Middle Paleolithic, Levallois reduction system.*

Проблема происхождения человека современного типа является фундаментальной, поэтому вопросам изучения каменных индустрий, носителями которых являются предшествующие современным популяциям гоминиды, уделяется пристальное внимание. Одним из регионов, на территории которого расположена большая группа среднепалеолитических объектов, является Северо-Восточный Кавказ, а точнее район Геджухского водохранилища (Юго-Восточный Дагестан) [Рыбалко, Кандыба, 2018; Рыбалко, Кандыба, 2019].

В 2020 г. были проведены разведочные работы в среднем течении р. Дарвагчай с целью обнаружения новых археологических объектов и увеличения количества эмпирического материала. Было выявлено два ранее неизвестных местонахождения с поверхностным залеганием археологического материала, получивших название Дарвагчай-карьер-3 и Дарвагчай-карьер-4. Во время обследования территории новых объектов отбирались все нуклеовидные изделия, предметы с вторичной отделкой, а также сколы (целые и фрагменты), имеющие определяемые ударные площадки. В состав коллекции не были включены обломки и осколки, а также желваки и гальки с сомнительными сколами. В целом материалы данной коллекции составляют примерно 90 % от всех экспонированных на поверхности предметов.

Памятник Дарвагчай-карьер-3 расположен на правом берегу р. Дарвагчай в 50 м к югу от плотины Геджухского водохранилища и в 900 м западнее обнаруженного ранее памятника Дарвагчай-карьер-2 [Кандыба, Рыбалко, 2015, 2016; Рыбалко, 2014]. Каменные артефакты залегали на неровной распаханной поверхности террасы. Место расположения стоянки соответствует переходу от предгорий (абсолютная высота 120–270 м) к равнинной части территории Западного Прикаспия, естественная граница между которыми проходит по третьей древнекаспийской террасе бакинского возраста.

Коллекция памятника Дарвагчай-карьер-3 насчитывает 75 артефактов. Нуклеовидный набор состоит из 22 предметов, в т.ч. четырех нуклеовидных обломков. Нуклеусов 18 экз., из них

большая часть (11) относится к леваллуазскому расщеплению. Один нуклеус крупных размеров демонстрирует начальную стадию расщепления. Выпуклая поверхность фронта скалывания сохраняет негативы сколов оформления, направленных от одной из латералей, ударной площадки и основания, и занимают чуть больше 50 % поверхности фронта. Поскольку сырье довольно низкого качества (известняк), на этом этапе расщепление было прекращено. Остальные леваллуазские нуклеусы округлой и овальной формы, размером от 4 до 6 см по длинной оси, демонстрируют крайнюю степень истощения (рис. 1, 1, 6). Скошенные ударные площадки оформлены мелкими снятиями и ретушью. Плоские фронты скалывания в большинстве случаев сохраняют негативы последних, возможно, целевых сколов. Латерали и основания в большинстве случаев оформлены мелкими сколами. Лишь у одного нуклеуса одна из латералей не обработана (рис. 1, 3). Контрфронты в половине случаев выпуклые и сохраняют естественную поверхность, остальные плоские. Следующая группа нуклеусов из трех предметов может быть отнесена к одноплощадочному монофронтальному расщеплению. Все нуклеусы аморфных очертаний и сильно истощены. Остаточные ударные площадки у двух ядрищ гладкие скошенные, у третьего естественная. Выпуклые фронты скалывания сохраняют негативы многочисленных заломистых сколов. Следующие два нуклеуса средних и крупных размеров являются двуплощадочными монофронтальными и также сильно истощены (рис. 1, 2). Противолежащие ударные площадки гладкие. Выпуклый фронт скалывания сохраняет негативы параллельных встречных сколов. Еще один нуклеус является двуплощадочным бифронтальным встречного принципа скалывания. Противолежащие ударные площадки скошенные, оформлены серией снятий. Плоские фронты скалывания сохраняют негативы параллельных сколов. Последний предмет является ортогональным ядрищем.

Индустрия сколов насчитывает 53 экз. Первичные снятия представлены тремя крупными

Рис. 1. Каменные артефакты местонахождения Дарвагчай-карьер-3.

1-3, 6 – нуклеусы; 4 – пластинка; 5, 7 – отщепы; 8 – нож-скребло; 9 – пластина.

отщепами удлиненных пропорций. Остаточные ударные площадки: естественные (2) и гладкая (1). Вторичные сколы насчитывают три экземпляра, один крупный и два средних, все удлиненных пропорций. Остаточные ударные площадки сохраняют естественную поверхность. Технические сколы в коллекции представлены тремя крупными предметами и все являются удаленными фронтами скалывания с леваллуазских нуклеусов. Отщепы насчитывают 42 предмета. Четыре экземпляра крупных размеров имеют пластинчатые пропорции (рис. 1, 5, 7). Две определимые остаточные ударные площадки гладкие. Огранка дор-

сала в двух случаях параллельная однонаправленная, и по одному ортогональная и неопределимая. Крупные отщепы насчитывают три целых предмета, все удлиненных пропорций. Определимые остаточные ударные площадки представлены по одному фасетированным и гладкими типами. Отщепы средних размеров насчитывают 16 экз., из них три фрагментированы. Целые предметы в подавляющем большинстве имеют короткие пропорции, удлиненным является только один предмет. Целые предметы демонстрируют следующие типы огранки дорсала: параллельная однонаправленная – 6 экз., радиальная – 2 экз., продольно-по-

перечная – 2 экз., конвергентная – 2 экз., неопределимая – 1 экз. Остаточные ударные площадки средних отщепов представлены следующими типами: гладкая – 9 экз., фасетированная – 2 экз., двугранная – 1 экз., неопределимая – 4 экз. Мелкие отщепы насчитывают 19 экз., из них целых предметов 12 экз. Огранка дорсала демонстрирует следующие типы: радиальная – 4 экз., параллельная однонаправленная – 5 экз., конвергентная – 3 экз. Определимые остаточные ударные площадки являются гладкими (12 экз.), конвергентными (2 экз.), и точечными (1 экз.). В коллекции присутствуют крупная пластина с параллельной огранкой дорсала и фасетированной ударной площадкой (рис. 1, 9) и пластинка с гладкой ударной площадкой и параллельной однонаправленной огранкой дорсала (рис. 1, 4).

Орудийный набор насчитывает три предмета. Два крупных отщепа с ретушью имеют продольный рабочий край, оформленный эпизодической мелкофасеточной чешуйчатой крутой ретушью, в одном случае вентральной, в другом – дорсальной. Интерес представляет леваллуазский скол

с отломанным окончанием, который можно охарактеризовать как нож-скребло (рис. 1, 8). Рабочее лезвие оформлено с вентральной стороны заготовки двойной, конвергентно сходящейся постоянной стелющейся мелкофасеточной ретушью.

Местонахождение Дарвагчай-карьер-4 расположено в 300–400 м южнее памятника Дарвагчай-карьер-2 и в 100–200 м восточнее дороги Геджух-Дюбек [Кандыба, Рыбалко, 2016; Рыбалко, 2014]. Геоморфологическая позиция здесь идентична местонахождению Дарвагчай-карьер-3.

Коллекция памятника Дарвагчай-карьер-4 насчитывает 25 артефактов. Нуклевидный набор насчитывает семь нуклеусов, подавляющая часть которых относится к леваллуазскому расщеплению. Три крупных нуклеуса овальной в плане формы находятся на стадии переоформления фронта скалывания (рис. 2, 1, 2). Скошенные ударные площадки подготовлены несколькими снятиями. Выпуклые фронты скалывания оформлены серией центростремительных снятий, направленных с латералей. Контрфронт и основание предварительной подготовке не подверга-

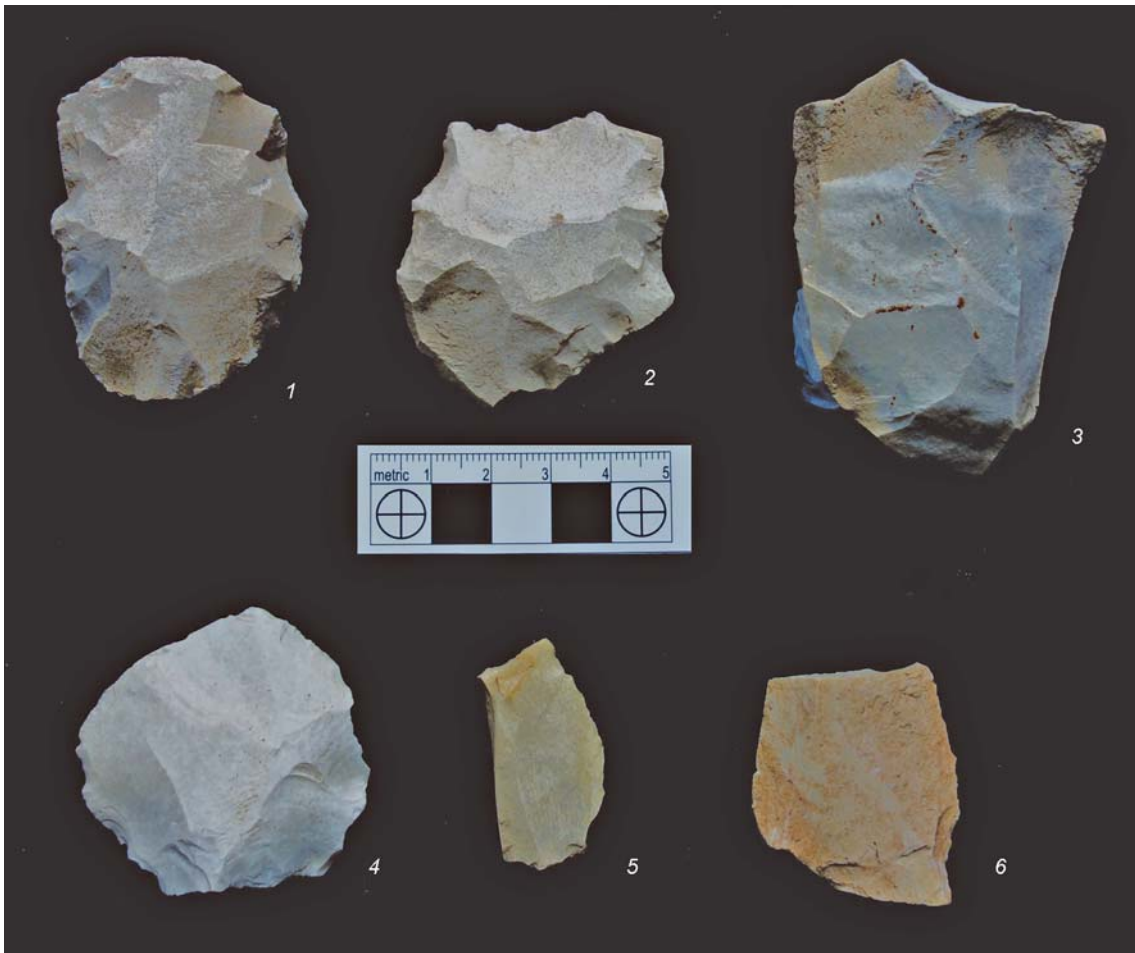

Рис. 2. Каменные артефакты местонахождения Дарвагчай-карьер-4.

1–3 – нуклеусы; 4–6 – отщепы с ретушью.

лись. Следующие три леваллуазских нуклеуса средних размеров сильно истощены и сохраняют на фронте скалывания негатив последнего целового снятия, или, как в одном случае, серию заломистых снятий, направленных с ударной площадки. Последний нуклеус, демонстрирующий леваллуазское расщепление, отличен тем, что представляет собой ядрище на начальной стадии оформления, в качестве заготовки для которого был выбран отщеп крупных размеров. Фронт расщепления расположен на вентральной стороне заготовки и сохраняет немногочисленные мелкие снятия. Последний нуклеус из коллекции можно определить как одноплощадочный монофронтальный (рис. 2, 3). Скошенная ударная площадка оформлена несколькими снятиями. Плоский фронт скалывания сохраняет негативы параллельных удлиненных снятий. Контрфронт и основание оформлению не подвергались.

Индустрия сколов насчитывает 17 экз. Крупный технический продольно-краевой скол представлен в единственном экземпляре. Пластинчатые отщепы в наличии в количестве 2 экз. (один из них фрагментирован) и имеют двугранные ударные площадки. Огранка дорсала целого скола радиальная. Отщепы насчитывают 13 экз., из них семь средних размеров, в т.ч. три целых, имеющих короткие пропорции. Огранка дорсала у целых предметов параллельная однонаправленная. Остаточные ударные площадки у пяти предметов гладкие и одна фасетированная. Мелкие отщепы в количестве шести предметов укороченных пропорций. Остаточные ударные площадки в четырех случаях гладкие, в единственном числе представлены фасетированный и неопределимый типы.

Орудийный набор насчитывает три отщепа с краевой эпизодической вентральной ретушью (рис. 2, 4–6).

Коллекции каменных изделий новых местонахождений, обнаруженные на распаханной поверхности древнекаспийской террасы в схожих геоморфологических условиях, внешне демонстрируют технологическое единство и позволяют сделать ряд следующих предварительных заключений. В качестве сырья для изготовления артефактов в подавляющем большинстве случаев использовался кремнистый известняк и очень редко кремь. Все обнаруженные предметы имеют одинаковую сохранность поверхности и относятся к единой технологической традиции. Представленные каменные индустрии местонахождений Дарвагчай-карьер-3 и Дарвагчай-ка-

рьер-4 наглядно демонстрируют превосходство леваллуазской технологии в первичном расщеплении, что подтверждается большим количеством леваллуазских нуклеусов, направленных преимущественно на получение отщепов. Группа ядрищ параллельного принципа расщепления занимает подчиненное положение и является, по всей видимости, вариациями для подготовки или переоформления леваллуазских нуклеусов. В пользу среднепалеолитического облика индустрии говорит также присутствие в орудийном наборе ножа-скребла, созданного на леваллуазском сколе. Общий облик данных археологических материалов и сравнительный анализ с аналогичными комплексами, обнаруженными ранее на территории Дарвагчайского георхеологического района, позволяет рассматривать их в рамках финальной стадии среднего палеолита Кавказа [Рыбалко, Кандыба, 2018, 2019].

В качестве ближайшей аналогии данной каменной индустрии можно рассматривать культурно-хронологический комплекс 1 памятника Дарвагчай-залив-1 [Рыбалко, Кандыба, 2016; Рыбалко, 2014], а также подъемный комплекс памятника Дарвагчай-карьер-2 [Кандыба, Рыбалко, 2015]. Помимо сходных геолого-геоморфологических условий и близкого расстояния между памятниками, обнаруживается полное сходство в каменном инвентаре. Среди нуклеидных изделий преобладают леваллуазские ядрища при подчиненном положении простого параллельного расщепления. Первичное расщепление в первую очередь ориентировано на производство отщепов. Единичные пластинчатые заготовки характерны для всех комплексов. Орудийный инструментарий отличается присутствием леваллуазских сколов, скребел и острокопачников. Также отмечается полное отсутствие верхнепалеолитических форм.

В результате ранее проведенных исследований в 2015 г. в ходе шурфовки в непо потревоженной части памятника Дарвагчай-карьер-2 был обнаружен сходный археологический материал [Кандыба, Рыбалко, 2015, 2016]. На этом основании можно предположить, что основная часть материалов археологических объектов Дарвагчай-карьер-3 и Дарвагчай-карьер-4 находится в переотложенном состоянии в результате сельскохозяйственной деятельности. Но имеющиеся сейчас данные позволяют в полном объеме дать культурно-хронологическую характеристику каменной индустрии новых объектов и отнести данную индустрию к финальной поре среднего палеолита.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 19-09-00006_а «Комплексное исследование палеолитических культур Приморского Дагестана: технологии, хронология, адаптации и культурные связи».

Список литературы

Кандыба А.В., Рыбалко А.Г. Новые данные о среднем палеолите Дагестана (по материалам памятника Дарвагчай-карьер-2) // Изв. Алт. гос. ун-та. Сер.: История, политология. – 2015. – № 4/1 (88), т. 1. – С. 138–143.

Кандыба А.В., Рыбалко А.Г. Исследования палеолитического местонахождения Дарвагчай-карьер-2 в 2016 году // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 80–83.

Рыбалко А.Г. Геохронологические исследования стоянки Дарвагчай-залив-1 в Республике Дагестан // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 73–76.

Рыбалко А.Г., Кандыба А.В. Каменная индустрия финала среднего палеолита с местонахождения Дарвагчай-залив-1 (Юго-Восточный Дагестан): новые данные // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 156–158.

Рыбалко А.Г., Кандыба А.В. Индустрии финального этапа среднего палеолита Юго-Восточного Дагестана // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул, 2018. – № 3 (23). – С. 84–95.

Рыбалко А.Г., Кандыба А.В. Исследования среднего палеолита Западного Прикаспия // Гуманитарные науки в Сибири. – 2019. – Т. 26, № 2. – С. 5–10.

References

Kandyba A.V., Rybalko A.G. New Data about Middle Paleolith of Dagestan (Based on the Site Darvagchay-Pit-2). In *Izvestiya Altayskogo gos. uni-ta. Seriya. Istoriya, politologiya*, 2015, No. 4/1 (88), pp. 138–143. (In Russ.).

Kandyba A.V., Rybalko A.G. Research of the Paleolithic occurrence of Darvagchai-karier-2 in 2016. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 80–83. (in Russ.).

Rybalko A.G. Geochronological Study of Darvagchai-Bay-1 Site in the Republic of Dagestan. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014, vol. XX, pp. 73–76. (In Russ.).

Rybalko A.G., Kandyba A.V. Final middle Paleolithic stone industry from the Darvagchai-zaliv-1 site (South Eastern Dagestan): The new data. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 156–158. (In Russ.).

Rybalko A.G., Kandyba A.V. Final middle Paleolithic industries of South-East Dagestan. In *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy*. Barnaul, 2018, No. 3 (23), pp. 84–95. (In Russ.).

Rybalko A.G., Kandyba A.V. Middle palaeolithic investigations on Western Precaspian region (on materials of Darvagchai-zaliv-1 site). *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2019, vol. 26, No. 2, pp. 5–10. (In Russ.).

Кандыба А.В. <https://orcid.org/0000-0003-0985-9121>

Рыбалко А.Г. <https://orcid.org/0000-0002-8749-0465>

М.Б. Козликин✉, С.К. Васильев, М.В. Шуньков

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: kmb777@yandex.ru

Археологическая разведка в бассейне верхнего течения реки Ануй в 2020 году

В статье представлены результаты разведывательных полевых археологических работ, проведенных на территории Солонешенского р-на Алтайского края в 2020 г. Исследования были направлены на поиск палеолитических стоянок, приуроченных к скальным убежищам различного типа – пещерам, гротам и навесам. Ранее выявленные и хорошо изученные памятники свидетельствуют об активном заселении этой территории на разных стадиях эпохи палеолита. Маршрут разведки пролегал вдоль бортов долины верхнего течения р. Ануй и ее наиболее крупных притоков. В результате работ было выявлено и осмотрено семь карстовых полостей. В нескольких из них были обнаружены археологические и палеонтологические материалы. Каменные артефакты поздних этапов верхнего палеолита зафиксированы in situ в плейстоценовых отложениях Елиновской пещеры. Ископаемая фауна представлена костями медведя, пещерной гиены, горного козла, бобра. Находки голоценового возраста включают фрагменты неорнаментированной керамики и кости человека. В Караминской пещере найдены бронзовые бляшки – ременные накладки эпохи Средневековья или более позднего времени, а также части скелета человека, возможно, рубежа плейстоцена и голоцена. В отложениях Тумановской пещеры обнаружены только фаунистические материалы, включая зуб бизона. В одной из Тележихинских пещер найдены фрагменты гладкостенной керамики. Гроты Нижний и Верхний Караминские, Усть-Казанда не сохранили рыхлых отложений и каких-либо археологических или палеонтологических материалов. Рекогносцировочные работы в бассейне верхнего течения Ануя в целом показали перспективность открытия в этом районе новых археологических объектов, в т.ч. палеолитических стоянок, связанных со скальными убежищами.

Ключевые слова: Горный Алтай, археологическая разведка, пещеры, гроты, навесы, палеолит, плейстоцен, голоцен, стратиграфия.

Maxim B. Kozlikin✉, Sergey K. Vasiliev, Michael V. Shunkov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: kmb777@yandex.ru

Archaeological Survey in the Basin of the Upper Reaches of the Anui River in 2020

The article presents the results of archaeological survey carried out in Soloneshensky District of Altai Krai in 2020. The survey was aimed at finding new Paleolithic sites confined to rock shelters of various types, such as caves, grottoes, and abri. Previously identified and well-studied sites indicate active human settlement in this area at different stages of the Paleolithic. The survey route ran along the sides of the valley in the upper reaches of the Anui River and its largest tributaries. Seven karst cavities were identified and examined. Archaeological and paleontological evidence was found in several of them. Late Upper Paleolithic stone artifacts were discovered in situ in the Pleistocene sediments of Elinovskaya cave. The fossil fauna was represented by bones of bear, cave hyena, mountain goat, and beaver. Holocene finds included fragments of undecorated pottery and human bones. Bronze plaques – belt plates of the Middle Ages or later period, as well as human bones possibly going back to the boundary between the Pleistocene and Holocene were found in Karaminskaya cave. Only faunal materials, including a bison tooth were found in the sediments of Tumanovskaya cave. Fragments of smooth pottery were discovered in one of Telezhikhinskaya caves. The Nizhniy and Verkhniy Karaminskiy and Ust-Kazanda rock shelters did not contain loose sediments or any archaeological or paleontological evidence. Survey works in the basin of the upper reaches of the Anui River have demonstrated good prospects for discovering new archaeological sites in this area, including Paleolithic sites associated with rock shelters.

Keywords: Altai Mountains, archaeological survey, caves, grottoes, abri, Paleolithic, Pleistocene, Holocene, stratigraphy.

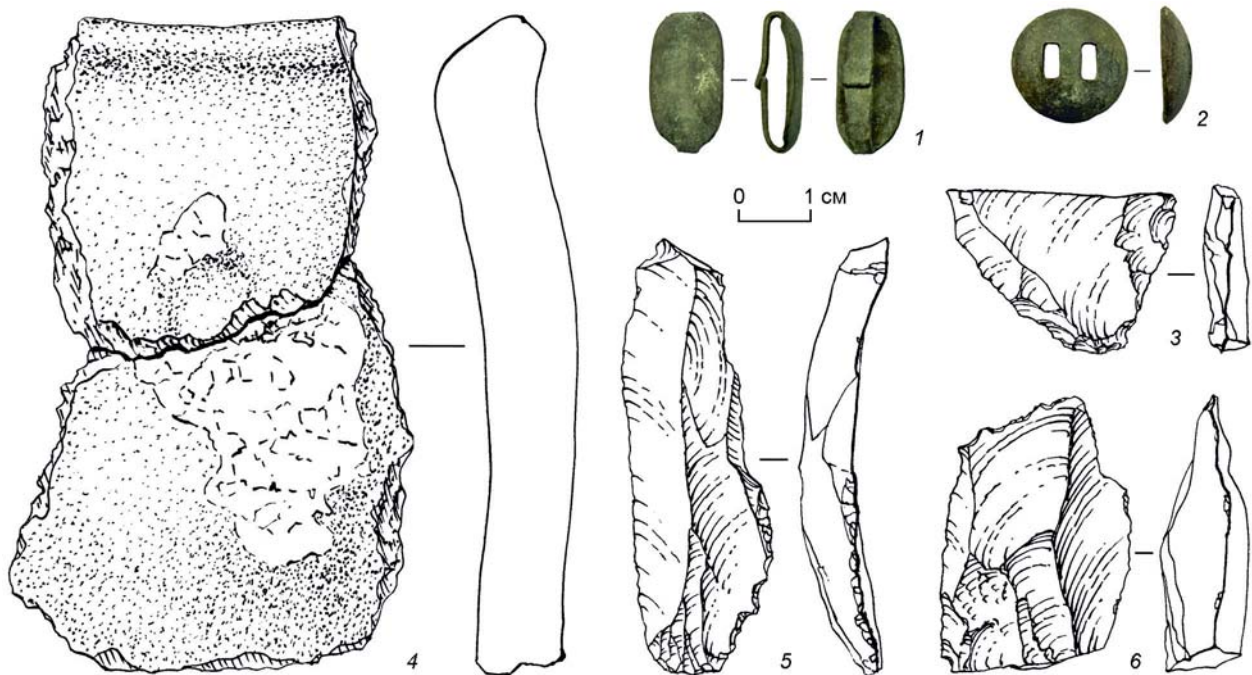
В полевом сезоне 2020 г. в рамках экспедиционных исследований Алтайского палеолитического отряда ИАЭТ СО РАН проведены разведочные работы в Солонешенском р-не Алтайского края. На территории района известны десятки археологических объектов, охватывающих широкий хронологический интервал – от раннего палеолита до позднего Средневековья [Шульга, Шуньков, 2004]. Основной целью работ был поиск палеолитических стоянок, приуроченных к скальным убежищам различного типа – пещерам, гротам, навесам. Маршрут разведки пролегал вдоль бортов долины р. Ануй и ее наиболее крупных притоков. Всего было выявлено и осмотрено семь карстовых полостей.

Гроты Нижний и Верхний Караминские. Расположены на правом берегу Ануйа в 2,5 км юго-восточнее устья его правого притока р. Карамы на высотных отметках соответственно 594 и 601 м над ур. м. На левом берегу Ануйа в 0,3 км юго-восточнее находится раннепалеолитическая стоянка Карамы. Неглубокие полости гротов южной экспозиции выработаны в массиве известняков, разбитых сетью вертикальных и субгоризонтальных трещин. Нижний грот расположен на высоте 3 м над урезом воды, вход треугольной формы размером 3,5 × 3,0 м, максимальная глубина – 2,5 м. Второй грот находится выше на 7 м, имеет вход 15 × 6 м и протяженность от капельной линии вглубь скального массива до 15 м. Скальное дно, круто падающее к речной долине, слегка покрыто рыхлыми

пылеватыми отложениями и многочисленными обломками коренного известняка плитчатой формы, характерной для процессов десквамации. Внутри гротов и на склоне долины возле них не обнаружено археологических и палеонтологических материалов, за исключением костей мелких позвоночных из погадок хищных птиц.

Караминская пещера. Расположена на правом берегу Ануйа в 0,4 км ниже по течению от Караминских гротов на высоте 584 м над ур. м. Расстояние от пещеры до реки составляет 70 м в юго-западном направлении. Правый борт долины на этом участке представляет собой скальную гряду Ануйского хребта с крутыми, почти отвесными стенами. Пещера выработана по субвертикальному скальному разлому. Вход арочной формы имеет юго-западную экспозицию. Высота входа по капельной линии достигает 2,6 м, максимальная ширина – 3,4 м. Карстовая полость делится на две зоны – освещенную устьевую с высоким сводом и узкий темный лаз. Устьевая часть пещеры имеет длину 4,9 м, среднюю ширину – 2,5 м. По мере продвижения вглубь скального массива свод опускается до 0,7 м, ширина полости сужается до 0,9 м, в таком виде лаз длится до 13 м и заканчивается тупиком.

Пещера не имеет выраженной предвходовой площадки. Горизонтальный пол пещеры за капельной линией сразу переходит в крутой склон долины. Дневная поверхность пещеры представлена легким пылеватым сильно пересушенным светло-

Бронзовые бляшки из Караминской пещеры (1, 2); фрагмент керамического сосуда (4), отщепы (3, 6) и пластина (5) из Елиновской пещеры.

серым суглинком с включением остроугольных обломков известняка плитчатой формы. В устьевой зоне пещеры на поверхности обнаружены бронзовые бляшки – четыре овальной формы размером 16 × 8 мм (см. рисунок, 1) и две круглые диаметром 13 мм (см. рисунок, 2), служившие предположительно ремennыми накладками, скорее всего, эпохи позднего Средневековья или этнографического времени. На этом участке найдены также фрагменты шейного позвонка, бедренной и тазовой костей человека, возможно, эпохи финала плейстоцена – начала голоцена. Кроме того, собраны фрагменты костей (46 экз.) крупных и мелких млекопитающих голоценового возраста (см. таблицу). Кости светло-коричневого цвета, суховатые, легкие. Обнаружен также фрагмент гладкостенной керамики.

В 1,5 м от капельной линии в глубь пещеры была заложена разведочная траншея 1,0 × 2,3 м. В результате раскопочных работ получен поперечный разрез рыхлых отложений, заполняющих устьевую зону полости. Траншея пройдена до скального основания, максимальная мощность вскрытой толщи составила 1,9 м. В стратиграфическом разрезе выделено четыре литологических слоя.

Слой 1 (70–80 см) – суглинок легкий, пылеватый, сильно пересушенный, светло-серый, с включением остроугольных обломков известняка плитчатой формы. Слой нарушен многочисленными ходами землероев. К подошве слоя приурочен обвальнй горизонт из уплощенных глыб известняка размером до 35–40 см в поперечнике, залегающих субгоризонтально.

Слой 2 (15–20 см) – суглинок плотный, тяжелый, сургучный, не содержит обломочного материала, обогащен зернами оскольчатых глин размером 2–7 мм в поперечнике, преимущественно изометричной, реже плитчатой формы.

Слой 3 (40–45 см) – суглинок плотный, тяжелый, светло-коричневый, с многочисленными тонкими линзами суглинков коричневых и белесых, с нечеткими, рваными границами.

Слой 4 (до 50 см) – пески тонкозернистые, серые, аллювиального генезиса.

Накопление литологического слоя 1 происходило, видимо, в голоцене, нижележащие слои сформировались, скорее всего, в плейстоцене. Археологический материал во вскрытых отложениях не обнаружен.

Тумановская пещера. Расположена на правом борту долины р. Карамы на западной окраине с. Туманово на высоте 724 м над ур. м. Расстояние от пещеры до реки составляет 0,4 км, высота над урезом воды – 49 м. Пещера выработана в силурийских известняках отрогов Ануйского хребта. Скальный массив, покрытый осадочным чехлом, представ-

Видовой состав и количество костных остатков из пещер Караминская, Тумановская и Елиновская

Таксоны	Караминская	Тумановская	Елиновская	
			Слой 1	Слой 2
<i>Homo sapiens</i>	3	–	5	–
<i>Canis familiaris</i>	–	–	3	–
<i>Equus caballus</i>	–	1	–	–
<i>Capra-Ovis</i>	–	1	–	–
<i>Asioscalops altaica</i>	–	–	9	–
<i>Lepus tanaiticus</i>	–	–	–	2
<i>Lepus timidus</i>	–	–	13	–
<i>Ohotona</i> sp.	1	–	3	–
<i>Spermophilus</i> sp.	–	–	–	1
<i>C. cricetus</i>	2	6	45	–
<i>Marmota baibacina</i>	1	1	12	6
<i>Castor fiber</i>	–	–	1	1
<i>M. myospalax</i>	2	7	187	–
<i>Arvicola terrestris</i>	–	–	8	–
<i>Rodentia</i> gen. indet.	–	3	107	–
<i>Vulpes vulpes</i>	–	–	15	–
<i>Ursus arctos</i>	–	–	–	1
<i>Crocota spelaea</i>	–	–	1*	–
<i>L. lynx</i>	–	–	1	–
<i>Cervus elaphus</i>	–	–	3	–
<i>Capreolus pygargus</i>	–	–	13	–
<i>Bison priscus</i>	–	1*	1*	–
<i>Capra sibirica</i>	–	–	2*	2
<i>Aves</i>	–	–	45	2
Неопределимые фрагменты	37	1	220	31
Всего костных остатков	46	21	696	46*

*Кости плейстоценового возраста.

ляет собой водораздельный мыс между долинами Карамы и ее правого притока – руч. Барсучьего. Полость почти под самый свод заполнена рыхлыми отложениями, невысокий вход арочной формы имеет ширину 3,2 м и максимальную высоту 0,9 м. Проходимая длина узкого лаза пещеры составляет ок. 10 м от капельной линии. Предвходовая площадка выражена слабо, в 1,5 м от капельной линии она переходит в склон долины. В глубине пещеры на поверхности красно-коричневых суглинков найдены фрагменты диафизов трубчатых костей крупных млекопитающих, имеющих характерную плейстоценовую сохранность.

В предвходовой зоне пещеры заложен шурф 1 × 1 м, который охватывает площадь по обе стороны капельной линии. Максимальная мощность рыхлых отложений на этом участке составила 0,8 м. Дно шурфа представлено крупными глыбами известняка, являющимися, скорее всего, частью обвалившегося свода. Судя по строению устьевой зоны

и предвходовой площадки, мощность рыхлых отложений в пещере может составлять ок. 2,0–2,5 м. Вскрытые шурфом отложения состоят из четырех стратиграфических подразделений.

Слой 1 (20–25 см) – гумусированная толща, рыхлая, темно-серая, с крупнозернистой структурой, с пятнами и линзами суглинков светло-коричневых, с многочисленным известняковым щебнем. Представляет собой переотложенные осадки, скорее всего, выбросы грунта из глубины пещеры.

Слой 2 (20 см) – суглинки плотные, темно-серые, с обломками известняка и редкими костными фрагментами; являются ненарушенными голоценовыми отложениями.

Слой 3 (10 см) – суглинок очень плотный, коричневый с красноватым оттенком, одресвяненный и опесчаненный. Содержит известняковый щебень и мелкие осколки костей плейстоценового возраста.

Слой 4 (30 см) – суглинок плотный, светло-коричневый, включает фрагменты известняка с оглаженными ребрами и с белесой реакционной каймой. Осадок заполняет пространство между глыбами обвального горизонта.

В слое 2 найдены целые и фрагментированные кости животных эпохи голоцена, в т.ч. определяемые останки лошади, хомяка, сурка и цокора (см. *таблицу*). Нижележащие отложения накапливались в эпоху плейстоцена, что подтверждается находкой зуба бизона в слое 4.

Елиновская пещера. Находится на левом борту долины руч. Мокренький – левого притока руч. Елинова, который в свою очередь является левым притоком р. Щепета, впадающей в Ануй. Высота над уровнем моря – 807 м, относительная над ручьем – 27 м. В 0,8 км юго-восточнее пещеры расположено с. Елиново. Карстовая полость выработана в силурийских известняках по трещинам, разбивающим скальный массив в широтном направлении и падающим на запад под углом 20°.

Вход в пещеру арочной формы имеет южную экспозицию. Ширина входа у капельной линии – 4,2 м, максимальная высота – 1,6 м. Свод пещеры падает вглубь скального массива под углом 20°. В 2,5 м от капельной линии ширина полости сужается до 1,3 м, свод опускается до 0,6 м. Далее пещера уходит вглубь скального массива на 4,1 м, свод постепенно снижается до поверхности рыхлых отложений. На дневной поверхности экспонирован известняковый обломочный материал, мусор, фрагменты костей крупных и мелких млекопитающих голоценового и плейстоценового возраста.

Субгоризонтальная предвходовая площадка сегментовидной в плане формы имеет размеры 1,7 × 5,3 м; у южного края резко переходит в крутой (45–50°) склон долины ручья. Площадка и склон

сильно задернованы, за исключением скальных выходов. В устьевой части пещеры была заложена траншея 1 × 2 м, ориентированная по длинной оси полости, совпадающей с направлением север – юг. Траншея занимает участок, в основном, под сводом пещеры, а также на предвходовой площадке. Максимальная мощность вскрытых отложений составила 1 м, днище траншеи представляет собой скальное основание, падающее под углом ок. 20° в западном направлении. В стратиграфическом разрезе выделено два литологических слоя.

Слой 1 (30–60 см) – суглинки рыхлые, темно-серые, обогащенные гумусом и известняковым обломочным материалом. Представляет собой смешение голоценовых и плейстоценовых отложений в результате современной деятельности человека, о чем свидетельствуют обнаруженные в пределах слоя остатки мусора. Многочисленные костные остатки также имеют разную сохранность, характерную для плейстоценового и голоценового возраста. Всего обнаружено 696 целых и фрагментированных костей (см. *таблицу*). Плейстоценовый возраст подтверждается видовым составом фауны, включающим зуб пещерной гиены, а также обломки толстых трубчатых костей бизона или шерстистого носорога. Среди других костей – остатки лисицы, горного козла, суслика, сурка и алтайского цокора. Большинство крупных трубчатых костей разбито, некоторые фрагменты несут следы обжига и порезы. Отдельно следует отметить находку на дневной поверхности пещеры нижней челюсти взрослого мужчины с заметными патологическими изменениями костной ткани, а также четыре фаланги человека, обнаруженные в литологическом слое 1. Останки имеют голоценовый возраст. Признаки погребения на вскрытом траншеей участке не зафиксированы.

Слой 2 (10–30 см) – суглинок светло-коричневый, одресвяненный и опесчаненный, с включением обломочного известнякового материала и остатков плейстоценовой фауны; залегает на скальном основании пещеры. В толще слоя обнаружено 45 костных фрагментов, принадлежащих медведю, сибирскому горному козлу и бобру (см. *таблицу*). Кости покрыты тонкой карбонатной корочкой и имеют характерный плейстоценовый облик.

Археологические материалы из литологического слоя 1 включают пять фрагментов керамики как минимум от двух сосудов. Керамика толстостенная, неорнаментированная, красновато-коричневого и черного цвета на изломе. Венчик слегка изогнут (см. *рисунок, 4*), срез скошен внутрь, снаружи выступает небольшой карниз. Данная керамика может датироваться от раннего железного века до Средневековья. В пределах слоя 2 обнаружено три скола из

качественной тонкозернистой окремненной породы – пластина (см. *рисунок, 5*), отщеп средних размеров (см. *рисунок, 6*) и проксимальный фрагмент отщепа (см. *рисунок, 3*). Сколы имеют продольную огранку дорсала, гладкую остаточную ударную площадку с интенсивной прямой редуцией карниза, покрыты тонкой карбонатной корочкой и относятся, скорее всего, к заключительной стадии верхнего палеолита.

Грот Усть-Казанда. Расположен на левом берегу Щепеты напротив устья ее правого притока р. Казанда, в 3,2 км выше по течению от Елиновской пещеры. Высота над уровнем моря – 780 м. Обширный грот южной экспозиции хорошо выражен в рельефе долины Щепеты, возвышаясь над рекой на 10 м. Полость выработана в известняковом массиве, вход подтреугольной формы, шириной 4 м и максимальной высотой 3,5 м. Полость глубиной 6 м заканчивается субвертикальной стеной. Скальное дно грота наклонено в долину под углом 30°, рыхлые отложения отсутствуют.

Тележихинские пещеры. Находятся на левом берегу р. Черный Ануй, левого притока Ануя, у западной окраины с. Тележиха, на высоте 579 м над ур. м. и на отметках 15–20 м над рекой. По сообщению местных жителей, в известняковом скальном массиве в окрестностях села находилось несколько пещер, в т.ч. крупных, проходимых в полный рост на большое расстояние, которые в середине XX в. были взорваны для добычи известняка. Одна из полостей уцелела – представляет собой узкий лаз с входом 0,6 × 0,4 м, протяженностью до 8 м, заполненный голоценовыми осадками. В устьевой зоне полости найдены фрагменты венчика и тулова керамического сосуда эпохи раннего железного века или Средневековья. Срез венчика подпрямоугольный с небольшим внешним карнизом, поверхность заглажена щепой.

При осмотре взорванных пещер были зафиксированы остатки еще двух крупных полостей, заваленных глыбами. Одна из них была заполнена рыхлыми отложениями, в т.ч. красноцветными

плейстоценовыми осадками. Археологический материал возле этих пещер не обнаружен.

Разведочные работы в бассейне верхнего течения Ануя показали перспективность открытия в этом районе новых археологических объектов, в т.ч. палеолитических стоянок в скальных убежищах. Ранее выявленные и хорошо изученные многослойные памятники – пещеры Денисова, Окладникова, Каминная, Искра, стоянки открытого типа Карамы, Усть-Каракол, Ануй-1–3 свидетельствуют об активном заселении этой территории от эпохи раннего палеолита до финала палеолитического времени. Многие из обследованных в полевом сезоне 2020 г. карстовых полостей содержат рыхлые отложения и фаунистические материалы плейстоценового возраста, что повышает вероятность обнаружения следов деятельности палеолитического человека.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР № 0329-2019-0001 «Заселение первобытным человеком Северной Азии: культурный и экологический контекст».

Список литературы

Шульга П.И., Шуньков М.В. Древнее прошлое Солонешенского района // Солонешенский район: очерки истории и культуры. – Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 2004. – С. 34–71.

References

Shulga P.I., Shunkov M.V. Drevnee proshloe Soloneshenskogo raiona. In *Soloneshenskii raion: ocherki istorii i kul'tury*. Barnaul: State Ped. Univ. Press, 2004, pp. 34–71. (In Russ.).

Козликин М.Б. <https://orcid.org/0000-0001-5082-3345>

Васильев С.К. <https://orcid.org/0000-0002-6863-7900>

Шуньков М.В. <https://orcid.org/0000-0003-1388-2308>

**М.Б. Козликин¹✉, В.В. Оленченко^{2, 3}, П.С. Осипова²,
Н.А. Кулик¹, С. Алишер кызы^{1, 3}, Г.И. Марковский¹,
С.В. Шнайдер¹**

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

²Институт нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука СО РАН
Новосибирск, Россия

³Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

E-mail: olenchenkovv@yandex.ru

Геофизические и археологические исследования пещеры Бийка-1 на Алтае

*В статье представлены результаты археологического и геофизического изучения пещеры Бийка-1 в полевом сезоне 2020 г. Пещера входит в Бийкинский пещерный комплекс, расположенный на территории Чемальского р-на Республики Алтай. Первые исследования пещеры Бийка-1 проводились в начале 1990-х гг. На памятнике было выделено четыре культурных горизонта, которые содержали следы кратковременных кострищ, представительные палеофаунистические и археологические коллекции. Согласно серии радиоуглеродных датировок и облику археологического материала стоянка заселялась в период среднего палеолита – неолита. В 2020 г. в пещере проведены геофизические исследования с целью определения мощности рыхлых отложений в дальних галереях и следов их антропогенного нарушения. На одном из участков пещеры выявлена аномалия подпрямоугольной формы, которая могла быть вызвана антропогенными или литологическими факторами. Для ее проверки был заложен шурф, которым вскрыты отложения мощностью до 1,5 м, включающие четыре литологических слоя. Наиболее представительный археологический и палеофаунистический материал обнаружен в слое 3, где найдено 17 каменных артефактов, большая часть которых выполнена из высококремнистых пород. Палеофаунистический материал представлен преимущественно остатками *Ovis* и *Capra*, определены также единичные зубы лошади *Equus ovodovi*, хищники представлены отдельными зубами волка *Canis lupus* и пещерной гиены *Crocota spelaea*. В целом проведенное геофизическое исследование позволило с точностью установить мощность рыхлых отложений на исследуемом участке. Археологические раскопки показали, что зафиксированная аномалия связана с литологическими процессами, вероятнее всего, с наличием блоков известняка в кровле слоя 2. Благодаря проведенным работам установлено, что в отдаленной части пещеры сохранились плейстоценовые отложения с высокой концентрацией археологического и палеофаунистического материала.*

Ключевые слова: Горный Алтай, пещера Бийка-1, палеолит, плейстоцен, стратиграфия, геофизика, электро-томография, геоэлектрический разрез, каменная индустрия.

**Maxim B. Kozlikin¹✉, Vladimir V. Olenchenko^{2, 3}, Polina S. Osipova²,
Natalia A. Kulik¹, Saltanat Alisher kyzy^{1, 3}, Gregory I. Markovsky¹,
Svetlana V. Shnaider¹**

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

²Trofimuk Institute of Petroleum Geology and Geophysics SB RAS,
Novosibirsk, Russia

³Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia

E-mail: olenchenkovv@yandex.ru

Geophysical and Archeological Research of Biyka-1 Cave in Altai

*The article provides the results of the archeological and geophysical study of the Biyka-1 cave in 2020. The cave is a part of the Biykinskiy cave complex located in the territory of the Chermal region in the Altai Republic. The first studies of the Biyka-1 cave were carried out in the early 1990s. Four cultural horizons were identified in the cave, which contained short-term fair places, representative paleofaunal and archaeological collections. According to a series of radiocarbon dates and typological analysis of lithic industries, the cave was inhabited in the Middle Paleolithic to Neolithic period. In 2020, a geophysical study was carried out in the cave to determine the deepness of sediments in the cave's galleries and traces of their disturbance. In one cave's section a rectangular anomaly was defined, which could be caused by anthropogenic or lithological factors. To check it, a pit was dug, which exposed deposits up to 1.5 m thick, including four lithological layers. The most representative archaeological and paleofaunal materials are represented in Layer 3, where 17 lithic artifacts were found, most of which are made of high-quality siliceous raw material. Paleofaunal material is represented primarily by Ovis and Capra, single teeth of horse (*Equus ovodovi*) are also identified, predators are represented by individual teeth of wolf (*Canis lupus*) and cave hyaena (*Crocota spelaea*). In general, the conducted geophysical study allowed determining with accuracy the deepness sediments in the investigated area. Archaeological excavations have shown that the recorded anomaly is associated with lithological processes, most likely, with blocks of limestone on the top of Layer 2. Based on this work, it was determined that the cave's galleries contain the Pleistocene sediments with a high concentration of archaeological and paleofaunal materials.*

Keywords: Altai Mountains, Biyka-1 cave, Paleolithic, Pleistocene, stratigraphy, geophysics, electrotomography, geoelectric section, lithic industry.

Пещера Бийка-1 и гроты Бийка-2–6 составляют Бийкинский пещерный комплекс на территории Чемальского р-на Республики Алтай. Пещера и гроты были открыты в 1989 г. Г.Я. Барышниковым. Археологические исследования на памятниках проводились в 1993 и 1994 гг. под руководством В.Т. Петрина и Т.И. Нохриной [Археология..., 1998]. Объекты комплекса приурочены к правому склону долины р. Бийка, которая является правым притоком р. Катунь. Карстовые полости выработаны по трещинам в известняковом массиве, имеют южную экспозицию, возвышаются на абсолютных отметках 720–730 м.

Наиболее перспективными для дальнейших исследований оказались пещера Бийка-1 и грот Бийка-2, в которых геологическими шурфами 1991 г. были вскрыты отложения, содержащие археологические материалы палеолитического облика [Там же]. Пещера Бийка-1 имеет вход высотой ~4 м и шириной ~6,7 м по капельной линии, длина всех ходов составляет 76 м. В 1993 г. в восточной половине устьевой зоны пещеры был заложен раскоп, вскрывший отложения ее предвходовой части. В стратиграфическом разрезе выделено шесть литологических слоев общей мощностью ок. 1,5 м. В процессе изучения рыхлой толщи было выделено четыре горизонта залегания находок, для которых получено несколько радиоуглеродных датировок. Контактная зона между горизонтами 3 и 4 датируется 37000 ± 1000 л.н. (Вln 4981), для кровли горизонта 3 получена дата 23480 ± 300 л.н. (Вln 4980) [Васильев, Рыбин, Нохрина, 2015]. Археологическая коллекция включает несколько сотен каменных артефактов, в т.ч. серию выразительных орудийных форм. По своему технико-типологи-

ческому облику каменная индустрия пещеры соотнесена с периодами верхнего и среднего палеолита [Археология..., 1998]. Были также промыты все отложения из геологических шурфов. В отвале из шурфа № 2, расположенного в 7 м от входа в пещеру, обнаружен фрагмент костяной основы вкладышевого кинжала, который, наряду с радиоуглеродной датой 5235 ± 140 л.н. (СОАН-3614) по древесному углю из кострища № 1 [Нохрина, Чеха, 2013], свидетельствует о наличии в пещере неолитического комплекса.

В 2020 г. с целью выявления перспективных участков для будущих раскопок в пещере Бийка-1 были проведены геофизические исследования, основной задачей которых являлось определение мощности рыхлых отложений, заполняющих отдаленные от входа галереи, а также обнаружение аномалий, связанных с антропогенной деятельностью. Исследования выполнены методом электротомографии в двумерной (2D) и трехмерной (3D) модификациях. Измерения проводились с помощью многоканальной аппаратуры Скала-64к15, количество электродов – 64, шаг между электродами – 0,5 м, максимальная глубинность исследований составила 5 м. Последовательность подключения электродов соответствовала трехэлектродной прямой и обратной установке.

Профили 2D-электротомографии расположены по длинной оси галереи (рис. 1, 1), длина профилей составила 15,5 м. Перед входом в галерею была разбита площадка для 3D-измерений электрического поля. Предполагалось, что в этом месте может находиться погребение. Зондирования были выполнены по сети $0,5 \times 0,5$ м, размер площадки составил $3,5 \times 3,5$ м (рис. 1, 2). Обработка данных проводи-

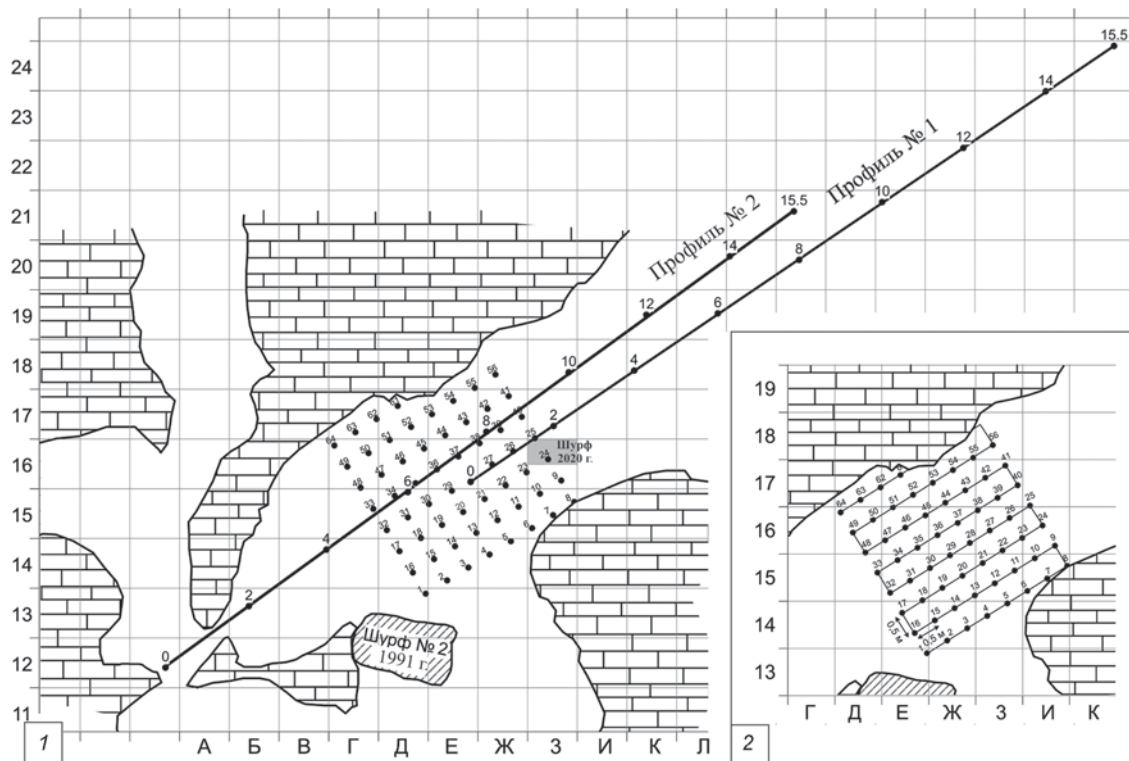

Рис. 1. План пещеры Бийка-1 (по: [Археология..., 1998]) и схема расположения профилей электротомографии и площадки 3D-измерений (1); схема расположения электродов на площадке трехмерного зондирования (2).

лась с помощью программ двумерной и трехмерной инверсии Res2Dinv и Res3Dinv.

На полученных геоэлектрических разрезах (рис. 2) вдоль профилей № 1 и № 2 отчетливо проявилась граница между породами низкого (менее 100 Ом·м) и высокого (более 500 Ом·м) удельного электрического сопротивления (УЭС). Породы низкого УЭС представлены рыхлыми пещерными отложениями. Их сопротивление изменяется в пределах от 7 до 300 Ом·м в зависимости от влажности и гранулометрического состава. Наиболее низкие значения УЭС отмечены на увлажненных участках, где осадки смачиваются водой высокой минерализации, капающей со свода пещеры. Повышенное УЭС рыхлых отложений означает преобладание щебня в их составе. Коренные породы имеют очень высокое электросопротивление, достигающее нескольких десятков тысяч Ом·м.

Анализ разрезов показал, что мощность рыхлых отложений в галерее не превышает 1 м. Максимальная глубина кровли коренных пород на профиле № 1 (рис. 2, 1) достигает 0,7 м в интервале 0–4 м (кв. Ж–И/17). В глубине галереи мощность рыхлых осадков составляет 0,3–0,4 м. Повышение УЭС отложений на этом участке связано, скорее всего, с увеличением содержания щебня.

На профиле № 2 (рис. 2, 2) в интервале 0–12 м мощность осадочного чехла составляет 0,7 м с ло-

кальным углублением до 1 м в интервале 2–3 м (кв. Б-13 и В-14). Выявленное углубление в коренных породах, возможно, является перспективным для обнаружения археологических и фаунистических материалов, что в дальнейшем будет верифицировано в ходе раскопочных работ. В интервале 13,0–15,5 м профиля № 2 коренные породы практически выходят на поверхность.

Анализ карт распределения УЭС (рис. 3) показал, что до глубины 0,7 м центральная часть исследованной площадки сложена низкоомными рыхлыми отложениями, породы высокого УЭС выступают лишь по бокам и отражают строение коренных стен пещеры. На карте изоом по глубине 0,3 м (рис. 3, 1) в квадрате 3-16 выделена локальная аномалия повышенного УЭС. На картах изоом по глубинам 0,7 и 1,0 м (рис. 3, 2, 3) доля осадков высокого УЭС возрастает, что связано с преобладающим распространением коренных пород на этих высотных отметках. На кв. Е-15 и И-16 аномалии низкого УЭС показывают участки углубления в скальном ложе.

Общее представление о поверхности скального основания под толщей рыхлых отложений дает 3D-модель удельного сопротивления среды (рис. 4). Серая изоповерхность 100 Ом·м определяет границу между рыхлыми отложениями и коренными породами. В районе точек 7–10, 23–26, 39, 40 поверхность коренных пород погружается. В обла-

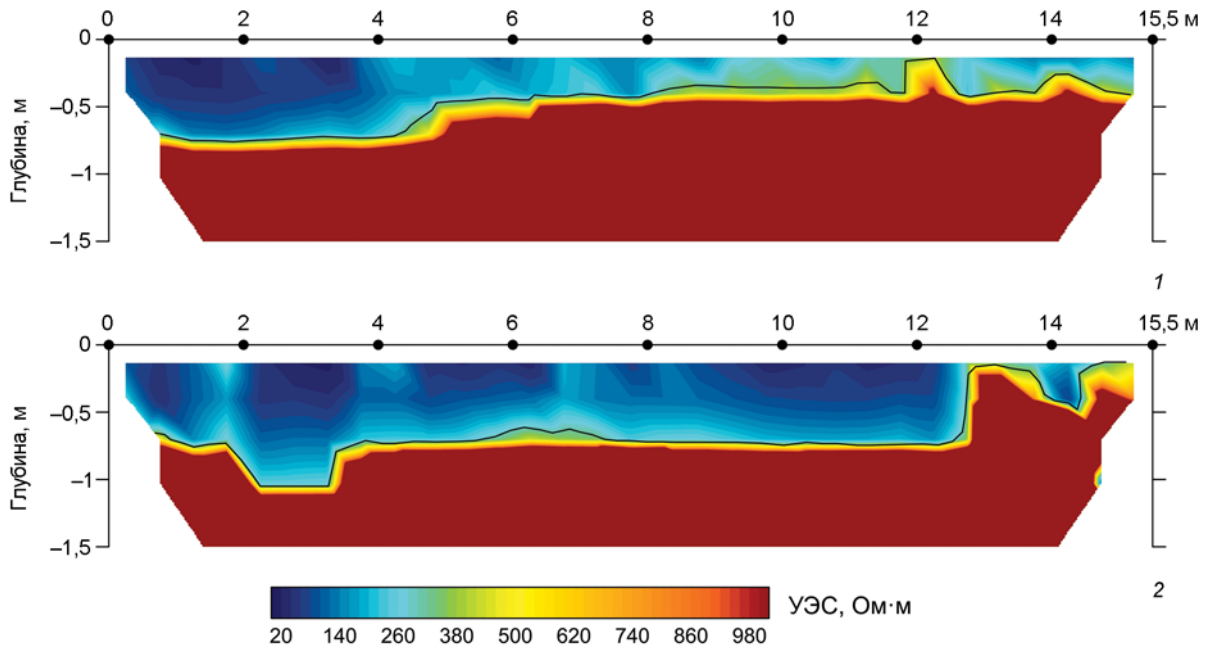

Рис. 2. Геоэлектрические разрезы по результатам 2D-инверсии.

1 – профиль № 1; 2 – профиль № 2.

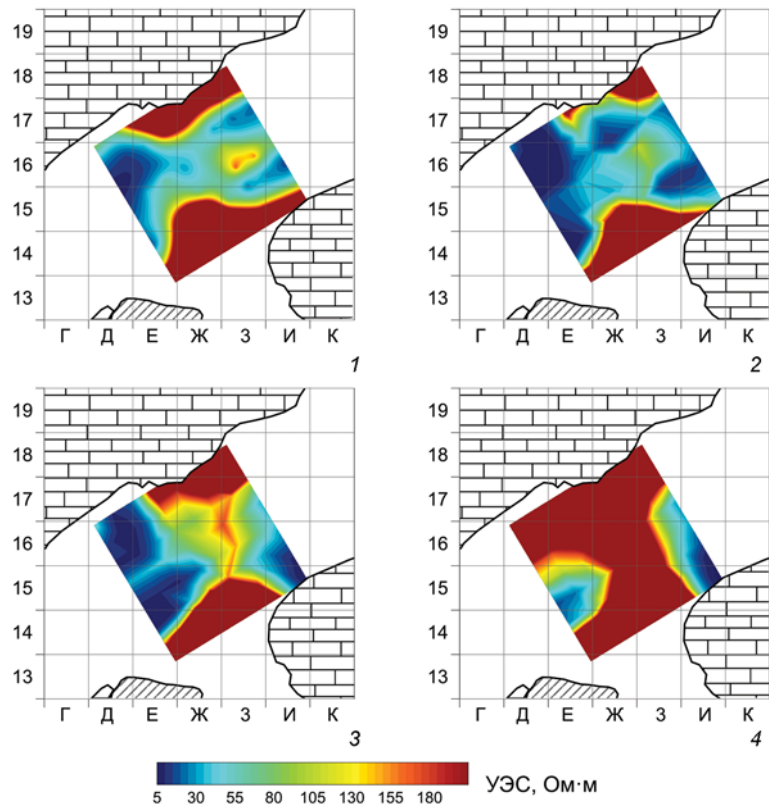
Рис. 3. Карты удельного электрического сопротивления на глубине 0,3 м (1), 0,7 м (2), 1 м (3) и 1,4 м (4).

сти точек 21, 28, 37 выделен перешеек между противоположными стенками пещеры, который отмечен полосой повышенного УЭС (см. рис. 3, 3).

Трехмерная томография показала, что в галерее присутствуют зоны с мощностью рыхлых отложений до 1,0–1,5 м (квадраты Е-15, И-15, Д-16, И-16). На участке в пределах кв. 3-16, где была зафиксирована одна из аномалий УЭС, заложен шурф площадью 0,5 × 1,0 м для установления ее генезиса. Раскопные работы показали, что зона повышенного УЭС здесь не связана с антропогенной деятельностью. Аномалия была вызвана литологическими факторами – обогащением слоя щебнем и глыбами. Вскрытые шурфом отложения мощностью до 1 м состоят из четырех стратиграфических подразделений.

Слой 1 (5–20 см) – суглинки серо-коричневые, светлые, с включением известнякового щебня и глыб, с тонкими линзами железомарганцевой цементации.

Слой 2 (5–10 см) – суглинок серый, в верхней части слоя обогащенный обломочным щебнистым

материалом с отдельными глыбами до 30 см в максимальном измерении. Во включениях отмечены также единичные фрагменты костей.

Слой 3 (50–60 см) – суглинок коричневый, с включением известнякового щебня в верхней части слоя, в нижней – многочисленных фрагментов костей.

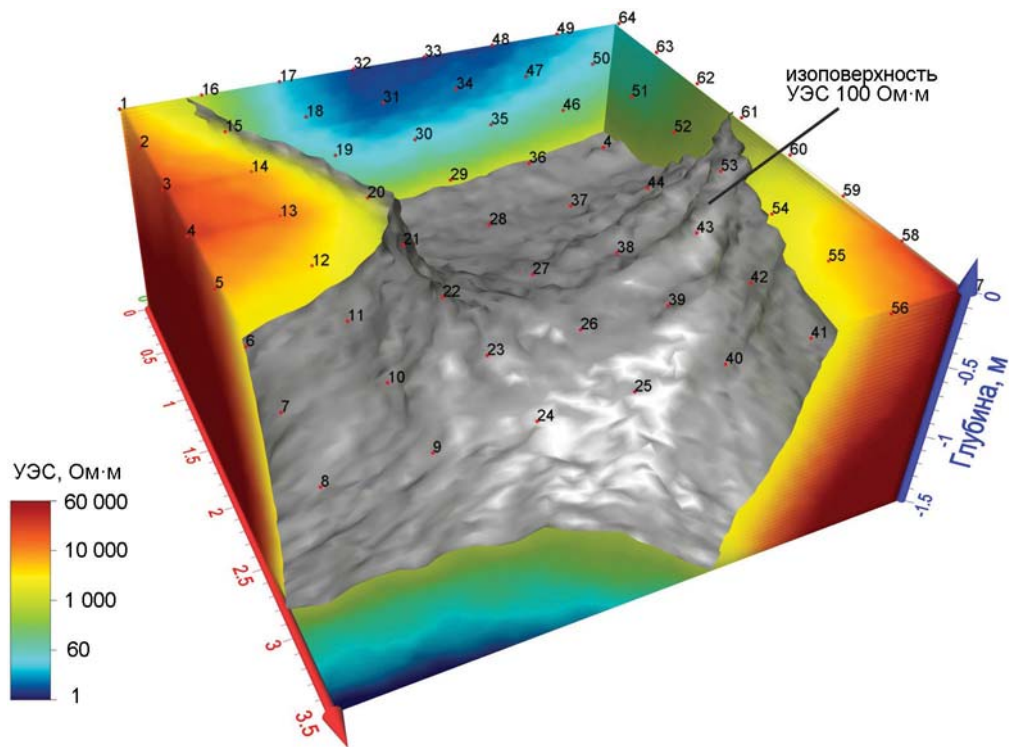

Рис. 4. 3D-модель распределения удельного электрического сопротивления.

Слой 4 (5–10 см) – суглинок коричневый, плотный, тяжелый, без обломочного материала, с редкими фрагментами костей. Покрывает скальное дно пещеры.

Небольшая коллекция каменных артефактов, насчитывающая 17 экз., обнаружена в слое 3. Отщепы (11 экз.) представлены сколами мелкого и среднего размера с фасетированной (рис. 5, 4) или двугранной, в единичных случаях с гладкой, точечной или линейной остаточной ударной площадкой с прямой или обратной редуцией карниза. Дорсальная огранка – продольная однонаправленная, бинаправленная (рис. 5, 7) или неопределимая. В числе сколов – крупный треугольный отщеп с выпуклой тщательно фасетированной площадкой и конвергентной огранкой (рис. 5, 9), схожий с леваллуазскими остриями. Половина изделий имеет изогнутый профиль, остальные – прямые. Одним экземпляром представлен медиальный фрагмент пластины. Технический скол представлен полуречерчатым снятием (рис. 5, 2). Дополняют коллекцию три осколка и плитка сланца.

Изделия с вторичной обработкой включают боковой скребок на техническом сколе (рис. 5, 2), проколку на дистальном фрагменте удлиненного скола (рис. 5, 3), отщепы с мелкой дорсальной краевой эпизодической ретушью (рис. 5, 1, 6–8), фрагмент пластины с мелкой регулярной дорсальной ретушью по краям (рис. 5, 5). Каменная индустрия в полной мере соответствует комплексу, исследо-

ванному на предыдущих этапах работ на памятнике, где также отмечены пластинчатые изделия и сколы леваллуазского облика [Васильев, Рыбин, Нохрина, 2015; Нохрина, Смычагина, Лбова, 2015].

За исключением плитки из хлоритового сланца с твердостью 4,5 по шкале Мооса, все остальные отдельности в коллекции 2020 г. представлены однотипными осадочными высококремнистыми породами с твердостью не ниже 6,5 по шкале Мооса. Эти породы имеют окраску от темно-серой, почти черной, до светло-серой, массивную текстуру, тонкозернистую или скрытокристаллическую структуру и связаны между собой промежуточными по цвету и структуре разностями, что позволяет рассматривать их как принадлежащие к единой осадочной толще. Более точная диагностика кремнистых пород артефактов требует дальнейших исследований с изготовлением петрографических шлифов.

Расположение пещеры в районе, сложенном терригенными отложениями кембро-ордовикской горноалтайской свиты (песчаниками, аргиллитами, глинистыми сланцами, с редкими линзами гравелитов и конгломератов) и тектоническими блоками венд-нижнекембрийской эсконгинской свиты, в составе которой преобладают известняки и доломиты, силицитолиты, алевролиты и глинисто-кремнистые сланцы, однозначно свидетельствует в пользу местного источника каменного сырья артефактов – силицитолитов эсконгинской свиты.

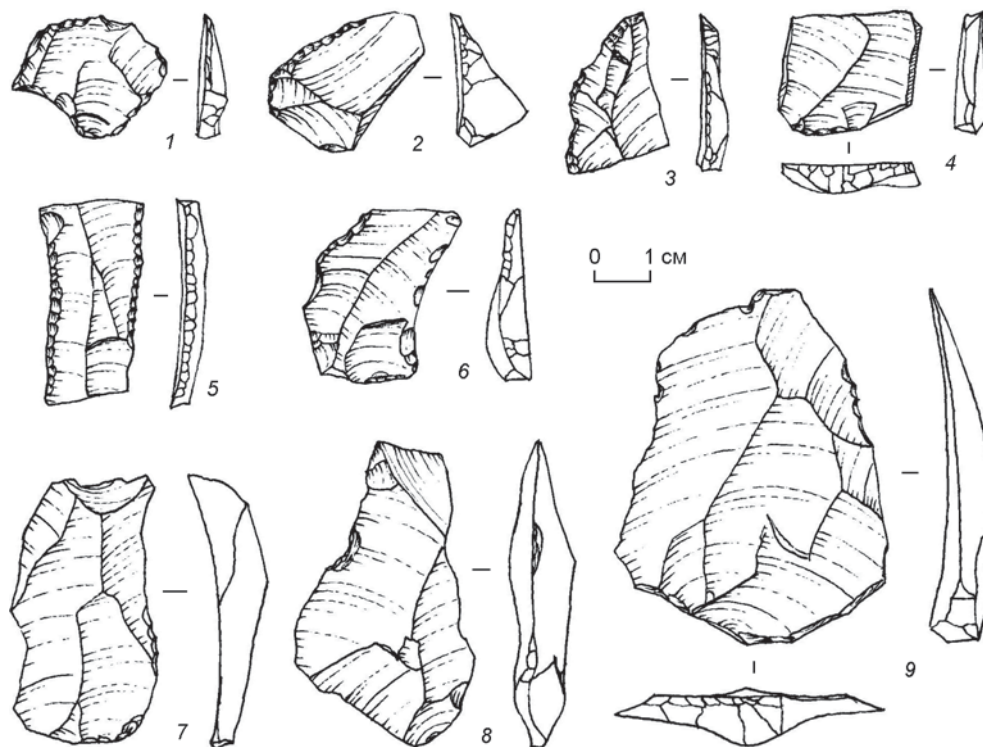

Рис. 5. Каменный инвентарь из слоя 3 пещеры Бийка-1.

1, 6–8 – отщепы с ретушью; 2 – скребок; 3 – проколка; 4 – отщеп; 5 – пластина с ретушью; 9 – леваллуазское острие.

Помимо каменных артефактов в пределах слоя 3 обнаружены фаунистические материалы. Определимые остатки (определения выполнены канд. биол. наук С.К. Васильевым) включают в основном целые или фрагментированные зубы, реже – кости посткраниального скелета. Хищники представлены отдельными зубами волка *Canis lupus* и пещерной гиены *Crocota spelaea*. Наиболее многочисленны в коллекции остатки сибирского горного козла *Capra sibirica* (14 экз.), одним экземпляром представлен зуб архара *Ovis ammon*, кости и зубы *Capra* или *Ovis* насчитывают 30 экз. От лошади *Equus ovodovi* найдено два зуба. Характерная сохранность и видовой состав фауны, в первую очередь наличие остатков пещерной гиены, указывают на плейстоценовый возраст вмещающих отложений. В целом полученная коллекция полностью соответствует палеофаунистическому спектру, изученному на предыдущем этапе работ на стоянке [Васильев, Рыбин, Нохрина, 2015].

Проведенное геофизическое зондирование показало высокую перспективность использования этого метода для определения конфигурации скального основания в пещерных археологических объектах. С большой точностью была установлена мощность рыхлых отложений на одном из отдаленных участков стоянки. Дальнейшей разработки требует проблематика интерпретации различного

рода аномалий, которые могут быть как связаны с антропогенной деятельностью, так и обусловлены свойствами осадка. Раскопочные работы, проведенные на небольшой площади, показали высокую концентрацию археологических и палеонтологических материалов в плейстоценовых отложениях в глубине пещеры.

Благодарности

Полевые археологические исследования и геофизические работы выполнены при поддержке проектов РФФИ № 17-29-04122 офи-м и МК-2790.2019.6, лабораторные исследования выполнены по проекту НИР № 0329-2019-0001 «Заселение первобытным человеком Северной Азии: культурный и экологический контекст».

Список литературы

Археология, геология и палеогеография плейстоцена и голоцена Горного Алтая / А.П. Деревянко, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, М.И. Дергачева, Т.А. Дупал, Е.М. Малаева, С.В. Маркин, В.И. Молодин, С.В. Николаев, Л.А. Орлова, В.Т. Петрин, А.В. Постнов, В.А. Ульянов, И.К. Феденева, И.В. Форонова, М.В. Шуньков. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 176 с.

Васильев С.К., Рыбин Е.П., Нохрина Т.И. Фаунистические остатки из отложений пещеры Бийка-1

и грота Бийка-2 (Горный Алтай) и их археологический контекст // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 31–35.

Нохрина Т.И., Смычагина Д.В., Лбова Л.В. Опыт построения пространственных моделей культурных горизонтов пещеры Бийка-1 (Горный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 129–132.

Нохрина Т.И., Чеха А.Н. Костяной вкладышевый кинжал из пещеры Бийка-1 (Горный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 135–138.

References

Derevyanko A.P., Agadzhanian A.K., Baryshnikov G.F., Dergacheva M.I., Dupal T.A., Malaeva E.M., Markin S.V., Molodin V.I., Nikolaev S.V., Orlova L.A., Petrin V.T., Postnov A.V., Ul'yanov V.A., Fedeneva I.K., Foronova I.V., Shunkov M.V. Archeology, geology and paleogeography of the Pleistocene and Holocene of Gorny Altai. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1998, 176 p. (In Russ.).

Nokhrina T.I., Chekha A.N. Kostyanoi vkladyshevyyi kinzhal iz peshchery Biika-1 (Gornyi Altai). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2013, vol. XIX, pp. 135–138. (In Russ.).

Nokhrina T.I., Smychagina D.V., Lbova L.V. The Spatial Modeling of the Cultural Horizons from Biyka-1 Cave (Mountain Altai). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, vol. XXI, pp. 129–132. (In Russ.).

Vasilev S.K., Rybin E.P., Nokhrina T.I. Faunal Remains from Deposits of Biyka-1 and Biyka-2 Caves (Mountain Altai) and their Archaeological Context. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, vol. XXI, pp. 31–35. (In Russ.).

Козликин М.Б. <https://orcid.org/0000-0001-5082-3345>

Оленченко В.В. <https://orcid.org/0000-0002-4386-7064>

Осипова П.С. <https://orcid.org/0000-0003-0510-6333>

Кулик Н.А. <https://orcid.org/0000-0002-2641-5517>

Алишер кызы С. <https://orcid.org/0000-0003-3138-0942>

Марковский Г.И. <https://orcid.org/0000-0003-2698-707X>

Шнайдер С.В. <https://orcid.org/0000-0003-2230-4286>

**К.А. Колобова¹✉, С.К. Васильев¹, Н.Я. Березина²,
А.С. Колясникова¹, Е.Н. Бочарова¹, А.С. Колясникова¹,
А.Г. Рыбалко¹, П.В. Чистяков¹, М.В. Селецкий¹,
А.В. Гашенко¹, Т. Кадырбекова¹, А.В. Харевиц¹**

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

²Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия

E-mail: kolobovak@yandex.ru

Исследования среднепалеолитических комплексов Чагырской пещеры в полевом сезоне 2020 года

В предлагаемой статье представлены результаты полевых исследований 2020 г. Чагырской пещеры – ключевого памятника сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая. Пещера расположена в Северо-Западном Алтае, в русле р. Чарыш. В полевом сезоне этого года основной фокус исследований был сосредоточен на изучении палеонтологической коллекции в рамках зооархеологического подхода, на изучении новых антропологических находок, а также на технико-типологическом анализе каменной индустрии слоя ба пещеры. Стратиграфические профили дополнили результаты прошлого года раскопок. Стратиграфический профиль, располагающийся в южной галерее по линии 15, продемонстрировал новое литологическое подразделение, состоящее из коллювиально перемещенных прослоев с рыхлыми отложениями из слоев ба и 7. По своим технико-типологическим показателям собранная археологическая коллекция аналогична палеолитическим комплексам других подразделений слоя б. Индустрия характеризуется значительной долей орудий по отношению к продуктам первичного расщепления. В орудийном наборе широко представлены различные формы односторонних скребел и ретушированного остроконечников, тронкированно-фасетированные изделия, двустороннее скребло и заготовка двухстороннего орудия. Согласно проведенным палеонтологическим исследованиям, на изученном участке фиксируется высокая активность хищников. Данный факт, а также то обстоятельство, что неандертальцы и хищники имели разные объекты охоты, может свидетельствовать о том, что в разные сезоны пещера попеременно заселялась человеком и хищниками. Наиболее значимыми находками последнего полевого сезона являются два зуба – правый нижний моляр M_3 и левый нижний резец I_2 хорошей сохранности.

Ключевые слова: Северо-Западный Алтай, средний палеолит, сибирячихинский вариант, Чагырская пещера, археозоология, каменная индустрия.

**Kseniya A. Kolobova¹✉, Sergey K. Vasiliev¹, Natalia Ya. Berezina²,
Anastasiya S. Kolyasnikova¹, Ekaterina N. Bocharova¹,
Anna S. Kolyasnikova¹, Andrey G. Rybalko¹, Pavel V. Chistyakov¹,
Maksim V. Seletsky¹, Andrey V. Gashenko¹, Tolhanay Kadyrbekova¹,
Alena V. Kharevich¹**

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

²Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

E-mail: kolobovak@yandex.ru

Chagyrskaya Cave Middle Paleolithic Assemblage Investigation in the 2020 Field Season

The article provides the results of the Chagyrskaya cave field research, a key site of the Sibiryachikha variant of the Altai Middle Paleolithic in 2020. The cave is located in the North-Western Altai, in the Charysh River valley. During the

current field season, the investigations were focused on the study of a paleontological assemblage within the frame of a zoo-archaeological approach, anthropological research, as well as technical and typological analysis of lithic industry of Layer 6a. Stratigraphic profiles completed the results of the last year's excavations. The new stratigraphic profile located in the southern gallery in line 15 showed a new lithological unit consisting of colluvial layers with the deposits from Layer 6a and Layer 7. Technical and typological characteristics lithic assemblage from Layer 6a is similar to the assemblages from other sub-units of Layer 6. The assemblage is characterized by a significant proportion of tools in relation to primary flaking components. The toolset includes various unifacial scrapers, retouched points, truncated-faceted tools as well as bifacial scrapers and points. According to the zoo-archaeological research results, the studied area shows high activity of carnivores. This along with the fact that the Neanderthals and carnivores preyed on different animals may suggest that the cave was inhabited by the humans and carnivores during different seasons. The most significant finds of the last field season are two teeth represented by the right lower molar M_3 and the left lower incisor I_2 in a good preservation.

Keywords: North-West Altai, Middle Paleolithic, Sibiryachikha variant, Chagyrskaya cave, archeozoology, lithic industry.

В последние годы исследование сибирячихинских комплексов Горного Алтая [Деревянко, Маркин, 1992; Деревянко и др., 2013] является одной из приоритетных задач в палеолитоведении региона, поскольку была доказана вторая волна миграции поздних неандертальцев, пришедших с территорий Восточной Европы, Крыма и Кавказа и принесших с собой микокскую традицию камнеобработки [Междисциплинарные исследования..., 2018].

Целью предлагаемой статьи является освещение результатов полевых исследований Чагырской пещеры в 2020 г. Пещера расположена в среднегорном районе Северо-Западного Алтая и приурочена к левому борту долины р. Чарыш, дренирующей отроги северного склона Тигирекского хребта. Абсолютный уровень реки вблизи карстовой полости составляет 334,3 м. Пещера имеет северную экспозицию и располагается на высоте 19 м над уровнем Чарыша.

В течение полевого сезона 2020 г. было продолжено исследование рыхлых отложений на квадратах К-Л/13-14 и в южной галерее пещеры (линия 15). В результате работ было дополнено три стратиграфических профиля, содержащих отложения голоценового и плейстоценового возраста, а также получен новый профиль, включающий отложения галереи. Полученные стратиграфические профили в раскопе 2020 г. аналогичны профилю, описанному в полевом сезоне 2019 г. Наиболее важным отличием является наличие слоя бе в отложениях галереи (рис. 1).

Слой 3 – серый суглинистый песок с многочисленными закругленными гальками известняка. Слой имеет слоистую структуру и комплексную литологию, содержит многочисленные мелкие фрагменты угля.

Слой бе – сложного генезиса, представляет собой перемежающиеся прослойки слоя ба, сероватого цвета, со значительной алевроитовой составляющей, с угловатыми обломками известняка и кополита-

ми. Включает также прослойки слоя 7 – красно-коричневого тяжелого суглинка, с мелкими химически-корродированными обломками известняка и окатанными гальками, располагается на дне пещеры. Генезис слоя бе коллювиальный, связанный с этапами наибольшей влажности.

В 2020 г. при раскопках Чагырской пещеры было получено 1 139 костных остатков от 22 видов млекопитающих, а также единичные кости коровы и птиц. Подавляющее количество остатков (93,5 %) происходит из слоя ба. В голоценовом слое 3, слоях бе и 7 общее число определимых костей не превышает 10–15 экз. (см. таблицу). Зафиксированы единичные случаи переотложения, например целой пяточной кости крупного бобра типичной голоценовой сохранности в слое бе. Из неопределимых обломков преобладают кости размерного класса 1–2 см (14,7 %), 2–5 см (59,9 %) и 5–10 см (24 %); фрагменты костей крупнее 10 см немногочисленны (1,4 %). По видовому составу и соотношению доминантных видов слой ба в пределах основной камеры и галереи существенно не различается. В дальнейшем, с получением более представительного материала, следует ожидать, по-видимому, увеличения в отложениях галереи доли хищников, прежде всего волка и пещерной гиены, устраивавших свои логова в наиболее укромных местах карстовой полости.

В сравнительно небольшой выборке (264 экз.) определимых остатков мегафауны из плейстоценовых слоев наиболее многочисленны сибирский горный козел и архар (38,6 % в сумме). Хищники представлены в обычной для Чагырской пещеры пропорции (22,4 %). Из них первое место принадлежит лисицам (10,2 %), второе – пещерной гиене (6,8 %) и третье – серому волку (5,3 %). Число остатков мамонта и шерстистого носорога невелико (3,0 и 2,7 % соответственно). По числу находок бизон уступает *Equus ovodovi* / *E. ferus* (12,1 и 15,5 %).

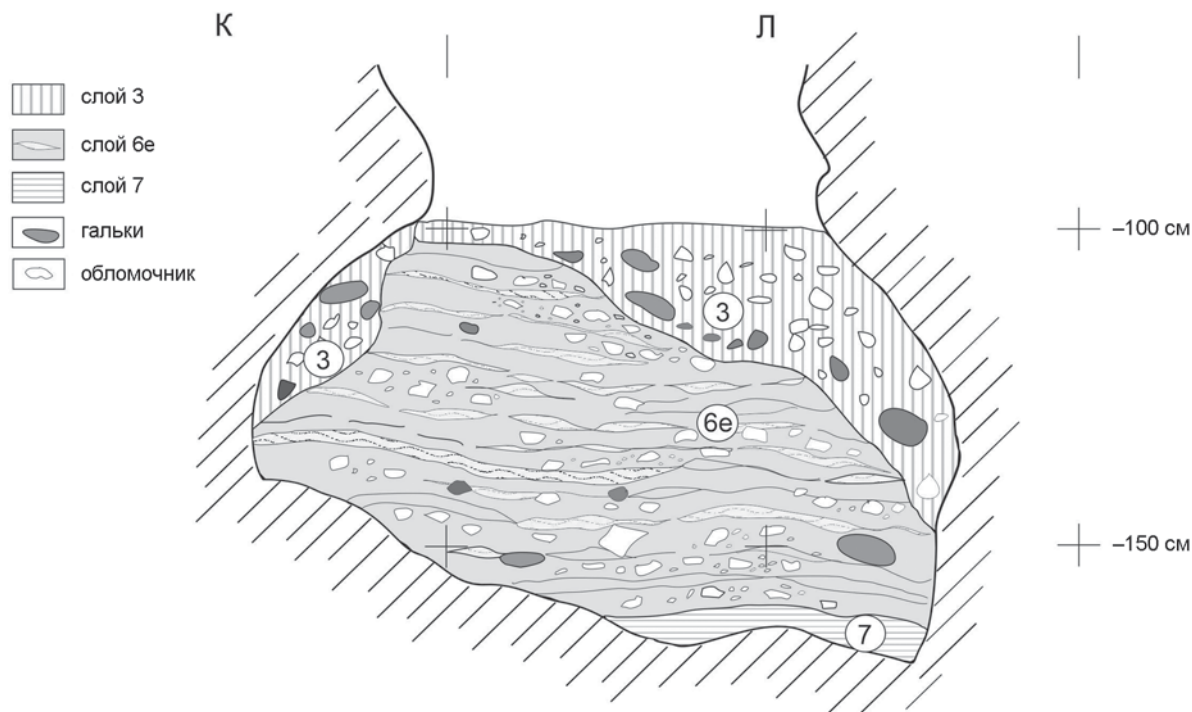

Рис 1. Стратиграфический разрез по линии 15.

Видовой состав и количество костных остатков в отложениях пещеры Чагырская (2020 г.)

Таксоны	Слои					всего
	3	6а	6а гал.	6е	7	
<i>Bos taurus</i>	1	–	–	–	–	1
<i>Lepus tanaiticus</i>	–	–	3	–	–	3
<i>Lepus tolai</i>	–	1	1	–	–	2
<i>Spermophilus sp.</i>	–	1	–	–	–	1
<i>Castor fiber</i>	–	–	–	1*	–	1
<i>M. myospalax</i>	–	4	2	–	–	6
<i>Canis lupus</i>	–	11	3	–	–	14
<i>Mustela altaica</i>	1	–	–	–	–	1
<i>Mustela eversmanni</i>	–	–	2	–	–	2
<i>Vulpes vulpes</i>	4	17	4	1	–	26
<i>Vulpes corsak</i>	3	3	–	–	2	8
<i>C. crocuta spelaea</i>	–	10	8	–	–	18
<i>Mammuthus primigenius</i>	1	5	2	–	–	8
<i>Coelodonta antiquitatis</i>	–	5	2	–	–	7
<i>Equus ovodovi</i>	1	13	3	–	1	18
<i>E. ferus</i>	–	–	2	–	–	2
<i>E. ovodovi / ferus</i>	–	18	2	–	1	21
<i>Cervus elaphus</i>	–	–	1	–	1	2
<i>Caprolus pygargus</i>	–	–	1	–	–	1
<i>Rangifer tarandus</i>	–	–	1	–	–	1
<i>Procapra/Saiga</i>	1	–	–	–	–	1
<i>Bison priscus</i>	–	22	7	1	2	32
<i>Capra sibirica</i>	–	33	17	–	4	54
<i>Ovis ammon</i>	–	9	1	–	–	10
<i>Capra-Ovis</i>	2	22	8	6	–	38
<i>Aves</i>	1	–	–	1	–	2
Неопределимые обломки	4	610	211	26	8	859
Всего костных остатков	19	784	281	36	19	1 139

*Кости голоценовой сохранности.

Тафоценозы слоев 5 и 6а сформировались почти исключительно за счет пищевой активности крупных хищников. В материалах 2020 г. большинство фрагментов костей и зубов из слоя 6а отмечено следами кислотной коррозии в желудках хищников. Так, из 35 щечных зубов и резцов лошадей 32 целых и фрагментарных зуба (91,4 %) корродированы, некоторые из зубов, судя по степени растворения их до почти неузнаваемого состояния, – неоднократно. У *Capra-Ovis* из 47 зубов и их фрагментов корродировано 36 ед. (76,6 %). На зубах бизона, напротив, следы кислотной коррозии встречаются гораздо реже: из 25 экз. в слое 6а лишь 4 (16 %) отмечены такими признаками. Это связано, скорее всего, с деятельностью неандертальцев, специализировавшихся в охоте на бизонов. В пещере происходила разделка частей туш бизонов и их поедание, сопровождавшееся появлением массы мелких обломков костей. Фрагменты костей и изолированные зубы *Bison priscus* из слоев, отлагавшихся в период существования неандертальских стоянок, как правило, не имеют следов погрызов или кислотной коррозии. Большинство из костей и зубов бизона принадлежало молодым, полувзрослым особям либо самкам [Междисциплинарные исследования..., 2018].

Почти половина из зубов гиен (7 из 13) относятся к зубам молочной генерации. Чагырская пещера регулярно служила кланам гиен не только временным убежищем, но и логовом для выведения потомства. Нельзя сказать этого же о волках и лисицах, не выдерживавших, по-видимому, конкуренции с кланами *C. crocuta spelaea* за пещеру.

Мамонт представлен тремя небольшими обломками (70/30 мм, 35/26 мм и 40/18 мм) пластин бивня. Интересно, что первый из них обнаружен в голоценовом слое 3, куда попал, без сомнения, в результате переотложения. Кроме того, в слое 6а найдены два небольших обломка пластин и фрагмент зуба из четырех пластин от предкоренных зубов мамонтов молочной генерации (pd 3). Остатки молодых мамонтов, вероятно, заносились под своды пещеры либо непосредственно, либо уже в желудках гиен. Наиболее примечательны два толстостенных (до 23–26 мм) фрагмента крупных трубчатых костей взрослого мамонта размером 86/65 и 57/56 мм. Они не имеют следов кислотной коррозии или погрызов и, вероятнее всего, представляют собой осколки, образовавшиеся в результате раскалывания человеком бедренной (?) кости мамонта. Данные обломки получили шанс захорониться в слое благодаря своим небольшим размерам, компактной и уплощенной форме.

От шерстистого носорога сохранилось шесть фрагментов зубов, один из которых молочной генерации, почти целый; четыре из них корродиро-

ваны. Третья, копытная фаланга бокового пальца также сильно повреждена коррозией в латеро-медиальной проекции. Скорее всего, она была проглочена гиеной вместе с покрывающим ее роговым чехлом, который частично предохранил среднюю, наиболее толстую часть фаланги от воздействия желудочного сока. После отрыгивания непереваренных остатков данная фаланга каким-то образом избежала повторной утилизации в зубах и желудках гиен (как это обычно всегда и происходит) и захоронилась в слое.

Заслуживает внимания находка поврежденного коррозией нижнего конца второй фаланги козули плейстоценового типа сохранности в слое 6а (галерея). Ранее все без исключения единичные остатки козули из слоев 5–7 были голоценовой сохранности и попадали в плейстоценовые слои в результате норной деятельности грызунов [Там же, 2018]. Северный олень представлен единственной запястной костью (carpi 2 + 3) из слоя 6а. Благородный олень – изолированным P2 и сильно стертым M¹⁻² из слоев 6а и 7 соответственно.

В ходе раскопок памятника были обнаружены антропологические остатки. Первая находка – правый нижний моляр M₃. Определен как M₃ в связи с отсутствием дистальной фасетки, сращением основных корней и общей округлой формой. Сохранность зуба очень хорошая. Окклюзионная поверхность стерта, что затрудняет чтение рельефа. На лингвальной поверхности отмечается внутренний добавочный корень – энтомолярис. На шейке зуба с мезиальной, дистальной и вестибулярной сторон присутствует зубной камень.

Левый нижний резец I2. Сохранность зуба очень хорошая. Корень и коронка сохранились полностью, окклюзионная поверхность стерта минимально. И коронка и корень довольно сильно уплощены в мезиодистальном направлении. Принадлежность этого образца к роду *Homo* находится под сомнением, до проведения анализа Zooms данный образец относится к категории спорных находок.

Коллекция каменных артефактов, полученная в ходе полевых работ, составляет 4 698 экз., из которых на отходы производства приходится 97,3 %. Индустрия была направлена на получение отщепов с массивными ударными площадками в плоскостной системе снятий. Нуклеусов и пре-нуклеусов не обнаружено. Значительное количество технических сколов представлено круто-латеральными сколами и обушковыми сколами с радиальных нуклеусов. Орудийный набор насчитывает 33 экз. (рис. 2), среди которых представлены различные варианты одинарных простых и конвергентных скребел (рис. 2, 1, 3), ретушированные остроконечники

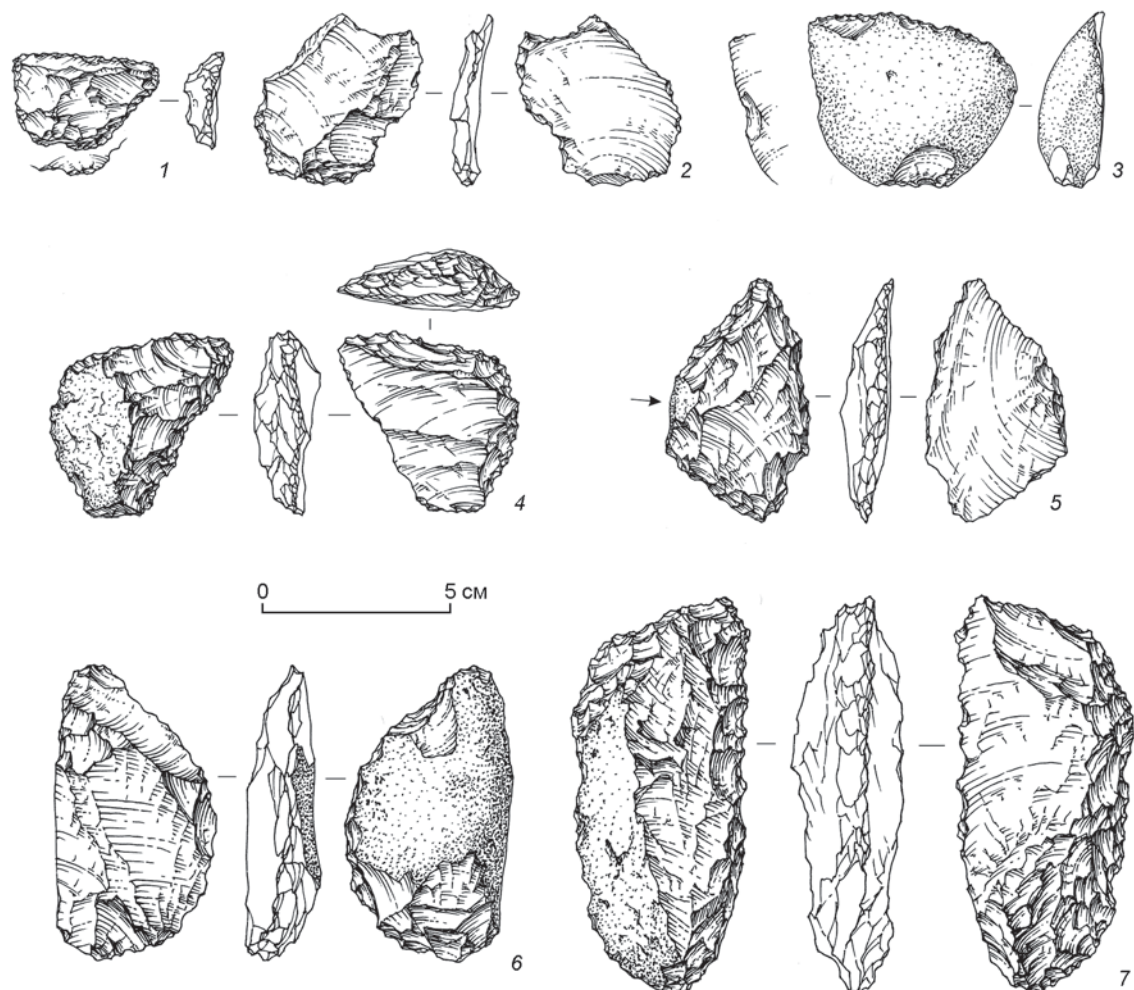

Рис. 2. Каменные артефакты из слоя ба Чагырской пещеры раскопок 2020 г.

(рис. 2, 5), тронкированно-фасетированные изделия (рис. 2, 4) [Шалагина, Кривошапкин, Колобова, 2015] и шиповидные орудия (рис. 2, 2). Помимо этого, в коллекции представлено два двусторонних орудия: двустороннее скребло типа продник (рис. 2, 7) [Kolobova et al., 2019] и заготовка бифасиального орудия (рис. 2, 6). Присутствие двусторонней обработки на стоянке подтверждается наличием специфических сколов оформления двусторонних орудий. Кроме того, была обнаружена представительная коллекция костяных ретушеров, которая дополнила уже имеющийся комплекс [Колобова, Маркин, Чабай, 2016].

По новым зооархеологическим данным исследуемый участок слоя ба определяется как логово гиены, в котором хищники выращивали потомство. Подобные комплексы представлены в верхней и средней пачках отложений пещеры Страшная [Кривошапкин и др., 2015]. Получены новые данные о сезонности обитания неандертальцев в Чагырской пещере и зафиксированной очередности заселения памятника человеком и хищниками, ис-

пользовавшими различные охотничьи стратегии. На костях бизона, который служил основной охотничьей добычей неандертальцев, зафиксирована минимальная активность хищников.

Благодарности

Полевые исследования выполнены при поддержке гранта РФФ, проект № 19-48-04107. Аналитическая часть работы проведена по проекту НИР № 0329-2019-0001 «Заселение первобытным человеком Северной Азии: культурный и экологический контекст».

Список литературы

Деревянко А.П., Маркин С.В. Мустье Горного Алтая (по материалам пещеры им. Окладникова). – Новосибирск: Наука, 1992. – 224 с.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Шуньков М.В. Сибирячихинский вариант среднего палеолита Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 1. – С. 89–103.

Колобова К.А., Маркин С.В., Чабай В.П. Костяные ретушеры в среднепалеолитических комплексах Чагырской пещеры // Теория и практика археологических исследований. – 2016. – № 4 (16). – С. 35–39.

Кривошапкин А.И., Колобова К.А., Шалагина А.В., Рудая Н.А. Характеристика верхней пачки отложений пещеры Страшной по материалам раскопок в 2015 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 99–102.

Междисциплинарные исследования Чагырской пещеры – стоянки среднего палеолита Алтая / А.П. Деревянко, С.В. Маркин, К.А. Колобова, В.П. Чабай, Н.А. Рудая, Б. Виола, А.П. Бужилова, М.Б. Медникова, С.К. Васильев, В.С. Зыкин, В.С. Зыкина, В.С. Зажигин, А.О. Вольвах, Р.Г. Робертс, З. Якобс, Бо Ли. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – 468 с.

Шалагина А.В., Кривошапкин А.И., Колобова К.А. Тронкированно-фасетированные изделия в палеолите Северной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015. – Т. 43, № 4. – С. 33–45.

Kolobova K.A., Shalagina A.V., Markin S.V., Krivoshapkin A.I., Chabai V.P. The significance of bifacial technologies in Altai Middle Paleolithic // *L'Anthropologie*. – 2019. – Vol. 123, N 2. – P. 276–288.

References

Derevianko A.P., Markin S.V. Must'e Gornogo Altaya (po materialam peshchery im. Okladnikova). Novosibirsk: Nauka, 1992, 224 p. (In Russ.).

Derevianko A.P., Markin S.V., Shunkov M.V. The Sibiryachikha Facies of the Middle Paleolithic of the Altai. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2013, No. 1, pp. 89–103.

Derevianko A.P., Markin S.V., Kolobova K.A., Chabai V.P., Rudaya N.A., Viola B., Buzhilova A.P.,

Mednikova M.B., Vasil'ev S.K., Zykin V.S., Zykina V.S., Zazhigin V.S., Vol'vakh A.O., Roberts R.G., Yakobs Z., Bo Li. Multidisciplinary studies of Chagyrskaya cave – a middle paleolithic site in Altai. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018, 468 p.

Kolobova K.A., Markin S.V., Chabai V.P. Bone retouchers in the Middle Paleolithic complexes of Chagyrskaya cave. *Theory and practice of archaeological research*, 2016, No. 4 (16), pp. 37–42 (In Russ.).

Kolobova K.A., Shalagina A.V., Markin S.V., Krivoshapkin A.I., Chabai V.P. The significance of bifacial technologies in Altai Middle Paleolithic. *L'Anthropologie*, 2019, vol. 123, No. 2, pp. 276–288.

Krivoshapkin A.I., Kolobova K.A., Shalagina A.V., Rudaya N.A. Characteristics of the upper unit from Strashnaya cave deposits: materials of the 2015 excavation campaign. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, vol. XXI, pp. 99–102. (In Russ.).

Shalagina A.V., Krivoshapkin A.I., Kolobova K.A. Truncated-Faceted Pieces in the Paleolithic of Northern Asia. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2015, vol. 43, No. 4, pp. 33–45.

Колобова К.А. <https://orcid.org/0000-0002-5757-3251>

Васильев С.К. <https://orcid.org/0000-0002-6863-7900>

Березина Н.Я. <https://orcid.org/0000-0001-5704-9153>

Колясникова А.С. <https://orcid.org/0000-0002-6356-3738>

Бочарова Е.Н. <https://orcid.org/0000-0002-7961-0818>

Колясникова А.С. <https://orcid.org/0000-0003-2278-5948>

Рыбалко А.Г. <https://orcid.org/0000-0002-8749-0465>

Чистяков П.В. <https://orcid.org/0000-0001-7036-7092>

Селецкий М.В. <https://orcid.org/0000-0003-2581-8792>

Гашенко А.В. <https://orcid.org/0000-0003-3564-5936>

Кадырбекова Т. <https://orcid.org/0000-0003-0615-0176>

Харевич А.В. <https://orcid.org/0000-0002-2267-2452>

А.С. Колясникова✉, А.С. Колясникова, П.В. Чистяков

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

E-mail: a.koliasnikova@alumni.nsu.ru

Перспективы использования технологии ZooMS для идентификации пола бизонов по белкам эмали зубов

В статье рассматривается применение метода Zooarchaeology by Mass Spectrometry analysis, или сокращенно ZooMS, для идентификации пола Bovidae по белкам эмали ископаемых зубов. В основе этого метода лежит анализ сохранившейся белковой составляющей костной ткани. Используя диморфный белок амелогенин, который находится в составе эмали зубов, можно определить пол животного. Данный метод позволяет провести анализ без нарушения целостности исследуемого материала. При помощи ZooMS анализа в современных исследованиях специалисты узнают преимущественно видовую принадлежность костей. Метод ZooMS уже был успешно применен для определения пола древних людей, но не применялся для животных. На некоторых археологических стоянках отмечается видовой отбор животных, проводившийся древними охотниками, например неандертальцами Чагырской пещеры, охотившимися преимущественно на бизонов. Определение не только вида, но и пола ископаемых бизонов с археологических стоянок представляет большой интерес, т.к. для первобытных охотников пол животного играл большую роль, ведь различия были как в размере и весе особи, а соответственно, и в уровне сложности охоты, так и во вкусе добываемого мяса. Выяснение полового состава животных на археологических памятниках необходимо для изучения охотничьих стратегий древнего человека. Использование ZooMS для определения пола ископаемых животных не имеет ограничений по хронологическим периодам за счет хорошей сохранности амелогенина в составе эмали зубов. Это позволит применить предлагаемый метод как к материалам памятников каменного века, так и к более поздним археологическим материалам.

Ключевые слова: ZooMS, Bovidae, амелогенин, протеомный анализ, идентификация пола, зубная эмаль, охотничьи стратегии.

Anna S. Kolyasnikova✉, Anastasiia S. Koliasnikova, Pavel V. Chistiakov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

E-mail: a.koliasnikova@alumni.nsu.ru

Perspectives of Using the ZooMS Technology for Sex Estimation of Bisons by Teeth Anamel Proteins

This article proposes to apply the method of zooarchaeology by mass spectrometry analysis (ZooMS) for establishing the sex of the Bovidae using the peptides extracted from teeth enamel. This method is based on the analysis of the preserved protein component of bone tissue. Analyzing dimorphic protein amelogenin which is a part of tooth enamel makes it possible to reveal the sex of the animal without damaging material evidence under study. Currently, scholars predominantly use ZooMS analysis for identifying the species of bone remains. While ZooMS analysis has already been successfully applied for establishing the sex of human remains, it has not been used for that purpose in zooarchaeological studies. Deliberate selection of species by ancient hunters can be observed at some archaeological sites, as it is the case with the Neanderthals of Chagyrskaya cave who predominantly hunted bisons. Establishing not only the species, but also the sex of bisons whose remains have been found at archaeological sites is of great interest since the sex of the animal played an important role for ancient hunters, determining the differences in sizes and weights of individual animals as well as corresponding differences in hunting difficulty and flavor of meat. The sex of the animals is crucial for reconstructing the hunting strategies followed by ancient humans. ZooMS analysis is not limited by chronological periods due to good preservation of amelogenin in tooth enamel. It is possible to apply the method proposed both to the material evidence of the Paleolithic sites and to more recent archaeological materials.

Keywords: ZooMS, Bovidae, amelogenin, proteomic analysis, sex identification, teeth enamel, hunting.

При изучении первобытных сообществ особое внимание уделяется характеру взаимоотношений человека и животных. Человек, будучи охотником, практически всю историю своего существования, зависел от животных, которые были для него главным пищевым, а также сырьевым ресурсами. Исследование различных аспектов охотничьего промысла древних людей необходимо для проведения историко-культурных реконструкций.

Костные остатки и зубы являются наиболее распространенным органическим материалом, который можно получить в результате археологических раскопок. Используя его, можно определить таксономический состав и половозрастное распределение фауны на исследуемой территории. На основании полученных данных можно судить об особенностях климата и охотничьих стратегиях древнего человека. Исследование фаунистического материала также играет ключевую роль для понимания функциональной специфики отдельных археологических стоянок и конкретных трудовых операций, которые на них совершались. На сегодняшний день разработаны и применены различные методики работы с палеозоологическим материалом с археологических памятников и даже изданы учебные пособия с подробным описанием таких методик (напр.: [Klein, Cruz-Urbe, 1984; Reitz, Wing, 2008]).

Важно отметить, что идентификация животных по костным материалам зачастую затруднительна ввиду высокой степени фрагментации костных остатков и отсутствия морфологических маркеров. В итоге огромная часть остеологического материала неопределима, а в исследования попадают лишь количественные данные. Кроме того, при использовании морфологического метода определения костей существует вероятность ошибки, которая приведет к неверным результатам и выводам. С целью исключения таких ошибок и погрешностей, современная наука стремится к максимальной объективизации методов. Наиболее очевидным представляется генетический метод, основанный на анализе древней ДНК [Waugh, 2007]. Однако этот метод является деструктивным, т.к. для получения генетического материала необходимо частичное разрушение костной ткани. Помимо этого, данный метод требует хорошей сохранности органической составляющей кости.

Одним из самых практичных и перспективных методов в настоящее время является Zooarchaeology by Mass Spectrometry analysis, или сокращенно ZooMS. В его основе лежит анализ сохранившейся белковой составляющей костной ткани. ZooMS обладает рядом преимуществ перед генетическим методом, а именно: 1) белковый спектр гораздо шире

[Tuross, 1994]; 2) белки в костной ткани сохраняются лучше, чем генетический материал [Rybczynski, Gosse, Harington, 2013]; 3) метод является недеструктивным; 4) стоимость ZooMS существенно ниже стоимости генетического анализа.

Наиболее распространенным белком в организме млекопитающих является коллаген. В костях преобладает коллаген первого типа (COL1), который представлен во внеклеточном матриксе и играет ключевую роль в минерализации кости [Shoulders, Raines, 2009]. Еще могут быть использованы белки неколлагенового ряда, например остеокальцин – белок, который высвобождается остеобластами в процессе остеосинтеза. Как и коллаген, остеокальцин сохраняется в археологическом материале и может быть использован при определении таксономической принадлежности костей.

Самым предпочтительным для анализа белком является коллаген. Всего известно 28 типов коллагена, отличающихся аминокислотной последовательностью и степенью модификации – интенсивностью гидроксирования и гликозилирования. Наиболее распространены в организме (ок. 90 %) COL1, COL2, COL3 и COL4. Коллаген имеет четыре порядка компактизации. Первый порядок представляет собой тропоколлаген – левозакрученную спираль, состоящую из трех α -цепей. В каждой витке α -цепи содержится по три аминокислоты: пролин (Pro), гидроксипролин (Hyp) и глицин (Gly). Далее нити тропоколлагена закручиваются в фибриллы, затем фибриллы образуют пучки, которые, переплетаясь, образуют коллагеновое волокно. Нити тропоколлагена могут быть образованы различными комбинациями α -цепей. Это может быть гомотример (т.е. нить, состоящая из трех идентичных α -цепей) или гетеротример (в частности COL1), который содержит две одинаковые и одну варибельную α -цепь. Метод определения таксономической принадлежности основан на различиях варибельной части тропоколлагена [Buckley et al., 2009].

Метод ZooMS успешно используется в современных исследованиях для определения таксономического ранга животных. В 2015 г. в работе Ф. Велкера и его коллег было проанализировано 145 образцов костей со стоянки Ле Кот (Франция). Исследование подтвердило, что ZooMS является надежным методом идентификации животных с точностью до рода/семейства. Была также показана возможность определения таксона животного по переваренным костным остаткам, что позволяет исследовать активность хищников на данной территории [Welker et al., 2015]. В работе А. Десмонд и коллег с помощью ZooMS были исследованы костные орудия из пещеры Тафораль (Грот де

Пижон) в восточном Марокко. Полученные данные помогли ученым описать процесс изготовления костяных орудий, продемонстрировали прямую связь орудийной и охотничьей активностей, а также избирательность иберомавров в видах животных при выборе сырья для этих орудий [Desmond et al., 2018]. С использованием технологии ZooMS была идентифицирована кость из Денисовой пещеры, которая принадлежала девочке – гибриду денисовского человека и неандертальца. Таким образом, при помощи ZooMS удалось доказать возможность скрещивания между этими видами [Brown, Higham, Slon, 2016].

Возможности протеомного анализа не ограничиваются определением таксономического ранга животных. Особый интерес представляет идентификация пола ископаемых останков животных, что необходимо при изучении охотничьих стратегий древних людей. Используя диморфный белок амелогенин, который сохраняется в эмали зубов, можно определить пол животного. Гены, с которых экспрессируется амелогенин, располагаются в половых хромосомах X(AMELX) и Y(AMELY). Причем белки, считываемые с этих генов, различаются аминокислотной последовательностью, что дает возможность их идентификации. В работе Дж. Паркер авторы описали метод определения пола с использованием масс-спектрометрического анализа диморфного белка амелогенина, полученного из эмали зубов. В дальнейшем метод модифицировался и успешно применялся в ряде исследований для определения пола человека [Зиганшин и др., 2020].

У представителей семейства *Bovidae*, как и у человека, гены AMELX и AMELY располагаются на половых хромосомах и аминокислотная последовательность амелогенинов так же различается в зависимости от пола [NCBI]. В данном исследовании представлена методика определения пола бизонов по амелогенинам, выделенным из эмали ископаемых зубов, с использованием технологии ZooMS.

Важнейшим преимуществом ZooMS является неинвазивность метода. Зачастую ископаемые зубы бизонов обладают плохой сохранностью. Поскольку белки AMELX и AMELY возможно выделить из эмали зуба, нарушения его целостности не требуется. Однако следует отметить, что ввиду плохой сохранности зуб иногда может разрушиться в процессе работы с ним. Поэтому, чтобы избежать потери информации о морфометрических характеристиках зубов бизонов, рекомендуется провести 3D-сканирование ценного материала перед использованием метода.

Согласно результатам многолетних исследований Чагырской пещеры значимую часть палеозоологического материала составляют остатки бизонов (*Bison priscus*), что говорит об охотничьей специализации древних обитателей данной стоянки. Неандертальцы, некогда жившие в Чагырской пещере, охотились и на лошадей Оводова (*Equus (Sussemionus) ovodovi*), северного оленя (*Rangifer tarandus*), архаров (*Ovis ammon*) и горных козлов (*Capra sibirica*). Однако абсолютное предпочтение они отдавали охоте на бизонов (*B. priscus*) [Междисциплинарные исследования..., 2018]. Эта информация была получена в результате видового определения костей со стоянки. Повышенный научный интерес составляет точное половое определение особей, на которых охотились неандертальцы. У бизонов половой диморфизм проявляется в виде отличий размеров и пропорций черепа, а также в строении посткраниального скелета [Решетов, 1974]. Для первобытных охотников пол животного играл большую роль, ведь различия были как в размере и весе особи, а соответственно, и в уровне сложности охоты, так и во вкусе добываемого мяса.

Определить пол бизонов с данной стоянки по морфометрическим характеристикам их костных остатков можно только в случаях идеальной сохранности костей для взятия основных промеров, что невозможно ввиду высокого уровня фрагментации

3D-модели зубов бизонов из Чагырской пещеры, отобранных для определения пола при помощи ZooMS анализа.

материала. Помимо человека на накопление костных остатков в отложениях Чагырской пещеры оказали влияние и хищники, такие как волки и пещерные гиены, о чем свидетельствует большое количество костей и зубов со следами кислотной коррозии в слоях 5 и 6а [Междисциплинарные исследования..., 2018; Деревянко и др., 2015; Колобова и др., 2016]. Применение метода ZooMS для исследования зубов бизонов из Чагырской пещеры позволит с высокой точностью даже в условиях фрагментации и/или деформации от кислотной коррозии узнать пол особей, являвшихся предметом охоты неандертальцев. Эти данные помогут подробнее изучить особенности охотничьего промысла и пищевых предпочтений неандертальцев из Чагырской пещеры.

Перед применением ZooMS анализа все зубы бизонов, отобранные из среднепалеолитических комплексов Чагырской пещеры, будут отсканированы на сканере Solutionix D700 с разрешением $0,029 \pm 0,010$ мм [Чистяков и др., 2019]. Такое разрешение позволит максимально точно захватить и сохранить все мелкие детали на сканируемом объекте и отобразить в трехмерной модели (см. рисунок).

Подводя итог, стоит отметить, что применение метода ZooMS для определения пола ископаемых животных не имеет ограничений по хронологическим периодам за счет хорошей сохранности амелогенина в составе эмали зубов. Это позволяет применять предлагаемый метод как к материалам памятников каменного века, так и к более поздним археологическим материалам.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР № 0329-2019-0009 «Цифровые технологии в реконструкции стратегий жизнеобеспечения древнего населения Евразии».

Список литературы

Деревянко А.П., Маркин С.В., Кулик Н.А., Колобова К.А. Эксплуатация каменного сырья представителями сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015. – Т. 43, № 3. – С. 3–16.

Зиганшин Р.Х., Березина Н.Я., Александров П.Л., Рябинин В.В., Бужилова А.П. Оптимизация метода идентификации пола человека пептидомным анализом эмали зубов различной биологической генерации, археологического возраста и тафономической сохранности // Биохимия. – 2020. – № 5. – С. 718–728.

Колобова К.А., Маркин С.В., Чабай В.П. Костяные ретушеры в среднепалеолитических комплексах Чагырской пещеры // Теория и практика археологических исследований. – 2016. – № 4 (16). – С. 35–39.

Междисциплинарные исследования Чагырской пещеры – стоянки среднего палеолита Алтая / А.П. Деревянко, С.В. Маркин, К.А. Колобова, В.П. Чабай, Н.А. Рудая, Б. Виола, А.П. Бужилова, М.Б. Медникова, С.К. Васильев, В.С. Зыкин, В.С. Зыкина, В.С. Зажигин, А.О. Вольвах, Р.Г. Робертс, З. Якобс, Бо Ли. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – 468 с.

Решетов В.Ю. Сравнительно-osteологический анализ посткраниального скелета бизонов в связи с историей рода *Bison* // Териология. – 1974. – Т. 2. – С. 57–64.

Чистяков П.В., Ковалев В.С., Колобова К.А., Шалагина А.В., Кривошапкин А.И. 3D-моделирование археологических артефактов при помощи сканеров структурированного подсвета // Теория и практика археологических исследований. – 2019. – № 27 (3). – С. 102–112.

Brown S., Higham Th., Slon V. Identification of a new hominin bone from Denisova Cave, Siberia using collagen fingerprinting and mitochondrial DNA analysis // Sci. Reports. – 2016. – P. 23559.

Buckley M., Collins M., Thomas-Oates J., Julie C. Species identification by analysis of bone collagen using matrix-assisted laser desorption/ionisation time-of-flight mass spectrometry // Rapid Communication Mass Spectrometry. – 2009. – P. 3843–3854.

Desmond A., Bartona N., Bouzouggarb A., Douka K. ZooMS identification of bone tools from the North African Later Stone Age // J. of Archaeol. Sci. – 2018. – P. 149–157.

Klein R.G., Cruz-Uribe K. The analysis of Animal Bones from Archaeological Sites. Chicago; L.: Univ. of Chicago Press, 1984. – 266 p.

NSBI data base. – URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov> (дата обращения: 19.09.2020).

Reitz E.J., Wing E.S. Zooarchaeology. – Cambridge Univ. Press, 2008. – 533 p.

Rybczynski N., Gosse J.C., Harington R.C. Mid-Pliocene warm-period deposits in the High Arctic yield insight into camel evolution // Nature Communications. – 2013. – P. 1–9.

Shoulders M.D., Raines R.T. Collagen structure and stability // Annual Review of Biochemistry. – 2009. – P. 11–23.

Tuross N. The biochemistry of ancient DNA in bone // CMLS. – 1994. – P. 530–535.

Waugh J. DNA barcoding in animal species: Progress, potential and pitfalls // BioEssays. – 2007. – P. 188–197.

Welker F., Soressi M., Rendu W., Hublin J., Collins M. Using ZooMS to identify fragmentary bone from the Late Middle/Early Upper Palaeolithic sequence of Les Cottés, France // J. of Archaeol. Sci. – 2015. – P. 279–286.

References

Brown S., Higham Th., Slon V. Identification of a new hominin bone from Denisova Cave, Siberia using collagen

fingerprinting and mitochondrial DNA analysis. *Sci. Reports*, 2016, No. 23559.

Buckley M., Collins M., Thomas-Oates J., Julie C. Species identification by analysis of bone collagen using matrix-assisted laser desorption/ionisation time-of-flight mass spectrometry. In *Rapid Communication Mass Spectrometry*, 2009, pp. 3843–3854.

Chistyakov P.V., Kovalev V.S., Kolobova K.A., Shalagina A.V., Krivoshekin A.I. 3D-modeling of archaeological artifacts by structured light scanner. In *Theory and practice of archaeological research*, 2019, No. 3 (27), pp. 102–112. (In Russ.).

Derevianko A.P., Markin S.V., Kolobova K.A., Chabai V.P., Rudaya N.A., Viola B., Buzhilova A.P., Mednikova M.B., Vasiliev S.K., Zykin V.S., Zykina V.S., Zazhigin V.S., Volvakh A.O., Roberts R.G., Jacobs Z., Bo Li. Multidisciplinary Studies of Chagyrskaya Cave – A Middle Paleolithic Site in Altai. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018, 468 p.

Derevianko A.P., Markin S.V., Kulik N.A., Kolobova K.A. Lithic Raw Material Exploitation in the Sibiryachikha Facies, the Middle Paleolithic of Altai. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2015, vol. 43, pp. 3–16.

Desmond A., Bartona N., Bouzouggarb A., Douka K. ZooMS identification of bone tools from the North African Later Stone Age. *J. of Archaeol. Sci.*, 2018, pp. 149–157.

Klein R.G., Cruz-Uribe K. The Analysis of Animal Bones from Archaeological Sites. Chicago; London: Univ. of Chicago Press, 1984, 266 p.

Kolobova K.A., Markin S.V., Chabai V.P. Bone retouchers in the Middle Paleolithic complexes of Chagyrskaya

cave. *Theory and Practice of Archaeological Research*, 2016, No. 4 (16), pp. 37–42. (In Russ.).

NSBI data base. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov> (Accessed: 19.09.2020).

Reitz E.J., Wing E.S. Zooarchaeology. Cambridge Univ. Press, 2008, 533 p.

Reshetov V.Yu. Sravnitel'no-osteologicheskii analiz postkranial'nogo skeleta bizonov v svyazi s istoriei roda *Bison*. In *Teriologiya*, 1974, vol. 2, pp. 57–64.

Rybczynski N., Gosse J.C., Harington R.C. Mid-Pliocene warm-period deposits in the High Arctic yield insight into camel evolution. In *Nature Communications*, 2013, pp. 1–9.

Shoulders M.D., Raines R.T. Collagen structure and stability. In *Annual Review of Biochemistry*, 2009, pp. 11–23.

Tuross N. The biochemistry of ancient DNA in bone. In *CMLS*, 1994, pp. 530–535.

Waugh J. DNA barcoding in animal species: Progress, potential and pitfalls. In *BioEssays*, 2007, pp. 188–197.

Welker F., Soressi M., Rendu W., Hublin J., Collins M. Using ZooMS to identify fragmentary bone from the Late Middle/Early Upper Palaeolithic sequence of Les Cottés, France. *J. of Archaeol. Sci.*, 2015, pp. 279–286.

Ziganshin R.H., Berezina N.Ya., Alexandrov P.L., Ryabinin V.V., Buzhilova A.P. Optimization of the method of human sex identification by peptidomic analysis of teeth enamel of different biological generation, archaeological age and taphonomic preservation of teeth. In *Biochemistry*, 2020, pp. 718–728. (In Russ.).

Колясникова А.С. <https://orcid.org/0000-0003-2278-5948>

Колясникова А.С. <https://orcid.org/0000-0002-6356-3738>

Чистяков П.В. <https://orcid.org/0000-0001-7036-7092>

Н.А. Кулик¹, М.Б. Козликин¹✉, Л.В. Мирошниченко²,
М.В. Шуньков¹

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

²Институт геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: kmb777@yandex.ru

Влияние фосфатной минерализации отложений на сохранность каменных артефактов (по материалам Денисовой пещеры)

В результате геохимических исследований рыхлых отложений в восточной галерее Денисовой пещеры установлено, что продукты разложения гуано летучих мышей вызвали аутигенную фосфатную минерализацию осадка. Наиболее интенсивные изменения субстрата отмечены в ближайшем к источнику реагентов слое 9, содержащем артефакты средней стадии верхнего палеолита. Помимо рыхлого осадка и обломков коренного известняка геохимическому преобразованию подверглись каменные артефакты и костные остатки, залегавшие в зонах развития фосфатов. Изменения, наиболее выраженные на каменных артефактах из слоя 9, рассматриваются в качестве «модельных» для характеристики преобразования силикатных пород в процессе постседиментационной фосфатизации в целом. Для детального анализа использовалась выборка каменных изделий, включающая нуклеусы, сколы и орудия. Каменные артефакты из зон фосфатной минерализации имеют мощную белую реакционную кайму. Минеральный состав изначальной породы и новообразований в кайме определялся наблюдением в петрографических шлифах и с помощью рентгенофазового анализа. Присутствие в побелевшей наружной зоне артефактов органического вещества и фосфата инглишита свидетельствует о разложении сильными органическими и фосфорными кислотами силикатных пород артефактов, в частности полевых шпатов. Образующаяся при этом аморфная кремнекислота частично выносилась, что обусловило пористость измененной зоны вплоть до образования рыхлой белой каймы. Проявление изменений на силикатных породах артефактов означает, что реагенты, вызвавшие эти изменения, были весьма агрессивны и реакционноспособны. Очевидно, что их воздействие на погребенные вместе с артефактами кости должно быть еще более значительным.

Ключевые слова: Денисова пещера, плейстоцен, голоцен, гуано летучих мышей, аутигенная фосфатная минерализация, каменные артефакты.

Natalia A. Kulik¹, Maxim B. Kozlikin¹✉, Leonid V. Miroshnichenko²,
Michael V. Shunkov¹

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

²Sobolev Institute of Geology and Mineralogy SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: kmb777@yandex.ru

Impact of Phosphate Mineralization of Sediments on the Preservation of Stone Artifacts (Based on Evidence from Denisova Cave)

Geochemical analysis of loose sediments in the East Chamber of Denisova cave has shown that the degradation products of bat guano caused authigenic phosphate mineralization of sediments. The most intensive changes in the substrate were observed in layer 9. This layer was the nearest to the source of reagents and contained the finds attributed to the Middle Upper

Paleolithic. Not only loose sediments and fragments of bedrock limestone, but also stone artifacts and bone remains deposited in phosphatic areas underwent geochemical transformation. The most clearly observable changes in stone artifacts from layer 9 are referred to as “model” changes for describing the transformation of silicate rocks in the process of post-depositional phosphatization as a whole. A detailed analysis was conducted based on a sample of lithic artifacts which includes cores, flakes, and tools. Stone artifacts recovered from phosphate mineralization areas had thick white reaction rim. The mineral composition of the original rock and new formations in the rim were determined through visual analysis of petrographic thin sections and X-ray diffraction analysis. The presence of organic matter and englishite – a phosphate mineral – in the whitened outer zone of the artifacts indicates decomposition of silicate rocks and particularly feldspars, used for manufacturing these artifacts, resulting from the impact of strong organic and phosphoric acids. The resulting amorphous silicic acid was partly carried away, resulting in porosity of the modified zone up to the emergence of loose white rim. Development of alterations on silicate rocks used for producing the artifacts indicates that the reagents which caused these changes were very aggressive and reactive. It is evident that their impact on bones buried with the artifacts should be even greater.

Keywords: Denisova cave, Pleistocene, Holocene, bat guano, authigenic phosphate mineralization, stone artifacts.

На материалах из голоценовых и плейстоценовых отложений Денисовой пещеры впервые на территории России была изучена аутигенная фосфатная минерализация. Установлено, что формирование фосфатов в восточной галерее связано с процессами биодеградации горизонтов гуано насекомых летучих мышей, обитавших в пещере [Шуныков и др., 2018]. Помимо рыхлого осадка и обломков коренного известняка, геохимическому изменению подверглись каменные артефакты и костные остатки, залегавшие в зонах развития фосфатов. Участки минерализации сосредоточены в центральной части галереи, в то время как отложения возле стен пещеры практически не подверглись этому процессу. Наиболее интенсивное преобразование связано с верхней частью плейстоценовой толщи, представленной слоями 9, 11.1 и 11.2, содержащими артефакты средней, ранней и начальной стадий верхнего палеолита соответственно. Каменные артефакты из зон фосфатной минерализации имеют мощную белую реакционную кайму, неплотную и хрупкую, разрушение которой приводит к сильному сглаживанию поверхности артефакта, что не позволяет определить характер дорсальной огранки скола (см. рисунок, 1).

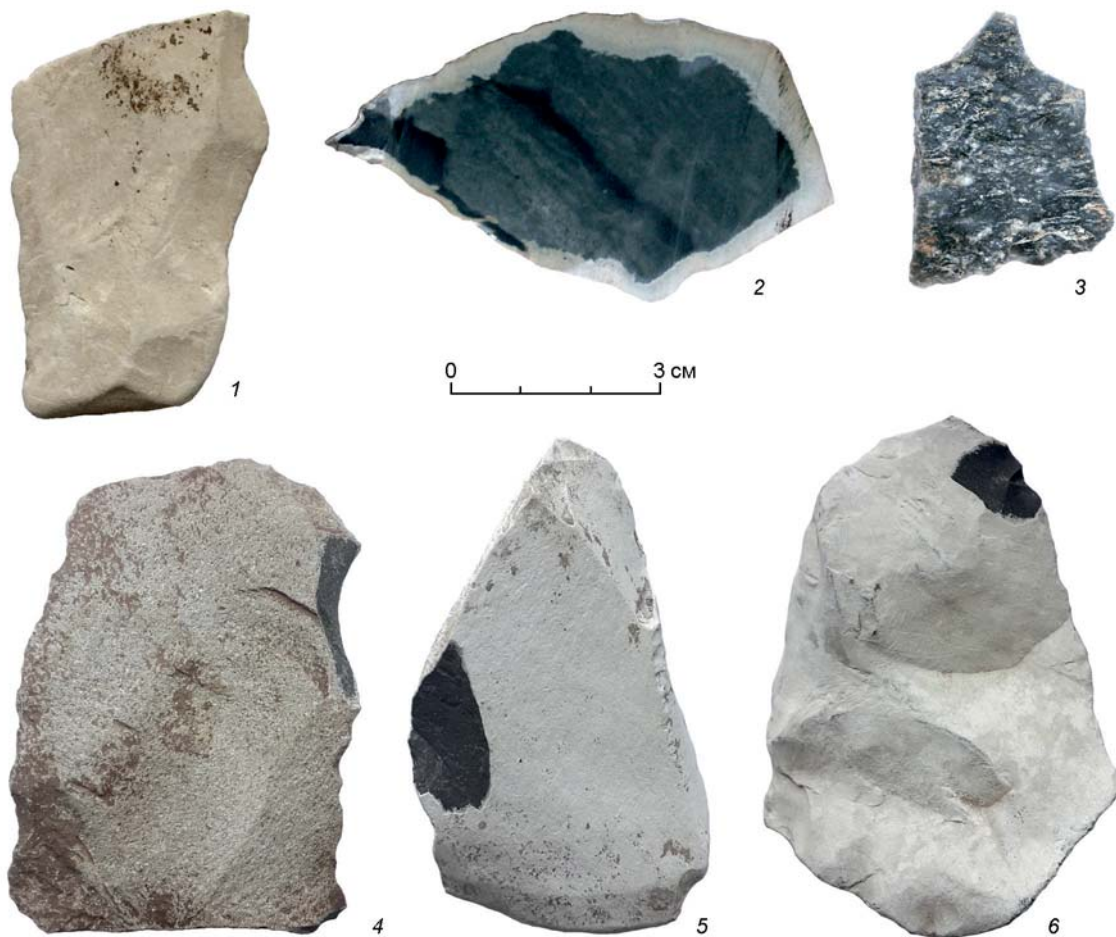
Поскольку ранее установлено, что источником фосфатов была толща гуано летучих мышей, деградировавшая на уровне слоя 8 [Там же], изменения, наиболее выраженные на каменных артефактах из подстилающего слоя 9, рассматриваются в качестве «модельных» для характеристики преобразования силикатных пород в процессе постседиментационной фосфатизации в целом. Для детального анализа использовалась выборка из 33 экз., включающая нуклеусы, сколы и изделия с вторичной обработкой.

Посредством наблюдений под бинокулярной лупой установлено, что изменение артефактов распространялось от их поверхности вглубь силикатной породы с образованием в ее приповерхностной части белой зоны толщиной от 0,2 до 1,0–2,0 мм

(см. рисунок, 4–6), реже – более мощной каймы (см. рисунок, 2). Белая зона зачастую окаймляет весь артефакт, что сильно затрудняет, а часто делает невозможной бинокулярную диагностику исходного каменного сырья. Поэтому для определения последнего использовались наблюдения в петрографических шлифах и рентгенофазовый анализ (РФА), которым диагностировался также минеральный состав новообразований в белой кайме измененной породы.

В анализируемой выборке четыре артефакта изготовлены из кислых эффузивов. Материалом для 28 изделий служили тонко- и мелкозернистые осадочные породы: алевролиты, песчаные алевролиты и мелкозернистые песчаники, преимущественно олигомиктовые (главные минералы – кварц и полевые шпаты), с разным содержанием амфибола-актинолита, хлорита и слюды (мусковита и хлоритизированного биотита) – минералов, характерных для зеленосланцевой фации метаморфизма осадочных пород района Денисовой пещеры [Природная среда..., 2003]. Белая кайма отмечена и на артефакте из мелкопятнистого роговика, возникшего из тех же осадочных пород в контактовом ореоле Башчелакского гранитоидного интрузива. Наиболее интенсивное преобразование зафиксировано на изделиях из олигомиктовых осадочных пород. Для его более детального изучения в шлифах и методом РФА использовались малоинформативные с археологической точки зрения продукты расщепления из этого сырья.

На свежих фасетках (см. рисунок, 2, 4–6) на отщепках с наружной белой зоной видно, что она имеет резкую, но неровную границу с темно-серой породой внутренней части артефакта. Мощность зоны варьирует даже в одном образце. По артефактам, для которых зафиксировано положение относительно направления силы тяжести, заметно, что толщина зоны на их верхней стороне значительно больше, чем на нижней (см. рисунок, 2). Это служит объективным подтверждением поступления реагентов,

Образцы каменных артефактов с реакционной каймой из зон фосфатной минерализации в слое 9 восточной галереи Денисовой пещеры.

вызвавших изменение, сверху. В случае изменения с образованием более мощной каймы, в ней отмечаются включения очень мелких зерен остаточных минералов исходной породы, а новообразованное белое вещество, помимо равномерно тонкодисперсного агрегата, иногда наблюдается в виде коротких микрошестиков или волокон.

В эффузивных породах интенсивного образования белой каймы нет или же она проявлена лишь в отдельных полосах флюидалной текстуры, создавая при максимальном развитии контрастный серо-белый пятнистый узор на поверхности артефакта (см. рисунок, 3). Кроме того, изменения наблюдались вокруг порфирировых вкрапленников кварца и особенно – полевого шпата, который также белеет со снижением твердости.

Поскольку материал из приповерхностных белых зон отщепов представлял собой смесь тонкодисперсных новообразований и остаточных минералов исходной силикатной породы, наиболее информативным для диагностики продуктов изменения оказался метод РФА. С его помощью

было проанализировано 13 артефактов, преимущественно из средней части измененного фосфатизацией слоя 9, а также из его кровли и подошвы (см. таблицу).

Рентгенофазовому анализу предшествовала проверка проб белой каймы на наличие фосфора, а также карбонат-иона, чтобы исключить присутствие материала отлагавшихся поверх артефактов карбонатных корочек. В результате установлено, что от кальцитовых новообразований белый материал, образованный за счет силикатной породы, отличается отрицательной реакцией с HCl на CO₃-ион и отчетливой положительной реакцией с молибдатом аммония на фосфор. При этом кроме (или вместо) специфичного для фосфора желтого окрашивания наблюдалось интенсивное синее окрашивание, указывающее на присутствие в пробе не только фосфора, но еще и его восстановителя – органического вещества, восстанавливающего образующуюся в реакции фосфорно-молибденовую соль аммония до молибденовой сини [Пешкова, Громова, 1976].

**Состав исходной породы и новообразований в образцах каменных артефактов
из зон фосфатной минерализации в слое 9 восточной галереи Денисовой пещеры**

№ п/п	Положение образца в слое	Реликтовые минералы исходной породы	Новообразования		
			Фосфаты	Органическое вещество	Иные
1	Кровля	кв.	РАВ, апатит (НСК), крандаллит	бензол-сульфонат натрия	кальцит, гипс
2	Средняя часть	кв., пл., КПШ, амф., сл.	инглишит	ОВ+	–
3	То же	кв., пл., КПШ, сл.	»	ОВ++	анкерит/доломит, арагонит
4	»	кв., пл., КПШ, амф.	»	ОВ+	–
5	»	кв., сл., КПШ, пл., амф.	»	»	–
6	»	кв., КПШ, амф., сл.	инглишит, апатит	ОВ+/-	анкерит/доломит
7	»	кв., пл., амф., сл.	–	–	То же
8	»	кв., пл., КПШ, хл., пр., као., нон.	апатит (НСК)	ОВ–	–
9	»	кв., сл., пл., КПШ, пир.	Р+	ОВ+	тодорокит
10	»	кв., пл., сл.	инглишит	–	–
11	»	сл., кв., пл., КПШ	Р+	ОВ+/-	гипс
12	»	пл., кв., амф., КПШ, сл.	Р++	ОВ++	»
13	Подошва	пл., КПШ, кв., амф.	РАВ	–	–

Примечания: кв. – кварц; пл. – плагиоклаз; КПШ – калиевый полевой шпат; амф. – амфибол; сл. – слюда; хл. – хлорит; пр. – пренит; као. – каолинит; нон. – нонитронит; РАВ – рентгеноаморфное вещество; ОВ – органическое вещество; Р – фосфор; апатит (НСК) – карбонат-гидроксилапатит низкой степени кристалличности; крандаллит $\text{CaAl}_3(\text{PO}_4)_2(\text{OH})_5 \cdot (\text{H}_2\text{O})$; инглишит $\text{K}_3\text{Na}_2\text{Ca}_{10}\text{Al}_{15}(\text{OH})_7(\text{PO}_4)_{21} \cdot 26\text{H}_2\text{O}$; бензолсульфонат натрия $\text{C}_6\text{H}_5\text{NaO}_3\text{S}$; кальцит, арагонит CaCO_3 ; гипс $\text{Ca}[\text{SO}_4] \cdot 2\text{H}_2\text{O}$; анкерит/доломит $\text{Ca}(\text{Mg,Fe})[\text{CO}_3]_2$; тодорокит $(\text{Mn,Mg,Ca,Ba,K,Na})_2\text{Mn}_3\text{O}_{12} \cdot 3\text{H}_2\text{O}$.

Это свидетельство оказалось важным, поскольку обычно рентгеноаморфное органическое вещество на рентгенограммах при низком содержании в пробах маскируется интенсивно проявленными пиками главных минералов и только изредка прямо фиксируется при большом количестве рентгеноаморфной фазы или по образованию кристаллического бензолсульфоната натрия $\text{C}_6\text{H}_5\text{NaO}_3\text{S}$. Содержание последнего в пробах продуктов изменения артефактов также очень мало, в отличие от установленного при фосфатизации вмещающего артефакты субстрата [Шуныков и др., 2018].

Для образцов, у которых белая наружная зона не позволяла под бинокулярной лупой определить исходную породу, ее диагностика проводилась в петрографических шлифах. К сожалению, при их изготовлении хрупкая, с плохо связанными друг с другом частицами белая кайма практически полностью удалялась. Вместе с тем изучение шлифов позволило установить, что изменения проникали и в исходную силикатную породу глубже видимого осветления наружной зоны.

Обнаружилось также, что появление каймы обусловлено не только образованием бесцветных продуктов изменения, которые, как и все кристаллические бесцветные вещества, в дисперсном состоянии образуют белый агрегат. Оно связано и с тонкой по-

ристостью, возникающей прежде всего за счет растворения цемента осадочных пород, вследствие чего новообразованные минералы и оставшиеся зерна породы слабо связаны друг с другом. Разрушение связи между зернами исходной силикатной породы особенно заметно при образовании мощной белой каймы, в которой связь между частицами настолько слаба, что материал становится рыхлым, как мел.

В шлифах видно, что порода местами претерпела изменение глубже белой каймы: вблизи нее часть зерен полевых шпатов имеет очень низкое двупреломление, они становятся почти изотропными, а полисинтетическое двойникование плагиоклазов в них едва различимо, что служит признаком частичного разрушения кристаллической решетки. У кварца заметных изменений оптических свойств не наблюдалось. Между ставшими изотропными зернами полевых шпатов присутствуют мелкие, с низким двупреломлением, буроватые в проходящем свете комочки, количество которых резко возрастает в сторону белой зоны, в которой они, соединяясь друг с другом вплотную, делают ее непрозрачной. Очевидно, что это минералы, новообразованные за счет цемента и изменения зерен полевых шпатов осадочной породы. В отщепках небольшой толщины такие изменения за пределами каймы образуют пятна во всем объеме породы.

Судя по наблюдениям в шлифах и реликтовым минералам в измененной зоне, определенным методом РФА, изначальный минеральный состав пород артефактов, подвергшихся изменению, практически одинаков во всех проанализированных образцах. Это главные: кварц, плагиоклаз, калишпат (\pm амфибол) – и второстепенные (часто в виде незначительной примеси): амфибол, слюда, хлорит. В одном образце среди второстепенных минералов обнаружены также пренит $\text{Ca}_2\text{Al}[\text{AlSi}_3\text{O}_{10}](\text{OH})_2$, нонтронит $\text{Na}_{0.33}(\text{H}_2\text{O})[\text{Al}_{0.33}\text{Si}_{1.67}\text{O}_{10}](\text{OH})_2$ и каолинит $\text{Al}_2[\text{Si}_2\text{O}_5](\text{OH})_4$. Так как эта проба была взята из белой каймы породы, пересеченной тонкой жилкой с почковидным сложением, характерным для пренита – низкотемпературного гидротермального минерала, а нонтронит и каолинит типичны для кор выветривания, то присутствие этих минералов вполне уместно в гальке исходного каменного сырья и не связано с процессом фосфатизации. К реликтовым акцессорным минералам исходной породы отнесен и пирит в образце № 9, поскольку образование сульфида невозможно в окислительной среде одновременно с водным оксидом марганца тодорокитом. Среди новообразованных по силикатным породам минералов в большинстве анализированных проб присутствуют фосфаты в количестве, достаточном для определения методом РФА их минеральной формы. При низком же их содержании она не устанавливается, несмотря на положительную реакцию пробы на фосфор.

Обращает на себя внимание тот факт, что в 6 из 13 проанализированных образцов минеральная форма фосфатов одна и та же – это сложный водный фосфат инглишит – $\text{K}_3\text{Na}_2\text{Ca}_{10}\text{Al}_{15}(\text{OH})_7(\text{PO}_4)_{21} \cdot 26\text{H}_2\text{O}$, который лишь в образце № 6 сопровождается апатитом. При изменении артефактов в более глубоких слоях среза инглишит не зафиксирован, для них характерно образование собственно-кальциевых фосфатов: апатита $\text{Ca}_5[\text{PO}_4]_3(\text{F}, \text{Cl}, \text{OH})$, в т.ч. апатита низкой степени кристаллизации (даллита), который часто ведет себя как рентгеноаморфное вещество, крадаллита $\text{CaAl}_3[\text{PO}_4]_2(\text{OH})_5 \cdot \text{H}_2\text{O}$ и брусшита $\text{Ca}(\text{HPO}_4) \cdot 2\text{H}_2\text{O}$.

Присутствие фосфатов и сопутствующего им органического вещества в наружной побелевшей зоне артефактов при редком сопровождении сульфатом кальция – гипсом означает, что наиболее активными реагентами, вызвавшими изменение силикатных пород артефактов, являлись фосфорные и органические кислоты, поступавшие из вышележащего слоя 8.

Известно, что наиболее сильная из фосфорных кислот пирофосфорная кислота $\text{H}_4\text{P}_2\text{O}_7$ «переводит в раствор большинство обычно встречаю-

щихся силикатов, входящих в состав руд и пород, а также аморфные гидратированные разновидности кремнезема, в то же время кристаллические формы его (кварц и др.) практически полностью остаются в нерастворенном виде» [Ляликов и др., 1966, с. 123].

Образование в слое 9 инглишита при изменении олигомиктового каменного сырья артефактов может быть связано с близостью к источнику этих сильных реагентов, когда реакционная способность последних наиболее высока и достаточна для растворения цемента кристаллических алюмосиликатных осадочных пород с частичным разложением полевых шпатов. О таком механизме образования инглишита свидетельствуют наблюдавшееся в шлифах изменение полевых шпатов вблизи белой каймы и сравнение состава инглишита с составом плагиоклазов $\text{Na}[\text{AlSi}_3\text{O}_8]$ – $\text{Ca}[\text{Al}_2\text{Si}_2\text{O}_8]$ и калишпата – $\text{K}[\text{AlSi}_3\text{O}_8]$, полностью обеспечивающих катионный состав инглишита, что невозможно только за счет других минералов этих пород: глиноземистой слюды мусковита $\text{KA1}_2[\text{AlSi}_3\text{O}_{10}](\text{OH}, \text{F})_2$, амфибола-актинолита $\text{Ca}_2(\text{Mg}, \text{Fe})_5[\text{Si}_4\text{O}_{11}]_2(\text{OH})_2$ и хлорита $(\text{Mg}, \text{Al})_3[\text{Al}_x\text{Si}_{4-x}\text{O}_{10}](\text{OH})_2 \cdot \text{Mg}_3(\text{OH})_6$.

Зато состав последних двух находит свое отражение в новообразовании карбоната доломит-анкеритового ряда $\text{Ca}(\text{Mg}, \text{Fe})[\text{CO}_3]_2$, сопутствующего инглишиту. То, что карбонаты такого состава, а также арагонит, не отмеченные в исходных олигомиктовых песчаниках и алевролитах этого района, являются новообразованием, подтверждается редкостью среди продуктов изменения артефактов собственно кальциевых фосфатов брусшита $\text{Ca}(\text{HPO}_4) \cdot 2\text{H}_2\text{O}$ и апатита $\text{Ca}_5[\text{PO}_4]_3(\text{F}, \text{Cl}, \text{OH})$, характерных для образования во вмещающем артефакты осадочном субстрате с большим количеством обломков известняка. Вместе с тем новообразование карбонатов свидетельствует о присутствии среди реагентов угольной кислоты, которая осаждает Са только при недостатке более сильных кислот. Это означает, что проникавшие через поверхность артефактов сильные фосфорные и органические кислоты быстро нейтрализовались в реакциях с силикатной породой, образуя фосфаты, которые препятствовали дальнейшему продвижению этих реагентов вглубь камня.

Поскольку изменение артефактов начинается с поверхности, проникая в них на глубину до 1–2 мм, очевидно, что оно происходило уже в их погребенном состоянии, позже формирования слоя 9, и является эпигенетическим по отношению к палеолитической части памятника. Нахождение в измененной приповерхностной части артефактов из слоя 9 инглишита, отсутствующего среди фосфатов вмещающего субстрата [Шуныков и др., 2018],

надежно свидетельствует о том, что этот фосфат действительно образовался за счет породы артефактов, а не привнесен в нее извне. Это однозначно связывает изменение пород артефактов именно с процессом фосфатизации и дает основание и в остальных случаях присутствия фосфатов в измененной породе артефактов рассматривать их как инситу образования, даже если они аналогичны возникающим при фосфатизации вмещающих артефакты отложений.

Проявление изменений на силикатных породах артефактов означает, что реагенты, вызвавшие эти изменения, были весьма агрессивны и реакционноспособны. Очевидно, что их воздействие на погребенные вместе с артефактами кости должно быть еще более значительным. Это подтверждается полным отсутствием костных остатков в зонах наиболее интенсивной фосфатизации отложений. В ряде случаев на таких участках фиксировались только крупные фрагменты стенок трубчатых костей, которые перешли в рыхлое порошкообразное состояние. Костные остатки из зон, прилегающих к участкам развития фосфатов, более прочные, однако имеют худшую сохранность, чем образцы из недеформированных участков отложений. Возможно, этими процессами объясняется отсутствие ДНК в палеоантропологическом образце *Денисова 16* из слоя 9, а также значительное омоложение дат для образцов костей из участков фосфатизации в слое 11 [Reich et al., 2010]. Дальнейшее исследование феномена аутигенной фосфатной минерализации в Денисовой пещере должно способствовать решению этих вопросов.

Список литературы

Ляликов Ю.С., Ткаченко Н.С., Добржанский А.В., Сакуров В.И. Анализ железных, марганцевых руд и агломератов. – М.: Metallurgiya, 1966. – 312 с.

Пешкова В.М., Громова М.И. Методы абсорбционной спектроскопии в аналитической химии. – М.: Высшая школа, 1976. – 280 с.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Аношкин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

Шуньков М.В., Кулик Н.А., Козликин М.Б., Сокол Э.В., Мирошниченко Л.В., Ульянов В.А. Фосфатная минерализация плейстоцен-голоценовых отложений восточной галереи Денисовой пещеры // Докл. АН. – 2018. – Т. 478, № 3. – С. 318–322.

Reich D., Green R.E., Kircher M., Krause J., Patterson N., Durand E.Y., Viola B., Briggs A.W., Stenzel U., Johnson P.L.F., Maricic T., Good J.M., Marques-Bonet T., Alkan C., Fu Q., Mallick S., Li H., Meyer M., Eichler E.E., Stoneking M., Richards M., Talamo S., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Hublin J.-J., Kelso J., Slatkin M., Pääbo S. Genetic history of an archaic hominin group from Denisova cave in Siberia // Nature. – 2010. – Vol. 468. – P. 1053–1060.

References

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Agadzhanyan A.K., Baryshnikov G.F., Malaeva E.M., Ulianov V.A., Kulik N.A., Postnov A.V., Anoinkin A.A. Prirodnaya sreda i chelovek v paleolite Gornogo Altaya. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2003, 448 p. (In Russ.).

Lyalikov Yu.S., Tkachenko N.S., Dobrzhanskii A.V., Sakurov V.I. Analiz zheleznykh, margantsevykh rud i aglomeratov. Moscow: Metallurgiya, 1966, 312 p. (In Russ.).

Peshkova V.M., Gromova M.I. Metody absorbtionnoi spektroskopii v analiticheskoi khimii. Moscow: Vysshaya shkola, 1976, 280 p. (In Russ.).

Reich D., Green R.E., Kircher M., Krause J., Patterson N., Durand E.Y., Viola B., Briggs A.W., Stenzel U., Johnson P.L.F., Maricic T., Good J.M., Marques-Bonet T., Alkan C., Fu Q., Mallick S., Li H., Meyer M., Eichler E.E., Stoneking M., Richards M., Talamo S., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Hublin J.-J., Kelso J., Slatkin M., Pääbo S. Genetic history of an archaic hominin group from Denisova cave in Siberia. *Nature*, 2010, vol. 468, pp. 1053–1060.

Shunkov M.V., Kulik N.A., Kozlikin M.B., Sokol E.V., Miroshnichenko L.V., Ulianov V.A. The Phosphates of Pleistocene–Holocene Sediments of the Eastern Gallery of Denisova Cave. *Doklady Earth Sciences*, 2018, vol. 478, pt. 1, pp. 46–50.

Кулик Н.А. <https://orcid.org/0000-0002-2641-5517>

Козликин М.Б. <https://orcid.org/0000-0001-5082-3345>

Мирошниченко Л.В. <https://orcid.org/0000-0002-7430-7270>

Шуньков М.В. <https://orcid.org/0000-0003-1388-2308>

**А.И. Лебединцев¹, И.В. Макаров², А.А. Прут²,
А.В. Пташинский³, А.Ю. Федорченко⁴✉, Р.М. Харитонов⁴,
П.С. Гребенюк¹**

¹Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н.А. Шило ДВО РАН

Магадан, Россия

²ООО «Геокорд»

Москва, Россия

³Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга
Петропавловск-Камчатский, Россия

⁴Институт археологии и этнографии СО РАН

Новосибирск, Россия

E-mail: grebenyuk.pavel@gmail.com

Результаты полевых исследований в Северном Приохотье и на Камчатке в 2020 году

В статье представлены итоги полевых исследований, проводившихся в Северном Приохотье и на Камчатке в 2020 г., в результате чего обследованы памятники эпохи неолита, палеометалла и железного века, расположенные в Ольском р-не Магаданской обл. и Тигильском р-не Камчатского края. В Северном Приохотье работы осуществлялись на о-ве Завьялова, о-ве Недоразумения и косе Атарган в Тауйской губе, на м. Астрономическом и м. Братьев в зал. Бабушкина. На всех участках работ произведен отбор образцов для радиоуглеродного AMS-датирования. Определены точные координаты и границы шести ранее выявленных памятников на о-ве Завьялова, получена археологическая коллекция, дополняющая материальный комплекс памятников. Среди находок в Северном Приохотье определен интерес представляет орнаментированная керамика стоянок Рассвет III и Атарган, типичная для атарганской стадии древнекорякской культуры. По углу со стоянки Рассвет III и стоянки с о-ва Недоразумения получены даты, сопоставимые со временем существования токаревской культуры. На участке работ в зал. Бабушкина было обследовано пять могильников, четыре стоянки и одно местонахождение. На западном побережье п-ова Камчатка исследовались приморские памятники Галган I, II и Чимей I, II с материалами комплекса Теви, предшествующего древнекорякской культуре. Четыре местонахождения с неолитическими находками обнаружены в истоках р. Палана. Полученные в результате исследований археологические материалы и новые радиоуглеродные даты способствуют реконструкции адаптационных стратегий древних морских охотников и моделированию процессов освоения ими побережий Охотского моря в эпоху голоцена.

Ключевые слова: Северное Приохотье, Камчатка, неолит, палеометалл, железный век, токаревская культура, древнекорякская культура.

**Alexander I. Lebedintsev¹, Igor V. Makarov², Alexander A. Prut²,
Andrey V. Ptashinskiy³, Alexander Yu. Fedorchenko⁴✉,
Roman M. Kharitonov⁴, Pavel S. Grebenyuk¹**

¹N.A. Shilo North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute FEB RAS,
Magadan, Russia

²LLC "Geokord",

Moscow, Russia

³Vitus Bering Kamchatka State University,
Petropavlovsk-Kamchatsky, Russia

⁴Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

E-mail: grebenyuk.pavel@gmail.com

Results of Fieldwork in the Northern Priokhotye and Kamchatka in 2020

The article provides the results of field research in the Northern Priokhotye and Kamchatka in 2020. As a result of our work, we have studied the Neolithic, Paleometal, and Iron Age site, located in the Olsky district of the Magadan Region and the Tigil district of the Kamchatka Region. In the Northern Priokhotye, we conducted the work in the Zavyalov island, Nedorazumeniya island, Atargan Spit in the Tauiskaya Bay, Cape Astronomicheskii, and Cape Bratyevev in the Babushkina Bay. We took samples from all sites for AMS dating. We have determined the exact coordinates and boundaries of six previously identified archaeological sites on the Zavyalov island. We collected an archaeological collection that supplements the material complex of the site. Among the finds in the Northern Priokhotye, the ornamented ceramics of the Rassvet III and Atargan sites typical of the Atargan stage of the Old Koryak culture is of particular interest. We have dated samples of charcoal from the Rassvet III and Nedorazumeniya sites and got radiocarbon determinations comparable with the chronology of the Tokarev culture. We revealed five burials, four sites, and one location in the research area in the Babushkina Bay. In the western coast of the Kamchatka Peninsula, we examined the coastal settlements Galgan I–II and Chimei I–II with the materials of the Tevi complex, which preceded the Old Koryak culture. Four Neolithic sites with the surface finds have been found at the headwaters of the Palana River. The archaeological materials and radiocarbon dates obtained during the research play a role in reconstructing the adaptation strategies of the ancient sea hunters and modeling the processes of their development of the coast of the Sea of Okhotsk in the Holocene.

Keywords: Northern Priokhotye, Kamchatka, Neolithic, Paleometal, Tokarev culture, Old Koryak culture.

Введение

В полевом сезоне 2020 г. были проведены исследования археологических памятников эпохи неолита, палеометалла и железного века, расположенных в Ольском р-не Магаданской обл. и Тигильском р-не Камчатского края. На территории Северного Приохотья работы осуществлялись на о-вах Завьялова и Недоразумения, косе Атарган в Тауйской губе, на м. Астрономическом и м. Братьев в зал. Бабушкина. Отдельным участком исследований являлось западное побережье п-ова Камчатка. Цель экспедиционных работ заключалась в поиске, идентификации и оценке сохранности известных ранее объектов культурного наследия, выявлении новых памятников и отборе образцов для проведения радиоуглеродного датирования.

Тауйская губа

На о-ве Завьялова имеются стоянки древних морских охотников [Лебединцев, 1990; Остров..., 2012]. В полевом сезоне 2020 г. в Северном Приохотье были обследованы ранее выявленные памятники на о-вах Завьялова, Недоразумения и на Атарганской косе. На о-ве Завьялова проведенные рекогносцировочные работы позволили впервые определить точные координаты и границы шести ранее выявленных объектов археологического наследия: Маячная, Рассвет I–III и Находка I, II.

Поселение Рассвет III. В результате исследования жилища № 2 в 2020 г. получена коллекция костяных изделий (острие из рога оленя, проколка или боковой зубец гребня, а также пластинка подпрямоугольной формы со слегка сужающимися концами из кости кита) и каменных артефактов (черешковый нож из халцедона), а также 11

фрагментов от нескольких, вероятно, круглодонных сосудов (два фрагмента имели орнаментацию валиками) (рис. 1, 2–4, 7, 8). Керамика типична для атарганской стадии древнекорякской культуры, датированной X–XIII вв. н.э. Из шурфа № 2 на стоянке Рассвет III была выявлена серия сколов из кремневых пород и халцедона, тесло из китовой кости со следами сработанности. По углю из шурфа (глубина 30 см) получена дата 2410 ± 53 л.н. (GV-02562). Вероятно, указанный образец соотносится с более древним слоем, связанным с токаревским периодом.

Стоянка Рассвет II. В результате шурфовки на памятнике обнаружены скребок на сколе подтрапцевидной формы, фрагмент наконечника стрелы и заготовка изделия из кремневых пород камня (рис. 1, 5, 6).

Стоянка Находка II. Располагается на склоне по правому берегу правой протоки руч. Первая речка, в северо-восточном углу бухты Находка. При обследовании залесенного участка на небольшом террасовидном уступе склона выявлена западина углубленного жилища. Западина размерами 6×5 м имеет подпрямоугольную форму со скругленными углами, вытянута вдоль длинной оси уступа. Для выявления культурного слоя, археологических находок и выяснения границ памятника были заложены четыре разведочных археологических шурфа.

Из шурфов получены черешковый нож, два дистальных фрагмента ножей, пять скребков подтреугольной и подтрапцевидной формы, заготовка наконечника листовидной формы, заготовка ножа или наконечника асимметричной подтреугольной формы. Находки можно отнести к токаревской и древнекорякской культуре.

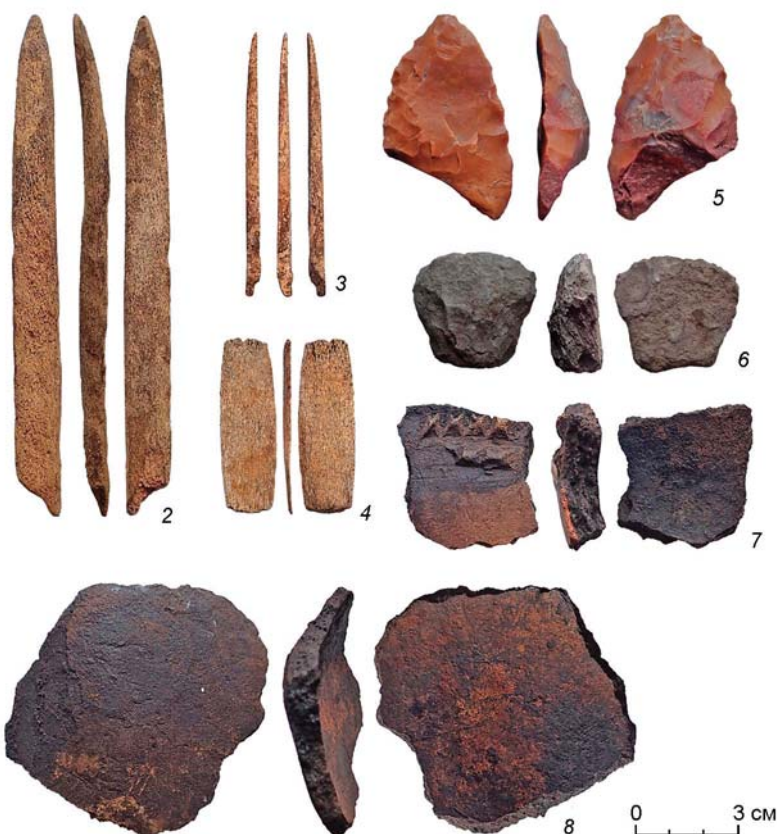
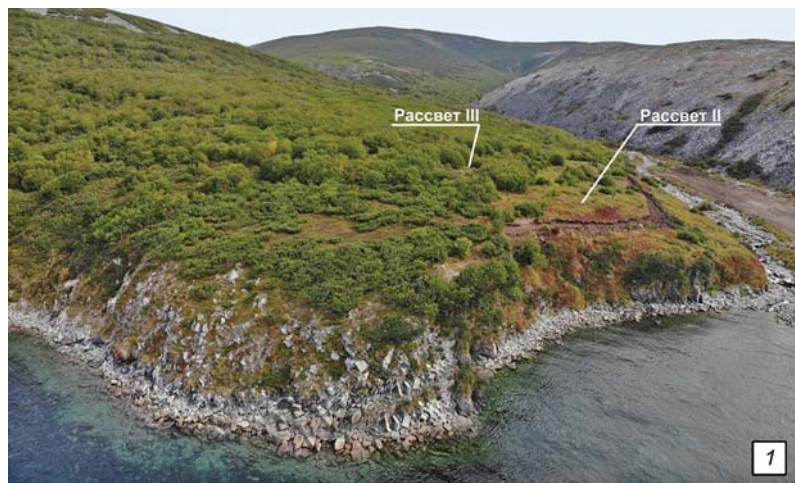

Рис. 1. Археологические памятники Рассвет II и III.

1 – вид на памятники; 2–4 – изделия из кости; 5, 6 – каменные орудия; 7, 8 – фрагменты керамики.

В ходе разведочных работ на о-ве Недоразумения в северо-восточной его оконечности было выявлено новое местонахождение, расположенное в нижней части выположенного склона, на удалении до 100 м от берега моря, на высоте 40–50 м над урезом воды. В процессе визуального осмотра следов жилищных западин и иных конструкций не выявлено – культурный слой на памятнике был зафиксирован в процессе шурфовочных работ. С глубины 30 и 50 см были взяты два об-

разца угля, по которым получены AMS-даты $2\ 519 \pm 64$ (GV-02561) и $2\ 262 \pm 65$ (GV-02560). Оба определения возраста относятся к токаревскому периоду.

Древнекоряжское поселение Атарган находится близ пос. Ола, в 3 км на северо-восток от бывшего рыбзавода «Атарган» в районе м. Харбиз. На участках с наибольшей концентрацией подъемного археологического материала были заложены шурфы. В результате работ найдены следующие артефакты: сколы, колотая галька, два скребка, выполненных из крупных галечных сколов из кремневых пород, фрагменты обработанной кости кита, а также 16 фрагментов тонкостенной керамики, один из которых с ложнотекстильным орнаментом. В зачистке находилось множество нерпичьих костей, ломаных раковин моллюсков и панцирная пластина из рога оленя. В целом полученные материалы свидетельствуют о сохранении культурного слоя в этой части стоянки и возможности проводить там раскопки в будущем. На стоянке взяты пробы угля на радиоуглеродный анализ.

Залив Бабушкина

Группа археологических объектов на м. Братьев побережья Охотского моря расположена в 150 км к востоку от Магадана. Согласно опубликованным сведениям, эта группа включает поселение с остатками девяти жилищ, пещеру со следами обитания человека и серию захоронений [Пытляков, 1956; Пытляков, Беляева, 1957; Беляева, 1967; Васильевский, 1971]. Особое значение имеют материалы коллективного погребения, которое было отнесено к древнекоряжской культуре [Ефимов, 1991]. Предполагается, что поселения этой культуры в данном районе существовали синхронно с поселением Атарган (X–XIII вв. н.э.) [Васильевский, 1971]. Полевые археологические работы в сентябре 2020 г. проводились в районе бухты Астрономической и м. Братьев. В ходе поисковых работ могильник на мысе Братьев, материалы которого в 1976 г. обследовал С.П. Ефимов,

имеют материалы коллективного погребения, которое было отнесено к древнекоряжской культуре [Ефимов, 1991]. Предполагается, что поселения этой культуры в данном районе существовали синхронно с поселением Атарган (X–XIII вв. н.э.) [Васильевский, 1971]. Полевые археологические работы в сентябре 2020 г. проводились в районе бухты Астрономической и м. Братьев. В ходе поисковых работ могильник на мысе Братьев, материалы которого в 1976 г. обследовал С.П. Ефимов,

обнаружить не удалось. Тем не менее проведенная разведка позволила выявить и описать на данном участке серию других археологических объектов, включая ранее неизвестные.

Могильник Мыс Братьев I расположен в юго-западной части мыса, вдоль высокого скалистого обрыва (рис. 2). Памятник ранее был описан Г.А. Пытляковым [1956, с. 27–28]. В результате проведенных археологических работ было зафиксировано девять могил, расположенных в расще-

линах между скальных глыб и крупных валунов. Большинство выявленных погребений перекрыты настилом из длинных жердей лиственницы и камнями средней величины.

Могильник Мыс Братьев II расположен в южной части мыса. В результате работ предыдущих лет на данном участке было выявлено одно погребение [Там же]. В ходе нового цикла работ обнаружены две частично разрушенные могилы на самом краю высокого обрыва. Рядом с одной из могил зафик-

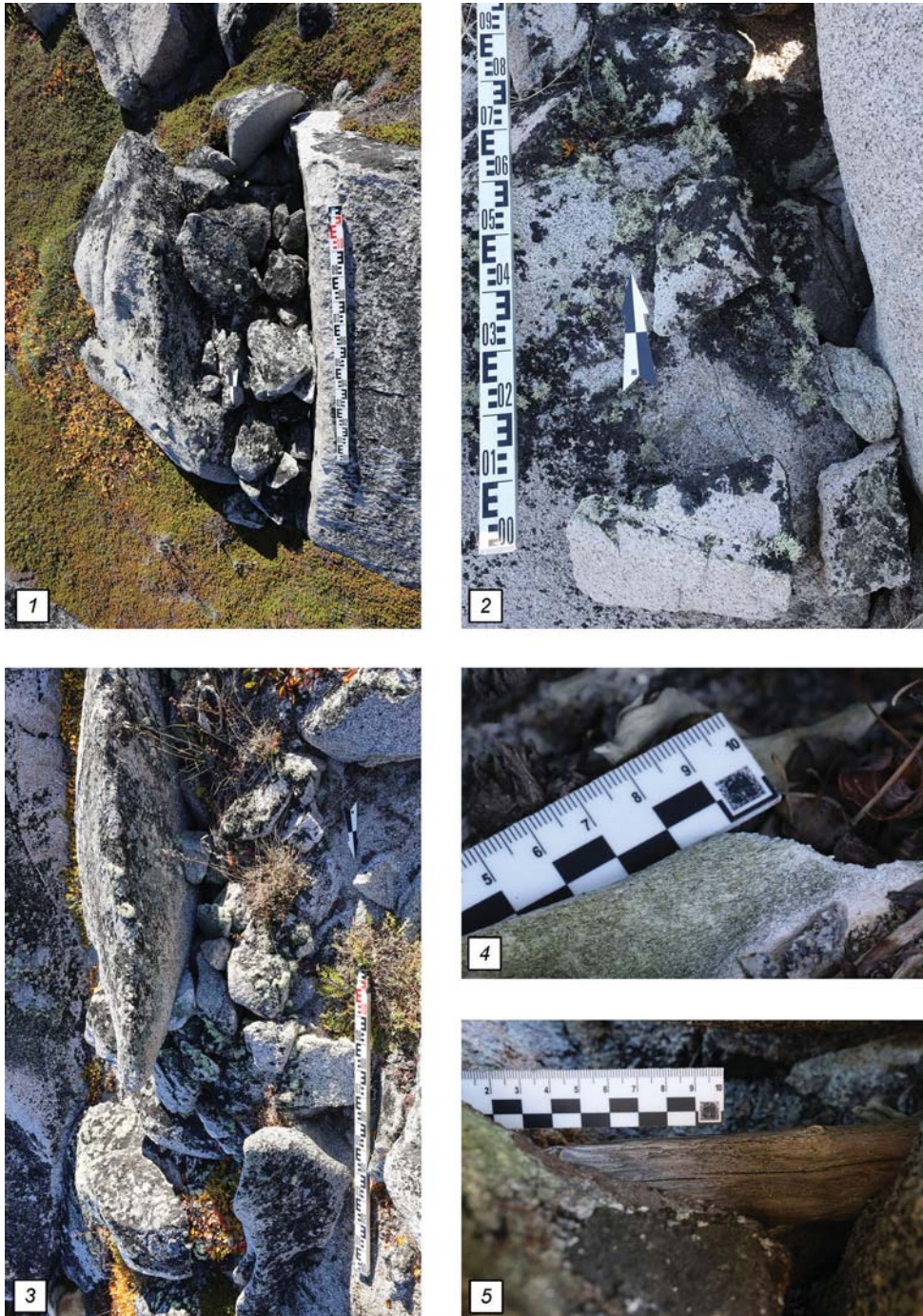

Рис. 2. Могильник Мыс Братьев I.

1–3 – погребения; 4 – фрагмент кости человека; 5 – фрагмент деревянной жерди.

сированы единичные отщепы. По характеру своего устройства эти погребения аналогичны таковым на могильнике Мыс Братьев I.

Стоянка Мыс Братьев III обнаружена в южной части мыса и ранее не фиксировалась исследователями. На раздернованной поверхности мыса в компактном залегании было выявлено скопление продуктов расщепления осадочной породы серого цвета. Следы жилищных западин и других пространственных структур на данном местонахождении отсутствовали.

Могильник Мыс Братьев IV расположен в юго-восточной части мыса, ранее был не известен. На

самом краю высокого каменистого обрыва зафиксировано два частично разрушенных захоронения – фрагменты деревянных жердей, несколько человеческих черепов и других костей. Из-за угрозы полной утраты этих уникальных погребальных комплексов необходимо их дальнейшее изучение.

В результате разведочных работ, проведенных на участке мыса бухты Астрономической, были идентифицированы поселения МБА I и МБА III, ранее описанные в литературе [Пытляков, 1956; Васильевский, 1971]. Поселение МБА I расположено на небольшом мысу (к северу от м. Братьев), возвышающемся над уровнем прилива на 3–4 м (рис. 3, 1).

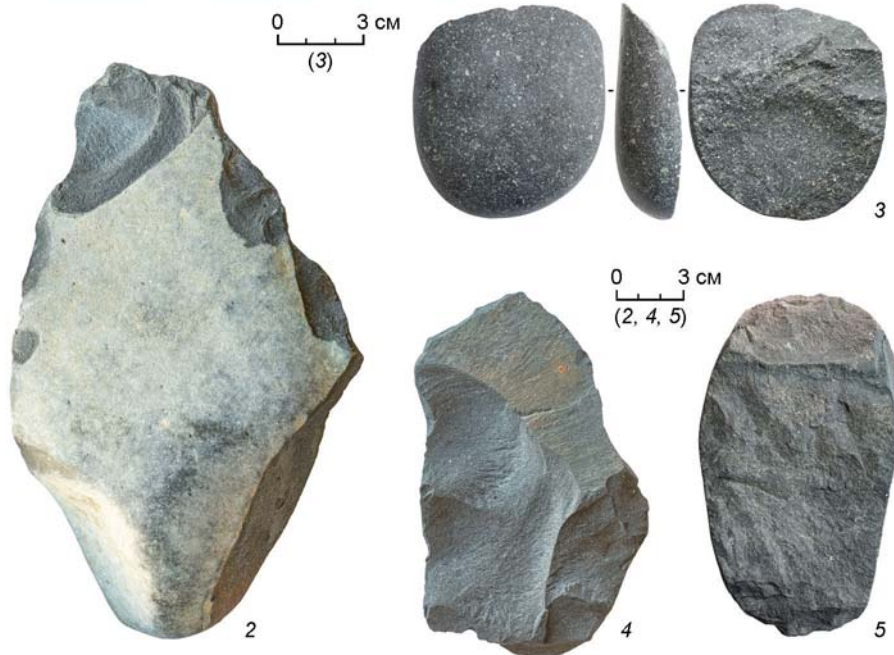

Рис. 3. Поселение МБА I.

1 – вид на памятник с севера; 2, 4 – ядрища; 3 – скребок; 5 – топор.

По данным Г.А. Пытлякова, практически вся поверхность мыса была плотно покрыта котлованами полуземлянок [1956]. Наши наблюдения подтверждают это. Осмотр осыпи в восточной части мыса позволил зафиксировать культурный слой, насыщенный костями морских млекопитающих и птиц, раковинами моллюсков и единичными артефактами. Данный участок мыса активно разрушается, что создает угрозу постепенного уничтожения памятника. В результате осмотра осыпи и каменистого пляжа была выявлена коллекция артефактов: ядрища для получения отщепов, скребла, топор, скребок, сколы с ретушью утилизации, выполненные из осадочных пород (рис. 3, 2–5); фрагменты ложнотекстильной керамики. Характер полученных материалов подтверждает древнекорякскую принадлежность данного памятника. Памятник МБА II, выявленный Г.А. Пытляковым, вероятно, был разрушен при строительстве метеостанции в 1959 г. На поселении МБА III был проведен осмотр осыпи культурного слоя, осуществлена зачистка берегового обнажения, отобраны образцы угля и кости для датирования.

Стоянка Астрономическая I расположена на высоком каменистом холме к югу от бухты Астрономическая, выявлена впервые. На каменистой раздернованной поверхности зафиксировано четыре отщепа, изготовленных из осадочной породы темно-серого цвета, а также горного хрусталя – каменного сырья, редко представленного на приморских памятниках Северного Приохотья. Расположение на одной из господствующих высот позволяет рассматривать это местонахождение в качестве кратковременной стоянки охотников на оленей.

Могильник Астрономическая II был выявлен Г.А. Пытляковым [Там же, с. 25–26] на одном из невысоких каменистых холмов, возвышающихся над юго-западным берегом бухты Астрономическая. В результате работ 2020 г. на памятнике обнаружено не менее восьми индивидуальных захоронений, а также одна группа, состоящая из 4–6 частично разрушенных могил. Одно из выявленных погребений оказалось вскрытым, вероятно в результате работ Г.А. Пытлякова. Рядом с этим захоронением располагались сложенные деревянные жерди, некогда составлявшие перекрытие; фрагменты двух из них были взяты в качестве образцов для радиоуглеродного анализа.

Стоянка Астрономическая III зафиксирована на безымянном мысе южного берега бухты Астрономической, ранее в археологической литературе не отмечалась. На раздернованной поверхности мыса зафиксировано одно скопление отщепов, связанное с производством орудий из светло-серой осадочной породы, а также ряд единичных

отщепов и сколов без следов утилизации. Характер собранного материала позволяет предполагать определение возраста комплекса в широком хронологическом диапазоне – от позднего неолита до железного века.

Местонахождение Астрономическая IV локализовано на одном из невысоких каменистых холмов, возвышающихся над юго-западным берегом бухты Астрономическая; памятник выявлен впервые. У основания одного из крупных валунов на дневной поверхности зафиксирована бедренная кость человека. Признаков наличия культурного слоя, как и иных следов человеческой активности, не зафиксировано.

Стоянка Астрономическая-5 расположена на одном из невысоких каменистых холмов, возвышающихся над юго-западным берегом бухты Астрономическая. Памятник выявлен впервые, представляет собой серию концентрических выкладок из крупных камней. Другие следы человеческой активности отсутствуют.

Могильник Астрономическая-6 расположен к югу от остальных памятников бухты Астрономической на высоком скальном обрыве у береговой линии. Он включает погребение, практически полностью утраченное в результате обвала. Костные остатки отсутствуют, в результате осмотра обнаружены единичные обработанные деревянные жерди и фрагмент деревянного изделия, вероятно, лука.

Тигильский район Камчатского края

В 2020 г. были проведены полевые работы в Тигильском р-не Камчатского края. В результате осмотра приморских археологических памятников *Галган I и II*, *Чимей I и II* был собран подъемный материал: наконечники стрел, ножи и скребки из обсидиана и осадочных пород; поворотные и зубчатые наконечники гарпунов; колки и наконечники стрел из рога оленя и китовой кости; обломки древков стрел, средств передвижения и бытовые предметы из дерева; фрагменты циновок и веревок из растительных волокон. В фаунистической коллекции представлены кости морских млекопитающих (китообразных, настоящих тюленей), раковины моллюсков, кости морских колониальных птиц. На двух памятниках обнаружены фрагменты керамических сосудов. За исключением керамики, полученный археологический материал относится к комплексу Теви (I тыс. н.э.), предшествующему древнекорякской культуре на северо-западном побережье Камчатки [Пташинский, 1999].

В истоках р. Палана, в условиях горного ландшафта на высоте ок. 400 м над ур. м. обнаружены четыре местонахождения. В трех пунктах зафиксиро-

рованы отщепы из обсидиана, в одном – микропластина из полупрозрачного обсидиана серого цвета, трапециевидная в сечении, с резцовым сколом на дистальном конце. Неолитический облик микропластины свидетельствует о том, что перевальные участки Срединного хребта Камчатки были освоены охотниками на дикою северного оленя, возможно, уже V–VI тыс. л.н.

Заключение

Проведенные археологические работы позволили скорректировать и дополнить имевшиеся ранее сведения относительно каменной и костяной индустрии, традиций керамического производства носителей приморских культур Северного Приохотья и Западной Камчатки. Полученные в результате исследования археологические материалы и новые радиоуглеродные даты играют существенную роль в реконструкции адаптационных стратегий древних морских охотников и моделировании процессов освоения ими побережий Охотского моря в эпоху голоцена.

Благодарности

Полевые археологические исследования выполнены при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00144 (А.И. Лебединцев, П.С. Гребенюк, А.В. Пташинский), анализ археологических коллекций – в рамках проекта НИР № 0329-2019-0001 «Заселение первобытным человеком Северной Азии: культурный и экологический контекст» (А.Ю. Федорченко).

Список литературы

Беляева А.В. Древние погребения на Охотском побережье // История и культура народов Севера Дальнего Востока. – М.: Наука, 1967. – С. 80–84.

Васильевский Р.С. Происхождение и древняя культура коряков. – Новосибирск: Наука, 1971. – 250 с.

Ефимов С.П. Остатки коллективного погребения на мысе Трех братьев – новый памятник древнекорякской культуры (X–XIII вв.) // Древние памятники Севера Дальнего Востока. – Магадан: СВКНИИ ДВО АН СССР, 1991. – С. 136–141.

Лебединцев А.И. Древние приморские культуры Северо-Западного Приохотья. – Л.: Наука, 1990. – 260 с.

Остров Завьялова (геология, геоморфология, история, археология, флора и фауна). – М.: ГЕОС, 2012. – 212 с.

Пташинский А.В. Культура морских зверобоев северо-запада Камчатки // Исследования по археологии Севера Дальнего Востока. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1999. – С. 80–97.

Пытляков Г.А. Отчет о проделанной работе археологическим разведывательным отрядом в верховьях реки Индигирки и на побережье Охотского моря летом 1955 г. // Архив МОКМ. – Якутск, 1956. – 94 с.

Пытляков Г.А., Беляева А.В. Археологические работы на Охотском побережье // Краевед. зап. Магадан. краевед. музея. – 1957. – Вып. 1. – С. 5–11.

References

Belyaeva A.V. Drevniye pogrebeniya na Okhotskom poberezh'e. In *Istoriya i kul'tura narodov Severa Dal'nego Vostoka*. Moscow: Nauka, 1967, pp. 80–84. (In Russ.).

Efimov S.P. Ostatki kollektivnogo pogrebeniya na myse trekh brat'ev – novyi pamyatnik drevnekoryakskoi kul'tury [X–XIII vv.]. *Drevniye pamyatniki Severa Dal'nego Vostoka*. Magadan: NEISRI FESC AS USSR, 1991, pp. 136–141. (In Russ.).

Lebedintsev A.I. Drevnie primorskie kul'tury Severo-Zapadnogo Priokhot'ya. Leningrad: Nauka, 1990, 260 p. (In Russ.).

Ostrov Zav'yalova (geologiya, geomorfologiya, istoriya, arkheologiya, flora i fauna). Moscow: GEOS, 2012, 212 p. (In Russ.).

Ptashinsky A.V. Kul'tura morskikh zveroboyev severo-zapada Kamchatki. In *Issledovaniya po arkheologii Severa Dal'nego Vostoka*. Magadan: NEISRI FEB RAS, 1999, pp. 80–97. (In Russ.).

Pytlyakov G.A. Otchet o prodelannoi rabote arkheologicheskimi razvedyvatel'nymi otryadom v verkhov'yakh reki Indigirki i na poberezh'e Okhotskogo morya letom 1955 g. In *Archives of the Magadan Regional Museum of Local Lore*. Yakutsk, 1956, 94 p. (In Russ.).

Pytlyakov G.A., Belyaeva A.V. Arkheologicheskiye raboty na Okhotskom poberezh'e. In *Kraevedcheskie zapiski Magadanskogo kraevedcheskogo muzeya*, 1957, iss. 1, pp. 5–11. (In Russ.).

Vasilyevsky R.S. Proiskhozhdenie i drevnyaya kul'tura koryakov. Novosibirsk: Nauka, 1971, 250 p. (In Russ.).

Лебединцев А.И. <https://orcid.org/0000-0003-2714-2116>

Федорченко А.Ю. <https://orcid.org/0000-0001-7812-8037>

Гребенюк П.С. <https://orcid.org/0000-0001-9940-9962>

Д.В. Марченко✉, Е.П. Рыбин, А.М. Хаценович

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

E-mail: dasha-smychagina@yandex.ru

Корреляция как инструмент определения функциональной variability в пределах стоянки

В статье рассматриваются основные закономерности распределения находок в горизонте начального верхнего палеолита на стоянке Толбор-21. Предпринята попытка определить функциональные зоны на памятнике, вскрытом раскопами на разных участках. Для этого применен метод корреляции – анализа встречаемости находок. Находки, совместно встречающиеся на одном участке, получают коэффициент корреляции равный единице. Если появление одной группы находок сопровождается отсутствием другой, коэффициент корреляции между такими группами будет равен минус единице. Рассматриваются такие основные категории, как нуклеусы, преформы, мелкий дебитаж, фаунистические остатки, орудия. Последние разделены на группы согласно их предполагаемым функциям. Еще одна классификация орудий проведена по степени их модификации, предполагающей разную сложность изготовления. Прослеживаются корреляции между этими категориями в рамках различных участков памятника, а также антропогенных структур (два участка использования огня). В результате установлена обособленность нуклеусов в стадии расщепления от орудийных форм и фаунистических остатков. Нуклеусы сосредоточены на периферийных участках памятника, к очагам приурочены наиболее сложные функции, связанные с орудийной деятельностью (перфорация/резание, закрепление в основу). На этих же участках велась обработка костей животных (разделка?). Высокая корреляция преформ и ситуационных орудий, не специализированных и не сложных в изготовлении, объясняется одинаковой распространенностью этих изделий на всех участках памятника. На основе проведенного анализа прослеживается планиграфическая структура стоянки, в рамках которой выделяются как периферийные зоны / зоны неспециализированной активности, так и участки, где осуществлялось использование специализированных орудий, переработка добычи и разведение огня.

Ключевые слова: Северная Монголия, начальный верхний палеолит, планиграфия, корреляция, функциональные зоны.

Daria V. Marchenko✉, Evgeny P. Rybin, Arina M. Khatsenovich

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

E-mail: dasha-smychagina@yandex.ru

Correlation as a Tool for Establishing Functional Variability Within the Site

This article discusses main patterns in the distribution of finds in the horizon of the Initial Upper Paleolithic at the Tolbor-21 site in Northern Mongolia. An attempt was made to define the functional areas in that site which was investigated by several excavation pits. The correlation method has made it possible to analyze co-occurrence of artifacts. Groups of artifacts would get the correlation coefficient 1 if they occurred in the same location. The correlation coefficient between two groups will be -1 , if the occurrence of one group was accompanied by the absence of the other group. Cores, core preforms, small-sized debitage, tools, and faunal remains were taken as the artifact classes. Groups of tools were divided in accordance with their supposed functions. One more tool classification was intensity of modification, which reflected complexity of tool production. Correlation among these classes could be observed in different locations of the site and near anthropogenic structures (two areas with traces of fire use). Separate occurrence of cores compared to tools and faunal remains has been detected. Cores tend to concentrate on the periphery of the site; the most sophisticated functions related to tool utilization (perforation/cutting, hafting) were associated with hearths. Bone processing activities (butchering?) were also observed in

the areas of heat producing structures. High correlation of core preforms and situational tools, non-specialized and primitive in production, can be explained by the abundance of these classes in all areas of the site. Correlation analysis has made it possible to reconstruct the planigraphic structure of the site, which included peripheral areas/areas of non-specialized activities and areas of specialized tool use, meat processing, and using fire.

Keywords: *Northern Mongolia, Initial Upper Paleolithic, spatial analysis, correlation, functional areas.*

Определение функциональной вариабельности участков в пределах стоянки является одной из основных задач планиграфического анализа [Леонова, 1994; Беляева, 1999]. Для решения этой задачи сопоставляется состав находок на различных участках. Сравнивая процентные соотношения находок на разных участках, можно получить важную информацию об их особенностях на фоне общего состава артефактов с памятника, об отличиях одного участка от другого. Сопоставить распределение различных категорий находок и выявить закономерности в их распределении позволяет корреляция. Ранговая корреляция – это способ измерения связи между величинами с помощью присвоения им рангов [Елисеева, Юзбашев, 2004]. Проявления признака, например количество находок определенной категории на участке, упорядочиваются по величине, затем наибольшему значению присваивается ранг 1, следующему – 2 и т.д. На основе сопоставления рангов различных категорий находок вычисляется коэффициент корреляции, показывающий, как изменение одной величины влияет на другую, иначе говоря, есть ли связь между этими категориями. Связь может быть как позитивной (если присутствует одна категория, то есть и другая), так и негативной (если есть одна категория, то нет другой).

В археологических пространственных исследованиях метод применяется с 1970-х гг. [Hietala, Stevens, 1977; Simek, 1984; Orton, 2004]. Суть таких исследований заключалась в анализе встречаемости различных классов артефактов (разных типов орудий, фаунистических остатков и др.) в рамках пространственно или хронологически выделенных комплексов. Если хронологический принцип предполагает сравнение культурных горизонтов между собой, то пространственный принцип менее однозначен. В ранних исследованиях (1970-х гг.) статистические методы применялись только к участкам строго определенных форм и пропорций (часто именуемых блоками), что было продиктовано спецификой вычислительных операций, а также квадратной сеткой раскопов, в которой проводилась фиксация находок [Whallon, 1973]. Размер блоков для проведения корреляций определялся стремлением получить ячейки одинакового размера с достаточным количеством находок в каждой [Hietala, Stevens, 1977, p. 547]. Очевидно, что выбор размера

сравниваемых участков влиял на результаты и требовал дополнительных трудозатрат для их культурной интерпретации. Позже, когда индивидуальная фиксация находок стала распространенной практикой, кластерный анализ начал использоваться для выделения пространственных участков и вычисления корреляций между находками в них [Simek, 1984; Kintigh, 1990].

С 1990-х гг. применение корреляции в пространственных исследованиях палеолитических памятников идет на спад. Среди причин этого можно выделить осознание комплексности формирования палеолитического культурного слоя, в котором природные процессы играют зачастую решающую роль, а также необходимости выделить природную составляющую прежде, чем проводить культурную интерпретацию распределения находок [Schiffer, 1983; Quantifying..., 1989]. Еще одним спорным моментом является выделение классов артефактов для сопоставления: типологические группы далеко не всегда можно связать с определенным видом деятельности. Однако распределение наиболее общих орудийных форм и предметов первичного расщепления продолжает использоваться для идентификации следов различной человеческой активности [Miller, 2011; Neruda, 2017].

В данной статье представлена первая попытка провести корреляционный анализ на материалах горизонта 4 начального верхнего палеолита (ранее именовавшегося 3В) стоянки Толбор-21. Цель исследования – выявить закономерности в распределении функциональных категорий находок на памятнике и на этой основе, с учетом условий сохранности культурных отложений, определить характер деятельности на различных участках.

Памятник Толбор-21 исследуется с 2014 г. и входит в группу стратифицированных стоянок различных этапов верхнего палеолита в бассейне р. Их-Тулберийн-гол (Северная Монголия) [Рыбин и др., 2017а]. Памятники сконцентрированы на десятикилометровом участке долины, все они расположены вблизи выходов коренных пород на пологих склонах южной экспозиции с хорошим обзором окрестностей. В непосредственной близости от стоянок находились источники каменного сырья. Верхнепалеолитические горизонты в них связаны с ламинарными иловатыми отложениями, образованными низкоэнергетическими склоновыми про-

цессами [Рыбин и др., 2017б; Рыбин, Хаценович, Марченко, 2019]. Горизонт 4 представлен на всей исследованной территории памятника, его образование надежно датируется благодаря серии радиоуглеродных дат в пределах узких хронологических рамок 41–42 тыс. кал. л.н., что предполагает периодические посещения этой территории близкими в культурном и поведенческом отношении человеческими популяциями [Рыбин и др., 2017б].

Первоначально масштаб сравниваемых участков был избран исходя из объективно различного положения раскопов в пределах памятника. Горизонт 4 был зафиксирован в трех практически равных по площади раскопах, находящихся на расстоянии ок. 30 м друг от друга. Раскоп 1 был прирезан к траншее (общая площадь 12 м²) и располагался в центральной, наиболее пологой части склона; раскоп 2 (12 м²) заложен почти на той же высоте, но

сбоку, ближе к эрозионному врезу, ограничивающему склон с восточной стороны; раскоп 4 (12 м²) находится выше по склону, так же на его восточной части (рис. 1, 1). Различия в концентрации находок между раскопами (табл. 1, учитывались все находки) позволяют говорить о том, что раскопом 2 зафиксирована центральная часть памятника, а раскопы 1 и 4 представляют собой периферийную зону. Эти различия, замеченные ранее, нуждаются в более детальном рассмотрении.

С точки зрения сохранности седиментов, рассматриваемые участки различны [Рыбин, Марченко, Хаценович, 2018]. Анализ направлений показывает, что раскоп 4 испытал наибольшее влияние склоновых процессов и имеет относительно низкую сохранность культурных отложений. Это подтверждается и соотношением крупных и мелких (менее 2 см) находок на этом участке: на 1 арте-

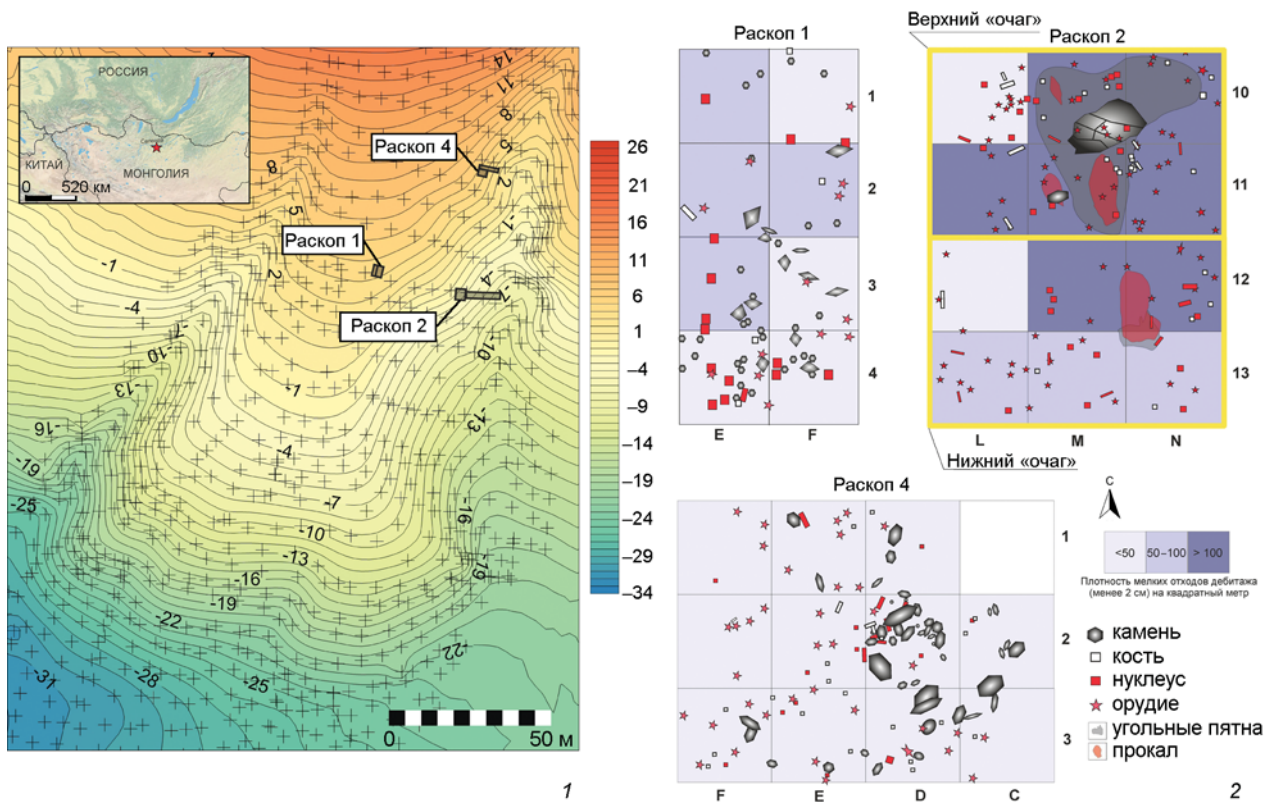

Рис. 1. Памятник Толбор-21.

1 – географическое положение стоянки и расположение раскопов; 2 – распределение анализируемых категорий находок горизонта 4 по площади раскопов.

Таблица 1. Распределение находок на памятнике Толбор-21

Раскоп	Площадь раскопа	Среднее кол-во находок на 1 м ²	Среднее кол-во мелких (до 2 см) находок на 1 м ²	Кол-во мелких находок на 1 артефакт
Раскоп 1	12	20	54 (данные по 8 м ²)	2,7
Раскоп 2	12	105	322	3
Раскоп 4	12	34	29	0,85

факт здесь приходится в три раза меньше мелких находок, чем на других участках (табл. 1). Однако интенсивность разрушающих факторов была недостаточно сильной, чтобы серьезно повлиять на планиграфию крупных находок, в первую очередь блоков естественной породы, образующих овальную конструкцию, с которой связано скопление нуклеусов. В раскопе 2 наиболее выражено действие солифлюкции, размытые границы углистых линз на его площади отражают влияние этого процесса. Раскоп 1 находится на самом пологом участке склона и обладает наилучшей сохранностью.

Далее была посчитана корреляция между группами по четырем зонам: в раскопе 2 присутствуют два участка, на которых пятна прокала перекрываются зольными линзами, что с большой долей уверенности позволяет говорить об использовании человеком огня в этом месте. Исходя из присутствия этих антропогенных структур (далее – верхний и нижний «очаги»), раскоп 2 был разделен на две части, соответствующие верхнему и нижнему по склону «очагам» (рис. 1, 2).

Для анализа корреляции использовался коэффициент Кендалла [Simek, 1984]. Высокочоррелирующие между собой категории получают коэффициент 1, некоррелирующие – 0, отрицательно коррелирующие – –1. Расчеты производились в среде R (версия 4.0.2) с помощью пакетов corrgram [Wright, 2018] и corrplot [Wei, Simko, 2017]. Результаты корреляции отображались с помощью корреляционной матрицы, в которой сравниваемые категории являются заголовками строк и столбцов, а коэффициент корреляции между парой признаков выводится на их пересечении. Полученные коэффициенты корреляции проверялись на уровне значимости $p = 0,05$. Коэффициенты, не прошедшие проверку, не учитывались. В этом случае группы рассматривались как не коррелирующие между собой.

Для подсчета корреляций были взяты следующие основные категории находок (табл. 2). Ору-

дия были разделены на группы, отражающие их предположительные функции: скобление (скребки, скребла, долотовидные орудия, струги), перфорация/резание (шиповидные орудия, ножи, резцы, зубчато-выемчатые формы, проколки), закрепление в основу (острия, трапеции, тронкированные орудия, пластинки с притупленным краем, пластины с перехватом, бифасы), ситуационные орудия (ретушированные пластины и отщепы). Желваки и преформы были выделены в отдельную от нуклеусов категорию, отражающую более ранний этап обработки сырья. Фаунистические находки в силу их низкой сохранности и малочисленности выделены в единую категорию без деления по видам животных.

Рассматривая процентное соотношение обозначенных категорий в каждом из раскопов, можно сделать следующие выводы.

1. Среди орудий наибольший процент в раскопе 1 имеют ситуационные формы; в раскопе 2 наибольшую долю составляют орудия для перфорации и резания; в раскопе 4 последние имеют равную долю с ситуационными орудиями. Участки у верхнего и нижнего «очагов» в раскопе 2 имеют схожий состав, за исключением орудий для скобления, которые в верхнем «очаге» составляют значительную долю, а в нижнем представлены единственным экземпляром.

2. Фаунистические остатки имеют наибольший удельный вес в раскопе 4, а также в верхнем «очаге» раскопа 2.

3. Нуклеусы и преформы почти одинаково представлены на всех участках, кроме верхнего «очага», где доля нуклеусов в два раза ниже.

Помимо этого, сделана попытка проследить, как орудия различной степени модификации коррелируют с нуклеусами, фаунистическими находками и мелким дебитажем (менее 2 см). С этой целью все орудия, для которых имеется информация о степени модификации ретушью (это орудия в раскопах 1 и 2), были разделены на пять катего-

Таблица 2. Основные категории находок горизонта 4, учитывавшиеся при анализе, и их представленность на участках

Категория	Кол-во находок				
	Раскоп 1	Раскоп 2		Раскоп 4	Всего
		Верхний «очаг»	Нижний «очаг»		
Скобление	9	19	1	10	39
Перфорация-резание	8	27	23	12	70
Для закрепления в основе	0	12	6	1	19
Ситуационные	19	22	18	12	71
Нуклеусы	19	13	14	16	62
Преформы	6	9	5	5	25
Кости	5	30	12	23	70

рий в соответствии с тем, какая часть периметра орудия обработана ретушью и насколько сильно модифицирован первичный участок (табл. 3). Степень модифицирования ретушью поверхности орудия определялась как слабая (мелкая ретушь, фасетки которой простираются не более чем на 2 мм от края орудия), средняя (ретушь с умеренно «захватывающими» фасетками – 2–4 мм) и сильная (ретушь, ощутимо видоизменяющая первоначальную форму заготовки – > 4 мм). Протяженность ретуши на заготовке указывалась как определенный участок периметра, занятый ретушью, из расчета, что каждый из продольных краев, проксимальная и дистальная зоны являются равнозначными частями изделия, весь периметр которого, соответственно, состоит из четырех частей [Колобова, 2006]. К сравнению было добавлено и количество мелких отходов дебитаж, которое говорит об интенсивности расщепления на рассматриваемых участках. Раскоп 4 не был включен в этот анализ также и по причине того, что мелкие находки на его площади с большой вероятностью являются переотложенными.

В результате сравнения в рамках трех раскопов (рис. 2, 1) были выявлены две группы высококоррелирующих между собой категорий (коэффициент корреляции = 1):

- 1) преформы, нуклеусы и ситуационные орудия;
- 2) орудия для перфорации/резания, для закрепления в основе, для скобления и фаунистические остатки.

Между этими группами так же есть слабая положительная корреляция (коэффициент = 0,33).

При сравнении с учетом двух очажных пятен в раскопе 2 проявились более сложные закономерности (рис. 2, 2): из первой группы выделились нуклеусы, которые не показали положительной корреляции ни с одной из категорий, но продемонстрировали отрицательную корреляцию с категориями второй группы. Внутри второй группы высокий уровень корреляции сохранился между орудиями для перфорации/резания и орудиями для закрепления в основе (коэффициент = 1). Фаунистические остатки показали значимую, но менее сильную корреляцию с этими двумя категориями, а также с орудиями для скобления.

Таблица 3. Ранжирование орудий по степени модификации

Степень модификации	Часть периметра орудия, обработанная ретушью	Степень модификации первичного участка	Кол-во
Очень сильная	4/4, 3/4	Сильная	5
Сильная	2/4	»	10
Средняя	1/4	»	34
	2/4	Средняя	
Слабая	2/4	Слабая	14
Очень слабая	1/4	Средняя, слабая	62

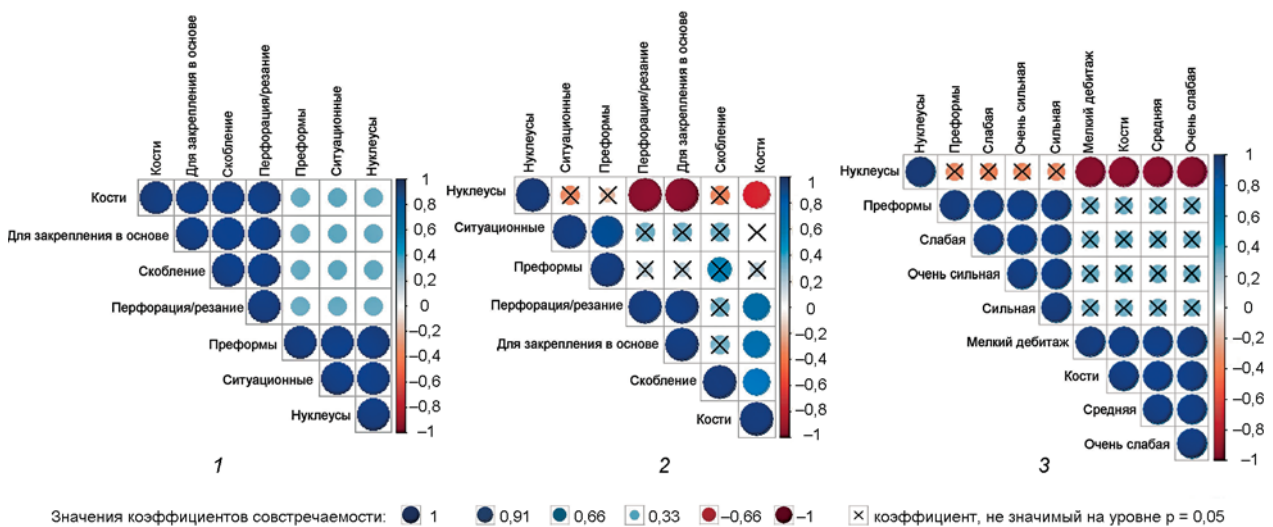

Рис. 2. Корреляционные матрицы.

1 – результаты корреляции по трем участкам (орудия разделены по функциональным группам); 2 – результаты корреляции по четырем участкам (орудия разделены по функциональным группам); 3 – результаты корреляции по трем участкам (орудия разделены по степени модификации).

Сравнение степени модификации орудий в раскопах 1 и 2 (рис. 2, 3) тоже показало деление на две основные группы:

1) преформы, орудия со слабой модификацией, а также орудия с сильной и очень сильной модификацией;

2) кости, мелкий дебитаж, орудия со средней и очень слабой модификацией. С этой группой негативно коррелируют нуклеусы.

На наш взгляд, выявленные связи отражают закономерности в распределении находок на памятнике. Две основные группы коррелирующих категорий – преформы, нуклеусы и ситуационные орудия, с одной стороны, и орудия для перфорации/резания, для закрепления в основе, для скобления и фаунистические остатки, с другой – характеризуют два рода функций, осуществлявшихся на разных участках стоянки. Первая группа относится к периферийным участкам (раскопы 1 и 4), где производилось первичное расщепление блоков породы. Орудия, ассоциированные с этими участками, не имеют выраженной специализации. Вторая группа отражает характерный набор центрального участка, на котором есть следы различной специализированной деятельности, вероятно, осуществлявшейся у очагов.

При разбивании центрального участка на две части в соответствии с очажными структурами это разделение уточнилось. Нуклеусы выделились в отдельную группу, не имеющую позитивных корреляций ни с одной из категорий. Это отделение говорит о том, что концентрации нуклеусов в основном пространственно отделены от находок, связанных с орудийной деятельностью, а также от фаунистических остатков. Возможно, это свидетельство обособленного хранения нуклеусов, находившихся в стадии расщепления. Этап подготовки нуклеусов при этом не так изолирован от зон специализированной деятельности, а ситуационные орудия являются для него сопутствующими.

Орудия для перфорации/резания и орудия для закрепления в основе, свидетельствующие о наиболее сложных операциях, сильнее всего коррелируют между собой. Сочетание этих орудий практически в равных пропорциях наблюдается у обоих очагов, они есть и на периферийной площадке раскопа 4. Немного меньше с ними связаны фаунистические остатки и орудия с функцией скобления. Одинаковое соотношение костей и орудий для скобления характерно для всех участков, кроме нижней очажной структуры в раскопе 2, где орудие для скобления лишь одно.

На основании проведенного анализа можно сделать вывод, что на периферийных зонах памятника происходило расщепление, а возможно,

и хранение нуклеусов в стадии расщепления. Обработка фаунистических материалов, насколько можно судить по устойчивому сочетанию костей и орудий для скобления, производилась на площади раскопа 4, а также у верхнего «очага». У обоих очагов сосредоточены орудия для перфорации и резания и для закрепления в основе. Если первая из этих категорий представлена и на других участках, то вторая характерна только для приоткажного пространства. Корреляция преформ и ситуационных орудий, большинство которых имеют очень слабую модификацию, может объясняться их одинаковым «фоновым» присутствием на всех участках памятника.

Описываемое нами пространственное районирование культурных остатков на площади стоянки Толбор-21 демонстрирует специфическую локальную адаптацию населения начального верхнего палеолита. Эти популяции обитали в условиях транзитных речных долин, заселявшихся крупными и средними копытными животными – обитателями открытых пространств. На хорошо прогреваемые пологие склоны, где были, скорее всего, заранее подготовлены места хранения каменного сырья и нуклеусов в начальных стадиях расщепления, осуществлялись визиты с целью утилизации охотничьей добычи и подготовки необходимых каменных орудий широкого спектра применения. На основании проведенного нами корреляционного анализа можно заключить, что на территории памятника выделяются как периферийные зоны/зоны неспециализированной, нерезидентной активности, так и участки, связанные с использованием специализированных орудий, переработкой добычи и разведением огня.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР № 0329-2019-0009 «Цифровые технологии в реконструкции стратегий жизнеобеспечения древнего населения Евразии».

Список литературы

Беляева В.И. Единицы культурного слоя: теория и практика // Локальные различия в каменном веке. – СПб.: МАЭ РАН, 1999. – С. 63–66.

Елисеева И.И., Юзбашев М.М. Общая теория статистики. – М.: Финансы и статистика, 2004. – 656 с.

Колобова К.А. Приемы оформления каменных орудий в палеолитических индустриях Горного Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – 136 с.

Леонова Н.Б. Современное палеолитоведение: методология, концепции, подходы: дис. ... д-ра ист. наук. – М., 1994. – 174 с.

Рыбин Е.П., Марченко Д.В., Хаценович А.М. Каменная конструкция и ее интерпретация на стоянке Толбор-21 (Северная Монголия) // Евразия в Кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2018. – Вып. 7. – С. 126–133.

Рыбин Е.П., Хаценович А.М., Звинс Н., Гунчинсүрэн Б., Пэйн К., Болорбат Ц., Анойкин А.А., Харевич В.М., Одсүрэн Д., Ганболд М.Э. Стратиграфия и культурная последовательность стоянки Толбор-21 (Северная Монголия): итоги работ 2014–2016 гг. и дальнейшие перспективы исследований // Теория и практика археологических исследований. – 2017а. – Вып. 4. – С. 158–168. – URL: [https://doi.org/10.14258/tpai\(2017\)4\(20\).-12](https://doi.org/10.14258/tpai(2017)4(20).-12)

Рыбин Е.П., Хаценович А.М., Звинс Н., Гунчинсүрэн Б., Пэйн К., Болорбат Ц., Одсүрэн Д., Галфи Й., Анойкин А.А., Маргад-Эрдэнэ Г., Марченко Д.В., Ангарагдулгуун Г., Шелепаев Р.А., Попов А.Ю. Новые результаты изучения стоянки Толбор-21 (Северная Монголия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017б. – Т. XXII. – С. 198–201.

Рыбин Е.П., Хаценович А.М., Марченко Д.В. Модель технологического развития в индустриях ранних стадий верхнего палеолита Северной Монголии: по результатам новых раскопок стоянки Толбор-4 // Теория и практика археологических исследований. – 2019. – Вып. 28 (4). – С. 164–179. – URL: [https://doi.org/10.14258/tpai\(2019\)4\(28\).-12](https://doi.org/10.14258/tpai(2019)4(28).-12)

Hietala H., Stevens D. Spatial analysis: multiple procedures in pattern recognition studies // *American Antiquity*. – 1977. – Vol. 42. – P. 539–559.

Kintigh K.W. Intrasite spatial analysis: A commentary on major methods // *Mathematics and Information Science in Archaeology*. – 1990. – Vol. 3. – P. 165–200. – URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.111.8393&rep=rep1&type=pdf>

Miller M.R. Estimating Site Structure and Site Occupation Span Using Point Pattern Spatial Analysis: Interpretation of Surface Artifact Distributions at the El Arenal Site, El Paso County, Texas // *Bull. of the Texas Archeol. Society*. – 2011. – Vol. 82. – P. 193–222.

Neruda P. GIS analysis of the spatial distribution of Middle Palaeolithic artefacts in Kůlna Cave (Czech Republic) // *Quaternary Intern.* – 2017. – Vol. 435. – P. 58–76. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2015.10.028>

Orton C. Point pattern analysis revisited // *Archeologia e Calcolatori*. – 2004. – Vol. 15. – P. 299–315.

Quantifying Diversity in Archaeology / R.D. Leonard, G.T. Jones. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1989. – 172 p.

Schiffer M.B. Toward the Identification of Formation Processes // *American Antiquity*. – 1983. – Vol. 48 (4). – P. 675–706.

Simek J.F. Integrating pattern and context in spatial archaeology // *J. of Archaeol. Sci.* – 1984. – Vol. 11 (5). – P. 405–420. – URL: [https://doi.org/10.1016/0305-4403\(84\)90021-9](https://doi.org/10.1016/0305-4403(84)90021-9)

Wei T., Simko V. R package “corrplot”: Visualization of a Correlation Matrix (Version 0.84) [Электронный ресурс]. – 2017. – URL: <https://github.com/taiyun/corrplot> (дата обращения: 05.06.2020).

Whallon R.J. Spatial Analysis of Occupation Floors I: Application of Dimensional Analysis of Variance // *American Antiquity*. – 1973. – Vol. 38, N 3. – P. 266–278.

Wright K. corrgram: Plot a Correlogram. R package version 1.13 [Электронный ресурс]. – 2018. – URL: <https://CRAN.R-project.org/package=corrgram> (дата обращения: 05.06.2020).

References

Belyaeva V.I. Edinitsy kul'turnogo sloya: teoriya i praktika. In *Lokal'nye razlichiya v kamennom veke*. St. Petersburg: MAE RAS, 1999, pp. 63–66. (In Russ.).

Eliseeva I.I., Yuzbashev M.M. Obshchaya teoriya statistiki. Moscow: Finansy i statistika, 2004, 656 p. (In Russ.).

Hietala H., Stevens D. Spatial analysis: multiple procedures in pattern recognition studies. *American Antiquity*, 1977, vol. 42, pp. 539–559.

Kintigh K.W. Intrasite spatial analysis: A commentary on major methods. *Mathematics and Information Sci. in Archaeol.*, 1990, vol. 3, pp. 165–200. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.111.8393&rep=rep1&type=pdf>

Kolobova K.A. Priemy oformleniya kamennykh orudii v paleoliticheskikh industriyakh Gornogo Altaya. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2006, 136 p. (In Russ.).

Leonard R.D., Jones G.T. Quantifying Diversity in Archaeology. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1989, 172 p.

Leonova N.B. Sovremennoe paleolitovedenie: metodologiya, kontseptsii, podkhody: doc. sc. (history) dissertation abstract. Moscow, 1994, 174 p. (In Russ.).

Miller M.R. Estimating Site Structure and Site Occupation Span Using Point Pattern Spatial Analysis: Interpretation of Surface Artifact Distributions at the El Arenal Site, El Paso County, Texas. *Bulletin of the Texas Archeol. Society*, 2011, vol. 82, pp. 193–222.

Neruda P. GIS analysis of the spatial distribution of Middle Palaeolithic artefacts in Kůlna Cave (Czech Republic). *Quaternary International*, 2017, vol. 435, pp. 58–76. URL: <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2015.10.028>

Orton C. Point pattern analysis revisited. *Archeologia e Calcolatori*, 2004, vol. 15, pp. 299–315.

Rybin E.P., Khatsenovich A.M., Zvins N., Gunchinsuren B., Pein K., Bolorbat Ts., Anoinin A.A., Kharevich V.M., Odsuren D., Ganbold M.E. Stratigraphy

and cultural sequence of the Tolbor-21 site (Northern Mongolia): the results of the 2014–2016 excavation campaigns and perspectives of further investigations. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*, 2017a, iss. 4, pp. 158–168. URL: [https://doi.org/10.14258/tpai\(2017\)4\(20\).-12](https://doi.org/10.14258/tpai(2017)4(20).-12) (In Russ.).

Rybin E.P., Khatsenovich A.M., Zvins N., Gunchinsuren B., Pein K., Bolorbat Ts., Odsuren D., Galfi I., Anoikin A.A., Margad-Erdene G., Marchenko D.V., Angaragduluun G., Shelepaev R.A., Popov A.Yu. New Research Data from the Tolbor-21 Site (Northern Mongolia). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017b, vol. XXII, pp. 198–201. (In Russ.).

Rybin E.P., Khatsenovich A.M., Marchenko D.V. Model of technological development in the industries of early stages of the upper paleolithic in the Northern Mongolia: according to the results of new excavations of the Tolbor-4 site. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*, 2019, iss. 28 (4), pp. 164–179. URL: [https://doi.org/10.14258/tpai\(2019\)4\(28\).-12](https://doi.org/10.14258/tpai(2019)4(28).-12) (In Russ.).

Rybin E.P., Marchenko D.V., Khatsenovich A.M. Stone construction and its interpretation on the site Tolbor-21

(Northern Mongolia). *Evrasiya v Kainozoe. Stratigrafiya, paleoekologiya, kul'tury*. Irkutsk: Irkutsk State Univ. Press, 2018, iss. 7, pp. 126–133. (In Russ.).

Schiffer M.B. Toward the Identification of Formation Processes. *American Antiquity*, 1983, vol. 48 (4), pp. 675–706.

Simek J.F. Integrating pattern and context in spatial archaeology. *J. of Archaeol. Sci.*, 1984, vol. 11 (5), pp. 405–420. URL: [https://doi.org/10.1016/0305-4403\(84\)90021-9](https://doi.org/10.1016/0305-4403(84)90021-9)

Wei T., Simko V. R package “corrplot”: Visualization of a Correlation Matrix (Version 0.84). 2017. URL: <https://github.com/taiyun/corrplot> (Accessed: 05.06.2020).

Whallon R.J. Spatial Analysis of Occupation Floors I: Application of Dimensional Analysis of Variance. *American Antiquity*, 1973, vol. 38, No. 3, pp. 266–278.

Wright K. corrgram: Plot a Correlogram. R package version 1.13. 2018. URL: <https://CRAN.R-project.org/package=corrgram> (Accessed: 05.06.2020).

Марченко Д.В. <https://orcid.org/0000-0003-3021-0749>

Рыбин Е.П. <https://orcid.org/0000-0001-7434-2757>

Хаценович А.М. <https://orcid.org/0000-0002-8093-5716>

Ж.В. Марченко✉, А.Е. Гришин

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: afrika_77@mail.ru

Ранненеолитическая стоянка Новая Курья-2 в Северной Кулунде

В ходе разведки в 2019 г. в Северной Кулунде была обнаружена неолитическая стоянка Новая Курья-2. Стоянка расположена рядом с эпонимной деревней, на левом берегу р. Старица Курья. В результате поверхностных сборов и шурфовки определены границы памятника, собрано 88 каменных предметов и 10 фрагментов керамики. Предметы образуют единый культурно-хронологический комплекс. Характер каменной индустрии – микропластинчатый. Сырье кварцитовое, качественное. Керамические изделия характеризуются значительной толщиной черепка; орнаментацией насечками или пальце-ногтевыми отпечатками; зонами, свободными от орнамента; декорированием округлого среза венчика насечками и использованием органики (волоса) в глиняном тесте. Вся коллекция в совокупности имеет аналогии в материалах ранненеолитических поселенческих памятников с плоскодонной керамикой севера Барабинской лесостепи (поселения Автодром-2/2, Автодром-1, Тартас-1, Усть-Тартас-1, Старый Московский Тракт-5) и с ранненеолитическим памятником Северо-Восточного Казахстана (Шидерты-3, слой 3). Барабинские памятники датируются исследователями финалом VIII – самым началом VI тыс. до н.э. и отнесены к боборькинской (В.В. Бобров) или к автохтонной барабинской неолитической культурам (В.И. Молодин). Казахстанские материалы датированы В.К. Мерцем VII–VI тыс. до н.э., а каменная индустрия охарактеризована как раннекельтеминарская. Часть исследователей (В.Т. Ковалева, С.Ю. Зырянова, В.А. Зах и В.К. Мерц) связывают появление в Северной Азии подобной микропластинчатой каменной индустрии и близкой плоскодонной керамики с проникновением населения из южных или юго-западных районов. Новые данные по неолиту северной части Кулундинской степи могут указывать на сходные культурные тенденции, которые прослеживаются и на смежных территориях. Появление в регионе нового культурного компонента, возможно, связано с масштабным культурным или миграционным импульсом из юго-западных территорий в эпоху раннего неолита.

Ключевые слова: ранний неолит, Кулундинская степь, микролитическая индустрия, подъемный материал, шурфы.

Zhanna V. Marchenko✉, Artem E. Grishin

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: afrika_77@mail.ru

Early Neolithic Site of Novaya Kurya-2 in the Northern Kulunda Steppe

New Neolithic site of Novaya Kurya-2 was discovered in 2019 during the survey works in the Northern Kulunda steppe. The site is located near the village of the same name on the left bank of the Staritsa Kurya River. The boundaries of the cultural layer were identified from surface finds and test pits; 88 stone artefacts and 10 pottery fragments were discovered. All material evidence belongs to the same cultural and chronological complex. The stone industry was distinguished by microblade production technique applied to high-quality quartzite as raw material. The pottery is distinguished by large thickness of the walls, ornamental decoration with notches or finger and nail traces; undecorated zones, decoration of the rounded edge of the rim by incisions, and organic matter (hair) in their clay compound. The total collection has parallels in the evidence from the Early Neolithic settlements with flat-bottomed pottery in the Northern Baraba forest-steppe (the settlements of Avtodrom-2/2, Avtodrom-1, Tartas-1, Ust-Tartas-1, and Staryi Moskovskiy Trakt-5) and with the Early Neolithic site in Northeastern Kazakhstan (Shiderty-3, cultural layer 3). The archaeological sites in Baraba are dated to the late 8th – early 6th millennium BC and are associated with the Boborykino culture (V.V. Bobrov) or with the autochthonous Baraba Neolithic culture (V.I. Molodin). V.K. Mertz attributed the Kazakhstan material evidence to the 7th–6th millennium BC and connected it with the Early Kelteminar culture. Some scholars (V.T. Kovaleva, S.Yu. Zyryanova, V.A. Zakh, and

V.K. Mertz) suggested that the emergence of similar microblade stone industry and flat-bottomed pottery in Northern Asia might have been associated with the migration from the southern or southwestern regions. New evidence on the Neolithic from the Northern Kulunda steppe may indicate similar cultural processes which happened in the neighboring regions. The emergence of a new cultural component in the region might have been associated with large-scale cultural or migratory impact from the southwestern territories.

Keywords: Early Neolithic, Kulunda steppe, microlithic blade industry, surface occurrence of artefacts, test pits.

В ходе разведки в Карасукском р-не Новосибирской обл. в 2019 г. Обь-Иртышский отряд ИАЭТ СО РАН выявил неолитическую стоянку – Новая Курья-2 (рис. 1). Слабая изученность памятников

в Северной Кулунде археологическими раскопками, а также малое количество неолитических объектов в регионе делает полученный материал актуальным. Стоянка расположена у дер. Новая Курья, на левом берегу р. Старица Курья (один из рукавов р. Карасук), на возвышенной, относительно ровной площадке восточного склона гривы (рис. 2). Сначала на грунтовой дороге, идущей вдоль берега, на участке между краем надпойменной террасы и полностью пересохшим обособленным старичным образованием, был обнаружен подъемный материал. Рельфных признаков стоянки не имеет. Для локализации культурного слоя была заложена серия шурфов и в пойменной, восточной части по обе стороны от дороги (шурфы 1–9, 12, 19), и на склоне гривы в надпойменной западной части (шурфы 10, 11, 13–20).

Культурный слой с севера и запада граничит с руинированными сооружениями (фермы, силосные ямы) второй половины XX в. По всей видимости, западная часть памятника в значительной степени разрушена при строительстве и функционировании этих сооружений. В границы памятника включено пересохшее старичное образование с-образной формы.

Стратиграфия отложений в шурфах следующая:

1) дерново-гумусный слой (мощность – 0,10–0,15 м, в месте антропогенных нарушений – до 0,05 м);

2) супесь черная однородная гумусированная (мощность – 0,1–0,2 м);

3) супесь коричнево-серая неоднородная (мощность – 0,1–

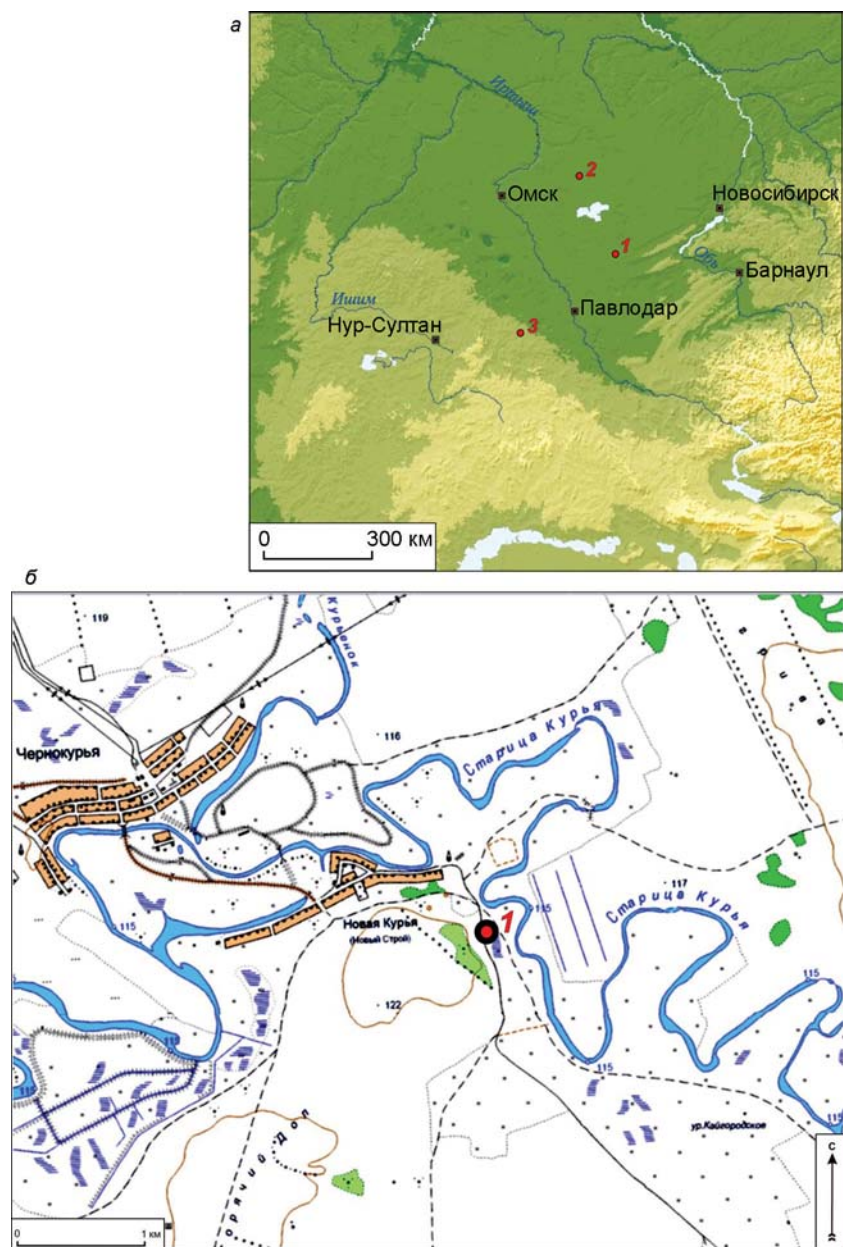

Рис. 1. Местоположение археологических памятников.

а – юг Западной Сибири и Северный Казахстан (1 – Новая Курья-2; 2 – Тартас-1, Усть-Тартас-1, Автодром-1, -2, Старый Московский Тракт-5; 3 – Шидерты-3); б – стоянка Новая Курья (красная окружность).

Рис. 2. План стоянки Новая Курья-2.

1 – граница памятника; 2 – ареал подъемного материала; 3 – шурф без находок; 4 – шурф с находками.

0,2 м), иногда с линзами белого песка (мощность – 0,01–0,05 м), в пойменной части – пятнистая суглинистая супесь (пойменные отложения). Слой сильно нарушен норами;

4) супесь коричневая, на пойменном участке – суглинистая (материк).

Культурный слой представлен только находками. В ненарушенных отложениях археологический материал тяготеет к подошве слоя 2 и границе со слоем 3. Залегание отдельных артефактов в нижних отложениях (слой 3) связано с естественными процессами (мерзлотные трещины, деятельность грызунов). Археологический материал, зафиксированный в шурфах в надпойменной части, происходит почти всегда из перемещенных отложений

(техногенные нарушения); крайне редко залегает *in situ* (шурфы 5–7, 13).

В качестве подъемки собрано 78 единиц материала: 3 фрагмента керамики и 75 каменных артефактов (табл. 1). В девяти шурфах выявлены находки общей численностью 38 ед. Из них 23 артефакта (в т.ч. 11 фрагментов керамики и обожженной глины и 12 каменных предметов) и 15 обломков костей животных (в т.ч. 12 мелких кальцинированных костей). Большинство находок в шурфах зафиксировано в надпойменной части старицы (шурфы 1, 6, 7, 13, 14, 16), в пойменной части они встречаются реже (шурфы 5, 9, 19) (рис. 2). В целом концентрация артефактов в шурфах мала. Самый насыщенный находками шурф 19 содержал лишь

Таблица 1. Состав каменной индустрии на стоянке Новая Курья-2

Категории	Подъемный материал		Шурфы		Всего предметов
	кол-во	в т.ч. орудий	кол-во	в т.ч. орудий	кол-во
Нуклеусы (конические)	1	–	–	–	1
Технические сколы	9	–	1	1	10
Пластины, ширина > 15 мм	4	1	–	–	4
Пластинки, ширина 8–15 мм	6	5	1	–	7
Микропластины, ширина < 8 мм	7	2	–	–	7
Пластинчатые отщепы	3	–	–	–	3
Отщепы	37	12	8	–	45
Обломки, осколки	8	2	–	–	8
Чешуйки	–	–	3	–	3
<i>Всего:</i>	75	22	13	1	88

Таблица 2. Орудийные формы стоянки Новая Курья-2

Группа	Кол-во, шт.
Скребки:	10
концевые на отщепах	8
концевые на технических сколах	1
боковые на отщепах	1
Вкладыши:	8
без подработки лезвия	3
с вентральной подработкой лезвия	4
с альтернативной ретушью	1
Микропластины с ретушью	1
Отщепы с ретушью	2
Осколки с ретушью	1
Фрагменты орудий	1
<i>Всего:</i>	23

16 предметов: 4 каменных, 3 фрагмента обожженной глины и 9 фрагментов костей животных (из них 7 фрагментов – очень мелкие кальцинированные). Вся коллекция представлена орудиями (скребки, пластины) и отходами каменной индустрии (чешуйки, отщепы и обломки), орнаментированными и неорнаментированными фрагментами керамики. Совместное залегание в одних стратиграфических условиях отходов каменной индустрии, фрагментов посуды и костей животных, в т.ч. кальцинированных (шурфы 5, 7), а также отсутствие признаков жилищ и малая концентрация материала позволяют определить памятник как кратковременную стоянку, а коллекцию рассматривать как единый хронологический комплекс.

На памятник как единый хронологический комплекс указывает и характеристика каменной коллекции, насчитывающей 88 экз. (табл. 1, 2; рис. 3, 1–22). Единственный нуклеус является призматическим, имеет коническую форму, был предназначен для производства микропластин (рис. 3, 1).

Технические сколы (n = 9) представлены реберчатыми и краевыми сколами, а также сколами подправки площадки нуклеуса («таблетки»). Большинство сколов являются отщепами (52 %), на которых оформлены исключительно скребки (n = 10). Доля пластинчатых сколов составляет 21 %, орудий на них изготовлено 8 ед. Пластинчатые формы – пластины (n = 4), пластинки (n = 6) и микропластины (n = 7), из них больше всего орудий выполнено на пластинках.

Основу орудийного набора (n = 23) составляют скребки (n = 10) (рис. 3, 12–22) и вкладыши (n = 8) (рис. 3, 2–8). Еще есть единичные неформальные орудия, выполненные на отщепах и микропластинах. Скребки в большинстве концевые на отщепах (n = 8), другие формы единичны. Вкладыши обычно имеют либо вентральную подработку лезвия (n = 4), либо у них подрабатывалась только спинка (n = 3), в одном случае на изделии представлена альтернативная ретушь. В целом индустрию памятника можно охарактеризовать как микропластинчатую.

По предварительному заключению канд. геол.-мин. наук Н.А. Кулик, для изготовления всех каменных орудий (в т.ч. из шурфов) было использовано сходное качественное кварцитовое сырье. Галечных корок на изделиях не встречено. Среди каменных изделий встречаются предметы из кварцитовых песчаников, кварцито-халцедоновых осадочных пород. Возможно, для добычи сырья разрабатывалось одно геологическое тело, где могли присутствовать все эти разновидности кварцитового сырья. Доставка сырья рекой в виде галек маловероятна и не подтверждается следами на артефактах. Вероятный источник происхождения каменного сырья – районы Восточного Казахстана и/или Северо-Западного Алтая.

Таким образом, общая сырьевая база каменного производства и наличие типологически схожих орудийных форм позволяют предполагать,

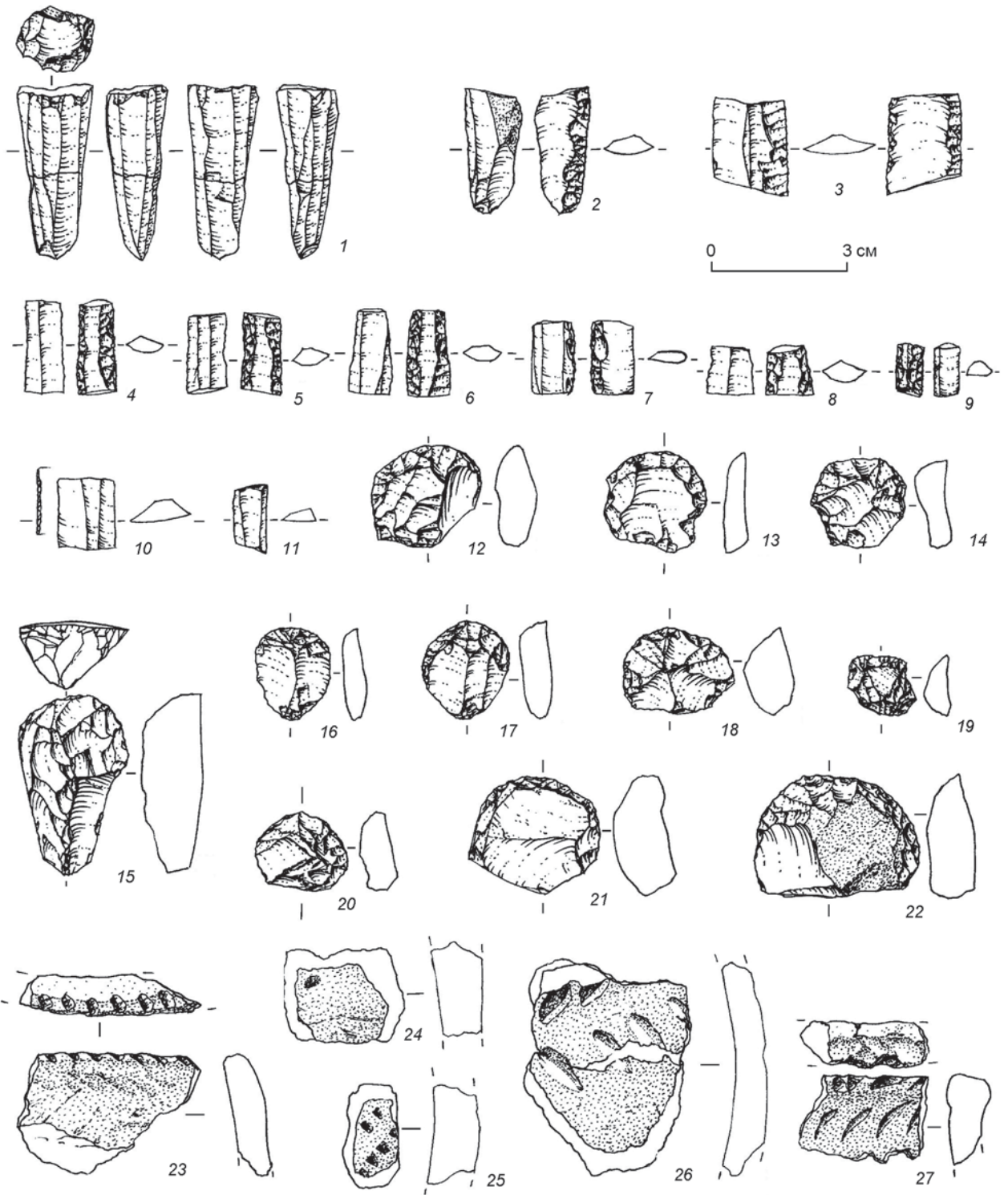

Рис. 3. Артефакты стоянки Новая Курья-2.

1 – нуклеус; 2–8 – вкладыш; 9 – фрагмент проколки (?); 10 – микропластина с ретушью; 11 – микропластина; 12–22 – скребки; 23–27 – керамика (15 – шурф 1; 23, 24 – шурф 5; 25 – шурф 7; 26 – шурф 14; остальное – подъемный материал).

1–22 – камень; 23–27 – глина.

что материал из шурфов и подъемные артефакты составляли ранее единый, ныне разрушенный культурно-хронологический комплекс и могут рассматриваться в совокупности. Учитывая, что подавляющее количество каменного материала

($n = 75$) было получено при подъемных сборах, мы понимаем, что имеющаяся коллекция может не отражать всех типологических форм (скошенные острия, симметричные и ассиметричные трапеции и пр.) и стадий изготовления. Тем не ме-

нее, основываясь на представленных материалах, предварительно можем заключить следующее. По общему облику каменной коллекции наиболее близкие аналогии видятся нам в индустрии слоя 3 стратифицированного памятника Шидерты-3 (левобережное Павлодарское Прииртышье), который В.К. Мерц относит к раннему–среднему неолиту [2004]. Объединяющими обе коллекции признаками выступают: призматические нуклеусы, пластинчатая индустрия при отсутствии широких и длинных пластин, с упором на микропластины и вкладышевую технологию изготовления орудий, доминирование концевых скребков на отщепях и полное отсутствие концевых скребков на пластинах, которые встречаются в материалах более позднего слоя 2а (эпоха среднего–позднего неолита) Шидерты-3. Кроме того, сходство индустрий двух памятников прослеживается и в выборе сырья: для индустрии слоя 3 так же был использован кварцит мелкозернистого серого или коричневого цвета, ближайšie к памятнику «выходы которого тянутся по северо-восточному краю Экибастузского мелко-сопочника» [Там же, с. 29].

Аналогии каменной индустрии прослежены и среди раннеолитических поселенческих материалов северной части Барабинской лесостепи, в первую очередь, с однослойным жилищем 7 памятника Тартас-1 – подпрямоугольной полуземляной каркасно-столбового типа [Молодин и др., 2016; Молодин и др., 2018, с. 44, рис. 4]. Для этого комплекса характерна пластинчатая индустрия с большим удельным весом вкладышей, а также значительное количество скребков на отщепях с разной степенью оформленности рабочего края, в т.ч. концевых [Молодин и др., 2016, с. 137].

Для каменной коллекции жилищ Автодрома-2/2, так же как и для кулундинских и шидертинских материалов, характерно использование разных видов кварцитовых пород [Бобров, Марочкин, Юракова, 2012а, с. 7]. Характеризуя коллекцию, авторы делают справедливую оговорку, что строгое соотнесение коллекции каменных предметов из юго-западной части памятника (Автодром-2/2) с плоскодонной (боборыкинской) керамикой из жилищ невозможно, потому что «часть орудий могла быть связана с артыньским этапом существования памятника» [Бобров, Марочкин, Юракова, 2012б, с. 21]. Однако индустрия в целом оценивается как «пластинчатая при большом значении вкладышевой техники... использование в качестве заготовки отщепов связано с изготовлением... только скребков» [Бобров, Марочкин, Юракова, 2012а, с. 7].

Керамическая коллекция стоянки Новая Курья-2 представлена тремя фрагментами посуды из подъемных сборов и семью фрагментами из шурфов (из

них три – фрагменты обожженной глины, остальное – фрагменты от четырех сосудов) (рис. 3, 23–37). Почти все находки происходят из пойменной части памятника, в одном случае (шурф 14) – из надпойменной. Керамика локализовалась в слое 2 либо на границе со слоем 3 (см. рис. 2). В шурфе 5 фрагменты от двух сосудов находились в разных стратиграфических подразделениях, однако разница в залегании между ними составляла всего 2 см, что позволяет рассматривать их как практически синхронные. Фрагменты сосуда из пограничной зоны слоев 2 и 3 в шурфе 5 представлены неорнаментированными черепками от венчика сероглиняного сосуда толщиной до 0,5–0,6 см со следами лощения на внешней поверхности (сосуд 1, рис. 3, 23). Округлый срез венчика баночного сосуда закрытой формы украшен вдавлениями. Фрагмент керамики из слоя 2 – от тулова более толстостенного сероглиняного сосуда (толщина черепка 1,1 см), без следов лощения с примесью песка и с орнаментом в виде «семечковидной» насечки (сосуд 2, рис. 3, 24). Фрагменты обоих сосудов имеют на поверхности следы от выгорания органики (волос).

Рядами горизонтальных насечек, расположенных диагонально на посуде, орнаментирован фрагмент от тулова толстостенного (толщина 1,2 см) сероглиняного сосуда из шурфа 7 (сосуд 3, рис. 3, 25). Фрагмент тулова из шурфа 14 представлен крупным черепком относительно тонкостенного красноглиняного сосуда (толщина стенки – 0,5–0,6 см) (сосуд 4, рис. 3, 26). Орнамент – нестрогоризонтальные параллельные ряды отпечатков пальца с ногтем. В подобной простейшей ногтевой технике декорирован фрагмент венчика от баночного красноглиняного сосуда из подъемного материала (сосуд 5, рис. 3, 27); он имеет дополнительный жгут по внутреннему краю венчика, за счет чего образуется небольшой наплыв. Срез орнаментирован насечками.

Аналогии керамике со стоянки Новая Курья-2, так же как и для каменной индустрии, прослеживаются в материалах раннеолитических поселенческих памятников с плоскодонной керамикой севера Барабинской лесостепи, которые разные коллективы исследователей соотносят либо с боборыкинской культурой (поселения Автодром-2/2, Автодром-1, Старый Московский Тракт-5) [Бобров, Марочкин, 2011; Бобров, Марочкин, Юракова, 2012а, б; 2013; 2016], либо с барабинской раннеолитической культурой (поселенческий комплекс памятников Тартас-1 и Усть-Тартас-1) [Молодин, Кобелева, Мильникова, 2017; Молодин и др., 2016, 2019]. Так, сосуды 1–3 сходны с ранней барабинской посудой значительной толщиной черепка; орнаментацией насечками; зонами, свободными от

орнамента; декорированием округлого среза венчика насечками и использованием органики в тесте (в таргасской посуде – травы, в кулундинской – волоса) [Бобров, Марочкин, Юракова, 2012а; Молодин и др., 2016; Молодин, Кобелева, Мыльникова, 2017]. Кроме того, эта посуда вполне соответствует немногочисленной ранненеолитической коллекции слоя 3 стоянки Шидерты-3, для которой характерны толстостенность, черный цвет черепка, отсутствие орнамента, прямой венчик, примесь в тесте песка и дресвы, неровные стенки внутренней поверхности со следами вмятин [Мерц, 2004, с. 29]. Фрагменты сосудов 4 и 5 орнаментированы в одной простейшей технике – ногтевые и пальце-ногтевые отпечатки, что, на первый взгляд, отличает их от сосудов 1–3. С другой стороны – жгуты с внутренней стороны венчика, образующие наплывы (сосуд 5), также встречаются на ранней плоскодонной посуде Барабинской лесостепи [Молодин и др., 2016; Молодин, Кобелева, Мыльникова, 2017; Бобров, Марочкин, Юракова, 2012а].

Хронология культурного слоя 3 стоянки Шидерты-3 на основе радиоуглеродного анализа почвы, содержащей артефакты, относится к середине VI – середине V тыс. до н.э. (5476–4606 кал. л. до н.э. (± 2 s)). Возраст почв (СОАН-3221, 6125 ± 195 л.н., СОАН-3222, 6080 ± 165 л.н.) пересчитан авторами данной статьи в программе OxCal4.4. с использованием калибровочной кривой IntCal20. Первоначально В.К. Мерц относил дату этих образцов к середине V тыс. до н.э. [2004, с. 29]. Однако, учитывая, что для датирования почвы «В» образцы были взяты из средней пачки отложений [Мерц, 2006а, с. 10, рис. 1], в то время как материал слоя 3 «приурочен к основанию почвы» [2006б, с. 148], можно предполагать и более раннюю дату эпизода отложения находок. В.К. Мерц соотносит время образования почвы «В» с началом атлантического климатического периода и на основании этого датирует культурный комплекс рубежом VII–VI тыс. до н.э. [2011, с. 221]. Каменную индустрию этого слоя исследователь характеризует как раннекельтеминарскую и связывает ее появление с широким расселением охотников и рыболовов из районов Средней Азии, образующих «культурно-историческую область» в границах «от Арала, Южного Урала и Алтая» [Там же].

Для поселенческих комплексов с плоскодонной посудой из северной части Барабинской лесостепи в отечественных и зарубежных лабораториях получены серии радиоуглеродных определений по костям животных, в т.ч. травоядных, что полностью исключает возможность проявления пресноводного резервуарного эффекта и связанного с ним удрежнения возраста образца. Суммарная вари-

тивность результатов по материалам двух памятников (Тартас-1 и Усть-Тартас-1) определяется «VII тыс. до н.э. с заходом в VIII и VI тыс. до н.э.» [Молодин и др., 2019, с. 164]. Возраст однослойной полужемляночной конструкции 7 на памятнике Тартас-1 по данным трех ^{14}C измерений (MAMS-29402-29404) определяется в рамках 65–63 кал. вв. до н.э. [Молодин и др., 2018, с. 46, табл. 1]. Истоки сложения комплексов с плоскодонной керамикой «в таежной и лесостепной части Западно-Сибирской равнины» В.И. Молодин с соавторами рассматривают как «явление автохтонное конвергентное» [Молодин, Кобелева, Мыльникова, 2017, с. 175].

Не оспаривая мнения об автохтонности и конвергентности возникновения керамического производства на территории Барабинской лесостепи, заметим, что керамическая традиция здесь выглядит сложившейся, а технология формовки крупных сосудов с объемным туловом и с резко сужающейся придонной частью достаточно сложной для начальных этапов изготовления керамики.

В отличие от сторонников идеи об автохтонном появлении плоскодонной керамики в Западной Сибири [Молодин, Кобелева, Мыльникова, 2017; Молодин и др., 2019], часть исследователей связывают происхождение зауральской боборыкинской (=плоскодонной) посуды с прямыми миграциями носителей культур ближневосточного круга [Ковалева, Зырянова, 2010] или с выходцами из Приаралья или Северного Прикаспия [Зах, 2009]. Со среднеазиатскими неолитическими культурами так же связывает происхождение микролитовидных комплексов Северо-Восточного Казахстана В.К. Мерц [2011, 2018].

Таким образом, несмотря на фрагментарность, новые данные, полученные в ходе разведки 2019 г. на севере Кулундинской степи, оказываются сопоставимы со стратифицированными прииртышскими и однослойными барабинскими ранненеолитическими комплексами. Материалы стоянки Новая Курья-2 могут указывать на те же культурные тенденции, которые прослеживаются на смежных территориях и связаны, возможно, с масштабным культурным импульсом из юго-западных территорий в эпоху раннего неолита в Северной Азии.

Благодарности

Авторы выражают искреннюю признательность д-ру ист. наук А.А. Анойкину за консультации по анализу коллекции каменных изделий, канд. геол.-минер. наук Н.А. Кулик за предварительные определения сырьевого состава каменной индустрии и М.Е. Медовиковой за рисунки предметов.

Список литературы

Бобров В.В., Марочкин А.Г. Хроностратиграфия неолитических комплексов поселения Автодром-2 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 14–19.

Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Поселение боборыкинской культуры Автодром-2/2 (северо-западные районы Барабинской лесостепи) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2012а. – № 3 (18). – С. 4–13.

Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Новые материалы боборыкинской культуры в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012б. – Т. XVIII. – С. 19–24.

Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Неолитическое поселение Автодром-1 в Барабинской лесостепи: результаты раскопок в 2013 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 14–19.

Бобров В.В., Марочкин А.Н., Юракова А.Ю. Начало исследований на поселении Старый Московский Тракт-5 (Северо-Западная Бараба) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 7–11.

Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. – Новосибирск: Наука, 2009. – 320 с.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Неолит Среднего Зауралья: Боборыкинская культура. – Екатеринбург: Учеб. книга, 2010. – 308 с.

Мерц В.К. Об изучении голоценовых комплексов Северо-Восточного Казахстана // Изв. Нац. акад. наук РК. Сер. общественных наук. – 2004. – № 1 (242). – С. 23–33.

Мерц В.К. Индустрия четвертого слоя стоянки Шидерты 3 // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. – 2006а. – Вып. 2. – С. 10–23.

Мерц В.К. Основные результаты изучения памятников каменного века Северо-Восточного Казахстана // Вестн. Казах. нац. ун-та. Сер. историческая. – 2006б. – № 2 (41). – С. 147–153.

Мерц В.К. Некоторые вопросы изучения неолита Казахстана // Вопр. археологии Казахстана. – 2011. – Вып. 3. – С. 217–231.

Мерц В.К. Процессы неолитизации в Северо-Восточном Казахстане // Вестн. Ом. ун-та. Сер.: Ист. науки. – 2018. – № 3 (19). – С. 99–109.

Молодин В.И., Кобелева Л.С., Мыльникова Л.Н. Ранне-неолитическая стоянка Усть-Тартас-1 и ее культурно-хронологическая интерпретация // Проблемы архео-

логии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 172–177.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Кобелева Л.С., Ненахов Д.А., Пархомчук Е.В., Райнхольд С., Петрожицкий А.В., Пархомчук В.В., Растигеев С.А. Новые данные по хронологии объектов барабинской неолитической культуры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. XXV. – С. 157–166.

Молодин В.И., Райнхольд С., Мыльникова Л.Н., Ненахов Д.А., Хансен С. Радиоуглеродные даты неолитического комплекса памятника Тартас-1 (ранний неолит в Барабе) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2018. – Т. 17. – № 3: Археология, этнография. – С. 39–56.

Молодин В.И., Хансен С., Ненахов Д.А., Райнхольд С., Ненахова Ю.Н., Нестерова М.С., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Кобелева Л.С., Васильев С.К. Новые данные о неолитических комплексах памятника Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 135–139.

References

Bobrov V.V., Marochkin A.G. Khronostratigrafiya neoliticheskikh kompleksov poseleniya Avtodrom-2. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2011, vol. XVII, pp. 14–19. (In Russ.).

Bobrov V.V., Marochkin A.G., Yurakova A.Yu. Poselenie boborykinskoi kul'tury Avtodrom-2/2 (severo-zapadnye raiony Barabinskoi lesostepi). In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2012a, No. 3 (18), pp. 4–13. (In Russ.).

Bobrov V.V., Marochkin A.G., Yurakova A.Yu. Novye materialy boborykinskoi kul'tury v Barabinskoi lesostepi. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012b, vol. XVIII, pp. 19–24. (In Russ.).

Bobrov V.V., Marochkin A.G., Yurakova A.Yu. Neoliticheskoe poselenie Avtodrom-1 v Barabinskoi lesostepi: rezul'taty raskopok v 2013 godu. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2013, vol. XIX, pp. 14–19. (In Russ.).

Bobrov V.V., Marochkin A.N., Yurakova A.Yu. Beginning of the Research of Old Moscow Trakt-5 Settlement (North-Western Part of Baraba Forest-Steppe). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 7–11. (In Russ.).

Kovaleva V.T., Zyryanova S.Yu. Neolit Srednego Zaural'ya: Boborykinskaya kul'tura. Yekaterinburg: Ucheb. kniga, 2010, 308 p. (In Russ.).

Mertz V.K. Ob izuchenii golotsenovykh kompleksov Severo-Vostochnogo Kazakhstana. In *Izvestiya Natsional'noi akademii nauk RK. Seriya obshchestvennykh nauk*, 2004, No. 1 (242), pp. 23–33. (In Russ.).

Mertz V.K. Industriya chetvertogo sloya stoyanki Shiderty 3. In *Izuchenie pamyatnikov arkheologii Pavlodarskogo Priirtysh'ya*, 2006a, iss. 2, pp. 10–23. (In Russ.).

Mertz V.K. Osnovnye rezul'taty izucheniya pamyatnikov kamennogo veka Severo-Vostochnogo Kazakhstana. In *Vestnik Kazakhskogo natsional'nogo universiteta. Seriya istoricheskaya*, 2006b, No. 2 (41), pp. 147–153. (In Russ.).

Mertz V.K. Nekotorye voprosy izucheniya neolita Kazakhstana. In *Voprosy arkheologii Kazakhstana*, 2011, iss. 3, pp. 217–231. (In Russ.).

Mertz V.K. Protsessy neolitizatsii v Severo-Vostochnom Kazakhstane. In *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*, 2018, No. 3 (19), pp. 99–109. doi:10.25513/2312-1300.2018.3.99-109. (In Russ.).

Molodin V.I., Hansen S., Nenakhov D.A., Reinhold S., Nenakhova Yu.N., Nesterova M.S., Durakov I.A., Mylnikova L.N., Kobeleva L.S., Vasiliev S.K. New Information about Neolithic Complexes on the Site Tartas-1. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 135–139. (In Russ.).

Molodin V.I., Kobeleva L.S., Mylnikova L.N. Ust'-Tartas-1 Early Neolithic Site and Its Cultural and Chronological Interpretation. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 172–177. (In Russ.).

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Nesterova M.S., Kobeleva L.S., Nenakhov D.A., Parkhomchuk E.V., Reinhold S., Petrozhicky A.V., Parkhomchuk V.V., Rastigeev S.A. New Evidence on the Chronology of Sites of the Baraba Neolithic Culture. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019, vol. XXV, pp. 157–166. doi:10.17746/2658-6193.2019.25.157-166. (In Russ.).

Molodin V.I., Reinhold S., Mylnikova L.N., Nenakhov D.A., Hansen S. Radiocarbon Dates of the Tartas-1 Neolithic Complex (Early Neolithic in Baraba). In *Novosibirsk State Univ. Bulletin. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, No. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 39–56. doi:10.25205/1818-7919-2018-17-3-39-56. (In Russ.).

Zakh V.A. Khronostratigrafiya neolita i rannego metalla lesnogo Tobolo-Ishim'ya. Novosibirsk: Nauka, 2009, 320 p. (In Russ.).

Марченко Ж.В. <https://orcid.org/0000-0002-4729-8575>

Гришин А.Е. <https://orcid.org/0000-0001-8367-2272>

**В.И. Молодин¹, Л.Н. Мыльникова¹✉, Л.С. Кобелева¹,
С. Хансен², Д.В. Селин¹, М.С. Нестерова¹,
М.А. Кудинова¹, С. Райнхольд², Е.С. Швецова¹, Д.Н. Бобин¹**

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

²Германский археологический институт
Берлин, Германия

E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru; sabine.reinhold@dainst.de

Поздненеолитический погребальный комплекс на памятнике Усть-Гартас-2 (Венгеровский район Новосибирской области)

На памятнике Усть-Гартас-2 исследованы погребальные, поселенческие и культовые комплексы разных эпох и культур. Погребальное сооружение эпохи позднего неолита представлено прерывистым рвом, который состоит из двух сегментов, образующих дугу с северо-востока и юго-запада от центра сооружения с могилами. В центральной части сакрального пространства было совершено четыре неолитических погребения с могильными ямами, тесно соприкасающимися друг с другом. Погребальный обряд и инвентарь позволяют относить комплекс к артынской культуре. Среди погребального инвентаря, маркирующего принадлежность объекта к позднему неолиту, найдены наконечник стрелы шигирского типа, каменные наконечники стрел и миниатюрные топорики, подвески из зубов животных. Помимо этого, обнаружены фрагменты керамики, орнамент которых, кроме прочих находок, выявляет поздненеолитическую принадлежность погребений. На сегодняшний день в Барабе зафиксировано пять подобных комплексов на четырех памятниках: Протока, Венгерovo-2А, Автодром-2/2, Усть-Гартас-2. Результаты корреляционного анализа комплексов демонстрируют общие закономерности в устройстве погребальных сооружений, могильных ям, способе погребальной практики. Их сближает погребальный инвентарь, включающий керамику, каменные и костяные орудия труда и украшения. Каждый из пяти объектов содержит серию принадлежащих мужским, женским и детским популяциям захоронений, где умершие погребены по вторичному способу помещения останков в замкнутое сакральное пространство, ограниченное ровиками. Комплексы достаточно удалены друг от друга, даже в пределах памятника Венгерovo-2А. Это позволяет предполагать, что данные объекты являются усыпальницами различных коллективов охотников и рыболовов, которые совершали захоронения (соседей или родственников?) на специально отведенных для этих целей кладбищах, расположенных на значительном расстоянии друг от друга, в зависимости от мест жизнедеятельности изолированных друг от друга коллективов.

Ключевые слова: Барабинская лесостепь, поздний неолит, артынская культура, погребальные комплексы.

**Vyacheslav I. Molodin¹, Lyudmila N. Mylnikova¹✉, Liliya S. Kobeleva¹,
Svend Hansen², Dmitrii V. Selin¹, Marina S. Nesterova¹,
Maria A. Kudinova¹, Sabina Reinhold², Ekaterina S. Shvetsova¹,
Dmitrii N. Bobin¹**

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

²German Archaeological Institute,
Berlin, Germany

E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru; sabine.reinhold@dainst.de

Late Neolithic Burial Complex at the Ust-Tartas-2 Site (Vengerovsky District, Novosibirsk Region)

Burial, settlement, and cultic complexes of different periods and cultures were explored at the Ust-Tartas-2 site. Discontinuous ditch consisting of two segments and forming an arc on the northeast and southwest from the center of the structure with graves was a Late Neolithic burial structure. Four Neolithic burials were found in the central part of the sacred space; burial pits were closely adjacent to each other. The burial rite and grave goods make it possible to attribute the complex to the Artyn culture. Burial inventory included an arrowhead of the Shigir type, stone arrowheads, miniature axes, pendants made of animal teeth, and pottery fragments with ornamental decoration also pointing to the Late Neolithic age of the burials. So far five such complexes at the four archaeological sites (Protoka, Vengerovo-2A, Avtodrom-2/2, Ust-Tartas-2) have been found in Baraba. The correlation analysis has revealed the common patterns in burial structures, pits, and funeral practices, confirmed by the similarities in burial inventory, which included pottery, stone and bone tools, and personal adornments. Each of the five complexes contained a series of secondary burials of males, females, and children in enclosed sacred space. The complexes were quite remote from each other even within the single complex of the Vengerovo-2A site, which makes it possible to assume that these complexes were the burial places for distinct groups of hunters and fishermen. They might have buried neighbors or relatives (?) in the cemeteries specially designated for these purposes and located at a considerable distance from each other, depending on life-supporting activities of the groups isolated from each other.

Keywords: Baraba forest-steppe, Late Neolithic, Artyn culture, burial complexes.

Введение

Западносибирский отряд Северо-Азиатской комплексной экспедиции Института археологии и этнографии СО РАН совместно с Евразийским отделом Германского археологического института (DAI) продолжал раскопки на памятнике Усть-Тартас-2 (Карьер Таи-1). Он находится в Венгеровском р-не Новосибирской обл., на второй террасе левого берега р. Тартас, образующей в этом месте проточное озеро с местным названием Урочище «Таи» (подробная характеристика представлена: [Дядьков и др., 2017; Парцингер и др., 2016]).

Одной из главных целей полевого сезона 2020 г. являлось определение границ и завершение раскопок ранне-неолитического комплекса барабинской культуры, начатых в 2018 г. и обогативших науку блестящими находками ритуального комплекса, который включает приклады с произведениями декоративно-прикладного и в т.ч. пластического искусства. Был размечен раскоп, вплотную примыкавший к раскопу 2019 г., к северо-западу от него, вдоль склона террасы. Забегая вперед, следует констатировать, что главная цель была достигнута, культовый ровик и сопутствующие ему объекты выявлены. Характеристике всего святилища в ближайшем будущем будет посвящена специальная статья.

Поскольку на вскрытой в текущем году площади помимо ранне-неолитического святилища были обнаружены погребальные и поселенческие комплексы других эпох, в данной работе демонстрируются некоторые результаты изучения комплексов эпохи позднего неолита, являющихся вполне законченными источниками, введение которых в научный оборот представляется актуальным.

Характеристика источника

Культурный слой ранне-неолитического ритуального сооружения, включающего и упомянутый выше ровик, перерезал поздне-неолитический погребальный комплекс. Он представлен земляной конструкцией в виде рвов и серией ярусных захоронений, сконцентрированных в центральной части специального сооружения. Кроме того, оба неолитических комплекса – и ранне-неолитический, и поздне-неолитический – были перерезаны погребениями, относящимися к одиновской культуре.

Погребальный комплекс позднего неолита представлен прерывистым рвом, состоящим из двух сегментов, которые образуют дугу с северо-востока и юго-запада от центра сооружения с могилами. Северо-западная часть рва имела дугообразную форму с неровным контуром. Ров в этой части широкий, максимальные размеры составляют 1,37 м. Стенки рва пологие, максимальная глубина от уровня материка – 0,38 м.

Северо-восточная часть рва имела форму неправильного овала с сужением в центральной части. Максимальная ширина – 1,01 м, глубина достигает 0,28 м. В заполнении рвов найдены фрагменты керамики, скел, чешуйка, ножевидные пластины, камень без следов обработки, конкреции, обломок изделия из глины (табл. 1).

По своей конструкции анализируемый комплекс сопоставим с памятником Протока, исследованным Н.В. Полосьмак на р. Таре, примерно в 150 км к северо-западу от характеризуемого объекта [Полосьмак, Чикишева, Балуева, 1989]. Объекты аналогичны по принципам организации сакрального пространства, где ровик дугой охватывает только одну, причем меньшую, его часть.

Таблица 1. Находки из заполнения рвов

Тахеометрический номер	№ объекта	Идентификация объекта	Нивелировочная отметка (м)	Находка
2044	30	Ров 1	-1,09	Фрагмент керамики
2045	30	То же	-1,10	Изделие, фрагмент (глина)
2046	30	»	-1,11	Фрагмент керамики
2047	30	»	-1,18	Ножевидная пластина
2296	30	»	-1,17	Скол
2365	30	»	-1,38	Фрагмент керамики
2366	30	»	-1,26	То же
2430	30	»	-1,41	»
3398	30	»	-1,23	Ножевидная пластина
2954	30	»	-1,00	Фрагмент керамики
2953	30	»	-0,97	Конкреция
2361	30	»	-1,23	Фрагмент керамики
2496	12	Ров 2	-1,04	Скребок
2502	12	То же	-1,32	Фрагмент керамики
2503	12	»	-1,21	Чешуйка
2501	12	»	-1,29	Фрагмент керамики

В целом аналогичная традиция сооружения прерывистого ровика в виде разомкнутых сегментов, которые замыкают окружность сакрального пространства, наблюдается и на конструкциях двух других раскопанных неолитических могильников в регионе – Венгерovo-2А, исследованного автора-

ми [Молодин, Мыльников, Нестерова, 2016; Молодин и др., 2019], и Автодром-2/2, изученного кемеровскими коллегами [Бобров, Марочкин, 2011; Бобров, Марочкин, Юракова, 2010, 2015, 2017; Юракова, 2013, 2017]. Очевидно, что это устойчивая традиция организации сакрального пространства, характерная для периода позднего неолита в Барабинской лесостепи. Имеющиеся при этом некоторые нюансы в особенностях устройства оградительной структуры и заполнения погребений могут объясняться различным временем сооружения комплекса, либо какими-то обстоятельствами сакрального типа. Подчеркнем, что сооружение близких по конструкции ровов, ограничивающих сакральное пространство, находит продолжение в последующий период эпохи ранней бронзы у носителей также автохтонной усть-тартасской культуры [Молодин, 2005].

В центральной части пространства, ограниченного ровиками, было совершено четыре неолитических погребения. Могильные ямы тесно соприкасались между собой. Погребения одиночные. Камеры имеют разные размеры и глубину.

Отмеченная черта погребальной практики (ограничение сакрального пространства, смежность ям и их различные размеры, количество погребенных) является особенностью поздненеолитических захоронений данного региона Западной Сибири. Ярко она проявилась, помимо характеризуемого комплек-

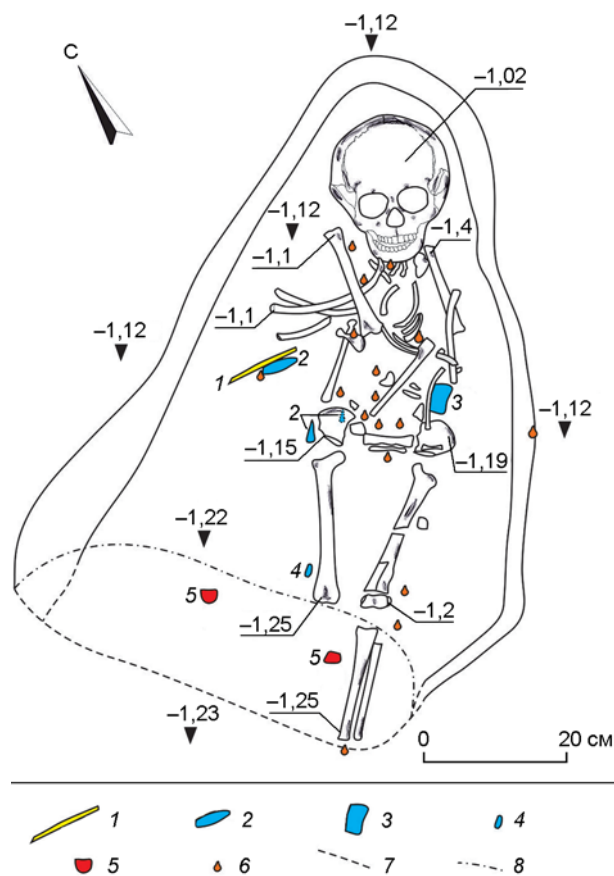

Рис. 1. План погр. № 73.

1 – проколка; 2 – наконечник стрелы; 3 – скребло; 4 – ножевидная пластина; 5 – фрагмент керамики; 6 – подвески; 7 – предполагаемая граница погребения; 8 – граница нарушения погребения.

1 – кость; 2–4 – камень; 5 – глина; 6 – зубы животных.

са, в обеих конструкциях неолитического некрополя памятника Венгерова-2А [Молодин, Мыльникова, Нестерова, 2016; Молодин и др., 2013].

Реконструкция погребальной практики исследуемого комплекса существенно осложняется тем обстоятельством, что в последующие эпохи бронзы данный комплекс был в нескольких местах перекрыт (перерезан) более поздними могильными ямами одиновской и кротовской культур. Тем не менее отдельные неолитические захоронения дошли до нашего времени в неплохом состоянии, что по-

зволяет достаточно объективно реконструировать нюансы погребальной практики носителей данного культурного образования. Прежде всего, обращает на себя внимание детское захоронение № 73 (нумерация захоронений на памятнике – сквозная) (рис. 1, 2), примыкающее к системе могильных ям с севера и лишь слегка поврежденное одиновской могильной ямой № 71. Могила имела аморфную форму: узкая в северной части, расширялась в южном направлении. Стенки наклонные, южная разрушена погребением № 71. Дно понижается к югу.

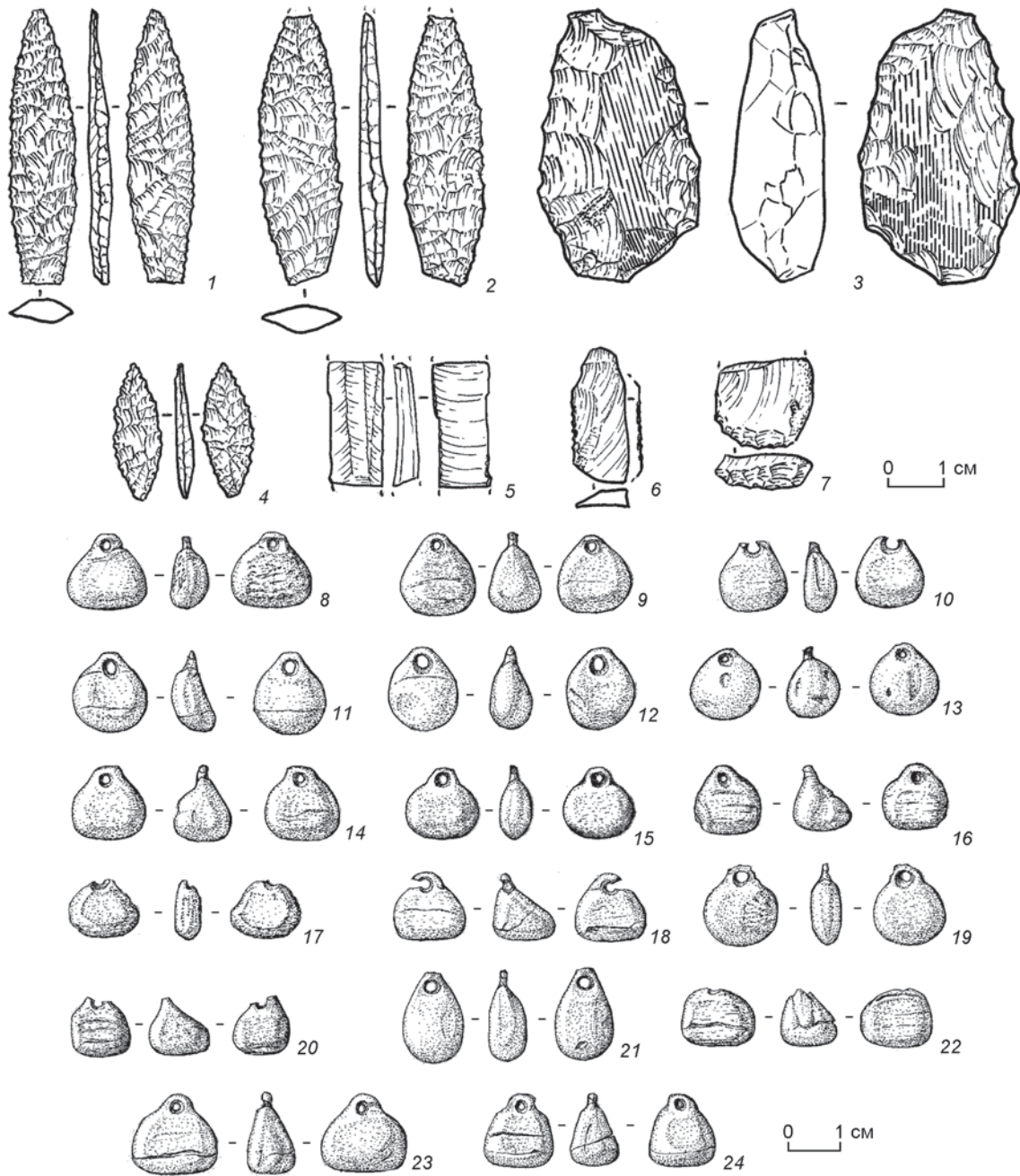

Рис. 2. Находки из погр. № 73.

1, 2, 4 – наконечники стрел; 3 – скребло; 5 – ножевидная пластина; 6 – скол с ретушью; 7 – скребок; 8–24 – подвески из зубов животных.
1–7 – камень, 8–24 – кость.

Размеры могилы 0,94 × 0,35–0,69 м, глубина от уровня материка варьирует от 0,09 до 0,17 м.

Погребенный ребенок лежал на спине, в вытянутом положении, головой на северо-восток (см. рис. 1). Положение костей нарушено норой грызуна, сместившей кости грудной клетки, пальцев рук и ног, отсутствовали берцовые кости правой ноги. Среди костей зафиксированы разные находки (табл. 2; рис. 2). Из них значимы подвески из зубов животного (марала?) – 17 ед. (рис. 2, 8–24), кото-

рые располагались в различных местах на костях и под ними (рис. 1, б), что, возможно, указывает на то, что они были нашиты на одежду. Каменные наконечники стрел (3 ед.) (см. рис. 1, 2; 2, 1, 2, 4) найдены в области таза, под тазом и у правой руки рядом с проколкой (?) из кости птицы (см. рис. 1, 1), ножевидная пластина находилась внизу слева от позвоночного столба (рис. 1, 4; 2, 5), скол с ретушью – у черепа (рис. 2, б), скребло – в области кисти левой руки (рис. 1, 3; 2, 3). Помимо этого, обнаружены

Таблица 2. Находки из погребений

Тахеометрический номер	№ погребения	Нивелировочная отметка (м)	Находка
1796	69	-1,54	Отщеп
2997	69	-1,22	Каменный топорик
2999	69	-1,28	Изделие из кости (нож)
3000	69	-1,39	Изделие из кости (проколка)
3066	69	-1,36	Каменный топорик
3067	69	-1,37	Каменный наконечник стрелы
2998	69	-1,29	Наконечник стрелы
1795	69	-1,51	Изделие из камня (провертка)
2091	70	-116	Скол
2090	70	-112	Фрагмент керамики
2092	70	-1,4	Изделие из кости
1895	70	-1,61	Фрагмент керамики
–	70	–	Фрагмент раковины
1852	70	-1,36	Подвеска из зуба животного
2092	70	-140	Изделие из кости
3085	70	-1,35	Фрагмент керамики
2028	73	-122	Ножевидная пластина
2029	73	-1,24	Наконечник стрелы
–	73	–	То же
–	73	–	»
2023	73	-1,19	Подвеска из зуба животного
2024	73	-1,2	То же
2025	73	-1,22	»
2026	73	-1,22	»
2027	73	-1,17	»
–	73	–	»
–	73	–	»
–	73	–	»
–	73	–	»
–	73	–	»
–	73	–	»
–	73	–	»
–	73	–	»
–	73	–	»
–	73	–	»
–	73	–	»
–	73	–	»
–	73	–	»
–	73	–	»
–	73	–	»
–	73	–	Скол
2099	73	-1,23	Фрагмент керамики
–	73	–	Проколка из кости птицы

фрагменты керамики (3 ед.) (рис. 1, 5), орнамент которых, кроме прочих находок, маркирует поздненеолитическую принадлежность погребения.

Остальные захоронения комплекса примыкали друг к другу. Могильные ямы, различные по размерам и глубине, сильно потревожены. Наряду с остатками захоронений, где погребенные лежали на спине, в вытянутом положении, головой на северо-восток (№ 77), встречены явно вторичные погребения. К ним относится центральное захоронение № 69. Оно ярусное, где верхний ярус был сформирован из останков взрослых и ребенка. По-видимому, этот ярус был еще и нарушен более поздним проникновением, что, конечно, не способствует объективному восприятию ситуации. Среди перемещенных костей нескольких особей обнаружены находки (рис. 3; табл. 2), среди которых – костяной нож (рис. 3, 1), проколка (рис. 3, 3) и каменные миниатюрные топоры (рис. 3, 7, 8). Особо отметим находку изящного костяного наконечника стрелы с граненой головкой (рис. 3, 4) т.н. шигирского

типа. Хорошо известно, что подобные наконечники были зафиксированы в неолитических культурах Верхнего Поволжья, Зауралья [Савченко, 2007; Чаиркина и др., 2001] и таежной зоны Евразии [Жилин, 1996]. В Западной Сибири такие изделия встречаются не часто, но в Барабе они маркируют неолитические комплексы в могильниках, в частности на Сопке-2/1 [Молодин, 1985, 2001], Венгерова-2А [Молодин, Мыльникова, Нестерова, 2016]. Абсолютные аналогии характеризуемому изделию имеются в Васьковском могильнике в Кузбассе [Бородкин, 1967]. Сравнительно недавно костяной наконечник стрелы шигирского типа был обнаружен и в Восточной Сибири [Бердникова, 2013]. Каменный инвентарь также сопоставим с материалами, обнаруженными в погребальных комплексах позднего неолита региона [Бобров, Марочкин, Юракова, 2017; Молодин, 1985, 2001; Молодин, Мыльникова, Нестерова, 2016; Молодин и др., 2015; Полосьмак, Чикишева, Балуева, 1989]. Особо стоит отметить подвески из зубов

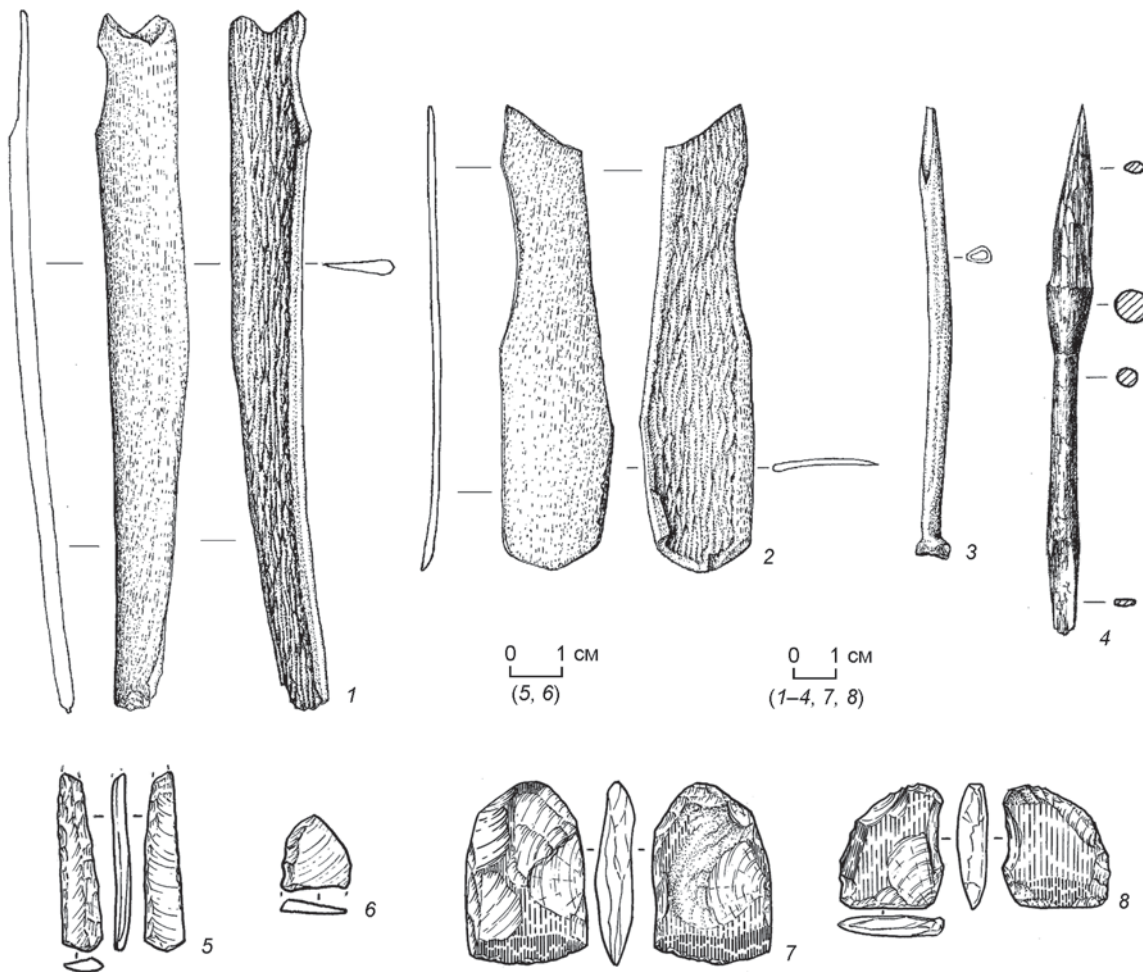

Рис. 3. Находки из погр. № 69.

1, 2 – изделие из кости; 3 – костяная проколка; 4 – наконечник стрелы шигирского типа; 5 – провертка; 6 – отщеп; 7, 8 – каменные топоры.
1-4 – кость, 5-8 – камень.

животного, найденные в захоронениях № 73 и 70, имеющие абсолютные аналогии в памятниках Протока (см.: [Полосьмак, Чикишева, Балужева, 1989]) и Венгеро-2А [Молодин и др., 2015].

Вторичный характер отдельных неолитических захоронений рассматриваемого комплекса особенно наглядно демонстрирует погр. № 69 (нижний ярус). В южной части могильной ямы, на дне, были положены две стопы ног взрослого человека, развернутые по направлению к стене погребальной камеры. Они были явно специально отделены от костяка. По-видимому, об этом же феномене свидетельствует и фрагментированный череп взрослого человека, уложенный в могилу несколько выше стоп.

Отдельно следует отметить наличие разрозненных фрагментов от сосудов эпохи позднего неолита, обнаруженных в засыпке погребальных камер и явно относящихся к комплексу. Характерный орнамент в виде прочерченных волн, чередуемых с овальными ямками, позволяет отнести комплекс к артынской культуре, выделенной Л.Л. Косинской [1982], а для Барабинской лесостепи – В.В. Бобровым [2007].

Весь полученный в неолитических захоронениях материал, выполненный из камня и кости, имеет абсолютные аналогии с артефактами из вышеуказанных комплексов поздненеолитической культуры региона, что еще раз подтверждает их принадлежность к единому культурному образованию.

Заключение

В результате исследования известных на сегодняшний день пяти поздненеолитических объектов, происходящих из четырех археологических памятников (Протока, Венгеро-2А (два объекта), Автодром-2/2 и Усть-Тартас-2), выявлены общие закономерности в устройстве погребальных сооружений, могильных ям и способе погребальной практики. Кроме того, их сближает погребальный инвентарь, включающий керамику, каменные и костяные орудия труда и украшения. Обращает на себя внимание то, что каждый из пяти объектов содержит серию принадлежащих мужским, женским и детским популяциям захоронений, где умершие погребены по вторичному способу помещения останков в могилу, которая расположена в ограниченном ровиками пространстве.

Исследованные комплексы достаточно удалены друг от друга (даже в пределах вроде бы единого комплекса Венгеро-2А) [Молодин, Мыльникова, Нестерова, 2016]. Это позволяет предполагать, что данные объекты – усыпальницы различных коллективов охотников и рыболовов, которые совершали захоронения (соседей или родственников?) на специально отведенных для этих целей кладбищах, расположенных на значительном расстоянии друг

от друга, в зависимости от мест жизнедеятельности изолированных друг от друга коллективов. Это обстоятельство имеет большое значение для последующих реконструкций социального (как, впрочем, и хозяйственного) устройства неолитических сообществ, обитавших в Барабе в V тыс. до н.э.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 18-09-00406 «Население Среднего Приомья в раннем голоцене по материалам новейших археологических комплексов: периодизация, хронология, культурогенез».

Список литературы

Бердникова Н.Е. Шигирский наконечник на Верхней Лене (Прибайкалье) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология. Экология. Антропология. – 2013. – № 1 (2). – С. 156–173.

Бобров В.В. Неолит Барабинской лесостепи (состояние изученности, проблемы и перспективы исследования) // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология: – Иркутск: Отгиск, 2007. – Т. 1. – С. 65–70.

Бобров В.В., Марочкин А.Г. Артынская культура // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. – СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. – Т. 1. – С. 168.

Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Керамика артынской поздненеолитической культуры (по материалам поселения Автодром-2) // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. – Томск: Аграф-Пресс, 2010. – С. 113–116.

Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Исследования поселенческих и погребальных комплексов эпохи неолита на памятнике Автодром-1 в Барабинской лесостепи в 2015 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXII. – С. 23–27.

Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Поселение артынской культуры Автодром-2 – памятник позднего неолита в Барабинской лесостепи // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2017. – Т. 45, № 1. – С. 49–61.

Бородкин Ю.М. Материалы неолитического погребения у с. Васькова // Изв. лаб. археол. исслед. – Кемерово: Кемер. гос. пед. ин-т, 1967. – Вып. 1. – С. 101–107.

Дядьков П.Г., Молодин В.И., Сумин В.А., Позднякова О.А., Евменов И.Д., Цивизов А.В. Результаты геофизических и геодезических работ на территории памятника «Усть-Тартасские курганы» // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредель-

ных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 307–310.

Жилин А.Г. Наконечники стрел «шигирского» типа в мезолите – раннем неолите Восточной Европы // Твер. археол. сб. – 1996. – Вып. 2. – С. 50–56.

Косинская Л.Л. Поздненеолитическая стоянка Артын на среднем Иртыше // Археологические исследования Севера Евразии. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1982. – С. 18–27.

Молодин В.И. Проблемы мезолита и неолита лесостепной зоны Обь-Иртышского междуречья // Археология Южной Сибири. – Кемерово: Изд-во Кемер. гос. ун-та, 1985. – Вып. 18. – С. 3–17.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 1. – 127 с.

Молодин В.И. Усть-тартасская культура // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: мат-лы XIII Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2005. – С. 180–184.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. Погребальные комплексы эпохи неолита Венгерова-2А (юг Западно-Сибирской равнины): результаты мультидисциплинарных исследований // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2016. – Т. 44, № 2. – С. 30–46.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Ефремова Н.С., Ковыршина Ю.Н., Борзых К.А. Особенности погребально-ритуальных комплексов неолитического могильника Венгерова-2А // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 124–129.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Кобелева Л.С., Ненахов Д.А., Пархомчук Е.В., Райнхольд С., Петрожицкий А.В., Пархомчук В.В., Растигеев С.А. Новые данные по хронологии объектов барабинской неолитической культуры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. XXV. – С. 157–166.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Ненахов Д.А. Открытие грунтовых погребений неолитического могильника Венгерова-2А в Барабинской лесостепи (археолого-геофизические исследования) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 116–120.

Парцигер Г., Молодин В.И., Фассбиндер Й., Кобелева Л.С., Гасс А., Хофманн И., Ненахов Д.А. Предварительные результаты исследований периферии больших курганов саргатской культуры в Центральной

Барабе // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 401–404.

Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А., Балужева Т.С. Неолитические могильники Северной Барабы. – Новосибирск: Наука, 1989. – 104 с.

Савченко С.Н. Костяные наконечники стрел «шигирского типа» с уплощенной головкой и длинным стержнем в собрании Свердловского областного краеведческого музея // Своеобразие и особенности адаптации культур лесной зоны Северной Евразии в финальном плейстоцене – раннем голоцене. – М.: Изд-во ИА РАН, 2007. – С. 253–273.

Чаиркина Н.М., Савченко С.Н., Сериков Ю.Б., Литвяк А.С. Археологические памятники Шигирского торфяника. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. – 196 с.

Юракова А.Ю. Орнаментальная традиция артынской поздненеолитической культуры // Вестн. Кемер. гос. ун-та. – 2013. – Вып. 3 (55), Т. 4. – С. 90–96.

Юракова А.Ю. Неолит Барабинской лесостепи и южно-таежного Прииртышья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 2017. – 30 с.

References

Berdnikova N.E. Shigirskii nakonechnik na Verkhnei Lene (Pribaikal'e). *Izvestiya irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarkheologiya. Ekologiya. Antropologiya*, 2013, No. 1 (2), pp. 156–173. (In Russ.).

Bobrov V.V. Neolit Barabinskoi lesostepi (sostoyanie izuchennosti, problemy i perspektivy issledovaniya). In *Severnaya Evraziya v antropogene: chelovek, paleotekhnologii, geoekologiya, etnologiya i antropologiya*. Irkutsk: Ottisk, 2007, vol. 1, pp. 65–70. (In Russ.).

Bobrov V.V., Marochkin A.G. Artynskaya kul'tura. In *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda*. St. Petersburg; Moscow; Veliky Novgorod, 2011, vol. 1, p. 168. (In Russ.).

Bobrov V.V., Marochkin A.G., Yurakova A.Yu. Keramika artynskoi pozdneneoliticheskoi kul'tury (po materialam poseleniya Avtodrom-2). In *Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: opyt Zapadno-Sibirskikh arkheologo-etnograficheskikh soveshchaniy*. Tomsk: Agraf-Press, 2010, pp. 113–116. (In Russ.).

Bobrov V.V., Marochkin A.G., Yurakova A.Yu. Neolithic settlement and burial complex research at the Avtodrom-1 site of Baraba forest-steppe in 2015. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, vol. XXII, pp. 23–27. URL: https://archaeology.nsc.ru/wp-content/uploads/2018/05/ses_2015_min.pdf (Accessed: 26.11.2020) (In Russ.).

Bobrov V.V., Marochkin A.G., Yurakova A.Yu. Avtodrom 2-a late neolithic (artyn culture) site in the Baraba

forest-steppe, Western Siberia. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2017, vol. 45, No. 1, pp. 49–61. DOI: 10.17746/1563-0110.2017.45.1.049-061

Borodkin Yu.M. Materialy neoliticheskogo pogrebeniya u s. Vas'kova. In *Izvestiya laboratorii arkheologicheskikh issledovaniy*. Kemerovo: State Ped. Univ. Press, 1967, iss. 1, pp. 101–107. (In Russ.).

Chairkina N.M., Savchenko S.N., Serikov Yu.B., Litvyak A.S. Arkheologicheskie pamyatniki Shigirskogo torfyanika. Yekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii, 2001, 196 p. (In Russ.).

Dyad'kov P.G., Molodin V.I., Sumin V.A., Pozdnyakova O.A., Evmenov I.D., Tsvizov A.V. Results of geophysical and geodesic works at the site of Ust-tartasskie kurgany. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 307–310. URL: https://archaeology.nsc.ru/wp-content/uploads/2018/05/ses_2017.pdf (Accessed: 26.11.2020) (In Russ.).

Kosinskaya L.L. Pozdneoliticheskaya stoyanka Artyn na srednem Irtyshe. In *Arkheologicheskie issledovaniya Severa Evrazii*. Sverdlovsk: Ural State Univ. Press, 1982, pp. 18–27. (In Russ.).

Molodin V.I. Problemy mezolita i neolita lesostepnoi zony Ob'-Irtyshskogo mezhdurech'ya. In *Arkheologiya Yuzhnoi Sibiri. Sbornik nauchnykh trudov*. Kemerovo: State Univ. Press, 1985, iss. 18, pp. 3–17. (In Russ.).

Molodin V.I. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi: Kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov epokhi neolita i rannego metalla. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2001, vol. 1, 127 p. (In Russ.).

Molodin V.I. Ust'-tartasskaya kul'tura. In *Problemy istoriko-kul'turnogo razvitiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh territorii: materialy XIII Zapadno-Sibirskoi arkheologo-etnograficheskoi konferentsii*. Tomsk: State Univ. Press, 2005, pp. 180–184. (In Russ.).

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Nesterova M.S. The Vengerovo-2a neolithic cemetery, south Western Siberia: results of a multidisciplinary study. In *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2016, vol. 44, No. 2, pp. 30–46. DOI: 10.17746/1563-0110.2016.44.2.030-046

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Nesterova M.S., Efremova N.S., Kovyrshina Yu.N., Borzykh K.A. Osobennosti pogrebal'no-ritual'nykh kompleksov neoliticheskogo mogil'nika Vengerovo-2A. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2013, vol. XIX, pp. 124–129. URL: https://archaeology.nsc.ru/wp-content/uploads/2018/05/ses_2013.pdf (Accessed: 26.11.2020) (In Russ.).

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Nesterova M.S., Kobeleva L.S., Nenakhov D.A., Parkhomchuk E.V.,

Reinhold S., Petrozhitskii A.V., Parkhomchuk V.V., Rastigeev S.A. New evidence on the chronology of sites of the Baraba neolithic culture. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019, vol. XXV, pp. 157–166. DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.157-166 (In Russ.).

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Nesterova M.S., Nenakhov D.A. The discovery of ground graves at the neolithic burial complex Vengerovo-2a in Baraba forest-steppe (archaeological and geophysical research). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, vol. XXI, pp. 116–120. URL: https://archaeology.nsc.ru/wp-content/uploads/2018/05/ses_2015_min.pdf (Accessed: 26.11.2020) (In Russ.).

Parzinger G., Molodin V.I., Fassbinder I., Kobeleva L.S., Gass A., Hofmann I., Nenakhov D.A. Preliminary results of the research of the periphery of the big mounds of sargat culture in Central Baraba. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 401–404. URL: https://archaeology.nsc.ru/wp-content/uploads/2018/05/ses_2016_min.pdf (Accessed: 26.11.2020) (In Russ.).

Polosmak N.V., Chikisheva T.A., Balueva T.S. Neoliticheskie mogil'niki Severnoi Baraby. Novosibirsk: Nauka, 1989, 104 p. (In Russ.).

Savchenko S.N. Kostyanye nakonechniki strel "shigirskogo tipa" s uploshchennoi golovkoi i dlinnym sterzhnem v sobranii Sverdlovskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya. In *Svoeobrazie i osobennosti adaptatsii kul'tur lesnoi zony Severnoi Evrazii v final'nom pleistotsene-rannem golotsene*. Moscow: IA RAS Publ., 2007, pp. 253–273. (In Russ.).

Yurakova A.Yu. Ornamental tradition of the late neolithic artyn culture. *Bulletin of Kemerovo state university*, 2013, iss. 3 (55), vol. 4, pp. 90–96. URL: <https://www.elibrary.ru/contents.asp?id=33846478> (Accessed: 26.11.2020) (In Russ.).

Yurakova A.Yu. Neolit Barabinskoi lesostepi i yuzhno-taezhnogo Priirtysh'ya: cand. sc. (history) dissertation abstract. Kemerovo, 2017, 30 p. (In Russ.).

Zhilin A.G. Nakonechniki strel "shigirskogo" tipa v mezolite – rannem neolite Vostochnoi Evropy. In *Tverskoi arheologicheskii sbornik*, 1996, iss. 2, pp. 50–56. (In Russ.).

Молодин В.И. <https://orcid.org/0000-0002-3151-8457>

Мыльникова Л.Н. <https://orcid.org/0000-0003-0196-5165>

Кобелева Л.С. <https://orcid.org/0000-0002-4969-3771>

Хансен С. <https://orcid.org/0000-0002-6714-4629>

Селин Д.В. <https://orcid.org/0000-0002-6939-2917>

Нестерова М.С. <https://orcid.org/0000-0003-4024-6753>

Кудинова М.А. <https://orcid.org/0000-0001-8369-2089>

Райнхольд С. <https://orcid.org/0000-0002-8107-6300>

**В.М. Новосельцева¹, Е.В. Акимова¹✉, И.В. Стасюк²,
И.А. Орешников², Т.А. Ключников³**

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

²Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева
Красноярск, Россия

³АНО «Археологическое исследование Сибири»
Красноярск, Россия
E-mail: elaki2008@yandex.ru

Раскопки позднепалеолитической стоянки Афонтова гора IV (Овражная) в 2020 году

*В статье представлены материалы предварительных результатов раскопок 2020 г. на стоянке Афонтова гора IV в Красноярске. Участок исследования расположен на платообразной привершинной поверхности Афонтовой горы, на гипсометрических позициях 236 м по Балтийской системе высот, в изголовье древнего лога. Вскрытая по площади толща рыхлых отложений представлена субэдральными супесями делювиального генезиса и свидетельствует о бугристо-западинном криогенном палеорельефе. Палеолитический культуросодержащий горизонт прослеживается на контакте плейстоцен–голоценовых отложений в разных палеоландшафтных ситуациях: на выровненных поверхностях в относительно горизонтальном залегании и по бортам лога, где археологический и палеонтологический материал вовлечен в гравитационные процессы и зафиксирован перемещенным по вертикали. Многочисленные фаунистические остатки в основной массе представлены костями северного оленя (*Rangifer tarandus*). В составе каменного инвентаря, помимо преобладающих отходов первичного расщепления, присутствуют клиновидные микро-нуклеусы, скребки, скребла, долотовидные орудия, чопперы-струги, пластины и отщепы с ретушью, заготовки и обломки орудий. В единственных экземплярах найдены костяные пазовый наконечник и обломок иглы. Археологический материал относит памятник к кокоревской археологической культуре. Предварительные результаты работ 2020 г. дают основания предполагать, что по обоим бортам древнего лога в относительно кратком временном диапазоне располагались недолговременные позднепалеолитические стоянки охотников на северного оленя финальносартанского времени. По правому (южному) борту лога (пункт I) фиксируются следы переотложения культурного слоя, что позволяет ожидать открытия поселения *in situ* на участке юго-западнее (между логом и берегом Енисея).*

Ключевые слова: средний Енисей, Афонтова гора, поздний палеолит, кокоревская культура, финальный плейстоцен.

**Valentina M. Novoseltseva¹, Elena V. Akimova¹✉, Ivan V. Stasyuk²,
Igor A. Oreshnikov², Timofei A. Klyuchnikov³**

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

²Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev,
Krasnoyarsk, Russia

³ANO "Archaeological Research of Siberia",
Krasnoyarsk, Russia
E-mail: elaki2008@yandex.ru

Excavations at the Late Paleolithic Site of Afontova Gora IV (Ovrazhnaya) in 2020

The article presents preliminary results of excavations in 2020 at Afontova Gora IV site in Krasnoyarsk. This site is located on the plateau-like top of the Mount Afontova at the hypsometric position of 236 m at the root of ancient ravine. The thickness

*of loose deposits unearthed from the excavation area was constituted by subaerial sandy loams of deluvial genesis and testifies to knob and kettle cryogenic paleorelief. The Paleolithic cultural layer was observed at the contact of the Pleistocene-Holocene deposits in different paleolandscape situations: flat surfaces in a relatively horizontal bedding and along the sides of the ravine, where archaeological and paleontological evidence was involved in gravitational processes and was vertically displaced. Numerous faunal remains were mainly represented by reindeer (*Rangifer tarandus*) bones. In addition to absolutely prevailing debitage of primary reduction, stone inventory included wedge-shaped microcores, end-scrapers, side-scrapers, chisel-like tools, chopper-adzes, retouched blades and flakes, blanks, and fragments of tools. Bone tools including a slotted point and needle fragment were found. Archaeological evidence from the site belongs to the Kokorevo archaeological culture. The preliminary results of the works done in 2020 indicate that short-term Late Paleolithic sites of reindeer hunters were on both sides of ancient ravine in a relatively short chronological range of the Late Sartan period. Traces of redeposition of the cultural layer were observed on the right (southern) side of ravine (point I), which gives hope to discover a settlement in situ in the area to the southwest (between the ravine and the bank of the Yenisei River).*

Keywords: Middle Yenisei region, Afontova Gora, Late Paleolithic, Kokorevo culture, Final Pleistocene.

Стоянка Афонтова гора IV получила свое название в начале 1920-х гг. как пункт с немногочисленным археологическим материалом, собранным в обнажении правого борта приустьевой части Иванихина лога, пересекающего в юго-восточном направлении склон Афонтовой горы. Первые сборы здесь были сделаны И.Т. Савенковым (1884 г.), затем В.И. Громовым (1919–1920 гг.). В 1925 г. по левому борту лога Г.П. Сосновским были вскрыты 5 м² [Астахов, 1999, с. 166]. Возможно, что в устье лога располагалась еще одна стоянка (Афонтова гора IVA), полностью застроенная в дальнейшем [Палеолит..., 1991, с. 100; Астахов, 1999, с. 168]. Археологический материал Иванихина лога практически неизвестен и, вероятно, утерян. Описание стратиграфического положения находок позволяет предполагать финально-сартанский возраст культурного слоя [Астахов, 1999, с. 166]. Вопрос о культурной принадлежности стоянки никогда не рассматривался.

В конце 1980-х гг. службой охраны памятников истории и культуры были проведены условные границы стоянки, охватывающие небольшую территорию в приустьевой части засыпанного оврага, ставшего дорогой, спускающейся к заводу «Краслесмаш», в 1 км северо-восточнее Афонтовой горы II (здания библиотеки Г.В. Юдина). Точного места расположения стоянки установлено не было.

В период 2012–2017 гг. Е.В. Артемьевым были проведены разведочные работы в слободе Николаевка западнее склона Афонтовой горы, позволившие получить единичные невыразительные предметы и фаунистические остатки в отдельных шурфах. Тогда представлялось правильным приписывать эти участки к уже известному объекту – Афонтовой горе IV, основываясь на привязке их к древней балке, слабо прослеживающейся в современном рельефе района, но, возможно, являющейся истоком Иванихина лога. По мере расширения площади работ неизбежно раздвигались границы памятника, захватывая все большую и большую территорию.

В 2019 г. на месте планируемого строительства автодороги в зоне частного сектора (улицы Овражная, 1-я Байкитская, Юбилейная) в разведочных шурфах были обнаружены немногочисленные артефакты. По мнению Е.С. Муратова и Е.А. Филатова – научных сотрудников ООО «Красноярская Геоархеология», проводивших эти работы, выявленный участок также являлся частью Афонтовой горы IV. Таким образом, расстояние между изначальной Афонтовой горой IV и местом проведения сегодняшних работ достигает почти 2 км, что дает основания скептически относиться к распространению известного названия на открытый памятник.

Сам участок исследования 2019–2020 гг. расположен на платообразной привершинной поверхности Афонтовой горы, на гипсометрических позициях 236 м по Балтийской системе высот (100–103 м над уровнем Енисея), по обоим бортам древнего лога, частично засыпанного и выположенного за более чем полутора вековое существование слободы Николаевка. Сегодня по левому борту лога на всем его протяжении проходит ул. Овражная.

Спасательные археологические работы проводились в августе – октябре 2020 г. по обоим бортам лога на площади 2 946 м². Раскопы 1 и 2 (1 556 м²) расположены по правому (южному) борту (пункт I), раскоп 3 (1 296 м²) – по северному борту лога (пункт II).

Вскрытая по площади толща рыхлых отложений представлена субаэральными супесями делювиального генезиса и свидетельствует о бугристо-западинном криогенном палеорельефе.

Сводная стратиграфия представлена в следующем виде (описание сверху вниз) (рис. 1).

1. Антропогенные отложения XX в., мощность 0,20–1,90 м.

2. Супеси пылеватые гумусированные, темно-серые, почти черные. Нижняя граница мелкотрещиноватая, нечеткая, размытая. Содержит культурный горизонт I (бронзовый век – Средневековье) – 0,20–0,60 м.

тых костей, крайне малочисленны фрагменты позвоночника, ребер и черепа, в т.ч. обломки рога. Суставные кости следов раскалывания не имеют. Следы погрызов и обилие мельчайших фрагментов костей свидетельствуют, вероятнее всего, о хищниках, обитавших позднее на месте заброшенной стоянки.

Каменный инвентарь*. Нуклеусы для крупных пластин единичны (6 экз.) и, как правило, отражают стадию опробования гальки с выявлением скрытых дефектов сырья и последующей выбраковки. Наибольшую информацию дает нуклеус на крупной плоской гальке с удлинённым подпрямоугольным фронтом и негативами крупных пластинчатых снятий. После залама в центральной части фронта, возможно, была предпринята попытка оформить альтернативные площадку и фронт (рис. 2, 12).

Клиновидные микронуклеусы (26 экз., включая обломки и заготовки) представлены двумя основными группами: на небольших массивных сколах с двусторонней обработкой латералей, треугольным или подпрямоугольным фронтом (рис. 2, 1, 2); на сегментах крупных пластин и первичных сколов со схематичным оформлением кия и гребня, сохраняющим основные конструктивные элементы заготовки (рис. 2, 3).

Высота фронта микронуклеусов составляет, как правило, 3,0–3,5 см, редко превышая 4 см. Ударная площадка, независимо от характера заготовки, преимущественно асимметричная, с первоначальным фронтальным снятием и перекрывающей его поперечной ретушью, направленной с более плоской латерали нуклеуса.

Группа скребел (9 экз.) крайне разнообразна по составу, представлена как скреблами на массивных первичных отщепах и пластинчатых сколах с чешуйчатой дорсальной или вентральной краевой ретушью (рис. 2, 11), так и крупными дорсальными скреблами-унифасами (рис. 2, 10).

Большинство скребков (18 экз.) выполнено на крупных и средних по размеру отщепах округлой формы с разной степенью оформления дорсала заготовки: от унифаса до схематичной ретуши по части контура (рис. 2, 5, 6). Рабочий край мог располагаться как по большей части периметра, так и по ограниченному сектору. Представительная серия скребков с концевым расположением рабочего края (8 экз.) изготовлена как на плоских первичных сколах, так и на относительно массивных пластинах (рис. 2, 4).

Долотовидные орудия (13 экз.) представлены

*В связи с тем, что статья была подготовлена до окончания работ на памятнике, статистические данные в полном объеме не приводятся.

двумя принципиально различающимися типами: мелкие (до 2 см) на кварцитовых сколах квадратной, трапециевидной или овальной форм (рис. 2, 8) и крупные на отщепах из енисейской гальки (рис. 2, 9). Во всех случаях присутствуют два противоположащих рабочих края.

Особенностью состава каменного инвентаря выступает минимальное количество отщепов с ретушью, являющихся традиционным наполнением позднепалеолитических комплексов Приенисейской Сибири. Присутствуют немногочисленные пластины с краевой ретушью, позволяющей интерпретировать изделия в виде ножевидных или скребловидных орудий. В единичных экземплярах найдены обломки остроконечников с краевой ретушью (рис. 2, 7), заготовка двойного углового резца (?) на сегменте массивного скола, чопперы-струги на крупных массивных гальках с прямым или выпуклым поперечным рабочим краем, отбойники на рассеченных гальках, наковальня на плоском валуне с двусторонне приостренным краем и интенсивными точечными и линейными забитостями на обеих поверхностях.

Костяной инвентарь практически отсутствует. Найден обломок иглы (острие) и крупный фрагмент рога северного оленя со следами резания.

Пункт II (раскоп 3). Помимо участков с немногочисленными переотложенными археологическими и фаунистическими остатками, располагающимися, вероятно, по борту ответвления древнего лога, выявлен достаточно обширный участок общей площадью ок. 400 м² с залеганием материала *in situ*. Здесь найден очаг округлой формы диаметром 65 см с золистым заполнением мощностью до 10 см. Большую же часть поверхности занимают россыпи колотых костей северного оленя при абсолютном преобладании фрагментов трубчатых костей. Присутствуют также многочисленные суставные кости, обломки ребер, рогов и челюстей с зубами. В единичных экземплярах встречены фрагмент бивня мамонта и зубы лошади.

Каменный инвентарь. Крупные формы нуклеусов представлены единственным сработанным экземпляром, скорее всего, являвшимся двухплощадочным бифронтом (рис. 3, 10). Микронуклеусы немногочисленны (7 экз.), характеризуются, как правило, миниатюрными размерами с высотой фронта до 2,5 см (рис. 3, 1, 2) и узкими негативами снятий (до 1 мм).

Скребла (6 экз.) существенно различаются по размерам и степени обработки. Присутствуют экземпляры с дорсальным или вентральным оформлением как всей поверхности орудия, так и только непосредственно рабочего края (рис. 3, 11–13).

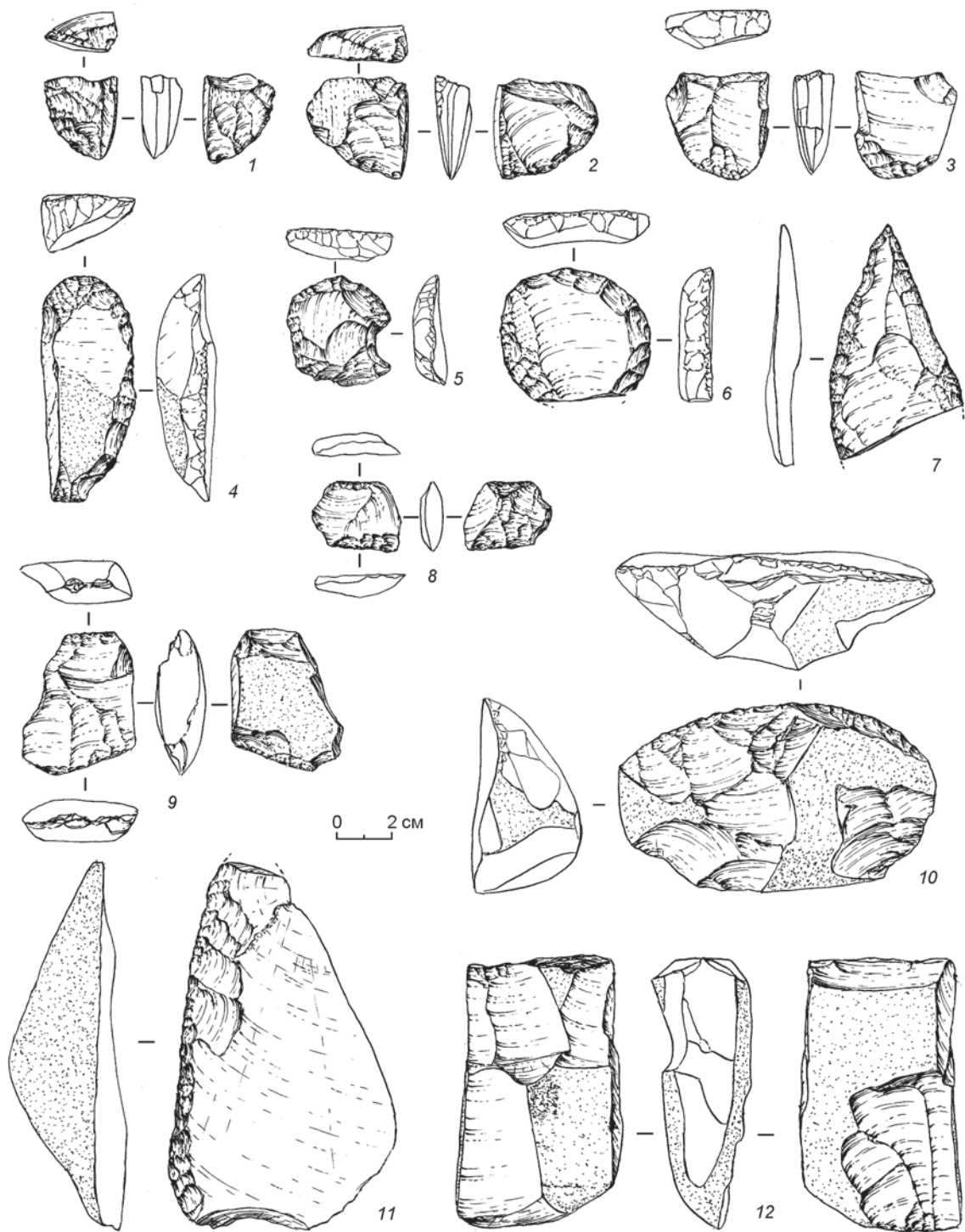

Рис. 2. Каменный инвентарь со стоянки Афонтова гора IV (Овражная), пункт I.

1–3 – микронуклеусы; 4–6 – скребки; 7 – остроконечник; 8, 9 – долотовидные орудия; 10, 11 – скребла; 12 – нуклеус.

Тонкой крутой ретушью оформлен продольный край у листовидного по форме изделия (рис. 3, 5). Размеры орудий варьируют от 14–15 см до 5–6 см в длину.

Скрепки (12 экз.) в большинстве своем представлены небольшими экземплярами на округлых отщепах с крутой чешуйчатой ретушью по боль-

шей части периметра (рис. 3, 9), а также мелкой пологой ретушью по низкому овальному рабочему краю (рис. 3, 4). Значительная часть скрепок имеет упрощенное оформление в виде схематической ретуши по выступающему участку (рис. 3, 6). В единственных экземплярах присутствуют изготовленные на овальных отщепах двойной альтернативный

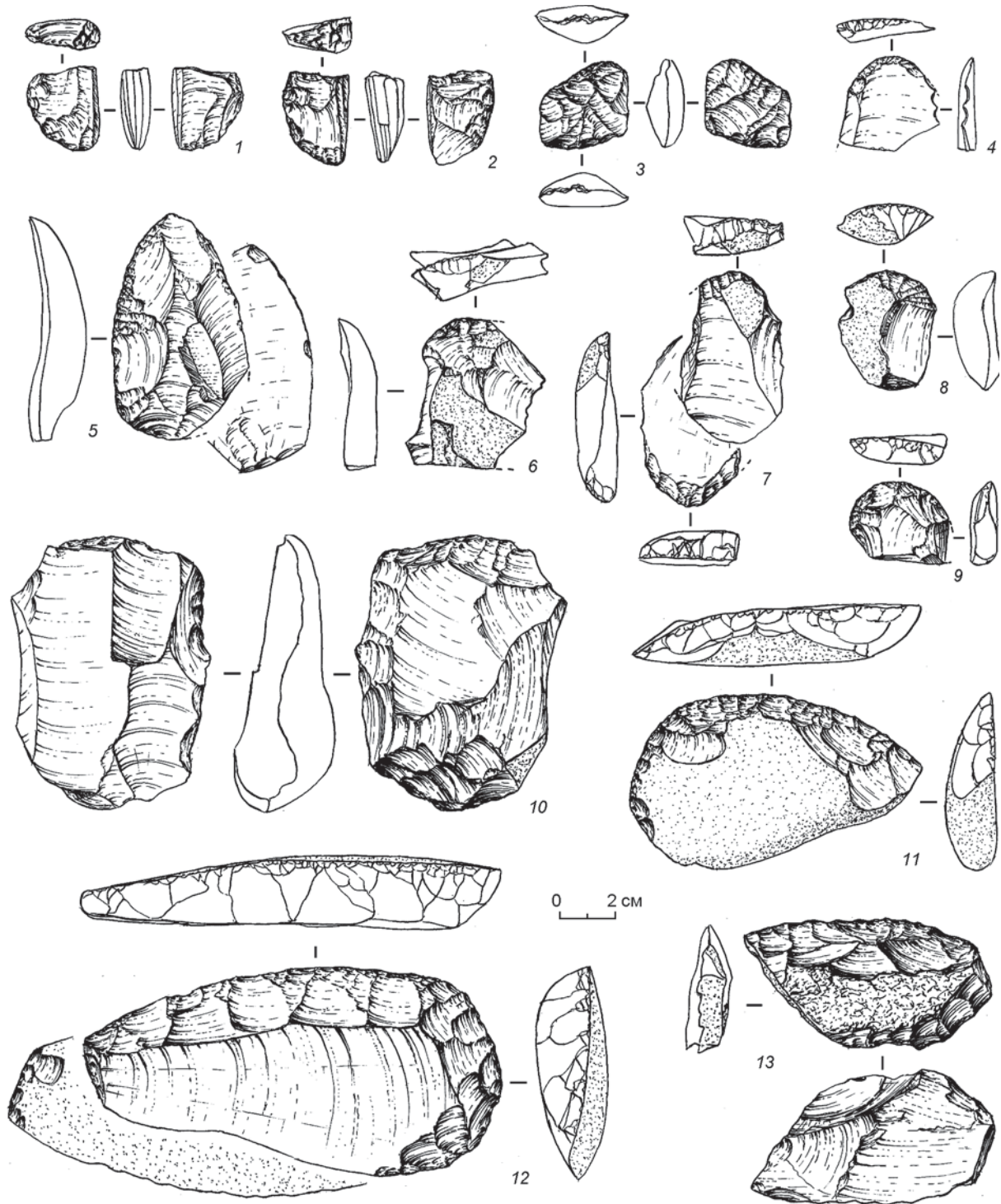

Рис. 3. Каменный инвентарь со стоянки Афонтова гора IV (Овражная), пункт II.

1, 2 – микронуклеусы; 3 – долотовидное орудие; 4, 6–9 – скребки; 5 – остроконечник; 10 – нуклеус; 11–13 – скребла.

концевой скребок (рис. 3, 7) и концевой скребок с выпуклым рабочим краем, оформленным тонкой удлиненной ретушью (рис. 3, 8).

Долотовидные орудия (4 экз.) представлены в двух вариантах: мелкие на кварцитовых или кремневых сколах (рис. 3, 3) и крупные на сколах или сработанных изделиях из енисейской гальки.

В отличие от коллекции пункта I здесь многочисленны отщепы и пластины с ретушью без определенных типологических признаков. Не найдены чопперы, хотя присутствуют относительно небольшие плоские гальки, рассеченные поперек и тщательно отретушированные. Они могут быть интерпретированы как торцовые нуклеусы на начальной

стадии оформления, однако подобные изделия в законченном виде на памятнике не найдены.

Костяной инвентарь представлен единственным изделием: небольшим пазовым орудием (наконечником) симметричной формы с тонким глубоким пазом, изготовленным, вероятно, из скола с крупной трубчатой кости. По треугольному насаду идет серия четких горизонтальных насечек.

Предварительные результаты работ 2020 г. дают основания предполагать, что по обоим бортам древнего лога в относительно кратком временном диапазоне располагались недолговременные позднепалеолитические стоянки охотников на северного оленя финальносарганского времени. По правому (южному) борту лога (пункт I) фиксируются следы переотложения культурного слоя, что позволяет ожидать открытия поселения *in situ* на участке юго-западнее (между логом и берегом Енисея), на территории, в настоящее время занятой деревянными постройками. Участок культурного слоя выявлен в северной прибортовой части лога (пункт II). Расширение раскопов в северо-западном направлении, вероятно, даст возможность вскрыть непотревоженную (центральную?) часть стоянки.

Каменный инвентарь однозначно указывает на принадлежность памятника (памятников?) к кокоревской археологической культуре [Абрамова, 1979]. Об этом свидетельствует явно выраженная пластинчатость, проявляющаяся в первую очередь в характере заготовок орудий и отходов производства. Крупные нуклеусы единичны, но клиновидные микронуклеусы в абсолютном большинстве имеют традиционное для кокоревской культуры двустороннее оформление латералей с симметричными килем и гребнем. В орудийном наборе многочисленны и выразительны скребки на отщепках и пластинах, относительно немногочисленны скребла на первичных сколах, ножевидные пластины с краевой ретушью, остроконечники. Представительна серия долотовидных орудий, включающая как крупные «кокоревские» формы на сколах или обломках орудий, так и «афонтовские» микродолотовидные орудия на кварцитовых и кремневых сколах.

Важно отметить, что «афонтовские» включения типа микродолотовидных орудий и единичных вентральных скребел на первичных сколах видятся органичной частью археологических комплексов и не позволяют говорить о смешении разнокультурных памятников. Опыт работ на кокоревских стоянках Красноярского водохранилища показывает тенденцию к сближению кокоревской и афонтовской культур в финале плейстоцена [Харевич, Акимова, Вашков, 2017; Акимова и др., 2018]. Крайне интересным является изучение этого явления в Крас-

ноярском археологическом районе, традиционно понимаемом как сосредоточение эталонных памятников афонтовской культуры (Афонтова гора I–III, Переселенческий пункт, Кача I, II, Большая Слизнева, Нанжуль и др.), но включающем и памятники кокоревской культуры (6–13 культ. слои Лиственки, Гремячий ключ, Военный городок, Крутая, Усть-Мана и др.) [Савенков, 1892; Сосновский, 1934, 1935; Археология..., 1992; Астахов, 1999; Акимова, 2003; Палеолит..., 2005; Деревянко и др., 2017; Артемьев, Разгильдеева, Прилепская, 2019].

Работы 2020 г. показали, что отнесение позднепалеолитической стоянки (стоянок?) в районе улиц Овражной, Юбилейной и 1-й Байкитской к Афонтовой горе IV является ошибочным и вносит путаницу в представления о комплексе местонахождений района Афонтовой горы. Рассматривая данный памятник как перспективный научный объект, нуждающийся в тщательном комплексном изучении, считаем необходимым использовать для него двойное наименование: Афонтова гора IV (стоянка Овражная).

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР № 0329-2019-0008 «Северо-восток Евразии в позднем плейстоцене – раннем голоцене: культурная динамика, геохронология, развитие природной среды».

Список литературы

- Абрамова З.А.** Палеолит Енисея. Кокоревская культура. – Новосибирск: Наука, 1979. – 200 с.
- Акимова Е.В.** Поздний палеолит Красноярского археологического района (XX век: итоги и перспективы) // Древности Приенисейского края. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т, 2003. – Вып. 2. – С. 5–17.
- Акимова Е.В., Харевич В.М., Вашков А.А., Стасюк И.В.** Каменные индустрии рубежа плейстоцена–голоцена в долине Среднего Енисея (по материалам стоянки Бюза II) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. – 2018. – Т. 17, № 5. – С. 58–71.
- Артемьев Е.В., Разгильдеева И.И., Прилепская Н.Е.** Стоянка Крутая – новый объект в археологическом комплексе Афонтовой горы: предварительные результаты исследований 2017 г. // Преодоление времени и пространства. – Иркутск: ИГ СО РАН, 2019. – С. 34–54.
- Археология,** геология и палеогеография палеолитических памятников юга Средней Сибири (Северо-Минусинская впадина, Кузнецкий Алатау и Восточный Саян). Путеводитель Междунар. симп. / Н.И. Дроздов, В.П. Чеха, Е.В. Акимова, Е.В. Артемьев, В.Г. Кольцова, А.А. Бокарев, Н.Д. Оводов, Н.В. Мартынович, А.С. Вдовин, Л.А. Орлова, А.Ф. Ямских, В.Е. Ларичев,

Ю.П. Холлошкин, Л.Д. Сулержицкий. – Красноярск: Зодиак, 1992. – С. 22–34.

Астахов С.Н. Палеолит Енисея. Палеолитические стоянки на Афонтовой горе в Красноярске. – СПб.: Европейский дом, 1999. – 208 с.

Деревянко А.П., Славинский В.С., Цыбанков А.А., Лысенко Д.Н., Дроздов Н.И., Гладышев С.А., Рыбин Е.П., Стасюк И.В., Харевич В.М., Акимова Е.В., Слепченко С.М., Зольников И.Д., Клементьев А.М., Галухин Л.Л., Богданов Е.С. Археологические комплексы позднего палеолита стоянки Афонтова Гора II (по материалам раскопок 2014 года) // *Stratum plus. Микролитический бум.* – 2017. – № 1. – С. 175–199.

Палеолит Енисея / З.А. Абрамова, С.Н. Астахов, С.В. Васильев, Н.М. Ермолова, Н.Ф. Лисицын. – Л.: Наука, 1991. – 160 с.

Палеолит Енисея. Лиственка / Е.В. Акимова, Н.И. Дроздов, В.П. Чеха, С.А. Лаухин, В.Г. Кольцова, Л.А. Орлова, А.Ф. Санько, Е.А. Шпакова. – Красноярск; Новосибирск: «Универс»-«Наука», 2005. – 180 с.

Савенков И.Т. О палеолитической эпохе в окрестностях г. Красноярска Енисейской губернии. – Красноярск, 1892. – 21 с.

Сосновский Г.П. Палеолитические стоянки Северной Азии // Тр. II Междунар. конф. Ассоциация по изуч. четвертичного периода Европы. – Л.; М.; Новосибирск, 1934. – Вып. V. – С. 247–290.

Сосновский Г.П. Позднепалеолитические стоянки Енисейской долины // Палеолит СССР. Изв. ГАИМК. – М.; Л., 1935. – Вып. 118. – С. 152–218.

Харевич В.М., Акимова Е.В., Вашков А.А. К проблеме верхней границы кокоревской культуры в позднем палеолите Енисея (по материалам стоянки Троицкая) // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2017. – № 1. – С. 182–190.

References

Abramova Z.A. Paleolit Eniseya. Kokorevskaya kultura. Novosibirsk: Nauka, 1979, 200 p. (In Russ.).

Abramova Z.A., Astakhov S.N., Vasil'ev S.A., Ermolova N.M., Lisitsyn N.F. Paleolit Eniseya. Leningrad: Nauka, 1991, 158 p. (In Russ.).

Akimova E.V. Pozdnii paleolit Krasnoyarskogo arkhologicheskogo raiona (XX vek: itogi i perspektivy). In *Drevnosti Prieniseiskogo kraya*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Ped. Univ. Press, 2003, iss. 2, pp. 5–17. (In Russ.).

Akimova E.V., Drozdov N.I., Chekha V.P., Laukhin S.A., Kol'tsova V.G., Orlova L.A., San'ko A.F., Shpakova E.A. Paleolit Eniseya. Listvenka. Krasnoyarsk; Novosibirsk, 2005, 180 p. (In Russ.).

Akimova E.V., Kharevich V.M., Vashkov A.A., Stasyuk I.V. Stone Industry of Pleistocene – Holocen in

the Middle Yenisey Valley (Based on Byuza II Materials). *Novosibirsk State Univ. Bulletin. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, No. 5: Archaeology and Ethnography, p. 58–71. (In Russ.).

Artem'ev E.V., Razgil'deeva I.I., Prilepskaya N.E. Stoyanka Krutaya – novyi ob'ekt v arkhologicheskom komplekse Afontovoi gory: predvaritel'nye rezul'taty issledovaniy 2017 g. In *Preodolenie vremeni i prostranstva*. Irkutsk: Institut geografii im. V.B. Sochavy SB RAS, 2019, pp. 34–54. (In Russ.).

Astakhov S.N. Paleolit Eniseya. Paleolitichestkie stoyanki na Afontovoi gore v Krasnoyarske. St. Petersburg: Evropeiskii dom, 1999, 208 p. (In Russ.).

Derevianko A.P., Slavinskii V.S., Tsybankov A.A., Lysenko D.N., Drozdov N.I., Gladyshev S.A., Rybin E.P., Stasyuk I.V., Kharevich V.M., Akimova E.V., Slepchenko S.M., Zol'nikov I.D., Klement'ev A.M., Galukhin L.L., Bogdanov E.S. Late Palaeolithic Assemblages of Afontova Gora II (based on the materials of 2014 excavations). In *Stratum plus. Mikroлитический бум*, 2017, No.1, pp. 175–199. (In Russ.).

Drozdov N.I., Chekha V.P., Akimova E.V., Artem'ev E.V., Kol'tsova V.G., Bokarev A.A., Ovodov N.D., Martynovich N.V., Vdovin A.S., Orlova L.A., Yamskikh A.F., Larichev V.E., Kholyushkin Yu.P., Sulerzhitskii L.D. Arkheologiya, geologiya i paleogeografiya paleolitichestkikh pamyatnikov yuga Srednei Sibiri (Severo-Minusinskaya vpadina, Kuznetskii Alatau i Vostochnyi Sayan). In *Putevoditel' Mezhdunarodnogo simpoziuma*. Krasnoyarsk: Zodiak, 1992, 190 p. (In Russ.).

Kharevich V.M., Akimova E.V., Vashkov A.A. The problem of the upper chronological border of the Kokorevo culture during the Late Paleolithic of the Yenisei (Troitskaya site). *Tomsk State Univ. J.*, 2017, vol. 418, pp. 182–190. (In Russ.).

Savenkov I.T. O paleolitichestkoi epokhe v okrestnostyakh g. Krasnoyarska Eniseiskoi gubernii. Krasnoyarsk, 1892, 21 p. (In Russ.).

Sosnovskii G.P. Paleolitichestkie stoyanki Severnoi Azii. In *Trudy II Mezhdunarodnoi konferentsii Assotsiatsii po izucheniyu chetvertichnogo perioda Evropy*. Leningrad; Moscow; Novosibirsk, 1934, iss. V, pp. 247–290. (In Russ.).

Sosnovskii G.P. Pozdnepaleolitichestkie stoyanki Eniseiskoi doliny. In *Paleolit SSSR, Izvestiya GAIMK*. Moscow; Leningrad, 1935, iss. 118, pp. 152–218. (In Russ.).

Новосельцева В.М. <https://orcid.org/0000-0002-3950-0219>

Акимова Е.В. <https://orcid.org/0000-0002-0952-8026>

Стасюк И.В. <https://orcid.org/0000-0002-3054-8515>

Орешников И.А. <https://orcid.org/0000-0003-4827-0299>

Ключников Т.А. <https://orcid.org/0000-0002-3519-1287>

Г.Д. Павленок¹✉, М. Лелох², М. Кот², К.К. Павленок¹,
С.А. Когай¹, А. Холматов³, М. Хужаназаров³, К. Шимчак²

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

²Варшавский университет
Варшава, Польша

³Национальный центр археологии АН РУз
Самарканд, Узбекистан
E-mail: lukianovagalina@yandex.ru

Новые палеолитические местонахождения в долине Эрташсая (Западный Тянь-Шань)

В статье излагаются новые результаты археологических разведок в долине р. Эрташсая (правый приток р. Ахангаран). В ходе визуального обследования средней части речной долины на ее левом борту было выявлено пять местонахождений экспонированного на дневную поверхность археологического материала – пункты Эрташсая-8–12. Техничко-типологический облик каменных артефактов позволяет отнести выявленные объекты к широкому хронологическому диапазону среднего – верхнего палеолита. Был установлен ряд закономерностей расположения палеолитических местонахождений: в основном они приурочены к выходам сырья (кремневого в виде руслового галечника). Экспозиция участка играла также важную роль. Верификация этого вывода и определение иных факторов, влияющих на расположение палеолитических объектов, возможны при изучении стратифицированных памятников в этом районе. Наиболее перспективным с точки зрения наличия непотревоженных культурных отложений является местонахождение Эрташсая-9. В коллекции каменного инвентаря, собранного с дневной поверхности на этом местонахождении, представлены все стадии каменного производства – гальки со сколами апробации, леваллуазские нуклеусы, нуклеусы-резцы, технические сколы оформления и переоформления фронта и ударных площадок, сколы-заготовки и орудия (скребла, ретушированные отщепы). Расположение стоянки практически исключает возможность перемещения каменных артефактов в результате склоновых процессов. Если археологические раскопки покажут залегание культурных слоев in situ, это поставит местонахождение Эрташсая-9 в один ряд с такими памятниками Западного Тянь-Шаня, как стоянка Кульбулак и грот Оби-Рахмат.

Ключевые слова: Западный Тянь-Шань, низкогорный пояс, р. Эрташсая, средний палеолит, верхний палеолит, каменная индустрия, сырьё, экспозиция склона.

Galina D. Pavlenok¹✉, Michał Leloch², Małgorzata Kot²,
Konstantin K. Pavlenok¹, Sergei A. Kogai¹, Azbiddin Kholmatov³,
Mukhiddin Khuzhanazarov³, Karol Szymczak²

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

²University of Warsaw,
Warsaw, Poland

³National Archaeological Center, Academy of Sciences of Republic Uzbekistan,
Samarkand, Uzbekistan
E-mail: lukianovagalina@yandex.ru

New Paleolithic Sites in the Ertashsai Valley (Western Tien Shan)

The article provides the results of archaeological survey in the Ertashsai valley (right tributary of the Akhangaran River). During survey of the left bank, in the middle part of the valley, five surface sites were recorded, i.e. Ertashsai 8–12. The

technical and typological features of lithic artefacts make it possible to attribute the sites to a wide chronological range of the Middle and Upper Paleolithic. Some patterns in the location of the discovered Paleolithic sites were identified: they are mainly confined to the outcrops of raw materials (flint in the form of outcrops of silicified limestone strata and effusive in the form of channel gravel). Also, slope exposure played an important role. To confirm this conclusion, stratified sites are needed in this area. The Ertashsai-9 site is the most promising in terms of presence of in situ culture-bearing deposits. All stages of lithic production are presented in the collection of artifacts collected from the surface at this site – pebbles with approbation removals, Levallois cores, burin cores, core trimming elements, front and striking platforms design and reshaping, blanks and tools (side-scrapers, retouched flakes). The location of the site virtually excludes the possibility of the artifacts' redeposition as a result of slope processes. If archaeological excavations show the occurrence of cultural layers in situ, this will put the Ertashsai-9 site on a par with the sites of the Western Tien Shan such as the Kulbulak site and the Obi-Rakhmat grotto.

Keywords: Western Tien Shan, low-mountain relief, Ertashsai River, Middle Paleolithic, Upper Paleolithic, lithic industry, raw material, slope exposure.

В результате археологического обследования долины р. Эрташсай (одного из крупных правых притоков р. Ахангаран) в 2018 г. было выявлено семь пунктов сбора подъемных материалов палеолитического облика, названных соответственно Эрташсай-1–7 [Павленок и др., 2019]. В полевом сезоне 2019 г. Среднеазиатским археологическим отрядом ИАЭТ СО РАН были продолжены разведочные работы этой местности (рис. 1, 2).

Средняя часть долины Эрташсай сложена выходами известковых пород, которые покрыты чех-

лом рыхлых отложений, изрезанным распадками временных водотоков. Наличие многочисленных источников воды является одним из наиболее значимых факторов, определяющих высокую перспективность этого района с точки зрения обнаружения объектов каменного века. Вероятность нахождения палеолитических местонахождений значительно повышал и тот факт, что в русле Эрташсай в значительном количестве были обнаружены пригодные для расщепления эффузивные горные породы в виде речных галек. Именно этот

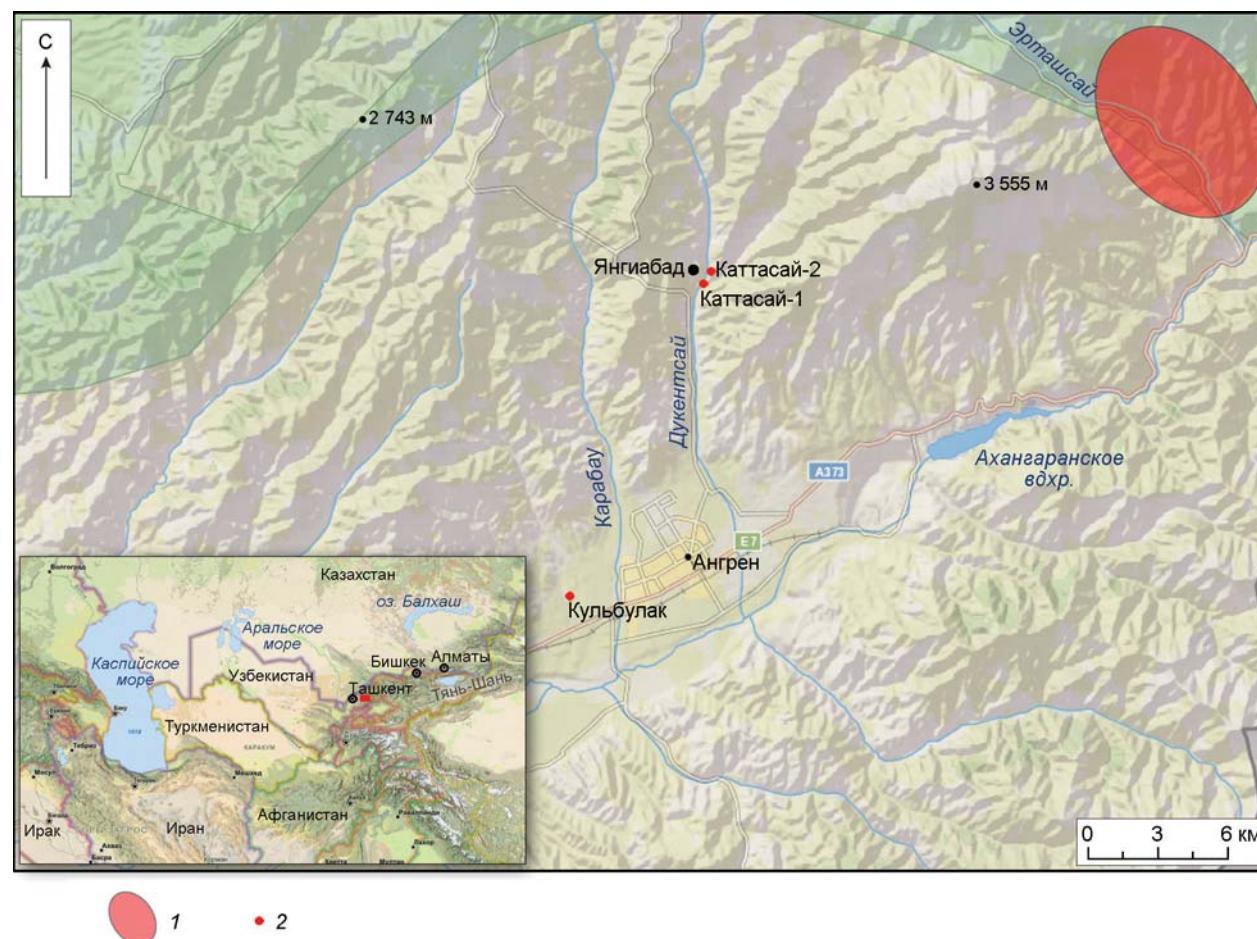

Рис. 1. Карта расположения исследуемого района в долине р. Ахангаран.

1 – район археологических разведок (среднее течение р. Эрташсай); 2 – палеолитические местонахождения.

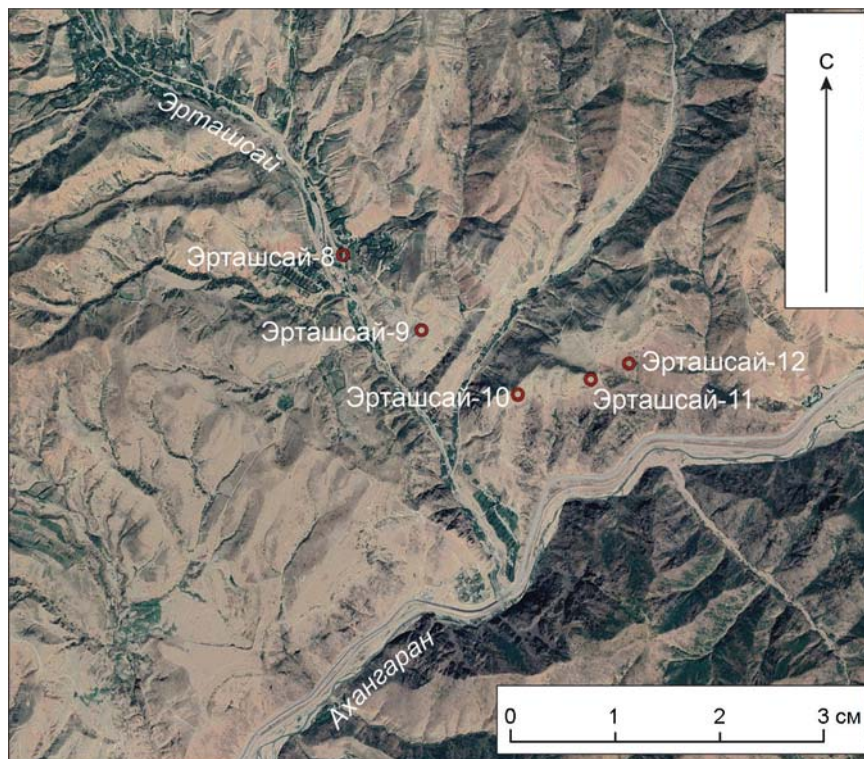

Рис. 2. Карта расположения стоянок Эрташсай-8–12.

Рис. 3. Выходы известняка по левому борту долины р. Эрташсай.

тип сырья использовался древнейшим населением в долине р. Каттасай (ок. 25 км к западу от Эрташсай) (см. рис. 1). Важным элементом строения долины выступило наличие выходов известняка, которые, чаще всего, сопровождаются наличием кремня (рис. 3). Близкие высотные отметки для обеих долин повышали шанс нахождения новых местонахождений в долине р. Эрташсай.

В результате разведок 2019 г. в долине р. Эрташсай было выявлено пять новых объектов каменного века (Эрташсай-8–12), приуроченных к склонам южной экспозиции на левом берегу реки в средней части ее долины (см. рис. 1, 2). Наиболее северное местонахождение Эрташсай-8 (см. рис. 2) приурочено к слабо задернованному склону глубокого каньона. В ходе обследования на современной дневной

поверхности объекта было обнаружено пять артефактов, которые, вероятно, были смещены вниз по склону с мест изначального залегания. Два изделия представляют собой орудия среднепалеолитического типологического ряда: удлиненное двойное прямо-выпуклое скребло и удлиненное двойное выпукло-вогнутое скребло (рис. 4, 1, 2). Также коллекция включает несколько грубых отщепов с сохранившимися участками корки на дорсальной поверхности (3 экз.). На основании анализа морфологии артефактов археологический объект был предварительно определен как среднепалеолитический. Однозначно смещенный характер комплекса, а также его малочисленность и отсутствие технологически значимых изделий в коллекции дали основания признать его малоперспективным для дальнейших исследований.

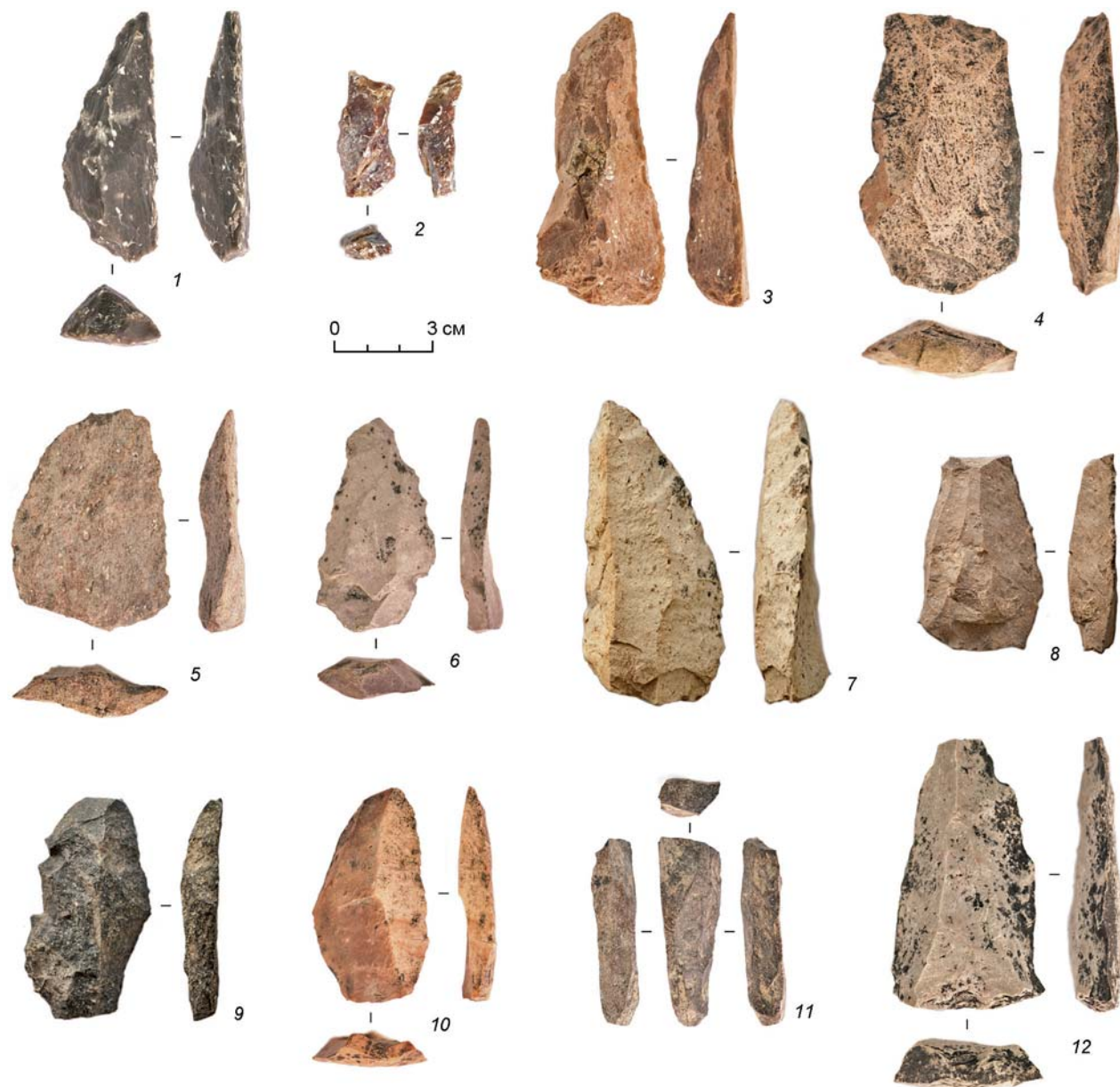

Рис. 4. Каменные артефакты новых местонахождений долины р. Эрташсай.
1, 2 – Эрташсай-8; 3-8 – Эрташсай-9; 9 – Эрташсай-10; 10 – Эрташсай-11; 11, 12 – Эрташсай-12.

Местонахождение Эрташсай-9 занимает открытую протяженную слабо задернованную площадку, расположенную на склоне (угол наклона 10–20° по направлению к реке) (см. рис. 1, 2). В ходе обследования был обнаружен 71 артефакт. Рядом с участком с экспонированным на дневную поверхность археологическим материалом присутствуют обнажения известковых пород с выходами пригодного для расщепления кремня (см. рис. 3). Обращает на себя внимание то, что только восемь найденных изделий выполнены из кремня, остальные – из метаморфических и эффузивных горных пород. Несмотря на немногочисленность коллекции, в ней представлены все стадии каменного производства (рис. 4, 3–8):

гальки и желваки с первичными сколами апробации – 5 экз.; нуклеусы (выполнены в технике леваллуа) – 7 экз.; нуклеусы-резцы – 2 экз.; сколы декорткации и первичного оформления нуклеусов – 13 экз.; сколы заужения фронта – 11 экз.; сколы оформления ударной площадки – 5 экз.; сколы восстановления рельефа рабочей поверхности – 5 экз.; сколы-заготовки – 12 экз.; отходы производства – 11 экз. Орудийный набор включает четыре экземпляра – продольные одинарные скребла (2 экз.), поперечное одинарное скребло, отщеп с нерегулярной ретушью. В качестве заготовок орудий выступили крупный скол декорткации, скол первичного оформления нуклеуса, скол-заготовка и технологически неиден-

тифицируемое изделие, отнесенное к отходам производства. Результаты предварительного технико-типологического анализа позволяют отнести стоянку к заключительной фазе среднего палеолита. В пользу этого определения указывает значительное сходство применяемой стратегии утилизации каменного сырья к той схеме расщепления, которая была прежде реконструирована по материалам памятника Катгасай-1 [Krajcarz et al., 2016].

Местонахождение Эрташсай-10 представляет собой открытую слабозадренованную площадку, расположенную под углом от 10° до 20°, на хребте, вытянутом с запада на восток согласно направлению р. Ахангаран (см. рис. 1, 2). Наличие на этом же склоне южной экспозиции еще двух вновь выявленных археологических объектов (местонахождения Эрташсай-11 и -12) указывает на то, что участок слияния магистральной р. Ахангаран и его правого притока р. Эрташсай был наиболее благоприятным местом для расселения древнейших человеческих сообществ на изучаемой территории. В ходе обследования местонахождения Эрташсай-10 было обнаружено 25 каменных артефактов, из которых 14 выполнены из эффузивных и метаморфических пород, а 11 – из кремня. Коллекция содержит малое количество изделий, место которых в технологической цепочке может быть реконструировано достоверно (см. рис. 4, 9). К ним относятся сколы декортикации – 4 экз.; скол первичного оформления нуклеуса – 1 экз.; сколы оформления рабочей поверхности нуклеуса – 2 экз.; скол восстановления рельефа рабочей поверхности нуклеуса – 1 экз.; скол-заготовка (с пропорциями пластины) – 1 экз. Единственное орудие – пластина с нерегулярной ретушью. Остальной дебитаж представлен отщепами и обломками. Отщепы в основном представлены асимметричными изделиями четырехугольной формы, с нерегулярным сечением и профилем, частым наличием кортикальной поверхности на дорсальной, что типично для стоянок-мастерских. Сколы снимались, как правило, параллельно однонаправленно, но есть единичные экземпляры со встречной огранкой. Ударные площадки в основном гладкие или естественные, встречаются несколько предметов с двухгранными площадками. На основании результатов предварительного технико-типологического анализа хронология стоянки была определена в широких границах: средний палеолит – верхний палеолит. Обращает на себя внимание практически равные пропорции кремневого и некремневого сырья, что является одной из причин, по которой допускается верхнепалеолитический возраст стоянки.

Местонахождение Эрташсай-11 представляет собой открытую слабозадренованную площадку,

расположенную на том же склоне, что и Эрташсай-10, на расстоянии ок. 1 000 м на восток от него (см. рис. 1, 2). Рядом с участком, где были обнаружены экспонированные на дневную поверхность каменные артефакты, были зафиксированы выходы известняка с включениями кремня. В ходе обследования на слабо задренованной поверхности было обнаружено 43 каменных артефакта (см. рис. 4, 10). Из этого количества только 5 экз. выполнены из кремневого сырья. Коллекция также содержит малое количество изделий, место которых в технологической цепочке может быть реконструировано достоверно. К ним относятся нуклеус – 1 экз.; сколы декортикации – 2 экз.; сколы первичного оформления нуклеуса – 3 экз.; сколы оформления рабочей поверхности нуклеуса – 2 экз.; скол подновления ударной площадки нуклеуса – 1 экз.; сколы-заготовки (с пропорциями отщепов) – 2 экз. Орудия в коллекции отсутствуют. Основные изделия представлены малоинформативными отщепами и обломками со следами искусственного расщепления. Состав коллекции указывает на возможную принадлежность материального ансамбля местонахождения рубежу среднего и верхнего палеолита. Также на местонахождении было найдено девять фрагментов керамических сосудов, культурно-хронологическая атрибуция которых затруднена. Очевидно, что эти находки отражают культурно-хронологический этап заселения площадки, не связанный со временем формирования каменной индустрии местонахождения.

Местонахождение Эрташсай-12 занимает тот же склон, что и объекты Эрташсай-10, -11 (см. рис. 1, 2). Оно находится на расстоянии 300 м на восток от Эрташсай-11. Рядом с участком также зафиксированы выходы кремня. В ходе обследования объекта было обнаружено 45 каменных артефактов (рис. 4, 11, 12). Изделия из кремня насчитывают 9 экз. (1/5 часть коллекции). Состав каменной индустрии отражает все стадии каменного производства: нуклеусы – 3 экз.; сколы декортикации – 2 экз.; сколы первичного оформления нуклеуса – 4 экз.; сколы оформления рабочей поверхности нуклеуса – 2 экз.; скол подновления ударной площадки нуклеуса – 1 экз.; сколы подновления рабочей поверхности нуклеуса – 2 экз.; реберчатая пластина – 1 экз.; сколы-заготовки (в т.ч. леваллуазские) – 4 экз. Единственное орудие – одинарное поперечное скребло, выполнено на отщепе. Остальные изделия представляют собой технологически неидентифицируемые сколы с пропорциями отщепов и обломки со следами искусственного расщепления.

На основании анализа коллекции, хронология стоянки была предварительно определена в широких рамках: средний палеолит – верхний палеолит.

Об этом свидетельствуют наличие в коллекции правильной реберчатой пластины наряду с леваллуазскими формами заготовок. На месте работ также были найдены три фрагмента керамики с неопределенной хронологией, не связанные с основным эпизодом заселения стоянки.

Особенности расположения и материалы археологических памятников, приуроченных к постоянно действующему правому притоку р. Ахангаран Эрташсаю, позволили выявить ряд закономерностей, которые формируют первичные представления о стратегии освоения этой территории древнейшим населением на разных этапах палеолита. Принимая во внимание возможный возраст памятников, можно сделать вывод, что население как среднего, так и верхнего палеолита (если принять верхнепалеолитическую атрибуцию материалов местонахождений Эрташсай-10–12) достаточно активно осваивало низкогорный пояс. Возможное объяснение разных предпочтений средне- и верхнепалеолитических групп населения при выборе мест для поселений, скорее всего, кроется в доступности сырьевых ресурсов (вода и конкретные разновидности сырья для каменного производства), а не в близости охотничьих угодий или иных факторов. В ходе археологических разведок зафиксирована приуроченность стоянок с возможной верхнепалеолитической атрибуцией (Эрташсай-10–12) к выходам кремневого сырья (см. рис. 3). В то же время для памятников предположительно среднего палеолита типично использование в первую очередь эффузивных пород, представленных в виде галек на берегах и в руслах водотоков. Это объясняет зафиксированную вариативность в расположении местонахождений. При этом объединяющей чертой стоянок среднего и верхнего палеолита является их расположение на прямых или незначительно скошенных открытых площадках на склонах с южной экспозицией.

Верификация предложенных эскизов к модели заселения территории среднего течения р. Ахангаран возможна только при обнаружении новых стратифицированных археологических объектов. Пример долины р. Эрташсай показал, что обследование новых территорий, схожих по ландшафту с теми, где прежде уже были выявлены памятники (долина р. Каттасай), может быть очень результативным. Из обследованных в 2019 г. местонахождений наибольшим потенциалом для дальнейшего исследования обладает объект Эрташсай-9, приуроченный к вершине хребта. Расположение стоянки практически исключает возможность перемещения каменных артефактов в результате склоновых процессов.

Если археологические раскопки покажут залегание культурных слоев *in situ*, это поставит местонахождение Эрташсай-9 в один ряд с такими памятниками Западного Тянь-Шаня, как стоянка Кульбулак и грот Оби-Рахмат.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР № 0329-2019-0002 «Древнейшие культурные процессы на территории Центральной Азии».

Список литературы

Павленок К.К., Кот М., Павленок Г.Д., Шимчак К., Хужиназаров М., Когай С.А. Поиски объектов палеолита в бассейне реки Ахангаран: история и современность // Теория и практика археологических исследований. – 2019. – № 2. – С. 153–166. – DOI: 10.14258/tpai(2019)2(26).-11

Krajcarz M.T., Kot M., Pavlenok K.K., Fedorowicz S., Krajcarz M., Lazarev S.Yu., Mroczek P., Radzhabov A., Shnaider S., Szymanek M., Szymczak K. Middle Paleolithic sites of Katta Sai in western Tian Shan piedmont, Central Asiatic loess zone: Geoarchaeological investigation of the site formation and the integrity of the lithic assemblages // *Quaternary Intern.* – 2016. – Vol. 399. – P. 136–150. – URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.quaint.2015.07.051>

References

Krajcarz M.T., Kot M., Pavlenok K.K., Fedorowicz S., Krajcarz M., Lazarev S.Yu., Mroczek P., Radzhabov A., Shnaider S., Szymanek M., Szymczak K. Middle Paleolithic sites of Katta Sai in western Tian Shan piedmont, Central Asiatic loess zone: Geoarchaeological investigation of the site formation and the integrity of the lithic assemblages. *Quaternary International*, 2016, vol. 399, pp. 136–150. URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.quaint.2015.07.051>

Pavlenok K.K., Kot M., Pavlenok G.D., Shimchak K., Khuzhinazarov M., Kogai S.A. Searching of the Paleolithic sites in the Akhangaran valley: history and our time. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*, 2019, No. 2, pp. 153–166. (In Russ.). DOI: 10.14258/tpai(2019)2(26).-11

Павленок Г.Д. <https://orcid.org/0000-0003-3727-776X>

Лелюх М. <https://orcid.org/0000-0003-4916-7840>

Кот М. <https://orcid.org/0000-0001-5277-0283>

Павленок К.К. <https://orcid.org/0000-0003-0205-2077>

Когай С.А. <https://orcid.org/0000-0003-4232-9587>

Хужиназаров М. <https://orcid.org/0000-0001-9250-3809>

Шимчак К. <https://orcid.org/0000-0003-2735-3247>

Г.Д. Павленок✉, Р.Д. Лукьянов, К.К. Павленок

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

E-mail: lukianovagalina@yandex.ru

IT-Fact – новый программный продукт для создания унифицированных баз данных в археологии

Атрибутивный анализ – востребованный и удобный инструмент при обработке массового археологического материала в тех случаях, когда необходимо фиксировать зависимость одного индивидуального признака артефакта от другого, или, что чаще встречается – от определенного комплекса признаков. Для работы с большими базами данных необходимо тщательно следить за унифицированным характером информации с этапа первичного ввода данных. Наиболее эффективное решение этой задачи предполагает использование специализированной компьютерной программы, ограничивающей тип введенной информации (текстовая или цифровая), количество возможных вариантов значений признаков и пр. До недавнего времени с этими задачами справлялись продукты серии Entrer, которые начали разрабатываться еще в середине 1990-х гг., однако устаревшая платформа программы и непредвиденные ошибки, появляющиеся при ее установке на более современные версии оперативных систем, приводят к значительным трудностям работы в программе при настройке или редакции списка признаков и их значений. В связи с этим была начата разработка программного обеспечения, способного работать в актуальных версиях современных операционных систем и учитывающего тенденцию к использованию мобильных устройств в качестве рабочих инструментов. В результате проведенной работы был создан и апробирован на коллекциях каменного века обшей численностью более 2000 экз. программный продукт IT-Fact, предназначенный для эффективного атрибутивного анализа технологически значимых признаков артефактов. При разработке программного продукта в качестве базовых компонентов были использованы язык программирования Python 3 и кроссплатформенная среда для разработки пользовательского интерфейса Qt 5. На настоящий момент IT-Fact представляет собой унифицированный графический интерфейс для ввода, и в перспективе – обработки большого объема данных (заранее определенный исследователем набор качественных и количественных описательных признаков артефактов с перечнем возможных значений).

Ключевые слова: археологическая коллекция, атрибутивный анализ, программное обеспечение, язык программирования.

Galina D. Pavlenok✉, Roman D. Lukianov, Konstantin K. Pavlenok

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

E-mail: lukianovagalina@yandex.ru

IT-Fact – the New Software for Specialized Archaeological Databases

Attributive analysis is a popular and convenient tool for processing large amount of archaeological material evidence when it is needed to establish dependence of one individual feature of the artifact on another, or more often, on a certain set of features. In working with large databases, scholars should carefully monitor the unified nature of information since the initial stage of data entry. The most effective solution to this problem is using specialized software which limits the type of information entered (textual or digital), number of possible options for feature values, etc. Until recently, these tasks were solved by the Entrer software series developed in the mid 1990s. However, the outdated software platform and unforeseen errors appearing after its installation on modern operating systems lead to significant difficulties in setting up or editing the list of features and their values. This is why new IT-Fact software for current operating systems was developed with the purpose of conducting effective attributive analysis of technologically significant artifact features and tested on over 2000 lithic objects of the Stone Age. The Python3 programming language and Qt5 cross-platform graphic interface for development of user environment were basic components in the design of the IT-Fact software. Currently, IT-Fact is a unified graphical user interface for entering and, in the future, processing a large amount of data (a set of qualitative and quantitative descriptive features of artifacts predetermined by the researcher with the list of possible values).

Keywords: archaeological collection, attributive analysis, software, programming language.

Современный уровень развития археологической науки требует детальной и тщательной обработки всех предметов из археологических коллекций, в т.ч. индивидуального описания находок из массовых категорий, таких как нестандартизированные отходы производства изделий из каменного сырья, мелкие фрагменты керамических изделий и пр. («атрибутивный подход» к описанию археологических коллекций) [Павленок К.К., Белоусова, Рыбин, 2011]. Для облегчения и ускорения ввода данных в единую базу для последующей их статистической обработки, а также с целью минимизации ошибок при индивидуальном описании археологических предметов, европейскими археологами Ш. МакФерроном и Г.Л. Дибблом был создан программный продукт Entrer, версии 1–4 (An OldStoneAge.Com Production) [McPherron, Holdaway, 1996]. Эта программа представляет собой графический интерфейс для системы управления базами данных Microsoft Access, позволяющий выстроить строгий неизменяемый алгоритм описания конкретной категории артефактов на основе индивидуальных описательных признаков. Данный программный продукт очень быстро приобрел популярность в среде профессионалов-археологов и стал одним из наиболее удобных способов обработки археологических коллекций в рамках атрибутивного подхода.

Однако разнообразие современных технических приспособлений (электронные планшеты, тахеометры, штангенциркули и другие измерительные приборы с возможностью автоматического переноса данных в компьютер), которые используются в современной археологии, нередко приводит к ситуации, когда исследователь стоит перед необходимостью работать с различными (зачастую конфликтующими) форматами данных при изучении материалов одного археологического комплекса. Это обуславливает необходимость разработки специализированного программного обеспечения, способного унифицировать процесс обработки данных, полученных при использовании различного программного обеспечения и технических средств.

Дорабатывать продукты серии Entrer нецелесообразно (даже в условиях открытого программного кода), поскольку они являются оболочкой к единственному типу баз данных (Microsoft Access), которая поддерживается только одной операционной системой (Microsoft Windows). Это накладывает значительные ограничения на использование продукта, а также делает невозможным применение системных функций иных операционных систем. Кроме того, отсутствие поддержки и регулярных обновлений этого продукта привело к ситуации, когда сочетание его с более новыми версиями

операционных систем приводит к ошибкам и значительным трудностям работы в программе при настройке или редакции списка признаков и их значений.

Разработка программного продукта, который по функционалу может заменить продукты серии Entrer, а также соответствует характеристикам и возможностям современных технических средств и программного обеспечения, является актуальной задачей в рамках общего тренда внедрения цифровых технологий в археологию.

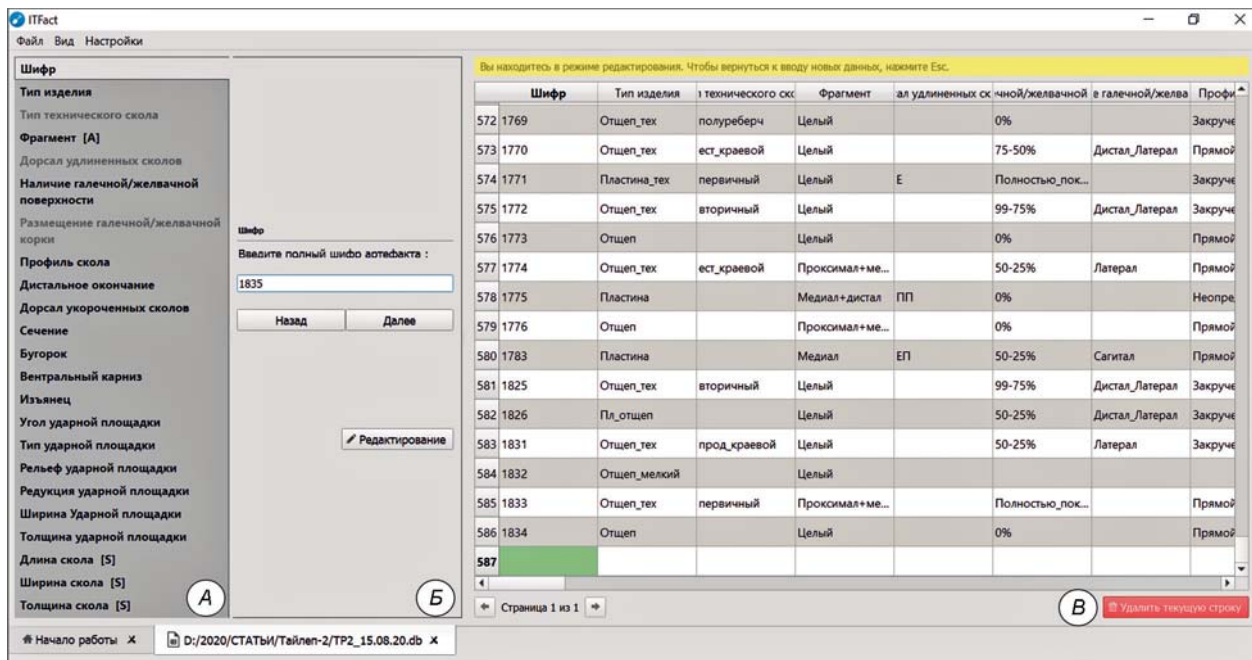
Новый программный продукт, который сейчас разрабатывается в ИАЭТ СО РАН, представляет собой унифицированный графический интерфейс для ввода и обработки большого объема данных (заранее определенный исследователем набор качественных и количественных описательных признаков артефактов с перечнем возможных значений). В качестве базовых компонентов были использованы высокоуровневый язык программирования Python 3 и кроссплатформенная среда для разработки пользовательского интерфейса Qt 5.

Разработка велась в соответствии с предлагаемой в официальной документации фреймворка Qt 5 архитектурой модель/представление. Такой подход позволяет лучше структурировать кодовую базу и сосредоточить код, отвечающий за хранение, получение и отображение данных в различных программных сущностях. Вместо единого слабоструктурированного файла разработчик имеет дело с серией отдельных файлов с кодом, каждый из которых отвечает за выполнение конкретной задачи. Это значительно облегчает дальнейшую разработку и поддержку продукта.

Приоритетными задачами, которые решались при разработке программного продукта, являлись:

- ускорение процесса ввода индивидуальных данных археологического предмета;
- минимизация случайных ошибок при вводе информации;
- обеспечение совместимости с конфигурационными файлами продуктов серии Entrer;
- обеспечение возможности экспорта итоговых данных в сторонние программные продукты;
- обеспечение совместимости с актуальными версиями операционной системы Microsoft Windows;
- обеспечение совместимости с различными системами управления базами данных (поддержка импорта/экспорта информации, в т.ч. полученной со стороннего высокотехнологичного оборудования, в популярные форматы баз данных).

Проблемы удобства ввода данных и возможных ошибок ввода для различных типов признаков решены строгими ограничениями возможных

Интерфейс программы IT-Fact.

А – поле признаков; Б – поле значений признаков; В – поле базы данных.

значений в поле ввода. Также предусмотрено поведение системы при обнаружении проблем, связанных с неконсистентностью данных. Подобные проблемы, например, могут возникнуть при удалении из описания какого-либо признака или значения, что может вызвать несоответствие конфигурации (схемы описания) и итоговой базы данных. В этом случае система после получения одобрения от пользователя обеспечит удаление этого признака и связанных с ним данных из всех элементов программы.

Экспорт данных в текущей версии реализован путем выгрузки итоговых данных в файл с расширением .xlsx. Выбор обусловлен тем, что формат таблицы Microsoft Excel не требует никакой дополнительной обработки данных и поддерживается всеми современными операционными системами. Также была реализована возможность импорта файлов конфигурации (файлы .cfg) и баз данных (файлы .mdb), созданных в Entrer-4, что позволяет в полном объеме использовать ранее зафиксированную информацию и наработки.

Используемый фреймворк Qt 5 благодаря тесной интеграции с операционной системой, на которой запущено приложение, позволяет, помимо прочего, обеспечить поддержку специфических устройств ввода. Это дает возможность, например, использовать для быстрого ввода метрических данных описываемого предмета цифровые штангенциркули с поддержкой подключения к устройству через порт USB.

Кроссплатформенность программы достигается за счет возможностей языка Python 3, имеющего свободно распространяемые реализации интерпретатора под разные операционные системы. Для операционной системы Microsoft Windows в текущей версии реализована система сборки программы в наиболее распространенный исполняемый файл .exe, а также удобный графический инсталлятор. Для этого используются также свободно распространяемые продукты NSIS и PyInstaller. В перспективе планируется переход к использованию продукта Pyqtdeploy, позволяющего унифицировать и автоматизировать процесс сборки приложения для всех заявленных платформ (Microsoft Windows, Android, UNIX-подобные системы и др.).

В результате был получен программный продукт IT-Fact, к достоинствам которого (в сравнении с продуктами серии Entrer) можно отнести следующие характеристики.

Простота настройки списка признаков и их значений при подготовке системы описания (конфигурации). Конфигурация позволяет создать неограниченное количество описательных признаков (см. рисунок, А), задать значения каждого признака в формате заранее определенного списка (для унифицированной информации), либо произвольного текста или числового значения для уникальных значений признаков, таких, например, как метрические данные, примечания и пр. (см. рисунок, Б). При этом IT-Fact позволяет легко редактировать значения конкретного признака, наведя курсор на

нужную ячейку в уже сформированной базе данных (см. *рисунок, В*). За счет того, что в новом программном продукте файл конфигурации и собственно базы данных является единым целым, отсутствует необходимость каждый раз перезагружать программу при редактировании списка признаков, чтобы они сочетались с аналогичным списком базы данных. Подобные проблемы постоянно возникали в *Entrer-4*, где конфигурация и база данных были разбиты на два файла – *.cfg* и *.mdb* и редакция одного из них автоматически вызывала ошибку чтения второго. В *IT-Fact* синхронизация списка признаков и базы данных происходит автоматически.

Еще одним важным достижением стала возможность добавления нескольких условий зависимости одного признака от других, тогда как в *Entrer-4* действительно рабочим было лишь одно условие на один признак. Эту функцию можно проследить на примере описания каменных орудий: например, в *IT-Fact* возможно признак «угол наклона фасеток ретуши второго участка» поставить в зависимость от двух условий – от признаков «наличие вторичной обработки» и «количество участков вторичной обработки». Поскольку условия-признаки иерархичны, при отсутствии положительного значения первого признака («наличие вторичной обработки») либо конкретного значения второго признака («количество элементов вторичной обработки» – 1), третий признак («угол наклона фасеток ретуши второго участка») не будет запрашиваться программой, что ускорит процесс обработки коллекции.

При подготовке программы *IT-Fact* специально была разработана функция, позволяющая импортировать конфигурации (файл *.cfg*) и базы данных (файл *.mdb*), созданные в *Entrer-4*, что позволяет в полном объеме использовать ранее зафиксированную информацию и наработки.

Выбор языка и базового фреймворка, а также современный подход к проектированию архитектуры приложения *IT-Fact* позволяют утверждать, что данное программное обеспечение имеет также и перспективы улучшения. Так, в дальнейшем возможно обеспечение работы как с локальными, так и удаленными базами данных (в т.ч. несколькими пользователями в синхронном режиме), а также полная поддержка других современных операционных систем: UNIX-подобные системы,

Android и др. («кроссплатформенность»). Кроме того, в рамках разработки модуля для удаленной работы с базами данных планируется реализация внешнего программного интерфейса (API), который предоставит сторонним разработчикам возможность расширения базового функционала программы посредством добавления собственных программных модулей. В отдаленной перспективе возможно добавление функции голосового ввода значений признаков, что позволит существенно увеличить скорость обработки коллекций. Расширение возможностей программного продукта *IT-Fact* за счет добавления этих функций позволит создать гибкий и универсальный инструмент обработки коллекций, превосходящий по эффективности существующие в настоящий момент аналоги.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ (проект № 18-39-20003).

Список литературы

Павленок К.К., Белоусова Н.Е., Рыбин Е.П. Атрибутивный подход к реконструкции «операционных цепочек» расщепления камня // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология.* – 2011. – Т. 10, вып. 3. – С. 35–46.

McPherron S., Holdaway S.J. *Entrer Trois* // *A multimedia companion to the Middle Paleolithic site of Combe-Capelle Bas (France).* – Philadelphia: The Univ. Museum, 1996. – CD-ROM.

References

McPherron S., Holdaway S.J. *Entrer Trois*. In *A multimedia companion to the Middle Paleolithic site of Combe-Capelle Bas (France)*. Philadelphia: The Univ. Museum, 1996. CD-ROM.

Pavlenok K.K., Belousova N.E., Rybin E.P. Atributivnyi podkhod k rekonstruktsii “operatsionnykh tsepochek” rasschepleniia kamnia. *Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*, 2011, vol. 10, iss. 3, pp. 35–46. (In Russ.).

Павленок Г.Д. <https://orcid.org/0000-0003-3727-776X>

Лукьянов Р.Д. <https://orcid.org/0000-0003-0840-8054>

Павленок К.К. <https://orcid.org/0000-0003-0205-2077>

А.Г. Рыбалко

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: rybalko@archaeology.nsc.ru

Основные типы макроорудий в ашельских комплексах Юго-Восточного Дагестана

В статье рассматривается развитие основных форм макроорудий в позднеашельских комплексах, расположенных на территории Дарвагчайского геoarхеологического района (среднее течение р. Дарвагчай). Представленные коллекции каменных артефактов включают изделия, полученные в результате раскопок последних лет, в т.ч. полевых археологических исследований стоянок Дарвагчай-залив-1 и Дарвагчай-залив-4 в 2020 г. Точные хронологические рамки культуросодержащих горизонтов стоянок установлены по результатам анализа малакофауны, палеомагнитных исследований и серии OSL-дат. На основании технико-типологических показателей каменных артефактов, абсолютной и относительной хронологии выделены два культурно-хронологических комплекса, которые соответствуют определенным подразделениям местной стратиграфической схемы плейстоцена. Дана морфологическая характеристика ашельских макроорудий этих комплексов, а также проведен подробный сравнительный анализ. Основная причина существующих различий представленных археологических материалов заключается, прежде всего, в их хронологической позиции. Данные позднеашельские индустрии, несмотря на то, что разделены значительным промежутком времени, имеют больше сходства между собой, чем с какими-либо археологическими материалами Дагестана и Кавказа в целом. На основании всего комплекса данных наглядно показано, что на изучаемых памятниках представлены разные хронологические этапы развития одной традиции каменного производства. Раннепалеолитические комплексы Дарвагчайского геoarхеологического района имеют ряд морфологических и типологических особенностей, отличающих их от ашельских индустрий других регионов, тем не менее представленные археологические материалы хорошо согласуются с общим направлением развития древнекаменного века Кавказа, демонстрируя черты, характерные для позднего этапа раннего палеолита локального регионального облика.

Ключевые слова: *ранний палеолит, местонахождения, стоянки, ашель, каменные индустрии, макроорудия, двухсторонняя обработка.*

Andrey G. Rybalko

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: rybalko@archaeology.nsc.ru

Main Types of Macrotools in the Acheulean Complexes of Southeastern Dagestan

The article describes the development of main forms of macrotools in the Late Acheulean complexes from the Darvagchay geoarchaeological region (the middle course of the Darvagchay River). The collections of stone artefacts contain the items obtained in the excavations of recent years, including field archaeological research at the Darvagchay-Bay-1 and Darvagchay-Bay-4 sites in 2020. The chronology of cultural horizons at these sites was established from the results of malacofauna analysis, paleomagnetic studies, and a series of OSL dates. Two cultural and chronological complexes have been identified from technical and typological indicators of stone artifacts as well as absolute and relative chronology. The morphological features of the Acheulean macrotools and their detailed comparative analysis are described. The main reason for the differences in the complexes under study was primarily their chronological position. Despite the fact that they were separated by a considerable period of time, these Late Acheulean industries have more similarities with each other than with any archaeological materials of Dagestan and the entire Caucasus. On the basis of the whole set of data, it is clearly shown

that these sites represent different chronological stages in the development of a single tradition of stone production. The Early Paleolithic complexes of the Darvagchay geoarcheological region show a number of morphological and typological features which distinguish them from the Acheulian industries of other regions. However, these archaeological materials are in good agreement with the general development of the Stone Age in the Caucasus, showing the features typical of the later Early Paleolithic of the local regional appearance.

Keywords: *Early Paleolithic, localities, sites, Acheulean, stone industries, macrotools, bifacial processing.*

Около 1,7–1,6 млн л.н. на территории африканского континента появились каменные индустрии, в которых произошли значительные качественные изменения в технологии обработки камня. Принципиальным их отличием от более древних олдувайских (галечно-отщеповых) комплексов явилось массовое появление группы специализированных макроорудий – ручных рубил, кливеров, пиков и др., а также разнообразного набора мелких орудий на сколах. Данные индустрии, по месту их первого обнаружения в Сент-Ашеле (предместье города Амьена во Франции) были названы ашельскими.

Время существования ашельских индустрий охватывает период более 1,5 млн лет и является самым продолжительным среди других эпох каменного века. Ашель делится на три этапа. (1) Ранний ашель ~1,7–1 млн л.н.: для него характерны чопперы, чоппинги, сфероиды и пики, помимо этого присутствуют немногочисленные мелкие орудия, на данном этапе еще не образующие устойчивых форм. В это время появляется и широко распространяется новое орудие – ручное рубило, которое постепенно развивается из чоппингов и проторубил предшествующей олдувайской эпохи. Рубила отличаются более устойчивой формой и правильными очертаниями. По данным следов макро- и микроизноса эти орудия имели универсальное функциональное (режуще-рубящее) назначение и использовались как для разделки туш животных, так и для рубки и раскалывания дерева и кости. (2) Средний ашель ~1–0,5 млн л.н.: для этого этапа характерны крупные массивные рубила, как правило, с необработанными основаниями, но приобретающие более устойчивые стандартизированные формы. Эти орудия сопровождаются чопперами, чоппингами, кливерами и пиками. Набор мелких орудий становится более разнообразным и типологически выразительным, а в первичном расщеплении появляется специальная технология получения сколов заданных размеров и очертаний (леваллуазская техника). (3) Поздний ашель ~0,5–0,2 млн л.н. Здесь по-прежнему присутствуют чопперы, чоппинги, пики, кливеры и ручные рубила. Но появляются и новые признаки, свидетельствующие о значительном прогрессе в технике оформления каменных орудий. Прежде всего, это относится к рубилам, для кото-

рых в качестве заготовок помимо галек и обломков породы широко используются крупные отщепы. Многие из них приобретают более правильные очертания с тщательной отделкой по всему периметру. Возникает ряд четко определенных форм рубил – овальные, треугольные, миндалевидные, копьевидные и т.д. Продолжается совершенствование мелкоразмерного орудийного инвентаря, развивается леваллуазская техника.

Целью данной работы является введение в научный оборот новых археологических материалов, полученных в ходе полевых исследований позднеашельских стоянок Дарвагчайского геоархеологического района, а также анализ развития и совершенствования основных форм макроорудий этих комплексов.

Как было показано выше, главным индикатором ашельских индустрий на протяжении всего существования являются макроорудия. Основные широко распространенные категории этих изделий включают: чопперы и чоппинги, пики, нуклевидные скребки, кливеры и ручные рубила. Ввиду особой значимости этих орудий необходимо охарактеризовать их поподробнее.

Чопперы (*choppers*) и чоппинги (*chopping tools*) – простейшие рубящие каменные изделия, традиционно объединяемые под понятием «галечные орудия» (*pebble tools*), несмотря на то, что для их изготовления помимо галек использовались и другие исходные формы каменного сырья (желваки, обломки плитки). Существует много определений этих орудий, суммируя которые, можно сказать, что это галька или другая отдельность породы, на продольном или поперечном крае которой серией сколов оформлялось лезвие, как правило, ровное, если заготовка оббивалась с одной стороны (чоппер), или извилистое, если с двух сторон (чоппинг). Эти орудия подразделяются на подтипы по месту расположения (концевые или терминальные, продольные), количеству (одинарные, двойные и т.д.) и форме рабочих краев (выпуклые, прямые, с острием и др.). Трасологический анализ данных изделий, обнаруженных в ашельских горизонтах пещеры Азых (Азербайджан) показал, что чопперы применялись, в основном, для рубки, раскалывания дерева и кости, а чоппинги были более универсальными орудиями и помимо этого ис-

пользовались для разделки туш животных [Шелинский, 1994].

Пиковидные орудия (пики). Данный термин широко используется в научной литературе, хотя, как и в предыдущем случае, общепринятого определения не существует. Тем не менее большинство исследователей ашельских индустрий сходятся в том, что это макроорудие отличается четко выделенным заостренным концом и очень массивным подтреугольным (триэдр) или подчетыреугольным (квадриэдр) сечением. Некоторые авторы указывают на тесную связь пиков и рубил и объединяют их в одну категорию, так, по мнению Ф. Борда, пики – это разновидность неклассических бифасов с очень массивным поперечным сечением [Bordes, 1961]. Наиболее полное определение этим орудиям дал В.П. Любин на основе изучения западноафриканских позднеашельских комплексов, расположенных на территории республики Кот д'Ивуар [Любин, Геде, 2000, с. 25–34]. Пики – крупные орудия с массивными корпусами (толщина поперечного сечения примерно равна ширине), рабочим элементом которых являются специально оформленные зауженные дистальные концы. Круто оббитые ребра возникли в результате оконтуривания заготовки и связаны с технологией изготовления этих орудий, они лишены приострения и не образуют четко выраженных боковых лезвий. Пики подразделяются по форме поперечного сечения на подтреугольные – трехгранные (триэдры), подчетыреугольные – четырехгранные (квадриэдры) и полигональные (полиэдры). Данное определение подчеркивает, прежде всего, отличие этих орудий от ручных рубил и выделяет их в качестве самостоятельного класса ашельских макроорудий. Они создавались по разным моделям и имели различное функциональное назначение – ударное у пиков и режуще-рубящее у рубил.

Нуклевидные скребки (фр. *rabot*, англ. *core scraper*) вместе с галечными орудиями являются одними из наиболее древних макроорудий. Это крупные, массивные орудия, сочетающие морфологические признаки, характерные для нуклевидных изделий с хорошо выраженными скребковидными лезвиями. Исходными заготовками для них служили массивные обломки, гальки и крупные отщепы, имеющие одну плоскую поверхность, с которой производилась крутая оббивка рабочего края, в некоторых случаях дополнявшаяся ретушью. На части изделий наблюдаются четко выраженные макроследы износа. Наиболее распространены одинарные формы этих орудий с прямым или выпуклым рабочим краем, намного реже встречаются нуклевидные скребки округлой формы с оббивкой части или всего периметра заготовки.

Топоровидные орудия (кливеры – *cleavers*). Данные изделия отличаются, прежде всего, наличием поперечного лезвия на дистальном крае заготовки, образованного схождением двух противоположных плоскостей и не имеющего дополнительного оформления. Учитывая все многообразие этих изделий, включая различные переходные формы, стоит отметить главные отличительные признаки. У кливеров вторичная отделка в виде оббивки и крупной ретуши была незначительная, не распространялась на рабочий элемент и применялась для оконтуривания и притупления боковых краев заготовки, а не для оформления боковых лезвий [Любин, Беляева, 2004, с. 20–33; Ранов, 2001].

Ручные рубила – орудия, изготовленные из отдельных пород или крупных отщепов путем полной или частичной двусторонней оббивки заготовки таким образом, что ее края на большей части периметра превращались в лезвия, а дистальный конец в той или иной мере заострялся. В процессе обработки эти макроорудия приобретали линзовидное сечение и удлиненную продолговатую форму. Термины «ручное рубило» (*handaxe*) или «бифас» (*biface*) часто рассматриваются как синонимы, в то же время очевидно, что каждый из них несет разную смысловую нагрузку, направленную на функциональное назначение или на технические признаки, связанные с характером обработки, тем не менее и тот и другой широко используются в археологической литературе. Термин «бифас» получил большое распространение благодаря широко известной методике классификации этих изделий одного из авторитетных представителей французской палеолитической школы Ф. Борда [Bordes, 1961]. Хотя этот термин, несомненно, охватывает намного более широкий круг изделий и, помимо рубил, включает большое количество разнообразных двусторонне обработанных орудий. С другой стороны, крупные орудия с конвергентными рабочими краями и заостренным концом иногда производились с минимальной и даже не всегда двусторонней обработкой (многообразные частичные рубила, унифасы). Именно такие изделия преобладают в ашельских индустриях Кавказа [Любин, Беляева, 2004] и в исследуемых комплексах Дагестана в частности [Рыбалко, Кандыба, 2019].

В настоящее время на территории Дагестана известно ок. 10 ашельских местонахождений, однако четко стратифицированные комплексы с научно достоверными и многочисленными коллекциями артефактов единичны. В данной статье рассматривается развитие основных типов макроорудий в позднеашельских индустриях Дарвагчайского геологического района. Здесь компактно расположена небольшая группа памятников, коллекции

которых включают подобные типы орудий. Она состоит из двух стратифицированных многослойных стоянок, материалы которых положены в основу данных исследований: Дарвагчай-залив-1 (комплекс IV, слои 2 и 3) и Дарвагчай-залив-4 (слои 3 и 5), а также двух местонахождений с поверхностным залеганием артефактов Дарвагчай-залив-2 и Дарвагчай-карьер. Точные хронологические рамки культуросодержащих горизонтов установлены по результатам анализа малакофауны, палеомагнитных исследований и серии OSL-дат [Рыбалко, Кандыба, 2019]. На основании технико-типологических характеристик археологических коллекций, абсолютной и относительной хронологии выделены два культурно-хронологических комплекса.

Наиболее ранние свидетельства появления ашельских макроорудий на рассматриваемой территории (комплекс II 380–330 тыс. л.н. (МИС 11–10)) обнаружены на памятнике Дарвагчай-залив-1 (комплекс IV, слой 3), Дарвагчай-залив-4 (слой 5) и Дарвагчай-залив-2. Все названные пункты имеют в той или иной степени схожий геохронологический контекст, артефакты залегали в горизонтах, которые представлены галечниками и песками, имеющими прибрежно-морской генезис.

В этом комплексе четко выделяются три небольшие группы, всего 24 экз. (21 % от общего количества орудий):

чопперы – 4 (17 % от общего количества макроорудий):

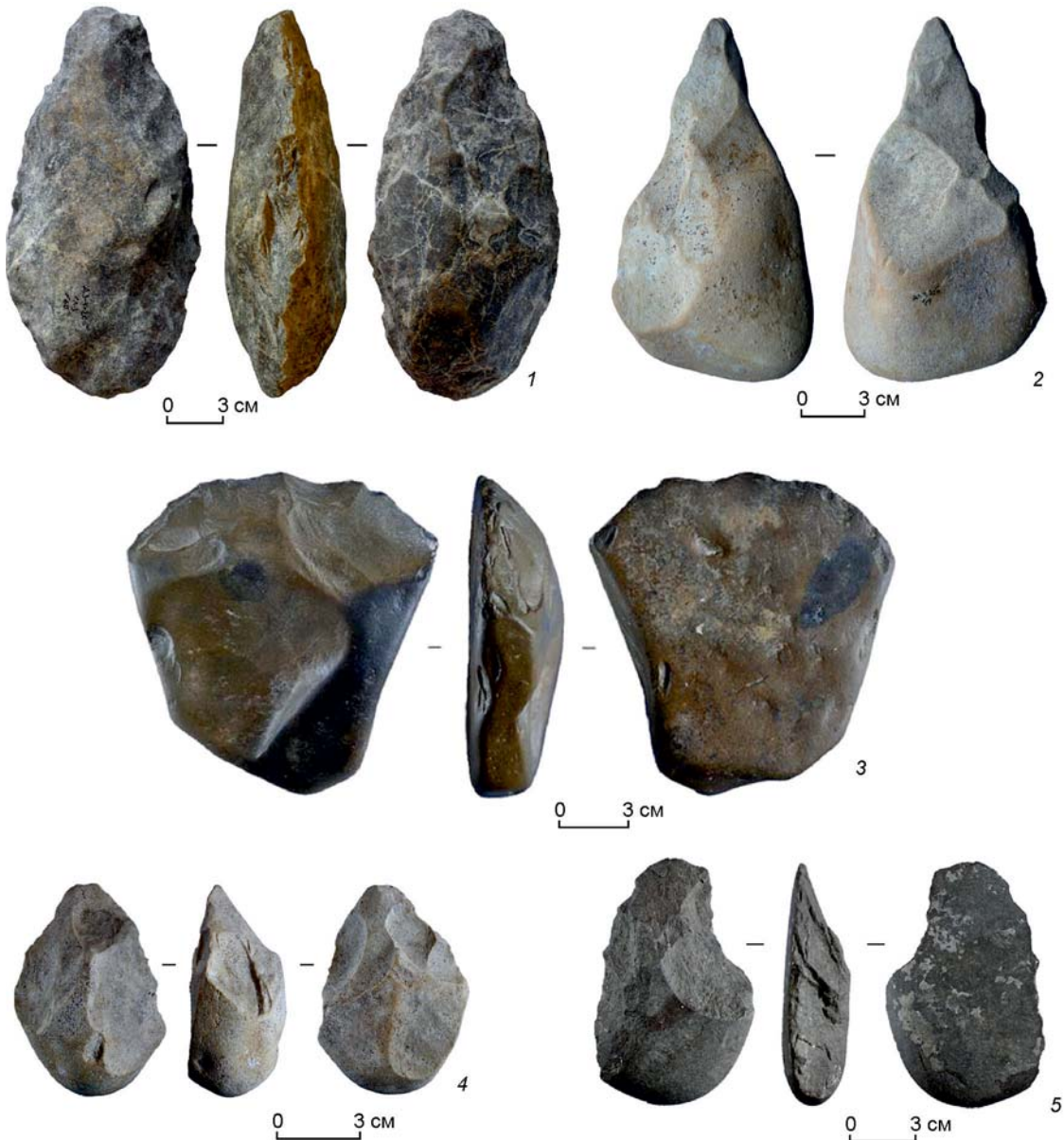

Рис. 1. Каменные артефакты стоянки Дарвагчай-залив-4.

1, 4 – рубила; 2 – пик, 3 – чоппер; 5 – унифас.

концевые с выпуклым лезвием (4);
 пики – 8 (33 %):
 трехгранные (5)
 четырехгранные (3);
 ручные рубила 12 (50 %):
 частичные рубила подтреугольной формы (4)
 рубило с поперечным лезвием (1)
 частичные минирубила (рубильца) (5)
 рубила односторонние (унифасы) (2).

В целом комплекс II выглядит довольно архаично. Все чопперы относятся к одному самому распространенному типу, в качестве заготовок использовались плоские гальки округлой или овальной формы, лезвия оформлены крупными и средними сколами, на трех орудиях имеются макроследы износа (рис. 1, 3; 2, 4). Пики составляют вторую по численности категорию макроорудий. Для их изготовления использовались крупные массивные гальки и обломки пирамидальной формы (рис. 1, 2). Все ручные рубила представлены исключительно частичными бифасами. Морфологические черты рассматриваемых орудий позволяют разделить их на несколько групп. Рубила с хорошо выраженным конвергентным схождением лезвий в дистальной части (наи-

более многочисленны) (рис. 1, 4; 3, 2, 3) и рубила подпрямоугольных очертаний с прямым поперечным лезвием (очень редкие). Рубила дополняются унифасами, которые по форме очень близки, но отличаются по технике изготовления (рис. 2, 2). Так как унифасы представлены единичными экземплярами и функционально образуют с ручными рубилами единую группу, представляется не целесообразным выделять эти изделия в отдельный класс макроорудий. Тем не менее данные изделия являются характерной особенностью комплекса.

Культурно-хронологический комплекс I включает макроорудия, обнаруженные на местонахождениях в схожих стратиграфических условиях. Ведущую роль в осадконакоплении здесь играли элювиально-делювиальные и пролювиальные процессы. Данные отложения, состоящие из разнообразных сырьевых групп (кремень, известняк, песчаник, кремнистые породы), являются основным источником каменного сырья. Хронологические рамки комплекса I, включающего стоянки Дарвагчай-залив-1 (комплекс IV, слой 2), Дарвагчай-залив-4 (слой 3) и местонахождение Дарвагчай-карьер, определены в интервале 250–220 тыс. л.н. (МИС 7) [Там же].

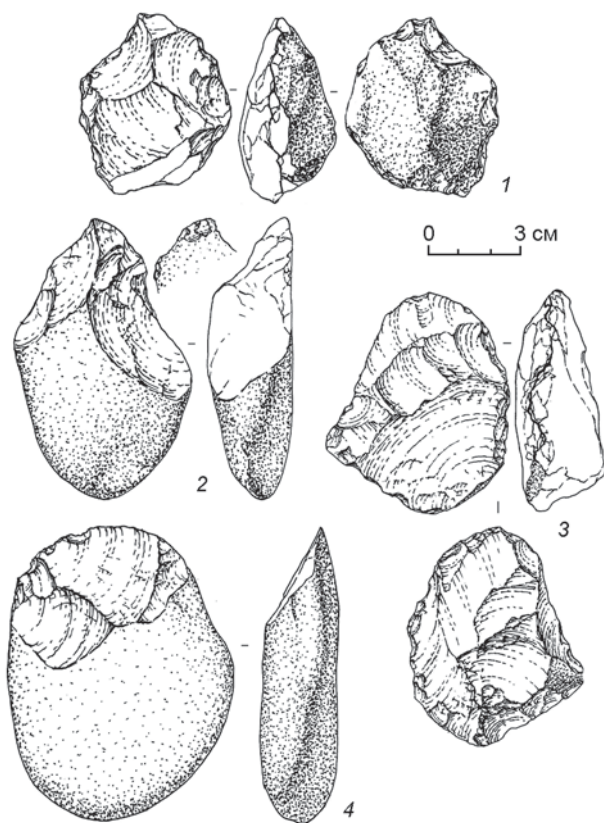

Рис. 2. Каменные артефакты стоянки Дарвагчай-залив-4. 1 – рубильце; 2 – унифас; 3 – кливеровидное орудие; 4 – чоппер.

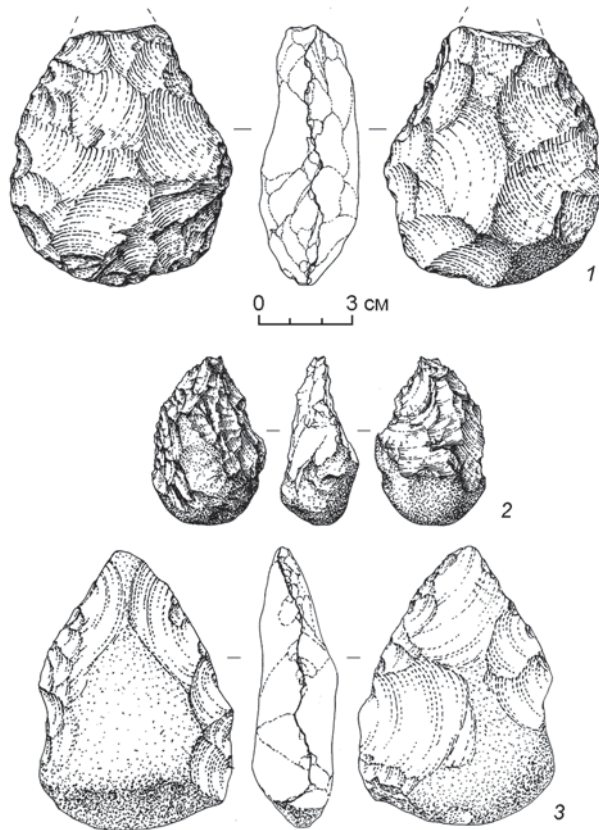

Рис. 3. Каменные рубила местонахождений Дарвагчай-карьер (1), Дарвагчай-залив-2 (2) и стоянки Дарвагчай-залив-1 (3).

В этом комплексе четко выделяются четыре основные группы и несколько единичных изделий, всего 40 экз. (12 % от общего количества орудий):

чопперы – 9 (22 % от общего количества макроорудий):

- концевые с выпуклым лезвием (5)*
- концевые с вогнутым лезвием (1)*
- концевые с заостренным лезвием (3);*

пики – 8 (20 %):

- трехгранные (5)*
- четырёхгранные (3);*

нуклевидные скребки – 5 (13 %);

кливеровидные орудия – 2 (5 %);

рубила – 16 (40 %):

- классические рубила (4)*
- частичные рубила (3)*
- частичные минирубила (рубильца) (6)*
- обушковое рубило (1)*
- рубила односторонние (унифасы) (2).*

Культурно-хронологический комплекс I выглядит более развитым и разнообразным, как по

технике оформления, так и типологии. Чопперы, составляющие вторую по численности группу изделий, представлены тремя разновидностями, основным отличительным признаком которых является форма рабочего края. Для пиков в качестве заготовок использовались угловатые массивные желваки и обломки. Боковые грани и острия имеют незначительную подправку сколами и крупной ретушью. Все орудия обладают признаками использования в виде забитостей и мелких сколов на остриях (рис. 4, 4, 5). Стоит отметить появление двух новых категорий макроорудий – нуклевидных скребков и кливеровидных изделий. В качестве заготовок для первых использовались гальки и крупные массивные отщепы (рис. 4, 3). Выпуклые лезвия оформлены крутой оббивкой, на всех имеются следы утилизации. Классических кливеров в коллекции нет. К данной категории отнесены два топорovidных изделия на крупных отщепах, слабо выпуклые лезвия которых образованы схождением двух плоскостей, вторичная отделка боковых краев минимальна (см. рис. 2, 3). Процесс совершенствования главных ашельских макроорудий (ручных рубил) особенно ярко проявился здесь с появлением «классических» ашельских бифасов. Немногочисленная, но выразительная группа состоит из миндалевидных (см. рис. 1, 1; 4, 1), сердцевидных (см. рис. 3, 1) и удлинённо-копьевидных форм. Бифасы этой группы являются массивными, сплошь обработанными и двояковыпуклыми, это самые крупные и тщательно оформленные изделия в коллекции. В то же время основное количество этих макроорудий, как и в комплексе II, по-прежнему представлено частичными бифасами (см. рис. 4, 2) и невыразительными мелкими рубильцами (см. рис. 2, 1).

Раннепалеолитические индустрии представляют особую трудность для полноценного типологического анализа. Чтобы судить о степени сходства или различия каменных индустрий, следует выявлять специфические для них типы орудий, морфологические и технологические особенности. Технология производства макроорудий, являющихся главным маркером ашельских индустрий, в представленных комплексах была основана на обработке подходящих по размеру и форме галек таких пород, как песчаник, кремнь и известняк. Фактор сырья играл очень важную роль. При всей вариативности его можно разделить на два основных типа, обладающих разными физическими свойствами (прочность, пластичность, трещиноватость). Все крупные тщательно оформленные макроорудия изготовлены исключительно из окремненного известняка и песчаника. Из кремня (сырьё мелкогабаритное, трещиноватое) выполнены в основном невыразительные плохо оформленные орудия (часть пиков и все ру-

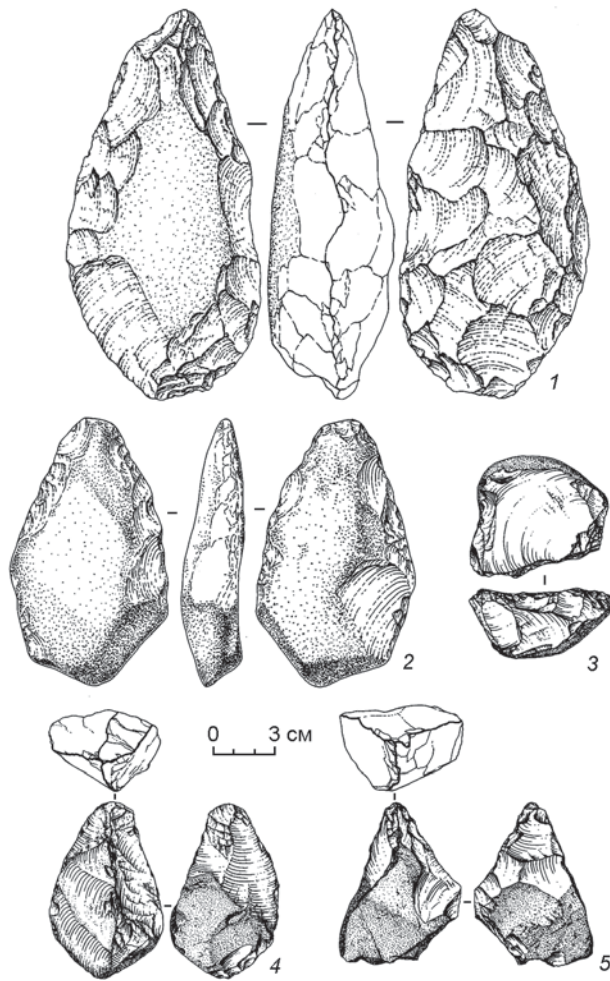

Рис. 4. Каменные артефакты стоянки Дарвагчай-залив-1 (1) и Дарвагчай-залив-4 (2–5).

1, 2 – рубила; 3 – нуклевидный скребок; 4, 5 – пики.

бильца). Таким образом, размеры, приемы и интенсивность обработки данных изделий демонстрируют прямую зависимость от типа сырья. Представленные комплексы имеют ряд общих черт, демонстрирующих несомненное сходство в приемах оформления и типах изделий. В первую очередь это подавляющее количественное превосходство неклассических форм бифасов с частичной двусторонней обработкой, а также достаточно большое количество чопперов и пиков. Принципиальное значение для сравнения имеет также тот факт, что они принадлежат к одной технологической традиции. Основными заготовками для рубил были гальки и обломки, в обоих комплексах полностью отсутствуют рубила, изготовленные на крупных отщепах. Вероятно, данные археологические материалы демонстрируют постепенный переход от позднеашельских индустрий с чопперами, пиками и частичными рубилами к финальноашельским с классическими бифасами, нуклеидными скребками и редкими кливеровидными изделиями. Основная причина существующих различий представленных комплексов заключается в их хронологической позиции. На данных памятниках наглядно представлены разные хронологические этапы развития одной локальной традиции каменного производства, имеющие одну генетическую основу.

Подытоживая все вышесказанное, стоит отметить, что территория Дагестана благодаря проведенным исследованиям может быть включена в зону распространения раннепалеолитических индустрий с бифасиально обработанными орудиями. Для представленных ашельских комплексов характерно преобладание индустрий с частичными рубилами, чопперами и пиками. Памятники с «классическими» рубилами появляются здесь довольно поздно в рисское время (МИС 7), но и в данных комплексах хорошо оформленных бифасов мало, преобладают т.н. частичные. Технологические особенности сырья, а также чрезвычайно разнообразие исходных заготовок обусловили большое разнообразие морфологических форм и, соответственно, крайне низкую стандартизацию указанных орудий.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-09-00006-а.

Список литературы

Любин В.П., Беляева Е.В. Стоянка *Homo erectus* в пещере Кударо I. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. – 272 с.

Любин В.П., Геде Ф.Й. Палеолит Республики Кот д'Ивуар (Западная Африка). – СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. – 157 с.

Ранов В.А. К типологии кливеров // Современные проблемы Евразийского палеолитоведения. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – С. 322–323.

Рыбалко А.Г., Кандыба А.В. Исследования Ашельских комплексов стоянки Дарвагчай-залив-4 в 2019 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. XXV. – С. 225–230.

Шелинский В.Е. Каменные орудия труда ашельской эпохи из пещеры Азых // Экспериментально-трасологические исследования в археологии. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1994. – С. 22–43.

Bordes F. *Typologie du Paleolithique ancien et moyen.* – Bordeaux: Imprimeries Delmas, 1961. – 103 p.

References

Bordes F. *Typologie du Paleolithique ancien et moyen.* Bordeaux: Imprimeries Delmas, 1961, 103 p.

Lyubin V.P., Belyaeva E.V. *Stoyanka Homo Erectus v peshehere Kudaro I.* St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2004, 272 p. (In Russ.).

Lyubin V.P., Guedé F.Y. *Palaeolithic Researches in the West Africa (Républic Côte D'ivoir).* St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2000, 157 p. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23076324&>. (In Russ.).

Ranov V.A. К типологии кливеров. In *Sovremennyye problemy Evraziyskogo paleolitovedeniya.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2001, pp. 322–323. (In Russ.).

Rybalko A.G., Kandyba A.V. The Study of Ashel Complexes of the Darvagchay-Zaliv-4 Site in 2019. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019, vol. XXV, pp. 225–230. DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.225-230. (In Russ.).

Shelinskiy V.E. Kamennyye orudiya truda ashelskoy epokhi iz peshchery Azykh. In *Ekspperimentalno trasologicheskie issledovaniya v arkheologii.* St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 1994, pp. 22–43. (In Russ.).

Рыбалко А.Г. <https://orcid.org/0000-0002-8749-0465>

А.Г. Рыбалко✉, А.В. Кандыба

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: rybalko@archaeology.nsc.ru

Исследования многослойной стоянки Дарвагчай-залив-4 в 2020 году

В статье представлены новейшие результаты, полученные в ходе комплексных исследований многослойной стоянки Дарвагчай-залив-4 (Юго-Восточный Дагестан). В ходе раскопок были обнаружены дополнительные археологические материалы, подтверждающие наличие на стоянке как минимум трех разновременных комплексов артефактов, точные хронологические рамки которых были установлены ранее по результатам анализа малакофауны, палеомагнитных исследований и абсолютного датирования методом OSL. Каменная индустрия первого комплекса характеризуется леваллуазской техникой расщепления и типичным среднепалеолитическим орудийным набором, артефакты залегали в горизонте палеопочвы (слой 1в). Хронологически время его существования определено периодом рисс-вюрмского (эмского, микулинского) межледникового, в интервале 125–110 тыс. л.н. (MIS 5e). Артефакты другого комплекса, обнаруженные в слое 3 (галечно-гравийные отложения), относятся к финальному ашелю. Ведущую роль в осадконакоплении здесь играли элювиально-делювиальные и пролювиальные процессы. Возраст культуросодержащего горизонта установлен в интервале 250–220 тыс. л.н. (MIS 7). Коллекция каменных изделий, обнаруженная в слое 5 (морские галечники и пески), относится к позднему ашелю и является свидетельством наиболее раннего появления древнего человека на рассматриваемой территории (380–330 тыс. л.н. (MIS 11–10)). Наиболее выразительной частью раннепалеолитических коллекций являются крупные галечные и бифасиально обработанные орудия. Среди орудий на сколах выделяются небольшие серии скребловидных, шиповидных и выемчатых изделий. Данные индустрии имеют ряд общих черт, демонстрирующих несомненное сходство в приемах оформления и типах изделий. Основная причина существующих различий представленных комплексов заключается в их хронологической позиции.

Ключевые слова: Дагестан, археологические стоянки, ашель, каменные индустрии, ранний и средний палеолит.

Andrey G. Rybalko✉, Aleksandr V. Kandyba

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: rybalko@archaeology.nsc.ru

Research of the Darvagchai-Zaliv-4 Multi-Layer Site in 2020

The article provides the latest results obtained in the course of research of the Darvagchai-Zaliv-4 site (South-Eastern Dagestan). During the excavations, additional archaeological evidence were obtained confirming the presence of three different-time artifact assemblages at the site, the chronological framework of which was established earlier based on the results of malacofauna analysis, paleomagnetic studies, and absolute OSL dating. The lithic industry of the first assemblage is characterized by the Levallois splitting technique and the typical middle-Paleolithic toolkit; the artifacts were located in Layer 1 c. Chronologically, the time of its existence is determined by the Riess-Wurm (Mikulinsky) interglacial period, 125–110 thousand years ago (MIS 5e). The artifacts from another assemblage found in Layer 3 (pebble-gravel deposits) belong to the final Acheulean. The age of the horizon is determined in the range of 250–220 thousand years ago (MIS 7). The collection of stone products found in Layer 5 (sea pebbles and sand) belongs to the late Acheulean and is an evidence of the earliest appearance of the ancient man in the territory under consideration (380–330 thousand years ago (MIS 11–10)). The most expressive part of the early Paleolithic collections are large pebble and bifacially processed tools. Among the tools on the flakes, there are small series of scraper-shaped, spike-shaped, and notched tools. These industries have a number of common features that demonstrate a clear similarity in design techniques and product types. The main reason for existing differences in the provided assemblages is their chronological position.

Keywords: Dagestan, archeological sites, Acheulean, lithic industries, early and middle Paleolithic.

Стоянка Дарвагчай-залив-4 обнаружена в 2010 г. в ходе археологического обследования правого берега р. Дарвагчай (Дербентский р-н, Республика Дагестан). Памятник расположен на правом берегу Геджухского водохранилища в средней части высокого (ок. 20 м) крутого склона (рис. 1). Стационарные исследования стоянки, проводившиеся с перерывами в 2011–2019 гг., позволили получить подробные сведения о стратиграфии объекта, а также набор палеолитических изделий, характерной чертой которого является наличие выразительных макроорудий [Рыбалко, 2014; Кандыба, Рыбалко, 2016].

В 2020 г. была сделана прирезка к основному раскопу в северо-восточном направлении, общая площадь составила 10 м². Наиболее наглядно вскрытые отложения представлены на юго-восточной стенке раскопа, всего выделено 8 геологических горизонтов (краткое описание дается сверху вниз) (рис. 2).

Слой 1а. Гумусированный суглинок (современная почва). Мощность 0,15 м.

Слой 1б. Серо-коричневый опесчаненный суглинок. Генезис отложений субаэральный (элювиально-делювиальный). Мощность до 1 м.

Слой 1в. Буро-коричневый, тяжелый суглинок (палеопочва). Часть слоя (верхняя половина) разрушена склоновыми процессами. Слой содержит среднепалеолитические артефакты. Мощность до 0,4 м

Слой 2. Коричневый местами сильно карбонизированный лессовидный суглинок. Генезис субаэральный. В верхней трети слоя (контактная зона)

Рис. 1. Стоянка Дарвагчай-залив-4. Общий вид.

Рис. 2. Северо-восточная стенка раскопа стоянки Дарвагчай-залив-4.

встречаются единичные среднепалеолитические артефакты. Мощность до 3,5 м.

Слой 3. Гравийно-галечные отложения различной степени окатанности. В заполнителе глинистый песок, суглинки. Генезис отложений сложный, ведущую роль играли пролювиально-делювиальные и аллювиальные (горный аллювий) процессы. Слой содержит раннепалеолитические артефакты. Мощность до 1,5 м.

Слой 4. Прибрежно-морские пески, светло-серые, косослоистые. Мощность до 0,45 м.

Слой 5. Гравийно-галечные отложения. В заполнителе светло-серый детритусовый песок с включением раковин морских моллюсков разной сохранности. Слой содержит палеолитические артефакты. Мощность до 0,45 м.

Слой 6. Тонкослойчатые серые пески с горизонтальными прослоями детритусового песчаника. Генезис отложений прибрежно-морской. Мощность до 1,5 м.

Полученная в ходе раскопок сводная коллекция включает 168 каменных изделий.

Среднепалеолитические артефакты, обнаруженные в горизонте палеопочвы (слой 1в) (рис. 2), име-

ют одинаковую (очень хорошую) степень сохранности поверхности.

Археологическая коллекция насчитывает 64 артефакта. В ней представлены следующие категории каменных изделий: галька, нуклеидные формы – 5, пластины – 3, отщепы – 39, обломки и осколки – 7, чешуйки – 9.

Нуклеидные формы представлены типологически выраженными ядрищами (4) и нуклеидным обломком. Для всех изделий характерна высокая степень утилизации. Большая часть нуклеусов (3) относится к леваллуазской системе расщепления. В качестве заготовок использовались гальки. Один нуклеус овальной формы (5,5 × 4,4 × 1 см), площадка фасетированная выпуклая, контрфронт галечный, на фронте негативы мелких сколов (рис. 3, 1). Другой – прямоугольной формы (6,1 × 4 × 0,9 см) площадка фасетированная выпуклая, на фронте негатив снятия крупного отщепа. У ядрища округлой формы (6,5 × 6 × 2,4 см) латерали оформле-

ны центростремительными сколами, контрфронт галечный, площадка скошенная двугранная. Одноплощадочный монофронтальный нуклеус подтреугольной формы (3,4 × 4,3 × 1 см), площадка гладкая скошенная, на фронте негативы мелких сколов (рис. 3, 2).

Индустрия сколов включает 42 предмета. Пластины – 3 экз. (одна фрагментирована) – имеют субпараллельные однонаправленные огранки дорсалов, гладкие (2) и фасетированную остаточные ударные площадки (рис. 3, 4–6). Отщепы – 39 экз. (11 представлены фрагментами): крупные (4), средние (22 экз.) и мелкие (13). По характеру огранки дорсалов изделия разделены следующим образом: естественные (4), субпараллельные однонаправленные (24), субпараллельные бинаправленные (4), радиальные (5) и бессистемные (6). Определимые остаточные ударные площадки представлены: естественными (5), гладкими (19), точечными (2), двугранными (4) и фасетированными (9) разновидностями.

Изделий со следами вторичной обработки 6 экз., кроме них в орудийный набор включены леваллуазские отщеп, пластина и отбойник. У леваллуазских сколов площадки выпуклые фасетированные. Отщеп средних размеров (рис. 3, 7) дистальная часть обломана, пластина крупная без следов оформления и утилизации (рис. 3, 5). Отбойник представлен плоской галькой округлой формы со следами забитости на продольном крае. Наиболее выразительные орудия в коллекции – это лимас и комбинированное изделие – оба выполнены из кремня. Лимас трапециевидной формы (6 × 2,4 × 2,3 см), в качестве заготовки использовался крупный массивный отщеп, лезвие по всему периметру оформлено разнофасеточной ступенчатой ретушью (см. рис. 1, 3). Заготовкой для комбинированного орудия послужила крупная пластина (8,7 × 4 × 1,1 см), на одном продольном крае видна четко выраженная ретушь утилизации, на другом расположена выемка, образованная крупной и средней ретушью (рис. 3, 4). Одно двойное продольно-поперечное скребло

Рис. 3. Каменные артефакты стоянки Дарвагчай-залив-4.

1, 2 – нуклеусы; 3 – лимас; 4 – комбинированное орудие; 5 – пластина; 6 – пластина с ретушью; 7 – леваллуазский отщеп; 8 – скребло.

(7 × 3,2 × 3 см) оформлено на крупном массивном отщепе, другое (4,5 × 4 × 0,8 см) одинарное боковое с прямым лезвием на отщепе подтреугольной формы (рис. 3, 8). Еще два орудия представлены пластиной (рис. 3, 6) и отщепом с ретушью.

Таким образом, первичное расщепление данной индустрии демонстрирует преобладание леваллуазской техники. Для большинства ядрищ характерна высокая степень утилизации, а целевыми заготовками являлись отщепы крупных и средних размеров. Пластины представлены единичными экземплярами. Большинство сколов не несет на дорсалах желвачной корки, что косвенно свидетельствует о предварительном оформлении ядрищ за пределами стоянки. Вероятнее всего начальная стадия первичного расщепления – оформление пренуклеусов – происходила непосредственно на месте выходов сырья (естественные обнажения и пляжи). Основными видами остаточных ударных площадок являются гладкие и фасетированные. Это, наряду с сильно истощенными ядрищами, может характеризовать стоянку как место реализации заключительных этапов утилизации каменного сырья, а именно, получения целевых заготовок (сколы леваллуа). Орудийный набор коллекции немногочисленный, в нем присутствуют единичные яркие предметы, такие, как леваллуазские сколы, лимас и комбинированное (выемка и нож) изделие, которые дополняются скреблами и сколами с ретушью.

В целом представленная коллекция хорошо дополняет археологические материалы, полученные в ходе раскопок предыдущих лет, и дает возможность более обоснованно подтвердить выводы, сделанные ранее [Рыбалко, Кандыба, 2019]. Имеющиеся на настоящий момент данные позволяют определить памятник как многократно посещаемую сезонную, кратковременную стоянку-мастерскую. Комплексный анализ материалов дает возможность утверждать, что по своим технико-типологическим характеристикам они более всего соответствуют ранней поре среднего палеолита. Об этом свидетельствует типологический состав нуклевидных изделий (абсолютное доминирование отщепового варианта леваллуа) и орудийного набора, в котором наблюдается сочетание леваллуазских и мустьерских форм и полное отсутствие изделий верхнепалеолитической группы. Данному определению не противоречат и хронологические рамки индустрии (125–110 тыс. л.н. (МИС 5e)) установленные на основании абсолютного датирования методом OSL.

Каменные изделия другого комплекса, обнаруженные в галечно-гравийном горизонте (слой 3), имеют разную степень сохранности поверхности. В основном материал средне- и слабоокатанный

(≈50 %). У некоторых изделий (≈10 %) на гранях встречаются выкрошенности и забитости. Вместе с тем значительную часть коллекции составляют предметы с относительно «свежими» гранями (≈40 %). Условия залегания и состояние изделий из камня свидетельствуют о незначительной частичной переотложенности комплекса.

Коллекция слоя 3 состоит из 57 предметов. В ней представлены следующие категории каменных изделий: гальки – 2, отщепы – 25, обломки – 24, чешуйки – 6.

Продукты первичного расщепления включают сколы (25 экз.) преимущественно укороченные, крупного и среднего размера, с ярко выраженным ударным бугорком; обломки (24 экз.) – объемные угловатые куски породы разных размеров и форм и чешуйки (6 экз.).

Группа изделий со следами вторичной обработки включает 13 предметов, в качестве заготовок использовались сколы (5), обломки (6) и гальки (2). Орудийный набор состоит из рубильца, пика, шиповидных (4) и выемчатых (2) изделий (2), отщепов (2) и обломков с ретушью (3).

Рубильце миндалевидной формы (4,8 × 3,8 × 2,4 см) оформлено сколами и ретушью, основание массивное галечное. Пик (7 × 6,7 × 5,1 см) пирамидальной формы, четырехгранный, на острие видны следы забитостей. Группа орудий на отщепах и обломках состоит из типологически выраженных шиповидных и выемчатых изделий, а также невыразительных отщепов и обломков с ретушью. В категории выемчатых орудий встречаются как клетонские разновидности анкошей, так и ретушное оформление. Шиповидные изделия подготавливались одной или двумя сопряженными выемками. Отщепы и обломки с нерегулярной обработкой по одному краю, ретушь мелкая прерывистая.

Хронологические рамки комплекса (250–220 тыс. л.н. (МИС 7)) установлены ранее на основании серии дат, полученных методом OSL.

Коллекция слоя 5 включает 46 артефактов. Материалы нижнего галечника демонстрируют близкое состояние сохранности поверхности. Большинство изделий имеет слабую степень окатанности (50 %) или сохраняет свежие грани (35 %). Если артефакты из слоя 3 помимо сглаженности граней нередко имеют следы соударения и забитостей, то на большинстве изделий данного комплекса подобных следов нет.

Единственный нуклеус, выполненный на гальке из песчаника (4,5 × 7 × 6,5 см), демонстрирует долечную технику скалывания, на рабочей плоскости видны негативы снятий отщепов средних размеров.

Основную часть продуктов первичного расщепления составляют сколы (23 экз.), преимущественно

но укороченные, средних и крупных размеров, обломки (15 экз.) в основном средних размеров, часто плиткообразные, и чешуйки (5 экз.).

Орудийный набор, состоящий из 11 предметов, включает: пики (3); скребок; выемчатое, комбинированное и шиповидные (3) (рис. 4, 2–4) изделия; отщеп и обломок с ретушью. В качестве заготовок использовались сколы (3), обломки (6) и гальки (2).

Наиболее выразительными изделиями являются пики. В качестве заготовки в одном случае использовалась (15,5 × 10 × 8,1 см) массивная продолговатая галька. Основание орудия галечное, примерно половина плоскостей оформлена крупными и средними сколами, сечение двояко выпуклое, на хорошо выделенном трехгранном острие есть следы утилизации в виде мелких сколов (рис. 5). Два

Рис. 4. Каменные артефакты стоянки Дарвагчай-залив-4.

1 – пик; 2–4 – шиповидные орудия.

Рис. 5. Каменное орудие – пик со стоянки Дарвагчай-залив-4.

других пика – трехгранный (7 × 7,1 × 4,2 см) и четырехгранный (9 × 6,9 × 5,1 см) выполнены на обломках, изделия оформлены сколами, на остриях видны следы использования (см. рис. 4, 1).

Основные приемы получения заготовок и вторичной отделки, формы и типы орудий на сколах и обломках из слоя 5 в целом не отличаются от тех, что были описаны для слоя 3.

Хронологические рамки культуросодержащего горизонта ранее основывались на палеонтологических данных (анализ малакофауны) и палеомагнитных исследованиях [Рыбалко, Янина, 2017]. В 2019 г. для слоя 4 и 5 стоянки Дарвагчай-залив-4 методом OSL (оптически стимулированное люминесцентное датирование) была получена серия дат (подробные данные в печати), на основании чего было установлено, что время формирования слоев 4 и 5 соответствует периоду 390–350 тыс. л.н. (МИС 11–10).

Общий анализ археологических материалов раннепалеолитических комплексов (слои 3 и 5) позволяет сделать следующие выводы о характере индустрий стоянки. Обнаруженные артефакты отличает разная степень сохранности поверхности, варьирующая от изделий с несглаженными «свежими» ребрами до сильно «замытых» предметов. Анализ планиграфии наряду с данными стратиграфии показывает, что артефакты претерпели минимальные пространственные перемещения в постседиментационный период. Данные каменные индустрии сформировались на местной полисырьевой базе. В качестве исходного сырья использовались желвачный кремний, сильно окремненный известняк и слабо окремненный опесчаненный известняк в виде галек и желваков. Данные разновидности каменного сырья являются непосредственной составляющей культуросодержащих горизонтов стоянки и хорошо прослеживаются в нескольких обнажениях на близлежащей территории.

Набор орудийных типов и характер вторичной обработки практически не изменяются по культурно-литологическим подразделениям, наиболее выразительными изделиями являются макроорудия, представленные пиками и рубильцем. Основная причина существующих различий описанных коллекций заключается в их хронологической позиции. Однако, несмотря на существенный хронологический разрыв, коллекции артефактов демонстрируют глубокое сходство по основным технико-типологическим параметрам, анализ всех аспектов каменного инвентаря свидетельствует о том, что в период формирования слоев 3 и 5 на данной территории обитали носители одной индустриальной традиции, базировавшиеся на местной полисырьевой базе.

На памятнике представлены все циклы обработки камня. Фиксирующиеся приемы первичного расщепления и вторичной обработки относятся к простейшим вариантам. Есть свидетельства применения техник дробления и долечной. Среди сколов преобладают массивные подпрямоугольные и широкие заготовки. Вторичная обработка в виде ретуши чаще всего была краевой и лишь в редких случаях изменяла морфологию заготовки. Среди выделенных категорий орудий преобладают шиповидные, выемчатые и комбинированные изделия. Наиболее выразительной частью орудийного набора являются макроорудия [Рыбалко, 2016]. Все вышеперечисленные данные позволяют определить памятник как многократно посещаемую базовую стоянку-мастерскую, где массово изготавливались серии артефактов, в т.ч. сложные орудийные формы. Облик основных категорий типологически выраженных артефактов, а также возраст культуросодержащих отложений позволяют отнести данные материалы к числу позднеашельских комплексов Кавказа.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 19-09-00006_а «Комплексное исследование палеолитических культур Приморского Дагестана: технологии, хронология, адаптации и культурные связи».

Список литературы

- Кандыба А.В., Рыбалко А.Г.** Ранний палеолит Юго-Восточного Дагестана (по материалам памятника Дарвагчай-залив-4) // Изв. Алт. гос. ун-та. Сер.: История, политология. – 2016. – № 2 (90). – С. 210–214.
- Рыбалко А.Г.** Ранний палеолит Западного Прикаспия (новые данные) // Тр. IV (XX) Всерос. археол. съезда. – Казань, 2014. – Т. I. – С. 128–132.
- Рыбалко А.Г.** Бифасиально обработанные орудия Дарвагчайского геоархеологического района (Юго-Восточный Дагестан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 152–155.
- Рыбалко А.Г., Кандыба А.В.** Исследования среднего палеолита Западного Прикаспия // Гуманитарные науки в Сибири. – 2019. – Т. 26, № 2. – С. 5–10.
- Рыбалко А.Г., Янина Т.А.** Обоснование возраста раннепалеолитической стоянки Дарвагчай-залив-4 (Юго-Восточный Дагестан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 190–194.

References

Kandyba A.V., Rybalko A.G. The Study of Early Paleolithic of Dagestan: New Data (According to the Materials of the Site Darvagchai-Bay-4). *Izvestiya of Altai State University Journal. Seriya: Istoriya, politologiya*, 2016, No 2. (90), pp. 210–214. URL: <http://izvestiya.asu.ru/article/view/%282016%294-41> (In Russ.).

Rybalko A.G. Ranniy paleolit Zapadnogo Prikaspiya (novye dannye). In *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkhelogicheskogo sezda*. Kazan, 2014, vol. I. pp. 128–132. (In Russ.).

Rybalko A.G. Bifacial Tools According to Geo-Archeological Area Darvagchay (South-Eastern Dagestan). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 152–155. URL: <https://>

archaeology.nsc.ru/wp-content/uploads/2018/05/ses_2016_min.pdf (In Russ.).

Rybalko A.G., Kandyba A.V. Middle Palaeolithic Investigations in the Western Precaspian Region. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2019, vol. 26, No. 2, pp. 5–10. DOI: 10.15372/HSS20190201. (In Russ.).

Rybalko A.G., Yanina T.A. Age of the Early Paleolithic Site of Darvagchay-Zaliv-4 (Southeastern Dagestan). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 190–194. URL: https://archaeology.nsc.ru/wp-content/uploads/2018/05/ses_2017.pdf (In Russ.).

Рыбалко А.Г. <https://orcid.org/0000-0002-8749-0465>

Кандыба А.В. <https://orcid.org/0000-0003-0985-9121>

А.Г. Рыбалко✉, А.В. Кандыба
Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: rybalko@archaeology.nsc.ru

Исследования раннепалеолитического комплекса стоянки Дарвагчай-залив-1 в 2020 году

В статье представлены результаты, полученные в ходе полевых исследований раннепалеолитического культурно-хронологического комплекса стоянки Дарвагчай-залив-1. В 2017 г. в центральной части террасы на месте раскопа и прилегающей территории местной дорожно-строительной организацией был устроен карьер с целью использования галечно-гравийных отложений для хозяйственных нужд. В результате этого часть культуросодержащих горизонтов была уничтожена. Основной задачей рекогносцировочных работ 2020 г. было установить наличие и концентрацию раннепалеолитических артефактов на оставшейся территории комплекса стоянки. С этой целью вдоль стенки карьера был заложен небольшой раскоп площадью 9 м². В процессе раскопок была получена коллекция каменных артефактов общей численностью 108 экз. Таким образом было определено, что культуросодержащий горизонт на площадке, прилегающей к карьере, включает небольшое количество артефактов и, по всей видимости, относится к периферийной части стоянки. Для изготовления артефактов использовались гальки и обломки из песчаника, известняка и кремня. Полученная коллекция каменных изделий характеризуется, в первую очередь, слабой типологической выраженностью и неустойчивостью нуклеидных и орудийных форм. Группа морфологически выраженных нуклеусов немногочисленна, для получения заготовок использовался прием дробления. Данная индустрия характеризуется наличием простых параллельных нуклеусов, выемчатых и шиповидных изделий, однолезвийных скребел и атипичных скребков, а также немногочисленной группы галечных (чопперы) и бифасиально обработанных (рубил) орудий. Памятник Дарвагчай-залив-1 по-прежнему является перспективным в плане исследования раннепалеолитических индустрий региона, для определения времени их появления и места в ряду других комплексов раннего палеолита Кавказа.

Ключевые слова: Дагестан, каменные индустрии, ранний палеолит, рубило, плейстоцен, морские трансгрессии.

Andrey G. Rybalko✉, Aleksandr V. Kandyba
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: rybalko@archaeology.nsc.ru

Research of the Early Paleolithic Assemblage for the Darvagchay-Zaliv-1 Site in 2020

The article provides the results obtained in the course of field research of the early Paleolithic cultural and chronological assemblage from the Darvagchay-Zaliv-1 site. In 2017, a quarry was set up in the central part of the terrace in the site of the excavation and the surrounding area by a local road construction organization in order to use gravel deposits for the economic needs. As a result, some of the culture-containing deposits were destroyed. The main task of the survey in 2020 was to determine the presence and concentration of early Paleolithic artifacts in the remaining territory of the site. To do this, a small excavation area of 9 sq. m was made along the quarry wall. During excavations, a collection of 108 lithic artifacts was created. Thus, it was determined that the culture horizon at the site adjacent to the quarry includes a small number of artifacts and probably belongs to the periphery of the parking lot. Pebbles and fragments of sandstone, limestone, and flint were used to produce artifacts. The resulting collection of stone artifacts is characterized primarily by a weak typological expression and instability of the nucleoid and tool forms. The group of morphologically expressed nuclei is not numerous, and the method of crushing was used to obtain blanks. This industry is characterized by the presence of simple parallel nuclei, notched and spiked products, single-edged scrapers and atypical scrapers, as well as a small group of pebble (choppers) and bifacially processed (chippers) tools. The Darvagchay-Zaliv-1 site is still promising in terms of studying the early Paleolithic industries of the region, to determine the time of their appearance and their place among other assemblages of the early Paleolithic of the Caucasus.

Keywords: Dagestan, lithic industries, early and middle Paleolithic, Pleistocene, marine transgressions.

Местонахождение Дарвагчай-залив-1 расположено в районе небольшого залива на правом берегу Геджухского водохранилища (Дербентский р-н, Республика Дагестан). Первые находки на памятнике были обнаружены в 2007 г. сотрудниками Кавказского палеолитического отряда ИАЭТ СО РАН на поверхности береговой отмели. Памятник локализован на крутом юго-западном склоне останца третьей древнекаспийской террасы (высота над урезом водохранилища ~ 40 м). В 2009 г. на объекте начаты стационарные исследования, в ходе которых выявлено присутствие здесь нескольких

археологических комплексов, соответствующих разным этапам каменного века в широком культурно-хронологическом диапазоне от заключительных стадий раннего до финала среднего палеолита [Рыбалко, 2014]. Предварительный анализ полученных разрезов позволил выделить три большие пачки разновозрастных отложений. Нижняя часть террасы была образована в результате трансгрессий Каспийского моря. Здесь фиксируются прибрежно-морские отложения акчагыльского возраста ($N_2^3_{ак}$), на которых залегают бакинские слои (Q_1b), представленные детритовыми песками и монолитными пластами ракушняка-известняка. Среднюю часть террасы образует галечно-гравийный горизонт; разная степень окатанности обломочного материала и наличие разнообразного рыхлого заполнителя предполагает пролювиально-аллювиальный генезис слоя. Верхняя пачка представлена субэральными покровными отложениями в виде супесей и суглинков. Процесс седиментации здесь завершился после образования современного рельефа местности. Наиболее древние материалы были получены в процессе раскопок в средней части склона и связаны с гравийно-галечными слоями.

Стационарные исследования раннепалеолитического комплекса стоянки, проводившиеся в 2013–2016 гг., позволили получить подробные сведения о стратиграфии объекта, а также выразительный набор палеолитических изделий [Рыбалко, 2014]. В 2017 г. в центральной части террасы на месте раскопа и прилегающей территории местной дорожно-строительной организацией был устроен карьер с целью использования галечно-гравийных отложений для отсыпки дорог. В результате этого часть культуросодержащих отложений была уничтожена. Основной задачей рекогносцировочных работ 2020 г. было установить наличие и концентрацию раннепалеолитических артефактов на оставшейся территории комплекса стоянки. С этой целью вдоль стенки карьера был заложен небольшой раскоп $6 \times 1,5$ м площадью 9 м^2 . Наиболее полно (до 5,5 м) вскрытые отложения представлены на северо-восточной и юго-восточной стенках раскопа. Всего выделено четыре геологических горизонта (краткое описание дается сверху вниз) (рис. 1):

Слой 1а. Серо-коричневый гумусированный суглинок с большим содержанием гравия и гальки (современная почва). Мощность 0,2 м.

Слой 1б. Коричневый опесчаненый суглинок. Склоновые отложения. Мощность до 1,3 м.

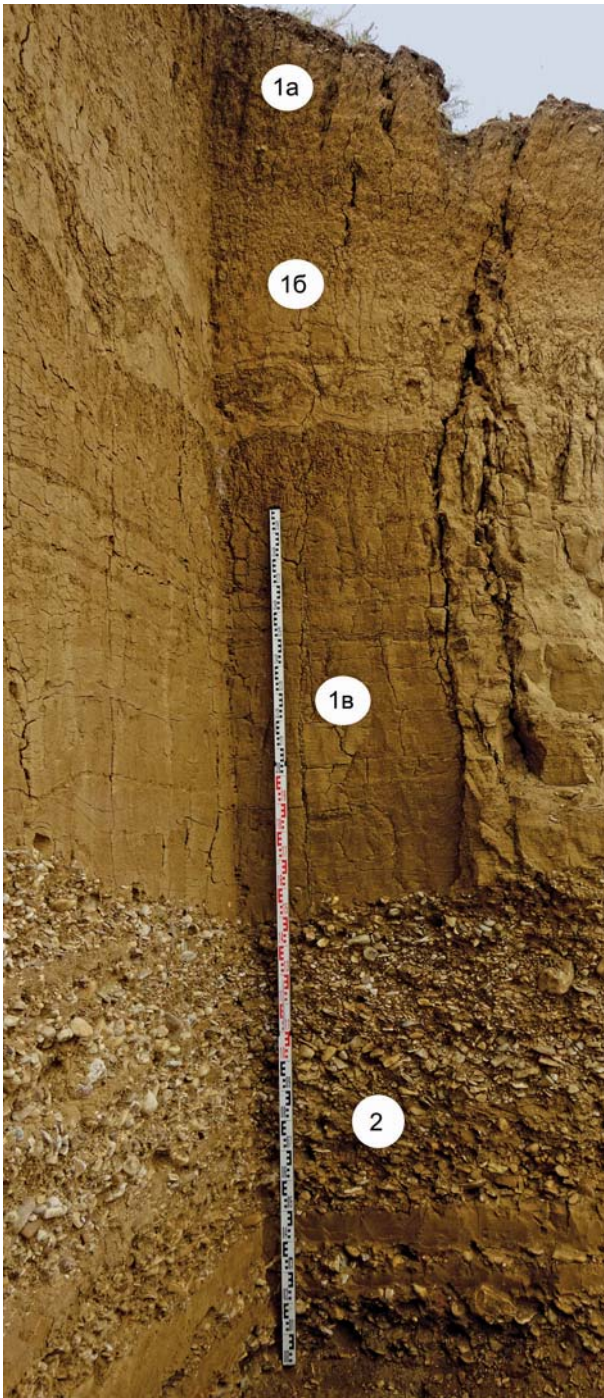

Рис. 1. Северо-восточная и юго-восточная стенки раскопа стоянки Дарвагчай-залив-1.

Слой 1в. Коричневый очень плотный лессовидный суглинок. Мощность до 2 м.

Слой 2. Галечно-гравийные отложения с линзами и прослоями глинистого крупнозернистого песка и темно-коричневой глины. В подошве слоя в качестве заполнителя появляется грубозернистый белесый песок. Обломки разной степени окатанности, их сортировка практически отсутствует, но в нижней трети слоя отмечено увеличение размера галек и наличие валунов до 0,4 м в диаметре, ориентировка относительно четкая субгоризонтальная. Мощность слоя до 1,8 м.

В ходе раскопок из галечно-гравийной толщи (слой 2) была получена коллекция каменных изделий общей численностью 108 экз. Артефакты отличаются по степени сохранности поверхности, от среднеокатанных изделий, составляющих основную часть коллекции, до слабо- и практически не окатанных экземпляров.

Нуклеидные формы представлены типологически выраженными ядрищами (3) и нуклеидным обломком. Все нуклеусы относятся к простейшим формам одноплощадочных монофронтальных ядрищ, которые демонстрируют минимальную предварительную подготовку фронта и ударной площадки. В качестве исходных форм использовались обломки (2) и галька. Основную часть продуктов первичного расщепления составляют сколы (47 экз.), значительная часть которых сохраняет в той или иной степени желвачную корку. Среди остаточных ударных площадок большинство составляют гладкие и естественные, встречаются также грубофасетированные и двухгранные. Основная часть сколов укороченные, имеют средний размер и смещение оси заготовки относительно направления снятия. Обломки и осколки (41 экз.) – объемные угловатые куски породы в основном не превышают 5 см; чешуйки (15 экз.).

Рис. 2. Каменные артефакты стоянки Дарвагчай-залив-1.
1, 2 – выемчатые орудия; 3 – чоппер; 4–6 – шиповидные орудия.

Категория орудий насчитывает 28 предметов, большинство которых выполнено на сколах, а также обломках и гальках. Орудийный набор включает в себя: рубильце, чоперы (4), скребки (3), шиповидные (7), выемчатые (5), отщепы (4) и обломки с ретушью (5).

Наиболее яркой категорией изделий являются макроорудия. Рубильце, представленное заготовкой бифаса ($6 \times 4,8 \times 2,9$ см), выполнено на гальке из известняка, изделие подтреугольной формы, основание галечное, стороны частично оформлены сколами. В качестве заготовок для чопперов использовались гальки из кремневого известняка и крупный кремневый обломок. Первое орудие ($11,3 \times 4,5 \times 3$ см) сильно удлинненное, на поперечном крае серий сколов оформлено лезвие с хорошо выраженным острием (рис. 2, 1). Следующее изделие ($12 \times 10 \times 3,4$ см) подготовлено на плоской продолговатой гальке из желтовато-серого известняка, поперечный край оформлен крупными сколами (две большие выемки), в результате чего образован пристроенный выступ. Другой чоппер ($11,5 \times 8,4 \times 4,3$ см) массивный, подтреугольной формы, на узком конце двумя сколами оформлено лезвие, на котором видны следы утилизации. Последнее изделие ($11,5 \times 6 \times 4,5$ см) выполнено на продолговатом обломке, на поперечном крае оформлено выпуклое лезвие.

Все скребки атипичные, оформлены на массивных укороченных отщепах (2) и обломке. Наиболее выразительное орудие ($3,3 \times 2,5 \times 0,8$ см) изготовлено из кремня хорошего качества (халцедон), изделие подтреугольной формы, пристроенный край оформлен лицевой, полукрутой, разнофасеточной ретушью. Среди выемчатых орудий встречаются как клетонские разновидности анкошей, так и ретушное оформление (рис. 2, 2, 3). Шиповидные изделия подготавливались ретушью, а также одной или двумя сопряженными выемками (рис. 2, 4–6). Отщепы и обломки с нерегулярной обработкой по одному краю, ретушь мелкая прерывистая.

В качестве исходного сырья для изготовления артефактов использовались гальки и отдельные породы в виде разнообразных обломков и плиток из песчаника, известняка и кремня, которые являются непосредственной составляющей культуросодержащего горизонта. Все эти породы весьма разнообразны по своим поделочным свойствам. Технологические особенности каждого вида сырья в значительной мере определяли типы производимых орудий. Анализ коллекции показал, что доминирующим сырьем является кремень (не менее 80 % от общего количества артефактов). Кремень темно-серого цвета встречается в основном в виде небольших галек или обломков диаметром до 10 см; данное сырье плохого качества,

трещиноватое, не дающее правильного раковистого излома при скалывании.

Представленная коллекция памятника Дарвагчай-залив-1 характеризуется, в первую очередь, слабой типологической выраженностью и неустойчивостью нуклеидных и орудийных форм. Значительное количество изделий представлено в виде обломков и осколков с элементами вторичной обработки. Сколы имеют массивные укороченные пропорции, преимущественно естественную ударную площадку и ярко выраженный ударный бугорок. Дорсальные поверхности сколов в большинстве случаев частично или полностью покрыты галечной коркой. Морфологически выраженных нуклеусов мало. Для получения заготовок использовался прием дробления. Последнее может быть связано как с примитивной техникой обработки камня, так и с использованием каменного сырья (в основном кремня), имеющего многочисленные внутренние дефекты. Количество функциональных типов среди орудийных форм невелико. Это в основном скребловидные, шиповидные, выемчатые и комбинированные изделия.

Наряду с комплексом находок из слоя 2 стоянки Дарвагчай-залив-1 наиболее полную информацию об индустриях поздних этапов раннего палеолита на территории Приморского Дагестана дают материалы стратифицированных памятников Дарвагчай-1 (слой 7) и Дарвагчай-залив-4 (слои 3 и 5) [Кандыба, Рыбалко, 2016; Рыбалко, 2014]. Эти индустрии в целом характеризуются присутствием параллельных и радиальных нуклеусов; выемчатыми и шиповидными изделиями; однолезвийными скреблами и атипичными скребками; немногочисленной, но разнообразной группой галечных (чопперы) и бифасиально обработанных (рубила, пики) орудий. Хронология данных индустрий построена на основе анализа палеонтологических остатков – раковин моллюсков (малакофауна) и палеомагнитных исследований [Рыбалко, Янина, 2017]. В 2019 г. для слоя 3 стоянки Дарвагчай-залив-4, который является полным аналогом культуросодержащего горизонта 2 стоянки Дарвагчай-залив-1, методом OSL (оптически стимулированное люминесцентное датирование) была получена серия дат (подробные данные – в печати). На основании этого было установлено, что время формирования галечно-гравийных отложений стоянок соответствует периоду 250–220 тыс. л.н. (МИС 7).

Таким образом, облик основных категорий типологически выраженных артефактов представленного комплекса стоянки Дарвагчай-залив-1, а также возраст культуросодержащих отложений позволяют отнести эти материалы к числу финальноашельских комплексов Кавказа.

Подытоживая вышесказанное, стоит отметить, что территория Западного Прикаспия, несомненно, является зоной распространения раннепалеолитических индустрий с бифасиально обработанными орудиями. В то же время бифасы классических типов, имеющие сплошную обработку поверхности, здесь немногочисленны, преобладают т.н. частичные бифасы [Рыбалко, 2016]. Проведенные полевые исследования позволили получить новый материал по древнейшей истории региона, что дает возможность более наглядно представить общую картину эволюции каменных индустрий на этой территории в палеолитическое время, начиная с самых ранних его этапов.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР № 0329-2019-0002 «Древнейшие культурные процессы на территории Центральной Азии».

Список литературы

Кандыба А.В., Рыбалко А.Г. Ранний палеолит Юго-Восточного Дагестана (по материалам памятника Дарвагчай-залив-4) // Изв. Алт. гос. ун-та. Сер.: История, политология. – 2016. – № 2 (90). – С. 210–214.

Рыбалко А.Г. Ранний палеолит Западного Прикаспия (новые данные) // Тр. IV (XX) Всерос. археол. съезда. – Казань, 2014. – Т. I. – С. 128–132.

Рыбалко А.Г. Бифасиально обработанные орудия Дарвагчайского георхеологического района (Юго-Восточный Дагестан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 152–155.

Рыбалко А.Г., Янина Т.А. Обоснование возраста раннепалеолитической стоянки Дарвагчай-залив-4 (Юго-Восточный Дагестан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 190–194.

References

Kandyba A.V., Rybalko A.G. The Study of Early Paleolithic of Dagestan: New Data (According to the Materials of the Site Darvagchai-Bay-4). In *Izvestiya of Altai State University. Seriya: Istoriya, politologiya*. 2016, No. 2 (90), pp. 210–214. URL: <http://izvestiya.asu.ru/article/view/%282016%294-41> (In Russ.).

Rybalko A.G. Ranniy paleolit Zapadnogo Priskaspiya (novye dannye). In *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo sezda*. Kazan, 2014, vol. I, pp. 128–132. (In Russ.).

Rybalko A.G. Bifacial Tools According to Geo-Archeological Area Darvagchay (South-Eastern Dagestan). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 152–155. URL: https://archaeology.nsc.ru/wp-content/uploads/2018/05/ses_2016_min.pdf. (In Russ.).

Rybalko A.G., Yanina T.A. Age of the Early Paleolithic Site of Darvagchay-Zaliv-4 (Southeastern Dagestan). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 190–194. URL: https://archaeology.nsc.ru/wp-content/uploads/2018/05/ses_2017.pdf. (In Russ.).

Рыбалко А.Г. <https://orcid.org/0000-0002-8749-0465>

Кандыба А.В. <https://orcid.org/0000-0003-0985-9121>

Е.П. Рыбин¹✉, А.А. Анойкин¹, А.М. Хаценович¹,
С.А. Мансков², И.Д. Долгушин¹, М.-Э. Ганболд³

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

²Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия

³Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
E-mail: ryber@yandex.ru

Новое палеолитическое местонахождение Алтайры-1 и доставка сырья на палеолитические стоянки Еловской котловины (центральная часть Горного Алтая)

Характер отбора сырья для индустрий многослойной средне- и верхнепалеолитической стоянки Кара-Бом в центральной части Горного Алтая может рассматриваться как пример адаптации к различным по удаленности источникам сырья. На всем протяжении функционирования стоянки производство каменных артефактов базировалось почти исключительно на высококачественном местном сырье. В результате петрографических исследований сырье индустрий стоянки Кара-Бом было определено как эффузивы (вулканогенные породы), согласно другому определению этой породы на основе геохимического анализа и классификации В.Т. Фролова, базой сырьевого набора Кара-Бом являются силициты (осадочные кремнистые породы). Ранее предполагалось, что сырье Кара-Бом доставлялось в Еловскую котловину в виде аллювия рек, представленного перенесенными водой породами из первичных выходов, и отбор сырья человеком происходил недалеко от стоянки. В 2020 г. было предпринято исследование Еловской котловины в районе стоянки Кара-Бом, а также ручья Алтайры, берущего свое начало на первичных выходах сырья. В русле ручья находятся многочисленные отдельности породы, наличие которых позволило предположить, что основным источником сырья для Кара-Бом служила долина верхнего течения ручья с высотами от 1400 до 1900 м над ур. м. Здесь было обнаружено местонахождение Алтайры-1, которое было одной из локаций, где в палеолите происходила первичная обработка сырья. На местонахождении найдены массивные и крупные сколы первичной отделки, а также типичный радиальный нуклеус. Вероятно, материал находится в перемещенном состоянии, следовательно материалы этого местонахождения могут быть отнесены к среднему палеолиту.

Ключевые слова: палеолит, каменное сырье, источники сырья, Горный Алтай, палеолитические стоянки.

Evgeny P. Rybin¹✉, Anton A. Anoinin¹, Arina M. Khatsenovich¹,
Sergei A. Manskov², Ivan D. Dolgushin¹, Margad-Erdene Ganbold³

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

²Altai State University,
Barnaul, Russia

³Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia
E-mail: ryber@yandex.ru

The Newly Discovered Altairry-1 Paleolithic Site and Lithic Raw Material Transportation at the Paleolithic Sites in the Elovskaya Valley (Central Altai Mountains)

The dynamics of lithic raw material selection at the Kara-Bom Middle and Upper Paleolithic site (central part of the Altai Mountains) is an example of human adaptation to raw material sources occurring at various distances from the site.

Lithic production at Kara-Bom was based on the selection of high-quality raw materials during all phases of the cultural sequence. Petrographic study indicates the use of effusive (igneous) rocks, but another definition of this kind of rock based on geochemical analysis and the Frolov's system of rock classification indicates that siliceous rocks (silicate rocks) comprised the principal raw material type. It was previously thought that lithic raw materials were brought to the Elovskaya Valley from river alluvium; nodules transported from primary outcrops by water, allowing humans to collect raw materials near the site. We investigated the Elovskaya Depression near the Kara-Bom site and Altairy Stream flowing out of the area of raw material outcrops. The Altairy Stream bed contains numerous nodules of high-quality raw materials, suggesting that the Altairy Stream valley (altitude 1,400–1,900 m ASL) was the primary raw material source for the inhabitants of the Kara-Bom site. We also discovered a new Paleolithic site, Altairy-1, where primary processing took place as indicated by the presence of large primary spalls and a radial core. This material was likely re-deposited and can be tentatively described as Middle Paleolithic.

Keywords: Paleolithic, lithic raw material, raw material sources, Altai Mountains, Paleolithic sites.

Введение

Способы доставки каменного сырья, его качество, исходная форма и удаленность источников материала от мест утилизации самым существенным образом влияют не только на способы подготовки и редукции нуклеусов, но также и на общую систему его использования [Féblot-Augustins, 1993; Dibble, 1995; Kuhn, 2004; Turq et al., 2017]. Для некоторых индустрий, в частности для комплексов карабомовского варианта пластинчатого начального верхнего палеолита Южной Сибири и Центральной Азии, прослеживается целенаправленная эксплуатация пород среднего и высокого качества с ориентацией на подпрямоугольные объемные блоки исходных форм сырья [Рыбин и др., 2016].

Характер отбора сырья для индустрий многослойной средне- и верхнепалеолитической стоянки Кара-Бом в центральной части Горного Алтая может рассматриваться как пример адаптации к различным по удаленности источникам, в основном схожим по своим петрофизическим характеристикам пород. На всем протяжении функционирования стоянки производство каменных артефактов базировалось почти исключительно на высококачественном местном сырье, вероятно, одном из лучших среди фиксируемых в палеолитических индустриях Горного Алтая. Это темно-серая, иногда зеленоватая, почти черная тонкозернистая порода. В комплексах Кара-Бомы отмечается несколько разновидностей этого сырья, отличающихся цветностью, степенью кристаллизации и однородности структуры [Белоусова, Рыбин, Федорченко, 2019].

На начальном периоде исследования стоянки предполагалось, что главным источником сырья служили мощные выходы «роговиков и ороговикованных пород» (по определению С.В. Николаева [Петрин, Николаев, 1993]), образующих различные формы рельефа (водоразделы, курумники, каменные реки) в верховьях рек Алтайры, Семисарт и Тюмечин. Морозное выветривание уменьшало размерность первичных валунов породы. Дальнейшее перемещение по склонам в виде кол-

лювия и делювия с разгрузкой в долины ручьев, а также размыв моренных и флювиогляциальных накоплений сосредотачивали в русле наиболее крепкие и монолитные отдельности. Иногда роль транспортирующего фактора играли ледники: по данным С.В. Николаева, до выхода на дно котловины ручей Алтайры прорезает 5–6 генераций морен сартанского времени и 2 конечные морены зырянского оледенения (рис. 1) [1998, с. 191]. При быстрой транспортировке материала происходила проверка на однородность (выявлялись пустоты, внутренние трещины жевачков) и определенная сортировка по размерам. Последнее объяснялось еще и тем, что происходил резкий перегиб тальвега Алтайры в районе урочища Кызыл-Бом, после чего долина расширялась, днище становилось пологим, ручей начинал меандрировать, только относительно не крупные формы выносились на участок, где располагалась стоянка и где, согласно данной точке зрения, происходил основной отбор сырья. Такая система доставки сравнивалась с «горно-обогачительной фабрикой», когда при передвижении сырья отсеивались его наименее качественные отдельности [Палеолитические комплексы..., 1998, с. 24].

Позднее было выдвинуто предположение о несколько более сложной поведенческой системе доставки сырья на территорию стоянки. Отмечалось, что с отбором сырья, сносимого реками вниз, связаны и потенциальные трудности: пойма рек, петляющих по долине и имеющих множество проток, сильно заболочена и покрыта густой растительностью [Рыбин, 2002]. Очевидные изменения прослеживаются и при первичной обработке кусков породы: самая низкая доля артефактов, не несущих естественной корки, прослеживается в среднепалеолитической индустрии СП2, где они составляют 65,5 %, в отличие от горизонта начального верхнего палеолита ВП2 («мастерская»), где их уже 83,7 % (учитывались только целые сколы). Это позволяет предположить, что в НВП-ассамбляжах на территории стоянки обрабатывались в основном уже предварительно подготовленные нуклеусы. Иная стратегия по-

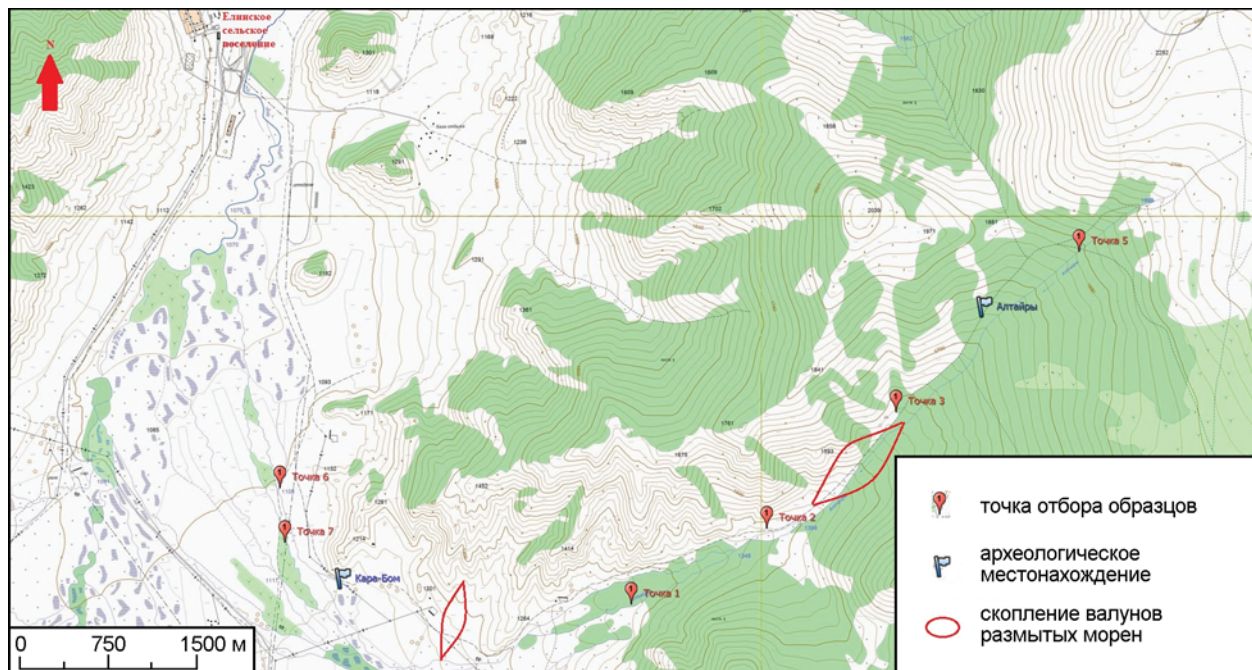

Рис. 1. Карта расположения объектов, упомянутых в тексте.

ведения характеризует среднепалеолитическую индустрию, когда на стоянку приносилось большее количество необработанных желваков. Кроме того, возможно, ледниковые условия могли влиять на доступность сырья в верховьях ручья Алтайры, заставляя носителей культуры среднего палеолита, населявших долину в эпоху МИС 4, использовать отдельные виды сырья, которые могли быть обнаружены непосредственно вблизи памятника, что менялось в относительно теплые условия МИС 3, когда расположенные выше выходы сырья становились доступными. Эту точку зрения подтверждает анализ желвачной поверхности на сколах, показавший отсутствие на ней признаков руслового перемещения (личн. сообщ. канд. геол.-минер. наук Н.А. Кулик, 2002 г.). Исходные размеры желваков породы, судя по сохранившимся сколам и нуклеусам, могли достигать 30–35 см по длинной оси, а возможно, и больше. Все это подвело к выводу, что основная деятельность по подготовке камня к расщеплению в начале верхнего палеолита на Кара-Боме производилась непосредственно на выходах сырья на горных склонах. Вместе с тем, по мнению С.В. Николаева [1998], представляющему ныне вполне оправданным, формирование отложений, включающих среднепалеолитические ассамбляжи, происходило после таяния ледников МИС 4; следовательно, с большой долей вероятности эти комплексы могут быть отнесены к началу МИС 3.

В результате петрографических исследований Н.А. Кулик сырьевую индустрию Кара-Бомы было опре-

делено как девонские кислые эффузивы, для которых характерна рассланцованность, выразившаяся в естественном образовании плитчатых (брусковидных) заготовок сырья, и которые обладают качествами, наиболее подходящими для литического производства. По мнению Н.А. Кулик, сырье поступало непосредственно с выходов на вершине горы Аптырга, расположенной в 6–7 км от стоянки [Кулик, Шуньков, Петрин, 2003]. Существует и иное определение этой породы, согласно ему, основой сырьевого набора Кара-Бомы являются силициты (осадочные кремнистые породы) кварцевого состава, среди которых выделяются три основные разновидности, отличающиеся структурно-текстурными характеристиками (зернистостью, массивностью и т.д.) ([Рыбин и др., 2018], определение канд. геол.-минер. наук Р.А. Шелепаева на основе геохимического анализа и классификации В.Т. Фролова [1992]).

Таким образом, до настоящего времени остается неопределенным локализация мест отбора и вероятных мест первичной обработки сырья перед доставкой его на местонахождение Еловской котловины, что вызывает необходимость дополнительного проведения как археологических, так и петрографических исследований.

Местонахождение Алтайры-1

В июле 2020 г. коллективом сотрудников ИАЭТ СО РАН была предпринята рекогносцировочная поездка для актуализации данных по состоянию

памятников начального верхнего палеолита центральной части Горного Алтая (держатель открытого листа – д-р ист. наук А.А. Анойкин). Одной из целей работ было исследование зон распространения пород – потенциальных источников каменного сырья стоянки Кара-Бом в Еловской котловине. В ходе работ производился осмотр русла ручья Алтайры, фиксировались размеры и форма отдельных сырьевых, в ряде точек выше и ниже по течению Алтайры относительно Кара-Бомы (высота памятника 1 125 м над ур. м.) производился отбор образцов каменного материала (рис. 1).

Верховья Алтайры связаны с седловиной, соединяющей гору Апырга с соседней вершиной на высоте ок. 2 150 м. В летнее время верховья ручья представляют собой сухое каменистое русло, а долина на этом участке – кар, окруженный полями курумника [Николаев, 1998]. Седловина водораздела сложена песчаниками, сланцами и силицитами. Ниже по течению левый берег ручья крутой, правый несколько более пологий и, так же как и русло, завален глыбами курумника. В русле встречаются крупные, до метра, глыбы кремнистой породы.

В ходе рекогносцировки долины ручья было исследовано восемь локаций. В целом вниз по течению отмечается тенденция сокращения удельного веса пригодного для расщепления каменного сырья среди отдельностей горных пород, заполняющих русло ручья и борта его долины. Наиболее благоприятными для потенциального отбора каменного сырья в целях изготовления артефактов являлись высоты от 1 400 до 1 900 м (точки 2–5) с относительно пологим подъемом и легким доступом к отдельностям сырья и расширениям долины, что было удобно для осуществления производственной деятельности. На этом же отрезке долины ручья в изобилии встречаются подходящие по своей геометрии и близкие к карабумовским экземплярам по макроскопическим признакам, уплощенные подпрямоугольные брусковидные отдельности силицитов.

На одном из расширений долины ручья Алтайры была обнаружена ровная слабонаклоненная площадка, получившая рабочее название «точка 4/Алтайры-1» с координатами 50°44'34" с.ш., 85°39'6" в.д. и высотой 1 730 м над ур. м. Эта площадка рас-

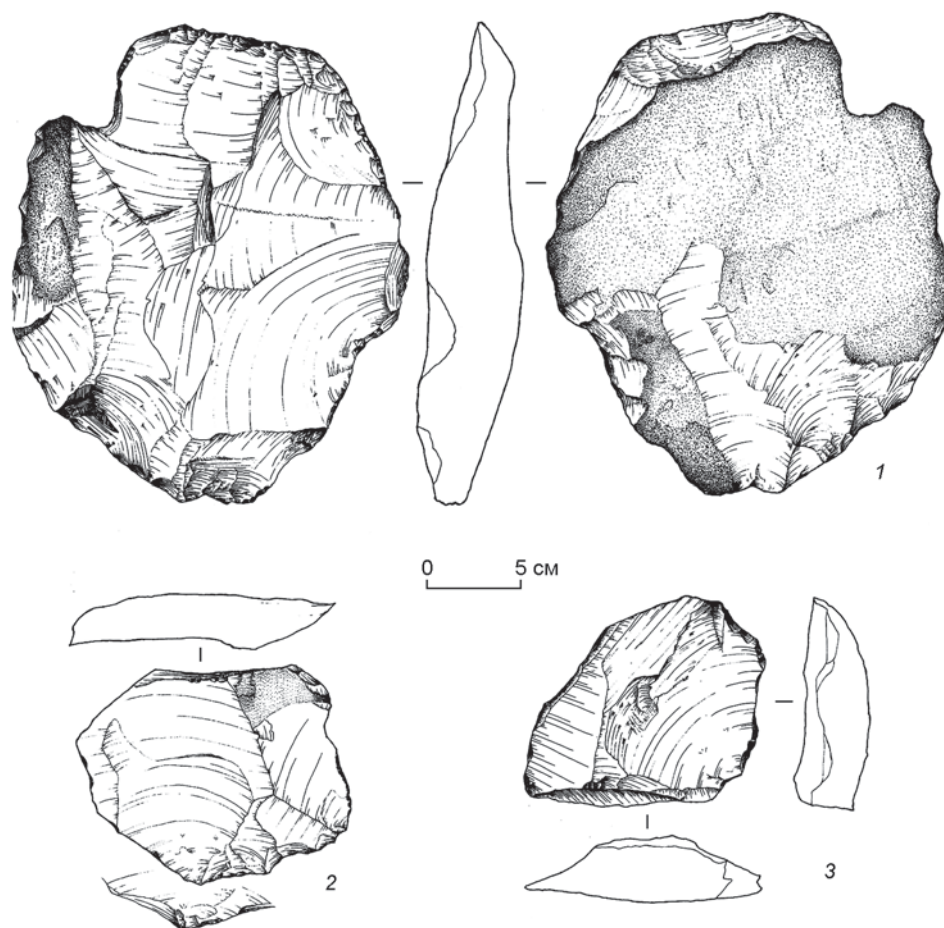

Рис. 2. Каменные артефакты с местонахождения Алтайры-1.

1 – нуклеус; 2, 3 – отщепы.

положена на правом борту долины, относительное превышение над сухим руслом Алтайры, заполненным глыбовником и валунником, составляет ок. 6–8 м. Склон этой площадки сохранил следы обнажения, частично покрытого осыпью и показывающего, что борт ручья в этой части сложен чередованием слоев суглинка и обломочника. На поверхности обнажения было собрано пять артефактов, изготовленных из зеленовато-черного, зеленовато-серого мелкозернистого сырья, аналогичного тому, из которого были сделаны артефакты Кара-Бомы. Выступающие грани артефактов несут следы очень легкой заглаженности. Наиболее яркой формой является нуклеус (рис. 2, 1). Это крупный, округлый, уплощенный предмет (длина – 228 мм; ширина – 193 мм, толщина – 33 мм). На фронте расщепления фиксируются негативы снятий крупных отщепов. Ударные площадки узкие, расположены по всему периметру ядрища. При площадочная зона на противоположных концах нуклеуса несет следы снятия карниза. Контрфронт покрыт естественной коркой, также здесь отмечаются негативы нескольких уплощающих (?) снятий отщепов. Остальные артефакты представляют собой крупные трапециевидные отщепы (разброс длины от 105 до 75 мм, ширины от 197 до 145 мм, толщины от 36 до 20 мм) с гладкими, относительно узкими ударными площадками и радиальной или ортогональной огранкой дорсала (рис. 2, 2, 3). Очевидно, эти сколы могли возникнуть как в связи с расщеплением радиальных нуклеусов, так и в связи с первичной подготовкой расщепляемых блоков. На некоторых сколах прослеживаются участки, несущие ретушь, возможно, не преднамеренную.

Заключение

Местонахождение Алтайры-1, скорее всего, являлось одной из локаций, где в палеолите происходила первичная обработка сырья. Обнаруженные артефакты с большой долей вероятности находились не в первичном залегании: судя по сохранности их поверхности, они могли претерпеть незначительное перемещение. На основании морфологии артефактов из подобного рода мастерских, как правило, затруднительно определить, к какой эпохе относится рассматриваемый комплекс. Орудия на таких производственных площадках редки и атипичны, на месте оставались артефакты, относящиеся к стадии оформления пренуклеусов/преформ, которые после могли транспортироваться на стоянку. В данном случае нами были обнаружены массивные и крупные сколы первичной отделки, а также типичный центростремительный/радиальный нуклеус. Уверенные заключения по такому

набору артефактов преждевременны, но предварительно материалы этого местонахождения могут быть отнесены к среднему палеолиту.

Наиболее близкие к стоянке Кара-Бомы участки котловины, как уже отмечалось, переработаны деятельностью рек и частично заболочены. «Кара-Бомовское» сырье встречается здесь крайне редко, видимо, доставка его водными потоками из-за перегиба долины Алтайры была затруднена. Поскольку морфология выположенного днища котловины с меандрирующими реками сформировалась еще в верхнем плейстоцене и сохранялась, очевидно, на протяжении всего верхнего плейстоцена, можно предположить, что поиски сырья в этой части котловины были энергозатратны и малоэффективны как сейчас, о чем говорят результаты наших работ, так и в древности. Основным источником сырья для Кара-Бомы и других местонахождений части Еловской котловины, близкой к этому памятнику, скорее всего, являлась долина верхнего течения ручья Алтайры с его легкодоступным и обильным набором силицитов.

Благодарности

Полевые исследования выполнены за счет гранта РНФ № 19-18-00198. Аналитическая часть исследований выполнена при поддержке РФФИ (грант № 18-00-00660 КОМФИ).

Список литературы

- Белоусова Н.Е., Рыбин Е.П., Федорченко А.Ю.** Стратегии обработки каменного сырья в начале верхнего палеолита Горного Алтая (по материалам культурного горизонта ВП2 стоянки Кара-Бом) // *Stratum plus. Археология и культурная антропология.* – 2019. – № 1. – С. 225–250.
- Кулик Н.А., Шуньков М.В., Петрин В.Т.** Результаты петрографического анализа палеолитических индустрий Центрального Алтая // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий.* – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. IX, ч. I. – С. 154–159.
- Николаев С.В.** Геология и палеогеография межгорных котловин Горного Алтая // *Палеолитические комплексы стратифицированной части стоянки Кара-Бом.* – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Прил. 1. – С. 185–221.
- Палеолитические комплексы** стратифицированной части стоянки Кара-Бом / А.П. Деревянко, В.Т. Петрин, Е.П. Рыбин, Л.М. Чевалков. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 280 с.
- Петрин В.Т., Николаев С.В.** Сырьевые источники стоянки Кара-Бом // *Охрана и изучение культурно-*

го наследия. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1993. – С. 69–73.

Рыбин Е.П. Поведенческие стратегии и системы мобильности древнего человека на рубеже среднего и верхнего палеолита Горного Алтая (стоянка Кара-Бом) // Проблемы каменного века Средней и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – С. 183–188.

Рыбин Е.П., Хаценович А.М., Гунчинсүрэн Б., Шелепаев Р.А., Одсүрэн Д., Болорбат Ц., Маргад-Эрдэнэ Г., Попов А.Ю. Роль специфического каменного сырья в освоении среднего течения реки Селенги палеолитическими популяциями // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 159–163.

Рыбин Е.П., Шелепаев Р.А., Попов А.Ю., Хаценович А.М., Анойкин А.А., Павленок Г.Д. Эксплуатация осадочных пород в верхнепалеолитических технологиях расщепления камня Центральной Азии – Южной Сибири // Теория и практика археологических исследований. – 2018. – № 2 (22). – С. 146–156.

Фролов В.Т. Литология. – М.: Изд-во Мос. гос. ун-та, 1992. – Т. 1. – 336 с.

Dibble H. Raw Material Availability, Intensity of Utilization, and Middle Paleolithic Assemblage Variability // *The Middle Paleolithic Site of Combe-Capelle Bas (France)*. – Philadelphia: Univ. Museum Press. – 1995. – P. 289–314.

Féblot-Augustins J. Mobility Strategies in the Late Middle Palaeolithic of Central Europe and Western Europe: Elements of Stability and Variability // *J. of Anthropol. Archaeology*. – 1993. – Vol. 12. – P. 211–265.

Kuhn S.L. Upper Paleolithic Raw Material Economies at Ucagizli Cave, Turkey // *J. of Anthropol. Archaeology*. – 2004. – Vol. 23. – P. 431–448.

Turq A., Faivre J.-Ph., Gravina B., Bourguignon L. Building models of Neanderthal territories from raw material transport in the Aquitaine Basin (southwestern France) // *Quaternary International*. – 2017. – Vol. 433. – P. 88–101.

References

Belousova N.E., Rybin E.P., Fedorchenko A.Ju. Treatment strategy of stone raw material in the Initial Upper Palaeolithic of Gorny Altai (based on materials of cultural horizon UP2, Kara-Bom site). *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya*, 2019, No. 1, pp. 225–250. (In Russ.).

Derevianko A.P., Petrin V.T., Rybin E.P., Chevalkov L.M. Paleolithic complexes of the stratified part of the Kara-Bom site (Mousterian/Upper Paleolithic). *Novosibirsk: IAET SB RAS Publ.*, 1998, 280 p. (In Russ.).

Dibble H. Raw Material Availability, Intensity of Utilization, and Middle Paleolithic Assemblage Variability. In *The Middle Paleolithic Site of Combe-Capelle Bas (France)*. Philadelphia: Univ. Museum Press, 1995, pp. 289–314.

Féblot-Augustins J. Mobility Strategies in the Late Middle Palaeolithic of Central Europe and Western Europe: Elements of Stability and Variability. *J. of Anthropol. Archaeology*, 1993, vol. 12, pp. 211–265.

Frolov V.T. Lithology. Moscow: State Univ. Press, 1992, vol. 1, 336 p. (In Russ.).

Kuhn S.L. Upper Paleolithic Raw Material Economies at Ucagizli Cave, Turkey. *J. of Anthropol. Archaeology*, 2004, vol. 23, pp. 431–448.

Kulik N.A., Shunkov M.V., Petrin V.T. Rezul'taty petrograficheskogo analiza paleoliticheskikh industrii Tsentral'nogo Altaya. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2003, vol. IX, ch. I, pp. 154–159. (In Russ.).

Nikolaev S.V. Geologiya i paleogeografiya mezhgornykh kotlovin Gornogo Altaya. In *Paleoliticheskie komplekсы stratifitsirovannoi chasti stoyanki Kara-Bom*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1998, suppl. 1, pp. 185–221. (In Russ.).

Petrin V.T., Nikolaev S.V. Syr'evye istochniki stoyanki Kara-Bom. In *Okhrana i izuchenie kul'turnogo naslediya*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 1993, pp. 69–73. (In Russ.).

Rybin E.P. Povedencheskie strategii i sistemy mobil'nosti drevnego cheloveka na rubezhe srednego i verkhnego paleolita Gornogo Altaya (stoyanka Kara-Bom). In *Problemy kamennogo veka Srednei i Tsentral'noi Azii*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2002, pp. 183–188. (In Russ.).

Rybin E.P., Khatsenovich A.M., Gunchinsuren B., Shelepaev R.A., Odsuren D., Bolorbat C., Margad-Erdene G., Popov A.Yu. The significance of the specific stone raw material in occupation of Middle Selenga by the Paleolithic population. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 159–163. (In Russ.).

Rybin E.P., Shelepaev R.A., Popov A.Ju., Khatsenovich A.M., Anoin A.A., Pavlenok G.D. Sedimentary rocks exploitation in Upper Paleolithic knapping technology at the territory of Central Asia and South Siberia. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*, 2018, No. 2 (22), pp. 146–156. (In Russ.).

Рыбин Е.П. <https://orcid.org/0000-0001-7434-2757>

Анойкин А.А. <https://orcid.org/0000-0003-2383-2259>

Хаценович А.М. <https://orcid.org/0000-0002-8093-5716>

Мансков С.А. <https://orcid.org/0000-0001-7302-2532>

Долгушин И.Д. <https://orcid.org/0000-0003-4402-1914>

Е.П. Рыбин¹✉, А.М. Хаценович¹, Б. Гунчинсурен²

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

²Институт истории и археологии МАН
Улан-Батор, Монголия
E-mail: ryber@yandex.ru

Морфология сколов и организация выпуклости фронта расщепления в каменных индустриях позднего среднего палеолита и ранних стадий верхнего палеолита Южной Сибири и Центральной Азии

Предлагается демонстрация возможных диахронических тенденций и вариаций в способах поддержания как продольной, так и поперечной выпуклости фронта расщепления нуклеусов. Исследование осуществлено на основании сопоставления ряда метрических и морфологических показателей пластинчатых сколов из каменных индустрий, происходящих из различных регионов распространения комплексов поздней стадии среднего палеолита и ранних стадий верхнего палеолита Южной Сибири и Центральной Азии. Метрические показатели отражены в удлинённости пластин (отношение длины к ширине) и высоте сечения пластин (отношение ширины к толщине). Кроме того, используется критерий, определяющий характер поперечной выпуклости сколов, а именно система направляющих ребер. Учитывалась исходная форма сырья – прямоугольный желвак, закругленная галька или сочетание этих признаков. Привлекались каменные ассамбляжи поздней стадии среднего палеолита, начальной стадии верхнего палеолита и раннего верхнего палеолита с территории Южной Сибири и Центральной Азии. Была выявлена тенденция в способах поддержания выпуклости фронта расщепления нуклеусов, выразившаяся в формировании подпряматического расщепления, в наиболее полном и типичном виде представленная в индустриях раннего этапа начального верхнего палеолита. Исходя из морфологии сколов, наибольшая разница прослеживается между индустриями указанного времени и комплексами поздней стадии среднего палеолита. Можно предполагать, что в поздних индустриях начального верхнего палеолита и начала раннего верхнего палеолита сохраняется использование тех же приемов, что и на начальном этапе начального верхнего палеолита, хотя морфология сколов не достигает экстремальных показателей ранних индустрий с их удлинёнными пластинами с высоким сечением.

Ключевые слова: *средний палеолит, начальные стадии верхнего палеолита, каменная технология, поддержание выпуклости фронта расщепления, Южная Сибирь, Центральная Азия.*

Evgeny P. Rybin¹✉, Arina M. Khatsenovich¹, Byambaa Gunchinsuren²

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

²Institute of History and Archaeology MAS,
Ulaanbaatar, Mongolia
E-mail: ryber@yandex.ru

Flake Morphology and Maintenance of Core Flaking Surface Convexity in Lithic Industries of Late Middle and Early Stages of Upper Paleolithic in Southern Siberia and Central Asia

This research reveals possible diachronic tendencies and varieties of methods designed to maintain longitudinal and transverse convexity of core flaking surfaces based on comparison of metric and morphological parameters of laminar spalls. The study collections derive from various regions of southern Siberia and Central Asia, where assemblages of Late

Middle Paleolithic and early stages of Upper Paleolithic are widespread. Blade oblongness (the ratio of length to width) and cross-section height reflect metric parameters. An additional criterion was examined: the system of guiding ridges that determine the degree of flake transverse convexity. We took into account the initial shape of stone raw material: rectangular nodule, rounded pebble, or a combination thereof. We used lithic assemblages of the late stages of Middle Paleolithic, initial stages of Upper Paleolithic, and Early Upper Paleolithic of southern Siberia and Central Asia. We reconstructed technical approaches designed to establish and maintain core flaking surface convexity in the form of subprismatic knapping present in the industries of the initial stages of Early Upper Paleolithic in their complete and typical form. Lithic industries of the initial stages of IUP and the final stages of Middle Paleolithic exhibit the most significant differences in spall morphology. We conclude that flaking approaches characteristic of the early stages of IUP were maintained through the late IUP and into the beginning of the Early Upper Paleolithic, even if spall morphology does not distinguish the boundary parameters of the earlier industries with elongated blades and deep cross-sections.

Keywords: *Middle Paleolithic, early stages of Upper Paleolithic, lithic technology, maintenance of flaking surface convexity, southern Siberia, Central Asia.*

Введение

Технологические наборы популяций, населявших Южную Сибирь (Горный Алтай, Забайкалье и Прибайкалье) и восточную часть Центральной Азии (современная территория Монголии, Восточного Казахстана и Джунгарии, а также Ордоса в Северном Китае) на протяжении начальных стадий верхнего палеолита, обладали совокупностью определенных характеристик, включавших в себя как специфические черты, так и более общие признаки [Рыбин, 2014]. К общим чертам в технологии обработки камня относится ориентация наиболее ранних верхнепалеолитических комплексов на производство пластин, в основном средних и крупных размеров, а также заметный мелкопластинчатый компонент литического производства. При этом методы расщепления могли заметно варьировать, включая в себя подпризматическое скалывание, редукцию специализированных мелкопластинчатых торцовых нуклеусов, леваллуазские методы расщепления, нацеленные на производство отщепов и острий, при получении которых также в качестве технического скола оформления леваллуазского снятия производились пластины. Вместе с тем представления о конкретных проявлениях вариативности в развитии технологии при обычном для Южной Сибири и восточной части Центральной Азии отсутствии ремонтжей во многом базируются на анализе морфологии конечных продуктов. Большинство остаточных нуклеусов в археологических комплексах представляют собой финальную стадию расщепления, перед которой ядрище могло претерпеть цикл неоднократных изменений характера редукции. Примером этого является последовательность расщепления леваллуазских нуклеусов из комплекса СП2 стоянки Кара-Бом, когда происходило изменение способов редукции от инициализации расщепления с использованием естественной формы желвака, его декорткации и удаления краев с помощью снятия маргиналь-

ных удлиненных сколов. Дальнейшее расщепление было нацелено на производство пластин, формирующих контуры будущего леваллуазского острия. После удаления серии острий опять производилось снятие сколов в параллельном направлении [Рыбин, 1998]. Поддержание выпуклости фронта в СП2 Кара-Бом и других пластинчато-леваллуазских индустрий поздней стадии среднего палеолита (далее СП) Южной Сибири и Центральной Азии осуществлялось с помощью краевых сколов, при этом использование типичной техники снятия реберчатых пластин, а также наличие подлинных реберчатых продуктов не фиксируется. Расщепление, за исключением редких примеров (слой 3 стоянки Орхон-1 [Деревянко, Кандыба, Петрин, 2010]), реализовывалось в рамках плоскостной концепции: когда плоскость фронта и контрфронта находились в непересекающихся плоскостях и регулярное раскалывание в обычном порядке не переносилось на латерали нуклеусов. Заметные изменения фиксируются в самых ранних индустриях начального верхнего палеолита (далее НВП): здесь наиболее распространенной объемной концепцией является подпризматическое расщепление, при котором эксплуатировался сильно выпуклый рабочий фронт нуклеуса. Кроме того, применяется специфическая подтреугольно-асимметричная объемная концепция, являющаяся разновидностью подпризматической и заключающаяся в поддержании выпуклости фронта с помощью переноса скалывания с торца нуклеуса на его широкую плоскость [Zwyns, 2012]. Исходя из финальных продуктов нуклеидных форм, определить, какая концепция или последовательность редукционных этапов применялись в ходе расщепления конкретного нуклеуса, зачастую невозможно: многие из них оставляются в состоянии, близком плоскостным пластинчатым нуклеусам среднего палеолита. Вместе с тем, в отличие от СП, обычным техническим сколом становятся реберчатые и нереберчатые пластины, сохраняют свое значение краевые сколы. Техно-

логические границы между НВП и сменяющими его индустриями раннего верхнего палеолита (далее РВП) пока определены недостаточно уверенно; скорее, можно выявить сумму показателей – как географических и хронологических, так и типологических и собственно технологических, характеризующих комплексы РВП как самостоятельное культурно-хронологическое явление ранних стадий развития верхнего палеолита Южной Сибири и Центральной Азии.

В данном исследовании предлагается демонстрация возможных диахронических тенденций и вариаций в способах поддержания как продольной, так и поперечной выпуклости фронта расщепления нуклеусов. Исследование осуществлено на основании сопоставления ряда метрических и морфологических показателей пластинчатых сколов из каменных индустрий, происходящих из различных регионов распространения комплексов поздней стадии и РВП Южной Сибири и Центральной Азии.

Методы и материалы

Анализ способов поддержания выпуклости фронта нуклеусов является одним из важных элементов характеристики технологии расщепления камня, позволяющим дополнить представления о методах расщепления, которые могут быть получены при изучении морфологии остаточных форм. Организация как продольной, так и поперечной выпуклости могла осуществляться путем использования естественной исходной формы желвака или гальки либо создания таковой с помощью специальной подготовки техническими сколами: краевыми пластинами, различными вариантами реберчатых пластин и т.п. Распространенным способом контроля продольного профиля фронта расщепления была реализация встречных снятий со вспомогательной полюсной ударной площадки.

Нами рассматривается ряд показателей. К метрическим показателям (приводятся в средних значениях) относится *удлиненность пластин*, которая определяется отношением длины целых сколов к их ширине. Она демонстрирует ориентацию создателей индустрии на производство удлиненных или укороченных продуктов, на поддержание необходимых для их целей пропорций фронта расщепления нуклеусов. Еще один метрический показатель – это *высота сечения пластин*. Она определяется отношением ширины целых пластин и их проксимальных фрагментов к толщине пластин. Предполагается, что для пластин, полученных при расщеплении в рамках подпризматической объемной концепции, характерны в численном отношении меньшие показатели высоты сечения, в то вре-

мя как для пластин, полученных при расщеплении нуклеусов с уплощенным фронтом, – большие численные значения. Например, скол, имеющий отношение ширины к толщине 3,5, имеет большую высоту сечения, чем скол с показателем 4. С помощью цифрового штангенциркуля измерялась длина по наиболее протяженной оси от точки удара до дистального окончания скола; ширина измерялась в наиболее широком месте скола, толщина – в наиболее толстом после ударного бугорка месте скола. Помимо этого, использовались неметрические признаки – исходная форма сырья, определявшаяся в двух его основных видах или их сочетании, а именно подпрямоугольных неокатанных или слабо окатанных желваков, происходивших из первичных источников сырья и окатанных речных галек. Кроме того, привлекался такой критерий, определяющий характер поперечной выпуклости сколов, как система направляющих ребер – треугольных, имеющих одну грань, получавшихся, как правило, при ударе в ребро нуклеуса. Это было обычной техникой скалывания при подпризматическом расщеплении. Как вариант треугольных сечений выделялись треугольные асимметричные, характерные для обушковых сколов, получавшихся при редукции латералей нуклеусов. Для регулярного пластинчатого расщепления характерны трапециевидные сечения, несущие две грани. Еще выделялись многогранные сечения; под «другими» подразумевались линзовидные, неопределимые и нерегулярные сечения.

Все комплексы происходят из седиментов стоянок открытого типа. На территории Горного Алтая находится стоянка Кара-Бом; в других южносибирских регионах – стоянка Макарово-4 (Прибайкалье) и стоянки Каменка и Толбага (Забайкалье). Стоянки Толбор-4 и Толбор-21 находятся в Северной Монголии. К поздней стадии СП относится комплекс СП2 стоянки Кара-Бом, скорее всего, датирующийся началом МИС 3. К наиболее ранним стадиям НВП (47000–42000 кал. л.н.) относятся комплексы ВП2 Кара-Бом, комплексы А(С) Каменки и горизонта 6/5b Толбора-4. Необходимо заметить, что для оценки выбранных показателей НВП Кара-Бом использовалась выборка артефактов из ремонтжей, относящихся в основном к начальной и средней стадиям производства пластин, что делает этот пример особо значимым, позволяя вычлнить морфологические и метрические характеристики предпочтительного типа заготовок в индустриях НВП. К более поздним стадиям НВП – 42–38 (35) тыс. л.н. нами отнесены горизонт 4 Толбора-21, слой 4 Толбаги и, вероятно, культурный слой Макарово-4. РВП индустрии (38–30 тыс. л.н.) представлены ассамбляжами го-

ризонта 3 Толбора-21 и горизонта 4b Толбора-4. В анализе использовались данные Е.П. Рыбина, полученные в результате работ с коллекциями каменных артефактов.

Результаты

Особенности использовавшегося сырья. Основной набор методов расщепления, использовавшихся в НВП-индустриях, был весьма близко адаптирован к особенностям используемого сырья. Наиболее предпочтительным вариантом были удлиненно-прямоугольные брусковидные желваки из кремневых пород среднего и высокого качества, либо отбираемые непосредственно на выходах сырья, либо перемещенные естественными агентами на некоторое расстояние от первичных выходов. Сама форма отдельности горной породы задавала последовательность операций, сводившихся к специализации расщепления с помощью естественных граней отдельности; если форма сырья требовала коррекции, то такие грани создавались продольно-поперечными сколами, а сама поверхность выравнивалась продольно-поперечными сколами. Распространен был вариант преднамеренного фрагментирования отдельностей для создания подходящей формы. Одна из сторон нуклеуса (контрфронт) часто оставалась уплощенной на протяжении всего процесса расщепления. Реже использовались другие разновидности исходной формы сырья: более окатанный галечник из руслового аллювия или плоские прямоугольные плитки сырья.

Удлиненность. Единственный среднепалеолитический комплекс в нашей выборке – ассамбляж

СП2 Кара-Бом – обладает сравнительно низкими показателями удлиненности (2,4) в сопоставлении с залегающим выше по разрезу комплексом ВП2, где они достигают самых высоких значений (3,8) среди всех рассматриваемых индустрий РВП (табл. 1). Используемая в НВП технология расщепления подразумевала постоянные снятия ударных площадок, что приводило к заметному уменьшению длины субстрата; это вызывало нужду в соблюдении необходимых пропорций с помощью сужения фронта нуклеуса. В данном случае нельзя предполагать существенного влияния формы исходной заготовки на показатели удлиненности пластин, т.к. оба комплекса основывались на одном и том же типе сырья – удлиненных, слегка окатанных брусковидных отдельностях высококачественного сырья. Такой же пример изменения способов организации расщепления при основе на один и тот же тип сырья – в основном брусковидные отдельности – можно проследить в двух случаях. В комплексе горизонта 6/5b стоянки Толбор-4, относящемся к наиболее ранним этапам НВП (ок. 43 тыс. л.н.), фиксируются довольно значительные показатели удлиненности пластинчатых сколов, достигающие 2,9. В позднем РВП слое 4b этой же стоянки, напротив, отмечены самые низкие показатели удлиненности среди рассматриваемых примеров. Иногда можно предполагать и существенное влияние исходных особенностей сырья на удлиненность пластин. В НВП и РВП комплексах горизонтов 4 и 3 стоянки Толбор-21 показатели удлиненности являются идентичными; использовавшееся брусковидное сырье отличалось небольшими размерами, существенно меньшими по своим метрическим ха-

Таблица 1. Характеристики сырья, показатели удлиненности и высоты сечения пластин из комплексов каменного инвентаря с территории Южной Сибири и Центральной Азии

Стоянка/комплекс	Морфологические характеристики		
	Морфология основной разновидности сырья	Удлиненность пластин (длина/ширина)	Высота сечения пластин (ширина/толщина)
<i>Средний палеолит</i>			
Кара-Бом, СП2	подпрямоугольные желваки	2,4	3,7
<i>Начальный верхний палеолит</i>			
Каменка А(С)	подпрямоугольные желваки	3,1	3,3
Толбага, сл. 4	галька + желвак	2,5	3,2
Макарово-4, сл. 6	галька	2,5	3,2
Толбор-4, гор. 6	подпрямоугольные желваки	2,9	3,2
Толбор-21, гор. 4, Р. 2	То же	2,5	3,3
Кара-Бом, ВП2-ремонтажи	»	3,8	2,9
<i>Ранний верхний палеолит</i>			
Толбор-4, гор. 4b	подпрямоугольные желваки	2,3	3,2
Толбор-21, гор. 3, Р. 2	То же	2,5	3,4

Таблица 2. Распределение пластинчатых сколов пластин из комплексов каменного инвентаря с территории Южной Сибири и Центральной Азии согласно поперечному сечению*

Поперечное сечение	Толбор-4			Толбор-21			Каменка А			Макарово-4			Толбага			Кара-Бом		
	Горой 6/5b		Слой 4b	Горизонт 3		Горизонт 4	Кульг. слой		Кульг. слой		Кульг. слой		Слой 4		СП2		ВП2	
	Экз.	%	Экз.	%	Экз.	%	Экз.	%	Экз.	%	Экз.	%	Экз.	%	Экз.	%	Экз.	%
Треугольное	16	30,8	11	40,7	106	54,6	101	52,3	45	27,4	20	37,0	93	33,6	60	25,1	25	25,8
Лагерально-крутое	5	9,6	4	14,8	нет данных	–	нет данных	24	14,6	11	20,4	56	20,2	53	22,2	17	17,5	
Трапезиевидное	30	57,7	10	37,0	80	41,2	76	39,4	89	54,3	20	37,0	111	40,1	107	44,8	51	52,6
Многогранное	0	0,0	2	7,4	4	2,1	6	3,1	нет данных	–	1	1,9	11	4,0	6	2,5	4	4,1
Другие	1	1,9	0	0,0	4	2,1	10	5,2	То же	–	2	3,7	6	2,2	13	5,4	0	0,0
Всего	52	100,0	27	100,0	194	100,0	193	100,0	164	100,0	54	100,0	277	100,0	239	100,0	97	100,0

*Учитывались целые сколы и проксимальные фрагменты.

рактикам в сравнении с образцами, которые отбирались из выходов сырья стоянки Толбор-4. В ассамбляже Макарово-4, связанном исключительно с редукцией относительно небольших окатанных галек из речного аллювия, индекс удлиненности пластин также указывает на ориентацию на производство относительно широких и коротких пластин.

Высота сечения. Вполне ожидаемо, что наиболее уплощенное сечение (3,7) среди рассматриваемой серии комплексов может быть показано для среднепалеолитического комплекса Кара-Бома. Так же как и в случае с индексами удлиненности пластин, на противоположном полюсе находятся значения высоты сечения пластин (2,9) из ремонтной комплексы ВП2 той же стоянки, относящихся к начальной и средней стадии производства крупных и средних пластин. Этот показатель находится во взаимосвязи с отмеченным стремлением к производству максимально удлиненных, а также более массивных пластин. Для всех остальных ассамбляжей НВП отмечается в высшей степени выдержанное соотношение ширины и толщины.

Система направляющих ребер. Очень близкие значения доли треугольных сечений пластин фиксируются для трех наиболее ранних индустрий НВП – Кара-Бома, Каменки и горизонта 6 Толбора-4. Они составляют ок. 40 % всех целых пластин и их проксимальных фрагментов. Заметно выше доля таких сечений (от 50 % и больше) в остальных комплексах. Среди треугольных сечений пластинчатых сколов заметную роль играют треугольные асимметричные/латерально-крутые сечения. Такая морфологическая особенность чаще всего связана с производством сколов с латералей нуклеусов, и их доля стабильно высока во всех рассматриваемых индустриях: от минимальных значений 9,6 % в комплексе горизонта 6/5b Толбора-4 до 22,4 % в среднепалеолитическом ассамбляже Кара-Бома. Это демонстрирует важную роль постоянных продольных снятий с латералей как с целью инициализации расщепления, так и для создания поперечной выпуклости фронта расщепления. Трапециевидное и многогранное сечение пластин, характерное для регулярных пластинчатых снятий в ходе подпризматического расщепления, соответственно, наибольшее значение имеет в ранних комплексах НВП; наименьшее значение трапециевидное сечение имеет в «галечной» индустрии Макарово-4, где челночное простое параллельное расщепление оказывается ведущим методом редукции объема нуклевидных форм. Обращает на себя внимание идентичность показателей НВП горизонта 4 и хронологически близкого к нему РВП комплекса горизонта 3 стоянки Толбор-21.

Обсуждение и заключение

Для комплексов НВП прослеживается опора на подпрямоугольные отдельности сырья среднего и высокого качества, хотя имеются и примеры использования обеих разновидностей, равно как и использование исключительно галечного сырья. В целом мы можем предположить, что для СП и РВП характерны более укороченные пропорции, чем для НВП. Для комплексов НВП отмечается довольно высокая вариативность индексов удлиненности, с максимальными показателями, фиксируемыми для наиболее ранних комплексов НВП Кара-Бома, Каменки и горизонта 6 Толбора-4. Это может свидетельствовать о близких способах поддержания выпуклости фронта расщепления при снятии пластин, отвечающих потребностям выбранной технологии. У остальных ассамбляжей эти значения достаточно близки, с медианным показателем 2,5. Близкая картина распределения экстремальных показателей высоты сечения пластин продемонстрирована для СП и раннего НВП, в то время как медианные значения высоты сечения для остальных комплексов НВП и РВП стабильны и находятся в пределах 3,2–3,3. Весьма незначительно колеблются соотношения основных типов поперечной огранки пластин, с большей долей трапециевидных сечений в комплексах раннего НВП. Если суммировать диахронические тенденции в развитии пластинчатой технологии, выявленные на примере этих ассамбляжей, то можно отметить следующие тенденции: единственный рассмотренный нами среднепалеолитический ассамбляж СП2 Кара-Бома представляет обычную для пластинчатого среднего палеолита плоскостную объемную концепцию. Наиболее «типичные» атрибуты подпризматической технологии НВП могут быть зафиксированы в ранних ассамбляжах этого технокомплекса. Для них характерны массивные удлиненные пластины, поддержание поперечной выпуклости которых производилось преимущественно с помощью регулярного подпризматического расщепления; роль латеральных снятий с треугольным сечением здесь уступает по своей значимости более поздним комплексам НВП, для которых также характерны меньшая высота сечения и меньшая удлиненность. Обращает на себя внимание существенная вариативность средств поддержания объема нуклеусов в рассмотренных комплексах РВП, хотя для одной из индустрий (горизонт 4b Толбора-4) мы отмечаем явную тенденцию к использованию уплощенного фронта и производству пластин укороченных пропорций, другой комплекс начала РВП (горизонт 3 Толбора-21) демонстрирует аналогичные показатели с подстилающим его НВП горизонтом 4.

Сопоставление полученных характеристик с аналогичными данными из Леванта, региона распространения «классических» индустрий НВП, может помочь определить позицию региональных особенностей НВП Южной Сибири и Центральной Азии в системе евразийского НВП. Индустрии этого региона основаны практически исключительно на эксплуатации высококачественного кремня в виде желваков, размеры которых, однако, могли довольно сильно различаться в зависимости от источника сырья, но в целом они меньше, чем отдельности сырья, использовавшиеся в НВП Южной Сибири и Центральной Азии. Удлиненность подпрямоугольных пластин из НВП слоев XXV и XXII навеса Ксар-Акил составляет 2,5–2,7 (ранняя стадия НВП), в слое XXI (поздняя стадия НВП) увеличивается до 2,9. В наиболее раннем слое НВП стоянки Бокер-Тахтит средняя удлиненность пластин составляет 2,6, в более поздних слоях 2–4 она составляет 2,5 [Leder, 2018]. Данные о высоте сечения пластин имеются только для Ксар-Акил [Leder, 2016]: прямоугольные/остроконечные пластины в слое XXV имеют показатели 2,9/2,6, в слое XXII – 3/2,6. Данные по системам направляющих ребер есть для всех сколов только суммарно, без разделения на отщепы и пластины и поэтому могут расцениваться лишь как оценочные [Tostevin, 2012]. В ассамбляже нижнего слоя 1 Бокер-Тахтит треугольные сечения составляют 55 % от всех сколов, а трапециевидные – 40 %; в слое 4 этого же памятника треугольные сечения составляют 44,9 %, трапециевидные – 45,9 %. Приведенные значения находятся полностью в пределах вариативности способов поддержания выпуклости фронта расщепления в НВП индустриях Южной Сибири и Центральной Азии, что вновь позволяет отмечать существенную степень схожести между этими районами распространения НВП. При этом у наиболее ранних комплексов центра Азии показатели удлиненности и высоты сечения несколько выше, чем у синхронных комплексов НВП Леванта, где, наоборот, в индустрии финала НВП Ксар-Акил отмечаются нарастающие тенденции к увеличению удлиненности пластин, что связано с общим трендом к увеличению значения производства узких длинных пластин/пластинок. Кроме того, хотя эти данные следует воспринимать с оговоренной поправкой, более высоким в НВП Леванта оказывается участие латеральных сколов в подготовке фронта расщепления, что может быть связано с изначально меньшими размерами желваков, расщепление которых часто организовывалось на узких сторонах блоков сырья [Marks, Kaufman, 1983].

На основании продемонстрированных данных мы предполагаем наличие определенной тенденции в способах поддержания выпуклости фронта рас-

щепления нуклеусов на ранних этапах верхнего палеолита Южной Сибири и Центральной Азии, выразившейся в формировании подпризматического расщепления, в наиболее полном и типичном виде представленном в индустриях начального этапа НВП, максимально адаптированном к использованию подпрямоугольных блоков сырья. Исходя из морфологии сколов, наибольшая разница прослеживается между индустриями раннего этапа НВП и комплексами поздней стадии СП. Можно предполагать, что в поздних индустриях НВП и начала РВП сохраняется использование тех же приемов, что и на начальном этапе НВП, хотя и не достигающее экстремальных показателей ранних индустрий с их удлиненными сколами с массивным сечением. Вместе с тем необходимо отметить, что данные показатели не должны восприниматься в отрыве от остальных морфологических атрибутов первичного расщепления. Выявленный тренд не может восприниматься как прямолинейное развитие, о чем говорят отмечающиеся девиации среди однокультурных комплексов, даже и в пределах одной стратиграфической последовательности. Несомненно, в тех комплексах, которые представлены в нашем исследовании, поведенческий и сырьевой фактор играл значительную роль в формировании морфологии артефактов и способов подготовки нуклеусов.

Благодарности

Работа по изучению каменного инвентаря археологических памятников Центральной Азии выполнена за счет проекта НИР № 0329-2019-0002 «Древнейшие культурные процессы на территории Центральной Азии». Анализ технологии расщепления археологических комплексов раннего верхнего палеолита Монголии выполнен при финансовой поддержке гранта РФФИ 19-59-44010 Монг_т «Пустынные земли: смена палеолитических культур в степных и пустынных ландшафтах Монголии во время последнего максимума оледенения плейстоцена и позднего дриаса».

Список литературы

Деревянко А.П., Кандыба А.В., Петрин В.Т. Палеолит Орхона. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – 384 с.

Рыбин Е.П. Вариант леваллуазской технологии расщепления камня в мустьерских комплексах стоянки Кара-Бом // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 265–274.

Рыбин Е.П. Хронология и географическое распространение культурно значимых артефактов в начальном

верхнем палеолите Северной Азии и восточной части Центральной Азии // Изв. Алт. гос. ун-та. – 2014. – Вып. 4 (84), т. 1. – С. 188–198.

Leder D. Core reduction strategies at the Initial Upper Palaeolithic sites Ksar Akil and Abou Halka in Lebanon // *Lithics: The J. of the Lithic Studies Society*. – 2016. – Vol. 37. – P. 33–53.

Leder D. Lithic Variability and Techno-Economy of the Initial Upper Palaeolithic in the Levant // *International J. of Archaeol.* – 2018. – Vol. 6, iss. 1. – P. 23–36.

Marks A., Kaufman D. Boker Tachtit: the Artifacts // *Prehistory and Palaeoenvironments in the Central Negev, Israel*. – Dallas: SMU Press, 1983. – Vol. 3. – P. 127–142.

Tostevin G. Seeing Lithics: A Middle-Range Theory for Testing for Cultural Transmission in the Pleistocene. – Oxford; Oakville: Oxbow books, 2012. – Vol. XXXVI. – 572 p.

Zwyns N. Laminar Technology and the Onset of the Upper Paleolithic in the Altai // *Studies in Human Evolution*. – Leiden: Leiden Univ. Press, 2012. – 413 p.

References

Derevianko A.P., Kandyba A.V., Petrin V.T. Paleolit Orkhona. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2010, 384 p. (In Russ.).

Leder D. Core reduction strategies at the Initial Upper Palaeolithic sites Ksar Akil and Abou Halka in Lebanon. *Lithics: The J. of the Lithic Studies Society*, 2016, vol. 37, pp. 33–53.

Leder D. Lithic Variability and Techno-Economy of the Initial Upper Palaeolithic in the Levant. *International J. of Archaeol.*, 2018, vol. 6, iss. 1, pp. 23–36.

Marks A., Kaufman D. Boker Tachtit: the Artifacts. In *Prehistory and Palaeoenvironments in the Central Negev, Israel*. Dallas: SMU Press, 1983, vol. 3, pp. 127–142.

Rybin E.P. Variant levalluazskoi tekhnologii rasshchepleniya kamnya v must'erskikh kompleksakh stoyanki Kara-Bom. In *Paleoekologiya pleistotsena i kul'tury kamennogo veka Severnoi Azii i sopredel'nykh territorii*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1998, vol. 1, pp. 265–274. (In Russ.).

Rybin E.P. Khronologiya i geograficheskoe rasprostranenie kul'turno znachimykh artefaktov v nachal'nom verkhnem paleolite Severnoi Azii i vostochnoi chasti Tsentral'noi Azii. In *Izvestiya of Altai State Univ.*, 2014, iss. 4 (84), vol. 1, pp. 188–198. (In Russ.).

Tostevin G. Seeing Lithics: A Middle-Range Theory for Testing for Cultural Transmission in the Pleistocene. Oxford; Oakville: Oxbow books, 2012, vol. XXXVI, 572 p.

Zwyns N. Laminar Technology and the Onset of the Upper Paleolithic in the Altai. In *Studies in Human Evolution*. Leiden: Leiden Univ. Press, 2012, 413 p.

Рыбин Е.П. <https://orcid.org/0000-0001-7434-2757>
Хаченович А.М. <https://orcid.org/0000-0002-8093-5716>

М.В. Селецкий, П.В. Чистяков, А.Ю. Федорченко✉

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: archmax95@gmail.com

Возможности трехмерного моделирования при исследовании каменных ударно-абразивных орудий эпохи палеолита

Функциональный анализ каменных ударно-абразивных орудий эпохи палеолита является одним из перспективных направлений, разрабатываемых в современной археологической трасологии. Изучение подобных артефактов часто сопряжено со множеством трудностей методологического характера, для решения которых исследователи часто привлекают микроскопическое, фотографическое и другое специальное оборудование. Цель настоящей статьи заключается в выявлении исследовательских возможностей трехмерного моделирования в контексте анализа палеолитических ударно-абразивных инструментов из камня. В рамках данного исследования осуществлены эксперименты по расщеплению галечного сырья при помощи наковален, отбойников и ретушеров. Полученные эталоны были использованы для демонстрации различий в точности мануальных и программных измерений метрических параметров полученных эталонов. В результате проведенного исследования были определены следующие преимущества использования технологий 3D-сканирования при анализе ударно-абразивных орудий перед рисунком и фотографией: скорость и удобство в создании изображений артефактов в нескольких проекциях, возможность программного управления тенями и контрастом на этапе постобработки, визуализация следов износа. Было установлено, что использование трехмерного моделирования при помощи сканера структурированного подсвета позволяет существенно снизить погрешности в линейных измерениях артефактов, предоставляя исследователю инструменты точной фиксации деталей микрорельефа орудий, которые в обычной трасологической практике надежно зафиксировать сложно. В целом применение 3D-технологий способствует повышению уровня достоверности получаемых данных, помогая избавиться от субъективности в процессе исследования.

Ключевые слова: палеолит, каменные ударно-абразивные орудия, эксперимент, 3D-моделирование.

Maxim V. Seletskiy, Pavel V. Chistyakov, Alexander Yu. Fedorchenko✉

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: archmax95@gmail.com

3D Modelling of Paleolithic Percussive-Abrasive Stone Tools: Research Opportunities

A functional analysis of the Paleolithic stone percussive-abrasive tools is one of the promising avenues in the archaeological traceology. The study of such artifacts is often associated with many methodological difficulties, for the solution of which researchers use microscopic, photographic, and other special equipment. The aim of the article is to identify the research opportunities for the three-dimensional modelling of Paleolithic percussive-abrasive stone tools analysis. We did the experimental knapping with pebble raw material using anvils, hammerstones, and retouchers. We used the obtained reference samples to demonstrate the differences in accuracy of manual and software measurements of the metrics. As a result of analysis of percussive-abrasive stone tools, we identified some advantages of using 3D scanning technologies compared to drawing and photography. These are speed and convenience in creating images of artifacts in multiple projections, software control of shadows and contrast during post-processing, use-wear trace visualization. The use of the structured light 3D scanner can significantly reduce errors in linear measurements of artifacts, providing the researcher with the tools for precise recording of the microrelief details, which is challenging to do in a regular traceological practice. In total, the current capabilities of 3D technologies contribute to rising the confidence level of the obtained data thus helping to eliminate subjectivity in the research process.

Keywords: Paleolithic, percussive-abrasive stone tools, experiments, 3D modelling.

Введение

Основной целью экспериментально-трасологического исследования является получение обоснованных данных о функциях древних артефактов и индустрий. Начиная с самых первых трасологических изысканий для обнаружения и изучения следов использования и обработки исследователи применяли широкий спектр специального микроскопического и фотографического оборудования, осветительную технику и средства для создания дополнительного контраста [Семенов, 1957, с. 30–43; Семенов, 1972; Keeley, 1980, р. 1–9; Щелинский, 1983; Vaughan, 1985, р. 9–18]. Современный этап в археологической трасологии связан с появлением и широким распространением цифровой фотографии, использованием компьютерной обработки и сканирующих систем. Распространение технологий создания микро- и макрофотографий с фокусировкой по всей площади одного кадра, созданных из множества частично резких снимков, позволило получать изображение следов, которые ранее нельзя было увидеть в окуляр микроскопа [Plisson, 2015]. Развитие методик фиксации следов посредством фотограмметрии, 3D-сканирования и микротомографии предоставило исследователям качественно новую базу для наблюдения, анализа и визуализации следов износа и обработки [Grosman, Smikt, Slimansky, 2008; Stemp, Watson, Evans, 2015; Porter et al., 2016; Benito-Calvo et al., 2018].

Одним из направлений, активно разрабатываемых сегодня в археологической трасологии, является исследование т.н. ударно-абразивных орудий, выполненных из необработанных отдельностей минерального сырья [Гиля и др., 2019]. Артефакты подобного типа широко представлены на памятниках различных археологических эпох – от нижнего палеолита до Средних веков [Голубева, 2016; Князева, 2011; Pop et al., 2018; Benito-Calvo et al., 2018]. В функциональном плане ударно-абразивные инструменты – отбойники, ретушеры, наковальни, абразивы, терочки, песты и т.д. – использовались для совершения операций по расщеплению, шлифованию, дроблению, измельчению или перетиранию минерального и органического сырья [Beaune, 1989, 1993; Stepanova, 2020]. Такие артефакты часто не имеют следов преднамеренного видоизменения поверхности, но располагают признаками износа, возникшего в результате утилизации [Степанова, 2015]. По этой причине основным методом изучения подобных немодифицированных орудий является экспериментально-трасологический анализ.

Настоящая работа посвящена обзору основных проблем изучения каменных ударно-абразивных инструментов эпохи палеолита, а также выявле-

нию основных исследовательских возможностей, связанных с использованием технологий трехмерного сканирования при анализе данных артефактов.

Материалы и методы исследования

Анализ текущего состояния функциональных исследований каменных ударно-абразивных орудий эпохи палеолита позволяет сформулировать перечень научных проблем, связанных с изучением данного вида археологических источников. Их морфология почти всегда детерминирована формой исходной галечной отдельности, следовательно, правила и критерии «обычной» типологической классификации для указанной категории артефактов являются в данном случае слабо применимыми [Там же]. Современные классификации каменных ударно-абразивных инструментов среднего и верхнего палеолита базируются на данных о размерности, кинематике и характере износа этих артефактов [Гричан, 2006; Кучугура, 2003; Zampetti, Lemorini, Massussi, 2007]. В связи с этим одной из актуальных проблем в изучении таких артефактов является необходимость точного измерения основных морфометрических параметров этих предметов и корректного отображения следов утилизации на них.

При определении метрических параметров каменных ударно-абразивных орудий исследователь в большинстве случаев использует простые измерительные приспособления (линейку или штангенциркуль), определяя длину, ширину и толщину артефактов, а также метрические параметры следов утилизации согласно своему видению расположения осей x , y и z . В данном случае при изучении орудий, имеющих крупные размеры и несимметричную овальную форму, легко допустить неточность в измерениях, а также повредить рабочую поверхность артефакта, что создаст затруднения для проведения функционального анализа.

Одно из возможных решений подобной проблемы может заключаться в использовании специализированных программ, предназначенных для изучения трехмерных моделей артефактов и обеспечивающих как единообразное автоматическое позиционирование, так и стандартные метрические измерения исследуемых объектов. Так, с использованием программы Artifact 3D Л. Гросман был проведен эксперимент по выявлению различий в мануальных и программных измерениях рубил. Было выявлено, что человек ошибался в среднем на величину от 9 до 22 мм, но максимальная разница измерений достигала 50 мм [Grosman, Smikt, Slimansky, 2008].

Облик следов утилизации на палеолитических ударно-абразивных орудиях из зернистых пород

камня глубоко специфичен. Поверхность рабочих участков артефактов, прослеживаемая на макро- и микроуровне, часто состоит из блестящих зерен, вкраплений и трещин, нередко деформированных следами естественного или позднейшего антропогенного воздействия, что существенно затрудняет процесс наблюдения и анализа признаков утилизации. Подобная специфика следов износа осложняет их корректную визуализацию.

Особенности каменных ударно-абразивных орудий требуют проведения специальных экспериментальных исследований для получения репрезентативной коллекции эталонов. В рамках данного исследования было осуществлено моделирование расщепления галек мелкозернистых песчаников и алевролитов при помощи наковальни ($n = 2$), отбойников ($n = 6$) и ретушеров ($n = 2$). Источником для отбора галечного сырья являлся русловой аллювий р. Чарыш в непосредственной близости от Чагырской пещеры.

3D-моделирование экспериментальных эталонов осуществлялось посредством сканера структурированного подсвета RangeVision 5M PRO согласно общепринятому протоколу [Колобова и др., 2019]. Исследуемый объект устанавливался на платформе стола и автоматически сканировался с нескольких ракурсов, в двух или более положениях. После съемки предмета было получено несколько групп облаков точек. Для дальнейшего создания модели и работы с ней были удалены все детали, не относящиеся к объекту сканирования (крепления, стол, ошибки сканирования), полученные группы объединены в единое облако точек, из которого создавалась модель. После подготовки модели осуществлялось исправление мелких погрешностей, не позволявших проводить измерения и дальнейшую работу с объектом. Полученное 3D-изображение обрабатывалось в программе Geomagic Wrap (trial version) при помощи инструмента «Устранение неполадок каркаса», после чего модель сохранялась и была готова к работе.

Для позиционирования объектов мы воспользовались программой Autodesk Netfabb (trial version), в которой применили команду «Minimize Outbox». При выполнении данной команды анализируемый объект вписывается в параллелепипед, длина которого соответствует длине объекта в наибольшем измерении. Ширина и толщина модели рассчитываются по соответствующим граням параллелепипеда. Для измерения основных морфометрических параметров исследуемых объектов использовались программы Geomagic Design X и Autodesk Netfabb (trial version). Описанный алгоритм позволяет единообразно позиционировать исследуемые артефакты и при каждом измерении получать верифицируе-

мые метрические параметры (наибольшие значения длины, ширины и толщины).

Для демонстрации различий в точности мануальных и программных измерений метрических параметров эталонов ударно-абразивных орудий был проведен эксперимент. Перед его началом было определено пять участников, имеющих опыт работы с археологическими и антропологическими материалами. Данные операторы осуществляли замеры длины, ширины и толщины объектов исследования при помощи штангенциркуля. Поскольку машинные измерения являются максимально точными, погрешность высчитывалась от значений, полученных программным путем.

На начальной стадии исследования была выдвинута гипотеза об увеличении погрешности в мануальных измерениях в зависимости от величины артефакта. Чтобы не повторять исследование Л. Гросман, мы разделили экспериментальные эталоны на две группы: мелкие (от 48 до 127 мм в максимальном измерении) и крупные (138–198 мм в максимальном измерении).

Вычисление медианы и выбросов происходило в программе Past. Медиана – уровень показателя, который делит набор данных на две равные половины. Выбросом же является такое измерение, которое сильно выделяется в большую или меньшую сторону из общей выборки [Hammer et al., 2001].

Общая выборка значений не является крупной, поэтому статистическое исследование имеет предварительный характер.

Результаты исследования

Реализация экспериментальной программы позволила получить 10 эталонов. В качестве орудий использовались гальки различных форм и размерного класса, что являлось полезным для демонстрации методов визуализации и измерения метрических характеристик. В процессе экспериментов осуществлялось апробирование ($n = 1$) и первичное расщепление ($n = 4$; рис. 1) минерального сырья отбойниками, обработка камня отбойниками ($n = 1$) и ретушерами ($n = 2$) на наковальнях ($n = 2$; рис. 2). Полученные экспериментальные инструменты были подвергнуты трехмерному сканированию для создания объемных изображений и измерения метрических характеристик.

При создании итоговых коллажей, передающих основные сведения о морфологии предметов и данные о следах утилизации на них, эталоны размещались в шести проекциях, согласно основным внешним видимым поверхностям сканируемых предметов. В процессе подготовки изображений использовался однонаправленный свет, подбирался

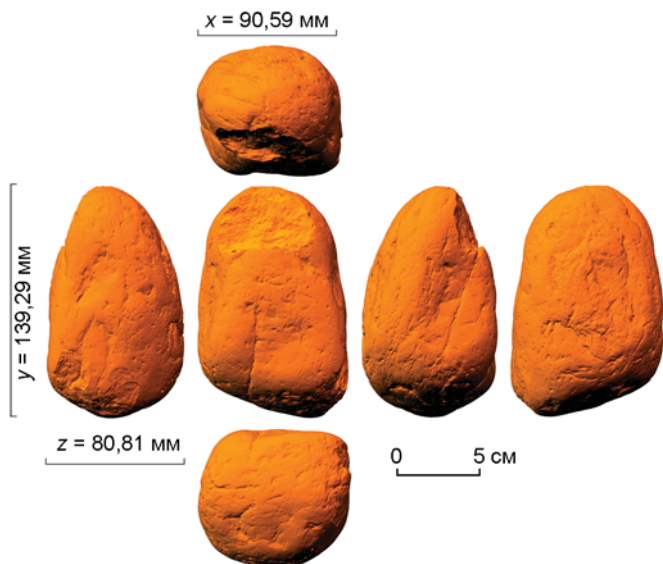

Рис. 1. Экспериментальный отбойник, применявшийся в процессе первичного расщепления каменного сырья.

1 – 3D-визуализация проекций инструмента; 2 – карта высот.

оптимальный цвет заливки, который позволяет наиболее корректно визуализировать следы износа, фиксируемые на макроуровне (см. рис. 1, 1; рис. 2, 1). При компоновке коллажа к указанным проекциям были добавлены изображения рабочей зоны эталонов в увеличенном масштабе и в виде карты высот. Использование карты высот, демонстрирующей особенности микрорельефа рабочей поверхности ударно-абразивных орудий, может служить полезным дополнением

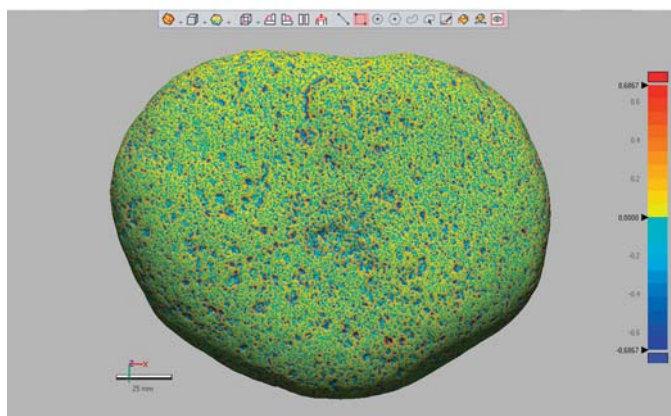
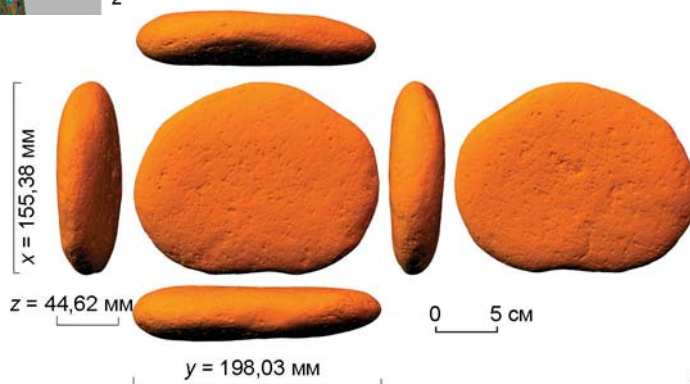
Рис. 2. Экспериментальная наковальня, применявшаяся в процессе первичного расщепления каменного сырья.

1 – 3D-визуализация проекций инструмента; 2 – карта высот.

макрофотографии, предоставляя дополнительную возможность визуализации следов утилизации (см. рис. 1, 2; рис. 2, 2).

В целом по сравнению с обычной фотографией визуализация морфометрических характеристик и признаков утилизации на ударно-абразивных инструментах посредством 3D-моделирования обладает следующими преимуществами: простота в создании изображений, легкость манипулирования проекциями и их масштабирования, выставления «источника освещения» и управления тенями, заливками. Использование фототехники для совершения всех указанных действий с учетом корректного позиционирования снимаемых артефактов, настройки света и экспозиции и последующей программной обработки получаемых фотографий в графических редакторах занимает существенно больше времени.

Отдельная сфера применения технологий 3D-моделирования при анализе ударно-абразивных орудий связана с возможностью точных измерений сканируемых объектов и следов износа, фиксируемых на них. Пособием манипулирования с моделью в программном обеспечении Geomagic Design X производятся измерения метрических параметров и объема артефактов, вы-

числяются размеры утилизированных участков, а также длина, ширина и глубина линейных следов, выбоин, зарубок и других признаков утилизационных макродеформаций, имеющих относительно четкие границы. Программа автоматически выставляет трехмерную модель согласно осям x , y и z , идентифицирует линейный размер предмета в продольном и поперечном направлениях. Любые необходимые линейные измерения в указанной программе, вплоть до мельчайших деталей, производятся в ручном режиме посредством установки точек и фиксации расстояния между ними.

В результате проведенного эксперимента был составлен график метрических характеристик, полученных мануальным и программным способами (рис. 3). С помощью этого решения была проанализирована погрешность, возникающая при измерении ударно-абразивных инструментов человеком. Для демонстрации достоверной разницы в графике использовались показатели длины и ширины, выступающие основными характеристиками при визуализации и анализе представленных орудий в исследованиях.

Медиана погрешности при фиксации длины крупных орудий (> 138 мм) составила 1,92 мм, крупнейшие значения составляют 18,48 и 28,32 мм. 22 мануальных измерения близки к программному, остальные же три являются выбросами. При измерении ширины – 1,75 мм максимальные значения

составили 6,29 и 6,51 мм. Все мануальные измерения близки к программным. Выбросы отсутствуют.

При измерении длины мелких орудий (< 127 мм) медиана погрешности составила 0,61 мм, при максимальных значениях 3,65 и 15,03 мм. Лишь одно значение является выбросом, остальные 24 – близки к программному. Медиана погрешности по ширине – 0,7 мм, при максимальных значениях 6,12 и 8,61 мм. Мануальные измерения не являются выбросами, т.е. близки к программным.

Заключение

В результате проведенного исследования были выявлены возможности и преимущества в использовании технологий 3D-моделирования при изучении каменных ударно-абразивных орудий. Применение трехмерного моделирования позволяет снизить погрешности в линейных измерениях артефактов, что дает возможность точной фиксации деталей микрорельефа орудий.

По результатам эксперимента было выявлено, что при измерении человеком длины крупных ударно-абразивных орудий погрешность в среднем составляет от 0,5 до 2,0 мм. При фиксации метрических характеристик более мелких объектов отмечается минимальная погрешность. Тем не менее примерно в 10 % случаев при мануальном измерении артефактов достигалась погрешность более 2–5 мм.

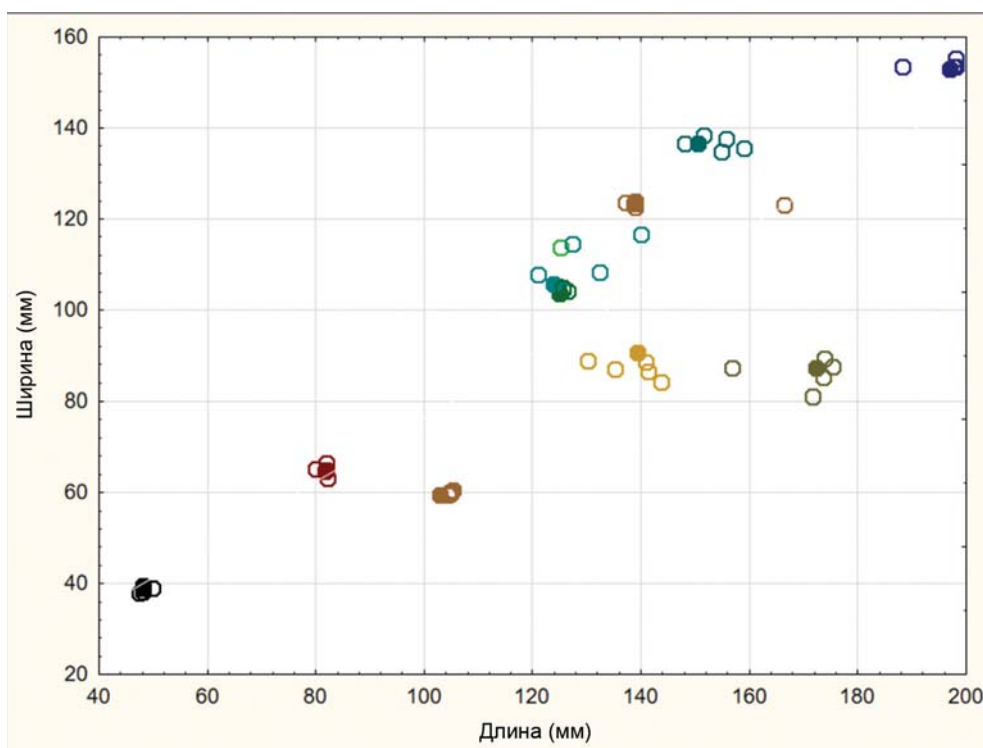

Рис. 3. Метрические измерения экспериментальных ударно-абразивных орудий. Полые круги – мануальные измерения; заполненные круги – программные измерения.

Стоит отметить, что только четыре мануальных измерения из 100 сильно отличаются от программного. Это значит, что человек фиксирует метрические характеристики близко к программным, но с некоторыми погрешностями. То есть, если в исследовании не требуется высокий уровень точности, то можно использовать измерения опытных операторов.

Таким образом, современные технические возможности трехмерного моделирования способствуют повышению уровня достоверности получаемых данных.

Благодарности

Работы по 3D-моделированию эталонов выполнены по проекту НИР № 0329-2019-0009 «Цифровые технологии в реконструкции стратегий жизнеобеспечения древнего населения Евразии», экспериментальные исследования – при поддержке проекта РФФ № 20-78-10125.

Список литературы

Гиря Е.Ю., Федорова Д.Н., Степанова К.Н., Малютина А.А., Колпаков Е.М., Кульков А.М. Технические средства и исследовательские возможности археологической трасологии // *Stratum plus. Археология и культурная антропология.* – 2019. – № 1. – С. 131–143.

Голубева Е.В. Теория и практика экспериментально-трасологических исследований неметаллического инструментария раннего железного века – Средневековья (на материалах южно-таежной зоны Средней Сибири). – Красноярск: Сиб. фед. ун-т, 2016. – 144 с.

Гричан Ю.В. Новые аспекты палеоэкономики в позднелепестчатых памятниках Забайкалья (по материалам поселения Варварина Гора) // *Человек и пространство в культурах каменного века Евразии* / отв. ред. А.П. Деревянко, Т.И. Нохрина. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – С. 9–16.

Князева Е.В. Технология металлургии и металлообработки на территории Нижнего Приангарья в Средние века: опыт экспериментально-трасологических исследований // *Вестн. НГУ. Сер.: История, филология.* – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2011. – Т. 10, вып. 5. – С. 108–116.

Колобова К.А., Федорченко А.Ю., Басова Н.В., Постнов А.В., Ковалев В.С., Чистяков П.В., Молодин В.И. Применение 3D-моделирования для реконструкции облика и функции предметов неутилитарного назначения (на примере антропоморфной скульптуры из материалов могильника Турист-2) // *Археология, этнография и антропология Евразии.* – 2019. – № 4. – С. 66–76.

Кучугура Л.И. К вопросу о типологии изделий из неизоморфных пород в верхнем палеолите // *Археологический альманах.* – 2003. – № 13. – С. 308–314.

Семенов С.А. Первобытная техника. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. – 240 с.

Семенов С.А. О следах работы на мустьерских орудиях из Воронцовской пещеры // *Палеолит и неолит СССР.* – Л.: Наука, 1972. – Т. 7. – С. 20–24.

Щелинский В.Е. К изучению техники, технологии изготовления и функций орудий мустьерской эпохи // *Технология производства в эпоху палеолита* / отв. ред. А.Н. Рогачев. – Л.: Наука, 1983. – С. 72–133.

Beaune S.A., de Essai d'une classification typologique des galets et plaquettes utilisés au Paléolithique // *Gallia Préhistoire.* – 1989. – Vol. 31. – P. 27–64.

Beaune S.A., de Nonflint Stone Tools of the Early Upper Paleolithic // *Before Lascaux: The complex record of the Early Upper Paleolithic* / eds. H. Knecht, A. Pike-Tay, R. White. – Boca Raton: CRC Press, 1993. – P. 163–191.

Benito-Calvo A., Crittenden A.N., Livengood S.V., Sánchez-Romero L., Martínez-Fernández A., Torre de la I., Pante M. 3D 360° surface morphometric analysis of pounding stone tools used by Hadza foragers of Tanzania: A new methodological approach for studying percussive stone artefacts // *J. of Archaeol. Sci.: Reports.* – 2018. – Vol. 20. – P. 611–621.

Grosman L., Smikt O., Slimansky U. On the application of 3-D scanning technology for the documentation and typology of lithic artifacts // *J. of Archaeol. Sci.* – 2008. – Vol. 35 (12). – P. 3101–3110.

Hammer Ø., Harper D.A.T., Ryan P.D. PAST: Paleontological statistics software package for education and data analysis // *Palaeontologia Electronica.* – 2001. – Vol. 1 (4). – P. 1–9.

Keeley L. Experimental Determination of Stone Tool Uses. – Chicago: Univ. of Chicago Press, 1980. – 212 p.

Plisson H. Digital Photography and Traceology: From 2D to 3D // *Следы в истории: к 75-летию В.Е. Щелинского.* – СПб.: ИИМК РАН, 2015. – С. 218–233.

Pop E., Charalampopoulos D., Arps C.S., Verbaas A., Roebroeks W., Gaudzinski-Windheuser S., Langejans G. Middle Palaeolithic Percussive Tools from the Last Interglacial Site Neumark-Nord 2/2 (Germany) and the Visibility of Such Tools in the Archaeological Record // *J. of Paleolithic Archaeol.* – 2018. – Vol. 1. – P. 81–106.

Porter S.T., Huber N., Hoyer C., Floss H. Portable and low-cost solutions to the imaging of Paleolithic art objects: A comparison of photogrammetry and reflectance transformation imaging // *J. of Archaeol. Sci.: Reports.* – 2016. – N 10. – P. 859–863.

Stemp W.J., Watson A.S., Evans A.A. Surface analysis of stone and bone tools // *Surface Topography: Metrology and Properties.* – 2015. – Vol. 4 (1). – 013001.

Stepanova K. Upper Palaeolithic grinding stones from Eastern European sites: An overview // *Quaternary Intern.* – 2020. – Vol. 541. – P. 162–181.

Vaughan P. Use-wear analysis of flaked stone tools. – Tucson: Univ. of Arizona Press, 1985. – 204 p.

Zampetti D., Lemorini C., Massussi M. Art et vie quotidienne dans l'Épigravettien final. Les galets utilisés de la Grotta della Ferrovia // Chasseurs-cueilleurs: Comment vivaient nos ancêtres du Paléolithique supérieur: Méthodes d'analyse et d'interprétation en Préhistoire / ed. S.A. de Beaune. – Paris: CNRS, 2007. – P. 171–185.

References

Beaune S.A., de Essai d'une classification typologique des galets et plaquettes utilisés au Paléolithique. *Gallia Préhistoire*, 1989, vol. 31, pp. 27–64.

Beaune S.A., de Nonflint Stone Tools of the Early Upper Paleolithic. *Before Lascaux: The complex record of the Early Upper Paleolithic*. White. Boca Raton: CRC Press, 1993, pp. 163–191.

Benito-Calvo A., Crittenden A.N., Livengood S.V., Sánchez-Romero L., Martínez-Fernández A., Torre de la I., Pante M. 3D 360° surface morphometric analysis of pounding stone tools used by Hadza foragers of Tanzania: A new methodological approach for studying percussive stone artefacts. *Journal of Archaeological Science: Reports*, 2018, vol. 20, pp. 611–621.

Girya E.Yu., Fedorova D.N., Stepanova K.N. Malyutina A.A., Kolpakov E.M., Kulkov A.M. Technical Means and Research Perspectives in Archeological Traceology. *Stratum plus*, 2019, No. 1, pp. 131–143. (In Russ.).

Golubeva E.V. Teoriya i praktika eksperimental'no-trasologicheskikh issledovaniy nemetallicheseskogo instrumentariya rannego zheleznogo veka – srednevekov'ya (na materialakh yuzhno-tayezhnoi zony Srednei Sibiri). Krasnoyarsk: State Federal Univ. Press, 2016, 144 p. (In Russ.).

Grichan Yu.V. Novyye aspekty paleoekonomiki v pozdnepaléolithicheskikh pamyatnikakh Zabaykal'ya (po materialam poseleniya Varvarina Gora). In Derevianko A.P., Nokhrina T.I. (eds.). *Chelovek i prostranstvo v kul'turakh kamennogo veka Evrazii*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2006, pp. 9–16. (In Russ.).

Grosman L., Smikt O., Slimansky U. On the application of 3-D scanning technology for the documentation and typology of lithic artifacts. *Journal of Archaeological Science*, 2008, vol. 35 (12), pp. 3101–3110.

Hammer Ø., Harper D.A.T., Ryan P.D. PAST: Paleontological statistics software package for education and data analysis. *Palaeontologia Electronica*, 2001, vol. 1 (4), pp. 1–9.

Keeley L. *Experimental Determination of Stone Tool Uses*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1980, 212 p.

Knyazeva E.V. Technology of metallurgy and metal treatment on territory of undercurrent Angara in Middle Ages: experience of experimental and traceological investigations. *Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*, 2011, vol. 10, iss. 5, pp. 108–116. (In Russ.).

Kolobova K.A., Fedorchenko A.Yu., Basova N.V., Postnov A.V., Kovalev V.S., Chistyakov P.V., Molodin V.I. The Use of 3D-Modeling for Reconstructing the Appearance and Function of Non-Utilitarian Items (the Case of Anthropomorphic Figurines from Tourist-2. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2019, vol. 47, No. 4, pp. 66–76. (In Russ.).

Kuchugura L.I. K voprosu o tipologii izdeliy iz neizomorfnykh porod v verkhnem paleolite. *Archaeological Almanac*, 2003, No. 13, pp. 308–314. (In Russ.).

Plisson H. Digital Photography and Traceology: From 2D to 3D. In *Traces in history. To the 75th anniversary of V.E. Shchelinsky*. Saint Petersburg: IHMC RAS, 2015, pp. 218–233.

Pop E., Charalampopoulos D., Arps C.S., Verbaas A., Roebroeks W., Gaudzinski-Windheuser S., Langejans G. Middle Palaeolithic Percussive Tools from the Last Interglacial Site Neumark-Nord 2/2 (Germany) and the Visibility of Such Tools in the Archaeological Record. *Journal of Paleolithic Archaeology*, 2018, vol. 1, pp. 81–106.

Porter S.T., Huber N., Hoyer C., Floss H. Portable and low-cost solutions to the imaging of Paleolithic art objects: A comparison of photogrammetry and reflectance transformation imaging. *Journal of Archaeological Science: Reports*, 2016, No. 10, pp. 859–863.

Semenov S.A. Pervobytnaya tekhnika. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1957, 240 p. (In Russ.).

Semenov S.A. O sledakh raboty na must'yerskikh orudiyakh iz Vorontsovskoy peshchery. *Paleolit i neolit SSSR*. Leningrad: Nauka, 1972, vol. 7, pp. 20–24. (In Russ.).

Shchelinsky V.E. K izucheniyu tekhniki, tekhnologii izgotovleniya i funktsiy orudiy must'yerskoy epokhi. In Rogachev A.N. (ed.). *Tekhnologiya proizvodstva v epokhu paleolita*. Leningrad: Nauka, 1983, pp. 72–133. (In Russ.).

Stemp W.J., Watson A.S., Evans A.A. Surface analysis of stone and bone tools. *Surface Topography: Metrology and Properties*, vol. 4 (1), 013001.

Stepanova K. Upper Palaeolithic grinding stones from Eastern European sites: An overview. *Quaternary International*, 2020, vol. 541, pp. 162–181.

Vaughan P. Use-wear analysis of flaked stone tools. Tucson: Univ. of Arizona Press, 1985, 204 p.

Zampetti D., Lemorini C., Massussi M. Art et vie quotidienne dans l'Épigravettien final. Les galets utilisés de la Grotta della Ferrovia. In *Chasseurs-cueilleurs: Comment vivaient nos ancêtres du Paléolithique supérieur: Méthodes d'analyse et d'interprétation en Préhistoire*. Paris: CNRS, 2007, pp. 171–185.

Селецкий М.В. <https://orcid.org/0000-0003-2581-8792>

Чистяков П.В. <https://orcid.org/0000-0001-7036-7092>

Федорченко А.Ю. <https://orcid.org/0000-0001-7812-8037>

**Н.В. Сердюк¹✉, С.В. Шнайдер²✉, С. Алишер кызы²,
А. Абдыканова³**

¹Палеонтологический институт им. А.А. Борисьяка РАН
Москва, Россия

²Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

³Американский университет Центральной Азии
Бишкек, Кыргызстан
E-mail: natalyserdyu@yandex.ru

Новые данные по фауне памятника Обишир-5 (Ферганская долина, Кыргызстан)

*В статье приведены результаты анализа остатков мелких млекопитающих с памятника Обишир-5, расположенного в южной части Ферганской долины. Памятник был открыт в 1965 г. и исследовался на протяжении нескольких лет, позднее, в 2015 г., раскопки были возобновлены с целью пополнения археологической коллекции и уточнения возраста данного памятника. Комплексные исследования на Обишире-5 проводились в период 2015–2019 гг. силами международной российско-кыргызской экспедиции. Согласно полученным результатам на памятнике выделяется шесть литологических слоев (от 0 до 5), сложенных коричневатými суглинками. Нижние слои датируются ок. 13 тыс. л.н., средняя пачка отложений – порядка 10–7 тыс. л.н., верхние слои относятся к периоду бронзы – Средневековья. Впервые на этом местонахождении были отобраны остатки мелких позвоночных. Полевые работы выполнялись согласно методикам и стандартам, принятым в современной полевой археологии. Сбор материала по мелким млекопитающим осуществлялся традиционными методами путем промывки породы, затем просушки и извлечения костных элементов. Всего было обнаружено 2 240 костных фрагментов, большая часть которых неопределима. Для идентификации пригодны оказались 69 костных элементов, они принадлежат грызунам, зайцеобразным и рукокрылым. Преобладающим видом в ископаемой фауне оказалась восточная слепушонка *Ellobius ex gr. tancrei*. Обиший состав фауны указывает на мягкий климат, а также на доминирование открытых биотопов (альпийских лугов, степей, полупустынь). Древесная и кустарничковая растительность встречалась по бортам ручьев и низин. По степени фоссилизации материала возраст фауны оценивается как голоценовый – позднплейстоценовый.*

Ключевые слова: Центральная Азия, поздний плейстоцен, ранний голоцен, фауна, мелкие млекопитающие, археологический памятник.

**Natalia V. Serduk¹✉, Svetlana V. Shnaider²✉, Saltanat Alisher kyzy²,
Aida Abdykanova³**

¹Borissiak Paleontological Institute RAS,
Moscow, Russia

²Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

³American University of Central Asia,
Bishkek, Kyrgyzstan
E-mail: natalyserdyu@yandex.ru

New Data on Faunal Remains from the Obishir-5 Site (Fergana Valley, Kyrgyzstan)

This article describes the results of the analysis of small mammal remains from the Obishir-5 site located in the southern part of the Fergana valley. The site was discovered in 1965 and investigated for several years. Later, in 2015, the excavations of the site have been renewed to supplement the archaeological collection and clarify the age of the site. Comprehensive

research on Obishir-5 was conducted in 2015–2019 by the international Russian-Kyrgyz expedition. According to obtained results, 6 lithological layers (0–5) have been identified at the site, which mostly comprise brown clay loams. Lower part of stratigraphic sequence dates around 13 ka BP, middle part—10–7 ka BP, upper part—to Bronze to Middle Ages. During this works, for the first time, small vertebrate remains were collected from the site. Fieldwork was carried out according to the methods and standards adopted in the modern field archaeology. The collection of small mammal remains was carried out by traditional methods of excavation of stone age sites by sieving and flotation, and sorting and extracting bone elements. In total, 2,240 bone fragments were found, most of which are indeterminable pieces. Definable pieces were presented by 69 bone remains: they belong to rodents, lagomorphs, and bats. The predominant species in the fossil fauna was the oriental mole-vole *Ellobius ex gr. tancrei*. The general composition of the fauna indicates a mild climate, as well as the dominance of open biotopes (alpine meadows, steppes, semi-deserts). Woody and shrubby vegetation was found along the sides of streams and lowlands. According to the degree of fossilization of the material, the age of the fauna is estimated as Holocene–Late Pleistocene.

Keywords: Central Asia, Late Pleistocene, Early Holocene, fauna, small mammals, archaeological site.

Ферганская долина на протяжении развития человеческой истории являлась оживленным цивилизационным перекрестком для народов, заселявших различные регионы Центральной Азии начиная с эпохи палеолита вплоть до неолитического и более позднего времени [Krivoshapkin et al., 2020; Шнайдер и др., в печати]. Наиболее интенсивное заселение региона связывается с периодом позднего плейстоцена – раннего голоцена; одним из опорных памятников этого периода в регионе является грот Обишир-5 (рис. 1, 1). Стоянка была обнаружена в 1965 г. и после исследовалась под руководством У.И. Исламова в течение семи полевых сезонов [Исламов, 1980]. В этот период не проводилось сбора мелких изделий и остатков мелких позвоночных в силу использовавшейся в то время методики проведения раскопок.

В 2015 г. было возобновлено изучение памятника с целью уточнения его культурно-хронологической атрибуции посредством применения междисциплинарного подхода [Шнайдер, Абдыканова, Кривошапкин, 2015]. В ходе настоящих работ уточнена стратиграфическая ситуация на памятнике. Установлено, что на нем выделяется шесть литологических слоев (от 0 до 5), сложенных коричневатыми суглинками, различающихся по плотности, оттенку, количеству и размерности обломочного известнякового материала. Общая структура отложений характеризуется наклоном, идущим от внутренней части грота к юго-западу, и большим количеством кротовин. Слои 5–4 датируются ок. 13 тыс. л.н., слои 3–2 – 10–7 тыс. л.н., слой 1 относится к эпохе бронзы – Средневековья [Taylor et al., in Print]. Общая раскопанная площадь на настоящий момент составляет 22 м² (рис. 1, 2).

Полевые работы на памятнике Обишир-5 проводились согласно методикам и стандартам, принятым в современной полевой археологии, включающим прежде всего детальную пространственную фиксацию положения всех находок. Полевая документация велась преимущественно электронным

способом (использование тахеометра, полевого контроллера, фотограмметрии).

Сбор материала по мелким млекопитающим осуществлялся традиционными методами путем промывки породы на ситах с шириной ячеей 1 × 1 мм с последующими просушкой и извлечением костных элементов. Цвет материала – от светло-желтого до коричневого у фоссильных находок и белый или кремовый у голоценовых, субфоссильных. На части материала отмечены характерные следы воздействия желудочного сока, что предполагает погладковое происхождение остатков [Andrews, 1990, p. 4; Denys et al., 2018, p. 873].

Всего было обнаружено 2 240 костных фрагментов, большая часть (почти 97 %) которых представляет собой неопределимые мелкие обломки длинных костей конечностей млекопитающих, разрозненные резцы, фрагменты челюстей. Количество материала, доступного для идентификации, невелико (см. таблицу). До вида или рода возможно определить лишь 69 костных элементов. Большая часть из них принадлежит грызунам, три фрагмента – зайцеобразным и два – рукокрылым (рис. 2). Наибольшее количество материала обнаружено в слоях 2.2, 2.3 и 3 (см. таблицу).

Как показали наши ранее проведенные исследования по посткраниальному скелету мелких млекопитающих, при незначительном количестве материала на исследуемой точке в анализе необходимо учитывать любой хоть сколько-нибудь пригодный фрагмент скелета [Сердюк, Колобова, 2019]. Этот постулат приемлем для скудной фауны Обишира-5. Использование посткраниальных фрагментов позволило дополнить список фауны Обишира *Spermophilus* sp., *Myotis* sp. и *Ochotona* sp. Из костных остатков летучих мышей в фауне Обишира найдены фрагмент нижней челюсти и плечевая кость с дистальным эпифизом. Они принадлежат представителям рода *Myotis*. Из зайцеобразных отмечены пищуха (без видовой принадлежности) и мелкий заяц, вероятно, толай. Наиболее многочисленны

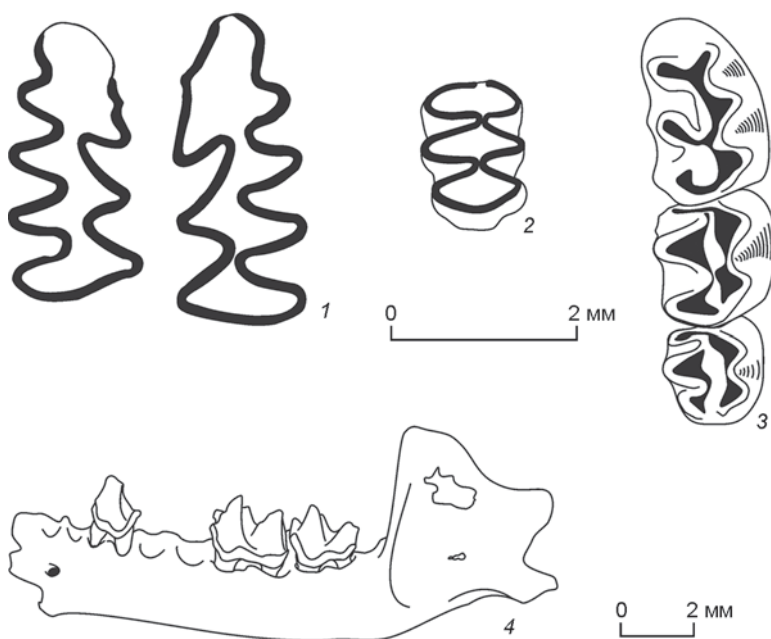

Рис. 1. Расположение памятника Обишир-5 (1) и вид на него (2).

остатки грызунов. Единичны находки суслика *Spermophilus* sp., лесной мыши *Apodemus* sp., домашней мыши *Mus musculus*, серебристой скальной полевки *Alticola argentatus*, тушканчиков Allactaginae. Дважды в отложениях отмечены обыкновенный хомячок *Cricetulus migratorius*, крыса *Rattus* sp., краснохвостая песчанка *Meriones*

Рис. 2. Костные элементы мелких млекопитающих из грота Обишир-5.

1 – первые нижнекоренные *Ellobius* ex gr. *tancrei*; 2 – *Meriones* cf. *libyscus*; 3 – *Cricetulus migratorius*; 4 – фрагмент нижней челюсти *Myotis* cf. *blythii*.

Общий видовой состав мелких млекопитающих Обишира-5

Виды	Слои						
	1	2	2.1	2.2	2.3	3	4
<i>Myotis</i> cf. <i>blythii</i> Tomes, 1857	1/1*	–	–	–	–	–	–
<i>Myotis</i> sp. Kaup	–	–	–	–	1/1	–	–
<i>Cricetulus migratorius</i> (Pall.)	1/1	–	–	1/1	–	–	–
<i>Spermophilus</i> sp. Cuvier F.	–	–	–	1/1	–	–	–
<i>Mus musculus</i> L.	–	–	–	1/1	–	–	–
<i>Rattus</i> sp. Fisher von Waldheim	–	–	1/1	1/1	–	–	–
<i>Apodemus</i> sp. Kaup	–	1/1	–	–	–	–	–
<i>Alticola argentatus</i> (Sev.)	–	–	–	1/1	–	–	–
<i>Ellobius</i> ex gr. <i>tancrei</i> Blasius	–	1/1	–	9/4	4/3	6/2	1/1
<i>Ellobius</i> sp. Fisher von Waldheim	–	1	–	9	7	14	1
<i>Allactaginae</i>	–	–	–	–	1/1	–	–
<i>Meriones</i> cf. <i>libyscus</i> Licht.	–	1/1	–	–	1/1	–	–
<i>Ochotona</i> sp. Link	–	–	–	1/1	1/1	–	–
<i>Lepus</i> sp. L.	–	–	–	1/1	–	–	–
<i>Итого</i>	2	4	1	25	15	20	2

*Первая цифра – количество костных остатков, вторая – минимальное количество особей.

cf. *libyscus*. Преобладающими находками были остатки восточной слепушонки *Ellobius* ex gr. *tancrei*.

Современные виды сформировались уже к середине плейстоцена, в голоцене наблюдается флуктуация ареалов, связанная с изменением климата. Таким образом, используя данные по ископаемой фауне, можно строить палеореконструкции для конкретной территории.

Считается, что из-за высокой мобильности летучие мыши не самый удачный объект для зоогеографических и палеонтологических построений. Несмотря на это у них есть определенные биотопические привязанности. Так, например, остроухая ночница *Myotis blythii* населяет лесные и аридные станции [Газарян, 2017]. Кроме того, этот вид связан со средиземноморским центром происхождения летучих мышей и не обладает хорошей экологической гибкостью [Кузякин, 1950].

Остатки наземных мелких млекопитающих больше подходят для палеореконструкций. Грызуны и зайцеобразные – специализированные зеленояды и, как правило, зависят от своих кормовых баз. Изменение структуры растительного сообщества повлечет за собой перемену состава фауны мелких млекопитающих. Зайцы достаточно пластичны в экологическом отношении, имеют широкий ареал обитания и населяют леса и открытые пространства. Заяц толай типичен для пустынь и полупустынь, может встречаться в горах до 3 000 м над ур. м. [Громов, Ербаева, 1995, с. 33]. У пищух встречаются три эко-типа, четко соотносящиеся с выделенными подкладами [Lanier, Olson, 2009]. Одни предпочитают открытые луговые пространства (подрод *Ochotona*) и роют норы, вторые населяют каменистые осыпи (*Pika*)

и в качестве убежищ используют естественные расщелины, а третьи (*Conothoa*) занимают промежуточное положение между двумя первыми [Reese, Lanier, Sargis, 2013]. Дальнейшее детальное исследование пищух из Обишира позволит установить их принадлежность к конкретному подроду и уточнить биотоп обитания. Помимо *Pika* и *Conothoa*, с каменистыми осыпями тесно связана жизнь скальных полевок. Серебристая скальная полевка предпочитает альпийские и субальпийские луга.

Современные лесные и домовые мыши – семянояды и отдают предпочтение злаковым, бобовым, сложноцветным. Лесные мыши распространены в лесах и лугостепных ландшафтах с кустарником. Для современных домовых мышей наиболее благоприятны степные зоны, пустынные степи и полупустыни, где они могут не использовать для зимовок человеческие жилища. Представители рода *Mus* весьма чувствительны к недостатку воды. Крысы обитают в лесах речных долин, в горах и в полупустынях. Серый хомячок распространен от лесостепи до полупустынь, избегает песчаных пустынь и не проникает в высокогорья с хорошо выраженным лесом, обычен в равнинной и горной степях [Громов, Ербаева, 1995, с. 315]. Песчанки и тушканчики – индикаторы разнообразных полупустынь. Краснохвостая песчанка обитает на высотах до 2 000 м над ур. м., встречаясь в предгорных эфемеровых полупустынях.

Самые многочисленные находки в фауне Обишира – это остатки слепушонок. Видовая диагностика слепушонок основана на строении черепа, костного неба и альвеолярного отростка [Огнев, 1950, с. 659], а также морфологии третьего верхнего моляра. Сре-

ди остатков обиширских слепушонок отмечены в основном разрозненные зубы, наиболее близкие по морфологии к зубам восточной слепушонки. Все представители рода слепушонок ведут роющий образ жизни, встречаются в степях и лугах, избегают увлажненных участков, а глубокое промерзание почв в зимний период для них губительно.

Состав фауны свидетельствует о том, что в период накопления осадков в районе Обишира-5 преобладали открытые станции – альпийские луга, степи, полупустыни. Борта ручьев и низин покрывали леса и кустарники. Зимы были мягкие. Ферганская долина – межгорная депрессия, окруженная горными хребтами. На западе они размыкаются, образуя Ходженские ворота – неширокое пространство, отделяющее долину от пустыни Голодная степь. Такое положение Ферганы обеспечивает географическую изоляцию для наземных позвоночных, ее населяющих. В подобных анклавах фауны могут существовать длительное время, не испытывая воздействия биотических факторов соседних территорий.

Ископаемая фауна Обишира-5 содержит виды, и сейчас обитающие на территории Кыргызстана, в то же время в ней нет видов, у которых сегодня был бы иной ареал обитания. Возможно, это связано с консервативностью природных условий Ферганской долины. По степени фоссилизации материала возраст фауны нами оценивается как голоценовый – позднплейстоценовый. Дальнейшее исследование ископаемых фаун Ферганской долины позволит определить эволюционную продвинутость найденных видов и дать более полное заключение об их возрасте.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 18-09-00222.

Список литературы

Газарян С.В. Остроухая ночница, *Myotis blythii* (Vespertilionidae, Myotinae), на российском Кавказе // *Plecotus et al.* – 2017. – Вып. 20. – С. 30–53. – URL: <http://zmmu.msu.ru/bats/biblio/plec20/mblythii.pdf>

Громов И.М., Ербаева М.А. Млекопитающие фауны России и сопредельных территорий. Зайцеобразные и грызуны. – СПб.: Изд-во ЗИН РАН, 1995. – 522 с.

Исламов У.И. Обиширская культура. – Ташкент: Фан Узбекской ССР, 1980. – 147 с.

Кузякин А.П. Летучие мыши. – М.: Советская наука, 1950. – 443 с.

Огнев С.И. Звери СССР и прилежащих стран (звери Восточной Европы и Северной Азии). Грызуны. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Т. 5. – 810 с.

Сердюк Н.В., Колобова К.А. Методические аспекты изучения мелких млекопитающих Чагырской пещеры (Северо-Западный Алтай) на примере материалов полевого сезона 2019 года // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий.* – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. XXV. – С. 245–252. – doi:10.17746/2658-6193.2019.25.245–252.

Шнайдер С.В., Абдыканова А., Кривошапкин А.И. Результаты археологических раскопок памятника Обишир-5 в 2015 году // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий.* – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 174–178. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27703829>

Шнайдер С.В., Жилич С.В., Федорченко А.Ю., Рендю В., Пархомчук Е.В., Алишер кызы С., Оленченко В.В., Цибизов Л.В., Сердюк Н.В., Зеленков Н.В., Чаргынов Т., Кривошапкин А.И. Сурунгур – новый памятник финального плейстоцена – раннего голоцена в Ферганской долине // *Археология, этнография и антропология Евразии.* – (в печати).

Andrews P. Owls, caves and fossils: predation, preservation and accumulation of small mammal bones in caves, with an analysis of the Pleistocene cave faunas from Westbury-sub-Mendip, Somerset, UK. – L.: Natural History Museum Publ., 1990. – 230 p.

Denys C., Stoetzel E., Andrews P., Bailon S., Rihane A., Huchet J.B., Fernandez-Jalvo Y., Laroulandie V. Taphonomy of Small Predators multi-taxa accumulations: palaeoecological implications // *Historical Biology.* – 2018. – Vol. 30. – N 6. – P. 868–881. – doi:10.1080/08912963.2017.1347647.

Krivoshapkin A.I., Viola B., Charyginov T., Krajcarz M.T., Krajcarz M., Fedorowicz S., Shnaider S.V., Kolobova K.A. Middle Paleolithic variability in Central Asia: Lithic assemblage of Sel'Ungur Cave // *Quaternary International.* – 2020. – Vol. 535. – P. 88–103. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2018.09.051>

Lanier H.C., Olson L.E. Inferring divergence times within pikas (*Ochotona* spp.) using mtDNA and relaxed molecular dating techniques // *Molecular Phylogenetics and Evolution.* – 2009. – Vol. 53. – P. 1–12.

Reese A.T., Lanier H.C., Sargis E.J. Skeletal indicators of ecological specialization in pika (Mammalia, Ochotonidae) // *J. of Morphology.* – 2013. – Vol. 74, N 5. – P. 585–602.

Taylor W., Pruvost M., Posth C., Rendu W., Krajcarz M.T., Brancaloni G., Spengler R., Hermes T., Schiavinato S., Abdykanova A., Alisher kyzy S., Fedorchenko A., Fedorowicz S., Orlando L., Douka K., Krivoshapkin A.I., Jeong C., Warinner C., Shnaider S.V. The earliest Neolithic expansion into Central Asia: Genetic, archaeozoological, and biomolecular evidence // *PNAS.* – (In Print).

References

- Andrews P.** Owls, caves and fossils: predation, preservation and accumulation of small mammal bones in caves, with an analysis of the Pleistocene cave faunas from Westbury-sub-Mendip, Somerset, UK. London: Natural History Museum publ., 1990, 230 p.
- Denys C., Stoetzel E., Andrews P., Bailon S., Rihane A., Huchet J.B., Fernandez-Jalvo Y., Laroulandie V.** Taphonomy of Small Predators multi-taxa accumulations: palaeoecological implications. *Historical Biology*, 2018, vol. 30, No. 6, pp. 868–881. doi:10.1080/08912963.2017.1347647.
- Gazaryan C.V.** Ostroukhaya nochnitsa, *Myotis blythii* (Vespertilionidae, Myotinae), na rossiiskom Kavkaze. *Plecotus et al.*, 2017, iss. 20, pp. 30–53. URL: <http://zmmu.msu.ru/bats/biblio/plec20/mblythii.pdf> (In Russ.).
- Gromov I.M., Erbaeva M.A.** Mlekopitayushchie fauny Rossii i sopredel'nykh territorii. Zaitseobraznye i gryzuny. St. Petersburg: ZIN RAS Publ., 1995, 522 p. (In Russ.).
- Islamov U.I.** Obishirian culture. Tashkent: Fan, 1980, 147 p. (In Russ.).
- Krivoshapkin A.I., Viola B., Chargynov T., Krajcarz M.T., Krajcarz M., Fedorowicz S., Shnaider S.V., Kolobova K.A.** Middle Paleolithic variability in Central Asia: Lithic assemblage of Sel'Ungur Cave. *Quaternary International*, 2020, vol. 535, pp. 88–103. URL: <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2018.09.051>
- Kuzyakin A.P.** Letuchie myshi. Moscow: Sovetskaya nauka, 1950, 443 p. (In Russ.).
- Lanier H.C., Olson L.E.** Inferring divergence times within pikas (*Ochotona* spp.) using mtDNA and relaxed molecular dating techniques. *Molecular Phylogenetics and Evolution*, 2009, vol. 53, pp. 1–12.
- Ognev S.I.** Zveri SSSR i prilozhashchikh stran (zveri Vostochnoi Evropy i Severnoi Azii). Gryzuny. Moscow; Leningrad: AS USSR Publ., 1950, vol. 5, 810 p. (In Russ.).
- Reese A.T., Lanier H.C., Sargis E.J.** Skeletal indicators of ecological specialization in pika (Mammalia, Ochotonidae). *J. of Morphology*, 2013, vol. 74, No. 5, pp. 585–602.
- Serduk N.V., Kolobova K.A.** Methodical aspects of the small mammals study from Chagyrskaya cave (Northwestern Altai) by the case of 2019 field season complex. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019, vol. XXV, pp. 245–252. doi:10.17746/2658-6193.2019.25.245–252.
- Shnayder S.V., Abdykanova A., Krivoshapkin A.I.** The results of 2015 excavation campaign at the archaeological site Obishir-5. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, vol. XXI, pp. 174–178. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27703829>
- Shnayder S.V., Zhilich S.V., Fedorchenko A.Yu., Rendu V., Parhomchuk E.V., Alisher kyzy S., Olenchenko V.V., Tsibizov L.V., Serduk N.V., Zelenkov N.V., Chargynov T., Krivoshapkin A.I.** Surungur – novyi pamyatnik final'nogo pleistotsena – rannego golotsena v Ferganskoj doline. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia* (in Print).
- Taylor W., Pruvost M., Posth C., Rendu W., Krajcarz M.T., Brancaloni G., Spengler R., Hermes T., Schiavinato S., Abdykanova A., Alisher kyzy S., Fedorchenko A.Yu., Fedorowicz S., Orlando L., Douka K., Krivoshapkin A.I., Jeong C., Warinner C., Shnaider S.V.** The earliest Neolithic expansion into Central Asia: Genetic, archaeozoological, and biomolecular evidence. *PNAS*. (In Print).
- Сердюк Н.В. <https://orcid.org/0000-0002-8206-9030>
Шнайдер С.В. <https://orcid.org/0000-0003-2230-4286>
Алишер кызы С. <https://orcid.org/0000-0003-3138-0942>
Абдыканова А. <https://orcid.org/0000-0002-7238-9065>

А.В. Табарев

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: olmec@yandex.ru

Археологические данные об использовании и роли водного транспорта в древнейших культурах Японского архипелага

*В рамках данной работы рассматриваются прямые и косвенные археологические свидетельства использования водного транспорта и его роли на территории Японского архипелага в каменном веке – в позднем палеолите (35–14 тыс. л.н.) и в эпоху дзёмон (14–2,4 тыс. л.н.). На сегодняшний день время первоначального заселения архипелага *Homo sapiens* определяется периодом 35–33 тыс. л.н., при этом все моделируемые маршруты миграций со стороны Восточной Азии (Корейский п-ов, Тайвань, Дальний Восток России) на Японские о-ва предполагают пересечение проливов или акваторий. В распоряжении археологов пока нет остатков лодок или плотов периода позднего палеолита, а также периодов изначального и начального дзёмона, тогда как для периодов раннего, среднего, позднего и финального дзёмона их известно порядка 100 по 60 памятникам. Около 80 % всех находок относятся ко времени позднего и финального дзёмона. Все они представлены вариантами плоскодонных весельных лодок-каноев, выполненных из единого ствола дерева длиной до 8,5 м и шириной до 0,7 м, удобных и эффективных в морских, речных и озерных условиях. Предполагается широкое использование водного транспорта в эпоху дзёмон не только в транспортно-коммуникационной и промысловой, но и в ритуально-церемониальной сферах, а также появление и обособление в дзёмонском обществе полноценных профессиональных групп – мастеров-судостроителей, лодочников-перевозчиков, торговцев, рыбаков, охотников на морского зверя, ныряльчиков – полностью живущих за счет эксплуатации и распределения акваторических ресурсов.*

Ключевые слова: Японский архипелаг, поздний палеолит, дзёмон, водный транспорт, контакты.

Andrey V. Tabarev

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: olmec@yandex.ru

Archaeological Data on the Use and Role of Water Transport in the Earliest Cultures of the Japanese Archipelago

*This study examines direct and indirect archaeological evidence on the use of water transport and its role on Japanese Archipelago in the Stone Age – Late Paleolithic (35,000–14,000 BP) and Jomon period (14,000–2400 BP). Currently, the time of the initial settlement on the archipelago by the *Homo sapiens* is established as 35,000–33,000 BP. All simulated migration routes from East Asia (Korean Peninsula, Taiwan, Russian Far East) to the Japanese Islands involve crossing of straits or open sea areas. Archaeologists have not yet found any remains of boats or rafts from the Late Paleolithic or Incipient and Initial Jomon, while 60 sites and about a hundred of such objects are known for the Early, Middle, Late, and Final Jomon period, with almost 80 % of all finds belonging to the Late and Final Jomon period. All of Jomon boats belonged to flat-bottomed paddle canoe type and were made of the single trunk up to 8,5 m of length and up to 0,7 m of width, effective and comfortable on the sea, river, or lake. It has been suggested that water transport was widely used during Jomon period not only for transportation, communication, and fishing, but also in ritual and ceremonial contexts. It may be confidently assumed that specialized professional groups of ship-builders, boatmen-carriers, traders, fishermen, hunters of sea animals, and divers – living solely from exploitation and distribution of aquatic resources, emerged and became socially distinctive in the Jomon society.*

Keywords: Japanese Archipelago, Late Paleolithic, Jomon, water transport, contacts.

Одним из наиболее интересных направлений в исследовании древнейших технологий является изучение времени появления и эволюции водного транспорта, его роли в заселении островного мира, в освоении прибрежных, морских, речных и озерных акваторий, характера и особенностей миграций и культурных контактов в пределах морей и океанов.

Около 7 тыс. составляющих Японский архипелаг больших и малых островов омываются водами Тихого океана, Охотским, Японским и Восточно-Китайским морями, а также внутренним морем Сето (рис. 1), что делает архипелаг идеальной исследовательской площадкой для «островной археологии» [Boomert, Bright, 2007; Erlandson, Fitzpatrick, 2006]. Применительно к сюжету о водном транспорте к этому следует добавить значительное количество пресноводных и соленых озер (самые большие по площади озера – Бива (670 км²) и Касумигаура (220 км²) на Хонсю, и Сарома (150 км²) на Хоккайдо), а также судоходных рек (три крупнейшие и важнейшие с точки зрения транспорта водные артерии – Синао (368 км) и Тоне (322 км) на Хонсю, а также Исикари на Хоккайдо (367 км)), игравших важную роль на всех этапах древней истории архипелага.

В рамках данной работы мы обращаемся к археологическим свидетельствам использования водного транспорта на территории Японского архипелага в каменном веке (35–2,4 тыс. л.н.) – в позднем палеолите и в эпоху дзёмон. При этом мы руководствуемся принципом “In mind, in pocket, and in hand” (в дословном переводе: «В воображении, в кармане и на ладони»), который предполагает существование: (1) некоторых общих предположений (гипотез); (2) большого массива косвенных данных и, (3) собственно фактов, с предпочтением именно последних. По этой причине мы не рассматриваем в работе, например, гипотезы о возможных трансокеанских миграциях и контактах с культурами других континентов [Turk, 2005].

По сегодняшним оценкам время первоначального заселения Японского архипелага *Homo sapiens* определяется поздним палеолитом, не ранее 35–33 тыс. л.н., все предполагаемые маршруты миграции с континентальной части Восточной Азии на острова предполагают пересечение проливов или акваторий. При этом необходимо подчеркнуть, что прямых доказательств (обнаруженных остатков лодок или плотов) для периода позднего палеолита в распоряжении археологов пока нет, и мы не знаем достоверно, как выглядел «палеолитический флот».

Исходя из сходства основных категорий каменного инструментария (трапециды, острия с наса-

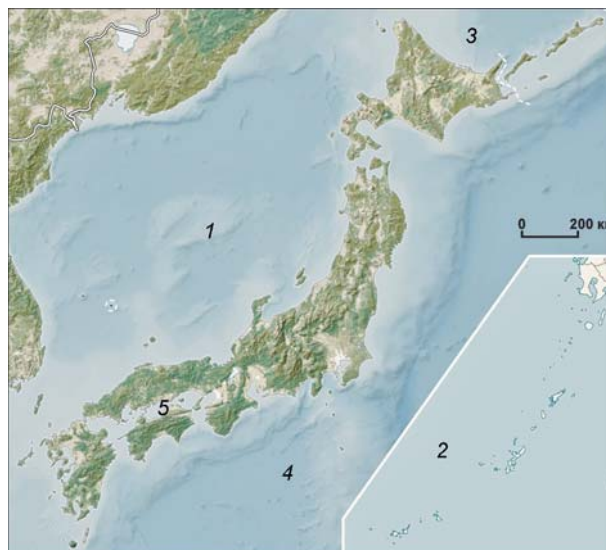

Рис. 1. Японский архипелаг и окружающие его моря. 1 – Японское море; 2 – Восточно-Китайское море; 3 – Охотское море; 4 – Тихий океан; 5 – внутреннее море Сето.

дом и особенно рубящие орудия с подшлифовкой лезвия), в качестве приоритетной версии следует рассматривать заселение архипелага с территории Корейского п-ова [Гладышев, Табарев, 2020, с. 131; Tsutsumi, 2012]. Еще один маршрут миграции на архипелаг связан с о-вами Рюкю, где зафиксированы практически все наиболее ранние антропологические находки (пункты Минатогава, Ямасита-чо и др.) с возрастом от 32,1 до 16,6 тыс. л.н., но они не сопровождаются диагностичными находками каменной индустрии. На самом архипелаге наиболее ярким и многократно упоминаемым в литературе свидетельством использования водного транспорта в позднем палеолите (начиная с 30 тыс. л.н.) является доставка обсидиана на Хонсю с гряды островов Изу (в частности, с о-ва Козу) [Nabu, 2010, p.161].

Весьма многообещающе выглядят результаты серии экспериментальных плаваний между о-вами Тайвань и Рюкю на бамбуковых плотках (длиной 9–10 м и шириной 1 м) с командой из 6 человек, запасами воды и продовольствия [Kaifu et al., 2012, 2019], но их эффективность пока доказывает лишь саму техническую возможность таких конструкций и никакими археологическими данными не подтверждается.

Изначальный дзёмон (14–10 тыс. л.н.)* характеризуется существенными изменениями в каменной индустрии, появлением технологии гончарства, процессом трансформации хозяйства и переходом

*Здесь и далее датировка периодов дзёмона по: [Omoto et al., 2010, p. 543].

от мобильного к полуседлому образу жизни на фоне изменяющихся ландшафтно-климатических условий финала плейстоцена и плейстоцено-голоценового рубежа.

Для периода изначального дзёмона случаи обнаружения лодок или плотов пока также неизвестны, но косвенных свидетельств их использования становится все больше. Так, при раскопках памятников в южной части о-ва Кюсю (Какоинохара, Сикадзэхасира, Маэбару, Соджияма) вместе со следами жилищных конструкций были обнаружены фрагменты керамических сосудов с типичным для этого периода «линейным орнаментом» и большое количество каменных изделий, среди которых особый интерес представляют инструменты с вогнутым подшлифованным лезвием типа стамесок (орудия для изготовления лодок?). Аналогичная керамика и орудия в изобилии найдены на близлежащем о-ве Танэ (памятники Санкакуяма-1, Окунонита и Онигано) [Iizuka, Izuho, 2017].

С наступлением голоцена – периода начального дзёмона (10–7 тыс. л.н.) – фиксируется существенный рост числа поселений, размеров и количества долговременных жилищ, на тихоокеанском побережье и побережье Японского моря появляются многочисленные раковинные кучи, которые свидетельствуют о становлении системы эксплуатации морских ресурсов и развитии технологий их добычи, требующих использования водного транспорта и более совершенного снаряжения (например, гарпунов поворотного типа, составных рыболовных крючков, сетей и т.д.). Обнаружение остатков водного транспорта для периода начального дзёмона – вопрос лишь времени и сохранности органики. Отметим, что и в других регионах мира самые ранние находки датируются именно ранним голоценом, например, в Европе – 10–9,5 тыс. л.н. (Нидерланды, Германия), в Африке – 8 тыс. л.н. (Нигерия).

На территории Японского архипелага первые обнаруженные лодки связаны со следующим периодом – ранним дзёмоном (7–5,4 тыс. л.н.). Они представлены остатками т.н. «долблёнок» (dugout canoe, logboat) – плоскодонных (бескильных) весельных лодок-каное, выполненных из единого ствола дерева, и условно подразделяются на два типа: *варитакэ-гата* и *кацуобуси-гата* (рис. 2). В большинстве случаев материалом для них служили японский кедр (*Criptomeria japonica*), восточный вяз (*Aphananthe aspera*) и торрея орехоносная (*Torreya nucifera*). Среди наиболее полно сохранившихся лодок-каное (на данный момент всего восемь) следует отметить находки на памятниках Ириенайко (преф. Сига), Торихама (преф. Фукуи) (рис. 3, 1), Камо (преф. Чика) и Икирики (преф. Нагасаки) – их длина варьируется от 4,5 до 8 м, ширина – от 0,5 до 0,8 м, высота бортов в кормовой части – до 0,6 м при толщине стенок 2,5–5 см.

Всего пять находок датируются периодом среднего дзёмона (5,4–4,3 тыс. л.н.), из них лучшей сохранностью отличается каное на памятнике Наказато (г. Токио) длиной 5,8 м, шириной 0,72 м, высотой бортов до 0,42 м и толщиной стенок 2–5 см.

Наибольшее количество найденных лодок (59) датируется временем позднего (4,3–3,2 тыс. л.н.) и финального дзёмона (3,2–2,4 тыс. л.н.) – это ок. 80 % от всех находок [Habu, 2010, p. 164]. В литературе можно встретить несколько различающихся данные о количестве найденных лодок, датируемых эпохой дзёмон. Мы опираемся на цифру 74, которую приводит Ю. Хабу [Habu, 2010, p. 164]. В недавно вышедшем «Иллюстрированном сопровождении по японской археологии» упоминается о 100 экз., найденных на 60 памятниках [An Illustrated Companion..., 2016, p. 78], включая раковинные кучи и торфяники. Примечательно, что

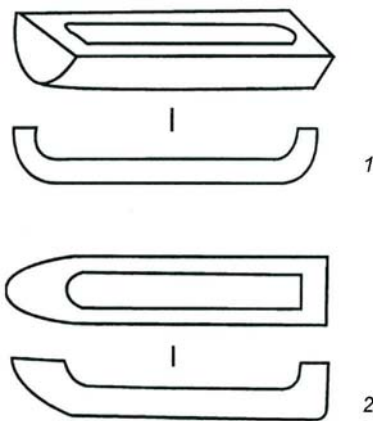

Рис. 2. Основные типы лодок, известные для эпохи дзёмон.

1 – *варитакэ-гата*; 2 – *кацуобуси-гата*; 3 – лодки в Музее оз. Бива (фото из архива автора).

подавляющее большинство лодок обнаружено не на морских побережьях, а вблизи внутренних водоемов, например, только у оз. Бива известно более 20 таких пунктов [Yoda, 2012, p. 239].

К числу наиболее информативных относятся три лодки длиной от 6,2 до 3,4 м на памятнике Хатамачи (преф. Чiba) (рис. 3, 2), семь лодок на стоянке Мото Суюкей (преф. Сига, окрестности оз. Бива), включая крупную, длиной 8,25 м (рис. 3, 3), а также фрагменты 10–12 лодок на стоянке Хизако (преф. Сайтама), среди которых выделяется экземпляр длиной 7 м, изготовленный из ствола японского каштана (*Castanea crenata*) [Hudson, 2017; Seguchi, 2011]. Практически все лодки относятся к типу *кацуобуси-гата*. Из-за внешней простоты этих плавсредств часто недооценивается их эффективность и маневренность – использование одного или двух балансиров или соединение лодок парами позволяло существенно усилить их устойчивость и грузоподъемность.

Иных, помимо самих лодок, археологических материалов, иллюстрирующих водный транспорт для эпохи дзёмон (глиняные модели судов, рисунки на сосудах или петроглифы), на сегодняшний день не известно, в разнообразии они представлены уже в последующих периодах древней истории Японии – яёй и кофун [Hudson, 2017].

Использование водного транспорта напрямую связано с появлением и обособлением в дзёмонском обществе профессиональных групп – мастеров-судостроителей, лодочников-перевозчиков, торговцев, рыбаков, охотников на морского зверя – полностью живущих за счет моря. Для обозначения таких групп в японской литературе даже существует особый термин – «люди моря» (каймин) – в противоположность населению, связанному с охотой и собирательством, а позднее – с земледелием [Amino, 1995, p. 245]. К числу специфических можно отнести группы ныряльщиков и особенно глубоководных ныряльщиц за раковинами и жемчугом (*ама*). Специфика этой группы, известная по историческим описаниям (отбор, инициация, ритуалы, защитные татуировки, атрибутика), во многом соответствует параметрам классических «тайных обществ» [Lim,

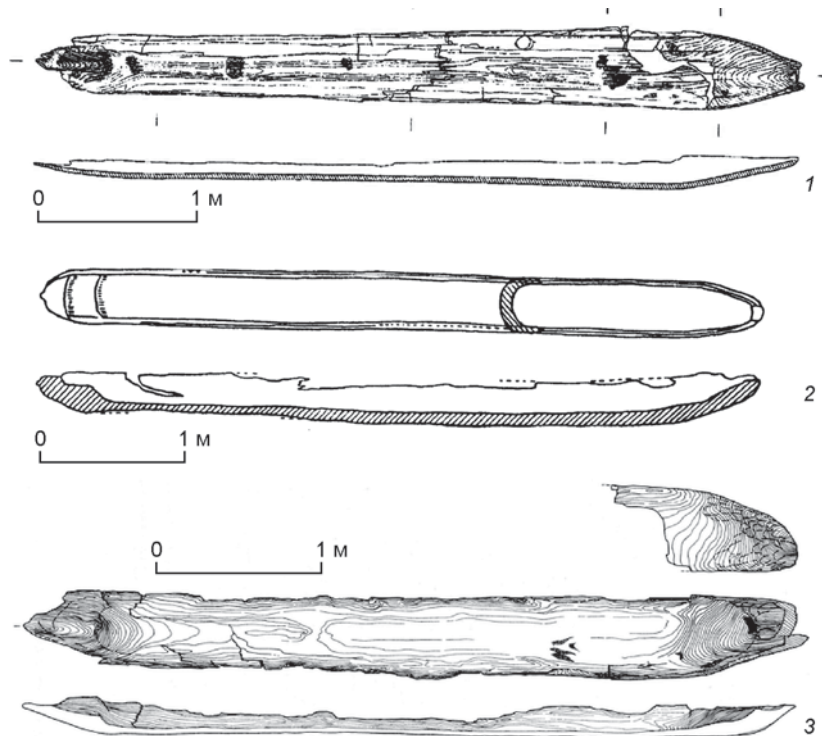

Рис. 3. Прорисовки лодок с разных памятников.

1 – Торихама, ранний дзёмон (по: [Nabu, 2010]); 2 – Хатамачи, поздний дзёмон; 3 – Мото Суюкей, поздний дзёмон (по: [Yoda, 2012]).

Matsuda, 2012]. Различные украшения из раковин (браслеты, подвески) являлись одним из важнейших предметов торговли, атрибутом погребальных комплексов и маркером развития «престижных» технологий [Табарев, Иванова, 2019].

Распространением раковин и изделий из них, украшений из нефрита и предметов гончарства по территории архипелага и за его пределами* роль водного транспорта не ограничивается. Многие авторы делают акцент не только на транспортно-коммуникационной и промысловой составляющих, но и на использовании плотов и лодок в ритуальной практике, например, при посещении святилищ, целая сеть которых зафиксирована на малых островах вдоль побережья архипелага и в акватории крупных озер [Hudson, 2017, p. 109–110].

С технологической точки зрения следует еще раз подчеркнуть эпизодические проявления в орудийном наборе населения Японских о-вов рубящих орудий (топоров, тесел) с подшлифовкой лезвия. Они фиксируются дважды: в период первоначального освоения архипелага (35–33 тыс. л.н.) и в изначальном дзёмоне (14–10 тыс. л.н.). В первом эпизоде речь идет об использовании водного

*Например, только на территории Корейского п-ова зафиксировано ок. 20 памятников, на которых присутствует дзёмонская керамика.

транспорта при преодолении мобильными охотниками-собираателями проливов и перемещении по цепи островов, а во втором – об изменении промысловых приоритетов, о постепенном переходе к оседлости и освоению локальных экологических ниш, включающих акватории озер, рек и частично морских побережий.

Последующие процессы – обособление профессиональных групп, связанных с водным транспортом, престижный характер предметов торговли, внутри- и межрегиональные культурные контакты, участие водного транспорта в сакрализации ландшафта («святилища на островах») – с большой долей вероятности предполагают и контроль племенной элиты над ними, и усложнение социальной структуры дзёмонского общества как минимум с начального периода (10–7 тыс. л.н.).

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР № 0329-2019-0004 «Этнокультурные процессы в Дальневосточном регионе в эпоху неолита, палеометалла и средневековья». Автор искренне признателен своим японским коллегам проф. Й. Каномата (Университет Тохоку) и Т. Цуцуми (Музей Дзёмона Асама) за помощь с информацией и ценные комментарии по различным сюжетам настоящей публикации.

Список литературы

Гладышев С.А., Табаров А.В. Заселение Японского архипелага и особенности каменных индустрий позднего палеолита сопредельных территорий: обзор современной проблематики // *Stratum plus*. – 2020. – № 1. – С. 117–126.

Табарев А.В., Иванова Д.А. Древние культуры южной части Японского архипелага: острова Рюкю // Мультидисциплинарные исследования в археологии. – 2019. – № 1. – С. 13–19.

Amino Y. Les Japonais et la mer // *Annales. Histoire, Sciences Sociales*. – 1995. – N 2. – P. 235–258.

An Illustrated Companion to Japanese Archaeology. – Oxford: Archaeopress and the Editors, 2016. – 350 p.

Boomert A., Bright A.J. Island Archaeology: In Search of a New Horizon // *Island Studies J.* – 2007. – N 1. – P. 3–26.

Erlandson J., Fitzpatrick S.M. Oceans, Islands, and Coasts: Current Perspectives on the Role of the Sea in Human Prehistory // *J. of Island and Coastal Archaeol.* – 2006. – N 1. – P. 5–32.

Habu J. Seafaring and the Development of Cultural Complexity in Northeast Asia: Evidence from the Japanese Archipelago // *The Global Origins and Development of Seafaring*. – Cambridge: McDonald Inst. for Archaeol. Research, 2010. – P. 159–170.

Hudson M.J. The Sea and Early Societies in the Japanese Islands // *The Sea in History – The Ancient World*. – Suffolk: Boydell Press, 2017. – P. 102–113.

Iizuka F., Izuho M. Late Upper Paleolithic-Initial Jomon Transitions, Southern Kyushu, Japan: Regional scale to macro processes a close look // *Quaternary Intern.* – 2017. – Vol. 441. – P. 102–112.

Kaifu Y., Fujita M., Yoneda M., Yamasaki S. Pleistocene Seafaring and Colonization of the Ryukyu Islands, Southwestern Japan // *Emergence and diversity of modern human behavior in Paleolithic Asia*. – College Station: Texas A&M Univ. Press, 2015. – P. 345–361.

Kaifu Y., Lin C., Goto A., Ikaya N. Palaeolithic Seafaring in East Asia: Testing the bamboo raft hypothesis // *Antiquity*. – 2019. – Vol. 93. – P. 1424–1441.

Lim C.P., Ito Y., Matsuda Y. Braving the Sea: The Amasan (Women Divers) of the Yahataura Fishing Community, Iki Island, Nagasaki Prefecture, Japan // *Asian Fisheries Sci.* – 2012. – Vol. 25. – P. 29–45.

Omoto K., Takeishi K., Nishida S., Fukui J. Calibrated 14C Ages of Jomon Sites, NE Japan, and Their Significance // *Radiocarbon*. – 2010. – Vol. 52, N 2-3. – P. 534–546.

Seguchi S. Landscape ‘Neolithization’ Among the Hunter-Fisher-Gatherers of Lake Biwa, Central Japan // *J. of World Prehistory*. – 2011. – N 3-4. – P. 225–245.

Tsutsumi T. MIS3 Edge-ground Axes and the Arrival of the First Homo sapiens in the Japanese Archipelago // *Quaternary Intern.* – 2012. – Vol. 248. – P. 70–78.

Turk J. In the Wake of the Jomon. Stone Age Mariners and the Voyage Across the Pacific. – Camden: McGraw-Hill, 2005. – 287 p.

Yoda M. History of the Relationship between People and Lake Biwa // *Lake Biwa: Interactions between Nature and People*. – Dordrecht: Springer, 2012. – P. 239–307.

References

Amino Y. Les Japonais et la mer. *Annales. Histoire, Sciences Sociales*, 1995, No. 2, pp. 235–258.

An Illustrated Companion to Japanese Archaeology. Oxford: Archaeopress and the Editors, 2016, 350 p.

Boomert A., Bright A.J. Island Archaeology: In Search of a New Horizon. *Island Studies Journal*, 2007, No. 1, pp. 3–26.

Erlandson J., Fitzpatrick S.M. Oceans, Islands, and Coasts: Current Perspectives on the Role of the Sea in Human Prehistory. *Journal of Island and Coastal Archaeology*, 2006, No. 1, pp. 5–32.

Gладышев С.А., Табаров А.В. Заселение Японского архипелага и особенности каменных индустрий позднего палеолита сопредельных территорий: обзор современной проблематики. *Stratum plus*, 2020, No. 1, pp. 117–126. (In Russ.).

Habu J. Seafaring and the Development of Cultural Complexity in Northeast Asia: Evidence from the Japanese

Archipelago. In *The Global Origins and Development of Seafaring*. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research, 2010, pp. 159–170.

Hudson M.J. The Sea and Early Societies in the Japanese Islands. In *The Sea in History – The Ancient World*. Suffolk: Boydell Press, 2017, pp. 102–113.

Iizuka F., Izuho M. Late Upper Paleolithic-Initial Jomon Transitions, Southern Kyushu, Japan: Regional scale to macro processes a close look. *Quaternary International*, 2017, vol. 441, pp. 102–112.

Kaifu Y., Fujita M., Yoneda M., Yamasaki S. Pleistocene Seafaring and Colonization of the Ryukyu Islands, Southwestern Japan. In *Emergence and diversity of modern human behavior in Paleolithic Asia*. College Station: Texas A&M University Press, 2015, pp. 345–361.

Kaifu Y., Lin C., Goto A., Ikaya N. Palaeolithic Seafaring in East Asia: Testing the bamboo raft hypothesis. *Antiquity*, 2019, vol. 93, pp. 1424–1441.

Lim C.P., Ito Y., Matsuda Y. Braving the Sea: The Amasan (Women Divers) of the Yahataura Fishing Community, Iki Island, Nagasaki Prefecture, Japan. *Asian Fisheries Science*, 2012, vol. 25, pp. 29–45.

Omoto K., Takeishi K., Nishida S., Fukui J. Calibrated 14C Ages of Jomon Sites, NE Japan, and Their Significance. *Radiocarbon*, 2010, vol. 52, No. 2-3, pp. 534–546.

Seguchi S. Landscape ‘Neolithization’ Among the Hunter-Fisher-Gatherers of Lake Biwa, Central Japan. *Journal of World Prehistory*, 2011, No. 3-4, pp. 225–245.

Tabarev A.V., Ivanova D.A. Drevnie kul'tury yuzhnoy chasti Yaponskogo arhipelaga: ostrova Ryukyu. *Mul'tidistsiplinarnye issledovaniya v arkheologii*, 2019, No. 1, pp. 13–19. (In Russ.).

Tsutsumi T. MIS3 Edge-ground Axes and the Arrival of the First Homo sapiens in the Japanese Archipelago. *Quaternary International*, 2012, vol. 248, pp. 70–78.

Turk J. In the Wake of the Jomon. Stone Age Mariners and the Voyage Across the Pacific. Camden: McGraw-Hill, 2005, 287 p.

Yoda M. History of the Relationship between People and Lake Biwa. In *Lake Biwa: Interactions between Nature and People*. Dordrecht: Springer, 2012, pp. 239–307.

Таба́рев А.В. <https://orcid.org/0000-0002-6249-8057>

А.Ю. Федорченко¹✉, Н.Е. Белоусова¹, П.С. Гребенюк²,
А.И. Лебединцев²

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

²Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт ДВО РАН
Магадан, Россия
E-mail: winteralex2008@gmail.com

Новый археологический комплекс раннего неолита на юге Камчатки

Культурные процессы в первой половине голоцена являются одним из важнейших аспектов археологических исследований на Камчатке. В указанный период на территории полуострова последовательно сменяются несколько культур финального палеолита, мезолита, раннего и развитого неолита. Предпосылки и механизмы этих культурных трансформаций, характер преемственности и взаимосвязей археологических традиций выступают предметом дискуссий. В рамках таких обсуждений, наряду с опорными комплексами памятников Ушки I–V, значимое место занимает Авачинская стоянка, позволяющая судить о динамике культурного развития в голоцене Камчатки. В процессе ревизии коллекций этого памятника была выявлена выразительная серия каменных артефактов, резко контрастирующая с обликом известных на стоянке комплексов тарьинской культуры. Результаты проведенного исследования позволяют рассматривать эти материалы в качестве единого комплекса, представляющего собой культурный компонент, ранее не зафиксированный в процессе раскопок основного участка Авачинской стоянки. Изученную каменную индустрию отличает строгая направленность на получение крупных и мелких пластинчатых заготовок с правильной призматической огранкой и высоким индексом удлиненности. Облик этого комплекса указывает на его принадлежность к технокомплексу раннего неолита Камчатки, который отличает развитая призматическая технология, массовое производство орудий из пластин, включая черешковые метательные наконечники. В то время как большинство выявленных ранее памятников данной культурной традиции известны в континентальной части полуострова, материалы древнейшего компонента Авачинской стоянки могут свидетельствовать о раннем эпизоде выхода неолитических обитателей Камчатки к тихоокеанскому побережью.

Ключевые слова: Камчатка, Авачинская стоянка, ранний неолит, каменная индустрия, уолбинская традиция, технологический анализ.

Alexander Yu. Fedorchenko¹✉, Natalia E. Belousova¹, Pavel S. Grebenyuk²,
Alexander I. Lebedintsev²

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

²North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute FEB RAS,
Magadan, Russia
E-mail: winteralex2008@gmail.com

The New Archaeological Complex of the Early Neolithic in the South of Kamchatka

Cultural processes in the first half of the Holocene are an essential aspect of archaeological research in Kamchatka. During this period, Final Paleolithic, Mesolithic, and Early and Late Neolithic cultures successively replaced each other on the peninsula. The preconditions and mechanisms of these cultural transformations, the nature of the continuity and interconnections of archaeological traditions are the subject of discussion. In the context of such discussions, along with the Ushki I–V complexes, the Avacha site takes a significant place. The assemblages of this settlement make it possible to study the dynamics of cultural development in the Holocene of Kamchatka. During the revision of the Avacha collections, we revealed

a series of stone artifacts, which sharply contrasts with the well-known complexes of the Tarya culture of the site. The results of the study allow us to consider this collection as an independent complex, which could be a new cultural component of the Avacha site. The lithic industry of the site has a strict focus on obtaining large blades and bladelets with a regular prismatic faceting and a high elongation index. New Avacha component has similarities with the Early Neolithic technical complex of Kamchatka, distinguished by a developed prismatic technology, mass production of tools from blades, including stemmed projectile points. While the most of the previously identified sites of this complex were discovered in the continental part of the Kamchatka, the Early Neolithic Avacha complex may indicate one of the most ancient episodes of the Neolithic hunters reaching the Pacific coast.

Keywords: Kamchatka, Avacha site, Early Neolithic, lithic industry, Uolba tradition, technological analysis.

Введение

Культурные процессы в первой половине голоцена являются одним из важнейших аспектов исследования археологии Камчатки (рис. 1). В период с 11 000 по 6 000 кал. л.н. на полуострове последовательно сменяются культурные традиции финального палеолита, мезолита, раннего и развитого неолита. Предпосылки и механизмы культурных трансформаций, характер преемственности и взаимосвязей культур этого региона выступают предметом серьезных дискуссий [Диков, 1979, с. 54–79, 106–119; Пономаренко, 2000, с. 29–45; Пташинский, 2006; Питулько, Павлова, 2010, с. 152–157; Федорченко, Белоусова, 2020]. В таких обсуждениях, наряду с опорными комплексами памятников Ушки I–V, значимое место занимает Авачинская стоянка, позволяющая судить о динамике культурного развития в голоцене Камчатки.

Многослойный археологический памятник Авача (в разных источниках обозначается как «Авача I» [Добрецова, 1985] или «Авача VII» [Пономаренко, 2014]) был обнаружен Н.Н. Диковым на высоком скальном уступе (25–30 м над ур. м.) на берегу Авачинской бухты, слева от устья одноименной реки в 1971 г. [Диков, 1977, с. 117] (рис. 2). В 1975–1977 гг. под руководством Т.М. Диковой на стоянке исследовалась площадь 84 м², выявлено три культурных слоя (далее – к.с.) с остатками жилищ и очагами, выразительным каменным и костяным инвентарем. Возраст этих комплексов определяется на основании данных радиоуглеродного и палеомагнитного датирования: к.с. 3 – 6 300–5 700 или 5 000–4 600 кал. л.н., к.с. 2 – 4 000–1 800 или 4 100–3 400 кал. л.н., к.с. 1 – 1 750–700 кал. л.н. [Ложкин, 1985; Добрецова, 1985]. Результаты работ позволили соотнести археологические комплексы стоянки с тремя этапами развития тарьинской культуры неолита Камчатки [Дикова, 1978].

Предметом настоящего исследования послужила коллекция каменных изделий с Авачинской стоянки, выявленная в 2012 г. в результате работы в фондах СВКНИИ ДВО РАН (г. Магадан). Это собрание включало выразительные изделия, которые по своим технико-типологическим характери-

кам резко контрастировали с опубликованными материалами памятника [Дикова, 1976б, 1978, 1979, 1983]. В данной статье мы характеризуем условия обнаружения этих артефактов, анализируем способы их изготовления, обсуждаем возможную хро-

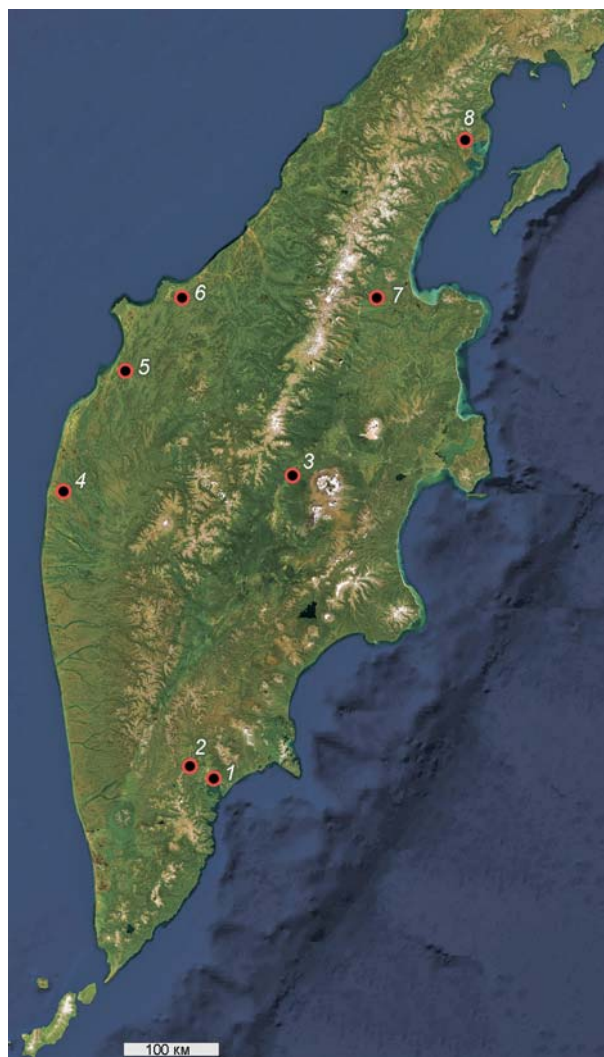

Рис. 1. Расположение памятников мезолита и раннего неолита на территории Камчатки.

1 – Авачинская стоянка; 2 – Авача-1 и Авача-9; 3 – Ушковские стоянки; 4 – Кисунь-1; 5 – местонахождение в нижнем течении р. Ковран; 6 – Кульки-3, -6; 7 – местонахождение на р. Левая Озерная; 8 – местонахождение близ пос. Оссора (по: [Пономаренко, 2000, с. 30, рис. 17]).

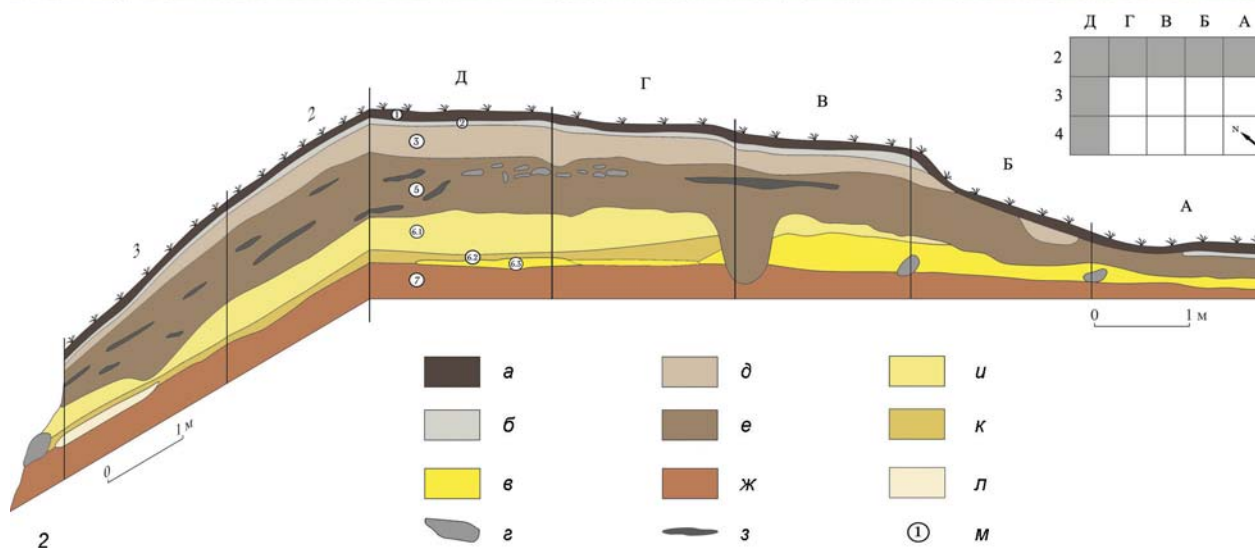

Рис. 2. Авачинская стоянка.

1 – вид на Авачинскую сопку; 2 – стратиграфический разрез 1975 г. Адаптировано по: [Дикова, 1983, с. 122–123].

а – современная почва; *б* – вулканический пепел светло-серый; *в* – суглинок ярко-желтый; *г* – камни; *д* – отложения, нарушенные в результате современного антропогенного воздействия; *е* – супесь коричневая; *ж* – суглинок красноватый с камнями, материк; *з* – линзы угольной массы; *и* – суглинок светло-желтый; *к* – суглинок желтый; *л* – кальцинированные кости; *м* – номера литологических слоев.

ностратиграфическую позицию коллекции на фоне других комплексов стоянки Авача, а также памятников Камчатки в целом.

Материалы и методы исследования

Обсуждаемая серия артефактов была получена Т.М. Диковой в результате работ на Авачинской стоянке в 1975 или 1977 г., после чего передана в фонды лаборатории археологии, истории и этнографии СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, где и хранилась среди других материалов этого памятника в отдельной коробке без каких-либо сопроводительных записок и документов. Упоминания этих изделий отсутству-

ют в отчетах [Дикова, 1976а, 1977] или опубликованных полевых записях исследователя [Дикова, 1983, с. 169–213]. Лишь один предмет из собрания – крупная ретушированная пластина из обсидиана – обладает индивидуальным шифром – «АС / 411». По манере начертания он аналогичен маркировкам, которые использовались в СВКНИИ при лабораторной обработке артефактов в 1970-х гг. На наш взгляд, индекс «АС» может расшифровываться как «Авачинская стоянка», номер 411 – указывать на изначальную многочисленность этой коллекции, по всей видимости, дошедшей до наших дней не полностью.

Отсутствие упоминаний в полевой документации не позволяет должным образом определить

место и условия обнаружения обсуждаемых изделий. По данным Т.М. Диковой, к моменту начала археологических работ в 1975 г. большая часть памятника была застроена и распаханна приусадебными участками и огородами, на которых местные жители ежегодно собирали каменные артефакты. В связи с наличием современных антропогенных нарушений перед началом раскопок участок Авачинской сопки тщательно обследовался археологами, в зонах обнажений и на скальных осыпях был получен археологический материал [Дикова, 1983, с. 120–122].

Обсуждаемая коллекция подъемного материала включает восемь изделий, выполненных из обсидиана ($n = 7$) и осадочной породы ($n = 1$). Нуклеидные формы представлены одним торцовым микронуклеусом, категория сколов включает целую пластинку и один проксимально-медиальный фрагмент. Орудийный набор включает пять изделий, выполненных из пластинчатых сколов: черешковый наконечник, пластина и пластинки с ретушью. Исследование коллекции базировалось на технологическом и сравнительно-типологическом методе. Анализ остаточных ударных площадок осуществлялся экспериментально-трассологическим и технологическим методами при использовании стереомикроскопа Альтами СМ0745-Т.

Результаты исследования

Коллекция включает один торцовый микронуклеус ($30,2 \times 8,8 \times 15,0$ мм), выполненный на полупервичном отщепе (рис. 3, 7). Ударная площадка сформирована на плоскости усечения скола-основы; с нее вдоль наиболее массивного края была реализована серия микропластинчатых снятий шириной 3–5 мм. После образования заломов скалывание было прекращено. Другой край скола-основы несет фасетки мелкой нерегулярной ретуши на дорсальной и вентральной сторонах заготовки; в основании нуклеуса отмечены следы выкрошенности. Площадка была переоформлена крутой и полукрутой чешуйчатой ретушью.

Медиально-дистальный фрагмент пластинки ($33,7 \times 9,8 \times 3,1$ мм) имеет продольную па-

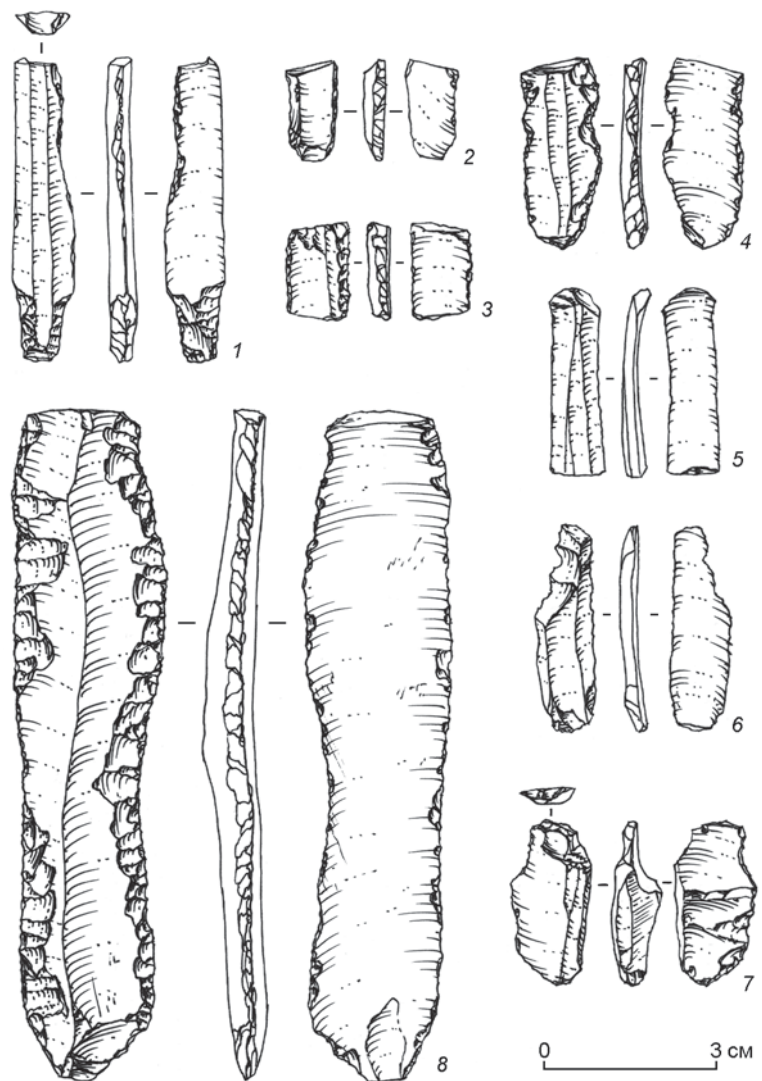

Рис. 3. Коллекция каменных артефактов раннего неолита с Авачинской стоянки.

1 – черешковый наконечник; 2, 3 – пластинки с ретушью; 4, 8 – пластины с ретушью; 5, 6 – пластинки; 7 – торцовый микронуклеус.

раллельную огранку дорсала, параллельные края и трапециевидное поперечное сечение (рис. 3, 5). Профиль изделия слабо изогнут, особенно в дистальной зоне. Окончание скола перьевидное, на его поверхности прослеживаются фрагменты негативов коротких встречных снятий, формировавших основание фронта нуклеуса. Целая пластинка ($37,1 \times 11,0 \times 2,2$ мм) из осадочной породы обладает продольной параллельной огранкой и субпараллельными краями, трапециевидным сечением, слабо изогнутым профилем (рис. 3, 6). Ударная площадка прямая, линзовидная в плане. Дорсальный карниз несет следы абразивной обработки, что может указывать на получение скола в результате расщепления орудия с шлифованным лезвием; ударный бугорок выражен, «губа» и изъяснец отсутствуют.

Проксимально-медиальный фрагмент черешкового наконечника ($55 \times 11,3 \times 4,5$ мм) выполнен на удлиненном пластинчатом сколе с параллельной продольной огранкой, параллельными краями, трапециевидным сечением и прямым профилем (рис. 3, 1). В основании скола сильно модифицирующей чешуйчатой дорсальной и вентральной ретушью сформирован короткий черешок с четко выделенными скошенными плечиками, переходящими в перо удлиненной подпрямоугольной формы. Перо наконечника обработано нерегулярной слабomodифицирующей краевой дорсальной и вентральной ретушью, кончик несет следы поперечной фрагментации со ступенчатым окончанием.

Ретушированная пластина ($122,0 \times 29,7 \times 8,3$ мм) выполнена на заготовке с продольной параллельной огранкой, параллельными продольными краями, треугольным сечением и прямым профилем (индекс удлиненности (l/w) – 4,1) (рис. 3, 8). Остаточная ударная площадка прямая, линзовидная в плане. Редуцирование карниза выполнено при шлифовке; ударный бугорок выражен, присутствуют «губа» и крупный изъязнец. Пластина обработана по всей длине постоянной слабomodифицирующей дорсальной чешуйчатой и субпараллельной плоской ретушью. Другая пластина (рис. 3, 4) представлена проксимально-медиальным фрагментом ($34,6 \times 15,0 \times 4,0$ мм) и в целом аналогична по морфологии предыдущей. При этом ударная площадка точечная, следы абразивной подправки выражены слабо. Продольные края несут следы эпизодической чешуйчатой ретуши на дорсальной и вентральной сторонах изделия. Ретушь – от плоской до крутой – формирует неровный край с короткими прямыми участками и выемками.

Короткий медиальный фрагмент ретушированной пластинки ($17,8 \times 11,4 \times 3,9$ мм) имеет параллельные края, прямой профиль и треугольное сечение; огранка скола продольная параллельная (рис. 3, 3). Один из краев изделия обработан среднемодифицирующей дорсальной чешуйчатой полукрутой ретушью. Второй край несет на дорсале и вентрале фасетки эпизодической ретуши, формирующей неровный край. Дистальный фрагмент другой пластинки ($17,6 \times 9,1 \times 3,5$ мм) сохранил следы вторичной обработки среднемодифицирующей дорсальной чешуйчатой крутой ретушью по одному краю (рис. 3, 2). Окончание скола имеет следы ретуширования по двум краям и поперечно-го слома без конического начала.

На поверхностях артефактов выявлен комплекс разнообразных следов изменений, связанных с механическим воздействием. На макроуровне на краях артефактов отмечены разноразмерные негативы эпизодической слабomodифицирующей ретуши,

реже – заломы, а также сформированные мельчайшей ретушью выемки. Характер подобных следов вполне допускает антропогенную природу их возникновения. Следы ветровой или водной эрозии отсутствуют.

Некоторые данные относительно контекста залегания анализируемых находок были получены на основе изучения артефактов на микроуровне. В микротрещинах и в углублениях заломов были зафиксированы частицы грунтового заполнителя. В семи случаях заполнитель представлен суглинком светло-желтого и желтовато-бурого цвета, на одном изделии зафиксированы частицы черного сажистого заполнителя. Характер фиксируемого грунта соответствует литологическому слою 6 стоянки – «суглинок в верхней части светло-желтого и интенсивнее по цвету в нижней части, с единичными угольками, отщепами» – и слою 7 – «суглинок красновато-желтого цвета» [Дикова, 1983, с. 123]. Таким образом, если предположить, что данная коллекция была собрана с одного участка, то большинство артефактов из нее могло происходить из одних и тех же культуросодержащих отложений, залегающих на контакте или стратиграфически ниже к.с. 3, выявленного Т.М. Диковой (см. рис. 2, 2).

Обсуждение

Результаты проведенного исследования позволяют рассматривать изученную коллекцию в качестве единого комплекса, представляющего собой новый, ранее неизвестный культурный компонент Авачинской стоянки. Изученную каменную индустрию отличает строгая направленность на получение крупных и мелких пластинчатых заготовок с правильной призматической огранкой и высоким индексом удлиненности. Обращает на себя внимание использование абразивной обработки для подготовки зон расщепления нуклеусов для пластин, что ранее не отмечалось для каменного века Камчатки. Для орудийного набора характерны изделия на пластинах и пластинках, а также, по-видимому, артефакты с шлифовкой.

Ранее на Авачинской стоянке находки пластинчатых сколов с правильной продольной огранкой не фиксировались. Исключение составляют две обсидиановые пластинки с патинированной поверхностью, отмеченные в контексте к.с. 1 (литологический слой 4), перемешанного на основной площади своего распространения. Данные об отсутствии пластинчатого компонента в стратифицированных комплексах стоянки коррелирует с наблюдениями А.К. Пономаренко, который отмечает единичность находок призматических нуклеусов и пластинок в комплексах тарьинской культуры [Пономарен-

ко, 2014, с. 133–134]. С точки зрения исследователя, в процессе перехода от раннего к развитому этапу неолита население Камчатки практически полностью утратило пластинчатую технологию, а ведущие позиции в первичном расщеплении заняла технология получения отщепов с аморфных нуклеусов.

Ближайшие аналогии выявленному комплексу прослеживаются в материалах ранне- и среднеголоценовых комплексов Камчатки, ассоциированных с позднемезолитической-раннеолитической ушковской и раннеолитической авачинской культурами (см. рис. 1) [Диков, 1979, с. 106–110; Пономаренко, 2000, с. 29–45]. В основе мезолитических индустрий к.с. IV Ушковских стоянок (Центральная Камчатка) лежала технология производства пластинчатых сколов с призматических, карандашевидных и конических нуклеусов. В орудийном наборе отмечены ретушированные пластинчатые наконечники стрел с коротким треугольным черешком и ромбическим поперечным сечением, ретушированные пластины, концевые скребки на отщепе и пластинчатых сколах, срединные резцы на пластинах, немногочисленные двусторонне обработанные ножи, наконечники и тесла [Диков, 1977, с. 60–61, 69–70]. Возраст этих комплексов определяется в интервале 8 600–8 200 кал. л.н. [Понкратова, 2019]. Отдельные аналогии раннеголоценовым индустриям Ушковских стоянок и комплексу Авачи-С могут быть прослежены в материалах стоянок Западной Камчатки (Кисун-1, Кульки-3 и -6, стоянка в нижнем течении р. Ковран) и Северной Камчатки (местонахождения на р. Левая Озерная и близ пос. Оссора) [Рубан, 1979; Пономаренко, 2000].

Дальнейшее развитие позднемезолитической ушковской культурной традиции представлено в комплексах к.с. III стоянок Ушки I, II и V. За исключением метательных наконечников, имеющих некоторые морфологические различия и выполненных на трехгранных заготовках, индустрия к.с. III Ушковских стоянок практически полностью наследует комплексам к.с. IV [Диков, 1979, с. 113–115]. Близкие в технико-типологическом отношении комплексы зафиксированы на стоянках авачинской культуры Авача-1 и -9, расположенных в 30 км к северо-западу от Авачинской стоянки [Пономаренко, 2000, с. 31–38; Пономаренко и др., 2006; Пташинский, 2006]. В каменных индустриях здесь присутствуют призматические и конические ядрища для получения крупных пластин и пластинок, черешковые наконечники стрел и дротиков с трехгранным поперечным сечением, ретушированные пластины, скребки овальные из отщепов, скребла с обработкой по периметру, листовидные бифасы, топоры и тесла с симметричной шейкой-перехватом и при-

шлифовкой лезвия. Возраст этих комплексов определяется в пределах 7 250–6 900 кал. л.н.

Более широкий круг аналогий может быть выявлен при сопоставлении с индустриями т.н. уолбинской культурной традиции, зафиксированных на территории Верхней Колымы, Лены и Индигирки, Приохотья и Чукотки и датированных в интервале 10 500–7 300 кал. л.н. [Слободин, 2014]. По своим морфометрическим характеристикам, наконечник с Авачинской стоянки находит соответствие среди изделий уолбинской традиции со стоянок Юбилейная, Уи, Агробаза II, Конго-78 и Инг-78, аналогично выполненных из пластин с трапециевидным сечением путем модификации краевой ретушью пера и укороченного подтреугольного черешка. В целом, острия «уолбинского типа» существенно варьируют по морфологии насада и форме поперечного сечения, степени массивности и удлиненности, характеру модификации заготовки ретушью и типу вторичной обработки. По сути, все многообразие типов метательных наконечников уолбинской традиции сближает лишь характер используемой заготовки – четырех- или трехгранной пластины. Указанные предпочтения в выборе заготовки являлись связанными с общим характером этих индустрий – их ориентацией на получение удлиненных пластинчатых сколов трапециевидного или треугольного сечения.

Заключение

Ревизия археологических материалов Авачинской стоянки позволила выявить выразительную серию каменных артефактов, резко контрастирующих с обликом материалов тарьинской культуры этого памятника. Исследование данных о местонахождении и контексте залегания этих изделий позволяет предположить, что они могут представлять более древний культурный пласт в культурно-стратиграфической последовательности стоянки Авача, не зафиксированный в процессе полевых исследований основного участка стоянки. Технико-типологический облик коллекции указывает на ее принадлежность к технокомплексу раннего неолита Камчатки, который, как известно, характеризуется развитой призматической технологией, массовым производством орудий на пластинчатых заготовках, включая метательные наконечники с черешком различных типов. В то время как большинство ранее выявленных памятников этой культурной традиции известны в континентальной части полуострова – материалы раннеолитического комплекса Авачинской стоянки могут свидетельствовать об одном из древнейших эпизодов выхода неолитических обитателей Камчатки к тихоокеанскому побережью.

Благодарности

Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00144 (А.И. Лебединцев, П.С. Гребенюк), проекта НИР № 0329-2019-0001 «Заселение первобытным человеком Северной Азии: культурный и экологический контекст» (А.Ю. Федорченко, Н.Е. Белоусова).

Список литературы

Диков Н.Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки, Верхней Колымы. – М.: Наука, 1977. – 319 с.

Диков Н.Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии. – М.: Наука, 1979. – 352 с.

Дикова Т.М. Отчет о полевых археологических исследованиях на Юге Камчатки в 1975 году // Науч. арх. СВКНИИ ДВО РАН. 1976а, № 987, 70 л.

Дикова Т.М. Исследования на юге Камчатки // АО 1975 года. – М.: Наука, 1976б. – С. 234–235.

Дикова Т.М. Заключительный отчет по теме: Археология Южной Камчатки в связи с проблемой обитания там айнов // Науч. арх. СВКНИИ ДВО РАН. Магадан, 1977, т. I, № 1016, 143 л.

Дикова Т.М. Исследования западного побережья Южной Камчатки // АО 1977 года. – М.: Наука, 1978. – С. 224–225.

Дикова Т.М. Авачинская многослойная стоянка – новый памятник Тарьинской культуры на Юге Камчатки // Новые археологические памятники Севера Дальнего Востока. – Магадан: СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1979. – С. 82–106.

Дикова Т.М. Археология южной Камчатки в связи с проблемой расселения айнов. – М.: Наука, 1983. – 232 с.

Добрецова Ю.Г. Опыт палеомагнитного датирования неолитической стоянки // Новое в археологии Севера Дальнего Востока. – Магадан: СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1985. – С. 59–65.

Ложкин А.В. Радиоуглеродные датировки археологических памятников Северо-Востока Азии // Новое в археологии Севера Дальнего Востока. – Магадан: СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1985. – С. 66–70.

Питулько В.В., Павлова Е.Ю. Геоархеология и радиоуглеродная хронология каменного века Северо-Восточной Азии. – СПб.: Наука, 2010. – 264 с.

Понкратова И.Ю. Начальный неолит полуострова Камчатка (по данным исследования стоянки Ушки V) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2019. – № 1. – С. 13–20.

Пономаренко А.К. Древняя культура ительменов Камчатки. – Петропавловск-Камчатский: Оперативная полиграфия, 2000. – 312 с.

Пономаренко А.К. Тарьинская культура неолита Камчатки. – Владивосток: Дальневост. фед. ун-т, 2014. – 254 с.

Пономаренко А.К., Базанова Л.И., Брайцева О.А., Мелекесцев И.В. Новая раннеолитическая стоянка в долине р. Авача на Камчатке // Неолит и палеометалл Севера Дальнего Востока. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2006. – С. 67–77.

Пташинский А.В. К вопросу о неолите Камчатки // Неолит и палеометалл Севера Дальнего Востока. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2006. – С. 78–87.

Рубан В.И. Предварительные результаты археологической разведки на Западном побережье Камчатки // Новые археологические памятники Севера Дальнего Востока. – Магадан: СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1979. – С. 107–128.

Слободин С.Б. Уолбинская традиция пластинчатых наконечников (Северо-Восток России) // Вестн. СВНЦ ДВО РАН. – 2014. – № 2. – С. 110–119.

Федорченко А.Ю., Белоусова Н.Е. Верхний палеолит Камчатки: основные результаты исследований 1980-х – начала 1990-х годов и актуальные проблемы на современном этапе // Stratum Plus: Археология и культурная антропология. – 2020. – № 1. – С. 305–339.

References

Dikov N.N. Arkheologicheskie pamyatniki Kamchatki, Chukotki, Verkhnei Kolymy. Moscow: Nauka, 1977, 319 p. (In Russ.).

Dikov N.N. Drevnie kul'tury Severo-Vostochnoi Azii. Moscow: Nauka, 1979, 352 p. (In Russ.).

Dikova T.M. Otchet o polevykh arkheologicheskikh issledovaniyakh na Yuge Kamchatki v 1975 godu. In *Scientific archive of the North-Eastern Research Institute of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Magadan)*. 1976a, No. 987, 70 p. (In Russ.).

Dikova T.M. Issledovaniya na yuge Kamchatki. *Arkheologicheskie otkrytiya 1975 goda*. Moscow: Nauka, 1976b, pp. 234–235. (In Russ.).

Dikova T.M. Zaklyuchitel'nyy otchet po teme: Arkheologiya Yuzhnoy Kamchatki v svyazi s problemoi obitaniya tam ainov. In *Scientific archive of the North-Eastern Research Institute of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Magadan)*. 1977, No. 1016, vol. 1143 p. (In Russ.).

Dikova T.M. Issledovaniya zapadnogo poberezh'ya Yuzhnoy Kamchatki. *Arkheologicheskie otkrytiya 1977 goda*. Moscow: Nauka, 1978, pp. 224–225. (In Russ.).

Dikova T.M. Avachinskaya mnogosloynaya stoyanka – novyi pamyatnik Tar'inskooy kul'tury na Yuge Kamchatki. In *Novyye arkheologicheskiye pamyatniki Severa Dal'nego Vostoka*. Magadan: NEISRI FESC AS USSR Publ., 1979, pp. 82–106. (In Russ.).

Dikova T.M. Arkheologiya yuzhnoi Kamchatki v svyazi s problemoi rasseleniya ainov. Moscow: Nauka, 1983, 232 p. (In Russ.).

Dobretsova Yu.G. Opyt paleomagnetnogo datirovaniya neoliticheskoi stoyanki. In *Novoye v arkhologii Severa Dal'nego Vostoka*. Magadan: NEISRI FESC AS USSR Publ., 1985, pp. 59–65. (In Russ.).

Fedorchenko A.Yu., Belousova N.E. Upper Paleolithic of Kamchatka: the main research results of the 1980s – early 1990s and current problems at the present stage. *Stratum Plus*, 2020, No. 1, pp. 305–339. (In Russ.).

Lozhkin A.V. Radiouglerodnyye datirovki arkhologicheskikh pamyatnikov Severo-Vostoka Azii. In *Novoye v arkhologii Severa Dal'nego Vostoka*. Magadan: NEISRI FESC AS USSR Publ., 1985, pp. 66–70. (In Russ.).

Pitulko V.V., Pavlova E.Yu. Geoarkheologiya i radiouglerodnaya khronologiya kamennogo veka Severo-Vostochnoi Azii. St. Petersburg: Nauka, 2010, 264 p. (In Russ.).

Ponkratova I.Yu. The Early Neolithic of the Kamchatka Peninsula: a study of the Ushki V site. *Humanitarian research in Eastern Siberia and the Far East*, 2019, No. 1, pp. 13–20. (In Russ.).

Ponomarenko A.K. Drevnyaya kul'tura itel'menov Kamchatki. Petropavlovsk-Kamchatsky: Operativnaya poligrafiya, 2000, 312 p. (In Russ.).

Ponomarenko A.K. Tar'inskaya kul'tura neolita Kamchatki. Vladivostok: FEPU Press, 2014, 254 p. (In Russ.).

Ponomarenko A.K., Bazanova L.I., Braitseva O.A., Melekestsev I.V. Novaya ranneneoliticheskaya stoyanka v doline r. Avacha na Kamchatke. In *Neolit i paleometall Severa Dal'nego Vostoka*. Magadan: NEISRI FEB RAS Publ., 2006, pp. 67–77. (In Russ.).

Ptashinsky A.V. K voprosu o neolite Kamchatki. In *Neolit i paleometall Severa Dal'nego Vostoka*. Magadan: NEISRI FEB RAS Publ., 2006, pp. 78–87. (In Russ.).

Ruban V.I. Predvaritel'nyye rezul'taty arkhologicheskoy razvedki na Zapadnom poberezh'ye Kamchatki. In *Novyye arkhologicheskiye pamyatniki Severa Dal'nego Vostoka*. Magadan: NEISRI FESC AS USSR Publ., 1979, pp. 107–128. (In Russ.).

Slobodin S.B. Uolba blade point tradition (North-East of Russia). *Bulletin of the NIESRI FEB RAS*, 2014, No. 2, pp. 110–119. (In Russ.).

Федорченко А.Ю. <https://orcid.org/0000-0001-7812-8037>

Белуосова Н.Е. <https://orcid.org/0000-0001-7054-3738>

Гребенюк П.С. <https://orcid.org/0000-0001-9940-9962>

Лебединцев А.И. <https://orcid.org/0000-0003-2714-2116>

Е.А. Филатов¹, М.О. Филатова²✉

¹Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

²Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

E-mail: mayasidorova12@gmail.com

Топографические исследования мастерской имени А.П. Окладникова в Восточном Забайкалье

Палеолитические мастерские позволяют получить данные о технологии камнеобработки с полными циклами производства каменных изделий и заготовок. В настоящее время в Сибири таких памятников выявлено всего несколько. Одним из ярких представителей выступает мастерская им. А.П. Окладникова в Восточном Забайкалье, расположенная на Титовской сопке (окрестности г. Читы), которая является к тому же палеовулканом. Уникальность рельефа, благоприятное природно-ландшафтное расположение у речной долины и наличие богатых месторождений изотропного сырья привлекали сюда первобытных людей. Изучение археологического памятника выполнялось на протяжении 1959–1967 гг. Всего было заложено четыре раскопа: № 1 – 1959 г. (А.П. Окладников), № 2 – 1961 г. (В.Е. Ларичев, А.П. Окладников), № 3 – 1962 г. (С.Н. Астахов), № 4 – 1967 г. (И.И. Кириллов). Спустя более 50 лет работы были возобновлены. На современном этапе нет публикаций, раскрывающих особенности археологического материала, геологического строения разреза и иные сведения. Данная работа – первая ступень комплексного исследования мастерской им. А.П. Окладникова. На основе аэрофотосъемки был создан ортофотоплан с помощью применения беспилотного летательного аппарата. Это позволило соотнести и привязать раскопы прошлых лет на местности, которые в дальнейшем послужат основой для фиксации и изучения все еще не введенного в научный оборот археологического материала, реконструкции природных условий и способов адаптации древнего человека, а также планиграфического анализа мастерской им. А.П. Окладникова.

Ключевые слова: палеолитические мастерские, мастерская им. А.П. Окладникова, Восточное Забайкалье, ортофотоплан.

Egor A. Phylatov¹, Maya O. Phylatova²✉

¹Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia

²Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

E-mail: mayasidorova12@gmail.com

Topographic Studies of the A.P. Okladnikov Paleolithic Workshop in Eastern Transbaikalia

Paleolithic workshops provide data on the technology of stone processing with full cycles of production of stone products and blanks. Today, only a few such sites have been identified in Siberia. One of the brightest representatives is the A.P. Okladnikov workshop in Eastern Transbaikalia on Titovskaya Sopka (near Chita), which is also a paleovolcano. The uniqueness of the landscape, the favorable natural landscape location near the river valley and the presence of rich deposits of isotropic raw materials have long attracted primitive people here. The study of the archaeological site was carried out during 1959–1967. In total, 4 excavations were laid: No. 1—1959 (A.P. Okladnikov), No. 2—1961 (V.E. Larichev, A.P. Okladnikov), No. 3—1962 (S.N. Astakhov), No. 4—1967 (I.I. Kirillov). After more than 50 years, the work was resumed. At the present stage, there are no publications that reveal the features of archaeological material, the geological structure of the section, and other information. This work is the first stage of the study of the

A.P. Okladnikov workshop. Based on aerial photography, an orthophotomap was created using an unmanned aerial vehicle. This made it possible to correlate and link excavations of the past years on the ground, which will later serve as a basis for fixing and studying archaeological material that has not yet been introduced into scientific circulation, reconstructing natural conditions and methods of adaptation of ancient people, as well as a planigraphic analysis of the A.P. Okladnikov workshop.

Keywords: *Paleolithic workshops, A.P. Okladnikov workshop, Eastern Transbaikalia, orthophotomap.*

Введение

Палеолитические мастерские являются уникальными объектами в мировой науке, т.к. они позволяют получить данные о технологии каменной обработки с полными циклами производства каменных изделий и заготовок. Исследованию и типологии мастерских посвящены многочисленные труды [Кулаков, 1993; Любин, 1961; Гурина, 1966; Петрин, 1987; и др.]. В настоящее время в Сибири таких памятников выявлено немного, все они в основном сосредоточены в Восточном Забайкалье.

Одним из ярких представителей объектов такого типа является мастерская им. А.П. Окладникова в Восточном Забайкалье (пригород Читы). Это один из первых стратифицированных памятников палеолита Забайкалья. Мастерская была открыта в 1950 г. А.П. Окладниковым, затем в разное время исследовалась первооткрывателем, В.Е. Ларичевым, С.Н. Астаховым и И.И. Кирилловым. За это время была получена коллекция археологического материала, представленного продуктами функционирования палеолитической мастерской, расположенной на выходах сырья [Береговая, 1960; Кириллов, Рижский, 1973; Константинов, 2013; Петрунь, 1971; Астахов, 1962, 2018].

К сожалению, в настоящее время нет публикаций, раскрывающих особенности археологического материала, геологического строения разреза и иные сведения. Исключением выступает статья С.Н. Астахова, посвященная работам 1962 г. [1962, 2018]. Ему удалось изучить «ямы-шахты» по добыче каменного сырья, которые были заложены из второго (подпочвенного) слоя в нижележащие слои. С.Н. Астахов показал, что для Сибири это первые примеры применения шахтного способа добычи сырья в палеолите [1962, 2018]. Затем в работах на памятнике наступил длительный перерыв.

Спустя более 50 лет исследования на мастерской им. А.П. Окладникова были возобновлены. Одной из первых задач для комплексного анализа памятника стало топографическое исследование, выполненное для установления границ раскопов прошлых лет, фотофиксации памятника и его окрестностей.

Методы и материалы

Изучение археологических объектов на современном этапе характеризуется применением междисциплинарного подхода, в т.ч. используются топографические и ГИС-исследования [Прокопец, Белов, 2018; и др.]. В 2020 г. нами была произведена аэрофотосъемка с привязкой к топографической подложке (топографическая съемка выполнена в предшествующие годы Центром по сохранению историко-культурного наследия Забайкальского края), на которую в дальнейшем были нанесены раскопы разных лет.

Для создания ортофотоплана был использован беспилотный летательный аппарат DJI Mavic 2 PRO, который имеет камеру с высоким разрешением (до 20 мп), установленную на трехосевой стабилизатор. Координация на местности осуществлялась системой двухдиапазонного позиционирования спутников (GPS и GLONASS) и группой из 24 мощных специализированных вычислительных ядер. Данные характеристики позволяют довольно точно позиционировать беспилотный летающий аппарат на местности не только в линейных, но и в угловых координатах. Фото производилось с высоты не более 70 м. Такого расстояния вполне достаточно для детальной фотофиксации объекта.

Для создания серии снимков местности в плановом режиме, т.е. камерой, направленной строго вниз, была применена программа Pix4D capture. Заранее была задана площадь размером 53 × 55 м, необходимая для дальнейшего анализа, качество снимков 1,64 см/пиксель, частота снимков с шагом перекрытия более 60 %. В метаданных фотоснимка были автоматически записаны координаты аппарата на момент съемки, а также положение камеры, что в дальнейшем позволило наложить отснятый план на географическую систему координат.

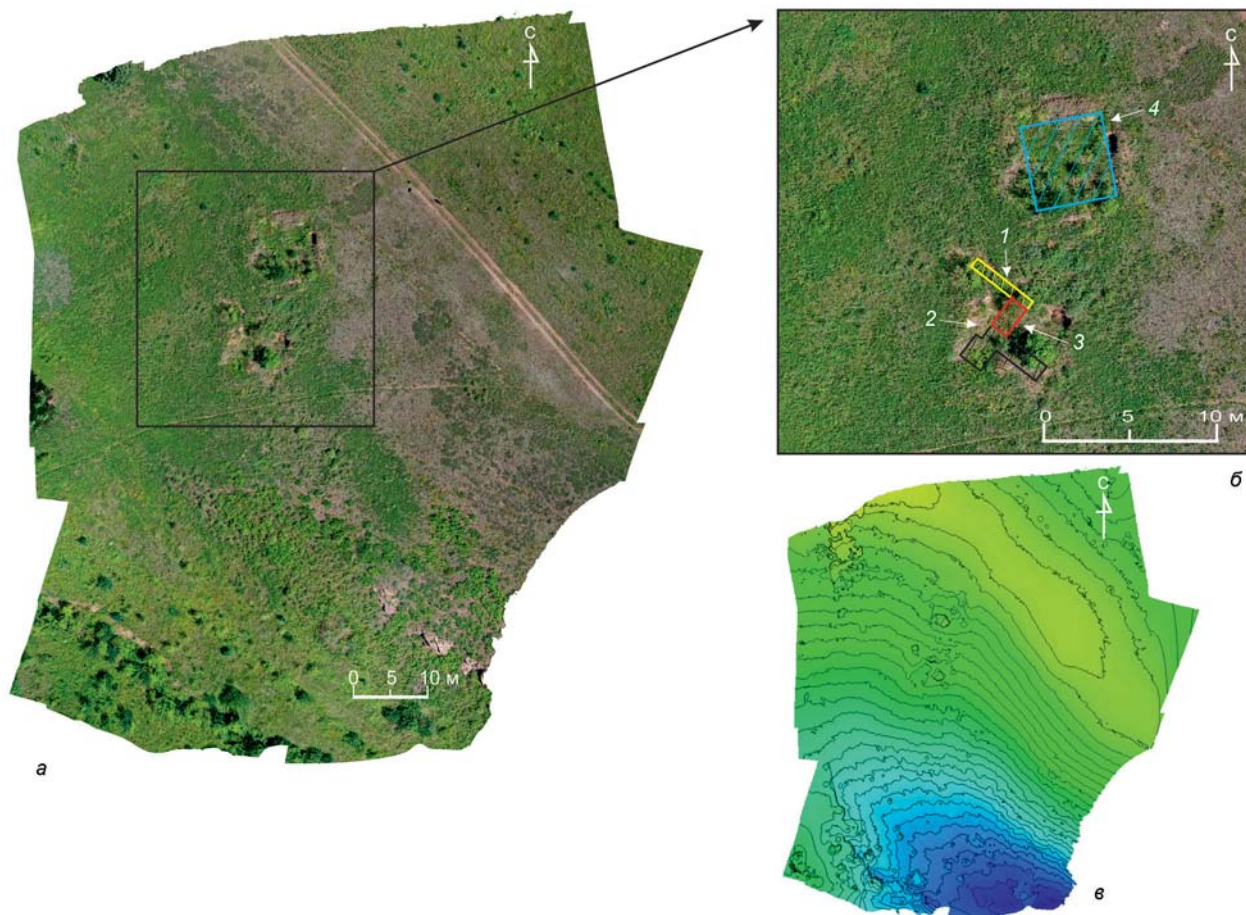
Следующим шагом была обработка массива точек в программе Agisoft Photoscan по стандартной методике, где серия отснятых фотографий была объединена в одну проекцию. Погрешность полученного результата не выходит за рамки требований глазомерных и инструментальных съемок

археологических памятников и вполне сравнима с погрешностью портативных GPS-навигаторов. Результатом проведенных работ стало создание ортофотоплана местности, где находится мастерская им. А.П. Окладникова.

Памятник расположен на восточном отроге хребта Черского, именуемом в исторической литературе Титовская сопка. Сопка является палеовулканом, сформированным на границе палеозоя и мезозоя. В настоящее время она представляет собой полого-наклонный массив с господствующей абсолютной высотой 945 м, нижняя точка у подножья с южной стороны, в районе скальных выходов Сухотино 642 м. Таким образом, относительное превышение над долиной составляет 290–300 м. С юга и юго-запада от основного массива хребта Черского сопка отделяется узкой и antecedentной долиной р. Ингода шириной в среднем 120 м. С севера и северо-востока наблюдается плавный переход в делювиальные шлейфы. В настоящее время разнофациальные генетические типы четвертичных отложений, перекрывающие вулканогенные образования, изучены неравномерно, в основном

наибольший объем естественно-научных данных приурочен к верхнеплейстоценовым разрезам археологических объектов, подтвержденных радиоуглеродным методом. Многочисленные выходы изотропного вулканического сырья обусловили здесь наличие мастерских, стоянок и поселений палеолита. К числу мастерских относятся Сухотино-6, -12, расположенные на юго-западных склонах Титовской сопки, мастерская «Скальная» и изучаемая нами мастерская им. А.П. Окладникова, находящиеся на северо-восточных склонах сопки. Кроме того, вблизи Сухотино-6 и -12 расположены стоянки и поселения верхнего палеолита.

Мастерская А.П. Окладникова приурочена к приводораздельной поверхности северо-восточного склона Титовской сопки, к левому борту распадка, рассекающего сопку в меридиональном направлении. Левый борт распадка имеет крутой скалистый борт в районе 50°, правый более пологий, имеет наклон 25°. Памятник расположен в привершинной части распадка. Расстояние до реки – 1 180 м по линии северо-запад – юго-восток. Памятник находится на высоте 10 м над тальвегом

Фотограмметрия мастерской им. А.П. Окладникова.

а – ортофотоплан; *б* – расположение раскопов прошлых лет: 1 – раскоп 1959 г. (А.П. Окладников); 2 – раскоп 1961 г. (В.Е. Ларичев, А.П. Окладников); 3 – раскоп 1962 г. (С.Н. Астахов); 4 – раскоп 1967 г. (И.И. Кириллов); *в* – карта высот.

распадка, в котором функционирует водоток в периоды дождей и таяния снегов. Высота памятника над вершиной гребня, обрамляющего левый борт распадка, равна 6 м. Абсолютная высота памятника в балтийской системе составляет 740 м, высота реки на этом участке – 839 м, соответственно, разность высот равна 99 м, что составляет высоту над р. Ингода (см. *рисунок*).

Результаты

Аэрофотосъемка позволила создать ортофотоплан, который в дальнейшем был соотнесен с топографической подложкой (см. *рисунок*). Натурные исследования показали хорошую визуальную выраженность раскопов, которые в настоящее время поросли травой и малочисленными кустарниками в центре раскопов.

На ортофотоплане выделены раскопы (см. *рисунок, б*): № 1 – 1959 г. (А.П. Окладников), № 2 – 1961 г. (В.Е. Ларичев, А.П. Окладников), № 3 – 1962 г. (С.Н. Астахов) и № 4 – 1967 г. (И.И. Кириллов).

В 1959 г. мастерская изучалась в рамках раскопа № 1 на площади 12 м² (фронтальный разрез склона) (см. *рисунок, б, 1*). С юго-востока к нему примыкает раскоп № 3 1962 г. площадью 8 м² (латеральный разрез склона) (см. *рисунок, б, 3*). Раскоп № 3 также на юго-востоке соединяется с раскопом № 2 1961 г. площадью, судя по чертежу С.Н. Астахова, 23 м². Раскоп № 2 имеет Г-образную форму, при этом длинная сторона имеет фронтальный профиль, короткая – латеральный (см. *рисунок, б, 2*). Раскопы 1959–1962 гг. были нацелены на получение стратифицированного материала, с одной стороны, и выявление хозяйственных и производственных зон, с другой, поэтому их разрезы имеют общие профили (см. *рисунок, б*). Раскоп же № 4 1967 г. И.И. Кириллова находится севернее раскопов № 1–3 и имеет размеры 10 × 10 м (см. *рисунок, б, 4*).

Созданный ортофотоплан позволил наглядно продемонстрировать местоположение раскопов и их соотношение. Оказалось, что раскоп № 4 находится в привершинной части склона и имеет меньшую мощность рыхлых отложений, чем раскопы № 1–3. На следующем этапе изучения мастерской им. А.П. Окладникова на основе полученных результатов планируется уточнить стратиграфическую привязку археологического материала, найденного в 1959–1967 гг., и ввести его в научный оборот.

Заключение

Комплекс данных, полученных в 2020 г., позволил соотнести и привязать раскопы прошлых лет на

местности, создать ортофотоплан, что в дальнейшем послужит основой для фиксации и изучения археологического материала, реконструкции природных условий и способов адаптации древнего человека, а также планиграфического анализа мастерской им. А.П. Окладникова.

Благодарности

Е.А. Филатов работал в рамках гранта Научно-образовательного центра «Новая археология» Гуманитарного института Новосибирского государственного университета. М.О. Филатова работала по проекту НИР № 0264-2019-0010 «Реконструкция природных условий и способы адаптации к ним населения Евразии в четвертичном периоде» лаборатории «PaleoData» ИАЭТ СО РАН. Авторы выражают благодарность за помощь в реализации проведенных исследований М.В. и А.В. Константиновым.

Список литературы

- Астахов С.Н.** Отчет о работах в Читинской области в 1962 г. // Научно-отраслевой архив ИА РАН. 1962. Ф. 1. Р. 1. № 2732.
- Астахов С.Н.** Шурфы-шахты для добычи каменного сырья в палеолите на Титовской сопке // Зап. ИИМК РАН. – 2018. – № 19. – С. 13–19.
- Береговая Н.А.** Палеолитические местонахождения СССР // МИА. – 1960. – № 81. – С. 106–107.
- Гурина Н.Н.** Исследования древних шахт по добыче кремня // КСИА. – 1966. – Вып. 106. – С. 31–37.
- Кириллов И.И., Рижский М.И.** Очерки древней истории Забайкалья. – Чита, 1973. – 137 с.
- Константинов М.В.** Археология Забайкалья: верхний палеолит // Гуманитарный вектор. Сер.: История, политология. – 2013. – № 3 (35). – С. 10–12.
- Кулаков С.А.** Мастерские в каменном веке: история выделения, критерии определения и классификации // Петербург. Археол. вестн. – 1993. – № 7. – С. 3–13.
- Любин В.П.** Верхнеашельская мастерская Джрабер // КСИА. – 1961. – Вып. 82. – С. 59–67.
- Петрин В.Т.** К проблеме классификации памятников каменного века Монголии // Археология, этнография и антропология Монголии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 27–45.
- Петрунь В.Ф.** К петрофизической характеристике материала орудий палеолита // Палеолит и неолит СССР. – 1971. – Т. 6. – С. 282–297. – (МИА; № 173).
- Прокопец Д.М., Белов С.Д.** Современные способы фиксации археологических объектов в полевых условиях // Мультидисциплинарные исследования в археологии. – 2018. – № 2. – С. 94–102.

References

Astakhov S.N. Otchet o rabotakh v Chitinskoj oblasti v 1962 g. In *Nauchno-otraslevoi arkhiv IA RAS, F. 1, R. 1, No. 2732*. (In Russ.).

Astakhov S.N. Shurfy-shakhty dlya dobychi kamennogo syr'ya v paleolite na Titovskoj sopke. In *Zapiski IIMK RAS*, 2018, No. 19, pp. 13–19. (In Russ.).

Beregovaya N.A. Paleoliticheskie mestonakhozhdeniya SSSR. *MIA*, 1960, vol. 81, pp. 106–107. (In Russ.).

Gurina N.N. Issledovaniya drevnikh shakht po dobyche kremnya. *KSIA*, 1966, iss. 106, pp. 31–37. (In Russ.).

Kirillov I.I., Rizhskii M.I. Ocherki drevnei istorii Zabaikal'ya. Chita, 1973, 137 p. (In Russ.).

Konstantinov M.V. Arkheologiya Zabaikal'ya: verkhonii paleolit. *Gumanitarnyi vektor. Series: Istoriya, politologiya*, 2013, vol. 3 (35), pp. 10–12. (In Russ.).

Kulakov S.A. Masterskie v kamennom veke: istoriya vydeleniya, kriterii opredeleniya i klassifikatsii. *Peterburgskii*

arkheologicheskii vestnik, 1993, vol. 7, pp. 3–13. (In Russ.).

Lyubin V.P. Verkhneashel'skaya masterskaya Dzhraber. *KSIA*, 1961, vol. 82, pp. 59–67. (In Russ.).

Petrin V.T. K probleme klassifikatsii pamyatnikov kamennogo veka Mongolii. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Mongolii*. Novosibirsk: Nauka, 1987, pp. 27–45. (In Russ.).

Petrun' V.F. K petrofizicheskoi kharakteristike materiala orudii paleolita. *Paleolit i neolit SSSR*, 1971, vol. 6, pp. 282–297. (MIA). (In Russ.).

Prokopets D.M., Belov S.D. Sovremennye sposoby fiksatsii arkheologicheskikh ob'ektov v polevykh usloviyakh. *Mul'tidistsiplinarnye issledovaniya v arkheologii*, 2018, vol. 2, pp. 94–102. (In Russ.).

Филаатов Е.А. <https://orcid.org/0000-0002-2675-7736>

Филатова М.О. <https://orcid.org/0000-0001-5828-4809>

А.В. Харевиц✉, **В.М. Харевиц**, **А.С. Колясникова**,
Е.Н. Бочарова, **К.А. Колобова**, **А.И. Кривошапкин**

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: aliona.shalagina@yandex.ru

Новые археологические памятники на северо-западе Алтая (Краснощековский и Солонешенский районы Алтайского края)

В ходе полевого сезона 2020 г. отрядом ИАЭТ СО РАН были проведены разведки в Краснощековском и Солонешенском р-нах Алтайского края. Работы были обусловлены необходимостью расширения источниковой базы по исследованию жизнеобеспечивающих стратегий поздних неандертальцев Алтая. В рамках разведочных работ было обследовано два участка общей протяженностью 55 км. Была изучена территория в окрестностях опорных стоянок сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая: пещер Чагырская и им. Окладникова. В результате работ было выявлено три новых археологических объекта. Пещера Козья расположена в Краснощековском р-не Алтайского края, на притоке р. Чагырка (бассейн р. Чарыш), в 13 км от Чагырской пещеры. Пещера Верхняя Сибирячиха находится в Солонешенском р-не Алтайского края, на левом берегу р. Сибирячиха, притоке р. Ануй, рядом с пещерой им. Окладникова. Местонахождение Березовка расположено в Солонешенском р-не Алтайского края, на берегу р. Ануй, в месте впадения р. Березовка. Все выявленные археологические объекты относятся к эпохе палеолита. По характерному типу орудий и морфологии сколов-заготовок пещера Верхняя Сибирячиха была отнесена к среднему палеолиту, а местонахождение Березовка – к начальным этапам верхнего палеолита. В рамках поиска новых объектов, связанных с поздними неандертальцами Алтая, наибольший интерес представляют обнаруженные пещерные стоянки, которые, в отличие от известных долговременных лагерей (пещера Чагырская, им. Окладникова), демонстрируют единичные эпизоды посещения. В целом проведенные работы показали, что среднее течение р. Ануй и северный склон Тигирецкого хребта по-прежнему обладают большим потенциалом в плане обнаружения новых археологических объектов.

Ключевые слова: Северо-Западный Алтай, сибирячихинский вариант среднего палеолита, каменные артефакты, археологический слой, фаунистические остатки.

Alena V. Kharevich✉, **Vladimir M. Kharevich**, **Anastasiya S. Kolyasnikova**,
Ekaterina N. Bocharova, **Kseniya A. Kolobova**, **Andrey I. Krivoshapkin**

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: aliona.shalagina@yandex.ru

New Archaeological Sites in the Northwestern Altai (Krasnoshekovsky and Soloneshensky Districts of Altai Krai)

In the field season of 2020, the team from the IAET SB RAS conducted a survey in Krasnoshekovsky and Soloneshensky Districts of Altai Krai, aimed at expanding the sources for researching life-supporting strategies used by the late Neanderthals in the Altai. Two areas extending by 55 km were surveyed. The territory in the vicinity of the referential sites of Chagyrskaya and Okladnikov caves belonging to the Sibiryachikha variant of the Altai Middle Paleolithic was studied, which resulted in discovering three new archeological sites. Koziya cave is located at a tributary of the Chagyrka River (the Charysh River basin) 13 km from Chagyrskaya cave in Krasnoshekovsky District of Altai Krai. Verkhnyaya Sibiryachikha cave is located on the left bank of the Sibiryachikha River, the tributary of the Anui River, next to the Okladnikov cave in Soloneshensky District of Altai Krai. The Berezovka site is located on the bank of the Anui River at the confluence with the Berezovka River in Soloneshensky District of Altai Krai. All these archaeological sites belong to the Paleolithic. According to distinctive types of tools and morphology of blanks, Verkhnyaya Sibiryachikha cave was identified as a Middle Paleolithic site, while the

Berezovka locality was attributed to the Initial Upper Paleolithic. The most interesting objects among new sites associated with the late Neanderthals of the Altai, are the caves which unlike the known long-term encampments (Chagyrskaya cave, Okladnikov cave) reveal individual visitation events. The studies performed have shown that the middle reaches of the Anui River and northern slope of the Tigirek Ridge demonstrate great prospects for discovering new archaeological sites.

Keywords: Northwestern Altai, Sibiryachikha variant of the Middle Paleolithic, lithic artifacts, archaeological layer, paleontological remains.

В последнее время памятники сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая находятся в фокусе комплексных междисциплинарных исследований, посвященных реконструкции процессов жизнедеятельности поздних неандертальцев [Kolobova et al., 2019; Колобова и др., 2019; Междисциплинарные исследования..., 2018]. В результате изучения археологических комплексов и генетических исследований ископаемых антропологических останков было доказано, что неандертальцы, обитавшие в Чагырской пещере, пришли на территорию Алтая из Европы ок. 60 тыс. л.н., сохранив свою материальную культуру и стратегии охоты [Kolobova et al., 2020].

В связи с последними исследованиями, посвященными изучению адаптационных стратегий неандертальцев, возникает необходимость расширения источниковой базы и поиска новых археологических объектов. В полевом сезоне 2020 г. отрядом ИАЭТ СО РАН были проведены разведочные работы на северо-западе Алтая в окрестностях известных памятников сибирячихинского варианта среднего палеолита – пещер Чагырская и им. Окладникова [Деревянко, Маркин, Шуньков, 2013]. Поиск новых объектов проводился по берегам рек Чарыш, Ануй и его малых притоков. Протяженность маршрута разведки в Краснощековском и Солонешенском р-нах Алтайского края составила 55 км (рис. 1).

Среднее течение Чарыша и долины его притоков, дренирующих северный склон Тигирецкого хребта, характеризуются наличием многочисленных карстовых полостей [Вистингаузен, 2019]. Здесь расположены два опорных палеолитических объекта Алтая – пещеры Чагырская и Страшная [Кривошапкин и др., 2015; Krivoshapkin et al., 2018]. Исследуемый участок относится к северо-западной части Алтайской горной системы. Наиболее крупной орографической единицей района является Тигирецкий хребет, простирающийся в северо-западном направлении. Абсолютные отметки хребта достигают 2 299 м. Высота уровня Чарыша в месте расположения Чагырской пещеры составляет 337 м, высота уровня р. Иня в районе пещеры Страшной – 470 м. В рамках данных работ детально были изучены устье Ини и ее нижнее течение, а также долина р. Чагырка.

К юго-востоку от Чагырской пещеры на одном из притоков Чагырки был обследован скальный массив с несколькими карстовыми полостями. В двух пещерах были отмечены мощные рыхлые отложения и обнаружены разновременные фаунистические остатки, в связи с чем в них были заложены разведочные шурфы.

Пещера Козья

Пещера Козья (рис. 1, 2) расположена по правому (восточному) борту ручья (левого притока Чагырки), на западном склоне горы. Пещера возвышается над уровнем ручья на высоте 20 м. Абсолютная высота над ур. м. составляет 578 м. Пещера представляет собой протяженную карстовую полость с расширением в северо-восточной части. Она состоит из одного зала и двух галерей, уходящих в северном и юго-восточном направлениях. Протяженность основного зала составляет 16 м. Вход в пещеру обращен на юго-запад, его ширина составляет 4 м, в расширяющейся части ширина полости достигает 8 м. Перед пещерой есть предвходная площадка, ее размеры 1,5 × 3 м.

При обследовании карстовой полости на поверхности рыхлых отложений были зафиксированы разновременные фаунистические остатки, фрагмент неорнаментированной керамики и отщеп. Разведочный шурф 1 × 1 м был заложен в центральной части пещеры в 9 м от входа. На изученном участке было выделено четыре стратиграфических подразделения (рис. 2).

Слой 1: рыхлые гумусированные отложения, перемешанные с современным мусором бурого и черного цветов. В основании слоя было выявлено углистое пятно, которое представляет собой растащенный костер. Мощность слоя от 5 до 15 см.

Слой 2: рыже-бурые суглинки с большим содержанием дресвы и многочисленными угольками, которые, по всей видимости, попали туда из вышележащего слоя. На вскрытом участке слой был представлен частично, в северо-западной части шурфа он практически отсутствовал. В южной части шурфа была зафиксирована яма с заполнением из слоя 1. Мощность слоя достигает 10 см.

Слой 3 сформирован суглинками палевого цвета, характеризуется высоким содержанием крупно-

Рис. 1. Расположение участков, обследованных в ходе археологической разведки, с указанием памятников сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая и выявленных объектов.

1 – Чагырская пещера; 2 – пещера Козья; 3 – пещера Верхняя Сибирячиха; 4 – пещера им. Окладникова; 5 – Березовка.

го обломочного материала и фаунистических остатков. В ходе разбора отложений в слое было выявлено множество нарушений и кротовин, которые содержали наполнитель вышележащих отложений. Мощность слоя составляет 10–40 см.

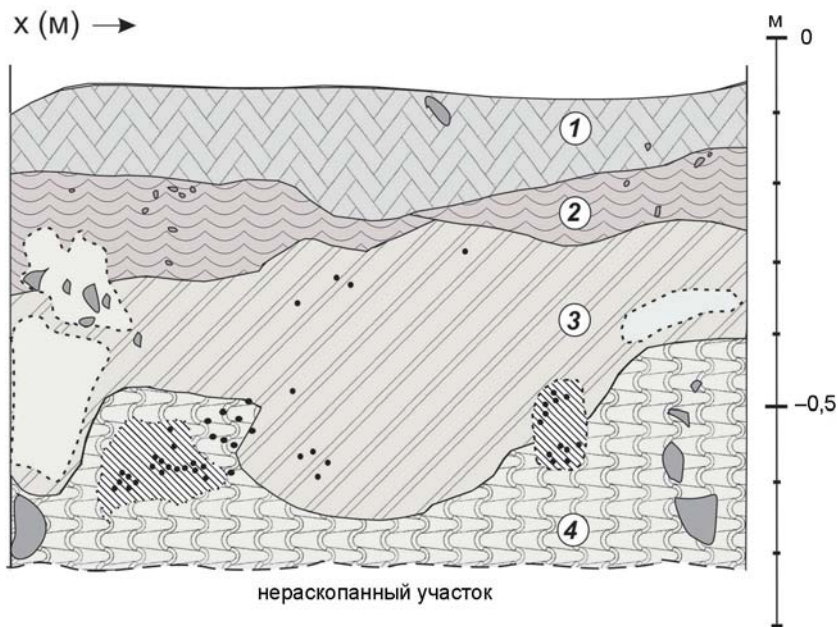
Слой 4 представлен яркими желто-рыжими суглинками. Отдельные линзы этого подразделения были выявлены на уровне слоя 3, к основанию шурфа слой был вскрыт на всей поверхности раскопа. В отложениях фиксируется много крупного обломочного материала. Мощность вскрытого слоя на данном участке 15–30 см.

Археологического материала в слое 1 обнаружено не было. Фаунистическая коллекция представлена 53 экз. Среди определяемых остатков (см. таблицу) присутствует домашняя лошадь (*E. ferus caballus*) и сибирская косуля (*Capreolus rufargus*). По характеру отложений и уровню сохранности костей можно заключить, что этот слой формировался в голоценовый период.

В углистом пятне на границе слоев 1 и 2 была найдена одна мелкая галечка. В слое 2 обнаружены только фаунистические остатки, которые представлены пятью неопределимыми фрагментами разного уровня сохранности. Фаунистическая коллекция слоя 3 насчитывает

- границы обследованных участков
- - - граница государства
- памятники сибирячихинского варианта среднего палеолита
- выявленные археологические объекты

- границы слоев
- кротовины
- ▨ деформации
- угольки
- ① номера слоев
- крупные камни
- ▭ дрова
- граница раскопанного участка

Рис. 2. Стратиграфический разрез пещеры Козья.

Видовой состав фаунистической коллекции, обнаруженной в ходе разведок 2020 г.

Таксон	Пещера Козья				Пещера Верхняя Сибирячиха			Пещера Обзорная	
	слой 1	слой 2	слой 3	слой 4	слой 1	слой 2	слой 3	слой 1	слой 2
Донской заяц <i>Lepus tanaiticus</i>	–	–	–	–	–	1	1	–	1
Заяц-беляк <i>L. timidus</i>	–	–	–	–	–	–	1	–	–
Суслик <i>Spermophilus</i> sp.	–	–	–	–	–	–	1	–	–
Алтайский цокор <i>Myospalax myospalax</i>	–	–	–	–	–	–	2	–	–
Птицы <i>Aves</i>	–	–	–	–	–	–	11	–	–
Корсак <i>Vulpes corsak</i>	–	–	–	–	–	1	1	–	–
Лисица <i>V. vulpes</i>	–	–	–	–	–	1	3	–	–
Бурый медведь <i>Ursus arctos</i>	–	–	–	–	–	1	–	–	–
Пещерная гиена <i>Crocota crocuta spelaea</i>	–	–	–	–	–	–	14	–	1
Мамонт <i>Mammuthus primigenius</i>	–	–	–	–	–	–	2	–	–
Шерстистый носорог <i>Coelodonta antiquitatis</i>	–	–	–	–	–	–	8	–	–
Лошадь Оводова <i>Equus ovodovi</i>	–	–	–	–	–	–	6	–	–
Домашняя лошадь <i>E. ferus caballus</i>	1	–	–	–	–	–	1	1	–
<i>Equus</i> sp.	–	–	–	–	–	1	23	–	–
Благородный олень <i>Cervus elaphus</i>	–	–	–	–	–	3	1	–	–
Сибирская косуля <i>Capreolus pygargus</i>	5	–	2	–	–	–	1	–	–
Степной бизон <i>Bison priscus</i>	–	–	–	–	–	–	1	–	–
Горный козел <i>Capra sibirica</i>	–	–	–	–	–	–	1	–	–
Горный баран <i>Ovis ammon</i>	–	–	–	–	–	4	2	–	–
Козлы/бараны <i>Capra/Ovis</i>	–	–	–	1	–	2	–	1	–
<i>Всего определимых костных остатков</i>	6	–	2	1	–	14	80	2	2

44 экз. Среди определимых фрагментов (см. таблицу) фиксируются две кости сибирской косули (*Capreolus pygargus*). Уровень сохранности остеологического материала позволяет датировать данный слой периодом плейстоцена. Археологического материала в слое не обнаружено.

Единственным подразделением, в котором был зафиксирован археологический материал, является слой 4, где на глубине 65–70 см от дневной поверхности было найдено два отщепы (рис. 3, 2, 5). Фаунистическая коллекция слоя составила 11 экз. Среди определимых костей присутствуют остатки подсемейства козьих (*Capra/Ovis*). По характеру отложений и уровню сохранности костей данный слой был отнесен к периоду плейстоцена. Археологическая коллекция не позволяет провести каких-либо конкретных культурно-хронологических аналогий из-за своей малочисленности. По завершении раскопочных работ из слоя 3 и 4 были отобраны образцы отложений для седиментационного анализа ДНК.

Пещера Обзорная

В том же скальном массиве, в 200 м на юго-восток по склону от пещеры Козья, расположена пещера Обзорная. Как и Козья, она представляет собой протяженную карстовую полость с расширением в восточной части и двумя уходящими

вглубь галереями. Разведочный шурф был заложен в центральной части карстовой полости. Шурф был пройден на глубину 70 см, где на большей части площади была вскрыта крупная глыба. После чего работы были прекращены. В разрезе зафиксированы голоценовые и плейстоценовые отложения, но археологического материала в пещере не обнаружено. Среди определимых фаунистических остатков (см. таблицу) были выделены кости подсемейства козьих (*Capra/Ovis*) и зубы пещерной гиены (*Crocota crocuta spelaea*).

Второй участок разведывательных работ 2020 г. приурочен к долинам Ануя и его притоков в Солонешенском р-не Алтайского края, где расположена другая опорная стоянка сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая – пещера им. Окладникова [Деревянко, Маркин, 1992]. На данном участке были обследованы долины малых притоков в окрестностях с. Сибирячиха и с. Березовка: р. Сибирячиха, р. Сибиряченок, Башчелакский ручей, р. Березовка; также были осмотрены карстовые полости на правом берегу Ануя в пределах с. Сибирячиха.

Пещера Верхняя Сибирячиха

Пещера Верхняя Сибирячиха расположена в скальном обнажении по левому берегу р. Си-

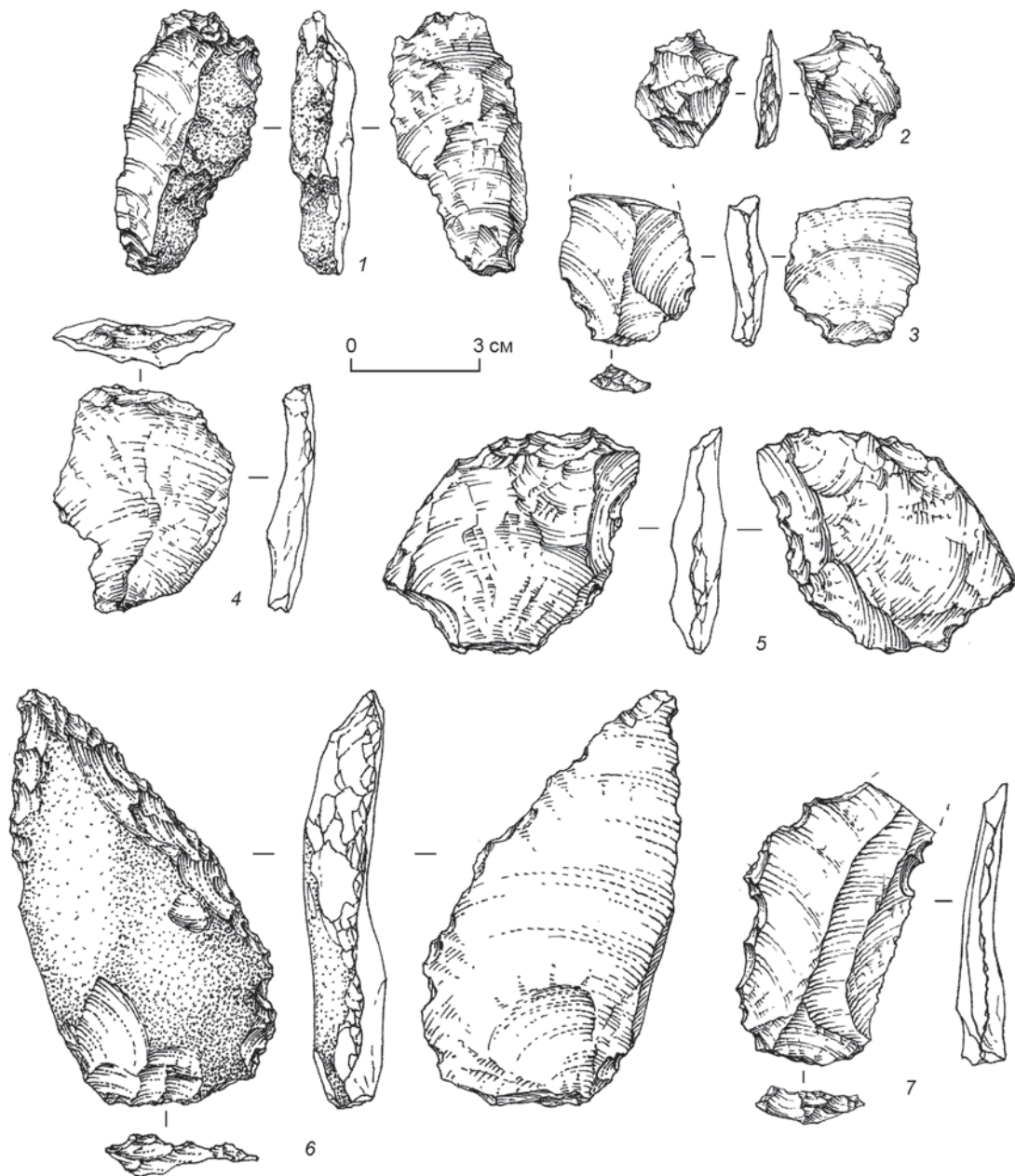

Рис. 3. Археологический материал, обнаруженный в ходе разведок.

1, 3, 7 – местонахождение Березовка; 2, 5 – пещера Козья; 4, 6 – пещера Верхняя Сибирячиха.

бирячиха в месте впадения в нее р. Сибиряченок (рис. 1, 3). Пещера находится в непосредственной близости от пещеры им. Окладникова, на 170 м выше по течению. Как и пещера им. Окладникова, Верхняя Сибирячиха имеет южную экспозицию, но расположена выше – на высоте 55 м от уреза реки. От пещеры им. Окладникова Верхняя Сибирячиха отделена небольшим логом, разделяющим два скальных обнажения (рис. 4).

Пещера представляет собой горизонтальную карстовую полость, которая состоит из одного зала, имеющего расширение в северной части, и одной галереи, уходящей в северном направлении. Протя-

женность основного зала – 10 м. Ширина входа – 3 м. В наиболее широкой части полость достигает 7 м. Предвходовая площадка пещеры небольшая, шириной 4 м, с двух сторон ограничена скальными уступами. Из пещеры открывается хороший обзор на долины рек Сибирячиха и Сибиряченок. Абсолютная высота пещеры – 375 м над ур. м.

В центральной части пещеры, на расстоянии 7 м от входа был заложен разведочный шурф площадью 1 м². В шурфе была вскрыта следующая стратиграфическая последовательность (рис. 5).

Слой 1. Современный мусор, перемешанный с продуктами жизнедеятельности мелкого домаш-

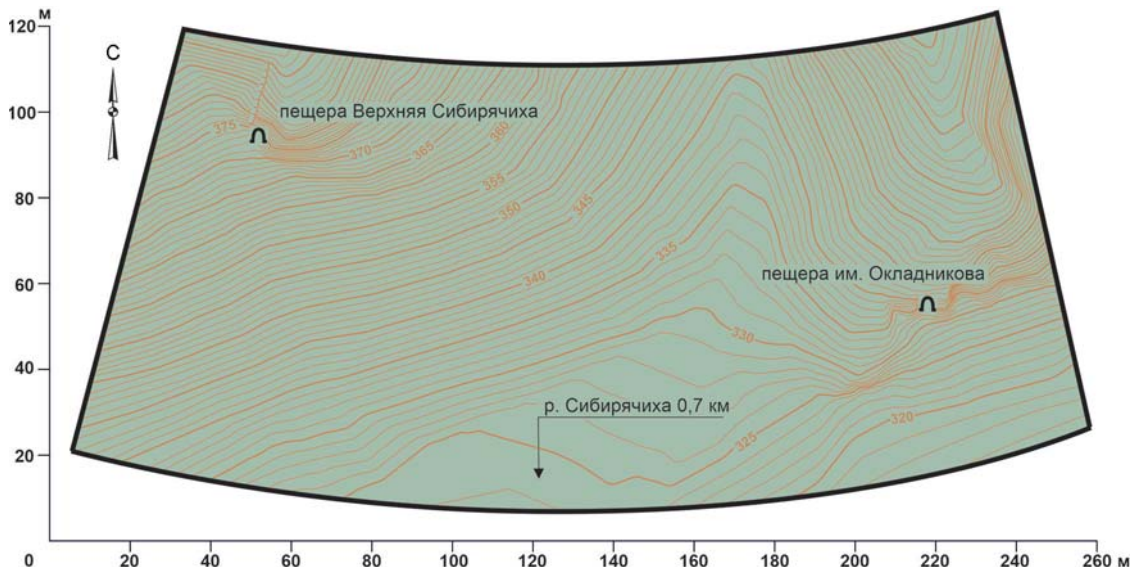

Рис. 4. Топографический план пещеры Верхняя Сибирячиха.

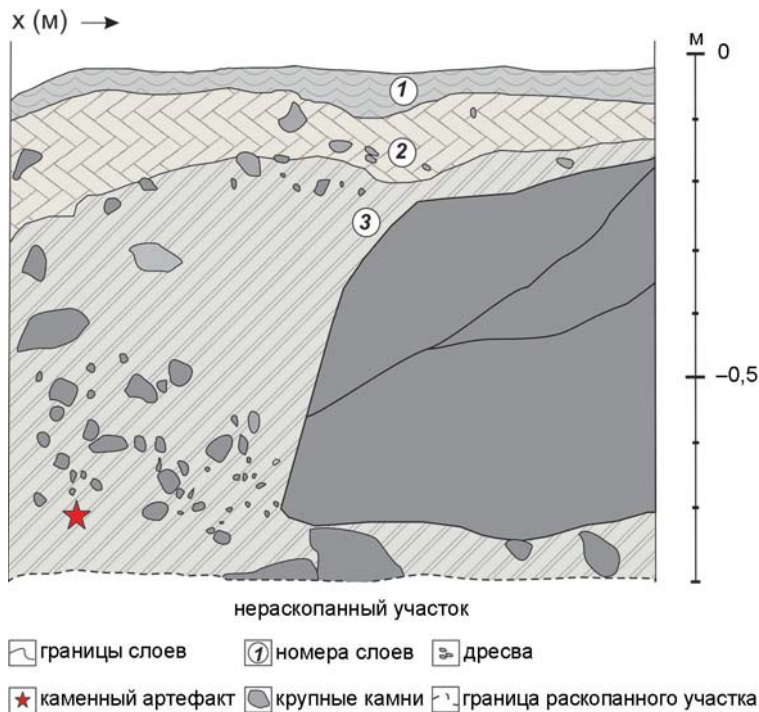

Рис. 5. Стратиграфический разрез пещеры Верхняя Сибирячиха.

него скота. Мощность слоя на отдельных участках достигает 10 см.

Слой 2. Супесь коричневатая-серая с высоким содержанием мелкого обломочного материала. Мощность слоя – 5–20 см.

Слой 3. Серо-коричневые суглинки с большим содержанием фаунистических остатков и крупного и среднего обломочника. Плотность обломочного материала в слое очень высокая, отдельные фрагменты известняка достигают 80 см. Вскрытая мощность слоя составляет 65 см.

В слоях 1 и 2 археологического материала обнаружено не было. Фаунистическая коллекция слоя 1 представлена отдельными неопределимыми фрагментами. В слое 2 было найдено 120 фрагментов костей. Среди определенных остатков (см. таблицу) присутствуют кости донского зайца (*Lepus tanaiticus*), корсака (*Vulpes corsak*), лисицы (*V. Vulpes*), бурого медведя (*Ursus arctos*), благородного оленя (*Cervus elaphus*), горного барана (*Ovis ammon*), козлов/баранов (*Capra/Ovis*).

Фаунистическая коллекция слоя 3 насчитывает 427 экз. и демонстрирует достаточно широкий видовой состав (см. таблицу). Наиболее многочисленными таксонами среди определенных остатков являются пещерная гиена (*Crocota crocota spelaea*), шерстистый носорог (*Coelodonta antiquitatis*), лошадь Оводова (*Equus ovodovi*), представители класса птиц (*Aves*). Кроме того, в коллекции встречаются останки таких плейстоценовых животных, как мамонт

(*Mammuthus primigenius*), степной бизон (*Bison priscus*) и др. Большинство костных фрагментов демонстрирует следы пищевой активности хищников.

На глубине 70 см от дневной поверхности в слое 3 был обнаружен археологический материал: подлистовидное скребло на первичном сколе и отщеп (см. рис. 3, 4, 6). По своей морфологии, манере оформления и первичной заготовке – конвергентный скол со скошенной осью скалывания – найденное скребло демонстрирует сходство с конвергент-

ными орудиями из индустрий сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая [Междисциплинарные исследования..., 2018].

Немногочисленность археологического материала вместе с фаунистической коллекцией указывают на то, что подавляющую часть времени пещера служила убежищем для хищников. Человек посещал Верхнюю Сибирячиху гораздо реже, чем расположенную рядом пещеру им. Окладникова. Наряду с этим наличие характерного типа орудия указывает на то, что оставленный археологический материал связан именно с неандертальцами сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая. По завершении раскопочных работ из слоя, в котором был обнаружен археологический материал, были отобраны образцы для седиментационного анализа ДНК. Образцы костных остатков были переданы на радиоуглеродное датирование.

Березовка

В ходе обследования второго участка разведок было найдено местонахождение подъемного материала Березовка (см. рис. 1, 5), на окраине одноименного села в Солонешенском р-не Алтайского края. Памятник расположен на правом берегу Ануя, в месте впадения р. Березовка. Материал приурочен к выровненной площадке (делювиальный шлейф?) на высоте 40 м от современного уровня реки. На сегодняшний день Ануй протекает в 500 м от местонахождения. Археологический материал был зафиксирован в обнажениях вдоль склона и на пролегающей по склону дороге.

В собранной коллекции присутствует три крупных пластины (рис. 3, 1, 3, 7), четыре пластинчатых отщепов и два отщепов. Размеры пластин, их окантовка и манера подготовки ударной площадки позволяют предварительно отнести найденный материал к ранним этапам верхнего палеолита Алтая, опорные комплексы которого фиксируются выше по течению Ануя и в русле Чарыша [Деревянко, Шуньков, Маркин, 2014; Rubin, 2014; Деревянко и др., 2017].

Таким образом, в ходе полевых разведочных работ на северо-западе Алтая выявлено три новых археологических объекта. Все они демонстрируют сохранность культурных отложений, что предоставляет возможности для их дальнейшего изучения. Для двух памятников удалось предварительно определить культурно-хронологическую атрибуцию. По характерному типу орудий и морфологии сколов-заготовок пещера Верхняя Сибирячиха отнесена к среднему палеолиту, а местонахождение Березовка – к начальным этапам верхнего палеолита.

Проведенные работы показали, что среднее течение Ануя и северный склон Тигирецкого хреб-

та по-прежнему обладают большим потенциалом в плане обнаружения новых археологических объектов. В рамках изучения стратегий жизнеобеспечения поздних неандертальцев Алтая наибольший интерес вызывают обнаруженные пещерные стоянки. До настоящего времени были известны только базовые лагеря неандертальцев, активно заселявшиеся на протяжении длительного времени. В свою очередь, кратковременные стоянки, демонстрирующие отдельные эпизоды посещения, позволят расширить представления о заселении неандертальцами различных экологических ниш и способах их адаптации к различным природным ландшафтам.

Благодарности

Авторы выражают благодарность А. Абдульмановой за подготовку иллюстраций каменных артефактов. Полевые исследования выполнены при поддержке гранта РФФИ, проект № 19-48-04107. Аналитическая часть работы проведена в рамках проекта НИР № 0329-2018-0001 «Заселение первобытным человеком Северной Азии: культурный и экологический контекст».

Список литературы

- Вистингаузен В.К.** Пещеры Тигирека – итоги изучения от Палласа до наших дней (1771–2009) // Тр. Тигирецкого заповедника. – 2019. – № 11. – С. 16–42.
- Деревянко А.П., Маркин С.В.** Мустье Горного Алтая (по материалам пещеры им. Окладникова). – Новосибирск: Наука, 1992. – 224 с.
- Деревянко А.П., Маркин С.В., Шуньков М.В.** Сибирячихинский вариант среднего палеолита Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 1 (53). – С. 89–103.
- Деревянко А.П., Шуньков М.В., Козликин М.Б., Федорченко А.Ю., Чеха А.М., Шалагина А.В.** Новые результаты исследований верхнепалеолитического комплекса в южной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 103–107.
- Деревянко А.П., Шуньков М.В., Маркин С.В.** Динамика палеолитических индустрий в Африке и Евразии в позднем плейстоцене и проблема формирования *Homo sapiens*. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – 228 с.
- Колобова К.А., Шалагина А.В., Маркин С.В., Кривошапкин А.И.** Определение бифасиального компонента в среднепалеолитических комплексах (по материалам памятника Чагырская пещера) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2019. – Т. 18, № 7. – С. 98–111.

Кривошапкин А.И., Колобова К.А., Шалагина А.В., Рудая Н.А. Характеристика верхней пачки отложений пещеры Страшной по материалам раскопок в 2015 году // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 99–102.

Междисциплинарные исследования Чагырской пещеры – стоянки среднего палеолита Алтая / А.П. Деревянко, С.В. Маркин, К.А. Колобова, В.П. Чабай, Н.А. Рудая, Б. Виола, А.П. Бужилова, М.Б. Медникова, С.К. Васильев, В.С. Зыкин, В.С. Зыкина, В.С. Зажигин, А.О. Вольвах, Р.Г. Робертс, З. Якобс, Бо Ли. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – 468 с.

Kolobova K.A., Roberts R.G., Chabai V.P., Jacobs Z., Krajcarz M.T., Shalagina A.V., Krivoshapkin A.I., Li B., Uthmeier T., Markin S.V., Morley M.W., O’Gorman K., Rudaya N.A., Talamo S., Viola B., Derevianko A.P. Archaeological evidence for two separate dispersals of Neanderthals into southern Siberia // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. – 2020. – Vol. 117 (6). – P. 2879–2885. – URL: <https://doi.org/10.1073/pnas.1918047117>

Kolobova K.A., Shalagina A.V., Markin S.V., Krivoshapkin A.I., Chabai V.P. The significance of bifacial technologies in Altai Middle Paleolithic // *L’Anthropologie*. – 2019. – Vol. 123, N 2. – P. 276–288.

Krivoshapkin A.I., Shalagina A.V., Baumann M., Kolobova K.A. Between denisovans and neanderthals: Strashnaya Cave in the Altai mountains // *Antiquity*. – 2018. – Vol. 92, N 365. – P. 1–7.

Rybin E.P. Tools, beads, and migrations: specific cultural traits in the Initial Upper Paleolithic of Southern Siberia and Central Asia // *Quaternary International*. – 2014. – Vol. 347. – P. 39–52.

References

Derevianko A.P., Markin S.V. Must’e Gornogo Altaya (po materialam peshchery im. Okladnikova). Novosibirsk: Nauka, 1992, 224 p. (In Russ.).

Derevianko A.P., Markin S.V., Shunkov M.V. The Sibiriyachikha Facies of the Middle Paleolithic of the Altai. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2013, No. 1 (53), pp. 89–103.

Derevianko A.P., Markin S.V., Kolobova K.A., Chabai V.P., Rudaya N.A., Viola B., Buzhilova A.P., Mednikova M.B., Vasil’ev S.K., Zykin V.S., Zykina V.S., Zazhigin V.S., Vol’vakh A.O., Roberts R.G., Yakobs Z., Bo Li. Multidisciplinary studies of Chagyrskaya cave – a middle paleolithic site in Altai. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018, 468 p.

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Fedorchenko A.Yu., Chekha A.M., Shalagina A.V. New Research Findings of the Upper Paleolithic Assemblage

from the South Chamber of Denisova Cave. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 103–107. (In Russ.).

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Markin S.V. The Dynamics of the Paleolithic Industries in Africa and Eurasia in the Late Pleistocene and the Issue of the *Homo sapiens* Origin. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014, 228 p. (In Russ.).

Kolobova K.A., Roberts R.G., Chabai V.P., Jacobs Z., Krajcarz M.T., Shalagina A.V., Krivoshapkin A.I., Li B., Uthmeier T., Markin S.V., Morley M.W., O’Gorman K., Rudaya N.A., Talamo S., Viola B., Derevianko A.P. Archaeological evidence for two separate dispersals of Neanderthals into southern Siberia. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 2020, No. 117 (6), pp. 2879–2885. URL: <https://doi.org/10.1073/pnas.1918047117>

Kolobova K.A., Shalagina A.V., Markin S.V., Krivoshapkin A.I. Identification of bifacial components in middle paleolithic techno-complexes (based on the Chagyrskaya cave assemblages). *Novosibirsk State Univ. Bulletin. Series: History and Philology*, vol. 18, No 7. pp. 98–111. (In Russ.).

Kolobova K.A., Shalagina A.V., Markin S.V., Krivoshapkin A.I., Chabai V.P. The significance of bifacial technologies in Altai Middle Paleolithic. *L’Anthropologie*, 2019, vol. 123, No. 2, pp. 276–288.

Krivoshapkin A.I., Kolobova K.A., Shalagina A.V., Rudaya N.A. Characteristics of the upper unit from Strashnaya cave deposits: materials of the 2015 excavation campaign. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, vol. XXI, pp. 99–102. (In Russ.).

Krivoshapkin A.I., Shalagina A.V., Baumann M., Kolobova K.A. Between denisovans and neanderthals: Strashnaya Cave in the Altai mountains. *Antiquity*, 2018, vol. 92, No. 365, pp. 1–7.

Rybin E.P. Tools, beads, and migrations: specific cultural traits in the Initial Upper Paleolithic of Southern Siberia and Central Asia. *Quaternary International*, 2014, vol. 347, pp. 39–52.

Vistingauzen V.K. Peshchery Tigireka – itogi izucheniya ot Pallasa do nashikh dnei (1771–2009). In *Trudy Tigirekского zapovednika*, 2019, No. 11, pp. 16–42. (In Russ.).

Харевич В.М. <https://orcid.org/0000-0003-2632-6888>

Харевич А.В. <https://orcid.org/0000-0002-2267-2452>

Колясникова А.С. <https://orcid.org/0000-0002-6356-3738>

Бочарова Е.Н. <https://orcid.org/0000-0002-7961-0818>

Колобова К.А. <https://orcid.org/0000-0002-5757-3251>

Кривошапкин А.И. <https://orcid.org/0000-0002-5327-3438>

В.М. Харевич, А.В. Харевич✉, А.А. Анойкин, Е.В. Акимова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: aliona.shalagina@yandex.ru

Возобновление археологических работ на верхнепалеолитической стоянке Сабаниха (средний Енисей)

В статье представлены результаты полевых работ, производившихся отрядом ИАЭТ СО РАН на стоянке Сабаниха в 2020 г. Данная стоянка является одним из ключевых памятников раннего верхнего палеолита бассейна Енисея и маркирует его финал. Сабаниха была открыта Н.Ф. Лисицыным в 1986 г. и исследовалась в 1989–1991 гг. Комплекс стоянки, содержащий представительную коллекцию каменных и костяных артефактов, датирован 25–23 тыс. л.н. Эпизодические сборы подъемного материала на памятнике и в его окрестностях производились различными группами исследователей в 2014 и 2016 г. В ходе работ 2020 г. на стоянке была собрана представительная коллекция подъемного материала, насчитывающая 614 экз. Наиболее яркую ее часть составили крупные нуклеусы для пластин, концевые скребки на ретушированных заготовках, скребла на отщепках и гальках, разнообразные галечные орудия, а также крупные пластины и отщепы. Археологический материал in situ был получен в зачистке, заложенной в береговом обнажении. Из культурного слоя, залегающего над каргинской палеопочвой, в серой ожелезненной супеси, была получена выразительная коллекция каменных артефактов, изделий из кости и фаунистических остатков. Диагностируемую часть коллекции представляют: нуклеусы для пластин, скребки на ретушированных пластинах, скребок-остроконечник, проколка, крупные, в т.ч. ретушированные пластины, фрагментированные костяные острия (шилья) и ретушер. Облик подъемного и стратифицированного материала указывает на принадлежность его к одному комплексу. Типологически и стратиграфически данный комплекс близок материалам, полученным Н.Ф. Лисицыным. Работы 2020 г. показали, что на обследованном участке сохранился доступный для изучения стратифицированный комплекс раннего верхнего палеолита.

Ключевые слова: *Средняя Сибирь, Красноярское водохранилище, ранний верхний палеолит, каменная индустрия.*

Vladimir M. Kharevich, Aliona V. Kharevich✉, Anton A. Anoykin, Elena V. Akimova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: aliona.shalagina@yandex.ru

Resuming Archaeological Research at the Sabanikha Upper Paleolithic Site (Middle Yenisei)

The article provides the results of a fieldwork carried out by a detachment of the Institute of Archeology and Ethnography SB RAS (IAET SO RAN) at the Sabanikha site in 2020. The Sabanikha site is a key final Early Upper Paleolithic site in the Yenisei basin. Sabanikha was discovered by N.F. Lisitsyn in 1986 and studied in 1989–1991. The assemblages containing a representative collection of lithic and bone artifacts is dated 25–23 thousand years ago. Various groups of researchers carried out sporadic collection of surface finds in and around the site in 2014 and 2016. During the work in 2020, at the site, a representative collection of surface finds was collected (614 items). It includes large cores for blades, end scrapers on retouched blanks, scrapers on flakes and pebbles, various pebble tools, large blades and flakes. In situ materials were obtained in a cleanup in the coastal outcrop. An expressive collection of lithic and bone tools and faunal remains was obtained from the cultural layer overlying the buried soil, in the gray sandy loam. It includes cores for blades, scrapers on retouched blades, a borer, large blades, including retouched blades, fragmented bone points (awls) and a retoucher. The appearance of the surface and stratified artifacts suggests that it belongs to the same assemblage. Typologically and stratigraphically, this assemblage is close to the assemblage obtained by N.F. Lisitsyn. The work of 2020 showed that, in the surveyed territory, a stratified Early Upper Paleolithic site that is accessible for study has been preserved.

Keywords: *Central Siberia, Krasnoyarsk reservoir, Early Upper Paleolithic, lithic industry.*

Долгое время эпоха раннего верхнего палеолита (далее РВП) Енисейской Сибири была представлена только одним комплексом – материалами стоянки Малая Сья, открытой в 1974 г. Н.Д. Оводовым. Открытие ряда РВП стоянок было напрямую связано с введением в строй Красноярской ГЭС. Процессы береговой абразии создали многокилометровые обнажения, вскрывшие рыхлые отложения на значительную глубину и экспонировавшие археологический материал на береговую отмель. Благодаря этому явлению в 1986 г. была открыта стоянка Сабаниха [Лисицын, 2000], а десять лет спустя целая группа РВП стоянок и местонахождений Дербинского залива [Палеолит..., 2018]. Хронологически РВП комплексы бассейна Енисея датируются широким промежутком от 35 до 21 тыс. л.н. Их каменные индустрии обладают рядом признаков, характерных для РВП комплексов Южной Сибири [Rubin, 2014]. Это выраженная пластинчатость системы первичного расщепления; использование пластинчатых заготовок для создания специфических орудийных форм, таких как концевые скребки на ретушированных пластинах, остроконечники на пластинах, интенсивно ретушированные пластины; развитая бифасиальная техника (для комплексов Дербинины V и Усть-Малтата II); наличие костяных орудий (для комплексов Малой Сьи и Сабанихи [Палеолит..., 2018; Лисицын, 2000; Холюшкин, 2009; Лбова и др., 2015; Харевич В.М., Акимова, Стасюк, 2010]). Одной из наиболее интересных памятников РВП является стоянка Сабаниха, расположенная в центральной части Красноярского водохранилища.

Стоянка Сабаниха была открыта Н.Ф. Лисицыным в 1986 г. и исследовалась им с 1989 по 1991 г. Культурный слой, вскрытый на площади 23 м², залегал над каргинской палеопочвой. В ходе раскопок была получена представительная коллекция – 2950 предметов в подъемном комплексе и 3295 из культурного слоя. По ¹⁴C возраст стоянки был определен в пределах 23–25 тыс. л.н. Типологический облик и возраст находок позволили Н.Ф. Лисицыну отнести материалы стоянки к ранним этапам верхнего палеолита [2000].

Эпизодические сборы в районе стоянки Сабаниха производились в разные периоды [Барков, Мещерин, 2018]. В 2014 г. отрядом ИАЭТ СО РАН и Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева, в 900 м к юго-востоку от стоянки, по правому борту небольшого залива было найдено местонахождение с находками верхнепалеолитического облика, получившее название Сабаниха-2 [Харевич В.М. и др., 2014].

В ходе работ 2020 г. был обследован участок береговой отмели, простирающийся на 2,5 км

к юго-востоку от залива Сидориха. Практически на всем его протяжении встречались экспонированные каменные артефакты. Наибольшая концентрация подъемного материала была отмечена на трех участках, приуроченных к бортам и тальвегу крупного лога, разделяющего две вершины – 302 и 270 м (рис. 1). Экспонированные находки залегают на пляже рассеянно, местами образуя скопления с высокой плотностью артефактов.

С береговой отмели собрана представительная коллекция находок (614 экз.). Категории первичного расщепления представлены нуклеусами и нуклевидными обломками. Среди нуклеусов преобладают два типа – одноплощадочные монофронтальные (11 экз.) и двухплощадочные монофронтальные нуклеусы встречного скалывания (10 экз.) (рис. 2, 5–10). Все ядрища предназначены для получения пластин. Скошенные ударные площадки оформлены отщеповыми снятиями со стороны фронта, контрфронт при этом сохраняет галечную корку. У части нуклеусов (5 экз.) оформлено латеральное ребро, подготовленное поперечными оси нуклеуса отщеповыми снятиями со стороны фронта (рис. 2, 6). Коллекцию нуклеусов дополняют двухплощадочные бифронтальные ядрища встречного (2 экз.) и продольно-поперечного (2 экз.) скалывания. Все ядрища выполнены на гальках кремневых алевролитов и аргиллитов. В единичных экземплярах найдены: наковальня на крупной гальке и преформа, представляющая собой крупную гальку, на которой оформлена ударная площадка и двустороннее инициальное ребро. Нуклевидные обломки насчитывают 10 экз., при этом два из них, видимо, представляют собой сильно сработанные и выбракованные нуклеусы. В большом количестве найдены колотые и фрагментированные гальки (29 экз.). Инструменты расщепления представлены отбойниками (2 экз.), оформленными на сработанных стругах.

Индустрия сколов включает отщепы (276 экз.), пластины (145 экз.), пластинчатый отщеп и пластинку. Технические сколы (114 экз.) разнообразны. В основном это первичные (40 экз.) и продольно-краевые (62 экз.) отщепы, а также сколы подправки ударной площадки (2 экз.), продольно-краевые сколы (2 экз.), полуреберчатые пластины (2 экз.) и отщепы (2 экз.), вторичные полуреберчатые пластины (4 экз.). Отходы производства представлены чешуйками (9 экз.) и обломками (7 экз.).

Примечательна находка двух пластин и одного отщепа, у которых зона расщепления подготовлена пикетажем [Славинский и др., 2017; Харевич и др., 2020].

Орудийный набор (28 экз.) включает скребки, скребла, разнообразные галечные орудия, пластины и отщепы с ретушью (рис. 2, 1–4). Концевые

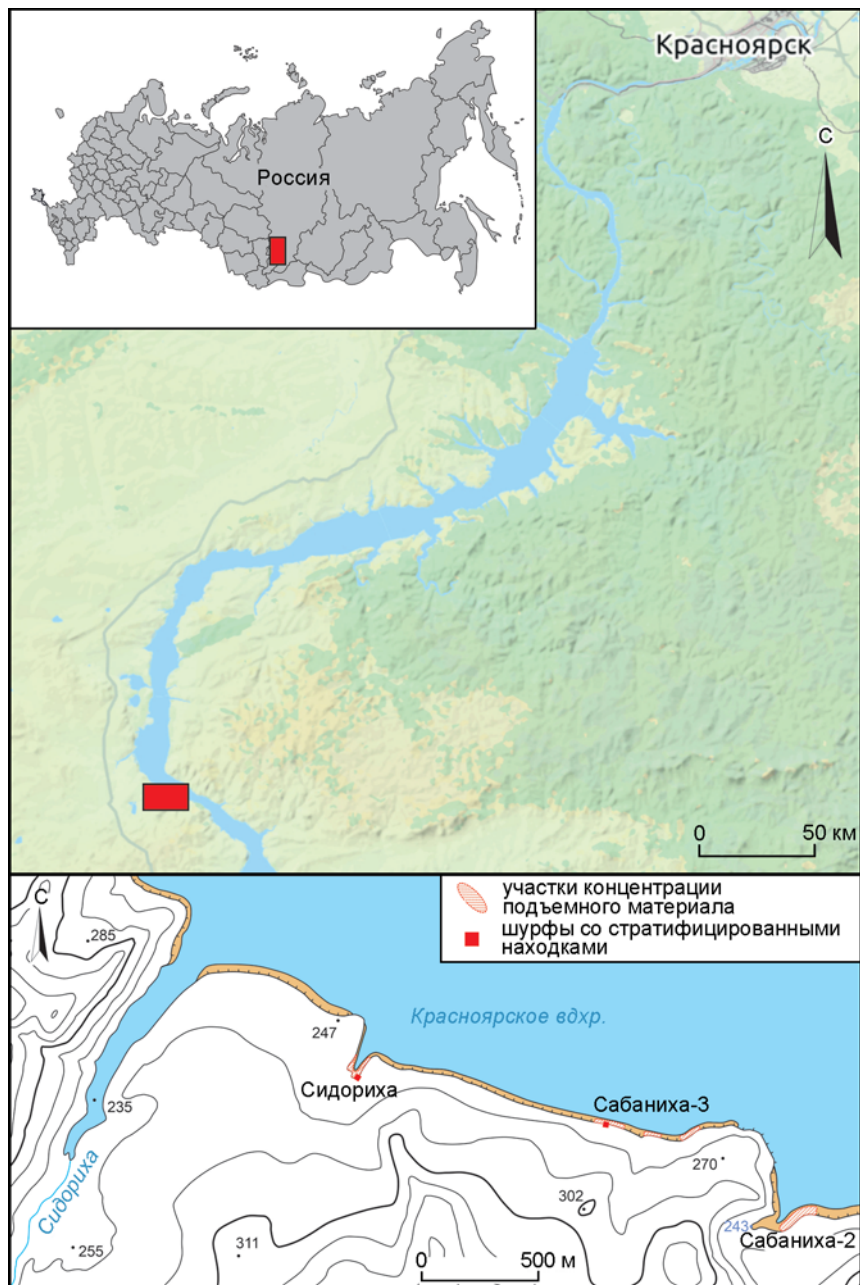

Рис. 1. Расположение стоянки Сабаниха.

скребки выполнены на пластине, ретушированной по продольному краю, и на интенсивно ретушированных заготовках – пластине и отщепе (рис. 2, 3). К скребкам отнесены: дорсальное продольное выпуклое скребло на отщепе, дорсальное скребло с лезвием по периметру на пластинчатом отщепе и дорсальное скребло с лезвием по 1/2 периметра на гальке. Наиболее многочисленную категорию орудийного набора составляют галечные орудия. В основном это поперечные одно- и двулезвийные струги на гальках (7 экз.) и чопперы (2 экз.). Большая часть орудий несет нерегулярные следы забитостей по одному или обоим фасам. В единственном экземпляре найден пест-отбойник (?). Орудие

представляет собой гальку или ее фрагмент, которой оформлением двух двусторонних ребер придана подпрямоугольная в плане и сечении форма. На одном конце орудия, частично сохраняющем галечную корку, фиксируется зона интенсивной забитости. Небольшое «пятно» забитостей локализовано на фасе изделия.

В месте наибольшей концентрации подъемного материала в береговом обнажении была заложена зачистка, пройденная на глубину 5,6 м.

Зачисткой был вскрыт следующий стратиграфический разрез (рис. 3).

Слой 1. Дерн и поддерновый горизонт. Мощность 0,22 м.

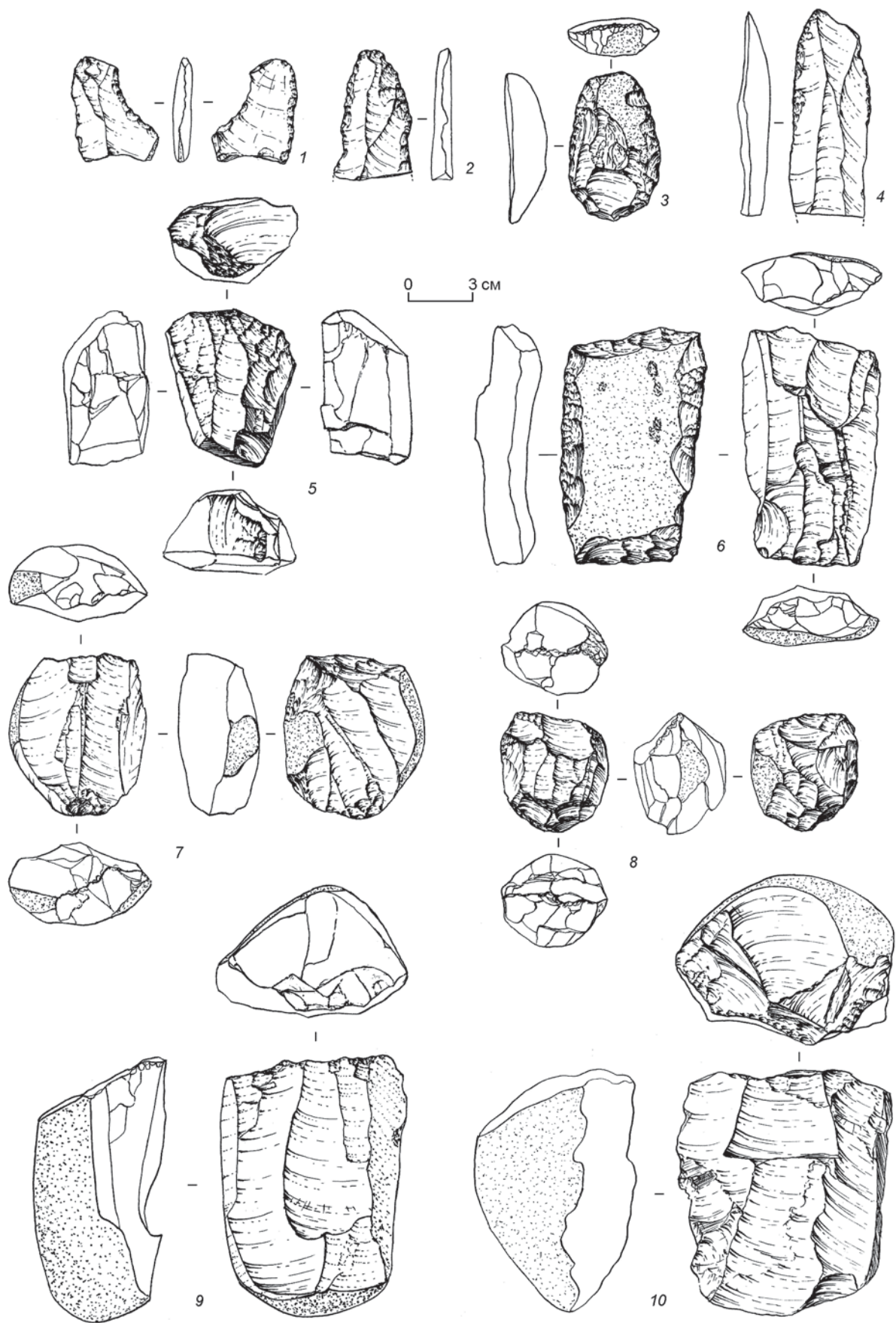

Рис. 2. Подъемные сборы стоянки Сабаниха-3.
1, 2, 4 – пластины с ретушью; 3 – скребок; 5–10 – нуклеусы.

Слой 2. Супесь серо-желтая до бурого, легкая сухая пылеватая с многочисленными корнеходами. Мощность 0,3 м.

Слой 3. Супесь светло-серая сухая легкая пылеватая. Мощность 1,05 м.

Слой 4. Супесь красновато-желтая сухая. Мощность 0,3 м.

Слой 5. Супесь красноцветная сухая. В кровле слоя фиксируются прослои дресвы. Мощность 0,1 м.

Слой 6. Переслаивание супесей светло-серых, темно-серых, бурых и красноцветных. Мощность прослоев составляет от 2 до 10 см. Фиксируются отдельные вкрапления ожелезнения и дресвы. Мощность 1,23 м.

Слой 7. Супесь буровато-серая слоистая с обильными вкраплениями марганца и прослойками марганца и редкими пятнами ожелезнения. К подошве слоя интенсивность окраса возрастает. Мощность 0,58 м.

Слой 8. Супесь серая с обильными пятнами ожелезнения. Мощность 0,24 м.

Слой 9. Переслаивание супесей серых, темно-серых, бурых, красноцветных. С обильным ожелезнением. Мощность 0,33 м.

Слой 10. Супесь красноцветная плотная с обильным ожелезнением. Мощность 0,1 м.

Слой 11. Переслаивание супесей серых и буровато-серых с обильными вкраплениями марганца, вкраплениями и потеками ожелезнения. Мощность 0,63 м.

Слой 12. Супесь серая с обильными вкраплениями ожелезнения и марганца. В западной части южной стенки и в южной стенке фиксируется углисто-золистый прослой мощностью 1–5 см, содержащий фаунистические остатки и каменные артефакты. Отмечено падение слоя в северном направлении. Мощность культурного слоя соответствует мощности литологического – 0,25 м.

Слой 13. Переслаивание супесей серых, желтых, светло-бурых, темно-серых, бурых (каргинская палеопочва). Мощность видимая 0,28 м.

Вскрытая зачисткой площадь культурного слоя составила 3,5 м². Артефакты в слое залегают субгоризонтально, по всей поверхности вскрытого участка. Наибольшая концентрация находок отмечена в северо-западной части зачистки в углисто-золистом прослое. За пределами вскрытого участка, в береговом обнажении данный прослой прослеживается на протяжении 4 м в западном направлении. В восточном направлении отдельные артефакты и фаунистические остатки в береговом

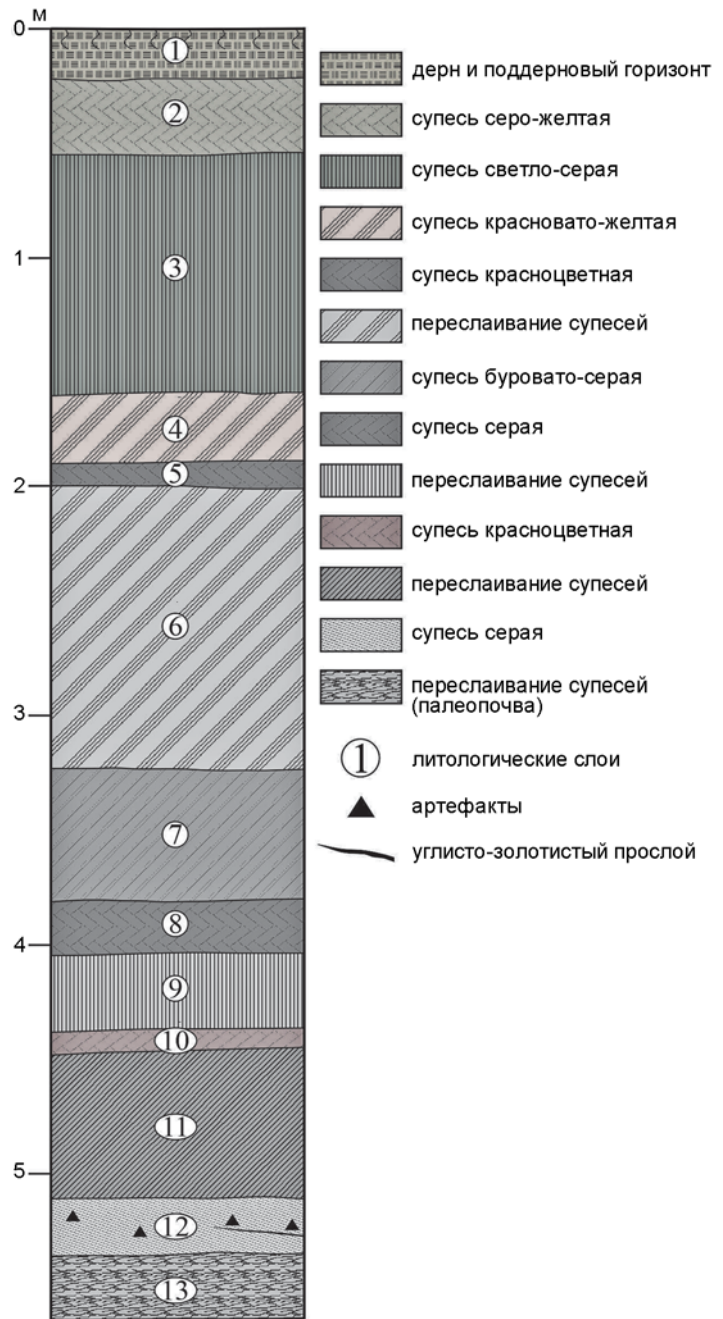

Рис. 3. Стратиграфический разрез стоянки Сабаниха-3.

обнажении фиксируются на протяжении 30 м. Характер залегания артефактов, наличие скоплений угля, хорошая сохранность и расположение находок из одного блока сырья вблизи друг от друга позволяют утверждать, что материалы культурного слоя не переотложены и не перемещены.

Из культурного слоя получена представительная коллекция находок (204 каменных артефакта и 150 фрагментов фаунистических остатков).

Категории первичного расщепления представлены нуклеусами (2 экз.), фрагментом нуклеуса и нуклевидными обломками (3 экз.). Первое ядрище представляет собой двухплощадочный моно-

фронтальный нуклеус встречного скалывания на гальке яшмоида (рис. 4, 7). Скошенные противолежащие ударные площадки оформлены снятиями со стороны фронта. Выпуклый фронт скалывания несет негативы снятия пластин. На латерали фиксируются негативы поперечных оси нуклеуса снятий, видимо представляющих собой остатки удаленного латерального ребра. Контрфронт покрыт галечной коркой.

Второе ядрище – одноплощадочный монофронтальный нуклеус на кварцитовой гальке. Ударная площадка оформлена отщеповыми снятиями со стороны фронта. Нуклеус сильно сработан, фронт скалывания, несущий негативы пластинчатых снятий, уплощен (рис. 4, 8). На покрытом галечной коркой контрфронте и латерали фиксируются забитости, схожие со следами на инструментах, которые использовались для подготовки зоны расщепления пикетажем или ретуширования орудий [Харевич В.М. и др., 2020]. Обломок нуклеуса представляет собой фрагмент латерали ядрища, частично покрытый галечной коркой и сохранивший часть фронта. К нуклевидным обломкам отнесены три предмета, два из которых представляют собой фрагменты кварцитовых галек, с нерегулярными следами снятий, видимо представляющие собой сработанные нуклеусы.

К индустрии сколов относятся отщепы (37 экз.) и пластины (32 экз.). Среди технических сколов были выделены естественно краевые отщепы

(3 экз.), полуреберчатые пластины (3 экз.), естественно-краевая пластина и скол подправки ударной площадки.

Орудийный набор включает в себя 9 предметов. Наиболее яркая категория – скребки (5 экз.): концевой скребок на интенсивно ретушированной по продольным краям пластине (рис. 4, 3); угловой скребок на дистальном фрагменте ретушированной пластины; угловой скребок на дистальном фрагменте крупной пластины (рис. 4, 6); скребок-остроконечник (рис. 4, 4); скребок высокой формы на ретушированной по продольным краям полуреберчатой пластине (рис. 4, 2). Кроме скребков в орудийном наборе присутствуют угловая проколка/провертка на пластине (рис. 4, 1) и пластины с ретушью (рис. 4, 5) (3 экз.).

Остальную часть коллекции составляют чешуйки (104 экз.) и обломки (7 экз.).

Помимо каменных артефактов найдены костяные орудия – два фрагментированных острия и обломок костяного ретушера.

Фаунистический комплекс в основном представлен фрагментами трубчатых костей и ребер крупных копытных. Обращает на себя внимание обилие колотой кости, с негативами снятий по внешней поверхности, что свидетельствует о преднамеренной фрагментации, не связанной с добычей костного мозга [Селецкий и др., 2019].

Типологический облик находок, собранных с береговой отмели и полученных из культурного

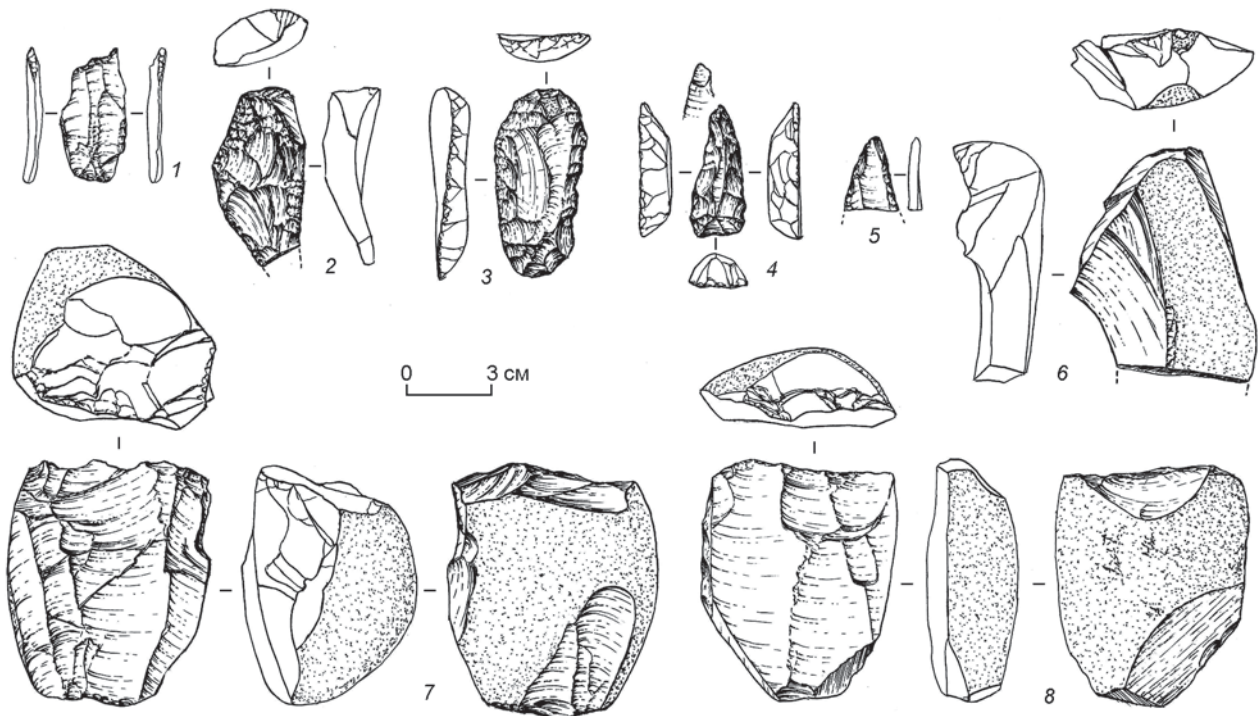

Рис. 4. Культурный слой стоянки Сабаниха-3.

1 – проколка/провертка; 2–4, 6 – скребки; 5 – пластина с ретушью; 7, 8 – нуклеусы.

слоя, очень близок и может быть отнесен к одному комплексу.

Стратиграфическая позиция культурного слоя (над каргинской палеопочвой) идентична позиции артефактов, полученных в ходе раскопок Н.Ф. Лисицына [2000]. Состав каменной индустрии данных комплексов очень близок. Это выражается в системе первичного расщепления, направленной на получение пластин с одно- и двухплощадочных монофронтальных ядрищ. В орудийном наборе – в преобладании орудий на пластинах, наличии таких типов, как скребки на ретушированных пластинах, скребки-остроконечники, песты-отбойники [Там же]. Культурно-хронологическое единство материалов, полученных Н.Ф. Лисицыным, с находками работ 2020 г., не вызывает сомнений. Однако со времени последних раскопок на Сабанихе прошло почти 30 лет. За это время береговая линия сместилась на значительное расстояние (до 15 м) [Мокринцев, 2013]. Культурные отложения, вскрытые в 2020 г., расположены как минимум на другом участке памятника. В связи с этим представляется возможным обозначить их в качестве отдельного пункта – стоянки Сабаниха-3.

Культурно-хронологически материалы данного комплекса, как и стоянки Сабаниха, исследованной Н.Ф. Лисицыным, относятся к раннему верхнему палеолиту. С РВП индустриями региона, такими, как Малая Сья и ранняя группа памятников Дербинского залива (Усть-Малтат II, Дербина IV, V), их объединяет система первичного расщепления, направленная на получение пластин в рамках субпараллельного однонаправленного и встречного раскалывания, широкое использование пластинчатых заготовок для производства скребков и интенсивно ретушированных пластин. Наряду с этим индустрия Сабанихи имеет ряд особенностей. К ним можно отнести высокую долю пластин среди заготовок орудий; отсутствие микро-нуклеусов; использование приема оформления инициального реберчатого снятия, нетипичное для получения пластин на енисейской гальке [Гречкина, 1992; Харевич, Стасюк, 2016]; использование приема пикетажа зоны расщепления, не отмечавшегося ранее в индустриях РВП Енисея; наличие развитой костяной индустрии при хорошей сохранности кости. Еще одной особенностью стоянки является стратиграфическая позиция культурного слоя. В отличие от остальных памятников РВП Енисея, археологические материалы Сабанихи залегают не в переотложенной каргинской палеопочве [Палеолит..., 2018], а над ней, в непотревоженном состоянии. Следовательно, для данного памятника возможно применение планиграфического анализа и исследование структуры поселения. Работы

2020 г. показали, что, несмотря на более чем тридцатилетний период размыва рыхлых отложений, на обследованном участке сохранился стратифицированный комплекс раннего верхнего палеолита. Все это делает стоянку Сабаниха важным и перспективным объектом исследования начальных стадий палеолита Енисея.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР № 0329-2019-0008 «Северо-восток Евразии в позднем плейстоцене – раннем голоцене: культурная динамика, геохронология, развитие природной среды».

Список литературы

- Барков А.В., Мещерин М.Н.** Стоянка Сабаниха Богградского района // АО 2016 г. – 2018. – С. 436–438.
- Гречкина Т.Ю.** Реконструкция техники расщепления (по результатам ремонта нуклеусов из Кокорев-1) // Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке. – Красноярск: Зодиак, 1992. – С. 56–58.
- Лбова Л.В., Панов В.С., Зенин В.Н., Барков А.В.** Новые данные о радиоуглеродном возрасте местонахождения Малая Сья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 103–106.
- Лисицын Н.Ф.** Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. – 230 с. – (Труды ИИМК РАН; т. II).
- Мокринцев К.С.** Определение отступления склонов береговой линии Красноярского водохранилища (Северо-Минусинская впадина) на основе данных дистанционного зондирования за период 1989–2012 гг. // Геоморфология и картография: мат-лы XXXIII Пленума Геоморфол. комиссии РАН. – Саратов: Изд-во Саратов-ун-та, 2013. – С. 323–326.
- Палеолит Дербинского залива / Е.В. Акимова, И.В. Стасюк, В.М. Харевич, С.А. Лаухин, А.Н. Мотузко, А.Ф. Санько.** – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – 180 с.
- Селецкий М.В., Колясникова А.С., Харевич В.М., Колобова К.А.** Экспериментальное моделирование расщепления кости по материалам сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. XXV. – С. 238–244.
- Славинский В.С., Рыбин Е.П., Белоусова Н.Е., Федорченко А.Ю., Хаценович А.М., Анойкин А.А.** Специфический способ подготовки зоны расщепления нуклеусов в начальном верхнем палеолите Южной Си-

бири и Центральной Азии // *Stratum plus*. – 2017. – № 1. – С. 221–244.

Харевич В.М., Акимова Е.В., Орешников И.А., Стасюк И.В., Томилова Е.А., Гурулев Д.А., Кукса Е.Н. Разведочные работы на севере зоны Красноярского водохранилища // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 91–94.

Харевич В.М., Акимова Е.В., Стасюк И.В. Каменная индустрия позднепалеолитического местонахождения Дербина V (Красноярское водохранилище) // Вестник НГУ. – 2010. – Вып. 5. – С. 86–96.

Харевич В.М., Зоткина Л.В., Аноikin А.А., Таймагамбетов Ж.К. Вспомогательные инструменты расщепления в каменных индустриях начальной поры верхнего палеолита (по материалам стоянки Ушбулак) // *Stratum plus*. – 2020. – № 1. – С. 239–256.

Харевич В.М., Стасюк И.В. Индустрии крупных пластин в верхнем палеолите Среднего Енисея. Технологический аспект // *Stratum plus*. – 2016. – № 1. – С. 211–222.

Холюшкин Ю.П. Поселение Малая Сья – ранний этап верхнего палеолита Сибири (к проблеме начала становления культур Homo sapiens в Северной Азии) // *Астроархеология – естественно-научный инструмент познания протонаук и астральных религий жречества древних культур Хакасии*. – Красноярск: Город, 2009. – С. 137–145.

Rybin E.P. Tools, beads, and migrations: specific cultural traits in the Initial Upper Paleolithic of Southern Siberia and Central Asia // *Quaternary Intern.* – 2014. – Vol. 347. – P. 39–52.

References

Akimova E.V., Stasyuk I.V., Kharevich V.M., Laukhin S.A., Motuzko A.N., Sanko A.F. Paleolith of Derbyna Bay. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018, 180 p. (In Russ.).

Barkov A.V., Meshcherin M.N. Stoyanka Sabanikha Bogradskogo raiona. *Arkheologicheskie otkrytiya 2016 g.*, 2018, pp. 436–438. (In Russ.).

Grechkina T.Yu. Rekonstruktsiya tekhniki rasshchepleniya (po rezul'tatam remontazha nukleusov iz Kokorevo-1). In *Paleoekologiya i rasselenie drevnego cheloveka v Severnoi Azii i Amerike*. Krasnoyarsk: Zodiak, 1992, pp. 56–58. (In Russ.).

Kharevich V.M., Akimova E.V., Oreshnikov I.A., Stasyuk I.V., Tomilova E.A., Gurulev D.A., Kuksa E.N. Razvedochnye raboty na severe zony Krasnoyarskogo vodokhranilishcha. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014, vol. 20, pp. 91–94. (In Russ.).

Kharevich V.M., Akimova E.V., Stasyuk I.V. The lithic industry of Upper Paleolithic location Derbina V (Krasnoyarsk reservoir). *Novosibirsk State Univ. Bulletin*, 2010, vol. 5, pp. 86–96. (In Russ.).

Kharevich V.M., Stasyuk I.V. Big blade industries in the Upper Paleolithic of the middle Yenisei basin. Technological aspect. *Stratum plus*, 2016, No. 1, pp. 211–222. (In Russ.).

Kharevich V.M., Zotkina L.V., Anoin A.A., Taimagambetov Zh.K. Auxiliary knapping tools in the initial Upper Paleolithic stone assemblages (with particular reference to the materials of the Ushbulak site). *Stratum plus*, 2020, No. 1, pp. 239–256. (In Russ.).

Kholyushkin Yu.P. Poselenie Malaya Syya – rannii etap verkhnego paleolita Sibiri (k probleme nachala stanovleniya kul'tur Homo sapiens v Severnoi Azii). In *Astroarkheologiya – estestvenno-nauchnyi instrument poznaniya protonauk i astral'nykh religii zhrechestva drevnikh kul'tur Khakasii*. Krasnoyarsk: Gorod, 2009, pp. 137–145. (In Russ.).

Lbova L.V., Panov V.S., Zenin V.N., Barkov A.V. The new data for the radiocarbon age of the Malaya Syya site. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, vol. XXI, pp. 103–106. (In Russ.).

Lisitsyn N.F. Pozdnii paleolit Chulymo-Eniseiskogo mezhdurechya. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2000, 230 p. (Trudy IIMK RAN; vol. II). (In Russ.).

Mokrinets K.S. Definition of recede of slopes coastline of the Krasnoyarsk sea (the north Minusinsk hollow) on the basis of data of remote sensing during 1989–2012. In *Geomorfologiya i kartografiya: materialy XXXIII Plenuma Geomorfologicheskoi komissii RAN*. Saratov: State Univ. Press, 2013, pp. 323–326. (In Russ.).

Rybin E.P. Tools, beads, and migrations: specific cultural traits in the Initial Upper Paleolithic of Southern Siberia and Central Asia. *Quaternary International*, 2014, vol. 347, pp. 39–52.

Seletsky M.V., Kolyasnikova A.S., Kharevich V.M., Kolobova K.A. Experimental Modelling of Bone Splitting Based on the Evidence of the Sibiryachikha Variant of the Altai Middle Paleolithic. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019, vol. XXV, pp. 238–244. (In Russ.).

Slavinsky V.S., Rybin E.P., Belousova N.E., Fedorchenko A.Yu., Khatsenovich A.M., Anoin A.A. Specific technique of core platform preparation in the initial upper palaeolithic of South Siberia and Central Asia. *Stratum plus*, 2017, No. 1, pp. 221–244. (In Russ.).

Харевич В.М. <https://orcid.org/0000-0003-2632-6888>

Харевич А.В. <https://orcid.org/0000-0002-2267-2452>

Аноikin А.А. <https://orcid.org/0000-0003-2383-2259>

Акимова Е.В. <https://orcid.org/0000-0002-0952-8026>

В.М. Харевич, А.В. Харевич ✉, **А.А. Анойкин,**
Е.В. Акимова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: aliona.shalagina@yandex.ru

Разведочные работы на побережье Красноярского водохранилища в 2020 году

В статье представлены итоги археологической разведки, проводившейся в средней части Красноярского водохранилища в 2020 г. В ходе работ были обследованы участки береговой линии общей протяженностью ок. 140 км. По правому берегу маршрут разведки пролегал от зал. Анаши до зал. Беллык. На данном участке было выявлено четыре местонахождения и одна стоянка. Наибольший интерес представляют материалы местонахождения Анаши в приустьевом участке одноименного залива. Облик подъемного материала и наличие разрушенных конструкций из каменных плит позволяет предполагать, что на местонахождении зафиксированы материалы двух комплексов, один из которых ассоциируется с разрушенными курганами тагарского времени, а второй представляет собой остатки разрушенной стоянки верхнего палеолита. Два местонахождения с верхнепалеолитическими находками обнаружены в зал. Быскар. В том же заливе в стратифицированном положении зафиксированы находки, относящиеся к раннему железному веку – Средневековью. По левому берегу на участке от зал. Черная речка до зал. Кокса было обследовано четыре местонахождения и две стоянки, как вновь выявленных, так и ранее известных. Обе открытые стоянки относятся к верхнепалеолитическому времени, стоянка Сабаниха-3 – к начальным его этапам, а стоянка Сидориха – к финалу. Со стоянки Сидориха была получена выразительная коллекция артефактов: нуклеусы для крупных пластин, микронуклеус, скребла на отщепях, скребки на отщепях и пластинах, резец. В береговом обнажении было заложено три шурфа-врезки, в двух из которых археологический материал зафиксирован in situ. Облик находок и стратиграфическая позиция материала позволяют предварительно отнести стоянку Сидориха к кокоревской археологической культуре. Работы 2020 г. показали, что, несмотря на многолетний процесс размыва берегов, памятники, расположенные в береговой зоне водохранилища, не уничтожены окончательно и нуждаются в скорейшем изучении.

Ключевые слова: верхний палеолит, Средний Енисей, Красноярское водохранилище, кокоревская культура.

Vladimir M. Kharevich, Aliona V. Kharevich ✉, **Anton A. Anoykin,**
Elena V. Akimova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: aliona.shalagina@yandex.ru

Archaeological Exploration at the Krasnoyarsk Reservoir in 2020

The article provides the results of archaeological exploration carried out in the middle part of the Krasnoyarsk reservoir in 2020. During the work, sections of the coastline with a total length of about 140 km were surveyed. On the right bank, the survey route ran from Anash Bay to Bellyk Bay. Four locations and one site have been found in this territory. The materials of the Anash location positioned in the estuarine area of the bay of the same name are of the most interest. The appearance of the artifacts and the presence of destroyed structures made of stone slabs suggest that artifacts belong to two complexes, one of them is associated with destroyed mounds of the Tagar culture, and the second represents the remains of a destroyed Upper Paleolithic site. Two sites with the Upper Paleolithic artifacts were found in Byskar Bay. In the same bay, in a stratified position, artifacts dating back to the Early Iron Age to Middle Ages were recorded. Along the left bank, in the area from Chernaya Rechka Bay to Koksa Bay, four locations and two sites were surveyed. Both open sites belong to Upper Paleolithic, the site of Sabanikha 3 to its early stage, and the site of Sidorikha to its final stage. An expressive collection of artifacts was

obtained from the Sidorikha site: cores for large blades and flakes, a microcore, end and side scrapers on flakes and blades, and a burin. In the coastal outcrop, three test pits were made; in two of them, artifacts were found in situ. The appearance of the artifacts and their stratigraphic position makes it possible to tentatively assign the Sidorikha site to the Kokorevo culture. The fieldworks in 2020 showed that, despite the long-term process of erosion of the banks, the sites located in the coastal zone of the reservoir have not been completely destroyed and need to be studied as soon as possible.

Keywords: Upper Paleolithic, Middle Yenisei basin, Krasnoyarsk reservoir, Kokorevo culture.

Введение

Исследование палеолита бассейна Енисея ведется с конца XIX в. На данный момент известно более двухсот палеолитических стоянок и местонахождений, значительная часть которых была открыта в связи со строительством Красноярской ГЭС. Исследование палеолитических памятников, расположенных в береговой зоне Красноярского водохранилища, началось с момента закладки дамбы. За это время были открыты и исследованы десятки стоянок и местонахождений эпохи палеолита [Абрамова, 1979а, б; Лисицын, 2000; Палеолит

Дербинского залива, 2018; Хроностратиграфия..., 1990]. Последняя масштабная археологическая разведка, проведенная в северной зоне Красноярского водохранилища в 2014 г., показала, что число стратифицированных комплексов, расположенных вдоль береговой линии, сократилось, а значительная часть ранее выявленных стоянок и местонахождений полностью уничтожена. Однако параллельно с уничтожением береговой абразией ранее известных стоянок происходит размыв новых комплексов [Харевич В.М. и др., 2014; Акимова и др., 2014], что делает мониторинг береговой зоны Красноярского водохранилища необходимым и актуальным.

В июле – сентябре 2020 г. отрядом ИАЭТ СО РАН была предпринята археологическая разведка в средней части Красноярского водохранилища. По левому берегу маршрут пролегал от зал. Черная речка до зал. Кокса, протяженность обследованного участка составила 90 км. По правому берегу была обследована береговая линия протяженностью 50 км от зал. Анаш до зал. Беллык (рис. 1).

Правый берег: участок от залива Анаш до залива Беллык

На данном участке р. Енисей протекает вдоль западных отрогов Восточного Саяна. В связи с этим большая часть береговой линии представляет собой скальные обнажения, в редких случаях покрытые маломощным чехлом рыхлых отложений. Исключение составляет междуречье р. Анаш и р. Тесь, где отмечены пониженные участки рельефа, покрытые лессовидными супесями и суглинками. Береговые обнажения, сложенные рыхлыми отложениями, зафиксированы в заливах и их приустьевых участках, самыми крупными из которых являются зал. Быскар и Беллык. При обследовании данного участка было выявлено четыре местонахождения и одна стоянка.

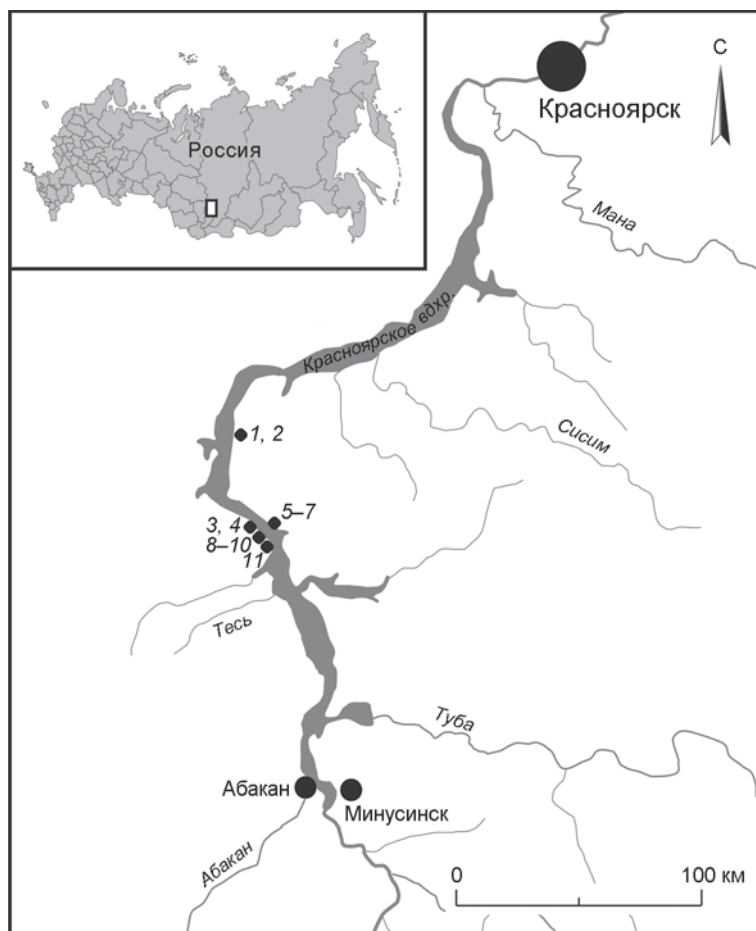

Рис. 1. Расположение памятников, обследованных в ходе археологической разведки.

1 – Усть-Анаш; 2 – Анаш; 3 – Сидориха; 4 – Сабаниха-3; 5 – Быскар-1; 6 – Быскар-2; 7 – Быскар-3; 8 – Тюрик-1; 9 – Тюрик-2; 10 – Караскын; 11 – Крутогорск.

Местонахождение Усть-Анаш расположено на правом (северном) приустьевом участке зал. Анаш (рис. 1, 1). Немногочисленный археологический материал был рассредоточен по поверхности береговой отмели на участке протяженностью 600 м. К диагностической части коллекции относятся одноплощадочные монофронтальные нуклеусы для пластин, один из которых выбракован в начальной стадии использования, двухплощадочный монофронтальный нуклеус встречного скалывания для пластин, концевой скребок, скреблышко и две крупные пластины. Все предметы сильно окатаны. Мощность рыхлых отложений, вскрытых в береговом уступе, и облик диагностируемой части каменного инвентаря позволяют отнести артефакты местонахождения к верхнему палеолиту.

Местонахождение Анаш расположено на левом (южном) приустьевом участке зал. Анаш (рис. 1, 2).

Многочисленные находки экспонированы на поверхность береговой отмели протяженностью ок. 300 м, у берегового обнажения отмечен участок концентрации находок, содержащий нуклеус и полученные с него сколы. Также на поверхности береговой отмели зафиксированы два скопления каменных плит, предположительно представляющие собой остатки разрушенных курганов. У одного из них найдены локтевая и лучевая кости человека. Коллекция подъемного материала насчитывает 209 каменных артефактов и 44 фрагмента керамических сосудов. Остатки сосудов представлены неорнаментированными фрагментами тулова (38 экз.) и венчиков (6 экз.), относящимися к тагарской культуре. Коллекция каменных артефактов включает два одноплощадочных монофронтальных нуклеуса, предназначенных для получения пластин (рис. 2, 4) и отщепов, нуклевидный обломок, ко-

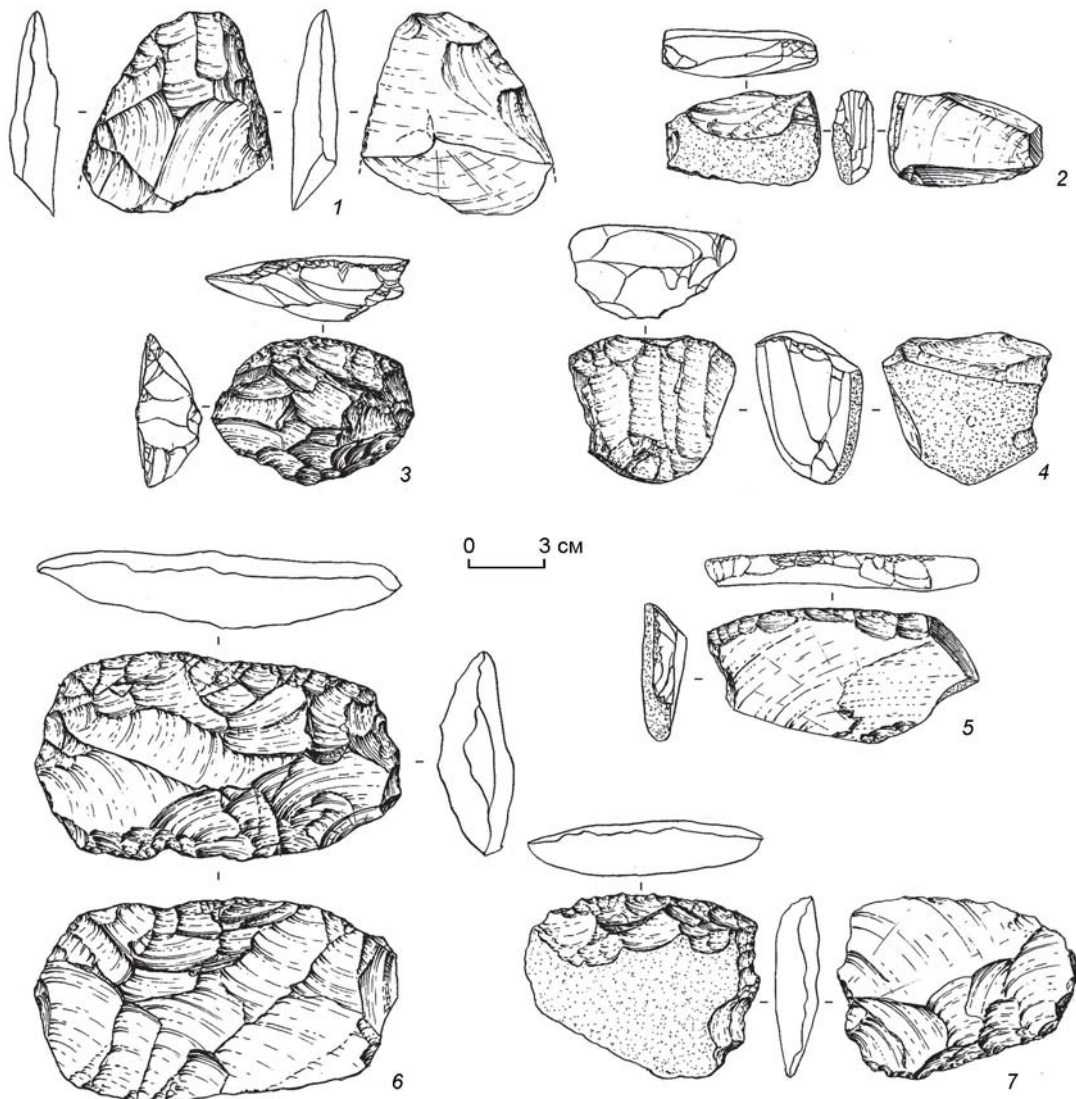

Рис. 2. Каменные артефакты с местонахождений Анаш (3–5) и Быскар-1 (1, 2, 6, 7).

1, 3, 5–7 – скребла, 2 – микронуклеус, 4 – нуклеус.

лотые гальки (3 экз.) и обломки (2 экз.). Индустрия сколов представлена отщепами (144 экз.), пластинами (8 экз.), пластинкой и техническими сколами (30 экз.), среди которых первичные, естественно-краевые отщепы, полуреберчатая и вторичная полуреберчатая пластины. К орудиям было отнесено 18 предметов. Скребла представлены орудиями с лезвием по ½ периметра на гальке и отщепе, продольным выпуклым скреблом на гальке, продольным дорсальным и поперечным вентральным скреблами (рис. 2, 5) на отщепах и скреблом-унифасом (рис. 2, 3). К орудийному набору отнесены также струги (2 экз.) и отбойники (2 экз.) на гальках, отщепы (5 экз.) и пластины (3 экз.) с ретушью. Значительная часть каменных изделий сохраняет на одной из плоскостей остатки карбонатной корки.

Сочетание в подъемной коллекции фрагментов сосудов и каменных артефактов, покрытых карбонатной коркой, позволяет предполагать наличие двух комплексов: первый, включающий остатки керамических сосудов и антропологический материал, ассоциируется с разрушенными курганами тагарского времени; второй комплекс, к которому относится большая часть каменных артефактов, относится к верхнему палеолиту.

Местонахождение Быскар-1 расположено на правом (северном) приустьевом участке зал. Быскар (рис. 1, 5), на мысу, имеющем южную экспозицию. Экспонированные артефакты были обнаружены на береговой отмели протяженностью ок. 250 м. Всего было найдено 153 каменных артефакта, фрагмент гладкостенного керамического сосуда и фрагменты венчиков орнаментированных сосудов, относящихся к бронзовому и раннему железному веку.

Категории первичного расщепления представлены двухплощадочным монофронтальным нуклеусом на фрагменте гальки, выбракованным на начальной стадии использования, одноплощадочным монофронтальным нуклеусом с оформленным латеральным ребром, к фронту которого апплицируется медиальный фрагмент пластины, торцовым нуклеусом для пластинок на двусторонне обработанной заготовке и торцовым микронуклеусом на первичном отщепе (рис. 2, 2). Помимо этого, были найдены колотые гальки (4 экз.) и нуклеидные обломки (2 экз.), а также двусторонне обработанные изделия (2 экз.). К индустрии сколов относятся отщепы (63 экз.), пластины (20 экз.), технические сколы (21 экз.), среди которых представлены первичные и естественно-краевые отщепы и полуреберчатая пластина. Отходы производства в коллекции представлены чешуйками (21 экз.) и обломками (7 экз.). Орудийный набор включает скребло-бифас (рис. 2, 6), поперечное дорсальное скребло на отще-

пе, конвергентное дорсальное скребло на вентральном уточненном первичном сколе (рис. 2, 7), обломок дорсального скребла-унифаса (рис. 2, 1), фрагмент лезвия концевое скребка, двулезвийные долото-видные орудия (4 экз.) и выемчатое орудие на отщепе. К галечным орудиям относятся наковальня на крупной плоской гальке и галечный струг. Типологический облик коллекции каменных артефактов позволяет отнести их к верхнему палеолиту.

Местонахождение Быскар-2 расположено по правому берегу зал. Быскар, на мысу, образованном слиянием р. Белой и Быскар (рис. 1, 6). Протяженность участка с подъемным материалом не превышает 100 м. Коллекция артефактов, собранная с поверхности береговой отмели, немногочисленна (59 экз.). К диагностируемой части коллекции относятся торцовый микронуклеус на двусторонне обработанной заготовке, пластины (4 экз.), микропластина, отщепы (17 экз.) и технические сколы (4 экз.), представленные первичными и естественно-краевыми отщепами, а также сколом подправки ударной площадки. Орудийные формы включают в себя поперечное дорсальное скребло на первичном отщепе, микроскребок и два отщепа с ретушью. Остальную часть коллекции составляют обломки и чешуйки. Часть находок сохраняет на поверхности карбонатную корку. Помимо каменных артефактов были найдены фрагменты неорнаментированного и орнаментированного керамических сосудов. Облик подъемного материала позволяет датировать его эпохой верхнего палеолита.

Стоянка Быскар-3 расположена по левому берегу зал. Быскар, напротив местонахождения Быскар-2 (рис. 1, 7). На поверхности береговой отмели был найден немногочисленный археологический материал, включающий обломок молота на гальке, неорнаментированный фрагмент керамического сосуда, обломки кварцита и жженные кости. В береговом уступе, на глубине 0,7 м от дневной поверхности был зафиксирован углисто-золистый слой мощностью до 0,4 м, содержащий остатки жженных костей. Предварительный анализ материалов с разрушенной части стоянки позволяет датировать ее в широком хронологическом диапазоне от раннего железного века до Средневековья.

Левый берег: участок от залива Черная речка до залива Кокса

В северной части обследованного участка р. Енисей протекает в узкой глубокой долине, ограниченной с запада Батеневским кряжем. К югу от зал. Ерба Енисей выходит в расширение, образо-

ванное Минусинской котловиной. На отрогах Батенеевского кряжа ранее уже фиксировались местонахождения и палеолитические памятники с большой концентрацией археологического материала [Лисицын, 2000].

Стоянка Сидориха приурочена к правому борту долины р. Сидориха, к небольшому заливу, переходящему в овраг и удаленному от устья р. Сидориха на 0,8 км (рис. 1, 3). Эпизодические сборы подъемного материала на приустьевых участках и в устье р. Сидориха проводились Н.Ф. Лисицыным, однако собранная коллекция была малочисленной и невыразительной, в связи с чем исследователь не выделил Сидориху в самостоятельное местонахождение [С.Н. Лисицын, личное сообщение]. На настоящий момент неясно, насколько сборы Н.Ф. Лисицына соответствуют участку, обследованному в 2020 г.

Экспонированные артефакты, обнаруженные в ходе работ 2020 г., были рассеяны по обоим бортам залива и в устье оврага. Наибольшая концентрация находок отмечалась по правому борту залива и в его глубине. На приустьевых участках, сложенных скальными выступами и покрытых небольшим чехлом рыхлых отложений, подъемный материал отсутствовал.

Коллекция подъемного материала насчитывает 110 экз. Нуклеидные формы представлены сработанным двухплощадочным монофронтальным

нуклеусом для пластин на аргиллитовой гальке (рис. 3, 4); одноплощадочным монофронтальным конвергентным нуклеусом для отщепов, радиальным нуклеусом на кварцитовой гальке, торцовым микронуклеусом из микрокварцита и двумя нуклеидными обломками. Индустрия сколов представлена отщепами (43 экз.), крупными и средними пластинами (14 экз.), пластинкой, техническими сколами (26 экз.): первичными, естественно- и продольно краевыми сколами. К отходам производства относятся чешуйка и обломок. Орудийные формы немногочисленны (13 экз.), но выразительны. К скребкам отнесено два изделия – концевой скребок на крупной ретушированной по продольному краю пластине (рис. 3, 5) и концевой скребок на отщепе, вентральная поверхность которого обработана встречными пластинчатыми сколами (рис. 3, 3). В коллекции присутствуют два скребла – дорсальное продольное прямое скребло на подтрапещевидном отщепе и конвергентное скребло на первичном сколе (рис. 3, 1). Помимо этого, в орудийном наборе представлены косоретушный резец на отщепе (рис. 3, 2); тронкированная пластина, проксимальная часть которой усечена вентральной ретушью; пластина и отщеп с ретушью. На гальках выполнены два струга, чоппер и отбойник, представляющий собой удлиненную, усеченную с одного конца гальку. Второй конец и оба фаса изделия покрыты многочисленными забитостями.

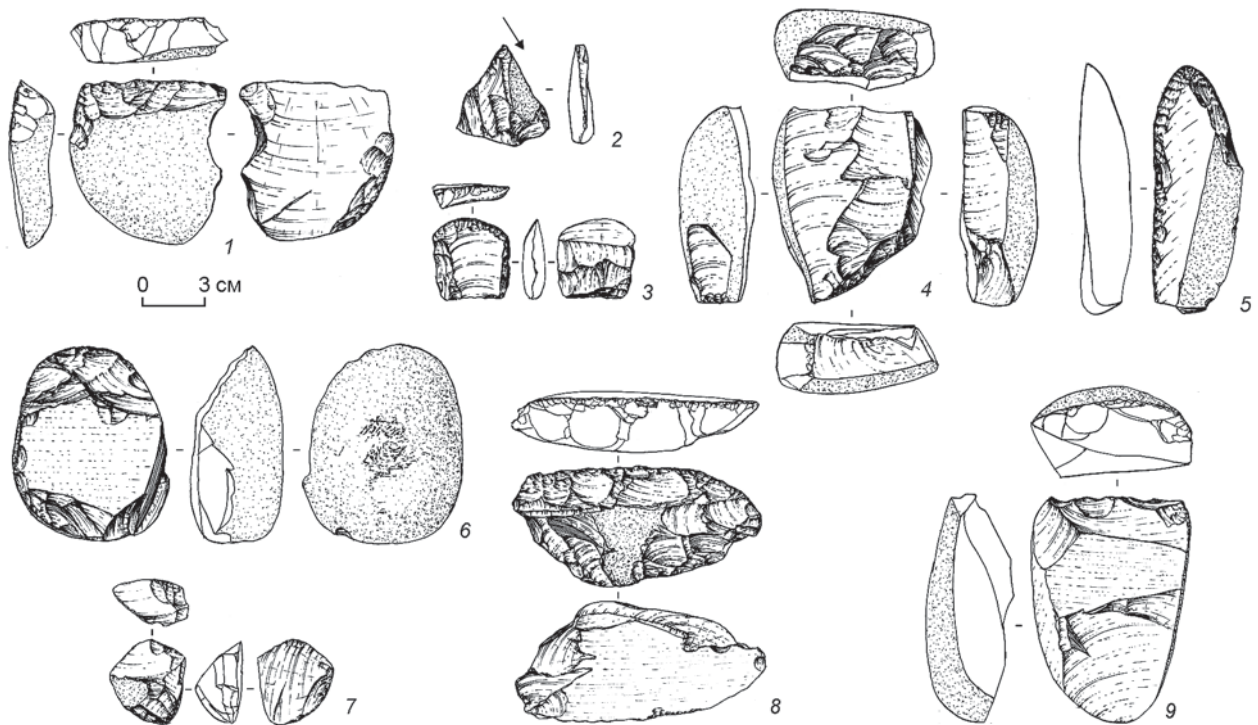

Рис. 3. Каменные артефакты со стоянки Сидориха.

1–5 – подъемный материал; 6–9 – культурный слой.

1, 8 – скребла, 2 – резец, 3, 5 – скребки, 4 – нуклеус, 6, 9 – чопперы, 7 – микронуклеус.

В береговом уступе, на участках с наибольшей концентрацией археологического материала было заложено три шурфа-врезки. Шурф-врезка 1 располагался в глубине залива, на небольшом останце в устье оврага. Стратиграфический разрез, вскрытый шурфом-врезкой 1, имеет следующее строение.

Слой 1. Дерн. Мощность – 0,10–0,15 м.

Слой 2. Горизонт современной почвы. Супеси темные гумусированные. Мощность слоя 0,3 м.

Слой 3. Супесь серо-бурая. Мощность слоя 0,15–0,2 м.

Слой 4. Супесь палево-серая с многочисленными кротовинами. Мощность слоя 0,6–0,65 м.

Слой 5. Супесь светло-серая с прослойками дресвы. В кровле слоя отмечен прослой красноцветного суглинка (мощностью до 7 см), ниже которого залегает археологический материал. Мощность слоя 0,3–0,35 м.

Слой 6. Супесь красноцветная. Мощность видимая 0,3 м.

Мощность культурного слоя составляет 0,15–0,20 м. В нем найдены четыре артефакта: проксимальный фрагмент пластины; естественно-краевой отщеп; проксимальный фрагмент отщепа и чешуйка.

Шурф-врезка 2 был заложен по правому борту залива, в 50 м к северо-востоку от шурфа-врезки 1. В данном шурфе была зафиксирована следующая стратиграфическая последовательность (рис. 4).

Слой 1. Дерн. Мощность слоя 0,05–0,10 м.

Слой 2. Горизонт современной почвы. Супеси темные гумусированные. Мощность слоя 0,4–0,5 м.

Слой 3. Супесь серо-бурая. Кровля слоя прокрашена гумусом из слоя 2. Мощность слоя 0,25–0,3 м.

Слой 4. Супесь палево-серая, с отдельными кротовинами. В средней части слоя отмечен прослой красноватой супеси, к которой приурочен археологический материал. Мощность слоя 0,6–0,65 м.

Слой 5. Супесь красноцветная. В подошве слоя отмечены маломощные (1–2 см линзы дресвы). Мощность слоя 0,25–0,3 м.

Слой 6. Переслаивание супесей серых, красноватых, серых песков. Кровля и подошва слоя маркируются прослоями дресвы мощностью до 6 см. Общая мощность слоя 0,5–0,55 см.

Слой 7. Пойменные отложения, пески неяснослоистые. Мощность видимая 0,3 м.

В рамках раскопочных работ из культурного слоя была получена небольшая, но выразительная коллекция. К диагностируемой части коллекции отнесены: торцовый микронуклеус с праволатеральным оформлением ударной площадки на отщепе из микрокварцита, на латерали частично сохранилась галечная корка (см. рис. 3, 7); два обломка микронуклеусов; поперечное дорсальное выпуклое скребло-унифас на отщепе, один фас которого практически полностью обработан отщеповыми снятиями, кроме небольшого участка, сохранившего галечную поверхность (рис. 3, 8). Остальная часть коллекции представлена дву-

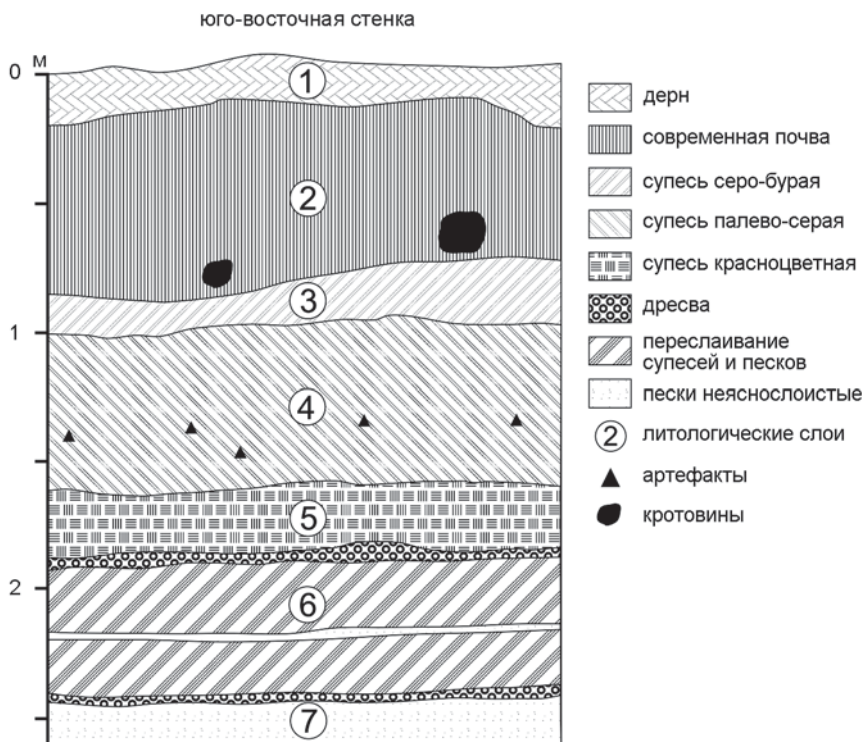

Рис. 4. Стоянка Сидориха. Стратиграфический разрез.

мя отщепами. Фаунистический материал включает в себя фрагменты трубчатой кости и ребра. В нижней части культурного слоя найден позвонок крупного копытного.

К юго-востоку от шурфа-врезки 2 в береговом уступе были найдены два чоппера. Оба орудия оформлены на расколотых гальках (рис. 3, 6, 9). По фасу одного из них локализованы два компактных участка с многочисленными забитостями.

Шурф-врезка 3 был заложен по правому борту залива в 52 м к северо-востоку от шурфа-врезки 2 и в 80 м к юго-западу от устья. Стратиграфический разрез аналогичен вскрытому в шурфе-врезке 2, археологический материал в слое не был обнаружен.

Высотные отметки культурного слоя, зафиксированного в береговом уступе, соответствуют одному уровню. По всей видимости, археологический материал, залегающий *in situ*, относится к одному комплексу. Стратиграфические разрезы, вскрытые шурфами-врезками, имеют схожее строение и соответствуют классическому для данного района разрезу финального плейстоцена – раннего голоцена [Лисицын, 2000]. Разница в последовательности литологических горизонтов, формирующих среднюю и нижнюю части разреза, видимо, связана с тем, что шурф-врезка 1 и шурф-врезка 2 расположены по разным бортам оврага.

Типологический облик находок, полученных в стратифицированном и экспонированном состоянии, очень близок. В обеих коллекциях присутствуют торцовые микронуклеусы из микрокварцита, крупные пластины, галечные орудия со следами забитостей по плоскостям. В береговом обнажении зафиксирован только один культурный слой. Все это позволяет отнести экспонированные и стратифицированные артефакты к одному комплексу, стратиграфическая позиция которого соответствует финальному палеолиту. Культурная атрибуция данной индустрии затруднена относительно небольшим числом типологически выраженных предметов. Однако ряд черт каменного инвентаря, таких как: сочетание в первичном расщеплении нуклеусов для крупных пластин и микронуклеусов, наличие в орудийном наборе резца, концевого скребка на ретушированной пластине и пластины с ретушью характерны для индустрий кокоревской археологической культуры [Абрамова, 1979б; Лисицын, 2000; Харевиц В.М., Акимова, Вашков, 2017]. Это позволяет предварительно отнести комплекс стоянки Сидориха к кокоревской культурной традиции.

Сабаниха-3. К востоку от выявленной стоянки Сидориха, на участке протяженностью ок. 1 км, по расположению соответствующем ранневерхнепа-

леолитической стоянке Сабаниха [Лисицын, 2000], была собрана коллекция подъемного материала (614 экз.). В береговом уступе была заложена зачистка, в которой артефакты были зафиксированы *in situ* (см. статью Харевица В.М. и др. «Возобновление археологических работ на верхнепалеолитической стоянке Сабаниха (средний Енисей)» в этом сборнике).

К югу от стоянки Сабаниха были обнаружены несколько пунктов с немногочисленными экспонированными находками, часть из которых обследовалась ранее [Там же]. Из них наиболее интересны местонахождения Тюрик I и Крутогорск, где были найдены двухплощадочные монофронтальные нуклеусы встречного скалывания для пластин.

На участке расширения водохранилища от зал. Ерба до зал. Кокса были найдены только отдельные невыразительные находки. По всей видимости, это обусловлено резким расширением долины р. Енисей и малой мощностью чехла рыхлых отложений.

Заключение

Подводя итог разведочным работам 2020 г. в средней части Красноярского водохранилища, можно отметить следующее. За последние 20 лет число экспонированных и стратифицированных комплексов, пригодных для полноценного исследования, значительно сократилось. Сохранившиеся стоянки приурочены либо к узким долинам с высокими и крутыми бортами, либо к небольшим заливам, где волноприбойная деятельность водохранилища ограничена малой площадью открытых участков и не формируются мощные волны, являющиеся одним из основных факторов разрушения рыхлых отложений. Археологические объекты таких долин, подобно стоянкам Сидориха и Сабаниха, изначально располагались на участках с высоким гипсометрическим уровнем. Процесс разрушения данных объектов, хотя и в замедленном темпе, продолжается, что делает необходимым их изучение в ближайшие годы. В противном случае данные материалы по палеолиту бассейна р. Енисей будут безвозвратно утеряны. В целом работы 2020 г. показали, что потенциал акватории Красноярского водохранилища в исследовании палеолита Енисея не исчерпан.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 18-39-20003 «Палеотехнологии в среднем – верхнем палеолите Северной и Центральной Азии как динамическая система: изменения и взаимодействие составных частей».

Список литературы

Абрамова З.А. Палеолит Енисея. Афонтовская культура. – Новосибирск: Наука, 1979а. – 160 с.

Абрамова З.А. Палеолит Енисея. Кокоревская культура. – Новосибирск: Наука, 1979б. – 200 с.

Акимова Е.В., Харевич В.М., Орешников И.А., Стасюк И.В., Томилова Е.А., Гурулев Д.А. Новые памятники рубежа плейстоцена – голоцена в северной зоне Красноярского водохранилища // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2014. – Т. XX. – С. 7–10.

Лисицын Н.Ф. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. – 230 с. – (Труды ИИМК РАН; т. II).

Палеолит Дербинского залива / Е.В. Акимова, И.В. Стасюк, В.М. Харевич, С.А. Лаухин, А.Н. Мотузко, А.Ф. Санько. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – 180 с.

Харевич В.М., Акимова Е.В., Вашков А.А. К проблеме верхней границы кокоревской культуры в позднем палеолите Енисея (по материалам стоянки Троицкая) // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2017. – № 418. – С. 182–190.

Харевич В.М., Акимова Е.В., Орешников И.А., Стасюк И.В., Томилова Е.А., Гурулев Д.А., Кукса Е.Н. Разведочные работы на севере зоны Красноярского водохранилища // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2014. – Т. XX. – С. 91–94.

Хроностратиграфия палеолитических памятников Средней Сибири (бассейн Енисея) / Н.И. Дроздов, В.П. Чеха, С.А. Лаухин, В.Г. Кольцова, Е.В. Акимова, А.В. Ермолаев, В.П. Леонтьев, С.А. Васильев, А.Ф. Ямских, Г.А. Демиденко, Е.В. Артемьев, А.А. Викулов, А.А. Бокарев, И.В. Форонова, С.Д. Сидорас. – Новосибирск: Наука, 1990. – 184 с.

Abramova Z.A. Paleolit Eniseya. Kokorevskaya kultura. Novosibirsk: Nauka, 1979b, 200 p. (In Russ.).

Akimova E.V., Kharevich V.M., Oreshnikov I.A., Stasyuk I.V., Tomilova E.A., Gurulev D.A. Novye pamyatniki rubezha pleistotsena – golotsena v severnoi zone krasnoyarskogo vodokhranilishcha. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014, vol. XX, pp. 7–10. (In Russ.).

Akimova E.V., Stasyuk I.V., Kharevich V.M., Laukhin S.A., Motuzko A.N., Sanko A.F. Paleolith of Derbyna Bay. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018, 180 p. (In Russ.).

Drozdo N.I., Chekha V.P., Laukhin S.A., Koltsova V.G., Akimova E.V., Ermolaev A.V., Leontiev V.P., Vasiliev S.A., Yamskikh A.F., Demidenko G.A., Artemiev E.V., Vikulov A.A., Bokarev A.A., Faronova I.V., Sidoras S.D. Khronostratigrafiya paleoliticheskikh pamyatnikov Srednei Sibiri (bassein Eniseya). Novosibirsk: Nauka, 1990, 184 p. (In Russ.).

Kharevich V.M., Akimova E.V., Oreshnikov I.A., Stasyuk I.V., Tomilova E.A., Gurulev D.A., Kuksa E.N. Razvedochnye raboty na severe zony Krasnoyarskogo vodokhranilishcha. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014, vol. XX, pp. 91–94. (In Russ.).

Kharevich V.M., Akimova E.V., Vashkov A.A. The problem of the upper chronological border of the kokorevo culture during the Late Paleolithic of the Enisei (Troitskaya site). *Tomsk State Univ. Journal*, 2017, No. 418, pp. 182–190. (In Russ.).

Lisitsyn N.F. Pozdnii paleolit Chulymo-Yeniseiskogo mezhdurechya. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2000, 230 p. (Trudy IIMK RAN; vol. II). (In Russ.).

References

Abramova Z.A. Paleolit Eniseya. Afontovskaya kultura. Novosibirsk: Nauka, 1979a, 160 p. (In Russ.).

Харевич В.М. <https://orcid.org/0000-0003-2632-6888>

Харевич А.В. <https://orcid.org/0000-0002-2267-2452>

Анойкин А.А. <https://orcid.org/0000-0003-2383-2259>

Акимова Е.В. <https://orcid.org/0000-0002-0952-8026>

А.М. Хаценович✉, Е.П. Рыбин

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: ada1985@yandex.ru

Место комплексов с геометрическими микролитами в культурно-хронологической последовательности палеолита Монголии

*Геометрические микролиты являются культурно-значимыми типами, их распространение связано с переходом населения к иным способам охотничьей деятельности и другим объектам охоты – более мелкой дичи. В Юго-Восточной Азии распространение трапеций и сегментов относится ко времени 48 тыс. кал. л.н. и связано с миграционной волной *Homo sapiens* из Африки через зону дождевых лесов. В западной части Центральной Азии геометрические микролиты появляются позднее, ок. 30 тыс. л.н., и их появление связывается с культурами Ближнего Востока. Ранее считалось, что запад Центральной Азии является наиболее восточным рубежом распространения этих изделий в палеолите, и только в мезолите они распространились далее в Монголию. За последние годы в бассейне Средней Селенги – в Северной Монголии – были выявлены геометрические изделия, которые типологически определяются как трапеции, и совсем недавно были обнаружены сегменты. Эти предметы единичны для каждого комплекса, но были найдены сразу на четырех памятниках, что говорит о неоднократном посещении данной территории носителями этой традиции. В данной статье мы впервые публикуем обнаруженные сегменты и делаем попытку определить хронологические границы существования геометрических микролитов в Монголии в связи с новыми полученными данными. Новая хронология указывает на вероятное появление этих предметов в археологических комплексах верхнего палеолита до последнего максимума оледенения, и, в таком случае, это меняет представление о верхнем палеолите в восточной части Центральной Азии как о постепенно эволюционирующей индустрии вплоть до периода похолодания, когда произошла депопуляция региона. Геометрические микролиты верхнего палеолита Монголии не имеют территориально близких аналогий и маркируют северную границу распространения предметов этого типа.*

Ключевые слова: Северная Монголия, верхний палеолит, хронология, геометрические микролиты, сегменты, трапеции.

Arina M. Khatsenovich✉, Evgeny P. Rybin

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: ada1985@yandex.ru

Location of Geometric Microlith Assemblages in the Paleolithic Cultural Chronological Sequence of Mongolia

*The spread of geometric microliths, the culturally remarkable types, are associated with the dispersal of populations, the bearers of material culture with specific hunting activity. Microliths usage supposes new kinds of hunting skills and other hunting targets. Trapezes and segments spread in Southeastern Asia about 48,000 cal BP and were associated with the migration of *Homo sapiens* through the rainforests out of Africa. Geometric microliths appeared in the western part of Central Asia much later, about 30,000 BP, and had connections with the Near East Paleolithic cultures. Previously, it has been supposed that the easternmost boundary of geometric microliths dispersal was situated in the territories of the western Central Asia in Upper Paleolithic and shifted further east in the Mesolithic. For the last several years, intensive excavations in the Middle Selenga Basin revealed geometric microliths typologically described as trapezes and segments. These items are not numerous for each archaeological assemblage, but they have been found at four Paleolithic sites. It suggests the multiple occupational episodes by the bearers of this tradition in the Middle Selenga area. We publish the segments for the first time and try to determine the chronological boundaries of the time span, when geometric microliths existed in Mongolia, taking*

into account the new dates. New chronology indicates the possible first appearance of these tool types in Upper Paleolithic assemblages in the pre-LGM time. It might change the concept of Upper Paleolithic in Mongolia as gradually evolved industry before LGM and further depopulation in the region. Geometric microliths are absent in Upper Paleolithic of neighboring regions and mark the northernmost boundary of their dispersal.

Keywords: Northern Mongolia, Upper Paleolithic, chronology, geometric microliths, segments, trapezes.

Введение

Наибольшее количество ярких и представительных палеолитических комплексов на территории Монголии приходится на ранний этап верхнего палеолита, датирующийся в Монголии 38–30 тыс. кал. л.н. [Хаценович, 2018]. Эти комплексы обнаружены в северной и центральной частях страны, а также в Гобийском Алтае в стратифицированном контексте и, в большей степени, экспонированном виде [Деревянко, Зенин, 1998; Деревянко и др., 2000; Gladyshev, Tabarev, Olsen, 2010; Rybin et al., 2016; Хаценович, 2018; Рыбин, 2020]. На позднем этапе раннего верхнего палеолита, в период ок. 33–30 тыс. кал. л.н. отмечается продолжение технологических тенденций, имевших место в более ранних комплексах: утилизация подпризматических однонаправленных пластинчатых нуклеусов, плоскостных фронтальных и ситуационных многоплощадочных нуклеусов. Доля пластин в составе ансамбля сколов (за исключением ассамбляжа Орхон-1, горизонт 2) находится в пределах 25–30 %, в индустриях преобладают отщепы [Деревянко и др., 2010; Рыбин, Хаценович, Павленок, 2016]. В то же время происходит увеличение доли мелкопластинчатого компонента, конечный продукт которого производился не только со специализированных нуклеусов, но и на финальной стадии утилизации нуклеусов для пластин. Наличие в индустриях устойчивых, стандартизованных форм ядрищ для производства пластинок свидетельствует о направленной стратегии их получения. Метрические показатели этих нуклеусов по длинной оси как правило не превышают 5 см. Некоторые нуклеусы представлены в плоских вариациях, некоторые относятся к веерообразным подпризматическим формам. Расщепление осуществлялось на широкой плоскости, скалывание производилось в однонаправленной системе. Так же, как и в комплексах начального верхнего палеолита, единично присутствуют кареноидные нуклеусы.

Орудийный набор не претерпел значительных изменений. Он включал скребла, скребки и зубчато-выемчатые орудия; традиционно высок удельный вес простых ретушированных сколов – пластин и отщепов. К редким типам орудий относятся пластинки и острия с притупленным краем, микроскребки, долотовидные орудия, галечные орудия.

Наиболее полно данная культурная последовательность прослеживается по материалам памятников Толборской группы, расположенной в бассейне среднего течения р. Селенги.

В период 30–18 тыс. кал. л.н. на памятниках Толборской группы отсутствуют датированные слои со свидетельствами существования здесь человека [Гладышев и др., 2013; Rybin et al., 2016]. Предполагается, что в регионе произошла депопуляция на фоне изменения климата, вызванного последним максимумом оледенения. В то же время на памятнике Доролж-1, расположенном в 50 км от памятников Толборской группы, зафиксирован археологический горизонт 7 с датами ок. 26 тыс. кал. л.н. [Jaubert et al., 2004]. Долины р. Орхон и Хойт-Тамир-Гол в центральной части Монголии могли периодически посещаться людьми. Об этом свидетельствуют даты из памятников Мойлтын ам, Орхон-7 и Цацын-Эрег, приходящиеся на промежуток 27–21 тыс. кал. л.н. [Деревянко, Кандыба, Петрин, 2010; Рыбин, Хаценович, Кандыба, 2016].

Около 18 тыс. кал. л.н. в бассейне Средней Селенги появляются комплексы позднего верхнего палеолита, генезис и культурная атрибуция которых до сих пор остаются неясными: для этих комплексов не существует радиоуглеродных определений ввиду отсутствия органического материала для датирования. Предполагаемая ранее концепция, рассматривавшая поздний верхний палеолит Северной Монголии как единое культурное явление, генетически близкое синхронным комплексам Забайкалья, требует пересмотра.

Материалы

Новые данные, полученные для памятников Толборской группы, меняют представление о последовательности и времени заселения Монголии различными популяциями.

В рамках данной статьи рассматривается круг предположительно синхронных комплексов, залегающих в слоях, которые находятся в стратиграфических колонках непосредственно над отложениями, вмещающими ранний верхний палеолит, на памятниках долин р. Толбор и Харганын-Гол, которые расположены на территории радиусом ок. 10 км. Для этих комплексов отмечается наличие серии геометрических предметов, что отличает их

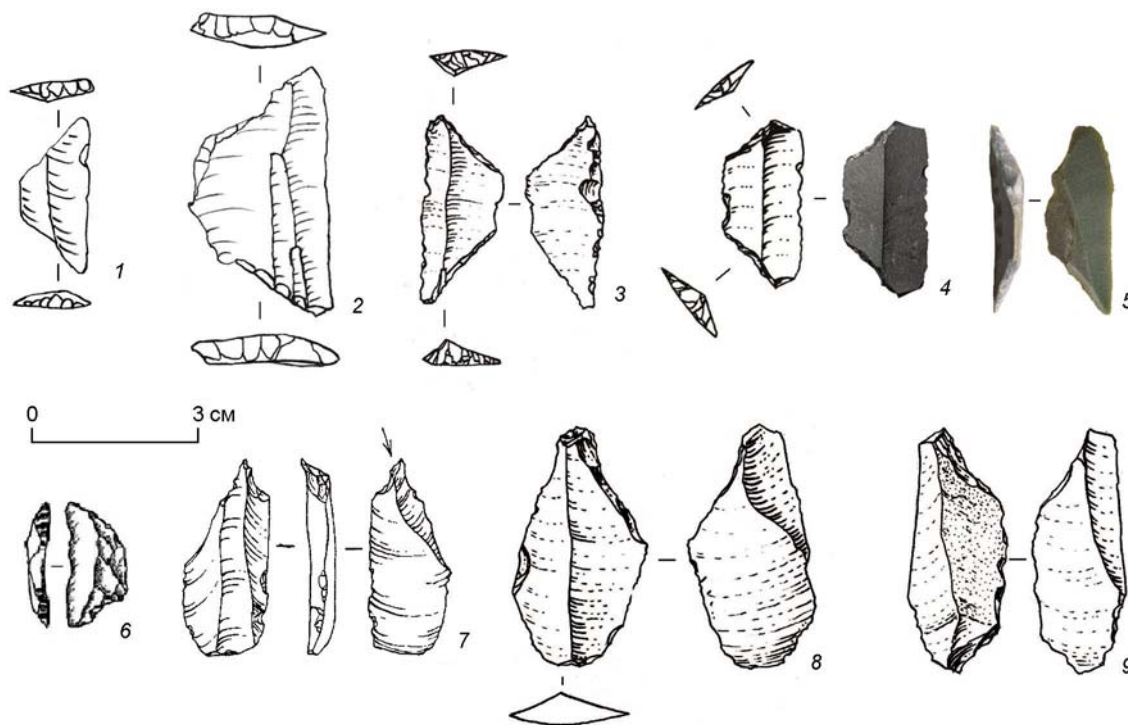
от всех сопредельных регионов и предшествующих и последующих комплексов.

За исключением памятника Толбор-15, все памятники долины Толбора содержат геометрические изделия. Впервые эти предметы были выявлены и описаны для горизонта 4 памятника Харганын-Гол-5 как диагонально битронкированные мелкие пластины и пластинки-трапеции (см. рисунок, 1–3) [Хаценович, Рыбин, 2015]. Позднее геометрические изделия были найдены в горизонте 2 Толбор-21, горизонте 4 Толбор-16 и, предположительно перемещенные вследствие биотурбации из верхних горизонтов, в горизонте 6 Толбор-4.

Все вышеозначенные комплексы имеют общие технико-типологические характеристики [Хаценович и др., 2017]. Несмотря на то, что традиционно пластинки и микропластины разграничиваются показателями ширины – 6–12 мм и меньше 6 мм соответственно, первоочередным является их технологическое разделение, и только потом – метрическое. Для комплексов этого культурного варианта характерно практически полное отсутствие микрорасщепления на фоне серийного производства пластинок со специализированных подпризматических ядрищ. Первичное расщепление в целом для этого культурного варианта характеризуется двумя принципами: плоскостным и подпризматическим, каждый из которых направлен на получение конкретного типа сколов-заготовок. Среди комплексов,

относящихся к этой группе, наиболее представительным по численности и количеству своеобразных типов орудий является комплекс горизонта 4 Харганын-Гол-5.

Памятник Харганын-Гол-5. Это многослойный объект, включающий в себя комплексы терминального среднего палеолита и начального верхнего палеолита. Их перекрывают отложения литологического/культурного слоя/горизонта 4. Все артефакты горизонта 4 изготовлены из местных темно-серых и серых силицитов различной степени зернистости и внутренней неоднородности. О характере расщепления можно судить по наличию плоскостных одно- и двуплощадочных параллельных ядрищ, в т.ч. для пластинок. Также представлены радиальные, ортогональные и кубовидные формы. Торцовые нуклеусы имеют следы минимального оформления, они изготавливались на сколах и обломках, при этом один предмет имеет следы снятий пластинок во встречном направлении. Наиболее представительны подпризматические и призматические нуклеусы. В этой категории есть серия небольших подпризматических и призматических нуклеусов с негативами снятий мелких пластин и пластинок. Также представлен кареноидный нуклеус. Орудийный набор горизонта 4 составляет 8 % коллекции: помимо ретушированных пластин и отщепов, выемчатых орудий, шиповидных орудий, здесь есть скребки, скребла,

Каменные изделия из комплексов с геометрическими микролитами.

1–3 – трапеции, Харганын-Гол-5, горизонт 4; 4 – трапеция, Толбор-21, горизонт 2; 5 – трапеция, Толбор-4, горизонт 6; 6 – трапеция, Толбор-16, горизонт 2; 7–9 – срединные ретушные резцы, Харганын-Гол-5, горизонт 4.

проколки, симметричное острие на пластине, галечные орудия (струги и скобели). Большой интерес представляет яркий набор орудий на пластинках: острие с вентральной подтеской дистального окончания, острие с притупленным краем, пластинки с насадом, и поперечным усечением, ретушированные пластинки. Яркую группу составляют срединные ретушные резцы.

Памятник Толбор-4. В отложениях стоянки представлены комплексы начального верхнего палеолита и раннего верхнего палеолита. Их перекрывают отложения, содержащие ассамбляж горизонта 3. Основу индустрии, представленной в горизонте 3, составляет отщеповая технология. Сколы получали преимущественно с плоскостных одноплощадочных моно- и двуфронтальных однонаправленных и ортогональных нуклеусов. В то же время присутствуют небольшие подпризматические и торцовые нуклеусы для получения мелкопластинчатых заготовок в однонаправленной системе. Орудийный набор включает пластинки с притупленным краем, скошенные острия, скребки и скребла, зубчатые и выемчатые орудия.

Памятник Толбор-21. В отложениях стоянки представлены комплексы среднего палеолита, начального верхнего палеолита и раннего верхнего палеолита. Их перекрывают отложения, содержащие комплекс культурного горизонта 2. Ассамбляж этого горизонта представлен выраженной отщеповой технологией, обилием аморфных сколов и ситуационных нуклеусов. Вместе с тем здесь были обнаружены немногочисленные пластинки и микропластинки. Судя по сумме характеристик, включающих отсутствие подлинного микрорасщепления, наличие элементов мелкопластинчатой редуцированной технологии, продукты которой представлены в виде пластинок с притупленным краем и тронкированием, ассамбляж может быть отнесен к периоду, непосредственно следующему за последним ледниковым максимумом (ок. 18–16 тыс. л.н.).

Памятник Толбор-16. Так же как и в отложениях стоянки Толбор-4 в основании разреза стоянки лежат культурные горизонты начального верхнего палеолита и раннего верхнего палеолита. Их перекрывает индустрия литологического слоя/культурного горизонта. Индустрия комплекса горизонта 4 в целом мало отличается от вышеописанных. Производство мелкопластинчатых заготовок осуществлялось с помощью немногочисленных торцовых нуклеусов, изготовленных на сколах и имеющих киль, а также своеобразных мелких подпризматических нуклеусов, имеющих бочонковидную форму [Rubin et al., 2016]. Орудийные наборы содержат резцы, скребки, проколки, ретушированные пластинки, галечные ору-

дия. К редким типам орудий относятся пластинки с притупленным краем [Zwyns et al., 2014].

Геометрические изделия в контексте верхнего палеолита Северной Монголии

Во всех вышеперечисленных археологических комплексах содержатся своеобразные формы, отнесенные нами к геометрическим изделиям или артефактам, морфологически определяемым как трапеции, – диагонально битронкированные пластины и пластинки, а также сегменты. В горизонте 4 Харганын-Гол-5 они представлены 4 экз. Заготовками для них служили мелкие пластины и пластинки в равном количестве. Для них характерен прямой или слегка изогнутый профиль и подтреугольное или трапециевидное поперечное сечение различной высоты, за исключением одного предмета с трапециевидным сечением. Морфометрические показатели изделий, за исключением одного, наиболее крупного предмета, весьма схожи, пропорции орудий (соотношение длины и ширины) стремятся к значению 2 : 1. Показатели толщины предметов варьируют незначительно, невзирая на размер и тип заготовок [Muheisen, Wada, 1995].

Остается неясной техника изготовления трапеций. Нельзя исключать использование микрорезцовой техники для производства заготовок, тем более срединные ретушные резцы, являющиеся побочным продуктом этой техники [Miolo, Peresani, 2005], присутствуют в горизонте 4 Харганын-Гол-5 (см. *рисунок, 7–9*). Однако этот тип не был выявлен в других комплексах, а на Харганын-Гол-5 резцы и трапеции выполнены из отличных разновидностей силицитов. Не исключено, что использовался прием преднамеренной фрагментации мелких пластин и пластинок, их присутствие в коллекции горизонта 4 косвенно указывает на это. Некоторые из них имеют ретушированный край, возможно, для создания необходимой выемки для фрагментирования.

На памятнике Толбор-4 обнаружены трапеция (см. *рисунок, 5*) и сегмент в горизонте 6. Стратиграфический контекст этих находок вызывает сомнения: горизонт 6 содержит пластинчатую индустрию начального верхнего палеолита, датирующуюся ок. 40 тыс. л.н., наиболее вероятно, что предметы были перемещены из вышележащих слоев вследствие биотурбации.

Схожая ситуация отмечается и для памятника Толбор-21: два геометрических изделия были найдены в ранневерхнепалеолитическом горизонте 3а и в горизонте 3с с индустрией начального верхнего палеолита, третье – в горизонте 2, относящем-

ся к среднему верхнему палеолиту (см. рисунок, 4) [Рыбин и др., 2018]. Предмет из горизонта 3а может быть описан как сегмент, поскольку один из его продольных выпуклых краев обработан отвесной параллельной ретушью, два других представлены трапециями (одна из них поперечно фрагментирована).

Еще одна трапеция была найдена в горизонте 2 уровня 2 памятника Толбор-16 (см. рисунок, б) [Zwyns et al., 2014; Rybin et al., 2016], что дало возможность определить верхнюю хронологическую границу существования геометрических микролитов в Северной Монголии: верхняя часть уровня 2 имеет радиоуглеродную дату 15660 ± 40 (18950–18800 кал. л.н.) (MAMS-14938) [Zwyns et al., 2014]. За этим исключением, ни один из горизонтов с геометрическими изделиями не содержал органический материал для радиоуглеродного датирования, однако для них были отобраны образцы для датирования методом оптически стимулированной люминесценции (ОСЛ). Уже полученные и опубликованные ОСЛ-даты для памятника Толбор-16 подтверждают и несколько удревяняют возраст верхней части уровня 2: (L-EVA1431) 17200 ± 3200 , (L-EVA1432) 18600 ± 3600 [Zwyns et al., 2019]. Нижняя часть этого уровня, где и была найдена трапеция, имеет ОСЛ-дату (L-EVA1433) 29000 ± 5800 кал. л.н. Верхняя часть нижележащего уровня 3 датируется (L-EVA1435) 39300 ± 7400 кал. л.н. [Ibid.]. Учитывая, что граница между уровнями неровная, а трапеция могла быть перемещена вверх по разрезу в результате солифлюкций, фиксируемых в уровне 3, то нижняя граница существования может быть еще древнее.

Таким образом, на данный момент мы можем принять дату ок. 30 тыс. кал. л.н. как наиболее вероятное время существования геометрических микролитов. В горизонте 4 Харганын-Гол-5, в отличие от других памятников, трапеции, учитывая их количество, вероятнее всего находились в инситу состоянии, и ОСЛ-даты для этого горизонта прояснят ситуацию. Для границы горизонта 5 и 4 была получена радиоуглеродная дата ок. 36 тыс. кал. л.н. [Хаценович, 2018].

Заключение

Ранее мы относили время существования геометрических микролитов ко времени последнего максимума оледенения или сразу после него [Rybin et al., 2016]. Новые полученные данные – и ОСЛ-даты, и геометрические микролиты на других памятниках – вносят коррективы. Вероятнее всего, время их появления в бассейне средней Селенги в Северной Монголии относится к периоду до по-

холодания. Ассамбляж горизонта 4 Харганын-Гол-5 разительно отличается от других рассматриваемых комплексов, что не позволяет проводить параллели на основе технико-типологических признаков. Комплекс горизонта 2 Толбор-21, откуда, скорее всего, происходят все геометрические микролиты памятника, слишком малочисленный и маловыразительный, а ассамбляж горизонта 2 Толбор-16 не опубликован. Таким образом, затруднительно утверждать, что все рассматриваемые комплексы представляют собой одномоментный эпизод заселения, базирующийся на схожих каменных индустриях со схожим орудийным набором. Тем не менее мы можем определить границы вероятного существования геометрических микролитов в Северной Монголии: 18–36 тыс. кал. л.н., с наиболее вероятным временем первого появления ок. 30 тыс. кал. л.н.

Нельзя исключать, что производство геометрических изделий было привнесено на территорию Северной Монголии. В то же время сложно объяснить отсутствие территориально близких аналогий в Сибири и Центральной Азии. Появление во время ухудшений климата новых технологических, и, вероятно, культурных традиций может быть связано либо с появлением нового населения, либо с технологической и поведенческой адаптацией местного населения к новым условиям. Геометрические микролиты свидетельствуют об изменениях в способах охоты и, возможно, объектов охоты, требующих использования составных орудий.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР № 0329-2019-0002 «Древнейшие культурные процессы на территории Центральной Азии».

Список литературы

Гладышев С.А., Гунчинсүрэн Б., Джалл Э., Доганджич Т., Звинс Н., Олсен Д., Ричардс М., Табарев А.В., Таламо С. Радиоуглеродное датирование палеолитических стоянок в долине реки Их-Тулбэрийн-Гол в Северной Монголии // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: история, филология. – 2013. – Т. 12. – Вып. 5: Археология и этнография. – С. 44–48.

Деревянко А.П., Зенин А.Н. К проблеме изучения палеолитических комплексов Монголии с поверхностным залеганием артефактов // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий: мат-лы междунар. симп. – Новосибирск, 1998. – Т. 2. – С. 227–235.

Деревянко А.П., Кандыба А.В., Петрин В.Т. Палеолит Орхона. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – 384 с.

Палеолит и неолит северного побережья Долины Озер / А.П. Деревянко, В.Т. Петрин, Д. Цзвэндорж, Е.В. Девяткин, В.Е. Ларичев, Р.С. Васильевский, А.Н. Зенин, С.А. Гладышев. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 439 с. – (Каменный век Монголии).

Рыбин Е.П. Региональная вариабельность каменных индустрий начала верхнего палеолита в Южной Сибири и восточной части Центральной Азии: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2020. – 31 с.

Рыбин Е.П., Павленок Г.Д., Хаценович А.М., Марченко Д.В., Гунчинсүрен Б. Каменная технология среднего этапа верхнего палеолита Северной Монголии (культурный горизонт 2 стоянки Толбор-21): к постановке проблемы // Изв. Иркут. гос. ун-та. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2018. – Т. 26. – С. 39–60.

Рыбин Е.П., Хаценович А.М., Кандыба А.В. Палеолитическое заселение Монголии: по данным абсолютной хронологии // Изв. Алт. гос. ун-та. – 2016. – № 2. – С. 245–254.

Рыбин Е.П., Хаценович А.М., Павленок Г.Д. Последовательность развития индустрий раннего верхнего палеолита – позднего верхнего палеолита Монголии // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология, этнология, антропология. – 2016. – Т. 16. – С. 3–23.

Хаценович А.М. Ранние этапы верхнего палеолита Северной Монголии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2018. – 31 с.

Хаценович А.М., Павленок Г.Д., Рыбин Е.П., Гунчинсүрэн Б., Болорбат Ц., Маргад-Эрдэнэ Г. Мелко- и микропластинчатые индустрии позднего верхнего палеолита Северной Монголии // Евразия в кайнозой. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – 2017. – Вып. 6. – С. 144–153.

Хаценович А.М., Рыбин Е.П. Геометрические изделия в позднем верхнем палеолите Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 161–165.

Gladyshev S.A., Tabarev A.V., Olsen J.W. Origin and Evolution of the Late Paleolithic Microindustry in Northern Mongolia // *Current Research in the Pleistocene*. – 2010. – Vol. 27. – P. 38–40.

Jaubert J., Bertran P., Fontugne M., Jarry M., Lacombe S., Leroyer C., Marmet E., Taborin Y., Tsogtbaatar B., Brugal J.P., Desclaux M., Poplin F., Rodière J., Servelle C. Le Paléolithique supérieur ancien de Mongolie: Dörölj 1 (Egiin Gol). Analogies avec les données de l'Altai et de Sibérie // *Acts of the XIVth UISPP Congress, University of Liège, Belgium, 2–8 September 2001. Section 6: Le Paléolithique Supérieur*. – Oxford: Archaeopress, 2004. – P. 225–241.

Miolo R., Peresani M. A new look at microburin technology: some implications from experimental procedures // *Preistoria Alpina*. – 2005. – Vol. 41. – P. 65–71.

Muheisen M., Wada H. An Analysis of the microliths at Kharaneh IV, phase D, Square A20/37 // *Paleorient*. – 1995. – Vol. 21, N 1. – P. 75–95.

Rybin E.P., Khatsenovich A.M., Gunchinsuren B., Olsen J.W., Zwyns N. The impact of the LGM on the development of the Upper Paleolithic in Mongolia // *Quaternary Intern.* – 2016. – Vol. 425. – P. 69–87.

Zwyns N., Gladyshev S.A., Gunchinsuren B., Bolorbat T., Flas D., Tabarev A., Dogandzic T., Gillam J.C., Khatsenovich A., McPherron Sh., Odsuren D., Paine C., Purevjal K.E., Stewart J. The open-air site of Tolbor 16 (Northern Mongolia): preliminary results and perspectives // *Quaternary Intern.* – 2014. – Vol. 347. – P. 53–65.

Zwyns N., Paine C.H., Bolorbat Ts., Talamo S., Fitzsimmons K.E., Angaragdulguun G., Lkhundev G., Odsuren D., Flas D., Dogandžić T., Doerschner N., Welker F., Gillam J.Ch., Noyer J.B., Bakhtiary R.S., Allshouse A.F., Smith K.N., Khatsenovich A.M., Rybin E.P., Gunchinsuren B., Hublin J.-J. The Northern Route for Human dispersal in Central and Northeast Asia: New evidence from the site of Tolbor-16, Mongolia // *Nature Scientific Reports*. – 2019. – Vol. 9. – Article N 11759.

References

Derevianko A.P., Kandyba A.V., Petrin V.T. Paleolit Orkhona. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2010, 384 p. (In Russ.).

Derevianko A.P., Petrin V.T., Tsevendorzh D., Devyatkin E.V., Larichev V.E., Vasil'evskii R.S., Zenin A.N., Gladyshev S.A. Paleolit i neolit severnogo poberezh'ya Doliny Ozer. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2000, 439 p. (Kamennyi vek Mongolii). (In Russ.).

Derevianko A.P., Zenin A.N. K probleme izucheniya paleoliticheskikh kompleksov Mongolii s poverkhnostnym zaleganiem artefaktov. *Paleoekologiya pleistotsena i kul'tury kamennogo veka Severnoi Azii i soprodel'nykh territorii: Materialy mezhdunar. simpoz.* Novosibirsk, 1998, vol. 2, pp. 227–235. (In Russ.).

Gladyshev S.A., Gunchinsuren B., Dzhall E., Dogandzhich T., Zvins N., Olsen D., Richards M., Tabarev A.V., Talamo S. Radiouglerodnoe datirovanie paleoliticheskikh stoyanok v doline reki Ikh-Tulberiin-Gol v Severnoi Mongolii. *Novosibirsk State University Bulletin. Series: history, philology*, 2013, vol. 12, iss. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 44–48. (In Russ.).

Gladyshev S.A., Tabarev A.V., Olsen J.W. Origin and Evolution of the Late Paleolithic Microindustry in Northern Mongolia. *Current Research in the Pleistocene*, 2010, vol. 27, pp. 38–40.

Jaubert J., Bertran P., Fontugne M., Jarry M., Lacombe S., Leroyer C., Marmet E., Taborin Y., Tsogtbaatar B., Brugal J.P., Desclaux M., Poplin F., Rodière J., Servelle C. Le Paléolithique supérieur ancien de Mongolie: Dörölj 1 (Egiin Gol). Analogies avec les données

de l'Altai et de Sibérie. *Acts of the XIVth UISPP Congress, University of Liège, Belgium, 2–8 September 2001. Section 6: Le Paléolithique Supérieur*. Oxford: Archaeopress, 2004, pp. 225–241.

Khatsenovich A.M. Rannie etapy verkhnego paleolita Severnoi Mongolii: cand. sc. (history) dissertation abstract. Novosibirsk, 2018, 31 p. (In Russ.).

Khatsenovich A.M., Pavlenok G.D., Rybin E.P., Gunchinsuren B., Bolorbat Ts., Margad-Erdene G. Melko- i mikroplastinchatye industrii pozdnego verkhnego paleolita Severnoi Mongolii. *Evraziya v kainozoe. Stratigrafiya, paleoekologiya, kul'tury*, 2017, iss. 6, pp. 144–153. (In Russ.).

Khatsenovich A.M., Rybin E.P. Geometricheskie izdelya v pozdnem verkhnem paleolite Mongolii. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, vol. XXI, pp. 161–165. (In Russ.).

Miolo R., Peresani M. A new look at microburin technology: some implications from experimental procedures. *Preistoria Alpina*, 2005, vol. 41, pp. 65–71.

Muheisen M., Wada H. An Analysis of the microliths at Kharaneh IV, phase D, Square A20/37. *Paleorient*, 1995, vol. 21, iss. 1, pp. 75–95.

Rybin E.P. Regional'naya variabel'nost' kamennykh industrii nachala verkhnego paleolita v Yuzhnoi Sibiri i vostochnoi chasti Tsentral'noi Azii: dr. sc. (history) dissertation abstract. Novosibirsk, 2020, 31 p. (In Russ.).

Rybin E.P., Khatsenovich A.M., Gunchinsuren B., Olsen J.W., Zwyns N. The impact of the LGM on the development of the Upper Paleolithic in Mongolia. *Quaternary International*, 2016, vol. 425, pp. 69–87.

Rybin E.P., Khatsenovich A.M., Kandyba A.V. Paleoliticheskoe zaselenie Mongolii: po dannym absolyutnoi

khronologii. *Izvestiya of Altai State University*, 2016, iss. 2, pp. 245–254. (In Russ.).

Rybin E.P., Khatsenovich A.M., Pavlenok G.D. Posledovatel'nost' razvitiya industrii rannego verkhnego paleolita – pozdnego verkhnego paleolita Mongolii. *Bulletin of Irkutsk State University. Series: Geoarcheology. Ethnology. Anthropology*, 2016, vol. 16, pp. 3–23. (In Russ.).

Rybin E.P., Pavlenok G.D., Khatsenovich A.M., Marchenko D.V., Gunchinsuren B. Kamennaya tekhnologiya srednego etapa verkhnego paleolita Severnoi Mongolii (kul'turnyi gorizont 2 stoyanki Tolbor-21): k postanovke problemy. *Bulletin of Irkutsk State University. Series: Geoarcheology. Ethnology. Anthropology*, 2018, vol. 26, pp. 39–60. (In Russ.).

Zwyns N., Gladyshev S.A., Gunchinsuren B., Bolorbat T., Flas D., Tabarev A., Dogandzic T., Gillam J.C., Khatsenovich A., McPherron Sh., Odsuren D., Paine C., Purevjal K.E., Stewart J. The open-air site of Tolbor 16 (Northern Mongolia): preliminary results and perspectives. *Quaternary International*, 2014, vol. 347, pp. 53–65.

Zwyns N., Paine C.H., Bolorbat Ts., Talamo S., Fitzsimmons K.E., Angaragdulguun G., Lkhundev G., Odsuren D., Flas D., Dogandžić T., Doerschner N., Welker F., Gillam J.Ch., Noyer J.B., Bakhtiary R.S., Allshouse A.F., Smith K.N., Khatsenovich A.M., Rybin E.P., Gunchinsuren B., Hublin J.-J. The Northern Route for Human dispersal in Central and Northeast Asia: New evidence from the site of Tolbor-16, Mongolia. *Nature Scientific Reports*, 2019, vol. 9, article No. 11759.

Хаценович А.М. <https://orcid.org/0000-0002-8093-5716>

Рыбин Е.П. <https://orcid.org/0000-0001-7434-2757>

А.Н. Чеха

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: cheha.anna@yandex.ru

Каменные индустрии Усть-Кутарейского участка в Северном Приангарье. Новые данные

С широкомасштабными спасательными работами, связанными со строительством Богучанской ГЭС, начался новый этап археологического исследования территории Северного Приангарья. В настоящий момент полученный материал активно анализируется и вводится в научный оборот. В результате проведенных исследований были получены представительные коллекции археологического материала, в т.ч. на памятниках в устье р. Кутарей: Устье Реки Кутарей, Сенькин Камень, Гора Кутарей, Ручей Поварный. В силу особенностей формирования отложений и проблематики изучения региона, особенно важны детальное изучение археологического материала, планиграфический контекст, сравнительный анализ с памятниками Приангарья того же времени. По итогам изучения археологических материалов памятника Устье Реки Кутарей удалось выявить условно «чистые» неолитические комплексы и смешанные (с примесью керамики эпохи бронзы – Средневековья). Для более четкого понимания ситуации по Усть-Кутарейскому участку в целом была произведена выборка и выполнен сравнительный анализ материалов с соседних памятников – Гора Кутарей и Сенькин (Синий) Камень. Выявлено, что территория в устье р. Кутарей представляет сплошной культурный слой, промежуток между памятниками образовался из-за разрушения большей их части русской деревней Кутарей в XX в. и сплошным лесосводом в 2008–2010 гг. Каменные индустрии памятников по большей части соотносятся с периодом неолита и эпохи бронзы. Техничко-типологический анализ показал на памятнике Устье Реки Кутарей концентрацию микропластинчатого производства, а на стоянке Гора Кутарей – производства тесел и топоров, скребков веерного типа. На памятнике Сенькин (Синий) Камень фиксируется спад концентрации находок и не выявлено показательной коллекции орудий. В целом памятники Кутарейского участка демонстрируют продолжение мезолитических традиций Усть-Ковы I. Проведенные исследования позволяют расширить источниковую базу неолита – эпохи палеометалла и в дальнейшем уточнить культурно-хронологическую шкалу региона.

Ключевые слова: Северное Приангарье, неолит, палеометалл, каменная индустрия, компрессионный характер отложений, керамические комплексы, спасательные археологические работы.

Anna N. Chekha

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: cheha.anna@yandex.ru

New Data on Lithic Industries from the Ust-Kutarey Area in the North Angara Region

As a result of large-scale rescue archaeological work in the North Angara region, associated with the construction of the Boguchanskaya hydro-electric power station, many archaeological sites were discovered, including Ust-Kutarey, Senkin Kamen, Gora Kutarey, and Ruchey Povarny. Presently, active analyses of the obtained materials and their introduction to scientific use are in process. Because of the specifics of cultural sediment formation and problematic of studying the region, detailed research, planigraphic analyses, and comparison of the same-age sites in the region become particularly important. As a result of a detailed study of the archaeological materials from the Ust-Kutarey site, conditionally “pure” Neolithic complexes as well as mixed complexes (with an admixture of Bronze to Medieval Age ceramics) have been identified. To provide more clear understanding of the situation in the Ust-Kutarey area as a whole, the collection of samples (blades, cores, stone tools) was selected for a comparative analysis of materials from the adjacent sites (Gora Kutarey and Senkin Kamen),

which allowed to establish that the territory in the mouth of the Kutara River is a solid cultural layer, and the interval between the sites was formed due to their significant destruction by the Russian village Kutarey in the 20th century and complete deforestation in 2008–2010. The lithic industries in the sites in the Ust-Kutarey area are related mostly to the Neolithic and Bronze Age. Techno-typological analysis showed the concentration of microblade production in the Ust-Kutarey site, and high amount of adzes and axes, fan-type scrapers in the Gora Kutarey site. In the Senkin Kamen site, a decline in the concentration of finds was recorded and no significant collection of tools was discovered. In general, the sites located in the mouth of the Kutarey River show a continuation of Mesolithic traditions of Ust-Kova I. The conducted research allows expanding the source base for the Neolithic to Paleometal period to clarify the cultural and chronological scale of the region in future.

Keywords: North Angara region, Neolithic, Paleometal, lithic industries, ceramic complexes, compression-type deposits, rescue archaeological investigations.

После окончания спасательных археологических работ в зоне затопления Богучанской ГЭС ведется активная работа по вводу в научный оборот полученных материалов, в т.ч. с памятников Усть-Кутарейского участка. Проведен детальный технико-типологический анализ каменных индустрий и декоративно-морфологический анализ керамического материала слоев 2 и 3 стоянки Устье Реки Кутарей. В результате планиграфического сопоставления выявленных культурно-хронологических групп керамики и каменных индустрий на памятнике удалось выявить условно «чистые» неолитические комплексы и «смешанный» комплекс (с примесью более поздней керамики). В целях более целостного понимания ситуации по Усть-Кутарейскому участку была сделана выборка орудий и пластинчатых сколов, а также нуклеусов со стоянок Гора Кутарей и Сенькин (Синий) Камень для сравнения с полученными данными.

Археологический памятник Гора Кутарей расположен в Кежемском р-не Красноярского края, на левом берегу р. Ангара, в 617 км от ее устья, у подножия горы Кутарей, в 1,2 км ниже устья р. Кутарей (где располагается памятник Устье Реки Кутарей), в 15 км ниже по течению от бывшего села Кежма. Памятник располагается у западного подножия горы Кутарей (на первой надпойменной террасе), а также у юго-восточного склона, на левобережной ровной площадке сухого лога, пересекающего южное подножье горы. Памятник был открыт в 1975 г., частично исследовался в 2006 и 2008 гг. в рамках разведочных работ. Подробная разведка со вскрытием 60 м² проведена в 2010 г., в 2011 г. А.В. Выборновым проведены спасательные археологические раскопки.

Принципиальная стратиграфия памятника включает четыре слоя, зафиксированных в каждой части.

Слой 1. Темно-серая до черной гумусированная супесь.

Слой 2. Супесь серо-коричневая с мелкими углистыми включениями, темнеет и уплотняется к подошве.

Слой 3. Супесь светло-коричневая, светлеет к подошве.

Слой 4. Песок серо-желтый. Кроме этого, фиксируются более тяжелые и мелкодисперсные осадки – суглинки, белесые и темно-бурые. Этот слой на большей части раскопа четко отделяет пачки супесей и суглинков. Верхняя часть – супеси – содержит археологический материал, характерный для стояночных комплексов Ангары периода неолита – бронзы. Нижняя часть – суглинки – может ассоциироваться с периодом мезолита – раннего неолита. В настоящее время пока не получено результатов радиоуглеродного анализа, поэтому датировка обоих слоев исключительно гипотетическая. Анализ почвенной ситуации показал, что слои 1–3 разделяются условно, а материалы из них не позволяют провести культурно-хронологическую дифференциацию находок.

Всего на памятнике обнаружено 23 299 артефактов, большая часть получена из культурных слоев 2 и 3. Каменная индустрия составляет 11 604 экз. (слой 2), 6 229 экз. (слой 3). В составе предметного комплекса выявлены важные датирующие артефакты: топоры с «ушками», клиновидные тесла, стержень рыболовного крючка, позволяющие уверенно говорить о широком периоде неолита – ранней бронзы (IV–II тыс. до н.э.).

Индустрии (слои 2 и 3) стоянки (рис. 1) характеризуются малым количеством пластинчатых и единичными микропластинчатыми заготовками (по сравнению с материалами стоянки Устье Реки Кутарей). В слое 3 выявлено восемь пластинчатых заготовок шириной до 12 мм (семь пластинок и одна микропластина) и десять пластин, а также два технических скола (краевой и полуреберчатый).

Нуклеусов всего пять: цилиндрический двуплощадочный для пластинок и микропластин, призматический для микропластин, двуплощадочный монофронтальный для пластинок и пластин. Плоскостное расщепление представлено двумя ядрищами для отщепов: бессистемным одноплощадочным для отщепов и двуплощадочным бифронтальным для мелких отщепов. У всех отмечается средняя или завершающая стадия утилизации.

Рис. 1. Каменная индустрия стоянки Гора Кутарей.

1 – пластинки, микропластинки; 2 – пластина с ретушью; 3, 15, 16 – скребки; 4 – ретушированная пластинка; 5 – микроострие; 6 – нож из нефрита; 7–12, 17 – наконечники; 13 – остроконечник; 14 – топор; 18, 19 – нуклеусы; 20, 21 – тесла.

Среди орудий весомую группу составляют наконечники (6 экз.), их фрагменты (3 экз.) и заготовки (3 экз.). Категория представлена листовидным с прямым насадом (42,1 мм), оформленным бифасиальной субпараллельной крутой отжим-

ной ретушью, треугольным с прямым насадом (25,3 мм), оформленным крутой многорядной чешуйчатой ретушью (выполнен на отщепе), треугольным черешковым (22,5 мм, черешок длиной 5,4 мм), оформленным бифасиальной полукрутой

субпараллельной ретушью наконечниками. Еще два – треугольные с вогнутым насадом (16 мм и 56 мм), один из них удлинённый, с глубокой выемкой (13 мм), оформлен стелющейся параллельной отжимной ретушью. Подобный экземпляр был обнаружен на Усть-Кове I, пункт 2 (второй культурный горизонт), а также на памятнике Сосновый Мыс в культурном горизонте 3 [Кузнецов и др., 2020]. Материалы, обнаруженные в отложениях первой надпойменной террасы р. Ковы, отнесены, предположительно, к раннему голоцену [Харевич и др., 2014]. Еще один экземпляр на острокопечной пластине оформлен вентральной отвесной краевой чешуйчатой ретушью. В категории также выявлено три фрагмента (тела) и три заготовки (одна на отщепе).

Среди пластинчатых сколов четыре с ретушью: три скола шириной 9–10 мм и один 15 мм оформлены чешуйчатой краевой вентральной ретушью по одной (1 экз.) или обоим латералиям (3 экз.).

В коллекции слоя 3 представлены четыре концевых скребка: два изделия на отщепах и два – на пластинах, с округлым или широким слабовыпуклым рабочим краем (один на пластине с узким); два продольных скребла, оформленных крутой дорсальной крутой ступенчатой и полукрутой чешуйчатой ретушью по дистальному окончанию и продольному краю. Кроме того, выявлены два топора трапециевидной формы и прямоугольных в сечении. Изделия по всему периметру оформлены крупными снятиями (фасонаж), на одном предмете выявлены следы термообработки. Бифасиальные орудия представлены одним фрагментом овального бифаса, тремя заготовками: один овальный бифас, одно рубящее орудие, оформленное крупными уплощающими сколами, одна заготовка орудия типа тесла на нуклеусе. Остальную часть орудийного набора составляют: шиповидное орудие, три фрагмента тесел, три заготовки неопределимых орудий, отщеп с ретушью и точило.

Индустрия слоя 2 отличается от слоя 3 большим количеством пластинчатых сколов от 7 до 12 мм (24 экз.), от 12 до 18,8 мм (5 экз.), все сколы с прямым профилем, треугольной или трапециевидной огранки. Примечательно, что все пластинчатые сколы выполнены из кремня (в отличие от материалов стоянки Устье Реки Кутарей, где при массовом микропластинчатом и пластинчатом производстве большая часть сколов выполнена из алевропесчаника). Два технических скола представлены сколом подправки фронта и полуреберчатым вариантом.

Нуклеусы представлены объемными ядрищами для пластин, пластинок, микропластин, среди которых: цилиндрический для микропластин, два клиновидных для пластинок и микропластин, тор-

цовый для пластинок и призматический для пластинок и пластин. Еще выявлен призматический нуклеус для отщепов и пластин и один плоскостной монофронтальный одноплощадочный нуклеус для пластин. В коллекции имеются два нуклеидных обломка и два фрагмента терминальной части нуклеуса.

Орудийный набор отличается как от индустрии слоя 3 стоянки Гора Кутарей, так и от индустрий слоев 2 и 3 стоянки Устье Реки Кутарей прежде всего наличием семи веерообразных одинарных скребков с широким или округлым лезвием, оформленным крутой или отвесной многорядной ретушью, часто со следами неоднократной подработки. В категории также выявлено восемь одинарных скребков на отщепах (один боковой) и один на пластине.

Еще одной многочисленной категорией являются тесла (10 экз.), большинство из них прямоугольной, вытянутой, клиновидной формы с прямоугольным или слабовыпуклым сечением, шлифовкой и подработкой (уплощением) по одному краю или всему периметру.

В коллекции также широко представлены топоры (4 экз.), их фрагменты (3 экз.) и заготовки (5 экз.). Один экземпляр с «ушками» имеет следы использования (затертости). Ушки оформлены многорядной чешуйчатой ретушью. Еще 3 экз. выполнены на крупных отщепах. Один экземпляр оформлен крупными сколами по всему периметру, два других сработаны по краю чешуйчатой однорядной ретушью и по левой латерали чешуйчатой отвесной разнофасеточной ступенчатой ретушью.

Среди наконечников присутствуют треугольный с прямым насадом (2 экз.), треугольный с вогнутым насадом (3 экз.), листовидный (2 экз.), а также фрагменты: перо (3 экз.), тело (3 экз.), насад (вогнутый 1 экз.), тело и насад (7 экз., из них 3 экз. с вогнутым, 4 экз. с прямым), заготовки (10 экз.). Выделяется наконечник с тупым краем на отщепе длиной 62,8 мм, по продольному краю он обработан полукрутой субпараллельной равнофасеточной бифасиальной ретушью, дистальное окончание – чешуйчатой плоской многорядной ретушью. Помимо этого, в коллекции выявлены два овальных бифаса (67,9 мм и 25,2 мм длиной), оформленных полукрутой субпараллельной равнофасеточной бифасиальной ретушью, и два фрагмента.

Особо следует отметить шлифованный по всей поверхности нож с обушком, выполненный из нефрита, длиной 65 мм. По петрографическим данным ближайшие выходы нефрита могут быть в Бурятии и на юге Иркутской обл. (по р. Китой). Еще один нож бифасиально обработан уплощающими снятиями, по его рабочему краю идет полукрутая чешуйчатая ретушь.

Единичными экземплярами представлены: проколка, микроострие на пластинке (дистальное окончание оформлено крутой чешуйчатой ретушью), а также точильный камень – абразив.

Среди предметов, которые могут представлять художественную ценность, имеется диск (галька) с насечками и подвеска из когтя медведя. Декоративно-морфологический анализ керамического материала позволил выявить следующие группы: посольская, усть-бельская керамика (относятся к эпохе неолита), сосуды с жемчужным орнаментом (относятся к эпохе бронзы), керамика цпаньского типа, карабульского типа (относятся к широкому диапазону от раннего железного века до Средневековья) [Выборнов, Нестерова, 2015]. Стоит отметить, что на стоянке Устье Реки Кутарей керамика с жемчужинами не представлена.

Археологический памятник Сенькин (Синий) Камень расположен в Кежемском р-не Красноярского края, на левом берегу р. Ангара, в 621 км от ее устья, на территории между утесом горы Сенькин Камень и площадью бывшей колонии-поселения, в 1,9 км выше устья р. Кутарей, в 12 км ниже по течению от бывшего села Кежма.

Памятник был открыт в 1975 г., частично исследовался в рамках разведочных работ в 2006 и 2008 гг. В 2010 г. на археологическом объекте Сенькин (Синий) Камень произведены охранно-спасательные археологические исследования.

Рекогносцировочные работы в виде 59 раскопов общей площадью 236 м² показали участки сохранившегося культурного слоя и перспективные места для закладки раскопов сплошной площадью. Было заложено четыре сплошных раскопа общей площадью 900 м², в которых обнаружено 1 598 артефактов, относящихся к эпохе неолита – бронзы. Среди общего количества артефактов 225 предметов можно отнести к раннему железному веку – Средневековью.

Коллекция каменных орудий не столь выразительна (рис. 2). Основная часть материала была обнаружена в культурных слоях 2 и 3. Слой 2 представляет собой светло-серую уплотненную супесь. Граница неясная, волнистая, сопряжена с линией ожелезнения. Мощность слоя – 0,1–0,3 м. Большая часть археологического материала расположена в средней части и подошве слоя. Слой 3 является плотной коричневой супесью темных, светлых и сероватых оттенков. Нижняя граница – нечеткая, неясная, неровная. Изменение слоя обусловлено изменением мехсостава, подлежащий слой представлен песком. Во всей толще слоя включения присутствуют мелкие угольки – перьевые и замгтые следы лесных пожаров. Мощность – 0,05–0,32 м. В верхней части слоя зафиксирован археологический материал.

Шесть нуклеусов из слоя 2 невыразительны и необъемны. Один предмет – остаточный, аморфный, многоплощадочный. Второй нуклеус – многоплощадочный, рабочей стадии расщепления. На фронте скалывания имеются многочисленные негативы сколов среднего размера, часть ядрища (ок. 1/3) сохраняет естественную поверхность. Третье изделие – одноплощадочное ядрище конечной стадии расщепления. Фронт скалывания – выпуклый, несет негативы продольных снятий, контрфронт – плоский, тоже сохраняет негативы продольных снятий. Фрагмент одноплощадочного нуклеуса на первичном сколе. Его фронт скалывания – прямой, несет негативы бипродольных снятий. Предпоследнее изделие – многоплощадочный, бифронтальный нуклеус конечной стадии утилизации. Последний предмет – одноплощадочный, бифронтальный, остаточный, для снятия мелких и средних аморфных отщепов.

Среди орудий выявлены пластинка с ретушью, вентральная часть которой оформлена чешуйчатой плоской и полукрутой ретушью, расположенной на латералиях, и пластина с ретушью, модифицирующая вентральная ретушь которой локализована в проксимальной части на одной из латералей.

В коллекции присутствуют два бифасиальных орудия. Одно изделие по периметру оформлено двусторонней модифицирующей, крутой и полукрутой крупной ретушью. Второе изделие подтреугольной формы, по всей поверхности модифицировано бифасиальной крупной ретушью. На одной из латералей скола ретушь многорядная. Оба изделия выполнены на массивных сколах.

Ножи представлены тремя экземплярами. Плоскость одного изделия оформлена крупными уплощающими сколами, выделены рукоять и лезвие ножа. Лезвие сформировано бифасиальной мелкой, приостряющей субпараллельной и чешуйчатой ретушью. Второй нож, изготовленный на массивном отщепе трапециевидной формы, имеет обушок. Рабочий край изделия расположен на латерали заготовки и оформлен захватывающей многорядной дорсальной ретушью. Дистальная часть оформлена крупными сколами. Третий нож удлиненный, сегментовидной формы. Рабочий край – протяженный, оформлен по периметру заготовки чешуйчатой, захватывающей бифасиальной и противолежачей ретушью.

Выявлено четыре концевых скребка, изготовленных на отщепе. Первое изделие – скребок веерного типа. Вентральная часть орудия оформлена плоскими фасетками уплощающей ретуши. Рабочий край расположен в дистальной части заготовки, образован крутой и полукрутой, захватывающей и краевой разнофасеточной чешуйчатой

Рис. 2. Каменная индустрия стоянки Сенькин (Синий) Камень.

1, 10 – наконечники; 2 – пластина; 3 – скребло; 4, 9 – проколки; 5 – нож; 6, 11, 12 – тесла; 7, 8 – скребки.

ретушью. Второй экземпляр в дистальной части и на латерали скола оформлен вентральной мелкой краевой ретушью. Третий скребок подработан дорсальной многорядной субпараллельной и чешуйчатой ретушью на дистальной части скола. Последнее изделие представляет собой фрагмент.

В дистальной части заготовки предмет оформлен дорсальной многорядной субпараллельной и чешуйчатой ретушью.

Скребла представлены двумя экземплярами. Первое изделие конвергентное, скошенное по периметру, модифицировано бифасиальной много-

рядной чешуйчатой ретушью. Второе скребло по латерали оформлено крупной многорядной чешуйчатой ретушью.

Наконечники стрел – 8 экз. (4 экз. целые, 2 экз. фрагменты и 2 экз. заготовки). Два экземпляра треугольные: один с прямым насадом, у другого форма насада неопределима. Третий предмет оформлен бифасиальной многорядной чешуйчатой ретушью, на небольших участках фиксируется шлифовка. Четвертое изделие фрагментировано в проксимальной части, перо оформлено двусторонней чешуйчатой приостряющей ретушью. Еще два экземпляра черешковые. У одного жало фрагментировано, черешок слабо выделен и полностью модифицирован бифасиальной чешуйчатой и субпараллельной ретушью. Второй предмет имеет выделенный насад. Ударная часть наконечника фрагментирована, вся плоскость изделия оформлена бифасиальной мелкой приостряющей чешуйчатой ретушью.

Два тесла трапециевидные, оформлены крупной двусторонней ретушью, на одном изделии центральная часть притуплена (вероятно, в результате эксплуатации).

Проколка, изготовленная на отщепе, представлена единичным экземпляром. В дистальной части изделия бифасиальной модифицирующей ретушью выполнен рабочий элемент.

Остальную часть орудейного набора составляют ретушированные отщепы (14 экз.), заготовки неопределимых орудий (4 экз.), фрагменты неопределимых орудий (4 экз.).

В слое 3 выявлено два нуклеуса. Первый предмет – многоплощадочный, направлен на снятие крупных бесформенных отщепов. Второй нуклеус – многоплощадочный, конечной стадии расщепления, для снятия отщепов среднего размера. На изделии присутствует участок прямой ударной площадки, подготовленной крупными сколами, и неподготовленной ударной площадки, полностью сохраняющей естественную галечную поверхность.

Орудия немногочисленны. Два наконечника: треугольный с прямым насадом, симметричный, жало фрагментировано, перо наконечника оформлено бифасиальной субпараллельной ретушью; черешковый ромбовидной формы, симметричный, полностью модифицирован средней плоской ретушью в центральной части орудия, крутой и полукрутой разнофасеточной бифасиальной ретушью по периметру орудия.

По одному представлены скребок и скребло. Первый – трапециевидной формы на первичном сколе, обработка изделия бифасиальная, рабочий край расположен в дистальной части, оформлен дорсальной субпараллельной многорядной притупляющей ретушью. Скребло – обушковое с двусторонней об-

работкой сегментовидной формы. Орудие выполнено на отщепе с ударной площадкой, полностью сохраняющей естественную галечную поверхность и несущей функцию обушка. Рабочий край – выпуклый, расположен по диагонали относительно оси скола, оформлен бифасиальной разнофасеточной плоской и полукрутой ретушью. Остальную часть орудий составляют два ретушированных отщепа и две заготовки неопределимых орудий.

Большинство археологического материала памятника переотложено, и стратиграфически разделять его не представляется возможным. Поиск аналогий приводит к выводу, что в одном литологическом слое, на одном условном горизонте обнаружены сосуды, относящиеся к разному времени.

В одном слое выявлена наиболее ранняя ангарская керамика, представленная крупным сосудом с редкими жемчужинами, покрытым тонкой сеткой-«паутинкой», а также фрагменты позднейшей посуды, покрытой перекрещивающимися тонкими четырехрядными линиями протянутой гребенки.

Основную часть обнаруженной керамики на наиболее населенной площади памятника составляют характерные для эпохи позднего неолита и ранней бронзы сосуды с прямым венчиком и жемчужным ободком у горла, сопровождающимися пунктирными насечками.

Таким образом, полоса ангарского берега и прилегающие площадки склонов от устья р. Кутарей до скалы Сенькин камень была освоена и заселена в эпоху неолита. Основная концентрация следов жизнедеятельности местного населения в неолите – эпохе бронзы наблюдается у устья р. Кутарей. Постепенное снижение происходит к Сенькиному Камню. Очевидно, вся эта территория представляет сплошной культурный слой. Промежуток между памятниками образовался в результате разрушения большей их части русской деревней Кутарей (XX в.) и сплошным лесосводом 2008–2010 гг. Технико-типологический анализ показал на памятнике Устье Реки Кутарей концентрацию микропластинчатого производства, а на стоянке Гора Кутарей – производства тесел и топоров, скребков веерного типа. На памятнике Сенькин (Синий) Камень фиксируется спад концентрации находок и не выявлено показательной коллекции орудий. В целом памятники Кутарейского участка демонстрируют продолжение мезолитических традиций Усть-Ковы I [Томилова и др., 2014]. Ближайшие аналоги для каменной индустрии находят в материалах Като-Ёдарминского расширения (наконечники) [Кузнецов и др., 2020], в Кежемском р-не (Усть-Кова I, Утес Медвежий, Толокнянка-2) [Богучанская археологическая экспедиция..., 2015].

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР № 0329-2019-0001 «Заселение первобытным человеком Северной Азии: культурный и экологический контекст».

Список литературы

Богучанская археологическая экспедиция: очерк полевых исследований (2007–2012 гг.) / А.П. Деревянко, А.А. Цыбанков, А.В. Постнов, В.С. Славинский, А.В. Выборнов, И.Д. Зольников, Е.В. Деев, А.А. Присекайло, Г.И. Марковский, А.А. Дудко. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. 1. – 564 с. – (Тр. Богучанской археол. экспедиции).

Выборнов А.В., Нестерова М.С. Керамика на стоянке Гора Кутарей в Северном Приангарье // Материалы IV Северного археологического конгресса. – Екатеринбург; Ханты-Мансийск: ИИА УрО РАН, 2015. – С. 118–120.

Кузнецов А.М., Дударек С.П., Лохов Д.Н., Роговской Е.О., Савельев Н.А., Тимошенко А.А. Баллистические характеристики каменных наконечников Средне-го голоцена Северного Приангарья // Изв. лаборатории древних технологий. – 2020. – Т. 16, № 1. – С. 35–61.

Томилова Е.А., Стасюк И.В., Акимова Е.В., Кукса Е.Н., Михлаева Ю.М., Горельченкова О.А., Хареvич В.М., Орешников И.А. Многослойная стоянка Усть-Кова I в Северном Приангарье: итоги исследования 2008–2011 гг. // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2014. – Т. 8. – С. 82–99.

Харевич В.М., Стасюк И.В., Акимова Е.В., Кукса Е.Н., Махлаева Ю.Н., Горельченкова О.А., Томилова Е.А. Итоги изучения стоянки Усть-Кова I (пункт 2) в Северном Приангарье // Изв. Иркут. гос. ун-та. – 2014. – Т. 9. – С. 126–140.

References

Derevianko A.P., Tsybankov A.A., Postnov A.V., Slavinskii V.S., Vybornov A.V., Zolnikov I.D., Deev E.V., Prisekailo A.A., Markovskii G.I., Dudko A.A. Boguchan archaeological expedition: an essay field – based research (2007–2012). In *Trudy Boguchanskoi arkheologicheskoi ekspeditsii*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, vol. 1, 564 p. (In Russ.).

Kharevich V.M., Stasyuk I.V., Akimova E.V., Kuksa E.I., Mahlaeva Y.M., Gorel'chenkova O.A., Tomilova E.A. Results of researching Ust'-Kova site (location 2) in North Angara region. *Izvestiya Irkutskogo Gosydarstvennogo universiteta. Seriya "Geoarkheologiya, Etnologiya, Antropologiya"*, 2014, vol. 9, pp. 126–140. (In Russ.).

Kuznetsov A.M., Dudarek S.P., Lokhov D.N., Rogovskoy E.O., Savel'ev N.A., Timoshenko A.A. Ballisticheskiye kharakteristiki kamennykh nakonechnikov Srednego golotsena Severnogo Priangar'ya. *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii*, 2020, vol. 16, No. 1, pp. 35–61. (In Russ.).

Tomilova E.A., Stasyuk I.V., Akimova E.V., Kuksa E.I., Mahlaeva Y.M., Gorel'chenkova O.A., Harevich V.M., Oreshnikov I.A. Ust'-Kova multilayer site: the results of researching in 2008–2011. *Izvestiya Irkutskogo Gosydarstvennogo universiteta. Seriya "Geoarkheologiya, Etnologiya, Antropologiya"*, 2014, vol. 8, pp. 82–99. (In Russ.).

Vybornov A.V., Nesterova M.S. Keramika na stoyanke Gora Kutarei v Severnom Priangar'ye. In *Materialy IV Severnogo arkheologicheskogo kongressa*. Yekaterinburg; Khanty-Mansiysk: Institute of History and Archaeology UrO RAS, 2015, pp. 118–120. (In Russ.).

Чеха А.Н. <https://orcid.org/0000-0002-6872-9493>

А.М. Чеха✉, Н.А. Кулик

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: Chekhandrej@yandex.ru

Петрография палеолитических индустрий с местонахождений Северного Приаралья (Казахстан)

Преобладание в течение всего плейстоцена аридных условий на территории Западного Казахстана обусловило крайне скудное осадконакопление, в результате чего у подавляющей части палеолитических памятников этого региона нет стратифицированного культурного слоя, и их разновозрастные артефакты имеют одинаковое поверхностное залегание. По той же причине – аридности региона – палеолитические местонахождения здесь дислоцируются, как правило, либо у водных источников различного типа, часть которых не функционирует в настоящее время, либо вблизи выходов каменного сырья для изготовления артефактов. Сочетание первого и второго факторов способствовало тому, что представители древнейших популяций в течение длительного времени многократно населяли одно и то же место. Для доказательства хронологического деления каменных материалов в смешанных комплексах поверхностного залегания, при отсутствии сопутствующих костных остатков и вышележащих отложений, мы используем степень сохранности поверхностных артефактов (дефляцию), которая зависит от длительности факторов выветривания. Были исследованы каменные артефакты поверхностного залегания, для чего проведен петрографический анализ изделий с палеолитических местонахождений Северного Приаралья – Арал-А–D и Арал-1, -2, -4–6, -8. Исследованный сырьевой материал представлен двумя разновидностями кварцитовидных кварцевых песчаников и алевролитов, петрофизические различия между которыми определяются зернистостью породы, минеральной формой и структурой цемента. Обе разновидности представляют собой каменное сырье высокого качества, и предпочтение одной из них обуславливалось преимущественным распространением каждой на том или ином местонахождении. Целью проведенного анализа являлся ответ на вопрос, насколько правомерно использовать степень сохранности поверхности изделий как основной критерий периодизации. Установлено, что даже в пределах одного артефакта степень дефляции поверхности нередко различна, и потому не может быть использована для их возрастной стратификации.

Ключевые слова: Западный Казахстан, Северное Приаралье, аридная зона, поверхностное залегание артефактов, каменное сырье, петрографический анализ, дефляция, кварцитовидные песчаники.

Andrey M. Chekha✉, Natalya A. Kulik

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: chekhandrej@yandex.ru

Petrography of Paleolithic Locations in the Northern Aral Sea Region (Kazakhstan)

The predominance of arid conditions during the Pleistocene in the territory of Western Kazakhstan caused extremely poor sedimentation, as a result of which the vast majority of Paleolithic sites in this region do not have a stratified cultural layer, and their artifacts of different ages have the same surface occurrence. For the same reason, i.e. the aridity of the region, Paleolithic sites are usually located here either near water sources of various types, some of which do not function presently, or near the outcrops of stone raw materials for the artifact manufacturing. The combination of the first and second factors contributed to the fact that representatives of the oldest populations repeatedly inhabited the same place for a long time. To prove the chronological division of lithic materials in mixed complexes of surface occurrence, in the absence of accompanying bone remains and overlying deposits, we use the degree of preservation of surface artifacts (deflation), which depends on the duration of weathering factors. This caused the study of lithic artifacts of surface occurrence. For this purpose, a petrographic

analysis of the items from the Paleolithic locations in the Northern Aral Sea, Aral A-D and Aral-1-2, 4-6, 8, was carried out. The studied raw material is represented by two varieties of quartzite-like quartz sandstones and siltstones, petrophysical differences between which are determined by the rock grain, mineral shape, and structure of cement. Both varieties are high-quality stone raw materials, and the preference of one of them was determined by the predominant distribution at a particular location. The analysis was aimed at answering the question of whether it is legitimate to use the degree of preservation of the item surface as the main periodization criterion. It was established that even within the same artifact, the degree of surface deflation is often different, and therefore cannot be used for their age stratification.

Keywords: Western Kazakhstan, Northern Aral Sea, arid zone, superficial bedding of artifacts, lithic materials, petrographic analysis, deflation, quartzite sandstones.

Четвертичные отложения Западного Казахстана весьма разнообразны. Здесь развиты осадки самых различных генетических типов. Особенности осадконакопления определялись историей развития рельефа территории, главную роль в которой играли новейшие тектонические движения и климат. Очень большое значение имели литологический состав и условия залегания коренных пород, выходящих на поверхность земли.

Рельеф Северного Приаралья отличается довольно большим разнообразием. На рельефообразование этого района значительное влияние оказывает пустынный климат [Федорович, 1947]. Район характеризуется отсутствием гидрографической сети на влагоемких грунтах и интенсивным развитием густой овражной сети временного стока на водонепроницаемых отложениях, не защищенных растительностью, а также полным отсутствием рек с постоянным течением, питающихся местным стоком. В этих условиях большое значение, в особенности для песчаных равнин, приобретает работа ветра.

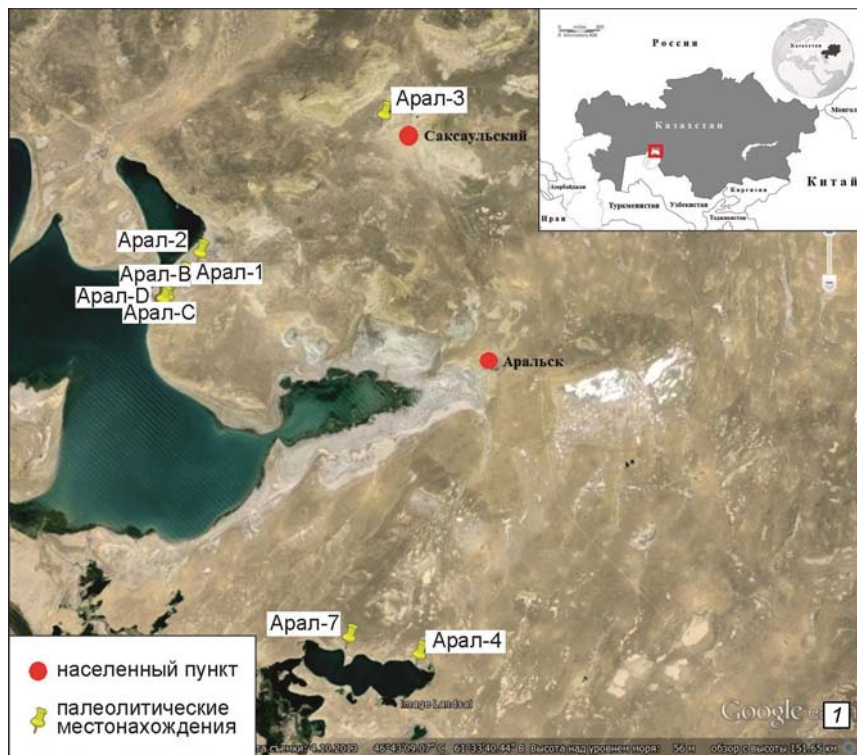
Преобладание в течение всего плейстоцена аридных условий на территории Западного Казахстана обусловило крайне скудное осадконакопление, в результате чего у подавляющей части палеолитических памятников этого региона нет стратифицированного культурного слоя, и их разновозрастные артефакты имеют одинаковое поверхностное залегание. По той же причине – аридности региона – палеолитические местонахождения здесь дислоцируются, как правило, либо у водных источников различного типа, часть которых не функционирует в настоящее время, либо вблизи выходов каменного сырья для изготовления артефактов. Сочетание первого и второго факторов способствовало тому, что представители древнейших популяций в течение длительного времени многократно населяли одно и то же место, и ценность таких местонахождений исключительно велика. [Дервянко, Петрин, Таймагамбетов, 1998].

Обычно для обоснования хронологического деления каменных материалов в подобных смешанных комплексах поверхностного залегания, при отсутствии сопутствующих и перекрывающих рых-

лых отложений, используется степень сохранности поверхности артефактов, зависящая от длительности воздействия на них факторов выветривания. Проведенный для характеристики каменного сырья петрографический анализ изделий с палеолитических местонахождений Северного Приаралья Арал-А-D и Арал-1, -2, -4-6, -8 (см. рисунок, 1) позволил установить, насколько правомерно здесь использование этого критерия.

В геологическом отношении Северное Приаралье и его северное продолжение – Мугоджары – принадлежат к южному окончанию структуры Уральских гор [Яншин, 1953; Геологическая карта СССР, 1959; Водорезов, 1959]. Геоморфологически денудационная равнина Северного Приаралья относится к южному низкогорью (средняя высота 450–500 м) Мугоджар и сложена пологозалегающими платформенными отложениями мезозоя и кайнозоя. Среди последних наибольший интерес представляют палеогеновые породы, использованные в качестве каменного сырья для индустрий палеолитических памятников Северного Приаралья. Это кварцитовидные кварцевые песчаники и алевролиты, которые в Северном Приаралье образуют маломощные прослои и пластообразные линзы и рассматриваются как морские верхнеэоценовые образования саксаульской свиты [Яншин, 1953, с. 69], имеющие распространение также в Тургайском прогибе и на отдельных участках восточного Зауралья.

Континентальным аналогом этой свиты являются кварцитовидные кварцевые песчаники платформенной толщи западнее Мугоджар, где они содержат «отпечатки стволиков и веточек некогда засыпанной песком мелкой кустарниковой иглолистой растительности, а также отпечатки листьев, принадлежащих ксерофильным древесным формам» [Там же, с. 345]. Г.И. Водорезов называет эти породы, более чем на 99 % состоящие из обломочных зерен кварца, «сливными песчаниками», «дырчатыми кварцитами» [Водорезов, 1959, с. 42]. Восточнее Мугоджар – в юго-восточном Зауралье, Северном Казахстане и по южному и восточному обрамлению Западно-Сибирской низменности [Кирюшин, Малолетко, 1983] – эти породы рас-

Карта расположения палеолитических местонахождений северного побережья Аральского моря и две разновидности каменного сырья с них: первая (фото отщеп) – с осветлением и образованием каверн при выветривании (2); вторая (фото нуклевидного обломка) – более светлая, отчетливо полосчатая (1).

сматриваются как образования мел-палеогеновой коры выветривания. Их своеобразие связано с цементацией обломочного кварца кремнеземом (халцедоном, опалом или кварцем), мобилизованным за счет растворения зерен обломочного кварца при образовании коры выветривания [Григорьев, Нагорская, 1960].

Применение кварцитовидных пород саксаульской свиты и ее континентальных аналогов в качестве сырья каменных индустрий под названием «кремнистых», «сливных», «кварцитовидных» песчаников и алевролитов и «кварцитов» на территории их распространения известно вплоть до раннего железного века [Кирюшин, Малолетко, 1979; Зенин, Лещинский, 1998; Зах, Скочи-

на, 2010; Кулик, Мыльникова, Нохрина, 2010; Бобров, Марочкин, Юракова, 2012]. По-видимому, наиболее раннее их использование – в ашеле – имело место именно в Северном Приаралье и Мугоджарах [Деревянко и др., 2001].

Каменное сырье, использованное на памятниках Арал-А–D и Арал-1, -2, -4–6, -8, имеет наиболее близкий к кварцитам вид, однако отсутствие типичных для кварцитов структур перекристаллизации обломочного материала сохраняет за ними название кварцитовидных песчаников. Среди них отчетливо различимы две разновидности.

Первая разновидность («сырье первого типа» в артефактах) – серый до темно-серого кварцитовидный кварцевый песчаник (см. рисунок, 2). Макроскопически выглядит как сливной кварцит, однако на свежих сколах по отблеску отчетливо видна зернистость породы, границы обломочных зерен различимы также благодаря слабому просвечиванию породы вглубь. Обломочная фракция более чем на 95 % состоит из прозрачных и просвечивающих зерен бесцветного кварца, присутствуют единичные непрозрачные светлые зерна полевого шпата и редкие зерна аксессуарных минералов.

Изредка наблюдались черные окремненные обломочки растительной органики – удлиненные, с размочаленными концами.

Цемент кремнистый, крустификационно-поровый – при большом увеличении видно, что два-три соприкасающихся обломочных зерна кварца обрастают общей крустификационной каемкой микрокристаллических индивидов кварца, удлиненных перпендикулярно поверхности обволакиваемых зерен. Такая структура и практически мономинеральный кварцевый состав обуславливают прочное соединение обломочного материала цементом, монолитность и высокую твердость породы, а различная ориентировка обломочных зерен кварца и тонкозернистость цемента снижают ее анизотропию.

тропию – скалывание проходит через обломочные зерна и цемент как единое целое. Все это определяет высокое качество такой разновидности кварцитовидных песчаников как сырья каменных индустрий: артефакты из него хорошо «держат» острый край и могут употребляться с функцией режущих орудий даже без добавочного ретуширования. В.Ф. Петрунь отмечал: «При сколовой технике обработки камня, когда тонкая ретушь практически еще не применялась, орудия из кварцитовидного песчаника или андезита и доломита оказываются в ряде случаев более выгодными, чем аналогичные по форме, но изготовленные из обсидиана или пересохшего кремня. Правда, использование орудий с лезвием скорее рубящего типа или рвущего, чем режущего, требовало больших физических усилий, но зато такие изделия были более крепкими и не раскалывались от случайного удара о камень...» [1971, с. 284].

Вторая разновидность сырья («сырье второго типа» в артефактах) – макроскопически представляет собой светло-серый мелкозернистый кварцитовидный кварцевый песчаник с базальным кремнистым цементом (см. *рисунок, 3*). Порода плотная, непросвечивающая, характерным крупно-раковистым скалыванием напоминающая кремь. На свежих сколотых поверхностях, имеющих тусклый восковой блеск, видны зернистость и едва заметная слоистость за счет невыдержанных, чуть желтоватых или почти белых, тонких полос-прослоев и линзочек, не имеющих резких границ. По общему облику породы, халцедоновому цементу и его соотношению с обломочным кварцем эти песчаники более, чем первая разновидность, близки к типичным «сливным» песчаникам мел-палеогеновой коры выветривания восточной части ее проявления.

Несмотря на то, что каменный материал палеолитических местонахождений Арал-А–D и Арал-1, -2, -4–6, -8 внешне довольно однообразен, выявленные разновидности макроскопически все же отличаются, и их петрофизические различия особенно проявляются при выветривании.

Так, на большом числе артефактов первой разновидности каменного сырья имеются сильно выветрелые, еще до изготовления артефакта, побелевшие кавернозные, неровные из-за округлых пологих углублений поверхности – «корка выветривания» – очень шероховатая, зерна кварца почти осыпаются, лишь частично скрепленные цементом. Наличие здесь и на искусственных скалываниях похожих по форме и размеру крупных заусенцев свидетельствует о том, что эти углубления – результат чешуеобразного раковистого скалывания (десквамации) таких заусенцев вследствие резких перепадов температур.

Такая выветрелая кавернозная поверхность снижала качество каменного сырья, и на многих артефактах видны попытки ее удаления или хотя бы уменьшения; по-видимому, значительная часть артефактов с остатками «корки выветривания» – это первичные «сколы декоративации».

На сколовых поверхностях артефактов, подвергавшихся инсоляции, кремнистый цемент породы становится белым и непрозрачным вследствие его дегидратации: удаления гигроскопической воды тонкоагрегатного и тонкозернистого кварцевого цемента, воды из микропор между волокнами субиндивидов халцедона или кристаллизационной воды опала. Побеление цемента позволяет установить расположение артефакта на дневной поверхности. Так, побеление цемента на сколовых поверхностях артефактов местонахождений Арал-А–D и Арал-1, -2, -4–6, -8 лишь с одной стороны означает, что на дневной поверхности они экспонировались лишь этой своей частью, остальные же не подвергались инсоляции и резкому перепаду температур – на них наблюдаются лишь единичные заусенцы с отсутствием следов десквамации.

Еще одним проявлением процессов выветривания для этой разновидности кварцитовидных кварцевых песчаников является изменение (коррозия) поверхностей артефактов под воздействием ветра, насыщенного песком в результате дефляции – разрушения ветром горных пород и развевания их твердых частиц [Геологический словарь, 1973, с. 217]. Учитывая, что область Приаралья и Мугоджар по палеоклиматическим условиям с мела находилась под воздействием золовой денудации с постоянным преобладанием западных ветров (что обусловлено направлением вращения Земли), проявление этого фактора на артефактах, в общем, должно быть прямо пропорционально времени его воздействия. Это побудило к пристальному исследованию разновозрастного каменного материала, залегающего на одном уровне. Как и следовало ожидать, дефляция гораздо отчетливее проявилась на каменных артефактах просторов Приаралья, не экранированных от западных ветров меридиональными хребтами Мугоджар. Здесь установлено, что дефляции на артефактах подвергались как исходные, выветрелые кавернозные поверхности, на которых она проявляется матированием и полировкой обломочных зерен кварца, так и собственные сколовые поверхности, образующие артефакт.

Однако при тщательном просмотре под бинокулярной лупой всех артефактов из этой разновидности сырья на памятниках Арал-А–D и Арал-1, -2, -4–6, -8 установлено, что очень часто на одном и том же артефакте проявлена разная степень дефляции, причем не только поверхностей с разных

сторон артефакта, но иногда в пределах одной и той же сколотой поверхности. При этом прослеживается прямая корреляция между степенью дефляции поверхности и количеством крупных чешуйчатых заусенцев и отсутствует прямое соответствие между дефляцией и инсоляцией, вызывающей дегидратацию (побеление) цемента породы.

Это означает, что степень выветривания, в т.ч. степень дефляции, артефактов из серого кварцитовидного средне-крупнозернистого кварцевого песчаника (сырья первого типа) не может быть использована для их возрастной стратификации.

При выветривании второй разновидности кварцитовидного кварцевого песчаника происходит общее побеление халцедонового цемента, выветрелая поверхность делается неровной, шероховатой, матовой и почти белой, полосчатость проявляется сильнее – отдельные слои становятся желтовато-бурыми, грубо-шероховатыми, иногда на их месте образуются линзовидные борозды, стенки которых покрыты буровой глинистой пленкой.

Следы дефляции на артефактах из этой разновидности не читаются – происходит лишь притупление ребер между скальваниями и общее заглаживание и матирование выветрелой поверхности. Не наблюдалось на этом материале ни образования каверн, ни заусенцев и их десквамации, так что в целом эта разновидность каменного сырья по отношению к выветриванию выступает как более однородный и устойчивый материал, чем первая разновидность. Общим же при выветривании той и другой является растворение кремнистого цемента и выпадение обломочных зерен, при этом на месте остается глинистый материал цемента.

В целом петрофизические различия между сырьем первого и второго типа – общий вид породы, ее цвет, характер скальвания и выветривания – определяются размером зерен обломочного кварца, т.е. зернистостью породы, минеральной формой и структурой цемента. При этом обе разновидности представляют собой каменное сырье высокого качества, и, по-видимому, предпочтение той или иной из них (в большей степени) зависело от преимущественной распространенности каждой на месте памятника.

Таким образом, присутствие древнего человека в Северном Приаралье зависело от обводненности и опресненности Аральской котловины, а также от наличия вблизи водоема качественного доступного сырья для изготовления каменных изделий.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР № 0329-2019-0001 «Заселение первобытным человеком Северной Азии: культурный и экологический контекст».

Список литературы

Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Поселение боборыкинской культуры Автодром 2/2 (северо-западные районы Барабинской лесостепи) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2012. – № 3. – С. 4–12.

Водорезов Г.И. Объяснительная записка к геологической карте СССР. М. 1 : 200 000, сер. Мугоджарская, л. М-40-XXI. – М., 1959. – 68 с.

Геологическая карта СССР. М. 1 : 200 000, серия Мугоджарская, лист М-40-XXI. – М., 1959.

Геологическая карта СССР и прилегающих акваторий. М. 1 : 2 500 000. – М.: ВСЕГЕИ, 1983. – 1 л.

Геологический словарь. – М.: Недра, 1973. – Т. I. – 486 с.

Григорьев Н.В., Нагорская Е.П. О происхождении кремнистых песчаников с северной окраины Кольвань-Томской зоны // Вестн. Зап.-Сиб. и Новосиб. геол. управления. – 1960. – Вып. 2. – С. 40–45.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Гладышев С.А., Зенин А.Н., Таймагамбетов Ж.К. Ашельские комплексы Мугоджарских гор (Северо-Западная Азия). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 135 с.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К. Методика изучения и информативность палеолитических памятников поверхностного залегания в аридной зоне Центральной Азии // Каменный век Казахстана и сопредельных территорий. – Туркестан: Мирас, 1998. – С. 165–196.

Деревянко А.П., Таймагамбетов Ж.К., Петрин В.Т., Гладышев С.А., Зенин А.Н., Зенин В.Н., Искаков Г.Т. Палеолитические местонахождения северного побережья Аральского моря // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – Т. V. – С. 46–50.

Зах В.А., Скочина С.Н. Каменное сырье комплексов Тоболо-Ишимья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2010. – № 2. – С. 4–11.

Зенин В.Н., Лещинский С.В. Новые данные о палеолитическом местонахождении Воронино-Я в Томской области // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. IV. – С. 96–102.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М. Бронзовый век Васюганья. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1979. – 181 с.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М. Географическое распространение сливных кварцитовидных песчаников – сырья для изготовления орудий в эпохи неолита и бронзы // Древние горняки и металлурги Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1983. – С. 3–19.

Кулик Н.А., Мильникова Л.Н., Нохрина Т.И. Сырьевая база каменной индустрии в переходное время от бронзового к раннему железному веку (на примере по-

селения Линево-1) // Урал. ист. вестн. – 2010. – № 2. – С. 52–61.

Петрунь В.Ф. К петрофизической характеристике материала каменных орудий палеолита // Палеолит и неолит СССР. – М.; Л.: Наука, 1971. – Т. 6. – С. 282–297. – (МИА; № 173).

Федорович Б.А. Равнины и низкогорья Турана // Труды комиссии по естественно-историческому районированию СССР. – М.: Изд-во АН СССР, 1947. – Т. 2, вып. 1. – С. 91–103.

Яншин А.Л. Геология Северного Приаралья. Стратиграфия и история геологического развития // Материалы к познанию геологического строения СССР. – М.: Изд-во Моск. об-ва испытателей природы, 1953. – Вып. 15. – 726 с.

References

Bobrov V.V., Marochkin A.G., Yurakova A.Yu. Poselenie boborykinskoy kul'tury Avtodrom 2/2 (severo-zapadnye rayony Barabinskoy lesostepi). *Bulletin of the Archaeology, Antropology and Ethnography*. 2012, No. 3, pp. 4–12. (In Russ.).

Derevianko A.P., Petrin V.T., Gladyshev S.A., Zenin A.N., Taymagambetov Zh.K. Ashel'skie komplekсы Mugodzharskikh gor (Severo-Zapadnaya Aziya). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2001, 135 p. (In Russ.).

Derevianko A.P., Petrin V.T., Taymagambetov Zh.K. Metodika izucheniya i informativnost' paleoliticheskikh pamyatnikov poverkhnostnogo zaleganiya v aridnoy zone Tsentral'noy Azii. *Stone Age Kazakhstan and adjacent territories*. Turkestan: Miras, 1998, pp. 165–196 (In Russ.).

Derevianko A.P., Taymagambetov Zh.K., Petrin V.T., Gladyshev S.A., Zenin A.N., Zenin V.N., Isakov G.T. Paleoliticheskie mestonakhozhdeniya severnogo poberezh'ya Aral'skogo morya. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk, 1999, vol. V, pp. 46–50. (In Russ.).

Fedorovich B.A. Ravniny i nizkogor'ya Turana. *Trudy komissii po estestvenno-istoricheskomu rayonirovaniyu SSSR*. Moscow, 1947, vol. 2, iss. 1, pp. 91–103. (In Russ.).

Geologicheskaya karta SSSR. M. 1 : 200 000, seriya Mugodzharskaya, fol. M-40-XXI. Moscow, 1959. (In Russ.).

Geologicheskaya karta SSSR i prilegayushikh akvatoriy M. 1 : 2 500 000. Moscow: Russian Geological Research Institute, 1983. (In Russ.).

Geologicheskii slovar'. Moscow: Nedra, 1973, vol. I, 486 p. (In Russ.).

Grigor'ev N.V., Nagorskaya E.P. O proiskhozhdenii kremnistykh peschanikov s severnoy okrainy Kolyvan'-Tomskoy zony. *Bulletin West-Siberian Geological Department of Novosibirsk*, 1960, iss. 2, pp. 40–45. (In Russ.).

Kiryushin Yu.F., Maloletko A.M. Bronzovyy vek Vasyugan'ya. Tomsk State Univ. Press, 1979, 181 p. (In Russ.).

Kiryushin Yu.F., Maloletko A.M. Geograficheskoe rasprostraneniye slivnykh kvartsitovidnykh peschanikov – syr'ya dlya izgotovleniya orudiy v epokhi neolita i bronzy. *Drevnie gorniyaki i metallurgi Sibiri*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 1983, pp. 3–19. (In Russ.).

Kulik N.A., Mylnikova L.N., Nokhrina T.I. Syr'evaya baza kamennoy industrii v perekhodnoye vremya ot bronzovogo k rannemu zheleznomu veku (na primere poseleniya Linevo-1). *Ural Historical Journal*, 2010, No. 2, pp. 52–61. (In Russ.).

Petrin V.F. K petrofizicheskoy kharakteristike materiala kamennykh orudiy paleolita. In *Paleolithic and Neolithic USSR*. Moscow; Leningrad: Nauka, 1971, vol. 6, pp. 282–297 (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR; No. 173). (In Russ.).

Vodorezov G.I. Ob'yasnitel'naya zapiska k geologicheskoy karte SSSR. M. 1 : 200 000, seriya Mugodzharskaya, fol. M-40-XXI. Moscow, 1959, 68 p. (In Russ.).

Yanshin A.L. Geologiya Severnogo Priaral'ya. Stratigrafiya i istoriya geologicheskogo razvitiya. *Materials to the knowledge of the geological structure of the USSR*. Moscow: Moscow Society of Naturalists Publ., 1953, vol. 15, 726 p. (In Russ.).

Zakh V.A., Skochina S.N. Kamennoe syr'yo kompleksov Tobolo-Ishim'ya. *Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*. Tyumen', 2010, No. 2, pp. 4–11. (In Russ.).

Zenin V.N., Leshchinskiy S.V. Novye dannye o paleoliticheskom mestonakhozhdenii Voronino-Yaya v Tomskoy oblasti. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk, 1998, vol. IV, pp. 96–102. (In Russ.).

Чеха А.М. <https://orcid.org/0000-0002-2427-7480>

Кулик Н.А. <https://orcid.org/0000-0002-2641-5517>

С.В. Шнайдер✉, С. Алишер кызы, Г.И. Марковский

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: sveta.shnayder@gmail.com

Геометрические микролиты как культурный маркер на территории западной части Центральной Азии

Геометрические микролиты служат одним из ярких культурно-хронологических маркеров, характерных для археологических комплексов каменного века в Центральной Азии. В статье представлен обзор распространения этих изделий в изучаемом регионе. Наиболее ранние микролиты в форме неравносторонних треугольников присутствуют в комплексах кульбулакской верхнепалеолитической культуры (ок. 31–21 тыс. л.н.). В дальнейшем здесь получают распространение геометрические микролиты в виде прямоугольников (20–15 тыс. л.н.) и сегментов (15–9 тыс. л.н.). Сегменты также являются одним из характерных типов орудий для мезолитических индустрий Восточного Прикаспия, которые сменяются в неолитических комплексах этой территории на неравносторонние треугольники и равнобедренные трапеции. В неолитических культурах Центральной Азии широко распространены трапеции нескольких типов: равнобедренные на микропластинах (оюклинская культура и комплексы горной части региона), равнобедренные укороченные и удлиненные на пластинах (джейтунская культура), а также рогатые (кельтеминарская культура). В результате проведенного исследования в Центрально-Азиатском регионе была прослежена следующая хронологическая схема изменчивости формы геометрических микролитов: неравносторонние треугольники – прямоугольники – сегменты – трапеции. В эпоху неолита различные типы трапеций выступали культурно значимыми маркерами. Проведенный обзор позволил проследить корреляцию между типами геометрических микролитов и техникой расщепления, характерной для той или иной индустрии. Установлено, что геометрические микролиты в виде неравносторонних треугольников, прямоугольников и сегментов представлены в комплексах с преобладающим мелкопластинчатым расщеплением и ударной техникой скола: кульбулакская культура, туткаульская линия развития, мезолитические и неолитические комплексы Восточного Прикаспия. Трапеции получили широкое распространение в индустриях, основанных на использовании техники отжима: джейтунская, кельтеминарская, оюклинская и гиссарская культуры, комплексы Ферганской и Нарынской долин.

Ключевые слова: Центральная Азия, верхний палеолит, мезолит, неолит, геометрический микролит.

Svetlana V. Shnaider✉, Saltanat Alisher kyzy, Gregory I. Markovsky

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: sveta.shnayder@gmail.com

Geometric Microliths as a Cultural Marker in Western Central Asia

Geometric microliths are one of the main cultural and chronological markers, typical of the Central Asian Stone Age archaeology. The article provides an overview of the spread of geometric forms in the western Central Asia. The earliest geometric microliths in the region represented by scalene triangles in the Kulbulakian complexes (ca. 31–21 ka BP). The geometric microliths subsequently shift from rectangle (20–15 ka BP) to lunate (15–9 ka BP) forms. Lunates are a defining attribute of a toolset of the Eastern Caspian Mesolithic complexes, which are shifted to scalene triangles and symmetric trapezes in the Neolithic period. The Central Asian Neolithic complexes are characterized by abundance of trapezes in various shapes: symmetric trapezes on microblades (Oyukly culture and early Holocene complexes in the mountainous part of the Central Asia), symmetric shortened and elongated trapezes on blades (Jeitun culture), and horned trapezes (Kelteminar culture). As a result of the research, the following chronological scheme of geometric microliths shape variability was traced in the Central Asian region: scalene triangles – rectangles – lunates – trapezoids. According to the authors, the shape of geometric microliths can be considered as a chronological marker, and the shape of trapezes as cultural marker in the Neolithic complexes. The review allowed us to trace the correlation between the types of geometric microliths and the splitting technique typical of a particular industry. It was established that scalene triangles, rectangles, and lunates are represented

in the complexes with the percussion blade/bladelet industries (Kulbulakian, Tutkaulian, Mesolithic and Neolithic of Eastern Caspian). Trapezes are widely spread in the pressure blade/bladelet assemblages (Jeitun, Kelteminar, Oyukly and Hissar cultures, complexes of the Fergana and Naryn valleys).

Keywords: *Central Asia, Upper Paleolithic, Mesolithic, Neolithic, geometric microlith.*

Введение

Геометрические микролиты рассматриваются в качестве одного из важнейших культурно-хронологических маркеров, появление и распространение которых связывается с переходом к дистанционной охоте и использованию композитных орудий. Наиболее ранние изделия подобного типа зафиксированы на территории Южной Африки (ок. 70 тыс. л.н.) [Brown et al., 2012] и на о-ве Шри-Ланка (ок. 45 тыс. л.н.) [Wedage et al., 2019]. Начиная с раннего эппалеолита (ок. 25 тыс. л.н.), геометрические микролиты получили широкое распространение на Ближнем Востоке. По мнению ряда исследователей, переход от верхнего палеолита к эппалеолиту заключался в изменении стратегий обработки каменного сырья: от использования артефактов, форма которых предопределялась первичным расщеплением (верхний палеолит), к употреблению орудий, оформленных при помощи модифицирующего ретуширования и/или техники микрорезца (эппалеолит) [Belfer-Cohen, Goring-Morris, 2002]. Таким образом, финальная форма орудия задавалась в процессе вторичной обработки, т.е. изначальная морфология скола, полученного с нуклеуса, стала менее значимой. Это кардинально отличает эппалеолит от верхнего палеолита в технологическом аспекте.

Предполагается, что использование геометрических микролитов как одного из наиболее значимых компонентов древних индустрий способствовало снижению привязанности к сырьевым ресурсам и увеличению степени мобильности населения [Vamforth, Bleed, 1997; Torrence, 1989]. Стандартизация морфометрических параметров микролитов позволяла обеспечить их быструю замену в случае слома или прихода в негодность (pull-out and plug-in technology) [Neeley, 2002]. Исследователями неоднократно отмечалась многофункциональность геометрических микролитов: они использовались в качестве составных частей ножей, серпов и металлического оружия [Нужный, 2007; Yaroshevich et al., 2010; Массон, 1971; Neeley, 2002].

Геометрические микролиты определяются нами как орудия геометрической формы (треугольник, сегмент, прямоугольник, трапеция, ромб), изготовленные на пластинчатом сколе или отщепе посредством ретуши притупления; одним из обязательных условий для идентификации изделия в качестве

геометрического микролита выступает отсутствие ударного бугорка [Tixier, 1963, p. 127]. Цель настоящей работы заключается в обобщении имеющихся на настоящий момент данных относительно хронологии и распространения геометрических микролитов на территории Центральной Азии.

До недавнего времени появление и распространение геометрических микролитов в Центрально-Азиатском регионе связывалось с миграциями населения с территории Среднего Востока в период мезолита [Ranov, Davis, 1979; Коробкова, 1989]. Применение новых стандартов при проведении полевых исследований верхнепалеолитических памятников Центральной Азии позволило зафиксировать микролиты в раннем хронологическом контексте [Kolobova et al., 2011; Колобова, 2014]. Таким образом, геометрические микролиты на настоящий момент известны для комплексов верхнего палеолита, мезолита и неолита региона (рис. 1).

Геометрические микролиты в комплексах верхнего палеолита

Кульбулакская верхнепалеолитическая культура выделена на основе анализа памятников, расположенных на территории Памиро-Тянь-Шаня: Кульбулак, Кызыл-Алма-2, Додекатым-2 и Шугноу. Каменную индустрию этих стоянок отличает направленность на получение мелких пластинчатых сколов: на ранних этапах развития кульбулакской культуры преобладает кареноидное расщепление, на поздних – призматическое. В орудийном наборе отмечены пластинки с притупленным краем, пластинки дюфур, долотовидные изделия и концевые скребки [Колобова и др., 2013]. Геометрические микролиты, представленные здесь, имеют форму неравносторонних треугольников, которые оформлялись из пластинок с прямым профилем посредством ретуши притупления на продольном и поперечном краях; длина большинства изделий составляет 10–17 мм, ширина – 4–7 мм [Kolobova et al., 2019]. Единичные экземпляры данных изделий датированы ок. 32–31 тыс. л.н., широкое распространение они получили в период 28–23 тыс. л.н. Отмечается, что рост числа неравносторонних треугольников в комплексах кульбулакской верхнепалеолитической культуры совпадает с тенденцией снижения численности кареноидных ядрищ [Колобова и др., 2018].

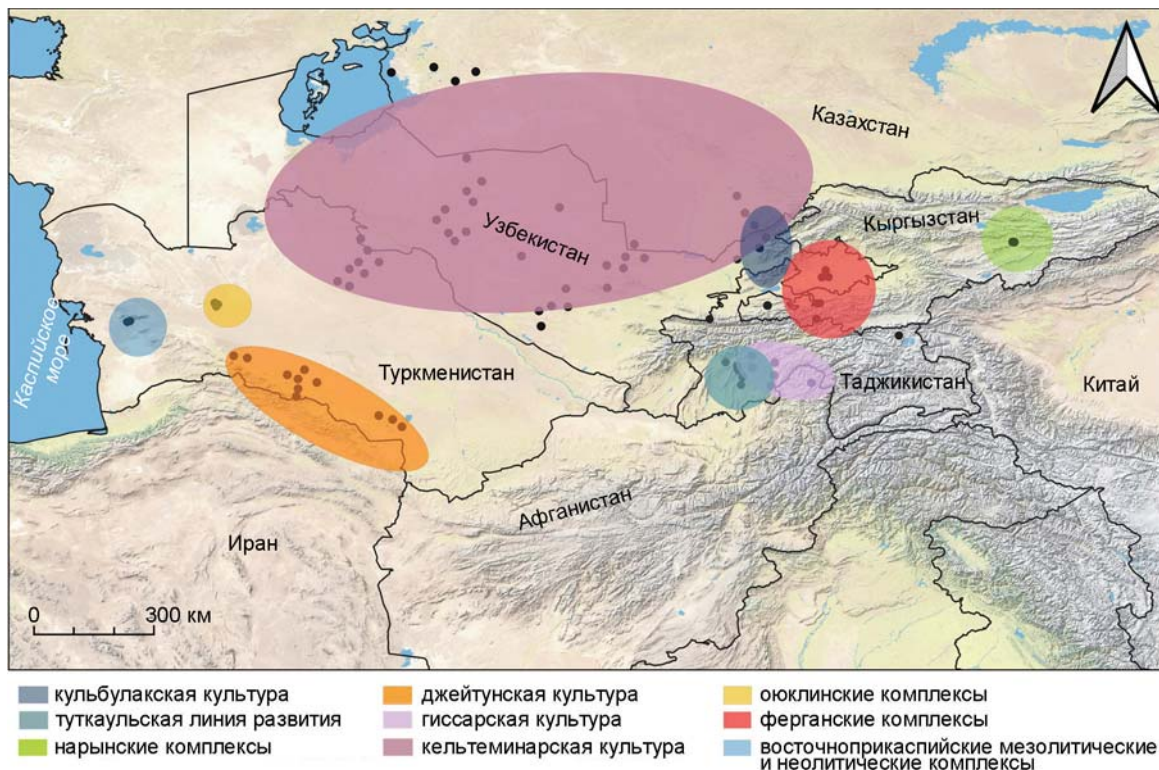

Рис. 1. Карта с основными верхнепалеолитическими – неолитическими культурами Центральной Азии.

Геометрические микролиты в комплексах мезолита

Памятники *туткаульской линии развития* отмечены в горной части Центральной Азии (Гиссаро-Алай и Памир), их хронологические рамки ограничены 20–9 тыс. л.н. В результате анализа индустрий стоянок Туткаул (горизонты 3 и 2а), Оби-Киик, Дарай-Шура и Истыкской пещеры (слои 3 и 4) установлено, что в основе их первичного расщепления лежало мелкопластинчатое производство. В орудийном наборе присутствуют геометрические микролиты, острия туткаульского типа, выемчатые и долотовидные изделия, концевые скребки. На раннем этапе развития указанного культурного подразделения (~20–15 тыс. л.н.) выделяется большое количество прямоугольников, а также единичные неравносторонние треугольники и сегменты. На среднем и позднем этапе (~15–9 тыс. л.н.) представлены геометрические микролиты в виде сегментов [Shnaider et al., 2020]. При этом на раннем этапе подобные изделия характеризуются миниатюрными размерами (20 мм в наибольшем измерении, ширина – 7 мм); сегменты среднего и позднего этапов туткаульской линии развития отличаются более крупными метрическими параметрами (достигают в наибольшем измерении 37 мм, в ширину – 12–15 мм) [Ранов, Шнайдер, Павленок, 2015].

Мезолитические комплексы Восточного Прикаспия представлены на памятниках Дам-Дам-Чешме-1 (слои 4, 5) и Дам-Дам-Чешме-2 (слои 4, 5) и датируются в пределах 12–10 тыс. л.н. Указанные индустрии характеризуются призматическим мелкопластинчатым расщеплением, в орудийном наборе преобладают геометрические микролиты в виде сегментов и негеометрические микролиты: асимметричные острия, пластинки с притупленным краем и остроконечные пластинки с притупленным краем. Сегменты, представленные в данных комплексах, оформлены на пластинчатых сколах посредством нанесения ретуши притупления, обладают крупными метрическими параметрами: длина целых изделий в среднем составляет 30 мм, ширина – 12 мм [Алишер кызы и др., 2020].

Мезолитические комплексы Нарынской долины представлены в материалах памятников Айгыржал-2 и Аламышык-2, датируемых в пределах 13–11 тыс. л.н. Первичное расщепление в этих комплексах направлено на получение микропластин; в орудийном наборе доминируют микропластины с ретушью и выемчатые изделия, единичными экземплярами представлены пластинки с притупленным краем. В данном комплексе обнаружена единичная трапеция, оформленная на пластинке посредством нанесения ретуши притупления на два продольных края; длина орудия составляет 15 мм, высота – 5,5 мм [Абдыканова и др., 2015].

Геометрические микролиты в комплексах неолита

Неолитические комплексы Восточного Прикаспия представлены на памятниках Дам-Дам-Чешме-1 и -2 (слои 2, 3) [Окладников, 1953; Марков, 1966]. На основании технико-типологического анализа данных индустрий их возраст определяется в пределах 9–6 тыс. л.н. Первичное расщепление в этих комплексах направлено на производство мелких пластин, в орудийном наборе преобладают скребковые формы и выемчатые орудия. Геометрические микролиты представлены симметричными миниатюрными трапециями и неравносторонними треугольниками, изготовленными из пластинчатых сколов. Трапеции оформлены посредством нанесения ретуши притупления на поперечные края; длина основания этих орудий составляет 10–12 мм, ширина – 8–10 мм. Треугольники также оформлены ретушью притупления по продольному и поперечному краям; длина этих изделий в среднем составляет 23 мм, ширина – 9 мм [Алишер кызы и др., 2020].

Джейтунская культура была выделена в результате исследования на территории предгорной равнины Копетдага, здесь изучались поселения Джейтун, Тоголок-Депе и Чагаллы, датируемые в пределах 9–6 тыс. л.н. Для первичного расщепления указанных памятников характерно получение пластин с призматических нуклеусов при помощи техники отжима [Коробкова, 1996; Brunet, 2012]. В орудийном наборе отмечены ретушированные пластины, вкладыши серпов, геометрические микролиты, двухсторонне обработанные наконечники стрел и дротиков, выемчатые пластины, скребки-скобели (микроскребки) и костяные орудия различных модификаций [Коробкова, 1969; Массон, 1971]. В комплексах джейтунской культуры выделены три типа геометрических микролитов: сегменты, треугольники и трапеции, которые оформлялись на пластинчатых сколах посредством нанесения ретуши притупления. При этом трапеции подразделяются на удлиненные и укороченные. Удлиненные изделия достигают 35–40 мм в длину и 10–15 мм в высоту; длина укороченных трапеций колеблется в пределах 20–10 мм, высота – 10–15 мм. Метрические параметры треугольников в целом соответствуют укороченным трапециям. К сожалению, в опубликованных источниках не приведены параметры сегментов. Согласно Г.Ф. Коробковой, в ходе развития джейтунской культуры наблюдается тенденция к уменьшению количества геометрических микролитов: в комплексах раннего этапа выделяются все виды микролитов, на среднем и позднем этапах – укороченные трапеции и единичные треугольники [1996].

Кельтеминарская культура распространена на обширной территории Кызыл-Кумов, казахской степи, единичные элементы отмечаются на территории Алтая (ключевые памятники – Аякагитма, Джамбас-кала, верхнеузбойские комплексы) [Виноградов, 1968; Szymczak, Khudzhanazarov, 2006]. В индустрии прослежено две технологии расщепления: получение пластин в ударной технике с использованием посредника и производство микропластин посредством техники отжима [Brunet, 2002, 2012]. Орудийный набор памятников кельтеминарской культуры характеризуется преобладанием ретушированных пластин и пластинок, одним из ярких маркеров культуры являются наконечники кельтеминарского типа и геометрические микролиты [Коробкова, 1996; Виноградов, 1968; Brunet, 2002]. Геометрические микролиты численно преобладают на раннем и среднем этапах развития кельтеминарской культуры (8–5 тыс. л.н.); здесь выделяются неравносторонние треугольники и рогатые трапеции, изготовленные на пластинках и микропластинах. Треугольники оформлялись посредством нанесения ретуши притупления на один продольный и поперечный края; длина этих изделий составляет ок. 20 мм, ширина – 7 мм. Трапеции производились при помощи ретуши притупления на два поперечных края и один продольный, на котором при помощи ретуши формировалась выемка; длина изделий в среднем составляет 20 мм, высота – 10 мм [Brunet, 2002].

Оюклинская культура выделяется на территории нижнего Узбоя и п-ова Мангышлак (ключевые памятники Оюклы-1–4, группа памятников Сенек, подъемные комплексы нижнего Узбоя). На основе технико-типологических характеристик эти материалы датированы в пределах 9–7 тыс. л.н. [Марков, 1971; Коробкова, 1996; Астафьев, 2014]. Первичное расщепление в комплексах оюклинской культуры направлено на получение микропластин с карандашевидных и торцовых ядрищ посредством техники отжима. Орудийный набор характеризуется микропластинами с вентральной ретушью и двухсторонне обработанными наконечниками стрел и резцами. Геометрические микролиты представлены единичными симметричными трапециями, оформленными на пластинках и микропластинах посредством нанесения ретуши притупления на поперечные края; длина изделий составляет ок. 15 мм, высота – 5–7 мм [Коробкова, 1996; Марков, 1971].

Комплексы Ферганской долины. На территории Ферганской долины зафиксирована серия памятников, которые относятся к периоду раннего – среднего голоцена (Обишир-5, -1, Тайпак, Мадияр, Узункуль). Каменная индустрия стоянок характеризуется

расщеплением объемных и торцовых микропалеосов, на поздних этапах отмечается наличие карандашевидных. Орудийный набор комплексов включает микропластины с ретушью, микропластины с выемками, концевые скребки, проколки и долото-видные изделия [Исламов, Тимофеев, 1986; Shnaider et al., 2017]. В материалах памятника Обишир-5 обнаружена единичная трапеция, оформленная на микропластине ретушью притупления по двум поперечным краям; длина этого изделия составляет 17 мм, высота – 6 мм [Shnaider et al., 2017].

Гиссарская неолитическая культура выделена на территории Афгано-Таджикской депрессии, низко- и среднегорий Гиссаро-Алая и включает более сотни памятников, наиболее информативными из которых являются Куй-Бульон, Сай-Сайод, Ак-Танги и Туткаул. Хронология этой культуры укладывается в пределы 9–4 тыс. л.н. [Ранов, 1985]. Каменная индустрия характеризуется сочетанием галечного расщепления для производства крупных отщепов и объемного призматического скалывания, направленного на получение микропластин и крупных пластинчатых сколов. В орудийном наборе присутствуют скребла на крупных отщепках, концевые скребки, выемчатые изделия, отмечены единичные вкладыши серпов, шлифованные изделия и зернотерки; небольшую серию изделий образуют костяные шилья и украшения из камня и кости [Там же; Коробкова, 1996; Ранов, Каримова, 2005]. Геометрические микролиты здесь представлены единичными симметричными трапециями, оформленными на пластинчатых сколах при по-

мощи ретуши притупления по обоим поперечным краям; длина и высота изделий в среднем составляет ок. 10 мм [Ранов, Коробкова, 1971].

Обсуждение

Проведенный анализ позволил сформулировать схему изменчивости геометрических микролитов во времени, характерную для различных территорий Центральной Азии: неравносторонние треугольники – прямоугольники – сегменты – трапеции (рис. 2). Единственным исключением из этой схемы являются неравносторонние треугольники, присутствующие в материалах кельтеминарской культуры. На наш взгляд, определение функциональности этих изделий позволит узнать их место в орудийном наборе комплексов этой культуры и в конечном счете понять причины их распространения в эпоху неолита. В эпоху верхнего палеолита и первой половины мезолита (от 30 до 15 тыс. л.н.) представлены микролиты исключительно миниатюрных пропорций (до 20 мм в наибольшем измерении), что коррелирует с использованием в комплексах этого времени технологии мелкопластинчатого расщепления. Позднее, в индустриях второй половины мезолита, датируемых 15–9 тыс. л.н., распространяются геометрические микролиты в виде сегментов и крупных неравносторонних треугольников. Данный процесс также полностью соотносится с преобладанием в то время технологий пластинчатого расщепления [Shnaider et al., 2020; Алишер кызы и др., 2020].

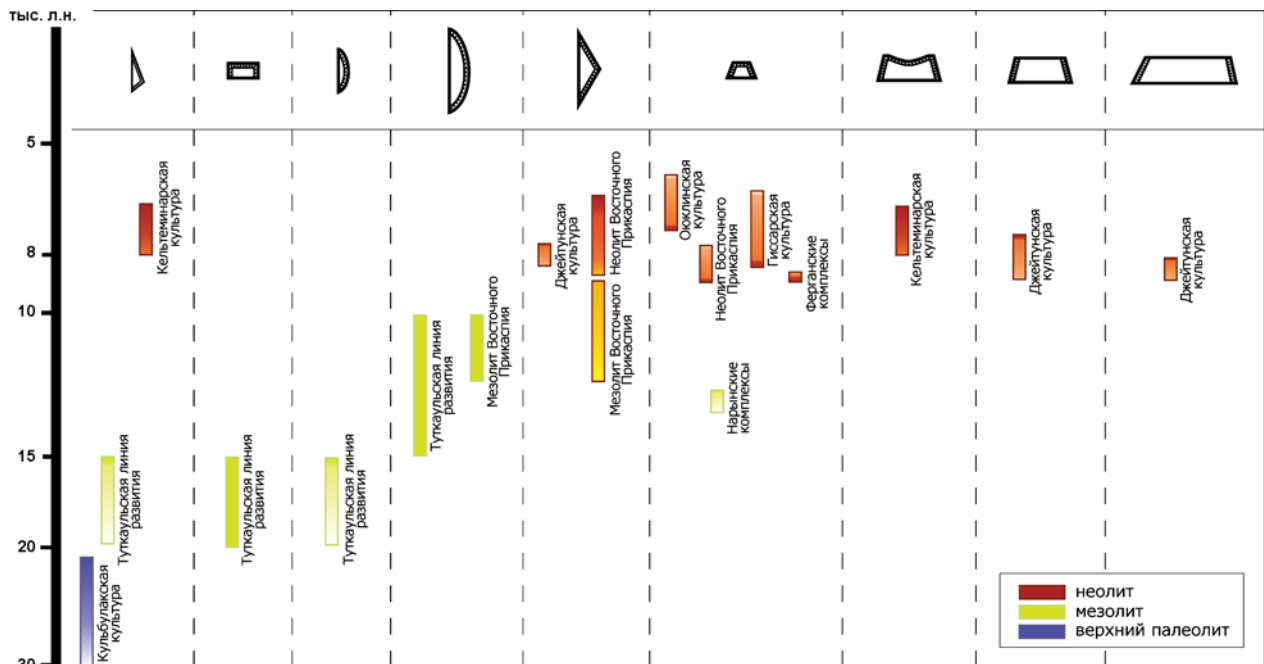

Рис. 2. Схема представленности геометрических микролитов в верхнем палеолите – неолите в Центральной Азии.

В неолитическое время получают распространение трапеции трех типов – равносторонние на микропластинах (оюклинская и гиссарская культуры, комплексы Нарынской и Ферганской долин), рогатые (кельтеминарская культура) и равносторонние на пластинах (джейтунская культура). В большом количестве трапеции представлены в материалах раннего этапа джейтунской культуры (9–8 тыс. л.н.), раннего и среднего этапов кельтеминарской культуры (8,5–5 тыс. л.н.). При этом в горных частях Центральной Азии в материалах гиссарской культуры и на памятниках Айгыржал-2 и Обишир-5 геометрические микролиты единичны.

Проведенный обзор позволил проследить корреляцию между типами геометрических микролитов и техникой расщепления, характерной для той или иной индустрии. Установлено, что трапеции присутствуют исключительно в комплексах, где расщепление основано на использовании отжимной техники. Микролиты, созданные посредством модификации продольного и поперечных краев (неравносторонние треугольники, прямоугольники и сегменты), получают свое распространение в комплексах, где преобладала ударная техника скола. На наш взгляд, подобное различие обусловлено стремлением к созданию стандартизированных орудий, поскольку при первичном расщеплении с использованием ударной техники заготовки получаются нестандартными по длине и ширине, они нуждались в большей степени модификации. Использование отжимной техники расщепления позволяло получать стандартизированные по ширине и толщине заготовки, которые в дальнейшем требовали лишь минимальной модификации ретушью.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР № 0329-2019-0002 «Древнейшие культурные процессы на территории Центральной Азии».

Список литературы

Абдыканова А.К., Табалдиев К.Т., Чаргынов Т.Т., Рашит-уулу Н., Алишер-кызы С. Результаты исследований памятника каменного века Аламышык в 2012–2013 гг. // Возвращение к истокам: сб. памяти В.А. Ранова. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – С. 207–214.

Алишер кызы С., Шнайдер С.В., Колобова К.А., Кривошапкин А.И. Новые данные по мезолиту Восточного Прикаспия: каменная индустрия грота Дам-Дам-Чешме-2 (по материалам раскопок А.П. Окладникова) // *Stratum Plus*. – 2020. – № 1. – С. 257–278.

Астафьев А.Е. Неолит и энеолит полуострова Мангышлак // *Материалы и исследования по археологии Казахстана*. – Астана: Полиграфкомбинат, 2014. – Т. VI. – 359 с.

Виноградов А.В. Неолитические памятники Хорезма. – М.: Наука, 1968. – 180 с.

Исламов У.И., Тимофеев В.И. Культура каменного века Центральной Ферганы. – Ташкент: ФАН. – 1986. – 304 с.

Колобова К.А. Верхний палеолит Западного Памира-Тянь-Шаня: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2014. – 38 с.

Колобова К.А., Кривошапкин А.И., Шнайдер С.В., Шалагина А.В. Обоснование возраста ранних геометрических микролитов в западной части Центральной Азии // *Теория и практика археологических исследований*. – 2018. – № 1 (21). – С. 155–164.

Колобова К.А., Фляс Д., Деревянко А.П., Павленок К.К., Исламов У.И., Кривошапкин А.И. Кульбулакская мелкопластинчатая традиция в верхнем палеолите Центральной Азии // *Археология, этнография и антропология Евразии*. – 2013. – № 2. – С. 2–25.

Коробкова Г.Ф. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. – М.: Наука, 1969. – 216 с.

Коробкова Г.Ф. Мезолит средней Азии и Казахстана // *Мезолит СССР*. – М.: Наука, 1989. – С. 149–174.

Коробкова Г.Ф. Средняя Азия и Казахстан // *Неолит Северной Евразии*. – М.: Наука, 1996. – С. 87–135. – (Археология СССР).

Марков Г.Е. Грот Дам-Дам-Чешме-2 в Восточном Прикаспии // *СА*. – 1966. – № 2. – С. 104–125.

Марков Г.Е. Материалы по каменному веку Прибалхана // *Материальная культура Туркменистана*. – Ашхабад: Изд-во АН ТССР, 1971. – С. 23–59.

Массон В.М. Поселение Джейтун (проблема становления производящей экономики). – М.; Л.: Наука, 1971. – 208 с.

Нужный Д.Ю. Розвиток мікролітичної техніки в Кам'яному віці: удосконалення зброї первісних мисливців (видання друге, доповнене). – Київ: Видавництво КНТ, 2007. – 306 с.

Окладников А.П. Изучение памятников каменного века в Туркмении (по данным работ IX отряда Южно-Туркменист. археол. комплекс. экспед. в 1952 г.) // *Изв. АН ТССР*. – 1953. – № 2. – С. 3–22.

Ранов В.А. Гиссарская культура – неолит горных областей Средней Азии (происхождение, распространение, особенности) // *История и культура востока Азии: Каменный век Северной, Средней и Восточной Азии*. – 1985. – С. 23–31.

Ранов В.А., Каримова Г.Р. Каменный век Афгано-Таджикской депрессии. – Душанбе: Деваштич, 2005. – 252 с.

Ранов В.А., Коробкова Г.Ф. Туткаул – многослойное поселение гиссарской культуры в Южном Таджикистане // *СА*. – 1971. – № 2. – С. 133–147.

Ранов В.А., Шнайдер С.В., Павленок Г.Д. Мезолитические комплексы памятника Туткаул (Таджикистан) // РА. – 2015. – № 2. – С. 30–45.

Bamforth B.D., Bleed P. Technology, Flaked Stone Technology, and Risk // *Archeological Papers of the American Anthropological Association*, 1997. – N 7 (1). – P. 109–139.

Belfer-Cohen A., Goring-Morris A.N. Why microliths? Microlithization in the Levant // *Thinking Small: Global Perspectives on Microlithization*. – Arlington: American Anthropol. Association, 2002. – P. 57–68.

Brown K.S., Marean C.W., Jacobs Z., Schoville B.J., Oestmo S., Fisher E.C., Bernatchez J., Karkanas P., Matthews T. An early and enduring advanced technology originating 71,000 years ago in South Africa // *Nature*. – 2012. – Iss. 491. – P. 590–593.

Brunet F. Asie centrale: vers une redéfi nition des complexes culturels de la fi n du Pléistocène et des débuts de l’Holocène // *Paléorient*. – 2002. – N 28 (2). – P. 9–24.

Brunet F. The Technique of Pressure Knapping in Central Asia: Innovation or Diffusion? // *The Emergence of Pressure Blade Making. From Origin to Modern Experimentation*. – N. Y.: Springer, 2012. – P. 307–328.

Kolobova K.A., Krivoschapkin A.I., Derevianko A.P., Islamov U.I. The upper Paleolithic site of Dodekatym-2 in Uzbekistan // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. – 2011. – N 4 (48). – P. 2–21.

Kolobova K.A., Krivoschapkin A.I., Shnaider S.V. Early geometric microlith technology in Central Asia // *Archaeol. and Anthropol. Sci.* – 2019. – Vol. 14. – P. 1407–1419. – URL: <https://doi.org/10.1007/s12520-018-0613>.

Neeley M.P. Going microlithic: a Levantine perspective on the adoption of microlithic technologies // *Thinking Small: Global Perspectives on Microlithization*. – Arlington: American Anthropol. Association, 2002. – P. 45–55.

Ranov V.A., Davis R. Toward a new outline of Soviet Central Asian Paleolithic // *Current Archeology*. – 1979. – N 20. – P. 249–262.

Shnaider S.V., Kolobova K.A., Filimonova T.G., Taylor W., Krivoschapkin A.I. New insights into the Epipaleolithic of western Central Asia: The Tutkaulian complex // *Quaternary International*. – 2020. – N 535. – P. 139–154. – doi: <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2018.10.001>

Shnaider S.V., Krajcarz M.T., Viola T.B., Abdykanova A., Kolobova K.A., Fedorchenko A.Yu., Alisher-kyzy S., Krivoschapkin A.I. New investigations of Epipaleolithic in western Central Asia: Obishir-5 // *Antiquity*. – 2017. – Vol. 91, iss. 360. – P. 1–7.

Szymczak K., Khudzhanazarov M. Bullet-shaped core reduction in Kelteminar culture (Neolithic of Central Asia) // *The Stone: Technique and Technology*. – Wrocław: Institute of Archaeol., Univ. of Wrocław, 2006. – P. 191–198.

Tixier J. Typologie de l’Épipaléolithique du Maghreb. Mémoires du centre de recherches anthropologiques, préhistoriques et ethnographiques. – Argelia-París: A. M. G., 1963. – Vol. 2. – 209 p.

Torrence R. Retooling: towards a behavioral theory of stone tools // *Time, Energy and Stone Tools*. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1989. – P. 57–66.

Wedage O., Picin A., Blinkhorn J., Douka K., Deraniyagala S., Kourampas N., Perera N., Simpson I., Boivin N., Petraglia M., Roberts P. Microliths in the South Asian rainforest ~45–4 ka: New insights from Fa-Hien Lena Cave, Sri Lanka // *PLoS ONE*. – 2019. – N 14 (10): e0222606.

Yaroshevich A., Kaufman D., Nuzhnyy D., Bar-Yosef O., Weinstein-Evron M. Design and performance of microlith implemented projectiles during the Middle and the Late Epipaleolithic of the Levant: experimental and archaeological evidence // *J. of Archaeol. Sci.* – 2010. – N 37. – P. 368–388.

References

Abdykanova A.K., Tabaldiev K.T., Chargynov T.T., Rashit-uulu N., Alisher-kyzy S. Rezul’taty issledovaniy pamyatnika kamennogo veka Alamyshyk v 2012–2013 gg. In *Vozvrashchenie k istokam: sbornik pamyati V.A. Ranova*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, pp. 207–214. (In Russ.).

Alisher kyzy S., Shnaider S.V., Kolobova K.A., Krivoschapkin A.I. New Data on the Mesolithic of Eastern Caspian: Lithic Industry of Dam-Dam-Cheshme-2 Site (based on A.P. Okladnikov’s materials). *Stratum Plus*, 2020, No. 1, pp. 257–278. (In Russ.).

Astaf’ev A.E. Neolithic and eneolithic of Mangyshlak Peninsula. In *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kazakhstana*. Astana: Poligrafkombinat, 2014, vol. VI, 359 p. (In Russ.).

Bamforth B.D., Bleed P. Technology, Flaked Stone Technology, and Risk. *Archeological Papers of the American Anthropological Association*, 1997, No. 7 (1), pp. 109–139.

Belfer-Cohen A., Goring-Morris A.N. Why microliths? Microlithization in the Levant. In *Thinking Small: Global Perspectives on Microlithization*. Arlington: American Anthropol. Association, 2002, pp. 57–68.

Brown K.S., Marean C.W., Jacobs Z., Schoville B.J., Oestmo S., Fisher E.C., Bernatchez J., Karkanas P., Matthews T. An early and enduring advanced technology originating 71,000 years ago in South Africa. *Nature*, 2012, iss. 491, pp. 590–593.

Brunet F. Asie centrale: vers une redéfi nition des complexes culturels de la fi n du Pléistocène et des débuts de l’Holocène. *Paléorient*, 2002, No. 28 (2), pp. 9–24.

Brunet F. The Technique of Pressure Knapping in Central Asia: Innovation or Diffusion? In *The Emergence of Pressure Blade Making. From Origin to Modern Experimentation*. N. Y.: Springer, 2012, pp. 307–328.

Islamov U.I., Timofeyev V.I. Kultura kamennogo veka Tsentralnoy Fergany. Tashkent: Phan, 1986, 304 p. (In Russ.).

- Kolobova K.A.** Verkhniy paleolit Zapadnogo Pamiro-Tyan'-Shanya: cand. sc. (history) dissertation abstract. Novosibirsk, 2014, 38 p. (In Russ.).
- Kolobova K.A., Flyas D., Derevianko A.P., Pavlenok K.K., Islamov U.I., Krivoshapkin A.I.** Kulbulak small-blade tradition in the Upper Paleolithic in Central Asia. *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*, 2013, No. 2, pp. 2–25.
- Kolobova K.A., Krivoshapkin A.I., Derevianko A.P., Islamov U.I.** The upper Paleolithic site of Dodekatym-2 in Uzbekistan. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2011, No. 4 (48), pp. 2–21.
- Kolobova K.A., Krivoshapkin A.I., Shnaider S.V.** Early geometric microlith technology in Central Asia. *Archaeol. and Anthropol. Sci.*, 2019, vol. 14, pp. 1407–1419. URL: <https://doi.org/10.1007/s12520-018-0613>.
- Kolobova K.A., Krivoshapkin A.I., Shnaider S.V., Shalagina A.V.** Justification of the Age of Early Geometric Microliths in the Western Part of Central Asia. *Theory and Practice of Archaeological Research*, 2018, No. 1 (21), pp. 155–164. (In Russ.).
- Korobkova G.F.** Orudiya truda i khozyaistvo neoliticheskikh plemen Srednei Azii. Moscow: Nauka, 1969, 216 p. (In Russ.).
- Korobkova G.F.** Mezolit srednei Azii i Kazakhstana. In *Mezolit SSSR*. Moscow: Nauka, 1989, pp. 149–174. (In Russ.).
- Korobkova G.F.** Srednyaya Aziya i Kazakhstan. In *Neolit Severnoi Evrazii*. Moscow: Nauka, 1996, pp. 87–135. (*Arkheologiya SSSR*) (In Russ.).
- Markov G.E.** Grot Dam-Dam-Cheshme-2 v Vostochnom Prikaspii. *Sovetskaya Arkheologiya*, 1966, No. 2, pp. 104–125. (In Russ.).
- Markov G.E.** Materialy po kamennomu veku Pribalkhan'ya. In *Material'naya kul'tura Turkmenistana*. Ashkhabad: AS TSSR Publ., 1971, pp. 23–59. (In Russ.).
- Masson V.M.** Poselenie Dzheitun (problema stanovleniya proizvodnyashchei ekonomiki). Moscow; Leningrad: Nauka, 1971, 208 p. (In Russ.).
- Neeley M.P.** Going microlithic: a Levantine perspective on the adoption of microlithic technologies. In *Thinking Small: Global Perspectives on Microlithization*. Arlington: American Anthropol. Association, 2002, pp. 45–55.
- Nuzhnyi D.Yu.** Rozvitok mikrolitichnoi tekhniki v Kam'yanomu vitsi: udoskonalennya zbroi pervisnikh mislivtsiv (vidannya druge, dopovnene). Kii: Vidavnistvo KNT, 2007, 306 p. (In Ukrain.).
- Okladnikov A.P.** Izuchenie pamyatnikov kamennogo veka v Turkmenii (po dannym rabot IX otryada YuTAKE v 1952 g.). *IAN TSSR*, 1953, No. 2, pp. 3–22. (In Russ.).
- Ranov V.A.** Gissarskaya kul'tura – neolit gornyykh oblastei Srednei Azii (proiskhozhdenie, rasprostranenie, osobennosti). In *Istoriya i kul'tura vostoka Azii: Kamennyi vek Severnoi, Srednei i Vostochnoi Azii*, 1985, pp. 23–31. (In Russ.).
- Ranov V.A., Davis R.** Toward a new outline of Soviet Central Asian Paleolithic. *Current Archeology*, 1979, No. 20, pp. 249–262.
- Ranov V.A., Karimova G.R.** Kamennyi vek Afgano-Tadzhikskoi depressii. Dushanbe: Devashtish, 2005, 252 p. (In Russ.).
- Ranov V.A., Korobkova G.F.** Tutkaul – mnogoslainoe poselenie gissarskoi kul'tury v Yuzhnom Tadzhikistane. *Sovetskaya arkheologiya*, 1971, No. 2, pp. 133–147. (In Russ.).
- Ranov V.A., Shnaider S.V., Pavlenok G.D.** Mezoliticheskie komplekсы pamyatnika Tutkaul (Tadzhikistan). *Russian Archaeology*, 2015, No. 2, pp. 30–45. (In Russ.).
- Shnaider S.V., Kolobova K.A., Filimonova T.G., Taylor W., Krivoshapkin A.I.** New insights into the Epipaleolithic of western Central Asia: The Tutkaulian complex. *Quaternary International*, 2020, No. 535, pp. 139–154. doi: <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2018.10.001>
- Shnaider S.V., Krajcarz M.T., Viola T.B., Abdykanova A., Kolobova K.A., Fedorchenko A.Yu., Alisher-kyzy S., Krivoshapkin A.I.** New investigations of Epipaleolithic in western Central Asia: Obishir-5. *Antiquity*, 2017, vol. 91, iss. 360, pp. 1–7.
- Szymczak K., Khudzhanazarov M.** Bullet-shaped core reduction in Kelteminar culture (Neolithic of Central Asia). In *The Stone: Technique and Technology*. Wrocław: Institute of Archaeol., Univ. of Wrocław, 2006, pp. 191–198.
- Tixier J.** Typologie de l'Épipaléolithique du Maghreb. Mémoires du centre de recherches anthropologiques, préhistoriques et ethnographiques. Argelia-París: A. M. G., 1963, vol. 2, 209 p.
- Torrence R.** Retooling: towards a behavioral theory of stone tools. In *Time, Energy and Stone Tools*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1989, pp. 57–66.
- Vinogradov A.V.** Neoliticheskie pamyatniki Khorezma. Moscow: Nauka, 1968, 180 p. (In Russ.).
- Wedage O., Picin A., Blinkhorn J., Douka K., Deraniyagala S., Kourampas N., Perera N., Simpson I., Boivin N., Petraglia M., Roberts P.** Microliths in the South Asian rainforest ~45–4 ka: New insights from Fa-Hien Lena Cave, Sri Lanka. *PLoS ONE*, 2019, No. 14 (10): e0222606.
- Yaroshevich A., Kaufman D., Nuzhnyi D., Bar-Yosef O., Weinstein-Evron M.** Design and performance of microlith implemented projectiles during the Middle and the Late Epipaleolithic of the Levant: experimental and archaeological evidence. *J. of Archaeol. Sci.*, 2010, No. 37, pp. 368–388.
- Шнайдер С.В. <https://orcid.org/0000-0003-2230-4286>
Алишер кызы С. <https://orcid.org/0000-0003-3138-0942>
Марковский Г.И. <https://orcid.org/0000-0003-2698-707X>

М.В. Шуньков¹, А.А. Аноикин¹✉, М.Б. Козликин¹,
Л. Булатович², А.П. Деревянко¹

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
²Музей и галереи Подгорицы
Подгорица, Черногория
E-mail: anui1@yandex.ru

Раскопки палеолитической стоянки Малишина Стена в Черногории в 2020 году

Представлены результаты археологических исследований стоянки Малишина Стена в 2020 г. Скальный навес расположен на севере Черногории, рядом с г. Плевля, в ущелье р. Чехотина. В 2017–2019 гг. раскопки проводились совместной российско-черногорской экспедицией в центральной части навеса. В 2020 г. работы продолжены на новом участке стоянки, где сохранились отложения верхней части разреза, представленные стратиграфическими подразделениями слоя А. Раскопом площадью 6 м² была вскрыта толща слоев А–F общей мощностью до 1,8 м. Археологические материалы зафиксированы в слоях А1, А2, А4, В2 и С. Основная часть коллекции связана с горизонтами слоя А. Для этой индустрии характерно развитое мелко- и микропластинчатое производство. В орудийном наборе представлены формы, типичные для заключительной стадии верхнего палеолита, – микропластины с притупленным краем, микроострия, геометрические микролиты, микроскребки и проколки. Состав фаунистических остатков свидетельствует о том, что обитатели навеса систематически занимались рыбной ловлей, а также охотой на мелких млекопитающих. Анализ используемого каменного сырья показал, что помимо орудий из местных пород в этой индустрии в большом количестве представлены изделия из качественных халцедонов и яшмоидов, отсутствующих в окрестностях стоянки. Судя по особенностям состава и распределения археологического материала в литологических подразделениях слоя А, можно предположить, что скальный навес использовался для регулярных, но кратковременных стойбищ, связанных, скорее всего, с рыболовной и охотничьей деятельностью.

Ключевые слова: Черногория, Малишина Стена, скальный навес, плейстоцен, палеолит, каменная индустрия.

Michael V. Shunkov¹, Anton A. Anoiкин¹✉, Maxim B. Kozlikin¹,
Lenka Bulatovich², Anatoly P. Derevianko¹

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
²Museum and Galleries of Podgorica,
Podgorica, Montenegro
E-mail: anui1@yandex.ru

Excavations at the Paleolithic Site Mališina Stijena in Montenegro in 2020

The article provides the results of the Mališina Stijena site archaeological research in 2020. This rock shelter is located in the north of Montenegro near Pljevlja city in the gorge of the Čehotina River. In 2017–2019, excavations were carried out by a joint Russian-Montenegrin expedition in the central part of the rock shelter. In 2020, the work was continued on a new area of the site, where the upper part deposits of the section is represented by stratigraphic units of Layer A. The excavation with the area of 6 sq. m uncovered a stratum of Layers A–F, with a total thickness of up to 1.8 m. Archaeological materials were found in Layers A1, A2, A4, B2, and C. The main part of the collection is associated with the horizons of Layer A. This industry is characterized by well-developed small- and microblades production. The toolkit contains forms typical of the final stage of the Upper Paleolithic, i.e. backed microblades, micropoints, geometric microliths, microscrapers, and piercers. The composition of the faunal remains indicates that the inhabitants of the rock shelter systematically engaged in fishing and hunting for small mammals. An analysis of the used raw materials showed that, in addition to the tools made of local rocks, this industry has a

large number of items made of high-quality chalcedony and jasper, which are absent near the site. Based on the peculiarities of the composition and distribution of archaeological materials in the lithological subdivisions of Layer A, it can be assumed that the rock shelter was used for regular but short-term camps, most likely associated with fishing and hunting activities.

Keywords: Montenegro, Mališina Stijena, rock shelter, Pleistocene, Paleolithic, lithic industry.

Скальный навес Малишина Стена расположен на севере Черногории, в 20 км к юго-востоку от г. Плевля, в верхнем течении р. Чехотина, на высоте 860 м над ур. м. В районе стоянки долина реки представляет собой каньонообразное ущелье глубиной 95–100 м с крутыми скальными стенками, в своей нижней части зачастую отвесными и субвертикальными. Навес северной экспозиции вытянут вдоль реки и имеет протяженность по капельной линии ок. 32 м при глубине до 12 м и высоте 15 м. Над уровнем реки площадка под навесом возвышается на 10 м [Деревянко и др., 2017].

В 1981–1984 и 1986 гг. исследовательские работы под навесом вели специалисты из Центра археологических исследований философского факультета Белградского университета совместно с музеем г. Плевля под общим руководством И. Радованович [Radovanovic, 1986].

В 2017 г. раскопки стоянки были возобновлены совместной российско-черногорской экспедицией и велись преимущественно в ее центральной части единым раскопом, площадь которого на момент окончания работ в 2019 г. составила 28 м² [Деревянко и др., 2017, 2018, 2019].

В 2020 г. археологические работы проводились на новом участке, где сохранились отложения верхней части разреза. Большая часть основного культуросодержащего слоя А была раскопана в 1980-х гг. практически на всей площади памятника, а его сохранившиеся участки сильно повреждены в результате современной антропогенной деятельности и продолжительного экспонирования после удаления перекрывающей голоценовой толщи. В коллекции из раскопок второго этапа исследований археологический материал из слоя А был представлен немногочисленными артефактами, связанными в основном с участками слоя небольшой мощности и протяженности, сохранившимися в локальных понижениях. Полная стратиграфическая последовательность отложений сохранилась только на периферийных участках навеса, главным образом в его восточной части.

Раскоп 2020 г. площадью 2 × 3 м был заложен у восточного края навеса перед капельной линией (рис. 1, 1). Он вскрыл рыхлые отложения в квадратах Н–J/7–8 на глубину до 1,8 м. Выделенные в разрезе литологические слои А1–4, В1, В2 и С в целом соответствуют описанным ранее стратотипам (рис. 1, 2) [Деревянко и др., 2019] и представля-

ют собой мощную щебнисто-дресвянистую толщу с заполнителем порового типа. Границы между слоями проведены по изменению цвета заполнителя и концентрации обломочного материала. Основным отличием, зафиксированным в строении разреза на данном участке, является значительная мощность слоя А (до 1 м), который разделен на четыре литологических подразделения, где слои А2 и А4 имеют выраженный темно-серый, черный и красноватый цвет за счет насыщенности углем, органикой и минеральными красителями, в отличие от светло-серых слоев А1 и А3. Кроме того, вздымание кровли нижней пачки отложений аллювиального генезиса (слои D–F) привело к значительному уменьшению мощности слоя С – с 0,7 до 0,3 м по сравнению с центральной частью навеса. В раскопе этого года слой С представляет собой единую толщу, в которой не прослежены литологические горизонты, выделенные в разрезах раскопов 2017–2019 гг.

На уровне кровли слоя D площадь раскопа была сокращена до 1 м². Шурфом, пройденным на глубину 0,6 м, вскрыта археологически стерильная нижняя пачка отложений.

Слой D – супесь серо-коричневая с включением мелкого щебня, мощностью 0,3–0,4 м.

Слой E – аллювиальные пески серые, слоистые, мощностью 0,15–0,20 м.

Слой F – русловой галечник с песчаным заполнителем, вскрытой мощностью 0,15 м.

Археологический материал зафиксирован в слоях А1, А2, А4, В2 и С (см. таблицу).

Слой А1. Каменная индустрия – 463 экз. Нуклеидные формы (0,9 %) представлены тремя нуклеидными обломками и истощенным ядрищем в виде небольшой (4,8 см по длинной оси) округлой плоской гальки, одна из сторон которой покрыта негативами разнонаправленных снятий. Частично сохранилась одна из ударных площадок – естественная, со следами забитости и мелких коротких снятий в верхней части фронта. Контрфронт покрыт галечной коркой.

Среди сколов (80 экз., 17,3 %) примерно половину составляют микропластины и пластины с параллельной огранкой дорсала. Отщепы, включая пластинчатые, представлены небольшими сколами преимущественно с точечной остаточной ударной площадкой и с продольной огранкой. Среди технических сколов большинство составляют снятия раз-

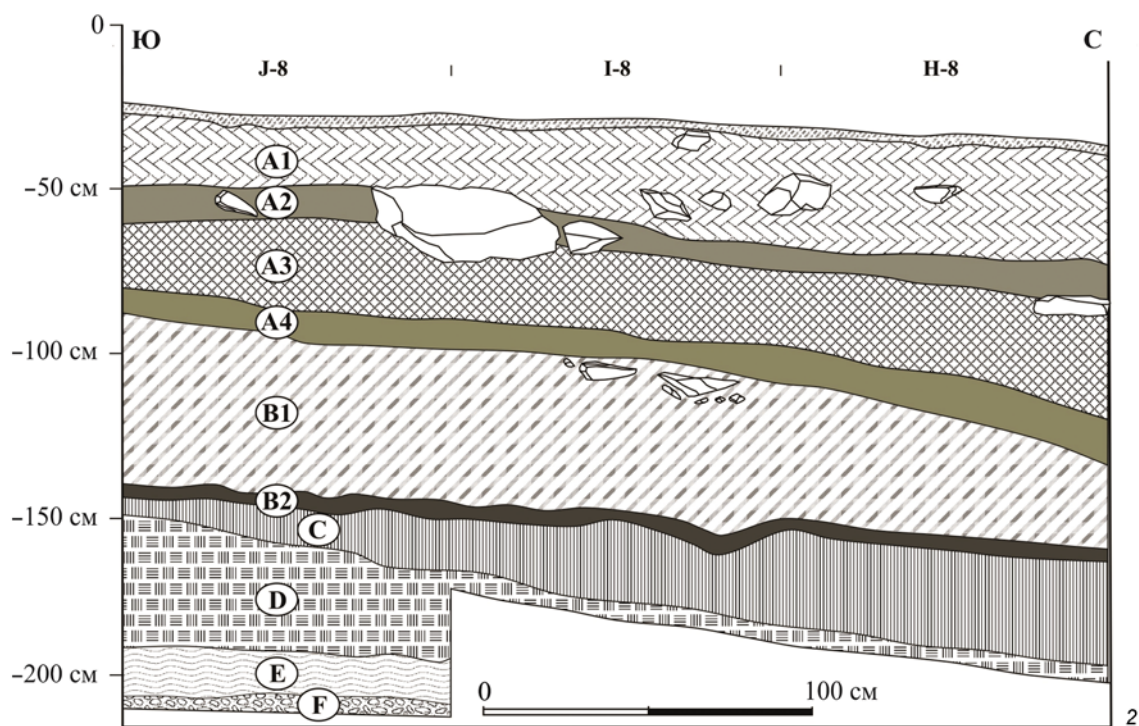
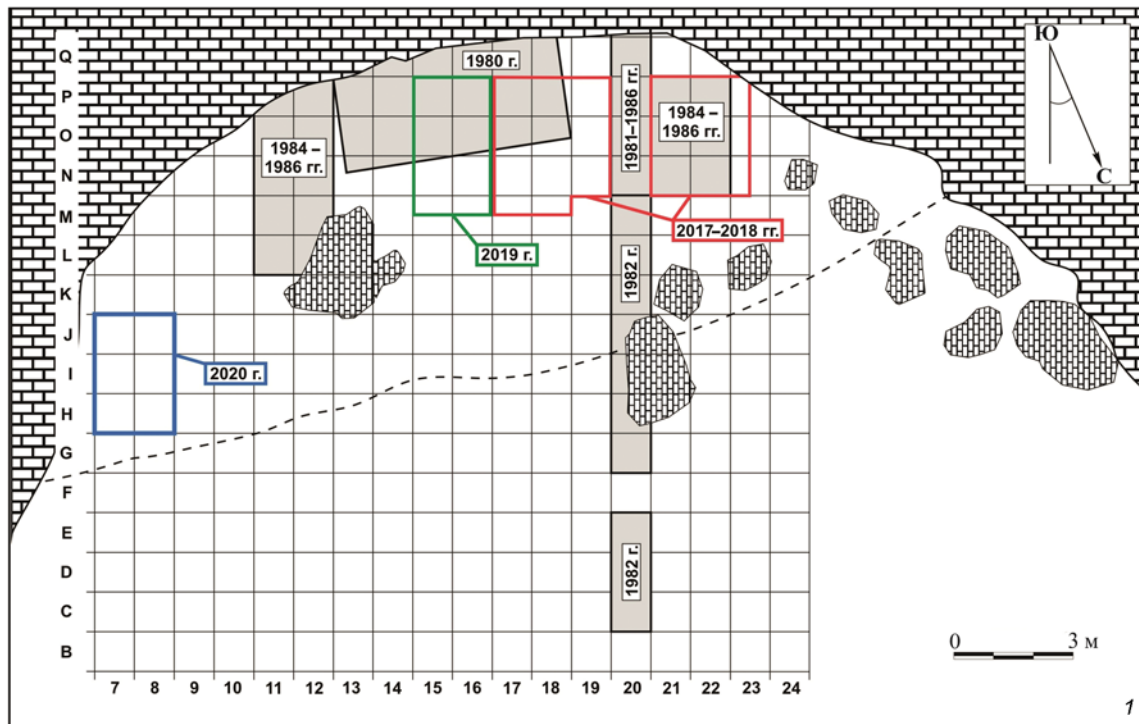

Рис. 1. План стоянки Малишина Стена с указанием участков археологических работ (1) и стратиграфический разрез западной стенки раскопа 2020 г. (2).

желвачивания, а также реберчатые сколы пластинчатых пропорций, отмечен один скол подправки ударной площадки. В числе отходов производства (81,8 %) больше половины составляют чешуйки.

Орудийный набор (8 экз.) включает две микропластины с притупленным краем, сегмент, фрагмент мелкого ретушированного острия (рис. 2, 17),

два мелких скребка на отщепках – концевой и угловой, угловой резец и мелкий фрагмент орудия. В пределах слоя найдено также 37 неопределимых фрагментов костей крупных млекопитающих, зуб грызуна и семь костей рыб.

Слой А2. Каменная индустрия – 488 экз. Нулевидные формы (1,2 %) представлены тремя ну-

клевидными обломками и тремя ядрищами, одно из которых аморфное истощенное. Типологически выраженные нуклеусы относятся к категории одноплощадочных монофронтальных для снятия мелких пластин и микропластин. Один из них – небольшого размера (3,7 см), выполнен на гальке (рис. 2, 19). Слабовыпуклый широкий фронт несет негативы мелких пластинчатых и микропластинчатых снятий, заходящих на более узкий и менее выпуклый торец. Ударная площадка гладкая, слабо скошена к контрфронт, оформлена одним поперечным сколом. Контрфронт и основание сохранили галечную поверхность. Второе ядрище (3,2 см) подпрямоугольное, уплощенное (рис. 2, 18). Слабовыпуклый фронт несет негативы нескольких мелких пластинчатых снятий. Ударная площадка оформлена несколькими сколами, слабо скошена к контрфронт. Часть ударной площадки и контрфронт сохранили галечную поверхность.

Среди сколов (100 экз., 20,5 %) доля пластин с параллельной огранкой дорсала и микропластин составляет 45 %. Отщепы, в т.ч. пластинчатые, представлены мелкими сколами преимущественно с гладкой или точечной остаточной ударной площадкой и с продольной огранкой. Технические сколы включают в основном снятия разжелвачивания и реберчатые сколы пластинчатых пропорций, а также два «заныривающих» скола, краевой скол и подправки ударной площадки. В составе отходов производства (78,3 %) обломки, осколки и чешуйки.

В орудийный набор (8 экз.) входят две микропластины с притупленным краем (рис. 2, 8, 10), два ретушированных острия, одно из которых скошенное (рис. 2, 15), проколка на микропластине (рис. 2, 11), концевой микроскребок (рис. 2, 16), небольшой отщеп с ретушью и мелкий фрагмент орудия (рис. 2, 6). В этом слое найдено также 28 неопределимых фрагментов костей крупных млекопитающих, два зуба грызунов и 35 костей рыб (ребра и жаберные крышки).

Слой А4. Коллекция каменных артефактов – 485 экз. Нуклевидные формы (0,8 %) представлены обломком с бессистемными снятиями и тремя ядрищами. Первое из них – фрагмент (2,5 см) одноплощадочного монофронтального нуклеуса для снятия мелких пластин и микропластин, с прямой ударной площадкой, оформленной одним сколом, и сохранившейся верхней частью фронта с негативами мелко- и микропластинчатых снятий. Второе изделие – обломок (2,8 см) подпризматического одноплощадочного ядрища для микропластин. Сохранились ударная площадка и часть выпуклого фронта, покрытого регулярными микропластинчатыми снятиями. Ударная площадка прямая, подготовлена одним сколом, край скалывания несет следы мелкой редукции. Третий

Находки со стоянки Малишина Стена, коллекция 2020 г.

Слой	Гальки		Нуклевидные формы		Пластины		Микропластины		Пластинчатые отщепы		Отщепы		Технические сколы		Мелкие сколы		Обломки, осколки		Чешуйки		Всего каменных артефактов (из них орудий)		Кости (крупные млекопитающие/грызуны/рыбы)		Всего находок	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
A1	–	–	4	0,9	29	6,3	8	1,7	12	2,6	18	3,9	13	2,8	64	13,8	96	20,7	219	47,3	463	(8)	45	(37/1/7)	508	
A2	–	–	6	1,2	36	7,4	9	1,8	14	2,9	20	4,1	21	4,3	58	11,9	92	18,9	232	47,5	488	(8)	65	(28/2/35)	553	
A4	1	0,2	4	0,8	38	7,8	26	5,4	12	2,5	12	2,5	6	1,2	74	15,3	68	14,0	244	50,3	485	(11)	324	(78/25/221)	809	
B2	2	9,1	–	–	–	–	5	22,7	–	–	–	–	–	–	1	4,5	2	9,1	12	54,5	22	(3)	31	(25/4/2)	53	
C	–	–	1	4,5	–	–	–	–	–	–	4	18,2	1	4,5	6	27,3	7	31,8	4	18,2	23		8	(7/1/–)	31	
<i>Всего</i>	3	0,2	15	1,0	103	7,0	48	3,2	38	2,6	54	3,6	41	2,8	203	13,7	265	17,9	711	48,0	1481	(30)	473	(175/33/265)	1954	

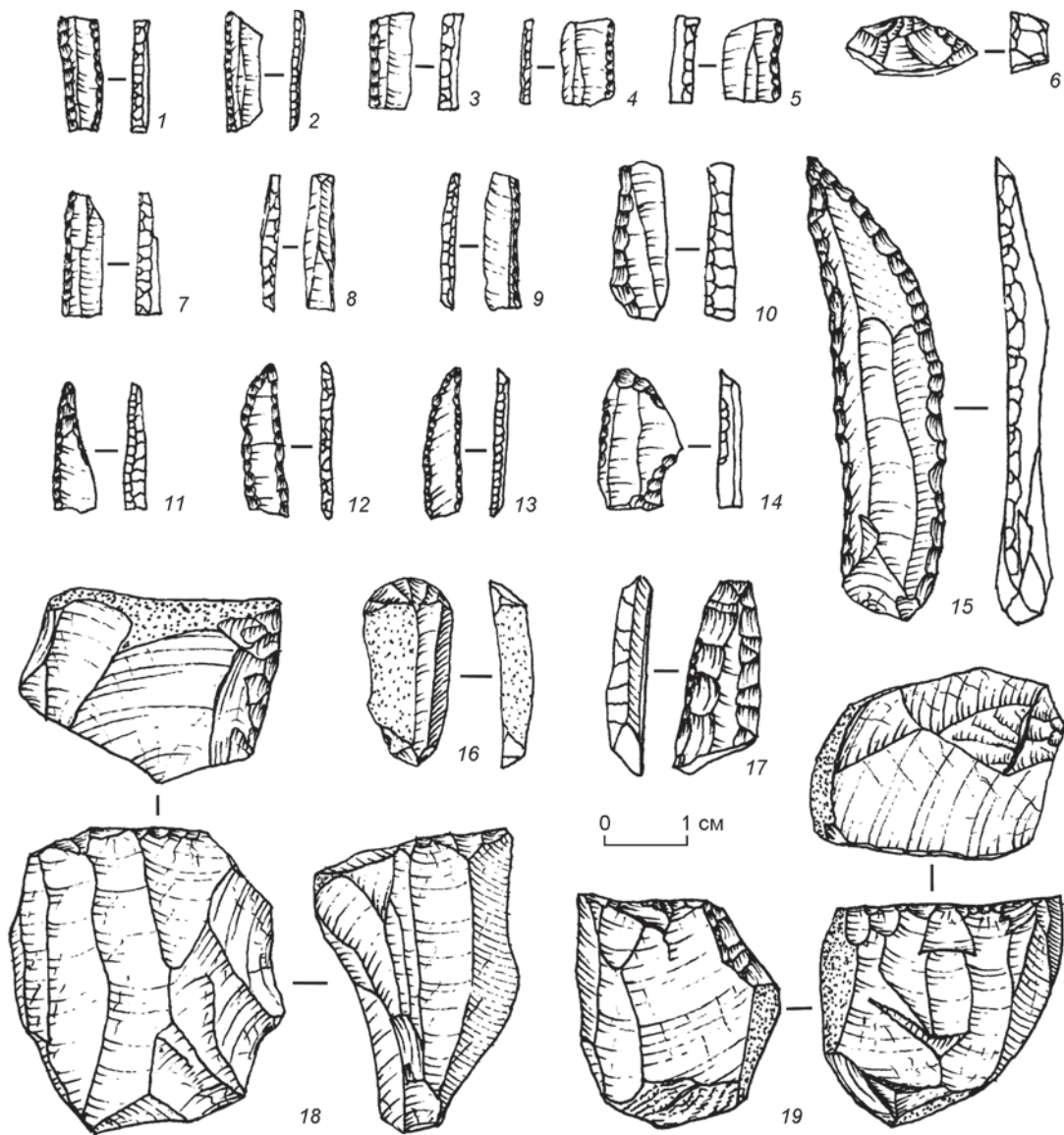

Рис. 2. Каменные артефакты из слоев А1 (17), А2 (6, 8, 10, 11, 15, 16, 18, 19), А4 (2–4, 9, 12–14) и В2 (1, 5, 7) стоянки Малишина Стена.

1–5, 7–10 – микропластины с притупленным краем; 6 – фрагмент орудия; 11 – проколка на микропластине; 12, 13 – микроострия; 14 – острие с выемкой; 15 – скошенное острие; 16 – микроскребок; 17 – фрагмент ретушированного острия; 18, 19 – нуклеусы.

нуклеус – небольшое (4,5 см) прямоугольное уплощенное двуплощадочное трехфронтальное ядрище для снятия удлиненных сколов. Узкая часть является ребром, с которого на обе широкие плоскости производились снятия разноразмерных удлиненных сколов. Ребру противопоставлена широкая естественная плоскость, с которой на торцевую часть изделия было снято несколько удлиненных сколов на последней стадии утилизации нуклеуса.

Среди сколов (94 экз., 19,4 %) ок. 70 % составляют пластины с параллельной огранкой дорсала и микропластины, при этом их количество почти одинаковое. Отщепы и пластинчатые отщепы небольшого размера, в основном с гладкой остаточной ударной площадкой и с продольной огранкой. Среди техни-

ческих сколов большинство составляют «заныривающие» снятия и сколы разжелвачивания, отмечен краевой скол. Отходы производства (60,7 %) представлены главным образом чешуйками.

Орудийный набор (11 экз.) включает пять микропластин с притупленным краем (рис. 2, 2–4, 9), два скошенных ретушированных микроострия (рис. 2, 12, 13), медиальный фрагмент микроострия с боковой выемкой (рис. 2, 14) и два угловых резца на небольших сколах. В пределах слоя найдено также 78 неопределимых фрагментов костей крупных млекопитающих, 25 фрагментов костей и зубов грызунов, 221 кость рыб (ребра, жаберные крышки, позвонки).

Слой В2. В коллекции 22 предмета. Среди сколов пять микропластин, мелкий отщеп, а также

осколки и чешуйки. Изделия с вторичной обработкой включают три микропластины с притупленным краем (рис. 2, 1, 5, 7). В слое найдено также 25 неопределимых фрагментов костей крупных млекопитающих, три фрагмента костей и зуб грызунов, два ребра рыб.

Слой С. Каменная индустрия (23 экз.) включает нуклеидный обломок, 10 мелких сколов с гладкой остаточной ударной площадкой и с продольной огранкой дорсала, полуреберчатый скол, семь осколков и четыре чешуйки. Кроме того, в пределах слоя обнаружено семь неопределимых костей крупных млекопитающих и зуб грызуна.

Новые результаты раскопочных работ на стоянке Малишина Стена существенно дополнили представления о каменной индустрии из слоя А, литологические подразделения которого включают технологически однородные индустрии единой культурной традиции. Для этого комплекса характерно развитое мелко- и микропластинчатое производство. В орудийном наборе представлены формы, типичные для заключительной стадии верхнего палеолита: микропластины с притупленным краем, микроострия, в т.ч. скошенные и с боковой выемкой, а также геометрические микролиты. Состав фаунистических остатков из литологического слоя А свидетельствует о том, что обитатели навеса систематически занимались рыбной ловлей, а также охотой на мелких млекопитающих. Анализ используемого каменного сырья показал, что помимо орудий из местных пород в этой индустрии в большом количестве представлены изделия из качественных халцедонов и яшмоидов, отсутствующих в окрестностях стоянки. Большое количество чешуек, мелких сколов, а также сильно сработанных нуклеусов говорит, скорее всего, о недостатке качественного сырья и его использовании в полном объеме. Судя по особенностям состава и распределения археологического материала в литологических подразделениях слоя А, а также по их насыщенности органикой на отдельных уровнях, можно предположить, что скальный навес использовался для регулярных, но кратковременных стойбищ, связанных, вероятнее всего, с рыболовной и охотничьей деятельностью.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ, проект № 18-09-40062.

Список литературы

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Булатович Л., Аношкин А.А., Козликин М.Б., Меденица И. Исследо-

вание скального навеса Малишина Стена в Черногории в 2018 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – С. 77–81.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Булатович Л., Аношкин А.А., Павленок К.К., Козликин М.Б., Ульянов В.И., Меденица И. Новые данные по каменной индустрии скального навеса Малишина Стена в Черногории (по результатам работ в 2017 году) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 98–102.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Булатович Л., Аношкин А.А., Ульянов В.А., Козликин М.Б., Меденица И. Новые результаты исследования скального навеса Малишина Стена в Черногории // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. XXV. – С. 95–102.

Radovanovic I. Novija istrazivanja paleolita i mezolita u Cmoj Gori // Glasnik Srpskog arheoloskog drustva. – 1986. – N 3. – P. 63–77.

References

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Bulatovich L., Anoisin A.A., Kozlikin M.B., Medenica I. 2018 Excavation Campaign at Malishina Stena Rockshelter in Montenegro. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018, vol. XXIV, pp. 77–81. (In Russ.).

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Bulatovich L., Anoisin A.A., Pavlenok K.K., Kozlikin M.B., Ulianov V.I., Medenica I. Recent data on the lithic industry from the rock shelter of Mališina Stijena in Montenegro (based on the results from the 2017 study). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 98–102. (In Russ.).

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Bulatovich L., Anoisin A.A., Ulianov V.I., Kozlikin M.B., Medenica I. New Results of Research at the Mališina Stijena Rock Shelter in Montenegro. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019, vol. XXV, pp. 95–102. (In Russ.).

Radovanović I. Novija istrazivanja paleolita i mezolita u Cmoj Gori. *Glasnik Srpskog arheoloskog drustva*, 1986, No. 3, pp. 63–77.

Шуньков М.В. <https://orcid.org/0000-0003-1388-2308>

Аношкин А.А. <https://orcid.org/0000-0003-2383-2259>

Козликин М.Б. <https://orcid.org/0000-0001-5082-3345>

Деревянко А.П. <https://orcid.org/0000-0003-1156-8331>

М.В. Шуньков, М.Б. Козликин✉, В.А. Михиенко

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: kmb777@yandex.ru

Среднепалеолитический комплекс из южной галереи Денисовой пещеры: новые материалы

В статье представлены результаты технико-типологического анализа каменных индустрий среднего палеолита, обнаруженных в ходе исследований плейстоценовой толщи в центральной части южной галереи Денисовой пещеры в 2019 г. Коллекция каменных артефактов из литологических слоев 16–13 насчитывает свыше 7,5 тыс. экз. Судя по основным литолого-стратиграфическим характеристикам, эти отложения в целом соотносятся со слоями 19–14 в центральном зале и слоями 13–11.4 в восточной галерее пещеры, которые накапливались в период морских изотопных стадий 6 и 5. Каменные индустрии этого времени характеризуются различными вариантами параллельного, леваллуазского и радиального раскалывания. Утилизация леваллуазских нуклеусов была направлена на получение удлиненных пластинчатых снятий и классических треугольных сколов. Присутствуют ядрища типа комбева. Для оформления нуклеусов использовались как галечные основы, так и крупные массивные в поперечном сечении сколы. Основным типом орудийных заготовок являются отщепы крупного размера, преимущественно короткие или укороченные, реже – удлиненные. Относительно небольшими сериями представлены пластины, в т.ч. призматической формы, которые также применялись в качестве основы для орудий. В процессе вторичной обработки чаще всего использовалась дорсальная краевая крутая субпараллельная сильномодифицирующая ретушь. Отмечены изделия, оформленные многорядной ретушью типа кина. Основу орудийного набора составляют различные типы скребел, зубчатых, выемчатых и шпидовидных орудий, а также вентрально-утонченные и базально-тронкированные сколы. Ярким среднепалеолитическим компонентом являются немногочисленные леваллуазские острия и тщательно оформленные мустьерские остроконечники.

Ключевые слова: Горный Алтай, Денисова пещера, средний палеолит, каменная индустрия, первичное расщепление, орудийный набор.

Michael V. Shunkov, Maxim B. Kozlikin✉, Valeria A. Mikhienko

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: kmb777@yandex.ru

The Middle Paleolithic Assemblage from the South Chamber of Denisova Cave: New Evidence

The article provides the results of a technical and typological analysis of the Middle Paleolithic lithic industries discovered during the study of the Pleistocene deposits in the central part of the south chamber of Denisova Cave in 2019. The collection of lithic artifacts from lithological Layers 16–13 consists of over 7.5 thousand pieces. Based on the main lithological and stratigraphic characteristics, these deposits generally correlate with Layers 19–14 in the main chamber and with Layers 13–11.4 in the east chamber of the cave, which accumulated during MIS 6 and 5. The lithic industries of this period are characterized by different variants of parallel, Levallois, and radial primary flaking. Utilization of Levallois cores was aimed at obtaining elongated blade removals and classic triangular spalls. Kombewa cores are also present. Both pebble bases and large massive flakes were used as core blanks. The main type of tool blanks includes large flakes, mostly short or shortened, less often — elongated. Blades, including prismatic ones, are presented in relatively small series, which were also used as tool blanks. In the retouching process, dorsal marginal steep subparallel strongly modifying retouch was used most often. The tools formed with the Quina retouch were also noted. The toolkit is based on a variety of side scrapers, denticulate, notched and spur-like tools, ventrally thinned and basal truncated flakes. Few Levallois points and carefully formed Mousterian points are a typical Middle Paleolithic component.

Keywords: Altai Mountains, Denisova Cave, Middle Paleolithic, stone tool industry, primary flaking, toolkit.

В результате раскопочных работ в южной галерее Денисовой пещеры в 2017–2019 гг. была получена многочисленная коллекция археологических материалов палеолитического возраста. Находки из верхней части плейстоценовой толщи – литологических слоев 11 и 12 – представлены каменными и костяными изделиями соответственно ранней стадии верхнего и заключительной стадии среднего палеолита. Эти комплексы были описаны в ряде предварительных публикаций [Боманн и др., 2018; Деревянко и др., 2018; Шуньков и др., 2019; Шуньков, Федорченко, Козликин, 2019]. Нижележащие слои 13–16, содержащие среднепалеолитические индустрии, были изучены в 2019 г. Согласно основным литолого-стратиграфическим характеристикам эта часть разреза соотносится со слоями 14–19 в центральном зале и слоями 11.4–13 в восточной галерее пещеры, сформировавшимися в хронологическом интервале МИС 5 и 6.

В пределах слоя 16 обнаружено 3 113 каменных артефактов. Инструментарий представлен целыми (7 экз.) и фрагментированными (3 экз.) отбойниками в виде крупных галек, у которых узкие края и выступающие ребра имеют участки интенсивной забитости вплоть до понижения рельефа. Один из отбойников, шарообразной формы, несет следы сработанности практически на всей поверхности.

Среди типологически определимых нуклеусов выделены двуплощадочные монофронтальные параллельные со встречным скалыванием (2 экз.) и радиальные моно- (1 экз.) и бифронтальные (2 экз.) формы. Заготовками для параллельных ядрищ служили галечная основа и крупный массивный скол. В первом случае ударные площадки естественные, во втором – тщательно подготовлены ретушью на дистальном и проксимальном краях заготовки (рис. 1, 9). Радиальные нуклеусы оформлены на крупном отщепе и небольших валунах, их расщепление осуществлялось по всему периметру от неподготовленного ребра. Кроме того, обнаружено 17 нуклевидных обломков в виде крупных угловатых отдельностей сырья с единичными сколами или с негативами бессистемных снятий.

Индустрия сколов основана на производстве отщепов – 1 382 экз., преимущественно мелкого размера. Для средних и крупных заготовок характерна гладкая или естественная остаточная ударная площадка и продольная однонаправленная или ортогональная, реже – бинаправленная дорсальная огранка. Распространены сколы с полностью или частично сохранившейся галечной поверхностью. Пластины – 43 экз., в большинстве случаев имеют фасетированную площадку и продольную огранку дорсала (рис. 1, 3, 5, 7, 8, 11).

Несколько отщепов (рис. 1, 12) и пластин (рис. 1, 6) были получены, скорее всего, в рамках леваллуазского метода расщепления. Они имеют срединновыпуклую тщательно фасетированную остаточную ударную площадку и продольную бинаправленную огранку дорсала с негативами латеральной подправки. Отходы производства включают 40 колотых галек и валунов, 1 360 обломков и осколков, 256 чешуек.

Коллекция орудий состоит из 130 экз. Леваллуазские острия – 6 экз. Включают один средний и пять крупных треугольных сколов. Для них характерна фасетированная площадка и однонаправленная конвергентная огранка дорсала (рис. 1, 2). Продольные края одного изделия несут фасетки мелкой дорсальной, возможно, утилитарной ретуши (рис. 1, 4).

Скребла – 6 экз. Представлены в продольном прямом, диагональном выпуклом, поперечном прямом (3 экз.) и поперечном выпуклом вариантах. Заготовками для орудий служили крупные короткие сколы, в т.ч. фрагментированные. Рабочий край подготовлен дорсальной в большинстве случаев краевой крутой крупнофасеточной сильномодифицирующей ретушью, у двух изделий – многорядной типа кина (рис. 1, 14). Базальная часть одного из поперечных скребел утончена серией крупных вентральных снятий.

Шиповидные орудия – 2 экз. Оформлены на крупных коротких отщепях с рабочим элементом в средней части дистального края заготовки, выделенным дорсальной краевой крутой сильномодифицирующей ретушью.

Зубчатые орудия – 3 экз. Представлены в продольном прямом, конвергентном и поперечном выпуклом вариантах; оформлены соответственно на коротком и укороченном крупных и на коротком среднем отщепях. Рабочий край подготовлен дорсальной краевой крутой или полукрутой среднеили сильномодифицирующей ретушью.

Выемчатые орудия – 3 экз. С глубоким ретушированным анкошем, расположенным на дистальном (2 экз.) или продольном (1 экз.) крае заготовки. Основами для изделий служили крупные укороченные и короткий отщепы. Выемка оформлена дорсальной краевой крутой сильномодифицирующей ретушью.

Вентрально-утонченные сколы – 26 экз. Эти изделия представляют собой крупные массивные в поперечном сечении отщепы с вентральной оббивкой одного (9 экз.) или двух (10 экз.) продольных, дистального (5 экз.) или дистального и проксимального (2 экз.) (рис. 1, 10) краев.

Базально-тронкированные сколы – 13 экз. Крупные отщепы, у которых остаточная ударная площадка удалена серией (9 экз.) (рис. 1, 1, 13) или одним (4 экз.) крупным вентральным снятием.

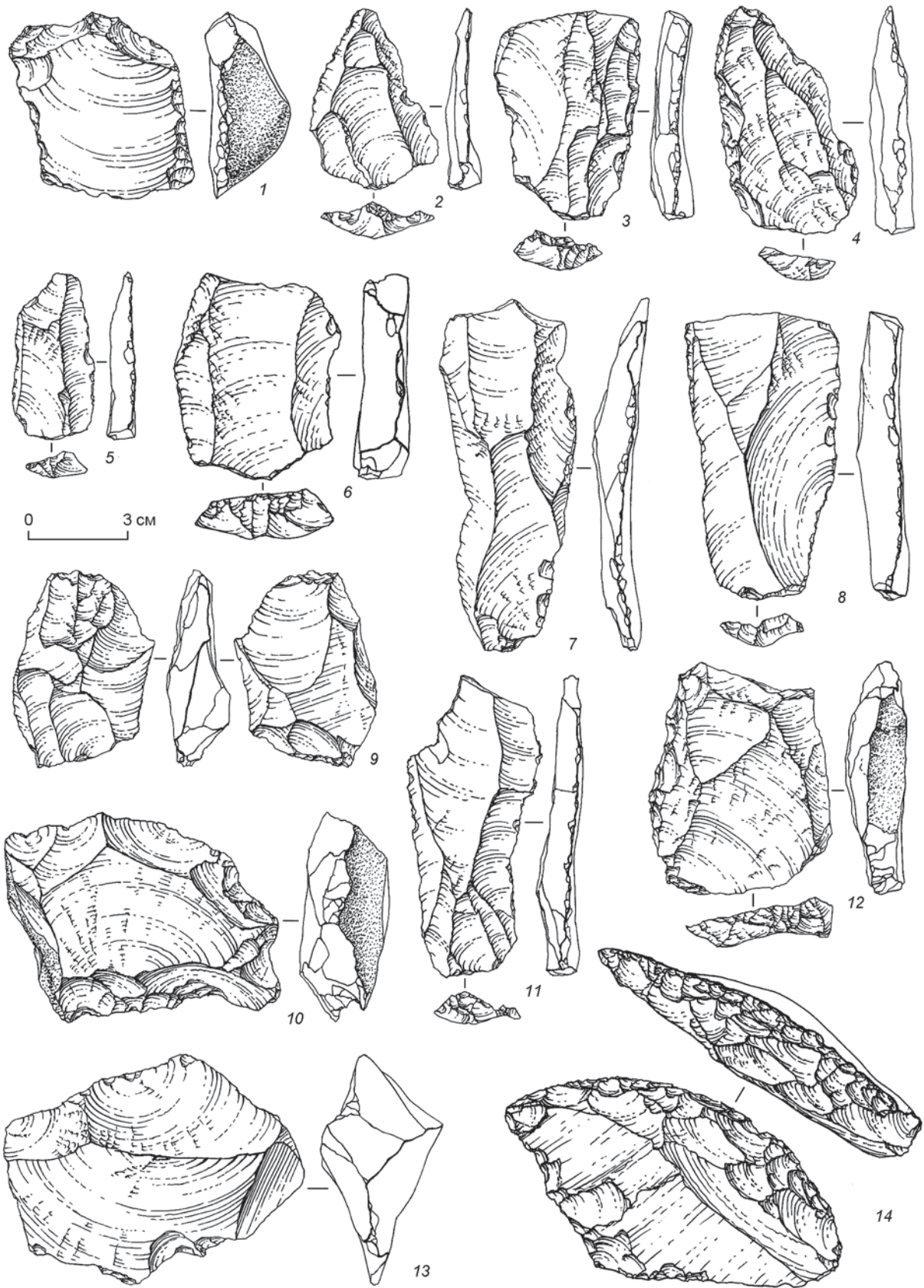

Рис. 1. Каменный инвентарь из слоя 16 в южной галерее Денисовой пещеры.

1, 13 – базально-тронкированные сколы; 2, 4 – леваллуазские острия; 3, 5–8, 11 – пластины; 9 – нуклеус; 10 – вентрально-уточенный скол; 12 – отщеп с ретушью; 14 – скребло.

Сколы с эпизодической ретушью – 58 экз. Включают крупные (34 экз.) (рис. 1, 13) и средние (6 экз.) отщепы, фрагменты крупных отщепов (14 экз.), а также пластины (4 экз.). Неопределимые фрагменты орудий – 12 экз. Представляют обломки изделий с регулярной интенсивной ретушью.

Коллекция каменных артефактов из слоя 15 включает 1 526 экз. Отбойники представлены дву-

мя крупными гальками с участками интенсивной забитости на торцах и выступающих ребрах. Нуклеусы – 4 экз. Включают ортогональное ядрище на массивном сколе с ударными площадками, подготовленными крупными снятиями на дорсальной стороне заготовки (рис. 2, 9); нуклеус типа комбева на крупном массивном первичном отщепе, проксимальный край которого усечен дорсальной

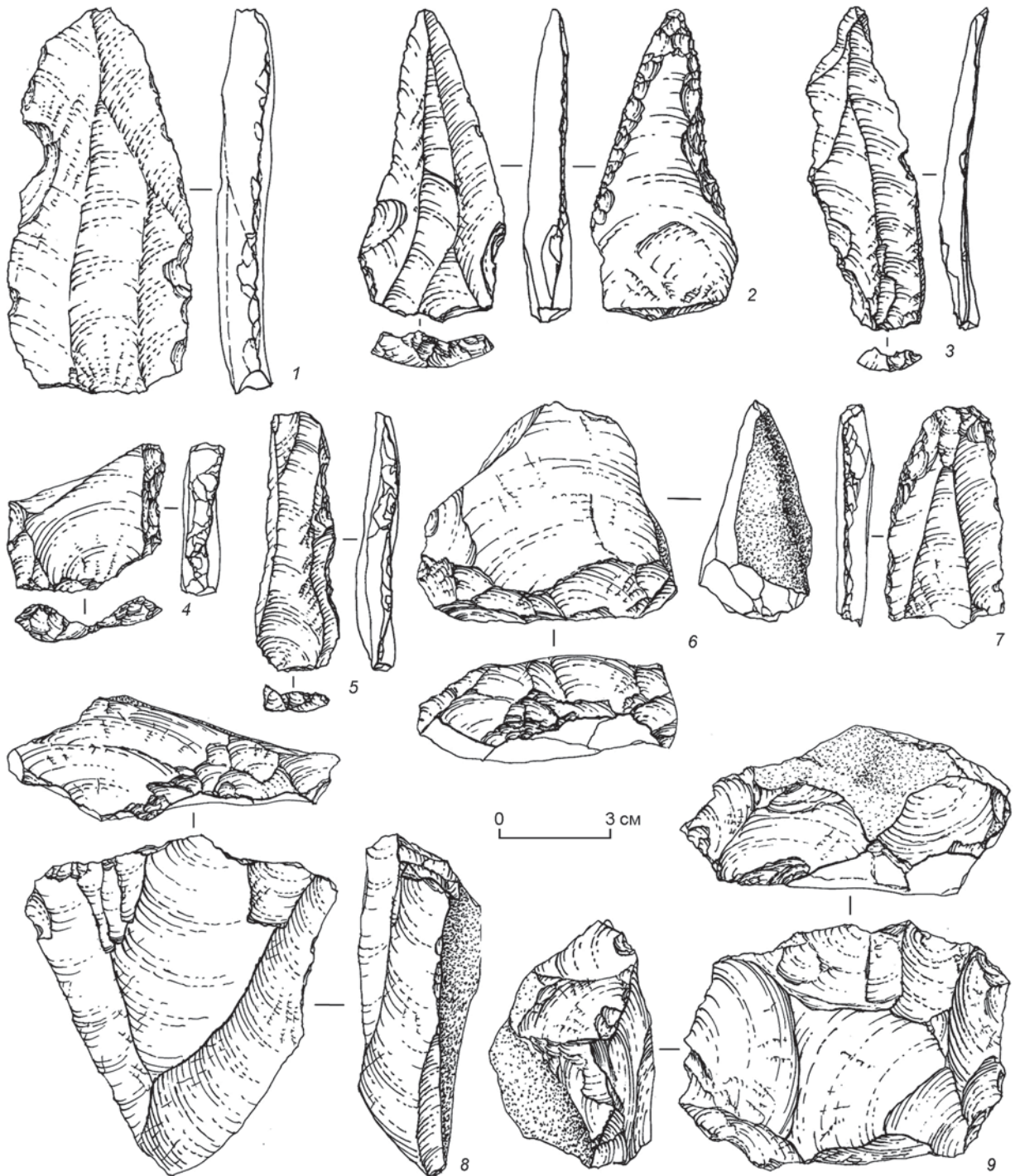

Рис. 2. Каменный инвентарь из слоев 15 (1, 3–7, 9) и 14 (2, 8) в южной галерее Денисовой пещеры.

1, 5, 7 – пластины с ретушью; 2 – мустьерский остроконечник; 3 – пластина; 4 – фрагмент орудия; 6 – базально-тронкированный скол; 8, 9 – нуклеусы.

ретушь, затем с подготовленной таким образом площадки на венстрал заготовки снят крупный подтреугольный скол, удаливший объем ударного бугорка; истощенные радиальные бифронтальные ядрища округлой формы с расщеплением от ребра.

Нуклевидные обломки – 14 экз. Среди сколов преобладают отщепы – 671 экз. Для них характерна гладкая или естественная остаточная ударная площадка без подправки карниза и продольная однонаправленная или ортогональная огранка дорсала. Пластины – 35 экз. (рис. 2, 1, 3, 5, 7). Большинство из них имеет фасетированную или гладкую площадку и продольную однонаправленную, реже – бинаправленную или ортогональную огранку. Колотые гальки и валуны – 15 экз., обломки и осколки – 548 экз., чешуйки – 252 экз.

В составе орудий 81 экз. Леваллуазские острия – 2 экз. Представлены классической формой с однонаправленной Y-образной дорсальной огранкой, тщательно фасетированной срединновыпуклой площадкой и атипичным треугольным сколом, со смещенной продольной осью.

Скребла – 6 экз. Включают разнообразные формы – продольное дорсальное выпуклое и продольное венстральное вогнутое, диагональное венстральное выпуклое с естественным обушком, поперечные дорсальные прямые (2 экз.) и скребло с обработкой на $\frac{3}{4}$ периметра. Заготовками орудий служили крупные короткие отщепы. Лезвия подготовлены захватывающей полукрутой или пологой среднемодифицирующей ретушь.

Шиповидное орудие оформлено на крупном удлиненном отщепе. Рабочий элемент выделен на середине дистального края дорсальной крутой параллельной среднемодифицирующей ретушь.

Зубчатые орудия – 3 экз. Представлены диагональным дорсальным прямым, диагональным венстральным выпуклым и орудием с обработкой дорсальной ретушь на $\frac{3}{4}$ периметра. Изделия оформлены на крупных коротких отщепках и на продольно-фрагментированном сколе краевой или захватывающей крутой разнофасеточной среднемодифицирующей ретушь.

Выемчатые орудия – 4 экз. Оформлены на коротких отщепках и медиальном фрагменте пластины глубокими анкошами, расположенными на продольном или на дистальном крае заготовки, дорсальной краевой крутой сильно модифицирующей ретушь.

Венстрально-утопленные сколы – 9 экз. Крупные отщепы с оббивкой одного (3 экз.) или двух (2 экз.) продольных краев, дистального окончания (3 экз.) или обработкой на $\frac{3}{4}$ периметра.

Базально-тронкированные сколы – 9 экз. Крупные отщепы с удаленной остаточной ударной пло-

щадкой одним (2 экз.) или серией (7 экз.) (рис. 2, 6) венстральных снятий.

Отщепы с участками слабомодифицирующей ретуши – 34 экз., пластины с эпизодической ретушь – 6 экз. (рис. 2, 1, 5, 7), неопределимые фрагменты орудий – 8 экз. (рис. 2, 4).

Каменная индустрия из слоя 14 включает 722 изделия. Нуклеусы – 5 экз. Два из них характеризуют леваллуазское расщепление. Первый – треугольной формы, предназначен для снятия острий (рис. 2, 8), имеет выпуклую тщательно подготовленную ударную площадку, негатив крупного острийного снятия с фронтальной стороны и контрфронт, покрытый галечной коркой. Второе ядрище округлой формы, изготовлено из крупной гальки. Его выпуклая ударная площадка подготовлена мелкими сколами, а фронт, подправленный с дистального края и латералей, несет в центральной части негатив крупного скола.

Два монофронтальных двуплощадочных нуклеуса оформлены на крупных гальках в системе параллельного расщепления. Один из них несет негативы встречных снятий, другой – продольно-поперечного скалывания заготовок. Ударные площадки, подготовленные крупными сколами, скошены к естественному контрфронт. Нуклеус типа комбева представляет собой крупный массивный скол с усеченным дорсальными снятиями проксимальным краем. С подготовленной таким образом ударной площадки снято три крупных удлиненных отщепка с венстральной стороны изделия. Нуклевидные обломки – 6 экз.

Большинство сколов составляют отщепы (273 экз.) с гладкой или естественной остаточной ударной площадкой и с продольной или ортогональной огранкой дорсала. Относительно немногочисленные пластины (27 экз.) имеют фасетированную площадку и продольную одно- или бинаправленную огранку. Среди отходов производства 10 колотых галек, 316 обломков и осколков, а также 85 чешуек.

Орудийный набор включает 31 изделие. Мустьерский остроконечник оформлен на леваллуазском треугольном сколе венстральной краевой полукрутой субпараллельной среднемодифицирующей ретушь (рис. 2, 2).

Скребла – 6 экз. Представлены в продольном варианте (2 экз.) с прямым и выпуклым лезвием, а также диагональными выпуклыми (2 экз.) и поперечными выпуклыми (2 экз.) формами, изготовленными на крупных удлиненных или укороченных сколах, в одном случае – на фрагменте крупного отщепка. Ретушь в основном дорсальная, краевая или захватывающая, крутая, средне- или сильно модифицирующая. У двух изделий противоположный лезвию край служил естественным обушком.

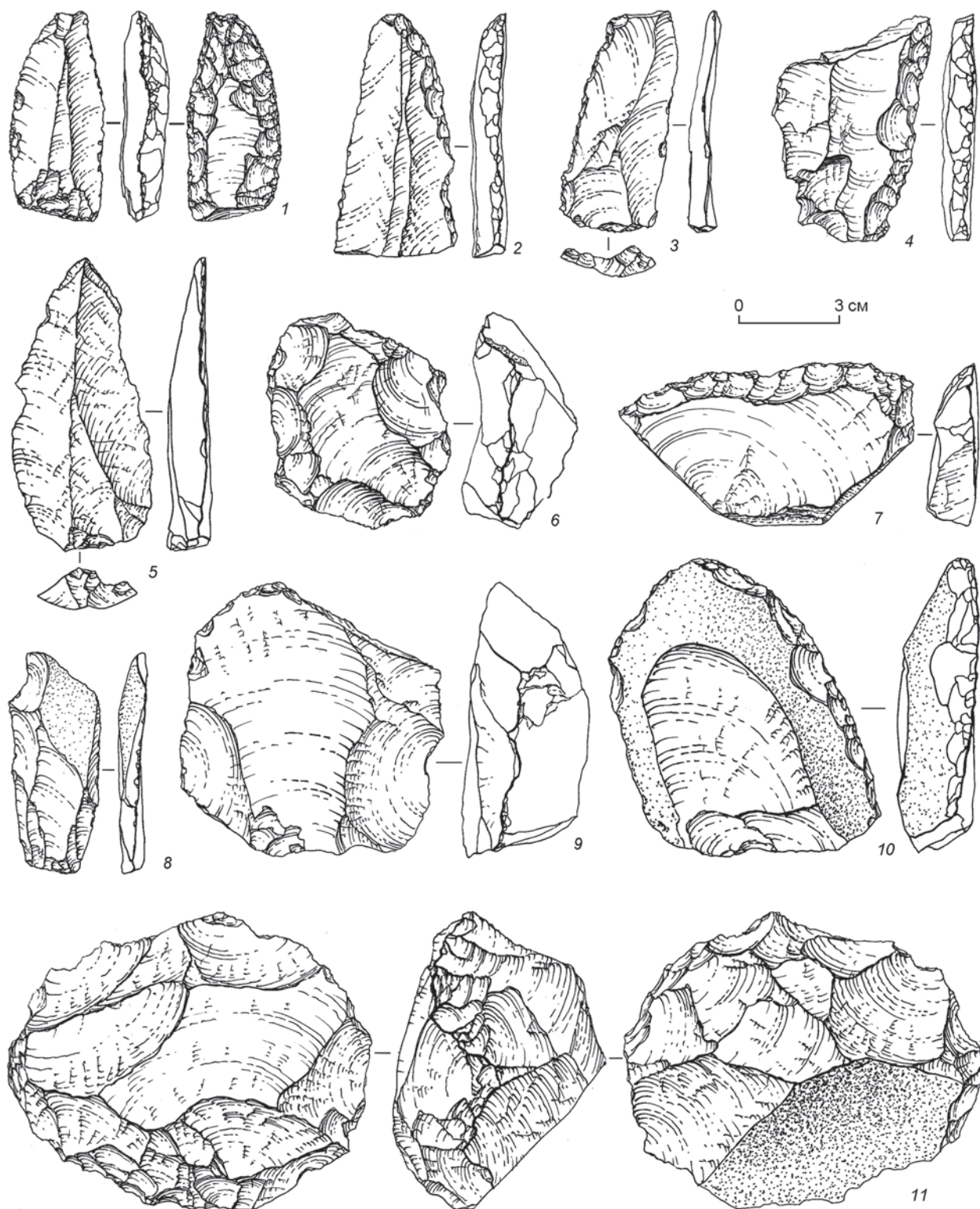

Рис. 3. Каменный инвентарь из слоя 13 в южной галерее Денисовой пещеры.

1 – мустьерский остроконечник; 2, 3 – пластины с ретушью; 4, 7, 10 – скребла; 5 – леваллуазское острие; 6, 9 – вентрально-утонченные сколы; 8 – пластина; 11 – нуклеус.

Зубчатые орудия – 2 экз. Продольное выпуклое и обработанное по периметру изделия оформлены на крупных коротких отщепах дорсальной или чередующейся краевой крутой сильномодифицирующей ретушью.

Выемчатое орудие оформлено на продольном крае с дорсальной стороны проксимально-медиального фрагмента крупного отщепа глубоким отвесным ретушированным анкошем.

Вентрально-утонченные сколы – 3 экз. Образованы оббивкой дистального, продольного или двух продольных краев исходных отщепов.

Среди сколов с эпизодической ретушью 15 отщепов, 2 пластины, а также неопределимый фрагмент орудия.

Коллекция каменных артефактов из слоя 13 состоит из 2 188 экз. Инструменты для расщепления камня представлены отбойниками – крупными гальками (6 экз.) с участками интенсивной забитости на ребрах и торцах.

Типологически выраженные нуклеусы – 7 экз. К леваллуазским формам относится овальный нуклеус на крупном массивном сколе. Фронт оформлен крупными снятиями по периметру изделия с его дорсальной стороны. В проксимальной части заготовки подготовлена ретушированная ударная площадка, с которой снято несколько крупных удлиненных сколов.

Монофронтальный одноплощадочный плоский параллельный нуклеус оформлен на крупном массивном отщепах с усеченным ретушью проксимальным краем, служившим подготовленной ударной площадкой, и негативами удлиненных сколов на дорсальной стороне изделия.

Двуплощадочный нуклеус со встречным скалыванием изготовлен из небольшого валуна. Одна из площадок – естественная прямая, другая, подготовленная крупным сколом, скошена к контрфронт. Фронт, интенсивно подправленный с латералей, покрыт негативами отщепов.

Радиальные монофронтальные (3 экз.) и бифронтальные (рис. 3, 11) нуклеусы овальной формы оформлены на крупных сколах или гальках. Скалывание заготовок производилось с неподготовленного ребра. Нуклевидные обломки – 12 экз.

Сколы состоят главным образом из отщепов – 850 экз. Среди них преобладают мелкие заготовки; средние и крупные сколы имеют гладкую остаточную ударную площадку и продольную или ортогональную огранку дорсала. Пластины – 52 экз. (рис. 3, 2, 3, 8), как правило, с гладкой или фасетированной площадкой и продольной одно- или бинаправленной огранкой.

Отходы производства включают 37 колотых галек и валунов, 937 обломков и осколков, 287 чешу-

ек. Набор изделий с вторичной обработкой включает 84 экз.

Леваллуазское острие представлено удлиненным треугольным сколом (рис. 3, 5). Мустьерский остроконечник оформлен на медиально-дистальном фрагменте крупной пластины, продольные края которой сужены к острию интенсивной вентральной пологой параллельной сильномодифицирующей ретушью, а основание утончено дорсальной подтеской (рис. 3, 1).

Скребла – 8 экз. Включают продольные прямые (3 экз.) (рис. 3, 4), продольное выпуклое, диагональное выпуклое (рис. 3, 10), поперечное прямое и поперечные выпуклые (2 экз.) (рис. 3, 7) формы. Заготовками этих изделий служили крупные короткие или укороченные, реже – удлиненные отщепы. Лезвия оформлены дорсальной или вентральной краевой крутой или полукрутой сильномодифицирующей ретушью.

Зубчатые орудия – 4 экз. Представлены в продольном прямом, продольном выпуклом, диагональном и поперечном выпуклом вариантах. Изделия оформлены на крупных коротких отщепах дорсальной крутой сильномодифицирующей ретушью.

Выемчатые орудия – 5 экз. Образованы на продольном (2 экз.) или поперечном (3 экз.) краях крупных коротких отщепов глубоким крутым или отвесным ретушированным анкошем.

Вентрально-утонченные сколы – 4 экз. Являются крупными отщепами, у которых один или два (2 экз.) (рис. 3, 6, 9) продольных края или дистальное окончание оббиты с вентральной стороны крупными снятиями.

Базально-тронкированный скол – крупный отщеп с усеченной несколькими вентральными снятиями остаточной ударной площадкой.

Помимо этого, в коллекции 40 отщепов и 5 пластин с локальной ретушью (рис. 3, 2, 3), а также 15 неопределимых фрагментов орудий.

В целом среднепалеолитический комплекс из южной галереи Денисовой пещеры представлен индустриями в основном с параллельным и леваллуазским расщеплением, реже – с радиальным скалыванием заготовок. Основу орудийного набора составляют скребла разных типов, зубчато-выемчатые изделия, вентрально-утонченные и базально-тронкированные сколы, присутствуют также достаточно выразительные формы леваллуазских и мустьерских остроконечников.

Список литературы

Боманн М., Федорченко А.Ю., Козликин М.Б., Плиссон Х., Шуньков М.В. Костяные орудия среднего и верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пе-

щеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – С. 32–36.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Козликин М.Б., Федорченко А.Ю., Чеха А.М., Михиенко В.А. Новые данные по каменным индустриям среднего и верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – С. 82–86.

Шуньков М.В., Козликин М.Б., Федорченко А.Ю., Михиенко В.А., Чеха А.М., Чеха А.Н. Каменные индустрии среднего и верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры: материалы 2019 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. XXV. – С. 299–305.

Шуньков М.В., Федорченко А.Ю., Козликин М.Б. Костяные орудия и персональные украшения начала верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры (коллекция 2019 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. XXV. – С. 306–312.

References

Baumann M., Fedorchenko A.Yu., Kozlikin M.B., Plisson H., Shunkov M.V. The Middle and Upper Paleolithic

Bone Tools from South Chamber of Denisova Cave. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018, vol. XXIV, pp. 32–36. (In Russ.).

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Fedorchenko A.Yu., Chekha A.M., Mikhienko V.A. Recent Data on the Middle and Upper Palaeolithic Stone Tool Industries from the Southern Gallery at Denisova Cave. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018, vol. XXIV, pp. 82–86. (In Russ.).

Shunkov M.V., Fedorchenko A.Yu., Kozlikin M.B. Bone Tools and Personal Adornments of the Early Upper Paleolithic from the South Chamber of Denisova Cave (Collection of 2019). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019, vol. XXV, pp. 306–312. (In Russ.).

Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Fedorchenko A.Yu., Mikhienko V.A., Chekha A.M., Chekha A.N. Lithic Industries of the Middle and Upper Paleolithic from the South Chamber of Denisova Cave: Evidence of 2019. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019, vol. XXV, pp. 299–305. (In Russ.).

Шуньков М.В. <https://orcid.org/0000-0003-1388-2308>

Козликин М.Б. <https://orcid.org/0000-0001-5082-3345>

Михиенко В.А. <https://orcid.org/0000-0002-7861-5983>

**М.В. Шуньков, М.Б. Козликин✉, В.А. Михиенко,
А.Ю. Федорченко, А.М. Чеха, А.Н. Чеха, А.П. Деревянко**

*Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: kmb777@yandex.ru*

Новые данные о ранней стадии среднего палеолита из Денисовой пещеры

В статье приводятся результаты анализа каменных индустрий, обнаруженных в ходе исследования плейстоценовых отложений в Денисовой пещере в 2020 г. Раскопки проводились в центральной части южной галереи, где были изучены наиболее древние культуросодержащие слои – 18 и 17. На основе корреляции основных литологических и стратиграфических характеристик установлено, что в южной галерее эта часть разреза соотносится со слоями 21 и 20 в центральном зале и 15 и 14 в восточной галерее пещеры, которые накапливались в благоприятной природно-климатической обстановке морской изотопной стадии 7. Комплекс ранней стадии среднего палеолита из слоев 18 и 17 насчитывает 8 679 каменных артефактов. Для первичного расщепления в этих индустриях характерны в основном радиальные нуклеусы. Имеются также параллельные ядрища с объемным фронтом скалывания и с негативами удлиненных снятий. Основу индустрии сколов составляют укороченные и короткие отщепы, присутствуют пластины и снятия комбева. Орудия оформлялись с помощью ретуши на крупных массивных отщепках. Другими характерными приемами вторичной обработки являлись оббивка и тронкирование. Большую часть орудийного набора составляют различные типы скребел, в т.ч. обработанных ретушью кина, зубчатых, выемчатых и шиповидных орудий. Изделиями-маркерами этого комплекса являются многочисленные вентрально-утонченные и базально-тронкированные сколы. В настоящее время эти индустрии по своим культурно-хронологическим характеристикам не имеют аналогов не только в палеолите Алтая, но и во всей Северной и Центральной Азии. Ближайшее сходство с ними прослеживается на Ближнем Востоке в ашело-ябрудских комплексах раннего среднего палеолита возрастом 350–250 тыс. лет.

Ключевые слова: Денисова пещера, плейстоцен, ранняя стадия среднего палеолита, ашело-ябрудьен, каменная индустрия.

**Michael V. Shunkov, Maxim B. Kozlikin✉, Valeria A. Mikhienko,
Alexander Yu. Fedorchenko, Andrey M. Chekha, Anna N. Chekha,
Anatoly P. Derevianko**

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: kmb777@yandex.ru*

New Evidence on the Early Middle Paleolithic from Denisova Cave

This paper discusses data obtained from an analysis of lithic industries recovered from the Pleistocene deposits in Denisova Cave during the 2020 excavations. The excavations focused on the middle part of the south chamber to examine the oldest occupation layers, i.e. 18 and 17. The correlation between the major lithological and stratigraphic characteristics has made it possible to infer that this part of the section exposed in the south chamber corresponds to layers 21 and 20 in the main chamber and layers 15 and 14 in the east chamber of the cave, which appear to have been deposited under the favorable environmental and climatic conditions of MIS 7. The early Middle Paleolithic assemblage from layers 18 and 17 includes 8,679 lithic artifacts. Primary flaking in these lithic industries is mainly characterized by disc-shaped cores. Parallel cores with a volumetric flaking surface and elongated flake scars are also present. The flake industry primarily consists of short flakes; blades and Kombewa flakes were recognized as well. The stone tools were manufactured on massive flakes using retouch. Other typical secondary reduction techniques were trimming and truncation. The tool assemblage is dominated by

different types of scrapers (including those showing evidence of the Quina retouch), denticulate, notched, and spur-like tools. Numerous ventrally thinned and basally truncated flakes are diagnostic artifacts of this assemblage. Presently, these lithic industries, in terms of their cultural and chronological characteristics, have no parallels neither in the Altai Paleolithic nor in the entire North and Central Asia. They show the greatest similarities with the early Middle Paleolithic Acheulo-Yabrudian assemblages in the Near East, dating to 350–250 ka.

Keywords: *Denisova Cave, Pleistocene, early Middle Paleolithic, Acheulo-Yabrudian, lithic industry.*

Археологические раскопки в Денисовой пещере в 2020 г. были продолжены в центральной части южной галереи. В пределах раскопа 2019 г. на площади квадратов Д–Е/2–7 исследованы осадки нижней части плейстоценовой толщи, представленной литологическими слоями 17–19. Слой 19 на этом участке не содержал археологических материалов. По своим основным литолого-стратиграфическим характеристикам он наиболее близок отложениям верхней части слоя 17 в восточной галерее пещеры, которые накапливались в период МИС 9 и 8.

Вышележащие слои 18 и 17 формировались, скорее всего, после седиментационного перерыва. Их стратиграфическое положение в разрезе, а также основные литологические характеристики соответствуют слоям 21 и 20 в центральном зале и слоям 15 и 14 в восточной галерее пещеры. Смоделированный с помощью Байесовского метода возраст начала и завершения осадконакопления этих отложений в центральном зале и восточной галерее составил соответственно 250 ± 44 – 170 ± 19 и 203 ± 14 – 187 ± 14 тыс. л.н., что соответствует периоду МИС 7 [Jacobs et al., 2019]. Накопление осадка в это время происходило в условиях климата более теплого, чем современный; тогда в окрестностях пещеры господствовали смешанные леса с участием широколиственных пород.

Коллекция каменных артефактов из слоя 18 насчитывает 1 383 экз. Инструментарий представлен двумя фрагментированными сильно сработанными отбойниками из крупных галек песчаника. В качестве отбойника использовался также крупный нуклеидный обломок. Ретушер представляет собой гальку меньшего размера с участками легкой забитости на торцах.

Нуклеусы – 3 экз., радиальные монофронтальные округлой в плане формы. Заготовкой одного ядрища служила крупная галька, остальные изделия выполнены, скорее всего, из крупных массивных в поперечном сечении сколов. Во всех случаях расщепление осуществлялось от неподготовленного ребра. Нуклеидные обломки представлены двумя обколотыми гальками.

Сколы (53 %) включают в основном отщепы – 717 экз., половина из них мелкого размера. Средние и крупные заготовки (351 экз.) укороченные или короткие, зачастую достаточно массивные. Для них

характерна гладкая (55 %), естественная (23 %) или неопределимая (10 %) остаточная ударная площадка без подправки карниза. Огранка дорсала чаще всего неопределимая – 27 %, продольная однонаправленная – 23 % или ортогональная – 14 %. Распространены изделия с гладким (16 %) или естественным (14 %) дорсалом. Около 25 % сколов сохраняют на дорсале участки галечной поверхности. Небольшой серией (8 экз.) представлены краевые отщепы с радиальных нуклеусов. Отмечены сколы комбева – 2 экз. Пластины – 3 экз., имеют гладкую остаточную ударную площадку и продольную огранку.

Значительную часть (47 %) коллекции составляют обломки и осколки – 624 экз., колотые гальки и валуны – 20 экз.

Орудийный набор включает 30 изделий (2,2 % от индустрии, 4,1 % – без учета отходов производства).

Небольшой серией (5 экз.) представлены скребла – диагональное прямое дорсальное на крупном укороченном отщепе, диагональное выпуклое дорсальное с естественным обушком на крупном удлиненном краевом отщепе, поперечное прямое дорсальное с обушком-сломом на дистальном фрагменте крупного массивного скола, с обработкой по периметру на крупном сколе (рис. 1, 11). Последние три изделия обработаны многорядной сильно модифицирующей ретушью типа кина.

Шиповидное орудие оформлено в средней части дистального края крупного поперечно-фрагментированного скола дорсальной краевой крутой сильно модифицирующей ретушью.

Зубчатые орудия (2 экз.) включают продольное и диагональное изделия с выпуклым лезвием, оформленные на крупных краевых удлиненном и коротком сколах, с естественным обушком и обушком-гранью. Рабочий край подготовлен дорсальной или чередующейся краевой крутой средне- или сильно модифицирующей ретушью.

Выемчатое орудие изготовлено на крупном коротком отщепе. Анкош оформлен на продольном крае скола с вентральной стороны крутой сильно модифицирующей ретушью (рис. 1, 16).

Вентрально-утонченные сколы (9 экз.) представляют собой крупные короткие, реже укороченные отщепы с оббивкой одного (2 экз.) (рис. 2,

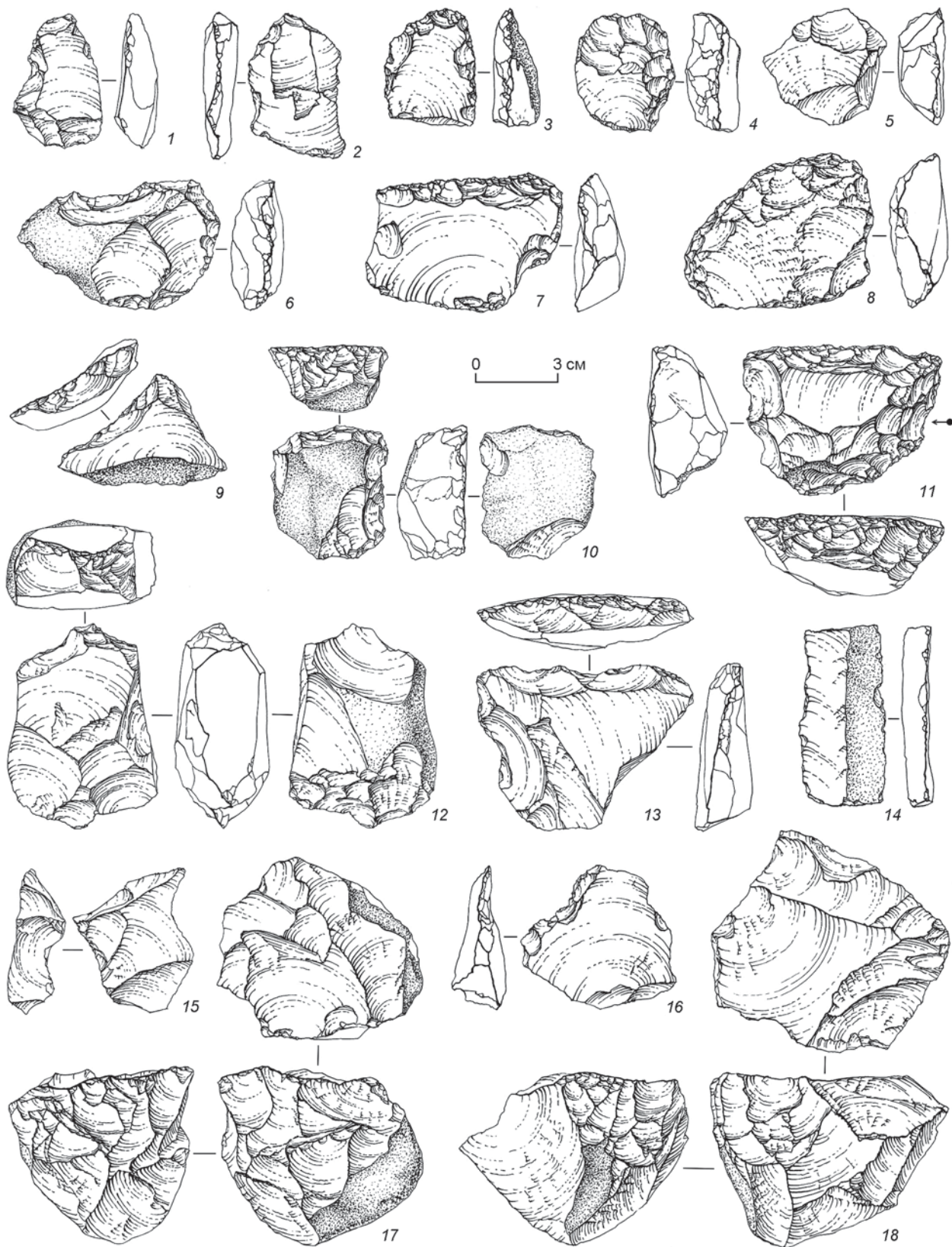

Рис. 1. Каменный инвентарь из слоев 18 (2, 5, 11, 16) и 17 (1, 3, 4, 6–10, 12–15, 17, 18) в южной галерее Денисовой пещеры.

1, 3–5 – вентрально-утонченные сколы; 2, 12 – базально-тронкированные сколы; 6, 16 – выемчатые орудия; 7–11 – скребла; 13 – зубчатое орудие; 14 – пластинчатый скол; 15 – краевой скол с радиального нуклеуса; 17, 18 – нуклеусы.

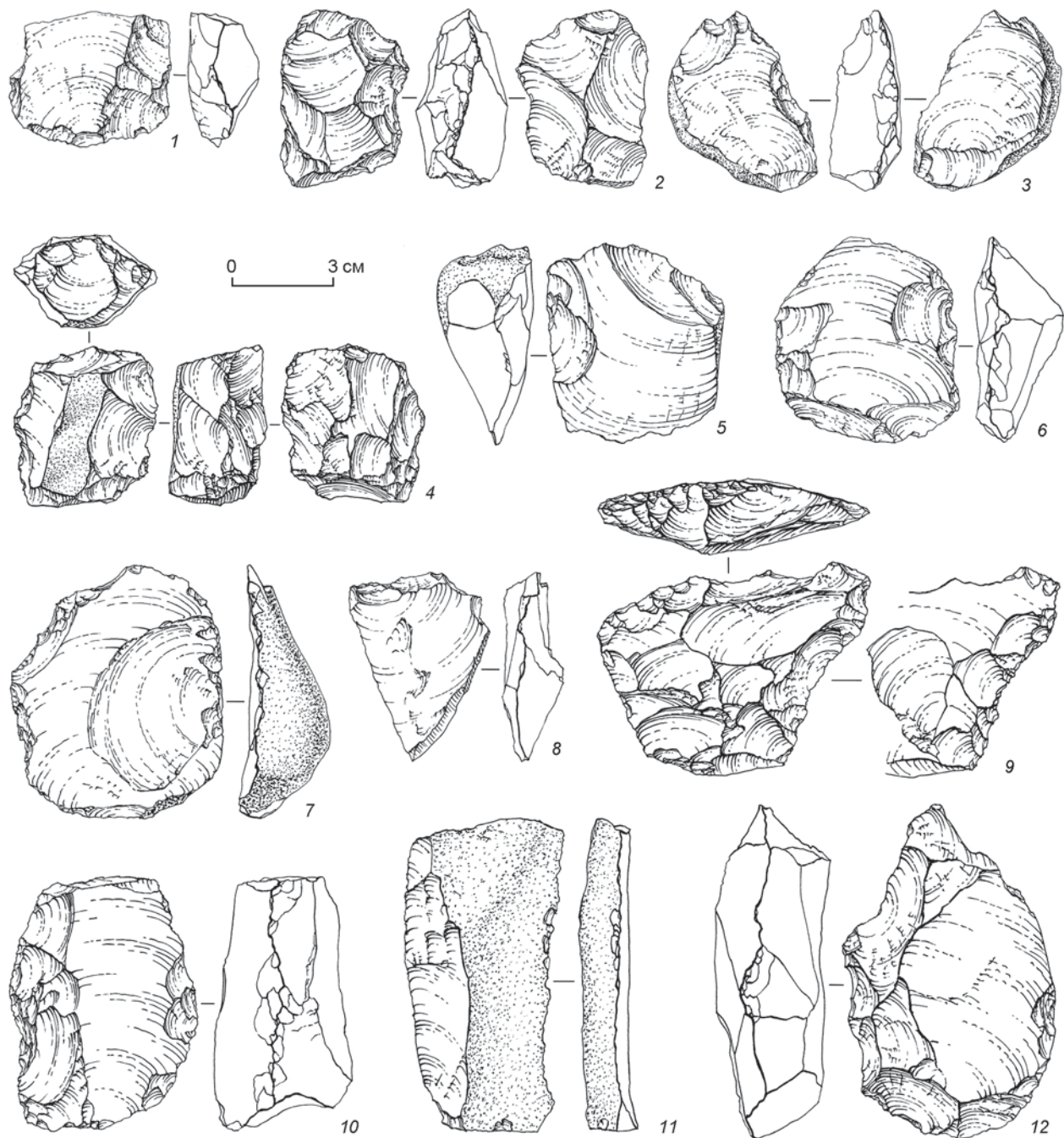

Рис. 2. Каменный инвентарь из слоев 18 (12) и 17 (1–11) в южной галерее Денисовой пещеры.

1, 4, 6, 7, 10, 12 – вентрально-утонченные сколы; 2 – нуклеус; 3 – отщеп комбева с ретушью; 5, 8 – базально-тронкированные сколы; 9 – скребло; 11 – пластинчатый скол.

12) или двух продольных, одного (4 экз.) или двух (2 экз.) (рис. 1, 5) поперечных, продольного и поперечного краев заготовки крупными вентральными снятиями с шириной фасеток от 10 до 50 мм (в среднем 10–25 мм).

Базально-тронкированные сколы (3 экз.) представлены крупными отщепами с усеченной вентральными снятиями остаточной ударной площадью (рис. 1, 2).

Дополняют орудийный набор крупные короткие (3 экз.) и фрагментированные (4 экз.) отщепы с участками эпизодической ретуши, а также два неопределимых фрагмента орудий.

В пределах слоя 17 обнаружено 7 296 каменных артефактов. Отбойники представлены целыми (7 экз.) и фрагментированными (6 экз.) крупными гальками с участками интенсивной забитости на плоскостях или выступающих ребрах.

Типологически выраженные нуклеусы – 15 экз. Параллельное раскалывание характеризуют одноплощадочные монофронтальные ядрища на крупных гальках (3 экз.). На двух изделиях прямая ударная площадка подготовлена крупными сколами, дуга скалывания занимает половину периметра площадки (рис. 1, 17, 18). У третьего нуклеуса платформа, оформленная крупными снятиями, скошена к контрфронту. Радиальные ядрища выполнены в моно- (3 экз.) и бифронтальном (8 экз.) (рис. 2, 2) вариантах на крупных гальках или массивных сколах. Изделия в большинстве случаев истощенные, округлой или подпрямоугольной формы, с расщеплением по всему периметру от неподготовленного ребра. Ядрище типа комбева оформлено на крупном коротком массивном отщепе, у которого объем ударного бугорка удален серией вентральных снятий. Кроме того, обнаружено 46 нуклеидных обломков.

Среди сколов (53 %) представлены в основном отщепы – 3 791 экз., из которых 2 204 экз. размером меньше 3 см. Средние и крупные отщепы укороченные (46 %) или короткие (41 %), реже – удлиненные (13 %). Преобладают экземпляры с гладкой (58 %) или естественной (21 %) остаточной ударной площадкой без подправки карниза. Площадка в большинстве случаев сильно скошена к вентральной стороне. Отщепы с неопределимой огранкой дорсала составляют 26 %, с продольной однонаправленной – 23 %, с ортогональной – 15 %, с продольной бинаправленной – 7 %. Доля сколов с гладким или естественным дорсалом составляет соответственно 15 и 14 %. Остатки галечной поверхности отмечены на 30 % отщепов.

Технологически определяемые сколы, связанные с радиальным расщеплением (20 экз.), представлены краевыми реберчатыми или полуреберчатыми (рис. 1, 15) снятиями. Пластинчатые сколы (22 экз.) – с гладкой площадкой, полукраевые (рис. 1, 14; 2, 11) или с неопределимой или продольной, реже – бинаправленной или ортогональной огранкой. Отщепы комбева – 8 экз. (рис. 2, 3).

Отходы производства (46 %) представлены расколотыми гальками и валунами – 108 экз., обломками и осколками – 3 273 экз.

Коллекция изделий с вторичной обработкой включает 208 экз. (2,8 %, без учета отходов производства – 5,2 %).

Скребла – 12 экз. Продольные прямые (2 экз.) с дорсальным или вентральным расположением лезвия, на крупных коротких отщепах. У дорсального скребла ударный бугорок и дистальный край утончен крупными вентральными сколами. Продольное выпуклое вентральное скребло оформле-

но на массивном сколе многорядной ретушью типа кина. Диагональные скребла (2 экз.) – выпуклое дорсальное (рис. 1, 8) и прямое вентральное (рис. 1, 9) на крупных укороченных отщепах. Поперечные формы на крупных укороченных отщепах (2 экз.) с прямым или выпуклым лезвием, оформленным дорсальной ретушью (рис. 1, 7). Базальная часть одного орудия утончена вентральной подтеской. Угловатые скребла (2 экз.) на крупных коротких сколах, оформленные дорсальной или альтернативной (рис. 2, 9) многорядной ретушью. Продольно-поперечные скребла (2 экз.) – дорсальное на фрагменте уплощенной гальки, оформленное отвесной многорядной ретушью (рис. 1, 10), и вентральное на коротком отщепе. Для оформления скребел чаще всего использовалась краевая или захватывающая крутая субпараллельная крупнофасеточная сильно-модифицирующая ретушь.

Зубчатые орудия – 8 экз. Имеют одно (2 экз.) или два (2 экз.) продольных прямых, конвергентные, поперечное выпуклое (2 экз.) или продольно-поперечное (рис. 1, 13) лезвия. Заготовками служили крупные короткие отщепы или фрагменты крупных сколов. Рабочие края оформлены дорсальной или вентральной краевой крутой средне- или сильно-модифицирующей ретушью.

Выемчатые орудия – 8 экз. Выполнены в продольном (4 экз.) и поперечном (2 экз.) (рис. 1, 6) вариантах на крупных коротких или фрагментированных сколах. Глубокий анкош оформлен дорсальной, реже вентральной краевой крутой сильно-модифицирующей ретушью.

Вентрально-утонченные сколы – 44 экз. Разделены на продольные одинарные (15 экз.) (рис. 2, 1, 7, 10) и двойные (12 экз.) (рис. 2, 4, 6), поперечные одинарные (8 экз.) и двойные (4 экз.), продольно-поперечные (4 экз.) (рис. 1, 1, 4) и с обработкой на $\frac{3}{4}$ периметра (рис. 1, 3). Основами для изделий служили преимущественно крупные короткие, часто массивные отщепы. Ширина негативов вентральной оббивки варьирует от 10 до 57 мм, составляя в среднем 15–30 мм. На одном сколе негативы встречных снятий с продольных краев полностью покрывают вентральную поверхность заготовки, поперечные края которой усечены крупными сколами (см. рис. 2, 4).

Базально-тронкированные сколы – 44 экз. Крупные короткие или укороченные отщепы с удаленной остаточной ударной площадкой одним (15 экз.) (рис. 2, 5) или серией (28 экз.) (рис. 2, 8) крупных вентральных снятий. Ширина негативов сколов тронкирования от 7 до 45 мм. У одного изделия проксимальный край оббит крупными двусторонними сколами, а дистальное окончание усечено вентральными снятиями (см. рис. 1, 12).

Сколы с локальной слабомодифицирующей ретушью представлены целыми (56 экз.) преимущественно крупными короткими (см. рис. 2, 3) или укороченными отщепами, а также фрагментами крупных заготовок (20 экз.). Неопределимых фрагментов орудий в коллекции 18 экз.

Несмотря на количественные различия основных категорий инвентаря, технико-типологические характеристики индустрий из слоев 18 и 17 в целом идентичны, что позволяет рассматривать их как единый комплекс. В этих индустриях для первичного расщепления использовались в основном радиальные нуклеусы. Применялись также параллельные ядрища с объемным фронтом скалывания и с негативами удлиненных снятий, близкие к верхнепалеолитическим формам, и нуклеусы, выполненные в технике комбева. Среди сколов преобладают укороченные и короткие отщепы с сильно скошенной остаточной ударной площадкой, снятые с радиальных нуклеусов, в т.ч. краевые сколы. Несколько пластин и удлиненных сколов относятся к продуктам параллельного скалывания. В коллекции представлены также классические отщепы комбева.

Заготовками орудий служили крупные, часто массивные отщепы, обработанные в основном краевой или захватывающей крутой субпараллельной крупнофасеточной сильномодифицирующей ретушью. Распространенными приемами вторичной обработки являлись вентральная оббивка и тронкирование.

Основу орудийного набора составляли различные формы скребел, зубчатых, выемчатых и шиповидных орудий. Характерной чертой индустрии являются скребла, оформленные многорядной высокой ретушью типа кина, в т.ч. на галечных основах. Многочисленной серией представлены вентрально-утонченные сколы – крупные, как правило, массивные отщепы с интенсивной обработкой крупными вентральными снятиями одного или двух продольных краев, дистального, дистального и продольного края или на $\frac{3}{4}$ периметра. Другую характерную группу изделий составляют базально-тронкированные сколы. Два последних типа наиболее представительны в индустриях и являются культурно-идентифицирующими изделиями – маркерами этого комплекса.

В настоящее время индустрии ранней стадии среднего палеолита из нижней части плейстоценовых отложений Денисовой пещеры по своим культурно-хронологическим характеристикам не имеют аналогов в палеолите не только Алтая, но и всей Северной и Центральной Азии. Ближайшее сходство с ними прослеживается на Ближнем Востоке в ашело-ябрудских комплексах раннего среднего пале-

олита стоянок Табун, Кесем, Безез, Хайоним, Азрак, Мислия, Зоуттиех, Ябруд I, Маслоукх, Джерф Аджда, датируемых в интервале 350–250 тыс. л.н. Характерными изделиями этих комплексов являются вентрально-утонченные и базально-тронкированные сколы, скребла типа кина и зубчато-выемчатые формы, при этом в алтайских индустриях отсутствуют бифасы.

Распространенная в среднем палеолите Леванта техника Nahr Ibrahim основана на снятии небольших сколов с крупных отщепов как с предварительно подготовленной на ограниченном участке площадки, так и с неподготовленного края заготовки [Solecki R.L., Solecki R.S., 1970]. Вместе с тем конечная цель этого технического приема остается дискуссионной [Prévost, Zaidner, 2016]. Для т.н. нуклеусов на сколах (core on flakes) в левантских комплексах характерно много вариантов. Например, в индустриях ашело-ябрудьена из пещеры Табун было выделено 658 нуклеусов на сколах с подготовкой площадки и без, с одним или серией снятий с вентральной или дорсальной стороны [Shimelmitz, 2015]. Эти изделия аналогичны многочисленным вентрально-утонченным и базально-тронкированным сколам из нижнего комплекса Денисовой пещеры. Кроме того, в индустрии раннего среднего палеолита типа Табун D, как и в ранних материалах Денисовой пещеры, представлены одноплощадочные монофронтальные нуклеусы для снятия удлиненных заготовок, в т.ч. остроконечников и пластин. Несмотря на явные черты сходства этих комплексов, вопрос о генезисе алтайского среднего палеолита требует дальнейшей, более развернутой разработки.

Список литературы

- Jacobs Z., Li B., Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Bolikhovskaya N.S., Agadjanian A.K., Uliyanov V.A., Vasiliev S.K., O’Gorman K., Derevianko A.P., Roberts R.G.** Timing of archaic hominin occupation of Denisova Cave in southern Siberia // *Nature*. – 2019. – Vol. 565, N 7741. – P. 594–599.
- Prévost M., Zaidner Y.** The Nahr Ibrahim technique and side-scrapers re-sharpening at the Unit III of the Middle Paleolithic open-air site of Nesher Ramla (Israel): what is the link? // *Proceedings of the European Society for the study of human evolution*. – Madrid: PESHE, 2016. – P. 193.
- Shimelmitz R.** The recycling of flint throughout the Lower and Middle Paleolithic sequence of Tabun Cave, Israel // *Quaternary International*. – 2015. – Vol. 361. – P. 34–45.
- Solecki R.L., Solecki R.S.** A new secondary flaking technique at the Nahr Ibrahim cave site, Lebanon // *Bulletin du Musée de Beyrouth*. – 1970. – Vol. XXIII. – P. 137–142.

References

Jacobs Z., Li B., Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Bolikhovskaya N.S., Agadjanian A.K., Uliyanov V.A., Vasiliev S.K., O’Gorman K., Derevianko A.P., Roberts R.G. Timing of archaic hominin occupation of Denisova Cave in southern Siberia. *Nature*, 2019, vol. 565, No. 7741, pp. 594–599.

Prévost M., Zaidner Y. The Nahr Ibrahim technique and side-scrapers re-sharpening at the Unit III of the Middle Paleolithic open-air site of Neshar Ramla (Israel): what is the link? In *Proceedings of the European Society for the study of human evolution*. Madrid: PESHE, 2016, p. 193.

Shimelmitz R. The recycling of flint throughout the Lower and Middle Paleolithic sequence of Tabun Cave, Israel. *Quaternary International*, 2015, vol. 361, pp. 34–45.

Solecki R.L., Solecki R.S. A new secondary flaking technique at the Nahr Ibrahim cave site, Lebanon. *Bulletin du Musée de Beyrouth*, 1970, vol. XXIII, pp. 137–142.

Шуньков М.В. <https://orcid.org/0000-0003-1388-2308>

Козликин М.Б. <https://orcid.org/0000-0001-5082-3345>

Михиенко В.А. <https://orcid.org/0000-0002-7861-5983>

Федорченко А.Ю. <https://orcid.org/0000-0001-7812-8037>

Чеха А.М. <https://orcid.org/0000-0002-2427-7480>

Чеха А.Н. <https://orcid.org/0000-0002-6872-9493>

Деревянко А.П. <https://orcid.org/0000-0003-1156-8331>

М.В. Шуньков, М.Б. Козликин✉, К.К. Павленок, А.Ю. Федорченко

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: kmb777@yandex.ru

Костяные ретушеры среднего палеолита со стоянки Биоче в Черногории

В статье приводятся первые результаты исследования неформальных костяных орудий, обнаруженных на среднепалеолитической стоянке под скальным навесом Биоче в Черногории. В ходе изучения палеонтологических материалов памятника была выявлена серия костяных ретушеров. Орудия этого типа впервые идентифицированы в археологических комплексах стоянки, которые относятся к фашии микромустье региональной шкалы среднего палеолита. В ходе исследования было проанализировано более 12 тыс. костных фрагментов, среди которых определено 26 ретушеров. Установлено, что тафоценоз стоянки сформирован главным образом за счет охотничьей деятельности человека. Заготовками для ретушеров служили фрагменты диафизов костей копытных животных размера косули или горного козла и более крупных – размера благородного оленя или бизона. Зафиксированы следы предварительного соскабливания надкостницы, а также формообразующей оббивки продольных или поперечных краев костяных заготовок. Орудия имеют, как правило, по одной рабочей зоне, приуроченной к поперечному краю основы. Степень утилизации ретушеров преимущественно слабая, с многочисленными, но разреженными и неглубокими удлиненными выбоинами. На ряде изделий отмечены следы обжига после их использования. Ближайшие культурно-хронологические аналогии ретушерам со стоянки Биоче отмечены в комплексах скального навеса Црвена Стена в Черногории. В целом же использование кости неандертальцами в своей орудийной деятельности является не повсеместным, однако достаточно распространенным явлением. При этом наиболее представительной в среднем палеолите Восточной Адриатики и Балкан в настоящее время является коллекция ретушеров со стоянки Биоче.

Ключевые слова: Восточная Адриатика, стоянка Биоче, средний палеолит, микромустье, костяные ретушеры, неандертальцы.

Michael V. Shunkov, Maxim B. Kozlikin✉, Konstantin K. Pavlenok,
Alexander Yu. Fedorchenko

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: kmb777@yandex.ru

Middle Paleolithic Bone Retouchers from the Bioče Site in Montenegro

The article provides first results of the unshaped bone tools investigation discovered at the Middle Paleolithic rock shelter Bioče in Montenegro. In the course of analyzing the paleontological materials from the site, a series of bone retouchers was identified. This type of tools was first identified in the archaeological assemblages of the site, which belong to the Micro-Mousterian facies of the regional Middle Paleolithic scale. During the study, more than 12 thousand bone fragments were analyzed, among which 26 retouchers were identified. It was found that the taphocenosis of the site was formed mainly due to human hunting activities. Fragments of the ungulates bone diaphysis of the size of a roe deer or ibex and larger ones of the size of a red deer or bison were used as blanks for retouchers. In some cases, the bone fragments demonstrate the evidence of additional processing in the form of longitudinal or transverse trimming, and bear signs of scraping in the periosteum. Tools usually have one working zone, near one of the base transverse edge. The utilization degree of retouchers is mostly weak, with numerous but sparse and shallow elongated potholes. A number of tools demonstrate signs of burning after use. The closest cultural and chronological parallels to the retouchers from the Bioče site were noted in the assemblages of the Crvena Stijena rock shelter in Montenegro. In general, the use of bones by the Neanderthals in their tool activities is not widespread but quite common. At the same time, the collection of retouchers from the Bioče site is currently the most representative in the Middle Paleolithic of the Eastern Adriatic and entire Balkans.

Keywords: Eastern Adriatic, Bioče site, Middle Paleolithic, Micro-Mousterian, bone retouchers, Neanderthals.

Исчезновение неандертальского населения на востоке Адриатики традиционно связывается с воздействием кампанского игнимбритового извержения ок. 40 тыс. л.н. [Zilhao, 2006; Morley, Woodward, 2011]. Исследования Российско-Черногорской экспедиции многослойной мустьерской стоянки под скальным навесом Биоче показали, что кампанское извержение не прервало развитие культуры неандертальцев в этом регионе. Археологические материалы Биоче из подстилающих и перекрывающих тефру Y-5 горизонтов, судя по основным технико-типологическим характеристикам, относятся к единой каменной индустрии фации микромустье региональной шкалы среднего палеолита [Pavlenok et al., 2017; Вишнеvский и др., 2019]. В результате раскопчных работ, проведенных в 2010–2015 гг. в глубине скального навеса, вместе с каменной индустрией была получена представительная коллекция остатков плейстоценовой фауны. Детальное изучение фаунистических материалов выявило серию слабомодифицированных орудий, представленных ретушерами. Костяные орудия, особенно ретушеры, известны в мустьерских комплексах от Западной Европы до Южной Сибири [Patou-Mathis, 2002; Daujeard et al., 2014; Колобова, Маркин, Чабай, 2016; Abrams, 2018; Costamagno et al., 2018]. Среди материалов Биоче костяные орудия выделены впервые, хотя стоянка изучалась и ранее [Đuričić, 2006]. В настоящее время эти орудия образуют наиболее представительную серию в среднем палеолите Восточной Адриатики и Балкан.

Скальный навес Биоче расположен в центральной части Черногории, по левому борту долины р. Морача у ее слияния с р. Мала Риека. Раскоп 2010–2015 гг. вскрыл плейстоценовые отложения под скальным навесом на глубину ок. 5 м. В стратиграфическом разрезе выделено четыре основных литологических подразделения, три из которых (слои 1–3) содержали мустьерский материал [Вишнеvский и др., 2019]. Для каменной индустрии из слоя 3 характерно параллельное, ортогональное и центростремительное раскалывание, реже – леваллуазское; в орудийном наборе преобладают продольные скребла. По основным технико-типологическим показателям эта индустрия наиболее близка материалам из слоев XXII–XXVIII стоянки Црвена Стена. Исследователи стоянки связывают слои XXII–XX с рубежом МИС 5 и МИС 4, а слой XVIII соотносят с МИС 3 [Mihailović, Mihailović, Whallon, 2017]. В материалах из слоя 2 Биоче, наряду с показателями, характерными для индустрии из нижележащего слоя, представлено серийное скалывание пластин и производство на их основе удлиненных остроконечников, скребел и атипичных ножей. Эта индустрия ближе всего к материалам

из слоя XVII Црвени Стены, датированным МИС 3 [Ibid.]. Согласно результатам экспериментального радиоуглеродного датирования образцов угля и гумуса из отложений слоя 1, его формирование проходило в интервале от 42 до 30 тыс. лет. Слой 1, вмещающий тефру Y-5 в верхней части горизонта 1.3, содержит индустрию фации микромустье, возраст которой в Восточной Адриатике соответствует второй половине МИС 3.

Фаунистические материалы стоянки Биоче представлены разрозненными зубами и костями посткраниального скелета, как правило, сильно фрагментированными. Около 90 % всех костных остатков обнаружено в отложениях слоя 1. В составе фауны установлено 18 форм (родов и видов) плейстоценовых животных (определение д-ра биол. наук И.А. Вислобоковой). В коллекции преобладают кости парнопалых (83 %), преимущественно бизона, благородного оленя, горных козлов и серны, реже – лани, лося и косули. В числе других идентифицированных остатков – медведи, волк, крупная кошка, по размерам близкая к леопарду *Panthera pardus*, слон, носорог, лошади. Состав фауны отражает существование мозаичных ландшафтов в условиях умеренного климата.

Тафоценоз стоянки сформирован, главным образом, за счет охотничьей деятельности человека. Кости сильно раздроблены, часто несут следы обжига – от слабого, с темно-коричневым цветом поверхности и на изломе, до сильного, с насыщенно-черным и серовато-сизым оттенком. Распространены фрагменты со следами каменных орудий – отдельными и частыми порезами, связанными с разделкой туш животных. Кости с признаками погрызов хищников относительно многочисленны, отмечены образцы со следами от зубов мелких грызунов. Ребра и вершины костных фрагментов острые или слегка оглажены. Все кости очень легкие, сухие и довольно хрупкие, что связано с характером вмещающих отложений, которые представлены гумусированным влажным осадком, особенно в глубине скального навеса. Цвет костей от светло- до темно-коричневого, иногда с красноватым оттенком; на сломе – белесый или светло-коричневый. Фрагменты, залегающие в глубине навеса, в разной степени покрыты карбонатной коркой – от небольших пятен и заполнения трещин до сплошного обволакивания. На поверхности некоторых костей рассеяны мелкие железомарганцевые дендриты. В целом сохранность костного материала позволяет четко отличить следы, связанные с человеческой деятельностью, от следов естественного происхождения.

В ходе исследования было проанализировано более 12 тыс. костных фрагментов, среди которых

Костяные ретушеры со стоянки Биоче.

идентифицировано 26 ретушеров. Основная часть орудий обнаружена в стратиграфических подразделениях литологического слоя 1, в слоях 2 и 3 найдено по одному ретушеру. Это соотношение пропорционально количеству других находок из этих слоев – каменным артефактам и фаунистическим материалам. Длина целых ретушеров (10 экз.) составляет 52–110 мм, ширина – 19–52 мм, толщина – 5–15 мм. Использовались преимущественно удлиненные фрагменты кости подпрямоугольной, трапециевидной или лучевидной формы. Рабочий участок приурочен в большинстве случаев (7 экз.) к одному из поперечных краев заготовки (см. рисунок, 1, 3, 4), реже расположен в центре основы (см. рисунок, 5). Изделия имеют по одному рабочему участку, за исключением ретушера с двумя участками утилизации, расположенными возле поперечных краев орудия. Рабочий участок удлиненной, округлой или подпрямоугольной формы ориентирован согласно длинной оси орудия и представляет собой, как правило, достаточно компактную концентрацию следов утилизации на площади от 23 × 17 до 13 × 9 мм. Степень утилизации ретушеров преимущественно слабая, с многочисленными, но разреженными и неглубокими удлиненными выбоинами. На четырех орудиях следы утилизации более интенсивные – частые, глубокие, плотно наложенные, однако не образующие понижения ре-

льефа (см. рисунок, 1, 3–5). На большинстве изделий удлиненные выбоины-зарубки от контакта с лезвием каменного орудия ориентированы под небольшим наклоном, в одном случае под углом 45° относительно длинной оси ретушера, реже – перпендикулярны ей. На двух предметах рабочий участок ретушера наложен на удлиненные линейные следы (см. рисунок, 3), оставшиеся, скорее всего, в результате соскабливания надкостницы. На ряде изделий отмечена формообразующая обработка – оббивка продольного края вентральными или бифасиальными сколами. Поперечный край одного из ретушеров усечен дорсальной ретушью. Среди прочих следов следует отметить обжиг изделия после его использования (см. рисунок, 3).

Остальные ретушеры в разной степени фрагментированы. Их длина варьирует в пределах 34–90 мм, ширина – 14–43 мм и толщина – 4–17 мм. Фрагменты имеют разную форму – подпрямоугольную, треугольную, трапециевидную, угловатую. Фрагментация преимущественно продольная или продольно-поперечная, обусловлена в большинстве случаев естественными факторами – расслаивание кости в слое по трещинам усыхания и деформация, связанная с карбонатной цементацией. Некоторые ретушеры, как и фрагменты костей без обработки, при расчистке слоя выглядели внешне целыми, однако при их извлечении обнаружили

множественные свежие трещины (см. рисунок, 2, б). На четырех ретушерах слом, проходящий через рабочий участок, имеет раковистую поверхность и язычок, что указывает на фрагментацию свежей кости. Возможно, эти орудия были сломаны в процессе утилизации.

На каждом из фрагментов зафиксировано по одному рабочему участку, часто разделенному сломом. Размер сохранившихся рабочих участков составляет от 9×6 до 20×11 мм. На шести изделиях следы утилизации выражены слабо и представляют собой разреженные неглубокие насечки-выбоины, компактно локализованные на кортикальной поверхности кости. На остальных предметах следы выражены более отчетливо (см. рисунок, 2, б). Они образуют участки частых плотно наложенных удлиненных зарубок, в ряде случаев формирующих понижение рельефа. Зарубки расположены часто под углом $30\text{--}45^\circ$ относительно длинной оси орудия, реже (6 экз.) – перпендикулярно. На четырех ретушерах зафиксированы протяженные линейные следы соскабливания надкостницы, перекрытые следами от ретуширования. Кортикальная поверхность одного изделия несет следы нарезок под углом 45° к длинной оси, оставленных в возвратно-поступательной кинематике, скорее всего, при срезании мягких тканей с кости. Продольный край у двух ретушеров обработан соответственно дорсальной и вентральной ретушью. Поперечный край одного изделия усечен интенсивной двухсторонней оббивкой. Два орудия обожжены после использования в качестве ретушеров.

Ближайшие культурно-хронологические аналогии ретушерам из Биоче отмечены среди материалов опорного многослойного палеолитического объекта региона – скального навеса Црвена Стена на западе Черногории. В среднепалеолитических слоях этой стоянки, залегающих под тефрой Y-5 и датированных первой половиной МИС 3, найдено семь ретушеров из фрагментов длинных костей марала, горного козла, а также неопределимых костей копытных [Morin, Soulier, 2017]. На поверхности шести ретушеров зафиксированы порезы. Судя по опубликованным фотографиям [Ibid.], для двух изделий характерна средняя степень утилизации рабочего участка с многочисленными, но разреженными достаточно глубокими выбоинами. Кроме того, множество костей из мустьерских слоев стоянки несут следы раскалывания, обжига и разного рода порезов.

Обзор опубликованных материалов мустьерских комплексов Балканского п-ова показал, что использование кости неандертальцами в своей орудийной деятельности являлось не повсеместным, но достаточно распространенным явлением. При-

менение навыков и инструментария камнеобработки к особенностям местного сырья, выраженным в малоразмерности исходного галечного материала, свидетельствует о высоком уровне адаптации поздних неандертальцев к природным условиям этого региона.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ, проект № 18-09-40062.

Список литературы

Вишневский А.В., Павленок К.К., Козликин М.Б., Ульянов В.А., Деревянко А.П., Шуньков М.В. К вопросу о неандертальском рефугиуме в Восточной Адриатике // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2019. – Т. 47, № 4. – С. 3–15.

Колобова К.А., Маркин С.В., Чабай В.П. Костяные ретушеры в среднепалеолитических комплексах Чагырской пещеры // Теория и практика археологических исследований. – 2016. – № 4 (16). – С. 35–39.

Abrams G. Palaeolithic bone retouchers from Belgium: a preliminary overview of the recent research through historic and recently excavated bone collections // The Origins of Bone Tool Technologies: Retouching the Palaeolithic: Becoming Human and the Origins of Bone Tool Technology. – Mainz: RGZM-Tagungen, 2018. – P. 197–213.

Costamagno S., Bourguignon L., Soulier M.-C., Meignen L., Beauval C., Rendu W., Mussini C., Mann A., Maureille B. Bone retouchers and site function in the Quina Mousterian: The case of Les Pradelles (Marillac-Le-France, France) // The Origins of Bone Tool Technologies: Retouching the Palaeolithic: Becoming Human and the Origins of Bone Tool Technology. – Mainz: RGZM-Tagungen, 2018. – P. 165–195.

Daujeard C., Moncel M.-H., Fiore I., Tagliacozzo A., Bindon P., Raynal J.-P. Middle Paleolithic bone retouchers in Southeastern France: Variability and functionality // Quaternary Intern. – 2014. – Vol. 326–327. – P. 492–518.

Đuričić L. A Contribution to Research on Bioče Mousterian // J. of the Serb. Archaeol. Soc. – 2006. – Vol. 22. – P. 179–196.

Mihailović D., Mihailović B., Whallon R. Excavations of Middle Paleolithic – Mesolithic Layers // Crvena Stijena in cultural and ecological context. – Podgorica: Grafo Group Publ., 2017. – P. 150–204.

Morin E., Soulier M.-C. The Paleolithic Faunal Remains from Crvena Stijena // Crvena Stijena in cultural and ecological context. – Podgorica: Grafo Group Publ., 2017. – P. 266–291.

Morley M.W., Woodward J.C. The Campanian Ignimbrite (Y5) tephra at Crvena Stijena Rockshelter,

Montenegro // *Quaternary Research*. – 2011. – Vol. 75, No. 3. – P. 683–696.

Patou-Mathis M. Fiches typologiques de l'industrie de l'os préhistorique, Cahier X: Retouchoirs, compresseurs, percuteurs ... Os à impressions et éraillures. – Paris: Éditions S.P.F., 2002. – 137 p.

Pavlenok K.K., Kozlikin M.B., Kandyba A.V., Bulatovič L., Derevianko A.P., Shunkov M.V. Style, deficit or reduction? Analysing the Bioče Micro-Mousterian // *Quartär*. – 2017. – Vol. 64. – P. 95–106.

Zilhao J. Neanderthals and moderns mixed, and it matters. – *Evolutionary anthropology*. – 2006. – Vol. 15, N 5. – P. 183–195.

References

Abrams G. Palaeolithic bone retouchers from Belgium: a preliminary overview of the recent research through historic and recently excavated bone collections. In *The Origins of Bone Tool Technologies: Retouching the Palaeolithic: Becoming Human and the Origins of Bone Tool Technology*. Mainz: RGZM-Tagungen, 2018, pp. 197–213.

Costamagno S., Bourguignon L., Soulier M.-C., Meignen L., Beauval C., Rendu W., Mussini C., Mann A., Maureille B. Bone retouchers and site function in the Quina Mousterian: The case of Les Pradelles (Marillac-Le-France, France). In *The Origins of Bone Tool Technologies: Retouching the Palaeolithic: Becoming Human and the Origins of Bone Tool Technology*. Mainz: RGZM-Tagungen, 2018, pp. 165–195.

Daujeard C., Moncel M.-H., Fiore I., Tagliacozzo A., Bindon P., Raynal J.-P. Middle Paleolithic bone retouchers in Southeastern France: Variability and functionality. *Quaternary International*, 2014, vol. 326–327, pp. 492–518.

Đuričić L. A Contribution to Research on Bioče Mousterian. *J. of the Serb. Archaeol. Soc.*, 2006, vol. 22, pp. 179–196.

Kolobova K.A., Markin S.V., Chabai V.P. Bone Retouchers in the Middle Paleolithic Complexes of Chagyrskaya Cave. *The Theory and Practice of Archaeological Research*, 2016, No. 4 (16), pp. 35–39. (In Russ.).

Mihailović D., Mihailović B., Whallon R. Excavations of Middle Paleolithic – Mesolithic Layers. In *Crvena Stijena in cultural and ecological context*. Podgorica: Grafo Group Publ., 2017, pp. 150–204.

Morin E., Soulier M.-C. The Paleolithic Faunal Remains from Crvena Stijena. In *Crvena Stijena in cultural and ecological context*. Podgorica: Grafo Group Publ., 2017, pp. 266–291.

Morley M.W., Woodward J.C. The Campanian Ignimbrite (Y5) tephra at Crvena Stijena Rockshelter, Montenegro. *Quaternary Research*, 2011, vol. 75, No. 3, pp. 683–696.

Patou-Mathis M. Fiches typologiques de l'industrie de l'os préhistorique, Cahier X: Retouchoirs, compresseurs, percuteurs ... Os à impressions et éraillures. Paris: Éditions S.P.F., 2002, 137 p.

Pavlenok K.K., Kozlikin M.B., Kandyba A.V., Bulatovič L., Derevianko A.P., Shunkov M.V. Style, deficit or reduction? Analysing the Bioče Micro-Mousterian. *Quartär*, 2017, vol. 64, pp. 95–106.

Vishnevskiy A.V., Pavlenok K.K., Kozlikin M.B., Ulianov V.A., Derevianko A.P., Shunkov M.V. A Neanderthal Refugium in the Eastern Adriatic. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2019, vol. 47, No. 4, pp. 3–15.

Zilhao J. Neanderthals and moderns mixed, and it matters. *Evolutionary anthropology*. 2006, vol. 15, No. 5, pp. 183–195.

Шуньков М.В. <https://orcid.org/0000-0003-1388-2308>

Козликин М.Б. <https://orcid.org/0000-0001-5082-3345>

Павленок К.К. <https://orcid.org/0000-0003-0205-2077>

Федорченко А.Ю. <https://orcid.org/0000-0001-7812-8037>

**М.В. Шуньков¹, Ж.К. Таймагамбетов², М.Б. Козликин¹✉,
А.В. Кандыба¹**

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

²Национальный музей Республики Казахстан
Нур-Султан, Казахстан
E-mail: kmb777@yandex.ru

Палеолитические комплексы местонахождения Курчум на Южном Алтае: новые материалы

В ходе работ совместной Российско-Казахстанской экспедиции ИАЭТ СО РАН и Национального музея Республики Казахстан на территории Восточно-Казахстанской обл. были проведены сборы подъемного археологического материала различных периодов каменного века на местонахождении Курчум на правом берегу Бухтарминского водохранилища. В окрестностях г. Актобе, на склонах которой экспонированы артефакты, зафиксированы источники качественного каменного сырья, представленного как в коренных выходах, так и в древнем переотложенном галечнике. Качественное сырье неоднократно привлекало внимание человека к этому месту в среднем и верхнем плейстоцене. Было обследовано несколько участков концентрации каменных артефактов, приуроченных к эрозионным формам рельефа – суходольным логам, водораздельным увалам и останцам древних красноцветных отложений. Комплекс изделий нижнего палеолита представлен сильно выветрелыми и патинированными артефактами из порфирового эффузива, включающими радиальные ядрища, скребла, зубчатые, выемчатые орудия и чопперы на массивных сколах. Индустрия среднего палеолита характеризуется леваллуазским расщеплением, направленным на получение отщепов и острий. К этому же периоду, скорее всего, относится представительный набор разнообразных скребел. По сравнению с индустрией раннего палеолита, данный комплекс отличается разнообразием сырьевой базы, включающей высококачественные кремневые породы, и сохранностью изделий, покрытых легкой белесой или светло-серой патиной. Верхнепалеолитические материалы представлены клиновидным ядрищем для микропластин, мини-атюрными скребками из качественного кремнистого сырья, призматическими пластинами и оформленными на них орудиями. Установлена зональность экспонирования каменных артефактов различных культурно-хронологических этапов палеолита на территории местонахождения.

Ключевые слова: Южный Алтай, Курчум, геоморфология, палеолит, подъемный материал, каменные артефакты.

**Michael V. Shunkov¹, Zhaken K. Taymagambetov², Maxim B. Kozlikin¹✉,
Alexander V. Kandyba¹**

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

²National Museum of the Republic of Kazakhstan,
Nur-Sultan, Kazakhstan
E-mail: kmb777@yandex.ru

Paleolithic Assemblages from the Kurchum Location in the Southern Altai: New Evidence

The research conducted in the East Kazakhstan region by the joint Russian-Kazakhstan expedition, with the participation of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IAET SB RAS) and the National Museum of the Republic of Kazakhstan, have made it possible to collect surface archaeological materials attributed to different periods of the Stone Age from Kurchum situated on the right bank of the Bukhtarma reservoir. The sources of high-quality stone raw materials associated with both bedrock outcrops and ancient reworked pebble deposits

were identified near Mount Aktobe, whereas the artifacts were exposed on the slopes of the mountain. High-quality raw materials seem to have repeatedly attracted human attention to this place in the Middle and Upper Pleistocene. Few areas with concentrations of lithic artifacts confined to erosive landforms, such as upland meadows, watershed ridges, and the remains of ancient red-colored sediments were examined. The Lower Paleolithic assemblage comprises heavily eroded and patinated artifacts produced from porphyritic igneous rocks, including discoid cores, scrapers, denticulate, notched tools, and choppers made on massive flakes. The Middle Paleolithic stone tool industry shows evidence of using the Levallois flaking technique for manufacturing flakes and points. A representative set of various scrapers may be attributed to the same period. Compared to the Lower Paleolithic stone tool industry, this assemblage demonstrates a variety of employed raw materials, including high-quality silicified rocks, and good preservation of lithic artifacts covered with light whitish or pale-gray patina. The Upper Paleolithic lithic tools include edge-faceted, wedge-shaped core for microblades, miniature scrapers produced from high-quality siliceous raw materials, prismatic blades, and tools made on such blades. This research has enabled the establishment of areas wherein lithic artifacts of different cultural and chronological stages of the Paleolithic period were exposed at the location.

Keywords: Southern Altai, Kurchum, geomorphology, Paleolithic, surface material, lithic artifacts.

Местонахождение экспонированных палеолитических артефактов Курчум на территории Восточно-Казахстанской обл. Республики Казахстан расположено на правом борту Бухтарминского водохранилища в 4 км к северо-востоку от места впадения в него р. Курчум и в 2 км к юго-западу от г. Актобе. В геоморфологическом отношении эта территория приурочена к зоне сочленения северной окраины межгорной Зайсанской впадины с денудационным среднегорьем Южного Алтая.

Участки концентрации археологического материала были обнаружены в 2015 г. в ходе разведочных работ совместной экспедиции Института археологии и этнографии СО РАН и Национального музея Республики Казахстан на территории Южного Алтая [Шуныков и др., 2015]. В 2016 г. была проведена детальная топографическая съемка местонахождения, его геоморфологическая характеристика, а также сбор подъемного палеолитического материала и уточнение границ его распространения [Шуныков и др., 2016].

В 2019 г. проведены сборы каменных артефактов на трех участках наибольшей их концентрации, которые тяготеют к верхней части пологого макросклона, протяженностью ок. 2,5 км от западного подножия г. Актобе к долине р. Иртыш, в настоящее время затопленной Бухтарминским водохранилищем. Рельеф макросклона характеризуется густым эрозионным расчленением, формирующим на отдельных участках бедленд. Большая часть эрозионных форм представлена суходольными логами с плоскими или слабоогнутыми днищами. Пологие борта логов плавно переходят в водораздельные увалы с округлой вершиной. Согласно геоморфологическим данным [Там же], возраст палеолитических артефактов местонахождения Курчум не древнее возраста эрозионной поверхности, на которой экспонировано галечное сырье. Формирование этой поверхности связано, скорее всего, с плювиальными этапами среднего – верхнего плейстоцена.

Самый древний палеолитический комплекс зафиксирован в небольшой долине, обрамленной останцами красноцветных отложений. Зона концентрации археологического материала занимает площадь ок. 5 га с абсолютными отметками 450–460 м. Для каменных артефактов характерно сильное выветривание поверхности вплоть до образования каверн, при этом дефляция ребер и вершин относительно слабая. Все изделия покрыты патиной буровато-коричневого, реже темно-серого цвета, при изначально черном цвете сырья – порфирированных эффузивов, видимом на свежих сколах.

В общей коллекции сборов к наиболее архаичным артефактам относятся 30 экз. Нуклеусы представлены двумя массивными радиальными монофронтальными изделиями округлой и подпрямоугольной формы с расщеплением по всей окружности (рис. 1, 3) или на $\frac{3}{4}$ периметра (рис. 1, 2). Снятие заготовок производилось как от неподготовленного ребра, так и с оформленных платформ на отдельных участках контрфронта изделий. Еще одно округлое ядрище имеет леваллуазские черты (рис. 1, 1): для снятия двух крупных сколов был использован естественный объем отдельности сырья и подправки поднятия фронта. Ударная площадка подготовлена серией крупных сколов и более мелкой обработкой по краю.

Сколы – 24 экз., в т.ч. с вторичной обработкой, включают крупные массивные отщепы со скошенной гладкой или двугранной остаточной ударной площадкой и с продольной одно- или бинаправленной и ортогональной огранкой дорсала. Единственная крупная реберчатая пластина была сколота с радиального нуклеуса (рис. 2, 9).

В орудийном наборе преобладают скребла – 7 экз. Заготовкой для изделия с продольным прямым лезвием служила крупная подпрямоугольная плитка, один из краев которой обработан отвесной крупнофасеточной сильномодифицирующей ре-

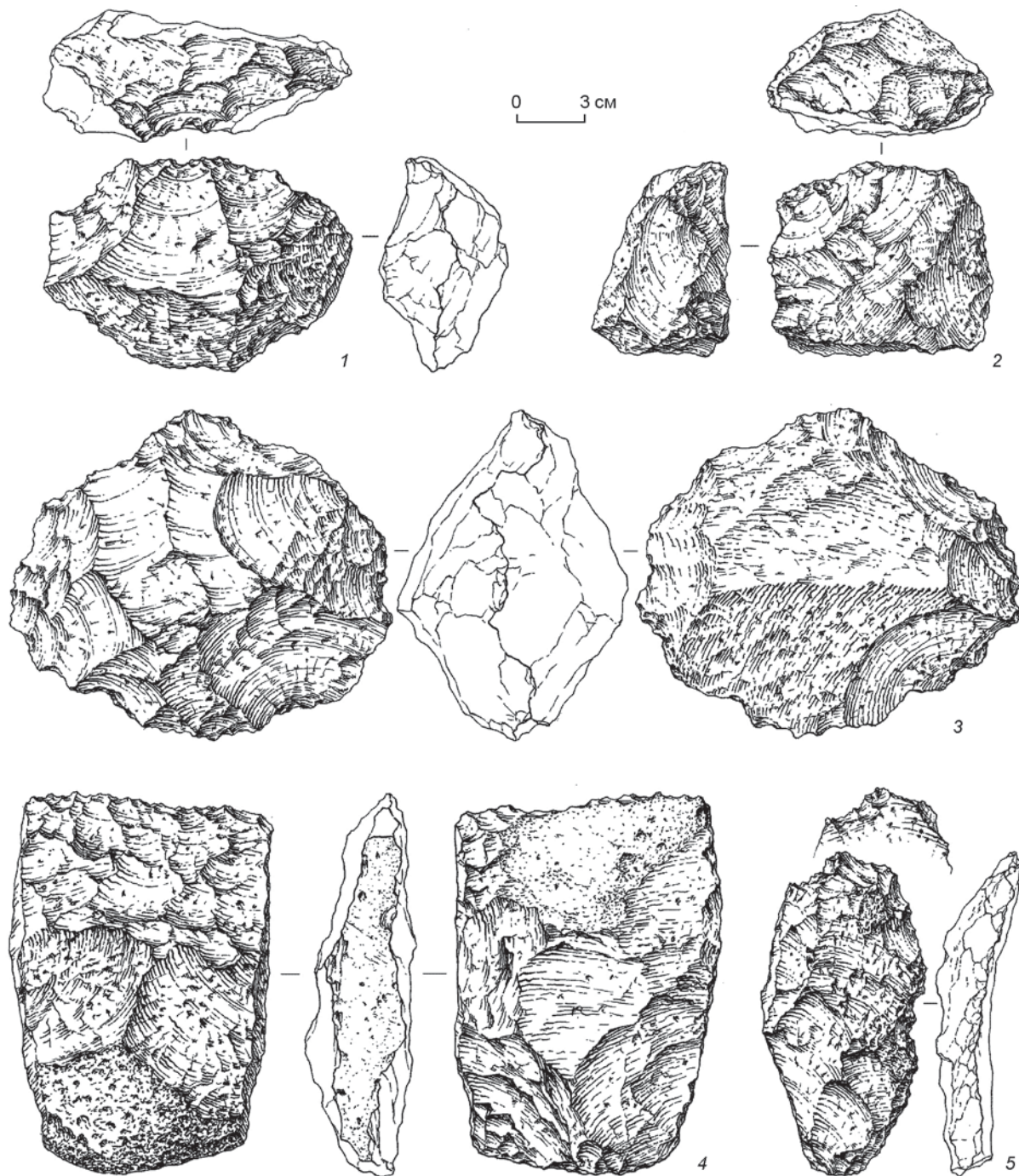

Рис. 1. Каменные артефакты раннего палеолита с местонахождения Курчум.

1-3 – нуклеусы; 4 – чоппер; 5 – скребло.

тушью. Орудие с продольным выпукло-вогнутым лезвием оформлено на крупном удлиненном сколе (см. рис. 1, 5). Лезвие подготовлено дорсальной крутой чешуйчатой ретушью, которая плавно заходит на дистальное окончание орудия, закругляя его. Рабочему краю противопоставлен обушок-грань. Заготовкой для диагонального дорсального скребла служил крупный треугольный скол (см. рис. 2, 5). Угловатое скребло оформлено на крупном подпря-

моугольном отщепе с помощью дорсальной краевой крутой ретуши (рис. 2, 8). Остальные скребла – поперечные с выпуклым лезвием, подготовленным крутой дорсальной ретушью на крупных коротких отщепе (рис. 2, 4, 6).

Выемчатые орудия (2 экз.) оформлены на крупных сколах (рис. 2, 1). Анкош подготовлен сильно-модифицирующей ретушью, рабочему элементу противопоставлен обушок.

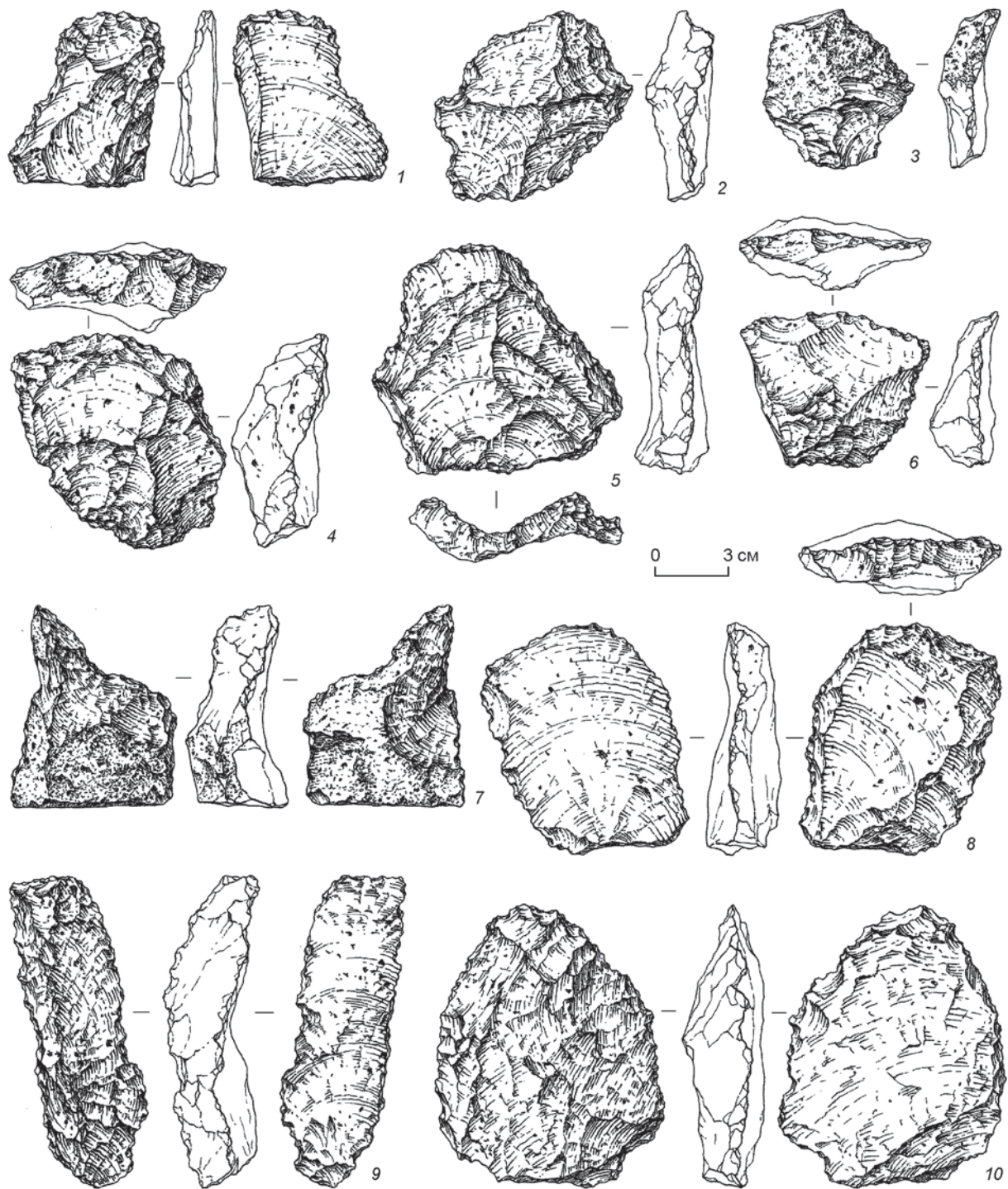

Рис. 2. Каменные артефакты раннего палеолита с местонахождения Курчум.

1 – выемчатое орудие; 2 – шиповидное орудие; 3, 10 – отщепы с ретушью; 4–6, 8 – скребла; 7 – клювовидное орудие; 9 – пластина.

Заготовкой для клювовидного орудия (рис. 2, 7) служила плитка. Морфологически близкое шиповидное орудие оформлено на крупном коротком отщепе (рис. 2, 2).

Чоппер оформлен на массивном долечном отщепе (рис. 1, 4). Широкие плоскости орудия выровнены поперечными сколами, лезвие загесано с одной стороны крупными чешуйчатыми снятиями.

Отщепы с эпизодической ретушью – 4 экз. (рис. 2, 3, 10).

Судя по технико-типологическому облику и степени дефляции поверхности, эти изделия относятся, скорее всего, к ранним этапам палеолита. К этому же комплексу принадлежат находки предыдущих лет, представленные кварцитовым рубилом, бифасиальными изделиями, скреблами и массивны-

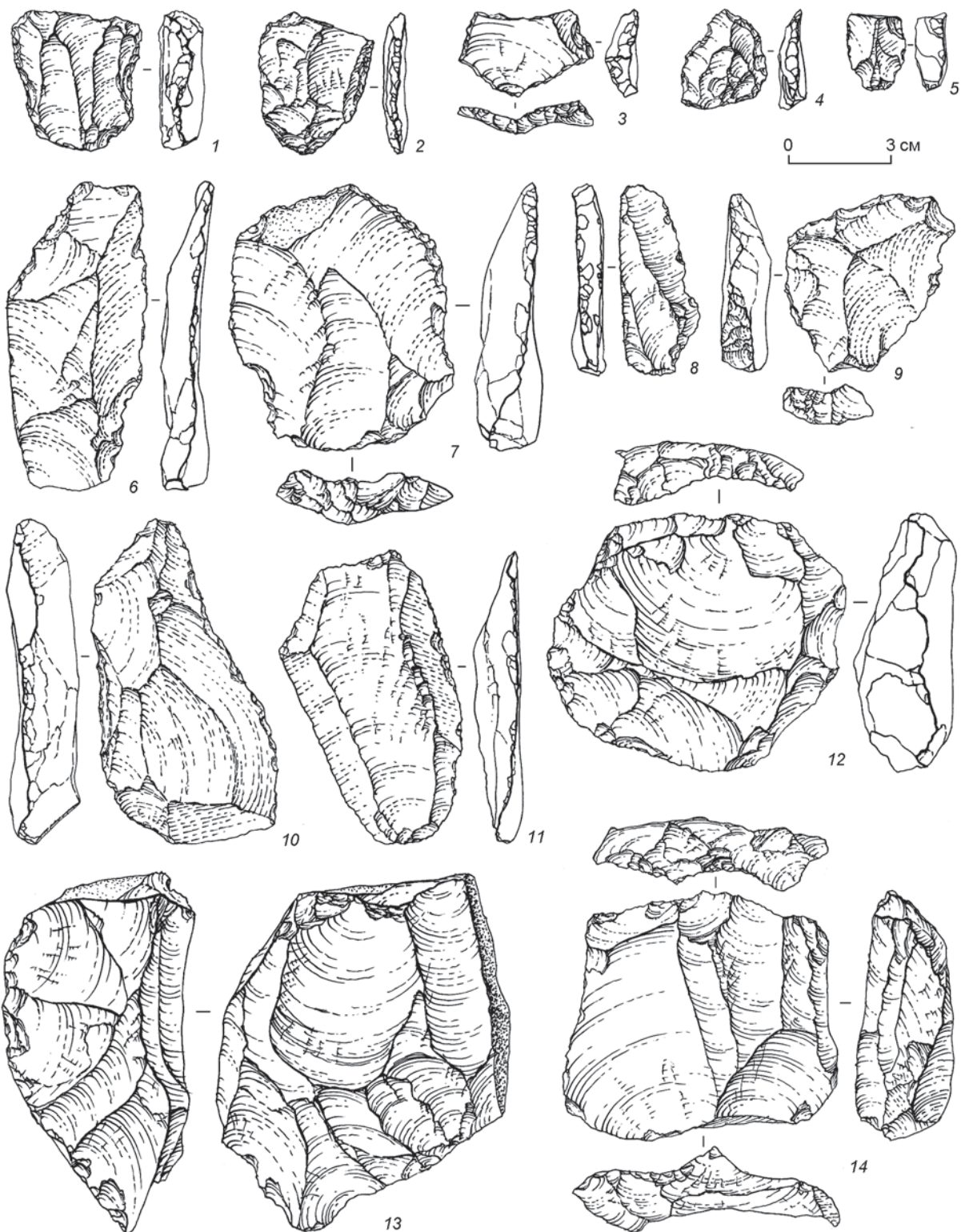

Рис. 3. Каменные артефакты среднего и верхнего палеолита с местонахождения Курчум.

1, 2, 5, 6, 11 – пластины с ретушью; 3 – леваллуазское острие; 4 – скребок; 7, 9 – леваллуазские отщепы; 8, 10 – ножи; 12–14 – нуклеусы.

ми сколами с сильным ячеистым выветриванием поверхности [Шуныков и др. 2015, 2016].

Выше по склону от первого пункта сборов зафиксирован второй участок концентрации артефактов, приуроченный к днищу суходольного лога, а также

к вершинам и бортам двух обрамляющих его водораздельных увалов. Археологические находки на этом участке экспонированы на площади ок. 10 га с абсолютными отметками 470–490 м. По сравнению с древнейшим комплексом, эти материалы отлича-

ются разнообразием сырьевой базы, включающей высококачественные кремнистые породы, и лучшей сохранностью поверхности изделий, покрытой легкой белесой или светло-серой патиной.

На этом участке обнаружено 142 палеолитических изделия. Среди девяти типологически выраженных нуклеусов три относятся к леваллуазским с тщательно подготовленной по периметру контрфронта ударной площадкой и негативами радиальных и субпараллельных сколов (рис. 3, 12). Нуклеус типа комбева оформлен на крупном округлом массивном отщепе, у которого ударный бугорок удален снятием с остаточной ударной площадки заготовки. Два одноплощадочных монофронтальных параллельных ядрища с гладкой ударной площадкой подготовлены на крупных обломках. Еще два нуклеуса являются двухплощадочными монофронтальными со встречным скалыванием, имеют подпрямоугольную форму и скошенные тщательно фасетированные (рис. 3, 14) или выровненные крупными снятиями ударные площадки. У одного из них объем фронта поддерживался интенсивной латеральной подправкой (рис. 3, 13). Последний нуклеус – радиальный бифронтальный, округлой формы, с расщеплением по периметру от неподготовленного ребра. Кроме того, обнаружено 10 нуклеидных обломков в виде крупных угловатых отдельностей сырья с единичными сколами или с негативами бессистемных снятий.

Среди сколов преобладают отщепы (113 экз.) преимущественно среднего и крупного размера, с гладкой или естественной, реже фасетированной остаточной ударной площадкой и с продольной однонаправленной или ортогональной огранкой дорсала. Пластины (7 экз.) имеют гладкую площадку и продольную одно- или бинаправленную огранку (рис. 3, 2, 11). Леваллуазские сколы представлены проксимальным фрагментом острия с тщательно фасетированной срединно-выпуклой ударной площадкой (рис. 3, 3) и двумя отщепами (рис. 3, 7, 9).

Следы вторичной обработки отмечены у 40 изделий.

Скребла представлены двумя двойными продольными прямыми с дорсальной или альтернативной ретушью, диагональной выпуклой и конвергентной дорсальной формами.

Скребки – концевой и угловой на мелких отщепках из качественной кремнистой породы. Ретушь – дорсальная или вентральная, краевая, крутая, параллельная.

Заготовкой ножа с обушком-гранью служил крупный удлиненный краевой отщеп (рис. 3, 10).

Дополняют коллекцию отщепы (23 экз.) и пластины (3 экз.) с эпизодической ретушью, а также неопределимые фрагменты орудий (7 экз.).

Материалы второго участка включают типичные среднепалеолитические изделия – леваллуазские нуклеусы и сколы, в т.ч. классической остроконечной формы. Вместе с тем миниатюрные скребки и призматические пластины со следами тщательной прямой редуции карниза остаточной ударной площадки относятся, видимо, к верхнему палеолиту или к более поздним периодам каменного века.

Третий участок концентрации подъемного материала локализован в 0,3 км севернее второго пункта на поверхности широкого увала, примыкающего к скальным выходам г. Актобе. Археологический материал, в основном позднепалеолитического облика, рассеян на площади ок. 8 га с абсолютными отметками 480–500 м. Артефакты изготовлены в большинстве случаев из качественного кремнистого сырья, поверхность некоторых изделий покрыта легкой патиной.

На третьем участке найдено 76 каменных артефактов, в т.ч. два нуклеуса – радиальный монофронтальный, с раскалыванием по периметру от неподготовленного ребра и клиновидный на крупном удлиненном массивном краевом отщепе, с оформленным протяженным килем и негативами микропластинчатого расщепления на одном из торцов.

Отщепы (66 экз.) и пластины (5 экз.) (рис. 3, 1, 5, 6) преимущественно среднего размера, имеют гладкую, реже фасетированную остаточную ударную площадку и продольную или ортогональную огранку дорсала. Технические сколы представлены реберчатым и двумя полуреберчатыми снятиями.

В составе орудий 24 экз.

Скребла – 2 экз. Продольное прямое и угловатое изделия на крупных коротких отщепках. Ретушь – дорсальная, краевая или захватывающая, крутая, субпараллельная, сильно модифицирующая.

Скребки – 2 экз.: боковой на мелком треугольном сколе (рис. 3, 4) и с обработкой на 3/4 периметра, оформленный на тонкой плитке сургучного кремня.

Нож на краевой пластине с обушком, подправленным отвесной ретушью. Противоположный продольный край несет следы утилитарной ретуши (рис. 3, 8).

Дополняют коллекцию шиповидное угловое и выемчатое поперечное орудия на крупных сколах, а также отщепы (10 экз.) и пластины с ретушью (3 экз.) (рис. 3, 1, 5, 6) и неопределимые фрагменты орудий (4 экз.).

Археологическая коллекция 2019 г. с местонахождения Курчум существенно дополнила источниковую базу изучения палеолита Южного Алтая. Установлена зональность в экспонировании каменных артефактов различных периодов камен-

ного века. Находки древнейшего комплекса, отнесенного к раннему палеолиту, связаны с выходами красноцветных отложений на относительно выровненной площадке в средней части склона г. Актобе. На более высоких гипсометрических отметках залегают материалы среднего палеолита, с хорошо выраженным леваллуазским обликом, а также изделия верхнего палеолита и, возможно, поздних этапов каменного века. Очевидно, что основным фактором, привлекающим человека на эту территорию в среднем и верхнем плейстоцене, являлось наличие качественного каменного сырья, представленного как в коренных выходах, так и в древнем экспонированном галечнике.

Благодарности

Авторы выражают благодарность А.В. Абдульмановой и Н.В. Вавиной за подготовку иллюстраций каменных изделий. Полевые археологические работы проведены за счет гранта РФФИ № 18-00-00660 КОМФИ, лабораторные исследования выполнены в рамках программы НИР, проект № 0329-2019-0002 «Древнейшие культурные процессы на территории Центральной Азии».

Список литературы

Шуньков М.В., Таймагамбетов Ж.К., Павленок К.К., Аноikin А.А., Рыбалко А.Г., Хареvич В.М. Стоянка-мастерская Курчум – новый палеолитический памятник на Южном Алтае // Проблемы археологии, эт-

нографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 183–186.

Шуньков М.В., Таймагамбетов Ж.К., Ульянов В.А., Аноikin А.А., Павленок К.К., Хареvич В.М., Козликин М.Б., Павленок Г.Д. Исследование палеолитического местонахождения Курчум (Южный Алтай) в 2016 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 214–217.

References

Shunkov M.V., Taimagambetov Zh.K., Pavlenok K.K., Anoin A.A., Rybalko A.G., Kharevich V.M. Kurchum Workshop: A New Paleolithic Site at the Southern Altai. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, vol. XXI, pp. 183–186 (In Russ.).

Shunkov M.V., Taimagambetov Zh.K., Ulianov V.A., Anoin A.A., Pavlenok K.K., Kharevich V.M., Kozlikin M.B., Pavlenok G.D. Investigation of the Paleolithic Occurrence of Kurchum (Southern Altai) in 2016. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 214–217 (In Russ.).

Шуньков М.В. <https://orcid.org/0000-0003-1388-2308>

Таймагамбетов Ж.К. <https://orcid.org/0000-0003-3541-0600>

Козликин М.Б. <https://orcid.org/0000-0001-5082-3345>

Кандыба А.В. <https://orcid.org/0000-0003-0985-9121>

**АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА
И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

В.В. Ахметов

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
E-mail: akhmetovvladimir@yandex.ru

Гробницы с фресками на юге Корейского полуострова

Гробницы с погребальной живописью – важный источник для понимания культурных и политических процессов на Корейском п-ове в эпоху трех государств. Когурёские гробницы с фресками наиболее многочисленны. Практически все они располагаются на территории либо Северной Кореи, либо Китая. Однако погребальная живопись известна и в погребениях других государств той эпохи. Изучение таких погребений позволит прояснить культурные, политические связи элит государств Корейского п-ова. На территории Южной Кореи известно пять гробниц с фресками. Они расположены в двух провинциях Республики Кореи: Северная Кёнсан (Сунхын, Сунхын Осукмё, Корён Коари) и Южная Чхунчхон (Сонсалли № 6, Пуё Нынсалли). На стенах погребальной камеры в гробнице Сунхын сохранились изображения, которые имеют много общего с когурёскими фресками из района Пхеньяна и Цзианя. Фреска в гробнице Сунхын Осукмё сохранилась плохо, однако оставшийся фрагмент и погребальный инвентарь позволяют считать ее силласким погребением. Гробницы в местности Сунхын свидетельствуют, что на этой территории происходило культурное взаимодействие Когурё и Силла. Гробницы Сонсалли № 6 и Нынсалли № 1 соотносятся с государством Пэкче. Роспись в погребениях посвящена четырем мифическим животным. Этот сюжет известен по погребениям в Китае, Японии, но как отдельный выделился в Когурё. Вероятно, пэкчесцы при оформлении гробницы ориентировались как раз на когурёские образцы. Гробница в Корён Коари считается каяской, т.к. находится в месте, бывшем центральной частью государства Тэгая. В погребении сохранились изображения лотоса, что, вероятно, отображает распространение буддизма в Кая. Если судить по погребальной живописи, к завершению эпохи трех государств в VI в. сформировались культурные элементы, характерные для всего Корейского п-ова.

Ключевые слова: Когурё, Пэкче, Силла, Кая, фрески.

Vladimir V. Akhmetov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia
E-mail: akhmetovvladimir@yandex.ru

Tombs with Murals in the South of the Korean Peninsula

Tombs with murals are an important source for understanding the cultural and political processes on the Korean Peninsula during the Three Kingdoms period. Goguryeo tombs are predominantly located either in North Korea or China; many of them were decorated with murals. However, funerary wall painting is also known from burials of other states of that period and from other territories. The study of burials with wall paintings may clarify cultural and political ties between the elites of the states on the Korean Peninsula. Five tombs with frescoes in South Korea are located in two provinces of the Republic of Korea: North Gyeongsang (Sunheung, Tomb of EoSuk in Sunheun, Goa-ri Goryeong) and South Chunchon (Songsan-ri No. 6, Buyeo Neungsan-ri). Representations in the Sunheung Tomb are preserved on the walls of the burial chamber and have much in common with the Goguryeo frescoes from the Pyongyang and Jian regions. The paintings in the EoSuk tomb in Sunheun are poorly preserved, although the surviving fragment and grave goods point to its Silla origin. The tombs in the Sunheung area indicate that there was a cultural interaction between Goguryeo and Silla in this area. The Songsan-ri No. 6 and Buyeo Neungsan-ri tombs are related to the Baekje state. The painting in the burials is dedicated to Four Directional Deities. This plot is known from burials in China and Japan, but it stood out as a separate plot in Goguryeo. The people of

Baekche were guided by Goguryeo designs in the design of the tomb. The tomb in Goa-ri Goryeong is considered as a Gaya tomb, as it is located in a place that was the central part of the state of Daegaya. The tomb contains images of a lotus, which probably reflects the spread of Buddhism in Gaya. Analysis of the murals suggests that cultural elements that were common for the entire Korean Peninsula were formed by the end of the era of Three kingdoms in the 6th century.

Keywords: *Goguryeo, Baekje, Silla, Gaya, mural.*

Для Дальнего Востока гробницы с фресками являются характерным историческим источником, известным начиная со времен империи Хань, когда подобного типа погребения распространились на обширной территории. Некоторые из таких погребений особенно ценны тем, что на фресках изображено большое количество самых разных деталей быта ханьской эпохи (например, погребения Цзягуань, Хорингер [Крюков и др., 1983, с. 255; Кравцова, 2004, с. 245–246]).

Традиция погребальной живописи проникла и на Корейский п-ов, где она достигла расцвета в эпоху трех государств, в частности в Когурё, начиная со второй половины IV и до VII в. н.э. Когурёские погребения с фресками сконцентрированы в основном в районе г. Пхеньян (КНДР) и в районе г. Цзиань (КНР). Их научное изучение ведется с начала XX в. [Стоякин, 2019, с. 231]. Погребения с живописью привлекали внимание и отечественных исследователей [Alkin, 2006, p. 102]. Однако погребальная живопись эпохи трех государств не ограничивается только когурёскими гробницами, фрески встречаются и в погребениях других государств той эпохи. В настоящий момент территории этих государств практически полностью располагаются в пределах границ Республики Кореи.

На данный момент на территории Южной Кореи гробниц с фресками известно всего пять, что, конечно, сложно сравнивать с большим разнообразием таких гробниц на севере Корейского п-ова. Однако на юге полуострова располагались сразу несколько государств, поэтому гробницы с фресками здесь представлены не только когурёскими, но и пэкческими, силлаской и каяской. Несмотря на свою малочисленность, такого рода погребения довольно ценный источник для понимания культурных и политических связей между элитами трех государств.

Гробницы с фресками на территории Республики Кореи административно расположены в двух провинциях: Северная Кёнсан (погребения Сунхын, Сунхын Осукмё, Корён Коари) и Южная Чхунчхон (погребения Сонсалли № 6, Пуё Нынсалли) [Намханый, 2019, с. 11]. Географически все они расположены ближе к центральной части полуострова.

В районе Йонджу найдены два погребения с фресками. Одно из них специалисты считают

когурёским (Сунхын), другое силласким (Сунхын Осукмё). Могилы находятся в 600 м друг от друга на разных склонах небольшой горы Пибонсан. Погребения довольно далеко располагаются как от столицы Силла – Кёнджу, так и от столицы Когурё – Пхеньяна.

Погребальное сооружение Сунхын имеет сходство с гробницами в Яксури, Поксари, Токхынни [Когурё юджокый, 2009, с. 157; Когурёый, 2013, с. 144, 426]. Эти погребения обычно датируются V в. н.э. и располагаются в районе г. Пхеньяна.

Гробница Сунхын была разграблена. В нее, скорее всего, неоднократно проникали. Тем не менее в погребальной камере Сунхын сохранились кости, поэтому удалось понять, что здесь были похоронены мужчина ок. 40 лет, женщина ок. 20 лет и ребенок. Из погребального инвентаря сохранились отдельные фрагменты керамических сосудов, которые определяются как силлаские и датируются как минимум второй половиной V в.

Самым ценным источником по изучению гробницы является фреска. Основные элементы изображения, которые удалось вычленивать из сохранившихся фрагментов, – это силачи, человек, птицы, деревья, гора, узоры в виде облаков и пламени, узоры в виде цветков и листьев лотоса.

Судя по оставшимся фрагментам, сюжетное повествование, изображенное на фреске, было посвящено бытовым сценам из жизни погребенного здесь представителя знати. Проход в погребальную камеру охраняют два силача (кор. *ёкасан*). На северной стенке изображен лотосовый пруд и сцена охоты. На восточной и западной стенках (в их северных частях) изображены солнце и луна соответственно. На южной стенке имеются рисунки цветков, листьев, плодов лотоса.

На южной стенке сохранилось изображение знамени, развевающегося на древке в руке воина (рисунок самого воина почти не сохранился). Изображения воинов со знаменами в руках встречаются в когурёских фресках [Когурё юджокый, 2009, с. 158, 164]. Однако есть примеры и в силласком искусстве. На барельефе силлаской буддийской пагоды из Намвона изображен воин со знаменем [Хо Хёнук, 2005, с. 9]. Пагода в Намвоне датируется IX в. Вероятно, такие изображения были характерны именно для буддийской художественной традиции.

Над знаменем имеется надпись из иероглифов, часть их утрачена. Из оставшихся можно понять, что надпись сделана в год *кими*, что соответствует 599, 539, 479, 419 гг. шестидесятичного цикла. На данный момент большинство исследователей рассматривают 539 г. как наиболее вероятный год возведения этого погребения.

Силачи на входе в погребение, по всей видимости, должны были охранять проход в самую погребальную камеру. Силач на восточной стенке изображен покачивающим верхней частью тела, у него открыт рот, в котором видны зубы и особенно хорошо клыки, на лице нарисована короткая борода, в руках – змея. Одежда у него имеется только в районе пояса. На ухе силача висит серьга, выполненная в форме бутона лотоса. Художник изобразил силача так, будто он вот-вот выбежит из погребальной камеры. Рисунок второго силача, на противоположной стене, сохранился хуже, но тем не менее по нему можно понять, что сделан он в такой же манере, как и первый. Изображение силача со змеей уже встречалось в когурёской гробнице Самсильхон [Когурё юджокый, 2009, с. 274]. В гробнице Ссанёнчхон нарисован небожитель со змеей на поясе [Джарылгасинова, 1972, с. 133].

На западной стенке погребальной камеры Сунхын центральное место занимает рисунок ивы. Рядом с ивой читается изображение какого-то строения. Однако не совсем ясно, что именно это за сооружение. Возможно, это колодец по типу того, что известен по фреске из когурёского погребения Анак № 3 [Джарылгасинова, 1972, с. 50; Когурё юджокый, 2009, с. 251].

На северной стенке имеются рисунки цветков, плодов, листьев лотосов и рисунки облаков. По центру стенки изображены три птицы, летящие по небу. Облачный узор как на фреске в Сунхыне встречается в погребении Сусалли на восточной стенке погребальной камеры [Technical Report, 2018, p. 300]. Такого рода узор можно встретить и в гробнице Кансодэмэ на потолочных камнях [Kangso, 1979]. Лотосовый узор из Сунхына (лепестки лотоса с чуть приоткрытыми цветками) схож с тем, что нанесен на потолочные камни в гробнице Муёнчхон [Когурё юджокый, 2009, с. 291].

На восточной стенке изображена птица на фоне солнца. Такая птица часто встречается на когурёских фресках, она рисуется с тремя ногами и называется по-корейски *самджоко*. Ее изображения известны по фрескам в погребениях Токхынни, Самсильхон, Муёнчхон [Воробьев, 1961, с. 89; Джарылгасинова, 1972, табл. 1, с. 73]. Трехногая птица *самджоко* – центральный элемент позолоченного украшения головного убора из погребения Чинпхари № 9 [Когурё юджокый, 2009, с. 333].

Боковая плоскость погребального ложа в Сунхын украшена комбинированным узором пламени и лотоса. Этот узор не характерен для когурёских фресок и скорее демонстрирует местные особенности. Подобный узор также найден в погребении Сунхын Осукмё, расположенном в близости.

Некоторые элементы фрески вполне можно отнести к буддийской иконографии – это лотосовые узоры на северной и южной стенках, серьга силача в виде бутона лотоса, узор на погребальном ложе. Да и самих силачей из Сунхына можно отнести к персонажам этой иконографии. Буддийская культура довольно поздно (относительно других частей Корейского п-ова) проникла в район Кёнджу, это произошло в VI в. н.э. Официальное принятие буддизма в Силла связывают с именем Попхын-вана (правил в 514–539 гг.). Сунхынская фреска позволяет говорить, что почва для официального принятия буддизма уже, видимо, была подготовлена. Птица, символизирующая солнце на восточной стенке, – это, в свою очередь, элемент, скорее, даосской иконографии. Отдельно на этом фоне выделяется рисунок ивы, которая могла выступать символом чистоты, жизнестойкости. Она, вероятно, отголосок из традиционных культов Корейского п-ова. Также на фреске есть и рисунки на бытовые темы.

Все это свидетельствует о тех религиозных представлениях, которые были распространены в районе Сунхын среди знати в V–VI вв. н.э., и о некоторых бытовых моментах их жизни. В этом плане сунхынская фреска аналогична другим когурёским росписям, для которых было характерно такое переплетение сюжетных элементов.

Гробница Сунхын Осукмё (Тхэджанни Осукмё) – однокамерное каменное погребение с входом, пристроенным к западной оконечности южной стенки камеры. Внутри погребальной камеры лежали две каменные плиты. Вход в камеру был заперт каменной перегородкой с просверленным отверстием по центру. В погребении сохранились только два рисунка: изображение двух женщин на плите, перекрывавшей вход в камеру, и цветка лотоса на потолке входа в камеру.

Также на каменной плите, которая перекрывала вход в камеру, со стороны, обращенной внутрь, обнаружена надпись из семи иероглифов. В ней указано имя погребенного – Осук (кит. *Юйсу*), по которому и стали называть погребение. В надписи еще указан и год шестидесятичного цикла, который соотносится с тремя датами: 595, 535, 475 г. Наиболее вероятными годами возведения погребения кажутся 535 и 595 г. Внутри камеры есть также надпись явно более позднего времени. Учитывая, что там же найдены фрагменты корёской и чосонской

керамики, внутрь погребения проникали довольно часто до момента его научных раскопок уже в XX в.

Местность Сунхын входила в состав государства Когурё (или по крайней мере в сферу его влияния) со времен правления Квангэтхо-тэвана (391–413 гг.) и Чансу-вана (413–491 гг.) и до середины VI в. О том, что власть когурёских ванов простиралась далеко на юг Кореи, говорит также и находка когурёской стелы в Чхунджу в пров. Северная Чхунчхон. Однако в погребениях Сунхын и Сунхын Осукмё также были найдены отдельные фрагменты силласких керамических сосудов, которые датируются как минимум второй половиной V в. В местности Сунхын рядом с вышеописанными гробницами найдено больше десяти погребений в каменных склепах и каменных ящиках, в которых встречается погребальный инвентарь, характерный для силласких погребений, в т.ч. золотые серьги [Намханый, 2019, с. 246].

Фреска в гробнице Сунхын имеет много общего с когурёскими фресками, поэтому и саму гробницу обычно называют когурёской. В Сунхын Осукмё фреска сохранилась хуже. Погребальный инвентарь и расположенные рядом могилы позволяют называть ее силлаской. Хотя сама местность в районе современного г. Йонджу, как выше уже было упомянуто, в V–VI вв. была скорее местом переплетения когурёской и силлаской культурной традиции, поэтому однозначно говорить о принадлежности погребений довольно сложно.

Пэкческое погребение Сонсалли № 6 в районе г. Конджу располагается на одноименном могильнике Сонсалли, по соседству с гробницей Мурён-вана (501–523 гг.) [Никитина, 1997]. По датам правления вана можно примерно понять датировку всего могильника, как и тот факт, что здесь должны были располагаться усыпальницы правителей и их ближайших титулованных родственников.

Гробница Сонсалли № 6, как и могила Мурён-вана, сделана из кирпича, что выделяет ее на фоне других погребений на могильнике. Скорее всего, и статус погребенного в ней был сравним с правителем Пэкче. В Сонсалли № 6 на стенах погребальной камеры изображены четыре мифических животных. Их изображения встречаются в Китае, Японии того времени [Jeon Notae, 2015], но как составные части более обширных сюжетных фресок. Именно в Когурё появляются гробницы, на фресках которых четыре мифических животных (кор. *сасин*) занимают центральное положение. Это характерно и для гробницы Сонсалли № 6. Здесь на восточной стенке погребальной камеры был нарисован дракон (кор. *чхоннён*), на западной – тигр (кор. *пэкхо*), на южной стенке, над входом в камеру, – птица (кор. *чуджак*), на северной – черепаха (кор. *хёнму*). На данный мо-

мент изображения практически не сохранились, однако остались материалы японских исследований 1930-х гг., в которых есть копии рисунков.

Изображения животных из Сонсалли № 6 очень схожи с теми, что найдены в когурёских погребениях. Рисунок тигра в таком же стиле и такой же позе имеется в погребении Чинпхари № 1 [Когурё юджокый, 2009, с. 197–203]. Обычно погребения с такими изображениями датируют второй половиной VI–VII в. н.э. [Гилев, 2009, с. 183]. Однако погребение в Сонсалли позволяет уточнить, что такого рода погребения были характерны в целом для VI в. Гробница Сонсалли № 6 явно связана с гробницей Мурён-вана – они располагаются в непосредственной близости друг от друга и обе сделаны из кирпича. Сонсалли № 6 была возведена примерно в то же время, что и могила вана, т.е. в первой половине VI в. Пэкческая атрибуция Сонсалли № 6 не вызывает сомнений, но нельзя не отметить сильное влияние когурёской художественной традиции в оформлении фрески.

Гробница Пуё Нынсалли № 1 (Тонхачхон) также считается пэкческой. Она располагается в непосредственной близости от столицы Пэкче с 538 г. – Саби (современное название – Пуё). Нынсалли № 1 – одно из погребений на одноименном могильнике. Он состоит из семи крупных курганов с каменными склепами. Считается, что здесь хоронили ванов Пэкче или самых знатных представителей элиты. Погребальное сооружение Нынсалли № 1 делится на три составные части: вход, коридор, камера. Они были построены из каменных плит. Все три части были расположены в линию, так что общая длина каменного сооружения составляла 9 м. Изображения внутри гробницы сохранились плохо. Однако оставшиеся фрагменты росписей в погребальной камере показывают, что на фреске в Нынсалли № 1, так же как и в случае с Сонсалли № 6, были изображены четыре мифических животных. Лучше всего сохранились рисунки дракона на восточной стенке камеры и тигра на западной. Изображение тигра отличается от тех образцов, что известны по когурёским и китайским погребениям. На потолке погребальной камеры сохранилась роспись в виде облачного узора и изображения цветков лотоса с восемью лепестками. Восьмилепестные цветки лотоса встречаются на пэкческой черепице. На крышке серебряного сосуда из погребения Мурён-вана также имеется изображение лотоса с восемью лепестками.

Погребальная роспись в Нынсалли № 1 во многом схожа с фреской из Сонсалли № 6 и демонстрирует процесс развития сюжета, связанного с изображением четырех мифических животных. Обе гробницы были, видимо, возведены пример-

но в одно время, а именно во второй половине VI в. в период расцвета Пэкче при Мурён-ване и его преемнике Сон-ване.

Гробница в Корён Коари представляла собой каменный склеп. Он состоял из погребальной камеры и коридора к ней. Камера и коридор имеют сводчатую конструкцию. Они сложены из каменных глыб и валунов. Потолочные перекрытия в них сделаны из крупных каменных плит, которые и послужили поверхностями для нанесения фрески. На потолке камеры и коридора нанесены изображения цветков лотоса с восемью лепестками. Всего внутри погребения найдено 11 таких рисунков. Погребение было разграблено, от инвентаря сохранились бронзовые и железные гвозди, фрагмент керамики, фрагмент кости. Еще несколько фрагментов керамики было найдено при разборе курганной насыпи.

Изображения цветков лотоса в схожей художественной манере встречаются повсеместно в когурёских и пэкческих, силласких погребениях, на пэкческих сосудах и кирпичках, на силласких изделиях. Рисунок лотоса в Коари свидетельствует, что каясцы активно взаимодействовали со своими соседями. Учитывая также, что лотос – неперенный атрибут буддийской иконографии, можно предположить, что каяская элита активно воспринимала буддистскую религию.

Уезд Корён, в котором располагается гробница с погребальной живописью, был центром одного из каяских ранних государств – Тэгая. Временем его усиления был конец V в. Но уже в 562 г. Тэгая было завоевано государством Силла. Каяские государства имели тесные связи с Пэкче. Погребальное сооружение гробницы Коари схоже с пэкческими на могильнике Нынсалли и отличается от типичных для каясцев погребений в виде каменных ящиков. Вероятно, гробница в Корён была построена в период усиления Тэгая, т.е. в первой половине VI в. Государство Пэкче было ближайшим соседом, чьим младшим союзником зачастую выступали каясцы. Сооружение гробницы, во многом схожей с пэкческими по конструкции, с погребальной живописью внутри свидетельствует о том, что каяские правители теперь мыслили себя равными своему могущественному соседу.

Гробницы с фресками распространились на Корейском п-ове в эпоху трех государств. В основном традиция сооружения гробниц с погребальной живописью была характерна для Когурё. Вероятно, появление такого типа погребений на юге полуострова связано с влиянием когурёской культуры на соседние корейские государства. Это хорошо видно на примере погребений Сунхын в г. Йонджу, где силлаские и когурёские элементы тесно переплетены. То же самое можно сказать про пэкческое

погребение с фресками, где запечатлены четыре мифических животных – сюжет, хорошо проработанный в когурёских погребениях. Кроме того, традиция погребальной живописи продолжалась и после эпохи трех государств в период Корё (918–1392 гг.), элита которого считала себя как раз наследниками Когурё. Таким образом, можно утверждать, что появление гробниц с фресками на юге Корейского п-ова – вероятнее всего следствие в основном когурёского влияния. В целом, если судить по погребальной живописи, к завершению эпохи трех государств в VI в. сформировались культурные элементы, характерные для всего Корейского п-ова.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР № 0329-2019-0007 «Изучение, сохранение и музеефикация археологического и этнокультурного наследия Сибири».

Список литературы

Воробьев М.В. Древняя Корея (историко-археологический очерк). – М.: Изд-во Вост. лит., 1961. – 194 с.

Гилев А.А. Хронология когурёских гробниц с фресками // Вестн. Новосибир. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2009. – Т. 8. – Вып. 5: Археология и этнография. – С. 175–185.

Джарылгасинова Р.Ш. Древние когурёсцы (К этнической истории корейцев). – М.: Наука, 1972. – 202 с.

Когурё юджокый оджева оныль (кобунгва юмуль) (Когурёские памятники вчера и сегодня (погребения и находки)). – Сеул: Тонбугаёксаджэдан, 2009. – 424 с. (на кор. яз.).

Когурёый копун I (Ханбандопхён). (Когурёские погребения I (Корейский полуостров)). – Квачхон: Чининджин, 2013. – 640 с. (на кор. яз.).

Кравцова М.Е. Мировая художественная культура. История искусства Китая: уч. пос. – СПб.: Лань, ТРИАДА, 2004. – 960 с.

Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. – М.: Наука, 1983. – 416 с.

Намханый кобунбёкхва (Южнокорейские гробницы с фресками). – Тэджон: Куннипмунхваджээнгусо, 2019. – 328 с. (на кор. яз.).

Никитина М.И. Пэкческий единорог в связи с мифом о матери-тигре и ее сыне-олене // Вестн. Центра корейского языка и культуры. – 1997. – Вып. 2. – С. 136–160.

Стоякин М.А. Вклад Эдуарда Шаванна в изучение Когурё // Там, где цветет мугунхва и распускается сакура. Слово об ученом. – Казань: Бук, 2019. – С. 228–233.

Хо Хёнук. Сильсанса пэкчанам сотхабый обансинсанэ кванхан кочхаль (Изучение каменной пагоды Пэк-

джанам храма Сильсанса в Намвоне) // Мисульсаёнгу (Изучение истории искусства). – 2005. – № 19. – С. 3–30 (на кор. яз.).

Alkin S.V. Traditions and trends in the Russian study of Koguryo History // *J. of Inner and East Asian Studies*. – 2006. – Vol. 3-1. – P. 95–107.

Jeon Hotae. The Murals of Takamatsuzuka and Kitora Tombs in Japan and Their Relationship to Goguryeo Culture // *J. of Korean Art and Archaeology*. – 2015. – Vol. 9. – P. 64–77.

Kangso three tombs. – Pyongyang: The Korean Central Historical Museum, 1979. – 20 p.

Technical Report on the Safeguarding of the Koguryo Tombs in the DPRK (Phase III). – P.: UNESCO, 2018. – 421 p.

References

Alkin S.V. Traditions and trends in the Russian study of Koguryo History. *Journal of Inner and East Asian Studies*, 2006, vol. 3-1, pp. 95–107.

Dzharylgasinova R.Sh. Drevnie kogurestsy (K etnicheskoi istorii koreitsev). Moscow: Nauka, 1972, 202 p. (In Russ.).

Gilev A.A. The chronology of Koguryo tombs with wall paintings. *Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*, 2009, vol. 8, iss. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 175–185. (In Russ.).

Goguryeo gobun I (Hanbando pyeon). Gwacheon: Jinjin, 2013, 640 p. (In Kor.).

Goguryeo yujokeui eojewa oneul (gobungwa yumul). Seoul: Dongbugayeoksajyeajan, 2009, 424 p. (In Kor.).

Heo Hyeonguk. Silgangs baekjangam seoktapeui obangsinsange. *Misulsayeongu*, 2005, vol. 19, pp. 3–30. (In Kor.).

Jeon Hotae. The Murals of Takamatsuzuka and Kitora Tombs in Japan and Their Relationship to Goguryeo Culture. *Journal of Korean Art and Archaeology*, 2015, vol. 9, pp. 64–77.

Kangso three tombs. Pyongyang: The Korean Central Historical Museum, 1979, 20 p.

Kravtsova M.E. Mirovaya khudozhestvennaya kul'tura. Istoriya iskusstva Kitaya: Uchebnoe posobie. St. Petersburg: Lan', TPIADA, 2004, 960 p. (In Russ.).

Kryukov M.V., Perelomov L.S., Sofronov M.V., Cheboksarov N.N. Drevnie kitaitsy v epokhu tsentralizovannykh imperii. Moscow: Nauka, 1983, 416 p. (In Russ.).

Namhaneui gobunbyeokhwa. Daejeon: Gunnipmunhwajaeyeonguso, 2019, 328 p. (In Kor.).

Nikitina M.I. Pekcheskii edinorog v svyazi s mifom o materi-tigre i ee syne-olene. *Vestnik Tsentra koreiskogo yazyka i kul'tury*, 1997, vol. 2, pp. 136–160. (In Russ.).

Stoyakin M.A. Vklad Eduarda Shavanna v izuchenie Kogure. In *Tam, gde tsvetet mugunkhva i raspuskaetsya sakura. Slovo ob uchenom*. Kazan: Buk, 2019, pp. 228–233. (In Russ.).

Technical Report on the Safeguarding of the Koguryo Tombs in the DPRK (Phase III). Paris: UNESCO, 2018, 421 p.

Vorob'ev M.V. Drevnyaya Koreya (istoriko-arkheologicheskii ocherk). Moscow: Oriental Literature Publ., 1961, 194 p. (In Russ.).

Ахметов B.B. <https://orcid.org/0000-0002-7133-4417>

В.В. Бобров^{1, 2}, А.Г. Марочкин¹✉

¹Институт экологии человека ФИЦ УУХ СО РАН
Кемерово, Россия

²Кемеровский государственный университет
Кемерово, Россия

E-mail: comcon@yandex.ru

К проблеме абсолютной хронологии ирменских древностей Кузнецко-Салаирской горной области

Статья посвящена актуальной для современной западносибирской археологии проблеме абсолютной хронологии ирменских древностей в локальных географических районах, в частности в Кузнецко-Салаирской горной области. Задача настоящей работы заключается в систематизации, анализе и интерпретации всех имеющихся радиоуглеродных дат древностей эпохи финальной бронзы в этом районе, вносящих коррективы в ранее предложенные абсолютные датировки ирменской культуры по археологическим данным. Использованы 15 дат, полученных в разные годы для могильника Танай VII (Восточное Присалаирье), стоянок Долгая-1 и Синеречка-1 (юг Нижнего Притомья), Тамбарского поселения (Мариинская лесостепь). Все они откалиброваны с помощью программы OxCal 4.4, диапазоны калиброванных значений выбраны с вероятностью 95,4 %. С источниковедческой точки зрения наиболее репрезентативны датировки Тамбарского поселения и могильника Танай VII, полученные по образцам из закрытых комплексов. Датировки притомских стоянок следует использовать с учетом больших доверительных интервалов и их единичности. Анализ радиоуглеродных датировок ирменских и ирменско-лугавских комплексов Кузнецко-Салаирской горной области показывает их разделение на две группы. Первая группа с усредненными диапазонами калиброванных значений XIII–XI вв. до н.э. маркирует нижнюю хронологическую границу ирменской культуры в указанном районе. Вторая группа с усредненным диапазоном калиброванных значений X – конец IX в. до н.э. отражает развитие культуры и период интенсивных взаимных контактов с лугавским населением. Одиночная дата сосуда с Долгой-1 с хронологическим интервалом рубеж IX/VIII – VI вв. до н.э. может свидетельствовать о длительном доживании ирменской культуры в Кузнецко-Салаирской горной области, но нуждается в проверке. Решение проблемы верхней хронологической границы ирменской культуры этого района затруднено дискуссией о представленных в регионе поздней ирменских комплексов и дефицитом источников по переходному периоду и эпохе раннего железа.

Ключевые слова: радиоуглеродное датирование, абсолютная хронология, ирменская культура, лугавская культура, финальная бронза, Кузнецко-Салаирская горная область, юго-восток Западной Сибири.

Vladimir V. Bobrov^{1, 2}, Alexei G. Marochkin¹✉

¹Institute for Human Ecology of the Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry,
Kemerovo, Russia

²Kemerovo State University,
Kemerovo, Russia

E-mail: comcon@yandex.ru

On the Problem of Absolute Chronology of Irmen Antiquities in the Kuznetsk-Salair Mountain Region

The article discusses the problems of absolute chronology of Irmen antiquities in local geographic areas, particularly in the Kuznetsk-Salair mountain region, which is an important issue for modern Western Siberian archaeology. This study intends to systematize, analyze, and interpret all available radiocarbon data related to the Final Bronze Age of the Kuznetsk-Salair mountain region, making corrections to the available knowledge on the absolute chronology of the Irmen culture based on archaeological evidence. This research involves 15 dates for the Tanai VII burial ground (Eastern Salair region), Dolgaya-1 and Sinerechka-1 sites (south of the Lower Tom region), and Tambar settlement (Mariinsk forest-steppe) obtained in different

years. All data was calibrated in OxCal 4.4 software with 95.4 % probability ranges of the calibrated values. Dates from the Tambar settlement and Tanai VII burial ground were obtained from the samples in closed complexes, and were the most representative for source evaluation. The data from the sites of the Tom region should be used taking into consideration large confidence intervals and their singular nature. Analysis of radiocarbon dates of the Irmen and Irmen-Lugavskoe complexes in the Kuznetsk-Salair mountain region has made it possible to divide them into two groups. The first group with averaged calibrated chronological range of the 13th – 11th centuries BC marks the lower chronological boundary of the Irmen culture in the Kuznetsk-Salair mountain region. The second group with averaged calibrated chronological range of the 10th – late 9th centuries BC reveals the development of the culture and period of intensive interaction with the Lugavskoe population. A single date of the vessel from Dolgaya-1 with the chronological range of the 9th/8th – 6th centuries BC may indicate long survival of the Irmen culture in the Kuznetsk-Salair mountain region, but needs to be verified. The problem of the upper chronological boundary of the Irmen culture in that area is complicated by the controversial nature of the Late Irmen complexes in the region and insufficient amount of sources on the transitional period from the Final Bronze Age to the Early Iron Age.

Keywords: radiocarbon dating, absolute chronology, Irmen culture, Lugavskoe culture, Final Bronze Age, Kuznetsk-Salair Mountain Region, southeastern Western Siberia.

Введение

В западносибирской археологии ирменская культура занимает заметное место. Это объясняется не столько значительностью ее ареала, охватывающего территорию от Среднего Прииртышья до Кузнецкого Алатау, многочисленностью археологических памятников, четкостью традиций в материальной и духовной сфере, сколько достаточно высокой степенью изученности как в археологическом, так и историческом аспекте. Еще одно обстоятельство позволяет судить о значимости ирменской культуры. По выражению А.В. Матвеева, она входит в «андроновскую семью археологических культур» [2004, с. 83–84] и составляет в ней заключительное звено. Несмотря на то, что с ирменской культурой завершается эпоха бронзы, она оставила след в формировании некоторых культур раннего железного века на территории лесостепи Западной Сибири, в частности саргатской культуры. Наконец, существенное значение в процессе развития обществ поздней бронзы имели контакты населения верхнеобского бассейна с обитателями лесостепных котловин среднего Енисея.

На современном этапе развития западносибирской археологии исследование историко-археологического содержания ирменской культуры сдерживает недостаточный уровень решения проблемы общей хронологии и времени существования в локальных географических районах. Историография ирменской культуры свидетельствует о том, что это археологическое образование длительное время находилось вне системы абсолютного датирования. Ее хронология строилась исключительно на традиционных методах датирования, основу которых составляли аналогии и стратиграфические данные. Неслучайно проблема хронологии ирменской культуры являлась наиболее дискуссионной в сибирской археологии. Если обратиться к максимально рубежным датам культуры, то время ее

существования определялось X/IX–VI вв. до н.э., т.е. она была логично вписана в строгую последовательность культур периода поздней бронзы Западной Сибири. Однако за последнее десятилетие представления об абсолютной хронологии этой культуры изменились, в первую очередь благодаря масштабным сериям радиоуглеродных дат и современным методам их калибровки. Казавшиеся сначала сенсационными «старшие» даты ирменского комплекса городища Чича-1 [Молодин, 2008; Молодин, Епимахов, Марченко, 2014] стали получать подтверждение абсолютными датировками для других новых памятников, в т.ч. и на территории Верхнего Приобья (обзор см.: [Ковалевский, 2016]). Немаловажное значение в решении проблемы хронологии ирменской культуры имело датирование естественно-научными методами комплексов предшествующих и последующих ей во времени, а также синхронных культур на сопредельных территориях [Molodin et al., 2012; Кирюшин, Грушин, Папин, 2007; Святоко, Поляков, 2009; Görsdorf, Parzinger, Nagler, 2001].

Вопрос о возрасте ирменских древностей Кузнецко-Салаирской горной области в данном ключе решался в основном за счет экстраполяции данных по сопредельным территориям. Задача настоящей статьи заключается в систематизации, анализе и интерпретации данных по абсолютной хронологии ирменских и близко связанных с ними комплексов в регионе, полученных при помощи естественно-научных методов.

Радиоуглеродные даты древностей эпохи финальной бронзы

Ситуация с радиоуглеродными датировками ирменских древностей Кузнецко-Салаирской горной области по-прежнему характеризуется дефицитом данных, в частности для Кузнецкой котловины введены в научный оборот всего четыре даты.

В 2004 г. получены две даты по дереву для ирменского могильника Танай VII (Восточное Присалаирье, северо-запад Кузнецкой котловины): СОАН-5073, 2940 ± 40 л.н.; СОАН-5074, 2790 ± 90 л.н.

В 2012 г. получена дата по нагару для одного из ирменских сосудов стоянки Долгая-1 (юг Нижнего Притомья): SPb-572, 2450 ± 100 л.н. В 2016 г. также по нагару установлена дата для ирменского сосуда стоянки Синеречка-1, расположенной в 15 км выше по течению р. Томи, SPb-1534, 3050 ± 80 л.н.

В подобной ситуации по-прежнему актуальны радиоуглеродные датировки смешанного лугавско-ирменского Тамбарского поселения (Мариинская лесостепь), введенные в научный оборот в 1991 г. и до недавнего времени используемые в некалиброванном виде [Членова, Бобров, 1991]. Для данного памятника получены 11 радиоуглеродных дат по органическим образцам, залежавшим в едином контексте с лугавской, ирменской и смешанной лугавско-ирменской керамикой.

Все имеющиеся даты откалиброваны с помощью программы OxCal 4.4, диапазоны калиброванных значений выбраны с вероятностью 95,4 % (см. таблицу).

С историкоархеологической точки зрения датировки Тамбарского поселения выглядят обоснованными. Отбор образцов был проведен Ю.Н. Марковым, сотрудником лаборатории Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (ныне ИИМК РАН), участником группы Н.М. Ермоловой, проводившей работы в составе археологической экспедиции Кемеровского государственного университета. Если судить об археологическом

контексте датированных образцов, то некоторые из них достоверно происходят из стратиграфически и планиграфически обособленных объектов, содержащих лугавскую и ирменскую керамическую посуду [Бобров, 2002]. Доверительный интервал всех 11 датировок составляет 40 лет, что обеспечивает относительную компактность диапазонов калиброванных значений.

Наиболее древняя дата Тамбарского поселения располагается в диапазоне середина XIII – конец XI в. до н.э. (см. таблицу, 6). К ней близки еще три даты, полученные по материалам с этого памятника. На хронологической шкале они размещаются в интервале последняя треть XII – начало IX в. до н.э. (см. таблицу, 1, 3, 5). Остальные семь радиоуглеродных дат компактно располагаются в диапазоне конец XI – вторая половина IX в. до н.э. Это удревняет как минимум на 200 лет предложенную исследователями ранее на основании традиционных методов хронологию памятника [Членова, Бобров, 1991]. Следует учитывать, что скорректированный возраст совпадает с современной хорошо фундированной абсолютной хронологией карасук-лугавского и лугавского этапов позднебронзового периода Минусинских котловин [Поляков, 2020; Лазаретов, 2008], что служит косвенным подтверждением достоверности и самих дат, и проведенной калибровки.

Применительно к могильнику Танай VII также можно говорить о корректировке возраста в сторону удревнения. Заявленная по некалиброванным значениям хронология в диапазоне X–IX вв. до н.э. [Бобров, Мильникова, Мильников, 2004] смещает-

Абсолютные радиоуглеродные датировки комплексов поздней бронзы Кузнецко-Салаирской горной области

№ п/п	Памятник	Шифр лаборатории	Радиоуглеродная дата (л.н.)	Калиброванные значения (гг. до н.э.), с вероятностью 95,4 %
1	Тамбарское поселение	Le-2555	2830 ± 40	1121–856
2	То же	Le-2526	2730 ± 40	979–806
3	»	Le-2557	2850 ± 40	1187–905
4	»	Le-2558	2780 ± 40	1042–826
5	»	Le-2559	2830 ± 40	1121–856
6	»	Le-2560	2940 ± 40	1261–1016
7	»	Le-2812	2750 ± 40	992–813
8	»	Le-2813	2690 ± 40	916–796
9	»	Le-2015	2720 ± 40	971–804
10	»	Le-2816	2710 ± 40	931–801
11	»	Le-2814	2780 ± 40	1042–826
12	Синеречка-1	SPb-1534	3050 ± 80	1495–1055
13	Долгая-1	SPb-572	2450 ± 100	806–376
14	Танай VII	СОАН-5073	2940 ± 40	1261–1016
15	То же	СОАН-5074	2790 ± 90	1204–802

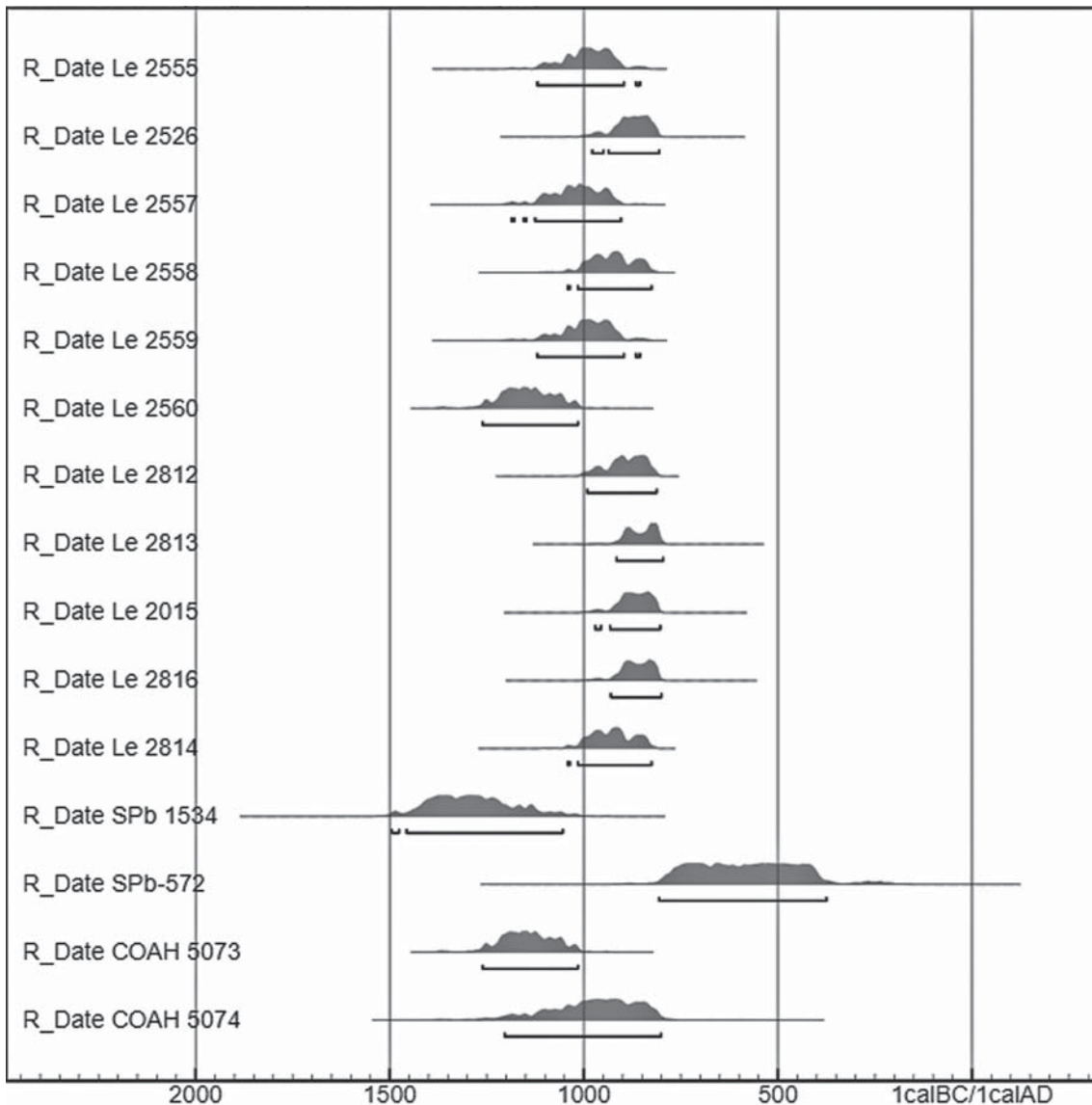
ся в диапазон XIII – конец XI в. до н.э., может быть, с заходом в X в. до н.э.

К датам, полученным для притомских стоянок, следует подходить критически. Во-первых, они единичны для своих комплексов. Во-вторых, доверительный интервал у обеих полученных дат очень большой – 80 и 100 лет соответственно. В калиброванных значениях это дает разброс в 430–440 лет, что резко снижает научную значимость обозначенных дат для установления хронологии комплексов. Особенно некорректно было бы использовать их для решения историко-археологических проблем локальных районов Притомья. В то же время до получения более репрезентативных серий игнорировать их нецелесообразно.

На графике калиброванных радиоуглеродных датировок достаточно отчетливо просматривает-

ся разброс установленных возрастных значений (см. рисунок, таблицу, 12, 13). Датировка сосуда со стоянки Синеречка-1 лежит в диапазоне XV–XI вв. до н.э. или без крайних значений XIV – начало XII в. до н.э. Ирменский сосуд со стоянки Долгая-1 намного моложе. Его возраст определяет интервал конец IX – начало IV в. до н.э. Если исключить крайние значения, то по хронологии сосуда стоянку Долгая-1 можно датировать VIII–VI вв. до н.э. При всей неоднозначности данных датировок они в какой-то степени коррелируют с ранее предложенной хронологией ирменских древностей юга Западной Сибири.

В частности, дата сосуда со стоянки Синеречка-1 совпадает с калиброванными диапазонами собственно ирменского периода городища Чича-1 (юго-запад Барабинской лесостепи) и ряда ирмен-

Сравнение калиброванных значений радиоуглеродных датировок комплексов поздней бронзы Кузнецко-Салаирской горной области.

ских памятников лесостепного Алтая [Молодин, 2008; Молодин, Епимахов, Марченко, 2014; Папин, 2015, с. 136]. В пределах Кузнецко-Салаирской горной области она соотносится с более древней группой дат Тамбарского поселения и с датировками могильника Танай VII.

Возраст сосуда со стоянки Долгая-1 совпадает с абсолютными датами позднеирменского периода, в частности установленного по материалам городища Чича-1. В какой-то степени он близок калиброванным значениям радиоуглеродного возраста памятников переходного времени к раннему железу лесостепного Алтая [Папин, 2015, с. 136]. Тем не менее достоверность даты Долгой-1 нуждается в проверке.

Обсуждение результатов

Проанализированные радиоуглеродные датировки ирменских комплексов Кузнецко-Салаирской горной области разделены на две группы с усредненными диапазонами калиброванных значений: XII–XI вв. до н.э. и X – конец IX в. до н.э. Одиночная дата с хронологическим интервалом рубеж IX/VIII – VI вв. до н.э. принимается во внимание, но ее использование возможно со значительной долей предположительности.

Первая группа маркирует нижнюю хронологическую границу ирменской культуры, вторая – «классический» этап. Территориально обе представлены на комплексах Восточного Присалаирья, Притомья, Мариинской лесостепи. Следовательно, можно говорить об освоении ирменцами всей территории Кузнецко-Салаирской горной области как минимум с XIII в. до н.э. Группировка дат Тамбарского поселения может отражать процессы межкультурного взаимодействия между ирменцами и лугавцами. На поселении доминирует лугавская керамика с наличием «чистых» ирменских сосудов, а также керамического комплекса со смешанными лугавско-ирменскими чертами. Вполне вероятно, что первоначально на территории Ачинско-Мариинской лесостепи появились ирменцы. В XI–IX вв. до н.э. в эти лесостепи, а точнее в северные предгорья Кузнецкого Алатау, проникли группы лугавского населения и достаточно плотно освоили территорию Назаровской котловины. Этот процесс совпадает по хронологии с III (лугавским) этапом развития палеометаллических культур периода поздней бронзы Минусинских котловин, определяемым А.В. Поляковым как «период наиболее динамичного развития и максимального территориального распространения культуры» [2020, с. 312]. В этом предположении недостает ирменских погребений на территории Ачинско-Мариинской лесостепи.

Более реальным представляется заключение об использовании данной территории для осуществления межплеменного, вероятно межэтнического, обмена. В этнографии известны примеры преодоления достаточно больших расстояний для осуществления обмена. В связи с проблемой хронологии и исторической интерпретации небезынтересен керамический комплекс молчановской культуры на Тамбарском поселении.

В целом накоплены достаточные подтверждения синхронного существования носителей ирменской и лугавской культур с «регулярными контактами в северных предгорьях Кузнецкого Алатау (Мариинская лесостепь, Назаровская котловина) и в меньшей степени на юго-восточной периферии Кузнецкой котловины (Верхнее Притомье и Горная Шория)» [Бобров, 2012, с. 256–257]. В таком случае репрезентативные серии радиоуглеродных дат для лугавских комплексов Минусинских котловин могут выступать основанием для хронологической интерпретации ирменских древностей Кузнецко-Салаирской горной области наряду с датировками однокультурных памятников юга Западной Сибири.

Намного сложнее обстоит дело с верхней хронологической границей ирменской культуры в этом районе. Ранее одним из авторов данной статьи высказана гипотеза о доживании ирменской культуры в Мариинской лесостепи (как крайней периферии) до VII–VI вв. до н.э. [Там же]. Основанием для нее явилась хронология ранних памятников тагарской культуры, т.е. возникал хронологический разрыв между памятниками финальной бронзы и раннего железа. Но вполне можно допустить мысль, что эта территория какое-то время была не обжита. Ее ресурсы могли быть использованы только для жизнеобеспечения.

Пока единственная «молодая» дата, полученная для сосуда стоянки Долгая-1, свидетельствует в пользу относительно длительного существования ирменской культуры. Наряду с этим на материалах поселений Среднего Притомья представлена характеристика комплексов в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку. В их основе лежали черты, свойственные позднеирменскому этапу культуры [Бобров, Окунева, 1989]. Эти материалы отражали процесс трансформации культуры, идентичный изменениям, происходящим в лесостепном Приобье и Барабе.

Наличие типичной позднеирменской керамики в регионе не вызывает сомнений. Но, возможно, она имеет локальную приуроченность. Одним из авторов данной статьи проведен сравнительный анализ керамики ирменских поселений и стоянок юга Нижнего Притомья (Долгая-1, Синеречка-1, Ивановка-1, Писаная-1, Медынино-1), который по-

казал устойчивое сохранение классических признаков ирменского керамического производства в морфологии и орнаментации [Марочкин, 2016, с. 86]. По его мнению, это согласуется с выводами специалистов о консервации архаичных черт в керамических комплексах поздних ирменских групп на восточной периферии культуры [Мыльникова, 2015]. Подкреплен вывод тем, что Кузнецко-Салаирская горная область в полной мере относится к этой периферии. Соответственно, нельзя исключать, что находки позднеирменской посуды могут свидетельствовать не только об эволюционных процессах, но и об инфильтрации на территорию Кузнецкой котловины родственных, но все же инокультурных западных позднеирменских групп.

Оставляя небезынтересную полемику, отметим очень важное обстоятельство, которое затрудняет решение проблемы о верхней хронологической границе ирменской культуры. Практически на всей территории Кузнецко-Салаирской горной области до настоящего времени почти не известны памятники переходного к раннему железу времени. Даже микрорайон Лачиновской курьи (Среднее Притомье) и Маяково городище (Верхнее Притомье) не закрывают проблемы, учитывая физико-географические особенности горной экосистемы. Наконец, белым пятном на археологической карте региона остается исследование раннего железного века. На ее фоне исключение составляет Ачинско-Мариинский лесостепной коридор. Но это только незначительная часть Кузнецко-Салаирской горной области.

Благодарности

Работа выполнена в рамках исполнения государственного задания ФИЦ УУХ СО РАН № АААА-А17-117041410051-7 «Социокультурное пространство в лесостепи Западной Сибири и сопредельных территорий (ранний и поздний голоцен)» на 2017/2020 гг.

Список литературы

Бобров В.В. Керамика ирменской культуры поселения на берегу Тамбарского водохранилища // Музей и наука: мат-лы науч.-практ. семинара, посвящённого 25-летию музея «Археология, этнография, экология Сибири» Кем. гос. ун-та. – Кемерово: Изд-во Кем. гос. ун-та, 2002. – С. 73–80.

Бобров В.В. Культуры эпохи поздней бронзы Среднего Енисея и Верхней Оби (в аспекте синхронизации и проблемы хронологии) // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: мат-лы междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения М.П. Грязнова. – СПб.: ИИМК РАН, 2012. – С. 254–258.

Бобров В.В., Мыльникова Л.Н., Мыльников В.П. К вопросу об ирменской культуре Кузнецкой котловины // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. – С. 4–33.

Бобров В.В., Окунева И.В. Среднее Притомье в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку. – Рукопись депонирована в ИНИОН РАН 14.09.89 г. № 38592. – 1989. – 29 с.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Папин Д.В. Проблемы радиоуглеродного датирования археологических памятников бронзового века Алтая // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2007. – Вып. 3. – С. 84–89.

Ковалевский С.А. Ирменские древности юга Западной Сибири: история изучения и исследовательские концепции: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Барнаул, 2016. – 43 с.

Лазаретов И.П. Радиоуглеродные даты эпохи поздней бронзы Среднего Енисея и проблемы метода // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. – Барнаул: Азбука, 2008. – С. 186–189.

Марочкин А.Г. Периодизация археологических древностей юга Нижнего Притомья // Археология Южной Сибири: сб. науч. тр., посвящ. 40-летию кафедры археологии Кем. гос. ун-та. – Кемерово, 2016. – С. 83–89.

Матвеев А.В. Андроновская семья археологических культур // Бол. Тюм. энцикл. – Тюмень, 2004. – Т. I. – С. 83–84.

Молодин В.И. Периодизация, хронология и культурная идентификация памятника Чича (Барабинская лесостепь) // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. – Томск, 2008. – С. 155–164.

Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2014. – Т. 13, № 3. – С. 136–167.

Мыльникова Л.Н. Керамика переходного времени от бронзового к железному веку лесостепной зоны Западной Сибири: диалог культур: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2015. – 30 с.

Папин Д.В. Хронология памятников эпохи поздней бронзы степного и лесостепного Алтая // Вестн. Кем. гос. ун-та. – 2015. – № 2-6 (62). – С. 135–138.

Поляков А.В. Проблемы хронологии и культурогенеза памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин: дис. д-ра ист. наук. – СПб., 2020. – 414 с.

Святко С.В., Поляков А.В. Новые радиоуглеродные даты памятников эпохи бронзы – раннего железного века Среднего Енисея // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2009. – С. 146–149.

Членова Н.Л., Бобров В.В. Смешанные лугавско-ирменские памятники района Кузнецкого Алатау // Проблемы археологии Евразии. – М.: Наука, 1991. – С. 143–180.

Görsdorf J., Parzinger H., Nagler A. New radiocarbon dates of the North Asian steppe zone and its consequences for the chronology // Radiocarbon. – 2001. – Vol. 43. – P. 1115–1120.

Molodin V.I., Marchenko Z.V., Kuzmin Y.V., Grishin A.E., van Strydonck M., Orlova L.A. ¹⁴C chronology of burial grounds of the Andronovo period (Middle Bronze Age) in Baraba forest-steppe Western Siberia // Radiocarbon. – 2012. – Vol. 54, N 3/4. – P. 737–747.

References

Bobrov V.V. Keramika irmenskoj kul'tury poseleniya na beregu Tambarskogo vodokhranilishcha. In *Muzei i nauka: materialy nauchno-prakticheskogo seminar, posvyashchennogo 25-letiyu muzeya "Archaeology, ethnography and ecology of Siberia" Kemerovo State Univ.* Kemerovo: Kemerovo State Univ. Press, 2002, pp. 73–80. (In Russ.).

Bobrov V.V. Kul'tury epokhi pozdnei bronzy Srednego Eniseya i Verkhnei Obi (v aspekte sinkhronizatsii i problemy khronologii). In *Kul'tury stepnoi Evrazii i ikh vzaimodeistvie s drevnimi tsivilizatsiyami: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii, posvyashchennoj 110-letiyu so dnya rozhdeniya M.P. Gryaznova.* St. Petersburg: Institut istorii material'noj kul'tury RAN, 2012, pp. 254–258. (In Russ.).

Bobrov V.V., Mylnikova L.N., Mylnikov V.P. K voprosu ob irmenskoj kul'ture Kuznetskoj kotloviny. In *Aridnaya zona yuga Zapadnoi Sibiri v epokhu bronzy.* Barnaul: Altai State Univ. Press, 2004, pp. 4–33. (In Russ.).

Bobrov V.V., Okuneva I.V. Srednee Pritom'e v perekhodnoe vremya ot epokhi bronzy k rannemu zheleznomu veku. *Rukopis' deponirovana v INION RAS 14.09.89 g.* No. 38592, 1989, 29 p. (In Russ.).

Chlenova N.L., Bobrov V.V. Smeshannye lugavsko-irmenskie pamyatniki raiona Kuznetskogo Alatau. In *Problemy arkheologii Evrazii.* Moscow: Nauka, 1991, pp. 143–180. (In Russ.).

Görsdorf J., Parzinger H., Nagler A. New radiocarbon dates of the North Asian steppe zone and its consequences for the chronology. In *Radiocarbon*, 2001, vol. 43, pp. 1115–1120.

Kiryushin Yu.F., Grushin, S.P., Papin D.V. Problemy radiouglerodnogo datirovaniya arkheologicheskikh pamyatnikov bronzovogo veka Altaya. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy.* Barnaul: Altai State Univ. Press, 2007, issue 3, pp. 84–89. (In Russ.).

Kovalevsky S.A. Irmenskie drevnosti yuga Zapadnoi Sibiri: istoriya izucheniya i issledovatel'skie kontseptsii:

dr. sc. (history) dissertation abstract. Barnaul, 2016, 43 p. (In Russ.).

Lazarev I.P. Radiouglerodnye daty epokhi pozdnei bronzy Srednego Eniseya i problemy metoda. In *Drevnie i srednevekovye kochevniki Tsentral'noi Azii.* Barnaul: Azbuka, 2008, pp. 186–189. (In Russ.).

Marochkin A.G. Periodizatsiya arkheologicheskikh drevnostei yuga Nizhnego Pritom'ya. In *Arkheologiya Yuzhnoi Sibiri: sbornik nauchnykh trudov, posvyashchennyi 40-letiyu kafedry arkheologii Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta.* Kemerovo, 2016, pp. 83–89. (In Russ.).

Matveev A.V. Andronovskaya sem'ya arkheologicheskikh kul'tur. In *Bol'shaya Tyumenskaya entsiklopediya.* Tyumen, 2004, vol. I, pp. 83–84. (In Russ.).

Molodin V.I. Periodizatsiya, khronologiya i kul'turnaya identifikatsiya pamyatnika Chicha (Barabinskaya lesostep'). In *Vremya i kul'tura v arkheologo-etnograficheskikh issledovaniyakh drevnykh i sovremennykh obshchestv Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh territorii: problemy interpretatsii i rekonstruktsii.* Tomsk, 2008, pp. 155–164. (In Russ.).

Molodin V.I., Epimakhov A.V., Marchenko Zh.V. Radiocarbon chronology of the Bronze Age cultures of Ural and the south of West Siberia: principles and approaches, achievements and problems. *Novosibirsk State Univ. Bulletin*, 2014, vol. 13, No. 3, pp. 136–167. (In Russ.).

Molodin V.I., Marchenko Z.V., Kuzmin Y.V., Grishin A.E., van Strydonck M., Orlova L.A. ¹⁴C chronology of burial grounds of the Andronovo period (Middle Bronze Age) in Baraba forest-steppe Western Siberia. *Radiocarbon*, 2012, vol. 54, No. 3/4, pp. 737–747.

Mylnikova L.N. Keramika perekhodnogo vremeni ot bronzovogo k zheleznomu veku lesostepnoi zony Zapadnoi Sibiri: dialog kul'tur: dr. sc. (history) dissertation abstract. Novosibirsk, 2015, 30 p. (In Russ.).

Papin D.V. Chronology of the late bronze age sites of the steppe and forest-steppe Altai. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta.* 2015, No. 2-6 (62), pp. 135–138. (In Russ.).

Poliakov A.V. Problemy khronologii i kul'turogeneza pamyatnikov epokhi paleometalla Minusinskikh kotlovin: dr. sc. (history) dissertation. St. Petersburg, 2020, 414 p. (In Russ.).

Svyatko S.V., Polyakov A.V. Novye radiouglerodnye daty pamyatnikov epokhi bronzy rannego zheleznnogo veka Srednego Eniseya. In *Rol' estestvenno-nauchnykh metodov v arkheologicheskikh issledovaniyakh.* Barnaul: Altai State Univ. Press, 2009, pp. 146–149. (In Russ.).

Бобров В.В. <https://orcid.org/0000-0002-3272-0390>

Марочкин А.Г. <https://orcid.org/0000-0002-6757-0775>

А.П. Бородовский¹✉, Ю.В. Оборин²

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

²Независимый исследователь
Красноярск, Россия

E-mail: altaicenter2011@gmail.com

Предметы конского снаряжения и коневодства в кладах эпохи металла на среднем Енисее

Статья посвящена характеристике предметного комплекса, связанного с конским снаряжением и коневодством, входящего в состав ряда кладов эпохи металла на среднем Енисее. Так называемые предметы неизвестного назначения, интерпретируемые как детали снаряжения колесничих, встречаются в составе предметов клада эпохи поздней бронзы с о-ва Каменный. Большинство предметов конского снаряжения в собрании кладов среднего Енисея представлено «тагарскими» бронзами. Среди этих изделий различные типы стремячковых и кольчатых удиц, псалий, уздечных пронизей, блях, а также специализированных коневодческих предметов: ножей для подрезки копыт, скребниц, приспособлений для таврения. Особо следует отметить находки в Первом и Третьем Терском кладах – серии блях, изображающих лошадей. Эти предметы достаточно детально отражают особенности экстерьера животных, характерные для эпохи раннего железа. Позднее в кладах хунно-сяньбийского времени (Саяногорский клад) помимо предметов уздечного и сбруйного наборов фиксируются металлические седельные накладки и импортные изделия (колокольчики). В эпоху раннего Средневековья, кроме кладов эпохи палеометалла, в состав которых входили отдельные предметы или комплекты изделий, связанные с конским снаряжением, появляются собрания, представленные исключительно такими вещами. Одним из таких собраний является Катюшкинский клад. Его состав сходен с комплектом предметов из тайников кургана № 6 Копёнского чаатаса. В целом в кладах среднего Енисея эпохи металла представлен весь комплекс предметов, связанный с коневодством, от эпохи поздней бронзы до раннего Средневековья. Все эти изделия отражают не только эпохальный переход от колесничного способа передвижения к верховому, но и постепенную эволюцию отдельных деталей и приспособлений конского снаряжения – удиц, псалиев и седел. Учитывая престижность и значимость деталей конской упряжи и снаряжения, эти предметы можно относить к ценным изделиям в составе кладов, возможно имеющим ритуальную семантику.

Ключевые слова: клад, сбруйный набор, Хакасия, средний Енисей, эпоха палеометалла.

Andrew P. Borodovskiy¹✉, Yury V. Oborin²

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

²Researcher,

Krasnoyarsk, Russia

E-mail: altaicenter2011@gmail.com

Items of Harness and Horse Care in the Hoards of the Paleometal Age in the Middle Yenisei Region

This article describes the objects related to harness and horse care, which have been discovered in a number of hoards of the Paleometal Age in the Middle Yenisei region. The so-called “items of unknown purpose” which were interpreted as components of chariot harness, are a part of the hoard of the Late Bronze Age discovered on the Kamenny island. Most harness elements from the hoards in the Middle Yenisei region are Tagar bronze objects; they include various types of stirrup-shaped and annular bridle bits, cheek pieces, bridle beads, plates, as well as specialized horse care items (knives for cutting hooves, horse combs, and branding implements). A series of zoomorphic plates representing horses, which were found in several hoards (the First and Third Tersky hoards) reveal specific features of horse appearance typical of the Early Iron Age. Hoards

from the Xiongnu and Xianbei period (the Sayanogorsky hoard) include not only items of bridle and harness sets but also metal saddle plates and imported objects (bells). Collections represented exclusively by such objects appeared in the Early Middle Ages in addition to the hoards of the Paleometal Age, which contained individual items or sets of items related to horse harness. One of such collections is the Katyushkinsky hoard with the composition of objects similar to cache from burial mound 6 at the Kopyonsky chaatas. Taken together, hoards of the Paleometal Age from the Middle Yenisei region include the full set of objects associated with horse breeding from the Late Bronze Age to the Early Middle Ages. All these items not only reflect the historical transition from chariot driving to riding, but also a gradual evolution of individual parts and elements of horse equipment, such as bridle bits, cheek pieces, and saddles. Considering the prestige and importance of elements of horse harness and equipment, these items can be described as valuable parts of hoards with possible ritual semantics.

Keywords: hoard, harness, Khakassia, Middle Yenisei region, Paleometal Age.

Начиная с эпохи палеометалла в кладах и тайниках Южной Сибири появляются предметы конского снаряжения и коневодства (рис. 1). В кладах среднего Енисея [Бородовский, Оборин, 2019а] обнаружены архаичные металлические изделия – предметы

неизвестного назначения. Для карасукского времени они интерпретируются как детали снаряжения колесничих [Варенов, 1984; Савинов, 1995]. Один из таких предметов происходит из клада эпохи поздней бронзы с о-ва Каменный (рис. 2, 1). Большинство

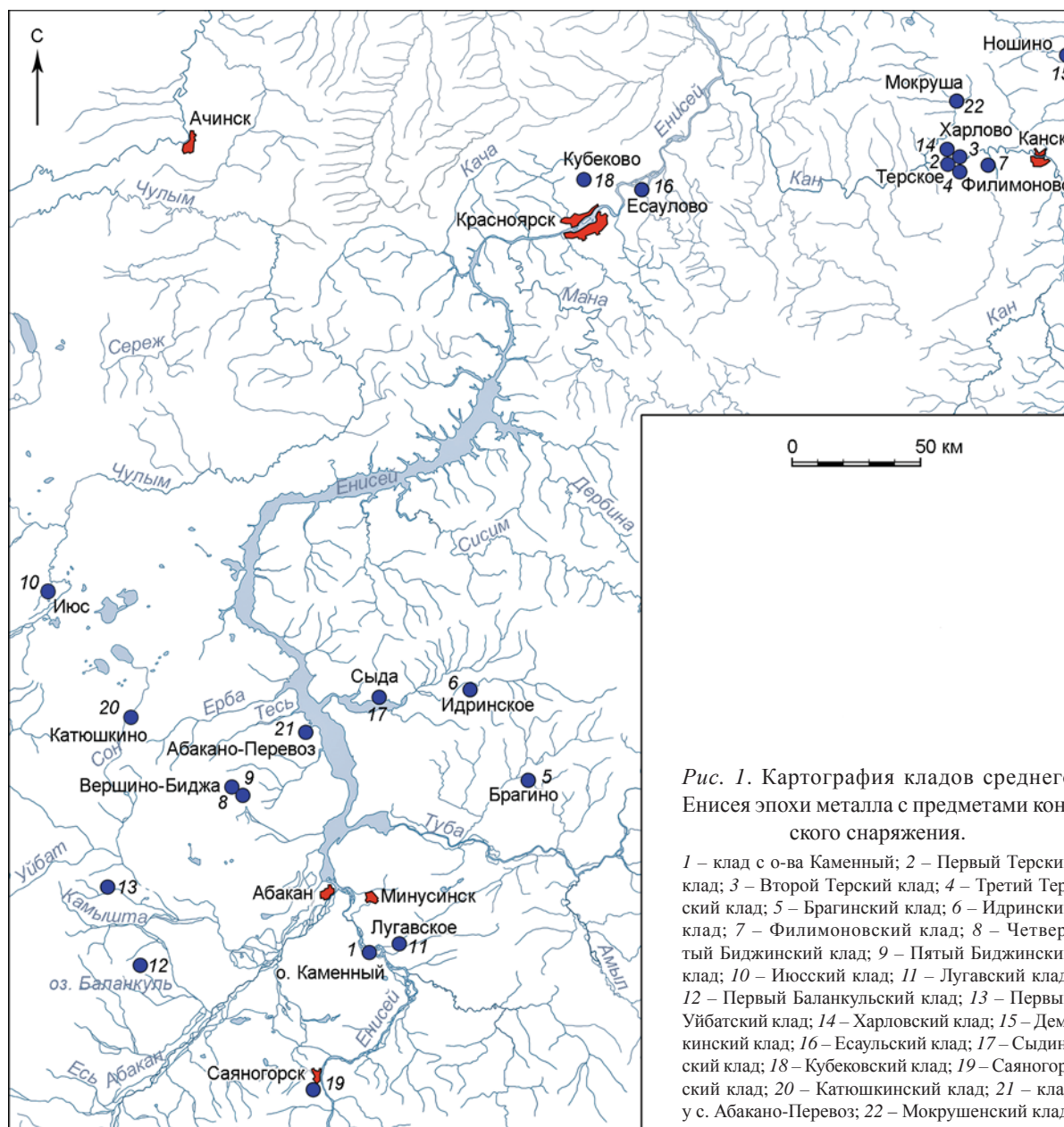

Рис. 1. Картография кладов среднего Енисея эпохи металла с предметами конского снаряжения.

1 – клад с о-ва Каменный; 2 – Первый Терский клад; 3 – Второй Терский клад; 4 – Третий Терский клад; 5 – Брагинский клад; 6 – Идринский клад; 7 – Филимоновский клад; 8 – Четвертый Биджинский клад; 9 – Пятый Биджинский клад; 10 – Июсский клад; 11 – Лугавский клад; 12 – Первый Балаккульский клад; 13 – Первый Уйбатский клад; 14 – Харловский клад; 15 – Демкинский клад; 16 – Есаульский клад; 17 – Сыдинский клад; 18 – Кубековский клад; 19 – Саяногорский клад; 20 – Катюшкинский клад; 21 – клад у с. Абакано-Перевоз; 22 – Мокрушенский клад.

других бронзовых предметов конского снаряжения и коневодства в собрании кладов среднего Енисея представлено уже «тагарскими» бронзами. Среди этих изделий привлекают внимание бляхи с изображением лошадей из Первого и Третьего Терских кладов (нижнее течение р. Кан, правого притока среднего Енисея) (рис. 2, 2, 3). Эти образцы металлопластики эпохи раннего железа относятся к третьему типу «тагарских лошадей» [Членова, 1981, с. 86]. Речь идет об изображениях или «репликах» импортных элитных пород лошадей с длинными ногами, стройным корпусом и лебединой шеей [Там же, с. 84, 91]. Не исключено, что эти изображения могут иметь относительно узкую хронологию своего бытования. По крайней мере, в восточноевропейском скифском зверином стиле полнофигурное изображение лошади с подогнутыми под туловище ногами появляются в середине – второй половине IV в. до н.э. [Канторович, 2016, с. 109, рис. 6, 13, с. 110]. Однако учитывая более широкую представленность образа лошади в эпоху раннего железа на территории Южной Сибири, включая долину среднего Енисея, такие хронологические рамки могут быть значительно шире [Членова, 1981].

Не менее показательными из состава кладов среднего Енисея эпохи раннего железа являются специализированные предметы, связанные с коневодством. Среди них скребница (или тавро) из Брагинского кладов [Левашева, 1939, с. 33–36], а также ножи для подрезки копыт. Целая серия таких предметов известна из собраний Идринского, Филимоновского и Четвертого Биджинского кладов (см. рис. 1, 6–8; 2, 4). Следует подчеркнуть, что наличие тагарских ножей для подрезки копыт, по своей форме мало отличающихся от современных изделий, не только свидетельствует о высоком уровне коневодства в эпоху раннего железа, но и дает возможность коснуться еще одной важной темы – использования конского копыта как знака, символа, а также широко распространенного сырья в технологии производства ранних кочевников. Копытовидные знаки служат характерным маркером скифской эпохи [Членова, 1999]. Такие изображения встречаются и на стенках некоторых медных котлов «сакского» типа, происходящих из кладов или тайников (у п. Летник) (рис. 2, 12). Если рассматривать копытовидный знак в рамках технологии раскрытия конского копыта, то он представляет собой подошвенную часть, отделенную от ее стенки. Любопытно, что именно такой участок копыта выступал первоосновой для ее имитации в бронзе, как детали пластин чешуйчатого хуннского панциря из Монголии [Tsveudoj, Saarulbuyan, 2011, p. 229, il. 345]. Показательно то, что, по письменным источникам античности [Павсаний, 1996, с. 76], в кочевой среде (у сарматов) существовали чешуй-

чатые панцири, изготовленные из роговых стенок конских копыт [Хазанов, 2008, с. 135; Симоненко, 2015, с. 144]. Возможная технология производства этих панцирных пластин была воспроизведена экспериментально [Бородовский, 1997, с. 201, табл. 40].

Некоторые органические детали конского снаряжения сохранились в отдельных кладах эпохи раннего железа среднего Енисея благодаря медным вместилищам (котлам). Это, в частности, кожаные ремни со связками некоторых предметов из Июсского клада [Бородовский, Ларичев, 2013, с. 93]. Данные кожаные изделия имеют явное сходство с аналогичными органическими предметами эпохи раннего железа, относящимися к конской упряжи [Шульга, 2008, с. 219, рис. 28, 2, 2a]. Такие двойные ремни из Июсского клада были прошиты и собраны в гофру. Указанная технология обеспечивала дополнительную прочность и эластичность изделия, необходимую для износостойкого конского снаряжения. Экспериментальное радиоуглеродное датирование (NSKA (s694)) фрагментов этих кожаных ремней из Июсского клада относит их с учетом калибровки к временному периоду 2038 ± 209 л.н. [Бородовский, Ларичев, 2013, с. 52, табл. 1]. Среди других датирующих органических деталей конского снаряжения, происходящих из кладов эпохи раннего железа на среднем Енисее, следует отметить роговые подпружные пряжки с неподвижным выступающим язычком (Лугавский клад) [Бородовский, Оборин, 2018, с. 95, рис. 6, 16], а также несколько разновидностей пронизей и застежек, например, кососрезанные застежки из Первого Баланкульского клада (рис. 2, 9) и роговую пронизь из Июсского клада [Бородовский, Ларичев, 2013, с. 81, 27]. Аналогичные по форме предметы известны среди материалов тесинских погребений [Кузьмин, 1988, с. 72, рис. 15, 41–45]. К конскому снаряжению имеют отношение и отдельные бронзовые пронизи Июсского клада [Бородовский, Ларичев, 2013, с. 81, 26]. Эта категория изделий является одной из самых многочисленных в составе нескольких (Идринский, Первый Баланкульский, Первый Терский, Третий Терский, Первый Уйбатский, Харловский, Филимоновский, Демкинский, Есаульский, Сыдинский) кладов эпохи раннего железа на среднем Енисее (см. рис. 1, 2, 4, 6, 12–17; 2, 8). Более узкую хронологию бытования (VII–IV вв. до н.э.) имеют сдвоенные бронзовые пронизи (Второй Терский, Сыдинский клад) [Шульга, 2013, с. 135, рис. 43, 7, 8, 10] (рис. 2, 10). Гораздо реже встречаются синхронные бронзовые перекрестья из Третьего Терского клада (рис. 2, 6), а также уздечные обоймы для султанчиков (клад у с. Кавказское). Бронзовые удила – одна из основных деталей конской упряжи – представлены во всем своем типологическом и морфологиче-

Рис. 2. Предметы конского снаряжения и коневодства в составе кладов эпохи палеометалла среднего Енисея.

1 – предмет неизвестного назначения из Первого клада с о-ва Каменный; 2 – бляхи с изображением лошадей из Третьего Терского клада; 3 – бляхи с изображением лошадей из Первого Терского клада; 4 – нож для подрезки копыт из Четвертого Биджинского клада; 5 – бронзовая пронизь из Третьего Терского клада; 6 – бронзовое перекрестье из Третьего Терского клада; 7 – бронзовая пронизь из Первого Терского клада; 8 – бронзовая пронизь из Июсского клада; 9 – роговая застёжка из Первого Баланкульского клада; 10 – бронзовая пронизь из Второго Терского клада; 11 – металлическая накладка седла из Саяногорского клада; 12 – котел с копытовидным знаком из клада у п. Летник; 13 – большой китайский колокольчик из Саяногорского клада; 14 – малый китайский колокольчик из Саяногорского клада; 15 – стремячковые бронзовые удила из Третьего Биджинского клада; 16 – стремячковые бронзовые удила из Идринского клада; 17 – стремячковые бронзовые удила из Пятого Биджинского клада; 18 – бронзовый псалий из Уйбатского клада; 19 – бронзовый псалий из Второго Терского клада; 20 – железный псалий из Уйбатского клада.

ском многообразии в Идринском, Мокрушенском, Третьем Терском, Харловском, Кубековском, Пятом Биджинском, Демкинском кладах эпохи раннего железа на среднем Енисее. Это различные варианты стремячковидных удиц (см. рис. 1, 4, 6, 9, 14, 15, 18, 21; 2, 15–17). Бронзовые кольчатые удила в кладах не представлены. Последняя особенность вполне может быть связана с периодичностью комплектования кладов, а также интенсивностью их закладки под влиянием определенных событий. Одной из ранних форм бронзовых стремячковидных удиц, относящихся к VII в. до н.э. [Шульга, 2015, с. 185, рис. 14, 1, с. 235, рис. 64], являются удила, встреченные в Пятом Биджинском кладе (см. рис. 1, 9; 2, 17). На среднем Енисее более всего распространена разновидность раннескифских бронзовых стремячковидных удиц с внутренними малыми кольцами (рис. 2, 16) [Членова, 1981, с. 80]. Такая особенность уздечного снаряжения в полной мере представлена в ряде (Идринский, Мокрушенский, Харловский, Кубековский, Демкинский) кладов северной и южной территориальных групп (см. рис. 1, 6, 14, 15, 18, 22). Это лишний раз отражает широту охвата выборки бронзовых стремячковидных удиц в кладах эпохи раннего железа на среднем Енисее.

В сравнении с бронзовыми удилами эпохи раннего железа разнообразие псалиев в кладах среднего Енисея представлено значительно меньше (рис. 2, 18–20). Показательно, что практически полностью отсутствуют трехдырчатые бронзовые псалии. В кладах, как правило, присутствует только несколько вариантов бронзовых стержневых и изогнутых двухдырчатых (Второй Терский клад), а также s-образные псалии. В состав Первого Уйбатского клада уже входят железные двукольчатые удила и железные псалии [Кунгурова, Оборин, 2013, с. 127, рис. 2, с. 129, рис. 5, 2, 3] (рис. 2, 18, 20). Удила такого типа представлены и в собрании Лугавского клада [Бородовский, Оборин, 2018, с. 95, рис. 6, 2, 4].

В хунно-сяньбийское время (Саяногорский клад) [Пшеницына, Хаврин, 2015] кроме деталей уздечного и сбруйного наборов появляются металлические седельные накладки (рис. 2, 11) и импортные предметы конского снаряжения – колокольчики (рис. 2, 13, 14). Один из малых колокольчиков (рис. 2, 14) из этого клада имеет форму, которая была представлена и среди древних китайских монет, бытовавших до начала I в. до н.э. [Быков, 1969, с. 6, табл. III, 12]. Другой колокольчик (рис. 2, 13), больших размеров, хотя и имеет определенное сходство с аналогичными музыкальными предметами Западной Хань, характеризуется явными отличиями. Это уплощенная орнаментальная имитация рядов рельефных боковых выступов округлого сечения на изделиях сходного назначения.

В эпоху раннего Средневековья появляются собрания, представленные исключительно предметами или комплектами изделий, связанными с конским снаряжением. Одним из таких достаточно репрезентативных комплексов является Катюшкинский клад [Бородовский, Оборин, 2019б]. Его состав сходен с комплектом предметов из тайников кургана № 6 Копёнского чаатаса [Евтюхова, Киселев, 1940]. Состав собрания предметов из Катюшкинского клада однороден по назначению всех предметов – это часть парадного сбруйного набора верхового коня, включая металлическую отделку седла (рис. 3). Комплекс конского снаряжения относится к середине X в. В нем прослеживается отчетливое влияние тюркитики времени династии Тан. В этот период тюркитика Кыргызского каганата вследствие обширных внешних связей отличалась синкретизмом.

Если на ранних этапах своего возникновения и формирования детали экипировки верховой лошади отражают, как правило, воздействие или влияние кочевой среды на древние цивилизации, то начиная с гуннского времени и особенно в эпоху Средневековья эти изделия в полной мере аккумулируют в себе результаты сложной системы внешних историко-культурных связей и контактов.

В целом в 22 кладах (с о-ва Каменный, Первый, Второй, Третий Терские, Брагинский, Идринский, Филимоновский, Четвертый и Пятый Биджинские, Июсский, Лугавский, Первый Баланкульский, Первый Уйбатский, Харловский, Демкинский, Есаульский, Сыдинский, Кубековский, Саяногорский, Катюшкинский, Мокрушенский, у с. Абакано-Перевоз) среднего Енисея эпохи металла представлен весь комплекс предметов, связанный с конским снаряжением и коневодством, от эпохи поздней бронзы до раннего Средневековья (см. рис. 1). Все эти изделия отражают не только эпохальный переход от колесничного способа передвижения к верховому, но и постепенную эволюцию удиц, псалиев и седел. При этом, если учесть, что для эпохи раннего железа на среднем Енисее различные детали конского снаряжения являются чаще всего случайными находками [Шульга, 2013, с. 53], то их присутствие в собрании целого ряда различных кладов (как закрытых комплексов) имеет особое значение для уточнения хронологии этих предметов. Учитывая, что изделия принадлежат к наиболее мобильной категории материальной культуры, они достаточно наглядно отражают весь спектр культурных контактов своего времени, а также являются ценными предметами в составе кладов, возможно имеющих ритуальную семантику. В частности, это показывают изображения породистых лошадей на бляхах из Первого и Третьего Терского кладов, имеющие явные прототипы в луристанских бронзах [Членова, 1981, с. 84, 86, 88, 91, 92]. Не менее важно и то, что присут-

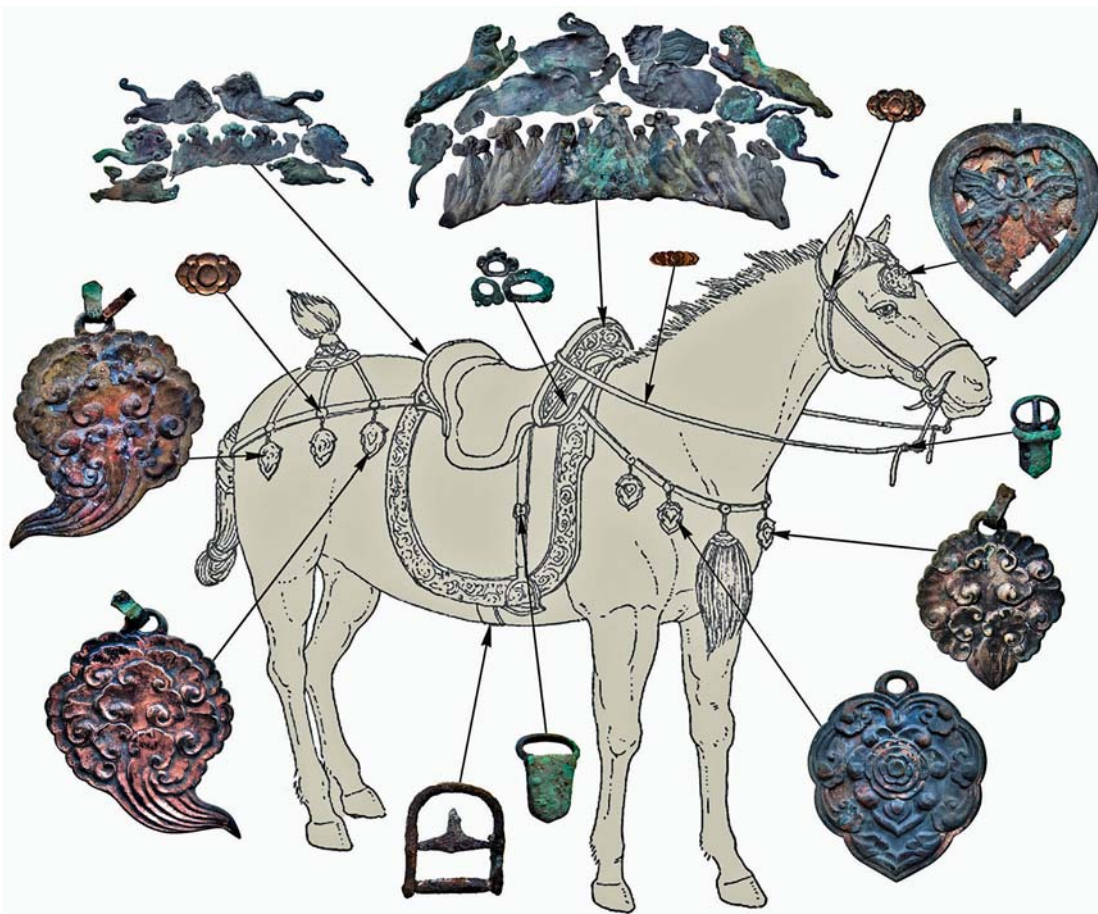

Рис. 3. Предметы сбруйного набора эпохи Средневековья из Катюшкинского клада (без масштаба) и их функциональная принадлежность.

стве образа лошади на деталях конского снаряжения может свидетельствовать «о превалировании магико-прагматических задач этого образа – усилить, умножить лучшие качества взнуздываемого коня» [Канторович, 2016, с. 111].

Следует подчеркнуть, что предметы конского снаряжения присутствуют во всех группах кладов, различающихся по своей комплектности. Первая из них – это достаточно большекомплектные клады (Июсский, Есаульский, Первый Уйбатский, Саяногорский, Первый Баланкульский, Катюшкинский), включающие несколько сотен предметов (рис. 1, 10, 12, 13, 16, 19, 20). Вторую группу кладов можно определить как среднекомплектные клады (о-в Каменный, Филимоновский, Кубековский, Лугавский, Демкинский, Идринский, Мокрушенский, Первый Терский, Второй Терский, Третий Терский, Пятый Биджинский, Брагинский, у с. Абакано-Перевоз, Харловский), в состав которых входит от одного до нескольких десятков вещей (рис. 1, 1–7, 9, 11, 14, 15, 18, 21, 22). Третьей группой (Четвертый Биджинский, у с. Летник) кладов (тайников) являются малокомплектные собрания, включающие всего лишь несколько предметов (рис. 1, 8).

Территориально клады эпохи металла с предметами конского снаряжения разделяются на две группы – северную и южную (рис. 1). Такое размещение может быть обусловлено как хронологией закладки кладов, так и особенностями определенных групп древнего и средневекового населения на территории долины среднего Енисея и его притоков. Наиболее ранний клад эпохи поздней бронзы с о-ва Каменный, включающий предметы конского снаряжения, находится в составе южной территориальной группы (см. рис. 1, 1; 2, 1). При этом целый ряд (Первый, Второй, Третий Терский) кладов, содержащих внушительный комплект раннетагарских бронз, представленных различными предметами конского снаряжения, входит в северную территориальную группу (см. рис. 1, 2–4; 2, 2, 3, 5–7, 10, 19). Наиболее отчетливо это видно в облике «конских» блях из Первого и Третьего Терских кладов (рис. 2, 2, 3), имеющих определенную близость к стилистике луристанских бронз. К таким общим признакам относятся небольшая голова, лебединая шея, длинные и тонкие ноги, а также округлые уши [Членова, 1981, с. 84, 86, 88, 91, 92]. Именно эти особенности конского экстерьера выступают основ-

ными не только для древних изображений лошадей, но и для современного коневодства [Ковалевская, 1977, с. 132]. Важно еще и то, что лошади именно с такими характеристиками требовали особого коневодческого ухода [Там же, с. 138]. Поэтому присутствие среди «тагарских бронз» специализированных ножей для подрезки копыт (Идринский, Филимоновский и Четвертый Биджинский клад) далеко не случайно (см. рис. 1, 6–8; 2, 4).

Не менее показательно и то, что все (Саяногорский, Июсский, Первый Уйбатский, Лугавский, Первый Баланкульский) клады хунно-сяньбийского времени с предметами конского снаряжения локализируются в южной территориальной группе (рис. 1, 10, 11, 13, 19; 2, 11, 13, 14, 20), расположенной в пределах «Минусинской» провинции хунну [Савинов, 2006]. В эпоху Средневековья в пределах южной территориальной группы расположены клады (Катюшкинский, у с. Абакано-Перевоз), содержащие различные детали престижного конского снаряжения (рис. 1, 20, 21; 3). Здесь же находятся и основные элитарные погребальные комплексы этой эпохи [Евтюхова, Киселев, 1940].

В расположении кладов с предметами конского снаряжения в полной мере выражено микрорайонирование. Это характерно как для южной (Четвертый, Пятый Биджинские клады), так и для северной (Первый, Второй, Третий Терский клад, Харловский клад) территориальных групп кладов (рис. 1, 2–4, 8, 9, 14). Такая особенность локализации кладов типична и для других разновидностей синхронных и разновременных археологических памятников среднего Енисея [Теплоухов, 1929].

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № 0329-2018-0007 «Изучение, сохранение и музеефикация археологического и этнокультурного наследия Сибири».

Список литературы

Бородовский А.П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 224 с.

Бородовский А.П., Ларичев В.Е. Июсский клад (каталог коллекции). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – 120 с.

Бородовский А.П., Оборин Ю.В. Клады и тайники бронзовых предметов с железными инструментами гунно-сарматского времени Среднего Енисея с железными предметами // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2018. – Т. 17. – Вып. 7: Археология и этнография. – С. 86–98.

Бородовский А.П., Оборин Ю.В. Картография кладов эпохи палеометалла Среднего Енисея // XII Мартыновские краевед. чт. (2018–2019 гг.). – Минусинск, 2019а. – С. 61–64.

Бородовский А.П., Оборин Ю.В. Средневековый клад конской упряжи из Хакасии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019б. – Т. XXV. – С. 336–344.

Быков А.А. Монеты Китая. – Л.: Советский художник, 1969. – 71 с.

Варенов А.В. О функциональном предназначении «моделей ярма» эпохи Инь и Чжоу // Новое в археологии Китая. Исследования и проблемы. – Новосибирск: Наука, 1984. – С. 42–51.

Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Чаа-гас у села Копёны // Тр. ГИМ. – 1940. – Вып. XI. – С. 21–54.

Канторович А.Р. Образ лошади в восточноевропейском скифском зверином стиле // Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа. – М., 2016. – С. 89–114.

Ковалевская В.Б. Конь и всадник. – М.: Наука, Вост. лит., 1977. – 152 с.

Кузьмин Н.Ю. Тесинский могильник у деревни Калы // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири. – Л., 1988. – С. 55–88.

Кунгурова Н.Ю., Оборин Ю.В. Клад, обнаруженный на р. Уйбат (Минусинская котловина) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 2 (54). – С. 126–136.

Левашева В.П. Из далекого прошлого южной части Красноярского края. – Красноярск: Краснояр. краевое гос. изд-во, 1939. – 66 с.

Павсаний. Описание Эллады. – СПб.: Алетей, 1996. – Т. 1, кн. 1–4. – 336 с.

Пшеницына М.Н., Хаврин С.В. Исследование металла клада литейщика Ай-Дай (тесинская культура) // Древняя металлургия Саяно-Алтая и Восточной Азии. – Абакан; Эхимэ, 2015. – С. 70–74.

Савинов Д.Г. ПНН: новые материалы и наблюдения // Южная Сибирь в древности. – СПб., 1995. – С. 57–66.

Савинов Д.Г. Минусинская провинция хунну. – СПб., 2009. – 226 с.

Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. – Киев: Издатель Олег Филло, 2015. – 466 с.

Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлургических культур Минусинского края (в кратком изложении) // Материалы по этнографии. – Л., 1929. – Т. IV, вып. 2. – С. 41–62.

Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. – Барнаул, 2008. – Ч. I. – 274 с.

Шульга П.И. Конское снаряжение ранних кочевников Минусинской котловины (по материалам Минусинского музея им. Н.М. Мартынова). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – 148 с.

Шульга П.И. Могильник Юйхуанмяо в Северном Китае (VII–VI века до нашей эры). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – 304 с.

Хазанов А.М. Избранные научные труды. Очерки военного дела сарматов. – СПб.: Филологический фак-т СПб. гос. ун-та, 2008. – 294 с.

Членова Н.Л. Тагарские лошади // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. – М., 1981. – С. 80–94.

Членова Н.Л. Следы копыт «скифских» коней // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий: мат-лы Междунар. науч. конф., Барнаул, 24–27 марта 1999 г. – Барнаул, 1999. – С. 231–234.

Tsveendoj D., Saarulbuyan J. Treasures of the Hiungnu. Culture of Xiongnu, the first Nomadic Empire in Mongolia. – Ulanbaatar: Institute of Archaeology Mongolian Academy of Science, National Museum of Mongolia, 2011. – 297 p.

References

Borodovskii A.P. Drevnee kostoreznoe delo yuga Zhapadnoi Sibiri (vtoraya polovina II tys. do n.e. – pervaya polovina I tys. n.e.). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1997, 224 p. (In Russ.).

Borodovskii A.P., Larichev V.E. Iyusskii klad (katalog kollektcii). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2013, 120 p. (In Russ.).

Borodovskii A.P., Oborin Yu.V. Kartografiya kladov epokhi paleometalla Srednego Eniseya. In *XII Mart'yanovskie kraevedcheskie chteniya (2018–2019 gg.)*. Minusinsk, 2019a, pp. 61–64. (In Russ.).

Borodovskii A.P., Oborin Yu.V. Medieval treasure of horse harness from Khakassia. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*, 2019b, vol. XXV, pp. 336–344. (In Russ.).

Borodovskii A.P., Oborin Yu.V. Buried Treasures and Hiding Places of Bronze Items with Iron Tools of the HunSarmatian Age from the Middle Yenisei. *Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, iss. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 86–98. (In Russ.). doi:10.25205/1818-7919-2018-17-7-86-98.

Bykov A.A. Monety Kitaya. Leningrad: Sovetskii khudozhnik, 1969, 71 p. (In Russ.).

Chlenova N.L. Sledy kopyt “skifskikh” konei. In *Itogi izucheniya skifskoi epokhi Altaya i sopredel'nykh territorii*. Barnaul, 1999, pp. 231–234. (In Russ.).

Chlenova N.L. Tagarskie loshadi. In *Kavkaz i Srednyaya Aziya v drevnosti i srednevekov'e*. Moscow, 1981, pp. 80–94. (In Russ.).

Evt'yukhova L.A., Kiselev S.V. Chaa-tas u sela Kopyony. In *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya*, 1940, iss. XI, pp. 21–54. (In Russ.).

Kantorovich A.R. Image of horse in the East European Scythian animal style. In *The Caucasus and the Steppes in the Late Bronze – Early Iron Age*. Moscow, 2016, pp. 89–114. (In Russ.).

Khazanov A.M. Selected Works. Ocherki voennogo dela sarmatov. St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet of St. Petersburg State Univ., 2008, 294 p. (In Russ.).

Kovalevskaya V.B. Kon' i vsadnik. Moscow: Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, 1977, 152 p. (In Russ.).

Kungurova N.Yu., Oborin Yu.V. Klad, obnaryzhenny na r. Uibat (Minusinskaya kotlovina). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2013, No. 2, pp. 126–136. (In Russ.).

Kuz'min N.Yu. Tesinskii mogilnik u derevni Kaly. In *Pamyatniki arkhologii v zonakh melioratsii Yuzhnoi Sibiri*. Leningrad, 1988, pp. 55–88. (In Russ.).

Levasheva V.P. Iz dalekogo proshlogo yuzhnoi chasti Krasnoyarskogo kraya. Krasnoyarsk: Krasnoyarskoe kraevoe gos. izd-vo, 1939, 66 p. (In Russ.).

Pavsanii. Opisanie Ellady. St. Petersburg: Aleteya, 1996, 336 p. (In Russ.).

Pshenitsyna M.N., Khavrin S.V. Research of metal from a caster's hoard of Ai-Dai (the Tes culture). In *Ancient Metallurgy of the Sayan-Altai and East Asia*. Abakan; Ekhime, 2015, vol. 1, pp. 70–74. (In Russ.).

Savinov D.G. Minusinskaya provintsiya khunnu. St. Petersburg, 2009, 226 p. (In Russ.).

Savinov D.G. PNN: novye materialy i nablyudeniya. In *Yuzhnaya Sibir' v drevnosti*. St. Petersburg, 1995, pp. 57–66. (In Russ.).

Shul'ga P.I. Snaryazhenie verkhovoi loshadi i voinskie poyasa na Altae. Barnaul, 2008, pt. 1, 274 p. (In Russ.).

Shul'ga P.I. Konskoe snaryazhenie rannikh kochevnikov Minusinskoi kotloviny (po materialam Minusinskogo muzheya im. N.M. Martyanova). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2013, 148 p. (In Russ.).

Shul'ga P.I. Mogilnik Yuikhuanyao v Severnom Kitae (VII–VI veka do nashei ery). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, 304 p. (In Russ.).

Simonenko A.V. Sarmatskie vsadniki Severnogo Prichernomor'ya. Kiev: Izdatel' Oleg Filyug, 2015, 466 p. (In Russ.).

Teploukhov S.A. Opyt klassifikatsii drevnikh metallicheskiikh kul'tur Minusinskogo kraya (v kratkom izhlozhenii). In *Materialy po etnografii*. Leningrad, 1929, vol. IV, iss. 2, pp. 41–62. (In Russ.).

Tsveendoj D., Saarulbuyan J. Treasures of the Hiungnu. Culture of Xiongnu, the first Nomadic Empire in Mongolia. Ulaanbaatar: Institute of Archaeology Mongolian Academy of Science, National Museum of Mongolia, 2011, 297 p.

Varenov A.V. O funktsionalnom prednazhachenii “modelei yarma” epokhi In' i Chzhou. In *Novoe v arkhologii Kitaya. Issledovaniya i problemy*. Novosibirsk: Nauka, 1984, pp. 42–51. (In Russ.).

**П.В. Герман¹✉, П.Г. Дядьков², Д.А. Кулешов²,
А.Г. Марочкин¹, А.Ю. Юракова¹, А.С. Савельева¹,
А.В. Веретенников¹**

¹Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН
Кемерово, Россия

²Институт нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: lithos@mail.ru

Первый опыт использования геофизических методов в исследовании археологических комплексов Мариинской лесостепи

В статье рассмотрены результаты первых магнитометрических исследований археологических памятников на правом берегу р. Кии в Мариинской лесостепи (Кемеровская обл., Кузбасс). Исследованы поселения Соколиное Гнездо (урочище Арчекас, окрестности г. Мариинска) и Шестаково II (Шестаковский археологический комплекс, окрестности с. Шестаково Чебулинского р-на). Задачи археолого-геофизических исследований включали дистанционную оценку планиграфии памятников без выраженных рельефных признаков; проверку результатов геофизических построений раскопками; определение возможностей применения магниторазведки в специфичных ландшафтно-почвенных условиях Мариинской лесостепи. Магнитное картирование выполнялось с помощью магнитометра-градиентометра G-858G методом вертикального градиента. Для корректной интерпретации данных на территории памятников проведены измерения магнитной восприимчивости почв и подстилающих пород. На поселении Соколиное Гнездо магниторазведкой выявлены аномалии, сопоставимые с археологическими объектами. Три исследованных раскопками объекта представляют собой остатки открытых очагов. Отсутствие датирующих находок затрудняет их культурно-хронологическую атрибуцию в структуре поселения, датированного периодом поздней бронзы – переходным временем к раннему железному веку. Концентрация кострищ при отсутствии характерного поселенческого слоя ставит вопрос о неселитебном характере памятника. На поселении тагаро-таштыкского времени (I в. до н.э. – VI в. н.э.) Шестаково II магниторазведкой, помимо некоторых отрицательных и положительных аномалий, выявлены разнонаправленные линейные структуры. При исследовании раскопками отдельного участка одной из таких структур был расчищен углубленный в материковый суглинок на глубину до 0,4 м ров. Поскольку заполнение рва не содержало находок, его интерпретация как археологического объекта пока преждевременна. Проверка раскопками другой аномалии показала наличие двух очагов открытого типа, относящихся к одному из периодов функционирования поселения.

Ключевые слова: магнитная съемка, магнитные аномалии, магнитная восприимчивость, археологические раскопки, поселение Соколиное Гнездо, поселение Шестаково II, Мариинская лесостепь, юго-восток Западной Сибири.

**Pavel V. German¹✉, Petr G. Dyadkov², Dmitriy A. Kuleshov²,
Alexey G. Marochkin¹, Alena Yu. Yurakova¹, Anna S. Savel'eva¹,
Alexey V. Veretennikov¹**

¹Institute for Human Ecology of the Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry,
Kemerovo, Russia

²Institute of Petroleum Geology and Geophysics SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: lithos@mail.ru

First Experience of Using Geophysical Methods for Studying Archaeological Sites in the Mariinsk Forest-Steppe

The article discusses the results of first magnetometric studies at the archaeological sites on the right bank of the Kiya River in the Mariinsk forest-steppe (Kemerovo Region – Kuzbass). The settlements of Sokolinoe Gnezdo (Archekas locality, Mariinsk District) and Shestakovo II (Shestakovo archaeological complex, village of Shestakovo, Chebulinsky District) were investigated. Archaeological and geophysical studies were aimed at evaluating planigraphy of the sites without distinctive features of terrain using remote methods, testing the geophysical conclusions by excavations, and identifying opportunities for using magnetic survey in local landscape and soil conditions of the Mariinsk forest-steppe. Magnetic mapping was carried out by vertical gradiometer survey using a G-858G magnetometer-gradiometer. For correct interpretation of data, measurements of magnetic susceptibility of soils and underlying rocks were conducted at the sites. The magnetic anomalies detected at the Sokolinoe Gnezdo settlement were comparable to archaeological objects. Three objects researched by excavations were the remains of open hearths. Their cultural and chronological attribution in the structure of the settlement was complicated by the lack of dating finds. The settlement was dated to the Late Bronze Age and transitional period to the Early Iron Age. The concentration of hearths and absence of typical cultural layer of the settlement may point to non-residential nature of the site. Multidirectional linear structures have been revealed by magnetic survey along with individual negative and positive anomalies at the Shestakovo II settlement (Tagar-Tashtyk period, 1st century BC – 6th century AD). Through the excavations of a section of the one of these structures, a ditch in light-brown clay loam reaching the depth of 0.4 m was found. Since the filling of the ditch did not contain any finds, its interpretation as archaeological object is still premature. Testing another anomaly by excavation has revealed the presence of two open hearths from one of the periods of settlement functioning.

Keywords: magnetic survey, magnetic anomalies, magnetic susceptibility, archaeological excavations, Sokolinoe Gnezdo settlement, Shestakovo II settlement, Mariinsk forest-steppe, southeastern Western Siberia.

Введение

Мариинская лесостепь в 1960–1980-х гг. стала одним из наиболее изученных в археологическом отношении районов Западной Сибири из-за ширококомасштабных разведок и раскопок поселенческих и погребальных памятников, в первую очередь бронзового и раннего железного веков. В настоящий момент ведется планомерная систематизация огромного массива накопленных материалов с переходом на качественно более высокий уровень их археологической интерпретации за счет применения естественно-научных методов (радиоуглеродное датирование, археозоологический анализ, элементный анализ и др.).

Возобновление полевых изысканий показало значительный потенциал данной территории в плане открытия археологических комплексов. Не менее актуальной задачей остается уточнение структуры и границ как вновь выявленных, так и ранее изученных памятников. В этом отношении, помимо традиционной методики, чрезвычайно перспективным представляется использование магниторазведки, которая успешно применяется для поиска и изучения археологических комплексов по всему миру, в т.ч. на территории Западной Сибири [Позднякова, 2020].

В 2020 г. впервые для Мариинской лесостепи были проведены магнитометрические исследования на поселениях Соколиное Гнездо и Шестако-

во II (рис. 1) с последующей проверкой полученных результатов археологическими раскопками.

Магнитное картирование выполнялось с помощью магнитометра-градиентометра G-858G методом вертикального градиента. Частота съемки 10 Hz, что соответствует расстоянию ок. 0,1 м при равномерном движении оператора вдоль профиля. Точность регистрации магнитных аномалий – 0,1–0,2 нТл, расстояние между профилями – 1 м. Разнос между датчиками составил 0,75 м, расстояние от нижнего датчика до поверхности Земли – 0,4–0,5 м. Во время работ на памятнике Шестаково II, которые проводились в разные дни, для учета внешних вариаций магнитного поля устанавливалась магнитовариационная станция.

Для корректной интерпретации результатов магнитной съемки на участках работ проведены измерения магнитной восприимчивости грунтов. На памятнике Соколиное Гнездо средние значения для почвенного слоя составили ок. $0,95 \times 10^{-3}$ СИ, а для подстилающих пород – $0,70 \times 10^{-3}$ СИ. Исходя из ранее приобретенного опыта, подобная контрастность значений является вполне достаточной для генерации магнитных аномалий над углубленными в материк археологическими объектами. На памятнике Шестаково II контрастность магнитной восприимчивости гумусированного и материкового слоев еще выше (до $0,4–0,5 \times 10^{-3}$ СИ) за счет более высоких значений для почв (ок. $1,1 \times 10^{-3}$ СИ).

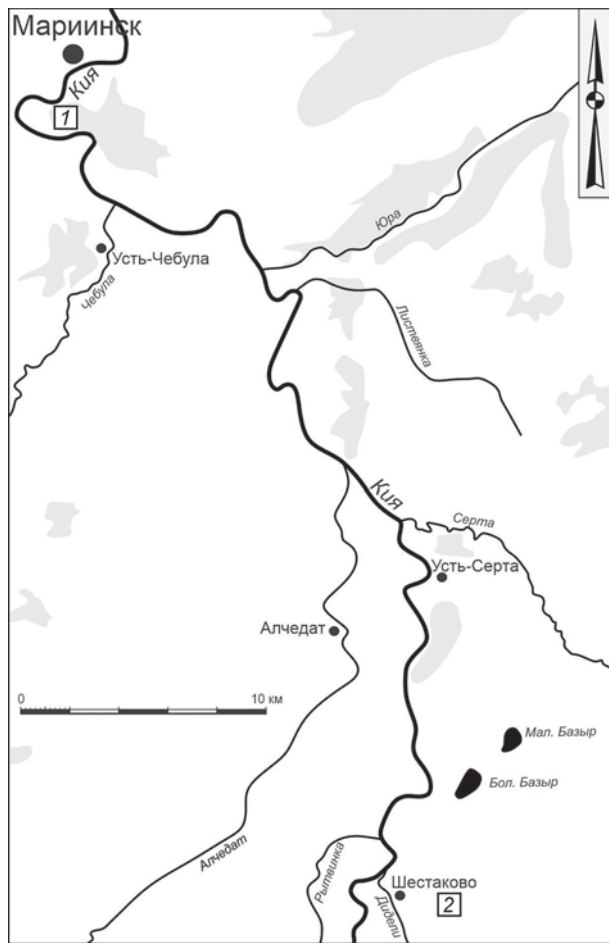

Рис. 1. Ситуационный план расположения объектов геофизической съемки.

1 – поселение Соколиное Гнездо; 2 – поселение Шестаково II.

Исследования на поселении Соколиное Гнездо в урочище Арчекас

Территория исследований относится к Мариинско-Ачинскому почвенному округу расчлененной предгорной лесостепи. Расположена на границе двух физико-географических формирований – гор Кузнецкого Алатау Алтае-Саянской горной страны и Чулымо-Енисейской впадины Западно-Сибирской равнины. Основной рельеф территории исследований – холмистая равнина с низкогорьями.

Урочище Арчекас является крайней северо-западной точкой останцев горной цепи Кузнецкого Алатау с преобладающим лесостепным ландшафтом. Одна из особенностей арчекасского ландшафта – высокая пересеченность местности, наличие господствующих высот (точек обзора), карстовых воронок и пещер. Преобладающими почвами являются темно-серые, черноземы, лугово-черноземные почвы. На склонах формируются дерново-подзолистые почвы.

На Арчекасе известны два курганных могильника и семь поселенческих памятников. С территории урочища происходят многочисленные случайные находки скифского – гунно-сарматского времени и Средневековья. Одним из мест концентрации подобных находок выступает мысовидный участок правого берега р. Кия на западном склоне горы Арчекас, где местными жителями был обнаружен «клад литейщика» из фрагментов бронзового котла и плесков бронзы [Бобров, Боброва, Савельева, 2017, с. 113]. Данная территория в середине 1980-х гг. обозначена как поселение Соколиное Гнездо (рис. 2, 2), датированное периодом поздней бронзы.

Для уточнения границ поселения и выяснения археологического контекста «клада литейщика» в 2017 и 2019 гг. были заложены три рекогносцировочных шурфа общей площадью 11 м². Они дали лишь единичные предметы – отщеп, нуклеидный обломок, пластину, фрагмент керамического сосуда без орнамента, фрагмент венчика с крестово-штамповой орнаментацией (тургайская культура переходного времени от бронзы к эпохе раннего железа) и обломок жженой кости. Выраженный культурный слой, характерный для поселений этого периода, не зафиксирован.

По итогам магнитной съемки участка площадью 1 200 м² (рис. 2, 2) отчетливо выделились положительные аномалии с амплитудой 5–17 нТл, сопоставимые с археологическими объектами (рис. 2, 1). Линейные и дугообразные структуры с положительными и отрицательными значениями связаны, вероятнее всего, с современными нарушениями поверхности. Округлая аномалия в западном углу участка вызвана ямой. Остальные аномалии имеют очень малую амплитуду и не образуют какой-либо системы.

Для проверки геофизических построений на памятнике заложено три раскопа.

Стратиграфия исследованного участка характеризуется последовательностью трех основных слоев (описание приведено сверху вниз).

1. Дерн – мощность на разных участках от 0,02 до 0,16 м. Содержит естественные включения обломков песчаниковой породы и многочисленные корни растений.

2. Гумусированная супесь темно-серого цвета – от 0,08 до 0,56 м – культуросодержащий слой. Отмечено незначительное уменьшение (разница средних значений – до 0,1 м) мощности слоя по мере удаления к западу от края берега.

3. Светло-коричневый суглинок – от 0,02 до 0,48 м – подстилающий слой, стерильный в археологическом отношении. Содержит корни растений, пронизан норами грызунов.

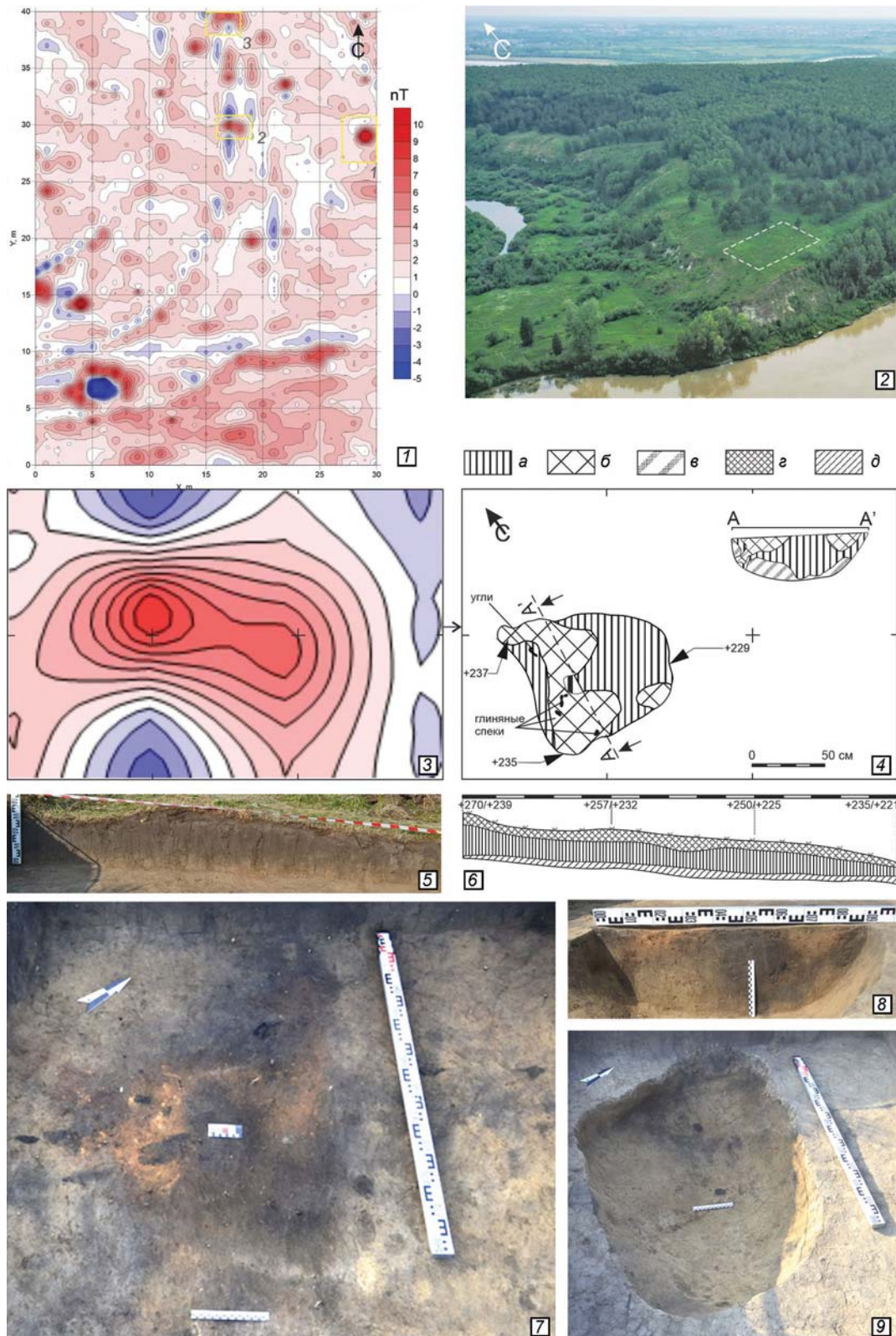

Рис. 2. Поселение Соколиное Гнездо.

1 – карта геомагнитных аномалий (желтым цветом обозначена локализация раскопов 1–3); 2 – вид памятника со стороны р. Кия (прямоугольником обозначена область геомагнитной съемки 2020 г.); 3 – план геомагнитных аномалий в раскопе 2; 4 – план и разрез (по линии А–А') углубленного очага 2, выявленного в раскопе 2 на уровне слоя светло-коричневого суглинка; 5 – профиль северной стенки раскопа 2 (фото); 6 – профиль северной стенки раскопа 2 (чертеж); 7 – пятно очага 2 на фоне «материкового» суглинка; 8 – разрез очага 2 (фото с востока); 9 – вид очага 2 после выборки заполнения.

a – гумусированная супесь темно-серого цвета; *b* – прокаленный грунт темно-оранжевого цвета; *v* – светло-коричневый суглинок с гумусированными включениями; *z* – дерн; *d* – светло-коричневый суглинок.

Раскоп 1 площадью 12 м² был заложен на юго-восточном участке памятника, близ высокого обрыва правого берега р. Кия. Выбор места раскопа приурочен к локализации магнитной аномалии подквадратной формы размерами ок. 2 × 2 м с амплитудой 17 нТл. В ходе работ подтвердилось наличие на данном участке антропогенного объекта.

Объект 1 зафиксирован в толще гумусированной супеси на глубине 0,17–0,30 м от дневной поверхности. Он читался в виде пятна ярко-оранжевого прокаленного грунта подовальной формы размерами 1,20 × 0,75 м, вытянутого по линии З–В. В поперечном разрезе представлял собой линзу мощностью до 0,14 м. Заполнение очага однородное, идентичное выявленному в плане на уровне пятна. В восточной части объекта залегало скопление глиняных спеков и остатки сгоревшего дерева. Спекы аморфных очертаний и небольших размеров концентрировались на участке 0,30 × 0,18 м.

Находки с площади раскопа представлены единственным отщепом. Несмотря на это, антропогенное происхождение выявленного объекта не вызывает сомнений. Его локализация совпадает с данными магнитной съемки.

Раскоп 2 площадью 6 м² заложен с целью проверки магнитной аномалии подовальной формы размерами ок. 1,5 × 2,5 м с амплитудой 9 нТл (рис. 2, 3).

Объект 2 (рис. 2, 4–9) выявлен в северо-западной части раскопа, на границе слоев гумусированной супеси и светло-коричневого суглинка на глубине 0,33–0,40 м от дневной поверхности. Выделялся на фоне «материка» в виде темно-серого гумусированного пятна, размерами 1,20 × 0,96 м, слегка вытянутого по линии СЗ–ЮВ. В его границах локализовались два участка прокаленного грунта темно-оранжевого цвета, размерами 0,90 × 0,68 и 0,22 × 0,16 м, аморфных очертаний. На уровне прокаленных пятен залегали немногочисленные глиняные спекы, на фоне гумусированных участков – единичные фрагменты угольков. Глубина объекта от уровня «материка» – до 0,31 м. Поперечный разрез отражает локализацию прокаленной линзы в верхней зоне заполнения, при этом основная его часть представлена темно-серой гумусированной супесью. Судя по составу заполнения, данный объект является остатками углубленного очага.

Находки на площади раскопа и в заполнении объекта отсутствовали. Месторасположение объекта совпадает с наиболее интенсивной частью выявленной магнитной аномалии.

Раскоп 3 площадью 6 м² заложен для проверки магнитной аномалии, он вытянутой подовальной формы размерами ок. 1,5 × 3,0 м с амплитудой 8 нТл. Как и в предыдущих случаях, она оказалась связанной с остатками очага.

Объект 3 выявлен в центральной части раскопа, зафиксирован в толще гумусированной супеси на глубине 0,25–0,27 м от дневной поверхности в виде округлого пятна размерами 0,58 × 0,65 м, слегка вытянутого по линии ССЗ–ЮЮВ. Заполнение представлено гумусированной супесью, насыщенной прокаленными включениями темно-оранжевого цвета. В разрезе очаг имел вид линзы мощностью в центральной части до 0,07 м. Находок на площади раскопа, в т.ч. в заполнении объекта, нет. Локализация объекта совпадает с наиболее интенсивной областью выявленной магнитной аномалии.

Таким образом, результаты археологической проверки подтвердили эффективность проведенных магнитометрических исследований. Все обнаруженные археологические объекты оказались остатками очагов, два из которых выявлены в толще слоя гумусированной супеси, а один зафиксирован на уровне «материка». Опыт археолого-геофизических работ свидетельствует, что очаги наряду с такими объектами, как печи, кирпичные стены и т.п., являются источниками наиболее интенсивных аномалий магнитного поля [Бессонова и др., 2018, с. 21]. Повышение магнитной восприимчивости обожженных грунтов объясняется преобразованием слабомагнитных минералов в сильномагнитный минерал (магнетит) под воздействием высоких температур. Можно предположить, что наибольшая амплитуда очага, выявленного в раскопе 1, связана с его близким расположением к современной дневной поверхности. Сопоставление данных показывает, что аномалии во всех случаях больше реального размера самих очагов. Очевидно, что они отражают область влияния высоких температур. Учитывая результаты измерений магнитной восприимчивости, все остальные подобные аномалии, выявленные на данном участке, могут быть интерпретированы как очаги.

Исследования на поселении Шестаково II

Окрестности с. Шестаково в среднем течении р. Кия представляют собой равнину со сложным увалистым рельефом, расчлененным логами и речными долинами. Вершины и склоны водоразделов также имеют сложный микрорельеф. Большая часть площади района, ранее занятая лугами, в настоящее время распахана. Преобладающие типы почв – серые и темно-серые лесные, местами оподзоленные и выщелоченные черноземы, дерново-подзолистые глинистого и суглинистого механического состава, а также заболоченные участки. Во всех растительных зонах встречаются аллювиальные или пойменные почвы.

В окрестностях с. Шестаково известно 27 археологических памятников (три курганных могильника; два городища; 22 поселения, стоянки и местонахождения), датированных от палеолита до Средневековья, но большая их часть относится к раннему железному веку. Практически все известные памятники содержат свидетельства кратковременного или длительного пребывания населения тагарской или таштыкской культур. Наиболее крупным из таких объектов является поселение Шестаково II (рис. 3, 1), расположенное на распаханном поле первой надпойменной террасы р. Ки.

В 2018 г. на поселении проводились рекогносцировочные археологические работы. В двух раскопах общей площадью 8 м² было обнаружено 929 находок, из которых 367 происходят из непо потревоженных распашкой слоев поселения. Преимущественно это обломки костей животных и фрагменты керамических сосудов. Кроме того, присутствует большое количество обломков каменных плиток и целых галек, многие из которых, судя по сбитым торцам и краям, имели функциональное назначение. Полученные материалы позволили выделить как минимум два основных периода функционирования поселения: 1) I в. до н.э. – III в. н.э. (познетагарский); 2) III–VI вв. н.э. (таштыкский) [Герман, Савельева, Онищенко, 2019].

Задача геофизических исследований заключалась в выявлении структурно-планиграфических особенностей поселения (наличие жилищ, хозяйственных ям, рвов/валов и других конструкций) и определении перспективных участков для раскопок. Общая площадь съемки составила 5 400 м² (рис. 3, 1). В целом участок работ умеренно засорен железными предметами, за исключением территории, прилегающей к современному кладбищу. На построенных картах выделяется большое количество хаотично расположенных неоднородностей, что объясняется, вероятнее всего, последствиями многолетней распашки. Наиболее отчетливо зафиксированы разнонаправленные линейные положительные аномалии, предположительно связанные с небольшими канавками, заполненными гумусированным грунтом. В ряде случаев им сопутствуют линейные отрицательные аномалии со значениями до –4 нТл, которые могут быть связаны с местами залегания менее магнитного материала. Археологические объекты, скорее всего, проявились на картах как положительные аномалии с амплитудой 5–10 нТл (рис. 3, 2).

По результатам магниторазведочных работ в северной части поселения Шестаково II были определены два места для проведения археологических раскопок.

Стратиграфия данного участка характеризуется последовательностью трех основных слоев (описание приведено сверху вниз).

1. Черная гумусированная легкая супесь (пахотный слой), пронизанная корнями растений, с прослойками желтой супеси на отдельных участках – мощность от 0,20 до 0,35 м. Представляет собой перепаханные верхние культуросодержащие слои.

2. Черная, темно-коричневая гумусированная тяжелая супесь (слой, не затронутый распашкой) – мощность от 0,2 до 0,3 м. Содержит нижние непо потревоженные распашкой культуросодержащие слои.

3. Серо-коричневый суглинок, переходящий в серо-желтый суглинок («материк»), – до 0,2 м.

Раскоп 1 площадью 8 м² был заложен с целью проверки аномалии овальной формы размерами ок. 1,5 × 3,0 м с амплитудой 8 нТл (рис. 3, 3). В результате снятия пахотного пласта в толще темно-серой гумусированной супеси были зафиксированы выделяющиеся по цвету и плотности слои, образующие два взаимосвязанных объекта (рис. 3, 4–7).

Объект 1 (уровень фиксации 0,2 м от поверхности пашни) читался в виде пятна заполнения светло-серого цвета округлой формы, размерами 0,65 × 0,56 м, из спрессованной золы с включениями мелких жженных костей. На границе зольного пятна расчищены небольшие скопления керамики, жженных костей и мелкой гальки. В продольном разрезе он представлял собой линзу мощностью до 0,05 м, под которой следовал слой прокаленной ярко-оранжевой супеси мощностью также до 0,05 м. Слой прокала распространялся за пределы зольного заполнения на 0,3 м к западу, образуя форму овала, и вплотную примыкал к объекту 2.

Объект 2 (уровень фиксации 0,25 м от поверхности пашни) имел схожую структуру, но был значительно нарушен распашкой. В плане он читался в виде пятна округлой формы, состоящего из светло-серого зольного и ярко-оранжевого прокаленного включений. Размер объекта 0,75 × 0,80 м, мощность зольного заполнения – до 0,03 м, мощность линзы прокала – до 0,07 м. В раскопе был обнаружен многочисленный археологический материал, характерный для данного типа памятников: фрагменты керамических сосудов, кости животных, обломки керамических конусов и камней со следами использования (абразивы, гальки). После выборки объектов в нижележащем слое находок не было.

Локализация объектов 1 и 2 соответствует выявленной аномалии. Сами объекты представляют собой очаги открытого типа и связаны с одним из периодов функционирования поселения.

Раскоп 2 площадью 40 м² (4 × 10 м) был заложен над двумя магнитными аномалиями, одна из которых проявилась в виде положительной линейной аномалии шириной до 3 м с амплитудой до 8 нТл, вторая – диаметром ок. 1,5 м с амплитудой более 23 нТл (рис. 3, 8).

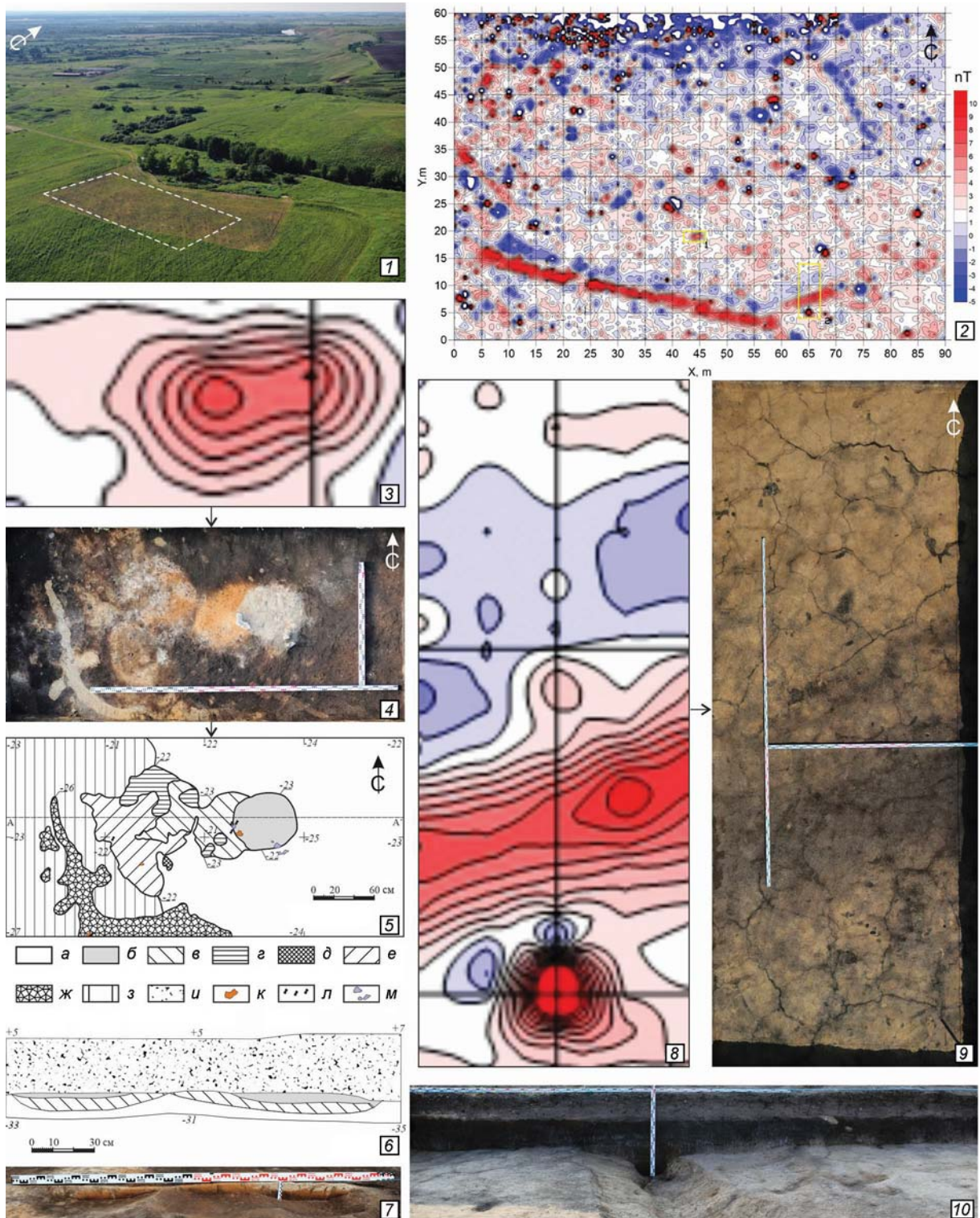

Рис. 3. Поселение Шестаково II.

1 – вид на памятник (прямоугольником обозначена область геомагнитной съемки 2020 г.); 2 – карта геомагнитных аномалий (желтым цветом обозначена локализация раскопов 1, 2); 3 – план геомагнитных аномалий в раскопе 1; 4, 5 – объекты в раскопе 1 (фото/чертеж); 6, 7 – разрез объектов 1 и 2 в раскопе 1 (чертеж/фото); 8 – план геомагнитных аномалий в раскопе 2; 9 – объект 3 в раскопе 2 после зачистки на уровне желтого суглинка; 10 – профиль объекта 3 в раскопе 2, вид на западную стенку.

a – гумусированная супесь черного, темно-коричневого цвета; *б* – плотная золистая супесь светло-серого цвета с включениями жженных мелких костей; *в* – прокаленная супесь ярко-оранжевого цвета; *г* – слабо прокаленная супесь с редкими золистыми включениями; *д* – гумусированная супесь с редкими золистыми включениями; *е* – переотложенный гумусированный грунт с включениями прокаленной супеси, золи; *жс* – светло-желтый суглинок (отнорок); *з* – смешанный грунт (темно-серая гумусированная супесь с редкими включениями светло-желтого суглинка); *и* – гумусированная супесь черного цвета (пакотный слой); *к* – керамика; *л* – кость; *м* – камень.

При разборе первого и второго слоев обнаружено большое количество материала, характерного для тагаро-таштыкских поселений. В слое 2 зафиксировано несколько небольших (до 0,4 м в диаметре) ямок, содержащих единичные фрагменты керамики, кости животных и рыб. После выборки нижнего условного горизонта слоя 2, в котором были зафиксированы единичные находки, на глубине 0,6 м от поверхности пашни проявился объект в виде полосы, условно совпадающий с абрисом магнитной аномалии. Границы данного объекта полностью оформились на фоне желтого суглинка (глубина 0,70–0,75 м) в результате выборки третьего слоя, который не содержал археологических находок.

Объект 3 (рис. 3, 9, 10) первоначально представлял собой полосу заполнения темно-серого цвета, идущую поперек раскопа от западной стенки к восточной. Ширина восточной стенки – 2,7 м, западной – 1,8 м. По мощности заполнения объект неоднороден – от 0,1 до 0,4 м, в профиле представляет собой яму с плечиками шириной до 1,3 м с северной стороны и до 0,6 м с южной. Находок в объекте 3 не было. В районе локализации второй аномалии никаких объектов тоже не было. Вероятнее всего, ее источником являлся железный предмет.

Таким образом, в результате работ на раскопе 2 подтвердилось наличие одной аномалии – объекта в виде полосы, являющегося частью линейной структуры, расположенной в южной периферии полигона магнитометрической съемки. Его происхождение – естественное или антропогенное – остается неопределенным. По итогам проведенных магнитометрических исследований однозначной картины получить не удалось. Учитывая результаты измерений магнитной восприимчивости почв и подстилающих пород, можно достаточно уверенно предположить, что котлованы, значительно углубленные в материк, на данном участке отсутствуют. В условиях такой значительной контрастности магнитных свойств они однозначно должны были выделиться на построенных картах. Для более объективной оценки полученных результатов необходимо провести дополнительный анализ. Большим потенциалом в этом отношении обладает методика совместной интерпретации данных вертикального градиента и аномального магнитного поля на двух уровнях высоты.

Заключение

Значимость проведения комплексных исследований в урочище Арчекас заключается в косвенном подтверждении ранее сформулированной гипотезы о неселитебном типе памятника Соко-

линое Гнездо. Выявленные с помощью магнитной съемки аномалии, очевидно, связаны с остатками мощных открытых очагов, но археологические артефакты в их контексте единичны. В сочетании с геоморфологией памятника (господствующий над местностью высокий мыс с великолепным обзором пойменных пространств обоих берегов р. Кия) обозначенные особенности ставят вопрос о его характере. Перечень вероятных интерпретаций (культовое место, погребально-поминальный комплекс, наблюдательный пункт и т.д.) может быть самым широким, но любая из них пока бездоказательна. Представляется перспективным продолжение магнитометрических исследований с целью выяснения планиграфической структуры антропогенных объектов с последующими раскопками широкой площадью.

Шестаково II – первое поселение тагаро-таштыкского времени, на котором была испытана методика геофизических исследований. Проверка полученных аномалий демонстрирует достаточно четкую фиксацию объектов – очагов, выявление которых ожидается и при дальнейших раскопках поселения. Происхождение рва, зафиксированного в раскопе 2, пока остается неясным, но именно он видится наиболее интересным объектом и требует дальнейшего изучения. Для более эффективной интерпретации полученных результатов необходимо расширить площадь археологической проверки и провести дополнительную обработку данных.

В целом проведенные исследования имеют существенное значение для общего развития археогеофизики. Расширение географии подобных работ позволяет накопить практический опыт и обеспечить в перспективе получение стабильных и эффективных результатов в различных природно-ландшафтных условиях.

Благодарности

Исследования на памятнике Соколиное Гнездо выполнены в рамках исполнения государственного задания ФИЦ УУХ СО РАН № АААА-А17-117041410051-7, проект XII.186 «Социокультурное пространство в лесостепи Западной Сибири и сопредельных территорий (ранний и поздний голоцен)». Исследования на памятнике Шестаково II выполнены при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Кемеровской обл. в рамках научного проекта № 20-49-420005 p_a.

Список литературы

Бессонова Е.А., Зверев С.А., Харченко Т.А., Сагтарова В.В., Теличко А.С. Геомагнитные исследования печей для обжига строительной керамики Кондуйского

городка // Мультидисциплинарные исследования в археологии. – 2018. – № 2. – С. 20–39.

Бобров В.В., Боброва Л.Ю., Савельева А.С. Медно-бронзовые котлы скифского времени из Кузнецкой котловины и Мариинской лесостепи // Теория и практика археологических исследований. – 2017. – № 1 (17). – С. 104–122.

Герман П.В., Савельева А.С., Онищенко С.С. Шестаково II – поселение раннего железного века в Мариинской лесостепи // Учен. зап. музея-заповедника «Томская Писаница». – 2019. – № 10. – С. 21–32.

Позднякова О.А. Поиск и диагностика структуры археологических памятников Обь-Иртышского междуречья магнитометрическими методами: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2020. – 26 с.

References

Bessonova E.A., Zverev S.A., Kharchenko T.A., Sattarova V.V., Telichko A.S. Geomagnetic survey of kilns for building ceramics at the Konduiski Archaeological town site. *Mul'tidistsiplinarnye issledovaniya v arkheologii*, 2018, No. 2, pp. 20–39. (In Russ.).

Bobrov V.V., Bobrova L.Yu., Savel'eva A.S. The copper-bronze cauldrons of Scythian epoch from Kuznetsk Basin and Mariinsk forest-steppe. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*, 2017, No. 1 (17), pp. 104–122. (In Russ.).

German P.V., Savel'eva A.S., Onishchenko S.S. Shestakovo II – the settlement of Early Iron Age in the Mariinsk forest-steppe. *Uchenye zapiski muzeya-zapovednika "Tomskaya Pisanitsa"*, 2019, No. 10, pp. 21–32. (In Russ.).

Pozdnyakova O.A. Poisk i diagnostika struktury arkheologicheskikh pamyatnikov Ob'-Irtyskogo mezhdurech'ya magnitometricheskimi metodami: cand. sc. (history) dissertation abstract. Novosibirsk, 2020, 26 p. (In Russ.).

Герман П.В. <https://orcid.org/0000-0002-8123-6992>

Дядьков П.Г. <https://orcid.org/0000-0001-5345-9331>

Кулешов Д.А. <https://orcid.org/0000-0001-9551-305X>

Марочкин А.Г. <https://orcid.org/0000-0002-6757-0775>

Юракова А.Ю. <https://orcid.org/0000-0003-2548-2459>

Савельева А.С. <https://orcid.org/0000-0002-4804-5932>

Веретенников А.В. <https://orcid.org/0000-0001-9204-5297>

И.С. Гнездилова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: gnezdilova06@mail.ru

Антропоморфные ханива. Теории интерпретации

В статье рассматриваются основные положения теорий японских исследователей Ё. Цукада и Т. Вакаса о возможностях интерпретации антропоморфных ханива на памятниках периода кофун. Приведена общая характеристика таких предметов, устанавливаемых на курганах, как ханива: основные типы, время их появления и бытования. Представлен обзор погребальных комплексов, где были обнаружены наибольшие по численности скульптурные группы ханива, основные характеристики памятников, их местоположение, датировка, состав и расположение. Погребальные комплексы с многочисленными находками антропоморфных ханива датируются концом V – концом VI в. н.э. Рассмотрены основные положения «теории зон» Ё. Цукада. Материалом для анализа стали находки ханива на семи памятниках, расположенных в регионе Канто. Первой и главной зоной является та, в которой располагаются ханива, изображающие сидящих людей, она символизирует ближайшее окружение умершего. Каждая последующая зона находится на все большем удалении. В работе также рассматривается типологический анализ антропоморфных ханива, предложенный Ё. Цукада, материалом для которого стали находки на памятниках различных префектур Японского архипелага. В основе теории другого японского исследователя ханива Т. Вакаса лежат понятия «групп» и «рядов». Согласно теории, скульптурные композиции ханива делятся на «группы», представляющие различные ритуальные и бытовые действия, в которых, возможно, принимал участие умерший, и «ряды», символизирующие собственность умершего. Представленные теории позволяют получить дополнительную информацию о структуре древнего общества, главным образом элиты. Дальнейшие исследования с привлечением материалов небольших памятников позволят представить более подробную семантику ханива.

Ключевые слова: ханива, период кофун, погребальные комплексы, Японский архипелаг.

Irina S. Gnezdilova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: gnezdilova06@mail.ru

Anthropomorphic Haniwa. Theories of Interpretation

This article discusses the theories related to anthropomorphic haniwa from the burial mounds of the Kofun period, which were proposed by the Japanese scholars Y. Tsukada and T. Wakasa. The haniwa objects set on the mounds are described, including their main types, emergence and functioning. An overview of the sites with the largest number of haniwa groups – location, dates, composition, and arrangement of the haniwa groups – is provided. Burial mounds with numerous findings of anthropomorphic haniwa were dated to the late 5th–late 6th centuries AD. The main points of Y. Tsukada’s “theory of zones” are discussed. Material evidence for analysis included the haniwa discovered at seven sites in Kanto region. The first and main zone is the one with haniwa representing sitting people. This zone symbolizes the immediate surrounding of the deceased, and each subsequent zone is placed further from the first zone. The article also presents the typological analysis of anthropomorphic haniwa proposed by Y. Tsukada based on the evidence found at the sites in various prefectures of the Japanese archipelago. The theory of another Japanese scholar T. Wakasa is based on the notions of “groups” and “rows.” According to this theory, the haniwa compositions are divided into “groups” representing various ritual and everyday activities in which the deceased might have participated, and “rows” symbolizing the property of the deceased. The theories presented provide additional information on the structure of the ancient society and mainly on its elite. Further research using the evidence from small burial mounds will make it possible to uncover more detailed semantics of haniwa.

Keywords: haniwa, Kofun period, burial mounds, Japanese archipelago.

Ханива, объемные керамические изделия высотой от 0,3 до 2,5 м, устанавливались на насыпях и дополнительных валах погребальных комплексов периода кофун (III–VII вв. н.э.) Японии. Использование этих предметов получило распространение на территории Японского архипелага (за исключением о-вов Рюкю и Хоккайдо), но в редких случаях ханива встречаются и на курганах Корейского п-ова. Отмечаются региональные особенности применения отдельных типов ханива и их размещения, однако можно говорить и о некоторых общих характеристиках этой традиции. Цилиндрические ханива, представляющие собой керамические полые цилиндры диаметром от 0,2 м и высотой от 0,2 до 2,5 м, устанавливались по периметру ступеней насыпи кургана и использовались на протяжении всего периода кофун. Ханива в форме домов встречаются на памятниках, датируемых серединой IV – началом VII в. В это же время устанавливались и керамические предметы в виде домашних

птиц (петух, курица), а также щита, зонта, колчана. Позже, с конца IV в. появляются фигуры водоплавающих птиц (утка, баклан), которые также использовались на памятниках до начала VII в. Примерно в течение века – с конца IV до конца V в. н.э. – на курганах устанавливали ханива-доспехи (без изображения лица), а также ханива в виде лодки. Начиная со второй половины V в. на памятниках появляются новые типы фигур: антропоморфные и зооморфные. Среди антропоморфных ханива встречаются изображения шаманок, знатных людей, музыкантов, играющих на кото, борцов сумо, ловцов рыбы с бакланом, воинов в доспехах, людей, ведущих под уздцы лошадей, охотников и т.п. К антропоморфным ханива относят и фигуры воинов, которые практически полностью закрыты щитом. К зооморфным ханива относятся фигуры собаки, кабана, быка, оленя, лошади.

Примерно с середины V в. на погребальных комплексах стали формировать скульптурные группы,

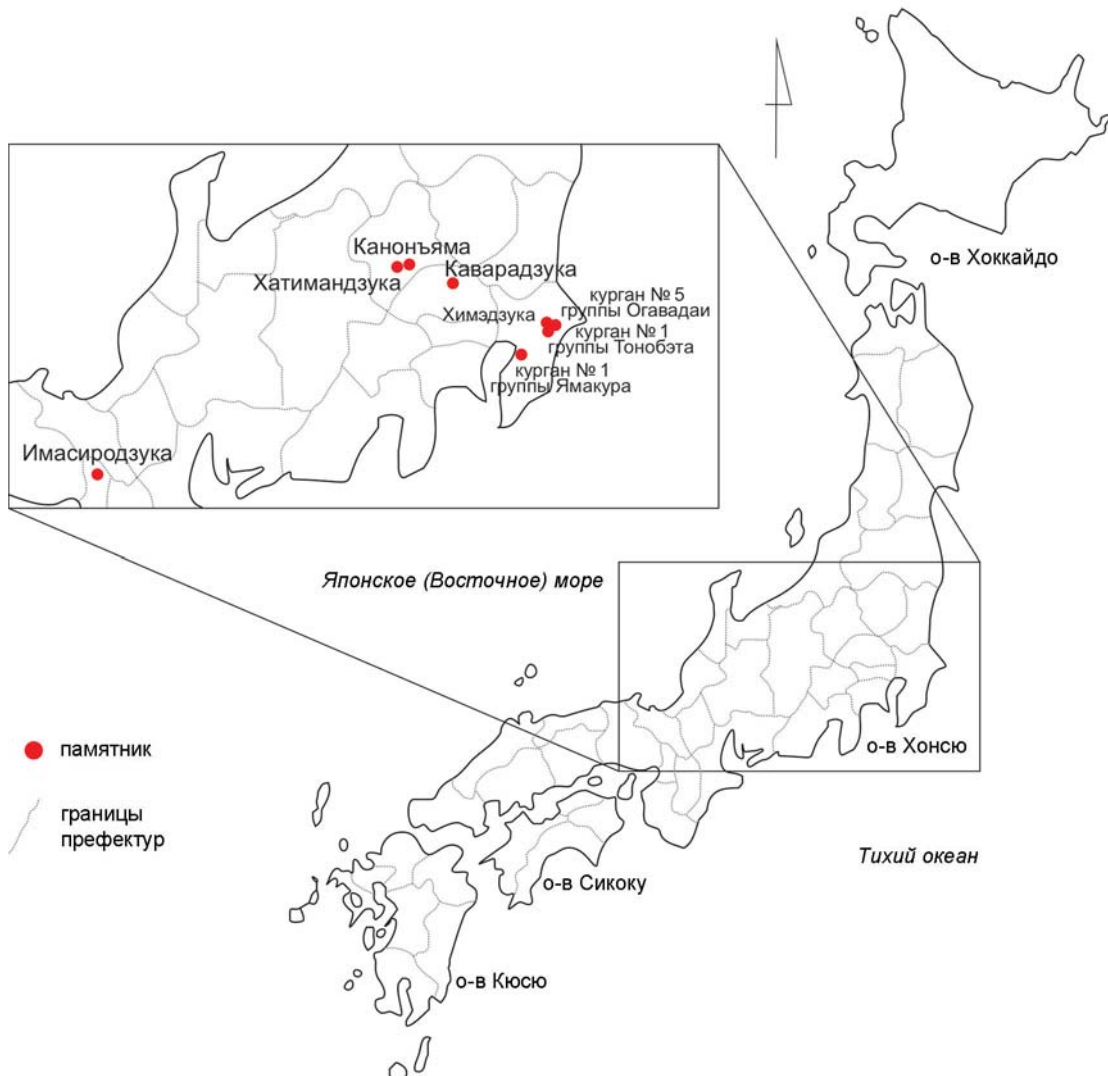

Рис. 1. Карта расположения памятников.

составленные из ханива разных типов. Обращаясь к вопросу значения и функции подобных композиций, автор уже представляла краткий обзор концепций японских исследователей, трактующих семантику композиций на курганах [Гнездилова, 2018, с. 30]. Целью настоящей работы стало рассмотрение теорий, дающих возможность реконструкции структуры общества (главным образом, ближайшего окружения вождей) на основе анализа находок ханива на памятниках. С такой точки зрения композиции ханива представляют богатый материал, не всегда доступный при исследовании археологических памятников.

В настоящее время наиболее подробно изученные композиционные группы, где представлены разные типы антропоморфных ханива, известны на трех памятниках (рис. 1). Это погребальные комплексы Хатимандзука и Канонъяма, расположенные в преф. Гумма и комплекс Имасиродзука в преф. Осака.

Погребальный комплекс Хатимандзука находится в г. Такасаки преф. Гумма. Он входит в состав группы Ходота, состоящей из трех курганов с двумя насыпями: круглой и трапециевидной (также именуемые «в форме замочной скважины»). В группу также входят курганы Футагояма и Якусидзука.

Хатимандзука – погребальный комплекс, включающий курган с двумя насыпями, объединенными в единый комплекс, общей длиной 108 м. Диаметр круглой насыпи – 56 м, высота – ок. 6 м, длина трапециевидной насыпи – 53 м. Курган

окружен двойным рвом в форме подковы с валом посередине. Во внутреннем рву сооружены четыре небольших острова. Время создания кургана датируется второй половиной V в. Ханива цилиндрической формы были обнаружены на вершине насыпи и на валу. На островах внутреннего рва располагались ханива в форме домов, на внешнем валу – фигуры в форме воинов со щитами. На валу, разделяющем внутренний и внешний рвы, были обнаружены две группы (А и В) с многочисленными автоморфными и зооморфными ханива. Предполагается, что в группе А изначально было установлено 54 ханива [Вакаса, 2009, с. 30]. В работах исследователей при проведении анализа расстановки ханива в скульптурных композициях рассматривается квадрат А (рис. 2).

Погребальный комплекс Канонъяма расположен в пос. Ватануки (в непосредственной близости от г. Такасаки, преф. Гумма). Это курган с двумя насыпями, круглой и трапециевидной, общей длиной 97 м. Время сооружения кургана определяется второй половиной VI в. Комплекс изучался неоднократно, последние исследования были проведены в 70-х гг. XX в. Диаметр круглой насыпи – 51 м, длина трапециевидной – 46 м, курган имеет две ступени. На вершине круглой насыпи в окружении цилиндрических ханива находились фигуры в форме дома и домашних птиц, ханива-дом также располагалась на вершине трапециевидной насыпи. Антропоморфные ханива находятся на первой ступени насыпи кургана. Основная группа находится

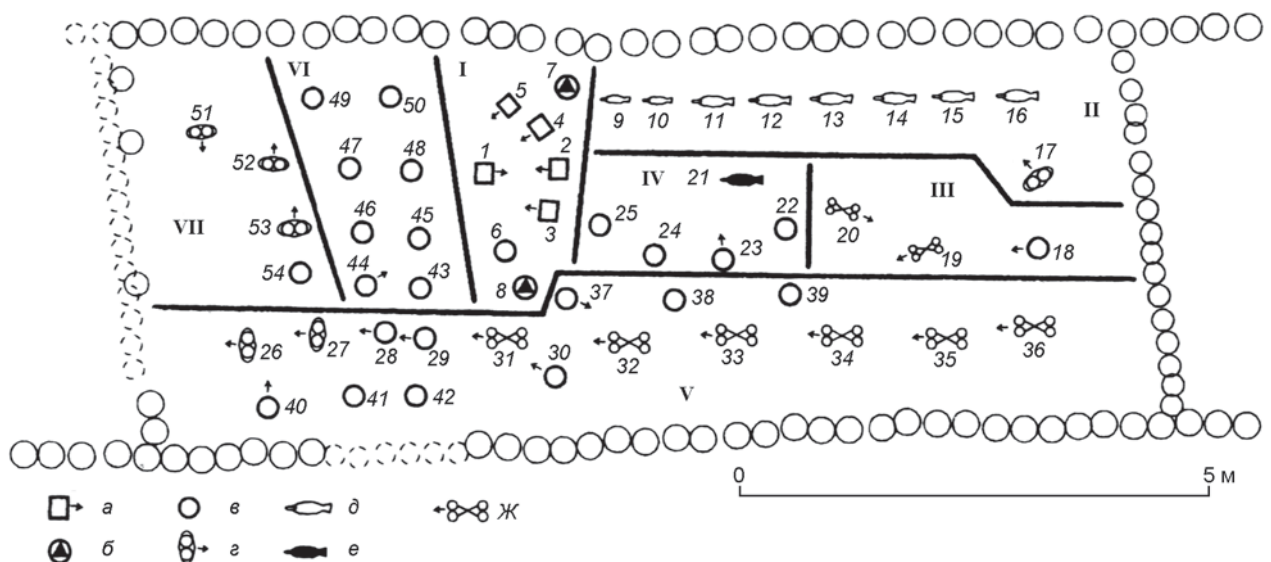

Рис. 2. Схема расположения ханива в скульптурной группе квадрата А на погребальном комплексе Хатимандзука (по: [Вакаса, 2002, с. 58]).

a – сидящие фигуры; *б* – сосуды на подставках; *в* – антропоморфные ханива; *г* – ханива-воины в доспехах; *д* – ханива-птицы (9, 10 – петухи; 11–16 – водоплавающие птицы); *е* – ханива-баклан с рыбой во рту; *ж* – ханива-лошадь (19 – предположительно кабан; 20 – предположительно собака).

I, III, IV, VI, VII – группы ханива; II, V – ряды ханива (согласно теории Т. Вакаса).

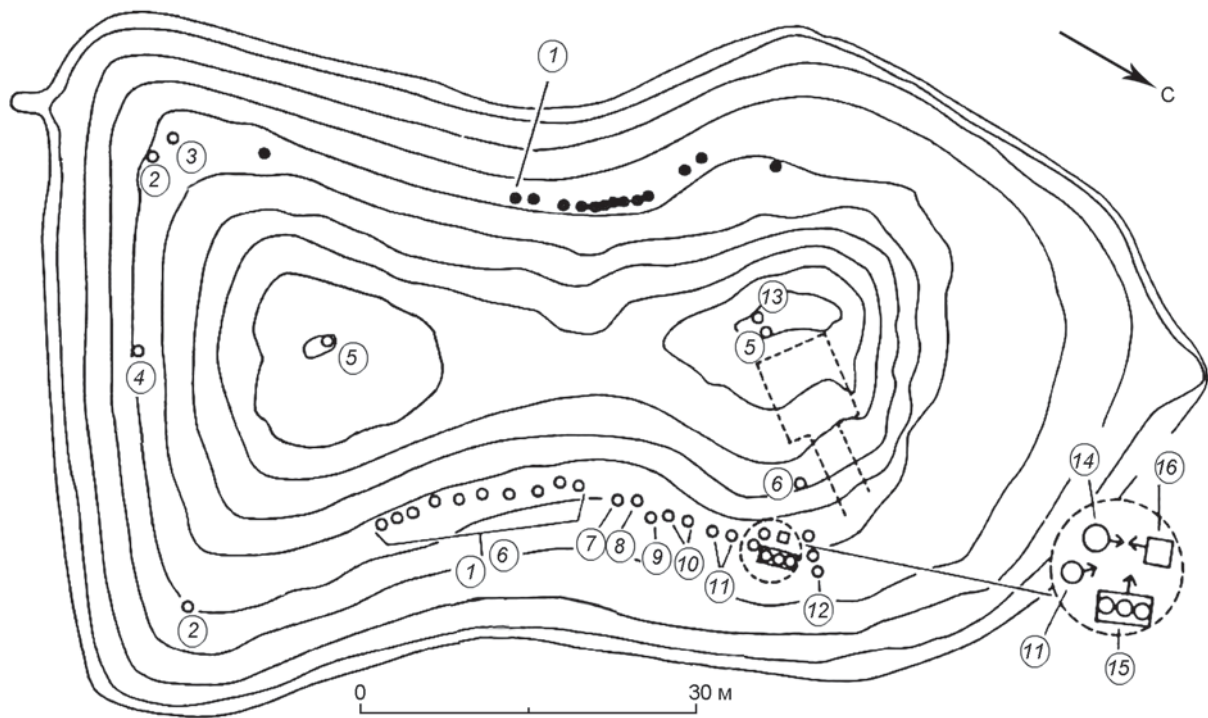

Рис. 3. Схема расположения ханива на погребальном комплексе Канонъяма (по: [Сираиси, 2008, с. 19]).

1 – цилиндрические ханива; 2 – лошадь; 3 – охотник с птицей; 4 – человек, ведущий лошадь; 5 – дом; 6 – щит; 7 – воин со щитом; 8 – крестьянин; 9 – воин; 10 – знатный господин; 11 – женщина, подающая еду; 12 – охранники дворца; 13 – домашняя птица (петух, курица); 14 – шаманка; 15 – три девушки, сидящие на банкетке; 16 – шаман.

непосредственно у входа в склеп, далее вдоль насыпи в ряд выстроены остальные ханива (рис. 3) [Сираиси, 2008, с. 18].

Курган Имасиродзука расположен в г. Такацуки, преф. Осака. Он не входит в список императорских курганов, что и позволило провести полномасштабные раскопки. Однако результаты проведенных исследований позволяют делать предположения, что погребальный комплекс является погребением императора Кэйтай, время правления которого датируется 507–531 гг. н.э. [Концевич, 2010, с. 720]. Это курган с двумя насыпями: круглой и трапециевидной. Общая длина погребального комплекса – 360 м, длина непосредственно насыпи кургана – 190 м, ширина основания квадратной части – 148 м, высота – 12 м, диаметр круглой части – ок. 100 м. В месте соединения квадратной и круглой частей с двух сторон созданы пристройки. Вокруг кофунa устроен ров, внешний периметр кургана окружен валом. Именно на внешнем валу кургана расположена групповая композиция, где было обнаружено ок. 200 ханива как целых, так и во фрагментах [Морита, 2017, с. 51]. На сегодняшний день это наиболее многочисленная скульптурная композиция. Она разделена на четыре квадрата, каждый отделен ханива-забором (рис. 4).

Поскольку исследования погребального комплекса Имасиродзука были закончены относительно

но недавно, изучение находок продолжается и в настоящее время. В основу обеих представленных теорий, главным образом, легли исследования памятников региона Канто. Этот регион характеризуется активным распространением традиции строительства курганов в целом и установки ханива на памятниках в частности с конца V в.

Автор «теории зон» Ёсимити Цукада, основываясь на анализе расположения ханива на насыпях курганов, предположил, что в расстановке различных типов антропоморфных ханива можно выделить несколько зон, которые показывают близость к вождю (погребенному). Материалом для исследования стали находки ханива и их расположение на семи различных курганах, которые находятся в преф. Гумма и Тиба (Хатимандзука, Канонъяма, Каварадзука, Химэдзука, кург. 5 группы Овадаи, кург. 1 группы Тонобэта и кург. 1 группы Ямакура (см. рис. 1)). В своей работе автор предполагает, что в расположении ханива на курганах можно выделять пять зон (рис. 5). Первая зона – это группа ханива различных типов, изображающих сидящих людей. Это могут быть люди как в военных доспехах и с оружием, так и в обычной одежде, с оружием и без. В первой зоне располагались ханива, изображающие и мужчин, и женщин. По мнению автора теории, в этой зоне находятся фигуры самого погребенного и ближайшего окружения, и имен-

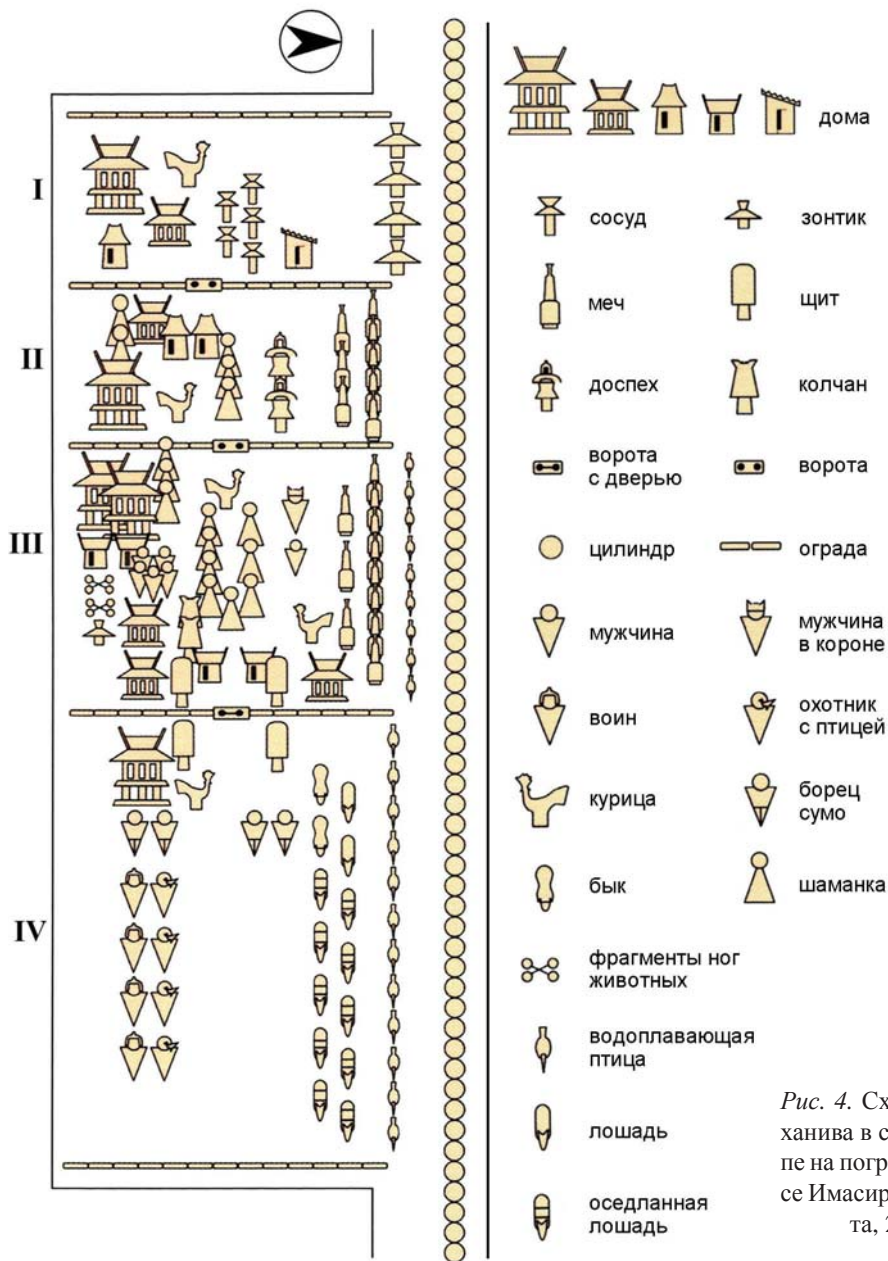

Рис. 4. Схема расположения ханива в скульптурной группе на погребальном комплексе Имасиродзука (по: [Мори-та, 2017, с. 51]).

но она является центром композиции (рис. 5, 1). Во второй зоне располагаются, как правило, женские фигуры во время подношения пищи в процессе совершения ритуала. Они изображаются стоящими. Это могут быть ханива, у которых тело

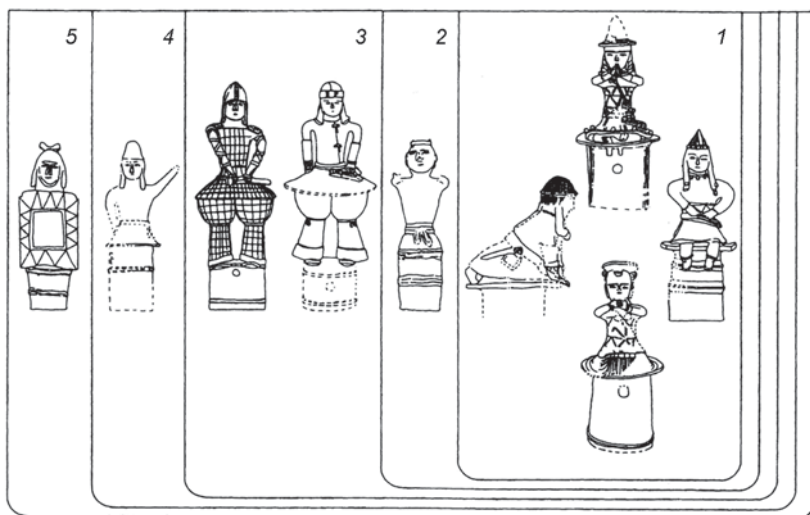

Рис. 5. Модель расположения антропоморфных ханива на курганах периода кофун согласно теории Ё. Цукада (по: [Цукада, 1996, с. 29]): 1–5 – зоны расположения ханива.

оформлено лишь частично до пояса и ниже находится цилиндрическое основание, либо оформлено целиком, т.е. изображены и ноги. В последнем случае фигура находится на небольшой подставке. У таких ханива руки либо подняты вверх, либо вытянуты вперед, в руках могут быть небольшие сосуды (рис. 5, 2). В третьей зоне устанавливались стоящие фигуры ханива-мужчин в доспехах или простой одежде с оружием. Форма доспехов различна. Также отмечается, что в редких случаях в третьей зоне располагались воины, держащие щит, и ханива-щиты (рис. 5, 3). Эта группа символизировала, по мнению автора теории, охрану вождя. Четвертая зона – ханива-мужчины, держащие за поводья лошадей, и рядом располагались ханива-лошади. Сюда также включаются и некоторые другие типы ханива-мужчин, изображенных в обычной одежде (рис. 5, 4). В пятой зоне располагались ханива-воины со щитами, у которых изображалось лицо [Цукада, 1996, с. 27]. Согласно данной теории, зона I находилась на кургане максимально близко к входу в склеп, если ханива устанавливались непосредственно на ступени насыпи, как на кургане Канонъяма. Если ханива располагались на валу между рвами, формируя отдельные композиции, центральной зоной является та, где находятся фигуры, изображенные сидя. Каждая из последующих зон соответственно располагается на удалении от центральной.

Помимо предложенной теории зон, Ё. Цукада провел типологический анализ известных на тот момент находок ханива. В основе заявленной типологии – находки 994 антропоморфных ханива, обнаруженных на курганах периода кофун в 33 префектурах. Критериями распределения фигур по типам являлись: гендерная принадлежность; полное изображение тела, когда у ханива оформлялись и ноги, либо частичное, когда изображалась только половина тела, а нижняя часть представляла собой цилиндрическое основание. Еще одним из основных признаков отнесения к тому или иному типу являлось изображение фигуры сидя или стоя. Далее типы распределялись по расположению рук (поднятые, опущенные), а также по наличию дополнительных элементов – сосудов, оружия, музыкальных инструментов и т.д. [Там же, с. 12]. На основе имеющихся на тот момент данных, автор выделил 34 типа ханива-женщин. Среди тех из них, у которых оформлена нижняя часть тела, преобладают стоящие фигуры. Но в целом среди всех типов женских фигур преобладают такие, у которых нижняя часть выполнена в форме цилиндра. Кроме того, наибольшее распространение получили ханива, изображающие женщин с поднятыми либо вытянутыми вперед руками. Спецификой женских

ханива является то, что оформление одежды имеет явно выраженные региональные особенности [Там же, с. 21].

Ханива, изображающие мужчин, автор распределил на 58 типов. По сравнению с женскими фигурами, здесь чаще встречаются ханива, представляющие людей сидящими. Среди ханива-мужчин, у которых нижняя часть тела оформлена полностью, получили распространение изображения мужчин в доспехах или в обычной одежде с мечом (как правило коротким). Кроме того, среди типов, относящихся к группе с оформлением нижней части в форме цилиндра, чаще встречаются ханива-мужчины с поднятой в сторону рукой (они считаются изображением мужчин, ведущих за поводья лошадей), а также ханива-воины со щитом. В целом среди мужских ханива наблюдается меньше разнообразия в одежде в зависимости от региона [Там же, с. 29].

Кроме того, обращая внимание на предложенную типологию и «теорию зон» Ё. Цукада, можно заметить, что антропоморфные ханива, которые располагались в зонах, близких к вождю (1, 2, 3), выполнены с большей тщательностью и наличием мелких деталей. Среди них чаще встречаются антропоморфные ханива, у которых нижняя часть тела оформлена полностью. Исключением здесь, пожалуй, являются фигуры ханива-женщин, изображенных с вытянутыми вперед руками или держащими сосуды.

Автор другой теории Тоору Вакаса более подробно рассматривает скульптурные композиции ханива, выделяя отдельные компоненты, имеющие разную семантическую направленность. Основываясь на материалах находок ханива на кургане Хатимандзука, Т. Вакаса предложил «теорию групп и рядов». Анализируя квадрат А, расположенный на валу между двумя рвами кургана, автор определяет в композиции пять групп и два ряда (см. рис. 2). В группе I центральной является фигура сидящего мужчины в короне, по обе стороны от него располагаются его приближенные. Напротив ханива-вождя находится фигура женщины, которая протягивает ему сосуд. Она также изображена сидящей на небольшой банкетке. Рядом с ней – фигура стоящей женщины. В эту же группу включены две ханива – сосуды на высоких подставках. По мнению автора теории в группе I изображен обряд, проводившийся сидя. В соседней группе VI (43–50) находится восемь стоящих фигур мужчин и женщин. Центральной фигурой здесь является стоящий мужчина в особом головном уборе и с мечом (44). Группа VII (51–54) представлена четырьмя фигурами, изображающими борца сумо и воинов в доспехах. Еще две группы, III и IV, расположенные между ря-

дами, содержат сцены охоты. В группе III находится ханива-охотник и две фигуры животных, предположительно кабана и собаки. В группе IV – ханива-баклан с рыбой во рту и четыре фигуры людей. В квадрате А также расположено два ряда. В ряду II располагались 6 водоплавающих птиц и 2 ханива-петуха, к этому же ряду, как предполагается, относится фигура нарядно одетого мужчины. В ряду V друг за другом были установлены лошади (как оседланные, так и без упряжи) (31–36), а также ханива, изображающие доспехи (28, 29), и ханива-воины в доспехах [Вакаса, 2002, с. 59].

Поскольку группы и ряды на кургане Хатимандзука не отделены друг от друга какими-либо границами, в отличие от композиции на Имасиродзука, где они отделяются ханива-заборами и воротами, Т. Вакаса определял группы по направленности лица (взгляда) ханива к центру группы.

Согласно данной теории, распределение ханива по «группам» и «рядам» обуславливалось разными целями. Каждая «группа» представляет сцену ритуала или мероприятия, проводимого вождем, либо с его участием. Подобные сцены могут относиться к разному времени и месту действия. Ханива, выстроенные в «ряды», в свою очередь являются демонстрацией собственности вождя [Там же, с. 60].

По результатам исследования ханива на кургане Имасиродзука, Т. Вакаса, базируясь на «теории групп и рядов», предлагает рассматривать участок III ханива как «группу», аналогичную группе I на кургане Хатимандзука и группе сидящих фигур, расположенных в непосредственной близости от входа в склеп погребальной камеры на кургане Канонъяма. Соответственно, участок IV композиции Имасиродзука Т. Вакаса относит к «рядам», как и ряды II и V ханива на Хатимандзука и ряд ханива, расположенный вдоль ступени насыпи на кургане Канонъяма. Однако участки ханива I и II кургана Имасиродзука автор относит к региональным особенностям или возможным специфическим элементам, присущим императорским курганам [Вакаса, 2009, с. 33].

Таким образом, скульптурные группы и отдельные ханива на погребальных комплексах, исследуемые с применением данных теорий, позволяют получить дополнительную информацию о составе общества, структуре его, главным образом, элиты, для которой строились большие курганы и устанавливались ханива на насыпях. В регионах представители элиты могли формировать такое окружение, которое было способно реализовать различные мероприятия, в т.ч. и строительство крупных погребальных комплексов, на сооружение которых могло уходить несколько лет. Эта специфика особенно проявилась в поздний период

кофун, в VI–VII вв. н.э., когда единовластие только формировалось.

Однако имеющиеся теории не исключают возможности других трактовок семантики скульптурных композиций. Структура группы ханива на кургане Имасиродзука (см. рис. 4), имеющая разделение ханива-заборами и установленными ханива-воротами, может представлять собой модель дворцового комплекса, где центром является императорская резиденция (участок III), а остальные участки – те территории, где могли располагаться дома приближенных и другие постройки, например, хозяйственного либо ритуального назначения.

Следует также отметить, что существуют значительные региональные особенности как в оформлении различных типов ханива для установки на памятниках, так и в месторасположении предметов на насыпях на протяжении всего периода активного использования антропоморфных ханива. Причинами может быть существование отдельных местных традиций и верований, которые приводили к некоторым изменениям в погребальном обряде, в устройстве погребального комплекса и установке определенных типов ханива.

Кроме того, стоит учитывать специфику исследования памятников периода кофун. Крупные курганы не всегда исследуются полностью, часто мы не можем быть уверены в том, что известны все данные о находках на одном памятнике. В дальнейшем в определении семантики таких объектов, как ханива, возможно, сыграют большую роль результаты изучения находок ханива на небольших курганах, которые чаще раскапываются полностью.

Список литературы

Вакаса Т. Дзибутсу ханива ё:сики рон (К вопросу форм антропоморфных ханива) // Кикан ко:когаку (Квартальная археология). – 2002. – № 79. – С. 56–60 (на яп. яз.).

Вакаса Т. Ханива-но сэкай. Кодай сякай кара мэссэ:дзи (Мир ханива. Послание из древнего мира). – Токио: Кабусйкигайя Токё:бидзюцу, 2009. – 80 с. (на яп. яз.).

Гнездилова И.С. Скромное обаяние ханива: образ женщины в глиняных скульптурах периода кофун // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2018. – № 4. – С. 29–33.

Концевич Л.Р. Хронология стран Восточной и Центральной Азии. – М.: Вост. лит., 2010. – 808 с.

Морита К. Ёмигаэру дайё:бо. Имасиродзука кофун (Погребения великих вождей. Курган Имасиродзука). – Токио: Синсэнся, 2017. – 94 с. (на яп. яз.).

Сиранси Т. Дзимбуцу ханива гундзо: ва нани-о катару ка (О чем рассказывают скульптурные группы ан-

тропоморфных ханива) // Ханива гундзо:-но коко:гаку (Археология скульптурных группа ханива). – Осака: Осака-фу Тикацу Асука хакубуцукан (Изд-во музея Тикацу Асука преф. Осака), 2008. – С. 3–26 (на яп. яз.).

Цукада Ё. Дзинбутсу ханива-но кэйсики бунруй (Типология антропоморфных ханива) // Ко:когаку дзас-си (Археологический журнал). – 1996. – Т. 81, № 3. – С. 1–41 (на яп. яз.).

References

Gnezdilova I.S. Skromnoe obayanie haniwa: obraz zhenshchiny v glinyanykh skul'pturakh perioda kofun. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, 2018, No. 4, pp. 29–33. (In Russ.).

Kontsevich L.R. Khronologiya stran Vostochnoi i Tsentral'noi Azii. Moscow: Vostochnaya literatura, 2010, 808 p. (In Russ.).

Morita Katsuyuki. Yomigaeru daio:bo. Imasirodzuka kofun [Burials of great chiefs. Imasirodzuka kofun]. Tokyo: Sinsensya, 2017, 94 p. (In Jap.).

Shiraishi Ta'ichirō. Dzimbutsu haniwa gundzo: va nani-o kataru ka [What are the sculptural groups of anthropomorphic haniwa talking about]. In *Khaniva gundzo:-no koko:gaku [Archaeology of haniwa group]*. Osaka: Osaka-fu Tikatsu Asuka khakubutsukan [Chikatsuasuka Museum], 2008, pp. 3–26. (In Jap.).

Tsukada Yosimichi. Dzinbutsu khaniva-no keisiki bunrui [Formal Classification of Haniwa Human Figures]. In *Ko:kogaku zasshi [Journal of the Archaeological Society of Nippon]*, 1996, vol. LXXXI, No. 3, pp. 1–41. (In Jap.).

Vakasa Tooru. Dzibutsu khaniva e:siki ron [On the issue of forms of anthropomorphic haniwa]. In *Kikan ko:kogaku [Archeology Quarterly]*, 2002, No. 79, pp. 56–60. (In Jap.).

Vakasa Tooru. Haniwa-no sekai. Kodai syakai kara messe:dzi [The world of Haniwa. Message from the ancient world]. Tokyo: Kabusikigaisya Toke:bidzyutsu, 2009, 80 p. (In Jap.).

Гнездилова И.С. <https://orcid.org/0000-0003-3318-0848>

С.В. Горохов¹✉, И.В. Сальникова²

¹Новосибирская региональная общественная организация «История сибирских острогов»
Новосибирск, Россия

²Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

E-mail: gorokhov.sv@gmail.com; salnikovair52@gmail.com

Размеры детских, женских и мужских нательных крестов различных типов в некрополе Никольской церкви села Кривощеково в Новосибирске

Размеры нательных крестов, встречающихся в православных некрополях Сибири, колеблются в достаточно широком диапазоне. Традиционно считается, что размер нательного креста соответствует возрасту погребенного. Такая закономерность действительно выявлена на ранее исследованных некрополях Среднего Прииртышья и Новосибирского Приобья (кладбище д. Изюк и некрополь Умревинского острога). Однако и в детских захоронениях встречаются нательные кресты больших размеров, а во взрослых – малых, следовательно, эта закономерность носит статистический характер. Вероятно, что в данном случае нашли проявление иные факты, процессы прошлого. Целью настоящей статьи является: 1) проверка связи между возрастом погребенного и размером нательного креста; 2) выявление связи между полом погребенного и размером нательного креста; 3) выявление связи между типом нательного креста, возрастом и полом погребенного; 4) выявление планиграфических закономерностей в распределении в пространстве некрополя нательных крестов определенного размера и типа в контексте их связи с возрастом погребенного. В результате проведенного исследования установлено, что, так же как и на соседних одностипных памятниках, существует связь между возрастом погребенного и размером нательного креста, а связь между полом погребенного и размером нательного креста отсутствует. Большинство распространенных типов крестов представлены как экземплярами небольших размеров, характерными для захоронений детей, так и изделиями больших размеров, характерными для погребений взрослых. Два типа крестов имеют относительно большие размеры и найдены только в детских захоронениях. Планиграфический анализ расположения нательных крестов различных размеров в погребениях людей разного возраста показал, что исследованные группы погребений локализируются достаточно компактно. Это свидетельствует о существовании в прошлом сложного комплекса традиционных представлений, связанных с размером и типом нательного креста.

Ключевые слова: Новосибирск, Кривощеково, Никольская церковь, некрополь, нательные кресты, размер нательных крестов.

Sergej V. Gorokhov¹✉, Irina V. Sal'nikova²

¹Novosibirsk Regional Public Organization "History of Siberian Prisons",
Novosibirsk, Russia

²Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

E-mail: gorokhov.sv@gmail.com; salnikovair52@gmail.com

Sizes of Children's, Women's, and Men's Baptismal Crosses of Different Types at the Necropolis of Saint Nicholas Church in the Village of Krivoshchekovo, Novosibirsk

The sizes of baptismal crosses which have been frequently found in Orthodox necropoleis in Siberia greatly vary. It has been traditionally assumed that the size of baptismal cross depended on the age of the buried person. Such regularity was the case for previously examined necropoleis in the Middle Irtysh region and Novosibirsk Ob region (cemetery of the

village of Izyuk and necropolis of the Umreva Ostrog). However, baptismal crosses of large sizes have also occurred in children's graves, while small baptismal crosses have been discovered in adults' graves. Therefore, such regularity must have been of statistical nature. This phenomenon could have been caused by other facts, processes, or events of the past. This article aims at: 1) finding out whether there is any correlation between the ages of the buried persons and the size of their baptismal crosses; 2) identifying a correlation between the buried person's gender and size of his/her baptismal cross; 3) identifying a correlation between the type of baptismal cross, age, and gender of the buried person, and 4) identifying planigraphic regularities in distribution of baptismal crosses of specific size and type at the necropolis if they turn out to be related to the age of the buried person. The study has shown a certain correlation between the age of the buried persons and size of their baptismal crosses, while there was no correlation between the gender of the buried persons and size of their baptismal crosses, which was also the case for the cemeteries in the adjacent areas. The most common types of baptismal crosses were small-sized items typical of children's graves and large-sized crosses found in adults' graves. Two types of baptismal crosses had relatively large sizes and were typical of only children's graves. The planigraphic analysis into locations of baptismal crosses of different sizes inside the graves of persons of different age has demonstrated that the graves under study were arranged in relatively dense groups, which suggests a complex set of traditional beliefs regarding the sizes and types of baptismal crosses in the past.

Keywords: Novosibirsk, Krivoshchekovo, St. Nicholas Church, necropolis, baptismal crosses, size of baptismal crosses.

Погребальный обряд православного населения Сибири и Дальнего Востока в конце XVI – XIX в. сравнительно недавно стал предметом специального изучения археологов. Многие его стороны пока остаются неразработанными в научном отношении. В полной мере это касается проблемы бытования нательных крестов особых размеров: детских, женских и мужских. Обзор мнений исследователей относительно детских и взрослых размеров нательных крестов опубликован одним из соавторов ранее [Горохов, 2019], поэтому в настоящей статье мы не будем специально останавливаться на этом вопросе. В указанной публикации на основании анализа сопряженных пар «возраст погребенного – размер нательного креста» некрополей Илимского (Иркутская обл.) и Умревинского (Новосибирская обл.) острогов, а также некрополя д. Изюк (Омская обл.) было установлено, что на двух последних памятниках существует зависимость размера нательного креста от возраста погребенного. Младенцы и дети захоронены преимущественно с крестами меньшего размера, чем взрослые. Относительно размера крестов в захоронениях подростков ничего конкретного сказать нельзя, т.к. на эту возрастную группу приходится очень небольшая доля захоронений. Для некропо-

ля Илимского острога, напротив, установлено, что нет различия в размерах нательных крестов в разных возрастных группах. Выявленная закономерность свидетельствует, что на юге Западной Сибири бытовала традиция замены нательных крестов при достижении определенного возраста. Смена креста происходила один или два раза в возрасте 10–20 лет и, возможно, была связана не с традицией, а со случайной утерей и необходимостью приобрести новый [Там же].

Наиболее обстоятельные сведения относительно соотношения размера нательного креста и пола его владельца содержатся в тетрадах красносельского литейного мастера А.П. Серова (табл. 1) [«Об истории...», 1993]. Из приведенных данных следует, что мужские кресты по размеру почти не отличались от женских. Женские кресты лишь на 1–3 мм в ширину и высоту были больше мужских. Значительно по ширине различаются только мужские и женские кресты «среднего» сорта (женские кресты на 6 мм шире). На эту публикацию обычно ссылаются при освещении вопроса размеров мужских и женских крестов [Молодин, 2008, с. 117; Бердников, 2012, с. 155; Герман, 2014, с. 220]. Недостатком приведенных сведений является то, что они относятся только к одной мастерской, работавшей в са-

Таблица 1. Размеры нательных крестов по данным А.П. Серова*

Сорт	Название сорта	Мужские кресты			Женские кресты		
		высота, мм	ширина, мм	вес, г	высота, мм	ширина, мм	вес, г
1	младенческий	25	7	2	28	8	–
2	детский	36	17	4	36	18	4
3	средний	41	19	6	43	25	6
4	крупный	47	24	8	48	26	8
5	казацкий	52	48	12	53	50	12
6	цареградский	по размеру и весу одинаковы, как крупные и казацкие, только фасон и композиция другие					

*По: [«Об истории...», 1993, с. 157, 158].

мом конце XIX в. Нет никаких оснований экстраполировать эти данные на более широкие районы и более ранние эпохи.

В исследовательской литературе тема связи размера нательного креста и пола его владельца практически не затронута. Нам известно лишь два прецедента. В.Е. Вальченко (науч. руководитель канд. филос. наук И.А. Ермацанс) полагает, что один из трех крестов, найденных на Албазинском острове, является мужским, а два других – женскими, поскольку первый больше [2015, с. 160]. Г.П. Визгалов и С.Г. Пархимович интерпретируют два небольших креста, обнаруженных в «бабьем куте» в одной из изб в Мангазее, как женский и детский [2017, с. 100]. Однако авторы сопровождают свой вывод знаком вопроса, что указывает на то, что они не уверены в верности предложенной интерпретации.

В настоящей статье ставится четыре цели: 1) проверить на основе ставрографической коллекции некрополя Никольской церкви с. Кривошеково ранее выявленную в Среднем Прииртышье и Новосибирском Приобье связь между возрастом погребенного и размером нательного креста; 2) выявить связь между полом погребенного и размером нательного креста; 3) найти связь между типом нательного креста, возрастом и полом погребенного; 4) установить планиграфические закономерности в распределении в пространстве некрополя нательных крестов определенного размера и типа в контексте их связи с возрастом погребенного.

Для установления связи между возрастом погребенного и размером нательного креста сформирована источниковая база из 94 погребений с нательными крестами, для которых определен возраст

погребенного, а также ширина нательного креста. В качестве параметра, отражающего размеры креста, выбрана его ширина, т.к. это, во-первых, исключает путаницу, которая может возникнуть при исчислении размера креста через его высоту (с ушком или без ушка), и, во-вторых, позволяет узнать ширину креста даже в случае утраты одной из горизонтальных лопастей, поскольку они симметричны относительно средокрестия в отличие от вертикальных лопастей. За границу между взрослым и ребенком принят возраст 14 лет. Данный выбор обусловлен необходимостью обеспечения сопоставимости с результатами ранее проведенных исследований [Горохов, 2019, с. 51].

Связь между размером нательного креста погребенного и его возрастом (взрослый или ребенок) показана на рис. 1. Из представленных данных следует, что на некрополе Никольской церкви с. Кривошеково присутствует ярко выраженная связь между возрастом погребенного и размером нательного креста: дети захоранивались с крестами в среднем меньшего размера, чем взрослые. Разница между средними размерами детских и взрослых нательных крестов составляет 4,3 мм. Аналогичный показатель для памятника Изюк I составляет 5,1 мм, для Умревинского острога – 3,3 мм. При этом обращает на себя внимание полностью идентичная средняя ширина нательных крестов взрослых на некрополях Умревинского острога и с. Кривошеково – 28 мм. Возможно, что большее сходство в размерах детских и взрослых нательных крестов на Умревинском острове и в с. Кривошеково, в отличие от памятника Изюк I, обусловлено их территориальной близостью (рис. 2).

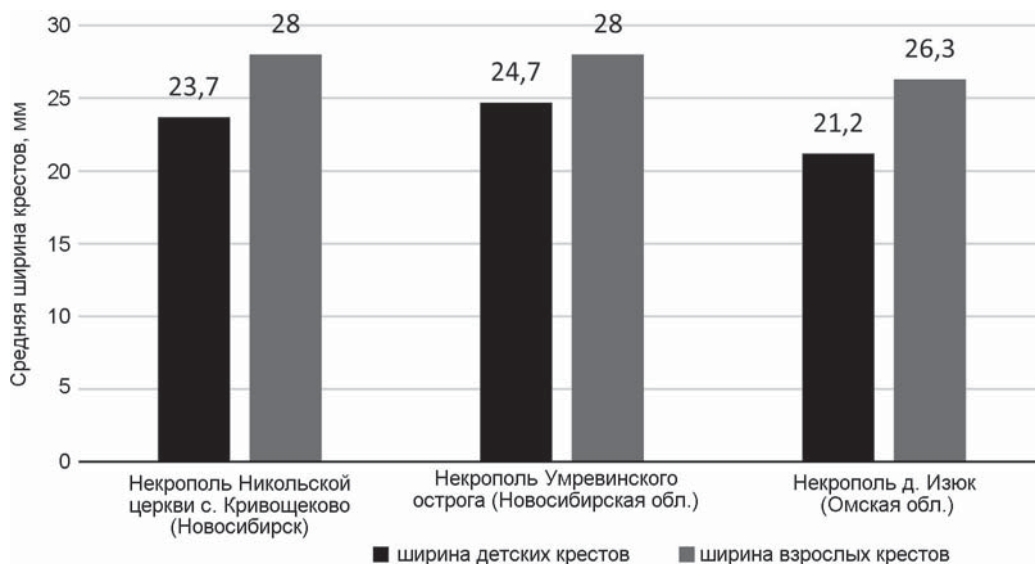

Рис. 1. Размеры детских и взрослых нательных крестов в православных некрополях Среднего Прииртышья и Новосибирского Приобья.

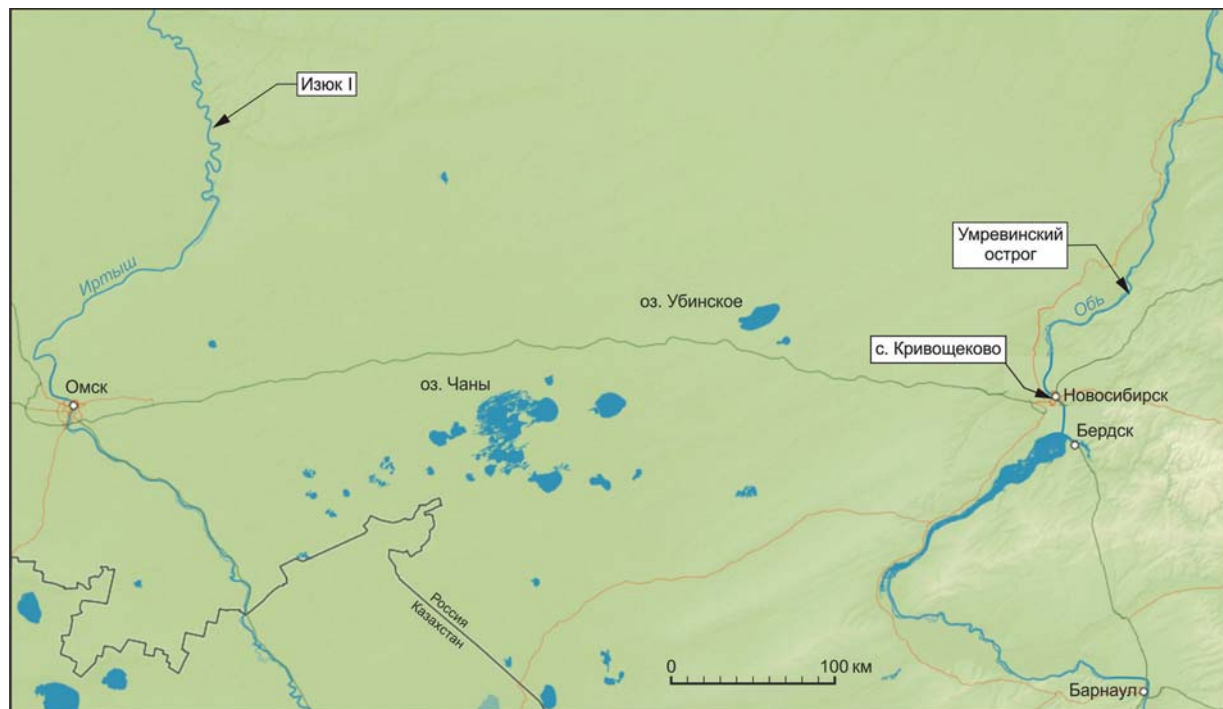

Рис. 2. Карта размещения в Среднем Прииртышье и Новосибирском Приобье православных некрополей, упомянутых в настоящей статье.

Рис. 3. Примеры условных типов крестов.

Для сопоставления размера нательных крестов с полом погребенного сформирована источниковая база из 38 погребений, в которых присутствовал нательный крест и для которых установлен пол

погребенного (23 женщины и 15 мужчин). Средняя ширина креста в мужских погребениях составила 27,1 мм, в женских – 28,1 мм. С одной стороны, разница незначительная и при большей источни-

Таблица 2. Связь размеров нательных крестов определенного типа с возрастными группами погребенных

Условный тип*	Форма креста	Тип по: [Молодин, 2007] (тип-подтип-вариант-подвариант)	Взрослые			Детские			Разница средних размеров, мм
			Кол-во, шт.	Доля, %	Средний размер, мм	Кол-во, шт.	Доля, %	Средний размер, мм	
1		1-1	2	25,0	22,7	6	75,0	20,45	2,3
2		1-2-3-2	6	66,7	30	3	33,3	27	3
3		1-2-3-3 1-2-3-4 1-2-4-1 1-2-4-2 1-2-4-5	2	22,2	29	7	77,8	24,5	4,5
4		1-2-3-5*	14	63,6	27,7	8	36,4	22,7	5
5		2-3-1 2-3-2 8-1	0	0,0	–	4	100,0	24,4	–
6		5	13	65,0	28,4	7	35,0	22,5	5,9
7		6-4-1-3 6-4-2-1 7-2-1 7-2-2-1 7-2-4-1 7-2-5-1 7-2-5-3	1	25,0	27,2	3	75,0	27,6	–0,4
<i>Всего</i>		–	41	–	27,5	38	–	24,2	3,4

*Указанные типы выделены авторами исключительно для решения задач, поставленных в настоящей работе.

ковой базе могла бы и вовсе полностью нивелироваться. Однако, согласно данным красносельского литейного мастера А.П. Серова, разница в ширине мужских и женских нательных крестов большинства сортов находится в диапазоне 1–2 мм. При этом женские кресты имеют большую ширину (табл. 1). Окончательно решить вопрос относительно разницы размеров мужских и женских нательных крестов можно будет только на основе более широкой источниковой базы. Такая источниковая база не может быть сформирована по материалам только одного памятника, т.к. количество погребений с нательными крестами и установленным полом погребенного на каждом в отдельности памятнике будет представлено несколькими десятками, что недостаточно для получения обо-

снованных выводов.* Необходимо провести соответствующее исследование на базе нескольких некрополей. Такой подход более предпочтителен еще и потому, что позволяет составить представление о соотношении размеров нательных крестов и пола погребенного в рамках более широкого территориального охвата.

*В большинстве исследованных некрополей количество раскопанных могил составляет от нескольких десятков до 300–400 погребений. Около половины из них представлены младенческими и детскими захоронениями, для которых пол не определяется с необходимой точностью. Из оставшихся погребений лишь 20–60 % содержат нательные кресты, часть из которых может оказаться непригодна для измерения ширины в силу плохой сохранности.

Для выявления связей между размером нательного креста, типом креста и возрастом погребенного была сформирована источниковая база из 79 погребений с установленным возрастом погребенного и наличием достаточно массового типа нательного креста. Всего для данного исследования нами было выделено семь типов крестов по их форме (рис. 3). К маленьким, или детским, отнесены кресты шириной до 25 мм включительно, к большим, или взрослым, – 26 и более мм.

Для пяти из семи выделенных типов нательных крестов характерна существенная разница в средних размерах между крестами из детских и взрослых погребений (табл. 2). Детские кресты уже взрослых на 2,3–5,9 мм. Наибольшая средняя разница в ширине крестов присуща условным ти-

пам 3 (4,5 мм), 4 (5 мм) и 6 (5,9 мм). Данный вывод вполне достоверен для достаточно многочисленных и более или менее равномерно распределенных по возрастам условных типов 4 и 5. Достоверность сделанных наблюдений требует уточнения для малочисленных или неравномерно распределенных по возрастам условных типов 1, 2 и 3.

Малочисленный и неравномерно распределенный по возрастам условный тип 7 демонстрирует отсутствие разницы в ширине креста в зависимости от возраста погребенных. Абсолютные размеры крестов этого типа (ок. 27 мм в ширину) позволяют утверждать, что крестов детских размеров этого типа на исследуемом некрополе нет.

Условный тип 5 встречается на некрополе Никольской церкви с. Кривошеково исключительно в детских захоронениях. При этом средняя ширина таких крестов достаточно велика – 24,4 мм (табл. 2). По своему большому размеру и встречаемости исключительно в детских погребениях кресты этого условного типа сходны с крестами условного типа 7.

В целом необходимо отметить, что кресты большинства типов существенно различаются по размерам в зависимости от возраста погребенного (взрослый или ребенок). При этом нательные кресты условных типов 5 и 7, во-первых, встречаются преимущественно в детских захоронениях и, во-вторых, имеют достаточно большие размеры, что позволяет противопоставлять их крестам других типов по исследуемым параметрам.

Для проведения планиграфического анализа использована источниковая база идентичная той, что была сформирована для выявления связей между размером нательного креста, типом креста и возрастом погребенного (79 погребений). Задача планиграфического анализа состояла в выявлении закономерностей планиграфического распределения нательных крестов в зависимости от их размера и принадлежности захороненному определенного возраста (ребенок или взрослый). Планиграфический анализ позволил выявить ряд закономерностей в распределении нательных крестов с определенными характеристиками в пространстве некрополя.

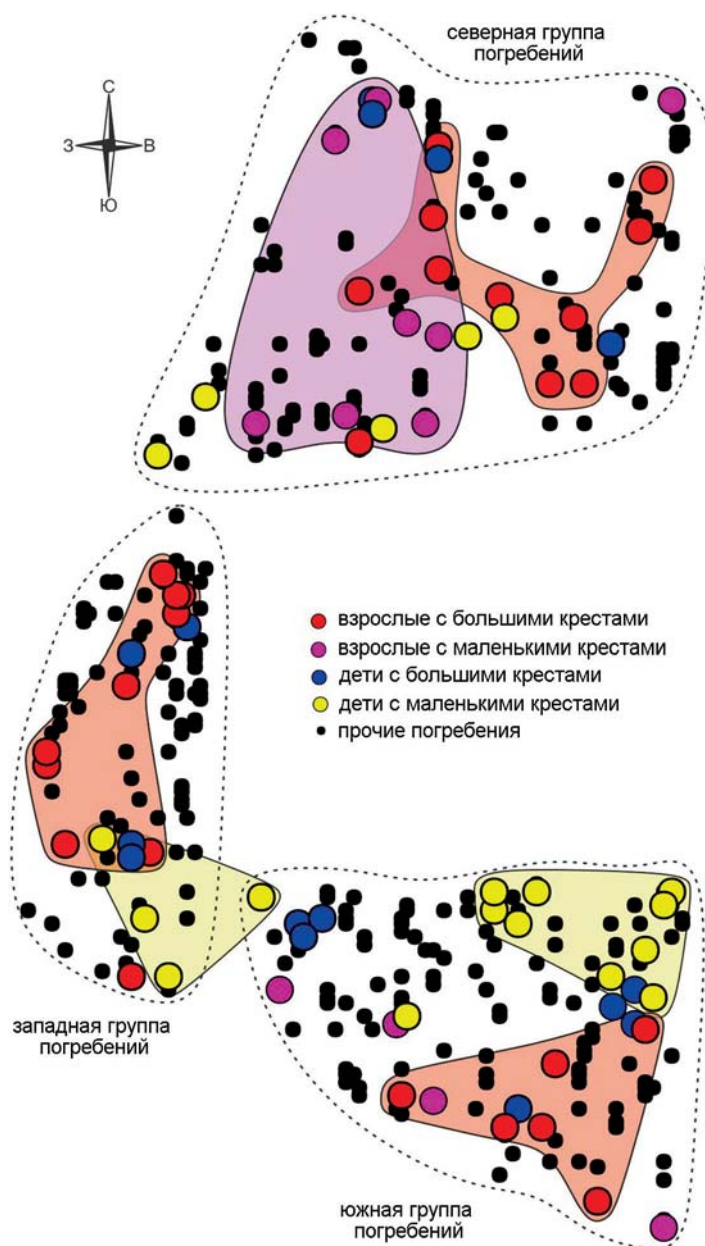

Рис. 4. Локализация в пространстве некрополя захоронений людей различных возрастов с нательными крестами различных размеров.

Захоронения взрослых с большими нательными крестами в пространстве некрополя распределены не равномерно: они компактно локализируются в средней и восточной частях северной группы погребений, в средней и северной частях западной группы погребений и в южной и юго-восточной частях южной группы погребений (рис. 4). Захоронения взрослых с маленькими крестами локализованы в пространстве некрополя более дисперсно, однако значительная их часть компактно локализуется в средней и западной частях северной группы погребений. Примечательно, что из семи крестов этой локальной группы пять принадлежат к условному типу 4. Погребения детей с большими крестами распределены в пространстве некрополя достаточно равномерно. Можно отметить лишь очень компактную локализацию трех таких погребений в северо-западной и восточной частях южной группы погребений. Кроме того, погребения детей с маленькими крестами компактно располагались в южной половине западной группы погребений и в северо-восточной части южной группы погребений.

Само по себе не равномерное, а компактное расположение погребений с захороненными определенного возраста, имевшими при себе кресты определенного размера (и типа (4) для компактной группы захоронений взрослых с крестами небольших размеров), позволяет сделать вывод о том, что в таких элементах погребального обряда, как размер нательного креста у погребенного определенного возраста (взрослый или ребенок), находили отражение некоторые факты, события и явления прошлого. На данном этапе развития археологии православных некрополей Сибири и Дальнего Востока не представляется возможным провести детализированную интерпретацию обнаруженных закономерностей. Однако уже сейчас можно выдвинуть гипотезу о том, что в выявленных связях находит отражение хронологическая последовательность формирования некрополя, конфессиональное (никониане, старообрядцы различных согласий) или локально-традиционное разнообразие сообщества людей (выходцы из разных районов Российского государства), хоронивших на рассматриваемом некрополе умерших.

Прежде исследователи не уделяли внимания анализу размеров нательных крестов в различных аспектах (в частности, в комплексе с типом креста, возрастом погребенного и локализацией в пространстве некрополя). Представленные в настоящей статье результаты анализа размеров нательных крестов различных типов из захоронений взрослых и детей некрополя Никольской церкви с. Кривошеково на территории современного Новосибирска показали, что в комбинации исследованных пара-

метров содержится информация о действительности прошлого. Выявленные закономерности позволяют сделать вывод о наличии высокого информационного потенциала, заключенного в различных составляющих погребального обряда православного населения Сибири.

Благодарности

Работа выполнена за счет гранта РФФИ, проект № 19-49-540006 «Некрополь и культурный слой села Кривошеково – источник реконструкции этносоциального развития Новосибирска в XVIII–XIX веках (по материалам археологических раскопок)».

Список литературы

Бердников И.М. Нательные кресты, иконы и образки из раскопок Крестовоздвиженского некрополя (г. Иркутск) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2012. – № 1. – С. 138–165.

Вальченко В.Е. Нательные кресты из Албазинского острога // Материалы LV Рос. археол.-этнограф. конф. студ. и молодых ученых. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2015. – С. 159–160.

Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазья: судьба заполярного города. – Нефтеюганск; Екатеринбург: Кауран, 2017. – 360 с.

Герман К.Э. Кресты-тельники с Кижского погоста // Церковь Преображения Господня на острове Кижь: 300 лет на заонежской земле. – Петрозаводск: Изд. центр музея-заповедника «Кижь», 2014. – С. 216–220.

Горохов С.В. Детские и взрослые нательные кресты XVII–XIX вв. в Сибири // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2019. – № 2. – С. 49–58.

Молодин В.И. Кресты-тельники Илимского острога. – Новосибирск: ИНФОЛИО, 2007. – 248 с.

Молодин В.И. Очерки по ставрографии. – Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. пед. ун-та, 2008. – 164 с.

«Об истории литейного дела икон и крестов меднолитейного заведения Серова Петра Яковлевича, с. Красное Костромской области». Из тетради красносельского литейного мастера А.П. Серова (1899–1974) // Русское медное литье. – М.: Сол Систем, 1993. – Вып. 2. – С. 155–160.

References

Berdnikov I.M. Pectoral Crosses, Icons, and Miniature Icons from Excavations at Krestovozdvizhensky Necropolis (Irkutsk). *Izhvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya"*, 2012, No. 1, pp. 138–165. (In Russ.).

German K.E. Kresty-tel'niki s Kizhskogo pogosta. In *Tserkov' Preobrazheniya Gospodnya na ostrove Kizhi: 300*

let na zaonezhskoi zemle. Petroz'avodsk: Izdatelskii tsentr muzeya-zapovednika "Kizhi", 2014, pp. 216–220. (In Russ.).

Gorokhov S.V. Children's and Adult Cross Pendants of the 17th–19th Centuries in Siberia. *Vestnik arkhologii, antropologii i etnografii*, 2019, No. 2, pp. 49–58. (In Russ.).

Molodin V.I. Kresty-tel'niki Ilimskogo ostroga. Novosibirsk: INFOLIO, 2007, 248 p. (In Russ.).

Molodin V.I. Ocherki po stavrografii. Krasnoyarsk: State Ped. Univ. Press, 2008, 164 p. (In Russ.).

«**Ob istorii** liteinogo dela ikon i krestov medno-liteinogo zavedeniya Serova Petra Yakovlevicha, s. Krasnoe Kostromskoi oblasti». Iz tetradi krasnosel'skogo liteinogo

mastera A.P. Serova (1899–1974). In *Russkoe mednoe lite*. Moscow: Sol Sistem, 1993, iss. 2, pp. 155–160. (In Russ.).

Valchenko V.E. Pectoral Crosses from Albazin Fortress. In *Materialy LV Rossiiskoi arkhologo-etnograficheskoi konferentsii studentov i molodykh uchenykh*. Irkutsk: Irkutsk State Univ. Press, 2015, pp. 159–160. (In Russ.).

Vizgalov G.P., Parkhimovich S.G. Mangazeya: usad'ba zapolyarnogo goroda. Nefteyugansk; Yekaterinburg: Karavan, 2017, 360 p. (In Russ.).

Горохов С.В. <https://orcid.org/0000-0002-8100-5924>

Сальникова И.В. <https://orcid.org/0000-0003-3239-9418>

Р.В. Давыдов✉, **И.С. Половников**, **Р.Л. Собинов**, **О.А. Митько**

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
E-mail: puer-viro@mail.ru

Опыт использования спутниковых снимков и беспилотных управляемых летательных аппаратов при проведении разведочных работ в северной части Тесинского археологического микрорайона в Боградском районе Республики Хакасия

В текущем полевом сезоне была начата работа по картографированию Тесинского археологического микрорайона в Боградском р-не Республики Хакасия. Исследования велись в его северной части (левобережье р. Тесь), ограниченной с севера и запада хребтом Корова, с востока – Красноярским водохранилищем, с юга – р. Тесь. На исследуемой площади в разные годы был открыт ряд памятников, из которых вне зоны затопления остались Копёнский чаатас и могильник Тесинский Залив-1. Целью работ был поиск и фиксация археологических погребальных памятников на основе методики площадных разведок с комплексным использованием данных спутниковых снимков и беспилотных летательных аппаратов (БПЛА). Поставлены задачи: разработка алгоритма работы; картографирование участка разведки; качественная оценка этапов работы (анализ спутниковых снимков, натурное обследование, съемка БПЛА). На подготовительном этапе группы объектов были локализованы благодаря анализу спутниковых снимков. Затем произведена проверка данных при натурном обследовании, установлены предварительные границы групп. Исходя из указанных границ, осуществлена съемка БПЛА, после чего выполнена наземная фотофиксация с нанесением GPS-меток. Результаты натурного обследования соотнесены с ортофотопланами, выполнена досъемка пропущенных при наземной работе объектов. С помощью программного обеспечения Agisoft PhotoScan, Surfer, Global Mapper были построены облака точек, карты высот и топографические планы, ортофотопланы. В результате работ зафиксировано 11 могильников и одиночных курганов тагарской культуры. Обоснована необходимость корректировки границ Копёнского чаатаса, поскольку на территории, вплотную примыкающей к нему с севера, выявлена серия курганов тагарской культуры и крупный грунтовый могильник таштыкской культуры. Дана качественная оценка эффективности анализа космоснимков, натурального осмотра и съемки БПЛА.

Ключевые слова: Хакасско-Минусинская котловина, Боградский р-н, Красноярское водохранилище, ранний железный век, тагарская культура, таштыкская культура, Средневековье, курганные могильники.

Roman V. Davydov✉, **Ivan S. Polovnikov**, **Roman L. Sobinov**, **Oleg A. Mitko**

Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia
E-mail: puer-viro@mail.ru

Use of Satellite Images and Drones in Surveying the Northern Part of the Tesinsky Archaeological Microdistrict in Bogradsky District of the Republic of Khakassia

Works on mapping the Tesinsky archaeological microdistrict in Bogradsky District of the Republic of Khakassia started in the field season of 2020. Research was conducted in the northern part of the microdistrict (left bank of the Tes River), bounded by the Korova Ridge on the north and west, by the Krasnoyarsk Reservoir on the east, and by the Tes River on the south. A number of sites were discovered in the area under study in different years; the Kopyonsky chaatas and Tesinsky Zaliv-1 burial ground have remained outside the flooded zone. The works were aimed at searching and identifying archaeological

burial sites using the method of aerial survey with integrated use of satellite imagery and drones; research objectives included developing the working algorithm, mapping the survey area, and making a qualitative assessment of working stages (analysis of satellite images, field survey, and drone survey). At the preliminary stage, groups of objects were located using satellite images. This information was checked during the field survey, and preliminary boundaries of the groups were established. Drone survey was conducted based on these boundaries, after which ground photographing with the GPS-tags was done. The results of the field survey were correlated with orthophotomaps; additional survey of the objects missed during the ground work was done. Point clouds, elevation maps, topographic plans, and orthophotoplans were built using Agisoft PhotoScan, Surfer, and Global Mapper software. This work resulted in detecting eleven burial grounds and individual burial mounds of the Tagar culture. The necessity of adjusting the boundaries of the Kopyonsky chaatas has been confirmed, since a series of burial mounds of the Tagar culture and large burial ground of the Tashtyk culture have been identified in the territory adjacent to the Kopyonsky chaatas on the north. Qualitative assessment of effectiveness of analyzing satellite images, field survey, and drone photography was performed.

Keywords: Khakass-Minusinsk Depression, Bogradsky District, Krasnoyarsk Reservoir, Early Iron Age, Tagar culture, Tashtyk culture, Middle Ages, burial grounds of the barrow type.

Введение

Начиная с первой половины XX в. аэрофотосъемка активно применяется отечественными исследователями при картографировании и планиграфическом анализе крупных памятников [Халиков, Игонин, 1974]. С распространением беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) они стали использоваться для выполнения снимков с воздуха. Развитие технологий позволило производить съемку больших по площади и планиграфически сложных зон [Жуковский, 2015]. Последнее особенно актуально при исследовании археологических микрорайонов.

Тесинский археологический микрорайон расположен в Боградском р-не Республики Хакасия. Он локализуется в долине р. Тесь, левого притока Енисея; с севера, запада и юга ограничен хребтами Корова и Большие Бояры, с востока Красноярским водохранилищем. Общая площадь составляет более 20 км². Русло р. Тесь разделяет археологический микрорайон на две части – северную (левобережную) и южную (правобережную).

Насыщенность данной территории археологическими памятниками обуславливает необходимость ее подробного картографирования. Сравнительно большая площадь (более 20 км²) диктует необходимость отработки методики, ориентированной на применение дистанционного фотографирования поверхности земли.

Целью работ в текущем полевом сезоне был поиск и фиксация археологических погребальных памятников от эпохи раннего железного века до Средневековья на основе методики площадных разведок с комплексным использованием данных спутниковых снимков и БПЛА. Были поставлены следующие задачи: разработка алгоритма работы; картографирование участка разведки; качественная оценка этапов работы.

В современных археологических разведках практика использования спутниковых сним-

ков на подготовительном этапе работ достаточно распространена [Хаванский, 2020]. Основная сфера применения БПЛА в археологических исследованиях – документирование археологических раскопок, планиграфический анализ объектов и 3D-моделирование [Жуковский, 2015; Opitz, Herrmann, 2018, p. 20; Themistocleous, 2019]. В археологических разведках БПЛА применяются для съемки конкретных памятников в дополнение к натурному обследованию [Opitz, Herrmann, 2018].

Используемое программное обеспечение достаточно однообразно и обусловлено исходными данными. Построение ортофотопланов осуществляется в программе Agisoft PhotoScan [Жуковский, 2015, с. 73; Курков и др., 2018, с. 153; Themistocleous, 2019, p. 251]. Сопоставление результатов съемки и других материалов производится в ГИС-программах (QGis) [Курков и др., 2018, с. 153; Opitz, Herrmann, 2018, p. 31].

Основной тенденцией в развитии применения БПЛА является разработка комплексных методик неструктивного изучения конкретных памятников [Курков и др., 2018; Opitz, Herrmann, 2018; Themistocleous, 2019]. Оформление методики съемки больших территорий в рамках археологических разведок является альтернативным направлением работ, цель которых – оптимизация процесса в интересах охвата больших площадей при сохранении качества результатов.

Изыскания проводились на левобережной части Тесинского археологического микрорайона, выделяемой по естественным природным границам: с севера и запада – хребет Корова, с востока – Красноярское водохранилище, с юга – р. Тесь (в настоящее время ее русло в месте впадения в р. Енисей образует залив).

Протяженность исследуемого участка по береговой линии составила до 5 км, от берега водохранилища до хребта – от 1 до 3 км, общая площадь – ок. 8 км². В разные годы на нем были

открыты и исследовались Копёнский чаатас, средневековое поселение у с. Малые Копёны, тагарские и карасукские могильники Малые Копёны-1–4, карасукский могильник Медведка, могильник Тесинский Залив-1 (разведочные работы 2012 г.) [Евтюхова, Киселев, 1940; Евтюхова, 1948, с. 30–53, 74–80; Зяблин, 1977, с. 12; Вадецкая, 1986, с. 24, 38, 66, 67, 103, 109; Митько и др., 2017, с. 354]. Большая часть памятников (кроме Копёнского чаатаса и могильника Тесинский Залив-1) попала в зону затопления (рис. 1).

Процедура разведочных работ

Методика. При проведении разведки изначально был сделан анализ спутниковых снимков, выявлены зоны скопления объектов. Во время полевого выезда группы объектов осмотрены с поверхности земли, определены примерные границы распространения объектов. В данных границах с отступом осуществлены полеты БПЛА, затем производилась наземная фотофиксация объектов с созданием GPS-меток. Одновременно в полевых условиях составлялись предварительные ортофотопланы. После построения ортофотопланов GPS-метки сопоставлялись с ними, не обнаруженные с земли объекты доснимались. В камеральных условиях ортофотопланы анализировались, проводился полный учет обнаруженных объектов и определение границ памятников.

Анализ спутниковых снимков. Первоначальный анализ космоснимков в зоне разведочных работ был проведен с использованием программного обеспечения Google Earth Pro. Выяснилось, что наиболее удобными для интерпретации являются зимние карты, поскольку контуры снежных наносов достаточно четко выделяют выравненные на местности курганные насыпи.

Контуры зафиксированных объектов были сформированы в отдельный kml-файл в системе коор-

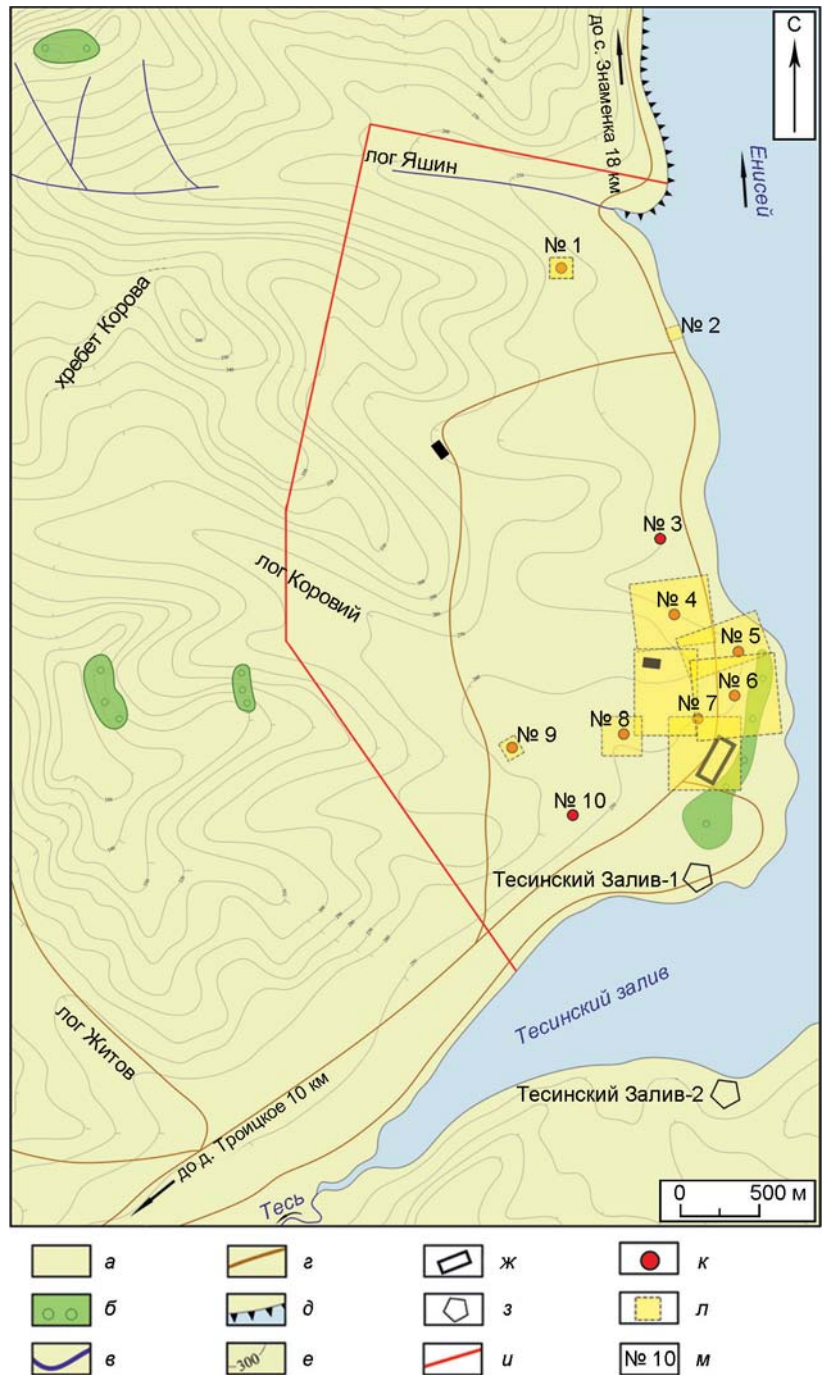

Рис. 1. Топографический план зоны площадной разведки 2020 г. с указанием скопления объектов согласно данным спутниковых снимков и участков съемки БПЛА. Сплошные горизонтали проведены через 10 м.

а – степная растительность; *б* – лес; *в* – река или водоток; *г* – проселочная дорога; *д* – обрыв; *е* – сечения горизонталей; *ж* – местоположение Копёнского чаатаса; *з* – местоположение памятников, выявленных в ходе разведок 2012 г.; *и* – граница площадной разведки в 2020 г.; *к* – местоположение групп объектов согласно спутниковым снимкам; *л* – примерные границы съемки БПЛА; *м* – общая рабочая нумерация групп объектов.

динат WGS-84. Также отмечены могильник Тесинский Залив-1 (с координатами точек поворота) и Копёнский чаатас (границы установлены по опубликованным схемам) [Евтюхова, Киселев, 1940, рис. 1]. Таким образом, на основе анализа спутни-

ковых снимков удалось выявить местоположение девяти отдельных групп объектов и ранее открытых памятников археологического наследия (рис. 1).

Первичный визуальный осмотр. Во время полевого выезда был проведен предварительный наземный осмотр выявленных объектов. В одном случае не было отмечено никаких признаков искусственных сооружений – неровности рельефа на спутниковом снимке выглядели как курганные насыпи (группа № 3) (рис. 1). В другом случае зафиксирована группа из двух курганов, не обнаруженная при анализе спутниковых карт. Они практически не выражены в рельефе местности и были зафиксированы благодаря стелам, слабо возвышающимся над поверхностью (группа № 2) (рис. 1).

В результате первичного осмотра установлены примерные границы выявленных групп. Пять из них (№ 1, 2, 8–10) представляли собой четко выделенные обозримые группы (рис. 1). Другие четыре (№ 4–7) расположены очень компактно, приурочены к границам Копёнского чаатаса (рис. 1). В ряде случаев их границы сливаются, и ввиду большой концентрации и разнородности объектов установить точное количество и взаиморасположение погребальных памятников на основе визуальных наземных наблюдений крайне сложно.

Использование БПЛА и наземная фиксация. Исходя из результатов анализа спутниковых снимков, уточненных наземным осмотром местности, были определены зоны полетов БПЛА.

Работы были проведены с использованием БПЛА DJI Mavic 2 Pro с внешней камерой Hasselblad 20 Мпк. При съемке, помимо фотоснимков, происходит привязка кадра к системе координат WGS-84. Полеты проводились в программируемом режиме с высоты 50 м, перекрытие кадров 70–90 %.

В случае с отдельно стоящими группами объектов зона съемки отступала за их границы на 50–60 м. Фиксация происходила за один полет. После этого проводилась фотосъемка объектов с земли. Контрольная проверка осуществлялась по отдельным кадрам.

Удалось отснять четыре из пяти скоплений. При работе с пятым ввиду погодных условий использовать БПЛА не удалось. Съемка проходила с земли со снятием GPS-меток. В дальнейшем метки были сопоставлены со спутниковыми картами. Поскольку объекты представляли собой крупные курганы тагарской культуры, они хорошо фиксировались на космоснимках.

Отдельный комплекс работ был проведен на возвышенности Солонцы (топоним согласно описанию Л.А. Евтюховой), на которой расположен Копёнский чаатас [Евтюхова, 1948, с. 31]. Компактное расположение скоплений объектов и размытость их

границ не позволили снять группы по отдельности. Визуально зафиксировать с земли все мелкие объекты, в первую очередь западины грунтовых могил, не представлялось возможным. В связи с этим было решено провести съемку всей площади Копёнского чаатаса и прилегающих к нему групп объектов. В пять полетов удалось детально отснять территорию 1 040 × 842 м.

После каждого полета строился предварительный ортофотоплан. В это время с целью ускорения работы производилась наземная фотофиксация объектов с присвоением им рабочей нумерации и съемкой GPS-меток. После завершения работ с земли полученные метки сопоставлялись с ортофотопланами. Как правило, ввиду большого количества объектов разных типов, некоторые объекты (особенно западины грунтовых могил) оказывались пропущены при наземных работах. После сверки происходила съемка оставшихся погребений.

Камеральная обработка данных съемки. Обработка полученных серий фотоснимков производилась в программном обеспечении Agisoft PhotoScan. Для каждого участка съемки получены плотное облако точек (размер 3 007 995–10 115 117 точек, в зависимости от площади съемки), карта высот (разрешение 8,79–16,9 см/пк), ортофотоплан (разрешение 1,1–2,12 см/пк), сплошные горизонталы через 1 м.

Плотное облако точек может быть экспортировано в формате .dxf для дальнейшей обработки и построения в программном обеспечении Surfer, ориентированном на публикацию 3D-моделей и топографических карт. Кроме того, в Surfer и в PhotoScan имеется возможность импорта фигур, kml- и kmz-файлов с сохранением привязки к используемой системе координат.

Соединение участков съемки и выравнивание зон по высоте производилось также в PhotoScan. Альтернативным программным обеспечением для этих целей служат ГИС-программы, например, Global Mapper. Применение данного ПО позволило сопоставить ортофотопланы, топографические карты, GPS-отметки курганов и kml-файлы объектов, экспортированных из Google Earth Pro, в единой системе координат WGS-84.

Благодаря ортофотопланам были получены детальные схемы памятников, в т.ч. выявлены объекты, рельефные признаки которых с земли не просматриваются (рис. 2, 1). Ортофотопланы дополняли карты высот, на которых четко выделялся рельеф местности с насыпями и западинами. Они позволили точно определить границы памятников (рис. 2, 2). Сплошные горизонталы с высотными отметками использовались для построения планов с учетом окружающего рельефа.

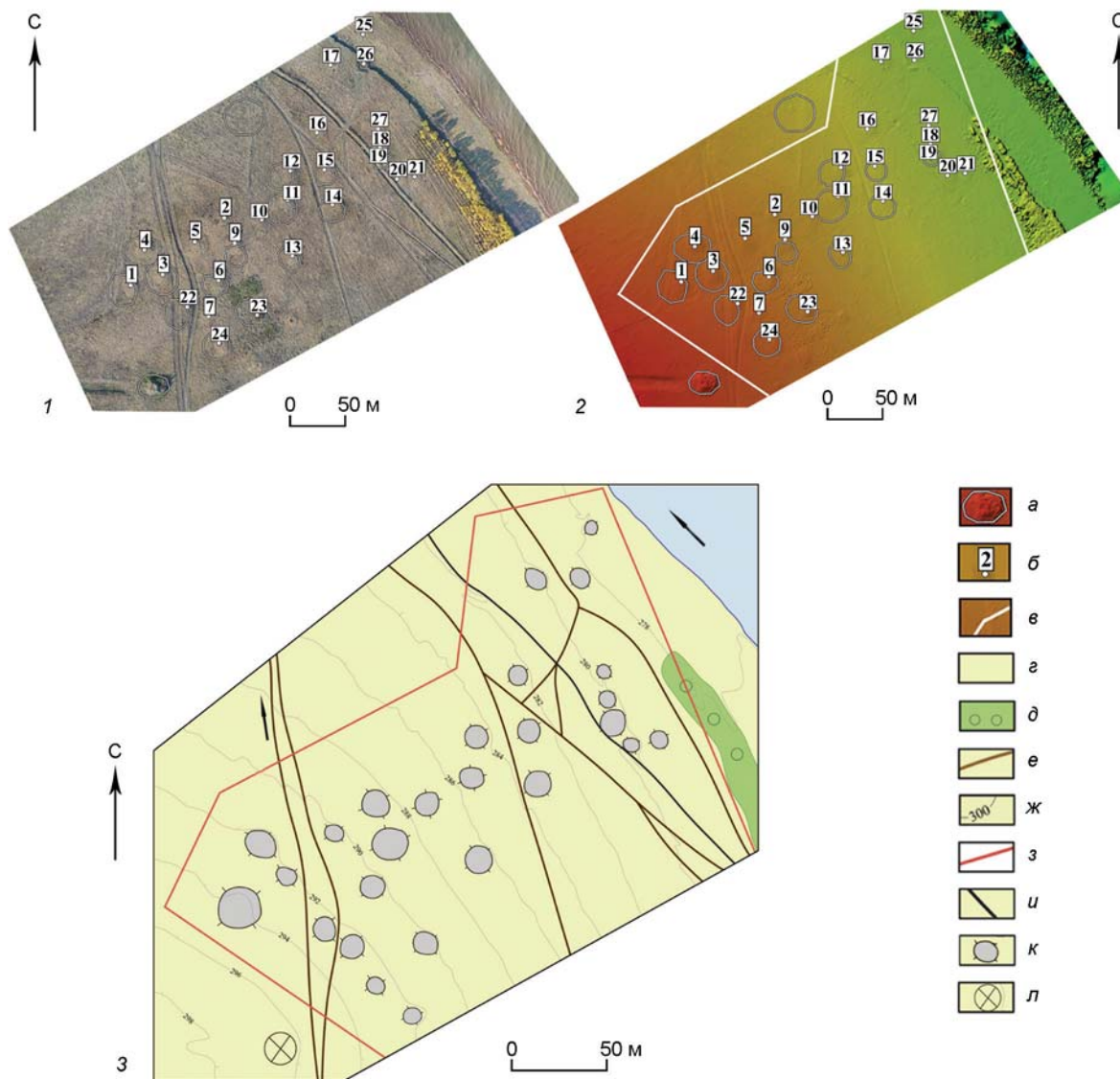

Рис. 2. Результаты съемки БПЛА группы объектов № 5 (северная часть примыкающего к Копёнскому чагатусу участка).
 1 – ортофотоплан; 2 – карта высот; 3 – рабочий топографический план. Сплошные горизонтали проведены через 2 м.
 а – границы объектов, выявленных по спутниковым снимкам; б – GPS-отметки объектов, выявленных в результате наземной съемки;
 в – предварительные границы памятника; г – степная растительность; д – лес; е – проселочная дорога; ж – сечения горизонталей; з – границы памятника; и – канава; к – курганные насыпи; л – скотомогильник.

Результаты разведочных работ

Практические результаты. В результате проведенной разведки зафиксировано 11 памятников археологического наследия (рис. 3).

Могильник Яшин Лог-1. Расположен у подножья хребта Корова в 0,7 км от берега Красноярского водохранилища. Включает два кургана тагарской культуры. Насыпи диаметром 20 и 30 м, высота 1 и 1,2 м соответственно. Сохранилось по 6–8 стел и следы оград.

Могильник Яшин Лог-2. Расположен на берегу Красноярского водохранилища в 750 м к юго-востоку от могильника Яшин Лог-1. Представляет собой два кургана тагарской культуры. Диаметр на-

сыпей порядка 20 м, высота – 0,5 м. Сохранились по 2 угловые стелы.

Могильник Коровий Лог-1. Расположен в 0,9 км от берега Красноярского водохранилища и в 2,4 км к северу от Тесинского залива. Включает 12 курганов тагарской культуры. Диаметр насыпей 15–25 м, высота до 0,7 м. Сохранилось от 2 до 6 стел.

Одиночный курган Коровий Лог-2. Курган тагарской культуры. Расположен в 75 м к юго-востоку от границ памятника Коровий Лог-1. Диаметр насыпи 27 м, высота 0,6 м. Сохранилось 2 стелы.

Одиночный курган Коровий Лог-3. Расположен на склоне хребта Корова в 2,4 км от берега Красноярского водохранилища. Представляет собой курган тагарской культуры. Диаметр насыпи 23 м,

Рис. 3. Топографический план зоны площадной разведки 2020 г. с указанием местоположения зафиксированных памятников. Сплошные горизонтали проведены через 10 м.

a – степная растительность; *б* – лес; *в* – река или водоток; *г* – проселочная дорога; *д* – обрыв; *е* – сечения горизонталей; *ж* – местоположение Копёнского чаатаса; *з* – местоположение памятников, выявленных в ходе разведок 2012 г.; *и* – граница площадной разведки в 2020 г.; *к* – местоположение выявленных памятников археологического наследия; *л* – границы распространения объектов, примыкающих к Копёнскому чаатасу.

высота – 1,1 м. Сохранилось 6 стел и фрагменты ограды.

Могильник Коровий Лог-4 – группа из 4 курганов тагарской культуры. Расположен в 450 м к востоку от Копёнского чаатаса. Диаметр насыпей 20–30 м, высота до 0,7 м. На курганах сохранилось по 3–6 стел.

Могильник Коровий Лог-5 – цепочка из 10 курганов тагарской культуры. Расположен на склоне хребта Корова в 0,8 км к северу от побережья Тесинского залива. Диаметр насыпей до 25 м, высота – до 0,6 м. Сохранилось до 4 стел.

Одиночный курган Коровий Лог-6 – курган тагарской культуры, расположенный в 0,11 км к юго-востоку от памятника Коровий Лог-5. Диаметр насыпи 30 м, высота 0,7 м. Стелы не сохранились.

Могильник Коровий Лог-7. Включает 9 курганов тагарской культуры. Расположен в 0,14 км к югу от одиночного кургана Коровий Лог-7. Диаметр насыпей 20–30 м, высота до 0,7 м.

Могильник Коровий Лог-8. Представляет собой группу из двух грунтовых могил таштыкской культуры. Расположен в 0,11 км к востоку от Копёнского чаатаса. Диаметр западин 2,5–3 м, глубина до 1 м.

Могильник Коровий Лог-9 – две грунтовые могилы таштыкской культуры. Расположен в 0,12 км к юго-востоку от Копёнского чаатаса. Диаметр западин 4–5 м, глубина до 1 м.

Также были скорректированы границы Копёнского чаатаса. Установлено, что опубликована только южная часть памятника (протяженность 340 м по линии С – Ю и 210 м по линии З – В). В то же время в непосредственной близости от него расположено 43 кургана тагарской культуры. Они делятся на малые, диаметром до 10 м и высотой до 0,5 м, и средние – диаметр насыпей до 25 м, высота до 60 см. Сохранилось по 2–6 стел. Курганы сливаются с крупным грунтовым могильником таштыкской культуры. Всего обнаружено 93 западины. Они также делятся на две группы: большие – диаметром до 4 м и глубиной до 1 м, и малые – диаметром до 1 м и глубиной до 0,4 м.

Наличие данных объектов обуславливает необходимость расширения границ памятника на север до наибольших размеров 920 м по линии С – Ю и 600 по линии З – В.

Методические наблюдения. Сопоставление данных спутниковых снимков, результатов натурного обследования и ортофотопланов позволило сделать качественную оценку каждого этапа работы.

При анализе спутниковых снимков фиксируются только четко выраженные на местности объекты. Так, в выделенной по космоснимкам группе № 5 выявлено 16 объектов. После натурного обследования и съемки БПЛА к группе отнесено 27 курганов (см. рис. 2). Погребения в виде грунтовых могил на спутниковых снимках практически невозможно идентифицировать. Данные о местонахождении групп объектов также относительны и требуют подтверждения при натурном обследовании. Основное применение космоснимков – предварительная наметка участков работ и определение местоположения ранее выявленных памятников.

Наземное обследование с фотографированием и съемкой GPS-меток позволяет достаточно точно зафиксировать объекты и в последующем определить границы скоплений. Однако оно является низкоэффективным при работе с большими группами объектов, расположенных на местности со сложным рельефом. Наземный осмотр не позволяет полностью охватить крупные памятники. Целый ряд объектов упускается из виду, что приводит к погрешностям.

Съемка с использованием БПЛА позволяет за короткий срок провести детальную фиксацию крупных погребальных памятников. Ортофотопланы делают возможным подробный планиграфический анализ скоплений и четкое определение границ могильников, их положения на местности. Фиксируются объекты, заметные по изменению растительности, наличию конструкций или неровностям рельефа. Натурное обследование, как правило, подтверждает результаты съемки. В редких случаях участки с плотной растительностью могут быть приняты за курганы без стел. Потому полностью исключить наземный осмотр из процесса работ невозможно.

Главный недостаток БПЛА – зависимость от погодных условий. Точность съемки также зависит от качества камеры. Так, фотографии на использованную в работе камеру Hasselblad 20 Мпк соединяются в ортофотоплан с разрешением в среднем качестве 1–2 см/пк. Аналогичное разрешение имеет камера DJI Phantom 4 Pro. В тоже время DJI Phantom 3 уже оснащен камерой с разрешением 12,4 Мпк. Эффективность оборудования существенно выросла за одно поколение БПЛА, что позволяет прогнозировать дальнейшее повышение качества съемки. При этом камера с разрешением 12 Мпк позволяет получать ортофотопланы с разрешением до 0,3 см/пк [Жуковский, 2015, с. 78].

Важным моментом является определение границ памятников с использованием БПЛА. Согласно «Положению о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации» (п. 3.3) [2018], границы объекта археологического наследия, определенные без закладки шурфов, рассматриваются исключительно как предварительные. При исследовании погребальных памятников шурфовка, как правило, не проводится, и постановка на учет осуществляется в границах, установленных по выраженным в рельефе объектам.

Съемка БПЛА за счет сбора данных о координатах объектов и рельефе местности с четкой привязкой является полноценной инструментальной съемкой, необходимой при исследовании памятников археологического наследия (п. 3.6в). Ортофотопланы используются как отдельный способ создания топографических карт и планов (см. рис. 2, 3) [Петрищев, Данилова, 2017]. Однако данные БПЛА не всегда позволяют оценить степень техногенного вмешательства.

Таким образом, в ходе разведки в северной части Тесинского археологического микрорайона открыто 11 могильников и одиночных курганов и отработана методика площадной разведки, включающая предварительный анализ спутниковых снимков, инструментальную съемку с использованием БПЛА и наземное обследование местности.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ (проект № 20-18-00111). Р.Л. Собинов вел работу по использованию имеющихся технических средств. Его вклад составляет 20 % от общего объема работ.

Список литературы

- Вадецкая Э.Б.** Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – 180 с.
- Жуковский М.О.** Использование мультироторных БПЛА и фотограмметрических технологий обработки аэрофотосъемки в современных полевых археологических исследованиях // Виртуальная археология (эффективность методов): мат-лы Второй Междунар. конф., состоявшейся 1–3 июня 2015 г. в Государственном Эрмитаже. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. – С. 69–81.
- Зяблин Л.П.** Карасукский могильник Малые Копены 3. – М.: Наука, 1977. – 144 с.
- Евтюхова Л.А.** Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). – Абакан: Советская Хакасия, 1948. – 109 с.
- Евтюхова Л.А., Киселев С.В.** Чаа-тас у села Копены // Тр. ГИМ. – 1940. – Вып. XI. – С. 21–54.
- Курков В.М., Скрыпичина Т.Н., Журавлев Д.В., Шлотцаур У., Кобзев А.А., Князь В.А., Мишке К.**

Комплексное обследование археологических памятников с использованием воздушного и наземного зондирования // Экология. Экономика. Информатика. Сер.: Геоинформационные технологии и космический мониторинг. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2018. – Вып. 3. – С. 151–157. – doi:10.23885/2500-123x-2018-2-3-151-158.

Митько О.А., Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Поселянин А.И., Половников И.С. Начало изучения таштыкского грунтового могильника Тесинский залив-3 (Богородский район, Республика Хакасия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 354–357.

Петрищев В.П., Данилова Т.П. Применение ортофотопланов для целей ведения Государственного кадастра недвижимости // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры: мат-лы Всерос. науч.-метод. конф. – Оренбург: Изд-во Оренбург. гос. ун-та, 2017. – С. 885–891.

Положение о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации. – М.: ИА РАН, 2018. – 64 с.

Хаванский А.И. Использование цифровых технологий в археологических разведках // Актуальная археология-5: мат-лы междунар. конф. молодых ученых. Санкт-Петербург, 13–16 апреля 2020 г. – СПб.: Невская типография, 2020. – С. 59–60. – doi:10.31600/978-5-907298-04-0-2020-59-61.

Халиков А.Х., Игонин Н.И. Аэрофотосъемка крупных археологических объектов // Вестн. АН СССР. – 1974. – № 7. – С. 67–72.

Opitz R., Herrmann J. Recent Trends and Long-standing Problems in Archaeological Remote Sensing // J. of Computer Applications in Archaeol. – 2018. – N 1 (1). – P. 19–41. – doi:10.5334/jcaa.11

Themistocleous K. The Use of UAVs for Cultural Heritage and Archaeology // Remote Sensing for Archaeology and Cultural Landscapes, Best Practices and Perspectives Across Europe and the Middle East. – Switzerland, Cham: Springer, 2019. – P. 241–269. – doi:10.5334/jcaa.11

References

Evtyukhova L.A. Arkheologicheskiye pamyatniki yenisyskikh kyrgyzov (khakasov). Abakan: Sovetskaya Khakasiya, 1948, 109 p. (In Russ.).

Evtyukhova L.A., Kiselev S.V. Chaa-tas u sela Kopeny. In *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya*, 1940, iss. XI, pp. 21–54. (In Russ.).

Khalikov A.Kh., Igonin N.I. Aerofotos'emka krupnykh arkheologicheskikh ob'ektov. In *Vestnik AN SSSR*, 1974, No. 7, pp. 67–72. (In Russ.).

Khavanskii A.I. Ispol'zovanie tsifrovyykh tekhnologii v arkheologicheskikh razvedkakh. In *Aktual'naya*

arheologiya-5: materialy mezhdunarodnoi konferentsii molodykh uchenykh. Sankt-Peterburg, 13–16 aprelya 2020 g. St. Petersburg: Nevskaya tipografiya, 2020. pp. 59–60. (In Russ.). doi:10.31600/978-5-907298-04-0-2020-59-61

Kurkov V.M., Skripitsina T.N., Zhuravlev D.V., Schlotzhauer U., Kobzev A.A., Knyaz V.A., Mischka C. Comprehensive survey of archaeological sites by ground and aerial remote sensing techniques. In *Ekologiya. Ekonomika. Informatika. Seriya: Geoinformacionnye tekhnologii i kosmicheskii monitoring*. Rostov-on-Don: SSC RAS Publ., 2018, iss. 3, pp. 151–157. (In Russ.). doi:10.23885/2500-123x-2018-2-3-151-158

Mitko O.A., Khudyakov Yu.S., Skobelev S.G., Poselyanin A.I., Polovnikov I.S. Beginning of Research at the Tashtyk Earthen Burial Ground of Tesinsky Zaliv-3 (Bogradsky District, Republic of Khakassia). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 354–357. (In Russ.).

Opitz R., Herrmann J. Recent Trends and Long-standing Problems in Archaeological Remote Sensing. *Journal of Computer Applications in Archaeology*, 2018, No. 1 (1), pp. 19–41. doi:10.5334/jcaa.11

Petrishchev V.P., Danilova T.P. Primenenie ortofotoplanov dlya tselei vedeniya Gosudarstvennogo kadastra nedvizhimosti. In *Universitetskiy kompleks kak regional'nyi tsentr obrazovaniya, nauki i kul'tury. Materialy Vserossiiskoi nauchno-metodicheskoi konferentsii*. Orenburg: Orenburg State Univ. Press, 2017, pp. 885–891. (In Russ.).

Polozhenie o poryadke provedeniya arheologicheskikh polevykh rabot i sostavleniya nauchnoi otchetnoi dokumentatsii. Moscow: IA RAS, 2018, 64 p. (In Russ.).

Themistocleous K. The Use of UAVs for Cultural Heritage and Archaeology. In *Remote Sensing for Archaeology and Cultural Landscapes, Best Practices and Perspectives Across Europe and the Middle East*. Switzerland, Cham: Springer, 2019, pp. 241–269. doi:10.5334/jcaa.11

Vadetskaya E.B. Arkheologicheskie pamyatniki v stepyakh Srednego Eniseya. Leningrad: Nauka, 1986, 180 p. (In Russ.).

Zhukovskii M.O. Ispol'zovanie mul'tirotnykh BPLA i fotogrammetricheskikh tekhnologii obrabotki aerofotos'emki v sovremennykh polevykh arheologicheskikh issledovaniyakh. In *Virtual'naya arheologiya (effektivnost' metodov): materialy Vtoroi Mezhdunarodnoi konferentsii, sostoyavsheysya 1–3 iyunya 2015 goda v Gosudarstvennom Ermitazhe*. St. Petersburg: State Hermitage Museum Publ., 2015, pp. 69–81. (In Russ.).

Zyablin L.P. Karasukskii mogilnik Malye Kopeny 3. Moscow: Nauka, 1977, 144 p. (In Russ.).

Давыдов П.В. <https://orcid.org/0000-0001-6580-2811>

Половников И.С. <https://orcid.org/0000-0002-2654-9283>

Собинов П.И. <https://orcid.org/0000-0002-7881-2282>

Митько О.А. <https://orcid.org/0000-0002-7741-3167>

И.А. Дураков^{2✉}, В.И. Молодин¹, А.Е. Гришин¹

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

²Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия
E-mail: idurakov@yandex.ru

Литейная мастерская одиновской культуры (по материалам могильника Тартас-1)

Публикуются результаты исследования литейной мастерской одиновской культуры эпохи ранней – развитой бронзы, обнаруженной на территории могильника Тартас-1 в Барабинской лесостепи. Одиновская культура представлена в материалах памятника несколькими могильниками, отдельными захоронениями и, возможно, связанным с ним бронзолитейным комплексом, состоящим из четырех хозяйственных сооружений. Все эти постройки расположены компактной группой в глубине террасы, ближе к ее восточному краю, вытянутой по линии С – Ю цепочкой. К комплексу производственного инвентаря бронзолитейного комплекса следует отнести тигли для отливки металла, литейный стержень, фрагменты ошлакованной технической керамики, литейных форм и костяных предметов. Все строения выявленного на территории памятника Тартас-1 поселка литейщиков имели следы металлообрабатывающего производства, при этом проявления других видов хозяйственной деятельности здесь слабо выражены и ограничиваются находками нескольких ножевидных пластин, костяного орудия, обломка наконечника стрелы и остатков ихтиофауны. Строения имели незначительные размеры, легкую каркасную конструкцию и, судя по остаткам ихтиофауны, функционировали в весенне-летний период. При этом металлообработка демонстрирует признаки довольно высокого уровня. Анализ литейного инвентаря показал, что мастерами было освоено литье полых предметов в разъемных многочастных формах. Формовка производилась по специально изготовленным моделям на модельной плите. Использовались два типа тиглей. Данные типы впоследствии широко применялись носителями ряда археологических культур Сибири. Для изготовления форм и тиглей использовались сложные по рецептуре формовочные смеси, учитывающие назначение литейного оборудования и отличные от составов бытовой керамики. В процессе исследования обнаружена серия синхронных данным сооружениям ритуальных ям, содержащих фрагменты керамики одиновской культуры, а также кости и чешую рыбы. Таким образом, при определенных обстоятельствах бронзолитейное производство у носителей одиновской культуры сопровождалось погребальной практикой и сопровождалось циклом ритуальных действий, в которых существенное место было отведено рыбе.

Ключевые слова: Барабинская лесостепь, эпоха бронзы, одиновская культура, древняя металлообработка, литейная мастерская.

Igor A. Durakov^{2✉}, Vyacheslav I. Molodin¹, Artem E. Grishin¹

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

²Novosibirsk State Pedagogical University,
Novosibirsk, Russia
E-mail: idurakov@yandex.ru

Foundry Workshop of the Odino Culture (the Evidence from the Tartas-1 Site)

The article presents the results of studying the foundry workshop of the Odino culture (Early and Developed Bronze Age), which was discovered at the Tartas-1 burial site in the Baraba forest-steppe. The Odino culture at the Tartas-1 site is represented by several burial grounds, individual burials, and bronze casting complex consisting of four economic

structures. All these buildings were located in a compact group in a form of elongated chain along the north-south at the back of the terrace, closer to its eastern edge. Production equipment of this bronze casting complex included crucibles, mould core, as well as fragments of scorified technical ceramics, casting molds, and bone artifacts. All buildings mentioned above showed traces of metalworking, while other types of economic activities were poorly expressed with finds limited to several knife-shaped blades, bone tool, fragment of arrowhead, and remains of ichthyofauna. The buildings were small in size, had light frame structure and, judging by the remains of the ichthyofauna, functioned in the spring and summer, while metalworking showed signs of a fairly high level of development. The analysis of foundry equipment has revealed that the artisans had the skills of casting hollow objects in detachable multi-part molds. Molding was carried out according to specially made models on the mold board using two types of crucibles, which subsequently became common for the carriers of a number of Siberian archaeological cultures. Sophisticated clay compounds were employed in manufacturing molds and crucibles; these compounds were adjusted to the purpose of foundry equipment and differed from clay compounds of household pottery. A number of ritual pits contemporaneous with these buildings were discovered during the research; they contained pottery fragments of the Odino culture as well as bones and scales of fish. Thus, bronze casting in the Odino culture was sometimes accompanied by funeral rituals and cycle of ritual actions with the prominent role of fish.

Keywords: *Baraba forest-steppe, Bronze Age, Odino culture, metalworking production, foundry.*

Введение

Изучение производственных комплексов памятников эпохи бронзы имеет исключительно важное значение для понимания историко-культурных процессов конкретного сообщества. Их значимость предопределяет еще и то обстоятельство, что встречаются такие объекты не часто. Недавно такой объект, относящийся к одиновской культуре ранней – развитой бронзы, был исследован силами Западносибирского отряда Северо-Азиатской комплексной экспедиции в Барабинской лесостепи. В настоящей работе предлагается его осмысление.

Результаты раскопок и осмысление источников

Многослойный памятник Тартас-1 содержит целый ряд разновременных и разнокультурных комплексов погребального, ритуального или хозяйственного характера, охватывающих период от эпохи раннего неолита до позднего Средневековья включительно. Все это культурно-хронологическое разнообразие обусловлено удачным расположением объекта на высокой, не затопляемой паводком надпойменной террасе правого берега р. Тартас в 2,5 км от места впадения ее в р. Омь (Венгеровский р-н Новосибирской обл.).

Одиновская культура представлена в материалах памятника, по-видимому, несколькими могильниками, отдельными захоронениями и, возможно, связанным с ним бронзолитейным комплексом, состоящим из четырех хозяйственных сооружений. Все эти постройки расположены компактной группой в глубине террасы, ближе к ее восточному краю, вытянутой по линии С – Ю цепочкой.

Первая мастерская одиновского комплекса (конструкция № 4*) представляла собой полуземлянку подквадратной формы (рис. 1). Размеры ее котлована – 8,0–8,2 × 8,9–9,2 м. Стенки отвесные, дно ровное. Глубина от уровня материка колеблется в пределах 0,34–0,46 м. В середине восточной стенки котлована оформлен вход в виде длинного и узкого наклонного коридора-пандуса. Его длина достигает 2,68 м, ширина 0,76 м, глубина колеблется в пределах 0,11–0,35 м.

Внутри котлована зафиксированы ямы каркасно-столбовой конструкции. Наиболее крупные из них (глубина 0,54–0,29 м) расположены в центральной части и оставлены вертикальными столбами, обеспечивающими опору кровли. В одной из столбовых ям (№ 250**) опорной конструкции зафиксирован развал одиновского сосуда. В другой (№ 240), на уровне дна найдены элементы челюсти щуки. Видимо, эти материалы были помещены в ямы в начальной стадии строительства мастерской и могут быть своего рода строительными прикладами. Близкие к углам участки трех стен котлована имеют узкие материковые выступы, направленные к центру сооружения, их предназначение не вполне ясно. Строение реконструируется как каркасно-столбовая полуземлянка.

Производственный участок занимал всю площадь сооружения и включал плавильный очаг и несколько хозяйственных ям (№ 239, 253, 254) – мусоросборников.

Очаг располагался в центре котлована строения № 4 (рис. 1). Он представлял собой вытянутое по

*Нумерация объектов сквозная, дается согласно отчетам о полевых исследованиях В.И. Молодина за 2006–2007 гг.

**Нумерация ям на памятнике Тартас-1 – сквозная.

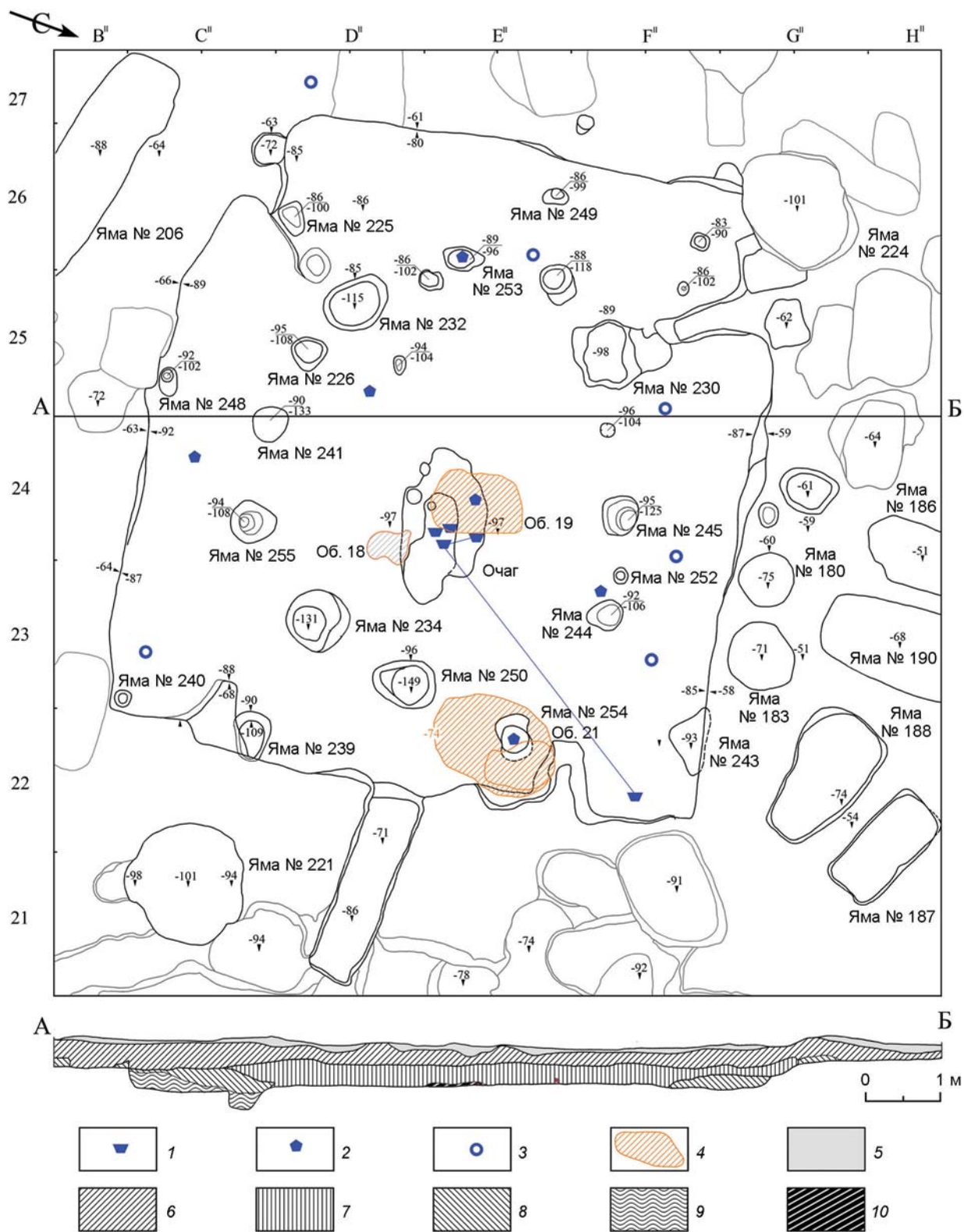

Рис. 1. Памятник Тартас-1, конструкция № 4.

1 – фрагмент тигля; 2 – фрагмент литейной формы; 3 – обожженная глина; 4 – скопление производственного мусора; 5 – дерн; 6 – плотная темно-серая супесь; 7 – черная сажистая супесь; 8 – серо-коричневая супесь; 9 – светлая серо-желтая супесь; 10 – насыщенная черная супесь.

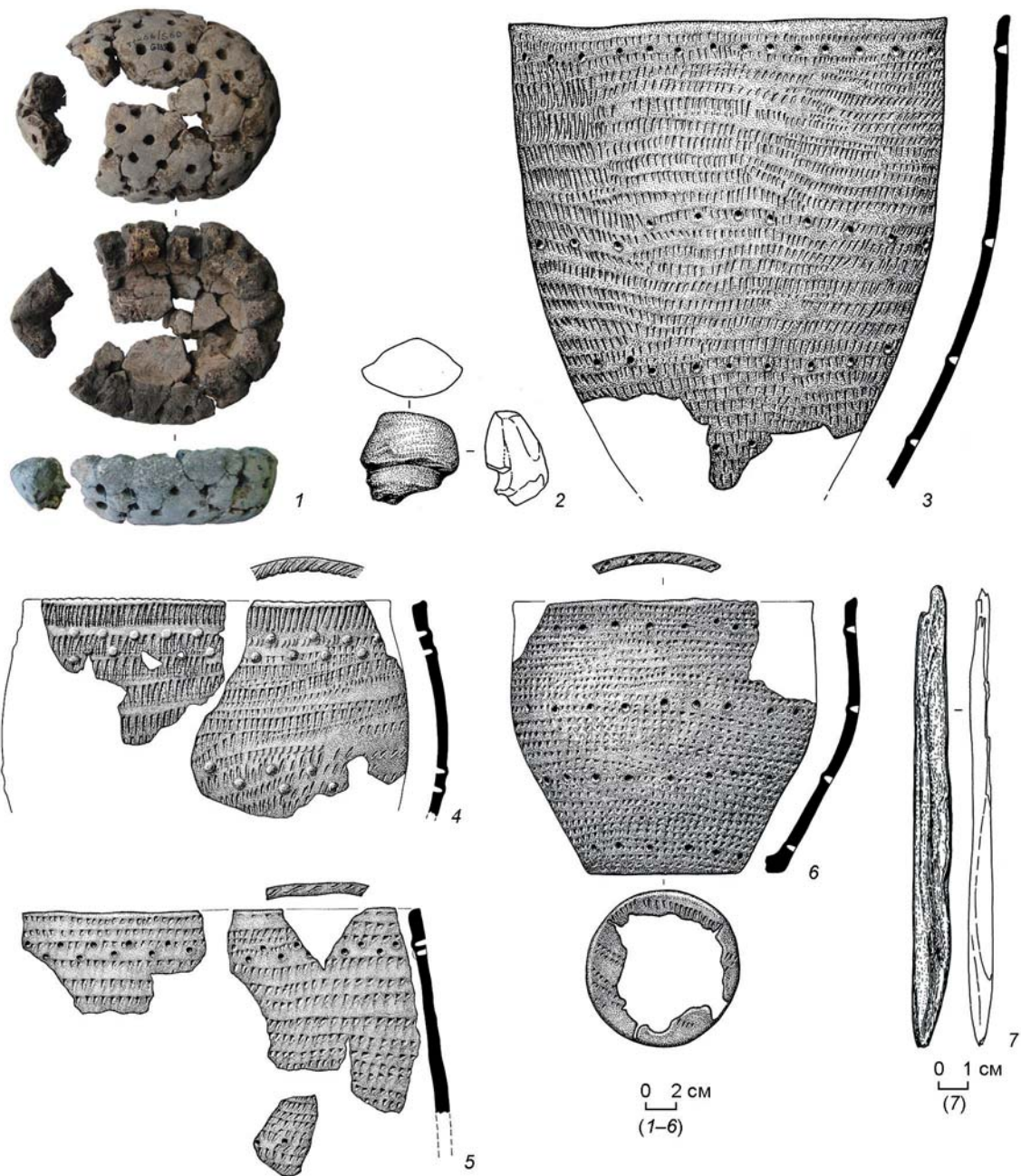

Рис. 2. Находки из конструкции № 4.

1 – тигель из плавильного горна (яма № 235); 2 – литейный стержень; 3–5 – керамика из скопления в кв. Е"–F"/22; 6 – сосуд из ямы № 222; 7 – костяное орудие.

линии В – 3 углубление. Его длина 1,85 м, ширина 1,1 м, глубина от уровня пола жилища 0,10–0,15 м. Стенки пологие, плавно переходят в дно. Заполнение очага состоит из темно-серой мешаной супеси с вкраплениями мелких фрагментов ошлакованной технической керамики. В этом слое также найдены кости и чешуя язя (*leuciscus idus*) и сибирской плотвы (*Rutilus rutilus lacustris*)*. Судя по чешуе, вся

рыба добыта в летнее время [Молодин, Дураков, Кобелева и др., 2019, с. 173], что, видимо, маркирует период последнего использования очага.

Ниже фиксируется слой серо-оранжевой, темной супеси с включениями мелких кусочков обожженной глины и прокал материкового дна ямы. Площадь распространения прокаленного участка – 1,4 × 0,5 м, глубина – до 0,07 м.

На слое прокаленного грунта залегали разрозненные небольшие фрагменты от нескольких керамических сосудов, в т.ч. ошлакованные, и обломки двух тиглей. Один из них сохранился практически

*Ихтиологические определения выполнены канд. биол. наук Л.А. Коневой, за что авторы выражают ей искреннюю благодарность.

полностью (рис. 2, 1). Основная часть обломков плавильной емкости лежала компактной кучей на дне очажной ямы, еще один фрагмент был найден в северо-восточном углу жилища (кв. F"/22). Тигель имеет форму крупной каплевидной чашечки, орнаментированной глубокими вдавлениями круглой палочки. Данный элемент орнамента абсолютно соответствует главному принципу декорирования керамики одиновской культуры.

Реконструируемая длина изделия 14,5–15 см. Максимальная ширина 11 см, высота 3,3 см. Толщина боковых стенок 1,5 см, дна 2,0–2,2 см. Емкость тигля не менее 87–90 см³. Он изготовлен из формовочной массы с добавлением шамота, сухой белой глины и незначительного количества органики.

Второй тигель сохранился в виде мелких обломков. Он также орнаментирован вдавлениями палочки и от первого отличается составом формовочного материала, включающего глину с добавлением некалиброванного песка и органики.

Следы производственной деятельности фиксируются в виде слоя черной супеси, насыщенной мелкими фрагментами костей животных и керамической крошки, маркирующей уровень пола строения.

В центре жилища (кв. E"/24) в районе западной стенки очага прослежен слой фрагментов керамики (объект 19) площадью 1,1 × 0,6 м и обломок литейного стержня для отливки изделия с полый втулкой (копья или долота) (рис. 2, 2). В 1,5 м к западу от очага (кв. F"/25) найдены фрагменты обожженной глины, каменный отщеп и костяное орудие (рис. 2, 7). Изделие изготовлено из расколотой трубчатой кости животного. Следует отметить, что подобные предметы были найдены в погребении литейщика могильника Сопка-2/4Б, В и интерпретируются как лопаточки для изготовления глиняных литейных форм [Молодин, Гришин, 2016, с. 251–252, рис. 401, 1, 2].

Еще одно крупное скопление производственного мусора фиксируется в углу, образованном материковым выступом и западной стенкой ямы. Оно состояло из золисто-прокаленного слоя серо-оранжевого цвета, обломков от трех сосудов (рис. 2, 3–5), мелких фрагментов кальцинированных костей животных и рыбы (объект 21). Размер золистого участка 1,2 × 0,7 м, мощность – до 0,25 м.

У южного края очага (объект 18, кв. D"/24) в 0,2 м выше дна котлована найдено скопление 13 окатанных известняковых конкреций. Область их распространения занимала пространство 0,65 × 0,35 м*.

*Любопытно, что скопления крупных известняковых конкреций часто сопутствуют объектам бронзолитейного производства разных эпох, выявленных на памятнике Таргас-1.

В юго-восточном углу котлована между выступом и восточной стеной находилась хозяйственная яма № 239, использованная для утилизации отходов производства и золы. Она имела форму вытянутого по линии В – 3 овала. Размеры по верхнему контуру 0,64 × 0,34 м. Глубина 0,19 м. Яма незначительно сужается ко дну. Южная и восточная стенки имеют отрицательный наклон.

В ее заполнении найдены мелкие фрагменты керамики, в т.ч. со следами вторичного обжига, многочисленные кости (позвонки, ребра, глоточные зубы) и чешуя летнего улова сибирской плотвы (*Rutilus rutilus lacustris*), ребра карася [Молодин, Дураков, Кобелева и др., 2019, с. 173]. Вдоль дна прослеживается тонкий (до 0,03 м) слой светло-серого песка, содержащий мелкие обломки керамики и кальцинированные кости животных.

Хозяйственная яма № 253 расположена в западной части строения. Ее размеры 0,55 × 0,32 м. Глубина от уровня пола котлована 0,07 м. Заполнение – темно-серая супесь. В яме найдены чешуя, элементы затылочного отдела черепа и анального плавника карася. Возраст рыбы, установленный по чешуе, 3+ года. Выловлена в летне-осенний период.

Хозяйственная яма № 254 представляет собой восьмеркообразное углубление. Его размеры 0,5 × 0,44–0,50 м. Глубина от уровня пола котлована 0,31 м. Северная, южная и западная стенки отвесные, восточная имеет отрицательный наклон. В заполнении ямы найдены обломки обожженной глины и фрагмент литейного стержня, изготовленного из формовочной массы с добавлением большого количества песка.

Вторая мастерская одиновского бронзолитейного комплекса (конструкция № 5) располагалась в 11 м к северо-востоку от вышеописанной конструкции № 4. Она представляла собой полуземлянку подквадратной формы. Восточная стенка этого строения разрушена проходившей по территории памятника дорогой. Длина сохранившейся части котлована по оси С – Ю – 6,8 м, по линии В – 3 – не менее 4,8 м. Общая площадь строения не менее 32,6 м. Стены отвесные. Глубина относительно уровня материка 0,15–0,22 м. Дно плавно углубляется в сторону центра.

В полуземлянке расположены 6 ям (№ 272–274, 291, 292, 300) от столбов каркасного строения. В одной из них (№ 272) обнаружены остатки, возможно, закладной жертвы – фрагменты черепа и позвонков крупного зяя (*Leuciscus idus*).

Заполнение котлована представлено рыхлой темно-серой супесью с включениями прокаленной почвы, фрагментов обожженной глины. Уровень пола конструкции маркируется слоем плотной серой супеси с включениями светло-желтого

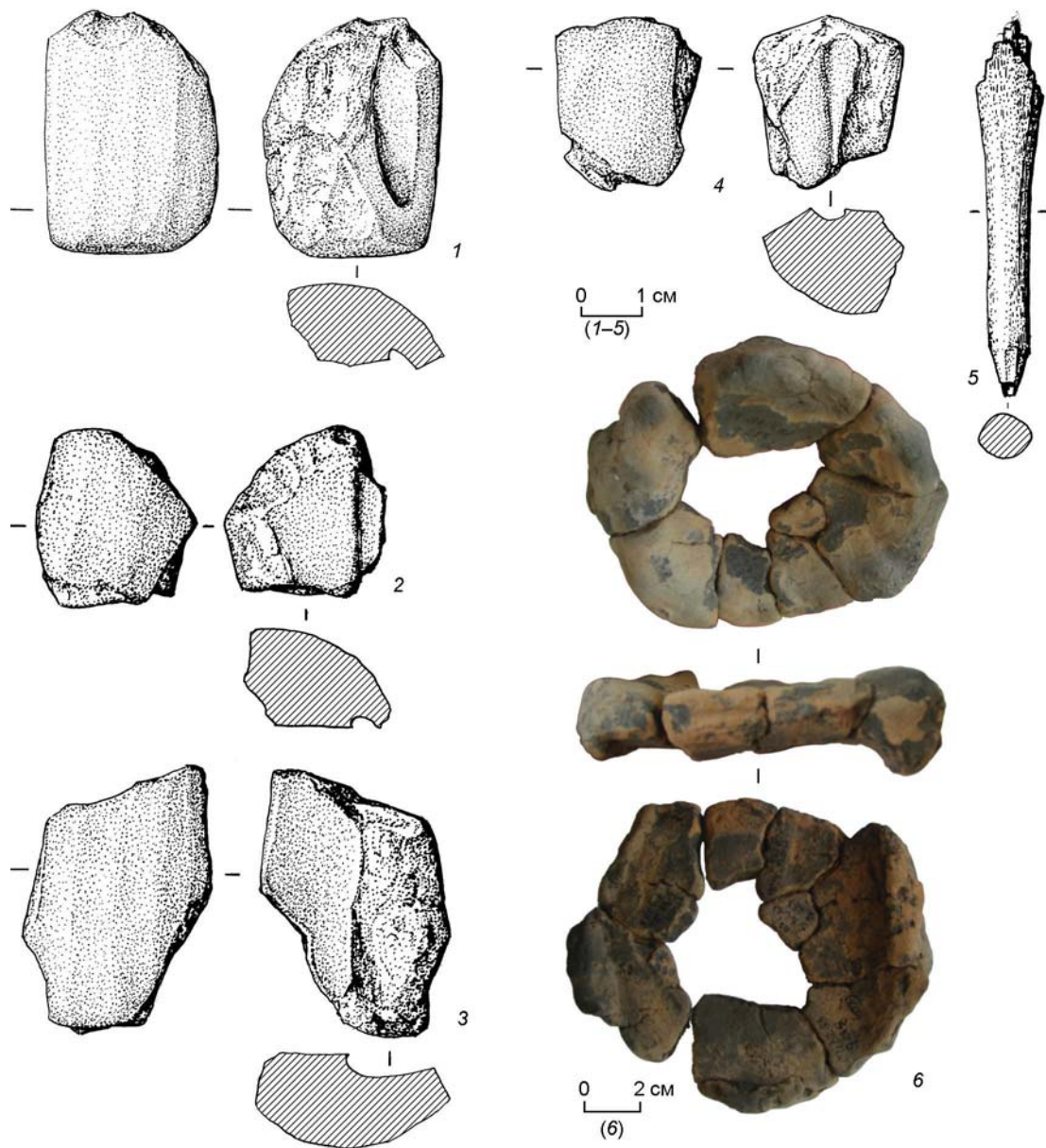

Рис. 3. Инвентарь ритуально-производственного комплекса памятника Тартас-1.

1–4 – фрагменты литейных форм из конструкции № 5; 5 – костяной наконечник стрелы из конструкции № 5; 6 – тигель из ямы № 288.

суглинка. В культурном слое мастерской найдены фрагменты обожженной глины, обломки керамики, чешуя сибирской плотвы. Судя по годичным кольцам чешуи, рыба выловлена в летний период, что может указывать на время функционирования мастерской. Здесь же найдены фрагменты форм для отливки ножей и круглого в сечении стержня (рис. 3, 1–4). Все они изготовлены по моделям. Спинки выровнены и уплотнены, лишний формовочный материал обрезан металлическим ножом.

В центре котлована расположен правильный очаг (яма № 299). Он представлял собой подовальное углубление, ориентированное по линии ВСВ – ЗЮЗ. Размеры очажной ямы 1,23 × 0,78 м. Стенки пологие, плавно переходят в дно. Глубина от уров-

ня материка 0,13 м. Заполнение очага – буро-коричневая супесь, дно и стенки местами прокалены на глубину 0,04 м. Так же, как и в конструкции № 4, на прилегающей к горну территории (кв. О''–Р''/20) фиксируется скопление известняковых конкреций (объект 26).

С литейным производством связана расположенная вплотную к западной стенке полуземлянки хозяйственная яма № 296. Она имела форму вытянутого по линии С – Ю овала. Ее размеры 0,57 × 0,28 м, глубина от уровня пола 0,17 м. В заполнении неоднородная прокаленная коричнево-серая супесь с темными прожилками и фрагменты литейной формы. Форма изготовлена из глины с добавлением некалиброванного песка.

Третье производственное сооружение бронзолитейного комплекса (конструкция № 6) представляло собой прямоугольный котлован с двумя симметрично расположенными выступами в восточной и западной стенках. Размеры основной части сооружения $4,15 \times 4$ м. Стенки отвесные, дно плавно понижается к центру. Глубина от уровня материка $0,08-0,21$ м. На дне котлована расположены две столбовые ямки (№ 303 и 330), от опор каркаса легкой, видимо двускатной, кровли. В яме № 303 был обнаружен развал стенки керамического сосуда одиновской культуры.

В центральной части котлована находился плавильный горн. Он представлял собой вытянутый по линии В – 3 провал овальной формы. Его размеры $0,6 \times 0,44$ м, глубина $0,06$ м. Следы производственной деятельности фиксируются в виде скопления кальцинированных костей, мелких обломков керамики, фрагментов обожженной глины.

Четвертое производственное сооружение (яма № 288) располагалось в 2 м от юго-западного угла конструкции № 5. Представляла собой ориентированный по линии С – Ю прямоугольный котлован. Его размеры $4,2 \times 6$ м. Глубина от уровня материка – $0,19-0,28$ м. Стенки имеют незначительный положительный наклон, дно плавно понижается к центру.

В центре котлована расположен плавильный горн (яма № 288а). Он представляет собой округлое углубление с покатыми, плавно переходящими в дно стенками. Его размеры $0,65 \times 0,68$ м. Глубина относительно дна котлована $0,22$ м. Очажная яма заполнена серой супесью, на дне фиксируется прокаленный участок серо-оранжевого цвета. Его размеры $0,15 \times 0,2$ м, глубина прокала $0,06$ м.

Рядом с горном расположена яма (№ 288б) предназначенная для утилизации производственного мусора. Она имела форму неправильного овала, вытянутого по линии ССЗ – ЮЮВ. Ее размеры по верхнему контуру $1,8 \times 1,12$ м. Глубина относительно дна котлована – $0,56$ м. Стенки наклонные, дно слегка понижается к центру.

На прилегающей к горну территории найдены фрагменты керамики, обломки не менее чем от 3 керамических форм и сложносоставной тигель. Тигель представляет собой низкий ($2-2,5$ см) глиняный бортик, закрепленный на фрагменте керамики. Внешние стенки отвесные, внутренние очень пологие (рис. 3, б).

Данный тип тигля впервые встречен в материалах одиновской культуры и более типичен для более позднего времени. В литейном производстве кротовской культуры такие тигли становятся наиболее массовыми плавильными емкостями [Молодин, 1991]. Они найдены практически на всех бронзоли-

тейных участках этой культуры, в поселениях Венгерово-2 [Молодин, Дураков, Мильникова и др., 2012], Преображенка-3 [Молодин, 1977, табл. XII, 1, 4], Абрамово-10 [Молодин, Дураков, Мильникова и др., 2018, с. 46–47, рис. 3, 3, 4]. Составные тигли встречаются в материалах андреевской культуры [Ковалева, Рыжкова, Шаманаев, 2000, с. 99; Зах, Зимица, 2018, с. 11, рис. 4, 8] и широко использовались в ташковской культуре Притоболья. Они найдены в поселениях Андреевское озеро-13, Ташково II [Ковалева, 1997, с. 41–42, рис. 48, 1–5, 49, 11; Ковалева, Рыжкова, Шаманаев, с. 78; Шаманаев, Зырянова, 1998]. Видимо, сложившиеся в одиновском бронзолитейном производстве типы производственного инвентаря впоследствии распространились по значительной территории.

Таким образом, на территории некрополя Тартас-1 находилась специализированная бронзолитейная мастерская одиновской культуры. Следует отметить, что эта культура, фиксируемая в Обь-Иртышском междуречье, является наиболее ранним образованием с собственным бронзолитейным производством.

Все строения выявленного на территории памятника Тартас-1 поселка литейщиков имели следы металлообрабатывающего производства, при этом проявления других видов хозяйственной деятельности здесь слабо выражены и ограничиваются находками нескольких ножевидных пластин, костяного орудия, обломка наконечника стрелы (рис. 3, 5) и остатков ихтиофауны. Строения имели незначительные размеры, легкую каркасную конструкцию и, судя по остаткам ихтиофауны, функционировали в весенне-летний период.

При этом металлообработка демонстрирует признаки довольно высокого уровня. Судя по находке литейного стержня в конструкции № 4 (рис. 2, 2), одиновцами было освоено литье тонкостенных полых предметов в разъемных многочастных формах.

Формовка производилась по специально изготовленным моделям на модельной плите. Использовалось два типа тиглей. Данные типы впоследствии широко применялись носителями ряда археологических культур Сибири.

Для изготовления форм и тиглей использовались сложные по рецептуре формовочные смеси, учитывающие назначение литейного оборудования и отличные от составов бытовой керамики.

Следует также отметить, что конструкция № 4 окружена серией синхронных данному сооружению ритуальных ям (№ 180, 183, 184, 186–191, 194, 205, 206, 222, 223). Все они планиграфически связаны с котлованом литейной мастерской и содержат фрагменты керамики одиновской культуры. Значительная часть этих ям (№ 195, 197, 205, 209,

222) содержит кости и чешую рыбы [Молодин, Дураков, Кобелева и др., 2019]. В яму № 222 кроме этого в специальное углубление дном вверх был помещен целый сосуд (рис. 2, б). В яме № 209 зафиксировано скопление кальцинированных костяных наконечников стрел и астрагалов козы/овцы.

Судя по годичным кольцам чешуи найденной в ямах рыбы, она была выловлена в весенний период [Там же, табл. 2], т.е. ямы функционировали примерно в то же время, что и бронзолитейные мастерские комплекса.

Все эти ямы полностью аналогичны по форме и заполнению, а также по сопроводительному инвентарю ритуальным ямам одиновских погребальных комплексов, как собственно на Тартасе-1, так и в могильниках Сопка-2/4А [Молодин, 2012] и Преображенка-6 [Чемякина, 2010; Молодин, Конева, Чемякина и др., 2012, с. 31–35].

Таким образом, связанная с постройкой № 4 производственная деятельность сопровождалась обрядовыми действиями, сопоставимыми по своей сути с практикой погребального характера. Если учесть, что весь комплекс хозяйственных сооружений расположен на синхронном могильнике, то можно предположить, что у одиновского населения литейное производство, возможно, ассоциировалось с переходом в загробный мир, смертью, хтоническими существами. Отношение к кузнецу-литейщику как к существу, связанному с потусторонним миром, фиксируется в этнографических материалах ряда народов мира.

Заключение

Исследованная литейная мастерская, выявленная при раскопках сплошными площадями памятника Тартас-1, представляет уникальный комплекс одиновской культуры эпохи ранней – развитой бронзы. Полученные материалы позволяют свидетельствовать о развитии металлургического производстве у носителей культуры, освоивших помимо плоскостного литья изготовление сложных тонкостенных предметов с полыми втулками. Это был несомненно более высокий этап бронзолитейного производства, чем на начальной стадии освоения металлургии вообще.

Следует также отметить, что при каких-то обстоятельствах бронзолитейное производство у носителей культуры сопутствовало погребальной практике и сопровождалось циклом ритуальных действий, в которых существенное место было отведено рыбе.

Все вышесказанное еще раз подчеркивает, что бронзолитейное производство было для человека не просто ремеслом, но действием, сопровождав-

шимся целым циклом сложнейших мистерий, многие из которых только предстоит разгадать и реконструировать.

Список литературы

Зах В.А., Зимина О.Ю. О взаимодействии андреевской и липчинской культур в Нижнем Притоболье (по материалам поселения Велижаны-1) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2018. – № 2 (41). – С. 5–16.

Ковалева В.Т. Взаимодействие культур и этносов по материалам археологии: поселение Ташково II. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1997. – 131 с.

Ковалева В.Т., Рыжкова О.В., Шаманов А.В. Ташковская культура: поселение Андреевское Озеро XIII. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2000. – 160 с.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепно-Обь-Иртышья. – Новосибирск: Наука, 1977. – 174 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В.И. Металлургия кротовской культуры. Западная Сибирь. Середина II тыс. до н.э. // Мосоловское поселение эпохи поздней бронзы в системе памятников степи и лесостепи. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1991. – С. 29–31.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. 3. – 220 с.

Молодин В.И., Гришин А.Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. 4: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. – 452 с.

Молодин В.И., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. Производственный комплекс кротовской культуры на поселении Венгерovo-2 (Барабинская лесостепь) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2012. – Т. 11, вып. 5. – С. 105–119.

Молодин В.И., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. Адаптация сейминско-турбинской традиции в культурах эпохи бронзы юга Западно-Сибирской равнины // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2018. – Т. 46, № 3. – С. 49–58.

Молодин В.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Конева Л.А. Рыба в погребальной и ритуальной практике одиновской культуры в Барабинской лесостепи (по материалам могильника Тартас-1) // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2019. – № 62. – С. 170–179.

Молодин В.И., Конева Л.А., Чемякина М.А., Степаненко Д.В., Позднякова О.А. Ихтиологические материалы из ритуальных комплексов одиновской культуры памятника Преображенка-6 // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – № 2 (50). – С. 25–36.

Чемякина М.А. Диагностика культовых комплексов Барабинской лесостепи геофизическими ме-

тодами // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2010. – Т. 9. – Вып. 3: Археология и этнография. – С. 74–84.

Шаманаев А.В., Зырянова С.Ю. Вторичное использование фрагментов керамики населением ташковской культуры (по материалам археологических находок и экспериментов) // Вопр. археологии Урала. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1998. – Вып. 23. – С. 205–215.

References

Chemyakina M.A. Diagnostika kul'tovykh kompleksov Barabinskoi lesostepi geofizicheskimi metodami. *Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*, 2010, vol. 9, iss. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 74–84. (In Russ.).

Kovaleva V.T. Vzaimodeistvie kul'tur i etnosov po materialam arkheologii: poselenie Tashkovo II. Yekaterinburg: Ural State Univ. Press, 1997, 131 p. (In Russ.).

Kovaleva V.T., Ryzhkova O.V., Shamanaev A.V. Tashkovskaya kul'tura: poselenie Andreevskoe Ozero XIII. Yekaterinburg: Ural State Univ. Press, 2000, 160 p. (In Russ.).

Molodin V.I. Epokha neolita i bronzy lesostepnogo Ob'-Irtysh'ya. Novosibirsk: Nauka, 1977, 174 p. (In Russ.).

Molodin V.I. Baraba v epokhu bronzy. Novosibirsk: Nauka, 1985, 200 p. (In Russ.).

Molodin V.I. Metallurgiya krotovskoi kul'tury. Zapadnaya Sibir'. Seredina II tys. do n.e. In *Mosolovskoe poselenie epokhi pozdnei bronzy v sisteme pamyatnikov stepi i lesostepi*. Voronezh: Voronezh State Univ. Press, 1991, pp. 29–31. (In Russ.).

Molodin V.I. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi: Kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov odinovskoi kul'tury. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012, vol. 3, 220 p. URL: https://archaeology.nsc.ru/wp-content/uploads/2018/08/molodin_sait_2012.pdf (Accessed: 15.10.2020) (In Russ.).

Molodin V.I., Durakov I.A., Mylnikova L.N., Nesterova M.S. Krotovo's culture production complex on the settlement Vengerovo-2 (the Barabinsk forest-steppe).

Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology, 2012, vol. 11, iss. 5, pp. 105–119. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17774957> (Accessed: 15.10.2020) (In Russ.).

Molodin V.I., Durakov I.A., Mylnikova L.N., Nesterova M.S. The Adaptation of the Seima-Turbino Tradition to the Bronze Age Cultures in the South of the West Siberian Plain. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2018, vol. 46, No. 3, pp. 49–58. URL: <https://doi.org/10.17746/1563-0110.2018.46.3.049-058> (Accessed: 15.10.2020).

Molodin V.I., Durakov I.A., Kobeleva L.S., Koneva L.A. Burials with the bronze-casting equipment of the Andronovo (Fedorovo) culture of the Tartas-1 burial ground (Central Baraba). *Tomsk State University Journal*, 2019, No. 62, pp. 170–179. doi:10.17223/19988613/62/20 (In Russ.).

Molodin V.I., Grishin A.E. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. 4: Kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov krotovskoi kul'tury, 452 p. URL: <http://archaeology.nsc.ru/wp-content/uploads/2018/08/Sopka.pdf> (Accessed: 15.10.2020) (in Russ.).

Molodin V.I., Koneva L.A., Chemyakina M.A., Stepanenko D.V., Pozdnyakova O.A. Fish Bones in Odino Ritual Complexes at Preobrazhenka-6, Western Siberia. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2012, No. 2, pp. 25–36. doi:10.1016/j.aecae.2012.08.003

Shamanaev A.V., Zyryanova S.Yu. Vtorichnoe ispol'zovanie fragmentov keramiki naseleniem tashkovskoi kul'tury (po materialam arkheologicheskikh nakhodok i eksperimentov). In *Voprosy arkheologii Urala*. Yekaterinburg: Ural State Univ. Press, 1998, iss. 23, pp. 205–215. (In Russ.).

Zakh V.A., Zimina O.Yu. O vzaimodeistvii andreevskoi i lipchinskoi kul'tur v Nizhnem Pritobol'e (po materialam poseleniya Velizhany-1). *Vestnik Arkheologii, Antropologii i Etnografii*, 2018, No. 2 (41), pp. 5–16. doi:10.20874/2071-0437-2018-41-2-005-016 (In Russ.).

Дураков И.А. <https://orcid.org/0000-0002-8526-9257>

Молодин В.И. <https://orcid.org/0000-0002-3151-8457>

Гришин А.Е. <https://orcid.org/0000-0001-8367-2272>

Н.С. Ефремова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: ens77@mail.ru

К вопросу о месте медведя в жизненном укладе носителей культур эпохи бронзы (по западносибирским археологическим материалам)

*Статья посвящена выявлению в археологических коллекциях памятников Западной Сибири категорий находок, связанных с медведем (*Ursus arctos* L.), и определению значения этого животного для народов указанного региона в эпоху раннего–развитого металла и в переходное время. В настоящей работе рассматриваются два аспекта – бытовой (промысловая деятельность) и сакральный, свидетельствующий о существовании связанных с медведем культов: магических, жертвенных, возможно, зоолатрических. Присутствие остеологических остатков медведя в материалах поселений доказывает существование промысла данного животного в древности, однако их небольшой процент по сравнению с общим числом костных остатков диких животных может говорить о наличии специфических обстоятельств, обуславливавших охоту на медведя, вероятно связанных с некоторыми идеологическими представлениями. Предположение подтверждается присутствием костей медведя в остеологических коллекциях сибирских ритуальных (жертвенных) комплексов, где также прослеживается отмеченное выше соотношение, проявляющееся в относительной немногочисленности особей медведя по сравнению с другими видами жертвенных животных. О неординарном отношении к зверю свидетельствует и присутствие образа медведя в мелкой пластике и оформлении артефактов, относящихся как к культурам эпохи бронзы, так и к более поздним – раннего железного века и Средневековья. Участие медведя в ритуальных практиках на протяжении тысячелетий, присутствие его образа на сакральных предметах, а также постоянная трансформация и развитие этого образа, отмеченные в искусстве аборигенного населения Сибири с древности до этнографической современности, могут говорить об устойчивости иррациональных взглядов на данное животное и его важном месте в картине мира традиционных обществ.*

Ключевые слова: медведь, эпоха бронзы, Западная Сибирь, охота, производственные культы, промысловые культы, жертвоприношение.

Natalia S. Efremova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: ens77@mail.ru

The Role of the Bear in the Life Cycle of the Carriers of the Bronze Age Cultures (Based on Western Siberian Archaeological Evidence)

*This article identifies the categories of finds associated with bear (*Ursus arctos* L.) in archaeological collections from Western Siberian sites and establishes the role of this animal for the peoples living in this region in the Early-Developed Metal Age and in the transitional period. Two aspects are analyzed: everyday hunting aspect, and sacred aspect revealing magical, sacrificial, and possibly zoolatry cults associated with bears. The presence of osteological bear remains in the evidence from the settlements indicates that bears were hunted in ancient times, but to much lesser degree than other animals. This could have been caused by ideological reasons, which is confirmed by the presence of bear bones in osteological collections of Siberian ritual (sacrificial) complexes, also revealing the above correlation in the share of bones with bear bones fewer in number than bones of other sacrificial animals. The image of the bear appears in small sculpture*

and artifacts of the Bronze Age, Early Iron Age, and Middle Ages, revealing a special attitude towards this animal. The development and transformation of bear image have been observed in the art of the indigenous population of Siberia from antiquity to the ethnographic present, indicating stability of irrational views on this animal and its important role in the worldview of traditional societies.

Keywords: *bear, Bronze Age, Western Siberia, hunting, production cults, trade cults, sacrifice.*

Медведь (*Ursus arctos L.*) – один из самых крупных видов промысловой фауны – во все времена обращал на себя внимание человека. Его присутствие в материалах археологических памятников Западной Сибири вызывает оживленный интерес исследователей не одно десятилетие. При этом речь идет не только об остеологических остатках хищника, но и об использовании его образа в мелкой пластике, литье, графике и оформлении артефактов [Молодин, Октябрьская, Чемякина, 2000; Косинцев, 2000; Подобед, Усачук, Цимиданов, 2015; и др.]. Объем научной литературы, посвященной данному персонажу, колоссален, и в данной статье невозможно охватить весь комплекс обсуждавшихся в разное время проблем. Представляется уместным рассмотреть археологические коллекции памятников Западной Сибири, содержащие связанные с медведем материалы, с двух точек зрения: бытовой и сакральной.

Бытовые предметы такого облика достаточно редки, поскольку очень сложно однозначно определить, была ли декорированная вещь исключительно бытовой или имела определенную культовую коннотацию. Так, например, образ медведя уверенно угадывается в известных по материалам западносибирских памятников эпохи бронзы пряжках из капа [Молодин, Октябрьская, Чемякина, 2000, рис. 3; Гришин и др., 2016, рис. 1]. В виде головы медведя оформлена «погремушка» из жилища на кротовском поселении Венгерова-2 [Молодин, Мыльникова, Нестерова, 2017]. При этом «погремушка» в качестве музыкального инструмента могла быть связана и с культовыми практиками. Использование же ее по прямому назначению – в качестве детской игрушки – наводит на мысль о том, что образ, предназначенный для игры ребенка, должен был обладать положительным содержанием и иметь специфическое значение, возможно, связанное с мифоритуальной сферой или определенными культурными ценностями. Особый пласт в общем массиве подобных находок, не рассматриваемый в настоящей статье, составляют скульптурные изображения медведя и культовая пластика эпохи раннего железа и Средневековья (кулайская, релкинская культуры), описанию и интерпретации которых посвящено множество работ (см., напр. [Федорова, 2000]).

Что касается места медведя в хозяйстве древнего общества, то и в эпоху раннего металла,

и позднее зверь являлся объектом промысла, мясо употреблялось в пищу. Его обитание на территории Барабинской лесостепи прослеживается до этнографического времени (до конца XIX в.) [Миддендорф, 1871, с. 94]. О сугубо утилитарном назначении охотничьей добычи свидетельствуют материалы поселений бронзового и железного веков, содержащие раздробленные черепа и длинные трубчатые кости животного [Косинцев, 2000, с. 6]. Кости медведя присутствуют в материалах памятников I тыс. до н.э. – поселений Еловское (8 экз. / 2 % от общего количества остеологического материала на памятнике), Милованово-3 (1 экз. / 3 %); они имели место также на поселении Кижирова, городище Каменный Мыс и др. [Сидоров, 1989, табл. 1]. Их незначительное количество может объясняться малочисленностью зверя в природе и вследствие этого редкостью подобной охотничьей добычи. Е.А. Сидоров, анализируя комплекс вооружения населения лесостепного Приобья, составленный коллекциями находок с поселений и некрополей, считал, что, как и у современных сибирских народов, определенные виды наконечников стрел могли иметь специфическое функциональное назначение. В частности, длинные наконечники с плавным переходом от пера к насаду являлись исключительно охотничьими, могли использоваться не только в луках, но и в самострелах и предназначались для охоты на медведя [Там же, с. 21], т.е. промысел этого животного, несмотря на относительно небольшое количество обнаруженных на памятниках рассматриваемого региона костей, имел настолько важное значение, что для этого существовал особый тип промыслового оружия. Возможно, охота на медведя обеспечивала общество не только мясной пищей, но и необходимыми для обрядов жертвенными приношениями.

На Урале существование связанной с медведем обрядовой деятельности в пещерах зафиксировано с эпохи бронзы до этнографической современности. В эпоху раннего железа культы медведя развиваются и трансформируются. Подтверждением этому могут служить пещерные святилища: на настоящий момент здесь известно восемь культовых пещер, в составе жертвенных приношений которых присутствует медведь. П.А. Косинцевым и его коллегами описана заметная ва-

риативность совершавшихся обрядов: отличия зафиксированы в количественном соотношении останков животного, в степени раздробленности остеологического материала, в возрастном составе, в скелетном наборе особей. Так, например, на святилище в Канинской пещере основным объектом ритуальных действий были головы медведей. Подобная неоднородность жертвенных приношений может свидетельствовать о различных ролях медведя в ритуалах и разной функциональной направленности самих святилищ [Косинцев и др., 2017; Косинцев, Бачура, Панов, 2018]. В Сибири бронзовые и костяные изображения медведей обнаружены в Айдашинской пещере, в большинстве своем здесь они являлись деталями средневекового шаманского костюма, по-видимому, использовавшегося при отправлении ритуалов [Молодин, Бобров, Равнушкин, 1980, с. 145]. Кости медведя присутствуют также в материалах культовых комплексов лесной зоны Северной Евразии, например Хэйбидя-Пэдарского жертвенного места, где были обнаружены 743 кости животных, из них медведю принадлежало 7 экз. – клыки и верхняя челюсть [Мурыгин, 1984, с. 26]. В Горном Алтае, на святилище Грот Куйлю (Кучерла-1), связанном с производственными культурами, отмечены кости, как минимум, девяти особей (105 экз.), при этом наибольшее количество костей медведя зафиксировано на писанице-жертвеннике в слое эпохи раннего железа (66 экз. / 6 особей) [Молодин, Ефремова, 2010, с. 23; с. 45, табл. 3].

На территории Барабинской лесостепи также имеют место жертвенники, в материалах которых встречаются кости хищника. Как жертвоприношение интерпретируется кость медведя, которая была обнаружена в яме ритуального комплекса Тартас-1, относящегося к восточному варианту пахомовской культуры (исследования ак. В.И. Молодина 2020 г.; см. статью в настоящем сборнике). Первая пястная кость животного залегала под челюстью коровы на дне жертвенной ямы (№ 1666). Кроме остеологических остатков, здесь же находились фрагменты керамики и приклады (камни?), покрытые мощной карбонатной коркой [Ефремова и др., 2020]. Останки медведя обнаружены на святилище и в другой крупной жертвенной яме (№ 1442) среди большого количества костей диких и домашних животных, рыбы и отдельных артефактов-прикладов [Ефремова и др., 2017, с. 315].

На территории региона подобный обряд жертвоприношения отмечен не только на святилище. Так, на поселении Преображенка-3 в кротовском жилище на дне ямы обнаружено четыре черепа медведей, сама же яма была заполнена «бабками» – су-

ставами конечностей животных. Еще одна яма на поселении содержала два черепа медведей, на одном из них сохранились следы бронзового окисла [Молодин, 1985, с. 74]. В межжилищном пространстве поселения эпохи поздней бронзы Милованово-3 в округлой яме глубиной 0,7 м обнаружена фаланга медведя в сочленении с когтем, помещенная туда вместе с бронзовым ножом и черепом лошади [Сидоров, Новикова, 2003, с. 121]. По-видимому, содержимое ямы также является остатками обряда жертвоприношения, об этом может свидетельствовать специфический набор помещенных сюда прикладов: бронзовое изделие, кость конечности и череп животных. На поселениях пахомовской культуры также отмечены кости медведя, например, одна кость животного присутствует в остеологическом материале селища Большой Имбиряй-10 [Матвеев, Костомаров, Костомарова, 2009, табл. 1], упоминается медведь и в ряду промысловых животных, присутствующих в остеологической коллекции с поселения Ново-Шадрино-7 [Матвеев, Чикунова, 1999, с. 49]. В одном из двух зольников (№ 2) этого поселения среди костей животных, насчитывающих 1 869 экз., отмечено пять костей медведя, как минимум, от трех особей. Примечательно, что в заполнении зольников обнаружены также кости человека [Корочкова, 2009, с. 30].

Анализ обрядовой деятельности, включавшей присутствие медведя, позволил исследователям говорить о специфическом наборе костей животного, характерном для той или иной культуры. В частности, в обрядах кротовцев чаще использовались головы или черепа медведя; в ритуалах федоровской культуры – челюсти; синташтинской, абашевской и ряда других – клыки; синташтинской же, срубной, ирменской и позднеирменской – кости конечностей [Подобед, Усачук, Цимиданов, 2015, с. 48]. Вполне вероятно, что к последней группе можно отнести и носителей восточного варианта пахомовской культуры, поскольку в ямах-жертвенниках ритуального комплекса Тартас-1, относящегося к последней, обнаружены кости стоп медведя. Конечно, единичность находок в настоящий момент не позволяет экстраполировать данный вывод на всю культуру в целом, однако территориальная и хронологическая близость, а вследствие этого и возможная общность базовых идеологических взглядов носителей пахомовской культуры с группой вышеперечисленных делают подобное предположение достаточно вероятным. Еще одним важным фактором является обнаружение костей медведя на святилище, связываемом в т.ч. с бронзолитейным производством [Молодин и др., 2012; и др.]. Предположения о взаимосвязи медведя и производства металлов неодно-

кратно высказывались в научной литературе. Так, на поселении федоровской культуры Черемуховый куст в колодце внутри жилища обнаружена челюсть медведя вместе с фрагментами керамики, кусками металлургического шлака и костями ребенка, в т.ч. черепа; на поселении срубной культуры Горный-1 в Оренбургской обл. на плавильном дворе обнаружены шесть фрагментов костей дистальных частей конечностей медведя, на этом же памятнике найдена подвеска из медвежьего клыка; на поселении сабашиновской культуры Новокиевка (эпоха бронзы, Северное Причерноморье) в яме найдена глиняная статуэтка медведя, сама же яма располагалась близ жилища 1, где зафиксировано скопление литейных форм [Подобед, Усачук, Цимиданов, 2015, с. 47–49; Ковтун, 2008, с. 102–103]. На памятнике X–XIII вв. Тазовская литейная мастерская остеологический комплекс раскопа 2 представлял собой большей частью обожженные остатки головы и лап медведя. Учитывая особое положение животного в идеологических представлениях населения севера Сибири, исследователи предполагают существование здесь в эпоху Средневековья обряда, включавшего сожжение медвежьих костей. Сходный ритуал отмечен также в металлургическом комплексе Зеленый Яр VI–VII вв., где обнаружены кальцинированные когтевые фаланги животного [Лобанова, 2013, с. 325–326]. Вполне вероятно, что обнаружение костных остатков конечностей медведя в жертвенной яме святилища, на котором велось производство бронзы, может свидетельствовать о существовании подобных верований на территории Барабинской лесостепи как минимум с эпохи поздней бронзы.

Еще один вариант семантической нагрузки останков медведя прослежен в ритуально-обрядовых комплексах памятника Городок Монысь урий в таежном Приобье, относящегося к эпохе позднего Средневековья. Два таких комплекса представляют собой скопления костей, в т.ч. медведя, располагавшиеся в непосредственной близости от погребений и ритуально связанные с последними. Согласно этнографическим параллелям, медведь мог выполнять охранительную функцию при погребении, защищая мир живых от мира мертвых [Лобанова, Кардаш, 2018, с. 145–146]. Учитывая, что ритуальные комплексы Тартаса-1 расположены на одноименном разновременном некрополе, включающем и захоронения восточного ареала пахомовской культуры, подобная семантика останков медведя не лишена вероятности. На жертвенниках кости медведя чаще всего единичны или малочисленны. Если смысл жертвоприношений животных – наделе-

ние объекта обряда мясной пищей, то семантика костных остатков медведя может быть иной. Еще один аспект – известная доля сходства анатомического строения медведя и человека, а также уже упоминавшиеся случаи присутствия в материалах жертвенников одновременно и костей медведя, и антропологических остатков.

Возможны и другие трактовки роли животного в идеологических представлениях древних обществ: у многих народов он является героем зоолатрических культов [Соколова, 1972, с. 63–85]. Медведь рассматривается также в качестве символа плодородия, имеющего отношение к фаллическим культам [Подобед, Усачук, Цимиданов, 2015, с. 46; Молодин, Октябрьская, Чемякина, 2000, с. 23–33, Хлобыстина, 1987, с. 114–115; и др.].

Резюмируя вышесказанное, можно отметить важное место животного в картине мира древних обществ. Участие медведя в ритуальных практиках на протяжении тысячелетий, присутствие его образа на сакральных предметах, а также постоянная трансформация и развитие этого образа, отражающиеся в искусстве аборигенного населения Сибири с древности до этнографической современности, могут говорить об устойчивости иррациональных взглядов на данное животное, имеющих глубокие мифологические и тотемические корни (см., напр. [Кириллова, 2007; Федорова, 2000; и др.]). Вариативность в контексте обнаружения остеологических остатков хищника на памятниках может свидетельствовать о различных ролях медведя в погребальной, производственной и родовой обрядности, а также о полифункциональной направленности как связанных с медведем культов, так и самих святилищ.

Список литературы

Гришин А.Е., Марченко Ж.В., Кишкурно М.С., Галямина Г.И., Назарова Л.В. Новые погребальные комплексы эпохи бронзы в Новосибирском Приобье (работы 2016 года в Кудряшовском бору) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 269–273.

Ефремова Н.С., Молодин В.И., Кравцова А.С., Кудинова М.А., Дураков И.А. К вопросу о вариативности обрядов жертвоприношения в эпоху поздней бронзы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. – Т. XXVI (в печати).

Ефремова Н.С., Мыльникова Л.Н., Молодин В.И., Васильев С.К., Дураков И.А., Селин Д.В. Ритуальные комплексы восточного варианта пахомовской культуры: новые концепции интерпретации // Проблемы археоло-

гии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 314–317.

Кириллова Ю.В. Скульптурные изображения медведя эпохи неолита–бронзы (прагматический аспект) // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. – Вып. 3. – Барнаул: Азбука, 2007. – С. 25–27. – (Труды Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства).

Ковтун И.В. Восточная периферия самусьской культуры и изображения медведей в западно-сибирской скульптурной миниатюре и металлопластике II тыс. до н.э. // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 3 (35). – С. 97–104.

Корочкова О.Н. О западносибирских зольниках эпохи поздней бронзы // РА. – 2009. – № 1. – С. 25–35.

Косинцев П.А. Человек и медведь в голоцене Северной Евразии (по археозоологическим данным) // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 4–9.

Косинцев П.А., Бачура О.П., Панов В.С. Бурый медведь (*Ursus arctos* L.) из святилища в Канинской пещере (Северный Урал) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2018. – Т. 46, № 2. – С. 131–139.

Косинцев П.А., Бачура О.П., Чаиркин С.Е., Мурыгин А.М. Медведь в пещерных святилищах Урала // V (XXI) Всерос. археол. съезд: сб. науч. тр. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2017. – С. 538.

Лобанова Т.В. Археозоологическое исследование костных остатков тазовской литейной мастерской из раскопок 2012 г. // Археология севера России: от эпохи железа до Российской империи: мат-лы Всерос. науч. археол. конф. – Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2013. – С. 324–327.

Лобанова Т.В., Кардаш О.В. Костные остатки животных в ритуально-обрядовых комплексах Городка Монкысь урий // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2018. – Т. 46, № 2. – С. 140–148.

Матвеев А.В., Костомаров В.М., Костомарова Ю.В. К характеристике хозяйственной деятельности носителей пахомовской культуры лесостепного Зауралья // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2009. – № 7. – С. 3–14.

Матвеев А.В., Чикунова И.Ю. Поселение Ботники-1в на Нижней Исети // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 1999. – Вып. 2. – С. 44–50.

Миддендорф А.Ф. Бараба. – СПб., 1871. – 123 с. – (Записки Императорской академии наук; т. 19, прил. № 2).

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В.И., Бобров В.В., Равнушкин В.Н. Айдашинская пещера. – Новосибирск: Наука, 1980. – 208 с.

Молодин В.И., Ефремова Н.С. Грот Куйло – культовый комплекс на реке Кучерле (Горный Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – 264 с.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. Глиняная «погремушка» в виде головы медведя и варианты ее использования носителями кротовской культуры (эпоха бронзы, конец III тыс. до н.э., Барабинская лесостепь) // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер. История. – 2017. – № 49. – С. 16–22.

Молодин В.И., Наглер А., Хансен С., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Ефремова Н.С., Новикова О.И., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Васильева Ю.А., Ковыршина Ю.Н., Кудинова М.А., Мосечкина Н.Н., Ненахов Д.А., Нестерова М.С., Сальникова И.В. Ритуальные комплексы восточного ареала пахомовской культуры на памятнике Тартас-1 (Обь-Иртышская лесостепь) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 231–236.

Молодин В.И., Октябрьская И.В., Чемякина М.А. Образ медведя в пластике западносибирских аборигенов эпохи неолита и бронзы // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 23–36.

Мурыгин А.М. Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место: докл. на заседании Президиума Коми филиала АН СССР. – Сыктывкар, 1984. – 52 с. – (Сер. препринтов «Научные доклады»; вып. 114).

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Медведь в культурах лесостепной и степной Евразии позднего бронзового века: основные аспекты знаковой нагрузки // Этнические взаимодействия на Южном Урале: сб. науч. тр. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. краевед. музея, 2015. – С. 46–51.

Сидоров Е.А. Присваивающие виды хозяйственной деятельности населения лесостепного Приобья в I тыс. до н.э. // Экономика и общественный строй древних и средневековых племен Западной Сибири: сб. науч. тр. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ин-та, 1989. – С. 16–41.

Сидоров Е.А., Новикова О.И. Неопубликованные материалы поселения Милованово-3 // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы: сб. науч. тр. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. – С. 104–124.

Соколова З.П. Культ животных в религиях. – М.: Наука, 1972. – 215 с.

Федорова Н.В. Иконография медведя в бронзовой пластике Западной Сибири (железный век) // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 37–42.

Хлобыстина М.Д. Говорящие камни. Сибирские мифы и археология. – Новосибирск: Наука, 1987. – 128 с.

References

- Efremova N.S., Molodin V.I., Kravtsova A.S., Kudinova M.A., Durakov I.A.** On the Variability of the Sacrificial Rites in the Late Bronze Age. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020, vol. XXVI, in press (In Russ.).
- Efremova N.S., Myl'nikova L.N., Molodin V.I., Vasil'ev S.K., Durakov I.A., Selin D.V.** Ritual Complexes of the Eastern Variant of the Pakhomovo Culture: New Concepts of Interpretation. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 314–317. (In Russ.).
- Fedorova N.V.** Ikonografiya medvedya v bronzovoi plastike Zapadnoi Sibiri (zheleznyi vek). In *Narody Sibiri: istoriya i kul'tura. Medved' v drevnikh i sovremennykh kul'turakh Sibiri*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2000, pp. 37–42. (In Russ.).
- Grishin A.E., Marchenko Zh.V., Kishkurno M.S., Galyamina G.I., Nazarova L.V.** New Bronze Age Burial Complexes in the Novosibirsk Ob' River Basin (Researches in the Kudryashovsky Pine-Forest in 2016). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 269–273. (In Russ.).
- Khlobystina M.D.** Govoryashchie kamni. Sibirskie mify i arkeologiya. Novosibirsk: Nauka, 1987, 128 p. (In Russ.).
- Kirillova Yu.V.** Skul'pturnye izobrazheniya medvedya epokhi neolita–bronzы (pragmaticheskii aspekt). In *Kamennaya skul'ptura i melkaya plastika drevnikh i srednevekovykh narodov Evrazii*. Barnaul: Azbuka, 2007, pp. 25–27. (Trudy Sibirskoi assotsiatsii issledovatelei pervobytnogo iskusstva; iss. 3) (In Russ.).
- Korochkova O.N.** O zapadnosibirskikh zol'nikakh epokhi pozdnei bronzы. *Rossiiskaya arkeologiya*, 2009, No. 1, pp. 25–35. (In Russ.).
- Kosintsev P.A.** Chelovek i medved' v golotsene Severnoi Evrazii (po arkeozoologicheskim dannym). In *Narody Sibiri: istoriya i kul'tura. Medved' v drevnikh i sovremennykh kul'turakh Sibiri*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2000, pp. 4–9. (In Russ.).
- Kosintsev P.A., Bachura O.P., Chairkin S.E., Murygin A.M.** Medved' v peshchernykh svyatilishchakh Urala. In *V (XXI) Vserossiiskii arkeologicheskii s"ezd: sbornik nauchnykh trudov*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2017, p. 538. (In Russ.).
- Kosintsev P.A., Bachura O.P., Panov V.S.** Remains of Brown Bear (*Ursus arctos* L.) from the Kaninskaya Cave Sanctuary in the Northern Urals. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2018, vol. 46, No. 2, pp. 131–139. (In Russ.).
- Kovtun I.V.** Vostochnaya periferiya samus'skoi kul'tury i izobrazheniya medvedei v zapadno-sibirskoi skul'pturnoi miniatyure i metalloplastike II tys. do n.e. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2008, No. 3 (35), pp. 97–104. (In Russ.).
- Lobanova T.V.** Arkheozoologicheskoe issledovanie kostnykh ostatkov tazovskoi liteinoi masterskoi iz raskopok 2012 g. In *Arkheologiya severa Rossii: ot epokhi zheleza do Rossiiskoi imperii. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi arkeologicheskoi konferentsii*. Yekaterinburg; Surgut: Magellan, 2013, pp. 324–327. (In Russ.).
- Lobanova T.V., Kardash O.V.** Animal Bones in Ritual Accumulations at Monkys Uriy. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2018, vol. 46, No. 2, pp. 140–148. (In Russ.).
- Matveev A.V., Chikunova I.Yu.** Poselenie Botniki-Iv na Nizhnei Iseti. *Vestnik arkeologii, antropologii i etnografii*, 1999, iss. 2, pp. 44–50. (In Russ.).
- Matveev A.V., Kostomarov V.M., Kostomarova Yu.V.** K kharakteristike khozyaistvennoi deyatelnosti nositelei pakhomovskoi kul'tury lesostepnogo Zaural'ya. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, No. 7, pp. 3–14. (In Russ.).
- Middendorf A.F.** Baraba. St. Petersburg, 1871, 123 p. (Zapiski Imperatorskoi akademii nauk; vol. 19, app. No. 2). (In Russ.).
- Molodin V.I.** Baraba v epokhu bronzы. Novosibirsk: Nauka, 1985, 200 p. (In Russ.).
- Molodin V.I., Bobrov V.V., Ravnushkin V.N.** Aidashinskaya peshchera. Novosibirsk: Nauka, 1980, 208 p. (In Russ.).
- Molodin V.I., Efremova N.S.** Grot Kuilyu – kul'tovyi kompleks na reke Kucherle (Gornyi Altai). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2010, 264 p. (In Russ.).
- Molodin V.I., Myl'nikova L.N., Nesterova M.S.** The clay "rattle" in the shape of bear head and the variants of its usage by the population of Krotovo culture (Bronze Age, the end of the 3rd millennium BC, Baraba forest-steppe). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2017, No. 49, pp. 16–22. (In Russ.).
- Molodin V.I., Nagler A., Khansen S., Durakov I.A., Kobeleva L.S., Efremova N.S., Novikova O.I., Myl'nikova L.N., Vasil'ev S.K., Vasil'eva Yu.A., Kovyrshina Yu.N., Kudinova M.A., Mosechkina N.N., Nenakhov D.A., Nesterova M.S., Sal'nikova I.V.** Ritual'nye komplekсы vostochnogo areala pakhomovskoi kul'tury na pamyatnike Tartas-1 (Ob'-Irtyshskaya lesostep'). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012, vol. XVIII, pp. 231–236. (In Russ.).
- Molodin V.I., Oktyabr'skaya I.V., Chemyakina M.A.** Obraz medvedya v plastike zapadnosibirskikh aborigenov epokhi neolita i bronzы. In *Narody Sibiri: istoriya i kul'tura. Medved' v drevnikh i sovremennykh kul'turakh*

Sibiri. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2000, pp. 23–36. (In Russ.).

Murygin A.M. Kheibidya-Pedarskoe zhertvennoe mesto. Doklad na zasedanii Prezidiuma Komi filiala AN SSSR. Syktyvkar, 1984, 52 p. (Seriya preprintov “Nauchnye doklady”; iss. 114) (In Russ.).

Podobed V.A., Usachuk A.N., Tsimidanov V.V. Medved’ v kul’turakh lesostepnoi i stepnoi Evrazii pozdnego bronzovogo veka: osnovnye aspekty Znakovoi nagruzki. In *Etnicheskie vzaimodeistviya na Yuzhnom Urale: sb. nauch. Trudov*. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Museum of Local History Publ., 2015, pp. 46–51. (In Russ.).

Sidorov E.A. Prisvaivayushchie vidy khozyaistvennoi deyatel’nosti naseleniya lesostepnogo Priob’ya v I tys.

do n.e. In *Ekonomika i obshchestvennyi stroi drevnikh i srednevekovykh plemen Zapadnoi Sibiri. Sbornik nauchnykh trudov*. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical Inst. Press, 1989, pp. 16–41. (In Russ.).

Sidorov E.A., Novikova O.I. Neopublikovannye materialy poseleniya Milovanovo-3. In *Aridnaya zona yuga Zapadnoi Sibiri v epokhu bronzy: sbornik nauchnykh trudov*. Barnaul. Altai State Univ. Press, 2003, pp. 104–124. (In Russ.).

Sokolova Z.P. Kul’t zhivotnykh v religiyakh. Moscow: Nauka, 1972, 215 p. (In Russ.).

Ефремова Н.С. <https://orcid.org/0000-0002-3053-8755>

Н.С. Ефремова✉, В.И. Молодин, А.С. Кравцова,
М.А. Кудинова, И.А. Дураков

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: ens77@mail.ru

К вопросу о вариативности обрядов жертвоприношения в эпоху поздней бронзы

Статья посвящена всестороннему анализу ритуальной деятельности носителей восточного варианта пахомовской культуры, связанной с обрядами жертвоприношения. Наиболее распространенным способом принесения жертв, согласно материалам ритуальных комплексов памятника Тартас-1, являлось помещение приношений в ямы различного размера и глубины. Вероятно, основой обряда жертвоприношения являлся принцип *pars pro toto*, проявлявшийся в отсутствии в полученной коллекции артефактов целых форм керамических сосудов (здесь имеют место лишь многочисленные, но разнотипные фрагменты керамики) и мясной пищи, дошедшей до нас в виде костей животных. Части скелетов последних в большинстве своем представлены костями черепа и конечностей, что также может свидетельствовать об их принадлежности именно обрядовой деятельности. Несомненной особенностью является помещение в жертвенники-ямы останков человека. В научный оборот вводится еще один вариант жертвоприношения, зафиксированный в истекшем полевом сезоне: помещение жертвенных приношений в объемную глубокую яму, функционировавшую продолжительное время. Всего на настоящий момент насчитывается три варианта ям-жертвенников, относящихся к исследуемому святилищу. Наличие на территории ритуальных комплексов различных типов жертвенных ям при сохранении в целом устойчивых элементов ритуала (фрагменты керамических сосудов, остатки мясной жертвенной пищи; артефакты, связанные с промысловой и производственной деятельностью; останки человека, необычные камни и т.д.) может свидетельствовать о существовании (сосуществовании) здесь нескольких вариантов обрядов жертвоприношений. Данный феномен может быть объяснен как полифункциональностью святилища (принесение жертвы различным божествам, требующее отличных друг от друга вариантов обрядовой деятельности), так и проявлением процессов постепенной трансформации иррациональных взглядов носителей пахомовской культуры, обусловленной чужеродными (пришлыми) и автохтонными традициями.

Ключевые слова: культовый комплекс, жертвоприношение, остеологические остатки, керамика, обряд, идеологические представления.

Natalia S. Efremova✉, Vyacheslav I. Molodin, Anastasiya S. Kravtsova,
Maria A. Kudinova, Igor A. Durakov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: ens77@mail.ru

On Variability of Sacrificial Rites in the Late Bronze Age

This article presents a comparative analysis of ritual activities associated with sacrificial rites among the carriers of the Eastern version of the Pakhomovo culture. According to archaeological evidence from the ritual complexes of the Tartas-1 site, the most common method of sacrifice was placing the offerings in the pits of various sizes and depths. The basis of the sacrificial rite could have been the “*pars pro toto*” principle which is manifested by the absence of intact pottery in the archaeological collection (there are only numerous, but different types of pottery fragments) and presence of meat food which appears in the form of animal bones, mostly represented by skull and limbs, which may also indicate their use in ritual activities. A clearly distinctive feature is placing human remains in sacrificial pits. This study presents one more variety of sacrificial offering, which was discovered in the current field season and involved placing sacrificial offerings in a spacious

deep pit which functioned for a long time. In total, three variants of sacrificial pits associated with the sanctuary under study are known. Presence of various types of sacrificial pits at ritual complexes with generally stable ritual elements (such as pottery fragments, remains of sacrificial meat, artifacts associated with fishing and hunting, human remains, unusual stones, etc.) may indicate the (co)existence of several variants of sacrificial rites. This phenomenon can be explained both by polyfunctionality of the sanctuary (sacrificial offerings to different deities, which required different ritual actions), and gradual transformation of irrational views among the carriers of the Pakhomovo culture, caused by foreign and autochthonous traditions.

Keywords: ritual complex, sacrifice, osteological remains, ceramics, ritual, ideological ideas.

Многолетние исследования святилища эпохи поздней бронзы, расположенного на памятнике Таргас-1 (Венгеровский р-н Новосибирской обл.), позволили интерпретировать выявленные сооружения как культовые объекты, связанные с погребально-поминальными ритуалами, с одной стороны, и бронзолитейным производством – с другой [Молодин и др., 2012, 2013, 2014; и др.]. К настоящему времени основная часть площади комплексов изучена

полностью, исследования проводились на северной периферии сакрального пространства. И если ритуальные комплексы № 1–4, расположенные в ее центральной части, фиксировались по следам наземных каркасно-столбовых конструкций в виде рядов столбовых ямок, то на периферии архитектурные сооружения прослеживаются не так четко, общее количество ям по мере удаления от отмеченных объектов постепенно уменьшается, кроме того, появляются

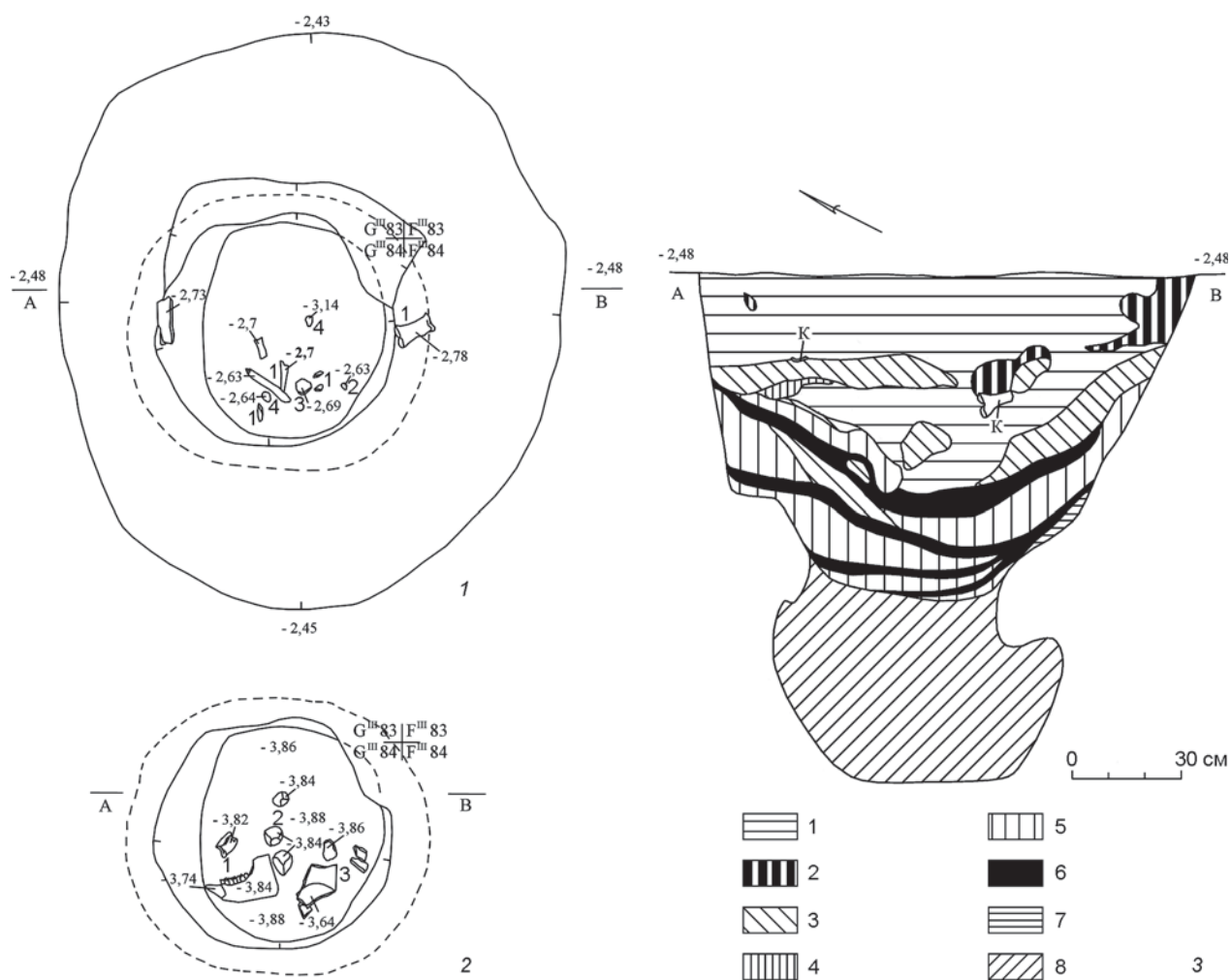

Рис. 1. Яма № 1666 памятника Таргас-1.

1 – горизонт 1, находки (1 – кости животных, 2 – охра, 3 – фрагмент керамики, 4 – камни); 2 – горизонт 2, находки (1 – кости животных, 2 – карбонатизированные камни (?), 3 – фрагменты керамики); 3 – стратиграфический разрез, северо-восточный профиль (1 – темно-серая гомогенная супесь, 2 – включения мешаного материкового суглинка, 3 – мешаная желто-серая супесь, 4 – коричнево-желтый мешаный суглинок, 5 – серо-желтый мешаный суглинок, 6 – линзы мешаной черно-серой супеси, 7 – желтый материковый суглинок, 8 – мешаная петрастая желто-белесо-светло-серая супесь с темно-серыми линзами, К – кость животного).

достаточно неординарные ритуальные объекты, позволяющие говорить о неоднозначности обрядовой деятельности на святилище.

Яма № 1666 расположена в траншее 307 (кв. G^{III}-F^{III}/83–84). На уровне материка представляла собой пятно округлой формы диаметром до 1,6 м. Яма имела наклонные стенки и округлое дно; глубина ее от уровня материка составила 1,45 м. Обращает на себя внимание необычная форма сооружения: диаметр ее постепенно уменьшался и на уровне дна составил 0,6 м. На глубине 0,62–0,72 м от уровня материка на стенках ямы зафиксированы материковые наплавы значительной мощности (рис. 1). Данный феномен объясняется следующим образом: яма наполнялась постепенно либо длительное время была заполнена частично; наличие линз в заполнении говорит о периодическом присутствии в яме воды, которое и могло обусловить оплывание материковых стенок на придонное заполнение. Основная часть заполнения представляла собой однородную темно-серую супесь, содержащую в верхней трети ямы суглинистые и супесчаные включения различных оттенков. Ниже включения приобрели линзовидный харак-

тер, обусловленный, по-видимому, вышеописанными факторами (рис. 1, 3).

В яме обнаружено два скопления находок: в верхней половине заполнения и в придонной части. Верхний горизонт – выше уровня материковых наплавов – содержал тридцать пять фрагментов керамики (большой частью мелких), в т.ч. пять венчиков; девять фрагментов были орнаментированы оттисками гребенчатого штампа. Обнаружено больше двухсот костей животных, преимущественно мелких и неопределимых; имели место также кости рыбы, камень (кварцит), крупный фрагмент охры (рис. 1, 1; 2). Во втором горизонте – в придонной части ямы (рис. 3) – обнаружены пять крупных костей животных, пять камней (галек?), покрытых плотной карбонатной коркой (определение канд. геол.-минерал. наук Н.А. Кулик); большой фрагмент доннышка неорнаментированного плоскодонного сосуда и двенадцать фрагментов меньшего размера от него же (один экземпляр орнаментирован), кости рыбы (см. рис. 1, 2; 4).

Наибольший количественный показатель имеет остеологический материал: всего в заполнении ямы обнаружено 226 костей животных, большая

Рис. 2. Яма № 1666 памятника Тартас-1. Горизонт 1. Фото.

Рис. 3. Яма № 1666 памятника Таргас-1. Фото.

Рис. 4. Яма № 1666 памятника Таргас-1. Горизонт 2. Фото, деталь.

часть которых имеет очень небольшие размеры и представлена фрагментарно. 30 % обломков костей (67 экз.) несут на себе следы воздействия огня. В числе определимых костей – челюсть молодой особи коровы, располагавшаяся на дне ямы. Корове же принадлежат астрагал, запястная кость и обломок третьей фаланги (здесь и далее – определения канд. биол. наук С.К. Васильева). Кости лошади представлены двумя фалангами («бабками»), еще одна фаланга принадлежит лосю. К костям овец и коз относятся обожженная лучевая кость, третья фаланга и фрагмент головки бедренной кости. Кроме того, в заполнении ямы обнаружен диафиз трубчатой кости птицы. Под челюстью коровы на дне ямы залегала первая пястная кость молодой особи медведя (рис. 4). Крупных костей животных немного, однако даже немногочисленная коллекция позволяет заметить специфичность остеологического набора, представленного частью черепа (челюстью) и костями конечностей животных.

Видовой состав животных, кости которых были помещены в яму, включает как домашний скот (лошадь, корова, овцы/козы), так и диких промысловых зверей (лось, медведь). Виды животных, фигурировавших в качестве жертвенных в материалах ритуальных комплексов, подробно рассматривались ранее [Ефремова и др., 2019], мы можем констатировать устойчивость данного видового ряда и пополнение остеологической коллекции, связанной с ритуальной деятельностью человека на данном святилище.

Определенный интерес представляют обнаруженные в придонной части ямы камни (колотые гальки?), покрытые рыхлым известковым налетом. Карбонатная корка находок достаточно мощная на поверхности, на изломе значительно тоньше. Процесс карбонатизации явно являлся естественным и произошел вне ямы, поскольку залегавшие рядом кости животных и керамика известкового налета не имеют. По определению Н.А. Кулик, карбонатизация стала следствием природного процесса, при котором камни длительное время находились в низкотемпературном растворе, содержащем известь. Интересен факт помещения карбонатизированных камней в ритуальный объект (жертвенную яму), особенно, если учесть, что известковый налет достаточно часто присутствует (как элемент погребального обряда) в захоронениях эпохи развитой бронзы, в частности андроновской (фёдоровской) культуры,

расположенных на территории памятника Тартас-1. Здесь известковый налет имел место на стенках могильных ям, им же могли быть покрыты кости погребенных и помещенный в могилу инвентарь, чаще всего – сосуды. Сходный облик и, вероятно, сходное функциональное назначение имеют и присутствующие в материалах ритуальных комплексов т.н. *конкреции*, встречавшиеся, в частности, в небольших жертвенных ямках (например, в яме № 1665, расположенной в 13 м от рассматриваемого в данной статье объекта). Наличие карбонатов в погребальных и ритуальных объектах памятника (при отсутствии их на остальной части некрополя, что исключает естественные, природные процессы, обусловившие подобную локализацию) может свидетельствовать о преднамеренном их использовании в обрядовых действиях и, соответственно, о неординарном отношении к ним человека, населявшего территорию Барабинской лесостепи в рассматриваемый период.

Что касается керамической коллекции (рис. 5), то она насчитывает всего 48 фрагментов сосудов; орнаментация отдельных экземпляров, а также расположение ямы на сакральной территории в непосредственной близости от ритуальных комплексов восточного варианта пахомовской культуры позволяют интерпретировать последнюю как яму-жертвенник переходного от эпохи бронзы к эпохе раннего железа времени. Более позднее функцио-

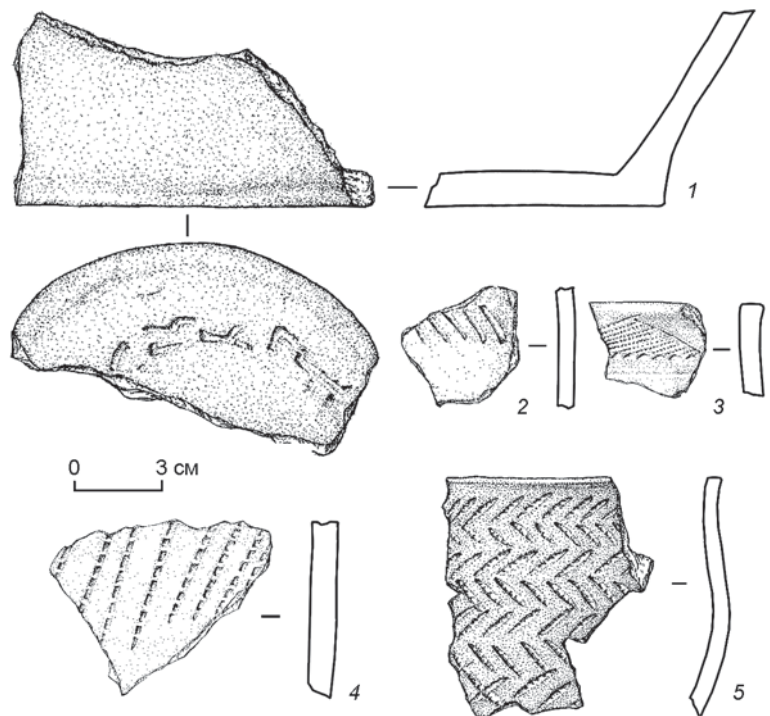

Рис. 5. Находки из ямы № 1666 памятника Тартас-1.

1 – горизонт 2, фрагмент керамического сосуда; 2–5 – горизонт 1, фрагменты керамики.

нирование ямы исключается наличием в пашенном слое над объектом керамики, облик которой говорит о ее принадлежности к упомянутой пахомовской культуре.

На территории культовых комплексов уже отмечался прецедент помещения жертвоприношений в объемную яму (№ 1442). В яме, расположенной в непосредственной близости от культовых сооружений, (зафиксированных по скоплениям столбовых ям), найдены отдельные артефакты (фрагмент абразива, заготовка костяного наконечника стрелы и т.д.), а также более четырехсот костей животных, из которых 94 % также представляли собой неопределимые колотые обломки. Видовой состав животных совпадал полностью: определимые экземпляры принадлежали лошади, корове, овцам/козам, лосю и медведю. Соответствовали и части скелета: кости черепа и конечностей. Так, медведю – также молодой и некрупной особи – принадлежал фрагмент пяточной кости. В яме присутствовали также кости рыбы и керамический материал: 187 фрагментов сосудов, включая очень мелкие. Орнаментация керамики позволила отнести яму к восточному варианту пахомовской культуры и интерпретировать как жертвенник, связанный с ритуальными комплексами [Ефремова и др., 2017, с. 315]. В данном случае для нас представляют интерес и параметры ямы, имевшей размеры 2,58 × 1,25 м, глубину до 0,22 м и подчетыреугольную форму. Таким образом, на настоящий момент нам известны как минимум три варианта жертвенных ям, использовавшихся в обрядовой деятельности носителей пахомовской культуры. Первый из них, включающий основную часть ям, – небольшие неглубокие ямки с единичными фрагментами керамики и отдельными костями животных/рыбы. Osteологические остатки здесь, как правило, относятся к одному виду. Подобные объекты имели место практически на всей исследованной территории, относимой к ритуальным комплексам. Кроме пищевых остатков, в таких ямках могли присутствовать приклады, связанные с бронзолитейным производством, как, например, в яме из ритуального комплекса № 4, где в заполнении отмечены фрагменты технической керамики и окатанные фрагменты болотной руды [Молодин и др., 2014, с. 217]. Ко второму варианту мы можем отнести описанную выше яму № 1442 – подпрямоугольной формы, незначительно углубленную в материк и максимально заполненную всевозможными приношениями [Ефремова и др., 2017, с. 315–316]. В полевом сезоне 2020 г. зафиксирован третий вариант такого рода жертвенника – глубокая округлая яма с относительно небольшим

количеством жертвоприношений. В первом и втором случае можно предположить единовременное использование ритуальных объектов. Основная часть жертвенных ямок имела незначительную глубину и единичные приношения. Прямоугольная яма (второй вариант), кроме небольшой глубины, обладала достаточно равномерным распределением прикладов в заполнении и четкими границами на уровне материка, позволившими выявить данный объект. Яма третьего типа (округлая и глубокая), учитывая морфологические особенности и заполнение, могла использоваться многократно (как минимум дважды, принимая во внимание два крупных скопления приношений в верхнем горизонте и в придонной части заполнения). Ямы-жертвенники второго и третьего варианта содержат несколько видов жертвенных животных (домашние/дикие, травоядные/хищник). Кроме того, остатками жертвоприношений являются, по-видимому, и скопления osteологического и керамического материала, обнаруженные вне ям, но в пределах ритуальных комплексов и поблизости от них. Большое значение при интерпретации объектов здесь имело наличие среди перечисленных прикладов костей человека [Молодин, 2012, с. 232]. Вполне вероятно, что в процессе проведения ритуала все приношения помещались в ямы, но глубина последних была очень незначительной, не достигавшей уровня материка.

Кардинальные отличия в морфологии ям и в функциональной направленности их сооружения (форма объектов, объемы жертвоприношения, видовое разнообразие животных и др.) позволяют предположить и существование ряда вариантов отправления жертвенных ритуалов. Возможно, совокупность нескольких видов жертвенников свидетельствует о трансформации иррациональных взглядов носителей пахомовской культуры, обусловленной чужеродными (пришлыми), но ассимилированными традициями. Большой интерес в связи с этим представляет относительная хронология вариантов обряда жертвоприношения, построение которой позволит с новой точки зрения посмотреть на этнокультурные процессы, проходившие в переходное время на территории Барабинской лесостепи. Завершение исследования ритуальных комплексов позволит решить эту задачу в полном объеме.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-40028 «Модели иррациональной деятельности населения юга Западной Сибири в голоцене».

Список литературы

Ефремова Н.С., Молодин В.И., Дураков И.А., Васильев С.К., Селин Д.В. Животные в обрядовой практике носителей восточного варианта пахомовской культуры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. XXV. – С. 381–387.

Ефремова Н.С., Мыльникова Л.Н., Молодин В.И., Васильев С.К., Дураков И.А., Селин Д.В. Ритуальные комплексы восточного варианта пахомовской культуры: новые концепции интерпретации // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 314–317.

Молодин В.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Ефремова Н.С., Демахина М.С. Исследования культовых сооружений пахомовской культуры (восточный вариант) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 215–218.

Молодин В.И., Кобелева Л.С., Наглер А., Дураков И.А., Ефремова Н.С., Ненахов Д.А., Демахина М.С., Мыльникова Л.Н., Хансен С. Культовые комплексы восточного ареала пахомовской культуры на многослойном памятнике Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 265–269.

Молодин В.И., Наглер А., Хансен С., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Ефремова Н.С., Новикова О.И., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Васильева Ю.А., Ковыршина Ю.Н., Кудинова М.А., Мосечкина Н.Н., Ненахов Д.А., Нестерова М.С., Сальникова И.В. Ритуальные комплексы восточного ареала пахомовской культуры на памятнике Тартас-1 (Обь-Иртышская лесостепь) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 231–236.

References

Efremova N.S., Molodin V.I., Durakov I.A., Vasilyev S.K., Selin D.V. Animals in Ritual Practices Among

the Carriers of the Eastern Version of the Pakhomovo Culture. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019, vol. XXV, pp. 381–387. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2019.25.381-387.

Efremova N.S., Mylnikova L.N., Molodin V.I., Vasilyev S.K., Durakov I.A., Selin D.V. Ritual Complexes of the Eastern Variant of the Pakhomovo Culture: New Concepts of Interpretation. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 314–317. (In Russ.).

Molodin V.I., Durakov I.A., Kobleleva L.S., Efremova N.S., Demakhina M.S. The Investigation of Pakhomovo Cultic Objects (eastern variant). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014, vol. XX, pp. 215–218. (In Russ.).

Molodin V.I., Kobleleva L.S., Nagler A., Durakov I.A., Efremova N.S., Nenakhov D.A., Demakhina M.S., Mylnikova L.N., Hansen S. Kul'tovye komplekсы vostochnogo areala pakhomovskoi kul'tury na mnogosloinno pamyatnike Tartas-1. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2013, vol. XIX, pp. 265–269. (In Russ.).

Molodin V.I., Nagler A., Hansen S., Durakov I.A., Kobleleva L.S., Efremova N.S., Novikova O.I., Mylnikova L.N., Vasilyev S.K., Vasilyeva Yu.A., Kovyrshina Yu.N., Kudinova M.A., Mosechkina N.N., Nenakhov D.A., Nesterova M.S., Salnikova I.V. Ritual'nye komplekсы vostochnogo areala pakhomovskoi kul'tury na pamyatnike Tartas-1 (Ob'-Irtyshskaya lesostep'). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012, vol. XVIII, pp. 231–236. (In Russ.).

Ефремова Н.С. <https://orcid.org/0000-0002-3053-8755>

Молодин В.И. <https://orcid.org/0000-0002-3151-8457>

Кравцова А.С. <https://orcid.org/0000-0001-8709-5935>

Кудинова М.А. <https://orcid.org/0000-0001-8369-2089>

Дураков И.А. <https://orcid.org/0000-0002-8526-9257>

С.В. Жилич, Н.А. Рудая ✉

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: nrudaya@gmail.com

Высокоразрешающая реконструкция климата и растительности для последних двух тысяч лет по палеозаписи донных отложений озера Урег-Нур (Монголия) в историческом и палеоэкологическом контексте

В настоящей работе рассматриваются результаты детального палинологического исследования донных отложений бессточного содового высокогорного озера Урег-Нур, расположенного в Улангомском аймаке на северо-западе Монголии. На основе палинологических данных сделана реконструкция растительности и среднегодового уровня осадков. Построена возрастная модель по четырем радиоуглеродным датам. Колонка донных отложений характеризует период последних двух тыс. лет. Реконструкция уровня осадков сделана методом построения трансферной функции с использованием калибровочной базы данных поверхностных палинологических спектров. В целом реконструкция согласуется с ранее полученными данными с северо-запада Монголии и уточняет их в деталях. Воссоздана динамика растительности с максимумом распространения тайги ок. 1800 л.н. и в последние 200 лет; максимальное распространение степей было ок. 1500 л.н., 1200 л.н. и 700–200 л.н. Самый влажный период отмечен в интервале 950–700 л.н. (до 370 мм/год); самый засушливый период 1650–1400 л.н. (до 290 мм/год). Во время засушливого периода озеро, вероятно, мельчало и становилось эвтрофным. Периоды возрастающей интенсивности почвенной эрозии связаны с резким ростом уровня осадков. Присутствие спор копрофильных грибов ок. 2000 л.н. и их постоянное присутствие после 1300 л.н. совпадает с ранее полученными данными из района исследования и историческими периодами, когда интенсивность выпаса увеличивалась. В течение последних 200 лет наблюдается увеличение почвенной эрозии и изменение трофности озера, что может быть связано с развитием сельского хозяйства в исследуемом районе.

Ключевые слова: поздний голоцен, Монголия, климат, растительность.

Snezhana V. Zhilich, Natalia A. Rudaya ✉

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: nrudaya@gmail.com

High-Resolution Climate and Vegetation Reconstruction for the Last 2000 Years Based on Palaeorecord from Lake Ureg-Nur (Mongolia): Historical and Palaeoecological Context

This paper provides the results of a detailed pollen study of bottom sediments from the drainless salt lake Ureg-Nur located in northwestern Mongolia. Based on pollen data, vegetation and average annual precipitation were reconstructed. The age model for bottom sediments was created on the basis of four radiocarbon dates. The obtained palaeo-archive describes the period of the last 2000 years. Precipitation level reconstruction was made by using the method of a transfer function with calibration dataset of surface pollen spectra. Vegetation reconstruction was made using the method of biomization. In general, reconstructions are consistent with previously obtained data from northwestern Mongolia and refined it in details. A maximum spread of taiga is reconstructed about 1800 cal BP and the last 200 years; maximum spread of steppes is about 1500 cal BP, 1200 cal BP, and 700–200 cal BP. The wettest period was ca. 950–700 cal BP (up to 370 mm/year); the driest period was

ca. 1650–1400 cal BP (up to 290 mm/year). Periods of increasing soil erosion are associated with a sharp increase in precipitation levels. The presence of coprophilous fungi spores around 2000 cal BP and their permanent presence after 1300 cal BP coincide with other data from the study area and historical periods when grazing activity increased. Over the last 200 years, there has been an increase in soil erosion and a change in the nutrient status of the lake, which may be related to agricultural development in the study area.

Keywords: late Holocene, Mongolia, climate, vegetation.

Введение

Озера севера Монголии активно исследуются различными методами для палеоклиматических реконструкций и для реконструкций уровней озер. Пыльца и другие органические остатки в озерных отложениях в этом районе имеют достаточно хорошую сохранность, что позволяет проводить датирование и применять высокоразрешающие палинологические исследования. В районе северо-западной части Монгольского Алтая мало исследованных озер: Хотон [Rudaya et al., 2009], Канас [Huang et al., 2018], Ачит-Нур [Sun et al., 2013], Баян-Нур [Tian et al., 2014]. Исследования в основном покрывают большие временные интервалы (весь голоцен и более) и не предоставляют возможность для высокоразрешающих реконструкций конца голоцена.

Алтай служит географическим водоразделом и барьером на пути воздушных масс, поэтому результаты палеоэкологических реконструкций предполагают различные механизмы динамики климата и ландшафтов с разных сторон Алтайских гор. Исследования палинологических записей юга Западной Сибири и Монголии при сопоставлении показывают значительную вариабельность реконструированного голоценового климата.

Имеющихся голоценовых палинологических записей недостаточно для построения обоснованной картины экологических изменений прошлого и установления ролей климатического и антропогенного факторов в происходящих процессах.

Район исследований относится к засушливым, наиболее чувствительным к климатическим изменениям и антропогенному влиянию. Для территории Монголии в целом остро стоит проблема процессов опустынивания и деградации земель [Vegetation..., 1999]; дискуссионным остается вопрос об антропогенном влиянии на эти процессы [Unkelbach et al., 2017, 2020].

В нашей работе представлено палинологическое исследование донных отложений оз. Урег-Нур. На основе данных палинологического анализа выполнена количественная реконструкция осадков и растительности.

Высокогорное озеро Урег-Нур (50,13° с.ш., 91,24° в.д., 1 425 м над ур. м.) расположено в Улангомском аймаке (МНР) (рис. 1). Озеро бессточное,

в него впадает только одна относительно крупная река Каргы (Харигийн-Гол), берущая начало на Шапшальском хребте. Озеро имеет размеры 20 × 18 км и площадь 300 км² с максимальными глубинами до 42 м. Вода в нем горько-соленая, щелочная, насыщена карбонатными и бикарбонатными ионами. Прозрачность воды до 8 м. Водные растения покрывают до 20 % площади дна. Бентосная фауна бедная и представлена единичными моллюсками и бокоплавами [Vorodavko, 2009].

Современный климат в районе исследования резко континентальный. Горные хребты изолируют данную территорию от влажных воздушных масс с океанов, вследствие чего климат сухой с низким уровнем осадков (240 мм/год), постоянными ветрами, резкими колебаниями температуры за сутки и в течение сезона. Среднегодовая температура от –2,5 °С, средняя температура января –22,3 °С, снежный покров небольшой; средняя температура самого теплого месяца +16 °С [Атлас..., 1985].

Современная растительность мозаичная с ярко выраженной вертикальной зональностью, представлена главным образом степными ассоциациями, горы покрыты лесами из лиственницы, сосны, кедра, различных листопадных пород деревьев. В широких межгорных котловинах располагаются пастбища.

Методы

Керн донных отложений был получен в 2016 г. экспедицией ИАЭТ СО РАН с плавучей платформы с использованием гравитационного пробоотборника UWITEC. Ненарушенный керн донных отложений получен с глубины 42 м (50,10342° с.ш., 91,05726° в.д.), герметично запечатан и транспортирован в лабораторию, где был вскрыт, описан и опробирован.

Радиоуглеродное датирование образцов донных отложений оз. Урег-Нур проводилось в лаборатории ускорительной спектроскопии Тайваньского национального университета, г. Тайбей. Вследствие отсутствия растительных остатков для датирования было использовано общее органическое вещество. Полученные даты калиброваны с использованием калибровочной кривой IntCal13 [Reimer et al., 2013] (далее в реконструкциях используется только калиброванный возраст); медианные значения

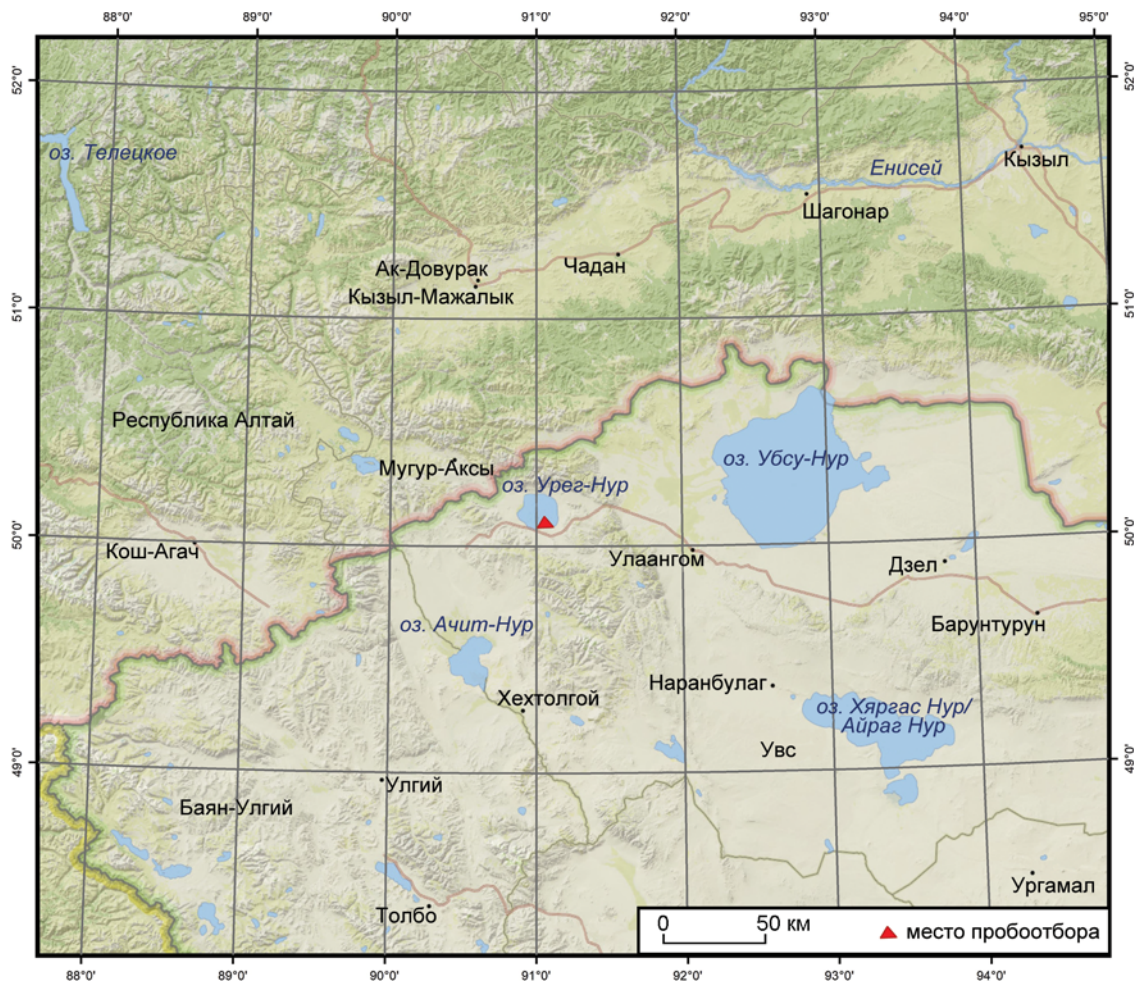

Рис. 1. Карта расположения оз. Урег-Нур.

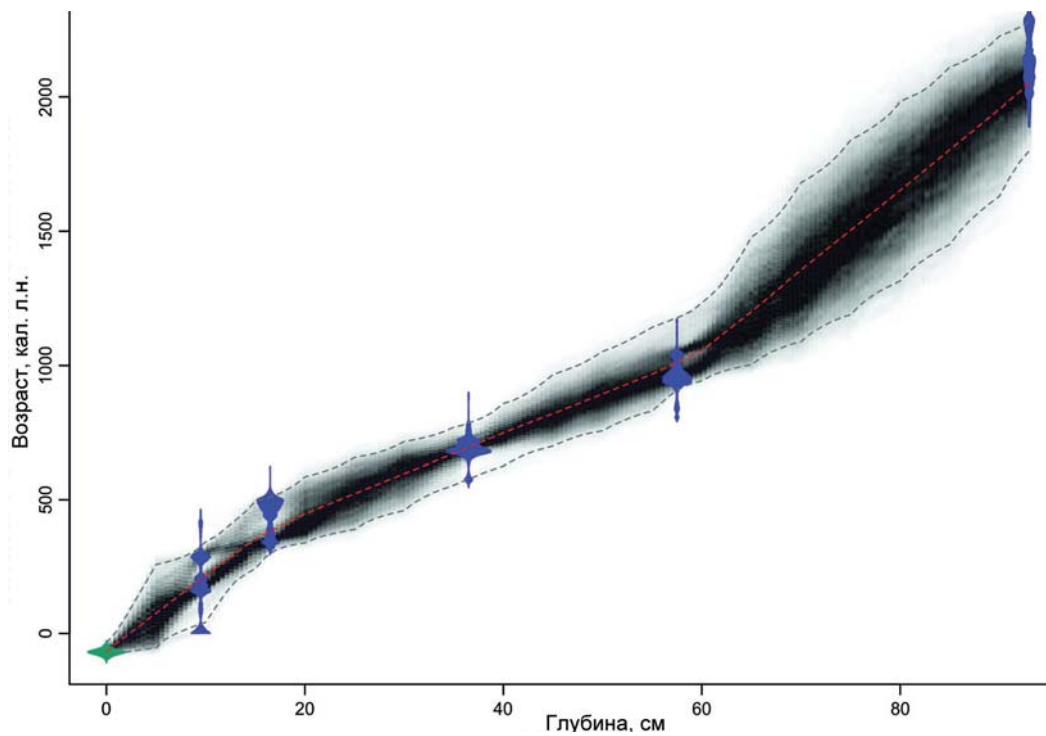

Рис. 2. Возрастная модель для донных отложений оз. Урег-Нур.

календарного возраста образцов использованы для построения возрастной модели с помощью пакета Bacon 2.2 в среде R с учетом резервуарного эффекта [R Core Team, 2018] (рис. 2).

Палинологическим методом исследовано 93 образца озерных отложений с шагом отбора проб 1 см. Отбирались навески по 1,0–1,5 г сухого вещества и обрабатывались для палинологического анализа по стандартной методике [Faegri, Iversen, 1989]. Для подсчета концентраций в образцы добавлялись таблетки спор *Lycopodium*. Временные препараты подготовленного образца изучались под световым микроскопом Zeiss AxioImager с увеличением $\times 400$. В образцах подсчитывалась пыльца и споры растений, а также непыльцевые палиноморфы. Всего в образцах насчитывалось 300–500 зерен пыльцы высших наземных растений. Для определения пыльцы и спор использовались эталонные коллекции лаборатории естественных методов в археологии PaleoData ИАЭТ СО РАН и атласы. Процентное содержание таксонов рассчитывалось относительно суммы пыльцы древесных и травянистых растений, принятой за 100 %. Непыльцевые палиноморфы представлены в виде концентраций (шт./г). Результаты палинологического анализа отражены на диаграмме (рис. 3), построенной в программе Tilia/Tilia Graph [Grimm, 2004]. Выделение палинологических зон проводилось на основе визуального анализа, подкрепленного кластерным анализом CONISS [Grimm, 1987].

На основе палинологических данных выполнена количественная реконструкция растительности методом биомизации [Prentice et al., 1996; Tarasov et al., 1998]. Биомы (растительные формации) являются наивысшей категорией растительности (тундра, тайга, степь, широколиственные листопадные леса, пустыни и т.д.). Функциональные типы раститель-

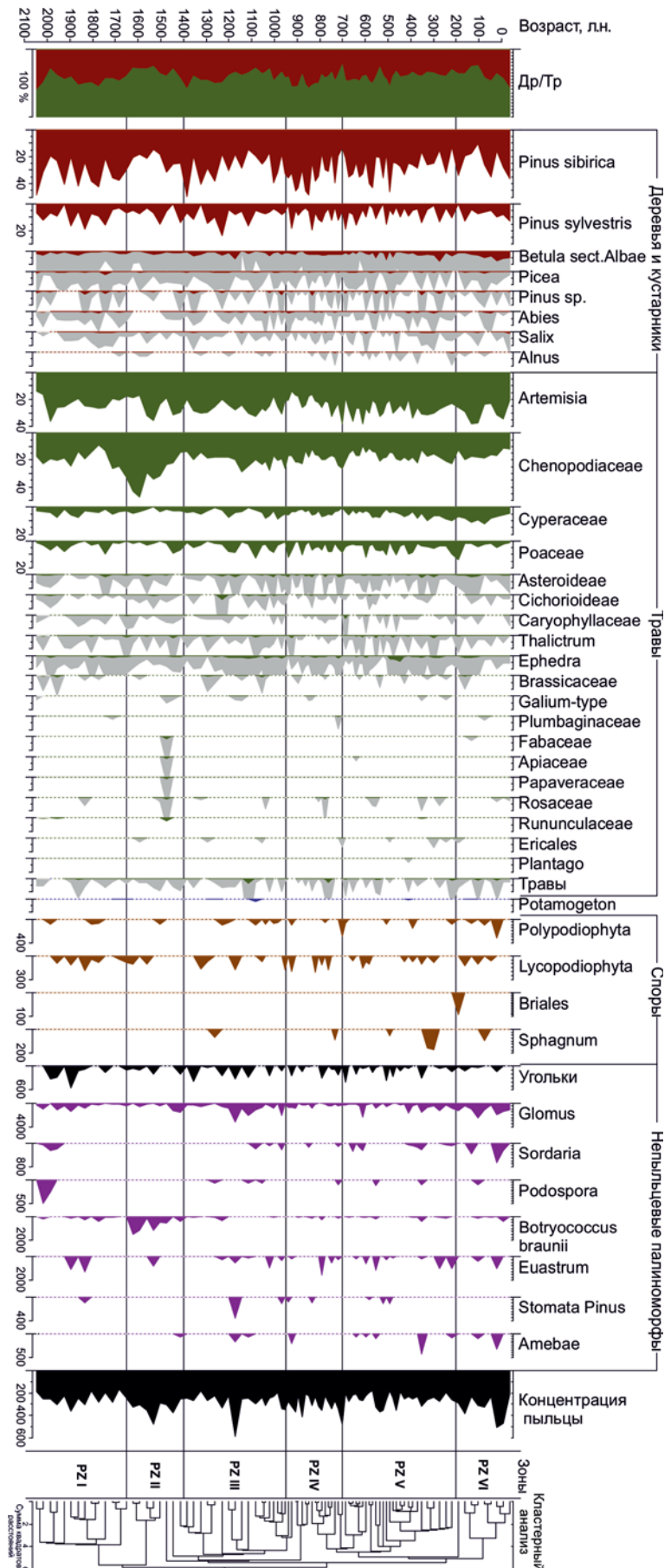

Рис. 3. Палинологическая диаграмма оз. Урег-Нур.

ности – элементарные единицы для экологического моделирования биомов. В зависимости от своей экологии каждый выделяемый при палинологическом анализе таксон относится к одному или нескольким типам [Prentice et al., 1996]. Математически основываясь на положениях нечеткой логики, количественно подсчитывается близость совокупности всех таксонов из палинологического образца к определенному биому (вес биома) [Ibid.]. В результате реконструкции для каждого образца известен вес каждого биома.

Количественная реконструкция годового уровня осадков выполнена методом трансферной функции на основе объединенного набора палинологических данных из поверхностных проб засушливых территорий Центральной Азии [Bordon et al., 2009; Cao et al., 2014] и не опубликованных ранее данных с территории юга Западной Сибири. В данном исследовании мы использовали набор из 871 поверхностной пробы, попадающей в радиус ок. 1 200 км от озера, для создания калибровочной базы палинологических и климатических данных с тремя климатическими параметрами: уровень годовых осадков, средняя температура самого теплого месяца и средняя температура самого холодного месяца, в соответствии с методикой, описанной в работе [Cao et al., 2017]. Результаты реконструкции средних температур не прошли тест на статистическую достоверность [Telford, Birks, 2011]; уровень осадков стал единственным восстанавливаемым климатическим

параметром. Реконструкция выполнена на основе WAPLS (средневзвешенных наименьших квадратов) регрессии с помощью пакета *rioja* 0.7–3 [Juggins] в среде R [R Core Team, 2018] по палинологическим данным (%), трансформированным извлечением квадратного корня. Перекрестное подтверждение работоспособности модели на тренировочном наборе палинологических и климатических данных достоверно, о чем свидетельствуют высокие значения коэффициента детерминантности R^2 между наблюдаемыми и предсказываемыми моделью значениями осадков (0,71) и низкими показателями среднеквадратичной ошибки прогноза (RMSEP = 76 мм).

Результаты

По палинологическим данным реконструированы типы доминирующей растительности (биомы) и уровень осадков (рис. 4). На палинологической диаграмме (см. рис. 3) выделено шесть палинозон.

PZ I (2–1,65 тыс. л.н.). Доминирует пыльца сосны сибирской (*Pinus sibirica*) – 30–40 %, доля пыльцы трав ок. 50 %, она представлена полынью (*Artemisia*) – 25–30 % и амарантовыми (Amaranthaceae) – ок. 20 %. Из непыльцевых палиноморф отмечены значительные концентрации углей, в начале зоны обильны копрофильные грибы *Sordaria* и *Podospora*, а в середине зоны зарегистрированы наибольшие концентрации зеленых водорослей *Euastrum*. Реконструированные бал-

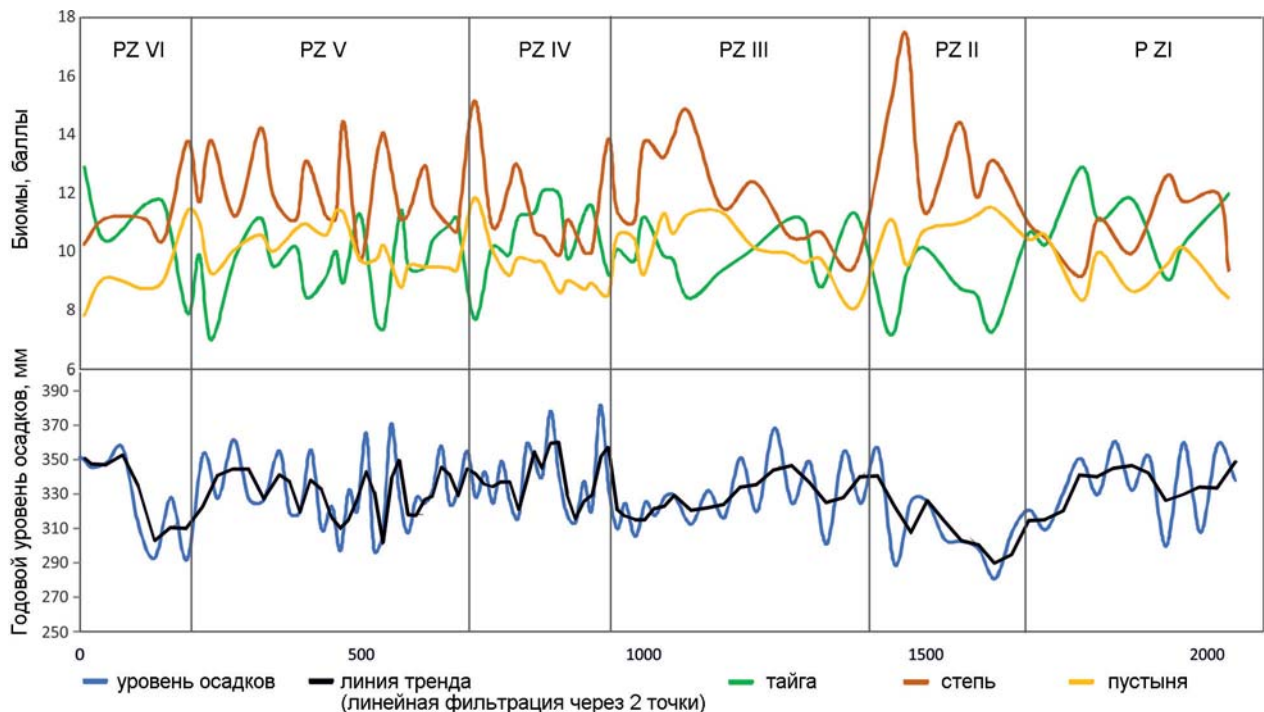

Рис. 4. Реконструкция растительности методом биомизации и среднегодового количества осадков для оз. Урег-Нур.

лы биомов степи и тайги близки по значениям, биом пустыни имеет низкие значения. Реконструированный уровень осадков довольно высокий – ок. 330 мм/год, но к концу зоны резко снижается. Климат, вероятно, был близок современному.

Хронологически интервал данной палинозоны связан со временем распространения на территории северных степей Монголии древнего кочевого народа хунну [Wright, Honeychurch, Amartuvshin, 2009]. По данным из района оз. Даян-Нур [Unkelbach et al., 2019] лес начал распространяться после 2,35 тыс. л.н.; также отмечается возрастание доли рудеральных компонентов, считающихся признаками распространения засушливых сообществ, что совпадает с реконструированным нами снижением осадков к концу зоны. Высокие концентрации копрофильных грибов могут быть связаны с выпасом и вытаптыванием в период массовых миграций сельскохозяйственных животных в течение этого периода [Ibid.].

PZ II (1,65–1,4 тыс. л.н.). Резко возрастает процент пыльцы травянистых растений, в основном за счет амарантовых (Amaranthaceae); увеличивается разнообразие трав. Содержание пыльцы сосны сибирской резко падает. Биом степей доминирует, пустынный биом также имеет довольно высокие значения, а биом тайги крайне низкие. Реконструированный уровень осадков наиболее низкий для всего исследованного периода и составляет 290 мм/год.

Из непыльцевых палиноморфов присутствует большое количество зеленых водорослей *Botryococcus braunii*, характерных для мелких заболоченных водоемов [van Geel, 2001]. Климат стал суше, озеро, вероятно, обмелело.

PZ III (1,4–0,95 тыс. л.н.). Снижается доля травянистых растений, возрастает доля сосны сибирской, практически исчезает береза. Присутствует пыльца водных растений (*Potamogeton*). Реконструированные биомы тайги и пустыни имеют близкие значения, а значение биома степи снижается по сравнению с предыдущей зоной. Уровень осадков возрастает до 310–320 мм/год. Климат увлажняется. По данным палеозаписи озерных отложений оз. Баян-Нур значительное повышение уровня осадков также произошло после 1,2 тыс. л.н. [Рудая и др., 2016].

Из непыльцевых палиноморфов присутствует большое количество спор грибов рода *Glomus*, индикаторов почвенной эрозии, предположительно, связанной с возросшим стоком воды в бассейне озера. В середине зоны снова появляются споры копрофильных грибов. В Монгольском Алтае тоже было обнаружено присутствие значительного количества спор копрофильных грибов в отложениях,

соответствующих этому периоду [Unkelbach et al., 2019]. Этот факт связывается с моментом становления Монгольской Империи и усилением выпаса на данной территории. Там же отмечается, что далее в течение более поздних периодов споры копрофильных грибов встречаются постоянно и в возрастающих количествах, это также согласуется с нашими наблюдениями.

PZ VI (0,95–0,7 тыс. л.н.). Доли сосны сибирской и березы увеличиваются, а полыни и эфедры (*Ephedra*) снижаются, слегка возрастает доля злаков (Poaceae) и осок (Cyperaceae). В реконструкции биомов резко снижаются баллы биома пустыни и возрастают баллы степи и тайги. Климат еще немного увлажняется до уровня годовых осадков 330–350 мм/год.

PZ V (0,7–0,2 тыс. л.н.). Снова увеличивается доля пыльцы трав, в т.ч. эфедры – индикатора засушливых условий, но доля сосны сибирской не сокращается. Опять возрастает биом пустыни, при этом другие биомы остаются стабильными. Реконструированный уровень осадков сильно варьирует, в среднем составляя ок. 315 мм/год. В образцах присутствуют устьица сосны, показывающие, что сосна росла в непосредственной близости от озера, и споры копрофильных грибов.

В районе оз. Баян-Нур также отмечается тенденция к иссушению климата после 0,82 тыс. л.н. и распространению степей после 0,4 тыс. л.н. Здесь отмечается максимум облесения ок. 0,4 тыс. л.н. [Рудая и др., 2016].

PZ IV (0,2–0 тыс. л.н.). Увеличивается доля пыльцы сосны обыкновенной, березы и осок, а амарантовых и эфедры значительно снижается. Значения биома тайги максимальны за весь интервал. Реконструированный уровень осадков резко возрастает до 350 мм/год. В этой зоне наблюдаются большие концентрации спор копрофильных грибов и почвенного гриба *Glomus*. В самом верху колонки в образце присутствуют водоросли рода *Cosmarium*, что говорит об изменении трофности озера в сторону увеличения и, возможно, об изменении кислотности [Riera, López-Sáez, Juliá, 2006]. Климат стал еще более влажным.

Заключение

В целом реконструкция согласуется с ранее полученными данными по северо-западу Монголии и уточняет их в деталях. Реконструирована динамика растительности с максимумом распространения тайги ок. 1800 л.н. и в последние 200 лет; максимальное распространение степей ок. 1500 л.н., 1200 л.н. и 700–200 л.н. Уровень осадков варьировал. Самый влажный период был ок. 950–700 л.н.

(до 370 мм/год), в самый засушливый период (1650–1400 л.н.) уровень осадков опускался до 290 мм/год. Периоды возрастающей интенсивности почвенной эрозии связаны с резким ростом уровня осадков. Присутствие спор копрофильных грибов ок. 2000 л.н. и их постоянное присутствие после 1300 л.н. совпадает с ранее полученными данными из района исследования и историческими периодами, когда интенсивность выпаса увеличивалась. В течение последних 200 лет наблюдается увеличение почвенной эрозии и изменение трофности озера, что может быть связано с развитием сельского хозяйства.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР № 0329-2019-0010 «Реконструкция природных условий и способы адаптации к ним населения Евразии в четвертичном периоде».

Список литературы

Атлас ресурсов климата и поверхностных вод МНР. – М.: ГУГК, 1985. – 75 с.

Рудая Н.А., Кривоногов С.К., Жилич С.В., Назарова Л.Б., Палагушкина О.В., Панов В.С., Папин Д.В., Фролова Л.А., Отгонбаяр Д., Баярхүү Б., Жаогалсүрэн Н. Изменения ландшафтов в голоцене юга Западной Сибири и севера Западной Монголии // Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. памяти проф. А.А. Величко. – М.: ИГ РАН, 2016. – С. 544–549.

Bordon A., Peyron O., Lezine A.-M., Brewer S., Fouache E. Pollen-inferred late-glacial and holocene climate in Southern Balkans (lake Maliq) // *Quaternary International*. – 2009. – Vol. 200. – P. 19–30.

Borodavko P.S. Pleistocene lake level changes in Western Mongolia // *EGUGA*. – 2009. – P. 1805.

Cao X., Herzsuh U., Telford R., Ni J. A modern pollen-climate dataset from China and Mongolia: assessing its potential for climate reconstructions. *Review // Palaeobotany and Palynology*. – 2014. – P. 211, 87–96.

Cao X., Tian F., Telford R.J., Ni J., Xu Q., Chen F., Liu X., Stebich M., Zhao Y., Herzsuh U. Impacts of the spatial extent of pollen-climate calibration set on the absolute values, range and trends of reconstructed Holocene precipitation // *Quaternary Sci. Review*. – 2017. – Vol. 178. – P. 37–53.

Faegri K., Iversen J. *Textbook of Pollen Analysis*. – Caldwell: The Blackburn Press, 1989. – 328 p.

Grimm E. CONISS: a FORTRAN 77 program for stratigraphically constrained cluster analysis by the methods of incremental sum of squares // *Computer Geoscience*. – 1987. – Vol. 13. – P. 13–15.

Grimm E. *Tilia Software 2.0.2*. // Illinois State Museum Research and Collection Center: Springfield. – 2004.

Huang X., Peng W., Rudaya N., Grimm E.C., Chen X., Cao X., Zhang J., Pan X., Liu S., Chen C., Chen F. Holocene vegetation and climate dynamics in the Altai Mountains and surrounding areas // *Geophysical Research Letters*. – 2018. – Vol. 45 (13). – P. 6628–6636.

Juggins S. *Rioja: analysis of quaternary science data version 0.7–3* [Электронный ресурс]. – URL: <http://cran.r-project.org/web/packages/rioja/index.html> (дата обращения: 10.09.2020).

Prentice C.I., Guiot J., Huntley B., Jolly D., Cheddadi R. Reconstructing biomes from palaeoecological data: a general method and its application to European pollen data at 0 and 6 ka // *Climate Dynamics*. – 1996. – Vol. 12. – P. 185–193.

R Core Team. *R: A Language and Environment for Statistical Computing* [Электронный ресурс] // R Foundation for Statistical Computing. Vienna, 2018. – URL: <https://www.R-project.org> (дата обращения: 09.10.2020).

Reimer P.J., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Blackwell P.G., Bronk-Ramsey C., Buck C.E., Cheng H., Edwards R.L., Friedrich M., Grootes P.M., Guilderson T.P., Hafflidason H., Hajdas I., Hatte C., Heaton T.J., Hogg A.G., Hughen K.A., Kaiser K.F., Kromer B., Manning S.W., Niu M., Reimer R.W., Richards D.A., Scott E.M., Southon J.R., Turney C.S.M., Plicht van der J. IntCal13 and Marine13 radiocarbon age calibration curves 0–50000 years cal BP // *Radiocarbon*. – 2013. – Vol. 55. – P. 1869–1887.

Riera S., López-Sáez J.A., Julià R. Lake responses to historical land use changes in northern Spain: the contribution of non-pollen palynomorphs in a multiproxy study // *Review of Palaeobotany and Palynology*. – 2006. – Vol. 141. – N 1-2. – P. 127–137.

Rudaya N., Tarasov P., Dorofeyuk N., Solovieva N., Kalugin I., Andreev A., Daryin A., Diekmann B., Riedel F., Tserendash N., Wagner M. Holocene environments and climate in the Mongolian Altai reconstructed from the Hoton-Nur pollen and diatom records: a step towards better understanding climate dynamics in Central Asia // *Quaternary Science Review*. – 2009. – Vol. 28. – P. 540–554.

Sun A., Feng Z., Ran M., Zhang C. Pollen-recorded bioclimatic variations of the last ~ 22,600 years retrieved from Achit Nuur core in the western Mongolian Plateau // *Quaternary International*. – 2013. – Vol. 311. – P. 36–43.

Tarasov P.E., Webb III T., Andreev A.A., Afanas'eva N.B., Berezina N.A., Bezusko L.G., Blyakharchuk T.A., Bolikhovskaya N.S., Cheddadi R., Chernavskaya M.M., Chernova G.M., Dorofeyuk N.I., Dirksen V.G., Elina G.A., Filimonova L.V., Glebov F.Z., Guiot J., Gunova V.S., Harrison S.P., Jolly D., Khomutova V.I., Kvavadze E.V., Osipova I.M., Panova N.K., Prentice I.C., Saarse L., Sevastyanov D.V., Volkova V.S., Zernitskaya V.P. Present-day and mid-Holocene biomes reconstructed from pollen and plant macrofossil data from the former Soviet Union and Mongolia // *J. of Biogeography*. – 1998. – Vol. 25 (6). – P. 1029–1053.

Telford R.J., Birks H.J.B. A novel method for assessing the statistical significance of quantitative reconstructions inferred from biotic assemblages // *Quaternary Sci. Review.* – 2011. – Vol. 30. – P. 1272–1278.

Tian F., Herzschuh U., Telford R.J., Mischke S., Van der Meeren T., Kregel M. A modern pollen-climate calibration set from central-western Mongolia and its application to a late glacial–Holocene record // *J. of Biogeography.* – 2014. – Vol. 41 (10). – P. 1909–1922.

Unkelbach J., Dulamsuren C., Punsalpaamuu G., Saindovdon D., Behling H. Late Holocene vegetation, climate, human and fire history of the forest-steppe ecosystem inferred from core G2-A in the “Altai Tavan Bogd” conservation area in Mongolia // *Vegetation History and Archaeobotany.* – 2017. – Vol. 27. – P. 665–677.

Unkelbach J., Kashima K., Enters D., Dulamsuren Ch., Punsalpaamuu G., Behling H. Late Holocene (Meghalayan) palaeoenvironmental evolution inferred from multi-proxy-studies of lacustrine sediments from the Dayan Nuur region of Mongolia // *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology.* – 2019. – Vol. 530. – P. 1–14.

Unkelbach J., Kashima K., Punsalpaamuu G., Shumilovskikh L., Behling H. Decadal high-resolution multi-proxy analysis to reconstruct natural and human-induced environmental changes over the last 1350 cal. yr BP in the Altai Tavan Bogd National Park, western Mongolia // *Holocene.* – 2020. – Vol. 3 (7). – P. 1016–1028.

van Geel B. Non-pollen palynomorphs. Terrestrial, algal and siliceous indicators // *Tracking environmental change using lake sediments.* – Dordrecht: Kluwer Academic Publishers. – 2001. – P. 99–119.

Vegetation dynamics of Mongolia / P.D. Gunin, E.A. Vostokova, N.I. Dorofeyuk, P.E. Tarasov, C.C. Black (eds.). Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1999. – 239 p.

Wright J., Honeychurch W., Amartuvshin C. The Xiongnu settlements of Egiin Gol, Mongolia // *Antiquity.* – 2009. – Vol. 83 (320). – P. 372–387.

References

Atlas resursov klimata i poverkhnostnykh vod MNR. Moscow: GUGK, 1985, 75 p. (In Russ.).

Bordon A., Peyron O., Lezine A.-M., Brewer S., Fouache E. Pollen-inferred late-glacial and holocene climate in Southern Balkans (lake Maliq). *Quaternary International*, 2009, vol. 200, pp. 19–30.

Borodavko P.S. Pleistocene lake level changes in Western Mongolia. In *European Geosciences Union General Assembly abstract book (EGUGA)*, 2009, p. 1805.

Cao X., Herzschuh U., Telford R., Ni J. A modern pollen-climate dataset from China and Mongolia: assessing its potential for climate reconstructions. *Review. Palaeobotany and Palynology*, 2014, vol. 211, pp. 87–96.

Cao X., Tian F., Telford R.J., Ni J., Xu Q., Chen F., Liu X., Stebich M., Zhao Y., Herzschuh U. Impacts of the spatial extent of pollen-climate calibration set on the absolute values, range and trends of reconstructed Holocene precipitation. *Quaternary Science Review*, 2017, vol. 178, pp. 37–53.

Faegri K., Iversen J. *Textbook of Pollen Analysis.* Caldwell: The Blackburn Press, 1989, 328 p.

Grimm E. CONISS: a FORTRAN 77 program for stratigraphically constrained cluster analysis by the methods of incremental sum of squares. *Computer Geoscience*, 1987, vol. 13, pp. 13–15.

Grimm E. *Tilia Software 2.0.2.* Illinois State Museum Research and Collection Center: Springfield, 2004.

Gunin P.D., Vostokova E.A., Dorofeyuk N.I., Tarasov P.E., Black C.C. *Vegetation dynamics of Mongolia.* Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1999, 239 p.

Huang X., Peng W., Rudaya N., Grimm E.C., Chen X., Cao X., Zhang J., Pan X., Liu S., Chen C., Chen F. Holocene vegetation and climate dynamics in the Altai Mountains and surrounding areas. *Geophysical Research Letters*, 2018, vol. 45 (13), pp. 6628–6636.

Juggins S. Rioja: analysis of quaternary science data version 0.7-3. URL: <http://cran.r-project.org/web/packages/rioja/index.html> (Accessed: 10.09.2020).

Prentice C.I., Guiot J., Huntley B., Jolly D., Cheddadi R. Reconstructing biomes from palaeoecological data: a general method and its application to European pollen data at 0 and 6 ka. *Climate Dynamics*, 1996, vol. 12, pp. 185–193.

R Core Team. R: A Language and Environment for Statistical Computing. In *R Foundation for Statistical Computing.* Vienna, 2018. URL: <https://www.R-project.org> (Accessed: 09.10.2020).

Reimer P.J., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Blackwell P.G., Bronk-Ramsey C., Buck C.E., Cheng H., Edwards R.L., Friedrich M., Grootes P.M., Guilderson T.P., Hafliðason H., Hajdas I., Hatte C., Heaton T.J., Hogg A.G., Hughen K.A., Kaiser K.F., Kromer B., Manning S.W., Niu M., Reimer R.W., Richards D.A., Scott E.M., Southon J.R., Turney C.S.M., Plicht van der J. IntCal13 and Marine13 radiocarbon age calibration curves 0–50000 years cal BP. *Radiocarbon*, 2013, vol. 55, pp. 1869–1887.

Riera S., López-Sáez J.A., Julià R. Lake responses to historical land use changes in northern Spain: the contribution of non-pollen palynomorphs in a multiproxy study. *Review of Palaeobotany and Palynology*, 2006, vol. 141, No. 1-2, pp. 127–137.

Rudaya N.A., Krivonogov S.K., Zhilich S.V., Nazarova L.B., Palagushkina O.V., Panov V.S., Papin D.V., Frolova L.A., Otgonbayar D., Bayarkhyg B., Zhaogalsyren N. Izmeneniya landshaftov v golotsene yuga Zapadnoi Sibiri i severa Zapadnoi Mongolii. In *Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi*

pamyati professora A.A. Velichko. Moscow: Institute of Geography RAS, 2016, pp. 544–549. (In Russ.).

Rudaya N., Tarasov P., Dorofeyuk N., Solovieva N., Kalugin I., Andreev A., Daryin A., Diekmann B., Riedel F., Tserendash N., Wagner M. Holocene environments and climate in the Mongolian Altai reconstructed from the Hoton-Nur pollen and diatom records: a step towards better understanding climate dynamics in Central Asia. *Quaternary Science Review*, 2009, vol. 28, pp. 540–554.

Sun A., Feng Z., Ran M., Zhang C. Pollen-recorded bioclimatic variations of the last ~ 22,600 years retrieved from Achit Nur core in the western Mongolian Plateau. *Quaternary International*, 2013, vol. 31, pp. 36–43.

Tarasov P.E., Webb III T., Andreev A.A., Afanas'eva N.B., Berezina N.A., Bezusko L.G., Blyakharchuk T.A., Bolikhovskaya N.S., Cheddadi R., Chernavskaya M.M., Chernova G.M., Dorofeyuk N.I., Dirksen V.G., Elina G.A., Filimonova L.V., Glebov F.Z., Guiot J., Gunova V.S., Harrison S.P., Jolly D., Khomutova V.I., Kvavadze E.V., Osipova I.M., Panova N.K., Prentice I.C., Saarse L., Sevastyanov D.V., Volkova V.S., Zernitskaya V.P. Present-day and mid-Holocene biomes reconstructed from pollen and plant macrofossil data from the former Soviet Union and Mongolia. *J. of Biogeography*, 1998, vol. 25 (6), pp. 1029–1053.

Telford R.J., Birks H.J.B. A novel method for assessing the statistical significance of quantitative reconstructions inferred from biotic assemblages. *Quaternary Science Review*, 2011, vol. 30, pp. 1272–1278.

Tian F., Herzschuh U., Telford R.J., Mischke S., Van der Meeren T., Krengel M. A modern pollen–

climate calibration set from central-western Mongolia and its application to a late glacial–Holocene record. *J. of Biogeography*, 2014, vol. 41 (10), pp. 1909–1922.

Unkelbach J., Dulamsuren C., Punsalpaamuu G., Saindovdon D., Behling H. Late Holocene vegetation, climate, human and fire history of the forest-steppe-ecosystem inferred from core G2-A in the “Altai Tavan Bogd” conservation area in Mongolia. *Vegetation History and Archaeobotany*, 2017, vol. 27, pp. 665–677.

Unkelbach J., Kashima K., Enters D., Dulamsuren Ch., Punsalpaamuu G., Behling H. Late Holocene (Meghalayan) palaeoenvironmental evolution inferred from multi-proxy-studies of lacustrine sediments from the Dayan Nur region of Mongolia. *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology*, 2019, vol. 530, pp. 1–14.

Unkelbach J., Kashima K., Punsalpaamuu G., Shumilovskikh L., Behling H. Decadal high-resolution multi-proxy analysis to reconstruct natural and human-induced environmental changes over the last 1350 cal. yr BP in the Altai Tavan Bogd National Park, western Mongolia. *Holocene*, 2020, vol. 3 (7), pp. 1016–1028.

van Geel B. Non-pollen palynomorphs. Terrestrial, algal and siliceous indicators. In *Tracking environmental change using lake sediments*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2001, pp. 99–119.

Wright J., Honeychurch W., Amartuvshin C. The Xiongnu settlements of Egiin Gol, Mongolia. *Antiquity*, 2009, vol. 83 (320), pp. 372–387.

Жилич С.В. <https://orcid.org/0000-0002-0365-0602>

Рудая Н.А. <https://orcid.org/0000-0003-1536-6470>

Е.А. Зайцева¹✉, А.В. Кениг^{1, 2}, А.А. Кимпицкая^{1, 2}

¹ООО «НИПИ ЭтноАрхео Центр»
Ханты-Мансийск, Россия

²Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

E-mail: e.zaitseva@archeocenter.ru

Предварительные результаты археологических исследований могильника Тохтымейпай-8

В статье представлены предварительные результаты археологических исследований могильника Тохтымейпай-8, расположенного на севере Западной Сибири в урочище Тохтымейпай на западном берегу оз. Домашний Сор, в левобережье нижнего течения р. Иртыш в Ханты-Мансийском р-не Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Территория могильника занимает всю площадь одноименного мыса, на нем обнаружено 624 могильных впадины; высокая плотность могильных сооружений приходится на центральную часть. На сегодняшний день техническое состояние памятника археологии аварийное, могильник неоднократно подвергался грабительским раскопкам. В полевой сезон 2017 г. в центральной части памятника было заложено два раскопа, общая площадь которых составила 69 м². Было полностью изучено 12 захоронений, в межмогильном пространстве зафиксирован объект, предварительно названный поминальным местом. Костные останки зафиксированы в семи погребениях, четыре из них принадлежали женщинам в возрасте от 18 лет. Обнаруженные черепа были расположены вертикально. Костные останки в некоторых случаях укрыты берестой; в части погребений зафиксированы остатки внутримогильных деревянных конструкций. Состояние антропологического материала плохое. В ходе раскопок собрана коллекция погребально-инвентаря в количестве 110 ед., включая предметы вооружения (железные наконечники), украшения и элементы костюма из цветных металлов, керамические сосуды и их фрагменты, клепаные котлы, обломки железных изделий и заготовки для орудий из камня. Материалы могильника Тохтымейпай-8 находят множество аналогий в вещевых комплексах некрополей Сургутского Приобья и могут быть датированы XII–XVIII вв.

Ключевые слова: ХМАО – Югра, Согом, могильник Тохтымейпай-8, раскопки, Средневековье.

Evgeniia A. Zaitseva¹✉, Aleksandr V. Kenig^{1, 2}, Anastasiia A. Kimpitskaia^{1, 2}

¹NIPI EtnoArcheo Center Ltd.,
Khanty-Mansiysk, Russia

²Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

E-mail: e.zaitseva@archeocenter.ru

Preliminary Results of Archaeological Research at the Tokhtymeipai-8 Burial Ground

This article presents the preliminary results of archaeological research at the Tokhtymeipai-8 burial ground in Tokhtymeipai locality on the western shore of Lake Domashnyi Sor in the left bank area of the lower reaches of the Irtysh River in Khanty-Mansiysky District of Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra in the north of Western Siberia. The burial ground occupies the entire area of the promontory of the same name; 624 grave depressions were found with the higher density of grave structures in the central part. Currently the archaeological site is in a bad state; the burial ground was many times subjected to predatory excavations. During the field season of 2017, two excavation pits were made in the central part of the site over the total area of 69 m²; 12 graves were examined; an object tentatively designated as a “memorial place” was found in the space between the graves. Bone remains were discovered in seven burials; four of them belonged to women over 18 years of age. The skulls were arranged vertically. In some cases, bone remains were covered with birch bark; remains of wooden structures inside the graves were in some burials. The state of the anthropological evidence was poor. The collection of grave

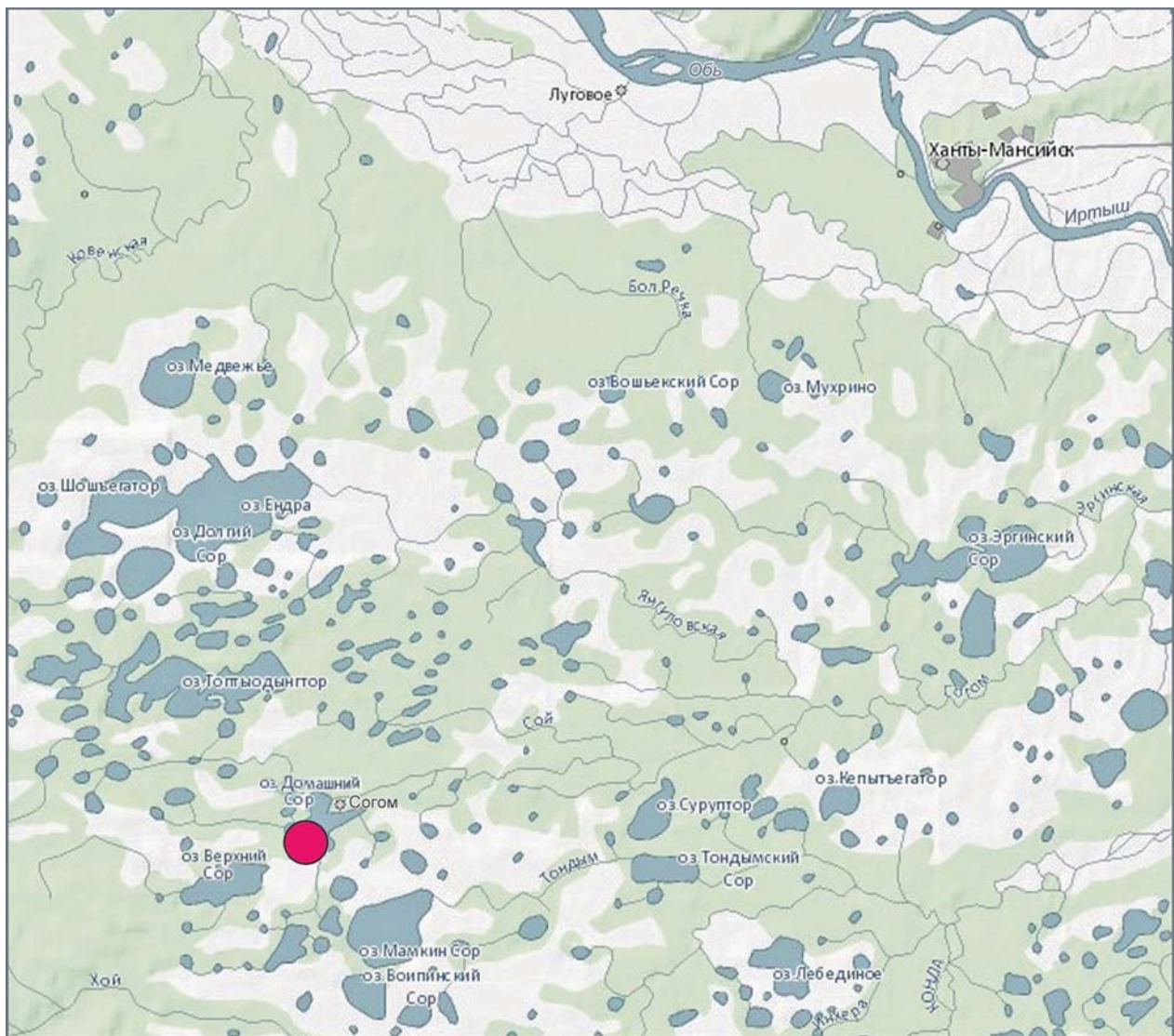
goods found during the excavation numbered 110 objects, including weaponry (iron points), adornments and outfit elements made of non-ferrous metals, pottery and pottery fragments, riveted cauldrons, iron fragments of objects, and blanks of stone tools. The evidence from the Tokhtymeipai-8 burial ground shows many parallels with the complexes from the necropoleis of the Surgut Ob region.

Keywords: KhMAO-Yugra, Sogom, Tokhtymeipai-8 burial ground, excavations, Middle Ages.

Введение

В полевом сезоне 2017 г. было начато изучение культурного слоя памятника археологии могильника Тохтымейпай-8. Он находится в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре, в 77,8 км к ЮЗ от г. Ханты-Мансийска, в 3,6 км к ЮЗ от д. Согом, на западном берегу оз. Домашний Сор в урочище Тохтымейпай и располагается в границах достопримечательного места регионального значения «Согом» (рис. 1). Территория представляет собой целостный истори-

чески сформировавшийся природный ландшафт, являющийся совместным творением природы и человека, – это сложный комплекс урочищ, неоднородных по своей структуре и преимущественно представляющих собой дренируемые песчаные холмы флювиогляциального (водно-ледникового) происхождения в окружении верховых болот, разделенных долинными лесоболотными комплексами с преобладающим мезотрофным типом растительности. Объединение разных по происхождению и структуре урочищ об-

● месторасположение могильника Тохтымейпай-8

Рис. 1. Месторасположение района проведения археологических работ.

условлено наличием культурных объектов, сконцентрированных вокруг оз. Домашний Сор [Зайцева, Кениг, 2016, с. 87; Кениг, Зайцева, 2012, с. 159].

Археологический памятник был выявлен в 2008 г. и назван по топониму: Тохтымейпай – местное название урочища в западной части озерной террасы, имеющее этнографические корни. В переводе с иртышского диалекта языка южной группы ханты топоним Тохтымейпай – Маленький гагарий остров. Также возможен перевод топонима с кондинского диалекта языка ханты, где зафиксировано коми-заимствование «тыктым», что переводится на русский язык как «участок реки между двумя рыбными запорами». Таким образом, второй вариант перевода звучит следующим образом: «Маленький остров на участке реки между двумя запорами» [Steinitz, 1956–1993].

На территории могильника визуально фиксируются 624 могильные впадины. Высокая плотность могильных сооружений приходится на центральную часть мыса, к краю террасы их количество значительно сокращается. Для могильника характерна нерегулярная рядовая планировка, в рядах фиксируется от 4 до 20 впадин. Ряды ориентированы чаще всего в направлениях: ЮЗ – СВ, С – Ю, ЮВ – СЗ. Параметры могильных впадин варьируют от 0,7 × 0,5 м до 3,5 × 3,5 м; параметры большинства

в среднем составляют 2,8 × 1,3 м. Глубина впадин варьирует от –0,15 до –0,55 м. Ориентация могильных впадин различна, чаще всего это: ЮВ – СЗ, ЮЗ – СВ, реже С – Ю, З – В. Граница исследуемого памятника археологии проходит по всему периметру мыса и включает в себя другие памятники археологии: поселения Согом-33–39, -83, городища Согом-95–97; южная граница проходит по краю мыса и плавно переходит в залесенное болото (рис. 2).

На сегодняшний день техническое состояние памятника определено как аварийное: фиксируются множественные следы нарушения почвенного покрова техногенного и природного характера, грабительские шурфы внутри могильных впадин и рядом с ними; известно, что в 2009 г. объект археологического наследия был подвержен грабительским раскопкам группой «черных археологов», вследствие чего было разрушено 52 захоронения.

Полевые работы

В полевой сезон 2017 г. в центральной части территории памятника было заложено 2 раскопа общей площадью 69 м² (20 и 49 м²), полностью изучено 12 погребений (см. *таблицу*), а также зафиксирован объект, предварительно названный авторами поминальным местом.

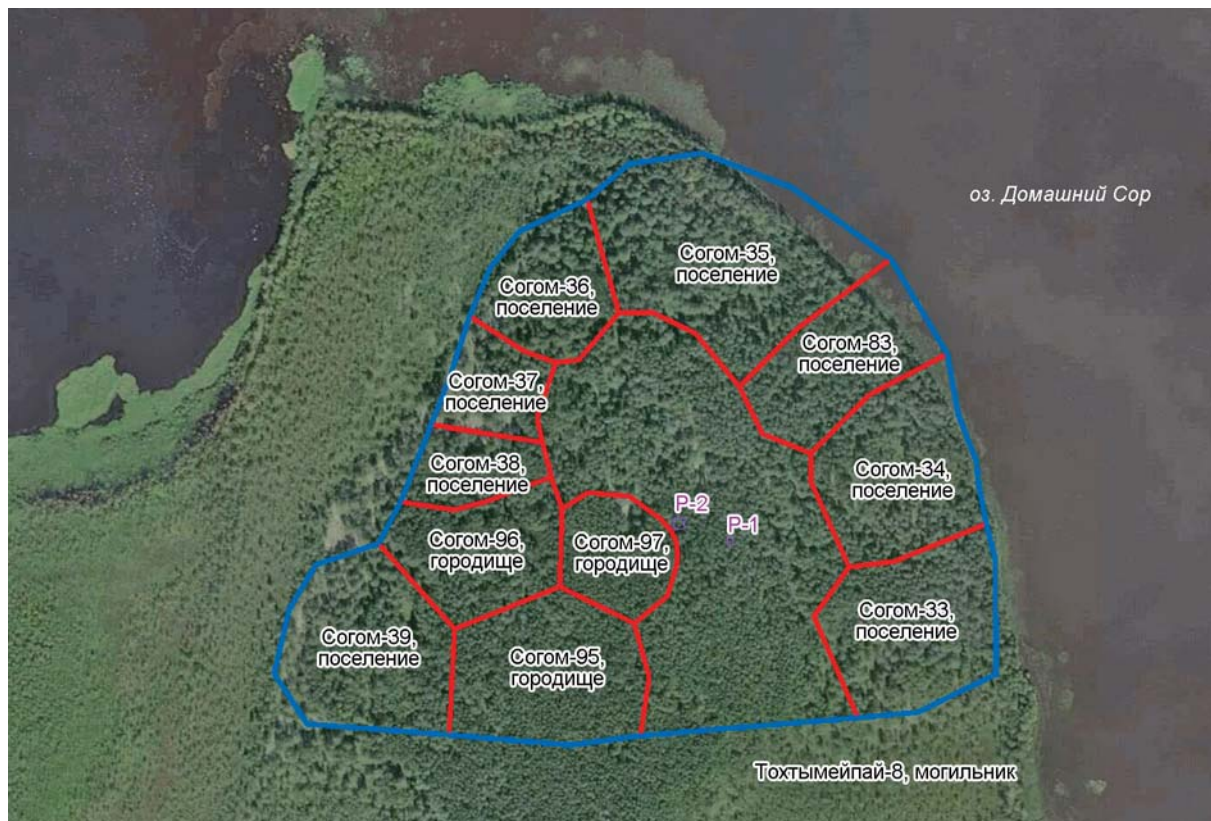

Рис. 2. Карта-схема (космоснимок) расположения границ могильника Тохтымейпай-8.

Характеристика погребений

№ погр.	Раскоп, участок	Размер и глубина захоронения в м*, ориентация	Обнаруженные палеоантропологические останки	Положение погребенного	Пол, возраст	Погребальный инвентарь (№ в описи)	Внутримогильные сооружения	Примечания/особенности
1	Р-1 4/В-Г	1,3 × 0,45 м -0,24... -0,35 м ЮЮЗ – ССВ	Фрагменты черепной кости, верхней и нижней челюсти, позвонков, правых ключицы, плечевой, лопаточной, тазовой и бедренной костей	Костяк расположен в правильном анатомическом порядке, выпянут в положении на правом боку, голова опущена ниже уровня тела, в направлении на ЮЮЗ	Ж > 20 лет	Железные наконечники (2, 4)	–	Погребение не читалось в рельефе; было обнаружено под слоем временного дерна, что гораздо выше других открытых погребений. Вероятно, захоронение было совершено путем оставления тела на земле без ингумации
2	Р-1 А/4	0,9 × 0,4 м -0,45... -0,71 м Ю – С	Отсутствуют	–	–	–	–	–
3	Р-1 А-Б/1-3	1,6 × 0,5 м -0,55... -0,8 м ЮЗ – СВ	Фрагмент большеберцовой кости	–	–	Железный наконечник (17)	На дне погребения обнаружены остатки деревянного настила	СВ угол «перекрыт» ЮЗ краем погр. 4
4	Р-1 Б-Г/3-4	2,1 × 0,6 м -0,55... -0,89 м ЗЮЗ – ВСВ	Фрагменты черепной кости, верхней челюсти, пр. лопаточной кости, лев. лопаточной кости, лев. плечевой кости, пр. бедренной, малоберцовой кости, лев. бедренной, большеберцовой, малоберцовой кости, фрагменты костей губчатого и трубчатого строения	Костяк погребенного выпянут в положении на спине, голова расположена перпендикулярно земле, ориентирована на ЗЮЗ	Ж	Каменный оселок (5); бронзовый котел (6, 15); фрагменты окисленных железных изделий (18–20, 26–27, 29, 33)	Голова погребенного обернута плотным слоем бересты. По периметру погребения зафиксированы узкие полоски древесного тлена	В районе нижних конечностей обнаружена нижняя челюсть крупного животного и пучок шерсти коричневого цвета, предположительно лося. Под челюстью животного найден фрагмент человеческой нижней челюсти
5	Р-1 В-Г/2-3	2,4 × 1,14 м -0,55... -0,72 м ЮЗ – СВ	Отсутствуют	–	–	–	–	В СВ части погребения на уровне -0,65 м зафиксирована линза темно-серой супеси правильной круглой формы, диам. 0,15 м, гл. 0,05 м. Возможно, столбовая ямка (?)

6	Р-1 Г-Д/1-2	2,2 × 0,5 м -0,55... -0,76 м ЮЗ – СВ	Фрагменты лопаточной кости, тазовой и бедренной костей, пр. и лев. большеберцовой кости, фрагменты костей губчатого и трубчатого строения	–	–	Железные наконечники (31, 32)	Захоронение было открыто берестой	–
7	Р-2 А'/5'-6'	1,4 × 0,6 м -0,8... -1,12 м ЮЗ – СВ	Фрагменты черепной кости, верхнечелюстной и нижнечелюстной кости, шейного позвонка, костей трубчатого строения	Голова расположена перпендикулярно земле, ориентирована на ЮЗ	Ж > 25 лет	Железный наконечник (50)	–	Размер могильной ямы не соответствует предположаемому размеру тела поребенного. Вероятно, было произведено захоронение частей тела
8	Р-2 А'-В'/3'-5'	2,3 × 1,3 м -0,82... -1,22 м 3 – В	Отсутствуют	–	–	Железные наконечники (77, 81); бронзовые нашивки (51, 68–71, 73–76, 79–82, 86, 88, 90–92, 95, 104), лапчатые подвески (72, 78), подвеска-утюжка (60), фрагмент котла (46); серебряное височное кольцо (67)	–	–
9	Р-2 Б'-В'/5'-7'	1,7 × 0,9 м -0,8... -1,1 м ЗСЗ – ВЮВ	Отсутствуют	–	–	Бронзовые нашивки (52–54, 57); фрагменты керамических сосудов (55, 56)	–	–
10	Р-2 В'-Г'/2'-3'	2,1 × 0,6 м -0,8... -1,17 м 3 – В	Фрагменты позвонков, бедренной кости, кости трубчатого строения	–	–	Железный наконечник (62), крючок (65); бронзовые нашивки (61, 64, 66), подвеска-пронизка (63); каменные орудия (83, 109)	Захоронение было открыто берестой	–
11	Р-2 Г'-Д'/1'-4'	2,7 × 0,8 м -0,8... -1,19 м 3 – В	Отсутствуют	–	–	Бронзовые шумящие подвески + дсталя (93, 96–99); фрагменты железных изделий (94, 100, 102, 103, 106)	–	–
12	Р-2 А'/5'-6'	2,7 × 0,9 м -0,8... -1,29 м 3 – В	Фрагменты черепной кости, верхнечелюстной и нижнечелюстной кости, грудного позвонка, подвздошной и бедренной костей, кости трубчатого строения	Голова расположена перпендикулярно земле, ориентирована на З	Ж > 18 лет	Фрагменты керамических сосудов (48, 49)	–	–

*Глубина захоронений указана относительно твердой точки – 37,98 м в Балтийской системе высот.

В результате проведенных работ в погр. 1, 3, 4, 6, 7, 10, 12 были обнаружены человеческие костные останки с погребальным инвентарем. Установлено, что все перечисленные выше погребения, за исключением первого, были совершены способом ингумации – размещением тела умершего либо его частей в землю. Погребение 1, судя по полученной стратиграфии и уровню залегания останков, было произведено путем оставления тела на земле.

Антропологический материал, полученный в ходе раскопок, очень плохой сохранности. Анализ костных останков (в первую очередь, черепов) из погр. 1, 4, 7, 12 показал, что данные останки принадлежали индивидам женского пола в возрасте от 18 лет. В остальных случаях определить пол и возраст захороненных не удалось.

В погр. 1 костяк погребенного располагался в правильном анатомическом порядке на правом боку, череп опущен ниже уровня тела. В погр. 4, 7, 12 порядок расположения тела не определен. Обнаруженные в этих погребениях черепа были установлены вертикально (перпендикулярно земле), с опорой на нижнечелюстную и височные кости. Череп индивида из погр. 4 был обернут плотным слоем бересты.

В части погребений зафиксированы остатки внутримогильных сооружений: остатки деревянного настила на дне могильной ямы 3; две узкие полосы древесного тлена, по форме и расположению напоминающие раму из плах, установленных по периметру контура могильной ямы 4; погр. 6, 10 были укрыты берестой. В остальных погребениях внутримогильные сооружения не обнаружены.

Погребальный инвентарь изученных комплексов состоит в основном из предметов вооружения – в каждом из перечисленных погребений обнаружены по 1–2 железных наконечника, а также предметы быта (погр. 4, 12) и украшений (погр. 10).

В заполнении погр. 8, 9, 11 не были обнаружены костные останки, однако была собрана более богатая коллекция артефактов, включавшая главным образом украшения и элементы костюма из бронзы и серебра, а также большое количество сильно коррозированных металлических обломков. Остатки внутримогильных сооружений не найдены.

В ходе исследования погр. 2 и 5 обнаружено лишь заполнение могильных ям в виде перемешанного грунта с угольными включениями.

В межмогильном пространстве раскопа № 2 на участке Б'-В'/6'-7' между погр. 7, 8 и 9 в оподзоленном слое, относящемся к периоду существования могильника, обнаружено «пятно» из плотной пористой по структуре бесформенной массы коричневого цвета с угольными вкраплениями. Размер

данного объекта составил 57 × 32 см, ориентирован в направлении ЗЮЗ – ВСВ. По периметру «пятна» зафиксированы остатки берестяного настила, поверх которого в СВ части объекта расположен неориентированный керамический сосуд (рис. 3, 11). Авторы статьи предполагают, что данный объект имел ритуальное назначение и использовался как поминальное место. Подобный объект был описан В.И. Стефановым при публикации результатов исследования позднесредневекового могильника Моховая XLVI [2002, с. 202].

Характеристика находок

Всего в ходе проведения раскопок была собрана коллекция артефактов в количестве 110 ед. Условно всю коллекцию можно разделить на следующие категории: предметы вооружения, украшения и элементы костюма, металлическая и керамическая посуда, а также орудия труда.

Предметы вооружения представлены наконечниками стрел в количестве 30 ед. (рис. 3, 1, 2). Наконечники имеют подтреугольное в плане перо и полные плечики. Сечение пера уплощенное. Черешок удлиненный, сужающийся к концу. Подобные наконечники имеют широкий круг аналогий и период бытования – с конца I тыс. до этнографической современности.

Украшения и принадлежности костюма. Нашивные крестовидные бляшки – 31 ед., бронза (рис. 3, 6, 10). Типичные изделия крестообразной формы с центральным выступающим и подчеркнутым желобками умбоном. Окончания предмета,ходящие в четыре стороны от центра, закруглены. Изделия в большинстве случаев симметричны, размеры до 2 × 2 см. С обратной стороны бляшек расположены петли для крепления.

Шумящие подвески – 3 ед., бронза (рис. 3, 4, 5), сложносоставные, разные по декору и размерам. На всех изделиях есть петелька для подвешивания на основном верхнем элементе, внизу – округлые петли для крепления звеньев цепи из круглого дрота и бубенчиков. Элементы подвески № 96 (рис. 3, 4) декорированы непрерывными спиралевидными поясками скани и мелкими «жемчужинами». Подвеска № 97 декорирована в меньшей степени, в центральной части главного элемента изображены 3 закрученных объемных витка. Подвеска № 98 (рис. 3, 5) украшена желобками. Все три подвески украшены лишь на лицевой стороне.

Бубенчики – 2 ед., бронза. Подвесные детали от сложносоставных шумящих подвесок, полые с шаровидным туловом. В нижней части изделий расположены прорезы в виде линий, сверху – петелька для подвешивания.

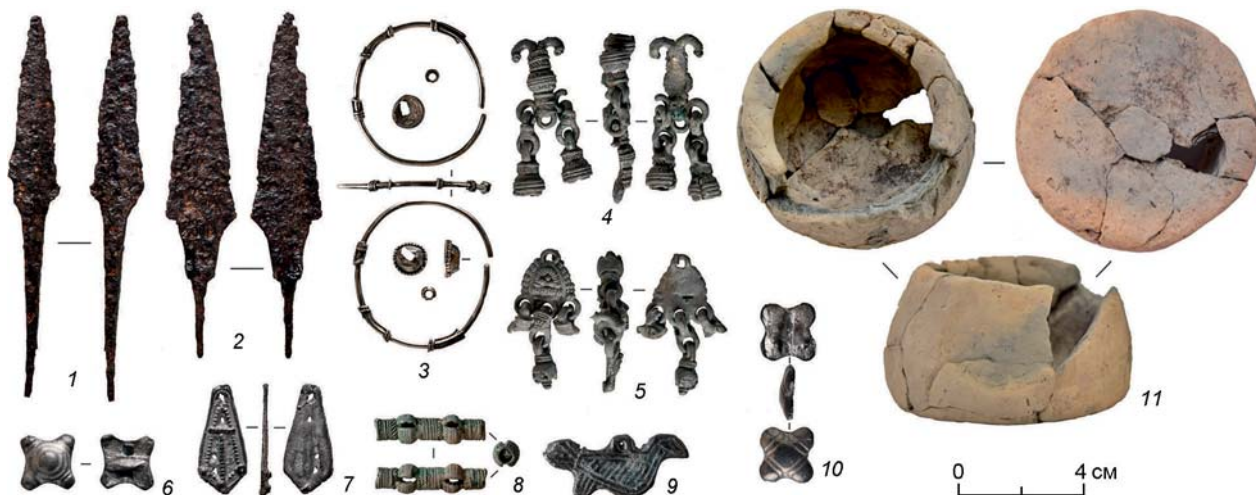

Рис. 3. Находки из могильника Тохтымейпай-8 (в скобках указан инвентарный номер предмета).

1, 2 – наконечники (№ 62, 37); 3 – височное кольцо (№ 67); 4, 5 – шумящие подвески (№ 96, 98); 6, 10 – нашивки (№ 73, 52); 7 – подвеска лапчатая (№ 72); 8 – пронизка (№ 63); 9 – подвеска орнитоморфная (№ 60); 11 – сосуд керамический (№ 45).

1 – погр. 10; 2 – межмогильное пространство; 3, 6, 7, 9 – погр. 8; 4, 5 – погр. 11; 8 – погр. 10; 10 – погр. 9; 11 – поминальное место.

Лапчатые подвески – 3 ед., бронза (рис. 3, 7). Пластинчатые отливки, выполненные в форме стилизованной перепончатой лапки водоплавающей птицы. Отлиты в плоских односторонних формах. Основу орнамента составляют пояски скани, мелкие и крупные «жемчужины» с литой имитацией зерни.

Подвеска орнитоморфная – 1 ед., бронза (рис. 3, 9). Пластинчатая, плоская отливка, выполненная в виде водоплавающей птицы, т.н. подвеска-уточка. В верхней части фигурки, по центру, расположено округлое ушко с отверстием для подвешивания. Поверхность подвески рельефная, украшена желобками, имитирующими перья.

Пронизка – 1 ед., бронза (рис. 3, 8) относится к типу трубчатых. Округлая в сечении полая пронизка, с двумя шаровидными «вздутиями», между которыми со всех сторон изделие декорировано рельефными поясками. На «вздутиях» зафиксировано по 2 линзовидных отверстия.

Височное кольцо – 1 ед., серебро (рис. 3, 3), выполнено из круглого в сечении прута, который образует неровную незамкнутую окружность. На прут нанизана одна напускная подвижная подвеска в форме полой полусферы. Подвеска-полусфера декорирована по узкому и широкому краям поясками скани и мелкими «жемчужинами» – имитацией зерни. Положение бусин на кольце зафиксировано обмоткой из сканной проволоки.

Посуда. Котлы – 2 целых изделия. Боковые стенки и донная часть котлов выполнены из монолитных пластин. Соединительные швы деталей сцеплены изнутри металлическими клепками. По бортам котла имеются дыры для крепления ушек; ушки не обнаружены.

Сосуды керамические. Сосуд № 45 (рис. 3, 11) обнаружен с небольшими утратами, неорнаментированный, прокаленный, имеет форму усеченного конуса с диаметром дна 7,9 см, в сечении 6,8 см, толщина стенок – 0,5–0,6 см, уплощены кверху, толщина дна – 0,8 см. Фрагменты керамических сосудов № 44 (4 шт.) и № 48 (1 шт.) – черепки без орнамента, в изломе и на поверхности фиксируются включения шамота, поверхность заглажена. Черепки под № 87 (скопление из 82 фрагментов) – неорнаментированные, цвет от серого до серо-коричневого, фиксируются следы нагара. Черепки представляют собой фрагменты дна и придонной части тулова сосуда, отличаются размерами. Фрагменты № 49 (4 шт.), 55 (23 шт.), 56 (1 шт.), 89 (1 шт.) – орнаментированные, предположительно осколки одного сосуда. По верхнему краю фрагментов венчика проходит «карнизик», выполненный отступающим плоским штампом, ниже нанесен разреженный ряд наклонно поставленных оттисков гребенки. Гребенка имела крупную нарезку зубцов и прямоугольную форму рабочего края. Сквозь ряд гребенки проходит пояс из крупных круглых ямок. Верхний ряд орнамента тулова сосуда выполнен из вертикальных прямоугольных оттисков плоского штампа, далее 2–3 ряда такого же штампа, шагающего в горизонтальном направлении.

Орудия труда. Каменный оселок – 1 ед., брусок из сланцевой породы с гладкой отшлифованной поверхностью. На торце изделия имеется остроугольная выемка.

Крючок железный – 1 ед., отлит в плоской форме, с загнутым верхним краем, острие не уплощено и не заточено. Толщина изделия 0,2 см, линейные размеры 5 × 2,6 см.

Каменные заготовки – 3 ед., из мягкой породы со следами обработки на поверхности, частично отшлифованы.

Краткие выводы

В ходе археологических раскопок на могильнике Тохтымейпай-8 в 2017 г. было изучено 12 погребений. Материалы, полученные в результате проведенных работ, представляют типичный для Севера Западной Сибири эпохи Средневековья погребальный обряд. Тем не менее следует выделить некоторые особенности: было обнаружено одно погребение (1), совершенное путем оставления тела на земле, в то время как остальные были совершенны способом ингумации; черепа, обнаруженные в некоторых погребениях (4, 6, 10), были установлены вертикально; весомая часть коллекции артефактов, наиболее «богатая» по своему качеству, была обнаружена в заполнении «пустых» погребений (8, 9, 11); в межмогильном пространстве раскопа № 2 обнаружен объект, интерпретируемый авторами как «поминальное место».

В целом материалы могильника Тохтымейпай-8 находят множество аналогий в вещевых комплексах некрополей Сургутского Приобья, в частности Моховая XLVI, Сайгатинское III, Кинтусовское и др. [Стефанов, 2002, с. 209], и могут быть датированы XII–XVIII вв.

Список литературы

Зайцева Е.А., Кениг А.В. Согомский археологический микрорайон: история исследований // Вестн. угроведения. – Ханты-Мансийск: Изд-во Обско-угор. ин-та прикладных исследований и разработок, 2016. – № 4 (27). – С. 81–92.

Зайцева Е.А., Кузина А.В. Коллекция артефактов из грабительских раскопок в районе д. Согом // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2014. – Вып. 12. – С. 85–94.

Кениг А.В., Зайцева Е.А. Итоги археологических исследований в полевом сезоне 2012 года // Вестн. угроведения. – Ханты-Мансийск: Изд-во Обско-угор. ин-та прикладных исследований и разработок, 2012. – № 4 (11). – С. 156–161.

Стефанов В.И. Моховая XLVI – позднесредневековый могильник Сургутского Приобья // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2002. – Вып. 1. – С. 164–210.

Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der Ostjakischen Sprache. Berlin: Akademie-Verl., 1956–1993. – Bd. 1–15.

References

Kenig A.V., Zaitseva E.A. Itogi arkheologicheskikh issledovaniy v polevom sezone 2012 goda. *Vestnik ugrovedeniya*. Khanty-Mansiisk: Obsko-ugorskii institut prikladnykh issledovaniy i razrabotok, 2012, No. 4 (11), pp. 156–161. (In Russ.).

Stefanov V.I. Mokhovaya XLVI – pozdnesrednevekovi mogil'nik Surgutskogo Priob'ya. In *Khanty-Mansiiskii avtonomnyi okrug v zerkale proshlogo*. Tomsk; Khanty-Mansiisk: Tomsk State Univ. Press, 2002, iss. 1, pp. 164–210. (In Russ.).

Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der Ostjakischen Sprache. Berlin: Akademie-Verl., 1956–1993, Bd. 1–15.

Zaitseva E.A., Kenig A.V. Sogomskii arkheologicheskii mikroraion: istoriya issledovaniy. *Vestnik ugrovedeniya*. Khanty-Mansiisk: Obsko-ugorskii institut prikladnykh issledovaniy i razrabotok, 2016, No. 4 (27), pp. 81–92. (In Russ.).

Zaitseva E.A., Kuzina A.V. Kolleksiya artefaktov iz grabitel'skikh raskopok v raione d. Sogom. In *Khanty-Mansiiskii avtonomnyi okrug v zerkale proshlogo*. Tomsk; Khanty-Mansiisk: Tomsk State Univ. Press, 2014, iss. 12, pp. 85–94. (In Russ.).

Зайцева Е.А. <https://orcid.org/0000-0002-5137-8754>

Кениг А.В. <https://orcid.org/0000-0002-4083-1920>

Кимпицкая А.А. <https://orcid.org/0000-0003-1030-4254>

Л.В. Зоткина¹✉, А.К. Солодейников², Р.В. Давыдов¹,
Р.Н. Курбанов³, Н.В. Постников¹, С.В. Сутугин¹,
Т.А. Шевченко¹, В.А. Конохов⁴, П.Ю. Федоренко⁵

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

²Историко-культурный музей-заповедник «Пещера Шульган-Таши»
Санкт-Петербург, Россия

³Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия

⁴Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартыанова
Минусинск, Россия

⁵Томский государственный университет
Томск, Россия

E-mail: lidiazotkina@gmail.com

Результаты полевых исследований памятников наскального искусства древнейшего пласта на территории Минусинской котловины в 2020 году

Возраст петроглифов раннего пласта Минусинской котловины и юга Сибири – это одна из самых сложных и пока не решенных проблем в изучении наскального искусства региона. Для ответа на вопрос о времени появления изображений минусинского и ангарского стилей, а также переходных между этими двумя традициями вариантов требуется комплексное исследование, включающее экспериментально-трассологическое изучение большой серии петроглифов, привлечение данных о геоморфологии памятников наскального искусства в контексте расположения изображений. Важную информацию для культурно-хронологической атрибуции раннего пласта может дать абсолютное датирование скальных поверхностей и грунта из трещин или склонового чехла. Работы Минусинского петроглифического отряда ИАЭТ СО РАН в полевом сезоне 2020 г. были ориентированы в этих направлениях. С целью систематизации имеющихся данных о древнейших изображениях было проведено редокументирование большой серии петроглифов с применением единого стандарта фиксации и описаний. Было продолжено трассологическое изучение наскальных изображений раннего пласта, а также проведена большая серия экспериментов по пикетажу каменными и металлическими орудиями по красноцветному девонскому песчанику. Осмотр памятников наскального искусства с петроглифами древнейшего пласта с целью выявления участков для абсолютного датирования показал, что работа в этом направлении имеет большие перспективы. Были выявлены зоны для дальнейшего отбора образцов и получения серий абсолютных дат методами ОСЛ (оптически стимулированная люминесценция) и НКН (наземные космогенные нуклиды). В данном случае первый ориентирован на определение возраста грунта, а второй – на выявление фрагментов породы с разных ярусов памятника, что позволит судить о времени, когда его участки были открыты для нанесения изображений.

Ключевые слова: наскальное искусство, петроглифы, древнейший пласт, Минусинская котловина, эксперимент и трассология, абсолютное датирование наскального искусства.

**Lydia V. Zotkina¹✉, Alexey K. Solodeynikov², Roman V. Davydov¹,
Rejep N. Kurbanov³, Nikita V. Postnikov¹, Sergey V. Sutugin¹,
Tatiana A. Shevchenko¹, Vladimir A. Konokhov⁴, Polina Yu. Fedorenko⁵**

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

²Historical and Cultural Museum-Reserve “Shulgan Tash cave”,
Saint Petersburg, Russia

³Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

⁴N.M. Martyanov Minusinsk Regional Museum of Local Lore,
Minusinsk, Russia

⁵Tomsk State University,
Tomsk, Russia

E-mail: lidiazotkina@gmail.com

Results of Field Research of the Earliest Rock Art Sites in the Minusinsk Depression in 2020

The age of the earliest petroglyphs in the Minusinsk Depression and Southern Siberia is one of the most complicated problems of rock art studies of the region. Comprehensive research is required for answering the question about the time when the images of the Minusinsk and Angara styles, as well as the transitional variants between these two traditions emerged. Such research involves experimental trace analysis of large series of petroglyphs, and study of geomorphological context of the sites and individual representations. Absolute dating of rock surfaces, sediments from the slopes and soil from the fractures on the panels with rock art is crucial for cultural and chronological attribution of the earliest representations. Field works of the Minusinsk Rock Art Unit of IAET SB RAS in 2020 focused on these main points. A large series of the earliest petroglyphs were redocumented following the same principles of description and copying. Trace studies of the earliest representations initiated before were continued. Large number of experiments on pecking reddish Devonian sandstone with stone and metal tools was carried out. The survey of rock art sites with the earliest representations aimed at selecting the sections for absolute dating has shown that they have a high information capacity. Zones for sampling for OSL (optically stimulated luminescence) and TCN (terrestrial cosmogenic nuclides) dating were identified. In our case, the first method mostly involves establishing the age of the sediment, while the second method makes it possible to find out the age of rock fragments from different levels of the site, which is helpful for dating the period of their exposure.

Keywords: rock art, petroglyphs, earliest imagery, Minusinsk Depression, experiment and trace analysis, absolute dating of rock art.

Введение

Одной из центральных проблем изучения наскального искусства на территории Минусинской котловины является вопрос о возрасте изображений минусинского и ангарского стиля. Несмотря на то, что все без исключения исследователи соглашаются с тем, что петроглифы этого пласта можно считать древнейшими на рассматриваемой территории, их хронологическая и культурная атрибуция не установлены [Шер, 1980, 2006; Подольский, 1973; Пяткин, Мартынов, 1985; Советова, Миклашевич, 1999; Миклашевич, 2015; Русакова, 2005; Есин, 2010]. Исследователи согласны в том, что минусинские и ангарские изображения должны быть отнесены к доокуневскому времени, но для конкретизации их возраста недостаточно данных, отсутствует надежная корреляция с археологическими материалами. По этой причине изучение наскальных изображений древнейшего пласта требует применения иных подходов. В настоящее время исследователи выделяют не только минусинский и ангарский стили, но и переходные варианты, обладающие чертами обеих традиций, называя их изображениями раннего или древнейшего пласта. Е.А. Миклашевич довольно

подробно раскрывает эту проблему и обозначает актуальные направления ее решения [2015]. Последние годы исследований показывают, что для получения максимально полного представления о времени возникновения, развитии стилистики и культурной атрибуции древнейших петроглифов требуется системный подход.

Одной из основных задач полевых работ Минусинского петроглифического отряда в 2020 г. было изучение наскального искусства древнейшего пласта на территории Республики Хакасии и юга Красноярского края. Исследования проводились в нескольких направлениях: документирование ранних наскальных изображений региона, проведение трасологического анализа минусинских и ангарских выбитых петроглифов (при условии их хорошей сохранности и доступности), а также палимпсестов, в которых участвуют изображения древнейшего пласта. Важное направление работы отряда, без которого трасологические исследования невозможны, – экспериментальное моделирование технологического процесса создания петроглифов в технике пикетажа. Особое внимание было уделено естественнонаучному изучению наскального искусства, а именно оценке перспектив прямого датирования скальных поверхностей.

Документирование

Документирование изображений осуществлялось по заранее выработанному алгоритму и проводилось в двух направлениях: описание и фиксация. Описания включали такие характеристики, как геоморфологические особенности, общий контекст и состояние сохранности плоскостей, морфологические и метрические параметры плоскостей, их экспозицию и пр. Древнейшие изображения описывались с учетом контекста расположения их на скальной поверхности, а также стилистических и технологических характеристик, наличия следов пигмента и ассоциаций с другими более поздними петроглифами и рисунками. Фиксация плоскостей осуществлялась по следующему стандарту:

- 1) общий вид участка с плоскостью для геоморфологической характеристики участка;
- 2) общий вид плоскости ортогонально с целью получения «карты поверхности» для мониторинга состояния сохранности;
- 3) общий вид плоскости с изображениями с тропы или от уреза воды для фиксации подходов к ней;
- 4) общий вид плоскости с рассеянным светом – фотография-основа для прорисовки;
- 5) общий вид плоскости с естественным освещением в разное время светового дня для фиксации особенностей затемнения или высветления различных участков и изображений (по возможности);
- 6) фотограмметрия плоскости для получения трехмерной модели общего вида скальной поверхности с изображениями и общих характеристик макрорельефа – может быть также использована для выполнения прорисовки;
- 7) панорамная съемка всей плоскости фрагментами (по квадратам) для получения основы для выполнения максимально детализированной прорисовки.

Каждое изображение фиксировалось с учетом особенностей техники его выполнения. Красочные рисунки обычно лучше видны во влажном состоянии, поэтому для получения максимально полных представлений о них фотодокументирование осуществлялось по сухой и влажной поверхности, с естественным освещением и с искусственным рассеянным светом. Полученные фотографии обрабатывались по методу пигментных карт [Солодейников, в печати] и программы DStretch [Там же], которые позволяют усиливать контраст, за счет чего уточнять детали и контуры даже слабо просматривающихся рисунков.

Фиксация петроглифов проводилась в разных масштабах для выявления различной информации. Общие виды рельефных изображений были получены при помощи серии flash-around (для выпол-

нения HDR и GIF) [Солодейников, 2013] (рис. 1), фотограмметрии, а также панорамной макросъемки фрагментов по квадратам [Миклашевич, Бове, 2014]. Эти материалы могут быть в дальнейшем использованы как самостоятельные источники, а также для выполнения прорисовок. Отдельного внимания заслуживает фиксация трасологически значимых участков петроглифов. Сюда входили такие приемы, как макросъемка фрагментов с естественным и искусственным освещением, а также выполнение макрофотограмметрии деталей изображений с характерными следами инструментов или областей перекрываний, участвующих в палимпсестах. Полученные материалы после обработки (в программах Agisoft Metshape, Geomagic Studio) использовались для дополнения результатов трасологического анализа петроглифов древнейшего пласта, полученных в полевых условиях.

Кроме фотофиксации и трехмерного моделирования рельефных наскальных изображений, также выполнялись прорисовки на прозрачную пленку с применением луп с различным увеличением ($\times 5$, $\times 20$) и небольшого мобильного микроскопа ($\times 20$). Такой подход обеспечивает не только точное копирование контуров петроглифов, но и позволяет визуализировать результаты трасологических наблюдений уже на этапе полевых работ непосредственно перед изучаемым изображением.

Все материалы по документированию были систематизированы по описанным выше параметрам и в дальнейшем могут использоваться для подготовки базы данных по древнейшему пласту в наскальном искусстве Минусинской котловины.

Трасология и эксперименты

Трасологический анализ и прорисовка при помощи микроскопа одной из самых известных композиций минусинского стиля плоскости 10 участка ба Шалаболинской писаницы* (рис. 2, 1) показал, что помимо выбивки для создания изображений использовалась также техника тонкой гравировки и в случае с эскизным зооморфным изображением – шлифовки. Гравированные линии разной глубины и степени проработанности заполняют контуры петроглифов минусинского стиля. Кроме того, внутри тонких линий, заполняющих выбитые контуры изображения лося, были обнаружены мельчайшие частицы металла (рис. 2, 2), что может указывать на достаточно позднее появление некоторых из гравировок. Однако над рассматриваемой плоскостью располагается доволь-

*Здесь и далее используется нумерация А.Л. Заики [Учетная карта..., 2010].

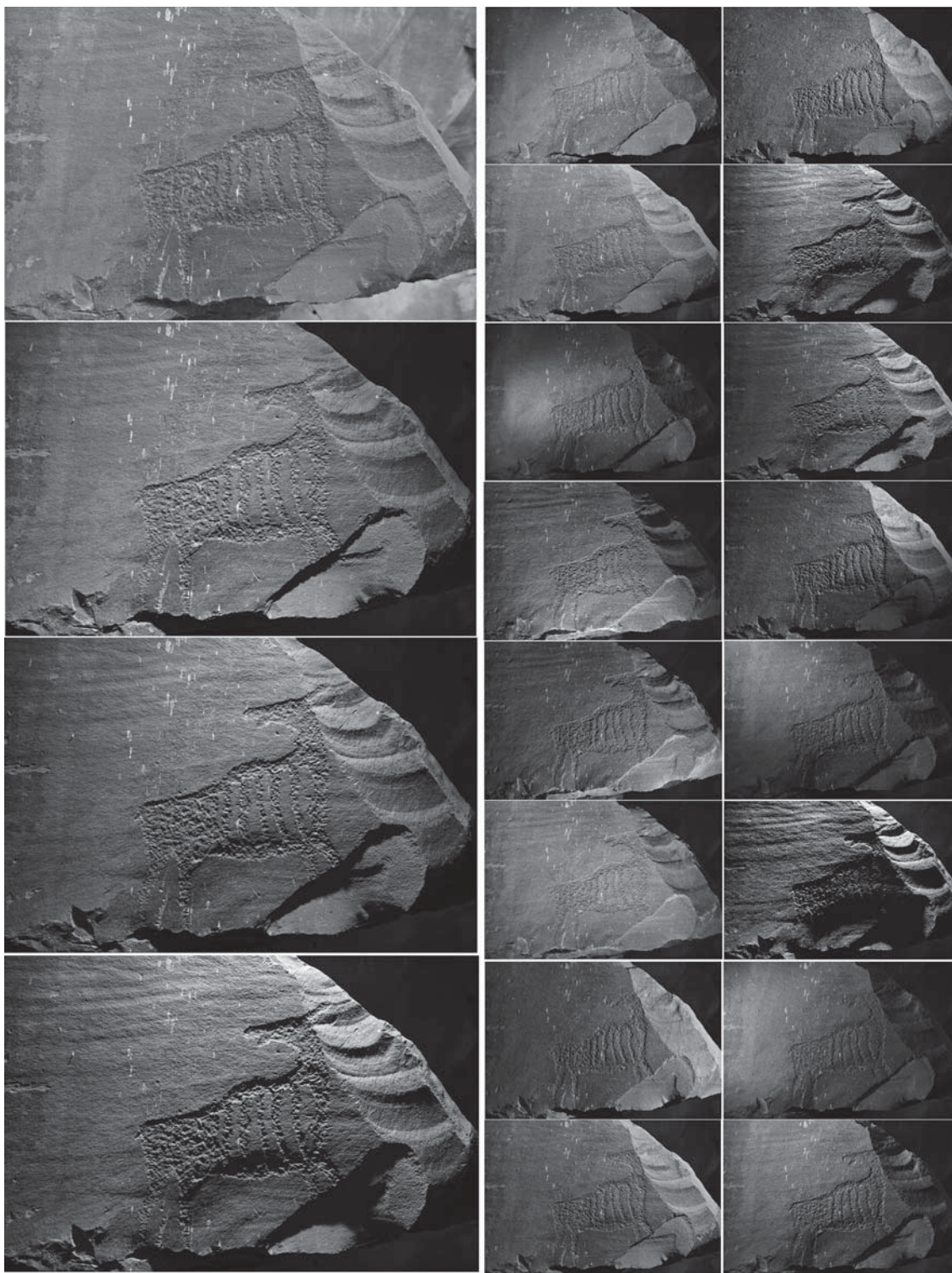

Рис. 1. Пример съемки flash-around одного изображения косули с повернутой головой на участке 4 Шалаболинской писаницы, Красноярский край.

но массивный навес. Было отмечено, что даже после многодневных дождей скальная поверхность остается сухой. Учитывая эту особенность контекста расположения плоскости, вероятность древнего возраста частиц металла внутри линий нельзя полностью исключать.

На одном из участков было зафиксировано перекрывание гравированной линией выбитого участка – уха лося. С одной стороны, это не исключает вероятность синхронной, в т.ч. авторской доработки изучаемого изображения, но с другой – дает основание полагать, что петроглиф был дополнен

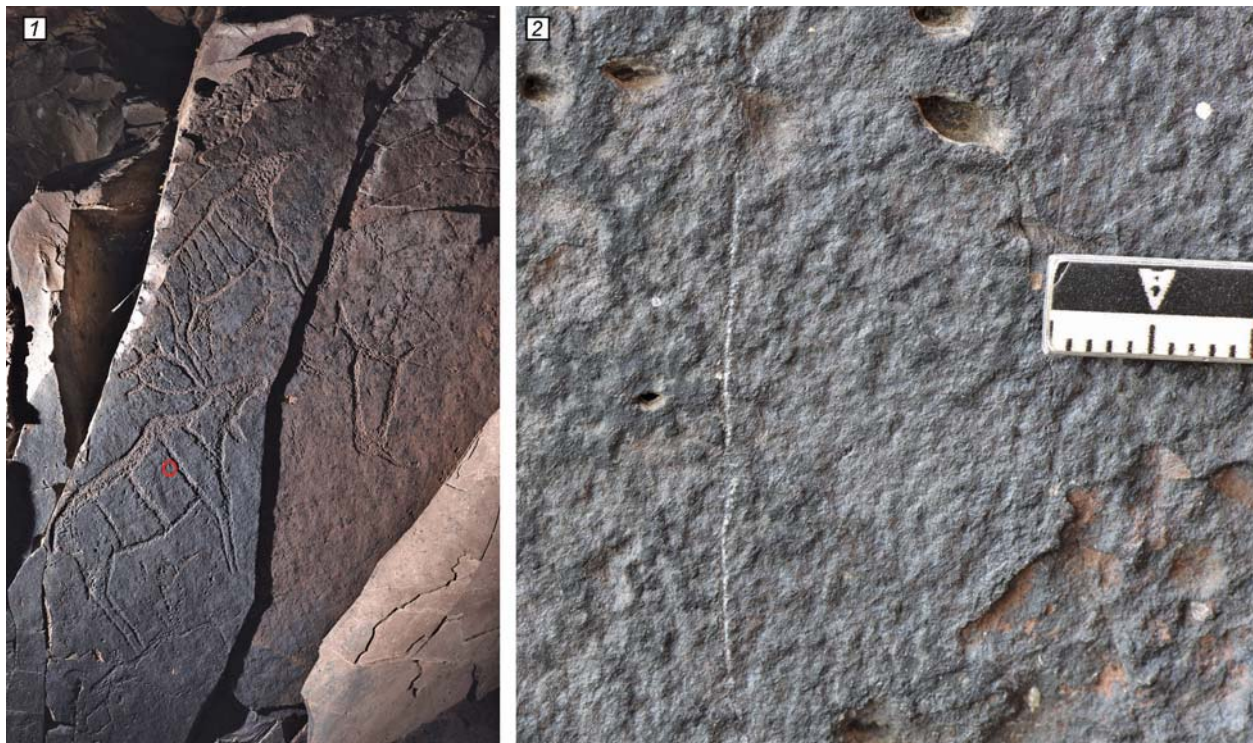

Рис. 2. Изображения минусинского стиля на участке ба Шалаболинской писаницы, Красноярский край.

1 – общий вид на композицию с отмеченным на ней участком макрофото (без масштаба); 2 – гравированные линии с частицами металла внутри (макрофото).

в более позднее время, чем выполнено это классическое изображение минусинского стиля.

Экспериментальное моделирование процесса создания выбивки разными способами с использованием различных орудий было ориентировано в двух направлениях. Рассматривались, во-первых, характеристики получаемых в результате пикетажа выбоин, а во-вторых, особенности износа каменных и металлических орудий. Для проведения экспериментов было выбрано скальное обнажение у с. Пойлово, ок. 2 км от центра села, недалеко от Пойловской писаницы [Заика и др., 2018].

Перед проведением серии скальная поверхность была тщательно обследована, а также выполнена фотофиксация и трехмерная визуализация чистой плоскости. В качестве инструментов использовались металлические орудия, предварительно отлитые и обработанные в полевых условиях (зубила и острия из меди, оловянистой бронзы с содержанием олова 5 % и 10 %, копьевидное долото из 10%-ной оловянистой бронзы, долото из 5%-ной оловянистой бронзы, крупный чекан из 10%-ной оловянистой бронзы – всего 9 экз.), а также оббитые гальки местного вязкого сырья из р. Туба (рис. 3, 1, 2). Эксперименты показали, что в некоторых случаях медные инструменты и каменные орудия позволяют получить схожий рельеф выбитой поверхности (рис. 3, 3, 4). Однако использовать

их продолжительное время и получать при этом обширные области обработанной поверхности не удастся из-за быстрого и интенсивного повреждения рабочей части в ходе пикетажа. Анализ износа экспериментальных инструментов позволяет соотнести характеристики повреждения рабочих поверхностей на некоторых ранее изученных каменных орудиях из фондов Минусинского регионального краеведческого музея им Н.М. Мартыанова, найденных на памятниках наскального искусства [Зоткина, Бочарова, 2017].

В ходе исследований на памятнике Шалаболинская писаница было обнаружено ранее неизвестное изображение лося на верхнем ярусе участка 7 (рис. 4). Контуры петроглифа переданы в технике гравировки и заполнены гравировкой и шлифовкой. Это изображение требует дальнейшего целенаправленного документирования и специального изучения с точки зрения иконографии и трасологии.

Возможности датирования

Одним из важных направлений работы полевого сезона 2020 г. стала разработка стратегии прямого датирования объектов наскального искусства. Для выбора конкретного метода выполнен предварительный осмотр памятников с наскальными изображениями раннего пласта. Были

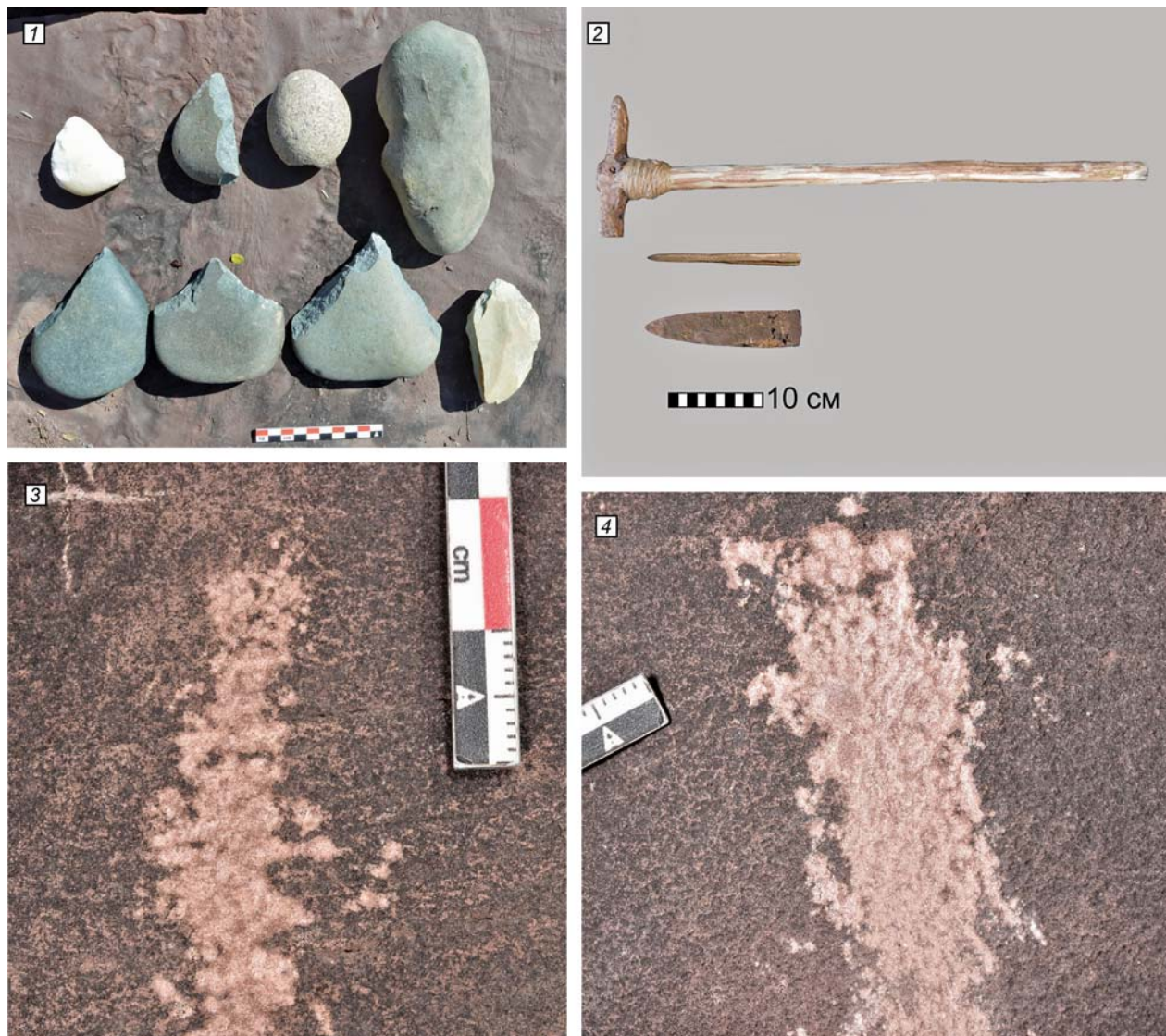

Рис. 3. Эксперименты по пикетажу по красноцветному девонскому песчанику.

1 – посредники и отбойники из тубинской гальки, использовавшиеся в ходе экспериментов; 2 – металлические инструменты, использовавшиеся в ходе экспериментов (бронзовый чекан и острие, медное зубило); 3 – эталон выбивки, полученной каменным орудием из вязкого тубинского сырья; 4 – эталон пикетажа, выполненный медным острием.

Рис. 4. Новое изображение лося на Шалаболинской писанице, Красноярский край.

1 – общий вид на изображение; 2 – расположение петроглифа и его контекст.

выявлены перспективные участки для отбора образцов на ОСЛ-датирование (оптически стимулированное люминесцентное датирование) грунта из склонового чехла и из трещин, проходящих через плоскости или по их границам. Кроме того, проведенный осмотр показал, что одним из самых перспективных направлений для получения информации о возрасте скальных обнажений, составляющих памятники наскального искусства, можно считать космогенное датирование (датирование по наземным космогенным нуклидам). Отбор образцов породы на одном участке с разных ярусов позволит реконструировать последовательность освобождения песчаника от рыхлых отложений и определить время, когда участок скалы оказался на дневной поверхности и стал доступным для нанесения изображений. Проведенные обследования позволили выявить ряд поверхностей с высоким потенциалом абсолютного датирования различными методами.

Заключение

Работы Минусинского петроглифического отряда в 2020 г. можно рассматривать как важный предварительный этап в систематизации имеющихся данных о древнейшем пласте и в разработке стратегии исследований.

Благодарности

Работа реализована при поддержке гранта Президента РФ № МК-2273.2020.6.

Список литературы

Есин Ю.Н. Проблемы выделения афанасьевской культуры в наскальном искусстве Минусинской котловины // Афанасьевский сборник. – Барнаул: Азбука, 2010. – С. 53–73.

Заика А.Л., Артамонова А.В., Образцова А.В., Ермаков Т.К., Вдовин А.С., Трофимов А.А., Муршидова М.А., Конохов В.А. Пойловская писаница (предварительные итоги исследований 2015–17 годов) // Мартыновские краеведческие чтения. – Минусинск: МРКМ, 2018. – Вып. XI. – С. 111–114.

Зоткина Л.В., Бочарова Е.Н. Результаты технологического-трассологического исследования каменных орудий для выполнения петроглифов в технике пикетажа // Сибирские исторические исследования. – 2017. – № 4. – С. 27–45.

Миклашевич Е.А. Древнейшие наскальные изображения Минусинской котловины: проблемы и перспективы исследования // Учен. зап. музея-заповедника «Томская писаница». – 2015. – № 2. – С. 66–78.

Миклашевич Е.А., Бове Л.Л. Гравировки на скалах Хакасии: новые технологии документирования // Тр. IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани. – 2014. – С. 75–79.

Подольский М.Л. О принципах датировки наскальных изображений. По поводу книги А.А. Формозова «Очерки по первобытному искусству. Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР» // СА. – 1973. – № 3. – С. 265–275.

Пяткин Б.Н., Мартынов А.И. Шалаболинские петроглифы. – Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 1985. – 192 с.

Русакова И.Д. К вопросу о хронологии древнейших петроглифов Минусинской котловины // Сб. докл. Междунар. конф. «Мир наскального искусства». – М.: ИА РАН, 2005. – С. 214–217.

Советова О.С., Миклашевич Е.А. Хронологические и стилистические особенности среднеенисейских петроглифов (по итогам работы петроглифического отряда Южносибирской археологической экспедиции КемГУ) // Археология, этнография и музейное дело. – Кемерово: Кем. гос. ун-т, 1999. – С. 47–74.

Солодейников А.К. Некоторые аспекты фотофиксации наскальных изображений // Вестн. Кем. гос. ун-та. – 2013. – Т. 4, № 3 (55). – С. 76–82.

Солодейников А.К. Методы работы с плохо различимыми цветными изображениями // *Univsum Humanitarium* (в печати).

Учетная карта объекта культурного наследия федерального значения, представляющего собой историко-культурную ценность, «Шалаболинская писаница» (сост. А.Л. Заика). 2010 г. // Арх. Музея археологии и этнографии Средней Сибири Краснояр. гос. пед. ун-та им. В.П. Астафьева. Оп. 0057. Д. 002. 261 л.

Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с.

Шер Я.А. Первобытное искусство: уч. пос. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. – 351 с.

References

Esin Yu.N. Problems of detaching images of the Afanasyevo culture in rock art of the Minusinsk Basin. In *Afanasyevo Book of papers*. Barnaul: Azbuka, 2010, pp. 53–73. (In Russ.).

Miklashevich E.A. The earliest rock art imagery of the Minusinsk basin: research problems and perspectives. In *Uchenye zapiski muzeya-zapovednika "Tomskaya pisanitsa"*, 2015, iss. 2, pp. 66–78. (In Russ.).

Miklashevich E.A., Bove L.L. Gravirivki na skalakh Khakasii: novye tekhnologii dokumentirovaniya. In *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani*, 2014, pp. 75–79. (In Russ.).

Podolsky M.L. O principakh datirovki naskal'nykh izobrazhenii. Po povodu knigi A.A. Formozova "Ocherki po pervobytnomu iskusstvu. Naskal'nye izobrazheniya i

kamennye izvayaniya epokhi kamnya i bronzy na territorii SSSR". *Sovetskaya Arkheologia*, 1973, No. 3, pp. 265–275. (In Russ.).

Pyatkin B.N., Martynov A.I. Shalabolinskie petroglify. Krasnoyarsk: State Univ. Press, 1985, 192 p. (In Russ.).

Rusakova I.D. Concerning the problem of dating the earliest petroglyphs of the Minusinsk basin. In *World of Rock Art. International conference materials*. Moscow: IA RAS, 2005, pp. 214–217. (In Russ.).

Sher Ia.A. Petroglyphs of Middle and Central Asia. Moscow: Nauka, 1980, 328 p. (In Russ.).

Sher Ia.A. Pervobytnoe iskusstvo. Tutorial. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2006, 351 p. (In Russ.).

Solodeynikov A.K. Some modern approaches to rock art investigation. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2013, vol. 4, iss. 3 (55), pp. 76–82. (In Russ.).

Solodeynikov A.K. Methods of revealing of painted rock art images. *Universum Humanitarium*. In press. (In Russ.).

Sovetova O.S., Miklashevich E.A. Chronological and stylistical peculiarities of the Middle Yenisei petroglyphs. In *Archaeology, Ethnology and Museum Study*. Kemerovo: State Univ. Press, 1999, pp. 47–74. (In Russ.).

Uchetnaya karta ob"ekta kul'turnogo naslediya federal'nogo znacheniya, predstavlyayushchego soboy istoriko-kul'turnuyu tsennost', "Shalabolinskaya pisanitsa"

(ed. A.L. Zaika). The Museum of Archive of Archaeology and Ethnography of Central Siberia in Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev. Inv. 0057. D. 002, 261 fol. (In Russ.).

Zaika A.L., Artamonova A.V., Obratsova A.V., Ermakov T.K., Vdovin A.S., Trofimov A.A., Murshidova M.A., Konokhov V.A. Poilovskaya pisanitsa (predvaritel'nye itogi issledovaniy 2015–17 godov). In *Mart'yanovskie kraevedcheskie chteniya*. Minusinsk: N.M. Martyanov Minusinsk Regional Museum for Local Lore Publ., 2018, iss. XI, pp. 111–114. (In Russ.).

Zotkina L.V., Bocharova E.N. The results of a techno-traceological study of stone tools used for making petroglyphs based on the piquetage technique. *Siberian Historical Research*, 2018, No. 4, pp. 24–45. (In Russ.).

Зоткина Л.В. <https://orcid.org/0000-0002-1912-3882>

Солодейников А.К. <https://orcid.org/0000-0002-4102-7264>

Давыдов Р.В. <https://orcid.org/0000-0001-6580-2811>

Курбанов Р.Н. <https://orcid.org/0000-0001-6727-6202>

Постников Н.В. <https://orcid.org/0000-0001-9344-955X>

Сутугин С.В. <https://orcid.org/0000-0001-8488-9860>

Шевченко Т.А. <https://orcid.org/0000-0002-3405-7086>

Конохов В.А. <https://orcid.org/0000-0002-7819-5923>

Федоренко П.А. <https://orcid.org/0000-0003-2206-0517>

М.С. Кишкурно, Ж.В. Марченко✉, А.Е. Гришин

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

E-mail: kishkurno_maria@mail.ru, afrika_77@mail.ru, artem-grishin@mail.ru

Биоархеологические аспекты изучения средневековых материалов курганного могильника Новая Курья (Северная Кулунда)

В работе анализируются антропологические и фаунистические костные материалы средневекового кург. 5 могильника Новая Курья с территории северной части Кулундинской степи. Радиоуглеродное датирование уточнило время формирования комплекса до конца X – первой трети XI в. Биоархеологические материалы включают останки двух индивидуумов и лошади. Для исследования антропологических останков использованы краниометрические и одонтологические программы и анализ содержания изотопов углерода и азота в костной ткани, для лошади – изотопный анализ. Череп людей были изучены по стандартной краниометрической программе; зубы – по стандартной одонтологической с учетом маркеров архаики. В результате сделан вывод о морфологическом различии обоих индивидов, а также о смешанном монголоидно-европеоидном характере их происхождения с преобладанием двух разнородных монголоидных компонентов. Анализ изотопов углерода ($\delta^{13}\text{C}$) и азота ($\delta^{15}\text{N}$) в коллагене обоих людей указал на схожую структуру их рациона питания, основанного на мясо-молочных продуктах кочевого скотоводства. Изотопный сигнал $\delta^{13}\text{C}$ между коллагеном людей и лошади значительно превышал уровень фракционирования, что указало на разное место проживания людей и животного: вероятное место обитания лошади – лесостепные территории, в то время как оба мужчины последние 2–3 года своей жизни проживали в степи. Краниологические особенности обоих индивидов, а также различия в их погребальной практике, связанной с использованием в обряде лошади и размещением захоронений в подкурганном пространстве (центр – периферия), возможно, отражают этническую или социально-политическую дифференциацию населения в рамках политических объединений азиатских средневековых кочевников.

Ключевые слова: Кулундинская степь, Средневековье, кимако-кипчакское население, краниология, одонтология, монголоидный компонент, стабильные изотопы углерода ($\delta^{13}\text{C}$) и азота ($\delta^{15}\text{N}$).

Maria S. Kishkurno, Zhanna V. Marchenko✉, Artem E. Grishin

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

E-mail: kishkurno_maria@mail.ru, afrika_77@mail.ru, artem-grishin@mail.ru

Bioarchaeological Aspects of Studying Medieval Evidence from the Novaya Kurya Burial Ground of the Barrow Type (Northern Kulunda)

This article analyzes anthropological and faunal remains found in burial mound No. 5 at the Novaya Kurya burial ground located in the Northern Kulunda steppe. The radiocarbon dating has clarified the time when the complex functioned (until the late 10th–first third of the 11th century AD). Bioarchaeological evidence is represented by the remains of two humans and a horse. Craniological and odonatological methodologies as well as carbon and nitrogen stable isotopes analysis were used for studying the human bones; isotope analysis was applied to horse bones. Human skulls were examined using the standard craniometric methodology; teeth were studied using the standard odonatological methodology adjusted for archaic markers. It was concluded that both humans showed morphological differences and had a mixed Mongoloid-Caucasoid origin with the predominance of two heterogeneous Mongoloid components. Carbon ($\delta^{13}\text{C}$) and nitrogen ($\delta^{15}\text{N}$) stable isotopes analysis in the collagen of both humans indicated their similar diet based on meat and dairy foods of nomadic cattle breeding. The $\delta^{13}\text{C}$ isotopic signature in the collagen of the humans and horse significantly exceeded fractionation level, which indicated their different origin. Horse likely lived in a forest-steppe

zone whereas both humans lived in the steppe for their last 2–3 years. Craniological features of both individuals and differences in their burial rites, associated with the use of horse in the ritual and placement of burials under the mound (center – periphery) may manifest ethnic or social-political differentiation in the context of political unions among the Medieval Asian nomads.

Keywords: Kulunda steppe, Middle Ages, Kimako-Kipchak population, craniology, odontology, Mongoloid component, carbon ($\delta^{13}\text{C}$) and nitrogen ($\delta^{15}\text{N}$) stable isotopes.

Введение

За последние десятилетия биоархеология стала одним из важных направлений в комплексном исследовании разнообразных биологических остатков из археологических памятников и в реконструкции событий прошлого. Основные акценты в отечественной науке связаны с комплексным изучением палеоантропологического материала. Наряду с классическими краниологическими программами анализа набирают популярность и иные способы оценки идентификации индивидуумов по расогенетическим маркерам (одонтология). Важное место сегодня также занимает анализ «изотопных сигналов» – стабильных изотопов углерода ($\delta^{13}\text{C}$) и азота ($\delta^{15}\text{N}$) в костях людей и животных, что позволяет на индивидуальном уровне проводить ре-

конструкции по мобильности и миграциям людей, по их структуре питания и на новом уровне оценивать характер экономики древних популяций.

Курганный могильник Новая Курья расположен в северной части Кулундинской степи (Карасукский р-н Новосибирской обл.) и состоит из восьми видимых земляных курганов. Курган 5, расположенный в центре могильного комплекса, по данным магнитограммы имел нетипичную (подпрямоугольную) для остальных курганов форму рва и включал два захоронения – центральное и периферийное (см. рисунок). Планистратиграфический анализ остатков кургана показал синхронность совершения обоих захоронений в рамках летнего сезона [Марченко и др., 2019].

Погр. 1 – центральное, было разграблено. Помимо костей человека содержало остатки черепа и кости конечностей лошади. Погр. 2 – периферийное, было непогребленным. Немногочисленный предметный комплекс и ряд признаков, универсальных для канона погребальной практики средневековых кочевников (подкурганные погребения, захоронение частей коня вместе с человеком, ориентация могилы по линии В – З) позволили соотносить данный комплекс с дренетюркской эпохой и временем распада Второго Тюркского каганата [Там же].

Радиоуглеродный возраст (1029 ± 21 л.н., MAMS-46646), полученный по кости лошади (*Equus caballus*) из погр. 1 в Центре археометрии им. Курта Энгельхорна (г. Манхайм, Германия), позволил уточнить дату кург. 5 до конца X – первой трети XI в. (992–1032 кал. гг. до н.э. ($\pm 2\sigma$)). Коллаген образца соответствует критериям качества: атомарное соотношение С:N 3.3, выход коллагена – 18,2 % [DeNiro, 1985; van Klinken, 1999]. Это время соотносится с позднетюркским периодом в истории средневековых кочевников и знаменуется формированием кимако-кипчакского объединения на Иртыше [Савинов, 1984].

Курганный могильник Новая Курья. Кург. 5. Общий вид раскопа 2019 г. Съемка с квадрокоптера (фото Е.В. Балкова).

Стоит отметить, что многомогильные курганы с подобной подчетыреугольной архитектурой формы рва и планиграфией основных компонентов (размещение захоронений, наличие ритуальных столбов) известны в это же время к востоку от описываемого комплекса в Кузнецкой лесостепи (могильник Калтышино-1, IX–XI вв.) [Савинов, 1997]. Эти традиции сохраняются там и в раннемонгольское время (могильник Ишаново, кург. 5, начало XIII в.) [Илюшин, 2014].

Краниометрический анализ антропологических материалов

В статье рассматриваются краниологические материалы, принадлежащие двум индивидам мужского пола, возраст на момент смерти которых определен в рамках 30–40 лет. Пол определялся на основании морфологии черепа и тазовых костей [Алексеев, 1966]; возраст – по степени облитерации краниальных швов и степени изношенности зубной системы [Meindl, Lovejoy, 1985; Scott, 1979]. Черепа были измерены по стандартной краниометрической методике [Алексеев, Дебец, 1964]. Также в статье не обсуждаются, но в табл. 1 приводятся результаты одонтоскопического обследования материалов, проведенного в соответствии со стандартной одонтоскопической программой [Зубов, 2006] и с фиксацией маркеров архаики [Зубова, 2013].

Погребение 1. Череп с нижней челюстью удовлетворительной сохранности. Принадлежит мужчине 30–40 лет (*индивид 1*).

Мозговой отдел характеризуется (табл. 2) малым продольным диаметром и большим поперечным, по черепному указателю – гипербрахикранный. Свод черепа высокий. В вертикальной норме имеет ромбовидную форму. Сосцевидные отростки развиты умеренно и направлены вперед. Поперечный фацио-церебральный указатель вписывается в малые размеры, вертикальный фацио-церебральный указатель – в средние. Лобная кость среднеширокая и сильно изогнутая. Лицо среднеширокое и высокое. На назомаллярном уровне оно значительно уплощено, а на зиго-максиллярном – умеренно. Орбиты средней ширины и средней высоты, по пропорциям – мезоконхные. Грушевидное отверстие имеет очень малую ширину и большую высоту, по пропорциям – лепторинное. Передненосовая ость развита умеренно, нижний край грушевидного отверстия имеет преднососовые ямки. Угол выступания носовых косточек высчитать не удалось из-за тафономической деформации части лицевого скелета. По симотическому и дакриальному указателям переносье крупное. Глубина клыковой ямки средняя. Нижняя челюсть очень широкая и длинная. Восхо-

дющая ветвь нижней челюсти высокая и широкая, с очень слабым наклоном.

Погребение 2. Череп с нижней челюстью хорошей сохранности. Принадлежит мужчине 30–35 лет (*индивид 2*).

Мозговой отдел характеризуется (табл. 2) средним продольным диаметром и малым поперечным, по черепному указателю – мезокранный. Свод черепа очень высокий. В вертикальной норме имеет овоидную форму. Сосцевидные отростки развиты умеренно и направлены вперед. Вертикальный фацио-церебральный указатель вписывается в большие размеры. Лобная кость среднеширокая и слабоизогнутая. Лицо широкое и очень высокое, сильно уплощенное в горизонтальной профилировке и ортогнатное в вертикальной профилировке. Орбиты среднеширокие и невысокие, по пропорциям – мезоконхные. Грушевидное отверстие узкое и средневысокое, по пропорциям – лепторинное. Передненосовая ость развита умеренно, нижний край грушевидного отверстия имеет преднососовые ямки. Угол выступания носовых косточек умеренный. По симотическому указателю переносье средневысокое. Глубина клыковой ямки очень малая. Нижняя челюсть очень широкая и длинная. Восходящая ветвь нижней челюсти очень высокая и очень широкая, с очень слабым наклоном.

Результаты проведенного исследования, с одной стороны, показывают морфологические различия, с другой – демонстрируют смешанное происхождение обоих индивидов. Преобладающим является монголоидный компонент, имеющий различную морфологию у индивида 1 и индивида 2. В первом случае он проявляется сочетанием гипербрахикрании, среднешироким и высоким лицом, значительной уплощенностью на орбитальном уровне и умеренной уплощенностью на скуловом. У индивида 2 монголоидный компонент выражен комбинацией следующих параметров: мезокранной высокой черепной коробки, широкого и очень высокого лицевого скелета, сильно уплощенного на орбитальном уровне и очень сильно уплощенного на скуловом. Также в морфологических характеристиках обоих индивидов фиксируется некоторая европеоидная примесь, выраженная сочетанием большой высоты свода черепа, профилированным переносьем и лепторинными пропорциями носового отверстия.

Происхождение выделенных компонентов определить достаточно трудно из-за малой численности наблюдаемых материалов, а также из-за сложности антропологического состава средневекового населения Западной Сибири и Казахстана, для которой характерной чертой является мозаичное смешение монголоидных и европеоидных характеристик [Алексеев, Гохман, 1984; Алексеев, Мамонова,

Таблица 1. Встречаемость одонтологических фенов на зубах погрёбённых в кург. 5 могильника Новая Курья

Признак	Инд. 1		Инд. 2		Признак	Инд. 1		Инд. 2		Признак	Инд. 1		Инд. 2	
	пр.	лев.	пр.	лев.		пр.	лев.	пр.	лев.		пр.	лев.	пр.	лев.
Редукция лагерьных резцов	-	-	0	0	Бугорок Карабелли М ₁	0	0	0	0	Дистальный гребень тригониды М ₁	-	-	-	-
Лопатообразность I ¹	-	-	2	-	Бугорок Карабелли М ₂	0	0	0	0	Дистальный гребень тригониды М ₂	0	0	0	0
Лопатообразность I ²	2	2	3	3	Бугорок Карабелли М ₃	0	0	0	0	Дистальный гребень тригониды М ₃	-	-	0	-
Лопатообразность С	1	1	1	1	Дополнительные бугорки М ₁	-	-	-	-	Колочная складка метакониды М ₁	-	-	-	-
Лингвальный бугорок I ¹	1	-	1	-	Дополнительные бугорки М ₂	с5	с5	-	-	Колочная складка метакониды М ₂	-	-	0	0
Лингвальный бугорок I ²	1	1	2	2	Дополнительные бугорки М ₃	с5	0	0	0	Колочная складка метакониды М ₃	-	-	0	-
Лингвальный бугорок С	1	1	1	1	Лопатообразность I ₁	-	0	0	0	Вестибулярная лопатообразность I ¹	-	-	0	0
Редукция гипоконуса М ¹	4	4	4	4	Лопатообразность I ₂	-	0	0	0	Вестибулярная лопатообразность I ²	0	0	0	0
Редукция гипоконуса М ²	3+	4-	3+	3+	Лопатообразность С	1	1	2	2	Вестибулярная лопатообразность С	0	0	0	0
Редукция гипоконуса М ³	3+	3+	-	3+	Дополнительные гребни С	0	0	dist	dist	Вестибулярная выпуклость I ¹	-	-	1	1
Редукция метаконуса М ¹	1	1	2	2	Дополнительные бугорки М ₁	-	-	-	-	Вестибулярная выпуклость I ²	-	-	1	1
Редукция метаконуса М ²	3	2	3	3	Дополнительные бугорки М ₂	-	-	-	0	Лингвальный наклон коронки I ¹	-	-	0	0
Редукция метаконуса М ³	3	3	-	3	Дополнительные бугорки М ₃	-	-	0	0	Лингвальный наклон коронки I ²	-	-	0	0

Табл. 1 (окончание)

Признак	Инд. 1		Инд. 2		Признак		Инд. 1		Инд. 2		Признак		Инд. 1		Инд. 2		Признак		Инд. 1		Инд. 2	
	пр.	лев.	пр.	лев.	пр.	лев.	пр.	лев.	пр.	лев.	пр.	лев.	пр.	лев.	пр.	лев.	пр.	лев.	пр.	лев.	пр.	лев.
	Форма P ¹	3	3	2	2	Цингулом M ₁	0	0	0	0	fa M ¹	-	-	-	-	Складчатость поверхности M ³	-	-	-	-	-	-
Форма P ²	2	2	3	3	Цингулом M ₂	0	0	0	0	fa M ²	-	-	-	-	Дополнительные гребни I ₁	-	0	0	0	0	0	0
Форма P ₁	2	2	1	1	Цингулом M ₃	-	-	0	0	fa M ³	0	0	-	0	Дополнительные гребни I ₂	-	0	0	0	0	0	0
Форма P ₂	5	2	4	4	Эпикристид M ₁	-	-	-	-	fr M ¹	-	-	-	-	Дополнительные гребни C	0	0	0	0	0	0	dist
Форма M ₁	у	-	у	у	Эпикристид M ₂	0	0	0	0	fr M ²	0	0	-	0	Асимметричный контур P ₁	0	0	0	0	0	0	0
Форма M ₂	х	х	х	х5	Эпикристид M ₃	-	-	0	0	fr M ³	0	0	-	0	Асимметричный контур P ₂	0	0	0	0	0	0	0
Форма M ₃	-	-	х5	-	Затек эмали M ₁	3	3	4	4	fa M ₁	-	-	-	-	Дополнительный дистальный гребень P ₁	+	+	+	+	+	+	+
Затек эмали M ¹	-	-	3	3	Затек эмали M ₂	3	3	5	5	fa M ₂	+	+	0	0	Дополнительный дистальный гребень P ₂	+	0	0	0	0	0	0
Затек эмали M ²	3	3	5	5	Затек эмали M ₃	-	-	5	-	fa M ₃	-	-	0	0	Дополнительный мезиальный гребень P ₁	0	0	0	0	0	0	0
Затек эмали M ³	4	4	-	4	Число корней M ₁	2	2	2	2	fr M ₁	-	-	-	-	Дополнительный мезиальный гребень P ₂	0	0	0	0	0	0	-
Число корней M ¹	3	3	3	3	Число корней M ₂	2	2	2	2	fr M ₂	-	-	-	0	Непрерывный трансверсальный гребень P ₁	+	+	+	+	+	+	+
Число корней M ²	3	3	3	3	Число корней M ₃	-	-	2	-	fr M ₃	-	-	0	0	Непрерывный трансверсальный гребень P ₂	0	+	+	+	0	0	0
Число корней M ³	3	3	-	3	Косой гребень M ¹	-	-	-	-	Tam ₁ M ₁	0	0	0	0	Дробление бугорков M ¹	-	-	-	-	-	-	-
Протостилид M ₁	0	0	0	0	Косой гребень M ²	-	-	-	-	Tam ₁ M ₂	0	0	0	0	Дробление бугорков M ²	-	-	-	-	-	-	-
Протостилид M ₂	0	0	0	0	Косой гребень M ³	-	-	-	0	Tam ₁ M ₃	-	-	0	0	Дробление бугорков M ³	-	-	-	-	-	-	-
Протостилид M ₃	-	-	0	0	Метакопулюс M ¹	-	-	-	-					Дистостилиды P ₁	0	0	0	0	0	0	0	0
Цингулом M ¹	0	0	0	0	Метакопулюс M ²	-	-	-	-					Дистостилиды P ₂	+	0	0	0	0	0	0	0
Цингулом M ²	0	0	0	0	Метакопулюс M ³	-	-	-	0					Мезиостилиды P ₁	0	0	0	0	0	0	0	0
Цингулом M ³	0	0	-	0	Парастиль M ¹	0	0	0	0					Мезиостилиды P ₂	0	0	0	0	0	0	0	0
					Парастиль M ²	0	0	0	0													
					Парастиль M ³	0	0	-	0													

Примечание. Инд. – индивид; пр. – правая сторона; лев. – левая сторона.

Таблица 2. Индивидуальные данные измерений черепов из кург. № 5 могильника Новая Курья

Признак	Инд. 1	Инд. 2	Признак	Инд. 1	Инд. 2
1. Продольный диаметр	172	178	SS:SC Симотический указатель	73,24	43,84
8. Поперечный диаметр	151	138	FC. Глубина клыковой ямки	4,8	2,3
8:1. Черепной указатель	87,79	77,53	77. Назомалярный угол	154,5	149,6
17. Высотный диаметр от базиона	141	142	Zm. Зигомаксиллярный угол	139,6	150,9
45:8. Поперечный фацио-церебральный указатель	92,05	–	72. Общий лицевой угол	–	85
48:17. Вертикальный фацио-церебральный указатель	53,9	55,6	75(1). Угол выступания носа	–	26
9. Наименьшая ширина лба	95	97	Форма черепа в вертикальной норме	овоид	ромбоид
Sub. NB. Высота изгиба лба	28,3	20	Сосцевидные отростки (1–3)	2	2
45. Скуловой диаметр	139	–	Нижний край грушевидного отверстия	предносовые ямки	предносовые ямки
43. Верхняя ширина лица	103	108	Передненосовая ось (1–5)	3	3
48. Верхняя высота лица	76	79	68(1). Длина нижней челюсти от мыщелков	108	106
51. Ширина орбиты максиллофронтале	41,4	41,6	79. Угол ветви нижней челюсти	112	110
52. Высота орбиты	34,1	32,6	68. Длина нижней челюсти от углов	87	85
52:51. Орбитальный указатель максиллофронтале	82,37	78,37	70. Высота ветви нижней челюсти	63	69
54. Ширина носа	21,7	22,4	71а. Наименьшая ширина ветви	38	40
55. Высота носа	54,1	53	65. Мыщелковая ширина	130	128
54:55. Носовой указатель	40,11	42,26	66. Угловая ширина	113	106
DS. Дакриальная высота	10,8	–	67. Передняя ширина	50	48
DC. Дакриальная ширина	19,9	–	69. Высота симфиза	19	22
DS:DC Дакриальный указатель	54,27	–	69(1). Высота тела	31	36
SS. Симотическая высота	5,2	3,2	69(3). Толщина тела	12	12
SC. Симотическая ширина	7,1	7,3			

Примечание. Инд. – индивид.

1988; Багашев, 1988; Гинзбург, 1963; Дебеч, 1948; Поздняков, 2006; Чикишева, Ким, 1988].

Анализ стабильных изотопов: оценка структуры диеты и мобильности

Анализ стабильных изотопов углерода ($\delta^{13}\text{C}$) и азота ($\delta^{15}\text{N}$) в костях человека (счетный материал – коллаген), в первую очередь, позволяет реконструировать структуру белковой диеты, а также в первом приближении оценивать региональные перемещения (как правило, между разными типами ландшафтов). Костный материал сохраняет в себе информацию о питании организма и также о месте происхождения продуктов питания.

Изотопы азота в коллагене отражают структуру трофической цепи, в которой на каждом новом уровне потребления (растения – травоядные животные – хищники – всеядные животные (в т.ч. человек)) содержание $\delta^{15}\text{N}$ увеличивается (фракционирует) на 3–6 ‰ (напр.: [Святко, 2016]).

Стабильные изотопы углерода позволяют разделять группы растений с типом фотосинтеза C_3 и C_4 , а также указывают на характер ландшафта в регионе (лес/лесостепь/степь). По мере остепнения и засушливости территории значения $\delta^{13}\text{C}$ в растениях повышаются. При потреблении растений фракционирование $\delta^{13}\text{C}$ в коллагене травоядных животных составляет ок. 4–5 ‰. Фракционирование между однотипными тканями, например, коллаген/коллаген (при потреблении хищниками или всеядными мяса травоядных) меньше – ок. 0,5–2 ‰ (напр.: [Там же]).

Соответственно, потребление человеком растений с определенным изотопным сигналом, а также мяса и молока животных, питающихся этими же локальными растениями, создает условия для формирования специфического локального изотопного сигнала у индивидуума, который отражается в его костной ткани. Эти «архивные» свойства кости, а также различие изотопных сигналов в продуктах питания позволяют проводить реконструкции.

Таблица 3. Значения стабильных изотопов углерода и азота в костных образцах из кург. № 5 могильника Новая Курья

Лаб. код	Вид образца	Часть скелета	Контекст	$\delta^{13}\text{C}$, ‰	$\delta^{15}\text{N}$, ‰	C:N
SI-808	кость человека (индивид 1)	ребро	погр. 1	-18.9	10.7	3.1
SI-809	кость человека (индивид 2)	ребро	погр. 2	-19.1	10.9	3.1
SI-810	кость лошади (<i>Equus caballus</i>)	фаланга	погр. 1	-21.5	4.9	3.1
SI-811	кость лошади (<i>Equus caballus</i>)	таз	ров (объекты 1, 10)	-21.6	4.2	3.2

В качестве образцов для изотопного анализа от обоих индивидуумов были взяты ребра (отражают диету последних 2–3 лет жизни индивидуума). В качестве источника потенциальной пищи людей – образцы костей лошади (n = 2) из погр. 1 и со дна рва (объекты 1, 10) (табл. 3). Изотопный анализ выполнен в лаборатории изотопных исследований AIsotopes ИАЭТ СО РАН.

Ранее фаунистический анализ всех останков лошади из кург. 5 (из погр. 1 и изо рва) допускал вероятность принадлежности их одной взрослой особи (*Adults/Senilis*) [Марченко и др., 2019, с. 452]. Такую возможность подтвердили и результаты изотопного анализа. Значения изотопов углерода у обоих образцов практически идентичны (-21.5 и -21.6 ‰). Разница по азоту между образцами в 0.7 ‰ (4.9 и 4.2 ‰) может быть объяснена сезонными различиями в питании животного и разной скоростью регенерации тканей и соответственно замещения изотопов в разных отделах скелета.

Значения обоих изотопов двух индивидуумов близки друг другу: $\delta^{13}\text{C}$ -18.9 ‰ (индивид 1) и -19.1 ‰ (индивид 2); $\delta^{15}\text{N}$ 10.7 ‰ (индивид 1) и 10.9 ‰ (индивид 2). Разница в 0.2 ‰ находится в пределах статистической погрешности измерений. Это значит, что структура белкового питания обоих мужчин как минимум в последние 2–3 года жизни была одинаковой. Довольно высокие значения азота у людей соответствуют трофическому сдвигу при потреблении мяса травоядных животных, поэтому можно реконструировать, что их структура питания была основана на мясо-молочных продуктах. Значительной доли белковых нутриентов от растительной и рыбной пищи не прослеживается. Это не исключает возможности периодического потребления этих продуктов, но их нельзя считать основным источником белка в рационе питания данных людей. Это можно объяснять как едиными условиями питания мужчин-воинов в длительных походах (еда «из одного котла»), так и в целом схожим набором продуктов питания у населения с кочевым характером экономики. По данным анализа ста-

бильных изотопов для этой пары людей различий в структуре диеты, которые могли бы указывать на их социальную дифференциацию, не наблюдается. С другой стороны, границы изотопного метода не позволяют дифференцировать «лучшие», более «привилегированные» куски мяса, что, возможно, могло бы иметь место в социально-бытовой жизни средневековых кочевников – «сильные едят жирное и лучшее; устаревшие питаются остатками после них» [Бичурин, 1950, с. 72].

Разница значений $\delta^{13}\text{C}$ 2.4–2.7 ‰ между останками людей и лошади значительно превышает порог значений (0.5–2 ‰) в трофической цепи при фракционировании изотопов углерода в тканях одного типа. Это значит, что территория обитания лошади и место проживания людей отличались. Значения $\delta^{13}\text{C}$ у людей указывают на их происхождение из остепненных ландшафтов (с более высокими углеродными значениями для растений группы C_3 или смешанным характером растительности C_3 и C_4). Такой углеродный изотопный сигнал (-18.9 и 19.1 ‰) вполне соответствует значениям коллагена некоторых людей со скотоводческим типом хозяйства эпохи бронзы с территории Кулундинской равнины и степного Верхнего Прииртышья [Motuzaitė Matuzeviciute et al., 2015].

Относительно низкие изотопные углеродные значения лошади (-21.5–21.6 ‰) указывают на ее неместное происхождение. Вероятное место обитания – лесостепь. Это же подтверждают изотопные данные эпохи бронзы. Так, $\delta^{13}\text{C}$ у лошадей из степного Обь-Иртышья демонстрируют более высокие значения (от -20.9 до -19.3 ‰) [Ibid.]; в то время как лошадь из Барабинской лесостепи (памятник Тартас-1) имеет более низкие, близкие лошади из новокурьинского комплекса, показатели $\delta^{13}\text{C}$ (-21.7 ‰) [Марченко и др., 2016]. Появление этой лошади (из кург. 5, могильник Новая Курья) у степного населения, вероятнее всего, следует связывать с военными или торгово-обменными операциями с северными соседями.

Заключение

Таким образом, комплексный анализ обоих взрослых мужчин из кург. 5 выявил их смешанное – европеоидно-монголоидное происхождение с преобладанием последнего. Представленный монголоидный компонент имеет различные морфологические комбинации у индивида 1 и индивида 2. Подобная гетерогенность может быть объяснена тем, что объединения средневековых кочевников (в т.ч. протогосударственные) включали не только членов этнически родственных коллективов, но и группы политически лояльных соседей [Бичурин, 1950]. Многочисленность военно-политических контактов в I и II тыс. определили смешанный характер расового состава населения Центральной Азии и прилегающих, в т.ч. лесостепных территорий. Это своеобразие было связано с «разной долей монголоидной примеси и определенным сочетанием субстратов, на основе которых формировались средневековые популяции региона», а также «территориальные различия <...>, обусловленные направленностью этнических контактов и их интенсивностью» [Поздняков, 2006, с. 58].

Различия в погребальной практике между погр. 1 и 2 могут также отражать этническую специфику и положение людей в социально-политической иерархии. Можно предполагать, что индивид из погр. 1 имел более высокий социальный статус (центральное погребение с конем), что отражало его положение как представителя «титупной» народности. Несмотря на некоторые расогенетические различия, анализ стабильных изотопов в костях людей указал на схожий характер их питания, основанный на мясо-молочных продуктах кочевого скотоводства, и схожие ландшафтные условия их проживания.

Список литературы

- Алексеев В.П.** Остеометрия. Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1966. – 251 с.
- Алексеев В.П., Гохман И.И.** Антропология Азиатской части СССР. – М.: Наука, 1984. – 208 с.
- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф.** Краниометрия: методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1964. – 129 с.
- Алексеев В.П., Мамонова Н.Н.** Палеоантропологические материалы последних веков до нашей эры и тюркского времени с территории Северо-западного Алтая // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 3–21.
- Багашев А.Н.** Антропологический состав средневекового населения Среднего Прииртышья // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 22–54.

Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.; Л.: АН СССР, 1950. – Т. 1. – 382 с.

Гинзбург В.В. Материалы к антропологии древнего населения Северного Казахстана // Сб. МАЭ. – 1963. – Т. XXI. – С. 297–337.

Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. – М.: АН СССР, 1948. – Т. IV. – 392 с. – (ТИЭ. Новая серия).

Зубов А.А. Методическое пособие по антропологическому анализу одонтологических материалов. – М.: Этно-Онлайн, 2006. – 72 с.

Зубова А.В. Предварительные результаты изучения архаичной составляющей одонтологических комплексов населения Евразии // Вестн. антропологии. – 2013. – № 4. – С. 107–127.

Илюшин А.М. Курган № 10 на могильнике Ишаново // Теория и практика археологических исследований. – 2014. – № 1 (9). – С. 27–41.

Марченко Ж.В., Гришин А.Е., Позднякова О.А., Дядьков П.Г., Евменов Н.Д., Кокорев Ф.В., Гнездилова И.С., Понедельченко Л.О. Новый курганный могильник Новая Курья-1 в Северной Кулунде // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. XXV. – С. 448–456.

Марченко Ж.В., Панов В.С., Гришин А.Е., Зубова А.В. Реконструкция и динамика структуры питания одиновского населения Барабинской лесостепи на протяжении III тыс. до н.э.: археологические и изотопные данные // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2016. – № 3 (34). – С. 164–178.

Поздняков Д.В. Палеоантропология населения юга Западной Сибири эпохи средневековья (вторая половина I – первая половина II тыс. н.э.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – 136 с.

Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. – Л.: Ленингр. гос. ун-т, 1984. – 174 с.

Савинов Д.Г. Могильник Калтышино I (новые материалы по археологии начала II тыс. н.э.) // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – С. 77–99.

Святко С.В. Анализ стабильных изотопов: основы метода и обзор исследований в Сибири и Евразийской степи // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2016. – Т. 44, № 2. – С. 47–55.

Чикишева Т.А., Ким А.Р. Антропологический состав населения Обь-Иртышского междуречья в древнетюркское время // Бараба в тюркское время / В.И. Молдин, Д.Г. Савинов, В.С. Елагин и др. – Новосибирск: Наука, 1988. – Гл. IV. – С. 129–163.

DeNiro M.J. Postmortem preservation and alteration of in vivo bone collagen isotope ratios in relation to palaeodietary reconstruction // Nature. – 1985. – Vol. 317. – P. 806–809.

Meindl R.S., Lovejoy C.O. Ectoocranial suture closure: A revised method for the determination of skeletal age

based on the lateral-anterior sutures // *Am. J. of Physic. Anthropol.* – 1985. – Vol. 68, No. 1. – P. 57–66.

Motuzaitė Matuzeviciute G., Lightfoot E., O'Connell T.C., Vioyakin D., Liu X., Loman V., Svyatko S., Usmanova E., Jones M.K. The extent of cereal cultivation among the Bronze Age to Turkic period societies of Kazakhstan determined using stable isotope analysis of bone collagen // *J. of Archaeol. Sci.* – 2015. – Vol. 59. – P. 23–34.

Scott E.C. Dental Wear Scoring Technique // *Am. J. of Physic. Anthropol.* – 1979. – Vol. 51. – P. 214–217.

Van Klinken G. Bone collagen quality indicators for palaeodietary and radiocarbon measurement // *J. of Archaeol. Sci.* – 1999. – Vol. 26. – P. 687–695.

References

Alekseev V.P. Osteometriya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy. Moscow: Nauka Publ., 1966, 251 p. (In Russ.).

Alekseev V.P., Debets G.F. Kranimetriya: metodika antropologicheskikh issledovaniy. Moscow: Nauka, 1964, 129 p. (In Russ.).

Alekseev V.P., Gokhman I.I. Antropologiya Aziatskoi chasty USSR. Moscow: Nauka, 1984, 208 p. (In Russ.).

Alekseev V.P., Mamonova N.N. Paleoantropologicheskie materialy poslednih vekov do nashei ery i tyurkskogo vremeni s territorii Severo-zapadnogo Altaya. In *Paleoantropologiya i arkhologiya Zapadnoi i Yuzhnoi Sibiri*. Novosibirsk: Nauka Publ., 1988, pp. 3–21. (In Russ.).

Bagashev A.N. Antropologicheskii sostav srednevekovogo naseleniya Srednego Priirtysh'ya. In *Paleoantropologiya i arkhologiya Zapadnoi i Yuzhnoi Sibiri*. Novosibirsk: Nauka, 1988, pp. 22–54. (In Russ.).

Bichurin N.Ya. (Iakin). Sbranie svedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena. Moscow; Leningrad: AN USSR, 1950, Vol. 1, 382 p. (In Russ.).

Chikisheva T.A., Kim A.R. Antropologicheskii sostav naseleniya Ob'-Irtyshskogo mezhdurech'ya v drevnetyurkskoe vremya. In Molodin V.I., Savinov D.G., Elagin V.S. et al. *Baraba v turkskoe vremya*. Novosibirsk: Nauka, 1988, pp. 129–163. (In Russ.).

Debets G.F. Paleoantropologiya USSR. Moscow: AS USSR, 1948, vol. IV, 392 p. (Trudy Instituta etnografii RAN. Novaya Serya) (In Russ.).

DeNiro M.J. Postmortem preservation and alteration of in vivo bone collagen isotope ratios in relation to palaeodietary reconstruction. *Nature*, 1985, vol. 317, pp. 806–809.

Ginzburg V.V. Materialy k antropologii drevnego naseleniya Severnogo Kazakhstana. In *Sbornik Museya Antropologii i Etnografii*, 1963, vol. XXI, pp. 297–337. (In Russ.).

Ilyushin A.M. Kurgan N 10 na mogil'nike Ishanovo. *Teoriya i praktika arkhologicheskikh issledovaniy*, 2014, No. 1 (9), pp. 27–41. (In Russ.).

Marchenko Z.V., Grishin A.E., Pozdnyakova O.A., Dyadkov P.G., Evmenov N.D., Kokorev F.V., Gnezdilova I.S., Ponedelchenko L.O. New burial mound Novaya Kurya-1 in Northern Kulunda steppe. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019, vol. XXV, pp. 448–456. (In Russ.).

Marchenko Z.V., Panov V.S., Grishin A.E., Zubova A.V. Rekonstruktsiya i dinamika struktury pitaniya odinovskogo naseleniya Barabinskoi lesostepi na protyazhenii III tys. do n.e.: arheologicheskie i izotopnye dannye. *Vestnik arkhologii, antropologii i etnografii*, 2016, No. 3 (34), pp. 164–178. (In Russ.).

Meindl R.S., Lovejoy C.O. Ectoocranial suture closure: A revised method for the determination of skeletal age based on the lateral-anterior sutures. *Am. J. of Physic. Anthropol.*, 1985, vol. 68, No. 1, pp. 57–66.

Motuzaitė Matuzeviciute G., Lightfoot E., O'Connell T.C., Vioyakin D., Liu X., Loman V., Svyatko S., Usmanova E., Jones M.K. The extent of cereal cultivation among the Bronze Age to Turkic period societies of Kazakhstan determined using stable isotope analysis of bone collagen. *J. of Archaeol. Sci.*, 2015, vol. 59, pp. 23–34.

Pozdnyakov D.V. Paleoantropologiya naseleniya yuga Zapadnoi Sibiri epokhi srednevekov'ya (vtoraya polovina I – pervaya polovina II tys. n.e.). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2006, 136 p. (In Russ.).

Savinov D.G. Narody Yuzhnoi Sibiri v drevnetyurkskuyu epokhu. Leningrad: State Univ. Press, 1984. 174 p. (In Russ.).

Savinov D.G. Mogil'nik Kaltyshino I (novye materialy po arkhologii nachala II tys. n.e.). In *Pamyatniki rannego srednevekov'ya Kuznetskoi kotloviny*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1997, pp. 77–99. (In Russ.).

Svyatko S.V. Stable Isotope Analysis: Outline of Methodology and a Review of Studies in Siberia and the Eurasian Steppe. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2016, vol. 44, No. 2, pp. 47–55.

Scott E.C. Dental Wear Scoring Technique. *Am. J. of Physic. Anthropol.*, 1979, vol. 51, pp. 214–217.

Van Klinken G. Bone collagen quality indicators for palaeodietary and radiocarbon measurement. *J. of Archaeol. Sci.*, 1999, vol. 26, pp. 687–695.

Zubov A.A. Metodicheskoe posobie po antropologicheskomu analizu odontologicheskikh materialov. Moscow: Etno-Onlain, 2006, 72 p. (In Russ.).

Zubova A.V. Predvaritel'nye rezul'taty izucheniya arkhainoi sostavlyayushchei odontologicheskikh kompleksov naseleniya Evrazii. *Vestnik antropologii*, 2013, No. 4, pp. 107–127. (In Russ.).

Кишкурно М.С. <https://orcid.org/0000-0002-0309-7413>

Марченко Ж.В. <https://orcid.org/0000-0002-4729-8575>

Гришин А.Е. <https://orcid.org/0000-0001-8367-2272>

Л.С. Кобелева

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: lilyakobeleva@yandex.ru

Погребения с оружием кротовской культуры юга Западной Сибири (по материалам могильника Ростовка): гендерный аспект

Приводятся результаты исследования половозрастного состава и инвентаря широко известного на юге Западной Сибири могильника кротовской культуры эпохи развитой бронзы Ростовка. Он был исследован в середине 60-х гг. прошлого столетия видным сибирским археологом В.И. Матющенко. Замечательные материалы памятника сразу привлекли внимание научной общественности, в результате чего он получил значительную известность еще до полной публикации материалов. Изучение могильника продолжается. Понимание его ключевого значения пришло благодаря культурному атрибутированию как памятника кротовской культуры. Обращает на себя внимание милитаризация оставившего могильник коллектива. Среди захоронений выявлен ряд погребений женщин, содержащих оружие или предметы двойного охотничье-военного назначения, а также погребения вооруженных детей. В статье дается характеристика погребального обряда и сопроводительного инвентаря. Интересно, что ряд женских и детских могил содержит остатки бронзолитейного оборудования (литейные формы, льячка) и литейный брак. Присутствие литейно-кузнечного инвентаря в женских и детских захоронениях для кротовской культуры не является уникальным явлением, оно прослежено также на могильниках Сопка-2 и Тартас-1. Предполагается, что в кротовском обществе была имущественная и социальная дифференциация. Выделяются группы населения, все члены которых независимо от пола и возраста занимались определенными видами престижной деятельности (бронзолитейным производством, отправлением культов) и были вовлечены в военную сферу. Наличие детских захоронений указывает на то, что этот статус передавался по наследству.

Ключевые слова: юг Западной Сибири, эпоха бронзы, кротовская культура, погребения, оружие.

Liliya S. Kobeleva

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: lilyakobeleva@yandex.ru

Gender Aspects of Burials with Weapons (Krotovo Culture, South of Western Siberia) Based on Materials from Rostovka Site

This paper contains the research results of age/gender data and inventory from the Rostovka burial site (Krotovo culture, Middle Bronze Age) in the south of Western Siberia. It was investigated in the middle of the 1960s by prominent Siberian archaeologist V.I. Matyushchenko. The remarkable archaeological material was found. The site immediately attracted the attention of scientific community and, as a result, Rostovka site became well-known even before the publication of the materials. However, the research is currently ongoing. The cultural attribution of Rostovka as the site of the Krotovo culture was crucial. Worthy of note is the significant militarization of the people who left this burial site. Among the burials, a number of women's burials containing weapons or items of dual hunting-military use as well as the burials of armed children were found. The research provides a description of the funeral rite and burial inventory. A number of women and children's burials is noted to contain the remains of bronze casting equipment and foundry waste. The presence of foundry equipment in the women and children's burials is not a unique phenomenon for the Krotovo culture; this was also traced at the burial sites of Sopka-2 and Tartas-1. Apparently, property and social differentiation are presented in the society of the Krotovo culture. The population strata are distinguished, all society members, regardless of their gender and age, are involved in the specific types of prestigious technology and in the military sector. The presence of the children's burials indicates that this status was inherited.

Keywords: south of Western Siberia, Bronze Age, Krotovo culture, burials, weapons.

Введение

Археологический памятник Ростовка, расположенный на левом берегу р. Омь, в непосредственной близости от Омска, был исследован в середине 60-х гг. прошлого столетия видным сибирским археологом В.И. Матющенко [Матющенко, Ложникова, 1969]. Замечательные материалы памятника сразу привлекли внимание научной общественности, в результате он получил большую известность еще до полной публикации материалов, последовавшей только в 1988 г. [Матющенко, Сеницына, 1988]. Изучение могильника продолжается и в настоящее время. Более полное понимание его значения пришло благодаря культурному атрибутированию его как памятника кротовской культуры [Молодин, Гришин, 2016, с. 353–356].

Тем не менее многолетнее исследование Ростовки не закрыло всех вопросов его изучения, одним из которых является явное несоответствие половозрастных показателей ряда погребенных и сопровождавшего их погребального инвентаря.

Источники и их характеристика

В могильнике Ростовка В.И. Матющенко выявил 38 могил. Еще одно погребение, найденное в 2012 г. при исследовании периферийных участков памятника, датируется эпохой поздней бронзы [Молодин и др., 2015, с. 317–318, рис. 1, 1]. Три погребения из общего числа (№ 3, 4 и 6) не имеют антропологических остатков и атрибутированы исследователями, проводившими раскопки, как могилы условно. Видимо, они являются ритуальными ямами, характерными для погребального обряда кротовской культуры. Это тем более вероятно, что погребение № 6 имеет полную аналогию по форме, характеру заполнения и составу инвентаря с захоронениями на могильнике Тартас-1 [Молодин, Дураков, Кобелева, 2016, с. 80–81, рис. 1].

Для 12 погребенных половозрастной состав определить не удалось: в шести случаях умершие кремированы (погр. № 1, 19, 22, 35, 36, 37), в остальных это сделать помешала сохранность материала. В 15 могилах (погр. № 5, 7, 9, 13, 17, 18, 20, 23, 25–30, 34) захоронены мужчины, в двух – дети (погр. № 2, 32), два погребения (№ 8 и 21) – коллективные, в пяти могилах (№ 10, 14, 16, 24, 33) захоронены женщины (антропологические определения сделаны канд. биол. наук В.А. Дрёмовым).

Обращает на себя внимание значительная милитаризация оставшегося могильника коллектива. Оружие присутствует в 19 погребениях, причем в девяти случаях (погр. № 5, 7, 9, 13, 17, 18, 23, 29, 34) это мужские могилы, в двух – разнополюе кол-

лективные (погр. № 8 и 21), в одном (погр. № 2) – детское и в четырех – женские (погр. № 10, 14, 24 и 33). Таким образом, с оружием захоронены 60 % мужчин и 80 % женщин. При этом следует отметить, что в могильнике есть мужские безынвентарные погребения (№ 26, 28 и 30). Учитывая необычность такого распределения погребального инвентаря, особо остановимся на женских и детских захоронениях с оружием.

Погребение № 10 имело форму вытянутого прямоугольника, ориентированного по линии В – 3. Его размеры 0,7 × 2 м, глубина – 0,3 м. Погребение потревожено. В могиле в беспорядке лежали кости женщины в возрасте ок. 20 лет. В западной части могилы найдены девять каменных наконечников стрел с прямым основанием, видимо, с женщиной был положен колчан [Матющенко, Сеницына, 1988, с. 21–22, рис. 24, 1–7]. Такие наконечники широко встречаются в материалах кротовской культуры и, по классификации В.И. Молодина и А.Е. Гришина, относятся к I отделу [2016, с. 225–226, рис. 406].

Погребение № 14 имело форму неправильного овала, ориентированного по линии С – Ю. Размеры 0,85 × 1,7 м, глубина – 0,15 м. В юго-западном углу могилы найдены фрагменты черепа и нижняя челюсть женщины в возрасте 25–30 лет [Матющенко, Сеницына, 1988, с. 23–24, рис. 28]. Рядом с ними лежало скопление углей и жженой земли. В южном углу могилы обнаружен каменный резец, ближе к центру – крупный отщеп. Вдоль восточной стенки располагался бронзовый кинжал в плохо сохранившихся кожаных ножнах. Кинжал имел сужающийся хвостовик, отделенный от клинка небольшим выступом, и лавролистное лезвие, усиленное ребром жесткости в виде проходящего через его центр рельефного валика. Длина кинжала – 17,2 см, из них на хвостовик приходится 3,2 см. Длина клинка – 14 см, максимальная ширина – 3,6 см. По классификации Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых, он относится к типу НК-16 [1989, с. 101–102, рис. 58, 6].

Погребение № 24 имело форму вытянутого прямоугольника с сильно скругленными углами. Длинной осью оно ориентировано по линии ЮВВ – СЗЗ. Размеры могильной ямы 0,7 × 2 м, глубина от уровня материка – 0,15 м. В заполнении встречены кусочки обожженной земли. В могиле погребена женщина в возрасте ок. 40 лет [Матющенко, Сеницына, 1988, с. 31, 34, 36, рис. 42]. Захоронение потревожено, кости перемещены. В юго-западном углу найден плохо сохранившийся череп, в восточном – нижняя челюсть. Обломки бедренных костей, таза, берцовой кости и правой руки зафиксированы в центральной части могильной ямы. В этом же скоплении обнаружены бронзовый кинжал и долото. В восточной части могилы выявлен каменный

наконечник стрелы с прямым основанием и обломок литейной формы для отливки копья сейминско-турбинского типа. Найденный в могиле кинжал имел хвостовик с ромбообразным окончанием и двухлезвийный клинок подтреугольной формы. Его длина – 19,4 см, из них на лезвие приходится 13 см, на черенок – 6,4 см, максимальная ширина – 2,9 см. Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых относят данное изделие к типу НК-16 [1989, с. 101–102, рис. 58, 1].

К мог. № 24 В.И. Матющенко относит скопление вещей, найденное в 0,3 м от ее восточного края и состоящее из двух бронзовых копий и кельта. Все предметы располагались остриями, воткнутыми в материк. Наиболее крупное копьё – вильчатое с шипом у основания пера. Его длина – 40,8 см, при этом на втулку приходится 13,5 см, на перо – 27 см. Максимальная ширина пера – 8,5 см. Изделие имеет серьезные литейные дефекты: вся поверхность поражена газовыми раковинами, лопасти пера недолиты. Следы использования копья отсутствуют, по сути, это предназначенный к переработке брак, помещенный в приклад к могиле в качестве запаса металла. Второе копьё – короткое и массивное, его длина равняется 20 см, из них на втулку приходится 5 см, на перо – 15 см. Ширина пера – 8,5 см. Кельт – одношковый, сейминско-турбинского типа. Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых относят подобные изделия к разряду К-32 [Там же, с. 63, рис. 23, 1]. Длина орудия – 14,5 см, ширина втулки – 4,2 см, ширина лезвия – 7,4 см. Отливка также имеет литейные дефекты: сквозные недоливы стенок, поверхность поражена многочисленными газовыми раковинами.

Погребение № 33 имело форму вытянутого прямоугольника, ориентированного длинной осью по линии ЮВВ – СЗЗ [Матющенко, Синицына, 1988, с. 46–47, рис. 61]. Заполнение могилы – темная углистая почва. Ее размеры 1,25 × 2 м, глубина – 0,25 м. Погребение потревожено, в анатомическом порядке сохранились только берцовые кости левой ноги. Захоронена женщина 20–25 лет, по всей видимости, в вытянутом положении на спине, головой на СЗ.

Несоответствие погребального инвентаря полу погребенной сразу бросается в глаза и уже отмечалось в литературе [Дрёмов, 1984, с. 16–17]. В северо-западной части могильной ямы обнаружено скопление из 51 пластины костяных лат, среди которых находился череп погребенной. В дно могилы был воткнут втульчатый наконечник копья сейминско-турбинского типа [Матющенко, Синицына, 1988, рис. 67, 1]. Его длина – 24,7 см, из них на втулку приходится 8,5 см, на перо – 17,2 см. Максимальная ширина пера наконечника – 7 см.

В заполнении могилы также найдены две золотые кольцеобразные височные подвески, два каменных наконечника стрелы и костяная рукоять ножа с тонким резным геометрическим орнаментом. У западной стенки обнаружена костяная проколка. В северо-западном углу в собранном состоянии лежали две створки каменной литейной формы для отливки круглого в сечении стержня. Подобные формы найдены на территории Сейминского могильника [Бадер, 1970, с. 123, рис. 63, 2–4]. Аналогии отливаемым в этих формах изделиям известны в материалах Турбинского могильника. О.Н. Бадер считал их заготовкой для дальнейшей перековки [1964, с. 87, рис. 83, 1]. Глиняная форма для отливки такого стержня найдена и в Сибири, в позднекротовском погребении могильника Сопка-2 [Молодин, 1985, рис. 28, 5].

Погребения вооруженных женщин из могильника Ростовка дополняет могила вооруженного ребенка [Матющенко, Синицына, 1988, с. 7–9, рис. 7]. Это погребение (№ 2) представляло собой выявленное на уровне материка скопление углей и жженой земли размером 0,85 × 1,05 м и мощностью 0,1 м. В заполнении найдена каменная ножевидная пластина. На уровне дна обнаружен плохо сохранившийся череп и зубы ребенка 9–10 лет. Погребенный, видимо, лежал на спине. Под черепом находился кинжал с фигурным навершием в виде лыжника с лошастью. Данное изделие многократно опубликовано и, благодаря художественной выразительности скульптурной группы, широко известно. Помимо этого, в могиле найдено составное украшение из нефритовых бус бело-молочного и светло-зеленого цвета, бусин из лазурита, бронзовых кованых пронизок и зубов марала. Здесь же были медная фигурка птицы и нуклеус из горного хрусталя. Материал украшений этого погребения указывает на значительные по удаленности внешние торговые-обменные связи населения региона. Ближайшие источники происхождения нефрита и горного хрусталя находятся на Урале, лазурита – на территории современного Афганистана (Бадахшан).

Выводы

Таким образом, в большинстве женских погребений могильника Ростовка обнаружено оружие, причем в двух случаях (погр. № 24 и 33) присутствует весь комплекс вооружения, включающий оружие дальнего боя (наконечники стрел), длинное древковое оружие (копья и копья-алебарды), короткое древковое (кельты) и колюще-рубящее (кинжалы). Нетрудно заметить, что эти находки явно коррелируются с литейным оборудованием (формы или их обломки). Присутствие литейно-кузнечно-

го инвентаря в женских и детских захоронениях для кротовской культуры не является уникальным явлением и прослежено на могильниках Сопка-2 и Тартас-1 [Молодин, Дураков, 2018, с. 34]. Видимо, литьем металла занимались все члены семьи, включая женщин и даже детей. Такая организация металлообрабатывающего производства известна из этнографических источников, она, например, зафиксирована у лохаров Восточного Раджахстана [Misra, 1975].

Сравнивая результаты анализа материалов памятника Ростовка и Сопка-2/4Б, В, следует отметить намного меньшую милитаризованность коллектива, погребенного на памятнике Сопка-2/4Б, В. Из 250 кротовских погребений этого могильника охотничье-оружейный инвентарь присутствует в 36 захоронениях, что составляет 14,4 %. Причем специализированное оружие (бронзовые наконечники стрел, кельт, кинжалы, наконечник дротика, каменная булава) найдены только в шести из них. В 15 случаях оружие присутствует в мужских могилах, в восьми – у мужчин в коллективных разновременных захоронениях, в трех – у детей и подростков, в остальных случаях пол погребенных неопределим (антропологические определения сделаны канд. биол. наук В.А. Дрёмовым, д-ром ист. наук Т.А. Чикишевой и канд. ист. наук А.Р. Ким).

Мужской орудийный набор – каменные и костяные наконечники стрел, накладки на лук – присутствует в шести женских погребениях кротовского могильника Сопка-2/4Б, В. Например, в мог. № 44 (кург. 4, погр. 1) женщину 35–40 лет сопровождали накладка на лук и четыре костяных наконечника, а 14–15-летнюю женщину в захоронении № 65 (кург. 6, погр. 13) – колчан из 28 наконечников стрел [Молодин, Гришин, 2016, с. 41, 48–53, рис. 61, 78–81]. Следует отметить и погр. № 464, т.к. здесь в захоронении женщины (30–40 лет) с ребенком находился не только наконечник стрелы, но и глиняная льячка со следами использования. Следовательно, и в могильнике Сопка-4Б, В прослеживается взаимное присутствие оружия и литейного оборудования в женских захоронениях. Подобная традиция сохраняется и в позднекротовское время. В материалах могильника Сопка-2/5 в погр. № 91 (кург. 14, мог. 2) вместе с черепом женщины 40–45 лет найдены литейные формы для изготовления стержня и наконечника дротика [Молодин, Гришин, 2019, с. 17, рис. 24, 25].

Таким образом, на территории могильников Ростовка, Сопка-2/4Б, В, Сопка-2/5 выявлен ряд погребений женщин, которых сопровождало оружие или предметы двойного охотничье-военного назначения. Причем в ряде могил фиксируются также остатки бронзолитейного оборудования (ли-

тейные формы, льячка) и литейный брак. Кроме того, оба могильника (Ростовка и Сопка-2/4Б, В) содержали погребения вооруженных детей. При этом возраст детей (5 и 9–10 лет) исключал возможность применения ими оружия на практике. В некоторых случаях ребенок должен был иметь значительные затруднения при ношении оружия даже как статусной детали одежды. Например, длина массивного кинжала из погр. № 425 могильника Сопка-2/Б, В превышала половину роста похороненного в ней ребенка, соответственно, при ношении на поясе это оружие должно было острым концом волочиться по земле [Молодин, Гришин, 2016, с. 251–253].

По всей видимости, в кротовском обществе шел процесс формирования социальной дифференциации. Выделялись социально-экономические группы населения, вероятно, в виде отдельных кланов или других кровнородственных групп, все члены которых, независимо от пола и возраста, занимались определенными видами престижной деятельности (бронзолитейным производством, торговыми операциями, отправлением культов) и параллельно были вовлечены в военную сферу. Наличие детских захоронений с оружием и бронзолитейным инвентарем указывает на то, что эта профессия и связанный с ней статус воина передавались по наследству.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР № 0329-2019-0003 «Историко-культурные процессы в Сибири и на сопредельных территориях».

Список литературы

- Бадер О.Н.** Древнейшие металлурги Приуралья. – М.: Наука, 1964. – 180 с.
- Бадер О.Н.** Бассейн Оки в эпоху бронзы. – М.: Наука, 1970. – 176 с.
- Дрёмов В.А.** О родственных связях среднего Прииртышья в эпоху бронзы (по антропологическому материалу Ростовкинского могильника) // Проблемы этнической истории тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск: Ом. гос. ун-т. 1984. – С. 14–21.
- Матющенко В.И., Ложникова Г.В.** Раскопки могильника у д. Ростовка близ Омска в 1966–1969 гг. // Из истории Сибири. Полевые работы 1969 г. – Томск: Том. гос. ун-т, 1969. – Вып. 2. – С. 18–34.
- Матющенко В.И., Сеницына Г.В.** Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. – Томск: Том. гос. ун-т, 1988. – 163 с.
- Молодин В.И.** Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В.И., Гришин А.Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. 4: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. – 452 с.; 2019. – Т. 5: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов позднекротовской (черноозерской), андроновской (фёдоровской), ирменской и пахомовской культур. – 223 с.

Молодин В.И., Дураков И.А. Захоронения с литейными формами на могильнике позднекротовской (черноозерской) культуры Тартас-1 (Барабинская лесостепь) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2018. – Т. 46, № 2. – С. 25–34.

Молодин В.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С. «Клад литейщика» позднекротовской (черноозерской) культуры памятника Тартас-1 в лесостепной Барабе // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2016. – Т. 44, № 3. – С. 79–86.

Молодин В.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Корусенко М.А. Новые исследования памятника Ростовка близ Омска // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 316–320.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). – М.: Наука, 1989. – 320 с.

Misra P.K. The Gadulia Lohars. Nomadism and Economic Activities // *Pestoralists and Nomads in South Asia*. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1975. – P. 235–246.

References

Bader O.N. Drevneishie metallurgi Priural'ya. Moscow: Nauka, 1964, 180 p. (In Russ.).

Bader O.N. Bassein Oki v epokhu bronzy. Moscow: Nauka, 1970, 176 p. (In Russ.).

Chernykh E.N., Kuz'minykh S.V. Drevnyaya metallurgiya Severnoi Evrazii (seiminsko-turbinskii fenomen). Moscow: Nauka, 1989, 320 p. (In Russ.).

Dremov V.A. O rodstvennykh svyazyakh srednego Priirtyshya v epokhu bronzy (po antropologicheskomu materialu Rostovkinskogo mogil'nika). In *Problemy*

etnicheskoj istorii tyurkskikh narodov Sibiri i sopredel'nykh territorii. Omsk: State Univ. Press, 1984, pp. 14–21. (In Russ.).

Matyushchenko V.I., Lozhnikova G.V. Raskopki mogil'nika u d. Rostovka bliz Omska v 1966–1969 gg. In *Iz istorii Sibiri. Polevye raboty 1969 g.* Tomsk: State Univ. Press, 1969, iss. 2, pp. 18–34. (In Russ.).

Matyushchenko V.I., Sinitsyna G.V. Mogil'nik u derevni Rostovka vblizi Omska. Tomsk: State Univ. Press, 1988, 163 p. (In Russ.).

Misra P.K. The Gadulia Lohars. Nomadism and Economic Activities. In *Pestoralists and Nomads in South Asia*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1975, pp. 235–246.

Molodin V.I. Baraba v epokhu bronzy. Novosibirsk: Nauka, 1985, 200 p.

Molodin V.I., Durakov I.A. Late Krotovo (Cherno-Ozerye) Burials with Casting Molds from Tartas-1, Baraba Forest-Steppe. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2018, vol. 46, No. 2, pp. 25–34. doi:10.17746/1563-0102.2018.46.2.025-034.

Molodin V.I., Durakov I.A., Kobleva L.S. “Caster’s Cache” from Tartas-1, Late Krotovo (Cherno-Ozerye) Culture, Baraba Forest-Steppe. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2016, vol. 44, No. 3, pp. 79–86. doi:10.17746/1563-0102.2016.44.3.079-086.

Molodin V.I., Durakov I.A., Kobleva L.S., Korusenko M.A. New research of Rostovka site near Omsk. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, vol. XXI, pp. 316–320. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25067253>

Molodin V.I., Grishin A.E. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. 4: Kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov krotovskoi kul'tury, 452 p. (In Russ.). URL: <http://archaeology.nsc.ru/wp-content/uploads/2018/08/Sopka.pdf> (Accessed: 15.10.2019); 2019, vol. 5: Kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov pozднекротовskoi (chernoozerskoi), andronovskoi (fedorovskoi), irmenskoi i pakhomovskoi kul'tur, 223 p. (In Russ.). doi:10.17746/7803-0299-5.2019.

Кобелева Л.С. <https://orcid.org/0000-0002-4969-3771>

С.А. Комиссаров✉, Д.В. Черемисин

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: sergai@mail.ru

Петроглифы Цаньюаня в провинции Юньнань, Китай

Представлен обзор памятников наскального искусства в Цаньюаня на юго-западе Китая, в провинции Юньнань. Описано их местоположение и дана высота над уровнем моря, приведены сведения о предварительной хронологии и этнической атрибуции. Даты определены эпохой поздней бронзы – раннего железа, в пределах с XI по I в. до н.э. Для датировки привлекались данные по радиоуглероду, диатомовому и споро-пыльцевому анализу, глоттохронологии, а также было проведено сопоставление с хорошо датированными археологическими памятниками. Вероятно, писаницы создавались и использовались предками народа «ва», принадлежащего к мон-кхмерской языковой семье (в древности их называли «все пу»). Его представители составляют абсолютное большинство населения Цаньюань-Ваского автономного уезда, в котором расположены памятники наскальной живописи, и продолжают использовать писаницы в наше время как важный элемент обрядов и культов. Богатое содержание петроглифов Цаньюаня делает их ценным источником по истории австроазиатских народов, в эпоху палеометалла занимавших обширные территории Южного Китая. При анализе содержания наскальной живописи мы пришли к выводу о том, что она изображала «мир иной», воспроизводя фрагменты мифологических преданий и оформлявших их обрядов; при этом широко использовались бытовые реалии. Удалось выявить несколько базовых мифологем («происхождение людей из пещеры», «стрельба в солнце», «строительство первого жилища-гнезда»), сочетание которых определяло духовную жизнь той эпохи; часть из них расшифровать не удалось. Более подробную интерпретацию наскальных рисунков можно будет предложить после их тщательного осмотра de visu и фиксации в ходе запланированной экспедиционной поездки.

Ключевые слова: Юньнань, наскальное искусство, датировка петроглифов, народ «ва», семантика образов, мифологемы.

Sergey A. Komissarov✉, Dmitry V. Cheremisin

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: sergai@mail.ru

Petroglyphs at Cangyuan in Yunnan Province, China

This article presents the survey of rock art sites at Cangyuan in Yunnan Province in Southwest China, including their location and height, preliminary chronology, and ethnic attribution. They were dated to the Late Bronze Age – Early Iron Age in the chronological range of 11th century BC – first century BC. Various methods were used for dating, such as radiocarbon analysis, diatom and spore-pollen analysis, glottochronology, and comparison with well-dated archaeological objects. Rock art in Cangyuan was very likely to have been created and worshiped by the ancestors of the Wa people, who belonged to extensive Mon-Khmer language family called “Bo Pu” (meaning “all Pu people”) in the ancient times. The Wa people constitute the majority of the population living in Cangyuan-Wa Autonomous County where the rock art sites were discovered. Presently, only the Wa people continue to use these monuments in their ritual practices. Rich content of the Cangyuan petroglyphs makes them a particularly valuable source on the history of the Austroasiatic peoples who inhabited vast territories of South China in the Paleometal Age. Our analysis of the content of rock paintings has shown that these images depicted the afterworld by representing some aspects of mythological legends and rituals associated with them by employing wide variety of everyday imagery. Our investigation has revealed some basic mythologems (“people’s origin from the cave,” “shooting at the sun,” “constructing the first nest-dwelling”) which made a strong impact on the spiritual life of the time. More detailed interpretation of rock paintings would be presented after their detailed inspection and recording during our planned expedition to Yunnan.

Keywords: Yunnan, rock art, petroglyph dating, Wa people, semantics of images, mythologems.

На территории горной провинции Юньнань зафиксировано более 30 памятников наскального искусства [Му Цзюань, 1993, с. 25–26], из которых самым известным является местонахождение Цаньюанья в Цаньюань-Васком автономном уезде, недалеко от границы с Мьянмой.

Писаницы Цаньюань состоят из 10 главных локусов на высоте от 989 до 1 759 м над ур. м., расположенных в районе деревень Мэншэн, Мэнлай, Нолян и Мэнцзяо, протяженностью с востока на запад ок. 20 км. В их составе выявлены 1 063 фигуры [Wu Yun et al., 2019, p. 107], выполненные в одной

манере, что позволяет объединять локусы в единый памятник. Его часто определяют по названию уезда как писаницы Цаньюань. В 1990–2000-х гг. там открыли еще пять локусов (и девять – в смежных волостях) с аналогичными наскальными рисунками, но они недостаточно известны; все исследования в основном опираются на материалы первой десятки [Ян Баокан, Ван Цзюнь, 2007, с. 59]. Изображения выполнены краской, созданной, как показал спектральный анализ, на основе местного гематита; рядом с писаницами сохранились ямы, где этот минерал добывали представители народа *ва*,

Рис. 1. Цаньюаньская *пирриха* (название условное). Здесь и далее – фотографии взяты из свободного депозитария иллюстраций, подготовлены к печати А.И. Соловьевым по: [Цаньюаньядэ яньхуа, 2016].

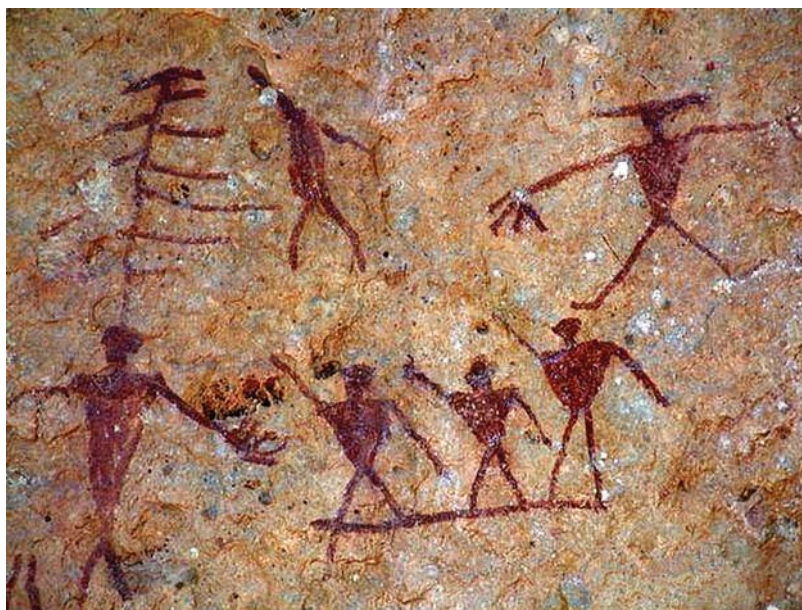

Рис. 2. Писаница Цаньюанья, «ритуальный танец» (название условное).

Рис. 3. Писаница Цангьюанья, «дома на сваях» (название условное).

чтобы приготовить краску для ритуальной росписи «больших домов» (резиденций вождей), в которой они следовали образцам ближайшей наскальной живописи [Wang Ningsheng, 1985, p. 25]. В качестве связующего вещества использовалась бычья кровь. Цвет рисунков в разных локусах варьирует от красно-алого до темно-коричневого (рис. 1–4); но связано ли это с составом краски, возрастом, особенностями места – не ясно. Рисовали на скальных плоскостях на высоте от 1 до 8 м от поверхности, в основном пальцами, но иногда использовали кисти из растительных материалов. Назовем примерные размеры фигур по вертикали (поскольку в доступных нам иллюстрациях масштаб не указан) – от 4 до 30 см, но параметры большинства – примерно 10 см.

Обратившись к хронологии объекта, Ван Ниншэн [1985, с. 107–108] отметил сходные изображения сложного состава на рисунке локуса 5 и на бронзовом барабане из Шичжайшань: свайный дом с птицами на крыше (вероятно, украшение конька) и рядом фигуры людей, которые с помощью песта и ступки размалывают зерно (рис. 5, 6). Бронзы Шичжайшань (позднего этапа) относятся к культуре Дянь и датируются II–I вв. до н.э. [Молодин и др., 2015]. Резными фигурками птиц

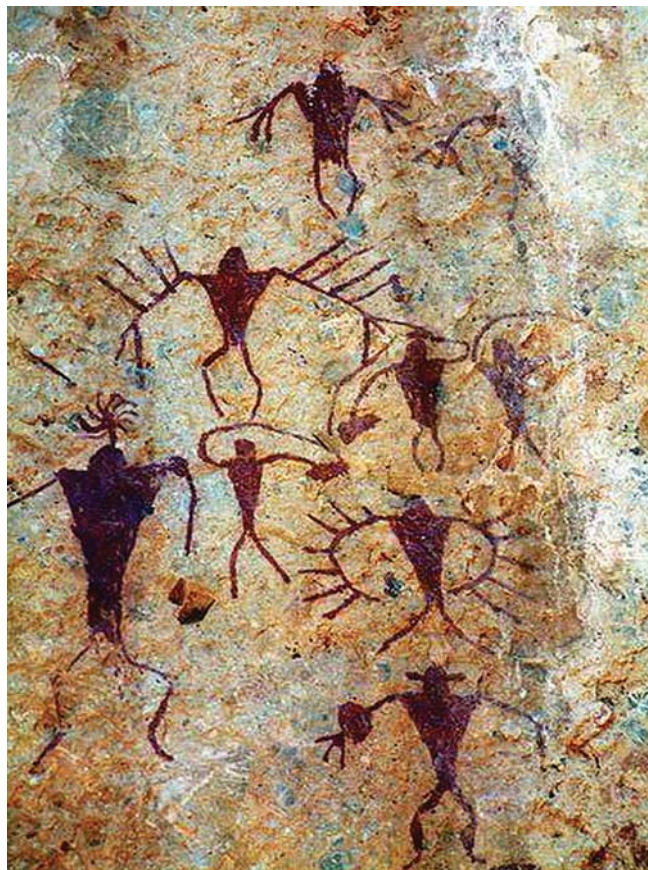

Рис. 4. Писаница Цангьюанья, «орнитоморфы» (название условное).

Рис. 5. Наскальная живопись разных локусов Цаньюанья. Коллаж подготовлен к печати А.И. Соловьевым по: [Wang Ningsheng, 1985; Чэнь Чжаофу, 2008]. Рисунки даны не в масштабе.

1 – «солнечный лучник», локус 7; 2 – «все пути ведут... – куда?», фрагмент рисунка, локус 2; 3 – «человек выбирается из пещеры», локус 6; 4 – «танцы со щитами» (?), локус 6; 5 – строители «гнезда», локус 5; 6 – «птицы на коньке крыши + размалывание зерна (?) в ступе», локус 5; 7 – «план поселения», локус 2.

у народа *ва* соседнего округа Симэн украшали дома вождей, потому что именно птицы, опустившиеся на крышу дома при выборе руководства общины, служили вышним указанием на избранника [Чэнь Е, 1999, с. 142]; впрочем, сходную роль птицы играли в легендах и ритуалах многих народов. Такие фигурки на коньке свайного дома встречаются только у *ва* и не известны у других этносов Юго-Западного Китая [Дуань Шилинь, 1997, с. 28]. Совпадение сложных сюжетов позволяет говорить о контактах двух культур и считать дату

Шичжайшань одним из хронологических реперов для датировки петроглифов. Также заслуживают внимания писаницы, найденные в соседнем уезде Юндэ, близкие цаньюаньскому комплексу по способу нанесения и стилю. В их составе появляются новые изображения – всадников и лошадей на выпасе [У Юнчан, 2003, с. 120]. Считается, что всадническая культура появляется на территории Юньнани благодаря царству Дянь [Деопик, 1979], поэтому появление темы всадничества в петроглифах, связанных с традицией Цаньюанья, может

служить указанием на верхнюю границу датировки последнего.

Попытки связать писаницы с обнаруженными недалеко от них памятниками каменного века представляются не вполне корректными. Раскопки велись в основном в привходовых частях пещер, где нашли следы свайных жилищ, много керамики и каменных орудий; даты по радиоуглероду – ок. 3 тыс. л.н. [Ян Баокан, 2002, с. 70–71]. Но хотя в инвентаре найдены фрагменты керамики, которые использовались как площадки для растирки краски из местного гематита, и куски спрессованного порошка этого минерала [У Юнчан, 2003, с. 119], однозначных свидетельств того, что жители именно этих поселений создали петроглифы, не обнаружено.

Данные о нижней границе бытования петроглифов получены естественнонаучными методами. Так, из локуса 3 на радиоуглеродный анализ был отобран фрагмент сталактита, перекрывавшего рисунок; внутренний слой образца датирован 3030 ± 70 л.н., а внешний – 2300 ± 70 л.н. Из красителя локуса 5 были взяты многочисленные пробы для диатомового и споро-пыльцевого анализа; полученные даты соответствуют переходу от позднего этапа суббореальной эпохи к субатлантической, датированному 3500–2500 л.н. [Wu Yun et al., 2019, p. 110].

В роли вероятных создателей петроглифов Цаньюанья рассматривались предки двух наиболее многочисленных в данном регионе народов: *тай* (*дай*), язык которых относится к тайско-кадайсской семье, и *ва*, принадлежащих к мон-кхмерской языковой общности. Последних считали наиболее вероятными создателями писаниц, поскольку, согласно письменным источникам, их предки – племена «всех ну» – проживали в данной местности уже в эпоху Шан-Инь (XV–XI вв. до н.э.), тогда как предки тайцев (одна из ветвей «всех юэ») пришли на юго-запад Юньнани лишь в эпоху Средневековья [Дуань Шилинь, 1997, с. 30–32]. Это подтверждают лингвистические реконструкции, согласно которым народы языковой группы *палаунг-ва* «всегда обитали там же, где сейчас» [Яхонтов, 2006, с. 55].

У местных *ва* записаны легенда о происхождении петроглифов. Она повествует о том, что 3 тыс. лет тому назад дожди затопили всю область Васких гор, и Шанди отправил на Землю великана Айлуна, чтобы укротить стихию. У подножия гор он увидел спящую самку Черного дракона, которая тоже хотела помочь людям, высекала для них в скалах пещеры, но утомилась и легла отдохнуть. Айлун указал ей, где надо рыть, и помогал разбивать камни своим посохом. Вместе они пробили в скалах новое русло, по которому вода ушла в пещеру. Тем же путем удалилась под землю и дракайна. Через

девять дней вода спала. Люди устроили жилища на вершинах гор, но наводнение смыло все их припасы, и они питались травой и корой деревьев. Когда Айлун собрался обратно, то люди с песнями и танцами пришли проводить его. Они преподнесли еду, которая у них была, т.е. листья и кору, и просили защитить будущий урожай зерна. Чтобы оставить память потомкам, Айлун на белом коне объехал 10 вершин и везде оставил изображения разных сторон жизни спасенных им людей. Для этого он отрезал часть указательного пальца на правой руке и рисовал на скалах кровью. Затем он поднялся на небо [Вэй Вашань, 2018].

Важно, что культурный герой жертвует людям свою кровь (метафора жизни); т.е. Айлун выступает в роли Прометея Васких гор. Насколько нам известно, легенда о происхождении петроглифов из крови героя зафиксирована только у *ва* и не известна другим народам.

Опять же, в данном регионе только *ва* проводят ритуалы, связанные с писаницами. В сухой сезон к расписным скалам приходят жители окрестных деревень, возжигают свечи и сервируют чайный стол разными кушаньями, имеющими благожелательный смысл. После чего глава общины обращается к нарисованным «предкам», благодарит их за советы и обещает, что все присутствующие будут еще усерднее изучать «благую весть», нарисованную на скалах. Праздник сопровождается обязательными танцами [Чэнь Чжаофу, 2008, с. 56].

Многие фигуры писаниц изображены как бы в танцевальных позах, в которых китайские авторы видят сходство с современными танцами *ва* [Ван Шисюн, 1993, с. 64], включая конкретные обрядовые танцы («танцы со щитами» и т.п.) (см. рис. 1, 2). Однако такие воинственные пляски были и у других народов Юго-Восточной Азии; известен и классический вариант – античная *пирриха*. К тому же уровень воспроизведения рисунков не позволяет однозначно определить предметы в руках танцоров как щиты (см. рис. 5, 4).

Профессор Чэнь Чжаофу [б. г.] осуществил подборку материалов по свайным жилищам у народов Юньнани и Гуйчжоу (включая цаньюаньских *ва*), на основании чего заключил, что многочисленные изображения таких построек на писаницах Цаньюанья (см. рис. 3) оставлены предками *ва*. Вывод вполне возможен, но как гипотеза, а не прямое доказательство. Приведем авторитетное мнение Я.В. Чеснова [1965] о том, что свайные постройки в Юго-Восточной Азии возникли в результате ландшафтно-климатических и хозяйственно-бытовых особенностей региона и не могут считаться этно-специфической чертой; к тому же они отмечены и в некоторых других местах.

Исследовательница Чэнь Е [1999] отметила многочисленные упоминания о птицах в фольклоре *ва*, чему в цаньюаньских петроглифах, по ее мнению, соответствовало частое появление орнитоморфов (см. рис. 4), которые могли воплощать мифологические образы, либо изображать шаманов в «птичьем» наряде, помогавшем взлететь в верхний мир. Отсюда она делает вывод о принадлежности писаниц народу *ва* и его предкам. Но вряд ли ее вывод можно считать доказанным, поскольку птицы как самые очевидные контактеры с небесами играют важную роль в мифологии практически всех народов планеты.

Все эти сопоставления выполнены в русле единого подхода: устанавливается сходство между отдельными рисунками писаниц и деталями в составе материальной или духовной культуры конкретного народа (иногда с привлечением сведений исторической этнографии), которое объявляется достаточным доказательством конкретной этнической атрибуции, что методологически неверно и может привести к серьезным ошибкам в интерпретации.

В данном случае, опираясь на весьма архаичные по структуре мифы, на ритуальное отношение к писаницам со стороны аборигенов, а также с учетом данных лингвистики создателями красочных панно Цаньюанья все-таки можно считать предков народа *ва*. Сведения по конкретным реалиям, взятые в совокупности, могут служить косвенным доказательством данного вывода.

Многие китайские ученые считают, что петроглифы довольно точно отражают повседневную жизнь народа, его хозяйственную деятельность и быт [Лю Юн, 2016]. Между тем такой вывод не столь очевиден. Для интерпретации рисунков на скалах важно определить, какой мир они отражают, земной или небесный. Провести различие бывает не просто, поскольку небесный мир конструировался создателями писаниц из вполне земных деталей.

Наиболее часто для толкований ансамбля Цаньюанья привлекался «план поселения» локуса 2 (см. рис. 5, 7) как наиболее насыщенный фигурами и смыслами. Так, Чэнь Чжаофу [б. г.] обратил особое внимание на структуру поселения, выделив три группы домов: «правильные», «искаженные» (развернутые по горизонтали) и перевернутые, которые связал с делением всех жителей на три экзогамных материнских рода. Однако далее, на той же странице, он выделил две группы домов по цвету: одна группа (включая «большой дом» в центре поселения) изображалась только контуром, другая (тоже со своим «большим домом») – полностью закрашенной. Вот тут деление на две фратрии вполне возможно, поскольку известны многочисленные примеры их противопоставления по контрастным цветам.

Впрочем, эти соображения не указывают однозначно на земную или небесную локализацию сюжета. К поселению с разных сторон проложены дороги, по которым движутся плотным строем люди и животные. Но куда же ведут *omnes viae* – в племенную резиденцию или в «чертог мертвых»? (рис. 5, 2). Идут ли они через знакомые Ваские горы или через «пространство мифа»? О такой возможности могут свидетельствовать безголовые фигуры, которые маршируют вместе с другими персонажами. Здесь можно усмотреть указание на ритуал, связанный с охотой за головами, которую практиковали этнографические *ва* [Fiskesjö, 2015, p. 499–503].

Свидетельством того, что изображения на скалах связаны, скорее, с ритуально-мифологическим, а не бытовым разделом культуры, могут служить мифологемы, выявленные на других локусах Цаньюанья. Так, в качестве мифологического сюжета трактуется композиция 5 в составе локуса 6. Считается, что на рисунке изображена пещера, из которой выбирается человек, чтобы присоединиться к стоящим вокруг соплеменникам (рис. 5, 3). В трактовке сцены ученые обратились к сказанию «Сыганли» о сотворении мира и людей. На языке *ва* «сыган» означает «пещера», а «ли» – «выбираться наружу». Ван Ниншэн [2008] приводит один из вариантов текста памятника, справедливо замечая, что нельзя считать связь между мифом и картинкой полностью доказанной. Такой сюжет встречается в мифах многих народов, поскольку пещера часто трактуется как женское лоно, а выход из него наружу – как символ рождения к новой жизни. Для доказательства связи рисунка на скалах с текстом предания («Сыганли») нужны совпадения в деталях, но их нет. К тому же «сыган» как «пещера» переводится в диалекте симэнских *ва*, тогда как у цаньюаньских *ва* оно означает тыква-горлянку [Фу Айминь, Фань Чэнь, 2008]. Смысл предания не меняется, поскольку тыква-горлянка почиталась как женский символ в культуре многих этносов Восточной Азии, включая *ва* [Шэнь Сюцин, 2013], но в данном случае подробности имеют значение.

Можно упомянуть мифологему «отделения неба от земли», согласно которой небо поднимают ударами пестов, когда дробят в ступе зерно. Она широко распространена среди разных народов Юго-Восточной Азии (включая и Южный Китай), откуда ее заимствовали в африканские предания [Березкин, 2016, с. 26–27]. Судя по петроглифам Цаньюанья, в которых часто изображают людей, толкущих что-то пестами в ступе, этот миф был известен их создателям.

Еще одна мифологема представлена на локусе 5 (рис. 5, 5) (а также 1 и 4). Предположительно там изображена построенная на дереве хижина, от

которой вниз спускается лестница. Такие жилища, похожие на птичьи гнезда, по свидетельству письменных памятников Древнего Китая, строили люди в далеком прошлом [Чэнь Личжу, 2015]. Их создателем почитается культурный герой Ючао («Имеющий гнездо»); в поздних сочинениях ему приписывают также создание одежды из луба.

Среди множества персонажей удалось обнаружить явно мифологический образ: фигуру лучника на фоне солнечного диска (рис. 5, 1). Дуань Шилинь [1984, с. 62] по этому поводу приводит легенду местных *ва* о том, как брат и сестра полюбили друг друга и, чтобы скрыть преступную любовь, бежали в горы. Небо и земля тогда были связаны между собой, поэтому брат взбежал на солнце и закрыл его руками и телом, а сестра взобралась на луну и закрыла половину своей юбкой. Мотивы incesta, а также связи неба и земли указывают на архаичность сюжета. Однако китайский исследователь выводит за его рамки изображение лука (арбалета). Но лук является ключом к пониманию композиции, поскольку указывает на мифологему «стрельбы в лишние солнца» [Ван Ниншэн, 2008, с. 22]. В развитом виде она представлена в китайском предании о Стрелке И, но была широко распространена в мифах Пасифики и происходила, вероятно, из среды австроазиатских народов Юго-Восточной Азии, включая Южный Китай [Комиссаров, Кудинова, 2012, с. 74–77].

Достоверная интерпретация наскальных рисунков требует опоры не на совпадение отдельных культурных элементов, которое часто носит общетипологический характер, а выделение устойчивых сложных сюжетов. Реалии, выбранные для сопоставления, должны быть не только необходимыми, но и достаточными для привязки наскальной живописи к конкретной мифологии, культуре, этносу, что позволит с большей вероятностью исключить случайные совпадения. Писаницы Цаньюаня – важнейший памятник наскального искусства Китая, который создавался на протяжении нескольких веков; наиболее вероятная датировка нижней границы – конец династии Шан (XI в. до н.э.), верхней – династия Западная Хань (II–I вв. до н.э.). Создателями рисунков в Цаньюаня, вероятно, были предки народа *ва*. Содержание писаниц делает их ценным источником по истории австроазиатских народов, в эпоху палеометалла занимавших обширные территории «к югу от Янцзы».

Благодарности

Работа подготовлена по проекту НИР № 0329-2019-0003 «Историко-культурные процессы в Сибири и на сопредельных территориях».

Список литературы

Березкин Ю.Е. Азиатский след в африканском фольклоре в свете данных о трансконтинентальных связях в акватории Индийского океана во II тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Зограф. сб. – СПб.: МАЭ РАН, 2016. – Вып. 5. – С. 23–44.

Ван Ниншэн. Юньнань цаньюань яхуадэ фасянь юй яньцзю (Открытие и исследование писаниц Цаньюань). – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1985. – 133 с., ил. (на кит. яз.).

Ван Ниншэн. Вацзу «сыганли» шэньхуа хэ цаньюань яхуа (Миф «Сыганли» у народа *ва* и писаницы Цаньюань) // Чжунго вацзу «сыганли» юй вацзу вэньхуа сюэшу яньтаохуй луньвэньцзи (Предание «Сыганли» у китайских *ва* и культура народа *ва*: сб. ст. науч.-исслед. конф.). – Куньмин: Юньнань жэньминь чубаньшэ, 2008. – С. 18–23 (на кит. яз.).

Ван Шисюн. Цяньси вацзу удаодэ чуаньчэн юй фэнгэ (Предварительный анализ преемственности и стиля танцев *ва*) // Миньцзу ишу яньцзю. – 1993. – № 5. – С. 64–66 (на кит. яз.).

Вэй Вашань. Вацзу гуши – цаньюань яхуадэ чуаньшо (Микроблогер Васких гор. Повествование народа *ва* – легенда о петроглифах Цаньюань) // Каньдянь куайбао (обществ. электрон. газета). – 28.12.2018. – URL: <https://kuaibao.qq.com/s/20181228A0YNLN00?refer=spider> (на кит. яз.) (дата обращения: 15.08.2020).

Деопик Д.В. Всадническая культура в верховьях Янцзы и восточный вариант «звериного стиля» // Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. – М.: Глав. ред. вост. лит.-ры, 1979. – С. 62–67.

Дуань Шилинь. Юньнань цаньюань яхуа цзушу шитань (Предварительное обсуждение этнической принадлежности писаниц Цаньюань, пров. Юньнань) // Юньнань шифань дасюэ сюэбао: чжэсюэ шэхуй кэсюэ бань. – 1984. – № 2. – С. 56–63 (на кит. яз.).

Дуань Шилинь. Цзай лунь юньнань цаньюань яхуадэ цзушу (Еще раз об этнической принадлежности писаниц Цаньюань, пров. Юньнань) // Юньнань шифань дасюэ сюэбао: чжэсюэ шэхуй кэсюэ бань. – 1997. – Т. 29, № 1. – С. 27–34 (на кит. яз.).

Комиссаров С.А., Кудинова М.А. Образ Небесного пса в китайской мифологии // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. – 2012. – Т. 11. – Вып. 4: Востоковедение. – С. 70–79.

Лю Юн. Цзюйюй цаньюань яхуадэ шаошу миньцзу шуймо жэньу хуа чуаньцзо (Создавать персонажи, основываясь на монохроматической живописи малых народов [в составе] петроглифов Цаньюань) // Нэйцзян шифань сюэюань сюэбао. – 2016. – № 5. – С. 136–138 (на кит. яз.).

Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Комиссаров С.А., Азаренко Ю.А. Культура Дянь (Диен) как вариант донгшонской цивилизации // Развитие территорий. – 2015. – № 1. – С. 6–12.

Му Циюань. Юньнань каньюань яхуа цзи ци янь-цзю гайшу (Обзор писаниц Каньюань, пров. Юньнань, и их изучения) // Сычуань вэньу. – 1993. – № 6. – С. 23–26 (на кит. яз.).

У Юнчан. Каньюань яхуа цзуншо (Комплексное об-суждение петроглифов Каньюань) // Миньцзю ишу янь-цзю. – 2003. – № S1. – С. 116–120 (на кит. яз.).

Фу Айминь, Фань Чэнь. Каньюань шиянь чужэнь хулу тусин юй вацзу «сыганли» шэньхуадэ бицзю (Изо-бражение человека, выбирающегося из тыквы-горлянки, на петроглифах Каньюань в сравнении с мифом «Сы-ганли» народа ва) // Чжунго вацзу «сыганли» юй вацзу вэньхуа сюэшу яньтаохуй луньвэньцзи (Предание «Сы-ганли» у китайских ва и культура народа ва: сб. ст. науч.-исслед. конф.). – Куньмин: Юньнань жэньминь чубань-шэ, 2008. – С. 188–198 (на кит. яз.).

Каньюаньядэ яньхуа (Писаницы Каньюанья) // Портал «Байду тупянь» (свободный депозитарий иллю-страций). – (12.06.2016). – URL: <https://image.baidu.com/search/index?tn=baiduimage&ct=201326592&lm=1&cl=2&ie=gb18030&word=%B2%D7%D4%B4%D1%C2%B5%C4%D1%D2%BB%AD&fr=ala&ala=1&alatpl=adress&pos=0&hs=2&xthttps=000000> (дата обращения: 15.08.2020).

Чеснов Я.В. О специфике свайных жилищ Юго-Вос-точной Азии // Сов. этнография. – 1965. – № 5. – С. 59–69.

Чэнь Е. Юньнань каньюань яхуа «няосин жэнь» шиши (Предварительное объяснение [образов] «орнито-морфных людей» на писаницах Каньюань, пров. Юнь-нань) // Чжэцзян сюэкань. – 1999. – № 5. – С. 139–143 (на кит. яз.).

Чэнь Личжу. Ючаоши чуаньшо цзунхэ яньцзю – цзяньшо чжунго шисюэдэ линьгигэ чуаньтун (Комплек-сное изучение легенды о Ючао – с разбором другой традиции в китайской историографии) // Шисюэ юэ-кань. – 2015. – № 2. – С. 86–95 (на кит. яз.).

Чэнь Чжаофу. Чжунго яньхуа фасянь ши (Исто-рия открытия наскальной живописи в Китае). – Шан-хай: Шанхай жэньминь чубаньшэ, 2008. – 437 с. (на кит. яз.).

Чэнь Чжаофу. Яньхуачжундэ и ши чжу син (Одеж-да, пища, жилье и транспорт в составе наскальных изображений) // Bradshaw Foundation China Rock Art Archive. – [б. г.] – [44 с., раздельн. пар.] – URL: http://www.bradshawfoundation.com/china/life_in_rock_art.pdf (на кит. яз.) (дата обращения: 15.08.2020).

Шэнь Сюцинь. Хулу юй вацзу жэньлэй циюань шэнь-хуа (Тыква-горлянка и миф народа ва о происхожде-нии человечества) // Дагуань чжоукань. – 2013. – Т. 622, № 10. – С. 10 (на кит. яз.).

Ян Баокан. Лунь юньнань каньюань яхуадэ нянь-дай (О хронологии петроглифов Каньюань, пров. Юнь-нань) // Чусюн шифань сюэюань сюэбао. – 2002. – Т. 17, № 5. – С. 70–72 (на кит. яз.).

Ян Баокан, Ван Цзюнь. Юньнань каньюань яхуа яньцзю цзуншу (Обзор исследований писаниц Канью-

ань, пров. Юньнань) // Юньнань шифань дасюэ сюэбао: чжэсюэ шэхуй кэсюэ бань. – 2007. – Т. 39, № 2. – С. 58–61 (на кит. яз.).

Яхонтов С.Е. Прародина и древние передвижения языковых групп народов материковой части Юго-Вос-точной Азии // Историко-культурные связи народов Тихоокеанского бассейна: Маклаевские чтения, 2002–2006 гг. – СПб.: МАЭ РАН, 2006. – С. 42–64.

Fiskesjö M. Wa grotesque: Headhunting theme parks and the Chinese nostalgia for primitive contemporaries // Ethnos: J. of anthropol. – 2015. – Vol. 80, iss. 4. – P. 497–523. – URL: <https://doi.org/10.1080/00141844.2014.939100>

Wang Ningsheng. Rock Paintings in Yunnan, China: Some new light on the old Shan Kingdom // Expedition. – 1985. – Vol. 27, No. 1. – P. 25–33.

Wu Yun, Mou Xiaomei, Xiao Bo, Ji Xueping. Rock art in Southwestern China // Rock Art in East Asia: A thematic study. – Paris: ICOMOS Int., 2019 (e-book). – P. 105–125.

References

Berezkin Yu.E. Aziatskii sled v afrikanskom fol'klore v svete dannyykh o transkontinental'nykh svyazyakh v akvatorii Indiiskogo okeana vo II tys. do n.e. – I tys. n.e. In *Zografskii sbornik*. St. Petersburg: MAE RAS, 2016, iss. 5, pp. 23–44. (In Russ.).

Cangyuanyade yanhua [Rock-paintings of Cangyuanya]. In *Portal “Baidu tupian” (free depository of illustrations)*. – (12.06.2016). – URL: <https://image.baidu.com/search/index?tn=baiduimage&ct=201326592&lm=1&cl=2&ie=gb18030&word=%B2%D7%D4%B4%D1%C2%B5%C4%D1%D2%BB%AD&fr=ala&ala=1&alatpl=adress&pos=0&hs=2&xthttps=000000> (In Chin.). (Accessed: 15.08.2020).

Chen E. Yunnan cangyuan yahua “niaoxing ren” shishi [Preliminary explanation of “ornithomorphic men” in the Cangyuan rock-paintings, Yunnan Province]. *Zhejiang xuekan*, 1999, No. 5, pp. 139–143. (In Chin.).

Chen Lizhu. Youchaoshi chuanshuo zonghe yanjiu – jianshuo zhongguo shixuede lingyige chuantong [Complex study of Youchao legend – with analysis of one another tradition in Chinese historiography]. *Shixue yuekan*, 2015, No. 2, pp. 86–95. (In Chin.).

Chen Zhaofu. Zhongguo yanhua faxian shi [A history of rock-paintings' discoveries in China]. Shanghai: Shanghai renmin chubanshe, 2008, 437 p. (In Chin.).

Chen Zhaofu. Yanhuazhongde yi shi zhu xing [Clothing, food, housing and transport as presented in rock-art images]. In *Bradshaw Foundation China Rock Art Archive*, [s. a.], [44 p., with separate pagination]. URL: http://www.bradshawfoundation.com/china/life_in_rock_art.pdf (In Chin.). (Accessed: 15.08.2020).

Chesnov Ya.V. О спетсифике свайных жилищ Юго-Восточнои Азии. *Sovetskaya etnografiya*, 1965, No. 5, pp. 59–69. (In Russ.).

Deopik D.V. Vsadnicheskaya kul'tura v verkhov'yakh Yantszy i vostochnyi variant "zverinogo stilya". In *Kul'tura i iskusstvo narodov Srednei Azii v drevnosti i srednevekov'e*, Moscow: Oriental Lit., 1979, pp. 62–67. (In Russ.).

Duan Shilin. Yunnan cangyuan yahua zushu shitan [Preliminary discussion on ethnical characteristics of Cangyuan rock-paintings, Yunnan Province]. *Yunnan shifan daxue xuebao: zhexue shehui kexue ban*, 1984, No. 2, pp. 56–63. (In Chin.).

Duan Shilin. Zai lun yunnan cangyuan yahuade zushu [Once again on the problem of ethnical characteristics of Cangyuan rock-paintings, Yunnan Province]. *Yunnan shifan daxue xuebao: zhexue shehui kexue ban*, 1997, vol. 29, No. 1, pp. 27–34. (In Chin.).

Fiskesjö M. Wa grotesque: Headhunting theme parks and the Chinese nostalgia for primitive contemporaries. *Ethnos: J. of anthropol.*, 2015, vol. 80, iss. 4, pp. 497–523. URL: <https://doi.org/10.1080/00141844.2014.939100>

Fu Aimin, Fan Chen. Cangyuan shiyan churen hulu tuxing yu wazu "sigangli" shenhuade bijiao [A picture of a man getting out of lagenaria in Cangyuan petroglyphs compared with Wa peoples' "Sigangli" myth]. In *Zhongguo wazu "sigangli" yu wazu wenhua xueshu yantaohui lunwenji [Chinese Wa people's "Sigangli" legend and Wa people's culture: Collection of papers presented at scientific conference]*. Kunming: Yunnan renmin chubanshe, 2008, pp. 188–198. (In Chin.).

Komissarov S.A., Kudinova M.A. The Image of Sky Dog in Chinese Mythology. *Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*, 2012, vol. 11, No. 4: Oriental Studies, pp. 70–79. (In Russ.).

Liu Yong. Jiyu cangyuan yahuade shaoshu minzu shuimo renwu hua chuanzuo [Create images based on monochrom paintings of ethnic minorities which are presented in petroglyphs of Cangyuan]. *Neijiang shifan xueyuan xuebao*, 2016, No. 5, pp. 136–138. (In Chin.).

Molodin V.I., Polosmak N.V., Komissarov S.A., Azarenko Yu.A. Dian (Diene) Culture as a Variant of the Dongshong Civilization. *Territory Development*, 2015, No. 1, pp. 6–12. (In Russ.).

Mu Jiyuan. Yunnan cangyuan yahua ji qi yanjiu gaishu [A survey of Cangyuan rock-paintings in Yunnan Province and their investigations]. *Sichuan wenwu*, 1993, No. 6, pp. 23–26. (In Chin.).

Shen Xiuping. Hulu yu wazu renlei qiyan shenhua [Lagenaria and Wa peoples' myth about origin of a Man]. *Daguan zhoukan*, 2013, vol. 622, No. 10, p. 10. (In Chin.).

Wang Ningsheng. Rock Paintings in Yunnan, China: Some new light on the old Shan Kingdom. *Expedition*, 1985, vol. 27, No. 1, pp. 25–33.

Wang Ningsheng. Yunnan cangyuan yahuade faxian yu yanjiu [Discovery and investigation Cangyuan rock-paintings]. Beijing: Wenwu chubanshe, 1985, 133 p., il. (In Chin.).

Wang Ningsheng. Wazu "sigangli" shenhua he cangyuan yahua [Wa people's "Sigangli" myth and Cangyuan rock-paintings]. In *Zhongguo wazu "sigangli" yu wazu wenhua xueshu yantaohui lunwenji [Chinese Wa people's "Sigangli" legend and Wa people's culture: Collection of papers presented at scientific conference]*. Kunming: Yunnan renmin chubanshe, 2008, pp. 18–23. (In Chin.).

Wang Shixiong. Qianxi wazu wudaode chuancheng yu fenge [Preliminary analysis of succession and style of Wa people's dances]. *Minzu yishu yanjiu*, 1993, No. 5, pp. 64–66. (In Chin.).

Wei Washan. Wazu gushi – cangyuan yahuade chuansho [Micro-blogger of Wa Mountains. A story about Wa people – legend about Cangyuan petroglyphs]. *Kandian kuaibao (public electronic newspaper)*, 28.12.2018. URL: <https://kuaibao.qq.com/s/20181228A0YNLN00?refer=spider> (In Chin.). (Accessed: 15.08.2020).

Wu Yongchang. Cangyuan yahua zongshuo [Complex discussion on the petroglyphs of Cangyuan]. *Minzu yishu yanjiu*, 2003, No. S1, pp. 116–120. (In Chin.).

Wu Yun, Mou Xiaomei, Xiao Bo, Ji Xueping. Rock art in Southwestern China. In *Rock Art in East Asia: A thematic study*. Paris: ICOMOS International, 2019 (e-book), pp. 105–125.

Yakhontov S.E. Prarodina i drevnie peredvizheniya yazykovykh grupp narodov materikovoi chasti Yugo-Vostochnoi Azii. In *Istoriko-kul'turnye svyazi narodov Tikhookeanskogo basseina: Maklaevskie chteniya, 2002–2006 gg.*, St. Petersburg: MAE RAS, 2006, pp. 42–64. (In Russ.).

Yang Baokang. Lun yunnan cangyuan yahuade niandai [On chronology of Cangyuan rock-paintings, Yunnan Province]. *Chuxiong shifan xueyuan xuebao*, 2002, vol. 17, No. 5, pp. 70–72. (In Chin.).

Yang Baokang, Wang Jun. Yunnan cangyuan yahua yanjiu zongshu [Complex investigations of Cangyuan rock-paintings, Yunnan Province]. *Yunnan shifan daxue xuebao: zhexue shehui kexue ban*, 2007, vol. 39, No. 2, pp. 58–61. (In Chin.).

Комиссаров С.А. <https://orcid.org/0000-0002-7657-054X>
Черемисин Д.В. <https://orcid.org/0000-0002-1184-4044>

Г.В. Кубарев

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: gvkubarev@gmail.com

Новые петроглифические и эпиграфические местонахождения на Алтае

Статья посвящена результатам работ автора по поиску, копированию и интерпретации новых петроглифов и надписей на территории Южного и Центрального Алтая. Ему удалось обнаружить и обработать три новых местонахождения петроглифов на территории Кош-Агачского р-на Республики Алтай: Серлю I, Серлю II и Аккузюк. Кроме широко распространенных фигур животных, имеются сложные составные композиции эпохи бронзы, например, две личины в овале с лучами-отростками, одна из которых напоминает череповидную личину (Серлю II). Особенностью раннесредневековых изображений местонахождения Серлю I является техника их исполнения: гравировка контура и последующая шлифовка фигуры внутри. Расположение петроглифов в местности Серлю подтверждает точку зрения о том, что многочисленная группа наскальных рисунков Центральной Азии концентрируется у мест древних и современных зимников, на зимних пастбищах. Другой, важной причиной нанесения петроглифов в местностях Серлю и Аккузюк мог выступать эстетический аспект. С наскальных останцов и вершин этих гор открывается завораживающий вид на окружающую Чуйскую степь и горы на горизонте. Датировка петроглифов в рассматриваемых местонахождениях варьируется от эпохи бронзы до раннего Средневековья. На местонахождении петроглифов Серлю II найдена руническая надпись и шесть различных раннесредневековых родоплеменных знаков – тамг, которые помогают в установлении племенной принадлежности и времени создания петроглифов, а также других археологических памятников. В местности Уркош в Центральном Алтае (Онгудайский р-н Республики Алтай) обнаружена надпись уйгурским письмом, выполненная черной краской. Это вторая подобная находка в этом урочище и на Алтае в целом. Надпись может относиться как к концу I тыс. н.э. (IX–X вв.), так и к монгольскому периоду (XIII–XV вв.). Введение этой надписи в научный оборот призвано привлечь внимание специалистов.

Ключевые слова: Алтай, петроглифы, руническая надпись, надпись уйгурским письмом, эпоха бронзы, скифский и древнетюркский периоды.

Gleb V. Kubarev

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: gvkubarev@gmail.com

New Petroglyphic and Epigraphic Sites in the Altai

This article presents the results of searching, copying, and interpreting new petroglyphs and inscriptions in the Southern and Central Altai. Three new petroglyphic sites were discovered and studied in Kosh-Agachsky District of the Altai Republic: Serlyu I, Serlyu II, and Akkuzyuk. In addition to numerous animal figures, there were sophisticated compositions of the Bronze Age, for example, two masks in an oval with ray-like shoots, one of which is similar to a skull mask (Serlyu II). A special feature of the Early Medieval images from the Serlyu I site is their execution technique of engraving the contour and subsequent polishing of the figure on the inside. The location of the petroglyphs in the Serlyu area confirms that a large group of rock representations in Central Asia are concentrated near ancient and modern winter camps on winter pastures. Another important reason for making the petroglyphs around Serlyu and Akkuzyuk could be the aesthetic aspect of the areas, since a fascinating view of the surrounding Chuya steppe and mountains standing against the skyline opens up from rocky outcrops and peaks of these mountains. The date of the petroglyphs at these sites varies from the Bronze Age to the Early Middle Ages. A runic inscription and six different Early Medieval tamga tribal signs were found at the petroglyphic site of Serlyu II, which may become a clue for establishing the tribal identity and time of creation of the petroglyphs, and for dating other archaeological

sites. It is difficult to overestimate the importance of discovering an inscription in Uighur script, made in black paint, in the Urkosh locality in the Central Altai (Ongudaisky District of the Altai Republic). This is the second such find in this locality and in the entire Altai. The inscription may belong to the late first millennium AD (9th–10th centuries) or to the Mongol period (13th–15th centuries). Publication of the inscription will attract the attention of specialists.

Keywords: Altai, petroglyphs, runic inscription, inscription in Uighur script, Bronze Age, Scythian and Old Turkic periods.

Начало активного археологического исследования различных памятников Алтая приходится на начало 1970-х гг. Пожалуй, одним из первых исследователей, который попытался обобщить имеющиеся сведения по курганным могильникам, каменным изваяниям и поминальным оградкам, наскальным рисункам, руническим надписям Кош-Агачского р-на, был В.Д. Кубарев [1980]. Ему же, в соавторстве с Е.П. Маточкиным, принадлежит опыт обобщения данных по местонахождениям петроглифов Алтая [Кубарев В.Д., Маточкин, 1992]. Археологические памятники плоскогорья Укок, включая петроглифы, в наиболее исчерпывающем виде представлены в коллективной монографии [Археологические памятники..., 2004]. В отдельном каталоге собраны, обработаны и переведены рунические надписи Алтая [Тыбыкова, Невская, Эрдал, 2012]. Усилиями многих археологов поиск петроглифов и образцов эпиграфики продолжается и практически каждый год ведет к новым открытиям.

В полевом сезоне 2020 г. мной были продолжены археологические разведочные работы по поиску новых наскальных изображений на территории Кош-Агачского и Онгудайского р-нов Республики Алтай. Результатом стало обнаружение новых компактных и информативных местонахождений петроглифов, а также эпиграфических находок. Кратко подведу итоги этих исследований.

На вершине горы, расположенной на правом берегу р. Чаганузун в 3 км от ее впадения в р. Чую, близ урочища Аккузюк обнаружено небольшое, компактное местонахождение петроглифов (Кош-Агачский р-н Республики Алтай) (рис. 1). С этого места открывается величественная панорама Чуйской степи, а также долин рек Чуи и Чаганузуна. Рисунки покрывают всю поверхность скального останца, протянувшегося с востока на запад, поперек долины реки. Он представ-

ляет собой невысокие (25–30 см) каменные блоки по 50–80 см в длину, разделенные естественными трещинами. Его общая длина составляет 6,5 м при ширине в 50–60 см.

Петроглифы эффектно смотрятся на ровной, имеющей солнечный загар поверхности. Сами они также сильно патинизированы. Рисунки покрывают практически всю поверхность камней и кроме наиболее многочисленных фигур козлов содержат также фигуры быков, архаров и собак

Рис. 1. Петроглифы на скальном останце в местности Аккузюк, в долине р. Чаганузун.

(рис. 1). Из единичных изображений следует отметить верблюда, загон в виде прямоугольника, овцу (?) с большой шкурой, с перпендикулярно отходящими от нее отростками-линиями. Большинство фигур небольшого размера (5–7 см), выполнены в одном стиле, имеют одинаковую степень патинизации. У многих фигур козлов и архаров на разных каменных блоках выбита точка в центре рогов. Все это наводит на мысль о едином авторстве этих петроглифов и коротком промежутке их нанесения.

На других отдельных скальных останцах местонахождения также имеются близкие по стилю петроглифы. Всего в Аккузюке насчитывается ок. 13 композиций, наиболее вероятная датировка которых относится к эпохе поздней бронзы – скифскому времени (I тыс. до н.э.).

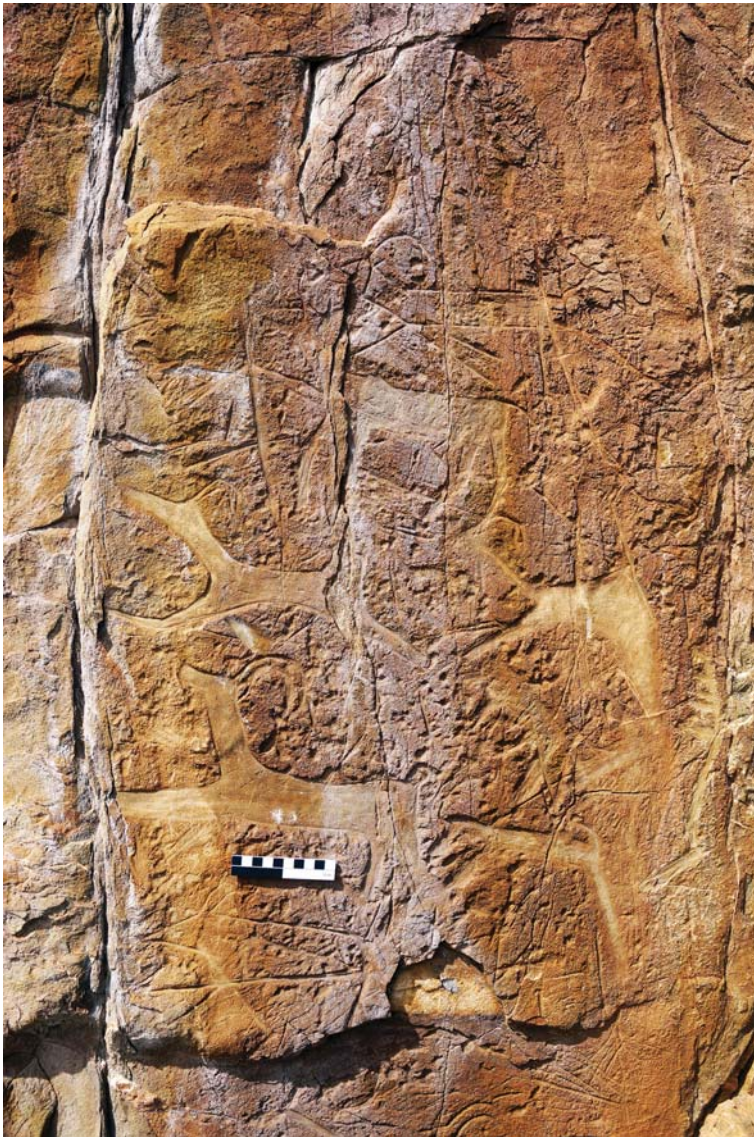

Рис. 2. Прорезанные и шлифованные фигуры животных в петроглифах Серлю I.

Не менее интересными, чем сами петроглифы, являются два кольца, сложенных из 7–9 обломков скальной породы. Их диаметр составляет 50–65 см. Они расположены в 60–70 см к северу от скальной гряды с петроглифами, параллельно ей, на расстоянии 2,5 м друг от друга. Любопытно, что на одном из камней западного кольца выбита фигура животного в таком же стиле и с такой же степенью патинизации, что и на основном массиве петроглифов. Подобные конструкции крайне редко фиксируются исследователями в петроглифических комплексах. Можно предположить, что здесь на вершине горы, в непосредственной близости с наскальными изображениями проводились какие-то ритуальные действия (например, разжигался огонь, проводилось «кормление» духов и пр.).

У западной оконечности горного хребта, который с востока и юга огибают реки Кокоря и Кызылшин, близ современного зимника обнаружено компактное местонахождение петроглифов, получившее название Серлю I (Кош-Агачский р-н Республики Алтай). На вертикальной песчаниковой поверхности размерами примерно 1,5 × 2 м, ориентированной на юг, насчитывается полтора десятка фигур животных (рис. 2). Контур всех изображений прорезан, а часть из них дополнительно и тщательно шлифована внутри. Фигуры козлов обращены налево, многие показаны в стремительном беге. Сверху и справа над этой группой животных выгравированы два реалистичных оленя, один из которых пронзен в круп стрелами. Стилистически олени близки к раннесредневековым образцам. Этим же периодом, по-видимому, датируются и шлифованные фигуры козлов.

На этом скальном массиве также имеется несколько других, дисперсно расположенных композиций и отдельных изображений. Не исключено, что к скифскому периоду относится, например, сцена с лежащим оленем с подогнутыми под себя ногами и человеком.

Местонахождение петроглифов Серлю II находится на уплощенной плато-вершине горного хребта, протянувшегося вдоль р. Кызылшин и расположенного к северу и северо-западу от с. Кокоря (Кош-Агачский р-н Республики Алтай). Оно включает

Рис. 3. Петроглифы местонахождения Серлю II.

1 – вид на первый (северный) и второй (южный) останцы с вершины горы. На заднем плане Сайлюгемский хребет. Вид с запада; 2 – череповидная личина (?) в овале с лучами.

в себя три скопления петроглифов, выполненных на двух песчаных останцах и на скалах вершины горы (рис. 3, 1). С последней открывается эффектная панорама Чуйской степи в восточном,

западном и южном направлениях. Высота вершины над уровнем моря составляет чуть больше 2 300 м. Останцы расположены к востоку от вершины горы, вытянуты параллельно друг другу по

линии восток – запад. Небольшие скальные поверхности останцов с петроглифами обращены преимущественно на восток.

Длина первого (северного) останца составляет ок. 250 м. В общей сложности здесь насчитывается порядка десяти композиций, многие из которых разрушены как в результате естественных процессов выветривания, отслаивания и пр., так и под влиянием антропогенного воздействия. Многие скальные поверхности покрыты посетительскими надписями. Большинство петроглифов выбито глубоко (от 0,3 до 1 см), часто отдельными крупными точками, что, вероятно, можно рассматривать как характерную особенность выбивки по песчанику.

В составе композиций изображены преимущественно животные (козлы, собаки и др.), однако представлены также фигуры людей. Наибольший интерес представляют две сложносоставные фигуры. Одна из них выполнена в форме овала (длиной ок. 35 см) с многочисленными пересекающимися линиями внутри. Второе, не менее загадочное изображение отдаленно напоминает две личины в овале (размер: 30 × 40 см), от которого отходят перпендикулярные короткие линии – лучи (?) (рис. 3, 2). Причем одна из них выбита в виде череповидной личины. Однако при желании внутри овала-загона (?) как будто можно рассмотреть отдельные фигуры козлов, соединенные или налегающие друг на друга, и отдельные выбитые лунки.

Примерно в 300 м на юго-запад от первого (северного) останца находится второй (южный). Его протяженность составляет ок. 100 м. Так же, как и у первой скальной гряды, поверхности с нанесенными петроглифами ориентированы на восток. Здесь насчитывается семь композиций, включающих фигуры козлов, оленей, прочерченную ранне-средневековую тамгу.

В 350 м на запад от второго (южного) останца, на вершине горы расположено третье скопление петроглифов. Рисунки разрозненно, на значительной территории нанесены на скальные выходы песчаника. Насчитывается до 50 композиций, включающих фигуры животных (козлов, верблюдов, быков и др.) и людей, сцены охоты. На местонахождении представлено несколько крупных мужских фигур, изображенных анфас, как в составе композиций, так и отдельно. В частности, интересной представляется выбитая мужская фигура с широко расставленными ногами и раскинутыми в стороны трехпальными руками. Его голова увенчана тремя отростками или лучами.

Часть композиций, судя по сопровождающим их тамгам, а также изображенным предметам вооружения и одежды, относится к эпохе раннего Средневековья. Выделяется весьма реалистич-

ная сцена охоты лучника на козла, у которого параллельными линиями воспроизведена шерсть. Животное пронзено двумя стрелами. В другой композиции показана ловля (?) козла двумя мужчинами-воинами (рис. 4, 1). Они одеты в длиннополые кафтаны и имеют длинное клинковое оружие. У одного воина угадываются длинные, ниспадающие на спину волосы, у другого на голове, возможно, шлем. Фигуры выбиты мелкими, частыми точками, не всегда образующими сплошной контур.

Почти на самой вершине горы, на вертикальной поверхности, обращенной на восток, была обнаружена руническая надпись в сопровождении крупной гравированной тамги в виде острого угла (рис. 4, 2)*. Вертикальная строка надписи включает по меньшей мере 14 знаков. Часть из них нарушена выбитыми позже тремя фигурами козлов. Еще в нескольких местах на скальных выходах вершины горы речь предположительно может идти о двух-трех строках или надписях. Однако их плохая сохранность не позволяет с полной уверенностью судить об этом.

На местонахождении петроглифов Серлю II зафиксировано шесть различных тамг, большая часть из которых, по-видимому, относится к эпохе раннего Средневековья. Как уже упоминалось, часть из них сопровождают наскальные композиции или руническую надпись, другие выбиты или вырезаны отдельно. Основной же массив петроглифов Серлю II относится к эпохе развитой–поздней бронзы и скифскому периоду, отдельные композиции – к древнетюркскому времени.

Отдельного внимания заслуживает надпись уйгурским письмом, выполненная черной краской, обнаруженная в ур. Уркош, которое расположено на левом берегу р. Катунь близ впадения в нее р. Большой Яломан (Онгудайский р-н Республики Алтай) (рис. 5). Это вторая подобная находка на этом памятнике. Первая надпись была обнаружена барнаульскими археологами в 2005 г. [Тишкин, Серегин, Матренин, 2016, с. 61]. Позднее на этой же плоскости были зафиксированы две процарапанные рунические надписи и Л.Ю. Тугушевой и С.Г. Кляшторным были предложены прочтения первой надписи уйгурским письмом и двух рунических надписей [Тугушева, Кляшторный, Кубарев, 2014]. Из перевода Л.Ю. Тугушевой следует, что ее написал эркин, возвращавшийся в свой эль вместе с каганом, находясь уже вблизи от того места, куда они долж-

*Вероятно, сведения именно об этой надписи как о надписи «близ Кокоря» были известны В.Д. Кубареву от местных жителей еще в 1980-х гг., однако обнаружить ее и проверить эти сведения до недавнего времени не удавалось.

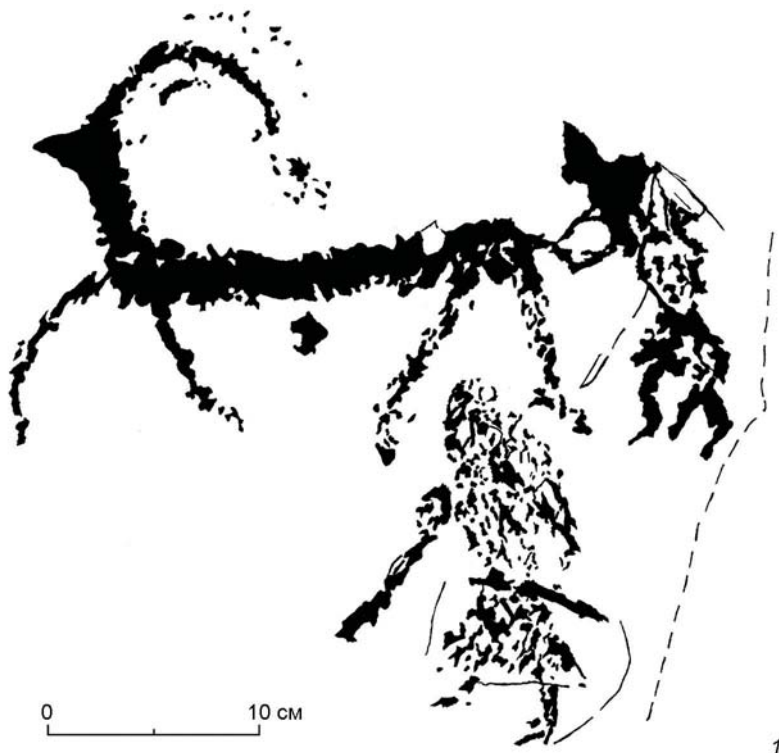
Рис. 4. Петроглифы местонахождения Серлю II.

1 – раннесредневековая сцена граффити ловли (?) козла двумя мужчинами-воинами; 2 – руническая надпись в сопровождении тамги.

ны были прибыть [Там же, с. 81]. Надпись была датирована X в., и было выдвинуто предположение, что в ней упоминается один из кыргызских каганов [Там же]. Характер письма надписи был определен как ранняя разновидность курсива, которая наблюдается в восточнотуркестанских текстах, созданных в домонгольское время, но не ранее X в.

По мнению Ц.Б. Нацагдоржа, несмотря на наличие нескольких сомнительных мест, уркошская надпись сделана на монгольском языке и должна быть датирована самым концом XIII – серединой XV в. [2019]. Согласно его переводу, надпись была составлена неким монгольским высокопоставленным чиновником на посту *чжи-юань* по имени Бултегер (Bulteger), отправленного посланцем в эти края по указу неизвестного пока хана [Там же, с. 21, 22]. Произойти это могло в интервале между 1291 г. и серединой XV в. Историк считает, что упомянутый чиновник *чжи-юань* должен был относиться к монгольскому государству Юань в Китае и приходит к выводу, что уркошская надпись свидетельствует о вхождении территории Алтая в государство Юань или его наследников из Северной Юань до середины XV в. [Там же, с. 22].

Вторая надпись нанесена на одну из соседних вертикальных плоскостей в сравнении с уже известной, под небольшим скальным навесом. Именно этот скальный навес должен был уберечь надпись от осадков. Основная часть надписи насчитывает девять вертикальных строк (рис. 5). Еще две строки написаны над основной частью и справа от нее (не совсем ясно, являются ли они отдельными двумя надписями) (рис. 5). По сравнению с первой хорошо сохранившейся, рассматриваемая надпись едва различима на пестрой разноцветной скале, к тому же покрытой копотью (?). Кроме того,

на ней видны следы от преднамеренного затирания и сколов. Эти обстоятельства очень сильно осложнили процесс копирования, что, по-видимому, сказалось на точности сделанной копии и привело к трудностям в ее прочтении. Знакомство с прорисовкой этой надписи таких специалистов, как П. Циме и Ц.Б. Нацагдоржа, к сожалению, не привело к ее переводу и интерпретации. Тем не менее считаю необходимым ввести эту надпись в научный оборот с тем, чтобы привлечь к ней внимание специалистов.

Подводя итог, хотелось бы отметить важность поиска, обработки и ввода в научный оборот как новых петроглифических, так и эпиграфических

Рис. 5. Надпись уйгурским письмом, выполненная черной краской, в местности Уркош.

местонахождений. Зачастую петроглифические памятники содержат редкие или уникальные образы, позволяют прийти к новым наблюдениям относительно датировки, закономерностей расположения петроглифов, сопровождающих их сооружений (каменные кольца, ящички, загоны) и т.п.

Расположение петроглифов на вершине горного хребта в местности Серлю подтверждает точку зрения о том, что многочисленная группа наскальных рисунков Центральной Азии концентрируется у мест древних—современных зимников, на зимних пастбищах. Именно таковым является открытое местонахождение петроглифов на уплощенном плато горного хребта с необычайно высоким травостоем, используемом в качестве зимнего пастбища. Данный факт подтверждается, в частности, наличием

современного зимника в нескольких десятках метрах от первого скального останца с петроглифами. Это место является максимально защищенным от ветра скальным выходом и в отсутствие источников воды могло использоваться только в зимний период.

Другой, весьма важной причиной нанесения петроглифов в этой местности мог выступать эстетический аспект. Неслучайно Серлю или Серлик переводится с монгольского языка как «величественный» или «грозный». С наскальных останцов и вершины горы открывается завораживающий вид на окружающую Чуйскую степь и снежники Южно-Чуйского и Сайлюгемского хребтов на горизонте. Вероятно, это обстоятельство также вдохновляло древних художников и авторов ранне-

средневековых рунических надписей. Относительная труднодоступность вершины горной гряды при движении пешком или на автомобиле, несомненно, не вызывает и не вызывала никаких сложностей при движении современных или древних конных всадников. Не случайно поэтому и наличие петроглифов в местности Аккузюк, с которой также открывается красивая панорама Чуйской степи, долин рек Чуи и Чаганузуна, окаймленных горами.

В условиях лапидарных сведений письменных источников по истории Алтая трудно переоценить каждую новую эпиграфическую находку. Это в полной мере относится и к обнаружению, фиксации и интерпретации тамг, которые помогают в установлении их возможной племенной принадлежности и тех памятников, на которых они встречаются.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР № 0329-2019-0003 «Историко-культурные процессы в Сибири и на сопредельных территориях».

Список литературы

Археологические памятники плоскогорья Укок (Горный Алтай) / В.И. Молодин, Н.В. Полосьмак, А.В. Новиков, Е.С. Богданов, И.Ю. Слюсаренко, Д.В. Черемисин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – 256 с. – (Мат-лы по археологии Сибири; вып. 3).

Кубарев В.Д. Археологические памятники Кош-Агачского района (Горный Алтай) // Археологический поиск (Северная Азия). – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 69–91.

Кубарев В.Д., Маточкин Е.П. Петроглифы Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1992. – 123 с.

Нацагдорж Ц.Б. Монгольская надпись из местности Уркош на Алтае // Вестн. БНЦ СО РАН. Исторические исследования и археология. – 2019. – № 2 (34). – С. 17–24. – doi:10.31554/2222-9175-2019-34-17-24

Тишкин А.А., Серегин Н.Н., Матренин С.С. Уркошский археологический микрорайон (Центральный

Алтай). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2016. – 208 с. – (Археологические памятники Алтая; вып. 1).

Тугушева Л.Ю., Кляшторный С.Г., Кубарев Г.В. Уйгурская и рунические надписи из местности Уркош (Центральный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – № 4. – С. 88–93.

Тыбыкова Л.Н., Невская И.А., Эрдал М. Каталог древнетюркских рунических памятников Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. гос. ун-та, 2012. – 152 с.

References

Kubarev V.D. Arkheologicheskie pamyatniki Kosh-Agachskogo raiona (Gornyi Altai). In *Arkheologicheskii poisk (Severnaya Aziya)*. Novosibirsk: Nauka, 1980, pp. 69–91. (In Russ.).

Kubarev V.D., Matochkin E.P. Petroglify Altaya. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1992, 123 p. (In Russ.).

Molodin V.I., Polosmak N.V., Novikov A.V., Bogdanov E.S., Slyusarenko I.Yu., Cheremisin D.V. Arkheologicheskie pamyatniki ploskogor'ya Ukok (Gornyi Altai). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2004, 256 p. (Materialy po arkheologii Sibiri; iss. 3). (In Russ.).

Natsagdorzh Ts.B. A Mongolian inscription from Urkosh in the Altai mountains. In *Bulletin of the BSC SB RAS. Historical Research and Archaeology*, 2019, No. 2 (34), pp. 17–24. (In Russ.). doi:10.31554/2222-9175-2019-34-17-24

Tishkin A.A., Seregin N.N., Matrenin S.S. Urkoshskii arkheologicheskii mikroraion (Tsentral'nyi Altai). Barnaul: Altai State Univ. Press, 2016, 208 p. (Arkheologicheskie pamyatniki Altaya; iss. 1). (In Russ.).

Tugusheva L.Y., Klyashtorny S.G., Kubarev G.V. Inscriptions in Uyghur writing and runic characters from the Urkosh area (Central Altai). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2014, No. 4, pp. 88–93.

Tybykova L.N., Nevskaya I.A., Erdal M. Katalog drevnetyurkskikh runicheskikh pamyatnikov Gornogo Altaya. Gorno-Altaysk: State Univ. Press, 2012, 152 p. (In Russ.).

Кубарев Г.В. <https://orcid.org/0000-0001-6376-4153>

**В.И. Молодин¹, И.А. Дураков¹, С. Хансен²,
Д.А. Ненахов¹, Ю.Н. Ненахова¹, С. Райнхольд²,
Л.С. Кобелева¹, Л.Н. Мыльникова¹✉, Д.В. Селин¹,
Н.С. Ефремова¹, Е.С. Швецова¹, Д.Н. Бобин¹, К.А. Борзых¹**

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

²Германский археологический институт
Берлин, Германия

E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru, sabine.reinhold@dainst.de

Особенности погребальной практики носителей андроновской (фёдоровской) культуры северо-западной части могильника Тартас-1

В полевой сезон 2020 г. основные работы на памятнике Тартас-1 проходили в северо-западной части некрополя. Здесь среди захоронений преобладают объекты андроновской (фёдоровской) культуры, которые выделяются наличием своеобразных земляных сооружений, связанных с погребениями. Выявлена характерная неровность краев контура конструкций, чередование сегментовидных рвов и ям или просто ям, локализирующих ряд захоронений. Глубина сооружений различна. Чаще всего данные сооружения, квалифицированные как оградки, не содержали каких-либо находок. Лишь в виде исключения в них были обнаружены развалы сосудов, отдельные фрагменты керамики или остатки мясной пищи. Северо-западная часть памятника Тартас-1 выделяется в особый могильник андроновской (фёдоровской) культуры, в формировании которого значительную роль сыграли выходцы с западных, северо-западных от Барабы районов. Северное направление миграций маркируется инновациями в погребальном обряде и погребальном инвентаре. В погребальном обряде отмечено наличие вторичных захоронений, необычный способ расположения костяков в могиле относительно друг друга, нетипичная ориентация могил; захоронения во рву, ограничивающем основное погребение. На посуде фиксируются орнаментальные мотивы, не свойственные андроновской (фёдоровской) традиции, – ряды круглых ямок, нанесенных по тулову сосуда, по всей его поверхности по готовой орнаментальной схеме. Керамика, имеющая подобную схему, была характерна для одиновской культуры, предшествовавшей на данной территории андроновской (фёдоровской). Выявлен нетипичный погребальный инвентарь (костяные наконечники стрел, объемная бронзовая скульптурка птицы).

Ключевые слова: Барабинская лесостепь, андроновская (фёдоровская) культура, сакральное пространство, погребальный обряд, инвентарь, инновации.

**Vyacheslav I. Molodin¹, Igor A. Durakov¹, Svend Hansen²,
Dmitrii A. Nenakhov¹, Yuliya N. Nenakhova¹, Sabina Reinhold²,
Liliya S. Kobeleva¹, Lyudmila N. Mylnikova¹✉, Dmitrii V. Selin¹,
Nataliya S. Efremova¹, Ekaterina S. Shvetsova¹, Dmitrii N. Bobin¹,
Kseniya A. Borzykh¹**

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

²German Archaeological Institute,
Berlin, Germany

E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru, sabine.reinhold@dainst.de

Features of Funeral Practice of the Andronovo (Fedorovo) Culture in the Northwestern Part of the Tartas-1 Burial Ground

In 2020, the main fieldwork on the Tartas-1 site took place at the northwestern part of the necropolis. Here, among the burials, the items of the Andronovo (Fedorovo) culture prevail. They are distinguished by the specific earthen structures associated with burials. The structures are characterized by the edge roughness, the alternation of segmental ditches and pits, or just the pits localizing a burial range. The depth of the structures is different. Most often, these structures, qualified as fences, did not contain any archaeological material. Only as an exception, the broken vessels, separate ceramic fragments, and remains of the meat food were found in them. The northwestern part of the Tartas-1 site is identified by a separate burial ground of the Andronovo (Fedorovo) culture, in the formation of which the immigrants from the western and northwestern regions of Baraba played a significant role. The northern migrations is also marked by innovations in the funeral rite and grave goods, i.e. the secondary burials; an unusual way of positioning bones in the grave relative to each other; atypical orientation of the graves; burial within the ditch that limits the main burial. The ceramics are characterized by the ornamental motifs, which are non-typical of the Andronovo (Fedorovo) tradition, i.e. the rows of round pits applied along the entire surface of the vessel's body according to a ready-made ornamental pattern. The ceramics with the similar ornamental pattern was typical of the dishware of the Odino culture, which preceded the Andronovo (Fedorovo) culture in this area. A non-typical burial inventory was revealed, such as bone arrowheads and a sculpture of a bronze bird.

Keywords: Baraba forest-steppe, Andronovo (Fedorovo) culture, sacred space, funeral rite, inventory, innovations.

Введение

Западно-Сибирский отряд Северо-Азиатской комплексной экспедиции Института археологии и этнографии СО РАН продолжил многолетние исследования памятника Тартас-1, включающего поселенческие, ритуальные и погребальные комплексы различных эпох и культур голоцена, начиная от раннего неолита (VII тыс. до н.э.) и заканчивая периодом позднего Средневековья. Напомним, что памятник расположен в Венгеровском р-не Новосибирской обл. (Западная Сибирь, Барабинская лесостепь) [Молодин, 2011; Молодин, Дураков, Кобелева, 2018].

Следует особо подчеркнуть, что, несмотря на сложную эпидемиологическую ситуацию в мире, в исследованиях приняли участие сотрудники Германского археологического института (Берлин), связанного с ИАЭТ СО РАН договором о сотрудничестве. Перед нами яркий пример партнерских и дружеских отношений ученых России и Германии.

Раскопки памятника велись согласно уже апробированной методике вскрытия освоенного человеком пространства сплошными площадями с ориентацией на геофизический мониторинг объекта, проведенный нашими коллегами из Объединенного института геологии, геофизики и минералогии СО РАН в 2003 г. Основная доля вскрытых в этом году площадей приходится на северо-западную часть памятника, где, по-видимому, находилась его оконечность.

Результаты исследований

На сегодняшний день мы имеем вполне наглядные представления о планиграфии, количественном составе погребальных комплексов, культурной

принадлежности практически каждого из исследованных захоронений. Вскрытая огромная площадь ок. 30 000 м² позволяет судить о местонахождении ок. 800 погребальных комплексов, их расположении и сопутствующих земляных конструкциях (если они сопровождали объекты).

Общая оценка представительности разнокультурных и разновременных захоронений на памятнике сегодня такова: более 50 % всех комплексов представлены андроновскими (фёдоровскими) погребениями. Их насыщенность в северо-западной части могильника в сравнении с захоронениями других культур еще большая и достигает едва ли не 90 %. Следует отметить, что северо-западный участок андроновского (фёдоровского) могильника отличается наличием своеобразных земляных сооружений, безусловно связанных с погребальными комплексами. Эта деталь позволяет оценивать данную часть всего андроновского массива как своеобразную, нуждающуюся в особом рассмотрении.

Уже приходилось отмечать, что своеобразие этих «микромогильников» было, по-видимому, обусловлено различными истоками миграций носителей культуры в Барабу, а также конкретным временем осуществления этих передвижений [Молодин, 2011]. В результате мы наблюдаем достаточно четкие ряды захоронений, насчитывающие порой свыше десятка могил. Встречаются небольшие по величине группы захоронений и отдельные могилы [Молодин, Дураков, Кобелева, 2018]. На определенных участках в одних рядах отмечается чередование андроновских погребений с позднекротовскими (черноозерскими) комплексами, а также пристройка единичных андроновских могил к рядам последних.

В северо-западной части памятника андроновские (фёдоровские) погребения часто окружены прерывистыми рвами и ямами. Конструкции отличаются неровность краев контура, чередование сегментовидных рвов с ямами или даже просто ямами, локализирующими ряд захоронений. Глубина сопутствующих захоронениям сооружений различна, порой достаточно велика. Чаще всего данные сооружения, которые возможно квалифицировать как оградки, не содержали каких-либо находок. Лишь в виде исключения в них были обнаружены развалы сосудов, отдельные фрагменты керамики или остатки мясной пищи. Ровики встречаются на андроновских (фёдоровских) могильниках Барабинской лесостепи, сопутствуя при этом земляным надмогильным сооружениям (насыпям) курганов. Скорее всего, они имитируют каменные ограды вокруг могил, которые использовались носителями данной культуры там, где имелись доступные выходы камня (например, современная территория Казахстана [Кузьмина, 2008; Ткачев, 2002] или Минусинской котловины [Максименков, 1978]). Возможно, земляные насыпи были возведены и над сооружениями в северо-западной части могильника Тартас-1, некоторые полевые наблюдения позволяют сделать такой вывод, однако глубокая многолетняя распашка земли в этой части памятника, которая могла легко сnivelировать невысокие земляные конструкции, не позволяет говорить о наличии таких сооружений однозначно. Тем более что планиграфия ровиков и ям, о которых идет речь, весьма своеобразна: как отмечено выше, они имеют «рваный контур», отсутствует четкая планиграфия, что характерно для круглых и четырехугольных рвов, где они встречаются как сопутствующие земляному сооружению с явной округлой формой. Важно отметить, что в обозначенной части памятника, наряду с захоронениями, связанными с ровиками и системой ям, наблюдается и наличие рядов захоронений, как это отмечалось на остальной части могильного поля.

Погребальные сооружения (могильные ямы) в целом стандартны, не отличаются от остального андроновского массива, фиксируемого на памятнике. Их параметры подчинены помещению в могиле одного человека (реже нескольких) в скорченном положении на боку, что предопределяло сравнительно небольшую длину при значительной ширине. Их форма поэтому близка к подквадратной. Глубина камеры также устойчива и коррелируется с размерами могильной ямы (чем больше по размерам могильная яма, тем она глубже).

Основными способами захоронения человека в могильную яму являются труположение и кремация. Иногда встречается сочетание этих способов

обращения с телом в одной могиле. Аналогичные проявления погребальной практики повсеместно отмечены для андроновских (фёдоровских) захоронений Барабинской лесостепи [Молодин, 1985] и других территорий Западной Сибири. Вместе с тем в погр. № 776 северо-западной части могильника Тартас-1 выявлен случай, когда в могиле с труположением, выполненном, что называется, по классическим канонам, было преднамеренно совершено вторичное погребение человека. В юго-восточной части могильной ямы, ближе к углу, у самой стенки, *in situ* находился костяк ребенка. Череп был в крупных обломках, сверху лежал внутренней частью фрагмент с лицевой областью и затылочными буграми. Под ним с обеих сторон находились височные кости, одна из которых внутренней частью была повернута вверх. Также под верхним обломком располагалась нижняя челюсть. Далее на небольшом расстоянии от черепа компактным скоплением фиксировались не в анатомическом порядке длинные кости ног, рук, позвонки. Ребра и несколько позвонков помещены под бедренными костями. Неполный набор костей и их взаиморасположение позволяет сделать вывод о вторичном способе захоронения (стратиграфия не дает оснований говорить о вмешательстве в могилу).

Подчеркнем, что данный случай не единичен. Например, аналогичное сочетание отмечается в захоронении № 416. Здесь была смоделирована ситуация парного андроновского захоронения. Рядом с погребенным, лежащим на левом боку, с подогнутыми ногами, головой на юго-запад, находился второй погребенный, костяк которого при вторичном погребении придан порядок, имитирующий положение на правом боку с подогнутыми в коленях ногами (рис. 1).

Вторичное захоронение женщины старческого возраста, не потревоженное, с двумя достаточно своеобразными сосудами (см. описание ниже) было обнаружено в погр. № 456 (рис. 2). Компактное скопление костей было выложено в определенном порядке (вероятно, кости находились в какой-то емкости – мешке или плетеном изделии): по краям с двух сторон вдоль длинной оси погребения располагались длинные кости рук и ног. Юго-западную часть скопления образовывали кости таза и крестец. В центральной части находились ребра, позвонки, лопатки. С северо-востока зафиксирован череп, судя по положению нижней челюсти, он был поставлен основанием вниз, а лицевой частью – на северо-восток.

Следовательно, данная особенность – наличие вторичных захоронений – редко, но проявляется и на других частях памятника, но более ярко – в северо-западной части.

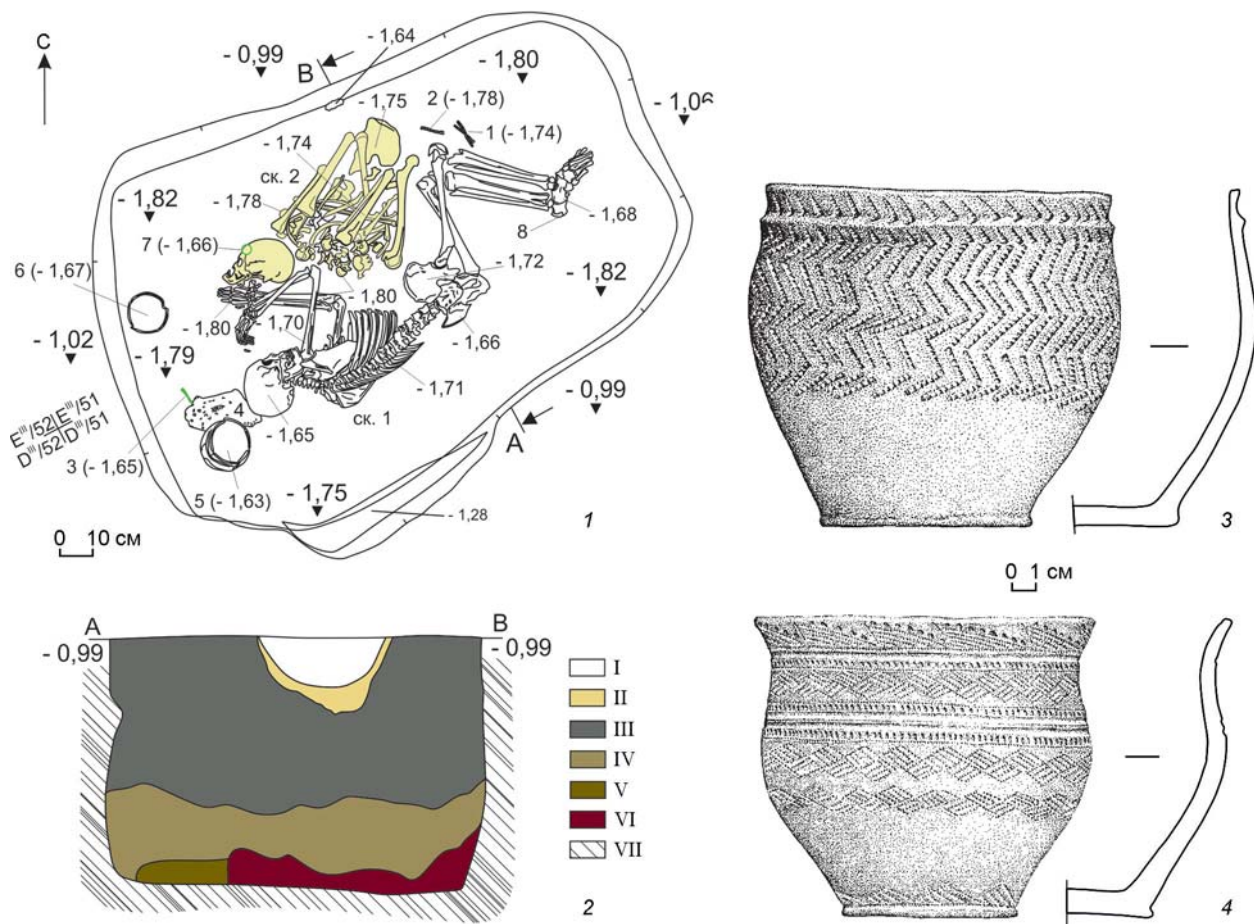

Рис. 1. Погр. № 416 памятника Тартас-1.

1 – план; 2 – разрез; 3 – керамический сосуд № 1; 4 – керамический сосуд № 2.

1 – бронзовый браслет № 1; 2 – бронзовый браслет № 2; 3 – бронзовое шило; 4 – скопление костей рыбы; 5 – керамический сосуд № 1; 6 – керамический сосуд № 2; 7 – височное кольцо (бронза); 8 – скорлупа яйца.

I – золистая однородная рассыпчатая супесь (засыпка); II – бурая золистая супесь; III – плотная однородная темно-серая супесь; IV – рыхлая мешаная серо-желтая супесь; V – плотная желто-серая супесь; VI – область залегания костей человека; VII – желтый суглинок (материк).

Исключительный случай был зафиксирован в захоронении № 767 (рис. 3). В могиле выявлено захоронение двух взрослых людей, покоящихся в классической андроновской (фёдоровской) позе. Кости третьего человека – подростка примерно 10 лет располагались в анатомическом порядке. Умершего захоронили, судя по его положению, на левом боку, с согнутыми в коленях ногами, с согнутыми в локтях руками, кисти размещены на уровне подбородка. Но абсолютной новацией для памятника является помещение этого человека поперек могильной ямы, прижатым к западной стенке, в ногах двух «основных» взрослых умерших, перпендикулярно последним. Подобного расположения погребенных не приходилось наблюдать в захоронениях андроновской (фёдоровской) культуры западносибирского региона.

Также редко, но все-таки встречается нетипичная ориентация могильных ям и помещение захоронения во рву, ограждающем основную могилу сооружения.

Не менее важные особенности появились и в погребальном инвентаре рассматриваемой части могильника. Следует сказать, что в целом такой инвентарь характерен для погребальной практики андроновцев (фёдоровцев). Это, прежде всего, керамика баночной и горшковидной формы. Посуда баночной формы имеет орнамент в виде рядов горизонтальной «елочки» и других типичных комбинаций, характерных для данного культурного образования. Горшковидные изделия украшены богатыми меандровыми узорами, рядами треугольников и треугольных фестонов, свастикой на дне, по существу, являющейся «лицом» андроновского (фёдоровского) комплекса.

Кроме того, среди сопроводительного инвентаря отмечены бронзовые височные кольца, серьги, бусины, шилья, иглы. В качестве дополнительных украшений бронзовых колец использовалась золотая фольга. Картину дополняют астрагалы и «бабки» (путовые кости) лошади, костяные пуговицы

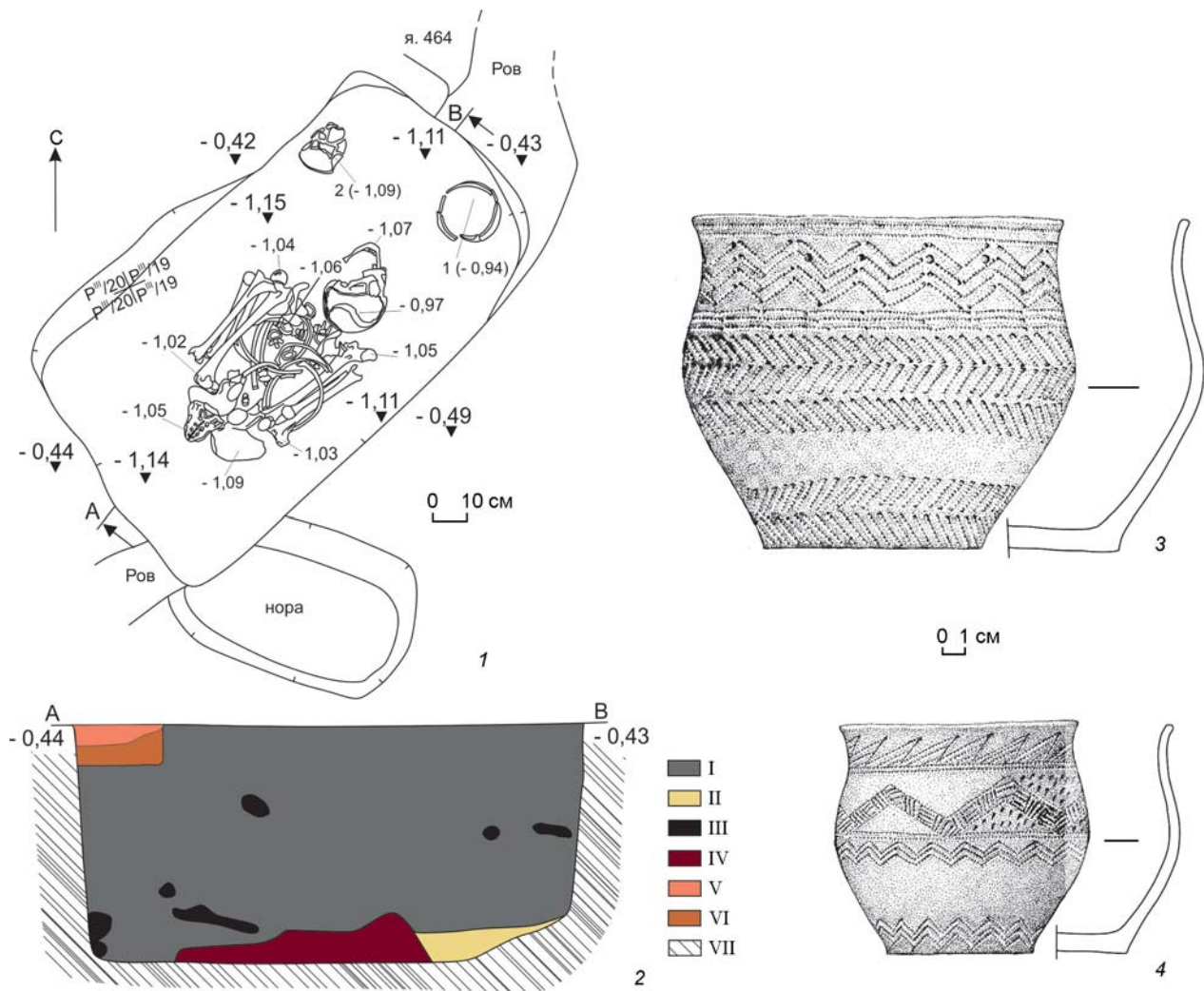

Рис. 2. Погр. № 456 памятника Таргас-1.

1 – план; 2 – разрез; 3 – керамический сосуд № 1; 4 – керамический сосуд № 2.

I – керамический сосуд № 1; 2 – керамический сосуд № 2.

I – рыхлая мешаная темно-серая с белыми и желтыми включениями супесь (нарушена норами); II – плотная мешаная желто-серая супесь с материковыми включениями; III – норы; IV – область залегания костей человека; V – розово-бежевый золистый слой с включениями прокаленного оранжевого суглинка; VI – мешаная темная, бурая, с золистыми включениями супесь; VII – желтый суглинок (материк).

и бляхи, ожерелья из зубов животных (соболь, волк и лось). Все эти предметы встречены как в захоронениях андроновской (фёдоровской) культуры памятника Таргас-1 и других андроновских объектов Барабинской лесостепи [Молодин, 1985], так и в погребениях памятников сопредельных территорий [Зах, 1997; Кирюшин, Папин, Федорук, 2015; Максименков, 1978].

Однако, наряду с типичным инвентарем, в северо-западной части памятника были выявлены и оригинальные сюжеты, на которых следует остановиться особо.

Прежде всего, необходимо сказать о новациях, связанных с орнаментацией керамического материала. В целом вся серия сосудов, насчитывающая в этой зоне памятника ок. 100 ед., включает шесть баночных и одну горшковидную емкости,

имеющие характерную особенность в орнаментике. Речь идет о существенном дополнении декора чередующимися рядами круглых ямок, нанесенных по тулову сосуда, по всей его поверхности. Причем эти ряды были сделаны по уже готовой орнаментальной схеме, ничем не отличающейся от классической андроновской (фёдоровской) (рис. 4). Показательный пример отмечен на сосуде из захоронения № 778, где на типичной для андроновской (фёдоровской) культуры емкости, на дне сосуда подобными ямочными вдавлениями был схематично изображен крест (рис. 5, 1). При этом второй сосуд из захоронения, выполненный как бы по канонам нарядных классических емкостей, был, по сути, явной имитацией последних, т.к. орнаментальная схема, по-видимому, была неосознанно нарушена (рис. 5, 2).

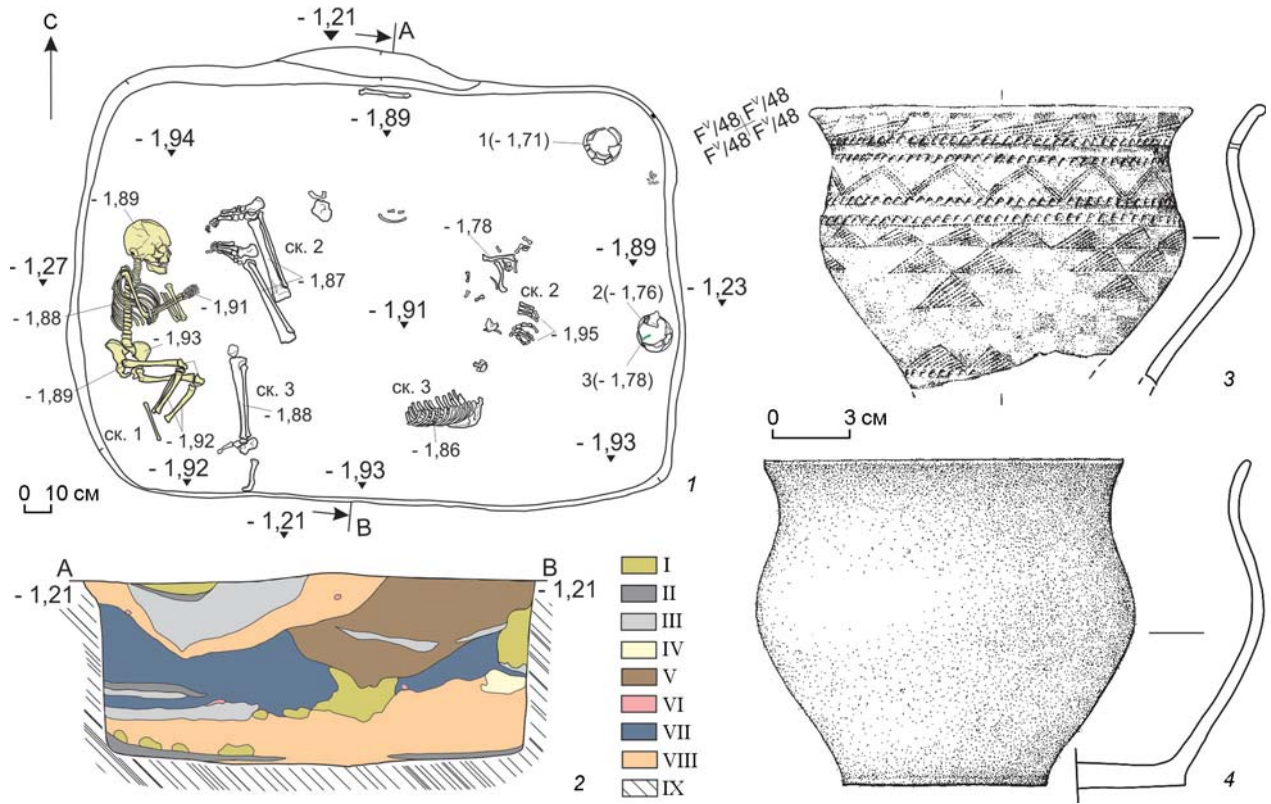

Рис. 3. Погр. № 767 памятника Таргас-1.

1 – план; 2 – разрез; 3 – керамический сосуд № 1; 4 – керамический сосуд № 2.

1 – керамический сосуд № 1; 2 – керамический сосуд № 2; 3 – изделие из бронзы (игла).

I – серо-желтая с мелкими включениями белесого супесь; II – мешаная темно-серая супесь; III – мешаная белесая супесь; IV – мешаная желтая супесь; V – мешаная желто-серая супесь; VI – кости человека; VII – серая с включениями желтого супесь; VIII – мешаная серая супесь; IX – желтый суглинок (материк).

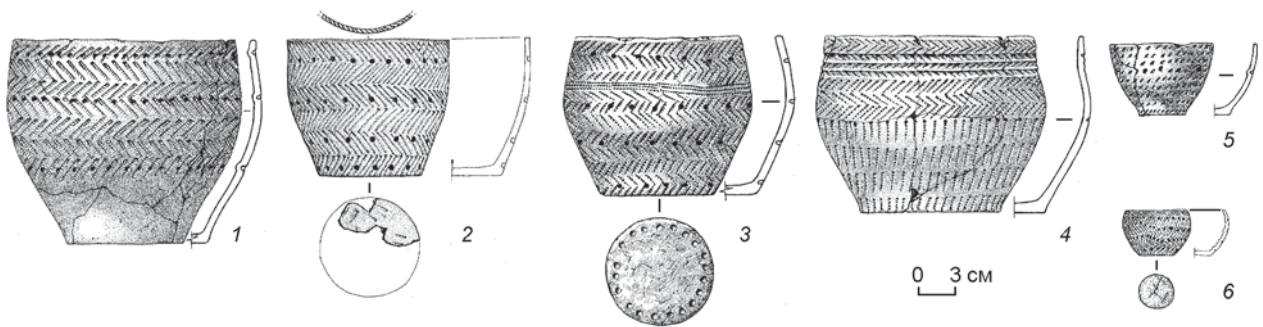

Рис. 4. Сосуды из погребений памятника Таргас-1.

1 – погр. № 656 (сосуд № 1); 2 – погр. № 678 (сосуд № 1); 3 – погр. № 714; 4 – погр. № 727; 5 – погр. № 750 (сосуд № 2), погребально-поминальный комплекс 39; 6 – погр. № 766 (сосуд № 2).

Достаточно редкий случай был отмечен на сосудах из погр. № 456. Данная могила перерезала ровик, оконтуривающий мог. № 454, 455, – самый юго-восточный на памятнике из многочисленных ровов-оградок, распространенных на северо-западном участке памятника. Два горшковидных сосуда имели орнамент: первый – ряд ямок по шейке, второй – асимметричный узор по тулову, что крайне

редко встречается на андроновских (фёдоровских) емкостях (см. рис. 2, 3, 4).

Обозначенный орнаментальный сюжет не встречается в андроновских (фёдоровских) комплексах соседних территорий распространения культуры [Гутков, Папин, Федорук, 2014; Зах, Илюшина, 2010; Кирюшин, Папин, Федорук, 2015; Илюшина, 2016, 2019; Максименков, 1978; Хлобыстина, 1985]. Кера-

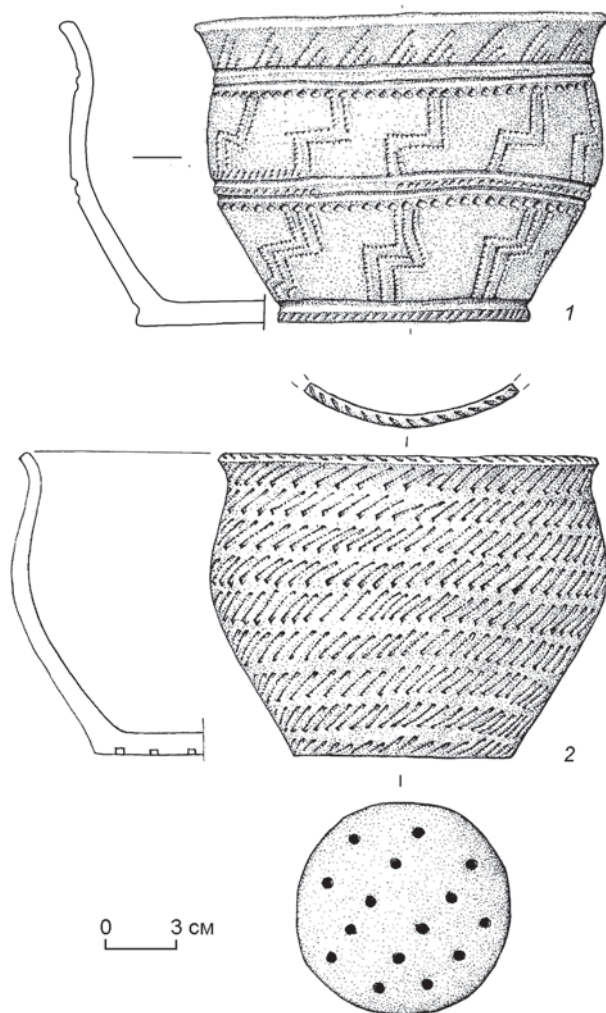

Рис. 5. Сосуды из погр. № 778.

мика, имеющая подобную орнаментальную схему (баночные сосуды, декорированные рядами гладкого или гребенчатого штампа и перемежающимися рядами округлых ямочных вдавлений), была характерна для посуды одиновской культуры, предшествовавшей на данной территории андроновской (фёдоровской) [Молодин, 1981]. В настоящее время судьбы носителей одиновской культуры неизвестны. Вероятно, что они были частично ассимилированы кротовцами в конце III тыс. до н.э., а частично вытеснены в южнотаежную зону, где, видимо, приняли участие в формировании барабинского варианта сузгунской культуры. По времени раннесузгунские племена могли сосуществовать с позднеандоновскими (фёдоровскими). Проявление барабинского варианта сузгунского феномена отмечено всего примерно в 100 км к северу от некрополя Тартас-1 [Молодин, Чемякина, 1984].

Это же северное направление связей населения, оставившего северо-западную часть могильника Тартас-1, демонстрируют и такие находки, как ко-

стяные наконечники стрел в количестве 9 экз., обнаруженные в захоронении № 749 андроновской (фёдоровской) культуры с кремацией и тремя типичными для культуры сосудами. Помещение наконечников стрел в качестве сопроводительного инвентаря не было для носителей культуры характерным явлением.

Особенно замечательна находка объемной бронзовой скульптурки птицы (по-видимому, вороны), имеющей на спине выемку для помещения специального приклада. Изделие не имеет аналогов, однако несет на себе, несомненно, северный, таежный колорит, так ярко проявившийся впоследствии в кулайском искусстве бронзового литья.

Выводы

Северо-западная часть могильника Тартас-1 андроновской (фёдоровской) культуры отличается значительным количеством своеобразных земляных сооружений, связанных с погребальными комплексами. Их своеобразие проявляется в форме, размерах, глубине конструкций, отсутствии четкой планиграфии, почти полном отсутствии находок, в оригинальном проявлении погребального обряда и инвентаря.

Отмеченные выше особенности позволяют оценить северо-западную часть некрополя Тартас-1 как особый могильник андроновской (фёдоровской) культуры, в формировании которой значительную роль сыграли выходцы с западных, северо-западных от Барабы районов.

В настоящее время исследования северо-западной части памятника Тартас-1 еще не закончены и, судя по имеющейся магнитограмме, периферийная часть памятника еще содержит андроновские (фёдоровские) погребальные комплексы, очертанные характерными ровиками. Новые материалы не только дополняют наши представления об эпохе развитой бронзы в целом, но и могут дать новые свидетельства о вероятных новациях, фиксируемых в погребальной практике андроновского (фёдоровского) населения. Монографическое же исследование памятника позволит в целом оценить многие стороны жизнедеятельности андроновского (фёдоровского) населения в разные периоды функционирования объекта в изучаемом регионе Западной Сибири.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР № 0329-2019-0003 «Историко-культурные процессы в Сибири и на сопредельных территориях».

Список литературы

Гутков А.И., Папин Д.В., Федорук О.А. Культурные особенности андроновской керамики из могильника Рублево VIII // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2014. – С. 311–220.

Зах В.А. Эпоха бронзы Присалаирья: по материалам Изылинского археологического микрорайона. – Новосибирск: Наука, 1997. – 129 с.

Зах В.А., Илюшина В.В. Посуда фёдоровской культуры Нижнего Притоболья (по материалам поселения Черемуховый Куст) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2010. – № 2 (13). – С. 41–50.

Илюшина В.В. Технология изготовления керамики у населения фёдоровской культуры поселения Щетково-2 в Нижнем Притоболье // Седьмые Берсовские чтения: мат-лы всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Екатеринбург: Квадрат, 2016. – С. 166–171.

Илюшина В.В. Технология изготовления керамики у населения алакульской и фёдоровской культур поселения Бочанцево-1 // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2019. – № 2 (45). – С. 36–48.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук О.А. Андроновская культура на Алтае (по материалам погребальных комплексов): учеб. пособ. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2015. – 108 с.

Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. – Актобе: Принт А, 2008. – 358 с.

Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. – Л.: Наука, 1978. – 190 с.

Молодин В.И. Памятники одиновского типа в Барабинской лесостепи // Проблемы западносибирской археологии: эпоха камня и бронзы. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 63–75.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В.И. Миграции носителей андроновской культурно-исторической общности в Барабинскую лесостепь // Древнее искусство в зеркале археологии: к 70-летию Д.Г. Савинова. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – С. 58–69. – (Труды САИПИ; вып. VII).

Молодин В.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С. Планиграфия погребальных комплексов андроновской (фёдоровской) культуры на могильнике Таргас-1: к постановке проблемы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – С. 290–292.

Молодин В.И., Чемякина М.А. Поселение Новоцекино-3 – памятник эпохи поздней бронзы на севере Барабинской лесостепи // Археология и этнография Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1984. – С. 40–62.

Ткачев В.В. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. – Тюмень: Тюм. гос. нефтегаз. ун-т, 2002. – Ч. 1. – 288 с.; ч. 2. – 242 с.

Хлобыстина М.Д. Андроновские детские могильники как палеосоциологический источник // Археология Южной Сибири. – Кемерово: Изд-во Кемер. гос. ун-та, 1985. – Вып. 18. – С. 18–28.

References

Gutkov A.I., Papin D.V., Fedoruk O.A. Kul'turnye osobennosti andronovskoi keramiki iz mogil'nika Rublevo-VIII. In *Arii stepei Evrazii: epokha bronzy i ranнего zheleza v stepyakh Evrazii i na sopredel'nykh territoriyakh*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2014, pp. 311–220. (In Russ.).

Ilyushina V.V. Tekhnologiya izgotovleniya keramiki u naseleniya fedorovskoi kul'tury poseleniya Shchetkovo-2 v Nizhnem Pritobol'e. In *Sed'mye Bersovskie chteniya: Materialy vserossiyskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*. Yekaterinburg: Kvadrat, 2016, pp. 166–171. (In Russ.). URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_30088884_55275704.pdf (Accessed: 15.10.2020).

Ilyushina V.V. Pottery-making technology used by Alakul and Fedorovo groups of the Bochantsevo-1 settlement. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2019, No. 2 (45), pp. 36–48. (In Russ.). URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_38486859_35027902.pdf (Accessed: 15.10.2020).

Khlobystina M.D. Andronovskie detskie mogil'niki kak paleosotsiologicheskii istochnik. In *Arkheologiya Yuzhnoi Sibiri*. Kemerovo: State Univ. Press, 1985, iss. 18, pp. 18–28. (In Russ.).

Kiryushin Yu.F., Papin D.V., Fedoruk O.A. Andronovskaya kul'tura na Altae (po materialam pogrebal'nykh kompleksov): Uchebnoe posobie. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2015, 108 p. (In Russ.). URL: <http://elibrary.asu.ru/xmlui/bitstream/handle/asu/2186/read.7book?sequence=3> (Accessed: 15.10.2020).

Kuz'mina E.E. Klassifikatsiya i periodizatsiya pamyatnikov andronovskoi kul'turnoi obshchnosti. Aktobe: Print A, 2008, 358 p. (In Russ.).

Maksimenzov G.A. Andronovskaya kul'tura na Enisee. Leningrad: Nauka, 1978, 190 p. (In Russ.).

Molodin V.I. Pamyatniki odinovskogo tipa v Barabinskoi lesostepi. In *Problemy zapadnosibirskoi arkheologii: Epokha kamnya i bronzy*. Novosibirsk: Nauka, 1981, pp. 63–75. (In Russ.). URL: <https://arheologija.ru/molodin-pamyatniki-odinovskogo-tipa-v-barabinskoy-lesostepi/> (Accessed: 15.10.2020).

Molodin V.I. Baraba v epokhu bronzy. Novosibirsk: Nauka, 1985, 200 p. (In Russ.). URL: <https://arheologija.ru/v-i-molodin-baraba-v-epokhu-bronzy/> (Accessed: 15.10.2020).

Molodin V.I. Migratsii nositelei andronovskoi kul'turno-istoricheskoi obshchnosti v Barabinskuyu lesostep'. In *Drevnee iskusstvo v zerkale arkheologii: k 70-letiyu D.G. Savinova*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2011, pp. 58–69. (Trudy Sibirskoi assotsiatsii issledovatelei pervobytnogo iskusstva; iss. VII). (In Russ.). URL: <http://padabum.com/d.php?id=224263> (Accessed: 15.10.2020).

Molodin V.I., Chemyakina M.A. Poselenie Novocheokino-3 – pamyatnik epokhi pozdnei bronzy na severe Barabinskoi lesostepi. In *Arkheologiya i etnografiya Yuzhnoi Sibiri*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 1984, pp. 40–62. (In Russ.). URL: http://archaeology.asu.ru/images/8/85/AIEYS_1984.pdf (Accessed: 15.10.2020).

Molodin V.I., Durakov I.A., Kobeleva L.S. Layouts of Funeral Complexes of the Andronovo (Fedorovo) Culture from Tartas-1 Gravel: to the Problem Statement. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018, vol. XXIV, pp. 290–292. (In Russ.). DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.290-292.

Tkachev V.V. Tsentral'nyi Kazakhstan v epokhu bronzy. Tyumen: State Oil and Gas Univ. Press, 2002, pt. 1, 288 p.; pt. 2, 242 p. (In Russ.).

Zakh V.A. Epokha bronzy Prisalair'ya: Po materialam Izylinskogo arkheologicheskogo mikroraiiona. Novosibirsk: Nauka, 1997, 129 p. (In Russ.).

Zakh V.A., Ilyushina V.V. Posuda fedorovskoi kul'tury Nizhnego Pritobol'ya (po materialam poseleniya Cheremukhovyi Kust). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2010, No. 2 (13), pp. 41–50. (In Russ.). URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_16557096_72062814.pdf (Accessed: 15.10.2020).

Молодин В.И. <https://orcid.org/0000-0002-3151-8457>

Дураков И.А. <https://orcid.org/0000-0002-8526-9257>

Хансен С. <https://orcid.org/0000-0002-6714-4629>

Ненахов Д.А. <https://orcid.org/0000-0002-0820-9410>

Ненахова Ю.Н. <https://orcid.org/0000-0003-3209-8180>

Райнхольд С. <https://orcid.org/0000-0002-8107-6300>

Кобелева Л.С. <https://orcid.org/0000-0002-4969-3771>

МЫЛЬНИКОВА Л.Н. <https://orcid.org/0000-0003-0196-5165>

Селин Д.В. <https://orcid.org/0000-0002-6939-2917>

Ефремова Н.С. <https://orcid.org/0000-0002-3053-8755>

Швецова Е.С. <https://orcid.org/0000-0001-5358-1927>

Бобин Д.Н. <https://orcid.org/0000-0002-8180-7425>

В.И. Молодин, Н.С. Ефремова✉, **И.А. Дураков**✉,
Д.А. Ненахов, Д.Н. Бобин

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

Металлические приклады святилища восточного варианта пахомовской культуры

Статья посвящена всестороннему анализу коллекции металлических (бронзовых) предметов и связанных с ней находок, относящихся к бронзолитейному производству. Анализируемые материалы были получены при исследовании ритуальных комплексов восточного варианта пахомовской культуры, выявленных на памятнике Тартас-1 (Венгеровский р-н Новосибирской обл.). На сакральной территории обнаружены два кельта, два копья и специфический наконечник стрелы. Контекст находок позволяет интерпретировать их как приклады, принесенные в жертву при отправлении обрядовой деятельности на святилище. Изделия найдены в нескольких культовых сооружениях, на разных участках ритуального объекта. Облик предметов свидетельствует об их специфическом ритуальном изготовлении и использовании: либо на изделиях сохранились литники, либо они не имеют следов использования, либо преднамеренно приведены в негодность. Кроме того, прослеживается явная связь между найденными в культовых сооружениях бронзовыми изделиями и инвентарем, связанным с их изготовлением, а также устройствами для плавки металла: фрагментами литейных форм и тиглей, комками ошлакованной глины, обломками свода плавильной печи и теплотехническими сооружениями. Помещение бронзовых вещей в культовые сооружения в качестве жертвенных приношений свидетельствует о неоднозначном отношении носителей пахомовской культуры к процессу металлопроизводства в целом. Обширный круг аналогий как бронзовым предметам, так и ритуалу их жертвоприношения может свидетельствовать о распространении сходных аспектов мировоззрения на территории Сибири в широком хронологическом диапазоне, устойчивости базовых обрядовых элементов и возможной преемственности отдельных идеологических взглядов в процессе этнокультурных взаимодействий.

Ключевые слова: ритуальный комплекс, жертвоприношение, бронзолитейное производство, кельт, наконечник копья, пахомовская культура, мировоззрение.

Vyacheslav I. Molodin, Natalia S. Efremova✉, **Igor A. Durakov**✉,
Dmitrii A. Nenakhov, Dmitrii N. Bobin

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

Metal Offerings from the Sanctuary of the Eastern Version of the Pakhomovo Culture

This article presents a comparative analysis of the collection of metal (bronze) objects and related finds associated with bronze casting. The material evidence under study was obtained from the ritual complexes of the eastern variant of the Pakhomovo culture, discovered at the Tartas-1 site (Vengerovsky District of Novosibirsk Region). Two celts, two spears, and distinctive arrowhead were found in the sacred zone of the site. Archaeological context of the finds makes it possible to identify them as offerings brought as a sacrifice during the ritual activities at the sanctuary. The artifacts were found in the several ritual structures in different parts of the sacred zone; they testify to specific ritual production and use. Thus, either the casting gate is preserved on the artifacts, or they do not have traces of use, or they were intentionally made unusable. In addition, a clear connection can be seen between the bronze items found in religious buildings and tools associated with their production, as well as devices for metal smelting, including fragments of casting molds and crucibles, lumps of scorified clay, fragments of smelting hearth roof, and heat producing structures. Placement of bronze items in the religious buildings

as sacrificial offerings testifies to generally ambiguous attitude to the process of metal casting on the part of the carriers of the Pakhomovo culture. Wide range of parallels to both bronze artifacts and ritual of their sacrificial offering may indicate the spread of similar aspects of the worldview in Siberia in wide chronological range, stability of basic ritual elements, and possible continuity of individual beliefs in the process of ethnic and cultural interaction.

Keywords: *ritual complex, sacrifice, bronze casting, celt, spearhead, Pakhomovo culture, worldview.*

Введение

Древние святилища как вид археологических источников вызывают постоянный пристальный интерес. Их выявление связано с определенными затруднениями, объясняющимися сложностью распознавания таких объектов. Как правило, культовый характер их вместе с полученным инвентарем не всегда очевиден.

Накопленный к настоящему времени опыт исследования культовых объектов (как ранних, так и существовавших в этнографическое время) показал, что одним из постоянно присутствующих признаков святилища являются крупные и очевидно ценные металлические предметы, оставленные на его территории в качестве жертвоприношения-приклада [Корочкова, Стефанов, 2010, 2013; Молодин, Бобров, Равушкин, 1980].

Выявленный в 2012 г. на территории многослойного памятника Тартас-1 культовый комплекс пахомовской культуры в полной мере обладает этим признаком. По мере исследования его площади была обнаружена серия бронзовых предметов, включающих два наконечника копья, два кельта, наконечник стрелы [Молодин и др., 2012, с. 231–235, рис. 2, 1, 2; 2013, с. 266–267]. Данная статья посвящена анализу этой специфической коллекции.

Характеристика источников и их осмысление

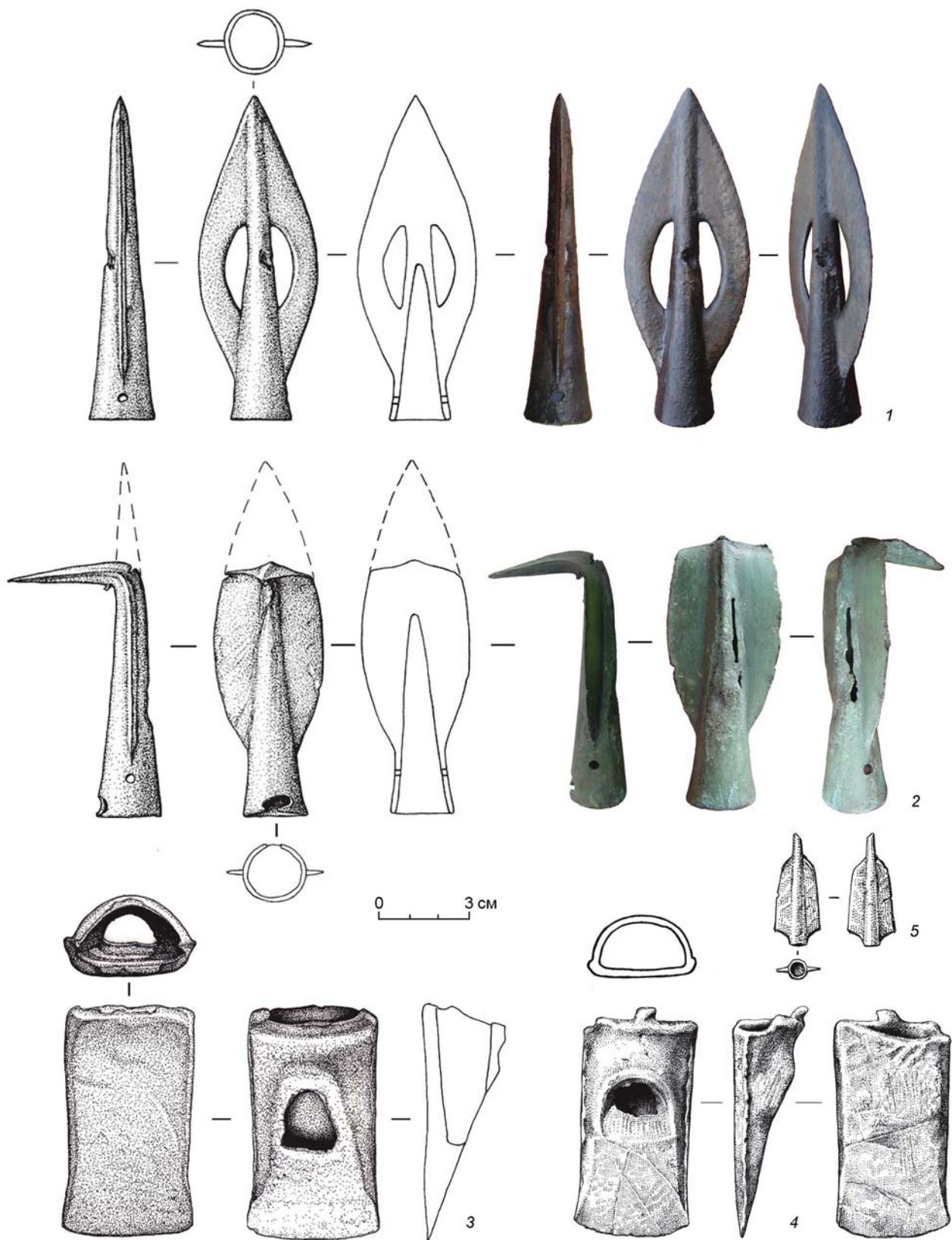
Наконечники копий. Найдено два экземпляра. Первый из них выявлен в составе инвентаря ритуального комплекса № 1, расположенного на юго-восточном краю занятого памятником Тартас-1 мыса второй надпойменной террасы правого берега р. Тартас. Копье находилось выше уровня материка, в скоплении фрагментов керамики пахомовской культуры и обожженных костей, среди которых идентифицированы ребра, запястные кости и фрагменты нижних челюстей не менее чем от двух коров; астрагал, зубы, пяточная кость, обломок таза и зубы нижних челюстей как минимум двух лошадей. Здесь же найдены вторая фаланга и запястная кость лося, а также зуб и фрагмент таза козы (видовые определения выполнены канд. биол. наук С.К. Васильевым, за что авторы выражают ему искреннюю благодарность).

Копье имеет лавролистное перо с сегментовидными прорезьями и короткую втулку (см. рисунок, 1). Общая длина наконечника 11 см, из них 9,5 см приходится на перо и 1,5 см на втулку, ее диаметр 2,1 см. Максимальное расширение пера достигает 4,1 см. Края его лопастей имеют следы механической заточки. На втулке прослеживается два круглых отверстия для крепления древка. Судя по литейному шву, изделие отлито в двустворчатой форме со вставным стержнем-сердечником. В средней части стержня пера прослеживается литейный брак в виде небольшой газовой раковины.

Наконечники копий с прорезным пером в эпоху поздней бронзы встречаются на очень широкой территории, включающей Восточную Европу, Причерноморье, Кавказ, Поволжье и Приуралье, Северный Казахстан и Сибирь [Тихонов, 1960, с. 34–36; Бочкарев, Тутаева, 2019; Тутаева, 2016]. Наибольшая их концентрация фиксируется в Восточной Европе и Волго-Уральском регионе. Как правило, исследователи датируют их третьей четвертью II тыс. до н.э. [Бочкарев, Тутаева, 2019, с. 176–180] или шире, в пределах второй половины II – начала I тыс. до н.э. [Дягтярева и др., 2019, с. 32].

В Западной Сибири, кроме прорезных наконечников, известны находки двух литейных форм для их изготовления. Одна из них найдена в культурном слое поселения Еловка [Членова, 1970, табл. II, 14]. Вторая происходит из случайных сборов на территории р. Пышма Ялуторовского р-на Тюменской обл. [Чикунцова, 2020, с. 29–34, рис. 1–3].

Неясным остается назначение прорезей пера у таких копий. А.Х. Халиков на основании находок ананьинских копий с остатками вставленных в прорези кожаных ремней считал, что они использовались для крепления наконечников к древкам копий [1977, с. 185]. В.С. Бочкарев полагает, что отверстия были нужны для закрепления подвесок, шнуров, лент, бунчуков или кистей [2004, с. 407]. Исходя из этого предположения, данные изделия воспринимались, скорее, как символическое или церемониальное оружие: наверхия, «командирские копья» или штандарты [Тутаева, 2016, с. 181; Бочкарев, Тутаева, 2018, с. 63–64]. Появление такого наконечника на территории святилища, к тому же в ритуально-жертвенном комплексе, является дополнительным аргументом к последнему предположению.

Бронзовые изделия с культового комплекса эпохи поздней бронзы памятника Тарас-1.

1, 2 – наконечники копий; 3, 4 – кельты; 5 – бронзовый наконечник стрелы.

Второе копье зафиксировано в одном из самых крупных культовых сооружений святилища – ритуальном комплексе № 2. Это строение представляло собой каркасно-столбовую наземную конструкцию подпрямоугольной формы размером 15 × 10 м и общей площадью ок. 150 м². Внутри конструкции, а также за ее пределами, вероятно, вплотную примыкая к стене, располагалась серия ритуальных ям. Они содержали обломки костей животных, чешую и кости рыбы, фрагменты раздавленных сосудов пахомовской культуры, а также, в одном случае, фрагменты тазовых костей человека. Особенностью этого комплекса являются обломки трех тиглей и глиняной литейной формы (см.: [Молодин и др., 2020]).

Наконечник копья найден в западной части строения в вертикальном положении, втулкой вверх. Изделие повреждено, острие пера намеренно согнуто. В месте сгиба прослеживаются следы трех сильных ударов массивным рубящим орудием. В первоначальном виде копье имело лавролистное перо с круглым стержнем и короткой втулкой (см. рисунок, 2). Общая длина изделия достигала 14 см, из них на перо приходится 11,5 см, на втулку – 2,5 см. Максимальная ширина пера – 3,7 см. Диаметр внешнего края втулки – 2 см, ее глубина – 6,9 см. На втулке находятся два круглых отверстия для крепления древка. Копье отлито в двухсторонней литейной форме со вставным сердечником и имеет недоливы по центру пера и на краю втулки. Недоливы, видимо, вызваны смещением или деформацией стержня-сердечника. Близкие по форме изделия встречаются в культурах периода поздней бронзы – переходного от бронзы к раннему железному веку времени Евразии (см., напр.: [Бадер, Попова, 1987, с. 134; Грязнов, 1992, табл. 69, 41; Андреева, 1987, рис. 142, 1]).

Кельты. Найдено два экземпляра. Первый из них был обнаружен в культурном слое ритуального комплекса № 3, который представлял собой каркасно-столбовую конструкцию, состоящую из двух ориентированных по линии СВ – ЮЗ параллельных рядов столбовых ям, между которыми обнаружена большая жертвенная яма (№ 681). В заполнении найдены обожженные зубы и ребра коровы, шейный позвонок и пяточная кость лошади, фрагменты технической керамики и две шаровидные известняковые конкреции. Кельт находился у юго-западной стенки ямы на уровне материка, практически по центру конструкции № 3.

Изделие относится к типу асимметричных кельтов-тесел со сквозной втулкой (т.н. «пещерка») (см. рисунок, 3). Имеет полуовальную в сечении втулку, практически прямоугольный, слегка расширяющийся к лезвию фас и четко выраженный асим-

метричный профиль. Размеры втулки по внешнему краю 4,4 × 3 см, глубина – 4,3 см. Максимальная высота на лицевой стороне 8,05 см, минимальная с оборотной стороны – 7,70 см, ширина лезвия – 4,6 см. По внешнему краю втулки прослеживается рельефный валик, край лицевой стороны гладкий. «Пещерка» арочного типа, верхний край оформлен рельефным валиком. Ее вертикальный показатель – 1,9 см, ширина у основания – 1,8 см. По устью втулки прослеживаются следы от двух литников вытянутой щелевидной формы. Заливка металла в форму при изготовлении кельта осуществлялась через двухканальную литниковую систему с рассекателем потока металла. На боковых сторонах прослеживаются выраженные литейные швы.

Второй кельт обнаружен в слое святилища, на глубине 0,15 м от современной дневной поверхности (см. рисунок, 4). Его также следует отнести к асимметричным кельтам-теслам со сквозной втулкой. Высота кельта с лицевой стороны составляет 7,1 см, с оборотной – 7,8 см. В области устья втулки отмечается небольшой недолив. Прямоугольная форма фаски слегка сужается к лезвию. Ширина кельта у края втулки – 3,9 см, у лезвия – 3,7 см. Втулка имеет полукруглую форму, лезвие слегка округлое. Размеры втулки – 3,9 × 2,4 см, глубина – 3,9 см. Толщина стенок втулки колеблется от 0,45 до 0,5 см. Устье втулки выражено небольшим рельефным валиком. Со стороны «пещерки» зафиксирован литниковый канал. Параметры изделия: высота – 0,6 см, ширина – 0,8 см, толщина – 0,4 см. «Пещерка» арочного типа, верхний край ее оформлен рельефным валиком (вертикальный показатель – 2 см, ширина у основания – 2,7 см). Со стороны фаски читается рельефная орнаментальная композиция. От устья втулки спускаются два вписанных друг в друга треугольника.

Оба кельта отлиты в двухсторонних глиняных литейных формах, состоящих из двух створок и сердечника. Формовка, судя по отпечатку отверстия сквозной втулки, перешедшей на отливку с модели, осуществлена по уже готовому кельту. На обоих изделиях замечен небольшой перекосяк створки вдоль плоскости разреза формы. Судя по состоянию лезвийной части обоих орудий, они не подвергались длительной эксплуатации, если вообще использовались в работе. На это же указывают сохранившиеся литники и отсутствие вмятин на устье втулок. Видимо, отливки не были насажены на рукоять, а предназначались для помещения в культовый комплекс в качестве жертвоприношения.

Кельты-тесла со сквозной втулкой («пещеркой») весьма немногочисленны и представляют в основном блок случайных находок. По Ю.С. Гришину, подобные изделия характерны для памятников

Сибири и распространены на территории Минусинской котловины, Алтайского края, Тюменской и Курганской обл. Наиболее ранний для Западной Сибири экземпляр происходит из позднекротовского (черноозерского) погр. № 55 могильника Сопка-2/5 [Молодин, Гришин, 2019, с. 11–13, рис. 10, 5]. Несколько особняком стоят асимметричные кельты с территории Забайкалья [Гришин, 1971, с. 22]. Б.Г. Тихонов относит подобные кельты во вторую группу (подгруппа «А» – кельты-тесла с «пещеркой»). По его наблюдениям, они распространены преимущественно в Зауралье [1960, с. 48].

Непосредственные аналогии тартасским кельтам единичны. Таких предметов известно несколько, и все они датируются в рамках XV–XII вв. до н.э. Для первого кельта ближайшими аналогиями являются два изделия из Минусинской котловины [Гришин, 1971, табл. 11, 5, 6], кельт со стоянки Чесноковская пашня (оз. Куяш-Огневское, Багарякский р-н Челябинской обл.) [Тихонов, 1960, с. 111, табл. X, 6], а также экземпляр из Казахстана, обнаруженный близ Семипалатинска [Агапов, Дегтярева, Кузьминых, 2012, с. 52, рис. 4, 17]. В качестве аналогии можно привести и створку литейной формы, обнаруженную на Медеплавильном комплексе 1 (пос. Атасу I, Центральный Казахстан) [Хаврин, 1999, с. 34, рис. 1, 5]. Наиболее близкими аналогиями для второго кельта являются изделие, найденное у с. Брагино в Минусинском крае (хранится в Минусинском региональном краеведческом музее им. Н.М. Мартянова, № А 422), и предмет, случайно найденный в Екатеринбурге [Тихонов, 1960, с. 114, табл. XVI, 10].

Бронзовый наконечник стрелы (см. рисунок, 5) найден на территории ритуального сооружения № 5, расположенного на юго-западной оконечности занимаемой памятником террасы. Сооружение представляет собой ориентированную длинной осью по линии С – Ю прямоугольную наземную конструкцию размером 15 × 8 м и площадью 120 м². В культурном слое постройки найдены многочисленные обломки керамики эпохи поздней бронзы, кости животных, фрагменты глиняных литейных форм, кусочки охры. Наконечник обнаружен на уровне материка у южной стенки конструкции. Он относится к типу двухлопастных втульчатых стрел раннескифского облика. Его общая длина достигает 3,5 см. Длина лопастей – 2,5 см, максимальная ширина пера – 1,6 см, диаметр втулки – 0,6 см. В районе конца жала сохранился неотделенный литник в виде круглого вертикального слегка сужающегося канала-стояка. Аналогии таким изделиям известны в материалах предскифского времени Северного Причерноморья и Сибири [Тереножкин, 1976, с. 133–139, рис. 82, 4, 97].

К ритуальным «прикладам» относятся и две найденные на территории ритуального сооружения № 5 *бронзовые бусины*. Они были обнаружены в северной части этой конструкции на краю круглого чашеобразного углубления. Бусины лежали на уровне материка вместе с обломком ребра коровы, перекрытые скоплением фрагментов литейных форм, обломками свода плавильной печи.

Выводы

Таким образом, исследование культовых сооружений памятника Тартас-1 показывает, что перед нами долго функционировавшее и грандиозное по своим масштабам пахомовское святилище, занимающее значительную площадь. Найденные на разных участках и в разных строениях святилища бронзовые предметы часто не имеют следов использования и, видимо, специально изготовлены для проведения обряда. В некоторых случаях на изделиях не удалены литники. Одно из копий согнуто, т.е. специально приведено в негодность, возможно, в целях ритуального «умерщвления» предмета. Следует отметить, что значительная часть бронзовых предметов (прорезной наконечник копья, кельты, наконечник стрелы) относится к формам, распространенным западнее и, видимо, проникли в Барабинскую лесостепь вместе с носителями пахомовской культуры.

Прослеживается явная связь между найденными в культовых сооружениях бронзовыми изделиями и инвентарем, применяемым при обработке металла: фрагментами литейных форм и тиглей, комками ошлакованной глины, обломками свода плавильной печи. Находки бронзолитейных отходов являются характерной чертой культовых мест пахомовской культуры [Труфанов, 1983, с. 66; Молодин и др., 2013, с. 267; Ефремова и др., 2017, с. 317] и явно представляют собой материальное отражение устойчивых элементов обрядовых действий. Видимо, помещение бронзовых вещей в качестве жертвы-приклада в пахомовской религиозной практике было связано, прежде всего, с бронзолитейным производством.

Список литературы

- Агапов С.А., Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В. Металлопроизводство восточной зоны общности культур валиковой керамики // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2012. – № 3 (18). – С. 44–59.
- Андреева Ж.В. Бронзовый век Дальнего Востока // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М.: Наука, 1987. – С. 151–157. – (Археология СССР).
- Бадер О.Н., Попова Т.Б. Поздняковская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М.: Наука, 1987. – С. 131–136. – (Археология СССР).

Бочкарев В.С. О функциональном назначении пель-ушек у наконечников копий эпохи поздней бронзы Восточной Европы и Сибири // *Археолог: детектив и мыслитель*. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2004. – С. 385–408.

Бочкарев В.С., Тутаева И.Ж. Об одной группе металлических наконечников копий-наверший эпохи поздней бронзы Северной Евразии // *Археология Восточно-Европейской степи*. – Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2018. – Вып. 14. – С. 40–77.

Бочкарев В.С., Тутаева И.Ж. Прорезные наконечники копий эпохи поздней бронзы Восточной Европы и сопредельных территорий // *Stratum plus. Археология и культурная антропология*. – 2019. – № 2. – С. 167–222.

Гришин Ю.С. Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы. – М.: Наука, 1971. – 170 с. – (Археология СССР; САИ; вып. ВЗ-12).

Грязнов М.П. Алтай и приалтайская степь // *Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время*. – М.: Наука, 1992. – С. 161–177. – (Археология СССР; [т. 10]).

Дегтярева А.Д., Виноградов Н.Б., Кузьминых С.В., Рассомахин М.А. Металлические изделия алексеевско-саргаринской культуры Среднего и Верхнего Приобь-Иртышья // *Вестн. археологии, антропологии и этнографии*. – 2019. – № 4 (47). – С. 28–44.

Ефремова Н.С., Мыльникова Л.Н., Молодин В.И., Васильев С.К., Дураков И.А., Селин Д.В. Ритуальные комплексы восточного варианта пахомовской культуры: новые концепции интерпретации // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 314–317.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Культурный памятник эпохи бронзы на Шайтанском Озере под Екатеринбургом (по материалам раскопок 2008 г.) // *РА*. – 2010. – № 4. – С. 120–129.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Культурный памятник эпохи бронзы на Шайтанском Озере под Екатеринбургом (по материалам раскопок 2009–2010 гг.) // *РА*. – 2013. – № 1. – С. 87–96.

Молодин В.И., Бобров В.В., Равнушкин В.Н. Айдашинская пещера. – Новосибирск: Наука, 1980. – 208 с.

Молодин В.И., Гришин А.Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. 5: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов позднерокровской (черноозерской), андроновской (фёдоровской), ирменской и пахомовской культур. – 223 с.

Молодин В.И., Кобелева Л.С., Наглер А., Дураков И.А., Ефремова Н.С., Ненахов Д.А., Демахина М.С., Мыльникова Л.Н., Хансен С. Культурные комплексы восточного ареала пахомовской культуры на многослойном памятнике Тартас-1 // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредель-*

ных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 265–269.

Молодин В.И., Наглер А., Хансен С., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Ефремова Н.С., Новикова О.И., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Васильева Ю.А., Ковыршина Ю.Н., Кудинова М.А., Мосечкина Н.Н., Ненахов Д.А., Нестерова М.С., Сальникова И.В. Ритуальные комплексы восточного ареала пахомовской культуры на памятнике Тартас-1 (Обь-Иртышская лесостепь) // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 231–236.

Молодин В.И., Селин Д.В., Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Ефремова Н.С. Теплотехнические сооружения конца эпохи бронзы в Барабинской лесостепи (восточный вариант пахомовской культуры) // *Археология, этнография и антропология Евразии*. – Т. 48, № 1. – 2020. – С. 61–71.

Тереножкин А.И. Киммерийцы. – Киев: Наук. думка, 1976. – 224 с.

Тихонов Б.Г. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье // *Очерки по истории производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа*. – М., 1960. – С. 5–115. – (МИА; № 90).

Труфанов А.Я. Жертвенное место Хутор Бор-1 (о культурно-хронологическом своеобразии памятников эпохи поздней бронзы лесного Прииртышья) // *Этнокультурные процессы в Западной Сибири*. – Томск: Том. гос. ун-т, 1983. – С. 63–76.

Тутаева И.Ж. Прорезные наконечники копий эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья // *Актуальная археология 3. Новые интерпретации археологических данных*. – СПб.: ИИМК РАН, 2016. – С. 176–183.

Хаврин С.В. Кельты эпохи поздней бронзы Минусинской котловины // *Сообщения Государственного Эрмитажа*. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1999. – Вып. LVIII. – С. 32–35.

Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). – М.: Наука, 1977. – 262 с.

Чикунова И.Ю. Случайная находка литейной формы эпохи поздней бронзы на р. Пышме // *Вестн. археологии, антропологии и этнографии*. – 2020. – № 2 (49). – С. 29–37.

Членова Н.Л. Датировка ирменской культуры // *Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири*. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1970. – С. 133–150.

References

Agapov S.A., Degtyareva A.D., Kuzminykh S.V. Metalloprodukcija vostochnoi zony obshchnosti kul'tur valikovo keramiki. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2012, No. 3 (18), pp. 44–59. URL: <https://elibrary.ru>

ru/download/elibrary_18046304_34262978.pdf (Accessed: 27.10.2020). (In Russ.).

Andreev Zh.V. Bronzovyi vek Dal'nego Vostoka. In *Epokha bronzы lesnoi polosy SSSR*. Moscow: Nauka, 1987, pp. 151–157. (Arkheologiya SSSR). (In Russ.).

Bader O.N., Popova T.B. Pozdnyakovskaya kul'tura. In *Epokha bronzы lesnoi polosy SSSR*. Moscow: Nauka, 1987, pp. 131–136. (Arkheologiya SSSR). (In Russ.).

Bochkarev V.S. O funktsional'nom naznacheniі petel'ushek u nakonechnikov kopii epokhi pozdnei bronzы Vostochnoi Evropy i Sibiri. In *Arkheolog: detektiv i myslitel'*. St. Petersburg: State Univ. Press, 2004, pp. 385–408. (In Russ.).

Bochkarev V.S., Tutaeva I.Zh. About one group of metal spearheads of the Late Bronze Age as standard finials from North Eurasia. In *Archaeology of the East European Steppe*. Saratov: State Univ. Press, 2018, iss. 14, pp. 40–77. (In Russ.).

Bochkarev V.S., Tutaeva I.Zh. The Late Bronze Age Openwork Spearheads in Eastern Europe and Beyond. In *Stratum plus*. 2019, No. 2, pp. 167–222. (In Russ.).

Chikunova I.Yu. Accidental find of the Late Bronze Age casting mould on the Pyshma River. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2020, No. 2 (49), pp. 29–37. URL: <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-49-2-3> (Accessed: 27.10.2020). (In Russ.).

Chlenova N.L. Datirovka irmenskoi kul'tury. In *Problemy khronologii i kul'turnoi prinalozhnosti arkheologicheskikh pamyatnikov Zapadnoi Sibiri*. Tomsk: State Univ. Press, 1970, pp. 133–150. URL: <https://arheologija.ru/chlenova-datirovka-irmenskoy-kul'tury/> (Accessed: 27.10.2020). (In Russ.).

Degtyareva A.D., Vinogradov N.B., Kuzminykh S.V., Rassomakhin M.A. Metal products of the Alekseyevka-Sargary culture from the Middle and Upper Tobol areas. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 2019, No. 4 (47), pp. 28–44. URL: <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2019-47-4-3> (Accessed: 27.10.2020). (In Russ.).

Efremova N.S., Mylnikova L.N., Molodin V.I., Vasiljev S.K., Durakov I.A., Selin D.V. Ritual Complexes of the Eastern Variant of the Pakhomovo Culture: New Concepts of Interpretation. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 314–317. (In Russ.).

Grishin Yu.S. Metallicheskie izdeliya Sibiri epokhi eneolita i bronzы. Moscow: Nauka, 1971, 170 p. (Arkheologiya SSSR; Svod arkheologicheskikh istochnikov; iss. V3-12) (In Russ.).

Gryaznov M.P. Altai i prialtaiskaya step'. In *Stepnaya polosа Aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya*. Moscow: Nauka, 1992, pp. 161–177. (Arkheologiya SSSR; [vol. 10]). (In Russ.).

Khavrin S.V. Kel'ty epokhi pozdnei bronzы Minusinskoi kotloviny. In *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha*.

St. Petersburg: State Hermitage Publ., 1999, iss. LVIII, pp. 32–35. URL: <http://archsib.ru/articles/A12.htm> (Accessed: 27.10.2020). (In Russ.).

Khalikov A.Kh. Volgo-Kame v nachale epokhi rannego zheleza (VIII–VI vv. do n.e.). Moscow: Nauka, 1977, 262 p. URL: http://www.archaeology.ru/Download/Halikov/Halikov_1977_Volgo_Kamje.pdf (Accessed: 27.10.2020). (In Russ.).

Korochkova O.N., Stefanov V.I. Kul'tovyi pamyatnik epokhi bronzы na Shaitanskom Ozere pod Yekaterinburgom (po materialam raskopok 2008 g.). *Rossiiskaya arkheologiya*. Moscow: Nauka, 2010, No. 4, pp. 120–129. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_15262492_54457223.pdf (Accessed: 27.10.2020). (In Russ.).

Korochkova O.N., Stefanov V.I. Kul'tovyi pamyatnik epokhi bronzы na Shaitanskom Ozere pod Ekaterinburgom (po materialam raskopok 2009–2010 gg.). *Rossiiskaya arkheologiya*. Moscow: Nauka, 2013, No. 1, pp. 87–96. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_19014704_50228860.pdf (Accessed: 27.10.2020). (In Russ.).

Molodin V.I., Bobrov V.V., Ravnushkin V.N. Aidashinskaya peshchera. Novosibirsk: Nauka, 1980, 208 p. (In Russ.).

Molodin V.I., Grishin A.E. Archaeological Site of Sopka-2 on the Om River. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019, vol. 5: Cultural and chronological analyses of the Late Krotovo (Chernoozerie), Andronovo (Fedorovo), Irmen and Pakhomovka burial complexes, 223 p. (In Russ.). doi:10.17746/7803-0299-5.2019

Molodin V.I., Kobeleva L.S., Nagler A., Durakov I.A., Efremova N.S., Nenakhov D.A., Demakhina M.S., Mylnikova L.N., Hansen S. Kul'tovye komplekсы vostochnogo areala pakhomovskoy kul'tury na mnogoslownom pamyatnike Tartas-1. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2013, vol. XIX, pp. 265–269. URL: https://archaeology.nsc.ru/wp-content/uploads/2018/05/ses_2013.pdf (Accessed: 27.10.2020). (In Russ.).

Molodin V.I., Nagler A., Hansen S., Durakov I.A., Kobeleva L.S., Efremova N.S., Novikova O.I., Mylnikova L.N., Vasiljev S.K., Vasilieva Yu.A., Kovyrshina Yu.N., Kudinova M.A., Mosechkina N.N., Nenakhov D.A., Nesterova M.S., Salnikova I.V. Ritual'nye komplekсы vostochnogo areala pakhomovskoi kul'tury na pamyatnike Tartas-1 (Ob'-Irtyshskaya lesostep'). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012, vol. XVIII, pp. 231–236. URL: https://archaeology.nsc.ru/wp-content/uploads/2018/05/ses_2012.pdf (Accessed: 27.10.2020). (In Russ.).

Molodin V.I., Selin D.V., Mylnikova L.N., Durakov I.A., Efremova N.S. Late Bronze Age Smelting and Processing Furnaces of the Eastern Variant of the Pakhomovskaya Culture in the Baraba Forest-Steppe.

Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia, vol. 48, No. 1, 2020, pp. 61–71. (In Russ.).

Terenozhkin A.I. *Kimmeriitsy*. Kiev: Nauk. dumka, 1976, 224 p. URL: https://historylib.org/historybooks/Terenozhkin-A-I_Kimmeriitsy/ (Accessed: 27.10.2020). (In Russ.).

Tikhonov B.G. Metallicheskie izdeliya epokhi bronzy na Srednem Urale i v Priural'e. In *Ocherki po istorii proizvodstva v Priural'e i Yuzhnoi Sibiri v epokhu bronzy i rannego zheleza*. Moscow: AS SSSR, 1960, pp. 5–115. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR; No. 90). (In Russ.).

Trufanov A.Ya. Zhertvennoe mesto Khutor Bor-1 (o kul'turno-khronologicheskom svoebrazii pamyatnikov epokhi pozdnei bronzy lesnogo Priirtyshe'ya). In *Etnokul'turnye protsessy v Zapadnoi Sibiri*. Tomsk: State Univ. Press, 1983, pp. 63–76. URL: [https://arheologija.](https://arheologija.ru/trufanov-a-ya-zhertvennoe-mesto-hutor-bor-1-o-kulturno-khronologicheskom-svoebrazii-pamyatnikov-epokhi-pozdnei-bronzy-lesnogo-priirtyshya/)

[ru/trufanov-a-ya-zhertvennoe-mesto-hutor-bor-1-o-kulturno-khronologicheskom-svoebrazii-pamyatnikov-epokhi-pozdnei-bronzy-lesnogo-priirtyshya/](https://arheologija.ru/trufanov-a-ya-zhertvennoe-mesto-hutor-bor-1-o-kulturno-khronologicheskom-svoebrazii-pamyatnikov-epokhi-pozdnei-bronzy-lesnogo-priirtyshya/) (Accessed: 27.10.2020). (In Russ.).

Tutaeva I.Zh. Proreznnye nakonechniki kopii epokhi pozdnei bronzy Severnogo Prichernomor'ya. In *Aktual'naya arkheologiya 3. Novye interpretatsii arkheologicheskikh dannykh*. St. Petersburg: IHMC RAS, 2016, pp. 176–183. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_25880189_25631844.pdf (Accessed: 27.10.2020). (In Russ.).

Молодин В.И. <https://orcid.org/0000-0002-3151-8457>

Ефремова Н.С. <https://orcid.org/0000-0002-3053-8755>

Дураков И.А. <https://orcid.org/0000-0002-8526-9257>

Ненахов Д.А. <https://orcid.org/0000-0002-0820-9410>

Бобин Д.Н. <https://orcid.org/0000-0002-8180-7425>

**В.И. Молодин¹, Л.Н. Мыльникова¹✉, Л.С. Кобелева¹,
М.С. Нестерова¹, С. Хансен², Д.В. Селин¹,
М.А. Кудинова¹, И.А. Дураков¹, Е.С. Швецова¹,
Ю.Н. Ненахова¹, С. Райнхольд², Д.Н. Бобин¹**

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

²Германский археологический институт
Берлин, Германия

E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru, svend.hansen@dainst.de

Продолжение раскопок грунтовых могильников эпохи бронзы в Барабинской лесостепи

В ходе раскопок 2020 г. на памятнике Усть-Тартас-2 были изучены погребальные объекты эпохи бронзы: десять захоронений одиновской и одно – кротовской культур, содержащих оригинальный погребальный инвентарь. Среди захоронений одиновской культуры выделяется погр. № 76, где захоронены пять человек. Особенностью погребального обряда является отчленение голов захороненных людей без применения рубящих орудий и расположение крайних пар «валетом». Погребальный инвентарь был положен только центральному погребенному. Изделия располагались кучкой под его правой тазовой костью и, вероятно, были помещены в какой-то емкости. Предполагается, что изделия представляют собой набор мастера-костореза. Неординарность захоронения № 65 проявилась не только в способе погребения, но и в сопроводительном инвентаре. Это четырехъярусная могила, где верхние два умерших были обернуты в берестяное полотно, которое было подожжено. Среди находок в верхнем ярусе выделяется глиняная фигурка человека, не имеющая аналогий ни в памятниках одиновской культуры, ни в изделиях такого же характера в других культурах Евразии эпохи ранней – развитой бронзы. Пол персонажа не выражен. Высота изделия 16,2 см. Голова круглая (диаметр 4,2 см). Черты лица переданы объемно: округлые глазницы, широкий, рельефно выраженный нос, рот – в виде ямки неправильной подовальной формы. На левой щеке обозначена прямая вертикальная линия, демонстрирующая татуировку. Шея короткая, волосы и уши не показаны. Туловище непропорционально вытянутое, прямое, без выраженной талии. Руки также нарочито удлинены, ноги короткие с выраженными выступающими коленями и ступнями. Передняя часть на всю длину туловища выбрана в виде глубокой подчетыреугольной полости (длина емкости – 7,4 см, ширина – 1,8 см, глубина – 1,6 см). Внутри находилась тонкая бронзовая пластина. На лицо фигурки человека была надета костяная маска. Рядом с глиняной скульптуркой была помещена орнаментированная костяная пластина, имеющая аналогии в материалах одиновской культуры.

Ключевые слова: Барабинская лесостепь, эпоха бронзы, одиновская и кротовская культуры, могильники, погребальный инвентарь, скульптура.

**Vyacheslav I. Molodin¹, Lyudmila N. Mylnikova¹✉, Liliya S. Kobeleva¹,
Marina S. Nesterova¹, Svend Hansen², Dmitrii V. Selin¹,
Maria A. Kudinova¹, Igor A. Durakov¹, Ekaterina S. Shvetsova¹,
Yuliya N. Nenakhova¹, Sabina Reinhold², Dmitrii N. Bobin¹**

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

²German Archaeological Institute,
Berlin, Germany

E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru, svend.hansen@dainst.de

The Continuation of Archaeological Excavation of the Bronze Age Burial Grounds in the Baraba Forest-Steppe

In 2020, during the excavations at the Ust-Tartas-2 site, Bronze Age burials, i.e. ten burials of the Odino culture and one of the Krotovo culture containing the original grave goods were studied. Among the burials of the Odino culture, burial No. 76 with five people buried in it stands out. The funeral rite's feature is the separation of the buried people's head without the use of chopping tools and the position of the last in row "head and tail". The grave goods were placed only in the central burial. The items were arranged in a pile under the buried human's right pelvic bone and were probably placed in a certain container. It is assumed that these items are a set of a bone carver. The unique nature of burial No. 65 was apparent not only in the burial method, but also in the accompanying inventory. This is a four-layer grave, where the upper two people were wrapped in a birch bark and set on fire. Among the finds in the upper layer of burial, a clay figurine of a human was found; it has parallels neither in the other sites of the Odino culture, nor in the similar items in other Eurasian cultures of the Early-Advanced Bronze Age. The gender of the character is not expressed. The height of the item is 16.2 cm. The head is round (4.2 cm in diameter). The facial features are dimensional, i.e. round eye sockets, large and prominent nose, mouth made as an oval hole. There is a straight vertical line on the left cheek showing the tattoo. The neck is short. Hair and ears are not expressed. The body is elongated, straight, without a waist. The long arms are also elongated and ended in the leg area; the legs are short with prominent knees and feet. Along the full front part length, there is a deep sub-rectangular cavity (the length of the cavity is 7.4 cm, the width is 1.8 cm, and the depth is 1.6 cm). A thin bronze blade was inside of the cavity. A bone mask was worn on the figurine's face. An ornamented bone blade, which has parallels in the Odino culture, was placed next to it.

Keywords: Baraba forest-steppe, Bronze Age, Odino and Krotovo cultures, burial grounds, grave goods, sculpture.

Введение

На памятнике Усть-Тартас-2 (Карьер Таи-1) работы ведутся уже четвертый полевой сезон. Методика работы сплошным раскопом, широкими площадями, с выносом грунта за пределы рабочей площадки, с использованием геофизического мониторинга позволяет получать информацию не только об отдельном сооружении, но и о стратиграфии, планиграфии, хронологии объекта в целом или его значительного участка. Вскрытая в 2020 г. площадь составила 226 м². Раскоп расположен вдоль края террасы, он продолжал исследования прошлых лет в северо-западном направлении. Помимо обнаруженных на памятнике ранне-неолитических и поздне-неолитических ритуальных и погребальных комплексов (см. работу Молодина В.И. и др. «Поздне-неолитический погребальный комплекс на памятнике Усть-Тартас-2 (Венгеровский район Новосибирской области)» в данном сборнике), здесь было выявлено десять захоронений одиновской (№ 63, 64, 65, 66, 68, 71, 72, 74–76) и одно – кротовской (№ 67) культур, содержащих совершенно оригинальный погребальный инвентарь. Некоторые из находок оказались столь индивидуальными, что диктуют незамедлительное введение материалов в научный оборот.

Цель данной работы – на основе краткой характеристики и первичного анализа полученных материалов показать результаты исследований 2020 г. объектов эпохи бронзы.

Характеристика и анализ источников

Напомним, что за прошедшие полевые сезоны на памятнике были исследованы погребальные комплексы различных эпох и культур, представившие порой уникальные материалы, которые в разной степени опубликованы [Кобелева и др., 2019; Молодин и др., 2017].

Захоронения одиновской культуры на сегодняшний день составляют наибольший на памятнике могильник, насчитывающий 53 объекта. Они расположены параллельными рядами, помещенными вдоль края террасы. К настоящему времени таких рядов, разной насыщенности, зафиксировано четыре. Из них наибольшей представительностью выделяется ряд, идущий по краю террасы. Данный принцип формирования некрополя в целом характерен для погребальных комплексов одиновской культуры и хорошо изучен, прежде всего, на могильнике Сопка-2/4А [Молодин, 2012], а также Тартас-1 и Преображенка-6 (см., напр.: [Молодин, 2012, 2013]). На всех этих некрополях могилы сформированы в параллельные ряды, в конечном итоге образующие замкнутый комплекс. Закономерности их формирования еще предстоит выяснить в дальнейшем, обратившись к масштабным анализам данных антропологии и палеогенетики.

На памятнике Усть-Тартас-2 зафиксированы некоторые отличия планиграфии одиновского могильника. По данным, полученным на Сопке-2/4А, да и других вышеназванных объектах, захоронения одиновской культуры концентрировались в глубине

террасы, и только отдельные группы могил или отдельные могилы выносились на ее край. В анализируемом случае некрополь сформирован на самом краю террасы, что определено было продиктовано какими-то причинами, которые, впрочем, пока не ясны. Расстояние между могилами в рядах различно. Раскопками текущего года было выявлено три ряда. В первом ряду, расположенном по краю террасы, продолжающем самый многочисленный ряд могильника, исследованы шесть погребений. Из них в трех захоронены дети, в двух – взрослые, в одном – взрослый и ребенок, еще в одном – трое взрослых и два подростка (?). Во втором ряду выявлены три могилы: в двух захоронены взрослые, в одной – ребенок. Третий ряд представлен одной могилой, ярусной, с четырьмя погребенными взрослыми людьми. Таким образом, детские погребения располагались и в одних рядах со взрослыми, и в одних с ними могильных ямах.

Зафиксирована сложная стратиграфическая ситуация, выражавшаяся в нарушении погребениями одиновской культуры более ранних объектов. Например, погр. № 64 первого ряда накладывалось на раннеолитическую яму с останками рыбы. Погребение второго ряда № 68 накладывалось на позднеолитический погребальный комплекс и, к тому же, перерезало раннеолитический ровик, нарушив тем самым более древние объекты. Погребение № 75 было врезано в ров позднеолитической конструкции, изменив контур и глубину этого земляного сооружения (подробно о позднеолитическом погребальном комплексе см. статью Молодина В.И. и др. «Позднеолитический погребальный комплекс на памятнике Усть-Тартас-2 (Венгеровский район Новосибирской области)» в настоящем сборнике). Об особенностях погр. № 65 речь пойдет ниже.

Погребальная практика, фиксируемая при раскопках захоронений одиновской культуры памятника Усть-Тартас-2, практически полностью соответствует характерным для культуры канонам, выявленным как в целом для могильников данного культурного образования [Молодин, 2012], так и в одиновских захоронениях, исследованных на данном объекте в предшествующие годы [Молодин и др., 2019]. Впрочем на данном памятнике были нередки и исключения. Речь идет о комплексах с необычным инвентарем (предметами пластического искусства), а также особенностями погребальной практики, порой настолько своеобразными, что это позволило даже выделять могилы носителей особого социального статуса.

К числу таких погребений, вне всякого сомнения, относится захоронение № 76. Могила выявлена в первом ряду, фактически у склона террасы.

Погребальная камера имела правильную подпрямоугольную форму, ориентирована по линии СВ – ЮЗ. Ее размеры по внешнему контуру 2,28 × 1,42 м, глубина варьирует от 0,4 до 0,5 м. Стенки могилы чуть наклонены внутрь, в северо-восточной части имеется отрицательный уклон. Дно, как характерно для одиновской традиции, неоднородно по глубине: в северной части оно выше, чем в южной – на 0,1 м.

Захоронение коллективное. В северной, основной части камеры были помещены три взрослых человека. Центральный из них имел более мощное телосложение и, судя по положению костей, помещен в могильную яму последним. Умершие были буквально втиснуты в погребальную камеру. Верхняя часть их туловища была несколько приподнята благодаря неровному уровню дна могилы. Особенностью погребенных было то, что у всех троих перед захоронением были отчленены головы. При этом шейные позвонки не имели каких-либо дефектов, что свидетельствует о достаточно «деликатном» или профессиональном их отделении, скорее всего, – ножом, но никак не рубящим инструментом.

В противоположной, южной части погребальной камеры были размещены еще две особи. Они ориентированы головой в противоположную сторону и покоились в ногах (между ног) у крайних индивидов (таким образом, все пять захороненных лежали «валетом»). По возрасту оба индивида были более молодыми (возможно, подростками). У них также отчленены головы, однако в отличие от трех взрослых головы были отрезаны практически вместе с шейей, и сделано это было также «деликатно», без применения рубящего инструмента (рис. 1, 1).

Погребальный инвентарь был положен только центральному, взрослому умершему. Изделия располагались кучкой под правой тазовой костью и, вероятно, были помещены в определенной емкости. Набор состоял из короткого костяного кинжала с выраженным колющим лезвием и намеченным черешком для крепления рукояти (рис. 1, 2). Остальные изделия из кости были представлены полуфабрикатами отдельных вещей (в т.ч. проколка, три наконечника стрел) (рис. 1, 3–9). Кроме этого, здесь были помещены небольшой каменный топорик, абразив, а также фрагмент челюсти канисового (лисица?) и коготь крупной совы (?). Можно предположить, что изделия представляют собой набор мастера-костореза. Близкие по своему содержанию наборы подобной специализации отмечались исследователями, например, в памятниках Верхнего Приобья [Сидоров, 1978].

Следы декапитации у погребенных фиксируются еще с эпохи энеолита, например, в материалах могильников Северного Казахстана [Зайберт, 1993; Рыкушина, Зайберт, 1984; Шорин, Нохрина,

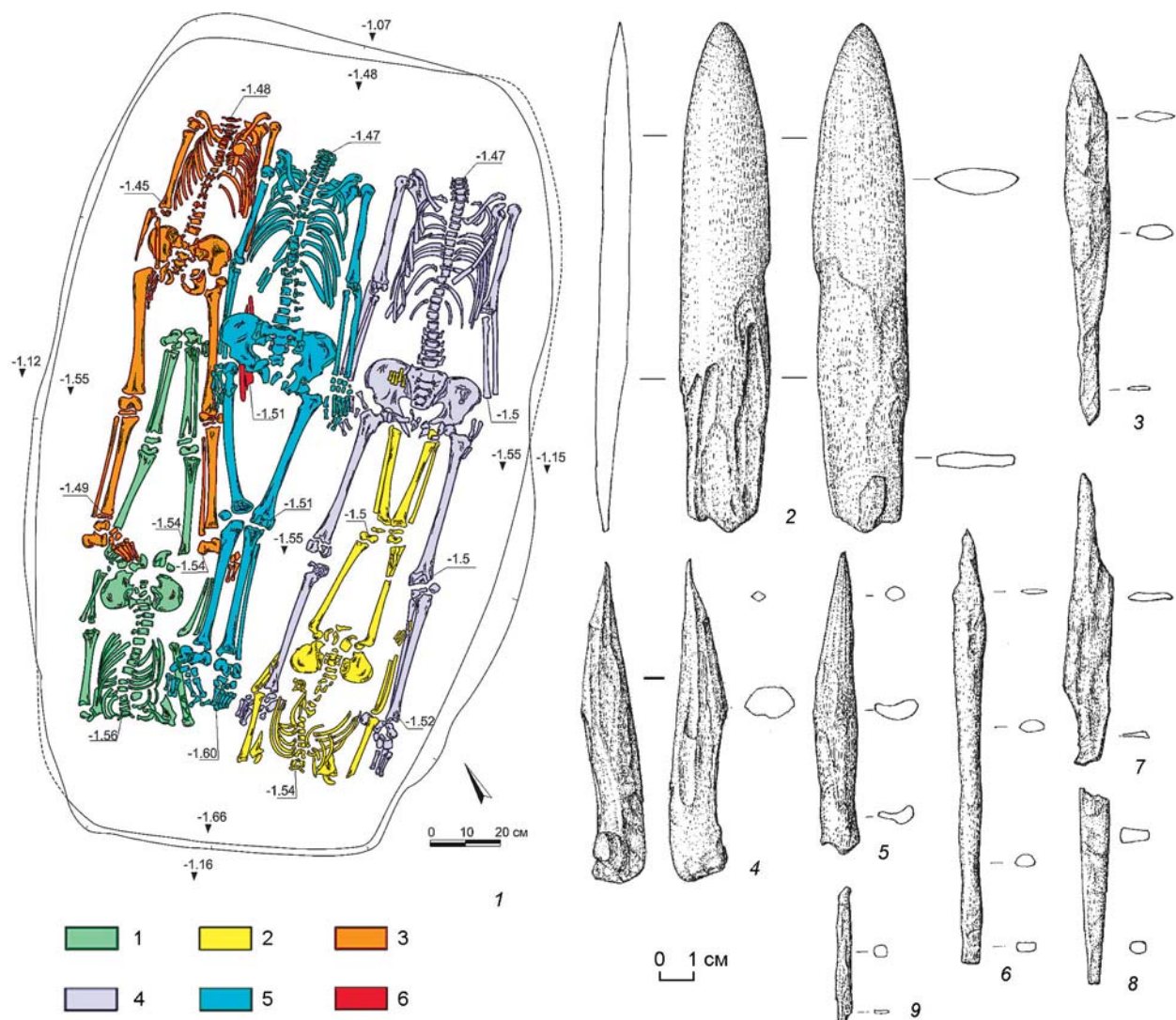

Рис. 1. Погр. № 76 памятника Усть-Тартас-2.

1 – план погребения; 2 – костяной кинжал; 3–9 – костяные заготовки для орудий.

2000; Хлобыстина, 1999]. Захоронения одиновской культуры редко, но все же встречаются без черепов. Можно, наверное, говорить о культе черепа (или головы) у носителей традиций этой культуры. Однако данные проявления имеют место, скорее, как исключение, нежели правило. Таким образом, зафиксировано совершенно необычное захоронение не только для носителей одиновской культуры, но и для всей эпохи бронзы, включая усть-тартасскую культуру эпохи ранней бронзы, для погребальной практики которой разнообразные манипуляции над трупами перед помещением последних в могильную яму были традиционными [Молодин, 2005].

В захоронении одиновской культуры № 64 (рис. 2, 1) следует отметить великолепную находку составного браслета на запястье левой руки умершей, состоящего из трех крупных бусин (диски с отверстием) из белого мрамора (рис. 2, 3–5).

Украшением браслета явилась подвеска, выполненная также из белого мрамора в виде стилизованной фигурки «уточки» (рис. 2, 2).

Среди исследованных захоронений одиновской культуры особое место занимает погр. № 65. Это коллективная усыпальница, которая, как и погр. № 68, перерезает поздненеолитическое погребальное сооружение и раннеолитический ровик.

Погребение одиновской культуры № 65 состояло из четырех ярусов. Ярусная конструкция изредка встречается в могильниках культуры. В частности, двухъярусные захоронения отмечены на исследуемом памятнике – погр. № 18, 32, 38, а также на могильнике Сопка-2/4А – погр. № 577 [Молодин, 2012, с. 118] и № 580 [Там же, с. 120].

Захоронения каждого яруса изучаемого объекта отличались по погребальной практике и инвентарю, они близки лишь по ориентации человека го-

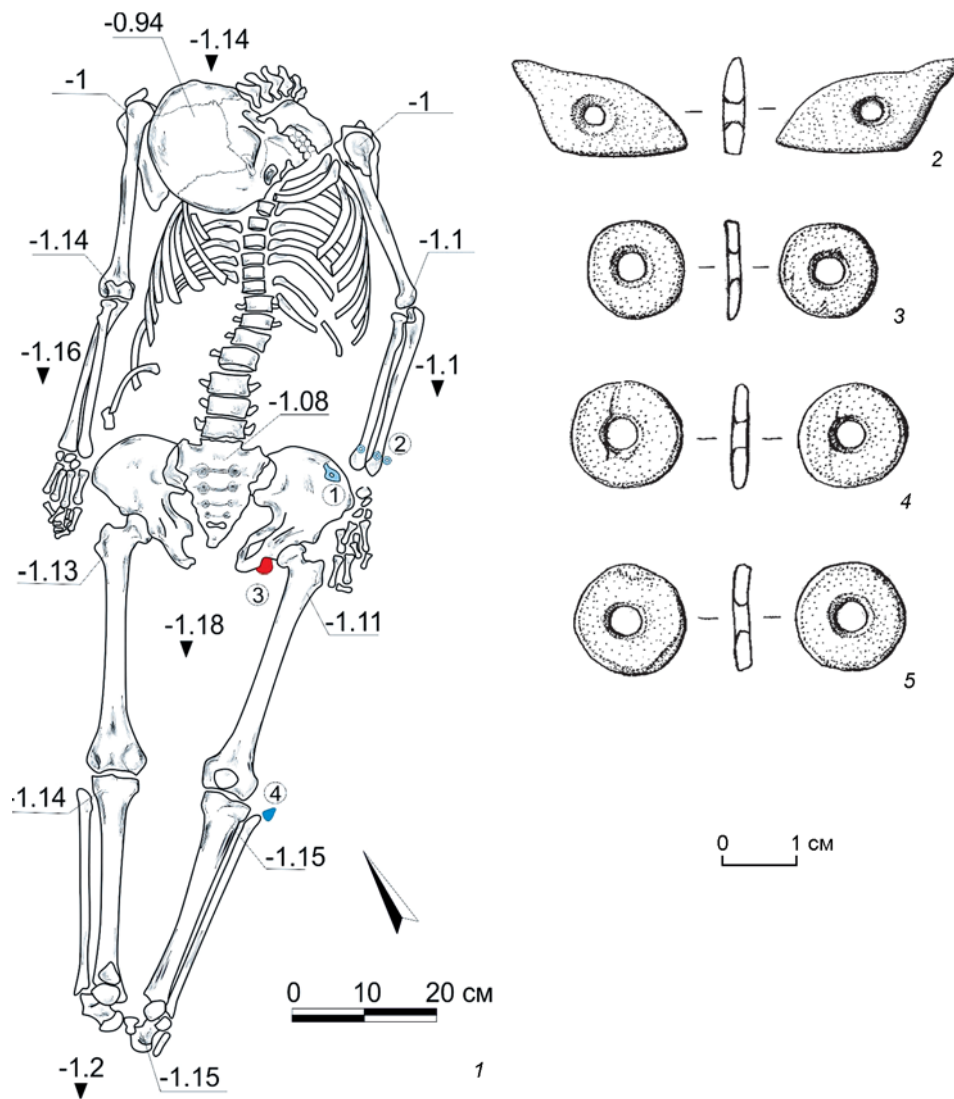

Рис. 2. Погр. № 64 памятника Усть-Тартас-2.

1 – план погребения; 2 – орнитоморфная скульптура из камня; 3–5 – подвески из камня.

ловой на СВ. Наиболее интересным и представительным по погребальному инвентарю оказалось самое верхнее захоронение. Умерший был помещен в могилу на животе и лежал непосредственно на другом человеке, который покоился на спине, в вытянутом положении. Верхний костяк принадлежал женщине, лежащий под ним – мужчине. Каждый погребенный был завернут в берестяное полотно, которое было подождено уже в могиле. В результате оба скелета оказались обожженными, однако, поскольку огонь воздействовал короткое время, предметы не пострадали.

У левого плеча верхнего погребенного была обнаружена совершенно удивительная глиняная скульптура человека, не имеющая аналогий ни в памятниках одиновской культуры, ни в изделиях такого же характера в других культурах Евразии эпохи ранней – развитой бронзы.

Данная объемная глиняная фигурка хорошо обожжена (рис. 3, 1), имеет темно-коричневый цвет, в области живота переходящий в ярко-красный. Пол персонажа не выражен. Высота изделия 16,2 см. Голова круглая (диаметр 4,2 см). Объемно переданы черты лица – округлые глазницы, широкий, рельефно выраженный нос, рот выполнен в виде неправильной подовальной ямки. На левой щеке обозначена прямая, вертикальная линия, очевидно, демонстрирующая татуировку. Волосы и уши не показаны. Шея короткая, лишь слегка намечена. Туловище вытянутое, прямое, без выраженной талии. Плечи переходят в длинные руки, которые явно нарочито увеличены и завершаются в области ног. На левой руке как будто угадываются пальцы (или когти?). В отличие от рук, ноги персонажа короткие. Рельефно выражены выступающие колени и ступни. Создается впечатление, что

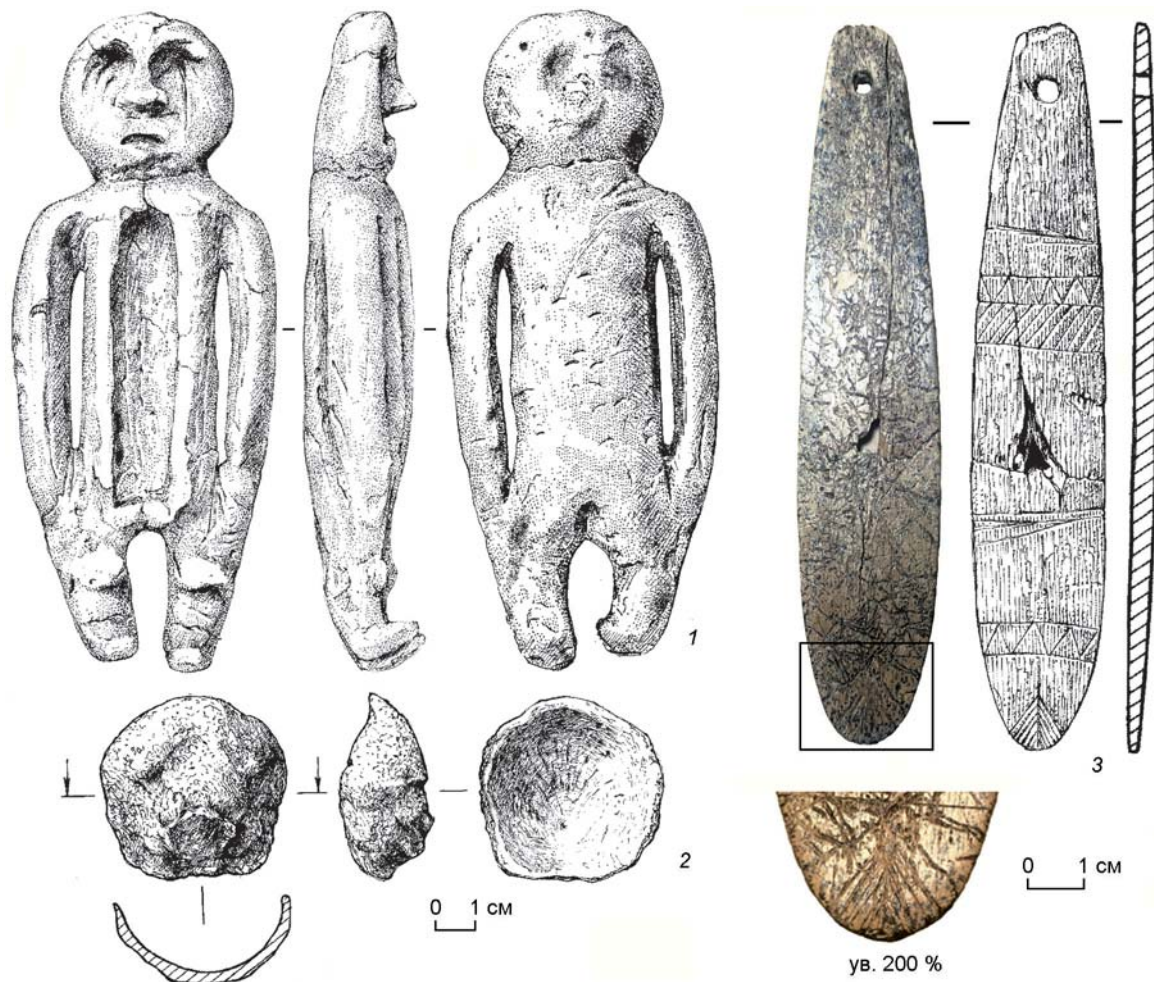

Рис. 3. Находки из погр. № 65 памятника Усть-Тартас-2.
 1 – антропоморфная фигура (глина); 2 – «маска» из кости; 3 – изделие из кости.

человек стоит на слегка согнутых ногах. Передняя часть на всю длину туловища выбрана в виде глубокой подчетырёхугольной полости (длина емкости 7,4 см, ширина 1,8 см, глубина 1,6 см). Полость выполнена явно для размещения в ней какого-то приклада. Во всяком случае тонкая бронзовая пластина в ней сохранилась прекрасно. На спине скульптурки прослеживаются несколько хаотично нанесенных рисок, возможно, – имитация шерсти животного или фактуры одежды (?).

Произведение, несомненно, оригинально и, повторим, не имеет аналогий. Однако такие черты, как утрированно удлиненные руки, татуировка на лице позволяют фиксировать эпохальные черты сходства с антропоморфными изображениями на погребальных личинах каракольской культуры [Кубарев В.Д., 1988] и костяной пластике крохалевакской культуры [Басова и др., 2019], которые совпадают по времени бытования с одиновской культурой и территориально близки последней. Антропоморфная пластика окуневской и самусьской культур (см., напр.: [Есин,

2009; Молодин, 1992; Новоженев, 2015]), а также значительное количество подобных случайных находок этого культурно-хронологического пласта из Западной Сибири существенно отличаются от анализируемого произведения.

Охарактеризованную фигурку человека завершает костяная «маска», которая была надета на его лицо. Маска выполнена из суставной части позвонка лошади (определение канд. биол. наук С.К. Васильева). Ее лицевая часть оформлена грубыми срезами, позволяющими видеть в образе вероятную морду медведя (рис. 3, 2). Наличие маски, надетой на лицо «человека», еще более увеличивает оригинальность данной находки. В то же время маска позволяет говорить о культурной интерпретации находки: подобное изделие, выполненное из такого же материала (определение канд. биол. наук С.К. Васильева), но чуть меньше по размерам, обнаружено в могиле одиновской культуры № 192 могильника Сопка-2/4А [Молодин, 2012, с. 53, рис. 53, 3].

Однако замечательно не только вышеописанное произведение, но и его явно прослеживаемая семантическая нагрузка, на характеристике которой следует остановиться особо. Глиняная скульптурка покоилась у левого плеча верхнего погребенного. При этом головка скульптурки была специально отломана и развернута лицом в противоположную от разворота туловища сторону. В нише на туловище лежала бронзовая пластина. Сюда же могли помещаться и другие приклады (например, пища или изделия из органических материалов), которые до нашего времени не сохраняются*. Не исключено, что фигурка могла быть одета, во всяком случае, такие проявления мы нередко наблюдаем на антропоморфной пластике, на святилищах аборигенного населения сибирского Севера (см., напр.: [Гемув, Сагалаев, 1986]). Замечательно, что лицо скульптуры человека было спрятано под маской, изображающей, по-видимому, как было отмечено, медвежьей морду.

Данная находка требует специального осмысления. В настоящей работе мы считаем главной задачей скорейшее введение этого уникального произведения в научный оборот.

В качестве возможной аналогии данной скульптурке, пожалуй, можно привести антропоморфный сосуд из Саразма (Таджикистан), хранящийся в Государственном Эрмитаже и опубликованный В.А. Новоженовым [2015, рис. 3]. Вырезанный из порфирита сосудик с человеческой головой и туловищем в виде чашевидной емкости семантически может быть сопоставим с анализируемым в настоящей работе изделием.

Рядом с глиняной скульптуркой человека была помещена костяная пластина (рис. 3, 3). Один ее конец закруглен. Ширина пластины плавно увеличивается к овальной оконечности. Длина изделия 13 см, максимальная ширина 2,5 см, толщина 0,35 см. Более узкий конец имеет отверстие, вероятно, для крепления. С обеих сторон пластина украшена гравированным орнаментом, нанесенным тончайшими линиями. С одной из сторон хорошо читается его композиционное построение: горизонтальные зоны, покрытые треугольными зигзагами и косыми (наклонными) линиями. На оборотной стороне узор нанесен симметрично, но более упрощенно. Гравировка на плоскостях изделия была практически незаметна и вряд ли могла служить для его украшения. Важно, что аналогичные по морфологии изделия были найдены в погребениях единовской [Молодин, 2012, рис. 206] и кротовской [Молодин, Гришин, 2016, рис. 402, 1, 2] куль-

*Содержимое полости взято для проведения химических анализов.

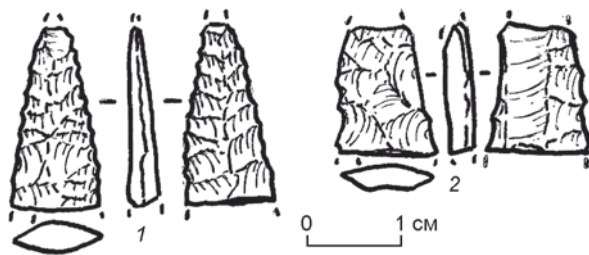

Рис. 4. Находки из погр. № 67 памятника Усть-Тартас-2. 1 – каменный наконечник стрелы; 2 – каменная ножевидная ретушированная пластина.

тур. Определение предназначения этих предметов всегда было затруднено и неоднозначно. В.И. Молодин предполагал их возможную интерпретацию в качестве «костяных спиц», «накладок» [Молодин, 2012, с. 136] или фронтальных накладок на тело лука [Молодин, Гришин, 2016, с. 252, 253], однако есть аргументы и против такой трактовки. Как бы то ни было, в анализируемом случае принципиально важно само присутствие этого предмета, редко, но фиксируемого в материалах единовской культуры. Примечательно, что сочетание таких предметов, как орнаментированная костяная пластина непонятного пока назначения и костяная маска зооморфного характера, обнаружено в двух случаях в единовских непо потревоженных комплексах могильников Сопка-2/4А и Усть-Тартас-2. Возможно, в погребении на Сопке также была антропоморфная фигурка, но выполненная из дерева (?) (или тряпичная кукла (?)), не сохранившаяся до нашего времени. Все это чрезвычайно важно для реконструкции надстроечных явлений в единовском обществе.

Кроме могильника единовской культуры, на Усть-Тартасе-2 выявлена могила, продолжающая ряд кротовских погребений (напомним читателю, что ряд кротовских захоронений совершен позже единовских рядов [Молодин и др., 2018], однако ориентирован также вдоль края террасы). Погребение кротовской культуры № 67, исследованное на памятнике, является вторичным захоронением (что также имеет место у носителей культуры). Погребальный инвентарь в нем представлен каменным наконечником стрелы, ножевидной ретушированной пластиной (рис. 4) и мелким фрагментом керамики.

Заключение

Результаты раскопок 2020 г. на памятнике Усть-Тартас-2 существенно обогатили и расширили наши представления о погребальной практике единовской и кротовской культур, носители которых в III тыс. до н.э. населяли лесостепные пространства Западно-Сибирской равнины. Глиняная

антропоморфная скульптурка, сопровождаемая костяной маской, замечательна не только как предмет пластического искусства, но и как объект для изучения идеологических представлений населения Барабинской лесостепи в эпоху бронзы.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-40051.

Список литературы

Басова Н.В., Постнов А.В., Заика А.Л., Молодин В.И. Предметы мобильного искусства из могильника эпохи бронзы на поселении Турист-2 // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2019. – Т. 47, № 4. – С. 53–65.

Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси. Культовые места XIX – начала XX в. – Новосибирск: Наука, 1986. – 190 с.

Есин Ю.Н. Древнее искусство Сибири: самусьская культура. – Томск: Том. гос. ун-т, 2009. – 526 с. – (Труды музея археологии и этнографии Сибири; т. 2).

Зайберт В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. – Петропавловск: Наука, 1993. – 246 с.

Кобелева Л.С., Ненахов Д.А., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Молодин В.И., Райнхольд С. Бронзолитейный комплекс эпохи ранней – развитой бронзы на поселении Карьер Таи-1 (Барабинская лесостепь) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. XXV. – С. 402–408.

Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. – Новосибирск: Наука, 1988. – 173 с.

Молодин В.И. Древнее искусство Западной Сибири (Обь-Иртышская лесостепь). – Новосибирск: Наука, 1992. – 192 с.

Молодин В.И. Усть-тартасская культура // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2005. – С. 180–184.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. 3. – 220 с.

Молодин В.И. Сейминско-турбинские бронзы в «закрытых» комплексах одиновской культуры (Барабинская лесостепь) // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии: к 70-летию академика А.П. Деревянко. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – С. 309–324.

Молодин В.И., Гришин А.Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. –

Т. 4. Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. – 452 с.

Молодин В.И., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Райнхольд С., Ненахова Ю.Н., Борzych К.А., Швецова Е.С. Могильник Усть-Тартас-2 – новый погребальный комплекс эпохи неолита, ранней и развитой бронзы в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 363–367.

Молодин В.И., Кобелева Л.С., Райнхольд С., Ненахова Ю.Н., Ефремова Н.С., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. Стратиграфия погребальных комплексов ранней – развитой бронзы на памятнике Усть-Тартас-2 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – С. 293–298.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Кобелева Л.С., Селин Д.В., Ненахов Д.А., Степанова В.С. Основные результаты исследования могильника эпохи бронзы Усть-Тартас-2 в 2019 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. XXV. – С. 471–477.

Новоженков В.А. К вопросу об этнокультурной интерпретации коллекции антропологической антропоморфной пластики из памятников Центральной Азии второй половины 3 тыс. до н.э. // Древний Тургай и Великая Степь: часть и целое: сб. науч. ст., посв. 70-летию юбилею Виктора Николаевича Логвина. – Костанай; Алматы, 2015. – С. 314–331.

Рыкушина Г.В., Зайберт В.Ф. Предварительное сообщение о скелетных остатках людей с энеолитического поселения Ботай // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: Изд-во Башкир. ун-та, 1984. – С. 121–136.

Сидоров Е.А. Трасологическое изучение материалов Каменного Мыса // Ранний железный век Западной Сибири. – Томск: Том. гос. ун-т, 1978. – С. 19–24.

Хлобыстина М.Д. Ритуал «череп и головы» в культурах Северной Евразии эпохи раннего голоцена // *Stratum plus*. – 1999. – № 1. – С. 326–333.

Шорин А.Ф., Нохрина Т.И. Погребальный обряд энеолитического населения Урала // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 2 (2). – С. 96–106.

References

Basova N.V., Postnov A.V., Zaika A.L., Molodin V.I. Objects of portable art from a bronze age cemetery at Turist-2. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2019, vol. 47, No. 4, pp. 53–65. doi:10.17746/1563-0110.2019.47.4.053-065

Esin Yu.N. Drevnee iskusstvo Sibiri: samus'skaya kul'tura. Tomsk: State Univ. Press, 2009, 526 p. (Trudy muzeya arkheologii i etnografii Sibiri; vol. 2). (In Russ.).

Gemuev I.N., Sagalaev A.M. Religiya naroda mansi. Kul'tovye mesta XIX – nachala XX v. Novosibirsk: Nauka, 1986, 190 p. (In Russ.).

Khlobystina M.D. Ritual "cherepa i golovy" v kul'turakh Severnoi Evrazii epokhi rannego golotsena. In *Stratum plus*, 1999, No. 1, pp. 326–333. (In Russ.).

Kobeleva L.S., Nenakhov D.A., Durakov I.A., Mylnikova L.N., Nesterova M.S., Molodin V.I., Reinhold S. Foundry complex of the early-advanced bronze age at the Karier Tai-1 site (Baraba forest-steppe). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019, vol. XXV, pp. 402–408. doi:10.17746/2658-6193.2019.25.402-408 (In Russ.).

Kubarev V.D. Drevnie rospisi Karakola. Novosibirsk: Nauka, 1988, 173 p. (In Russ.).

Molodin V.I. Drevnee iskusstvo Zapadnoi Sibiri (Ob'-Irtyskaya lesostep'). Novosibirsk: Nauka, 1992, 192 p. (In Russ.).

Molodin V.I. Ust'-tartasskaya kul'tura. In *Problemy istoriko-kul'turnogo razvitiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh territorii: materialy XIII Zapadno-Sibirskoi arkheologo-etnograficheskoi konferentsii*. Tomsk: State Univ. Press, 2005, pp. 180–184. (In Russ.).

Molodin V.I. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi: Kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov odinovskoi kul'tury. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012, vol. 3, 220 p. URL: https://archaeology.nsc.ru/wp-content/uploads/2018/08/molodin_sait_2012.pdf (Accessed: 15.10.2020) (In Russ.).

Molodin V.I. Seiminsko-turbinskie bronzy v "zakrytykh" kompleksakh odinovskoi kul'tury (Barabinskaya lesostep'). In *Fundamental'nye problemy arkheologii, antropologii i etnografii: k 70-letiyu akademika A.P. Derevyanko*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2013, pp. 309–324. (In Russ.).

Molodin V.I., Grishin A.E. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. 4: Kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov krotovskoi kul'tury, 452 p. URL: <http://archaeology.nsc.ru/wp-content/uploads/2018/08/Sopka.pdf> (Accessed: 15.10.2020) (In Russ.).

Molodin V.I., Kobeleva L.S., Durakov I.A., Reinhold S., Nenakhova Yu.N., Borzykh K.A., Shvetsova E.S. Ust-Tartas-2 burial ground – new neolithic, early and middle bronze age burial complex in the Baraba forest-steppe region. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET

SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 363–367. URL: http://paeas.ru/x/ru/2017/2017_363-367.pdf (Accessed: 15.10.2020). (In Russ.).

Molodin V.I., Kobeleva L.S., Reinhold S., Nenakhova Yu.N., Efremova N.S., Durakov I.A., Mylnikova L.N., Nesterova M.S. Stratigraphy of the Early – Middle Bronze Funeral Complexes at Ust-Tartas-2. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018, vol. XXIV, pp. 293–298. doi:10.17746/2658-6193.2018.24.293-298 (In Russ.).

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Nesterova M.S., Kobeleva L.S., Selin D.V., Nenakhov D.A., Stepanova V.S. Archaeological research of 2019 at the Ust-Tartas-2 burial ground of the bronze age. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019, vol. XXV, pp. 471–477. doi:10.17746/2658-6193.2019.25.471-477 (In Russ.).

Novozhenov V.A. K voprosu ob etnokul'turnoi interpretatsii kollektzii antropologicheskoi antropomorfnoi plastiki iz pamyatnikov Tsentral'noi Azii vtoroi poloviny III tys. do n.e. In *Drevnii Turgai i Velikaya Step': chast' i tseloe: Sbornik nauch. statei, posv. 70-letnemu yubileyu V.N. Logvina*. Kostanai; Almaty, 2015, pp. 314–331. (In Russ.).

Rykushina G.V., Zaibert V.F. Predvaritel'noe soobshchenie o skeletnykh ostatkakh lyudei s eneoliticheskogo poseleniya Botai. In *Bronzovyi vek Uralo-Irtyskogo mezhdurech'ya*. Chelyabinsk: Bashkir State Univ. Press, 1984, pp. 121–136. (In Russ.).

Shorin A.F., Nokhrina T.I. Pogrebal'nyi obryad eneoliticheskogo naseleniya Urala. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2000, No. 2 (2), pp. 96–106.

Sidorov E.A. Trasologicheskoe izuchenie materialov Kamennogo Mysa. In *Rannii zheleznyi vek Zapadnoi Sibiri*. Tomsk: State Univ. Press, 1978, pp. 19–24. (In Russ.).

Zaibert V.F. Eneolit Uralo-Irtyskogo mezhdurech'ya. Petropavlovsk: Nauka, 1993, 246 p. (In Russ.).

Молодин В.И. <https://orcid.org/0000-0002-3151-8457>

Мыльникова Л.Н. <https://orcid.org/0000-0003-0196-5165>

Кобелева Л.С. <https://orcid.org/0000-0002-4969-3771>

Нестерова М.С. <https://orcid.org/0000-0003-4024-6753>

Хансен С. <https://orcid.org/0000-0002-6714-4629>

Селин Д.В. <https://orcid.org/0000-0002-6939-2917>

Кудинова М.А. <https://orcid.org/0000-0001-8369-2089>

Дураков И.А. <https://orcid.org/0000-0002-8526-9257>

Швецова Е.С. <https://orcid.org/0000-0001-5358-1927>

Ненахова Ю.Н. <https://orcid.org/0000-0003-3209-8180>

Райнхольд С. <https://orcid.org/0000-0002-8107-6300>

Бобин Д.Н. <https://orcid.org/0000-0002-8180-7425>

В.И. Молодин, А.И. Соловьев ✉

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: easolovievy@mail.ru

Бронзовые бляшки в виде хищников семейства кошачьих из Барабы и Казахстана

В статье рассматриваются оригинальные предметы мелкой пластики, представляющие собой практически тождественные фигурки хищных зверей из разных географических регионов. Первая поясная бляшка найдена на территории лесостепного коридора Обь-Иртышского междуречья при раскопках курганного некрополя саргатской культуры Абрамово-4. Хотя точных аналогов ей долгое время не было известно, однако общая стилистика предмета указывала на изобразительные традиции западного сарматского мира. Десятилетия спустя в районах Западного Казахстана были обнаружены три практически тождественных изделия, но в гораздо худшем состоянии, вероятно, так же из состава гарнитуры поясного набора. Описываются особенности всей ныне известной серии изделий, проводится сравнение их между собой на основе ряда деталей, которые могут быть связаны со следами рабочего инструмента, делаются заключения о материале, из которого могла вырезаться матрица, послужившая штампом для изготовления литейных форм. Некоторые искажения в абрисах фигурок и их пропорциях позволяют констатировать вторичность форм, в которых были отлиты бляшки поясной гарнитуры из Западного Казахстана. Делается вывод о том, что распространение однородных предметов мелкой пластики дает возможность определить направления культурных связей в более близкой культурной среде, нежели существовала в пределах общности скифского мира. Переданный на бляшках образ, скорее всего, собирательный. Точные его прототипы в животном царстве найти затруднительно. Серийность изделий позволяет ставить вопрос о существовании некоего центра формирования специализированного ремесленного производства в эпоху раннего железного века, в т.ч. и с художественной специализацией.

Ключевые слова: некрополь, мелкая пластика, образ хищника, бронзовое литье, ремесло, массовое производство.

Vyacheslav I. Molodin, Alexander I. Solovyev ✉

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: easolovievy@mail.ru

Bronze Plaques Representing Feline Predators from Baraba and Kazakhstan

The article examines distinctive and almost identical figurines of predatory animals from different geographical regions. First figurine was found during the excavations at the burial ground of Abramovo-4 of the Sargatka culture in the forest-steppe region of the Ob-Irtysh interfluvium. Although the exact parallels to this figurine were unknown for a long time, the general style of the artifact pointed to the pictorial traditions of the Western Sarmatian world. Decades later, three much worse preserved almost identical objects which might have also been a part of a composite belt set, were found in Western Kazakhstan. The features of the entire series of artifacts known so far are described and compared with each other; conclusions about possible raw material of the template used as a stamp for mold manufacturing are made based on possible marks from the working tool. Some distortions in the outline and proportions of the figurines point to the secondary nature of molds where the figurines from Western Kazakhstan were cast. The distribution of uniform small plastic objects makes it possible to establish the direction of cultural relations in a closer cultural environment than the one which existed within the boundaries of the Scythian community. The image appearing on the plaques is most likely generalized, and it is difficult to find its exact prototypes in the animal world. The serial nature of the artifacts raises the question of specific artisanal center and emergence of specialized artisanal production in the Early Iron Age.

Keywords: necropolis, small sculpture, predator image, bronze molding, craftsmanship, mass production.

Введение

В конце 70-х гг. прошлого века Западносибирский отряд Северо-Азиатской комплексной экспедиции под руководством одного из авторов проводил исследование курганного могильника Абрамово-4, расположенного на западной окраине г. Куйбышева, в центральной части Барабинской лесостепи (см.: [Троицкая, Молодин, Соболев, 1980, с. 75]). В ходе работ в погребении кургана № 13 обнаружено захоронение взрослого человека в сопровождении предметного комплекса, позволившего уверенно отнести погребение к саргатской культуре. Из числа прочего достаточно серийного инвентаря обращают на себя внимание два предмета мелкой пластики, расположенные на поясе и являющиеся, несомненно, составными элементами поясной гарнитуры. Одному из них и посвящена данная публикация. Несмотря на то что комплекс неоднократно вводился в научный оборот (см.: [Полосьмак, 1987, рис. 76, 1, 2; Молодин, 1992; Соловьев, 2003, рис. 94, 98]), неожиданное обстоятельство заставило авторов еще раз обратиться к одной из его составляющих (рис. 1, 1). Дело в том, что точных аналогов великолепной по своим художественным достоинствам бронзовой бляхи, передающей образ хищника семейства кошачьих, на момент обнаружения и в течение последующих лет не было известно.

В 1998 г. в Милане был опубликован каталог выставки, посвященной художественному металлу кочевых культур с территории Казахстана [L'Uomo D'Oro..., 1998, fig. 226–228]. А в 2004 г. в Вашингтоне был издан во многом аналогичный, правда, иной дизайнерской версии, каталог еще одной тематически близкой выставки [Of gold and grass..., 2004, fig. 15]. На страницах обоих изданий среди прочих изделий были воспроизведены три бронзовые бляшки, изображающие кошачьих хищников, аналогичные бляшке из Барабы. Казахстанские материалы вновь подтолкнули авторов вернуться к осмыслению этих произведений художественного литья..

Результаты исследования

К сожалению, информационный потенциал обоих каталогов, исключая их визуальную часть, весьма ограничен. Не ясно, происходят ли означенные находки из одного комплекса или нескольких; за рамками остаются название памятника, его характер, территориальное расположение, культурная принадлежность и еще целый ряд важных деталей. Очевидно лишь то, что все изделия происходят с территории Казахстана. Английская версия

очень краткая. Ее издатели ограничились размерами находок, приведенными в собственной системе линейных мер, и очень приблизительными датировками. Итальянская публикация оказалась чуть более информативной: в ней кроме размеров находок в европейской метрической системе приводится их обобщенное описание, материал изготовления, те же самые ранние даты и дается указание на западные районы республики как место обнаружения. Отсутствие конкретики не исключает трактовки находок как случайных, обращение которых между Сибирью и Казахстаном, скорее всего, все-таки связано с восточной или северной частями республики.

Возвращаясь к самим находкам, отметим то, что прежде всего бросается в глаза, – фигурки кошачьих хищников из фондов музея Института археологии им. А.Х. Маргулана (рис. 1, 2–4) Республики Казахстан по всем параметрам напоминают изделие из Барабы (рис. 1, 1). Вместе с тем налицо и отличия как между предметами внутри представленной серии, так и от находки из саргатского кургана некрополя Абрамово-4. Заметно, что бляшка из Западной Сибири выглядит вполне законченной, тогда как бляхи из Казахстана воспринимаются как некие полуфабрикаты или даже не вполне удавшиеся отливки.

Изделие из Барабы представляет собой изящную бронзовую отливку фигурки кошачьего хищника. Животное изображено в профиль, явно в агрессивном состоянии, как бы слегка присевшим на задние лапы перед прыжком. Непропорционально крупная голова опущена к передним лапам. Круглые уши прижаты, пасть оскалена, морду пересекают сердитые морщины, когти выпущены. Рельефно выделен зрачок. Кончик хвоста свернут в кольцо, что присуще этим хищникам в состоянии ярости или нервного напряжения. Поперечные валы на лапах как будто указывают на полосатую расцветку животного. Аналогичные элементы на морде, возможно, имеют двоякий смысл. С одной стороны, это «морщины ярости», с другой – вероятный намек на полосатость зверя. Впрочем, отсутствие таких деталей на остальной поверхности туловища позволяет ставить вопрос о и возможном намеке зрителю на особую силу и упругость конечностей. Равным образом другие гиперболизированно искаженные части тела животного подчеркивают его хищную ипостась. Точных аналогов, как уже отмечалось, на момент обнаружения и в последующие годы не было известно. Однако общая стилистика предмета и ряд приемов передачи образа указывали на западные параллели и сарматский мир. Не противоречит этому положению и область обнаружения вышеупомянутых находок на территории Казахстана, западные районы которого, простираясь вдоль южных пределов сармат-

Бляшки с фигурками кошачьего хищника из Барабы и Казахстана.

1 – из Барабинской лесостепи, с некрополя саргатской культуры Абрамово-4. МИКНСДВ ИАЭТ СО РАН; 2–4 – отливки из Северного Казахстана. Фонды музея Института археологии им. А.Х. Маргулана Республики Казахстан.

ского мира, находятся к нему заметно ближе, чем Барабинская лесостепь.

Пожалуй, достаточно корректную, хотя и не самую близкую, аналогию можно провести с находкой с территории равнинного Алтая. Это сопоставимая по размерам бронзовая бляшка из Обских Плесов, изображающая кошачьего хищника и относящаяся к эпохе раннего железа [Троицкая, Бородовский, 1994, рис. 19, 7]. Правда, положение головы здесь иное, да и форма морды зверя, в отличие от удлиненной, воспроизведенной на серии предметов из Барабы и Западного Казахстана, круглая, типично кошачья.

Три изделия из Казахстана демонстрируют абсолютные аналогии с предметом из Барабы с той лишь разницей, что перед нами неудавшиеся отливки, а возможно, попросту литейный брак. Об этом свидетельствуют плохо или совсем не проработанные детали передаваемого образа, остатки литника (рис. 1, 4), отсутствие должным образом обработанного контура (рис. 1, 2). Все это может говорить как об изношенности самой литейной формы, что привело к искажению и утрате многих деталей в пере-

даче образа, так и о вторичности этой формы, изготовленной путем оттирка с готового изделия, уже бывшего в эксплуатации.

На фоне изделия из Барабы отливки из Казахстана производят впечатление некой вторичности, своего рода реплик с изделия, послужившего образцом для барабинской находки. На вторичность указывает и «непролив» пасти бляшек у всех трех предметов из каталога (рис. 1, 2–4). Можно предполагать, что исходная модель, послужившая в дальнейшем штампом для изготовления литейных форм, была вырезана из кости (или, как вариант, мягкого камня) с последующей полировкой поверхности, на что указывают заглаженные, зашлифованные следы рабочего инструмента на выпуклом бедре задней ноги животного с бляшки из Абрамово-4 (рис. 1, 1).

Можно предполагать, что находки из Казахстана изготовлены в бронзолитейной мастерской, специализировавшейся на производстве, помимо прочего, характерных бляшек поясной гарнитуры. Удачные отливки затем распространялись на соседние территории (в т.ч. и Барабу), лишённые собственных источников сырья, население которых имело, конечно

же, свое бронзолитейное производство, в немалой степени зависящее от поставок сырья с юга.

Все публикуемые находки явно были выполнены в одну историческую эпоху, которую, опираясь на неплохо датированные памятники саргатской культуры из Барабы, следует относить к IV–III вв. до н.э. [Полосьмак, 1987]. Поэтому представленная в англоязычном каталоге дата этих находок выглядит заниженной. В заключение несколько слов следует сказать о том, какое же животное изобразил древний мастер. Вопрос этот далеко не праздный и важен для проведения возможных семантических реконструкций. Видовое определение воспроизведенных животных затруднено. Они могут быть и тигром, еще столетие назад обитавшим в пойменных тугаях и тростниковых зарослях Казахстана, и леопардом, редкие особи которого недавно вновь обнаружены в республике. В пользу тигриной принадлежности как будто могут свидетельствовать крупная голова, массивность плечевого пояса и полосы, рельефно выделенные на отдельных частях тела. Вместе с тем обращает на себя внимание и полное отсутствие какой-либо попытки передачи их на шее и туловище зверя, которые мы встречаем на гравировках и предметах пластики раннего железного века Сибири. О леопарде напоминает гибкое, тонкое и выгнутое туловище. Можно, конечно, говорить о собирательности образа и приводить в эту пользу аргументы. Не следует, по-видимому, исключать и возможность изображения пантеры, к роду которых относятся и тигр, и леопард, и барс, и даже лев (*Panthera tigris*, *Panthera pardus*, *Panthera unica*, *Panthera leo*). Очевидно, что в лесостепных культурах, по крайней мере западной части Азии, образы кошачьих хищников заняли достойное место в культурно близкой среде, продолжая служить апотропеями и знаками социального статуса.

Заключение

Рассмотренные в статье предметы пластического искусства из Барабинской лесостепи и Казахстана, несомненно, свидетельствуют о наличии налаженного серийного производства таких изделий в достаточно крупном регионе Западно-Сибирской лесостепи. Данное обстоятельство, в свою очередь, позволяет предполагать сложение в раннем железном веке серийного специализированного ремесленного производства.

Список литературы

Молодин В.И. Древнее искусство Западной Сибири: Обь-Иртышская лесостепь. – Новосибирск: Наука, 1992. – 190 с.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 1987. – 144 с.

Соловьев А.И. Оружие и доспехи. Сибирское вооружение: от каменного века до Средневековья. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2003. – 223 с.

Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большеберенская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 184 с.

Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И. Археологическая карта Новосибирской области. – Новосибирск: Наука, 1980. – 183 с.

L'Uomo D'Oro. La cultura delle steppe del Kazakhstan dall'eta del bronzo alle grandi migrazioni. – Milan: Electa, 1998. – 253 p.

Of gold and grass: nomads of Kazakhstan. The Exhibition Catalogue is exclusively sponsored by: Access Industries. – Washington, 2004. – 180 p.

References

L'Uomo D'Oro. La cultura delle steppe del Kazakhstan dall'eta del bronzo alle grandi migrazioni. Milan: Electa, 1998, 253 p.

Molodin V.I. Drevnee iskusstvo Zapadnoi Sibiri: Ob'-Irtyskaya lesostep'. Novosibirsk: Nauka, 1992, 190 p. (In Russ.).

Of gold and grass: nomads of Kazakhstan. The Exhibition Catalogue is exclusively sponsored by: Access Industries. Washington, 2004, 180 p.

Polosmak N.V. Baraba v epokhu rannego zheleza. Novosibirsk: Nauka, 1987, 144 p. (In Russ.).

Solovyev A.I. Oruzhie i dospekhi. Sibirskoe vooruzhenie: ot kamennogo veka do Srednevekov'ya. Novosibirsk: INFOLIO-press, 2003, 223 p. (In Russ.).

Troitskaya T.N., Borodovsky A.P. Bol'sherechenskaya kul'tura lesostepnogo Priob'ya. Novosibirsk: Nauka, 1994, 184 p. (In Russ.).

Troitskaya T.N., Molodin V.I., Sobolev V.I. Arkheologicheskaya karta Novosibirskoi oblasti. Novosibirsk: Nauka, 1980, 183 p. (In Russ.).

Молодин В.И. <https://orcid.org/0000-0002-3151-8457>
Соловьев А.И. <https://orcid.org/0000-0003-3891-8944>

В.П. Мыльников, С.П. Нестеров✉

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: nesterov@archaeology.nsc.ru

Керамика с реки Архары в Западном Приамурье

В 2014 и 2020 гг. сформировалась небольшая коллекция из фрагментов керамики, собранной в Архаринском р-не Амурской обл. местным жителем на неизвестном археологам памятнике. Этот район Приамурья после раскопок на о-ве Урильском в начале 1960-х гг. в плане археологических стационарных исследований на долгие годы оказался законсервирован. Новые поисковые работы и раскопки начались после 2000 г. Несмотря на открытие в Архаринском р-не более 100 археологических памятников, он пока остается относительно слабо изученным, поэтому любые находки материала являются важным источником по картографированию мест проживания древнего и средневекового населения. После анализа керамической коллекции из случайных сборов на левом берегу протоки Архары сделан вывод о том, что в прошлом здесь было поселение, которое в основном было связано с носителями урильской культуры. Именно к этой культуре относится большая часть обломков сосудов. Однако наличие некоторого количества фрагментов керамики талаканской культуры раннего железного века предполагает второй этап заселения этого участка на левом берегу Архары. Присутствие в коллекции фрагментов сосудов с вафельным орнаментом на тулове можно увязать и с носителями михайловской культуры раннего Средневековья. В связи с тем, что данное местонахождение керамики пока не включено в реестр археологического культурного наследия Амурской обл. как археологический памятник и не имеет соответствующего паспорта, предлагаем предварительно его назвать «Аркадьевка», по расположенному рядом одноименному селу.

Ключевые слова: Амурская обл., Архара, керамика, урильская, талаканская, михайловская культуры.

Vladimir P. Mylnikov, Sergei P. Nesterov✉

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: nesterov@archaeology.nsc.ru

Ceramics from the Arkhara River, Western Priamurye

In 2014 and 2020, a small collection of fragments of ceramics collected in the Arkharinsky District of the Amur Region by a local resident at a site unknown to archaeologists was set up. This area of Priamurye, after excavations on the Uril'skiy island in the early 1960s, was mothballed for many years in terms of archaeological stationary research. New survey and excavation work started only after 2000. Despite the discovery of more than 100 archaeological sites in the Arkharinsky District, it still remains sketchy studied; therefore, any finds of material are an important source for mapping the places of residence of ancient and medieval populations. After analyzing the ceramic collection of random finds on the left bank of the Arkhara River by-stream, it was concluded that there was a settlement in this place, which was mainly associated with the carriers of the Uril'skaya culture. Most fragments of vessels belong to this culture. However, the presence of a number of fragments of pottery belonging to the Talakanskaya culture of the Early Iron Age suggests a second stage of settlement at this site on the left bank of the Arkhara River. The presence of fragments of vessels with a waffle ornament on the body in the collection can also be associated with the bearers of the Mikhailovskaya culture of the Early Middle Ages. This archaeological site has not been yet included to the list of the archaeological cultural heritage of the Amur Region and does not have a corresponding provenience, so we propose to call it "Arkadyevka", after the name of the village located nearby.

Keywords: Amur Region, Arkhara, ceramics, Uril'skaya, Talakanskaya, Mikhailovskaya cultures.

Введение

Архаринский р-н – это юго-восточная часть Амурской обл., граничащая с Еврейской автономной областью. Он начинается от левого берега р. Буреи на западе, с востока и севера ограничен хребтами гор Малого Хингана, на юге граница проходит по левому берегу Амура (рис. 1, 1).

Реки Архаринского р-на, на берегах которых селились люди в древности и в Средневековье, как правило, небольшой протяженности: Архара, Урил, Мутная, Малая и Большая Грязная, Олочи, Малая и Большая Карабча, Еракта, Гарманчукан, Ярчиха, Борзя, Хинган. В отрогах Малого Хингана долины рек узкие. При выходе на низменность реки приобретают типично равнинный характер. Течение спокойное, берега и дно илистые, русла извилистые. В долинах часто встречаются низинные травяные болота, зарастающие водной растительностью старицы, протоки и многочисленные озера. На равнинной части и вблизи ее имеется множество небольших озер старичного происхождения. Из крупных следует выделить оз. Долгое, Яценково, Клёшенское, Лебединые и Перешеечные озера.

Изучение древностей Архаринского р-на, несмотря на многочисленные археологические исследования в Амурской обл., к 1970-м гг., по сути, было законсервировано. Единственные раскопки были проведены на о-ве Урильском, а также обследована Архаринская писаница. Исследования были возобновлены только в начале XXI в.

Краткая история археологических исследований

Поселение на о-ве Урильском. Остров расположен в устье р. Урил в 6 км вверх по Амуру от с. Сагибово и в 12 км ниже с. Новопокровки, где был собран материал нижнеамурской (кондонской) культуры. В 1961 г. экспедиция под руководством А.П. Окладникова провела на острове раскопки, которые были продолжены в 1963 г. А.П. Деревянко [1973, с. 131].

На поселении из 36 жилищ, как установлено в 2019 г. в результате инструментальной съемки топографического плана [Волков и др., 2019], исследовано пять жилищ. Материалы поселения были выделены в отдельную урильскую культуру раннего железного века. В настоящее время урильская культура в Приамурье датируется XI–II вв. до н.э. В Западном Приамурье ее сменяет талаканская культура [Деревянко, 1973, с. 131–145; Нестеров, Гирченко, 2018].

Архаринская писаница находится в верховьях Архары, на правом берегу между устьями ее прито-

ков Татакан и Дыды, примерно в 50 км от пос. Архара. Жители близлежащих поселков называют это место «Писанный камень». Под этим именем писаница была известна еще в начале XX в. Ее первое обследование состоялось в ходе работы Дальневосточной археологической экспедиции. Дневниковые материалы изучения Архаринской писаницы были опубликованы В.Е. Ларичевым только в 1999 г. [Окладников, Ларичев, 1999, с. 25–26]. В 1968 г. работу на памятнике продолжил А.И. Мазин, который снял копии рисунков и сделал подробное описание различных изображений, нанесенных охрой и черной краской [1986, с. 117–119]. С 2003 г. изучение рисунков писаницы продолжил А.П. Забияко. На современном этапе исследования особое внимание уделяется неопубликованным прежде изображениям, знакам и иероглифическим надписям [История..., 2008, с. 162–164; Забияко, 2019].

Изображения Архаринской писаницы представлены бытовыми и мифическими сценами, антропоморфными и зооморфными существами, птицами, животными, геометрическими фигурами, ломаными сплошными линиями, сплетением линий и округлыми пятнами. Несмотря на некоторые различия в технике рисунка и цветовой палитре охры, памятник по стилю однороден и все рисунки относятся к раннему железному веку и Средневековью [Мазин, 1986, с. 117–119]. Знаки «черной группы», выполненные краской черного цвета, А.П. Забияко предположительно отнес к «большому» чжурчжэньскому письму [2019].

В этом же районе Дальневосточной экспедицией были зафиксированы два поселения – у ручья Малый Талакан и у с. Татакан, видимо, раннего железного века [Окладников, Ларичев, 1999, с. 26–27]. Кроме описанных выше двух исследованных памятников, к 1960-м гг. в Архаринском р-не были известны такие археологические объекты, как Скобельцинская стоянка, Первое и Второе Иннокентьевские поселения, Иннокентьевский могильник, три Архаринских городища на левом берегу Архары между поселками Михайловка и Аркадиево-Семёновка, стоянки у Дубового мыса на о-ве Журавлёвском на Амуре и у пос. Новопокровка, а также некоторые другие. На них были проведены сборы материала (без раскопок), которые позволили предварительно определить время их существования. Так, стоянка на о-ве Журавлёвском относится к эпохе неолита. Новопокровская стоянка по материалу датируется, видимо, ранним железным веком. Архаринские городища принадлежат мохэской культуре, Иннокентьевские поселения – к михайловской культуре раннего Средневековья [Новиков-Даурский, 1961, с. 47–50].

В 1961 г. у с. Михайловка на берегу Амура обследовано поселение, скорее всего, раннесредневе-

Рис. 1. Карта местонахождения керамики на Архаре (1) и урильская керамика из сборов 2020 г. (2–9), фото А.Л. Гаврилова, с. Аркадьевка Амурской обл.

кового периода. В 8 км от Михайловки в сторону пос. Касаткино также зафиксированы, скорее всего, мохэское поселение и могильник, в котором в одной из могил найдены челюсть и фрагмент черепа человека [Дервянко, 1975, с. 51].

В 2003, 2005 гг. «Центр по сохранению историко-культурного наследия Амурской области» провел археологическое обследование южной части

Архаринского р-на. В результате были получены данные о 114 памятниках, среди них неолитические поселения гromатухинской и новопетровской культуры у сел Журавлёвка, Красный Восток, Новопокровка, Новоспасск, поселения урильской культуры, раннесредневековые поселения и могильники вблизи Михайловки, Иннокентьевки и Кундура [Зайцев, 2004, л. 30–193].

В ходе работ по инвентаризации и паспортизации памятников археологии Архаринского р-на Амурской обл. в 2004 г. были открыты городища Сохатиный Ключ и Чесночиха, которые предварительно датированы периодом раннего Средневековья и отнесены к троицкой группе мохэ [Волков, 2006].

Памятник *Озеро Долгое* (или Иннокентьевка, селище 13 – по археологическому паспорту) выявлен в 2005 г. Он расположен в 10,4 км северо-западнее Иннокентьевки и примерно в 10 км северо-восточнее устья р. Буреи, на северном берегу древней протоки, сейчас оз. Долгое. На берегу выявлено 57 западин подпрямоугольной и округлой в плане формы.

В 2008 г. на памятнике Озеро Долгое раскопаны две западины. Исследовано два жилища и погреб для хранения припасов. Жилища принадлежат к двум культурам: талаканской (№ 31) и михайловской (№ 32) [Деревянко и др., 2009]. В 2014 г. исследованы западины 16 и 17. Культурно-хронологическая атрибуция этих объектов однозначно не определена. Было предположено их погребальное назначение: как ранние захоронения бохайских сумо мохэ в Западном Приамурье [Нестеров, 2015]. Однако образец угля из ямы № 17 показал радиоуглеродный возраст $1760 \pm \pm 40$ л.н., или кал. $\pm 2\sigma$ 139–385 гг. н.э., что не соответствует мохэскому периоду в истории Амурской обл. [Деревянко и др., 2017, с. 7].

Таким образом, несмотря на открытие в Архаринском р-не более 100 археологических памятников в начале 2000-х гг., он пока остается относительно слабо изученным, поэтому любые находки материала являются важным источником по картографированию мест проживания древнего и средневекового населения в данном регионе Амурской обл.

Характеристика коллекции керамики

Во время работ в 2014 г. на оз. Долгом С.В. Миринец и Н.Н. Юрченко – сотрудниками детского экологического лагеря на базе Хинганского заповедника, расположенного рядом с археологическим памятником, в наше распоряжение на время была предоставлена небольшая коллекция из 35 фрагментов керамики. Она была собрана на левом берегу небольшой протоки Ар-

хары, примерно в 1,4 км южнее с. Аркадьевка, А.Л. Гавриловым в этом же году. Археологический памятник занимает мысовидный выступ небольшой практически пересохшей протоки, которая наполняется водой только во время большой воды в Архаре (рис. 1, 1). Так как передачи коллекции в ИАЭТ СО РАН не предполагалось, была проведена ее первичная обработка в полевых условиях. По методике, разработанной одним из авторов статьи, выполнена ее фотофиксация (рис. 2–5) [Мильников, 2016, с. 23–35]. Для уточнения места подъема керамики А.Л. Гаврилов в конце октября 2020 г. посетил его вновь. По его сообщению, за шесть лет Архара «кардинально поменяла русло». Тем не менее им здесь на галечно-песчаном пляже были обнаружены новые фрагменты керамики урильской культуры (см. рис. 1, 2–9).

Визуальный осмотр керамики, собранной в 2014 г., показал, что она окатана водой. Обломки сосудов представлены венчиками (9 ед.), черепками тулова с орнаментом (10 ед.) и без него (12 ед.) и доньшками (3 ед.). Один фрагмент небольшого

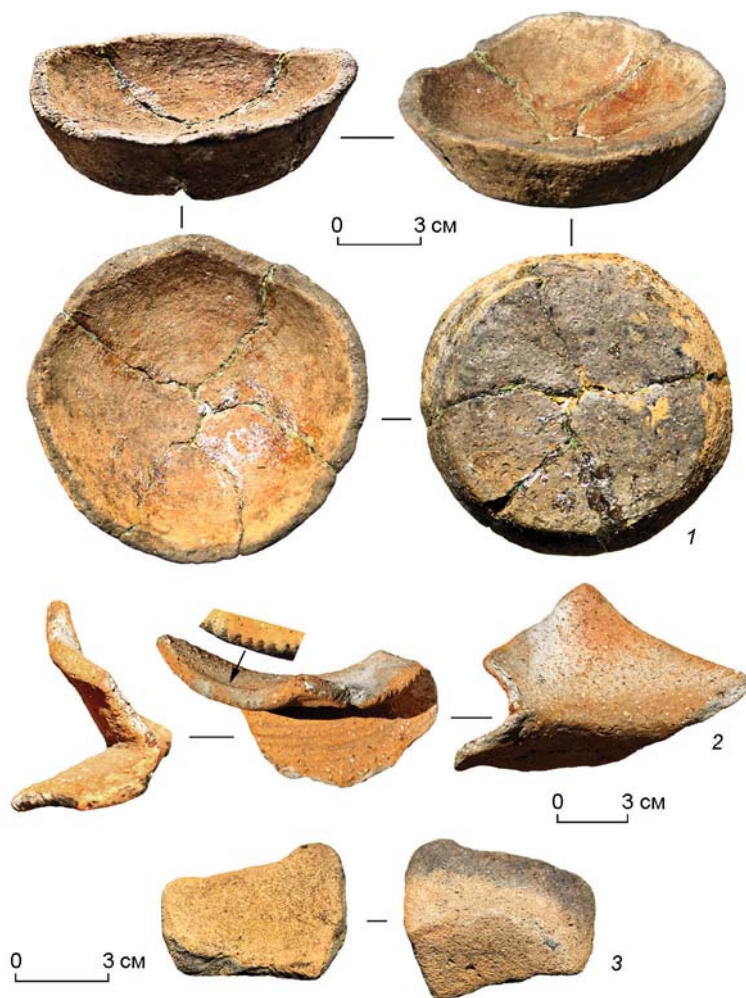

Рис. 2. Керамика урильской культуры.

сосудика представлен полным профилем. Керамика делится на три культурно-хронологические группы.

Посуда урильской культуры (XI–II вв. до н.э.) представлена венчиками и частью орнаментированных фрагментов тулова. Оригинальным предметом можно считать собранное из четырех обломков невысокое блюдо, изготовленное из придонной части сосуда. Его край волнистый из-за того, что ему путем мелких сломов пытались придать примерно одинаковую высоту стенок. Острые края заглажены (см. рис. 2, 1). Значительная ширина дна (диаметр 10,8 см), а также, предположительно, наличие следов окрашивания красной краской на внутренней поверхности позволяют отнести блюдо к урильской культуре. Блюдцеобразные изделия в виде чаш-светильников гончары данной культуры из-

готовавливали как, собственно, чаши и миски [Деревянко, 1973, с. 324, табл. LI, 2; с. 332, табл. XLIX; с. 334, табл. LXI, 2; Гребенщиков, Деревянко, 2001, с. 48, рис. 41; с. 88, табл. IX, 1–18].

Один фрагмент венчика с частью горловины и тулова принадлежит сосуду-сфероиду (рис. 2, 2). У него по внешнему краю венчика идут насечки, придающие ему зубчатый вид. Немного ниже небольшой горловины видны шесть параллельных горизонтальных врезных линий. Аналогичные сосуды-сфероида найдены на поселениях Урильский Остров, Бензобаки, Кочковатка, Петропавловка, Максим Горький [Гребенщиков, Деревянко, 2001, с. 89, табл. X, с. 90, табл. XI].

Два венчика принадлежат, скорее всего, сосудам закрытых форм. У них край венчика отогнут нару-

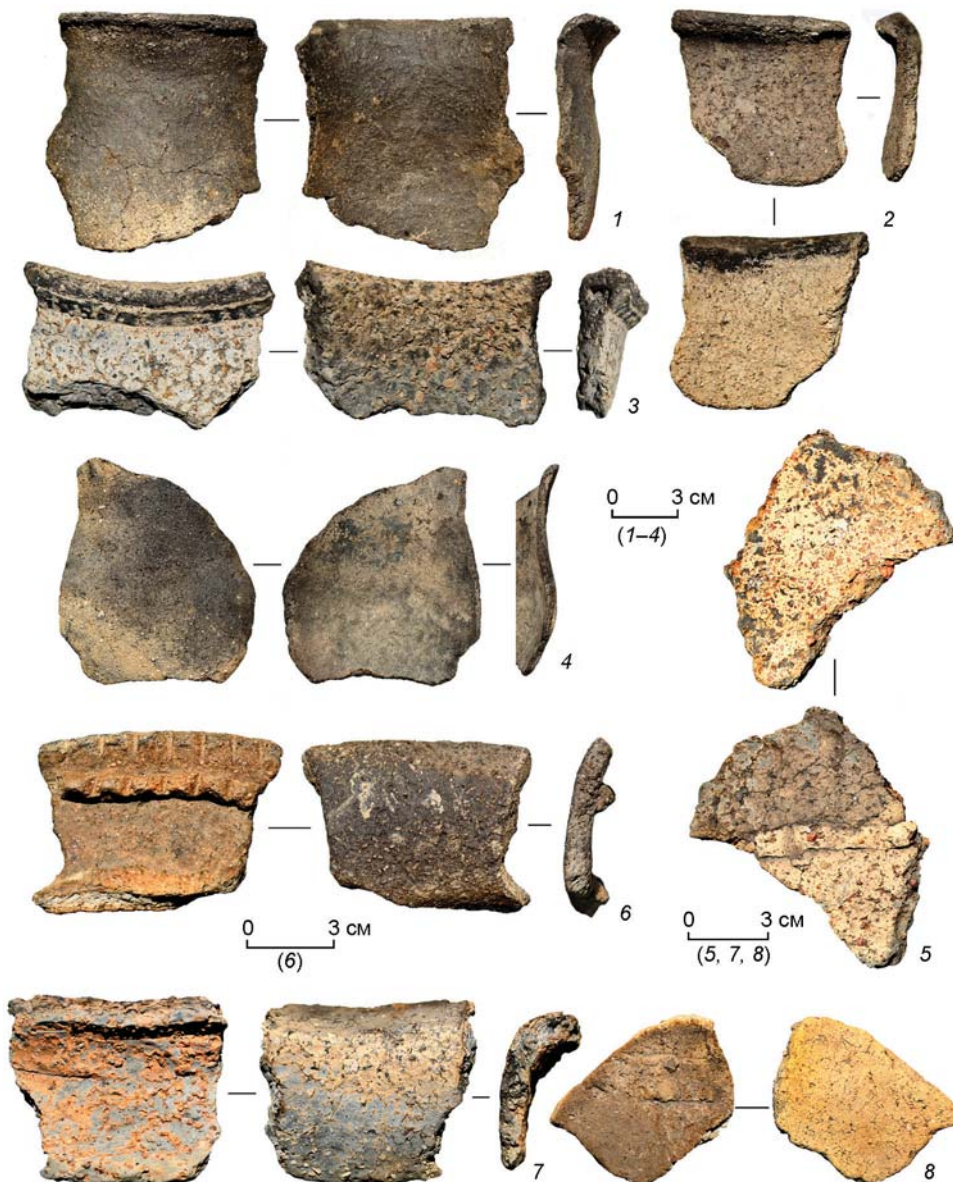

Рис. 3. Фрагменты керамики урильской культуры.

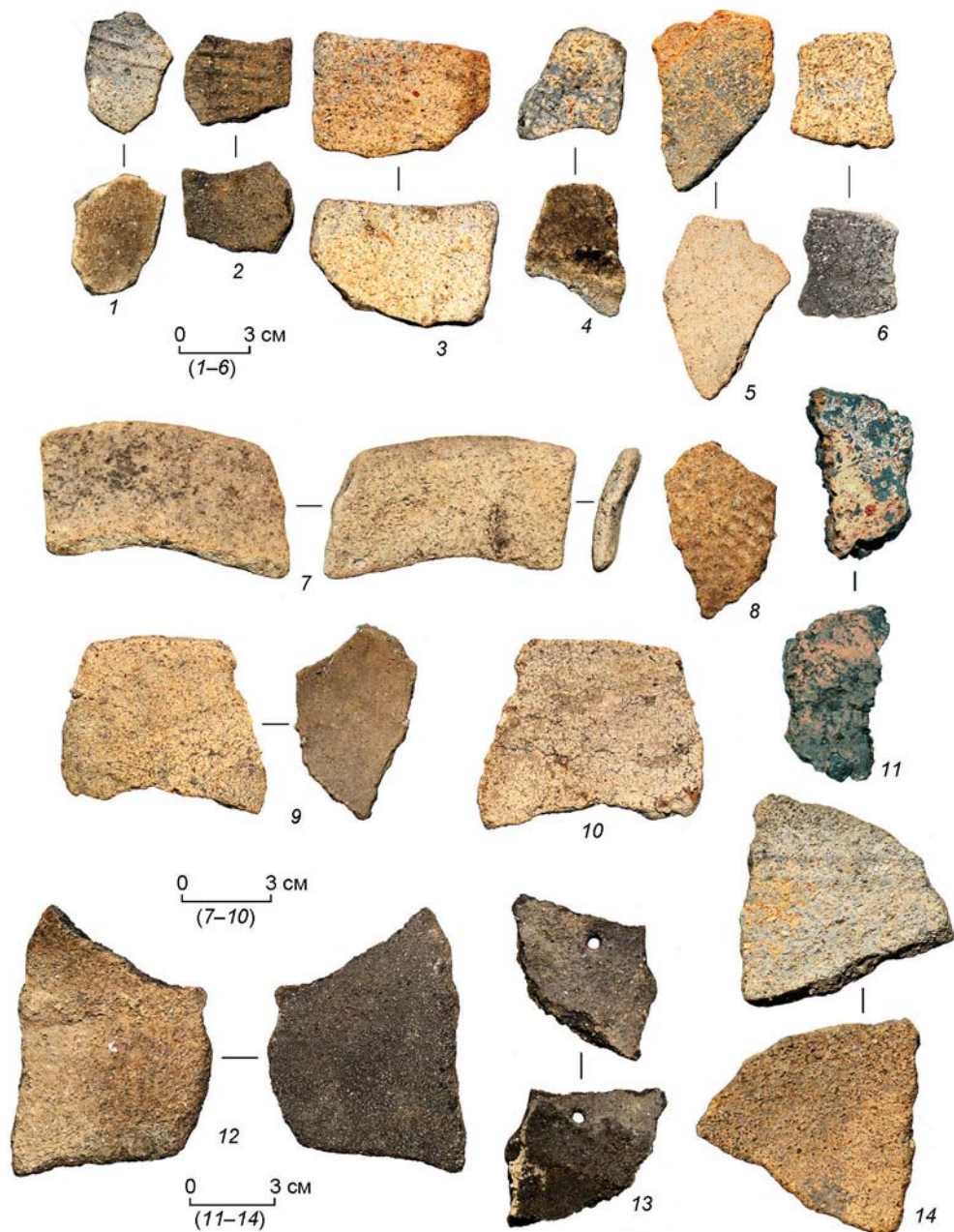

Рис. 4. Фрагменты керамики урильской (1, 3, 5-7, 9-14) и михайловской (2, 4, 8) культур.

жу, он гладкий (см. рис. 3, 1, 2). Возможно, к данному типу сосудов относится еще один венчик, только у него сразу под отогнутым наружу краем подлеплен рассеченный валик (рис. 3, 3). Невысокая плавно изогнутая горловина переходит в тулово без орнамента. Похожий сосуд был найден на стоянке Сухие Протоки-2 на р. Бурее [Там же, с. 87, табл. VIII, 7].

Один венчик мог быть от хорошо профилированного горшка. Он имеет ниже края венчика валик. Особенностью его является то, что и валик, и край венчика рассечены одновременно, одним движением, видимо, лопаточкой (рис. 3, 6). Такие сосуды обычно широкогорлые, с туловом средней и боль-

шой высотности. Они имеют выпуклое плечико средней высоты. Их нижняя часть плавно переходит в довольно широкое дно. Исследователи считают, что данный тип горшков имеет устойчивую встречаемость среди посуды урильской культуры [Там же, с. 40, табл. 2, 1-8, 13].

Полный профиль фрагмента сосуда малой или низкой формы имеет диаметр дна ок. 6 см и высоту 6,7 см (см. рис. 5, 2). Аналогичные чаши и миски имели широкое бытование у населения урильской культуры в Приамурье (пос. Кочковатка, Урильский Остров, Петропавловка, Рыбное Озеро) [Там же, с. 88, табл. IX]. К малым формам, вероятно, можно отнести и часть тулова с горловиной, про-

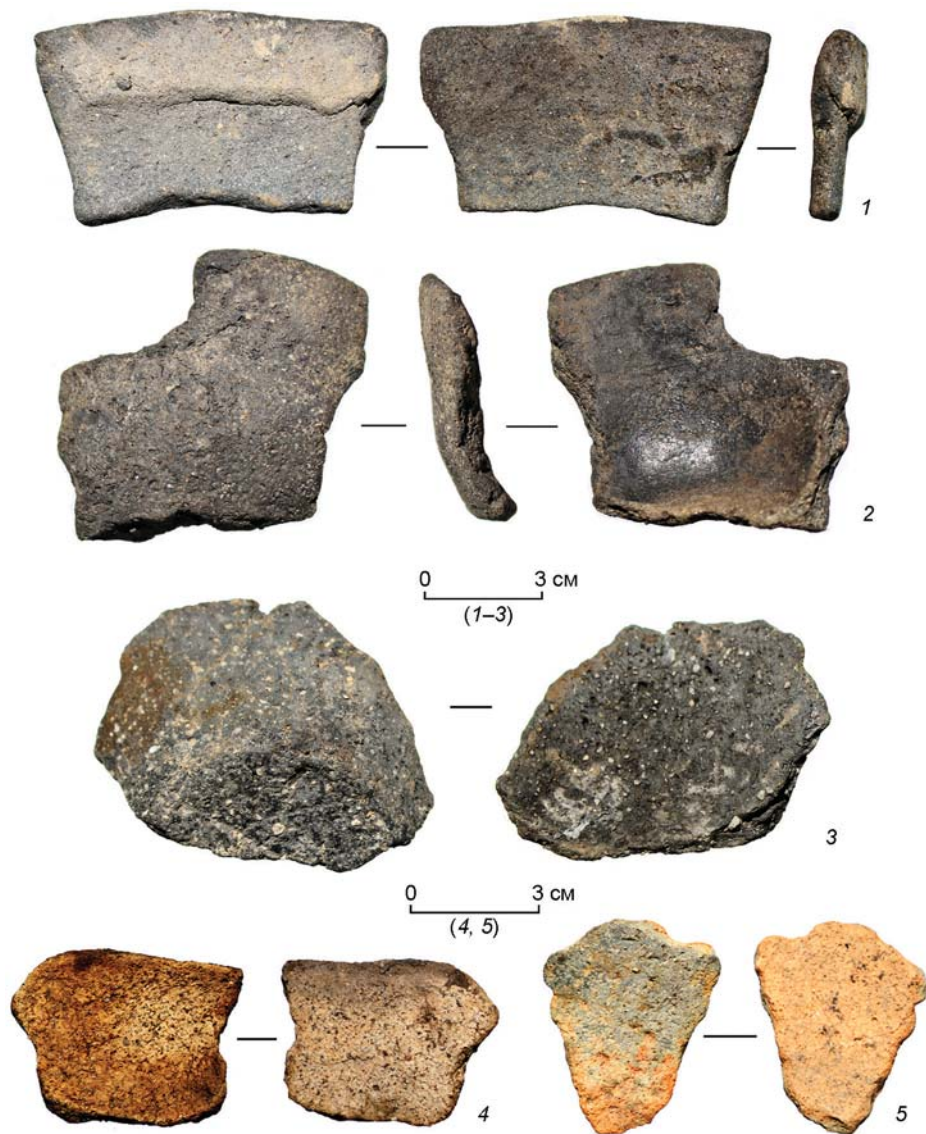

Рис. 5. Керамика урийской (2, 4, 5) и талаканской (1, 3) культур.

филь которой свидетельствует о небольшом размере горшка (см. рис. 3, 4). Большая часть фрагментов орнаментированных стенок сосудов также принадлежит керамике урийской культуры (см. рис. 4, 1, 3, 5–7, 9–14). Орнамент представлен уплощенными валиками-лентами, которые кроме подвенчиковой зоны часто налеплялись на месте перехода тулова к горловине сосуда (рис. 4, 12); выглаженными валиками (рис. 4, 1); прочесами гребенкой (рис. 4, 3).

Фрагментов керамики *талаканской культуры* (II в. до н.э. – III в. н.э.) в коллекции немного. Это венчик сосуда с подлепленной лентой-валиком у края среза с внешней стороны. Несмотря на замытость поверхности, можно увидеть, что на ленте имеются прочерченные разнонаправленные косые линии, образующие сетку (см. рис. 5, 1). Аналогичный орнамент на ленте-валике встречен на керамике с памятника Усть-Талакан на р. Бурее [Древ-

ности..., 2000, с. 282, рис. 55, 3, 4]. Ближайший памятник, где в 2008 г. было раскопано жилище талаканской культуры, датированное III в. н.э., расположен примерно в 35 км к юго-западу – на северном берегу оз. Долгого [Материалы..., 2009, с. 21].

На фрагменте доньшка, который, судя по небольшому диаметру, принадлежит талаканскому сосуду, просматриваются отпечатки листа дерева (рис. 5, 3). Аналогичные отпечатки листьев на доньшках чаш, изготовленных из придонных частей талаканских сосудов, найдены в жилище 1 памятника Усть-Талакан и в жилище 31 Озера Долгого, где чаша стояла около очага [Древности..., 2000, с. 308, рис. 82, 1; Материалы..., 2009, с. 246, табл. 91, 3]. Использование при формовке сосудов в качестве подкладки листьев известно также и в гончарстве урийской культуры [Гребенчиков, Дервянко, 2001, с. 24, рис. 18].

В составе керамической коллекции присутствуют три фрагмента стенок сосудов со сплошным вафельным орнаментом (см. рис. 4, 2, 4, 8). Фрагменты небольшие, вафельный орнамент с ячейками среднего и крупного размера. Вафельные отпечатки наносились сплошным орнаментальным полем как на сосуды урильской, так и на поверхность посуды михайловской культуры [Шеломихин, Нестеров, Алкин, 2017, с. 35, рис. 15; с. 36, рис. 17]. Для горшков талаканской культуры такой орнамент не характерен.

Заключение

Проведенный анализ коллекции керамики, собранной на берегу протоки Архары, позволяет говорить о наличии в данном месте поселения, которое было связано с носителями урильской культуры. Именно к данной культуре относится большая часть обломков сосудов. Однако наличие некоторого количества фрагментов керамики талаканской культуры предполагает второй этап заселения этого участка на левом берегу Архары. Присутствие в сборах фрагментов сосудов с вафельными отпечатками на тулове можно увязать и с носителями раннесредневековой михайловской культуры. Жилище данной культуры, датированное III–IV вв. н.э., раскопано на памятнике Озеро Долгое, относительно недалеко от местонахождения описанной керамики.

Если нами правильно определена урильская принадлежность блюда, изготовленного из придонной части сосуда, то необходимо отметить, что подобная реутилизация сломанных керамических емкостей для носителей урильской культуры не характерна. В последующих талаканской и михайловской культурах этот прием встречается чаще. По крайней мере, в материалах этих культур пока не обнаружены керамические изделия малых форм – чаши и пиалы. В их качестве использовали подработанные придонные части горшков.

В связи с тем что данное местонахождение керамики пока не включено в реестр археологического культурного наследия Амурской обл. как археологический памятник и не имеет соответствующего паспорта, предлагаем предварительно его назвать «Аркадьевка», по расположенному рядом одноименному селу.

Благодарности

Авторы благодарят А.Л. Гаврилова, жителя с. Аркадьева, С.В. Миринец, Н.Н. Юрченко из пос. Архара за возможность ознакомиться с керамической коллекцией из случайных сборов.

Список литературы

Волков Д.П. Новые городища в Амурской области // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. XII. – С. 304–307.

Волков Д.П., Коваленко С.В., Адамов В.С., Крючко Е.И., Нестеров С.П. Результаты мониторинга поселения раннего железного века на острове Урильском на реке Амур в 2019 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. XXV. – С. 353–359.

Гребенщиков А.В., Деревянко Е.И. Гончарство древних племен Приамурья (начало эпохи раннего железа). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 120 с.

Деревянко А.П. Ранний железный век Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1973. – 356 с.

Деревянко А.П., Деревянко Е.И., Нестеров С.П., Табарев А.В. Кадзунори Учиды, Даи Куникита, Кацуки Морисаки, Хироюки Мацудзаки. Новые радиоуглеродные даты громатухинской культуры начального этапа неолита в Западном Приамурье // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2017. – Т. 45, № 4. – С. 3–12. – doi:10.17746/1563-0102.2017.45.4.003-012.

Деревянко Е.И. Мохэские памятники среднего Амура. – Новосибирск: Наука, 1975. – 252 с.

Древности Буреи. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 352 с.

Забияко А.П. Ранний чжурчжэньский текст на скальных изображениях на реке Архаре в Приамурье (история, результаты исследования и новые данные) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2019. – Т. 47, № 3. – С. 94–103.

Зайцев Н.Н. Отчет об археологической разведке в Свободненском, Шимановском, Бурейском, Архаринском, Михайловском районах Амурской области в 2003 г. – Благовещенск, 2004. – 246 л. // Арх. Управления культуры Администрации Амурской обл. «Центр по сохранению историко-культурного наследия Амурской области».

История Амурской области с древнейших времен до начала XX века. – Благовещенск, 2008. – 424 с.

Мазин А.И. Таежные писаницы Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1986. – 260 с.

Материалы и исследования Российской-Корейской археологической экспедиции в Западном Приамурье / А.П. Деревянко, Бон Гон Ким, С.П. Нестеров, Мэн Сик Чой, Хён У Хон, Ён Хван Бён, Джон Сэн Пак, Я.Ю. Хабибуллина. – Тэджон: Изд-во Ин-та культурного наследия, 2009. – Вып. II: раскопки поселения Озеро Долгое в 2008 году. – 286 с.

Мыльников В.П. Фотография в отечественной археологии: по материалам исследований в Северной и Центральной Азии во второй половине XX – начале XXI века. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – 196 с.

Нестеров С.П. Бохайские могилы в Амурской области // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: мат-лы V междунар. науч.-практ. конф. (Благовещенск–Хэйхэ–Харбин, 18–23 мая 2015 г.). – Благовещенск: Изд-во Благовещ. гос. пед. ун-та, 2015. – Вып. 5. – С. 69–73.

Нестеров С.П., Гирченко Е.А. Концепции происхождения урильской культуры в Приамурье // Восток Азии: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия региона. К 15-летию Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области. – СПб.: Росток, 2018. – С. 201–209.

Новиков-Даурский Г.С. Историко-археологические очерки. Статьи. Воспоминания. – Благовещенск: Амурское кн. изд-во, 1961. – 192 с.

Окладников А.П., Ларичев В.Е. Археологические исследования в бассейне Амура в 1954 году // Традиционная культура востока Азии. – Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 1999. – С. 4–29.

Шеломихин О.А., Нестеров С.П., Алкин С.В. Долина Буреи в эпоху палеометалла: материалы и исследования памятников Букинский Ключ-1 и Безумка. – Благовещенск: Изд-во Благовещ. гос. пед. ун-та, 2017. – 194 с.

References

Antiquities of the Bureya. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2000, 352 p. (In Russ.).

Derevianko A.P. Rannii zheleznyi vek Priamur'ya. Novosibirsk: Nauka, 1973, 356 p. (In Russ.).

Derevianko A.P., Derevianko E.I., Nesterov S.P., Tabarev A.V., Kazunori

Uchida, Dai Kunikita, Kazuki Morisaki, and Hiroyuki Matsuzaki. New Data on the Chronology of the Initial Neolithic Gromatukha Culture, Western Amur Region. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2017, vol. 45, No. 4, pp. 3–12. doi:10.17746/1563-0102.2017.45.4.003-012. (In Russ.).

Derevianko A.P., Kim Bong Gon, Nesterov S.P., Choi Maeng Sik, Hong Hyuong Woo, Byun Young Hwan, Park Jong Seong, Habibullina Y.Y. Materialy i issledovaniya Rossiisko-Koreiskoi arkhеologicheskoi ekspeditsii v Zapadnom Priamur'e. Daejeon: Institute of Cultural Heritage Publ., 2009, iss. II: raskopki poseleniya Ozero Dolgoe v 2008 godu, 286 p. (In Russ.).

Derevianko E.I. Mokheskie pamyatniki srednego Amura. Novosibirsk: Nauka, 1975, 252 p. (In Russ.).

Grebenshchikov A.V., Derevianko E.I. Goncharstvo drevnikh plemen Priamur'ya (nachalo epokhi rannego zheleza). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2001, 120 p. (In Russ.).

Istoriya Amurskoi oblasti s drevneishikh vremen do nachala XX veka. – Blagoveshchensk, 2008, 424 p. (In Russ.).

Mazin A.I. Tazhnye pisanitsy Priamur'ya. Novosibirsk: Nauka, 1986, 260 p. (In Russ.).

Mylnikov V.P. Fotografiya v otechestvennoi arkhеologii: po materialam issledovaniy v Severnoi i Tsentral'noi Azii vo vtoroi polovine XX – nachale XXI veka. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, 196 p. (In Russ.).

Nesterov S.P. Bokhaiskie mogily v Amurskoi oblasti. In *Rossiya i Kitai: istoriya i perspektivy sotrudnichestva: materialy V mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Blagoveshchensk–Heihe–Haerbing, 18–23 maya 2015 g.)*. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical Univ. Press, 2015, iss. 5, pp. 69–73. (In Russ.).

Nesterov S.P., Girchenko E.A. Concepts of Uril Culture Origins in Priamurye. In *Vostok Azii: problemy izucheniya i sokhraneniya istoriko-kul'turnogo naslediya regiona. K 15-letiyu Tsentra po sokhraneniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Amurskoi oblasti*. St. Petersburg: Rostok, 2018, pp. 201–209. doi:10.18411/nes-2018-27. (In Russ.).

Novikov-Daursky G.S. Istoriko-arkhеologicheskie ocherki. Stat'i. Vospominaniya. Blagoveshchensk: Amurskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1961, 192 p. (In Russ.).

Okladnikov A.P., Larichev V.E. Arkhеologicheskie issledovaniya v basseine Amura v 1954 godu. In *Traditsionnaya kul'tura vostoka Azii*. Blagoveshchensk: Amur State Univ. Press, 1999, pp. 4–29. (In Russ.).

Shelomikhin O.A., Nesterov S.P., Alkin S.V. Dolina Burei v epokhu paleometalla: materialy i issledovaniya pamyatnikov Bukinskii Klyuch-1 i Bezumka. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical Univ. Press, 2017, 194 p. (In Russ.).

Volkov D.P. Novye gorodishcha v Amurskoi oblasti. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2006, vol. XII, pp. 304–307. (In Russ.).

Volkov D.P., Kovalenko S.V., Adamov V.S., Kryuchko E.I., Nesterov S.P. Early Iron Age Settlement Monitoring Resultson the Uril Island on the Amur River in 2019. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019, vol. XXV, pp. 353–359. doi:10.17746/2658-6193.2019.25.353-359. (In Russ.).

Zabiyako A.P. An Early Jurchen Text Among Rock Representations Near the Arkhara River in the Amur Basin (History, Research Results, and New Evidence). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2019, vol. 47, No. 3, pp. 94–103. doi:10.17746/1563-0110.2019.47.3.094-103. (In Russ.).

Zaitsev N.N. Otchet ob arkhеologicheskoi razvedke v Svobodnenskom, Shimanovskom, Bureiskom, Arkharinskom, Mikhailovskom raionakh Amurskoi oblasti v 2003 g. Blagoveshchensk, 2004, 246 fol. *Arkhiv Upravleniya kul'tury Administratsii Amurskoi oblasti «Tsentr po sokhraneniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Amurskoi oblasti»* (In Russ.).

МЫЛЬНИКОВ В.П. <https://orcid.org/0000-0002-7532-9607>

Нестеров С.П. <https://orcid.org/0000-0003-3629-2730>

Л.Н. Мыльникова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: L.Mylnikova@yandex.ru

Формовочные массы керамики андроновской (фёдоровской) культуры могильника Тартас-1: результаты инструментального исследования

Коллекция андроновской (фёдоровской) культуры могильника Тартас-1 частично введена в научный оборот: опубликованы характеристики морфологической и орнаментальной традиций. Для анализа формовочных масс 271 сосуда использованы методы выделения технологической информации. По результатам петрографического анализа представлено качественное и количественное соотношение между компонентами формовочной массы; в ходе рентгенофазового анализа зарегистрировано наличие всех кристаллических фаз. Методами дериватогравиметрии определены наличие минералов глины и карбонатов, степень термического разложения минералов глины при обжиге в процессе древнего производства, что позволило фиксировать качество глиняных изделий. Зафиксированы три рецепта ФМ: глинистое сырье + шамот (25); глинистое сырье + шамот + органика (75 %); глинистое сырье + шамот + дробленая порода + органика (3 образца). Сырьем для производства посуды служили суглинки с монтмориллонит-гидрослюдистой или гидрослюдистой глинистой частью. Отмечено использование минимум двух источников, один из них – с включением кальцитов. Глинистое сырье (мало, средне и сильно ожелезненное, средне запесоченное (10–30 %)) использовалось в состоянии естественной влажности (признаки высушивания и дробления не фиксируются). Минеральной добавкой в формовочные массы был шамот. Он зафиксирован во всех образцах в разной концентрации (1 : 20; 1 : 10; 1 : 7; 1 : 5; 1 : 4). Отмечена зависимость его количества от количества песка в глине. Органика выявлена в 75 % образцов. Три сосуда, изготовленные из формовочной массы по рецепту глинистое сырье + шамот + дробленая порода + органика, – привозные. Большая часть изделий обожжены в восстановительной среде, единицы – в окислительной. Образцы с кальцитом имеют хорошее качество обжига, остальные – более разнообразны по сохранности глинистого компонента в формовочной массе.

Ключевые слова: Барабинская лесостепь, андроновская (фёдоровская) культура, керамические сосуды, формовочные массы.

Lyudmila N. Mylnikova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: L.Mylnikova@yandex.ru

Ceramics Molding Masses of the Andronovo (Fedorovo) Culture Burial Ground Tartas-1: Instrumental Examination Results

The Tartas-1 Andronovo (Fedorovo) culture burial ground collection has been partially introduced into scientific circulation: the characteristics of morphological and ornamental traditions have been published. Methods of extracting technological information were used to analyze the molding mix of 271 vessels. The results of petrographic analysis provided the qualitative and quantitative relation between the components of a molding mass; X-ray phase analysis recorded the presence of all crystalline phases. Derivative gravimetry methods determined the presence of clay and carbonate minerals, and the degree of thermal decomposition of clay minerals during firing in the process of ancient production, which made it possible to record the quality of clay products. Three recipes for molding masses have been recorded: clay raw materials + chamotte (25); clay raw materials + chamotte + organic matter (75 %); and clay raw materials + chamotte + crushed rock

+ organic matter (3 samples). Loams with montmorillonite-hydromica or hydromica clay part were used as raw materials for the production of dishes. The use of at least two sources was noted, one of them with the inclusion of calcites. Clay raw materials (low, medium, and strongly ferruginous, medium sandy (1–30 %)) were used in a state of natural moisture (signs of drying and crushing are not recorded). Chamotte was a mineral additive in the molding mix and it was recorded in all samples at different concentrations (1 : 20; 1 : 10; 1 : 7; 1 : 5; 1 : 4). The dependence of its amount on the amount of sand in clay is noted. Organic matter was detected in 75 % samples. Three vessels made of the molding mass according to the recipe: clay raw materials + chamotte + crushed rock + organic matter, were imported. Most of the items are fired in a reducing environment and a few in an oxidizing environment. Samples with calcite have a good firing quality, the rest are more diverse in terms of the preservation of the clay component in the molding mass.

Keywords: Baraba forest-steppe, Andronovo (Fedorovo) culture, ceramic vessels, molding materials.

Введение

На территории Барабинской лесостепи на данный момент известны 13 памятников андроновской (фёдоровской) культуры [Молодин, 1985; Молодин, Дураков, Кобелева, 2018; Молодин и др., 2016; Молодин, Новиков, 1998; Наглер и др., 2012; Троицкая, Молодин, Соболев, 1980; и др.]. Среди них особое место в плане изучения гончарного производства занимает могильник Тартас-1. Это определяется его размерами, степенью изученности и коллекцией сосудов, полученных из погребальных комплексов. На памятнике раскопана площадь ок. 30 тыс. м² и исследованы почти 800 погребальных комплексов, большая часть которых относится к андроновской (фёдоровской) культуре [Молодин, Дураков, Кобелева, 2018; Молодин и др., 2018].

Керамический комплекс могильника Тартас-1 частично введен в научный оборот: опубликованы характеристики морфологической и орнаментальной традиций [Молодин, Мильникова, Иванова, 2014; Мильникова, Иванова, 2014].

Цель данной работы – представить результаты инструментального анализа формовочных масс сосудов андроновской (фёдоровской) культуры могильника Тартас-1.

Материалы и методы

В работе участвовали керамические материалы из южной и центральной части могильника Тартас-1. Проведен инструментальный анализ формовочных масс 271 сосуда (рис. 1). Значение аналитических методов в современной археологической науке трудно переоценить [Деревянко, Молодин, Шуньков, 2005]. Область их применения разнообразна и включает в себя практически все этапы исследования. Данные о составах древних материалов (металла, стекла, керамики, ткани, красителей и пр.) – новый исторический источник, который открывает такие стороны жизни древних обществ, которые недоступны для изучения без применения специальных методов. Они ценны сами по себе, даже если на современном

этапе не вполне помогают археологам решить конкретные культурные и хронологические региональные задачи.

В данной работе использованы методы выделения технологической информации. При помощи бинокулярной микроскопии с применением бинокулярного стереоскопического микроскопа (МБС-10) и стереомикроскопа Leica M80 проведено изучение формовочных масс (ФМ), выделены группы керамики по характеристике исходного сырья и добавок, а также отобраны образцы для петрографического (50 образцов), дериватограмметрического (термического, ДТГ) (22 образца) и рентгенофазового (РФА) (22 образца) анализов. По результатам петрографического анализа представлено качественное и количественное соотношение между компонентами формовочной массы; рентгенофазового – зарегистрировано наличие всех кристаллических фаз в образце керамики. Методами ДТГ определено наличие минералов глин и карбонатов, а также степень термического разложения минералов глин при обжиге в процессе древнего производства, что позволило фиксировать качество глиняных изделий [Физико-химическое исследование..., 2006].

Результаты исследования

В результате проведения бинокулярного (рис. 2) и далее – петрографического анализов (рис. 3–5) зафиксированы три рецепта ФМ – глинистое сырье + шамот; глинистое сырье + шамот + органика; глинистое сырье + шамот + дробленая порода + органика. Последний – единичен (3 экз.). Сырьем для производства посуды служили суглинки с монтмориллонит-гидроослюдистой или гидроослюдистой глинистой частью, иногда отмечена примесь хлорита (табл. 1). В двух случаях петрографы констатируют использование глин. Глинистое сырье мало, средне и сильно ожелезненное, средне запесоченное. По содержанию песка все образцы разделяются на две группы: 1) до 15 % – 3 % образцов; 2) от 15 до 30 % – 97 % образцов (с преобладанием 15–20%-ного содержания – 65 % изделий). Размеры

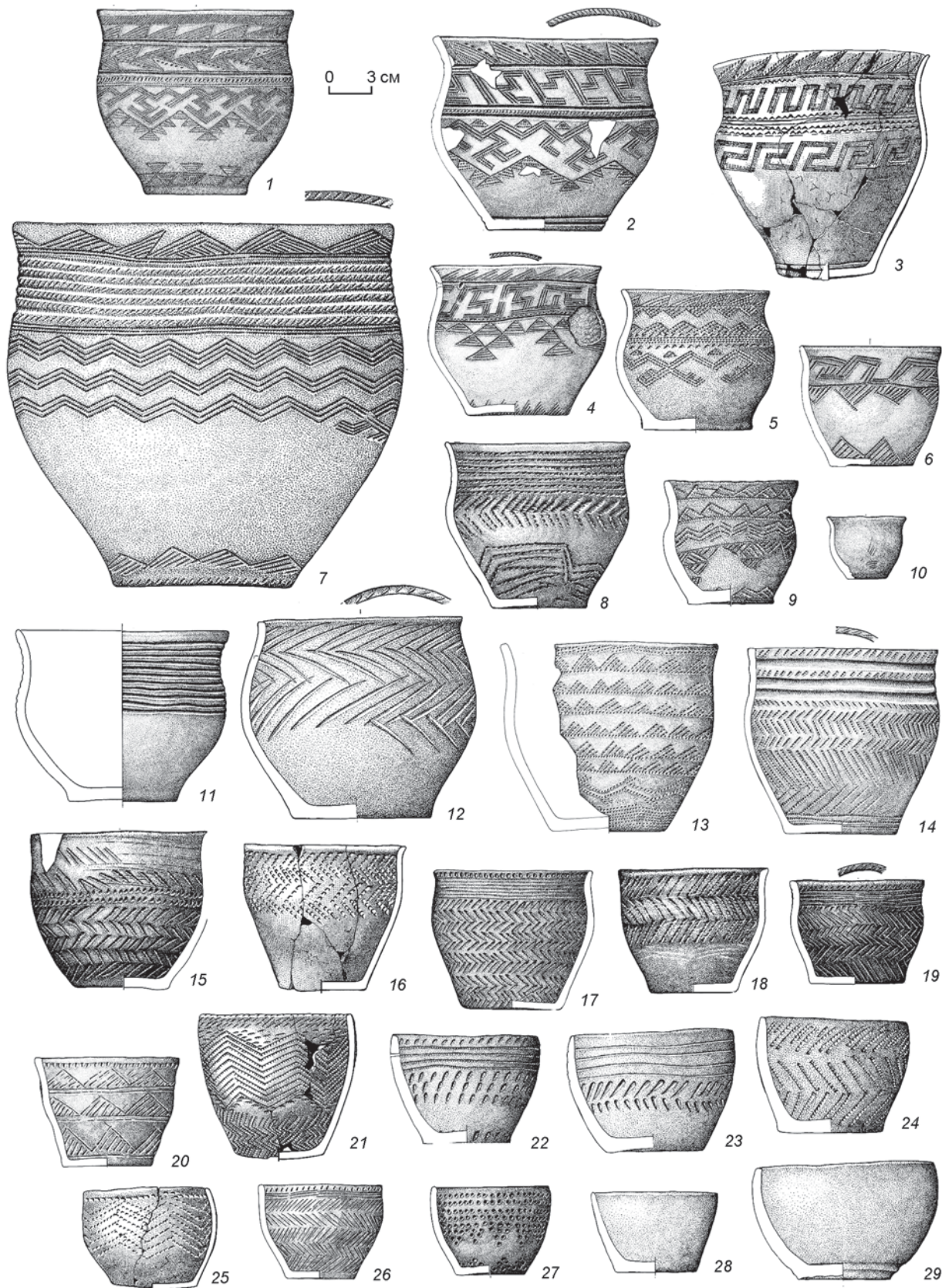

Рис. 1. Керамические сосуды из могильника Таргас-1 (после косой черты указан номер сосуда в погребении).

1 – погр. 61/4; 2 – погр. 48/2; 3 – погр. 100/2; 4 – погр. 41/1; 5 – погр. 335; 6 – погр. 81/1; 7 – погр. 64; 8 – погр. 54/1; 9 – погр. 351/1; 10 – погр. 34; 11 – погр. 48/1; 12 – погр. 350/2; 13 – погр. 34/1; 14 – погр. 47/1; 15 – погр. 161/2; 16 – 137/1; 17 – погр. 133; 18 – погр. 161/1; 19 – погр. 153; 20 – погр. 41/2; 21 – погр. 100; 22 – погр. 358/5; 23 – погр. 352; 24 – погр. 350/1; 25 – погр. 114; 26 – погр. 46; 27 – погр. 66/2; 28 – погр. 354; 29 – погр. 353.

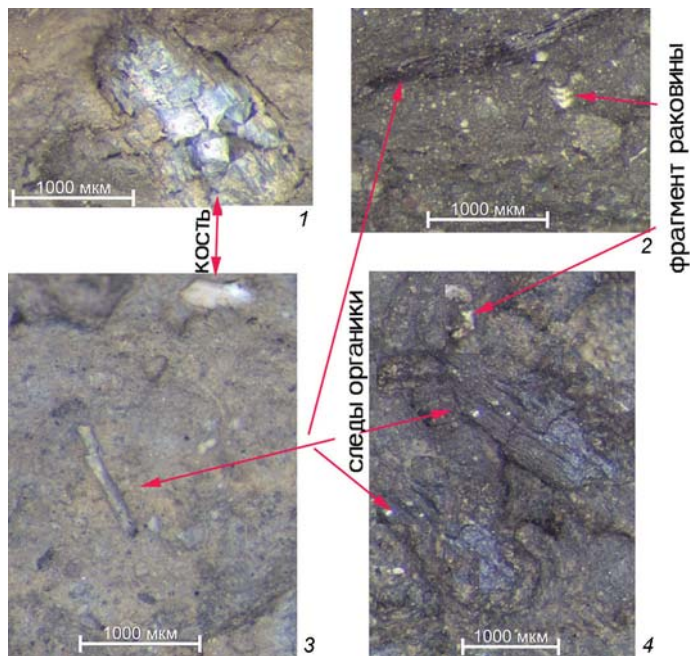

Рис. 2. Микрофотографии естественных примесей в изломах сосудов.

1, 3 – кальцинированная кость; 2, 4 – фрагмент раковины; 2, 3, 4 – следы органики.

песчинки различны: от 0,08 до 0,5 мм, преобладают 0,05–0,10 мм. В шлифах они распределены довольно равномерно, участками – слабо гнездовидно, обломки полуугловатые, угловатые, окатанные, полуокатанные. Состав песка: обломки полевых шпатов и кварца (примерно в одинаковых количествах либо с преобладанием первых), единично – глинисто-кремнистые обломки, цоизит, эпидот, слюда, биотит, роговая обманка (см. рис. 3–5). Отметим, что в песчаных отложениях по берегам р. Тартас мелкие слюдяные включения видны невооруженным глазом. Также они четко диагностируются на поверхности сосудов.

Проблема определения искусственного или естественного характера песка в ФМ изделий – довольно сложная [Бобринский, 1978; Цетлин, 2012]. Его высокая доля могла бы служить доказательством искусственного введения. Однако в данном случае большая часть глинистого сырья добывалась вблизи или по краям водоемов: в нем фиксируются при бинокулярном и петрографическом исследовании фрагменты раковин, косточек, каналы водной органики, фосфатные комочки (см. рис. 2; 3, 1, 12; 4, 1–3). Доля песка в таких «глинищах» может быть различной [Книгина, 1966].

Глинистое сырье использовалось в состоянии естественной влажности (признаки высушивания и дробления не фиксируются).

Для 40 % образцов в глинистом сырье зафиксирован кальцит, причем его обнаруживает и РФА,

и ДТГ (табл. 1, 2). Это дает основания говорить минимум о двух разных источниках сырья, используемых гончарами для производства керамики.

Данный состав сырья обычен для Барабинской лесостепи. По исследованиям Е.В. Ламиной, Э.В. Лотовой и Н.Н. Добрецова, пригодными для изготовления глиняного теста в данном регионе являются суглинки и некоторые разновидности лессовых пород. Те и другие естественным образом отощены песчаным материалом [1995, с. 71]. По заключению авторов, в этом регионе мастера могли использовать материал из любых ближайших обнажений [Там же, с. 72]. В р.п. Венгерovo кирпичный завод действовал до 2008 г. (на местном сырье). А в с. Зыково (в 16 км к востоку от Венгерovo) сохранились остатки кирпичного завода (с обломками кирпичей!), построенного и действовавшего в годы Великой Отечественной войны.

Минеральной добавкой в ФМ был шамот. Он зафиксирован во всех образцах. Можно говорить о тесной зависимости его количества от количества песка в глине (чем больше песка, тем меньше шамота): в разных образцах зафиксировано от 5 до 27 % шамота с преобладанием двух концентраций 10–15 и 20–25 % (1 : 20; 1 : 10; 1 : 7; 1 : 5; 1 : 4). Обломки шамота – неправильной, удлиненной, таблитчатой, клиновидной формы, бурого, темно-бурого, почти черного цвета. Шамот некалиброванный, размеры обломков от 0,1 до 3,2 мм. Состав обломков сходен с составом основного черепка. Встречается в одном образце сочетание шамота с различным количеством песка, разного цвета; шамота в шамоте, отличающемся цветом, размером песка и его содержанием. Это означает, что мастер использовал для создания сосуда бой изделий с разным количеством песка в ФМ.

Тощие гидрослюдистые суглинки и глины требовали для изготовления качественных изделий добавок, позволяющих снизить растрескивание и деформацию при сушке и обжиге. Органика отмечена в 75 % образцов. Проявляется в виде коротких извилистых, полых канавок-трещинок шириной до 0,01–0,05 мм, ориентированных субпараллельно. Они составляют от 1 до 3 % площади шлифа. Подобные мелкие следы в совокупности с характерным изломом черепка могут свидетельствовать об использовании выжимок или жидких растворов.

Особый интерес представляют три сосуда, изготовленные из ФМ по рецепту глинистое сырье + шамот + дробленая порода + органика (погр. 121/3;

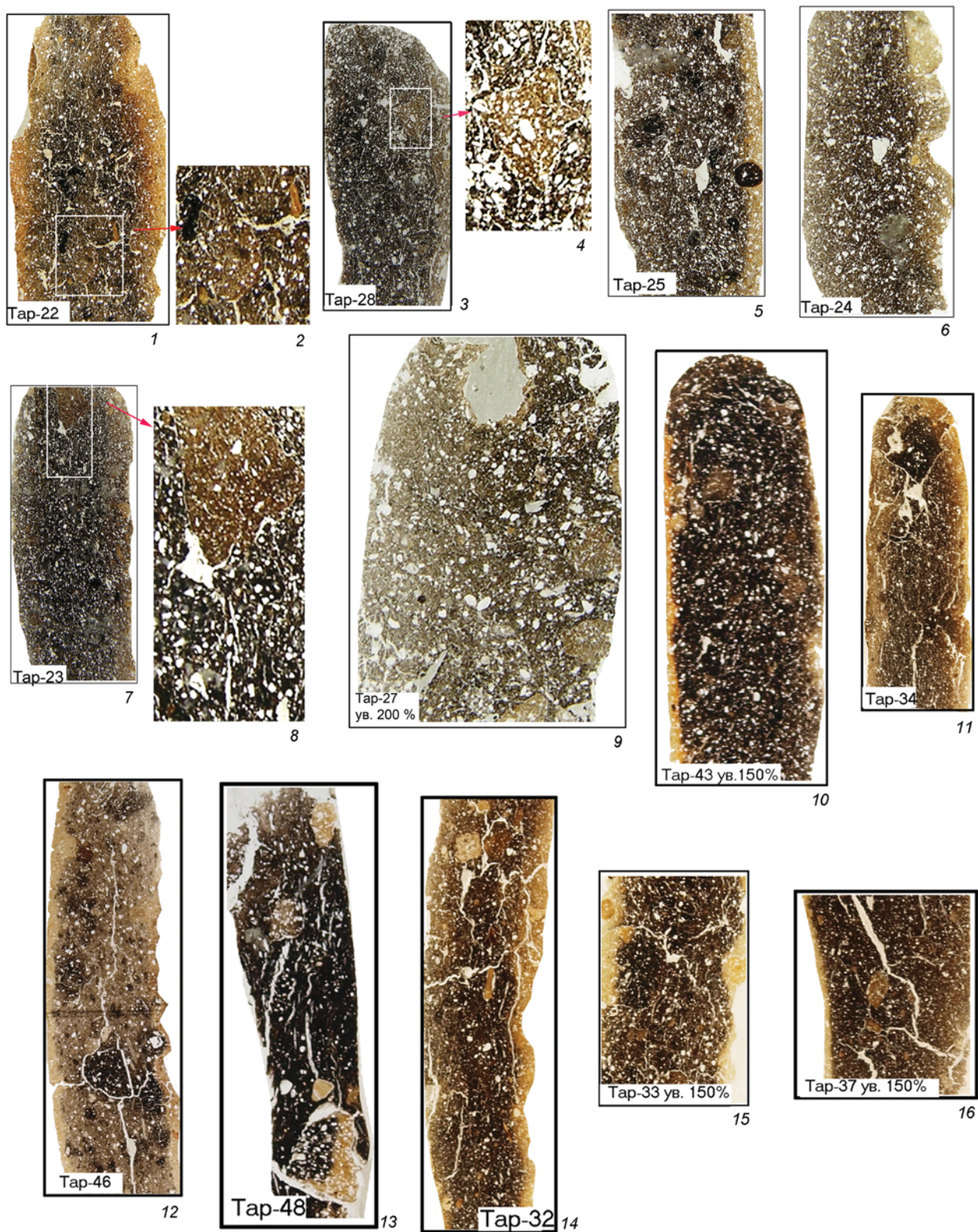

Рис. 3. Фото участков шлифов образцов сосудов, обожженных в восстановительном режиме (после косой черты указан номер сосуда в погребении).

1, 2 – погр. 114/1; 3, 4 – погр. 134; 5 – погр. 137/1; 6 – погр. 153/1; 7, 8 – погр. 100/2; 9 – погр. 133; 10 – погр. 108/1; 11 – погр. 50; 12 – погр. 117; 13 – погр. 121/4; 14 – погр. 46/2; 15 – погр. 48/2; 16 – погр. 60.

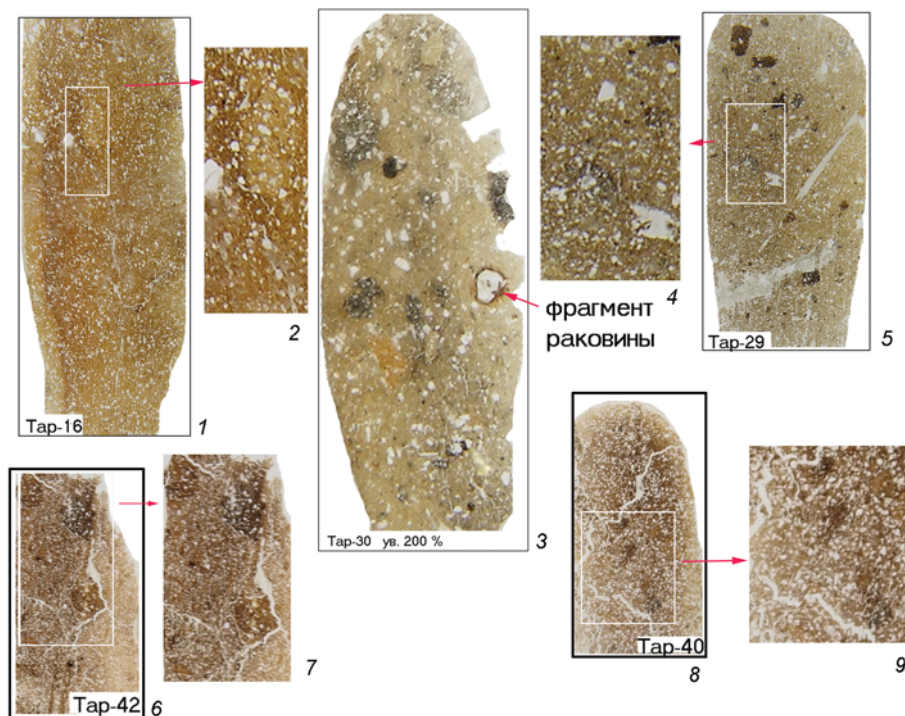

Рис. 4. Фото участков шлифов образцов сосудов, обожженных в окислительной среде (после косой черты указан номер сосуда в погребении).

1, 2 – яма 205, объект 16; 3 – погр. 161/2; 4, 5 – погр. 161/1; 6, 7 – погр. 106; 8, 9 – погр. 82.

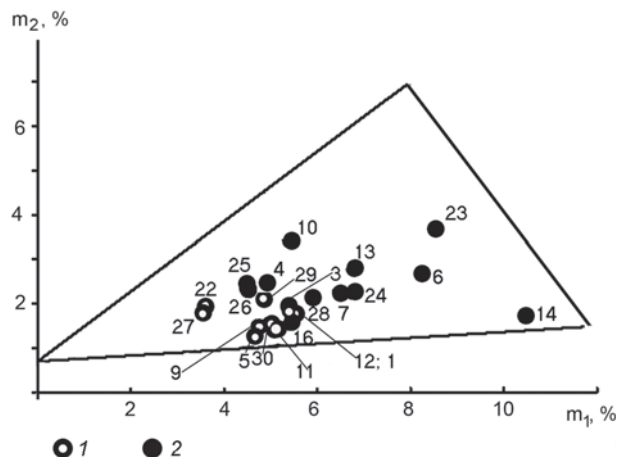

Рис. 5. Результаты термографических измерений образцов сосудов.

1 – образцы с кальцитом в формовочной массе; 2 – образцы без кальцита.

121/4 (см. рис. 3, 13); 122). Дробленая порода в данном случае представлена кварцем, иногда давлением, волнисто- и мозаичноугасающим, меньше – полевыми шпатами, часто измененными, обломками основной массы кислых эффузивов, гранитоидов; единично – обломками рудного минерала. Обломки распределены равномерно: полуугловатые, полуокатанные, угловатые. Их размер: 0,08–1,1 мм, преобладает 0,1–0,3 мм. Породные

обломки составляют долю в 30–35 % ($\approx 1 : 3$) от площади образца. Учитывая ситуацию, что в Барабе отсутствуют выходы камня (тем более – гранитоиды), эти сосуды являются для данного региона привозными.

Петрографические шлифы (рис. 3, 4), их цвет, наглядно демонстрируют способ обжига изделий. Гончары, продукция которых участвовала в погребальном обряде, предпочитали восстановительный режим с последующим быстрым извлечением изделий из обжигового устройства. Итогом этих процессов были сосуды, излом которых при черном основном цвете имел тонкую светлую (оранжевую, бежевую) полоску на внешней, редко – и в верхней части внутренней поверхности (см. рис. 3, 1, 5, 8; 4, 1, 3–7). Однако и окислительный режим мастеров был известен (см. рис. 5), хотя таких сосудов единицы.

Результаты *термогравиметрических измерений* (табл. 2) демонстрируют значительную потерю массы для всех образцов: минимальное значение на всем интервале температур составляет 7,28 % для образца № Тар-9, а максимальное – 14,08 % (для образца № Тар-23). Особенной чертой образцов керамики № Тар-1, Тар-5, Тар-9, Тар-11, Тар-12, Тар-22, Тар-27, Тар-29, Тар-30 является наличие кальцита, что было подтверждено и *рентгенографическими* измерениями (см. табл. 1). Более всего кальцита

Таблица 1. Результаты измерения образцов на дифрактометре D8-GADDS

Шифр образца	Местонахождение сосуда / порядковый номер сосуда в погребении	Фазовый состав кристаллической составляющей	Примечания
Тар-1	Погр. 34/1	Кварц, полевые шпаты (альбит-анортит), иллиты (мусковит)	следы кальцита
Тар-3	Погр. 54/1	То же	–
Тар-4	Погр. 48/1	»	следы минерала типа хлорита
Тар-5	Погр. 64	»	–
Тар-6	Погр. 41/2	»	–
Тар-7	Погр. 66/2	»	возможно, следы минерала типа хлорита
Тар-9	Погр. 47/1	Кварц, полевые шпаты (альбит-анортит), иллиты (мусковит), кальцит	–
Тар-10	Погр. 41/1	То же	–
Тар-11	Погр. 46/1	»	–
Тар-12	Погр. 61/4	Кварц, полевые шпаты (альбит-анортит), иллиты (мусковит), кальцит	наиболее ярко выражены линии кальцита
Тар-13	Траншея 42, яма	То же	–
Тар-14	Погр. 86/2	»	–
Тар-16	Яма 205, объект 16	»	–
Тар-22	Погр. 114/1	Кварц, полевые шпаты (альбит-анортит), кальцит, иллиты (мусковит)	пики мусковита слабо выражены
Тар-23	Погр. 100/2	Кварц, полевые шпаты (альбит-анортит), иллиты (мусковит)	–
Тар-24	Погр. 153/1	То же	–
Тар-25	Погр. 137/1	»	–
Тар-26	Погр. 123/1	»	следы минерала типа хлорита
Тар-27	Погр. 133	»	следы кальцита
Тар-28	Погр. 134	»	–
Тар-29	Погр. 161/1	»	следы кальцита
Тар-30	Погр. 161/2	»	следы кальцита

в образце № Тар-22 (см. табл. 2). Оценка по общей потере массы дает значение 9,78 % (потеря массы за счет разложения кальцита ок. 3,3 %).

Результаты ДТГ-измерений показаны на диаграмме сохранности глинистого компонента (см. рис. 5). Основная масса исследованных образцов имеет обжиг среднего качества и сравнима с качеством основной массы изделий переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку. При этом образцы с кальцитом в формовочной массе расположены компактно, имеют близкие параметры и самое хорошее качество обжига из данной серии (показательно, что образцы № Тар-09 и Тар-11 – сосуды из погр. 47 и 46, расположенных в одном ряду). Образцы без кальцита более разнообразны по сохранности глинистого компонента в формовочной массе. Часть из них входит в группу с кальцитом, т.е. достаточно хорошо обожжены, а образцы № Тар-6, Тар-14, Тар-23 имеют некачественный обжиг. График также демонстрирует различное содержание в образцах глинистого компонента, что зависит не только от

качества обжига, но и от доли в ФМ шамота (или песка в сырье) [Физико-химическое исследование..., 2006, с. 27–29, 43–50], что подтвердил петрографический анализ.

Заключение

По результатам анализа ФМ керамической коллекции южной и центральной части памятника Тартас-1 складывается картина одной сформированной традиции составления ФМ – шамотной. Но обозначить ее для данного региона культурообразующей – некорректно, т.к. она обеспечена технической целесообразностью, подчинена необходимости приспособления гончаров к местной сырьевой базе (наличие однотипного глинистого сырья и отсутствие выходов камня как минерального сырья). Данный вывод может служить доказательством уже совершившегося процесса адаптации гончаров к местным условиям. Это тем более вероятно, что пока не зафиксировано ни одного сосуда с чистым рецептом – глина + породные об-

Таблица 2. Результаты термогравиметрических измерений образцов керамики

Шифр образца	Местонахождение сосуда / порядковый номер сосуда в погребении	Потеря массы на разных температурных интервалах, %			Общая потеря массы	Наличие кальцита, %
		22–350 °С, m_1^*	350–600 °С, m_2^{**}	600–850 °С		
Тар-1	Погр. 34/1	5,55	1,77	1,14	8,46	0,4
Тар-3	Погр. 54/1	5,43	1,94	1,09	8,46	–
Тар-4	Погр. 48/1	4,93	2,39	1,83	9,15	–
Тар-5	Погр. 64	4,68	1,54	1,44	7,66	1
Тар-6	Погр. 41/2	8,16	2,70	1,17	12,03	–
Тар-7	Погр. 66/2	6,48	2,39	1,68	10,55	–
Тар-9	Погр. 47/1	4,64	1,32	1,32	7,28	0,9
Тар-10	Погр. 41/1	5,71	3,40	1,99	11,10	–
Тар-11	Погр. 46/1	4,94	1,65	1,78	8,37	0,8
Тар-12	Погр. 61/4	5,48	1,84	2,59	9,91	2
Тар-13	Траншея 42, яма	6,85	2,86	0,98	10,69	–
Тар-14	Погр. 86/2	10,55	1,85	0,15	12,55	–
Тар-16	Яма 205, объект 16	5,52	1,80	0,42	7,74	–
Тар-22	Погр. 114/1	3,79	2,05	3,94	9,78	3,3
Тар-23	Погр. 100/2	8,58	3,75	1,75	14,08	–
Тар-24	Погр. 153/1	6,74	2,33	1,36	10,43	–
Тар-25	Погр. 137/1	4,50	2,34	1,77	8,61	–
Тар-26	Погр. 123/1	4,52	2,37	1,59	8,48	–
Тар-27	Погр. 133	3,74	1,87	2,19	7,80	1,5
Тар-28	Погр. 134	5,97	2,22	1,54	9,73	–
Тар-29	Погр. 161/1	4,81	2,11	1,54	8,46	0,6
Тар-30	Погр. 161/2	4,78	1,56	1,84	8,18	1

* m_1 – потеря массы на этапе дегидратации; ** m_2 – потеря массы на этапе разложения гидроксила.

ломки. Три сосуда с породными обломками в ФМ не могли быть изготовлены местными мастерами, т.е. являются привозными. Смешение разных «минеральных» традиций (шамотной с породными обломками) произошло, очевидно, не на территории проживания группы населения, захороненной в могильнике. Однако следует подчеркнуть, что четкого понимания характера глинистого сырья и доли шамота в рецепте у древних мастеров сформировано не было.

Анализ данных по технологии изготовления сосудов андроновской культуры Барабы и сопредельных территорий свидетельствует о том, что каждый исследованный памятник в рамках одного региона демонстрирует разные наборы рецептов ФМ.

Е.В. Ламина для андроновской керамики Барабы отмечает один рецепт: глина + шамот + органика, причем в последней видит добавку в виде золы, которую мастера применяли в достаточно строгой дозировке [Ламина, Лотова, Добрецов, 1995, с. 74–81; табл. 3.2].

Для коллекции сосудов из Каргата-6 О.В. Софейков выделил три рецепта ФМ: глина + песок + шамот + толченая раковина; глина + песок + шамот; глина + песок, считая гончарную традицию

смешанной и связанной с алакульской (в ней зафиксирована в составе ФМ раковина. – Л. М.) [1990, с. 94–95].

И.Г. Глушков, опираясь на данные О.В. Софейкова, утверждал, что барабинские андроновские материалы демонстрируют смешанные рецепты составления формовочных масс [1996].

В последние годы алтайские ученые активно публикуют новые данные по керамическим комплексам андроновской культуры. А.И. Гутков для керамики могильника Рублево VIII зафиксировал 11 рецептов ФМ, где основными выявлены: глина + глина сухая нежелезная (глина сух. неж.) + шамот + органика и глина + глина сух. неж. + шамот + навоз. Далее следуют: глина + шамот + органика; глина + шамот + навоз; глина + глина сух. неж. + шамот + кость + навоз; глина + шамот + кость + органика; глина + кость + органика; глина + глина сух. неж. + органика; глина + глина сух. неж. + шамот + дресва кварц. + органика; глина + шамот + кость + навоз; глина + глина сух. неж. + навоз [Гутков, Папин, Федорук, 2014, с. 312].

По данным В.А. Борисова, андроновские гончары изготавливали ритуально-погребальную посуду из особым образом приготовленной ФМ и обжига-

ли ее при низкой температуре в течение короткого времени, преимущественно в восстановительной атмосфере. Посуда содержит как песчано-древянные добавки (Чекановский Лог-3, Еловский II могильник), так и шамотные (Дегтяревка-1 (Ур), Чудиновка-1, Красная Горка-1). Состав формовочных масс керамики поселения Тамбарское Водохранилище имеет смешанный характер (шамот + песок + дресва) [Борисов, 2000, с. 172].

Анализируя исходное сырье и формовочные массы посуды Алтайского региона, Д.С. Леонтьева пришла к заключению, что использованные на определенном поселении глины происходят из разных источников, формовочные массы составлялись по нескольким рецептам, в которых зафиксировано различное содержание шамота, дресвы, кости, органических растворов, навоза, выжимок. На большинстве поселений шамотная традиция доминировала, на трех – наблюдалось смешение традиций, а на поселении Чекановский Лог-3А присутствовало значительное количество смешанных рецептов при преобладании в качестве примеси дресвы [2016].

Похожую ситуацию фиксируют исследования В.В. Илюшиной на памятниках Притоболья [2016, 2019]. Например, для ФМ поселения Курья-1 она выделяет 11 рецептов: шамот; шамот + выжимка из навоза; шамот + органический раствор; шамот + навоз; шамот + кальцинированная кость + выжимка из навоза; шамот + кальцинированная кость + органический раствор; шамот + кальцинированная кость + навоз; шамот + песок + выжимка из навоза; шамот + песок + органический раствор; шамот + тальк + выжимка из навоза; шамот + кальцинированная кость + тальк + выжимка из навоза [2014, с. 30, табл. 2]. ФМ поселения Черемуховый Куст приготовлены с использованием двух видов сырья и чаще всего с примесью шамота и различных органических добавок [Зах, Илюшина, 2010].

Таким образом, наличие разнообразных рецептов ФМ керамики памятников одного региона характерно не только для Барабы, но и для сопредельных территорий. В.И. Молодин уже высказывал и обосновывал идею о различных направлениях миграционных волн на территорию Барабы [2011], подчеркивая, что проникновения мигрантов-андроновцев (фёдоровцев) в Барабинскую лесостепь и взаимодействия последних с аборигенами, скорее всего, повторялись многократно и миграции происходили с разных территорий запада, уже заселенного носителями андроновской историко-культурной общности [Там же; Молодин и др., 2016]. Этот процесс отражался и на гончарном производстве. Возможно, мастера – носители определенных (своих) традиций составления

ФМ, пришедшие на данную территорию, уже знали об особенностях местной сырьевой базы.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР № 0329-2019-0003 «Историко-культурные процессы в Сибири и на сопредельных территориях».

Список литературы

- Бобринский А.А.** Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. – М.: Наука, 1978. – 272 с.
- Борисов В.А.** Опыт разработки и применения экспериментальных методов исследования керамики: дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2000. – 381 с.
- Глушков И.Г.** Керамика как исторический источник. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – 328 с.
- Гутков А.И., Папин Д.В., Федорук О.А.** Культурные особенности андроновской керамики из могильника Рублево VIII // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях: сб. памяти Е.Е. Кузьминой. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. – С. 311–321.
- Деревянко А.П., Молодин В.И., Шуньков М.В.** Междисциплинарные исследования Института археологии и этнографии СО РАН за последнее десятилетие // РА. – 2005. – № 2. – С. 5–19.
- Зах В.А., Илюшина В.В.** Посуда федоровской культуры Нижнего Притоболья (по материалам поселения Черемуховый Куст) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2010. – № 2 (13). – С. 41–50.
- Илюшина В.В.** Керамика федоровской культуры поселения Курья 1 в Нижнем Притоболье // РА. – 2014. – № 3. – С. 26–38.
- Илюшина В.В.** Технология изготовления керамики у населения федоровской культуры поселения Щетково-2 в Нижнем Притоболье // Седьмые Берсовские чтения: мат-лы всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Екатеринбург: Квадрат, 2016. – С. 166–171.
- Илюшина В.В.** Технология изготовления керамики у населения алакульской и федоровской культур поселения Бочанцево 1 // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2019. – № 2 (45). – С. 36–48.
- Книгина Г.И.** Улучшение технологических свойств сибирских суглинков. – Новосибирск: Зап.-сиб. кн. изд-во, 1966. – 35 с.
- Ламина Е.В., Лотова Э.В., Добрецов Н.Н.** Минералогия древней керамики Барабы. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. – 128 с.
- Леонтьева Д.С.** Керамика андроновской культуры степного и лесостепного Алтая (по материалам поселений): дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2016. – 287 с.
- Молодин В.И.** Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В.И. Миграции носителей андроновской культурно-исторической общности в Барабинскую лесостепь // Древнее искусство в зеркале археологии: к 70-летию Д.Г. Савинова. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – С. 58–69. – (Труды САИПИ; вып. VII).

Молодин В.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С. Планиграфия погребальных комплексов андроновской (фёдоровской) культуры на могильнике Тартас-1: к постановке проблемы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – С. 290–292.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Иванова Д.П. Морфологический анализ сосудов эпохи развитой бронзы (первая половина II тыс. до н.э.) лесостепного Прииртышья (по материалам погребальных комплексов Венгерского микрорайона) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – № 2. – С. 44–66.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Селин Д.В., Нескоров А.В. Андроновский (федоровский) комплекс на памятнике Старый Сад (Барабинская лесостепь) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология, 2016. – Т. 15. – № 3: Археология и этнография. – С. 63–86.

Молодин В.И., Новиков А.В. Археологические памятники Венгерского района Новосибирской области. – Новосибирск: Науч.-производ. центр по сохранению ист.-культ. наследия, 1998. – 140 с.

Молодин В.И., Хансен С., Мыльникова Л.Н., Райнхольд С., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Нестерова М.С., Ненахов Д.А., Ефремова Н.С., Ненахова Ю.Н., Селин Д.В., Демахина М.С. Основные итоги полевых исследований Западно-Сибирского отряда Института археологии и этнографии СО РАН в Барабинской лесостепи в 2018 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – С. 310–314.

Мыльникова Л.Н., Иванова Д.П. Орнамент на керамике андроновской (федоровской) культуры Барабинской лесостепи (по результатам сравнительного анализа материалов могильников Старый Тартас-4 и Тартас-1) // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. – С. 285–310.

Наглер А., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Молодин В.И., Хансен С. Андроновские (федоровские) курганы могильника Погорелка-2 в Центральной Барабе // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 249–253.

Софеев О.В. Андроновская керамика поселения Каргат 6 и некоторые вопросы технологии // Древняя керамика Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1990. – С. 89–99.

Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И. Археологическая карта Новосибирской области. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1980. – 184 с.

Физико-химическое исследование древней керамики (на примере изделий переходного времени от бронзового к железному веку). – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. – 98 с. – (Интеграционные проекты СО РАН, вып. 6).

Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. – М.: ИА РАН, 2012. – 384 с.

References

Bobriniskii A.A. Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniya. Moscow: Nauka, 1978, 272 p. (In Russ.).

Borisov V.A. Opyt razrabotki i primeneniya eksperimental'nykh metodov issledovaniya keramiki: cand. sc. (history) dissertation abstract. Barnaul, 2000, 381 p. (In Russ.).

Derevyanko A.P., Molodin V.I., Shunkov M.V. Multidisciplinary researches conducted at the Institute of Archaeology and Ethnography during the recent. *Rossiiskaya arkhologiya*, 2005, No. 2, pp. 5–19. (In Russ.).

Fiziko-khimicheskoe issledovanie drevnei keramiki (na primere izdelii perekhodnogo vremeni ot bronzovogo k zheleznomu veku). Novosibirsk: SB RAS Publ., 2006, 98 p. (Integratsionnye proekty SB RAS , iss. 6). (In Russ.).

Glushkov I.G. Keramika kak istoricheskii istochnik. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1996, 328 p. (In Russ.).

Gutkov A.I., Papin D.V., Fedoruk O.A. Kul'turnye osobennosti andronovskoi keramiki iz mogil'nika Rublevo VIII. In *The Ariyans in the Eurasian Steppes: the Bronze and Early Iron Ages in the steppes of Eurasia and Contiguous Territories: Elena Kuz'mina memorial Volume*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2014, pp. 311–321. (In Russ.).

Plyushina V.V. The Fedorovo culture ceramics of the settlement Kuria 1 in the Lower Tobol region. *Rossiiskaya arkhologiya*, 2014, No. 3, pp. 26–38. (In Russ.).

Plyushina V.V. Tekhnologiya izgotovleniya keramiki u naseleniya fedorovskoi kul'tury poseleniya Shchetkovo-2 v Nizhnem Pritobol'e. In *Sed'mye Bersovskie chteniya*. Yekaterinburg: Kvadrat, 2016, pp. 166–171. (In Russ.).

Plyushina V.V. Pottery-making technology used by Alakul and Fedorovo groups of the Bochantsevo-1 settlement. *Vestnik Arkheologii, Antropologii i Etnografii*, 2019, No. 2 (45), pp. 36–48. (In Russ.).

Knigina G.I. Uluchshenie tekhnologicheskikh svoistv sibirskikh suglinkov. Novosibirsk: Zap.-sib. kn. izd-vo, 1966, 35 p. (In Russ.).

Lamina E.V., Lotova E.V., Dobretsov N.N. Mineralogiya drevnei keramiki Baraby. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1995, 128 p. (In Russ.).

Leont'eva D.S. Keramika andronovskoi kul'tury stepnogo i lesostepnogo Altaya (po materialam poselenii): cand. sc. (history) dissertation abstract. Barnaul, 2016, 24 p. (In Russ.).

Molodin V.I. Baraba v epokhu bronzy. Novosibirsk: Nauka, 1985, 200 p. (In Russ.).

Molodin V.I. Migratsii nositelei andronovskoi kul'turno-istoricheskoi obshchnosti v Barabinskuyu lesostep'. *Drevnee iskusstvo v zerkale arkheologii: k 70-letiyu D.G. Savinova*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2011, pp. 58–69. (Trudy Sibirskoy Assotsiatsii issledovateley pervobytnogo iskusstva: iss. VII). (In Russ.).

Molodin V.I., Durakov I.A., Kobeleva L.S. Layouts of Funeral Complexes of the Andronovo (Fedorovo) Culture from Tartas-1 Gravel: to the Problem Statement. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018, vol. XXIV, pp. 290–292. (In Russ.).

Molodin V.I., Hansen S., Mylnikova L.N., Reinhold S., Durakov I.A., Kobeleva L.S., Nesterova M.S., Nenakhov D.A., Efremova N.S., Nenakhova Yu.N., Selin D.V., Demakhina M.S. Main Results of the West-Siberian Team of Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS Field Research in Baraba Forest-Steppe in 2018. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018, vol. XXIV, pp. 310–314. (In Russ.).

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Ivanova D.P. A Morphological Analysis of Vessels from Middle Bronze Age (Early 2nd Millennium BC) Burials at Vengerovo, in the Irtysh Forest-Steppe. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2014, No. 2, pp. 44–66. (In Russ.).

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Selin D.V., Neskrov A.V. Andronovo Fedorovo) complex of the Stary Sad burial ground (Baraba forest-steppe). *Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*, 2016,

vol. 15, No. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 63–86. (In Russ.).

Molodin V.I., Novikov A.V. Arkheologicheskie pamyatniki Vengerovskogo raiona Novosibirskoi oblasti. Novosibirsk: Nauchno-proizvodstvenny tsestr po sokhraneniyu istoriko-kul'turnogo naslediya, 1998. 140 p. (In Russ.).

Mylnikova L.N., Ivanova D.P. Ornament na keramike andronovskoi (fedorovskoi) kul'tury Barabinskoi lesostepi (po rezul'tatam sravnitel'nogo analiza materialov mogil'nikov Staryi Tartas-4 i Tartas-1). In *The Ariyans in the Eurasian Steppes: the Bronze and Early Iron Ages in the steppes of Eurasia and Contiguous Territories: Elena Kuzmina memorial Volume*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2014, pp. 285–310. (In Russ.).

Nagler A., Kobeleva L.S., Durakov I.A., Molodin V.I., Hansen S. Andronovskie (fedorovskie) kurgany mogil'nika Pogorelka-2 v Tsentral'noi Barabe *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012, vol. XVIII, pp. 249–253. (In Russ.).

Sofeikov O.V. Andronovskaya keramika poseleniya Kargat 6 i nekotorye voprosy tekhnologii. In *Drevnyaya keramika Sibiri*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1990, pp. 89–99. (In Russ.).

Troitskaya T.N., Molodin V.I., Sobolev V.I. Arkheologicheskaya karta Novosibirskoi oblasti. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1980, 184 p. (In Russ.).

Tsetlin Yu.B. Drevnyaya keramika. Teoriya i metody istoriko-kul'turnogo podkhoda. Moscow: IA RAS, 2012. 384 p. (In Russ.).

Zakh V.A., Ilyushina V.V. Posuda fedorovskoi kul'tury Nizhnego Pritobol'ya (po materialam poseleniya Cheremukhovyi Kust). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2010, No. 2 (13), pp. 41–50. (In Russ.).

МЫЛЬНИКОВА Л.Н. <https://orcid.org/0000-0003-0196-5165>

Д.А. Ненахов

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: nenaxoffsurgut@mail.ru

Орнаментальные традиции некоторых кельтов раннего железного века с территории Средней Сибири

В середине прошлого столетия М.П. Грязновым разработана типология сибирских кельтов. К IV типу отнесено более двух десятков этих изделий. Они датированы в пределах VII–III вв. до н.э. М.П. Завитухина датирует аналогичные предметы VI–V вв. до н.э. Особенностью данного типа кельтов является наличие яркого и весьма сложного в исполнении орнамента. Объектом данного исследования является орнамент этих изделий раннего железного века, бытовавших на территории Средней Сибири. Проанализирована представительная выборка кельтов, охарактеризована технология нанесения орнамента, выделены варианты и типы. В результате исследования выявлены две технологические традиции нанесения орнамента. Первая – это резьба орнамента внутри литевой створки по сырой глине. Вторая сочетает резьбу с методом налёпа раскатанных валиков глины на отливаемую модель кельта. Устойчивость формы разных элементов орнамента («копытце», «поясок», свисающие вертикальные линии) и их взаиморасположение на орнаментальном поле позволило разделить орнамент на две группы по набору типичных «классических» и нетипичных композиций. Таким образом, нами выделено 23 варианта орнамента, а также прослежено его развитие. В начале VII в. до н.э. в процессе формирования четвертого типа кельтов продолжала существовать традиция нанесения резного орнамента. Позже, к концу VII – началу VI в. до н.э. технология несколько изменяется, некоторые элементы выполняются в технике лепки. «Поясок» и свисающие линии начинают создавать в стиле налёпа из раскатанных валиков глины. К V в. до н.э. складывается окончательный образ кельтов IV типа с оригинальным «копытцеобразным» орнаментом. Именно в это время появляются кельты со стилизованными грифонами на ушках, дополняющие отмеченную орнаментацию.

Ключевые слова: Средняя Сибирь, ранний железный век, бронзовые кельты, орнаментальные традиции, технология изготовления, типология.

Dmitrii A. Nenakhov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: nenaxoffsurgut@mail.ru

Traditions of Ornamental Decoration on Some Early Iron Age Celts from Central Siberia

In the mid 20th century, M.P. Gryaznov elaborated a typology of Siberian celt axes. Over two dozen of celts dated to the 7th–3rd centuries BC belong to type IV. M.P. Zavitukhina dated similar artifacts to the 6th–5th centuries BC. A specific feature of this type is distinctive and very sophisticated ornamental decoration, which is the main subject of this article. The author has analyzed ornamental decor on 42 Early Iron Age celts from Central Siberia, described the technology of ornamentation, and identified its variants and types. Two technological traditions of ornamentation have been suggested: carving inside the casting half on raw clay, and combining carving with application of clay bands to the model of the celt. The persistence of shapes in various elements (“hoof,” “belt,” and hanging vertical lines) and their relative position on ornamentation field have also made it possible to distribute the ornamental decor into two groups according to the set of “typical” and “non-typical” compositions. Twenty three variants of ornamental patterns have been identified, and dynamics of its development has been analyzed. The tradition of carving all ornamental elements continued to exist in the early 7th century BC when type IV emerged. Later, by the late 7th – early 6th century BC, the technology slightly transformed – the “belt” and hanging lines were made by application of clay bands. By the 5th century BC, the final image of celts of type IV with the unique “hoof”-shaped ornamentation emerged along with stylized griffins on celts’ earlets.

Keywords: Central Siberia, Early Iron Age, bronze celts, ornamental traditions, manufacturing technology, typology.

Введение

Вопросы бронзолитейного производства древнего населения Сибири и сопредельных территорий актуальны и разрабатываются целым рядом исследователей (С.В. Кузьминых, О.Н. Корочкова, И.А. Дураков, С.А. Терехин, А.О. Пронин и др.). Интерес представляет технология изготовления втульчатых кельтов раннего железного века.

В данной работе речь пойдет о кельтах этого периода, имеющих специфический орнамент (рис. 1), соотносимых с IV типом по классификации, которая была предложена М.П. Грязновым. Предмет-

ный комплекс включает находки из случайных сборов с территории преимущественно Минусинской котловины.

Выборка кельтов IV типа с таким орнаментом на сегодняшний день представлена 41 изделием. Источником для нее являются опубликованные материалы [Клеменц, 1886, табл. I, рис. 3; Радлов, 1902, табл. III–V; Грязнов, 1941, с. 259, табл. VI, рис. 2–5; Завитухина, 1983, с. 173, рис. 234, 235; Членова, 1967, с. 276, рис. 15; Степная полоса..., 1992, с. 436, рис. 13; Мыльников, 2020, с. 114, рис. 4, 4], а также коллекции кельтов из фондов Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартянова.

Рис. 1. Бронзовые кельты раннего железного века с «копытцеобразным» орнаментом. Минусинский краеведческий музей им. Н.М. Мартянова. Фото автора.

1 – случайная находка (МКМ А № 71), Минусинская котловина, Красноярский край; 2 – случайная находка (МКМ А № 114), оз. Кривое, Красноярский край; 3 – случайная находка (МКМ А № 90), с. Новоселово, Красноярский край; 4 – случайная находка (МКМ А № 90), Минусинский р-н, Красноярский край.

Непосредственный интерес для нас представляет орнамент, который М.П. Грязнов охарактеризовал как «вдавленные плоскости, сделанные на модели» [1941, с. 241, рис. 2]. М.П. Завитухина указывает, что на широких гранях некоторых кельтов тагарского облика присутствует орнамент, состоящий из двух соприкасающихся сегментов и свисающих вниз полосок [1983, с. 82]. М.П. Грязнов также отметил, что среди кельтов IV типа (форма орудия № 7–9) данный орнамент встречается лишь на формах кельтов № 7, 8, бытовавших на территории Сибири, и в частности Минусинской котловины. Форма № 7 представляет собой шестигранный кельт, почти прямоугольный в сечении, с двумя ушками у края втулки. Верхний конец ушка переходит в утолщение вдоль края втулки. Форма № 8 представлена кельтами прямоугольными (или шестигранными, близкими к прямоугольным) с парой ушек у края втулки, не переходящих в ее утолщение. Некоторые кельты украшены ушками в виде стилизованных птичьих голов [Грязнов, 1941, с. 248, 250]. В связи с этим представляется актуальным более детально проанализировать орнаментальные мотивы и выявить технологию нанесения орнамента на расширенной серии.

Орнамент и технология его изготовления

В первую очередь следует подчеркнуть, что орнамент на кельтах наносился на обеих сторонах и практически всегда идентично. В представленной выборке исключением являются два изделия, имеющие на широких гранях оригинальный орнамент. Орнаментальный стиль остальных анализируемых предметов узнаваем и представляет единую, весьма устойчивую композицию, состоящую из набора повторяющихся элементов и мотивов.

Ведущим элементом для всех изделий является углубление в форме вывернутого стилизованного «копытца». Изображение похоже на след парнокопытного животного – оленя, косули, коровы и пр. Оно разделяет полотно кельта на два одинаковых сегмента. Элемент «копытце» пересекает сплошная линия, напоминающая «поясок». Композицию дополняют короткие вертикальные линии, свисающие как с верхней планки «копытца», так и с «пояска».

М.П. Грязнов охарактеризовал технологию изготовления углубления лишь как «вдавленные плоскости, сделанные на модели» [1941, с. 247, рис. 2]; мы определили их как своего рода «копытце». То есть подразумевается заранее подготовленная серия фигурных брусочков из глины или дерева в форме «полукопытца». По описанию М.П. Гряз-

нова, орнамент должен наноситься методом оттиска на этапе формирования модели кельта.

Метрический и бинокулярный анализ показал, что фигурный орнамент на кельтах асимметричен. Форма и размеры фигур на предметах варьируют, углы неодинаковы, на кромке имеются следы подрезов. Судя по всему, это был не штамп, а резьба по сырой глине будущей литейной формы, которая к тому же не всегда была выполнена аккуратно.

«Поясок» на плоскость кельта наносился двумя способами. В первом случае это глиняные валики, наклепанные на отливаемую модель. В некоторых случаях видно, как валик повторяет изгибы копытца. Вертикальная стенка «копытца» и «поясок» не представляют сплошной линии, они разной высоты. На некоторых валиках зафиксированы следы от разглаживания пальцами. Второй способ исполнения — прочерчивание (резьба) линии на створке литейной формы. После оттиска модели кельта, на котором вырезан орнамент – элемент «копытце», на литейной створке остаются две фигуры в форме «полукопытца». Тонким заостренным предметом проводится горизонтальная линия на каждом сегменте. Линия получается тоньше, чем валик, и как бы уходит под центральную перегородку, отделяющую два сегмента «копытца». Следует отметить и то, что на некоторых кельтах линии «пояска» настолько искусно вписаны в центральную композицию, что не представляется возможным определить технологию их изготовления. Вероятно, на некоторых кельтах элемент «копытце» вырезался сразу с «пояском», разделяя полотно на четыре сегмента.

Последний элемент орнамента, о котором пойдет речь, – это короткие линии, свисающие как с верхней планки, так и с «пояска». Они исполнены в двух технологических традициях. В первом и самом распространенном случае это наклеи. На модель кельта в определенные места наклеивались раскатанные маленькие валики. После закрепления на их поверхности оставались следы разглаживания от пальцев рук и бугорки в виде ступеньки от крепления на другой бортик – «поясок» или верхнюю планку «копытца».

Менее распространенным был способ резьбы элементов орнамента по литейной форме после оттиска модели кельта. Признаком такого способа нанесения орнамента являются рассеченные линии. Эксперименты показывают, что такую линию возможно нанести расколотой щепой или палочкой. Еще один признак – острые окончания линии. Она не является продолжением «пояска» или планки, а как будто врезается в него.

Наблюдения, полученные в ходе экспериментальной лепки модели и формы, позволяют говорить об этапности изготовления орнамента на бу-

душей отливке. На еще сырой глиняной модели кельта вырезается «копытцеобразный» элемент орнамента, далее глина раскатывается в тонкие валики, наклеивается горизонтально, рассекая каждое «копытце» пополам. Небольшие равные валики вертикально крепятся к верхним краям внутри основного орнамента к планке или «пояску». Все валики аккуратно приглаживаются пальцами. Количество их варьирует.

Другой возможный способ встречается реже. На модели кельта вырезается лишь «копытцеобразный» элемент, после чего формируются литейные створки. Затем остальные элементы орнамента наносятся на внутреннюю часть формы острым тонким предметом.

Отдаленно похожие элементы орнамента присутствуют на кулайских и ананьинских кельтах [Халиков, 1977; Троицкая, 1979; Кузьминых, 1983]. Композиция орнамента представлена прочерченными вниз и слегка загнутыми к стенке кельта линиями, образующими тем самым форму половины копытца. На кельтах присутствует «поясок», и от устья изделий иногда спускаются прямые или загнутые линии. Особо следует выделить кельт ананьинского типа с весьма оригинальным орнаментом: два свисающих треугольника, выполненных из двойной и тройной линии в центральной части полотна. Основание треугольников пересечено «пояском», также оформленным двойной линией. На изделии отсутствуют короткие линии, свисающие с «пояска» и планок. Судя по рисунку, вся орнаментальная композиция вырезана на отливаемой модели [Tallgren, 1919, p. 113].

Схожесть орнаментальных мотивов ананьинских и кулайских кельтов с минусинскими кельтами IV типа (по М.П. Грязнову) позволяет говорить об их эпохальности.

Орнамент

В рамках систематизации и типологизации материала рассмотрим обозначенный орнамент в развитии от простого мотива к сложному. Устойчивость формы разных элементов, их взаиморасположение на орнаментальном поле, а также количественное соотношение позволяет разделить орнамент на две группы по набору типичных «классических» и нетипичных композиций (рис. 2).

Тип представлен рядом мотивов. Внутри одного типа некоторые элементы могут варьироваться – меняется угол нанесения или несколько изменяется форма. Эти расхождения предлагаем отмечать как варианты одного типа.

Таким образом, в первую группу кельтов с типичными орнаментальными композициями можно отнести 30 экз., среди которых выделяется 10 орнаментальных мотивов (типы 1–10).

Тип 1 (2 экз.) представлен предметами, где в центральной части вырезано только «копытце» (рис. 2, 1).

Тип 2 (5 экз.) – «копытце» в центре перерезает «поясок». От верхней планки в каждой ячейке спускается по одной линии. В данном типе выявлены два варианта орнамента. Вариант *а* (4 экз.): пояссок нанесен горизонтально, и линии, свисающие с верхней планки, короткие. Вариант *б* (1 экз.): пояссок нанесен под углом, а линии соединяют верхние планки и пояссок (рис. 2, 2, 3).

Тип 3 (1 экз.) аналогичен предыдущему, но от верхней планки опускаются две линии (рис. 2, 4).

Тип 4 (7 экз.) – как и в предыдущих, элемент «копытце» перерезает пояски, с верхних планок опускается по одной линии. Добавляются новые элементы: по одной короткой линии спускаются от

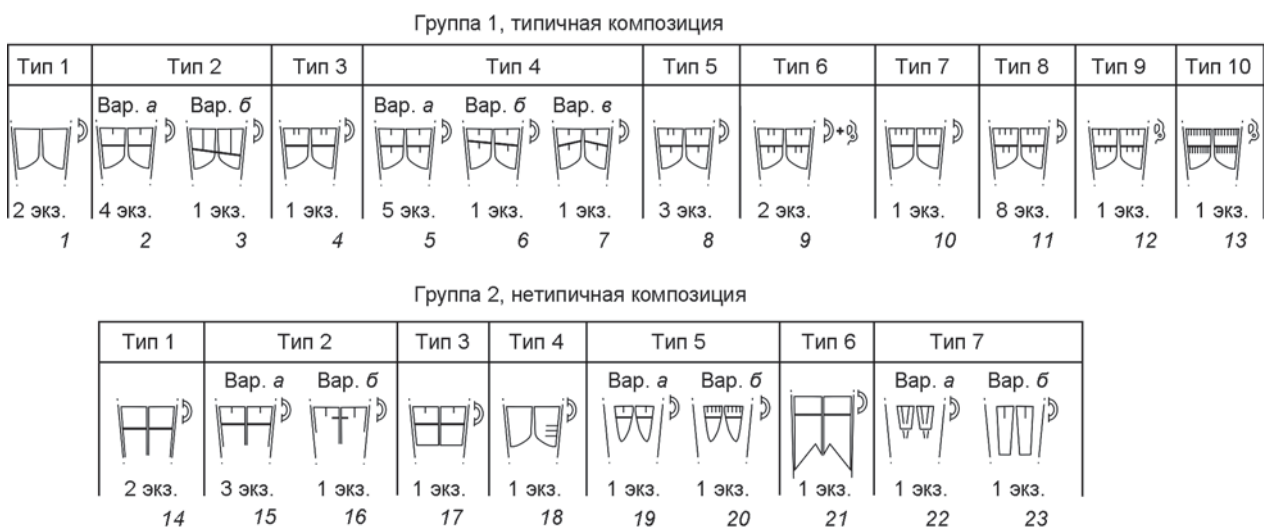

Рис. 2. Типология орнамента двушковых кельтов из Средней Сибири.

«пояска». В данном типе выделяется 3 варианта. Вариант *a* (5 экз.): элемент «поясок» расположен горизонтально. Вариант *b* (1 экз.): «поясок» слегка повернут по часовой стрелке. Вариант *в* (1 экз.): «поясок» выполнен не сплошной линией, а разбит на две части и образует некий конус с вершиной по центру (рис. 2, 5–7).

Основа типа 5 (3 экз.) подобна предыдущему типу. С верхних планок опущены по две линии, с пояска – по одной в каждом сегменте (рис. 2, 8).

Тип 6 (2 экз.) отличается от пятого количеством линий на пояске – по две в каждом сегменте. На одном из кельтов этого типа ушки выполнены в виде стилизованных голов грифона (рис. 2, 9).

У типа 7 (1 экз.) основа орнамента та же, а с верхней планки спускаются по три линии (рис. 2, 10).

Тип 8 (8 экз.) – в основе своей повторяется предыдущая композиция, но с верхних планок свисает по три линии, а с пояска – по две в каждом сегменте (рис. 2, 11).

У типа 9 (1 экз.) основа орнамента та же, на пояске и планке по три линии в каждом сегменте. На этом изделии ушко выполнено в виде стилизованной головы грифона (рис. 2, 12).

У типа 10 (1 экз.) основа орнамента аналогична предыдущему. Отличается изделие количеством свисающих линий. От верхней планки и пояска спускается вниз по восемь линий в каждом сегменте. На этом изделии ушко также выполнено в виде стилизованной головы грифона (рис. 2, 13).

Во вторую группу входят нетипичные и в основном единичные орнаментальные мотивы. Таких кельтов автору известно всего 12 экз. Семь выделенных типов второй группы сложно расположить в порядке усложнения орнаментальных мотивов, и невозможно проследить какой-либо организации в орнаментальных схемах.

Для типа 1 (2 экз.) в основу орнамента заложен элемент «копытце», но в нижней части не прорезана его граница. Боковые линии расположены на одном уровне, что отличает этот элемент орнамента от «классического». «Поясок» же расположен на том же месте. Дополнительных линий нет (рис. 2, 14).

У типа 2 (4 экз.) «копытце» также не прорисовано в нижней части, боковые линии прямые, но несколько короче. Присутствует классический поясок и по одной короткой линии спускается от верхней планки в каждом сегменте (вариант *a* – 3 экз.) (рис. 2, 15, 16).

К этому типу следует отнести кельт из фонда музея им. Н.М. Мартыянова под номером «МКМ А 65». На каждой из его сторон зафиксирован разный орнамент. На одной стороне – орнамент, отне-

сенный к группе 1, типу 4, варианту *a* (рис. 2, 5), на второй – орнамент, который отнесен к группе 2, типу 2, варианту *b* (рис. 2, 16). Этот вариант отличается более короткими боковыми линиями, а поясок прорисован только в центральной части, не примыкает к границам «копытца».

Тип 3 (1 экз.) отличается тем, что элемент «копытце» в нижней части закрыт прямой линией (рис. 2, 17).

В основе орнамента типа 4 (1 экз.) заложен элемент «копытце» в его классической форме, но отсутствует «поясок». Три линии расположены горизонтально и отходят от стенки левого «копытца» к центру. На другой стороне кельта поле «копытца» ничем не заполнено (рис. 2, 18).

У типа 5 (2 экз.) элемент «копытце» стилизован и более похож на свисающие треугольники. В центральной части расположен горизонтальный «поясок». В одном случае от верхней планки отходит по одной короткой линии (вариант *a*), в другом – по четыре линии в каждом сегменте (вариант *b*) (рис. 2, 19, 20).

В основе мотива типа 6 (1 экз.) также заложено вырезанное «копытце», поделенное на два сегмента, только нижняя его часть в данном случае выполнена в виде зигзагообразной линии. По центру находится классический «поясок». Линии отсутствуют (рис. 2, 21).

Тип 7 представлен двумя экземплярами. В верхней части орудий прорисован элемент «копытце» в форме перевернутой трапеции, от нее спускаются по две линии (вариант *a*). На другом изделии нанесен похожий орнамент, только трапеция сильно вытянута. В каждом сегменте от верхней планки спускается по одной короткой линии (вариант *b*) (рис. 2, 22, 23).

Обсуждение результатов

По типологии М.П. Грязнова кельты IV типа, на которых и присутствует рассматриваемый нами орнамент, относятся к VII–III вв. до н.э. М.П. Завитухина датирует эти предметы более узко – VI–V вв. до н.э. [1983, с. 7].

Предлагаемая типология орнамента не имеет хронологической привязки. И все же, исходя из описанных М.П. Грязновым орнаментальных традиций, зафиксированных на кельтах тагарского населения, можно наметить следующую тенденцию. Элемент «поясок» кельты IV типа, возможно, унаследовали от кельтов сейминского облика, согласно теории М.П. Грязнова о генетической преемственности бронзовых орудий [1941, с. 255–256]. На исследуемых кельтах «поясок» остается, но несколько меняется. Одна его часть поднимается к устью

втулки и становится массивным валиком, муфточкой или просто утолщением. Вторая линия «пояска» опускается ниже, при этом оставаясь на уровне ушек [Там же, с. 248]. Также М.П. Грязнов отмечает морфологическую близость кельтов IV и III типов. Для т.н. «носатых» кельтов характерен «вильчатый орнамент». Он несколько похож на элемент «копытце», которое не замкнуто с нижней стороны у кельтов 2 группы, выделенной нами. Технология выполнения «вильчатого» орнамента также порой совпадает с технологией нанесения орнамента на кельты IV типа – резба по сырой глине на модели будущей отливки, реже лепка орнамента из небольших валиков, заглаженных пальцами.

В опубликованных коллекциях В.В. Радлова имеются кельты третьего типа с элементами четвертого. Так, в табл. 4 [1902, табл. 4, 4] представлен кельт III типа с «вильчатым» орнаментом, но с нижней части «муфточки» свисают по одной короткой линии в каждом сегменте. Судя по рисунку, линии имеют острые окончания, следовательно, были прочерчены на литейной форме после отгиска модели кельта.

Еще одно изделие из коллекции В.В. Радлова [Там же, табл. 4, 3], согласно классификации М.П. Грязнова, относится к кельтам IV типа с «муфточкой». На одной стороне кельта от «муфточки» спускаются по две линии по краям, одна – в центре, разделяет их. Возможно, именно поэтому М.П. Грязнов пишет о связи кельтов III и IV типов и о вероятном их сосуществовании некоторое время [1941, с. 258]. Если принять во внимание, что на ранних формах короткие вертикальные линии преимущественно резные, кельты IV типа с резными линиями также могут претендовать на более раннее существование. Возможно, именно этим и обосновано их столь незначительное количество по сравнению с другими.

В связи с этим кельты группы 2 (типы 1–3) представляется возможным считать более ранними (рис. 2, 14–17). Их орнамент архаичен, не сформирован, и орнаментальное поле имеет большое сходство с орнаментом кельтов III типа по М.П. Грязнову (VII–VI вв. до н.э.).

Всего 12 кельтов принадлежит второй группе, в них насчитывается 10 вариантов орнамента, вероятно, такое многообразие отражает сакральный, а не утилитарный характер изделий.

Удивительно, что стилизованные ушки в форме грифонов встречаются только в первой «классической» группе, в ее более сложно оформленных орнаментальных типах (типы 6, 9, 10) (рис. 2, 9, 12, 13). По мнению Н.Л. Членовой, кельты с ушками в виде птичьих голов появляются в V в. до н.э. [1967, с. 131, табл. 26, 15, 16].

Предложенный нами вектор развития орнаментальной традиции при более детальном рассмотрении и других аспектов морфологии изделий, возможно, приобретет более четкую хронологическую основу.

Заключение

Несмотря на все разнообразие вариантов исследованного орнамента, в основе орнаментальной композиции неизменно присутствует элемент «копытце», пересеченное «пояском» и украшенное короткими свисающими линиями. Вероятно, в начале в VII в. до н.э. при формировании IV типа изделий продолжала существовать традиция вырезания всех элементов орнамента на литейной форме. Позже, в конце VII – начале VI в. до н.э. технология нанесения орнамента несколько меняется. «Поясок» и свисающие линии начинают выполняться методом налепа из раскатанных валиков. При этом общая композиция остается неизменной. К V в. до н.э. складывается окончательный образ кельтов IV типа с уникальным «копытцеобразным» орнаментом и со стилизованными грифонами на ушках.

Любопытно, что при наличии металлических литейных форм (кокилей) для отливки кельтов, появившихся как минимум в конце эпохи поздней бронзы [Гришин, 1971, с. 112, рис. 49] и получивших распространение в тагарской культуре еще в период существования кельтов III типа [Клеменц, 1886, рис. 1, 1a–1c; Радлов, 1902, табл. 1, 1–3; Гришин, 1960, с. 145, рис. 6], описанный выше весьма сложный орнамент продолжают изготавливать вручную. Возможно, это лишь подчеркивает сакральный характер литейного производства в целом, либо кокили не носили массовый характер.

Благодарности

Работа выполнена по плану НИР № 0329-2019-0003 «Историко-культурные процессы в Сибири и на сопредельных территориях».

Список литературы

Гришин Ю.С. Производство в тагарскую эпоху // Очерки по истории производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа. – М.: АН СССР, 1960. – С. 116–207. – (МИА; № 90).

Гришин Ю.С. О некоторых сибирских металлических литейных формах эпохи бронзы и раннего железа // КСИА. – 1971. – № 127. – С. 111–113.

Грязнов М.П. Древняя бронза Минусинских степей // Тр. отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа. – Л., 1941. – Т. I. – С. 237–271.

Завитухина М.П. Древнее искусство на Енисее. Скифское время. Публикация одной коллекции. – Л.: Искусство, Ленингр. отд-ние, 1983. – 192 с.

Клеменц Д.А. Древности Минусинского музея. Памятники металлических эпох: атлас. – Томск: Издание Ин. Кузнецова (Типография «Сибирской газеты»), 1886. – 21 л. ил.

Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). – М.: Наука, 1983. – 257 с.

Мыльников В.П. Деревообрабатывающие инструменты плотников раннего железного века на Алтае и сопредельных территориях // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2020. – Т. 48, № 1. – С. 110–119.

Радлов В.В. Сибирские древности. – СПб.: Тип. имп. акад. наук, 1902. – Т. II, вып. 1. – 38 с. илл.

Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / отв. ред. М.Г. Мошкова. – М.: Наука, 1992. – 494 с. – (Археология СССР).

Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Наука, 1979. – 124 с.

Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). – М.: Наука, 1977. – 266 с.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. – М.: Наука, 1967. – 300 с.

Tallgren A.M. L'époque dite d'Ananino dans la Russie orientale. – Helsinki: K.F. Puromiehen Kirjapaino O.Y., 1919. – 201 p. – (Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja: finska fornminnesforeningens Tidskrift; XXXI).

References

Chlenova N.L. Proiskhozhdenie i rannyya istoriya plemen tagarskoi kul'tury. Moscow: Nauka, 1967, 300 p. (In Russ.).

Grishin Yu.S. Proizvodstvo v tagarskuyu epokhu. In *Ocherki po istorii proizvodstva v Priural'e i Yuzhnoi Sibiri v epokhu bronzy i rannego zheleza*. Moscow: AN SSSR, 1960, pp. 116–207 (Materialy po istorii i arkheologii; No. 90). (In Russ.).

Grishin Yu.S. O nekotorykh sibirskikh metallicheskhkh liteinykh formakh epokhi bronzy i rannego zheleza. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii*, 1971, No. 127, pp. 111–113. (In Russ.).

Gryaznov M.P. Drevnyaya bronza Minusinskikh stepei. In *Trudy otdela istorii pervobytnoi kul'tury Gosudarstvennogo Ermitazha*. Leningrad, 1941, vol. I, pp. 237–271. (In Russ.).

Khalikov A.Kh. Volgo-Kam'e v nachale epokhi rannego zheleza (VIII–VI vv. do n.e.). Moscow: Nauka, 1977, 266 p. (In Russ.).

Klements D.A. Drevnosti Minusinskogo muzeya. Pamyatniki metallicheskhkh epokh: atlas. Tomsk: Izdanie In. Kuznetsova (Tipografiya "Sibirskoi gazety"), 1886, 21 ill. (In Russ.).

Kuz'minykh S.V. Metallurgiya Volgo-Kam'ya v rannem zheleznom veke (med' i bronza). Moscow: Nauka, 1983, 257 p. (In Russ.).

Moshkova M.G. (Ed.) Stepnaya polosa Aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya. Moscow: Nauka, 1992, 494 p. (Arkheologiya SSSR). (In Russ.).

Mylnikov V.P. Woodworking tools of carpenters of the early Iron Age in Altai and adjacent territories. In *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*, 2020, vol. 48. No. 1, pp. 110–119.

Radlov V.V. Sibirskie drevnosti. St. Petersburg: Tipografiya imperatorskoi akademii nauk, 1902, vol. II, iss. 1, 38 p., ill. (In Russ.).

Tallgren A.M. L'époque dite d'Ananino dans la Russie orientale. Helsinki: K.F. Puromiehen Kirjapaino O.Y., 1919, 201 p. (Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja: finska fornminnesforeningens Tidskrift; XXXI).

Troitskaya T.N. Kulaiskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'e. Novosibirsk: Nauka, 1979, 124 p. (In Russ.).

Zavitukhina M.P. Drevnee iskusstvo na Enisee. Skifskoe vremya. Publikatsiya odnoi kollektzii. Leningrad: Iskusstvo, Leningradskoe otdelenie, 1983, 192 p. (In Russ.).

Ненахов Д.А. <https://orcid.org/0000-0002-0820-9410>

А.Л. Нестеркина

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: a.l.subbotina@yandex.ru

Элитные погребения культуры «трех хан» (по материалам памятников чинхан и пёнхан юго-восточной части Корейского полуострова)

За последние 50 лет на юго-востоке Корейского п-ова раскопано несколько новых могильников культуры «трех хан», в частности протокорейских племен чинхан и пёнхан. Эти племена населяли указанную территорию в период II в. до н.э. – III в. н.э. Цель работы – выявить особенности погребального обряда элитных захоронений этих известных по письменным источникам племен. В результате детального анализа материалов могильников Чояндон, Тахори, Тхабдон и Йанджири раннего периода «трех хан» (I в. до н.э. – I в. н.э.) удалось выделить погребения, которые можно отнести к категории элитных. Такие захоронения отличаются от прочих погребальных объектов на могильнике своим расположением. Они локализуются на возвышенностях в удалении от основной группы рядовых погребений. Подобные захоронения культуры «трех хан» совершались в грунтовых ямах со специальным углублением в полу для инвентаря – яокэном. Тело умершего помещалось в деревянный гроб – колоду, реже – в ящик из досок, головой на восток. Над погребением возводилась насыпь. Подобные захоронения выделяются также богатством и разнообразием погребального инвентаря. К престижным предметам, в первую очередь, относятся импортные изделия китайского происхождения: бронзовые зеркала с орнаментацией и эпиграфикой, зооморфные декоративные бляхи, ханьские монеты ушу, лаковые изделия. Сопоставление сообщений китайского письменного источника «Саньго чжи» с данными археологии позволило выделить предметы погребального инвентаря, которые тоже можно отнести к категории престижных: изделия из железа, бусины, веера. Таким образом, археологические материалы помогают существенно дополнить сведения письменных источников о погребальном обряде протокорейских племен чинхан и пёнхан I в. до н.э. – I в. н.э.

Ключевые слова: культура «трех хан», чинхан, пёнхан, Корейский п-ов, элитные погребения, данные археологии, китайский импорт.

Anastasia L. Nesterkina

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: a.l.subbotina@yandex.ru

Elite Burials of the “Three Han” Culture (Based on the Materials of the Jinhan and Byeonhan Sites in the Southeastern Part of the Korean Peninsula)

Over the past 50 years, several new burial grounds of the “Three Han” culture, in particular, of the proto-Korean tribes Jinhan and Byeonhan, have been explored in the southeast of the Korean Peninsula. These tribes inhabited this territory during the 2nd century BC to the 3rd centuries. The purpose of the work is to reveal the specificity of the burial rite of the elite burials of the culture of these tribes known from historical records. As a result of a detailed analysis of materials from the Joyang-dong, Daho-ri, Tap-dong, and Yangji-ri burial grounds of the early period of the “Three Han” (the 1st century BC to the 1st century), it was possible to identify burials that can be classified as elite. Such burials differ from other burial objects at the burial ground in their location. They are located at higher elevations, far from the main group of ordinary burials. Elite burials of the “Three Han” culture were made in ground pits with a special pit for equipment in the floor, yaoken. The body of the deceased was placed in a wooden coffin – a log, less often – a box of planks, with its head to the east. A mound was built

over the burial. Elite burials are also distinguished by the richness and variety of burial items. The prestigious items primarily include imported products of the Chinese origin. These are bronze mirrors with ornamentation and epigraphy, zoomorphic decorative plaques, wushu coins of the Han dynasty, lacquer ware. Comparison of the information from the Chinese historical chronicles “San-go zhi” with the archeological data made it possible to identify items of burial implements, which can also be classified as prestigious: iron products, beads, fans. Thus, archaeological materials help to significantly supplement the data from historical sources about the funeral rite of the proto-Korean tribes Jinhan and Byeonhan of the 1st century BC to the 1st century.

Keywords: “Three Han” culture, Jinhan, Byeonhan, Korean Peninsula, elite burials, archeological data, Chinese imports.

Период II в. до н.э. – III в. н.э. на юге Корейского п-ова связан с существованием культуры «трех хан» – протокорейских племен *махан*, *чинхан* и *пёнхан*. Самым ранним источником, содержащим сведения о «трех хан», считается текст «Описание восточных иноземцев» («Дун-и чжуань») – раздел сочинения «Сань-го чжи» («Записей о Трех царствах»). Данное произведение – это историческая хроника Китая периода «Троецарствия» (время существования китайских царств Вэй, Шу и У), составленная в конце III в. н.э. историком Чэнь Шоу. В нем зафиксированы более или менее подробные сведения о локализации, культуре и хозяйстве этих политических образований [Пак, 1961, с. 117; Хангукса..., 1997, с. 261].

Из китайских письменных источников можно узнать, что на юго-востоке Корейского п-ова, в границах современных провинций Кёнсан-пукто и Кёнсан-намдо, располагались земли племен *чинхан* и *пёнхан* [Тихонов, Кан Мангиль, 2011, с. 90–91, 93]. В последнее время в результате активного археологического изучения этой территории открыто много археологических памятников, материалы которых помогут расширить наши представления о культуре и хозяйстве этих племен. К сожалению, письменные источники сообщают совсем не много о погребальной обрядности протокорейских племен этого периода. Вот почему археологическое изучение могильников культуры «трех хан» приобретает особую актуальность.

Одним из опорных памятников культуры «трех хан» считается могильник Чояндон, расположенный в черте г. Кёнджу пров. Кёнсан-пукто (рис. 1, 1). Археологические раскопки на памятнике проводились в 1979–1983 гг. сотрудниками Национального музея Кёнджу. Здесь было раскопано 77 объектов раннего железного века – развитого Средневековья. Большая часть исследованных сооружений представляет собой погребальные комплексы.

Среди захоронений культуры «трех хан» на этом памятнике выделяется погребение № 38. Это сооружение в грунтовой яме размерами 2,58 × 1,28 м, глубиной 1,5 м, ориентированной продольной осью по линии запад – восток. На полу ямы в средней ее части сооружено специальное углубление – *яокэн*.

Яокэн («срединная яма») – это яма чаще прямоугольной или овальной, реже квадратной формы, расположенная в центре погребальной камеры под телом погребенного. Наличие *яокэнов* считается важной конструктивной особенностью погребального обряда китайских царств, восходящей к эпохе Шан-Инь (XVI–XI вв. до н.э.) [Кудинова, 2017, с. 89]. *Яокэн* подовальной в плане формы, длиной 0,8 м, шириной 0,4–0,5 м, глубиной 0,3 м. Деревянный гроб в погребении не сохранился, поэтому детали его конструкции не прослежены [Чон Сонхи и др., 2003, с. 174].

В заполнении и на полу могильной ямы обнаружен разнообразный погребальный инвентарь. В отчете о раскопках отсутствует подробное описание погребения, поэтому о расположении находок приходится судить исключительно по чертежу. По углам могильной ямы установлены сосуды. Часть сосудов была помещена, по-видимому, внутрь деревянного гроба. Керамический комплекс захоронения составляют два сосуда горшковидной формы с ручками, горшок, три миски, миниатюрный сосуд. В захоронении обнаружено много железных изделий: восемь тесел, стамеска, три ножа, серп, пять кельтов, долотовидный инструмент, кинжал. Кроме того, это погребение отличается большим количеством найденных в нем бронзовых зеркал и бусин. Здесь обнаружено четыре зеркала с разнообразной орнаментацией и эпиграфикой и 69 мелких бусин [Там же, с. 174–191; Ли Джээль, 2019, с. 76]. Погребение № 38 датировано второй половиной I в. до н.э. [Ли Джээль, 2019, с. 70].

Широко известным погребальным комплексом культуры «трех хан» является могильник Тахори в у. Ёйчхан пров. Кёнсан-намдо, открытый и частично исследованный в 1988 г. сотрудниками Национального музея Республики Корея (рис. 1, 2). В результате проведенных полевых археологических работ первого этапа установлено, что объект представляет собой могильник, а преобладающим типом захоронений являются погребения в деревянных гробах в грунтовых ямах с (11 погребений, № 1–11) [Ли Гонму и др., 1989, с. 8, 13].

Наибольший интерес представляет погребение № 1. Это захоронение в грунтовой яме подпрямо-

угольной в плане формы, размерами 2,78 м × 1,36 м, глубиной 2,05 м. Яма ориентирована продольной осью по линии юго-восток – северо-запад. Тело погребенного, по-видимому, было уложено головой в юго-восточном направлении. Об этом свидетельствует то, что помещенный в яму деревянный гроб здесь имеет немного большую ширину, кроме того, в юго-восточной части погребения найдены стеклянные бусины и другие предметы, связанные с головным убором или верхней частью одежды погребенного [Там же, 1989, с. 14].

Обнаруженный в захоронении деревянный гроб представляет собой колоду, изготовленную из расколотого в продольном направлении бревна с выдолбленной сердцевинной. Предполагаемый диаметр бревна для изготовления гроба составлял ок. 1 м. Нижняя часть подготовленного таким образом бревна представляет собой непосредственно сам гроб, а верхняя – его крышку. Длина колоды составляет 2,4 м, ширина – 0,85 м. На торце колоды, где располагалась голова погребенного, выполнено четыре симметрично расположенных желобка. На противоположном торце в гробу и его крышке сделано четыре сквозных отверстия подквадратной формы. В отверстиях сохранились фрагменты веревки, что, как предполагают исследователи, может свидетельствовать о назначении этих отверстий и пропилов на торцах колоды: они предназначались для обвязывания гроба веревкой с целью его перемещения и опускания в могильную яму. В крышке и днище колоды также имеются сквозные отверстия подквадратной формы, расположенные друг над другом. Вероятно, в эти отверстия вставлялись клинья, с помощью которых сам гроб и его крышка надежно фиксировались в могильной яме, не давая колоде завалиться на бок. Установлено, что сырьем для изготовления гроба служил дуб, примерный возраст которого составляет 350 лет [Там же].

Погребальный инвентарь располагался как внутри колоды, так и за ее пределами, в различных частях заполнения могильной ямы. Уникальной является находка своеобразного ящика для погребального инвентаря. Он залегал ниже гроба, в районе его средней части, в специальной ямке – *яокэне*. Сохранность предмета плохая, но можно прийти к выводу, что он представлял собой изделие подпрямоугольной формы, размерами ок. 65 × 55 × 12 см. На ящике так же сохранились остатки шнура, которым, скорее всего, данный предмет был обвязан. Комплекс инвентаря из ящика составляют два бронзовых кинжала в деревянных ножнах, железный кинжал в деревянных ножнах, железный нож с кольчатой наконечником в деревянных ножнах, бронзовый наконечник копья, четыре железных наконечника копий, шесть железных тесел, два сер-

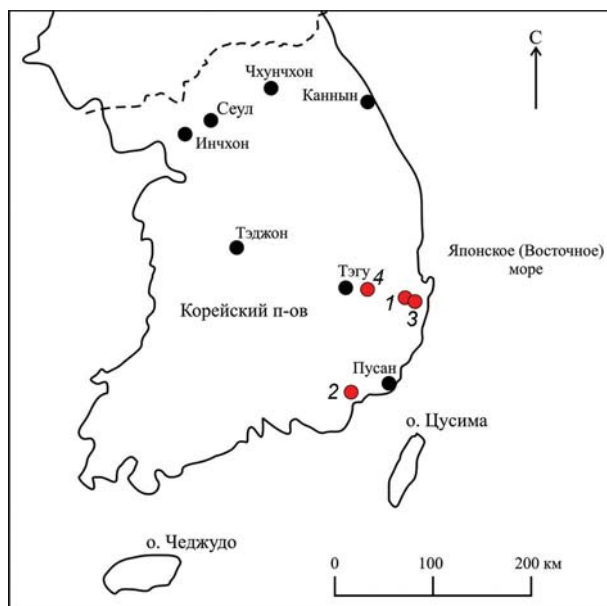

Рис. 1. Карта с обозначением памятников с элитными погребениями культуры «трех хан» на Корейском п-ове.

1 – Чояндон; 2 – Тахори; 3 – Тхабдон; 4 – Йанджири.

па с деревянной рукоятью, бронзовое зеркало, круглая бронзовая бляшка с геометрическим декором и отверстием в центре, четыре бронзовых кольца, три ханьские монеты *ушу*, бронзовый колокольчик, пять кистей для росписи лаковых изделий. Внутри самой колоды выявлены фрагменты керамической посуды без орнамента, железное тесло, стеклянные бусины, фрагменты деревянного столика или шкатулки. В верхней части заполнения могильной ямы над крышкой колоды найдены железное тесло, кельт, лаковая ручка веера, фрагменты лаковой и керамической посуды, деревянные накладки на лук. В нижней части заполнения могильной ямы по сторонам колоды обнаружены железный долотовидный инструмент и мотыга с деревянными рукоятями, лаковые изделия (ножны, цилиндрическая лаковая шкатулка с крышкой, крышки для сосудов, квадратный кубок на поддоне *доу*), фрагменты корзины и веревки. Под днищем гроба найдены железное тесло и лаковый кубок на поддоне типа *доу*, в который были положены каштаны [Там же, с. 15–27; Син Ёнмин, 2009, с. 169]. По находкам ханьских монет *ушу* авторы раскопок датируют памятник I в. до н.э. – I в. н.э. [Ли Гонму и др., 1989, с. 15–27; Син Ёнмин, 2009, с. 153]

Аналогичный комплекс обнаружен на могильнике Тхабдон, расположенном в черте г. Кёнджу пров. Кёнсан-пукто (рис. 1, 3). Здесь изучено три захоронения периода «трех хан», среди которых количеством и разнообразием погребального инвентаря выделяется погребение № 1. Это захоронение в грунтовой яме подпрямоугольной в плане формы,

Рис. 2. Общий вид на погребение № 1 Йанджири (по: [Чхве Дэён, 2017, с. 55]).

ориентированной продольной осью по линии запад – восток. Размеры ямы 2,96 × 1,44 м, глубина 0,49 м. По находкам бусин и фрагментов шейной гривны в восточной части могильной ямы предполагается, что тело умершего лежало головой на восток. В центральной части могильной ямы сооружен *яокэн* округлой в плане формы, диаметром 0,8–0,9 м.

О конструкции деревянного гроба судить достаточно сложно, поскольку от него сохранился только древесный тлен. Однако результаты стратиграфических наблюдений свидетельствуют о том, что он имел форму ящика из досок и размеры 1,96 × 0,84 м и был расположен практически вплотную к южной стенке могильной ямы [Чхве Джиннён, 2019, с. 10–13]. В заполнении могильной ямы обнаруже-

ны главным образом керамические сосуды и железные предметы. Сосуды устанавливались по углам могильной ямы на высоте ок. 0,3 м от уровня пола. В юго-западном углу могильной ямы находился кувшин с ручками, в северо-восточном ее углу – миниатюрный сосудик горшковидной формы. Кроме того, возле западной стенки могильной ямы обнаружен железный котел. Из железных изделий в заполнении могильной ямы обнаружены три пика, семь наконечников стрел, кельт, серп и долото-видный инструмент. Здесь также найдено пряслице и девять деформированных лаковых предметов, среди которых можно определить блюдо на ножках и шкатулку. В верхней части заполнения могильной ямы, соотносимой исследователями с остатками курганной насыпи, выявлены железные удила. В заполнении *яокэна* артефакты не обнаружены. Здесь были найдены фрагменты ткани и соломы, что позволяет исследователям предположить, что в *яокэне* находились зерна злаков.

Наибольшим богатством и разнообразием отличается погребальный инвентарь, помещенный в деревянный гроб вместе с телом умершего. Здесь обнаружен бронзовый кинжал с навершием, вложенный в лаковые ножны, железный кинжал в ла-

Рис. 3. *Яокэн* в погребении № 1 Йанджири (по: [Чхве Дэён, 2017, с. 58]).

ковых ножнах, железный меч с кольчатым навершием, два железных ножа, два бронзовых зеркала, бронзовая бляха в форме кошачьего хищника, четыре бронзовые бляшки в форме лягушки (в районе головы погребенного), по одной бронзовой округлой бляхе с изображением кошачьего хищника и медведя, две бронзовые бляхи в форме черепахи, бронзовая шейная гривна, бусины, рукоять веера. Погребение № 1 могильника Тхабдон датируется концом I – началом II в. н.э. [Там же, с. 15–20].

Уникальный могильник культуры «трех хан» Йанджири был исследован в 2017–2018 гг. сотрудниками Центра по изучению культурного наследия Соллим. Памятник расположен в окрестностях пос. Хаян городского округа Кёнсан в пров. Кёнсан-пукто (рис. 1, 4). Погребальные комплексы периода «трех хан» обнаружены на участке работ П-5. К данной категории относятся шесть захоронений.

Погребение № 1 выделяется среди остальных, прежде всего, своим расположением в наиболее возвышенной южной части памятника, на удалении более чем 100 м от остальных захоронений, образующих компактную группу в северной части могильника. Захоронение совершено в ориентированной продольной осью по линии запад – восток грунтовой яме прямоугольной в плане формы, размерами 3,18 × 1,5 м, глубиной 1,21 м (рис. 2). В средней части пола ямы сооружен *яокэн* подпрямоугольной в плане формы, размерами 0,87 × 0,65 м, глубиной 0,2 м. В заполнении *яокэна* зафиксировано пятно органического происхождения подпрямоугольной формы, размерами 0,57 × 0,46 м, мощностью 0,12 м. Предполагается, что это остатки деревянного ящика или шкатулки. В толще пятна обнаружено два наконечника пик и клевец *гэ*, все предметы были в лаковых ножнах. Ножны клевица *гэ* украшены 13 ханьскими монетами *ушу* (рис. 3). В восточной головной части на полу могильной ямы двумя рядами уложены 12 железных кельтов, в западной изножной – одним рядом пять железных кельтов. У восточной стенки могильной ямы поставлены вертикально четыре железных тесла, у западной стенки – три таких же предмета.

В ходе изучения стратиграфии отложений в заполнении ямы выявлены остатки древесного тлена в виде темно-серой глинистой прослойки u-образной в сечении формы. Это обстоятельство свидетельствует в пользу того, что в яму была помещена деревянная колода. В головной восточной части меж-

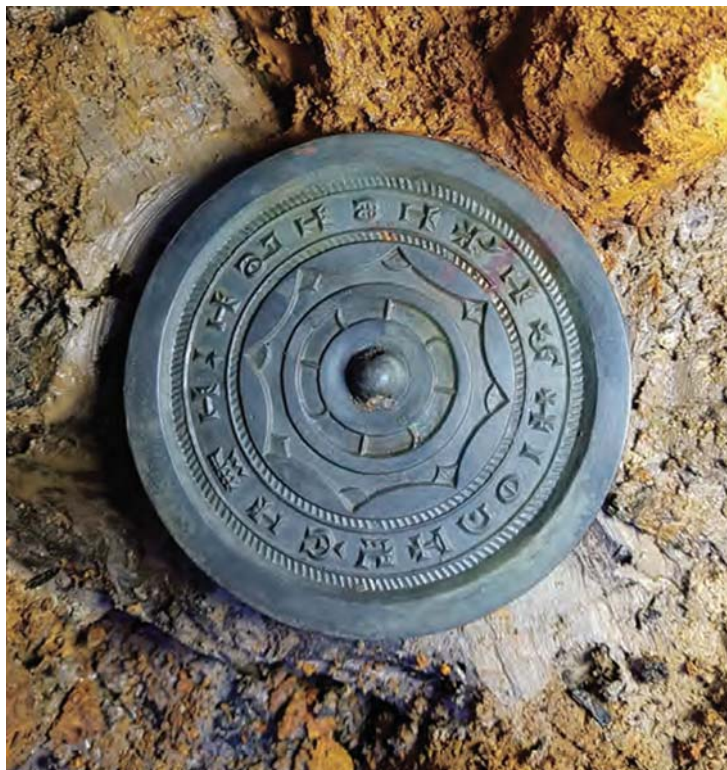

Рис. 4. Бронзовое зеркало с эпиграфической надписью из погребения № 1 Йанджири (по: [Чхве Дэён, 2017, с. 56]).

ду колодой и стенкой могильной ямы установлены две перегородки из деревянных плах. В заполнении пространства между этими перегородками обнаружены фрагменты лаковых изделий. Вдоль колоды под углом к стенкам могильной ямы установлены по четыре железных кельта с каждой стороны, на полу пятью рядами уложены 12 железных тесел, по 2–4 в каждом ряду. До помещения тела погребенного на пол колоды было уложено бронзовое зеркало диаметром 17,4 см с эпиграфической надписью (рис. 4) [Чхве Дэён, 2017, с. 56–57].

После того как колода помещалась в могильную яму, пространство между стенками колоды и могильной ямы заполнялось землей до высоты примерно 0,3 м над уровнем пола. На этом уровне в юго-западном углу могильной ямы были поставлены горшок и кувшин с ручками, а в северо-восточном углу положен миниатюрный керамический сосуд горшковидной формы.

Тело умершего помещалось в колоду. В ходе изучения заполнения колоды зафиксированы следы костей черепа, обнаружены зубы, кости рук и ног. По очертаниям костей черепа удалось определить, что погребенный лежал головой на восток. В районе правой руки погребенного лежало два бронзовых и два железных кинжала в лаковых ножнах. Здесь же залегало бронзовое зеркало с орнаментом и бронзовый колокольчик. В головах по-

гребенного положено еще одно бронзовое зеркало с эпиграфической надписью, бронзовая бляха в форме кошачьего хищника, миниатюрная фигурка лошади из бронзы и две бронзовые бляшки. У левого запястья умершего обнаружен бронзовый браслет. По обеим сторонам от грудной клетки и в районе таза погребенного лежало по лаковому вееру.

Вероятнее всего, перекрытие колоды состояло из отдельных деревянных плах. Об этом говорит наличие фрагментов плах и древесного тлена в заполнении колоды. Судя по наличию засыпки над предполагаемым перекрытием колоды, над погребением возводилась земляная насыпь. В слое предполагаемого заполнения насыпи найдены фрагменты керамических сосудов. Погребение датируется временем, синхронным захоронению № 38 Чояндон [Ким Донсук, Пак Кихёк, 2019, с. 144–147].

В последние годы корейскими археологами был получен богатый материал по элитным погребениям культуры «трех хан». В особенности это касается протокорейских племен *чинхан* и *пёнхан*, занимавших в период II в. до н.э. – III в. н.э. юго-восточную часть Корейского п-ова. Элитные захоронения, как правило, отличаются от прочих погребений могильника своим расположением на возвышенности, отдельно от основной группы более простых по конструкции погребальных объектов. Богатые погребения совершались в грунтовых ямах со специальным углублением для инвентаря в полу – *яокэном*. Инвентарный комплекс *яокэнов* включает предметы вооружения – железные пики, клевцы, кинжалы, мечи, наконечники стрел. Тело умершего помещалось в деревянный гроб – колоду, реже – в ящик из досок, во всех случаях головой на восток. Следов строительства погребальной камеры не зафиксировано, о чем говорится и в «Сань-го чжи»: в *хан* «при похоронах употребляют только гробы, но не делают никаких саркофагов» [Пак, 1961, с. 131]. Над погребением возводилась земляная насыпь. По углам могильной ямы устанавливались керамические сосуды. Выделяются элитные захоронения и своим комплексом инвентаря, в составе которого присутствует большое количество железных изделий и предметов импорта (китайских зеркал, зооморфных декоративных блях, ханьских монет *ушу*, лаковых предметов). Письменные источники сообщают, что в период «трех хан» железо обладало большой ценностью и считалось признаком богатства: «Подобно тому как в Среднем государстве употребляют монеты, здесь на рынках имеет хождение железо» [Там же, с. 133]. Обращает на себя внимание и большое количество найденных в таких погребениях бусин. Данные археологии подтверждают сообщения письменных источников: в «Сань-го чжи» говорится, что люди

хан «очень дорожат жемчугом как сокровищем, поэтому им украшают одежду, делают ожерелье для ношения на шее, а также серьги для ушей» [Там же, с. 131]. Кроме того, в большей части погребений присутствуют рукояти вееров, а в «Сань-го чжи» сообщается о том, что люди *чинхан* и *пёнхан* «во время похорон употребляют перья больших птиц, думая, что этим помогают покойнику (его душе) улететь» [Там же, с. 133]. Таким образом, археологические материалы помогают существенно расширить наши представления о погребальном обряде элитных захоронений культуры «трех хан» I в. до н.э. – I в. н.э.

Список литературы

Ким Донсук, Пак Кихёк. Кёнсан Йанджири юджок моккванмё пальгуль чоса сонгва (Результаты археологических раскопок захоронений с деревянным гробом на памятнике Йанджири в городе Кёнсан) // Моккванмё-ро пон Сарогуг-ый хёнсон-гва чонгэ 1: юджок саре пальпхё (Формирование и развитие царства Саро по материалам погребений с деревянным гробом: мат-лы конф. Т. 1: докл. по отдельным памятникам). – Кёнджу: Куннип Кёнджу мунхваджэ ёнгусо (Ин-т культурного наследия Кёнджу), 2019. – С. 138–155 (на кор. яз.).

Кудинова М.А. Данные археологических и эпиграфических источников о ритуальном использовании сабак в Шан // Азия и Африка: наследие и современность. XXIX Междунар. конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, 21–23 июня 2017 г.: мат-лы конгресса / отв. ред. Н.Н. Дьяков, А.С. Матвеев. – СПб.: НП-Принт, 2017. – Т. 2. – С. 89–90.

Ли Гонму, Ли Ёнхун, Юн Гванджин, Син Дэгон. Чханвон Тахори пальгуль чинджон пого (I) (Предварительный отчет об археологических раскопках памятника Тахори в уезде Чханвон) // Когохак джи (Сб. ст. по археологии). – 1989. – № 1. – С. 5–174 (на кор. яз.).

Ли Джээль. Кёнджу Чояндон-гва Йончхон Йонджонни юджок (Памятник Чояндон в городе Кёнджу и Йонджонни в уезде Йончхон) // Моккванмё-ро пон Сарогуг-ый хёнсон-гва чонгэ 1: юджок саре пальпхё (Формирование и развитие царства Саро по материалам погребений с деревянным гробом: мат-лы конф. Т. 1: докл. по отдельным памятникам). – Кёнджу: Куннип Кёнджу мунхваджэ ёнгусо (Ин-т культурного наследия Кёнджу), 2019. – С. 66–91 (на кор. яз.).

Пак М.Н. Описание корейских племен в начале новой эры (по «Сань-го чжи») // Проблемы востоковедения. – 1961. – № 1. – С. 115–138.

Син Ёнмин. Тахори юджок мотгванмё сизи-ый мёджэ (Погребальный обряд захоронений, синхронных погребениям с деревянным гробом могильника Тахори). – Когохак джи тхыгджипхо (Сб. ст. по археологии, спец. вып.). – 2009. – С. 141–172 (на кор. яз.).

Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: в 2 т. / ред., сост. хрон. табл., сост. указателя Т.М. Симбирцева. – М.: Наutilus, 2011. – Т. 1: С древнейших времен до 1904 г. – 533 с. – (Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности; вып. 41).

Хангукса – чоги кукка: Ко Чосон, Пуё, Самхан (История Кореи: ранние государства Древний Чосон, Пуё, Три Хан). – Сеул: Кукса пхёнчхан вивонхве (Нац. ин-т истории Кореи), 1997. – Т. 4. – 314 с. (на кор. яз.).

Чон Сонхи, Ким Гильсик, Ли Хансан, Ким Хёнхи. Кёнджу Чояндон юджок II: понмун (Памятник Чояндон в городе Кёнджу II: текст). – Кёнджу: Куннип Кёнджу панмульгван (Нац. муз. Кёнджу), 2003. – 322 с. (на кор. яз.).

Чхве Джинён. Кёнджу Тхабдон моккванмё (Погребения с деревянным гробом Тхабдон в городе Кёнджу) // Моккванмё-ро пон Сарогуг-ый хёнсон-гва чонгэ I: юджок саре пальпхё (Формирование и развитие царства Саро по материалам погребений с деревянным гробом: мат-лы конф. Т. 1: докл. по отдельным памятникам). – Кёнджу: Куннип Кёнджу мунхваджэ ёнгусо (Ин-т культурного наследия Кёнджу), 2019. – С. 8–27 (на кор. яз.).

Чхве Дрён. Кёнсан Йанджири юджок: Кымхоган юёк вонсамгук сидэ чхваесанви суджанмё-ый пальгён (Памятник Йанджири в Кёнсане: открытие элитного захоронения периода «прото-троецарствия» в бассейне реки Кымхоган) // J. of Korean Archaeol. (Журнал «Археология Кореи»). – Тэджон: Куннип мунхваджэ ёнгусо (Нац. ин-т культурного наследия Республики Корея), 2017. – С. 52–59 (на кор. яз.).

References

Choe Daeyong. Gyeongsan Yangjiri yujeok: Geumhogan gyuyeok wonsamguk sidae choesangwi sujangmyoui balgyeon [Yangjiri site in Gyeongsan: the discovery of the supreme head burial of the Proto-Three Kingdoms Period in Geumho River Basin]. *J. of Korean Archaeol.* Daejeon: Gukrip munhwajae yeonguso [National research institute of cultural heritage], 2017, pp. 52–59. (In Kor.).

Choe Jinnyeong. Gyeongju Tap-dong mokgwanmyo [Wooden coffin burials Tap-dong in Gyeongju]. In *Mokgwanmyo-ro bon Sarogug-ui hyeongseong-gwa jeongae 1: Yujeok sarye balpyo* [Formation and development of Saro-guk shown by wooden coffin burials 1: Presentation of examples of sites]. Gyeongju: Gukrip Gyeongju munhwajae yeonguso [Gyeongju National Research Institute of Cultural Heritage], 2019, pp. 8–27. (In Kor.).

Hanguksa – chogi gukga: Go-Joseon, Buyeo, Samhan [History of Korea: Early states – Old Joseon, Buyeo, Three Han]. Seoul: Guksa pyeonchan wiwonhoe [National Institute of Korean History], 1997, vol. 4, 314 p. (In Kor.).

Jeong Seonghoe, Kim Gilsik, Lee Hansang, Kim Hyeonhoe. Gyeongju Joyang-dong yujeok II: bonmun [Joyang-dong site in Gyeongju II: text]. Gyeongju: Gukrip Gyeongju bakmulgwan [National Museum of Gyeongju], 2003, 322 p. (In Kor.).

Kim Dongsuk, Park Gihyeok. Gyeongsan Yangjiri yujeok mokgwanmyo balgul josa seonggwa [Results of excavation and investigation of wood-coffin graves at Yangjiri site]. In *Mokgwanmyo-ro bon Sarogug-ui hyeongseong-gwa jeongae 1: Yujeok sarye balpyo* [Formation and development of Saro-guk shown by wooden coffin burials 1: Presentation of examples of sites]. Gyeongju: Gukrip Gyeongju munhwajae yeonguso [Gyeongju National Research Institute of Cultural Heritage], 2019, pp. 138–155. (In Kor.).

Kudinova M.A. Dannye arkheologicheskikh i epigraficheskikh istochnikov o ritual'nom ispol'zovanii sobak v Shang. In *Asia and Africa: their Heritage and Modernity. XXIX International congress on Historiography and Source Studies of Asia and Africa. 21–23 June 2017 / Ed. by N.N. Dyakov, A.S. Matveev.* St. Petersburg: NP-PRINT, 2017, vol. 2, pp. 89–90. (In Russ.).

Lee Geonmu, Lee Yeonghun, Yun Gwangjin, Sin Daegon. Uichang Daho-ri yujeok balgul jinjeon bogo (I) [Research Report of Excavation of the Proto-Three-Kingdoms Burial Site at Daho-ri in Uichang County]. *Gogohakji* [Archaeological records], No. 1, pp. 5–174. (In Kor.).

Lee Jaeyeol. Gyeongju Joyang-dong-gwa Yeongcheon Yongjeon-ri yujeok [The Joyang-dong and Yeongcheon-ri sites in Gyeongju]. In *Mokgwanmyo-ro bon Sarogug-ui hyeongseong-gwa jeongae 1: Yujeok sarye balpyo* [Formation and development of Saro-guk shown by wooden coffin burials 1: Presentation of examples of sites]. Gyeongju: Gukrip Gyeongju munhwajae yeonguso [Gyeongju National Research Institute of Cultural Heritage], 2019, pp. 66–91. (In Kor.).

Pak M.N. Opisanie koreiskikh plemen v nachale novoi ery (po “San’-go chzhi”). *Problemy vostokovedeniya*, 1961, No. 1, pp. 115–138. (In Russ.).

Sin Yongmin. Daho-ri yujeok mokgwanmyo sigi- ui myoje [Funerary rites of burials, synchronous with a wooden coffin burial of the Dahori]. *Gogohakji teukjipho* [Archaeological records, spec. ed.], 2009, pp. 141–172. (In Kor.).

Tikhonov V.M., Kan Mangil’. Istoriya Korei: v 2 t. / red., sost. khron. tabl., sost. ukazatelya T.M. Simbirtseva. Moscow: Nautilus, 2011, vol. 1: S drevneishikh vremen do 1904 g., 533 p. (Orientalia et Classica: Trudy Instituta vostochnykh kul'tur i antichnosti; iss. 41). (In Russ.).

Нестеркина А.Л. <https://orcid.org/0000-0002-3703-1527>

А.Л. Нестеркина✉, Е.А. Соловьева
Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: a.l.subbotina@yandex.ru

Погребения в пещерах на юге Кореи и в Японии в эпоху неолита и палеометалла: особенности погребального обряда и культурные контакты

С древности пещеры привлекали человека не только в качестве жилого пространства, но и как место для совершения захоронений. Исследование пещерных погребений на юге Кореи и в Японии помогает выявить сходства в погребальном обряде и мировоззрении населения этих территорий, а также проследить направления культурных контактов. Цель работы – сравнительный анализ погребальных комплексов в пещерах на юге Корейского п-ова и на территории Японского архипелага. Установлено, что традиция пещерных захоронений на указанных территориях демонстрирует сходную линию развития: появившись в эпоху неолита и просуществовав до бронзового века, пещерные погребения исчезают и появляются вновь в эпоху раннего Средневековья в виде захоронений в горизонтальных нишах – пещерах искусственного генезиса. Ранние захоронения в пещерах совершались в неглубоких грунтовых ямах. Они коллективные и носят вторичный характер. Комплекс погребального инвентаря свидетельствует о том, что погребения совершены группами населения, для которых характерен присваивающий тип хозяйства. Такие захоронения могли сопровождаться ритуальными действиями с применением огня. Близкое сходство захоронений в горизонтальных нишах эпохи раннего Средневековья на юге Кореи и периода кофун в Японии говорит о существовании в это время активных миграционных потоков с юга Корейского п-ова в западную и центральную Японию. О сходстве мировоззрения населения юга Кореи и Японии, оставившие погребения в пещерах, свидетельствует наличие в мифологических текстах населения с обеих территорий сюжетов, связанных с пещерами. Мифы и легенды, в которых упомянуты пещеры, не демонстрируют прямой связи с погребальным обрядом, однако указывают на то, что пещеры представляли собой священные ритуальные объекты, связанные с космогоническими представлениями.

Ключевые слова: Корея, Япония, пещеры, погребения, погребальный обряд, эпоха неолита, бронзовый век, раннее Средневековье.

Anastasia L. Nesterkina✉, Elena A. Solovyeva
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: a.l.subbotina@yandex.ru

Cave Burials of the Neolithic and Paleometal Period in the South of Korea and in Japan: Characteristic of the Funeral Rite and Cultural Contacts

Since ancient times, caves have attracted people not only as a living space, but also as a place for burials. The study of cave burials in the south of Korea and in Japan helps revealing similarities in funeral rites and worldview of the population of these territories, as well as to trace the direction of cultural contacts. The purpose of this work is a comparative analysis of burial complexes in the caves in the south of the Korean Peninsula and in the territory of the Japanese archipelago. It has been established that the tradition of the cave burials in the indicated territories demonstrates a similar line of development: having appeared in the Neolithic and existed until the Bronze Age, cave burials disappear and reappear in the early Middle Ages in the form of burials in horizontal chambers (artificial caves). Early cave burials were made in shallow earth pits. They are collective and secondary. The complex of burial items suggests that burials were made by groups of the population, which are characterized by an appropriative type of economy. Such burials could be accompanied by ritual actions with the use of

fire. The close similarity of burials in horizontal chambers (artificial caves) of the early Middle Ages in southern Korea and the Kofun period in Japan indicates the existence of active migration flows from the south of the Korean Peninsula to western and central Japan at that time. The similarity of the worldview of the population in the south of Korea and Japan, who left burials in caves, is evidenced by the presence of plots associated with the caves in the mythological texts of both territories. The myths and legends in which the caves are mentioned do not demonstrate a direct connection with the funeral rite, but indicate that the caves were sacred ritual objects associated with cosmogonic ideas.

Keywords: Korea, Japan, caves, burials, funeral rites, the Neolithic age, the Bronze age, the early Middle Ages.

Пещера – это естественная подземная полость, доступная для проникновения человека, имеющая не освещенные солнечным светом части и длину (глубину) больше, чем два других измерения [Тимофеев, Дублянский, Кикнадзе, 1991, с. 121–122]. Пещеры бывают самого различного происхождения: могут быть образованы ветром в скале или в результате деятельности подземных (карстовые пещеры), озерных, морских или речных вод. Подземные горные выработки, особенно заброшенные, являются искусственными пещерами. Потоки воды под гренландскими, антарктическими, горными ледниками также создают пещеры во льду [Максимович, 1960, с. 17].

Помимо специальной науки о пещерах – спелеологии, существует много научных дисциплин как естественных (биология, геология, антропология), так и гуманитарных (археология, искусствоведение), объектом изучения которых являются пещеры [Максимович, 1972, с. 118–119].

Исследование следов жизнедеятельности древнего человека в пещерах является сферой деятельности археологов. Археологические и палеонтологические находки в пещерах – это ценная научная

информация, позволяющая не только определить виды древних животных и образ жизни первобытного человека, но и реконструировать ландшафты, климат, гидрологию, геоморфологию всего района исследования, выявить этапы формирования пещеры, время образования отложений в пещере и ряд других факторов. Длительное археологическое изучение пещер показывает, что они, кроме того что представляли собой стоянки древнего человека, использовались также для захоронения умерших. Исследование пещерных погребений, а также погребений в жилищах и прочих закрытых пространствах актуально, поскольку позволяет воссоздать специфику мировоззрения древнего человека, выделить общие черты обрядово-ритуальной практики в Азиатско-Тихоокеанском регионе и проследить направления культурных контактов населения этих территорий в древности.

На территории Корейского п-ова известно по одному пещерному погребению эпохи неолита и бронзы (рис. 1, 1, 2). Погребение в пещере Кёдон в квартале Хупхёндон г. Чхунчхон в пров. Канвондо обнаружено в 1963 г. в ходе проведения работ по строительству корпусов женского университета

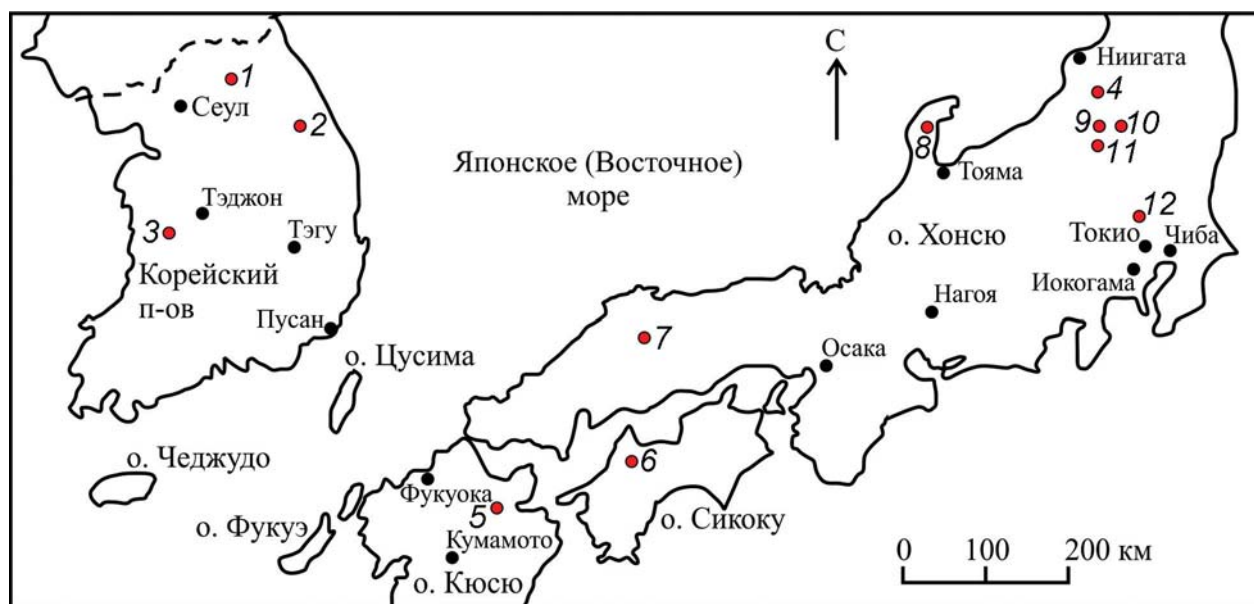

Рис. 1. Карта с обозначением погребений в пещерах на территории юга Кореи и Японии.

1 – Кёдон; 2 – Мэдун; 3 – Танджири; 4 – Ияи; 5 – Хэги; 6 – Камикуроива; 7 – памятники долины Тайсяку; 8 – Одзакаи; 9 – Аригасаяма; 10 – Ятсухаги; 11 – Иватсубо; 12 – Ёсимми.

Сонсим. Памятник находится на восточном склоне горы Поныйсан на высоте ок. 150 м над ур. м. Пещера представляет собой, по-видимому, искусственное сооружение – горизонтальный прокоп в горном склоне, округлой в плане формы, диаметром ок. 4 м, с куполообразным сводом, расположенным на высоте 2,1 м от уровня пола. Вход в пещеру имеет вид коридора длиной 2,5 м при высоте 1,7 м от уровня пола сооружения. Пол пещеры покрыт слоем глиняной обмазки. На его поверхности в районе входа обнаружено небольшое углубление, предположительно остатки кострища. В пользу того, что в пещере разводили огонь, свидетельствует наличие следов копоти на ее потолке [Ким Воллён, 1963, с. 3–5]. Остатки кострища в сочетании с погребением в пещере Кёдон говорят о том, что изначально пещера использовалась древним человеком в качестве стоянки, а после того, как была покинута, стала местом захоронения. Можно также предположить, что костер в пещере разводили с целью проведения ритуальных действий, связанных с погребальным обрядом.

На полу пещеры обнаружены костные останки трех погребенных взрослых. Захороненные лежат в вытянутом положении, головой на юг, запад и восток, ноги прямые, ориентированы по направлению к центру пещеры, руки погребенных вытянуты вдоль туловища [Там же, с. 4, 5; 1986, с. 57–58; Ю Тхэён, 2010, с. 11]. В пещере собран типич-

ный для эпохи раннего неолита инвентарь, включающий преимущественно изделия из камня (топор, тесла, отбойники, ножи, наконечники стрел), а также нефритовую пронизку, осколок горного хрусталя и белого агата, створку раковины моллюска и составной рыболовный крючок. В комплексе с каменным инвентарем обнаружены также пять плоскостенных сосудов горшковидной формы. Сосуды миниатюрные: высотой 9–13 см. У четырех сосудов венчики и шейки покрыты оттисками гребенчатого штампа. У одного из сосудов в верхней части имеются две небольшие кольцевидные ручки [Ким Воллён, 1963, с. 8–21]. На основании этих находок памятник датируется ранним неолитом, синхронным стоянке Осанни (6 000–4 500 лет до н.э.) [Ю Тхэён, 2010, с. 11; Хангукса..., 1997, с. 312].

Захоронение в пещере Мэдун (д. Нагдонни в у. Чонсон пров. Канвондо) обнаружено в ходе раскопок, проводившихся в 2017 г. сотрудниками Музея университета Йонсе. В границах раскопа, заложенного возле входа в пещеру, зафиксирован слой мощностью до 0,18 м, датирующийся бронзовым веком. В толще данного слоя выявлены останки четырех индивидуумов и погребальный инвентарь: шлифованный каменный наконечник стрелы, фрагменты керамических сосудов. Погребения № 1 и 2 приурочены к кровле этого слоя. Оба захоронения совершены на полу пещеры, по периметру выложены обломками камня. Погребение № 1 со-

Рис. 2. Погребение № 1 в пещере Мэдун, Республика Корея (по: [Юн Тхэджон, 2017]).

Рис. 3. Погребения в горизонтальных нишах на памятнике Танджири, Республика Корея (по: [Ким Нагджун, 2019, с. 273]).

держало череп, позвоночник, ребра и тазовые кости. Голова погребенного уложена по направлению к входу в пещеру (рис. 2). В погребении № 2 обнаружен только череп. Содержащий захоронения слой включает большое количество пепла. Представляется вероятным, что до совершения захоронения на полу пещеры разводили костер, предположительно с целью совершения ритуально-поминальных действий. Останки еще двух погребенных (один – ребенок) обнаружены в разрозненном состоянии в подошве слоя бронзового века. По результатам естественно-научного датирования материалы вмещающего погребения слоя бронзового века отнесены к XII–VIII вв. до н.э. [Юн Тхэджон, 2017].

Погребения в пещерах эпохи раннего железа (III в. до н.э. – III в. н.э.) на территории южной части Корейского п-ова не известны. К более позднему периоду конца V – начала VI в. относится ок. 10 памятников, получивших в научной литературе название «погребения в горизонтальных нишах». Эти объекты сосредоточены в районе городов Конджу и Пуё, где в означенный период располагались столицы корейского средневекового царства Пэкче. Самым крупным и наиболее известным могильником с погребениями в нишах считается Танджири. Этот памятник расположен в окрестностях г. Конджу

пров. Чхунчхон-намдо (см. рис. 1, 3). Погребения сосредоточены на склонах невысокого холма (высота 40–65 м над ур. м.). Здесь было выявлено 24 погребения в нишах, образующих четыре группы. Все захоронения представляют собой выдолбленные в склоне холма горизонтальные ниши, состоящие из входного отверстия, погребальной камеры и соединяющего их коридора (рис. 3). Коридор и погребальная камера могли быть расположены под разными углами относительно друг друга. Часто вход в погребальную камеру был заложен каменными плитами. Антропологический материал в погребениях не сохранился. Предметы погребального инвентаря также не многочисленны. В большинстве захоронений обнаружены типичная для культуры среднего и позднего Пэкче керамика, железные изделия, относящиеся к категории орудий труда (топоры, серпы, лопаты, ножи), и пряслица. Обращает на себя внимание полное отсутствие в этих погребениях предметов вооружения, а также присутствие в каждом из них по одному пряслицу. Следует отметить, что пряслица считались в средневековой Корее женским атрибутом [Ким Нагджун, 2019, с. 269–279]. Как бы то ни было, отсутствие в захоронениях предметов вооружения и присутствие хозяйственно-бытового инвентаря может указывать

на то, что в них могли быть погребены представители группы ремесленников.

В Японии погребения в пещерах известны начиная с периода дзёмон (13 000–500 лет до н.э.). Костных останков найдено относительно немного, поскольку почвы обладают высокой кислотностью, что препятствует сохранности антропологического материала. Обнаруженные погребения относятся к начальному и раннему этапам периода дзёмон (см. рис. 1, 4–7). К наиболее исследованным можно отнести погребение женщины в скальном убежище Ияи, преф. Гумма. Памятник датируется начальным этапом периода дзёмон. Скелет женщины 20–40 лет был найден в овальной яме в центральной части убежища. Погребенная лежит в скорченном положении, причем тело расчленено в области поясницы, верхняя часть тела уложена поверх нижней (рис. 4). В глубине пещеры найдены фрагменты еще шести погребенных, что позволяет сделать вывод об использовании скального убежища в качестве места для захоронения [Kondo, Yoneda, Taniguchi, 2018, p. 154].

Сходный контекст захоронения встречается и в других пещерных памятниках. Например, в пещере Хэги, преф. Оита, в овальной яме обнаружены скелеты двух человек, расчлененные в районе талии. Памятник относится к начальному этапу периода дзёмон [Ibid., p. 155]. В скальном убежище Камикуроива, преф. Эхимэ, относящемся к начальному этапу периода дзёмон, найдены скелеты 28 человек. Они определены как скелеты 3 мужчин, 8 женщин и 17 молодых людей. Большинство скелетов отнесено к первичным захоронениям: это в общей сложности 11 скелетов захороненных вместе молодых и взрослых женщин, 11 скелетов захороненных вместе взрослых мужчин и женщин, 3 скелета – взрослой женщины, младенца и новорожденного. Обнаружены также разрозненные кости взрослой женщины, мужчины и младенца. Исследовавшему памятник проф. Накахаси удалось выявить ряд антропологических особенностей населения, оставившего эти захоронения. У погребенных наблюдаются типичные черты людей периода дзёмон: овальные широкие лица, большие выступающие носы, относительно длинные предплечья и голени, средний рост составляет 158,4 см у мужчин, 147,3 см у женщин. Из них 60 % умерли в детском или юном возрасте, что говорит о тяжелых условиях жизни. У детей и взрослых позвоночник поврежден, есть скелеты с искривленным позвоночником. Вероятно, жителям данной местности приходилось преодолевать большие расстояния с тяжелым грузом на спине [Кобаяси, 2010, с. 63].

В пещерных памятниках долины Тайсяку, преф. Хиросима, обнаружено 70 захоронений. Боль-

шая часть относится к позднему и заключительному этапам периода дзёмон, несколько – к начальному и раннему [Кавасэ, 2007, с. 40]. Захоронения осуществлялись непосредственно в жилых пещерах или рядом с ними, чаще всего в овальных неглубоких ямах. У погребенных позднего и заключительного этапов на памятниках Домэн, Ёсэкура, Саругами встречаются такие отличительные черты, как удаленные зубы и наличие красного пигмента на черепе [Там же, с. 46]. В пещерах, которые использовались людьми на протяжении долгого времени, встречаются групповые захоронения в нескольких ямах. Практически отсутствие или незначительное количество находок в слоях среднего этапа периода дзёмон может свидетельствовать о переселении древних людей в долины рек и на морское побережье, а затем возвращении обратно к пещерам в конце периода дзёмон. Возможно, в горные районы мигрировали новые группы носителей культуры дзёмон.

Погребения периода яэй в пещерах встречаются достаточно редко, преимущественно среднего этапа (см. рис. 1, 8–11). Одним из таких случаев является пещера Одзакаи, преф. Тояма. В ней обнаружено 20 скелетов среднего этапа периода яэй, у большинства на черепе присутствуют следы красного пигмента и удалены зубы [Кокуситэи..., 2008, с. 39]. В пещере Ятсухаги, преф. Гумма, датируемой первой половиной среднего этапа периода яэй, обнаружено захоронение 34 индивидов: как целые скелеты, так и разрозненные кости, в т.ч. кремнированные. Найденные предметы включают 19 браслетов из раковин, 9 бусин из раковин, нефритовые бусины, подвески из клыка кабана [Barnes, 2019, p. 81]. Кроме того, там же были найдены кости пальцев рук с просверленными отверстиями. Расположение перфорированных костей вместе с человеческими зубами в районе шеи позволяет сделать вывод о том, что они использовались как ожерелье [Mizoguchi, 2013, p. 163]. Аналогичные предметы – подвески из костей пальцев рук – найдены в пещере Аригасаяма, преф. Гумма. В пещере Иватсубо, преф. Гумма, датируемой серединой периода яэй, обнаружены четыре могилы, в которых найдено шесть индивидов в скорченном положении: от младенцев до взрослых. В одной яме были похоронены две взрослые женщины и ребенок, вместе с ними найдено 20 браслетов из раковин. Могила накрыта сверху тремя крупными камнями [Ibid., p. 75]. Череп, найденные в пещерах Ятсухаги и Иватсубо, демонстрируют традицию удаления зубов [Barnes, 2019, p. 48]. Возможно, эта традиция была принесена мигрантами с запада или заимствована местным населением в результате культурных контактов. Во второй половине периода яэй практика захоронения в пещерах исчезает.

Рис. 4. Погребение женщины в скальном убежище Ияи, Япония (по: [Kondo, Yoneda, Taniguchi, 2018, p. 153]).

Через несколько столетий, в период *кофун*, возобновляется практика захоронения в пещерах, но искусственного происхождения. В различных районах Японии в VI–VII вв. возникают характерные погребальные комплексы, представляющие собой вырубленные в скалах горизонтальные погребальные камеры. Одним из самых известных памятников является погребальный комплекс Ёсими, преф. Сайтама (рис. 1, 12; 5). Комплекс Ёсими, или Ёсими хяккэцу (яп. «сто пещер»), расположен на севере р-на Канто. Более 200 могил площадью ок. 1 м² идут рядами по линии запад – восток. Богатый погребальный инвентарь позволяет сделать вывод о том, что в подобных комплексах хоронили представителей высших слоев общества [Корияма..., 2009, с. 5].

Таким образом, традиция пещерных захоронений на юге Корейского п-ова и на территории Японского архипелага демонстрирует сходную линию развития. Погребения появляются в период неолита (дзёмон) и существуют вплоть до бронзового века (яёй). Затем традиция прерывается и погребения в пещерах, но уже искусственного происхождения, появляются в эпоху раннего Средневековья (период *кофун*). Погребения в пещерах эпохи неолита и бронзы на территории южной части Корейского п-ова и периодов дзёмон и яёй в Японии представляют собой, как правило, коллективные захоронения. В некоторых случаях костные останки взрослых залегают вместе с фрагментами детских костей. Это обстоятельство может свидетельствовать о том, что погребенные в таких захоронениях могли быть связаны узами родства. Часто костяки неполные, что могло быть не только результатом их плохой

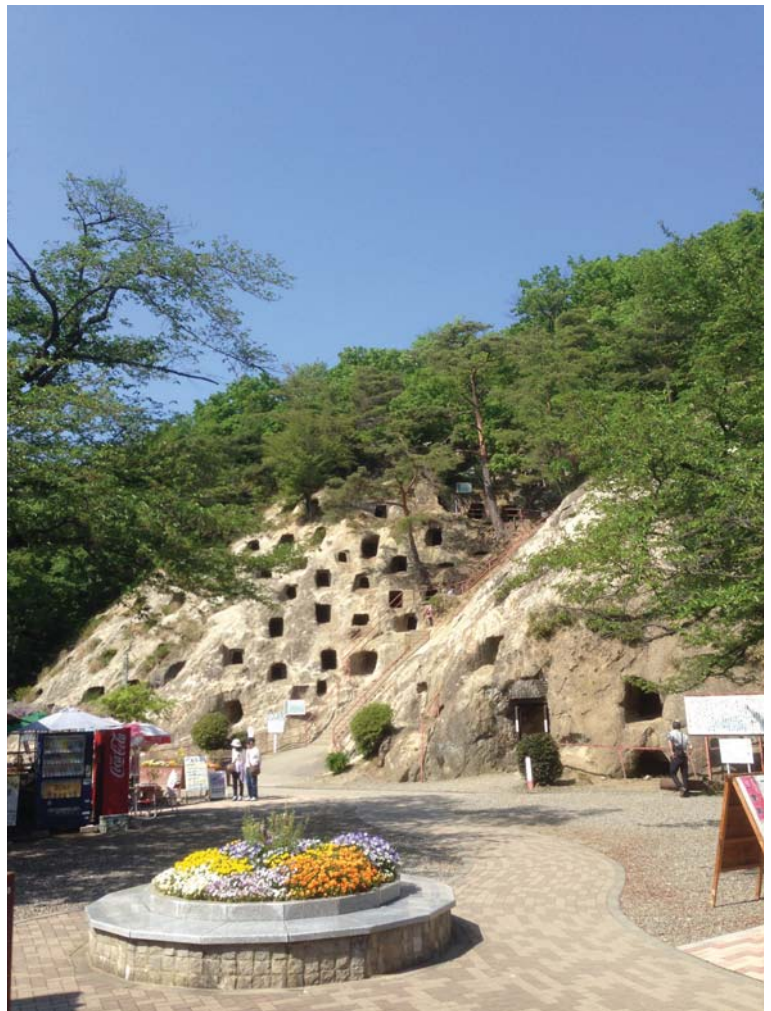
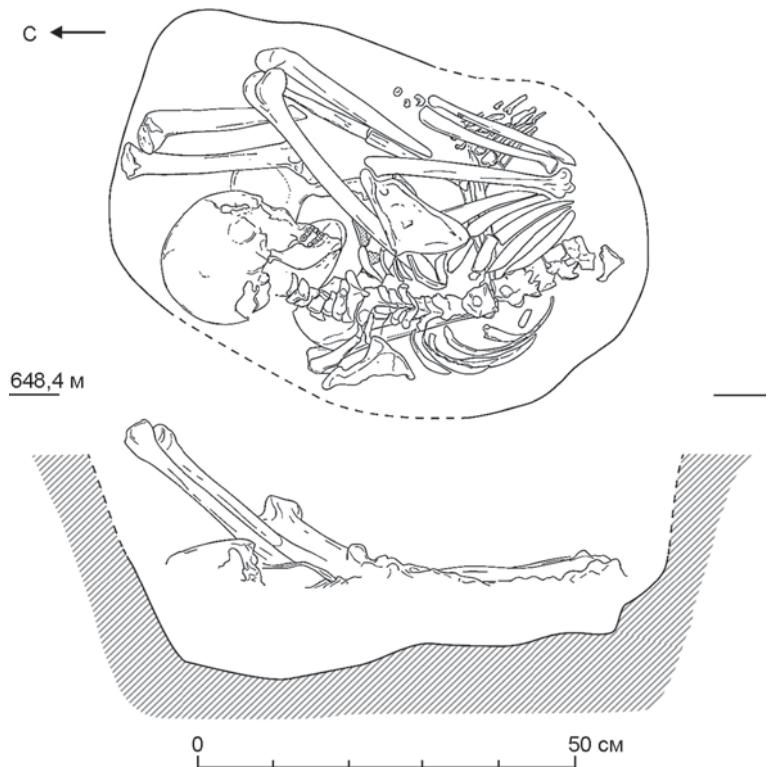

Рис. 5. Погребальный комплекс Ёсими, Япония (фото Е.А. Соловьевой).

сохранности, но и указывать на вторичный характер захоронений. Погребения совершались на полу пещер или в неглубоких грунтовых ямах, часто по периметру выложены обломками камней или перекрыты камнями сверху. Нередко в пещерах находят следы кострищ, фрагменты пепла и угля. С одной стороны, данные находки могут быть свидетельствами использования пещер в качестве жилого помещения в более ранние эпохи. С другой стороны, можно предположить, что кострища и другие следы огня в пещерах в сочетании с погребальными комплексами представляют собой следы ритуально-поминальных практик. Комплекс погребального инвентаря включает в себя керамические сосуды, украшения и охотничье-рыболовный инвентарь (наконечники стрел, рыболовные крючки). Последнее указывает на то, что активную роль в хозяйстве населения юга Кореи и Японии в эпоху неолита и ранней бронзы играли охота и рыболовство.

В эпоху раннего Средневековья (период *кофун*), в V–VII вв., традиция погребений в пещерах возрождается в виде захоронений в горизонтальных нишах (искусственных пещерах). В Японии появление подобных комплексов совпадает по времени с активизацией в ее западной и центральной частях миграционных потоков с юга Корейского п-ова, вероятно, и сама традиция является заимствованной с материка.

Сюжет, связанный с пещерой, сохранился в мифологических текстах как Кореи, так и Японии. Пещера упомянута в корейской мифе об основателе Древнего Чосона Тангуне в контексте появления на свет этого легендарного предка корейского народа [Корейские предания..., 1980, с. 37–38]. В японской мифологии богиня Аматэрасу, центральное божество синтоистского пантеона, удалилась в пещеру и отказывалась выходить к людям. Пока она находилась в пещере, мир был погружен в темноту [Кодзики, 1994, с. 55]. Непосредственной связи с погребальным обрядом в тексте нет, но это вполне могут быть сохранившиеся следы более ранних мифологических представлений, в которых пещера играла важную роль и являлась священным ритуальным объектом, связанным с космогоническими представлениями.

Список литературы

Кавасэ М. Тюгоку санги-но дзёмонбунка. Тайсякукё исэкигун (Культура дзёмон горной части района Тюгоку. Группа памятников ущелья Тайсяку). – Токио: Синсэнся, 2007. – 96 с. – Сиридзу Исэки-о манабу (Сер. «Изучая памятники»; № 036) (на яп. яз.).

Ким Воллён. Чхунчхон Кёдон хёльго юджок-ква юмуль: кёдон мунхва-ый сонгёк-ква ёндэ (Пещерный памятник Кёдон в г. Чхунчхон и находки на нем: характер-

ристика и датировка культуры типа кёдон) // Ёкса хагбо (Журнал Ассоциации истории Кореи). – 1963. – № 4. – С. 1–27 (на кор. яз.).

Ким Воллён. Хангук когохак кэсоль (Основы археологии Кореи). – Сеул: Ильджиса, 1986. – 293 с. (на кор. яз.).

Ким Нагджун. Пэкче хвенхельмё-ый тхыкчин-гва ыми-э тэхаё (Особенности и значение погребений в горизонтальных нишах) // Мунхваджэ (Журнал «Культурное наследие»). – 2019. – Т. 52. – № 2. – С. 268–291 (на кор. яз.).

Кобаяси К. Дзёмонбунка-но хадзимари. Камикуроива ивакагэисэки. (Начало культуры дзёмон. Скальное убежище Камикуроива). – Токио: Синсэнся, 2010. – 96 с. – Сиридзу Исэки-о манабу (Сер. «Изучая памятники»; № 070) (на яп. яз.).

Кодзики. Записи о деяниях древности. – СПб.: Шар, 1994. – 256 с.

Кокуситэи сисэки Одзакаидо:кутсу дзю:кёато (Национальный исторический памятник место обитания пещера Одзакай). – Хими: Хими-си Кёикуинкай, 2008. – 116 с. (на яп. яз.).

Корейские предания и легенды из средневековых книг. – М.: Худ. лит., 1980. – 286 с.

Корияма ёкоана кофунгун тё:са гаихо (Отчет об исследовании пещерных погребальных комплексов Корияма). – Сироиси: Сироиси кёикуинкай, 2009. – 15 с. (на яп. яз.).

Максимович Г.А. Карст. – М.: Знание, 1960. – 48 с.

Максимович Г.А. Научное и практическое значение пещер // Пещеры. – Вып. 12–13. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 1972. – С. 118–129.

Тимофеев Д.А., Дублянский В.Н., Кикнадзе Т.З. Терминология карста: материалы по геоморфологической терминологии. – М.: Наука, 1991. – 259 с.

Хангукса – кусокки мунхва-ва синсокки мунхва (История Кореи: культура эпохи палеолита и неолита). – Сеул: Кукса пхёнчхан вивонхве (Нац. ин-т истории Кореи), 1997. – Т. 2. – 585 с. (на кор. яз.).

Ю Тхэён. Хангук синсокки сидэ мудом-ый гомтхо (Обзор погребений эпохи неолита Кореи) // Пэксан хагбо (Журнал общества «Пэксан»). – 2010. – № 88. – С. 5–61 (на кор. яз.).

Юн Тхэджон. Чонсон Мэдун тонгуль-эсо чхондонги сидэ мэджан ыйре-рыль пхаакхаль су и-нын тонгуль мудом хвагин (Находка погребений в пещере Мэдун уезда Чонсон, которая может дать информацию о погребальном обряде населения бронзового века) [Электронный ресурс]. – 2017. – URL: [554](http://www.cha.go.kr/newsBbz/selectNewsBbzView.do;jsessionid=J85kydrVkJz1kMSxBp evFAMrUOSo6EaPiW8bWUEtU7VpxX6U0MJHICFRzGIw1BuN.new-was_servlet_engine1?newsItemId=155700290§ionId=b_sec_1&pageIndex=1&mn=NS_01_02_01&strWhere=&strValue=&sdate=&edate=(дата обращения: 13.08.2020) (на кор. яз.).</p></div><div data-bbox=)

Barnes G.L. The Jomon–Yayoi transition in Eastern Japan: Enquiries from the Kanto Region // *Japanese J. of Archaeol.* – 2019. – N 7. – P. 22–84.

Kondo O., Yoneda M., Taniguchi Y. A female skeleton from the Initial Jomon period found in the Iyai rock shelter in mountainous Kanto, Japan // *Anthropol. Sci.* – 2018. – Vol. 126, N 3. – P. 151–164.

Mizoguchi K. *Archaeology of Japan: From the Earliest Rice Farming Villages to the Rise of the State.* – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2013. – 393 p.

References

Barnes G.L. The Jomon–Yayoi transition in Eastern Japan: Enquiries from the Kanto Region. *Japanese J. of Archaeol.*, 2019, No. 7, pp. 22–84.

Hanguksa – guseokgi munhwawa sinseokgi munhwa [History of Korea: Paleolithic and Neolithic culture]. Seoul: Guksa pyeonchan wiwonhoe [National Institute of Korean History], 1997, vol. 2, 585 p. (In Kor.).

Kawase M. Chugoku sanchi-no Jomonbunka. Taishakukyo isekigun (Jomon culture of mountain part of Chugoku region. Taishaku gorge site group). Tokyo: Shinsensha, 2007, 96 p. *Shirizu iseki-o manabu*; No. 036. (In Japan.).

Kim Nakjung. Baekje hoenghyeolmyo-ui teukjing-gwa uimi-e daehayeo [A Study on the Yocoanabo (Cave Tombs) of the Baekje Kingdom]. *Munhwajae [Korean Journal of Cultural Heritage Studies]*, 2019, vol. 52, No. 2, pp. 268–291. (In Kor.).

Kim Won-yong. Chuncheon Gyodong hyeolgeo yujeok-gwa yumul: gyodong munhwa-ui seonggyeok-gwa yeondae [A Prehistoric Cave Dwelling Site at Kyodong, Ch'un-ch'on city, Central Korea – a new Kyodong Culture]. *Yeoksa hakbo [The Korean Historical Review]*, 1963, No. 4, pp. 1–27. (In Kor.).

Kim Won-yong. Hanguk gogohak gaeseol [Introduction to Korean Archaeology]. Seoul: Iljisa, 1986, 293 p. (In Kor.).

Kobayashi K. Jomonbunka-no hajimari. Kamikuroiwa iwakage iseki [The Beginning of Jomon Culture. Kamikuroiwa rock shelter site]. Tokyo: Shinsensha, 2010, 96 p. *Shirizu iseki-o manabu*; No. 070. (In Japan.).

Kodziki. Zapisi o deyaniyakh drevnosti. St. Petersburg: Shar, 1994, 256 p. (In Russ.).

Kokushitei shiseki Ozakaido:kutsu ju:kyoato [National historical site Ozakai cave place]. Himi: Himi-shi Kyoikuiinkai, 2008, 116 p. (In Japan.).

Kondo O., Yoneda M., Taniguchi Y. A female skeleton from the Initial Jomon period found in the Iyai rock shelter in mountainous Kanto, Japan. *Anthropol. Sci.*, 2018, vol. 126, No. 3, pp. 151–164.

Koreiskie predaniya i legendy iz srednevekovykh knig. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1980, 286 p. (In Russ.).

Koriyama yokoana kofungun cho:sa gaiho [Report on studying of Koriyama cave burial complex]. Shiroishi: Shiroishi kyoikuiinkai, 2009, 15 p. (In Japan.).

Maksimovich G.A. Karst. Moscow: Znanie, 1960, 48 p. (In Russ.).

Maksimovich G.A. Nauchnoe i prakticheskoe znachenie peshcher. In *Peshchery*, iss. 12-13. Perm: Perm State Univ. Press, 1972, pp. 118–129. (In Russ.).

Mizoguchi K. *Archaeology of Japan: From the Earliest Rice Farming Villages to the Rise of the State.* Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2013, 393 p.

Timofeev D.A., Dublyanskii V.N., Kiknadze T.Z. Terminologiya karsta: materialy po geomorfologicheskoi terminologii. Moscow: Nauka, 1991, 259 p. (In Russ.).

Yoo Taeyong. Hanguk sinseokgi sidae mudeom-ui geomto [A Review of the Neolithic Tombs in Korea]. *Peksan khagbo [The Paek-San Hakpo]*, 2010, No. 88, pp. 5–61. (In Kor.).

Yoon Taejeong. Jeongseon Maedun donggul-eseo cheongdonggi sidae maejang uirye-reul paakhal su ineun donggul mudeom hwagin [Finding of tombs in Maedun Cave in Jeongseon county which can give understanding of burial rites of the Bronze Age population]. 2017. URL: http://www.cha.go.kr/newsBbz/selectNewsBbzView.do;jsessionid=J85kydrVklz1kMSxBpevFAMrUOSo6EaPiW8bWUEtU7VpxX6U0MJHICFRzGIw1BuN.new-was_servlet_engine1?newsItemId=155700290§ionId=b_sec_1&pageIndex=1&mn=NS_01_02_01&strWhere=&strValue=&sdate=&edate= (Accessed: 13.08.2020) (In Kor.).

Нестеркина А.Л. <https://orcid.org/0000-0002-3703-1527>

Соловьева Е.А. <https://orcid.org/0000-0002-3481-7292>

С.П. Нестеров^{1✉}, А.Е. Соболев²

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

²Музей истории города Хабаровска
Хабаровск, Россия

E-mail: nesterov@archaeology.nsc.ru

Культурный тип ваньяньхэ на северо-востоке Китая

Оценивая исследование этнокультурных процессов в Восточном Приамурье в эпоху раннего железного века, начало которого связано с урильской культурой, а продолжение с польцевской культурой, необходимо иметь в виду материалы синхронных памятников с правобережья Амура, левого берега р. Уссури и низовий р. Сунгари. В этом регионе китайскими археологами разрабатывается группа памятников типа ваньяньхэ. Сравнительный анализ предметного комплекса из раскопок эпонимного памятника Ваньяньхэ, археологических сборов с более чем 30 других объектов показал, что по материалу он является аналогом памятникам польцевской культуры российского Дальнего Востока. Единственное раскопанное жилище ваньяньхэ продемонстрировало как сходство с постройками польцевской культуры, так и определенную специфику. Она заключается в конструкции очага с системой поддува воздуха. Система расположения ям для столбов внутри жилища позволила предположить его каркасную конструкцию, наличие рамы из бревен и внешнюю форму пирамиды. Типы керамических сосудов ваньяньхэ находят аналоги в типологическом ряду польцевской керамики. Особо необходимо отметить присутствие в обеих культурах сосудов с ручкой в форме рога. Среди немногих изделий ваньяньхэ имеются предметы в виде фигурки ежа или клюва сокола (памятник Миниань). Материалы этого памятника демонстрируют присутствие керамики, камней с ямками, сопоставимых и с урильской, и с польцевской культурами. Материалы с поселения Миниань могут являться переходными от урильской культуры к польцевской и к типу ваньяньхэ. Хронологические рамки ваньяньхэ – конец III в. до н.э. – II в. н.э.

Ключевые слова: ваньяньхэ, Саньцзян, польцевская культура, Приамурье.

Sergei P. Nesterov^{1✉}, Alexander E. Sobolev²

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

²Museum of Khabarovsk city history,
Khabarovsk, Russia

E-mail: nesterov@archaeology.nsc.ru

Wanyanhe Cultural Type in Northeastern China

Evaluating the study of ethnocultural processes in the Eastern Amur Region during the Early Iron Age, the beginning of which is associated with the Urilskaya culture, and the continuation with the Poltsevskaya culture, it is necessary to bear in mind the materials of synchronous sites from the right bank of Amur, the left bank of the Ussuri River and the lower streams of the Sungari River. In this region, Chinese archaeologists are exploring a group of sites of the Wanyanhe type. The comparative analysis of the artifact complex from excavations of the Wanyanhe eponymous site, archaeological collections from more than 30 other locations showed that in terms of material it is analogous to the sites of the Poltsevskaya culture in the Russian Far East. The only excavated Wanyanhe dwelling showed both a similarity with the Poltsevskaya culture structure, and a clear specificity. It includes the design of the hearth with an air injection system. The system of positioning of pits for the pillars inside the dwelling made it possible to suggest its frame structure, the presence of a frame made of logs, and the external shape of a pyramid. The types of Wanyanhe ceramic vessels demonstrate parallels in the typological range of Poltsevskaya culture ceramics. The presence of vessels with a horn-shaped handle in both cultures should be particularly noted. Few Wanyanhe items include artifacts in the form of a hedgehog figurine or a falcon beak (Mingshan site). The materials from this site show the presence of ceramics, and stones with pits comparable both with the Urilskaya culture and with the Poltsevskaya culture. Materials from the Mingshan settlement can be transitional from the Urilskaya culture to the Poltsevskaya culture and to the Wanyanhe type. Chronological framework of Wanyanhe is the end of the 3rd century BC to the 2nd century AD.

Keywords: Wanyanhe, Sanjiang, Poltsevskaya culture, Priamurye.

Введение

В Китае начало исследования археологических памятников периода Хань – Вэй (206 г. до н.э. – 264 г. н.э.) на территории равнины Саньцзян, в бассейне среднего и нижнего течения Сунгари, правобережья Амура и левобережья Уссури, а также их притоков – Цисинхэ, Ваньяньхэ, Вайцисинхэ и других относится к концу 1970-х гг. Исходя из анализа материалов (в основном керамики), найденных при обследовании городищ и поселений, а также из раскопок на некоторых из них, исследователи пришли к выводу, что эти памятники оставлены носителями археологических культур

гуньтулин и фэнлинь. Что касается памятников типа ваньяньхэ (городской округ Хэган, Цзикэньчжань), то китайские исследователи не выделяют их в отдельную археологическую культуру, проводя в ряде работ аналогии с польцевской культурой Восточного Приамурья [Цзоу Хань, Чжао Цзиньхуэй, 1999; Фань Чжунцзе, 2005].

Начиная с 1975 г. и по настоящее время в разных районах равнины Саньцзян было обнаружено и обследовано 32 памятника культурного типа ваньяньхэ. Это поселения и местонахождения артефактов (рис. 1, а) [Цзоу Хань, Чжао Цзиньхуэй, 1999; Э Шаньцзюнь, 2002; Ван Хайянь, Чжан Лимэй, 2003; Фань Чжунцзе, 2005; Цзоу Цзихэ, 2005;

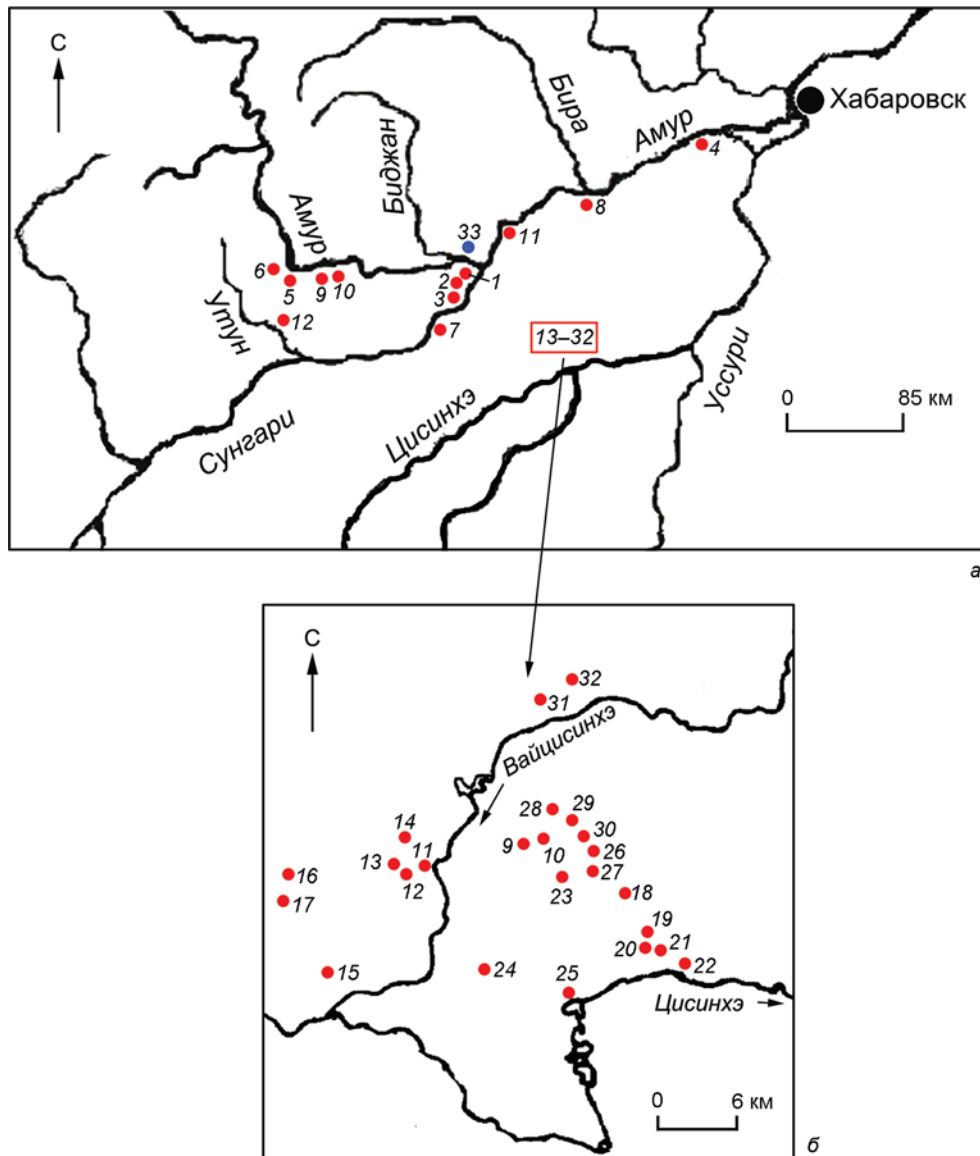

Рис. 1. Карта расположения памятников культурного типа ваньяньхэ на равнине Саньцзян (а) (по: [Цзоу Цзихэ, 2005; Ян Ху, 2006]) и в районе р. Вайцисинхэ (б) (по: [Пань Лин, 1999]).

1 – городище Ваньяньхэ; 2 – поселение Ваньяньхэ; 3 – Идуй; 4 – Лянцзыюку; 5 – Миншань; 6 – Саньмацзя; 7 – Фучжэнь; 8 – городище Циньдэли; 9 – Ляньхуадаобань; 10 – Силянцзыгоу; 11 – Цзецзинькоу; 12 – Цзикэньчжэнь; 13–32 – группа памятников в районе р. Вайцисинхэ; 33 – поселения Польце I, II польцевской культуры на Среднеамурской низменности.

Ян Ху, 2006; Тань Вэй, 2011; Сунь Сюэсун, 2013; Лю Вэй, 2014]. При этом есть районы их наибольшего сосредоточения – в северной части равнины вдоль правого берега Амура от гор Малого Хингана на западе до северо-восточных приграничных областей у. Фуюань к востоку от устья Сунгари; и на юге равнины Саньцзын – в долине р. Вайцисинхэ, притока р. Цисинхэ, которая впадает слева в р. Наолихэ, являющуюся, в свою очередь, притоком р. Усури. Именно в южной части наблюдается высокая плотность расположения памятников (20 ед.) на относительно небольшой территории (рис. 1, б) [Пань Лин, 1999], в отличие от северной зоны, где объекты равномерно рассредоточены вдоль берега Амура. О наличии памятников культурного типа ваньяньхэ в юго-западной части равнины, в области нижнего течения Сунгари, за исключением устья и одного памятника, расположенного в 16,5 км южнее Сунгари в городском округе Фуцзинь, опубликованных данных нет. В восточной части Саньцзына известно о двух памятниках: Хайцин в у. Фуюань в нижнем течении р. Усури и Сыпай в у. Жаохэ (примерно в 22 км северо-западнее от г. Бикин в Приморье) в ее среднем течении.

Материалы культурного типа ваньяньхэ

Жилище 2, раскопанное китайскими археологами на поселении Ваньяньхэ, прямоугольной формы (5 × 6 м), сооружено в котловане глубиной 20–40 см от современной поверхности [Ян Ху, 2006]. Оно ориентировано углами по сторонам света (рис. 2, а). На площади в 30 м² обнаружены 13 ям от опорных столбов, имеющих отношение к конструкции жилища. Они располагались примерно на равном расстоянии друг от друга вдоль стен котлована и имели диаметр 18–28 см и глубину 15–44 см. Четыре столба были вкопаны в углах котлована и два столба в средней части северо-западной и юго-восточной сторон. Такие же два столба были установлены у северо-восточной и юго-западной стенок, но со смещением в сторону северного и западного угловых столбов. По одной линии с ними в северо-восточной части жилища был установлен еще один столб на расстоянии ок. 1,5 м от среднего столба у северо-восточной стенки котлована. Что касается столбов вдоль юго-восточной стенки, то в центре на одной линии с угловыми опорами располагался один столб большого диаметра. От него примерно на равном расстоянии (1,5 и 1,7 м) были ямки от двух столбов небольшого диаметра. В свою очередь, эти столбики как-то были конструктивно связаны со столбами большого диаметра, стоящими рядом с ними, но на расстоянии ок. 40 см от стены.

Вход в жилище в виде небольшого тамбура шириной 1 м находился в юго-восточной стене. Его длина могла быть не более 50 см (внешняя часть входного тамбура, как и южный угол жилища, разрушена современной траншеей). Вход смещен к южному углу постройки, начинается в 1,7 м от него. В 70 см от линии входа располагается яма прямоугольной формы (2 × 3 м) глубиной 30 см. В этом понижении в полу жилища у середины северо-западной стенки с небольшим уклоном к ней была выкопана яма грушевидной в плане формы. Ее размеры по длинной оси составили 70 см, в самом широком месте – 60 см. Дно чашевидное, максимальная глубина от пола углубления составила 15 см, а от уровня пола жилища – 48 см. Эта грушевидная яма соединена с очагом земляной трубой трапециевидной в плане формы (размеры 19 × 26 см, высота 15 см) под полом постройки, ее длина – 15 см. При этом более узкое отверстие трубы входит в очаг. По сути, это поддувало очага для улучшения тяги и уменьшения задымленности помещения. Не исключено, что тому же способствовала и яма, в которой оно располагалось. Такая земляная выемка в полу жилища площадью 6 м² не только обеспечивала дополнительный приток воздуха для теплотехнического устройства, но и могла служить кухонной зоной.

Очаг без обкладки занимает практически середину жилища с небольшим смещением к северо-западной стене. Это яма округлой формы диаметром на полу 67–70 см, по дну 80 см, глубиной 44 см. Сразу за очагом располагается зона прямоугольной формы (2,5 × 1,6 м), поверхность которой была тщательно выровнена и покрыта слоем из смеси глины и травы толщиной 4 см, а затем обожжена. Здесь найдены развалы керамических сосудов (рис. 2, а, № 2–8, 10 на плане). Еще две емкости располагались у краев ямы с поддувалом (рис. 2, а, № 1, 9 на плане).

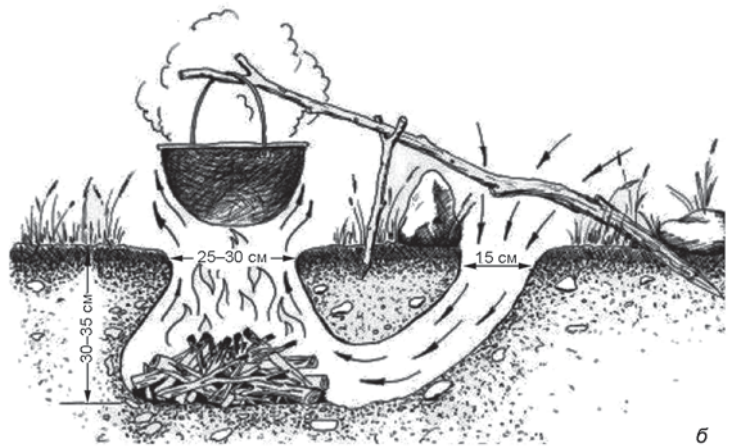
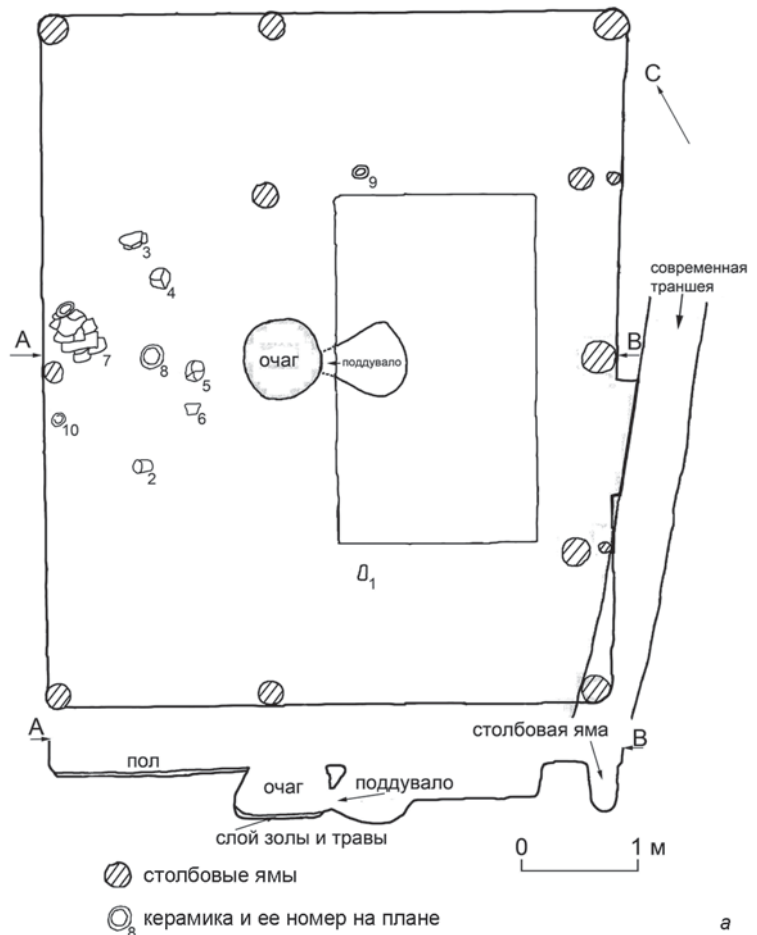
Керамика. Наиболее полное представление о разнообразии форм керамических сосудов дают материалы с поселения Ваньяньхэ, т.к. на других памятниках в основном встречены только фрагменты (рис. 3; 4, 1–5). Во всех найденных образцах керамики присутствуют хорошо различимые гранулы крупного и мелкого песка в составе глиняного теста. Обжиг сосудов производился при низких температурах в окислительно-восстановительной среде. Вся керамика имеет красно-темно-коричневый и желто-темно-коричневый цвет, за исключением сосудов, поверхность которых после обжига окрашивалась красной краской. Китайские исследователи выделяют четыре типа сосудов по форме: горшки *гуань* (罐) (делятся на подтипы: с шаровидным туловом и устьем в виде раструба, с пря-

Рис. 2. План жилища 2 поселения Ваньянь-хэ (а) (по: [Ян Ху, 2006]) и схема дакотского очага (б) (по: [Дакотский очаг]).

мым устьем, с расширенным устьем, с выпуклым туловом, цилиндрической формы); чашки *вань* (碗); чаши *бо* (钵) и миски *пань* (盘). Кроме этого, на отдельных памятниках обнаружены рогообразные рукояти и керамические пряслища.

По технике нанесения орнамента на внешнюю поверхность сосудов выделяются штампанный; вдавленный с использованием подушечек или ногтей пальцев руки (рис. 3, 11, 12); наклепной; нанесенный путем накалывания; прочерченный; тисненый; равномерное окрашивание красной краской. Наклепной орнамент представлен рассеченным одинарным горизонтальным валиком или несколькими параллельными гладкими валиками, образующими сплошной фриз. К этому же типу относятся небольшие выпуклые шишечки «жемчужины». Тисненый орнамент представлен вафельными отпечатками штампа с различными формами и размерами ячеек, образующими сплошное орнаментальное поле по всему сосуду. Данный вид орнамента относят к техническому, связанному с процессом формовки изделия. Прочерченный орнамент наносился путем протаскивания гребенки с несколькими зубцами, стеклом в виде прямых сплошных, коротких (параллельных, вертикальных) или волнистых линий. Наколы представляют собой сплошные вдавления круглой формы.

Из элементов орнаментов на сосудах встречаются различные комбинированные варианты, из которых наиболее распространены сочетание вафельного и горизонтального рассеченного валика; одинарного горизонтального валика и фриза из валиков; шнурового; рядов врезных линий, образованных гребенкой, между которыми вписаны зигзагообразные (рис. 3, 10) или волнистые линии. Отличительной чертой для большинства найденных фрагментов керамики выступает наличие одного или нескольких горизонтальных рассеченных наклепных валиков, которые располагаются в верхней части сосуда. На керамике культурного типа ваньяньхэ орнамент в основном локализуется на венчике, шейке и пле-

чиха. Исключение составляют сосуды, полностью покрытые вафельным орнаментом. У отдельных образцов отмечено наличие орнамента, нанесенного отпечатками подушечек/ногтей пальцев, в нижней части сосудов.

Изделия из камня. На всех без исключения памятниках, где обнаружены артефакты культурного типа ваньяньхэ, каменных изделий, соотносимых с ним, найдено крайне немного (найденны на памятниках Ваньяньхэ и Миншань). Это шлифованные топоры, скребки, наконечники стрел и уплощен-

Рис. 3. Керамика культурного типа ваньяньхэ.

1, 2 – горшки; 3 – сосуд с шаровидным туловом и сильно отогнутым венчиком; 4 – чаша; 5–7 – чашки; 8 – пряслице; 9 – ручка сосуда; 10 – фрагмент стенки сосуда с зигзагообразным орнаментом; 11, 12 – фрагменты венчиков с пальцевым орнаментом.
1–10 – поселение Ваньяньхэ (по: [Ян Ху, 2006]); 11, 12 – Ляньхуадаобань (по: [Цзоу Хань, Чжао Цзиньхуэй, 1999]).

ные наковальни. На одной или двух плоскостях наковален имеются ямки-выемки округлой формы. Большое количество подобных предметов найдено на памятнике Миншань (рис. 4, 6–12). Они имеют овальную, прямоугольную, трапециевидную формы. Кроме того, обнаружены шиферный наконечник стрелы треугольной формы с вогнутым основанием (рис. 4, 22) и черешковый наконечник стрелы (рис. 4, 23). Еще на этом памятнике встречаются каменные изделия с выделенным носиком, напоминающие фигурку животного (ежа) (рис. 4, 14) или клюв сокола (рис. 4, 16–18) [Деревянко, 1976, с. 127].

Обсуждение археологических данных

Прежде всего, необходимо отметить, что главным источником по культурному типу ваньяньхэ является керамика и каменные орудия. Изделий из камня китайскими археологами опубликовано крайне мало. Абсолютное большинство всех находок составляют фрагменты керамики. Предметов из металла и кости не обнаружено. Однако этих материалов для китайских исследователей оказалось достаточно, чтобы культурный тип ваньяньхэ признать полным аналогом польцевской культуры

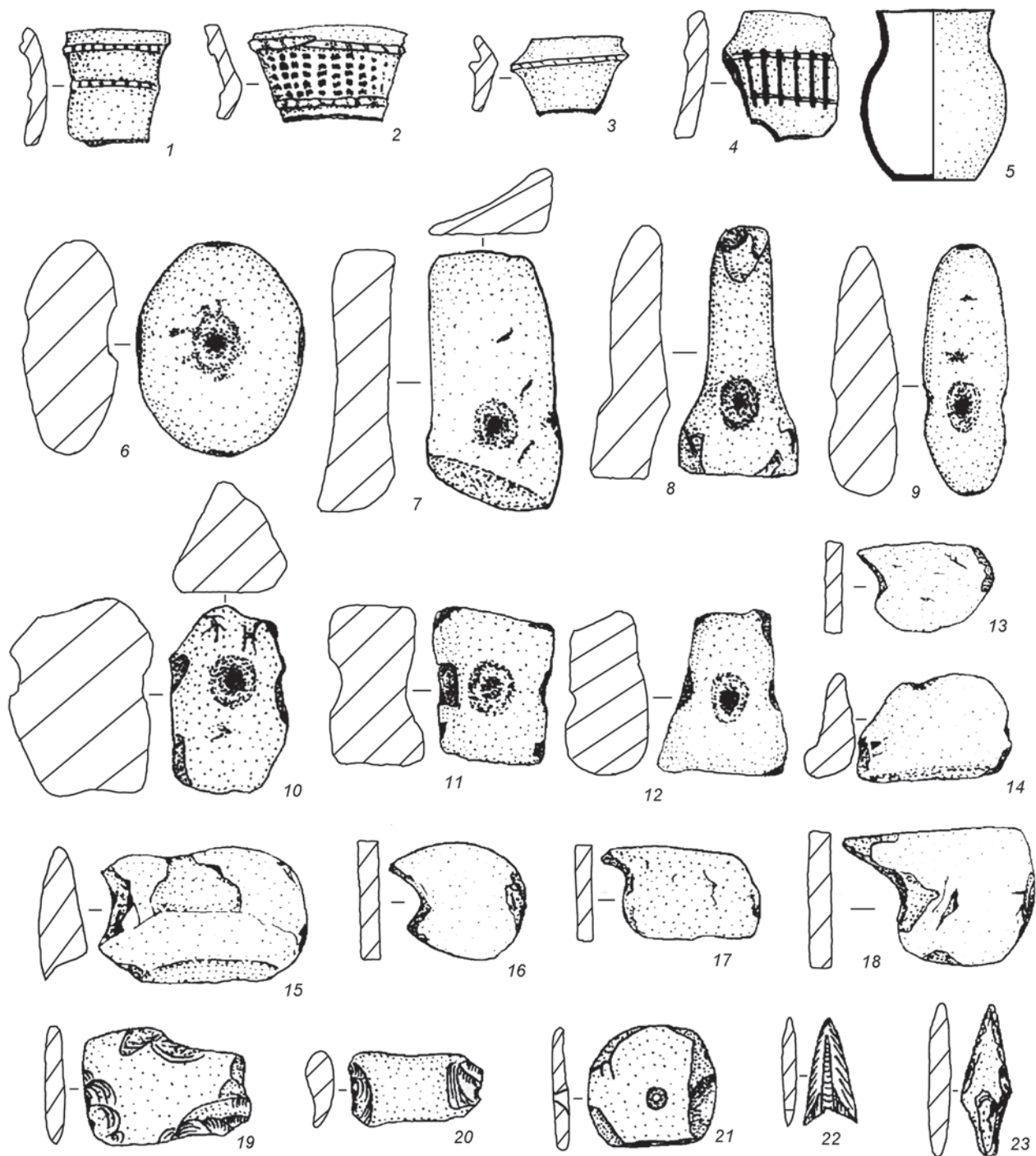

Рис. 4. Материалы поселения Миншань (по: [Цзоу Хань, Чжао Цзиньхуэй, 1999]).

1–4 – фрагменты керамики с орнаментом; 5 – горшок; 6–12 – камни с лунками; 13–18 – керамические изделия с «носиком»; 19, 20 – каменные скребки; 21 – керамическое пряслице; 22 – шиферный наконечник стрелы; 23 – каменный наконечник стрелы с черешком.

российского Приамурья [Джунго дунбэй..., 2009].

Несмотря на то, что жилище данного культурного типа исследовано пока одно, оно дает определенное представление о его конструкции и позволяет найти ему аналоги. Наличие ям для вертикально вкопанных угловых и пристеночных столбов, а также котлована позволяет говорить о заглубленной в грунт каркасно-столбовой конструкции жи-

лища, выход которого в виде тамбура располагался в одной из стен. Отсутствие деревянных деталей наземной части постройки и система расположения столбовых ям большого диаметра по углам и в средней части каждой стороны котлована предполагают наличие рамы-основы, установленной на них. При наличии рамы верхняя часть жилища, как правило, имеет форму пирамиды. Эти же подпорные столбы

могли служить основой для деревянной облицовки стен котлована. Угловые стропила соединялись верхними концами и подпорных столбов не имели. Три столба внутри интерьера (два у стены с входом, один недалеко от северного угла земляной выемки с поддувалом) подпорными столбами для стропил быть не могли, т.к. они находятся в стороне от линии их расположения. О назначении этих трех столбов, а также идущих в паре с двумя из них небольших столбиков можно высказаться только предположительно ввиду отсутствия других деревянных деталей. Расположены они рядом с углами прямоугольной выемки с поддувалом и как-то связаны с ее внешней дополнительной конструкцией. Однако у западного угла нет столба, позволяющего предположить наличие стенок (частично из дерева, частично из мягкого материала напротив входа) вокруг этой ямы, которая служила бы экраном для сохранения тепла от очага в данной части жилища или отгораживала бы спальное место с северо-восточной стороны. Как вариант столбы могли быть основой двух невысоких полок (насколько позволяла высота наклонной кровли) для хранения имущества. Столб с северной стороны мог появиться в результате ремонта: им могли подпереть северо-восточный скат кровли. Наличие ямы около входа – явление для жилищ не частое. В данном случае она, скорее всего, связана с системой поддува очага. Относительно такого усложненного теплотехнического устройства можно сказать, что оно оригинально для этого типа жилищ. Проблема задымления жилого помещения при наличии открытого очага существовала всегда и, вероятно, имела множество способов борьбы с ним: сдвиг очага к стене противоположной входу; расположение его на земляной подушке; расширение дымового отверстия; устройство входного тамбура или коридора и др. В данном случае использовано поддувало, выкопанное с уровня дна приочажного углубления. Такое устройство аналогично т.н. дакотскому очагу (рис. 2, б) [Дакотский очаг]. Для ваньяньского жилища еще характерна специально подготовленная обмазанная глиной, обожженная площадка на полу у противоположной от входа стены – хозяйственная зона, где обнаружена основная часть керамической посуды. Похожая обмазка пола была в жилищах № 1, 4 памятника Польце I [Деревянко, 1976, с. 15, 51]. Дополнительные углубления на полу также присутствуют в жилищах польцевской культуры. Они могли занимать часть или практически всю середину жилого пространства вокруг очага, который устраивался на их дне (Кочковатка II, жилище № 2, Рыбное Озеро II, жилище № 1) [Там же, с. 44, рис. 34; с. 69, рис. 62; с. 88, 89], или выглядеть как прямая или п-образная траншея (Малмыж-1, жили-

ще № 1) [Дерюгин, 2009, с. 168]. Очаги носителей польцевской культуры в основном округлой формы, без обкладки, как и очаг ваньяньского жилища.

Морфологические типы керамических сосудов культурного типа ваньяньхэ, их орнаментация имеют полные аналоги в керамике польцевской культуры [Деревянко, 2000, с. 40–46, табл. 1–7]. Керамика культурного типа ваньяньхэ также включает в себя очень близкие по форме, типам орнамента, способу обжига и составу керамического теста образцы гончарства культуры гуньтулин. Это может косвенно свидетельствовать об относительно единой культурной традиции на достаточно большой и протяженной равнине Саньцзян, где шли постоянные контакты между ее носителями, по крайней мере, в области развития местной керамической традиции.

Китайские исследователи отмечают, что памятники с керамикой культурного типа ваньяньхэ (правобережная пойма Амура, район рек Цисинхэ и Вайцисинхэ) сконцентрированы на низких равнинах с заболоченными землями, а археологические объекты культуры гуньтулин располагаются в поясе пологих холмов и сопок [Ян Ху, Линь Сюэжэнь, 2006]. При этом единичные фрагменты керамики культуры гуньтулин часто встречаются на памятниках с керамикой типа ваньяньхэ. По наблюдению китайских специалистов, специфика ландшафтов существования различных культурных образований на равнине Саньцзян сближает культурный тип ваньяньхэ с ареалом носителей польцевской культуры на территории сильно обводненной и заболоченной Среднеамурской равнины левого берега Амура в пределах современной Еврейской автономной области, а также в пойме нижнего Амура.

Для жилища 2 поселения Ваньяньхэ есть радиоуглеродное определение возраста – 2010 ± 85 л.н. (ЗК-0323) [Чжунго каогусюэ..., 1992]. Калиброванная дата ($\pm 2\sigma$) располагается в широком хронологическом диапазоне: 347 г. до н.э. – 214 г. н.э. При 97 % вероятности он сокращается до периода 207 г. до н.э. – 180 г. н.э., т.е. конец III в. до н.э. – II в. н.э.

Заключение

Исследования культурного типа ваньяньхэ позволили китайским археологам высказать ряд положений, свидетельствующих о том, что в данной группе памятников, по сути, представлены материалы, аналогичные польцевской культуре. Так, зона расположения памятников ваньяньхэ непосредственно граничит с областью распространения памятников польцевской культуры на Амуре и Уссури. Облик ландшафта, в котором проживали носители данных культурных образований, также

совпадает: многоводная, заболоченная аллювиальная равнина Саньцзяна и Среднеамурская (Амуро-Уссурийская) низменность. В облике обеих культур отмечены очень близкие аналоги в конструкции жилищ, в каменных предметах и особенно в керамических изделиях (состав теста, формы керамических сосудов, типы орнаментации), хотя на памятниках культурного типа ваньяньхэ пока не обнаружены костяные и металлические (из бронзы, железа, чугуна, стали) предметы. Хронологически культурный тип ваньяньхэ соответствует времени конца польцевского этапа – первой половине кукелевского этапа польцевской культуры [Деревянко, 2000, с. 10–11]. Что касается происхождения польцевской культуры, то китайские исследователи, несмотря на то, что связывают его, как и происхождение культурного типа ваньяньхэ, с переселением протопольцевского населения с территории Ляодунского п-ова и районов нижнего течения р. Ляохэ [Чжунго дунбэй..., 2009, с. 271], допускают участие в его формировании носителей урильской культуры. Об этом могут свидетельствовать материалы памятника Миншань, где присутствуют керамика, камни с ямками, сопоставимые и с урильской, и с польцевской культурой. Возможно, поселение Миншань может относиться к переходному периоду от урильской культуры к польцевской или, по китайской терминологии, к типу ваньяньхэ.

Таким образом, среди части китайских исследователей существует концепция о существовании единого культурного образования, которое на равнине Саньцзян представлено культурным типом ваньяньхэ, а в российском Приамурье польцевской культурой. Они также полагают, что из него впоследствии выделилась культура гуньтулин [Цзя Вэймин, Вэй Гочжун, 1989, с. 26]. Однако есть и другое мнение – о том, что культура гуньтулин не имеет общих корней с ваньяньхэ и польцевской культурой, несмотря на целый ряд аналогий с ней [Ян Ху, Линь Сюэжэнь, 2006]. Все это говорит о сложной этнокультурной ситуации на равнине Саньцзян на втором этапе раннего железного века в Дальневосточном регионе.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-09-00192А «Этнокультурная динамика в Приамурье во второй половине I тысячелетия до н.э.: происхождение польцевской культуры».

Список литературы

Ван Хайянь, Чжан Лимэй. Хэйлунцзян шэн Тунцзян ши Цзецзинькоу ичжи дяоча баогао (Доклад об об-

следовании памятника Цзецзинькоу в городском округе Тунцзян провинции Хэйлунцзян) // Бэйфан вэнью. – 2003. – № 1. – С. 1–5 (на кит. яз.).

Дакотский очаг // Пикабу. – URL: https://www.pikabu.ru/story/dakotskiy_ochag_6118206 (дата обращения: 24.08.2020).

Деревянко А.П. Приамурье (I тыс. до н.э.). – Новосибирск: Наука, 1976. – 384 с.

Деревянко А.П. Польцевская культура на Амуре. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 68 с.

Дерюгин В.А. Результаты раскопок на поселении Малмыж-1 в 1992–1993 гг. // Культурная хронология и другие проблемы в исследовании древностей востока Азии. – Хабаровск: Хабаров. краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2009. – С. 165–171.

Лю Вэй. Хэйлунцзян шэн Фуюань сянь Лянцзыюку ичжи дяоча цзяньбао (Краткий доклад об обследовании памятника Лянцзыюку в уезде Фуюань провинции Хэйлунцзян) // Бэйфан вэнью. – 2014. – № 2. – С. 12–15 (на кит. яз.).

Пань Лин. Хэйлунцзян шэн Фуцзинь ши наньбу каогу дяоча цзяньбао (Краткий доклад об археологическом обследовании южной области городского округа Фуцзинь провинции Хэйлунцзян) // Бэйфан вэнью. – 1999. – № 2. – С. 1–11 (на кит. яз.).

Сунь Сюэсун. Хэйлунцзян шэн Фуцзинь ши Фучжэнь ичжи юй шицзюэ цзяньбао (Краткий доклад о разведке и обследовании памятника Фучжэнь в городском округе Фуцзинь провинции Хэйлунцзян) // Бэйфан вэнью. – 2013. – № 3. – С. 26–27 (на кит. яз.).

Тань Вэй. Хэйлунцзян шэн Суйбинь сянь эрцзю нунчан Идуй гу ичжи дяоча (Разведка на памятнике Идуй в уезде Суйбинь провинции Хэйлунцзян) // Бэйфан вэнью. – 2011. – № 1. – С. 9–12.

Фань Чжунце. Хэйлунцзян шэн Лобэй сянь Дулу сяю вэнью пуча цзяньбао (Краткий доклад об археологической разведке памятников материальной культуры в нижнем течении р. Дулу уезда Лобэй провинции Хэйлунцзян) // Бэйфан вэнью. – 2005. – № 2. – С. 14–17 (на кит. яз.).

Цзоу Хань, Чжао Цзиньхуэй. Хэйлунцзян шэн Хэган ши цзи Суйбинь Лобэй сянь каогу дяоча цзяньбао (Краткий доклад об археологической разведке в городском округе Хэган, а также уездах Лобэй, Суйбинь) // Бэйфан вэнью. – 1999. – № 1. – С. 11–17 (на кит. яз.).

Цзоу Цзихэ. Ваньяньхэ гучэн дяоча цзяньбао (Краткий доклад об обследовании древнего города Ваньяньхэ) // Бэйфан вэнью. – 2005. – № 4. – С. 50–53 (на кит. яз.).

Цзя Вэймин, Вэй Гочжун. Лунь илоу дэ каогусюэ вэньхуа (К вопросу об археологической культуре илоу) // Бэйфан вэнью. – 1989. – № 3. – С. 24–29 (на кит. яз.).

Чжунго дунбэй дицзюй Ся чжи Чжаньго шици дэ каогу вэньхуа яньцзю (Исследование археологических культур на территории северо-востока Китая от эпохи династии Ся до периода Сражающихся царств). – Пекин: Кэсюэ, 2009. – 318 с. (на кит. яз.).

Чжунго каогусюэ чжунтань сыши няньдай шуцзюй цзи (Сборник дат по радиоуглеродному анализу в археологии Китая). – Пекин: Вэньу. – 1992. – 487 с. (на кит. яз.).

Э Шаньцзюнь. Хэйлуңцзян шэн Тунцзян ши Циньдэли гучэн дяоча (Разведка на городище Циньдэли в городском округе Тунцзян провинции Хэйлуңцзян) // Бэйфан вэньу. – 2002. – № 3. – С. 45–47 (на кит. яз.).

Ян Ху, Линь Сючжэнь. Шилунь Ваньяньхэ лэйсин юй Поэрцай вэньхуа дэ гуаньси (О связях польцевской культуры и культурного типа ваньяньхэ) // Бэйфан вэньу. – 2006. – № 4. – С. 21–27 (на кит. яз.).

Ян Ху. Хэйлуңцзян шэн Суйбинь сянь Ваньяньхэ ичжи фацзюэ баогао (Доклад о раскопках памятника Ваньяньхэ в уезде Суйбинь провинции Хэйлуңцзян) // Бэйфан вэньу. – 2006. – № 4. – С. 12–20 (на кит. яз.).

References

Dakotskii ochag. *Pikabu*. URL: https://www.pikabu.ru/story/dakotskiy_ochag_6118206 (Accessed: 24.08.2020). (In Russ.).

Derevianko A.P. Priamurye (1st millennium BC). Novosibirsk: Nauka, 1976, 384 p. (In Russ.).

Derevianko A.P. Poltsevskaya culture on the Amur. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2000, 68 p. (In Russ.).

Deryugin V.A. Rezul'taty raskopok na poselenii Malmyzh-1 v 1992–1993 gg. In *Kul'turnaya khronologiya i drugie problemy v issledovanii drevnostei vostoka Azii*. Khabarovsk: Khabarovsk Regional Museum after N.I. Grodekov, 2009, pp. 165–171. (In Russ.).

E Shanjun. Heilongjiang sheng Tongjiang shi Qindeli gucheng diaocha [Exploration at Qindali Fortress in Tongjiang City, Heilongjiang Province]. *Beifang wenwu*, 2002, No. 3, pp. 45–47. (In Chin.).

Fan Zhongjie. Heilongjiang sheng Lobei xian Dulu xia you wenwu pucha jianbao [Brief report on archaeological exploration of archaeological sites in the Lower Dulu River, Lobei County, Heilongjiang Province]. *Beifang wenwu*, 2005, No. 2, pp. 14–17. (In Chin.).

Jia Weiming, Wei Guozhong. Lun Yiluowu de kaoguxue wenhua [On the archaeological culture of Yiluowu]. *Beifang wenwu*, 1989, No. 3, pp. 24–29. (In Chin.).

Liu Wei. Heilongjiang sheng Fuyuan xian Liangziyouku yizhi diaocha jianbao [Brief Report on Survey of Liangziyouku

site in Fuyuan County, Heilongjiang Province]. *Beifang wenwu*, 2014, No. 2, pp. 12–15. (In Chin.).

Pan Ling. Heilongjiang sheng Fujin shi nanbu kaogu diaocha jianbao [Brief Report on the Archaeological Survey of the Southern Region of Fujin Urban District, Heilongjiang Province]. *Beifang wenwu*, 1999, No. 2, pp. 1–11. (In Chin.).

Sun Xuesong. Heilongjiang sheng Fujin shi Fuzhen yizhi yu shijiue jianbao [Brief Report on the exploration and examination Fuzhen site in the Urban district Fujin, Heilongjiang Province]. *Beifang wenwu*, 2013, No. 3, pp. 26–27. (In Chin.).

Tan Wei. Heilongjiang sheng Suibin xian erjiu nongchang Yidui gu yizhi diaocha [Exploration at the Yidui site in Suibin County, Heilongjiang Province]. *Beifang wenwu*, 2011, No. 1, pp. 9–12. (In Chin.).

Wang Haiyan, Zhang Limei. Heilongjiang sheng Tongjiang shi Jiejinkou yizhi diaocha baogao [Report on the survey of the Jiejinkou Site in Tongjiang Site, Heilongjiang Province]. *Beifang wenwu*, 2003, No. 1, pp. 1–5. (In Chin.).

Yang Hu. Heilongjiang sheng Suibin xian Wanyanhe yizhi fajiu [Report on the excavation of the Wanyanhe site in Suibin County, Heilongjiang Province]. *Beifang wenwu*, 2006, No. 4, pp. 12–20. (In Chin.).

Yang Hu, Lin Xiuzhen. Shilun Wanyanhe leixing yu Poercai wenhua de guanxi [On the connections between Poltsevskaya culture and the Wanyanhe cultural type]. *Beifang wenwu*, 2006, No. 4, pp. 21–27. (In Chin.).

Zhongguo Dongbei diqu Xia zhi Zhanguo shiqi de kaogu wenhua yanjiu [Exploration of archaeological cultures in northeastern China from the Xia dynasty to the Warring States period]. Beijing: Kexue, 2009, 318 p. (In Chin.).

Zhongguo kaoguxue zhongtan sishi niandai suju ji [Compilation of dates on radiocarbon analysis in archeology of China]. Beijing: Wenwu, 1992, 487 p. (In Chin.).

Zou Han, Zhao Jinhui. Heilongjiang sheng Hegang shi ji Suibin Lobei xian kaogu diaocha jianbao [Brief Report on Archaeological Exploration in Hegang Urban Region, Lobei County, Suibin County]. *Beifang wenwu*, 1999, No. 1, pp. 11–17. (In Chin.).

Zou Jihe. Wanyanhe gucheng diaocha jianbao [Brief report on the survey of the ancient city of Wanyanhe]. *Beifang wenwu*, 2005, No. 4, pp. 50–53. (In Chin.).

Несрепов С.И. <https://orcid.org/0000-0003-3629-2730>

Соболев А.Е. <https://orcid.org/0000-0002-2011-3657>

А.С. Пахунов^{1, 2}, С.В. Алкин³✉

¹Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

²Институт археологии РАН
Москва, Россия

³Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

E-mail: alkin-s@yandex.ru

Результаты изучения пигментов писаниц среднего и нижнего течения реки Шилка в Забайкальском крае

В текущем году были продолжены полевые и лабораторные работы по изучению писаниц в среднем и нижнем течении р. Шилка в Забайкальском крае. Новые рисунки были обнаружены в процессе документации писаницы у р. Средне-Шайкино. Было проведено химико-аналитическое изучение пигментов с применением сканирующей электронной микроскопии и рамановской спектроскопии. Благодаря приготовлению поперечных сечений образцов была проанализирована их послойная структура. Все образцы содержат более трех слоев с принципиально различающимся составом, которые образовались в меняющихся геохимических условиях с попеременным накоплением соединений кремния, алюминия, фосфора, кальция. Анализ девяти образцов с памятника у р. Средне-Шайкино показал, что последовательность слоев в разных образцах не совпадает. Это может быть связано как с локальными вариациями состава коренной породы, так и с особенностями расположения и ориентации плоскостей с рисунками. Все проанализированные рисунки выполнены красными красками, присутствие в них гематита подтверждено с использованием рамановской спектроскопии. В образцах пигментов найдены полые трубчатые структуры, характерные для гематита биогенного происхождения. Обнаружение биогематита в образцах со всех четырех памятников позволяет судить о наличии определенной культурной традиции в использовании такого рода сырья, а также предположить относительную одновременность создания изученных писаниц. Полученные результаты позволяют по-новому взглянуть на художественную практику древнего населения Забайкалья и открывают дальнейшие перспективы для поиска источников красочных материалов и изучения технологий приготовления красок.

Ключевые слова: Забайкалье, Шилка, наскальное искусство, пигменты.

Alexander S. Pakhunov^{1, 2}, Sergei V. Alkin³✉

¹Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia

²Institute of Archaeology RAS,
Moscow, Russia

³Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

E-mail: alkin-s@yandex.ru

Preliminary Results of Study of Pigments from the Rock Art Sites of Middle and Lower Stream of the Shilka River in the Trans-Baikal Region

This year, field and laboratory work continued on the study of the rock art sites in the middle and lower streams of the Shilka River in the Trans-Baikal region. New drawings were discovered as a result of the comprehensive documentation of the rock art site near the Sredne-Shaykino River. Microanalytical studies of the pigments from all the four sites were performed using SEM-EDX and micro-Raman. The preparation of cross-sections allowed analyzing weathered samples layer by layer.

Each sample contains a multilayered structure with at least three individual layers rich in silicon, aluminum, phosphorus, and calcium corresponding to the changes in the geochemical environment. Analysis of 9 samples from the Sredne-Shaykino site demonstrated that the sequence of layers in different samples does not match. These variations might be related both to local composition of the bedrock and the position and orientation of the panels with drawings. All paintings were made in red color. Hematite was detected using micro-Raman spectrometry. Sheaths, which are characteristic of biogenic hematite, were revealed in the pigment samples. The discovery of biohematite in the samples from all four sites makes it possible to evaluate the presence of a specific cultural tradition in the use of such raw materials, as well as the relative simultaneity of the creation of the studied sites. This study provides new insights into the artistic practice of the ancient population of the Trans-Baikal region and develops the framework for further search of the pigment's sources and paint preparation techniques.

Keywords: *Trans-Baikal, Shilka, rock art, pigments.*

Введение

В 2020 г. нами были продолжены работы по изучению памятников наскального искусства (писаниц) в Сретенском и Могочинском р-нах Забайкальского края. В ходе экспедиционных работ была проведена детальная фиксация изображений на писанице ниже устья левобережного притока Шилки р. Средне-Шайкино, что, в частности, позволило обнаружить новые рисунки. Лабораторные исследования включали изучение составов красок с применением химико-аналитических методов и микроскопии. Визуальные наблюдения, а также определение цвета красок с использованием стандартного атласа цветов показывают, что цвет различается на каждой из исследованных плоскостей. Это может быть связано с рядом факторов, таких как различный состав сырья, вариации в технологии обработки и рецептур приготовления красок. Известно, что влияние на восприятие цвета оказывают также целостность красочного слоя, цвет поверхности, по которой выполнен рисунок, и даже климатические условия [Ruiz, Pereira, 2014]. Целью нашего исследования было определение возможных причин различия цвета красок.

Материалы и методы

Для специального изучения были привлечены 12 образцов пигментов с памятников у рек Джалинда, Кара, Ларги и Средне-Шайкино, отобранные в ходе полевых исследований 2019–2020 гг. Они использовались для анализа с применением сканирующей электронной микроскопии с рентгеновским микроанализом, микрорамановской спектроскопии, изготовления шлифов с последующим послойным микроанализом. С целью минимизации влияния вмешательства на визуальную целостность изображений, образцы отбирались в местах естественных отслоений.

Три из изучаемых памятников наскального искусства (писаницы Джалинда, Кара и Ларги) расположены в средней части бассейна р. Шилка на территории Сретенского р-на Забайкальского края. Писаница Средне-Шайкино находится в нижнем те-

чении Шилки в Могочинском р-не Забайкальского края. Петроглифы Джалинды известны с середины XIX в., Кара и Средне-Шайкино открыты в 1954 г. ДВАЭ ИИМК под руководством А.П. Окладникова [Окладников, Ларичев, 1999]. Все они в дальнейшем изучались А.И. Мазиным [1986, 1994]. Ларгинская писаница открыта археологическим отрядом ИАЭТ СО РАН [Ахметов, Алкин, 2017]. Традиционно восточно-забайкальские писаницы датируются эпохой бронзы. По нашим наблюдениям, исходя из стилистики и техники нанесения изображений, подтверждаются высказывавшиеся ранее предположения о возможной одновременности рисунков в составе одного петроглифического комплекса [Мазин, 1986, с. 29], однако данный вопрос требует дальнейшего изучения.

На этих памятниках была выполнена полная или частичная фиксация наскальных изображений с применением наземной фотосъемки с последующей фотограмметрической обработкой. Полученные высокодетализированные ортофотографии необходимы для выполнения прорисовок красочных изображений, что позволило уточнить известные изображения (прежде всего в числе опубликованных А.И. Мазиным), а в ряде случаев обнаружить новые рисунки.

Писаница в пади Джалинда (Бичигинская писаница) находится в распадке реч. Бичига, которая является левым притоком р. Джалинда. Панно с рисунками, выполненными пигментами двух оттенков красного цвета, располагается на плоскости у основания гранитового останца высотой ок. 8 м. Среди изображений имеются вертикальные линии, крестообразные знаки, антропоморфные фигуры и др. Сохранность их удовлетворительная, однако в настоящее время некоторые детали композиции скрыты натечными образованиями [Мазин, 1994, с. 16–17; Пахунов, Алкин, Илюшечкин, 2019].

Участок скальной гряды вдоль русла р. Кара, где расположена одноименная писаница, находится в 10 км от устья реки. Рисунки расположены на высоте ок. 10 м от уровня реки и нанесены на четыре плоскости. Изображения выполнены сплошными линиями пигмента красного цвета разных оттен-

ков. В составе живописных композиций отмечены зооморфные, орнитоморфные, антропоморфные фигуры, пятна округлой формы, в т.ч. организованные в линейные структуры [Мазин, 1986, с. 28–29].

Писаница Ларги расположена на скальном выступе в 5 км от устья р. Ларги, являющейся правобережным притоком р. Шилки [Ахметов, Алкин, 2017, с. 27]. Она представляет собой компактную многофигурную композицию, созданную с использованием краски красного и оранжевого оттенков. Среди изображений антропоморфные, орнитоморфные и зооморфные фигуры, пятна округлой формы, соляные знаки, «лодки» и др.

Писаница Средне-Шайкино включает в себя не менее десятка труднодоступных плоскостей с рисунками на оконечности скального гранитного массива, окаймляющего вниз по течению р. Шилка устьевый участок р. Средне-Шайкино [Мазин, 1986, с. 29–34]. Число отдельных композиций, общее количество изображений, их типологическое и стилистическое разнообразие делают этот памятник наиболее интересным и сложным для понимания среди пяти выявленных на сегодня петроглифических пунктов среднего и нижнего течения Шилки.

Фиксация рисунков шилкинских писаниц проводилась с применением фотокамеры Sony A7II с объективом Sony FE 28/2, а ландшафтного контекста памятников – с использованием беспилотного летательного аппарата DJI Mavic Air. Цвет красок определялся при неярком рассеянном освещении посредством визуального сопоставления с цветовыми полями атласа NCS 1950.

Микрофотосъемка образцов и аншлифов проводилась на микроскопе Leica Z6 APO. Для измерения рамановских спектров неподготовленных образцов применялся конфокальный рамановский микроскоп Bruker Senterra. Использовался диодный лазер 785 нм и длиннофокусный объектив с увеличением $\times 50$. Измерения проводились в течение 120 с на минимальной мощности 0,1 мВт с целью предотвращения локального нагревания образца, что может приводить к фазовым переходам исследуемых минералов. Определение фаз велось по библиотекам RRUFF. С целью изучения послойной структуры образцов были подготовлены аншлифы, которые анализировались с использованием сканирующего электронного микроскопа FEI Versa 3D с приставкой для рентгеновского микроанализа EDAX Octane Plus. Исследование проводилось в режиме низкого вакуума без напыления токопроводящих элементов. Основным методом микроанализа было экспрессное элементное картирование на площадях порядка 0,02–0,1 мм². Для последующего анализа полученные карты элементов объединялись в слои в программе Adobe Photoshop.

Результаты и обсуждение

Все рассматриваемые памятники располагаются в скальных массивах или на отдельных выходах-останцах вблизи рек. Характерным для них является наличие над изображениями карниза, что предотвращает попадание на плоскости с рисунками большого количества осадков (рис. 1, 1–3). Тем не менее состояние сохранности многих изображений неудовлетворительное ввиду многочисленных осыпей красочного слоя (рис. 1, 4–6).

Изучение стратиграфии образцов с применением оптической микроскопии и сканирующей электронной микроскопии с рентгеновским микроанализом показало, что все они представляют собой слоистые структуры, в которых красочный слой располагается между слоями, богатыми кремнием, алюминием, фосфором и кальцием. Такого рода структуры формируются в результате комбинации процессов физического и химического выветривания, а вариации состава связаны с изменением геохимических условий (рис. 1, 7–12) [Defrasne et al., 2019]. Образцы, отобранные с рисунков, в среднем содержат не менее 3–5 четко выделяемых слоев (рис. 1, 13–15), тогда как в местах активного образования новых наслоений выделяется более 15 слоев.

Все рисунки на изученных писаницах выполнены красками красного цвета. Их анализ с применением рамановской спектроскопии показал, что красный цвет обуславливается присутствием гематита (рис. 2). Других оксидов железа обнаружено не было. Толщина красочных слоев существенно различается от образца к образцу и составляет от 1 до 50 мкм. Неравномерность толщины слоя в составе одного образца наблюдается практически во всех случаях и связана с особенностями фактуры поверхности, сформированной натечными наслоениями. В ряде образцов отмечены красочные слои толщиной менее 5 мкм, что может являться свидетельством как использования достаточно жидкой краски, так и частичного ее вымывания. Во всех проанализированных образцах в красочном слое были обнаружены полые трубочки диаметром 0,4–2 мкм и длиной до 13 мкм. Ввиду их хаотической ориентации в слое, при изготовлении аншлифов были получены как продольные, так и поперечные их сечения. Такого рода трубчатые структуры характерны для пигментов, имеющих биологическую природу. Нитчатые железобактерии живут в источниках воды богатых соединениями железа и кислородом. В процессе жизнедеятельности они окисляют двухвалентное железо до трехвалентного и накапливают его. После их отмирания на дне происходит накопление и формирование

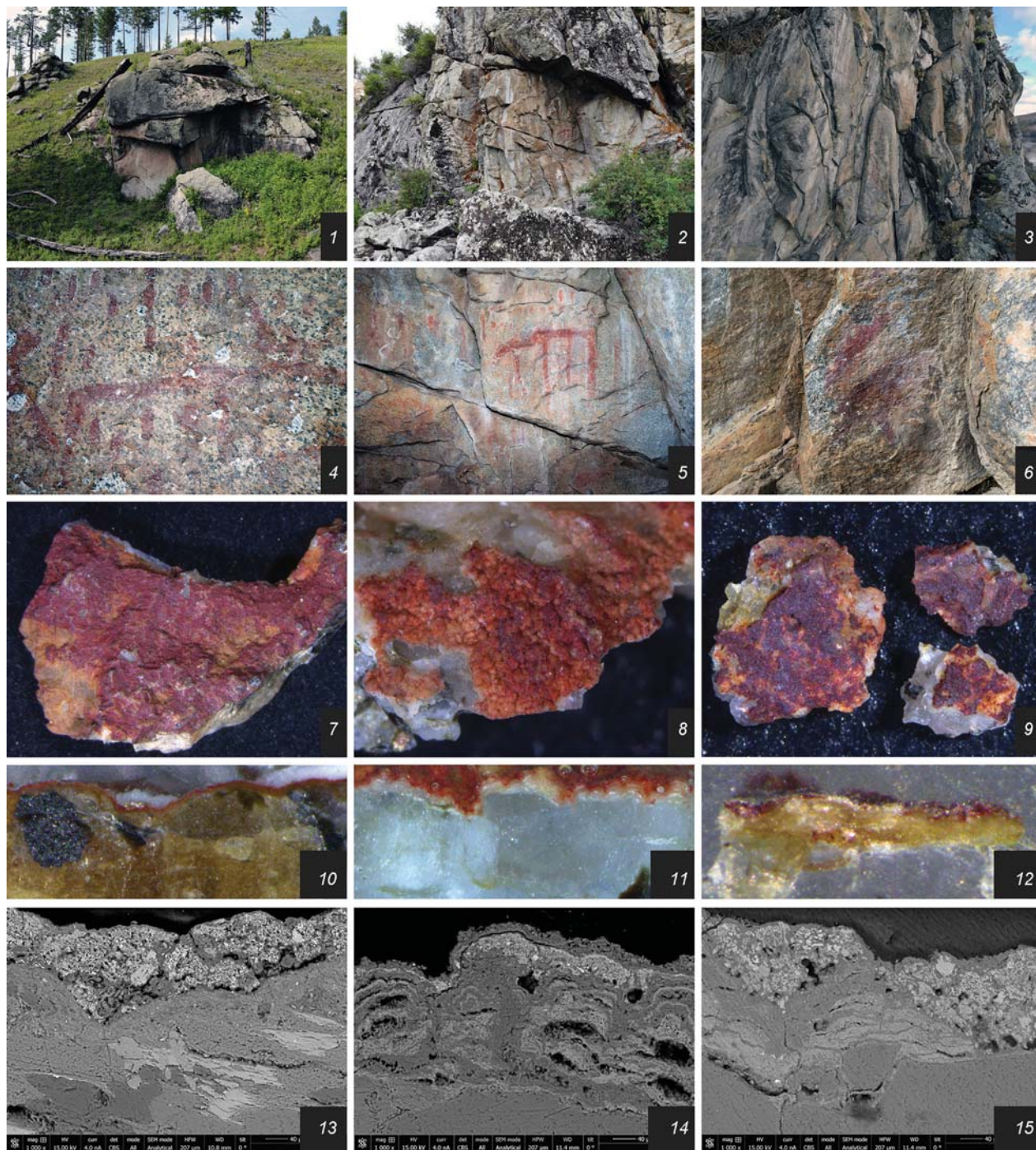

Рис. 1. Результаты микроанализа образцов с писаниц Джалинда (1), Кара (2), Средне-Шайкино (3).

1–3 – общий вид писаниц; 4–6 – фотографии мест отбора; 7–9 – микрофотографии образцов; 10–12 – микрофотографии аншлифов; 13–15 – фотографии образцов в обратнорассеянных электронах.

окрашенного вещества, которое может быть использовано в качестве пигмента. Поскольку в водных условиях прежде всего формируется гётит, тогда как все проанализированные образцы имеют насыщенный красный цвет и содержат гематит, следует предположить использование обжига на стадии подготовки пигмента. В результате обжига происходит дегидратация гётита с образованием гематита, причем трубчатые структуры не разру-

шаются [MacDonald et al., 2019]. Важно отметить, что биогенный гематит был обнаружен во всех проанализированных образцах с четырех памятников, что может маркировать традицию в применении красочного сырья такого происхождения (см. рис. 1, 13–15; 3). В дальнейшем мы планируем осуществить работы по поиску и сравнительному анализу возможных источников биогенного пигмента в окрестностях местонахождений памят-

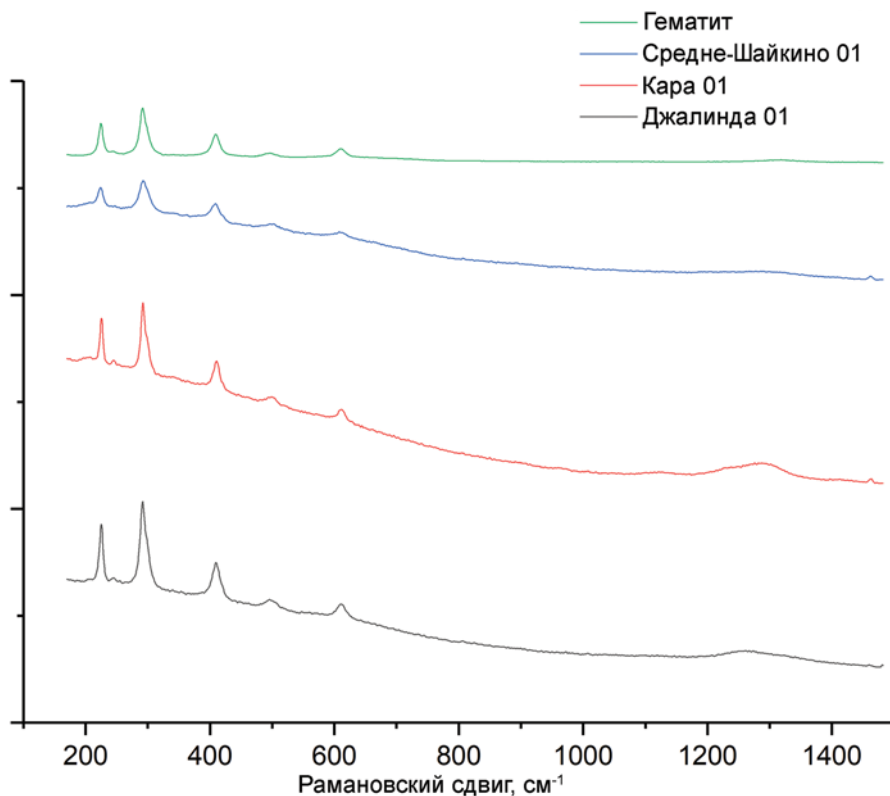

Рис. 2. Рамановские спектры образцов.

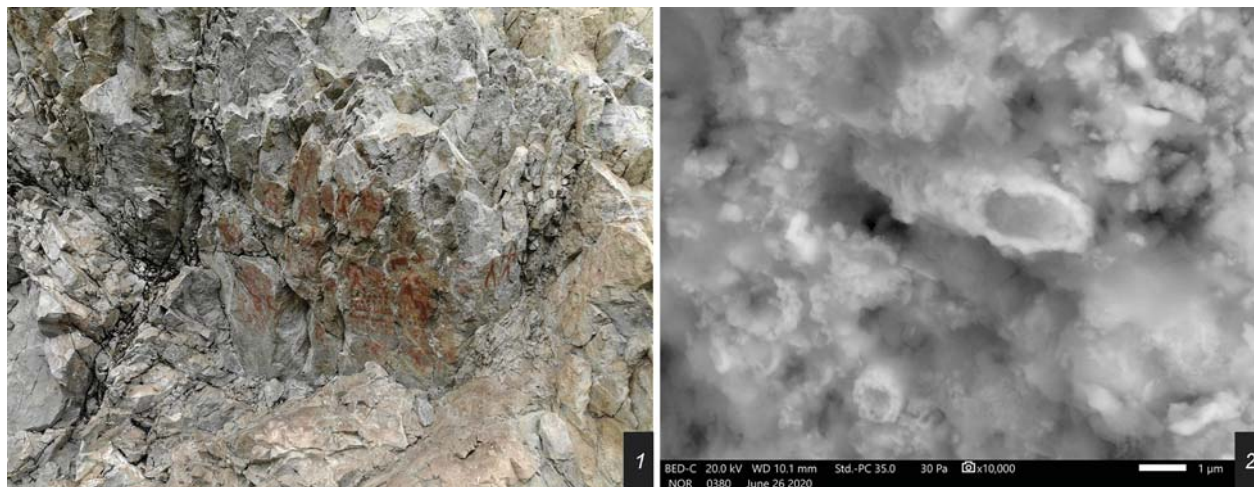

Рис. 3. Общий вид писаницы у р. Ларги (1) и СЭМ-фотография трубчатых структур в образце краски (2).

ников наскального искусства среднего и нижнего течения р. Шилка.

Сохранность изображений значительно различается от плоскости к плоскости. В некоторых образцах отмечены трещины в коренной породе, а также между коренной породой и слоями выветривания. Образование таких трещин связывают с различиями в коэффициентах термического расширения минералов, слагающих породу. Небольшие трещины при заполнении водой могут быстро расти из-за цикличности процессов замерзания-оттаивания, в результате

чего происходит отслаивание небольших фрагментов, в т.ч. вместе с красочным слоем. Продолжение геохимических анализов поперечных сечений пород и слоев выветривания позволит точнее установить механизм их формирования и, возможно, предложить меры по консервации памятников.

Благодарности

Исследование проведено в рамках проектов НИР № 0329-2019-0004 «Этнокультурные процессы в Даль-

Список литературы

Ахметов В.В., Алкин С.В. Археологическая разведка в Сретенском районе Забайкальского края в 2014 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 26–29.

Мазин А.И. Таежные писаницы Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1986. – 260 с.

Мазин А.И. Древние святилища Приамурья. – Новосибирск: Наука, Сиб. издат. фирма, 1994. – 241 с.

Окладников А.П., Ларичев В.Е. Археологические исследования в бассейне Амура в 1954 году // Традиционная культура Востока Азии. – Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 1999. – Вып. 2. – С. 4–29.

Пахунов А.С., Алкин С.В., Илюшечкин В.С. Изучение писаницы на реке Джалинда в Сретенском районе Забайкальского края в 2019 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. XXV. – С. 549–555.

Defrasne C., Chalmin E., Bellot-Gurlet L., Thirault E., André G. From archeological layers to schematic rock art? Integrated study of the Neolithic pigments and pigmented rocks at the Rocher du Château (Western Alps, Savoie, France) // *Archaeological and Anthropological Sciences*. – 2019. – N 11 (11). – P. 6065–6091.

MacDonald B.L., Stalla D., He X., Rahemtulla F., Emerson D., Dube P.A., Maschmann M.R., Klesner C.E., White T.A. Hunter-Gatherers Harvested and Heated Microbial Biogenic Iron Oxides to Produce Rock Art Pigment // *Scientific reports*. – 2019. – N 9 (1). – P. 1–13.

Ruiz J.F., Pereira J. The colours of rock art. Analysis of colour recording and communication systems in rock art research // *J. of Archaeol. Sci.* – 2014. – Vol. 50. – P. 338–349.

References

Akhmetov V.V., Alkin S.V. Archaeological exploration in the Sretensky district of the Transbaikalian region in 2014. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 26–29. (In Russ.).

Defrasne C., Chalmin E., Bellot-Gurlet L., Thirault E., André G. From archeological layers to schematic rock art? Integrated study of the Neolithic pigments and pigmented rocks at the Rocher du Château (Western Alps, Savoie, France). *Archaeological and Anthropological Sciences*, 2019, No. 11 (11), pp. 6065–6091.

MacDonald B.L., Stalla D., He X., Rahemtulla F., Emerson D., Dube P.A., Maschmann M.R., Klesner C.E., White T.A. Hunter-Gatherers Harvested and Heated Microbial Biogenic Iron Oxides to Produce Rock Art Pigment. *Scientific Reports*, 2019, No. 9 (1), pp. 1–13.

Mazin A.I. *Taezhnye pisanitsy Priamur'ya*. Novosibirsk: Nauka, 1986, 260 p. (In Russ.).

Mazin A.I. *Drevnie svyatilishcha Priamur'ya*. Novosibirsk: Nauka, Sibirskaya izdatel'skaya firma, 1994, 241 p. (In Russ.).

Okladnikov A.P., Larichev V.E. *Arkhеologicheskie issledovaniya v basseine Amura v 1954 godu*. In *Traditsionnaya kul'tura Vostoka Azii*. Blagoveshchensk: Amur State Univ. Press, 1999, iss. 2, pp. 4–29. (In Russ.).

Pakhunov A.S., Alkin S.V., Ilyushechkin V.S. Studies of the rock art site at the Dzhalinda river in Sretensky district of Transbaikalian region in 2019. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019, vol. XXV, pp. 549–555. (In Russ.).

Ruiz J.F., Pereira J. The colours of rock art. Analysis of colour recording and communication systems in rock art research. *J. of Archaeol. Sci.*, 2014, vol. 50, pp. 338–349.

Пахунов А.С. <https://orcid.org/0000-0001-9604-2106>

Алкин С.В. <https://orcid.org/0000-0002-6319-6448>

А.С. Пилипенко ✉, **И.В. Пилипенко**, **С.В. Черданцев**,
Р.О. Трапезов

Институт цитологии и генетики СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: alexpil@bionet.nsc.ru

Генетический состав домашних животных как маркер миграций человека

Реконструкция миграционных процессов является одной из ключевых составляющих исследования генетической истории населения большинства регионов. Помимо непосредственного анализа генетического состава разновременных популяций человека методами физической палеоантропологии и палеогенетики потенциально информативным и независимым маркером миграций человека может быть анализ генетического разнообразия domesticiрованных животных, которые могли сопровождать мигрантов. Хотя этот подход имеет очевидные хронологические и географические ограничения, он позволяет получить независимые данные о ключевых миграционных процессах, протекавших в различных регионах Евразии, включая южные районы Сибири, на протяжении значительной части голоцена: с эпохи неолита – ранней бронзы и до Нового времени. Для того чтобы рассматриваемый подход был информативен, необходимо корректно сформировать серии образцов из групп домашних животных, подлежащих сравнению (синхронные группы из различных регионов или разновременные группы с одной территории, анализируемые в рамках диахронного подхода). Отдельное внимание необходимо уделить выбору информативных генетических маркеров, подлежащих анализу в рамках исследования. При интерпретации данных о динамике генетического состава животных в контексте миграций человека следует учитывать вероятность влияния альтернативных процессов, не связанных с миграциями человека (обмен, торговля и др.). Соблюдение перечисленных критериев возможно только при условии учета особенностей археологического контекста исследуемых палеозоологических материалов, включая их точную культурно-хронологическую атрибуцию. В работе приведены некоторые примеры успешного использования анализа генетического состава домашних животных для реконструкции истории миграций человека на территории Сибири и других регионов. Опыт авторов свидетельствует, что анализ генетического состава domesticiрованных животных в контексте миграций человека наиболее информативен в качестве дополнительного исследования, осуществляемого параллельно анализу генетической структуры населения. Эти два направления позволяют взаимно верифицировать результаты и детализировать полученную картину исследуемых миграционных процессов.

Ключевые слова: миграции человека и животных, домашние животные, палеогенетика, генетическая история популяций.

Aleksandr S. Pilipenko ✉, **Irina V. Pilipenko**, **Stepan V. Cherdantsev**,
Rostislav O. Trapezov

Institute of Cytology and Genetics SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: alexpil@bionet.nsc.ru

Genetic Composition of Domestic Animals as a Marker of Human Migrations

Reconstruction of migration processes is a key component of the regional genetic history of the human population. Genetic composition of domesticated animals that could accompany humans can be an informative and independent marker of human migrations. In addition to direct analysis of the genetic composition in diachronic human populations by methods of physical paleoanthropology and paleogenetics. Although this approach has obvious chronological and geographic limitations, it allows one to obtain independent data on key migration processes that took place in various regions of Eurasia, including southern regions of Siberia, during a significant part of the Holocene: from the Neolithic and Early Bronze Age to modern

times. To increase the objectivity of this approach, it is necessary to correctly form a series of samples from the groups of domestic animals, which are compared with each other (synchronous groups from different regions or groups of different times from the same territory, analyzed within the diachronic approach). Special attention should be paid to the selection of informative genetic markers analyzed in the study. When interpreting data on animal genetic composition in the context of human migrations, the possibilities of alternative processes (exchange, trade, etc.) should be taken into account. The study will meet the listed criteria only if the features of the archaeological context of the studied paleozoological materials are taken into account, including their cultural and chronological attribution. The paper provides examples of using the analysis of the genetic composition of domestic animals to reconstruct the history of human migration in different regions, both for Siberia and other regions. The authors' experience shows that the analysis of the genetic composition of domesticated animals is the most informative as an additional study for the analysis of the genetic structure of human populations. These two approaches allow mutual verification of the results and detailing of the resulting picture of the migration processes under study.

Keywords: *human and animal migrations, domestic animals, paleogenetics, genetic history of populations.*

Объективная реконструкция миграционных процессов является одной из ключевых составляющих комплексного исследования генетической истории населения большинства регионов. Традиционно миграции человеческих коллективов реконструируются непосредственно на основе анализа изменений их генетического состава, когда исследователи оценивают степень генетической преемственности разновременных групп населения. Такой анализ, в частности, может быть успешно выполнен методами физической палеоантропологии (см., напр.: [Чикишева, 2012; Балабанова, 2016]). Именно этот подход к реконструкции миграций человека доминировал на протяжении длительного времени в составе комплексного археологического исследования и продолжает играть в нем важнейшую роль. Альтернативой и дополнением палеоантропологическому исследованию в последние годы стало непосредственное изучение динамики структуры генофонда популяций человека методами палеогенетики. Наиболее эффективным в этом случае представляется молекулярно-генетическое исследование диахронных выборок, включающих серии представителей разновременных групп населения одной и той же территории, их сравнительный анализ и выявление изменений в генетическом составе популяций (см., напр.: [Molodin et al., 2012; Brandt et al., 2013; Wang et al., 2019; Skourtanioti et al., 2020]).

Помимо непосредственного исследования генофонда популяций человека палеогенетические методы предоставляют в распоряжение исследователей и другие подходы, позволяющие независимо реконструировать и/или верифицировать возможные миграционные потоки населения. Одним из таких подходов является анализ генетического состава domesticiрованных животных, сопровождавших человеческие коллективы в процессе миграций. Задачей данной работы является рассмотрение возможностей и ограничений данного подхода, а также условий его корректного использования.

Поскольку рассматриваемый подход основан на исследовании останков domesticiрованных животных, он имеет очевидные ограничения по географии и хронологии миграционных событий, которые могут быть исследованы с его помощью, т.к. может быть применен только к группам населения, которые на постоянной основе содержали домашних животных. Период первоначальной domestикации многих видов домашних животных и их дальнейшего использования человеком укладывается в пределы голоцена [Frantz et al., 2020]. Единственным исключением является собака, ранние этапы domestикации которой, несомненно, относятся к периоду позднего плейстоцена [Bergström et al., 2020]. С момента одомашнивания в предполагаемых центрах domestикации животные могут рассматриваться в качестве потенциального маркера для реконструкции миграций человеческих коллективов. Примером эффективного использования рассматриваемого подхода является изучение «неолитизации» Европы: ближневосточное происхождение неолитических носителей навыков земледелия и скотоводства во многих районах Юго-Восточной и Центральной Европы наглядно продемонстрировано не только данными анализа генофонда соответствующих популяций человека [Naak et al., 2010; Hofmanova et al., 2016], но и, например, результатами генетического исследования останков крупного рогатого скота [Bollongino et al., 2006; Scheu et al., 2015]. Очевидно, что для большинства регионов планеты хронологический диапазон миграционных событий, которые могут быть реконструированы с помощью генетического анализа домашних животных, начинается еще позже эпохи неолита, с момента распространения в соответствующих регионах первых представителей определенного вида домашних животных. Таким образом, хронологическая информативность рассматриваемого нами подхода имеет ярко выраженную географическую специфику. Так, для южных районов Западной Сибири и Южной Сибири такое исследование с ис-

пользованием останков одомашненных копытных (крупный и мелкий рогатый скот, лошади) возможно лишь с периода ранней и начала развитой бронзы, когда эти виды впервые появляются в данных регионах. Несмотря на очевидные ограничения, необходимо отметить, что, например, для южных районов Сибири доступные для исследования останки domesticiрованных животных находятся в соответствии со всеми крупнейшими миграционными событиями, известными в этих регионах по данным археологии и физической палеоантропологии, включая миграции популяций животных из более западных регионов Евразии в эпоху ранней и развитой бронзы, интенсивные миграционные события раннего железного века, раннего и позднего Средневековья. Таким образом, для южных районов Сибири рассматриваемый подход не может быть использован лишь для ранних этапов формирования генетического состава населения в плейстоцене и раннем голоцене.

Для более южных регионов Евразии, например Средней Азии, эта дата удревняется до раннего неолита, а для более северных регионов, включая значительную часть Сибири, наоборот, существенно омолаживается. Там, где практика животноводства так и не получила устойчивого применения, рассматриваемый нами подход полностью неинформативен.

Важным аспектом является выбор вида домашних животных, палеогенетический анализ останков которых будет наиболее информативен для реконструкции конкретного миграционного события. Очевидно, что этот вид должен быть вовлечен в предполагаемый миграционный поток людей. В случае первичного распространения в регионе может быть достаточно доказательств самого факта появления здесь соответствующих домашних животных. Палеогенетические методы в этом случае могут служить существенным дополнением (или методом независимой верификации) традиционных направлений анализа, в частности палеозоологии (морфологический анализ костей). Помимо независимой верификации видовой принадлежности морфологически определимых костей палеогенетика позволяет включить в исследование такую массовую категорию материала, как морфологически неопределимые костные фрагменты. Для многих археологических памятников именно такие останки составляют основу палеозоологической коллекции (в количественном отношении). Кроме того, палеогенетические методы часто помогают отличить останки domesticiрованных животных от морфологически схожих представителей дикой фауны исследуемого региона (особенно когда речь идет о фрагментарных останках).

В случае, когда несколько видов домашних животных потенциально могут быть вовлечены в миграционный поток людей, существуют альтернативные стратегии построения исследования. Можно провести молекулярно-генетическое исследование нескольких видов животных. При явном преимуществе, связанном с потенциально более полной картиной исследуемого процесса, эта стратегия имеет очевидный недостаток, обусловленный высокой трудоемкостью и стоимостью такого мультивидового анализа. Альтернативой, наиболее часто реализуемой на практике, может быть выбор одного наиболее информативного вида. Различная эффективность анализа того или иного вида животных может быть обусловлена следующими факторами.

1. Наличие филогеографической структуры популяций исследуемого вида домашних животных. Животные, сопровождавшие потенциальных мигрантов, должны быть потенциально генетически контрастными по сравнению с животными, представленными у аборигенного населения, предшествовавшего миграционному потоку. Филогеографическая структура популяций домашних животных, при которой их локально-территориальные группы демонстрируют различия в генетическом составе, может быть сформирована в результате отдельного или комбинированного действия таких факторов, как наличие одного или нескольких т.н. бутылочных горлышек в истории исследуемого вида животных, гибридизация домашних животных с локальными популяциями диких представителей предкового вида или близких ему форм, и другими обстоятельствами. Так, популяции лошадей в Евразии характеризуются менее четкой филогеографической структурой по сравнению, например, с овцами и козами.

2. Вторая группа факторов, влияющих на информативность рассматриваемого подхода, связана с наличием адекватных материалов (серий образцов) для выполнения исследования. Для реконструкции динамики генетического состава домашних животных важно иметь возможность: а) выполнить сравнительный анализ групп животных из различных регионов, например животных из исследуемого региона и региона, являющегося потенциальным источником миграционной волны; б) провести сравнительный анализ разновременных популяций животных одной и той же исследуемой территории (по аналогии с диахронными исследованиями генетического состава популяций человека), включая популяции: предшествующую миграции, потенциально непосредственно связанную с мигрантами, и группу животных, относящуюся к периоду после завершения активной фазы миграционного события.

3. Помимо собственно наличия перечисленных выше групп материалов важным фактором, как и в любом палеогенетическом исследовании, является качество выборок. Речь идет, прежде всего, о репрезентативности сравниваемых серий, каждая из которых должна отражать генетический состав всей популяции животных. Кроме того, важно, чтобы в состав серий были включены корректные образцы. Несмотря на то что останки домашних животных зачастую составляют массовую категорию материала из археологических памятников различного типа, далеко не всегда есть возможность определить положение образцов относительно хронологии предполагаемого миграционного потока, чтобы сформировать корректные когорты. Особенно часто проблемы возникают с многослойными комплексами, где тонкая хронологическая атрибуция материалов бывает затруднена. В большей степени эта проблема касается поселенческих комплексов. Опыт авторов данной работы свидетельствует, что выходом из такой ситуации может быть использование останков животных из закрытых погребальных комплексов, имеющих четкую культурно-хронологическую атрибуцию [Пилипенко и др., 2017]. Безусловно, важным критерием может быть прямое датирование останков животных, используемых для анализа. Но и этот подход не снимает всех проблем, учитывая имеющиеся погрешности в датах, связанные с особенностями методов. В любом случае формирование корректных выборок образцов представляется невозможным без досконального учета археологического контекста исследуемых палеозоологических материалов.

Отдельным аспектом, влияющим на информативность исследования, является выбор адекватных генетических маркеров. В некоторых случаях достаточно провести анализ отдельного филогенетически или филогеографически информативного локуса, такого как мтДНК или Y-хромосома. Безусловно, к рассматриваемому подходу применим общий принцип: данные тем более объективны, чем большее число независимых генетических маркеров подвергнуто исследованию. В этом отношении широкие перспективы открывает применение высокопроизводительного секвенирования древней ДНК, позволяющего вывести исследование на геномный уровень, хотя серьезными ограничениями при таком подходе пока являются степень сохранности геномной ДНК и имеющиеся сложности в интерпретации больших объемов геномных данных. Тем не менее этот подход находит все большее применение в исследованиях домашних животных из археологических памятников [Fages et al., 2019; Bergström et al., 2020]. Важно, что увеличение глубины молекулярно-ге-

нетического исследования образцов, достигаемое с помощью высокопроизводительного секвенирования, позволяет увеличивать информативность результатов даже для видов с низким уровнем филогеографической структуры популяций, например для лошадей [Fages et al., 2019].

При использовании анализа генетического состава домашних животных в качестве маркера миграций человека следует учитывать, что изменение генетического состава животных может происходить и по причинам, не связанным непосредственно с масштабными миграциями людей. Домашний скот на протяжении многих эпох представлял большую ценность и являлся предметом обмена и торговли. Поэтому при интерпретации данных об изменении генетического состава домашних животных необходимо учитывать как их возможную связь с миграциями людей, так и другие варианты, включая различные типы экономической деятельности (торговля, обмен), не сопровождаемой миграционными потоками населения. В этом отношении домашние животные аналогичны многим категориям вещевого импорта, обнаружение которого далеко не всегда свидетельствует о наличии миграционных потоков и генетических связей популяций человека. В этом отношении показательны результаты недавнего масштабного исследования древних собак, проведенного на геномном уровне [Bergström et al., 2020]. Одним из его результатов оказалось подтверждение того факта, что изменение генетического состава региональных популяций собак далеко не всегда коррелирует с соответствующими миграциями людей, известными по данным археологии (хотя в значительном числе случаев такая корреляция присутствует) [Там же].

Мы намеренно акцентировали внимание на многочисленных потенциальных затруднениях, которые могут возникать при использовании анализа генетического состава домашних животных в качестве маркера миграционной активности людей. Корректная постановка такого типа исследования представляет собой серьезную задачу, которая может быть выполнена лишь коллективом из специалистов различных областей – палеогенетиков, археологов и палеозоологов. Несмотря на многочисленные возможные сложности, рассматриваемый в данной работе подход успешно применяется для реконструкции особенностей миграций человека в различных регионах и в разные хронологические периоды.

Мы уже упоминали информативность данного подхода при исследовании процессов «неоолитической революции» на территории Европы [Bollongino et al., 2006; Scheu et al., 2015]. Интересным примером является серия исследований, по-

священных генетическому составу домашних свиней в континентальной части Юго-Восточной Азии и на островах южной части Тихого океана, на основе которых удалось независимо проверить и существенно дополнить имевшиеся представления о путях миграций человека при расселении в этом регионе [Larson et al., 2010; Piper et al., 2009].

Для лесостепной зоны Западной Сибири (Барабинская лесостепь) авторам данной работы удалось получить результаты, свидетельствующие об изменении структуры генофонда мтДНК овец, коррелирующие как минимум с двумя миграционными волнами людей в данном регионе: миграцией на юг Сибири носителей андроновской (фёдоровской) культуры в первой половине II тысячелетия до н.э. и притоком в лесостепную зону населения из более южных степных районов Евразии в переходный период от эпохи бронзы к раннему железному веку (материалы городища Чича-1) [Пилипенко и др., 2017]. В обоих случаях были показаны синхронные изменения генетического состава популяций людей [Molodin et al., 2012; Молодин и др., 2013; Пилипенко и др., 2009; Журавлев и др., 2017] и овец [Пилипенко и др., 2017].

Таким образом, анализ генетического состава domesticiрованных животных может быть использован в качестве независимого маркера миграций человека. Необходимо учитывать, что данный подход имеет целый ряд ограничений. Планирование исследования такого типа требует корректного учета археологического контекста изучаемых материалов и строгого отношения к критериям формирования выборок палеозоологических образцов для сравнительного анализа. При интерпретации полученных результатов необходимо учитывать отсутствие прямой обязательной связи между изменениями генетического состава домашних животных и миграциями людей. Наиболее корректным представляется использование данного подхода в дополнение к исследованиям генофонда популяций человека, потенциально связанных с анализируемыми миграционными процессами.

Благодарности

Работа выполнена в рамках гранта РФФИ № 19-09-00474 и частично профинансирована из средств государственного задания ИЦиГ СО РАН, проект № 0259-2019-0010-С-01.

Список литературы

Балабанова М.А. К вопросу о преемственности населения сарматского времени восточно-европейских степей // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4: История.

Регионоведение. Международные отношения. – 2016. – № 2. – С. 25–39.

Журавлев А.А., Пилипенко А.С., Молодин В.И., Папин Д.В., Поздняков Д.В., Трапезов Р.О. Генофонд мтДНК и Y-хромосомы андроновского (фёдоровского) и постандоновского населения Южной Сибири // Тр. V (XXI) Всерос. археол. съезда в Барнауле – Белокурихе: сб. науч. ст. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2017. – Т. III. – С. 37–39.

Молодин В.И., Пилипенко А.С., Чикишева Т.А., Ромащенко А.Г., Журавлев А.А., Поздняков Д.В., Трапезов Р.О. Мультидисциплинарные исследования населения Барабинской лесостепи V–I тыс. до н.э.: археологический, палеогенетический и антропологический аспекты. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2013. – 220 с.

Пилипенко А.С., Пилипенко И.В., Папин Д.В., Черданцев С.В., Молодин В.И., Трапезов Р.О. Разнообразие митохондриальной ДНК овец из археологических памятников юга Сибири эпохи бронзы – раннего железного века // Тр. V (XXI) Всерос. археол. съезда в Барнауле – Белокурихе: сб. науч. ст. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2017. – Т. III. – С. 57–58.

Пилипенко А.С., Ромащенко А.Г., Молодин В.И., Куликов И.В., Кобзев В.Ф., Поздняков Д.В., Новикова О.И. Особенности структуры генофонда митохондриальной ДНК населения городища Чича-1 (IX–VII вв. до н.э.) в Барабинской лесостепи // Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. 3, гл. 7. – С. 108–127.

Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита – раннего железа. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 468 с.

Bergström A., Frantz L., Schmidt R., Ersmark E., Lebrasseur O., Girdland-Flink L., Lin A.T., Storå J., Sjögren K.G., Anthony D., Antipina E., Amiri S., Bar-Oz G., Bazaliiskii V.I., Bulatović J., Brown D., Carmagnini A., Davy T., Fedorov S., Fiore I., Fulton D., Germonpré M., Haile J., Irving-Pease E.K., Jamieson A., Janssens L., Kirillova I., Horwitz L.K., Kuzmanović-Cvetković J., Kuzmin Y., Losey R.J., Dizdar D.L., Mashkour M., Novak M., Onar V., Orton D., Pasarić M., Radivojević M., Rajković D., Roberts B., Ryan H., Sablin M., Shidlovskiy F., Stojanović I., Tagliacozzo A., Trantalidou K., Ullén I., Villaluenga A., Wapnish P., Dobney K., Götherström A., Linderholm A., Dalén L., Pinhasi R., Larson G., Skoglund P. Origins and genetic legacy of prehistoric dogs // Science. – 2020. – Vol. 370. – P. 557–564.

Bollongino R., Edwards C.J., Alt K.W., Burger J., Bradley D.G. Early history of European domestic cattle as revealed by ancient DNA // Biol. Letters. – 2006. – Vol. 22. – P. 155–9.

Brandt G., Haak W., Adler C.J., Roth C., Szecsenyi-Nagy A., Karimnia S., Moller-Rieker S., Meller H.,

Ganslmeier R., Friederich S., Dresely V., Nicklisch N., Pickrell J.K., Sirocko F., Reich D., Cooper A., Alt K.W., Genographic Consortium. Ancient DNA reveals key stages in the formation of Central European mitochondrial genetic diversity // *Science*. – 2013. – Vol. 342. – P. 257–261.

Fages A., Hanghøj K., Khan N., Gaunitz C., Seguin-Orlando A., Leonardi M., McCrory Constantz C., Gamba C., Al-Rasheid K.A.S., Albizuri S., Alfarhan A.H., Allentoft M., Alquraishi S., Anthony D., Baimukhanov N., Barrett J.H., Bayarsaikhan J., Benecke N., Bernáldez-Sánchez E., Berrocal-Rangel L., Biglari F., Boessenkool S., Boldgiv B., Brem G., Brown D., Burger J., Crubézy E., Daugnora L., Davoudi H., de Barros Damgaard P., Los Angeles de Chorro Y., de, Villa-Ceballos M., de, Deschler-Erb S., Detry C., Dill N., do Mar Oom M., Dohr A., Ellingvåg S., Erdenebaatar D., Fathi H., Felkel S., Fernández-Rodríguez C., García-Viñas E., Germonpré M., Granado J.D., Hallsson J.H., Hemmer H., Hofreiter M., Kasparov A., Khasanov M., Khazaeli R., Kosintsev P., Kristiansen K., Kubatbek T., Kuderna L., Kuznetsov P., Laleh H., Leonard J.A., Lhuillier J., Liesau von Lettow-Vorbeck C., Logvin A., Lõugas L., Ludwig A., Luis C., Arruda A.M., Marques-Bonet T., Matoso Silva R., Merz V., Mijiddorj E., Miller B.K., Monchalov O., Mohaseb F.A., Morales A., Nieto-Espinet A., Nistelberger H., Onar V., Pálsdóttir A.H., Pitulko V., Pitskhelauri K., Pruvost M., Rajić-Sikanjić P., Rapan Papeša A., Roslyakova N., Sardari A., Sauer E., Schafberg R., Scheu A., Schibler J., Schlumbaum A., Serrand N., Serres-Armero A., Shapiro B., Sheikhi Seno S., Shevnina I., Shidrang S., Southon J., Star B., Sykes N., Taheri K., Taylor W., Teegen W.R., Trbojević-Vukičević T., Trixl S., Tumen D., Undrakhbold S., Usmanova E., Vahdati A., Valenzuela-Lamas S., Viegas C., Wallner B., Weinstock J., Zaibert V., Clavel B., Lepetz S., Mashkour M., Helgason A., Stefánsson K., Barrey E., Willerslev E., Outram A.K., Librado P., Orlando L. Tracking Five Millennia of Horse Management with Extensive Ancient Genome Time Series // *Cell*. – 2019. – Vol. 177. – P. 1419–1435.e31.

Frantz L.A.F., Bradley D.G., Larson G., Orlando L. Animal domestication in the era of ancient genomics // *Nature Rev. Genetics*. – 2020. – Vol. 21. – P. 449–460.

Haak W., Balanovsky O., Sanchez J.J., Koshel S., Zaporozhchenko V., Adler C.J., Der Sarkissian C.S., Brandt G., Schwarz C., Nicklisch N., Dresely V., Fritsch B., Balanovska E., Villems R., Meller H., Alt K.W., Cooper A. Ancient DNA from European early neolithic farmers reveals their near eastern affinities // *PLoS Biol*. – 2010. – Vol. 8:e1000536.

Hofmanova Z., Kreutzer S., Hellenthal G., Sell C., Diekmann Y., Díez-Del-Molino D., van Dorp L., López S., Kousathanas A., Link V., Kirsanow K., Cassidy L.M., Martiniano R., Strobel M., Scheu A., Kotsakis K., Halstead P., Triantaphyllou S., Kyriarissi-

Apostolika N., Urem-Kotsou D., Ziota C., Adaktylou F., Gopalan S., Bobo D.M., Winkelbach L., Blöcher J., Unterländer M., Leuenberger C., Çilingiroğlu Ç., Horejs B., Gerritsen F., Shennan S.J., Bradley D.G., Currat M., Veeramah K.R., Wegmann D., Thomas M.G., Papageorgopoulou C., Burger J. Early farmers from across Europe directly descended from Neolithic Aegeans // *Proc. of the Nat. Acad. of Sci. of the United States of America*. – 2016. – Vol. 113 (25). – P. 6886–6891.

Larson G., Liu R., Zhao X., Yuan J., Fuller D., Barton L., Dobney K., Fan Q., Gu Z., Liu X.H., Luo Y., Lv P., Andersson L., Li N. Patterns of East Asian Pig Domestication, Migration, and Turnover Revealed by Modern and Ancient DNA // *Proc. of the Nat. Acad. of Sci. of the United States of America*. – 2010. – Vol. 107. – P. 7686–7691.

Molodin V.I., Pilipenko A.S., Romaschenko A.G., Zhuravlev A.A., Trapezov R.O., Chikisheva T.A., Pozdnyakov D.V. Human migrations in the southern region of the West Siberian Plain during the Bronze Age: Archaeological, palaeogenetic and anthropological data // *Population Dynamics in Pre- and Early History: New Approaches Using Stable Isotopes and Genetics*. – Berlin, Boston: De Gruyter, 2012. – P. 95–113.

Piper P.J., Hung H., Campos F.Z., Bellwood P., Santiago R. A 4000 year-old introduction of domestic pigs into the Philippine Archipelago: implications for understanding routes of human migration through Island Southeast Asia // *Antiquity*. – 2009. – Vol. 83. – P. 686–695.

Scheu A., Powell A., Bollongino R., Vigne J.D., Tresset A., Cakirlar C., Benecke N., Burger J. The genetic prehistory of domesticated cattle from their origin to the spread across Europe // *BMC Genetics*. – 2015. – Vol. 28, N 54.

Skourtanioti E., Erdal Y.S., Frangipane M., Balossi Restelli F., Yener K.A., Pinnock F., Matthiae P., Ozbal R., Schoop U.D., Guliyev F., Akhundov T., Lyonnet B., Hammer E.L., Nugent S.E., Burri M., Neumann G.U., Penske S., Ingman T., Akar M., Shafiq R., Palumbi G., Eisenmann S., D'Andrea M., Rohrlach A.B., Warinner C., Jeong C., Stockhammer P.W., Haak W., Krause J. Genomic History of Neolithic to Bronze Age Anatolia, Northern Levant, and Southern Caucasus // *Cell*. – 2020. – Vol. 181. – P. 1158–1175.e28.

Wang C.C., Reinhold S., Kalmykov A., Wissgott A., Brandt G., Jeong C., Cheronet O., Ferry M., Harney E., Keating D., Mallick S., Rohland N., Stewardson K., Kantorovich A.R., Maslov V.E., Petrenko V.G., Erlikh V.R., Atabiev B.C., Magomedov R.G., Kohl P.L., Alt K.W., Pichler S.L., Gerling C., Meller H., Vardanyan B., Yeganyan L., Rezepkin A.D., Mariaschk D., Berezina N., Gresky J., Fuchs K., Knipper C., Schiffels S., Balanovska E., Balanovsky O., Mathieson I., Higham T., Berezin Y.B., Buzhilova A., Trifonov V., Pinhasi R., Belinskij A.B., Reich D., Hansen S., Krause J., Haak W.

Ancient human genome-wide data from a 3000-year interval in the Caucasus corresponds with eco-geographic regions // Nature Communications. – 2019. – Vol. 10 (1), N 590.

References

Balabanova M.A. On the Succession of Sarmatian Population in the Easteuropean Steppes. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2016, No. 2, pp. 25–39. doi:10.15688/jvolsu4.2016.2.2. (In Russ.).

Bergström A., Frantz L., Schmidt R., Ersmark E., Lebrasseur O., Girdland-Flink L., Lin A.T., Storå J., Sjögren K.G., Anthony D., Antipina E., Amiri S., Bar-Oz G., Bazaliiskii V.I., Bulatović J., Brown D., Carmagnini A., Davy T., Fedorov S., Fiore I., Fulton D., Germonpré M., Haile J., Irving-Pease E.K., Jamieson A., Janssens L., Kirillova I., Horwitz L.K., Kuzmanović-Cvetković J., Kuzmin Y., Losey R.J., Dizdar D.L., Mashkour M., Novak M., Onar V., Orton D., Pasarić M., Radivojević M., Rajković D., Roberts B., Ryan H., Sablin M., Shidlovskiy F., Stojanović I., Tagliacozzo A., Trantalidou K., Ullén I., Villaluenga A., Wapnish P., Dobney K., Götherström A., Linderholm A., Dalén L., Pinhasi R., Larson G., Skoglund P. Origins and genetic legacy of prehistoric dogs. *Science*, 2020, vol. 370, pp. 557–564. doi:10.1126/science.aba9572.

Bollongino R., Edwards C.J., Alt K.W., Burger J., Bradley D.G. Early history of European domestic cattle as revealed by ancient DNA. *Biology Letters*, 2006, vol. 22, pp. 155–159. doi:10.1098/rsbl.2005.0404.

Brandt G., Haak W., Adler C.J., Roth C., Szecsenyi-Nagy A., Karimnia S., Moller-Rieker S., Meller H., Ganslmeier R., Friederich S., Dresely V., Nicklisch N., Pickrell J.K., Sirocko F., Reich D., Cooper A., Alt K.W., Genographic Consortium. Ancient DNA reveals key stages in the formation of Central European mitochondrial genetic diversity. *Science*, 2013, vol. 342, pp. 257–261. doi:10.1126/science.1241844.

Chikisheva T.A. Dinamika antropologicheskoi differentsiatsii naseleniya yuga Zapadnoi Sibiri v epokhi neolita – rannego zheleza. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012, 468 p. (In Russ.).

Fages A., Hanghøj K., Khan N., Gaunitz C., Seguin-Orlando A., Leonardi M., McCrory Constantz C., Gamba C., Al-Rasheid K.A.S., Albizuri S., Alfarhan A.H., Allentoft M., Alquraishi S., Anthony D., Baimukhanov N., Barrett J.H., Bayarsaikhan J., Benecke N., Bernáldez-Sánchez E., Berrocal-Rangel L., Biglari F., Boessenkool S., Boldgiv B., Brem G., Brown D., Burger J., Crubézy E., Daugnora L., Davoudi H., de Barros Damgaard P., Los Angeles de Chorro Y., de, Villa-Ceballos M., de, Deschler-Erb S., Detry C., Dill N., do Mar Oom M., Dohr A., Ellingvåg S., Erdenebaatar D., Fathi H.,

Felkel S., Fernández-Rodríguez C., García-Viñas E., Germonpré M., Granado J.D., Hallsson J.H., Hemmer H., Hofreiter M., Kasparov A., Khasanov M., Khazaeli R., Kosintsev P., Kristiansen K., Kubatbek T., Kuderna L., Kuznetsov P., Laleh H., Leonard J.A., Lhuillier J., Liesau von Lettow-Vorbeck C., Logvin A., Lóugas L., Ludwig A., Luis C., Arruda A.M., Marques-Bonet T., Matoso Silva R., Merz V., Mijiddorj E., Miller B.K., Monchalov O., Mohaseb F.A., Morales A., Nieto-Espinet A., Nistelberger H., Onar V., Pálsdóttir A.H., Pitulko V., Pitskhelauri K., Pruvost M., Rajić-Sikanjić P., Rapan Papeša A., Roslyakova N., Sardari A., Sauer E., Schafberg R., Scheu A., Schibler J., Schlumbaum A., Serrand N., Serres-Armero A., Shapiro B., Sheikhi Seno S., Shevnina I., Shidrang S., Southon J., Star B., Sykes N., Taheri K., Taylor W., Teegen W.R., Trbojević-Vukičević T., Trixl S., Tumen D., Undrakhbold S., Usmanova E., Vahdati A., Valenzuela-Lamas S., Viegas C., Wallner B., Weinstock J., Zaibert V., Clavel B., Lepetz S., Mashkour M., Helgason A., Stefánsson K., Barrey E., Willerslev E., Outram A.K., Librado P., Orlando L. Tracking Five Millennia of Horse Management with Extensive Ancient Genome Time Series. *Cell*, 2019, vol. 177, pp. 1419–1435.e31. doi:10.1016/j.cell.2019.03.049.

Frantz L.A.F., Bradley D.G., Larson G., Orlando L. Animal domestication in the era of ancient genomics. *Nature Review Genetics*, 2020, vol. 21, pp. 449–460. doi:10.1038/s41576-020-0225-0.

Haak W., Balanovsky O., Sanchez J.J., Koshel S., Zaporozhchenko V., Adler C.J., Der Sarkissian C.S., Brandt G., Schwarz C., Nicklisch N., Dresely V., Fritsch B., Balanovska E., Villems R., Meller H., Alt K.W., Cooper A. Ancient DNA from European early neolithic farmers reveals their near eastern affinities. *PLoS Biology*, 2010, vol. 8:e1000536. doi:10.1371/journal.pbio.1000536.

Hofmanova Z., Kreutzer S., Hellenthal G., Sell C., Diekmann Y., Díez-Del-Molino D., van Dorp L., López S., Kousathanas A., Link V., Kirsanow K., Cassidy L.M., Martiniano R., Strobel M., Scheu A., Kotsakis K., Halstead P., Triantaphyllou S., Kyparissi-Apostolika N., Urem-Kotsou D., Ziota C., Adaktylou F., Gopalan S., Bobo D.M., Winkelbach L., Blöcher J., Unterländer M., Leuenberger C., Çilingiroğlu Ç., Horejs B., Gerritsen F., Shennan S.J., Bradley D.G., Currat M., Veeramah K.R., Wegmann D., Thomas M.G., Papageorgopoulou C., Burger J. Early farmers from across Europe directly descended from Neolithic Aegeans. In *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 2016, vol. 113 (25), pp. 6886–6891. doi:10.1073/pnas.1523951113.

Larson G., Liu R., Zhao X., Yuan J., Fuller D., Barton L., Dobney K., Fan Q., Gu Z., Liu X.H., Luo Y., Lv P., Andersson L., Li N. Patterns of East Asian Pig Domestication, Migration, and Turnover Revealed by

Modern and Ancient DNA. In *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 2010, vol. 107, pp. 7686–7691. doi:10.1073/pnas.0912264107.

Molodin V.I., Pilipenko A.S., Chikisheva T.A., Romashchenko A.G., Zhuravlev A.A., Pozdnyakov D.V., Trapezov R.O. The Interdisciplinary Research of Baraba Forest-Steppe Populations (IV–I millennium BC): Archaeological, Paleogenetic and Anthropological Perspectives. Novosibirsk: SB RAS Publ., 2013, 220 p. (In Russ.).

Molodin V.I., Pilipenko A.S., Romashchenko A.G., Zhuravlev A.A., Trapezov R.O., Chikisheva T.A., Pozdnyakov D.V. Human migrations in the southern region of the West Siberian Plain during the Bronze Age: Archaeological, palaeogenetic and anthropological data. In *Population Dynamics in Pre- and Early History: New Approaches Using Stable Isotopes and Genetics*. Berlin, Boston: De Gruyter, 2012, pp. 95–113.

Pilipenko A.S., Pilipenko I.V., Papin D.V., Cherdantsev S.V., Molodin V.I., Trapezov R.O. Raznoobrazie mitokhondrial'noi DNK ovets iz arkeologicheskikh pamyatnikov yuga Sibiri epokhi bronzy – rannego zheleznogo veka. In *Trudy V (XXI) Vserossiiskogo arkeologicheskogo s"ezda v Barnaule – Belokurikhe: sbornik nauchnykh statei*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2017, vol. III, pp. 57–58. (In Russ.).

Pilipenko A.S., Romashchenko A.G., Molodin V.I., Kulikov I.V., Kobzev V.F., Pozdnyakov D.V., Novikova O.I. Osobennosti struktury genofonda mitokhondrial'noi DNK naseleniya gorodishcha Chicha-1 (IX–VII vv. do n.e.) v Barabinskoi lesostepi. In *Chicha – gorodishche perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v Barabinskoi lesostepi*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2009, vol. 3, chap. 7, pp. 108–127. (In Russ.).

Piper P.J., Hung H., Campos F.Z., Bellwood P., Santiago R. A 4000 year-old introduction of domestic pigs into the Philippine Archipelago: implications for understanding routes of human migration through Island Southeast Asia. *Antiquity*, 2009, vol. 83, pp. 686–695. doi:10.1017/S0003598X00098914.

Scheu A., Powell A., Bollongino R., Vigne J.D., Tresset A., Cakirlar C., Benecke N., Burger J. The genetic

prehistory of domesticated cattle from their origin to the spread across Europe. *BMC Genetics*, 2015, vol. 28, No. 54. doi:10.1186/s12863-015-0203-2.

Skourtanioti E., Erdal Y.S., Frangipane M., Balossi Restelli F., Yener K.A., Pinnock F., Matthiae P., Ozbal R., Schoop U.D., Guliyev F., Akhundov T., Lyonnet B., Hammer E.L., Nugent S.E., Burri M., Neumann G.U., Penske S., Ingman T., Akar M., Shafiq R., Palumbi G., Eisenmann S., D'Andrea M., Rohrlach A.B., Warinner C., Jeong C., Stockhammer P.W., Haak W., Krause J. Genomic History of Neolithic to Bronze Age Anatolia, Northern Levant, and Southern Caucasus. *Cell*, 2020, vol. 181, pp. 1158–1175.e28. doi:10.1016/j.cell.2020.04.044.

Wang C.C., Reinhold S., Kalmykov A., Wissgott A., Brandt G., Jeong C., Cheronet O., Ferry M., Harney E., Keating D., Mallick S., Rohland N., Stewardson K., Kantorovich A.R., Maslov V.E., Petrenko V.G., Erlikh V.R., Atabiev B.C., Magomedov R.G., Kohl P.L., Alt K.W., Pichler S.L., Gerling C., Meller H., Vardanyan B., Yeganyan L., Rezepkin A.D., Mariaschk D., Berezina N., Gresky J., Fuchs K., Knipper C., Schifels S., Balanovska E., Balanovsky O., Mathieson I., Higham T., Berezin Y.B., Buzhilova A., Trifonov V., Pinhasi R., Belinskij A.B., Reich D., Hansen S., Krause J., Haak W. Ancient human genome-wide data from a 3000-year interval in the Caucasus corresponds with eco-geographic regions. *Nature Communications*, 2019, vol. 10 (1), No. 590. doi:10.1038/s41467-018-08220-8.

Zhuravlev A.A., Pilipenko A.S., Molodin V.I., Papin D.V., Pozdnyakov D.V., Trapezov R.O. Genofond mtDNK i Y-khromosomy andronovskogo (fedorovskogo) i postandronovskogo naseleniya Yuzhnoi Sibiri. In *Trudy V (XXI) Vserossiiskogo arkeologicheskogo s"ezda v Barnaule – Belokurikhe: sbornik nauchnykh statei*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2017, vol. III, pp. 37–39. (In Russ.).

Пилипенко А.С. <https://orcid.org/0000-0003-1009-2554>

Пилипенко И.В. <https://orcid.org/0000-0002-8325-6719>

Черданцев С.В. <https://orcid.org/0000-0002-4384-3468>

Трапезов Р.О. <https://orcid.org/0000-0002-0483-530X>

Н.В. Полосьмак✉, Т.А. Чикишева✉

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: chikisheva@ngs.ru; polosmaknatalia@gmail.com

Исследование кургана на памятнике Катанда-2

На памятнике Катанда-2, расположенном в Усть-Коксинском р-не Республики Алтай, был исследован непогрязенный курган афанасьевской культуры. Его характеризуют относительно большие размеры погребального сооружения (15,5 м в диаметре), которое состоит из каменного кольца, сложенного из валунов, гальки и земляной насыпи в центре, под которой в могильной яме глубиной 1,08 м находилось погребение мужчины с двумя сосудами. К основному кольцу с северо-востока было пристроено маленькое колечко овальной формы, размером 3 × 4,80 м, также из больших валунов и гальки, в котором обнаружены «курильница» и миниатюрный сосудик. Значительные размеры каменного кольца, земляная насыпь высотой ок. 90 см от уровня современной дневной поверхности, а также редкие для афанасьевских погребений Горного Алтая круглодонный сосуд и «курильница» позволяют предполагать высокий социальный статус погребенного. Возможная причина смерти мужчины связана с воспалительным процессом (одонтогенным остеомиелитом), распространившимся в верхнечелюстную пазуху после удаления третьего верхнего моляра. Одонтоскопический комплекс признаков у индивида тяготеет к западному одонтологическому стволу. Продольные размеры длинных костей большие, и, соответственно, к большой категории размеров относится вычисленная по ним длина тела, составляя в среднем 173,1 см, варьируя при расчете по разным формулам от 170,7 до 177,4 см. Комплекс морфологических особенностей костей нижних конечностей мужчины свидетельствует о том, что основной формой движения в его обыденной жизни были ходьба и бег, что характерно для пастушеской деятельности в гористой местности.

Ключевые слова: Горный Алтай, Большой Катандинский курган, афанасьевская культура, погребальное сооружение, керамика, антропометрические характеристики, энтезопатия.

Natalia V. Polosmak✉, Tatiana A. Chikisheva✉

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: chikisheva@ngs.ru; polosmaknatalia@gmail.com

Study of the Burial Mound at the Katanda-2 Site

An undisturbed burial mound of the Afanasievo culture was studied at the Katanda-2 site in Ust-Koksinsky District of the Altai Republic. A distinctive feature of this burial mound is the burial structure of a relatively large size, measuring 15.5 m in diameter and constituting a stone ring made of boulders and pebbles, and earthen mound in the center. A male burial was discovered in burial pit 1.08 m deep, which also contained two vessels. Small oval-shaped ring, also made of large boulders and pebbles, and measuring 3 x 4.80 m, was attached to the main ring on the northeast. The small ring contained an incense burner and miniature vessel. Large size of the stone ring, earthen embankment rising for about 90 cm above the level of the modern daytime surface, round-bottomed vessel and incense burner—rare finds for the Afanasievo burials in the Altai Mountains—suggest high social status of the buried man. His possible cause of death is associated with inflammatory process (odontogenic osteomyelitis) which had spread to the maxillary sinus after removal of the third upper molar. The complex of odontoscopic features in that person shows similarities to the western odontological trunk. The longitudinal size of his long bones is large; accordingly, his body length calculated from them belongs to the category of large-sized; it was 173.1 cm on average varying from 170.7 to 177.4 cm according to different calculation methods. The complex of morphological features for the bones of man's lower extremities suggests that the main type of movement in his everyday life was walking and running, which is typical of herding in mountainous areas.

Keywords: Altai Mountains, Large Katanda burial mound, Afanasievo culture, burial structure, pottery, anthropometric characteristics, enthesopathy.

Введение

Летом 2020 г. Южноалтайским отрядом ИАЭТ СО РАН был исследован курган на памятнике Катанда-2, расположенном в Усть-Коксинском р-не Республики Алтай. Памятник, когда-то состоявший более чем из 60 разновременных курганов, находится в долине, между реками Малой и Большой Катандой, в верховьях р. Катунь. Он был открыт в 1865 г. В.В. Радловым, который раскопал здесь девять курганов VII–VIII вв. и Большой Катандинский курган пазырыкской культуры [Радлов, 1989, с. 445–448]. В 1925 г. на этом памятнике С.И. Руденко исследовал два кургана VII–VIII вв., а в 1954 г. Катандинский отряд Горно-Алтайской экспедиции Эрмитажа доисследовал пазырыкский курган и раскопал еще пять небольших курганов, среди которых только один оказался непо потревоженным, он датирован также VII–VIII вв. н.э. [Гаврилова, 1957, с. 251].

В настоящее время долина р. Катанды в верховьях Катунь полностью вовлечена в хозяйственную деятельность. Если ранее здесь были проложены мелиоративные каналы, выложенные бетонными плитами, которые уже давно не используются, но очень хорошо сохранились, то сейчас основная часть долины распахивается под кормовые культуры, остальные площади заняты под покос. За последние годы многие известные ранее курганы оказались сnivelированы хозяйственными работами: с полей убираются камни, освобожденные площади распахиваются. Если на плане-схеме, которую в 1954 г. составила А.А. Гаврилова, в Катандинской долине обозначено более 60 разнообразных курганов и выкладок, то в настоящее время едва ли можно увидеть и треть из отмеченного ранее. Исследованный нами курган на плане А.А. Гавриловой, возможно, был обозначен номером 32 [Гаврилова, 1957, с. 252, рис. 1]. В настоящее время этот курган оказался одним из самых больших на могильном поле. Он расположен примерно в 200 м к югу от Большого Катандинского кургана. Курган относится к афанасьевской культуре, и пока это первое погребальное сооружение данного периода в Усть-Коксинском р-не. До сих пор здесь был известен только один памятник, на котором обнаружен слой, относящийся к афанасьевской культуре, – культовый комплекс Кучерла-1 [Молодин, Ефремова, 2010, с. 31–49].

Погребальное сооружение и сопроводительный инвентарь

Курган диаметром 15,5 м и высотой ок. 90 см от уровня современной дневной поверхности был сильно задернован, камни угадывались только в по-

лах. В центре не было провала, который мог бы свидетельствовать об ограблении, но была небольшая яма от старой норы. Погребальное сооружение состояло из кольца, сложенного из валунов и русской гальки, шириной от 2,5 до 3,5 м. Ни плит, ни рваного камня в этом сооружении обнаружено не было. Это была тщательно сложенная кольцевая насыпь, плавно повышающаяся к центру, высота которой в верхней точке достигала 60 см. Уже при зачистке восточной части этого сооружения между камней были обнаружены фрагменты от трех сосудов афанасьевской культуры (рис. 1). Порядок возведения этого сооружения был следующий. Сначала была вырыта могильная яма, и после совершения захоронения над ней из вынутого грунта и земли возведена насыпь диаметром ок. 11,5 м, а только затем по периметру было выложено кольцо из валунов и гальки, частично располагающееся по краям насыпи. К основному кольцу с северо-востока было пристроено маленькое колечко овальной формы, диаметром 3,0 × 4,80 м, также из больших валунов и гальки. В его заполнении была обнаружена т.н. курильница. В центре этого кольца был найден маленький яйцевидный неорнаментированный сосудик плохой сохранности, зарытый в ямку.

Могильную яму маркировал ход старой норы сурка, устроенной в могиле. Этой норой был разрушен череп, часть костей которого была обнаружена в области таза: были также сдвинуты фаланги пальцев ног, а медная серьга – колечко в полтора оборота – была найдена за пределами каменной кладки.

Размеры могильной ямы по дну – 2,30 × 1,46 м, глубина – 1,08 м от материка (рис. 2). Яма ориентирована по линии З – В. Заполнение ямы – мешаный грунт – материковая глина и черная земля, камней не было. Погребенный лежал на спине, головой на запад, завалившись на правый бок, с согнутыми в коленях ногами. Всю центральную часть вдоль скелета перекрывала небольшая плаха или бревно очень плохой сохранности. Вероятно, это были остатки деревянного перекрытия могильной ямы, что нередко встречается в погребениях афанасьевцев Алтая [Степанова, 2014б, с. 317]. Кости скелета и черепа были разной степени окрашенности в красный цвет охрой. Охристый слой покрывал все пространство могильной ямы вокруг скелета, местами более интенсивно. Вероятно, охрой или каким-то охросодержащим составом был засыпан сам погребенный и все сопровождающие его предметы, большая часть которых не сохранилась. Об этих предметах мы можем судить по находкам в афанасьевских погребениях Укока – единственном могильнике, где сохранились фрагменты вещей из органических материалов, которые афанасьевцы укладывали в погребения: это части берестяных со-

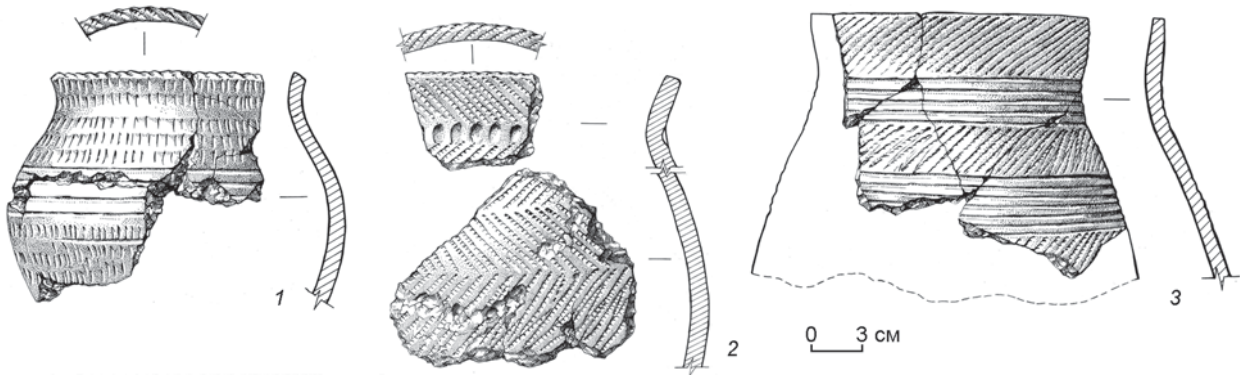

Рис. 1. Фрагменты сосудов из восточной части насыпи кург. 32 могильника Катанда-2.

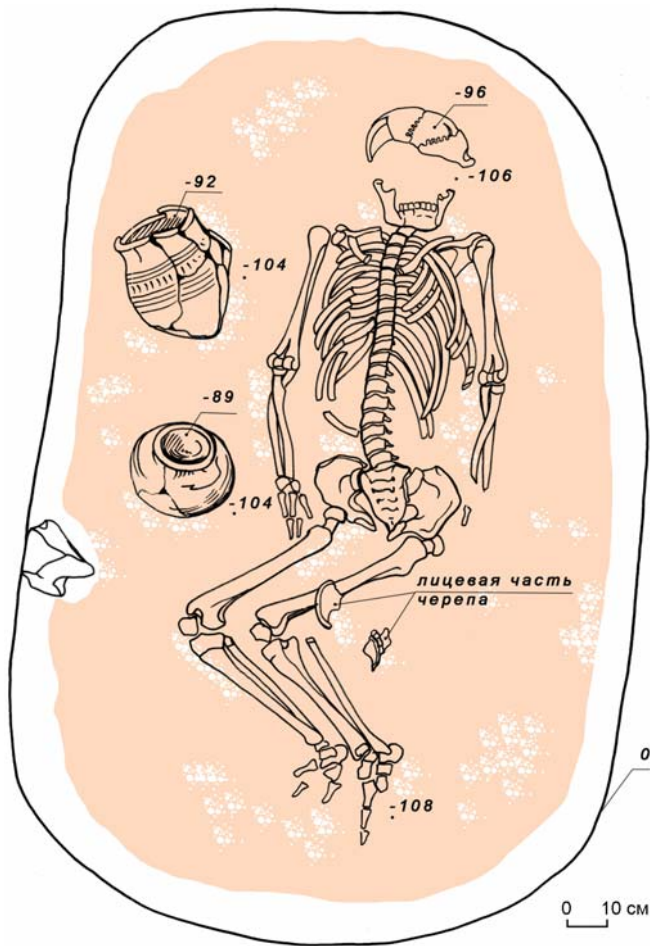

Рис. 2. План погребения в кург. 32 могильника Катанда-2.

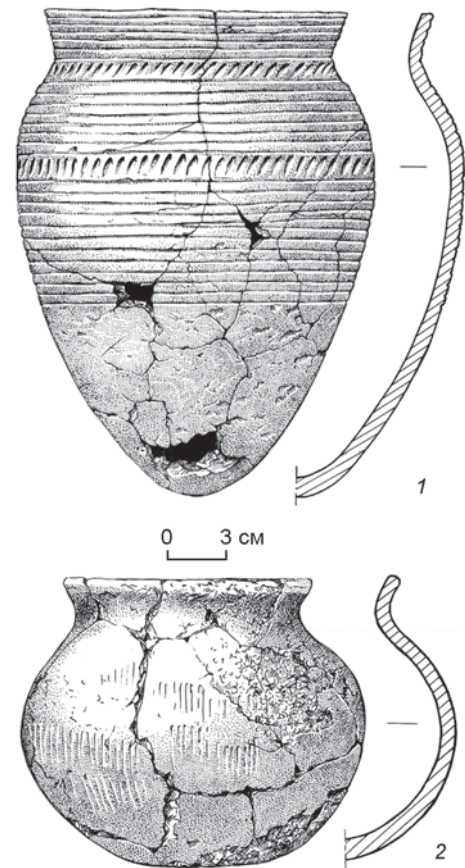

Рис. 3. Сосуды из погребения в кург. 32.

судов, деревянных ковша, посоха или жезла [Савинов, 1994, с. 130–135]. Вдоль южной стенки могилы стояли два керамических сосуда. Один – яйцевидной формы, раздавленный – находился на уровне грудной клетки. Он был восстановлен в лабораторных условиях (рис. 3, 1). Сосуд высотой 25,5 см, диаметром 15 см орнаментирован двумя рядами вдавлений косо поставленного плоского штампа. Этими рядами его поверхность разделена на зоны: венчик отделен от тулова, а на тулове отмечена самая ши-

рокая часть. Нижняя треть сосуда не орнаментирована, а верхняя орнаментирована горизонтальными прочерченными линиями. Второй – круглодонный горшок ярко-красного цвета – стоял у правой руки погребенного. Его высота 15 см, диаметр венчика 13 см (рис. 3, 2). Он выглядел совершенно целым. Но керамика оказалась настолько непрочной, что осыпалась на глазах, а форма держалась за счет заполнившей сосуд глины. Орнамента на поверхности сосуда не было, но хорошо прослеживались

следы вертикального заглаживания гребенчатым штампом. С погребенным ничего более обнаружено не было. Это типично для афанасьевцев, могилы которых отличаются очень скудным инвентарем, поскольку сохранилась, вероятно, малая часть из того, что было положено в могилу.

Очень важной находкой стал небольшой глиняный толстостенный сосудик на круглом поддоне, орнаментированный снаружи глубоко вдавленными диагональными линиями. Его размеры: диаметр в верхней части – 11,5 см, диаметр дна – 6,6 см, высота – 6,8 см, глубина – в среднем 5 см. Подобные изделия, называемые курильницами, редко находят в погребениях и курганах афанасьевцев Горного Алтая. Несколько больше их у енисейских афанасьевцев. Полагают, что в них воскурляли ароматные травы или ветки, поскольку присутствует незначительная закопченность внутренних стенок [Вадецкая, 1986, с. 51]. Для чего действительно предназначались эти изделия, пока непонятно. Обнаруженная в заполнении малого каменного кольца массивная чашечка с отбитой в древности ручкой в остальном выглядит совсем новой – внутри и снаружи никаких следов использования. Такие предметы относят к профессиональным, подразумевая под этим жреческие функции владельца, или престижным, подразумевая более высокий социальный статус погребенного с «курильницей» [Вадецкая, 2014, с. 306].

Антропологическая характеристика мужчины из кургана 32 могильника Катанда-2

Скелет в погребении имеет посмертные повреждения тафономического характера. Так, под давлением грунта, заполнявшего могильную яму, череп и таз распались на крупные деформированные фрагменты; часть их, как и мелкие косточки посткраниального скелета, были вынесены землеройными животными либо в насыпь кургана, либо вовсе за его пределы. Повреждения некоторых костей, видимо, связаны с деятельностью грызунов (отсутствие крупного фрагмента верхней челюсти, повреждения тел позвонков и эпифизов длинных костей). Но в целом представлены все отделы скелета. Хорошо сохранилась нижняя челюсть с полным комплектом зубов.

Мужской пол индивида бесспорен. Наблюдается некоторая несогласованность по критериям двух систем признаков, используемых для возрастных определений – степень облитерации черепных швов соответствует когорте *Maturus I* (35–40 лет), а стертости зубов – когорте *Adultus* (25–35 лет). Учитывая отсутствие на эпифизах костей и суставных поверхностях позвонков выраженных изме-

нений дегенеративно-дистрофического характера (индикаторов остеоартроза, остеохондроза и спондилоартроза) при сильном развитии мест прикрепления к костям мышечных сухожилий и связок, биологический возраст индивида может находиться на границе двух когорт и составлять ок. 35 лет.

Сохранность черепа и состояние его фрагментов не позволило провести полноценное антропологическое обследование. Отметим диспропорциональные поперечные размеры лобной кости (наименьшая ширина – 112 – очень большая, наибольшая (коронарная) – 117 – средняя) и очень большую ширину верхнего отдела лица (113), массивное надпереносье (балл 4) и высокие, но непротяженные надбровные дуги (балл 2), огромный наружный затылочный бугор (балл 5). Нижняя челюсть широкая, длинная, с невысокой и средненаклонной ветвью, невысоким и среднемассивным телом, широким и средневыступающим подбородком. Антропометрические характеристики нижней челюсти мужчины следующие:

Признаки	Параметры
65. Мышелковая ширина	126
66. Угловая ширина	111
67. Передняя ширина	50
68. Длина от углов	83
68 (1). Длина от мышелков	113
69. Высота симфиза	34
69(1). Высота тела	29
69(3). Толщина тела	11
70. Высота ветви	55
71а. Наименьшая ширина ветви	33
79. Угол ветви челюсти	121
Угол выступания подбородка	72

Зубы имеют очень хорошую сохранность эмали. Они покрыты обильным минерализованным налетом (зубным камнем) как в наддесневой (на коронках) так и в поддесневой (на корнях) области, что свидетельствует о понижении уровня десны и воспалении тканей периодонта, окружающих зубы и стабилизирующих их положение в альвеолах. Кариозные полости не обнаружены. На молярах верхней челюсти имеются следы прижизненных крупных сколов эмали: с левой стороны поврежден дистальный отдел M^1 (гипоконус) и мезио-лингвальный отдел M^2 (протоконус), с правой стороны сохранился M^2 со сколом в дисто-вестибулярном отделе (метакокус). Сохранившиеся нижние моляры таких повреждений не имеют. Можно предположить, что в популяции, к которой принадлежал индивид, умели удалять больные зубы. Так, на верхней челюсти прижизненно утрачен левый M^3 , но процедура не была удачной, и ее последствием стало воспаление альвеолы зуба, сопровождавшееся резорбцией кости и перфорацией в верхне-

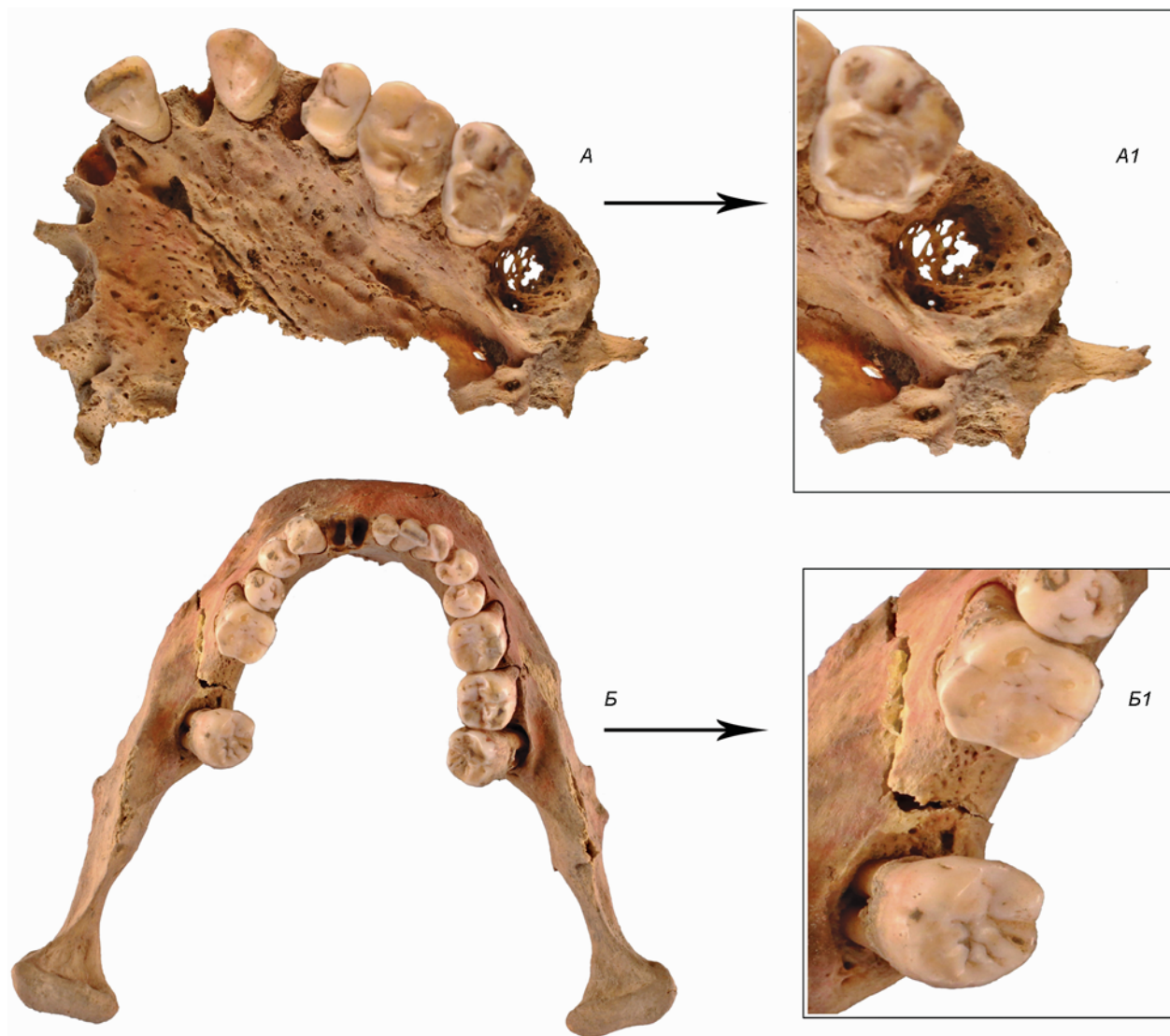

Рис. 4. Верхняя (А) и нижняя (Б) челюсти мужчины из кург. 32 могильника Катанда-2.
A1 – фрагмент с удаленным M^3 , со следами воспалительного процесса в альвеоле зуба; *B1* – фрагмент с удаленным M_2 .

челюстную пазуху (одонтогенный остеомиелит) (рис. 4, А). Не исключено, что этот процесс и стал причиной смерти индивида. На нижней челюсти прижизненно без каких-либо осложнений удален левый M_2 , и его альвеола полностью заполнилась костной тканью (рис. 4, Б).

Одонтоскопический комплекс признаков у индивида тяготеет к западному одонтологическому стволу: отсутствуют резцы лопатообразной формы, моляры с дистальным гребнем тригониды, коленчатой складкой метакониды, межкорневым затеком эмали. Особенности, присущими в основном европеоидной большой расе, у индивида можно назвать четырехбугорковые M_2 (тип Х4) и двухкорневые первые верхние премоляры (они отсутствуют, но признак предполагается на основе формы альвеол).

Поскольку посткраниальный скелет имеет неплохую сохранность, удалось получить основные параметры длинных костей, а также обследовать места прикрепления мышц и связок (энтесопатий), которые могут дать представление об особенностях регулярной кинематики индивида в его повседневной жизни.

В представленной статье мы не публикуем антропометрические данные костей посткраниального скелета, иначе это заняло бы значительной ее объем. Остановимся на производных этих размеров – пропорциях скелета и реконструированной длине тела индивида (см. таблицу).

Что касается продольных размеров длинных костей, то все они без исключения относятся к большим значениям в контексте индивидуальных вариаций этих параметров в группах современного

**Указатели пропорций скелета мужчины
из кург. 32 могильника Катанда-2**

Признак	Правая сторона	Левая сторона
Интермембральный указатель	70,7	–
Берцово-бедренный указатель	79,1	79,1
Луче-плечевой указатель	74,2	–
Плече-бедренный указатель	71,7	70,1
Луче-берцовый указатель	67,3	–

и древнего населения разных регионов мира (для контекста использованы данные из диссертации Д.В. Пежемского [2011, с. 314–316]). Соответственно, вычисленная по ним длина тела (использовались формулы Л. Мануврие, К. Пирсона и А. Ли, А. Тельккя, С. Дюпертюи и Д. Хэддена, В.В. Бунака, Г.Ф. Дебеца [Алексеев, 1966, с. 225–226, 228, 230–231, 242–243]) относится к категории больших размеров, составляя в среднем 173,1 см, варьируя при расчете по разным формулам от 170,7 до 177,4 см.

Соотношение суммарной длины костей верхней и нижней конечности (интермембральный указатель) и соотношение их сегментов (плече-бедренный и луче-берцовый указатель) характеризу-

ют пропорции скелета как мезоморфные. Соотношение дистального отдела к проксимальному и на нижней конечности (берцово-бедренный указатель) и на верхней (луче-плечевой указатель) свидетельствует об относительном удлинении проксимального (соответственно брахигамбия и брахикеркия). По этим двум указателям индивид из Катанды-2 отличается от представителей афанасьевской культуры из курганов Бертекской долины на плато Укок, пропорции конечностей которых характеризуются относительным удлинением дистальных сегментов (долихогамбией и долихокеркией) [Чикишева, 1994].

Из особенностей кортикальной структуры длинных костей отметим те, которые фиксируются на нижних конечностях и связаны с повышенной нагрузкой на мышечно-связочный аппарат при ходьбе и беге по пересеченной местности. К ним относятся гипертрофия мест прикрепления мышц (энтезопатия) на бедренных (большой ягодичной, приводящих мышц бедра, головок икроножной) и берцовых (четырёхглавой мышцы бедра, камбаловидной, передней большеберцовой) костях и межберцового синдесмоза на малой берцовой кости. Несколько сильнее энтезы развиты на костях левой ноги. Эту ситуацию можно объяснить травмой задней кресто-

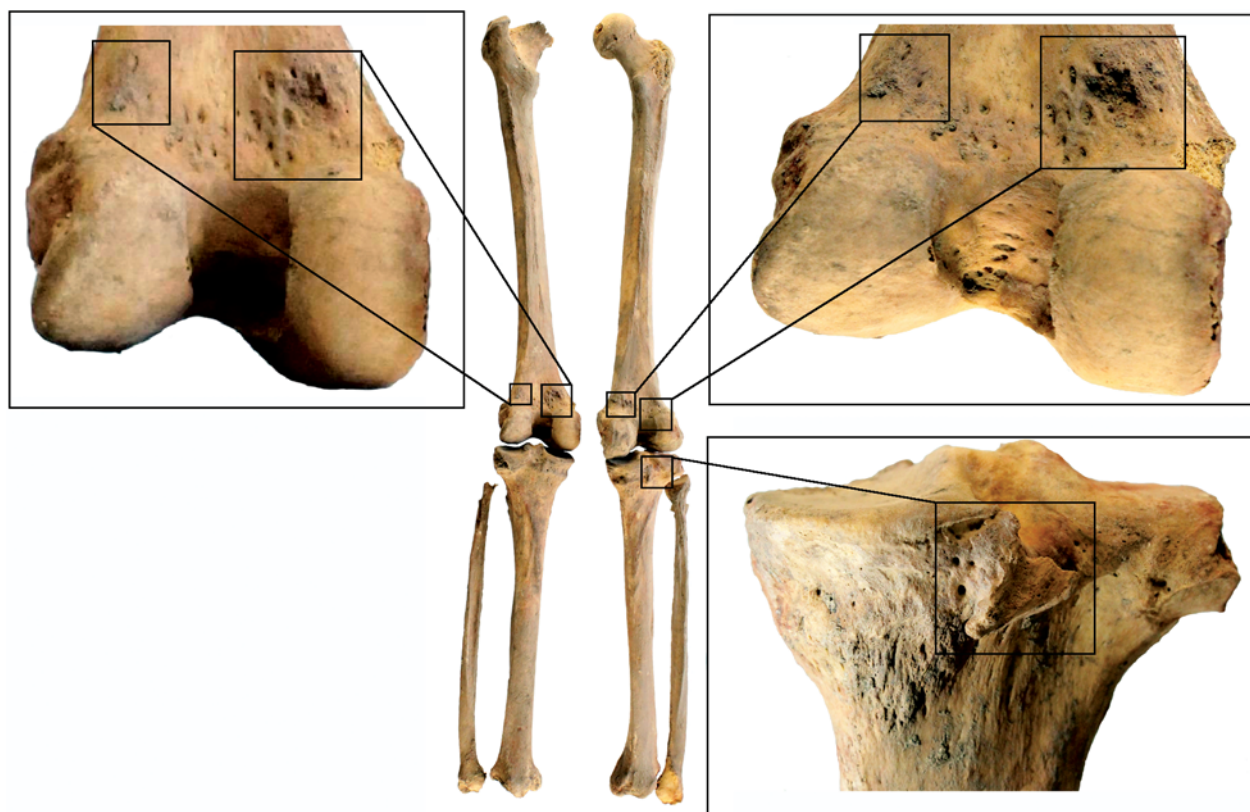

Рис. 5. Нижние конечности мужчины из кург. 32 могильника Катанда-2. Крупно показаны следы реактивных изменений костной ткани: места креплений головок икроножных мышц и травма задней крестообразной связки на правой большеберцовой кости.

образной связки на правой большеберцовой кости индивида (рис. 5), в результате чего более интенсивная нагрузка при ходьбе приходилась на левую ногу. Для такой травмы нужно очень сильное воздействие. Распространенный механизм – удар по голени спереди, либо при неправильном приземлении на ногу и резком торможении, когда вся нагрузка и масса тела приходится на одну нижнюю конечность.

Комплекс морфологических особенностей костей нижних конечностей мужчины из кург. 32 могильника Катанда-2 вполне соответствует нашим представлениям о повседневной деятельности пастуха в гористой местности. Чтобы обеспечить сохранность стада мелкого рогатого скота без использования лошади, от него требуется активное движение в виде интенсивной ходьбы и бега. Можно оступиться или поскользнуться на каменистых склонах и получить травму задней крестообразной связки.

Заключение

Некоторая нестандартность кург. 32 могильника Катанда-2 может отчасти свидетельствовать о более высоком статусе погребенного в нем мужчины. Об этом говорят большое каменное кольцо – фундаментальное сооружение, потребовавшее больших трудозатрат; насыпь из материкового грунта над могилой; малое, возможно, ритуальное каменное кольцо, пристроенное к большому; обнаруженная в его заполнении «курильница» и редкий круглодонный сосуд в погребении. Близкие аналогии как погребальному обряду, так и сопровождающему инвентарю можно найти среди памятников афанасьевской культуры на территории Горного Алтая [Степанова, 2014а, с. 5–100] и Алтайского края (см. напр.: [Шульга, 2006, с. 62–71]).

Последние достоверные радиоуглеродные даты определяют время существования афанасьевской культуры в Горном Алтае XXXI–XXIX вв. до н.э. [Поляков, 2020, с. 20], к этому периоду относятся и исследованное погребение. Радиоуглеродной даты для кург. 32 могильника Катанда-2 пока не получено. Представленная статья носит предварительный характер. Полные данные о кургане и находках, а также результаты антропологических и физико-химических исследований будут даны в специальной статье.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-09-40048.

Список литературы

- Алексеев В.П.** Остеометрия. Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1966. – 252 с.
- Вадецкая Э.Б.** Сибирские курильницы // КСИА. – 1986. – № 185. – С. 50–59.
- Вадецкая Э.Б.** Погребальный обряд афанасьевской культуры Енисея // Свод памятников афанасьевской культуры. – Барнаул: Азбука, 2014. – С. 292–309.
- Гаврилова А.А.** Раскопки второго Катандинского могильника // СА. – 1957. – Т. XXVII. – С. 250–268.
- Молодин В.И., Ефремова Н.С.** Грот Куйлю – культовый комплекс на реке Кучерле (Горный Алтай). – Новосибирск: Наука, 2010. – С. 31–49.
- Пежемский Д.В.** Изменчивость продольных размеров трубчатых костей человека и возможности реконструкции телосложения: дис. ... канд. биол. наук. – М., 2011. – 326 с.
- Поляков А.В.** Проблемы хронологии и культурогенеза памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – СПб., 2020. – 53 с.
- Радлов В.В.** Из Сибири. Страницы из дневника. – М.: Наука, 1989. – 752 с.
- Савинов Д.Г.** Афанасьевская культура // Древние культуры Бертекской долины. – Новосибирск: Наука, 1994. – С. 130–135.
- Степанова Н.Ф.** Памятники афанасьевской культуры Горного Алтая // Свод памятников афанасьевской культуры. – Барнаул: Азбука, 2014а. – С. 5–107.
- Степанова Н.Ф.** Погребальный обряд, проблемы культурной и хронологической принадлежности памятников афанасьевской культуры Горного Алтая // Свод памятников афанасьевской культуры. – Барнаул: Азбука, 2014б. – С. 310–328.
- Чикишева Т.А.** Характеристика палеоантропологического материала памятников Бертекской долины. Афанасьевская культура // Древние культуры Бертекской долины. – Новосибирск: Наука, 1994. – С. 157–166.
- Шульга П.И.** Погребения эпохи энеолита-бронзы в долине Сентелека // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – С. 47–72.

References

- Alekseev V.P.** Osteometriya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy. Moscow: Nauka, 1966. 252 p. (In Russ.).
- Chikisheva T.A.** Kharakteristika paleoantropologicheskogo materiala pamyatnikov Bertekskoi doliny. Afanas'evskaya kul'tura. In *Drevnie kul'tury Bertekskoi doliny*. Novosibirsk: Nauka, 1994, pp. 157–166. (In Russ.).
- Gavrilova A.A.** Raskopki vtorogo Katandinskogo mogil'nika. In *Sovetskaya arkheologiya*, 1957, vol. XXVII, pp. 250–268. (In Russ.).

Molodin V.I., Efremova N.S. Grot Kuilyu – kul'tovyi kompleks na reke Kucherle (Gornyi Altai). Novosibirsk: Nauka, 2010, pp. 31–49. (In Russ.).

Pezhetskii D.V. Izmenchivost' prodol'nykh razmerov trubchatykh kostei cheloveka i vozmozhnosti rekonstruktsii teloslozheniya: cand. sc. (biology) dissertation. Moscow, 2011, 326 p. (In Russ.).

Polyakov A.V. Problemy khronologii i kul'turogeneza pamyatnikov epokhi paleometalla Minusinskikh kotlovin: dr. sc. (history) dissertation abstract. St. Petersburg, 2020, 53 p. (In Russ.).

Radlov V.V. Iz Sibiri. Stranitsy iz dnevnika. Moscow: Nauka, 1989, 752 p. (In Russ.).

Savinov D.G. Afanas'evskaya kul'tura. In *Drevnie kul'tury Bertekskoi doliny*. Novosibirsk: Nauka, 1994, pp. 130–135. (In Russ.).

Shulga P.I. Pogrebeniya epokhi eneolita-bronzy v doline Senteleka. In *Pogrebal'nye i poselencheskie komplekсы*

epokhi bronzy Gornogo Altaya. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2006, pp. 47–72. (In Russ.).

Stepanova N.F. Pamyatniki afanas'evskoi kul'tury Gornogo Altaya. In *Svod pamyatnikov afanas'evskoi kul'tury*. Barnaul: Azbuka, 2014a, pp. 5–107. (In Russ.).

Stepanova N.F. Pogrebal'nyi obryad, problemy kul'turnoi i khronologicheskoi prinadlezhnosti pamyatnikov afanas'evskoi kul'tury Gornogo Altaya. In *Svod pamyatnikov afanas'evskoi kul'tury*. Barnaul: Azbuka, 2014b, pp. 310–328. (In Russ.).

Vadetskaya E.B. Sibirskie kuril'nitsy. In *Brief Communications of the Institute of Archaeology*, 1986, No. 185, pp. 50–59. (In Russ.).

Vadetskaya E.B. Pogrebal'nyi obryad afanas'evskoi kul'tury Eniseya. In *Svod pamyatnikov afanas'evskoi kul'tury*. Barnaul: Azbuka, 2014, pp. 292–309. (In Russ.).

Полосьмак Н.В. <https://orcid.org/0000-0002-3760-265X>

Чикишева Т.А. <https://orcid.org/0000-0003-1985-1369>

И.А. Савко

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
Алтайский государственный педагогический университет
Барнаул, Россия
E-mail: savko.ilia2016@yandex.ru

Погребальные сооружения андроновской (фёдоровской) культуры на северо-западных предгорьях Алтая

Статья посвящена анализу погребальных конструкций могильников андроновского времени на северо-западных предгорьях Алтая. Интерес к изучению погребальных комплексов этих территорий вызван особым положением региона, который находится на стыке разных географических ареалов между степной и лесостепной частями Обь-Иртышского междуречья и Горным Алтаем. В этом отношении сравнение погребальных сооружений контактной зоны предгорий Алтая является значимым для понимания особенностей материальных комплексов развитой бронзы обозначенной территории, а также дает информацию о культурно-хронологических процессах андроновского времени. В выборку исследования было включено девять могильников, что соответствует 129 погребениям андроновской (фёдоровской) культуры северо-западных предгорий Алтая. Главным методом исследования выступал метод классификации, содержащий четыре таксономические единицы: категория, группа, разряд и тип. Выделено 17 типов могильных сооружений, которые соотносятся с двумя разными вариантами культуры. Верхнеобский характеризуется отсутствием надмогильных сооружений, устройством погребальной камеры в виде простой грунтовой ямы (тип 1), нередко с деревянной рамой (тип 2). Восточно-казахстанский вариант отличает камень для строительства надмогильных и внутримогильных сооружений (типы 3–16). Предположительно можно выделить смешанные погребальные конструкции (типы 3–5), которые комбинируют в себе отсутствие надмогильных сооружений (грунтовой могильник) и каменную внутримогильную конструкцию в виде ящика с перекрытием (тип 3) или ящика (тип 4) и перекрытия (тип 5) по отдельности. Выявленные особенности обусловлены особым расположением предгорий Алтая в контактной географической области. Данное обстоятельство определило различие погребальных традиций андроновского населения рассматриваемого региона.

Ключевые слова: андроновская (фёдоровская) культура, погребальные сооружения, предгорный Алтай.

Iliia A. Savko

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
Altai State Pedagogical University,
Barnaul, Russia
E-mail: savko.ilia2016@yandex.ru

Burial Structures of the Andronovo (Fedorovo) Culture of the Northwestern Foothills of Altai

The article is devoted to the analysis of the burial structures of the Andronovo burial grounds of the northwestern foothills of Altai. Interest in the study of burial complexes of the foothills is encouraged by the special position of the region, which is located at the junction of different geographical areas between the steppe, forest-steppe part of the Ob-Irtysh interfluvium and Gorny Altai. In this regard, a comparative analysis of the burial structures of the contact zone in the Altai foothills is significant for understanding the features of the material complexes of the developed bronze of the indicated territory, and provides information on cultural and chronological processes of the Andronovo time. The study sample included nine burial grounds, which corresponds to 129 burials of the Andronovo (Fedorovo) culture of the northwestern foothills of Altai. The main research method was the classification method, which contains four taxonomic units: category, group, grade, and

type. Seventeen types of burial structures were identified, which correspond to two different types of culture. Verkhneobskiy is characterized by the absence of grave structures, the construction of a burial chamber in the form of a simple ground pit (type 1), often with a wooden frame (type 2). The East Kazakhstan version has a stone for the construction of grave and intra-grave structures (type 3–16). Presumably, it is possible to distinguish mixed burial structures (type 3–5), which combine the absence of grave structures (ground burial ground) and a stone intra-grave structure in the form of a box with an overlap (type 3), or a box (type 4) and a ceiling (type 5) separately. The considered features are due to the special location of the Altai foothills in the contact geographic area. This circumstance has determined the difference in burial traditions of the Andronovo population in the region under consideration.

Keywords: Andronovo (Fedorovo) culture, burial structures, foothills of Altai.

Введение

Исследователями андроновской (фёдоровской) культуры выявлено несколько сотен некрополей на территории Западной Сибири и Казахстана. В результате их изучения по различным признакам, в т.ч. по погребальным конструкциям, были выделены локальные типы и варианты культуры, которые объединяются в рамках андроновской культурно-исторической общности [Кузьмина, 2008, с. 160]. Основная масса фёдоровских комплексов предгорий не имеет видимых погребальных сооружений и соотносится с традициями степного и лесостепного Алтая. Исключение составляют каменные конструкции, обнаруженные на некоторых могильниках рассматриваемого региона [Кирюшин, Папин, Федорук, 2015, с. 40–41].

Специальных исследований погребальных сооружений фёдоровских памятников предгорного

Алтая до настоящего времени не предпринималось. Детальное изучение погребальных конструкций позволит решить проблемы культурно-хронологического характера, связанные со становлением, развитием, проникновением инкультурных элементов и трансформацией андроновской (фёдоровской) культуры [Тишкин, Дашковский, 2003, с. 129].

Цель статьи – выявление культурно-хронологических особенностей погребальных конструкций некрополей андроновской (фёдоровской) культуры северо-западных предгорий Алтая.

Материалы и методы

Источниковой базой исследования стали материалы 9 могильников (рис. 1), включающих 129 погребений андроновской (фёдоровской) культуры северо-западных предгорий Алтая: Чекановский Лог-2 (28 погребений), Чекановский Лог-10 (79 по-

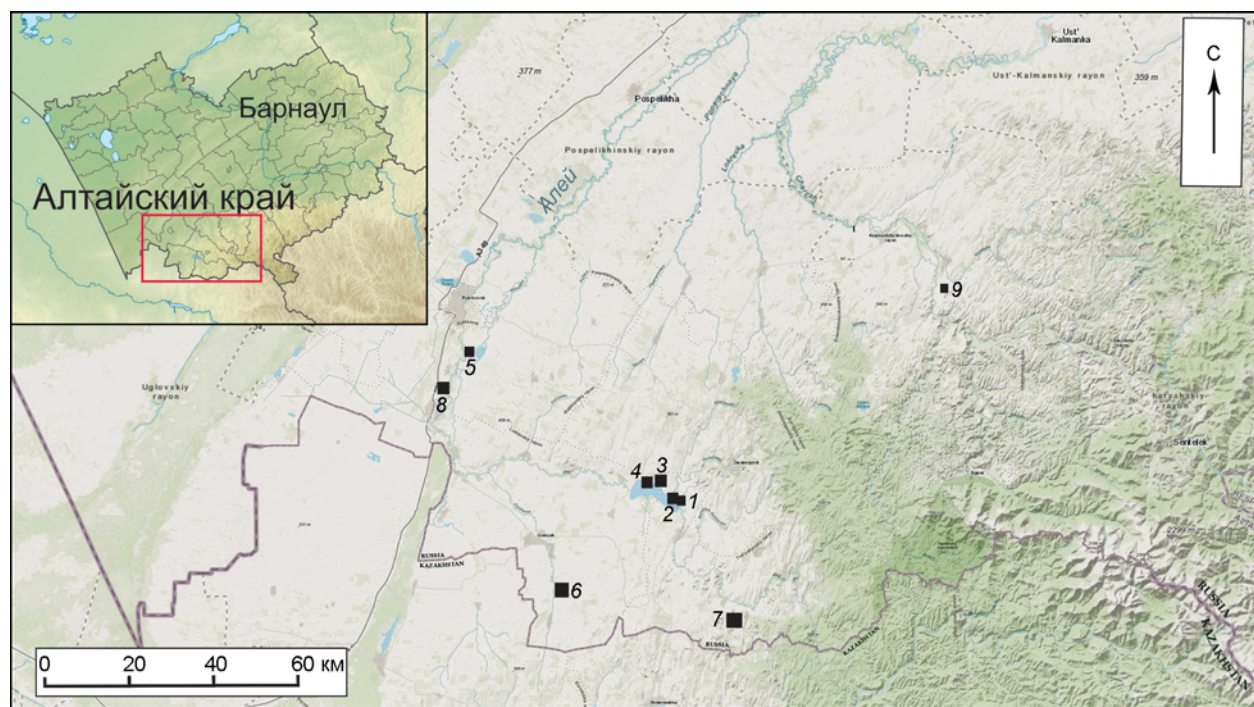

Рис. 1. Карта расположения могильников андроновской (фёдоровской) культуры северо-западных предгорий Алтая. 1 – Чекановский Лог-2; 2 – Чекановский Лог-10; 3 – Корболиха I; 4 – Гилево VI; 5 – Самарка I; 6 – Самарка IV; 7 – Сигнал I; 8 – Ново-Александровка; 9 – Чесново-1.

гребений, из которых 31 не опубликовано) [Демин, Ситников, 1998, 2007], Корболиха I (пять погребений) [Могильников, 1998], Гилево VI (два погребения) [Могильников, 1997], Самарка I (одно погребение) [Клюкин, 2000], Самарка IV (два погребения) [Грушин, Леонтьева, 2013], Сигнал I (семь погребений) [Грушин и др., 2015], Ново-Александровка (четыре погребения) [Уманский, 1995], Чесноково-1 (одно погребение) [Кирюшин, Шульга, 1996].

В исследованиях довольно часто используется классификационный метод анализа погребальных конструкций, апробированный на материалах пазырыкской культуры [Тишкин, Дашковский, 2003], средневековых могильников Горного Алтая [Серегин, Матренин, 2016], а также на предгорных памятниках быстринской культуры скифо-сакского времени [Радовский, Серегин, 2020]. Во всех приведенных работах уровни классификационной схемы строятся по принципу перехода от наиболее общих к изменчивым чертам. Важным преимуществом выступает возможность добавления новых признаков и использования разработанной классификационной схемы на более широком материале в хронологическом и территориальном плане.

Общая схема классификации погребальных сооружений включает следующие таксономические единицы.

Категория – группа объектов одного или предположительно одного функционального назначения [Клейн, 1991, с. 379]. В нашем случае категория представлена погребальным сооружением в виде комплекса взаимосвязанных наземных и внутримогильных конструкций.

Группа – данная единица определяет отсутствие (грунтовый могильник) или наличие насыпи, сделанной из какого-либо материала (земляная или каменно-земляная насыпь).

Разряд – отражает наличие или отсутствие таких конструктивных элементов надмогильных сооружений, как каменная кольцевая выкладка (ограда), кольцевая ограда из камней, стоявших ребром, и квадратная выкладка. Стоит отметить, что все представленные виды надмогильных сооружений состояли из рваных камней, примерно одного размера. Кольцевые ограды вкапывались в грунт на незадернованную поверхность, но различия между ними состояли в том, что выкладка камней на ребре производилась вертикально в грунт, в отличие от обычной кольцевой, где камни лежали плашмя.

Тип – таксономическая единица, которая отражает конкретные особенности погребальной камеры: простая грунтовая яма, деревянная обкладка (рама), каменный ящик, перекрытие, каменный ящик с перекрытием, циста с перекрытием. Деревянная обкладка делалась в один или два наката,

поперечные и продольные плахи располагались встык, образуя раму. Каменный ящик был впущен в могильную яму и составлен из четырех-пяти поставленных на ребро гранитных плит, плотно прильнявших друг к другу, как правило перекрытых двумя или тремя плоскими глыбами плитняка меньшего размера, уложенных впритык друг к другу, в некоторых случаях плита перекрытия могла быть обтесана (Чесноково-1). Циста представляла собой внутримогильное сооружение, в котором стены могильной камеры обкладывались тщательно подогнанными камнями и плитами, положенными друг на друга плашмя.

Результаты исследования

Всего было выделено 17 типов (рис. 2), демонстрирующих основные традиции возведения погребальных сооружений носителями андроновской (Фёдоровской) культуры предгорий Алтая.

Тип 1. Могила без насыпи в простой грунтовой яме, выявлена на большинстве погребений некрополей Чекановский Лог-2 (26 погребений – мог. 1, 2, 4–6, 9, 13–15, 17, 24–26, 28–38, 40–41, что составляет 93 % от всей выборки), Чекановский Лог-10 (мог. 1, 3–9, 11–23, 25–49, 51–73, 75–79), Ново-Александровка (мог. 1–3 – 75 % от всей выборки).

Тип 2. Грунтовый способ погребения, без насыпи, с внутримогильным сооружением в виде деревянной обкладки, выявлен в погребениях могильника Чекановский Лог-10 (мог. 2.1, 2.2, 10, 24, 74) и Ново-Александровка (мог. 4).

Тип 3. Отсутствие видимой надмогильной конструкции, с каменным ящиком и перекрытием из плит, помещенных в погребальную камеру. Данный тип характерен для могильников Чекановский Лог-10 (мог. 50), Самарка IV (мог. 1, 2) и Сигнал-1 (мог. 1). Наиболее распространены сооружения с каменными конструкциями на территории Восточного и Центрального Казахстана [Грушин, Леонтьева, 2020, с. 156].

Типы 4 (Сигнал-1, мог. 2) и 5 (Сигнал-1, мог. 7). Погребения без выкладки, с внутримогильным сооружением в виде каменного ящика либо каменного перекрытия.

Тип 6. Кольцевые выкладки без видимой насыпи с погребением в обычной грунтовой яме, обнаружены на могильниках Чекановский Лог-2 (мог. 16) и Сигнал-1 (мог. 6).

Тип 7. Кольцевая каменная ограда без насыпи с внутримогильным сооружением в виде каменного ящика вместе с перекрытием из плит, выявлена на Чесноково-1 (мог. 1).

Тип 8. Кольцевая выкладка без насыпи с устройством погребальной камеры в виде перекрытия

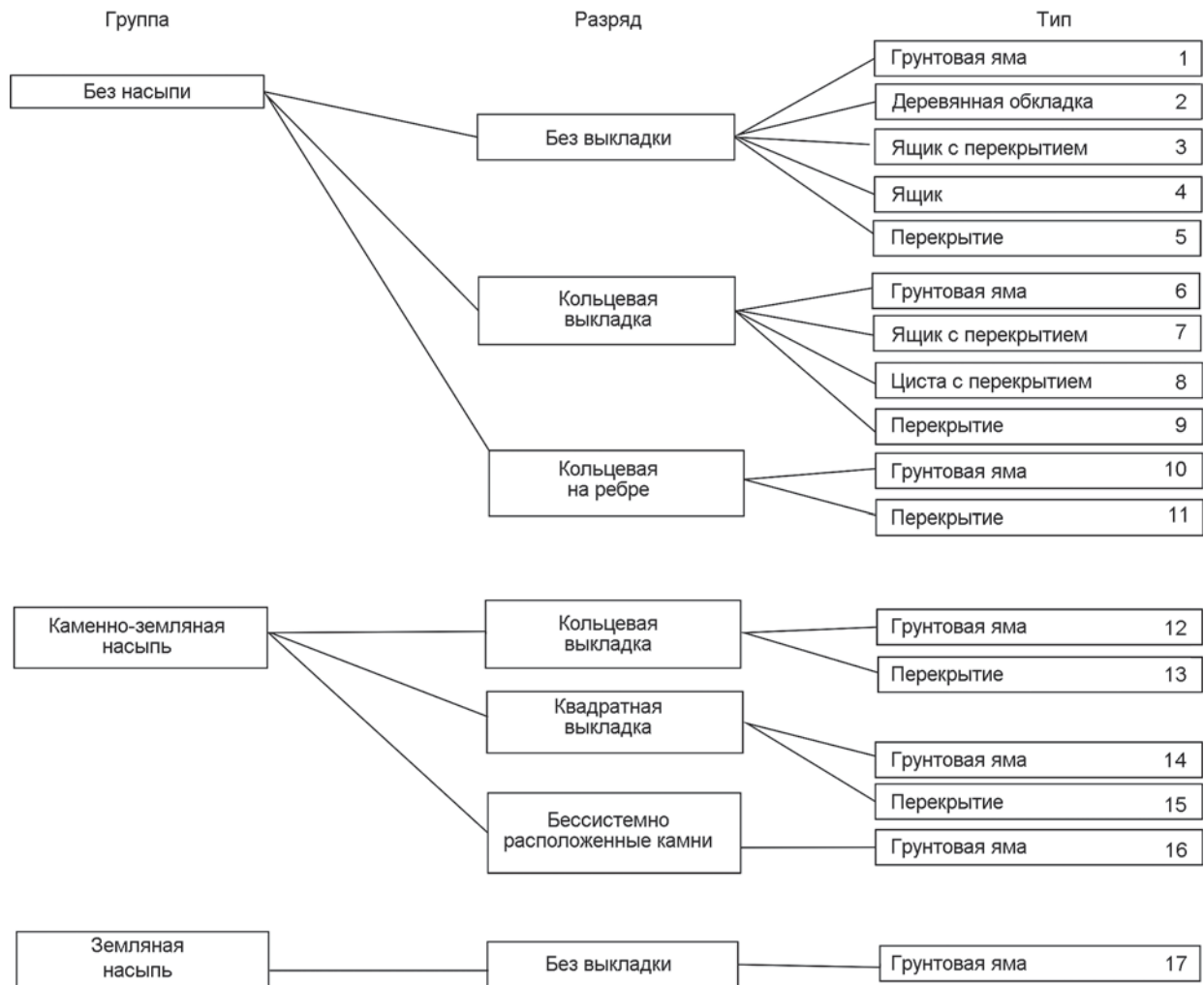

Рис. 2. Классификационная схема погребальных сооружений андроновской (фёдоровской) культуры северо-западных предгорий Алтая.

и цисты, находилась на Сигнал-1 (мог. 3). Погребальная камера соединяла элементы цисты и ящика из плит, где три стены были выполнены из камней и плиток, а четвертая состояла из вертикально поставленного плоского камня [Там же, с. 160].

Тип 9. Идентичная каменная конструкция, только без цисты, обнаружена в мог. 5 того же некрополя.

Типы 10 и 11. Кольцевая выкладка без насыпи с камнями, поставленными на ребро. В одном случае погребальная камера была в виде грунтовой ямы (тип 10) (Чекановский Лог-2, мог. 39), а в другом (тип 11) – с перекрытием (Сигнал-1, мог. 4).

Типы 12 и 13. Каменно-земляная насыпь с каменной выкладкой округлой формы, без внутримогильной конструкции (тип 12) (Гилево VI, мог. 2) или с перекрытием в могильной яме (тип 13) (Корболиха-1, мог. 4).

Тип. 14. Каменно-земляная насыпь с каменной выкладкой квадратной формы, под которой нахо-

дилось погребение в грунтовой яме (Корболиха-1, мог. 1 и 5).

Тип 15. Идентичный вид надмогильного сооружения, но уже с погребальной камерой с перекрытием из гранитных плит обнаружен на том же некрополе в мог. 2.

Тип 16. Каменно-земляная насыпь в виде бессистемно расположенных камней, под которой находилось погребение в грунтовой яме (Корболиха-1, мог. 3, и Гилево VI, мог. 1).

Тип 17. Земляная насыпь с разомкнутым рвом и устройством погребальной камеры в виде грунтовой ямы (Самарка I, мог. 1).

Обсуждение результатов и выводы

В результате систематизации погребальных сооружений можно сделать вывод, что самым массовым является тип 1, распространенный на территории Верхнего Приобья [Киришин, Папин,

Федорук, 2015, с. 62]. Относительное число погребений с деревянными конструкциями (тип 2) выше, чем количество могил других видов. Некрополи с деревянной рамой в погребальной камере соотносятся с памятниками Верхнего Приобья (Фирсово XIV, Ближние Елбаны XII, Кытманово, Подтурино) [Там же, с. 87] и Кузнецкой котловины (Танай-1 и -12, Дегтяревка, Титово, Васьково-5) [Илюшин, Борисов, 2013, с. 184].

Например, на одном из самых крупных некрополей Томского Приобья – Еловском II – почти половина андроновских могил (116 из 238) имела деревянную обкладку [Магющенко, 2004, с. 335]. Реже деревянные рамы встречаются на Енисее в качестве внутримогильных конструкций (Подкунинский, Панин Лог, Соляное Озеро, Каменка, Ярк) [Кузьмина, 2008, с. 235]. Деревянная обкладка выявлена на памятниках фёдоровского типа Тобольского региона (могильник Перелески), Зауралья и Северного Казахстана [Там же, с. 243]. Для Центрального и Восточного Казахстана эти могильные сооружения не характерны. Однако в ближайших от северо-западных предгорий Алтая могильниках правобережья Верхнего Иртыша достаточно часто встречаются деревянные конструкции (Маринка, Березовский, Барашки, Зевакино) [Ткачева, Ткачев, 2008, с. 242]. С другой стороны, в могильниках Барабинской лесостепи каменные или деревянные сооружения отсутствуют полностью [Молодин, Гришин, 2019, с. 166].

Типы 6–16 с надмогильной конструкцией из камня характерны для территории Восточного и Центрального Казахстана [Грушин, Леонтьева, 2020, с. 160]. Ограды как вид надмогильных сооружений характерны как для фёдоровской культуры, так и для алакульских памятников Казахстана [Кузьмина, 2008, с. 116, 163–164]. Типы 6, 10, 12, 14, 16 с каменной выкладкой и устройством погребальной камеры в виде простой грунтовой ямы часто встречаются на территории Восточного Казахстана [Ткачева, Ткачев, 2008 с. 241]. Могилы без выкладки, но с каменными конструкциями (типы 3–5) выявлены в Восточном Казахстане значительно реже и больше всего характерны для смешанного в культурном отношении могильника Маринка [Там же, с. 272]. Типы 3, 5, 7, 9, 11, 13 и 15 с перекрытиями могил из камня распространены в левобережье Иртыша, где для перекрытия использовали целые плиты или несколько небольших плоских камней. Уступы в могильных ямах, на которые опирались перекрытия, были обнаружены только на некрополе Сигнал-1, эта традиция больше характерна для развитого этапа средней бронзы (Кызылтас, Беткудуг, Меновное IX) [Там же, с. 242]. Цисты, сложенные из камен-

ных плиток, встречаются редко даже в Восточном Казахстане. Их появление ряд авторов связывает с особой социальной группой, сформировавшейся еще на раннем этапе андроновского времени, однако наиболее часто они встречаются на развитом этапе культуры [Там же].

Квадратные выкладки (типы 14 и 15) являются редкими для памятников фёдоровской культуры Центрального и Восточного Казахстана, а также могильников атасуской (алакульской) и нуртайской (петровской) культур [Ткачев, 2019 с. 202, 437]. В целом традиция использования камня в надмогильных и внутримогильных сооружениях соотносится с восточно-казахстанским локальным вариантом культуры [Кузьмина, 2008, с. 200].

Земляные курганы (тип 17) являются исключением для территории Верхнего Приобья и Восточного Казахстана и обнаружены только на двух могильниках лесостепного Алтая (Ближние Елбаны VI и Змеевка) [Кирюшин, Папин, Федорук, 2015, с. 37]. Земляные насыпи наиболее распространены в Барабинской лесостепи (Преображенка-3, Абрамово-4 и др.) [Молодин, 1985, с. 88–89], Кузнецкой котловине (Чудиновка-1, Дегтяревка, Титовский, Васьково-5, Танай-1 и др.) и в Ачинско-Мариинской лесостепи (Михайловский и Большепичугинский курганы) [Илюшин, Борисов, 2013, с. 168]. Интересно, что курганная насыпь на памятнике Самарка I была окружена рвом, который прослеживался везде, кроме южной части насыпи. Нечто похожее можно обнаружить на могильнике Преображенка-3, где найдены разомкнутые ровики, символизирующие, по мнению В.И. Молодина, каменные кольца курганов Казахстана и Хакасско-Минусинской котловины [1985, с. 105]. На некрополе Тартас-1 ряд андроновских погребений имеет надмогильную конструкцию в виде ограничивающего сакральное пространство рва, внутри которого находилось погребение, что, как считают В.И. Молодин и его соавторы, восходит к классическим андроновским (фёдоровским) погребальным комплексам, которые, вероятно, появились позже на территории Барабы [Молодин и др., 2017, с. 359–361; Молодин, Дураков, Кобелева, 2018, с. 291].

Таким образом, на наш взгляд, погребальные памятники андроновской (фёдоровской) культуры северо-западных предгорий Алтая демонстрируют синкретизм разных локальных вариантов культуры. Специфика местоположения на стыке различных географических ареалов приводит к активному смешению в регионе различных погребальных традиций, среди которых на территории предгорий Алтая в андроновское время можно выделить восточно-казахстанскую и верхнеобскую. Первая (типы 7–16) характеризуется использованием кам-

ня в надмогильных и внутримогильных сооружениях, а вторая (типы 1, 2) – типичными грунтовыми захоронениями в простой яме или с деревянной конструкцией. Вариативный состав (типы 3–5) может свидетельствовать о смешении восточно-казахстанского и верхнеобского вариантов культуры либо о процессах адаптации мигрирующего с территории Верхнего Иртыша населения к реалиям местной географической среды, где доступных выходов камня было значительно меньше.

Список литературы

Грушин С.П., Леонтьева Д.С. Новые материалы андроновской культуры с территории лесостепного Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Азбука, 2013. – Вып. XVIII–XIX. – С. 121–128.

Грушин С.П., Леонтьева Д.С. Особенности погребального обряда андроновского населения в контактной зоне Северо-Западного Алтая (по материалам могильника Сигнал I) // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2020. – № 64. – С. 156–167.

Грушин С.П., Леонтьева Д.С., Фрибус А.В., Вальков И.А. Предварительные итоги изучения андроновского могильника Сигнал I // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2015. – С. 214–219.

Демин М.А., Ситников С.М. Археологические исследования на правом берегу Гилевского водохранилища // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1998. – Вып. IX. – С. 94–99.

Демин М.А., Ситников С.М. Материалы Гилевской археологической экспедиции. – Барнаул: Барнаул. гос. пед. ун-т, 2007. – Ч. 1. – 274 с.

Илюшин А.М., Борисов В. А. Курганы развитой бронзы в долине реки Ур. – Кемерово: Изд-во Кузбас. гос. техн. ун-та, 2013. – 304 с.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук О.А. Андроновская культура на Алтае (по материалам погребальных комплексов). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2015. – 108 с.

Кирюшин Ю.Ф., Шульга П.И. Андроновские погребения на реке Чарыш // Изв. Алт. гос. ун-та. – 1996. – Вып. 2. – С. 33–38.

Клейн Л.С. Археологическая типология. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1991. – 448 с.

Клюкин Г.А. Раскопки на курганном могильнике Самарка I // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2000. – Вып. XI. – С. 126–130.

Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. – Актобе: ПринтА, 2008. – 358 с.

Матюшенко В.И. Еловский археологический комплекс. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2004. – Ч. 2: Еловский II могильник. Доирменские комплексы. – 468 с.

Могильников В.А. Андроновские курганы Гилево VI // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1997. – Вып. 8. – С. 104–108.

Могильников В.А. Курганы Корболиха I – памятники андроновской культуры в предгорьях Алтая // Древности Алтая. – 1998. – Вып. I. – С. 29–43.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В.И., Гришин А.Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. 5: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов позднекротовской (черноозерской), андроновской (фёдоровской), ирменской и пахомовской культур. – 223 с.

Молодин В.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С. Планиграфия погребальных комплексов андроновской (фёдоровской) культуры на могильнике Тартас-1: к постановке проблемы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – С. 290–292.

Молодин В.И., Дураков И.А., Ненахов Д.А., Райнхольд С., Ефремова Н.С., Селин Д.В., Нестерова М.С., Ненахова Ю.Н., Хансен С., Мыльникова Л.Н., Кобелева Л.С. Система организации сакрального пространства в погребальных комплексах андроновского (фёдоровского) населения Барабинской лесостепи. Памятник Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 358–362.

Радовский С.С., Серегин Н.Н. Погребальные сооружения населения быстрианской культуры скифо-сакского времени (северные предгорья Алтая) // Северные архивы и экспедиции. – 2020. – Т. 4, № 1. – С. 20–37.

Серегин Н.Н., Матренин С.С. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. – XI в. н.э. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2016. – 272 с.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. – 430 с.

Ткачев А.А. Могильник эпохи бронзы Майтан. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2019. – 529 с.

Ткачева Н.А., Ткачев А.А. Эпоха бронзы Верхнего Прииртышья. – Новосибирск: Наука, 2008. – 304 с.

Уманский А.П. Некоторые материалы из андроновского могильника на Алтае // Изв. лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 1995. – Вып. 1. – С. 20–25.

References

Demin M.A., Sitnikov S.M. Arkheologicheskie issledovaniya na pravom beregu Gilevskogo vodokhranilishcha.

In *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaya*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 1998. iss. IX, pp. 94–99. (In Russ.).

Demin M.A., Sitnikov S.M. Materialy Gilevskoi arkhelogicheskoi ekspeditsii. Barnaul: State Ped. Univ. Press, 2007, pt. 1, 274 p. (In Russ.).

Grushin S.P., Leont'eva D.S. Novye materialy andronovskoi kul'tury s territorii lesostepnogo Altaya. In *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaiskogo kraya*. Barnaul: Azbuka, 2013, iss. XVIII–XIX, pp. 121–128. (In Russ.).

Grushin S.P., Leont'eva D.S. Distinctive features of Andronovo population burial ceremony within the contact zone of north-west Altai (Signal I burial complex data). *Tomsk State Univ. J. of History*, 2020, No. 64, pp. 156–167. doi:10.17223/19988613/64/22. (In Russ.).

Grushin S.P., Leont'eva D.S., Fribus A.V., Val'kov I.A. Predvaritel'nye itogi izucheniya andronovskogo mogil'nika Signal I. In *Arkheologiya Zapadnoi Sibiri i Altaya: opyt mezhdistsiplinarnykh issledovaniy*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2015, pp. 214–219. (In Russ.).

Ilyushin A.M., Borisov V.A. Kurgany razvitoi bronzy v doline reki Ur. Kemerovo: State Univ. Press, 2013, 304 p. (In Russ.).

Kiryushin Yu.F., Papin D.V., Fedoruk O.A. Andronovskaya kul'tura na Altae (po materialam pogrebal'nykh kompleksov). Barnaul: Altai State Univ. Press, 2015, 108 p. (In Russ.).

Kiryushin Yu.F., Shul'ga P.I. Andronovskie pogrebeniya na reke Charysh. In *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1996, iss. 2, pp. 33–38. (In Russ.).

Kleyn L.S. Arkheologicheskaya tipologiya. Leningrad: State Univ. Press, 1991, 448 p. (In Russ.).

Kl'ukin G.A. Raskopki na kurgannom mogil'nike Samarka-1. In *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaya*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2000, iss. XI, pp. 126–130. (In Russ.).

Kuz'mina E.E. Klassifikatsiya i periodizatsiya pamyatnikov andronovskoi kul'turnoi obshchnosti. Aktobe: PrintA, 2008, 358 p. (In Russ.).

Matyushchenko V.I. Elovskii arkhelogicheskii kompleks. Omsk: State Univ. Press, 2004, pt. 2: Elovskii II mogil'nik. Doirmenskie komplekсы, 468 p. (In Russ.).

Mogil'nikov V.A. Andronovskie kurgany Gilevo VI. In *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaiskogo kraya*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 1997, iss. 8, pp. 104–108. (In Russ.).

Mogil'nikov V.A. Kurgany Korbolikha I – pamyatniki andronovskoi kul'tury v predgor'yakh Altaya. In *Drevnosti Altaya*, 1998, iss. I, pp. 29–43. (In Russ.).

Molodin V.I. Baraba v epokhu bronzy. Novosibirsk: Nauka, 1985, 200 p. (In Russ.).

Molodin V.I., Durakov I.A., Kobeleva L.S. Layouts of Funeral Complexes of the Andronovo (Fedorovo) Culture from Tartas-1 Gravel: to the Problem Statement. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018, vol. XXIV, pp. 290–292. doi:10.17746/2658-6193.2018.24.290-292. (In Russ.).

Molodin V.I., Durakov I.A., Nenakhov D.A., Reinhold S., Efremova N.S., Selin D.V., Nesterova M.S., Nenakhova Yu.N., Hansen S., Myl'nikova L.N., Kobeleva L.S. System of Organizing the Sacred Space in the Burial Complexes of the Andronovo (Fedorovo) Population in the Baraba Forest-Steppe Region. The Site of Tartas-1. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 358–362. (In Russ.).

Molodin V.I., Grishin A.E. Archaeological site of Sopka-2 on the Om River. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019, vol. 5: Cultural and chronological analyses of the Late Krotovo (Chernoozerie), Andronovo (Fedorovo), Irmen and Pakhomovka burial complexes, 223 p. doi:10.17746/7803-0299-5.2019. (In Russ.).

Radovsky S.S., Seregin N.N. Funeral structures of the population of Bystryanka culture (Scythian-Saka time, northern foothills of Altai). *Northern Archives and Expeditions*, 2020, vol. 4, No. 1, pp. 20–37. doi:10.31806/2542-1158-2020-4-1-20-37. (In Russ.).

Seregin N.N., Matrenin S.S. Funeral rite of the Altai nomads in II century BC – XI century AD. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2016, 272 p. (In Russ.).

Tishkin A.A., Dashkovsky P.K. Sotsial'naya struktura i sistema mirovozzreniy naseleniya Altaya skifskoi epokhi. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2003, 430 p. (In Russ.).

Tkachev A.A. Burial site of the bronze age Maitan. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019, 529 p. doi:10.15372/BURIAL2018TAA. (In Russ.).

Tkacheva N.A., Tkachev A.A. Epokha bronzy Verkhnego Priirtysh'ya. Novosibirsk: Nauka, 2008, 304 p. (In Russ.).

Umansky A.P. Nekotorye materialy iz andronovskogo mogil'nika na Altae. *Izvestiya laboratorii arkhelogii. Gorno-Altaysk*, 1995, iss.1, pp. 20–25. (In Russ.).

Савко И.А. <https://orcid.org/0000-0002-7463-7333>

Д.В. Селин✉, В.И. Молодин, Л.Н. Мыльникова✉,
Л.С. Кобелева, Ю.Н. Ненахова, М.С. Нестерова,
Д.А. Ненахов, М.А. Кудинова, Д.Н. Бобин, Р.М. Сеитов

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: selin@epage.ru; Molodin@archaeology.nsc.ru

Разведочные работы в Венгеровском районе Новосибирской области в 2020 году

В 2020 г. на территории Венгеровского р-на Новосибирской обл. были проведены разведочные работы в акватории рек Омь и Тартас, на озерной террасе оз. Какуль, а также мониторинг состояния памятника Старый Тартас-1. Выявлено четыре новых объекта историко-культурного наследия (Тартас-4, -5, Какуль-1, -2), три из которых являются поселениями и один – одиночным курганом. Памятник Тартас-4 приурочен к первой надпойменной террасе р. Тартас и является поселением эпохи позднего Средневековья. Многослойное поселение Тартас-5 находится на первой надпойменной террасе р. Тартас, здесь к настоящему моменту выделяется два культурных слоя: первый относится к эпохе поздней бронзы, второй – к андроновской (фёдоровской) культуре. Одиночный курган Какуль-1 расположен на озерной террасе оз. Какуль. Памятник Какуль-2 также находится на террасе одноименного озера и атрибутирован как поселение эпохи раннего железного века (саргатская культура). На памятнике Старый Тартас-1 обнаружены фрагменты керамики гребенчато-ямочной общности эпохи раннего металла, кротовской культуры и периода освоения Сибири русскими. Это подтверждает ранее высказанное предположение о том, что объект является многослойным поселением, существовавшим на протяжении эпохи ранней – развитой бронзы (IV тыс. – XIII в. до н.э.). Находки керамики «русского периода» связаны, по всей видимости, с функционированием Усть-Тартасского форпоста. Обнаружение ранее на памятнике бронзовых кельтов сейминско-турбинского типа и роговой пластины от панциря, являющихся частыми находками в погребальных комплексах, позволяет выдвинуть предположение о существовании на площади памятника Старый Тартас-1 помимо многослойного поселения еще и грунтового могильника эпохи ранней – развитой бронзы.

Ключевые слова: археология, Барабинская лесостепь, разведка, поселение, курган, гребенчато-ямочная культурно-историческая общность, кротовская культура, андроновская (фёдоровская) культура.

Dmitrii V. Selin✉, Vyacheslav I. Molodin, Lyudmila N. Mylnikova✉,
Liliya S. Kobeleva, Yuliya N. Nenakhova, Marina S. Nesterova,
Dmitrii A. Nenakhov, Mariya A. Kudinova, Dmitrii N. Bobin,
Ruslan M. Seitov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: selin@epage.ru, Molodin@archaeology.nsc.ru

Exploration Work in the Vengerovsky District of the Novosibirsk Region in 2020

In 2020, in the territory of the Vengerovsky district of the Novosibirsk region, exploration work along the Om and Tartas Rivers and on Lake Kakul, as well as monitoring of the state of the Sary Tartas-1 site were carried out. Four new sites have been identified, three of which are settlements and one is a single mound. The Tartas-4 site is confined to the Tartas River and is a settlement of the late Middle Ages. The multi-layered settlement Tartas-5 is located on the first terrace above flood plain of the Tartas River. Two cultural layers are distinguished on it: the first belongs to the Late Bronze Age, while the other to the Andronovo (Fedorovo) culture. Single mound Kakul-1 is located on the Lake Kakul terrace. The Kakul-2 site is also located on Lake Kakul and is a settlement of the early Iron Age (Sargat culture). Fragments of ceramics of the comb-pit

community of the early metal epoch, Krotovo culture, and from the period of the development of Siberia by the Russians were found at the archaeological site of Stary Tartas-1. This demonstrates the previously stated assumption that the site is a multi-layered settlement that existed during the Early-Advanced Bronze Age (the 4th millennium to the 13th century BC). Findings of ceramics of the "Russian period" are associated with the functioning of the Ust-Tartas outpost. The previous discoveries of the bronze celts of the Seimin-Turbin type and horn plates left from the coat of mail at the site, which are often found in funeral complexes, allow suggesting that a subsoil burial ground of the Early-Advanced Bronze period exists in the Stary Tartas-1 site in addition to the multi-layered settlement.

Keywords: archaeology, Baraba forest steppe, exploration, settlement, burial mound, comb-pit cultural-historical community, Krotovo culture, Andronovo (Fedorovo) culture.

Введение

Одним из важнейших направлений в изучении древнего прошлого отдельных регионов является проведение археологических разведок с целью выявления новых объектов историко-культурного наследия и мониторинга уже известных памятников, что позволяет оценить их состояние, степень разрушения и планировать мероприятия по обеспечению их изучения и сохранности. В 2020 г. на территории Венгеровского р-на Новосибирской обл. были проведены разведочные работы в акватории рек Омь и Тартас, на озерной террасе оз. Какуль и мониторинг состояния памятника Старый Тартас-1 (рис. 1). Всего выявлено четыре новых объекта историко-культурного наследия: три из них являются поселениями, и один – одиночным курганом.

Материалы и обсуждение

Тартас-4. Расположен в 6,3 км к югу от здания администрации с. Венгерovo (аз. 183°). Разведочные работы на данной территории были проведены после получения сообщения от жителя с. Венгерovo А.Ю. Большакова об обнаружении там фрагментов керамики. Памятник, приуроченный к высокой пойме правого берега р. Тартас, представляет собой, скорее всего, поселение. Рельефных признаков не выявлено. Для определения границ объекта историко-культурного наследия были проведены зачистки обнажений склона берега и поставлены три шурфа. Зафиксирован один культурный горизонт мощностью до 0,05 м. Общая площадь выявленного объекта археологического наследия составляет ок. 2 500 м². У подножия террасы собраны фрагменты керамики, орнаментированные гребенчатым штампом и рядами ямочных вдавлений (рис. 2, 1, 2, 4). У одного фрагмента срез венчика украшен оттисками гребенки. Также найден обломок керамического цилиндрического грузила (рис. 2, 3). Ближайшие аналогии этой посуде известны на памятниках позднего Средневековья в Барабинской лесостепи [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, рис. 21–24].

Памятник находится в аварийном состоянии. Культурный слой разрушается под воздействием водной и ветровой эрозии. Через территорию выявленного объекта проходит действующая грунтовая автомобильная дорога. Памятник регулярно затапливается во время паводков, что привело к полному нивелированию возможных рельефных признаков построек.

Тартас-5. Расположен в 2,4 км к юго-востоку от здания администрации с. Венгерovo (аз. 136°). Памятник приурочен к пойменной террасе левого берега р. Тартас, где жителем с. Венгерovo С.А. Головым были найдены фрагменты керамики, после чего нашей экспедицией были проведены разведочные работы. Рельефных признаков не выявлено. Обнаруженный археологический памятник представляет собой поселение. Общая площадь выявленного объекта археологического наследия составляет ок. 11 000 м². По результатам проведенных зачисток обнажений склона берега и шурфовки можно констатировать наличие двух культурных слоев: первый относится к эпохе

Рис. 1. Карта-схема расположения обследованных археологических памятников в Венгеровском р-не Новосибирской обл.

1 – Старый Тартас-1; 2 – Тартас-4; 3 – Тартас-5; 4 – Какуль-1; 5 – Какуль-2.

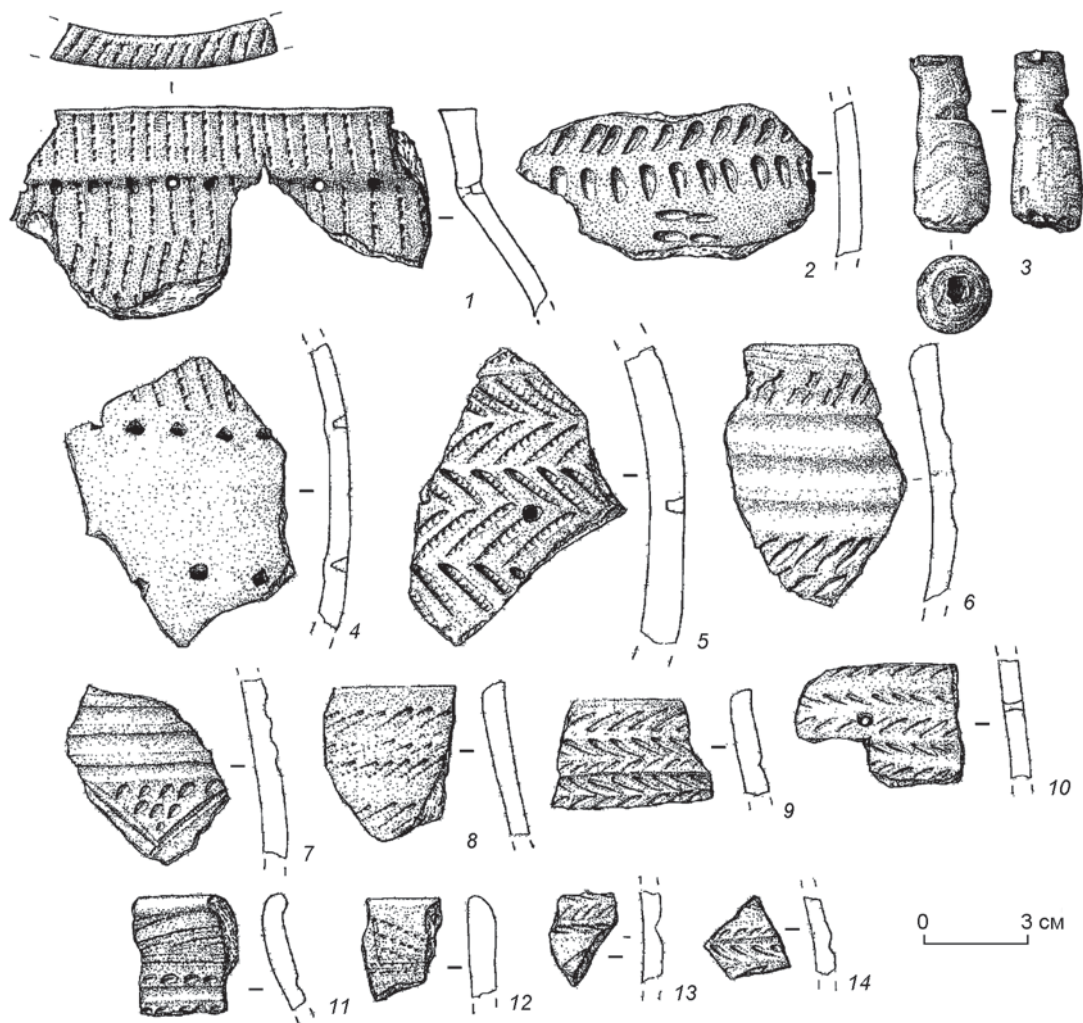

Рис. 2. Подъемный материал с территории памятников Тартас-4 (1–4), Тартас-5 (5–14).

1, 2, 4–14 – фрагменты керамики; 3 – фрагмент глиняного грузила.

поздней бронзы, второй – к андроновской (фёдоровской) культуре.

Находки представлены фрагментами керамической посуды, жжеными костями животных, известковыми конкрециями. Керамика орнаментирована разнонаклонными оттисками гребенчатого и гладкого штампа, рядами оттисков уголкового штампа (рис. 2, 5–14). В месте перехода от горловины к плечу нанесены характерные для андроновской (фёдоровской) культуры каннелюры. Верхний край отдельных сосудов украшался рядами треугольников. Ближайшие аналогии этой посуде известны в погребальных и поселенческих памятниках андроновской (фёдоровской) культуры, в т.ч. в Барабинской лесостепи [Молодин, 1985].

Состояние объекта аварийное. Культурный слой разрушается под воздействием водной и ветровой эрозии. Площадь выявленного объекта регулярно затапливается во время паводков, здесь же проводится выпас скота, что привело к полно-

му нивелированию возможных рельефных признаков построек.

Какуль-1. Расположен в 6,5 км к востоку от здания администрации с. Венгерово (аз. 83°). Памятник приурочен к террасе оз. Какуль и представляет собой одиночный курган диаметром ок. 14 м, высотой до 2 м. Состояние объекта аварийное, насыпь и края кургана частично уничтожены распашкой. Подъемный материал не обнаружен. Выявленный памятник предварительно может быть отнесен к эпохе раннего железного века, возможно, к саргатской культуре.

Какуль-2. Расположен в 6,3 км к востоку от здания администрации с. Венгерово (аз. 82°). Памятник приурочен к террасе оз. Какуль и представляет собой поселение. Площадь выявленного объекта археологического наследия активно распаивается, что привело к полному уничтожению его рельефных признаков. По результатам проведенных сборов и шурфовки выявлен один культурный слой,

относящийся к эпохе раннего железного века (саргатская культура) [Полосьмак, 1987]. Находки представлены фрагментами керамики и костей животных. Общая площадь выявленного объекта археологического наследия составляет ок. 5 250 м².

Состояние памятника аварийное, культурный слой подвергается регулярной распашке, что приводит к его нарушению и уничтожению.

Старый Тартас-1. Расположен в 7,1 км к югу от здания администрации с. Венгерovo (аз. 176°). Памятник открыт В.И. Молодиным в 80-е гг. XX в. Он приурочен к пойменной террасе левого берега р. Омь. Состояние объекта аварийное. Культурный слой разрушается под воздействием водной и ветровой эрозии. Площадь памятника регулярно затопливается, что привело к полному нивелированию возможных рельефных признаков, через него проходит действующая грунтовая дорога. В 2020 г. были реализованы мероприятия по мониторингу состояния объекта археологического наследия, проведен сбор подъемного материала и выполнена зачистка обнажения края террасы. Выявлена следующая стратиграфическая ситуация (рис. 3).

Слой 1 – дерн.

Слой 2 – рыхлая однородная желто-серая супесь с оранжевыми включениями, мощностью до 0,1 м.

Слой 3 – рыхлая желто-белая супесь с оранжевыми включениями, перемежающаяся темно-серыми слоями, мощностью до 0,27 м.

Слой 4 – рыхлая однородная белесая супесь, мощностью до 0,03 м.

Слой 5 – рыхлая слоистая желто-белесо-серая супесь с оранжевыми включениями, мощностью до 0,17 м.

Слой 6 – рыхлая мешаная серо-желтая супесь с оранжевыми включениями, мощностью до 0,35 м.

Слой 7 – рыхлая мешаная желто-серая супесь с оранжевыми включениями, мощностью до 0,14 м.

Слой 8 – плотная однородная темно-серая супесь с оранжевыми включениями, мощностью до 0,23 м.

Слой 9 – плотный однородный желтый суглинок с черными и оранжевыми включениями.

Как культурный может быть атрибутирован слой 8, отличающийся от других выделенных слоев структурой, текстурой и цветом. Сверху его перекрывают отложения, образовавшиеся в результате периодического затопления памятника в разные годы.

Вдоль обрыва у подножия террасы и на дне р. Омь был собран многочисленный инвентарь,

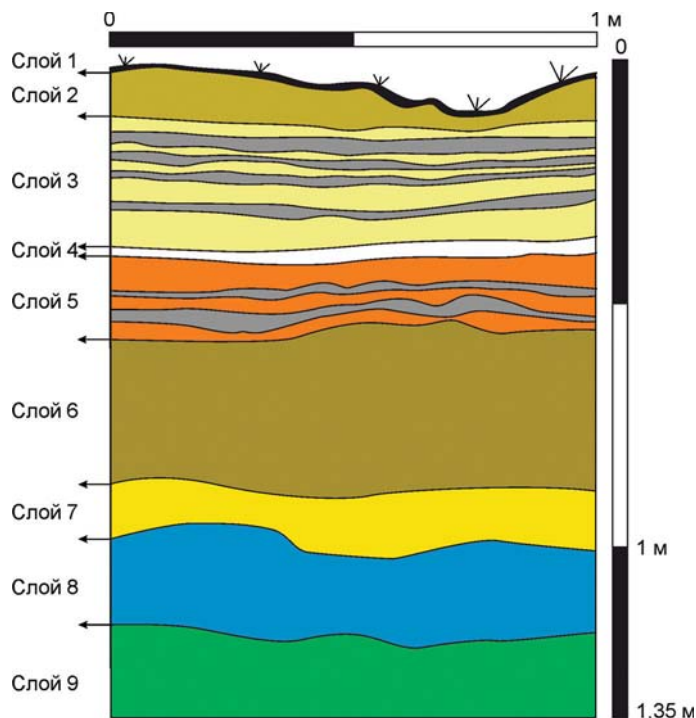

Рис. 3. Стратиграфия участка зачистки естественного обнажения почвенных слоев на территории памятника Старый Тартас-1.

включающий фрагменты керамической посуды, каменные и костяные изделия (рис. 4, 5).

Керамика *гребенчато-ямочной культурной общности эпохи раннего металла* представлена фрагментами стенок и горловин сосудов (см. рис. 4). Узор наносился при помощи гребенчатых или гладких орнаментиров. Характерной чертой орнамента являются ряды ямок, расположенные зонально на разных частях сосуда. Край венчика прямой или слегка отогнутый, срез украшен насечками или отгисками штампа. Ближайшие аналогии известны на других памятниках Обь-Иртышского междуречья [Молодин, 1985, с. 14–26]. При выделении этого культурного горизонта В.И. Молодиным было предложено именовать такие комплексы памятниками байрыкской культуры эпохи ранней бронзы [1977], однако позднее, с расширением ареала подобных памятников от Северного Казахстана до Минусинской котловины, с целью упорядочивания терминологии этот же автор предложил именовать такие объекты памятниками гребенчато-ямочной историко-культурной общности [2010].

Керамика *кротовской культуры* составляет небольшую, но выраженную группу среди подъемного материала (см. рис. 5, 13–26). Обнаружены фрагменты стенок и горловин сосудов. Орнамент наносился гребенчатым орудием, на некоторых изделиях зафиксированы защипы и валики, расположенные на горловине. Верхний край изделий пря-

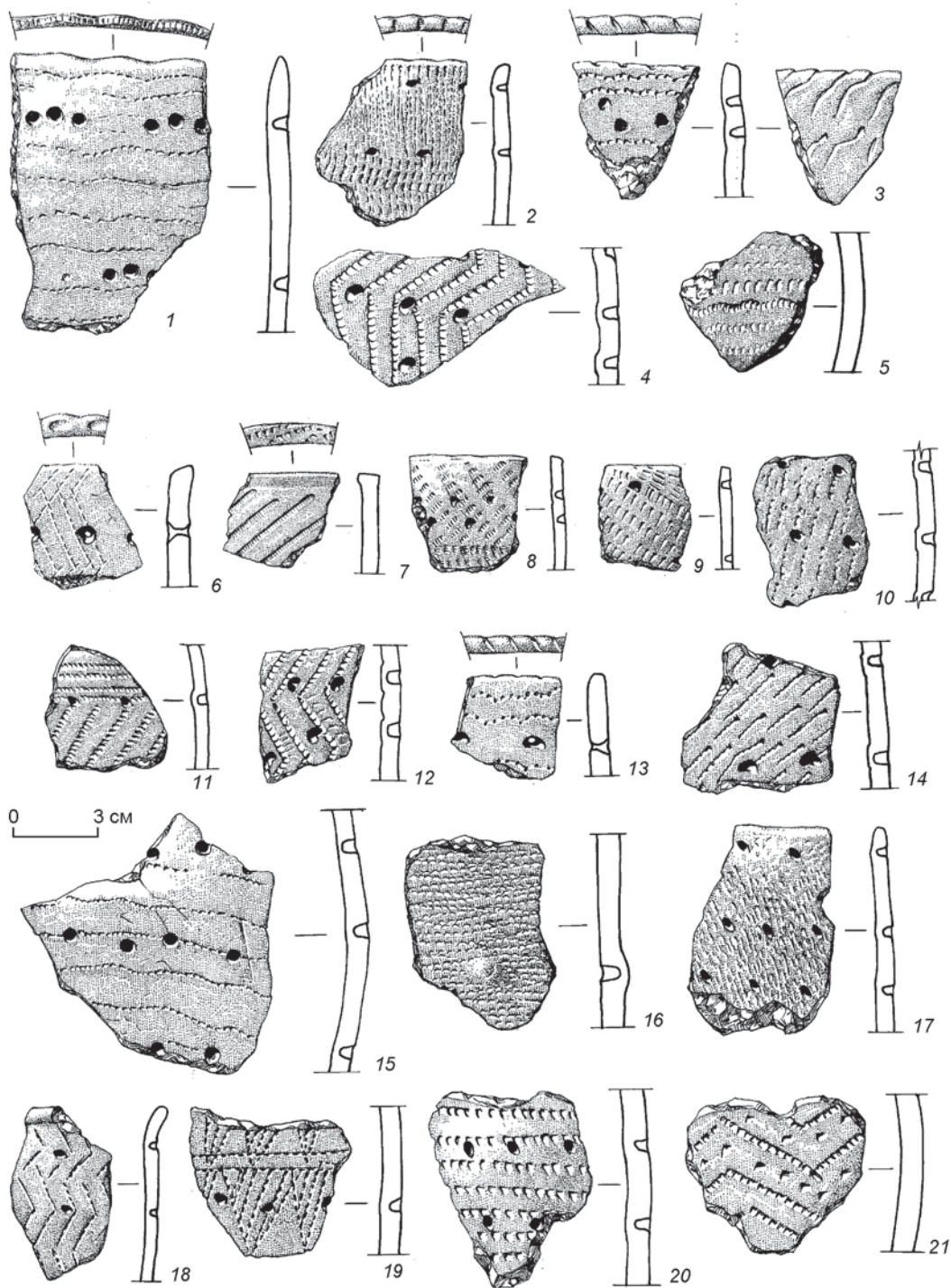

Рис. 4. Подъемный материал с территории памятника Старый Тартас-1. Керамика гребенчато-ямочной общности эпохи раннего металла.

мой или слегка отогнутый. Срез венчика украшен насечками или оттисками гребенчатого штампа. Полные аналогии этой посуде известны на других кротовских памятниках Барабинской лесостепи (см.: [Молодин, 1985, Молодин, Гришин, 2016]).

К керамике Нового времени, принадлежащей русскому населению, относятся фрагменты гончарной посуды (рис. 5, 27). Изделия не орнамен-

тированы, край венчика прямой или слегка отогнутый. Можно предположить, что фрагменты этих сосудов связаны с функционировавшим в непосредственной близости от их местонахождения Усть-Тартасским форпостом [Молодин, Новиков, 1998, с. 62].

Обнаружен *каменный инвентарь*, среди которого выделяются ножевидные пластины, отщепы,

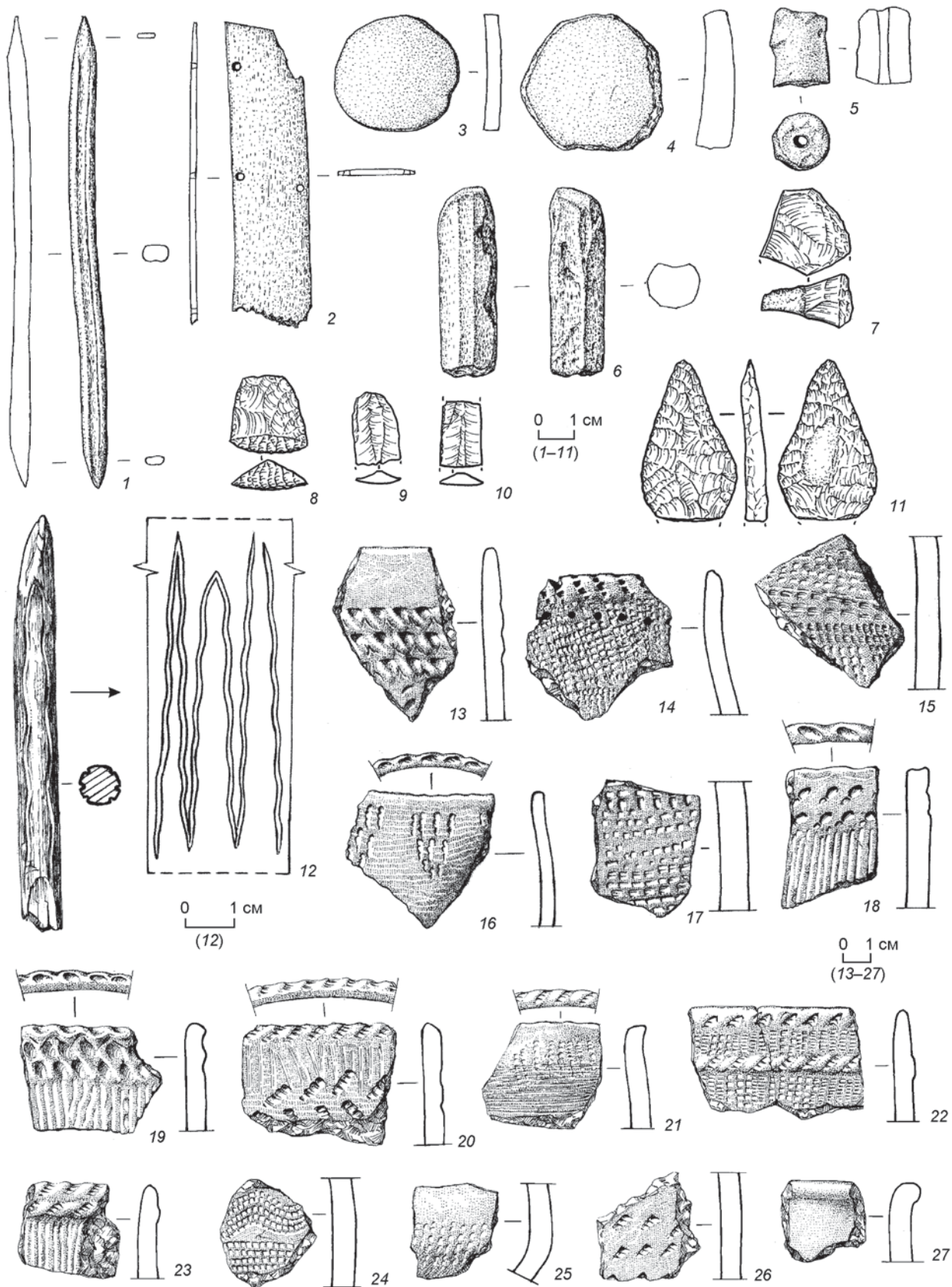

Рис. 5. Подъемный материал с территории памятника Старый Таргас-1.

1 – проколка; 2 – панцирная пластина; 3, 4 – «фишки»; 5 – грузило; 6, 8–10 – ножевидные пластины; 7 – отщеп; 11 – наконечник стрелы; 12 – игловидный наконечник; 13–26 – керамика кротовской культуры; 27 – фрагмент гончарной керамики.

1, 2, 12 – кость; 3–4 – керамика; 5, 13–27 – глина; 6–11 – камень.

наконечники стрел (рис. 5, 6–11). В целом подобный орудийный набор типичен для периода ранней бронзы [Молодин, 1985, рис. 7]. Следует отметить, что использование каменных изделий в Барабе характерно для эпохи ранней и развитой бронзы, а техника обработки камня имеет глубокую традицию, уходящую в неолит [Молодин, 2012, с. 141].

Особый интерес представляет собранный *костяной инвентарь* – проколка, наконечник стрелы и панцирная пластина с отверстиями (рис. 5, 1, 2, 12). Проколки являются распространенной находкой в поселенческих и погребальных памятниках эпохи бронзы. Игловидный наконечник стрелы, округлый в сечении, обломан в нижней части, его длина составляет 8,4 см, диаметр – 0,75 см (рис. 5, 12). На трех сторонах предмета нанесен орнамент в виде сходящихся друг к другу волнистых прорезей, изображающих, вероятно, рептилий. Аналогии этому изделию имеются среди наконечников «шигирского» типа, широко распространенных на территории Евразии в эпоху неолита – ранней бронзы [Жилин, 1996, 2001; Ошибкина, 1997, 2017; Савченко, 2007]. В Барабинской лесостепи отдельные находки подобных наконечников известны в погребениях эпохи неолита – раннего металла могильников Сопка-2/1, -2/3, на памятнике из Верхнего Приобья Усть-Алеус-4 [Молодин, 2001, рис. 2, 10, 27; 1977]. Костяная подпрямоугольная пластина сохранилась частично, ее размеры составляют 7,8 × 2,1 × 0,2 см (рис. 5, 2). Она имеет пять просверленных отверстий диаметром 0,2 см. Подобные изделия ранее встречались в захоронениях могильника Ростовка и представляют собой детали ламеллярного доспеха [Матющенко, Синицына, 1988, рис. 9, 10; Соловьев, 2003, с. 31].

Помимо этого обнаружены две керамические «фишки» (рис. 5, 3, 4) и фрагмент цилиндрического грузила (рис. 5, 5). «Фишки» являются распространенной находкой на поселениях кротовской культуры и изготавливались из фрагментов керамики.

Заключение

Таким образом, в результате проведенных разведочных работ в 2020 г. обнаружены четыре новых памятника: три поселения (Тартас-4, Тартас-5, Какуль-2) и одиночный курган (Какуль-1). Обнаружение поселения андроновской (фёдоровской) культуры чрезвычайно важно для исследования региона Барабинской лесостепи, т.к. на сегодняшний день памятники такого типа единичны [Молодин, 1985; Молодин, Новиков, 1998]. Новые данные, полученные на памятнике Старый Тартас-1, подтверждают ранее высказанное предположение, что объект является многослойным поселением,

существовавшим на протяжении эпохи ранней – развитой бронзы (IV тыс. до н.э. – XIII в. до н.э.), и включает материалы гребенчато-ямочной культурно-исторической общности и кротовской культуры [Молодин, Мыльникова, Гришин, 2005, с. 410; Молодин, Ненахов, Селин, 2016, с. 350]. Ранее на территории памятника было также обнаружено незначительное количество фрагментов керамики андроновской (фёдоровской) культуры [Молодин, Мыльникова, Гришин, 2005, рис. 2, 9–13], однако при сборе подъемного материала в 2020 г. такие предметы найдены не были. Находки русской керамики связаны, по всей видимости, с функционированием Усть-Тартасского форпоста. Обнаружение ранее двух бронзовых кельтов сейминско-турбинского типа [Молодин, Дураков, Софеев и др., 2012; Молодин, Дураков, Мыльникова и др., 2018, с. 57, рис. 12, 1, 3] и в нынешнем сезоне пластины от панциря, являющихся распространенными находками в погребальных комплексах кротовской культуры, позволяет выдвинуть предположение о существовании на площади памятника Старый Тартас-1 не только многослойного поселения, но и грунтового могильника эпохи ранней – развитой бронзы.

Благодарности

Полевые работы выполнены по гранту РФФ, проект № 20-18-00111, исследовательские работы выполнены по гранту РФФИ, проект № 18-09-00406.

Список литературы

Жилин М.Г. Наконечники стрел «шигирского типа» в мезолите и раннем неолите Восточной Европы // Твер. археол. сб. – Тверь, 1996. – Вып. 2. – С. 50–56.

Жилин М.Г. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 328 с.

Матющенко В.И., Синицына Г.В. Могильник у д. Ростовка вблизи Омска. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. – 136 с.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепно-Обь-Иртышья. – Новосибирск: Наука, 1977. – 176 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 202 с.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 1. – 127 с.

Молодин В.И. Современное представление об эпохе бронзы Обь-Иртышской лесостепи (к постановке проблемы) // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее (к юбилею профессо-

ра Т.Н. Троицкой). – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2010. – С. 61–76.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. 3. – 220 с.

Молодин В.И., Гришин А.Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. 4: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. – 452 с.

Молодин В.И., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. Адаптация сейминско-турбинской традиции в культурах эпохи бронзы юга Западно-Сибирской равнины // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2018. – Т. 46, № 3. – С. 49–58.

Молодин В.И., Дураков И.А., Софеев О.В., Ненахов Д.А. Бронзовый кельт турбинского типа из Центральной Барабы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 226–230.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Гришин А.Е. Новые данные по многослойному поселению Старый Тартас-1 (Барабинская лесостепь) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. XI, ч. 1. – С. 406–411.

Молодин В.И., Ненахов Д.А., Селин Д.В. Мониторинг археологических объектов в Венгеровском районе Новосибирской области (близ села Старый Тартас) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 348–352.

Молодин В.И., Новиков А.В. Археологические памятники Венгеровского района Новосибирской области. – Новосибирск: Науч.-производств. центр по сохранению ист.-культ. наследия, 1998. – 140 с.

Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. – Новосибирск: Наука, 1990. – 262 с.

Ошибкина С.В. Веретье I. Поселение эпохи мезолита на севере Восточной Европы. – М.: Наука, 1997. – 204 с.

Ошибкина С.В. Искусство эпохи мезолита (по материалам культуры веретье). – М.: Изд-во ИА РАН, 2017. – 140 с.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 1987. – 202 с.

Савченко С.Н. Костяные наконечники стрел «шигирского типа» с утолщенной головкой и длинным стержнем в собрании Свердловского областного краеведческого музея // Своеобразие и особенности адаптации культур лесной зоны Северной Евразии в финальном плейстоцене – раннем голоцене. – М.: Изд-во ИА РАН, 2007. – С. 253–273.

Соловьев А.И. Оружие и доспехи. Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2003. – 224 с.

References

Matyushchenko V.I., Sinitsyna G.V. Mogil'nik u d. Rostovka vblizi Omska. Tomsk: State Univ. Press, 1988, 136 p. (In Russ.).

Molodin V.I. Epokha neolita i bronzy lesostepnogo Ob'-Irtysht'sya. Novosibirsk: Nauka, 1977, 176 p. (In Russ.).

Molodin V.I. Baraba v epokhu bronzy. Novosibirsk: Nauka, 1985, 202 p. (In Russ.).

Molodin V.I. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi. Kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov epokhi neolita i rannego metalla. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2001, vol. 1, 127 p. (In Russ.).

Molodin V.I. Sovremennoe predstavlenie ob epokhe bronzy Ob'-Irtysht'skoi lesostepi (k postanovke problemy). In *Arkheologicheskie izyskaniya v Zapadnoi Sibiri: proshloe, nastoyashchee, budushchee (kyubileyu professora T.N. Troitskoi)*. Novosibirsk: State Ped. Univ. Press, 2010, pp. 61–76. (In Russ.).

Molodin V.I. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi: kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov odinovskoi kul'tury. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012, vol. 3, 220 p. (In Russ.).

Molodin V.I., Durakov I.A., Mylnikova L.N., Nesterova M.S. The adaptation of the Seima-Turbino Tradition to the Bronze Age Cultures in the South of the West Siberian Plain. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2018, vol. 46, No. 3, pp. 49–58. (In Russ.).

Molodin V.I., Durakov I.A., Sofeev O.V., Nenakhov D.A. Bronzovyi kel't turbinskogo tipa iz Tsentral'noi Baraby. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012, vol. XVIII, pp. 226–230. (In Russ.).

Molodin V.I., Grishin A.E. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. 4: Kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov krotovskoi kul'tury. 452 p. (In Russ.).

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Grishin A.E. Novye dannye po mnogoslainomu poseleniyu Staryi Tartas-1 (Barabinskaya lesostep'). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2005, vol. XI, pt. 1, pp. 406–411. (In Russ.).

Molodin V.I., Nenakhov D.A., Selin D.V. Archaeological Monitoring in Vengerovo District of Novosibirsk Region (near the Village Stary Tartas). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 348–352. (In Russ.).

Molodin V.I., Novikov A.V. Arkheologicheskie pamyatniki Vengerovskogo raiona Novosibirskoi oblasti.

Novosibirsk: Nauch.-proizvodstv. tsentr po sokhraneniyu ist.-kul't. naslediya, 1998, 140 p. (In Russ.).

Molodin V.I., Sobolev V.I., Solov'ev A.I. Baraba v epokhu pozdnego srednevekov'ya. Novosibirsk: Nauka, 1990, 262 p. (In Russ.).

Oshibkina S.V. Veret'e I. Poselenie epokhi mezolita na severe Vostochnoi Yevropy. Moscow: Nauka, 1997, 204 p. (In Russ.).

Oshibkina S.V. Iskusstvo epokhi mezolita (po materialam kul'tury veret'e). Moscow: IA RAS Publ., 2017, 140 p. (In Russ.).

Polosmak N.V. Baraba v epokhu rannego zheleza. Novosibirsk: Nauka, 1987, 202 p. (In Russ.).

Savchenko S.N. Kostyanye nakonechniki strel "shigirskogo tipa" s utolshchennoi golovkoi i dlinnym sterzhnem v sobranii Sverdlovskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya. In *Svoeobrazie i osobennosti adaptatsii kul'tur lesnoi zony Severnoi Yevrazii v final'nom pleistotsene – rannem golotsene*. Moscow: IA RAS, 2007, pp. 253–273. (In Russ.).

Soloviev A.I. Oruzhie i dospekhi. Sibirskoe vooruzhenie: ot kamennogo veka do srednevekov'ya. Novosibirsk: INFOLIO-press, 2003, 224 p. (In Russ.).

Zhilin M.G. Nakonechniki strel "shigirskogo tipa" v mezolite i rannem neolite Vostochnoi Yevropy. In *Tverskoi arkhologicheskii sbornik*. Tver', 1996, iss. 2, pp. 50–56. (In Russ.).

Zhilin M.G. Kostyanaya industriya mezolita lesnoi zony Vostochnoi Yevropy. Moscow: Editorial URSS, 2001, 328 p. (In Russ.).

Селин Д.В. <https://orcid.org/0000-0002-6939-2917>

Молодин В.И. <https://orcid.org/0000-0002-3151-8457>

Мыльникова Л.Н. <https://orcid.org/0000-0003-0196-5165>

Кобелева Л.С. <https://orcid.org/0000-0002-4969-3771>

Ненахова Ю.Н. <https://orcid.org/0000-0003-3209-8180>

Нестерова М.С. <https://orcid.org/0000-0003-4024-6753>

Ненахов Д.А. <https://orcid.org/0000-0002-0820-9410>

Кудинова М.А. <https://orcid.org/0000-0001-8369-2089>

Бобин Д.Н. <https://orcid.org/0000-0002-8180-7425>

Н.Н. Серегин¹, Н.Ф. Степанова^{1, 2}✉

¹Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия

²Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

E-mail: nikolay-seregin@mail.ru; nstepanova10@mail.ru

Роговое стремя из некрополя эпохи Тюркских каганатов Горный-10 (Северный Алтай)

В статье осуществлена публикация редкого рогового стремени, обнаруженного в ходе раскопок могилы 27 некрополя Горный-10. Данный памятник, расположенный в Красногорском р-не Алтайского края, был исследован в 2000–2003 гг. Публикуемый комплекс представляет собой одиночное захоронение взрослого мужчины с довольно представительным инвентарем, включающим предметы вооружения, орудия труда, элементы костюма, а также снаряжение лошади. Зафиксированный погребальный обряд имеет аналогии в материалах серии погребений лесостепного Алтая, традиционно относимых к одицовской археологической культуре. Большая часть находок из могилы 27 обладает довольно стандартными характеристиками, демонстрирующими облик предметного комплекса населения Северной и Центральной Азии в первые столетия эпохи Средневековья. Анализ вещей позволяет определить датировку объекта в рамках второй половины VII в. н.э. Ярким элементом сопроводительного инвентаря из публикуемого погребения является роговое стремя. Такое изделие впервые обнаружено в памятниках одицовской культуры. Единичные аналогии данной находке известны в комплексах несколько более позднего времени, исследованных на Алтае и сопредельных территориях. Редкость подобных предметов, а также контекст их обнаружения позволяют предварительно, учитывая ограниченный объем материалов, рассматривать стремени из органических материалов как показатель особого прижизненного статуса умершего человека. В случае с могилой 27 некрополя Горный-10 можно констатировать захоронение воина мужского пола, который, очевидно, не относился к элите общества, но принадлежал к зажиточным слоям населения, вовлеченным в различные сферы деятельности.

Ключевые слова: роговое стремя, Северный Алтай, эпоха Тюркских каганатов, одицовская культура, хронология, социальная история, погребальный обряд.

Nikolai N. Seregin¹, Nadezhda F. Stepanova^{1, 2}✉

¹Altai State University,
Barnaul, Russia

²Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

E-mail: nikolay-seregin@mail.ru; nstepanova10@mail.ru

Horny Stirrup from the Gorny-10 Necropolis of the Turkic Khaganates' Era (Northern Altai)

The article presents a rare horny stirrup found during excavations of grave 27 of the Gorny-10 necropolis. This site, located in the Krasnogorsk region of the Altai Territory, was investigated in 2000–2003. The published complex is a single burial of an adult male with a representative inventory, which included weapons, tools, costume elements, and horse equipment. The recorded burial rite has parallels in the materials of burials in the Forest-Steppe Altai, traditionally attributed to the Odintsovo culture. Most of the finds from grave 27 have standard characteristics, demonstrating the appearance of the object complex of the population of North and Central Asia in the first centuries of the Middle Ages. The analysis of items dates the object in the second half of the 7th century AD. A striking element of the accompanying inventory from the published burial is a horn stirrup. This product was first discovered in the sites of the Odintsovo culture. Single parallels to this find are known from the

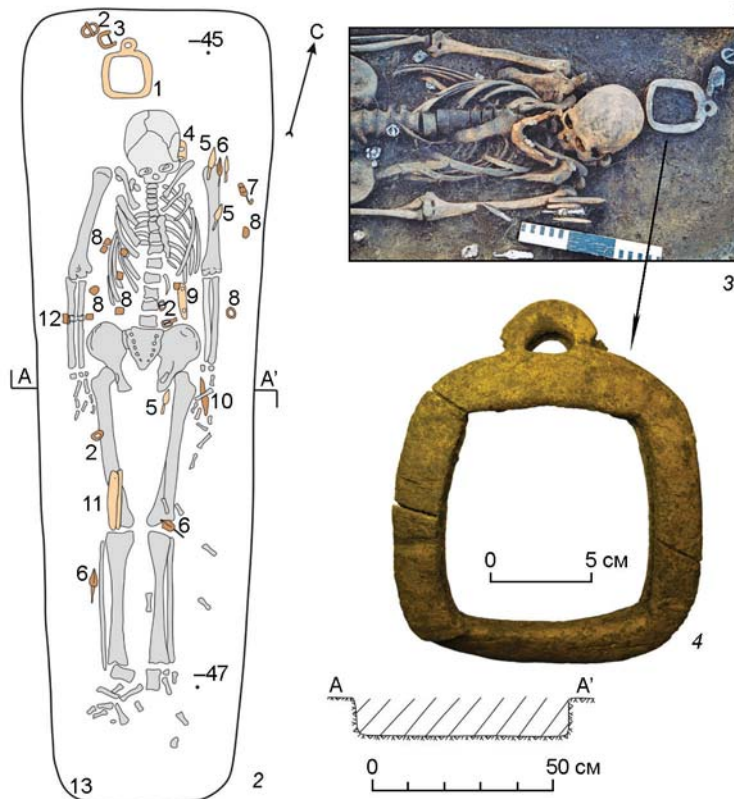
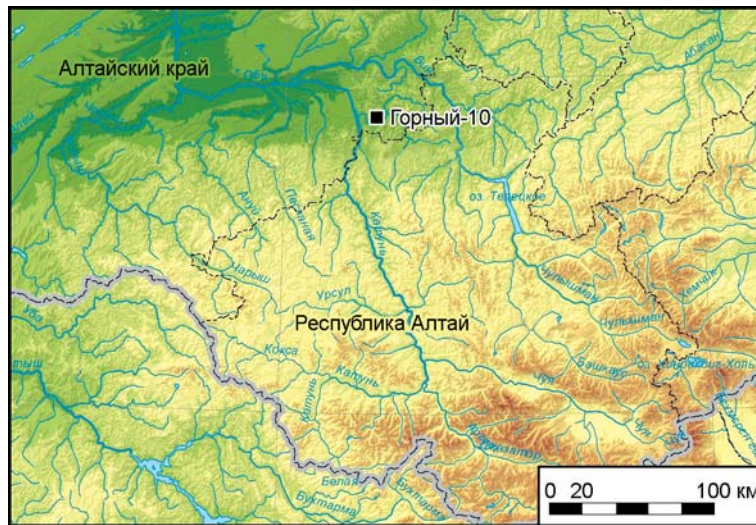
complexes of a later period, studied in Altai and adjacent territories. The rarity of such items, as well as the context of their discovery, make it possible to consider stirrups made of organic materials as an indicator of the special status of a deceased person. In the case of the Gorny-10 necropolis, this is the burial of a full-fledged warrior man, who, obviously, did not belong to the elite of society, but represented the wealthy strata of the population involved in various activities.

Keywords: horn stirrup, Northern Altai, the era of the Turkic Khaganates, Odintsovo culture, chronology, social history, burial rite.

Введение

Конское снаряжение представляет собой довольно редкую категорию находок из археологических комплексов лесостепного Алтая эпохи Тюркских каганатов. Данное обстоятельство связано

с тем, что в отличие от соседней горной части региона на обозначенной территории традиция захоронения с лошастью получила гораздо меньшее распространение. При этом многие из элементов амуниции лошади весьма показательны с точки зрения уточнения хронологии изучаемых комплексов,

поэтому любые случаи фиксации таких предметов привлекают внимание специалистов. Еще больший интерес вызывают редкие находки, демонстрирующие слабо изученные стороны материальной культуры раннесредневекового населения. К таковым, несомненно, относится роговое стремя, обнаруженное в ходе раскопок одного из объектов некрополя Горный-10 и, судя по всему, представляющее наиболее раннее подобное изделие из памятников Северной и Центральной Азии. Публикации данной находки, а также интерпретации комплекса, в составе которого она выявлена, посвящена настоящая статья.

Характеристика результатов раскопок

Могильник Горный-10 расположен на мысу правого берега р. Иша, в 1,3 км к западу – северо-западу от устья р. Карагуж, в 0,6 км к северо-западу от пос. Горный Красногорского р-на Алтайского края (рис. 1, 1). В 2000–2003 гг. на площади данного некрополя экспедициями Алтайского государственного университета и научно-производственного центра

Рис. 1. Горный-10, могила 27.

1 – карта расположения некрополя; 2 – план могилы 27 (1 – роговое стремя; 2 – железная пряжка; 3 – железное тесло; 4 – костяная пряжка; 5 – костяной наконечник стрелы; 6 – железный наконечник стрелы; 7 – железный колчаный крюк; 8 – железная бляшка; 9 – костяная накладка на колчан; 10 – железный нож; 11 – костяные накладки на лук; 12 – железная накладка; 13 – удила и псалий); 3 – фрагмент могилы 27; 4 – роговое стремя.

«Наследие» под руководством М.Т. Абдулганеева и Н.Ф. Степановой раскопаны 75 захоронений. По различным причинам результаты исследований данного памятника до сих пор опубликованы лишь фрагментарно [Абдулганеев, 2001; Степанова, Абдулганеев, 2003; Серегин, Абдулганеев, Степанова, 2019; и др.]. В последние годы авторами настоящей статьи осуществляется подготовка к введению в научный оборот этих ярких материалов. Частью этих изысканий является публикация отдельных комплексов в формате тематических статей, призванная привлечь внимание специалистов к обсуждению результатов раскопок могильника.

Могила 27, исследованная в 2001 г., локализована в южной части раскопа № 1, погребения которого составляют северо-западную периферию некрополя Горный-10. Объект прослежен с глубины 0,36 м. Выявленная могила имеет неправильно-овальную форму: длина по линии ЮЮВ – ССЗ – 2,28 м, ширина – от 0,48 м в юго-восточной до 0,7 м в северо-западной части. Дно могилы зафиксировано на глубине от 0,45 до 0,47 м от современной поверхности (рис. 1, 2).

На дне могилы 27 находился скелет взрослого человека, уложенного вытянуто на спине, головой на ССЗ. По определению С.С. Тур, останки принадлежат мужчине 25–30 лет. На костяке погребенного и в непосредственной близости от него зафиксированы предметы сопроводительного инвентаря. За головой умершего человека лежали роговое стремя (рис. 1, 3, 4; 2, 1), а также железные тесло и пряжка. Под черепом погребенного слева найдена костяная пряжка, а на его левом предплечье – желез-

ные и костяные наконечники стрел остриями вверх (пять экземпляров). Еще один костяной наконечник находился у левого бедра человека, а два железных наконечника – слева и справа в районе колен. Вероятно, на левой части тела умершего был уложен колчан, от которого сохранились железный крюк и костяная накладка с двумя отверстиями; с его оформлением может быть связана также железная бляшка. Под левой кистью погребенного выявлен железный нож, на средней части левого бедра – железная пряжка. На нижней части грудной клетки умершего, а также под правыми локтевыми костями находились детали пояса: две железные пряжки и девять накладных железных бляшек. На правом колене захороненного мужчины зафиксированы костяные парные боковые накладки на лук. Кроме того, в южном углу могилы обнаружены железные удила с одним роговым псалием.

Таким образом, публикуемый комплекс – это одиночное захоронение взрослого мужчины с довольно представительным инвентарем, включавшим предметы вооружения, орудия труда, элементы костюма, а также снаряжение лошади (рис. 2–4). Определить датировку и культурную принадлежность погребения поможет анализ характерных черт обрядовой практики, а также выявленного предметного комплекса.

Анализ материалов

Погребальный обряд, зафиксированный в ходе раскопок могилы 27 некрополя Горный-10, имеет аналогии в материалах серии захоронений лесо-

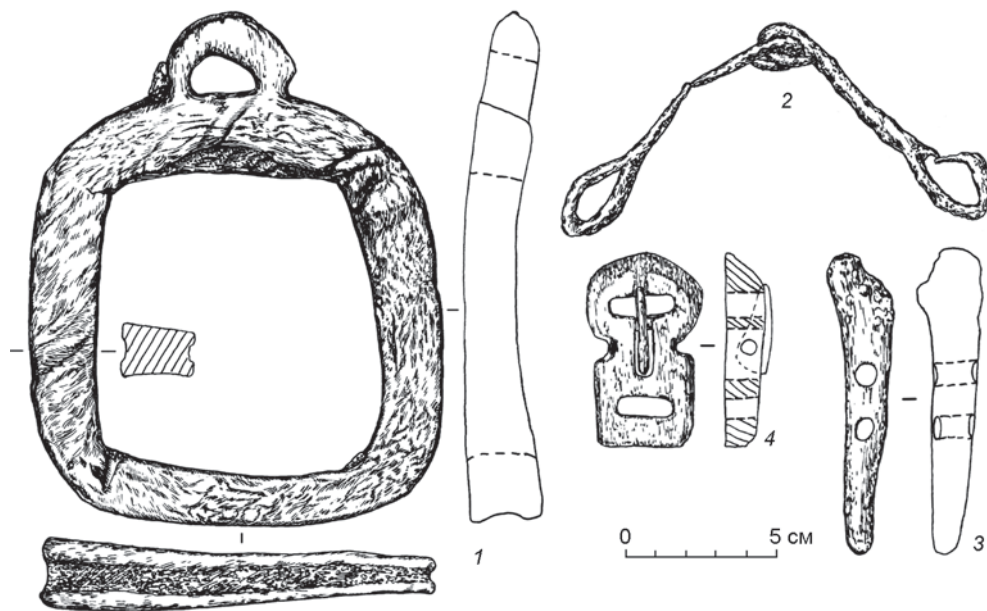

Рис. 2. Предметы конского снаряжения из могилы 27.

1 – стремя; 2 – удила; 3, 4 – пряжка, псалий (1, 3, 4 – рог, кость; 2 – железо).

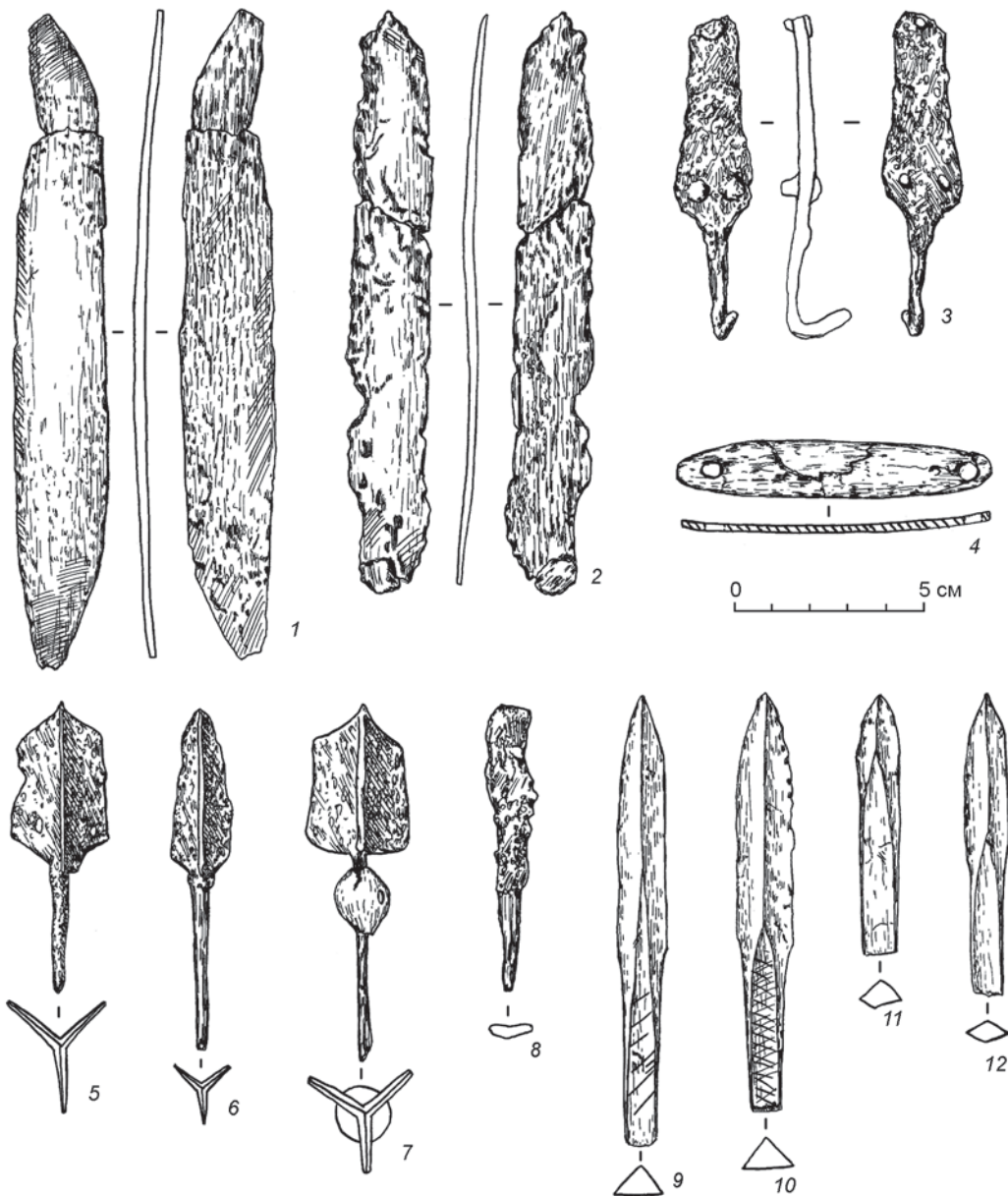

Рис. 3. Предметы вооружения и воинского снаряжения, орудия труда из могилы 27.

1, 2 – костяные накладки на лук; 3 – железный колчанный крюк; 4 – костяная накладка на колчан; 5–8 – железные наконечники стрел; 9–12 – костяные наконечники стрел.

степного Алтая, традиционно относимых к одинцовской культуре. Ориентировка умершего человека в северо-западный сектор горизонта известна на ряде памятников региона [Уманский, 1985, с. 57; Савинов, Новиков, Росляков, 2008, табл. IV, V.-1, XI.-2, XII.-4; Фрибус и др., 2018, с. 44–47; и др.]. Отметим, что в целом северное направление часто выбиралось населением одинцовской культуры для ориентации погребаемых, а фиксируемые отклонения от него, очевидно, связаны с различными сезонами совершения захоронения.

Одиночные погребения представляют собой наиболее распространенную форму реализации обрядовой практики у населения лесостепного Ал-

тая конца раннего железного века – начала раннего Средневековья. Сравнительно редкие случаи фиксации парных захоронений, а также могил с лошадью являются, скорее, исключением. Отметим, что подобные комплексы обнаружены и на некрополе Горный-10 [Абдулганеев, 2001, с. 128; Сергин, Абдулганеев, Степанова, 2019], но составляют всего ок. 5 % раскопанных объектов.

Несмотря на отсутствие животного, в могиле 27 обнаружены предметы конского снаряжения (см. рис. 2). Данная традиция, предполагающая помещение отдельных элементов амуниции лошади в одиночные погребения, довольно редко встречается в одинцовских комплексах лесостепного

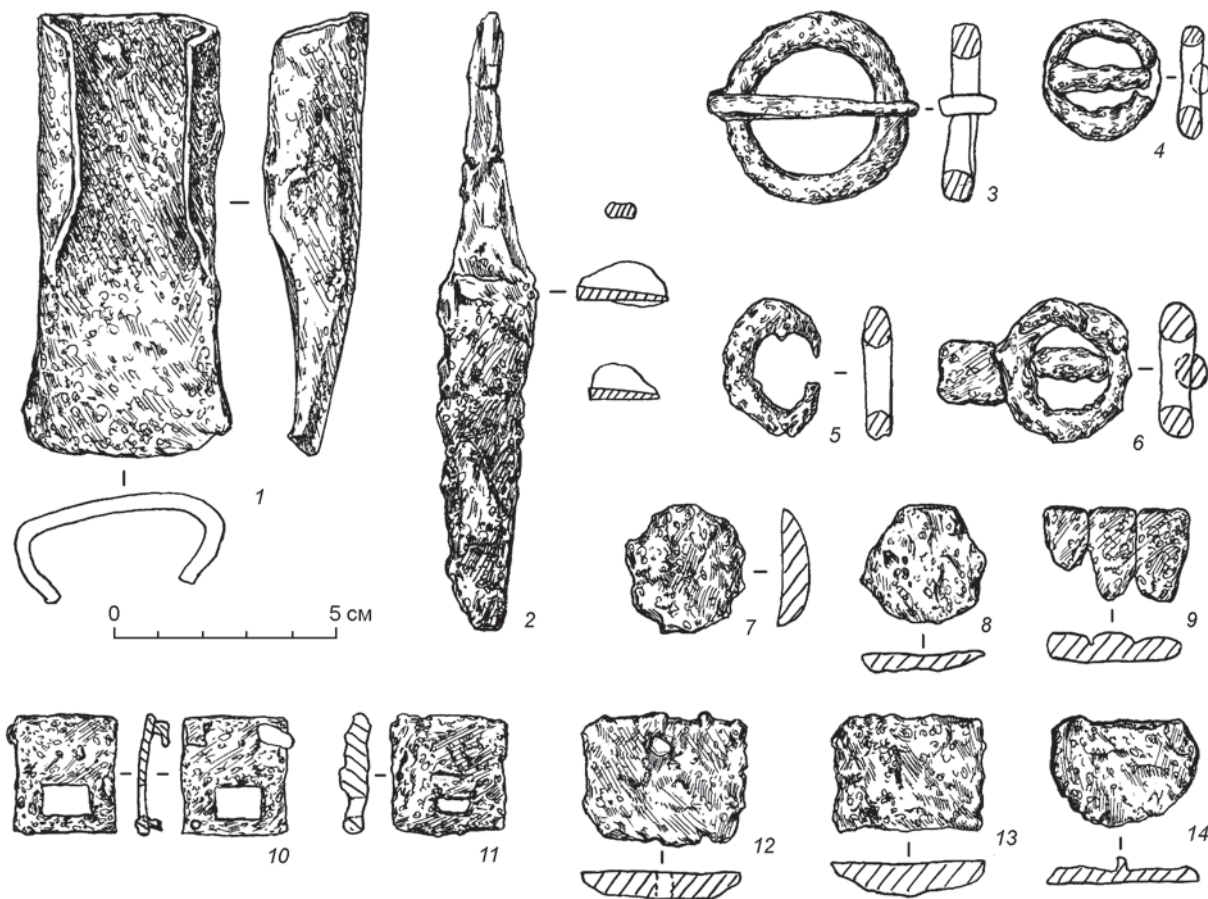

Рис. 4. Орудия труда и элементы костюма.

1 – тесло; 2 – нож; 3–14 – пряжки и бляшки (1–14 – железо).

Алтая. Несколько большее распространение такая практика получила на памятниках раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона [Серегин, 2013, с. 104]. В частности, подобные объекты известны по материалам комплекса Кудыргэ, который в целом демонстрирует сходство с захоронениями некрополя Горный-10 по ряду характеристик [Гаврилова, 1965, с. 22–23, табл. VIII–IX]. Показательным является то, что в объектах обозначенных памятников, а также в других одиночных погребениях предметы конского снаряжения зачастую расположены аналогично – за головой и в ногах умершего человека [Серегин, 2013, с. 104].

Большая часть находок, обнаруженных в ходе раскопок могилы 27 некрополя Горный-10, имеет довольно стандартные характеристики, демонстрирующие облик материальной культуры населения Северной и Центральной Азии в первые столетия эпохи Средневековья. С точки зрения уточнения хронологии анализируемого объекта показателем роговой двудырчатый псалий (рис. 2, 3). Подобные изделия рассматриваются как наиболее архаичные для раннесредневековых комплексов вышеозначенного обширного региона и могут быть датированы

в рамках второй половины VI – VII в. н.э. [Гаврилова, 1965, рис. 16, 2; Овчинникова, 1990, с. 97]. Сравнительно редко в комплексах одинцовской культуры встречаются бляхи-накладки подквадратной формы с прорезью для подвесных ремней в нижней части и шпеньковым креплением (см. рис. 4, 10–11). Распространение таких элементов украшения пояса относится ко второй половине VII – первой половине VIII в. н.э. [Добжанский, 1990, с. 37]. Остальные изделия имеют многочисленные аналогии в памятниках второй половины VI – VIII в. н.э., прежде всего в территориально близких погребениях одинцовской культуры лесостепного Алтая и комплексах тюрок горной части этого региона [Гаврилова, 1965; Кубарев, 2005; Савинов, Новиков, Росляков, 2008; и др.].

Наиболее ярким элементом предметного комплекса из публикуемого погребения является роговое стремя. Такое изделие впервые обнаружено в комплексах одинцовской культуры, что, учитывая довольно неплохую сохранность вещей из кости на синхронных памятниках лесостепного Алтая, очевидно, демонстрирует редкость подобных предметов у населения обозначенного региона в начале

раннего Средневековья. Единичные аналогии известны в погребениях несколько более позднего времени в разных частях Северной и Центральной Азии. Роговые стремена происходят из двух неопубликованных погребений комплекса Иня I, относящихся ко второй половине VIII – первой половине IX в. н.э. [Горбунов, 2019, с. 335]. Этим же периодом с возможным расширением обозначенной хронологии до конца IX столетия датируются два изделия, одно из которых обнаружено в ходе раскопок Есаульской курганный группы в Кемеровской обл. [Кузнецов, 2005, с. 51, рис. 12, 1], а второе представляет собой случайную находку из разрушенного погребения в Восточном Казахстане [Смагулов, Мерц, 2007, с. 135, рис. 2, 3]. Началом II тыс. н.э. датируется роговое стремя из Змеинкинского курганного могильника в Среднем Причумылье [Беликова, 1988, с. 119–120, рис. 8, 2]. О существовании в предмонгольское и монгольское время традиции изготовления рассматриваемых элементов конского снаряжения из дерева свидетельствуют материалы раскопок редких скальных захоронений на Алтае и в Туве [Кочеев, 1983, с. 156; Кызласов, 1983, табл. XV, 4]. Подобные находки являются единичными, а факты их помещения в погребение требуют отдельного рассмотрения с учетом общих и особенных характеристик обрядовой практики конкретных групп населения.

Принимая во внимание специфику использованного материала, стремя из некрополя Горный-10 в целом сходно со «стандартными» железными предметами. Находка представляет собой «петельчатое» стремя, изготовленное, вероятно, из расширенной части рога лося. Общие размеры рассматриваемого экземпляра: высота – 18,2 см, наибольшая ширина – 14,8 см. Ушко стремени петельчатое, округлой формы. Высота ушка – 3,1 см, ширина – 4,5 см. Образованное отверстие для стремени имеет слегка вытянутую неправильную форму и размеры 1,3 × 2,4 см. Дужки изделия, образующие абрис стремени подтрапециевидной формы, в сечении подпрямоугольные. Их толщина – до 2,6 см. Подножка стремени слегка изогнутая, ее ширина составляет до 2,5 см.

«Петельчатые» стремена были распространены на территории Евразии в раннем Средневековье. У анализируемого предмета в связи с материалом изготовления несколько искажены морфологические характеристики, которые обычно служат основанием для уточнения датировки железных экземпляров. Общие признаки изделия (главным образом выделенная петля) определяют хронологию стремени в широких рамках второй половины I тыс. н.э. Вероятно, больше информации данная находка даст для изучения особенностей социальной истории

раннесредневекового населения лесостепного Алтая и сопредельных территорий. Прежде всего, обратим внимание на то, что практически все известные погребения со стременами из органических материалов характеризуются довольно представительным инвентарем, включающим различные группы предметов. Таким образом, «замена» железного стремени не означает низкого прижизненного статуса захороненного человека. Скорее всего, напротив – роговые и деревянные стремена в раннем и начале развитого Средневековья могли демонстрировать довольно высокий или особый статус человека. В случае с могилой 27 некрополя Горный-10 можно констатировать полноценное захоронение воина, который, очевидно, не относился к элите общества, но принадлежал к зажиточным слоям населения, вовлеченным в различные сферы деятельности. Расширение круга используемых материалов за счет новых находок стремян из органических материалов, а также введения в научный оборот уже имеющихся данных позволит более обоснованно рассматривать социальную значимость этой группы изделий у раннесредневекового населения лесостепного Алтая.

Заключение

Материалы раскопок могилы 27 некрополя Горный-10 демонстрируют общие и особенные характеристики обрядовой практики и материальной культуры населения лесостепного Алтая начала раннего Средневековья. Обозначенный комплекс, а также другие памятники данного региона эпохи Тюркских каганатов большинством исследователей относятся к одинцовской культуре, хотя известны и другие варианты интерпретации имеющихся материалов раскопок [Серегин, Абдулганеев, Степанова, 2019, с. 28]. Облик сопроводительного инвентаря из публикуемого погребения, в целом характерный для этого периода, позволяет датировать могилу 27 в рамках второй половины VII в. н.э. Единственным оригинальным элементом материальной культуры данного комплекса является роговое стремя, представляющее на сегодняшний день наиболее раннюю подобную находку из памятников Северной и Центральной Азии. Учитывая единичный характер таких изделий, предварительно можно рассматривать стремена из органических материалов как показатель особого прижизненного статуса умершего человека. Дальнейшее изучение материалов раскопок некрополя Горный-10, а также детальный анализ результатов исследований синхронных могильников лесостепного Алтая позволит существенным образом расширить представления о культуре населения лесостепного Ал-

тая эпохи Тюркских каганатов, а также о сложных процессах, происходивших на периферии кочевых империй в это время.

Благодарности

Обработка материалов раскопок комплекса Горный-10 проведена при финансовой поддержке РФФ (проект № 20-18-00179 «Миграции и процессы этнокультурного взаимодействия как факторы формирования полиэтнических социумов на территории Большого Алтая в древности и Средневековье: междисциплинарный анализ археологических и антропологических материалов»). Культурно-хронологическая интерпретация публикуемых данных осуществлена в рамках реализации проекта РФФ № 20-78-10037 «Ранние тюрки Центральной Азии: междисциплинарное историко-археологическое исследование».

Список литературы

Абдулганеев М.Т. Могильник Горный-10 – памятник древнетюркской эпохи в северных предгорьях Алтая // *Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории.* – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2001. – С. 128–131.

Беликова О.Б. Курган 53 Змеинкинского могильника на Чулыме // *Древние памятники Северной Азии и их охранные раскопки.* – Новосибирск: Изд-во ИИФФ СО АН СССР, 1988. – С. 116–135.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л.: Наука, 1965. – 146 с.

Горбунов В.В. Сросткинская культура // *История Алтая.* – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та; Белгород: Константа, 2019. – Т. 1: Древнейшая эпоха, древность и Средневековье. – С. 333–345.

Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. – Новосибирск: Наука, 1990. – 162 с.

Кочеев В.А. Погребение II тыс. н.э. у с. Ело // *Археологические исследования в Горном Алтае.* – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. – С. 153–162.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 400 с.

Кузнецов Н.А. Есаульская курганная группа // *Кузнецкая старина.* – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2005. – Вып. 7. – С. 46–76.

Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. – М.: Наука, 1983. – 128 с.

Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 223 с.

Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – 424 с.

Серегин Н.Н. «Одиночные» погребения раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского региона и Центральной Азии: этнокультурная и социальная интерпретация // *Теория и практика археологических исследований.* – 2013. – Вып. 2 (8). – С. 100–108. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21140765>

Серегин Н.Н., Абдулганеев М.Т., Степанова Н.Ф. Погребение с двумя лошадьми эпохи Тюркских каганатов из некрополя Горный-10 (Северный Алтай) // *Теория и практика археологических исследований.* – 2019. – № 2. – С. 15–34. – doi:10.14258/tpai(2019)2(26)-02.

Смагулов Т.Н., Мерц В.К. Средневековые погребения из Павлодара // *Изв. НАН РК. Сер. Обществ. наук.* – 2007. – № 1. – С. 135–142.

Степанова Н.Ф., Абдулганеев М.Т. Раскопки на Северном Алтае // *АО 2002 года.* – М.: Наука, 2003. – С. 407–408.

Уманский А.П. Памятники эпохи «Великого переселения народов» на Алтае // *Урало-Алтаистика. Археология, этнография, язык.* – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 55–63.

Фрибус А.В., Грушин С.П., Сайберт В.О., Трусова Е.В. Проблемы хронологии древних и средневековых комплексов могильника Чумыш-Пережат в Западном Присалаирье // *Современные решения актуальных проблем евразийской археологии.* – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. – Вып. 2. – С. 42–47.

References

Abdulganeev M.T. Mogil'nik Gornyi-10 – pamyatnik drevnetyurkskoi epokhi v severnykh predgor'yakh Altaya. In *Prostranstvo kul'tury v arkhologo-etnograficheskom izmerenii. Zapadnaya Sibir' i sopredel'nye territorii.* Tomsk: State Univ. Press, 2001, pp. 128–131. (In Russ.).

Belikova O.B. Kurgan 53 Zmeinkinskogo mogil'nika na Chulyme. In *Drevnie pamyatniki Severnoi Azii i ikh okhrannye raskopki.* Novosibirsk: IHPP SB AS USSR Publ., 1988, pp. 116–135. (In Russ.).

Dobzhanskii V.N. Nabornye poyasa kochevnikov Azii. Novosibirsk: Nauka, 1990, 162 p. (In Russ.).

Fribus A.V., Grushin S.P., Saibert V.O., Trusova E.V. Problems of chronology of the ancient and medieval complexes of the Chumysh-Perekat burial mound at the Western Salair ridge. In *Sovremennye resheniya aktual'nykh problem evraziiskoi arkheologii.* Barnaul: Altai State Univ. Press, 2018, iss. 2, pp. 42–47. (In Russ.).

Gavrilova A.A. Mogil'nik Kudyrga kak istochnik po istorii altaiskikh plemen. Moscow; Leningrad: Nauka, 1965, 146 p. (In Russ.).

Gorbuinov V.V. Srostkinskaya kul'tura. In *Istoriya Altaya.* Barnaul: Altai State Univ. Press; Belgorod: Konstanta, 2019, vol. 1: Drevneishaya epokha, drevnost' i Srednevekov'e, pp. 333–345. (In Russ.).

- Kocheev V.A.** Pogrebenie II tys. n.e. u s. Elo. In *Arkheologicheskie issledovaniya v Gornom Altae*. Gorno-Altaysk: GANIIIYaL, 1983, pp. 153–162. (In Russ.).
- Kubarev G.V.** Kul'tura drevnikh tyurok Altaya (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2005, 400 p. (In Russ.).
- Kuznetsov N.A.** Esaul'skaya kurgannaya gruppa. In *Kuznetskaya starina*. Novokuznetsk: Kuznetskaya krepost', 2005, iss. 7, pp. 46–76. (In Russ.).
- Kyzlasov I.L.** Askizskaya kul'tura Yuzhnoi Sibiri X–XIV vv. Moscow: Nauka, 1983, 128 p. (In Russ.).
- Ovchinnikova B.B.** Tyurkskie drevnosti Sayano-Altaya v VI–X vv. Sverdlovsk: Ural Univ. Press, 1990, 223 p. (In Russ.).
- Savinov D.G., Novikov A.V., Roslyakov S.G.** Verkhnee Priob'e na rubezhe epokh (basandaiskaya kul'tura). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2008, 424 p. (In Russ.).
- Seregin N.N.** “Single” burials of early middle-ages Turks in the Altai-Sayan region and Central Asia: ethnocultural and social interpretation. *Theory and Practice of Archaeological Research*, 2013, No. 2, pp. 100–108. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21140765> (In Russ.).
- Seregin N.N., Abdulganeev M.T., Stepanova N.F.** Burial with two horses dated by the epochs of the Turkic kaganats from necropolis Gornyi-10 (Northern Altai). *Theory and Practice of Archaeological Research*, 2019, No. 2, pp. 15–34. doi:10.14258/tpai(2019)2(26).-02. (In Russ.).
- Smagulov T.N., Merts V.K.** Srednevekovye pogrebeniya iz Pavlodara. *Izvestiya NAN RK. Seriya obshchestvennykh nauk*, 2007, No. 1, pp. 135–142. (In Russ.).
- Stepanova N.F., Abdulganeev M.T.** Raskopki na Severnom Altae. In *Arkheologicheskie otkrytiya 2002 goda*. Moscow: Nauka, 2003, pp. 407–408. (In Russ.).
- Umanskii A.P.** Pamyatniki epokhi “Velikogo pereseleniya narodov” na Altae. In *Uralo-Altaiika. Arkheologiya, etnografiya, yazyk*. Novosibirsk: Nauka, 1985, pp. 55–63. (In Russ.).
- Серегин Н.Н. <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>
 Степанова Н.Ф. <https://orcid.org/0000-0003-4017-5641>

Культовые места Усть-Изеса. Вопросы реконструкции

В статье рассматриваются результаты исследования одного из археологических комплексов, который был обнаружен под курганной насыпью некрополя эпохи развитого Средневековья и представлял собой обугленные остатки сожженной деревянной конструкции, внутри которой были установлены вверх дном керамические сосуды. В скоплении угляев на площади, частично ограниченной по периметру прокаленной почвой, были обнаружены два наконечника стрел, характерных для монгольского времени, но с элементами конструкции, характерными для кузнечной продукции лесного угорского и самодийского населения. Керамический комплекс представляет собой серию остродонных сосудов, орнаментированных оттисками гребчатого штампа и двумя поясками ямочных вдавлений. Форма и особенности декора позволяют отнести его к усть-изесскому этапу кыштовской культуры южной лесной полосы Обь-Иртышского междуречья. Данный тип памятников для севера лесостепи был выделен сравнительно недавно, и после обнаружения в некоторых объектах обугленных остатков разноразмерных деревянных идолов, напоминавших хантыйские, была предложена связь таких комплексов с обрядом сожжения кукол иттерма – временных «хранилищ» души покойных. Совокупность полученных материалов позволила провести их типологическое членение и выделить по сложности устройства несколько разновидностей конструкции. Анализ этнографических источников показал высокую вероятность строительства для куклы модели жилища, которое и сжигалось вместе с ней и всеми ее прикладами (принадлежавшими иттерма вещами). Проведенные эксперименты позволили реконструировать облик одной из таких моделей, устройство которой оказалось близким архитектуре одного из типов долговременных жилищ коренного населения западносибирского предтаежья. Отличия в атрибутике между археологическими и этнографическими материалами указывают на упрощение вещной стороны обряда и то, что процесс шел по пути отказа от менее значимых элементов и трансформации остальных к возможностям экономики и социальной жизни. Анализ археологических объектов может дать новые сведения о характере домостроительных традиций средневекового населения Обь-Иртышского предтаежья.

Ключевые слова: некрополь, кукла умершего, иттерма, сожженные строения, обряд, реконструкция, жилище.

Alexandr I. Solovyev

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: easolovievy@mail.ru

Ritual Places of Ust-Izes: Reconstruction Issues

During the excavation of the medieval necropolis, an archaeological complex was discovered under the burial mound, comprising charred remains of a burnt wooden structure, where ceramic vessels were installed upside down. In the group of coals in an area partially bounded by burnt soil along the perimeter, two Mongolian-time arrowheads were found with the structural elements of the forest Ugrian and Samoyed population tradition. The ceramics includes a series of pointed-bottomed vessels ornamented with a comb stamp and two belts of holes. The shape and features of the ornament make it possible to attribute it to the Ust-Izes stage of the Kyshtovka culture of the southern forest part of the Ob-Irtysh basin. This type of sites is quite new for the north forest-steppe. Findings of wooden idols of different size resembling the Khanty idols allowed seeing the connection with the rite of burning itterma dolls – temporary “repositories” of the souls of the deceased. These materials were divided into types and allowed to distinguish several types of wooden construction design. Ethnographic sources demonstrate the high probability of building models of doll dwellings, which were burnt together with them and their gifts (things belonging to itterma). The experiments carried out made it possible to reconstruct one of these models close to the architecture of long-term dwellings of the indigenous population of the south forest region of Western Siberia. Differences

in attributes between archaeological and ethnographic materials indicate a simplification of the material side of the rite and the fact that the process followed the path of abandoning less significant elements and transforming the rest to the possibilities of the economy and social life. Analysis of archaeological sites can provide new information about the nature of the house-building traditions of the Ob-Irtysh south forest region medieval population.

Keywords: *necropolis, personal doll of a dead men, itterma, burnt constructions, ritual, reconstruction, dwelling.*

В ходе исследования курганного могильника Усть-Изес в Венгеровском р-не Новосибирской обл. под некоторыми насыпями были обнаружены мощные прокалы и углистые линзы, которые содержали остатки бересты, жердей плашек, некогда составлявших сгоревшие деревянные конструкции. Здесь же располагались целые и фрагментированные керамические сосуды, установленные вверх дном; наконечники стрел, украшения и другие предметы вещевого комплекса, тождественные инвентарю из погребений некрополя под визуально аналогичными курганными сооружениями. Археологические объекты такого рода известны на территории Барабинской лесостепи начиная с 1970-х гг., когда В.И. Соболевым на памятнике Туруновка-2 была исследована курганная насыпь с мелкой подквадратной ямой в центре с мощным углистым слоем, фрагментами обугленной древесины, Г-образно оконтурированная зонами прокаленной почвы, охарактеризованная в то время как потревоженное погребение [1978]. Позже, в начале в 1980-х гг. на памятнике Сопка-2 была открыта целая серия аналогичных сожженных сооружений, которые были трактованы как культовые комплексы. В основании самых значительных из них находились венцы четырехугольных срубов, собранных из жердей либо небольших бревнышек, которые еще в процессе горения забрасывались землей [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с. 177–183]. Тогда же были проведены и эксперименты по реконструкции подобных действий [Молодин, Глушков, 2011], которые еще раз привели авторов к заключению о том, что насыпи над такими постройками начинали возводить еще в процессе горения, когда огонь стихал и начинал спадать жар [Молодин, Глушков, 1992]. После обнаружения в некоторых объектах обугленных остатков разноразмерных деревянных идиолов, напоминавших хантыйские, была предложена связь «культовых комплексов» с захоронениями иттерма – временными «хранилищами» души покойных. Совокупность полученных материалов позволила провести их типологическое членение и выделить по сложности устройства несколько разновидностей конструкции [Молодин, Соловьев, 2007]. В 2014 г. был изучен еще один комплекс с перевернутыми сосудами на памятниках Крохалёвка-5, -11 [Марченко и др., 2015], близкий к одному из выделенных типов. Родственные сюжеты обна-

руживаются и в Присалаирье, на памятнике Ваганово-1 [Бобров, Васютин, Онищенко, 2010, с. 167, 168]. Таким образом, полученные материалы позволяют говорить о существовании в эпоху развитого Средневековья в культуре аборигенного населения Западно-Сибирского региона особого феномена, связанного с некой базовой мировоззренческой установкой о круговороте жизни. Вместе с тем применительно к данной проблематике многие вопросы остаются открытыми и требующими уточнения, в частности о том, как же выглядели упомянутые сооружения перед сожжением и какую идею могло отражать их устройство.

До раскопок рассматриваемый объект выглядел как насыпь курганного типа диаметром 7 м и высотой 43 см от уровня современной дневной поверхности, расположенная на краю высокой коренной террасы р. Тартас и на четверть обрушенная паводковыми водами (рис. 1, 1). По мере разбора насыпи в центре появились пятна оранжевого прокала, образующие п-образную фигуру и черный жженный слой, насыщенный мелкими угольками, меж которых фиксировались обугленные остатки жердей, бересты, небольших плашек и, по всей видимости, веток. Под восточной полкой насыпи на тонкой прослойке темного грунта над материком были обнаружены три сосуда, два из которых установлены вверх дном на расстоянии 110 см друг от друга, как бы намечая проход от берега внутрь территории, ограниченной прокалами. Еще одна раздавленная керамическая емкость лежала на боку рядом с перевернутым горшком в северо-восточной оконечности площадки устьем к ней. Рядом с обоими сосудами находилась пережженная лопатка копытного.

Керамический комплекс представлен остродонными изделиями с прямыми плечиками, невыраженной шейкой и слабопрофилированным венчиком, в двух случаях декорированным по краю косыми насечками. Декор тулова составляют пояса таких же насечек, выполненных уголком гребенчатого штампа, направленных навстречу друг другу и образующих разреженный елочный орнамент, дополненный двумя цепочками ямочных вдавлений: одна под венчиком, другая в нижней трети сосуда (рис. 1, 4–6). Изделия являются типологическим аналогом керамики усть-изесского этапа (XIII–XIV вв.) кыштовской культуры, хорошо известной по материалам раскопок комплекса памятников

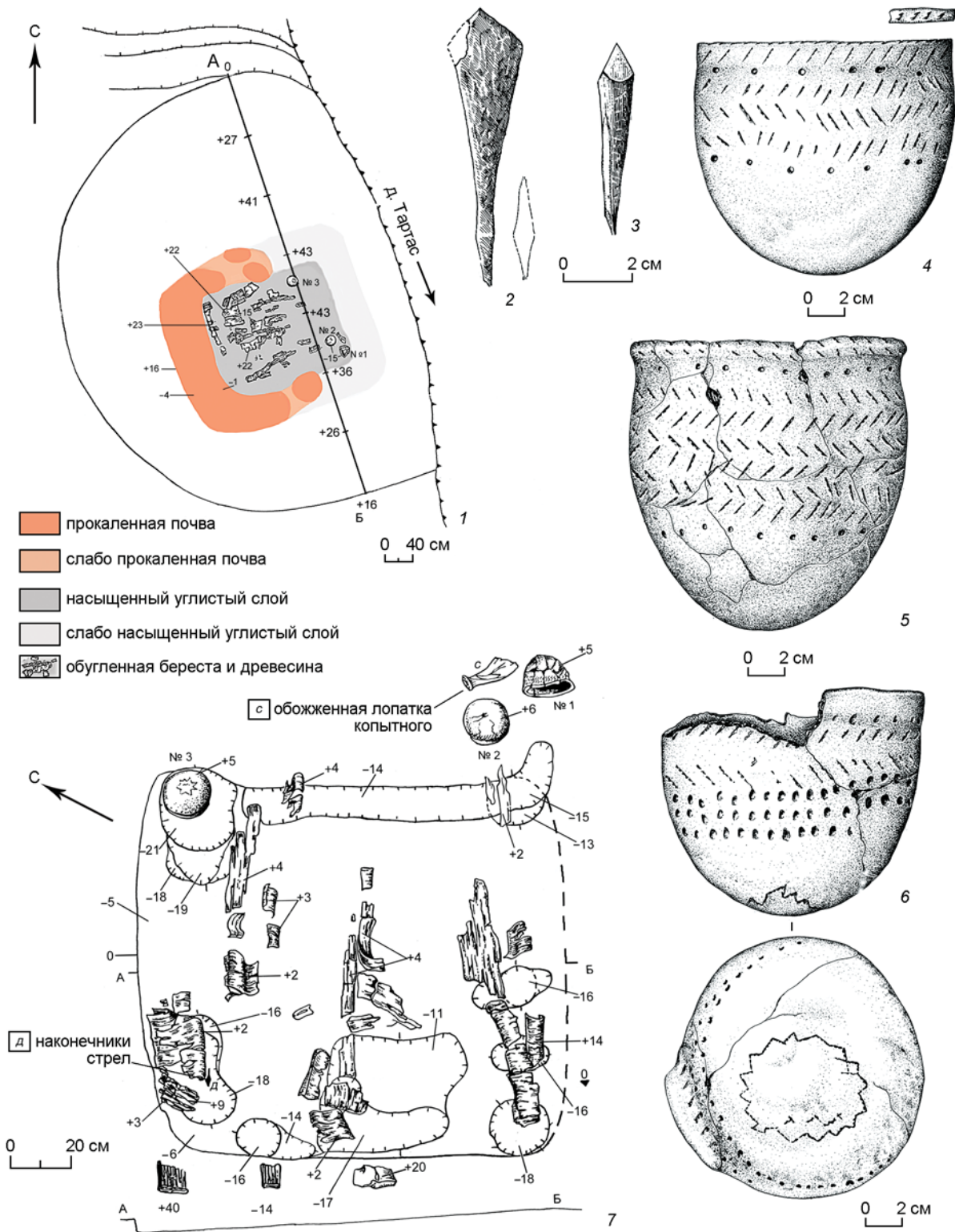

Рис. 1. Культовый комплекс № 1 могильника Усть-Изес-1.

1 – план-схема культового комплекса; 2 – железный наконечник стрелы; 3 – костяной наконечник стрелы; 4–6 – керамические сосуды; 7 – план сооружения на уровне материка.

Сопка-2, и образуют культурно однородную серию, определяемую устойчивой общностью орнаментальных композиций, характерной чертой которых являются ямочные вдавления, соединенные в два

горизонтальных пояса под венчиком и на тулове изделия. Совокупность данных позволяет считать, что речь идет о некой устойчивой керамической традиции, которая носит в археологическом плане

культурно диагностирующий характер, прослеживается на материалах разновременных памятников II тыс. н.э., начиная с XI–XII вв. и может быть связана с таежным угорским компонентом [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с. 174]. Несколько отличается оформление сосуда № 3. При всем сходстве профилировки, элементов орнамента и техники их нанесения нижняя часть «елочной» полосы на тулове этой находки «подчеркнута» тремя рядами семечковидных вдавлений, являющихся базовой единицей декора керамики барабинских татар и заполняющих всю поверхность изделий. Дно изделия украшено округлой зубчатой фигурой (рис. 1, б).

Среди угольев внутри площадки были обнаружены небольшие фрагменты неорнаментированной керамики и два наконечника стрел. Один из них, железный, представляет собой ромбовидный проникатель с прямыми сторонами, тупоугольным острием и наибольшим расширением в верхней трети пера, весьма близкий к срезным монгольского времени, от которых отличался лишь более приостренной рабочей частью, меньшими размерами и конструкцией упора в месте перехода от пера к черешку (рис. 1, 2), выполненного как ромбическое расширение. Подобная конструкция характерна для кузнечной продукции лесного угорского и самодийского населения, она сохранялась на местных изделиях вплоть до этнографической современности [Гемуев, Соловьев, 1984, рис. 3, 4; 4, 13]. Это обстоятельство, на наш взгляд, вместе с особенностями одного из сосудов может отражать синтез элементов культуры южного тюркоязычного и северного угорского населения, также прослеживаемый на других материалах некрополя. Отметим, что подобный феномен лежал в основе сложения кыштовской культуры и с еще большей силой проявился в материалах ее тарского этапа (XV–XVI вв.) [Соловьев, 2005].

Второй наконечник вырезан из кости и представляет собой боеголовковый тип с массивной рабочей частью, плавно расширенной к пирамидальному четырехгранному острию с косо срезанным окончанием черешка (рис. 1, 3).

Под углестым слоем внутренней площадки с находками располагался небольшой, слегка углубленный в материк, подпрямоугольный котлован. Его глубина достигала 6 см от уровня материка и постепенно сходила на нет в северо-восточной части. Учитывая общее понижение береговой линии в этом направлении, дно котлована можно считать горизонтальным. По его периметру располагалась серия округлых ям глубиной до 18 см, а со стороны береговой линии вдоль северо-восточной стенки – неглубокая канавка (15 см от уровня материка).

Материалы культового комплекса № 1 вместе с экспериментальными данными позволяют предложить вариант реконструкции сожженного сооружения и некоторые черты проведенного ритуала. Эмпирические работы проводились на прибрежном участке в зоне распространения аналогичных почв с использованием местных древесных пород*. Но прежде коснемся их итогов и приведем некоторые значимые моменты.

По наблюдениям А.В. Бауло, куклу Опт-акань («кукла из волос»), в которой пребывала душа покойного, делали на пятый день после смерти мужчины и на четвертый – женщины. После 40–50 дней, в течение которых полученное изображение угощали, укладывали спать и т.д., «акань убирают в коробку и до осени не вынимают» [2002, с. 63–64]. О помещении в доме усопшего иттерма, аккань, сонгэт, мохар (названия кукол – хранилищ одной из душ умерших у разных обско-угорских групп хантов и манси) в коробку, сундучок или специально изготовленный для этого ящичек пишет З.П. Соколова, отмечая при этом случаи размещения в них же сшитых для «куклы» одеяний и некоторых реальных предметов, которыми при случае можно было пользоваться [2007, с. 66–68]. Внутри ящичка для куклы расстилалась оленья шкура – своего рода алломорф постели, на которой спали люди [Бауло, 2016, с. 203] и, надо полагать, усопший при жизни. Таким образом, напрашивается вывод о том, что сундучок или коробка в свою очередь могли быть сами алломорфом жилища**, семантически включающего отдельную часть обитаемого пространства, которое полагалось временно оставшейся в среднем мире «душе» бывшего соплеменника.

В ходе погребальных церемоний средневековое население северной Барабы, преимущественно связанное с наличием тюркоязычного компонента, практиковало помещение тел усопших в берестяные чехлы, сшитые из ранее уже использованных листов. Анализ крепежных отверстий на их краях и форм былого раскроя позволил прийти к выводу о том, что для этой цели могли использоваться части берестяных покрытий жилищ. Не чужды такой традиции были обские угры и ненцы. По замечанию В.М. Кулемзина, они заворачивали умерших в половину покрышки чума [1994б, с. 380; 1994а, с. 440]. Смысл этих актов, по наблюдениям Н.Ф. Катанова, сделанным еще в конце XIX в., заключался в том, что «На том свете вещи, которые имеют здесь обратный вид, получают прямой настоящий вид»

*Один из таких «опытов» занял временной промежуток в 6 лет, потребовавшихся для полной задерновки и археологизации изучаемого объекта.

**Благодарим А.В. Бауло за консультацию.

[1894, с. 9–10]. В этом случае, равно как и в других, связанных с намеренной порчей вещи или изготовлением их моделей или уменьшенных копий, можно говорить о полноте проявления идеи замещения целого его частью, инициируемой разрывом между желанием и возможностями.

В случаях использования в погребальной практике фрагментов реальных жилищ, как представляется, речь должна идти не столько о замещении в целях экономии материальных ресурсов целого его частью, сколько о восстановлении оногo. Ибо целое в «свернутом, сжатом виде существует внутри наделенного смыслом фрагмента бытия... потому, что любой обладающий смыслом фрагмент реальности воспроизводит целое» [Элиаде, 1999, с. 93]. И берестяной фрагмент покрывки чума, в который заворачивается тело усопшего, семантически оказывается тождественным самому этому жилищу и, «разворачиваясь» в иных мирах вселенной, становится в космогоническом плане привычным домом, окружающим своими стенами восстающего к иной жизни соплеменника. Указанием на возможность такого подхода могут служить материалы устной традиции, отмеченные для самодийцев и угров. Считалось, что покойнику кроме личного имущества полагалось отдавать и долю в общей собственности – принадлежащую ему часть жилища (устное сообщение И.Н. Гемуева). Но, прежде чем перейти к этой важной для рассматриваемого обряда идее, необходимо сделать еще одно замечание. Заупокойные маршруты странствий покойных, несмотря на всю свою призрачность, воспринимались соплеменниками как реальное физическое действие, способное вызывать у души, вынужденной нести все положенные в погребение предметы, ощущение усталости и изнеможения. С особым драматизмом эта ситуация отражается в устной традиции, когда речь заходит о детях, ушедших из жизни в «колыбельном» возрасте и, согласно данным В.Н. Чернецова, вынужденным тащить свою «апу» (колыбель) с собой [1959, с. 133; 1987, с. 155]. И если колыбель – это «неизбежное зло», от которого никуда не деться и которое ничем нельзя заменить, то набор инвентаря для взрослого мог ситуативно регулироваться в рамках вариативности религиозных установок архаичного мировоззрения. И замена целого его частью выглядит здесь логичной и обоснованной. Если колыбель, как место постоянного пребывания младенца и своего рода его домик, отправлялась в иные измерения вместе со своим маленьким владельцем и его вещами, аналогичным образом должны были поступать и со взрослыми, и с их изображениями. Но поскольку куклы представляли как бы самого взрослого человека, их также полагалось отправлять в иные миры

с соответствующим жилищем. А поскольку кукла, говоря современным языком, была своего рода моделью, как модель строилось для обряда и положенное ей жилище. Размеры «кукольной» одежды, которая шилась в соответствии с реальным кроем, определенно указывают на то, что само такое жилище должно быть «кукольным», т.е. небольшим, но соответствующим реалиям жилых построек. Интересно, что сами иттерма в прошлом «делались из дерева, отрубленного от угла дома» [Соколова, 2007, с. 68].

Такая логика позволила в экспериментальной части сразу же перейти к моделированию долговременных дерево-земляных жилых построек, котлован которых заглублялся в землю, а стены и кровля имели грунтовое покрытие. Собственно падение последних в огонь и должно было заменить упомянутое возведение насыпи в процессе горения. Строительство жилища и было принципиальным отличием данных работ от прежних экспериментов, предполагавших строительство специальных срубов и заброску земель их венцов еще в процессе горения [Молодин, Глушков, 2011, с. 149]. Разумеется, едва ли до наших дней дошел в неприкосновенности ритуал, практиковавшийся ок. 600 л.н., однако некоторые следы былых действий, составляющие структурные элементы рассматриваемых комплексов, находят параллели с отдельными сюжетами этнографически зафиксированных обрядовых действий и позволяют перекинуть смысловой мостик от них к археологическим реалиям «культурных мест» Усть-Изеса-1. Справедливость такого подхода нашла полное подтверждение в экспериментах. А ряд полученных при этом наблюдений позволил предложить реконструкцию одного из сожженных комплексов памятника.

В описании обряда сжигания кукол покойных в качестве необходимого элемента присутствует небольшой «шалашик» или «балаганчик», сжигаемый вместе с куклой при верховом южном ветре на окраине селения. Если человек умер поздней осенью или зимой, то изображение его хранят до весны, пока не прилетят утки [Чернецов, 1959, с. 151; Бауло, 2002, с. 63]. В остальных же случаях обряд проводился «по прошествии 40–50 дней в зависимости от пола умершего» [Там же]. По данным С.К. Патканова, прощание с такой фигуркой по истечении установленного срока означало и окончание траура [1891]. Поэтому такой акт можно считать и концом самой погребальной церемонии.

«Место, где сжигают акань, должно быть сухим. Около тальникового дерева вырыта ямка, обычно закрытая берестой, чтобы избежать попадания внутрь воды. Во время обряда ямку открывают, делают в ней балаганчик из веток тальника, поверх

кладут бересту. Высота балагана около 20 см, длина около 30 см. С акань снимают одежду, разбирают по частям (волосы, пуговицы), все это складывают в кучу под балаганчик, рядом ставят поминальную еду... Снизу кладут бересту и поджигают. Если не горит, поливают птичьим или рыбьим жиром, чтобы кукла сгорела полностью... С собой приносят утку, варят ее здесь же неподалеку... Затем зажигают балаган. При этом *часть его должна остаться*» (выделено нами. – А. С.) [Бауло, 2002, с. 63]. Отметим этот важный для нас момент и вернемся на берега р. Тартас, где на крутом обрыве на сакральной территории некрополя, возможно, неподалеку от погребения человека, чью душу, пребывавшую в кукле, предполагалось отправить к светлым мирам, была выкопана до желтого суглинка четырехугольная яма. Со стороны береговой линии в ее основании была сделана канавка, в которую поместили одну на другую несколько жердей для укрепления стенки. Вдоль границ котлована в неглубоких ямках были установлены столбики, верхушки которых соединялись между собой жердями, а основания могли придерживать прутья, фиксирующие грунтовые стенки. Вершины некоторых опор могли иметь развилки. В итоге сверху получилась четырехугольная рама-каркас, для скрепления элементов которой могли использоваться стяжки из тонких древесных корней. Поверх рамы были уложены жердочки и ветки тальника, образовавшие кровлю. Сверху были расстелены листы бересты, прижатые в нескольких местах кусками дерна, чтобы не сдувало ветром. Об этом говорят остатки обугленных жердей, мелкие угольки, характерные для тонких веток, и фрагменты бересты, сохранившиеся, вероятно, под такими кирпичиками. Боковины рамы-каркаса служили опорой для наклонных стен из жердей, сучьев и мелкого хвороста, нижняя часть которых упиралась в землю на некотором расстоянии, порядка 40–50 см, от границ котлована. Для укрепления их основания были использованы грунт и пласты дерна из котлована. Однако их оказалось слишком мало, чтобы покрыть все стены. Их основная часть пришлось на тыльную сторону конструкции и в меньшей степени на боковые. Сторона входа серьезному укреплению грунтом не подвергалась. В итоге получилась усеченно-пирамидальная конструкция (рис. 2, 1) из жердей и веток с плоской крышей и входом, обращенным к реке – на восход солнца*. По внешним характеристикам постройка выглядела близкой к конструкции дерево-земляных сооружений полуземляночного типа

*В перспективе анализ сезонных точек солнечного восхода сможет дать информацию о вероятном времени строительства и проведения обряда.

лесного населения Нижнего и Среднего Приобья (рис. 2, 3–6). У селькупов это «карамо», у хантов «мыг-хот», описанные еще в начале минувшего века У.Т. Сирелиусом [Соколова, 1998, с. 167, 168; 2007, с. 33–34; Гемуев, Сагалаев, Соловьев, 1989, с. 30–33]. Выявлены подобные строения и в наследии носителей синхронной басандайской культуры (рис. 2, 2) [Савинов, Новиков, Росляков, 2008]. Известны пирамидальные землянки и с наклонными каркасными столбами, которых могло быть от 4 до 12. Спали в них на земляных нарах, образованных пространством между стенками и ямой котлована, которые застилались берестой, камышовыми циновками, оленьей шкурой [Соколова, 2007, с. 33]. Реконструированная постройка выглядит более архаичной, ибо вместо наклонных столбов каркаса имеет вертикальные опоры, что не редкость для реконструированных археологических объектов уже в раннем железном веке.

В привходовой части размещались перевернутые горшки, логика положения которых соответствовала обратной картине заупокойного мира. Во внутреннем помещении располагали куклу, которая, судя по наконечникам стрел, была мужской, приклады, вещевой набор и приношения. Пучки хвороста под стенами по совершении обрядовых действий поджигались. Стены и потолок, занимаясь изнутри, горели открытым огнем, пока не рушилась центральная опорная рама. Сбивая пламя, они падали на котлован, оставляя сверху гореть покосившиеся столбы. Над завалом сквозь пласты дерна струился сизый дым, а над частями строения, что остались на открытом воздухе, плясали языки огня, который неотвратимо пожирал тамбур-сени, упавшую кровлю, верхушки стен и столбы, торчащие из руин. В итоге здесь оставались лишь мелкие уголья, фрагменты «топлива» под рыхлыми грунтовыми фракциями и редкими дерновыми кирпичами перекрытия да пепел, который ветер развеивал над некрополем. Иная картина наблюдалась на периферии. Здесь из-под грунта и дерновых кирпичей облицовки еще несколько дней курились редущие дымки, а внизу под завалом без свободного доступа воздуха продолжалось медленное горение, которое и приводило к образованию окрашенных прокалов. Это обстоятельство позволило, используя форму и локализацию таких участков вместе с особенностями распространения углистой прослойки и ее контента, восстановить форму и размеры сожженного объекта, предположить наличие в конструкции наклонных стен, сеней, ориентацию входа.

Фрагменты обугленных берестяных полотнищ, обнаруженные над котлованом, позволяют перебросить еще один мостик к этнографическим реалиям. Так, А.В. Бауло приводит следующие све-

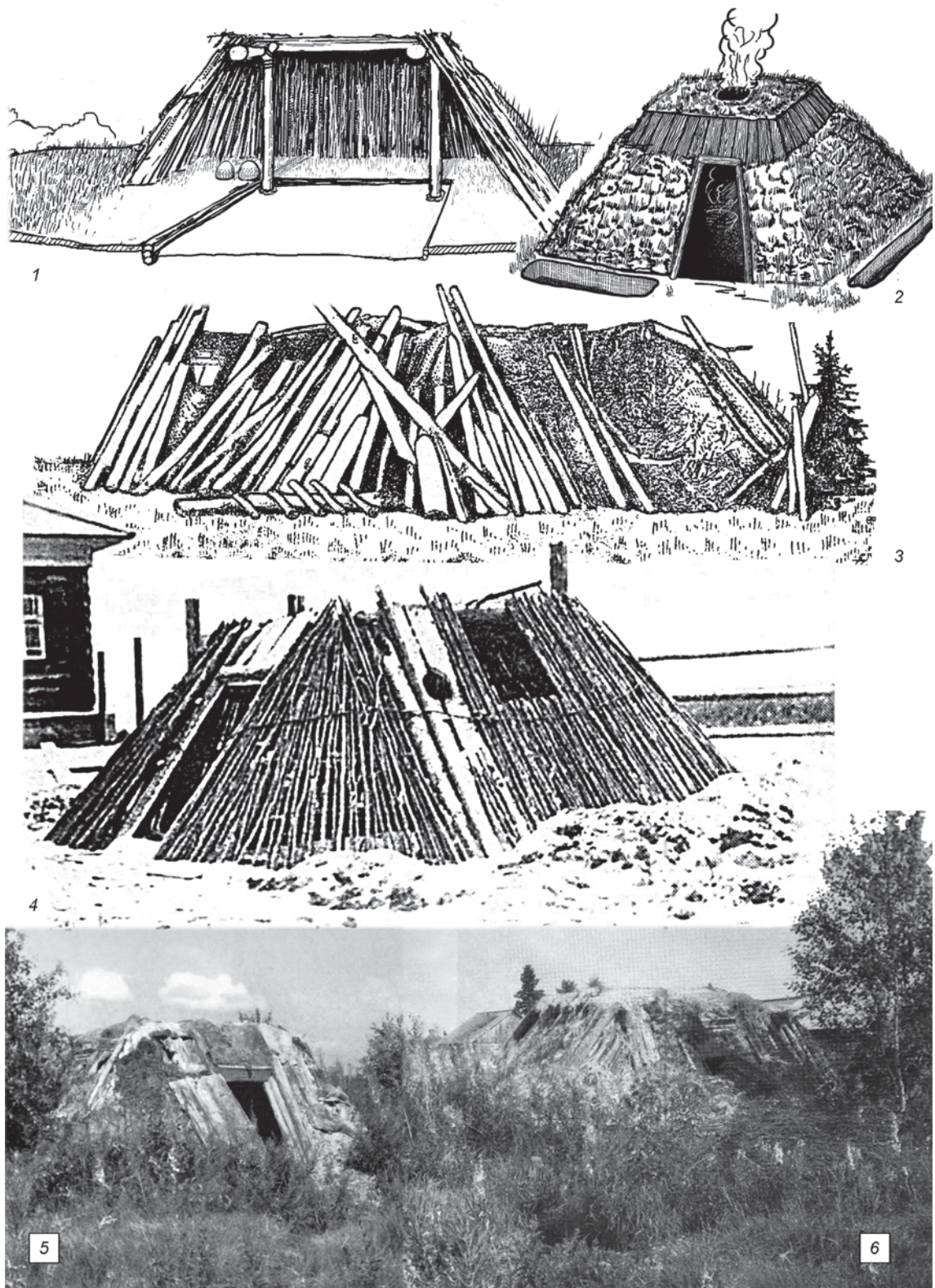

Рис. 2. Схема реконструкции сожженного сооружения и его аналоги.

1 – схема постройки на памятнике Усть-Изес-1; 2 – долговременное жилище басандайской культуры; 3 – полуземлянка (селькупы); 4 – каркас землянки; 5, 6 – жилые строения (обские угры).

2 – по: [Савинов, Новиков, Росляков, 2008]; 3 – по: [Гемуев, Сагалаев, Соловьев, 1989]; 4-6 – по: [Соколова, 2007].

дения: «Когда все прогорает, фрагменты опоры балаганчика оставляют в ямке, кладут туда же несколько палочек и сверху покрывают берестой» [2002, с. 63]. Вероятно, и здесь в день сожжения, когда еще дымилась под дерном стены, по завершении трапезы над центральной прогоревшей частью объекта также раскидывалось полотнище бересты. Жар угольев, оставшихся в золе, постепенно воздействуя на нее, вызывал коробление, обугливание, а местами и возгорание материала. В результате от покрытия оставались только фрагменты, которые затем и закрывались земляной насыпью.

Подсказки к пониманию сакрального смысла таких действий можно отыскать в устной традиции обских угров, согласно которой в погребальной обрядности «береста, как и моховая подстилка... являлась пограничной территорией между двумя мирами... Берестой как бы отделяли этот мир от потустороннего». И даже термины, которые использовало, например, аборигенное население Малого Югана для обозначения границы, преграды и названия бересты над мертвым, по данным В.М. Кулемзина, совпадали [1994, с. 367]. Таким приемом, как представляется, закрывалось окно в другие измерения, аналогично тому, как корнями, ветками и другими частями древесных формаций соплеменники «запечатывали» проход в мир живых с территории погребальной площадки.

Насыпь возводилась уже после того, как все процессы горения полностью прекращались. Ее сооружение было тем финальным актом, что завершал обряд высвобождения и «телепортации» души и уравнивал реальное погребение человека и его временного символического изображения. Тем более что сценарий ритуала «проводов души», совершаемый с использованием означенных сооружений, по своему мифологическому содержанию сопоставим с самим обрядом погребения.

Рассмотренный археологический объект позволяет реконструировать некоторые черты сценария сакральной мистерии, драматургия и обрядовый смысл которой в основных чертах совпадают со схемой действий, которые еще недавно фиксировались в глубинах тайги. Несложно заметить, что еще в прошлом веке в их атрибутике сохранялись структурообразующие элементы археологических комплексов, включая наземное расположение, ямки, антропоморфные изображения, частичное сожжение деревянных построек с их содержимым, символическое, а потом и фактическое погребение остатков сакральных действий. Разумеется, есть и отличия, но все они указывают на очевидное упрощение вещной стороны обряда. Можно считать, что процесс шел по пути постепенного отказа от менее значимых элементов и трансформации

остальных к реальным возможностям экономики и социальной жизни. Анализ же сохранившихся частей археологических объектов может дать новые сведения о характере домостроительных традиций средневекового населения Обь-Иртышского предтаежья.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР № 0329-2019-0003 «Историко-культурные процессы в Сибири и на сопредельных территориях».

Список литературы

Бауло А.В. Культовая атрибутика березовских хантов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – 92 с.

Бауло А.В. Экспедиции Измаила Гемуева к манси: этнокультурные исследования в Нижнем Приобье. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. 1: 1983–1985 годы. – 284 с.

Бобров В.В., Васютин А.С., Онищенко С.С. Вагановский курганный некрополь IX в. н.э. в Присалаирье. – Кемерово: ИНТ, 2010. – 276 с.

Гемуев И.Н., Сагалаев А.М., Соловьев А.И. Легенды и были таежного края. – Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1989. – 176 с.

Гемуев И.Н., Соловьев А.И. Стрелы селькупов // Этнография народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1984. – С. 39–55.

Катанов Н.Ф. О погребальных обрядах у тюркских племен Центральной и Восточной Азии: публицистика. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1894. – 35 с.

Кулемзин В.М. Ханты и манси // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. – Т. 2: Мир реальный и потусторонний. – С. 363–379.

Марченко Ж.В., Гришин А.Е., Кишкурно М.С., Галямина Г.И., Назарова Л.В. Новые данные по памятникам Крохалёвского археологического микрорайона (Новосибирское Приобье) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 297–302.

Молодин В.И., Глушков И.Г. Экспериментальное исследование культовых сооружений XIII–XIV вв. (по материалами Сопки-2) // Экспериментальная археология: Изв. лабор. эксперим. археологии Тобол. пединститута. – Тобольск: Изд-во Тобол. гос. пед. ин-та, 1992. – Вып. 2. – С. 69–76.

Молодин В.И., Глушков И.Г. Экспериментальное исследование культовых сооружений XIII–XIV вв. (по материалам Сопки-2) // Глушков И.Г.: сб. избр. ст. – Сургут: Изд-во Сургут. гос. пед. ун-та, 2011. – Ч. 2. – С. 145–151.

Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. – Новосибирск: Наука, 1990. – 262 с.

Молодин В.И., Соловьев А.И. Типология культовых комплексов эпохи средневековья Обь-Иртышской лесостепи и некоторые аспекты их семантики // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 3 (31). – С. 44–52.

Патканов С.К. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. – СПб.: Тип. Худекова, 1891. – 74 с.

Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – 424 с.

Соболев В.И. Курганы XIII–XIV вв. у с. Туруновка // Этнокультурные явления в Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. – С. 91–96.

Соколова З.П. Жилище народов Сибири (опыт типологии). – М.: Три Л, 1998. – 288 с.

Соколова З.П. Народы Западной Сибири. Этнографический альбом. – М.: Наука, 2007. – 342 с.

Соловьев А.И. К вопросу об особенностях погребальной обрядности средневекового населения Обь-Иртышского Предтаежья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. XI, ч. I. – С. 450–454.

Чернецов В.Н. Представления о душе у обских угров // Тр. ИЭ. – 1959. – Т. 51, Нов. сер. – С. 114–156.

Чернецов В.Н. Источники по этнографии Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. – 284 с.

Элиаде М. Трактат по истории религий. – СПб.: Алетейя, 1999. – Т. 1. – 396 с.

References

Baulo A.V. Kul'tovaya atributika berezovskikh khantov. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2002, 92 p. (In Russ.).

Baulo A.V. Ekspeditsii Izmaila Gemueva k mansi: etnokul'turnye issledovaniya v Nizhnem Priob'e. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. 1: 1983–1985 gody, 284 p. (In Russ.).

Bobrov V.V., Vasyutin A.S., Onishchenko S.S. Vaganovskii kurgannyi nekropol' IX v. n.e. v Prislalair'e. Kemerovo: INT, 2010, 276 p. (In Russ.).

Chernetsov V.N. Predstavleniya o dushe u obskikh ugrov. *Trudy IE*, Nov. Ser., 1959, vol. 51, pp. 114–156. (In Russ.).

Chernetsov V.N. Istochniki po etnografii Zapadnoi Sibiri. Tomsk: State Univ. Press, 1987, 284 p. (In Russ.).

Eliade M. *Traktat po istorii religiy*. St. Petersburg: Aleteya, 1999, vol. 1, 396 p. (In Russ.).

Gemuev I.N., Sagalaeв A.M., Solov'ev A.I. Legendy i byli taezhnogo kraя. Novosibirsk: Nauka. Sib. otdelenie, 1989, 176 p. (In Russ.).

Gemuev I.N., Solov'ev A.I. *Strely sel'kupov. Etnografiya narodov Sibiri*. Novosibirsk: Nauka, 1984, pp. 39–55. (In Russ.).

Katanov N.F. O pogrebal'nykh obryadakh u tyurkskikh plemen Tsentral'noi i Vostochnoi Azii: publitsistika. Kazan: Tipo-litografiya Imperatorskogo univ., 1894, 35 p. (In Russ.).

Kulemzin V.M. Khanty i mansi. Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoi Sibiri. Tomsk: State Univ. Press, 1994, vol. 2: *Mir real'nyi i potustoronni*, pp. 363–379. (In Russ.).

Marchenko Zh.V., Grishin A.E., Kishkurno M.S., Galyamina G.I., Nazarova L.V. New data for the sites of Krokhal'evskii archaeological area (Novosibirsk Ob region). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, vol. XXI, pp. 297–302. (In Russ.).

Molodin V.I., Glushkov I.G. Eksperimental'noe issledovanie kul'tovykh sooruzhenii XIII–XIV vv. (po materialam Sopki-2). In *Eksperimental'naya arkheologiya: Izvestiya laboratorii eksperimental'noi arkheologii Tob. pedinstitut*. Tobolsk: State Ped. Inst. Press, 1992, iss. 2, pp. 69–76. (In Russ.).

Molodin V.I., Glushkov I.G. Eksperimental'noe issledovanie kul'tovykh sooruzhenii XIII–XIV vv. (po materialam Sopki-2). In *Igor' Gennad'evich Glushkov: sbornik izbrannykh statei*. Surgut: State Ped. Univ. Press, 2011, pt. 2, pp. 145–151. (In Russ.).

Molodin V.I., Sobolev V.I., Solov'ev A.I. Baraba v epokhu pozdnego srednevekov'ya. Novosibirsk: Nauka, 1990, 262 p. (In Russ.).

Molodin V.I., Solov'ev A.I. The typology of ritual complexes of Medieval epoch of Ob-Irtysh forest-steppe and their certain semantic aspects. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, No. 3 (31), 2007, pp. 44–52.

Patkanov S.K. Tip ostyatskogo bogatyrya po ostyatskim bylinam i geroicheskim skazaniyam. St. Petersburg: Tip. Khudekova, 1891, 74 p. (In Russ.).

Savinov D.G., Novikov A.B., Roslyakov S.G. Verkhnee Priob'e na rubezhe epokh (basandaiskaya kul'tura). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2008, 424 p. (In Russ.).

Sobolev V.I. Kurgany XIII–XIV vv. u s. Turunovka. In *Etnokul'turnye yavleniya v Zapadnoi Sibiri*. Tomsk: State Univ. Press, 1978, pp. 91–96. (In Russ.).

Sokolova Z.P. Zhilishche narodov Sibiri (opyt tipologii). Moscow: Tri L, 1998, 288 p. (In Russ.).

Sokolova Z.P. Narody Zapadnoi Sibiri. Etnograficheskii al'bom. Moscow: Nauka, 2007, 342 p. (In Russ.).

Solov'ev A.I. Of specifics of funeral rites of medieval population of Ob-Irtysh south forest. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2005, vol. XI, pt. I, pp. 450–454. (In Russ.).

Соловьев А.И. <https://orcid.org/0000-0003-3891-8944>

А.И. Соловьев¹, Р.М. Харитонов^{1, 2}✉

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

²Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

E-mail: tengeri_ashina@outlook.com

«Маньчжуро-монгольские» луки из фондов Национального музея Республики Бурятия

В статье представлены результаты анализа серии предметов, отнесенных авторами к «маньчжуро-монгольской» конструкции, из фондов Национального музея Республики Бурятия. Для характеристики предметов применяется разработанный авторами метод, основанный на анализе общей геометрии и морфологических особенностей целого изделия. Данный подход может дополнить традиционный типологический анализ, базирующийся на разделении предметов по форме роговых и костяных накладок и взаимному расположению их на деревянном каркасе лука. В результате проведенного анализа из всего массива коллекции выделены четыре предмета, конструктивные и декоративные особенности которых наиболее близки к традиционным маньчжурским лукам и отличаются от местных самобытных бурятских изделий. В статье приводится подробное описание луков, включая размеры изделий и технические характеристики. Такие предметы значительно отличаются по толщине и ширине в различных функциональных зонах. Кроме того, им присущи изогнутые в направлении спинки лука плечи, длинные переходные зоны между упругими плечами и концами, образованные за счет дополнительного ребра со стороны спинки лука, длинные концевые зоны жесткости. Характер декора и использованных материалов, в т.ч. кожи ската, свидетельствует о китайском происхождении двух предметов. Два других, вероятно, представляют собой локальные варианты маньчжурской конструкции. Одно из китайских изделий может быть, исходя из его параметров и размеров, интерпретировано как детский лук. Особенности предметов свидетельствуют о генетической связи конструкций всех предметов и актуализируют дальнейшее обращение к подобному рода материалам для определения локальных и хронологических особенностей традиционных луков с различных территорий Азии.

Ключевые слова: Национальный музей Республики Бурятия, традиционный лук, Китай, маньчжуры, накладки.

Alexander I. Solovyev¹, Roman M. Kharitonov^{1, 2}✉

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

²Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia

E-mail: tengeri_ashina@outlook.com

“Manchurian-Mongolian” Bows from the National Museum of the Republic of Buryatia

The article presents the results of the study of a series of items from the National Museum of the Republic of Buryatia, attributed by authors as having a “Manchurian-Mongolian” design. For the research, the author’s method based on the analysis of the general geometry and the morphological features of the entire product was used. It can also be used to supplement the traditional typological analysis based on the division of items according to the shape of the horn and bone details on a surface of a bow and their position on the wooden part of the bow. The results of the analysis allows detecting, in a bulk of the collection, 4 items identified by their design and decorative features as the Manchurian differ from local original Buryat items. The article provides a detailed description of bows, their sizes, their main dimensions and specifications. Such items are characterized by significant differences in thickness and width in various functional areas; shoulders curved in the direction of the back of the bow; long transition zones between elastic shoulders and ends formed by an additional rib

on the back of the bow; long end stiffness zones. The nature of the decor and the materials used (including stingray leather) testifies to the Chinese origin of the two items. The other two are probably local variants of the Manchurian design. One of the Chinese products can be interpreted as a children's bow based on its parameters and dimensions. The item features testify to the genetic connection of designs of all items and actualize further research in local and chronological features of traditional bows in various Asian territories.

Keywords: *The National Museum of the Republic of Buryatia, a traditional bow, Manchurians, plates of a bow.*

Изучение луков и стрел народов прошлого является одной из актуальных тем оружейно-исторических исследований. Начиная с конца XIX в. было опубликовано множество специализированных работ, освещавших этот вид ручного метательного оружия и аспекты его использования и изготовления [Анучин, 1887; Медведев, 1966; Худяков, 1993]. Подавляющее большинство исследований базировалось на анализе археологизированных остатков реальных изделий, представленных роговыми или костяными накладками кибити, а также стилизованными изображениями на скалах или страницах восточных летописных сводов, не позволяющих уверенно говорить о сопряжении между собой деталей конструкции и технических особенностях изделия, определяющих его внешний вид и эксплуатационные возможности. Соответственно, имеющиеся реконструкции исходят из типологии таких деталей и являют собой авторские представления об облике изделия; они выполняются, как правило, по интуитивно-априорной схеме, демонстрируют читателю варианты размещения костно-роговых деталей на кибити и луки стандартной м-образной формы, преимущественно с натянутой тетивой. Вместе с тем даже беглое обращение к этнографическим материалам показывает, что при всем формальном сходстве изделий в русле производственной традиции существовала значительная вариативность технических решений, определявших особенности работы оружия и, в конечном итоге, уже с позиций археологической науки, его типологию. Удивительно долгая «жизнь» этого, на первый взгляд, простого механизма позволяет ретроспективно перекинуть пока еще шаткий мостик от его поздних форм к ранним. В связи с этим для понимания общих закономерностей работы различных вариантов конструкций метательного оружия, выяснения характера отдельных его усовершенствований и технических приемов, используемых в процессе его изготовления, особую актуальность приобретает обращение к поздним, целиком сохранившимся изделиям.

Так, крупная коллекция традиционных луков XVIII–XX вв. хранится в фондах Национального музея Республики Бурятия. Поскольку большая ее часть формировалась до середины прошлого века, для большинства предметов нет информации о ме-

сте и времени изготовления, что во многом осложняет работу как с отдельными предметами, так и со всей коллекцией в целом. В определенной степени решить вопрос культурной идентификации предметов позволило обращение к материалам с соседних территорий.

Одним из государств, культурные традиции которого оказали заметное влияние на историю народов Южной Сибири и Центральной Азии, была Цинская империя. В последние годы значительно актуализировалась проблематика исследования цинского ручного метательного оружия, особенно за рубежом, в немалой степени инициированная наличием в фондах китайских музеев большого числа прекрасно сохранившихся экземпляров. Особый интерес для нас представляет работа П. Деккера, который в формате электронного ресурса изложил основные конструктивные особенности традиционного маньчжурского лука, процесс его изготовления, специфику декора и техники китайской стрельбы. Большое внимание он уделил анализу изобразительных источников. По мнению автора, развитие и распространение рассматриваемой конструкции связано главным образом с маньчжурскими завоеваниями [Dekker, 2012].

Маньчжурские луки были достаточно массивными, имели небольшую округлую в сечении рукоять, сравнительно широкие и тонкие плечи (сечение которых чаще всего близко к уплощенному эллипсу), длинные отчетливо выраженные переходные зоны, необходимые для формирования нужного угла между упругим плечом и негнувшимся концом, в которых горизонтальное эллиптическое сечение трансформировалось в подпятиугольное за счет появления дополнительного ребра со стороны спинки. Последнее постепенно увеличивалось в сторону окончаний, утолщая корпус лука, который завершался длинными прямыми концевыми зонами жесткости. Чаще всего по своей геометрии такие луки в положении без тетивы были закрытыми или полуоткрытыми. Такие различия были связаны со степенью изначального изгиба деревянной основы и количеством наклеенных сухожилий, сокращение которых стягивало в обратном направлении упругие плечи. Поздние маньчжурские луки были украшены мозаиками или аппликациями, кожей ската или змеи и ярко окрашены.

Со временем исходная маньчжурская конструкция была адаптирована соседними народами – варьировалась длина изделия и отдельных его функциональных зон, применялись иные доступные материалы. Но основные конструктивные особенности модели не менялись. Это не позволяет считать все позднесредневековые луки из китайских музейных коллекций классическими маньчжурскими. В настоящий момент без дополнительных данных трудно выделить конкретные варианты маньчжурской конструкции. Целесообразнее будет пока охарактеризовать рассмотренные ниже предметы как «маньчжуро-монгольские».

В коллекции Национального музея Республики Бурятия имеются четыре «маньчжуро-монгольских» лука. Это предметы с инвентарными номерами МИБ ОФ 1152 (рис. 1, 2; 2), МИБ ОФ 1155 (рис. 1, 4; 3), МИБ ОФ 11667/1 (рис. 1, 3; 4), НМБ ОФ 20889 (рис. 1, 1; 5), в обозначении которых для краткости изложения будем использовать последнюю цифру шифра. Отметим, что № 2 и № 9 (рис. 2, 5) наиболее близки к клас-

сической маньчжурской конструкции. Кроме выраженных морфологических особенностей их отличает яркий декор и использование кожи скота.

Исходная геометрия всех предметов незначительно повреждена: № 2 (рис. 2) долгое время хранился с надетой тетивой, вследствие чего плечи равномерно выгнуты в направлении живота. У № 5 (рис. 3) одно плечо незначительно выпрямлено из-за повреждения сухожильной оклейки. У № 7/1 (рис. 4) искривлена ось по спинке, одно плечо заметно перекручено, геометрия же второго не повреждена. У № 9 (рис. 5) тоже незначительно перекручено одно плечо. Несмотря на повреждения, основные морфологические особенности изделий остались в исходном виде. Все луки изначально были полуоткрытыми: окончания корпуса в положении без тетивы направлены вперед, угол между ними и рукоятью составляет 134–90°. Исключение составляет изделие № 9, которое по общей геометрии относится к закрытым: угол между окончаниями и рукоятью составляет до 89°.

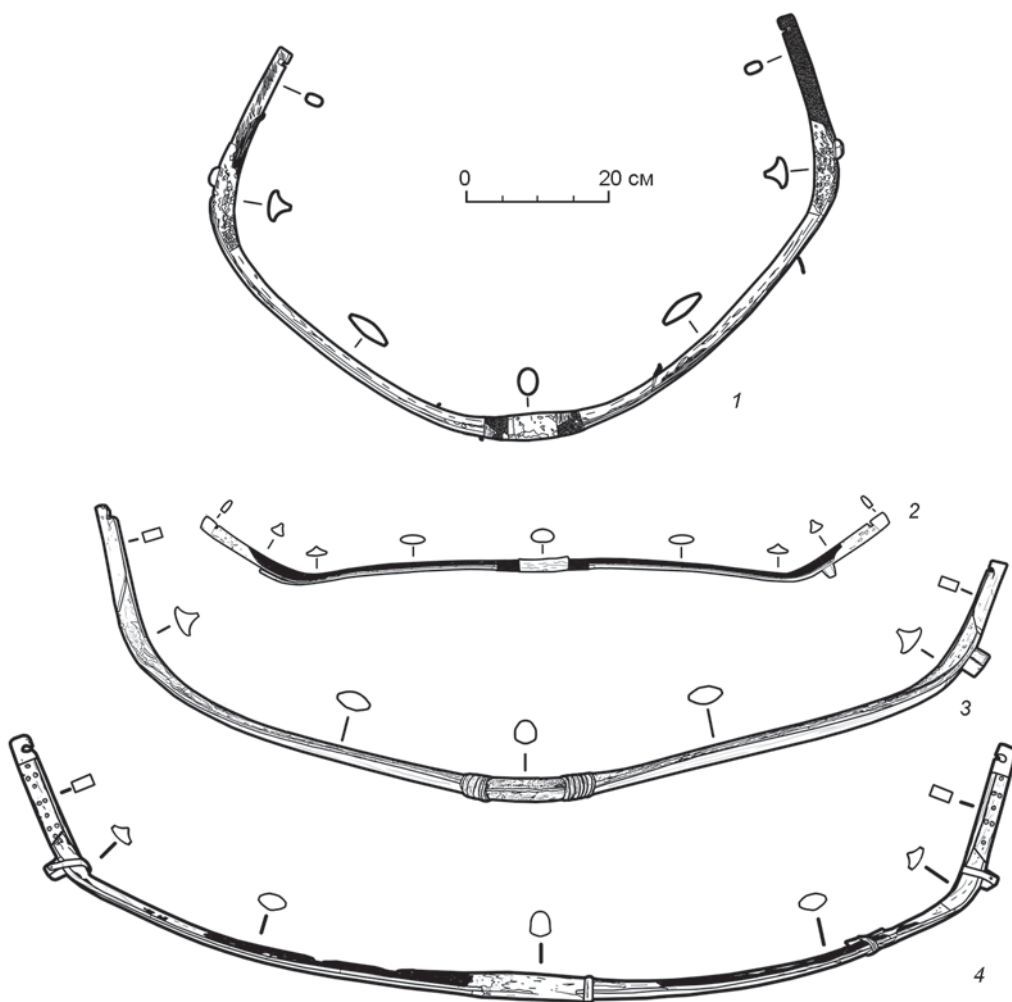

Рис. 1. «Маньчжуро-монгольские» луки из фондов Национального музея Республики Бурятия.

1 – НМБ ОФ 20889; 2 – МИБ ОФ 1152; 3 – МИБ ОФ 11667/1; 4 – МИБ ОФ 1155.

Каждый предмет уникален, размеры отдельных зон значительно разнятся, однако все основные конструктивные элементы выполнены в одном стиле, что говорит об общем происхождении конструкции. Длина изделий колеблется в пределах 160–165 см, плечи симметричны. Исключением является изделие № 2, которое, вероятно, относится к детским, о чем говорят как его размеры – всего 100 см длины, так и пропорции. Спинка изделия по плечам и рукояти усилена сухожилиями. Особенностью конструкции является значительное изменение толщины и ширины между разными участками корпуса.

Рукояти изделий имеют округлое сечение в центральной части, от которой в направлении упругих плеч область хвата плавно утончается с 3–3,5 см до 2,8–2,5 см (у № 2 с 1,7 см до 1,4 см), одновременно незначительно расширяясь с 2,2–2,9 см до 3–3,2 см (у рукояти № 2 ширина неизменна – 2,6 см). У большинства предметов область хвата представлена сравнительно небольшим участком корпуса длиной 7–10 см и отделена от упругих плеч декоративными элементами из кожи ската – № 2 и № 9 (рис. 2, 5, 9; 5, 3, 8) или кожаной обмоткой – № 7/1 (рис. 4, 6, 9) длиной 4–7 см, под которыми обводы рукояти продолжают расширяться в поперечной проекции и утончаться в продольном сечении по направлению к упругим плечам. Исключением является лук № 5, область хвата которого особо не выделена, а рукоять длиной 14 см плавно переходит в упругие плечи (рис. 3, 7). Для оформления области хвата лука, кроме отмеченных кожи ската и обмотки, использовалась оклейка кожей и берестой.

Упругие плечи от рукояти в направлении концов продолжают плавно расширяться с 3–4 см от декоративных элементов до достижения максимальной ширины и утончаться, после чего незначительно сужаются и утолщаются до переходных зон. Минимальная толщина плеч 1,2–1,7 см при максимальной

Рис. 2. Детский лук, инв. номер МИБ ОФ 1152 (№ 2).

1, 6 – декор упругого плеча; 2 – спинка; 3 – боковая поверхность; 4 – боковая поверхность негнувшегося конца; 5 – внутренняя поверхность рукояти; 7 – боковая поверхность с обозначением расположения сухожилий; 8 – боковая поверхность с обозначением декора; 9 – внутренняя поверхность рукояти.

ширине 4,0–4,5 см. Параметры детского лука аналогичны: 0,9 см и 2,7 см соответственно. Длина упругих плеч составляет 30 см (№ 2), 43 см (№ 9) и 50 см (№ 5, № 7/1). Внутренняя поверхность всех луков укреплена плечевыми фронтальными накладками из полого рога. Форма и размеры накладок повторяют форму тыльной поверхности корпуса, охватывая не только зоны упругости, но и часть переходных зон между упругими плечами и концами. Окончания пластин чаще всего скрыты – стык с рукоятью закрывался кожаной обмоткой, берестой или кожей ската, противоположный конец оклеивался берестой. Нередко на деревянной основе в районе переходных

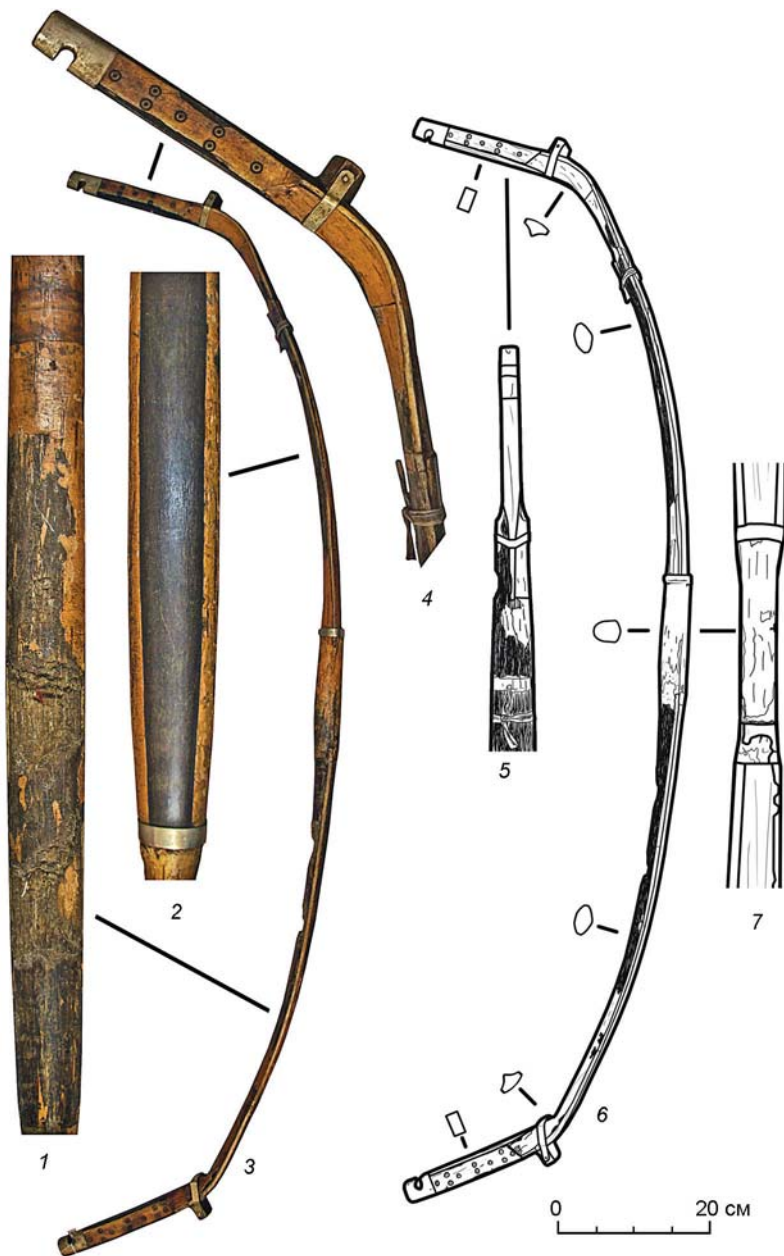

Рис. 3. Лук, инв. номер МИБ ОФ 1155 (№ 5).

1 – внешняя поверхность упругого плеча; 2 – внутренняя поверхность упругого плеча; 3 – боковая поверхность; 4 – боковая поверхность негнущегося конца; 5 – внешняя поверхность негнущегося конца; 6 – проекция боковой стороны; 7 – внутренняя поверхность рукояти.

зон между упругими плечами и концами выпилен небольшой выступ, к которому стыковалась роговая пластина. Таким образом, плечевые накладки стыковывались прямо с выступающей частью деревянной основы. Такие элементы надежно фиксируются на предмете № 9 (рис. 5, 7). На остальных предметах они скрыты под берестой, однако, вероятнее всего, имеются на всех луках кроме № 5. Следует отметить, что № 5 – это единственный предмет, плечевые фронтальные накладки которого составные (40 см и 15 см на одно плечо и 38 см и 17 см – на другое). На остальных предметах использовались

длинные цельные пластины, что свидетельствует о высоком качестве используемого сырья.

Боковая поверхность изделий № 2 и № 5 вдоль упругих плеч и переходных зон снабжалась дополнительными конструктивными элементами – тонкими пластинками (шириной 0,1–0,2 см у № 2 и 0,3–0,5 см № 5), скрывающими боковую поверхность деревянной основы. Интересно, что боковой конструктивный элемент № 5 (рис. 3, 4) составной и изготовлен из достаточно жесткого рога оленевых. Те же детали у № 2 (рис. 2, 4), вероятно, сделаны из бамбука.

Параметры и морфология переходных зон у всех изделий достаточно близки. В этих областях постепенное возрастание жесткости достигалось за счет трансформации поперечного эллиптического сечения к подпятиугольному. Длина каждого из переходов составляет 5,5 см (№ 2), 9 см (№ 5), 12 см (№ 7/1) и 16 см (№ 9). Со стороны спинки появляется дополнительное ребро, которое увеличивается по мере приближения к концу лука, утолщая тем самым корпус с 2,0 см до 2,5 см, только на детском толщина увеличивалась с 1,1 см до 1,6 см. В этих же областях увеличивается изгиб корпуса, образуя угол между негнущимися концами и упругими плечами. Ширина переходных зон в сторону концов плавно уменьшалась до 2,3 см (№ 9) и до 1,7–1,8 см на всех остальных луках. С внутренней стороны они укреплялись фронтальными плечевыми накладками, которые состыковывались с выступами деревянной основы. Иное устройство демонстрируют переходные зоны у изделия № 5, которые полностью закрывались плечевыми фронтальными накладками.

Такие переходные зоны являются характерной особенностью маньчжурских луков, которая сохранилась на всех локальных вариантах конструкции. Именно за счет дополнительного ребра удавалось укрепить переходную область между зонами жесткости (концевые части лука) и упругости (упругие плечи), позволяя равномерно перераспределить нагрузку на эту область.

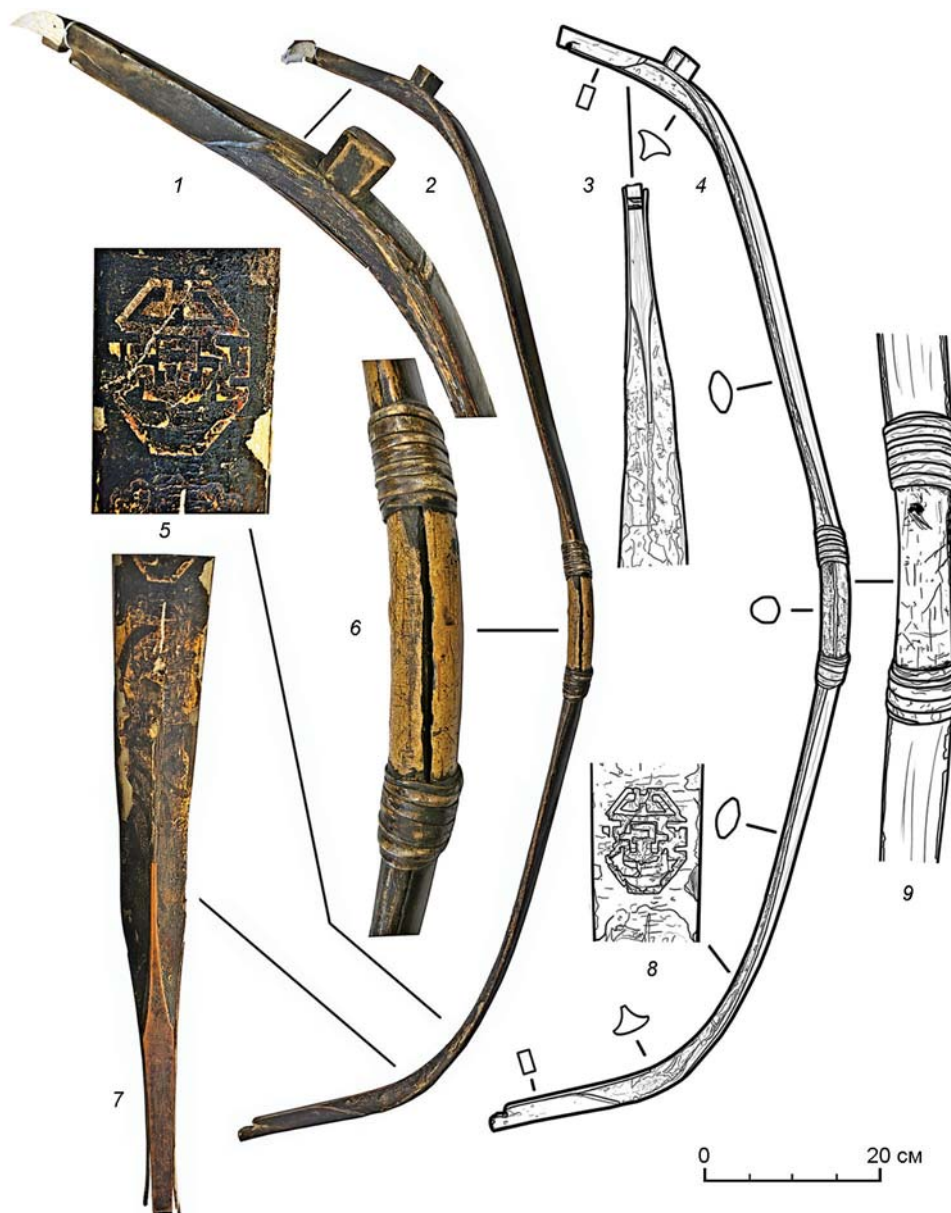

Рис. 4. Лук, инв. номер МИБ ОФ 11667/1 (№ 7/1).

1 – боковая поверхность негнущегося конца; 2 – боковая поверхность; 3, 7 – внешняя поверхность негнущегося конца; 4 – проекция боковой стороны; 5, 8 – элемент декора; 6 – боковая поверхность рукояти; 9 – внутренняя поверхность рукояти.

В жестких негнущихся концах сечение относительно переходных зон снова меняется на подпрямоугольное или эллипсовидное. Длина концов составляет 8 см у № 2, 13 см у № 7/1 и 16 см у № 5 и № 9. Ширина корпуса в этих областях в направлении окончаний плавно уменьшается до 1,0–1,5 см либо остается неизменной относительно переходных зон, толщина же фактически не изменяется. На луках № 5 и № 7/1 концы со всех четырех сторон укреплены накладками: концевыми фронтальными, боковыми и тыльными (рис. 3, 4, 5; 4, 1, 3). Накладки имеют схожую форму, повторяющую обводы поверхности корпуса: фронтальные с плавным сужением к окончанию длиной 17 см на обоих луках;

боковые трапециевидные со скошенной нижней гранью длиной 16 см у № 5 и 13 см у № 7/1; тыльные с фигурным сужением, узкая область которых охватывает небольшую часть дополнительного ребра переходной зоны длиной ок. 20 см на обоих луках. Интересно, что в обоих случаях фронтальные и тыльные накладки изготовлены из сравнительно упругого полого рога, который не сохраняется при археологизации материала. Боковые накладки у № 5 сделаны из рога оленевых или кости. Те же пластины у № 7/1 изготовлены, как и остальные накладки, из полого рога.

В концы лука № 9 клеивались роговые вкладыши с вырезами для тетивы, которые вставлялись в клино-

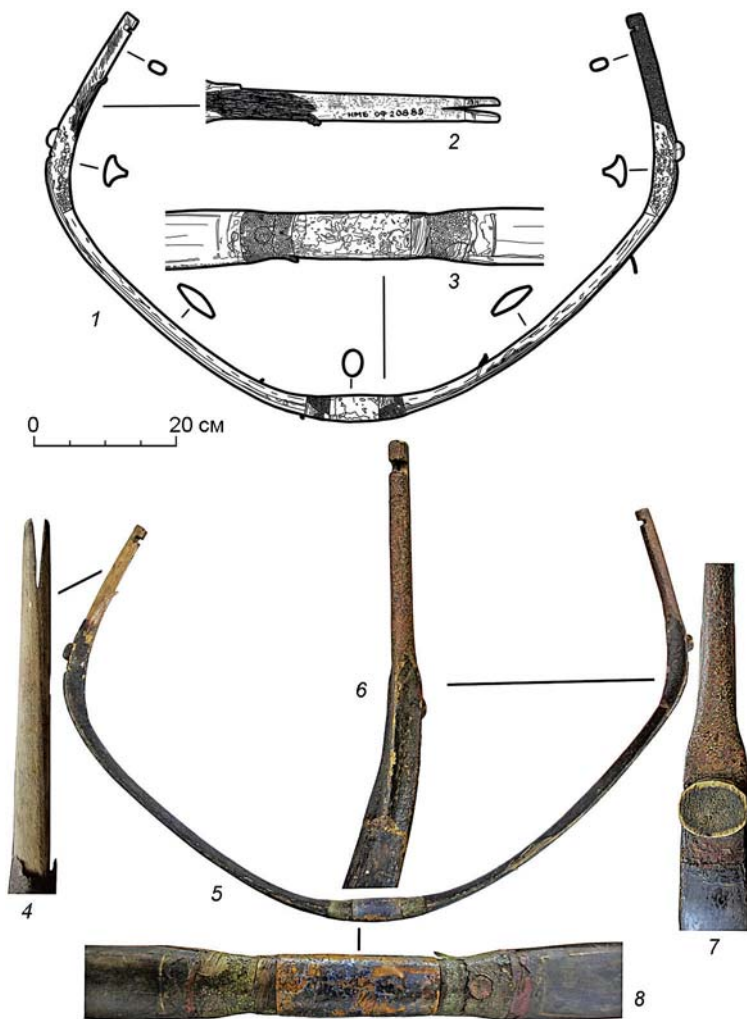

Рис. 5. Лук, инв. номер НМБ ОФ 20889 (№ 9).

1, 5 – боковая поверхность; 2 – внешняя поверхность негнущегося конца; 3, 8 – внутренняя поверхность рукояти; 4 – внутренняя поверхность негнущегося конца; 6 – внешняя поверхность переходной зоны и негнущегося конца; 7 – внутренняя поверхность переходной зоны с подпоркой для тетивы.

видный вырез на деревянной основе (рис. 5, 2, 4). Сохранился только один вкладыш из полого рога.

Все предметы снабжались деревянными или роговыми подпорками для тетивы, расположенными в районе переходных зон на поверхности упомянутых деревянных площадок, к которым стыковались плечевые фронтальные пластины. Среди таких элементов встречаются трапециевидные с выгнутой площадкой, с восьмиугольной площадкой, конической формы (рис. 4, 1, 5, 7). В ряде случаев на присутствие таких элементов указывают следы на поверхности корпуса.

Для защиты деревянной основы и сухожилий от влаги с внешней стороны корпус лука покрывали различными материалами. Все детально изученные предметы по упругим плечам и рукояти оклеены берестой (концы покрывались другим материалом, накладками или не покрывались вовсе).

Детский лук № 2 берестой не покрывался совсем – сухожилия окрашивались краской (рис. 2, 1, 2). На одном из концов № 9 сохранилась сплошная оклейка из кожи ската (рис. 5, 6, 7).

Луки китайского производства зачастую ярко декорированы. Так, на поверхности полосок из кожи ската, расположенных у лука № 2 на переходной зоне между рукоятью и упругими плечами, инкрустированы луна и месяц на одной и летучая мышь на другой (рис. 2, 5, 9). Разные области изделия тонировались синим или красным цветом (рис. 2, 1–4). На красном участке плечи расписывались растительным орнаментом из листьев и бутонов белого и синего цветов (рис. 2, 1, 2, 6). Переходные зоны от рукояти к плечам и, соответственно, от плеча к жестким концам лука окрашены в синий цвет. Сами концы до выреза для тетивы окрашены в зеленый цвет, а небольшой участок после выреза – в черный.

У лука № 9 на полоске кожи ската в районе рукояти со стороны спинки были изображены аналогичные изделию № 2 луна и месяц (рис. 5, 3, 8). Поверх бересты на упругих плечах и рукояти (концы и переходы от рукояти к плечам оклеивались кожей ската) также прослеживаются следы окрашивания. Лук № 7/1 по внешней поверхности упругих плеч и переходных зон окрашен темной краской, на внутренней поверхности вдоль упругих плеч по краям пластин прослеживаются тонкие полоски бересты. Со стороны спинки в районе

переходных зон на предмет наклеены берестяные вырезные тамги восьмиугольной формы со свастиками внутри (рис. 4, 5, 8).

Единственный предмет из серии, который не окрашивался и не украшался ни одним из описанных способов (оклейка кожей ската, окраска с выделением различных зон лука), – это лук № 5. Из декора на нем присутствуют только два ряда небольших элементов циркульного орнамента на концевых боковых накладках (рис. 3, 4).

Сохранность предметов не позволяет с уверенностью говорить об устройстве их деревянной основы. Отдельные ее элементы прослеживаются на предмете № 2. В месте повреждения в области переходной зоны виден стык деревянных деталей, что говорит нам о том, что концы лука вклеивались в упругие плечи, вероятнее всего, способом «ласточкин хвост». В упругом плече выпиливался клин, в кото-

рый вставлялся негнувшийся конец. В месте вклейки на деревянной основе концов делалось дополнительное ребро, которое выделяется на морфологии целого предмета и образует упомянутую переходную зону (рис. 2, 4). Такой способ вклейки концов описан на множестве китайских предметов аналогичной конструкции и зафиксирован у современных китайских мастеров [Dekker, 2012].

Два предмета из описанных имеют музейную опись. Согласно музейным данным, МИБ ОФ 11667/1 (№ 7/1) был изготовлен Чимитовым Дагбажалсаном – известным мастером из Агинского округа, колхоз «Мир». Принадлежал Дугаржапову Тудупдоржи – неоднократному призёру и чемпиону Агинского округа, Сибири и Дальнего Востока, участнику всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве 1957 г. В музей поступил вместе с двумя стрелами (МИБ ОФ 11667/2 и МИБ ОФ 11667/3) в ноябре 1976 г. НМБ ОФ 20889 (№ 9) был получен от Ринчинимаева Дондога Доржирыгзеновича, уроженца Кижингинского р-на. Со слов владельца, лук хранился в его семье примерно 250 лет. Владелец происходит из рода Содномовых, принадлежащих к одному из 11 хоринских родов (Хуасай).

На основе представленных данных можно сделать некоторые выводы о происхождении предметов. Вероятнее всего, предметы № 2 и № 9 были изготовлены на территории Китая (о чем позволяет говорить отделка предметов). Если музейные данные верны, то № 9 хранился в бурятской семье и использовался бурятскими лучниками. № 7/1 не имеет специфичных для Китая способов отделки и согласно описи был изготовлен агинским мастером. На настоящий момент с большой уверенностью утверждать это нельзя, поскольку мы не имеем данных о том, изготавливали ли буряты луки «маньчжуро-монгольской» традиции, а имеющиеся образцы изделий агинских мастеров значительно отличаются от подобных луков. О месте изготовления и использования лука № 5 сейчас сложно судить, поскольку музейной «легенды» у него нет, а маркирующих признаков на предмете не прослежено. Возможно, данный предмет представляет одну из локальных вариаций маньчжурской конструкции.

Данная тематика требует дальнейшей разработки. Несмотря на генетическую связь описанных предметов с маньчжурскими луками, вариативность свидетельствует о существовании большого количества локальных конструкций. Зная о широком распространении луков маньчжурской конструкции, сложно говорить об ареале традиции их изготовления. Не исключено, что в отдельные районы такие предметы попадали в результате торговых связей, в других же изготавливались местными мастерами по имеющимся образцам с учетом

локальной специфики. Кроме того, весьма проблематична датировка предметов, поскольку сохранность изделий определяется главным образом условиями хранения, в данном случае неизвестными, а характерных конструктивных элементов на настоящий момент еще не выделено.

Сделанные наблюдения могут способствовать пониманию специфики коллекции и позволить в дальнейшем обособить различные типы конструкций, четко связав их с определенным регионом или населением, что поможет значительно дополнить имеющиеся представления о ручном метательном оружии азиатских народов.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР № 0329-2019-0003 «Историко-культурные процессы в Сибири и на сопредельных территориях».

Список литературы

Анучин Д.Н. Лук и стрелы. Археолого-этнографический очерк. С 73 рисунками в тексте. Оттиск из Тр. V Тифлисского археол. съезда. – М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1887. – 75 с.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. – М.: Наука, 1966. – 128 с.

Худяков Ю.С. Эволюция сложносоставного лука у кочевников Центральной Азии // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1993. – С. 107–148.

Dekker P. The Manchu bow [Электронный ресурс] // Fe Doro – Manchu archery. – 2012. – URL: <http://www.manchuarchery.org/bows> (дата обращения: 01.03.2020).

References

Anuchin D.N. Luk i strely. Arkheologo-etnograficheskii ocherk. S 73 risunkami v tekste. Ottisk iz Trudov V Tiflisskogo arkheologicheskogo s'ezda. Moscow: Tipografiya A.I. Mamontova i Ko, 1887, 75 p. (In Russ.).

Dekker P. The Manchu bow. In *Fe Doro – Manchu archery*, 2012. URL: <http://www.manchuarchery.org/bows> (Accessed: 01.03.2020).

Hudyakov Yu.S. Evolyutsiya slozhnosostavnogo luka u kochevnikov Tsentral'noi Azii. In *Voennoe delo naseleniya yuga Sibiri i Dal'nego Vostoka*. Novosibirsk: Nauka, 1993, pp. 107–148. (In Russ.).

Medvedev A.F. Ruchnoe metatel'noe oruzhie (luk i strely, samostrel) VIII–XIV vv. Moscow: Nauka, 1966, 128 p. (In Russ.).

Соловьев А.И. <https://orcid.org/0000-0003-3891-8944>
Харитонов Р.М. <https://orcid.org/0000-0003-1699-046X>

Е.А. Соловьева

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: easolovievy@mail.ru

Вторичные погребения в древней Японии в периоды дзёмон и яёй

Практика совершения вторичных погребений известна на территории Японских о-вов на протяжении нескольких эпох. В течение периода дзёмон (13 000–400 гг. до н.э.) встречаются перезахоронения нескольких видов. Во-первых, это погребения в пещерах в земляных ямах, во-вторых, погребения в керамических догу-кувшинах. Анализ материалов из двух могильных ям в скальном убежище Ёсэкура, относящемся к позднему этапу периода дзёмон, позволил определить, что перезахоронение проводилось четыре раза. Количество погребенных свидетельствует об использовании могильных ям на протяжении долгого времени и, вероятно, для обитателей нескольких пещер. В конце периода дзёмон в восточной части Японии появляются погребения в догу-кувшинах. В подобных погребениях найдены обожженные кости новорожденных и младенцев, что позволяет сделать вывод об использовании кувшинов для погребения детей. В течение периода яёй (X в. до н.э. – III в. н.э.) также встречается практика вторичных погребений. На переходном этапе от периода дзёмон к периоду яёй известны вторичные погребения в керамических сосудах. Особым проявлением традиции можно считать захоронения в сосудах-кувшинах с антропоморфными изображениями из преф. Ибараки. Сходные погребения расположены на компактной территории, что может говорить о сочетании традиций прошлой и новой эпохи в пределах определенной группы населения. К концу периода яёй наблюдается уменьшение размеров поселений, появление большого количества погребальных комплексов, что связано с изменением образа жизни, в т.ч. и под влиянием миграционных потоков с континента. Выходцы, прежде всего с территории Корейского п-ова, помимо новых занятий приносили также и представления о мире, которые, соединяясь с местной традицией, влияли на изменение ритуалов.

Ключевые слова: дзёмон, яёй, погребения, погребальный обряд, вторичные погребения, пещеры.

Elena A. Solovyeva

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: easolovievy@mail.ru

Secondary Burials of Ancient Japan in Jomon and Yayoi

The practice of performing secondary burials has been known in the territory of the Japanese islands for several epochs. During the Jomon period (13,000–400 BC), there were several types of reburials. First, these are burials in caves in earthen pits, and second, burials in ceramic dogu jars. The finds of two burial pits in the Yosekura rock shelter, dating back to the late Jomon period, and analysis of the materials revealed that the reburial was carried out four times. The number of those buried testifies to the use of the grave pits for a long time and, probably, for the inhabitants of several caves. At the end of the Jomon period, dogu jar burials appear in the eastern Japan. In such burials, burnt bones of newborns and infants were found, which allows us to conclude that jars were used to bury children. During the Yayoi period (the 10th century BC to the 3rd century AD), the practice of secondary burials also occurs. During the transitional stage from Jomon to Yayoi, secondary burials in ceramic vessels are known. Burials in jars with anthropomorphic images from the Ibaraki Prefecture can be considered a special manifestation of the tradition. Similar burials are located within a compact territory, which may indicate a combination of traditions of the past and new eras within a certain population group. By the end of the Yayoi period, there is a decrease in the size of settlements, the appearance of a large number of burial complexes, which is associated with a change in lifestyle, including under the influence of migration flows from the continent. The population came primarily from the territory of the Korean Peninsula, in addition to new occupations, also brought representations of the world, which, combined with local tradition, influenced the change in rituals.

Keywords: Jomon, Yayoi, burials, funeral rite, reburial, caves.

Погребальный обряд древнейшего населения Японских о-вов отличается разнообразием. В течение периода *дзёмон** встречаются погребения в раковинных кучах, в грунтовых ямах, в грунтовых могильниках, под каменными кладками. На последних этапах периода *дзёмон* появляются захоронения в сосудах, причем на северо-востоке подобным образом захоранивают детей, а в центральной Японии встречаются захоронения взрослых в сосудах. Кроме стандартных встречаются и вторичные захоронения. На протяжении периода *яёй*** захоронение умерших совершалось в ямах, шаровидных сосудах, деревянных гробах, под круглыми и квадратными по форме насыпями. Встречаются также вторичные погребения.

В конце 1980-х гг. профессором Ваганабэ Т. было зафиксировано более 75 случаев вторичных захоронений, относящихся к периоду *дзёмон*, что можно расценивать как начало обобщения. На севере региона Тохоку известно множество погребений в керамических сосудах. Считается, что глиняная посуда была сделана с целью перезахоронения: до этого человеческие кости хранили и закапывали в яме или сооружении, похожем на каменный желоб. Находки подобных погребений ограничены территорией префектур Аомори, Акита, Иватэ и части о-ва Хоккайдо. Вторичные захоронения обладают различными особенностями: известны случаи помещения в сосуд костей одного человека и нескольких, сосуды обнаруживаются по одному и группами. В групповых захоронениях встречаются останки 4–5 человек, но известны случаи погребения вместе 100 и более человек, как, например, в раковинной куче Накацума, преф. Ибараки. Коллективные захоронения известны на всей территории Японии, имеют ограниченный диапазон распространения и ограниченный период времени, что соответствует типам керамики Хориноути II. В коллективном захоронении под насыпью на памятнике

*Период *дзёмон* примерно соответствует материковому неолиту, датируется 13000–400 гг. до н.э. В рамках этого периода выделяются следующие этапы: изначальный ≈ 13000–9200 гг. до н.э.; начальный ≈ 9200–5300 гг. до н.э.; ранний ≈ 5300–3600 гг. до н.э.; средний ≈ 3600–2500 гг. до н.э.; поздний ≈ 2500–1200 гг. до н.э.; заключительный ≈ 1200–400 гг. до н.э. (по: [An Illustrated Companion..., 2016, p. 21]).

**Период *яёй* характеризуется появлением изделий из металла, распространением рисосеяния, проникновением мигрантов с территории Корейского п-ова; датируется X в. до н.э. – серединой III в. н.э. В рамках этого периода выделяются следующие этапы: начальный – X–VIII вв. до н.э.; ранний – VII–IV вв. до н.э.; средний – IV в. до н.э. – I в. н.э.; поздний – I – середины III в. н.э. (по: [Ibid., p. 83]).

Гонгенхара, преф. Тиба, были обнаружены останки 18 человек. Найденные скелеты были поделены на две части по строению коренных зубов. Погребение совместно нескольких людей появилось путем объединения мест захоронения жителей нескольких небольших поселений и рассматривалось как проявление поклонения предкам. Т. Ваганабэ интерпретирует захоронение как место, которое продолжает физические отношения между людьми [Ситара, 2015, с. 67].

К числу самых ранних известных вторичных погребений исследователи относят погребения в западной Японии. Наиболее изученными являются материалы скального убежища Ёсэкура. Скальное убежище Ёсэкура расположено в ущелье Тайсяку в известняковом поясе региона Тюгоку. Внутри убежища обнаружено несколько могильных ям. Вторичными погребениями являются № 1 и 2 (рис. 1). Слои, в которых обнаружены погребения, датируются поздним этапом периода *дзёмон*. В могильной яме № 1 обнаружено скопление разрозненных костей скелетов. Точно можно говорить о 14 скелетах, вероятно, общее количество доходило до 20. На зубах есть следы красного пигмента, на всех черепахах зафиксировано удаление нескольких зубов [Кавасэ, 2007, с. 49]. В могильной яме № 2, расположенной в 1 м от ямы № 1, найдено 24 скелета. Более половины скелетов принадлежат молодым людям, как принадлежащие взрослым людям идентифицируются не более 3–4 скелетов. На зубах обнаружены следы красного пигмента, есть случаи удаления нескольких зубов. Разрозненное расположение костей и возраст умерших позволяют сделать вывод о четырех самостоятельных погребениях, совершенных в разное время. Возможно, в погребении первых умерших затем перезахоранивались представители родовой общины. Сложно определить, были ли погребенные обитателями самого скального убежища Ёсэкура. Поскольку количество погребенных значительно превосходит вместительность убежища для проживания, можно предположить, что здесь захоронены жители также и пещер, расположенных в непосредственной близости [Там же, 2007, с. 51].

Ко времени перехода от заключительного этапа периода *дзёмон* к периоду *яёй* на памятниках Центральной Японии, преимущественно в преф. Яманаси и Нагано, относятся захоронения в глиняных *догу* в форме кувшина. Среди находок в подобных памятниках встречается как керамика *дзёмон*, так и керамика *яёй*. Внутри *догу* в форме кувшина помещались обожженные кости новорожденных или младенцев, что позволяет отнести их ко вторичным погребениям. Например, внутри *догу* в форме кувшина из Накаясики, преф. Канагава (рис. 2),

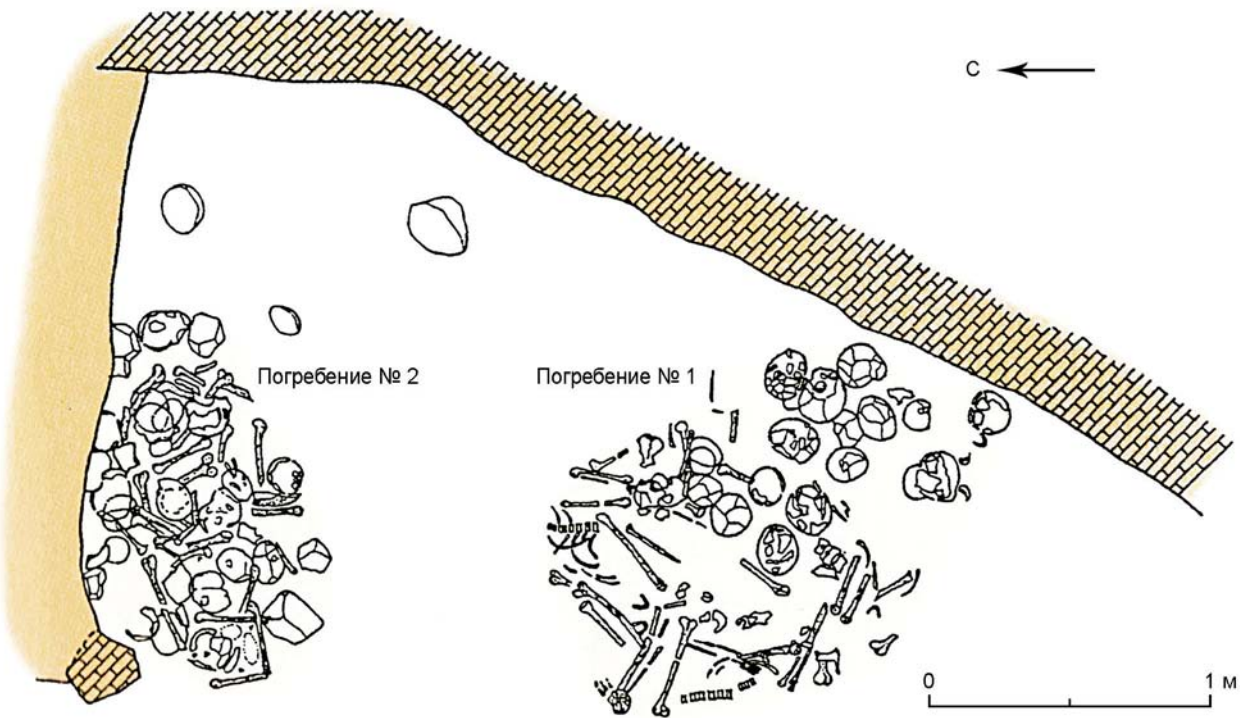

Рис. 1. План погребений в скальном убежище Ёсэкура.

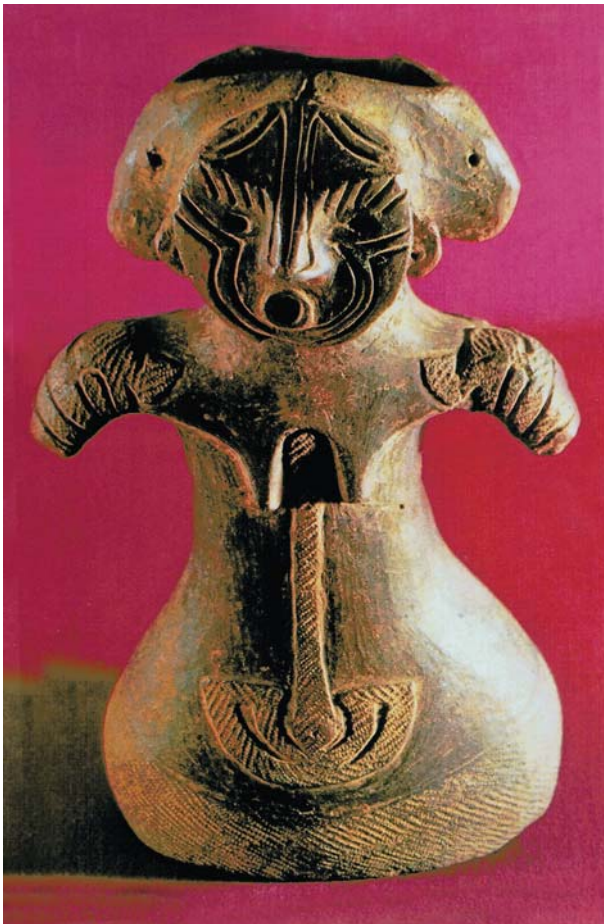

Рис. 2. Погребение в догу-кувшине из Накаясики.

обнаружены обожженные кости новорожденного [Egami, 1973, p. 159]. Сам кувшин размером 25–40 см обычно был изготовлен в форме человека с короткими верхними конечностями, талией и расширяющимся к низу туловом сосуда. Детали лица выполнены прорезными линиями. Отверстие в верхней части головы фигуры превратило ее в контейнер.

Наиболее древние случаи обнаружения следов обряда кремации на Японских о-вах относятся ко второй половине раннего и началу среднего этапа периода *дзёмон* и локализуются в регионе Тюбу. На заключительном этапе обряд кремации распространился на регионы Хокурику, Токай и Кинки, выйдя за пределы первоначальной территории. Затем эта традиция была продолжена в захоронениях периода *яёй*. На памятнике Накамура Накахира, преф. Нагано, обожженные кости были обнаружены как в могильных ямах, так и в глиняных сосудах-контейнерах. В каменных конструкциях, сопровождающих подобные погребения, найдены такие ритуальные предметы, как каменные палки *сэкибо*, каменные мечи, глиняные фигурки *догу*, глиняные пластины *добан*. Вероятно, последовательность захоронения выглядела следующим образом: помещение тела в яму, его сожжение, перекалывание обожженных костей в керамический сосуд, погребение в специальной конструкции с ритуальными предметами. Таким образом, вторичные погребения в течение периода *дзёмон*

совершались на разных этапах и со временем приобрели более сложные черты.

Традиция вторичных погребений продолжала существовать в период *яёй*, прежде всего, это касается погребений в керамических сосудах. С середины периода *яёй* вторичные погребения в керамических сосудах встречаются в пров. Микава и преф. Фукусима. Вопрос о происхождении традиции остается дискуссионным. Вероятнее всего, погребения в кувшинах связаны с традициями заключительного этапа периода *дзёмон* [Hudson, 1992, p. 161]. В течение периода *яёй* также встречаются погребения, в которых обнаружены обожженные кости в ямах.

К наиболее исследованным вторичным погребениям относится памятник Нэгоя, преф. Фукусима, датируемый временем перехода от периода *дзёмон* к периоду *яёй*, он демонстрирует многие черты захоронений периода *яёй*. Обнаружены яма, считающаяся местом первого захоронения, и яма с керамическими сосудами, в углу которой найден слой земли с обожженными костями, украшения из зубов и мелких костей.

На территории преф. Ибараки известно несколько памятников периода *яёй*, в которых обнаружены группы сосудов в могильных ямах, в некоторых найдены костные фрагменты. Сосуды-контейнеры имеют форму кувшина и украшены антропоморфными изображениями. При раскопках памятника Идзумисакаситы в пяти могильных ямах обнаружено 44 сосуда-кувшина, в могильной яме № 1 обнаружено 5 сосудов, один из которых с антропоморфным изображением [Идзумисакаситасэки-но кэнкю, 2011, с. 109]. При исследовании самого крупного сосуда-кувшина было обнаружено, что он заполнен землей с фрагментами человеческих костей. Кости помещены туда в разрозненном состоянии после того, как на них не осталось мягких тканей. Отличительной чертой сосуда, высота которого 77,7 см, является также изображение лица и других деталей головы на горлышке (рис. 3). Форма верхней части сосуда имитирует голову человека: изображены лицо, подбородок, уши. Нос выпуклый, с нанесенными тремя вертикальными линиями, рот круглый, губы обозначены тонкими линиями. Пространство вокруг глаз и рта оформлено орнаментом, который напоминает татуировку.

Большое влияние на представления ученых о вторичных погребениях периода *яёй* оказало максимально детальное изучение материалов памятника раннего этапа этого периода Оки II, преф. Гумма. Группой археологов были исследованы погребальные конструкции, кости, зубы, что позволило восстановить последовательность дей-

Рис. 3. Погребение в сосуде с человеческим лицом из Идзумисакаситы.

1 – по: [Кавасэ, 2007]; 2 – по: [Egami, 1973]; 3 – по: [Идзумисакаситасэки-но..., 2011].

ствий при захоронении: смерть, помещение тела умершего в земляную яму, после разложения мягких тканей выемка костей, изъятие нескольких зубов (для украшений, которые носили родственники умершего), помещение костей в керамический сосуд, обжигание костей, которые по размеру не входят в кувшин, и возвращение их в яму, помещение зубов из украшений в главную яму после смерти их носителей [Hudson, 1992, p. 163]. Данный памятник уникален по набору материала, поскольку обычно памятники демонстрируют лишь отдельные детали этого процесса – зубы и мелкие кости с отверстиями как элементы украшений, насечки на костях, кувшины и т.д. [Barnes, 2019, p. 51].

Погребения, где для захоронения использовались керамические сосуды-кувшины, наряду с которыми на памятниках обнаруживаются ямы, считающиеся местом первичного захоронения, чаще

всего относят к вторичным. Смысл вторичных погребений остается не до конца ясным. Можно утверждать, что кости перед помещением в сосуды были разделены и иногда кремированы для того, чтобы они вошли в сосуд. Могильные ямы с кувшинами находятся далеко от поселений, поэтому связь с последними не очевидна [Mizoguchi, 2013, p. 241]. Данные исследований говорят о том, что погребенные умерли в разное время, но похоронены в одном месте. В погребениях встречаются останки людей разного пола и возраста, что не подтверждает идею о коллективных захоронениях людей по половозрастному признаку. Однозначно судить о связи вторичных погребений с социальным статусом сложно. Единственным признаком, который можно считать маркером особого положения, являются антропоморфные изображения на сосудах. Погребения в сосудах с антропоморфными изображениями, как правило, единичны, изображения лиц имеют индивидуальные особенности. Возможно, это погребения представителей знати, вождей или жрецов. Тот факт, что подобные погребальные сосуды обнаружены на достаточно компактной территории, за исключением единичных случаев в регионе Тохоку, может свидетельствовать о традиции отдельно взятой группы населения на ограниченной территории (современная преф. Ибараки), сохранившей элементы ритуальной практики периода *дзёмон* и соединившей их с элементами, вызванными новыми реалиями жизни. Связь с погребальным инвентарем также установить сложно, поскольку он встречается достаточно редко. Вероятно, существование групп погребений в сосудах в нескольких могильных ямах демонстрирует переходный этап к появлению погребений на участках под насыпями, окруженных рвом, что характерно для среднего – позднего этапов периода *яёй*. Погребения, окруженные рвом, слишком многочисленны для того, чтобы быть элитными, и слишком малочисленны для того, чтобы быть индивидуальными. Скорее всего, это некий прообраз семейных погребений. Перезахоронение в таком случае является своего рода ритуалом перехода. Обычай проделывать отверстия в костях и зубах, чтобы сделать из них подвески, связан с представлением о том, что фрагменты тела обладают магической силой умерших предков [Ситара, Исикава, 2017, с. 150]. Во второй половине периода *яёй* произошло уменьшение размеров поселений, что выступило следствием перемены условий существования: рода занятий, образа жизни, появляются менее затратные способы добывания пищи. Это повлекло за собой

изменения в обрядовой практике и представлениях о мире. Одним из стимулов происходящих изменений следует считать миграционные потоки с территории континента и Корейского п-ова в частности. Так, погребения в керамических сосудах, распространившиеся в течение периода *яёй* на Японских о-вах, связываются исследователями именно с населением, переместившимся с территории Кореи [Mizoguchi, 2013, p. 87]. В период *кофун*, следующий за периодом *яёй*, как таковые вторичные погребения неизвестны, но в погребениях знати появляются элементы обряда *могарри*, сохранявшегося для императорской семьи на протяжении веков и предполагавшего помещение умершего в специальное место до полного избавления от мягких тканей с последующим захоронением в кургане.

Список литературы

Идзумисакаситанэски-но кэнкю (Изучение памятника Идзумисакаситы). Дзиммэнфудоки-о томонау яёйдзидайтюкки-но сайсобо-ни цуйтэ (Сосуды с антропоморфными изображениями о вторичных погребениях периода *яёй*). – Ибараки: Акэбоно инсацуся, 2011. – 148 с. (на яп. яз.).

Кавасэ М. Тюгоку санти-но дзёмонбунка. Тайсякүкэ исэкигун (Культура дзёмон горной части района Тюгоку. Группа памятников ущелья Тайсякю). – Токио: Синсэнся, 2007. – 96 с. – Сиридзу Исэки-о манабу (Сер. «Изучая памятники»; № 036) (на яп. яз.).

Ситара Х. Дзёмондзидай-но саисо:бо то яёйдзидай-но саисо:бо (Вторичные погребения периода дзёмон и периода *яёй*) // Кикан кокогаку. – № 130. – Токио: Юдзанкаку, 2015. – С. 65–68 (на яп. яз.).

Ситара Х., Исикава Т. Яёйдзидай дзимбуцудзо: кэйхин-но кэнкю: (Исследование антропоморфных изображений периода *яёй*). – Токио: Досэйся, 2017. – 294 с. (на яп. яз.).

An Illustrated Companion to Japanese Archaeology / Ed. by W. Steinhaus and S. Kaner. – Oxford: Archaeopress, 2016. – 342 p.

Barnes G.L. The Jomon–Yayoi transition in Eastern Japan: Enquiries from the Kanto Region // Japanese J. of Archaeol. – 2019. – N 7. – P. 22–84.

Egami N. The beginnings of Japanese art. – Tokyo: Heibonsha, 1973. – 180 p.

Hudson M. Rice, Bronze, and Chieftains. An Archaeology of Yayoi Ritual. // Japanese J. of Religious Studies. – 1992. – Vol. 19/2-3. – P. 139–189.

Mizoguchi K. Archaeology of Japan: From the Earliest Rice Farming Villages to the Rise of the State. – Cambridge: Univ. Press, 2013. – 393 p.

References

- Barnes G.L.** The Jomon–Yayoi transition in Eastern Japan: Enquiries from the Kanto Region. *Japanese J. of Archaeol.*, 2019, No. 7, pp. 22–84.
- Egami N.** The beginnings of Japanese art. Tokyo: Heibonsha, 1973, 180 p.
- Hudson M.** Rice, Bronze, and Chieftains. An Archaeology of Yayoi Ritual. *Japanese J. of Religious Studies*, 1992, vol. 19/2-3, pp. 139–189.
- Izumisakashitaiseki-no kenkyu** [Studying Izumisakashita site]. Jimmenfudoki-o tomonau yayoijidachukki-no saisoboni tsuite [The jars with anthropomorphic images about secondary burials of yayoi period]. Ibaraki: Akebono insatsusha, 2011, 148 p. (In Japan.).
- Kawase M.** Chugoku sanchi-no Jomonbunka. Taishakukyo isekigun [Jomon culture of mountain part of Chugoku region. Taishaku gorge site group]. Tokyo: Shinsensha, 2007, 96 p. (Shirizu iseki-o manabu; No. 036). (In Japan.).
- Mizoguchi K.** Archaeology of Japan: From the Earliest Rice Farming Villages to the Rise of the State. Cambridge: Univ. Press, 2013, 393 p.
- Shitara H.** Jomonjidai-no saiso:bo to Yayoijidai-no saiso:bo [The reburial system of Jomon and Yayoi Period]. *Kikan kokogaku*, No. 130. Tokyo: Yuzankaku, 2015, pp. 65–68. (In Japan.).
- Shitara H., Ishikawa T.** Yayoijidai jinbutsuzo:keihin-no kenkyu: [The Studying of Anthropomorphic sculptures of Yayoi Period]. Tokyo: Doseisha, 2017, 294 p. (In Japan.).
- Steinhaus W., Kaner S. (ed.)** An Illustrated Companion to Japanese Archaeology. Oxford: Archaeopress, 2016, 342 p.
- Соловьева Е.А. <https://orcid.org/0000-0002-3481-7292>

**Н.Ф. Степанова¹✉, Н.С. Степанов², Д.Н. Лысенко³,
М.В. Быкова⁴**

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

²ООО НПО «Археологическое проектирование и изыскания»
Красноярск, Россия

³ООО «Красноярская геоархеология»
Красноярск, Россия

⁴АНО «Археологическое исследование Сибири»
Красноярск, Россия
E-mail: nstepanova10@mail.ru

Предварительные результаты изучения исходного сырья и формовочных масс керамики со стоянок Малая Коренная-1 и -2 (Таймырский полуостров)

В статье представлены результаты изучения керамики со стоянок Малая Коренная-1 и -2 (Таймырский п-ов) в рамках историко-культурного подхода по методике А.А. Бобринского. Основная задача состояла в выявлении специфики исходного сырья и состава формовочных масс керамики с этих двух памятников. Были изучены образцы от 34 сосудов. Заключение по результатам исследований носит предварительный характер, т.к. образцы очень мелкие и большинство из них пропитано специальными растворами. Тем не менее полученные результаты представляют значительный интерес. Установлено, что на обеих стоянках использовано ожелезненное сырье, чаще низко- и среднепластичное. Однако на Малой Коренной-1 преобладали сосуды с формовочными массами без искусственно введенных минеральных примесей, а на Малой Коренной-2 с добавлением шамота. На основании ряда признаков выделена более ранняя группа сосудов или связанная с населением, новым на данной территории. На Малой Коренной-2 более разнообразна органика: добавляли органические растворы, шерсть или волос животных. Особое значение для пополнения базы данных имеет полученная информация о естественных примесях в исходном сырье. В частности, в изученных коллекциях керамики с территории Алтая, Казахстана, Томского и Нарымского Приобья подобных мелкозернистых гранитов не зафиксировано ни как искусственно введенных, ни как естественных примесей. Возможно, это местная специфика керамики с Таймырского п-ова, возможно, следствие недостаточной изученности керамики в целом. Дальнейшие исследования керамики с территории Таймырского п-ова представляются очень перспективными.

Ключевые слова: керамика, исходное сырье, формовочные массы, глина, технико-технологический анализ, стоянка, шамот, Таймырский п-ов.

**Nadezhda F. Stepanova¹✉, Nikolay S. Stepanov², Daniel N. Lysenko³,
Maria V. Bykova⁴**

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

²LLC Scientific and Production Association "Archaeological Design and Survey",
Krasnoyarsk, Russia

³Ltd "Krasnoyarsk Geoarchaeology",
Krasnoyarsk, Russia

⁴"ANO Archaeological Research of Siberia",
Krasnoyarsk, Russia
E-mail: nstepanova10@mail.ru

Preliminary Results of Studying Raw Materials and Pottery Molding Material from the Malaya Korennaya-1 and -2 Sites (Taimyr Peninsula)

The article provides the results of studying ceramics from Malaya Korennaya-1 and -2 sites (Taimyr Peninsula) within the historical and cultural approach according to the method of A.A. Bobrinsky. The main task was to identify the specifics of the raw materials and the composition of pottery molding materials from these two sites. Samples from 34 vessels were studied. The conclusion based on the research results is preliminary since the samples are very small and most of them are impregnated with special solutions. However, the results obtained are of considerable interest. It was found that low- and medium-ductile ferruginous raw materials were used at both sites. However, vessels with molding materials without artificially introduced mineral impurities are prevailed at the Malaya Korennaya-1 site and vessels with the addition of chamotte became widespread at the Malaya Korennaya-2 site. An earlier group of vessels associated with a new population in the territory was identified by a number of features. Organic matter is more diverse at the Malaya Korennaya-2 site: organic solutions, wool or animal hair were added. The obtained information on natural impurities in the feedstock is of particular importance for expanding the database. In particular, in the studied collections of ceramics from the territory of Altai, Kazakhstan, the Tomsk and Naryn Ob regions, such fine-grained granites were not recorded either as artificially introduced or as natural impurities. Perhaps this is a local specificity of ceramics from the Taimyr Peninsula, possibly a consequence of insufficient study of ceramics as a whole. Further studies of ceramics from the territory of the Taimyr Peninsula seem to be very promising.

Keywords: ceramics, raw materials, molding materials, clay, technical and technological analysis, site, chamotte, Taimyr Peninsula.

Введение

Керамика – один из наиболее массовых источников информации о древнем населении. В последние десятилетия проводится ее изучение в рамках историко-культурного подхода по методике АА. Бобринского, в т.ч. и из сибирских регионов [Бобринский, 1978; 1999; Бобринский, Васильева, 1998; Цетлин, 2012; Степанова, 2010; Рахимжанова, 2018; и др.]. Изучение по одной методике керамики с разных территорий пополняет базу данных об исходном сырье и составе формовочных масс и создает дополнительные возможности для решения вопросов, в частности, миграции и взаимодействия древнего населения. Изучение керамики с территории разных ландшафтных зон Алтая (горной, равнинной) выявило особенности исходного сырья для каждой зоны (рис. 1, 1–5). Наиболее ярко это проявляется на примере залежей глин из Горного Алтая [Степанова, 2015, 2017]. Полученные данные подкреплены и образцами глин, взятыми неподалеку от археологических памятников из разных районов (рис. 1, 1, 2). Изучение керамики из Томского Приобья выявило другие особенности, например значительное использование слабо- и нежелезистых глин, дающих при обжиге в окислительной среде при 850 °С желтовато-коричневую, светло-кремовую или белую окраску [Цетлин, 2017], которые на сопредельных территориях встречаются как исключение [Степанова, 2010, 2015; Ломан, 1993; Степанова, Рыбаков, 2019]. С территории Красноярского края ранее изучена коллекция керамики со стоянки Хедугин ручей (Северное Приангарье) [Степанова, Лысенко, Быкова, 2018]. Изучение керамики даже

с одного памятника выявило, что для добавления в формовочные массы использован камень, не зафиксированный в других исследованных коллекциях из Сибири. В 2020 г. продолжено исследование керамики из Красноярского края. Было проведено предварительное исследование коллекций керамики с двух памятников – Малая Коренная-1 и -2.

Материалы, методы и результаты

Комплекс стоянок в устье р. Малая Коренная расположен в юго-западной части Таймырского п-ова, в верхнем течении р. Пясины на ее правом берегу. Памятники были открыты экспедицией Ленинградского отделения Института археологии АН СССР под руководством Л.П. Хлобыстина в 1971 г. и повторно обследованы в 1972 г. [Хлобыстин, Грачева, 1973]. На левом приустьевом участке устья р. Малая Коренная им обнаружены два пункта сборов находок [Хлобыстин, 1973, с. 18], на правом были выделены три стоянки [Хлобыстин, 1972]. Поверхность террасы на момент выявления памятников активно разрушалась ветровой эрозией, в результате образовались значительные площади выдува, на поверхности которых был собран археологический материал [Там же, с. 11]. На правом приустьевом участке р. Малая Коренная стоянки дислоцируются на первой надпойменной террасе р. Пясины высотой от 6 до 10 м над уровнем поймы и разделены между собой оврагами. Собран археологический материал, в первую очередь керамика, значительно различающаяся между собой. Позднее материалы стоянки Малая Коренная-1 составили основу для выделения малокореннинской

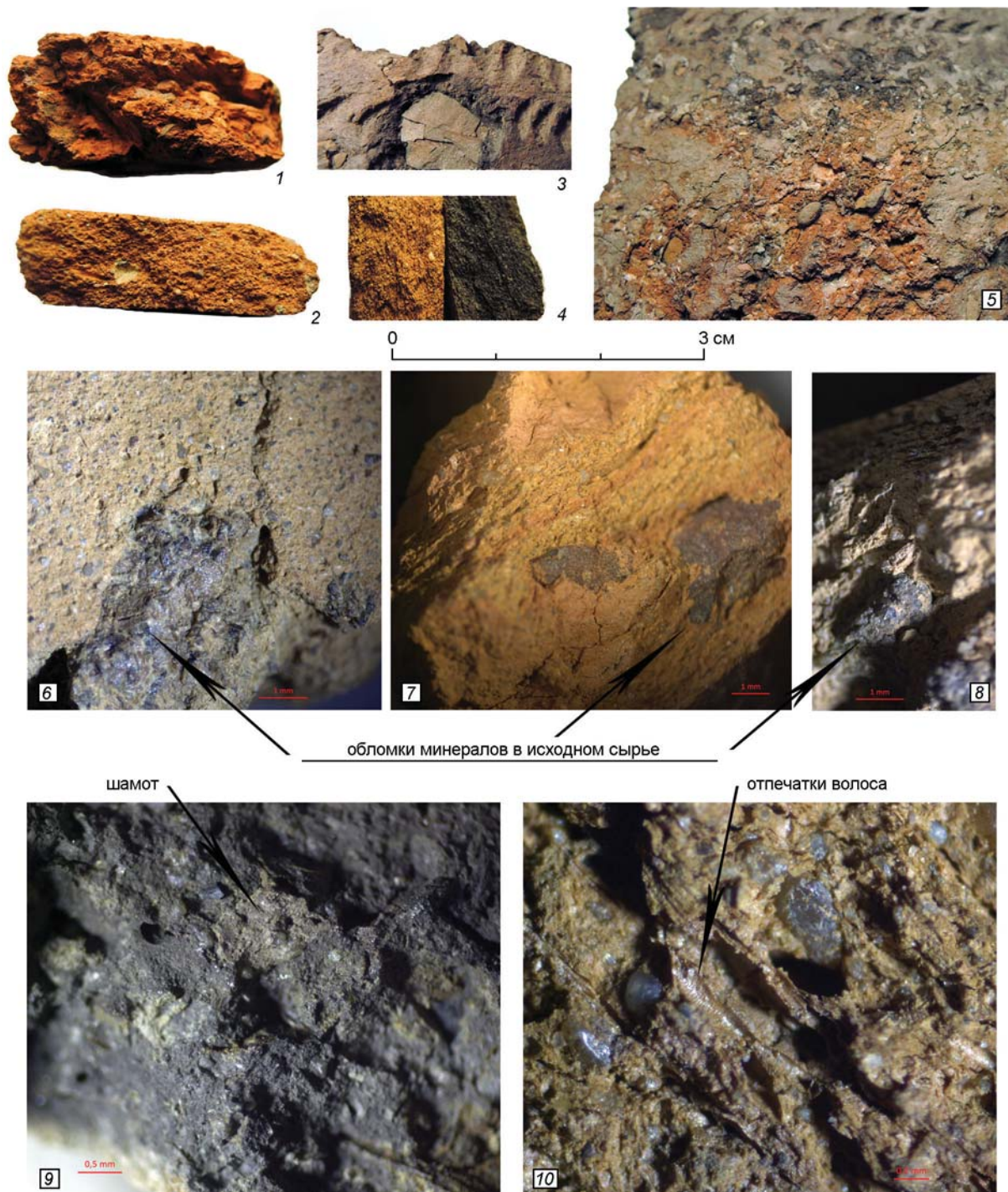

Рис. 1. Микрофотографии исходного сырья и формовочных масс.

1, 2 – экспериментальные глиняные образцы из Горного Алтая (1) и Верхнего Приобья (2); 3, 5 – керамика афанасьевской культуры; 4 – керамика раннего железного века из Верхнего Приобья; 6–10 – микрофотографии образцов керамики с Малой Коренной-1 (6–8) и с Малой Коренной-2 (9, 10).

культуры раннего железного века, датирующейся II в. до н.э. – III в. н.э. [Хлобыстин, 1998, с. 123]. В 2017 г. комплекс памятников в устье р. Малая Коренная обследовался экспедицией ООО «Красноярская геoarхеология» и ООО НПО «Археологическое проектирование и изыскания». Основной целью было выяснение современного состояния

памятников, составление их инструментальных планов. В ходе работ уточнено месторасположение всех объектов, обнаруженных ранее, и обследованы новые. За 36 лет с момента выявления памятников состояние объектов значительно ухудшилось. Ветровой эрозией нарушена практически вся поверхность первой надпойменной террасы, в результате

чего обнажены значительные по площади участки культурного слоя. Находки локализуются как в днище небольших ложков у края террасы, куда они скапывались с эродированных бортов, так и в блюдцеобразных пятнах развеивания на вершине террасы. В последнем случае геологическая толща, в которой залежали находки, оказалась вывезена, из-за чего они просели по вертикали и незначительно сместились по горизонтали. Среди скоплений археологического материала наиболее массовыми находками являются изделия из камня, отходы его расщепления, остатки металлургического производства и изделия из бронзы. На стоянке Малая Коренная-1 обнаружены фрагменты 34 сосудов, преимущественно единичные обломки венчиков сосудов различных размеров. Основная масса керамики идентифицируется с пясинской археологической культурой IX–IV вв. до н.э. [Хлобыстин, 1998, с. 118] при наличии единичных фрагментов малокореннинской керамики II в. до н.э. – III в. н.э. [Там же, с. 123]. На стоянке Малая Коренная-2 обнаружено несколько сильно фрагментированных венчиков от разных сосудов, самый крупный из которых размером 3 × 3 см. Фрагменты от двух сосудов можно отнести к усть-чернинской культуре, датируемой второй половиной I тыс. до н.э.

Целью технико-технологического анализа было выявление специфики исходного сырья и состава формовочных масс керамики с этих двух памятников. С помощью бинокулярных микроскопов МБС-10 и Stemi-2000-C изучались изломы и поверхности образцов. При исследовании особенностей исходного сырья устанавливались степень ожелезненности глин, характер содержащихся в них примесей, использование одной или двух глин. Для определения степени ожелезненности образцы были дополнительно нагреты в окислительной среде в муфельной печи при температуре 850 °С. Всего исследованы фрагменты от 34 сосудов с двух памятников. Заключение по результатам исследований носит предварительный характер, т.к. образцы очень мелкие, кроме того, большинство из них пропитаны специальными растворами. Последнее обстоятельство не позволило сделать достоверные выводы об органике, особенно с Малой Коренной-1. Лишь в отдельных случаях удалось установить, что органика в виде раствора была введена искусственно в некоторые сосуды из Малой Коренной-1. В целом полученные результаты касаются в первую очередь исходного сырья и введенных искусственно минеральных примесей. Однако они представляют значительный интерес, который усиливается тем, что технико-технологический анализ керамики с этой территории проводится впервые, поэтому существует необходимость ввода их в научный оборот.

Стоянка Малая Коренная-1

Исследованы образцы от 24 сосудов (рис. 2, 1–11). Все сосуды изготовлены из ожелезненного сырья, в т.ч. из сильноожелезненного – 8 %, остальные из среднеожелезненного. Сырье различается по пластичности: сосудов из пластичного сырья 37,5 %, среднепластичного – 21 % и низкопластичного – 41,5 %. К особенностям исходного сырья относится состав естественных примесей минералов. Наряду с обычным речным белым и прозрачным кварцевым песком с диаметром частиц меньше 0,5 мм имеются остроугольные минералы (предварительно определены как мелкозернистый гранит с включениями черного кварца) с максимальными размерами до 5–7 мм (см. рис. 1, 6–8; 2, 1, 3, 4). Характеризует исходное сырье и отсутствие частиц бурого железняка (всего выявлено в 4 % образцов). Глины взяты из нескольких источников, поскольку они различаются как концентрацией примесей, так и наличием или отсутствием мелкого песка (диаметр частиц меньше 0,5 мм). Использование нескольких залежей может быть связано с тем, что изготовление посуды было не единовременным, в то же время наличие аналогичных крупных минералов типа мелкозернистого гранита свидетельствует о том, что использовались похожие залежи глин, которые формировались в один период, и не исключено, что их выходы расположены относительно недалеко друг от друга.

В формовочных массах зафиксированы дресва (24 %) и шамот (17 %). Размер частиц шамота не более 2 мм, дресвы – до 5 мм. В большинстве случаев (59 %) керамику изготавливали без искусственно введенных минеральных примесей. Как уже отмечалось выше, достоверные данные по органике получить не удалось. Можно отметить, что в 12,5 % образцов зафиксированы растворы, в третьей части образцов имеются единичные отпечатки травы, в двух случаях – отдельные мелкие фрагменты кальцинированных косточек и в одном – отпечатки волоса животного.

В целом можно отметить, что на памятнике зафиксированы три культурные традиции в использовании минеральных примесей (с шамотом, дресвой и без искусственно введенных минеральных примесей), но преобладает использование глин с уже имеющимися в составе крупными минералами.

Стоянка Малая Коренная-2

Для технико-технологического анализа было представлено 10 образцов (рис. 2, 12–17). Размеры и сохранность одного из образцов не позволяют сделать полный анализ. Все сосуды изго-

Рис. 2. Фрагменты керамики.
1–11 – Малая Коренная-1; 12–17 – Малая Коренная-2.

товлены из среднежелезненного сырья, которое различается по пластичности, наличию и составу минеральных примесей. Из пластичной глины изготовлено 10 % сосудов, остальные – из низко- и среднепластичного сырья. Так же как и для коллекции с Малой Коренной-1, характерно отсутствие бурого железняка, зафиксированного только в одном образце. Остальные примеси представлены окатанным речным песком в виде белого и прозрачного кварца с диаметром частиц меньше 0,5 мм, реже 1–2 мм. Изредка встречаются обломки минералов других пород.

Из искусственно введенных примесей в 80 % образцов зафиксирован шамот (см. рис. 1, 9). Его концентрация ок. 1 : 4, размер частиц от 1 до 2 мм. В ряде случаев шамот – из глин, отличающихся по пластичности от сырья, из которого изготовлен сам сосуд. Например, дважды встречен шамот из пластичной глины в формовочной массе сосуда из низкопластичного сырья. Отмечены случаи, когда для шамота дробили одновременно несколько сосудов из разного исходного сырья. Это позволяет предположить, что изделия из пластичной глины и с шамотом из таких же глин – более ранние на памят-

нике или связаны с новым для данной территории населением, т.к. подобная традиция (использование пластичных глин) не нашла распространения у гончаров стоянки Малая Коренная-2.

Коллекция керамики из Малой Коренной-2 более оригинальна по сравнению с Малой Коренной-1 по органике в формовочной массе. Зафиксированы органические растворы, добавление шерсти или волоса животных (рис. 1, 10), в некоторых случаях вместе с шерстью зафиксированы отпечатки травы. Однако из-за плохой сохранности и малых размеров образцов более полная характеристика органики не представляется возможной.

Заключение

Несмотря на неполную характеристику, полученные результаты очень интересны. Керамика с памятников, расположенных в непосредственной близости, различается по составу формовочных масс: исходному сырью и искусственно введенным примесям. Видимо, культурные традиции у населения, занимавшего данную территорию в разное время, различались. Представляет большой интерес выявление такой традиции, как добавление шерсти или волоса животных в формовочные массы. Подобные навыки известны на других территориях, например на Алтае и в Казахстане [Степанова, 2008; Шевнина, 2019]. Обычно это характерно для керамики неолита, встречается в эпоху ранней бронзы. Фиксация подобной традиции на Таймыре значительно расширяет область применения такой примеси.

Особое значение для пополнения базы данных имеет информация о естественных примесях в исходном сырье. В частности, в изученных коллекциях керамики с территории Алтая, Казахстана, Томского и Нарымского Приобья мелкозернистых гранитов не зафиксировано ни как искусственно введенных, ни как естественных примесей. Возможно, это местная специфика Таймырского п-ова либо следствие недостаточной изученности керамики в целом. Дальнейшее накопление данных позволит выявить особенности исходного сырья из разных регионов и может быть использовано при решении вопросов взаимодействия и миграции населения. Продолжение исследования керамики с территории Таймырского п-ова представляется очень перспективным.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР № 0329-2019-0003 «Историко-культурные процессы в Сибири и на сопредельных территориях».

Список литературы

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. – М.: Наука, 1978. – 272 с.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. – Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1999. – С. 5–109.

Бобринский А.А., Васильева И.Н. О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарства // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. – Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та (Ин-т истории и археологии Поволжья), 1998. – С. 193–217.

Ломан В.Г. Гончарная технология населения Центрального Казахстана второй половины II тыс. до н.э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1993. – 31 с.

Рахимжанова С.Ж. Керамические традиции в эпоху энеолита – ранней бронзы на территории степного Обь-Иртышского междуречья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2018. – 25 с.

Степанова Н.Ф. Предварительные итоги исследований исходного сырья и формовочных масс керамики неолита – бронзы Горного Алтая и его предгорий // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск, 2008. – Вып. 7. – С. 23–31.

Степанова Н.Ф. Особенности исходного сырья и формовочных масс керамики эпохи неолита и бронзы Горного Алтая и его северных предгорий // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. – М.: ИА РАН, 2010. – С. 117–125.

Степанова Н.Ф. Культурные традиции в выборе исходного сырья и минеральных примесей при изготовлении керамики по материалам горных, предгорных, степных и лесостепных районов Алтая // Самар. науч. вестн. – 2015. – № 4 (13). – С. 90–95.

Степанова Н.Ф. Особенности исходного сырья из горных и лесостепных районов Алтая и сопредельных территорий (по материалам керамических комплексов эпохи неолита – раннего железного века) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 401–404.

Степанова Н.Ф., Лысенко Д.Н., Быкова М.В. Предварительные результаты технико-технологического анализа керамики эпохи неолита – бронзы со стоянки Хедугин ручей (Северное Приангарье) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – С. 329–333.

Степанова Н.Ф., Рыбаков Д.Ю. Особенности исходного сырья и формовочных масс древней керамики из Томского и Нарымского Приобья // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. XXV. – С. 607–613.

Хлобыстин Л.П. Отчет о работе Заполярного отряда в 1971 г. – 1972. – С. 11–13 // Арх. ИА АН СССР. Р-1. № 4562.

Хлобыстин Л.П. Отчет о работах 1972 г. Заполярная экспедиция. – 1973. – С. 18 // Арх. Ленинград. отделения ИА АН СССР. Р-1. № 4852.

Хлобыстин Л.П. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур севера Евразии. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. – С. 108–124.

Хлобыстин Л.П., Грачева Г.Н. Новые данные о древностях Таймыра // АО 1972 г. – М.: Наука, 1973. – С. 244–245.

Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. – М.: ИА РАН, 2012. – 384 с.

Цетлин Ю.Б. Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. – М.: ИА РАН. 2017. – 346 с

Шевнина И.В. Керамика эпохи неолита Тургайско-го прогиба: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 2019. – 33 с.

References

Bobrinsky A.A. Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Moscow: Nauka, 1978, 272 p. (In Russ.).

Bobrinsky A.A. Goncharnaya tekhnologiya kak ob'ekt istoriko-kul'turnogo izucheniya. In *Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva*. Samara: State Ped. Univ. Press, 1999, pp. 5–109. (In Russ.).

Bobrinsky A.A., Vasil'eva I.N. O nekotorykh osobennostyakh plasti-cheskogo syr'ya v istorii goncharstva. In *Problemy drevnei istorii Severnogo Prikaspiya*. Samara: State Ped. Univ. Press, 1998, pp. 193–217. (In Russ.).

Khlobystin L.P. Otchet o rabote Zapolyarnogo otryada v 1971 g. 1972, pp. 11–13. In *Archive of Inst. of Archaeol. AS USSR*. R-1. No. 4562. (In Russ.).

Khlobystin L.P. Otchet o rabotakh 1972 g. Zapolyarnaya ekspeditsiya. 1973, p. 18. In *Archive of Leningr. Dep. Inst. of Archaeol. AS USSR*. R-1. No. 4852. (In Russ.).

Khlobystin L.P. Drevnyaya istoriya Taimyrskogo Zapolyar'ya i voprosy formirovaniya kul'tur severa Evrazii. St. Petersburg: Dmitri Bulanin, 1998, pp. 108–124. (In Russ.).

Khlobystin L.P., Gracheva G.N. Novye dannye o drevnostyakh Taimyra. In *AO 1972 g.* Moscow: Nauka, 1973, pp. 244–245. (In Russ.).

Loman V.G. Goncharnaya tekhnologiya naseleniya Tsentral'nogo Kazakhstana vtoroi poloviny II tys. do n.e.: cand. sci. (history) dissertation abstract. Moscow, 1993, 31 p. (In Russ.).

Rakhimzhanova S.Zh. Keramicheskie traditsii v epokhu eneolita – rannei bronzy na territorii stepnogo Ob'

Irtyskского mezhdurech'ya: cand. sci. (history) dissertation abstract. Barnaul, 2018, 25 p. (In Russ.).

Shevnina I.V. Keramika epokhi neolita Turgaiskogo progiba: cand. sci. (history) dissertation abstract. Kemerovo, 2019, 33 p. (In Russ.).

Stepanova N.F. Predvaritel'nye itogi issledovaniia iskhodnogo syr'ya i formovochnykh mass keramiki neolita – bronzy Gornogo Altaya i yego predgorii. In *Izuchenie istoriko-kul'turnogo naslediya narodov Yuzhnoi Sibiri*. Gorno-Altaysk, 2008, iss. 7, pp. 23–31. (In Russ.).

Stepanova N.F. Osobennosti iskhodnogo syr'ya i formovochnykh mass keramiki epokhi neolita i bronzy Gornogo Altaya i yego severnykh predgorii. In *Drevnee goncharstvo: itogi i perspektivy izucheniya*. Moscow: Inst. Archaeol. RAS, 2010, pp. 117–125. (In Russ.).

Stepanova N.F. Kul'turnye traditsii v vybere iskhodnogo syr'ya i mineral'nykh primesei pri izgotovlenii keramiki po materialam gornykh, predgornykh, stepnykh i lesostepnykh raionov Altaya. *Samarskii nauchnyi vestnik*, 2015, No. 4 (13), pp. 90–95. (In Russ.).

Stepanova N.F. Features of the initial raw materials from the mountainous and forest-steppe areas of Altai and adjacent territories (on materials of ceramic complexes of the neolithic era – the early Iron Age). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 401–404. (In Russ.).

Stepanova N.F., Lysenko D.N., Bykova M.V. Preliminary results of the technical and technological analysis of ceramics of the neolithic era – bronze from the parking Hedugin ruche (Northern Angarski Krai). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018, vol. XXIV, pp. 329–333. (In Russ.).

Stepanova N.F., Rybakov D.Yu. Features of raw materials and pottery paste of ancient ceramics from the Tomsk and Narym Ob region. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019, vol. XXV, pp. 607–613. doi:10.17746/2658-6193.2019.25.607-613. (In Russ.).

Tsetlin Yu.B. Ancient Ceramics. Theory and Methods of Historical and Cultural Approach. Moscow: Inst. of Archaeol. RAS, 2012, 384 p. (In Russ.).

Tsetlin Yu.B. Kерамика. Ponyatiya i terminy istoriko-kul'turnogo podkhoda. Moscow: Inst. of Archaeol. RAS, 2017, 346 p. (In Russ.).

Степанова Н.Ф. <https://orcid.org/0000-0003-4017-5641>

С.Ф. Татауров^{1, 2✉}, Ф.С. Татауров², С.С. Тихонов¹,
М.П. Чёрная²

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

²Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия

E-mail: mariakreml@mail.ru, fil_opossum@mail.ru

Исследования в историческом центре города Тары в 2020 году

Весной 2019 г. территория тарской крепости и острога получила официальный статус объекта археологического наследия «Городище “Тарский кремль”», и поэтому возникла необходимость в дополнительных изысканиях по изучению планиграфии этой части города первой половины XVII – XVIII в. В 2020 г. – тринадцатом сезоне археологических раскопок в историческом центре г. Тары – были проведены исследования в восточной части тарского острога. В результате было определено точное место расположения каменной церкви Параскевы Пятницы, построенной в конце XVIII в. Исследована часть прихрамового кладбища первой половины XVIII в., относящегося к деревянной Пятницкой церкви (построена в первой половине XVI в.), и определено приблизительное положение самого храма, на месте которого в настоящее время находится районный культурно-досуговый центр «Север». Нами был зафиксирован засыпанный овраг, который в XVII в. ограничивал город с восточной стороны и по краю которого проходила острожная стена. В ходе работ была собрана коллекция предметов, относящихся к хозяйственно-бытовой жизни тарчан. В Комсомольском парке (Тихвинское кладбище с конца 1770-х гг. по 1963 г.) был проведен поиск местоположения кладбищенской церкви Тихвинской иконы Божьей Матери (построена в 1784–1789 гг.). Как оказалось, на картах XIX – первой половины XX в. церковь была смещена на 10–12 м к западу. Фундамент был найден, он представлял собой забутовку из глины и кирпича глубиной более 1,2 м. Церковь была не взорвана, а разобрана, поэтому фундамент остался в хорошем состоянии. В некоторых местах на нем сохранились остатки кирпичной кладки. После экспертизы на этом фундаменте возможно восстановление храма.

Ключевые слова: город, Тара, археология, история, планиграфия, культурный слой.

Sergey F. Tataurov^{1, 2✉}, Phillip S. Tataurov², Sergey S. Tikhonov¹,
Maria P. Chernaya²

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

²National Research Tomsk State University,
Tomsk, Russia

E-mail: mariakreml@mail.ru, fil_opossum@mail.ru

Research in the Historical Center of the City of Tara in 2020

In spring 2019, the territory of the Tara Fortress and Ostrog received the official status of archaeological heritage site “Tarsky Kremlin Settlement” and, therefore, it became necessary to conduct additional researches on studying the planography of this part of the city in the first half of the 17th to 18th centuries. In 2020, i.e. the thirteenth season of archeological excavations in the historical center of Tara, the research was performed in the eastern part of the Tara Ostrog. As a result, the exact location of the stone Paraskeva Pyatnitsa Chapel, built in the late 18th century, was determined. A part of the chapel cemetery of the first half of the 18th century, which belongs to the wooden Pyatnitskaya church (built in the first half of the 16th century) was studied, and an approximate position of the temple itself was determined, on the place of which a district CDC “North” is located now. We recorded a backfilled ravine, which in the 17th century, limited the city from the eastern side and the edge of which had a cautious wall. During the work, a collection of items was made related to the economic and domestic life of the citizens of Tara. In Komsomol Park (Tikhvin Cemetery from the end of the 70s of the 18th century to 1963), a search was conducted for the location of the cemetery church of the Tikhvin Icon of the Mother of God (built in

1784–1789). Surprisingly, on the maps of the 19th to the first half of the 20th century, the church was dislocated by 10–12 m to the west. The foundation was found; it was a backfilling made of clay and bricks more than 1.2 m deep. The church was not blown up, but dismantled, so the foundation is in good condition. In some places, remains of brickwork are preserved. After expert review, it is possible to restore the temple on this foundation.

Keywords: town, Tara, archeology, history, planography, cultural layer.

В 2020 г. совместной экспедицией Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения ИАЭТ СО РАН и Национального исследовательского Томского государственного университета продолжены археологические изыскания на территории Тарской крепости, ставшие продолжением работ предыдущих лет. Задачей экспедиции был поиск основания Пятницкой башни и восточной стены острога.

Восточная часть тарского острога на рисунке С.У. Ремезова 1698–1701 гг. показана значительно меньшей по площади, чем западная. Единственным репером соотнесения ремезовского рисунка и археологических объектов могла быть только церковь Параскевы Пятницы. Церковь была построена в первой половине XVII в. [Храмы..., 2014, с. 47] и неоднократно перестраивалась после уничтожавших ее пожаров. Один из них случился в 1631 г. Описание этого события и процесс восстановления церкви сохранились в одном из дел РГАДА [Строгова, Татауров, 2012]. Рядом с церковью располагалось прихрамовое кладбище. Острожную стену могла маркировать Пятницкая башня.

В 2020 г. начался капитальный ремонт культурно-досугового центра «Север», и при обследовании прилегающей к нему территории были исследованы три захоронения (взрослого мужчины и двоих детей), датирующиеся первой половиной XVIII в. Глубина могильных ям – 2,5 м от современной дневной поверхности. Захоронения были совершены в колодах. Две могилы ориентированы по линии З – В (умершие лежали головой на запад), одна по линии С – Ю (умерший лежал головой на север). Колоды были хорошей сохранности, тонкостенные (2–3 см) с выступами-подушками в изголовье. Мужчина был обут в поршни, на груди у него лежал медный крестик. В детских могилах предметов не было.

Захоронения были расположены в слое, который, судя по находкам, относится ко второй половине XVII в. Общая мощность культурных напластований в этой части памятника составила 4 м. На уровне захоронений культурный горизонт содержал большое количество фрагментов обгоревшего дерева и угля. Возможно, что это следы от сгоревшей Пятницкой церкви, которая, вероятно, находилась в том месте, где в настоящее время расположено здание центра «Север». Культурный

слой ниже погребений был насыщен костями животных, птиц и рыб, достаточно грубой русской лепной керамикой. Среди находок следует отметить железный нож с полулунным лезвием, керамическую игральную фишку, несколько пастовых бусин голубого цвета.

Восточнее от кладбища в ходе исследования зафиксирован овраг, отмеченный на картах XVIII в., он являлся естественной границей Тарского острога. После сноса укреплений в самом начале XIX в. овраг был засыпан, и на этом месте, судя по фотографиям того времени, были поставлены торговые ряды Базарной площади, которые просуществовали до середины XX в. Саму острожную стену зафиксировать не удалось, т.к. на ее предполагаемом месте проходит асфальтированная дорога, однако это не мешает нам определить ее положение с точностью до 2–3 м, поскольку далее уже идет обычный поселенческий слой, как и в других частях острога.

Следующим шагом стал поиск фундамента каменной церкви Параскевы Пятницы (см. рисунок, 1), освященной 21 октября 1795 г. [Храмы..., 2014, с. 68], которая в XIX в. определяла положение улиц в данном районе города. Перед началом исследований был изучен картографический материал и фотоархивы по истории города. Были собраны воспоминания свидетелей разрушения Пятницкой церкви в 1951 г. (единственная взорванная церковь в городе, остальные разобраны). Это способствовало тому, что нам удалось относительно быстро определить положение церкви и найти ее фундамент.

На глубине 1,35 м был зафиксирован фундамент здания (см. рисунок, 2). Церковь была поставлена строго по оси ул. Избышева (бывший Пятницкий переулок) при ориентации З – В. В настоящий момент притворная часть церкви на 3,5–4,0 м выходит на проезжую часть ул. Советской в районе перекрестка с ул. Избышева. Фундамент церкви представляет собой углубленную в материковую глину забутовку из глины, извести и битого кирпича шириной 1,5 м и глубиной 2,2 м. Кирпичной кладки не зафиксировано. Расстояние между стенами составляет 8,5 м, что соответствует архивным материалам [Лебедева, 2004, с. 47].

В результате проведенных работ в восточной части тарского острога была зафиксирована следующая ситуация: в настоящее время практически

Храмы города Тары и состояние их фундаментов в настоящее время.

1 – церковь Параскевы Пятницы; 2 – фундамент церкви Параскевы Пятницы; 3 – церковь Тихвинской иконы Божьей Матери; 4 – фундамент с остатками кладки Тихвинской церкви.

вся территория площадки, где ранее располагалась Пятницкая церковь (современная Юбилейная площадь), отсыпана глиной, гравийной смесью и строительным мусором более чем на 1 м, что приподняло эту площадку на один уровень с местом, где находилась Тарская крепость. Фактически заовражная часть острога была ниже остального города на 1,2–1,5 м, что нашло отражение в стратиграфической колонке, в которой практически отсутствуют слои XVII–XVIII вв. Причины этого следует искать в особенностях фортификационной системы города. Из-за более низкого положения напольной стороны рогатки (полевые укрепления) были отодвинуты от стен и между ними была широкая полоса незанятого пространства. Только в XIX в., после

срытия укреплений города и завершения строительства каменной Пятницкой церкви (второй этаж был построен только в 1812 г.), эта территория стала доступна для горожан, но так и не была застроена. Сейчас это площадь, на которой установлена стела к 400-летию города.

Еще одной площадкой археологических исследований в Таре стал Комсомольский парк, расположенный в юго-восточной части города. В 2020 г. он попал в программу благоустройства города, поэтому были выполнены необходимые археологические изыскания. До 1963 г. здесь располагалось Тихвинское кладбище. В его центре стояла церковь Тихвинской иконы Божьей Матери (см. рисунок, 3). Храм был построен в 1784–1789 гг. на средства

тарского купца И.Ф. Нерпина, имел размеры: ширина – 3 сажени 2,5 аршина (8,2 м), длина – 8 саженой 2 аршина (18,5 м). Снесен в 1933 г. [Храмы..., 2014, с. 198].

В ходе обследования выяснилось, что реальное местоположение церкви отличается от ее положения на картах города. Она оказалась юго-восточнее центральной площадки парка примерно на 10 м. Поэтому поклонный крест, поставленный несколько лет назад, оказался не в алтарной части, а в приходе церкви. Уровень ее фундамента в настоящий момент составляет от 0,9 до 1,2 м от современной поверхности. Ввиду того, что Тихвинская церковь, как преимущественно и все в городе, была не взорвана, а разобрана, нами были зафиксированы остатки кирпичной кладки – 1–3 слоя (см. *рисунок, 4*). Кирпич в очень хорошем состоянии, больших размеров – 8 × 15 × 30 см. При строительстве использовался раствор на основе извести с добавлением ракушечника и куриных яиц, о чем свидетельствуют найденные довольно крупные фрагменты скорлупы. Ширина стен церкви примерно 1,0–1,2 м. Основанием для фундамента служила платформа, представляющая собой забутовку из глины, извести и битого кирпича. Толщина платформы более 1,2 м. В ходе разбора строительного мусора было найдено несколько железных предметов, относящихся к конструкции окон, карнизов и пр.

После завершения работ объект был сдан представителям мэрии. В настоящий момент по контуру старого фундамента залит временный – для обозначения контуров церкви. Впоследствии будет решена ее дальнейшая судьба: либо восстановление, либо строительство на этом месте часовни.

В результате проведенных в этом году изысканий были определены планиграфия восточной части острога для XVII–XVIII вв. и изменения, которые произошли здесь в последующее время. Установлено точное положение каменной церкви Параскевы Пятницы, полностью зафиксирован фундамент кладбищенской церкви Тихвинской иконы Божьей Матери в Комсомольском парке. При археологических раскопках на месте прихрамового кладбища Пятницкой церкви (XVII–XVIII вв.) изучено три захоронения. Собрана коллекция керамики, хозяйственного и бытового инвентаря, отражающая жизнь населения города в XVII–XX вв.

Исследования в 2020 г. в г. Таре были осложнены эпидемической обстановкой, тем не менее прак-

тически все поставленные задачи по программе изучения города были выполнены.

Благодарности

Исследования выполнены при финансовой поддержке РНФ по теме «Русское население Сибири XVII–XIX вв.: этнокультурная адаптация в археологическом и антропологическом измерении» (№ 18-18-00487 от 16.04.2018 г.). Авторы выражают большую признательность тарским школьникам и волонтерам, на плечи которых легла основная тяжесть работы.

Список литературы

Лебедева Н.И. Храмы и молитвенные дома Омского Прииртышья. – Омск: Издатель-Полиграфист, 2004. – 256 с.

Строгова Е.А., Татауров С.Ф. История одного пожара // Социально-экономическое развитие и историко-культурное наследие Тарского Прииртышья: материалы VI регион. науч.-практ. конф., посвящ. 120-летию А.В. Ваганова (г. Тара, 1–2 марта 2012 г.). – Омск: Амфора, 2012. – С. 72–77.

Храмы в крепостных стенах: конфессиональная история города Тары / С.А. Алферов, О.Ю. Алферова, Е.И. Кудряшова, С.Ф. Татауров. – Омск: Наука, 2014. – 230 с.

References

Alferov S.A., Alferova O.Yu., Kudryashova E.I., Tataurov S.F. Khramy v krepostnykh stenakh: konfessional'naya istoriya goroda Tary. Omsk: Nauka, 2014, 230 p. (In Russ.).

Lebedeva N.I. Hramy i molitvennye doma Omskogo Priirtysh'ya. Omsk: Izdatel'-Poligrafist, 2004, 256 p. (In Russ.).

Strogoва E.A., Tataurov S.F. Istoriya odnogo pozhara. In *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie i istoriko-kul'turnoe nasledie Tarskogo Priirtysh'ya: materialy VI regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashhennoi 120-letiyu A.V. Vaganova (g. Tara, 1–2 marta 2012 g.)*. Omsk: Amfora, 2012, pp. 72–77. (In Russ.).

Татауров С.Ф. <https://orcid.org/0000-0001-6824-7294>

Татауров Ф.С. <https://orcid.org/0000-0002-9447-1035>

Тихонов С.С. <https://orcid.org/0000-0001-6909-0727>

Чёрная М.П. <https://orcid.org/0000-0003-2885-0229>

Ф.С. Татауров¹, С.Ф. Татауров²✉

¹Отдел культурного наследия БУК «Музей-заповедник “Старина сибирская”»
Новосибирск, Россия

²Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

E-mail: fil_opossum@mail.ru, tatsf2008@rambler.ru

Результаты исследования одиночного кургана саргатской культурно-исторической общности близ поселка Большеречье в Омском Прииртышье

Проведенные в 2020 г. археологические исследования на курганном могильнике Большеречье I у районного пос. Большеречье Омской обл. стали продолжением многолетних работ омских ученых на памятниках одного из самых больших объединений раннего железного века в Западной Сибири – саргатской культурно-исторической общности. Одиночный курган Большеречье I является частью одного из самых значительных некрополей этого времени на левом берегу Иртыша. В результате хозяйственной деятельности большинство курганов распахано и требует оперативных аварийно-спасательных работ, первыми из которых и стали в этом году раскопки данного кургана. По итогам исследований получены материалы, относящиеся к раннему периоду саргатской культурно-исторической общности и свидетельствующие о ее распространении на север лесостепной зоны вдоль долины Иртыша. Диаметр площадки кургана в границах обнаруженного ровика составил 20 м. В ходе раскопок исследованы два захоронения: одно было разграблено, предположительно, в XVIII в., другое раскопано местным купцом Малаховым в середине XIX в. В них были найдены отдельные фрагменты скелетов погребенных, а также сопроводительный инвентарь, характерный для саргатских захоронений (костяные и металлические трехлопастные наконечники стрел, пластины от железных и костяных доспехов, глазчатые бусины, серебряные поясные накладки и др.). В ровике также были обнаружены фрагменты керамики, орнаментированные крупными семечковидными насечками. Исходя из полученного материала и на основе сравнительного анализа с другими могильниками Прииртышья, прежде всего Сидоровкой I, памятник предварительно может быть датирован III–II вв. до н.э.

Ключевые слова: ранний железный век, саргатская культурно-историческая общность, курганный могильник, погребения, оружие.

Philip S. Tataurov¹, Sergey F. Tataurov²✉

¹Department of Cultural Heritage BKI “Museum-Reserve “Antiquity Siberian”,
Omsk, Russia

²Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

E-mail: fil_opossum@mail.ru, tatsf2008@rambler.ru

Results of Studying a Single Mound of the Sargat Cultural and Historical Community near the Bolsherechye Village in Omsk Priirtyshye

Archaeological research carried out in 2020 at the burial mound Bolsherechye I near the district settlement Bolsherechye, Omsk Region, continued the long-term work of the Omsk scientists at the sites of one of the largest associations of the early Iron Age in the Western Siberia, the Sargat cultural and historical community. Single mound Bolsherechye-I is a part of one of the most significant necropolises of this time on the left bank of Irtysh. As a result of economic activity, most of the mounds have been plowed up and require rescue work; this year, the excavations of this mound were the first. The research resulted in the materials related to the early period of the Sargat cultural and historical community, indicating its movement to the

north of the forest-steppe zone along the Irtysh valley. The diameter of the mound site within the boundaries of the discovered ditch was 20 m. During the excavations, two burials have been investigated: one was plundered in the 18th century, while the other was excavated by a local merchant Malakhov in the mid-19th century. Separate fragments of skeletons of the buried people were found in them, as well as accompanying equipment typical of the Sargat burials (bone and metal three-blade arrowheads, plates from iron and bone armor, eye beads, silver waistbands, etc.). In the ditch, fragments of pottery, decorated with large seed-like notches, were found. Based on the obtained material, and on the basis of a comparative analysis with other burial grounds in the Irtysh region, primarily Sidorovka I, this archeological site can be tentatively dated to the 3rd to 2nd centuries BC.

Keywords: *early Iron Age, Sargat cultural and historical community, burial mound, burials, weapons.*

Введение

История изучения памятников саргатской культуры в Омском Прииртышье длится уже более полутора сотен лет. Тарский купец второй гильдии Е.И. Малахов во второй половине 1860-х гг. начал раскопки курганов на Тарском Севере. «Собрание черепов и курганных древностей» он выслал в дар Обществу любителей естествознания при Императорском Московском университете, за что в ноябре 1867 г. был избран членом-кандидатом этого Общества, а его находки были представлены на Всероссийской этнографической выставке. Благодаря «Указателю» этой выставки известно, что раскопки производились им «на левом берегу реки Иртыш, в двух верстах от деревни Большеречье по пути к деревне Гущиной Такмыкской волости Тарского округа Тобольской губернии, в 100 верстах от Тары». На выставке демонстрировались «седло, стремяна, узда, удила, бубенчики, сумка со стрелами, стрелы железные и костяные, кирка, топор, кольца, бусы, шелковые ткани, горшки, костяная скоба, шлифованная пластинка из сланца и другое. В антропологической части – большереченские черепа и костяки». Е.И. Малахов стал по результатам выставки единственным археологом, награжденным одной из девяти золотых медалей [Археологическая летопись..., 2019, с. 19–20]. В конце 1920-х гг. изучением саргатских курганов в Прииртышье занималась сотрудница Западно-Сибирского краевого музея, первый профессиональный археолог в регионе, В.П. Левашова [1928].

С начала 1960-х гг. масштабные исследования саргатских памятников в Прииртышье проводят две экспедиции – Московская, под руководством В.А. Могильникова [1972], и Уральская, под руководством В.Ф. Генинга [Корякова, 1982, с. 114]. С образованием в 1975 г. Омского государственного университета обширные работы по исследованию саргатских древностей организовал В.И. Матющенко. В 1986 г. В.И. Матющенко (в Сидоровке) и в 1989 г. Л.И. Погодин (в Исаковке) произвели раскопки интереснейших, очень богатых захоронений в саргатских курганах [Матющенко, Татаурова,

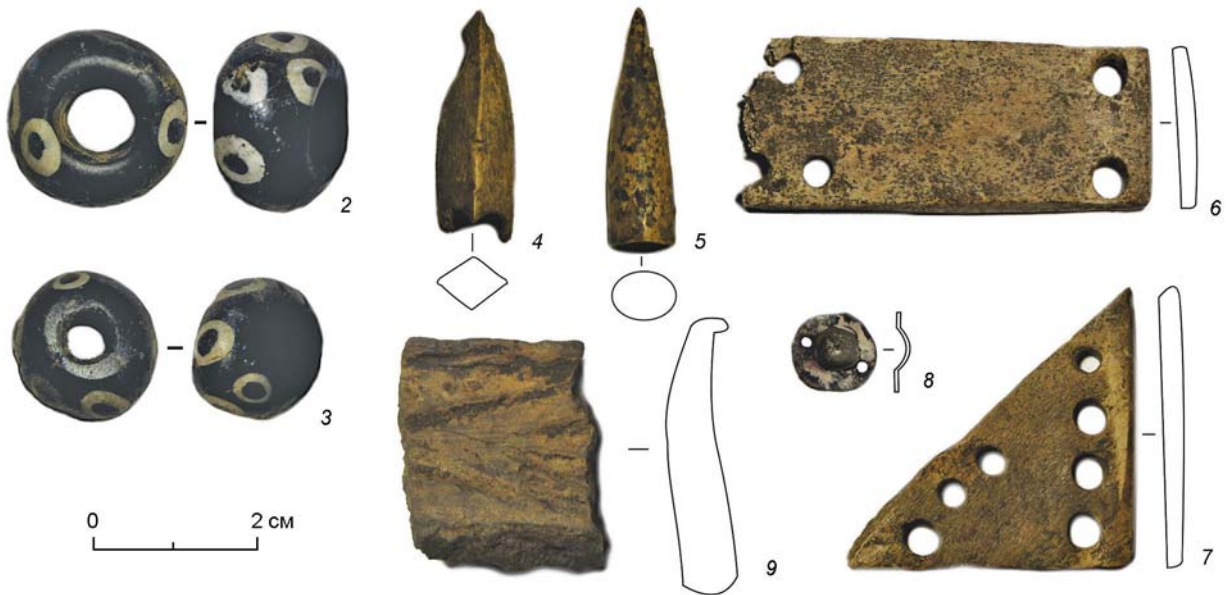
1997]. В настоящее время исследования памятников саргатской культурно-исторической общности проводят Л.В. Татаурова и С.Ф. Татауров. Стоит признать высокую степень изученности саргатской культуры как в Прииртышском регионе, так и в Западной Сибири в целом.

В 2019 г. мониторинг объектов культурного наследия на территории Большереченского р-на Омской обл., проводимый сотрудниками музея-заповедника «Старина сибирская», выявил разрушение насыпи на одиночном кургане Большеречье I, расположенном рядом с рабочим пос. Большеречье на коренной террасе левого берега Иртыша. Жители растащили насыпь, состоящую из чернозема, на свои огороды. В связи с этим было принято решение о проведении в 2020 г. аварийно-спасательных раскопок на памятнике. В состав экспедиции вошли сотрудники музея-заповедника «Старина сибирская», научные сотрудники Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения ИАЭТ СО РАН, а также волонтеры из местных общественных организаций. Следует отметить, что данный одиночный курган является частью одного из крупнейших курганных могильников саргатской культурно-исторической общности в лесостепной зоне на левом берегу Иртыша. Могильное поле протянулось почти на 10 км вдоль коренного берега. На нем было расположено ок. 100 курганов диаметром от 15 до 35 м и высотой до 3,5 м. Данная территория на протяжении всего XX в. распаивалась, и количество курганов постепенно уменьшалось. В настоящий момент зафиксировано 15 курганов, которые в ходе паспортизации в 80–90-е гг. XX в. были разделены на несколько самостоятельных памятников. В 1992 г. курган, о котором идет речь в данной статье, был обследован А.Я. Труфановым, выделен в отдельный памятник и оформлен как ранее неизвестный, был снят его инструментальный план и составлено подробное описание [Труфанов, 1992]. По материалам отчета 1992 г., курган имел округлую в плане форму, диаметр 28 м и высоту 2,1 м. Поверхность кургана была хорошо задернована, полы его опажены. В центре насыпи фиксировалась грабительская яма размерами 2 × 3 м, глубиной 0,5 м.

Итоги исследования

Перед началом работ в 2020 г. курган представлял собой практически ровную овальную площадку размерами 25 × 35 м, сохранился только небольшой фрагмент восточной насыпи высотой 0,3–0,4 м, размерами 2 × 7 м.

В процессе зачистки кургана на уровне материка был прослежен ровик глубиной 0,6–0,8 м и шириной 0,5–1 м. Диаметр площадки кургана в границах ровика составил 20 м. В северо-западной и юго-восточной частях ровика были выявлены перемычки шириной до 1 м (см. рисунок, 1). Внутри ровика, в его северо-восточной части, были обнаружены

Одиночный курган Большеречье I.

1 – общий вид кургана после выборки объектов; 2–9 – инвентарь: 2, 3 – глазчатые бусины; 4, 5 – наконечники стрел; 6, 7 – костяные дощечные пластины; 8 – серебряная нашивка; 9 – фрагмент керамики, найденной во рву. Фото Л.В. Татауровой, Ф.С. Татаурова.

фрагменты сосуда бомбовидной формы, орнаментированного по венчику и шейке рядами крупных семечковидных насечек (см. *рисунок, 9*), а также кости лошади.

В ходе раскопок в центральной части кургана были зафиксированы две могилы, ориентированные по линии СЗ – ЮВ. Погребенные лежали головой на северо-запад. Центральная могила имела размеры 2,77 × 1,55 м и глубину 0,63 м. Захоронение было вскрыто, по всей вероятности, купцом Е.И. Малаховым во время его раскопок в XIX в. Об этом свидетельствуют прямоугольная выбранная яма, практически полностью накрывающая могилу, следы железных лопат на ее дне, тщательность, с какой были выбраны останки погребенного, и то, что яма была засыпана, чего грабители никогда не делали. В заполнении могилы были найдены несколько фрагментов костей человека и сопровождающий инвентарь – часть металлической пластины от доспеха с остатками крепления.

Параллельно центральному погребению располагалось второе. Его размеры 2,70 × 1,40 м, глубина 0,75 м. Эта могила была ограблена, скорее всего, в XVIII в. бугровщиками. Грабительский прокоп пришелся на центр скелета погребенного и голову, поэтому кости ног сохранились в анатомическом порядке. В процессе выборки были зафиксированы и другие фрагменты скелета. В могиле обнаружены изделия из металла (куски доспешных железных пластин, бронзовая накладка на налуч), костяные пластины от составного доспеха (см. *рисунок, 6, 7*), костяные и железные наконечники стрел (см. *рисунок, 3, 4*), серебряные накладки на конскую упряжь (см. *рисунок, 8*), четыре бусины (из них три глазчатые), бронзовое кольцо (вероятно, от удила), фрагменты керамического сосуда, а также был зафиксирован древесный тлен, покрытый красным лаком.

Материалы кургана находят аналогии в других памятниках саргатской культурно-исторической общности в Прииртышье, в частности в могильнике у д. Сидоровка, исследованном В.И. Матющенко в 1986 г. [Матющенко, Татаурова, 1997]. В первую очередь стоит выделить железные пластины доспеха, которые по своим размерам и форме полностью соотносятся с доспехом в кург. 1 (мог. 2) Сидоровского могильника [Там же, с. 143]. Костяные наконечники стрел по своей форме близки к железным протыкателям Сидоровского могильника, но, несомненно, являются более ранними, т.к. уже с рубежа эр получили распространение черенковые костяные наконечники, а такая форма сохраняется только в металле и в бронзе. В пользу ранней датировки данного комплекса свидетельствуют пластины

костяного доспеха, которые позднее встречаются в захоронениях небольших курганов и отсутствуют в больших комплексах.

Украшения, обнаруженные в кургане, представлены тремя глазчатыми бусинами из синей стеклянной пасты с белыми «глазками» диаметром 1,7–2,0 см и одной бусиной из красной стеклянной пасты (см. *рисунок, 2, 3*). Глазчатые бусины – один из распространенных типов украшений на памятниках скифского времени. Прямые аналогии можно найти, например, в материалах раскопок Шикаевского кургана на Тоболе [Потёмкина, 2005, с. 114–115]. Кроме бусин в заполнении могилы было обнаружено шесть серебряных нашивок на конскую упряжь диаметром 1,0–1,2 см (см. *рисунок, 8*).

Выводы

В заключение можно сделать следующий вывод относительно датировки памятника. Если Сидоровский могильник датируется II в. до н.э. – I–II в. н.э., то курган Большеречье I можно датировать более ранним временем: III–II вв. до н.э. Данная датировка Сидоровского могильника была определена В.И. Матющенко на основе общей хронологии саргатской культуры, разработанной Л.Н. Коряковой [1988]. Несмотря на серьезные разрушения насыпи кургана и могил, полученный в ходе раскопок материал достаточно репрезентателен, он пополнит базу данных по изучению саргатских древностей.

Список литературы

- Археологическая летопись земли Тарской / С.Ф. Татауров, Ф.С. Татауров, Л.В. Татаурова, С.С. Тихонов. – Омск: Издатель-Полиграфист, 2019. – 412 с.
- Корякова Л.Н. Из истории изучения саргатской культуры // *Вопр. археологии Урала*. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1982. – Вып. 16: Археологические исследования севера Евразии. – С. 113–124.
- Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1988. – 239 с.
- Левашова В.П. Предварительное сообщение об археологических исследованиях Западно-Сибирского музея в 1926–1927 гг. // *Изв. Зап.-Сиб. музея*. – Омск, 1928. – № 1. – С. 157–161.
- Матющенко В.И., Татаурова Л.В. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. – Новосибирск: Наука, 1997. – 198 с.
- Могильников В.А. Коконовские и Саргатские курганы // *Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири скифо-сарматского времени*. – М.: Наука, 1972. – С. 119–133.

Потёмкина Т.М. Головной убор саргатской жрицы (по материалам Шикаевского кургана) // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2005. – Вып. 1. – С. 112–120.

Труфанов А.Я. Отчет о работах в Крутинском, Ново-варшавском и Большереченском районах Омской области в 1992 г. // Арх. Музея археологии и этнографии Ом. гос. ун-та им. Ф.М. Достоевского. Ф. II. Д. 83-1.

References

Koryakova L.N. Iz istorii izucheniya sargatskoi kul'tury. In *Archaeology of the Urals*, iss. 16. Archaeological research of the north of Eurasia. Sverdlovsk: Ural State Univ. Press, 1982, pp. 113–124. (In Russ.).

Koryakova L.N. Rannii zheleznyi vek Zaural'ya i Zapadnoi Sibiri. Sverdlovsk: Ural State Univ. Press, 1988, 239 p. (In Russ.).

Levashova V.P. Predvaritel'noe soobshchenie ob arkheologicheskikh issledovaniyakh Zapadno-Sibirskogo muzeya v 1926–1927 gg. In *West Siberian Museum Bulletin*. Omsk, 1928, No. 1, pp. 157–161. (In Russ.).

Matyushchenko V.I., Tataurova L.V. Mogil'nik Sidorovka v Omskom Priirtysh'e. Novosibirsk: Nauka, 1997, 198 p. (In Russ.).

Mogil'nikov V.A. Kokonovskie i sargatskie kurgany. In *Archaeological sites of the Southern Urals and Western Siberia of the Scythian-Sarmatian period*. Moscow: Nauka, 1972, pp. 119–133. (In Russ.).

Potyomkina T.M. Golovnoi ubor sargatskoi zhritsy (po materialam shikaevskogo kurgana). In *Theory and Practice of Archaeological Research*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2005, iss. 1, pp. 112–120. (In Russ.).

Tataurov S.F., Tataurov F.S., Tataurova L.V., Tikhonov S.S. Arkheologicheskaya letopis' zemli Tarskoi. Omsk: Izdatel'-Poligrafist, 2019, 412 p. (In Russ.).

Trufanov A.Ya. Otchyot o rabotakh v Krutinskom, Novovarshevskom i Bol'sherechenskom raionakh Omskoi oblasti v 1992 g. *Archives of the Archaeology and Ethnography Museum of F.M. Dostoevsky, Omsk State Univ.* F. II. D. 83-1. (In Russ.).

Татаров Ф.С. <https://orcid.org/0000-0002-9447-1035>

Татаров С.Ф. <https://orcid.org/0000-0001-6824-7294>

Ф.С. Тагауров¹, Л.В. Тагаурова²✉

¹Омский государственный историко-культурный музей-заповедник «Старина Сибирская»
Омск, Россия

²Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия
E-mail: fil_opossum@mail.ru; li-sa65@mail.ru

Первые итоги исследования русского могильника XIX – первой четверти XX века Евгашчино IV в Омском Прииртышье

Эволюция обряда погребения у русского населения Западной Сибири прослеживается, как правило, по материалам ранних этапов освоения края. В основном это некрополи городов и острогов. Погребальные памятники XIX в. изучены в Новосибирском Приобье и Барнауле. В Омском Прииртышье погребальные практики исследовались по результатам раскопок сельских поселений XVII–XVIII вв. Некрополи XIX в. не изучались. В 2020 г. в ходе аварийно-спасательных работ на могильнике Евгашчино IV, относящемся к XIX – началу XX в., изучено 34 погребения (11 взрослых). Могильное поле оказалось плотно заполненным, зачастую одна могильная яма прорезала другую. Практически все захоронения были ориентированы по линии запад – восток или северо-запад – юго-восток. Зафиксированные элементы похоронного обряда показали наличие разных погребальных конструкций – гробов и колод, выполненных из дерева. На некоторых захоронениях зафиксированы основания надмогильных конструкций – деревянных крестов. Могильные ямы, как на памятниках XVII–XVIII вв., имели разную глубину: от 35 до 170 см. Необычной чертой погребального обряда в раскопанной части кладбища стало присутствие в могилах глиняной посуды, в т.ч. с углями. Аналогичная традиция зафиксирована для XIX в. в Новосибирском Приобье. Погребальный инвентарь представлен несколькими группами предметов: нательными крестиками разных типов, элементами костюмного комплекса (предметы одежды и обуви, пуговицы). В двух женских захоронениях сохранились волосы, уложенные в погребальную прическу. Полученная информация пополнит базу данных по погребальному обряду русских Омского Прииртышья и Западной Сибири, позволит проследить его эволюцию в исторической ретроспективе.

Ключевые слова: археология русских, погребальный обряд, Омское Прииртышье, XIX – начало XX в.

Philipp S. Tataurov¹, Larisa V. Tataurova²✉

¹Omsk State Historical and Cultural Museum-Reserve “Antiquity Siberian”,
Omsk, Russia

²Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: fil_opossum@mail.ru; li-sa65@mail.ru

First Results of the Study of the Russian Burial Ground of the 19th to the First Quarter of the 20th Century Evgashchino IV in the Omsk Irtysh Region

The evolution of the burial ceremony for the Russian population in the Western Siberia can be traced by the materials from the early stages of the region development. Basically, these are the necropolises of cities and ostrogs. Funeral sites of the 19th century were studied in the Novosibirsk Ob region and Barnaul. In the Omsk Irtysh region, burial ceremonies were studied based on the results of excavations of rural settlements of the 17th to 18th centuries. Necropolises of the 19th century have not been studied. Thirty-four burials (including 11 burials of adults) were studied in 2020, during the rescue excavations at the Evgashchino IV burial ground, dating back to the 19th to early 20th centuries. The grave field turned out to be densely filled, often one grave pit cut through another. Almost all burials were oriented along the west-east or northwest-southeast

line. At some burials, the foundations of grave structures, i.e. wooden crosses, were observed. The fixed elements of the funeral rite showed the presence of various funerary structures. Sepulchral hole were different depths: from 30 to 170 cm as if they were tombs in the 17th to 18th centuries. An unusual feature of the burial ceremony in the cemetery included the discovery of pottery in the graves, including pottery with coals. A similar tradition was recorded for the 19th century in the Novosibirsk Ob region. Burial items are represented by several groups of objects: crosses of various types, elements of costume (items of clothing and footwear, buttons). In two female burials, hair was preserved, styled in a funeral hairstyle. This research will add information to the database on the burial rite of the Russians in the Omsk Irtysh region and the Western Siberia and will show its evolution in historical retrospect.

Keywords: archeology of the Russians, funeral rite, Omsk Irtysh region, 19th century, early 20th century.

Введение

В рамках развития русской археологии в Сибири происходит накопление археологического материала по разным направлениям. Одно из них – погребальный обряд русских сибиряков. К настоящему времени изучен ряд как городских (Тара, Кузнецкий острог, Томск, Тобольск и др.), так и сельских некрополей (памятники Ананьино I и Изюк I в Омском Прииртышье, кладбище с. Ильинского под Кузнецком, Горноправдинский погребальный комплекс в Нижнем Прииртышье и др.).

Литература по данной проблематике весьма обширна, включает в себя как монографии (напр.: [Татаурова, 2010]), так и статьи по конкретным памятникам или обобщающего характера (напр.: [Зайцева, Кениг, 2014; Татауров Ф.С., 2018; Ширин, 2011; Бердников, 2011; Данилов, 2012, 2014]). Проведенные исследования позволили реконструировать планиграфию кладбищ, проследить эволюцию обрядовых практик в ретроспективе, на основе материальных элементов создать достоверную схему этапов погребального обряда.

Продолжение изучения погребальных практик русского населения в различные периоды истории Западной Сибири Нового времени необходимо как для расширения базы данных по обозначенной проблематике, так и для подтверждения и корректировки полученных ранее выводов, повышения их репрезентативности.

В мае 2020 г. сотрудниками отдела культурного наследия музея-заповедника «Старина Сибирская» была получена информация о разрушаемом р. Иртыш русском кладбище одной из ныне несуществующих деревень Большереченского р-на Омской обл. После выезда на памятник было принято решение о незамедлительном проведении спасательных работ, в которых приняли участие сотрудники музея-заповедника «Старина Сибирская», Омской лаборатории ИАЭТ СО РАН, а также волонтеры.

Работы финансировались администрацией Большереченского р-на Омской обл. и Такмыкского сельского поселения, по договоренности с кото-

рыми все антропологические останки были перезахоронены в общей могиле в действующей части кладбища с установкой памятного знака.

Материалы и методы

Деревня Красный Яр, к которой относится разрушаемое кладбище, основана в 1776 г. Она расположена в 2 км от современного п. Хлебоприемный Пункт Такмыкского сельского поселения, в 11 км от с. Такмык и в 6 км от с. Евгацино Большереченского р-на Омской обл. На момент переписи населения 1926 г. в деревне проживали 393 чел., 189 мужчин и 204 женщины, население состояло в основном из русских [Список..., 1928, с. 8].

Впервые научное описание памятника было выполнено аспиранткой Омского филиала (с 2018 г. Омская лаборатория) ИАЭТ СО РАН И.Д. Кромм в 2012 г. Снят ситуационный план погребального комплекса, состоящего из старой части, ограниченной рвом, и новой, расположенной к западу, зафиксирован факт единичных обрушений захоронений в р. Иртыш, составлен пофамильный список погребенных на новой части кладбища [Кромм, 2013].

Старая часть кладбища расположена на краю высокого мыса, образованного коренной террасой западного берега р. Иртыш, и вытянута по линии ЮЗ – СВ на 30 м. Ширина (СЗ – ЮВ) – 15 м. Высота террасы р. Иртыш в месте нахождения памятника 10 м. С севера и востока погост ограничен краем мыса и обрывом берега реки. С запада и юга – рвом шириной до 3 м, глубиной до 0,7 м.

Границы площадки внутри рва были приняты за границы памятника, получившего наименование Евгацино IV. Снят его инструментальный план, в ходе съемки было зафиксировано 22 бугорка подовальной формы, ориентированных чаще по линии З – В, которые были идентифицированы как могильные холмы. Выявлено было также поднятие прямоугольной формы в центральной части памятника размерами 4 × 3 м, высотой 0,20–0,25 м, возможно, на этом месте располагалась часовня.

Обсуждение результатов

Для проведения археологических работ был выбран участок обрыва берега, на котором при наблюдении от уреза воды р. Иртыш прослеживалось наибольшее количество разрушающихся погребений. Общая площадь раскопа составила 34 м². В процессе исследований изучено 34 погребения (11 взрослых, 23 детских), расположенных в ряд по краю обрыва реки с ЮЗ на СВ. Выборка заполнения раскопа осуществлялась по общепринятой методике.

При выборке первого и второго горизонтов в слабовыраженном культурном слое, представленном черным гумусом, нарушенном могильными ямами, обнаружены немногочисленные фрагменты керамики, датируемые эпохой ранней бронзы (в частности, некоторые из них можно отнести к кротовской культуре), что позволило сделать вывод о многослойном характере памятника. Вероятно, на мысу, где при основании деревни было устроено кладбище, находилось поселение раннего времени, ныне практически полностью уничтоженное рекой и погребальным комплексом.

Первые погребения были обнаружены на глубине 35–40 см от современной дневной поверхности. Плотность заполнения могильного поля погребениями очень большая, зачастую одна могильная яма прорезала другую. Практически все захоронения ориентированы по линии З – В или СЗ – ЮВ. Глубина детских погребений варьировалась от 35 до 160 см, взрослых – от 110 до 170 см. Несмотря на то, что исследуемая часть кладбища относится ко второй половине XIX – началу XX в., здесь тоже отсутствует единый стандарт глубины могил, как и на более ранних аналогичных памятниках. В частности, на могильнике комплекса Изюк I, находящегося на восточном берегу Иртыша в 10 км к северу и относящегося к XVII–XVIII вв., глубина от современной дневной поверхности взрослых могил в среднем от 60 до 135 см, детских – от 20 до 95 см [Татаурова, 2010, с. 228–231]. Все могильные ямы, для которых удалось зафиксировать и описать границы, имеют овальную форму и вертикальные стенки, которые у части ям сужаются ко дну.

По типам погребальных конструкций могилы разделяются на захоронения в деревянных долбленых колодах (домовинах) и в гробах из досок, сбитых железными гвоздями. Из 34 захоронений 18 совершены в гробах (из них 8 взрослых), 16 – в колодах (из них 3 взрослых). Иногда в погребениях, залегающих на одном уровне вплотную друг к другу, гробы соседствовали с колодами.

Если проследить соотношения погребальных конструкций на русских памятниках более раннего времени, то на могильнике XVII–XVIII вв. Изюк I в 261 погребении было всего два гроба, одно детское захоронение в люльке, остальные 258 захоронений – в колодах [Там же, с. 56].

На втором городском кладбище Тобольска, датируемом XVII в., в колодах хоронили преимущественно детей, а для взрослых изготавливали гробы из досок [Балюнов, Данилов, 2013, с. 51–52]. На Преображенском кладбище XVII в. в Кузнецком остроге из 12 захоронений одно было сделано в гробу, остальные – в колодах [Ширин, 2011, с. 418–419]. На Горноправдинском некрополе второй половины XVIII – XIX в. зафиксированы в 29 случаях захоронения в колодах, 6 – в гробах [Зайцева, Кениг, 2014, с. 24].

По мнению И.А. Кремлевой, использование гробов «долбленых из колод» бытует до конца XIX в., да и то, только для детей [1999, с. 517]. В Приморском крае Ю.В. Аргудьева зафиксировала «домовину» из колоды кедра в 1973 г. [2000, с. 193]. Сбор Л.В. Татауровой этнографического материала в с. Евгацино и близлежащих деревнях показал, что использование долбленых колод для погребения практиковалось минимум до середины XX в. [Татаурова, 2010, с. 90–91].

Достоверно установить, чем руководствовались русские сибиряки при выборе типа погребальной конструкции, пока не представляется возможным.

По материалам могильника Евгацино IV, как и более ранних аналогичных памятников, внутреннее обустройство колод можно разделить на два типа: с подголовником в виде оставленного выше дна деревянного выступа у короткой стенки колоды в изголовье или без подголовника. В единичных случаях в гробах и в колодах встречается щепка, возможно положенная под тело умершего. В одном из гробов нижняя часть вместе с умершим была засыпана светло-серым суглинком, который на территории расположения памятника не фиксируется.

Подобная практика заполнения внутреннего пространства погребальных конструкций грунтом отмечена в материалах памятника Изюк I, где половина взрослых погребений внутри колоды засыпана землей; среди детских захоронений таких случаев меньше. В Изюке эта черта связывается с сезонными (зимними) погребениями [Там же, с. 197–246].

В шести захоронениях зафиксированы основания надмогильных конструкций – деревянных крестов. Они представлены фрагментами бревен диаметром 10–15 см, установленных вертикально в ногах умерших у восточной границы погребальных конструкций. В одном случае основание креста попало (или специально помещено) в глиняный сосуд (рис. 1).

Рис. 1. Группа детских захоронений с керамическими сосудами и остатками надмогильного креста. Могильник Евгачино IV, вид с севера. Фото Ф.С. Татаурова.

Умершие уложены вытянуто на спине, головой на запад (СЗ), руки согнуты в локтях и скрещены на поясе или груди.

Вещевой комплекс, обнаруженный в могилах, можно разделить на три основные группы: погребальная посуда, нательные кресты и элементы костюма (одежда, пуговицы).

Погребальная посуда обнаружена в 15 из 34 погребений – в 5 взрослых и 10 детских. Сосуды были поставлены в десяти случаях в изголовье, с правой стороны рядом с гробом, в двух случаях из-за высокой плотности могил установить, в ногах или в изголовье установлен сосуд, невозможно, в трех случаях сосуд (или его фрагмент) был поставлен в ногах, но также с правой стороны. Целые сосуды все поставлены на дно, в четырех случаях внутри были обнаружены мелкие угли, в одном – щепка. При этом стоит отметить, что большая часть из них была бытовой посудой и перед тем, как была опущена в могилу, использовалась по прямому назначению. В трех случаях в погребениях обнаружены только отдельные фрагменты. Типологический набор сосудов разнообразен: горшки, кринки, миски.

Традиция, связанная с опусканием в могилу глиняной посуды, в Сибири фиксируется с XIX в.,

в частности в Верхнем Приобье отмечается ее широкое распространение. Посуда с углями использовалась при окурировании умершего, его жилища и гроба до совершения похорон, потом сопровождала покойного до кладбища, использовалась при окурировании могилы и помещалась в могилу вместе с гробом в ногах или изголовье погребенного [Воробьев, 2001, с. 506]. По мнению исследователей, обряд постановки сосуда с углями в могилу в Сибири, скорее всего, связан с выходцами из Белоруссии, возможно с Русского Севера. Предполагается, что он восходит к обряду трупосожжения и был связан с идеей заселения неба душами предков, идеей домашнего очага, переносимого в загробный мир [Воробьев, 2001, с. 508; Мамонтова, 2012, с. 92].

Жители одного из близлежащих к изучаемому памятнику сел, Такмыка, утверждают, что горшочки с углями в могилу опускались, чтобы «греть покойника», эта традиция сохранялась до недавнего времени.

Второй инвентарной группой стали нательные крестики. Обнаружены в 16 захоронениях из 34, причем только в детских. Девять из них относятся к типу 1 по типологии В.И. Молодина

Рис. 2. Захоронение женщины с шелковым платком. Могильник Евгацино IV, вид с севера. Фото Л.В. Татауровой.

Рис. 3. Погребальная прическа женщины из захоронения с платком. Могильник Евгацино IV. Фото Л.В. Татауровой.

[2007, с. 41–49, 63–65, 73, 78]. Остальные семь представляют типы 6 (подтип 1), 7 (подтип 2) и 8 (подтип 2).

Два крестика с памятника Евгацино IV не представлены в типологии В.И. Молодина, но имеют

анalogии в погребальных комплексах поселений Ананьино I и Изюк I (XVII–XVIII вв., Тарский и Большереченский р-ны Омской области) и выделены И.Д. Кромм в 13-й тип [Кромм, Бердников, 2012, с. 225]. Аналогичные экземпляры имеются в материалах Крестовоздвиженского некрополя Иркутска и, по мнению И.Д. Кромм и И.М. Бердникова, датируются второй половиной XIX в. [Там же, с. 224–25].

Сохранившиеся элементы костюма свидетельствуют об отсутствии у местных жителей в описываемый период практики изготовления специальной погребальной одежды. Имеющиеся в погребениях детали костюма можно отнести к праздничным: шелковый платок в одном из взрослых женских погребений (рис. 2), брюки из плотной ткани во взрослом мужском погребении, в детском – фрагменты рубашки яркой расцветки с пластмассовыми пуговицами. В двух захоронениях зафиксированы кожаные чирки – традиционная погребальная обувь русского населения Омского Прииртышья в XVII–XVIII вв. [Богомолов, Татаурова, 2014].

В двух взрослых женских захоронениях на черепе сохранились волосы, собранные в прическу – две косы, заплетенные с боков и уложенные «корзиночкой» (рис. 3). Такая форма погребальных причесок прослеживается как в погребальном обряде XVII–XVIII вв., так и в этнографических материалах [Татаурова, 2010, с. 182, рис. 56].

Выводы

Проведенное исследование выявило перспективность изучения погребальных комплексов XIX – начала XX в. для понимания процессов эволюции погребального обряда русского населения Западной Сибири. В частности, в Омском Прииртышье исследован ряд могильников XVII–XVIII вв., имеются этнографические описания кладбищ ныне существующих деревень, однако для XIX – начала XX в. научной информации по обозначенной проблематике практически нет.

В ходе работ удалось установить, что, как и в XVIII в., отсутствует стандарт глубины могилы, при этом продолжает соблюдаться ориентация захоронений по линии З – В. Судя по материалам могильника, традиция изготовления колод, или домовин, продолжала сохраняться минимум до 30–40-х гг. XX в., причем использовались они наравне с гробами. Интересной представляется традиция применения посуды в погребальном обряде. Такая практика на русских кладбищах известна пока только по материалам Верхнего Приобья. Как представляется, это может стать темой отдельного исследования.

Список литературы

Аргудяева Ю.В. Старообрядцы на Дальнем Востоке России. – М.: ИЭА РАН, 2000. – 365 с.

Балюнов И.В., Данилов П.Г. Археологи открывают тайны Софийского собора // Наследие Тюменской области. – 2013. – № 1 (3). – С. 50–53.

Бердников И.М. Некрополи Иркутска XVIII–XIX вв. Результаты археологических исследований // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск, 2011. – С. 275–282.

Богомолов В.Б., Татаурова Л.В. Погребальная кожаная обувь русских Омского Прииртышья XVII–XVIII вв. // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 2014. – Т. 2. – С. 7–18.

Воробьев А.А. Сосуды с углями из русских погребений Верхнего Приобья и Барабы как объект археолого-этнографического изучения // Историко-культурное наследие Северной Азии: итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2001. – С. 506–508.

Данилов П.Г. Православный некрополь XVII–XVIII вв. в селе Абалак Тобольского района: итоги и перспективы исследований // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История. Филология. – 2012. – Т. 11, вып. 7. – С. 154–167.

Данилов П.Г. Некрополи XVII–XVIII вв. в структуре городской застройки Тобольска в свете археологических и исторических материалов // Культура русских в архео-

логических исследованиях. – Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 2014. – Т. 2. – С. 19–21.

Зайцева Е.А., Кениг А.В. Погребальная обрядность русского старожильского населения Нижнего Прииртышья XVIII–XIX вв. (по материалам раскопок могильника Горноправдинский) // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 2014. – Т. 2. – С. 23–27.

Кремлева И.А. Похоронно-поминальные обычаи и обряды // Русские. – М.: Наука, 1999. – Гл. 13: Семейные обряды. – С. 517–533.

Кром И.Д. Отчет об археологической разведке на территории Большереченского и Тарского районов Омской области в 2012 году. – Омск, 2013 // Арх. Музея народов Сибири ОФ ИАЭТ СО РАН. Ф. VII-1. Д. 38-1. 115 с.

Кром И.Д., Бердников И.М. Выявление возможности датирования ставрографической коллекции Омского Прииртышья методом сравнительного анализа с материалами из некрополей г. Иркутска // Вестн. Ом. гос. ун-та. Сер.: Ист. исследования. – 2012. – № 4. – С. 222–226.

Мамонтова О.С. Керамика как элемент похоронного обряда русского населения Алтая XIX – первой четверти XX в. // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер.: История. – 2012. – № 362. – С. 91–92.

Молодин В.И. Кресты-тельники Илимского острова. – Новосибирск: Инфолио, 2007. – 248 с.

Список населенных мест Сибирского края. – Новосибирск: Сов. Сибирь, 1928. – Т. 1. Округа Западной Сибири. – 824 с.

Татауров Ф.С. Русские погребальные комплексы Западной Сибири XVII – первой половины XIX в. как источник для реконструкции социально-культурного облика русского сибиряка // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер.: История. – 2018. – № 56. – С. 151–157.

Татаурова Л.В. Погребальный обряд русских Среднего Прииртышья XVII–XIX вв. По материалам комплекса Изюк I. – Омск: Апельсин, 2010. – 284 с.

Ширин Ю.В. Погребальный обряд христианских кладбищ Притомья XVII–XVIII вв. // Культура русских в археологических исследованиях. Междисциплинарные методы и технологии. – Омск: Ом. фил. Рос. гос. торг.-экон. ун-та, 2011. – С. 416–422.

References

Argudyaeva Yu.V. Staroobryadtsy na Dal'nem Vostoke Rossii. Moscow: IEA RAS, 2000, 365 p. (In Russ.)

Balyunov I.V., Danilov P.G. Arkheologi otkryvayut tainy Sofiiskogo sobora. In *The heritage of the Tyumen region*, 2013, No. 1 (3), pp. 50–53. URL: http://www.tobolsk-expedition.ru/author/danilov_balunov/archeology_about_SUS.pdf (Accessed: 12.10.2020). (In Russ.)

Berdnikov I.M. Nekropoli Irkutskia XVIII–XIX vv. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovani. In *The Culture*

of Russians in Archaeological Research, Omsk: Omsk Branch of Rus. State Univ. of Trade and Economics, 2011, pp. 275–282. (In Russ.).

Bogomolov V.B., Tataurova L.V. Funeral leathern footwear of Russians of Omsk Priirtyshye in XVII–XVIII centuries. In *The Culture of Russians in Archaeological Research*. Omsk; Tyumen; Yekaterinburg: Magellan, 2014, vol. 2, pp. 7–18. (In Russ.).

Danilov P.G. Orthodox necropolis of XVII–XVIII centuries in the Abalak village Tobolsk district: results and prospects of research. In *Novosibirsk State Univ. Bulletin. Series: History and Philology*, 2012, vol. 11, iss. 7, pp. 154–167. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravoslavnyy-nekropol-xvii-xviii-vekov-v-sele-abalak-tobolskogo-rayona-itogi-i-perspektivy-issledovaniya> (Accessed: 14.10.2020). (In Russ.).

Danilov P.G. Necropolises of XVII–XVIII centuries in Tobolsk city building structure on the basis of archaeological and historical materials. In *The Culture of Russians in Archaeological Research*, Omsk; Tyumen; Yekaterinburg: Magellan, 2014, vol. 2, pp. 19–21. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23164595&> (Accessed: 12.10.2020). (In Russ.).

Kremleva I.A. Pokhoronno-pominal'nye obychai i obryady. In *Russians*. Moscow: Nauka, 1999, chap. 13, pp. 517–533. (In Russ.).

Kromm I.D. Otchet ob arkheologicheskoi razvedke na territorii Bol'sherechenskogo i Tarskogo raionov Omskoi oblasti v 2012 godu. Omsk, 2013. *Archive of the Museum of History and Culture of Peoples of Siberia and Russian Far East, Omsk Branch IAET SB RAS*, 2013, F. VII-1, D. 38-1, 115 p. (In Russ.).

Kromm I.D., Berdnikov I.M. Vyyavlenie vozmozhnosti datirovaniya stavrograficheskoi kollektcii Omskogo Priirtysh'ya metodom sravnitel'nogo analiza s materialami iz nekropolei g. Irkutsk. In *Herald of Omsk State University. Series: Historical Studies*, 2012, No. 4, pp. 222–226. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyyavlenie-vozmozhnosti-datirovaniya-stavrograficheskoy-kollektcii-omskogo-priirtyshya-metodom-sravnitel'nogo-analiza-s-materialami> (Accessed: 16.10.2020). (In Russ.).

Mamontova O.S. Keramika kak element pokhoronnogo obryada russkogo naseleniya Altaya XIX – pervoi chetverti

XX v. In *Tomsk State Univ. J. of History*, 2012, No. 362, pp. 91–92. URL: http://journals.tsu.ru//vestnik/&journal_page=archive&id=875&article_id=5312 (Accessed: 20.10.2020). (In Russ.).

Molodin V.I. Kresty-tel'niki Ilimskogo ostroga. Novosibirsk: Infolio, 2007, 248 p. (In Russ.).

Shirin Yu.V. Pogrebal'nyi obryad khristianskikh kladbishch Pritom'ya XVII–XVIII vv. In *The Culture of Russians in Archaeological Research*. Omsk: Omsk Branch of Rus. State Univ. of Trade and Economics, 2011, pp. 416–422. (In Russ.).

Spisok naselyonnykh mest Sibirskogo kraya. Novosibirsk: Sov. Sibir', vol. 1. Okrug Zapadnoi Sibiri, 1928, 824 p. (In Russ.).

Tataurov F.S. Russian burial complexes of Western Siberia of the XVII – first half of the XIX centuries as a source for reconstruction of the socio-cultural image of a Russian Siberian. In *Tomsk State Univ. J. of History*, 2018, No. 56, pp. 151–157. doi:10.17223/19988613/56/20. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkie-pogrebalnye-kompleksy-zapadnoy-sibiri-xvii-pervoy-poloviny-xix-v-kak-istochnik-dlya-rekonstruktsii-sotsialno-kulturnogo-oblika> (Accessed: 09.10.2020). (In Russ.).

Tataurova L.V. Pogrebal'nyi obryad russkikh Srednego Priirtysh'ya XVII–XIX vv. Po materialam kompleksa Izyuk 1. Omsk: Apel'sin, 2010, 284 p. (In Russ.).

Vorob'ev A.A. Sosudy s uglyami iz russkikh pogrebeniy Verkhnego Priob'ya i Baraby kak ob'ekt arkheologo-etnograficheskogo izucheniya. In *Historical and Cultural Heritage of North Asia: Results and Prospects of Study at the Turn of the Millennium*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2001, pp. 506–508. (In Russ.).

Zaitseva E.A., Kenig A.V. Funeral rites of XVIII–XIX centuries Nizhnee Priirtyshye Russian old residents (based on Gornopravdinsk cemetery excavation materials). In *The Culture of Russians in Archaeological Research*. Omsk; Tyumen; Yekaterinburg: Magellan, 2014, vol. 2, pp. 23–27. (In Russ.).

Tarayrov Ф.С. <https://orcid.org/0000-0002-9447-1035>

Tarayrova Л.В. <https://orcid.org/0000-0003-4829-7619>

Л.В. Тагаурова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: li-sa65@mail.ru

Археологические исследования русского поселения XVII–XVIII веков Ананьино I (Тарский район Омской области) в 2020 году

Продолжение изучения русского поселения Ананьино I в 2020 г. позволило решить одну из важных проблем планиграфии деревенских комплексов XVII–XVIII вв. – выявление расположения раннего погребального комплекса, появившегося вместе с деревней. В результате проведенных исследований выяснилось, что первоначально кладбище было устроено рядом с жилыми постройками, и это характерно для русской традиции освоения культурного ландшафта. С развитием и расширением деревни в пространстве кладбище перенесли за пределы поселения, где оно ранее изучалось автором, но плотность заполнения погребального поля там оказалась небольшой. Изучение поселенческих объектов и попавшей в раскоп избы-связи с отличающейся от раскопанных ранее жилищ ориентацией позволило предположить, что дома на раннем этапе существования деревни строили фасадной длинной стороной вдоль озера. Позднее суровые климатические условия способствовали изменению этой традиции. И, вероятно, постройка была заброшена, а в связи с необходимостью использования пространства под погребальный комплекс раннего участка кладбища она была частично перекрыта могилами. Жилищный комплекс, представленный традиционной формой постройки – трехчастной избой-связью, состоял из горницы с печью, сеней и клетки и дал уникальный предметный материал: несколько пластинок ламеллярного доспеха, кольчужные кольца, бронебойные наконечники стрел, аналоги которым имеются в памятниках аборигенного населения Барабы, в материалах европейской части России XVII в., китайский фарфор этого времени, орнаментированные поделки из кости, головка архаичной курительной трубки и другие находки. Датирование разных категорий найденного инвентаря позволило заключить, что раскопанное жилище, скорее всего, относилось к XVII в.

Ключевые слова: русские поселения, погребальный комплекс, изба-связь, стрелы, доспех.

Larisa V. Tataurova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: li-sa65@mail.ru

Archaeological Research of the Russian Settlement of the 17th–18th Centuries in Ananyino I (Tarsky District of Omsk Region) in 2020

Continued research at the Russian settlement of Ananyino I in 2020 made it possible to solve one of the important problems related to the planigraphy of village complexes of the 17th–18th centuries – identifying the location of the early burial complex which emerged together with the village. It was established that initially the cemetery was next to residential houses, which was typical of the Russian tradition of assimilating cultural landscape. Later, with the development and expansion of village, the cemetery was moved outside the settlement, where it had been previously studied by the author of this article, but the density of the burial field there turned out to be small. The study of the dwelling structures and the connected log house which was found in the excavation pit with different orientation from the previously excavated dwellings has made it possible to suggest that at the early stage of the village, houses were built with their long facade sides along the lake. Later, harsh climatic conditions triggered some changes in this tradition. The building was probably abandoned, and because of the need to use the space for the burial complex of the early part of the cemetery, it was partially covered with graves. The dwelling complex

had a traditional three-partite structure of the connected house consisting of a room with the stove, entryway, and storage room. Unique material evidence discovered inside included several plates of lamellar armor, chain mail rings, and armor-piercing arrowheads with the parallels appearing at archaeological sites of the indigenous population of Baraba and in the materials of the European Russia of the 17th century. Other finds included Chinese porcelain of the same period, decorated figurines of bone, head of archaic smoking pipe, etc. Dating of various categories of finds makes it possible to conclude that the dwelling probably belonged to the 17th century.

Keywords: *Russian settlements, burial complex, connected log house, arrows, armor.*

Введение

Деревня Ананьино основана русским населением в начале XVII в. [Татаурова, Крих, 2015]. За 11 лет археологического изучения памятника раскопано 2220 м² на поселенческой части и 660 м² – на могильнике. Проблемными вопросами в изучении комплекса были определение границ [Татаурова, 2015], выявление ранней части поселения [Сидорова и др., 2019], выяснение местонахождения раннего погребального комплекса. Последняя проблема связана с тем, что на изученной части кладбища, расположенного к юго-западу от поселения за ручьем [Татаурова и др., 2014], на площади в 660 м² зафиксировано всего 68 захоронений, тогда как деревня существовала ок. 300 лет, и в начале XIX в. (в 1801 г.), когда уже начался постепенный отток населения, в ней проживал 131 чел. [Крих, 2014, с. 89].

Планиграфически в окрестных ландшафтах памятника расположение кладбища выявить не удалось. Но планомерное сплошное изучение площади поселения способствовало тому, что в 2019 г. в раскоп попали три погребения, которые и маркировали местонахождение ранней части погребального комплекса [Татаурова, 2019]. В составе отряда работали сотрудники Омской лаборатории ИАЭТ СО РАН, школьники старших классов Пред-универсария Московского авиационного института (в рамках Договора о сотрудничестве института и ИАЭТ СО РАН) и школ Большереченского р-на Омской обл., студенты старших курсов и выпускники Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Материалы и методы

На поселенческой части памятника в 2020 г. вдоль берега озера, включая прибрежную часть, с северо-востока на юго-запад заложены раскопы. Один, площадью 100 м², прирезан в том месте, где в 2019 г. был зафиксирован погребальный комплекс. Еще один участок (40 м²) соединил раскопы 2018 и 2020 гг. В результате работ выявлены остатки жилого комплекса, в границах которого располагались захоронения. К поселенческой структуре относится изба-связь, построенная на краю берега

и ориентированная, в отличие от ранее раскопанных, длинной осью по линии СВ – ЮЗ (рис. 1). Она состояла из горницы с печью (площадь по внутреннему контуру 23,8 м²), клетки (13,3 м²) и сеней (8,6 м²). Общая площадь жилища составила 45,7 м². В заполнении на разных участках зафиксирован разнообразный инвентарь, как бытового, так и военного назначения (рис. 2).

К военному относятся железные панцирные пластины (рис. 2, 1), звенья кольчуги (рис. 2, 2), два крупных железных наконечника стрел (рис. 2, 3, 4), ружейные кремни, два фрагмента свинца для отливки пуль – подпрямоугольная пластинка толщиной ок. 1 см и округлый стержень диаметром 1 м [Татаурова, Татауров С.Ф., 2019].

Коллекция бытовых предметов включает большое количество игральные кости-бабок, железные ножницы небольшого размера, швейные иглы, ножи, точильные камни, гвозди, 14 бусин, в т.ч. одна крупная синяя диаметром 1,9 см (рис. 2, 5), набор изделий из кости с декоративными украшениями (рис. 2, 6–8).

Четкой локализации погребального комплекса не выявлено, она оказалась размытой. Однако относительно зафиксированных остатков жилища погребения размещались в его центральной части, прорезая деревянные детали конструкции или располагаясь поверх них (рис. 3, 4). Всего в раскопе зафиксировано 16 захоронений, имевших относительно целостную структуру. Из них 2 взрослых и 14 детских. Много разрозненного антропологического материала встречено в заполнении культурного слоя. Погребения располагались неровным рядом, ориентированным по линии СЗ – ЮВ. Могильная яма прослежена в одном случае – она прорезала доски срединной части постройки (см. рис. 3). В заполнении могильной ямы у колоды лежали крупный камень и челюсть собаки(?), вероятно попавшие туда из культурного слоя. Пять погребений – взрослое и детские – составляли «семейный» комплекс (см. рис. 4). Все остальные захоронения зафиксированы в культурном слое.

Погребения совершены в деревянных колодах, ориентированных по линии З – В. Конструктивные детали колод зафиксировать не удалось вследствие плохой сохранности дерева. Умерших хоро-

Рис. 1. Трехчастная изба-связь. Вид с юга. Поселение Ананьино I. Фото Л.В. Татауровой. 2020 г.

Рис. 2. Предметный комплекс из раскопа 2020 г. Поселение Ананьино I. Фото Л.В. Татауровой.

1 – железные пластины ламеллярного доспеха; 2 – кольца от кольчуги; 3 – железный ромбовидный наконечник с упором; 4 – железный срезень в виде лопаточки; 5 – синяя стеклянная бусина; 6 – костяное пряслице с орнаментом; 7 – костяной гребень с фигурной спинкой; 8 – половинка рукояти ножа с фигурно оформленным навершием; 9 – головка курительной трубки из глины.

Рис. 3. Погребение в могильной яме, прорезающей детали постройки. Вид с востока. Поселение Ананьино I. Фото Л.В. Татауровой. 2020 г.

Рис. 4. «Семейный» погребальный комплекс. Колода взрослой могилы стоит на стене клетки (северо-восточная часть избы-связи). Вид с северо-востока. Поселение Ананьино I. Фото Л.В. Татауровой. 2020 г.

нили вытянуто на спине, головой на запад. Руки их скрещены на груди или поясе. Все погребения потревожены, особенно детские, от которых в ряде случаев сохранились только череп и длинные кости конечностей. В семи погребениях зафиксированы нательные крестики типов 1, 2 и 5 по типологии В.И. Молодина [2007].

Обсуждение результатов

Анализируя планиграфию жилищных комплексов, изученных на поселении Ананьино, можно сделать вывод, что раскопанная постройка по планиграфии не отличалась от большей части жилищ поселения – из девяти только два были избами. Как и другие свя-

зи, она была большой площади, в ней справа от входа стояла печь, в развале которой найдено множество керамических сосудов. Примечательным можно назвать наличие слюдяных окон, от которых осталось несколько скоплений слюдяных пластинок, и подпечной ямы, ее можно считать закрытым комплексом, с многочисленными разнообразными находками, в их числе крупный ромбический наконечник стрелы (рис. 2, 3), фрагменты китайского фарфора и др.

Необычной была и ориентировка жилища – длинной осью (фасадом) по линии СВ – ЮЗ, вдоль берега озера, тогда как весь раскопанный жилищный фонд памятника ориентирован по линии СЗ – ЮВ и располагался короткой фасадной стороной к озеру. Такая планиграфия лучше соответствует местным природно-климатическим условиям. Возможно, поэтому жилище было оставлено в какой-то период времени и попало в погребальное пространство раннего деревенского кладбища. Изученный в 2020 г. участок кладбища, вероятно, является самым поздним из всего первоначального погребального комплекса, который был расположен, скорее всего, к северо-востоку от жилищ по берегу озера. Подобное соотношение поселения и кладбища зафиксировано автором на синхронном Ананьино памятнике Изюк I [Татаурова, 2010, с. 6–8]. В дальнейшем развитие деревни вдоль озера в северо-восточном направлении способствовало выбору нового места под погребальный комплекс. Кладбище перенесли за ручей, к юго-западу от поселения.

Планиграфия исследованной в 2020 г. ранней части погребального комплекса не отличалась от зафиксированной на позднем кладбище, расположенном за ручьем и исследованном автором в 2005, 2010, 2014 [Татаурова и др., 2014], 2018 и 2019 г.

Раннее кладбище вблизи поселения было огорожено заплотом, от которого в раскопе 2018 г. сохранились столбовые ямы на материке и столбы, возможно от ворот, датированные дендрохронологическими методами третьей четвертью XVII в. (1661 г.)*.

Позднее два столба были использованы при постройке жилища, изученного в 2017–2018 гг. Избасвязь, исследованная в 2019 г. [Татаурова, 2019], по дендрохронологическим датам, была построена в последней четверти XVII в. и отстояла от кладбища на расстоянии ок. 10 м к юго-востоку. Вероятно, активная хозяйственная деятельность населения деревни способствовала разрушению погребальных комплексов, что и было зафиксировано в раскопе 2020 г.

*Датировки выполнены д-ром ист. наук В.С. Мыгланом (зав. лабораторией Сибирского федерального университета), за что автор выражает ему глубокую признательность.

Взаиморасположение деревни и кладбища близ друг друга – традиционное явление в русской культуре. В большинстве современных сел и на первых этапах развития городов кладбища устраивали рядом с жильем, развитие поселений в пространстве со временем «поглощало» погребальный комплекс, что способствовало поиску места, на котором устраивали новый погост.

Интерес представляет предметный комплекс памятника. В юго-западной части избы-связи (в горнице) в нижних горизонтах культурного слоя найдены четыре железные пластины (см. рис. 2, 1), которые можно отнести к деталям ламеллярного доспеха, описанного А.И. Соловьевым для средневекового населения Приобья и Прииртышья [1987, с. 50–51]. Ананьинские пластины, по А.И. Соловьеву, относятся к разновидности 1 типа 1 – прямоугольные полосы с закругленными краями [Там же, с. 50]. Отличаются они от описанных в монографии размерами: длина – от 7,0 до 8,5 см, ширина – 4,5–5,5 см. Единственное сомнение вызывают отверстия, количество и расположение которых до проведения реставрации установить сложно.

От кольчужного доспеха найдено два колечка диаметром 1 см (рис. 2, 2). Крупный ромбический наконечник с упором (рис. 2, 3), относящийся к группе III, типу 20, по типологии А.И. Соловьева [1987, с. 39], или к типу IV [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с. 50–51], найден в закрытом комплексе – яме под печью. Его длина – 8,8 см, черешок обломан; перо – 6,5 × 6,0 см. В коллекциях поселений Ананьино I и Изюк I подобных проникателей до сих пор не было. Датируются XVII–XVIII вв. По материалам европейской части России – XIV–XVII вв. Крупные экземпляры, сопоставимые с найденным в Ананьино, известны в Сибирском остроге в Старом Кунгуре, датируются XVII в. [Двуреченский, 2007, с. 287].

Второй наконечник (рис. 2, 4) тоже не имеет аналогов в сельских комплексах Тарского Прииртышья. Длина его – 12,5 см, длина пера – 6,1 см, ширина – 4 см. Относится к группе III, типу 38 – срезни в виде лопаточки с упором, применявшиеся до XVII в. [Соловьев, 1987, с. 42], или типу XV [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с. 51–52]. В европейской части России наконечники 17-го типа, по О.В. Двуреченскому, бытовали в XIII–XV вв. [2007, с. 288].

Интересен набор орнаментированных предметов из кости. Он включает пряслице (рис. 2, 6), украшенное с двух сторон: с одной – циркульным орнаментом из вписанных друг в друга окружностей, с другой – прочерченными по окружности желобками. До сих пор на поселениях были встречены

только глиняные пряслица [Татаурова, 2018]. Среди костяных предметов есть односторонний гребень (рис. 2, 7) с фигурно украшенной спинкой, аналогичный экземпляру, обнаруженному на Ананьино в 2005 г. [Там же, с. 1379] в жилище, также относимом к XVII в. [Сидорова и др., 2019], и половинка ручки ножа с фигурным навершием (рис. 2, 8).

В яме подпечья найдена архаичная, очень плохой сохранности головка курительной трубки, сделанная из фрагмента кирпича (рис. 2, 9). Такие головки трубок, несмотря на качество изготовления и форму, были статусными предметами, т.к. курение табака до начала XVIII в. было под запретом [Татаурова, Татауров Ф.С., 2018].

Выводы

Проведенные в 2020 г. исследования на русском поселении XVII–XVIII вв. Ананьино I позволили подойти к решению проблемы расположения раннего погребального комплекса деревни и зафиксировали его юго-западный край, перекрывший часть жилища, которое относится ко времени основания деревни. Датировку раскопанной постройки, представленной трехчастной избой-связью, определяет предметный комплекс, относящийся к XVII в.

Список литературы

Двуреченский О.В. Наконечники стрел Московской Руси и Русского государства XV–XVII веков // Археология Подмосквья. – М.: ИА РАН, 2007. – Вып. 3. – С. 277–332.

Крих А.А. Этносоциальная история русского населения д. Ананьино в XVII–XIX вв. // Вестн. Ом. гос. ун-та. Сер.: Ист. науки. – 2014. – № 4 (4). – С. 86–90.

Молодин В.И. Кресты-гельники Илимского острога. – Новосибирск: Инфолио, 2007. – 248 с.

Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. – Новосибирск: Наука, 1990. – 262 с.

Сидорова М.О., Жарников З.Ю., Татаурова Л.В., Татауров С.Ф., Мыглан В.С. Дендрохронологическое датирование археологических объектов Тарского Прииртышья (Омская область) // РА. – 2019. – № 2. – С. 134–144.

Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. – Новосибирск: Наука, 1987. – 192 с.

Татаурова Л.В. Погребальный обряд русских Среднего Прииртышья XVII–XIX вв. по материалам комплекса Изюк I. – Омск: Апельсин, 2010. – 284 с.

Татаурова Л.В. Исследования русского комплекса XVII–XIX вв. Ананьино I в 2015 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредель-

ных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 413–416.

Татаурова Л.В. Ремесленные занятия в структуре системы жизнеобеспечения сибирской деревни XVII–XVIII вв. (по археологическим материалам Омского Прииртышья) // Былые годы. – 2018. – Т. 50, вып. 4. – С. 1376–1387.

Татаурова Л.В. Русский комплекс XVII–XVIII веков Ананьино I в Тарском Прииртышье и уникальные находки полевого сезона 2019 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. XXV. – С. 619–625.

Татаурова Л.В., Крих А.А. Система жизнеобеспечения сибирской деревни Ананьино в XVII–XVIII вв. (по археологическим и письменным источникам) // Былые годы. – 2015. – Т. 37, вып. 3. – С. 479–490.

Татаурова Л.В., Татауров С.Ф. Вооружение и боевой запас русских Тарского Прииртышья в XVII–XVIII вв.: история и археология // Stratum plus. – 2019. – № 6. – С. 353–365.

Татаурова Л.В., Татауров С.Ф., Татауров Ф.С., Тихомиров К.Н., Тихонов С.С. Адаптация русских в Западной Сибири в конце XVI – XVIII веке (по материалам археологических исследований). – Омск: Издатель-Полиграфист, 2014. – 374 с.

Татаурова Л.В., Татауров Ф.С. Социальные маркеры русского служилого населения Западной Сибири XVII–XVIII вв. по археологическим материалам. Табак и трубки // Stratum plus. – 2018. – № 6. – С. 309–317.

References

Dvurechenskiy O.V. Nakonechniki strel Moskovskoi Rusi i Russkogo gosudarstva XV–XVII vekov. In *Archaeology of the Moscow Region*. Moscow: Inst. Archaeol. RAS, 2007, iss. 3, pp. 277–332. URL: <http://millitarch.ru/?p=1743> (Accessed: 14.10.2020). (In Russ.).

Krikh A.A. The ethno-social history of the Russian population in Ananyino village in XVII–XIX centuries. In *Herald of Omsk university. Series: Historical Studies*, 2014, No. 4 (4), pp. 86–90. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnosotsialnaya-istoriya-russkogo-naseleniya-d-ananino-v-xvii-xix-vv> (Accessed: 01.10.2020). (In Russ.).

Molodin V.I. Kresty-tel'niki Pimskogo ostroga. Novosibirsk: Infolio, 2007, 248 p. (In Russ.).

Molodin V.I., Sobolev V.I., Solov'ev A.I. Baraba v epokhu pozdnego srednevekov'ya. Novosibirsk: Nauka, 1990, 262 p. (In Russ.).

Sidorova M.O., Zharnikov Z.Yu., Tataurov S.F., Tataurova L.V., Myglan V.S. Dendrochronological dating of archaeological objects of Tara areal in the Irtysh region (Omsk region). *Russian archaeology*, 2019, No. 2, pp. 103–113. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38194943>

(Accessed: 11.10.2020). doi:10.31857/S086960630004810-0. (In Russ.).

Solov'ev A.I. Voennoe delo korenogo naseleniya Zapadnoi Sibiri. Epokha srednevekov'ya. Novosibirsk: Nauka, 1987, 192 p. (In Russ.).

Tataurova L.V. Pogrebal'nyi obryad russkikh Srednego Priirtysh'ya XVII–XIX vv. Po materialam kompleksa Izyuk 1. Omsk: Apel'sin, 2010, 284 p. (In Russ.).

Tataurova L.V. Investigation of Ananyino I – the Russian complex of 17th–19th centuries in 2015. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, vol. XXI, pp. 413–416. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25067274> (Accessed: 09.10.2020). (In Russ.).

Tataurova L.V. Handicraft Activities in the Life-Support System Structure of the Siberian Village of the XVII–XVIII Centuries (According to the Archaeological Materials of the Omsk Irtysh Region). *Bylye Gody*, 2018, vol. 50, iss. 4, pp. 1376–1387. doi:10.13187/bg.2018.4.1376. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36550784> (Accessed: 14.10.2020). (In Russ.).

Tataurova L.V. Russian complex of Ananyino I of the 17th–18th centuries from the Tara Irtysh region: discoveries and unique finds in the field season of 2019. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019, vol. XXV, pp. 619–625. doi:10.17746/2658-

6193.2019.25.619-625. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42196238> (Accessed: 09.10.2020). (In Russ.).

Tataurova L.V., Krikh A.A. The Life Support System of the Siberian Village Anan'ino in XVII–XVIII Centuries (Archaeological and Written Sources). *Bylye gody*, 2015, vol. 37, iss. 3, pp. 479–490. URL: http://ejournal52.com/journals_n/1442664483.pdf (Accessed: 18.10.2020). (In Russ.).

Tataurova L.V., Tataurov Ph.S. Social Markers of the Russian Servicemen in Western Siberia in 17th–18th Centuries by Archaeological Materials. Tobacco and Pipes. *Stratum plus*, 2018, No. 6, pp. 309–317. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36662075> (Accessed: 11.10.2020). (In Russ.).

Tataurova L.V., Tataurov S.F. Arms and Fighting Stock of Russians of Tara Priirtyshye in the 17th–18th Centuries: History and Archeology. *Stratum plus*, 2019, No. 6, pp. 353–365. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41721005> (Accessed: 19.10.2020). (In Russ.).

Tataurova L.V., Tataurov S.F., Tataurov F.S., Tikhomirov K.N., Tikhonov S.S. Adaptation of Russians in West Siberia in the end XVI – early XVIII century (on the data of archaeological researches). Omsk: Izdatel'-Polygraphist, 2014, 374 p. (In Russ.).

Taraypoba J.I.B. <https://orcid.org/0000-0003-4829-7619>

К.Н. Тихомиров

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: ktikhomirov@gmail.com

Металлические предметы XII–XVIII веков из лесостепного Прииртышья из частного собрания (предварительное сообщение)

Вводится в научный оборот первая коллекция изделий из цветного металла, полученная в северной лесостепи на левобережье Иртыша (Большереченский р-н Омской обл.). Она находится в частном владении: подарена местным жителям д. Каракуль названного района одним из «черных археологов», действовавших в окрестностях. Летом 2020 г. ее удалось сфотографировать и описать. В настоящее время нет сведений об истории населения этого региона в период позднего Средневековья – Нового времени. Публикация материалов данного периода позволит изучить этнокультурные процессы в указанное время в этих районах. Собрание состоит из 39 артефактов. Это детали рукоятей ножей, съемные украшения: кольца, щитковые перстни, деталь серьги, бронзовый наперсток, подвески, обломок пластинчатого браслета с головой и лапами медведя в «жертвенной» позе, украшения костюма: пуговицы из цветного металла (объемные с одной петелькой, одна из них крупная с растительным орнаментом), круглые нашивки, металлическая накладка на ремень, прямоугольная пряжка с двумя язычками. Кроме того, в его составе есть объемная полая фигурка рыбы с рельефным изображением чешуи и плавников, изделие, выполненное из медной двухкопеечной монеты 1797 г. Предметы, подобные представленным в собрании, чаще всего находят на памятниках коренного населения Западной Сибири XVI–XIX вв. Однако здесь присутствует пластинчатый браслет IX–XII вв., что является особенностью формирования коллекции и не влияет на датировку в целом. Таким образом, можно предположить, что большинство артефактов в ней датируются XVI – концом XVIII в.

Ключевые слова: *Западная Сибирь, Среднее Прииртышье, левобережье, северная лесостепь, коллекция металлических предметов, предки татар, археология, XVI – конец XVIII в.*

Konstantin N. Tikhomirov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: ktikhomirov@gmail.com

Metal Objects of the 12th–18th Centuries from the Irtysh Forest-Steppe Region in a Private Collection (Preliminary Report)

First collection of objects made of non-ferrous metal from the northern forest-steppe on the left bank of the Irtysh River (Bolsherechensky District of Omsk Region) is presented in this article. It is in private ownership and was donated to the local residents of the village of Karakul in Bolsherechensky District by one of archaeological looters who operated in the vicinity of the village. In the summer of 2020, the collection was photographed and described. Presently, there is no information on the history of the population living in this region in the Late Middle Ages–Modern period. The publication of material evidence from this time will make it possible to study ethnic and cultural processes in these areas. The collection consists of 39 artifacts: parts of knife handles, personal adornments including rings, shield rings, earring element, bronze thimble, pendants, fragment of band bracelet with the bear head and paws in the “sacrificial” position, as well as clothing decoration including non-ferrous metal buttons (three-dimensional with the single loop; one of them is large and has floral decoration), round sewn stripes, metal belt onlay, and rectangular buckle with two prongs. The collection also contains a three-dimensional hollow fish figurine with scales and fins in relief, and an object made of a copper two-kopec coin of 1797. Most of the items in the

collection have been most often found at the sites of the indigenous population living in Western Siberia in the 16th–19th centuries. However, band bracelet of the 9th–12th centuries reflects the specific nature of the collection and does not affect the general dating of the majority of the collection artifacts by the 16th–late 18th centuries.

Keywords: *Western Siberia, Middle Irtysh region, left bank northern forest-steppe, collection of metal artefacts, ancestors of the Tatars, archaeology, 16th – late 18th centuries.*

Исторически сложилось так, что история населения среднего Прииртышья XVI–XVIII вв. исследована крайне неравномерно. Все комплексы, на которых велись раскопки, находятся на правобережье Иртыша. Более того, большинство из них расположено на правом берегу р. Тара в ее среднем и нижнем течении – на территории Муромцевского р-на Омской обл. и Кыштовского р-на Новосибирской обл. В результате чего наши знания об истории населения этого периода ограничиваются совсем небольшим регионом. В то же время левобережье Иртыша остается практически не изученным. Соответственно, наши выводы об этнокультурных процессах среднего Прииртышья однобокие. В свете вышесказанного особенно актуальным становится ввод в научный оборот материалов, позволяющих получить представление о культуре населения этого региона в XVI–XVIII вв.

Летом 2020 г. автору удалось познакомиться с коллекцией металлических предметов, переданной в дар жителям д. Каракуль одним из «черных археологов». По их рассказам, он осматривал окрестности д. Каракуль и Черналы Большереченского р-на Омской обл. Достоверно известно, что он проводил сборы на одном из полей, где, по словам местных жителей, было поселение их предков – западносибирских татар. В один из годов он раскопал курган рядом с кладбищем д. Каракуль (курган Каракуль I). Часть полученной коллекции он подарил одному из своих знакомых.

Владельцы этой коллекции дали автору поработать с ней и сфотографировать ее. К сожалению, не удалось получить сведения о месте и времени формирования собрания и зарисовать предметы. Состав артефактов позволяет предположить, что коллекция получена при ограблении могил (возможно, упомянутого кургана). Тем не менее она является первым собранием предметов того времени в этом регионе и поэтому, невзирая на особенности ее получения, достойна научного описания и опубликования.

Коллекция состоит из 39 предметов, в основном из бронзы и меди. Ее составляют обломок бронзового пластинчатого браслета, фрагмент полой объемной фигуры рыбы из бронзы, десять подвесок, деталь серьги, два целых перстня, кафт и щиток от таких же изделий, три кольца, три накладки на головку рукоятей ножей, четыре пуговицы-подвески

(на ножке), плоская крупная пуговица с растительным орнаментом с петелькой, три детали пояса, три круглые ажурные нашивки, железное кольцо, бронзовый наперсток, изделие из медной монеты, две плоские нашивки, которые могут быть пуговицами. Вследствие ограничения размеров публикации в ней будет рассмотрена лишь часть наиболее значимых предметов.

Пластинчатый браслет (обломок) (см. рисунок, 1) с тремя зигзагообразными валиками, идущими вдоль фрагмента между четырех прямых, и мордой медведя с передними лапами в «жертвенной позе» с одной стороны (вторая обломана) выполнен из цветного металла (бронза?). Длина фрагмента – 55 мм, ширина – 36 мм, толщина – 2,5 мм.

Подобные изделия широко известны на территории Западной Сибири. Ближайшими аналогами являются браслеты из южнотаежной части среднего Прииртышья, известные в материалах устьишимской культуры [Конинов, 2007, с. 459, рис. 303, с. 434, рис. 225, 2]. Имеются они и на сопредельных территориях [Сургутский краеведческий музей..., 2011, с. 88, рис. 220, с. 89, рис. 221, 223; Федорова, 2019, с. 134, рис. 8, 1, 3, 5; Арне, 2005, с. 81, рис. 9, с. 86, рис. 38, 39, 106, с. 129; Сургутский художественный музей..., 2009, с. 28–29; Семенова, 2001, с. 85–87, табл. 53; Браслет...]. Указанные изделия традиционно датируются IX–XII вв.

Полая фигура рыбы, сдавленная с боков (см. рисунок, 4), выполнена из бронзы. Длина ее – 55,5 мм, ширина – 29 мм, толщина – 6 мм, толщина стенки – 2 мм. Сохранилась частично. Тело – вытянутое, без головы, покрытое крупной чешуей со спинным, хвостовым, анальным и жировым плавниками. Наибольшее количество признаков сближает фигуру с рыбами из семейства лососевых. Металлические плоские и объемные фигурки рыб известны на территории Западной Сибири в Сургутском Приобье [Сургутский художественный музей..., 2009, с. 44–45], нижнем Прииртышье [Подвеска-рыбка...], у северных ханты [Бауло, 2004, с. 92, рис. 4]. Однако они не похожи ни манерой, ни технологией изготовления.

Изделие из монеты (см. рисунок, 3) выточено из медной монеты номиналом 2 коп., отчеканенной в 1797 г. на Сузунском монетном дворе. Оно выполнено путем стачивания частей, в результате чего получилась плоская фигура, похожая на силу-

Металлические предметы из коллекции.

1 – обломок пластинчатого браслета; 2, 5, 6 – тыльные накладки на головки рукоятей ножей; 3 – изделие из монеты; 4 – полая фигура рыбы; 7 – перстень с камнем; 8 – щитковый перстень; 9 – каст со стеклянной вставкой; 10 – щиток от перстня; 11–13 – кольца; 14 – деталь серьги; 15 – подвеска-пуговица цельнолитая; 16, 17 – полые подвески; 18 – нашивка; 19 – нашивка из монеты-чешуйки; 20 – пуговица с петелькой.
1, 2, 4–8, 11–13, 16, 17, 20 – бронза; 3 – медный сплав; 9, 19 – серебро; 10, 14, 15, 18 – белый металл.

эт рыбы из семейства карповых (золотой карась?). Размеры изделия составили $35,5 \times 33 \times 2$ мм. Гурт практически не сохранился.

Тыльные накладки на головки рукоятей ножей (см. рисунок, 2, 5, 6) в коллекции представлены тремя видами.

1. Каплевидная с растительным орнаментом накладка, сужающаяся книзу (см. рисунок, 2), сделана из бронзы. Ее размеры составили 38×28 мм, толщина – 0,5 мм. На лицевой поверхности присутствует орнамент, выполненный резцом. Его внешний контур ограничен рубчатым кантом, за которым следует геометрический узор. Его ограничивает гладкий кант, внутри которого расположен восьмилепестковый цветок. В центре имеется овальное отверстие 6×2 мм, через которое проходил хвостовик и крепил всю рукоять на ноже.

2. Круглая накладка, также изготовленная из бронзы (см. рисунок, 5). Ее диаметр составляет 30 мм, толщина – 1 мм. Поверхность изделия украшена по краю псевдовитым и рубчатым кантами. В центре есть круглая площадка, в середине нее отверстие, через которое проходил черенок ножа.

3. Круглая накладка из «белой бронзы» (см. рисунок, 6). Диаметр – 30 мм, толщина – 2,5 мм, в центре – овальное отверстие 3×3 мм. На лицевой стороне – пять кругов, выполненных из рубчатого канта, а внутри них, в центре – бутон из припаянных колец.

Подобные накладки крепились на торец рукояти ножа и фиксировали ее на хвостовике, который, проходя через нее, загибался или расклепывался. Он использовался как при всадном, так и при накладном типе монтажа рукояти. Такие изделия можно найти в археологических материалах Западной Сибири позднего Средневековья [Молодин, 1979, с. 73, рис. 19; Соловьев, 1987, с. 79]. Ближайшими аналогами являются ножи из могильников Окунево IV [Могильников, 1997, с. 54, рис. 4, 16], Окунево VII [Матюшенко, 2003, рис. 23, 2; 88, 1], Бергамак II [Татауров, Тихонов, 1996, с. 74, рис. 7] в Муромцевском р-не Омской обл.

Перстни и кольца. Одним из наиболее интересных предметов является перстень из бронзы со следами позолоты с круглым кастом со вставками из цветного стекла (одна круглая серого цвета сохранилась) (см. рисунок, 7). В центре его располагалась крупная круглая вставка, остальные, более мелкие, шли по кругу вокруг нее. Диаметр ободка составлял 17,35 мм, диаметр каста – 17 мм. Он вместе со вставками отливался отдельно и потом припаивался к ранту, вместе они припаивались к накладкам, а они прикреплялись к бронзовому ободку. Ближайший (территориально) аналог (непозолоченный) такого перстня присутствует в материалах Кыш-

товского могильника в Кыштовском р-не Новосибирской обл., которые В.И. Молодин включил в II подтип II типа группы 1 [1979, с. 88]. Помимо этого, подобный перстень известен в материалах этнографических сборов у северных манси [Сальникова, 2016, с. 541, рис. 2, 16] и в коллекциях с территории Обдорского Севера [Мурашко, Кренке, 2001, рис. 119, 22].

В собрании имеется *перстень с круглым щитком*, на котором изображен крест сложной формы (см. рисунок, 8). Размер шинки составляет 17,70 мм, диаметр щитка – 10,5 мм. Такие перстни широко распространены в материалах с могильников коренного населения Западной Сибири XVII–XVIII вв. Наиболее близкими комплексами, на которых обнаружены подобные изделия, являются могильники в Тарском р-не [Тихомиров, 2019, с. 60, рис. 1, 10, 11, 13], по р. Тара в Муромцевском р-не Омской обл. [Матюшенко, Полеводов, 1994, с. 186, рис. 67, 2; Татауров, Тихонов, 1996, с. 70, рис. 5, 5] и Кыштовском р-не Новосибирской обл. [Молодин, 1979, с. 177, табл. XLV, 3, 4].

Еще в собрании присутствует *обломок перстня* (каст из белого металла (серебро?)) с овальной вставкой из красного стекла (см. рисунок, 9). Его размеры составляют 24×18 мм. На оборотной стороне видны места припайки накладок к касту. Наиболее близким аналогом является перстень (вставка не сохранилась) из Базарного раскопа в Тобольске [Алиева, 2014, с. 193, рис. 1, 14]. Подобные изделия В.И. Молодин относил в разработанной им классификации материалов Кыштовского могильника к группе I, подтипу I [1979, с. 88, 177, табл. XLV, 16].

Кроме того, присутствует *восьмигранный щиток* от перстня из белого металла (см. рисунок, 10). Его размеры – 13×14 мм при толщине 4 мм. На поверхности имеется изображение. Подобные перстни известны в коллекциях Средневековья [Алиева, 2014, с. 193, рис. 1, 15; Сургутский краеведческий музей..., 2011, с. 107, рис. 320] и в этнографических материалах [Сальникова, 2016, с. 541, рис. 2, 10].

Кольца (рис. 1, 11–13) пластинчатые представлены тремя экземплярами. Одно из них с гладкой поверхностью, другое с рядом косых насечек в середине и третье с двумя полосами косых насечек по краям. Подобные изделия, встреченные в материалах раскопок Тобольска, Т.А. Алиева датирует XVII–XVIII вв. [2014, с. 193, рис. 1, 21], присутствуют они и в этнографических сборах [Сальникова, 2016, с. 541, рис. 2, 2].

Серьга (основание) (см. рисунок, 14). Лунница из белого металла, с обеих сторон нанесен рельефный орнамент, имитирующий антропоморфное

изображение. Размеры: длина – 29 мм, ширина – 24 мм, толщина – 2,5 мм. Вверху есть петля для подвешивания, внизу три петли (четвертая обломана) для привесок. Наиболее близкие аналоги найдены на могильниках в низовьях Тары: Окунево VII [Матющенко, Полеводов, 1994, рис. 68, 5], Кыштовский II [Молодин, 1979, с. 93, 175, табл. XLVI, 16, 17], Льнозавод-4 [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с. 84, рис. 61, 5] и в среднем течении р. Омь на могильнике Абрамово-10 [Там же, рис. 61, 4]. Обращает на себя внимание факт отсутствия в коллекции серег в виде «?», очень широко распространенных на могильниках аборигенного населения XVIII–XIX вв. Возможно, это связано с выбором предметов для коллекции грабителем.

Пуговицы. Объемные с одной петелькой (пуговицы-подвески) (см. рисунок, 15–17). Аналогии как цельнолитым, так и полым изделиям обширны. Ближайшие могильники, где они были найдены, это комплексы на Таре: Окунево VII [Матющенко, Полеводов, 1994, с. 106, рис. 68, 3, 4, 6], Бергамак II [Татауров, Тихонов, 1996, с. 70, рис. 8, 6; Тихомиров, 2016, с. 144, рис. 35, 13–16], Кыштовка II [Молодин, 1979, с. 179, табл. XLVII, 1, 3–30].

Скорее всего, в качестве пуговиц использовались две мелкие плоские нашивки. Первая из них выполнена на пятилепестковой нашивке из белого металла, в которой проделано два отверстия (см. рисунок, 18). Второе изделие – это плоская овальная нашивка с двумя отверстиями, пробитыми в серебряной монете (см. рисунок, 19). Чешуйка плохой сохранности, одно из отверстий разорвало металл, из которого изготовлена монета. К сожалению, ее легенда практически нечитаема. На реверсе есть плохо различимые буквы «KHS И АН». Это дает возможность предположить, что это часть стандартной надписи на именной монете «КНЯЗЬ ВЕЛИКИЙ ИВАН» (в современном написании) [Мельникова, 1989, с. 21]. В этом случае монета датируется периодом с 1536 г., когда началась денежная реформа Елены Глинской, до 1547 г., когда Иван Грозный принял титул царя и надписи изменились («ЦАРЬ И КНЯЗЬ ВЕЛИКИЙ ИВАН»). Поскольку автор не имел возможности ее взвесить, не были получены сведения о ее весе. Учитывая это, а также то, что надпись не полностью сохранилась, а изображение на аверсе нечитаемо, номинал ее установить чрезвычайно затруднительно.

Отдельно надо упомянуть крупную пуговицу на ножке (см. рисунок, 20). На ее лицевую сторону нанесен растительный орнамент. Внутри фигурного канта в центре расположены бутон и листья. Диаметр – 39 мм, толщина – 2 мм. Подобные изделия известны из археологических [Сургутский краевед-

ческий музей..., 2011, с. 106, рис. 303] и этнографических коллекций [Гемуев, 1990, с. 105, рис. 89].

Анализируя материалы, представленные в собрании, можно прийти к следующим предварительным выводам. Оно получено с левобережья Иртыша, с территории Большереченского р-на Омской обл., вероятно из окрестностей д. Каракуль. Возможно, большая часть происходит из разграбленного кургана, расположенного рядом с современным кладбищем этой деревни. Коллекцию составляют следующие изделия: нательные украшения, детали костюма, детали оружия и предметы быта, выбранные случайно. Она получена путем грабительских раскопок могил XVI–XIX вв. и более раннего периода. Вещи, попавшие в нее, имеют широкие аналогии в материалах комплексов аборигенного населения Западной Сибири указанного периода. Тем не менее публикация предметов из этого собрания позволяет получить первые представления об этнокультурных процессах в северной лесостепи на левобережье Иртыша в период позднего Средневековья – Нового времени.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР № 0329-2019-0005 «Население южнотаежной и лесостепной зон Западной Сибири и Северного Казахстана: историко-культурные реконструкции и современность».

Список литературы

Алиева Т.А. Перстни из культурного слоя г. Тобольска (по материалам базарного раскопа) // Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. тр. в 2 т. – Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 2014. – Т. 1. – С. 188–193.

Арне Т.Й. Барсов Городок: западносибирский могильник железного века. – Екатеринбург; Сургут: Уральский рабочий, 2005 – 182 с.

Бауло А.В. Домашние (семейные) святилища северных хантов // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 1. – С. 89–101.

Браслет. ХМ-8645/666. Коллекции онлайн [Электронный ресурс] // Музей Природы и Человека. – URL: <http://kng.ugramuseum.ru/entity/OBJECT/62163?page=5&und=6&index=206> (дата обращения: 10.10.2020).

Гемуев И.Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд., 1990. – 232 с.

Конилов Б.А. Омское Прииртышье в раннем и развитии Средневековья. – Омск: Изд-во Ом. гос. пед. ун-та; Наука, 2007. – 466 с.

Матющенко В.И. Могильник на Татарском увале у д. Окунево (Ом VII). Раскопки 1998, 1999 годов. – Омск: Ом. гос. ун-т, 2003. – 64 с. – (Новое в археологии Прииртышья; вып. 3).

Матющенко В.И., Полеводов А.В. Комплекс археологических памятников на Татарском увале у деревни Окунево. – Новосибирск: Наука, 1994. – 223 с.

Мельникова А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. История русской монетной системы с 1533 по 1682 год. – М.: Финансы и статистика, 1989. – 341 с.

Могильников В.А. Позднесредневековые материалы из комплекса памятников у дер. Окунево в Тарском Прииртышье // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень, 1997. – Вып. 1. – С. 51–64.

Молодин В.И. Кыштовский могильник. – Новосибирск: Наука, 1979. – 181 с.

Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд., 1990. – 262 с.

Мурашко О.А., Кренке Н.А. Культура аборигенов Обдорского Севера в XIX веке. – М.: Наука, 2001. – 156 с.

Подвеска-рыбка. ХМ-8645/114, ХМ-8645/300, ХМ-8645/347. Коллекции онлайн [Электронный ресурс] // Музей Природы и Человека. – URL: <http://kng.ugramuseum.ru/entity/OBJECT?page=8&fund=6> (дата обращения: 10.10.2020).

Сальникова И.В. Классификация перстней из этнографических сборов у северных манси // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 539–542.

Семенова В.И. Средневековые могильники Юганского Приобья. – Новосибирск: Наука, 2001. – 296 с.

Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. – Новосибирск: Наука, 1987. – 193 с.

Сургутский краеведческий музей. Археологическое собрание: каталог. – Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. – 152 с.

Сургутский художественный музей. Открытое хранение. СреднеОбье в бронзе и металле. IX–XIV вв. Археологические коллекции из собрания Сургутского художественного музея. – Сургут, 2009. – 50 с.

Татауров С.Ф., Тихонов С.С. Могильник Бергамак II // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. – Новосибирск: Наука. Сиб. изд. фирма РАН, 1996. – Т. 1. Культура тарских татар. – С. 58–83.

Тихомиров К.Н. Визуальный анализ кладбищ тюркоязычного населения Среднего Прииртышья и археологические материалы из могильников XVI–XVIII веков в низовьях р. Тары // Этнографо-археологические комплексы народов Тарского Прииртышья: могильники, погребальный обряд и мир мертвых в свете этноархеологических работ. – Омск: Наука, 2016. – С. 66–147. – (Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума; т. 14).

Тихомиров К.Н. Сеитово IV – новый могильник предков тарских татар XVII–XVIII вв. в Среднем При-

иртышье // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2019. – № 2 (45). – С. 59–68.

Федорова Н.В. Север Западной Сибири в железном веке: традиции и мобильность. Очерки. – Омск: Золотой тираж (Омскбланкиздат), 2019. – 150 с.

References

Alieva T.A. Perstni iz kul'turnogo sloya g. Tobol'ska (po materialam bazarnogo raskopa). In *Kul'tura russkikh v arkhеologicheskikh issledovaniyakh*: sb. nauch. tr. v 2 tomakh. Omsk; Tyumen; Yekaterinburg: Magellan, 2014, vol. 1, pp. 188–193. (In Russ.).

Arne T.I. Barsov Gorodok: zapadnosibirskii mogil'nik zheznogo veka. – Yekaterinburg; Surgut: Ural'skii rabochii, 2005. – 182 p.

Baulo A.V. Domashnie (semeinye) svyatilishcha severnykh khantov. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2004, No. 1, pp. 89–101. URL: <http://old.archaeology.nsc.ru/ru//publish/journal/doc/2004/171/10.pdf> (Accessed: 10.10.2020).

Braslet. KhM-8645/666. Kollektzii onlain. In *Muzei Prirody i Cheloveka*. – URL: <http://kng.ugramuseum.ru/entity/OBJECT/62163?page=5&fund=6&index=206> (Accessed: 10.10.2020). (In Russ.).

Fedorova N.V. Sever Zapadnoi Sibiri v zheleznom veke: traditsii i mobil'nost'. Ocherki. Omsk: Zolotoi tirazh (Omskblankizdat), 2019, 150 p. (In Russ.).

Gemuev I.N. Mirovozzrenie mansi: Dom i Kosmos. Novosibirsk: Nauka. Sib. otdelenie, 1990, 232 p. (In Russ.).

Konikov B.A. Omskoe Priirtysh'e v rannem i razvitom Srednevekov'e. Omsk: State Ped. Univ. Press, Nauka, 2007, 466 p. (In Russ.).

Matyushchenko V.I. Mogil'nik na Tatarskom uvale u d. Okunevo (Om VII). Raskopki 1998, 1999 godov. Omsk: State Univ. Press, 2003, 64 p. (Novoe v arkhеologii Priirtysh'ya; iss. 3). (In Russ.).

Matyushchenko V.I., Polevodov A.V. Kompleks arkhеologicheskikh pamyatnikov na Tatarskom uvale u derevni Okunevo. Novosibirsk: Nauka, 1994, 223 p. (In Russ.).

Mel'nikova A.S. Russkie monety ot Ivana Groznogo do Petra Pervogo. Istoriya russkoi monetnoi sistemy s 1533 po 1682 god. Moscow: Finansy i statistika, 1989, 341 p. (In Russ.).

Mogil'nikov V.A. Pozdnesrednevekovye materialy iz kompleksa pamyatnikov u der. Okunevo v Tarskom Priirtysh'e. In *Vestnik arkhеologii, antropologii i etnografii*. Tyumen, 1997, iss. 1, pp. 51–64. URL: <http://ipdn.ru/private/a1/1-mog.pdf>. (In Russ.).

Molodin V.I. Kyshtovskii mogil'nik. Novosibirsk: Nauka, 1979, 181 p. (In Russ.).

Molodin V.I., Sobolev V.I., Solov'ev A.I. Baraba v epokhu pozdnego srednevekov'ya. Novosibirsk: Nauka. Sib. otdelenie, 1990, 262 p. (In Russ.).

Murashko O.A., Krenke N.A. Kul'tura aborigenov Obdorskogo Severa v XIX veke. Moscow: Nauka, 2001, 156 p. (In Russ.).

Podveska-rybka. KhM 8645/114, KhM-8645/300, KhM-8645/347. Kolleksiia onlain. In *Muzei Prirody i Cheloveka*. – URL: <http://kng.ugramuseum.ru/entity/OBJECT?page=8&fund=6> (Accessed: 10.10.2020). (In Russ.).

Sal'nikova I.V. Classification of Seal-Rings from the Ethnographic Camp among the Northern Mansi. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 539–542. URL: https://archaeology.nsc.ru/wp-content/uploads/2018/05/ses_2016_min.pdf. (In Russ.).

Semenova V.I. Srednevekovye mogil'niki Yuganskogo Priob'ya. Novosibirsk: Nauka, 2001, 296 p. (In Russ.).

Solov'ev A.I. Voennoe delo korenного naseleniya Zapadnoi Sibiri. Epokha srednevekov'ya. Novosibirsk: Nauka, 1987, 193 p. (In Russ.).

Surgutskii khudozhestvennyi muzei. Otkrytoe khranenie. Sredne OB'e v bronzе i metalle. IX–XIV vv. Arkheologicheskie kolleksiia iz sobraniya Surgutskogo khudozhestvennogo muzeya. Surgut, 2009, 50 p. (In Russ.).

Surgutskii kraevedcheskii muzei. Arkheologicheskoe sobranie: katalog. Yekaterinburg; Surgut: Magellan, 2011, 152 p. (In Russ.).

Tataurov S.F., Tikhonov S.S. Mogil'nik Bergamak II. In *Etnografo-arkheologicheskie kompleksy: Problemy kul'tury i sotsiuma*. Novosibirsk: Nauka, Sibirskaya izdatel'skaya firma RAS, 1996, vol. 1: Kul'tura tarskikh tatar, pp. 58–83. (In Russ.).

Tikhomirov K.N. Vizual'nyi analiz kladbishch tyurkoyazychnogo naseleniya Srednego Priirtysh'ya i arkheologicheskie materialy iz mogil'nikov XVI–XVIII vekov v nizov'yakh r. Tary. In *Etnografo-arkheologicheskie kompleksy narodov Tarskogo Priirtysh'ya: mogil'niki, pogrebal'nyi obryad i mir mertvykh v svete etnoarkheologicheskikh rabot*. Omsk: Nauka, 2016, pp. 66–147. (Etnografo-arkheologicheskie kompleksy: problemy kul'tury i sotsiuma; vol. 14). (In Russ.).

Tikhomirov K.N. Seitovo IV – novyi mogil'nik predkov tarskikh tatar XVII–XVIII vv. v Srednem Priirtysh'e. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2019, No. 2 (45), pp. 59–68. doi:10.20874/2071-0437-2019-45-2-059-068. (In Russ.).

Тихомиров К.Н. <https://orcid.org/0000-0003-1159-1603>

Р.О. Трапезов¹, С.В. Черданцев¹, М.А. Томилин¹,
Д.В. Папин², А.С. Пилипенко¹✉

¹Институт цитологии и генетики СО РАН
Новосибирск, Россия

²Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: alexpil@bionet.nsc.ru

Новые данные о генетическом составе андроновского населения юга Сибири (Верхнее Приобье и Кулунда)

Исследования генетического состава андроновского (фёдоровского) населения, мигрировавшего в южные районы Сибири в первой половине II тыс. до н.э., главным образом направлены на понимание положения этой популяции среди других групп эпохи бронзы Евразии и реконструкцию ее происхождения. При этом отсутствуют репрезентативные генетические данные о локальных андроновских популяциях. Материалы археологии свидетельствуют о том, что андроновская миграция была сложным многостадийным процессом. Поэтому детальная реконструкция этой миграционной волны и ее последствий невозможна без понимания генетической специфики локальных андроновских групп. В статье представлены предварительные результаты палеогенетического исследования локальных групп носителей андроновской культуры из могильников Верхнего Приобья и Кулундинской степи (Фирсово XIV, Чекановский лог-2, -10, Рублево VIII), включая данные по митохондриальной ДНК и Y-хромосоме. Подтверждено, что общими чертами генофонда андроновских популяций до их интенсивного взаимодействия с аборигенными группами Сибири были доминирование западно-евразийских гаплогрупп митохондриальной ДНК (Т, U5a, H, J и др.) и гаплогруппы R1a (R1a1a) Y-хромосомы. По-видимому, рассматриваемые популяции Верхнего Приобья и Кулундинской степи в значительной степени сохранили генетические особенности, свойственные мигрантам, без смешения с аборигенными сибирскими популяциями, в отличие, например, от ситуации в Барабинской лесостепи. Дальнейшее генетическое исследование репрезентативных серий андроновского населения различных районов Сибири позволит выполнить более тонкие реконструкции и выявить локальную специфику этих сложных миграционных процессов. При этом большие перспективы могут быть связаны с параллельным исследованием диахронных палеоантропологических материалов методами палеогенетики и изотопного анализа.

Ключевые слова: андроновская (фёдоровская) культура, палеогенетика, митохондриальная ДНК, Y-хромосома, миграции, локальные популяции, генетическая история популяций, развитая бронза.

Rostislav O. Trapezov¹, Stepan V. Cherdantsev¹, Matvey A. Tomilin¹,
Dmitry V. Papin², Aleksandr S. Pilipenko¹✉

¹Institute of Cytology and Genetics SB RAS,
Novosibirsk, Russia

²Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: alexpil@bionet.nsc.ru

New Data on the Genetic Composition of the Andronovo Populations from Southern Siberia (the Upper Ob Region and Kulunda Steppe)

Analysis of the genetic composition of the Andronovo (Fedorovo) population which migrated to Southern Siberia in the first half of the second millennium BC has mainly focused on establishing the position of this population among other Eurasian Bronze Age groups and on reconstructing its origins. However, no representative genetic data on the local Andronovo populations is available so far. Archaeological evidence indicates that the Andronovo migration was a complex multistage process. A detailed reconstruction of this migration is impossible without understanding genetic specificity of the local

Andronovo populations. This study presents the preliminary results of a paleogenetic research into the local Andronovo groups from the burial grounds of the Upper Ob region and the Kulunda steppe (Firsovo XIV, Chekanovsky log-2, -10, and Rublevo VIII), including the data on their mitochondrial DNA and Y-chromosome. New results confirm that the common features of the gene pool of the Andronovo populations before their intensive interaction with the indigenous groups of Siberia was the dominance of the Western Eurasian haplogroups of mitochondrial DNA (T, U5a, H, J, and others) and haplogroup R1a (R1a1a) of the Y-chromosome. Apparently, the populations of the Upper Ob region and Kulunda steppe largely retained genetic features typical of the migrants without interaction with native Siberian populations as opposed to, for example, the Baraba forest-steppe. Further genetic studies of representative local series of the Andronovo population in various regions of Siberia will make it possible to produce more subtle reconstructions of sophisticated migration processes. Large expectations are associated with parallel study of diachronic paleoanthropological evidence using the methods of paleogenetics and isotope analysis.

Keywords: *Andronovo (Fedorovo) culture, paleogenetics, mitochondrial DNA, Y-chromosome, migrations, local populations, genetic history of populations, Middle Bronze Age.*

Введение

Расселение носителей андроновской (фёдоровской) культуры в южных районах Сибири в первой половине II тыс. до н.э. являлось одним из важнейших факторов, определивших ход этнокультурных процессов в регионе в эпоху развитой бронзы и последующие хронологические периоды. Важное место в изучении этого феномена занимает анализ генетического состава носителей андроновской (фёдоровской) культуры. Для этого используются традиционные методы физической антропологии (краниометрия, краниоскопия, одонтология) [Kozintsev, 2008; Солодовников, 2005; Чикишева, Поздняков, 2003; Тур, 2011; Зубова, 2012] и методы палеогенетики: от анализа отдельных информативных маркеров (мтДНК и/или Y-хромосома) [Keyser et al., 2009; Molodin et al., 2012; Мультидисциплинарные исследования..., 2013; Журавлев и др., 2017] до «полногеномного» анализа методами высокопроизводительного секвенирования (см., напр.: [Allentoft et al., 2015]). Впрочем, до настоящего времени полногеномные исследования андроновских (фёдоровских) материалов выполнены лишь в составе географически и хронологически широких выборок образцов. Отличительной особенностью многих палеоантропологических исследований является их сфокусированность на вопросах происхождения андроновских популяций в целом, включая их генетические отношения с популяциями эпохи бронзы Южного Урала и степень участия в формировании андроновского населения Сибири носителей т.н. средиземноморского антропологического типа [Kozintsev, 2008; Солодовников, 2005; Тур, 2011; Зубова, 2012]. Часть генетических исследований также направлена на выяснение места андроновского населения в системе популяций Евразии эпохи бронзы [Allentoft et al., 2015]. В то же время другие работы нацелены на более тонкую реконструкцию локальных популяционно-гене-

тических процессов, сопровождавших андроновскую миграционную волну. Такое исследование выполняется, в частности, для Барабинской лесостепи [Журавлев и др., 2017; Мультидисциплинарные исследования..., 2013; Molodin et al., 2012]. При этом данные археологии красноречиво говорят о том, что миграция носителей андроновской (фёдоровской) культуры в южные районы Сибири представляет собой многостадийный процесс, который сопровождался сложной системой взаимоотношений между мигрантами и аборигенными группами на уровне как материальной культуры (см., напр.: [Молодин и др., 2016]), так и генетических контактов между популяциями [Журавлев и др., 2017]. Процессы эти характеризуются выраженной специфичностью в разных районах юга Сибири. В этой связи большую значимость приобретает не просто рассмотрение генетического состава андроновского (фёдоровского) населения Сибири в целом, а углубленное исследование, включающее анализ генетического состава локально-территориальных андроновских групп [Пилипенко, Папин, 2019].

В данной работе мы представляем предварительные результаты исследования генетического состава андроновского населения Верхнего Приобья и Кулундинской степи по маркерам митохондриальной ДНК и Y-хромосомы. Полученные результаты мы рассматриваем на фоне генетического состава населения андроновской (фёдоровской) культуры в целом, а также в контексте локально-территориальной специфики андроновских групп.

Материалы и методы

Палеоантропологические материалы. Для молекулярно-генетического исследования были отобраны палеоантропологические материалы из трех могильников (групп могильников) андроновской (фёдоровской) культуры общей численностью более 40 образцов (индивидов):

1) 18 новых образцов из андроновских комплексов могильника Фирсово XIV (Барнаульское Приобье) в дополнение к исследованным ранее в отношении структуры митохондриальной ДНК десяти индивидам [Погребальный обряд..., 2015]; 2) пробная серия из пяти образцов из андроновских (фёдоровских) могильников Чекановский лог-2, -10, расположенных южнее могильника Фирсово XIV в Третьяковском р-не Алтайского края, на правом берегу Гилевского водохранилища; 3) серия из 20 образцов из андроновских (фёдоровских) комплексов могильника Рублево VIII, расположенного в южной части Кулундинской степи. В качестве палеоантропологических образцов использованы длинные кости посткраниального скелета (для всех групп) и/или зубы (для Фирсово XIV и Рублево VIII), преимущественно от взрослых индивидов. Материалы из могильников Фирсово XIV и Чекановский лог-2, -10 характеризовались высокой степенью макроскопической сохранности. Палеоантропологические материалы из могильника Рублево VIII демонстрировали различный уровень макроскопической сохранности, в среднем уступающая в этом отношении другим сериям, исследованным в данной работе.

Предварительная обработка палеоантропологического материала и экстракция ДНК. Использовались методы, подробно описанные в наших работах [Pilipenko et al., 2016, 2018]. Деконтаминацию образцов от современной ДНК проводили с помощью обработки раствором гипохлорита натрия, механического удаления внешних поверхностей образца и облучения ультрафиолетом. Костный порошок для экстракции ДНК высверливали из компактного костного вещества либо получали с помощью вибрационной шаровой мельницы модели Retsch MM200 или Retsch CryoMill (Германия).

Для выделения ДНК костный порошок (посткраниальный материал) инкубировали в 5М гуанидинизотиоционатном буфере при температуре 65 °С и постоянном перемешивании. Материал зубов декальцинировали 0,5-молярным раствором этилендиаминтетрауксусной кислоты с последующим лизисом с помощью протеиназы К. ДНК выделяли методом фенол-хлороформной экстракции и осаждали изопропанолом.

Анализ генетических маркеров. Работа была сфокусирована на анализе двух систем молекулярно-генетических маркеров: митохондриальной ДНК (последовательность ГВС I и статус соответствующих информативных позиций в кодирующей части мтДНК) и STR-локусов мужской Y-хромосомы. Полиморфный фрагмент гена амелогенина (маркер половой принадлежности останков) и высоковариабельные аутосомные STR-локусы

(универсальные маркеры степени родства индивидов) подвергали анализу в тех случаях, когда было необходимо определить половую принадлежность останков. Детали лабораторных методов генотипирования всех перечисленных локусов подробно изложены в наших работах [Ibid.].

Продукты секвенирующих реакций анализировали в центре коллективного пользования «Геномика» СО РАН (<http://sequest.niboch.nsc.ru>). Филогенетическую и филогеографическую интерпретацию результатов осуществляли методами, описанными нами ранее [Ibid.]. Принадлежность исследованных STR-гаплотипов Y-хромосомы (17 STR-локусов из набора реактивов AmpFISTR® Y-filer® PCR Amplification Kit (Applied Biosystems, США)) к гаплогруппам устанавливали с использованием программ-предикторов Haplogroup predictor (<http://www.hprg.com/hapest5/>) и Vadim Yurasin's YPredictor 1.5.0 (<http://predictor.ydna.ru>), находящихся в свободном доступе.

Меры против контаминации и верификация результатов. Все работы с древним материалом выполнены в специально оборудованном для палеогенетических исследований помещении межинститутской лаборатории молекулярной палеогенетики и палеогеномики ИЦиГ СО РАН (Новосибирск, Россия). Меры против контаминации и процедуры верификации результатов подробно описаны в работе [Pilipenko et al., 2018].

Результаты и обсуждение

К настоящему моменту нам удалось получить новые (а для некоторых групп первые) молекулярно-генетические данные для всех трех исследуемых локально-территориальных групп андроновского (фёдоровского) населения. При этом степень сохранности ДНК и соответственно результативность палеогенетического анализа значительно отличалась как между сериями, так и между отдельными образцами. Новые исследования подтвердили сделанный нами ранее вывод о высокой степени сохранности ДНК в значительной части андроновских материалов могильника Фирсово XIV: 12 из 18 образцов продемонстрировали высокую степень сохранности ДНК, достаточную для анализа не только мтДНК, но и маркеров ядерного генома. Для оставшейся трети образцов мы установили либо низкую степень сохранности ДНК (4 образца), в этих случаях коррелировавшую с низкой макроскопической сохранностью останков, либо высокий уровень контаминации материалов современной ДНК до их отбора для молекулярно-генетического анализа (2 образца, посткраниальный материал).

Все пять образцов, включенных в состав пробной серии из могильников Чекановский лог-2, -10, продемонстрировали высокий уровень сохранности ДНК. Эти результаты свидетельствуют о перспективности дальнейшего существенного расширения этой локально-территориальной выборки.

Значительная часть образцов (12 из 20), отобранных из материалов могильника Рублево VIII (Южная Кулунда), показала низкий уровень сохранности ДНК, недостаточный даже для анализа структуры мтДНК. Мы связываем это с особенностями состава грунта, в котором были совершены погребения на могильнике Рублево VIII: из-за присутствия большой доли песка грунт является легкопроницаемым для воздействия таких внешних факторов, как атмосферные осадки и доступ свободного кислорода, что негативно сказывается на сохранности органических компонентов в палеоантропологических останках, в т.ч. ДНК. В целом сохранность ДНК коррелирует с уровнем макроскопической сохранности, в отношении которого материалы из Рублево VIII также уступают двум другим локальным группам. Тем не менее нам удалось получить предварительные генетические результаты для более чем трети образцов, включенных в исследование. Дальнейшие перспективы увеличения численности успешно исследованных образцов из могильника Рублево VIII обусловлены возможностью как отбора образцов от дополнительного числа индивидов, так и более активного использования зубов в качестве материала для получения образцов ДНК.

В итоге проведенной работы нам удалось более чем в два раза (с 10 до 22) увеличить численность серии образцов мтДНК, исследованных для андроновской группы из могильника Фирсово XIV. На основе новых результатов можно сделать некоторые выводы о генофонде мтДНК данной локальной «популяции». По-прежнему в составе исследованной серии присутствуют лишь варианты западно-евразийского кластера гаплогрупп мтДНК. При этом состав основных гаплогрупп не претерпел изменений и включает кластеры T, U5a, J и H. Таким образом, все вновь исследованные образцы относятся к тем же крупным кластерам мтДНК, что и первые 10 образцов, описанные ранее [Погребальный обряд..., 2015]. С наибольшей частотой в составе расширенной серии, как и раньше, встречаются варианты гаплогруппы T. Это позволяет говорить о достоверности полученных данных о составе основных кластеров мтДНК в генофонде рассматриваемой группы, хотя мы все же не можем исключить присутствия минорных гаплогрупп, которые нам пока не удалось обнаружить экспериментально. Следует отметить, что большинство конкретных гаплотипов

(структурных вариантов) мтДНК, выявленных среди новых 12 образцов, отсутствовало в ранее опубликованной серии. Следовательно, расширение серии позволяет нам получить более полную картину разнообразия линий мтДНК в исследуемой локальной группе населения.

Пробная серия из могильников Чекановский лог-2, -10 (пять образцов мтДНК) также полностью состоит из западно-евразийских вариантов мтДНК, относящихся к гаплогруппам T, U5a, U4 и U5. Интересно, что варианты гаплогруппы T (два образца из пяти) идентичны вариантам, представленным в серии из Фирсово XIV. В то же время уже в этой небольшой пробной серии мы обнаружили варианты гаплогрупп, которые отсутствуют в серии из Фирсово XIV (U4, U5). Это обстоятельство, наряду с установленной нами высокой сохранностью ДНК в материалах из Чекановского лога-2, -10, свидетельствует в пользу перспективности дальнейшего расширения серии для поиска признаков генетической специфики локально-территориальных популяций андроновского населения.

Предварительные данные, полученные для серии из могильника Рублево VIII, также указывают на возможные отличия в составе ряда компонентов генофонда мтДНК этой локальной популяции: наряду с гаплогруппами T и U5a были выявлены, например, варианты гаплогруппы U5b, отсутствующие в других андроновских популяциях. Часть конкретных структурных вариантов гаплогрупп T и U5a также пока специфична для серии из Рублево VIII.

Таким образом, уже на данном этапе исследования продемонстрирована потенциальная информативность рассмотрения генофонда мтДНК локально-территориальных групп андроновского населения на предмет их возможной генетической специфичности. Для более полной картины необходимо увеличить репрезентативность исследованных серий.

Рассматривая андроновское (фёдоровское) население Верхнего Приобья и Кулунды в целом, можно констатировать, что его генофонд мтДНК содержит исключительно варианты западно-евразийского происхождения. Это существенно отличает андроновские популяции степной полосы Сибири от более северных, лесостепных, в частности от популяций Барабинской лесостепи, на территории которой происходило интенсивное генетическое взаимодействие с аборигенными группами [Журавлев и др., 2017; Molodin et al., 2012]. Население же рассматриваемых в данной работе локальных популяций, по-видимому, существенно ближе по своему генофонду к мигрантам-андроновцам в их исходном генетическом составе.

С этим выводом, сделанным на основе анализа мтДНК, хорошо согласуются и первые данные по филогенетической принадлежности образцов Y-хромосомы. Все исследованные к настоящему времени варианты Y-хромосомы из могильников Фирсово XIV, Чекановский лог-2, -10 (восемь образцов) относятся к гаплогруппе R1a, а точнее, к подгруппе R1a1a, которую мы считаем маркером миграций носителей андроновской культуры в различные регионы Евразии. При этом лишь около трети исследованных индивидов андроновского времени с территории Барабинской лесостепи относятся к R1a-гаплогруппе. Полученных к настоящему времени данных по структуре вариантов Y-хромосомы пока недостаточно для проведения подробного сравнительного анализа и поиска тонких отличий между рассматриваемыми в данной работе локальными андроновскими популяциями Верхнего Приобья и Кулунды. Увеличение репрезентативности и полноты данных по Y-хромосоме является главной текущей задачей нашего исследования.

Выводы

Полученные данные свидетельствуют о перспективности привлечения к молекулярно-генетическому анализу генофонда носителей андроновской (фёдоровской) культуры дополнительных материалов, относящихся к различным локальным субпопуляциям. При условии накопления репрезентативных серий образцов мтДНК и Y-хромосомы этот подход позволит реконструировать более тонкие механизмы миграции андроновского населения в различные районы юга Сибири и его взаимодействия с предшествующими аборигенными популяциями. Высокий потенциал выполнения подобных исследований существует для основных районов Сибири, на территории которых селились носители андроновской (фёдоровской) культуры. На наш взгляд, такие молекулярно-генетические исследования необходимо проводить на диахронных выборках параллельно с реализацией других подходов, позволяющих идентифицировать мигрантов и уровень их взаимодействия с аборигенными группами, прежде всего с изотопным анализом.

Благодарности

Работа выполнена в рамках гранта РФФИ № 19-09-00511. Частично профинансирована из средств государственного задания ИЦиГ СО РАН, проект № 0259-2019-0010-С-01.

Список литературы

- Журавлев А.А., Пилипенко А.С., Молодин В.И., Папин Д.В., Поздняков Д.В., Трапезов Р.О.** Генофонд мтДНК и Y-хромосомы андроновского (фёдоровского) и постандроновского населения Южной Сибири // Тр. V (XXI) Всерос. археол. съезда в Барнауле – Белокурихе: сб. науч. ст. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2017. – Т. III. – С. 37–39.
- Зубова А.В.** Происхождение населения андроновской (фёдоровской) культуры Западной Сибири по одонтологическим данным // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2012. – № 2 (17). – С. 70–78.
- Молодин В.И.** Направления миграционных потоков в эпоху ранней – развитой бронзы. Барабинская лесостепь (по данным археологии, антропологии и палеогенетики) // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2016. – № 4 (42). – С. 22–26.
- Мультидисциплинарные исследования** населения Барабинской лесостепи V–I тыс. до н.э.: археологический, палеогенетический и антропологический аспекты / В.И. Молодин, А.С. Пилипенко, Т.А. Чикишева, А.Г. Ромашенко, А.А. Журавлев, Д.В. Поздняков, Р.О. Трапезов. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2013. – 220 с.
- Пилипенко А.С., Папин Д.В.** Перспективы применения палеогенетического анализа в рамках биоархеологического исследования населения андроновской культуры // Теория и практика археологических исследований. – 2019. – № 4 (28). – С. 122–128.
- Погребальный обряд** древнего населения Барнаульского Приобья: материалы из раскопок 2010–2011 гг. грунтового могильника Фирсово XIV / Ю.Ф. Кирюшин, Д.В. Папин, С.С. Тур, А.С. Пилипенко, А.С. Федорук, О.А. Федорук, Я.В. Фролов. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2015. – 208 с.
- Солодовников К.Н.** Антропологические материалы из могильника андроновской культуры Фирсово XIV к проблеме формирования населения Верхнего Приобья в эпоху бронзы // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2005. – № 6. – С. 127–147.
- Чикишева Т.А., Поздняков Д.В.** Население западно-сибирского ареала андроновской культурной общности по антропологическим данным // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 3 (15). – С. 132–148.
- Allentoft M.E., Sikora M., Sjogren K.G., Rasmussen S., Rasmussen M., Stenderup J., Damgaard P.B., Schroeder H., Ahlstrom T., Vinner L., Malaspina A.S., Margaryan A., Higham T., Chivall D., Lynnerup N., Harvig L., Baron J., Della Casa P., Dąbrowski P., Duffy P.R., Ebel A.V., Epimakhov A., Frei K., Furmanek M., Gralak T., Gromov A., Gronkiewicz S., Grupe G., Hajdu T., Jarysz R., Khartanovich V., Khokhlov A., Kiss V., Kolar J., Kriiska A., Lasak I.,**

Longhi C., McGlynn G., Merkevicius A., Merkyte I., Metspalu M., Mkrtychyan R., Moiseyev V., Paja L., Palfi G., Pokutta D., Pospieszny L., Price T.D., Saag L., Sablin M., Shishlina N., Smrcka V., Soenov V.I., Szeverenyi V., Toth G., Trifanova S.V., Varul L., Vicze M., Yepiskoposyan L., Zhitenev V., Orlando L., Sicheritz-Ponten T., Brunak S., Nielsen R., Kristiansen K., Willerslev E. Population genomics of Bronze Age Eurasia // *Nature*. – 2015. – Vol. 522. – P. 167–172.

Keyser C., Bouakaze C., Crubezy E., Nikolaev V.G., Montagnon D., Reis T., Ludes B. Ancient DNA provides new insights into the history of south Siberian Kurgan people // *Human Genetics*. – 2009. – Vol. 126. – P. 395–410.

Kozintsev A.G. The Mediterraneans of Southern Siberia and Kazakhstan, Indo-European Migrations, and the Origin of the Scythians: A Multivariate Craniometric Analysis // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. – 2008. – N 4 (36). – P. 140–144.

Molodin V.I., Pilipenko A.S., Romaschenko A.G., Zhuravlev A.A., Trapezov R.O., Chikisheva T.A., Pozdnyakov D.V. Human migrations in the southern region of the West Siberian Plain during the Bronze Age: Archaeological, palaeogenetic and anthropological data // *Population Dynamics in Pre- and Early History: New Approaches Using Stable Isotopes and Genetics*. – Berlin; Boston: De Gruyter, 2012. – P. 95–113.

Oven M. van, Kayser M. Updated comprehensive tree of global human mitochondrial DNA variation // *Human Mutation*. – 2009. – Vol. 30. – P. 386–394.

Pilipenko A.S., Molodin V.I., Trapezov R.O., Cherdantsev S.V., Zhuravlev A.A. Genetic analysis of human remains from the Bronze Age (2nd millennium BC) cemetery Bertek-56 in the Altai mountains // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. – 2016. – Vol. 44, N 4. – P. 141–149.

Pilipenko A.S., Trapezov R.O., Cherdantsev S.V., Babenko V.N., Nesterova M.S., Pozdnyakov D.V., Molodin V.I., Polosmak N.V. Maternal genetic features of the Iron Age Tagar population from Southern Siberia (1st millennium BC) // *PLoS ONE*. – 2018. – Vol. 13, N 9.

Tur S.S. A Nonmetric Cranial Study of the Andronovo Series from the Altai // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. – 2011. – N 1 (45). – P. 147–155.

References

Allentoft M.E., Sikora M., Sjogren K.G., Rasmussen S., Rasmussen M., Stenderup J., Damgaard P.B., Schroeder H., Ahlstrom T., Vinner L., Malaspinas A.S., Margaryan A., Higham T., Chivall D., Lynnerup N., Harvig L., Baron J., Della Casa P., Dąbrowski P., Duffy P.R., Ebel A.V., Epimakhov A., Frei K., Furmanek M., Gralak T., Gromov A., Gronkiewicz S., Grupe G., Hajdu T., Jarysz R., Khartanovich V., Khokhlov A., Kiss V., Kolar J., Kriiska A., Lasak I., Longhi C., McGlynn G.,

Merkevicius A., Merkyte I., Metspalu M., Mkrtychyan R., Moiseyev V., Paja L., Palfi G., Pokutta D., Pospieszny L., Price T.D., Saag L., Sablin M., Shishlina N., Smrcka V., Soenov V.I., Szeverenyi V., Toth G., Trifanova S.V., Varul L., Vicze M., Yepiskoposyan L., Zhitenev V., Orlando L., Sicheritz-Ponten T., Brunak S., Nielsen R., Kristiansen K., Willerslev E. Population genomics of Bronze Age Eurasia. *Nature*, 2015, vol. 522, pp. 167–172. doi:10.1038/nature14507.

Chikisheva T.A., Pozdnyakov D.V. Naselenie zapadno-sibirskogo areala andronovskoi kul'turnoi obshchnosti po antropologicheskim dannym. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2003, No. 3 (15), pp. 132–148. (In Russ.).

Keyser C., Bouakaze C., Crubezy E., Nikolaev V.G., Montagnon D., Reis T., Ludes B. Ancient DNA provides new insights into the history of south Siberian Kurgan people. *Human Genetics*, 2009, vol. 126, pp. 395–410. doi:10.1007/s00439-009-0683-0.

Kiryushin Yu.F., Papin D.V., Tur S.S., Pilipenko A.S., Fedoruk A.S., Fedoruk O.A., Frolov Ya.V. Pogrebal'nyi obryad drevnego naseleniya Barnaul'skogo Priob'ya: materialy iz raskopok 2010–2011 gg. gruntovogo mogil'nika Firsovo XIV. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2015, 208 p. (In Russ.).

Kozintsev A.G. The Mediterraneans of Southern Siberia and Kazakhstan, Indo-European Migrations, and the Origin of the Scythians: A Multivariate Craniometric Analysis. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2008, No. 4 (36), pp. 140–144.

Molodin V.I. The Directions of Migration Flows during an Era of Early and Developed Bronze. Baraba Forest-Steppe (According to Archeology, Anthropology and Paleogenetics). *Tomsk State University Journal of History*, 2016, No. 4 (42), pp. 22–26. doi:10.17223/19988613/42/4. (In Russ.).

Molodin V.I., Pilipenko A.S., Chikisheva T.A., Romaschenko A.G., Zhuravlev A.A., Pozdnyakov D.V., Trapezov R.O. The Interdisciplinary Research of Baraba Forest-Steppe Populations (IV–I millennium BC): Archaeological, Paleogenetic and Anthropological Perspectives. *Novosibirsk: SB RAS Publ.*, 2013, 220 p. (In Russ.).

Molodin V.I., Pilipenko A.S., Romaschenko A.G., Zhuravlev A.A., Trapezov R.O., Chikisheva T.A., Pozdnyakov D.V. Human migrations in the southern region of the West Siberian Plain during the Bronze Age: Archaeological, palaeogenetic and anthropological data. In *Population Dynamics in Pre- and Early History: New Approaches Using Stable Isotopes and Genetics*. Berlin; Boston: De Gruyter, 2012, pp. 95–113.

Oven M. van, Kayser M. Updated comprehensive tree of global human mitochondrial DNA variation. *Human Mutation*, 2009, vol. 30, pp. 386–394. doi:10.1002/humu.20921.

Pilipenko A.S., Molodin V.I., Trapezov R.O., Cherdantsev S.V., Zhuravlev A.A. Genetic analysis of

human remains from the Bronze Age (2nd millennium BC) cemetery Bertek-56 in the Altai mountains. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2016, vol. 44, No. 4, pp. 141–149. doi:10.17746/1563-0110.2016.44.4.141-149.

Pilipenko A.S., Papin D.V. Prospects for the Application of Paleogenetic Analysis within the Bioarcheological Study of the Population of the Andronovo Culture. *Theory and Practice of Archaeological Research*, 2019, No. 4 (28), pp. 122–128. doi:10.14258/tpai(2019)4(28).-08. (In Russ.).

Pilipenko A.S., Trapezov R.O., Cherdantsev S.V., Babenko V.N., Nesterova M.S., Pozdnyakov D.V., Molodin V.I., Polosmak N.V. Maternal genetic features of the Iron Age Tagar population from Southern Siberia (1st millennium BC). *PLoS ONE*, 2018, vol. 13, No. 9. doi:10.1371/journal.pone.0204062.

Solodovnikov K.N. Antropologicheskie materialy iz mogil'nika andronovskoi kul'tury Firsovo XIV k probleme formirovaniya naseleniya Verkhnego Priob'ya v epokhu bronzy. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2005, No. 6, pp. 127–147. (In Russ.).

Tur S.S. A Nonmetric Cranial Study of the Andronovo Series from the Altai. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2011, No. 1 (45), pp. 147–155.

Zhuravlev A.A., Pilipenko A.S., Molodin V.I., Papin D.V., Pozdnyakov D.V., Trapezov R.O. Genofond mtDNK i Y-khromosomy andronovskogo (fedorovskogo) i postandronovskogo naseleniya Yuzhnoi Sibiri. In *Trudy V (XXI) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Barnaule – Belokurikhe: sbornik nauchnykh statei*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2017, vol. III, pp. 37–39. (In Russ.).

Zubova A.V. Proiskhozhdenie naseleniya andronovskoi (fedorovskoi) kul'tury Zapadnoi Sibiri po odontologicheskim dannym. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2012, No. 2 (17), pp. 70–78. (In Russ.).

Трапезов Р.О. <https://orcid.org/0000-0002-0483-530X>

Черданцев С.В. <https://orcid.org/0000-0002-4384-3468>

Томилини М.А. <https://orcid.org/0000-0002-2616-8712>

Папин Д.В. <https://orcid.org/0000-0002-2010-9092>

Пилипенко А.С. <https://orcid.org/0000-0003-1009-2554>

Ю.С. Худяков^{1, 2✉}, А.Ю. Борисенко²

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

²Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

E-mail: khudjakov@mail.ru; aborisenko2@mail.ru

Средневековые каменные изваяния, установленные у современного памятника в Иссык-Кульской котловине

В статье анализируются средневековые каменные изваяния, установленные перед современным памятником известному российскому ученому-географу П.П. Семенову-Тянь-Шанскому неподалеку от поселка Балыксу в Иссык-Кульской котловине Кыргызстана. Как удалось выяснить, четыре из пяти исследованных каменных объектов были обнаружены на территории Иссык-Кульской котловины, а одно привезено из пос. Бураны. Приведены описания каждого из изученных антропоморфных изваяний. Прослежены аналогии некоторым проанализированным статуям на территории Средней Азии. Определена принадлежность исследуемых каменных объектов средневековой культуре западных тюрок в Средне-Азиатском регионе. У одного из исследуемой группы изваяний выделена крупная голова, на которой изображена антропоморфная личина без усов, с подвесками с обеих сторон. Вероятно, она передает облик тюркской женщины. Спереди показаны согнутые в локтевых суставах руки, которые держат чашу. На втором изваянии – крупная личина с усами, которая передает внешний облик тюркского мужчины. В течение предшествующих десятилетий подобные статуи с изображением головы или лица взрослых мужчин неоднократно находили на территории Иссык-Кульской котловины. На третьем изваянии – лицо мужчины в коническом головном уборе, с дуговидными бровями, овальными глазами, прямым носом, большими усами и угловатым подбородком. Четвертое несколько больше других. Оно также представляет мужчину с усами и приоткрытым ртом. На пятом изваянии изображена антропоморфная личина без усов, возможно женская. Несмотря на отсутствие сведений о первоначальном нахождении памятников, они могут использоваться при дальнейшем исследовании древнетюркской антропоморфной скульптурной традиции.

Ключевые слова: средневековые каменные изваяния, памятник П.П. Семенову-Тянь-Шанскому, Иссык-Кульская котловина.

Yuli S. Khudyakov^{1, 2✉}, Alisa Yu. Borisenko²

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

²Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia

E-mail: khudjakov@mail.ru; aborisenko2@mail.ru

Medieval Stone Statues at a Modern Monument in the Issyk-Kul Depression

This article analyzes the Medieval stone statues placed in front of the modern monument to the famous Russian scholar and geographer P.P. Semyonov-Tyan-Shansky, which was erected not far from the village of Balyksu in the Issyk-Kul Depression in Kyrgyzstan. The research has revealed that four out of five studied stone statues near the modern monument were discovered in the Issyk-Kul Depression and one of them was brought from Burana. Each of these anthropomorphic stone statues is described; their parallels from Central Asia are identified. These stone statues belonged to the Medieval culture of the Western Turks living in Central Asia. One of the stone statues has distinctive large head with representation of anthropomorphic face without moustache and may depict a Turkic female. Pendants are represented on both sides of the face. Arms which are bent

at the elbows and hands holding a chalice are depicted on the frontal side of the statue. Large face with moustache on the other statue renders the image of a Turkic male. Previously, similar statues with the images of the head or face of adult males have been many times discovered in the Issyk-Kul Depression. The third statue shows the face of a male wearing a conical headdress, with arched eyebrows, oval eyes, straight nose, big moustache, and angular chin. The fourth statue is somewhat larger than other statues. The fifth statue shows the anthropomorphic face without moustache and may also represent a Turkic female. Despite the absence of information about initial location of the statues, they can be used in further research of Old Turkic anthropomorphic sculptural tradition.

Keywords: *Medieval stone statues, monument to P.P. Semyonov-Tyan-Shansky, Issyk-Kul Depression.*

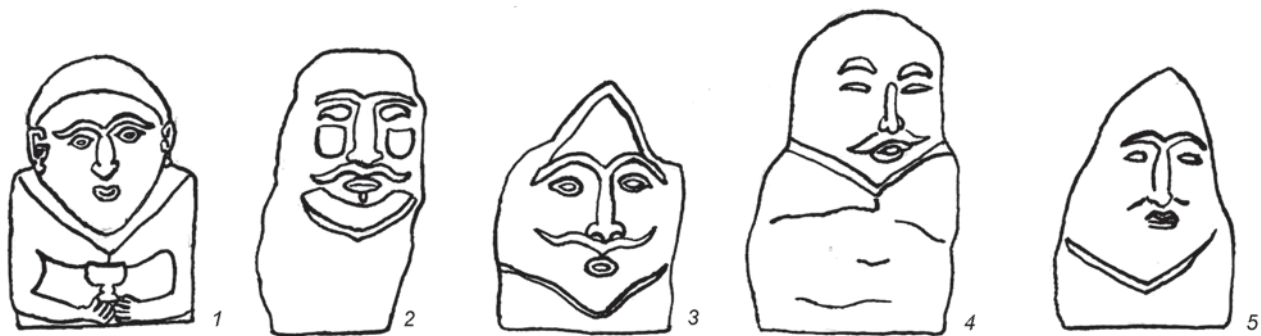
В ходе экспедиционных маршрутов по Иссык-Кульской котловине в Кыргызстане авторы данной статьи при деятельном содействии кыргызстанских коллег посетили и осмотрели современный памятник известному российскому географу, путешественнику и исследователю Средней Азии П.П. Семенову-Тян-Шанскому. Этот памятник находится в окрестностях населенного пункта Балыксу, расположенного на юго-западном побережье оз. Иссык-Куль. Ранее этот поселок назывался Рыбачье. В непосредственной близости от этого современного памятника, с обеих сторон от основания его постамента, установлены в ряд пять средневековых антропоморфных каменных изваяний. Как удалось выяснить в результате опроса местных жителей, четыре из пяти статуй происходят с территории Иссык-Кульской котловины, а одна была привезена из окрестностей поселения Бураны. Вероятно, она входила в собрание каменных изваяний из историко-культурного музея «Чудо в камне», который находится в этом современном населенном пункте. Правда, установить в ходе подобных опросов, какая именно статуя происходит из пос. Бураны, не удалось. Вполне возможно, что каменные изваяния для оформления монумента известному российскому ученому были подобраны по внешнему сходству и близким размерам. Ранее в специальных работах, посвященных изучению каменных изваяний Тянь-Шаня и Семиречья, эти памятники не фигурировали [Шер, 1966, с. 106–114, 116–125].

Антропоморфные каменные изваяния неоднократно привлекали внимание исследователей. По имеющимся сведениям, наиболее ранние упоминания о каменных статуях относятся к началу XIX в. [Винник, 1995, с. 160]. Во время своего научного путешествия в Иссык-Кульскую котловину в 1856 г. несколько «каменных баб» описал и зарисовал российский офицер, ставший в дальнейшем известным казахским ученым, Ч.Ч. Валиханов. В то время не было известно, что представляли собой эти памятники, когда и кем они были установлены [Валиханов, 1984, с. 341–342]. Свое мнение об антропоморфных каменных изваяниях в Средней Азии высказал П.П. Семенов, совершивший в 1856–1857 гг. путешествие на Тянь-Шань, за которое впоследствии получил к своей фамилии почет-

ное добавление «Тян-Шанский». Он предположил, что эти памятники могли принадлежать древнему кочевому народу усуней [Семенов, 1946, с. 182–183]. Наиболее существенный вклад в изучение средневековых каменных изваяний на Тянь-Шане внес В.В. Бартольд, который отнес эти памятники к культуре западных тюрок, проживавших в течение эпохи раннего Средневековья на территории Семиречья. Однако в определении функционального назначения тюркских каменных статуй он был неточен, поскольку считал эти памятники «надгробными» [Бартольд, 1996, с. 451]. В дальнейшем к изучению каменных изваяний обращался А.Н. Бернштам, обследовавший несколько статуй в Иссык-Кульской котловине [Бернштам, 1952, с. 79–81]. В 1950–1970-х гг. исследованием каменных изваяний в Кыргызстане занимался Д.Ф. Винник [1995, с. 174–175]. В 1960-х гг. большое количество каменных статуй на территории Тянь-Шаня и Семиречья было изучено Я.А. Шером, который выделил несколько их типов [1966, с. 40–46]. В 1970–1980-х гг. свой вариант классификации предложил В.П. Мокрынин [1986, с. 111]. В последующие годы исследованием антропоморфных каменных изваяний занимались современные кыргызстанские и российские археологи [Табалдиев, 1996, с. 61–70; Москалев, Солтобаев, 2008; Худяков, Табалдиев, 2009, с. 68–80].

Несмотря на то что все каменные изваяния, установленные перед современной статуей П.П. Семенова-Тян-Шанского, были перемещены с мест своего первоначального нахождения, на них сохранились изображения антропоморфных личин и некоторых других реалий, которые могут быть привлечены для анализа данных памятников и введения их в научный оборот.

У первого из этих каменных изваяний, которое возвышается над землей на 0,5 м, выделена крупная голова, на верхней части которой, вполне вероятно, воспроизведены сферический головной убор или волосы, зачесанные надо лбом и за ушами. Ниже показана крупная личина, на которой обозначены плавно изогнутые, дуговидные брови с приостренными окончаниями. Посредине личины выделен вертикально узкий прямой нос с выступающими в обе стороны небольшими ноз-

Средневековые каменные изваяния западных тюрков, установленные у современного памятника П.П. Семенову-Тянь-Шанскому в Иссык-Кульской котловине.

дрями. Под бровями небольшие, овальной формы глаза, близко расположенные к переносице. Сразу под носом изображены небольшие плотно сжатые губы. Усы не показаны. С обеих сторон личины крупные, вертикально расположенные, рельефные уши с прикрепленными к мочкам серьгами с шаровидными подвесками. У личины выделен овал лица с приостренным подбородком. У каменного изваяния показаны небольшие плечи, согнутые в локтях руки. Пальцы обеих рук поддерживают за нижнюю часть поддона сосуд, похожий на чашу со сферическим туловом. Поскольку антропоморфная личина изображена без усов, можно предположить, что изваяние воспроизводит женщину (см. рисунок, 1). В прошлом подобное антропоморфное изваяние с личиной без усов и сосудом в правой руке было обнаружено в окрестностях с. Курменты, расположенного на северном берегу оз. Иссык-Куль [Бернштам, 1952, рис. 42, 3].

На втором изваянии имеется только изображение крупной мужской личины, которая занимает примерно половину высоты каменной стелы, составляющей 0,6 м над поверхностью земли. В верхней части выделена область лба, под которой оформлены дуговидные брови, соединенные между собой прямой линией носа с небольшими выступами по бокам, обозначающими ноздри. Ниже бровей с обеих сторон от переносицы изображены крупные каплевидные глаза. Выделены крупные полуовальной формы щеки. Под носом идет плавно изогнутая линия усов с загнутыми вверх окончаниями, а под ней плотно сжатые овальные губы. Затем небольшая вертикальная полоска, представляющая, вероятно, часть бороды. Далее, вдоль подбородка и нижней части щек, плавно изогнутая тупоугольная полоска, которая может изображать бороду. Ниже выделено угловатое углубление, отделяющее изображение головы изваяния от нижней части антропоморфной стелы (см. рисунок, 2). Ранее подобные каменные статуи с изображением головы или лица взрослого мужчины неоднократно находили

на Тянь-Шане и в Семиречье, в т.ч. в окрестностях оз. Иссык-Куль [Шер, 1966, с. 110].

Еще одно изваяние представляет собой каменную стелу, возвышающуюся над поверхностью земли на 0,5 м. В верхней части этой стелы с ее лицевой стороны изображен головной убор конической формы, напоминающий шлем. Каменных изваяний с изображением подобного головного убора на Тянь-Шане, в т.ч. в Иссык-Кульской котловине, ранее зафиксировано не было. Под шлемом выделены массивные дуговидные брови, соединенные между собой, и прямая вертикальная полоса, воспроизводящая нос с выступающими ноздрями. По обе стороны от переносицы небольшие, овальной формы глаза. Под носом изображены плавно изогнутые усы с приостренными, направленными в обе стороны окончаниями. Ниже усов слегка приоткрытый небольшой овальный рот с узкими губами. Выделены подбородок овальной формы и щеки (см. рисунок, 3).

Четвертое каменное изваяние несколько крупнее остальных. Его высота над земной поверхностью 0,7 м. У каменной статуи в верхней части головы выделена поверхность лба. Ниже расположены небольшие, плавно изогнутые брови. Под ними показаны узкие, словно слегка прикрытые, глаза. Между глазами выделен прямой нос с небольшими, выступающими в стороны ноздрями. Ниже изображены крупные, направленные окончаниями в противоположные стороны, усы, а под ними приоткрытый рот с небольшими узкими губами. Личина оканчивается углубленной линией, ограничивающей приостренный подбородок и нижнюю часть щек. На передней части стелы сохранились горизонтальные линии, которые, возможно, могли относиться к изображениям согнутых в локтях рук (см. рисунок, 4). В прошлом на территории Тянь-Шаня и Семиречья подобные изваяния встречались неоднократно. [Там же].

Пятое каменное изваяние самое невысокое (0,4 м). Верхняя часть стелы имеет вид приостренного угловатого головного убора. Однако следы

какой-либо искусственной обработки в этой части каменной стелы отсутствуют. На личине выделены дуговидные брови, соединенные между собой на переносице и с прямым носом с расширением в стороны на местах, где должны быть ноздри. С обеих сторон от переносицы показаны неширокие овальные глаза с приостренными внешними и внутренними уголками. От ноздрей идут короткие линии, вероятно изображающие щеки. Ниже небольшой приоткрытый рот с тонкими губами, при этом верхняя губа изогнута. Далее узкой полосой, ориентированной тупым углом вниз, переданы подбородок и овал лица. Обращает на себя внимание отсутствие на личине изображения усов. Поэтому вполне возможно, что это изваяние воспроизводит облик древнетюркской женщины (см. *рисунок*, 5). Похожих по своим конструктивным особенностям и характерным чертам среди антропоморфных каменных изваяний на Тянь-Шане и в Семиречье не выявлено.

Судя по оформлению антропоморфных личин и отдельным реалиям, изображенным на данных изваяниях, исследованные памятники можно отнести к культуре западных тюрков на Тянь-Шане [Худяков, Табалдиев, 2009, с. 72–80]. Проведенный анализ открывает возможность для того, чтобы включить данные каменные изваяния в круг памятников этой культуры.

Благодарности

Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Минобрнауки в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021).

Список литературы

Бартольд В.В. К вопросу об археологических исследованиях в Туркестане // *Избранные труды по истории кыргызов и Кыргызстана*. – Бишкек: Шам, 1996. – С. 449–465.

Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 346 с. – (МИА; № 26).

Валиханов Ч.Ч. Дневник поездки на Иссык-Куль 1856 г. // *Собр. соч.*: в 5 т. – Алма-Ата: Казах. сов. энциклопедия, 1984. – Т. 1. – С. 306–357.

Винник Д.Ф. История изучения каменных изваяний Кыргызстана // *Из истории и археологии Древнего Тянь-Шаня*. – Бишкек: Илим, 1995. – С. 160–175.

Мокрынин В.П. По следам прошлого. – Фрунзе: Кыргызстан, 1986. – 128 с.

Москалев М.И., Солтобаев О.А. Каменные изваяния Кошой-Коргонского музея // *Материалы и исследования по археологии Кыргызстана*. – Бишкек: Илим, 2008. – Вып. 3. – С. 31–33.

Семенов П.П. Путешествие в Тянь-Шань 1856–1857 гг. – М.: Географгиз, 1946. – 256 с.

Табалдиев К.Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. – Бишкек: Айбек, 1996. – 254 с.

Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Древние тюрки на Тянь-Шане. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 292 с.

Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. – М.; Л.: Наука, 1966. – 139 с.

References

Bartold V.V. K voprosu ob arkheologicheskikh issledovaniakh v Turkestane. In *Izbrannyye trudy po istorii kyrgyzov i Kyrgyzstana*. Bishkek: Sham, 1996, p. 449–465. (In Russ.).

Bernshtam A.N. Istoriko-arkheologicheskie ocherki Tsentralnogo Tyan-Shanya i Pamiro-Alaya. Moscow, Leningrad: AS USSR Publ., 1952, 346 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR; No. 26). (In Russ.).

Khudyakov Yu.S., Tabaldiev K.Sh. Drevnie tyurki na Tyan-Shane. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2009, 292 p. (In Russ.).

Mokrynin V.P. Po sledam proshlogo. Frunze: Kyrgyzstan, 1986, 128 p. (In Russ.).

Moskalev M.I., Soltobaev O.A. Kamennyye izvayaniya Koshoi-Korgonskogo muzeya. In *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kyrgyzstana*. Bishkek: Ilim, 2008, iss. 3, pp. 31–33. (In Russ.).

Scher Ya.A. Kamennyye izvayaniya Semirechya. Moscow; Leningrad: Nauka, 1966, 139 p. (In Russ.).

Semenov P.P. Puteshestvie v Tyan-Shan 1856–1857 gg. Moscow: Geografiz, 1946, 256 p. (In Russ.).

Tabaldiev K.Sh. Kurgany srednevekovykh kochevykh plemen Tyan-Shanya. Bishkek: Aibek, 1996, 256 p. (In Russ.).

Valikhanov Ch.Ch. Dnevnik poyezdki na Issyk-Kul 1856 g. In *Collected Works: in 5 vols*. Alma-Ata: Kazakskaya Sovetskaya Entsiklopediya, 1984, vol. 1, pp. 306–357. (In Russ.).

Vinnik D.F. Istoriya izucheniya kamennykh izvayanii Kyrgyzstana. In *Iz istorii i arkheologii drevnego Tyan-Shanya*. Bishkek: Ilim, 1995, pp. 160–175. (In Russ.).

Худяков Ю.С. <https://orcid.org/0000-0002-4741-9971>
Борисенко А.Ю. <https://orcid.org/0000-0001-9558-5678>

Е.С. Швецова

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
E-mail: ekaterina.shvenco@mail.ru

История изучения и элементы историографии погребальных памятников тюркского времени на территории Барабинской лесостепи

Предпринята попытка анализа истории изучения погребальных памятников древнетюркского населения на территории Барабинской лесостепи начиная с XIX в. и до наших дней. На основе интенсивности исследований и методики изучения выделено три последовательно сменяющихся этапа в изучении памятников данной группы. Первый этап содержит исследования с середины XIX до начала XX в., которые проводили В.В. Радлов, Г.О. Оссовский, С.М. Чугунов. В этот период были осуществлены значительные полевые изыскания, откуда был получен богатый вещественный материал. Анализ и интерпретация были выполнены уже в середине XX в. Д.Г. Савиновым. Второй этап начинается с 60-х гг. XX в. и связан с работой Новосибирской экспедиции Новосибирского государственного педагогического института и Западно-Сибирского отряда Северо-Азиатской экспедиции СО АН СССР. Здесь отмечаются интенсивные исследования памятников раннего Средневековья. Третий этап (с 1988 г.) стал периодом широких обобщений, когда кроме полевых исследований начинают появляться работы, где детально рассматриваются вопросы анализа ранее накопленного материала, а также реконструкции этнокультурных и социокультурных процессов, протекавших в Барабе. Было установлено, что тюркоязычные племена начали проникать на данную территорию в середине VIII в. с территории Северного Алтая. В последние десятилетия наблюдается некоторый спад интереса к памятникам Средневековья. Специальных полевых исследований захоронений этого времени не проводится, все выявленные и изученные погребальные комплексы связаны с расположением на более ранних некрополях или поселениях.

Ключевые слова: Барабинская лесостепь, эпоха раннего Средневековья, тюркское время, погребальные комплексы, история изучения.

Ekaterina S. Shvetsova

Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia
E-mail: ekaterina.shvenco@mail.ru

History of Research and Elements of the Historiography of Burial Sites of the Turkic Period in Baraba Forest-Steppe

This article describes the history of research into the burial sites of the Turkic-speaking population in the Baraba forest-steppe, which was conducted from the 19th century to the present day. Three successive stages in studying the sites of this population have been identified based on intensity and methods of research. First stage was associated with scholars such as V.V. Radlov, G.O. Ossovsky, and S.M. Chugunov who worked in the mid 19th – early 20th century. Important field studies were done in this period, yielding rich material evidence which was analyzed and interpreted later in the mid 20th century by D.G. Savinov. The second stage began in the 1960s and was associated with the work of the Expedition of the Novosibirsk State Pedagogical Institute and Western Siberian Unit of the Northern Asian Expedition of the Siberian Branch of the Soviet Academy of Sciences. That stage was marked by active research of the Early Medieval sites. Third stage has started in 1988 and is distinguished as a period of broad generalizations with studies analyzing the previously accumulated evidence and reconstructing ethnic, cultural, and social processes in Baraba in addition to field research. It has been established that the Turkic-speaking tribes began to migrate to this territory in the mid 8th

century from Northern Altai. In recent decades there has been a slight decline of interest in Medieval sites. Targeted field studies of Medieval burials have not been carried out; all discovered and studied burial complexes are associated with their location in earlier necropolises or settlements.

Keywords: *Baraba forest-steppe, Early Middle Ages, Turkic period, funeral complexes, research history.*

Период раннего Средневековья ознаменовался в Барабинской лесостепи началом новых этнокультурных процессов. В жизни автохтонного населения появляются новые черты, сначала в материальной, а позже и в духовной культуре. Эти изменения ученые связывают с началом «тюркизации» данной территории [Могильников, 1965, с. 281; 1987, с. 112; Бараба..., 1988, с. 167; Савинов, 1994, с. 4; 2016, с. 29; Троицкая, Новиков, 1998, с. 85; и др.].

Основным источником для изучения влияния пришлого населения на культурогенез местного служат археологические материалы, среди которых наиболее изучены и показательны погребальные комплексы и сопроводительный инвентарь, включающий в себя маркеры тюркской культуры: вооружение, предметы личной атрибуции, конскую упряжь и др. Важным аспектом в изучении погребального обряда является анализ процесса накопления материалов, полученных в ходе полевых исследований, а также рассмотрение выводов, ставших результатом интерпретации памятников. Данная работа посвящена анализу накопленного материала по изучению погребального обряда тюркского населения. Кроме того, предпринята попытка выделения отдельных этапов, критерием для этого стали как значительные временные разрывы в изучении тюркских памятников Барабы, так и скачкообразные изменения количества и качества полевых исследований и теоретических обобщений.

Этап 1 (1866–1899 гг.) – начало знакомства с раннесредневековыми памятниками и накопление первоначальных знаний о процессах, протекавших на данной территории в древнетюркское время. В отличие от прародины тюркской культуры – Центральной Азии и Южной Сибири – в Барабе в дореволюционное время проводилось активное изучение погребальных комплексов. Особый интерес исследователей XIX в. к захоронениям объясняется наличием в данной группе памятников сопроводительного инвентаря, который был наиболее ярким и интересным в этот период не только специалистам, но и обывателям.

Впервые средневековые курганы Барабинской лесостепи привлекли исследователей еще в середине XIX в. В 1866 г. археологическими работами здесь начал заниматься выдающийся ученый, академик В.В. Радлов. Позднее полученные

им результаты были специально рассмотрены Д.Г. Савиновым, который отмечал, что раскопки были весьма значительными по объему выполненных работ, но произведены на достаточно низком методическом уровне, что не позволяет с должной точностью идентифицировать большинство находок [1988, с. 5]. Исследователь относит раскопанные курганы у д. Кызыль к двум хронологическим периодам: IX–X вв. – сrostкинская культура; начало II тыс. н.э. [Там же, 1988, с. 6].

В 1884 г. начаты полевые исследования Г.О. Оссовским. Им были раскопаны три средневековых кургана [Отчет..., 1896, с. 139–141]. Захоронения совершены по обряду труположения с чучелом коня. Исследователь отнес данные погребальные комплексы к началу II тыс. н.э. Подробно изучив материалы из этих раскопок, Д.Г. Савинов согласился с датировкой, уточнив ее рамками XI–XII вв. н.э. [1988, с. 10]. Данные памятники оставлены носителями двух культурных традиций: местной, представленной самодийскими племенами, которые жили в Западной Сибири; и пришлой – связанной с проникновением в Барабу с территории Северного и Восточного Казахстана тюркоязычного населения (кимакских племен) [Бараба..., с. 112].

В 1895 г. захоронения Барабинской лесостепи привлекли внимание С.М. Чугунова. В течение двух лет им частично был изучен Усть-Тартасский могильник. Всего было раскопано 15 курганов: 4 в 1895 г. и 11 в 1896 г. Описания погребальных комплексов и находок из них были опубликованы в отчетах императорской археологической комиссии [Отчет..., 1898, с. 100–103, 224; Собранные С.М. Чугуновым сведения..., 1897]. Исследователь отнес один из курганов приблизительно к VIII в. н.э. [Отчет..., 1898, с. 102]. Более детальное изучение и интерпретация были проведены во второй половине XX в. Д.Г. Савиновым [1988, с. 10–12]. В начале XXI в. к анализу материалов Усть-Тартасского могильника обратились Т.Н. Троицкая и А.Л. Автушкова [2010, с. 54–55]. Д.Г. Савинов отнес курган № 3 с пятого участка памятника к древнетюркской культуре. Он выделил несколько комплексов сопроводительного инвентаря: общетюркские предметы – гладкие бляхи-оправы с округлой верхней частью, пряжки с гладким щитком, трехперые наконечники стрел; предметы сrostкинской культуры – ременные на-

конечники с растительным орнаментом на подвесных ремешках, костяные псалии с окончанием в виде «рыбьего хвоста», сосуды с характерной орнаментацией. По приведенным аналогиям ученый предложил датировать курган IX–X вв. Т.Н. Троицкая и А.Л. Автушкова дали подробное описание впускного погребения № 2 в кургане 1 [Там же, с. 52]. Могила сильно потревожена, в ней обнаружены кости человека и лошади (ребра и обломки двух тазовых костей). В целом они согласны с ранее предложенной датировкой.

Последними исследованиями в XIX в. были раскопки у оз. Убинское, которые проводились летом 1899 г. С.М. Чугуновым. Материалы не были опубликованы, они были проанализированы Д.Г. Савиновым и отнесены к IX–X вв. н.э. [1988, с. 12].

Этап 2 (1957–1988 гг.). Как и предыдущий этап, это время накопления материала. Различия между этапами заключается в том, что за время перерыва в активных археологических исследованиях на рассматриваемой территории коренным образом меняется методика изучения археологических памятников, что позволяет получать больший объем информации.

Для археологии Барабинской лесостепи это поворотное время в истории изучения этнокультурных и этногенетических процессов, протекавших в регионе с эпохи палеолита и до прихода русского населения. Активные изыскания начинаются в 1957 г. с работ Новосибирской экспедиции Новосибирского государственного педагогического института, организатором и руководителем которой была Т.Н. Троицкая, и Западно-Сибирского отряда Северо-Азиатской экспедиции СО АН СССР (начальник отряда – В.И. Молодин).

На данном этапе осуществлены самые крупные работы по обследованию археологических объектов, оставленных тюркоязычным населением. Были проведены раскопки таких памятников, как Базово-1, -2, Венгерovo-1, Туруновка-3А, Ходунеково, Преображенка-3, Чулым-2, Большие Луки-1, -3, Третье Отделение-1, -2, Осинцево IV и Венгерovo VII (карта памятников древнетюркского времени опубликована в статье: [Молодин и др., 2018, с. 100]). Погребальные комплексы раннего и развитого Средневековья исследовались Т.Н. Троицкой, В.И. Молодиным, Д.Г. Савиновым, А.И. Соловьевым, Н.В. Полосьмак, В.С. Елагиным, В.А. Захом, В.И. Соболевым, Е.А. Сидоровым, Л.И. Копытовой [Копытова, 1974; Савинов, 1983; Савинов, Молодин, 1979; Сидоров, Соболев, 1977; Молодин, Савинов, Елагин, 1981].

Полученные источники начинают интерпретироваться [Могильников, 1965, с. 281; и др.]. Рассмотрены памятники Новосибирского Приобья

и Барабы, по которым сделаны выводы о существовавшей дифференциации внутри тюркской среды, о хозяйственной деятельности и характере взаимоотношений пришлых племен с местным населением [Троицкая, Молодин, Соболев, 1980, с. 164–167].

Этап 3 (с 1988 г. до наших дней) – период широких обобщений, когда издаются крупные монографические работы, посвященные тюркоязычному населению, пришедшему в Барабинскую лесостепь. Рассмотрены вопросы хронологии, интерпретации полученных материалов. Кроме того, как отмечалось выше, дан анализ полевых исследований XIX в. Широко применяется методика раскопок могильников сплошными площадями (Сопка-2, Преображенка-6, Тартас-1), что позволяет выявить все нюансы погребальной практики [Молодин, 2016, с. 99]. В археологических изысканиях стали использоваться естественно-научные методы, главным образом геофизические исследования, они были проведены на памятниках Аулкошкуль-1, Сопка-2, Преображенка-6, Тартас-1 [Чемякина, 2008].

Крупной обобщающей работой стал коллективный труд, опубликованный в 1988 г., куда вошли материалы археологических исследований, проводимых на данной территории с 1960 по 1980 г. [Бараба..., 1988]. Целью работы было определение хронологии памятников; помимо этого, выделены отличия погребальной практики автохтонного и пришлого населения, намечены связи с предшествующим периодом, установлена степень влияния пришлых тюркоязычных племен на местное население, прослежено дальнейшее взаимоотношение данных этносов и результаты их длительного сосуществования. Среди изученных погребальных комплексов выделяются три хронологические группы: древнетюркская, куда относятся памятники Базово-1, -2, Венгерovo-1, Сопка-2, Туруновка-3А, Ходунеково; памятники сrostкинской культуры: Преображенка-3, Чулым-2, Большие Луки-1, -3, Третье Отделение-1, -2; более поздние памятники начала II тыс. н.э. – Осинцево IV и Венгерovo VII. Авторами было установлено, что на рассматриваемой территории обитали две культурно и этнически различные группы населения: местное – носители горносталевского этапа потчевашской культуры и пришлое – тюркское. Первая группа проживала здесь с VII по X в. н.э.; помимо погребальных ими оставлены еще и поселенческие комплексы. Проникновение в регион тюркских племен началось с территории Северного Алтая в середине VIII в. н.э. Причиной передвижения их на север лесостепи стало возникновение в Центральной Азии нового Уйгурского кагана-

та. В Барабу с Алтая начали проникать носители сросткинской культуры. На факт смещения прошлого и местного населения указывает наличие потчевашской посуды в погребениях с характерным тюркским инвентарем [Молодин, Савинов, Елагин, 1981, с. 135]. Исследователи отмечают, что длительное сосуществование разных этнических групп было возможно благодаря различной хозяйственной деятельности. Таежное население горносталевского этапа потчевашской культуры занималось отгонным скотоводством, охотой и рыбалкой, а что касается тюрков, то у них ведущее место в хозяйстве отводилось отгонному скотоводству. Результатом длительного взаимодействия стало формирование в регионе двух этнических групп: барабинских татар и южных ханты [Бараба..., 1988, с. 164–169].

Был проведен антропологический анализ материалов могильников Чулым-2, Большие Луки, Третье Отделение-1 [Там же, с. 129–163]. Анализ сборной серии черепов показал, что антропологический тип исследуемых особей является смешанным с преобладанием черт европеоидной расы, хотя наблюдаются и противоположные комбинации. Рассмотренные могильники исследователи отнесли к кругу памятников новосибирского варианта сросткинской культуры, чем подтвердили общую интерпретационную концепцию этих материалов.

С 1979 по 2000 г. производились археологические раскопки на разновременном могильнике Сопка-2. В ходе исследования было выявлено 58 погребений, отнесенных к эпохе Средневековья. Полученный материал был детально рассмотрен В.И. Молодиным и А.И. Соловьевым [2004], а краниологические исследования проведены Т.А. Чикишевой и Д.В. Поздняковым [2004, с. 162–180]. Результатом работы явилось определение хронологии и культурной принадлежности памятников. Авторами было выделено несколько культурно-хронологических групп населения, оставившего погребальные комплексы. К первой группе относятся два погребения горносталевского этапа потчевашской культуры, они датируются в рамках VI–VIII вв. Вторая группа связана с таежным населением и относится к XIII–XIV вв. Третья группа – носители сросткинской культуры [Молодин, Соловьев, 2004, с. 123–124]. Для нее характерен сопроводительный инвентарь кочевников: поясные наборы со специфической орнаментацией, серьги, поясные пряжки, предметы экипировки всадника – и помещение в погребение чучела коня [Там же, с. 126].

За последние десятилетия специальных исследований на территории Обь-Иртышского междуречья с целью изучения раннесредневековых

памятников не проводилось. Здесь продолжает работу Западно-Сибирский отряд Северо-Азиатской экспедиции ИАЭТ СО РАН. В рамках археологических исследований могильников более ранних эпох были выявлены памятники, на которых присутствуют захоронения, оставленные тюркоязычным населением. Сюда относятся три погребения с памятника Преображенка-6 [Молодин, 2006], шесть погребений с памятника Тартас-1 [Молодин и др., 2008, с. 206; Молодин и др., 2011, с. 210], одно захоронение на поселении Венгерovo-2 [Молодин и др., 2018], а также частично обследованный курганный могильник Аул-Кошкуль-1 [Молодин и др., 2010]. Все комплексы отнесены к середине I тыс. – началу II тыс. н.э. Курганные насыпи фактически везде разрушены долгой распашкой под посевные угодья, за исключением памятника Аул-Кошкуль-1. Здесь исследователи зафиксировали шесть погребальных комплексов [Там же, с. 46–48].

Продолжаются исследования, посвященные вопросам тюркизации, а именно времени проникновения на данную территорию кочевников и их роли в жизни местных племен. Ю.Ф. Кирюшин и В.В. Горбунов выделяют несколько периодов тюркизации: 1) тюрко-кыпчакский (вторая половина VIII – первая половина X в.); 2) сросткинский (вторая половина X – первая половина XI в.); 3) кыпчакский (вторая половина XI – XII в.). По их мнению, взаимоотношения аборигенного и прошлого населения носили характер культурной ассимиляции, но не привели к полному слиянию тюркоязычного и самодийского населения [Кирюшин, Горбунов, 2007, с. 62]. В недавней работе Д.Г. Савинов отмечает, что появление предметов тюркского облика на рассматриваемой территории в VII–VIII вв. связано с проникновением сюда ранжированной (воинской) субкультуры, способствовавшей формированию потестарных военно-политических объединений, но еще не является свидетельством ассимиляции населения. Наиболее серьезным событием в истории населения Южной Сибири стала гибель Уйгурского каганата и складывание самого позднего северного древнетюркского этносоциального объединения – государства кимако-кыпчаков с центром на Иртыше, что произошло в середине IX в. [2016, с. 29].

На сегодняшний день погребальные комплексы, оставленные тюркоязычными племенами, являются основным источником для реконструкции социокультурных и этнокультурных процессов, протекавших на данной территории. Рассмотрев историю изучения памятников тюркского времени и некоторые проблемы историографии, можно выделить несколько этапов, отличающихся друг

от друга методами и исследовательскими подходами. Дальнейший анализ материалов раскопок позволит дополнить и расширить уже существующие концепции.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта РФ (проект № 20-18-00111).

Список литературы

- Бараба** в тюркское время / В.И. Молодин, Д.Г. Савинов, В.С. Елагин, В.И. Соболев, Н.В. Полосьмак, Е.А. Сидоров, А.И. Соловьев, А.П. Бородовский, А.В. Новиков, А.Р. Ким, Т.А. Чикишева, П.И. Беланов. – Новосибирск: Наука, 1988. – 176 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В.** Начальные процессы тюркизации Западной Сибири по данным археологии // Средневековая археология евразийских степей: мат-лы Учредит. съезда Междунар. конгресса. – Казань: ИИ им. Ш. Марджани АН РТ, 2007. – Т. 1. – С. 60–63.
- Копытгова Л.И.** Раскопки у с. Старая Преображенка // Из истории Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1974. – Вып. 15. – С. 66–71.
- Могильников В.А.** Ананьевское городище и вопрос о времени тюркизации Среднего Прииртышья и Барабы // СА. – 1965. – № 1. – С. 275–282.
- Могильников В.А.** Миграции и процесс тюркизации населения юга Западной Сибири // Смены культур и миграция в Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1987. – С. 109–113.
- Молодин В.И.** Отчет об археологических исследованиях сезона 2005 г. в Венгеровском районе Новосибирской области: в 3 т. – Новосибирск, 2006. – Т. I // Арх. ИАЭТ СО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 308.
- Молодин В.И.** Памятник Сопка-2 и его значение для изучения культур эпохи бронзы Евразии (к юбилею проф. А.Д. Пряхина) // Очерки истории сибирской археологии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – С. 95–109.
- Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Швецова Е.С.** Материалы древнетюркского времени на поселении Венгерово-2 (Барабинская лесостепь) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2018. – Т. 17. – № 5: Археология и этнография. – С. 99–108. – doi:10.25205/1818-7919-2018-17-5-99-108.
- Молодин В.И., Парцингер Г., Мыльникова Л.Н., Новикова О.И., Соловьев А.И., Наглер А., Дураков И.А., Кобелева Л.С.** Тартас-1. Некоторые итоги полевых исследований // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. XIV. – С. 202–207.
- Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С.** Погребения тюркского времени из могильника Преображенка-3 (Центральная Бараба) // Проблемы Западно-Сибирской археологии: Эпоха железа. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 123–137.
- Молодин В.И., Соловьев А.И.** Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. 2: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи средневековья. – 184 с.
- Молодин В.И., Фассбиндер Й.В.Е., Горка Т., Позднякова О.А., Чемякина М.А., Дураков И.А., Хансен С., Наглер А.** Новый могильник древнетюркского времени Аул-Кошкуль в Барабинской лесостепи: геофизические исследования // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2010. – Т. 9. – № 7: Археология и этнография. – С. 46–56.
- Молодин В.И., Хансен С., Мыльникова Л.Н., Наглер А., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Ефремова Н.С., Новикова О.И., Нестерова М.С., Ненахов Д.А., Ковырина Ю.Н., Мосечкина Н.Н., Васильева Ю.А.** Археологические исследования могильника Тартас-1 в 2011 году: основные результаты // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 206–211.
- Отчет** о раскопках, произведенных в 1894 г. Г.О. Оссовским в Каинском округе Томской губернии // Отчет импер. археол. комиссии за 1894 год. – СПб.: Тип. Глав. упр. уделов, Моховая, № 40, 1896. – С. 139–147.
- Отчет** С.М. Чугунова о раскопках его, в 1896 году, в Каинском уезде Томской губернии // Отчет импер. археол. комиссии за 1896 год. – СПб.: Тип. Глав. упр. уделов, 1898. – С. 94–104, 219–225.
- Савинов Д.Г.** Раскопки могильника Венгерово VII // АО 1981 года. – М.: Наука, 1983. – С. 228.
- Савинов Д.Г.** Из истории изучения раннесредневековых памятников Барабы // Бараба в тюркское время. – Новосибирск: Наука, 1988. – Гл. 1. – С. 5–13.
- Савинов Д.Г.** Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. – Кемерово: Изд-во Кем. гос. ун-та, 1994. – 215 с.
- Савинов Д.Г.** Археологические формы «тюркизации» населения Западной Сибири // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер.: История. – 2016. – № 4 (42). – С. 27–31. – doi:10.17223/19988613/42/5.
- Савинов Д.Г., Молодин В.И.** Тюркские погребения Барабинской лесостепи // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск, 1979. – С. 62–66.
- Сидоров Е.А., Соболев В.И.** Раскопки могильника Чулым-2 // АО 1976 года. – М.: Наука, 1977. – С. 243.
- Собранные** С.М. Чугуновым сведения о курганах в Каинском округе Томской губернии // Отчет импер. ар-

хеол. комиссии за 1897 год. – СПб.: Тип. Глав. упр. уделов, Моховая, № 40, 1897. – С. 138–140.

Троицкая Т.Н., Автушкова А.Л. Усть-Таргасский могильник (по материалам раскопок С.М. Чугунова) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2010. – № 2 (13). – С. 51–61.

Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И. Археологическая карта Новосибирской области. – Новосибирск: Наука, 1980. – 184 с.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 152 с.

Чемякина М.А. Археолого-геофизические исследования грунтовых могильников Западной Сибири // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2008. – Т. 7. – № 3: Археология и этнография. – С. 44–56.

Чикишева Т.А., Поздняков Д.В. Краниологические особенности средневекового населения Барабы // Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. 2: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи средневековья. – С. 162–181.

References

Chemyakina M.A. Arkheologo-geofizicheskie issledovaniya gruntovykh mogil'nikov Zapadnoi Sibiri. In *Novosibirsk State Univ. Bulletin. Seriya: History and Philology*, 2008, vol. 7, No. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 44–56. (In Russ.).

Chikisheva T.A., Pozdnyakov D.V. Kраниологические особенности средневекового населения Барабы. In *Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2004, vol. 2: Kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov epokhi srednevekov'ya, pp. 162–181. (In Russ.).

Kiryushin Yu.F., Gorbunov V.V. Nachal'nye protsessy tyurkizatsii Zapadnoi Sibiri po dannym arkheologii. In *Srednevekovaya arkheologiya evraziiskikh stepei: materialy Uchreditel'nogo s'ezda Mezhdunarodnogo kongressa*. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2007, vol. 1, pp. 60–63. (In Russ.).

Kopytova L.I. Raskopki u sela Staraya Preobrazhenka. In *Iz istorii Sibiri*. Tomsk: State Univ. Press, 1974, iss. 15, pp. 66–71. (In Russ.).

Mogilnikov V.A. Anan'evskoe gorodishche i vopros o vremeni tyurkizatsii Srednego Priirtysh'ya i Baraby. In *Sovetskaya arkheologiya*, 1965, No. 1, pp. 275–282. (In Russ.).

Mogilnikov V.A. Migratsii i protsess tyurkizatsii naseleniya yuga Zapadnoi Sibiri. In *Smeny kul'tur i migratsiya v Zapadnoi Sibiri*. Tomsk: State Univ. Press, 1987, pp. 109–113. (In Russ.).

Molodin V.I. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh sezona 2005 g. v Vengerovskom raione Novosibirskoi oblasti: in 3 vol. Novosibirsk, 2006, vol. I. *Arkhiv IAET SB RAS*. F. 1. Inv. 1. D. 308. (In Russ.).

Molodin V.I. Pamyatnik Sopka-2 i ego znachenie dlya izucheniya kul'tur epokhi bronzy Evrazii (k yubileyu professora A.D. Pryakhina). In *Ocherki istorii sibirskoi arkheologii*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, pp. 95–109. (In Russ.).

Molodin V.I., Fassbinder J.W.E., Gorka T.H., Pozdnyakova O.A., Chemyakina M.A., Durakov I.A., Hansen S., Nagler A. Aul-koshkul-1, a New Burial yard of the Ancient Turkic period in the Barabasteppe: geophysical prospection. In *Novosibirsk State Univ. Bulletin. Series: History and Philology*, 2010, vol. 9, No. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 46–56. (In Russ.).

Molodin V.I., Hansen S., Mylnikova L.N., Nagler A., Kobeleva L.S., Durakov I.A., Efremova N.S., Novikova O.I., Nesterova M.S., Nenakhov D.A., Kovyrshina Yu.N., Mosechkina N.N., Vasil'eva Yu.A. Arkheologicheskie issledovaniya mogil'nika Tartas-1 v 2011 godu: Osnovnye rezul'taty. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2011, vol. XVII, pp. 206–211. (In Russ.).

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Nesterova M.S., Shvetsova E.S. New Materials of the Ancient Turkic Epoch on Settlement of Vengerovo-2 (Baraba Forest-Steppe). In *Novosibirsk State Univ. Bulletin. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, No. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 99–108. (In Russ.). doi:10.25205/1818-7919-2018-17-5-99-108.

Molodin V.I., Parzinger H., Mylnikova L.N., Novikova O.I., Solovyev A.I., Nagler A., Durakov I.A., Kobeleva L.S. Tartas-1. Nekotorye itogi polevykh issledovaniy. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2008, vol. XIV, pp. 202–207. (In Russ.).

Molodin V.I., Savinov D.G., Elagin V.S. Pogrebeniya tyurkskogo vremeni iz mogil'nika Preobrazhenka-3 (Tsentral'naya Baraba). In *Problemy Zapadno-Sibirskoi arkheologii: Epokha zheleza*. Novosibirsk: Nauka, 1981, pp. 123–137. (In Russ.).

Molodin V.I., Savinov D.G., Elagin V.S., Soboлев V.I., Polosmak N.V., Sidorov E.A., Solovyev A.I., Borodovsky A.P., Novikov A.V., Kim A.R., Chikisheva T.A., Belanov P.I. Baraba v tyurkskoe vremya. Novosibirsk: Nauka, 1988, 176 p. (In Russ.).

Molodin V.I., Solovyev A.I. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2004, vol. 2: Kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov epokhi srednevekov'ya, 184 p. (In Russ.).

Otchet o raskopkakh, proizvedennykh v 1894 g. G.O. Ossovskim v Kainskom okruge Tomskoi gubernii. In *Otchet imperatorskoi arkheologicheskoi komissii za 1894 god*. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov, Mokhovaya, No. 40, 1896, pp. 139–147. (In Russ.).

Otchet S.M. Chugunova o raskopkakh ego, v 1896 godu, v Kainskom uезде Tomskoi gubernii. In *Otchet*

imperatorskoi arkheologicheskoi komissii za 1896 god. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov, 1898, pp. 94–104, 219–225. (In Russ.).

Savinov D.G. Raskopki mogil'nika Vengerovo VII. In *Arkheologicheskie otkrytiya 1981 goda.* Moscow: Nauka, 1983, p. 228. (In Russ.).

Savinov D.G. Iz istorii izucheniya rannesrednevekovykh pamyatnikov Baraby. In *Baraba v tyurkskoe vremya.* Novosibirsk: Nauka, 1988, ch. 1, pp. 5–13. (In Russ.).

Savinov D.G. Gosudarstva i kul'turogenез na territorii Yuzhnoi Sibiri v epokhu rannego srednevekov'ya. Kemerovo: State Univ. Press, 1994, 215 p. (In Russ.).

Savinov D.G. Archaeological forms of “turcization” of Western Siberia's population in a historical context. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Series: History*, 2016, No. 4 (42), pp. 27–31. (In Russ.). doi:10.17223/19988613/42/5.

Savinov D.G., Molodin V.I. Tyurkskie pogrebeniya Barabinskoi lesostepi. In *Etnogenez i etnicheskaya istoriya tyurkoyazychnykh narodov Sibiri i sopredel'nykh territorii.* Omsk, 1979, pp. 62–66. (In Russ.).

Sidorov E.A., Sobolev V.I. Raskopki mogil'nika Chulym-2. In *Arkheologicheskie otkrytiya 1976 goda.* Moscow: Nauka, 1977, p. 243 (In Russ.).

Sobrannye S.M. Chugunovym svedeniya o kurganakh v Kainskom okruge Tomskoi gubernii. In *Otchet imperatorskoi arkheologicheskoi komissii za 1895 god.* St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov, Mokhovaya, No. 40, 1897, pp. 138–140. (In Russ.).

Troitskaya T.N., Avtushkova A.L. Ust'-Tartasskii mogil'nik (po materialam raskopok S.M. Chugunova). In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2010, No. 2 (13), pp. 51–61. (In Russ.).

Troitskaya T.N., Molodin V.I., Sobolev V.I. Arkheologicheskaya karta Novosibirskoi oblasti. Novosibirsk: Nauka, 1980, 184 p. (In Russ.).

Troitskaya T.N., Novikov A.V. Verkhneobskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'e. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1998, 152 p. (In Russ.).

Швецова Е.С. <https://orcid.org/0000-0001-5358-1927>

А.А. Шульга¹, Д.П. Шульга¹✉, Е.А. Гирченко²

¹Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС
Новосибирск, Россия

²Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

E-mail: alkaddafa@gmail.com

К вопросу об источниках изучения ритуальных жертвоприношений у ранних земледельцев Восточной Азии

Население, проживавшее в эпоху неолита на территории современного Китая (прежде всего на востоке Центральной равнины и к югу от нее), оставило исследователям определенное количество наскальных рисунков, очевидно, созданных под влиянием земледельческих культов, включавших в себя в т.ч. ритуальные жертвоприношения. В настоящей работе приведены и проанализированы петроглифические памятники, отдельные изображения которых можно интерпретировать как связанные с сельскохозяйственными ритуалами. В статье рассмотрены петроглифы Цзянцзюнья в городском округе Ляньюньган пров. Цзянсу, Жэньмудун в у. Рутог (Житу) округа Нгари в Тибете, Хуашань в у. Нинмин Гуанси-Чжуанского автономного района и других культовых местах Китая. На некоторых композициях, вероятно, изображались духи, которым предназначались жертвы, а также люди в момент совершения ритуала. Отдельно рассмотрен вопрос об изображении жертвоприношений, как правило, домашних животных, но иногда и человеческих. На петроглифах прослеживается и сопутствующий инвентарь, например, сосуды, барабаны и маски, игравшие важную роль в ритуалах. Для интерпретации изображенных обрядов были привлечены в качестве вспомогательных данные этнографии, поскольку, во-первых, Китай является одним из очагов зарождения оседлого сельского хозяйства, во-вторых, здесь до сих пор обитают народы, сохраняющие весьма ранние черты в своих земледельческих практиках. Ритуальный забой скота и домашней птицы имеет место у малых народов Китая по сей день. Человеческие жертвоприношения древности находят свое отражение в символических элементах современных обрядов и праздников.

Ключевые слова: Цзянцзюнья, петроглифы, рисоводство, жертвоприношения, земледельческие ритуалы, Юго-Восточный Китай.

Anna A. Shulga¹, Daniil P. Shulga¹✉, Ekaterina A. Girchenko²

¹Siberian Institute of Management – Branch of RANEP, Novosibirsk, Russia

²Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia

E-mail: alkaddafa@gmail.com

Concerning the Sources for Studying Ritual Sacrifices in Early Agricultural Societies of East Asia

The population inhabiting the territory of modern China in the Neolithic (primarily the east of the Central Plain and areas to the south of it) left some rock art which might have been created under the influence of agricultural cults which included ritual sacrifices. This article describes and analyzes the petroglyphic sites containing the imagery which can be associated with agricultural cults, such as petroglyphs of Jiangjunya in Lianyungang City in Jiangsu Province, Renmudong in Rutog (Ritu) County in Ngari Prefecture in Tibet, Huashan in Ninming County in the Guangxi Zhuang Autonomous Region, and other sacrificial places in China. Some of the compositions might have depicted the spirits whom the sacrifices were offered, and people performing the ritual. The article investigates representations of sacrificing domestic animals and human sacrifices. The petroglyphs also show the accompanying equipment, for example, vessels, drums, and masks, which played an important

role in rituals. For interpreting the rituals represented, the authors also used ethnographic evidence as auxiliary sources, since, firstly, China is one of the centers of sedentary agriculture, and secondly, ethnic minorities of China still preserve some early features in their agricultural practices. Ritual slaughtering of livestock and poultry is still common among small ethnic groups living in China. Ancient human sacrifices are reflected in the symbolic elements of modern rituals and celebrations.

Keywords: *Jiangjunya, petroglyphs, rice cultivation, sacrifice, agricultural rituals, Southeast China.*

Общеизвестно, что в древности все процессы, связанные с земледелием, были сильно сакрализованы и ритуализированы. Важную роль в обрядах играли жертвоприношения, служившие одним из основных способов контакта людей со сверхъестественными существами (духами, богами, предками). В распоряжении ученых не так много археологических источников для изучения конкретных верований, связанных с земледельческим циклом [Сюань Суннань, 2007, с. 12], однако до сих пор существуют отдельные народности, сохраняющие традиционный уклад, и получаемая в ходе работы этнографов информация может быть экстраполирована на древние общества. Естественно, даже сравнительно изолированные группы соприкасаются с постиндустриальной цивилизацией и подвергаются культурно-языковой ассимиляции и т.д., поэтому нельзя ставить знак равенства между, например, неолитическим населением Тайваня [Юй Гуйжун, 2008, с. 169–172; Лю Сюли, 2011] или Юньнаня [Инь Яцзюань, Пан Янь, Цинь Ин, 2016], с одной стороны, и современными национальными меньшинствами (упоминающимися в данной работе) – с другой. В подобной ситуации едва ли не единственным достоверным источником становятся наскальные рисунки, семантический анализ которых включает в себя и привлечение этнографических данных. В рамках нашей работы объектом исследования выступают петроглифические памятники, на которых изображены сцены, связанные с земледельческими ритуалами, в т.ч. жертвоприношениями.

Ярким примером, иллюстрирующим ритуалы, связанные с земледелием, могут служить петроглифы Цзянцзюнья (городской округ Ляньюньган, пров. Цзянсу) [Гао Вэй, 2008]. На некоторых композициях, вероятно, изображались духи, которым предназначались жертвы. Вполне возможно, что объектом поклонения в таких случаях были не только антропоморфные (либо зооморфные) фигуры (в некоторых случаях – личины), но и окружающие их символы [Гао Вэньнин, 1999]. Особый интерес представляют фигуры, которые можно трактовать как «духов посевов», духов-покровителей земледелия. При этом ростки переданы довольно абстрактно (это или «ростки», или «рассада», высота равна 30–40 см), определить конкретную сельскохозяйственную культуру не представляет-

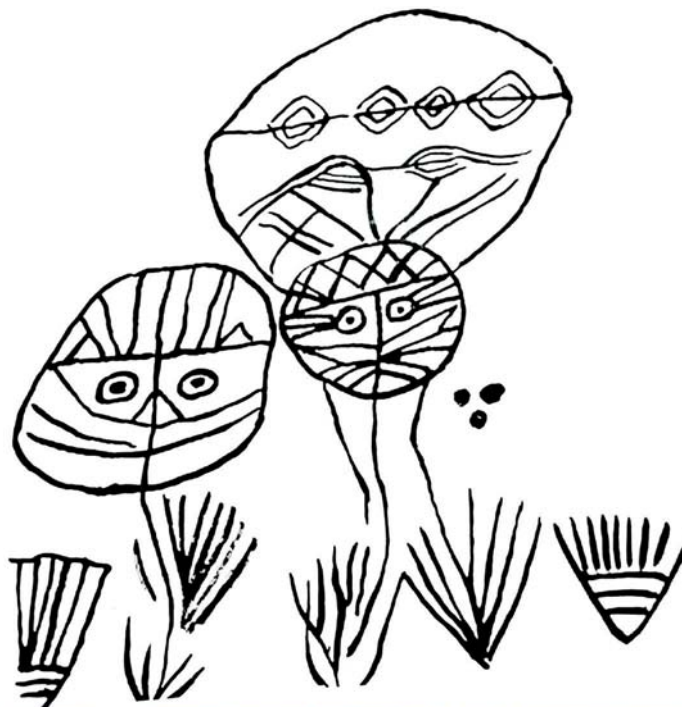
ся возможным. Верхняя часть «пробивающегося растения» имеет стреловидную форму, нижняя – содержит большое количество складывающихся в узор линий, вписанных в треугольник. Изображения «рассады» линиями соединены с расположенными выше антропоморфными фигурами [Ли Фуньшунь, 1999, с. 235–243]. Таким образом, мы имеем дело не с одним лишь образом человекоподобного божества, а с композицией.

Сам петроглифический памятник находится в горах между морем и цепочкой озер (Хунцзэху, Наньсыху и более мелкие озера). Судя по находкам древней флоры и фауны, в IV тыс. до н.э. здесь было достаточно тепла и влаги для развития земледелия, особенно возделывания риса. Потому весьма вероятно, что культовое место с наскальными рисунками было посвящено именно божественным покровителям рисоводства (см. *рисунк*). В древнекитайском письменном памятнике Шуцзин (раздел Юйгун, посвященный географии) есть упоминание о районе горы Юйшань (так же в современном Цзянсу), где говорится о большом плодородии здешних почв и развитии земледелия [У Тиши, 2015, с. 317]. Конечно, стоит помнить, что датировка наскальных рисунков отстоит от времени написания трактата более чем на тысячу лет, но природные условия данной местности во все времена благоприятствовали земледелию. Даже учитывая, что район имеет четкие естественные границы, будучи в известной мере изолированным, мы приводим данные нарративного источника как вспомогательные.

Так или иначе, изображения земледельческих солярных божеств, духов-покровителей на наскальных рисунках Китая есть не только в Цзянцзюнья [Гао Вэй, 2008]. Разумеется, мы должны учитывать тот факт, что критерии отнесения той или иной фигуры (либо личины) к «солярным изображениям» довольно условны [Цзян Чжэньмин, 1999, с. 89–95]. Мы, как и в ряде исследований, считаем, что округлая форма и радиально расходящиеся лучи, скорее всего, указывают именно на солнечных божеств. На памятнике наскального искусства Цаньюань (в Цаньюань-Васком автономном уезде городского округа Линьцан пров. Юньнань) в секторе № 7 на петроглифе № 4 есть изображения фигур с исходящими в разные стороны «лучами». Менее антропоморфные, но, несо-

мненно, имеющие отношение к солнцепоклонническому культу выбитые изображения есть от севера до юга КНР: и на горе Гэраобао в у. Дэнкоу автономного района Внутренняя Монголия, и в у. Нинмин (городской округ Чунцзо, Гуанси-Чжуанский автономный район) в группе петроглифов № 2 сектора № 2 памятника Хуашань [У Тиши, 2015, с. 318]. Таким образом, столь необходимое для ведения хозяйства и жизнедеятельности древнего населения (в т.ч. и по всей территории КНР) солнце обожествлялось в заведомо не связанных культурно на тот момент районах, что неудивительно. Очевидно, как и в иных, лучше известных нам традициях, светило наделяли эмоциями, подобными человеческим: например, его гнев приводил, по представлениям людей, к засухе и т.п. В результате солярные символы, фигуры и личины достаточно широко распространились по всему Китаю с эпохи неолита [Гао Вэй, 2008, с. 65]. Вероятно, именно здесь располагались культовые центры, в которых совершались необходимые обряды и жертвоприношения для «задабривания» сверхъестественных существ, дарующих свет и тепло, в надежде на то, что они будут вознаграждать людей и обеспечивать урожай год за годом. В «языческом» сознании боги (духи) во многом аналогичны людям. Например, у высших сил также есть некоторое подобие аппетита, который можно удовлетворить теми же продуктами, что употребляет и человек.

Посредством жертвоприношений, по мысли совершающих обряд, возможно органически связать посюсторонний и потусторонний миры, тем самым установив отношения между человеком и божеством. В распоряжении исследователей есть петроглифы, отображающие подобный процесс. Как правило, жертвы, изображенные на наскальных рисунках, это домашние животные: лошади, собаки, коровы, овцы, свиньи (налицо указанное выше уподобление жителей мира людей и мира духов). Наиболее представительная наскальная композиция, которую можно интерпретировать как изображение процесса жертвоприношения, находится в тибетском у. Рутог (Житу) округа Нгари на памятнике Жэньмудун, где представлены десятки фигур овец

Прорисовка (1) и фото (2) петроглифов Цзянцзюня, связанных с земледельческим культом (по: [Сунь Синьжоу, 2013, с. 14]).

и коз (часть изображений повреждена) [У Тиши, 2015, с. 318–319].

В некоторых случаях мы можем предположить, что на петроглифах изображены человеческие жертвоприношения, хотя провести четкую грань между батальной и ритуальной сценой довольно трудно [Ли Фушунь, 1999, с. 239–243]. Например, на упоминавшихся выше хуашаньских петроглифах есть три расчлененные антропоморфные фигуры, а также композиции, где человек держит в руках обезглавленное тело или отсеченную голову. Жертвоприношение ли это в узком смысле – вопрос интерпретации. При этом по этнографическим данным мы знаем, что и совершенное на поле битвы или в поединке убийство в традиционных обще-

ствах часто имело сакральный смысл и предполагало некоторые манипуляции с частями тела поверженного врага [У Тиши, 2015, с. 318].

Сами по себе человеческие жертвоприношения, связанные в т.ч. с сельскохозяйственным циклом, имели место у ранних обществ Восточной Азии, по некоторым более поздним аналогиям их можно частично реконструировать. Учитывая, что именно территория Китая зачастую считается колыбелью земледелия в регионе [Хуан Шуминь, 2008, с. 3–15], мы можем привести аналогию с Японских о-вов, где прослеживаются следы замены человеческих жертвоприношений. Исследователи японской исторической этнографии предполагают, что в начале нашей эры бытовал обряд принесения человеческой жертвы с целью ублажения Бога поля. Считается, что в ходе священнодействия посадки риса девушек-Саотомэ – его ключевых участниц – бросали на поле и зарывали живьем. В XIX – начале XX в. существовал обряд обмазывания Саотомэ грязью [Янагида Кунио, 1963, с. 359], что может быть отголоском древнего обряда жертвоприношения. В настоящее время подобные действия сопровождаются лишь символическим нанесением грязи на подол платья девушек.

Ритуальный забой скота и домашней птицы имеет место у малых народов Китая до сих пор. Во время ритуалов, знаменующих конец сева, дабы задержать духов-покровителей на поле, ачаны (народ в китайской провинции Юньнань и Мьянме, численность ок. 27 тыс. чел.) оставляют там пучок рассады, предварительно обтерев им конечности и инвентарь. Затем приносят недалеко от поля жертвы (часто кур) и лишь потом отправляются домой. Во время уборочной кампании ачаны также подносят духам мясо домашней птицы или яйца [Чжу Инци, Цинь Ин, Ли Хэн, 2008, с. 47].

Кроме собственно жертв (точнее, изображений, одной из трактовок которых может быть их принадлежность к ритуальному дарообмену со сверхъестественными силами), на петроглифах прослеживается и сопутствующий инвентарь, в частности сосуды. На уже упомянутом тибетском памятнике Жэньмудун изображены десять сосудов (предположительно, образцом служила керамическая посуда), в которых, по замыслу древнего мастера, подразумевалось наличие некоей жертвенной жидкости (например, молока). На петроглифах у. Цзоцзян (Гуанси-Чжуанский автономный район) есть изображения барабанов и масок, которые тоже играли важную роль в ритуалах [У Тиши, 2015, с. 319].

Про жертвенную посуду можно почерпнуть дополнительную информацию из данных этнографии. Рассмотрим в качестве примера моление о благо-

словении духов у народности рукой (одна из народностей тайваньских аборигенов, численность ок. 12 тыс. чел.) [Лу Илу, 2010, с. 9–17]. Примечательно, что женщины и мужчины молятся духам о благополучии отдельно, через день друг от друга. Руководит церемонией, всегда происходящей в помещении, жрец, к которому участники подходят по одному. С собой они несут жертвенные продукты (горшок с вареным просом, тыкву-горлянку со священной водой, жертвенник, бамбуковые тарелки с просяной кашей).

Создание петроглифов являлось действием ритуальным, направленным на установление связи между человеком и миром духов. Изобразительная деятельность древних людей представляла собой подобие внешней долговременной памяти, передаваемой потомкам, но, когда создатель и зритель разделены многими историческими эпохами, есть опасность неправильного понимания изначального посыла автора, в таком случае существующие в этнографии ритуалы могут помочь в интерпретации изображенных сюжетов. В семантике рассмотренных образов и композиций петроглифов центрального и южного Китая, связанных с сельскохозяйственным культом, можно выявить следующие сюжеты: изображение духов в виде антропоморфных или зооморфных существ, солярных символов, рисунков ростков. Изображены жертвоприношения домашних животных, а также человека. Можно проследить и использование сопутствующих ритуалам предметов – сосудов, масок, барабанов.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке проекта РФФИ № 18-09-00557 «Изучение памятников наскального искусства в археологии Китая (эпохи Древности и Средневековья)».

Список литературы

Гао Вэй. Хэланьшань юй цзянцзюнья яньхуа чжи бицзяо (Сравнение петроглифов Хэланьшань и Цзянцзюнья) // Дуннань вэньхуа (Культура юго-востока). – 2008. – № 6. – С. 64–67 (на кит. яз.).

Гао Вэньнин. Шилунь Хэланьшань яньхуа няндай шансянь (О верхней хронологической границе петроглифов гор Хэланьшань) // 91 гоцзи яньхуа вэйюаньхуэй няньхуэй цзи Нинся гоцзи яньхуа яньгаохуэй вэньцзи (Материалы ежегодной конференции по петроглифам и Международного симпозиума по петроглифам в Нинся в 1991 г.). – Иньчуань: Нинся жэньминь чубаньшэ, 1999. – С. 196–213 (на кит. яз.).

Инь Яцзоань, Пань Ян, Цинь Ин. Юньнань жэньмоу цзяошао миньцзу шиши чжун чуаньтун нунье сысяндэ

яньцзю (Сельскохозяйственные мотивы в традиционном эпосе малых народов провинции Юньнань) // Юньнань нунье дасюэ сюэбао (Журнал Аграрного университета пров. Юньнань). – 2016. – № 10 (3). – С. 49–53 (на кит. яз.).

Ли Фушунь. Чжунго яньхуа шэньмэй цянь тань (Об эстетике китайский наскальной живописи) // 91 гоцзи яньхуа вэйюаньхуэй няньхуэй цзи Нинся гоцзи яньхуа яньтаохуэй вэньцзи (Материалы ежегодной конференции по петроглифам и Международного симпозиума по петроглифам в Нинся в 1991 г.). – Иньчуань: Нинся жэньминь чубаньшэ, 1999. – С. 231–245 (на кит. яз.).

Лу Илу. Цун сяоми шэньхуа шуаньшо таньтао Тайвань юань чжунминь вэньхуа (Исследование связанных с просом мифов и легенд аборигенов Тайваня) // Датун дасюэ тунши цзяоюй няньбао (Ежегодный образовательный журнал Датунского университета). – 2010. – № 6. – С. 7–26 (на кит. яз.).

Лю Сюли. Пиндун Людуй дицой дэ даоми вэньхуа (Рисоводческая культура в районе Людуй уезда Пиндун). – Нэйпу: Голи Пиндун кэцзи дасюэ чубаньшэ, 2011. – 105 с. (на кит. яз.).

Сунь Синьчжоу. Чжуйсюнь цзусянь дэ линцзин юй шэн (Поиск священной земли предков) // Rock Art Research (2012–2013). – Иньчуань: Нинся жэньминь чубаньшэ, 2013. – С. 13–23 (на кит. яз.).

Сюань Суннань. Дайцзу чуаньтун вэньхуа чжун дэ шуйдао иньсу (Фактор риса в традиционной культуре народности дай) // Чжунго даоми (Рисосеяние Китая). – 2007. – № 6. – С. 12–14 (на кит. яз.).

У Тиши. Лунь нунье цзисы вэньмин инсян ся дэ яньхуа ишу (О связи наскальной живописи с земледельческой культурой) // Нунье каогу (Археология сельского хозяйства). – 2015. – № 3. – С. 316–320 (на кит. яз.).

Хуан Шуминь. Дунья сяоми вэньхуа юаньлю (Происхождение и распространение проса в Восточной Азии) // Feast on Knowledge. – 2008. – № 4. – С. 1–19 (на кит. яз.).

Цзян Чжэньминь. Хэланьшань шихуа чутань (Предварительное исследование петроглифов гор Хэланьшань) // 91 гоцзи яньхуа вэйюаньхуэй няньхуэй цзи Нинся гоцзи яньхуа яньтаохуэй вэньцзи (Материалы ежегодной конференции по петроглифам и Международного симпозиума по петроглифам в Нинся в 1991 г.). – Иньчуань: Нинся жэньминь чубаньшэ, 1999. – С. 84–102 (на кит. яз.).

Чжу Инци, Цинь Ин, Ли Хэн. Юньнань жэнькоу цзяошао миньцзу даоцзо иши таньцзю (Исследование рисоводческой обрядности у малых районов провинции Юньнань) // Юньнань нунье дасюэ сюэбао (Журнал Аграрного университета пров. Юньнань). – 2016. – № 10 (3). – С. 46–49 (на кит. яз.).

Юй Гуйжун. Сяоми вэньхуа юй юань сян фунюй дэ шэнминли (Культура проса и женская сила у аборигенов Тайваня) // Вэньхуа яньцзю (Исследования культуры). – 2008. – № 7. – С. 151–177 (на кит. яз.).

Янагида Кунио. Бунруй сайси сюдзоку гои (Японские праздники, обычаи и обряды. Лексико-этнографический словарь). – Токио, 1963. – 539 с. (на яп. яз.).

References

Gao Wei. Helanshan yu Jiangjunya yanhua zhi bijiao [Comparison of Helanshan and Jiangjunya petroglyphs]. *Dongnan wenhua [Culture of South-East]*, 2008, No. 6, pp. 64–67. (In Chin.).

Gao Wenning. Shilun Helanshan yanhua niandai shangxian [About the upper chronological limit of the Helanshan petroglyphs]. In *91 guoji yanhua weiyuanhui nianhui ji Ningxia guoji yanhua yantaohui wenji [Materials of the International Petroglyphs Conference and the International Petroglyphs Symposium held in Ningxia in 1991]*. Yinchuan: Ningxia renmin chubanshe, 1999, pp. 196–213. (In Chin.).

Huang Shumin. Dongya xiaomi wenhua yuanliu [Origins and distribution of millet in East Asia]. *Feast on Knowledge*, 2008, No. 4, pp. 1–19. (In Chin.).

Jiang Zhenming. Helanshan shihua chutan [Preliminary investigation of Helanshan Mountains petroglyphs]. In *91 guoji yanhua weiyuanhui nianhui ji Ningxia guoji yanhua yantaohui wenji [Materials of the International Petroglyphs Conference and the International Petroglyphs Symposium held in Ningxia in 1991]*. Yinchuan: Ningxia renmin chubanshe, 1999, pp. 84–102. (In Chin.).

Li Fushun. Zhongguo yanhua shenmei qian tan [The aesthetics of Chinese rock art]. In *91 guoji yanhua weiyuanhui nianhui ji Ningxia guoji yanhua yantaohui wenji [Materials of the International Petroglyphs Conference and the International Petroglyphs Symposium held in Ningxia in 1991]*. Yinchuan: Ningxia renmin chubanshe, 1999, pp. 231–245. (In Chin.).

Liu Xiuli. Pingdong liudui diqu de daomi wenhua [Rice Culture in Ludui District, Pingdong County]. Neipu: Guoli Pingtung keji daxue chubanshe, 2011, 105 p. (In Chin.).

Lu Yilu. Cong xiaomi shenhua shuanshuo tantao Taiwan yuan zhumin wenhua [A study of millet-related myths and legends of Taiwan aborigines]. *Datong daxue tongshi jiaoyu nianbao [Annual report on general education of Datong University]*, 2010, No. 6, pp. 7–26. (In Chin.).

Sun Xinzhou. Zhuixun zuxian de lingjing yu sheng tu [Pursue the spiritual state of mind and the holy land of ancestors]. In *Rock Art Research (2012–2013)*. Yinchuan: Ningxia renmin chubanshe, 2013, pp. 13–23. (In Chin.).

Wu Tishi. Lun nongye jisi wenming yingxiang xia de yanhua yishu [Connection between rock art and agricultural sacrifices]. *Nongye kaogu [Archaeology of Agriculture]*, 2015, No. 3, pp. 316–320. (In Chin.).

Xuan Songnan. Daizu chuantong wenhua zhongde shuidao yinsu [Rice Factor in the Traditional Culture of Dai Nationality]. *Zhongguo daomi [Rise of China]*, 2007, No. 6, pp. 12–14. (In Chin.).

Yanagida Kunio. Bunrui saishi shudzoku goi [Japanese festivals, customs and ceremonies. Lexico-ethnographic dictionary]. Tokio, 1963, 539 p. (In Japan.).

Yin Yajuan, Pan Yang, Qin Ying. Yunnan renkou jiaoshao minzu shishi zhong chuantong nongye sixiangde yanjiu [Research on Traditional Agricultural Beliefs in Epos of National Minorities in Yunnan]. *Yunnan nongye daxue xuebao* [J. of Yunnan Agricultural Univ.], 2016, No. 10 (3), pp. 49–53. (In Chin.).

Yu Guirong. Xiaomi wenhua yu yuanxiang fu nü de sheng ming li [Taiwanese aborigines millet culture and

female strength]. *Wenhua yanjiu* [Cultural Investigations], 2008, No. 7, pp. 151–177. (In Chin.).

Zhu Yingqi, Qin Ying, Li Heng. Yunnan renkou jiaoshao minzu dao zuo yishi tanjiu [Investigation of Rice Rituals of National Minorities in Yunnan]. *Yunnan nongye daxue xuebao* [J. of Yunnan Agricultural Univ.], 2016, No. 10 (3), pp. 46–49. (In Chin.).

Шульга А.А. <https://orcid.org/0000-0002-5948-1991>

Шульга Д.П. <https://orcid.org/0000-0001-8022-2954>

Гирченко Е.А. <https://orcid.org/0000-0001-5304-2595>

Д.П. Шульга¹✉, Е.А. Гирченко², М.О. Филатова²

¹Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС
Новосибирск, Россия

²Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

E-mail: alkaddafa@gmail.com

Восточно-римские монеты из Северной Монголии и их имитации

В 2011 г. в гробнице Шорун Бумбагар (сомон Байаннуур, аймак Булган, Монголия) было найдено крупнейшее в Восточной Азии скопление золотых и серебряных монет и их имитаций (41 монета из золота и серебра). Среди всех нумизматических материалов интерес для нашего исследования представляет набор имитаций восточно-римских (византийских) солидов, семисов и тремиссов с односторонним или двусторонним чеканом. Наряду с ними в погребении были и «подлинники», очевидно, проникшие на территорию монгольских степей из империи ромеев через торговлю по Великому шелковому пути или иным маршрутам. На территории Китайской Народной Республики аналогичные находки распространены достаточно широко: от Нинся-Хуэйского автономного района до Лояна, но на более северных территориях имитации «константинопольских» монет практически не известны. Монгольские уникальные материалы до сих пор практически не введены в научный оборот для русскоязычных исследователей (существует лишь публикация С.А. Яценко, акцент в которой сделан на изображения и скульптуры, коими и известна данная тюркская гробница, о монетах упоминается весьма лаконично). В настоящей статье сделана попытка заполнить этот пробел: дано краткое описание некоторых нумизматических находок и приведены иллюстрации. Имитации монет из гробницы Шорун Бумбагар существенно расширяют список ромейских монет, копировавшихся на Востоке. Факты обнаружения таких монет вдоль Великого шелкового пути убедительно доказывают, что Восточная Римская империя поддерживала тесные контакты с этническими группами евразийской степи в VI–IX вв., как кочевыми, так и оседлыми.

Ключевые слова: Монголия, тюрки, Восточная Римская империя, монеты, имитации.

Daniil P. Shulga¹✉, Ekaterina A. Girchenko², Maya O. Filatova²

¹Siberian Institute of Management – Branch of RANEP, A
Novosibirsk, Russia

²Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

E-mail: alkaddafa@gmail.com

East Roman Coins from Northern Mongolia and Replicas Thereof

In 2011, a number of gold and silver coins as well as their replicas were found in the Shoroon Bumbagar tomb in Baiannuur sum of Mongolia. It is the largest discovery of the coins and their replicas in East Asia and these numismatic materials (41 gold and silver coins) are very important for the Central Asian archaeology. The authors of the excavations discovered a set of replicas of the East Roman (Byzantine) coins: solidus, semissis, and tremissis. Additionally, there were “originals” in the burial, which probably entered the Mongol steppes from the Byzantine Empire via trade along the Silk Road or by other routes. In China, similar artefacts are widespread from the Ningxia Hui Autonomous Region to Luoyang. However, northward replicas of the “Constantinople” coins are virtually unknown. The unique Mongolian materials are still unfamiliar to Russian researchers. There is one publication by S.A. Yatsenko, which was mostly dedicated to images and sculptures and only slightly mentioned coins. Here, we attempt to fill this gap by briefly describing some of the numismatic finds, with illustrations. Coin replicas from this tomb significantly expanded the list of the Roman coins copied in the East. As a convincing evidence, the Byzantine coins discovered along the Silk Road strongly prove that the Byzantine Empire kept close interactions with both nomadic and settled ethnic groups in the Eurasian Steppe in the period of the 6th to 9th centuries.

Keywords: Mongolia, the Turks, Eastern Roman Empire, coins, replicas.

В 2011 г. при раскопках тюркской гробницы с настенной росписью в Байаннууре (аймак Булган, Монголия) была найдена 41 монета из золота и серебра. Обнаружение подобных предметов имеет чрезвычайную важность для изучения феномена хождения монет из Средиземноморья и их имитаций в Китае и прилегающих районах [Li Qiang, 2005, p. 299]. Эти данные обогащают типологию имитаций солидов, тремиссов и семисов в Восточной Азии, что особенно значимо для понимания экономических и культурных обменов между Востоком и Западом.

Император Константин I (правил в 306–337 гг.) продолжал денежную политику Диоклетиана (правил в 284–305 гг.), выпуская различные виды золотых, серебряных и медных монет. Наиболее стабильной денежно-счетной единицей был солид (*solidus*). Само название «твердый, прочный» выражало надежды государей на то, что эта монета будет достаточно стабильной и избежит девальвации. Она весила 4,5 г, имела диаметр 22 мм и ценность 24 греко-римских карата (более 90 % золота). Когда в 324 г. Константин стал верховным императором (августом), он также выпустил «половину солида» – семис (*semisis*) и «треть солида» – тремисс (*tremisis*). Семис имел ценность 12 карат и весил как половина солида, а тремисс – 9 карат и 1,51 г. В эпоху раннесредневековой империи (именуемой Восточной Римской, Ромейской или Византийской), в отличие от классического периода принципата и раннего домината, религиозная тематика была сопряжена с идеей святости государства и правителя, а также набожности его подданных. На аверсе византийских монет чаще всего изображался погрудный портрет императора анфас, в то время как реверс занимали христианские символы. Нечто подобное пытались воспроизвести и мастера – изготовители имитаций [Го Юньян, 2008, с. 90] на территориях от приграничного Гуюаня [Вэй Цзинь, 2015; Ма Цзяньцзюнь, 2016; Ло Фэн, 1993] до столичных Сианя [Ван Чанци, 1992; Го Юньян, Цао Линь, 2007] и Лояна [Ян Гуаньхуа, 2016, с. 5–13], т.е. из стран, о которых Диоклетиан и Константин явно имели весьма смутное представление.

В данной работе мы подробнее остановимся на характеристике византийских монет и их имитаций как наиболее численно представительной группе находок. Среди них выделяются отдельные монеты, изображение на которых отличается наибольшей четкостью: качественно выгравированные профиль императора и христианский крест.

Гробница Шорун Бумбагар принадлежала представителю тюркской знати. В деревянных ящичках на специальных столиках внутри гроба располагалась 41 монета: 37 золотых и 4 серебряных. Среди

золотых и серебряных предметов, обнаруженных в данной тюркской гробнице в Байаннууре, четыре монеты изображают императора в профиль. По форме и изображению можно предположить, что эти предметы являются имитацией аверса золотых семисов или тремиссов. Изображение чеканное одностороннее, на котором император представлен в профиль, смотрящим вправо, край украшен орнаментом в виде «жемчужин». Одежда обозначена несколькими дугообразными линиями. На монетах есть трудноразличимые надписи. Несмотря на небольшие различия в чеканке, можно утверждать, что все четыре имитации были сделаны на основе одного и того же образца. На это указывает одинаковое положение головы и ее размеры, длина бровей, размер бороды, очертания надписи.

Рассмотрим примеры.

№ ХХМ2012.5.122, односторонняя чеканка, монета повреждена в верхнем правом углу, в центре семь маленьких отверстий. Диаметр – 20,05–20,11 мм, толщина – 0,08 мм, вес – 0,138 г.

№ ХХМ2012.5.123, односторонняя чеканка, в центре есть три небольших отверстия. Диаметр – 18,33 мм, толщина – 0,14 мм, вес – 0,171 г. (см. *рисунк, 1*).

№ ХХМ2012.5.124, односторонняя чеканка, монета повреждена в правом верхнем углу, в центре есть семь маленьких отверстий, расположенных идентично другим подобным монетам, но диаметр и вес отличаются. Диаметр – 16,45–18,43 мм, толщина – 0,08 мм, вес – 0,115 г.

№ ХХМ2012.5.127, односторонняя чеканка, целая, без отверстий, с двумя трещинами по краям. Диаметр – 18,2 мм, толщина – 0,09 мм, вес – 0,125 г (см. *рисунк, 2*).

Среди нумизматических материалов выделяются 17 монет односторонней чеканки, имитаций изображений византийских золотых солидов.

№ ХХМ2012.5.120.136, односторонняя чеканка, в самом низу имеется перфорация. Рисунок очень нечеткий, приблизительно можно определить, что на аверсе монеты изображен человек, а в правом нижнем углу – щит. Диаметр – 21,45 мм, толщина – 0,17 мм, вес – 0,663 г.

№ ХХМ2012.5.131, односторонняя чеканка, поверхность монеты преимущественно гладкая без рисунков, только в середине, слева и снизу можно разглядеть изображение человека анфас, характерное для византийских золотых монет середины и конца V в.: на голове императора – шлем, с левой стороны тела – подобие щита, сзади – свешивающиеся ленты. Диаметр – 18,58–18,74 мм, толщина – 0,06 мм, вес – 0,413 г.

№ ХХМ2012.5.120.132, односторонняя чеканка, в нижней части имеется перфорация, на по-

Имитации византийских монет с односторонним и двусторонним чеканом (по: [Го Юньянь, 2016, с. 118–121]).

верхности монеты много углублений, не связанных с какими-либо изображениями, что затрудняет идентификацию. На изображении императора заметно отверстие под подбородком, которое, видимо, вызвано истиранием. Рисунок очень трудно различимый, басилевс показан анфас, похож на

изображения на аверсе солидов середины и конца V в. В целом можно распознать шлем на голове императора, доспехи, щит, расположенный слева, а также подобие копья за его головой. Диаметр – 19,04 мм, толщина – 0,05 мм, вес – 0,122 г (см. рисунок, 3).

№ ХХМ2012.5.144, эта монета толще и тяжелее других имитаций, однако неясно, имела ли место двусторонняя чеканка. С одной стороны рядом с левым краем есть небольшое отверстие. Изображение на данной стороне монеты представляет собой крест и подобие надписей на нижней и боковых сторонах. Подобное оформление, очевидно, является попыткой копировать реверс византийской золотой монеты. Диаметр – 19,40 мм, толщина – 0,20 мм, вес – 1,988 г.

№ ХХМ2012.5.279, односторонняя чеканка. Монета повреждена по краям. Изображение представляет собой портрет императора анфас. На левой стороне золотой монеты есть крест, а остальную часть трудно распознать. Диаметр – 18,86 мм, толщина – 0,20 мм, вес – 0,162 г.

№ ХХМ2012.5.154, односторонняя чеканка, рисунок очень трудноразличимый, едва можно разглядеть внешние очертания фигуры. Края тонкие, в некоторых местах сжаты, сверху, снизу, слева и справа есть маленькие отверстия. Диаметр – 16,49 мм, толщина – 0,11 мм, а вес – 0,191 г.

№ ХХМ2012.5.141, двухсторонняя чеканка, по левому краю – черный налет. На аверсе изображены две фигуры в фас, правая фигура больше, имеет бороду и усы. Обе фигуры одеты в доспехи, мантии, на головах короны с крестами, между двумя головами также расположен один большой крест. Реверс частично покрыт слоем патины. На нем есть нечитаемая надпись, левая ее часть совершенно неразличима, правая напоминает буквы ССС. Диаметр – 21,62 мм, толщина – 0,30 мм, вес – 2,753 г (см. *рисунок, 4*). Эта монета похожа на золотые монеты периода соправления византийских императоров Ираклия Старшего и Ираклия I (отца и сына). Согласно византийской традиции, когда на золотой монете изображались два образа, более высокий статус занимал тот, кто расположен слева. Но в данном случае более старший государь расположен справа, что не соответствует изобразительным традициям. Из чего можно сделать вывод, что эта монета является имитацией золотой монеты периода правления Ираклия I.

№ ХХМ2012.5.133, односторонняя чеканка, слева внизу есть небольшое отверстие. Рисунок расплывчатый: в общих чертах можно предполагать, что это два изображения в фас большого и маленького размера (левый образ маленький, составляет примерно четверть более крупного образа). Вокруг нечитаемое подобие надписи. Диаметр – 18,63 мм, толщина – 0,07 мм, вес – 0,250 г.

№ ХХМ2012.5.236, односторонняя чеканка, рисунок нечеткий, верхний левый край немного поврежден, есть небольшие отверстия; из внешних очертаний изображения можно разглядеть два обра-

за (слева маленькая фигура, справа – большая). Диаметр – 20,51 мм, толщина – 0,18 мм, вес – 0,239 г.

№ ХХМ2012.5.270, односторонняя чеканка, левый верхний угол обрезан. Рисунок относительно четкий, представляет собой изображение двух людей, левая фигура очень маленькая, составляет лишь четверть большой фигуры, у правой фигуры отчетливо заметны борода и усы. На головах царские короны, украшенные крестами. Между «государями» расположен крест. Общая стилистика изображения сходна с монетой № ХХМ2012.5.141. Диаметр – 20,36 мм, толщина – 0,18 мм, вес – 0,174 г.

№ ХХМ2012.5.148, односторонняя чеканка, монета с одной стороны сильно повреждена. Изображение нечеткое, но размеры и расположение двух фигур (справа – большая фигура, слева – маленькая) похожи на характерные для описанных выше нумизматических артефактов. Вокруг фигур расположены подобию надписей. Диаметр – 19,86 мм, толщина – 0,10 мм, вес – 0,451 г.

№ ХХМ2012.5.153, односторонняя чеканка, вверху, внизу, слева и справа имеются небольшие отверстия. Рисунок неясный, угадывается большая фигура справа, слева, вероятно, должно быть изображение маленькой. Диаметр – 18,89 мм, толщина – 0,14 мм, вес – 0,292 г.

№ ХХМ2012.5.155, односторонняя чеканка, монета достаточно серьезно повреждена. На монете видны очертания одной фигуры, похожей на характерные для периода от Фоки до Ираклия. Диаметр – 13,08 мм, толщина – 0,12 мм, вес – 0,166 г [Го Юньянь, 2016, с. 116].

Среди других выделяется находка, представляющая собой две слипшиеся монеты. Одна из них сильно деформирована, а вторая с односторонней чеканкой, изображающей императора анфас. Можно отчетливо разглядеть черты лица, корону на голове, копьё в правой руке. В работе С.А. Яценко приводится точка зрения Ю. Гончарова, согласно которой перед нами имитация золотой монеты Тиберия II [Yatsenko, 2014, p. 122–123], однако эта точка зрения представляется китайскому исследователю Го Юньяню сомнительной (см. *рисунок, 5*) [Guo Yunyan, 2005].

Вообще монет с двойным изображением «императоров» на имитациях довольно много. Судя по изображению, на монете (исследователи, проводившие раскопки в Монголии, не присвоили ей индекс) представлены две фигуры (одна большая, другая – маленькая) с коронами, украшенными крестами, на головах, между головами также расположен крест. Фигура слева составляет лишь четверть фигуры с правой стороны (см. *рисунок, 6*). Все это вполне согласуется с приведенными выше приме-

рами и позволяет говорить о некоторых закономерностях в изготовлении имитаций.

Отдельную категорию монет составляют находки с *двусторонней чеканкой*. Они достаточно массивные в сравнении с односторонними экземплярами.

№ ХХМ2012.5.142, двусторонняя чеканка, имеет в верхней части отверстие, в которое продето проволочное кольцо. На аверсе монеты изображены две фигуры. Фигура слева больше, на лице имеются короткие усы. Фигура справа имеет более длинную бороду и усы, черты лица призваны указать на пожилой возраст изображаемого. На головах царские головные уборы с перпендулиями и крестами. На реверсе – большой крест с надписью *CONOB* внизу и *VICTORIA-AVIUI* по бокам. Монета похожа на золотые солиды времен правления Ираклия I, соответствует им по размерам, весу и форме, вероятнее всего, эта монета не является имитацией. Диаметр – 20,44 мм, толщина – 0,79 мм, вес – 4,701 г (см. *рисунок, 7*). Очевидно, именно такие оригиналы играли роль «примеров для подражания» при изготовлении односторонних имитаций.

№ ХХМ2012.5.240, двусторонняя чеканка. На аверсе расположены большая и маленькая фигуры в фас, фигура слева больше, с короткой бородой, фигура справа меньше. На головах короны с перпендулиями и крестами, между головами расположен крест. На реверсе изображен крест на трехступенчатой платформе. Справа внизу греческая буква «Г», внизу надпись *CONOB*, по бокам – *VICTORIA-AVCCIE*. Монета похожа на золотые солиды времен правления Ираклия I, соответствует им по размерам, весу и форме, вероятнее всего, эта монета также является оригиналом. Диаметр – 22,60 мм, толщина – 1,10 мм, вес – 3,423 г. Впрочем, некоторые сомнения вызывает ее масса.

Между явными имитациями и вероятными подлинниками есть категория, которую составляют, скорее всего, качественно выполненные имитации, близкие к полновесным. На аверсе первой из них – изображение императора анфас, в короне и доспехах, с обеих сторон есть подobia надписей, которые трудно разобрать, на реверсе – большой крест. Внизу предположительно написано *CONOB* (см. *рисунок, 8*). Это изображение похоже на золотой солид ранней Византии [Ли Цян, 2006, с. 110–112]. Такое изображение императора анфас характерно для середины V – начала VI в. Во время правления императора Константина IV (правил в 668–685 гг.) во второй половине VII в. к этой изобразительной традиции вновь вернулись. Большой крест на трехступенчатой платформе впервые появился на монетах времен правления императора Тиберия II (правил в 578–582 гг.). На реверсе же монет Константина IV

изображался большой крест, по обе стороны которого располагались фигуры двух его сыновей в полный рост. Несоответствие аверса и реверса изобразительной традиции оригинальных византийских монет говорит о том, что, возможно, это имитация [Guo Yunyan, 2005].

На аверсе второй тоже изображен император анфас, на голове государя корона с крестом и перпендулиями. Одет в хламиду, закрепленную пряжкой на правом плече, в правой руке держава. Надписи частично стерлись, очертания примерно похожи на *CAS-PEAPAVCT*, на реверсе – большой крест, внизу надпись – *COHO*, а по бокам плохо различимая надпись, похожая на *B?VQV??NΛIPO?THC* (см. *рисунок, 9*) [Го Юньян, 2016, с. 118–121]. Данные надписи плохо поддаются интерпретации, и подобное сочетание аверса и реверса не встречается в каталогах известных монет Византии, поэтому, вероятнее всего, это имитация.

Судя по фигуркам китайских чиновников, обнаруженным в гробнице, и по типу седельных ремней на лошадях, можно приблизительно оценить, что гробница была создана после середины VII в., т.е. когда Восточно-Тюркский каганат был официально включен в состав Танской империи (в которой, в свою очередь, нередко использовали как оригинальные ромейские монеты, так и их имитации [Ло Фэн, 2003; Гэ Чэньюн, 2015]). Это в целом не противоречит датировкам оригинальных монет времени правления Ираклия I (и массы копий). Имитации из данной гробницы существенно расширили список ромейских монет, копировавшихся на Востоке. Примечательно, что копировались не только наиболее ценные византийские солиды. Дешевые семисы и тремиссы также были частью экономических и культурных контактов между Центральной Азией и Средиземноморьем в V–VII вв. [Ло Фэн, 2004, с. 113–150].

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР № 0264-2019-0010 «Реконструкция природных условий и способы адаптации к ним населения Евразии в четвертичном периоде» лаборатории «PaleoData» ИАЭТ СО РАН.

Список литературы

Ван Чанци. Сиань чуту тан фан дун лома цзиньби (Найденные в Сиане имитации восточно-римских монет эпохи Тан) // Чжунго цянъби (Китайская нумизматика). – 1992. – № 5. – С. 72–75 (на кит. яз.).

Вэй Цзинь. Гуяюань вэньу каогучжун дэ сылу ци чжэнь (Сокровища шелкового пути среди гуяюаньских древностей) // Нинся шифан сюэюань сюэбао (Жур-

нал педагогического института Нинся). – 2015. – № 26, вып. 2. – С. 105–107 (на кит. яз.).

Го Юньян. Лян мэи Байчжаньтин цзиньби фанчжи пинь бяньси (Анализ двух имитаций византийских золотых монет) // Каогу юй вэньу (Археология и культурное наследие). – 2008. – № 3. – С. 87–91 (на кит. яз.).

Го Юньян. Лунь Мэнгуго Баяньноэр туцзюэ бихуа мусо чуцзинь иньби дэ синчжи тэчжэн (Обсуждение золотых монет из тюркских погребений в Баян-Норе (Монголия)) // Цаоюань вэньу (Культурное наследие степи). – 2016. – № 1. – С. 115–123 (на кит. яз.).

Го Юньян, Цао Линь. Гуаньюй Сиань бэйчжоу Ши Цзюнь му чуту цзиньби фанчжи пинь дэ идянь бу чун (Дополнительные сведения об имитациях золотых монет, найденных в погребении Ши Цзюня в Сиане) // Вэнь бо (Культурные и музейные ценности). – 2007. – № 6. – С. 41–44 (на кит. яз.).

Гэ Чэньюн. Цун чуту хань чжи тан вэнь у кань оу я вэньхуа цзяолю и хэнь (Культурные связи Европы и Азии по данным объектов культурного наследия от Хань до Тан) // Гугун боюанькань (Издание музея Гугун). – 2015. – № 3. – С. 111–125 (на кит. яз.).

Ли Цян. Оуя цаоюань сылу юй шамо люйчжоу сы лушан фацзюэ дэ байчжаньтин цянъби яньцзю шу лунь (Исследование византийских монет, раскопанных на Великом шелковом пути в степях и оазисах) // Цаоюань вэньу (Культурное наследие степи). – 2016. – № 1. – С. 109–114 (на кит. яз.).

Ло Фэн. Бэйчжоу Ши Цзюнь му чуту дэ байчжаньтин цзиньби фанчжипинь си (Анализ имитаций византийских золотых монет, обнаруженных в могиле Ши Цзюня эпохи Северной Чжоу) // Вэньу (Культурное наследие). – 1993. – № 4. – С. 57–65 (на кит. яз.).

Ло Фэн. Гуаньюй Сиань дунцзюэ тан мусо чу дун лома цзиньби фанчжи пинь таолунь (Дискуссия об имитациях восточно-римских золотых монет из гробниц династии Тан на востоке Сианя) // Нэймэнгу цзиньжун яньцзю – цянъби вэньцзи (Финансовые исследования Внутренней Монголии – Нумизматические коллекции). – 2003. – № 4. – С. 46–49 (на кит. яз.).

Ло Фэн. Хухань чжицзянь: «Сычоу чжилу» юй сибэй лиши каогу (Между иноземцами и ханьцами: «Шелковый путь» и историко-археологические исследования Северо-запада). – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2004. – 515 с. (на кит. яз.).

Ма Цзяньцзюнь. Нинся цзиннэй каогу фасянь дэ сычоу чжилу гуго цзинь инь би цзянькао (Краткое изучение древних золотых и серебряных монет Великого шелкового пути, найденных в Нинся) // Чжунго цянъби (Китайская нумизматика). – 2016. – № 6. – С. 31–35 (на кит. яз.).

Ян Гуаньхуа. Лоян Цзяньси Хэншаньлу Бэйвэйму фацзюэцзяньбао (Отчет о раскопках гробницы эпохи Северная Вэй в лоанском районе Цзяньси на улице Хэншаньлу) // Вэньу (Культурное наследие). – 2016. – № 7. – С. 4–14 (на кит. яз.).

Guo Yunyan. A General Overview of Byzantine Coins. Their Imitations Found in China // *Eirene. Studia Graeca et Latina*. – 2005. – Vol. 41. – P. 87–116.

Li Qiang. Roman coins discovered in China and their research // *Eirene. Studia Graeca et Latina*. – 2005. – Vol. 51. – P. 279–299.

Yatsenko S.A. Image of the Early Turks in Chinese Murals and Figurines from the Recently-Discovered Tombs in Mongolia // *The Silk Road*. – 2014. – Vol. 12. – P. 115–123.

References

Ge Chengyun. Cong chutu Han zhi Tang wenwu kan Ou-Ya wenhua jiaoliu yihen [Remains of Eurasian Cultural Exchange from Unearthed Han to Tang Cultural Relics]. *Gugong bowuyuan kan [Journal of Gugong Museum]*, 2015, No. 3, pp. 111–125. (In Chin.).

Guo Yunyan. A General Overview of Byzantine Coins. Their Imitations Found in China. *Eirene. Studia Graeca et Latina*, 2005, vol. 41, pp. 87–116.

Guo Yunyan. Liang mei Baizhanting bi fangzhipin bianxi [Analyses of Two Imitations of Byzantine Solidus]. *Kaogu yu wenwu [Archaeology and Cultural Relics]*, 2008, No. 3, pp. 87–91. (In Chin.).

Guo Yunyan. Lun Mengguguo Bayannuoer tujue bihua mu suo chu jinyinbi de xingzhi tezheng [The Characteristics of Gold and Silver Coins from the Turkic Grave in Mongolian Bayan-Nur]. *Caoyuan wenwu [The Artifacts of Steppe]*, 2016, No. 1, pp. 115–123. (In Chin.).

Guo Yunyan, Cao Lin. Guanyu Xi'an Beizhou Shi Jun mu chutu jinbi fangzhipin de yidian buchong [A Supplementary Materials about the Imitations of Roman Solidus Unearthed in the Grave of Shijun of North Zhou in Xi'an]. *Wenbo [Relics and Museology]*, 2007, No. 6, pp. 41–44. (In Chin.).

Li Qiang. Roman coins discovered in China and their research. *Eirene. Studia Graeca et Latina*, 2015, vol. 51, pp. 279–299.

Li Qiang. Ou-Ya caoyuan silu yu shamo lüzhou silu shang fajue de Baizhanting qianbi yanjiu shulun [Comments on the Byzantine Coins Unearthed on the Eurasian Steppe and Desert's Silk Routes]. *Caoyuan wenwu [The Artifacts of Steppe]*, 2016, No. 1, pp. 109–114. (In Chin.).

Luo Feng. Beizhou Shi Jun mu chutu de Baizhanting jinbi fangzhipin xi [Analyses on the Imitation of Byzantine Gold Coin Unearthed in the Grave of Shi Jun in North Zhou Dynasty]. *Wenwu [Cultural Relics]*, 1993, No. 4, pp. 57–65. (In Chin.).

Luo Feng. Guanyu Xi'an dongjiao Tang mu suo chu Dong Luoma jinbi fangzhipin taolun [Discussion on the Imitation of Eastern Roman Solidus Unearthed in the Grave of Tang in the East Suburb of Xi'an]. *Neimenggu jinrong yanjiu – qianbi wenji [Inner Mongolia Finance – Collection on Numismatics]*, 2003, No. 4, pp. 46–49. (In Chin.).

Luo Feng. Huhan zhijian: “Sichou zhi lu” yu Xibei lishi kaogu [Between Hu and Han: “Silk Road” and Northwest Historical Archeology]. Beijing: Wenwu chubanshe, 2004, 515 p. (In Chin.).

Ma Jianjun. Ningxia jingnei kaogu faxian de sichou zhi lu guguo jinyinbi jiankao [A Brief Study of the Ancient Gold and Silver Coins of the Silk Road in Archaeology of Ningxia]. *Zhongguo qianbi [China Numismatics]*, 2016, No. 6, pp. 31–35. (In Chin.).

Wang Changqi. Xi’an chutu Tang fang Dong Luoma jinbi [The Imitation of the Eastern Roman Solidus in Xi’an]. *Zhongguo qianbi [China Numismatics]*, 1992, No. 5, pp. 72–75. (In Chin.).

Wei Jin. Guyuan wenwu kaoguzhong de silu qi zhen [Silk Road Artifacts Among Guyuan Antiquities]. *Ningxia*

shifang xueyuan xuebao [Journal of Ningxia Pedagogical Institute], 2015, No. 26, iss. 2, pp. 105–107. (In Chin.).

Yang Guanhua. Luoyang Jianxi Hengshanlu Bei Wei mu fajue jianbao [Excavation Report of Northern Wei Tomb on Hengshan Road, Jianxi District, Luoyang]. *Wenwu [Cultural Relics]*, 2016, No. 7, pp. 4–14. (In Chin.).

Yatsenko S.A. Image of the Early Turks in Chinese Murals and Figurines from the Recently-Discovered Tombs in Mongolia. *The Silk Road*, 2014, vol. 12, pp. 115–123.

Шульга Д.П. <https://orcid.org/0000-0001-8022-2954>

Гирченко Е.А. <https://orcid.org/0000-0001-5304-2595>

Филатова М.О. <https://orcid.org/0000-0001-5828-4809>

П.И. Шульга

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: shulgapi55@yandex.ru

Культуры раннего железного века в Китае как часть скифского мира

На основе археологических и письменных источников автор характеризует две этнокультурные области, сложившиеся в IX–III вв. до н.э. на востоке скифского мира – в Синьцзяне и Северном Китае. В IX–VIII вв. до н.э. в местных культурах переходного облика фиксируются погребальные комплексы с отдельными элементами «скифской триады» в зверином стиле и в конском снаряжении. Очевидно, что обе эти области были центрами сложения раннескифских культур, подобно центру в Туве. При этом звериный стиль, по всем данным, первоначально был привнесен на территорию Северного Китая из Монголии. В силу природных факторов до II в. до н.э. скифоидные культуры в этих областях развивались почти изолированно друг от друга, их носители контактировали с жителями прилегающих к ним районов Казахстана, Южной Сибири и Монголии. Во второй половине IV в. до н.э. население северной части Синьцзяна (включая Тянь-Шань) сближается в культурном отношении с носителями пазырыкской культуры Алтая, а население западной части – с саками и усунями Казахстана. Носители культур Северного Китая в это время тесно контактировали с населением Южной Сибири. При этом некоторые скифоидные черты у них сохранялись в III–II вв. до н.э. даже после образования империй Хань и Сюнну в конце III в. до н.э. Можно сделать вывод, что в Синьцзяне и Северном Китае, как и в Туве (Аржан-1), в IX–VIII вв. до н.э. возникли центры с некоторыми элементами ранней скифской культуры. Возможно, это было связано с влиянием Монголии, вокруг которой они располагались. Упомянутые выше культуры на территории Китая, несомненно, являлись составной частью скифского мира.

Ключевые слова: скифский мир, скифо-сибирский звериный стиль, саки, усунь, культуры Синьцзяна и Северного Китая, ранний железный век.

Petr I. Shulga

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: shulgapi55@yandex.ru

Cultures of the Early Iron Age in China as a Part of the Scythian World

Based on archaeological and written sources, the author characterizes two ethnocultural regions of the 9th to 3rd centuries BC, which developed in the east of the Scythian world, i.e. in Xinjiang and North China. In the 9th to 8th centuries BC, there, in local cultures of transitional appearance, burial complexes with the «Scythian triad» individual elements in the animal style in a horse bridle were recorded. It is obvious that both of these areas were the early Scythian culture formation centers similar to the center in Tuva. At the same time, according to all sources, the animal style was brought to the China territory from Mongolia. Due to environmental factors, in these areas during the period of up to the 2nd century BC, the Scythian cultures developed almost in isolation from each other in contact with the adjacent Kazakhstan, Southern Siberia, and Mongolia regions. In the second half of the 4th century BC, the northern part of Xinjiang (including the Tien Shan) got culturally closer with the Pazyryk culture from Altai, while the western part, to the Sakas and Wusuns of Kazakhstan. At this time, the North China cultures were in close contact with the South Siberian population. At the same time, some Scythian-like features were preserved in them until the 3rd to 2nd centuries BC, even after the Han and Xiongnu empires formation at the end of the 3rd century BC. We can suggest that, in Xinjiang and North China, as well as in Tuva (Arzhan-1) in the 9th to 8th centuries BC, some centers appeared with some elements of the early Scythian culture. Perhaps, this was due to the influence of Mongolia, around which they were located. The above-mentioned cultures in the territory of China were an integral part of the Scythian world.

Keywords: Scythian world, Scytho-Siberian animal style, the Sakas, the Wusuns, the cultures of the Xinjiang and North China.

Понятия «скифский мир», «скифо-сибирский мир», «скифо-сибирский звериный стиль» и производные от них прочно вошли в лексикон исследователей. ими пользуются отечественные и зарубежные специалисты, занимающиеся культурами (IX)VIII–III вв. до н.э., существовавшими к востоку от Алтая, где собственно скифов не было. В глазах греков и персов скифо-сакский мир ограничивался областью от Причерноморья до Средней Азии включительно [Доватур, Каллистов, Шишова, 1982]. Так или иначе, но впервые значительное количество образцов «скифского» звериного стиля обнаружено не в Причерноморье, а в Сибири еще во второй половине XVII – начале XVIII в. В Причерноморье крупные раскопки скифских курганов стали проводиться только в XIX в., однако полученные яркие материалы в совокупности со свидетельствами Геродота сразу же придали скифской культуре Причерноморья особый статус. Соответственно, вначале многие полагали [Богданов, 2006, с. 16], что центром формирования скифской культуры и звериного стиля было Северное Причерноморье. В это же время отдельные вещи скифского облика обнаруживали и на восточной окраине Евразии – в Северном Китае, откуда они попадали европейским коллекционерам. Уже в конце XIX в. разрозненные данные были осмыслены Н.М. Ядринцевым и П. Рейнеке, обратившими внимание на сходство находок из Причерноморья, Сибири и Северного Китая («ордосские бронзы»). Тем самым впервые в общих чертах были определены [Там же, с. 15] широтные границы распространения культур (народов) скифо-сибирского круга.

К концу XX в. на территории бывшего Советского Союза были проведены масштабные археологические изыскания и раскопки. В результате в Сибири выявлены и изучены основные скифоидные культуры, а после открытия кургана Аржан-1 [Грязнов, 1980] появились веские аргументы в пользу восточного происхождения скифской культуры. Между тем вскоре стало очевидно, что решение этой проблемы невозможно без привлечения материалов из Монголии и Китая. По причине разграбленности плиточных могил, а также специфичности херексуров и оленных камней, памятники Монголии не вполне сопоставимы с основной массой захоронений в Сибири и Казахстане. Вследствие этого наиболее перспективными для изучения и сравнительного анализа являются погребальные памятники скифоидных культур в Китае. Оставленные ими могильники в большом количестве имеются на территории протяженностью ок. 3 500 км от Казахстана до Ляодунского п-ова.

Долгое время они оставались слабоизученными. Издаваемые в Китае краткие и малодоступные

археологические публикации переводились и использовались за его пределами очень ограниченно. Вместе с тем «кочевники» скифского времени из древнекитайских источников часто включались в разного рода построения десятков исследователей без должных обоснований. К настоящему времени о территории Синьцзяна и Северного Китая накоплен большой материал, позволяющий в основном реконструировать этнокультурную ситуацию IX–III вв. до н.э. в среде скотоводов Северного Китая (недостаточно данных о ситуации на севере Ордоса («культура таохунбала») и населении Ганьсуйского коридора («культура шацзин»)) и в большинстве районов по Тянь-Шаню в Синьцзяне.

Важно подчеркнуть, что в Синьцзяне и Северном Китае этнокультурные процессы существенно различались и это закономерно. В I тыс. до н.э. указанные области были почти полностью изолированы друг от друга, что длилось до II в. до н.э. Каждая из этих областей традиционно поддерживала связи с разными культурными образованиями. При этом европеоиды Синьцзяна традиционно контактировали с населением Сибири и Казахстана, а культуры монголоидов Северного Китая были тесно связаны с китайской цивилизацией. Несмотря на имевшиеся существенные различия, элементы «скифской триады» возникли в Синьцзяне и Северном Китае примерно в одно время – в IX в. до н.э. В остальном до конца IV в. до н.э. они шли разными путями.

Северный Китай. Процесс образования и трансформации скифоидных культур в Северном Китае выглядит следующим образом. Наиболее ранней является культура «верхнего слоя Сяцзядянь» (см. *рисунок*). В памятниках типа Наньшаньгэнь IX–VIII вв. до н.э., расположенных к северо-востоку от г. Пекин, впервые зафиксированы уже сложившиеся образы звериного стиля: свернувшиеся и припавшие к земле кошачьи хищники, олени и стилизованные головки хищных птиц [Лю Госян, 2000, рис. 11–15; Ковалёв, 1998; Богданов, 2006, с. 36–39, 56–57]. Причем они присутствуют на кинжалах, имеющих аналогии в эпоху поздней бронзы. Однако оружие и конское снаряжение совершенно не похоже на известное в Монголии и Сибири. В целом культура «верхнего слоя Сяцзядянь» выглядит самобытным местным образованием, воспринявшим звериный стиль в готовом виде. Единственным источником появления полностью сложившихся «классических» образцов звериного стиля могут быть культуры эпохи поздней бронзы Монголии.

К середине VII в. до н.э. на этой основе с участием кочевых монголоидных племен, «северных кочевников», складывается культура юйхуанмяо на северной границе китайского царства Янь, к се-

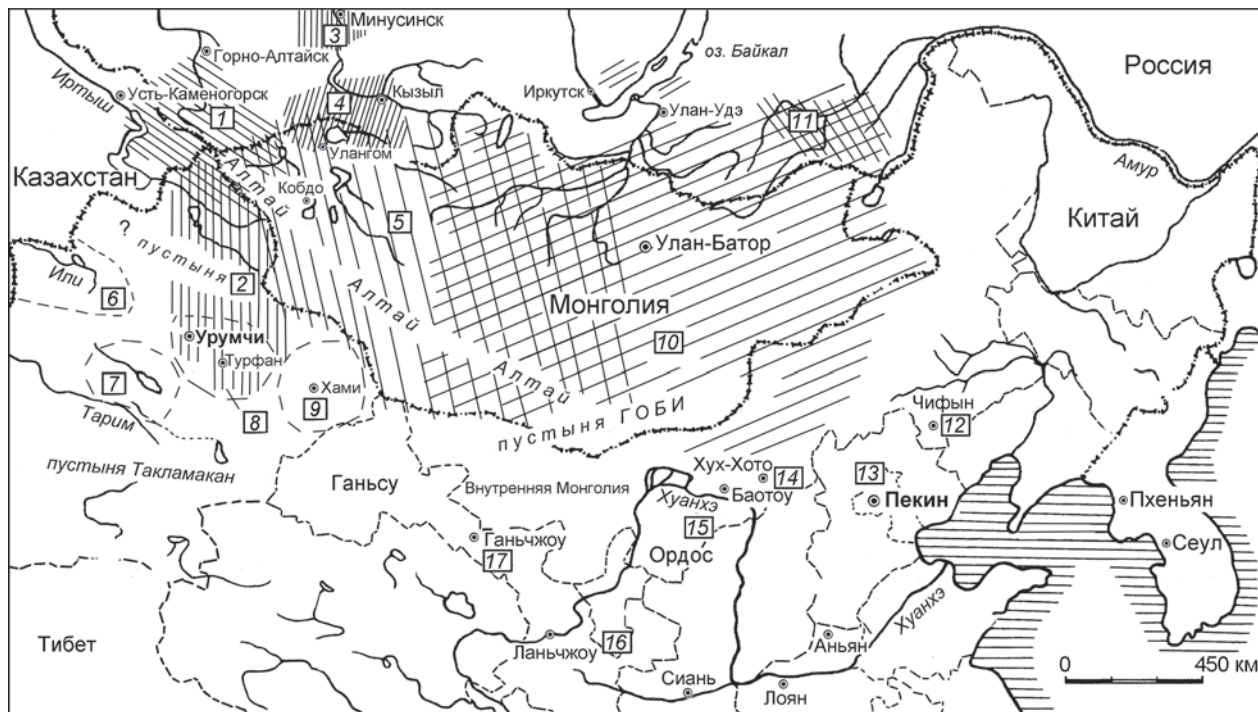

Схема расположения скифоидных археологических культур в Центральной Азии.

1 – ареал пазырыкской культуры; 2 – территория, заселявшаяся в V–III вв. до н.э. племенами, близкими пазырыкцам; 3 – тагарская культура; 4 – алдыбельская и уюкско-саглынская культуры; 5 – культура херексуров и оленных камней; 6 – культура содуньбулак; 7 – культура чауху; 8 – культура субейси; 9 – «культура» яньбулак; 10 – культура плиточных могил; 11 – дворцовая культура; 12 – культура «верхнего слоя Сяцзядянь»; 13 – культура юйхуанмяо; 14 – культура маоцингоу; 15 – «культура» таохунбала; 16 – культура янлан; 17 – культура шацзин.

веру от Пекина (см. рисунок) [Шульга, 2015; Цзинь Дунъи, 2018]. Это уже признанная скифоидная культура с полной «скифской триадой» второй половины VII – VI в. до н.э. Аналогии инвентаря «северных кочевников» из могильника Юйхуанмяо приводят нас в Монголию и Забайкалье (дворцовая культура), а также в заселенные европеоидами Туву и Минусинскую котловину. Таким образом, к раннескифскому времени в Северном Китае можно отнести две взаимосвязанные культуры, занимавшие сравнительно небольшую территорию к северу и северо-востоку от Пекина. Интересно, что привнесение звериного стиля в культуру «верхнего слоя Сяцзядянь» не сопровождалось появлением какого-либо инокультурного вещевого комплекса из Монголии, тогда как в культуре юйхуанмяо хорошо вычленяется «северный» вещевой комплекс, включавший кинжалы, ножи, наконечники стрел, поясную фурнитуру и детали узды.

Население культуры юйхуанмяо постепенно «китаизировалось», но во второй половине VI в. до н.э. часть его, сохранявшая связи с «северными кочевниками», мигрировала на 250–300 км западней к Ордосу в район оз. Дайхай. На этой основе в VI–V вв. до н.э. там формируется культура маоцингоу (см. рисунок) [Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь, 1986], частично воспринявшая

в VI–V вв. до н.э. черты пришедших с юга через Ордос представителей культур янлан и шацзин. За пределами Китая до недавнего времени наиболее известной в научных кругах считалась культура маоцингоу. Однако в расположенных к югу от Ордоса захоронениях культуры янлан (см. рисунок) «триада» представлена значительно полнее, и существовала она значительно дольше – с VI по III–II вв. до н.э. Там обнаружено большое количество деталей конского снаряжения и предметов вооружения, в т.ч. чеканов и бронзовых кинжалов евразийского облика с бабочковидным перекрестием. Широко представлена поясная фурнитура, включающая «классические» для восточной части скифского мира крупные бляхи с условной сценой терзания, а также бабочковидные и шестисекционные бляхи и рифленые трубочки. Эти четыре типа изделий известны на востоке скифского мира до Ангары на севере и Верхнего Приобья на западе. Население культуры янлан, вероятно, в III в. до н.э. вошло в состав царства Цинь, однако сохраняло свою культурную специфику. Более того, лишь в этой скифоидной культуре местная элита в III–II вв. до н.э. выходит на уровень китайской аристократии, сооружая небывалые до того крупные гробницы с богатым инвентарем (могильник Мацзяюань) [Wu Xiaolong, 2013].

Во второй половине IV в. до н.э. начинается новый этап отношений скифоидных культур Северного Китая с Южной Сибирью, но уже с активным участием царств Древнего Китая. В IV в. до н.э. на границах северных китайских царств Цинь, Чжао и Янь происходит полномасштабная торговля с кочевниками. В конце IV в. до н.э. активным потребителем китайских товаров становятся и носители пазырыкской культуры. Ареал ее в это время расширился по горной системе Алтая в сторону царств Северного Китая и к Тянь-Шаню (см. *рисунок*). Считается, что на востоке Великой Степи скифская эпоха заканчивается с образованием кочевой империи сюнну (хунну) в конце III в. до н.э., однако это не совсем так. Сюнну унаследовали основные черты погребальной обрядности скотоводов и земледельцев Северного Китая, а также звериный стиль. В этом отношении события, произошедшие в III–II вв. до н.э. одновременно с образованием империй Хань и Сюнну, можно считать явлениями одного порядка, не приведшими к полной ломке предшествовавших культур.

Синьцзян. В Синьцзяне скифоидные черты проявляются в IX в. до н.э. в виде уздечки со специфическими псалиями аржанского типа на могильнике Мохучахань культуры чауху (см. *рисунок*). Остальной инвентарь в Мохучахань относится к переходному периоду от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку [Чжан Тенань, Алифузьян Нияз, Тань Нинчжи, 2016]. Возможно, этот могильник начал функционировать даже раньше Аржана-1. В эталонных могильниках Чаухугоу-1, -2, -4, -5 почти нет оружия и сравнительно немного изделий со звериным стилем [Ван Минчжэ, 1999]. При этом почти все они относятся к поясной фурнитуре, имеющей полные аналогии на Саяно-Алтае в памятниках VII в. до н.э. [Шульга, 2010]. Примерно в VIII в. до н.э. в районе Турфана появляются памятники типа Янхай-1, -2 (культура субэйси) (см. *рисунок*). Скифоидные черты там имеет сбруя, а звериный стиль главным образом представлен на деревянных ведрах [Шульга, 2010]. Источником его, вероятно, также служили культуры Монголии. Важно подчеркнуть, что в наиболее ранних памятниках культуры чауху (могильник Мохучахань) к эпохе ранних кочевников относятся лишь детали уздечек с распределителями и характерными псалиями аржанского типа. В более поздних памятниках VII в. до н.э. культур чауху и субэйси представлены детали сбруйной и поясной фурнитуры, характерной для Саяно-Алтая. В пограничных зонах на севере Синьцзяна в это время также фиксируется близость с культурами Казахстана, Южной Сибири и Монголии. В частности, на границе с Монголией обнаружен представительный памятник Саньдао-

хайцзы, включающий несколько групп крупных хексурсов диаметром до 200 м, а также 33 оленных камня монголо-забайкальского, саяно-алтайского и евразийского типов [Го У, 2012, с. 191–196].

Примерно с IV в. до н.э. традиционные связи культур Синьцзяна с соседними северными и западными районами усиливаются. В бассейне р. Или распространяется культура содуньбулакэ сакоусуньского облика V–II вв. до н.э. (см. *рисунок*). На севере Джунгарии складывается синкретичный вариант пазырыкской культуры. В районе Турфана тоже появляются памятники, близкие пазырыкским [Шульга, 2010, с. 82–93]. Культура населения в районе Хами тяготеет к Саяно-Алтаю и к Западной Монголии. В центральной части Тянь-Шаня в районе Урумчи и Турфана, видимо, сохраняются памятники культуры субэйси и появляются подбойные захоронения. Инокультурные захоронения монголоидов хуннского времени появляются в центральной и восточной частях только начиная с II–I вв. до н.э.

На основании имеющихся материалов можно сделать вывод, что в Синьцзяне и Северном Китае в IX–VIII вв. до н.э. независимо друг от друга возникли центры с некоторыми элементами ранней скифской культуры. В этом отношении они близки центру в Туве. Все три указанных района располагались вокруг Монголии, где звериный стиль на оленных камнях, вероятно, существовал уже к X–IX вв. до н.э. В VI–III вв. до н.э. сходство вещевых комплексов и звериного стиля в скифоидных культурах на территории Китая, Южной Сибири и Казахстана усиливается. Таким образом, упомянутые выше культуры на территории Китая, несомненно, являлись составной частью скифского мира.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках реализации проекта № 19-19-50237 «Экспансия: культуры раннего железного века в Китае как часть скифского мира».

Список литературы

Богданов Е.С. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – 240 с.

Ван Минчжэ. Синьцзян Чауху: дасин шицзу муди фацзюэ баогао (Чауху в Синьцзяне: отчет о раскопках крупных родовых могильников). – Пекин: Дунфан чубаньшэ, 1999. – 459 с. (на кит. яз.).

Го У. Синьцзян шицян ванци шэхуэй дэ каогу сюэ яньцзю (Археологические исследования поздних доисто-

рических обществ на территории Синьцзяна). – Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2012. – 290 с. (на кит. яз.).

Грязнов М.П. Аржан: Царский курган раннескифского времени. – Ленинград: Наука (Ленингр. отд.), 1980. – 62 с.

Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова А.И. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. – М.: Наука. – 1982. – 456 с.

Ковалёв А.А. Древнейшие датированные памятники скифо-сибирского звериного стиля (тип Наньшаньгэнь) // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. – СПб.: Культ-информ-пресс, 1998. – С. 122–131.

Лю Госян. Сяцзядянь шанцэн вэньхуа цинтунци яньцзю (Исследование бронзовых артефактов культуры верхнего слоя Сяцзядянь) // Каогу сюэбао (*Acta Archaeologica Sinica*). – 2000. – № 4. – С. 451–500 (на кит. яз.).

Тянь Гуанцинь, Го Сусинь. Алучайдэн фасянь дэ цзинь инь ци (Найденные на памятнике Алучайдэн артефакты из золота и серебра) // Ордосские бронзы. – Пекин: Вэньу, 1986. – С. 227–315. (на кит. яз.).

Цзинь Дуньни. Юйхуанмяо вэньхуа цинтунци яньцзю (исследование бронз культуры юйхуанмяо). – Чанчунь: Цзилинь дасюэ, 2018. – 310 с. (на кит. яз.).

Чжан Тенань, Алифузьян Нияз, Тань Нинчжи. Синьцзян Мохучахань муди (Могильник Мохучахань в Синьцзяне). – Пекин: Кэсюэчубаньшэ, 2016. – 410 с. (на кит. яз.).

Шульга П.И. Синьцзян в VIII–III вв. до н.э. (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, – 2010. – 238 с.

Шульга П.И. Могильник Юйхуанмяо в Северном Китае (VII–VI века до нашей эры). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – 304 с.

Wu Xiaolong. Cultural hybridity and social status: elite tombs on China's Northern Frontier during the third century BC // *Antiquity*. – 2013. – Vol. 87. – P. 121–136.

References

Bogdanov E.S. The Image of a Predator in the Plastic Art of the Nomadic Peoples of Central Asia (Scythian-Siberian Artistic Tradition). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2006, 240 p. (In Russ.).

Dovatur A.I., Kallistov D.P., Shishova A.I. *Narody nashei strany v "Istorii" Gerodota*. Moscow: Nauka, 1982, 456 p. (In Russ.).

Gryaznov M.P. *Arzhan: Tsarskii kurgan ranneskifskogo vremeni*. Leningrad: Nauka (Leningrad branch), 1980, 62 p. (In Russ.).

Guo Wu. *Xinjiang shiqian wanqi shehui de kaogu xue yanjiu [Archaeological Research on the Society of the Late Prehistoric Period in Xinjiang]*. Shanghai: Shanghai guji Publ., 2012, 290 p. (In Chin.).

Jin Dongyang. *Yuhuangmiao wenhua qingtongqi yanjiu [Research on Bronzeware of Yuhuangmiao Culture]*. Changchun: Jilin Univ., 2018, 310 p. (In Chin.).

Kovalev A.A. *Drevneishie datirovannye pamyatniki skifo-sibirskogo zverinogo stilya (tip Nan'shan'gen')*. In *The ancient cultures of Central Asia and Saint Petersburg*. St. Petersburg: Cult-Inform-Press, 1998, pp. 122–131. (In Russ.).

Liu Guoxiang. *Xiajiadian shangceng wenhua qingtongqi yanjiu [Research on bronze artifacts of Upper Xiajiadian culture]*. *Kaogu xuebao [Acta Archaeologica Sinica]*, 2000, vol. 4, pp. 451–500. (In Chin.).

Shulga P.I. *Xinjiang in VIII–III centuries BC (Burial complexes. Chronology and periodization)*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2010, 238 p. (In Russ.).

Shulga P.I. *Yuhuangmiao burial ground in North China (VII–VI centuries BC)*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, 304 p. (In Russ.).

Tian Guangjin, Guo Suxin. *Aluchaideng faxiande jin yin qi [Gold and silver artifacts discovered in Aluchaideng]*. In *Ordos bronze ware*. Beijing: Wenwu Publ., 1986, pp. 227–315. (In Chin.).

Wang Mingzhe. *Xinjiang Chawuhu: daxing shizu mudi fajue baogao [Chawuhu, Xinjiang: Excavation report of large-scale clan graves]*. Beijing: Dongfang Publ., 1999, 459 p. (In Chin.).

Wu Xiaolong. *Cultural hybridity and social status: elite tombs on China's Northern Frontier during the third century BC*. *Antiquity*, 2013, vol. 87, pp. 121–136.

Zhang Tienan, Alifujiang Niyaz, Tan Ningzhi. *Xinjiang Mohuchahan mudi [Xinjiang Mohuchahan cemetery]*. Beijing: Kexue chubanshe, 2016, 410 p. (In Chin.).

Шульга П.И. <https://orcid.org/0000-0002-6217-8256>

ЭТНОГРАФИЯ

Ш.К. Ахметова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: ack-sholpan@yandex.ru

Реконструкция ислама в конце XX – начале XXI века в Омской области

В статье рассматривается мусульманское сообщество Омской обл. в конце XX – начале XXI в. Цель работы – на основе реконструкции событий тех лет выявить причины раскола мусульманской уммы. Данные были собраны методом интервьюирования в августе-сентябре 2020 г. председателей и членов совета общественных и религиозных мусульманских организаций и имамов мечетей Омска и Омской обл. Также были использованы методы контент-анализа данных официальных мусульманских сайтов и аккаунтов местных религиозных организаций в социальных сетях. Административно-территориальные реформы М.М. Сперанского ввели ряд новых законодательных актов, ликвидировавших институт ханской власти и родовую систему, вызвав смуту среди казахов. С целью показать лояльность царского правительства к религии казахского населения было принято решение воздвигнуть в Омске мечеть за счет казны с полным ее содержанием. В советские годы ислам подвергся гонениям, все мечети были разрушены или закрыты. Было выявлено, что после распада СССР мусульманское сообщество было расколото из-за личных амбиций и узости сознания лидеров, привыкших воспринимать все через разделение на своих и чужих. Имам хазрет З.Ш. Шакирзянов, стремясь сохранить единоличную власть, стал противодействовать появлению новых мечетей. Хотя мог бы поддержать и, сделав мечети филиалами Соборной мечети, возглавить мусульманские общины области. По мнению местных мусульманских лидеров, ошибкой был отказ от вмешательства российских властей в религиозные процессы, в отличие от Казахстана и республик Средней Азии, где сразу провели вертикальную централизацию.

Ключевые слова: мусульманское сообщество, мечети, местные религиозные организации, духовное управление мусульман, казыят.

Sholpan K. Akhmetova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: ack-sholpan@yandex.ru

Reconstruction of Islam in the Late 20th – Early 21st Century in Omsk Region

The article examines the Muslim community of Omsk Region in the late 20th – early 21st century. This study is based on the reconstruction of the events happening in this period and is aimed at uncovering the reasons for the split of the Muslim Ummah. The evidence was taken from the interviews with chairmen and members of the council of public and religious Muslim organizations, and imams of mosques in the city of Omsk and Omsk Region obtained in August–September, 2020. Methods of content analysis of data from the official Muslim sites and accounts of local religious organizations in social networks have also been used. Administrative and territorial reforms by M.M. Speransky introduced a number of new legislations which abolished the institution of khan's power and clan system, causing confusion among the Kazakhs. In order to show the loyalty of Tsar's government to the religion of the Kazakh population, it was decided to erect a mosque with full furnishing in Omsk at the expense of the state treasury. During the Soviet period, Islam was persecuted; all mosques were destroyed or closed. It has been established that after the collapse of the USSR, the Muslim community was split due to personal ambitions and narrow mindedness of its leaders who were accustomed to perceiving everything through the division into friends and foes. Trying to preserve his sole power, Imam Khazret Z.S. Shakirzyanov began to oppose building new mosques, although he could have supported the process and become the leader of the Muslim communities of the region, making new mosques

the branches of the Great Mosque. In the opinion of local Muslim leaders, the mistake was the refusal to let the Russian authorities to intervene in religious processes as opposed to Kazakhstan and the republics of Central Asia, where vertical centralization was implemented.

Keywords: *Muslim community, mosques, local religious organizations, spiritual administration of Muslims, kazyat.*

Советские народы, прожившие 70 лет в условиях жесткого атеизма, в течение 30 последних лет восстанавливали утраченную духовность. За это время были возвращены, восстановлены и построены храмы и культурные ценности многих конфессий. Для осмысления активных процессов в мусульманском сообществе региона на рубеже XX–XXI вв. необходимо реконструировать происходившие в тот период события и выявить причины раскола мусульманской уммы. Работа выполнена на основе собранного автором в 1990–2000-е гг. архива материалов с использованием метода непосредственного наблюдения за происходившими событиями, метода интервьюирования в августе–сентябре 2020 г. председателей и членов совета общественных и религиозных мусульманских организаций и имамов мечетей Омска и Омской обл. В работе были также использованы данные общероссийских мусульманских сайтов и аккаунтов местных религиозных организаций и литературных источников.

Для более полного раскрытия темы необходимо немного углубиться в историю. Строительство первых мечетей в Омской обл. относится к XIX в. В 1802 г. на средства купцов Айтыкиных, торговавших не только в Сибири, но и в Средней Азии, Китае, Кяхте и Западной Европе, была построена каменная двухэтажная мечеть в г. Тара [Лебедева, 2004, с. 63]. К 1832 г. относится возведение мечети в с. Черталы Муромцевского р-на, построенной по типу «минарет на крыше». По такому же типу были построены мечети в татарских деревнях Байбы и Ташетканы Тевризского р-на. С ростом населения мечеть в с. Черталы была перестроена в 1893 г. [Там же, с. 64]. С 1782 г. Омск входил в состав Тобольской обл. Тобольского наместничества, после ликвидации которого с 1804 по 1822 г. был в составе Тобольской губ. [Омская область..., 1991, с. 168]. В 1811 г. в Тобольске на пожертвования бухарца Абибулы Нурмена была построена деревянная мечеть на 39 прихожан [Балюнов, 2015, с. 89].

В ходе административно-территориальных реформ М.М. Сперанского были введены ряд новых законодательных актов, основу которых составляли Учреждения для сибирских губерний, Устав об управлении киргиз-кайсаками и др., утвержденные царем в 1822 г. [История Казахстана..., 2010, с. 299]. Эти законы, ликвидировавшие институт ханской власти и родовую систему, вызвали возму-

щение среди казахов. Поэтому было принято решение воздвигнуть в Омске мечеть с целью, с одной стороны, показать лояльность и уважение царского правительства к религии казахского населения, а с другой – ослабить влияние Бухары, где получали мусульманское богословское образование многие имамы татарского и казахского происхождения. На строительство мечети была утверждена сметная стоимость в 59 439 руб. 95 коп. с разделением на 3 года [Лебедева, 1994б, с. 99]. В 1827 г. была выделена сумма в 56 000 руб. Строительство первой омской мечети на средства казны по проекту А.М. Скородумова завершилось в 1829 г. Из казны также оплачивалось жалование имама, муэдзина, надзирателя, сторожей, а также отопление и освещение мечети [Лебедева, 2004, с. 63]. Омский краевед В.И. Селюк упоминал также о пожертвованиях мусульман и взносе в 3 384 руб. от генерал-губернатора П.М. Капцевича на сооружение данной мечети [1990]. Н.И. Лебедева отмечает исключительность такого явления, как возведение и содержание омской мечети за счет государственных средств, когда даже православные храмы, кроме военных и общегосударственных, строили за счет привлечения добровольных пожертвований с незначительным вкладом казенных денег [1994б, с. 100; 2004, с. 67]. Этот факт, как и строительство посольских домов и мектебе (школ), свидетельствует о целенаправленной деятельности генерал-губернатора Западной Сибири П.М. Капцевича по усилению привлекательности российского государства для мусульманских народов, в первую очередь казахов.

В начале XX в. в Омске были две соборные мечети: первая на углу Аптечной (пр. К. Маркса) и Почтовой и вторая на ул. Семинарской (с 1919 г. – ул. Лагерная, с 1975 г. – ул. Маршала Жукова). При них же были открыты мектебе [Лебедева, 2004, с. 63]. Судя по архивным данным, в 1930-е гг. в Омске были мусульманские молитвенные дома на ул. Обозной, 24, по ул. Декабристов, 116, в здании 5-го участка Нарсуда на ул. Восточной, 41. В 1937–1938 гг. все они были закрыты [Лебедева, 1994а]. На комсомольском субботнике в 1935 г. разобрали мечеть в Таре. В 1960-е гг. разрушили первую омскую мечеть. К. Кабдулвахитов пишет, ссылаясь на местных старожилов, что крепкие стены мечети растаскивали тросами танки (<http://dumrf.ru/regions/55/history>). Позже на ме-

сте мечети построили из бетона магазин «Топаз» (пр. К. Маркса, 5а). Однако жизнь омской мусульманской общины, состоящей в основном из татарского и казахского населения, не прекратилась со сносом и закрытием мечетей. Муллы продолжали свою деятельность, активно участвуя в традиционной-бытовой сфере жизни. При их участии проводились обряды жизненного цикла от имянаречения младенцев и обрезания до свадебных, курмалдыков по разным важным моментам жизни и похоронно-поминальных, а также религиозные праздники: ауыз ашар, окончание поста рамадан, курман айт. Во многих аулах и поселках были старики, знавшие молитвы и ритуалы. Также часто пользовались услугами приглашенных мулл и совершавших обрезание кожа. В 1970-е гг. в центре Омска по ул. Сажинская открыли молитвенный дом во главе с Жакып-муллой. С направлением в Омск З.Ш. Шакирзянова после окончания в 1978 г. медресе в Бухаре был открыт молитвенный дом на 25-й линии. В связи с нехваткой средств в начале строительства Соборной мечети в 1990-х гг. его продали католикам.

Перестройка, а затем распад Советского Союза вызвали в стране рост этноконфессионального самосознания и оживление национально-политических процессов. Начиная с первой половины 1990-х гг. лидеры религиозных организаций и национально-культурных общественных объединений были втянуты в политические процессы депутатами, блоками и партиями. В Омске и области в 1993–1994 гг. активное участие в выборах в федеральные и местные органы самоуправления приняла татаро-башкирская общественно-политическая организация «Ватан», выдвинув своих представителей и поддержав блок «Выбор России». Доверенным лицом депутатов В.Н. Лоткова и П.Ю. Сатонкина выступил имам З. Шакирзянов [Мусульмане Омского Прииртышья..., 2003, с. 11–12].

В апреле 1990 г. А.М. Омаров со своими соратниками организовал и зарегистрировал в Омске Казахскую мусульманскую общину, вызвав бурную реакцию в мусульманском сообществе. Казахская мусульманская общественность осудила действия А.М. Омарова, обвиняя его в преднамеренном расколе мусульман по этническому признаку и преследовании личных корыстных целей. Характерно, что его поддержали имамы татарского происхождения, негативно настроенные к З.Ш. Шакирзянову из-за желания сосредоточить всю власть в мусульманской общине в своих руках. Последний активно через местные СМИ и органы власти противодействовал А.М. Омарову. Дальнейшие события только подлили масла в огонь. А.М. Омаров стал добиваться передачи под мечеть двухэтажного дома дореволюци-

онной постройки по ул. Маршала Жукова, 97. Для реализации этой цели он привлек Омское областное общество казахского языка «Қазақ тілі», образованное в декабре 1991 г., пообещав им выделить второй этаж дома. Однако после передачи дома он сам с женой вселился на второй этаж, отведя под мечеть им. Қожа Ахмета первый этаж. Однако справедливости ради следует отметить, что дом был в полуразрушенном состоянии и А.М. Омаров продал собственный дом на 11-й линии, чтобы отремонтировать его и увеличить молельный зал кирпичным пристроем. Позднее он безуспешно пытался, заручившись поддержкой архитектора А.М. Каримова, заполучить такое же рядом стоящее здание по ул. Маршала Жукова, 95. Характерно, что старожил Омска А.М. Омаров для своей мечети выбрал исторически правильное место, где-то поблизости в начале XX в. располагалась вторая Соборная мечеть по ул. Семинарской, переименованной сначала в ул. Лагерную, а позже в ул. Маршала Жукова.

Прошедшая с 1 по 4 июня 1994 г. в Омске международная научная конференция «Исламская цивилизация в преддверии XXI века (к 600-летию ислама в Сибири)» вызвала широкий общественный резонанс в мире и во многом способствовала укреплению позиций ислама в регионе. Сибирский ислам был признан самым северным форпостом исламской цивилизации [Томилов, 1994]. Одним из основных организаторов конференции была Ассоциация тюркских народов Омской обл. Казахская и татарская общественность города и области приняла активное участие в работе конференции. Конференция вызвала цепь последующих событий в мусульманском мире региона. Уже через месяц 7 июля 1994 г. Омское областное общество «Қазақ тілі» совместно с наиболее активной частью казахской мусульманской общественности и советником Администрации Омской обл. С. Шариповым в ДК им. Ф.Э. Дзержинского провели областное собрание мусульманской общины «Мечеть им. Кожахмета», пригласив всех мусульман Омской обл. Собрание решило считать утратившим силу Устав Казахской мусульманской общины от 26.04.1990 г. и приложенный к нему список учредителей, освободить А.М. Омарова от должности председателя Омской мусульманской Казахской общины им. Кожахмет-хазрет Алим-ұлы, переименовать в Омскую мусульманскую общину «Мечеть им. Кожахмета», утвердить председателем правления имама Т.К. Шарипова. В правление избрали 11 человек, в числе которых были председатель общества «Қазақ тілі» С.А. Тастенов и предприниматель, в первом десятилетии XXI в. известный в области общественный и религиозный деятель А.Б. Жунусов [Мусульмане Омского Прииртышья,

2003, с. 78–80]. Однако А.М. Омаров подал жалобу Главе Администрации Омской обл. Л.К. Полежаеву с обвинением в угрозе насильственного захвата мечети «экстремистской группой» во главе с С. Шариповым. Поскольку советник Администрации Омской обл. С. Шарипов, под председательством которого проходило собрание, действительно превысил свои полномочия, Областное управление юстиции поддержало зарегистрированную в 1990 г. Казахскую мусульманскую общину им. Қожа Ахмета. В августе 1994 г. здание по ул. Маршала Жукова, 97 распоряжением Комитета по управлению имуществом Администрации Омской обл. было официально закреплено за этой общиной на праве бессрочного бесплатного пользования. При жизни А.М. Омарова мечеть им. Қожа Ахмета была автономной. Через год после его смерти в 2012 г. община вошла в состав Централизованной религиозной организации «Духовное управление мусульман г. Омска и Омской области» (ЦРО ДУМ).

Следующим звеном в цепи событий был состоявшийся летом 1995 г. в Новосибирске съезд мусульман Сибири и Дальнего Востока. В нем участвовали делегаты из 9 областей. Было принято решение выйти из-под юрисдикции Центрального духовного управления России, создать Духовное управление мусульман Сибири и Дальнего Востока (ДУМ СДВ). Муфтием нового ДУМ избрали омского имама-мухтасиба З.Ш. Шакирзянова, центром выбрали Омск. Это неадекватное решение вызвало волну неприятия как в регионах Сибири, так и в центре. По сути, оно стало началом раскола мусульманского сообщества Омской обл. и всего сибирского региона.

В 1995 г. было создано Омское региональное отделение Общероссийского мусульманского общественного движения «Нур» («Свет»), выдвинувшего 6 кандидатов в депутаты Государственной Думы Российской Федерации. Региональный список возглавляли руководители Казахского культурного центра «Мәлдір» А.Х. Жунусова и Татаро-башкирского общественно-политического объединения «Ватан», адвокат Х.К. Садыков [Там же, с. 17, 37]. Движение «Нур» было организовано с целью создания фракции мусульманских депутатов в Госдуме РФ для защиты интересов мусульманских народов России. Имам З. Шакирзянов попал в очередную конфликтную ситуацию. В листовке «С кем ты, достопочтенный имам Шакирзянов?» Х.К. Садыков обвинил его в противодействии мусульманскому движению и возрождению культуры тюркоязычных народов Омской области [Там же, с. 40–41].

Несмотря на сопротивление со стороны имама Шакирзянова в 1995 г. А.Б. Жунусов с группой

единомышленников открыл мечеть Хайр-Иксан и был выбран председателем мусульманской общины. Мэрия города удовлетворила просьбу общины и передала под мечеть освободившееся здание на ул. Б. Хмельницкого.

Ответной реакцией на создание ДУМ Сибири и Дальнего Востока стало проведение в августе 1997 г. в г. Тобольске конференции мусульман Сибири и Дальнего Востока, на которой было создано Духовное управление мусульман Азиатской части России (ДУМ АЧР). Главным муфтием его был избран шейх Нафигулла Аширов. Через год ДУМ АЧР вошло в состав Совета муфтиев России. 13–14 февраля 1999 г. в Тюмени прошел Форум мусульман Азиатской части России. В мероприятии приняли участие 420 делегатов и гостей из 27 регионов Урала, Сибири и Дальнего Востока. На форуме вручили указы о назначении глав региональных духовных центров – казыятов ДУМ АЧР [Там же, с. 97–99]. Мухтасибом Омского казыята стал председатель Казахской национально-культурной автономии Омской обл. А.Б. Жунусов. Создание ДУМ АЧР запустило механизм воссоединения мусульманских общин в единый организм.

Конец 1990-х гг. вошел в историю как начало строительства мечетей в казахских аулах Сибири и Поволжья и время первых казахских имамов, получивших теологическое образование в исламских российских и зарубежных вузах [Семенов, 2007, с. 104–105]. По нашим данным, на 1999 г. в Омской обл. уже было зарегистрировано 17 мечетей, из них 4 в Омске. В Кировском р-не Омска в 1996 г. была зарегистрирована мечеть «Иман». В Омске в 1997 г. завершилось строительство Соборной мечети по 20-й линии на средства бизнесмена из Татарстана Р.Д. Баязитова.

17–19 августа 2000 г. Омский казыят организовал проведение II Курултая ДУМ Азиатской части России [Мусульмане Омского Прииртышья..., 2003, с. 120–123]. В работе форума приняли участие 340 делегатов от каждой городской и сельской общины, тем самым проявив сплоченность своих рядов. За прошедшие три года после I Курултая в Тобольске общины ДУМ АЧР смогли развернуть широкую деятельность по сооружению мечетей даже в таких отдаленных местах, как Петропавловск-Камчатский, Якутия, Хабаровск и Находка. Омский казыят преобразовали в Централизованную религиозную организацию «Казыятское управление мусульман Омской области ДУМ АЧР», затем в 2002 г. Централизованную религиозную организацию «Духовное управление мусульман города Омска и Омской области ДУМ АЧР» (ЦРО ДУМ), руководителем (муфтием) которой был до ухода из жизни А.Б. Жунусов, одно-

временно занявший посты заместителя главного муфтия Духовного управления мусульман Азиатской части России и муфтия по Сибирскому региону ДУМ АЧР [Ахметова, Ильина, 2019].

Духовное управление мусульман Сибири существует изолированно, не входит ни в одну из вышестоящих мусульманских организаций. В результате раскола в Омской обл. местные религиозные организации мусульман (МРОМ) оказались разделены не по этничности, а по принадлежности к центральным организациям. В настоящее время в Омской обл. числится более 77 МРОМ, из них 9 в Омске. 35 МРОМ и 4 молебных дома вошли в ЦРО ДУМ г. Омска и Омской обл. ДУМ АЧР, возглавляемого с 2013 г. Б.З. Бакулиным. Из них 12 – в татарских селениях Большереченского, Тарского, Тевризского, Усть-Ишимского р-нов области. 29 МРОМ относятся к ЦРО ДУМ Сибири. 4 МРОМ вошли в ведомство ЦРО ДУМ РФ, 6 относятся к ЦРО ДУМ Омской обл. (Омский мухтасибат). Местные религиозные организации Омска «Сейтказы» и «Иман» вышли из состава ЦРО ДУМ Омска и Омской обл. ДУМ АЧР и никуда уже не входят.

Количество МРОМ продолжает увеличиваться с каждым годом. В августе 2020 г. состоялось открытие мечетей в р.п. Большеречье и д. Ашеваны Усть-Ишимского р-на во главе с муфтием ДУМ АЧР Шейхом Н. Ашировым, муфтием ЦРО ДУМ Омска и Омской обл. Б.З. Бакулиным.

Рассмотрев события рубежа двух веков в мусульманском обществе региона, мы пришли к выводам, что основными факторами были человеческий и административный. Личные амбиции, узость сознания лидеров, привыкших воспринимать все через разделение на своих и чужих, стремление сохранить власть и передать по наследству своей семье привели к расколу мусульман. Б.З. Бакулин в разговоре сказал, что З.Ш. Шакирзянов вместо того, чтобы противодействовать появлению новых мечетей, мог бы поддержать это явление и сделать их филиалами Соборной мечети, возглавив мусульманские общины области. Открытие новых мечетей связано с тем, что основные прихожане – старые люди – не могут далеко ездить, им нужна мечеть поблизости. Административный фактор связан с тем, что российские власти не стали вмешиваться в религиозные процессы в отличие от Казахстана и республик Средней Азии, где сразу провели вертикальную централизацию. Поэтому там нет таких конфликтов в этой сфере.

Список литературы

Ахметова Ш.К., Ильина А.А. Казахское национальное движение в России в XXI в.: проблемы институцио-

нализации // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2019. – Т. 10, вып. 1 (75) [Электронный ресурс]. – URL: <https://history.jes.su/s207987840002561-6-1/> (дата обращения: 22.11.2019). DOI: 10.18254/S0002561-6-1.

Балюнов И.В. Тобольская соборная мечеть: страницы истории и археологические исследования // Баландинские чтения. – Новосибирск, 2015. – С. 88–94. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tobolskaya-sobornaya-mechet-stranitsy-istorii-i-arheologicheskie-issledovaniya> (дата обращения: 22.09.2020).

История Казахстана (с древнейших времен до наших дней): в 5 т. – Алматы: Атамура, 2010. – Т. 3. – 768 с.

Лебедева Н.И. Закрытие омских мечетей // Ислам, общество и культура: мат-лы междунар. науч. конф. «Исламская цивилизация в преддверии XXI века (к 600-летию ислама в Сибири)». – Омск, 1994а. – С. 96–97.

Лебедева Н.И. О строительстве мечетей в Западной Сибири (1760–1820-е годы) // Ислам, общество и культура: мат-лы междунар. науч. конф. «Исламская цивилизация в преддверии XXI века (к 600-летию ислама в Сибири)». – Омск, 1994б. – С. 97–100.

Лебедева Н.И. Храмы и молитвенные дома Омского Прииртышья. – Омск: Издатель-Полиграфист, 2004. – 256 с.

Мусульмане Омского Прииртышья на пороге тысячелетия: сб. док-тов / сост. С.В. Новиков, И.А. Турсунов, И.В. Новикова. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2003. – 271 с.

Омская область. Административно-территориальное деление: справочник. – Омск, 1991. – 176 с.

Селюк В.И. Минареты близ Почтовой площади // Омская правда. – 1990. – № 30.

Семенов В.В. Ислам в Саратовской области. – М.: Логос, 2007. – 120 с.

Томилов Н.А. Сибирь – северо-восточная ветвь исламской цивилизации // Ислам, общество и культура: мат-лы междунар. науч. конф. «Исламская цивилизация в преддверии XXI века (к 600-летию ислама в Сибири)». – Омск, 1994. – С. 160–163.

References

Akhmetova Sh.K., Pina A.A. Kazakhskoe natsional'noe dvizhenie v Rossii v XXI vv.: problemy institutsionalizatsii. *Elektronnyi nauchno-obrazovatelnyi zhurnal "Istoriya"*. URL: <https://history.jes.su/s207987840002561-6-1/> (Accessed: 22.11.2019). (In Russ.). DOI: 10.18254/S0002561-6-1.

Balyunov I.V. Tobol'skaya sobornaya mechet': stranitsy istorii i arkheologicheskie issledovaniya. In *Balandinskie chteniya*. Novosibirsk, 2015. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tobolskaya-sobornaya-mechet-stranitsy-istorii>

i-arheologicheskie-issledovaniya (Accessed: 22.09.2020). (In Russ.).

Istoriya Kazakhstana (s drevneishikh vremen do nashikh dnei). Almaty: Atamura, 2010, vol. 3, 768 p. (In Russ.).

Lebedeva N.I. O stroitel'stve mechetei v Zapadnoi Sibiri (1760-1820-e gody). In *Islam, obshchestvo i kul'tura: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Islamskaya tsivilizatsiya v preddverii XX veka (k 600-letiyu islama v Sibiri)"*. Omsk, 1994a, pp. 97–100. (In Russ.).

Lebedeva N.I. Zakrytie omskikh mechetei. In *Islam, obshchestvo i kul'tura: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Islamskaya tsivilizatsiya v preddverii XX veka (k 600-letiyu islama v Sibiri)"*. Omsk, 1994b, pp. 96–97. (In Russ.).

Lebedeva N.I. Khramy i molitvennye doma Omskogo Priirtysh'ya. Omsk: Izdatel'-Poligrafist, 2004, 256 p. (In Russ.).

Novikov S.V., Tursunov I.A., Novikova I.V. (ed.). Musul'mane Omskogo Priirtysh'ya na poroge tysyacheletiya: Sbornik dokumentov. Omsk: State Univ. Press, 2003, 271 p. (In Russ.).

Omskaya oblast'. Administrativno-territorial'noe delenie: spravochnik. Omsk, 1991, 176 p. (In Russ.).

Selyuk V.I. Minarety bliz Pochtovoi ploshchadi. *Omskaya Pravda*, 1990, No. 30. (In Russ.).

Semenov V.V. Islam v Saratovskoi oblasti. Moscow: Logos, 2007, 120 p. (In Russ.).

Tomilov N.A. Sibir' – severo-vostochnaya vetv' islamskoi tsivilizatsii. In *Islam, obshchestvo i kul'tura: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Islamskaya tsivilizatsiya v preddverii XX veka (k 600-letiyu islama v Sibiri)"*. Omsk, 1994, pp. 160–163. (In Russ.).

Ахметова И.К. <https://orcid.org/0000-0002-8925-0772>

Ш.К. Ахметова¹✉, И.В. Толпеко²

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

²Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
Омск, Россия

E-mail: ack-sholpan@yandex.ru

Мазары на мусульманских кладбищах Омского Прииртышья (по материалам 2020 года)

В статье рассматриваются результаты исследования мусульманских кладбищ Бибатыр и Хаир-Ихсан Омской обл. в 2020 г. Целью работы стало изучение мазаров как новой традиции в погребальном обряде казахов Омского Прииртышья. Возведение монументальных мемориальных сооружений (мазаров) изначально не характерно для казахского населения рассматриваемого региона. В досоветское и советское время их появление на кладбищах носило эпизодический характер. Однако на этих этапах хорошо прослеживается связь строительства мазаров с традиционным казахским мировоззрением, возрастом, богатством, статусом и совершением хаджа погребенным. Выяснено, что активизация этой традиции происходит с 1990-х гг. XX в. Это было связано с улучшением благосостояния некоторых слоев населения и влиянием Казахстана. Возрастание количества монументальных сооружений на мусульманских кладбищах произошло в XXI в. Современные мазары в целом традиционны по архитектуре (большие размеры, купола). Однако им присущ и ряд новых черт. На данный момент строительство мазара во многом остается зависимым от благосостояния родственников, однако ведущими факторами также становятся его значимость для семьи, их степень скорби и уважения к умершему человеку. В связи с этим в Омском Прииртышье появляются мазары над захоронениями молодых людей и женщин. Купола чаще всего выполняются из металла и не имеют непосредственной связи со стенами. Появляются окна, на стены или рядом с ними устанавливаются плиты с информацией об умерших, их изображения. Рядом с мазаром оформляется площадка со скамейкой, высаживаются цветы и деревья. В совокупности размеры по периметру, высота стен и наличие купола придают постройке монументальность, выделяя ее среди обычных оградок на кладбище. Считаем, что современные мазары на кладбищах Омского Прииртышья являются инновацией, заимствованной из Казахстана и противоречащей традиционному казахскому мировоззрению.

Ключевые слова: мусульманская традиция, казахи, кладбище, монументальное мемориальное сооружение, мазар, купол, Омское Прииртышье.

Sholpan K. Akhmetova¹✉, Irina V. Tolpeko²

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

²Dostoevsky Omsk State University,
Omsk, Russia

E-mail: ack-sholpan@yandex.ru

Mazars at Muslim Cemeteries of the Omsk Irtysh Region (the Evidence of 2020)

The article discusses the results of studying the Muslim cemeteries of Bibatyr and Khair-Ikhsan in Omsk Region in 2020. This study examines mazars as a new tradition in the funeral rite of the Kazakhs living in the Omsk Irtysh region. Monumental memorial structures (mazars) were not originally typical for the Kazakh population of the region. In the pre-Soviet and Soviet periods, mazars appeared at cemeteries only sporadically. At that time, there was a clear connection between the construction of mazars and traditional Kazakh worldview, age, wealth, status, and performance of the hadj by the buried persons. It is established that the tradition of building mazars has intensified since the 1990s because some segments of the population have

become wealthier, and because of the influence of Kazakhstan,. The number of monumental structures at Muslim cemeteries increased even more in the 21st century. Although modern mazars are mostly traditional in terms of architecture (large sizes, domes), they also have a number of new features. Currently, construction of mazars still largely depends on the wealth of the relatives, but its importance for the family, their degree of grief, and respect for the deceased person also become the leading factors. This is why in the Omsk Irtysh region, mazars started to appear on top of the burials of young people and females. Domes are most often made of metal and do not have direct binding with the walls which sometimes have windows; slabs with information about the deceased and their images are displayed on the walls or next to them. A platform with bench is usually made near the mazar; flowers and trees are planted. Taken together, sizes along the perimeter, height of the walls, and presence of the dome give the building monumentality, making it stand out from regular enclosures at the cemetery. Modern mazars at the cemeteries of the Omsk Irtysh region seem to be an innovation borrowed from Kazakhstan and contradictory to the traditional Kazakh worldview.

Keywords: *Muslim tradition, Kazakhs, cemetery, monumental memorial building, mazar, dome, Omsk Irtysh region.*

На казахских кладбищах Омского Прииртышья основной целью строительства оград вокруг могил первоначально была их временная защита, а не акцентирование внимания на статусе погребенного. Поэтому родственники традиционно ставили саманные *торткулаки* (невысокие ограждения с выступами на углах) или обкладывали могильный холмик в несколько слоев дерном. Позднее казахское население начинает устанавливать скромные металлические и деревянные ограждения. В дальнейшем приоритет стали отдавать торткулакам из промышленного кирпича различных сортов и цвета, которые по архитектурному исполнению не сильно отличались от своих саманных предшественников. В настоящее время для сооружения оград используются промышленный кирпич, металл, бетон, часто встречается комбинация из кирпича и металла [Ахметова, Толпеко, 2019, с. 237–242], однако по занимаемой площади и высоте они практически не изменились. В новой части некрополя Бибатыр даже висит объявление от администрации кладбища о том, что строго запрещается возводить ограды, не соответствующие стандарту, и указан их размер – 2 × 2,8 м. Тем не менее на некоторых казахских и мусульманских кладбищах Омского Прииртышья в конце XX – начале XXI в. отмечено появление монументальных мемориальных сооружений. Целью данной работы является изучение этого нового явления в погребальном обряде казахов Омского Прииртышья. Статья построена на материалах, полученных авторами в ходе проведения экспедиционных работ в сентябре 2020 г. на мусульманских кладбищах Бибатыр Азовского р-на и Хаир-Ихсан Омского р-на Омской обл.

При обращении к этой теме в первую очередь необходимо определиться с терминологией. В научной литературе монументальные погребальные сооружения над мусульманскими могилами чаще всего обозначают как «мавзолей» (независимо от архитектурных особенностей). При этом учитывается их социальный или религиозный

статус, функциональное предназначение и размеры. В исследованиях по истории мемориальной архитектуры Средней Азии и Казахстана под мавзолеями понимаются мемориальные сооружения преимущественно купольных форм. Однако в общекультурное понятие включаются и другие формальные признаки мавзолеев, например они могут быть не только купольные, но и шатровые, башенные. Далеко не все монументальные погребальные сооружения имели купольно-сводчатые перекрытия, несмотря на их массовость и культурно-историческую преемственность [Ажигали, 2002, с. 220].

На территории Омского Прииртышья монументальные мемориально-культурные сооружения местного населения чаще всего называют просто *мазарами*. Информанты преклонного возраста из аула Каржас (располагавшегося ранее на левобережье г. Омска) использовали термин *кoнырек*. Слово *кoнырек* в различных вариациях его написания отсутствует в казахско-русских словарях. Однако можно предположить, что оно образовано от *кoнырау* – «колокол» и обозначает колокольню. Если исходить из того, что колокольня – это культовое сооружение с куполом, то можно предположить произошедший перенос названия казахами аула Каржас на монументальные мемориальные сооружения типа купольного мазара [Ахметова, Толпеко, 2010а, с. 39]. В предложенном в работе аспекте исследования нам представляется более правильным использование для таких построек термина «мазар» как традиционно употребляемого казахским населением Омского Прииртышья.

Монументальные мемориальные сооружения издавна присутствовали в погребальном обряде казахов рассматриваемой территории, однако даже в досоветский период их возведение не было обычным явлением. За многие годы исследований нам удалось выявить только один объект этого времени удовлетворительной сохранности – на кладбище Бекназар рода *кoнай* аула Карзюк (Нововаршавский р-н Омской обл.). Некрополь назвали по

первому захоронению знатного человека по имени Бекназар из рода *конай кулан-кипчак*, датируемому предположительно второй половиной XIX в. Вокруг его могилы был воздвигнут мазар из пластов дерна. Размеры сооружения по внешним сторонам 8 × 8 м, высота стен, уже сильно оплывших к настоящему времени, местами достигает 2 м. Толщина их составляла ок. 1 м [Ахметова, Толпеко, 2010б, с. 74]. Размеры мазара позволяют отнести его к монументальным сооружениям. По остаткам стен можно предположить, что он представлял собой ограду типа *торткулак*. Наличие какой-либо конструкции, перекрывавшей постройку, установить не удалось. Местное население дало еще одно название кладбищу – *Кара зират*, что в переводе с казахского означает «черное кладбище». Возможно, оно появилось из-за возвышающихся по центру некрополя темных дерновых стен мазара Бекназара [Ахметова, Толпеко, 2010а, с. 41; 2017, с. 21–22, рис. 3].

На кладбище Баимбет в Нововаршавском р-не Омской обл. нами были зафиксированы несколько больших насыпей округлой формы. Одна из них (диаметром ок. 6 м и высотой ок. 1,2 м) по центру была сильно разрушена большой норой. В обнажении хорошо фиксировалась сводчатая кладка из сырцовых кирпичей. Можно предположить, что данное сооружение изначально представляло собой купольный мазар и, судя по степени разрушения, могло быть построено еще в XIX в. [Ахметова, Толпеко, 2010б, с. 74; 2017, с. 19, рис. 1].

Купольный, округлый в плане мазар из красного кирпича расположен в центре мусульманского кладбища в Октябрьском округе г. Омска. Татарское (Магометанское) кладбище, по данным Комбината специальных услуг, возникло еще в 1840 г. [Бродский, 2018, с. 22–23]. Возраст мазара установить трудно, возможно, он был построен еще до революции: старый кирпич сильно разрушен, порос мхом, купол частично обвалился. Интересно, что данная постройка была подвергнута ремонту. Разрушенные фрагменты стен относительно недавно заложены красным кирпичом. В строении отсутствует дверь, что не характерно для купольных мазаров. Место, где она могла бы находиться ранее, заложено кирпичом, вверху оставлено только маленькое квадратное окошко. Старая часть этого кладбища притягивает маргинальные категории населения. Вероятно, мазар, как постройка с крышей, был для них особенно привлекателен, в результате чего дверной проем в ходе ремонта был ликвидирован [Толпеко, 2018, с. 25–26].

На протяжении советского периода истории монументальные надмогильные сооружения на казахских кладбищах также практически не возводи-

ли. Исключением является кладбище аула Касқат Исилькульского р-на Омской обл. Однако поселение было основано потомками двух групп воинов ислама: иранского (шиитов) и арабского (суннитов) происхождения. Шиитов в ауле называют *ших қожжа*, суннитов просто *қожжа*. На кладбище с одной стороны покоятся останки потомков шиитов, с другой стороны – потомков суннитов. Их надмогильные сооружения отличаются монументальностью архитектурных форм и использованием в качестве кумбезов старых больших чугунных котлов [Ахметова, 2013, с. 13–14].

В ходе археолого-этнографических экспедиций ИАЭТ СО РАН выяснено, что активизация традиции строительства больших по размерам мемориальных сооружений из кирпича на кладбищах происходит с 1990-х гг. XX в. Это было связано с улучшением материального состояния отдельных слоев населения и влиянием из Казахстана. Так, по информации жителей с. Гвоздевка, большой купольный мазар был построен над могилой погибшего молодого парня на кладбище Сага (Москаленский р-н Омской обл.) при участии его друзей из Казахстана. Существенное возрастание количества монументальных сооружений на мусульманских кладбищах произошло в XXI в.

В ходе экспедиционных работ на зирате Бибатыр нами было зафиксировано двенадцать монументальных мемориальных сооружений, на зирате Хаир-Ихсан – восемь. На основе их изучения и с учетом характеристик уже известных подобных единичных построек на других кладбищах, нами был выявлен комплекс признаков для выделения мазаров на мусульманских кладбищах Омского Прииртышья:

- 1) размеры по периметру (ширина и длина постройки) или диаметр;
- 2) высота стен;
- 3) наличие купола.

При этом необходимо учитывать все эти признаки в совокупности. Так, размеры по периметру в отдельности могут не являться признаком мазара. Большой периметр может иметь и обычная ограда, изначально предназначенная для совершения нескольких родственных захоронений. Как правило, от мазара ее отличает выраженная прямоугольная форма, вытянутая в длину. По ширине и высоте такие ограды в целом не отличаются от обычных *торткулаков*. О строительстве мазара для одиночной могилы обычно свидетельствует единственное захоронение, расположенное по центру. Монументальные сооружения могут служить и семейными усыпальницами. В этом случае они чаще всего прямоугольные и содержат несколько захоронений, как правило, два. Такие мазары встреча-

Рис. 1. Квадратный в плане мазар на кладбище Бибатыр, Азовский р-н Омской обл. Фото И.В. Толпеко, 2020 г.

ются и пока только с одной могилой, однако она сдвинута к одной из сторон (обычно влево), что подразумевает в дальнейшем размещение еще одного или нескольких умерших. На зирате Бибатыр расположен большой прямоугольный мазар, в котором на данный момент находится только одна могила. Она максимально сдвинута влево. Остальная поверхность внутри свободна и выложена большими плитами черного мрамора. В целом же преобладают подквадратные в плане мазары (рис. 1), однако встречаются прямоугольные, многоугольные (рис. 2) и круглые (рис. 3). Все эти варианты были выявлены на обследованных нами зиратах Бибатыр и Хаир-Ихсан.

По высоте, на наш взгляд, к мазарам следует относить сооружения, стены которых возвышаются на 2 и более метра. Такая постройка, даже если она выполнена в виде ограды и не имеет купола, уже претендует на монументальность и не может быть отнесена к обычным (стандартным) оградкам типа *торткулак*. Следует заметить, что среди современных оград появились переходные варианты. Они отмечены на обоих исследованных зи-

Рис. 2. Многоугольный мавзолей религиозного и общественного деятеля А. Жунусова на кладбище Хаир-Ихсан, Омский р-н Омской обл. Фото И.В. Толпеко, 2020 г.

Рис. 3. Круглый в плане мазар на кладбище Бибатыр, Азовский р-н Омской обл. Фото И.В. Толпеко, 2020 г.

ратах. К таким можно отнести сооружения в виде столбов высотой до 2 и более метров, увенчанных миниатюрными куполами с полумесяцами. Пролеты между столбами закрыты узорчатыми металлическими решетками. Такая ограда может быть даже увенчана большим куполом, что позволяет отнести ее к мазарам. Другой вариант представлен оградой довольно больших размеров в плане, но особо не выделяющимся по высоте. Однако передняя часть у них может быть поднята довольно высоко – до 2 и более метров.

Наличие купола не является обязательным признаком мазара (рис. 3). Однако в Омском Прииртышье купол на мазарах присутствует в большинстве случаев. Ранее он выкладывался из кирпичей вместе со стенами или сооружался из металла непосредственно с опорой на них. На современном этапе купол обычно выполняется из металла и устанавливается на конструкцию из металлических балок, закрепленную в верхней части стен (см. рис. 1). Встречаются и купола, установленные на конструкции, опирающиеся на металлические столбы, поставленные по углам мазара.

Металлический купол более легкий (в сравнении с кирпичным) и проще в возведении. Он не требует квадратных или круглых в плане форм основного сооружения (характерных для мавзолеев Казахстана), которые были необходимы для обеспе-

чения перехода от стен к куполу и равномерной нагрузки на стеновую конструкцию. Купол из металла может быть изготовлен отдельно (собирается рядом с мазаром или в мастерской) и уже в дальнейшем водружен на постройку. Над могилой Ануарбека Жунусова, известного религиозного и общественного деятеля, похороненного на зирате Хаир-Ихсан, было воздвигнуто величественное архитектурное сооружение из белого кирпича, которое по всем параметрам в рамках казахстанской традиции может быть отнесено к мавзолеям. На данный момент купол над ним отсутствует (см. рис. 2). По данным, полученным от информантов, из-за повреждения он был снят и отправлен на ремонт.

Среди современных мазаров есть примеры сооружения купола по старой традиции – из кирпича. На одном из мазаров зирата Хаир-Ихсан большой кирпичный купол был выложен на металлической конструкции, которая, как и в случае с металлическими куполами, закреплена в стенах сооружения (рис. 4, 5). Это совершенно необычный прием совмещения старой и новой традиции.

Размеры куполов на мазарах обычно составляют ок. 2/3 площади мавзолея. Однако над большими по площади мазарами встречаются и маленькие, по сути символические, купола. В редких случаях над мазаром можно увидеть и традиционный для казахских кладбищ Омского Прииртышья *кумбез*.

Рис. 4. Прямоугольный мазар с куполом из кирпича на кладбище Хаир-Ихсан, Омский р-н Омской обл. Фото Ш.К. Ахметовой, 2020 г.

Для классических мавзолеев Казахстана первой по значимости характерной чертой можно считать статус, значимость для общества человека, для которого он строился. Как правило, это были известные политические, общественные и религиозные деятели, которые при жизни заслужили почет и уважение населения. Вероятно, для немногочисленных ранних монументальных мемориальных сооружений на территории Омского Прииртышья мы также можем выделить этот значимый признак, например, мазар Бекназара. На сегодняшний день это не является главным основанием для возведения подобного сооружения над могилой умершего, хотя подобные примеры тоже есть (мавзолеем А. Жунусова). Большинство мазаров на казахских кладбищах, возведенных в конце XX – начале XXI в. имеют значимость для конкретной семьи, являются выражением их скорби по умершему человеку и уважения к нему. Несомненно и то, что ведущую роль здесь играет уровень материального состояния родственников. Возведение мазара – это весьма затратное строительное меро-

Рис. 5. Фрагмент внутреннего свода купола из кирпича, установленного на металлической конструкции над мазаром на кладбище Хаир-Ихсан, Омский р-н Омской обл. Фото Ш.К. Ахметовой, 2020 г.

приятие, требующее значительных финансовых средств и трудозатрат. Таким образом, если ранее мазары сооружались только для мужчин зрелого и преклонного возраста, то сейчас обычным явлением для Омского Прииртышья стали подобные постройки и над могилами молодых мужчин, а также женщин разного возраста (см. рис. 1).

В совокупности размеры по периметру, высота стен и наличие купола придают постройке монументальность, что на сегодняшний день в целом можно считать главным признаком мазара.

Таким образом, мазары появляются на самых ранних этапах освоения казахами Омского Прииртышья. Эта традиция была привнесена сюда населением Казахстана, однако не нашла широкого распространения на территории региона. Позднее, в советское время, она оказалась практически прервана, особенно после широкого распространения оградок из дерева и металла. В дальнейшем, с перестроечного времени и возвращения традиции возведения оград из кирпича (но уже промышленного), монументальные мемориальные сооружения на мусульманских кладбищах появляются вновь, но уже в несколько ином варианте.

Архитектура мазаров в целом с момента их появления не претерпевает значительных изменений. Они отличаются значительными размерами в плане и по высоте, имеют дверные проемы и увенчаны куполами. Однако в их оформлении на территории Омского Прииртышья появляются и новые черты – оформление оконных проемов (см. рис. 2–4), установка на стенах или рядом с ними мемориальных плит. Отмечено развитие традиции размещения такой плиты по желанию родственников внутри сооружения, т.к. это не регламентировано мусульманской традицией. При сооружении мазаров стали использоваться новые строительные приемы, например при возведении купола. Обычным явлением стала установка памятных плит с изображением умершего (см. рис. 1). Также часто встречается (если позволяет место) оформление территории вокруг сооружения – посадка цветов, деревьев, укладка плитки, установка скамеек (рис. 1, 2, 4). Последние два нововведения стали обычным явлением и для стандартных казахских захоронений.

В ходе экспедиции 2020 г. на новой части кладбища Бибатыр нами был зафиксирован мавзолей без захоронения. Сложно представить, что он был возведен для еще живого человека, «про запас». Более вероятно, что его построили для продажи. Подтверждением этому служит расположенный неподалеку на выровненной и подсыпанной площадке ряд стандартных фундаментов, вероятно также предназначенных вместе с местом для про-

дажи. Интересен тот факт, что в этой, новой части кладбища строго регламентированы размеры сооружаемых оградок. Тем не менее рядом с входом в новой части зирата появился уже целый ряд монументальных сооружений. И последним в этом ряду стоит пустой мазар.

Таким образом, к настоящему времени строительство на кладбищах мазаров стало отдельным направлением в современной мемориально-культурной архитектуре казахского населения Омского Прииртышья, хотя на большинстве кладбищ они все еще отсутствуют или отмечены единично. Мы полагаем, что эти монументальные сооружения являются современной инновацией, заимствованной из Казахстана, а также отходом от традиционного казахского мировоззрения и культуры.

Список литературы

Ажигали С.Е. Архитектура кочевников – феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). – Алматы: Ғылым, 2002. – 654 с.

Ахметова Ш.К. Қожа в этнической истории казахов Западной Сибири // Казанская наука. – 2013. – № 4. – С. 12–14.

Ахметова Ш.К., Толпеко И.В. Казахские мемориальные комплексы юга Омской области // Казахи России: история и современность. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010а. – Т. 2. – С. 36–44.

Ахметова Ш.К., Толпеко И.В. Казахские надмогильные сооружения юга Омской области из дерна и сырцового кирпича // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск: Изд-во Ом. гос. пед. ун-та; Изд. дом «Наука», 2010б. – С. 72–75.

Ахметова Ш.К., Толпеко И.В. К вопросу о периодизации казахских кладбищ Среднего Прииртышья // Социосфера. – 2017. – № 4. – С. 18–23.

Ахметова Ш.К., Толпеко И.В. Влияние природно-географических условий на погребальный обряд казахов Омского Прииртышья // Вестн. Ом. ун-та. Сер. «Исторические науки». – 2019. – № 3 (23). – С. 232–244.

Бродский И.Е. Мусульманское (Татарское) кладбище // Омский некрополь. Старейшие кладбища: справочное издание. – Омск: Амфора, 2018. – С. 22–23.

Толпеко И.В. Мусульманское (Татарское) кладбище // Омский некрополь. Старейшие кладбища: справочное издание. – Омск: Амфора, 2018. – С. 23–26.

References

Akhmetova Sh.K. Қожа в этнической истории казахов Западной Сибири. *Kazanskaya nauka*, 2013, No. 4, pp. 12–14. (In Russ.).

Akhmetova Sh.K., Tolpeko I.V. Kazakhskie memorial'nye komplekсы yuga Omskoi oblasti. In *Kazakhi*

Rossii: istoriya i sovremennost'. Omsk: State Univ. Press, 2010a, vol. 2, pp. 36–44. (In Russ.).

Akhmetova Sh.K., Tolpeko I.V. Kazakhskie nadmogil'nye sooruzheniya yuga Omskoi oblasti iz derna i syrtsovogo kirpicha. In *Integratsiya arkhologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy*. Omsk: State Ped. Univ. Press; Izd. dom "Nauka", 2010b, pp. 72–75. (In Russ.).

Akhmetova Sh.K., Tolpeko I.V. K voprosu o periodizatsii kazakhskikh kladbishch Srednego Priirtysh'ya. *Sotsiosfera*, 2017, No. 4, pp. 18–23. (In Russ.). DOI:10.24044/sph.2017.4.2.

Akhmetova Sh.K., Tolpeko I.V. Vliyanie prirodno-geograficheskikh uslovii na pogrebal'nyi obryad kazakhov Omskogo Priirtysh'ya. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya*

"Istoricheskie nauki", 2019, No. 3 (23), pp. 232–244. (In Russ.). DOI 10.25513/2312-1300.2019.3.232-244.

Azhigali S.E. Arkhitektura kochevnikov – fenomen istorii i kul'tury Evrazii (pamyatniki Aralo-Kaspiiskogo regiona). Almaty: Fylym, 2002, 654 p. (In Russ.).

Brodskii I.E. Musul'manskoe (Tatarskoe) kladbishche. In *Omskii nekropol'. Stareishie kladbishcha*. Spravochnoe izdanie. Omsk: Amfora, 2018, pp. 22–23. (In Russ.).

Tolpeko I.V. Musul'manskoe (Tatarskoe) kladbishche. In *Omskii nekropol'. Stareishie kladbishcha*. Spravochnoe izdanie. Omsk: Amfora, 2018, pp. 23–26. (In Russ.).

Ахметова Ш.К. <https://orcid.org/0000-0002-8925-0772>

Толпеко И.В. <https://orcid.org/0000-0002-3085-2330>

А.А. Бадмаев

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: badmaevaa@ngs.ru

Заяц в традиционных представлениях и обрядах бурят

Образ зайца является одним из значимых и распространенных культурных символов в Евразии. В бурятской этнографии данный зооморфный образ остается пока еще малоисследованным. Целью настоящей работы является характеристика зайца в традиционных представлениях и обрядности бурят. Задачи исследования следующие: дать общую характеристику зайца в воззрениях бурят и выявить образ зайца в мифологических воззрениях и обрядности бурят. Источниками для работы послужили лингвистические, фольклорные и этнографические материалы. Основным методом исследования явился структурно-семиотический метод, предусматривающий выделение символики зайца. Выяснено, что в мифологических представлениях бурят образ зайца был полисемантическим и имел амбивалентную коннотацию. Заяц наделялся космогонической, солярно-лунарной, небесной, метеорологической, огненной символикой, а также являлся знаком обновления Земли. Кроме того, с ним связывались идея оборотничества, мотивы души и пересечения пути. Выделено, что в бурятском фольклоре заяц был олицетворением трусости, имел мужское начало. Определено, что заяц рассматривался как медиатор между мирами, поэтому он был включен в шаманскую обрядность. Выявлено, что семантика заячьего фетиша претерпела некоторую трансформацию от роли покровителя охотников и воинов до оберега младенцев. Выяснено, что в шаманских ритуалах образ этого животного наделяли особой сакральностью: заяц почитался как родовой тотем шаманов; признавалось его первенство среди зооморфных образов духов-помощников шамана; считалось, что он будто бы мог шаманить; его воспринимали как транспорт шамана в иные миры. Мифологические представления бурят о зайце находят параллели в мировоззрении некоторых других народов Евразии (монголов, южносибирских тюрков, русских), что указывает на универсальные и типологические явления в бурятском представлении о зайце.

Ключевые слова: буряты, традиционное мировоззрение, заяц, фольклор, обрядность.

Andrew A. Badmaev

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: badmaevaa@ngs.ru

The Hare in Traditional Beliefs and Rituals of the Buryats

The image of the hare is one of the most important and common cultural symbols in Eurasia. In Buryat ethnography, this zoomorphic image has still remained understudied. This article intends to establish the role of the hare by analyzing traditional beliefs and rituals of the Buryats, using linguistic, folklore, and ethnographic evidence and following the structural-semiotic method for identifying the symbolism of this animal. It has been discovered that mythological views of the Buryats reveal polysemantic image of the hare with ambivalent connotations. Hares were endowed with cosmogonic, solar-lunar, celestial, meteorological, and fire symbolism, and were a symbol of Earth renewal. Hares were associated with shapeshifting, motives of the soul, and crossing the path. In Buryat folklore, hares personified cowardice and were associated with the masculine principle. It has been established that this animal was considered to be a mediator between the worlds and in that capacity it was a part of shamanic rituals. The semantics of the hare fetish has undergone a transformation from the role of the patron of hunters and warriors to the protective amulet of infants. In shamanic rituals, the image of this animal was endowed with special sacred powers: people revered the hare as a generic totem of shamans and recognized its primacy among the zoomorphic images of shaman's spirit-assistants. It was believed that the hare could perform shamanic rituals and was perceived as a transport of the shaman to other worlds. It has been demonstrated that the Buryat mythological beliefs about the hare manifest some parallels in the worldview of other peoples of Eurasia (the Mongols, Southern Siberian Turkic peoples, and Russians), which indicates the universal and typological nature of the phenomenon in the Buryat set of beliefs related to this animal.

Keywords: Buryats, traditional worldview, hare, folklore, rituals.

Введение

Образ зайца является одним из значимых и распространенных культурных символов в Евразии и окружен различными ассоциациями и смыслами. Во многом это обусловлено биологическими особенностями и утилитарной ценностью данного животного. В современных реалиях, когда актуальной становится проблема сохранения культурного наследия, на передний план выходят изыскания в области взаимоотношений человека и природы, в т.ч. выяснение народных воззрений на дикую фауну. Отечественными авторами (И.Ю. Винокурова, А.В. Гура и др.) рассмотрен образ зайца у славян, вепсов и других народов России. Но в бурятской этнографии данный зооморфный образ остается пока еще малоисследованным. Целью настоящей работы является характеристика зайца в традиционных представлениях и обрядности бурят.

Источниками для исследования послужили лингвистические, фольклорные и этнографические материалы, включая полевые сборы автора. В работе использовались этнографо-фольклорные сведения, собранные дореволюционными и советскими исследователями. Языковой материал в основном представлен данными из двухтомного академического словаря «Буряад-ород толи» [2010]. Основным методом исследования явился структурно-семиотический метод, предусматривающий выделение символики зайца.

Общая характеристика зайца в воззрениях бурят

Одним из представителей дикой фауны Юго-Восточной Сибири, чей зооморфный образ был включен в традиционный представленный комплекс бурят, является заяц, а именно единственный вид этого млекопитающего, распространенный в регионе, – заяц-беляк (*Lepus timidus*) [Байкал..., 2009, с. 309]. Он был традиционным объектом охоты бурят, но в отличие от других пушных животных его специально не промыслили. Из заячьего меха обычно шили детскую одежду, в частности головные уборы; отварную и жареную зайчатину употребляли в пищу.

В бурятском языке встречаются два обозначения беляка – *туулай* и *шандаган*. Этимология этих слов предположительно следующая. Слово *туулай* ‘заяц’ имеет архаичное происхождение, его истоки обнаруживаются в языке средневековых монголов (*ta'ulai* ‘заяц’ [Поппе, 1938, с. 343]). Оно находит аналогии в современных монгольских языках: в монгольском языке *туулай* ‘заяц’ [Большой академический монгольско-русский словарь, 2001–2002,

с. 998]; в калмыцком – *туула* ‘заяц’ [Калмыцко-русский словарь, 1977, с. 520]; в дагурском – *тауль* ‘заяц’ [Краткий дагурско-русский словарь, 2014, с. 155]. По А.Г. Митрошиной, данное слово следует сближать с глаголом *тууха* ‘согнать (на тот свет)’ [1987, с. 82], несущим ярко выраженный негативный оттенок. Однако, на наш взгляд, более приемлемо объяснять его происхождение исходя из других значений этого глагола: *тууха* ‘гнать, погонять’ [Буряад-ород толи, 2010, т. 2, с. 260].

Другое название зайца *шандага(н)*, обнаруживающее параллели в языках некоторых монгольских народов, вероятно, имеет общую основу с существительным *шандаахан* ‘выносливость’, отражающим важное физическое качество данного животного. В пользу высказанного предположения говорит следующее устойчивое выражение: *шандаагаа мэдуулжэ табиха* – букв. ‘зная (свою) выносливость, пуститься; нестись во всю прыть’ [Буряад-ород толи, 2010, т. 2, с. 606]. Иные значения слова *шандаахан* – «сухожилия на задних ногах, мускулы, мышцы», отсылающие к строению тела, также согласуются с представлениями о выносливости рассматриваемого животного.

В бурятской лексике получил отражение сезонный диморфизм зайца: *сагаан шандаган* букв. ‘белый заяц, заяц-беляк (зимой)’ [Там же]. Для сравнения приведем номинации данного вида зайца в языках других монгольских народов: у монголов его называли *туулай чандага* ‘заяц-беляк’ [Большой академический монгольско-русский словарь, 2001–2002, с. 998], у дауров – *шаннэг* ‘заяц-беляк’ [Краткий дагурско-русский словарь, 2014, с. 214], у калмыков – *цахан туула* букв. ‘белый заяц, заяц-беляк’ [Калмыцко-русский словарь, 1977, с. 520]. Очевидно, что родовое название беляка у бурят *шандаган* находит аналогии в языках восточномонгольских этнических групп: халха, дауров и др.

Между тем в степных районах Забайкалья, где отсутствует постоянный снежный покров, обитают зайцы, не меняющие окрас меха; буряты называют их *боро шандаган* ‘серый заяц’ [Буряад-ород толи, 2010, т. 2, с. 606]. Синонимом данному названию служит слово *туулай*, по М. Фасмеру, *tulaj* ‘голубоватый и серый степной заяц’ [1987, с. 74].

Буряты подмечали, помимо указанного, и другие морфологические признаки зайца, о чем свидетельствует ряд фразеологизмов. Прежде всего, по их представлениям, данное животное отличалось природной трусостью, неслучайно трусливого человека в народе называли *шандаган зурхэтэй* букв. ‘с заячьим (т.е. с маленьким) сердцем’. Эта черта, приписываемая зайцу, нашла отражение и в другом выражении, в котором подчеркивается высокоме-

рие человека: *Шандагашалха* букв. ‘охотиться на зайцев’, перен. ‘относиться к кому-либо свысока’. В загадках также передается испытываемое этим зверьком состояние панического страха:

«Шугы соо шуг-шуг гээ,
Шуһан бэе баг-баг гээ.

В роще слышно шуг-шуг (звукоподражание скулению шенка. – А. Б.),

Кровь в теле баг-баг (звукоподражание биению сердца тук-тук. – А. Б.)

(Заяц)»

[Онъһон..., 1956, с. 20. Перевод мой. – А. Б.].

Зайца спасало от хищников умение быстро бегать, и буряты обращали внимание на особенность его хода – движение большими скачками: *Огсогод* ‘бежать вприскок (о зайце)’. Особо отмечали, что заяц длинноухий и зимой шерсть на кончиках его ушей имеет черный окрас:

«Хуһанда – хурабиши.

На березе – наперсток»

[Материалы..., 1911, с. 124]. Буряты в прошлом пользовались наперстками из темной кожи крупного рогатого скота.

Заяц был инкорпорирован в народные представления о пространственно-временном измерении. В традиционном 12-летнем цикле бурят каждый год соответствовал образу одного из животных, входящих в зодиак, и четвертый по счету год назывался *туулай жэл* ‘год зайца’. В календаре бурят-буддистов выделяли *туулай һара* ‘месяц зайца’ (май). Время суток буряты отмеряли по движению солнца: проникавшие через светодымовое отверстие солнечные лучи, освещая часть внутреннего пространства юрты, указывали на конкретное время, в частности *туулай саг* ‘час зайца’ (примерно 6–8 часов утра).

Буряты использовали печень и почки животного в лечебных целях: например, тункинские буряты считали полезным съесть в сыром виде свежие заячьи печень и почки [Нацов, 1995, с. 23]. Применение некоторых внутренних органов и твердых выделений беляка в народной медицине практиковалось у халха-монголов [Потанин, 1881, с. 99]. В то же время заяц, вероятно, отождествлялся у бурят с болезнью: одним из значений глагола *туулаха*, однокоренного слову *туулай*, является «выступать, высыпать (о сыпи)» [Буряад-оруд толи, 2010, т. 2, с. 260].

Образ зайца в мифологических воззрениях и обрядности бурят

В народных суждениях бурят беляк, как и другие животные, обладающие белым мехом, наде-

лся солярной символикой [Галданова, 1987, с. 39]. Вероятно, он был связан еще и с культом другого небесного светила – луны [Жамбалова, 1991, с. 123]. Солярно-лунарная символика зайца отмечается в традиционном мировоззрении и других народов Евразии, к примеру, в представлениях русских [Гура, 1997, с. 195]. Возможно, беляк нес также небесную символику, об этом можно судить по следующей загадке кудинских бурят: *Тэнгэриин басагад бургааһа наада* ‘Небесные дочери в кустарнике играют’ (зайцы) [Материалы..., 1911, с. 111].

По традиционным воззрениям бурят, данное животное имело мужское начало. Так, в сказках фигурирует преимущественно мужской образ зайца. Помимо этого, в обычае бурят было принято давать личное мужское имя, омонимичное названию зайца Туулай. Показательно в этом плане имя одного из сказочных героев – *Борхон Туулай* ‘Захудалый Заяц’ [Бурятские волшебные сказки, 1993, с. 143–147].

С данным млекопитающим ассоциировались эсхатологические представления у бурят-буддистов. Полагали, что конец света произойдет, когда уши зайца полностью побелеют. В поверье, записанном М.Н. Хангаловым у балаганских бурят, утверждается: «Когда заяц совсем будет белый, тогда наступит “галаб”, окончание мира; все сгорит. Тогда по земле будут бегать огненные козули <...> у которых из под копыт будет сыпаться огонь» [Сказания..., 1890, с. 78] (*галаб* ‘кальпа, единица измерения времени в буддийской космологии’, *гал галаб* ‘всемирный пожар’ [Буряад-оруд толи, 2010, т. 1, с. 190]). В поверье, зафиксированном у аларских бурят миссионером Н. Затопляевым, природные катаклизмы должны завершиться наступлением новой эры человечества: «...об ушах ушкана говорят, что когда у него сойдет с конца ушей черное, будет преставление света. А светопреставление по верованиям бурят будет происходить так: с востока на запад протечет огненная река; от нее будут распространяться искры, которые и пожгут всю землю и все, что на ней есть. За тем опять будет новая земля и новые обитатели и новое управление. Новые обитатели будут жить до трехсот лет» [Там же]. Аларские буряты, как и другие буддисты, верили, что новое время будет знаменоваться пришествием Будды будущего Майдари (Майтреи) [Потанин, 1883, с. 133]. Отсюда можно предположить, что в суждениях бурят беляку была присуща символика как огня, так и обновления Земли. Любопытно, что в воззрениях русских исчезновение черноты на ушах зайца будто бы будет означать перемену во взаимоотношении полов [Гура, 1997, с. 177].

В народных суждениях с данным животным связывалась еще и идея оборотничества. Например, в сказке «Зэр Далай Мэргэн на рыжем коне» героиня Башалай оборачивается в серого зайца [Бурятские волшебные сказки, 1993, с. 113]. Заметим, что способность превращаться в животное, приписываемая, в частности, шаманам, рассматривалась у бурят как признак медиатора между мирами и не несла отрицательной коннотации. Духами-помощниками шамана выступали определенные животные, включая зайца, которые считались, как и шаман, посредниками, способными проникать из Среднего, земного мира в иные миры, например в подземное пространство. Это иллюстрирует следующий фрагмент бурятской сказки: «... вот вышел он за ворота, набрел на след червяка и двадцать лет шел по этому следу, пока тот не превратился в след мизгиря. Еще десять лет брел *мэргэн* и не заметил, как след мизгиря превратился в след горностая. След горностая попетлял-попетлял и превратился в след хорька. След хорька – в заячий, заячий – в лисий, лисий – в медвежий, а медвежий – в змеиный. Видит Алтан-Шагай: змеиный след под землю ведет <...> оказался в нижней обитаемой стороне» [Бурятские народные сказки, 2002, с. 191].

Как было выше сказано, в глазах бурят заяц был олицетворением трусости. Помимо фразеологии, данную символику животного отражает их сказочный фольклор. Вот как, например, в сказке «Ута-Саган-Батор» рисуется образ коварного, но трусливого дяди героя: «... в это время мелко-мелко забилось **серенькое** (выделено мною. – А. Б.) сердце у доброго дяди Саргал-нойона, и коротенькие ребра согнулись от заячьего сердцебиенья» [Там же, с. 82].

Буряты верили, что образ беляка, как и некоторых других животных с белым окрасом шерсти, принимает спрятанное в земле серебро [Хангалов, 1960, с. 63]. Подобные представления были известны, в частности, у северорусских поморов [Гура, 1997, с. 189].

В народных суждениях бурят и русских можно найти общее и в придании ими зайцу метеорологической символики. У русских признаки этого зверька выступают мотивирующими для некоторых названий метеорологических явлений и воззрений [Там же, с. 193]. А в бурятских загадках снег, например, образно называют заячьей шапкой:

«Шаралдайн басагад
Шандаган малгайттай (тугсэгууд, сахан оройтой).
Шаралдайские девушки
Заячьи шапки имеют (пни со снежной верхушкой)»
[Фольклор..., 1999, с. 118, 121].

С образом беляка увязывался мотив души. Это хорошо видно в сюжете сказки «Ута-Саган-батор»:

в ней душа демонического персонажа *мангадхая* воплощается в «белом, как жир, камне, в облике серебряного зайца», а душа героя в «бело-серебряном зайчике играет в храме, все узнавая и угадывая наперед» [Бурятские народные сказки, 2002, с. 89]. Примечательно, что в данном случае буряты не прибегли для коннотации к обычному в их произведениях устного народного творчества цветовому контрасту.

С этим зверьком связывается известный в народных приметах мотив пересечения пути: полагали, что встреча с ним сулит охотничью удачу (ПМА) и счастье [Осокин, 1906, с. 223]. При этом важным считалось направление движения животного: «Если при отправлении в дальнюю дорогу выскочит заяц, хорошо впереди. Если заяц побежит по солнцу – хорошо, если против – плохо» [Жамцарано, 2001, с. 139]. Движение посолонь, обязательное во всех ритуалах бурят, было условием достижения молитвой адресата, а значит и благополучного будущего. Приведенная выше примета указывает на амбивалентность образа зайца в суждениях бурят. У славян встреча с зайцем воспринималась однозначно негативно, что обуславливалось представлениями о нем как опасном и нечистом существе [Гура, 1997, с. 191].

Образ зайца у бурят ассоциируется также с космогонической идеей. По мифу «Небо и земля», Высокое небо (демиург) отправило пять животных узнать предсказания ежа. Первым, кто услышал и передал их, был заяц, поэтому во время любого шаманского ритуала его шкура-онгон (*онгон* 'изображение духа-покровителя') вешается первой [Хангалов, 1960, с. 12]. Исключение составляли аларские буряты, у которых этот зверек так особо не почитался [Гомбоев, 1859, с. 247]. Представляется, что одним из обоснований включения зайца в число почитаемых шаманских онгонов является его прыткость; это качество животного подчеркивается в шаманской поэтике.

О высоком семиотическом статусе зайца в культуре бурят свидетельствует использование в семейных обрядах онгона *Шандагата* букв. 'Имеющий зайца', обычно представляющего собой заячью шкуру, к которой иногда пришивали кусок ткани, привязывали нитки, ленты или шкурки других пушных зверьков. Его вешали в юрте в качестве домашнего оберега. При этом символика данного фетиша выглядит неоднозначной: по Г.-Д. Нацову, у агинских бурят он считался хранителем младенцев [1995, с. 74]; по М.Н. Хангалову, шаман-*найжа* 'духовный опекун' у предбайкальских бурят изготавливал такой оберег с целью защиты ребенка от нечистой силы [1959, с. 202]; по Г. Гомбоеву, у селенгинских монголов, подобно древним монго-

лам, *Чандагату* был покровителем «звероловства и войны» [1859, с. 247]. Вероятно, это свидетельствует о трансформации семантики и функционала заячьего онгона у большинства бурят. В качестве женского родового фетиша заяц был известен у таких тюрков Сибири, как алтайцы и хакасы [Зеленин, 1936, с. 27, 61, 191].

Образ зайца имел особое значение в шаманской обрядности бурят. Полагали, что этот зверек может шаманить [Галданова, 1987, с. 40]; подобные представления у бурят сложились и в отношении некоторых других животных. Кроме того, это животное почиталось шаманами как родовой тотем, что, например, в прошлом выразилось в использовании шаманами Муруевского рода флага из заячьих шкур:

«*Гушан гурбан Муруй,
Муруйтантанай удхалхан удхан
Сагаан туулай тугтан,
Сагаан шарга моритон...*
Тридцать три Муруя,
Происхождение Муруевское
Имеет знаменем белого зайца,
Владеет бело-соловой лошастью...»
[Балдаев, 2009, с. 27].

С утратой указанной традиции отличительным знаком представителя этого шаманского рода стало ношение на головном уборе заячьей шкурки [Там же].

Особая сакральность зайца проявлялась в признании его первенства в кругу других почитаемых животных, считающихся духами-помощниками шамана: заячий фетиш вешали первым из числа таких онгонов, как *Табан хушуута* ‘С пятью мордами’ и *Юэн хушуута* ‘С девятью мордами’, на врытую в месте проведения обряда березу. Анализ описанных в литературе шаманских обрядов, в которых использовался этот онгон, подтверждает амбивалентность коннотации зайца в традиционном мировоззрении бурят: данный фетиш был инкорпорирован в ритуалы, посвящаемые белым и черным небожителям, а также мифическим слугам Эрленхана, повелителя Нижнего мира.

Бурятский шаман получал заячий онгон при первом своем посвящении, этот обряд назывался *шандага аба* ‘взять зайца’ [Хангалов, 1959, с. 163]. В последний раз данный фетиш сопровождал шамана во время его похорон [Хангалов, 1958, с. 386]. После смерти шамана его онгоны обычно уничтожались, во многом это обуславливалось табу на пользование вещами, в т.ч. культового назначения, принадлежавшими покойникам.

В шаманской поэзии бурят данный зверек предстает как ездовое животное шамана в его мистических путешествиях в потусторонний мир.

Выводы

В мифологических представлениях бурят образ зайца был полисемантическим и имел неоднозначную характеристику. Данное животное несло разную символику: космогоническую, солярно-лунарную, небесную, метеорологическую, огненную и обновления Земли. В бурятском фольклоре заяц являлся олицетворением трусости, имел мужское начало. С ним связывались идея оборотничества, мотивы души и пересечения пути.

В бурятской обрядности семантика заячьего онгона *Шандагата* претерпела определенную трансформацию от роли покровителя охотников и воинов до берега младенцев. Ввиду того что заяц рассматривался как медиатор между мирами, он был включен в шаманскую обрядность. В шаманских ритуалах его образ наделяли особой сакральностью: заяц почитался как родовой тотем шаманов; признавалось его первенство среди зооморфных образов духов-помощников шамана; считалось, что он будто бы мог шаманить; его воспринимали как транспорт шамана в иные миры.

Мифологические представления бурят о зайце находят параллели в мировоззрении некоторых других народов Евразии (монголов, южносибирских тюрков, русских), что указывает на универсальные и типологические явления в бурятском представленном комплексе относительно этого животного.

Список литературы

- Байкал:** природа и люди: энцикл. справ. / под ред. А.К. Тулохонова. – Улан-Удэ: ЭКОС: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – 608 с.
- Балдаев С.П.** Родословные предания и легенды бурят. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2009. – Ч. I. – 376 с.
- Большой академический монгольско-русский словарь** / под ред. Г.Ц. Пурбеева. – М.: Academia, 2001–2002. – 2198 с.
- Буряад-ород толи.** Бурятско-русский словарь / под ред. Л.Д. Шагдарова, К.М. Черемисова: в 2 т. – Улан-Удэ: Республиканская тип., 2010. – Т. I. – 636 с.; Т. II. – 708 с.
- Бурятские волшебные сказки** / сост. Е.В. Баранникова, С.С. Бардаханова, В.Ш. Гунгаров. – Новосибирск: Наука, 1993. – 341 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; т. 5).
- Бурятские народные сказки** / сост. Б. Дугаров. – Улан-Удэ: Республиканская тип., 2002. – 456 с.
- Галданова Г.Р.** Доламаистские верования бурят. – Новосибирск: Наука, 1987. – 115 с.

Гомбоев Г. О древних монгольских обычаях и суевериях, описанных у Платона Карпини // Тр. ВООИРАО. – 1859. – Ч. 4, вып. 1. – С. 236–256.

Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. – М.: Индрик, 1997. – 912 с.

Жамбалова С.Г. Традиционная охота бурят. – Новосибирск: Наука, 1991. – 175 с.

Жамцарано Ц.Ж. Путевые дневники 1903–1907 гг. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. – 382 с.

Зеленин Д.К. Культ онгонов в Сибири. Пережитки тотемизма в идеологии сибирских народов. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – 436 с. – (Тр. ИААЭ; т. XIV: Этнографическая серия, вып. 3).

Калмыцко-русский словарь / под ред. И.К. Илишкина. – М.: Русский язык, 1977. – 768 с.

Краткий дагурско-русский словарь / сост. Г. Турмурдэй, Б.Д. Цыбенков. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. – 236 с.

Материалы для изучения бурятской народной словесности и языка // Изв. ВСОИРГО. – 1911. – Т. 42. – С. 111–136.

Митрошкина А.Г. Бурятская антропонимия. – Новосибирск: Наука, 1987. – 222 с.

Нацов Г.-Д. Материалы по истории и культуре бурят. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. – Ч. 1. – 156 с.

Онъһон угэнууд, таабаринууд / сост. Д. Мадасон. – Улан-Удэ: Буряад-монголой номой хэблэл, 1956. – 40 с. (на бурят. яз.)

Осокин Г.М. На границе Монголии: Очерки и материалы к этнографии Юго-Западного Забайкалья. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1906. – 304 с.

Поппе Н.Н. Монгольский словарь Мукаддимат Ал-Адаб. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. – 566 с. – (Тр. ИВ АН СССР; т. XIV).

Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. – СПб., 1881. – 425 с.

Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. – СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1883. – 1026 с.

Сказания бурят, записанные разными собирателями // Зап. ВСОИРГО. – 1890. – Т. 1, вып. 2. – 160 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка; в 4 т. – М.: Прогресс, 1987. – Т. 4. – 864 с.

Фольклор Курумчинской долины / сост., предисл. и коммент. С.С. Бардахановой. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – 136 с.

Хангалов М.Н. Собр. соч. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. – Т. I. – 551 с.; 1959. – Т. II. – 444 с.; 1960. – Т. III. – 421 с.

Barannikova T.V., Bardakhanova S.S., Gungarov V.Sh. (eds.). Buryatskie volshebnye skazki. Novosibirsk: Nauka, 1993, 341 p. (Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East; vol. 5) (In Buryat, Russ.).

Bardakhanova S.S. (ed.). Fol'klor Kurumchinskoi doliny. Ulan-Ude: BSS SB RAS Publ., 1999, 136 p. (In Buryat, Russ.).

Dugarov B. (ed.). Buryatskie narodnye skazki. Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya, 2002, 456 p. (In Russ.).

Fasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: in 4 vol. Moscow: Progress, 1987, vol. 4, 864 p. (In Russ.).

Galdanova G.R. Dolamaistskie verovaniya buryat. Novosibirsk: Nauka, 1987, 115 p. (In Russ.).

Gomboev G. O drevnikh mongol'skikh oby chayakh i sueveriyakh, opisannykh u Plano Karpini. In *Trudy Vostochnogo otdeleniya Imperatorskogo russkogo arkh eologicheskogo obshchestva*, 1859, pt. 4, iss. 1, pp. 236–256. (In Buryat, Russ.).

Gura A.V. Simvolika zhivotnykh v slavyanskoi narodnoi traditsii. Moscow: Indrik, 1997, 912 p. (In Russ.).

Ilishkin I.K. (ed.). Kalmytsko-russkii slovar'. Moscow: Russkii yazyk, 1977, 768 p. (In Kalm., Russ.).

Khangelov M.N. Collected Works. Ulan-Ude: Buryat Book Publ., 1958, vol. I, 551 p.; 1959, vol. II, 444 p.; 1960, vol. III, 421 p. (In Russ.).

Madason D. (ed.). On'hon y genuud, taabarinuud. Ulan-Ude: Buryat-mongoloi nomoi kheblel, 1956, 40 p. (In Buryat.).

Materialy dlya izucheniya buryatskoi narodnoi slovesnosti i yazyka. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*, 1911, vol. 42, pp. 111–136. (In Buryat, Russ.).

Mitroshkina A.G. Buryatskaya antroponimiya. Novosibirsk: Nauka, 1987, 222 p. (In Russ.).

Natsov G.-D. Materialy po istorii i kul'ture buryat. Ulan-Ude: BSC SB RAS Publ., 1995, pt. 1, 156 p. (In Russ.).

Osokin G.M. Na granitse Mongolii: Ocherki i materialy k etnografii Yugo-Zapadnogo Zabaikal'ya. St. Petersburg: tipografiya A.S. Suvorina, 1906, 304 p. (In Russ.).

Poppe N.N. Mongol'skii slovar' Mukaddimat Al-Adaba. Moscow; Leningrad: USSR AS Publ., 1938, 566 p. (Works of the Institute of Oriental Studies of the USSR AS; vol. XIV). (In Mong., Russ.).

Potantin G.N. Ocherki Severo-Zapadnoi Mongolii. Rezul'taty puteshestviya, ispolnennogo v 1876–1877 gg. po porucheniyu Imperat. Rus. Geogr. obshchestva. Iss. 1: Dnevnik puteshestviya. Materialy dlya fizicheskoi geografii i topografii Severo-Zapadnoi Mongolii. St. Petersburg, 1881, 425 p. (In Russ.).

Potantin G.N. Ocherki Severo-Zapadnoi Mongolii. Rezul'taty puteshestviya, ispolnennogo v 1879 godu po porucheniyu Imperat. Rus. Geogr. obshchestva. Iss. 2: Materialy etnograficheskie. St. Petersburg: Tipografiya V. Kirshbauma, 1883, 1026 p. (In Russ.).

References

Baldaev S.P. Rodoslovnye predaniya i legendy buryat. Ulan-Ude: Buryat Univ. Press, 2009, pt. I, 376 p. (In Russ.).

Purbeev G.Ts. (ed.). Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar'. Moscow: Academia, 2001–2002, 2198 p. (In Mong., Russ.).

Shagdarov L.D., Cheremisov K.M. (ed.). Buryaad-
orod toli. Buryatsko-russkii slovar': in 2 vol. Ulan-Ude:
Respublikanskaya tipografiya, 2010, vol. I, 636 p.; (In
Buryat, Russ.).

Skazaniya buryat, zapisannye raznymi sobiratelyami.
In *Zapiski Vostochno-Sibirskogo otdeleniya Imperatorskogo
Russkogo geograficheskogo obshchestva*. Irkutsk, 1890, vol. 1,
iss. 2, 160 p. (In Russ.).

Tulokhonov A.K. (ed.). Baikal: priroda i lyudi:
entsiklopedicheskii spravochnik. Ulan-Ude: EKOS, BSC
SB RAS Publ., 2009, 608 p. (In Russ.).

Tumurdei G., Tsybenov B.D. (eds.). Kratkii dagursko-
russkii slovar'. Ulan-Ude: BSS SB RAS Publ., 2014,
236 p. (In Dagur., Russ.).

Zelenin D.K. Kul't ongonov v Sibiri. Perezhitki
totemizma v ideologii sibirskikh narodov. Moscow;
Leningrad: USSR AS Publ., 1936, 436 p. (Works of the
Institute of Anthropology, Archaeology and Ethnography;
vol. XIV: Ethnographic series, iss. 3) (In Russ.).

Zhambalova S.G. Traditsionnaya okhota buryat.
Novosibirsk: Nauka, 1991, 175 p. (In Russ.).

Zhamtsarano Ts.Zh. Putevye dnevniki 1903–1907 gg.
Ulan-Ude: BSC SB RAS Publ., 2001, 382 p. (In Russ.).

Бадмаев А.А. <https://orcid.org/0000-0002-9525-4366>

В.А. Бурнаков

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: venariy@ngs.ru

Заяц в традиционной обрядности и шаманской практике хакасов (конец XIX – середина XX века)

Заяц является одним из самых распространенных персонажей, включенных в ритуальную систему и фольклор многих народов мира. Образ этого зверя широко представлен и в культуре хакасов. Вместе с тем в хакасской этнографии и фольклористике он никогда не становился отдельным предметом научного исследования. Это обстоятельство определяет новизну работы, в связи с чем целью данной статьи выступает характеристика зайца и его образа в традиционной ритуальной практике и шаманизме хакасов. В ходе исследования определено, что зайцу и его образу отводилось важное место в культуре хакасов. Самый распространенный его вид – заяц-беляк (ах хозан) был включен в традиционную обрядность и шаманскую практику хакасов. Белый цвет его шкуры стал одним из ключевых символических признаков, способствовавших наделению его высоким семиотическим статусом. Выявлено, что в религиозно-мифологическом сознании рассматриваемого народа он отождествлялся с небом, в частности имел небесное происхождение и обладал соответствующей сверхъестественной магической силой. Выяснено, что отдельные части тела зайца, главным образом шкура и коленная чашечка его правой передней ноги, активно использовались в народе в апотропейных и мантических целях. Показано, что почитание указанного животного для некоторых хакасских сёок'ов – родов, в т.ч. пурут, хасха, имело форму культа. Среди них получила распространение практика изготовления ритуального предмета – Хозан/Ах тос – 'Заячий/Белый фетиш'. В отношении него действовала определенная система норм и обрядности. Он был задействован и в народной медицине. Доказано, что образ зайца присутствовал в ритуальной практике хакасских шаманов в качестве важнейшего духа-помощника. Его символическое изображение было широко представлено в шаманской атрибутике: головном уборе, жезле (орба) и бубне.

Ключевые слова: хакасы, традиционная культура, мировоззрение, заяц, обрядность, шаманизм.

Venariy A. Burnakov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: venariy@ngs.ru

The Hare in the Traditional Rituals and Shamanic Practices of the Khakases (Late 19th – Mid 20th Century)

The hare is one of the most popular animals in the ritual system and folklore among many peoples of the world, including the Khakases. Until now, its image has never been a separate topic in the study of Khakas ethnography and folklore. This article intends to analyze the image of the hare in traditional ritual shamanic practices of the Khakases. The importance of the hare and its image in the Khakas culture has been revealed. The most common type – white hare (akh khozan) – was a part of the traditional rituals and shamanic practices of the Khakases. Its seasonal white fur has become one of the key symbolic features contributing to its high semantic status. In the religious and mythological consciousness of the Khakases, it was identified with the sky; it had a heavenly origin and possessed the supernatural magic power. Individual parts of hare's body, mainly its skin and right kneecap of its front leg were actively used for apotropaic purposes and prediction. Some Khakas seok clans, including the Purut and Khaskha had a cult of that animal. The practice of making ritual objects Khozan / Ah tos – 'Hare / White fetish' with the corresponding system of norms and rituals was common in these clans. These objects were also used in popular medicine. The image of the hare appeared in the rituals of the Khakas shamans, acting as their most important assisting spirit. Symbolic image of the hare widely appears in shamanic attributes, such as headdress, orba staff, and tambourine.

Keywords: Khakases, traditional culture, worldview, hare, rituals, shamanism.

В традиционной культуре многих народов одно из ключевых мест отводится миру фауны. В жизни людей животные всегда были и продолжают оставаться важнейшим объектом хозяйственной деятельности; они выступают в качестве одного из основных источников пищи, сырья и пр. Образы многих из них были сакрализованы и стали объектами культа. В круг таких животных входит и заяц. Соответствующее восприятие и отношение к указанному зверю в полной мере было свойственно и хакасам.

Целью данной статьи является характеристика зайца и его образа в традиционной ритуальной практике и шаманизме хакасов.

Одним из самых распространенных на территории Хакасии видов зайцев является заяц-беляк (хак. *ax hozan*). Как известно, свое наименование он получил из-за характерного цвета своей зимней шерсти. Именно сезонный – белый – цвет шкуры стал одним из маркирующих признаков зайца в языке, фольклоре и обрядности хакасов.

В традиционной культуре рассматриваемого народа белый цвет относится к категории возвышенного, чистого и духовного. При этом он часто отождествляется с небесной сферой и даже выступает в качестве одной из характерных ее черт. В связи с чем по отношению к небу нередко используются такие эпитеты, как *ax tigiṛ* – ‘белое/светлое небо’ или *ax aias* – ‘белая/светлая ясность’. При этом в религиозно-мифологическом сознании хакасов небо само по себе воспринималось еще и в качестве высшего абстрактного божества [Бурнаков, 2013, с. 260–261]. В представлениях хакасов и других сибирских народов, очевидно, из-за соответствующего цветового признака заяц-беляк был причислен к животным, имеющим сакральную связь с небом.

Согласно хакасской шаманской мифологии, заяц имеет небесное происхождение. Так, в одной из шаманских молитв, обращенных к духу зайца, приведены слова, свидетельствующие о подобном его восприятии:

«Сотворен (ты) белым небом!
Преобразился в белого зайца! <...>
Имеешь дом (владыка) на свежем облаке!
Имеешь селение на белом облаке!»
[Катанов, 1907, с. 492–493].

В процессе обряда жертвоприношения небу *tigiṛ taiyɨg* хакасы часто обращались к божеству-покровителю – «человеку, едущему на белом зайце, имеющему жертвою белого ягненка» [Майнагашев, 1916, с. 101]. Отметим и то, что в качестве ключевого жертвенного дара небу обычно выступал холощеный белый баран с черными щеками или ушами. Верующие объясняли такой выбор масти тем, что «раскраска жертвенного животного соответствует виду зайца» [Бутанаев, 2014, с. 263].

Следует добавить, что в религиозно-мифологическом сознании хакасов указанная цветовая символика жертвенного животного воспроизводит образ зайца-беляка именно в зимний период. Как уже было отмечено, в этот сезон вся его шерсть приобретает абсолютно белый цвет, лишь кончики ушей остаются черными.

В традиционной обрядности хакасов также была распространена практика принесения в жертву почитаемым божествам и духам непосредственно самих зайцев. По сведениям В.Я. Бутанаева, в долинах рек Аскиз, База и Есь горным духам приносили в жертву зайцев. Вследствие чего расположенные там перевалы с горами камней *обаа* и заячьими костями местным населением назывались *хозан тастацаң пил* – ‘седловина, где бросают зайцев’ [Бутанаев, 2003, с. 69–70]. Заметим, что традиция жертвенных даров в виде зайцев своим мистическим покровителям бытовала и среди других народов Южной Сибири. Так, известный исследователь XVIII в. И.Г. Георги сообщал следующее: «Телеуты в случае домашних нужд приносят в жертву зайца, которого шкуру с головою и ногами вешают перед дверьми на березке и часто оной поклоняются» [1777, с. 123–124].

Традиция приношений зайцев в качестве ценного дара не только сверхъестественным существам, но и отдельным значимым людям нашла отражение в хакасском фольклоре. В частности, в нем имеется повествование о том, что хакасы в знак признания своего подданства подарили Белому царю белых зайцев [Бутанаев, Бутанаева, 2010, с. 122–123].

Наделение зайца-беляка высоким сакральным статусом и вера в его небесное происхождение были свойственны не только хакасам, но и другим народам Саяно-Алтая. Например, алтайцы полагали, что такое почитаемое божество, как *Јајык/Джак*, воспринимаемое в качестве сына неба, имело вид зайца [Потанин, 2005, с. 701]. Согласно другому алтайскому мифу, одна из дочерей неба превратилась в зайца и стала посредником между людьми и светлыми духами-небожителями [Муйтуева, 2004, с. 145]. Глубокие убеждения в том, что заяц имеет небесную природу, были распространены и среди тувинцев [Хертек, 2008].

В устном народном творчестве хакасов образ белого зайца как олицетворение небесной благодати и плодотворящей жизненной силы часто ассоциируется с пеной соответствующего цвета. В одной из легенд богатырь по имени *Көтен хан*, выбирая подходящую ему по силе и здоровью жену, особое внимание обращает на процесс ее мочеиспускания. В тексте об этом сообщается следующее: «Одна дородная женщина ему приглянулась. Он обратил внимание на мочу во время ее туалета»

та, которая была громадной струей, превращаясь в белую пену (*ах көбек*) величиной с зайца. “Вот сильная женщина, достойная меня”, – воскликнул Котен-хан и женился на ней» [Бутанаев, Бутанаева, 2008, с. 153]. В другом варианте этой легенды у девы-богатырки «из белой, величиной с зайца, пены ее струящейся мочи родился ребенок, названный Ах Көбек – т.е. Белая Пена» [Там же, с. 154]. В архиве Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета нами был обнаружен еще один малоизвестный вариант упомянутой легенды. В документах он обозначен как «Легенда об Ах Күбеке и Күден хане». Несмотря на лаконичность и некоторую логическую незавершенность повествования, это фольклорное произведение тем не менее ценно новизной сюжета и действующих персонажей. В нем, как и в предыдущих версиях, представлен образ «белого зайца – пены», но уже в ином контексте. Он описывается не в сравнительно-сопоставительном плане, а как прямое отождествление. Приведем текст с полным сохранением орфографии и стилистики: «У девушки с Иртыша, пришедшей и забеременевшей без мужа, родился сын Ах Күбек. Жила она в деревне Кобяковой. Качинцев и кызыльцев в то время возглавлял Күден хан. Был он сильным, охотничал, но наследников не имел. Охотился он как-то летом в горах Мара. Увидел сидящего в траве белого зайца. Выстрелил из лука. Подъехал, а это вовсе не заяц. Это как-бы пена белая в траве. От выстрела даже брызги полетели. Не знал Күден хан, что это должен был быть его наследником. В наследника своего он выстрелил» (АМАЭС ТГУ. № 679-3. Л. 10–11).

В народе верили, что заяц обладает не только плодотворящим потенциалом, но и охранительными и защитными свойствами. Поэтому шкуру этого зверька часто использовали в качестве апотропея для маленьких детей. С этой целью ребенка сразу же после рождения заворачивали в ткань, а затем еще и в заячью шкуру. И в таком виде младенца укладывали в колыбель [Кон, 1900, с. 60]. Аналогичные обряды совершали шорцы и телеуты. В ходе этого действия часто произносились слова: «[Ребенка] в узкий подол завернула, в заячью шкуру завернула» [Несколько способов..., 2012, с. 252]. Помимо того, оберег в виде заячьей шкурки нередко подвешивали непосредственно на саму колыбель [Там же, с. 248].

Хакасы полагали, что заяц может исполнять апотропейную функцию не только в отношении детей: в отдельных случаях он защищает и взрослых. Были ситуации, когда в летний период человеку приходилось обустраиваться на ночлег в незнакомой местности. В связи с чем перед ним часто воз-

никал вопрос выбора – переночевать в пустующем жилище или на кладбище. По традиции последнее место было более предпочтительным, т.к. заброшенный дом считался обителью нечистой силы, которая могла нанести человеку вред или даже погубить его. Кладбище же считалось безопасным и чистым местом. Хакасы были убеждены, что на нем покой человека будет надежно охранять дух-хозяин этого места, представляемый в виде зайца [Бутанаев, Бутанаева, 2010, с. 39].

Отдельные хакасские *сөдк’и* (роды), в частности *пүрүт*, *хасха*, воспринимали зайца в качестве своего тотема либо почитаемого божества. Они изготавливали ритуальное изделие, называемое *Хозан/Ах тös* – ‘Заячий/Белый фетиш’. Он осмыслялся ими в качестве одного из ключевых духов-покровителей людей и их домашнего хозяйства. В отношении него была сформирована специальная обрядность. Она включала в себя периодическое проведение общественных ритуалов жертвоприношения, посвящения священных животных – *ызых’ов*, а также индивидуальные акты кормления и почитания [Бурнаков, Цыденова, 2017]. В архивных этнографических материалах встречаются интересные сведения о почитании зайца. Приведем их: «В амбаре видел в углу зайца шкуру. Туда нельзя было женщинам ходить и пакостить там нельзя. Он спасает от всякой болезни скота»; «[Люди] из рода кыргыз зайца не стреляли. Женщины не подходили к нему. Заяц [часто] напевал: “Я жену кыргызов узнаю. [Вижу] кто поздно встает, дверь поздно открывает. Скот голодный, а я жирный. Кто рано встает – дым из трубы рано появляется”. В род пүрүт входили Теляшкины и Кигеевы. Они почитают зайца. Если из Кигеевых кто-то зайца убьет, сразу же спина у него отнимется. Женщины очень зайца боялись. Жена моя из сеока пүрүт. Она не ест зайца, а я ем» (АМАЭС ТГУ. № 677-4а. Л. 21, 31).

Заяц занимал важное место в обрядовой практике не только обычных хакасских мирян, но и шаманов. Он являлся одним из самых распространенных шаманских *тös’ов* – духов-помощников. Известный исследователь Н.П. Дыренкова, изучая культуру коренных народов Саяно-Алтая, совершенно верно подметила факт того, что «заяц играет большую роль в шаманстве турецких племен. Его быстрый бег и белый чистый цвет способствовали тому, что шаманы считают его посредником между людьми, в частности шаманами, и верховными небесными духами, его считают посланником Ульгеня. Заяц причисляется к чистым духам – ак тус или ак тös. Шкура зайца вешается при камлании Ульгеню и небесным духам» [2012, с. 303]. Шорские шаманы перед отправлением в небесные дали к Ульгеню привязывали к головной повязке и к бубну кусок заячьего хвоста. Алтай-

ские же камы на пути к Ульгеню в шестом слое неба встречали зайца [Там же].

Немаловажная роль зайца в шаманской обрядности способствовала закреплению его образа в соответствующей атрибутике. Головной убор шамана *хамдых/хамных пöрик* нередко изготавливался из заячьей шкуры, которая обшивалась лентами и конским волосом, закрывающими глаза [Каратанов, 1884, с. 631; Орфеев, 1886, с. 10].

Изготовление такого значимого ритуального предмета, как *орба* – шаманского жезла (колотушки) у хакасов и других южносибирских народов, редко обходилось без использования заячьей шкуры. *Орба* обтягивалась белой заячьей шкурой и сшивалась. Одно из обязательных условий выбора шкурки для указанного сакрального инструмента состояло в том, чтобы заяц непременно был самцом и при этом добыт без использования собаки [Дыренкова, 2012, с. 318; Бутанаев, 2014, с. 240]. Обратим внимание на факт ситуативного запрета участия собаки в охоте на зверька, чья шкура употреблялась в обрядовых целях. В мировоззрении хакасов собака имела сложную и неоднозначную характеристику. Вместе с тем в традиционном сознании народа она часто воспринималась как нечистое животное, способное осквернить кого-либо и что-либо [Бурнаков, 2012]. При этом сам же заяц воспринимался как чистое небесное существо. Собственно, и само появление шаманского жезла *орба* у хакасов, шорцев и северных алтайцев также связывалось с небом. По их религиозно-мифологическим представлениям первому шаману с неба слетела *орба*, покрытая заячьим мехом [Клеменц, 1890, с. 35].

Новые и оригинальные сведения об *орба*, в т.ч. и о технологии ее изготовления, обнаружены нами в архивных материалах. Представим их: «Колотушки я видел двух видов. Одна из березовой веточки. Развилка, от которой отходило три отростка. Ее обшивали холстом, а потом белой заячьей шкурой. Длинной она была приблизительно 35–40 см. Дерево, из которого изготавливали колотушку (*орба*), табылга <...> В конце ручки было сделано отверстие с продетым в него кожаным ремешком. На него были привязаны разные тряпочки – чалаңма» (Кызласов Николай Емельянович, 1889 г.р., с. Кызлас Аскизского р-на); «Орбу делали из дерева. Она была похожа на сапожную колодку с ручкой. На нее натягивалась белая шкура зайца» (Боргояков Егор Васильевич, 1913 г.р., аал Картоев); «Орбу – колотушку делали деревянной. Шириной с ладонь. Обшивают шкурой волка, медведя, зайца или лисы. Скотской кожей нельзя. Нужно, чтобы была шкура дикого зверя. На ручке сделано отверстие. В него продеты тряпицы – чалаңма» (Кидиеков Тимофей Николаевич, 1920 г.р., аал

Тюрт Тас); «Орбу (колотушку) делали следующим образом: брали ветку таволги с пятью отростками и обшивали белой заячьей шкурой (хозан терезы). В отверстие ручки продевали чаланма» (Боргоякова Лиза Павловна, 1915 г.р., аал Чахсы Хоных) (АМАЭС ТГУ. № 680-8а. Л. 2–3, 15, 19, 32); «Орбу делает мастер. Он берет дерево таволгу (с развилкой) и обтягивает ее заячьей кожей. Обычно у одного шамана бывает один тюр (бубен) и одна орба. Но у самого первого шамана в Аскизском районе в с. Кызласе у Кидиекова Абсалина было два тюра и две орбы. Один был из медвежьей шкуры и орба тоже из медвежьей кожи, а другой тюр из конской кожи, а орба из заячьей кожи. Если он шел на плохое дело, он брал медвежий тюр и орбу. А если на хорошее дело, то брал тюр из конской кожи, то есть из скотской из кожи домашнего скота» (Бурнаков Афанасий Семенович, 1905 г.р., аал Отты) (АМАЭС ТГУ. № 680-4. Л. 37).

Согласно шаманской традиции, когда указанное изделие было готово, то приступали к обряду его оживления. Шаман в процессе камлания отправлялся в то место, где когда-то обитал заяц, и ловил там его душу – *хут*. Пойманную душу он помещал в *орба*. С этого момента она считалась живой, а ее хозяином был именно дух зайца. Она называлась *ах орба* – ‘белая *орба*’ [Дыренкова, 2012, с. 320; Бутанаев, 2014, с. 240].

Изображение зайца встречалось и на самом шаманском бубне (*түүүр*). Причем рисунок этого животного мог наноситься как на его верхнюю часть, соотносимую с небесным пространством, так и на нижнюю, олицетворявшую подземный мир [Кастрен, 1999, с. 248; Катанов, 1889, с. 114; Иванов, 1955, с. 202–214]. С.В. Иванов, анализируя рисунки на одном из хакасских бубнов, отмечал: «В правой половине верхней части одного из бельгирских бубнов мы видим “семь белых зайцев”, принадлежащих Ульгеню, но по своим формам эти “зайцы” напоминают изюбров-самок: у них длинная шея, длинное туловище, слишком короткие для зайца уши и длинные передние ноги» [1955, с. 202]. Образы небесных зайцев были распространены и на шорских бубнах [Дыренкова, 2012, с. 303].

В мировоззрении хакасов и других народов Сибири бубен часто отождествлялся с конем, на котором шаман совершал свои мистические путешествия в потусторонние миры. Сам же жезл – *орба* воспринимался как плеть. Поэтому хакасские шаманы в процессе камлания называли его *ах хозан тирігліг азыр табылгат саптыг алтын хамчым* – ‘мой золотой кнут с ручкой из таволожника, со снаряжением из белого зайца’ [Бутанаев, 2006, с. 105]. Священник Н. Катанов о функциональности рассматриваемого изделия сообщал: «Колотушка для

бубна – орба сделана из таволожника и обшита заячьей шкурой; к рукояти прикреплены ленточки и звериные шкурки, которые служат бичами для отогнания злых духов» [1889, с. 114]. Помимо этого, шаманы часто использовали *орба* в качестве гадательного средства [Дыренкова, 2012, с. 320]. Следует добавить, что наряду с этим хакасы в магических целях использовали коленную чашечку правой передней ноги зайца. Для гадания ее необходимо было проглотить. В результате этого процесса, якобы, на теле человека появлялась небольшая шишка. Полагали, что если она выскочит на голове или руках, то это предвещает богатство, а если на ногах – бедность [Бутанаев, 2003, с. 70].

Образ зайца представлен и в эсхатологических воззрениях хакасов. Верующие были убеждены в том, что одним из ключевых признаков наступления конца света явится факт того, что у зайца выпадут все черные ворсинки и он станет абсолютно белым [Там же, с. 116]. Аналогичные воззрения были распространены и среди бурят [Потанин, 2005, с. 133].

Немаловажное значение придавалось зайцу в народной медицине. Верили в возможность исцеления от многих болезней путем обращения к *хозан тӧс’у* – ‘заячьему фетишу’. Приведем архивные сведения об этом: «Я видел несколько тӧсей: хозан тӧс у пюрюттар, погонок тӧс, чага тӧс – платье тос. К ним обращались, когда человек заболит. Ими бьют больного человека. Бьет шаман обычно, но иногда хоть кто, например, когда болит спина, и мать может ударить шкуркой зайца» (Аешин Михаил Трофимович, 1894 г.р., с. Трошкино) (АМАЭС ТГУ. № 818-2. Л. 20). Помимо того, при лечении ожога и озноба использовались заячье сало или его шкура [Костров, 1884, с. 245].

Значимость образа зайца в культуре хакасов была столь велика, что он вошел в традиционный двенадцатилетний календарный цикл и его год считался одним из благоприятных [Бутанаев, 1991, с. 13].

Таким образом, представленный материал позволяет сделать вывод о том, что в традиционной обрядности и шаманской практике хакасов важное место было отведено зайцу, а также его образу. Это дикое животное имело высокий семиотический статус. Полагали, что заяц имеет небесное происхождение и обладает магическими свойствами, в т.ч. апотропейными и магическими. Заяц входил в число духов-помощников шамана, в связи с чем его символическое изображение было широко представлено в шаманской атрибутике: шапке, жезле *орба* и бубне. Этому зверьку находилось применение и в народной медицине, а также он был включен в календарную систему.

Список литературы

- Бурнаков В.А.** Традиционные представления хакасов о собаке (конец XIX – середина XX в.) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – № 2. – С. 114–123.
- Бурнаков В.А.** Образ Неба в традиционном мировоззрении хакасов // Вестн. Новосибир. гос. ун-та. – 2013. – Т. 12, вып. 5. – С. 255–263.
- Бурнаков В.А., Цыденова Д.Ц.** Хозан тӧс – заячий фетиш в мифологических представлениях и обрядности хакасов (конец XIX – середина XX века) // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2017. – № 417. – С. 36–48.
- Бутанаев В.Я.** Гороскоп и гадание. Хакасский календарь. – Абакан: Хакасия, 1991. – 33 с.
- Бутанаев В.Я.** Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. – Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2003. – 260 с.
- Бутанаев В.Я.** Традиционный шаманизм Хонгорая. – Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2006. – 254 с.
- Бутанаев В.Я.** Будни и праздники тюрков Хонгорая. – Абакан: Кооператив «Журналист», 2014. – 316 с.
- Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И.** Мир хонгорского фольклора. – Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2008. – 376 с.
- Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И.** Мы родом из Хонгорая. Хакасские мифы, легенды и предания. – Абакан: Кооператив «Журналист», 2010. – 240 с.
- Георги И.Г.** О шаманском языческом законе // Описание всех в российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. – СПб.: Тип. Вейтбрехта и Шнора, 1777. – Ч. III. Самоядские, манджурские и восточные сибирские народы. – С. 109–130.
- Дыренкова Н.П.** Атрибуты шаманов у турецко-монгольских народов Сибири // Тюрки Саяно-Алтая. Статьи и этнографические материалы. – СПб.: МАЭ РАН, 2012. – С. 277–339.
- Иванов С.В.** К вопросу о значении изображений на старинных предметах культа у народов Саяно-Алтайского нагорья // Сб. МАЭ РАН. – 1955. – Т. 16. – С. 165–264.
- Каратанов И.** Черты внешнего быта качинских татар // Изв. ИРГО. – 1884. – Т. 20. – Вып. 6. – С. 618–645.
- Кастрен М.А.** Путешествие в Сибирь (1845–1849). – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. – 352 с.
- Катанов Н.** (священник). Шаманский бубен и его значение // Енисейские епархиальные ведомости. – 1889. – № 6. – С. 112–114.
- Катанов Н.Ф.** Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов: (Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В.В. Радловым). – СПб.: Императорская Академия наук, 1907. – Т. 9. – 640 с.
- Клеменц Д.А.** Несколько образцов бубнов минусинских инородцев // Зап. ВСОИРГО. – 1890. – Т. 2, вып. 2. – С. 25–35.
- Кон Ф.** Беременность, роды и уход за ребенком у качинок // Русский антропологический журнал. – 1900. – № 4. – С. 58–61.

Костров Н.А. Очерки быта минусинских татар // Тр. четвертого археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 г. – Казань, 1884. – Т. 1. – С. 208–248.

Майнагашев С.Д. Жертвоприношение Небу у бельтыров // Сб. МАЭ РАН, 1916. – Т. 3. – С. 93–102.

Муйтуева В.А. Традиционная религиозно-мифологическая картина мира алтайцев. – Горно-Алтайск: Тип. ЧП Высоцкого Г.Г., 2004. – 166 с.

Несколько способов охранения ребенка у шорцев // Дырэнкова Н.П. Тюрки Саяно-Алтая. Статьи и этнографические материалы. – СПб.: МАЭ РАН, 2012. – С. 245–255.

Орфеев Н. Шаманство у инородцев Минусинского округа // Енисейские епархиальные ведомости. – 1886. – № 1. – С. 9–11.

Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. – 2-е изд. – Горно-Алтайск: Ак Чечек, 2005. – 1026 с.

Хертек Л.К. Символика белого зайца и медведицы в традиционной культуре тувинцев // Вест. Мос. гос. ун-та культуры и искусств. – 2008. – № 6. – С. 97–100.

References

Burnakov V.A. Traditional perceptions of the dog among the Khakas people of the late 19th – mid-20th century. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2012, No. 2, pp. 114–123. (In Russ.).

Burnakov V.A. Image of the sky in traditional outlook of Khakasses. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, vol. 12, No. 5, pp. 255–263. (In Russ.).

Burnakov V.A., Tsydenova D.Ts. Khozan tös – the hare fetish in mythological ideas and ceremonialism of khakas (the end of XIX – the middle of the 20th century). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, vol. 417, pp. 36–48. (In Russ.).

Butanaev V.Ya. Goroskop i gadanie. Khakasskii kalendar'. Abakan: Khakasiya Publ., 1991, 33 p. (In Russ.).

Butanaev V.Ya. Burkhanizm tyurkov Saiano-Altai. Abakan: Khakass State Univ. Press, 2003, 260 p. (In Russ.).

Butanaev V.Ya. Traditsionnyi shamanizm Khongoraya. Abakan: Khakass State Univ. Press, 2006, 254 p. (In Russ.).

Butanaev V.Ya. Budni i prazdniki tyurkov Khongoraya. Abakan: Kooperativ "Zhurnalists" Publ., 2014, 316 p. (In Russ.).

Butanaev V.Ya., Butanaeva I.I. Mir khongorskogo fol'klora. Abakan: Khakass State Univ. Press, 2008, 376 p. (In Russ.).

Butanaev V.Ya., Butanaeva I.I. My rodом iz Khongoraia. Khakasskie mify, legendy i predaniya. Abakan: Kooperativ "Zhurnalists" Publ., 2010, 240 p. (In Russ.).

Dyrenkova N.P. Atributy shamanov u turetsko-mongol'skikh narodov Sibiri. In *Tyurki Sayano-Altaya. Stat'i i etnograficheskie materialy*. St. Petersburg: MAE RAS Publ., 2012, pp. 277–339. (In Russ.).

Georgi I.G. O shamanskom yazycheskom zakone. In *Opisanie vseh v rossiiskom gosudarstve obitaiushchikh narodov, takzhe ikh zhiteiskikh obriadov, ver, obyknovenii, zhilishch, odezhd i prochikh dostopamiatnostei*. St. Petersburg: Tipografiya Veitbrekhta i Shnora, 1777, pt. III. Samoïadskie, mandzhurskie i vostochnye sibirskie narody, pp. 109–130. (In Russ.).

Ivanov S.V. K voprosu o znachenii izobrazhenii na starinnykh predmetakh kul'ta u narodov Sayano-Altayskogo nagor'ya. In *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii*, 1955, vol. 16, pp. 165–264. (In Russ.).

Karatanov I. Cherty vneshnego byta kachinskikh tatar. In *Izvestiya Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva*. St. Petersburg, 1884, vol. 20, No. 6, pp. 618–645. (In Russ.).

Kastren M.A. Puteshestvie v Sibir' (1845–1849). Tyumen: Yu. Mandriki Publ., 1999, 352 p. (In Russ.).

Katanov N. (sviashchennik). Shamanskii buben i ego znachenie. In *Eniseiskie eparkhial'nye vedomosti*, 1889, vol. 6, pp. 112–114. (In Russ.).

Katanov N.F. Narechiya uryankhaitsev (soiotov), abakanskikh tatar i karagasov: (Obraztsy narodnoi literatury tyurkskikh plemen, izdannye V.V. Radlovym). St. Petersburg: Imp. Akademiya nauk Publ., 1907, vol. 9, 640 p. (In Russ.).

Khertek L.K. Simvolika belogo zaitsa i medveditsy v traditsionnoi kul'ture tuvintsev. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2008, vol. 6, pp. 97–100. (In Russ.).

Klements D.A. Neskol'ko obraztsov bubnov minusinskikh inorodtsev. *Zapiski Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva*, 1890, vol. 2, No. 2, pp. 25–35. (In Russ.).

Kon F. Beremennost', rody i ukhod za rebenkom u kachinok. *Russkii antropologicheskii zhurnal*, 1900, vol. 4, pp. 58–61. (In Russ.).

Kostrov N.A. Ocherki byta minusinskikh tatar. In *Trudy chetvertogo arkheologicheskogo s'ezda v Rossii, byvshego v Kazani s 31 iyulya po 18 avgusta 1877 g.* Kazan, 1884, vol. 1, pp. 208–248. (In Russ.).

Mainagashев S.D. Zhertvoprinoshenie Nebu u bel'tyrov. In *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii*, 1916, vol. 3, pp. 93–102. (In Russ.).

Muitueva V.A. Traditsionnaya religiozno-mifologicheskaya kartina mira altaitsev. Gorno-Altaysk: Vysotskii G.G. Publ., 2004, 166 p. (In Russ.).

Neskol'ko sposobov okhraneniya rebenka u shortsev. In *Dyrenkova N.P. Tyurki Saiano-Altai. Stat'i i etnograficheskie materialy*. St. Petersburg: MAE RAS Publ., 2012, pp. 245–255. (In Russ.).

Orfeev N. Shamanstvo u inorodtsev Minusinskogo okruga. In *Eniseiskie eparkhial'nye vedomosti*, 1886, vol. 1, pp. 9–11. (In Russ.).

Potанин G.N. Ocherki Severo-Zapadnoi Mongolii. 2 izd. Gorno-Altaysk: Ak Chechek, 2005, 1026 p. (In Russ.).

Бурнаков В.А. <https://orcid.org/0000-0001-9636-3081>

Ю.В. Герасимов✉, М.А. Корусенко✉
Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: otto_link@mail.ru; ngajapti@yandex.ru

**Некоторые вопросы
этнокультурной истории аборигенного населения
в среднем и нижнем течении реки Тара в XV–XVI веках
(по археологическим материалам)**

В статье рассматривается формирование аборигенного населения р. Тара в контексте этнокультурной истории. Этнографические данные и письменные источники XVI–XVIII вв. предоставляют информацию об исторических предках современного тюркоязычного населения региона (тарских татар). Авторы соотносят с этим историческим периодом известные могильники XVII–XVIII вв., для которых характерна северо-западная ориентация умерших. Можно предположить, что формирование аборигенного населения в этом регионе началось раньше – в XIV–XV вв. н.э., когда здесь исчезают памятники усть-ишимской культуры развитого Средневековья. Однако данных об этом этапе истории мало. До настоящего времени не выявлены и убедительно не атрибутированы погребальные памятники указанного периода, не известны и исторические источники. Как полагают авторы, определенные результаты может дать изучение погребений с северо-восточной ориентацией умерших, которые выявлены на нескольких могильниках региона. В результате раскопок могильника Черталы III, расположенного в среднем течении р. Тара, авторам удалось получить данные, которые позволяют датировать подобные захоронения периодом XV–XVI вв. Остается загадкой этнокультурная принадлежность населения, оставившего указанные памятники, хотя некоторые особенности погребального обряда позволяют предполагать их связь с самодийцами. Дальнейшее изучение таких материалов позволит не только решить некоторые спорные вопросы раннего этапа этнической истории тарских татар, но и получить новые сведения о периоде между существованием этой этнографической группы сибирских татар и носителей усть-ишимской культуры, который пока выглядит как белое пятно.

Ключевые слова: р. Тара, аборигенное население, этнокультурная история, могильники, погребения, усть-ишимская культура, контакты.

Yuri V. Gerasimov✉, Mikhail A. Korusenko✉
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: otto_link@mail.ru; ngajapti@yandex.ru

**Some Issues of Ethnic and Cultural History
of the Indigenous Population Living
in the Middle and Lower Tara Region in the 15th–16th Centuries
(Based on Archaeological Evidence)**

The article discusses the emergence of the indigenous population inhabiting the basin of the Tara River in the context of ethnic and cultural history. Ethnographic evidence and written records of the 15th–18th centuries AD provide information about the historical ancestors of the contemporary Turkic-speaking population of the region (the Tara Tatars). The authors correlate the famous burial grounds of the 17th–18th centuries, where the deceased were oriented along NW, with this chronological period. Supposedly, the emergence of the indigenous population in this region had begun earlier, approximately in the 14th–15th centuries AD when major sites of the Ust-Ishim culture of the Advanced Middle Ages disappeared in that region. Unfortunately, the evidence about that historical period is scarce: burial sites have not yet been found and attributed;

historical sources are also unknown. The authors suggest that some answers can be obtained from studying the burial grounds with the orientation of the deceased to the NE, which is the case at some sites of the region. The excavations at the burial ground of Chertaly III in the middle reaches of the Tara River have revealed the evidence making it possible to date such burials to the 15th–16th centuries. However, even now the ethnic and cultural identity of the population which left these burials remains unknown, although some features of the funeral rite suggest their connection with the Samoyedic peoples. Further research of the evidence obtained will make it possible not only to clarify some problems associated with early stages of ethnic and cultural history of the Tara Tatars, but will also provide new insights into the period between the emergence of the ethnic group of the Siberian Tatars and representatives of the Ust-Ishim culture.

Keywords: *Tara River, indigenous people, ethnic and cultural history, burial sites, burials, Ust-Ishim culture, contacts.*

В настоящей работе авторы предлагают рассмотреть некоторые аспекты этнической истории коренного населения южнотаежного Прииртышья в период позднего Средневековья – Нового времени с учетом археологических данных, полученных за последние годы.

В конце XVI в. в южнотаежном Прииртышье появляется русское население, положив начало формированию современной этнической картины. К этому моменту на территории интересующего нас региона – среднего и нижнего течения р. Тара, которая является географической границей зон южной тайги и лесостепи, – существовала сеть населенных пунктов аборигенного населения, которое затем в этнографической литературе получило обозначение «тарские татары», подгруппа «аялу». Н.А. Томилов в своей работе, посвященной этнической истории тюркоязычного населения Тоболо-Иртышского междуречья, приводит сведения Б.О. Долгих, полученные из ревизских сказок начала XVII в. с перечнем деревень (аулов) аборигенного населения, которые уже существовали в регионе [Томилов, 1980]. Из письменных документов известны только названия населенных пунктов, места их расположения можно только предполагать с известной долей условности.

Данные, которые нам стали доступны в результате комплексных археолого-этнографических исследований, свидетельствуют, что, как правило, у большинства современных населенных пунктов тарских татар выявлены комплексы археологических объектов, состоящих из поселения и могильника позднего Средневековья, предположительно оставленных их историческими предками. Их изучение началось сравнительно недавно, тем не менее к настоящему времени в регионе среднего и нижнего течения р. Тара обнаружена и в разной степени исследована серия могильников, датируемых XVII–XVIII вв., для которых характерна определенная специфика погребального обряда. К числу таких памятников относятся могильники Чеплярово XXVII, Окунево VII, Бергамак II, Черталы III, Надеждинка VII, Льнозавод IV, Кыштовка-2.

Упомянутые некрополи представляют собой могильные поля небольших подовальных или подпрямоугольных в плане насыпей, высотой от 0,15–0,2 м до 0,4–0,6 м, ориентированных по линии СЗ – ЮВ. В могильниках насчитывается от нескольких десятков до нескольких сотен таких насыпей, как правило, расположенных на мысовидных участках коренной террасы р. Тара. Стоит отметить, что каждый из известных могильников имеет свое «лицо» – насыпи размещаются в таких объектах в определенном порядке, могут иметь или не иметь следов опоясывающих или прерывистых ровиков и т.д. Захоронения совершались в относительно глубоких подпрямоугольных ямах, размер которых коррелировал с ростом погребенного. Часто ямы перекрывались продольно расположенными плахами, на которых (или вблизи) фиксируются следы погребального костра, засыпанного землей при сооружении насыпи. Умерший укладывался вытянуто на спине, головой на северо-запад. Погребальный инвентарь включал элементы одежды, орудия труда, иногда – оружие, ритуальные предметы. Характерной чертой можно считать отсутствие керамических сосудов в могилах, хотя в насыпях они иногда встречаются, равно как и небольшие медные котлы. Насыпи в некоторых случаях заключали в себе имитацию сруба наземного жилища высотой в 2–3 венца. Как правило, такие сооружения прямоугольные в плане и призматические в сечении.

Находки, полученные при раскопках насыпей северо-западной ориентации на могильниках Чеплярово XXVII, Окунево VII, Бергамак II, Черталы III, Льнозавод IV, Кыштовка-2, позволили датировать погребения по нумизматическому материалу – нюрнбергским счетным жетонам [Корусенко, Милищенко, 2002] и сопроводительному инвентарю – концом XVI – XVIII в. Описанные комплексы убедительно интерпретируются как оставленные историческими предками тарских татар. На наш взгляд, к этому же кругу памятников следует отнести и могильник Кыштовка-2 на основании следующих соображений. Прежде всего, это сходство погребального обряда в деталях: ориентация и положение умерших, устройство погребальных

сооружений, инвентарь. Крестовидные бляшки, которые В.И. Молодин посчитал свидетельством принадлежности памятника хантыйскому населению, обнаружены также в могильнике Окунево VII [Матющенко, 2003, с. 33, рис. 69]. До настоящего времени в регионе не обнаружено ни одного могильника типа Кыштовки-2, который был бы убедительно интерпретирован как хантыйский, между тем сходные с этим памятником до деталей некрополи убедительно связываются с историческими предками тарских татар.

Характерной особенностью большинства таких некрополей являются приуроченные к краям террас цепочки курганных насыпей, отличающихся от описанных выше размерами и высотой. Датировка изученных курганов укладывается в период существования потчевашской и усть-ишимской культур. Планиграфически указанные насыпи являются основанием структуры погребального комплекса позднего времени. Данные наших наблюдений свидетельствуют о том, что территории распространения усть-ишимских комплексов и памятников, связываемых с предками тарских татар, в пределах как минимум южнотаежной зоны совпадают.

В научной литературе утвердилась точка зрения о том, что население, оставившее памятники усть-ишимской культуры, ассоциируется с угорским этнокультурным пластом таежной зоны; хронологические рамки бытования культуры доводятся до начала XIV в. Таким образом, в археологических материалах фиксируется лагуна протяженностью без малого 300 лет, которая не позволяет решить вопрос о месте и роли населения развитого Средневековья в процессе формирования различных этнических подразделений тоболо-иртышской группы сибирских татар.

В настоящее время среди исследователей нет единой точки зрения на этот процесс. Общим местом является признание того факта, что различные этнические группы тоболо-иртышских татар, бытование которых зафиксировано в исторических источниках начала XVII в., сложились на основе синтеза угорского населения тайги и тюркского – лесостепи. Процессы этнической консолидации происходили в разных условиях, что и определило этнокультурные различия локальных групп сибирских татар. Конкретные формы и механизмы указанного процесса остаются предметом дискуссий. Так, В.И. Молодин, В.И. Соболев и А.И. Соловьев выдвинули тезис о том, что на основе носителей усть-ишимской культуры при участии тюркского населения, пришедшего в лесостепь Западной Сибири из Алтайских степей, сформировалась этническая группа южных хантов, которая оставила могильники Кыштовка-1

и -2. Характерные черты погребальной обрядности этой группы, выступающие этнокультурным маркером: вещевой комплекс, захоронения под невысокими овальными насыпями в подпрямоугольных ямах, ориентация погребенных головой на северо-запад, использование огня в ритуале. В отличие от этой линии генезиса, этническая общность барабинских татар сложилась в Центральной Барабе на основе тюркского населения лесостепи, испытывавшего культурное влияние угорских традиций [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с. 195]. С этим населением связаны могильники Преображенка-3, Малый Чуланкуль-1, Абрамово-10, характерными чертами обрядности для которых являются захоронения под округлыми куполообразными насыпями в ямах подпрямоугольной формы, с отвесными стенками и ровным дном, с ориентацией погребенных на юго-запад. К этому же кругу памятников исследователями отнесен и могильник Крючное-6, хотя он и обладает определенной спецификой, отраженной в элементах погребальной обрядности (наиболее яркая черта – ориентация погребенных на северо-восток). Авторы объясняют указанную особенность инверсией традиции, связанной с ориентацией на закат, которая проявилась в северном памятнике «южного татарского населения, глубоко внедрившегося в таежное окружение и при этом сохранившего черты своего этнического колорита» [Позднесредневековые комплексы..., 2012, с. 108]. Наряду с угорским и тюркским компонентами определенную роль в этнической истории коренных народов сыграло самодийское население, что отражено в некоторых погребениях изученных комплексов, но детализировать ее пока не удалось из-за слабости источниковой базы.

С.С. Тихонов и С.Ф. Татауров полагают, что к формированию этнической группы тарских татар привела трансформация усть-ишимской культуры на протяжении XIV–XVI вв. под влиянием тюркских традиций. Указанный процесс, по мнению ученых, нашел отражение в материальной культуре, в т.ч. керамике [Татауров, Тихонов, 2002, с. 133]. Развивая эту идею, авторы в своих новейших публикациях предлагают считать усть-ишимскую культуру историографическим заблуждением, рассматривая XI–XIV вв. как период эволюции культуры тюркского населения южнотаежной зоны, которое приводит в XVI столетии к образованию этнических подразделений сибирских татар, впрочем, не обременяя себя каким-либо обоснованием этой революционной идеи [Татауров, Тихонов, 2019, с. 111].

Утверждению о прямой преемственности усть-ишимского населения и некоторых этнических групп сибирских татар, как нам представляется,

противоречат накопленные к сегодняшнему дню данные. Сравнительный анализ показывает, что в погребальных памятниках усть-ишимской культуры развитого Средневековья и погребениях Нового времени фиксируются черты как сходства, так и отличия. Ярким проявлением региональной традиции можно считать устоявшуюся ориентацию погребенного головой в сектор 3 – ССЗ. Но если в могильниках усть-ишимской культуры указанная ориентация является просто преобладающей, составляя порядка 60 %, при этом сосуществуя с ориентацией к югу и юго-востоку, то для погребений XVI–XVII вв. эта черта становится абсолютно преобладающей. Следует отметить и своеобразное использование огня в погребальном обряде: костер разводился на плахах перекрытия и засыпался землей в процессе сооружения насыпи. Зафиксированная на некоторых погребениях усть-ишимской культуры эта практика получает широкое распространение в могильниках XVI–XVII вв.

Различия традиций проявляются, в первую очередь, в самой организации некрополей: на поздних памятниках количество насыпей исчисляется сотнями, в то время как на усть-ишимских ограничено двумя-тремя десятками. Данное новшество иллюстрирует, как мы полагаем, изменение представлений о смерти, согласно которым теперь следовало погребать всех умерших на одном кладбище и по единому обряду. Следует отметить тенденцию к сокращению размеров насыпей и могильных ям при углублении последних; наконец, исчезает обычай помещать в погребение сосуд. Изменяется вид внутри- и надмогильных элементов, конструкций и сооружений. Таким образом, археологические материалы, по которым можно реконструировать элементы погребальной обрядности, не позволяют сделать однозначный вывод о механизмах и степени этнокультурной преемственности между населением усть-ишимской культуры и историческими предками тарских татар.

Одним из устойчивых признаков этнокультурной принадлежности погребальных памятников обоснованно считается ориентация умершего. Для изучаемого региона указанный маркер выглядит следующим образом: захоронения барабинских татар ориентированы на юго-запад, в могильниках тарских татар преобладает северо-западное направление. Кроме того, для указанных захоронений не характерно помещение в могилы сосудов. Интересно отметить, что на Кыштовке-2 сосуды не встречались в погребениях с северо-западной ориентацией, но два таких предмета обнаружены в могилах, обращенных на юго-восток. Это обстоятельство также свидетельствует о том, что данный комплекс следует рассматривать как однокультур-

ный могильник, соотносимый с историческими предками тарских татар, а не южных ханты.

Материалы, полученные в 2014 г. при исследовании могильника Черталы III, позволяют сформулировать новый подход к рассмотрению проблемы формирования этногенеза коренного населения южнотатарского Прииртышья. При раскопках на этом некрополе был выявлен анклав погребений, которые отличаются некоторой спецификой погребального обряда [Герасимов, Корусенко, 2014]. Захоронения совершались в ямах глубиной 20–30 см, умершие укладывались головой на СВ. Сопроводительный инвентарь в погребениях этой группы относительно небогат: сосуды с заупокойной пищей, небольшие ножи и наконечники стрел, бусины. Большинство могил перекрыто невысокими, до 0,4 м, насыпями овальной формы, ориентация которых совпадает с ориентацией ямы. Особенностью погребального ритуала этой группы можно считать наличие керамических сосудов в захоронениях. Интересное погребение исследовано в кург. № 21. Насыпь кургана округлых очертаний, диаметром до 4,5 м и высотой 1,2 м, умерший уложен вытянуто на спине, в яме глубиной 0,8 м, головой на СВ. Свидетельств использования огня в ритуале не отмечено. Сопроводительный инвентарь включает небольшой бронзовый котел с остатками заупокойной пищи, набор железных и костяных наконечников стрел, детали колчана, железные кольчатые удила, бронзовое зеркало в берестяном чехле. На лицевой части черепа зафиксированы остатки погребальной маски (?) в виде трех бронзовых фигурок рыбок, расположенных на глазницах и отверстии рта, и клыка хищника в области носа. В двух случаях удалось установить, что могилы этого типа перекрыты погребениями с северо-западной ориентацией, что позволяет утверждать более позднее происхождение последних. В пользу более ранней датировки погребений с северо-восточной ориентацией говорит и сопроводительный инвентарь, более архаичный по своему облику и составу. Так, в этом комплексе отсутствуют монеты; ножи и наконечники стрел морфологически тяготеют не к русским образцам, а к более ранним местным формам.

Таким образом, в составе могильника Черталы III был выявлен неизвестный ранее анклав погребений, ближайшие аналоги которого можно увидеть в могильнике Крючное-6, расположенном выше по течению р. Тара [Позднесредневековые комплексы..., 2012]. Кроме того, единичные захоронения такого типа известны в могильниках Кыштовка-2 и Надеждинка VII. До настоящего времени эти погребения интерпретировались как инверсия могил с юго-западной ориентацией, оставленных

историческими предками сибирских татар. Полученные нами материалы дают достаточные основания оспорить такую агрибуцию. Хронологически подобные комплексы следует рассматривать как предшествующие комплексам с северо-западной ориентацией, но для их этнокультурной интерпретации данных пока не достаточно. Некоторые особенности ритуала и компоненты вещевого комплекса позволяют предполагать культурное влияние таежного (южнохантыйского или самодийского) населения [Герасимов, Корусенко, 2017].

Интерпретация погребений с северо-восточной ориентацией как инверсия юго-западной, предложенная исследователями могильника Крючное-6, на наш взгляд, является ошибочной по ряду причин. Историографически подход авторов понятен – комплекс долгое время оставался единичным памятником, аналоги которому отсутствовали. Единичные захоронения с северо-восточной ориентацией умерших в могильнике Кыштовка-2 логично было рассматривать в контексте преобладающей обрядности. Но комплекс, изученный в составе некрополя Черталы III, позволяет иначе понять ситуацию.

Могильники с северо-восточной ориентацией погребенных следует рассматривать как проявление этнокультурной традиции, отличной от зафиксированных ранее. В пользу этого говорит не только ориентация, но и другие элементы погребального обряда. Так, для данных захоронений характерно наличие в составе сопроводительного инвентаря сосудов, а также отсутствие счетных жетонов, монет и других предметов русского импорта, что резко отличает их от могил с северо-западной и юго-западной ориентацией. Выделяют указанные комплексы и такие детали, как устройство могильных ям, форма насыпей, отсутствие следов огня в ритуале. С высокой долей уверенности можно говорить о том, что носители данной культурной традиции приняли участие в сложении аборигенного населения Тарского Прииртышья, но определить их роль и место в этом процессе пока сложно.

Таким образом, приведенная нами аргументация позволяет сформулировать гипотезу о том, что именно население, оставившее комплексы с северо-восточной ориентацией на ряде могильников среднего течения и низовий р. Тары, может быть ассоциировано с выходцами из таежного мира, скорее всего самодийцами. В дальнейшем эти группы, вероятно, вошли в состав локальных групп тарских татар, что нашло отражение в этногенетических преданиях, зафиксированных в д. Черталы и других населенных пунктах среднего течения р. Тара при этнографических сборах второй половины XX в.

Список литературы

Герасимов Ю.В., Корусенко М.А. Средневековые погребения из состава могильника Черталы-4: некоторые результаты изучения // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – С. 146–148.

Герасимов Ю.В., Корусенко М.А. Погребения с северо-восточной ориентацией в Тарском Прииртышье: проблемы интерпретации // Культуры и народы Северной Евразии: взгляд сквозь время: мат-лы междунар. конф., посвящ. 80-летнему юбилею Л.А. Чиндиной. – Томск: ИД «Принт», 2017. – С. 143–147.

Корусенко М.А., Милиценко О.А. Счётные пфенниги из памятников в низовьях р. Тары // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск: Наука, Сиб. предприятие РАН, 2002. – Т. 5. – С. 110–122.

Матюшенко В.И. Могильник на Татарском увале у д. Окунево (ОМ VII). Раскопки 1998, 1999 годов // Новое в археологии Прииртышья. – Омск: Ом. гос. ун-т, 2003. – Вып. 3. – 64 с. + 93 илл.

Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. – 262 с.

Познесредневековые комплексы на озере Крючное (Средняя Тара) / В.И. Молодин, А.В. Новиков, Д.В. Поздняков, А.И. Соловьев. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН; Новосиб. гос. ун-т, 2012. – 162 с.

Татауров С.Ф., Тихонов С.С. Тарское Прииртышье в XIV–XVI вв. // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск: Наука, Сиб. предприятие РАН, 2002. – Т. 5. – С. 122–133.

Татауров С.Ф., Тихонов С.С. Средневековые древности Тарского Прииртышья (генезис, хронологическая принадлежность, культурно-этническая интерпретация) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2019. – Т. 47, № 1. – С. 103–112.

Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX в. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1980. – 276 с.

References

Gerasimov Yu.V., Korusenko M.A. Chertaly Burial Ground: Excavation of the 2014 and Research Results. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014, pp. 146–148. (In Russ.).

Gerasimov Yu.V., Korusenko M.A. Pogrebeniya s severo-vostochnoi orientatsiei v Tarskom Priirtysh'e: problemy interpretatsii. In *Kul'tury i narody Severnoi Evrazii: vzglyad skvoz' vremya: Materialy mezhdukar.*

konf., posvyashchennoi 80-letnemu yubileyu L.A. Chindinoi. Tomsk: ID "Print", 2017, pp. 143–147. (In Russ.).

Korusenko M.A., Milishchenko O.A. Schetnye pfennigi iz pamyatnikov v nizov'yakh r. Tary. In *Etnografo-arkheologicheskie komplekсы: problemy kul'tury i sotsiuma.* Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe predpriyatie RAN, 2002, vol. 5, pp. 110–122. (In Russ.).

Matyuschenko V.I. Mogil'nik na Tatarskom uvale u d. Okunevo (OM VII). Raskopki 1998, 1999 godov. In *Novoe v arkhologii Priirtysh'ya.* Omsk: State Univ. Press, 2003, iss. 3, 64 p. + 93 ill. (In Russ.).

Molodin V.I., Novikov A.V., Pozdnyakov D.V., Soloviev A.I. Poznesrednekovye komplekсы na ozere Kryuchnoe (Srednyaya Tara). Novosibirsk, 2012, 162 p. (In Russ.).

Molodin V.I., Sobolev V.I., Soloviev A.I. Baraba v epokhu pozdnego srednekov'ya. Novosibirsk: Nauka. Sib otd-nie, 1990, 262 p. (In Russ.).

Tataurov S.F., Tikhonov S.S. Srednekovye drevnosti Tarskogo Priirtysh'ya (genezis, khronologicheskaya prinadlezhnost', kul'turno-etnicheskaya interpretatsiya). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2019, vol. 47, No. 1, pp. 103–112. (In Russ.).

Tataurov S.F., Tikhonov S.S. Tarskoe Priirtysh'e v XIV–XVI vv. In *Etnografo-arkheologicheskie komplekсы: problemy kul'tury i sotsiuma.* Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe predpriyatie RAN, 2002, vol. 5, pp. 122–133. (In Russ.).

Tomilov N.A. Tyurkoyazychnoe naselenie Zapadno-Sibirskoi ravniny v kontse XVI – pervoi chetverti XIX v. Tomsk: State Univ. Press, 1980, 276 p. (In Russ.).

Герасимов Ю.В. <https://orcid.org/0000-0002-5066-576X>

Корусенко М.А. <https://orcid.org/0000-0001-7004-1287>

О.В. Голубкова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: Olga-11100@yandex.ru

Представления о «нечистой» смерти в локальной традиции украинских и белорусских переселенцев на юге Западной Сибири

Структура и символика народных верований во многом обусловлены языческими представлениями о смерти как переходе в иной мир и посмертном существовании в иных воплощениях. Важнейшими элементами традиционного (мифологического) мировосприятия являются вера в возможность взаимодействия живых и мертвых, способность умерших влиять на жизнь и здоровье людей, погоду, хозяйственное благополучие. Такое воздействие могло быть как позитивным, так и негативным, оно зависело от статуса мертвеца, который определялся характером смерти. Представления о «правильной» и «нечистой», «не-своей» смерти лежат в основе мифологизации умерших, с которыми связано происхождение большинства демонических образов в славянской традиции. Полевые исследования выявили большую жизнеспособность мифологических воззрений у потомков переселенцев из Полесья (прибывших в начале XX в. из Киевской, Черниговской, Могилевской губ.), компактно проживающих в ряде сел Новосибирской обл. У них хорошо сохранились представления о «чистой» и «нечистой» смерти, существовала классификация «нечистой» смерти по степени негативного статуса – в зависимости от причин, а в некоторых случаях – времени и места кончины. Умершие прежде срока своей естественной смерти становились «нечистыми» покойниками. Наиболее опасными, «ходячими» мертвецами считались покойные колдуны, ведьмы и самоубийцы, а также скончавшиеся от алкоголизма и утонувшие в результате несчастного случая. «Навещать» своих близких могли умершие, по которым долго горевали: неуспокоенная душа могла утянуть тоскующего человека на тот свет. В некоторых местах на протяжении XX в. практиковали обряд «успокоения» заложных покойников, вбивая в могилу осиновый кол. В статье опубликованы полевые записи – яркие эмоциональные истории информантов, претендующие на достоверность.

Ключевые слова: мифология, «заложные покойники», «нечистая» смерть, ведьмы, сибирские украинцы, сибирские белорусы.

Olga V. Golubkova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: Olga-11100@yandex.ru

Concept of “Unclean” Death in the Local Tradition of the Ukrainian and Belorussian Migrants in the South of Western Siberia

The structure and symbolism of popular beliefs are largely defined by the pagan beliefs of death as a transition to the other world and afterlife in different incarnations. Traditional (mythological) worldview involves a belief in interaction between the living and the dead, the ability of the dead to influence life and health of the living, weather, and economic well-being. That influence could be both positive and negative, depending on the status of the dead resulting from the cause of death. Mythologization of the dead is based on the concept of “rightful” and “wrongful” death. The “unclean” type of death triggered the emergence of the majority of demonic characters in Slavic mythological tradition. Ethnographic research has revealed great vitality of mythological views among the descendants of settlers from the Polesie region, who arrived to Siberia from the Kiev, Chernigov, and Mogilev Guberniyas of the Russian Empire in the early 20th century. These ethnic and local groups of Ukrainians and Belorussians live compactly in some villages in the south of Western Siberia, and have a well-preserved

concept of “clean” and “unclean” death. “Unclean” death had varying degrees of negative status depending on its cause, time, and place. Those who died before the time of their natural term of life would become the “unclean” deceased. The most dangerous, “walking dead,” were the deceased sorcerers, witches, as well as persons who committed suicide, drowned (by accident or from suicide), or died of alcoholism. It was believed that they could leave their graves and frighten people. The dead for whom their relatives grieved greatly and for a long time could also come back to visit their homes. The ritual of “pacifying” the restless dead, when a sharp aspen stick was stuck into the grave, was practiced in some places throughout the 20th century. The article presents field records in the form of vivid stories told by the respondents.

Keywords: mythology, restless dead, “unclean” death, witches, Siberian Ukrainians, Siberian Belorussians.

Мифологизация умерших – один из наиболее продуктивных механизмов создания демонических образов в славянской традиции. В его основе лежит универсальное для славянского сознания представление о «правильной» и «нечистой», «несвоей» смерти [Народная демонология..., 2012, с. 7]. Мировоззренческий и обрядовый комплекс, включающий похороны, представления о загробном мире и посмертном существовании, а также ограничения для различных категорий умерших можно назвать «правилами смерти». Ключевым элементом «правил смерти» является определение условий «хорошей» и «плохой» смерти, «правильных» и «неправильных» мертвецов и погребений. Тем самым задаются «топические представления» о достойной смерти и связанных с ней обстоятельствах для данного сообщества и регламентируются последствия для нарушивших эти предписания [Морозов, Ткачук, 2019, с. 11].

Среди этнографических источников по народным верованиям восточных славян в Сибири особое место занимают материалы, собранные в селах, где компактно проживают потомки переселенцев из Киевской, Черниговской, Могилевской губ. Эти губернии были частью Полесья – обширной территории, охватившей южную часть Белоруссии, северную и северо-западную части Украины, отдельные районы Брянской обл. России. Регион отличается особенным этнокультурным колоритом, поскольку полесская традиция до самого последнего времени прекрасно сохраняла в себе многие архаичные элементы славянской культуры, полностью или частично утраченные в других местах. Археологи, антропологи, этнографы и лингвисты выявили ряд признаков, которые позволили отделить население полесской зоны от белорусских и украинских территорий [Народная демонология..., 2010, с. 9–11]. В селах, где компактно проживали украинские и белорусские переселенцы рубежа XIX–XX вв. в Сибири, также хорошо сохранилась целостная система мировоззренческих традиций и обрядов, которая на протяжении более ста лет передавалась из поколения в поколение.

Цель работы заключалась в выявлении специфики представлений о «нечистой» смерти, «залож-

ных покойниках» (согласно терминологии, предложенной Д.К. Зелениным для обозначения умерших прежде срока своей естественной смерти или покойных колдунов, ведьм [1995, с. 39–41]) и способах борьбы с ними у сибирских украинцев и белорусов. Основным источником исследования стали полевые материалы автора (ПМА*). Ставились задачи провести сравнительный анализ текстов с аналогичными сюжетами исходных регионов, определить степень сохранности народных верований и выяснить причины их актуализации.

Поскольку «структура традиционной обрядности, ее символика, функциональная сущность, предметный состав во многом обусловлены языческими представлениями о вечном мире предков, взаимосвязях его с миром живых на земле, о многостороннем воздействии предков на земную жизнь потомков» [Велецкая, 2003, с. 10], важнейшими элементами мифологического мировосприятия были представления о смерти и посмертном существовании. Смерть считалась исходной точкой, определяющей дальнейшую судьбу умершего. Характер смерти прогнозировал дальнейший статус покойного, показывал, в каком направлении может происходить его взаимодействие с живыми – войдет ли покойный в сонм предков-благодетелей или станет вредоносным мертвецом. «Умершие “своей” смертью почитались как *предки*, “не-своей” – избегались как существа демонической природы, *заложные*» [Седакова, 2004, с. 39].

Из ряда мифологических сюжетов (по ПМА) выделяется группа нарративов о «страшных покойниках» и способах борьбы с ними. Истории отличаются большой эмоциональностью и претензией на достоверность. Для этнографии эти тексты интересны тем, что демонстрируют большую жизнеспособность мифологических воззрений: описываемые события происходили во второй половине XX – начале XXI в. То есть можно говорить о непрерывной традиции сохранения и актуализации народных верований у исследуемых этнолокальных групп.

*Полевые материалы автора (ПМА) – дневники этнографических экспедиций ИАЭТ СО РАН (личный архив) 2000–2019 гг.

У жителей ряда сел Новосибирской обл. – потомков переселенцев начала XX в. из Киевской, Черниговской, Могилевской губ. – сохранились представления о «чистой» и «нечистой» смерти. Также существовала классификация «нечистой» смерти по степени негативного статуса – в зависимости от причин, а в некоторых случаях времени и места кончины. «Хорошей»/«чистой» смертью считался естественный уход из жизни в преклонном возрасте. Умереть во время Великой недели (следующей после Пасхи) многие считали благом и божественной милостью. *На Великой неделе даже самые грешные души попадают в рай* (ПМА: с. Белое, Карасукский р-н, 2019, *полтав.*). Синтез языческих представлений о «хорошей» смерти и благоприятном (с христианской точки зрения) времени кончины в пасхальную неделю для восточных славян универсален, эти верования стали частью народно-православных традиций. Истории о неупокоенных мертвецах никаким образом не вписываются в христианство даже в его народном понимании, далеко от канона. Тем не менее сюжеты сказочной устной прозы о «ходячих» покойниках и близких им персонажах широко известны [Народная демонология..., 2012, с. 15–465], в Западной Сибири они активно воспроизводятся у украинских, белорусских и южнорусских переселенцев. *Вижу около могилы сидит бабка с распущенными волосами. Глаза дупатые, смотрит на меня. Я перекрестилась, бабка мне погрозила пальцем и исчезла...* (ПМА: д. Петропавловка, Маслянинский р-н, 2016, *чернигов.*).

«Плохой»/«нечистой» смертью считалась преждевременная кончина, а ее причины могли определить уровень негативного статуса покойного. К категории «самых страшных мертвецов» относили умерших ведьм и колдунов, полагая, что после смерти они обретают большую силу и становятся более опасными, чем были при жизни. Объясняли также, что телами колдунов и ведьм после их смерти завладевает нечистая сила, она поднимает их из могил. *После смерти ведьма еще страшней становится, из могилы встает, по воздуху летает* (ПМА: с. Морозовка, Карасукский р-н, 2019, *киев.*). *Колдовец як помер, начал вставать из могилы. Ходил тут к одной жинке, она зачахла и померла* (ПМА: там же, *киев.*). *Жили в Покровке бабка с дедом, говорили, будто они с нечистой силой дела имели. У них дом на отшибе стоял. Как они померли, оба в один год, друг за другом, стало в деревне что-то чудиться. Будто видели, как ночью с кладбища два огненных шара к их дому прилетали и в окнах свет горел. А после этого в деревне что-то нехорошее случалось. Один человек покалечился, у других корова сдохла, стало много несчастных*

случаев. Потом этот дом сожгли и сразу всё прекратилось (ПМА: с. Прямское, Маслянинский р-н, 2018, *могилев.*).

Не менее страшными покойниками, чем колдуны, становились самоубийцы. Повсеместно сохранились представления о самоубийстве как самой «нечистой» смерти. «Архаическая мотивировка самоубийства как “неизбытого века” вытеснилась или подкреплена новым христианским представлением о тягчайшем грехе самоубийства» [Седакова, 2004, с. 47]. Следующими по степени опасности считались утопленники и умершие от алкоголизма. *Удавленники – самая нечистая смерть. Кто на себя руки наложил или от пьянства скончался, не могут сразу успокоиться, будут после смерти ходить* (ПМА: с. Борково, Маслянинский р-н, 2016, *чернигов.*). Смерть в воде, даже если не была суицидом, наделялась более высоким негативным статусом, чем кончина от других несчастных случаев. Вероятно, потому что вода воспринималась как дорога в нижний мир, а водоемы были «населены» его обитателями. Утонувших людей считали похищенными нечистой силой. Утопленники могли стать блуждающими мертвецами или представителями *нежити* (русалками, болотными духами). Также как колдуны, самоубийцы и «опойцы», утопленники могли влиять на погоду: вызывать проливные дожди, град, заморозки или засуху [Зеленин, 1995, с. 108, 110–120]: «причиною холодных ветров служит захоронение в землю утопленника» [Там же, с. 115]. Для избавления от засухи во многих местах поливали могилы «заложных покойников», вызывая дождь [Там же, с. 113–117]. Сибирские украинцы и белорусы причины засухи связывали с утонувшими, они не касались других категорий «нечистых мертвецов». Могилы утопленников поливали водой, чтобы вызвать дождь. По-видимому, представления о влиянии «заложных покойников» на погоду сохранились уже в редуцированном виде и касались только утопленников, семантическая связь с водой и дождем которых наиболее очевидна. *Один год дождей не было, мы ходили на кладбище, там один у нас утонул. Мы могилу утопленника поливали. Утопленника полить, тогда дождь пойдёт. Мы на кладбище были, у нас была полторашка с водой. Мы пришли к могиле, вот эту воду полили, говорим: давай, дождя нам посылай! Назавтра смотрим, и дождь пошел* (ПМА: с. Корнилово, Болотнинский р-н, 2019, *гомель.*). Умершие «до срока» в результате несчастного случая, болезни или убитые также причислялись к числу покойников с негативным статусом, но их считали менее опасными. Чаще всего они пугали, не причиняя

большого вреда. *Как Васю похоронила, первый год каждую ночь слышала, как он приходил. Лягу на кровать и слышу, как внешнюю стену будто кто раздирает железными когтями. Смотрю в окно, никого нет. Это его душа ходит, мается неприкаянная* (ПМА: с. Петропавловка, Маслянинский р-н, 2016, чернигов.).

«Нечистые» мертвецы могли стать «ходячими» покойниками, но это происходило не всегда. Иногда могли «ходить» умершие, по которым сильно горевали. Долго оплакивать покойного считалось опасным, поскольку сильная эмоциональная привязанность удерживала его рядом с домом, не давала душе успокоиться и перейти в иной мир. Неуспокоенная душа, также как и «нечистый» покойник, могла утянуть близких людей на *тот свет*. Считалось также, что ходит не сам покойник, а в его тело вселяется нечистая сила. *У ней муж помер, она по нём сильно убивалася, была замученная и померла. Говорили, это он, муж её каждую ночь к ней приходил* (ПМА: с. Морозовка, Карасукский р-н, 2019, киев.). *Ходил по селу мрэц, его нечистая сила водила* (ПМА: там же, киев.). У киевских переселенцев сохранились представления о том, что «ходячими» мертвецами (русалками) становились умершие на граной неделе (после Троицы), в день «русалки». *Умерла девочка маленькая или подросток в тот день, в русалки. Бабушки сидят на похоронах и говорят – ну теперь она русалкой станет* (ПМА: там же).

Из опасности «заложных покойников» вытекающим обстоятельством была необходимость их изоляции при помощи превентивных ритуально-магических практик и особых способов захоронения [Морозов, Ткачук, 2019, с. 12–13]. В начале XX в. «нечистых» покойников хоронили отдельно, за территорией кладбища, в некоторых местах этот обычай продлился до середины века. *Кто нечисто умер, хоронили за кладбищем, за оградой, там была канавка вырыта, так за этой канавкою* (ПМА: с. Морозовка, Карасукский р-н, 2019, киев.). *Таких, кто утопится, повесится, шепотуньев разных хоронили отдельно. Было старое кладбище, совсем отдельное для таких. Пила молодая женищина и померла от пьянства, её тоже в тот угол похоронили* (ПМА: там же, киев.).

Орудиями борьбы со «страшными покойниками» кроме универсальных (креста, иконы, молитвы, святой воды) был осиновый кол. Кол забивали в могилу, не раскапывая. Рассказы о том, что даже в конце XX в. существовала практика «усмирять» осиновым колом активных мертвецов с высоким негативным статусом, были записаны в ряде сел у переселенцев из областей украинского и белорусского Полесья. *Удавленников нельзя отпевать. А его отпели. Но не помогло, он как ходил, так*

и ходит. Пришлось вбивать в могилу осиновый кол, чтобы успокоить (ПМА: с. Борково, Маслянинский р-н, 2016, чернигов.). *Мимо кладбища страшно идти, можно мертвеца встретить, кто умер от нечистой смерти – самоубийца или пьяница. Такие мертвецы вылазят и пугают, пока им кол в могилу не воткнут* (ПМА: там же, чернигов.). *Раньше здесь ведьма жила, люто колдовала. Её мать из Белоруссии приехала. Говорили, что там всё на шепотках делается. Эта ведьма людей и скотину портила. Она долго умирала, мучилась. Её дочь сама рассказывала, когда мать умирала, у неё из рта выскочила чёрная жаба и в окно упрыгала. Ей в могилу забили осиновый кол (в 1979 г.). Это с согласия её детей сделали* (ПМА: с. Верх-Коён, Искитимский р-н, 2000, гомель.).

Яркая история о «нечистом покойнике» была записана со слов участницы событий (1952 г.р.), которая в 1993 г. организовала в своем селе проведение обряда «успокоения» покойного мужа, скончавшегося от алкоголизма. Этот эмоциональный рассказ, наполненный живописными подробностями мистических переживаний, заслуживает публикации большого фрагмента интервью.

Когда я похоронила своего третьего мужа <...> он стал ко мне по ночам ходить. Придет и встанет возле косяка в спальне. Умер он в трико с голым торсом. В таком виде и приходил. Лезет ко мне, щекочет, пристаёт. Я маме рассказала, мама пришла, перекрестила мне все окна и двери с молитвой. Она людей лечила, знала все молитвы и заговоры. Вот легла я спать, ровно в 12 часов просыпаюсь и вижу, что он в окно смотрит и пальцем мне грозит. Ходит вокруг дома, во все окна заглядывает. Не смог он пройти ни в дверь, ни в окно, влез в трубу. Трубу мама не закрестила. Залез и встал опять у косяка, руки на груди скрестил, на меня смотрит. Простоял так до 4 часов утра, не давал мне спать. Что делать? Надоело мне каждую ночь мучиться, нужно его успокоить. Умер он нечистой смертью, запислся. Самоубийцы и те, кто от пьянства умирает, не могут на том свете успокоиться, выходят из могил и живых изводят. Собрала я по деревне восемь человек, чтобы поехали на кладбище забивать кол. Только стали мы засекал кол, на всех нас обрушился ком снега. Молитву прочитали, засекли кол как надо, вершиной вниз. Поехали на кладбище, а конь не идёт. Встаёт на задние ноги и бьет передними, разворачивается. А конь хороший, смирный был. Когда собирались, я перекрестила всех людей и святой водой sprysнула, а коня не догадалась. Конь никак не идёт. Тогда взяли кол и дальше пешком пошли. Стали вбивать кол в могилу, он не вбивается, щепится. Стали вбивать с молитвой при

каждом ударе, тогда кол легко вошёл. После этого покойник перестал ходить. Но когда мы с кладбища ехали, на обратном пути конь бесился. Врезался в баню, сибиб себе плечо. Как будто взбесился, не подпускал хозяина. Стали мы освящать коня святой водой с молитвой. Произносим: «Во имя отца и сына и святого духа» – это печать, которая открывает любые двери и творит чудеса. Только эти слова произнесли, поднялась тысяча черных ворон, закрыли всё небо над нами (ПМА: с. Борково, Маслянинский р-н, 2016, чернигов.).

Еще одна содержательная история записана со слов близкой знакомой героини рассказа. В Бураново жила ведьма, у неё был сын. Тот сын женился, а невестка сильно не понравилась свекрови, невзлюбила её лютой ненавистью. Невестку звали Анна, я её хорошо знала. Свекровь ей делала всякие гадости, а сын этой ведьмы тоже кое-что знал. Не давал матери свою жену изводить, заступался. Вот однажды сына дома не было, принесла свекровь невестке пельменей угостить. Анна немножко поела и стало ей плохо, прямо умирает. Вернулся домой муж, посмотрел на пельмени и говорит: ну всё понятно. И пошёл к матери. Прибежала свекровь и давай у Ани прощения просить, на коленях вымаливала. Сказала, что она в этих пельменях ей что-то на смерть сделала, наговорила на них. А сын ей что-то передал по-своему, что против неё всё обернулось, против того, кто делал порчу. Поправились Анна, стали думать, как дальше жить. Со свекровью житья не будет, решили переехать и уехали они в Борково. Там прожили сколько-то лет, а потом у них жизнь не заладилась. Ругаться стали, он стал её ревновать, прохода не давал, везде следил, ко всему придирался. Она говорит мужу: давай разведёмся. А он – нет. Я, говорит, задавлюсь, а тебе от меня покоя не будет. Буду с того света приходить, тогда тебе мало не покажется. И задавился, повесился в сарае. Похоронили, а он с первой же ночи стал ходить к жене, пугать её. Она спать ложится, а он стоит около постели, на неё смотрит. Даже за волосы хватал, с кровати стаскивал. Каждую ночь приходит, кровать трясёт. Ничто не помогало, ни молитва, ни святая вода. Дом с иконами освящали, не помогло. Кто-то сказал обратиться к деду, который жил в Малой Томке. Приехала она к нему, рассказала всё. А дед ей говорит: смогу помочь только весной, когда снег растает. А сейчас пока буду у тебя жить, чтобы он тебя до весны на тот свет не уволок. Стал дед у Анны ночевать, а муж её, покойник, совсем озверел. Приходит, рычит, глаза горят страшным огнём. Каждую ночь приходил, покоя не давал. А дед-колдун что-то делал, нашиптывал, что покойник вокруг дома ходит,

в окна заглядывает, а в дом попасть не может. Подойдёт к дому и об угол трётся, дом качает. Дом весь трясётся, ходуном ходит. Свирепеет, но не может достать Аню с дедом. Как только снег растаял, дед пошёл на кладбище, могилу раскопал. Ему надо было дожидаться, чтобы была не мёрзлая земля. Вбил он в гроб осиновый кол, в грудь покойника. И всё прекратилось. А перед тем как вбить кол, ночью Анна видела дома женщину. Вся в чёрном одетая, с длинной косой. Пришла, встала перед ней и говорит: ну всё, закончились твои мучения, больше он тебя не будет тревожить (ПМА: с. Мамоново, Маслянинский р-н, 2018).

Анализ полевых материалов показал, что на юге Западной Сибири представления о «нечистой» смерти и «ходячих» покойниках наиболее полно сохранились у переселенцев из областей украинского и белорусского Полесья. В некоторых местах на протяжении XX в. продолжали практику «упокоевания» заложенных покойников, вбивая в могилу осиновый кол. Во второй половине XX в. это были уже единичные случаи. Боязнь опасного покойника, способного «утянуть» за собой на *тот свет*, наряду с базовым страхом смерти, актуализировала обряды борьбы с «нечистыми» мертвецами в обществе, поддерживающем традиционные стереотипы, характерные для определенной этнокультурной среды. Опираясь на мировоззренческий комплекс, наполненный знакомыми символами, персонажами и ритуалами, людям было легче адаптироваться на новой территории, формируя привычную традиционно-культурную среду.

Список литературы

- Велецкая Н.Н.** Языческая символика славянских архаических ритуалов. – М.: София, 2003. – 240 с.
- Зеленин Д.К.** Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. – М.: Индрик, 1995. – 432 с.
- Морозов И.А., Ткачук Л.А.** «Правила смерти»: концепты «неправильный мертвец» и «неправильное погребение» в инструментарии социальных и политических технологий // Этнографическое обозрение. – 2019. – № 1. – С. 11–26.
- Народная демонология** Полесья. Публикации текстов в записях 80–90-х гг. XX века. – М.: Языки славянских культур, 2010. – Т. I: Люди со сверхъестественными свойствами / сост. Л.Н. Виноградова, Е.Е. Левкиевская. – 648 с. – (Studia philologica).
- Народная демонология** Полесья. Публикации текстов в записях 80–90-х гг. XX века. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. – Т. II: Демонологизация умерших людей / сост. Л.Н. Виноградова, Е.Е. Левкиевская. – 800 с. – (Studia philologica).

Седакова О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. – М.: Индрик, 2004. – 320 с.

References

Morozov I.A., Tkachuk L.A. “The Rules of Death”: Concepts of “Improper Dead Man” and “Improper Burial” in the Toolkit of Social and Political Technologies. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2019, No. 1, pp. 11–26. (In Russ.). DOI: 10.31857/S086954150004177-4

Sedakova O.A. Poetika obryada. Pogrebal'naya obryadnost' vostochnykh i yuzhnykh slavyan. Moscow: Indrik, 2004. 320 p. (In Russ.).

Veletskaya N.N. Yazycheskaya simbolika slavyanskikh arkhaischeskikh ritualov. Moscow: Sofiya, 2003. 240 p. (In Russ.).

Vinogradova L.N., Levkievskaya E.E. (eds.). Narodnaya demonologiya Poles'ia. Publikatsii tekstov v zapisiakh 80–90-kh gg. XX veka. Moscow: Yazyki slavianskikh kul'tur, 2010. Vol. 1: Liudi so sverkh'estestvennymi svoistvami. 648 p. (In Russ.).

Vinogradova L.N., Levkievskaya E.E. (eds.). Narodnaia demonologiya Poles'ia. Publikatsii tekstov v zapisiakh 80–90-kh gg. XX veka. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi, 2012. Vol. II: Demonologizatsiya umershikh lyudei. 800 p. (In Russ.).

Zelenin D.K. Ocherki russkoi mifologii: Umershie neestestvennoi smert'yu i rusalki. Moscow: Indrik, 1995. 432 p. (In Russ.).

Голубкова О.В. <https://orcid.org/0000-0002-9936-8555>

М.А. Жигунова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: marizh.omsk@mail.ru

Структура Омского научного этнографического центра и периодизация его истории

Омск является одним из ранних этнографических центров Западной Сибири, начальный период которого связан с деятельностью ученых Русского географического общества (Ч.Ч. Валиханов, Г.Н. Потанин и др.). В 2019 г. исполнилось 165 лет омской этнографии и 45 лет Омскому научному этнографическому центру. В статье рассматривается история создания в Омске трех основных учреждений этнографического профиля: кафедры этнографии, историографии и источниковедения истории СССР Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (1985 г.), Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН (1992 г.), Сибирского филиала Российского института культурологии (1993 г.). Все они входят в структуру Омского научного этнографического центра. Решающую роль в его становлении сыграло открытие в 1974 г. Омского государственного университета, где изначально этнографическое направление в рамках кафедры истории СССР возглавил канд. ист. наук Н.А. Томилов. В 2013 г. Российской академией естествознания Н.А. Томилову было присвоено почетное звание – основатель этнографической научной школы. В настоящее время Омский научный этнографический центр является третьим этнографическим центром России после Московского и Санкт-Петербургского (Ленинградского). В работе выявляются три основных периода истории Омского научного этнографического центра. Первый период – «зарождение и детство омской академической этнографии» (1974–1984 гг.). Второй период – «юность» (1985–1993 гг.). Третий период – «зрелость» (1994–2020 гг.) – связан с активизацией научно-исследовательской, научно-организационной, публикационной, просветительской и общественной деятельности омских этнографов, массовыми защитами кандидатских и докторских диссертаций, вхождением в элиту отечественной этнографической науки. В настоящее время 8 выходцев из омской этнографии являются докторами наук, более 50 – кандидатами наук.

Ключевые слова: этнографические исследования Сибири, Н.А. Томилов, омская этнография, основные периоды деятельности.

Marina A. Zhigunova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: marizh.omsk@mail.ru

Structure of the Omsk Ethnographic Research Center and Periodization of Its History

Omsk is one of the earliest centers for ethnographic research in Western Siberia. Its initial period is associated with scholars from the Russian Geographical Society (C.C. Valikhanov, G.N. Potanin, etc.). In 2019, it was 165 years of Omsk Ethnography and 45 years of the Omsk Ethnographic Research Center. The article describes the history of three main organizations specializing in ethnography in Omsk, including Department of Ethnography, Historiography, and Source Studies of the Soviet History at F.M. Dostoevsky Omsk State University (1985), Omsk Branch of the Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS (1992), and Siberian Branch of the Russian Institute of Cultural Studies (1993). All these organizations participate in the work of the Omsk Ethnographic Research Center. Omsk State University founded in 1974 has played a crucial role in its development. From the very beginning, ethnographic research at the University has been led by N.A. Tomilov. Currently, the Omsk Ethnographic Research Center is the third center for ethnography in Russia after Moscow and St. Petersburg (Leningrad). The author identifies three main periods in the history of the Omsk

Ethnographic Research Center from 1974 to 2020: the “birth and childhood” of the academic Omsk Ethnography (1974–1984), its “youth” (1985–1993), and “maturity” (1994–2020) associated with active research, organizational, publishing, educational, and public activities of Omsk ethnographers, numerous defenses of dissertations, all of which has made it possible for the Center to become a top national ethnographic institution. Currently, eight Omsk ethnographers are Doctors and over fifty are Candidates of Science.

Keywords: *ethnographic research of Siberia, N.A. Tomilov, Omsk ethnography, main periods of activity.*

Омск является одним из ранних этнографических научных центров Западной Сибири. В 2019 г. исполнилось 165 лет омской этнографии и 45 лет Омскому научному этнографическому центру (ОНЭЦ). Первые этнографические исследования осуществлялись в Омске учеными Русского географического общества (РГО) [Захарова, Томилов, 2007, с. 12–25]. Омское областное отделение РГО было учреждено по инициативе генерал-губернатора Западной Сибири Н.Г. Казнакова 30 июня 1877 г. с первоначальным названием «Западно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества». Истоки омской этнографии лежат в научной деятельности двух известных сибирских ученых – Ч.Ч. Валиханова (1835–1865 гг.) и Г.Н. Потанина (1835–1920 гг.). Первым профессиональным этнографом в Омске стала выпускница Московского государственного университета, исследователь народов Азии И.В. Захарова, которая трудилась в Омском государственном педагогическом институте (университете). В советский период этнографические экспедиции проводились также сотрудниками Омского государственного историко-краеведческого музея для пополнения фондов.

Но решающую роль в становлении ОНЭЦ внесло открытие в 1974 г. Омского государственного университета (ОмГУ), где изначально этнографическое направление в рамках кафедры истории СССР (а затем – всеобщей истории) возглавил 33-летний канд. ист. наук Н.А. Томилов. Сам Николай Аркадьевич вспоминает: «Идея создания научного этнографического центра возникла у меня сразу же после переезда в Омск, создания этнографического студенческого кружка и Музея археологии и этнографии». Первым знаковым шагом на этом пути стало открытие осенью 1985 г. по его инициативе специализированной кафедры этнографии, историографии и источниковедения истории СССР в ОмГУ. Из этнографов, кроме возглавлявшего ее Н.А. Томилова, на ней тогда работали О.М. Проваторова (проживающая сегодня в Канаде), М.А. Жигунова, О.В. Кузнецова (проживающая в Чехии), Г.М. Патрушева (перехавшая в Санкт-Петербург), В.В. Реммлер (уехавший в 1990 г. в Краснодар). Кафедра базировалась на 4 этаже второго корпуса ОмГУ в ауд. 403

(пр. Мира, 55а). На тот момент она была третьей среди российских университетов и пятой по Советскому Союзу.

В 1994 г. из состава кафедры отделилась кафедра современной отечественной истории и историографии, и она стала именоваться кафедрой этнографии и музееведения. В 2013 г. после объединения трех кафедр (этнографии и музееведения; музеологии, экскурсоведения и туризма; первобытной истории) кафедра получила свое современное название – кафедра этнологии, антропологии, археологии и музеологии. Несмотря на неоднократные структурные изменения и переименования, неизменной оставалась направленность на подготовку профессиональных этнографических кадров.

В первое десятилетие создания ОмГУ наиболее талантливых студентов, специализировавшихся по этнографии, посылали учиться в Московский государственный университет и Ленинградский государственный университет. С этими университетами был заключен официальный договор, согласно которому омские студенты переводились на учебу в Москву или Ленинград специальным приказом. Первым был Андрей Головнёв, который обучался в Московском государственном университете (МГУ) на 3–5 курсах. Вторым стал Вадим Реммлер, который в 1983 г. был направлен в МГУ, но потом перераспределен в Ленинградский государственный университет. На следующий год в Ленинград поехал Александр Селезнёв.

В 1988 г. в ОмГУ была открыта аспирантура по этнологии (этнографии). В 2000 г. из существовавшего между аудиториями прохода путем перегородки была образована аудитория 403а, ставшая затем ближайшей (и территориально, и тематически) кафедрой музеологии и туризма, готовившей специалистов по новой для университета специальности «Музеология». Примечательно, что весь ее преподавательский состав образовали бывшие ученики Н.А. Томилова: Г.М. Патрушева (заведующая кафедрой), М.А. Жигунова, М.А. Корусенко, Н.В. Кулешова, О.А. Ландик, А.Б. Свитнев.

В 2002–2008 гг. на базе ОмГУ действовал диссертационный совет К.212.179.04 по защите кандидатских диссертаций по специальности 07.00.07 «Этнография, этнология и антропология», с 2003 г. – докторантура по этнологии. С 2004 г. на

кафедре была открыта новая специальность – «Социальная антропология», с 2007 г. в рамках специализации – бакалавриат и магистратура.

12 апреля 1991 г. в Омске был создан Омский филиал Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН, преобразованный в 2006 г. в Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН, а в 2018 г. – в Омскую лабораторию археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии СО РАН. Возглавлял созданный по его инициативе институт Н.А. Томилов (вплоть до 2016 г.).

Первоначально филиал и приемная директора базировались в нескольких аудиториях, арендованных на 5 этаже III корпуса ОмГУ (ул. Андрианова, 28). В 2000 г. пришла радостная весть, что подписано соглашение о выделении здания под Омский научный центр (ОНЦ) СО РАН (Распоряжение Министерства имущественных отношений Российской Федерации от 26.09.2000 г. № 580-р) по адресу: пр. Маркса, 15. Этот двухэтажный кирпичный памятник архитектуры (1822 г. постройки, 1843 г. перестройки; архитектор Гассельблатт) расположен напротив знаменитого Никольского казачьего собора (памятник истории и архитектуры, 1833 г.; архитектор В. Стасов). Здание принадлежало ранее Омскому/Сибирскому кадетскому корпусу, здесь располагалась его суконная фабрика. А в 1945–1968 гг. в нем базировалось Омское (Камышинское) танковое училище.

Здание, принадлежавшее ранее Министерству обороны, находилось в аварийном состоянии и требовало капитального ремонта. В силу целого ряда факторов, ремонтные работы были проведены только в 2005–2008 гг., внутренняя отделка и техническое оборудование – в 2009 г. В 2010 г. институт переехал из городка Нефтяников в исторический центр города Омска в отремонтированное здание. Торжественное открытие ОНЦ состоялось 9 февраля 2010 г. во время визита в Омск председателя СО РАН академика А.Л. Асеева. С той поры основное академическое учреждение омской этнографии базируется на втором этаже ОНЦ СО РАН. Сегодня в этом здании располагаются также аппарат Президиума ОНЦ СО РАН, Омская экономическая лаборатория Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, Музей народов Сибири, на первом этаже – Центральная научная библиотека ОНЦ СО РАН.

Структура филиала, состав его сотрудников и тематика основных направлений исследований менялись в соответствии с преобразованиями и реформами общероссийского масштаба, а также – конкретными выполняемыми программами и государственным заданием. Изна-

начально в филиале был образован сектор истории культуры русских, возглавляемый д-ром филол. наук, профессором Омского государственного педагогического университета Т.Г. Леоновой. Это усилило вовлеченность омских этнографов в фольклористические исследования, привело к активному участию историков в подготовке и проведению научно-практических семинаров Регионального вузовского центра по фольклору «Народная культура Сибири». В настоящее время коллектив Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии СО РАН составляет 15 человек, его возглавляет С.Н. Корусенко, бывший ученый секретарь Омского филиала института.

Кстати, в период подготовки этой работы автор выявила интересный факт – в начальный период истории ОФ ИИФФ СО РАН в нем официально работал Д.А. Функ (ныне – д-р ист. наук, заведующий кафедрой этнологии МГУ и директор ИЭА РАН). Как вспоминает сам Дмитрий Анатольевич: «Сей факт отражен в моей трудовой... Сначала я собирался жениться на девочке из Омска и стал искать работу в Омске (в т.ч. и потому, что после приезда в Кемерово с кандидатской степенью работы по профилю что-то как-то не очень было :)). Позвонил Николаю Аркадьевичу, тот обрадованно сказал, конечно же, да, приезжайте! Я приехал, устроился. Но вскоре приехал опять с просьбой уволить меня, поскольку мои отношения с девушкой зашли в тупик. Николай Аркадьевич говорил со мной на очень повышенных тонах (но он прав был, безусловно), и мы решили, что “за это” я напишу ему статью в сборник, а он ее издает :»».

22 февраля 1993 г. по инициативе Н.А. Томилова (а также Н.М. Геновой, председателя комитета по культуре и искусству Администрации Омской области и К.Э. Разлогова, директора Российского института культурологии, г. Москва) в Омске был открыт Сибирский филиал Российского института культурологии (СФ РИК, преобразованный в 2014 г. в Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева). Изначально филиал базировался на ул. Ленина в помещении общества «Знание», затем переехал на 2 этаж III корпуса ОмГУ (ул. Андрианова, 28).

В структуре этого научно-исследовательского института сразу же был создан сектор национальных культур и межнациональных отношений (под руководством Н.А. Томилова), в который были приглашены на работу по совместительству омские этнографы Ш.К. Ахметова, М.А. Жигунова, Т.Н. Золотова, М.А. Корусенко, С.Н. Корусенко, И.А. Селезнева. В этом секторе омские этногра-

фы проводили исследования в рамках двух основных направлений: «Национальные культуры: тенденции динамики и современное состояние», «Национально-культурные процессы и пути достижения устойчивого развития в современном мире». С 2005 г. руководство сектором перешло к И.А. Селезневой.

В 2000-е гг. существенно изменился состав сотрудников, появились новые направления в работе: провинциальная культура: опыт, традиции, проблемы исследования; национально-культурные процессы; информационные технологии в культуре. В настоящее время этот институт проводит исследования по следующим направлениям: 1) городская среда: историко-культурные процессы и современное состояние; 2) национальные культуры и историко-культурное наследие народов Западной Сибири. В поле изучения сотрудников СФ РИК попали такие народы, как русские, украинцы, белорусы, сибирские татары, немцы, казахи. Также изучались межнациональные и межконфессиональные отношения, религиозные течения, региональный туристический потенциал [Томилов, Жигунова, 2012]. Вплоть до 2014 г. это учреждение возглавлял Н.А. Томилов, затем – канд. ист. наук И.А. Селезнева (по настоящее время).

Поскольку и кафедру этнографии ОмГУ, и Омский филиал института СО РАН, и Сибирский филиал РИК одновременно возглавлял Н.А. Томилов, то он четко координировал деятельность своих сотрудников. Как правило, все научные и научно-практические мероприятия (семинары, конференции, симпозиумы, конгрессы) организовывались и проводились силами сотрудников всех трех учреждений. Кроме того, на обсуждения рукописей диссертаций (как кандидатских, так и докторских) также приглашались все сотрудники. Многие праздничные мероприятия зачастую проводились также совместно, поскольку значительная часть омских этнографов работала в двух или трех вышеназванных учреждениях. В 2013 г. Российской академией естествознания Н.А. Томилову было присвоено почетное звание – основатель этнографической научной школы (сертификат № 00734) [Жигунова, 2014, с. 193].

Научный центр предполагает наличие профильных учреждений, высококвалифицированных кадров, разработанных теоретических концепций и значительный объем эмпирических исследований. Все это в полной мере соответствует Омскому научному этнографическому центру [Томилов, 2011]. О высоком уровне квалификации омских этнографов свидетельствует тот факт, что 8 выходцев из омской этнографии являются докторами наук, более 50 – кандидатами наук. Уникаль-

на инфраструктура центра, состоящая из целого комплекса учреждений научно-образовательного, академического, культурологического и музееведческого профиля. В настоящее время Омский научный этнографический центр является крупнейшим этнографическим центром России, третьим после Московского и Санкт-Петербургского (Ленинградского). Решающую роль в его зарождении и становлении сыграло открытие в 1974 г. ОмГУ и связанное с ним появление автора идеи и основателя Омской этнографической школы Н.А. Томилова.

Анализируя историю ОНЭЦ, можно выделить три основных этапа его деятельности. Первый период (1974–1984 гг.) можно назвать «зарождением и детством» омской академической этнографии. Второй период – «юность» (1985–1993 гг.) – связан с основным институциональным оформлением ОНЭЦ и появлением в Омске специализированных этнографических учреждений – кафедры этнографии, историографии и источниковедения истории СССР в ОмГУ (1985 г.), Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН (Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН) (1991 г.), Сибирского филиала Российского института культурологии (Сибирского филиала Института природного и культурного наследия им. Д.С. Лихачева) (1993 г.). Следующий период – «зрелость» (1994–2020 гг.) – связан с активизацией научно-исследовательской (в т.ч. теоретической), научно-организационной, публикационной, просветительской и общественной деятельности омских этнографов, массовыми защитами кандидатских и докторских диссертаций, вхождением в элиту отечественной этнографической науки. Свидетельством этого является их заметное участие в организации и проведении Конгрессов этнографов и антропологов России в качестве признанных руководителей секций.

Список литературы

- Жигунова М.А.** Омская этнографическая научная школа // Вестн. Ом. ун-та. – 2014. – № 3. – С. 193 – 195.
- Захарова И.В., Томилов Н.А.** Этнографические научные центры Западной Сибири середины XIX – начала XXI века. Омский этнографический центр. – Омск: Издат. дом «Наука», 2007. – 400 с.
- Томилов Н.А.** Омский научный этнографический центр и его теоретические исследования // Феномен идентичности в современном гуманитарном знании: к 70-летию академика В.А. Тишкова. – М.: Наука, 2011. – С. 319–336.

Томиллов Н.А., Жигунова М.А. Современный период омской этнографии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 406–409.

References

Tomilov N.A. Omskii nauchnyi etnograficheskii tsentr i ego teoreticheskie issledovaniya. In *Fenomen identichnosti v sovremennom gumanitarnom znanii: k 70-letiyu akademika V.A. Tishkova*. Moscow: Nauka, 2011, pp. 319–336. (In Russ.).

Tomilov N.A., Zhigunova M.A. Sovremenniy period omskoi etnografii. In *Problems of Archaeology, Ethnography,*

Anthropology of Siberia and Neighboring Territories. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012, vol. XVIII, pp. 406–409. (In Russ.).

Zakharova I.V., Tomilov N.A. Etnograficheskie nauchnye tsentry Zapadnoi Sibiri serediny XIX – nachala XXI veka. Omskii etnograficheskii tsentr. Omsk: Izdat. dom “Nauka”, 2007, 400 p. (In Russ.).

Zhigunova M.A. Omskaya etnograficheskaya nauchnaya shkola. *Vestnik Omskogo universiteta*. 2014, No. 3, pp. 193–195. (In Russ.).

Жигунова М.А. <https://orcid.org/0000-0002-9719-2525>

А.А. Ильина

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: like_a_sun@mail.ru

Национально-культурные объединения казахов сельских районов Омской области на рубеже XX–XXI веков

Статья представляет собой исторический обзор национально-культурных объединений казахов, действующих в сельских районах Омской обл., в которой казахи являются вторым по численности этносом после русских. Казахские национально-культурные объединения справедливо можно назвать важнейшими центрами сохранения казахской культуры и языка в селах и аулах, расположенных в районах с компактным проживанием казахского населения исследуемого региона, – Таврическом, который стал пионером в деле возрождения казахской культуры в Омской обл., а также Одесском и Исилькульском. Рассматривается история создания и основные направления деятельности следующих казахских национально-культурных объединений: Центра казахской культуры «Достык» («Дружба») (р.п. Таврическое), Студии казахского национального творчества «Замандастар» («Современники») (р.п. Одесское), Центра казахской культуры «Болашак» («Будущее») (с. Каскат Исилькульского р-на). Определяется специфика каждого из данных национально-культурных объединений в сравнении с другими. Делается акцент на творческие коллективы, которые заложили основу возрождения казахской культуры в Омской обл. и стали базой для последующей институционализации казахского национального движения. Перечисляются основные районные, региональные и межрегиональные мероприятия (межэтнические и сугубо казахские), в которых принимают участие казахские национально-культурные объединения. Учитывая особую роль руководителей национально-культурных объединений в деятельности по сохранению казахской культуры и языка, в статье уделяется значительное внимание их личностям. Отмечается, что сохранение казахской культуры и языка в сельских районах происходит более продуктивно, чем в областном центре благодаря компактному проживанию казахского населения. Делается вывод о наличии перспектив у казахского национального движения Омской обл.

Ключевые слова: казахи, Омская обл., национально-культурные объединения, казахская культура, казахский язык.

Anna A. Ilyina

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: like_a_sun@mail.ru

Ethnic Cultural Associations of Kazakhs in the Rural Areas of Omsk Region at the Turn of the 20th–21st Centuries

The article is a historical overview of ethnic and cultural associations of Kazakhs living in rural areas of Omsk Region. Kazakhs are the second ethnic group in Omsk Region after the Russians. Kazakh ethnic and cultural associations are the most important centers for preserving Kazakh culture and language in villages and auls in Tavrichesky, Odessky, and Isilkulsky Districts, where the Kazakh population of the region lives compactly. Tavrichesky District pioneered the revival of Kazakh culture in Omsk Region. The article describes the history of emergence and main activities of Kazakh ethnic and cultural associations, such as “Dostyk” (“Friendship”) Center for Kazakh culture in the village of Tavrichesky, “Zamandastar” (“Contemporaries”) group for Kazakh ethnic arts in the village of Odesskoe, and “Bolashak” (“Future”) Center of Kazakh culture in Isilkul District. Specific features of each of these ethnic and cultural associations are compared with others; creative groups originating the revival of Kazakh culture in Omsk Region and becoming the basis for institutionalization of Kazakh ethnic movement are described. Main district, regional, and interregional events (inter-ethnic and Kazakh) involving Kazakh

ethnic and cultural associations are mentioned. The article also pays considerable attention to the leaders of ethnic and cultural associations, who play a crucial role in preserving Kazakh culture and language. It is concluded that there are good prospects for Kazakh ethnic movement in Omsk Region, although preservation of Kazakh culture and language in rural areas is more productive compared to the regional center due to compact residence of Kazakh population.

Keywords: *Kazakhs, Omsk Region, ethnic and cultural associations, Kazakh culture, Kazakh language.*

Сохранение национальной культуры и родного языка – актуальная современная проблема для многонациональных регионов, в т.ч. для Омской обл., где проживает более 120 этносов. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., казахи являются вторым по численности после русских этносом Омского Прииртышья. Их численность составляет 78 303 чел., или 3,96 % от всего населения региона [Численность населения...]. Наиболее компактно казахи проживают в южных районах Омской обл., многие из которых являются пограничными с Республикой Казахстан: Шербакульском (где составляют 16,92 % населения), Нововаршавском (16,60 %), Павлоградском (16,60 %), Русско-Полянском (14,26 %), Таврическом (9,89 %), Одесском (4,92 %), Оконешниковском (4,88 %), Черлакском (4,59 %) [Численность населения...]. В двух из названных районов – Таврическом и Одесском – ведут работу казахские национально-культурные объединения. Также подобная организация действует в Исилькульском р-не, который в сравнении с другими районами в целом не является местом компактного проживания казахов, однако здесь существует казахский аул Каскат, который и стал местом сохранения казахской культуры и языка. Национально-культурные объединения являются важнейшим, но не единственным в сельской местности очагом сохранения казахской культуры и языка. Помимо них важную роль в этом деле в первую очередь играет семья, далее идут общеобразовательные учебные заведения (так, в ряде сельских школ Омской обл. в районах компактного проживания казахов созданы и действуют центры изучения казахского языка и культуры), а также отдельные творческие казахские коллективы (фольклорные ансамбли, ансамбли казахской песни, ансамбли домристов). Однако именно национально-культурные объединения проводят системную работу в этом направлении [Ильина, 2016, с. 509]. Отметим, что компактное проживание казахов в сельской местности способствует более продуктивному сохранению этнической культуры и особенно родного языка, поскольку именно родной язык содействует формированию чувства групповой идентичности и выступает как специфический способ внешней и внутренней самоидентификации в ином социальном окружении [Айкина, Геворгян, 2017, с. 102].

Материалы для настоящей статьи были получены в ходе исследований, проводившихся автором в казахских национально-культурных объединениях Таврического, Одесского и Исилькульского р-нов в рамках работы Международной казахской археолого-этнографической экспедиции с 2016 по 2020 г. (отметим, что исследования 2020 г. проводились в ограниченном объеме в силу объективных причин). Целью статьи является фиксация истории создания и основных направлений деятельности казахских национально-культурных объединений данных районов.

Пионером в деле возрождения казахской культуры в Омской обл. стал Таврический р-н. С 1988 г. интерес к возрождению казахской культуры проснулся здесь у жителей аулов Байдалин и Коянбай – мест компактного проживания казахов. При этом начало первых национальных мероприятий в Омской обл. дало толчок к возрождению казахской культуры и в областном центре: в 1989 г. был создан центр казахской культуры «Мөлдір» («Прозрачный») [Ахметова, 2002, с. 41–42].

В 1994 г. в р.п. Таврическое при поддержке Администрации района при районном доме культуры был открыт Центр казахской культуры «Достык» («Дружба»). Первым руководителем Центра с июля 1994 г. по сентябрь 1995 г. была К. Баталова, а с 1995 г. его бессменно возглавляет Н.А. Тасина. В момент создания «Достык» сразу же получил бюджетную ставку (руководитель центра). К настоящему времени Центр казахской культуры «Достык» имеет три бюджетные ставки – руководителя центра, преподавателя казахского языка, музыкального работника и преподавателя хореографии (по полставке).

Работа Центра казахской культуры «Достык» направлена на сохранение традиций и обычаев казахов и культуры казахского народа, пропаганду родного языка на территории Таврического р-на. Практически с самого создания Центра при нем действует кружок народоведения, в котором дети изучают историю казахского народа, знакомятся с самобытной казахской культурой, традициями и обычаями, с казахским фольклором. На занятия кружка народоведения приводят школьников, обучающихся в школах р.п. Таврическое, привозят детей из соседних сел и аулов. В 1996 г. при центре был создан казахский фольклорный ансамбль

«Мереке» («Праздник») (до 2015 г. им руководил Н.Н. Тасин), а в 1997 г. – кружок эстрадного пения. Творческие коллективы и солисты Центра «Достык» осуществляют гастрольную деятельность, участвуют в районных и областных мероприятиях, концертах, конкурсах. Силами Центра организуются выставки казахского народного творчества в Таврическом районном краеведческом музее и Центре народной культуры и досуга, регулярно проводятся культурно-досуговые мероприятия для казахов района всех возрастов. С 1997 г. при Центре казахской культуры «Достык» работает кружок казахского языка для детей 6–15 лет (руководитель Б.У. Кагина) (Интервью с Н.А. Тасиной // Архив МНС ОФ ИАЭТ СО РАН. Ф. VIII. 2.1 – № 13. – 1 электрон. диск (DVD-R)).

Н.А. Тасина как руководитель Центра «Достык» – пример неиссякаемой энергии, неисчерпаемых идей по организации новых форм работы по сохранению казахской культуры и языка, непрерывной организации национальных мероприятий и праздников. «Достык», на наш взгляд, – самое высокопродуктивное казахское национально-культурное объединение в Омской обл.

Центр «Достык» участвует во всех национальных фестивалях и праздниках областного уровня, и особенно во всех казахских фестивалях и конкурсах: в областных фестивалях «Душа России», районных и областных конкурсах «Анши балапан – Поющий птенец», молодежных конкурсах эстрадной песни «Жас канат – Молодые крылья», конкурсах «Джигит султан» и «Казахская красавица» среди молодежи, областном фестивале казахского творчества «Урпак уни – Голос поколений», региональных конкурсах молодых исполнителей «Жас дарын – Молодые таланты» и др. Важнейшим праздником для Центра «Достык» является Наурыз, который регулярно отмечается, меняя свою географию в пределах Таврического р-на. Также проводится день пожилого человека, казахские вечера и дискотеки для молодежи, отмечаются все общегосударственные российские праздники.

При этом активисты Центра не делают акцента только на празднично-фестивальный аспект деятельности, они также занимаются собиранием казахского фольклора, записью казахских обрядов и т.д. – особенно эта работа была актуальной в 1990-е гг. При активном участии центра в 1999 г. в р.п. Таврическое была открыта мечеть, а с 2000-х гг. ведется работа по сохранению памяти об исчезнувших аулах путем установления памятных стел.

В Одесском р-не Омской обл. с 1996 г. ведет работу студия казахского национального творчества «Замандастар» («Современники»). Сейчас официальное название данного национально-культурно-

го объединения звучит так: «Народная студия казахского национального творчества “Замандастар” Муниципального учреждения культуры “Дома народного творчества” Одесского района Омской области». Первым руководителем студии являлся Р.Х. Оспанов, а его заместителем – К.А. Оспанова (в настоящее время они поменялись ролями).

До 2004 г. студия действовала как неформальное клубное объединение, однако местные учреждения культуры предоставляли студии свои помещения для репетиций и концертные площадки для выступлений. Созданию студии предшествовал этап существования домашнего казахского клуба, который собирался раз в месяц дома у разных казахских семей. На заседаниях этого клуба у казахов р.п. Одесское постепенно возрождалось желание говорить на родном языке, петь народные песни, носить национальную одежду и т.д. По словам Р.Х. Оспанова, возрождение казахской культуры в Одесском р-не происходило с трудом. Приходилось практически с нуля учить казахский язык, что было нелегко как для взрослых, так и особенно для детей, которые стеснялись говорить по-казахски, стеснялись участвовать в мероприятиях и выходить на сцену в национальной одежде (Интервью с Р.Х. Оспановым // Архив МНС ОФ ИАЭТ СО РАН. Ф. VII-4. 2 – № 12. – 1 электрон. диск (DVD-R)). Толчком к переходу на новый уровень для «Замандастар» стало участие в конкурсе «Храм души моей», в котором одесские казахи одержали победу и были выдвинуты на областной уровень конкурса.

Большой проблемой студии «Замандастар» на начальном этапе было и создание репертуара для выступлений, поскольку приходилось собирать его по крупицам как в казахских аулах Одесского р-на, так и в приграничных районах Республики Казахстан. Интересно и примечательно также, что первые костюмы для выступлений активисты шили самостоятельно из накрахмаленной марли, стараясь воссоздать сохранившиеся в сундуках народные костюмы своих пожилых родственников. Впоследствии Р.Х. Оспанов взял личный кредит для пошива костюмов на коллектив студии «Замандастар».

В первые годы своей работы члены студии «Замандастар» принимали участие в конкурсах на звание лучшей национальной семьи, устраивали постановки мини-театров, налаживали связи с казахским населением других районов Омской обл. и Республики Казахстан, инициировали казахские обряды во время проведения казахских свадеб и др. В восстановлении свадебной обрядности и свадебных песен «Замандастар» особенно преуспел. Так, из Республики Казахстан к Оспановым часто обращаются за помощью в проведении свадебных обрядов, поскольку там данные обряды сохранились

плохо, а интерес к национальным корням постепенно восстанавливается.

При Студии казахского национального творчества с 1996 г. действует хореографический кружок «Гульдер» («Цветы»), репертуар которого составляют народные казахские танцы. Коллектив знают и любят зрители Одесского, Азовского, Таврического, Русско-Полянского р-нов Омской обл., также жители Республики Казахстан (Уалихановского и Талшиковского р-нов Северо-Казахстанской обл.). «Гульдер» – постоянный участник районных и областных праздников и фестивалей. Особой работой «Гульдер» считает возрождение и сохранение народных казахских традиций. В ходе репетиций и выступлений осуществляется общение старшего поколения с младшим, происходит передача национальных казахских традиций и обычаев.

Во второй половине 1990-х гг. усилиями активистов Студии при Одесском доме детского творчества был создан кружок казахского языка, однако проработал он только один год. По словам бывшего руководителя Студии «Замандастар» Р.Х. Оспанова, сказалось нежелание родителей обучать детей родному языку, а также кадровая проблема – отсутствие желающих вести данный кружок. Впоследствии казахский язык стал изучаться при самой студии – это необходимо для разучивания репертуара, для участия в концертах, конкурсах и прочих мероприятиях.

В 2001 г. хореографический ансамбль «Гульдер» приобрел звание образцового, что дало ему возможность получить две штатные ставки (руководителя и концертмейстера). Работа хореографического ансамбля и самой Студии «Замандастар» вышла на новый уровень. Студия начала развивать такие направления, как народные казахские песни, прикладное творчество, художественное чтение, а также собирать фольклорные материалы в поездках по казахским аулам Одесского р-на.

На базе народной студии казахского национального творчества «Замандастар» проходят культурные мероприятия «Тамаша», «Алтын дан – Золотой голос», «Анна тили», общегосударственные, национальные и мусульманские праздники, в особенности Наурыз, регулярно совершаются поездки в села и аулы с казахским населением, выездные мероприятия в другие муниципальные районы, совместные с приграничными районами Республики Казахстан мероприятия и концерты. Студия принимает участие в областных мероприятиях «Жас дарын – Молодые таланты», «Анши балапан – Поющий птенец», «Урпак уни – Голос поколений», в фестивалях приграничных территорий «Да будет дружба искренней и честной», а также по возможности во всех казахских праздниках, конкурсах и фестива-

лях. Много внимания уделяется досугу казахской молодежи, работе с пожилыми людьми. Деятельность студии «Замандастар» высоко отмечена на муниципальном, региональном уровнях. К 20-летию юбилею «Замандастар» получил в подарок от спонсоров и администрации Одесского р-на юрту.

В Исилькульском р-не обращение к казахской культуре и традициям происходило по другому пути. Здесь инициатором данных процессов стал аул Каскат, являющийся местом компактного проживания казахов. В Каскате сохранился родной язык (в конце 2010-х гг. в школе с. Каскат казахский язык преподавался факультативно в объеме 4 часа в неделю), и молодое поколение никогда не считало зазорным говорить на казахском, здесь сохранялись и бытовали казахские обычаи и традиции, народные песни и т.д.

Изначально в Каскате очагом сохранения и развития казахской культуры был местный клуб. В 2003 г. на базе данного клуба был создан Центр казахской культуры «Болашак» («Будущее»). Его название в наши дни – «Центр казахской культуры “Болашак” Каскатского филиала муниципального бюджетного учреждения “Исилькульская централизованная клубная система”». В конце 2010-х гг. в Центре «Болашак» было 7 бюджетных ставок: директор, заместитель директора по хозяйственной части, руководители вокальных кружков, технический персонал. Первым руководителем Центра «Болашак» был Е.Ш. Зарипов, занимавший ранее должность директора Каскатского филиала Исилькульской централизованной клубной системы, с 2010 г. должность директора занимал М.С. Кутугожинов, а с 2013 г. по настоящее время – Р.Б. Айтымов. Р.Б. Айтымов – уроженец аула Каскат (родился в 1985 г.), представитель молодого поколения казахов – руководителей национально-культурных объединений. В детстве в период учебы в школе он занимался в домбровом ансамбле «Достар» («Друзья»), который существовал в с. Каскат при местной школе еще до создания Центра казахской культуры, а в момент создания Центра «Достар» вошел в его состав. Свой путь в Центре «Болашак» Р.Б. Айтымов начинал в 2011 г. с должности руководителя ансамбля «Достар», параллельно окончив Колледж культуры и искусства по специальности «Социально-культурная деятельность» с углубленным изучением народных инструментов.

Р.Б. Айтымов считает, что именно молодое поколение сейчас заинтересовано в возрождении и сохранении казахской культуры (Интервью с Р.Б. Айтымовым // Архив МНС ОФ ИАЭТ СО РАН. Ф. VIII-1. – № 14. – 1 электрон. диск (DVD-R)). Особенность Центра казахской культуры «Болашак» – возрастной состав участников его творческих кол-

лективов, представленных исключительно детьми и молодежью. По словам директора, ребята и молодежь занимаются с большим удовольствием, особенно в домбровом ансамбле, с большим желанием и увлечением принимают участие в различных мероприятиях. Домбровый ансамбль «Достар» – визитная карточка с. Каскат и Центра казахской культуры «Болашак». Он регулярно принимает участие в районных и региональных культурных мероприятиях, его хорошо знают и в Казахстане. Репертуар домбрового ансамбля составляют как старинные казахские песни, так и эстрадные – в зависимости от мероприятия и публики. Часть репертуара передана ансамблю от родственников (например, от деда директора Центра Р.Б. Айтымова). Особенность ансамбля заключается в том, что он является не только инструментальным, но и вокальным. В 2014 г. домбровому ансамблю «Достар» было присвоено звание «образцовый».

В конце 2010-х гг. на базе Центра казахской культуры «Болашак» функционировали четыре клубных формирования. Помимо домбрового ансамбля «Достар» это были ансамбли «Мерей» («Слава»), «Гульдер» («Цветы»), семейный дуэт «Агайндар» («Братья») братьев Айтымовых. Творческие коллективы Центра вносят большой вклад в сохранение и развитие казахской культуры, они являются постоянными участниками различного уровня культурных межнациональных и казахских мероприятий, уже упоминавшихся выше. Центр «Болашак» регулярно проводит районный Наурыз, возрождает и внедряет в повседневную жизнь казахов традиционные обряды (очищение огнем, укладывание на колыбель, обрезание пуп). Центр казахской культуры «Болашак» проводит большую работу по сохранению национально-культурных обычаев, исторических корней, популяризации казахского народного наследия, приобщению подрастающего поколения к истокам народной культуры. В 2016 г. в знак признания за эту деятельность казахстанские спонсоры подарили аулу Каскат юрту.

Завершая страницу истории создания и деятельности казахских национально-культурных объединений сельских районов Омской обл. на рубеже XX–XXI вв., отметим, что в 1990-х гг., в первую очередь по воспоминаниям деятелей казахских национально-культурных объединений, работа по возрождению казахской культуры и языка велась с большими затруднениями. Однако инициатива и серьезный труд первых национальных активистов из числа казахов, вовлечение односельчан-казахов в национально-культурную жизнь способствовали возрождению казахской культуры в районах компактного проживания казахов на юге Омской обл. Само возникновение здесь казахских националь-

но-культурных объединений свидетельствует о понимании казахами омского региона необходимости и важности сохранения своих истоков, самобытности, этнической идентичности. С этим связаны перспективы дальнейшей деятельности казахских национально-культурных объединений.

Список литературы

Айкина Л.П., Геворгян Г.М. Пути сохранения этнической культуры диаспоры в рамках деятельности этнокультурного объединения // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). – 2017. – № 3 (13). – С. 100–104.

Ахметова Ш.К. Казахи Западной Сибири и их этнокультурные связи в городской среде. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – 104 с.

Ильина А.А. Возможности сохранения казахской культуры и языка в сельских районах Омского Прииртышья (на примере южных районов) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – С. 508–511.

Численность населения наиболее многочисленных национальностей Омской области [Электронный ресурс] // Омкстат. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Омской области. – URL: http://omsk.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/omsk/resources/03036c004e42f6a084ced4395b460ee0/2012-08-14_po.htm (дата обращения: 15.05.2020).

References

Aikina L.P., Gevorgyan G.M. Puti sokhraneniya etnicheskoi kul'tury diaspori v ramkakh deyatel'nosti etnokul'turnogo ob'edineniya. *Uchenye zapiski (Altaiskaya gosudarstvennaya akademiya kul'tury i iskusstv)*, 2017, No. 3 (13), pp. 100–104. (In Russ.).

Akhmetova Sh.K. Kazakhi Zapadnoy Sibiri i ikh etnokul'turnye svyazi v gorodskoy srede. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2002, 104 p. (In Russ.).

Chislennost' naseleniya naibolee mnogochislennykh natsional'nostey Omskoy oblasti. *Omskstat. Territorial'nyi organ Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki po Omskoi oblasti*. URL: http://omsk.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/omsk/resources/03036c004e42f6a084ced4395b460ee0/2012-08-14_po.htm (Accessed: 15.05.2020). (In Russ.).

Irina A.A. Preservation of Kazakh culture and language in rural districts of the Omsk Near-Irtysh region (on the example of Southern districts). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, pp. 508–511. (In Russ.).

Ильина А.А. <https://orcid.org/0000-0002-8267-3908>

В.В. Лыгденова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: victoria.lygdenova@gmail.com

К вопросу о консолидации родов в Республике Бурятия на примере современных баргузинских бурят-эхиритов (по материалам полевых исследований в 2017–2019 годах)

Цель статьи – выявить причины, по которым в настоящее время в Республике Бурятия происходит консолидация родовых общин, на примере этнокультурных фестивалей эхиритских родов, организуемых и регулярно проводимых баргузинскими бурятами. В данной работе впервые проводится анализ социокультурных процессов в современной Бурятии на основе интервью с инициаторами-организаторами этнокультурных мероприятий. Перечислены главные причины, которые побуждают активистов объединять людей по родовой принадлежности и восстанавливать забытые традиционные обряды и церемонии. Проведен анализ процесса возрождения родовых традиций на примере баргузинских бурят-эхиритов. Актуальность представленного материала обусловлена ростом интереса научного сообщества к усилению значимости родовых сообществ в монголо- и тюркоязычной среде и повсеместно наблюдаемым явлениям «неотрадиционализма» в этой сфере. В статье приведены наиболее значимые причины консолидационных процессов, среди которых важнейшими являются усиление миграции бурятской провинциальной молодежи в города, стремление к сохранению самоидентификации в среде современной бурятской молодежи, рост рождаемости у бурятского населения за последние двадцать лет. Рассмотрена роль символов-тотемов в процессе родовой консолидации эхиритов и представлена история возникновения таких символов. Возрождение архаичных верований у бурят и организация массовых мероприятий, призванных транслировать и популяризировать переформатированные согласно трендам времени древние мифологию, культы и традиции, связаны, прежде всего, с появлением потребности в объединении и взаимной поддержке у сельских мигрантов, которые массово переезжают в настоящее время в Улан-Удэ и его пригороды, а также с укреплением национальной идентичности у бурят в контексте современных процессов глобализации.

Ключевые слова: эхириты, роды, этнокультурные фестивали, традиции, тотемы, символы, буряты, родословные, народы Сибири, этнография.

Victoria V. Lygdenova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: victoria.lygdenova@gmail.com

Consolidation of Tribal Clans in the Republic of Buryatia Using the Example of the Contemporary Barguzin Ekhirit Buryats (Field Research of 2017–2019)

This article analyzes the reasons for consolidation of tribal clan communities in the Republic of Buryatia using the example of ethnic cultural festivals of the Ekhirit clans, which have been organized and conducted by the Barguzin Buryats, based on the interviews with organizers of ethnic and cultural events. Main reasons which inspire the activists to unite people according to their clan affiliation and revive the lost traditional rituals and ceremonies are established; renewal of clan traditions using the example of the Barguzin Ekhirit Buryats is analyzed. The relevance of the article is associated with the increased scholarly interest in the role of clan communities in the Mongol- and Turkic-speaking environment and in the processes of “neotraditionalism.” The most important reasons for these processes include active migration of Buryat young people from the rural areas to the cities, desire to preserve self-identity among the Buryat youth, and raise

of birth rates during the last twenty years, confirmed by statistical and field evidence. The role of totemic symbols in the process of clan consolidation of the Ekhirites is established and history behind the emergence of these symbols is described. Thus, the name of the Ekhirites is associated with the archaic beliefs of the Buryats who lived in the Cis-Baikal region, in the sacred fish burbot. The revival of archaic beliefs among the Buryats and organization of public events designed to popularize ancient mythology, cults, and traditions in the form reformulated according to the current trends, are primarily associated with the need for unification and mutual support among rural migrants who have been currently moving to the city of Ulan-Ude and its suburbs in large numbers, and with strengthening ethnic identity of the Buryats in the context of contemporary globalization processes.

Keywords: Ekhirites, clans, ethnical cultural festivals, traditions, totems, symbols, Buryats, peoples of Siberia, ethnography.

Эхириты – один из наиболее многочисленных бурятских родов, проживающих на территории Бурятии и Иркутской обл. К ним относятся также баргузинские буряты, а именно роды *шоно*, *һэнгэлдэр*, *абзай*, *буура*, *баяндай*. Согласно С.П. Балдаеву, слово *эхирит* означает «двойники» (во множественном числе на западном наречии бурятского языка – *эхир хубүүд*) [1970, с. 7].

Эхириты изначально населяли территорию Предбайкалья (Верхоленье, о. Ольхон). Впоследствии в XVIII–XIX вв. произошла миграция эхиритских родов на территорию Баргузинской долины. Несмотря на многовековую изолированность от оставшихся в Предбайкалье эхиритских сородичей, в сформировавшемся на новом месте баргузинском диалекте можно до сих пор обнаружить единство в произношении и значении лексических единиц и синтаксических конструкций с диалектом западных бурят, проживающих в настоящее время в Иркутской обл. [Бадмаева и др., 2014].

Историю эхиритских родов в XVII–XVIII вв. рассматривал в своих трудах А.П. Окладников. В «Очерке об истории западных бурят» он писал о том, что большинство эхиритов проживало на предбайкальской территории – в Верхоленье, на Ольхоне [2013, с. 246–248]. Позже в силу различных причин, в т.ч. и прихода русских казаков и старожилов, многие эхиритские роды мигрировали в Забайкалье: в Баргузинскую долину, в верховья р. Селенги. Затем в XVIII–XIX вв. небольшая часть эхиритов проживала на территории Идинской степной думы, большинство из них принадлежали к Верхоленьской и Ольхонской степным думам. В настоящее время эхириты живут на территориях Иркутской обл., Кабанского, Курумканского, Баргузинского, Иволгинского, Селенгинского, Кижингинского и Еравнинского р-нов Республики Бурятия. Проблемам этногенеза бурят, включая эхиритов, посвящены труды Б.О. Долгих [1960], Б.Б. Дашибалова [1995], Б.Р. Зориктуева [1997], Д.Д. Нимаева [1988], Б.З. Нанзатова [2005], в которых проводится археологический и исторический анализ возникновения данной этнокультурной общности и ее дальнейшего расселения. Однако

до сих пор не был изучен этнокультурный аспект роста интереса среди современных бурят к объединению по родовому признаку и к возрождению характерных для каждого рода традиций, этнокультурных особенностей и обычаев.

До настоящего времени каждый эхирит знает, что символом-тотемом его рода является пестрый налим. Известная бурятская поговорка гласит: «У Эхирита мать – расщелина в берегу, отец – пестрый налим» (бурят. *Эрэн гутаар эсэгэтэй, эргийн габа эхтэй Эхирит*) [Балдаев, 1970, с. 9]. Сохранилась легенда о появлении тотема эхиритов: шаманка Асуйхан обнаружила на берегу Байкала детей-двойняшек – брата и сестру, выходящих из воды и играющих с ее приемным сыном Булагатом. Она смогла обманым способом поймать мальчика, а девочка ускользнула обратно в воды Байкала [Там же, с. 38]. Этого мальчика назвали Эхирит. От него и пошел род эхиритов, тотемом которого является пестрый налим. Часто символы-тотемы позволяют объяснить многие факты из жизни народа. Например, отметим, что употребление в пищу рыбы было характерно только для западных бурят и бедных, которые не могли себе позволить мясную пищу [Бадмаев, 2012, с. 255]. Западные буряты-эхириты проживали преимущественно вдоль р. Лены и вблизи побережья оз. Байкал, наиболее ценной промысловой рыбой для них являлся налим, видимо, поэтому именно он стал их родовым тотемом.

Примечательно, что первыми в Бурятии решение о единении приняли представители рода *булагатов*. Среди активных сторонников такой инициативы есть известные общественные деятели Республики Бурятия: президент Гуннского международного фонда Олег Булутов, экс-председатель Общественной палаты Республики Бурятия Владимир Прокопьев, предприниматель Петр Шаблин. Булагаты стали первыми из тех, кто решил объединиться не по территориальному признаку, а по родовому. Хонгодоры – еще одна этническая группа бурятского народа – проводят «Хонгодориаду», тем самым объединяясь, становясь ближе и возрождая забытые традиции и обычаи своих предков. Эта общественно-культурная акция закаменских, тункинских, окинских, аларских, нукут-

Рис. 1. Символ-тотем Регионального эхиритского фестиваля – пестрый налим.

І ФЕСТИВАЛЬ
ЭХИРИТСКИХ РОДОВ
**ЭХИРИДҮҮДЭЙ
НЭГЭДЭЛ**

Бурятия
Кабанский район
с. Корсаково
8 июля 2017

Рис. 2. Организаторы фестиваля с флагом Эхиритского фестиваля.

ских бурят с каждым годом набирает популярность. Каждый фестиваль проводится по схожей схеме: шаманские или буддийские обряды освящения, игры, конкурсы, театрализованные представления, традиционная кухня и т.д. В связи с этим, по мнению инициаторов Фестиваля эхиритов, их объединение стало закономерным явлением. В данной статье ставится цель – описать этнокультурные фестивали эхиритских родов и выявить причины их популярности среди бурят в настоящее время. Главным инициатором создания Эхиритского фестиваля выступает один из представителей рода – историк-краевед Ж.М. Абзаев (ПМА, 2019)*.

Региональный фестиваль эхиритов проводился дважды – в 2017 и 2018 гг. Первый фестиваль

*ПМА (полевые материалы автора): записи интервью с инициатором и организатором Региональных эхиритских фестивалей 2017 и 2018 гг. Жоржем Мангутовичем Абзаевым (1958 г.р., с. Гарга, Курумканский район, род тумунтэй шоно) от 25 июля 2019 г. в г. Улан-Удэ, Республика Бурятия.

неслучайно был проведен в с. Корсаково Кабанского р-на Республики Бурятии. Место было выбрано в связи с тем, что это село находится на берегу Байкала и там в настоящее время проживает наибольшее количество представителей практически всех эхиритских родов: абзай, баяндай, хэнгэлдэр, шоно, балтай, нэхэлэй и др. Всего в с. Корсаково съехалось более 2 000 чел. На встрече представителей районов и землячеств именно руководство администрации Кабанского р-на первым вызвалось принять фестиваль у себя. В преддверии фестиваля были построены деревянные юрты и сцена, подготовлена площадка для празднования. Символом фестиваля стал тотем эхиритского рода – налим, который также присутствует на флаге и на всех постерах, посвященных фестивалю (рис. 1, 2).

Ранним утром был проведен общеродовой *тайлаган* (бурят. ‘шаманское сборище’) с целью объединения эхиритов. Заметим, что организаторы движения по возрождению родовых традиций, как правило, поддерживают тесные связи с религиозными деятелями – шаманами и представителями

буддийской религии в связи с тем, что «шаманизм играет большую роль в укреплении традиционного родового строя, а буддийские молебны освящают и очищают территорию праздника».

Открытие Фестиваля-2017 началось с театрализованного действия, на котором была представлена легенда о рождении Эхирита и его сводного брата Булагата. Ведущий в костюме пестрого налима – прародителя племени – давал наставления маленькому мальчику по имени Эхирит, от которого собственно и происходит этот род. В рамках фестиваля прошли соревнования по *шагай наадан* (бурят. ‘игра костями’), стрельбе из лука, *бухэ барилдаан* (бурятская национальная борьба) и *һээр шаалган* (бурят. ‘разбивание хребтовой кости’) – традиционным бурятским спортивным играм. Были проведены круглые столы на темы «Национальный костюм эхиритов» и «Эхириты в этнической Бурятии: история и традиционная культура», участие в которых приняли ученые и общественные деятели.

Уникальной частью фестиваля стал конкурс рыбных блюд и дегустация *тогооной архи* (бурят. ‘молочная водка’). Будучи скотоводами, буряты в прошлом не занимались рыбной ловлей и не являлись любителями рыбы. Однако проживающие возле Байкала эхириты научились различным способам приготовления рыбы, многое было заимствовано ими у эвенков, населявших восточное побережье Байкала и Баргузинскую долину до прихода бурят.

На стендах в юртах были представлены родословные эхиритов, и проводился конкурс на

лучшую презентацию родословной. На сцене выступили творческие коллективы и ансамбли с фольклорными песнями и танцами эхиритских родов. В заключение празднества на собрании старейшин «Эхиридүүдэй нэгэдэл» было принято решение о проведении следующего фестиваля в июле 2018 г. в с. Улюн Курумканского р-на на этот раз с участием родственных эхиритам булагатских родов. Проект фестиваля занял призовое место и получил финансовую поддержку на региональном конкурсе Национальной премии в области событийного туризма Russian Event Awards 2017 Сибирского и Дальневосточного федеральных округов.

16 июня 2018 г. был проведен Второй региональный эхиритский фестиваль в с. Улюн и с. Ярикто Баргузинского р-на Республики Бурятия под названием «На древней земле Баргуджин-Токум». Фестиваль начался с научного круглого стола на тему «Актуальные проблемы этнической истории и этнокультурные особенности эхиритов и булагатов в Байкальском регионе», на котором выступили сотрудники ИАЭТ СО РАН (г. Новосибирск) и ИМБТ СО РАН (г. Улан-Удэ). Круглый стол открывали академик РАН, директор ИМБТ СО РАН Б.В. Базаров и члены местной и городской администрации. Все доклады в той или иной степени осветили исторический, археологический и этнографический аспекты проблем этногенеза и этнической истории эхиритского и булагатского родов, кроме того в ходе заключительной дискуссии были высказаны личные точки зрения ученых, деятелей массмедиа

Рис. 3. Участники фестиваля в национальных баргузинских костюмах с традиционным блюдом – пирогом из тотемной рыбы налима.

и политиков на перспективы и причины развития родовых объединений. По завершении круглого стола на открытой уличной площадке можно было увидеть красочные танцевальные и музыкальные представления по мотивам старинных бурятских легенд, посетить юрты, оформленные согласно традициям каждого сельского поселения, где можно было ознакомиться с особенностями эхиритского костюма, кухни, фольклора и почерпнуть немало информации о родословных той или иной семьи. Заметим, что большинство участников были одеты в традиционные эхиритские костюмы и головные уборы (рис. 3). Каждый раз эти фестивали широко освещались в местной и городской прессе, была оказана помощь в транспортировке журналистов, ученых и других заинтересованных участников от города до места его проведения. Следующий фестиваль планируется провести в 2021 г. в с. Загатуй Иркутской обл., т.е. на прародине эхиритов.

Таким образом, можно констатировать, что в современной Бурятии наблюдается процесс консолидации родов. Этот процесс берет начало от землячества, которые стали особенно популярны в настоящее время в Улан-Удэ. Проводятся различные мероприятия, направленные на объединение родов, например, в Национальном музее Республики Бурятия в 2016 г. были организованы семинары по пошиву комплексов традиционной одежды, характерных для разных родов. Это происходило в преддверии Международного Монгольско-Бурятского фестиваля «Алтаргана», где проводились показы моды и были представлены традиционные костюмы различных бурятских родов. В начале 2000-х гг. большую популярность приобрели землячества выходцев из определенных районов республики. Значительное количество сельской молодежи из дальних районов Бурятии переезжают в Улан-Удэ и близлежащий к городу Иволгинский р-н [Лыгденова, Дашинамжилов, 2019]. Вследствие этого в столице республики наблюдается заметное увеличение количества молодежи, говорящей по-бурятски, что до 1990-х гг. было редким явлением. В деревнях в бурятских семьях становится популярным обучать детей бурятскому языку, тогда как в советский период родители предпочитали общаться с детьми исключительно по-русски. С 2000-х гг., согласно переписям населения Бурятии, в сельской местности наблюдается рост рождаемости [Дашинамжилов, Лыгденова, 2019, с. 192–193]. Большинство городской молодежи уезжает на учебу на запад России, тогда как сельская молодежь поступает преимущественно в вузы Улан-Удэ и постепенно, таким образом, переезжает в город и пригороды республики. Программа материнского капитала существенно об-

легчила для сельской молодежи покупку земельных участков и строительство деревянных домов в городе и в Иволгинском р-не. В связи с массовым оттоком сельских жителей в город наблюдается необходимость в консолидации различных бурятских племен.

В настоящее время происходит переосмысление бурятами своего родового прошлого, в чем немалую роль играют проводимые в последние годы фольклорные и этнографические фестивали, которые актуализируют внимание к истории и культуре предков. Возрождение утерянных традиций и обрядов происходит через проведение этнокультурных фестивалей эхиритских родов, на которых можно увидеть различные обрядовые действия, поделиться родословными, ознакомиться с традиционными блюдами и т.д. Важно отметить, что в начале XXI в. подобные тенденции неотрадиционализма характерны не только для монгольских, но и для тюркских и восточнославянских народов, проживающих в Сибири [Попков, Мадюкова, 2010, с. 35–36; Ламажаа, 2010; Фурсова, 2011, с. 416]. Это объясняется не только интересом к своей истории, но также и поиском поддержки землячков, поскольку для бурят до сих пор характерен «трайбализм» (т.е. стремление к объединению по признаку рода и места рождения, что свойственно для одного из этапов эволюции коренных народов Сибири). Эхиритский фестиваль – это явление, ярко подчеркивающее стремление людей одного рода найти поддержку друг у друга, в чем-то имеющее также и политическую подоплеку.

Список литературы

- Бадмаев А.А.** Система питания забайкальских бурят в первой половине XIX века // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2012. – Т. 11, вып. 7: Археология и этнография. – С. 250–257.
- Бадмаева Е.Д., Дондупова Л.Д., Цыбикова Э.И., Цырендашиева Б.Б.** Бархан уулын сэсэгүүд: Словарь. – Курумкан: Курумканский дацан «Гандан Ше Девлин». – 2014. – 26 с.
- Балдаев С.П.** Родословные предания и легенды бурят. – Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1970. – Ч. I. Булагаты и эхириты. – 364 с.
- Дашибалов Б.Б.** Археологические памятники курькан и хори. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. – 191 с.
- Дашинамжилов О.Б., Лыгденова В.В.** Демографический переход бурят Республики Бурятия в 1959–2010 гг. // ЭО. – 2019. – № 3. – С. 183–197. – DOI: 10.31857/S086954150005287-5.
- Долгих Б.О.** Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 624 с.

Зориктуев Б.Р. Прибайкалье в середине VI – начале XVII в. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. – 103 с.

Ламажаа Ч.К. Клановость в политике регионов России: тувинские правители. – СПб.: Алетейя, 2010. – 208 с.

Лыгденова В.В., Дашинамжилов О.Б. Современные репродуктивные установки бурятского населения Иволгинского района Республики Бурятия: по материалам полевых исследований // Гуманитарные науки в Сибири. – 2019. – № 2. – С. 57–62. – DOI: 10.15372/HSS20190211.

Наизатов Б.З. Этногенез западных бурят. – Иркутск: МИОН, 2005. – 160 с.

Нимаев Д.Д. Проблемы этногенеза бурят. – Новосибирск: Наука, 1988. – 169 с.

Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII века). – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2013. – 390 с.

Попков Ю.В., Мадюкова С.В. Социокультурный неотрадиционализм: воспроизведение традиций и воспроизводство этничности // Новые исследования Тувы. – 2010. – № 2. – С. 25–39.

Фурсова Е.Ф. Традиционализм и неотрадиционализм в современной культуре восточнославянских народов Сибири // Славянская традиционная культура и современный мир. – М.: Центр культурных стратегий и проектного управления, 2011. – С. 407–416.

References

Badmaev A.A. Power supply system of Trans-Baikal Buryat in the first half of the XIX century. *Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*, 2012, vol. 11, iss. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 250–257. (In Russ.).

Badmaeva E.D., Dondupova L.D., Tsybikova E.I., Tsyrendashieva V.B. Barhan uulyn sesegygd. Dictionary. Kurumkan: Kurumkanskiy datsan “Gandan She Devlin”, 2014, 26 p. (In Buryat).

Baldaev S.P. Rodoslovnnye predaniya i legendy buryat. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1970, pt. I: Bulagaty i ekhurity, 364 p. (In Russ.).

Dashibalov B.B. Arheologicheskie pamyatniki kurykan i hori. Ulan-Ude: BSC SB RAS Publ., 1995, 191 p. (In Russ.).

Dashinamzhirov O.B., Lygdenova V.V. Demograficheskii perekhod buryat Respubliki Buryatiya v 1959–2010 gg. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2019, vol. 3, pp. 183–197. DOI: 10.31857/S086954150005287-5. (In Russ.).

Dolgikh B.O. Rodovoi i plemennoi sostav narodov Sibiri v XVII veke. Moscow: AS USSR Publ., 1960, 624 p. (In Russ.).

Fursova E.F. Traditsionalizm i neotraditsionalizm v sovremennoi kul'ture vostochnoslavjanskikh narodov Sibiri. In *Slavyanskaya traditsionnaya kul'tura i sovremennyy mir*. Moscow: Center of cultural strategies and project management, 2011, pp. 407–416. (In Russ.).

Lamazhaa Ch.K. Klanovost' v politike regionov Rossii: tuvinskie praviteli. St. Petersburg: Aleteiya, 2010, 208 p. (In Russ.).

Lygdenova V.V., Dashinamzhirov O.B. Modern reproductive settings of the Buryatian population of Ivolginskiy region of the Republic of Buryatia: On materials of field research. *Humanity Studies in Siberia*, 2019, No. 2, pp. 57–62. DOI: 10.15372/HSS20190211. (In Russ.).

Nanzatov B.Z. Etnogenez zapadnyh buryat. Irkutsk: MION, 2005, 160 p. (In Russ.).

Nimaev D.D. Problemy etnogeneza buryat. Novosibirsk: Nauka, 1988, 169 p. (In Russ.).

Okladnikov A.P. Ocherki iz istorii zapadnyh buryat-mongolov (XVII–XVIII veka). Ulan-Ude: Buryat State Univ. Press, 2013, 390 p. (In Russ.).

Popkov Yu.V., Madyukova S.V. Sotsiokul'turnyi neotraditsionalizm: vosproizvedenie traditsii i vosproizvodstvo etnichnosti. *Novye issledovaniya Tuvy*, 2010, No. 2, pp. 25–39. (In Russ.).

Zoriktuev B.R. Pribaikal'e v seredine VI – nachale XVII v. – Ulan-Ude: BSC SB RAS Publ., 1997, 103 p. (In Russ.).

Лыгденова В.В. <https://orcid.org/0000-0003-4277-8155>

Г.В. Любимова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: terra-gl@mail.ru

Ресурсные конфликты сквозь призму антропологических теорий: «ресурсное проклятие» и «трагедия общинных ресурсов»

Статья посвящена наиболее популярным в антропологической литературе концептам, используемым для описания ресурсных конфликтов («ресурсное проклятие» и «трагедия общинных ресурсов»). Дано определение ресурсного конфликта как спорной ситуации, связанной с эксплуатацией природных ресурсов, возникающей в ходе экологической адаптации этнических и социальных сообществ к постоянно меняющимся условиям среды обитания. Показан вариативный характер ресурсных конфликтов на разных этапах этнической истории. На основе архивных, полевых и опубликованных данных представлена оценка возможностей применения выявленных концептов для анализа этноэкологической истории различных групп сельского населения Южной Сибири. Феномен «трагедии общинных ресурсов», впервые описанный Г. Хардином, рассмотрен на материалах землеустроительных документов, созданных в период реализации Столыпинской аграрной реформы. Тезис о неизбежном истощении ресурсной базы в условиях коллективного нерегулируемого доступа ресурсопользователей к общинным ресурсам иллюстрируется на примере поземельных споров сибирских крестьян начала прошлого века относительно «лугов», «пашен», «речек» и прочих угодий. Варианты, позволяющие избежать «втягивания в «трагедию общинных ресурсов»», описаны на основе содержащихся в отчетах сведений, связанных с отказом местных сообществ от ежегодных переделов покосных наделов, а также введением штрафов за порубку деревьев, растущих в непосредственной близости от деревни. Результаты проведенного анализа сопоставлены с ситуациями, для объяснения которых используется парадигма «ресурсного проклятия». Делается вывод, что способы решения ресурсных конфликтов (несмотря на выявленные различия в предметах и участниках спора) и в том, и в другом случае лежат на пути повышения роли местных сообществ.

Ключевые слова: этноэкологическая адаптация, ресурсные конфликты, антропологические теории, ресурсное проклятие, трагедия общинных ресурсов, сельское население Южной Сибири.

Galina V. Lyubimova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: terra-gl@mail.ru

Resource Conflicts Through the Lens of Anthropological Theories: “Resource Curse” and “the Tragedy of the Commons”

The article discusses the most popular concepts in the anthropological literature, which are applied to describing resource conflicts (“resource curse” and “the tragedy of the commons”). Resource conflict is defined as a controversy concerning the use of natural resources, which arises in the course of ecological adaptation of ethnic and social communities to constantly changing environmental conditions. Variable nature of resource conflicts at different stages of ethnic history is shown. Based on archival, field, and published data, the applications of these concepts for analyzing ethnic and ecological history of various groups of rural population living in Southern Siberia are assessed. The phenomenon of “the tragedy of the commons,” first described by G. Hardin, is analyzed using land management documents created during the implementation of the Stolypin agrarian reform. The thesis on the inevitable exhaustion of the resource base in collective unregulated access of resource users to community resources is illustrated using the example of land disputes of Siberian peasants in the early 20th century regarding “meadows,” “arable lands,” “rivers,” and other farmlands. The opportunities which make it possible to avoid “the tragedy of the commons” are described using the evidence from the records of local communities abandoning annual

redistribution of grasslands and imposing fines for felling trees in the immediate vicinity of the villages. The results of the analysis are compared with the situations which are explained using the model of "resource curse." It is concluded that the ways of resolving resource conflicts (despite the differences in subjects and parties of the dispute) in both cases are associated with increasing the role of local communities.

Keywords: *ethnic and ecological adaptation, resource conflicts, anthropological theories, resource curse, tragedy of the commons, rural population of Southern Siberia.*

Процессы экологической адаптации этносоциальных сообществ к постоянно меняющимся условиям среды обитания неизбежно порождают спорные ситуации и конфликты, связанные с эксплуатацией природных ресурсов. Характер подобных конфликтов, а также состав их участников могут существенно различаться на разных этапах этнической истории, принимая форму открытых столкновений в периоды завоевания новых территорий или скрытого противостояния на стадии обживания уже «покоренных» пространств (см., напр.: [Лысенко, 2016, с. 10–11]).

Рассмотрим наиболее популярные концепты, используемые в научной литературе для описания ресурсных конфликтов, а также возможность их применения для анализа этноэкологической истории различных групп сельского населения Южной Сибири.

В 1970–1980-е гг. широкое распространение в зарубежной антропологии получила теория Г. Хардина, согласно которой коллективный нерегулируемый доступ представителей местного сообщества к общинным ресурсам (например, пастбищу) рано или поздно приводит к полному истощению ресурсной базы (вследствие перевыпаса и неизбежной деградации пастбищных земель), а в перспективе – к краху соответствующих отраслей хозяйства и самого сообщества. Описанная коллизия, за которой в научной литературе закрепилось название трагедии общинных ресурсов или ресурсов общего пользования (*tragedy of the commons*), была отнесена автором к категории проблем, «не имеющих технического решения». Подобного рода проблемы, пишет Г. Хардин, невозможно решить «исключительно техническими средствами», опираясь только на методы естественных наук и не затрагивая сферы человеческих ценностей и вопросов морали [Hardin, 1968, p. 1243].

Действительно, каждый общинник, по мнению автора, стремится использовать общинное пастбище с максимальной для себя выгодой. Задаваясь вопросом о том, что будет, если его стадо увеличится на одну корову, рационально мыслящий скотовод должен прийти к выводу, что позитивные последствия в данном случае перевесят негативные, т.к. вся прибыль от продажи дополнительного животного достанется ему, а издержки от возросшей

нагрузки на пастбище равномерно распределятся между остальными членами общины. Таким образом, единственно разумным поведением для него будет наращивание поголовья собственного стада. Но точно к такому же выводу приходят и другие общинники. Именно в этом, считает Г. Хардин, и заключается трагедия, поскольку все члены общины, действующие в собственных интересах, вовлечены в систему, побуждающую их к неограниченному увеличению численности своего стада. Свободное пользование общими ресурсами, т.е. «объективная логика эксплуатации ресурсов общего пользования», в условиях ограниченности этих ресурсов оборачивается всеобщим разорением [Ibid., p. 1244].

Материалы, иллюстрирующие данную теорию, можно обнаружить в архивных документах периода Столыпинской аграрной реформы. Содержащиеся в отчетах землеустроительных партий сведения позволяют восстановить механизмы освоения и обживания сибирских степных и лесостепных ландшафтов сибиряками-старожилами и российскими переселенцами в конце XIX – начале XX в.

Анализ перечисленных в документах экотопов (наименьших единиц ландшафта) показал, что все окрестные гривы, лога, лощины, согры, елани и прочие компоненты природного окружения рассматривались крестьянами прежде всего с точки зрения их ценности (возможной пользы) в крестьянском хозяйстве, а именно – как потенциальные пашни, сенокосы и пастбища. Выяснилось также, что местные крестьянские сообщества первых десятилетий XX в., обозначенные в документах (по названию соответствующих селений, расположенных в Чингинской вол. Барнаульского у. Томской губ.) как «бедринцы», «артамоновцы», «заковряшинцы» и пр., пребывали в состоянии перманентных поземельных споров друг с другом из-за «лужков», «пашен», «речек» и прочих угодий. Так, «битковцы» много лет вели спор с «артамоновцами» «из-за лужка... между (реками) Черемшанкой и Глинчихой, копен на 50». «Бедринцы» долгое время безуспешно пытались «отшить от грани» «заковряшинцев», постоянно переходивших границы владений своими пашнями. «Ерестинцы» обвиняли жителей д. Маюрово «в захвате пахотных земель». Предметом спора «мышлановцев»

и «шайдуровцев» являлась «*речка Поганка*», которую одни считали границей своих угодий, а другие, напротив, частью их общины [Любимова, 2017, с. 30]. Отметим, что аналогичные конфликты в европейской части страны могли также развиваться на уровне помещичьих хозяйств – в истории русской литературы подобная ситуация, описанная А.П. Чеховым в пьесе «Предложение», известна как «спор о воловьих лужках» (между помещиками Чубуковым и Ломовым) [Ларионова, 2012, с. 126].

Весьма показательным в контексте концепции Г. Хардина является нашедший отражение в землеустроительных отчетах многолетний спор между жителями деревень Ерестной и Маюрово. В прежние времена, говорится в документах, к Караканскому бору примыкала «*темная непроходимая дуброва*», часть которой входила в дачу д. Ерестной. Пахотных мест в ней почти не было, но «*поляны представлялись вполне пригодными для сенокосения*». По соглашению с другими обществами «*ерестинцы могли пахать в дачах (соседних) деревень*», тогда как их жителям дозволялось «*косить на прогалинах в ерестинской дуброве*». Постепенно, как констатируют авторы, «*дуброва... вырубалась, выжигалась и уничтожалась другими способами*», пока не «*приобрела свой теперешний вид, а вместе с тем – удобные уже для распашки места, которые и начали захватывать... крестьяне других деревень*». Так, «*маюровцы*» «*зашли пашнями... (в) бывшие свои сенокосы в дуброве*». Волостной суд «*постановил (принять) решение в пользу крестьян д. Ерестной... присудив взыскать (с маюровцев) 20 рублей*». Однако те «*до сих пор... не прекратили своих захватов и не уплатили ерестинцам присужденных с них денег*» [Любимова, 2017, с. 30–31]. Таким образом, несмотря на имевшееся между крестьянскими обществами соглашение, слабо регулируемое коллективное пользование сенокосными угодьями привело, как видим, к полному уничтожению такого ценного общинного ресурса, как дуброва («*сплошное боровое место*»).

Наряду с ограниченностью (исчерпаемостью) самого ресурса – при сохранении коллективного нерегулируемого доступа к нему – предпосылкой подобного развития событий, подчеркивает А.Н. Ямсков, является переход местных сообществ к рыночным отношениям, нередко сопровождаемый радикальными трансформациями в технологиях природопользования, системах расселения и прочими новациями [Ямсков, 2012, с. 236–237]. Вместе с тем, как было отмечено уже Г. Хардином, проблема неизбежного истощения или полного уничтожения ресурсов общего пользования, которую невозможно решить «исключительно техническими средствами», вполне поддается решению

с помощью иных технологий. Деграция зон общего пользования, пишет автор, может происходить не только тогда, когда мы «забираем (из них) ресурсы», но и тогда, когда «мы привносим (в них) что-то (еще)» посредством отравления воды, атмосферы или порчи открывающихся перед путешественниками видов «отвлекающими внимание... рекламными щитами». И если в первом случае, т.е. в том, что касается «продуктовой корзины» (tragedy of the commons as a food basket), избежать трагедии позволяет «частная собственность или некое ее формальное подобие» (огораживание сельскохозяйственных земель, ограничение доступа к пастбищам, а также охотничьим, рыболовным и прочим угодьям), то во втором – поскольку воду и воздух «огородить» нельзя – предотвратить превращение ресурсов общего пользования в «сточную канаву» (tragedy of the commons as a cesspool) можно с помощью принудительных законодательных мер и налоговых инструментов, которые сделали бы утилизацию отходов более дешевой, чем загрязнение окружающей среды [Hardin, 1968, p. 1245, 1248]. По сути, уточняет А.Н. Ямсков, речь идет либо о разделе общего ресурса между пользователями (т.е. своего рода его приватизации), либо о введении особых ограничений (максимально допустимых норм нагрузки) на его эксплуатацию [Ямсков, 2012, с. 237, 241].

Оба этих варианта, позволяющие местным сообществам «избежать втягивания в “трагедию общинных ресурсов”» [Там же, с. 236], нашли отражение в землеустроительных документах периода Столыпинской аграрной реформы. Судебные разбирательства (как в случае поземельного спора «ерестинцев» и «маюровцев») парадоксальным образом содействовали развитию отношений собственности, а также распространению экологических, по сути, тенденций, связанных со стремлением крестьян к рациональному природопользованию. Одна из таких мер была связана с отказом от ежегодных переделов внутриобщинных покосных паев. В отличие от пахотных земель, пользование которыми было «вольное», т.е. «без деления... на душевые пайки», все сенокосные угодья сибирских крестьян были «поделены по душам». Лучшие сенокосные пай – расположенные по рекам и низинам покосы – переходили от отца к сыну и назывались «родчими» или «коренными». Однако в силу постоянного возрастания числа душ далеко не все могли рассчитывать на такой пай и довольствовались лишь паями из пустошей. Ежегодная «делянка покосов», согласно обычному праву, производилась «*всем обществом... глазомерно*», а сенокосный участок оставался за тем хозяином, который заявлял на него «*большее количество душ*». Со временем,

как следует из отчетов, переделы участков происходили все реже. Отмечая невыгодность ежегодных переделов, отнимающих у общинников до четырех рабочих дней, составители документов обращают внимание на то, что *«при более продолжительном пользовании наблюдается более бережливое отношение к сенокосам»*. Ссылаясь на опыт крестьян д. Урюпиной, которые поделили между собой сенокосы сроком на десять лет (т.е. ввели то самое «формальное подобие частной собственности», о котором писал Г. Хардин), авторы приводят дополнительные аргументы в пользу *«продолжительного пользования сенокосными полями»* – ср.: *«при более продолжительном пользовании, – читаем в документе, – домохозяйства лучше относятся к своим покосам, и наоборот, при менее продолжительном – небрежность является характерным признаком их отношения, а это, конечно, не может не отражаться дурно на качестве покосов»* [Любимова, 2017, с. 31].

Другой мерой, призванной предотвратить истощение общинных ресурсов, стало введение штрафов за порубку деревьев, растущих в пределах поскотины (прилегающих к деревне огороженных пастбищ, за которыми начинались поля). Так, еще в 1900 г. жители д. Заковряшиной *«постановили приговор, воспреещающий рубить в поскотине лес...»*, за нарушение которого полагался *«штраф в размере 25 коп.»*. Похожие приговоры на пять, десять лет или с пометкой *«срок... не определен»* были приняты и в других селениях. Как сказано в одном из отчетов, раньше из этого ничего не выходило, поскольку *«только лес начинал поправляться, его сейчас же... “порубали”. Теперь (же), – с удовлетворением замечает составитель документа, – лес выравнивается очень недурно»* [Там же, с. 32].

Приватизация покосных участков и нормирование лесных порубок уже в первые десятилетия прошлого века показали свою эффективность в борьбе с деградацией ресурсов общего пользования. Длительное совместное проживание и постоянная коммуникация ресурсопользователей с природой и друг с другом, включающая налаживание горизонтальных связей и формирование гибкой сети нормативных зависимостей, пишет в этой связи А.А. Сычев, обеспечивают возможность для выработки общих норм поведения, касающихся использования природных ресурсов и состояния окружающей среды. Именно поэтому, считает автор, важнейшим условием эффективного управления экоресурсами является увеличение роли локальных общин, изучение их опыта, а также сохранение этнических традиций и ценностей [Сычев, 2015, с. 740–741].

В то же время применительно к современной ситуации для описания ресурсных конфликтов го-

раздо чаще используется такой концепт, как «ресурсное проклятие» (resource curse) или парадокс изобилия (paradox of plenty). Особенно часто данная парадигма используется в рамках антропологии экстрактивизма для объяснения конфликтов, возникающих между добывающими компаниями и местным (как правило, аборигенным) населением [Бородулина, 2019, с. 180]. Введенный зарубежными экономистами в конце 1990-х гг. для объяснения падения уровня жизни в ряде стран-экспортеров нефти термин служил указанием на выявленную зависимость между темпами роста ресурсоизбыточных стран и качеством их политических и экономических институтов. При этом изначально в российском академическом дискурсе возобладало скептическое отношение к концепции, резко усилившееся после выхода книги, в названии которой фигурировало выражение «сибирское проклятие» (siberian curse) [Hill, Gaddy, 2003], несмотря на то, что в русском переводе был использован более мягкий вариант – «сибирское бремя» [Хилл, Гэдди, 2007]. Будучи метафорой неэффективного освоения природных ресурсов Сибири в советское время, данное выражение тем не менее стало поводом для обвинений авторов книги в «попытках развалить страну» [Там же, с. 7]. В современных исследованиях, напротив, наблюдается расширительное толкование феномена, когда практически любой ресурсный конфликт трактуется как вариант ресурсного проклятия.

Оценка границ применения данной концепции показала, что главные ее выводы могут быть экстраполированы на более ранние этапы сибирской истории, охватывая как минерально-сырьевые (невозобновимые), так и биосферные (возобновимые) ресурсы, в т.ч. плодородие почв, а также ресурсы растительного и животного мира. Кроме того, была отмечена характерная особенность этноэкологической истории региона, согласно которой обилие природных ресурсов Сибири (например, наличие на ранних этапах освоения края практически неограниченного фонда «пригодных для хлебопашества земель») неоднократно становилось решающим фактором в пользу экстенсивного развития не только сельскохозяйственного, но и промышленного производства, замедляя переход к интенсивным способам ведения хозяйства [Любимова, 2010, с. 397–398].

Типичный конфликт, для описания которого применима парадигма ресурсного проклятия, характеризуется отсутствием у местных жителей возможностей конвертировать потенциальные преимущества, связанные с наличием ценных территориальных ресурсов, в реальные показатели роста экономического благосостояния. Изучение таких

конфликтов обычно сфокусировано на действиях технологически оснащенных добывающих компаний, выступающих в роли внешней по отношению к местному населению силы. По этой причине авторы исследования одного из самых резонансных ресурсных конфликтов сибирского региона (между коренным малочисленным народом шорцев и угольными компаниями Кузбасса) сосредоточили свое внимание на опыте наиболее уязвимых и социально незащищенных участников, представив описание произошедшей в шорских сообществах утраты привычного жизненного мира – «освоенного и эмоционально ценного пространства» – в терминах проживания и преодоления травмы [Поддубиков, Арцемович, Функ, 2018, с. 153–154]. Вместе с тем уязвимой стороной подобных конфликтов нередко становятся не только сообщества коренных малочисленных народов, но и социально незащищенные группы доминирующего большинства, что показали недавно прошедшие во многих регионах акции против строительства мусорных полигонов.

Характерным примером нетипичного ресурсного конфликта могут служить стихийно сложившиеся практики организации коммерческого туризма в районе Каракольских и Мультигинских озер Горного Алтая (Чемальский и Усть-Коксинский р-ны Республики Алтай). Предметом конкуренции в данном случае выступает местный ландшафт (особый вид возобновимых природных ресурсов, согласно современной классификации) с его исключительными эколого-эстетическими свойствами. Средством монопольного распоряжения этим ресурсом, а также конкурентного противостояния туристическим фирмам (руководители которых нередко проживают в других регионах) служит крайне неудовлетворительное состояние дорожной инфраструктуры, которое намеренно поддерживается водителями-проводниками из числа местного населения (ПМА, 2016; 2020). В отличие от сходных, на первый взгляд, случаев пространственной изоляции труднодоступных сельских поселений, жители которых отрицательно относятся к потенциальному строительству дороги, полагая, что она лишит их возможности безраздельно и бесконтрольно пользоваться окружающими природными ресурсами [Позаненко, 2017, с. 249–251], местное население в описанной ситуации ориентировано на активное участие в рыночных отношениях. Произошедшая в данном случае инверсия ролей, свойственных участникам типичных ресурсных конфликтов, позволила местным жителям преодолеть стигму страдающей стороны и начать самим диктовать условия на рынке туристических услуг.

Представленные материалы показали, что разработанные в рамках теоретической антропологии

концепты – «трагедия общинных ресурсов» и «ресурсное проклятие» – вполне могут применяться при анализе этноэкологической истории сибирского региона. В первом случае в роли субъектов спора выступают представители местных общин, тогда как предметом спора обычно служат ресурсы растительного и животного мира. Во втором случае ведущей стороной конфликта, как правило, является технически оснащенная добывающая компания, выступающая в качестве внешней по отношению к местному сообществу силы. Само же местное население оказывается наиболее уязвимой и незащищенной стороной, несущей основную тяжесть инфраструктурных дисбалансов и экологических издержек вследствие несправедливого распределения ресурсной ренты от добычи ископаемого минерального сырья. Решение ресурсных конфликтов в том и другом случае, как следует из приведенных примеров, связано с повышением роли местных сообществ.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР № 0329-2019-0006 «Символ и знак в культуре народов Сибири XVII–XXI вв.: актуализация и стратегии сохранения».

Список литературы

Бородулина А.С. Экстрактивизм и сопротивление // Сибирские исторические исследования. – 2019. – № 3. – С. 180–185.

Ларионова М.Ч. «Воловь лужки»: традиционные культурные коды в водевиле А.П. Чехова «Предложение» // Традиционная культура. – 2012. – № 2 (46). – С. 122–129.

Лысенко Ю.А. Проблема землеустройства Семиреченского казачьего войска сквозь призму этносоциального ресурсного конфликта (вторая половина XIX – начало XX в.) // Востокведные исследования на Алтае. – 2016. – Вып. 10. – С. 9–12.

Любимова Г.В. Феномен «ресурсного проклятия» в этноэкологической истории сибирского региона // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 397–400.

Любимова Г.В. Отчеты землеустроительных партий как источник по экологической истории и культурному ландшафтоведению Сибири // Вестн. Сургут. гос. пед. ун-та. – 2017. – № 6 (51). – С. 26–33.

Поддубиков В.В., Арцемович С.А., Функ Д.А. «Ресурсное проклятие» с антрацитовым отблеском: коренные народы и добывающие компании Кузбасса в ситуации конфликта // Сибирские исторические исследования. – 2018. – № 2. – С. 142–163.

Позаненко А.А. Пространственная изоляция и устойчивость локальных сообществ: к развитию существующих подходов // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. – 2017. – № 40. – С. 244–255.

Сычев А.А. Этико-экологические измерения проблемы общинных ресурсов // Изв. Самар. науч. центра Рос. акад. наук. – 2015. – Т. 17, № 1 (3). – С. 737–741.

Хилл Ф., Гэдди К. Сибирское бремя. Прочеты советского планирования и будущее России / пер. с англ. – М.: Науч.-обр. форум по междунар. отношениям, 2007. – 328 с.

Ямсков А.Н. Дефиниция и этноэкологические аспекты феномена «трагедии общинных ресурсов» // Этнос и среда обитания. – М.: ИЭА РАН, 2012. – Вып. 3. – С. 231–247.

Hardin G. The Tragedy of the Commons // Science. – 1968. – Vol. 162, N 3859. – P. 1243–1248.

Hill F., Gaddy C.G. The Siberian Curse. How Communist Planners Left Russia Out in the Cold. – Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2003. – 240 p.

References

Borodulina A.S. Extractivism and resistance. *Sibirskiye istoricheskiye issledovaniya*, 2019, No. 3, pp. 180–185. (In Russ.). DOI: 10.17223/2312461X/25/11.

Hardin G. The Tragedy of the Commons. *Science*, 1968, vol. 162, No. 3859, pp. 1243–1248. DOI: 10.1126/science.162.3859.1243.

Hill F., Gaddy C.G. Sibirskoye bremya. Proschety sovetskogo planirovaniya i budushcheye Rossii. Moscow: Nauchno-obrazovatel'nyy forum po mezhdunarodnym otноsheniyam, 2007, 328 p. (In Russ.).

Hill F., Gaddy C.G. The Siberian Curse. How Communist Planners Left Russia Out in the Cold. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2003, 240 p.

Larionova M.Ch. “Volov’i luzhki”: traditsionnyye kul’turnyye kody v vodevile A.P. Chekhova “Predlozheniye”.

Traditsionnaya kul'tura, 2012, No. 2 (46), pp. 122–129. (In Russ.).

Lysenko Yu.A. Problema zemleustroystva Semirechenskogo kazach'yego voyska skvoz' prizmu etnosotsial'nogo resursnogo konflikta (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.). *Vostokovednyye issledovaniya na Altaye*, 2016, iss. 10, pp. 9–12. (In Russ.).

Lyubimova G.V. Fenomen “resursnogo proklyatiya” v etnoekologicheskoi istorii sibirskogo regiona. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2010, vol. XVI, pp. 397–400. (In Russ.).

Lyubimova G.V. Otchety zemleustroitel'nykh partii kak istochnik po ekologicheskoi istorii i kul'turnomu landshaftovedeniyu Sibiri. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2017, No. 6 (51), pp. 26–33. (In Russ.).

Poddubikov V.V., Artsemovich S.A., Funk D.A. The “resource curse” with a shade of anthracite: indigenous peoples and extractive companies of Kuzbass in a conflict situation. *Sibirskiye istoricheskiye issledovaniya*, 2018, No. 2, pp. 142–163. (In Russ.). DOI: 10.17223/2312461X/20/8.

Pozanenko A.A. Territorial isolation and the sustainability of local communities: developing the existing approaches. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2017, No. 40, pp. 244–255. (In Russ.). DOI: 10.17223/1998863X/40/23.

Sychev A.A. Etiko-ekologicheskiye izmereniya problemy obshchinykh resursov. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*, 2015, vol. 17, No. (3), pp. 737–741. (In Russ.).

Yamskov A.N. Definitiya i etnoekologicheskiye aspekty fenomena “tragedii obshchinykh resursov”. In *Etнос i sreda obitaniya*. Moscow: IEA RAS, 2012, vol. 3, pp. 231–247. (In Russ.).

Любимова Г.В. <https://orcid.org/0000-0003-3538-2806>

А.А. Люцидарская

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: lucid1@yandex.ru

Знаковые свидетельства о распространении знаний среди русских переселенцев в Сибири в XVII веке

Рассматривается феномен знания в Сибири XVII в., который трактуется в широком социальном контексте, учитывая его эволюционно-историческое измерение. Наряду со знанием как формой общественного сознания, анализируются такие явления, как грамотность, эрудированность, информированность, осведомленность, навыки, опытность, умения, сноровка – горизонты эмпирических компетенций. В силу лапидарности источников используется методология семиотического дискурсивного моделирования в ее знаково-символическом изводе. В качестве модельного элемента социальной структуры избирается неслужилое население сибирских городов. Показывается, что интенсивное социально-экономическое становление вновь осваиваемого региона Сибири требовало от участников развития знаний, прежде всего элементарной грамотности. Наряду с поставленным правительством «управленцами» в рядах воеводского окружения постепенно грамотностью овладевали многие горожане. Церковь являлась исходной точкой в насаждении грамотности. Духовенство было инициатором привоза книг из метрополии в Сибирь. В архивных материалах сохранилось немало документальных свидетельств об аккумуляции знаний среди населения малообжитой русскими Сибири. Знаки и символы, подтверждающие такое положение, отыскиваются в разного рода источниках. Знающие грамоту переселенцы в Сибирь встречались среди самых разных социальных слоев населения уже с начала освоения Зауральского региона русским государством. Несмотря на сложные условия жизни в пределах еще не до конца освоенного пространства Сибири, многие ее жители старались давать элементарное начальное образование своим детям. Центральная московская власть активно поддерживала сибирское духовенство, основного движителя приобщения переселенцев к элементарным знаниям. Московское правительство, предвидя быстрое развитие сибирского региона, поощряло любые начинания в развитии эмпирических знаний. Делается вывод, что на перекрестке книжности и устного опыта рождалось специфическое знание российских переселенцев в Сибири. Этот длительный процесс начал приносить свои плоды к началу XVIII в.

Ключевые слова: грамотность, знак, знание, колонисты, переселенцы, русские, Сибирь, символ.

Anna A. Lyutsidarskaya

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: lucid1@yandex.ru

Symbolic Evidence on the Spread of Knowledge Among Russian Colonists in Siberia in the 17th Century

The article discusses the phenomenon of knowledge in Siberia in the 17th century, viewed in broad social context, together with its evolutionary and historical aspects. Literacy, scholarship, understanding, enlightenment, skills, experiences, proficiencies, adeptness – levels of empirical skill sets – are analyzed along with knowledge as social consciousness. Due to succinct nature of historical sources, the methodology of semiotic discourse modeling is applied. Social groups other than serving class are examined as a model element of social structure. It has been shown that active social and economic development of Siberia required knowledge, primarily consisting of basic literacy, from the participants of colonization. Along with “administrators” appointed by the government to the entourage of provincial governors, many townspeople gradually acquired literacy. The Church was the starting point for the spread of literacy. The clergy initiated the import of books from the mainland to Siberia. Archival records have preserved rich documentary evidence on accumulation of knowledge among the population of Siberia which at that time had been inhabited by a very few Russians. Signs and symbols confirming this

situation appear in various sources. Literate colonists in Siberia could be found among the most diverse social strata of the population since the very beginning of the development of the Transsural region by the Russian state. Despite difficult living conditions within not yet developed space of Siberia, many of its inhabitants tried to give elementary primary education to their children. The central Moscow authorities actively supported Siberian clergy – the main driver of introducing the settlers to elementary knowledge. Anticipating rapid development of Siberian region, the Moscow government encouraged any initiatives aimed at development of empirical knowledge. It is concluded that specific knowledge of Russian settlers in Siberia emerged at the crossroads of literary and oral experience. This long process began to bear fruit by the early 18th century.

Keywords: colonists, knowledge, literacy, pioneers, Russian, Siberia, sign, symbol.

Сибирь, начиная с конца XVI и до начала XVIII в. преодолела огромный путь в своем экономическом и политическом устройстве. Трудно представить, что все это совершили безграмотные и лишенные знаний люди. В архивных материалах сохранилось немало документальных свидетельств об аккумуляции знаний среди населения новой, малообжитой русскими Сибири. Знаки и символы, подтверждающие такое положение, можно отыскать в разного рода источниках того далекого периода.

Распространению знаний в первую очередь способствовали книги. Ранние документальные известия о книгах в Сибири находятся исключительно в богослужебной литературе, поскольку это связано со строительством в новых городах и острогах первых церквей, требующих определенного штата церковнослужителей и необходимых для проведения службы книг.

Сибирские церкви снабжались необходимой литературой в централизованном порядке. Сибирский приказ закупал по запросам тобольских архиепископов Евангелия, псалтыри, минеи, октаи певчие, служебники и иные необходимые духовные произведения. Книги, как правило, доставлялись русскими купцами наравне с иными привозимыми в Сибирь товарами. Резиденция тобольского архиепископа, а также крупные монастыри, в т.ч. тобольский Знаменский и томский Алексеевский, являлись основными хранителями и распространителями книг в Сибири [Ромодановская, 1973, с. 9–12, 54–56].

В редких случаях книги имелись у частных лиц. Как правило, это были произведения духовного либо светского содержания и принадлежали высшим слоям сибирского сообщества. Житийная литература играла в этот период роль своеобразной беллетристики и была сравнительно широко распространена среди грамотной части населения.

К концу XVII в. вырос спрос на «учильные» книги. К этому времени Сибирский приказ стал закупать учебную литературу в Москве и отправлять сибирским воеводам для продажи. В самом начале XVIII в. в Верхотурье было отправлено из центра 300 азбук, 100 часословов, 50 псалтырей,

предназначенных специально для обучения грамоте. В дальнейшем спрос на «учильную» литературу не уменьшался. Таможенные документы фиксировали привоз товаров из европейской части страны в Сибирь. Так, в 1639–1640 гг. на тобольском рынке было отмечено 173 книги, в этот же период транзит книг из Тобольска в иные сибирские города насчитывал 281 книгу. Это был наиболее «урожайный» год на книжную торговлю. В иное время книги поступали в меньших количествах. Например, в 1668 г. среди тобольских товаров отмечено поступление всего четырех книг [Вилков, 1967, с. 110, 159].

Приводимые цифры не дают реального представления о поставках книг на новую зауральскую территорию, однако русские купцы, зная потребности местных сибирских рынков, несмотря на трудности транспортировки, неизменно брали среди прочих товаров и книги.

Знающие грамоту переселенцы в Сибирь встречались среди самых разных социальных слоев населения уже с начала освоения Зауральского региона русским государством. Свидетельством этому являются «рукоприкладства» (подписи) людей на различного рода документах [Копылов, 1974, с. 44–45].

Высшие слои служилого сословия, дети боярские, среди которых было немало бывших пленных из территорий Западной Европы, преимущественно Польши и Литвы, ставили свои подписи, подчас мешая кириллицу с латиницей. Они же неоднократно подписывались за неграмотных либо малограмотных сослуживцев. Подписи под коллективными челобитными определенным образом свидетельствуют об уровне грамотности. Между тем следует учитывать, что по каким-то не всегда понятным современному исследователю причинам, вместо заведомо грамотных «сотоварищей» расписывались иные лица. Происходило это, без сомнения, по договоренности. Иногда во время подписания бумаги нужного человека не оказывалось на месте, либо включались какие-то иные причины. Подобные примеры встречаются довольно часто.

Несмотря на сложные условия жизни в пределах еще не до конца освоенного пространства Сибири, многие ее жители старались давать эле-

ментарное начальное образование своим детям. В первой половине XVII в. тобольский певчий дяк Борис Матвеев сын Новгородец, получавший жалованье за «иконное и книжное письмо», писал в своей челобитной о том, что велели ему «прибирать в подьяки у служилых и посадских и у всяких чинов людей детей, которые грамоте учены и голоса добры» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ед. хр. 911. Л. 396). Старались обучать грамоте своих детей не только в значимых городах, таких как столичный Тобольск или открытый для посольских приемов Томск, но и в иных сибирских населенных пунктах. Так, в делах северного города Березова сохранились сведения, что вместо неграмотного отца пятидесятника И. Серебряникова расписывался его сын Митрий. Здесь же, в Березове, ставил подпись за себя и за не знающего грамоту отца Михейка Стульцов. Расписался за своего отца и березовский житель Степан Лихачев (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ед. хр. 1432. Л. 25). Эти факты однозначно свидетельствуют об осознании сибиряками необходимости и практической пользы от знания грамотности.

Среди массы архивных документов, буквально по крупицам, можно отыскать сведения о грамотных сибиряках различных сословий. Если среди высшего слоя служилых людей – детей боярских знание грамоты особенно к концу XVII в. все чаще становится нормой, то тем более примечательна челобитная томского пешего Алексея Логинова сына Казакова, который утверждал, что отец его томский отставной казак «сам писать умел» (РГАДА. Ф. 214. Ед. хр. 1039. Л. 335).

В далекой от центральных городов Сибири Мангазее, которая притягивала купечество в погоне за пушными богатствами, отмечены данные об обыденном распространении грамотности среди временных и постоянных жителей города. При археологических раскопках найдены надписи на дереве, бересте и коже. В Мангазее и Туруханске обнаружены фрагменты досок с азбукой. В частности, найдена вырезанная на сосновой дощечке, относящейся к первой трети XVII в., долговая расписка на 50 руб. Эта дощечка подтверждает традицию трансляции колонистами новгородских культурных традиций через Русский Север в Западную Сибирь [Вершинин, 2018, с. 321–322].

Если выявленные в источниках XVI–XVIII вв. знаковые подтверждения грамотности требуют кропотливой работы, то знания арифметики и навыков устного счета не нуждаются в особых подтверждениях. Огромные природные пушные богатства Сибири, в первую очередь соболя, манили купцов из многих российских городов. Непрерывающийся спрос на «русские» товары только увеличивал при-

влекательность подобных путешествий. Бойкая торговля не прекращалась на сибирских рынках, начиная с конца XVI в. Именно торговля стимулировала сибиряков научиться быстро и правильно считать. С развитием товарно-денежных отношений эта тенденция только увеличивалась. Между тем использование навыков устного счета стимулировало развитие мозговой деятельности.

Московское правительство проявляло значительный интерес к природным ресурсам Зауральского региона. Помимо пушнины, именуемой «мягким золотом», в Сибири делались попытки отыскать полезные ископаемые. К этой работе нередко привлекалось автохтонное население края, поскольку аборигены хорошо ориентировались на местности и знали «заповедные» места.

В середине XVII в. томский конный казак К. Терентьев рассказывал в воеводской съезжей избе о возможных залежах медной руды (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 136. Л. 815). В начале 1680-х гг. в Тобольске ссыльный Тимошка Украинец объявил в своей челобитной о залежах селитры и указал точное место «против Тюменского города» и даже производил определенные опыты с «селитряной землей» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 739. Л. 206). В Нерчинске к началу XVIII в. было организовано «рудоплавильное серебряное дело», о чем свидетельствует источник 1708 г. (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1454. Л. 2 об.). Кроме того, немало сведений поступало от сибирских жителей о соляных истоках и соляных озерах. Миллер приводит источник 1650 г., который свидетельствует о том, что енисейский посадский человек А. Лаврентьев Свешник в своей челобитной сказал: «...Сыскал де он на Тунгуске в сторонней реке Манзе железную руду и соляные признаки». От московской власти енисейскому воеводе предписывалось выделить посадскому Л. Свешнику землю под «плавильню» и двор и пашню в том месте, где он отыщет железную и «укладную» руду [Миллер, 2005, с. 324–325]. Из этого источника наглядно видно, что московские власти очень внимательно относились к обнаружению полезных ископаемых в Сибири.

Выявленные скудные сведения в источниках XVII в. о наличии грамотных людей среди сибирских горожан, не принадлежащих к служилой «элите», показывают, что таковые имелись и отыскивали возможности давать начальное образование своим детям. Центральная московская власть активно поддерживала сибирское духовенство, основного движителя приобщения переселенцев к элементарным знаниям. Московское правительство, предвидя быстрое развитие сибирского региона, поощряло любые начинания в поисках полезных ископаемых.

Список литературы

Вершинин Е.В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI – XVII в. – Екатеринбург: Демидовский институт, 2018. – 504 с.

Вилков О.Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. – М.: Наука, 1967. – 198 с.

Копылов А.Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII – начала XIX в. – Новосибирск: Наука, 1974. – 221 с.

Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.: Вост. лит., 2005. – Т. 3. – 506 с.

Ромодановская Е.К. Русская литература в Сибири первой половины XVII в. – Новосибирск: Наука, 1973. – 180 с.

References

Kopylov A.N. Ocherki kul'turnoy zhizni Sibiri 17 – nachala 19 v. Novosibirsk: Nauka, 1974, 221 p. (In Russ.).

Miller G.F. Istoriya Sibiri. Moscow: Vostochnaya literatura, 2005, vol. 3, 506 p. (In Russ.).

Romodanovskaya E.K. Russkaya literatura v Sibiri pervoi poloviny 17 v. Novosibirsk: Nauka, 1973, 180 p. (In Russ.).

Vershinin E.V. Russkaya kolonizatsiya Severo-Zapadnoi Sibiri. Yekaterinburg: Demidovskii institute, 2018, 504 p. (In Russ.).

Vilkov O.N. Remeslo i trgovlya Zapadnoi Sibiri. Moscow: Nauka, 1967, 198 p. (In Russ.).

Люцидарская А.А. <https://orcid.org/0000-0002-3131-5350>

А.Ю. Майничева

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: annmaini@gmail.com

Посвящения православных церквей Новосибирской митрополии (1990–2020 годы)

В статье впервые в аспекте актуализации и стратегий сохранения православной символики и на материалах Новосибирской митрополии анализируется выбор посвящений престолов православных церквей в современных условиях. Исследование основано на полевых материалах автора, собранных в районах Новосибирской обл. и Новосибирске в 1990–2020 гг., и справочных материалах Новосибирской митрополии, оформленных в базы данных. Установлено количество культовых православных построек, количество и наименование посвящений престолов. Сравнение показало рост числа престолов и расширение списка их посвящений. К настоящему времени наибольшее количество составляют алтари во имя св. Троицы Живоначальной, свт. Николая Чудотворца и Михаила Архангела. Несколько меньше освящено престолов во имя Сергия Радонежского, св. Пантелеимона Целителя, Покрова Пресвятой Богородицы, Иконы Божией Матери Казанской, Успения Пресвятой Богородицы, свв. Апостолов Петра и Павла. Количество Богородичных посвящений составляет ок. 20 % всего количества посвящений и всех алтарей. Актуализированы посвящения во имя великих и средних православных праздников, однако отмечены посвящениями лишь часть великих и средних праздников, малых нет совсем. Сделаны выводы о том, что в митрополии на современном этапе наблюдается следование православным канонам и установкам, актуализированы значимые традиционные посвящения. Идут процессы увеличения количества освященных алтарей и расширения символично-знакового ряда посвящений, отражающих идеи соборности и многоэтничности, сохраняющих память об исторических событиях новейшей истории, региональных и местных святынях. Стратегии сохранения символики православия сочетают традиционность с активным введением ранее не зафиксированных в митрополии культов при активном увеличении количества престолов.

Ключевые слова: символ, собор, церковь, посвящение престола, православие, актуализация символики, стратегии сохранения символики, Новосибирская митрополия.

Anna Yu. Mainicheva

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: annmaini@gmail.com

Dedications of Orthodox Churches in Novosibirsk Diocese (1990–2020)

The article analyzes the choice of altar dedications of Orthodox churches in the context of actualization and preservation strategies of Orthodox symbolism using the evidence of current practices in Novosibirsk Diocese. The study is based on field materials collected by the author in Novosibirsk Region and Novosibirsk City in 1990–2020, as well as reference information on Novosibirsk Diocese from databases. The number of religious Orthodox buildings as well as number and dedication of altars have been established. The comparison has shown an increase in the number of altars and expansion in the list of their dedications. To date, dedications to the Holy Life-Giving Trinity, St. Nicholas the Wonderworker, and Archangel Michael have the largest number of altars. Altars dedicated to St. Sergius of Radonezh, Holy Martyr Panteleimon, the Protection of the Most Holy Mother of God, the Kazan Icon of the Mother of God, the Dormition of the Most Holy Mother of God, and Holy Apostles Peter and Paul show somewhat smaller number of altars. The number of altars dedicated to the Mother of God is about 20 % of the total number of dedications and all altars. Dedications to the Twelve Great Feasts and other great feasts have been identified; there were no dedications to Minor Feasts. It is concluded that presently the Diocese follows Orthodox norms in traditional dedications. The

number of dedicated altars is increasing and symbolic field of dedications is expanding, reflecting the ideas of catholicity and multi-ethnicity, preserving the memory of historical events in recent history as well as regional and local holy objects of worship. The strategies for preserving the symbolism of Orthodoxy combine traditionality with active introduction of devotions which have not previously appeared in Novosibirsk Diocese, accompanying the increase in the number of altars.

Keywords: *symbol, cathedral, church, Orthodoxy, dedication of the altar, actualization of symbolism, strategies for symbolism preservation, Novosibirsk Diocese.*

Символика православия является важной частью культурной и духовной жизни русского народа. Насущность анализа идущих процессов сохранения и актуализации православной символики в форме освящения престолов церковью связана с возросшей в настоящее время значимостью религиозной составляющей культуры. Однако исследований по сибирскому региону и Новосибирской митрополии, в частности, пока немного, напр., близкой тематике посвящены публикации С.В. Семеновы (Монахини Сергии), Л.Л. Матвеевой [2001], П.Ю. Гаврилова [2013], О.В. Богдановой и И.И. Атапина [2017].

На сибирских материалах основаны и несколько прошлых работ автора по проблемам сохранения и актуализации православной символики, однако исследования касались ситуации конца XIX – начала XX в. (см., напр.: [Майничева, 2019; Mainicheva, 2019]).

Целью настоящей статьи является анализ картины выбора посвящений престолов сибирских православных церквей в современных условиях. Исследование было направлено на выявление актуализации и стратегий сохранения православной символики в почитании культов. Хронологические рамки охватывают период в тридцать лет – 1990–2020 гг., т.н. постсоветский период, на который пришлась коренная ломка социально-политической системы. Территориальные рамки ограничены Новосибирской областью (окормляемой Новосибирской митрополией, куда входят Каинская, Карасукская, Искитимская, Новосибирская епархии) как одним из сибирских регионов, где идут трансформационные социально-культурные процессы. Вместе с тем для целей сравнения привлекаются данные предшествующего периода и сопредельных территорий. Источниками являются полевые материалы автора, собранные в районах Новосибирской обл. и Новосибирске в 1990–2020 гг., и справочные материалы Новосибирской митрополии, оформленные в базы данных. Выявляются преимущественно освящения престолов соборов и церквей, построенных в 1990–2019 гг. и строящихся в настоящее время. Часовни не учтены, поскольку не имеют алтарей с престолами.

Всего в Новосибирской митрополии возведено с 1990-х гг. и строятся в настоящее время

139 культовых православных построек, из них 1 старообрядческая, 6 соборов, 83 церкви. В Новосибирске – 3 собора, 59 церквей. В сравнении с периодом конца XIX в. – 1990-х гг. количество культовых построек увеличилось более чем в 3 раза, ранее их было 29. Количество зданий не соответствует числу престолов, поскольку в одной церкви, как правило в соборе, может быть несколько престолов. Так, в соборе Вознесения Господня 5 престолов (Вознесения Господня, св. Георгия Победоносца, свт. Николая Чудотворца, св. Серафима Саровского, св. Александра Невского), в соборе св. Александра Невского – 3 (св. Александра Невского, свт. Николая Чудотворца, св. Георгия Победоносца), в соборе Михаила Архангела в монастыре Иоанна Предтечи – 2 (Михаила Архангела, св. Марии Магдалины), в соборе свт. Николая Чудотворца – 3 (свт. Николая Чудотворца, св. Спиридона, епископа Тримифунтского), в соборе Преображения Господня – 2 (Преображения Господня, св. Трех Святителей Великих), в соборе св. Троицы Живоначальной в Колывани – 2 (св. Троицы Живоначальной, св. Екатерины Великомученицы), в соборе Троицы Живоначальной – 2 (св. Троицы Живоначальной, св. кн. Владимира Равноапостольного), в соборе Рождества Пресвятой Богородицы – 1.

Данные по посвящениям престолов отражены в *таблице*. Для сравнения указано количество посвящений по периодам и общее количество к настоящему времени. Всего в Новосибирской митрополии существовало 72 посвящения соборов и церквей. К 2020 г. наибольшее количество посвящений было во имя св. Троицы Живоначальной – 8 престолов и свт. Николая Чудотворца и Михаила Архангела – по 7 престолов. Посвящений во имя св. Сергия Радонежского найдено 6, св. Пантелеимона Целителя, Покрова Пресвятой Богородицы – по 5, Иконы Божией Матери Казанской, Успения Пресвятой Богородицы, свв. Апостолов Петра и Павла – по 4. Семь посвящений встречается по три раза, шестнадцать – по 2. Больше всего посвящений по одному – 31, что говорит о идущих процессах расширения почитаемого символического ряда и актуализации латентных ранее культов. Всего – 139 алтарей. Семь посвящений появились ранее изучаемого периода и более не присваивались (св. Александра Невского – 2, св. Екатерины Великому-

Посвящения престолов православных соборов и церквей Новосибирской митрополии

№ п/п	Наименование посвящения	Количество престолов в 1990–2020 гг.	Количество престолов до 1990 г.	Всего престолов
1	2	3	4	5
1	св. Троицы Живоначальной	8	1	9
2	св. Михаила Архангела	7	2	9
3	свт. Николая Чудотворца	7	9	16
4	св. Сергия Радонежского	6	–	6
5	св. Пантелеимона Целителя	5	–	5
6	Покрова Пресвятой Богородицы	5	1	6
7	Иконы Божией Матери Казанской	4	–	4
8	Успения Пресвятой Богородицы	4	1	5
9	свв. Апостолов Петра и Павла	4	1	5
10	св. Георгия Победоносца	3	2	5
11	св. Андрея Первозванного	3	–	3
12	Рождества Пресвятой Богородицы	3	–	3
13	Иконы Божией Матери «Неупиваемая Чаша»	3	–	3
14	св. Серафима Саровского	3	2	5
15	св. Владимира Равноапостольного	3	–	3
16	Вознесения Господня	3	2	5
17	Преображения Господня	2	–	2
18	Рождества Иоанна Предтечи	2	1	3
19	Богоявления Господня	2	–	–
20	св. Димитрия Донского	2	–	2
21	Иконы Божией Матери Владимирской	2	–	2
22	Иконы Божией Матери Скоропослушницы	2	–	2
23	Иконы Божией Матери Спорительницы Хлебов	2	–	2
24	Иконы Божией Матери «Утоли Моя Печали»	2	–	2
25	св. Апостола Иоанна Богослова	2	–	2
26	св. Новомучеников и Исповедников Российских	2	–	2
27	Рождества Христова	2	1	3
28	Спаса Нерукотворного Образа	2	1	3
29	Сошествия Святого Духа	2	–	2
30	св. Спиридона, епископа Тримифунтского	2	–	2
31	св. Илии Пророка	2	–	2
32	св. Варвары Великомученицы	2	–	2
33	Иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость»	1	–	1
34	Благовещения Пресвятой Богородицы	1	1	2
35	св. Марии Магдалины	1	–	1
36	св. Амвросия Оптинского	1	–	1
37	св. Вонифатия Мученика	1	–	1
38	Всех Святых	1	–	1
39	Всех святых, в земле Российской просиявших	1	–	1
40	Собор Киево-Печерских Святых	1	–	1
41	св. Трех Святителей Великих	1	–	1
42	св. Глеба Муромского	1	–	1
43	св. Тихона Задонского	1	–	1
44	св. Евгения Мученика	1	–	1
45	св. Елисаветы Феодоровны Преподобномученицы	1	–	1
46	Иконы Божией Матери Абалацкой	1	–	1
47	Иконы Божией Матери «Живоносный Источник»	1	–	1
48	Иконы Божией Матери «Неопалимая Купина»	1	–	1
49	Иконы Божией Матери Смоленской	1	–	1
50	св. Иннокентия (Кикина) Священномученика	1	–	1
51	св. Николая (Ермолова) Священномученика	1	–	1

1	2	3	4	5
52	св. Иоанна Предтечи	1	–	1
53	св. Иоанна, епископа Шанхайского и Сан-Францисского	1	–	1
54	св. Иоанна, митрополита Тобольского	1	–	1
55	св. Лазаря Праведного	1	–	1
56	Сретения Господня	1	1	2
57	св. Макария (Невского), митрополита Алтайского	1	–	1
58	св. Митрофана, епископа Воронежского	1	–	1
59	св. Николая II Царя-страстотерпца	1	–	1
60	св. Симеона Верхотурского	1	–	1
61	св. Трифона Мученика	1	–	1
62	св. Феодора Томского	1	–	1
63	св. Флора и Лавра	1	–	1
64	св. Алексия, человека Божия	1	–	1
65	св. Евфросинии Полоцкой	1	–	1
66	св. Екатерины Великомученицы	–	1	1
67	св. Алексия, митрополита Московского	–	1	1
68	св. Даниила Пророка	–	1	1
69	Всех святых сибирских	–	1	1
70	св. Феодосия, архиепископа Черниговского	–	1	1
71	св. Александра Невского	–	2	2
72	свв. Кирилла и Наталии	–	1	–

ченицы, св. Алексия, митрополита Московского, св. Даниила Пророка, Всех святых сибирских, св. Феодосия, архиепископа Черниговского, свв. Кирилла и Наталии – по 1, причем последнее посвящение к настоящему времени утрачено).

С конца XIX в. наибольшее количество алтарей с посвящениями свт. Николаю Чудотворцу – 16, что хорошо согласуется с данными по другим регионам, где они также преобладают [Майничева, 2005]. Количество Богородичных посвящений – 15 (32 алтарь), что составляет ок. 1/5 всего количества посвящений и всех алтарей. Чудесным событиям и ипостасям отведено 9 посвящений (21 алтарь), почти 1/7 от всех и 0,15 всех престолов.

Во имя двенадцатых праздников, владычных и богородичных освящено 8 наименований престолов (31 алтарь): св. Троицы Живоначальной, Рождества Христова, Сретения Господня, Вознесения Господня, Преображения Господня, Рождества Пресвятой Богородицы, Благовещения Пресвятой Богородицы, Успения Пресвятой Богородицы. На 1990–2020 гг. приходится постройка церквей с 24 указанными престолами. К престолом во имя великих праздников также относятся алтари во имя Покрова Пресвятой Богородицы, свв. Апостолов Петра и Павла, Рождества Иоанна Предтечи, св. Иоанна Предтечи, соответственно, их количество 6, 5, 3, 1, причем в 1990–2020 гг. их появилось, соответственно, 5, 4, 2, 1, что показывает их существенное увеличение по сравнению с предыдущим периодом.

Из всех посвящений средних праздников, не считая храмовых престольных праздников, отмечены престолы во имя св. Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова, свт. Николая Чудотворца, св. Апостола Андрея Первозванного, св. Апостола Иоанна Богослова, Владимирской иконы Божией Матери, Казанской иконы Божией Матери, причем только посвящение свт. Николаю Чудотворцу существовало до 1990-х гг. Необходимо отметить, что далеко не весь перечень великих и средних праздников отмечен посвящениями, малых нет совсем.

В 1990–2020 гг. в посвящениях престолов явно просматривается увеличение интереса к соборности, так, если в предшествующий период было только одно посвящение во имя Всех святых сибирских, то в дальнейшем появляются алтари во имя Всех Святых, Всех святых, в земле Российской просиявших, Собора Киево-Печерских Святых, св. Новомучеников и Исповедников Российских. Имеются и регионально значимые культы, таковы, напр., уже упомянутое посвящение во имя Всех святых сибирских, а также во имя св. Симеона Верхотурского, св. Феодора Томского, св. Макария (Невского), митрополита Алтайского, св. Иоанна, митрополита Тобольского. Есть посвящения, имеющие явные отсылки к многонациональности сибирского региона, таковы посвящения в честь Собора Киево-Печерских Святых, св. Евфросинии Полоцкой, св. Феодосия, архиепископа Черниговского. Появляются и посвящения, отмечающие события новейшей российской истории, – в честь

св. Николая II Царя-страстотерпца, св. Новомучеников и Исповедников Российских. Посвящение престола, например, во имя св. Евгения Мученика при Заельцовском кладбище Новосибирска связано с желанием увековечить память о конкретном человеке после его гибели в соответствии с православными традициями, что создает местный оттенок характера культа при его остающейся всеохватности. В пос. Мошково (бывшее Алексеевское) в церкви освящен престол во имя Алексия, Человека Божьего в память о прошлом поселка.

В посвящениях престолов Новосибирской митрополии в 1990–2020 гг. наблюдается следование канонам и установкам православной церкви, значительное количество посвящений относится к великим праздникам, есть и посвящения во имя средних праздников. Путем присвоения новым престолом актуализированы значимые традиционные посвящения. Наряду с этим идут процессы расширения символично-знакового ряда посвящений, имеющих отношение к соборности, многоэтничности, историческим событиям новейшей истории, региональным и местным святыням. Идет увеличение количества престолов во вновь возводимых храмах. Стратегии сохранения символики православия сочетают традиционность с активным введением новых, ранее не зафиксированных в митрополии культов.

Список литературы

Богданова О.В., Атапин И.И. Церковное зодчество и его роль в социокультурном пространстве Кольвани // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2017. – № 416. – С. 49–55. – DOI: 10.17223/15617793/416/7

Гаврилов П.Ю. Кольвань православная. – Новосибирск: [б.и.], 2013. – 320 с.

Майничева А.Ю. Церкви Тобольской епархии (по справочным материалам начала XX в.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. XI, ч. 2. – С. 122–127.

Майничева А.Ю. Размещение православных храмов

Тобольской епархии как знаковых культовых сооружений поселений. Конец XIX – начало XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2019. – Т. 26, № 2. – С. 45–48. – DOI: 10.15372/HSS20190208.

Семенова С.В. (Монахиня Сергия), Матвеева Л.Л. Храм и город: исторический опыт созидания. К столетию Храма в честь Покрова Пресвятой Богородицы // Новосибир. епархиальн. вестн. – 2001. – № 10 (33). – С. 4–5.

Mainicheva A.Y. The topography of ritual buildings in villages of the Tobolsk Governorate (late 19th to early 20th century) // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. – 2019. – Vol. 47, N 4. – P. 112–119. – DOI: 10.17746/1563-0102.2019.47.4.112-119.

References

Bogdanova O.V., Atapin I.I. Tserkovnoe zodchestvo i ego rol' v sotsiokul'turnom prostranstve Kolyvani. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, No. 416, pp. 49–55. DOI: 10.17223/15617793/416/7. (In Russ.).

Gavrilov P.Y. Kolyvan' pravoslavnyaya. *Novosibirsk: [s.n.]*, 2013, 320 p. (In Russ.).

Mainicheva A.Y. Tserkvi Tobol'skoi eparkhii (po spravochnym materialam nachala XX v.). *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. *Novosibirsk: IAET SB RAS Publ.*, 2005, vol. XI, pt. 2, pp. 122–127. (In Russ.).

Mainicheva A.Y. Razmeshchenie pravoslavnykh khramov Tobol'skoi eparkhii kak znakovykh kul'tovykh sooruzhenii poselenii. *Konets XIX – nachalo XX v. Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2019, vol. 26, No. 2, pp. 45–48. DOI: 10.15372/HSS20190208. (In Russ.).

Mainicheva A.Y. The topography of ritual buildings in villages of the Tobolsk Governorate (late 19th to early 20th century). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2019, No. 47 (4), pp. 112–119. DOI: 10.17746/1563-0102.2019.47.4.112-119.

Semenova S.V. (Monakhinya Sergiya), Matveeva L.L. Khram i gorod: istoricheskii opyt sozidaniya. K stoletiyu Khrama v chest' Pokrova Presvyatoi Bogoroditsy. *Novosibirskii eparkhial'nyi vestnik*, 2001, No. 10 (33), pp. 4–5. (In Russ.).

Майничева А.Ю. <https://orcid.org/0000-0002-0784-4252>

А.Ю. Майничева¹✉, А.В. Радзюкевич², А.О. Ежов³

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

²Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет (Сибстрин)
Новосибирск, Россия

³Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств
Новосибирск, Россия

E-mail: annmaini@gmail.com

Этнографические исследования материальной культуры: современные методы фиксации и прототипирования на примере архитектурных деталей и элементов

В статье впервые проведен анализ способов фиксации объектов и прототипирования в этнографических исследованиях на примере малых архитектурных деталей разных типов (объемного, протяженного с глубоким рельефом, небольшого размера со сквозной резьбой). Проведены лазерное сканирование, фотограмметрия, получены «облака точек», ортофотопланы, выполнено прототипирование на станке с ЧПУ. Показано, что критериями выбора способа исследования являются цели и задачи исследования, физические особенности изучаемых объектов, наличие соответствующего оборудования и квалификация исполнителей, удобство использования оборудования и программного обеспечения отдельными исследователями или их малыми группами, что позволяет учесть особенности их включения в методики полевых этнографических исследований. Для работы с объемными объектами рационально использование лазерного сканирования, с протяженными плоскими объектами с деталями небольшой глубины – фотограмметрии. На подготовительной стадии необходимо предусмотреть наличие оборудования и привлечь сотрудников соответствующей квалификации. Для работы с утварью, мебелью, предметами религиозного культа и пр. необходимо использовать сканер. В силу того, что этнографические исследования направлены на значительное число зданий, сооружений и других объектов материальной культуры в рамках одного сезона, потребуются специальные устройства для хранения большого количества данных. Сделан вывод о том, что преимуществом информационных технологий является достоверная фиксация форм, размеров, цвета, текстуры и прочих объективных характеристик предметов. Сканирование и фотограмметрия показывают места, форму и вид утрат, точно передавая все особенности. Они обеспечивают релевантность сбора, хранения и дальнейшего использования данных, в т.ч. на стадии камеральной обработки.

Ключевые слова: этнография, цифровые технологии, методы фиксации, прототипирование, ортофотоплан, облако точек.

Anna Yu. Mainicheva¹✉, Andrej V. Radzyukevich², Aleksandr O. Yezhov³

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

²Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering (Sibstrin),
Novosibirsk, Russia

³Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts,
Novosibirsk, Russia

E-mail: annmaini@gmail.com

Ethnographic Research of Material Culture: Current Methods of Recording and Prototype Designing Based on the Example of Architectural Details and Elements

For the first time, the article describes the methods of recording objects and prototype designing in ethnographic research using the example of small architectural details of various types (volumetric, extended with deep relief, small sized

with openwork carving). After laser scanning and photogrammetry, “point clouds” and orthophotoplans were obtained, and prototypes were built using a numerical control machine. It has been shown that the criteria for choosing a particular research method include research goals and objectives, physical features of the objects under study, availability of appropriate equipment and skills of operators, and easy use of equipment and software by individual scholars or small groups, which makes it possible to take into account specific aspects of including the methods into a field ethnographic research. It is reasonable to use laser scanning for working with volumetric objects, and photogrammetry for extended flat objects with details of small depth. At the preparatory stage, one needs to ensure availability of equipment and employees with the required skill set. The use of a scanner is mandatory for working with utensils, furniture, objects of religious worship, etc. Since ethnographic research involves a significant number of buildings, structures, and other objects of material culture in one field season, special devices are required for storing large amount of data. It is concluded that the advantage of information technology is reliable recording of shapes, sizes, colors, textures, and other objective features of the objects. Scanning and photogrammetry show the location, shape, and type of loss, accurately conveying all features, and ensure the relevance of the collection, storage, and further use of data, including the work at the stage of lab processing.

Keywords: *ethnography, digital technologies, recording methods, prototyping, orthophotoplan, point cloud.*

В исследовательской практике полевые работы по изучению объектов материальной культуры, например в работе этнографов, архитекторов, реставраторов и музейщиков, играют существенную роль. Результатом их является фиксация и сбор разнообразных данных, пригодных для дальнейшего камерального изучения. Особое значение приобретает точность и наглядность полученных первичных материалов, причем нужны разнообразные объективные данные, характеризующие объект, среди которых можно указать габаритные размеры, месторасположение деталей и их размеры, цветовые характеристики, особенности текстуры и пр. Целью работы является анализ возможных способов фиксации объектов и дальнейшего прототипирования в рамках этнографических исследований. В статье представлены и обсуждены примеры использования современных методов фиксации и прототипирования элементов и деталей зданий, т.е. натурального воспроизведения из доступных материалов объектов идентичных с исследуемыми элементами. Впервые предпринята попытка проанализировать возможности сбора материалов для прототипирования в этнографических полевых исследованиях. Особенностью элементов и деталей зданий являются малые размеры и невозможность вывоза с места расположения для тщательного изучения. Акцент сделан на указании временных, материальных и кадровых ресурсов, необходимых для дальнейшего прототипирования, чтобы показать особенности методов в максимальном приближении к исследовательской практике полевых исследований. Способы рассмотрены в зависимости от типа и сложности исследуемых форм. Технология работы с приборами и программным обеспечением основывалась на ранее разработанных технологиях (см., напр.: [Игнатова, Мачача, Дмитриева, 2017; Радзюкевич, 2018; Romero, Bustamante, 2017]). Для исследования были выбраны три элемента декора зданий.

1. Капитель ионического ордера, интерьерный элемент лабораторного корпуса Новосибирского государственного архитектурно-строительного университета (Сибстрин). Капитель имеет сложную объемную форму с многочисленными резными деталями. Размеры в трех измерениях $1,2 \times 0,8 \times 0,8$ м. Для выполнения работ понадобились (1) 3D-сканер Einscan Pro стоимостью 470 000 руб. со следующими характеристиками:

Область сканирования	От 3 см до 4 м (в зависимости от режима работы)
Скорость сканирования	До 15 кадров в сек. (в зависимости от режима работы)
Возможность цветного сканирования	Есть (дополнительная опция)
Режимы работы	Handheld rapid scan, handheld hd scan, automatic scan, free scan
Точность сканирования	От 0,1 мм
Размер одного снимка	210 × 150 мм
Программное обеспечение	Einscan-Pro Software
Поддерживаемые форматы	OBJ, STL, ASC
Тип сканера	Ручной (универсальный)
Захват текстур	Да
Сканирование специальных объектов	Для сканирования прозрачных, блестящих, темных объектов требуется применение специального спрея
Совместимость с программным обеспечением	Win 7, Win 8, Win 10
Гарантия	1 год

(характеристики в разных режимах представлены в *таблице*); (2) компьютер с такими параметрами: с процессором не ниже Intel Core i7 (или аналог),

Режимы сканирования на сканере Einscan-Pro

Характеристика	Режим сканирования			
	Ручное HD-сканирование	Ручное быстрое сканирование	Автоматическое сканирование	Свободное сканирование
Комплектация	Basic	Basic	Industrial pack (дополнительный модуль)	Industrial pack (дополнительный модуль)
Точность сканирования	0,1 мм	0,3 мм	0,05 мм (один проход)	0,05 мм (один проход)
Скорость сканирования	15 кадров/сек.	10 кадров/сек.	Один проход < 2 сек.	Один проход < 2 сек.
Разрешение сканирования	0,2–2 мм	0,5–2 мм	0,16 мм	0,16 мм
Область сканирования	0,03–4 м	0,15–4 м	0,03–0,15 м	0,03–4 м
Режим выравнивания	Reference point align	Feature align	Turntable align	Reference point, feature, turntable align
Сканирование текстур	нет	да	да	да

оперативной памятью 16 GB, видеокарты объемом не ниже 4 GB; (3) 3D-принтер; (4) 10 мин. работы оператора и техника. Проведено ручное сканирование, получено качественное «облако точек» (рис. 1).

Была предпринята попытка получить «облако точек» с помощью фотограмметрии, потребовавшая наличия фотоаппарата стоимостью порядка 16 000 руб., 20 мин. работы оператора и 2–3 ч. обработки данных в программе Agisoft Photoscan (машинное время без участия оператора). Таким способом не удалось достичь приемлемого результата, поскольку были недостаточны ресурсы для получения качественного скана. Для достижения приемлемого результата требуются дополнительные затраты на объектив и обеспечение должного освещения.

Для элементов сложных форм рекомендуется сканирование ручными сканерами как наиболее быстрое и простое, не требующее дополнительной обработки и, соответственно, более производительное при больших объемах работы. «Облако точек», полученное при таком сканировании, можно использовать как основу для создания программного кода для 3D-принтера или станка, или же как визуальный референс для моделирования элементов декора «с нуля» в 3D-редакторах. Прототипирование возможно из пеноплекса или другого пластика по стандартным технологиям.

2. Элемент деревянного резного наличника, экспонат Музея архитектуры Сибири им. С.Н. Баландина в Новосибирском государственном университете архитектуры, дизайна и искусства. Протяженный плоскостной объект с рельефными деталями небольшой глубины (глубинной резьбой). Размеры 1,2 × 0,4 × 0,07 м. Для выполнения работ понадобились фотоаппарат стоимостью 16 000 руб.; штатив (усредненная стоимость – 4 000 руб.); ком-

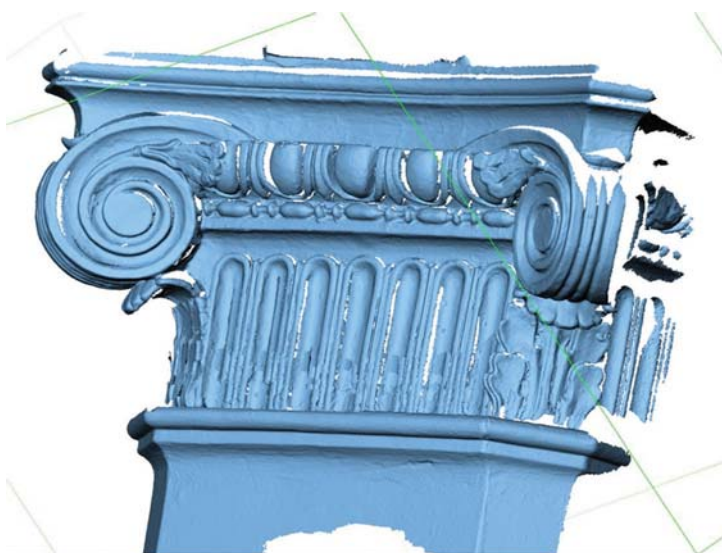

Рис. 1. Капитель. «Облако точек».

пьютер со следующими характеристиками: с процессором не ниже Intel Core i7 (или аналог), оперативной памятью 16 GB, видеокарты объемом не ниже 4 GB; 3D-принтер или станок с ЧПУ; 20–30 мин. работы оператора; 2–3 ч. обработки данных в программе Agisoft Photoscan (машинное время).

Проведена фотограмметрия. Получено «облако точек», достаточное для составления ортофотопланов и обмеров, но недостаточно качественное для прототипирования (рис. 2–4). Используемый способ эффективен для обмеров, а при необходимости прототипирования необходимо провести последующее восстановление формы в программах 3D-скульптинга (blender, Rhino Ceros и т.п.), что дает возможность дальнейшей печати на принтере (пластик) или изготовления на станке с ЧПУ (дерево).

3. Элемент деревянного декора здания. Месторасположение оригинала – на стене здания, памятника архитектуры регионального значения в г. Красноярске, ул. Вейнбаума, 34 / Ленина, 67. Элемент небольшой протяженности со сквозной

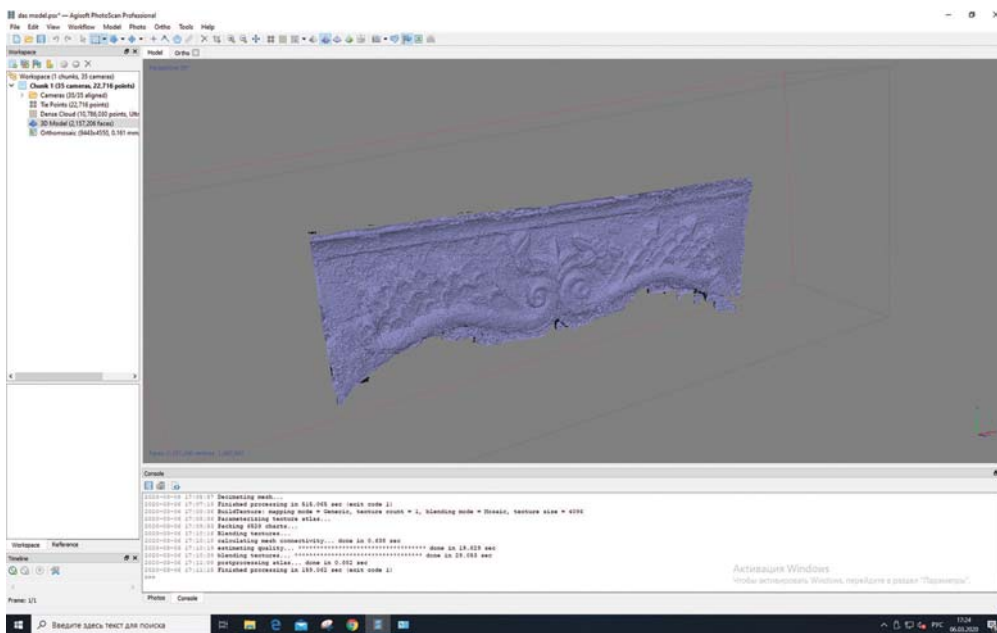

Рис. 2. Наличник. «Облако точек».

Рис. 3. Ортофотоплан части наличника.

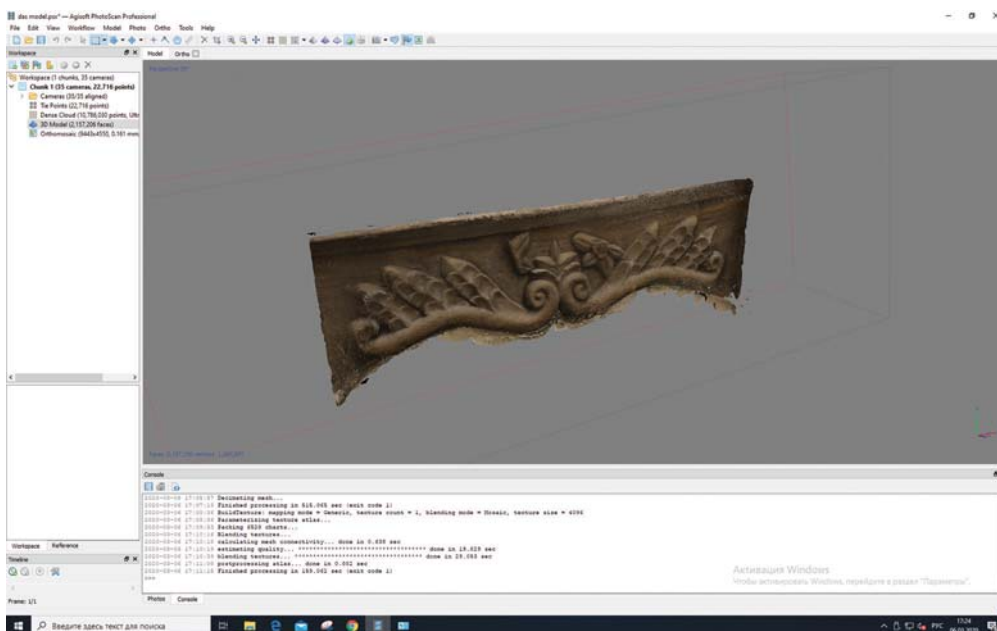

Рис. 4. Текстурированная модель наличника.

пропильной резьбой. Размеры $0,78 \times 0,29 \times 0,02$ м. Проведена фотограмметрия, получено «облако точек», выполнено прототипирование на ЧПУ-станке (рис. 5, 6).

Для выполнения работ понадобились: фотоаппарат стоимостью 26 000 руб.; 2 мин. работы оператора; компьютер со следующими характеристиками: с процессором не ниже Intel Core i7 (или аналог), оперативной памятью 16 GB, видеокартой объемом не ниже 4 GB; ок. 1 ч. работы в любой программе, пригодной для создания твердотельной 3D-геометрии (максимальное время с учетом внезапных сбоев программы); станок с ЧПУ. Потребовалась настройка модели в программе, подготавливающей код для станка (необходимы квалификация и опыт), 20–30 мин. работы станка с ЧПУ и 30 мин. ручной постобработки (шлифовка, покраска).

Использованный способ удобен и малозатратен для фиксирования форм плоского декора и его прототипирования, но требует соответствующей квалификации для работы на станке с ЧПУ. Возможные пути его совершенствования – автоматизация построения силуэта элемента по фотографиям и ортофотопланам, подбор оптимального режима обработки на ЧПУ-станке.

Рассмотренные способы фиксации и прототипирование могут быть выполнены одним-двумя исследователями. Критериями выбора способа исследования являются цели и задачи исследования, физические особенности изучаемых объектов, наличие соответствующего оборудования и квалификация исполнителей, удобство использования оборудования и программного обеспечения отдельными исследователями или их малыми группами. Показательно, что пока прототипирование выполняется исключительно коммерческими организациями, что означает существенные затраты, выборку частных случаев, отказ от участия в полевых работах на выезде.

Из апробации способов фиксации и прототипирования объектов малых размеров следуют особенности включения в методики полевых этнографических исследований. На подготовительной стадии необходимо предусмотреть наличие соответствующего оборудования и привлечь сотрудников соответствующей квалификации. Поскольку не всегда

Рис. 5. Элемент декора после прототипирования на ЧПУ-станке.

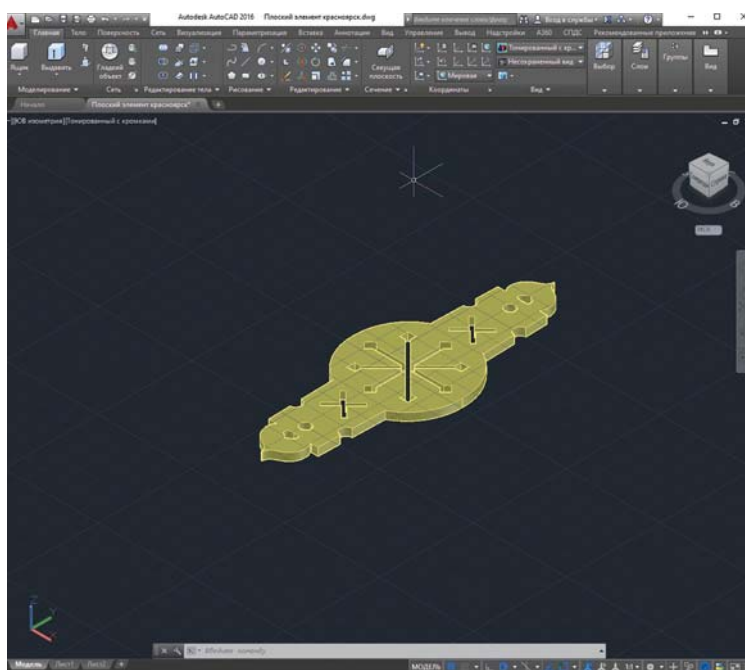

Рис. 6. Модель элемента декора в программе Autodesk AutoCAD 2016.

заранее известен характер форм объектов, которые предстоит исследовать, то рекомендуется иметь как фотоаппарат, так и ручной сканер. Если исследование направлено на этнографические предметы – утварь, мебель, предметы религиозного культа, то сканер будет необходимостью. Как правило, этнографические исследования направлены на значительное число зданий, сооружений и других объектов материальной культуры в рамках одного сезона, потребуются специальные устройства для хранения большого количества данных.

Вследствие того, что изучаемые с точки зрения этнографии постройки, как правило, не имеют ста-

туса объектов культурного наследия, всегда остается вероятность их полного исчезновения из культурной среды или существенных утрат в их облике. Как было показано, преимуществом использования информационных технологий является четкая фиксация не только форм и размеров предметов, но и цвета, текстуры и пр., объективно их характеризующих, без субъективности в рисунке. Сканирование и фотограмметрия показывают места, форму и вид утрат, достоверно передавая все особенности.

Перед началом работы с изучаемыми предметами, элементами декора или конструкциями необходимо определить их тип, согласно которому выбирается соответствующий способ фиксации. Далее устанавливается, нужно ли проводить прототипирование для изучения в камеральных условиях, что повлечет использование соответствующего программного обеспечения и дополнительного оборудования, что тоже нужно предусмотреть. Чем более качественно выполнена фиксация исследуемых объектов, тем более информативен будет материал, используемый в дальнейших исследованиях, заменяя собой оригинал. В случае невозможности вывоза объектов это позволит получить все необходимые сведения о них. В дальнейшем полученные данные могут быть скомпонованы в базы, на основе которых строятся межрегиональные, локальные, синхронные и диахронные культурные параллели, совпадения, выявляются особенности. Важной чертой применения описанных способов фиксации в полевых работах является выполнение одним приемом нескольких операций, ранее делавшихся по отдельности и разными специалистами, например обмеры, фотография, зарисовка.

Анализ способов фиксации и прототипирования выявил их особенности, на основе которых можно сделать их выбор для этнографических исследований. Так, для объемных объектов требуется лазерное сканирование, для протяженных плоских объектов с деталями небольшой глубины – фотограмметрия. Рассмотренные способы пригодны для их включения в полевые работы, поскольку они обеспечивают релевантность сбора, хранения и дальнейшего использования данных, в т.ч. на стадии камеральной обработки.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-09-00469 «Новые методы в этнографии в информационную эпоху: оценка итогов и перспектив использования для исследования материальной культуры».

Список литературы

Игнатова Е.В., Мачача А.В., Дмитриева И.С. Дополнительные параметры корректировки данных строительных объектов в алгоритме фотограмметрии // *Вестн. Белгород. гос. технолог. ун-та им. В.Г. Шухова*. – 2017. – № 5. – С. 132–138.

Радзюкевич А.В. Опыт использования прикладных информационных технологий в сфере документирования форм объектов материальной культуры // *Баландинские чтения*. – 2018. – № 1. – С. 79–82. – DOI:10.24411/9999-001A-2018-10011.

Romero D., Bustamante A. Photogrammetry as a tool to replace eroded decorative architectural elements // *APT Bulletin: The Journal of Preservation Technology*. – 2017. – Vol. 48, N 1. – P. 15–22.

References

Ignatova E.V., Machacha A.V., Dmitrieva I.S. Dopolnitel'nye parametry korrektyrovki dannykh stroitel'nykh ob'ektov v algoritme fotogrammetrii. *Vestnik Belgorodskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta imeni V.G. Shukhova*, 2017, No. 5, pp. 132–138. (In Russ.).

Radzyukevich A.V. Opyt ispol'zovaniya prikladnykh informatsionnykh tekhnologii v sfere dokumentirovaniya form ob'ektov material'noi kul'tury. *Balandinskie chteniya*, 2018, No. 1, pp. 79–82. DOI:10.24411/9999-001A-2018-10011. (In Russ.).

Romero D., Bustamante A. Photogrammetry as a tool to replace eroded decorative architectural elements. *APT Bulletin: The Journal of Preservation Technology*, 2017, vol. 48, No. 1, pp. 15–22.

Майничева А.Ю. <https://orcid.org/0000-0002-0784-4252>

Радзюкевич А.В. <https://orcid.org/0000-0001-8726-9886>

Ежов А.О. <https://orcid.org/0000-0002-6343-9980>

О.В. Мальцева

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: olymals@gmail.com

Устное в написанном. Ренессанс нанайской легенды «О трех солнцах» в XX–XXI веках

В статье рассматривается нанайская легенда «О трех солнцах» в устном и письменном измерении культур народов Нижнего Приамурья. Изначально легенда существовала в нескольких вариациях, что показывает аспект жизни местного сообщества, интеграцию переселенцев в состав аборигенов. Каждая из групп привносила свои детали в сюжет общей легенды, за счет этого она достраивалась. В среде нанайцев бытовавшее отношение к мифическим персонажам как первопредкам, далеким родственникам скорее отражает духовно-нравственные ориентиры их традиционного общества, заключавшиеся в согласовании человеческих поступков и действий с законами Мифической Вселенной. Включение легенды в шаманскую ритуальную практику показывает, что в числе главных судей, отвечавших за соблюдение этих этических норм, выступал шаман. В начале XX в. на базе появления литературного нанайского языка легенда «О трех солнцах» получила текстуальное оформление. Создателем новой интерпретации стала национальная интеллигенция. Археологические открытия в долине Амура А.П. Окладникова позволили привязать легенду к историческому прошлому. Вместе с этим появилась упрощенная, широко тиражируемая версия, включенная в учебники краеведения и истории. В сознании нанайцев личная, семейная история стала сопоставляться с написанной информацией, в которой одним из отправных пунктов выступала легенда «О трех солнцах». Со второй половины 1980-х гг. в среде нанайцев возросший интерес к шаманскому наследию обусловил появление концептуальной формы легенды. Она стала рассматриваться как часть философской мысли и теософского учения. Вместе с этим произошло переосмысление памятных мест, выступавших в прошлом проекцией мифических событий. Они оказались встроены в современное символическое этнокультурное пространство нанайцев, в границах которого происходит формирование их идентичности.

Ключевые слова: нанайцы, легенда, сюжет, устные вариации, литературный язык, интеллигенция, археологические открытия, шаманизм.

Olga V. Maltseva

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: olymals@gmail.com

Orality in Writing. Renaissance of the Nanai Legend “About Three Suns” in the 20th–21st Centuries

The paper considers the Nanai legend about Three Suns in the oral and written dimensions of the Lower Amur peoples' cultures. Initially, the legend consisted of several variations that can point to the specifics of migrating processes on the Amur territory. Each group of immigrants brought own stories' details to the general legend plot, and thus they had built the storyline. The Nanai people used to perceive the mythical characters as their ancestors and distant relatives. That idea rather reflects spiritual and moral guidelines of their traditional society, which consisted in harmonizing human actions with the Mythical Universe laws. The shaman was responsible for observing these ethical standards. In the 20th century, a textual form of the legend about Three Suns appeared as result of developing the literary Nanai language. The national intelligentsia developed a new interpretation of the legend. Some archaeological discoveries made by A.P. Okladnikov led to the connection between the

legend and the historical background. At the same time, a simplified version also appeared. The Nanai people have begun to compare their family history with the information providing the legend about Three Suns as a starting point. Since the second half of the 1980s, increasing interest in the shamanic heritage among the Nanai people resulted in the philosophical and theosophical versions of the legend. The legendary earthly places were reinterpreted. They were embedded in the contemporary symbolic ethnic and cultural space of the Nanai people, inside of which their identity is being formed.

Keywords: *the Nanai people, legend, plot, oral variations, literary language, intelligentsia, archaeological discoveries, shamanism.*

Зафиксированная в конце XIX в. внутри нижне-амурского сообщества легенда «О трех солнцах» является своего рода аккумуляцией культурных процессов, которые проходили на данной территории на протяжении многих тысячелетий и генерацией опыта постижения объективного мира, получения мировоззренческого знания. В ее структуре и как она функционировала можно выделить первичные и модифицированные в новой среде элементы. Мы знаем эту легенду в изложениях разных исследователей, которые представили нам различные версии в текстуальной форме. И в их интерпретациях мы можем выделить символическое пространство и смысловые структуры в познании мира определенных общностей, т.е. функциональное использование вариаций легенд.

В записи Б. Лауфера представлена версия создания мира. Согласно ей, *Всю землю покрывала вода. Три лебедя нырнули и достали немного земли, которая постепенно выросла. Появились три солнца, все сжигавших. Герой Кадо двумя выстрелами убил лишние два солнца. Его жена Мямелджи выступает создательницей мира мертвых буни* [Laufer, 1899; 1900]. В изложении П.П. Шимкевича мы видим другое имя главного мифического персонажа – *Долчу-Ходай*, его родители фигурируют в качестве творцов мира мертвых, а сам он становится первым шаманом на земле [Шимкевич, 1896, с. 9–10]. В версиях Л.Я. Штернберга и И.А. Лопатина также встречаются несовпадения в происхождении героев, их родственных связях и поступках в следующих вариациях – *У Хадо жена Мямелди, их сын Дюльчу / у Мямелди муж Горанта, а Хадо – это полярная звезда / Хадо царствует в буни, а в солнце стрелял мальчик Мямелди / Хадо и Мямелди – это брат и сестра* [Лопатин, 1922, с. 237–238; Штернберг, 1933, с. 493–495].

В свое время А.В. Смоляк обратила внимание на эти нестыковки в легенде «О трех солнцах», что проявлялось в различных родственных связях между мифическими героями и «людьми среднего мира», к которым себя причисляли нанайцы. Ее сюжет не только составляет основу космогонического мифа, но и вписан в фамильные предания родов Заксор, Ходжер, Киле, Онинка, их представители вплетали свои родовые легенды в общую канву мифа. Так, к примеру, первопредком рода

Киле считалась *Мямелди*; рода Заксор – *Дюльчу*. Кроме того, представители рода Заксор считали, что целая плеяда персонажей космогонической легенды (как братья *Хадо* и *Горанта*) имели тесные контакты с их родом, а некоторые выступали главными духами-помощниками шаманов [Смоляк, 1976, с. 133–134].

Такая разветвленность сюжетной линии может отражать социальные процессы, происходившие в долине Амура на протяжении многих веков, отношения между аборигенными и пришлыми группами, особенности их инкорпорации. Встраивание родовых историй пришлого населения в общий миф необходимо было для идентификации их групп с общим космическим порядком. Сюжет о трех солнцах также являлся частью шаманского песнопения *дярингха нимнга*, которое устраивалось по случаю смерти человека и проводов его в *буни* (загробный мир), что было своего рода обрядом очищения. В слиянии локальных фольклорных сюжетов в один комплекс проявляется духовно-ценностный характер мировоззренческого познания, т.е. идеалы развития нанайского общества. Как мы видим, в этой легенде фигурируют мерилы (или в понимании местного сообщества константы), относительно которых и происходит оценка душ. Шаман как главный цензор отправляет «правильные души» в *буни*. Души утопленников и погибших от лап диких зверей не достойны были таких проводов. Сотворенный мир в легенде – это идеал [Смоляк, 1991, с. 24–25].

XX в. стал поворотным периодом в осмыслении нанайцами своего устного наследия. Были изменены методы конструирования мира путем переориентации на невербальный язык. Если до этого большую роль в передаче информации играли визуально-тактильные, акустические образы, они воспроизводились через речь, пантомиму, что было важно в шаманском камлании, то с появлением письменного языка в памяти стали закрепляться абстрагированные образы, но все равно происходил ассоциативный поиск вербального понятия.

Появление новой ментальной модели произошло на основе создания письменного языка. Так, в 1931 г. была создана нанайская письменность, в основу которой был положен найхино-торгон-

ский говор нижнеамурского наречия [Гореликов, 2009]. С этого периода началось преподавание нанайского языка в школах сел с компактным проживанием нанайцев. Новый говор, который распространялся как официальный нанайский язык, не во всех уголках нанайского ареала был понятен. Сложности представляло обучение письменному языку в школе, в официально принятой системе букв сложно было выразить произношение. Со слов ряда информантов из нанайских сел, трудно было прочитать, потом это пересказать – «читал на одном языке, думал на другом» (ПМА, 2008, 2011: Хабаровский край, с. Найхин). За этот период языковой политики старшее поколение выпало из поля преемственности традиций. Транслятором и нарратором стала национальная интеллигенция, она, по сути, внедряла новый культурный код, происходило оспаривание научного знания с мировоззренческим. В рамках культурных преобразований легенда «О трех солнцах» качественно изменилась, она стала одним из пунктов исторической справки нанайского села.

Археологические открытия А.П. Окладникова во многом определили следующие пути трансформации мифического наследия, которое получило привязку к археологическому прошлому. В 1935 г. обнаруженные рядом с с. Вознесенка фрагменты керамики с изображением личин получили свое объяснение. Ключом к пониманию этих орнаментальных мотивов стала распространенная в среде нанайцев легенда «О трех солнцах». Изображенные личины интерпретировались как мифические образы солнц, опалявших землю. То есть артефакты, датированные приблизительно концом III – началом II тыс. до н.э., обрели легендарную основу [Окладников, 1971]. Происходило новое наложение на старое, новое осмысление нанайцами контекстов своего коллективного опыта. Появилась русскоязычная упрощенная версия легенды, доступная для понимания широкой публике. Если первоначально адаптированный ее вариант использовался в системе высшего образования, культурной сфере, то с 1970-х гг. легенда в текстовом оформлении стала элементом уроков краеведения в системе среднего и дополнительного образования. В учебниках краеведения Хабаровского края представлен сюжет, изложенный в книге А.П. Окладникова «Лики древнего Амура» [1968].

Сегодня на наших глазах разворачивается новая мифологическая история, исходный вариант которой представлен в письменной форме. Именно от нее отталкиваются некоторые в изложении истории своей семьи. В с. Сикачи-Алян одну пожилую женщину попросили рассказать о своей семье. Беседа происходила в сельской администрации. Инфор-

мант отлучилась и вернулась с книжкой – учебным пособием по краеведению для учащихся четвертых классов. После этого она начала читать вслух фрагмент текста, рассказывающий «О трех солнцах». В ее голове фамильная история соотносилась с написанной информацией. Ей было важно самой прочитать этот отрывок (ПМА, 2011). Подобная форма обращения характерна для устной речи, когда один человек выступает в роли рассказчика, а другой – слушателя. Такой поворот в сознании начался примерно с 1970-х гг., когда на Амуре умер последний шаман, и береговой участок с валунами, покрытыми петроглифами, перестал быть культовым местом.

Но со второй половины 1980-х гг., когда ослабла атеистическая идеология, начался ренессанс культуры нанайцев, одним из проявлений которого стал рост интереса к шаманскому наследию. Легенда «О трех солнцах» стала обретать новое звучание. Привязка ее к археологическим памятникам позволяет значительно удреветь историю нанайского народа, а значит и содержание легенды интерпретировать как «древнюю мудрость», нуждающуюся в расшифровке. Одно из толкований легенды – это послание будущему поколению. Находятся люди – это в основном представители культурной интеллигенции (художники, литераторы), которые мотивы сикачи-альянских петроглифов объясняют в ключе загадочных событий, когда-то происшедших на месте древних камней. Их творчество построено на переосмыслении легенды «О трех солнцах» и опирается на письменные источники. Постепенно их трактовки обретают ноэтические конструкции, смысловой порядок. Легенда также получает концептуальное оформление в виде учения «о человеческих расах» (берет от теософского учения Е. Блаватской), которые когда-то жили на земле, прошлых временах и «реальных» событиях до появления человеческой цивилизации, завуалированного учения о физическом космосе, небесных телах [Самар, 2003]. События в этой легенде увязываются с событиями мирового масштаба, проводятся параллели с фольклорным материалом других народов – древних египтян, ацтеков, чувашей, в котором представлены сюжеты о трех солнцах. Данную легенду используют в магики-мистической практике. Что характерно, проводниками и сторонниками новых учений являются не только потомки коренных жителей, но и представители русской интеллигенции. То есть это новая система взглядов, интегрированная в информационное поле современного человечества. Эта легенда достраивается, дополняется новыми деталями. В ней акцент ставится не на вертикальной Мифи-

ческой Вселенной, получившей образное выражение в древе жизни, и на том, где находится проход в загробный мир, а на земном плане. В нем ряд мест – это непосредственно набережная с. Сикачи-Алян и расположенные рядом с ним села, утес Бури в Хабаровске вписаны в символическое пространство нанайской легенды и играют большую роль в формировании современной идентичности нанайского народа.

Список литературы

Гореликов А.И. Коренные малочисленные народы Дальнего Востока в 1930-е годы: институциональные, экономические, социокультурные перемены. – Комсомольск-на-Амуре: Изд-во Комсомольского-на-Амуре гос. техн. ун-та, 2009. – 216 с.

Лопатин И.А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. – Владивосток: [б. и.], 1922. – 371 с.

Окладников А.П. Лики Древнего Амура. – Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1968. – 240 с.

Окладников А.П. Петроглифы Нижнего Амура. – Л.: Наука, 1971. – 336 с.

Самар Е.Д. Под сенью родового древа. Записки об этнокультуре и воззрениях гэринских нанайцев рода Самандё-Моха-Монгол / рода Самар. – Хабаровск: Кн. изд-во, 2003. – 211 с.

Смоляк А.В. Представления нанайцев о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). – Л.: Наука, 1976. – С. 129–160.

Смоляк А.В. Шаман: личность, функции, мировоззрение. – М.: Наука, 1991. – 280 с.

Шимкевич П.П. Материалы для изучения шаманства у гольдов // Записки Приамурского отдела Императорского Русского Географического Общества. – Хабаровск: Тип. канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1896. – Т. II, вып. 1. – 133 с.

Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. – Хабаровск: Дальгиз, 1933. – 740 с.

Laufer B. Petroglifs on the Amoor // *American anthropologist*. – 1899. – N 5. – P. 746–750.

Laufer B. Preliminary notes on explorations among the Amoor tribes // *American anthropologist*. – 1900. – N 2. – P. 297–338.

References

Gorelikov A.I. Korennye malochislennye narody Dal'nego Vostoka v 1930-e gody: institutsional'nye, ekonomicheskie, sotsiokul'turnye peremeny. Komsomolsk-on-Amur: State Technical Univ. Press, 2009, 216 p. (In Russ.).

Laufer B. Petroglifs on the Amoor. *American anthropologist*, 1899, No. 5, pp. 746–750.

Laufer B. Preliminary notes on explorations among the Amoor tribes. *American anthropologist*, 1900, No. 2, pp. 297–338.

Lopatin L.A. Goldy amurskie, ussuriiskie i sungariiskie. Vladivostok: [s.n.], 1922, 371 p. (In Russ.).

Okladnikov A.P. Liki drevnego Amura. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1968, 240 p. (In Russ.).

Okladnikov A.P. Petroglify Nizhnego Amura. Leningrad: Nauka, 1971, 336 p. (In Russ.).

Samar E.D. Pod sen'iu rodovogo dreva. Zapiski ob etnokul'ture i vozzreniiakh gerinskikh nanaitsev roda Samande-Samar-Mongol. Khabarovsk: Khabarovskoe knizhnoe izd-vo, 2003, 211 p. (In Russ.).

Shimkevich P.P. Materialy dlya izucheniya shamanstva u goldov. In *Zapiski Priamurskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva*. Khabarovsk: Tip. kantseliarii Priamurskogo general-gubernatora, 1896, vol. II, iss. 1, 133 p. (In Russ.).

Smoliak A.V. Predstavleniia nanaitsev o mire. In *Priroda i chelovek v religioznykh predstavleniiakh narodov Sibiri i Severa (Vtoraiia polovina XIX – nachalo XX veka)*. Leningrad: Nauka, 1976, pp. 129–160. (In Russ.).

Smoliak A.V. Shaman: lichnost', funktsii, mirovozzrenie. Moscow: Nauka, 1991, 280 p. (In Russ.).

Sternberg I.Ya. Gilyaki, orochi, goldy, negidaltsy, ainy. Khabarovsk: Dalgiz, 1933, 740 p. (In Russ.).

Мальцева О.В. <https://orcid.org/0000-0003-3694-7434>

В.В. Николаев

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: nikolaevvv06@mail.ru

Национально-культурное возрождение кумандинцев на рубеже XX–XXI веков

Статья посвящена современным этнокультурным процессам у кумандинцев. Кумандинцы являются лидерами общественно-политического движения на Алтае среди коренных малочисленных народов. Источниковой базой исследования стали полевые материалы. В течение XX в. происходило нивелирование этнической культуры, языка и идентичности кумандинцев. К середине XX в. прекратилось проведение праздников, отправление обрядов. Причиной данного процесса были этнополитические и социально-экономические преобразования. Сохранились лишь отдельные элементы культуры на семейном и индивидуальном уровнях. После длительного этнокультурного «перерыва», растянувшегося на два поколения и изначально во многом обусловленного внешними факторами, а в последующем все более нарастающими интеграционными процессами, кумандинцы вновь обратились к прошлому своего народа. Национально-культурное возрождение началось с появления интереса к собственной культуре и образования общественных организаций. Актуализация проблемы самоидентификации кумандинцев предполагала фиксацию и презентацию уникальности этнического сообщества, а также консолидацию его представителей. Способом достижения этого стало конструирование праздничной культуры. Отсутствие значимых музейных коллекций, фрагментарность этнографических описаний и воспоминаний этнофоров, с одной стороны, является проблемой при реконструкции аутентичных культурных явлений, а с другой – не ограничивает рамками современное культурное творчество. В ходе национально-культурного возрождения акцент был сделан на фольклоре, costume, кухне, языке и декоративно-прикладном искусстве. В результате оформились совершенно новые по форме и содержанию праздники. Только регулярность проведения, название и условное исполнение ритуала отсылает к этнокультурному прошлому. Современные кумандинские праздники имеют общезнаменательный уровень, массовый характер. Они десакрализованы. Ритуал упрощен и театрализован. Важным моментом в национально-культурном возрождении стало открытие красногорского и бийского центров. Стало возможным сохранять и передавать молодым поколениям кумандинскую культуру и язык, а также развивать этнотуризм.

Ключевые слова: коренное население, кумандинцы, Алтай, национально-культурное возрождение, конструирование, символизация.

Vasily V. Nikolaev

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: nikolaevvv06@mail.ru

National and Cultural Revival of the Kumandins at the Boundary of the 20th–21st Centuries

The article describes modern ethnocultural processes among the Kumandins. The Kumandins are the leaders of the social and political movement in Altai among the minor indigenous peoples. Field materials became the source of research. During the 20th century, the leveling of ethnic culture, language, and identity of the Kumandins took place. Celebrations and ceremonies ceased by the middle of the 20th century. Ethnopolitical and socio-economic transformations were the cause of this process. Some elements of the culture were preserved only at the family and individual levels. The Kumandins turned to the past of their people after a long ethnocultural break. For two generations, the Kumandin culture was in oblivion. The national and cultural revival began with the emergence of interest in their own culture and the formation of public organizations. The actualization of the problem of self-identification of the Kumandins implied the fixation and

presentation of the uniqueness of the ethnic community, as well as the consolidation of its representatives. Constructing a holiday culture has become a way to achieve this. On the one hand, the absence of significant museum collections, the fragmentation of ethnographic descriptions and memories of ethnophores is a problem in the reconstruction of authentic culture. On the other hand, contemporary cultural creativity is not limited by the framework. During the national and cultural revival, the emphasis was on folklore, costume, cuisine, language, arts, and crafts. As a result, holidays that were completely new in form and content were designed. Only the regularity, name and conditional performance of the ritual relegates to the ethnocultural past. Modern Kumandin holidays are of a general ethnic level, of a mass character. They are desacralized. The ritual is simplified and theatrical. The opening of the Krasnogorsk and Biysk centers became an important moment in the national and cultural revival. The Kumandin culture and language began to be preserved and passed on to young generations. Ethnic tourism also began to develop in the centers.

Keywords: indigenous population, the Kumandins, Altai, national and cultural revival, construction, symbolization.

Последние три десятилетия в истории коренных народов именуется национально-культурным возрождением, начавшимся в конце 1980-х гг. Содержательная составляющая данного процесса включала возрождение языка, культуры и хозяйства автохтонного населения, в той или иной степени утраченных в предшествующие годы строительства единой советской общности, предполагавшей этнокультурную унификацию населения Советского Союза.

Национально-культурное возрождение способствовало росту этнического самосознания среди небольших по численности народов Сибири. Было принято Постановление Правительства РФ о коренных малочисленных народах. В данный список попали и кумандинцы – коренные жители Алтая, проживающие в Красногорском и Солтонском р-нах Алтайского края и Турочакском р-не Республики Алтай. В настоящее время около половины кумандинцев проживают в городах (в основном Алтайского края, Кемеровской обл. и Республики Алтай). Кумандинцы, утратившие статус народа в 1930-е гг. и включенные в ранге этнографической группы в алтайскую социалистическую народность, одними из первых заявили о собственной идентичности и создали общественные организации.

Проблемы национально-культурного возрождения кумандинцев поднимались в работах Д.А. Аткуновой [2019], А.М. Веденина, В.В. Поддубикова [2014], И.И. Назарова [2018], В.В. Николаева и Е.В. Самушкиной [2015], А.В. Торбокова [2015], А.П. Чемчиевой [2016] и др. В работах большинства исследователей акцентируется внимание именно на возрождении традиционных элементов культуры, в частности праздников: «...имея истоки этнокультурной обрядовой традиции, являются “возрожденными” праздниками рубежа XX – начала XXI в.» [Аткунова, 2019, с. 70], «возрождение традиционных праздников коренных малочисленных народов Республики Алтай...» [Чемчиева, 2016, с. 196]. А.М. Ведениным и В.В. Поддубиковым [2014, с. 105], напротив, отмечалось, что «национальные праздники в основном утратили свое

социокультурное значение и в настоящее время являются по большей части этноисторическими реконструкциями с элементами национального фольклора и традиционной обрядности».

Целью настоящего исследования является характеристика современных этнокультурных процессов среди кумандинцев, ставших лидерами общественно-политического движения в регионе среди коренных малочисленных народов. Источниковую базу работы составляют собственные полевые материалы, собранные в традиционных местах проживания кумандинцев: Красногорском р-не Алтайского края и Турочакском р-не Республики Алтай, а также у кумандинцев-мигрантов г. Бийска.

На рубеже XIX–XX вв. этническая идентичность кумандинцев четко фиксировалась в архивных документах, в материалах исследователей [Радлов, 1989, с. 90]. Результаты Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. иллюстрируют широкое распространение самоназвания «кумандинец» в предгорьях Северного Алтая. В ходе проведения Всесоюзной переписи 1926 г. также использовался этноним «кумандинец», хотя в отношении традиционно проживающих по соседству тубаларов при подготовке статистического обследования был избран расплывчатый таксон «черневые татары».

В течение XX в. в ходе этнополитических и социально-экономических преобразований происходило нивелирование этнической культуры, языка и идентичности кумандинцев. Наиболее интенсивно данный процесс протекал в 1950–1980-е гг. К середине XX в. прекратилось проведение праздников [Чемчиева, 2016, с. 196], отправление обрядов [Николаев, 2012, с. 90]. Сохранились лишь отдельные элементы культуры на семейном и индивидуальном уровнях, в частности охотничий и рыболовный промыслы, включавшие традиционные способы добычи, отчасти язык, традиционные рецепты приготовления блюд и др. Таким образом, проведение тех или иных традиционных праздников и обрядов могли видеть в раннем детстве лишь единицы из ныне живущих кумандинцев.

Важнейшим моментом в возрождении и становлении современной кумандинской культуры является отсутствие сколько-нибудь значимых музейных коллекций. В Бийском краеведческом музее им. В.В. Бианки, в Музее археологии и этнографии Алтайского государственного университета (г. Барнаул), Национальном музее Республики Алтай им. А.В. Анохина (г. Горно-Алтайск) и Музее истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск) имеются сравнительно небольшие и фрагментарные кумандинские коллекции, наполнявшиеся во второй половине XX – начале XXI в. Таким образом, в отличие от крупных по численности народов России, традиционная культура которых в той или иной степени сохранена в экспозициях и хранилищах крупных региональных и центральных музеев страны, в настоящее время общественные деятели из числа кумандинцев не имеют возможности ориентироваться на традиционные вещи и предметы быта и вынуждены опираться лишь на память представителей старшего поколения и собственные представления о традиционном кумандинском. Сравнительно подробные этнографические описания кумандинской культуры были осуществлены только во второй половине XX – начале XXI в. [Назаров, 2013; Сатлаев, 1974].

Национально-культурное возрождение началось с появления интереса к собственной культуре, вызванного нарастанием ассимиляционных процессов, особенно заметных в городе, где и появились первые общественные организации кумандинцев. Одной из первых их задач стало признание кумандинцев самостоятельным народом на государственном уровне. Этого удалось достичь уже в 1993 г., когда кумандинцы наряду с телеутами и шорцами получили статус коренных малочисленных народов согласно Постановлению Совета национальностей ВС РФ от 24 февраля 1993 г. 24 марта 2000 г. было принято Постановление Правительства Российской Федерации № 255, по которому кумандинцы были отнесены к коренным малочисленным народам Российской Федерации [Уртегешев, 2005, с. 105].

Актуализация проблемы самоидентификации кумандинцев предполагала (или, скорее, даже требовала в условиях необходимости доказать особость этнического сообщества, его отличность от алтайцев, в состав которых они были включены) фиксацию и презентацию уникальности этнического сообщества, а также консолидацию его представителей, разбехавшихся далеко за пределы региона традиционного проживания. Акцент был сделан на конструировании праздничной культуры, позволяющей решить обозначенные выше задачи.

Иные варианты «возрождения» в современных реалиях оказались невозможными. В перспективе их реализация могла консолидировать только часть кумандинцев, способствуя отстраненности этнического сообщества от окружающего мира. Так, попытка одной из кумандинских семей заразить своим примером и вернуть соплеменников в места традиционного проживания с целью восстановить села и традиционный образ жизни не увенчалась успехом [Асямов, 2005, с. 5–6] (ПМА, 2008, с. Красногорское). Данный эксперимент, проведенный силами отдельной семьи, показал, что возврат в прошлое, до момента краха этнической культуры в нынешних условиях не востребован среди большинства соплеменников. Организация общин, имевших своей целью осуществление той или иной хозяйственной деятельности, в т.ч. восходящей к традиционным занятиям кумандинцев, также в подавляющих случаях завершилась неудачей. Большинство современных кумандинцев, жителей городов и крупных сел, интегрированы в российское общество, в т.ч. в профессиональном плане, и не готовы вернуться к традиционным промыслам.

Возрожденная, а в реальности сконструированная, кумандинская праздничная культура в начале XXI в. включает в себя несколько мероприятий: фестиваль «Байрам», приуроченный к всемирному дню коренных малочисленных народов, «Кочакан» – праздник плодородия, обряд «Шолак-колак» – «Журчание и гудение рек во время Великого Потопа», «Жилгаяк» – день весеннего равноденствия, «Тюрюк байрам» или Праздник кедр, проводимый в Турочакском р-не Республики Алтай совместно с тубаларами и челканцами. Формирование программы, подготовка, организация и проведение праздников во многом заслуга тех кумандинцев, которые возглавили национально-культурное движение (ПМА, 2008, с. Красногорское, с. Турочак; 2010, г. Бийск). Кроме того, проводятся зимняя и летняя спартакиады национальных видов спорта кумандинского народа «Ойн Куманды калык». В 2010 г. был организован детский этнокультурный лагерь «Культура и традиции коренных народов Алтая», который финансировался Европейским Союзом и Советом Европы, а также Министерством регионального развития РФ.

Праздничная программа варьируется не существенно и включает спортивные состязания, угощение блюдами, ритуальные действия. В той или иной степени кумандинцы считают проводимые в настоящее время праздники возрожденной традицией.

Единственным объединяющим моментом праздников прошлого и современности является регулярность их проведения, обусловленная реализацией

консолидирующей функции. Правда, в минувшую эпоху на подобных мероприятиях собирались представители одного сеока или поселения; общенациональный уровень собраний стал возможен в условиях современного развития коммуникации и инфраструктуры в условиях нивелирования сеоковой структуры и компактности проживания.

Отличительной особенностью современных праздников кумандинцев в отличие от традиционных является, в первую очередь, их десакрализация и массовость. Ритуал, сакральность события, происходящего внутри небольшого социума, замещена его символизацией и театрализованностью, рассчитанной на публику, и упрощением, смещением акцента на презентацию, в т.ч. за счет изменения места проведения. Так, у Д.А. Аткуновой [2019, с. 72] приведены слова информанта о том, что «...этот обряд (обряд освящения праздника Ыылгайак. – В. Н.) нужно проводить в тайге на вершине горы». В отличие от праздников прошлого, в которых могли принимать участие четко обозначенный круг лиц, современные мероприятия имеют массовый характер и не ограничены этносоциальными или половозрастными границами.

Сохраняющаяся демонстративная сакральность (например, использование образа шамана, отражающего отличность кумандинцев от окружающих православных) современных этнонациональных собраний выполняет задачу связующей нити между прошлым и настоящим посредством символического проведения ритуала. Массовость современных мероприятий собственно и не позволяет соблюсти сакральность и верность исполнения ритуала. Массовость обусловила десакрализацию ритуала и праздника в целом; их символизацию и обращенность вовне.

Как верно отмечает Д.А. Аткунова [Там же, с. 76], утрачена связь праздников «с традиционной системой жизнеобеспечения». К слову, последняя также нивелирована, а около половины кумандинцев в настоящее время проживают в городах. «Современные праздники ... являются в основном средством сохранения и передачи культурной идентичности, это, в первую очередь, праздники возрождения утраченных традиций, праздники духовного возрождения народа, сохранения и развития народного творчества» [Там же]. Конкретизируя тезис горно-алтайского исследователя, стоит отметить, что ежегодно проводимые мероприятия аккумулируют вокруг себя возрождение, и в т.ч. появление довольно условно определенных традиций элементов, зачастую скопированных у других коренных народов страны, чему способствуют современные средства коммуникации и проведение совместных собраний в рамках Ассоциации ко-

ренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Другими словами, праздники стали «центрами притяжения», вокруг которых происходит собрание сохранившихся элементов традиционной культуры и конструирование новых, а их основной целью является сохранение этнической идентичности.

Содержательная часть праздников отчасти наполнена сохранившимися в основном на семейном уровне элементами утраченной культуры: дегустацией национальных блюд, проведением национальных игр, выставками мастеров и выступлением фольклорных коллективов в национальных одеждах. Большую роль в подготовке этой части мероприятия в Республике Алтай принимают, по данным Д.А. Аткуновой [Там же, с. 75], «...отделы культуры районов и Министерство культуры».

Сопряженной с формированием праздничных практик стала организация национально-культурного центра, завершившаяся его открытием при поддержке региональных властей в с. Красногорском в 2013 г. Свообразным предвестником открытия центра стало издание в 2000-е гг. приложения «Наши корни» к красногорской районной газете «Восход» при поддержке администрации Алтайского края. По сути, оно являлось инструментом передачи этнокультурной информации, истории кумандинского народа для этнофоров, а также средством знакомства жителей района с коренными жителями региона. Центр продолжил эту деятельность, значительно расширив функционал. Это место, где открыт небольшой музей силами самих кумандинцев, проводятся различные мероприятия, организованы творческие группы и кружки, передаются знания о собственной культуре и языке молодому поколению и т.д. Помимо этого, в работе центра также заложена презентационная функция через разработанную этнотуристическую программу (ПИМА, 2017, с. Красногорское).

С 2002 г. в г. Бийске реализуется программа «Образовательный потенциал культуры кумандинцев в целостном педагогическом процессе Профессионального училища № 4». «При училище открыт Центр возрождения культуры и ремесел коренных малочисленных народов Алтая, в котором студенты могут овладеть такими ремеслами, как резьба по кости, рогу, дереву и бересте, они учатся изготавливать предметы быта и традиционные костюмы» [Назаров, 2018, с. 42].

Национально-культурное возрождение – явление широко распространенное, включающее «рост интереса к древним традициям и эксперименты на актуальные темы; попытки воссоздания аутентичной этники и стилизация, нивелирующая локальные различия; сакрализация культурного наследия

и его активная интеграция в рекреационные и коммерческие региональные схемы. Повсеместно реальностью и результатом этнического ренессанса стали театрализованные праздники и фестивали, центры ремесел, фольклорное движение, эко-станции, эко- и этномузеи» [Октябрьская, Самушкина, 2016]. Отличительной особенностью «второго дыхания» кумандинской культуры, как, видимо, и у других коренных малочисленных народов, является конструирование новой обрядности, а не возрождение утраченной. После длительного этнокультурного «перерыва», растянувшегося на два поколения и изначально во многом обусловленного внешними факторами, а в последующем – все более нарастающими интеграционными процессами, кумандинцы вновь обратились к прошлому своего народа.

На рубеже XX–XXI вв. на волне национально-культурного возрождения кумандинская интеллигенция оказалась в ситуации, когда здесь и сейчас было необходимо продемонстрировать особенность своего народа, его этнокультурную специфику. Запрос шел как со стороны соплеменников, ощутивших интерес к своему прошлому и опасения полной утраты культуры, так и от политико-административных структур, предоставлявших различные преференции коренным малочисленным народам.

Отсутствие значимого объема сохранившихся образцов кумандинской культуры, фрагментарность культурной памяти, во многом опирающейся на детские воспоминания старшего поколения кумандинцев, обусловили широкие рамки творчества, которые вылились в конструирование совершенно новых по форме и содержанию обрядов, названий и условным исполнением ритуала отсылающих к этнокультурному прошлому. Традиционная культура и ее элементы формировались на протяжении столетий, имели возможность пройти проверку временем. Современные общественные лидеры такой возможности не имели.

В конечном итоге творческие поиски привели к конструированию праздничной культуры, отвечающей современным задачам кумандинского народа: презентация этнического сообщества и его сплочения. Открытие красногорского и бийского центров, деятельность которых напрямую сопряжена с проведением праздников (подготовка фольклорных коллективов, демонстрация изделий декоративно-прикладного искусства и т.д.), позволило перейти к решению насущных проблем: сохранению и межпоколенческой трансмиссии кумандинской культуры и языка. За три десятилетия национально-культурного возрождения оформился ряд этноспецифических маркеров, транслируемых

вовне и собственному молодому поколению: фольклор, костюм, кухня, язык и декоративно-прикладное искусство, в разной степени соответствующих традициям.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР № 0329-2019-0006 «Символ и знак в культуре народов Сибири XVII–XXI вв.: актуализация и стратегии сохранения».

Список литературы

Асямов В. Мы росли в эту землю // Восход. Наши корни. – 2005. – № 82. – С. 5–6.

Аткунова Д.А. Этнокультурная адаптация коренных народов Северного Алтая в условиях национального возрождения (конец XIX – начало XXI в.) [Электронный ресурс]. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. гос. ун-т, 2019. – 172 с. – URL: https://vk.com/club15326062?w=wall15326062_4968%2Fall (дата обращения: 21.06.2020).

Веденин А.М., Поддубиков В.В. О состоянии уязвимых компонентов этнокультурной среды в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных этносов (на примере челканцев и кумандинцев) // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. – 2014. – № 4-2. – С. 104–106.

Назаров И.И. Кумандинцы: традиционное хозяйство и материальная культура. – Барнаул: Алт. дом печати, 2013. – 192 с.

Назаров И.И. Основные тенденции современного этнокультурного развития кумандинцев Алтайского края // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. – 2018. – № 2. – С. 39–49.

Николаев В.В. Этнодемографическое развитие коренного населения предгорий Северного Алтая (XIX – начало XXI века). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 312 с.

Николаев В.В., Самушкина Е.В. Этнополитические процессы у кумандинцев Алтайского края (на рубеже XX–XXI веков) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 534–537.

Октябрьская И.В., Самушкина Е.В. Этнокультурный ренессанс в современной Сибири: общая характеристика и региональный опыт (на примере Республики Алтай и Республики Хакасия) // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2016. – № 4. – С. 73–79.

Радлов В.В. Из Сибири: страницы дневника. – М.: Наука, 1989. – 749 с.

Сатлаев Ф.А. Кумандинцы (Историко-этнографический очерк XIX – первой четверти XX в.). – Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во, 1974. – 199 с.

Торбоков А.В. Традиционные праздники Республики Алтай // Ист. вестн. – 2015. – Вып. 9. – С. 57–69.

Уртегешев Н.С. Социолого-лингвистическая ситуация у кумандинцев // Вестн. Казах. нац. ун-та. Серия филологическая. – 2005. – № 5. – С. 105–107.

Чемчиева А.П. Социальные практики возрождения традиционных праздников (на примере коренных малочисленных народов Республики Алтай) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 12-3. – С. 195–198.

References

Asyamov V. My vrosli v etu zemlyu. *Voskhod. Nashi korni*, 2005, No. 82, pp. 5–6. (In Russ.).

Atkunova D.A. Etnokul'turnaya adaptatsiya korennykh narodov Severnogo Altaya v usloviyakh natsional'nogo vrozozhdeniya (konets XIX – nachalo XXI v.). Gorno-Altaysk: State Univ. Press, 2019, 172 p. URL: https://vk.com/club15326062?w=wall-15326062_4968%2Fall (Accessed: 21.06.2020). (In Russ.).

Chemchieva A.P. Social practices of reviving traditional festivals (by the example of indigenous small peoples of the Altai Republic). *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2016, No. 12-3, pp. 195–198. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_27472154_97426125.pdf (Accessed: 20.07.2020). (In Russ.).

Nazarov I.I. Kumandinty: traditsionnoe khozyaistvo i material'naya kul'tura. Barnaul: Altaiskii dom pečhati, 2013, 192 p. (In Russ.).

Nazarov I.I. Main tendencies of modern ethnocultural development of the kumandins of Altai krai. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2018, No. 2, pp. 39–49. DOI: 10.21603/2078-8975-2018-2-39-49 (In Russ.).

Nikolaev V.V. Etnodemograficheskoe razvitie korenного naseleniya predgorii Severnogo Altaya (XIX – nachalo XXI veka). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012, 312 p. (In Russ.).

Nikolaev V.V., Samushkina E.V. Ethno-Political Process among Kumandins of Altai Territory (Boundary of 20th–21st Centuries). *Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*, Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, vol. XXI, pp. 534–537. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_25067304_83991219.pdf (Accessed: 20.07.2020). (In Russ.).

Oktyabr'skaya I.V., Samushkina E.V. Ethnic-cultural renaissance in siberia nowadays: general description and regional specificities (a case study of the Altai and Khakassia republics). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2016, No. 4, pp. 73–79. DOI: 10.17223/19988613/42/13 (In Russ.).

Radlov V.V. Iz Sibiri: stranitsy dnevnika. Moscow: Nauka, 1989, 749 p. (In Russ.).

Satlaev F.A. Kumandinty (Istoriko-etnograficheskii ocherk XIX – pervoi chetverti XX v.). Gorno-Altaysk: Alt. kn. izd-vo, 1974, 199 p. (In Russ.).

Torbokov A.V. Traditional festivals of the Altai Republic. In *Istoricheski vestnik*, 2015, iss. 9, pp. 57–69. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_23901662_97250344.pdf (Accessed: 20.07.2020). (In Russ.).

Urtegeshev N.S. Sotsiologo-lingvisticheskaya situatsiya u kumandintsev. *Vestnik Kazakhskogo natsional'nogo universiteta. Seriya filologicheskaya*, 2005, No. 5, pp. 105–107. (In Russ.).

Vedenin A.M., Poddubikov V.V. The status of the vulnerable components of ethno-cultural environment in the places of indigenous peoples' traditional residence and economic activities (the example of the Chelkans and the Kumandins). *Bulletin of Kemerovo State University*, 2014, No. 4-2, pp. 104–106. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_22777589_65878884.pdf (Accessed: 20.07.2020). (In Russ.).

Николаев В.В. <https://orcid.org/0000-0001-6834-2961>

И.В. Октябрьская¹✉, Е.М. Чиркина²

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

²Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
E-mail: evi99@yandex.ru

Анастасиевцы Западной Сибири: этнодемографическая и социальная характеристика

Целью данной работы является общая оценка этнодемографических и социальных параметров движения анастасиевцев в масштабах Западной Сибири в контексте практик освоения региона. В статье представлены материалы полевых исследований 2019–2020 гг., проведенных с использованием методов включенного наблюдения, тематических и биографических интервью. Анализ опирается также на данные интернет-площадок adeptов движения и веб-страниц отдельных поселений. По результатам исследования сделан ряд выводов. Движение анастасиевцев возникло в России в середине 1990-х гг., его сторонники взяли на вооружение авторскую мифологию и программу возвращения к крестьянской экономике и природосообразному стилю жизни. Субкультура анастасиевцев воплотила собой пример неотрадиционализма, а также частный случай развертывания процесса глокализации. К 2020 г. численность анастасиевцев России оценивается последователями движения от 100 тыс. до 1 300 тыс. чел. Практическое осуществление идеологической программы анастасиевцев предполагает создание родовых поместий. Они представлены в 62 регионах страны. В Западной Сибири насчитывается 43 поселения на разных этапах строительства. В целом движение анастасиевцев, как считают эксперты, представляет собой группу с размытыми границами. Приверженцы движения Анастасии в Западной Сибири рекрутируются из среды горожан. Большая часть поселенцев имеет высокий образовательный уровень. В рамках поселений анастасиевцев формируются самостоятельные сообщества с элементами общинной организации. В родопоселениях Западной Сибири проживает более 800 семей. Демографические показатели социума анастасиевцев демонстрируют высокую долю семейных пар трудоспособного возраста, растущую численность детей и незначительную долю пожилого населения. Структура идентичностей adeptов движения имеет сложный характер. Этнический состав анастасиевцев вариативен. В индивидуальном и коллективном самосознании соединяются общенациональный, этнический и квазиэтнический уровни.

Ключевые слова: движение анастасиевцев, этнодемографическая структура, социальный состав, неотрадиционализм, квазиэтничность.

Irina V. Oktyabrskaya¹✉, Evgeniya M. Chirkina²

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

²Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia
E-mail: evi99@yandex.ru

The Ethnodemographic and Social Characteristics of the Anastasians of Western Siberia

The purpose of this paper is to give a general assessment of the ethnodemographic and social parameters of the movement of the Anastasians on the scale of Western Siberia in the context of the practices of the region's settlement. This article examines the Anastasians in an ethnodemographic and social aspect based on field material obtained during the 2019–2020 expedition trips to the settlements of the Anastasians in Western Siberia. The sources of study were data from the Internet sites of followers and the web pages of individual settlements. The movement of the Anastasians emerged in Russia in the mid-1990s. The followers accepted the author's mythology and program of returning to the peasant economy and natural lifestyle.

The Anastasian subculture embodies a vivid example of neotraditionalism, as well as a special case of the deployment of the glocalization process. By 2020, the followers of the movement estimate the number of the Anastasians in Russia from 100 thousand to 1,300 thousand people. The implementation of the ideological program of the Anastasians involves the creation of the family estates. Ancestral settlements are represented in 62 regions of the country. There are 43 settlements at various stages of development in Western Siberia. Followers of the movement are recruited from among the citizens. Most of the settlers have a high educational level. These settlements form the self-sufficient communities with the elements of community. In general, the Anastasian movement, according to experts, is a group with the blurred borders. More than 800 families live in the ancestral settlements of the Western Siberia. The demographic indicators of the Anastasian society show a high proportion of the working-age couples, a growing number of children, and a small proportion of the elderly population. The identity of the movement followers has a complex character; the ethnic composition of Anastasians is variable. The national, ethnic and quasi-ethnic self-consciousness are combined in the individual and communal self-consciousness.

Keywords: *the movement of the Anastasians, ethnodemographic structure, social structure, neotraditionalism, quasi-ethnicity.*

Анастасиевцы или анастасийцы – общественное движение, которое зародилось в России в период системного кризиса в середине 1990-х гг. Процесс был запущен публикацией серии романов-фэнтэзи «Звенящие кедры России» В.Н. Мегре, посвященных мифической героине – сибирской отшельнице, ясно-видящей и целительнице Анастасии. Ее образ стал структурообразующим для нового фэндома. Движение начиналось с читательских клубов; изначально оценивалось как одно из направлений кластера новых религиозных течений Нью Эйдж [Андреева, 2015].

В 1999 г. для содействия развитию сообщества анастасиевцев был создан некоммерческий фонд культуры и поддержки творчества «Анастасия». В 2005 г. начала свою деятельность коммерческая организация «Мегре», ориентированная на развитие экономики и культуры поселений анастасиевцев. В 2012–2013 гг. возникла и была зарегистрирована политическая Родная партия, созданная при поддержке сторонников движения Анастасии.

Содержание авторского исследования определила общая оценка этнодемографических и социальных параметров движения анастасиевцев в масштабах Западной Сибири в контексте практик освоения региона. Данная статья опирается на материалы включенного наблюдения, биографические и тематические интервью, полученные в ходе экспедиционных поездок 2019–2020 гг. по поселениям анастасиевцев в Республике Алтай, Алтайском крае, в Омской, Кемеровской, Новосибирской обл. Источниками исследования также являются данные интернет-площадок adeptов движения и веб-страниц отдельных поселений.

Анализ материалов показывает, что за четверть века анастасиевцы создали целостную социокультурную и экономическую программу, ориентированную на идеи национального (этнокультурного) возрождения России. Субкультура анастасиевцев воплотила собой яркий пример неотрадиционализма, а также частный случай развертывания процесса глокализации.

Их мировоззрение определил синтез идей антиглобализма, экологизма, пантеистических представлений о живой природе, мифологема золотого века древней культуры «ведрусов» и мессианская идея водительства России в спасении мира от планетарной экологической катастрофы через исход из городов, укоренение людей на родной земле, возрождение традиций предков.

Практическим осуществлением идеологии анастасиевцев стала программа создания родовых поместий (с выделением 1 га земли, предназначенной для жизни и деятельности) – новой формы организации сельской жизни, которая предусматривает самодостаточное существование за пределами городской черты коллектива единомышленников на основе гармоничного взаимодействия с природой. Перемещение последователей Анастасии из читательских клубов в родовые поместья с начала 2000-х гг. стало новым этапом становления движения.

По данным внутренней статистики сообщества, к 2020 г. было организовано более 500 поселений в мире, из которых до 450 находятся в России. Родовые поселения представлены в 62 регионах страны. Максимальная численность анастасиевцев России оценивается последователями движения от 100 тыс. до 1 300 тыс. чел. с учетом «помещиков» и сторонников движения.

В Западной Сибири насчитывается 43 поселения на разных этапах строительства – от инициативной группы на стадии проектирования до сложившегося поселения. В Республике Алтай располагается поселение Светочи; в Алтайском крае – 12 поселений (Тоурак – Долина ветров, Долина Ра, Волшебное, Новая Жизнь, Дружное-Зимари и др.); в Кемеровской обл. – 6 (Приволье, Бурухино, Иткара, Родолесье и др.); в Новосибирской обл. – 8 (Атрика, Ладамир, Белогуры, Благодатное и др.); в Омской обл. – 4 (Имбирень; Обережное; Азь Град, Новая Русская деревня; Кедровое); в Томской обл. – 5 (Кедровый край, Оберег, Солнечная

Поляна, Сибирский рассвет, Чистые истоки); в Тюменской обл. – 7 (Лукоморье, Медовая Роща, Райское, Никольское и др.).

Обыкновенно поселения регистрируются как кооперативные крестьянские фермерские хозяйства, как различные садоводческие объединения и потребительские кооперативы. Родовое поместье мыслится экономически рентабельным, производящим количество продовольствия, достаточное для употребления его обитателями и для продажи излишков на рынке. В картине мира анастасиевцев родовое поместье наделяется сакральным статусом «Пространства Любви», которому присуща особая атмосфера взаимной дружественности и благорасположения растений, животных и человека в отношении друг друга [Мегре, 2006, с. 62].

В идеале, родовое поместье являет собой микромир, гармонично вписанный в местный ландшафт. Оно не подлежит продаже, а наследуется потомками как родовая земля. В рамках родовых поселений формируются самодостаточные сообщества с элементами общинной организации. Каждое из них объединяют не только идеи Анастасии, но и совместный творческий труд, в котором реализуется принцип «от каждого по способностям, каждому по потребностям».

Согласно данным интернет-ресурса «Поселения.ру» и экспедиционным материалам, в родопоселениях анастасиевцев Западной Сибири проживает более 800 семей. На одно поселение в среднем приходится ок. 20 семей. Общее количество обитателей составляет ок. 2 200 чел., включая единоличных владельцев поместий. С 2000-х гг. фиксируется тенденция роста числа поселений, их обитателей и численности участников движения анастасиевцев в целом.

Более всего приверженцы движения Анастасии рекрутируются из среды горожан, испытавших разочарование в высокой степени глобализации, урбанизации и технократизации современной ойкумены, которую они находят экологически небезопасной.

Данные интервью позволяют утверждать, что большая часть поселенцев и анастасиевцев-горожан имеют высокий образовательный ценз. В основном это выпускники и сотрудники технических вузов, инженеры, энергетики, ИТ-специалисты, бывшие военные и сотрудники силовых структур, учителя и пр.

Значительная часть анастасиевцев, уходящих в родовые поместья, не имеют личного опыта жизни в селе и крестьянского хозяйствования, кроме обработки дачных участков. Однако из уст последователей нередко звучат эмоционально окрашенные высказывания: *«Пусть дадут нам спокойно, безопасно жить и работать на гектаре, большие*

нам ничего и не надо... Мы тогда и себя обеспечим, и экономику страны поднимем, и народ накормим нашими продуктами... Мне ещё бабушка говорила: "Нам бы только свечку, печку, да клочок земли"» (ПМА. Интервью: Г. Проценко, пос. Лучезарное, Искитимский р-н, Новосибирская обл., 14.08.2019).

Обитатели родовых поселений – это люди изначально обустроенные в городе, но решившие сменить образ жизни на более творческий, позволяющий приобрести высокую степень экономической автономности для личного развития и процветания семьи в единении с природой. «В целом движение анастасиевцев, – считает Ю.О. Андреева, – представляет собой группу с размытыми границами. В ней отсутствуют единая иерархия, фиксированное членство, взносы и другие формы институционализированного взаимодействия. Объединения единомышленников происходят ситуативно и спонтанно, в случае возникновения такой потребности» [2012, с. 102].

Возрастную стратификацию социума анастасиевцев определяет преобладание населения трудоспособного возраста. Пожилое население – малочисленное. Это связано со значительными трудностями при обустройстве поместного быта «с нуля в чистом поле». Однако есть примеры семей пенсионного возраста, которые основали собственные поместья еще в 2000-х гг. и на настоящий момент являются старожилами поселений.

В среднем, обитатели поселений – люди 30–50 лет. Из интервью с участниками движения становится понятно, что инициативные группы первопоселенцев, как правило, формируют семейные (чаще молодые) пары. Обязательным для вступления в поселение являются личные связи его будущих обитателей. В основе отношений лежит общая идеология, доверие, умение ладить с коллективом, общие цели, интерес к жизни на земле.

Показателем успешности поселений, по мнению жителей, является количество проживающих, а особенно рожденных в них детей. Их численность в родовых поместьях Западной Сибири имеет тенденцию к росту. Стратегической целью и фактором развития среди создателей родовых поместий признается возможность поселенческой общины обеспечивать образование подрастающего поколения в среде единомышленников в форме семейного обучения.

«Сейчас в поселении пятеро детей, но они разного возраста. Желательно, чтобы были компании одного возраста, чтобы не было скучно. Если детей в поселении мало, то им не с кем играть, не с кем общаться, мы в этом не заинтересованы, поэтому – чем больше детей, тем лучше... Конечно, нам бы хотелось, чтобы наши дети изначально

воспитывались и учились здесь, в поселении, чтобы можно было передать им нашу культуру, чтобы они могли её впитывать с малых лет...» (ПМА. Интервью: Ю. Степанова, пос. Имбирень, Саргатский р-н, Омская обл., 13.09.2020).

Опыт полевого наблюдения свидетельствует, что большая часть поселенцев – это супружеские пары. Среди них в равной степени значительные доли составляют: семьи, имеющие взрослых детей, которые самостоятельно живут в городе; семьи с несовершеннолетними детьми и семьи, которые еще не обзавелись потомством. Также велико число одиноких «помещиков», которые самостоятельно осваивают выделенный гектар, рассчитывая впоследствии найти свою «половинку» (как принято в сообществе называть супруга или супругу); причем женщин в этой категории наблюдается больше, чем мужчин. Характерно, что не имеющие пары адепты чаще регистрируются среди городских анастасиевцев.

По прошествии двух десятилетий обустройства на земле особую актуальность для инициативных групп анастасиевцев приобретает вопрос о принятии в поселение «одиночек» или отказе в этом. Социальные отношения поселенцев ориентированы на принципы кооперации и взаимопомощи. Характерная для общин установка на поддержку всех участников определяет систему социальных ценностей и структуру обязательств.

«Сначала мы принимали всех, кто только захочет, одиночка или нет – неважно, а теперь приходится пересматривать этот подход. С одной стороны, кто мы такие, чтобы вставать между человеком и землей, не нам решать, не наша это ответственность. А с другой стороны, тем, кто без пары, нужно помогать, и это становится обузой, нет, не обузой, вернее, ложится на плечи всех, и особенно на тех, кто более самостоятельный, у кого дела идут в гору и есть возможности и ресурсы. Но времени нет у всех, у всех свои заботы» (ПМА. Интервью: Ю. Степанова, пос. Имбирень, Саргатский р-н, Омская обл., 13.09.2020).

Работа на земле нивелирует изначальные социальные различия в среде анастасиевцев. Выбор в качестве личной жизненной стратегии учения Анастасии также меняет систему идентичностей. Идеологема мессианской роли России на пути преодоления планетарного кризиса в учении Анастасии предопределяет высокую степень патриотизма и солидарности с российским обществом его последователей. Обитатели родовых поместий привержены Российскому государству и позиционируют себя как его сознательные граждане.

При этом этнический состав анастасиевцев вариативен. При повсеместном преобладании рус-

ских в движении, среди его сторонников есть казахи, немцы, украинцы и т.д. В поселениях Западной Сибири также во множестве представлены переселенцы из других российских регионов (например, из Якутии), из стран ближнего и дальнего зарубежья (из Казахстана, Франции, Канады, Австралии и др.). Так, в общину поселения Долина Ра в Алтайском крае входят семьи из Канады и Франции.

Большое влияние на формирование коллективной идентичности анастасиевцев оказывает сюжет о мифическом славянском народе «ведруссов», который был изложен В.Н. Мегре в серии «Звенящие кедры России» – в томе «Родовая книга». «Ведруссой» и представительницей древнего рода, история которого исчисляется тысячелетиями, называет себя героиня романов Анастасия. Она якобы является носителем «информации первоисточков» – некогда утраченных знаний предков-ведруссов, поэтому обладает свойственными им способностями (целительство, перемещение во времени, возможность влиять на события прошлого, настоящего и будущего, вступать в общение с природой и пр.). Древние традиции определяют ее образ жизни во взаимодействии с животными и растениями.

Авторский этноидентификационный миф о ведруссах является частным случаем процесса ремифологизации истории. Изобретенные традиции в значительной мере предустанавливают соционормативную культуру анастасиевцев и определяют стратегии и ориентиры их идентификации.

Мифологема ведрусского мира в серии «зеленых» книг изображает его как некую бытовавшую на просторах Евразии и погибшую славянскую цивилизацию. Мифический социум ведруссов представляет собой сообщество носителей совершенного «ведического» уклада жизни. Жительница поселения Лучезарное М. Тимонина определяет ведруссов следующим образом: *«Ведрусы — это люди, подобные богам, они знали божественные начала, законы мироздания и жили по ним»* (ПМА. Интервью: М. Тимонина, пос. Лучезарное, Искитимский р-н, Новосибирская обл., 30.07.2020).

Материалы включенного (этнографического) наблюдения и данные, полученные в ходе тематических обсуждений в социальных сетях, свидетельствуют об устойчивости этого «этногенетического» образа. *«Народ наш славный Ведрусы...»* – вслед за Анастасией говорят о себе ее сподвижники (ПМА. Интервью: И. Новосёлов, Родная партия, г. Новосибирск, 30.07.2020).

Самоопределение «ведруссов» имеет осознанный характер целеполагания. Так рассуждает О. Шестакова из поселения Имбирень под Омском: *«Ведрусы — это те люди, которые принадлежат*

к ведической культуре Руси, для них она родная, и своим образом жизни ведрусы возвращают ее, возрождают сегодня в России. Ведрусом может оказаться гражданин любой страны, главное, чтобы он проснулся, обладал знаниями, древними, если у него есть связь с ведрускими традициями <...>» (ПМА. Интервью: О. Шестакова, пос. Имбирень, Саргатский р-н, Омская обл., 14.09.2020).

При оценке структуры персональной и коллективной идентичностей анастасиевцев, на основании мифологизированных самопрезентаций правомерно диагностировать наличие ее квазиэтнической составляющей, которую определяют идеологические (мифологические) начала, целеполагание и привязка к практической деятельности. Идентичность, сконструированная в форме квазиэтничности, по мнению экспертов, имеет вторичный характер [Чешко].

Определяя специфику квазиэтнической идентичности, Б.Е. Винер подчеркивает, что она практически не предполагает иных компонентов, кроме самоидентификации. Критерием выявления квазиэтничности является предпочтение самоидентификации с общностью далеких (мифических) предков, вместо тех, с которыми отождествляют себя родители [Винер].

Таким образом, движение анастасиевцев характеризуется множественной идентичностью, в которой наиболее значимыми являются общероссийское этнонациональное и квазиэтническое самосознание. Это динамично развивающееся движение, с формирующейся программой социально-демографического и хозяйственно-культурного развития.

Список литературы

Андреева Ю.О. Вопросы власти и самоуправления в религиозном движении «Анастасия»: идеальные об-

разы родовых поселений и «воплощение мечты» // Антропологический форум. – 2012. – № 17. – С. 101–128.

Андреева Ю.О. «Творить рай на земле»: культ земли и природы в новом религиозном движении «Анастасия» // Изобретение религии: десекуляризация в постсоветском контексте. – СПб.: Европ. ун-т в С.-Петербурге, 2015. – С. 163–185.

Винер Б.Е. Формы этничности [Электронный ресурс]. – URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/360/832/1219/009-Viner.pdf> (дата обращения: 30.09.2020).

Мегре В. Новая цивилизация. – СПб.: Диля, 2006. – Ч. 2. – 224 с.

Чешко С.В. Человек и этничность [Электронный ресурс]. – URL: <https://histrf.ru/biblioteka/b/chieloviek-i-etnichnost> (дата обращения: 30.09.2020).

References

Andreeva Yu.O. Voprosy vlasti i samoupravleniya v religioznom dvizhenii “Anastasiya”: ideal’nye obrazy rodovyykh poselenii i “voploshchenie mechty”. *Antropologicheskii forum*, 2012, No. 17, pp. 101–128. (In Russ.).

Andreeva Yu.O. “Tvorit’ rai na zemle”: kul’t zemli i prirody v novom religioznom dvizhenii “Anastasiya”. In *Izobretenie religii: desekulyarizatsiya v postsovetskom kontekste*. St. Petersburg: European Univ. at St. Petersburg, 2015, pp. 163–185. (In Russ.).

Cheshko S.V. Chelovek i etnichnost’. URL: <https://histrf.ru/biblioteka/b/chieloviek-i-etnichnost> (Accessed: 30.09.2020). (In Russ.).

Megre V. Novaya tsivilizatsiya. St. Petersburg: Dilya, 2006, pt. 2, 224 p. (In Russ.).

Viner B.E. Formy etnichnosti. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/360/832/1219/009-Viner.pdf> (Accessed: 30.09.2020). (In Russ.).

Октябрьская И.В. <https://orcid.org/0000-0002-4190-9478>

И.В. Сальникова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: salnikovair52@gmail.com

Предварительные результаты исследований Приполярного этнографического отряда в 2020 году

В текущем году на территории Березовского р-на ХМАО – Югры, Шурышкарского р-на ЯНАО продолжил исследовательскую и собирательскую работу Приполярный этнографический отряд ИАЭТ СО РАН. Основная цель экспедиции – мониторинг священных мест компактного проживания северных манси и хантов, сбор материалов, характеризующих духовную и материальную культуру автохтонного населения. Одним из итогов работ стало пополнение коллекции духовной культуры обских угров найденными и приобретенными культовыми изделиями. Задача статьи – ввод в научный оборот новой информации о культовых предметах северных хантов и манси. Изделия разнообразные, они традиционные, но одновременно и уникальные. Предметы представлены несколькими группами. Самую представительную группу составляют итторма – фигурки, назначение которых – быть временнымместилищем души умершего человека. В основе каждого изделия лежит антропоморфная фигурка. Следующая группа предметов – фигуры и одежда духов. Среди этих предметов наибольший интерес представляют фигуры духов, сформированные из пучка стрел. Одна из фигур была обернута поясом с двумя средневековыми бронзовыми подвесками – лапчатой и коньковой. К ритуальным предметам отнесены жертвенное покрывало и богатырский шлем, ложки для кормления духов, посуда, халат для медвежьего праздника. В публикации представлены результаты комплектования, дана характеристика группам предметов, свидетельствующим об устойчивых религиозных традициях почитания духов предков, духов-помощников, почитания оружия, использования археологических предметов в формировании фигур духов, дано описание прикладов с перстнями. Приведена характеристика сакральных предметов, свидетельствующих об обрядовой практике и практике почитания культа Небесного всадника и медведя. Отмечена рефлексия культовой обрядности, которая выразилась в изготовлении идола в первом десятилетии XXI в.

Ключевые слова: этнография, обские угры, комплектование коллекции, культовый предмет, идол, обрядовая практика.

Irina V. Salnikova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: salnikovair52@gmail.com

Preliminary Results of the Polar Ethnographic Party Research in 2010

This year, in the Berezovsky district of KMAO-Yugra, Shuryshkarsky district of Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, the Polar Ethnographic Party of the IAET SB RAS continued its research and collection work. The main aim of the expedition is monitoring sacred places of compact settlement of the Northern Mansi and Khanty, the collection of materials characterizing spiritual and material culture of the indigenous population. A result of this work is the completion of the collection of spiritual culture of the Ob Ugrians with found or purchased cult items. The article is aimed at introducing into scientific discourse new information on cult items of the Northern Khanty and Mansi. The items are both traditional and diverse. They include several groups. The most representative group is composed of ittorma, i.e. little figures, which are meant as a temporary seat for the dead person's soul. An anthropomorphic figure lies at the core of each object. The next group of items includes figures and clothes of spirits. Among them, of greatest interest are the figures of spirits made of arrows, one of which is wrapped with a belt with two mediaeval bronze pendants — with horse heads and paw-shaped. A sacrificial cover and a hero's helm, spoons for feeding spirits, dishware, and a gown for the bear's holiday are referred to ritual items. The publication provides

the results of completion, groups of items are characterized, which suggest stable religious traditions of veneration of the ancestors' spirits, spirits-helpers, veneration of weapon, the use of archeological items in forming the figures of spirits, the description of sets with finger rings. The article contains characteristics of sacral items bearing evidence of ritual practice and veneration of the cult of the Celestial Rider and bear. The author notes the reflection of cult ritualism, which is expressed in making an idol in the first decade of the 21st century.

Keywords: *ethnography, the Ob Ugrians, the completion of the collection, cult item, idol, ritual practice.*

Введение

Более 30 лет Приполярный этнографической отряд ИАЭТ СО РАН проводит мониторинг священных мест обских угров в местах их компактного традиционного проживания. В текущем году территория обследования включала район рек Северная Сосьва, Сыня и их притоков. Актуальность данного исследования продиктована возможностью проследить изменения интенсивности религиозной практики на протяжении нескольких десятков лет.

В ходе исследования были собраны многообразные предметы духовной культуры, свидетельствующие о наличии различных культов у обских угров. Данные изделия отражают черты религиозно-обрядовой практики: почитание семейных и родовых духов, духов предков, представления о реинкарнации души (фигурки *иттарма*), атрибуты медвежьего праздника (халат), культ Небесного всадника (покрывало, шлем).

Цель статьи – ввод в научный оборот новой информации о культовых предметах северных хантов и манси.

Материалы и методы

Среди собранных предметов самую многочисленную группу (восемь изделий) составляют *иттарма* – фигурки, назначение которых – быть временным вместилищем души умершего человека. В основе каждого изделия лежит антропоморфная фигурка, выполненная из свинца, в одном случае изображение сделано из дерева. Предметы из д. Юхангорт получены от А.К. Новюхова, кроме *иттармы* с вложением деревянной фигурки – она из д. Хурумпауль. Все металлические фигурки обернуты куском ткани, на них надеты от 5 до 7 слоев одежды. Верхняя одежда выполнена из сукна или меха, в двух случаях – из хлопчатобумажной ткани. Нижние рубахи, как правило, длиннее верхних; если верхняя одежда меховая, то обязательно наличие капюшона (рис. 1, 1–6, 8, 9). Все металлические антропоморфные изделия плоские, на лице подчеркнуты глаза и рот, изображены руки и ноги, часто непропорционально, ноги раздвинуты, руки иногда согнуты (рис. 1, 8, 11, 12).

Деревянная фигурка отличается тем, что туловище выполнено в форме прямоугольника. Пред-

ставляет интерес *иттарма*, на одной из рубах которой имеются два штампа на ткани – в рамке буквы «Н.Н.С.», ниже – в рамке «КРОМЪ». Следовательно, для изготовления одежды духа использовалась ткань XIX в. Антропоморфная фигурка вместе с монетой 20 коп. 1869 г. была обернута лоскутом ткани и обвязана полоской ткани. Кроме того, отличался и покрой одежд идола, рукава реглан, вшиты ластовицы другого цвета, в остальных предметах рукава одежд втачные (рис. 1, б). Антропоморфные фигурки размерами от 4 × 1 см до 9,8 × 1,2 см, длина фигур духов от 16 см до 30 см.

Следующая группа предметов – фигуры и одежда духов-покровителей. Наибольший интерес представляют фигуры духов, сформированные из пучка стрел. Стрела или пучок стрел может символизировать фигуру воина-«богатыря» – мифического предка территориальной группы, почитание которой сохранилось в период сложения военно-потестарной системы [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 35].

В этом году коллекция пополнилась двумя пучками стрел (рис. 2, б, 7). Первый происходит из разрушенного культового места возле селения Хорьер. Он представляет собой две связки стрел, обернутые сверху тремя кусками ткани: верхний – серый в клеточку – как бы подчеркивает верхнюю часть идола, средний – марлевый – туловище, серо-голубой в полоску – нижнюю часть предмета (рис. 2, 7). Изделие обернуто красным плетеным шерстяным шнуром, к которому узлом привязаны лапчатая и коньковая бронзовые подвески, к шнуру прикреплено простое кольцо. Внутри клетчатой ткани приклад – монеты 2 коп. 1961 г. и 1 коп. 1949 г. Сверху привязана красная полоска, в которой завернута подвеска из металла с отверстием для подвешивания. Одежда идола многослойная, второй слой из марли (со следами жертвенной крови), к которой был привязан бубенчик, средняя часть фигуры перевязана двумя полосками белой ткани, внутри которой были положены фигурки рыб и металлический кружок. Одна из полосок ткани – фрагмент от упаковки посылки, что дает основание датировать этот приклад 40-ми гг. XX в. Ниже в два слоя белой ткани обернуты два пучка стрел. Один сверток стрел отдельно обернут черной тканью, оба приклада перевязаны тремя полосками ткани: белой с прикладами – монетами 15 коп. 1924 г.

Рис. 1. Фигурки *уттарма* – временное вместилище души умершего человека.

и 20 коп. 1934 г., во втором случае сбиты в единый монолит две монеты. Сами стрелы в количестве 6 ед. перевязаны цветной полоской ткани красного цвета, куда прикреплен приклад – монета 5 коп. 1945 г., и связаны со вторым пучком полоской цветной ткани. Во втором пучке три стрелы (у одной обломано древко), они полностью обмотаны тканью, обернуты шнурком, к которому привязано кольцо. В тканях найдены приклады – монеты 2 и 3 коп. 1916 г. Все стрелы имеют длинные древки, расщепленный насад. Сохранился только один долотовидный металлический наконечник (рис. 2, 7).

Разбирая приклад, мы пришли к выводу о том, что идол формировался поэтапно, первоначально это был один пучок стрел, изготовленный в начале XX в., затем его соединили со вторым в 40–50-е гг. XX в. и дополняли прикладами до конца 60-х гг. XX в.

Второй пучок стрел может быть датирован по прикладам монет 50–60-ми гг. XX в. Семь стрел с длинными расщепленными насадами обернуты в несколько слоев ткани: верхняя – белого цвета, нижние – красного. Стрелы обернуты полосками ткани с прикладами – монетами 1951, 1953, 1961 г. На одной стреле сохранился трапециевидный наконечник, выполненный из алюминия, – имитация боевого (рис. 2, 6).

Одежда духов-покровителей в количестве пяти предметов представлена верхними меховыми одежаниями. Четыре предмета найдены в разрушенном амбарчике в среднем течении Сыни, еще один получен от ханта А.К. Новюхова (д. Юхангорт). Одежда двух типов – глухая парка (рис. 2, 3–5) и распашная (рис. 2, 1, 2). Глухая одежда – с капюшоном, украшена по подолу цветными вставками красного сукна, распашная одежда – без капюшона, горловина с воротником-стойкой, у одной рукава сшиты из красного сукна (рис. 2, 4). В отдельных случаях рукава дополнительно украшены цепочками с пуговицами, некоторые подпоясаны шнурками. К одной парке был пришит кусочек белой ткани, в которую был зашит приклад – монета 10 коп. 1915 г. (рис. 2, 5), к другой – приклад в виде кольца с монограммой (рис. 2, 3) и к третьей – круглый металлический кружок, согнутый вдвое (рис. 2, 1). Одежда декорирована лентами из цветного сукна и плетеными шнурами, пришитыми к лицевой стороне. Внутри меховой одежды вставлена нижняя рубаша, покроем которой повторяет покроем верхней одежды. Размеры изделий от 36 × 27 см до 30 × 39 см (рис. 2, 1–5).

Интересна многослойная фигура духа, найденная в разрушенном амбарчике в бассейне р. Сыня (рис. 3). Ее основание сформировано в 50–60-е гг.

Рис. 2. Духи-покровители в виде пучка стрел (6, 7) и меховая одежда духов-покровителей (1–5).

Рис. 3. Фигура божества с современными прикладами.

XX в. и представляет собой меховую глухую парку с капюшоном, декорированную вставками зеленого и синего сукна. Она украшена пришитыми полосками зеленого сукна и хлопчатобумажной ткани, в которую зашиты три монеты 15 коп. 1961 г., на спине изделия пришиты полоска ткани с бубенчиками. Внутри меховой одежды вставлена рубаха, сшитая из белой ткани, глухая, со стойкой с завязками, рукава реглан, проймы не зашиты. На спине рубахи пришит карман, куда вложена монета 20 коп. 1951 г. Одежда завернута в шерстяной платок, в углу которого завязаны монета 5 руб. 1998 г. Второй слой – платок с люрексом с завязанной в углу монетой 2 руб. 2000 г. Далее изделие обернуто полоской красной ткани с юбилейной монетой 15 коп. 1917–1976 гг. Сверху предмет обвязан полоской сукна оранжевого цвета с завязанной внутри монетой 5 руб. 1998 г. и тремя кусками цветной ткани. Затем фигура обернута тремя кусками ткани, в углах которых завязаны приклады – монеты от 1998 г. до 2007 г. и жетон с профилем античного воина. Далее фигура обернута еще двумя кусками ткани и тремя платками, в углах которых завязаны монеты первого десятилетия XXI в. Изучение последовательности одежд идола приводит к выводу о рефлексии культовой практики почитания духов в начале XXI в.

Еще одна группа – культовые предметы. К ней мы отнесли принадлежности, используемые в ритуальной практике. Для обряда кормления духов использовались деревянные ложки, полученные от А.К. Новюхова. Они имеют короткий черешок, неглубокий овальный черпак и украшены орнаментом, сделанным выжиганием. Дно и лицевая сторона черпака одной из ложек украшена фигурой двуглавого орла (рис. 4, 1). Черпак второй ложки декорирован по периметру цветными полосками и цветочным орнаментом в виде ананаса в окружении виньеток (рис. 4, 2). В данную группу включены также: латунное блюдце с отогнутым наружу бортиком, на котором есть отверстия для подвешивания (рис. 4, 4); ковшик на поддоне, с ручкой и рифленным туловом, на поверхности ковша видны следы позолоты (рис. 4, 3); умывальник на поддоне, с носиком-сливом, тулово которого расширяется к середине и резко сужается к венчику (рис. 4, 5). К культовым предметам отнесен и халат, который был использован для медвежьего праздника в 60-е гг. XX в. Халат распашной на подкладке, расклешен за счет клиньев, вставленных в боковые швы, ворот украшен стойкой, лицевая сторона сшита из сатина красного цвета, рукава втачные, обшлага и подол декорированы цветной бейкой из материала подкладки. Под стойкой пришита пласт-

Рис. 4. Ритуальные предметы: деревянные ложки (1, 2), ковш (3), латунное блюдце (4), умывальник (5). Приклады с ювелирными изделиями (6, 7).

Рис. 5. Ритуальные предметы: шлем богатырский (1) и жертвенное покрывало (2).

массовая пуговица, к подолу прикреплено булавкой кольцо от цепочки. Все эти предметы получены из д. Хурумпауль.

Среди культовых предметов наибольший интерес представляют ритуальные изделия, свидетельствующие о культе Небесного всадника. Это жертвенное покрывало и богатырский шлем из д. Юхангорт. Жертвенное покрывало (рис. 5, 2) изготовлено из сукна бордового цвета, на которое нашиты семь квадратов черного и красного цвета: к основному полю, состоящему из шести квадратов, пришит седьмой квадрат. На каждом из ква-

дратов изображен всадник с поднятыми вверх руками. Изображения чередуются: красные на черном фоне и черные на красном. Квадраты расположены симметрично, нестандартной является орнаментальная полоска. К углу седьмого квадрата прикреплен колокольчик со снизкой голубых бус, там же прикреплен кожаный поясик с тремя кольцами. По периметру покрывало оторочено мехом, по углам пришиты снизки голубых бус и колокольчики или бубенчики, с одной стороны к седьмому квадрату привязана деревянная резная конструкция, в которую вставлена накрученная проволока, к ее петлям

прикреплены бубенчики. Подкладка выполнена из цветной ткани. Размеры предмета 120 × 79 см.

Верхняя часть богатырского шлема (рис. 5, 1) выполнена из семи клиньев красного, синего и зеленого сукна, украшена нашивными треугольниками разных цветов. Нижняя часть сшита из пяти квадратов красного сукна, украшена синим и зеленым орнаментом. По нижнему периметру пришита меховая опушка и лисий хвост. К нижнему краю пришиты полоска сукна, снизки бус белого и синего цвета (к одной из них прикреплен бубенчик-шаркунец) и две снизки бус желтого цвета. Подкладка выполнена из шелка желтого цвета. Размеры изделия 70 × 34 см.

Последние предметы, на которые необходимо обратить внимание, – это приклады. Два приклада одинаковы по внешнему виду – это полоски ткани, соединенные в виде поясков, на которых узелками привязаны кольца и перстни. Всего на первом прикладе – 5 узелков и привязано 23 кольца, на втором – также 5 узелков и прикреплено 29 колец и перстней. Все украшения можно разделить на несколько типов по оформлению ободка: это гладкие пластинчатые кольца, пластинчатые с орнаментальной полоской в виде косых насечек, проходящих посередине кольца, перстни щитковые и перстни с гнездом для вставки. На щитковых перстнях имеются растительный орнамент, геральдический в виде двуглавого орла, хаотичный нарезной. Предметы предоставлены А.К. Новоховым (см. рис. 4, 6, 7).

Результаты и обсуждение

Экспозиционные сборы характеризуют духовные традиции северных манси и хантов. К ним относится почитание предков в виде изготовлений *иттарма* как вместилища духов. Изучению этой устойчивой традиции посвящены исследования многих авторов, которые обобщены в статье А.А. Богордаевой [2019]. Она выявляет динамику особенностей одежды кукол, в частности справедливо отмечает, что данная одежда сохраняет традиционный покроем, а внутренние фигурки – антропоморфные, литые, сделаны из свинца по деревянной форме. Они индивидуальны, как и те, что обнаружены в этом году. Необходимо отметить, что многие предметы, привезенные в текущем году, изготовлены в XIX в., этот вывод подтверждают вложения из монет и штампы на ткани.

Антропоморфные фигурки в виде связки стрел, обернутой тканью с прикладами монет, литых фигурок в виде рыб, свидетельствуют об устойчивой традиции культа духов-покровителей. Особенно примечателен факт использования средневековой

шумящей коньковой подвески и полой фигурки уточки. Данные предметы датируются IX–XII вв., исследователи отмечают их широкое распространение [Кузнецова, 2012]. Следовательно, археологические предметы для обских угров имели сакральное значение и именно по этой причине были использованы для фигур духов.

Ритуальные предметы, указывающие на наличие культа Небесного всадника, аналогичны ранее описанным [Гемуев, Бауло, 2001], тем не менее представляют интерес, поскольку в семантике оформления жертвенного покрывала имеется дополнительная орнаментальная полоса, не характерная для данного типа предметов.

Кольца и перстни широко используются в ритуальной и обрядовой практике [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 171]. Их ряд пополнен новыми прикладами с большим количеством украшений из сборов текущего года. При типологии изделий исследователи традиционно используют классификацию, предложенную М.В. Седовой на примере ювелирных изделий древнего Новгорода [1981]. Круг аналогий достаточно широк. Кольца гладкие и с орнаментальной полоской из косых насечек встречаются в «остяцкой коллекции» из собрания Музея антропологии Московского государственного университета, среди находок Тобольска [Мурашко, Кренке, 2001, рис. 119, 23, 24; Алиева, 2014, с. 193, рис. 1, 19–21]. Щитковосрединные перстни являются самой многочисленной и достаточно однообразной по декору группой. Они встречены при исследовании археологических памятников Нового времени: Березовского городища, г. Тары, в Надымском городке и датируются XVIII – началом XX в. [Кардаш, 2009; Таураев, 2011; Пархимович, 2008].

В целом предметы отражают типичные черты религиозно-обрядовой практики северных групп обских угров: культ Небесного всадника, представление о реинкарнации души (*иттарма*), большое значение оружия и украшений, культ духов-помощников и духов-покровителей.

Заключение

Полевые исследования текущего года стали новым источником комплектования этнографической коллекции. Собранные предметы духовной культуры свидетельствуют, с одной стороны, об угасании духовной традиции, на которое указывает то, что многие святилища не посещаются, и они ветшают, а с другой – о наличии религиозной рефлексии, что демонстрируют платки со следами жертвенной крови и прикладами – монетами начала XXI в. Полевые наблюдения последних лет приво-

дят к мысли о том, что духовная традиция автохтонного населения переживала периоды ренессанса в 1920-е гг., затем в 1960-е гг., и, может быть, в усеченном виде возродится в XXI в.

Список литературы

Алиева Т.А. Перстни из культурного слоя г. Тобольска (по материалам базарного раскопа) // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск; Тюмень; Екатеринбург, 2014. – Т. 1. – С. 188–193.

Богордаева А.А. Особенности изображения умерших у северных хантов и манси во второй половине XX – начале XXI в. // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2019. – № 2 (45). – С. 117–131.

Гемуев И.Н., Бауло А.В. Небесный всадник. Жертвенные покрывала манси и хантов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 160 с.

Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси. – Новосибирск: Наука, 1986. – 190 с.

Кардаш О.В. Надымский городок в конце XVI – первой трети XVIII в.: история и материальная культура. – Нефтеюганск: Магеллан, 2009. – 360 с.

Кузнецова В.Н. Изображение коней начала II тыс. н.э. (к вопросу о стилистике Волго-Камья // Тр. КАЭЭ. – Пермь, 2012. – Вып. 8. – С. 203–209.

Мурашко О.А., Кренке Н.А. Культура аборигенов Обдорского Севера в XIX веке. – М.: Наука, 2001. – 156 с.

Пархимович С.Г. Коллекция артефактов из раскопок Березовского городища // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск: Апельсин, 2008. – С. 251–262.

Седова М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). – М.: Наука, 1981. – 196 с.

Татауров С.Ф. Город Тара – с чистого листа // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск: Ом. ин-т (филиал) Рос. гос. торг.-экон. ун-та, 2011. – С. 242–252.

References

Alieva T.A. Perstni iz kul'turnogo sloya g. Tobol'ska (po materialam bazarnogo raskopa). In *Kul'tura russkikh v arkhologicheskikh issledovaniyakh*. Omsk; Tyumen'; Yekaterinburg, 2014, vol. 1, pp. 188–193. (In Russ.).

Bogordaeva A.A. Osobennosti izobrazheniya umershihkh u severnykh khandov i mansi vo vtoroy polovine XX – nachale XXI v. In *Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*, 2019, No. 2 (45), pp. 117–131. (In Russ.).

Gemuiev I.N., Baulo A.V. Nebesnyy vsadnik. Zhertvennye pokryvala mansi i khandov. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2001, 160 p. (In Russ.).

Gemuiev I.N., Sagalaev A.M. Religiya naroda mansi. Novosibirsk: Nauka, 1986, 190 p. (In Russ.).

Kardash O.V. Nadymskii gorodok v kontse XVI – pervoi treti XVIII v.: Istoriya i material'naya kul'tura. Yekaterinburg; Neftyugansk: Magellan, 2009, 360 p. (In Russ.).

Kuznetsova V.N. Izobrazhenie koney nachala II tys. n.e. (k voprosu o stilistike Volgo-Kam'ya. In *Trudy Kama Arhaeological and Ethnographic Expedition*. Perm, 2012, iss. 8, pp. 203–209. (In Russ.).

Murashko O.A., Krenke N.A. Kul'tura aborigenov Obdorskogo Severa v XIX veke. Moscow: Nauka, 2001, 156 p. (In Russ.).

Parkhimovich S.G. Kolleksiya artefaktov iz raskopok Berезovskogo gorodishcha. In *Kul'tura russkikh v arkhologicheskikh issledovaniyakh*. Omsk: Apel'sin, 2008, pp. 251–262 (In Russ.).

Sedova M.V. Yuvelirnye izdeliya Drevnego Novgoroda (X–XV vv.). Moscow: Nauka, 1981, 196 p. (In Russ.).

Tataurov S.F. Gorod Tara – s chistogo lista. In *Kul'tura russkikh v arkhologicheskikh issledovaniyakh*. Omsk: Omsk Institute (Branch) of Russian State Univ. of Trade and Economics Press, 2011, pp. 242–252 (In Russ.).

Сальникова И.В. <https://orcid.org/0000-0003-3239-9418>

Е.В. Самушкина

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: khakassie@yahoo.com

Массовые праздники Ойротской автономной области 1920–1930-х годов: проблема формирования этнической идентичности алтайцев

Статья посвящена анализу праздничной культуры в Ойротской автономной области в 1920–1930-е гг. Источниками для исследования послужили архивные документы, материалы периодической печати. Становление и трансформация праздничного календаря рассматривается в контексте формирования национальной и общесоветской гражданской идентичности алтайцев. В ходе анализа праздничных кампаний выявлена идентификационная, коммуникативная и дидактическая функция праздников. Доказано, что праздники являются частью политики по формированию культурной памяти населения региона. Выявлены основные идеологемы, транслируемые в ходе праздничных кампаний. Показано, что, несмотря на слабый учет специфики праздничного календаря кочевников, каждое мероприятие имело свои особенности. При проведении праздничной кампании ориентировались на обряды и ритуалы, проводимые в данный временной период, или на событие, вокруг которого строились торжества. Отмечен противоречивый характер образа традиционной культуры, сформированный советской властью. С одной стороны, в контексте антиколониальной риторики советская власть выступала за развитие самобытной этнической культуры, ее символических форм. С другой стороны, элементы традиционной культуры рассматривались идеологами как часть «темного» прошлого, синоним невежества и отсталости. Показано, что, несмотря на разрыв с прошлым, при формировании праздничного канона использовались элементы традиционной праздничной культуры алтайцев. Ярким примером интегративной стратегии служит Праздник урожая. Он был органично вписан в календарные обряды осеннего цикла, затем трансформировался в День пастуха и существует до сих пор. В данном празднике сочетаются традиционная и советская праздничные модели.

Ключевые слова: идентичность, национальная политика, праздничная культура, символы, культурная память, алтайцы, праздничный календарь.

Ekaterina V. Samushkina

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: khakassie@yahoo.com

Mass Festivities in the Oyrot Autonomous Oblast in the 1920s and 1930s: Development of the Altai Ethnic Identity

This article focuses on the analysis of the festive culture in the Oyrot Autonomous Oblast in the 1920s and 1930s. The sources for the study are archival documents, periodical press materials. The establishment and transformation of the festive calendar was examined in the framework of the formation of the ethnic and Soviet civic identity of the Altaians. During the analysis of holiday campaigns, the identifying, communicative and didactic function of holidays was revealed. It has been proven that holidays are part of the policy to form the cultural memory of the region's population. We have identified the following ideologemes surrounding these events. It is shown that despite the insufficient inclusion of the specifics of the nomadic festive calendar, each event had its own specifics. During the holiday campaign, they focused on ceremonies and rituals performed during a given time period, or on the event around which the celebrations were held. The contradictory character of the traditional cultural image formed by the Soviet power was noted. On the one hand, in the context of anti-colonial rhetoric, the Soviet authorities advocated the development of distinctive ethnic culture and its symbolic forms. On the other hand, elements of traditional culture were viewed by ideologues as part of a "dark" past, synonymous with ignorance

and backwardness. It is shown that, despite a break with the past, elements of the traditional Altai holiday culture were used in the formation of the festive canon. A striking example of an integrative strategy is the harvest festival. It was organically inscribed in the calendar rites of the autumn cycle, then transformed into the day of the "Shepherd's day", and still exists today. In this festival, traditional and Soviet holiday models are organically combined.

Keywords: *identity, national policy, holiday culture, symbols, cultural memory, Altaians, holiday calendar.*

После завершения гражданской войны в сибирском регионе началось строительство нового общества. С одной стороны, властью была поставлена цель по формированию у населения гражданской советской идентичности, с другой – шел процесс создания и актуализации этнической идентичности. В стране в 1920-е гг. был выделен ряд автономий по этническому признаку, этому фактору уделялось большое внимание при интеграции, вовлечении этнических меньшинств в жизнь Советского государства.

Праздничная культура стала одной из форм конструирования, трансформации культурной памяти социальных групп. В праздничном ландшафте происходила выработка новых символов, передача смыслов и закрепление идентичностей. Вводя свой праздничный календарь, советская власть демонстрировала контроль над социальным порядком, структурировала социальные отношения, временное пространство. Праздники должны были упорядочить календарный год, учитывая политические изменения, произошедшие в государстве. Эти дни становились периодом активной трансляции новых символов и ценностей. Тем самым конструировалась культурная память сообщества. В Ойротской автономной области в 1920–1930-е гг. во время подготовки и проведения праздничных мероприятий осуществлялась бурная деятельность по продвижению основных положений советской национальной политики по отношению к представителям коренного тюркоязычного населения региона. При этом кампании по случаю той или иной важной даты имели свою специализацию в зависимости от особенности праздника, его места в календарном году.

Как и во всей стране, идеологи, решая задачу по интеграции различных регионов, социальных групп в единое символическое пространство страны, предложили знаковые события. Они фиксировались в Кодексе законов о труде 1918 г., маркировали важные исторические даты: Новый год, Кровавое воскресенье, низвержение самодержавия, день Парижской Коммуны, день Интернационала, день Пролетарской Революции. Их дополняли праздники важные, но не являвшиеся выходными днями – Международный женский день, День Красной армии, День урожая и коллективизации.

Главным, центрообразующим событием была годовщина Октябрьской революции. Эта праздничная дата отмечалась в Ойротской автономной области с наибольшим размахом. В ходе подготовки и проведения торжественного мероприятия особое внимание уделялось показу преимуществ национальной политики советской власти по отношению к коренному тюркоязычному населению региона, формировались образы прошлого алтайцев, в ходе митингов и шествий демонстрировалось символическое сплочение трудящихся масс автономии. К 1930-м гг. был создан пантеон героев, погибших в годы революции и гражданской войны в борьбе за дело революции (Госархив СПД РА. Ф. Р-91. Оп. 1. Д. 17).

Пристальное внимание в Ойротской автономной области уделялось 8 марта – Международному дню работниц и крестьянок. С первых лет образования автономии на страницах региональной прессы, в общественных пространствах г. Улалы, а также отдаленных аймаков велась работа по пропаганде ценностей советской власти среди представительниц тюркоязычного населения региона. К важному событию были приурочены областные женские конференции, массовые общепартийные кампании с привлечением как можно большего количества алтайских женщин [8 Марта..., 1924, с. 1; Как живет..., 1926, с. 2].

Лозунги отражали общее настроение мероприятий, задавали ценностные ориентиры: «Работницы и крестьянки путем активного участия в советах и хозяйственной жизни страны – к раскрепощению и улучшению своего труда и быта»; «Женщина алтайка! Твое раскрепощение лежит в союзе с русской работницей и крестьянкой!»; «В сегодняшний день – праздник всех трудящихся женщин – скажем дружно: Вперед! Из темноты и бедности, вперед к новой лучшей и чистой жизни!» [Там же].

Среди главных вопросов, обсуждаемых в ходе кампаний, приуроченных к 8 Марта, в районах проживания этнических меньшинств на Алтае, можно выделить следующие: социальное и правовое неравенство алтайских женщин, низкий уровень участия в общественной жизни, отсутствие образования и слабые представления о гигиене, большая загруженность и низкая эффективность труда, косность мышления, связанная с глубокой вовлеченностью в традиционную культуру. Одной из основных причин такого положения представи-

тельниц этнических меньшинств виделся кочевой образ жизни.

В общественном пространстве формировался образ женщины, веками закабаленной и бесправной. На страницах прессы к Международному женскому коммунистическому дню появлялись портреты героинь праздника. С течением времени их описание трансформируется. В 1920-е гг. акцент в их представлении делался на темном прошлом жительниц Алтая, на их печальном состоянии в настоящем вследствие политики царского режима. Указывалось на двойной порядок подчинения: со стороны властных институтов и в семейном кругу. Их жизнь описывалась как трудная и полная тяжелой работы и лишений: «Тяжела жизнь алтайки. Зимой и лето живут в аилах из составленных конусообразных жердей, покрытых лиственной корой. Ветер гуляет кругом... Не удивительно, что алтайцы вымирают. Ведь только крепкие организмы смогут перенести все зимние невзгоды, и дети, родившиеся зимой, почти все погибают... Тяжела жизнь алтайки. Ходи за скотом, размалывай зерна ячменя для талкана и вари его, готовь чигень, и арачку, и сырчики, таскай на себе дрова в аил, выдělывай овчины, шей одежду для всей семьи. А к этому еще сильная бедность в алтайских семьях – на ребятишек нет рубашек, и не на что их купить, зимой голодно в холодном аиле, когда не доится скот. Тяжело жить. Так нельзя все время жить» (Госархив СПД РА. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 382. Л. 4, 21).

В 1930-е гг. описания печального прошлого представительниц этнических меньшинств сохраняются, но на первый план выходит тема перехода от старой жизни, проводимой в отсталости и бескультурье, к новой – с участием в строительстве социализма, возможностью учиться, заниматься воспитанием здоровых детей.

Особое внимание в рамках праздничных мероприятий уделялось работе среди молодого поколения. Наряду с вечерами и играми предусматривались мероприятия просветительского и воспитательного характера. В ходе уроков, посвященных Международному женскому дню, учителям было рекомендовано представить тяжелую жизнь женщин при зайсанах, сопоставить жизнь и хозяйство у кочевников и в колхозах, рассказать о положении девочек и женщин в религиозно настроенной семье (Госархив СПД РА. Ф. 55. Оп. 1. Д. 114. Л. 147). Рекомендовалось заострить проблему подчиненного положения женщин, невежества их в вопросах гигиены и здоровья, порожденных, согласно пропагандистам, в т.ч. влиянием на них «попов и камов».

Отдельным пунктом праздничных кампаний стояло осуждение брачных обычаев: умыкания

невесты, ее выкупа, свадьбы несовершеннолетних детей, многоженства. В местной прессе данные социальные практики именовались «бытовыми восточными преступлениями». Негативную оценку получала практика левирата, которую также призывали искоренить [Женщина..., 1924, с. 2; На борьбу..., 1924, с. 2]. К концу 1920-х – 1930-е гг. традиционные брачные институты и практики, а также сложившиеся в рамках них гендерные роли вписывались в кампании по борьбе с родовыми институтами и расценивались в качестве «родовых обычаев и предрассудков». Так, например, в заметке писалось: «Родовой быт крепко вскоренился в среде алтайцев... Женитьба и выдача замуж малолетних, умыкание, калым, многоженство – все это особенно сильно бьет по алтайке... В жизни алтайка – раба. Ее насильно выдают замуж, воруют, покупают. В хозяйстве алтайца она – рабочая сила... Даже теперь быт алтайки мало чем отличается от прошлого» [Бекин, 1929, с. 3].

Еще одним символом бесправия и «некультурности» алтайской женщины был представлен чегедек. Именно этот элемент одежды замужней женщины, по аналогии с паранджой, был выбран мишенью идеологической борьбы и нападков. Партийные работники на местах организовывали мероприятия по развенчанию ценностей традиционной культуры, инициируя публичные снятия чегедек, а в ряде случаев и их уничтожение. Однако надо отметить, что подобные действия вызывали негативную реакцию среди населения. Кампании по уничтожению продолжались практически до 1970-х гг. А уже в конце XX – начале XXI в. этот предмет женского гардероба выступал символом этнической идентичности алтайцев и их борьбы за сохранение своей традиционной культуры.

Таким образом, во время праздничных мероприятий, с одной стороны, транслировался самобытный образ женщины-алтайки, администраторам на местах вменялось учитывать этнические особенности как при организации вечеров и развлечений, так и при проведении просветительских мероприятий. С другой стороны, образ жизни, связанный с традиционной культурой (обычаи, одежда, гендерные роли), был определен как «отсталый», грязный, некультурный. Противоречие заключалось в том, что, обозначая угнетенное положение коренного тюркоязычного населения при царской власти, советские идеологи воспроизводили тот же дискурс об отсутствии «цивилизации», неспособности к модернизации культуры. Женщина-алтайка же выступала маркером идентичности общества, выразителем местных национальных особенностей, поэтому к ней было приковано столь пристальное внимание советских пропагандистов. Именно в приобщении

женщин к «новому быту» виделась главная задача в т.ч. кампаний, развернутых в период праздников.

Знаковым праздником в календаре советской власти был 1 Мая – день интернациональной солидарности трудящихся. Именно тогда происходила активная работа по внедрению советских символов. Государственные здания украшались красными флагами, портретами вождей, на торжественных митингах и собраниях исполнялся Интернационал. Обязательной частью праздничного ритуала было посещение могил трудящихся, погибших в борьбе за революционные идеалы и свободу [Празднование..., 1925, с. 3; 1 Мая..., 1925, с. 3]. В Ойротии торжества по случаю 1 Мая особо не отличались от канона, сложившегося в центре. Однако надо отметить, что местные администраторы в ходе мероприятий обращались к «национальному вопросу».

Начиная с середины 1920-х гг. 1 Мая жестко противопоставлялось Пасхе: праздник свободных трудящихся – празднику покорных рабов [Праздник..., 1924, с. 2]. Основной целью администрации становилось привлечь как можно больше местных жителей на антипасхальные мероприятия. При этом давались установки не оскорблять чувства верующих, действовать осторожно, путем активной деятельности и насыщенности программы [О программе..., 1928, с. 3].

Накануне и в дни Пасхи проводили антирелигиозные вечера, сопровождаемые постановками спектаклей, читками в избах-читальнях, красных юртах, клубах. В те места, где были церкви, направляли кинопередвижку и демонстрировали кинокартины на улице в целях отвлечения внимания населения, прежде всего молодежи, от пасхальной службы (Госархив СПД РА. Ф. Р-55. Оп 1. Д. 77).

Давая негативные характеристики церковному празднику, на котором «участники хулиганят и занимаются пьянством», организаторы антипасхальных кампаний подробно описывали вред, нанесенный населению Алтая. Прежде всего это были картины неблагоустроенного быта алтайцев, казахов и теленгитов. В конце 1920-х – начале 1930-х гг., когда антирелигиозная риторика ужесточилась и в области стал активно действовать Союз Воинствующих Безбожников, объектом критики были избраны шаманы и ярлыкчи, согласно публикациям в местной прессе и документам, распространявшие суеверия среди коренного населения, мешавшие братскому союзу русских и алтайских тружеников.

В середине 1930-х гг. характер лозунгов и выступлений на 1 Мая изменился. В общественный дискурс была введена идеологема «Дружба народов». Отмечалось, что в Ойротской автономной области в результате успешной национальной политики Советского государства алтайский народ стал

строить национальную по форме и социалистическую по содержанию культуру, а недоверию между народами в регионе пришел конец [Самое ценное завоевание..., 1936, с. 1]. Согласно методическим указаниям, предложенным для празднования среди учащихся Ойротии, 1 Мая объявлялся днем солидарности рабочих всего мира, что должно было выразиться в дружном строительстве народами СССР новой жизни и борьбе с ее вредителями – «баями и камами» (Госархив СПД РА. Ф. 55. Оп. 1. Д. 114. Л. 154).

Еще одним праздником, пользовавшимся популярностью в Ойротии, являлся День урожая. Он был введен советской властью как замена праздников осеннего календарного цикла. Идея о проведении мероприятия возникла в 1923 г. на Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке, проходившей в Москве. Одним из ее кульминационных моментов стал «Праздник народов СССР». Торжество знаменовало окончание выставки и, по мысли организаторов, служило символом сплоченности этнических групп страны, сотрудничества жителей города и деревни, показывало возросший культурный и идеологический уровень населяющих Союз народов. В программу Праздника народов входило шествие делегатов выставки в традиционных костюмах, торжественный митинг-открытие, концертная программа с исполнением фольклорных номеров и постановкой обрядовых сцен (ГАРФ. Ф. Р-3920. Оп. 1. Д. 18. Л. 214). В дальнейшем было принято решение проводить этот праздник в формате Дня урожая.

Это мероприятие рассматривалось как «грандиозный Всероссийский карнавал». Он мыслился идеологами как возвращение к истокам народной культуры, воскрешение традиций глубокой древности, которые не подверглись влиянию христианской религии [Праздник..., 1923, с. 261–262]. Целью праздника объявлялось подведение итогов сельскохозяйственного года, привлечение внимания к труженикам села, создание возможности для «культурного отдыха и разумного развлечения» [Праздник..., 1923, с. 2].

В Ойротии этому событию придавалось особое значение. Так же как и во всероссийском масштабе, тон задавала Областная сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка 1923 г. Именно на ней сложилась модель празднования, которая повторялась в последующем. На торжественном открытии с шествием и митингом обозначались идеологические установки на последующий год, читались лекции, проводились выставка достижений районов автономии, экспозиции «народного быта», скачки, театрализованные представления на алтайском и русском языках (Госархив СПД РА.

Ф. 1. Оп. 1. Д. 95). При этом отмечалось, что в Ойротии Праздник урожая – это праздник не только земледельца, но и хозяина айла, смотр «всего хозяйства крестьянина и туземца – алтайца. Скотоводство, охота, кедрование, пчеловодство – полноправные с земледелием его гости». Праздник урожая, согласно организаторам мероприятия, должен был обозначить среди алтайцев, теленгитов, туба-кижи необходимость перехода от кочевого к оседлому образу жизни [Праздник..., 1925, с. 1].

В дальнейшем в кампаниях по случаю Дня урожая все ярче звучала антирелигиозная составляющая. Происходила своеобразная стигматизация праздника Покрова Божьей матери, на смену которому был введен советский праздник. В прессе конца 1920-х гг. создавался неприглядный образ православного праздника, а заодно и его участников. Так, в публикации с говорящим названием «Вместо поповского “Покрова” трудовой праздник урожая» говорилось, что День урожая является праздником культуры в противовес пережиткам прошлого, пьянству и хулиганству. Кроме того, указывалось, что необходимо отвлечь крестьян от празднования Покрова, противопоставив ему «новое, интересное и полезное крестьянину» [Вместо поповского «Покрова»..., 1928, с. 3]. В районах с компактным проживанием коренного тюркоязычного населения планировалось проведение праздника урожая и коллективизации «в сопоставлении с бытовым и религиозным праздником, который сопровождается у алтайского населения усиленными камланиями, устраиваемыми в знак хорошей упитанности скота (наподобие религиозного и бытового праздника в православии Покров)» (Госархив СПД РА. Ф. 55. Оп. 1. Д. 114. Л. 115). В 1930-е гг. к антирелигиозной кампании добавились мероприятия по агитации за переход от кочевого образа жизни к оседлому. Формировались образы «старого» и «нового быта».

Частью работы по трансформации традиционной культуры стали попытки советской власти заместить обряды перехода. Так, в рамках антирелигиозных мероприятий предлагалось проводить семейные праздники по-новому. К примеру, ячейка Союза Безбожников предлагала внедрить т.н. красные свадьбы вместо тоя. Традиционную обрядовую часть предлагалось заменить собранием комсомольской ячейки, заседанием молодежи с лекциями о «новом быте». Службе в церкви была противопоставлена регистрация в Народном доме и исполнение Интернационала вместо религиозных песен, при этом подчеркивался факт равноправия супругов [Даешь..., 1924, с. 2]. Далее рекомендовалось устроить игры, конные бега – этот тради-

ционный компонент оставался неизменным, символизируя этническую специфику мероприятия. Наряду с красными тоями предлагалось внедрить и т.н. комсомольские вечеринки или ойыны. Игры, будучи частью семейных и календарных праздников алтайцев, являлись важной составляющей традиционной культуры. В рамках антирелигиозных кампаний предполагалось устраивать альтернативные мероприятия: оставив форму, наполнить новым содержанием игры, песни, подчеркнув антирелигиозный характер события (Госархив СПД РА. Ф. Р-55. Оп. 1. Д. 77).

Официальная праздничная культура в Ойротии в раннесоветский период являлась пространством для трансляции не только советских символов, но и положений советской национальной политики. В ходе праздничных мероприятий неотъемлемым пунктом было обращение к этнической специфике населения региона. При этом складывалась достаточно противоречивая картина. С одной стороны, в ходе трансформации праздничного календаря происходила интеграция элементов традиционной праздничной культуры и обрядности в новые советские праздники, демонстрировались успехи советской национальной политики в области построения советской национальной культуры алтайцев, декларировалась этническая самобытность. С другой стороны, советская власть по сути транслировала подходы к традиционной культуре, которые сложились при прошлом режиме. Несмотря на неоднократные упоминания о равенстве между народами советской страны, коренное тюркоязычное население Ойротской автономной области представлялось в роли «младшего брата», традиционные верования и элементы обрядности описывались как суеверия, свойственные непросвещенным массам. Их образ жизни рассматривался как «старый быт» – синоним бескультурья, темноты и антисанитарии. Работа по внедрению новых праздников и обрядов на Алтае носила довольно поверхностный характер, т.к. местные администраторы применяли директивы и указания, пришедшие из Москвы. В этих предписаниях ставка делалась на уже трансформированную под влиянием мировых религий культуру. Специфика праздничного календаря кочевников не особо учитывалась. Однако, несмотря на это, некоторые праздники органично вписались в праздничную культуру местного населения и, пройдя долгий путь трансформации, существуют и в настоящее время. Примером удачной формы сосуществования двух моделей праздничной культуры является Праздник урожая/Праздник урожая и коллективизации, отмечаемый с 1950-х гг. как День животновода.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР № 0329-2019-0006 «Символ и знак в культуре народов Сибири XVII–XXI вв.: актуализация и стратегии сохранения».

Список литературы

- 1 Мая** в Салганде // Ойротский край. – 1925. – № 32. – С. 3.
- 8 Марта** – Международный праздник работниц и крестьянок // Ойротский край. – 1924. – № 33. – С. 1.
- Бекин А.** Вывать алтайку из-под власти родовых обычаев и предрассудков // Ойротский край. – 1929. – № 59. – С. 3.
- Вместо поповского «Покрова»** трудовой праздник урожая // Ойротский край. – 1928. – № 74. – С. 3.
- Даешь** новый быт // Ойротский край. – 1924. – № 29. – С. 2.
- Женщина** выходит на дорогу // Ойротский край. – 1924. – № 45. – С. 2.
- Как живет** женщина алтайка // Ойротский край. – 1926. – № 17. – С. 2.
- На борьбу** со старым обычаем алтайцев // Ойротский край. – 1924. – № 45. – С. 2.
- О программе** антипасхальных вечеров // Ойротский край. – 1928. – № 28. – С. 3.
- Праздник** урожая // Сельскохозяйственная жизнь. – 1923. – № 7. – С. 2.
- Праздник** урожая // Сельскохозяйственная кооперация. – 1923. – № 7. – С. 261–262.
- Праздник** урожая в Ойротии // Ойротский край. – 1925. – № 71. – С. 1.
- Праздник** христианский и пролетарский // Ойротский край. – 1924. – № 42. – С. 2.
- Празднование** 1 Мая в Кош-Агаче // Ойротский край. – 1925. – № 34. – С. 3.

Самое ценное завоевание большевистской национальной политики // Красная Ойротия. – 1936. – № 62. – С. 1.

References

- 1 Maya** v Salgande. *Oirotskii krai*, 1925, No. 32, p. 3. (In Russ.).
- 8 Marta** – Mezhdunarodnyi prazdnik rabotnits i krest'yanok. *Oirotskii krai*, 1924, No. 33, p. 1. (In Russ.).
- Bekin A.** Vyrvat' altaiku iz-pod vlasti rodovykh obychaev i predrassudkov. *Oirotskii krai*, 1929, No. 59, p. 3. (In Russ.).
- Daesh'** novyi byt. *Oirotskii krai*, 1924, No. 29, p. 2. (In Russ.).
- Kak zhivet** zhenshchina altaika. *Oirotskii krai*, 1926, No. 17, p. 2. (In Russ.).
- Na bor'bu** so starym obychaem altaitsev. *Oirotskii krai*, 1924, No. 45, p. 2. (In Russ.).
- O programme** antipaskhal'nykh vecherov. *Oirotskii krai*, 1928, No. 28, p. 3. (In Russ.).
- Prazdnik** khristianskii i proletarskii. *Oirotskii krai*, 1924, No. 42, p. 2. (In Russ.).
- Prazdnik** urozhaya. *Sel'skokhozyaistvennaya zhizn'*, 1923, No. 7, p. 2. (In Russ.).
- Prazdnik** urozhaya. *Sel'skokhozyaistvennaya kooperatsiya*, 1923, No. 7, pp. 261–262. (In Russ.).
- Prazdnik** urozhaya v Oirotii. *Oirotskii krai*, 1925, No. 71, p. 1. (In Russ.).
- Prazdnovanie** 1 Maya v Kosh-Agache. *Oirotskii krai*, 1925, No. 34, p. 3. (In Russ.).
- Samoe tsennoe zavoevanie** bol'shevistskoi natsional'noi politiki. *Krasnaya Oirotiya*, 1936, No. 62, p. 1. (In Russ.).
- Vместо popovskogo "Pokrova"** trudovoi prazdnik urozhaya. *Oirotskii krai*, 1928, No. 74, p. 3. (In Russ.).
- Zhenshchina** vykhodit na dorogu. *Oirotskii krai*, 1924, No. 45, p. 2. (In Russ.).
- Самушкина Е.В. <https://orcid.org/0000-0001-5481-3822>

А.Г. Селезнев

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: seleznev@myttk.ru

Новые религиозные и религиозно-ориентированные экологические движения Омской области: предварительные результаты этнографического изучения

В статье излагаются результаты инновационного исследования ряда религиозных общин, которые объединяет их принадлежность к т.н. новым религиозным движениям (НРД). Работа проходила в два этапа. На первом этапе был изучен мощный сакральный центр, сформировавшийся в течение последней четверти века в районе д. Окунево Муромцевского р-на Омской обл. Наибольшим влиянием здесь обладают религиозно-культурные организации неиндуистского толка – бабаджисты (шиваиты), кришнаиты; а также общины, идеология которых строится на основе изобретения «древнеславянских» традиций. Дается описание сакрального пространства Окунева, а также церемоний и праздников, организуемых сторонниками различных религиозных групп. На втором этапе было проведено этнографическое обследование экологических поселений и общин, сформировавшихся на территории Омской обл. Они подразделяются на три группы: 1) поселения, основанные на представлениях об изобретаемой «древнеславянской» религии и экологической этике; 2) поселения родовых поместий, в основу которых положена идеология широко распространенного в России НРД «Звенящие кедры России», известного также под именем анastasиевцев или анastasийцев; 3) неиндуистские поселения, созданные на идейных принципах кришнаизма-вайшнавизма. Рассматривается феномен хронотопа новых сакральных пространств. Его основу зачастую составляют археологические объекты, подвергающиеся сакрализации и мифологизации. Анализируется популярный этиологический миф о древнем великом городе на месте нынешнего Омска. Социальной базой подобных мотивов является состояние психологической фрустрации в связи с утерей регионами России былой экономической и культурной значимости, централизация и концентрация всех культурных и экономических ресурсов практически только в столицах России, с одновременной маргинализацией остальных территорий.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Омская область, новые религиозные движения, Окунево, экопоселения, этнографическое изучение.

Alexander G. Seleznev

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: seleznev@myttk.ru

New Religious and Religious-Oriented Ecological Movements in the Omsk Region: Preliminary Results of Ethnographic Study

The results of innovative research of the religious communities belonging to the so-called new religious movements (NRM) are provided in the article. The work was carried out in two stages. At the first stage, a strong sacred center formed during the last quarter of a century around the Okunevo village, Muromtsevsky district, Omsk region, was studied. Neo-Hindu type religious-cultural organizations Babaji followers (Shaivites), Hare Krishna followers as well as communities whose ideology is based on the invention of the “ancient Slavic” traditions has the greatest influence here. A description of the Okunevo sacred space, as well as ceremonies and holidays organized by the various religious group members is presented. At the second stage, an ethnographic research of eco-villages and communities formed in the territory of the Omsk region was conducted. They are divided into three groups: 1) settlements based on the ideas of inventions of the “ancient Slavic” religion and environmental ethics; 2) settlements of ancestral estates based on “Ringing Cedars of Russia” ideology widely spread in Russia NRM, also known as the Anastasians; 3) neo-Hindu settlements created on the ideological principles of Krishnaism-Vaishnavism. The

concept of the new sacred spaces chronotope is considered. Its basis is often formed by archaeological objects, which are exposed to sacralization and mythologization. A popular etiological myth about the ancient great city in the site of the current city of Omsk is analyzed. Psychological frustration due to the loss by the Russian regions of former economic and cultural significance, the centralization and concentration of all cultural and economic resources almost only in the capitals of Russia is a social basis of such motives.

Keywords: *Western Siberia, Omsk region, new religious movements, Okunevo, ecovillages, ethnographic study.*

В течение последних нескольких лет в Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии СО РАН выполнялось инновационное исследование ряда религиозных общин, которые объединяет их принадлежность к т.н. новым религиозным движениям (НРД). Сбор материалов осуществлялся этнографическими методами. Разработка данной темы проводилась в рамках полевого этнографического изучения весьма специфичных, но в то же время довольно широко распространенных в современном социокультурном пространстве России объектов: одного из новых сакральных центров и идейно(религиозно)-ориентированных экоселений, получивших распространение на территории Омской обл. Религиозный фактор играет важную роль в формировании и жизнедеятельности данных комплексов. Религиозные общины, в основной своей части относящиеся к НРД и функционирующие в пределах рассматриваемых объектов, и были предметом нашего полевого этнографического изучения. Следует отметить, что развитие постсоветской религиозности в Сибири привлекает внимание российских и зарубежных специалистов. Одна из последних крупных работ в этом направлении – книга польского исследователя Е. Моравецки, основанная на многолетних полевых исследованиях религиозной идентичности жителей Красноярска, Томска, Улан-Удэ [Morawiecki, 2018].

Итак, наша работа проходила в два этапа. На первом этапе был изучен мощный сакральный центр, сформировавшийся в течение последней четверти века в районе д. Окунево Муромцевского р-на Омской обл. Данный комплекс обладает огромной притягательной силой для разных религиозных объединений и групп паломников; каждый год центр посещают несколько десятков тысяч человек. Наибольшим влиянием обладают религиозно-культурные организации неоиндуистского толка – бабаджисты (шиваиты), кришнаиты; а также общины, идеология которых строится на основе изобретения «древнеславянских» традиций. Последние позиционируют себя как ведические православные, родноверы, ведорусы, просто «славяне». Кроме того, в Окуневе постоянно или периодически функционирует ряд других культурно-религиозных

объединений – от прихода Русской православной церкви до одной из самых радикальных неоязыческих группировок современной России – Древнерусской инглистической церкви православных староверов-инглингов под руководством Патера Дия (Отца Александра Хиневича, Коловората).

Сакральное пространство Окунева разделяется на несколько зон. Первая зона – территория самой деревни, прежде всего Центральная улица, которая также поделена на локальные участки. На одном из них расположен ашрам последователей Бабаджи и кришнаитский храм, а также несколько домов с изображениями и артефактами с явно индуистской символикой: флажками, изображением Ганеши, соответствующими надписями. Другой участок занят постройками «славян» – жилыми домами и усадьбами, здесь также находятся магазин сувениров «Ладное Подворье», кафе.

Главная сакральная зона – Омкар, Пуп Земли, Энергетический центр – территория т.н. Татарского Увала. Это высокий мыс на террасе р. Тары в полутора километрах к северо-западу от деревни. Здесь на возвышенном живописном месте возник целый комплекс сакральных артефактов разных религиозных направлений: православная часовня Михаила Архангела, православный крест, славянский знак коловорота, индуистский жертвенник «дхуни». На этом месте проводятся индуистские праздники. На окрестных деревьях повязаны ленточки.

Третья сакральная зона – Яр – место расположения туристского лагеря на дороге между Омкаром и деревней. Здесь проводят свои фестивали представители славянской культуры. Четвертая зона – Тюп – пространство, образованное излучиной Тары (местные эзотерики утверждают, что эта излучина образует знак «омега», и придают этому факту особое значение).

Наконец, пятая зона – строящееся экологическое поселение на территории урочища Юрт-Бергамак в 3–4 км от Окунева. Дальнейшее освоение локального культурного пространства, развитие туристической инфраструктуры, несомненно, вызовет к жизни другие сакральные зоны. Несколько лет назад в 2 км от Окунева появилась т.н. поляна Перуна. В центре здесь возвышается столб, на котором укреплен небольшая фигурка божества. К изваянию совершаются подношения. Поляна Перуна

включена в маршруты, предлагаемые приезжающим в Окунево паломникам и туристам.

Распространенные в Окунево религиозные группы (как официальные, так и неформальные) различаются по ритуальным и культовым практикам, используемым сакральным артефактам, поведению и образу жизни. Масштабные церемонии и праздники организуются сторонниками древнеславянских традиций – ежегодный фестиваль «Солнцестояние», «Праздник Перуна» и другие календарные ритуалы. Крупнейшая церемония, проводимая бабаджистами, – Праздник Наваратри. Адепты инглистической церкви организуют празднование Дня Рождения богини Тары.

Окуневский комплекс типологически близок новым сакральным центрам России, выросшим как грибы после дождя на фоне мировоззренческого кризиса постсоветской эпохи: Аркаиму на Южном Урале, дольменам на Кавказе, сейдам Кольского п-ва и многим другим. Сходные процессы получили развитие и за пределами России. Недавно опубликован сборник, посвященный формированию новых сакральных пространств на территории Восточной Европы [Pilgrimage..., 2014].

На втором этапе было проведено этнографическое обследование экологических поселений и общин, сформировавшихся на территории Омской обл. Эти поселения созданы бывшими горожанами, осуществляющими в их рамках свои экологические идеалы. В качестве объекта исследования были выбраны три группы экоселений. Критерием, положенным в основу классификации, выступил идеологический (идейный, мировоззренческий) принцип. При этом идеология поселенцев чаще всего выступает в религиозной оболочке, обычно в форме того или иного НРД. Соответственно, экоселения Омской обл. подразделяются на три группы: 1) поселения «родноверов», «ведических православных» и т.п., основанные на представлениях об изобретаемой «древнеславянской» религии и экологической этике; 2) поселения родовых поместий (ПРП), в основу которых положена идеология широко распространенного в России НРД «Звонящие кедры России», известного также под именем анастасиевцев или анастасийцев; 3) неоиндуистские поселения, созданные на идейных принципах кришнаизма-вайшнавизма. Объединяет движения их экологическая направленность. К первой группе относятся упомянутое выше экоселение на урочище Юрт-Бергамак Муромцевского р-на, поселение Азь Градь Омского р-на, экологическая община в д. Тимшиняково Тарского р-на. Идеи НРД «Звонящие кедры России» положены в основу поселений Черноозерье (Имбирень) Саргатского р-на, Колобово (Малинкино) Муромцев-

ского р-на, Березовка (Обережное) Горьковского р-на. Они составляют вторую группу поселений. Третья группа представлена на данный момент одним экоселением – «Северная столица» (рядом с с. Сосновка Азовского Немецкого р-на) [Селезнева, Селезнева, 2019, с. 245–247]. Как показали дальнейшие полевые исследования, община кришнаитов в Омском регионе имеет разветвленную структуру. В полевом сезоне 2020 г. нам удалось посетить, в частности, экоферму «Планета коров», созданную и функционирующую усилиями последователей данного религиозного движения.

Религиозно окрашенные экологические движения получили широкое распространение в современной России. В качестве примеров можно назвать обширную сеть анастасиевских ПРП, функционирующих на территории России и в ряде стран ближнего зарубежья, а также крупнейшее экологическое поселение (мегапоселение), созданное в красноярской тайге последователями Церкви Последнего Завета (варианты его названий – *Тиберкуль*, *Город солнца*, *Обитель рассвета* и др.). Участники этого движения известны также под названием *виссариевцев* по имени лидера Церкви, принявшего имя Виссарион (в миру Сергей Тороп). Эти и подобные экологические движения стали объектом изучения специалистов разного профиля: социологов, антропологов, экологов и т.д. [Там же, с. 240–241, 243–245; Tysiachniouk, Kulyasova, Kulyasov, 2000; Urbańczyk, 2017; Morawiecki, 2010; Pranskevičiūtė, 2010, 2012, 2015; Rybakova, Gomanova, 2014]. Одна из последних работ – публикация сотрудника Института археологии и этнографии СО РАН И.В. Октябрьской с соавтором, посвященная анастасиевским поселениям Новосибирской обл. [Октябрьская, Чиркина, 2019].

Идейная основа экоселений определяет стратегию освоения окружающего пространства, а также формат изобретаемых мифологии и обрядности. Все поселенцы являются вегетарианцами. Праздники носят характер коллективных торжеств с участием практически всех жителей поселений. Праздничные дни в общинах родноверов приурочены к основным календарным датам – дням равноденствия и солнцестояния. Последователи движения «Звонящие кедры России» строят свою жизнь на основе серии книг Вл. Мегре о таежной женщине Анастасии. Главный праздник в общине анастасиевцев – День Земли 23 июля. На праздниках водят хороводы, произносят здравицы в честь Матери-Земли и славянских богов. В анастасиевских ПРП в ходе праздничных мероприятий участники высаживают деревья.

Осмысление эмпирических материалов позволило сделать некоторые обобщения теоретического характера. Прежде всего, обращает на себя внима-

ние явное сходство ритуальных практик и мифологических мотивов, получивших развитие в рамках традиционных и новейших сакральных комплексов. Одним из таких ярких мотивов является приуроченность традиционных святилищ к символически «вечным» объектам: горе, пещере, отдельным большим камням, деревьям, живописным озерам или речным долинам. Эти и подобные объекты, связывающие воедино пространство и время (вечность!), составляют естественную основу хронотопа культового комплекса. Особое положение занимают выделяющиеся на местности археологические памятники разных эпох. Многие «места силы» современной эпохи в той или иной степени связаны с памятниками археологии: скифские погребения Укока, окуневские изваяния в Хакасии, Долина царей в Тыве, дольмены на Кавказе, сакрально-туристические комплексы Болгара и Свяжска в Татарстане. Аркаим [Shnirelman, 2013] и «алтайская принцесса» Укока [Broz, 2009, p. 50–51, 66; 2011, p. 266–268, 275–276; Halemba, 2008, p. 283–287, 294–297; Plets et al., 2013, p. 74–84, 88–93] – самые известные в России случаи. В Европе наиболее популярен, конечно, Стоунхендж [Wallis, 2015; Cusack, 2012].

Археологический компонент занимает важное место в рождении и функционировании феномена Окунева. Причудливое осмысление археологического наследия характерно для мифологии бабаджистов, «ведических православных» (ревнителей древнеславянских традиций) и других культурно-религиозных групп. Так, широкое отражение в местной мифологии нашло открытие могильника Усть-Тара VII, находящегося в 45 км от д. Окунево и относящегося к раннему Средневековью. В ходе раскопок в могильнике было зафиксировано 8 могил, причем у части погребенных отмечаются признаки искусственной деформации (удлинения) черепов. В среде окуневских эзотериков быстро распространился миф, согласно которому погребенные были жрицами некоего культа, обладавшими каналом связи с высшим божественным миром. Местные энтузиасты создали большое «капище», как бы реконструирующее место захоронения жриц. На нем периодически проводились неоязыческие ритуалы. Важную роль в сакрализации пространства Татарского Увала, являющегося священным ядром Окунева, сыграло то обстоятельство, что здесь находится ряд археологических памятников от эпохи неолита до позднего Средневековья, и на протяжении тысяч лет формировался разновременный некрополь.

В наши дни археологические памятники подвергаются сакрализации более охотно, нежели пещеры, деревья или камни. В эпоху модерна и информа-

ционных технологий использовать объектом своих фантазий столь интеллектуально насыщенный комплекс, как археологический памятник стало модно и престижно. Однако качественных различий здесь нет: новая оккультно-мистическая мифология и обрядность, связанная с археологическими объектами, является лишь модернизацией весьма архаичных традиционных представлений и архетипов.

Важной частью хронотопа Омского региона является распространенный в неорелигиозной среде этиологический миф о великом городе, который существовал в течение сотен тысячелетий на месте г. Омска. Назывался город Асгард Ирийский от имени р. Иртыш – Ирий. Этот миф широко популяризируется в прессе и Интернете. Нам много раз приходилось слышать его варианты в ходе наших экспедиционных поездок. В 2017 г. мы посетили интересную экологическую общину, которая образовалась в д. Тимшиняково Тарского р-на Омской обл. Члены общины являются последователями упомянутого выше НРД Древнерусской церкви православных староверов-инглингов. А миф об Асгарде Ирийском как раз излагается в т.н. «Славяно-арийских ведах», которые были изданы в начале 2000-х гг., с тех пор несколько раз переиздавались и являются главной священной книгой инглистического движения.

Активным популяризатором данного мифа является известный актер Александр Михайлов. Он тесно связан с мистическими движениями Омского региона. Ему принадлежит родовое поместье в экологическом поселении Азь Градь неподалеку от Омска. Мотивацией выбора именно этого места является древний священный город, существовавший на месте Омска сотни тысяч лет назад. Не последнюю роль играют и ссылки на «археологические» материалы, озвученные в одном из публичных выступлений актера: *«Мало кто знает, что не 300 лет вашему городу Омску, а 330 тыс. лет. Здесь, когда происходили смещения континентов, была цивилизация, как племя майя, как на Тибете была цивилизация, в Непале, и здесь были русичи, асы, ариш, гиперборейцы, они вышли, три ветви вышли, одна на Кавказ вышла ветвь, на Урал вышла ветвь, здесь открывается Аркаим, третья вышла сюда, в Сибирь, и река здесь была не Иртыш, а Ирий, Ирий и Омь, вот это слияние, здесь сегодня святые места, захоронения, оказывается, что древнейшие поселения были в Омске, одни из самых древнейших поселений. И все это возвращается, возвращается, и мы даже существуем в этом информационном поле, живем в этой генетической памяти...»* [Селезнева, 2014, с. 66].

Следует отметить, что как всякий миф эпохи постмодерна, сказание об Асгарде подкрепляется

квазинаучной «аргументацией». Последняя включает в себя «лингвистические» доводы о совпадении названий р. Омь и г. Омска с первозвуком Вселенной «Ом» в индуистской мифологии; и названия р. Тары с именем богини Тары в буддизме. Кроме того приводятся «исторические» ссылки на картографические материалы С.У. Ремезова. Несмотря на то, что в литературе рассмотрены реальные истоки и изложена рациональная критика данного мифологического мотива, он получил весьма широкое распространение. Характерно, что название вышеупомянутого поселения Азъ Градь является намеренной огласовкой термина Асгард Ирийский.

Полагаем, что социальной базой подобной мифологии является состояние психологической фрустрации в связи с утерей регионами России былой экономической и культурной значимости. Усиливаются процессы централизации и концентрации всех культурных и экономических ресурсов практически только в столицах России и одновременно маргинализация остальных территорий. Миф о древнем величественном городе и всю мифологию о суперцивилизациях следует рассматривать как реакцию на нынешнее социально-экономическое положение Омского региона. По сути фрустрации по поводу былых поражений, потерь, унижений, притеснений и ограничений лежат в основе любых националистических и культуралистских мифов.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР № 0329-2019-0005 «Население южнотаежной и лесостепной зон Западной Сибири и Северного Казахстана: историко-культурные реконструкции и современность».

Список литературы

Октябрьская И.В., Чиркина Е.М. Анастасийцы Новосибирской области: культура поселений // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. XXV. – С. 726–730.

Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Современные экологические движения: идеологическая основа, принципы классификации, исследовательские подходы (по материалам Омской области) // Вестн. Ом. ун-та. Сер.: Исторические науки. – 2019. – № 4 (24). – С. 240–250.

Селезнева И.А. Сакральный центр и внешний мир: проблемы взаимодействия // Этнографическое обозрение. – 2014. – № 5. – С. 59–73.

Broz L. Substance, Conduct, and History: “Altaian-ness” in the Twenty-First Century // *Sibirica*. – 2009. – Vol. 8. – N 2, Summer. – P. 43–70.

Broz L. Spirits, Genes and Walt Disney’s Deer: Creativity in Identity and Archaeology Disputes (Altai, Siberia) // *The archaeological encounter: anthropological perspective*. – St. Andrews: Centre for Amerindian, Latin American and Caribbean Studies, University of St. Andrews, 2011. – P. 263–297.

Cusack C.M. Charmed Circle: Stonehenge, Contemporary Paganism, and Alternative Archaeology // *Numen*. – 2012. – N 59. – P. 138–155.

Halemba A. What does it feel like when your religion moves under your feet? Religion, Earthquakes and National Unity in the Republic of Altai, Russian Federation // *Zeitschrift für Ethnologie*. – 2008. – Bd. 133, H. 2. – P. 283–299.

Morawiecki J. Syberyjska sekta wissarionowców jako fenomen społeczno-religijny. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Semper, 2010. – 416 s.

Morawiecki J. Krajobraz po odwilży. Poradziecka tożsamość religijna mieszkańców współczesnych miast syberyjskich. – Kraków: Universitas, 2018. – 476 s.

Pilgrimage, Politics and Place-Making in Eastern Europe: Crossing the Borders / eds. J. Eade, M. Katić. – Farnham, England: Ashgate, 2014. – xiv + 187 p.

Plets G., Konstantinov N., Soenov V., Robinsso E. Repatriation, Doxa, and Contested Heritages: The Return of the Altai Princess in an International Perspective // *Anthropology and Archeology of Eurasia*. – 2013, Fall. – Vol. 52, N 2. – P. 73–98.

Pranskevičiūtė R. Vissarion and Anastasia Movements in Lithuania // *Groups and Environments: Interdisciplinary Research Studies*. – Kaunas: Vytautas Magnus University, 2010. – Vol. 2. – P. 201–205.

Pranskevičiūtė R. Modeling the Sacred in Nature among Nature-Based Spirituality Movements: the Case of Vissarionites, Anastasians and Romuvians // *Walking the Old Ways: Studies in Contemporary Paganism* / eds. A. Anczyk, H. Grzymała-Moszczyńska. – Katowice: Sacrum, 2012. – P. 37–60.

Pranskevičiūtė R. The “Back to Nature” Worldview in Nature-based Spirituality Movements: The Case of the Anastasians // *Handbook of Nordic New Religions*. – Leiden: Brill, 2015. – P. 441–456.

Rybakova M.V., Gomanova S.O. Ecovillages in Russia: main approaches and economic opportunities of development // *J. of Intern. Scientific Publications: Ecology and Safety*. – 2014. – Vol. 8. – P. 3–13. – URL: <https://www.scientific-publications.net/get/1000001/1401629640825592.pdf>

Shnirelman V.A. Nationalism and archaeology // *Anthropology and Archeology of Eurasia*. – 2013. – N 2 (52). – P. 13–32.

Tysiachniouk M.S., Kulyasova A.A., Kulyasov I.P. Greening of new religion in Russia: Tibercule case study // *Fostering a sustainable future* / eds. M. Tysiachniouk, N. Deang. – St. Petersburg: State Univ. Press, 2000. – P. 145–161.

Urbańczyk J. “What if it is actually true?” Vissarion’s Followers from Eastern Europe and their Path to the Last

Testament Church Community in Siberia // *Nova Religio: The Journal of Alternative and Emergent Religions*. – 2017. – Vol. 20. – N 3. February. – P. 74–100.

Wallis R.J. Paganism, Archaeology and Folklore in Twenty-first-century Britain: A Case Study of ‘The Stonehenge Ancestors’ // *Journal for the Academic Study of Religion: Special Issue: Religion, Archaeology and Folklore*. – 2015. – N 28 (2). – P. 129–157.

References

Broz L. Substance, Conduct, and History: “Altaian-ness” in the Twenty-First Century. *Sibirica*, 2009, vol. 8, No. 2, summer, pp. 43–70.

Broz L. Spirits, Genes and Walt Disney’s Deer: Creativity in Identity and Archaeology Disputes (Altai, Siberia). In *The archaeological encounter: anthropological perspective*. St. Andrews: Centre for Amerindian, Latin American and Caribbean Studies, Univ. of St. Andrews, 2011, pp. 263–297.

Cusack C.M. Charmed Circle: Stonehenge, Contemporary Paganism, and Alternative Archaeology. *Numen*, 2012, No. 59, pp. 138–155.

Eade J., Katić M. (eds). *Pilgrimage, Politics and Place-Making in Eastern Europe: Crossing the Borders*. Farnham, England: Ashgate, 2014, xiv + 187 p.

Halemba A. What does it feel like when your religion moves under your feet? Religion, Earthquakes and National Unity in the Republic of Altai, Russian Federation. *Zeitschrift für Ethnologie*, 2008, Bd. 133 (2), pp. 283–299.

Morawiecki J. *Syberyjska sekta wissarionowców jako fenomen społeczno-religijny*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Semper, 2010, 416 s.

Morawiecki J. *Krajobraz po odwilży. Poradziecka tożsamość religijna mieszkańców współczesnych miast syberyjskich*. Kraków: Universitas, 2018, 476 s.

Oktyabrskaya I.V., Chirkina E.M. The Anastasians of Novosibirsk Region: Culture of the Settlement. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019, vol. XXV, pp. 726–730. (In Russ.).

Plets G., Konstantinov N., Soenov V., Robinsón E. Repatriation, Doxa, and Contested Heritages: The Return of the Altai Princess in an International Perspective. *Anthropology and Archeology of Eurasia*, 2013, fall, vol. 52 (2), pp. 73–98.

Pranskevičiūtė R. Vissarion and Anastasia Movements in Lithuania. In *Groups and Environments: Interdisciplinary Research Studies*. Kaunas: Vytautas Magnus University, 2010, vol. 2, pp. 201–205.

Pranskevičiūtė R. Modeling the Sacred in Nature among Nature-Based Spirituality Movements: the Case of Vissarionites, Anastasians and Romuvians. In *Walking the Old Ways: Studies in Contemporary Paganism*. Katowice: Sacrum, 2012, pp. 37–60.

Pranskevičiūtė R. The “Back to Nature” Worldview in Nature-based Spirituality Movements: The Case of the Anastasians. In *Handbook of Nordic New Religions*. Leiden: Brill, 2015, pp. 441–456.

Rybakova M.V., Gomanova S.O. Ecovillages in Russia: main approaches and economic opportunities of development. *Journal of International Scientific Publications: Ecology and Safety*, 2014, vol. 8, pp. 3–13. URL: <https://www.scientific-publications.net/get/1000001/1401629640825592.pdf>

Seleznev A.G., Selezneva I.A. Modern Ecological Movements: Ideological Basis, Principles of Classification, Research Approaches (Based on Materials from the Omsk Region). *Herald of Omsk University. Series “Historical Studies”*, 2019, No. 4 (24), pp. 240–250, DOI: 10.24147/2312-1300.2019.4.240-250 (In Russ.).

Selezneva I.A. The sacral center and the outside world: the problems of interaction. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2014, No. 5, pp. 59–73 (In Russ.).

Shnirelman V.A. Nationalism and archaeology. *Anthropology and Archeology of Eurasia*, 2013, fall, No. 2 (52), pp. 13–32.

Tysiachniouk M.S., Kulyasova A.A., Kulyasov I.P. Greening of new religion in Russia: Tibercule case study. In *Fostering a sustainable future* / eds. M. Tysiachniouk, N. Deang. St. Petersburg: State Univ. Press, 2000, pp. 145–161.

Urbańczyk J. “What if it is actually true?” Vissarion’s Followers from Eastern Europe and their Path to the Last Testament Church Community in Siberia. *Nova Religio: The Journal of Alternative and Emergent Religions*, 2017, vol. 20, No. 3, February, pp. 74–100.

Wallis R.J. Paganism, Archaeology and Folklore in Twenty-first-century Britain: A Case Study of ‘The Stonehenge Ancestors’. *Journal for the Academic Study of Religion: Special Issue: Religion, Archaeology and Folklore*, 2015, No. 28 (2), pp. 129–157.

Селезнев А.Г. <https://orcid.org/0000-0001-6096-7190>

А. Сэкия

преф. Гумма, Маэбаси, Япония
E-mail: sekiya2012@yahoo.co.jp

Примеры поклонения духу лошади на Алтае и в Японии

В статье рассматриваются результаты исследований, проведенных в Кош-Агачском р-не Республики Алтай около с. Ортолык, а также на территории Японии в небольших горных деревнях. В ходе экспедиционных исследований был собран материал об использовании лошадей в домашнем хозяйстве на протяжении последнего столетия. Основное внимание уделено изучению вопроса сохранения древней традиции почитания духа лошади. В первой части статьи описаны обычаи алтайских народов. Зафиксирован обряд вывешивания шкур принесенных в жертву лошадей на деревья (тополя), которые растут в долине в русле высохшей горной речки. На основе полученной от местных жителей информации автор делает вывод о том, что вывешивание шкуры лошади на дерево приближало принесенную жертву к богам, которые обитали на небе; обряд жертвоприношения проводился для достижения общего благополучия рода. Во второй части статьи изложен собранный на территории ряда префектур Японии материал об использовании лошади в хозяйстве, о возможных местах захоронения лошадей. Немало места уделено почитанию буддийских божеств, напрямую отвечающих за благополучие животных. Прежде всего, речь идет о Бато-Каннон, божестве, охраняющем скот, молитвы которому обеспечивали второе рождение животных и умиротворение их духов. Период почитания Бато-Каннон продолжался со второй половины эпохи Эдо до эпохи Сёва, но в настоящее время культ богини с лошадиной головой переживает упадок; во многих частях страны статуи и святылища Бато-Каннон заброшены. В статье также проанализированы обряды с лошадьми, проводимые в новогодние праздники в горных деревнях.

Ключевые слова: поклонение, культ, лошадь, Алтай, Япония, жертвоприношение.

A. Sekiya

Gunma prefecture, Maebashi, Japan
E-mail: sekiya2012@yahoo.co.jp

Examples of Horse Spirit Worship in the Altai Mountains and in Japan

The article discusses the results of surveys carried out in the Kosh-Agach region of Altai Republic near the village of Ortolyk, as well as in small mountain villages in Japan. Materials on the household equine use over the past century were collected during the surveys. The author focused his attention on the issue of preserving the ancient tradition of the horse spirits worship. The first section of the article provides an overview of the Altai people customs. The ritual of sacrificed horsehide hanging on the trees (poplars) growing in the valley of a dried out mountain river has been recorded. Based on information collected from local residents, author concludes that hanging of a horsehide on a tree brought the offering closer to those living in the Upper World, in the sky, i.e. to Gods; the rite of sacrifice was carried out to achieve the general well-being of the clan. The second section of the article provides data on equine use in households of a number of prefectures in Japan as well as information on potential burial places for horses. Author pays a lot of attention to the veneration of the Buddhist deities who are directly responsible for the livestock welfare. The foremost attention is paid to Bato Kannon, a deity that protects animals and prayers to whom ensure pacification of their spirits and their rebirth. The veneration period of Bato Kannon lasted from the second half of the Edo period up to the Showa period, but at present the cult of horse-headed goddess is in decline and the statues and sanctuaries of Bato Kannon are abandoned in many prefectures of Japan. The article also analyzes the horse-related New Year rites in certain mountain villages.

Keywords: worship, cult, horse, Altai, Japan, sacrifice.

Введение

Начиная с 1990 г. по приглашению Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск) я уже в течение 30 лет знакомлюсь с ходом раскопок Денисовой пещеры. В 2019 г. первые 10 дней пребывания на Алтае я осматривал Денисову пещеру, стоянку Карама и другие памятники эпохи палеолита. Вторая половина поездки была посвящена изучению современных традиций коренных народов Алтая.

Так же, как и японцы, эти народы проживают небольшими группами и занимаются разведением скота; есть и районы, где на более равнинной местности выращивают пшеницу, гречиху, подсолнечник и другие сельскохозяйственные культуры. Коровы, овцы, козы и лошади находятся на свободном выпасе, а свиней, кур, уток и другую живность держат в деревнях. Один из пожилых информантов сетовал на то, что скотоводством и земледелием сейчас занимаются только старики, а молодежь ищет работу в городе. Как и в Японии, растет количество заброшенных домов, а население в сельской местности сокращается.

20 августа 2019 г. я находился на территории Кош-Агачского р-на Республики Алтай, где неподалеку от небольшого села Ортолык посетил место поклонения духу лошади, которое произвело на меня самое большое впечатление из всех, полученных за годы этнографических исследований.

Связь лошадей и человека в прошлом в Японии была неразрывной: лошади были транспортным средством, на них перевозили грузы, их использовали для сельскохозяйственных работ. На Алтае лошади использовались точно так же, и во время путешествий я видел на дорогах всадников и телеги с запряженными в них лошадьми или лошадью, работающих в сенокосе. Я решил сравнить увиденное во время путешествия по Алтаю и ситуацию с поклонением духу лошади в Японии.

Пример поклонения духу лошади на Алтае

Место поклонения духу лошади находится недалеко от Чуйского тракта, рядом с с. Ортолык. Вдоль небольшой

речки, текущей с гор, которые находятся в 4 км севернее, есть ряд тополей протяженностью ок. 1 км.

У подножия снежников и вокруг этих тополей чередуются участки, покрытые короткой травой и скатившимися с гор камнями. Горы на севере разделяют северный Улаганский и южный Кош-Агачский р-ны; самая высокая точка Курайского хребта 3 482 м, а высота над уровнем моря превышает 3 000 м. Ортолык находится на высоте ок. 1 900 м над ур. м., а ряд тополей расположен на постепенно поднимающемся до 2 000 м над ур. м. склоне.

На ветках тополей висят останки лошадей (см. рисунок). Мне довелось увидеть останки шести лошадей на ближайших ко мне деревьях. На тополях, растущих ближе к горам, есть еще лошади, но это свежие останки, и из-за сильного неприятного запаха к ним лучше не приближаться.

Шкура жертвенной лошади на ветке дерева у с. Ортолык, Кош-Агачский р-н Республики Алтай.

Останки лошадей висят не на всех деревьях подряд: их нет на невысоких тополях или деревьях с недостаточным количеством веток, а потому в ряду есть пропуски в 2–3 дерева.

Состояние шести висящих на тополях лошадей следующее (вверх по течению (1–6)).

(1) Останки лошади висят на растущей в сторону гор левой большой ветке ближе к стволу дерева. Глаза лошади полузакрыты, а рот открыт так, что видны верхние и нижние зубы. От скелета оставлены только голова и копыта. Высота ветки над землей ок. 2,5 м, а потому можно предположить, что для того, чтобы повесить останки, использовалась лестница или какая-то подставка.

(2) Лошадь висит на первой левой протянувшейся в сторону гор ветке дерева. Голова висит на ветке в сторону снежников, передняя половина туловища и передние ноги обращены в противоположную сторону, а задняя половина и задние ноги, как и голова, висят на сторону, обращенную к снежным вершинам. Высота ветки над землей ок. 2,5 м, бедро лошади касается ствола, а голова находится на высоте ок. 3 м. Сохранились четыре копыта, костей ног нет. Можно предположить, что для подвешивания останков использовалась лестница или какая-то подставка.

(3) Останки белой лошади висят на первой левой ветке дерева, протянувшейся от ствола в сторону снежников. Голова лошади отвернута в противоположную от гор сторону, основная часть спины лежит на ветке. Передняя часть туловища и передние ноги свешиваются по обе стороны ветки, будучи обращенными к горам и в противоположную сторону. Хвост лошади касается ствола и обращен в сторону снежников. Высота ветки над землей ок. 3 м, а голова находится на высоте ок. 4 м. Кости нижней части ноги, голени, остались на всех четырех конечностях, верхних костей нет. Сохранены копыта. Чтобы подвесить останки, вероятно, использовалась лестница или какая-то подставка.

(4) Останки лошади висят на первых правой и левой ветках дерева, обращенных в сторону снежников. Голова и передняя часть туловища находятся на левой ветке, туловище лежит рядом со стволом со стороны, обращенной к горам, а задние ноги и хвост повернуты в сторону гор и висят на правой ветке. Голова касается ствола, сохранились четыре копыта, костей ног нет. Высота левой ветки над землей ок. 2,5 м. Чтобы подвесить останки, вероятно, использовали лестницу или подставку. Ветки вытянуты вправо и влево, поэтому также возможно, что поднявшиеся на дерево люди принимали останки у тех, кто остался на земле.

(5) Останки лошади висят на второй горизонтальной ветке дерева. Ветка, на которой висит ло-

шадь, вытянулась в сторону снежников. Голова находится рядом со стволом, туловище и круп удалены от него. Голова обращена в сторону гор, передние ноги, туловище и задние ноги висят по отдельности спереди и сзади на ветках (кожа спины лежит на ветке, живот вскрыт и левая и правая стороны свешиваются с ветки как белье при сушке). На всех четырех конечностях сохранены кости и копыта. Высота ветки над землей ок. 3 м.

(6) Из всех шести деревьев с лошадьми это ближайшее к селу дерево: дальше на юг, в сторону поселения, растут только четыре тополя. Останки лошади висят на левой горизонтальной ветке, направленной в сторону снежников. Голова и шея находятся со стороны гор, туловище, передние и задние ноги висят по обе стороны ветки (живот вскрыт и висит как белье для просушки, так же, как и у пятой лошади). Голова удалена от ствола, а круп находится рядом с ним. Как на передних, так и на задних ногах сохранены кости и копыта. Высота ветки над землей ок. 3,5 м.

Мы можем предположить причины, по которым возник обычай развешивать на деревьях останки лошадей, или, как он называется у местного населения, *устуг*. *Устуг* – это алтайское слово, имеющее смысл «предназначенный для небесного божества», мы можем понять его как деяние, посвященное божеству. Так же у местного населения называется и жертвоприношение божеству. По-алтайски «жертвоприношение» – *ыйык* и *барылгы*, поэтому можно считать, что действия до и после развешивания останков лошади на дереве – это тоже жертвоприношение богам.

Как уже было отмечено выше, у шести повешенных на деревья лошадей сохранены головы с черепами, тогда как позвоночник, ребра и мясо отсутствуют, а от них оставлена только шкура. Что касается конечностей, то у некоторых из лошадей кости сохранились частично или же отсутствуют совсем, но во всех шести случаях сохранены копыта. У всех шести лошадей оставлены гривы и хвосты.

Исходя из этого, можно предположить, что лошадью убивали поблизости от дерева, непосредственно перед тем, как их на нем развесить, удалив мясо, внутренности, позвоночник и ребра и оставив только шкуру с черепом. Причины, по которым из конечностей удаляли кости полностью, частично, или же оставляли их нетронутыми, в настоящее время неизвестны. Местные жители, убивая лошадь рядом с деревом непосредственно перед тем, как развесить ее останки, осознавали, что приносят ее в жертву.

Почему же останки жертвенной лошади вешали на дерево? Я попытался выяснить причину этого,

расспрашивая местных стариков, и получил следующие объяснения.

Прежде всего, местные жители верят, что в каждом из тополей живет дух дерева. Полагаю, что развешивая останки лошади на дереве, приносят жертву духу дерева, прося у него здоровья для членов семьи и безопасности для скота. Количество скота для алтайцев означает благополучие и богатство семьи, поэтому безопасность скота так же важна, как и здоровье членов семьи.

Еще одно значение церемонии развешивания останков лошади на дереве связано со смыслом слова *устуг* – «предназначенный для небесного божества» или же «жертвоприношение небесному божеству». Вероятно, можно считать, что, принося жертву дереву, молились небесному божеству о здоровье и безопасности скота и семьи.

Кроме того, местный старик сообщил мне, что принося лошадь в жертву, ее вешают на высокое дерево, чтобы ее дух был ближе к небесному миру. Мне пояснили, что высокое дерево лучше для духа лошади.

Таким образом, повешенные на дерево останки лошади не только помогают упокоить ее дух, но также являются жертвоприношением божеству. Так алтайцы выражают надежду на ее возрождение, которое предотвратит уменьшение достояния принесшего жертву.

Примеры почитания духа лошади в Японии

В Японии примерно до второй половины эпохи Сёва (эпоха Сёва – 1927–1989 гг.) лошадей обычно использовали для сельскохозяйственных работ и транспортировки грузов. Я видел немногочисленных всадников, перемещавшихся по горам. Со второй половины эпохи Сёва лошадей в сельскохозяйственных работах и транспортировке постепенно заменил более сильный крупный рогатый скот (в части регионов Японии в таких целях с древности использовали коров).

По словам моего знакомого, г-на Цутому Накадзима, занимающегося сельским хозяйством в г. Минаками-тё, р-н Тонэ, преф. Гумма, в его семье держали лошадей, которых использовали в земледелии и в качестве тягловой силы, пока был жив его отец. Когда дела стал вести сам Накадзима-сан, его соседи стали заниматься разведением коров, которые уступали лошадям в скорости при перевозке грузов, но были сильнее их, поэтому и сам Накадзима-сан продал лошадей и переключился на крупный рогатый скот. В скором времени подешевела сельскохозяйственная техника, и он перестал заниматься разведением коров.

По словам Накадзима-сан, когда в период ведения им хозяйства умирала лошадь, ее просто хоронили в яме, вырытой где-нибудь на незанятом участке лугов без какого-либо оплакивания ее духа. Что касается мест захоронения, то определенного кладбища для лошадей не было и на землях самого Накадзима-сан есть несколько таких мест. Накадзима-сан не слышал о том, чтобы даже во времена его отца ели конину до или после гибели лошади, поэтому можно считать, что, если лошадь умирала в Минаками, ее просто закапывали целиком где-нибудь на свободном участке земли.

Накадзима-сан проводил меня на место с каменными статуями Бато-Каннон (в индуизме воплощение Вишну с лошадиной головой, известное в Японии как Каннон с лошадиной головой), Дзидзо босацу (бодхисатва Дзидзо, покровительствующий детям) и другими каменными стелами Косинто, находящееся на берегу р. Тонэ на расстоянии 500 м в южном направлении от деревни, где он живет. В прошлом здесь была обочина старинной дороги, шедшей от д. Фудзивара вдоль дома г-на Накадзима в сторону местности Одзе в верхнем течении р. Тонэ. В настоящее время там растет криптомериевый лес, а раньше, судя по рассказам, это была местность, поросшая кустарником.

Пока был жив отец Накадзима-сан, на Новый год люди здесь завязывали веревки Ситигосан-нава (в честь детей, которым исполнилось 3, 5, 7 лет) и приносили сюда рисовые лепешки моти, а на Косёгацу, Малый Новый год, отмечаемый 15 января, жители украшали это место кедзурибана, цветами из древесной стружки, молясь Бато-Каннон и бодхисатве Дзидзо об убажании духа лошадей, о том, чтобы духи Косин дали хороший урожай, а Каннон и Дзидзо передали предкам-родственникам и духам домашнего скота их почтение. К сожалению, во время посещения я заметил, что за этим местом уже не ухаживают в течение длительного времени, а потому многие статуи и стелы упали со своих пьедесталов и поросли мхом.

На своих местах остались только буддистские статуи Дзидзо и Каннон, воздвигнутые в эпоху Бунсэй (1688–1704 гг.), и стелы Косинто, поставленные в эпоху Генроку (1818–1831 гг.). Деревни Минаками-тё – Фудзивара находятся в северо-восточной части преф. Гумма вблизи от границы с префектурами Ниигата и Фукусима.

Далее я хотел бы упомянуть о традициях деревень Кицунегая и Эннью, находящихся в противоположной западной части преф. Гумма рядом с г. Аннака, р-н Мацудай. Обе деревни расположены поблизости от преф. Нагано. На въезде в обе деревни есть святилища и статуи богини Каннон с лошадиной головой, Бато-Каннон, воздвигнутые там в пер-

вой половине XIX в. в эпоху Эдо. По словам жителей обеих деревень, 14 января Бато-Каннон и другим каменным статуям подносят цветы из стружки кедзурибана (в Кицунегая это могут быть и мечи из дерева), а 8 февраля ранним утром проводят мемориальную службу с рисовыми лепешками бота-моти.

Таким образом, можно сказать, что в некоторых местностях существовала ежегодная церемония поклонения духу лошади, а в других она жива и в наше время.

Изначально в буддизме Бато-Каннон была божеством-защитником. Бато-Каннон всегда выглядит очень разгневанной, и, как говорят, она сокрушает разных злых духов и помогает простым людям. Статуи богини имеют лица с одной или тремя сторонами, а на лбу многих из них изображена лошадь. У статуй с двумя руками руки сложены в молитвенном жесте (промежуток между ладонями означает рот лошади). Есть статуи с четырьмя, восемью или множеством рук, в которых богиня держит драгоценный круг ринбо, облегчающий путешествия, бутылочку с водой для омовений мидзугамэ, драгоценный меч хокен и топор. Меч и топор нужны богине, чтобы сокрушать демонов.

Благодаря расширению народных верований в эпоху Эдо, Бато-Каннон изначально бывшая в буд-

дизме богиней-хранительницей, стала божеством, охраняющим скот, молитвы которому обеспечивали его безопасность, второе рождение животных и умиротворение их духов. Во вторую половину эпохи Эдо повсеместно воздвигают святилища и каменные статуи Бато-Каннон. Период активного почитания Бато-Каннон продолжался со второй половины эпохи Эдо до эпохи Сёва, а в настоящее время культ богини с лошадиной головой переживает свой упадок. Поэтому во многих частях страны статуи и святилища Бато-Каннон заброшены. Это неизбежно еще и из-за сокращения количества заводчиков лошадей.

Заключение

Благодаря поездке на Алтай, я узнал об одном из народных обычаев, когда останки лошади развешивают на деревьях, в частности тополях, с целью почитания духа лошади и принесения жертвы богам. Это стало стимулом для меня, чтобы выяснить, как в Японии почитают духов домашнего скота, а именно лошадей. Нельзя сказать, что в настоящее время собранного материала большое количество, а потому в будущем необходимо продолжать сбор данных в России и Японии.

К.Н. Тихомиров✉, М.Н. Тихомирова
Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: ktikhomirov@gmail.com

Новые сведения по истории Аубатканско-Яланкульского куста поселений татар Большереченского района Омской области

Вводятся в научный оборот полученные летом 2020 г. материалы по истории, системе расселения и хозяйству одной из групп западносибирских татар, живущих в отдаленном, труднодоступном регионе на границе Большереченского, Колосовского и Саргатского р-нов Омской обл. Обнаруженные архивные материалы раскрывают их раннюю историю и показывают систему расселения во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Их дополняют данные, сообщенные местными жителями, и результаты археологического обследования местности. Это позволяет достоверно узнать некоторые аспекты первого этапа обоснования этой группы населения на новой территории и проследить их дальнейшую судьбу. В результате изучения архивных документов был обнаружен план этого района 1869 г., где были указаны все ныне исчезнувшие населенные пункты. Опрос местных жителей позволил получить информацию о традиционной планировке деревень и расположении нескольких из них, в частности было указано конкретное расположение исчезнувшей д. Куртайлы и кладбища, относящегося к ней. После археологического обследования территории это место было найдено. Была получена информация о традиционных хозяйственных занятиях бухарцев: животноводстве, торговле, земледелии, рыболовстве. Юрты Аубатканские были старейшим населенным пунктом в этом регионе. Куртайлы, Комуслы/Кумуслы, Куйгалы, Яланкуль были выселками, Мереткульские – заимкой. Выселок Яланкульский возник позже других. Выселки и заимки располагались на озерах, вблизи мест выпаса скота и рыбной ловли. Возможно, часть из них были сезонными поселениями.

Ключевые слова: Западная Сибирь, северная лесостепь, левобережье р. Иртыш, XVIII – начало XXI в., бухарцы, история, система расселения.

Konstantin N. Tikhomirov✉, Marina N. Tikhomirova
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: ktikhomirov@gmail.com

New Information on the History of the Aubatkan–Yalankul Cluster of Tatar Settlements in the Bolsherechensky District of the Omsk Region

Materials obtained in summer 2020 on the history, settlement system, and economy of a remote group of the Siberian Tatars living in a remote region on the border of the Bolsherechensky, Kolosovsky, and Sargatsky districts of the Omsk region are being introduced into scientific circulation. The archival materials obtained reveal their early history and show their settlement system in the second half of the 18th–first half of the 19th century. They are supplemented by the data reported by local residents and the results of an archaeological survey of the area. This makes it possible to reliably find out some aspects of the first stage of justifying this population group in the new territory and to trace their further fate. As a result of the study of archival documents, a plan of this area in 1869 was discovered, which indicated all now disappeared settlements, a survey local residents gave information about the traditional planigraphy of the villages and the location of several of them. In particular, there was the specified specific location of the disappeared village of Kurtayly and its cemetery. As a result of an archaeological survey, this place was found. Moreover, information was received about the traditional economic activities of the Bukhara people (animal husbandry, trade, agriculture, and fishing). Aubatkan yurts were the oldest settlement in this region. Kurtayly, Komusly/Kumusly, Kuygaly, Yalankul were settlements, Meretkulslys were small settlements. The settlement Yalankulsky was the latest in the time of its origin. Settlements and small settlements were located on lakes, near grazing and fishing grounds. Perhaps some of them were seasonal settlements.

Keywords: Western Siberia, northern forest-steppe, left bank of the Irtysh River, 18th to early 21st century, Bokharans, history, settlement system.

В истории Западной Сибири традиционно присутствует диспропорция в исследовании разных народов. Наибольшее число научных работ посвящено изучению культуры русского населения, остальным же уделено незначительное внимание. В частности, мало что известно об истории населения отдаленных татарских деревень в XVIII–XIX вв. Но именно там сохраняются наиболее архаичные черты культуры и способы жизнеобеспечения, находятся сведения, которые могут значительно скорректировать сложившееся представление о культуре западносибирских татар в целом.

Одним из таких значимых и в то же время труднодоступных регионов является участок в междуречье Иртыша и его левого притока Оша, расположенный на границах Большереченского, Саргатского и Колосовского р-нов Омской обл. Здесь в окружении озер и болот компактно проживает группа западносибирских татар, предками которых были в основном бухарцы [Корусенко, 2011, с. 19–29].

Летом 2020 г. Западно-Сибирская историко-этнографическая экспедиция ИАЭТ СО РАН продолжила изучение истории и культуры потомков сибирских бухарцев. Это конгломерат поселений Яланкуль – Аубаткан, расположенный в 60 км к северу от р. Иртыш в районе озер Большой Яланкуль, Урускуль, Кошкуль (местное название Кушкуль – ‘соединенные озера’), Мереткульские, Кумуслинские и др.

Целью работы является введение в научный оборот новых данных по истории населенных пунктов, системе расселения в изучаемом районе.

Этот куст поселений плохо изучен этнографами. Только один раз, в 1975 г., в эту точку Большереченского р-на удалось добраться этнографической экспедиции Омского государственного университета (Науч. архив МАЭ ОмГУ. Ф. I. Д. 73-3, 73-4, 74-1, 75-1). Однако за последние годы вышли две книги краеведов, посвященные д. Яланкуль и окрестным поселениям, в которых содержится ценная информация по интересующим нас вопросам [Садыков, 2011; Шихова, 2018]. Помимо этого, важные сведения по системе расселения бухарцев в этом крае зафиксированы в документах архивов.

Согласно данным Ф.Т. Валеева, С.Н. Корусенко, бухарцами из правобережных населенных пунктов долины Иртыша были основаны кусты поселений на территории современного Большереченского р-на Омской обл. [Бережнова, Корусенко, 2014, с. 93]. Ф.Т. Валеев писал, что переселение татар на новые места происходило путем образования заимок и выселок, выделявшихся из старых аулов. Так, в заимке Кумуслинской поселились выходцы с правобережья Иртыша из Подгорной и Аялынской во-

лостей, в заимке Мереткульской проживали татары д. Себеляковой Подгорной вол. [1980, с. 52–53].

В одном из межевых журналов за 1836 г. юрт Аубатканских Бухарской вол. имеется копия документа за 1765–1766 гг., в котором речь идет о просьбе тарских юртовских бухарцев и, возможно, татар и бухарцев других волостей выделить им земли на левобережье Иртыша в этом районе. В документе встречаются названия озер Аубатканско-Яланкульского куста – оз. Комуслы и Куртайлы, а также будущего Уленкульского куста – р. Ньюоловка, оз. Каракуль и др. (ИАОО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 111. Л. 4–9об.). Вероятно, к началу XIX в. в интересующем нас районе складывается целая сеть из небольших поселений. В «Ведомости Тарского округа об инородческих землях» 1829 г. указаны земли общего владения следующих поселений: Петуховские на оз. Петуховском, Мереткульские на оз. Мереткуль, Кумыслинские на оз. Кумыслы, Аубатканские на оз. Аубатканском и Куртаклинские/Курталинские на оз. Урускуль (ИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 620. Л. 290об.–291).

В фондах ИАОО нами был изучен «Граничный Генеральный план Тобольской губ., Тарского округа, Бухарской волости дачи юрт Аубатканских с выселками Куртайлы, Еланкуль, Кумуслы и Куйгалы, владения бухарцев...», который датируется 1869 г. (на основе данных межевания, проведенного в 1836 г.) (ИАОО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 866. Л. 1–1об.). На нем указаны юрты Аубатканские между оз. Речупово и Кошкуль (Кушкуль) и выселки Кумыслы на оз. Кумыслы, Еланкуль на оз. Большой Еланкуль, Куртай на оз. Урускуль (в одной озерной чаше с оз. Куртайлы) и оз. Кошкуль (Кушкуль), Куйгалинский (между Большим и Малым Куйгалинскими озерами), заимка Мереткуль на оз. Мереткуль (см. рисунок).

Согласно Первой Всероссийской переписи 1897 г., практически все жители здешних поселений записаны как сибирские бухарцы. С.К. Патканов приводит сведения, что на тот момент в юртах Аубатканах (Новых) проживало 378 чел., в выселке Еланкульском – 353 чел., в выселке Комуслинском – 212 чел. [1911, с. 72–73]. Отметим, что в конце XIX в. выселка Куртай на оз. Урускуль, заимки Мереткуль на оз. Мереткуль, а также поселения на оз. Петуховском уже не существовало. В настоящее время в указанном районе осталось лишь два населенных пункта – деревни Аубаткан и Яланкуль.

Топоним Аубаткан, по мнению местных жителей, переводится как *ау* – «сеть» и *боткан* – «утонула», т.е. «утонула сеть». Данные архива позволяют утверждать, что эта деревня здесь наиболее ранняя. В настоящее время она располагается на невысокой, разрезанной логами гриве, идущей

Расположение населенных пунктов бухарцев Аубатканско-Яланкульского куста.

1 – Граничный Генеральный план Тобольской губ., Тарского округа, Бухарской вол. дачи юрт Аубатканских с выселками Куртайлы, Еланкуль, Кумыслы и Куйгалы, владения бухарцев, 1869 г. (ИАОО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 866. Л. 1–10б.); 2 – реконструкция системы расселения бухарцев на основе архивных и этнографических данных.

вдоль западных берегов озер Куакуль и Ряцепкуль (в настоящее время из-за высокого уровня вод они соединяются). На другом берегу указанных озер расположено урочище Мартел, где, по мнению информантов, тоже была деревня и кладбище. На соседней гриве находится современное кладбище деревень Аубаткан и Яланкуль. Местные жители сообщают о том, что раньше единственная улица в Аубаткане шла дальше в сторону оз. Кошкуль. По словам информантов, это был наиболее старый край деревни. Сейчас верхний слой грунта на этой улице срезан и частично вывезен, а остатки складированы в кучи. По рассказам информантов, люди отсюда стали переселяться в другие населенные пункты. Некоторые аубатканцы начали селиться «через лес на большом озере, кишасшем змеями, где основали на высоком берегу деревню под названием Еланкуль» (в настоящее время д. Яланкуль). А некоторые переехали на гриву Куртайлы (*Куртай* – «цапля, аист», *Куртайлы* – «аистный»). Там тоже было кладбище, но потом его распахали. Эти сведения также встречаются в краеведческой литературе [Шихова, 2018, с. 16].

Деревня Яланкуль стоит на гриве, тянущейся вдоль южного берега оз. Большой Яланкуль (*Еланлы* – «змеиное озеро»). Она состоит из нескольких улиц. Наиболее ранней из них считается Школьная (старое название *Кыешь урам* – «кривая улица»), расположенная на северном склоне гривы и примыкающая вплотную к озеру, так что огороды усадеб доходят практически до уреза воды. На ней выделяется наиболее старая часть, расположенная на самом высоком месте у берега. Местные жители называют ее *Бахтияр урам* (улица Бахтияра), поскольку там поселился один из основателей деревни и до сих пор живут его потомки. Информанты сообщают, что изначально здесь было семь домов и семьи жили «кварталами», которые делились проулками (*тыгырык*), позволявшими спускаться к озеру. Одной из главных улиц, проходящей по центру деревни, является ул. Зеленая (местное название *Туры урам*), она проходила вдоль гребня гривы в самом высоком месте.

Местные жители указали нам место одной из брошенных деревень. По их мнению, она находилась к западу от современного кладбища на гриве у оз. Урускуль (Русское озеро), в настоящее время там проходит дорога из д. Чебаклы в Яланкуль и Аубаткан. Они сообщили, что здесь была деревня Куртайлы и кладбище. При этом вспоминали про остатки могил, которые позже заровняли бульдозерами, после чего здесь находили черепа из могил. Впоследствии здесь установили вышку, т.к. это самое высокое место, но она потом упала. Их сведе-

ния совпадают с картографическими данными [Омская область, 2010, с. 152].

Во время полевых работ указанная грива была обследована. Она расположена между оз. Урускуль и Кошкуль (Кушкуль). В 0,9 км (Аз. 0,336, 15°) к северо-западу от нее находится здание почты в д. Яланкуль, в 0,46 км (Аз. 29,93°) к северо-востоку от нее располагается современное кладбище деревень Яланкуль и Аубаткан (юго-западный угол ограды), в 0,48 км (Аз. 250,02°) к западу – юго-западу от него расположено оз. Урускуль, в 0,85 км (Аз. 125,60°) к юго-востоку от него находится оз. Кошкуль. Она округлая в плане, слегка вытянута по направлению северо-восток – юго-запад. По этому направлению она имеет протяженность – 0,9 км, по линии запад – восток – 0,75 км. Ее высота достигает 3 м. Она имеет отлогие склоны. В настоящее время она заросла травой, древесная растительность отсутствует. Она имеет две вершины, разделенные логом, идущим посередине по направлению восток – северо-восток. При обследовании этого места было обнаружено пять впадин прямоугольной в плане формы, размерами 8 × 10 м, глубиной – 0,1–0,2 м, расположенных хаотично на склоне. Таким образом, можно предположить, что это остатки д. Куртайлы.

По свидетельству разнородных источников (письменных, устных), до революции жители поселений Яланкуль и Аубаткан занимались товарным животноводством. Крупный рогатый скот сдавали на мясо и шкуры в г. Таре, а молоко на маслозавод, который был в Яланкуле [Материалы..., 1911, с. 385; Шихова, 2018, с. 21].

Один из информантов рассказывал, что до 1930-х гг. жители летовали (жили в поле – *толада яшизу*) с детьми. Все лето они находились вне деревни рядом со стадом. Там же возделывали зерновые культуры. Кроме того, они занимались рыболовством и торговлей, в т.ч. шелком со Средней Азией по р. Иртыш [Садыков, 2011, с. 280; Шихова, 2018, с. 21].

В целом можно сказать, что в районе оз. Большой Яланкуль, Урускуль, Комуслы и других со второй половины XVIII в. складывается место компактного проживания бухарцев. Юрты Аубатканские были старейшим населенным пунктом в этом регионе. Куртайлы, Комуслы/Кумуслы, Куйгалы, Яланкуль были выселками, Мереткульские – заимкой. Выселок Ялакульский возник позже других. Выселки и заимки располагались на озерах, вблизи мест выпаса скота и рыбной ловли. Возможно, часть из них были сезонными поселениями. Это позволяло максимально эффективно использовать природные ресурсы в данном районе.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР № 0329-2019-0005 «Население южнотаежной и лесостепной зон Западной Сибири и Северного Казахстана: историко-культурные реконструкции и современность».

Список литературы

Бережнова М.Л., Корусенко С.Н. История формирования населения Тарского Прииртышья и изменений в его этническом и этносоциальном составе в конце XVI – XX веке // Этнографо-археологические комплексы народов Тарского Прииртышья: природная среда, этносы, источники. – Омск: Наука, 2014. – С. 73–101.

Валеев Ф.Т. Западносибирские татары во второй половине XIX – начале XX в.: историко-этнографические очерки. – Казань: Татарское кн. изд-во, 1980. – 232 с.

Корусенко С.Н. Сибирские бухарцы в начале XVIII века. – Омск: Издат. дом «Наука», 2011. – 248 с.

Материалы по землевладению и экономическому быту оседлых инородцев Тобольской губернии / под ред. И.А. Андроникова. – Тобольск: Губернская тип., 1911. – 395 с.

Омская область. Атлас. – Омск, 2010. – 328 с.

Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). – СПб., 1911. – Т. 2. Тобольская, Томская и Енисейская губ. – 431 с. – (Зап. ИРГО по отд. статистики; Т. 11, вып. 2).

Садыков Х.К. Малая моя родина – золотая колыбель: из истории бухарцев Тарского уезда: в 2-х ч. – Омск: Изд-во Ом. гос. пед. ун-та, 2011. – Ч. 1. Воспоминания, размышления о Яланкуле и земляках. – 416 с.

Шихова М.Х. Село Яланкуль и его жители – потомки Аvasбакы-шейха. Шаджара. – Омск: Наука, 2018. – 122 с.

References

Andronikov I.A. (ed.) *Materialy po zemlevladienyu i ekonomicheskomu bytu osedlykh inorodtsev Tobol'skoi gubernii.* Tobolsk: Gubernskaya tipografiya, 1911, 395 p. (In Russ.).

Berezhnova M.L., Korusenko S.N. Istoriya formirovaniya naseleniya Tarskogo Priirtysh'ya i izmenenii v ego etnicheskom i etnosotsial'nom sostave v kontse XVI – XX veke. In *Etnografo-arkheologicheskie komplekсы narodov Tarskogo Priirtysh'ya: prirodnyaya sreda, etnosy, istochniki.* Omsk: Nauka, 2014, pp. 73–101. (In Russ.).

Korusenko S.N. Sibirskie bukhartsy v nachale XVIII veka. Omsk: Izdat. dom “Nauka”, 2011, 248 p. (In Russ.).

Omskaya oblast'. Atlas. Omsk, 2010, 328 p. (In Russ.).

Patkanov S.K. Statisticheskie dannye, pokazyvayushchie plemennoi sostav naseleniya Sibiri, yazyk i rody inorodtsev (na osnovanii dannykh spetsial'noi razrabotki materiala perepisi 1897 g.). St. Petersburg: 1911, vol. 2. Tobol'skaya, Tomskaya i Eniseiskaya gub. 431 p. (Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu statistiki; vol. 11, iss. 2) (In Russ.).

Sadykov Kh.K. Malaya moy rodina – zolotaya kolybel': iz istorii bukhartsev Tarskogo uезда: v 2 ch. Pt. 1. Vospominaniya, razmyshleniya o Yalankule i zemlyakakh. Omsk: Omsk State Pedagogical Univ. Press, 2011, 416 p. (In Russ.).

Shikhova M.Kh. Selo Yalankul' i ego zhiteli – potomki Avabaky-sheikha. Shadzhar. Omsk: Nauka, 2018, 122 p. (In Russ.).

Valeev F.T. Zapadnosibirskie tatary vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.: istoriko-etnograficheskie ocherki. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1980, 232 p. (In Russ.).

Тихомиров К.Н. <https://orcid.org/0000-0003-1159-1603>

Тихомирова М.Н. <https://orcid.org/0000-0001-8271-8451>

М.Н. Тихомирова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: marinat24@mail.ru

Пуховой промысел у татар Большереченского района Омской области во второй половине XX – начале XXI века (предварительное сообщение)

Материалы для исследования были получены автором в ходе экспедиционной поездки летом 2020 г. Цель данной статьи состоит в том, чтобы ввести в научный оборот материалы по неизвестному этнографам пуховому промыслу у татар Уленкульского и Яланкульского кустов поселений. До настоящего времени этнографы практически не занимались направленным изучением женских рукоделий западносибирских татар. Хронологические рамки исследования охватывают вторую половину XX – начало XXI в. Новые данные расширяют представление исследователей о домашних хозяйственных занятиях и женских видах труда, способах жизнеобеспечения изучаемых локальных групп населения. В работе приводятся сведения о занятии пуховым промыслом во второй половине XX в., данные о количестве коз в личных подсобных хозяйствах жителей и общие сведения о пуховом козоводстве: породы животных, способы приобретения. Далее описывается технологический процесс получения и изготовления пряжи: вычесывание коз, обработка пуха (очистка от сора, стирка), прядение. В общих чертах рассматривается технология вязки теплых шалей и косынок, варежек и носков, приводятся сведения об орнаментах на вещах. На основании многолетнего изучения хозяйства и материальной культуры западносибирских татар автор делает вывод, что пуховое козоводство было редким явлением в населенных пунктах татар Омской обл. Пуховой промысел был отличительной особенностью Уленкульского и Яланкульского кустов поселений. Во второй половине XX в. производством пуховых вещей на продажу занималось в этих поселениях большинство семей, этот промысел приносил существенный доход.

Ключевые слова: пуховое козоводство, пуховой промысел, традиции, татары, Уленкульский и Яланкульский кусты поселений.

Marina N. Tikhomirova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: marinat24@mail.ru

Downy Handicraft Among the Tatars of the Bolsherechensky District of the Omsk Region in the Second Half of the 20th Century to the Beginning of the 21st Century (Preliminary Information)

The author obtained the research materials during an expedition trip in summer 2020. The purpose of this article is to bring into scientific circulation the materials on the downy handicraft unknown to ethnographers among the Tatars of the Ulenkul and Yalankul cluster of settlements. Until now, ethnographers virtually have not been engaged in the purposeful study of female handicrafts of the Tatars in Western Siberia. The new information expands the researchers' understanding of homework and women's work, the ways of life support of the studied local population groups. The chronological framework of the study covers the second half of the 20th century to the beginning of the 21st century. The paper contains information on the downy handicraft in the second half of the 20th century, as well as information on the number of goats in personal subsidiary farms of inhabitant and general information on downy goat breeding (animal breeds, methods of acquisition). The following describes the technological process of obtaining and making yarn: features of combing out goats, processing of fluff (cleaning from litter, washing), and spinning. The technology of knitting warm shawls and kerchief, mittens and socks are generally considered, and information is provided on the ornaments made on items. Based on the study economy and

material culture of the Tatars in Western Siberia, the author concludes that downy goat breeding was a rare phenomenon in the settlements of the Tatars in the Omsk region. Downy handicraft was a distinctive feature of these settlements. In the second half of the 20th century, most families were involved in the production of downy items for sale. This handicraft provided a substantial income for the Tatar families.

Keywords: downy goat breeding, downy handicraft, traditions, the Tatars, Ulenkul and Yalankul cluster of settlements.

Летом 2020 г. автор статьи собирала полевые материалы по хозяйственным занятиям татар Большереченского р-на Омской обл. в двух кустах поселений: Аубаткан, Яланкуль и Каракуль, Тусказань, Уленкуль, Черналы. В ходе сбора материалов были получены ранее неизвестные сведения о пуховом промысле, которым занимались жители перечисленных поселений в недавнем прошлом (ПМА. Т-106–Т-108). Новые данные расширяют представление исследователей о домашних хозяйственных занятиях и женских видах труда, а также способах жизнеобеспечения локальных групп сельского населения. К тому же в настоящее время у западносибирских татар наблюдается возрождение интереса к своим исконным промыслам, мужским и женским видам домашних занятий. В городах при национально-культурных объединениях и в сельских клубах есть кружки, где татарки всех возрастов изучают различные традиционные виды женских рукоделий. Цель данной статьи состоит в том, чтобы ввести в научный оборот материалы по пуховому промыслу у татар Большереченского р-на, существовавшему в некоторых поселениях со второй половины XX по начало XXI в.

До настоящего времени этнографы практически не занимались направленным изучением женских рукоделий западносибирских татар. В.Б. Богомолов в нескольких работах охарактеризовал ковроткачество [1980]. Не проявляли исследователи интереса и к изучению вязания татарок как одного из видов женского рукоделия, потому что эта техника считалась поздней и заимствованной от славянского населения. Краткая характеристика связанных спицами элементов одежды приведена в работе Е.Ю. Смирновой [2004, с. 39]. В работах, посвященных орнаменту западносибирских татар, в нескольких строках охарактеризован декор на изделиях, связанных ручным способом, правда, с помощью крючка [Богомолов, 1978, с. 170; Буреева, 2011, с. 26].

По рассказам информантов, изготовлением и продажей пуховых вещей занималось население деревень Аубаткан и Яланкуль. Жительница д. Аубаткан Я.А. Яминова 1964 г.р. сообщила, что ее бабушка рассказывала о том, что в довоенные годы местные женщины вязали шали из козьего пуха (сиб. тат. *ицке тебет* / волго-урал тат. *кэжэ мамыгы*) и ходили в д. Владимировка Колосовского р-на Омской обл., где выменивали их на картофель.

Воспоминания информантов подтверждаются архивными документами. В сведениях по животноводству жителей данного куста поселений за 1924 г. среди животных, содержащихся в личных подсобных хозяйствах, упоминаются козы: в Яланкуле – 17, Аубаткане – 12, Камуслах – 21, а в ауле Решетово, где проживали казахи, – 24 (ТФ ИАОО. Ф. 735. Оп. 1. Д. 326. Л. 43). Правда, в таблице не указано, идет ли речь о козах пуховых или, допустим, молочных. Мы исходим из того, что на протяжении всего прошлого столетия в этих поселениях было хорошо развито молочное скотоводство. В начале XX в. оно имело товарную направленность: население сбывало коровье молоко на маслодельные заводы [Материалы..., 1911, с. 385].

В 1960–1970-х гг. татарки Уленкульского куста поселений вязали теплые платки (шали), а позже еще и теплые косынки, паутинки, мелкие вещи (варежки и носки) на продажу в русские деревни, районный центр и город. По рассказам Д.З. Кучуковой 1961 г.р. в д. Тусказань в ее детстве и отрочестве коз держали во всех домах, где проживали женщины: «Только там, где были вдовцы, коз не держали» (ПМА. Т-107. Л. 49–50), т.е. наш информант хотела сказать, что чесание коз, обработка пуха и вязание были женским занятием. Мать информанта продавала вязаные вещи в бывшем центральном поселении округа – с. Евгацино Большереченского р-на, в р.п. Большеречье на вокзале и в больнице. Она могла подойти к людям и предложить купить пуховые вещи или вязала их на заказ.

А.З. Рачапова 1959 г.р. рассказала, что, когда ей было 17 лет, она училась в г. Таре в педучилище и ей нужно было пальто. И тогда мать дала ей три клубка и сказала связать шаль и продать, что она и сделала. За вырученные 120 руб. она купила себе пальто. Свекровь А.З. Рачаповой тоже вязала шали и ездила их продавать из д. Черналы в соседнюю с с. Евгацино д. Решетниково. В конце XX в. некоторые татарки изготовленные вещи сдавали на продажу в комиссионный магазин в р.п. Большеречье.

Согласно имеющимся в Научном архиве МАЭ ОмГУ выпискам из похозяйственных книг за 1975 г., в с. Уленкуль, деревнях Каракуль и Черналы больше половины домохозяйств держало коз, в д. Тусказань процент был еще выше. В с. Уленкуль из 186 домохозяйств (далее д/х) коз держало 107 (58 %), в д. Каракуль из 53 д/х – 31 (59 %),

в д. Тусказань из 76 д/х – 50 (66 %), в д. Черналы из 71 д/х – 44 (62 %). Больше всего животных держали в домохозяйствах д. Тусказань (приблизительно от 4–5 до 8–9 голов) (Науч. архив МАЭ ОмГУ. Д. 1-26).

Выписки из похозяйственных книг деревень Аубаткан, Яланкуль и не существующей в настоящее время д. Камуслы свидетельствуют, что здесь татары держали еще больше коз. Из 140 домохозяйств в 107 были козы (76 %). В отдельных семьях содержалось в среднем от 4–6 до 12 голов. Кроме того, в д. Куйгалы, которая когда-то относилась этому же кусту, в 13 д/х из 43 держали коз (30 %) (Науч. архив МАЭ ОмГУ. Д. 2-14). Правда, отметим, что все выписки из похозяйственных книг, предположительно, неполные. Но, если это так, то и в отрывочном состоянии они красноречиво показывают размеры поголовья коз в личных подсобных хозяйствах.

В настоящее время количество пуховых коз в личных подсобных хозяйствах татар стало в разы меньше. На 1 января 2020 г. во всем Уленкульском сельском поселении в 351 домохозяйстве числилась 71 коза, из них: козоток и козочек старше 1 года – 33, козочек до 1 года – 12, козчиков до 1 года – 9, козлов – 17 (ПМА. Т-107. Л. 49. Прил. Форма 14. Сведения о поголовьях скота в хозяйствах населения на 1 января 2020 гг. // Первичные статистические данные по территориальному органу Росстата в субъекте Российской Федерации).

По рассказам женщин, мужчины относятся к козам негативно из-за поведенческих особенностей последних: *«Ни один мужик не любит коз»* (ПМА. Т-107. Л. 23). Эти животные не нравятся пастухам, т.к. они уводят стадо. Они бодают овец, и у тех случается выкидыш плода. Помимо этого, отмечается, что козы любят залезть повыше, например, на стога или тюки сена, и там отправлять естественные надобности, из-за чего сено становится непригодным для корма. Однако доход, который они приносили, компенсировал неудобства их содержания.

Татары Уленкульского куста держали пуховых коз, по их словам, породы «сибирская», с серым или черным и белым цветом шерсти. Козы с идеальной белой шерстью были очень востребованы, поскольку паутинки из белого пуха были в цене. Вот почему в этих поселениях встречаются ангорские козы шерстяной породы, у которых шерсть белого цвета. Но пух ангорской козы, в отличие от серой, пуховой, блестит и может пушиться, но не греть. Поэтому нередко из их шерсти вязали паутинки для осени и весны.

Плохой пух имеет следующие признаки: не пушится, скатывается. Нехорошо, когда цвет шерсти козы получается неоднородный, в частности от бело-черного животного. Пух от такого животного никогда не будет одноцветный и абсолютно бе-

лый. Из него можно связать только носки, остальные вещи получаются с полосами, от чего их цена сильно падает.

Татары Уленкульского куста считали, что у татар деревень Аубаткан и Яланкуль порода коз лучше – т.н. *Еланлы токум*. Яланкульские козы отличались хорошей пушистостью. Их пух можно было отличить на расстоянии. Он был длинный, волнистый, шелковистый. Поэтому к женщинам из этих поселений обращались желающие приобрести шали и другие вязаные изделия. А самих коз яланкульцы в другие поселения не продавали.

В Уленкульском кусте хорошие пуховые козы были в д. Тусказань. Многие женщины этого поселения тоже занимались изготовлением и продажей шалей.

Нередко козы в семьях передавались от матери к дочери. Так, Л.М. Мухаметшина 1966 г.р. говорила, что ее козы достались ей от матери. Жительница д. Каракуль Д.З. Кучукова 1961 г.р. рассказала, что ее первую козу ей подарила мать на свадьбу. Ее родной сестре – А.З. Рачаповой 1959 г.р. – мать также подарила козу. Вообще, у татар обоих кустов поселений распространено дарение сельскохозяйственных животных по случаю счастливых семейных событий (на день рождения, свадьбу), поэтому козы тоже были объектом дарения.

Козы часто рождаются зимой, и приблизительно через год их начинают вычесывать. Из пуха годовалых коз вяжут детские носки и варежки, т.к. он мягкий. Он еще не подходит для вязания теплых платков (шалей) и паутинок. Пух трех-четырёхгодовалой козы используется для вязания любых пуховых вещей. Взрослая особь может дать до 1 кг пуха.

Животных вычесывают с февраля по март за два раза. Перед данной операцией хозяева наблюдают, когда пух созреет («хорошо отходит»), т.е. его пальцами можно будет вытянуть из шкуры животного, причем без ости (грубых волос), иначе потом ее нужно будет вручную убирать. Признаком линьки служит пух на рогах животных и на предметах, о которые они терлись.

В первую очередь вычесывают только что окотившихся коз. Это нужно сделать в ближайшие дни после окота, иначе ее пух уже будет непригоден для вязания вещей. Козлы линяют в последнюю очередь. Ческа коз и очистка пуха всеми информантами характеризуется как тяжелое и трудозатратное занятие. *«Их нужно вычесывать до последней пушинки, иначе пух будет волочиться. И соседи могут сказать: “Ба! Какая хозяйка. Пух до последнего волоска не вычесала!”»* (ПМА. Т-107. Л. 23). Некоторые семьи, где имеется большое количество коз, приглашают на помощь женщин, которые уме-

ют их вычесывать (*омэ*). «Они умеют распрямить волос козы при ческе. Эти женщины умеют складывать вычесанный пух таким образом, чтобы он не сминается, могут сразу увидеть и разделить пух по цвету» (ПМА. Т-107. Л. 50). Как объясняли нам информанты, чем опытнее будет чесальщица, тем потом проще будет очищать и сортировать пух. Она сразу сортирует пух по качеству и цвету.

Коз чешут в доме. После этого мероприятия хозяйке приходится много убирать. Сначала животных заводят и дают обсохнуть. Потом кладут на пол на один бок и связывают ноги, кто-то держит их голову, поскольку чесание – это болезненная процедура для животного. Раньше, когда животных вычесывали, их не клали на пол. Они стояли и их привязывали за рога. На чесание одной козы уходит полтора-два часа, если ей занимается одна женщина. Животное могут одновременно вычесывать и две женщины. Сначала пух расчесывают чесалкой с редкими зубьями (*торак/торык*): распрямляют волосы, выбирают мусор. Эти шерсть и пух выкидывают. Потом этой чесалкой вычесывают тот пух, что используется для вязания. Затем берут чесалку с частыми зубьями. Ее также называли *торак/торык*. У обеих чесалок (с частыми и редкими металлическими зубьями) была рукоять. Подобная чесалка из с. Уленкуль есть в каталоге этнографической коллекции МАЭ ОмГУ, там можно увидеть ее рисунок [Хозяйство..., 1999, с. 133–134, 237].

Некоторые хозяйки для финального вычесывания используют деталь от машинки для стрижки овец. Ее неудобно держать в руках чесальщицам из-за того, что у нее нет ручки. Ее зубья причиняют боль животным, оставляя гематомы под кожей, но пух она вычесывает эффективно. У нее частые и острые зубья длиной 5–7 см, и она представляет собой тонкую металлическую пластину длиной ок. 10 см.

Лучше всего пух вычесывается на животе животного, хуже – на шее, бедрах и задней части, поэтому операцию повторяют второй раз через десять дней или позже. Самый качественный пух находится на боках, он используется для изготовления теплых платков и паутинок. Из пуха с шеи и бедер вяжут варежки, носки. Пух с живота содержит много ости; его надо вручную очищать от нее. В целом он не очень качественный, т.к. шерсть на животе животного постоянно пачкается. Из этого сырья вяжут носки.

Если на чесание коз собираются помощники (*омэ*), то в конце рабочего дня хозяйка угощает участников *бешбармаком* (горячим блюдом из мяса, теста и картофеля) или другими горячими блюдами, подает чай со стряпней. Второй этап чески осуществляется силами самих хозяев, но он

хлопотный, потому что животное по несколько раз пытаются вычесать, если пух окончательно не созревает.

Пух складывают в большие картонные коробки. Через некоторое время начинают заниматься его ручной обработкой. Она включает очистку, сортировку и расчесывание. Раньше этим занимались женщины и дети. Кто-то звал на помощь еще женщин (*омэ*). Пух раскладывают на полу, сушат, очищают от мусора и ости. Потом сырье сортируют по качеству (в зависимости от места, где его вычесали: бока, шея, живот и т.д.) и по цвету.

Белый пух при необходимости стирают в кипятке (80 °С) с хозяйственным мылом. Затем его полощут точно в такой же температуре, иначе он сильно сваливается и его невозможно хорошо распушить. По рассказам Д.З. Кучуковой 1961 г.р., когда ранее белый пух стирали в теплой воде, он не получался белоснежным, а паутинки именно этого цвета ценились заказчицами. Кипяток позволял отстирать пух до идеального цвета.

Следующий важный этап в подготовке пуха к прядению – расчесывание очищенного пуха, в т.ч. и для того, чтобы сделать его однородным по цвету. Вязаные вещи должны быть однотонными, без полосок другого цвета, иначе их цена будет ниже.

Перед чесанием пуховую мякоть одного сорта в несколько слоев раскладывают на поверхности большой площади, например столе. Далее левой рукой берут все слои пуха и как бы его перемешивают. Затем пух помещают на чесалку с рукоятью (сиб. тат. *шанкылтак*, с. Уленкуль и д. Аубаткан, волгоурал. тат. *теткец*, д. Тусказань), а второй щеткой его «протягивают» (чешут). Похожие чесалки используют для расчесывания овечьей шерсти, только зубья у них короче – 5–7 см, чем у щеток для пуха – до 15 см. Рабочая часть таких чесалок представляет собой прямоугольную доску, на которую набиты чуть загнутые металлические зубья. Раньше пух расчесывали на приспособлении, где были вбиты иглы. На таком приспособлении сырье прочесывалось более качественно.

Следующий этап обработки пуха – это прядение. В разные периоды татары пряли пух с помощью следующих орудий и приспособлений: прядильного веретена и ручной (корневой или составной) прялки; самопрялки с колесом. Сейчас используют электрические самопрялки. Отличительная особенность прядения в том, что на хлопчатобумажную, шелковую или шерстяную нить, которая служит основой, напрядают пуховую мякоть. Это делается для того, чтобы связанная вещь прослужила дольше. В зависимости от того, для каких вещей готовится пряжа, используют те или иные

нитки. Для теплых платков, паутинок – хлопчатобумажную нить № 30 и № 40. Для варежек и носков берут нитку № 10 или пряжу из шерстяных ниток. Мать наших информантов Д.З. Кучуковой 1961 г.р. и А.З. Рачаповой 1959 г.р. использовала нитки из чулок, которые они распускали и красили в тон пряжи.

Вещи вяжут на спицах. На теплые платки или шали расходовали 300 г пуха, на паутинки: платок – 200 г, шарф – 150 г, на варежки – 100 г.

Для всех перечисленных головных уборов характерно наличие на концах фестонов (треугольных зубцов). Косынки (*кыек шал*) всегда начинают вязать с фестонов. При вязании шали (*шал*) и шарфа (*челтәр шарф*) можно связать основное полотно т.н. *шалево́й вязкой*, по периметру вывязать ажурные узоры и отдельно изготовить фестоны, в завершении работы их привязать. Или же начинать вязать эти изделия, как и косынки, – с фестонов.

Косынка имеет форму треугольника с тупым углом. Он как раз состоит из четырех фестонов, высотой в 50 петель, с которых косынка начинает вязаться. После того как вывязали четыре фестона, начинают прибавлять с каждой стороны по петле. Высота косынки равняется 250 петлям.

На косынке и шали вяжутся геометрические орнаменты. Они называются клетка (*шакмак*), косая полоска (*кыек шакмак*). У теплых платков, косынок, паутинок край фестонов в виде зигзага называется по-татарски *киртек* (волго-урал. тат.) или *целтәр* (сиб. тат.), а волнообразный – *тел*. Еще на теплых платках и косынках татарские женщины вязали узор, называемый «кошачий след» (сиб. тат. *мешәк аяк*), на паутинках встречается узор «перо» (*каурий*). Кроме того, местные женщины знают узор «снежинка» (*кар*), вывязываемый на белом полотне черными нитками. Варежки (сиб. тат. *мияләй*; волго-урал. тат. *бияләй*; *бияли*) и носки вяжут на пяти спицах. Орнаменты, вывязываемые на варежках, называются «восьмерка», «рыбья чешуя» (*космак*). На протяжении всего рассматриваемого периода содержание пуховых коз стимулировалась очень высокими ценами на пух и вязаные изделия. По рассказам татар Уленкульского куста, благодаря пуховому промыслу жители деревень Яланкуль и Аубаткан обзавелись жильем в г. Омске. В 2019 г. 100 г пуха стоило 400 руб. В настоящее время изготовление вязаных вещей из козьего пуха также служит хорошим подспорьем при отсутствии заработка или маленькой пенсии. Стоимость проезда из д. Яланкуль до Омска и обратно составляет 1 тыс. руб., пенсия информанта – 12 тыс. руб. Поэтому она продает варежки по 500 руб. и тем самым компенсирует проезд. В 2019–2020 гг. цены на вязаные изделия были следующие: теплые платки (шали) – ок. 5 тыс. руб.,

косынки – 3 тыс. руб., паутинки – 2 тыс. руб., варежки – 600–700 руб., носки – 500 руб.

Таким образом, мы в общих чертах охарактеризовали пуховое козоводство, промысел по производству и продаже вязаных вещей у татар Яланкульского и Уленкульского кустов поселений Большереченского р-на Омской обл.

На основании многолетнего изучения хозяйства и культуры западносибирских татар мы делаем вывод, что пуховое козоводство было редким явлением в населенных пунктах татар Омской обл. Во второй половине XX в. производством пуховых вещей на продажу занималось большинство семей Яланкульского и Уленкульского кустов поселений. Этот промысел приносил существенный доход татарским семьям перечисленных поселений.

В настоящее время пуховый промысел практически сошел на нет из-за того, что основные предметы продажи – теплые платки (шали), косынки и паутинки – перестали пользоваться популярностью у женщин. Сейчас пуховых коз держат для нужд своих семей, а лишние пух и готовые вещи могут продать. Единицы женщин специально вяжут на продажу или по заказу. Спросом пользуются в основном носки и варежки.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР № 0329-2019-0005 «Население южнотаежной и лесостепной зон Западной Сибири и Северного Казахстана: историко-культурные реконструкции и современность».

Выражаю искреннюю благодарность за помощь в сборе материалов главе Уленкульского сельского поселения Л.М. Мухаметшиной, жительницам деревень: Каракуль – Д.З. Кучуковой, Черналы – А.З. Рачаповой, Яланкуль – Р.С. Бахтияровой и Аубаткан – Я.А. Яминовой, В.Х. Миргалеевой, а также всем жителям Уленкульского и Яланкульского кустов поселений.

Список литературы

Богомолов В.Б. Орнамент тарских татар // Этнокультурные явления в Западной Сибири. – Томск, 1978. – С. 159–171.

Богомолов В.Б. Ткачество декоративных ковров у башкирских татар // Духовная культура народов Западной Сибири. – Томск, 1980. – С. 68–80.

Буре́ева Ф.М. Орнамент тарских татар конца XIX – XX веков: к проблеме этнокультурной истории. – Омск: Омскбланкиздат, 2011. – 144 с.

Материалы по землевладению и экономическому быту оседлых инородцев Тобольской губернии / под ред. И.А. Андроникова. – Тобольск: Губернская тип., 1911. – 395 с.

Смирнова Е.Ю. Одежда татар Среднего Прииртышья: этнокультурные связи и контакты. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – 110 с.

Хозяйство и средства передвижения сибирских татар в коллекциях МАЭ ОмГУ. – Новосибирск: Наука, Сиб. фирма РАН, 1999. – 261 с.

References

Andronikov I.A. (ed.). *Materialy po zemlevladieniyu i ekonomicheskomu bytu osedlykh inorodtsev Tobol'skoi gubernii.* Tobolsk: Gubernskaya tipografiya, 1911, 395 p. (In Russ.).

Bogomolov V.B. Ornament tarskikh tatar. In *Etnokul'turnye yavleniya v Zapadnoi Sibiri.* Tomsk, 1978, pp. 159–171. (In Russ.).

Bogomolov V.B. Tkachestvo dekorativnykh kovrov u barabinskikh tatar. In *Dukhovnaya kul'tura narodov zapadnoi Sibiri.* Tomsk, 1980, pp. 68–80. (In Russ.).

Bureeva F.M. Ornament tarskikh tatar kontsa XIX – XX vekov: k probleme etnokul'turnoi istorii. Omsk: Omskblankizdat, 2011, 144 p. (In Russ.).

Khozyaistvo i sredstva peredvizheniya sibirskikh tatar v kollektsiyakh MAE OmGU. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1999, 261 p. (In Russ.).

Smirnova E.Yu. Odezhda tatar Srednego Priirtysh'ya: etnokul'turnye svyazi i kontakty. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2004, 110 p. (In Russ.).

Тихомирова М.Н. <https://orcid.org/0000-0001-8271-8451>

С.С. Тихонов

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: semchi957@gmail.com

Алгоритм описания рыболовства населения южнотаежного Прииртышья по археологическим и этнографическим данным

В работе обобщены материалы по рыболовству, полученные при проведении археолого-этнографических исследований тарских татар и русских сибиряков в южнотаежном Прииртышье коллективом омских ученых под руководством Н.А. Томилова в 1993–2019 гг. Рассмотрена существующая ситуация по анализу рыболовства древнего и средневекового населения отечественными учеными. Приводится информация об основных векторах его изучения археологами, этнографами и отчасти ихтиологами. Отмечено, что исследователи обращают внимание на разные стороны рыболовства, поэтому результаты их работ трудно соотносимы между собой. Автором разработана матрица описания системы рыболовства, которая включает в себя рыболовные угодья, промысловый календарь, виды и количество промысловых рыб, орудия промысла, средства передвижения рыбаков. Предлагается ретроспективный метод описания системы рыболовства. Он апробирован при изучении этнографо-археологических комплексов сибирских татар и русских сибиряков. Основываясь на максимально полной информации об этом виде хозяйства, содержащейся в этнографических и статистических материалах, дополненных данными географии и ихтиологии, ученый первоначально строит современную систему традиционного рыболовства. Конечно, речь не идет о промысловых способах ловли рыбы заводами, существовавшими когда-то на Иртыше. Эта система может быть экстраполирована на более ранние эпохи, например, конец XVIII – начало XIX в. Недостающие данные могут быть дополнены материалами археологических раскопок до максимально полного возможного восстановления изучаемой системы. Затем цикл повторяется. Глубина предлагаемой ретроспекции – середина II тыс. н.э. Это связано с тем, что на такую хронологическую глубину изучены этнографо-археологические комплексы аборигенов.

Ключевые слова: южнотаежное Прииртышье, рыболовство, промысловый календарь, орудия лова, структура и размеры улова.

Sergey S. Tikhonov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: semchi957@gmail.com

Algorithm for Describing the Fishing of Population of the Southern Taiga in the Irtysh Area Using Archaeological and Ethnographic Data

The paper summarizes the materials on fishing obtained during the archaeological and ethnographic research of the Tara's Tartars and Russian Siberians in the southern taiga of the Irtysh area in 1993–2019 by a team of Omsk scientists under the leadership of N. A. Tomilov. The current situation on the analysis of fishing of the ancient and medieval population by the Russian scientists is considered. Information is provided on the main vectors of its study by archaeologists, ethnographers and, in part, ichthyologists. It is noted that researchers pay attention to different aspects of fishing, so the results of their work are difficult to correlate with each other. The author has developed a matrix for describing the fishing system, which includes fishing grounds, fishing calendar, commercial fish, fishing tools, and means of transport for fishermen. A retrospective method of describing the fishing system is provided. It has been tested in the study of ethnographic and archaeological complexes of the Siberian Tatars and the Russian Siberians. Based on the most complete data on this type of economy, contained in

ethnographic and statistical data, supplemented by the data from geography and ichthyology, the scientist initially creates a modern system of traditional fishing. Of course, we are not talking about industrial methods of fishing that once existed in the Irtysh fish factories. This system can be extrapolated to earlier epochs, for example, the end of the 18th to the beginning of the 19th centuries. The missing data can be supplemented with materials of archaeological excavations to the fullest possible restoration of the studied system. Then the cycle repeats. The possible depth of the proposed retrospection is the middle of the second millennium AD. This is due to the fact that the ethnographic and archaeological complexes of the aborigines have been studied at this chronological depth.

Keywords: south taiga of the Irtysh area, fishing, fishing calendar, fishing tools, structure and size of the catch.

Введение

Изучение этнографо-археологических комплексов народов Сибири включает в себя исследование хозяйственной деятельности населения этого региона: скотоводства, охоты, земледелия, металлургии, домашних промыслов, торговли и т.д. В этот перечень входит и рыболовство, являвшееся весьма развитым и продуктивным способом получения пищи у аборигенов и первых русских сибиряков. Казалось бы, основываясь на данных археологии и этнографии, можно детально описать динамику его становления и развития. Однако пока этого не произошло, поскольку археологические и этнографические материалы, даже происходящие с одной территории, трудно сопоставимы. Это связано с разными векторами анализа рыболовства археологами и этнографами. Отметим и то, что количество обобщающих работ по рыболовству невелико. За последние сорок лет в Западной Сибири по этой теме была издана одна монография [Эверстов, 1988] и защищена одна кандидатская диссертация [Плахута, 2002].

Цели, задачи и методы

В ходе изучения этнографо-археологических комплексов сибирских народов нами были получены материалы по рыболовству, которые позволили представить его как систему. Поэтому в данной работе будет рассмотрена структура этой системы, показаны ее элементы и представлен алгоритм этнографо-археологического исследования этой отрасли хозяйства.

Методы, использованные при проведении исследования: этнографо-археологические сопоставления и конструирование этнографо-археологических комплексов – апробированы нами во время полевых и кабинетных работ, начатых в 1993 г. и проводимых до настоящего времени [Жук, Тихонов, Томилов, 2009, с. 109–111, 119–122].

Обсуждение

Анализ литературы позволяет заключить, что наиболее полные сведения по рыболовству содер-

жат этнографические [Варпаховский, 2003; Селезнева, Селезнев, 1995, 1997, 2001; 2002, с. 199–213] и статистические [Нагнибеда, 1927; Плотников, 1901, с. 105–112] материалы, приводящие данные о количестве и видах выловленной рыбы, особенностях рыболовных ловушек, размерах сетей, промысловой территории и т.д. При археологических раскопках встречаются жаберные крышки, крупные ребра, позвонки и чешуя рыб [Гундризер, 1966; Татауров, 2007, 2016; Археологическая летопись..., 2019, с. 316–326; Цепкин, 1978; Цепкин, Могильников, 1968; Шемякина, 1976, с. 189]. Ценны такие находки тем, что дают возможность определить не только вид рыб, но и их возраст и размеры. Отдельную категорию археологических находок представляют стационарные рыболовные сооружения наподобие котцов, запоров, заездков [Буров, 1969, 1988; Корусенко, Татауров, 2003; Лозе, 1986; Рамантене, 1983], дающие возможность изучать не только способ лова, технику изготовления ловушек, но и расположение промысловых мест. Несмотря на то, что специалисты для интерпретации материалов привлекают данные разных наук, в целом это работы этнографической направленности. Об интеграции материалов и методов в них речи не идет, если не говорить о поздних памятниках.

В результате проведенных нами этнографо-археологических работ (руководитель Н.А. Томилов) были обследованы русские и татарские деревни южнотаежного Прииртышья: Большереченский, Знаменский, Муромцевский, Седельниковский, Тарский р-ны Омской обл. Материалы позволили говорить о хронологической глубине этнографо-археологического комплекса минимум до XVI в., а полученные данные по рыболовству позволили представить его как систему со следующими элементами.

Промысловые угодья. Сюда входят Иртыш, его крупные притоки (Тара, Уй, Шиш), мелкие притоки вышеназванных рек и пойменные озера. В силу разных причин реки изменяют свои русла, поэтому в их поймах имеются старичные озера, которые со временем зарастают и заиливаются. Следовательно, система водоемов динамична, и конкретные места

ведения рыбной ловли могут исчезнуть, а вместо них появиться другие.

Существуют маркеры, позволяющие определять места рыбной ловли. Это рыболовные землянки. Одну из них на Ивановом озере (старице р. Тара) близ д. Окунево обследовали М.А. Корусенко и С.Ф. Татауров [Корусенко, 1997], другую на оз. Изюк (старица р. Иртыш) зафиксировал автор. Несколько землянок близ деревень Чеплярово и Черталы на Таре описали И.А. и А.Г. Селезнев [Селезнева, Селезнев, 1995].

Стационарные рыболовные сооружения были зафиксированы нами несколько раз. Это запор на ручье, вытекающем из оз. Лесной Алап и впадающем в р. Бергамак (приток Тары). Он был раскопан [Корусенко, Татауров, 2003]. Другое сооружение находилось в устье ручья, вытекающего из оз. Белое близ бывшей деревни Старологиново. Здесь же от рыбаков автором была получена такая информация: в связи с тем, что Иртыш вымыл много мамонтовых костей, донными сетями здесь «стало ловить плохо», т.е. рыболовная тоня исчезает. Третье сооружение в виде дамбы было отмечено в устье р. Кунлук (приток Иртыша), но здесь к моменту его осмотра рыбу уже не ловили. Кроме того, во время этнографо-археологических разведок по рекам Тара, Уй и Шиш (в отряд входили С.Ф. Татауров, Л.В. Татаурова, С.С. Тихонов и П.В. Орлов) на мелких притоках этих рек были неоднократно зафиксированы многочисленные запоры.

Промысловый календарь. Полностью он был записан в г. Тара в 2017 г. и уточнен в 2018 г. Информант сообщил, в какое время и какими снастями можно ловить рыбу почти круглогодично. Кроме того, сведения о зимних и летних циклах рыболовства собраны в деревнях Чеплярово и Чертала [Селезнева, Селезнев, 2001, 2002].

Промысловые рыбы, их виды, количество, размеры. В статистических материалах конца XIX – XX в. присутствуют подробные сведения о количестве и видах рыбы, выловленной аборигенами и русскими крестьянами и рыбопромышленниками [Плотников, 1901; Нагнибеда, 1927]. Из них видно, что структура улова и его размеры были разные. Более всего рыб ценных пород вылавливали промышленники на арендованных или выкупленных песках. Крестьяне чаще всего ловили рыбу для себя и отчасти на продажу в реках и пойменных озерах, а аборигенам приходилось довольствоваться почти одной частичковой рыбой. Однако статистика не содержит сведений о размерах и возрасте рыбы. Эту информацию можно почерпнуть в ихтиологических материалах, полученных археологами [Гундризер, 1966; Цепкин, 1978; Цепкин, Могильников, 1968; Шемякина, 1976, с. 189]. В имеющихся этнографиче-

ских данных содержатся материалы о видах рыб, но не об их размерах и не о величине улова.

Орудия промысла. Крючковые, сетевые и стационарные орудия были неоднократно описаны этнографами. К сожалению, не все авторы приводят размеры снастей и технологию их изготовления. Например, трудно узнать, какой размер был у ячеи сети, каким узлом ее вывязывали, как садили сеть и грузила на тетиву и т.д. Сейчас эти данные постепенно утрачиваются, поскольку активным промыслом рыбы занимается все меньше рыбаков, которые все чаще покупают готовые снасти и лишь немного их дорабатывают. Но разнообразие видов снастей представлено неплохо.

В археологических материалах чаще всего встречаются грузила. По их форме и размерам можно предполагать, где их использовали: в реке или на озере с большим количеством водной растительности. Рыболовные крючки косвенно говорят о размерах рыб. Среди находок археологи встречают и такие, которые свидетельствуют о способах лова, не зафиксированных этнографами. Так, в культурных слоях Тары были найдены формы для отливки блесен [Археологическая летопись..., 2019, с. 169], о которых не было ни одного упоминания в литературе.

Средства передвижения рыбаков. Постановка сетей, перетяг, переметов обычно производится с лодки. И если этнографически они описаны, хотя чаще как средство передвижения, а не атрибут рыбака, то в археологических материалах лодки практически неизвестны. В изучаемом районе татары еще в 1960 гг. использовали долбленные лодки – баты, которые управлялись одним веслом. Лодки русских специалисты не изучали, но представления о них традиционны: это шитое из досок плавсредство с распашными веслами, подобием шпангоутов и киля из бруса или толстых досок. Иногда такие лодки называли «гробница». Если в музейных коллекциях долбленные лодки изредка встречаются (одна из долбленных лодок была передана в Музей археологии и этнографии Омского госуниверситета в 1978 г.), то шивные никогда.

В ходе раскопок могильника XVII–XVIII вв. Бергамак II единственный раз встречены остатки лодки из двойного слоя бересты (по крайней мере в придонной части) с палкой – распоркой дна [Татауров, 1995].

Заключение

Мы полагаем, что для предварительного описания формирования и развития системы рыболовства материалов достаточно. Ее целесообразно анализировать ретроспективно, построив модель

на богатом этнографическом и статистическом материале, а затем экстраполировать эту систему на более ранние времена, обогащая ее археологическими данными и добываясь максимально полной реконструкции. Затем цикл повторяется. Это аналогично алгоритму построения этнографо-археологического комплекса, предложенному Н.А. Томиловым и его коллегами [Жук, Тихонов, Томилов, 2009; Тихонов, 2015].

Список литературы

Археологическая летопись земли Тарской / С.Ф. Татауров, Ф.С. Татауров, Л.В. Татаурова, С.С. Тихонов. – Омск: Издатель-Полиграфист, 2019. – 412 с.

Буров Г.М. О поисках деревянных вещей и рыболовных сооружений в старинных торфяниках равнинных рек // КСИА. – 1969. – № 117. – С. 130–134.

Буров Г.М. Запорный лов рыбы в эпоху неолита в Восточной Европе // СА. – 1988. – № 3. – С. 145–160.

Варпаховский Н.А. Рыболовство в бассейне реки Оби. – Тюмень: Мандрика, 2003. – Ч. I. Орудия рыболовства и продукты рыбного промысла. – 265 с.; Ч. II. Рыбы бассейна р. Оби. – 265 с.

Гундризер А.Н. Рыбы из поселения Еловка на Оби // Вопр. археологии и этнографии Западной Сибири. – Томск: Том. гос. ун-т, 1966. – С. 119–123.

Жук А.В., Тихонов С.С., Томилов Н.А. Введение в этноархеологию: учеб. пособ. для студ. ист. фак-в вузов // Этнографо-археологические комплексы. Проблемы культуры и социума. – Омск: Наука, 2009. – Т. 11. – С. 79–125.

Корусенко М.А. Материалы к изучению рыболовства населения низовьев р. Тара // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск; Уфа: [б. и.], 1997. – С. 72–74.

Корусенко М.А., Татауров С.Ф. Стационарные рыболовные промысловые сооружения населения, проживающего в низовьях реки Тара // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск: Наука, Сиб. изд. фирма, 2003. – Т. 6. – С. 175–191.

Лозе И.А. Рыболовный закол эпохи неолита на поселении Звидзе // КСИА. – 1986. – Вып. 185. – С. 78–82.

Нагнибеда В.Я. Нарымский край: мат-лы стат.-экон. исслед. 1910–1911 гг. – Томск: Кр. Знамя, 1927. – 640 с.

Плахута Д.О. Рыболовство населения Обь-Иртышья эпохи камня – Средневековья: история изучения по публикациям XVIII–XX веков: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Омск, 2002. – 20 с.

Плотников А.Ф. Нарымский край // Зап. ИРГО по отд. статистики. – 1901. – Т. X, вып. 1. – 366 с.

Рамантене Р.К. Рыболовное сооружение на берегу Балтийского моря (Швянтойте-9) // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. – Л.: Наука, 1983. – С. 73–78.

Селезнева И.А., Селезнев А.Г. Система рыболовства в окрестностях деревни Чеплярово Большереченского района Омской области // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск: [б. и.], 1995. – Ч. 2. – С. 37–41.

Селезнева И.А., Селезнев А.Г. Система рыболовства в окрестностях деревни Черталы Муромцевского района Омской области (к изучению локальных этнографических комплексов) // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск; Уфа: [б. и.], 1997. – С. 124–129.

Селезнева И.А., Селезнев А.Г. Рыболовство коренного населения Тарско-Иртышского бассейна (по материалам поселений тарских татар) // ЭО. – 2001. – № 6. – С. 48–66.

Селезнева И.А., Селезнев А.Г. Рыболовство и охота в поселениях тарских татар (опыт исследования малых локальных культурных комплексов) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск: Наука, 2002. – Т. 5. – С. 197–224.

Татауров С.Ф. Погребение № 36 могильника Бергамак II // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск: [б. и.], 1995. – С. 80–83.

Татауров С.Ф. Рыболовство в Нижнетарском археологическом микрорайоне // Рыцарь сибирской археологии. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2007. – С. 255–275.

Татауров С.Ф. Щука в рыболовстве жителей Тары в XVII–XVIII вв. «Поздно щуке на сковороде вспоминать о воде» // Экология древних и традиционных обществ: мат-лы V междунар. науч. конф. – Тюмень: Тюм. гос. ун-т, 2016. – Вып. 5, ч. 2. – С. 149–152.

Тихонов С.С. Возможности этнографо-археологического изучения рыболовства населения Сибири // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2015. – С. 91–94.

Цепкин Е.А. К истории промысловой ихтиофауны и рыболовства в бассейне Иртыша // Бюлл. Мос. об-ва испытателей природы. Отд. биологии. – 1978. – Т. 83 (2). – С. 81–86.

Цепкин Е.А., Могильников В.А. Рыболовство у населения лесного Прииртышья в эпоху железа // СА. – 1968. – № 3. – С. 54–61.

Шемякина А.С. К вопросу о хозяйстве в лесном Прииртышье в I тыс. н.э. // Из истории Сибири. – Томск: Том. гос. ун-т, 1976. – Вып. 21. – С. 186–192.

Эверстов С.И. Рыболовство в Сибири. Каменный век. – Новосибирск: Наука, 1988. – 144 с.

References

Burov G.M. O poiskah derevyannyh veshchei i rybolovnykh sooruzhenii v starinnykh torfyanikakh ravninnykh rek. *Kratkie soobshheniya Instituta arkheologii*, 1969, iss. 117, pp. 130–134. (In Russ.).

- Burov G.M.** Zapornyi lov ryby v epokhu neolita v Vostochnoi Evrope. *Sovetskaya arkhеologiya*, 1988, No. 3, pp. 145–160. (In Russ.).
- Everstov S.I.** Rybolovstvo v Sibiri. Kamennyi vek. Novosibirsk: Nauka, 1988, 144 p. (In Russ.).
- Gundrizer A.N.** Ryby iz poseleniya Elovka na Obi. In *Voprosy arkhеologii i jetnografii Zapadnoi Sibiri*. Tomsk: State Univ. Press, 1966, pp. 119–123. (In Russ.).
- Korusenko M.A.** Materialy k izucheniyu rybolovstva naseleniya nizov'ev r. Tara. In *Integratsiya arkhеologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy*. Omsk; Ufa: [s. n.], 1997, pp. 72–74. (In Russ.).
- Korusenko M.A., Tataurov S.F.** Statsionarnye rybolovnye promyslovye sooruzheniya naseleniya, prozhivayushchego v nizov'yah reki Tara. In *Etnografo-arkhеologicheskie komplekсы: problemy kul'tury i sotsiuma*. Novosibirsk: Nauka, Sibirskaya izdatel'skaya firma, 2003, vol. 6, pp. 175–191. (In Russ.).
- Loze I.A.** Rybolovnyi zakol epokhi neolita na poselenii Zvidze. *Kratkie soobshheniya Instituta arkhеologii*, 1986, iss. 185, pp. 78–82. (In Russ.).
- Nagnibeda V.Ya.** Narymskii krai: materialy statistiko-ekonomicheskogo issledovaniya 1910–1911 gg. Tomsk: Kr. Znanya, 1927, 640 p. (In Russ.).
- Plahuta D.O.** Rybolovstvo naseleniya Ob'-Irtysh'ya epokhi kamnya – Srednevekov'ya: istoriya izucheniya po publikatsiyam XVIII–XX vekov: cand. sc. (history) dissertation abstract. Omsk, 2002, 20 p. (In Russ.).
- Plotnikov A.F.** Narymskii krai. In *Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po otd. statistiki*, 1901, vol. X, iss. 1, 366 p. (In Russ.).
- Ramantene R.K.** Rybolovnoe sooruzhenie na beregu Baltiiskogo morya (Shvyantoe-9). In *Izyskaniya po mezolitu i neolitu SSSR*. Leningrad: Nauka, 1983, pp. 73–78. (In Russ.).
- Selezneva I.A., Seleznev A.G.** Sistema rybolovstva v okrestnostyakh derevni Cheplyarovo Bol'shereichenskogo raiona Omskoi oblasti. In *Integratsiya arkhеologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy*. Omsk: [s. n.], 1995, pt. 2, pp. 37–41. (In Russ.).
- Selezneva I.A., Seleznev A.G.** Sistema rybolovstva v okrestnostyakh derevni Chertaly Muromtsevskogo raiona Omskoi oblasti (k izucheniyu lokal'nykh etnograficheskikh kompleksov). In *Integratsiya arkhеologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy*. Omsk; Ufa: [s. n.], 1997, pp. 124–129. (In Russ.).
- Selezneva I.A., Seleznev A.G.** Rybolovstvo korenogo naseleniya Tarsko-Irtyshskogo basseina (po materialam poselenii tarskikh tatar). *Etnograficheskoe obozrenie*, 2001, No. 6, pp. 48–66. (In Russ.).
- Selezneva I.A., Seleznev A.G.** Rybolovstvo i okhota v poseleniyakh tarskikh tatar (opyt issledovaniya malykh lokal'nykh kul'turnykh kompleksov). *Etnografo-arkhеologicheskie komplekсы: problemy kul'tury i sotsiuma*. Novosibirsk: Nauka, 2002, vol. 5, pp. 197–224. (In Russ.).
- Shemyakina A.S.** K voprosu o hozyaistve v lesnom Priirtysh'e v I tys. n.e. In *Iz istorii Sibiri*. Tomsk: State Univ. Press, 1976, iss. 21, pp. 186–192. (In Russ.).
- Tataurov S.F.** Pogrebenie No. 36 mogil'nika Bergamak II. In *Integratsiya arkhеologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy*. Omsk: [s. n.], 1995, pp. 80–83. (In Russ.).
- Tataurov S.F.** Rybolovstvo v Nizhnetarskom arkhеologicheskom mikroraione. In *Rycar' sibirskoi arkhеologii*. Omsk: State Univ. Press, 2007, pp. 255–275. (In Russ.).
- Tataurov S.F.** Shchuka v rybolovstve zhitelei Tary v XVII–XVIII vv. “Pozdno shchuke na skovorode vspominat' o vode”. In *Ekologiya drevnykh i traditsionnykh obshchestv. Materialy V mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Tyumen: State Univ. Press, 2016, iss. 5, pt. 2, pp. 149–152. (In Russ.).
- Tataurov S.F., Tataurov F.S., Tataurova L.V., Tikhonov S.S.** Arkhеologicheskaya letopis' zemli Tarskoi. Omsk: Izdatel'-Poligrafist, 2019, 412 p. (In Russ.).
- Tikhonov S.S.** Vozmozhnosti etnografo-arkhеologicheskogo izucheniya rybolovstva naseleniya Sibiri. In *Arkhеologiya Zapadnoi Sibiri i Altaya: opyt mezhdisciplinarnykh issledovaniy*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2015, pp. 91–94. (In Russ.).
- Tsepkin E.A.** K istorii promyslovoi ikhtiofauny i rybolovstva v basseine Irtysha. In *Byulleten' Moskovskogo obshchestva ispytatelei prirody. Otd. biologii*. Moscow, 1978, vol. 83 (2), pp. 81–86. (In Russ.).
- Tsepkin E.A., Mogil'nikov V.A.** Rybolovstvo u naseleniya lesnogo Priirtysh'ya v epokhu zheleza. *Sovetskaya arkhеologiya*, 1968, No. 3, pp. 54–61. (In Russ.).
- Varpahovskii N.A.** Rybolovstvo v basseine reki Obi. Tyumen: Mandrika, 2003. Pt. I. Orudiya rybolovstva i produkty rybnogo promysla, 265 p.; Pt. II. Ryby basseina r. Obi, 265 p. (In Russ.).
- Zhuk A.V., Tikhonov S.S., Tomilov N.A.** Vvedenie v etnoarkhеologiyu: uchebnoe posobie dlya studentov istoricheskikh fakul'tetov vysshikh uchebnykh zavedeniy. In *Etnografo-arkhеologicheskie komplekсы. Problemy kul'tury i sotsiuma*, Omsk: Nauka, 2009, vol. 11, pp. 79–125. (In Russ.).

Тихонов С.С. <https://orcid.org/0000-0001-6909-0727>

Е.Ф. Фурсова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: mf11@mail.ru

Вышитые полотенца с крестами и растительными орнаментами («проросшие кресты») у русских крестьянок в Западной Сибири

Выявление и реконструкция смыслообразующих элементов вышивки обрядовых полотенец сибирских крестьянок в контексте орнаментального творчества и традиционного мировоззрения позволяет ответить на вопросы о базовых ценностях русской культуры и возможностях их трансляции в современных условиях. Источником послужили полевые материалы автора, собранные в ходе Восточнославянской этнографической экспедиции Института археологии и этнографии СО РАН в селах Западной Сибири (1978–2010 гг.): полотенца с крестами и растительными орнаментами из семейных хранилищ, культовых сооружений, главным образом старообрядческих моленных домов, фиксируемые в ходе полевых исследований, а также дневниковые записи автора. Проанализированные автором орнаменты женских рукоделий второй половины XIX – начала XX в. позволили интерпретировать образ двойного «проросшего» креста как средоточия вегетативных сил, «зернового кода», столь актуального для свадебных полотенец. Его трансформация в сторону символа духовного спасения человека нашла отражение в связях с похоронно-поминальной обрядностью (повязывание на надмогильных крестах, подача «на помин души»). Автор не разделяет точку зрения о космологических истоках образа двойного «проросшего» креста, т.к. в подобных случаях не принимается во внимание тот факт, что такие узоры располагаются внизу многофигурных композиций, нередко между символами «засеянного поля» (по Б.А. Рыбакову). Кроме того, при таких рассуждениях исходящие из крестов растения (цветы, колосья) считаются только декоративными дополнениями, что противоречит закономерностям орнаментальных систем с их подверженностью смысловой символике. На фоне поступающей информации о назначении рассматриваемых орнаментированных полотенец встает вопрос о соотношении констатирующего и интерпретационных наблюдений, что принадлежит к сфере теоретических основ орнаментального искусства и требует дальнейших исследований.

Ключевые слова: русские Западной Сибири, старообрядцы, символы, вышивка, полотенца, крест.

Elena F. Fursova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: mf11@mail.ru

Embroidered Towels with Crosses and Floral Ornaments (“Sprouted Crosses”) from the Russian Peasant Women in Western Siberia

The identification and reconstruction of the sense-making elements of embroidery of ritual towels of the Siberian peasant women in the context of ornamental creativity and traditional worldview allows us to answer questions about the basic values of the Russian culture and the possibilities of their transmission in current conditions. The source was the author’s field materials (towels with crosses and floral ornaments, recorded during field research from family depositories, religious buildings, mainly Old Believer prayer houses, as well as the author’s diary entries) of the East Slavic ethnographic expedition of the Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences in the villages of Western Siberia (1978–2010). The ornaments of the women’s handicrafts of the second half of the 19th to early 20th centuries analyzed by the author allowed to interpret the image of a double “sprouted” cross as the focus of vegetative forces, the “grain code”, which is so relevant for wedding towels. Its transformation towards a symbol of spiritual salvation of a person was reflected in ties with funeral and memorial rituals (tying on grave crosses, serving “at the commemoration of the soul”).

The author does not share the point of view about cosmological origins of the image of a double “sprouted” cross, since in these cases, the fact that such patterns are located at the bottom of multi-figured compositions, often between the symbols of the “sown field” (according to B.A. Rybakov). Moreover, with such reasoning, plants (flowers, wheat heads) emanating from the crosses are considered as decorative additions only, which contradicts the laws of ornamental systems with their susceptibility to semantic symbolism. Against the background of the information received about the purpose of the ornamented towels in question, the question arises of the relationship between ascertaining and interpretive observations, which belongs to theoretical foundations of ornamental art and requires further research.

Keywords: *Russians in Western Siberia, Old Believers, symbols, embroidery, towels, cross.*

Введение

Этнознаковые функции культуры, в которых в наибольшей степени проявляется ее самобытность, особенно заметны в таких видах народного художественного творчества, как орнаментация предметов быта. Орнамент может присутствовать на предмете как самостоятельный объект, а также быть составной частью более сложной композиции, включающей другие фигуры. Сразу заметим, в данной статье не планируется анализ сложносоставных композиций, т.к. это тема отдельной работы. В ряде вышитых полотенец мы обратили внимание на факт присутствия некоего знака (пиктограммы) в виде двойных четырехконечных «проросших» крестов с изображениями цветов, листьев и пр., которые, как правило, представляли в полотенцах отдельной фигурой или располагались внизу многофигурной композиции.

Объединенные автором в отдельную группу такие полотенца русских Западной Сибири соединяет то, что они включают наложенные друг на друга прямой и косой кресты, от которых исходят как «лучи» растительные узоры в виде цветов, листьев, бутонов, ягод с присутствием разных размеров мелких крестиков. Четырехконечные кресты (т.н. «катакомбные») считаются архаичными: в катакомбах и на многих древних памятниках они встречаются несравненно чаще, чем какие-либо другие [Гнутова, 2005, с. 3; Хрушкова, 2002, с. 199].

Целью статьи является представление авторского варианта интерпретации смыслового содержания таких орнаментов, включая чувственно-смысловое его восприятие информантами в XX в. Источником послужили полевые материалы, собранные в ходе Восточнославянской этнографической экспедиции Института археологии и этнографии СО РАН в селах Западной Сибири: полотенца с крестами и растительными орнаментами из семейных хранилищ, культовых сооружений, главным образом старообрядческих молельных, фиксируемые в ходе полевых исследований, а также дневниковые записи автора. Работы осуществлялись как в сибирской старожильской, так и переселенческой среде в 1978–2010 гг. (полоте-

нец такого типа зафиксировано ок. 30 шт.). Дополнительным источником стали собрания полотенец из музеев (Белгородского историко-краеведческого музея, Россия; Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника, Беларусь; Этнографического музея г. Брашов, Румыния; и пр.). В процессе этнографических исследований главным приоритетом для автора является оценка разнообразных по форме подачи (техника, графика) орнаментов с учетом этнокультурного контекста, знание этнической культуры носителей традиции, их идентичности, религиозной принадлежности.

В научной литературе проявляется тенденция видеть в каждой орнаментальной композиции либо прообраз, либо побочное ответвление, либо одну из форм записи повествовательных сюжетов [Кожин, 1991, с. 134, 135]. В рассматриваемых полотенцах в зависимости от степени реалистичности вышитые образы «проросших крестов» делятся на: 1) абстрактно-символические; 2) узнаваемые объекты, т.е. приближенные к реалистическим. Цветовая гамма этого рода орнаментаций двуцветная, традиционно для русской вышивки включающая красный и черный (или близкие темные) цвета на фоне белого льняного полотна [Фурсова, 1998, с. 116; Грибанова, 2013, с. 202].

Полевые материалы об орнаментах «проросшие кресты»

Обратимся к полевым материалам автора. Изображение двойного 4-конечного креста (т.е. наложенных один на другой) встретилось на Алтае среди рукоделий старообрядцев-беспоповцев в д. Тайна Красногорского р-на Алтайского края (ПМА 1982). В начале 1980-х гг. в этой деревне проживало несколько семей старообрядцев одного из беспоповских согласий под именем «кержаки» и несколько семей поповского (австрийского) согласия; с середины XIX в. периодически приезжали переселенцы из Пермской губ. Вышивка тайнинского полотенца принадлежала матери местной жительницы Устиньи Егоровны Соломоновой («бабки Соломонихи») 1875 г.р. (ПМА 1982. № 10/27). Техника креста выполнена красными

и черными нитками, геометрия фигур сглажена; ажурный «наконечник» связан крючком (рис. 1). По степени сохранности и особенностям исполнения вышивки полотенце можно отнести ко второй половине XIX в., однако при этом абстрактно-символический тип изображения представляется значительно более ранним. Несмотря на утрату ряда элементов, очертания крестов, «проросших» цветами, бутонами, листьями, как основного центра композиции, читаются четко. Первый крест с концами в виде овалов и вписанными в них квадратами и крестиками заканчивается распутившимся цветком сверху. Второй, меньший по величине массы, крест состоит из мелких крестиков; его лучи заканчиваются распутившимися цветами и «парящими» над ними мелкими крестиками, расположенными на четыре стороны. Анализируя восточнославянские археологические материалы X–XIII вв., некоторые ученые увидели в этом знаке отражение комплекса космических верований языческих славян [Даркевич, 1960, с. 57]. В литературе встречаются интерпретации трансформаций солярных и космологических мотивов росписей бытовых предметов в образ «звезды», а растительные «дополнения» рассматриваются как декоративные элементы [Калашникова, 2018, с. 120]. В данном случае, на наш взгляд, не принимается во внимание тот факт, что такие вышивки располагаются внизу композиций, нередко между символами «засеянного поля» (по Б.А. Рыбакову).

Прочие фигуры композиции тайнинского полотенца сохранились хуже, но все же читаются изображения двух цветов по бокам вышивки (типа васильков?) и двух крестообразных фигур, состоящих из четырех квадратов с фоновыми крестиками внутри. Б.А. Рыбаков считал, что четыре сомкнутых квадрата с точками внутри каждого означали первоначально «засеянное поле» той отдаленной эпохи, когда христианство только начинало овладевать умами славян [1981, с. 95]. В данном случае вместо точек мы видим изображения крестиков, причем не только в квадратах, но и разбросанных («парящих») на цветах. Информация от дарительницы рассматриваемого полотенца У.Е. Соломоновой (1907 г.р.) ограничивается сообщением о «цветочках».

Полевые материалы позволяют обозначить достаточно широкую территорию бытования типов графики «проросших крестов» в Западной Сибири: Северный Алтай, Причумышье, Барабинская лесостепь, Васюганье (Васюганская равнина в пределах Новосибирской области). В богато орнаментированном полотенце из д. Чумаково Куйбышевского р-на Новосибирской обл. (ранее относилось к Каинскому у. Томской губ., ПМА

Рис. 1. Конец льняного полотенца. Старообрядцы-кержаки д. Тайна Красноярского р-на Алтайского края, конец XIX в. Фото автора.

1986. № 13) вышивка выполнена красными и черными нитками в технике крест (рис. 2). Во время работы этнографической экспедиции местный житель Сергей Иннокентьевич Михайлов (1917 г.р.) сообщил, что Чумаково было заселено в конце XVIII – начале XIX в. выходцами из Могилёвской губернии (прадеда звали «Чумак», а деревню первоначально называли «Чумаки»). «Прадед Иван Михайлович из Могилёво был сослан за помещичьи бунты» (ПМА 1986. № 13/5 об.). К концу XIX – началу XX в. население с. Чумаково считалось русским старожильческим под коллективным названием «чалдоны». Чумаковское рукоделие, видимо, предназначалось для свадебного обряда (венчания), о чем свидетельствуют сидящие на ветках винограда голуби. Внизу орнаментов с виноградом, голубями, цветами расположена интересующая нас крестообразная фигура, причем флористические отростки двойного креста исходят из квадрата с крестиком в центре. Отростки вертикального креста оканчиваются распутившимися цветами, наклонного креста – с ветками или листьями, поднятыми вверх, и завершаются крестиками. Таким образом, смысловое содержание узора вышивки здесь никак не укладывается в погребальную обрядность, хотя мотив смерти девушки и рождения женщины присутствует и в свадебных обычаях, и в обрядовом фольклоре [Русские, 1997, с. 470, 472, 482]. По мнению

Рис. 2. Конец льняного полотенца, д. Чумаково Куйбышевского р-на Новосибирской обл., начало XX в. Фото С. Зеленского.

А.Л. Топоркова, глубинная семантика предметных символов определяется их медиативной функцией, т.е. переходом из своего мира в чужой или от живых к мертвым [1989, с. 94], что, вероятно, и имеет отношение к данному конкретному случаю.

Примером васюганских полотенец могут служить рукоделия из с. Северное, Платоновка, Бергуль Северного р-на Новосибирской обл., принадлежавшие русским старообрядцам беспоповского

согласия (федосеевцам), потомкам выходцев из Виленской, Витебской губ. начала XX в. [Фурсова, 2009, с. 119–120]. Орнамент выполнен красными нитками в технике «взастил» и браного ткачества (рис. 3, 4). В этом случае двойной крест также построен на противопоставлении активно плодоносящего растения с цветками и менее плодovitого – с ветками, обращенными вверх. Если сделать экскурс для поисков аналогий исследуемому элементу вышивки (двойного «проросшего» креста), то он может привести нас на другие территории проживания славян и в православные страны, сохранившие в музеях близкие изображения и композиции. Так, в Этнографических музеях г. Брашов, Сучава (Румыния) в композиционно сложных рукоделиях можно видеть аналогичные по графике фигуры, расположенные между деревьями-цветами и птицами (рис. 5). Единичные женские рукоде-

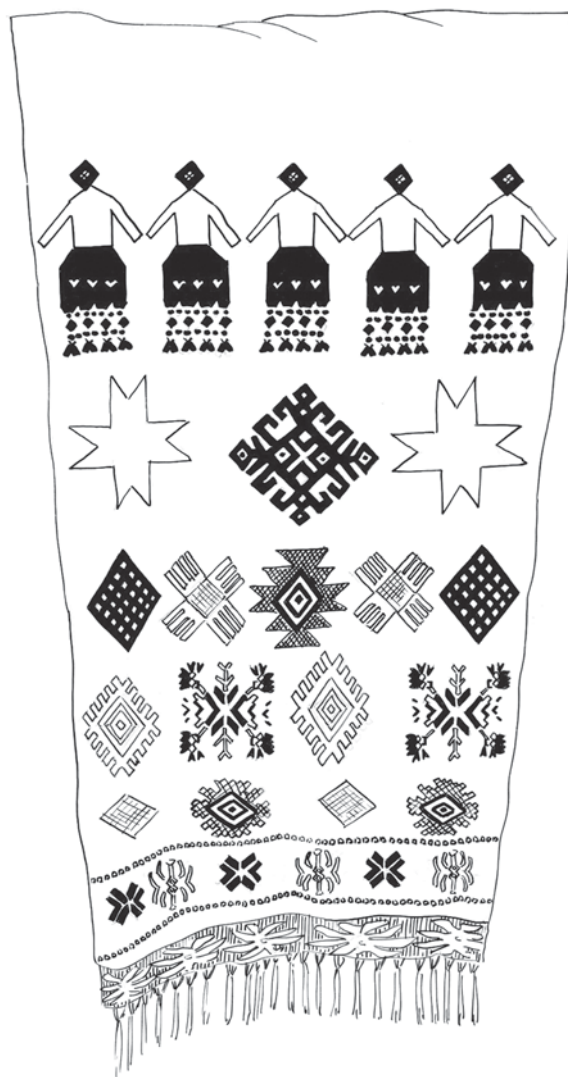

Рис. 3. Конец льняного полотенца. Старообрядцы д. Платоновка Северного р-на Новосибирской обл., конец XIX в. Рисунок С. Шендрик.

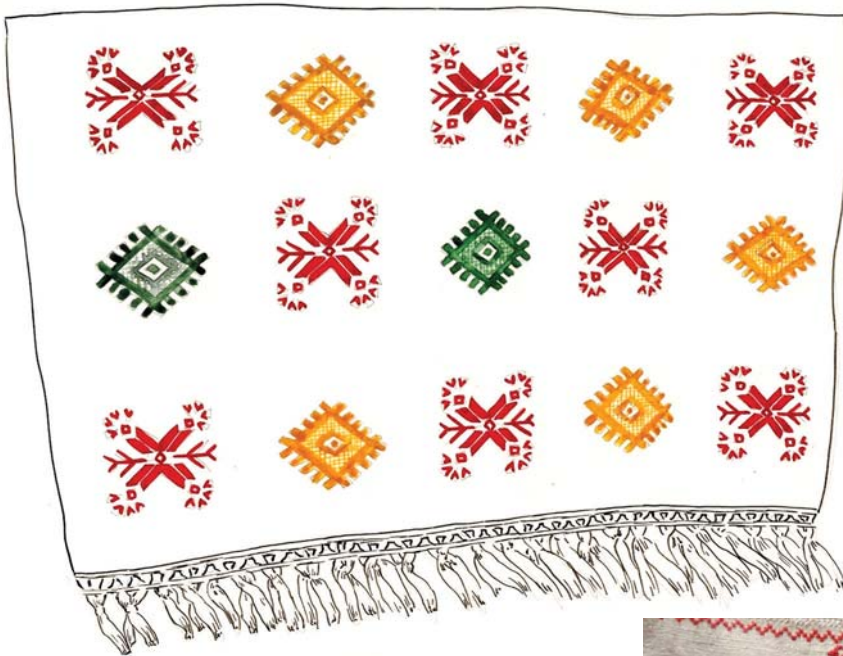

Рис. 4. Конец льняного полотенца. Старообрядцы д. Бергуль Северного р-на Новосибирской обл., конец XIX в. Рисунок С. Шендрик.

лия с двойными «проросшими» крестами хранятся в Белгородском историко-краеведческом музее, Национальном Полоцком историко-культурном музее-заповеднике, Ветковском музее старообрядчества в Беларуси (ПМА 2011, 2016, 2018).

В моленной старообрядцев Древлеправославной старопоморской церкви федосеевского согласия г. Новосибирска (существовала до 1998 г.) среди жертвенных полотенец, собранных «на помин души», сохранилось рукоделие, которое выглядит относительно простым, без растительных узоров, в сравнении с рассмотренными выше. Тем не менее вышивка счетной гладью красными нитками сочетает в себе вышеотмеченные основные характеристики рассматриваемого образа. Друг на друга наложены вертикальный и наклонный кресты, один из которых массивен, а другой легкий, суховатый; в центре исхода отростков креста расположен крестик поменьше. Растительные дополнения крестов здесь отсутствуют, тем самым меняется символическое значение композиции, возможно, ранее нацеленной на активацию плодоносящих сил мира. Кроме того, мы можем привлечь данные от рукодельницы, сообщившей о функции полотенец этого типа. В д. Усть-Чумыш Тальменского р-на Алтайского края в семье старообрядцев-«кержаков» полотенце с вышивкой «проросших крестов» называли «обмоточек», т.к. ими обматывали на похоронах надмогильные кресты (О.Ф. Романова, 1908 г.р., ПМА 1983).

Материалы вышивок двойного креста, из которого исчезли растительные узоры, свидетельствуют о том, что с упрочением христианства крестообразные мотивы были переосмыслены и стали

Рис. 5. Фрагмент скатерти из коллекции Этнографического музея, г. Брашов (Румыния). Фото автора.

символом крестных страданий Христа, духовного спасения человека [Динцес, 1941, с. 38; Жилина, 2018, с. 33–34]. Такие трансформации становятся понятными, если учитывать консерватизм и приверженность старообрядцев христианскому вероучению и поучениям святых отцов, отвергавших языческое прошлое и иноземные влияния во всех проявлениях.

Графические знаки «зернового кода» в русско-сибирских орнаментах

Многообразные творческие достижения мастериц Западной Сибири в виде вышитых полотенец, по времени изготовления относящихся ко второй половине XIX – первой трети XX в., были тесно связаны с духовной жизнью, мировоззрением крестьян-земледельцев и, безусловно, их многовековой приверженностью православию.

Эмпирические материалы, краткие сведения от информантов о назначении полотенец с орнаментом двойного «проросшего» креста ориентируют на похоронно-поминальную обрядность (сообщения о подвязывании надмогильных крестов, жертвование «на помин души»). Вместе с тем графические образы проросших цветами и листьями крестов символизировали благополучие и процветание, и такая графика могла относиться к весенне-летнему циклу календаря, на который приходится основная часть поминальных дней (*сиб.* «родительских суббот»). Рассматривая символику зерна в календарной обрядности, В.Ю. Корнева пришла к выводу, что в силу земледельческого характера русской культуры знаки «зернового кода» являлись ее смыслообразующей основой, а соответственно, – сосредоточием мировоззрения [2012, с. 168]. Православные старообрядцы, постоянно читавшие богословскую литературу, были хорошо осведомлены о притчах и метафорах из Св. Писания: «поле есть мир», «сеящий доброе семя есть сын человеческий», «о сеятеле» и пр. (Мф. 13:32, 37–38; Ин. 12:24 и пр.). Мотив перерождения, возрождения к новой жизни и вечному обновлению не единожды звучит в Новом Завете: «Если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно, а, если умрет, то принесет много плода» (Ин. 12:24). Проанализированные автором орнаменты женских рукоделий позволили проследить трансформации цветущего образа двойного креста. Тайнинское полотенце представляется типологически ранним, наряду с центральной фигурой крестов, здесь присутствуют знаки «засеянного поля» (по Б.А. Рыбакову), что дает право обозначить его привязку к свадебным обычаям. Васюганские, чумаковские вышивки по характеру исполнения наиболее близки восточноевропейским (например, на западных окраинах России, в Беларуси, Румынии, где имелись поселения русских старообрядцев). Вышивка полотенца из новосибирского моленного дома старообрядцев-федосеевцев имеет упрощенный, без излишеств, рисунок сдвоенных крестов, где геометрия вытеснила все растительные образы.

На фоне поступающей информации о назначении орнаментированных полотенец встает вопрос о соотношении констатирующего и интерпретационных наблюдений, что принадлежит к сфере теоретических основ орнаментального искусства и требует дальнейших исследований.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР № 0329-2019-0006 «Символ и знак в культуре народов Сибири XVII–XXI вв.: актуализация и стратегии сохранения».

Список литературы

- Гнутова С.В.** Крест – хранитель всея вселенная...: Памятники христианского искусства X–XX веков в России: из музейных и частных собраний / Буклет выставки. – М.: Penates-Пенаты, 2005. – 20 с.
- Грибанова Н.С.** Полотенце в культуре русского сельского населения Алтая в конце XIX – начале XXI века. – Барнаул: Алт. гос. пед. акад., 2013. – 256 с.
- Даркевич В.П.** Символы небесных светил в орнаменте Древней Руси // СА. – 1960. – № 4. – С. 56–67.
- Динцес Л.А.** Историческая общность русского и украинского народного искусства // СЭ. – 1941. – № V. – С. 21–58.
- Жилина Н.В.** Ранние формы византийского орнамента и их роль в христианском искусстве // III Свято-Владимирские чтения: мат-лы междунар. науч. конф., посвященной 1030-летию Крещения Руси. – Севастополь: Гос. ист.-археолог. музей-заповедник «Херсонес-Таврический», 2018. – С. 32–35.
- Калашникова Т.В.** Традиционная бытовая живопись в Польше и Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв. // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2018. – № 56. – С. 118–124. – DOI: 10.17223/19988613/56/15
- Кожин П.М.** О древних орнаментальных системах Евразии // Этнознаковые функции культуры. – М.: Наука, 1991. – С. 129–151.
- Корнева В.Ю.** Зерновой код в календарной обрядности русских. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. – 188 с.
- Русские** / отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. – М.: Наука, 1997. – 828 с: ил. – (Народы и культуры).
- Рыбаков Б.А.** Язычество древних славян. – М.: Наука, 1981. – 607 с.
- Топорков А.Л.** Символика и ритуальные функции предметов материальной культуры // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. – Л.: Наука, 1989. – С. 89–101.
- Фурсова Е.Ф.** Традиции обработки льна у восточных славян Верхнего Приобья // Русские Сибири: культура, обычаи, обряды. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – С. 97–128.

Фурсова Е.Ф. Традиционная культура старообрядцев Васюганья как результат межэтнических взаимодействий // ЭО. – 2009. – № 1. – С. 119–139.

Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII века). – М.: Наука, 2002. – 500 с.

References

Aleksandrov V.A., Vlasova I.V., Polishchuk N.S. (eds.). Russkie. Moscow: Nauka, 1997, 828 p.: ill. (Narody i kul'tury). (In Russ.).

Darkevich V.P. Simvoly nebesnykh svetil v ornamente Drevney Rusi. In *Sovetskaya arheologiya*, 1960, iss. 4, pp. 56–67. (In Russ.).

Dintses L.A. Istoricheskaya obshhnost' russkogo i ukrainskogo narodnogo iskusstva. In *Sovetskaya etnografiya*, 1941, iss. V, pp. 21–58. (In Russ.).

Fursova E.F. Traditsii obrabotki l'na u vostochnykh slavyan Verkhnego Priob'ya. In *Russkie Sibiri: kul'tura, obychai, obryady*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1998, pp. 97–128. (In Russ.).

Fursova E.F. Traditsionnaya kul'tura staroobryadtsev Vasyugan'ya kak rezul'tat mezhetnicheskikh vzaimodeystviy. In *Etnograficheskoe obozrenie*, 2009, iss. 1, pp. 119–139. (In Russ.).

Gnutova S.V. Krest – khranitel' vseya vselennyaya...: Pamyatniki khristianskogo iskusstva X–XX vekov v Rossii: iz muzeynykh i chastnykh sobraniy / Buklet vystavki. Moscow: Penates-Penaty, 2005, 20 p. (In Russ.).

Gribanova N.S. Polotentse v kul'ture russkogo sel'skogo naseleniya Altaya v kontse XIX – nachale XXI veka. Barnaul: Altai State Ped. Acad., 2013, 256 p. (In Russ.).

Kalashnikova T.V. Traditsionnaya bytovaya zhivopis' v Pol'she i Zapadnoy Sibiri na rubezhe XIX–XX vv. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2018, iss. 56, pp. 118–124. (In Russ.). DOI: 10.17223/19988613/56/15

Khrushkova L.G. Rannekhristianskie pamyatniki Vostochnogo Prichernomor'ya. (IV–VII veka). Moscow: Nauka, 2002, 500 p. (In Russ.).

Korneva V.Ju. Zernovoy kod v kalendarnoy obryadnosti russkikh. Tomsk: State Univ. Press, 2012, 188 p. (In Russ.).

Kozhin P.M. O drevnikh ornamental'nykh sistemakh Yevrazii. In *Etnoznakovye funktsii kul'tury*. Moscow: Nauka, 1991, pp. 129–151. (In Russ.).

Rybakov B.A. Yazychestvo drevnikh slavyan. Moscow: Nauka, 1981, 607 p. (In Russ.).

Toporkov A.L. Simvolika i ritual'nye funktsii predmetov material'noi kul'tury. In *Etnograficheskoe izuchenie znakovykh sredstv kul'tury*. Leningrad: Nauka, 1989, pp. 89–101. (In Russ.).

Zhilina N.V. Rannie formy vizantiyskogo ornamenta i ikh rol' v khristianskom iskusstve. In *III Svyato-Vladimirskie chteniya: Materialy mezhd. nauch. konferentsii, posvyashhennoy 1030-letiyu Kreshheniya Rusi*. Sevastopol': Gos. Ist.-arkheolog. muzey-zapovednik "Khersones-Tavricheskiy", 2018, pp. 32–35. (In Russ.).

Фурсова Е.Ф. <https://orcid.org/0000-0002-9459-7033>

А.П. Чемчиева

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: chemchieva@gmail.com

Этнокультурное развитие южных алтайцев в современном городе

В статье исследуется воздействие урбанизационных процессов на воспроизводство этнокультурных ценностей южных алтайцев (алтай-кижи и теленгитов), проживающих в Горно-Алтайске. Эмпирическую базу статьи составили материалы этносоциологического исследования, проведенного автором в рамках проекта по проблемам урбанизации коренных народов Алтая (2016–2017 гг.). Анализ полученных данных показал, что представители южных алтайцев социально адаптированы к городским условиям жизни. Привлекательность проживания в городе складывается для них из ряда социально-экономических и культурных факторов. Выявлено, что южные алтайцы в условиях города сохраняют высокую степень этнической идентичности. Доминирующими маркерами их этнической идентичности являются обычаи и традиции, родной язык и культура народа. Городские южные алтайцы проявляют большой интерес к историческому прошлому и культуре своего народа. Большинство из них обладает хорошим знанием обычаев и традиций и старается их соблюдать. У городских южных алтайцев высоко выражена родовая идентичность и в основной массе они поддерживают соблюдение традиции родовой экзогамии. В городских условиях южные алтайцы продолжают придерживаться традиционных религиозных воззрений. Языковая ситуация в их среде характеризуется следующими показателями: большинство владеет родным языком; наблюдается высокая степень функциональности алтайского языка в кругу семьи; в официальной сфере преобладает русский язык. В работе делается вывод, что южные алтайцы еще остаются на «периферии» урбанизации. По этой причине и из-за того, что большинство из них являются горожанами в первом поколении, негативные эффекты урбанизации проявляются не резко и не в полной мере. Однако прогнозируется, что с каждым годом в среде южных алтайцев под влиянием урбанизации будут нарастать качественные изменения, создающие риски для их воспроизводства как самобытной культурно-языковой общности. С научной точки зрения данное обстоятельство потребует особого внимания и мониторингового изучения.

Ключевые слова: южные алтайцы, алтай-кижи, теленгиты, этнокультурное развитие, урбанизация, Горно-Алтайск.

Arzhana P. Chemchieva

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: chemchieva@gmail.com

Ethnic and Cultural Development of Southern Altaians in Contemporary City

This article analyzes the influence of urbanization processes on the reproduction of ethnic and cultural values among the Southern Altaians (the Altai-Kizhi and Telengits) living in the city of Gorno-Altaiisk. The article is based on the evidence of ethnic and sociological research by the author, which was a part of the project on the problems of urbanization of indigenous peoples of Altai (2016–2017). The analysis has shown that several socio-economic and cultural factors foster attraction to urban life on the part of the Southern Altaians. They are socially adapted to urban lifestyle while continuing to preserve their ethnic identity based on their native traditions, language, and culture. City-dwelling Southern Altaians manifest strong interest in their historical past and culture. Most of them have a good knowledge of their traditions and desire to follow them, possess strong clan identities, and in most cases they follow the traditions of clan exogamy. In the urban environment, the Southern Altaians tend to follow their traditional religious beliefs. It is shown that most of them can speak their native languages which

remain highly functional in the interaction between family members, while the Russian language prevails in official settings. It is concluded that the Southern Altaians still remain at the “periphery” of urbanization. Because of this, and since most of them are first-generation urban dwellers, the negative effects of urbanization are less evident in most cases. However, with each passing year, changes will occur under the impact of urbanization, creating risks for the Southern Altaians as a unique cultural community. This is why their community requires special academic attention and research.

Keywords: *Southern Altaians, Altai Kizhi, Telengits, ethnic and cultural development, ethnic and cultural values, urbanization, Gorno-Altaiisk.*

Введение

Развитие городов и распространение городской культуры оказывают на жизнь коренных народов активное преобразующее воздействие. На культурном уровне урбанизация обуславливает перестройку их сложившегося образа жизни, норм поведения и традиционных этнокультурных ценностей. Нередко подобные преобразования чреваты потерей этнической самобытности коренных народов, снижением значимости и даже утратой их этнической идентичности. В этой связи этнокультурная жизнеспособность коренных народов в условиях нарастания урбанизации требует внимания и осмысления.

Данная статья является продолжением серии авторских работ, посвященных этносоциальному и этнокультурному развитию коренного населения Горного Алтая (северных и южных алтайцев) в условиях современного города [Чемчиева, 2017, 2018, 2019]. Целью представленной работы является изучение воздействия урбанизационных процессов на воспроизводство этнокультурных ценностей южных алтайцев (алтай-кижи и теленгитов), проживающих в Горно-Алтайске. В соответствии с поставленной целью определены следующие исследовательские задачи: охарактеризовать включенность южных алтайцев в социальное пространство города и значимые для них факторы привлекательности городской среды; проанализировать доминирующие маркеры этнической идентичности; определить ценностное отношение к культурному наследию предков; выявить актуальный уровень знания традиций и оценить степень их соблюдения; рассмотреть степень религиозности; раскрыть тенденции этноязыковых процессов.

Эмпирическую базу статьи составили материалы этносоциологического исследования, проведенного автором в рамках проекта по проблемам урбанизации коренных народов Алтая (2016–2017 гг.). Опрос методом структурированного интервью был проведен в Горно-Алтайске в августе 2016 г. Обследовано было охвачено 369 представителей коренных народов Алтая (146 северных алтайцев и 223 южных алтайца). Среди южных алтайцев было опрошено 173 представителя алтай-кижи

и 50 теленгитов, в их числе 89 мужчин (40 %) и 134 женщины (60 %) в возрасте от 18 лет и старше. В каждой семье опрошивался один человек. Средний возраст респондентов составил 36 лет. Выборка репрезентативна по полу и возрасту, ее относительная ошибка не выходит за пределы 10 %. При написании работы также были использованы материалы Всероссийской переписи населения 2010 г.

Результаты

По материалам Всероссийской переписи населения 2010 г. в Горно-Алтайске проживает 56 933 чел. Преобладающая часть горожан (67,8 %) – русские, 23,1 % горожан – представители северных и южных алтайцев. Всего численность коренного алтайского населения в городе составляет 13 129 чел. или 18,8 % от их общей численности. Основная масса (93 %) городского алтайского населения являются представителями южных алтайцев (алтай-кижи, теленгиты) (рассчитано по: [Национальный состав..., 2013, с. 23–26]).

Главным источником роста численности южных алтайцев в городе является сельская миграция. В этой связи большая часть южных алтайцев является горожанами в первом поколении (их родители сельские жители). По данным социологического опроса доля горожан в первом поколении составляет 84,3 %, во втором поколении (их родители горожане) – 14,8 %, в третьем (их дедушка и бабушка горожане) – лишь 0,9 %.

Причины миграции южных алтайцев из села были различными. В большинстве случаев мотивами миграции становились «необходимость получения образования» (50,5 %), «забота о будущем детей» (37,4 %), «улучшение условий жизни» (36,9 %), «поиск лучшей работы, профессиональный рост» (34,7 %). Гораздо реже назывались такие причины, как «получение качественного медицинского обслуживания» (5,4 %), «вступление в брак» (4,5 %), «смена климата» (4,1 %), «ликвидация села» (0,5 %).

Большая доля горожан в первом поколении среди южных алтайцев способствует сохранению их тесных связей с сельскими жителями. По данным опроса, большинство (93,7 %) горожан поддержи-

вает отношения с родственниками, проживающими в селе. Они регулярно ездят в гости к родственникам, созваниваются с ними по телефону и оказывают им помощь.

Тем не менее представители южных алтайцев, проживающие в Горно-Алтайске, социально адаптированы к городским условиям жизни. По итогам опроса 86,5 % респондентов отметили, что им нравится жить в городе. С их точки зрения привлекательность проживания в городе складывается из ряда позитивных характеристик, которые можно условно разделить на социально-экономические и культурные.

Сквозь призму социально-экономических показателей город предстает для большинства респондентов комфортной средой обитания. По их мнению, город является наиболее перспективным местом для профессионально-карьерного роста, развития бизнеса и достижения материального благополучия (60,6 %). Кроме того, респонденты считают, что социально-экономическая привлекательность городской среды обуславливается наличием качественных услуг здравоохранения (38,3 %) и развитой инфраструктурой (25,4 %).

Культурные характеристики привлекательности городской среды являются для участников опроса не менее важными. Для многих опрошенных город выступает культурным, образовательным и информационным центром, обуславливающим реализацию как культурных, так и обычных человеческих устремлений. Поэтому респонденты связывают с городом осуществление образовательных возможностей (56,5 %), успешную самореализацию личности, включающую культурный рост и профессиональное самовыражение (42 %) и получение разнообразных форм досуга (18,1 %). Для части опрошенных (14 %) комфортность проживания в городе включает в себя высокий уровень культуры населения. Примечательно, что некоторых респондентов (9,8 %) привлекает само чувство горожанина – для них значимо жить именно в городской местности.

Согласно результатам обследования, основная масса (69,5 %) опрошенных представителей южных алтайцев довольна местом проживания и не намеревается поменять свое место жительства. Переехать из Горно-Алтайска желало лишь около трети (30,5 %) респондентов. При этом 47,1 % респондентов, желающих сменить место жительства, хотели переехать в другой город, из них 32,4 % – в крупные российские мегаполисы. 33,9 % людей, готовых поменять место жительства, хотели переехать в сельскую местность, в основном в пределах Республики Алтай. Эмигрировать из страны желали 19,1 % опрошенных.

Высказанные мотивы желаемого переезда были различными, но большинство опрошенных сослалось на экономические причины: 63,2 % респондентов стремились переехать из-за низких заработков, 25 % – из-за отсутствия подходящей работы, 16,2 % – из-за отсутствия своего жилья. Часть респондентов (23,5 %) отметила привлекательность сельского образа жизни. В меньшей степени намерение переехать связывалось с заботой о будущем своих детей (11,8 %) и причинами личного, семейного характера (1,5 %).

Представители южных алтайцев, проживающие в Горно-Алтайске, обладают выраженной этнической идентичностью. Ясное представление о значимых маркерах их этнической идентичности дают ответы респондентов на вопрос: «Что роднит вас с людьми вашей национальности?» Согласно результатам опроса, доминирующими маркерами этнической идентичности городской группы южных алтайцев являются «обычаи и традиции» (89,7 %), «родной язык» (88,3 %) и «культура народа» (в целом) (79,8 %). Также в числе важных маркеров следует назвать такие признаки, как «черты характера» (39 %), «религия» (37,2 %), «родная земля – Алтай» (35,9 %), «внешний облик» (30 %) и «историческое прошлое» (23,3 %). В числе наименее популярных признаков – «общая государственность (республика)» (5,4 %) и «совместное проживание» (3,6 %).

Исследование показало, что городские южные алтайцы проявляют большой интерес к историческому прошлому и культуре своего народа (95,1 %). При этом 33,6 % респондентов указали, что хорошо знают обычаи и традиции, 60,1 % – знают наиболее характерные из них; 4,9 % – имеют о них смутное представление, 1,3 % – не обладают подобными знаниями.

Поскольку знать традиции народа и следовать им – не одно и то же, респондентам был задан вопрос о том, в какой мере они придерживаются обычаев и традиций. Было выявлено, что полностью следуют обычаям и традициям 27,8 % опрошенных, частично следуют – 68,6 %, не придерживаются их вовсе – 3,6 %.

В числе традиций, которых придерживается большинство городских южных алтайцев, следует отметить многовековое разделение коренного населения Горного Алтая на отдельные рода – сеоки (*алт.* сёк – кость). Исследование показало, что городские южные алтайцы сохраняют свою родовую идентичность. В ходе опроса свой сеок смогли назвать 98,7 % респондентов.

Отметим, что основной функцией алтайского рода в наши дни является регламентация семейно-брачных отношений. Социальный институт сеока не допускает заключения брака между представи-

телями одного рода, которые считаются близкими родственниками. В этой связи респондентам был задан вопрос: «Допустим ли брак между девушкой и парнем из одного сеока?» Ответы распределились так: 86,5 % опрошенных ответили «недопустим», 10,3 % – «допустим».

Исторически традиционная культура народа находится в тесной взаимосвязи с его религиозными воззрениями. В основе религиозного мировоззрения алтайцев лежало язычество – обожествление сил природы, восприятие природного и человеческого мира как единого целого. В наши дни, по материалам опроса, доля верующих среди городских южных алтайцев достаточно высока. В целом назвали себя верующими 61,4 % опрошенных, скорее, верующими – 32,7 %. К атеистам или, скорее, неверующим отнесли себя 5,8 % респондентов. По данным опроса, большинство верующих (83,1 %) исповедуют традиционные алтайские верования. Последователями православия являются 29,6 % опрошенных, буддизма – 1,4 %, протестантизма – 0,5 %, иных конфессий – 0,5 %.

Результаты опроса показали, что в среде городских южных алтайцев наличествует религиозный синкретизм, «двоеверие»: 14,4 % респондентов отметили, что придерживаются как православия, так и традиционных алтайских верований. При этом эта ситуация в большей степени характерна для теленгитов – среди них доля лиц, придерживающихся двух конфессий составляет 38,3 %. Среди алтай-кижи доля «двоеверцев» достигает лишь 7,7 %.

Родной язык является для городских южных алтайцев одной из базовых этнокультурных ценностей. По данным опроса большинство из них (81,2 %) свободно владеет родным языком, т.е. умеет свободно разговаривать, писать и читать. 18 % респондентов отметили, что владеют родным языком не в полной мере. Из них 8,1 % опрошенных могут говорить и читать на родном языке, 5,4 % – только говорят, 4,5 % – понимают разговорную речь, но не говорят. Совершенно не владеют родным языком 0,8 % респондентов. Следует отметить, что все алтайцы, проживающие в Горно-Алтайске, практически свободно владеют русским языком.

Для определения уровня функциональной нагрузки родного языка респондентам было предложено ответить, на каком языке они общаются с родителями, супругами, детьми и на работе. Было выявлено, что подавляющее большинство опрошенных общается с родителями на алтайском языке – 91 %. Наряду с родным языком, в общении с родителями используют русский язык 28,3 % респондентов. С супругом общаются на алтайском языке 84,3 % опрошенных, на русском языке – 50 %.

Со своими детьми на алтайском языке разговаривают 82 % респондентов, на русском языке – 68,3 %. На работе на алтайском языке общаются 49,1 % опрошенных, а на русском языке 95,6 %.

Результаты опроса показали достаточно высокую степень функциональности родного языка у городской группы южных алтайцев в семейном кругу. В то же время прослеживается тенденция возрастания значения русского языка в повседневном общении членов семьи, в особенности с подрастающим поколением. В общении респондентов на работе преобладает русский язык, что обусловлено ролью русского языка как языка межэтнического общения.

Заключение

Изучение воздействия урбанизационных процессов на воспроизводство этнокультурных ценностей южных алтайцев (алтай-кижи и теленгитов), проживающих в Горно-Алтайске, позволяет сделать ряд выводов. Обращение к материалам этносоциологического исследования показало, что представители южных алтайцев социально адаптированы к городским условиям жизни. Показателем включенности в социальное пространство города является их позитивное восприятие образа города как комфортной среды обитания. С точки зрения участников опроса привлекательность проживания в городе складывается из ряда социально-экономических и культурных факторов. Южные алтайцы в условиях города сохраняют высокую степень этнической идентичности. Доминирующие маркеры их этнической идентичности включают в себя обычаи и традиции, родной язык и культуру народа. Городские южные алтайцы проявляют большой интерес к историческому прошлому и культуре своего народа. Большинство из них обладает хорошим знанием обычаев и традиций своих предков и старается их соблюдать. У городских южных алтайцев высоко выражена родовая идентичность и в основной массе они поддерживают соблюдение традиции родовой экзогамии. В городских условиях южные алтайцы продолжают придерживаться традиционных религиозных воззрений. Языковая ситуация у городских южных алтайцев определяется следующими факторами: большинство владеет родным языком; наблюдается высокая степень функциональности алтайского языка в повседневном общении в кругу семьи; в официальной сфере преобладает русский язык.

Резюмируя сказанное, отметим, что южные алтайцы еще остаются на «периферии» урбанизации. По этой причине и из-за того, что большинство из них являются горожанами в первом поколении, негативные эффекты урбанизации проявляются

не резко и не в полной мере. Однако несомненно, что с каждым годом в среде южных алтайцев под влиянием урбанизации будут нарастать качественные изменения, создающие риски для их воспроизводства как самобытной культурно-языковой общности. С научной точки зрения данное обстоятельство потребует особого внимания и мониторингового изучения.

Список литературы

Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: статистический сборник. – Горно-Алтайск: ООП Алтайстата, 2013. – Т. 4. – 419 с.

Чемчиева А.П. Языковая ситуация в среде коренных малочисленных народов города Горно-Алтайска // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 12-5 (86). – С. 237–240. – URL: www.gramota.net/materials/3/2017/12-5/62.html (дата обращения: 01.10.2020).

Чемчиева А.П. Этнокультурная идентичность северных алтайцев в контексте города: символическое возрождение // Вестн. Новосибир. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2018. – Т. 17, № 7. – С. 135–145. – DOI: 10.25205/1818-7919-2018-17-7-135-145.

Чемчиева А.П. Этническая идентичность коренного населения г. Горно-Алтайска // Коренные народы Сибири: история, традиции и современность: мат-лы III регион. науч.-практ. конф. с междунар. участием (4 октября

2019 г.) / ред. О.П. Доможакова. – Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ун-т, 2019. – С. 56–64.

References

Chemchieva A.P. Yazykovaya situatsiya v srede korennykh malochislennykh narodov goroda Gorno-Altayska. In *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie, i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2017, No. 12-5 (86), pp. 237–240. URL: www.gramota.net/materials/3/2017/12-5/62.html (In Russ.). (Accessed: 01.10.2020).

Chemchieva A.P. Northern Altaian Ethnic-Cultural Identity in Urban Context: Symbolic Renaissance. *Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, No. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 135–145. DOI: 10.25205/1818-7919-2018-17-7-135-145. (In Russ.).

Chemchieva A.P. Etnicheskaya identichnost' korenного naseleniya g. Gorno-Altayska. In O.P. Domozhakova (ed.) *Korennye narody Sibiri: istoriya, traditsii i sovremennost': Materialy III regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (4 oktyabrya 2019 g.)*. Novosibirsk: State Ped. Univ. Press, 2019, pp. 56–64. (In Russ.).

Natsional'nyi sostav i vladenie yazykami, grazhdanstvo. Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2010 goda: statisticheskii sbornik. Gorno-Altaysk: OOP Altaistata, 2013, vol. 4, 419 p. (In Russ.).

Чемчиева А.П. <https://orcid.org/0000-0003-3090-859X>

СПАСАТЕЛЬНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

А.Н. Блинова✉, Ю.В. Герасимов, М.А. Корусенко

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: otto_link@mail.ru

Археологические работы на территории Омского военного госпиталя в 2020 году

В мае 2020 г. в г. Омске на ул. Гусарова, 4, проведены археологические спасательные работы на выявленных объектах культурного наследия «Поселение Омск. Госпиталь-1» и «Грунтовой могильник Омск. Госпиталь-2 (городское кладбище последней трети XVIII – начала XIX в.)». Объекты оказались под угрозой разрушения в связи со строительством медицинского центра. В результате полевых работ установлены местоположение и границы городского кладбища последней трети XVIII – начала XIX в., о существовании которого ранее было известно только по архивным данным. Согласно этим данным, выявленное городское кладбище пришло на смену Кадышевскому городскому и функционировало очень короткий срок – около одного-двух десятилетий. Затем, как и Кадышевское, оно было закрыто, а захоронения стали осуществлять на Бутырском кладбище Омска. Археологические работы подтверждают недолгое время существования кладбища – это удалось выяснить по отсутствию в культурном слое нескольких слоев погребений, а также по площади некрополя. При работах на памятнике полностью исследовано одно погребение, оно выполнено в православной погребальной традиции. Умерший захоронен вытянуто на спине головой на запад, в дощатом гробу, сопроводительный инвентарь не обнаружен. В непосредственной близости от исследованного погребения зафиксированы признаки еще нескольких захоронений, они законсервированы. Кроме того, на обследованном участке обнаружены признаки культурного слоя поселения, предварительно датированного эпохой поздней бронзы. Находки в виде фрагментов керамики ручной лепки и части керамического тигля свидетельствуют, что поселение было расположено на мысу террасы р. Омь, в восточной части участка работ. По итогам работ подготовлена документация для постановки выявленных археологических памятников на государственную охрану.

Ключевые слова: археология, Среднее Прииртышье, Омск, городские кладбища, Новое время, поселения, бронзовый век.

Anna N. Blinova✉, Yuri V. Gerasimov, Mikhail A. Korusenko

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: otto_link@mail.ru

Archaeological Research in the Territory of Omsk Military Hospital in 2020

In May 2020, the archaeological rescue work was conducted in the territory of Omsk military hospital (4, Gusarova st.) on detected objects of cultural heritage “Settlement Omsk. Hospital-1” and “Omsk Subsoil Burial Ground. Hospital-2 (city cemetery of the final third of the 18th to early 19th centuries). The objects became at risk of destruction because of the construction of a multifunctional medical center. In the result of fieldwork, the location and boundaries of the city cemetery of the final third of the 18th to early 19th centuries. The existence of the cemetery was previously known only from archival data. According to the data, the found cemetery replaced the Kadyshevskoye city cemetery and functioned for a short period, about one or two decades. Subsequently it was closed as the Kadyshevskoye city cemetery and the burials were organized at the Butyrskoye cemetery in Omsk. The short period of the cemetery work is proved by archaeological findings. It was possible to find out by the absence of several layers of burials in the cultural layer and also by the necropolis area. One burial site was carefully studied during the archaeological work. It was made according to the Orthodox burial tradition. The deceased person was buried on the back with the head oriented to the west. The coffin was wooden and the inventory was not found. Some other burial sites were detected near the studied site; they are preserved now. Moreover,

the features of the settlement cultural layer (tentatively dating back to the late Bronze Age). The fragments of hand-made ceramics and ceramic melting pot prove that the settlement was situated in the terrace cape of the Om River in the eastern part of the site. The documentation for state protection of the archaeological site was prepared.

Keywords: *archeology, Middle Irtysh region, Omsk, city cemeteries, Modern Age, settlements, Bronze Age.*

Археологические исследования в историческом центре Омска до начала XXI в. были немногочисленны. Дело в том, что эта часть города очень плотно застроена. Поэтому, за редким исключением, исследования на этой территории не проводились, хотя по своим природно-географическим характеристикам данная часть города обладает высоким потенциалом в плане расположения археологических памятников различных эпох: высокие коренные террасы рек Иртыша и Оми, большой устьевый участок в месте впадения Оми в Иртыш. Для ситуации с малоисследованной центральной частью Омска характерен и еще один пласт проблем – у большинства известных памятников археологии не были установлены границы. Все это делает актуальным проведение археологических работ в данном районе Омска. А новизна исследований заключается в поисках и обнаружении археологических памятников на данной территории, поскольку такие работы проводятся впервые за довольно большой промежуток времени.

Ситуация стала меняться в начале XXI в. в связи с возросшей интенсивностью строительства в исторической части города, а также с приближающимся его 300-летием. Первые исследовательские работы были проведены на правом берегу Оми в месте впадения ее в Иртыш. В 2010–2011 гг. сотрудниками Омского филиала ИАЭТ СО РАН, в т.ч. авторами настоящей статьи, была выполнена археологическая разведка территории северо-западного участка второй Омской крепости [Корусенко, 2011]. В результате были зафиксированы следы культурного слоя предположительно эпохи бронзы – раннего железного века, а также остатки первых построек этой крепости. В 2014 г. при обследовании другого участка на территории второй Омской крепости по адресу: ул. Партизанская, 5, были обнаружены погребение развитого бронзового века и шлейф культурного слоя поселения более раннего периода [Здор, 2014]. Погребение, отнесенное к пахомовской культуре, получило обозначение «Омская крепость III. Грунтовый могильник», а поселенческий слой был связан с памятником Тобольские ворота I. В 2015 г., после исследования участка на ул. Музейной, 4, открыты несколько погребений из состава могильника Омская крепость II, существование которого предполагалось на основании архивных и музейных данных [Герасимов, 2016]. Памятник, содержа-

щий материалы инберенского этапа красноозерской культуры с элементами поздней ирменского комплекса, был датирован VII – первой половиной VI в. до н.э. [Герасимов, Корусенко, 2015].

В 2016 г. были продолжены исследования на территории второй Омской крепости. Выявлены остатки трех погребений, которые соотнесены с уже имеющимися данными о могильнике Омская крепость III [Здор, 2016]. В этом же году специалистами Омского филиала ИАЭТ СО РАН выполнено историко-культурное обследование участков реконструкции культурно-досугового центра «Маяковский», расположенного на территории бывшего Кадышевского кладбища (это первое городское кладбище Омска, которое датируется XVIII в.) [Черенкова, 2016]. В следующем году в результате археологического наблюдения за работами по реконструкции ул. Ленина на территории Театрального сквера обнаружены могилы неизвестного до той поры кладбища, выполненные по православному обряду. Выявленный некрополь, располагавшийся на краю первой надпойменной террасы р. Иртыш, авторы связывают с погребением умерших участников экспедиции И.Д. Бухгольца [Герасимов и др., 2019].

В 2018–2019 гг. сотрудниками Лаборатории историко-культурной экспертизы СО РАН произведены аварийно-спасательные раскопки на территории бывшего кладбища Бутырского форштадта Омска, попадающего в зоны жилой застройки. Исследовано более 100 погребений, датированных концом XVIII – первой половиной XIX в. Получены уникальные материалы по деталям погребального обряда православного населения Омска и по истории города [Павлов, Черенкова, 2019].

Проведенные в мае 2020 г. полевые археологические работы на территории военного госпиталя продолжают исследование омскими археологами исторической части города. В результате работ были выявлены объекты культурного наследия «Поселение Омск. Госпиталь-1» и «Грунтовый могильник Омск. Госпиталь-2 (городское кладбище последней трети XVIII – начала XIX в.)» (рис. 1).

Участок работ расположен на краю площадки коренной террасы правого берега р. Омь, аккумулятивно-эрозионного генезиса, ориентирован вдоль ее гребня, который на данном отрезке имеет направление юго-юго-запад – северо-северо-восток. Его современная дневная поверхность покрыта плотным

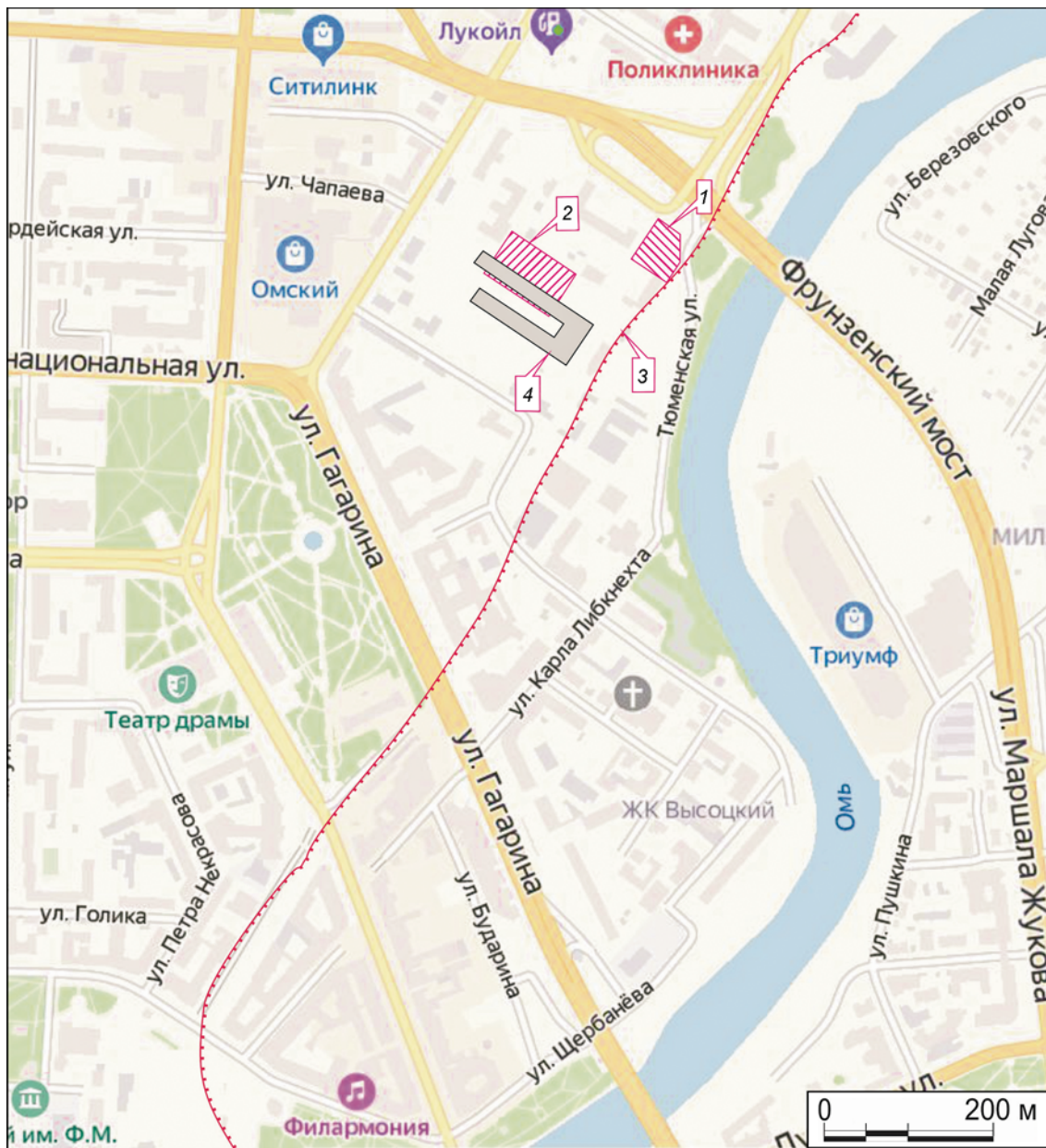

Рис. 1. Местоположение выявленных памятников на современной карте г. Омска.

1 – Омск. Госпиталь-1; 2 – грунтовый могильник Омск. Госпиталь-2 (городское кладбище последней трети XVIII – начала XIX в.); 3 – контур коренной террасы правого берега р. Омь; 4 – здание медицинского центра.

дерновым слоем, имеются следы техногенного нарушения. Ниже располагается высокая пойма реки, затапливаемая при высокой воде; наиболее позднее из таких наводнений произошло в 1928 г.

Современная морфология участка работ определена его расположением в зоне городской застройки. Этот сектор Омска стал застраиваться в начале XIX столетия зданиями военного госпиталя, территория которого огорожена со стороны ул. Гусарова и Больничного переулка. В 1770-х гг. на этом участке располагались производственные площадки предприятия по производству кирпича для обеспечения крепостного строительства.

На площадке первой надпойменной террасы в настоящее время проходит ул. Тюменская, на коренной террасе расположена ул. Гусарова.

Юго-западный контур участка обследования задан Больничным переулком, северо-западный определен ул. Гусарова, северо-восточный – ул. Фрунзе, юго-восточный – склоном террасы. Анализ исторических карт позволяет предполагать, что современная ул. Фрунзе проходит в створе древнего лога, рассекавшего край террасы и сформировавшего описываемый мысовидный участок. Площадка мыса поросла густыми зарослями клена, здесь расположены подземные сети инфра-

структуры госпиталя. По склону террасы читаются следы техногенной отсыпки – различный мусор, щебень, кирпич, куски асфальта.

В центральной зоне к моменту обследования был удален верхний почвенный слой, уложена технологическая песчаная подушка. Для возведения сооружения выбран п-образный котлован в периметре планируемого здания, вскрыты входные котлованы сетей водоснабжения/водоотведения. К востоку от центральной зоны участка строительства расположена Церковь Иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость» в Омском военном госпитале, построенная в 1904–1906 гг. Кирпичное здание в псевдорусском стиле представляет собой базиликальный храм с шатровым восьмериком над алтарной частью и шатровой колокольней над западным входом.

Для изучения структуры напластований на территории обследования заложены 12 стратиграфических шурфов. Закладка такого количества шурфов обусловлена необходимостью изучения площадки террасы, перспективной с точки зрения расположения древних поселений, а кроме того, необходимостью установить границы распространения культурного слоя выявленных археологических памятников.

В результате работ зафиксированы признаки наличия культурного слоя – поселения, предположительно позднего бронзового века и грунтового могильника последней трети XVIII – начала XIX в. Культурный слой первого объекта засвидетельствован находками в стратиграфическом шурфе № 4, где были обнаружены 7 фрагментов толстостенной керамики, выполненных в технике ручной лепки, один из которых орнаментирован округлой ямкой, а также осколок тигля с приклепанными шлаками бронзолитейного производства. Судя по местоположению находок, а также прослеженной в шурфах стратиграфической картине, можно предполагать, что поселение приурочено к краю коренной террасы Оми и, вероятно, занимало мыс между склоном террасы и логом, где сейчас расположена ул. Фрунзе.

Кроме того, дальнейшие работы позволили обозначить границы городского кладбища последней трети XVIII – начала XIX в., о котором ранее было известно из историко-картографических источников [Кочедамов, 1960, с. 20–21]. Существование некрополя подтверждается захоронениями, обнаруженными в шурфах № 10, 12, а также зафиксированными на стенках строительных траншей. При осмотре строительных отвалов найдены несколько фрагментов гончарной керамики и обломки клинка железного ножа, которые следует связывать с культурным слоем Омска XIX в.

При осмотре строительной траншеи, вскрытой до начала археологических работ для прокладки систем водоснабжения, на ее северо-восточной стенке были прослежены остатки пяти погребений в виде пятен прямоугольной формы с мешаным заполнением. Расчистка остатков одного из погребений позволила зафиксировать череп, фрагменты верхней части костяка и дощатого гроба.

В шурфе № 10 исследована могила № 1, попавшая в раскрытие практически целиком, остальные погребения, затронутые шурфами частично, законсервированы, поскольку планируемые строительные работы не несут угрозы их сохранности, а для полноценного изучения необходимы аварийно-спасательные раскопки на широкой площади. Изученное погребение совершено в яме прямоугольной формы, ориентированной по направлению запад – восток. Размеры ямы 195 × 70 см, глубина до 110 см от уровня современной поверхности. Умерший помещен в дощатый гроб с железными рукоятками, прибитыми к боковой поверхности гроба железными гвоздями, изготовленными способом ручной кузнечнойковки. Костяк черепом обращен к западу, череп склонился к правому плечу, руки согнуты в локтях и скрещены на животе, ноги выпрямлены. Сопроводительный инвентарь отсутствует. Признаки погребального ритуала позволяют отнести захоронение к православной обрядовой традиции. Как отмечено выше, следы пяти погребений зафиксированы также на стенке траншеи, проложенной параллельно строящемуся зданию вдоль его северо-восточного контура. Выявленные объекты убедительно свидетельствуют о существовании на территории обследования старого городского кладбища. Характерной особенностью некрополя, отличающей его от Кадышевского и Бутырского кладбищ, является разреженность рядов погребений. На основании историко-картографических данных следует его соотносить со «старым русско-немецким кладбищем», время бытования которого охватывает последнюю треть XVIII – начало XIX в.

Если рассматривать исторический ландшафт центра Омска, участок работ на ул. Гусарова расположен в 0,7 км к северо-востоку от Тарских ворот второй Омской крепости (строительство которой было начато в 1768 г.), на коренной террасе правого берега Оми. В конце XVIII в. основным кладбищем Омска было Кадышевское (именовалось по названию форштадта), которое возникло одновременно со строительством второй Омской крепости (рис. 2). Однако уже план 1795 г. фиксирует третий ряд жилых кварталов, подходящий вплотную к кладбищу, поэтому оно было перенесено за пределы форпоста в район форштадта Выползки [Кочедамов, 1960, с. 21], где и функционировало в течение 10–15 лет.

На «Генеральном плане Омской крепости с показанием казенного гражданского строения и прилежащих форштадтов» от 31 мая 1803 г. Кадышевское кладбище обозначено как «старое», а кладбище в форштадте Выползки как «Кладбища. Русское и Немецкое». Такая же ситуация отмечена и на «Плане города Омска Тобольской губернии» 1806 г. [Омское Прииртышье, 2015, с. 318–319, 346–347].

Первые сведения о госпитале приводятся в «Топографическом описании Тобольского наместничества», согласно которому в 1776 г. в 130 саженях от Омской крепости, на правой стороне р. Омь был построен деревянный (на каменном фундаменте) госпиталь для больных военнослужащих. Поскольку госпиталь был открыт без высочайшего на то повеления, по усмотрению местной власти, то он подлежал ликвидации как «самолично открытый». Соответствующий указ был издан 12 марта 1799 г. [Калмыков и др., 2020, с. 84].

В 1813 г. по ходатайству сибирского генерал-губернатора Г.И. Глазенапа в Омске было разрешено строительство нового госпиталя. Под него выделен участок (примерно 1/4 от современного) севернее форштадта Выползки, у обрыва коренного правого берега Оми, между кирпичными сараями и восточной оградой кладбища конца XVIII в. Кладбище к тому времени именовалось уже «старым русско-немецким», так как взамен его в 1810-е гг. было заложено новое Бутырское кладбище, вдоль будущих ул. Скорбященской, Кладбищенской, Воздвиженской и пер. Центрального. Первые длинные корпуса госпиталя в 1813–1814 гг. выстроены вдоль сторон выделенного прямоугольного участка. К упраздненному кладбищу обращена пустая, резервная сторона участка. Территория бывшего кладбища была выгорожена с прирезом дополнительной территории сада напротив лечебного корпуса [Хахаева, 2020а, с. 6–7]. В 1817 г. повелением императора госпиталь возведен из первого класса во второй, что сделало возможным его расширение [Калмыков и др., 2020, с. 84].

Дальнейшей застройкой госпиталя занимался первый генерал-губернатор Западной Сибири Петр Михайлович Капцевич (1812–1827) [Энциклопедия..., 2009, с. 43]. Территория госпиталя расширилась, заняв четыре квартала Выползок и упраздненное русско-немецкое кладбище. Так, при П.М. Капцевиче были возведены летние палаты: «...хозяйственным изворотом, не докучая никому перепискою, <...> весь госпиталь выстроил вновь, и даже сверх того – летние палаты, где размещались все больные до нескольких сот, и еще для приюта сирот и вдов офицеров и нижних чинов» [Ремнев, 2000, с. 239].

Первые корпуса нового госпиталя были деревянные, на каменных фундаментах. В следующие пять лет здесь возник целый городок лечебных и

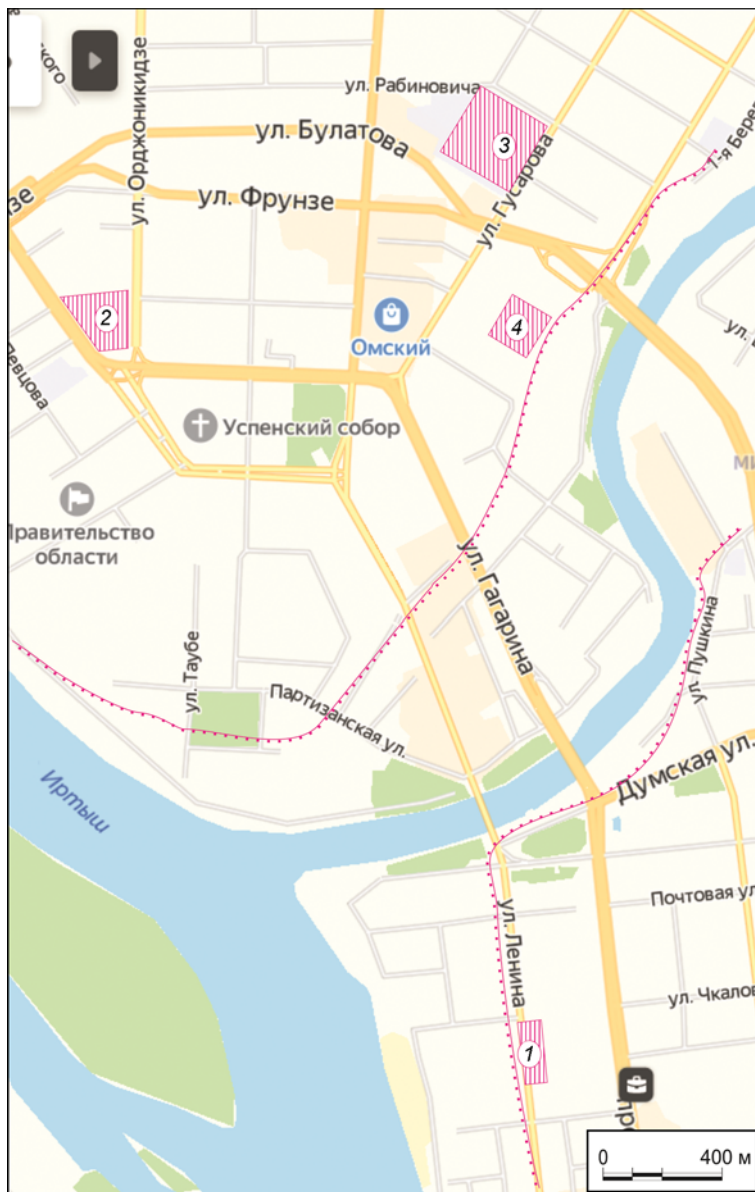

Рис. 2. Исчезнувшие кладбища Омска на современной карте города.

1 – погребения на территории Театрального сквера; 2 – кладбище Кадышевского форштадта; 3 – кладбище Бутырского форштадта; 4 – грунтовый могильник Омск.

Госпиталь-2 (городское кладбище последней трети XVIII – начала XIX в.).

Линия маркирует контур коренных террас Оми и Иртыша.

Список литературы

вспомогательных зданий, из которых два лечебных корпуса и каменная лаборатория (постройки 1825 г., существует и поныне) вытянулись перпендикулярно террасе, образовав современный Больничный переулочек. По Скорбященской (ныне Гусарова) улице были построены два длинных летних корпуса с галереями. «Летние палаты» разместились вдоль западной границы участка, между ней и оставшейся оградой кладбища. Поэтому постройки получились очень узкими: надо было оставить проход между парадными фасадами палат и границей бывшего кладбища. Между палатами в 1825 г. построены два одинаковых двухэтажных деревянных дома: один на месте сломанного летнего корпуса для старшего доктора и его помощника (сейчас это управление госпиталя), другой – на крутом берегу Оми для госпитальной администрации.

По указу П.М. Капцевича была выстроена деревянная Скорбященская часовня между летними корпусами. Старое упраздненное русско-немецкое кладбище после 1819 г. исчезает со всех планов города. Часовня построена как раз напротив входа на кладбище [Хахаева, 2020б, с. 5]. Все последующие захоронения в первом десятилетии XIX в. стали производить на Бутырском кладбище, заложенном в 0,3 км к северу. Оно также делилось на две части: северная часть была немецким кладбищем, где хоронили преимущественно иностранцев, южная – русским. Кладбище функционировало до второй половины XIX в.

К 1864 г. Омский военный госпиталь стал крупнейшим лечебным учреждением Сибири. В 1880 г. Омский окружной госпиталь имел пять вновь построенных корпусов с несколькими лечебными отделениями [Гефнер, 1999, с. 49].

В результате исследования установлен факт наличия на территории производства строительных работ археологических объектов «Омск. Госпиталь-1» и «Омск. Госпиталь-2 (городское кладбище последней трети XVIII – начала XIX в.)». На основании собранных данных установлены границы выявленных памятников. Местоположение кладбища, ранее известного лишь из исторических карт, впервые установлено на местности и привязано к текущей градостроительной ситуации. На основании материалов полевых и историко-архивных исследований подготовлена документация, необходимая для постановки названных объектов на государственную охрану.

Несомненным положительным результатом проведенных исследований стало то, что исторический ландшафт центра Омска обогатился еще двумя археологическими памятниками. В то же время перспективы дальнейшего их исследования пока отодвигаются на неопределенный срок.

Герасимов Ю.В. Отчет о выполнении археологического наблюдения на территории объекта археологического наследия «Омская крепость-2» на участке строительства по ул. Музейная в г. Омске в 2015 г. – Омск, 2016. – 169 с. // Арх. Музея народов Сибири. Ф. VII-1. Д. 71-1.

Герасимов Ю.В., Здор М.Ю., Корусенко М.А., Павлов Д.Н. Некрополь первых строителей Омской крепости: археологическая гипотеза // Пятые Ядринцевские чтения. – Омск: Ом. гос. ист.-краевед. музей, 2019. – С. 338–344.

Герасимов Ю.В., Корусенко М.А. Могильник финальной бронзы на территории города Омска // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 210–213.

Гефнер О.В. Медицинская деятельность военных Омска в конце XIX – начале XX в. // Вестн. Ом. гос. ун-та. – Омск, 1999. – Вып. 1. – С. 46–50.

Здор М.Ю. Отчет о выполнении историко-культурного обследования на участке по ул. Партизанской д. 5А в 2014 г. – 2014. – 78 с. // Арх. Музея народов Сибири. Ф. VII-4. Д. № 1.

Здор М.Ю. Отчет по археологическому обследованию историко-культурного комплекса «Омская крепость» в 2016 г. – 2016. – 61 с. // Арх. Музея народов Сибири. Ф. VII-4. Д. № 5.

Калмыков А.А., Усков А.В., Бургасов А.Г., Гудожников М.Г., Еселевич Р.В. К истории Омского гарнизонного военного госпиталя // Военно-медицинский журнал. – 2020. – № 4. – С. 84–89.

Корусенко М.А. Отчет о проведении археологического обследования территории историко-архитектурного комплекса северо-западного сектора Омской крепости. – 2011. – 11 с. // Арх. Музея народов Сибири. Ф. VII-1. Д. 9-1.

Кочедамов В.И. Омск. Как рос и строился город. – Омск: Ом. кн. изд-во, 1960. – 112 с.

Омское Прииртышье и город Омск на картах, планах и чертежах XVII – начала XX века. – Тобольск: Обществ. благотвор. фонд «Возрождение Тобольска», 2015. – 384 с.

Павлов Д.Н., Черенкова С.В. Результаты предварительных исследований Бутырского кладбища как объекта археологического наследия Омска XVIII – второй трети XIX в. // Пятые Ядринцевские чтения. – Омск: Ом. гос. ист.-краевед. музей, 2019. – С. 382–386.

Ремнев А.В. Из воспоминаний первого омского областного начальника С.Б. Броневского // Изв. Ом. гос. ист.-краевед. музея. – Омск, 2000. – № 8. – С. 235–258.

Хахаева Ж.М. Материалы к документации о включении объекта историко-культурного наследия (памятник архитектуры) «Комплекс построек Омского военного госпиталя: аптека с лабораторией» в Единый государственный реестр объектов культурного насле-

дия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. – Омск, 2020а. – 11 с. (рукопись).

Хахаева Ж.М. Материалы к документации о включении объекта историко-культурного наследия (памятник архитектуры) «Комплекс построек Омского военного госпиталя: летние больничные палаты» в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. – Омск, 2020б. – 17 с. (рукопись).

Черенкова С.В. Отчет по проекту «Выполнение историко-культурных исследований по выявлению объектов культурного (в том числе археологического) наследия и объектов, обладающих признаками объектов культурного наследия, на земельном участке с кадастровым номером 55:09:060603:134 в зоне строительства репродуктора второго порядка и автомобильной дороги к нему в Кормиловском районе Омской области и в зоне реконструкции КДЦ «Маяковский» в г. Омск по ул. Красный Путь, д. 4». – Омск, 2016 // Арх. Музея народов Сибири. Ф. VII-4, диск № 10.

Энциклопедия города Омска: в 3 т. – Омск: Издат. дом «ЛЕО», 2009. – Т. 1: Омск: от прошлого к настоящему (период с 1716 по 2008 год). – 920 с.

References

Cherenkova S.V. Otchet po proektu “Vypolnenie istoriko-kul’turnykh issledovaniy po vyyavleniyu ob’ektov kul’turnogo (v tom chisle arkhelogicheskogo) naslediya i ob’ektov, obladayushchikh priznakami ob’ektov kul’turnogo naslediya na zemel’nom uchastke s kadastrnym nomerom 55:09:060603:134 v zone stroitel’stva reproduktora vtorogo poryadka i avtomobil’noi dorogi k nemu v Kormilovskom raione Omskoi oblasti i v zone rekonstruksii KDTs ‘Mayakovskiy’ v g. Omsk po ul. Krasnyi Put’, d. 4”, Omsk, 2016. In *Arkhiv Muzeya narodov Sibiri*, F. VII-4, Disk No. 10. (In Russ.).

Entsiklopediya goroda Omska: in 3 vol. Omsk: LEO Publ., 2009; vol. 1: Omsk: ot proshlogo k nastoyashchemu (period 1716–2008), 2009, 920 p. (In Russ.).

Gefner O.V. Meditsinskaya deyatel’nost’ voennykh Omska v kontse XIX – nachale XX v. In *Vestnik Omskogo universiteta*. Omsk, 1999, iss. 1, pp. 46–50. (In Russ.).

Gerasimov Yu.V. Otchet o vypolnenii arkhelogicheskogo naslediya ‘Omskaya krepost’-2’ na uchastke stroitel’stva po ul. Muzeinaya v Omske v 2015, Omsk, 2016, 169 p. In *Arkhiv Muzeya narodov Sibiri*, F. VII-1. D. 71-1. (In Russ.).

Gerasimov Yu.V., Korusenko M.A. Mogil’nik final’noi bronzy na territorii goroda Omska. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, vol. XXI, pp. 210–213. URL: https://archaeology.nsc.ru/wp-content/uploads/2018/05/ses_2015_min.pdf (In Russ.).

Gerasimov Yu.V., Zdor M.Yu., Korusenko M.A., Pavlov D.N. Nekropol’ pervykh stroitelei Omskoi kreposti:

arkheologicheskaya gipoteza. In *Pyatye Yadrintsevskie chteniya*. Omsk: Omsk State Museum of History and Regional Studies, 2019, pp. 338–344. (In Russ.).

Kalmykov A.A., Uskov A.V., Burtasov A.G., Gudozhnikov M.G., Yeselevich R.V. K istorii Omskogo garnizonnogo voennogo gospiytalya. *Voенno-meditsinskii zhurnal*, 2020, No. 4, pp. 84–89. URL: <https://sc.mil.ru/files/morf/military/archive/VMSH-4.pdf> (In Russ.).

Khakhaeva Zh.M. Materialy k dokumentatsii o vklyuchenii ob’ekta istoriko-kul’turnogo naslediya (pamyatnik arkhitektury) ‘Kompleks postroek Omskogo voennogo gospiytalya: apteka s laboratoriei’ v Edinyi gosudarstvennyi reestr ob’ektov kul’turnogo naslediya (pamyatnikov istorii i kul’tury) narodov Rossiiskoi Federatsii. Omsk, 2020a, 11 p. (manuscript) (In Russ.).

Khakhaeva Zh.M. Materialy k dokumentatsii o vklyuchenii ob’ekta istoriko-kul’turnogo naslediya (pamyatnik arkhitektury) ‘Kompleks postroek Omskogo voennogo gospiytalya: letnie bol’nichnye palaty’ v Edinyi gosudarstvennyi reestr ob’ektov kul’turnogo naslediya (pamyatnikov istorii i kul’tury) narodov Rossiiskoi Federatsii. Omsk, 2020b, 17 p. (manuscript) (In Russ.).

Kochedamov V.I. Omsk. Kak ros i stroilsya gorod. Omsk: Omsk Book Publ., 1960, 112 p. (In Russ.).

Korusenko M.A. Otchet o provedenii arkhelogicheskogo obsledovaniya territorii istoriko-arkhitekturnogo kompleksa severo-zapadnogo sektora Omskoi kreposti. Omsk, 2011, 11 p. In *Arkhiv Muzeya narodov Sibiri*. F. VII-1. D. No. 9-1. (In Russ.).

Omskoe Priirtysh’e i gorod Omsk na kartakh, planakh i chertezhakh XVII – nachala XX veka. Tobol’sk: Obshchestvennyi blagotvoritel’nyi fond “Vozrozhdenie Tobol’ska”, 2015, 384 p. (In Russ.).

Pavlov D.N., Cherenkova S.V. Rezul’taty predvaritel’nykh issledovaniy Butyrskogo kladbishcha kak ob’ekta arkhelogicheskogo naslediya Omska XVIII – vtoroi treti XIX v. In *Pyatye Yadrintsevskie chteniya*. Omsk: State Museum of History and Regional Studies, 2019, pp. 382–386. (In Russ.).

Remnev A.V. Iz vospominanii pervogo omskogo oblastnogo nachal’nika S.B. Bronevskogo. In *Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya*. Omsk, 2000, No. 8, pp. 235–258. (In Russ.).

Zdor M.Yu. Otchet o vypolnenii istoriko-kul’turnogo obsledovaniya na uchastke po ul. Partizanskoi, d. 5A v 2014, 2014, 78 p. In *Arkhiv Muzeya narodov Sibiri*, F. VII-4. D. 1. (In Russ.).

Zdor M.Yu. Otchet po arkhelogicheskomu obsledovaniyu istoriko-kul’turnogo kompleksa ‘Omskaya krepost’ v 2016, 2016, 61 p. In *Arkhiv Muzeya narodov Sibiri*, F. VII-4. D. 5. (In Russ.).

Блинова А.Н. <https://orcid.org/0000-0001-8284-7042>
Герасимов Ю.В. <https://orcid.org/0000-0002-5066-576X>
Корусенко М.А. <https://orcid.org/0000-0001-7004-1287>

Е.С. Богданов✉, Ю.А. Солод, И.П. Захарова, А.В. Выборнов

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

E-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru

Исследование курганного могильника Станция Казановская-1 в 2020 году

В 2020 г. отрядом ИАЭТ СО РАН были проведены спасательные археологические раскопки на курганном могильнике Станция Казановская-1 (Аскизский р-н Республики Хакасия). Согласно проекту и техническому заданию были исследованы шесть курганов тагарской культуры. Взяты на анализ образцы древесины из погребальных конструкций, пополнена антропологическая коллекция. Вскрыто до материковых отложений 4 597 м² площади, из 38 захоронений (могильных ям) получено более сотни индивидуальных находок (изделия из бронзы, кости, фрагменты текстиля). Все одиночные и парные захоронения людей совершены внутри каменных оград под каменными и деревянными перекрытиями, в грунтовых могильных ямах, детские – в каменных ящиках. Несмотря на ограбленность курганов в древности, некоторые захоронения сохранились *in situ*. Это позволило установить все детали погребальной обрядности, характерные для подгорновского этапа тагарской культуры (VIII–VI вв. до н.э.). В данные хронологические рамки укладываются и все найденные артефакты. В мужских захоронениях – это бронзовые кинжалы, чеканы, ножи, шилья и украшения костюма в виде полусферических бронзовых бляшек; в женских погребениях – это украшения в виде усеченно-конических и цилиндрических пронизок, бусин, полусферических бляшек, бронзовые медалевидные зеркала с петелькой по центру, гребни, бронзовые ножи и шилья. Около каждого погребенного в могилу укладывался большой и малый керамический сосуды и куски туш крупного и мелкого рогатого скота в виде заупокойной пищи. Все крупные сосуды стандартизированы по форме и орнаменту.

Ключевые слова: Хакасия, Аскизский район, спасательные археологические раскопки, тагарская культура, подгорновский этап, погребальный обряд, каменные ограды.

Evgeniy S. Bogdanov✉, Yulia A. Solod, Irina P. Zaharova, Anton V. Vybornov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

E-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru

Research at the Barrow Burial Ground Stantsiya Kazanovskaya-1 in 2020

In 2020, the team from the Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS carried out rescue archaeological excavations at Stantsiya Kazanovskaya-1 burial ground of the barrow type (Askizsky District, Republic of Khakassia). In agreement with the project and scope of works, six burial mounds of the Tagar culture were investigated. Samples of wood from burial structures were taken for analysis, and anthropological collection was enriched. The area of 4597 m² was unearthed up to the sterile soil; over a hundred individual finds (bronze artifacts, bones, textile fragments) were discovered in 38 burials (grave pits). All individual and paired human burials were made inside stone fences under stone and wooden covers in earthen grave pits; children were buried in stone boxes. Despite the fact that the burial mounds were robbed in the ancient times, some burials have survived *in situ*. This has made it possible to establish all features of the funeral rite typical of the Podgornovo stage of the Tagar culture (8th–6th centuries BC). All discovered artifacts well fit this chronological period. Male burials contained bronze daggers, pickaxes, knives, awls, and clothing decoration in the form of hemispherical bronze plaques. Female burials contained clothing decoration in the form of truncated-conical and cylindrical beads, hemispherical plaques, bronze medal-shaped mirrors with the loop in the center, combs, bronze knives, and awls. Large and small pottery and parts of large and small cattle were placed in the grave as funeral food around each buried person. All large vessels were standardized in their shapes and ornamental decor.

Keywords: Khakassia, Askizsky District, rescue archaeological excavations, Tagar culture, Podgornovo stage, funeral rite, stone fences.

В июле – сентябре 2020 г. археологическим отрядом ИАЭТ СО РАН были проведены спасательные археологические раскопки на объекте археологического наследия «Курганный могильник Станция Казановская-1» в рамках выполнения мероприятий по объекту строительства «Второй путь на перегоне Югачи – Казановская Красноярской железной дороги» в Аскизском р-не Республики Хакасии. Исследования велись на окраине лесостепной части Хакасско-Минусинской котловины, на правом берегу р. Аскиз, у северо-восточной подошвы горы Позикхыр, в 1 км к востоку от платформы станции Казановская. Археологические памятники в данном районе известны еще с XVIII в. [Messerschmidt, 1962; Элерт, 1996, с. 153]. Поэтому не удивительно, что насыщенный объектами археологического наследия район долины р. Аскиз довольно хорошо изучался в XX в. в ходе различных разведок и раскопок [Боковенко и др., 1988; Боковенко, Кулимеева, 2012; Выборнов, Чертыков, 2019; и др.]. Здесь сконцентрированы погребально-поминальные комплексы от окуневской эпохи до позднего Средневековья, включая многочисленные курганные группы тагарской культуры. Причем именно в Аскизском р-не – наибольшая концентрация исследованных объектов [Герман, 2008, с. 18]. К сожалению, многие из них до сих пор не состоят на учете по охране памятников. Так, границы курганного могильника Станция Казановская-1 были утверждены только в 2019 г. после разведки в рамках проведения государственной историко-культурной экспертизы земельного участка [Выборнов, Чертыков, 2019]. Памятник состоит из 16 выраженных в рельефе курганов, которые условно группируются несколькими рядами, вытянутыми вдоль подошвы возвышенности. Объектами исследования стали 6 курганов в северо-западной части могильника, в непосредственной близости от железнодорожных путей, с довольно большой степенью техногенного воздействия на территорию. Ограды курганов были разрушены при прокладке проселочной дороги и кабеля связи, а также при распахке территории могильника в советское время. Именно в ходе хозяйственного освоения были повалены (сломаны) практически все высокие угловые и простеночные камни, а также срезаны земляные насыпи и часть древней погребенной почвы. В настоящей публикации остановимся на кратком описании исследованных объектов, обозначив некоторые черты специфичности в сооружении могильных конструкций, особенно погребальных ритуалов, определив вектор для дальнейших исследований.

Сплошным раскопом исследованы курганы: № 1 (4 могилы внутри ограды, 4 могилы вне ограды в виде пристроек); № 2 (5 могил); № 3 (2 могилы в основной ограде, 2 могилы в дополнительной ограде, 4 могилы в виде пристроек); № 14 (8 могил, 1 – вне ограды); № 15 (4 могилы в основной ограде, 2 могилы в дополнительной ограде); № 16 (2 ограды, 2 могилы, 1 дополнительная пристройка вне оград). Все изученные в ходе спасательных работ объекты представляют собой каменные ограды из плит девонского песчаника. Они устанавливались в траншеи на ребро на глубину от 0,3 до 1,5 м. Камни вкопаны либо внахлест (торцы плит заходят друг на друга), либо встык, с установкой контрфорсов, спрятанных на глубину, либо «замковым» способом (дополнительная плита снаружи закрывает просвет между плитами в ряду). Приемы строительства оград, организация внутреннего и внешнего пространства, особенности внутримогильных конструкций характерны по всем параметрам (согласно разработанной и устоявшейся в литературе типологии) для раннего, подгорновского, этапа развития тагарской культуры. В этом смысле могильник Станция Казановская-1 находит много общего с классическими комплексами: Черновая I, Новая Черная I, Гришкин Лог I, Тепсей VIII, IX, Есино, Печище-1 и др. [Теплоухов, 1929; Грязнов, 1968; Комплекс..., 1979; Членова, 1992; Максименков, 2003; Савинов, 2012; Александров, Боковенко, Смирнов, 2014].

1. По углам оград были установлены крупные плиты высотой от 1,6 до 2,5 м (большая часть обнаружена в обломанном виде). Плиты чуть меньших размеров (простеночные камни) были вкопаны по центру сторон оград. Все исследованные нами т.н. «четырёхкаменные», «шести-» и «десятикаменные» курганы имеют в плане подпрямоугольную или подтрапециевидную форму и ориентированы длинными сторонами по линии С – Ю. Ориентация могильных ям по линии З – В, с небольшими отклонениями. У кург. № 1 и 15 есть проходы в восточной стенке (со смещением в южном направлении) внутрь ограды, оформленные вертикально вкопанными ребром крупными плитами. В четырех из шести случаев (кург. № 1, 3, 14, 15) к основной ограде пристроены дополнительные ограды, а с восточной стороны вне оград обустроены детские погребения под крупными плитами. Публикуемый материал не противоречит устоявшимся типологическим схемам, но есть некоторые нюансы, присущие исследуемому могильнику. Так, зачастую простеночные камни вкопаны не напротив друг друга и не образуют с

расположением могильных ям строгую геометрическую картину. Почти все комплексы были частично перестроены в связи с появлением новых погребений. Очень нестандартно выглядел кург. № 16: две подквадратной формы (6/6,4 × 7 м) ограды с выпуклыми очертаниями расположены по линии З – В в 1 м друг от друга. По центру восточных и западных стенок, внутри оград были поставлены простеночные плиты, «делящие» ограды на два «отсека». Но могильные ямы (по одной) располагались по центру оград.

2. Наземные сооружения однотипны и представлены двумя вариантами: а) крупные плиты (плита) обложены по периметру малыми плитами и рваным камнем, уложены либо на древнюю поверхность над могилой, либо на заплечики могильной ямы; б) выкладка из плитняка, прямоугольной в плане формы, ориентацией длинными сторонами по линии З – В. Отметим, что надмогильное сооружение не насыпалось, а возводилось слоями – укладкой камней друг на друга. Причем в случае с двумя погребениями в кург. № 14 (ряд из пристроенных друг к другу оград) удалось зафиксировать на стенках могильной ямы и перекрытиях прослойки красной глины, используемой в качестве скрепляющего материала. Под каменным панцирем в большинстве случаев располагалось деревянное перекрытие – накат из лиственничных бревен (следы бересты не зафиксированы). Бревна, уложенные плотно друг к другу, опирались на поперечные края могильной ямы. Поскольку практически все могильные ямы (за исключением одной взрослой в кург. № 15 и детских) подверглись «ограблению», то чаще всего фиксировались лишь отдельные фрагменты от деревянных перекрытий. Есть основания утверждать, что некоторые погребения засыпались землей или закладывались блоками дерна, т.е. деревянная конструкция отсутствовала (кург. № 14). В двух случаях (в кург. № 14, 15) было зафиксировано, что балки перекрытий опирались не только на края ямы, но и на возведенные стены из камней внутри могилы (вдоль длинных сторон).

3. Могилы для взрослых умерших все неглубокие (1,2–1,5 м), размеры от 1,8 × 2,3 до 2,6 × 2,85 м. Лишь в одном случае стенки на дне могилы «укреплены» каменными плитами, поставленными на ребро (основное погребение кург. № 2). Около половины всех исследованных детских погребений устроены в каменных ящиках (облицовка стен могилы крупными плитами). В одном случае высота плит составила 1,3 м. Около 20 % от всех исследованных погребений имели внутримогильную конструкцию в виде сруба в 2–4 венца. Данный принцип устройства характерен только для центральных (основных) погребений в курганах.

4. Интересной деталью зафиксированных погребальных ритуалов в исследованной части могильника является факт переиспользования могильных ям тагарцами. Кости (не в сочленении) предшественников «выбрасывались» вместе с инвентарем, на дно могилы укладывались другие умершие. При этом яма иногда расширялась, и наземная конструкция в виде каменного панциря полностью восстанавливалась. В одном случае (кург. № 15, ограда 1, центральное погребение) под мощным деревянным перекрытием, у западной стенки ямы, на дне могильной ямы стояла только каменная плита, высотой 0,9 м, шириной 0,4 м. Никаких находок и следов погребения не обнаружено. В кург. № 3 (ограда 1) основное центральное погребение также было «вычищено»: кости погребенных вместе с керамической посудой выброшены, потом наземная конструкция была восстановлена, но без захоронения. Возможно, в данном случае это результат деятельности носителей тесинской культуры, которые в ограде-пристройке также переиспользовали могильную яму подгорновцев и устроили там коллективное (12 человек) захоронение под каменными плитами. В остальных случаях речь может идти только об ограблении комплексов – шурф прокладывался с тем расчетом, чтобы попасть в район пояса погребенных, поэтому зачастую остальные кости скелетов оставались на своих местах.

5. Положение умерших единообразно: вытянуто на спине, руки вдоль тела, головой на запад. Другие случаи ориентации или трупоположения единичны, и, учитывая идентичный погребальный инвентарь и надмогильную конструкцию, не приходится говорить о какой-то иной хронологической и культурной принадлежности. Большинство захоронений парные (мужчина и женщина), в четырех случаях погребенные были уложены «валетом». Характерной чертой исследуемого могильника является обилие заупокойной пищи в могилах: кости телят и овцы (куски туш) обнаружены и в ногах, и изголовье погребенных, и вдоль стен, и по углам. Имеются единичные случаи укладки мясной пищи прямо на тела умерших (ноги или грудь). Учитывая крупные размеры кусков туш и отсутствие древесного тлена (от деревянных блюд), можно предположить, что использовалась подстилка.

6. Погребальный инвентарь. Несмотря на тотальную ограбленность курганов исследуемого могильника в древности, многие захоронения сохранились *in situ*. Поэтому полученная коллекция предметов (более сотни) точно отражает исходный состав комплекса сопроводительного инвентаря. Крупные глиняные сосуды помещались, как правило, в изголовье в углу могилы, мелкие – в районе пояса. Все крупные сосуды стандартизированы

по форме (плоскодонные баночные с открытым устьем) и орнаменту (параллельные ряды широких желобков по венчику, проведенных пальцем, реже – насечки) (рис. 1, 1–6). Встречаются сосудики на поддоне (курильницы), кружки, плошки, горшки с выгнутым наружу венчиком (рис. 1, 12–17). «Стандартный» инвентарь в мужских захоронениях – это бронзовые кинжалы (навершие в виде «валика», перекрестье бабочковидное) (рис. 2, 1, 2), чеканы (аржанского типа) (рис. 2, 19), ножи (рис. 2, 3, 6), шилья (рис. 2, 4, 5) и украшения ко-

стюма в виде полусферических бронзовых бляшек (иногда с пуансонным орнаментом) (рис. 2, 9, 10); единичны – наконечники стрел (рис. 2, 16–18), предмет неизвестного назначения (рис. 2, 14), вток. Для женских погребений характерны украшения в виде усеченно-конических и цилиндрических пронизок (рис. 2, 12), бусин, полусферических бляшек, бронзовые медалевидные зеркала с петелькой по центру (рис. 2, 7, 13), бронзовые ножи и шилья, костяные гребни (заколки) (рис. 2, 11) и «головные» ножи с циркульным орнаментом

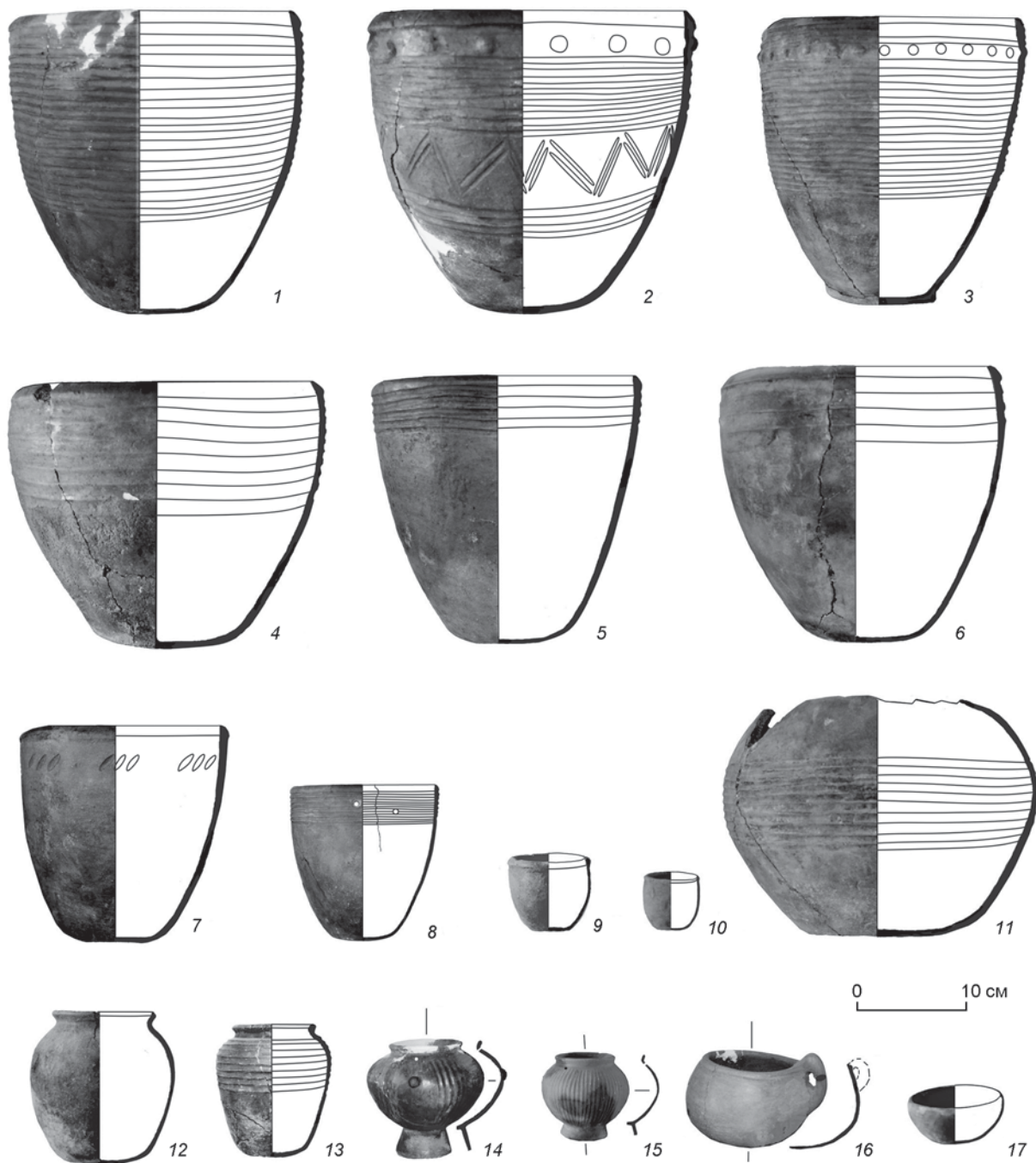

Рис. 1. Керамическая посуда из погребений курганного могильника Станция Казановская-1.

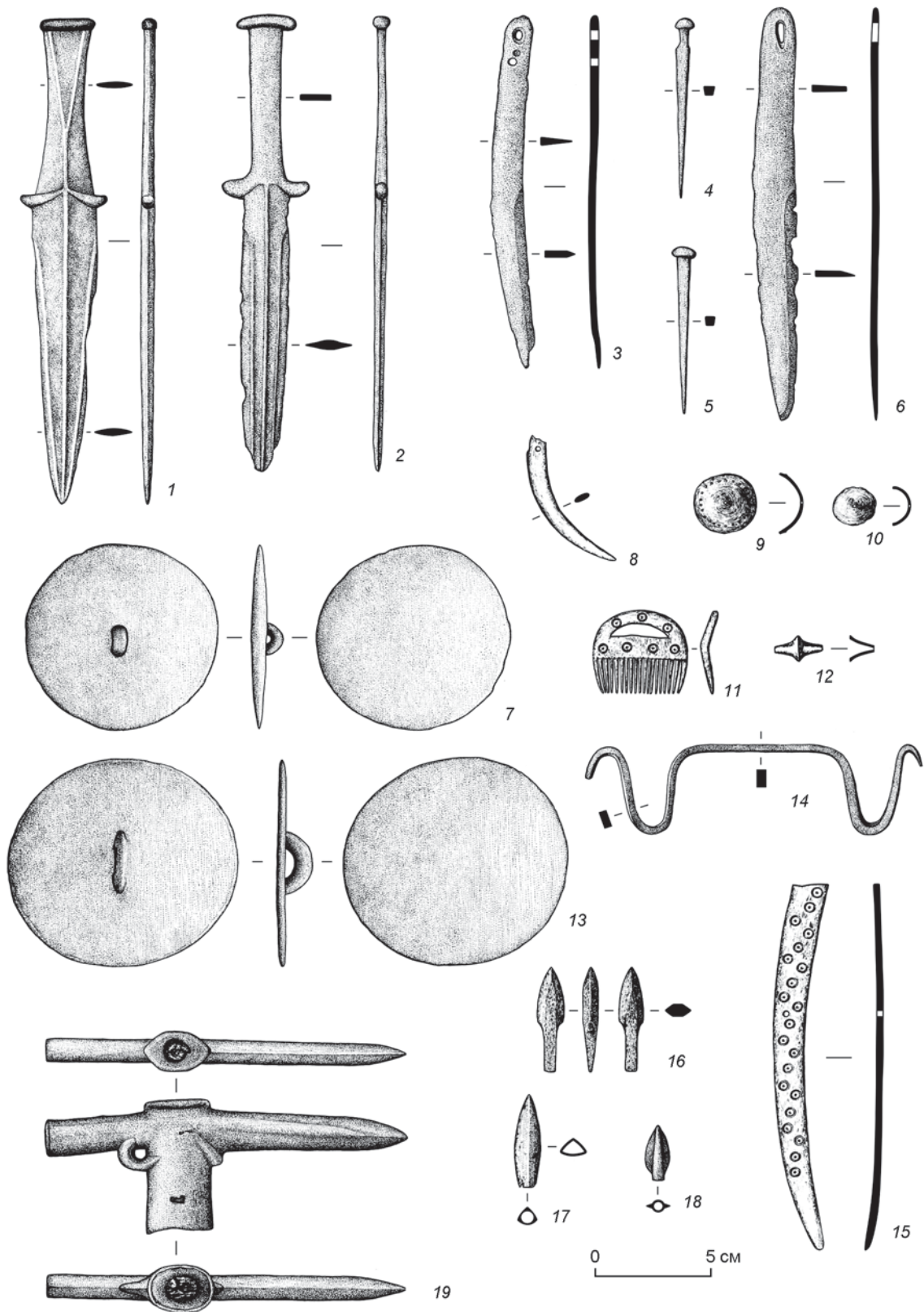

Рис. 2. Погребальный инвентарь из захоронений курганного могильника Станция Казановская-1.

1, 2 – кинжалы; 3, 6 – ножи; 4, 5 – шилья; 7, 13 – зеркала; 8 – клык кабарги (подвеска); 9, 10 – нашивная полушарная бляшка (украшение); 11 – гребень (заколка); 12 – усеченно-коническая пронизка (украшение); 14 – предмет неизвестного назначения; 15 – «головной нож»;

16–18 – наконечники стрел; 19 – чекан.

1–7, 9, 10, 12–14, 18, 19 – бронза; 8, 11, 15–17 – кость.

(рис. 2, 15), подвески из клыков кабарги (рис. 2, 8). В детских захоронениях, как правило, установлены малые формы (плошки) или фрагменты сосудов, украшения головного убора (редко) в виде все тех же полусферических бляшек (рис. 2, 10). Отличительной чертой всех исследованных погребений являются качественно исполненные и полно-размерные предметы вооружения (именно они и являлись главной целью ограбления) и довольно массивные зеркала без бортиков. Самую многочисленную серию бронзовых изделий представляют ножи и шилья. Первые (однотипные в составе мужского и женского инвентаря) – слабовыгнутые, пластинчатые, без выделенной ручки с одним или несколькими круглыми (каплевидными) отверстиями для подвешивания. Шилья все довольно массивные, четырехгранные с грибовидной шляпкой.

Заключение

Целью данной статьи является первичная публикация нового материала, полученного в ходе спасательных раскопок. Несмотря на свою «однотипность» и «стандартность» в контексте уже известных комплексов он еще раз обнажил «болевые точки» тагарской археологии. Это непре-кращающиеся дискуссии о критериях выделения отдельных этапов культуры (например, соотношение памятников подгорновского и сарагашенского этапов, выделение баиновского этапа и др.); споры о причинах локальных различий в районах Ха-касско-Минусинской котловины (векторы миграций) (см., напр.: [Кузьмин, 2008; Савинов, 2012]). На данном этапе исследования можно согласиться с выводами П.В. Германа о выделении аскизско-го локального варианта раннего этапа тагарской культуры, ввиду его изолированности и особенностей (оригинальные компоненты погребальной архитектуры и обряда) [2008, с. 19]. Дальнейшее изучение материалов из курганного могильника Станция Казановская-1 (антропология, генетика, радиоуглеродное датирование, химический анализ металла) и корреляция с материалами, полученными на других объектах микрорайона в ходе предшествующих и одновременных раскопок, позволит более точно обрисовать картину культуро-генеза населения этой окраины лесостепной части хакасско-минусинских степей.

Благодарности

Культурно-хронологическая атрибуция и интер-претация материалов археологических полевых работ выполнены в рамках проектов НИР № 0329-2019-0007 «Изучение, сохранение и музеефикация археологиче-

ского и этно-культурного наследия Сибири» (исполни-тель – А.В. Выборнов) и № 0329-2019-0003 «Истори-ко-культурные процессы в Сибири и на сопредельных территориях» (исполнитель – Е.С. Богданов).

Список литературы

- Александров С.В., Боковенко Н.А., Смир-нов Ю.А.** Археологические памятники долины Черного Июса на севере Хакасии. – СПб.: ЭлекСис, 2014. – 152 с.
- Боковенко Н.А., Кузьмин Н.Ю., Курочкин Г.Н., Павлов П.Г., Савинов Д.Г.** Работы Среднеенисейской экспедиции // АО. – 1986. – М., 1988. – С. 219–223.
- Боковенко Н.А., Кулиmeeва В.К.** Мониторинг археологических памятников в Республике Хакасия // Археологические памятники России: охрана и мониторинг. Группа археологического мониторинга ИИМК РАН (2001–2010). – СПб., 2012. – С. 81–101.
- Выборнов А.В., Чертыков В.А.** Археологические разведки в долине реки Аскиз и окрестностях горы Терская в Республике Хакасия в 2019 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. XXV. – С. 766–773.
- Герман П.В.** Локальные различия и проблема генезиса тагарской культуры // Тр. II (XVIII) Всерос. археолог. съезда в Суздале. – М., 2008. – Т. II. – С. 17–19.
- Грязнов М.П.** Тагарская культура // История Сибири с древнейших времен до наших дней. – Л., 1968. – Т. I. Древняя Сибирь. – С. 187–196.
- Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее / М.П. Грязнов, М.П. Завитухина, М.Н. Комарова, С.С. Миняев, М.Н. Пшеницына, Ю.С. Худяков.** – Новосибирск: Наука, 1979. – 167 с.
- Кузьмин Н.Ю.** Возможности корреляции радиоуглеродных и археологических дат для памятников скифского и гунно-сарматского времени Саяно-Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 3 (35). – С. 77–87.
- Кузьмин Н.Ю.** Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях среднего Енисея: тесинская культура. – СПб.: Айсинг, 2011. – 456 с.
- Максименков Г.Д.** Материалы по ранней истории тагарской культуры. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. – 192 с.
- Савинов Д.Г.** Памятники тагарской культуры Могильной степи (по результатам археологических исследований 1986–1989 гг.). – СПб.: ЭлекСис, 2012. – 180 с.
- Теплоухов С.А.** Опыт классификации древних металлургических культур Минусинского края (в кратком изложении) // Материалы по этнографии. – Т. IV, вып. 2. – Л., 1929. – С. 6–62.
- Членова Н.Л.** Тагарская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М., 1992. – С. 206–224. – (Археология СССР; т. 10).

Элерт А.Х. Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. – 310 с. – (История Сибири. Первоисточники; вып. VI).

Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. – Berlin, 1962. – Т. 1.

References

Aleksandrov S.V., Bokovenko N.A., Smirnov Yu.A. Arkheologicheskiye pamyatniki doliny Chernogo Iyusa na severe Khakasii. St. Petersburg: ElekSis, 2014, 152 p. (In Russ.).

Bokovenko N.A., Kuzmin N.Yu., Kurochkin G.N., Pavlov P.G., Savinov D.G. Raboty Sredneyeniseyskoy ekspeditsii. In *Arkheologicheskiye otkrytiya 1986 goda*. Moscow, 1988, pp. 219–223. (In Russ.).

Bokovenko N.A., Kulimeyeva V.K. Monitoring arkheologicheskikh pamyatnikov v Respublike Khakasiya. In *Arkheologicheskie pamyatniki Rossii: okhrana i monitoring. Gruppy arkheologicheskogo monitoringa IIMK RAS (2001–2010)*. St. Petersburg, 2012, pp. 81–101. (In Russ.).

Chlenova N.L. Tagarskaya kul'tura. In *Stepnaya polosа Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoo vremya*. Moscow, 1992, pp. 206–224. (Arkheologiya SSSR; vol. 10). (In Russ.).

Elert A.Kh. Sibir' XVIII veka v putevykh opisaniyakh G.F. Millera. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf, 1996, 310 p. (Istoria Sibiri. Pervoistochniki; iss. VI). (In Russ.).

German P.V. Lokal'nyye razlichiya i problema genezisa tagarskoy kul'tury. In *Trudy II (XVIII) Vserossiyskogo Arkheologicheskogo S"yezda v Suzdale*. Moscow, 2008, pt. II, pp. 17–19. (In Russ.).

Gryaznov M.P. Tagarskaya kul'tura. In *Istoriya Sibiri s drevneyshikh vremen do nashikh dney*. Leningrad, 1968, vol. I. Drevnyaya Sibir'. pp. 187–196. (In Russ.).

Gryaznov M.P., Zavitukhina M.P., Komarova M.N., Minyayev S.S., Pshenitsyna M.N., Khudyakov Yu.S. Kompleks arkheologicheskikh pamyatnikov u gory Tepsey na Yeniseye. Novosibirsk: Nauka, 1979, 167 p. (In Russ.).

Kuz'min N.Yu. Pogrebal'nyye pamyatniki khunno-syan'biyskogo vremeni v stepyakh srednego Yeniseya: tesinskaya kul'tura. St. Petersburg: Aising, 2011, 456 p. (In Russ.).

Kuz'min N.Yu. Possibilities of correlation of radiocarbon and archaeological dates for the sites of the Scythian and Hunno-Sarmatian times of the Sayan-Altai. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2008, No. 3 (35), pp. 77–87.

Maksimenzov G.D. Materialy po ranney istorii tagarskoy kul'tury. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2003, 192 p. (In Russ.).

Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. Berlin, 1962, T. 1. S. 295–296.

Savinov D.G. Pamyatniki tagarskoy kul'tury Mogil'noy stepi (po rezul'tatam arkheologicheskikh issledovaniy 1986–1989 gg.). St. Petersburg: ElekSis, 2012, 180 p. (In Russ.).

Teploukhov S.A. Opyt klassifikatsii drevnikh metallicheskh kul'tur Minusinskogo kraya (v kratkom izlozhenii). *Materialy po etnografii*. Leningrad, 1929, vol. IV, iss. 2, pp. 6–62. (In Russ.).

Vybornov A.V., Chertykov V.A. Archaeological exploration in the valley of the Askiz River and the vicinity of Mount Terskaya in the Republic of Khakassia in 2019. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk, 2019, vol. XXV, pp. 766–773. (In Russ.).

Богданов Е.С. <https://orcid.org/0000-0001-7073-8914>

Выборнов А.В. <https://orcid.org/0000-0002-9063-5223>

Перспективы и проблемы научного поиска в Латат-Яйском понизовье по результатам археологических разведок 2018–2019 годов

Нижнее течение р. Яя является своеобразным рубежом между районами Томской и Кемеровской обл., лесостепным и таежным ландшафтами, долиной р. Чулым и Кузнецким Алатау. Археологические исследования в этой местности имеют давнюю и богатую историю, но носят фрагментарный и несистематический характер. Исходя из ряда обстоятельств и стремления дополнить картину историко-культурного развития данной территории, в настоящей работе предлагается сфокусировать внимание на ситуации в месте впадения в р. Яю ее левого притока р. Латат. Целью работы является определение целесообразности последующих поисковых мероприятий на изучаемой территории и обозначение существующих трудностей. Путем введения в научный оборот новых материалов, полученных в ходе полевых исследований, иллюстрируется разнообразная культурная обстановка на изучаемой территории в различные исторические эпохи. Проведение стратиграфических наблюдений позволило не только зафиксировать контекст залегания обнаруженных материалов, но сформулировать проблемы, на решение которых будут направлены и последующие исследования. Результатом работы является формулирование нескольких направлений научного поиска на изучаемой территории. Культурно-хронологические характеристики рассматриваемых предметов из сборов подъемного материала позволяют предполагать возможность выявления различных в культурно-хронологическом отношении объектов культурного наследия. Вместе с этим обозначен круг проблем, без решения которых доказательное формулирование целостной картины историко-культурного развития данной территории будет затруднительно. К ним относятся проблемы как атрибутивного, так и интерпретационного характера. Предполагается, что в дальнейшем они будут решаться в ключе междисциплинарных работ.

Ключевые слова: Яя, неолит, поздняя бронза, ранний железный век, Средневековье, археологический объект.

Dmitry A. Bychkov
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: bda.nsk@yandex.ru

Prospects and Problems of Research at the Lower Reaches of the Latat and Yaya Rivers According to the Results of Archaeological Surveys in 2018-2019

The lower reaches of the Yaya River is a boundary between the districts of Tomsk and Kemerovo Regions, forest-steppe and taiga landscapes, as well as the valley of the Chulym River and the Kuznetsk Alatau. Archaeological studies in this area have long and rich history, but were fragmentary and unsystematic. This article focuses on the area at the confluence of the left tributary, the Latat River, into the Yaya River for elucidating historical and cultural development of this territory. This study was aimed at evaluating the need for subsequent survey activities in the area and identifying possible difficulties in field research. Diverse cultural situation in the area in different historical periods is illustrated by new evidence obtained in the course of field research. Stratigraphic observations have made it possible to establish the context of the discovered evidence. This work resulted in identifying several perspective directions for scholarly research in the area. Specific features of surface finds suggest chronologically and culturally different archaeological sites for future research. Some problems of research of both attributive and interpretative nature have been formulated.

Keywords: Yaya River, Neolithic, Late Bronze Age, Early Iron Age, Middle Ages, archaeological site.

Река Яя берет свое начало в северных отрогах Кузнецкого Алатау. На протяжении 380 км своего течения река пересекает горные и предгорные участки и выходит в широкую долину р. Чулыма, являясь ее левым притоком. В историко-культурном отношении р. Яя является одной из немногих водных артерий, связывающих лесостепную часть Кузнецкой котловины с таежным Причулымьем. Наличие таких водных магистралей способствовало обмену между разными культурами, носители которых осваивали данные территории в разные исторические периоды.

Эти процессы и явления на исследуемой территории изучены не полно. В отношении данной акватории имеются фрагментарные сведения, представленные упоминаниями путешественников, сборами подъемного материала, точечными исследованиями ряда археологических объектов [Чугунов, 1891; Матюшенко, 1963; Ларюков, 1967; Беликова, 1979; Зенин, 2002; Боброва, Герман, 2018]. Таким образом, возникает нынешняя ситуация, при которой для формирования целостной картины историко-культурного развития данной

территории наблюдается недостаток фактического материала и результатов его комплексного анализа. Решению первой части данной проблемы в отношении отдельного участка на изучаемой территории посвящена настоящая работа.

Латат-Яйское понизовье – участок нижнего течения р. Яя в месте впадения в нее р. Латат (рис. 1). На этом участке левый берег представляет собой выположенную террасу р. Яя с плавными склонами и лесостепными ландшафтами. А правый берег является коренной террасой с крутым склоном, на поверхности которой произрастает таежная растительность. В окрестностях известен ряд поселенческих и погребальных объектов (рис. 1, 1): Воронино-Яйский курганный могильник (а), селища Латат-1, -2, -3 (б, в, г), и местонахождения Арышевские-1 и -2 (д). Время возникновения поселенческого комплекса у р. Латат было определено в широких рамках эпохи Средневековья [Бычков и др., 2018, с. 463]. Воронино-Яйский курганный могильник был датирован XV–XVII вв. [Беликова, 1979]. Арышевские местонахождения датируются сартанским и досартанским временем на основании радиоугле-

родного анализа останков ископаемой палеофауны и гуминовых кислот из вмещающих отложений [Зенин, 2002, с. 25–26]. Расположение на такой ограниченной территории столь разных по хронологии и культурной принадлежности археологических объектов позволяет охарактеризовать ее как достаточно перспективную для освоения в разные исторические периоды.

В ходе проведения археологических разведок на изучаемой территории в 2018 и 2019 г. на обнаженных русловых отложениях р. Яя было собрано значительное количество подъемного материала (рис. 1, 3). Основная доля предметов приходится на неопределимые фаунистические останки, неорнаментированные фрагменты керамических сосудов и продукты расщепления камня. Останки фауны представлены как трубчатые, так и пористыми фрагментами костей крупных животных. Фрагменты керамических сосудов различаются по метрическим параметрам и визуально определяемым компонентам формовочной массы и ее структуре. К продуктам расщепления камня были отнесены отщепы, пластинчатые сколы и обломки породы с негативами снятий. Все предметы, собранные с обнаженного русла, имеют следы значительной окатанности.

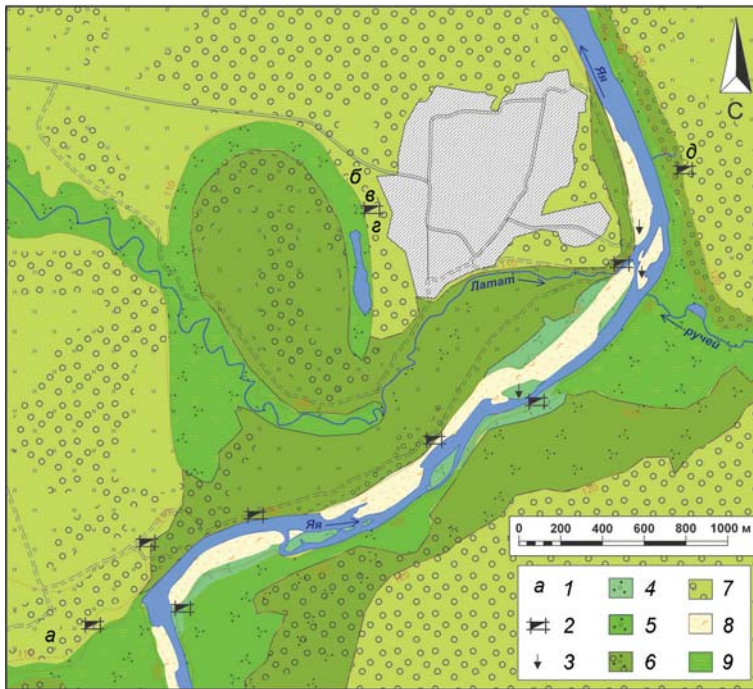

Рис. 1. Карта-схема геоморфологических элементов в Латат-Яйском понизовье.

1 – выявленные объекты археологического наследия; 2 – места закладки стратиграфических разрезов; 3 – места сбора подъемного материала; 4 – прирусловые гряды, поросшие кустарником и сложенные перемежающимися пойменными и русловыми отложениями; 5 – высокая пойма, поросшая кустарником и сложенная пойменными отложениями с субаэральным чехлом из суглинков; 6 – надпойменная терраса с кустарниковой и высокоствольной растительностью, сложенная аллювиальными глинисто-песко-гравийной толщей и лессовидными суглинками; 7 – «коренной» берег с луговой и высокоствольной растительностью, сложенный четвертичными покровными отложениями на фундаменте из третичных пород; 8 – обнажения русловых отложений; 9 – заболоченные участки высокой поймы.

Определяющей является небольшая группа орнаментированных фрагментов керамических сосудов, обнаруженных в том же контексте (рис. 2). Два фрагмента являются стенками сосудов, остальные – венчиками. Профили венчиков прямые, срезы округлые, но только у одного фрагмента (рис. 5, 2) край венчика отогнут наружу. В декоре обнаруженных фрагментов основными элементами являются различные штампы, прочерчивания и ямочный орнамент. К специфическим чертам некоторых элементов следует отнести ногтевые вдавления по внешней стороне отогнутой части венчика (рис. 2, 2) и т.н. «налепы», нанесенные поверх основной поверхности внешней стороны стенки сосуда (рис. 2, 3). Наиболее сложная орнаментальная композиция наблюдается у фрагмента венчика тонкостенного сосуда (рис. 2, 4) – он украшен оттисками края лопаточки или угла гребенки, образующей мотив «треугольники» в две линии, ниже оттисками вертикально поставленного гребенчатого штампа и поясом косо поставленных оттисков гладкого штампа, образующих мотив «елочка». В виду «окатанности» поверхностей данных предметов из-за переотложения и экспонирования данных материалов водными потоками р. Яя предоставить более подробное описание орнамента и других деталей не представляется возможным (рис. 2, 4, 5).

Сравнительный анализ декора, визуально определимых элементов формовочной массы и ее структуры позволяет сделать вывод, что данные фрагменты имеют широкий круг аналогий в различных культурно-хронологических формациях. Первые три фрагмента (рис. 2, 1–3) относятся к развитому и позднему Средневековью, которое датируется в промежутках между X–XII и XVII вв. соответственно. Ближайшие территориальные аналогии встречаются в материалах таких объектов, как Большо-

дороховское городище и Змеинкинский курганный могильник, и определяются их исследователями как «фрагменты с налепами» [Беликова, 1996б, с. 58–63; Гребнева, 2017, с. 171–172]. Фрагмент венчика с «елочкой» (рис. 2, 4) по особенностям орнамента и характеру формовочной массы был отнесен к переходному этапу от раннего железного века к Средневековью, который датируется в пределах III–VI вв. Наиболее ранним является фрагмент венчика с ямочным орнаментом, насечками у края (рис. 2, 5), аналогии которому обнаруживаются в материалах эпохи поздней бронзы, известных в Среднем Причюлымье по ряду объектов, и датированных IX–VII вв. до н.э. [Беликова, 1996а, с. 9–11, 23–24]. Наиболее интересными видятся аналогии для фрагментов (рис. 2, 3, 4), которые обнаруживаются на территории Томского Приобья среди материалов раннего Средневековья, датированных V–VIII вв., на Тимирязевском городище IV и селище Кисловка-2 [Беликова, Плетнева, 1983, с. 52–54, 55–56, 220, 228, 229, 232]. Таким образом, найденные орнаментированные фрагменты керамических сосудов указывают не только на освоение нижнего течения р. Яя носителями культур поздней бронзы и Средневековья, но и свидетельствуют об их контактах с населением сопредельных территорий.

Представленные материалы разных исторических эпох позволяют предполагать возможность для выявления на изучаемой территории новых объектов археологического наследия. Основной перспективой для продолжения научного поиска в Латат-Яйском понизовье является открытие памятников, возникших в период раннего голоцена, вплоть до эпохи бронзы, которые в настоящее время не известны на данной местности. В качестве аргументов, помимо определенного предметного ряда в подъемном материале, стоит также указать на доступность пригод-

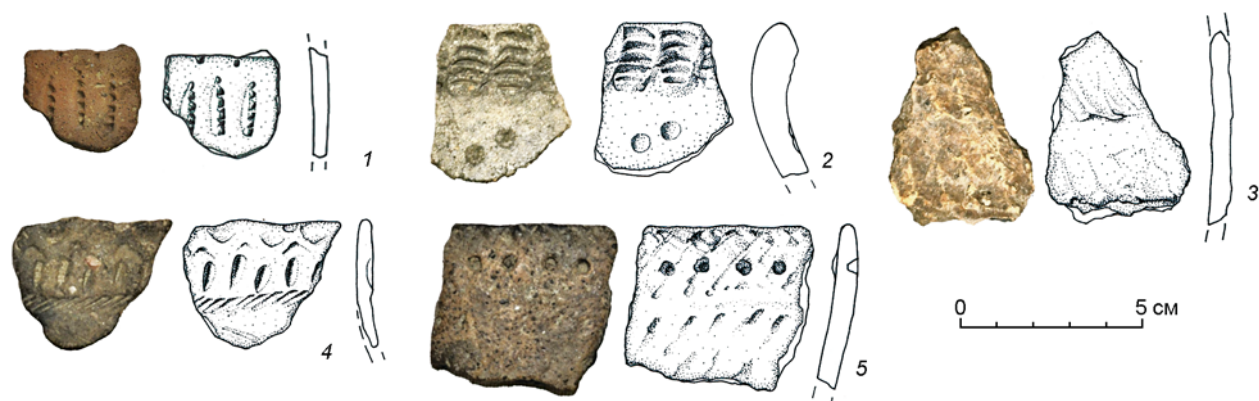

Рис. 2. Орнаментированные фрагменты керамических сосудов из сборов подъемного материала на обнажениях русловых отложений р. Яя, проведенных в 2018–2019 гг.

1 – фрагмент тулова с ямочным орнаментом; 2 – фрагмент венчика с ногтевыми вдавлениями; 3 – фрагмент тулова с налепным орнаментом; 4 – фрагмент венчика с «елочкой»; 5 – фрагмент венчика с ямочным орнаментом.

ного для расщепления каменного сырья, представленного сливными кварцитовидными песчаниками, отложения которого вскрываются в подножии правобережной террасы р. Яи. Как показывают результаты исследований неолитических комплексов в среднем течении р. Яи, эти породы активно использовались для изготовления изделий в данный исторический период [Матющенко, 1963; Ларюков, 1967].

Разнообразие культурно-хронологических характеристик предметов из подъемного материала позволяет говорить о том, что Латат-Яйское понижье было привлекательным для древнего населения как в эпоху камня и палеометалла, так и в Средневековье. Это предположение согласуется с уже установленным фактом расположения в этом районе разновременных археологических объектов. Судя по ландшафтно-топографическим условиям расположения выявленных объектов, разное население осваивало эту территорию, предпочитая различные ландшафтные обстановки для своей жизнедеятельности. Как видно на карте-схеме (см. рис. 1), Арышевские местонахождения расположены на бровке коренной террасы, занятой таежными ландшафтами. Средневековый поселенческий комплекс, наоборот, расположен на бровке надпойменной террасы, прилегающей к заболоченной старице и покрытой смешанной растительностью. Можно предположить, что в различные исторические периоды обживались разные участки этой местности. Отсюда вытекает вторая перспектива научного поиска в низовьях р. Яи – среди современной лесостепной обстановки сохраняются ландшафтные реликты, которые были привлекательны для древнего населения. Очертя и локализовав такие ландшафты, можно будет перейти к более детальным поисковым мероприятиям на четко определенных участках местности.

На пути к реализации данных перспектив стоит ряд проблем, которые необходимо обозначить. Во-первых, культурно-хронологические позиции предметов из подъемного материала и известных на данной территории объектов археологического наследия не согласуются между собой. В одних случаях они принципиально разные, в других основаны на разных доказательных базах. Так, аргументация хронологической привязки поселенческого комплекса у р. Латат основана на морфологическом сходстве археологизированных сооружений (западин) с аналогичными объектами с ближайших поселений, относящихся к рубежу эр. А определения предметов из подъемного материала основаны на сходстве с некоторыми элементами из вещевых комплексов других объектов. Во-вторых, пути включения подъемного материала в русловые отложения не выяснены до конца. Как показали

зачистки обнажений на современных прирусловых участках, они имеют сложную структуру и нелинейный генезис. Принимая во внимание разнообразную ландшафтную обстановку в исследуемом районе и наличие стариц и заболоченных русел (рис. 1), предполагается, что конфигурация русла претерпевала многократные изменения, в отдельные этапы которых наиболее предпочтительные участки прируслового пространства осваивались древним населением. В связи с этим без специальных палеогеографических и геологических исследований невозможно проследить все этапы изменения русла для определения участков вымывания подъемного материала.

Результаты полевых работ, выявленные проблемы и обозначенные перспективы подводят промежуточный итог по изучению Латат-Яйского понижья в полевые сезоны 2018–2019 гг. На основании изложенного становится ясно, что низовья р. Яи посещались древним населением еще с позднего палеолита, а масштабное освоение приходится на эпоху Средневековья, которое ассоциируется с культурами тюркского мира. Настоящая работа является отправной точкой для последующих исследований, которые будут строиться на принципах междисциплинарного подхода, поскольку перед исследователями будут стоять задачи не только по поиску и выявлению новых объектов археологического наследия, но и по реконструкции ландшафтов и объяснению их предпочтения разными группами древнего населения.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР № 0329-2019-0007 «Изучение, сохранение и музеефикация археологического и этно-культурного наследия Сибири». Автор выражает благодарность старшему научному сотруднику Музея истории, археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета канд. ист. наук О.Б. Беликовой за помощь в определении предметов из сборов подъемного материала, а также студентам Томского государственного университета А.В. Федорову и В.В. Жукову за участие в полевых работах. Представленные в настоящей работе материалы находятся на хранении в Асиновском краеведческом музее – филиале Томского областного краеведческого музея в г. Асино Томской обл.

Список литературы

- Беликова О.Б.** Раскопки и разведки на Среднем Чулыме // АО 1978. – М.: Наука, 1979. – С. 231.
- Беликова О.Б.** Перспективы исследования памятников неолита и бронзового века в Среднем Причу-

лымье (к археологической карте Томской области) // Материалы и исследования культурно-исторических проблем народов Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1996а. – С. 7–35.

Беликова О.Б. Среднее Причумылье в X–XIII вв. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1996б. – 272 с.

Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1983. – 244 с.

Боброва Л.Ю., Герман П.В. Лысая гора на р. Яе: местонахождение памятника // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2018. – № 54. – С. 139–147. – doi:10.17223/19988613/54/22.

Бычков Д.А., Фёдоров А.В., Чернышев А.В., Квасница Ю.К., Монова А.П. Разведочные работы на левом берегу реки Яя в Томской области // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2018. – Т. XXIV. – С. 461–464. – doi:10.17746/2658-6193.2018.24.461-464.

Гребнева Г.И. Каталог археологического собрания Томского областного краеведческого музея. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2017. – 554 с.

Зенин В.Н. Основные этапы освоения Западно-Сибирской равнины палеолитическим человеком // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 4. – С. 22–44.

Ларюков А.И. Археологические памятники в среднем течении р. Яя // Изв. лаборатории археол. исследований. – Кемерово, 1967. – Вып. 1. – С. 111–114.

Матюшенко В.И. Яйский неолитический могильник // Тр. Том. гос. ун-та. – 1963. – Т. 165. – С. 97–103.

Чугунов С.М. Экскурсия на реку Яю (из путевых заметок) // Сиб. вестн. – 1891. – № 85. – С. 12–23.

References

Belikova O.B. Raskopki i razvedki na Srednem Chulyme. In *Arkheologicheskie otkrytiya 1978*. Moscow: Nauka, 1979, p. 231 (in Russ.).

Belikova O.B. Perspektivy issledovaniya pamyatnikov neolita i bronzovogo veka v Srednem Prichulym'e (k arkheologicheskoi karte Tomskoi oblasti). In *Materialy i issledovaniya kul'turno-istoricheskikh problem narodov Sibiri*. Tomsk: State Univ. Press, 1996a, pp. 7–35. (In Russ.).

Belikova O.B. Srednee Prichulym'e v X–XIII vv. Tomsk: State Univ. Press, 1996b, 272 p. (In Russ.).

Belikova O.B., Pletneva L.M. Pamyatniki Tomskogo Priob'ya v V–VIII vv. n.e. Tomsk: State Univ. Press, 1983, 244 p. (In Russ.).

Bobrova L.Yu., German P.V. Lysaya Mountain on the river Yaya: location of the site. *Bulletin of the Tomsk State University. History*, 2018, No. 54, pp. 139–147. (In Russ.). doi:10.17223/19988613/54/22.

Bychkov D.A., Fedorov A.V., Chernyshev A.V., Kvasnitsa Yu.K., Monova A.P. Reconnaissance on the left bank of the Yaya river in the Tomsk Region. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*, 2018, vol. XXIV, pp. 461–464. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2018.24.461-464.

Chugunov S.M. Ekskursiya na reku Yayu (iz putevykh zametok). In *Sibirsky vestnik*, 1891, No. 85, pp. 12–23 (In Russ.).

Grebneva G.I. Katalog arkheologicheskogo sobraniya Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya. Tomsk: State Univ. Press, 2017, 554 p. (In Russ.).

Laryukov A.I. Arkheologicheskie pamytniki v srednem techenii r. Yai. *Izvestiya laboratorii arkheologicheskikh issledovaniy*. Kemerovo, 1967, iss. 1, pp. 111–114. (In Russ.).

Matushchenko V.I. Yaiskii neoliticheskii mogilnik. *Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1963, vol. 165, pp. 97–103. (In Russ.).

Zenin V.N. Osnovnye etapy osvoeniya Zapadno-Sibirskoy ravniny paleoliticheskim chelovekom. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2002, No. 4, pp. 22–44. (In Russ.).

Бычков Д.А. <https://orcid.org/0000-0002-7646-9740>

А.Е. Гришин✉, В.А. Чертыков, А.В. Выборнов✉

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

E-mail: artem-grishin@mail.ru; vybornov@archaeology.nsc.ru

Памятник Югачи-1 (Хакасско-Минусинская котловина) – новый источник по изучению позднеатагарских древностей: могильник, поселение

Публикуются первые сведения об исследованном в ходе спасательных работ памятнике стоянка Югачи-1 в Хакасско-Минусинской котловине (Аскизский р-н, Республика Хакасия). Объект располагается в горно-таежной местности, на юге котловины. Территория памятника использовалась как ритуальная и поселенческая площадка в раннем железном веке, Средневековье и в этнографическое время. Большинство комплексов объекта предварительно отнесены к позднему этапу бытования атагарских древностей (тесинская культура). Исследованы остатки грунтовой могилы (погр. 4) с погребальным срубом (четыре венца, соединение «в шип»). Могила нарушена в древности и позднее переиспользована в качестве мусорной ямы жителями поселения. Определены фрагменты керамики и антропологические остатки, которые могли быть связаны с первоначальным содержанием комплекса. Исследованы два котлована синхронно существовавших слабоуглубленных полуземлянок тесинской культуры. Котлованы имеют подчетырехугольный контур, размеры 6,5 × 5,4 м (котлован 1), 5,5 × 5,1 м (котлован 2). Представлены различные варианты каркасно-столбовой конструкции сооружений. Котлован 1 предварительно интерпретирован как хозяйственная постройка, котлован 2 – как жилище. Вероятно, они составляли единый комплекс. Внутри котлованов обнаружены углубления хозяйственного и конструкционного назначения. Идентифицированы две отхожие ямы как внутри постройки, так и снаружи. На периферии поселения обнаружено углубление-погреб. Поселенческие конструкции выглядят оригинально на фоне опубликованных свидетельств атагарской домостроительной традиции и значительно дополняют сведения о хозяйственном развитии атагарских коллективов в горно-таежной части ареала распространения культуры. Исследованный памятник обладает хорошим потенциалом для проведения хозяйственных и историко-культурных реконструкций, в т.ч. методами биоархеологии.

Ключевые слова: Хакасско-Минусинская котловина, тесинская культура, грунтовая могила, погребальный сруб, поселение, полуземляночные сооружения.

Artem E. Grishin✉, Vladimir A. Chertykov, Anton V. Vybornov✉

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

E-mail: artem-grishin@mail.ru; vybornov@archaeology.nsc.ru

Yugachi-1 (Minusinsk Depression) Site, a New Object for Studying Late Tagar Antiquities: Burial and Settlement

The information on the Yugachi-1 site in the Minusinsk depression (Askiz district, Republic of Khakassia), investigated by rescue excavations, is published. The object is located in the mountain taiga locale, in the south of the depression. Yugachi-1 was used as a burial and settlement site during the early Iron Age, the Middle Ages, and up to the present. The authors tentatively attribute most of the site complexes to the late stage of the existence of the Tagar antiquities (Tesinskaya culture). A grave (mound 4) with the remains of a wood framework (four tiers of logs, an “in-thorn” connection) were investigated. The grave was disturbed in antiquity and later reused as a waste pit by the inhabitants of the settlement. The authors identify some pottery fragments and anthropological remains that could be associated with the original content of the complex. Two synchronously existing semi-dugout houses of the Tesinskaya culture were investigated. The houses had a sub-rectangular contour, dimensions 6.5 × 5.4 m (pit 1), 5.5 × 5.1 m (pit 2). Their carcass-pillar structure is different.

House 1 was preliminarily interpreted as an outbuilding, while house 2 as a residential building. They probably formed a single complex. Utility and ritual pits were found inside the houses. Two latrines have been identified, both inside and outside the building. In the periphery of the settlement, a pit-cellar was found. House structures look individually against the background of other published evidence of the Tagar house-building tradition. The Yugachi-1 site significantly adds information on the economic development of the Tagar collectives in the mountain-taiga part of the cultural distribution area. The investigated object has a good potential for carrying out economic, historical, and cultural reconstructions, including the bioarcheology methods.

Keywords: Minusinsk depression, Tesinskaya culture, grave, burial wood framework, settlement, semi-dugout houses.

Исследование тагарских поселений в самой Хакасско-Минусинской котловине и в сопредельных регионах в настоящее время явно отстает от анализа погребальных комплексов как по количеству и качеству источников, объему их публикации, так и по стадии их анализа и обобщения (см., напр.: [Ковалева, Поляков, Амзараков, 2020]). Поэтому выявление нового поселения, изученного масштабно, хотя и в короткие сроки, обусловленные спасательным режимом работ, важно для изучения эпохи раннего железа в Южной Сибири.

Памятник Югачи-1 был открыт в ходе разведки 2019 г., проведенной отрядом ИАЭТ СО РАН [Выборнов, Чертыков, 2019, с. 769–770]. Работы велись в рамках мероприятий по сохранению объектов археологического наследия при расширении железнодорожной магистрали на отрезке Биркчул–Югачи на территории Аскизского р-на Республики Хакасия (рис. 1). Объект был квалифициро-

ван как стоянка раннего железного века и Средневековья. Согласно данным разведки, культурный слой распространялся на достаточно обширной территории – 30 284 м². В 2020 г. были проведены работы на части объекта, прилегающей к железной дороге (16 265 м²).

Памятник расположен на сильно выположенной склоновой площадке, на краю резкого перехода к высокой пойме р. Аскиз. Современное название местности на левом и правом берегу Аскиза – Хыстаглар. Растительность лесная, хвойно-лиственная. Долина реки в этом месте достаточно узкая, окружена невысокими, но крутыми возвышенностями. Русло разбито низкими островами на несколько меандрирующих, близко расположенных друг от друга рукавов. Внешних признаков памятник не имел и был выявлен благодаря материалу, обнаруженному в серии шурфов. Очевидно, что при первоначальном строительстве железной

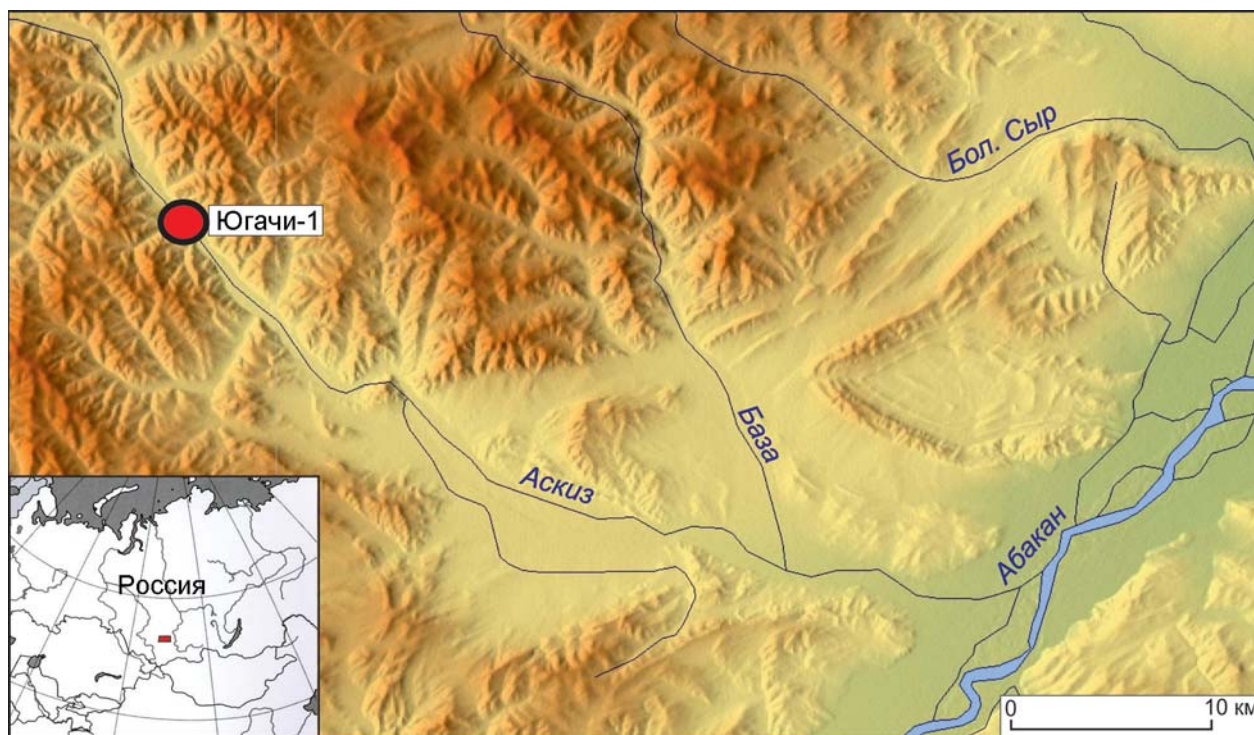

Рис. 1. Участок Западного Саяна и юго-запад Хакасско-Минусинской котловины. Местонахождение памятника Югачи-1 в долине р. Аскиз.

дороги была полностью уничтожена юго-западная часть объекта в области подошвы пологого склона. Остальная часть площадки претерпела значительное техногенное воздействие – она спланирована тяжелой техникой, затем на основную территорию был перемещен грунтовый отвал мощностью до 1,5 м, образовавшийся при врезке для железнодорожного полотна. На территории объекта расположены столбы инфраструктуры железной дороги и линии связи. По памятнику вдоль железнодорожной линии идет грунтовая дорога, отсыпанная щебнем. Кроме того, в границах объекта Югачи-1 зафиксированы значительные выемки грунта, небольшие углубления с отвалами. По территории памятника проходят три оврага сезонного водостока, направленные в сторону поймы.

Поселенческий и большинство ритуальных комплексов, отнесенных нами к позднему этапу тагарской культуры (тесинская культура), расположены в южной части памятника. Данная площадка локализуется на краю склона, у подошвы которого протекает река. Площадка инсолирована большую часть дня. В непосредственной близости от нее находятся участки реки, которые у местных жителей считаются удобными для рыболовства. Кроме того, до техногенного вмешательства площадка была залесена, и лес закрывал ее от господствующего в долине северо-западного ветра. Эти факторы явно учитывались древним населением при выборе места для поселения. По сообщению местных жителей, на памятнике и окружающей территории в XIX–XX вв. находились летние стоянки и зимовья части местных родовых скотоводческих коллективов.

В результате раскопок зафиксированы три культурно-хронологических горизонта: раннего железного века, Средневековья и этнографической современности. Наиболее выразительны комплексы раннего железного века, им и посвящена данная статья. Тагарская культура позднего этапа (тесинская культура) представлена остатками нарушенной в древности погребальной камеры (погр. 4), которая, очевидно, является самым ранним сооружением на площадке, и двумя жилищными котлованами. Датировка этих объектов базируется на комплексе признаков. (1) Форме и конструкции внутримогильного сооружения погр. 4 присущи характеристики, которые известны в кругу тесинской и таштыкской культур. (2) Керамический комплекс в разрушенной могиле и в поселенческих слоях в абсолютном большинстве повторяет форму и размеры, визуально определяемые технологические приемы и состав сырья в известных сериях керамических сосудов из тесинских погребальных объектов (у д. Калы, Тепсей и др.).

(3) В культурном слое найдены предметы, известные в погребальных объектах позднетагарской культуры, – плоский бронзовый нож, бронзовое шило с обломанным навершием.

Погребение 4 обнаружено в виде пятна серой и палевой мешаной пылеватой супеси, заполненной мелкими фрагментами тагарской керамики и обломками костей животных со следами термического воздействия и без них (рис. 2). Подобные слои, как было установлено в процессе работы, характерны для хозяйственных ям и внежилищного культурного слоя поселения, ближайший котлован которого был расположен всего в 12 м к северу от ритуального объекта. Поэтому углубление первоначально рассматривалось нами исключительно как большая поселенческая мусорная яма, пока в нижней части не были обнаружены элементы деревянной погребальной конструкции. Рельефно западина данной ямы была выражена весьма незначительно, следов внешнего погребального сооружения не зафиксировано.

Верхний контур ямы имел форму, близкую к прямоугольной со скругленными углами, и, по всей видимости, был несколько изменен при древнем нарушении комплекса. Размеры пятна составили 3,25 м по линии северо-северо-восток – юго-юго-запад и 3 м по линии юго-запад – северо-восток. На глубине 0,85 м от уровня кровли материкового слоя (далее все глубины привязаны к данному уровню) яма приобрела подквадратный контур с длиной грани 2,1 м. Глубина ямы 1,15 м. При разборе заполнения обнаружены границы первоначальной могильной ямы и шурфа «грабителей», заполненного слоем поселенческих отходов. Среди «мусора» также обнаружены многочисленные галечные сколы и обломки (часть со следами утилизации), характерные для поселения. Зафиксированы белесые включения, связанные со следами разложения органики.

Таким образом, очевидны три фазы в истории комплекса: сооружение могилы, «ограбление», многократное и длительное переиспользование углубления в качестве мусорной ямы. Несмотря на нарушения, деревянное внутримогильное сооружение сохранилось сравнительно хорошо. Оно представляло собой деревянный сруб, который имел практически квадратный в плане контур и размеры в плане 1,95 м по линии запад – восток и 2,03 м по линии север – юг. Элементы сруба сильно повреждены норами и при «ограблении», дерево плохой сохранности, покрыто белесым налетом. Верхнее перекрытие не сохранилось. Всего нами зафиксировано по четыре венца на всех стенах. Самый верхний (пятый) элемент у продольных стен, вероятно, относится к перекрытию. Верхние вен-

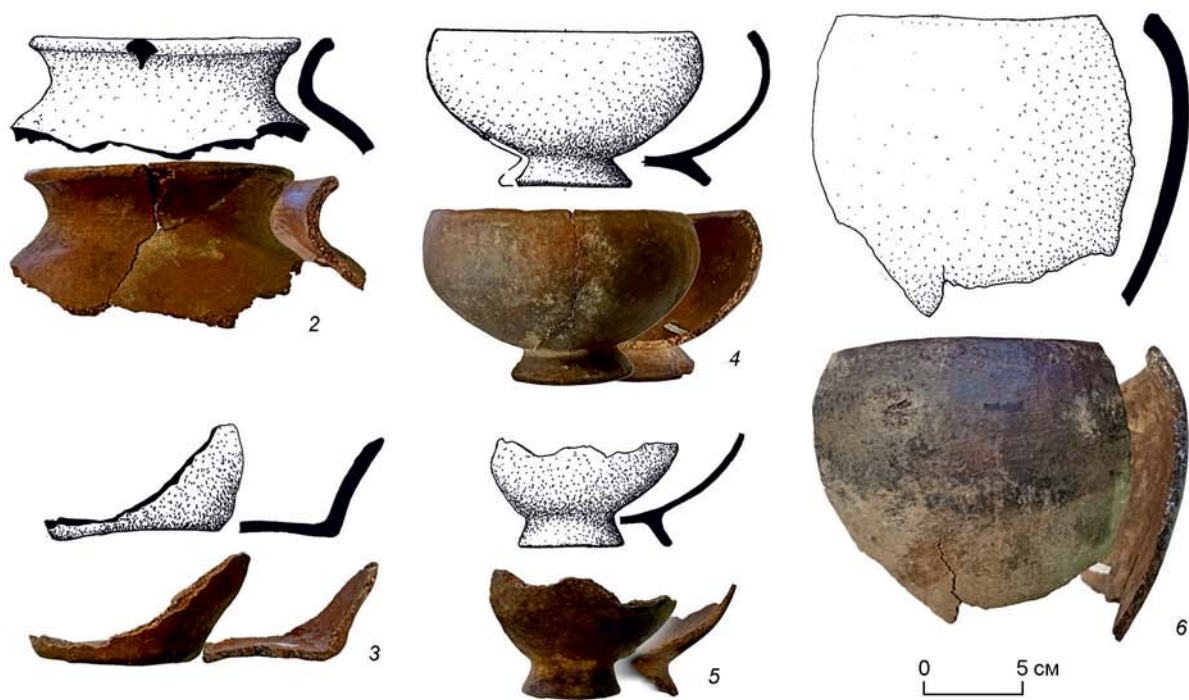

Рис. 2. Погр. 4 на стоянке Югачи-1.

1 – деревянный сруб и находки в придонной части (вид с юго-запада); 2–6 – фрагменты керамических сосудов из придонной части заполнения.

цы сруба местами были деформированы, нижние сохранили круглую форму сечения. В местах сохранившегося сочленения некоторых бревен сруба был предположительно определен тип соединения венцов – «в шип». Шип располагался на «продольных» элементах сруба. Краевой или сквозной паз (точно разновидность не установлена) изготовлен на обоих концах «поперечных» элементов.

Нижний настил (пол) набран из 17 деталей, вероятнее всего плашек шириной до 0,1 м. Ориентировка элементов настила продольная. Настил не подведен под нижние венцы сруба. В юго-восточном углу участок настила обуглился. Следы огня фиксируются на нижних венцах в этом углу. Плашки настила в месте разведения огня не прогорели полностью. Под настилом идет незначительная прослойка желтой мешаной супеси, а непосредственно на дне ямы залегает прослойка серой супеси общей мощностью до 0,04 м. Эти слои возникли в процессе подготовки ямы и монтажа сруба.

Особое внимание было уделено находкам из придонной части могилы. В юго-восточной части заполнения залегали крупные обломки и целые кости животных (астргалы, фаланга, челюсть, ребра и трубчатые кости, позвонки) и развалы четырех сосудов, состоящие из крупных фрагментов, находившихся в сочленении (сосуды 1–4 – рис. 2, 2–6). Предметы встречались как непосредственно на дне, так и выше него. При этом в средней и верхней части заполнения подобных развалов керамических сосудов выявлено не было. Сосуды 1–3 (красноглиняные, наиболее полные) залегали единым массивом у средней части юго-восточной стенки. Сосуд 4 (сероглиняный) был представлен крупным фрагментом стенки. Возможно, данные сосуды имели отношение непосредственно к погребальному инвентарю. Кроме керамики и костей в придонной части сруба обнаружены обломки зернотерки, фрагмент бересты (взяты пробы), угольки, колотая галька. Среди костного материала, изъятого из всего заполнения объекта, антропологических остатков не найдено (исследование проводила мл. науч. сотр. ИАЭТ СО РАН М.С. Кишкурно).

Данный комплекс является нарушенной в древности грунтовой могилы, возможно кенотафом. Судя по размерам, могила могла быть предназначена для захоронения двух человек. В процессе «ограбления» был полностью изъят антропологический материал, из первоначальных находок, возможно, остались сосуды 1–3 и часть костей животных. После «ограбления» в могиле, вероятно, был произведен поджог как символическое закрытие входа в «мир мертвых». Шурф, оставшийся после проникновения, был использован

при функционировании поселения как мусоро-сборник.

Основную проблему для культурно-хронологической атрибуции погребального сооружения представляют полное отсутствие следов надмогильного сооружения из-за значительного техногенного нарушения верхних напластований и отсутствие жестко привязанного к погребальному комплексу инвентаря. Следует отметить, что зафиксированные нами конструктивные особенности не являются узкодатирующими в рамках тагарских древностей, но остатки деревянных элементов позволяют получить дату радиоуглеродным методом и с помощью дендрохронологических процедур. Однозначна, на наш взгляд, наиболее ранняя относительная хронологическая позиция описанного комплекса для памятника в целом. Пока мы склонны относить данный комплекс к тесинской культуре [Кузьмин, 2011] или позднему этапу тагарской культуры по другим классификациям.

Поселенческий горизонт, занимающий более позднюю хронологическую ступень, представлен двумя котлованами слабо углубленных полуземлянок, существовавших синхронно друг с другом и, возможно, составлявших одну двухкамерную постройку. Были исследованы также разнообразные сооружения хозяйственной периферии.

Котлован 1 имел подчетыреугольный контур (рис. 3); его размеры: длина восточной стены от угла до угла – 6,5 м, южной – 5,4 м, западной – 6 м, северной – 5,5 м. Пол первоначально несколько понижался к центру. В качестве входа мог использоваться подъем на южной границе котлована, где стенки практически нет. Ширина этого пространства около 1,5 м. Вход был обращен к реке. На остальных границах котлована стенки явственно оформлены и имеют высоту от 0,17 до 0,3 м, а также значительный наклон – 45° и более. Восточная часть котлована, заполнение и дно, нарушена поздней ямой, носившей, скорее всего, производственный характер. Верхняя часть заполнения котлована сформирована светло-серой или светло-палевой пылеватой неоднородной супесью мощностью до 0,25 м. Здесь залегали разрозненные обломки костей со следами огня и без них, фрагменты керамики. Определенных концентраций археологический материал в данных слоях не образует. Вероятнее всего, находки связаны с переотложенными отходами, первоначально залегавшими на крыше или возле стен конструкции. Нижнюю часть заполнения образуют области бурой пятнистой супеси, яркость цвета которой варьирует. Не исключено, что окрас слоя и его характерная пятнистость связаны с деградацией деревянных элементов конструкции и интерьера. По-

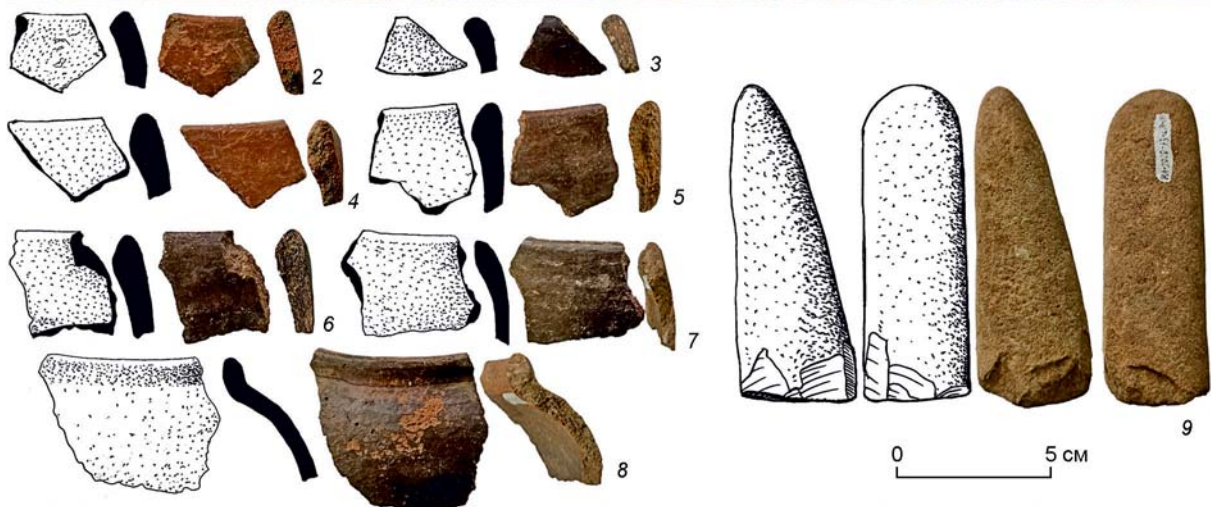

Рис. 3. Котлован полуземлянки 1 на стоянке Югачи-1.

1 – общий вид с северо-востока на уровне дна; 2–8 – фрагменты керамических сосудов; 9 – каменное орудие.

дошва слоя соответствует последнему горизонту обитания и имеет более насыщенный цвет. Здесь встречаются разрозненные фрагменты стенок керамических сосудов. Непосредственно в придонном заполнении у северной стенки была найдена плитка девонского песчаника средних размеров, которая, скорее всего, служила бытовой утварью. Для материкового дна котлована характерны белые включения, природу которых еще предстоит выяснить. В норах на дне северной части котлована были обнаружены скопление из трех астрагалов мелкого рогатого скота, единственный астрагал и скопление фаланг животного. Хотя предметы

найжены в норах, не исключено, что первоначально они находились в небольших ямках.

Достоверно с опорной конструкцией могут быть связаны три ямы. Одна расположена в центре (об. 9), две другие – в противоположных углах котлована, северном и южном. Центральная яма неглубокая и содержит остатки нижней части столба, две остальные, глубиной 0,5–0,74 м, крупных остатков столбов не содержат, но имеют характерное темное бурое заполнение и камни для забутовки. Следов очага в котловане не обнаружено.

Котлован 2 располагался всего в 0,4 м к западу от котлована 1 и имел такую же ориенти-

ровку (рис. 4). Это позволяет предполагать, что оба сооружения могли образовывать единую двухкамерную конструкцию. Стенки котлована пологие. Дно немного понижается к центру. Контур в плане прямоугольный, незначительно вытянутый по линии север – юг. Размеры котлована по верхнему контуру 5,5 × 5,1 м, по нижнему – 4,4 × 5 м. Максимальная глубина сооружения 0,3 м. Внутри котлована зафиксированы две ямы для опорных столбов, которые располагались у средних частей противоположных стенок – северо-восточной и юго-западной. Таким образом, для данной кон-

струкции можно предполагать двускатную крышу. По центру зафиксирован небольшой прокол от очага, который оказался перерезан погребением ребенка (погр. 3), совершенным, по всей видимости, уже в руинированном комплексе.

Котлован 2 имел сходные стратиграфические слои заполнения с напластованиями, описанными для котлована 1. В заполнении также выделялся слой разрушенной кровли с аккумулированным на нем мелким мусором и слой, интерпретированный нами предварительно как остатки дерево-земляной конструкции стен, перекрывающий непосред-

Рис. 4. Котлован полуземлянки 2 на стоянке Югачи-1.

1 – общий вид с северо-востока на уровне дна; 2–6 – фрагменты керамических сосудов; 7 – бронзовый нож *in situ* (вид с юго-запада).

ственно горизонт обитания. К этому уровню тяготеют более крупные, но редкие находки. Ярко выраженных скоплений и развалов керамики выявлено не было. Среди находок – фрагментированные стенки сосудов, кости животных, простейшие орудия на колотой гальке, каменное лощило, бронзовый нож, каменные грузила. Пол имел области с белесыми включениями.

Рядом с северным углом были обнаружены две ямы, одна из которых с характерным золистым заполнением, а другая, глубиной до 0,6 м от уровня пола, была заполнена вышележащим слоем и, вероятно, служила ямой для хранения. Следует упомянуть и три сходные между собой по заполнению и размерам ямки у северо-восточной стены. В двух из них обнаружены три и четыре астрагала мелкого рогатого скота (ср. скопления костей конечностей животных в котловане 1). Данные комплексы, похожие по составу и локализации внутри построек, мы склонны связывать с ритуалами домашней магии.

Кроме позднего детского погребения, перерезавшего очаговый комплекс, в верхней части заполнения, интерпретированной нами как остатки кровли, были обнаружены плечевая и бедренная кости взрослых индивидуумов (индивидуума). Не исключено, что это останки из нарушенного обитателями данного поселка парного погр. 4, что может служить подтверждением нашего предположения об относительной хронологии ритуальной и жилой площадок.

Таким образом, котлован 2 предположительно является жилым помещением, а котлован 1 – хозяйственным. Об этом свидетельствуют наличие очага в котловане 2 и отхожей ямы в котловане 1, меньшие размеры котлована 2, более выраженный в нем слой бурой супеси, которую мы связываем с разложением деревянных элементов конструкции и интерьера.

Кроме котлованов полуземлянок на непосредственно прилегающей территории были обнаружены бытовые и производственные комплексы. Среди них можно идентифицировать яму-погреб, которая после разрушения была заполнена мусором с поселения. Отметим, что она могла быть связана с наземным срубным сооружением, следов от которого не осталось, аналогично тому, как это предполагалось на Ташебинском городке [Кызласов Л.Р., 2001]. Помимо отхожей ямы внутри котлована 1, подобное сооружение идентифицировано в непосредственной близости от остатков этой постройки (в 3 м к юго-востоку). Наличие явных столбовых ям вне котлованов указывает на наличие каких-то сооружений в других частях площадки. Есть и иные объекты (их более 100),

генезис и функциональное назначение которых еще предстоит выяснить.

Традиционно основной исследовательский интерес вызывают срубные тагарские конструкции, прототипы которых усматривают в погребальных деревянных сооружениях. По широко распространенному мнению, именно они запечатлены в известных петроглифах [Кызласов И.Л., 2005; Прищепа, 2018; и др.]. О полуземляночных конструкциях сведений немного. Прямоугольные полуземляночные конструкции известны на тагарских поселениях [Абсалямов, Мартынов, 1979; Членова, 1992; Ковалева, Поляков, Амзараков, 2020]. Но на этих объектах в оформлении стен активно использовался плитняк, зафиксирована иная схема опорного контура и отличное оформление входа. Обнаруженные на стоянке Югачи-1 образцы тагарского домостроительства на данный момент выглядят на фоне известных сооружений весьма оригинально.

Представленный в первом приближении комплекс раннего железного века Югачи-1 обладает хорошим потенциалом для решения задач культурно-хронологической интерпретации и хозяйственной реконструкции как с помощью традиционных методов археологического исследования, так и с применением биоархеологического подхода. Его изучение может дать информацию о взаимодействии различных групп тагарского населения на позднем этапе существования культуры и детализировать древние модели хозяйства в предгорно-таежной части Хакасско-Минусинской котловины.

Благодарности

Авторы искренне благодарны Н.А. Боковенко, С.В. Александрову и А.В. Полякову за советы и консультации при исследовании памятника. Культурно-хронологическая атрибуция и интерпретация материалов археологических полевых работ выполнены в рамках проектов НИР ИАЭТ СО РАН № 0329-2019-0007 «Изучение, сохранение и музеефикация археологического и этнокультурного наследия Сибири» (исполнители – В.А. Чертыков, А.В. Выборнов) и № 0329-2019-0003 «Историко-культурные процессы в Сибири и на сопредельных территориях» (исполнитель – А.Е. Гришин).

Список литературы

Абсалямов М.Б., Мартынов А.И. Поселения тагарского и переходного тагаро-таштыкского времени в Хакасско-Минусинской котловине и Ачинско-Мариинской лесостепи // Археология Южной Сибири. – Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 1979. – Вып. 10. – С. 60–86.

Выборнов А.В., Чертыков В.А. Археологические разведки в долине реки Аскиз и окрестностях горы Тер-

ская в Республике Хакасия в 2019 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. XXV. – С. 766–773. doi:10.17746/2658-6193.2019.25.766-773.

Ковалева О.В., Поляков А.В., Амзараков П.Б. Поселение позднескифского времени Рошинское-2 // Теория и практика археологических исследований. – 2020. – № 1 (29). – С. 50–70.

Кузьмин Н.Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. – СПб.: Айсинг, 2011. – 456 с.

Кызласов И.Л. Пратюркские жилища. Обследование саяно-алтайских древностей. – Москва; Самара: ИА РАН, 2005. – 96 с.

Кызласов Л.Р. Гуннский дворец на Енисее. Проблема ранней государственности Южной Сибири. – М.: Вост. лит., 2001. – 176 с.

Прищепа Е.В. Проблемы реконструкции жилищ тагарской культуры Хакаско-Минусинской котловины // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2018. – № 427. – С. 153–163. – doi:10.17223/15617793/427/21.

Членова Н.Л. Тагарская культура // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 206–235. – (Археология СССР; [Т. 10]).

References

Absalyamov M.B., Martynov A.I. Poseleniya tagarskogo i perekhodnogo tagaro-tashtytskogo vremeni v Khakassko-Minusinskoj kotlovine i Achinsko-Mariinskoj lesostepi. In *Arkheologiya Yuzhnoi Sibiri*. Kemerovo: Kemerovo State Univ. Press, 1979, iss. 10, pp. 60–86. (In Russ.).

Chlenova N.L. Tagarskaya kul'tura. In *Stepnaya polosа aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya*. Moscow: Nauka, 1992, pp. 206–235. (Arkheologiya SSSR; [vol. 10]). (In Russ.).

Kovaleva O.V., Polyakov A.V., Amzarakov P.B. Late Scythian settlement Roshchinskoe-2. In *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*, 2020, No. 1 (29), pp. 50–70. doi:10.14258/tpai(2020)1(29).-03.

Kuz'min N.Yu. Pogrebal'nye pamyatniki khunno-syan'biiskogo vremeni v stepyakh Srednego Eniseya: Tesinskaya kul'tura. St. Petersburg: Aising, 2011, 456 p. (In Russ.).

Kyzlasov I.L. Pre-Turkic dwellings. Inspection of Sayan-Altai antiquities. Moscow; Samara: IA RAS, 2005, 96 p. (In Russ.).

Kyzlasov L.R. Gunnskii dvorets na Enisee. Problema rannei gosudarstvennosti Yuzhnoi Sibiri. Moscow: Vostochnaya literatura, 2001, 176 p. (In Russ.).

Prishchepa E.V. Reconstruction problems of dwellings of the Tagar culture of the Khakass-Minusinsk basin. *Tomsk State University Bulletin. Series: History*, 2018, No. 427, pp. 153–163. doi:10.17223/15617793/427/21. (In Russ.).

Vybornov A.V., Chertykov V.A. Archaeological Surveys in the Valley of the Askiz River and Around Mount Tersky in the Republic of Khakassia in 2019. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019, vol. XXV, pp. 766–773. doi:10.17746/2658-6193.2019.25.766-773. (In Russ.).

Гришин А.Е. <https://orcid.org/0000-0001-8367-2272>

Чертыхов В.А. <https://orcid.org/0000-0002-3240-0311>

Выборнов А.В. <https://orcid.org/0000-0002-9063-5223>

А.А. Дудко, Ю.А. Васильева[✉], Л.О. Понедельченко,
М.С. Кишкурно, А.В. Выборнов

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: vybornov@archaeology.nsc.ru

Результаты спасательных археологических раскопок на могильнике Казановка-10 в Аскизском районе Республики Хакасии в 2020 году

В статье представлены результаты спасательных археологических раскопок на выявленном объекте археологического наследия «Могильник Казановка-10» в зоне строительства второго железнодорожного пути на перегоне Югачи–Казановская. Комплекс располагается в пограничной зоне степной (Хакасско-Минусинская котловина) и горно-таежной (Кузнецкий Алатау) областей по долине р. Аскиз. На территории объекта был выявлен стояночный комплекс последней трети I – начала II тыс. н.э., который является одним из первых изученных археологами на данной территории. В ходе работ выяснилось, что участок средневековой стоянки попал в границы д. Казановка, в которой велись активные строительные и хозяйственные работы в 30–40-е гг. XX в., а археологизированные сооружения, интерпретированные ранее как грунтовые могилы и средневековые курганы, оказались следами этой деятельности, о чем свидетельствует значительное количество столбовых и хозяйственных ям, конструкций, бытовой и строительный мусор на площади раскопа. Кроме того, на памятнике обнаружено погребение новорожденного с керамическим сосудом в ногах, синхронное времени функционирования стоянки. Археологический материал представлен фрагментами керамических сосудов и обломками костей животных, многочисленными изделиями и заготовками изделий из кости и рога, металла, камня. Судя по составу предметов, наличию разнообразных скоплений и закрытых структур можно предположить разные этапы обитания людей на площадке в эпоху Средневековья. Комплекс археологических предметов, полученный в ходе раскопок, демонстрирует промысловый и охотничье-рыболовецкий характер хозяйственной деятельности средневекового населения и находит свои аналогии в позднеатайских материалах Хакасско-Минусинской котловины, средневековых материалах Южной Сибири и Центральной Азии. Полученная коллекция имеет достаточно широкий период бытования, но преимущественно ассоциируется с вещами и объектами заключительной трети I – первой трети II тыс. н.э.

Ключевые слова: стоянка, погребение, Республика Хакасия, р. Аскиз, Средневековье.

Aleksandr A. Dudko¹, Yulia A. Vasileva^{1✉}, Lidiya O. Ponedelchenko¹,
Mariya S. Kishkurno¹, Anton V. Vybornov¹

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: vybornov@archaeology.nsc.ru

Results of Rescue Archaeological Excavations at the Cemetery of Kazanovka-10 in Askizsky District of the Republic of Khakassia in 2020

This article describes the findings of the rescue archaeological excavations at the archaeological heritage site “Cemetery of Kazanovka-10” in the construction zone of the second railway track between Yugachi and Kazanovskaya. The complex is located in the border zone of steppe (Khakass-Minusinsk Depression) and mountain taiga (Kuznetsk Alatau) along the valley of the Askiz River. A site from the last third of the first millennium–early second millennium AD – one of the first objects studied by archaeologists in this area – was discovered. A part of this Medieval site was inside the boundaries of the village of Kazanovka and was actively influenced by construction and household works in the 1930s–1940s. The archaeological structures which had been previously interpreted as ground graves and Medieval burial mounds, turned out to be the traces of these activities, which was confirmed by significant number of pole pits and utility pits, structures, as well as household

and construction waste in the excavation area. Burial of an infant with a pot at its legs, which was synchronous with the time of site's functioning, was discovered. Archaeological materials included pottery fragments, fragments of animal bones, as well as numerous artifacts and blanks of objects made of bone, horn, metal, and stone. Composition of objects and presence of various clusters and closed structures point to different stages of habitation at the site in the Middle Ages. The collection of archaeological objects obtained during the excavations demonstrates that economic activities of the Medieval population focused on hunting and fishing. The finds have parallels in the Late Tashtyk materials from the Khakass-Minusinsk Depression as well as Medieval evidence from Southern Siberia and Central Asia. The collection is of a relatively wide chronological period, but is mainly associated with objects of the final third of the first millennium AD – early second millennium AD.

Keywords: *site, burial, Republic of Khakassia, Askiz River, Middle Ages.*

В 2019 г. в ходе государственной историко-культурной экспертизы земельного участка, отводимого под объект «Второй путь на перегоне Югачи–Казановская Красноярской железной дороги», расположенного вдоль действующей железной дороги Междуреченск – Тайшет в Аскизском р-не Республики Хакасии, были выявлены 13 объектов археологического наследия. В 2020 г. в целях их изучения и сохранения отрядами Аскизской археологической экспедиции ИАЭТ СО РАН были проведены полевые работы. Широкомасштабные спасательные археологические раскопки, с одной стороны, связаны с выполнением жестких временных условий и требований технического задания; с другой – позволяют получить и включить в научный оборот большое количество разнообразного археологического материала, содержащего информацию об истории населения определенной локации. В настоящей статье представлены предварительные результаты археологического исследования одного из объектов – «Могильник Казановка-10».

Спасательные археологические раскопки на территории памятника были проведены отрядом Аскизской археологической экспедиции ИАЭТ СО РАН под руководством А.А. Дудко. Памятник находится в центральной части Аскизского р-на Республики Хакасии, в 0,26 км к северо-западу от крайних строений с. Казановка, в 1 км к северо-западу от платформы о.п. Историческая. На небольшом увале, у подошвы пологого склона, над поймой правого берега р. Аскиз, западнее железной дороги были выявлены руинированные сооружения, собран подъемный материал. В трех заложённых шурфах археологических предметов и объектов не выявлено, культурный слой не зафиксирован. Большинство руинированных сооружений ассоциировались с грунтовыми могилами и средневековыми курганами. Центральную часть памятника занимает округлая каменно-земляная насыпь, интерпретированная в ходе разведочных работ как таштыкский склеп. Собранный подъемный материал в противопожарной распашке позволил отнести памятник к таштыкской археологической культуре и датировать I тыс. н.э. [Выборнов, 2020, с. 49].

Общая площадь раскопа, исследованного в 2020 г., составила 2 903,37 м². Раскоп был поделен на 61 участок. В ходе исследования стало очевидным, что территория средневековой стоянки попала в границы д. Казановка, подвергалась воздействию строительных и хозяйственных работ. Фиксируется значительное количество столбовых и хозяйственных ям с остатками деревянных столбов, конструкций, а также бытовым и строительным мусором. По морфологии предметов можно утверждать, что активная современная хозяйственная деятельность на территории средневековой стоянки пришлась на 1930–1940-е гг.

Обобщенная стратиграфическая колонка раскопа представляет собой следующее чередование рыхлых отложений (сверху вниз):

Слой 1 (распаханный слой) зафиксирован на всей площади раскопа. Представляет собой темно-серую до черного гумусированную рыхлую супесь. Содержит археологический материал и бытовой мусор д. Казановка первой половины XX в.

Слой 1а (техногенный) формировался непосредственно из слоя 1, зафиксирован в западной части раскопа. Представляет собой темно-серую до черного гумусированную рыхлую супесь, насыщенную бытовым и строительным мусором. Этим слоем формировались земляные насыпи (например, насыпь 1), принятые при разведочных работах за средневековые курганы. Содержит бытовой мусор д. Казановка первой половины XX в.

Слой 2 фиксируется повсеместно. Представляет собой неоднородную плотную серую супесь с включениями щебня и гравия. Содержит в кровле слоя археологический материал средневековой стоянки.

Слой 3 фиксируется повсеместно. Представляет собой неоднородную рыхлую светло-серую супесь, насыщенную щебнем и гравием. В ряде случаев слой пробирался до выхода на коренные скальные породы. Не содержит археологический материал.

На площади раскопа выделяются отдельные скопления камней, в т.ч. вертикально установленная плита. Планиграфический и стратиграфический контекст этих «сооружений» позволяет считать их частью стояночного комплекса, однако отсутствие

ассоциаций с предметами и явных конструктивных черт не дает представления о функции структур.

Археологический материал сосредоточен в двух основных скоплениях – на участках 19/20 и участке 45, на остальной площади он залегает рассеянно. Массовый материал представлен фрагментами керамических сосудов (порядка двух тысяч единиц) и обломками костей животных.

Коллекция керамической посуды состоит из фрагментов слабопрофилированных и с прямой стенкой плоскодонных толстостенных сосудов баночной формы закрытого типа, выполненной в технике ручной лепки. Внешняя и внутренняя сторона сосудов хорошо заглажена. Тесто с примесью песка и шамота, крупных каменных фракций. Большая часть реконструированных сосудов без орнамента, в остальных случаях орнамент покрывает только верхнюю часть сосуда, в одном случае сосуд орнаментирован и по тулову. Основные элементы декора – повторяющиеся ряды оттисков фигурного штампа (подковообразный, треугольный, каплевидный), ряды округлых вдавлений, в некоторых случаях – прочерченные фигурные линии.

Орудийный комплекс представлен следующими категориями находок: каменные грузила (15 ед.), оселок и прочие изделия из камня (3 ед.); изделия и фрагменты изделий из металла (13 ед.), среди них 5 железных ножей, панцирная пластина, бронзовый литой браслет (?), рамчатая пряжка (рис. 1); изделия и фрагменты изделий из кости (30 ед.), среди них 14 черешковых ромбовидных в сечении наконечников стрел с плоским насадом. Каменный оселок обломан, изначально овальной формы, имеет просверленное отверстие у края. Особый интерес

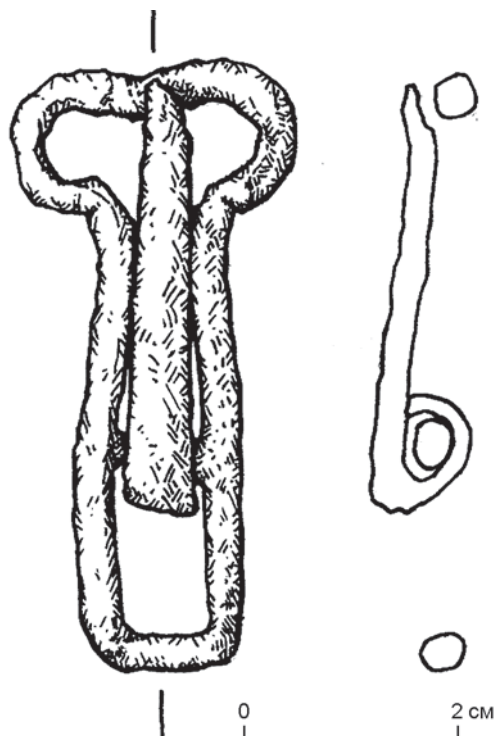

Рис. 1. Металлическая рамчатая пряжка из могильника Казановка-10.

представляют единичные изделия из кости: изделие (погремушка), выполненное из кости животного с прорезанным отверстием, внутри имеется мелкая каменная фракция; фрагмент основы щетки подовальной вытянутой формы с тремя рядами отверстий, один край которой переходит в утраченную в древности ручку (рис. 2); фрагмент изделия (браслета ?) (рис. 3), с лицевой стороны которого

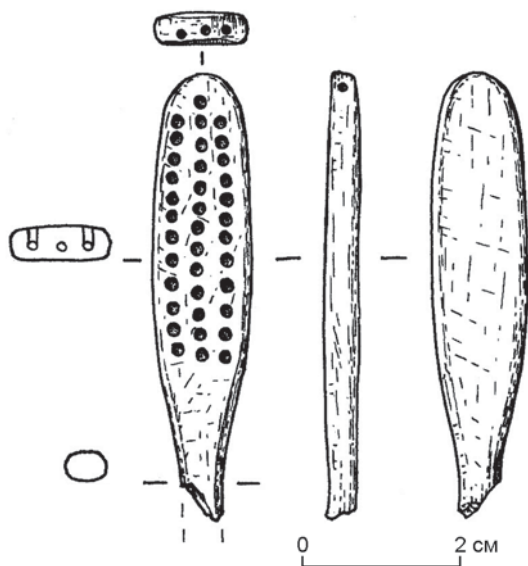

Рис. 2. Фрагмент основы костяной щетки из могильника Казановка-10.

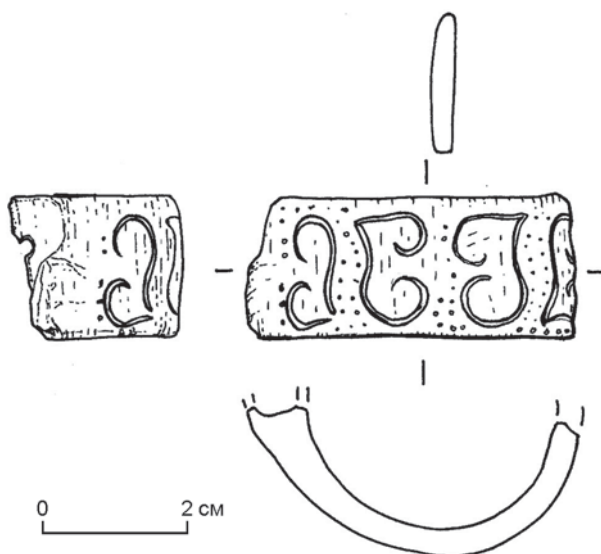

Рис. 3. Фрагмент костяного изделия (браслета ?) из могильника Казановка-10.

го имеется парный фигурный орнамент (парные зеркально отраженные элементы). В коллекции присутствуют заготовки изделий из рога, изделия и их фрагменты (10 ед.) (см. статью И.С. Половникова и др. в настоящем сборнике «Находки изделий косторезного производства на могильнике Казановка-10 в Аскизском районе Республики Хакасии»). Кроме того, интерес представляют изделия вторичного использования – фрагменты пряслиц и скребков из фрагментов керамических сосудов (6 ед.).

В части 2 раскопа 2020 г. зафиксировано *погребение 1*, границы могильной ямы не фиксировались, сохранилась верхняя часть костяка и череп, сопроводительный инвентарь представлен археологически целым керамическим сосудом. Погребенный – новорожденный, возрастом до 3 месяцев. Положение костяка – на правом боку, правая рука согнута в локте, ее кисть под нижней челюстью. Комплектность – фрагменты черепа плохой сохранности; кости грудного отдела, шейные и грудные позвонки, лопатки, кости рук и ключицы хорошей сохранности. Керамический сосуд – плоскодонная толстостенная банка закрытой формы, выполненная в технике ручной лепки. Сосуд имеет качественный обжиг. Высота 10,7–12,2 см, диаметр 12 см, толщина стенок ок. 0,9 см. Орнаментирован горизонтальным рядом вдавлений треугольной лопаточки по венчику.

Археологический памятник датируется на основании предметного комплекса, который находит свои аналогии в позднеаштатских материалах Хакасско-Минусинской котловины и средневековых материалах Южной Сибири и Центральной Азии. Нижняя дата, V в. н.э., определяется находкой рогового браслета с криволинейным орнаментом, который известен в материалах таштыкской культуры и относится к IV типу – позднему комплексу таштыкского орнамента [Кызласов, Король, 1999, с. 20–21]. Верхняя дата связана с роговыми основами для щеток, которые обычно датируются XIII–XIV вв. [Кызласов, 1983, с. 65; Нуржанов, 2017], таковая известна из раскопок позднесредневекового могильника Оя I, проведенных С.Г. Скобелевым. Остальные археологические предметы имеют достаточно широкий период бытования, но преимущественно ассоциируются с вещами и объектами заключительной трети I – начала II тыс. н.э. При этом есть связи с материалами как Хакасско-Минусинской, так и Кузнецкой котловин [Васютин А.С., Васютин С.А., Онищенко, 2012]. Часть керамики находит аналогии в материалах и таштыкской культуры, и эпохи чаа-тас – плоскодонные открытые сосуды с орнаментом по краю и без [Кызласов, Мартынов, 1986]. Другая

часть керамических сосудов отдельными чертами орнамента перекликается с известными предметами из объектов горно-таежной местности Кузнецкого Алатау и предгорных окраин Минусинских котловин. Более точная характеристика керамического материала требует восстановления сосудов и получения морфологических и технологических данных.

На основании предварительной атрибуции предметного комплекса и интерпретации стратиграфических и планиграфических наблюдений, раскопом 2020 г. на могильнике Казановка-10 изучен стояночный комплекс середины I – первой трети II тыс. н.э. Культурный слой содержит следы промысловой, охотничье-рыболовецкой деятельности. Судя по составу предметов, наличию разнообразных скоплений и закрытых структур (в частности погребения), можно предположить разные этапы обитания людей на площадке в эпоху Средневековья. Для убедительной характеристики культурных отложений и реконструкции истории местного населения определяющее значение имеет всесторонняя обработка полученных в ходе полевых исследований материалов и их соотнесение с результатами раскопок близлежащих археологических объектов (в частности раскопки В.В. Таракановым средневековых поселений в Аскизском р-не). Крайне важно соотнести результаты описанных раскопок с исследованиями стоянки Казановка-11 (раскопки Научно-производственного объединения «Археология и историко-культурная экспертиза» в 2020 г.), расположенной в 500 м от могильника Казановка-10, на которой зафиксирована разнообразная серия средневековой керамической посуды.

По итогам проведенных исследований следует констатировать полное изучение и, таким образом, сохранение части объекта археологического наследия «Могильник Казановка-10», необходимой для проведения строительства по объекту «Второй путь на перегоне Югачи – Казановская Красноярской железной дороги». Изученный стояночный комплекс демонстрирует культурное своеобразие населения, обитавшего в долине р. Аскиз при ее выходе из гор Кузнецкого Алатау в период последней трети I – первой трети II тыс. н.э.

Благодарности

Авторы искренне благодарны Ю.В. Тетерину, О.А. Митько, Н.А. Боковенко за советы и консультации при исследовании памятника. Работа выполнена по проекту НИР № 0329-2019-0007 «Изучение, сохранение и музеефикация археологического и этнокультурного наследия Сибири».

Список литературы

Васютин А.С., Васютин С.А., Онищенко С.С. Калтышинский археологический микрорайон в конце VIII – первой половине IX в. н.э.: природа и культура (степное Присалаирье). – Кемерово: ОФСЕТ, 2012. – 213 с.

Выборнов А.В. Научный отчет об археологической разведке в зоне строительства вторых путей на перегонах Бирикчул–Югачи, Югачи–Казановская Красноярской железной дороги в Аскизском районе Республики Хакасия в 2019 году: в 2-х т. – Новосибирск, 2020. – 398 с.

Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири. X–XIV вв. – М.: Наука, 1983. – 127 с. – (САИ; Е3-18).

Кызласов Л.Р., Король Г.Г. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. – М.: Наука. Глав. ред. вост. лит.-ры, 1990. – 216 с.

Кызласов Л.Р., Мартынов С.В. Из истории производства посуды в Южной Сибири в VI–IX вв. // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока: сб. ст. – М., 1986. – С. 183–210.

Нуржанов А.А. Зубная щетка из городища Кастек // VII Халиковские чтения: средневековые археологические памятники Поволжья и Урала: проблемы исследований, сохранения и музеефикации: мат.-лы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию Билярской археол. экспедиции. – Казань: Изд. дом «Казанская недвижимость»; ИА им. А.Х. Халикова АН РТ, 2017. – Т. 1. – С. 267–270. – (Археология евразийских степей).

References

Kyzlasov I.L. Askizskaya kul'tura Yuzhnoi Sibiri. X–XIV vv. Moscow: Nauka, 1983, 127 p. URL: <https://nbdx.ru/pdf/bx0000388.pdf> (Accessed: 23.10.2020) (Svod arkheologicheskikh istochnikov; iss. E3-18) (In Russ.).

Kyzlasov L.R., Korol' G.G. Dekorativnoe iskusstvo srednevekovykh khakasov kak istoricheskii istochnik.

Moscow: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, 1990, 216 p. URL: <https://nbdx.ru/pdf/bx00000156.pdf> (Accessed: 23.10.2020) (In Russ.).

Kyzlasov L.R., Martynov S.V. Iz istorii proizvodstva posudy v Yuzhnoi Sibiri v VI–IX vv. In *Vostochnyi Turkestan i Srednyaya Aziya v sisteme kul'tur drevnego i srednevekovogo Vostoka: sbornik statei*. Moscow, 1986, pp. 183–210. URL: <http://kronk.spb.ru/library/1986-m-vtsa.htm> (Accessed: 23.10.2020) (In Russ.).

Nurzhanov A.A. Zubnaya shchetka iz gorodishcha Kastek. In *VII Khalikovskie chteniya: srednevekovye arkheologicheskie pamyatniki Povolzh'ya i Urala: problemy issledovaniya, sokhraneniya i muzeifikatsii. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 50-letiyu Bilyarskoi arkheologicheskoi ekspeditsii*. Kazan: Izdatel'skii dom "Kazanskaya nedvizhimost'", Institut arkheologii im. A.Kh. Khalikova AN RT, 2017, vol. 1, pp. 267–270. (Arkheologiya evraziiskikh stepei). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zubnaya-schetka-iz-gorodishcha-kastek/viewer> (Accessed: 23.10.2020) (In Russ.).

Vasyutin A.S., Vasyutin S.A., Onishchenko S.S. Kaltyshinskii arkheologicheskii mikroraion v kontse VIII – pervoi polovine IX v. n.e.: priroda i kul'tura (stepnoe Prisalair'e). Kemerovo: OFSET, 2012, 213 p. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32353196> (Accessed: 23.10.2020) (In Russ.).

Vybornov A.V. Nauchnyi otchet ob arkheologicheskoi razvedke v zone stroitel'stva vtorykh putei na peregonakh Birikchul–Yugachi, Yugachi–Kazanovskaya Krasnoyarskoi zheleznoi dorogi v Askizskom raione Respubliki Khakasiya v 2019 godu: in 2 vol. Novosibirsk, 2020, 398 p. (In Russ.).

Дудко А.А. <https://orcid.org/0000-0003-2253-5658>
Васильева Ю.А. <https://orcid.org/0000-0003-4955-2749>
Понедельченко Л.О. <https://orcid.org/0000-0003-0567-1754>
Кишкурно М.С. <https://orcid.org/0000-0002-0309-7413>
Выборнов А.В. <https://orcid.org/0000-0002-9063-5223>

**О.А. Митько^{1,2}, В.С. Зубков^{1,3}, А.И. Поселянин^{1,3},
Я.В. Фролов^{1,4}, Ю.В. Тетерин², А.А. Морозов¹,
И.С. Половников^{1,2}, В.А. Чертыков¹, А.В. Выборнов¹✉**

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

²Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

³Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова
Абакан, Россия

⁴Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия

E-mail: omitis@gf.nsu.ru; vybornov@archaeology.nsc.ru

Предварительные результаты раскопок тагарских курганов могильника Казановка-6 в Аскизском районе Республики Хакасии

В публикации приводятся материалы исследования 12 курганов тагарской культуры курганного могильника Казановка-6, который насчитывает 40 отдельных погребальных объектов, имеющих разные размеры и формы. Раскопки проводились в Аскизском р-не Республики Хакасии в рамках спасательных работ в зоне планируемого строительства второго железнодорожного пути. Исследована часть северной половины могильника. Из крупного ряда курганов с большой земляной насыпью, протянувшегося между подошвами гор Аар-таг и Чоллыгпил, исследован кург. 4, который относится к сарагашенскому этапу тагарской археологической культуры, остальные – к более раннему времени. В насыпи кург. 4 обнаружены три отдельных детских захоронения и три склепа. Зафиксированы следы перестройки каменной ограды при их последовательном сооружении. Среди памятников более раннего времени (VII–VI вв. до н.э.) выделена группа «индивидуальных» курганов с одной могильной ямой, расположенной в центре каменной ограды. Вторую группу составляют семейные кладбища, насчитывающие от трех до восьми отдельных могил с захоронениями взрослых и детей. Анализ их структуры позволяет установить последовательность захоронений и судить о характере социальных связей. Выделяется своей конструкцией и размерами кург. 21, представляющий собой ограду, полностью заполненную каменной кладкой, перекрывающей одну крупную могильную яму. В кург. 21 вместе с человеком была похоронена собака. Большая часть погребений ограблена. В сохранившихся могилах обнаружены бронзовое полноразмерное оружие для ближнего боя (топоры и кинжалы), пластинчатые ножи, зеркала. Керамическая посуда представлена различными типами, но преобладают крупные сосуды (до 40 см в диаметре) баночной формы, украшенные под венчиком широкими желобками. Умерших женщин хоронили с роговыми гребнями, каменными и пастовыми бусами.

Ключевые слова: Республика Хакасия, Аскизский р-н, д. Казановка, ранний железный век, тагарская культура, подгорновский этап, сарагашенский этап, бронзовое оружие.

**Oleg A. Mitko^{1,2}, Valery S. Zubkov^{1,3}, Alexander I. Poselyanin^{1,3},
Yaroslav V. Frolov^{1,4}, Yuri V. Teterin², Anatoly A. Morozov¹,
Ivan S. Polovnikov^{1,2}, Vladimir A. Chertykov¹, Anton V. Vybornov¹✉**

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

²Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia

³Katanov State University of Khakassia,
Abakan, Russia

⁴Altai State University,
Barnaul, Russia

E-mail: omitis@gf.nsu.ru; vybornov@archaeology.nsc.ru

Preliminary Results of Excavations of the Tagar Kurgans at Kazanovka-6 Burial Ground in the Askizsky District of the Republic of Khakassia

This publication provides materials from the study of 12 kurgans of the Tagar culture of the Kazanovka-6 kurgan burial ground, numbering 40 separate burial objects of various sizes and shapes. Excavations were carried out in the Askizsky district of the Republic of Khakassia as part of rescue work in the zone of the planned construction of the second railway track. A part of the northern half of the cemetery was examined. From a large row of mounds with a large earth wall extending between the soles of the Aar-Tag and Chollygpil mountains, one kurgan 4, which belongs to the Saragashen stage of the Tagar archeological culture, and the rest – to an earlier time, was investigated. Three separate children's burials and three crypts were discovered in the embankment of kurgan 4. In their successive construction, traces of stone fence reconstruction were recorded. Among the sites of earlier times (7th to 6th centuries BC), a group of "individual" burial mounds with one grave pit located in the center of the stone fence was identified. The second group consists of family cemeteries with three to eight separate graves of adults and children. Analysis of their structure allows establishing the sequence of graves and noting the nature of social ties. It is distinguished by its structure and size of kurgan 21, which is a fence completely filled with masonry overlapping one large grave pit. A dog was buried in kurgan 21 together with a man. Most of burials were robbed. In the surviving graves, full-size bronze weapons for close combat (axes and daggers), plate knives as well as mirrors were found. Ceramic dishes are of different types, but predominant large vessels (up to 40 cm in diameter) are can-shaped, decorated under a whisk with wide grooves. Horn ridges, stone and paste beads accompanied deceased women.

Keywords: Republic of Khakassia, Askizsky district, Kazanovka village, Early Iron Age, Tagar culture, Podgornovsky stage, Saragashen stage, bronze weapons.

В полевом сезоне 2020 г. проведены археологические раскопки курганного могильника Казановка-6 в зоне планируемого строительства объекта «Второй путь на перегоне Югачи–Казановская Красноярской железной дороги» в Аскизском р-не Республики Хакасия. В 2019 г. границы этого объекта были определены в ходе археологической разведки ИАЭТ СО РАН [Выборнов, Чертыков, 2019]. Памятник расположен на правом берегу р. Аскиз в 0,3 км к югу от с. Казановка. Могильник насчитывает 40 курганов, имеющих разные размеры и форму и занимающих равнинный степной участок между подошвами гор Аар-таг, Чоллыгпил и Толдогей. В зону археологических работ входило 14 отдельных объектов, расположенных с обеих сторон от железной дороги. Из них 12 (раскопы № 4, 5, 8–10, 12–14, 21, 21в, 22) относились ко времени раннего железного века. Их насыпи прилегали к ограждению и кюветам железной дороги (рис. 1) и в течение длительного времени подвергались интенсивному антропогенному воздействию (по ним проходили заграждения железной дороги, траншеи кабелей связи, снегозащитные лесонасаждения, противопожарная опашка, подъездные дороги и т.п.).

Курган 4, крайний среди курганов северной группы, подлежащей аварийно-спасательным раскопкам, находился на невысокой гриве. Размеры насыпи: по линии восток – запад ок. 34–35 м, по линии север – юг 30–31 м, высота от уровня полы кургана до его вершины до 1,7 м.

Насыпь кургана полностью перекрывала ориентированную по сторонам света ограду прямоугольной в плане формы, состоящую из крупных

массивных плит, установленных на ребро в вертикальном положении. При снятии насыпи кургана у северо-восточной угловой стелы с внешней (северной) стороны обнаружена небольшая грунтовая яма (объект 1), в которой находился плоскодонный керамический сосуд баночной формы. По верхней части его тулова нанесен орнамент в виде пояса из вдавлений треугольной формы. В заполнении сосуда обнаружены мелкие фрагменты ребер животного (предположительно овцы). Также при снятии насыпи были зафиксированы три детских захоронения (впускные погребения 1–3).

После выхода на уровень древней погребенной поверхности было выявлено, что насыпь кургана перекрывала две разновременные каменные ограды, которые перестраивались по мере совершения захоронений (рис. 2). На площади первой из оград (более ранней) находились две большие могилы-склепа, ориентированные по сторонам света.

Могила-склеп 1 прямоугольной в плане формы (размеры 4,6 × 4,4 × 1,2 м), с бревенчатым перекрытием, срубом и полом. Погребения потревожены грабителями, предположительно в склепе было захоронено минимум шесть человек (взрослые, подростки, дети). Археологический материал представлен четырьмя керамическими сосудами, бронзовым шилом и мелкими украшениями (бляшки полусферической формы, бусина и имитация раковины каури). По времени этот склеп сооружен раньше могилы-склепа 3, но позже могилы-склепа 2.

Могила-склеп 2 (размеры 4,7 × 4,4 × 1,3 м) имела аналогичное устройство. В заполнении могильной ямы были найдены разрозненные останки

Рис. 1. Курганный могильник Казановка-6. Общий вид с востока.

Рис. 2. Курганный могильник Казановка-6. Кург. 4 после снятия насыпи. Вид с запада.

погребенных, на дне обнаружены костные останки как минимум трех человек. Сопроводительный инвентарь состоял из трех плоскодонных неорнаментированных сосудов баночной формы. Изделия из бронзы представлены пластинчатым ножом с 890

навершием сердцевидной формы, шилом с гвоздевидной шляпкой и иглой. Все три предмета лежали компактной группой на дне могильной ямы.

Более поздняя по времени сооруженная могила-склеп 3 (размеры $4,5 \times 4 \times 1,4$ м) расположена

западнее могилы-склепа 2. При ее строительстве была частично разобрана западная стенка более ранней огады. Бревенчатое перекрытие могилы и сруб разрушены грабительским лазом. На дне в разрозненном состоянии находились кости четверых взрослых и троих детей. Наибольшее скопление зафиксировано в центральной части. Археологический материал немногочислен: украшение в виде бронзовой подвески конусовидной формы, бронзовый нож (поврежден) с подтреугольным окончанием рукояти, фрагмент бронзовой полусферы, альчик овцы со сквозным отверстием и фрагменты от четырех плоскодонных сосудов баночной формы (зона венчика украшена тонкими параллельно прочерченными линиями).

По основным типологическим характеристикам конструкции погребального сооружения и сопроводительному инвентарю кург. 4, можно отнести к сарагашенским памятникам тагарской культуры и предварительно датировать его в пределах V–IV вв. до н.э.

Остальные исследованные погребальные объекты относятся к более раннему времени. При этом курганы 5, 8 и 22 имели относительно небольшие размеры насыпей (до 20 м в диаметре), невысокие огады (до 0,25 м) и по одной могильной яме. В устройстве могил использовались деревянные перекрытия, ямы близких размеров (ок. 4 × 2,5 × 1,5 м), их стенки облицовывали установленными на ребро в два ряда плитами песчаника различной формы, образующими своеобразный каменный ящик.

В могиле кург. 5 был захоронен взрослый мужчина (старше 65 лет), его останки потревожены, но удалось установить, что он покоился в вытянутом положении на спине, с руками вдоль туловища, головой в направлении на запад. Вместе с ним обнаружены остатки заупокойной пищи: две лопатки, кости ноги и несколько ребер овцы, а также фрагменты двух керамических сосудов. В грабительском выбросе из могильной ямы найдено бронзовое зеркало (диаметр 6 см) с петлей на обратной стороне.

В могиле кург. 8 зафиксированы останки двух погребенных (предположительно мужчины и женщины), которые были уложены головой на запад. В северо-западном углу находился большой баночный сосуд черного цвета, украшенный под венчиком широкими желобками. Также на своем первоначальном месте в юго-восточном углу могилы сохранились кости коровы (три ребра, лопатка, кости передней ноги), уложенные, вероятно, на деревянном блюде. При разборке каменной обкладки у северной стенки была найдена бронзовая полусферическая бляшка.

В могиле кург. 22 помимо стенок каменного ящика прослеживались остатки одновенцового деревянного сруба. На дне был обнаружен скелет взрослого человека в нарушенном анатомическом порядке. Предположительно, погребенный лежал головой на запад. Из сопроводительного инвентаря на дне могилы были найдены поврежденный плоскодонный керамический сосуд баночной формы (ниже венчика по верхней части тулова нанесен орнамент в виде двух рядов широких желобков) и бронзовый вток цилиндрической формы с четырьмя прорезями в основании. Также были зафиксированы кости овцы (лопатка и плечевая кость) и ребра крупного рогатого животного.

В отдельную типологическую группу раннетагарских погребальных комплексов можно включить кург. 9, 10, 12–14, 22, а также два кургана с сильно нарушенными насыпями и оградками в раскопе 21в, представлявшие собой, по нашему мнению, семейные некрополи. При схожести с курганами первой группы по размерам насыпей для них характерны более сложные каменные конструкции. Помимо основной огады они состоят из дополнительно пристроенных оградок и отдельных захоронений детей в каменных ящиках и мелких грунтовых могилах, что может свидетельствовать о хронологической дискретности заполнения подкурганного пространства.

Последовательность захоронения взрослых и детей хорошо иллюстрируется на примере кург. 12, под насыпью которого, в пределах огады и за ее стенками, насчитывалось 8 могил. Могилы с погребениями взрослых людей были размещены следующим образом. Первое захоронение (мог. 1) располагалось в центральной части площади основной огады, последующие захоронения произведены последовательно сначала в мог. 8 (внутри курганной огады), а затем в мог. 3 (уже за ее пределами). Обращает на себя внимание тот факт, что все эти три могилы образуют ряд, идущий в общем направлении с севера на юг. Детские погребения совершены вокруг мог. 1 и 2 как внутри курганной огады, непосредственно у ее стенок (мог. 5–7), так и с внешней стороны (мог. 3, 4). На наш взгляд, кург. 12 являлся небольшим семейным кладбищем близких родственников. Подобную картину можно наблюдать и при рассмотрении структуры захоронений в кург. 10, 13 и 14.

Материалы раскопок кург. 9, где в пределах огады были зафиксированы три могильные ямы, содержавшие одиночные и коллективные захоронения, и два детских – за северной стенкой огады, отражают особенности социальных связей населения раннетагарского времени. Доминирующее центральное положение в структуре кургана зани-

мала мог. 1, но о высоком положении погребенного можно судить лишь по одной уцелевшей после ограбления находке небольшого фрагмента металлической фольги желтого цвета. В непогребенной грабителями мог. 2 (слева от центральной могилы) находилось одиночное погребение взрослого мужчины с набором оружия ближнего боя (кинжал и кевец). В мог. 3 (справа от центральной могилы) – трех взрослых и младенца. Положение скелета одного из взрослых (женщины, скорченно, на правом боку) отличалось от положения тел двух других взрослых (мужчины и женщины, вытянуто, на спине) (рис. 3). При этом если погребальный инвентарь мужчины и женщины помимо крупных керамических сосудов состоял из зеркала и трех комплектов полноразмерного бронзового оружия ближнего боя (рис. 4), то лежавшую в их ногах женщину сопровождали небольшим сосудом, бронзовым ножом и костяным гребнем.

На наш взгляд, захоронения в мог. 3, как и в кург. 9 в целом, дают основания не только для выделения в качестве социальных слоев двух «устойчиво доминирующих» групп тагарского общества –

свободных воинов-«общинников» (вместе с членами их семей) и привилегированной верхушки (элиты), но и расширения представлений о социальной структуре за счет погребений, «условно называемых бедными», которых, как считают исследователи, «практически нет» [Савинов, 2012, с. 98]. Возможно, институт семьи в тагарской культуре мог представлять собой систему «расширенных семей», основанных как на браке и родстве, так и на различного рода социальных связях, с включением в их состав «зависимых» слуг (или «бывших зависимых»). Примечательно, что украшенный циркульным орнаментом роговой гребень женщины, занимающей в мог. 3 подчеркнуто подчиненное положение, относится к «типично тагарским» [Вадецкая, 1986, табл. VI А, 13, Б 9; VII, 8; Александров, Боковенко, Смирнов, 2014, рис. 42, 1]. Подобные гребни отличаются от карасукских и получают широкое распространение в «скифском хронологическом горизонте» (баиновский и подгорновский этапы) [Поляков, 2005, с. 108]. Типологически близкое изделие было обнаружено в женском захоронении кург. 12 (мог. 2) исследуемого могильника, где

Рис. 3. Курганный могильник Казановка-6. Кург. 9, мог. 3.

Рис. 4. Курганный могильник Казановка-6. Кург. 9, мог. 3. Погребальный инвентарь (бронза).
1–3 – топоры; 4 – вток; 5 – зеркало; 6, 7 – кинжалы; 8, 9 – ножи.

оно находилось вместе с головным ножом. Из состава погребального инвентаря также выделяется небольшой фрагмент кожи с тонко вышитым на нем орнаментом в виде четырех лепестков (рис. 5), который можно отнести к ярким образцам художественно-прикладного искусства древнего населения железного века Южной Сибири.

В целом же кург. 5, 8–10, 12–14, 21 и 22 по своей архитектуре (устройству курганной ограды, характеру внутримогильных и надмогильных конструкций, положению умершего в могиле) и сопроводительному инвентарю (керамические сосуды, бронзовые изделия, включая украшения, зеркала, оружие) в культурно-хронологическом плане принадлежат подгорновским памятникам тагарской археологической культуры. Предварительно они относятся к VII–VI вв. до н.э. Для курганов из раскопа 21в мы предполагаем более раннюю датировку – VIII в. до н.э. – в связи с максимальной планиграфической близостью к погребальным объектам позднего бронзового века, отсутствием стел, наличием в погребениях ножей с навершием в виде срезанного кольца.

К VII–VI вв. до н.э. относится кург. 21, хотя его конструкция отличается от устройства большинства погребальных объектов тагарской культуры. В ходе раскопок под земляной насыпью кургана была открыта сплошная системная плотная кладка из массивных плит, перекрывавшая все пространство прямоугольной ограды (размеры 12,2 × 11,2 м, ориентирована по сторонам света, с небольшим отклонением) и «нестандартную» могильную яму прямоугольной формы (4 × 2,5 × 1,5 м). Аналогичную строительную традицию можно отметить и в конструкции кург. 22, имевшего, однако, небольшие размеры и кладку из мелких камней, в значительной степени уничтоженную грабителями. Наибольшая же близость прослеживается в устройстве кург. 4 могильника Чергатинский-1, расположенного на севере Хакасии. Прямоугольная ограда этого памятника также была перекрыта сплошным плотным каменным панцирем, что нетипично для подгорновских памятников [Александров, Боковенко, Смирнов, 2014, рис. 39, 40].

Погребение было ограблено, но на дне могилы сохранились в сочленении кости скелета мужчины, лежащего на спине. Останки второго погребенного были зафиксированы среди костей животных (коровы и барана). Там же находились многочисленные фрагменты раздавленного плоскодонного сосуда баночной формы, украшенного под венчиком широкими желобками. В юго-западном углу в непо потревоженном состоянии был зафиксирован скелет собаки, уложенной на боку, черепом на восток. Рядом с ним найдена серьга, изготовленная из

Рис. 5. Курганный могильник Казановка-6. Кург. 9, мог. 3. Фрагмент кожаного изделия с вышивкой.

желтого металла. Она представляет собой колечко, свитое из золотой проволоки, с конусовидной литой подвеской. За западной стенкой ограды кургана были выявлены еще два погребения – взрослого и ребенка. Они были совершены позднее основных захоронений, и, вероятно, мощное каменное перекрытие стало препятствием для их захоронения в пределах ограды.

Погребения собак в тагарских курганах – довольно распространенное явление. Известно более ста случаев находок как непосредственно захоронений, так и костей собак. При этом животное могло рассматриваться в качестве «живого инвентаря», собственности погребенного человека [Кузнецов, Худяков, 1989].

Раскопанная часть курганного могильника Казановка-6, судя по предварительной оценке полевых наблюдений и атрибуции археологических предметов, представляет собой разнообразный комплекс погребальных объектов тагарской культуры от самых ранних ее стадий до сарагашенского этапа (по классификации М.П. Грязнова). С одной стороны, они демонстрируют определенную оригинальность конструктивных и погребальных традиций, с другой – являются частью хорошо известной по раскопкам, в том числе в ближайшей округе, тагарской курганной культуры.

Благодарности

Авторы искренне благодарны Н.А. Боковенко, С.В. Александрову и А.В. Полякову за советы и консультации при исследовании памятника. Культурно-хронологическая атрибуция и интерпретация мате-

риалов археологических полевых работ выполнены в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № 0329-2019-0007 «Изучение, сохранение и музеефикация археологического и этнокультурного наследия Сибири».

Список литературы

Александров С.В., Боковенко Н.А., Смирнов Ю.А. Археологические памятники долины Черного Июса на севере Хакасии. – СПб.: ЭлекСис, 2014. – 154 с.

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – 179 с.

Выборнов А.В., Чертыков В.А. Археологические разведки в долине реки Аскиз и окрестностях горы Терская в Республике Хакасия в 2019 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. XXV. – С. 766–773.

Кузнецов Н.А., Худяков Ю.С. Ритуальные захоронения собак в тагарских курганах // Археологические исследования в Сибири. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 1989. – С. 49–50.

Поляков А.В. Гребни из комплексов карасукской культуры // Западная и Южная Сибирь в древности. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2005. – С. 102–111.

Савинов Д.Г. Памятники тагарской культуры Могильной степи (по результатам археологических исследований 1986–1989 гг.). – СПб.: ЭлекСис, 2012. – 180 с.

References

Aleksandrov S.V., Bokovenko N.A., Smirnov Yu.A. Arkheologicheskie pamyatniki doliny Chernogo Iyusa

na severe Khakasii. St. Petersburg: ElekSis, 2014, 154 p. (In Russ.).

Kuznetsov N.A., Khudyakov Yu.S. Ritual'nye zakhoroneniya sobak v tagarskikh kurganakh. In *Arkheologicheskie issledovaniya v Sibiri*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 1989, pp. 49–50. (In Russ.).

Polyakov A.V. Grebni iz kompleksov karasuksoi kul'tury. In *Zapadnaya i Yuzhnaya Sibir' v drevnosti*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2005, pp. 102–111. (In Russ.).

Savinov D.G. Pamyatniki tagarskoj kul'tury Mogil'noi stepi (po rezul'tatam arkheologicheskikh issledovanii 1986–1989 gg.). St. Petersburg: ElekSis, 2012, 180 p. (In Russ.).

Vadetskaya E.B. Arkheologicheskie pamyatniki v stepyakh srednego Eniseya. Leningrad: Nauka, 1986, 179 p. (In Russ.).

Vybornov A.V., Chertykov V.A. Archaeological exploration in the valley of the Askiz River and the vicinity of Mount Terskaya in the Republic of Khakassia in 2019. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019, vol. XXV, pp. 766–773. doi:10.17746/2658-6193.2019.25.766-773. (In Russ.).

Митько О.А. <https://orcid.org/0000-0002-7741-3167>

Зубков В.С. <https://orcid.org/0000-0002-7505-6231>

Поселянин А.И. <https://orcid.org/0000-0001-9746-9291>

Фролов Я.В. <https://orcid.org/0000-0001-7259-2840>

Тетерин Ю.В. <https://orcid.org/0000-0001-8248-6689>

Морозов А.А. <https://orcid.org/0000-0002-5545-8356>

Половников И.С. <https://orcid.org/0000-0002-2654-9283>

Чертыков В.А. <https://orcid.org/0000-0002-3240-0311>

Выборнов А.В. <https://orcid.org/0000-0002-9063-5223>

И.С. Половников^{1, 2✉}, А.А. Дудко¹, Ю.А. Васильева¹

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

²Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

E-mail: polis.sib@gmail.com

Находки изделий косторезного производства на могильнике Казановка-10 в Аскизском районе Республики Хакасии

В статье представлен анализ косторезного сырья, костяных и роговых изделий из слоя средневековой стоянки, обнаруженной на территории объекта археологического наследия «Могильник Казановка-10». В ходе полевых археологических работ обнаруженный материал позволил определить объект как стояночный комплекс. Описан косторезный комплекс предметов из различных материалов. Общее количество изделий из рога и кости – 77 экз., дана их краткая характеристика. Проанализирован участок раскопа 20, в котором наблюдалась концентрация косторезной продукции. Половина готовых изделий и заготовок для косторезного дела происходит с этого участка памятника, в их числе и большинство черешковых наконечников стрел. Здесь встречены роговые заготовки со следами двух способов отсечения рога. Полученные данные позволяют поставить вопрос о существовании мастерской по обработке кости и рога у средневекового населения стоянки. В участке раскопа 42 среди косторезного сырья обнаружены два костяных изделия плохой сохранности. По отдельным признакам они отнесены к заготовкам бытовых предметов. Сделаны наблюдения по обработке заготовок из рога и кости металлическим инструментом на двух пластинах, происходящих из участков раскопов 40 и 49. Среди наиболее ярких находок следует отметить три предмета. Это фрагмент подвески T-образной формы, фрагмент браслета и фрагмент рукояти щетки. По стилистическим особенностям первые две находки отнесены к таптыкскому времени, что является нижней хронологической границей памятника. Последнее изделие служит основанием для определения его верхней границы (XIII–XIV вв.).

Ключевые слова: Республика Хакасия, Аскизский р-н, стоянка, эпоха Средневековья, косторезное производство, рог косули, обработка металлическим инструментом, железный нож.

Ivan S. Polovnikov^{1, 2✉}, Aleksandr A. Dudko¹, Yulia A. Vasileva¹

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

²Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia

E-mail: polis.sib@gmail.com

Analysis of Bone Carving Production from the Kazanovka-10 Burial Site (Askizsky District of the Republic of Khakassia)

The article provides an analysis of bone-carving raw materials from a layer of a medieval site discovered in the territory of the archaeological heritage site “Kazanovka-10 Burial Ground.” A complex of the objects made of horn and bone is described. The total number of items made of horn and bone is 75, their brief description is provided. Excavation site 20 with the concentration of bone-carving products was analyzed. Half of the finished products and blanks for bone carving come from this area of the site, including most of the petiole arrowheads. Horny blanks with the traces of two ways of cutting off the horn were found here. The obtained data make it possible to raise the question of the existence of a workshop

for processing bones and horns among the medieval population of the site. In excavation site 42, among the bone-carving raw materials, two poorly preserved bone products were found. According to some criteria, they are classified as blanks of household items. Observations were made on the processing of blanks of horn and bone with a metal tool on two plates originating from excavation sites 40 and 49. Among the most striking finds of the site, three bone objects should be noted. These include a fragment of a T-shaped pendant, a fragment of a bracelet, and a fragment of a brush handle. In terms of stylistic features, these finds are attributed to the Tashtyk time, which is the lower boundary of the site. A fragment of the brush handle serves as a basis for determining the upper boundary of the complex (13th to the 14th centuries).

Keywords: Republic of Khakassia, Askizsky district, Kazanovka-10 medieval site, bone-carving production, roe deer horn, metal tool processing, iron knife.

В полевом сезоне 2020 г. отрядом «Казановский-10» Аскизской экспедиции ИАЭТ СО РАН под руководством А.В. Выборнова были проведены спасательные археологические работы на территории выявленного объекта археологического наследия «Могильник Казановка-10» в зоне предстоящего выполнения проекта «Второй путь на перегоне Югачи–Казановская Красноярской железной дороги» в Аскизском р-не Республики Хакасии. Памятник располагается на небольшом увале у подошвы пологого склона над поймой правого берега р. Аскиз в 0,26 км к северо-западу от крайних строений с. Казановка, в 1 км к северо-западу от о.п. Историческая на перегоне Междуреченск–Тайшет Красноярской железной дороги. Общая площадь раскопа, исследованного в 2020 г., составила 2 903,37 м². Раскоп был поделен на 61 участок. В ходе изучения археологического материала объект был определен как стояночный комплекс (см. статью А.А. Дудко и др. «Результаты спасательных археологических раскопок на могильнике Казановка-10 в Аскизском районе Республики Хакасии в 2020 году» в настоящем сборнике). На памятнике зафиксированы три слоя, из которых слой 2 содержал в кровле археологический материал средневекового стояночного комплекса последней трети I – начала II тыс. н.э. Впоследствии он был перекрыт слоем 1, который сформировался в результате техногенного воздействия и включает в себя археологический материал, бытовой и строительный мусор д. Казановка первой половины XX в.

В данной статье представлен анализ косторезного сырья из слоя средневековой стоянки памятника «Могильник Казановка-10» и сделано предположение о наличии здесь временной мастерской по обработке кости и рога. Ранее на территории Хакасско-Минусинской котловины косторезные мастерские не выделяли, поэтому необходимо ввести полученные данные в научный оборот. Косторезному делу эпохи палеометалла данной территории посвящена работа А.П. Бородавского [2007].

На памятнике было обнаружено большое количество косторезного сырья (преимущественно

но колотая трубчатая кость), зафиксированного на 32 участках раскопа. Среди материала удалось выделить 16 готовых изделий и 59 заготовок, найденных на 16 участках раскопа (№ 19, 20, 24, 25, 33–35, 40–43, 45, 48, 49, 56, 61). Следует подчеркнуть, что наибольшая концентрация находок отмечается на двух участках раскопа (рис. 1). При этом участок № 45 содержал большое количество керамики, однако костного материала в нем зафиксировано немного.

Наибольшее количество находок было обнаружено на расположенном в северо-восточной части раскопа участке № 20. Материалом для них служили цельный рог (марала, косули) и кость. При работе с рогом брались различные его части: отростки, ветви. Средняя длина заготовок 5 см, на некоторых заготовках видны следы двух основных способов отсечения рога: круговая подсека и подпрямоугольное по форме вырубание.

Среди заготовок следует выделить окончание отростка (2,8 × 1,2 × 0,9 см), на одной стороне которого грубо вырезано углубление. Предположительно, заготовка предназначалась для цурки – застежки от ремennых пут, трапецевидной формы, с несомкнутым верхним краем над выемкой для ремня (рис. 2, 5). Близкие аналоги подобных изделий встречаются в погребальных комплексах второй половины IV – первой половины V в. н.э. на территории Горного Алтая (Яломан II, Дялян, Степушка I) [Тишкин, Матренин, 2013, с. 66, рис. 3, 21–23].

Представляет интерес также другое окончание рога (6,9 × 2 × 1,6 см), один край которого вытянут и заострен. Изделие могло служить для развязывания узлов (рис. 3, б). На площади участка найдены еще два изделия из рога бочонковидной формы. У первого (4 × 2,6 × 2,5 см) стесан нижний край (рис. 3, 5), у другого (2,5 × 1,9 × 1,7 см) убрано губчатое вещество (рис. 3, 3).

Среди находок выделяется небольшой фрагмент изделия подпрямоугольной формы (4,1 × 2,1 × 0,9 см), на лицевой стороне которого нанесен орнамент в виде извилистой линии. Рабочим инструментом служил нож.

Большую часть обнаруженных предметов составляют черешковые наконечники стрел (12 экз.), причем девять из них происходят с участка № 20 (рис. 3, 7–10). Помимо законченных изделий обнаружены две костяные заготовки наконечников стрел.

На других участках комплекса число готовых предметов и заготовок из кости и рога значительно меньше. На расположенном западнее участке № 19 были обнаружены всего один черешковый наконечник стрелы и пять роговых заготовок.

Помимо охотничьих стрел среди отходов и заготовок косторезного производства были найдены предметы быта: фрагмент изделия из кости (гребень ?) с тремя сквозными отверстиями (2,8 × 1,9 × 0,2 см), на поверхности которого наблюдаются многочисленные сколы и трещины (рис. 3, 2).

На участке № 42, расположенном в юго-западной части памятника, помимо черешкового наконечника стрелы и шести заготовок (одной роговой и пяти костяных) зафиксирован фрагмент рукояти щетки. Рукоять выполнена из рога (размеры 5,6 × 1,2 × 0,5 см), сохранилась рабочая часть подовальной формы, в которой проделаны три ряда сквозных отверстий. находка данного предмета послужила основанием для определения верхней хронологической границы комплекса (XIII–XIV вв.) (см. статью А.А. Дудко и др. «Результаты спасательных археологических раскопок на могильнике Казановка-10 в Аскизском районе Республики Хакасии в 2020 году» в настоящем сборнике).

По отдельным характерным признакам к предметам быта отнесены два костяных изделия, обнаруженные в той же части раскопа и дошедшие до нас в руинированном состоянии. Один из них (8 × 2 × 1 см) является разрушенной половиной трубчатой кости, в ее верхней части просверлено сквозное отверстие диаметром 0,5 см. Предположительно, данный предмет являлся частью мочеотводной трубки (см. рис. 2, 2). Подобные изделия археологически зафиксированы на нескольких поселенческих, ритуальных и погребальных памятниках первой половины I тыс. н.э. на территории Саяно-Алтайской горной страны [Бородовский, 2018, с. 234]. Другая заготовка (10 × 2,5 × 1 см) сделана из ребра животного, грани которого обрезаются; возможно, она служила лоцилом. При этом

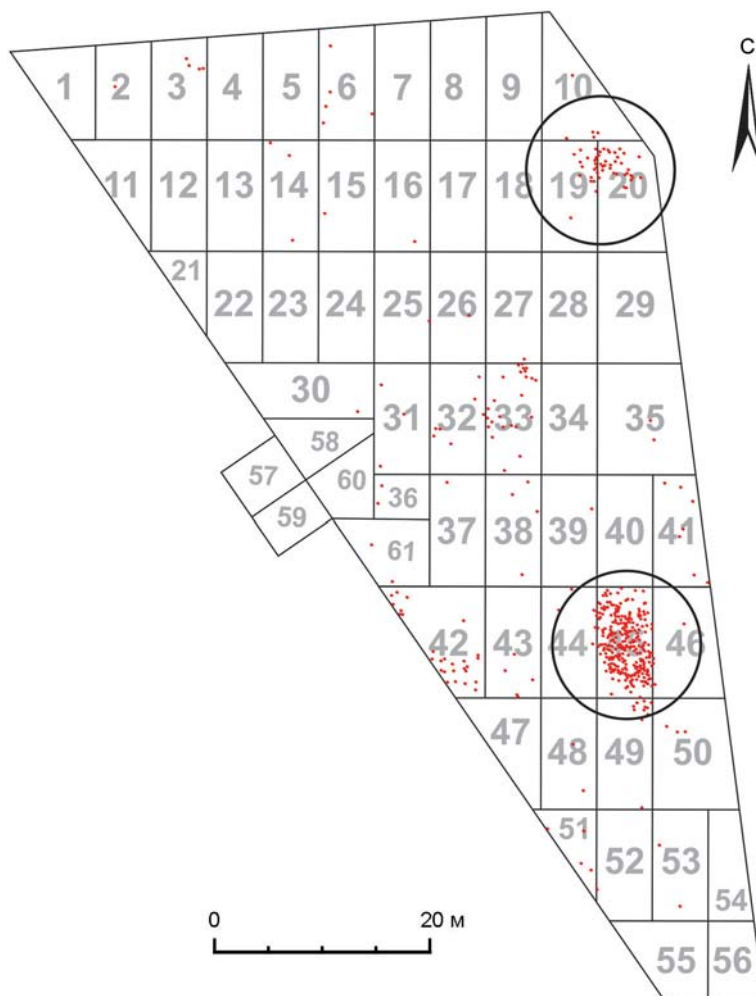

Рис. 1. Общий план раскопа выявленного могильника Казановка-10. Концентрация археологического материала на участках раскопа.

часть, которая должна была использоваться для заглаживания, оказалась разрушенной (см. рис. 2, 1).

Среди заготовок из других частей раскопа выделяются две пластины со следами обработки металлическими инструментами. Первая костяная (5,2 × 2,2 × 0,5 см) с участка № 40, подпрямоугольной формы, на одном из ее краев зафиксированы продольные следы пиления металлическим предметом (см. рис. 2, 3). Вторая из роговой ветви (15 × 3,5 × 2,5 см) с участка № 49, один конец обрезан острым ножом, глубина реза до 0,5 см (см. рис. 2, 7). Похожим способом изготовлена роговая пластина (разветвление) с участка № 20 (6,5 × 2,5 × 1,5 см), ее край срезан (см. рис. 2, 6). Одинарные роговые пластины изготавливались рассечением двух противоположных поверхностей. Типологически близкие заготовки фиксируются у мастеров древнего населения севера Сибири (Усть-Полуй) [Бородовский, 2012, с. 32].

Кроме того, среди материала с участка № 45 выделяется фрагмент роговой пряжки (2,5 × 2 × 0,5 см),

Рис. 2. Казановка-10. Изделия из кости и рога.

1 – ложило (?); 2 – фрагмент мочеотводной трубки (?); 3, 6, 7 – пластины; 4 – фрагмент пряжки; 5 – цурка-застежка (?).
1–3 – кость; 4–7 – рог.

он обломан с двух сторон и имеет следы эксплуатации (затертости) (см. рис. 2, 4). По небольшому фрагменту сложно определить форму пряжки, возможно, ближайшие аналогии можно обнаружить среди костяных пряжек средневековой аскизской культуры [Кызласов, 1983, с. 117, табл. XXIX, 12].

Еще одно изделие из кости животного (фаланга крупного копытного) с участка № 33 (размеры 3,9 × 2,1 × 1,8 см) имеет прорезанное отверстие с мелкой каменной фракцией внутри него (погре-

мушка ?) (см. рис. 3, 4). Другое изделие из кости животного (фаланга крупного копытного), в котором также прорезано отверстие, обнаружено на участке № 20 (размеры 8,4 × 5,7 × 3,2 см). Еще две обработанные кости животных (фаланги) встречены на участках № 34 и 48.

Наиболее яркими находками среди предметов из кости являются фрагмент подвески, обнаруженный на участке № 10 (см. рис. 3, 1) и фрагмент браслета (?), найденный на участке № 45 (см. ста-

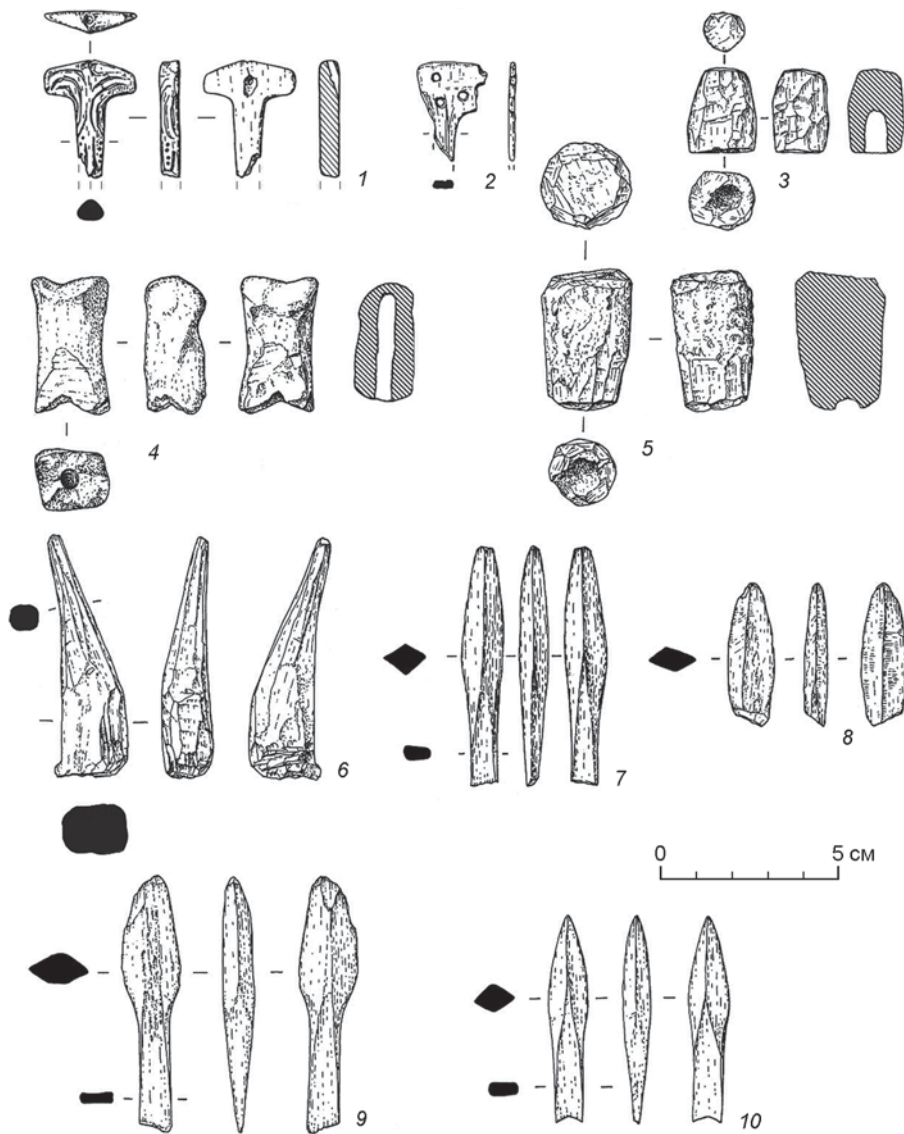

Рис. 3. Изделия из кости и рога с могильника Казановка-10.

1 – фрагмент подвески; 2 – фрагмент гребня (?); 3, 5 – изделия бочонковидной формы; 4 – погремущка (?); 6 – изделие с заостренным краем; 7–10 – черешковые наконечники стрел.

1, 3, 5, 6 – рог; 2, 4, 7–10 – кость.

тью А.А. Дудко и др. «Результаты спасательных археологических раскопок на могильнике Казановка-10 в Аскизском районе Республики Хакасии в 2020 году» в настоящем сборнике). Подвеска (3,2 × 2,7 × 0,7 см) имеет т-образную форму, в верхней части – отверстие для подвешивания, проделанное наклонно от двух противоположащих торцов изделия к его тыльной стороне, на лицевой стороне вырезан спиральный орнамент в виде волнистых линий. Нижний край утрачен в древности. Фрагмент браслета (?) (4,6 × 1,9 × 0,5 см) имеет прямоугольную форму, выпуклую в середине, края утрачены в древности, на лицевой стороне вырезан парный фигурный орнамент в виде спиралей (парные зеркально отраженные элементы).

По стилистическим особенностям орнамента оба предмета относятся к таштыкскому времени [Кызласов, Король, 1990, с. 20–21].

Анализируя косторезное сырье с древних стоянок Горного Алтая, А.П. Бородовский обратил внимание на то, что площадки первичной обработки рога марала отличались обилием отходов разделки рога (крупные фрагменты, щепы). При этом в местах на магистральных водных путях, где практиковалось круглогодичное обитание, отходы разделки сырья, заготовки и готовые изделия распределяются равномерно [Бородовский, 1995, с. 6].

Река Аскиз, на правом берегу которой находится стоянка, также относится к значимым водным путям западных предгорий Хакасии. Стоит отме-

тить, что изученная стоянка приурочена к району, расположенному в пограничной полосе таежной и лесостепной зон.

Преобладающая часть заготовок из рога, обнаруженных на памятнике, имеет небольшие размеры. Они могли использоваться в производстве, однако были утилизированы, что может свидетельствовать о потребности среди местного населения в заготовках более крупных размеров. По мнению А.П. Бородовского, чем меньше была естественная величина роговой заготовки, тем реже ее применяли для изготовления резных предметов [2007, с. 36].

Результаты анализа рассмотренной коллекции находок и отмеченная высокая концентрация материалов для косторезного производства на участке № 20 позволяют поставить вопрос о существовании у средневекового населения стоянки временной мастерской по обработке кости и рога.

Благодарности

Авторы благодарят канд. ист. наук О.А. Митько за советы и консультации при подготовке работы, а также канд. ист. наук А.В. Выборнова за возможность ознакомиться с материалом археологических раскопок 2020 г. Исследование проведено в рамках проекта НИР № 0264-2019-0010 «Реконструкция природных условий и способы адаптации к ним населения Евразии в четвертичном периоде».

Список литературы

Бородовский А.П. Методика исследования древних производственных площадок первичной обработки рога марала в Горном Алтае // Третьи исторические чтения памяти М.П. Грязнова: докл. Всерос. науч. конф. – Омск, 1995. – Ч. 2. – С. 6–9.

Бородовский А.П. Древний резной рог Южной Сибири (эпоха палеометалла). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – 176 с.

Бородовский А.П. Косторезные заготовки Усть-Полюя (по материалам исследований 2006–2011 гг.) // Археология Арктики. Мат-лы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию открытия памятника археологии «Древнее святилище Усть-Полуй». – Екатеринбург: Деловая пресса, 2012. – С. 30–35.

Бородовский А.П. Предметы младенческой гигиены хунно-сяньбийского времени Горного Алтая и куль-

турные связи древнего населения // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – С. 234–237.

Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири, X–XIV вв. – М.: Наука, 1983. – 128 с. – (Археология СССР: Свод археологических источников; вып. E3-18).

Кызласов Л.Р., Король Г.Г. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. – М.: Наука, 1990. – 216 с.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Воинское погребение раннежужанского времени на могильнике Степушка I в Центральном Алтае // КСИА. – 2013. – Вып. 231. – С. 59–71.

References

Borodovsky A.P. Metodika issledovaniya drevnikh proizvodstvennykh ploshchadok pervichnoi obrabotki roga marala v gornom Altae. In *Tret'i istoricheskie chteniya pamyati M.P. Gryaznova: Doklady Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii*. Omsk, 1995, vol. 2, pp. 6–9. (In Russ.).

Borodovsky A.P. Drevnii reznoi rog Yuzhnoi Sibiri (epokha paleometalla). Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2007, 176 p. (In Russ.).

Borodovsky A.P. Kostoreznye zagotovki Ust'-Poluya (po materialam issledovaniy 2006–2011 gg.). In *Arkheologiya Arktiki*. Yekaterinburg: Delovaya pressa, 2012, pp. 30–35. (In Russ.).

Borodovsky A.P. Objects of the Infantile Hygiene of the Hunnu-Syanbian Time in the Gorny Altai in the Context of Cultural Relations. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018, vol. XXIV, pp. 234–237. doi:10.17746/2658-6193.2018.24.234-237. (In Russ.).

Kyzlasov I.L. Askizskaya kul'tura Yuzhnoi Sibiri, X–XIV vv. M.: Nauka, 1983, 128 p. (Arkheologiya SSSR: Svod arkheologicheskikh istochnikov, iss. E3-18).

Kyzlasov L.R., Korol' G.G. Dekorativnoe iskusstvo srednevekovykh khakasov kak istoricheskii istochnik. Moscow: Nauka, 1990, 216 p. (In Russ.).

Tishkin A.A., Matrenin S.S. A warrior's burial of the Early Joujan period in the Stepushka I burial-ground in the Central Altai. *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 2013, iss. 231, pp. 59–71. (In Russ.).

Половников И.С. <https://orcid.org/0000-0002-2654-9283>

Дудко А.А. <https://orcid.org/0000-0003-2253-5658>

Васильева Ю.А. <https://orcid.org/0000-0003-4955-2749>

**А.В. Постнов¹, Д.А. Бычков¹✉, Е.В. Акимова¹,
В.В. Ахметов¹, Р.А. Мартюшов², А.Г. Марочкин^{3, 4},
П.В. Герман^{3, 4}, А.В. Веретенников³, И.А. Плац³**

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

²Новокузнецкий краеведческий музей
Новокузнецк, Россия

³Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН
Кемерово, Россия

⁴Кемеровский государственный университет
Кемерово, Россия
E-mail: bda.nsk@yandex.ru

Разведочные работы в левобережье нижнего течения р. Кондомы у поселка Тайлеп

На территории южной части Кузнецкой котловины известно значительное количество разнотипных археологических объектов, концентрирующихся в долинах рек. Одним из таких участков можно считать нижнее течение р. Кондомы, где со второй половины XX в. ведутся эпизодические исследования, направленные на поиск и изучение местонахождений периода позднего палеолита. В 2020 г. экспедицией ИАЭТ СО РАН проводились разведочные работы по уточнению сведений на двух таких объектах – поселениях Тайлеп-1 и -2. Основной задачей являлось определение границ распространения культурного слоя единого позднепалеолитического местонахождения, но формально разделенного на два объекта археологического наследия. Второй задачей было выявление шорского грунтового могильника, относящегося к п. Тайлеп. Для решения поставленных задач были выбраны три определяющих метода исследования: аэромагнитная съемка с беспилотного летательного аппарата, закладка стратиграфических разрезов на перспективных участках ландшафта и естественных обнажениях и единая для всего участка обследования геодезическая съемочная сеть. В результате применения междисциплинарного подхода были определены границы распространения культурного слоя на позднепалеолитическом местонахождении на площади порядка 5,5 тыс. м², определен стратиграфический контекст залегания материальных остатков этого времени и проведена топографическая съемка на участке расположения данного объекта. Благодаря использованию классических методов полевых археологических работ и инновационных малоинвазивных технологий, удалось локализовать месторасположение невыраженного в современном ландшафте грунтового могильника, оставленного шорским населением п. Тайлеп. Для обеспечения необходимой общей точности полевых измерений при проведении настоящих работ и планируемых в дальнейшем археологических раскопок, на участке обследования площадью 4,7 га была создана съемочная геодезическая сеть путем замкнутого теодолитного хода.

Ключевые слова: Кузбасс, Кондома, Тайлеп, поздний палеолит, местонахождение, Новейшее время, грунтовый могильник, разведка.

**Aleksander V. Postnov¹, Dmitry A. Bychkov¹✉, Elena V. Akimova¹,
Vladimir V. Akhmetov¹, Roman A. Martyushov², Aleksey G. Marochkin^{3, 4},
Pavel V. German^{3, 4}, Aleksey V. Veretennikov³, Ivan A. Plats³**

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

²Novokuznetsk Local Museum,
Novokuznetsk, Russia

³The Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry SB RAS,
Kemerovo, Russia

⁴Kemerovo State University,
Kemerovo, Russia

E-mail: bda.nsk@yandex.ru

Exploration Work in the Left Bank of the Lower Course of the Kondoma River near the Taylep Village

In the territory of the southern part of the Kuznetsk Basin, a significant number of different types of archaeological objects are known, concentrated in river valleys. The lower course of the Kondoma River can be considered one of such areas, where episodic studies have been carried out since the second half of the 20th century, aimed at finding and studying the sites of the Late Paleolithic period. In 2020, an expedition from the Institute of Archeology and Ethnography SB RAS carried out exploration work to clarify information at two such objects – at “Settlement Taylep 1” and “Settlement Taylep 2.” The main task was to determine the boundaries of the distribution of the cultural layer of a single Late Paleolithic location, but formally divided into two objects of archaeological heritage. The second task was to identify the Shor soil burial ground related to the Taylep settlement. To solve the tasks, three defining research methods were chosen: aeromagnetic survey from UAVs, laying of stratigraphic sections in promising areas of the landscape and natural outcrops, and a geodetic survey network unified for the entire survey area. The boundaries of the distribution of the cultural layer of the Late Paleolithic location were determined as a result of the application of an interdisciplinary approach on an area of about 5.5 thousand square meters. The stratigraphic context of the occurrence of material remains of this time was determined. A topographic survey was carried out at this site. The location of a burial ground unexpressed in the modern landscape, left by the Shor population of the Taylep settlement, was localized due to the use of classical methods of field archaeological work and innovative minimally invasive technologies. In the survey site having an area of 4.7 hectares, a survey geodetic network was created by means of a closed theodolite path to ensure the necessary overall accuracy of field measurements when carrying out this work and archaeological excavations planned in the future.

Keywords: Kuzbass, Kondoma, Taylep, Late Paleolithic, location, contemporary times, subsoil burial ground, exploration.

Бассейн р. Кондомы является одним из основополагающих элементов пространства южной части Кузнецкой котловины. Начинаясь в северных отрогах хребта Бийская грива, река формирует долину, протянувшуюся на северо-запад и постепенно расширяющуюся. В нижнем течении реки долина имеет ширину порядка 2,5 км с часто меандрирующим руслом. Широкая разливная пойма со старичными озерами и заболоченными участками, ограниченная террасовидными выступами высоких водораздельных хребтов, была привлекательна для заселения человеческими коллективами, начиная с позднего палеолита до Новейшего времени.

Первые открытия свидетельств освоения этой территории человеком в глубокой древности были сделаны А.П. Окладниковым в 1962 г. у с. Кузедеево [1968]. Обнаруженный тогда «клад» каменных изделий, отнесенный исследователями к поздней поре палеолита, побудил ряд специалистов к целенаправленным поискам объектов эпохи камня в нижнем течении р. Кондома. В конце 1970-х гг. определенные результаты были получены С.В. Маркиным, которым на обследуемой территории был выявлен ряд палеолитических местонахождений [Маркина, Маркин, 1985]. Обобщив результаты полевых работ и проведя ряд аналитических исследований, им была подготовлена монография, в которой подробно описаны позднепалеолитические каменные индустрии с данной территории [Маркин, 1986].

С 1984 г. и по настоящее время археологическими разведками и раскопками в южной части

Кузнецкой котловины занимается Ю.В. Ширин. За столь продолжительный период им было открыто и исследовано значительное количество памятников эпохи бронзы, раннего железного века и Средневековья [Окунева, Ширин, 1999; Ширин, 2004, 2005]. В 2003 г. при обследовании площадки левобережного террасовидного выступа р. Кондома вблизи п. Тайлеп им были обнаружены изделия из камня позднепалеолитического облика. Основу собранной коллекции составили сколы, бóльшая часть которых – отщепы. Из изделий выделяется несколько концевых скребков на отщепе и нож на реберчатом сколе. На месте сборов подъемного материала были заложены зачистки естественных обнажений и по полученным профилям определены стратиграфические условия залегания данных материалов [Ширин, 2010, с. 17]. В последующем эти материалы вошли в обобщающую работу по палеолиту Горной Шории [Палеолит..., 2005]. С 2016 г. разведочные работы в низовьях р. Кондомы проводятся Р.А. Мартюшовым. В 2019 г. в левобережье реки им было выявлено поселение Карачияк-1, по стратиграфическим условиям залегания относящееся к раннему голоцену, а по облику каменной индустрии схожее с ранее обнаруженными здесь местонахождениями эпохи камня [Мартюшов, Мартыненко-Фриауф, Немых, 2019]. Таким образом, к настоящему времени можно констатировать, что в нижнем течении р. Кондомы концентрируются местонахождения эпохи камня, по облику индустрий относящиеся к рубежу позднего плейстоцена – раннего голоцена. К этому

числу относятся также и объекты в окрестностях п. Тайлеп, предварительные результаты изучения которых освещает настоящая работа.

Местонахождения изделий из камня, обнаруженные Ю.В. Шириным в 2003 г. в окрестностях п. Тайлеп, были поставлены на государственный учет под названиями «Поселение Тайлеп-1» и «Поселение Тайлеп-2». Через некоторое время на этом же участке начал разрабатываться угольный разрез «Корчаковский», в зону расширения которого попали данные объекты культурного наследия. В 2016 г. в целях планирования мероприятий по обеспечению сохранности этих объектов А.В. Фрибусом и С.В. Баштанником на них были проведены разведочные работы, результатом которых стало уточнение границ их территории. В заложенных исследователями шурфах были обнаружены различные отходы каменного производства и несколько скребков на отщепках. Также ими была предпринята попытка по визуально определяемым признакам локализовать месторасположение шорского грунтового могильника, относящегося к п. Тайлеп, который фиксируется на картах XIX в. как центр отдельного шорского улуса, что позволяет определить время его возникновения не позднее 1885 г. [План...]. В 2019 г. руководство угольного разреза обратилось в ИАЭТ СО РАН с предложением уточнить границы территории поселений Тайлеп-1 и -2, известных к тому времени и имевших статус объектов культурного наследия федерального значения, а также определить местоположение и границы территории шорского могильника, относящегося к п. Тайлеп. Для выполнения этой задачи в полевом сезоне 2020 г. была проведена археологическая разведка.

На этапе планирования полевых работ методы решения поставленных задач определялись в рамках междисциплинарного подхода. Это было обусловлено, прежде всего, тем обстоятельством, что локализация грунтового могильника на участке местности площадью 108 га путем точечных вскрышных работ крайне затруднительна. Также было необходимо все закладываемые стратиграфические разрезы и обнаруживаемый в них археологический материал фиксировать в системе координат изучаемых объектов, которая была бы увязана с используемой в регионе местной системой координат. С учетом данных обстоятельств для решения описанных задач были определены три основных метода: сплошная аэрогеофизическая магнитометрическая съемка с беспилотного летательного аппарата (БПЛА) обследуемого участка местности, закладка стратиграфических разрезов на перспективных участках ландшафта и естественных обнажениях, построение съемоч-

ной сети временного закрепления с последующей съемкой топографических планов обследуемых объектов.

В настоящее время данное сочетание методов в археологической полевой практике применяется достаточно широко как для исследования уже выявленных памятников археологии [Эпов и др., 2016], так и для поиска и определения границ ранее неизвестных объектов [Чемякина, 2008], в т.ч. и под водой [Ольховский, Степанов, 2013]. Применение магнитометрических методов позволяет определять границы невыраженных в современном рельефе погребенных археологических объектов, обнаруживать характеризующие исследуемый археологический объект детали (расположение мест использования огня, подземных сооружений, концентрации предметов) до начала его раскопок. Применение магнитометрической съемки с использованием БПЛА делает возможным оперативное обследование значительных по площади территорий. Выбираемая высотность съемки позволяет регулировать детальность получаемых карт магнитного поля. Наиболее репрезентативным и детально описанным является опыт аналогичной высокоточной магнитометрической съемки при помощи БПЛА, проведенной для уточнения местоположения курганов могильника Новая Курья в северной части Кулундинской степи [Балков и др., 2019].

Аэромагнитная съемка с БПЛА проводилась ООО «Скан Аэро Финанс» на всей территории поиска грунтового могильника, площадь которой составила 108 га. Пределы данного участка местности определялись из информации, собранной предшествующими исследователями и в ходе опроса местного населения. Съемка осуществлялась с БПЛА, к которому был прикреплен магнитометр с феррозондовым трехкомпонентным датчиком, непрерывно записывающим вектор магнитной индукции. Чувствительность датчика составляла 50–70 пТл при общем уровне электромагнитных шумов не более 0,2 нТл. БПЛА двигался по заданным параллельным траекториям с азимутами 14° и 104°. По этим же траекториям проводилась аэрофото-съемка обследуемой территории. В обобщенном виде полевые наблюдения представляли собой систематизированную совокупность таких данных, как траектории полета БПЛА, точки наблюдений и фотоснимки, магнитометрические измерения с датчика на БПЛА и с магнитовариационной станции, находящейся на удалении ок. 500 м от участка обследования и фиксирующей «естественный» магнитный фон. Путем статистической обработки собранных данных и исключения технологических наблюдений производится усреднение первичных

показаний, записанных с частотой порядка 1 600 Гц, до шаговых в интервале от 10 до 100 Гц. Это позволяет достигать плотности точек наблюдения в диапазоне от 1 до 20 на м². Магнитометрические измерения на полученных плотностях переносятся на плоскость. В результате была составлена магнитная карта и ортофотоплан местности с разрешением не более 5 см на пиксель. Привязка магнитометрических измерений осуществлялась через координирование опорных точек в системе координат WGS-84 (World Geodetic System). На полученных картографических материалах определялись несколько контрастных малоамплитудных аномалий, концентрирующихся на южной окраине п. Тайлеп (рис. 1).

Для предложения доказательной интерпретации наблюдаемых магнитных аномалий на обследуемой территории было заложено четыре шурфа – два вне аномалии и два в месте расположения аномалий. В двух последних были зафиксированы могильные пятна с мешанным заполнением, фик-

сируемым ниже подошвы дерново-почвенного слоя. Обнаруженные в шурфах объекты были интерпретированы как могильные пятна, поскольку соответствовали типичным индивидуальным погребениям обрусевшего местного шорского населения: ровная прямоугольная форма, мешанное заполнение, ориентация запад – восток. Выявленные погребения не исследовались полностью, исходя из нецелесообразности этого: решалась задача определения местоположения могильника, а не его рекогносцировочного исследования. Вариант с обнаружением более поздних захоронений исключается тем фактом, что с приходом советской власти кладбище поселка было перенесено к югу от него. В остальной зоне обследования было заложено 14 шурфов для подтверждения отсутствия в ней археологических объектов. Таким образом, применение магнитометрического метода позволило определить перспективные места для закладки шурфов и получить необходимые сведения, доказывающие местоположение искомого объекта,

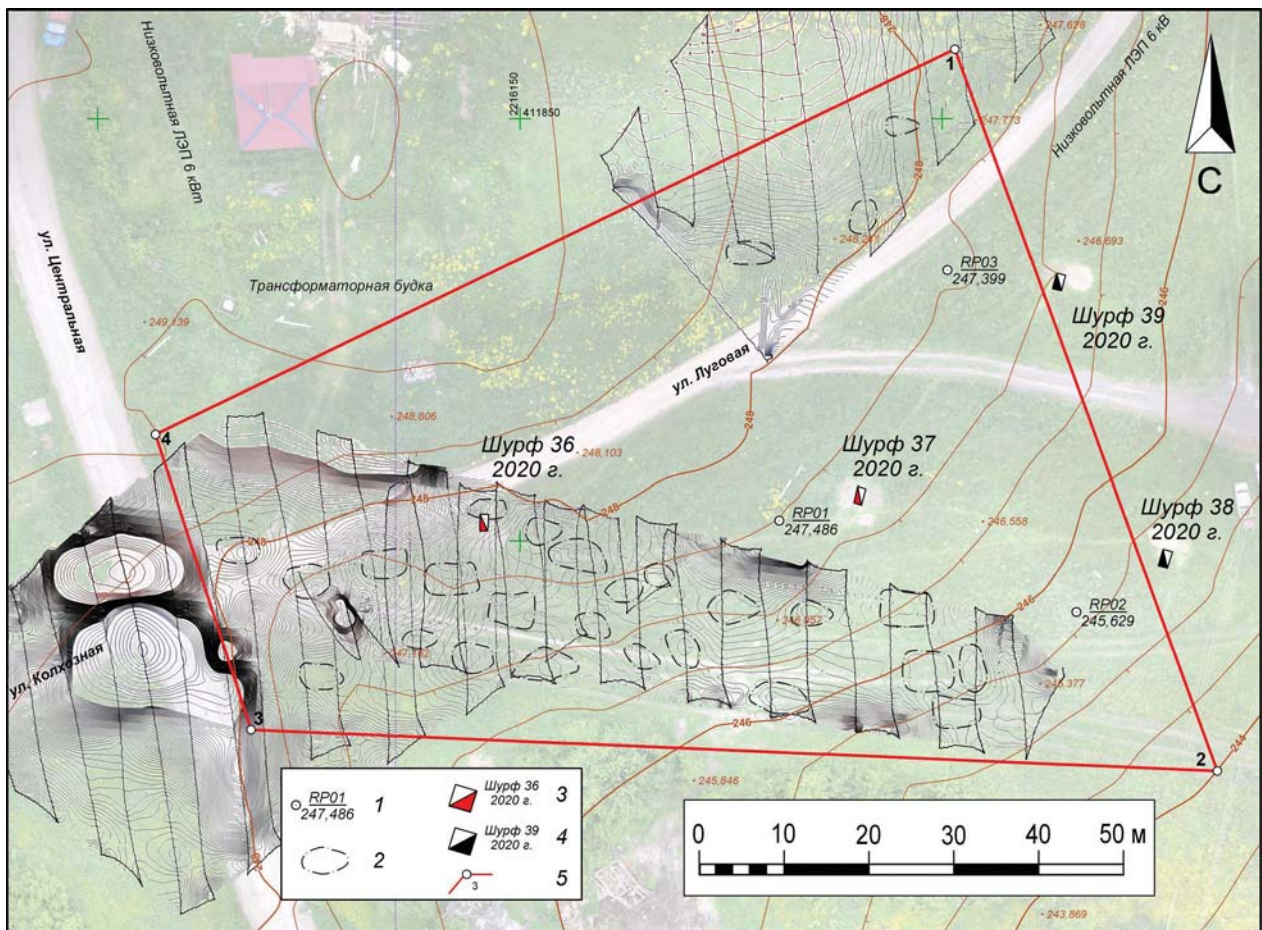

Рис. 1. Карта-схема территории грунтового могильника Тайлеп-3 на основе ортофотоплана с наложением магнитных карт (масштаб 1 : 500, сечение рельефа 0,5 м, система координат условная, система высот Балтийская). 1 – пункты плано-высотного обоснования временного закрепления, увязывающие топоплан, ортофотоплан и магнитную карту; 2 – магнитные аномалии, интерпретируемые как погребения; 3 – шурфы с обнаруженными могильными пятнами; 4 – шурфы без признаков погребений; 5 – граница территории объекта археологического наследия и ее поворотная точка с номером.

который получил название «Грунтовый могильник Тайлеп-3».

Уточнение границ распространения культурного слоя выявленных ранее поселений Тайлеп-1 и -2 проводилось путем закладки стратиграфических разрезов на перспективных участках ландшафта и на естественных обнажениях. Поскольку ко времени проведения данных работ естественный ландшафт вмещающий данные местонахождения левобережного террасовидного выступа претерпел некоторые изменения ввиду деятельности угольного разреза, то пространство для производства вскрышных работ было ограничено. С запада периферия сохранившегося ландшафта определялась технологической дорогой и сопутствующими ей канавами и отсыпкой, с юга – отвалом отработанных пород, с востока – подножием террасовидного выступа и прилегающим к нему болотом. В пределах описанного пространства наблюдался вал шириной порядка 5 м и высотой до 1,5 м, протяженный с севера на юг. В общей сложности было заложено 47 стратиграфических разрезов (шурфов), включая 12 зачисток. После обобщения стратиграфических наблюдений по полученным профилям была составлена общая схема покровных отложений (рис. 2) на обследуемом участке местности.

1. Дерново-почвенный слой, мощностью 0,05–0,15 м, состоящий из темной гумусированной супеси и включающий корни растений. В некоторых разрезах этот слой перекрывался техногенными напластованиями.

2. Темно-серая гумусированная супесь, мощностью 0,15–0,2 м, включающая мелкие корни растений. В подошве слоя периодически наблюдается более суглинистый и гумусированный прослой. Граница с нижележащим слоем имеет горизонтальное простирание на всех участках изучаемого пространства, ровная, четкая, проводится по изменению цвета и структуры.

3. Серая «пересыхающая» супесь, мощностью 0,35–0,4 м, включающая затеки и кротовины, заполненные субстратом вышележащих слоев, редкие корни растений, угольки. Структура рыхловатая, сыпучая. Быстрее остальных слоев высыхает на воздухе. В основном наблюдается в разрезах, заложенных вблизи или на бровке террасовидного выступа, к востоку от вала. Граница с нижележащим слоем ровная, ясная, размытая, проводится по изменению цвета, мехсостава и структуры.

4. Серо-коричневый суглинок, мощностью 0,3–0,5 м, плотной структуры, включающий кротовины, редко корни растений. В подошве слоя местами наблюдается карбонатизация в виде вертикальных подтяжек, отдельных конкреций. Граница слоя неровная, волнисто-рваная, четкая,

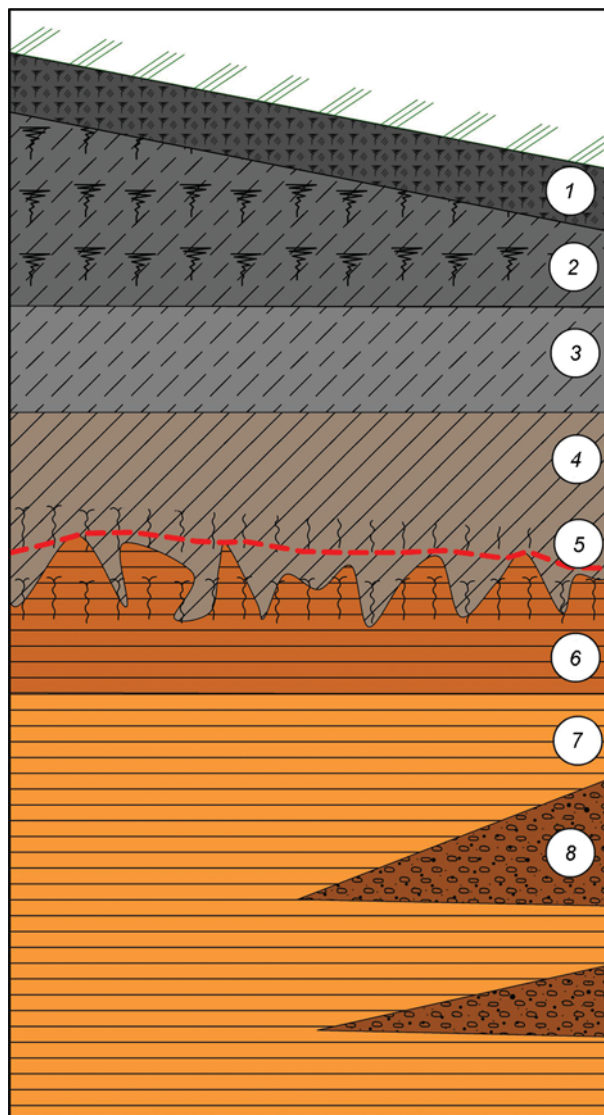

Рис. 2. Общая схема покровных отложений в месте расположения поселений Тайлеп-1 и -2 (масштаб условный).

1 – дерново-почвенный слой; 2 – темно-серая гумусированная супесь; 3 – серая «пересыхающая» супесь; 4 – серо-коричневый суглинок; 5 – культурный горизонт; 6 – рыже-коричневая глина; 7 – светло-рыжеватая глина; 8 – несортированный слабо окатанный гравийно-песчаник.

ясная, проведена по изменению цвета, мехсостава. К нижней границе слоя приурочен обнаруженный в ней археологический материал в виде изделий из камня и продуктов его расщепления (рис. 3).

5. Культурный горизонт позднего палеолита приурочен к периферии между слоем серо-коричневого суглинка и рыже-коричневой глины.

6. Рыже-коричневая глина, мощностью 0,3–0,5 м, плотная, липкая, мелкозернистая, в кровле содержащая следы карбонатизации, различного вида подтяжек, в т.ч. ожелезненных. Граница с нижележащим слоем неясная, размытая, проведена по изменению цвета.

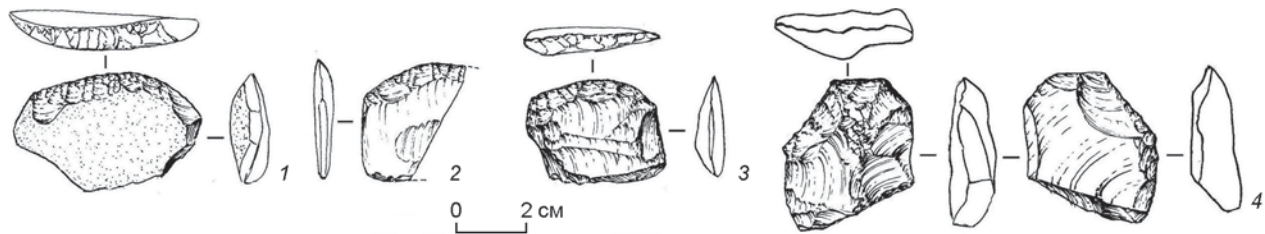

Рис. 3. Археологические материалы, обнаруженные при уточнении границ территории поселений Тайлеп-1 и Тайлеп-2 в 2020 г.

1–3 – скребки; 4 – долотовидное орудие.

7. Светло-рыжевато-белая глина, мощностью до 1 м. Структура плотная, однородная. В толще наблюдаются песчано-галечные прослои с несортированным плохо окатанным материалом, которые залегают под углом падения склона.

8. Несортированный слабо окатанный гравийно-песчаник. Залегает несогласно, прослоями. Материал несортированный, разной зернистости и окатанности.

Обнаруженные в стратиграфических разрезах археологические материалы представлены несколькими скребками и продуктами расщепления камня (рис. 3) общим числом в 277 предметов. Отличительной чертой полученной коллекции является преобладание первичных сколов и обломков. Отщепы и пластины занимают менее 1/5 объема. В качестве сырья использовались кремневые гальки разного качества. Судя по предметам, отнесенным к отходам производства, выбраковке после первичного расщепления подвергалась значительная доля принесенного сырья. Эти предварительные выводы не противоречат суждениям о характере индустрии обследуемых местонахождений, описанном в публикациях [Ширин, 2010, с. 17; Палеолит..., 2005, с. 235–237].

Проведенные вскрышные работы в совокупности с их точной фиксацией в единой системе позволили определить границы распространения и уровень залегания археологического материала на глубине 0,6–1 м от современной дневной поверхности и его приуроченность к подошве серо-коричневого суглинка. Данное стратиграфическое положение культурного слоя изучаемых объектов прослеживалось на всей площади обследования. В связи с этим был сделан вывод о том, что древний человек обитал на данном участке левобережного террасовидного выступа во время формирования данных культуросодержащих отложений. Решение вопроса о времени и климатических условиях его формирования было оставлено до проведения направленных на это исследований, поскольку при осуществлении описываемых работ не было получено материалов, содержащих такую информацию.

Границы распространения культурного слоя определялись исходя из расположения стратиграфических разрезов с обнаруженными археологическими предметами, в рамках вмещающих геоморфологических объектов и относительно техногенных изменений ландшафта объектами инфраструктуры угольного разреза. Зафиксированный археологический материал концентрировался «пятнами» внутри определяемых границ его распространения, без привязки к каким-либо геоморфологическим структурам или ландшафтными зонам. Таким образом, было установлено, что материальные остатки распространены почти по всей площади сохранившегося естественного ландшафта в описанных выше границах. Исключением является только южная периферия ареала их распространения, граница которой проходит по кромке техногенной траншеи, перерезающей террасовидный выступ поперек с востока на запад. Заложенные за ним, южнее, стратиграфические разрезы подтверждают отсутствие культуросодержащих отложений и находок.

Завершающим этапом полевых исследований была топографическая съемка территории обследуемых поселений Тайлеп-1 и -2 и выявленного местонахождения «Грунтовый могильник Тайлеп-3». Измерения на местности проводились с использованием электронных тахеометров относительно съемочной сети временного закрепления. Сеть была построена по всей территории обследования путем прокладки замкнутого теодолитного хода и состояла из 23 пунктов закрепления. Для привязки сети и ведущихся в ней измерений к используемой в регионе местной системе координат было проведено координирование трех опорных пунктов закрепления. Координирование производилось посредством двухчастотных GNSS-приемников (Global Navigation Satellite System) относительно трех пунктов государственной геодезической сети, расположенных в районе проведения работ. Благодаря надлежащему геодезическому обеспечению проводимых археологических исследований была достигнута необходимая

точность измерений, позволяющая увязать между собой местоположение 47 стратиграфических разрезов, фиксируемого в них археологического материала в количестве 277 предметов, их стратиграфического контекста, измерения вмещающего их ландшафта и геоморфологических тел на площади 4,7 га.

В ходе проведенных полевых работ были решены все поставленные перед нами задачи по уточнению границ территории местонахождений позднеплейстоценового возраста и локализации грунтового могильника Новейшего времени. Применение междисциплинарного подхода позволило получить необходимые для решения задач сведения непосредственно во время проведения данных полевых работ и с минимальной погрешностью провести последующие исследования. Комплекс результатов методического и фактического характера позволил с новой стороны взглянуть на изучаемые объекты, их содержание и внешнюю форму.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР № 0329-2019-0007 «Изучение, сохранение и музеефикация археологического и этнокультурного наследия Сибири».

Список литературы

Балков Е.В., Дядьков П.Г., Позднякова О.А., Кулешов Д.А., Евменов Н.Д., Карин Ю.Г., Гоглев Д.А. Высокоточная магнитная съемка с использованием БПЛА при поиске и исследовании курганов археологического памятника Новая Курья в Западной Сибири // *Вестн. НГУ. Сер.: Информационные технологии.* – 2019. – Т. 17, № 4. – С. 5–12.

Маркин С.В. Палеолитические памятники бассейна реки Томи. – Новосибирск: Наука, 1986. – 175 с.

Маркина Н.Т., Маркин С.В. Новые археологические памятники Горной Шории (по результатам полевого сезона 1979 г.) // *Археология Южной Сибири.* – Кемерово: Кем. гос. ун-т. – 1985. – С. 60–61.

Мартюшов Р.А., Мартыненко-Фриауф А.А., Немых В.В. Результаты археологической разведки на горе Карачияк // *Из кузнецкой старины.* – Новокузнецк: Лотус, 2019. – С. 27–34.

Окладников А.П. Страница из жизни палеолитического мастера: клад каменных изделий у пос. Аил (с. Кузедеево) // *Из истории Сибири и Алтая.* – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1968. – С. 58–70.

Окунева И.В., Ширин Ю.В. Поселения эпохи раннего железа в Томь-Кондомском предгорном районе // *Кузнецкая старина.* – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1999. – С. 3–24.

Ольховский С.В., Степанов А.В. Магнитометрические разведки в акватории Фанагории // *Вопр. подвод. археологии.* – 2013. – № 4. – С. 53–58.

Палеолит Горной Шории / Г.Я. Барышников, А.Л. Кунгуров, М.М. Маркин, В.П. Семибратов. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – 279 с.

План Томской губернии Кузнецкого Округа Кондомо-бежбояковской волости Улуса Тайлепсакого, составленный в 1885 году // *ГААК. Ф. 50. Оп. 5. Д. 537. Л. 1.*

Чемякина М.А. Археолого-геофизические исследования грунтовых могильников Западной Сибири // *Вестн. НГУ. Сер.: История, филология.* – 2008. – Т. 7, № 3. – С. 44–56.

Ширин Ю.В. «Тандырные» приспособления у кузнецких татар // *Интеграция археологических и этнографических исследований.* – М.: Наука, 2004. – С. 288–290.

Ширин Ю.В. Горная Шория в ареалах культур эпохи ранней бронзы // *Западная и Южная Сибирь в древности.* – Барнаул: Алт. ун-т, 2005. – С. 157.

Ширин Ю.В. Результаты археологических разведок в бассейне р. Кондомы // *Из Кузнецкой старины.* – Новокузнецк: Полиграфист, 2010. – С. 5–43.

Эпов М.И., Молодин В.И., Манштейн А.К., Балков Е.В., Дядьков П.Г., Матасова Г.Г., Казанский А.Ю., Бортникова С.Б., Позднякова О.А., Карин Ю.Г., Кулешов Д.А. Мультидисциплинарные археолого-геофизические исследования в Западной Сибири // *Геология и геофизика.* – 2016. – Т. 57, № 3. – С. 603–614.

References

Balkov E.V., Dyadkov P.G., Pozdnyakova O.A., Kuleshov D.A., Evmenov N.D., Karin Yu.G., Goglev D.A. High-precision magnetic survey with UAV for the archaeological barrows at Novaya Kurya monument in Western Siberia. *Novosibirsk State University Bulletin. Series: Information Technologies.* 2019, vol. 17, No. 4. pp. 5–12. (In Russ.). doi:10.25205/1818-7900-2019-17-4-5-12

Baryshnikov G.Ya., Kungurov A.L., Markin M.M., Semibratov V.P. Paleolit Gornoi Shorii. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2005, 279 p. (In Russ.).

Chemyakina M.A. Geophysical and archaeological researches of soil burial grounds of the Western Siberia. *Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology,* 2008, vol. 7, No. 3, pp. 44–56. (In Russ.).

Эпов М.И., Манштейн А.К., Балков Е.В., Дядьков П.Г., Матасова Г.Г., Бортникова С.Б., Карин Ю.Г., Кулешов Д.А., Молодин В.И., Казанский А.Ю., Позднякова О.А. Integrated archaeological and geophysical studies in West Siberia. *Russian Geology and Geophysics,* 2016, vol. 57, No. 3, pp. 473–482. (In Russ.). doi:10.1016/j.rgg.2016.03.009

Markin S.V. Paleoliticheskie pamyatniki basseina reki Tomi. Novosibirsk: Nauka, 1986, 175 p. (In Russ.).

Markina N.T., Markin S.V. Novye arkhеologicheskie pamyatniki Gornoj Shorii (po rezultatam polevogo sezona 1979 g.). In *Arkheologiya Yuzhnoi Sibiri*. Kemerovo: State Univ. Press, 1985, pp. 60–61. (In Russ.).

Martyushov R.A., Martynenko-Friauf A.A., Nemykh V.V. Rezultaty arkhеologicheskoi razvedki na gore Karachiyak. In *Iz kuznetskoi stariny*. Novokuznetsk: Lotus, 2019, pp. 27–34. (In Russ.).

Okladnikov A.P. Stranitsa iz zhizni paleoliticheskogo mastera: klad kamennykh izdelii u pos. Ail (s. Kuzedeevo). In *Iz istorii Sibiri i Altaya*. Barnaul: Altaiskoe knizhnoe izdatelstvo, 1968, pp. 58–70. (In Russ.).

Okuneva I.V., Shirin Yu.V. Poseleniya epokhi rannego zheleza v Tom'-Kondomskom predgornom raione. In *Kuznetskaya starina*. Novokuznetsk: Kuznetskaya krepost, 1999, pp. 3–24. (In Russ.).

Olkhovskii S.V., Stepanov A.V. Magnitometricheskie razvedki v akvatorii Fanagorii. *Voprosy podvodnoi arkheologii*, 2013, No. 4, pp. 53–58. (In Russ.).

Plan Tomskoi gubernii Kuzetskago Okruga Kondomobezhboyakovskoi volosti Ulusa Tailepskago, sostavlennyi

v 1885 godu. In *State Archives of Altai Territory*. F. 50, inv. 5, d. 537, fol. 1. (In Russ.).

Shirin Yu.V. “Tandyryne” prispособleniya u kuznetskikh tatar. In *Integratsiya arkhеologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy*. Moscow: Nauka, 2004, pp. 288–290. (In Russ.).

Shirin Yu.V. Gornaya Shoriya v arealakh kul'tur epokhi rannei bronzy. In *Zapadnaya i Yuzhnaya Sibir v drevnosti*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2005, p. 157. (In Russ.).

Shirin Yu.V. Rezultaty arkhеologicheskikh razvedok v basseine r. Kondomy. In *Iz Kuznetskoi stariny*. Novokuznetsk: Poligrafist, 2010, pp. 5–43. (In Russ.).

Постнов А.В. <https://orcid.org/0000-0001-7853-0501>

Бычков Д.А. <https://orcid.org/0000-0002-7646-9740>

Акимова Е.В. <https://orcid.org/0000-0002-0952-8026>

Ахметов В.В. <https://orcid.org/0000-0002-7133-4417>

Мартышов Р.А. <https://orcid.org/0000-0001-9599-7277>

Марочкин А.Г. <https://orcid.org/0000-0002-6757-0775>

Герман П.В. <https://orcid.org/0000-0002-8123-6992>

Веретенников А.В. <https://orcid.org/0000-0001-9204-5297>

Плац И.А. <https://orcid.org/0000-0002-3039-9310>

И.В. Сальникова✉, **А.А. Тимощенко**
Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: salnikovair52@gmail.com

Предварительные результаты исследования ставрографической коллекции некрополя Спасского собора (Куйбышев – ранее Каинск)

В полевые сезоны 2019–2020 гг. Отделом спасательных археологических работ ИАЭТ СО РАН проведено исследование на месте Спасского собора г. Куйбышева (Каинска), построенного в 1804 г. на территории ранее существовавшей деревянной церкви. В ходе работ был обнаружен некрополь, который, вероятно, включал погребения, сооруженные в более ранний период, во время функционирования деревянного храма (последняя треть XVIII в., до начала XIX в.). За все время исследований вскрыто 1 154 м², зафиксировано 489 погребений. Цель статьи – ввести в научный оборот структурированную информацию о ставрографической коллекции, сформированной в результате изучения данного археологического памятника. Коллекция включает наперсный крест-распятие и 253 нательных креста. При ее систематизации выявлено 7 типов крестов-тельников, характерных для аналогичных собраний памятников Нового времени Западной и Восточной Сибири. Отмечено, что в коллекции присутствуют уникальные изделия, не имеющие иконографических аналогий, но входящие в определенный тип по форме, поэтому авторская типология насчитывает больше вариантов. Обнаружен новый тип нательного креста, ранее не отмеченный исследователями на археологических памятниках Сибири. Авторы пришли к выводу о том, что представленная коллекция отличается разнообразием фигурных форм и наличием редких иконографических сюжетов, таких как изображение распятия, Орудий Страстей Христовых, лика святого. В целом коллекция датируется концом XVIII – XIX в.

Ключевые слова: Новосибирская обл., Куйбышев, погребальные комплексы, археологические исследования, XVIII–XX вв., Спасский православный храм, кресты-тельники.

Irina V. Salnikova✉, **Alexei A. Timoshchenko**
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: salnikovair52@gmail.com

Preliminary Results of Study of a Stavrographic Collection of the Spassky Cathedral Necropolis (Kuibyshev, formerly Kainsk)

During the field seasons of 2019–2020, the department of rescue archeological works of IAET SB RAS carried out a research in the place of the Spassky Cathedral built in 1804 the town of Kuibyshev (Kainsk), in the territory of a wooden church, which had stood there before. In the course of work, a necropolis was found, which might have included burials built in earlier time, i.e. the period of a wooden cathedral functioning in the period of the last third of the 18th century. During the entire time of research, 1154 square meters were opened; the number of recorded burials was 489. The purpose of the article is to introduce, into the scientific discourse, structured information on the stavrographic collection, completed in the course of the research of this site. It includes a cross-crucifix and 253 pendants. While systematizing the collection, six pendants types were found, typical of similar collections of site of new time in the Western and Eastern Siberia. It is noted that the collection includes unique items having no iconographic parallels, but belonging to a certain type according to the form. That is why the authors' typology has more variants. A new type of a pendant was revealed, which has not been noted by researchers before. The authors concluded that this collection is distinguished by a variety of shape forms, rare iconographic plots, such as the image of crucifix, the Instruments of Christ's Passions, the Holy Face. Overall, the collection is dated to the end of the 18th to the 19th centuries.

Keywords: Novosibirsk region, Kuibyshev, burial complexes, archeological research, 18th to 20th centuries, Spassky Orthodox Cathedral, crosses worn next to the skin.

Введение

Каинск (в наши дни Куйбышев) Томской губ., основанный в 1722 г. как острог, с середины XVIII в. стал известным торговым центром Западной Сибири. «Первая православная церковь была построена в Каинском Барабинском форпосте. Грамотою за № 1147 от 9 сентября 1743 г. Митрополит Антоний Нарожницкий Тобольский и Сибирский дал разрешение на заложение деревянной церкви во имя Спасителя Нерукотворенного Образа, которая была освящена в феврале 1751 г.» [Павлова, Гайер, 2015, с. 256]. Затем, с переводом форпоста на противоположный берег р. Каинки, сюда была перенесена и церковь, функционировавшая здесь до 1787 г. В 1782 г. Каинск становится уездным городом сначала Тобольского, а затем Кольванского наместничества. В связи с ростом населения возникла необходимость в новом храме, который был заложен 14 декабря 1787 г. на месте старой деревянной церкви. Новый каменный храм – Спасский собор – был освящен 29 февраля 1804 г. Он стал одной из визитных карточек города и вошел в список шести соборов на территории Томской губ. Строительство церкви было закончено в 1828 г., и новый храм стал трехпрестольным [Там же, с. 257]. Окончательно он был закрыт 1 февраля 1936 г.

Спасский собор занял территорию стоявшей на этом месте деревянной церкви, поэтому под фундамент нового здания могли попасть захоронения, совершенные в последней трети XVIII в. у стен старого деревянного храма, т.к. по православной традиции погосты всегда размещались возле церквей.

В полевые сезоны 2019–2020 гг. отделом спасательных археологических работ ИАЭТ СО РАН было начато исследование выявленных объектов археологического наследия «Археологический культурный слой Спасского Собора» в г. Куйбышеве (ранее – г. Каинск). В полевой сезон 2019 г. площадь раскопа составила 620 м², было вскрыто 221 погребение; в 2020 г. – 533,4 м² и 268 погребений. Установлено, что культурные слои формировались с начала XVIII в. до первой половины XX в. в два этапа: 1) 1722–1787 гг. – Каинский форпост, старый Каинск, первая деревянная церковь и кладбище; 2) 1787–1937 гг. – строительство, функционирование и разрушение Спасского собора и прилегающего к нему с северной стороны кладбища [Тимощенко и др., 2019].

Общее количество исследованных погребальных комплексов составило 489 ед. Захоронения имеют ориентацию по оси запад – восток с различным отклонением к северу или югу. Руки погребенных согнуты в локтях и соединены на груди.

Точно определить тип внутримогильной конструкции из-за плохой сохранности дерева удавалось не всегда, но в зафиксированных случаях это были либо колоды, либо дощатые гробы трапециевидной формы.

Практически единственной категорией погребального инвентаря являются нательные кресты, располагавшиеся на груди под руками погребенных. В результате исследования сформирована коллекция из 253 предметов личного и одного предмета церковного благочестия (крест-распятие наперсный), которые мы вводим в научный оборот в данной публикации. Актуальность исследования диктуется разнообразием изделий, возможностью сравнить их с предметами из крупных ставрографических коллекций, обнаруженных на территории Сибири, и выявить распространение различных типов нательных крестов на сельских и городских погостах.

Материалы и методы

Коллекция нательных крестов составляет 253 предмета. Одно изделие мы относим к предметам церковного благочестия, поскольку наперсный крест мог носить только священнослужитель. При классификации изделий использована типология, предложенная В.И. Молодиным на примере представительной коллекции Илимского острога [2007]. В настоящее время ее используют многие исследователи, что облегчает сравнение предметов из коллекций разных регионов Сибири по единым признакам [Бердников, 2012а, б, с. 165–175; Татарова, Кромм, 2010; Сизев, Ермоленко, Соловьев, 2018]. Из анализа нашего собрания исключены 20 (8 %) предметов неполной сохранности, форму которых определить невозможно.

Результаты и обсуждение

Крест-распятие, относящийся к предметам церковного благочестия, односторонний, имеет восьмиконечную форму. На лицевой стороне в оглавии находится изображение Спаса Нерукотворного, ниже трубящие ангелы, под ними расположена рельефная надпись: с одной стороны «Црь», с другой – «Свы» (Царь Славы). Центральное место занимает сюжет распятия Христа – изображен восьмиконечный крест на Голгофе, параллельно ему копье и трость с губкой. На оконечностях центральной перекладки помещены рельефные буквы под титлами: с одной стороны «IC», с другой – «XC». На ней же практически по всей поверхности гравировкой нанесены слова под титлами в две строчки. На правой лопасти наверху над рукой

«КРТ Х РАСПЯТИИ», внизу под рукой «ПОКЛАНЯЕМСА». Верхняя строчка на левой лопасти не читается, нижняя состоит из двух слов – первое не читается, второе «ВОСКРЕСНЬ». На вертикальной лопасти в средокрестии с обеих сторон имеются по две нечитаемые буквы. Периметр креста украшен тонким рельефным жгутовидным валиком. Рельеф высокий, затерты изображение лика Христа и некоторые надписи (рис. 1). Обратная сторона гладкая, в ее верхней части имеется петля овальной формы.

В результате морфологического и иконографического анализа коллекции выявлено 7 типов крестов. Наиболее представительна группа крестов, относящаяся к 1-му типу – 107 (48 %) единиц. Они просты по форме – четырехугольные, концы и углы средокрестия прямые. На лицевой стороне в центре изображены восьмиконечный крест, копьё и трость. В верхней части нанесены буквы под титлами «Црь Свы», на оконечностях горизонтальной перекладины справа «ІС», слева «ХС» (Иисус Христос). Некоторые кресты имеют следы эмали. На обороте иногда встречаются строки тропарей, но изделия еще не отреставрированы, поэтому надписи не читаются (рис. 2).

Вторая группа крестов в количестве 39 (16,7 %) предметов относится к 8-му типу. Они четырехконечные, перекладины расширяются, образуя острый угол у средокрестия, их оконечности фигурные, выполнены в форме трилистника. На лицевой части помещено изображение восьмиконечного креста, на оконечностях горизонтальной

перекладины нанесены выпуклым рельефом буквы «ІС», «ХС», ушко-оглавие плоской формы (рис. 3, 1, 1.1, 2, 2.1, 3, 3.1).

Еще одна группа крестов входит в 6-й тип (31 изделие, 13,3 %), характерной чертой которого являются расширяющиеся к оконечностям планки. Она неоднородна и представлена двумя подтипами. К первому относятся более массивные кресты (размеры колеблются от 5,7 см × 3,4 см до 4,5 × 2,7 см) с более широкими лопастями (до 1 см) и прямыми оконечностями (рис. 3, 4, 4.1). Второй подтип отличается от первого тем, что его оконечности заостренные, треугольной формы. На лицевой стороне традиционное изображение восьмиконечного креста с надписями. Ушко-оглавие плоское, с навершием (рис. 3, 5, 5.1). На оборотной стороне двух таких крестов представлен сюжет «Орудия Страстей Христовых»: на средокрестии изображен гроб Господень, внизу столб, петух, на боковой перекладине – молоток, гвозди, клещи, наверху – кумган. Лицевая сторона этих крестов имеет следы двухцветной эмали, оборот – следы золочения (?).

Следующая группа крестов в количестве 22 (9,4 %) экз. относится к 5-му типу. Вся поверхность у средокрестия заполнена растительным орнаментом, а сама форма креста ажурная (рис. 3, 6, 6.1, 7, 7.1).

Наибольшим разнообразием в нашей коллекции отличаются кресты, которые относятся к типу 4. Эта группа насчитывает 21 (9 %) экз. Мы обнаружили подтипы 1, 2, 6. У подтипа 1 планки расположены перпендикулярно, углы средокре-

Рис. 1. Крест-распятие наперсный (лицевая и обратная сторона).

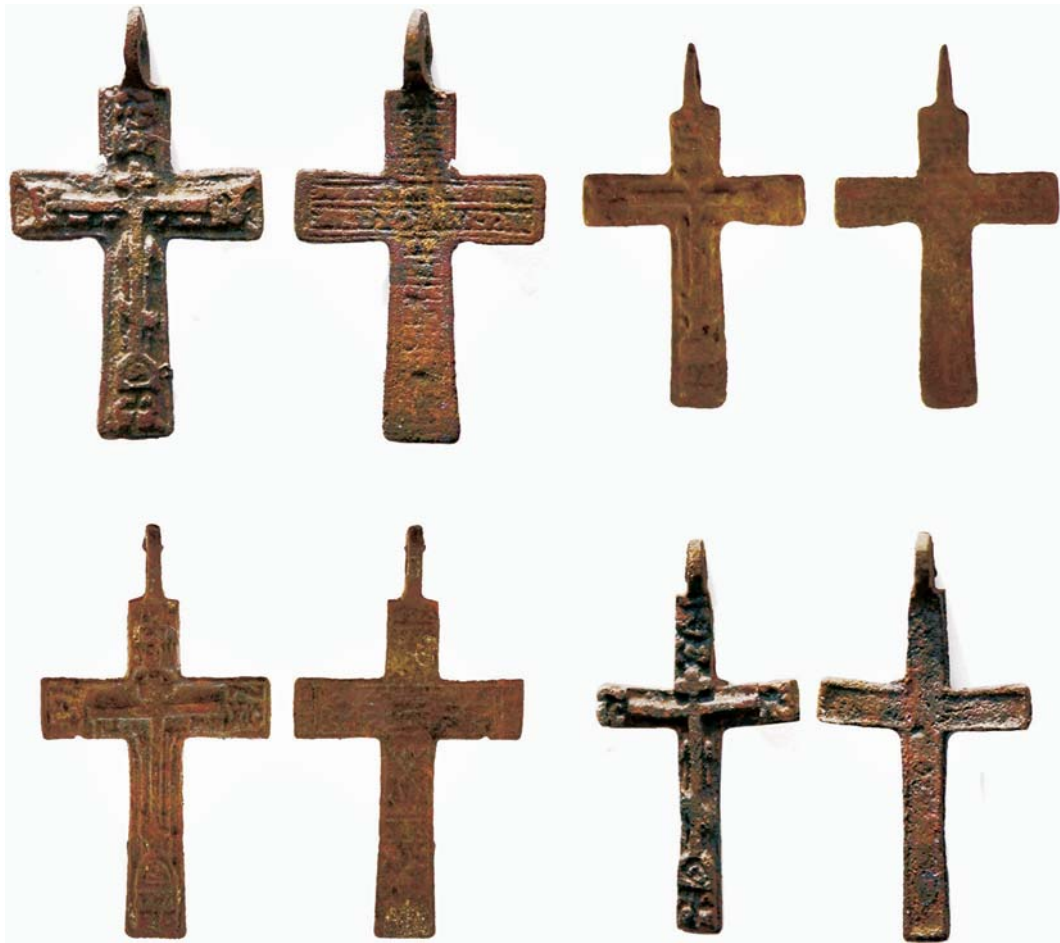

Рис. 2. Кресты нательные, тип 1 (лицевая и оборотная сторона).

стия прямые, от углов средокрестия отходят лучи, оборотная и лицевая стороны украшены геометрическим орнаментом, на лицевой стороне изображен восьмиконечный крест, надписи стерты, имеются следы золочения (рис. 4, 1, 1.1, 2, 2.1). Подтип 2 отличается наличием волют вокруг средокрестия, что придает кресту ажурную форму (рис. 4, 4, 4.1). Один крест данного подтипа мы отнесли к другому варианту. Он имеет усложненные фигурные оконечности и украшенную цатой лицевую часть (рис. 4, 3, 3.1). Для 6-го подтипа характерны не только венки вокруг средокрестия, но и закругленные окончания планок (рис. 4, 5).

Крестов 7-го типа всего 8 (3,4 %), но их все можно считать уникальными, потому что они встречаются достаточно редко. Для этого типа характерны прямой угол в средокрестии и расширение планок, оконечности которых имеют подтреугольную форму. К подтипу 2 мы отнесли три креста, близкие по форме и сюжету оборотной стороны, где представлен образ «Орудия Страстей Христовых», но оформление лицевых сторон у них различно. На одном из них на лицевой сто-

роне помещено изображение восьмиконечного креста, но не рельефное и выпуклое, как обычно, а выполненное методом вдавливания. На месте традиционных надписей находятся точечные вдавливания в верхней части и жемчужины на окончаниях поперечной планки. На обороте на вертикальной планке изображен петух на столбе, на средокрестии – гроб Господень, на правой лопасти – клещи и молоток, на левой рисунок затерт (рис. 5, 1, 1.1). На другом изделии этой же формы на лицевой стороне центральным сюжетом является образ распятия Христа, под оглавием помещено изображение Бога Саваофа, под которым видна птица, на оконечностях – лики святых, на обороте – Орудия Страстей Христовых (рис. 5, 2, 2.1). На третьем предмете весь этот сюжет помещен на лицевую сторону. Из-за плохой сохранности изделия образ распятого Христа нечеткий, лик затерт, видны следы белой эмали (рис. 5, 3, 3.1). Еще один предмет, отнесенный к этому типу, – это миниатюрный крест, планки которого расширяются и заканчиваются фигурными выступами, оборотная сторона гладкая, декорирована бортиком (рис. 5, 4).

Рис. 3. Кресты нательные.
 1-3 – тип 8; 4, 5 – тип 6; 6, 7 – тип 5.

Рис. 4. Кресты нательные, тип 4.
1, 2 – подтип 1; 3, 4 – подтип 2; 5 – подтип 6.

Кроме того, еще одно изделие условно отнесено к 7-му типу, с которым его сближает округлая форма оконечностей лопастей с декоративными шариками на концах. Его поверхность затерта, но видны следы позолоты и своеобразный сюжет на нижней части вертикальной планки – лик святого вполборота, ниже цветочный орнамент, фигурное ушко. Вероятно, после реставрации данный экземпляр можно будет выделить в отдельный тип (рис. 5, 5).

Один крест отнесен к 10-му типу. Он фигурный, его лопасти украшены трилистниками. На лицевой стороне рельефный восьмиконечный крест, на верхней лопасти видна надпись «Цръ слав» в одну строчку, на оконечностях боковых лопастей в круге помещены буквы «ІС» и «ХС». Оборот

креста гладкий, ушко-оглавие круглое, плоское (рис. 5, 6).

В исследованной нами коллекции Спасского собора обнаружен новый тип, который не был встречен в памятниках Сибири (рис. 5, 7). Он полностью соответствует IX типу по типологии Э.П. Винокуровой [1999, с. 347, табл. VIII, 1] и представляет собой четырехконечный крест, лопасти которого украшены «лилиеподобными» трилистниками, на нижней части перпендикулярной лопасти с обеих сторон такие же фигурные выступы. Такой же экземпляр отмечен в каталоге 1000-летия крещения Руси. Он описывается следующим образом: «Наперсный крест, процветший с концами в виде трилистников и прямыми углами в средокрестии. Внешний контур древа

Рис. 5. Кресты нательные.
1–5 – тип 7; 6 – тип 10; 7 – новый тип.

украшен волютами. На лицевой стороне – рельефный восьмиконечный Голгофский крест с копьем и тростью по сторонам. На верхней оконечности – монограмма (Царь Славы) в две строки под титлами. На боковых оконечностях – монограмма под титлами. Под основной перекладиной креста – аббревиатура (Ника = Победитель, Копие, Трость). Под Голгофой, в нижней оконечности креста монограмма Места Лобное Рай Бысть в две строки без титлов. Оглавие имеет вид ушка» [Станюкович, Осипов, Соловьев, 2003, с. 47]. Размеры нашего изделия $4,8 \times 3,6$ см, на лицевой стороне отчетливо виден крест, поверхность патинирована, поэтому точнее описать не удастся. Таких изделий найдено три.

Первые пять типов имеют широкое распространение в памятниках Нового времени. Тип 1 встречается повсеместно, тип 4 отмечен в памятниках Омской, Кемеровской, Томской, Иркутской, Новосибирской обл. [Бердников, 2012а, с. 164, рис. 5–12, 34; 2012б, с. 167, рис. 2; Татаурова, Кромм, 2010; Сизев, Ермоленко, Соловьев, 2018, с. 52, 55; Боброва, 2014, с. 217; Сальникова, 2020, с. 72]. Типы 5, 6, 7 и 10 более редки, тем не менее подобные обнаружены в Илимском остроге, в Крестовке и Спасском соборе г. Иркутска, Тискинском могильнике в Томской обл., Кривошековском некрополе г. Новосибирска [Молодин, 2007; Бердников, 2012а, б; Боброва, 2004, с. 109, рис. 16; Сальникова, 2020, с. 72].

Вероятно, формы крестов 1-го, 4-го и 5-го типов наиболее ранние и были распространены на широкой территории, о чем свидетельствует факт их обнаружения не только в Сибири, но и в Кировской обл. [Глушкова, Кайсин, 2017, с. 69]. Подобные изделия выявлены в Самари-Богородицкой крепости (Днепропетровск) [Векленко, 2010, с. 74–75, табл. 1]. В.А. Векленко датирует их концом XVII – XVIII в., называя кресты пятого типа «барочными» [Там же, с. 46].

Достаточно редки кресты-тельники с изображением Орудий Страстей Христовых. По мнению С.В. Гнутовой, «со второй половины XVII века композиции с изображением Орудий Страстей Христовых начинают воспроизводиться на крестах» [1994, с. 68]. Кресты с подобной иконографией обнаружены в Кривошековском некрополе [Сальникова, 2020, с. 73], Илимском остроге [Молодин, 2007, с. 216–217]. Уникален тот факт, что на одном кресте из Спасского некрополя этот сюжет нанесен на лицевой стороне, кроме того, аналогий крестов-тельников с изображением образов святых пока не найдено.

Заключение

Анализ ставрографической коллекции Спасского некрополя г. Куйбышева (Каинска) дает основание сделать вывод о разнообразии типов крестов-тельников. В собрании представлены практически

все известные типы, выявлен тип креста, ранее не встреченный в сибирских археологических памятниках. Особый интерес представляют кресты 7-го типа с изображением образов святых и Орудий Страстей Христовых, поскольку данный вид иконографии использовался недолгое время. Этот факт может быть полезен для уточнения датировки погребений. Обнаружение креста-распятия как предмета церковного благочестия свидетельствует о погребении священнослужителя. Привлечение архивного материала впоследствии, вероятно, даст возможность идентифицировать данное погребение.

В дальнейшем при более углубленных исследованиях данной ставрографической коллекции и после ее реставрации могут быть внесены коррективы в полученные нами результаты, которые сейчас следует рассматривать как предварительные.

Список литературы

Бердников И.М. Нательные кресты, иконки и образки из раскопок Крестовоздвиженского некрополя (Иркутск) // Изв. Иркут. гос. ун-та. – Сер.: Геохронология. Этнология. Антропология. – 2012а. – № 1 (1). – С. 138–165.

Бердников И.М. Кресты-тельники из некрополя Спасской церкви города Иркутска // Вестн. Новосибир. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2012б. – Т. 11, № 7. – С. 164–178.

Боброва А.И. Нательные кресты с Тискинского могильника // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 4. – С. 107–115.

Боброва А.И. Нательные кресты из могильников Прикетья // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 2014. – Т. I. – С. 215–219.

Векленко В.А. Нательные кресты Самари-Богородицкой крепости. – Днепропетровск: Изд-во Днепропетр. нац. ун-та, 2010. – 213 с.

Винокурова Э.П. Металлические кресты-тельники XVII в. // Культура средневековой Москвы. – М.: Наука, 1999. – С. 326–360.

Глушкова А.В., Кайсин А.О. К вопросу о типологии нательных крестов из музейных собраний с территории Кировской области // Вестн. археологии и этнографии Пермского Предуралья. – 2017. – № 7. – С. 67–74.

Гнутова С.В. Орудия Страстей Христовых на русских крестах XVII–XIX веков // Филевские чтения. – М., 1994. – Вып. V. Мат-лы Третьей науч. конф. по проблемам русской культуры второй половины XVII – начала XVIII века. 8–11 июля 1993 г. – С. 68–86.

Молодин В.И. Кресты-тельники Илимского острога. – Новосибирск: ИНФОЛИО, 2007. – 248 с.

Павлова Н.И., Гайер И.Н. Особенности застройки города Куйбышева (Каинска) // Баландинские чте-

ния: сб. ст. X Науч. чтений памяти С.Н. Баландина, 15–17 апр. 2015 г. – Новосибирск: Новосиб. гос. архит.-худож. академия, 2015. – Т. 10. – С. 256–260.

Сальникова И.В. Ставрографическая коллекция Кривошековского некрополя (типология, семантика) // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. – 2020. – № 22 (1). – С. 67–77. – doi:10.21603/2078-8975-2020-22-1-67-77.

Сизев А.С., Ермоленко Л.Н., Соловьев А.И. Коллекция нательных крестов из поселения Кулаково III в Нижнем Притомье // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. – 2018. – № 2. – С. 50–59. – doi:10.21603/2078-8975-2018-2-50-59.

Станюкович А.К., Осипов И.Н., Соловьев Н.М. Тысячелетие креста: Произведения русской христианской металлопластики X–XX веков из частных собраний. – М.: [б. и.], 2003. – 62 с.

Татаурова Л.В., Кромм И.Д. К вопросу о типологии крестов-тельников из русских памятников Сибири // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. – Томск: Агро-Пресс, 2010. – С. 284–285.

Тимошенко А.А., Морозов А.А., Кравцова А.С., Селин Д.В., Бычков Д.А., Колонцов С.В. Предварительные результаты историко-археологического исследования Спасского собора (город Куйбышев) в 2019 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. XXV. – С. 808–814. – doi:10.17746/2658-6193.2019.25.808-814.

References

Berdnikov I.M. Pectoral crosses, icons, and miniature icons from excavations at Krestovozdvizhensky Necropolis (Irkutsk). In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya*, 2012a, No. 1, pp. 138–165. (In Russ.).

Berdnikov I.M. The pectoral crosses found during the excavation of the church of Savior's necropolis in Irkutsk. In *Novosibirsk State Univ. Bulletin. Series: History and Philology*, 2012b, No. 11 (7), pp. 164–178. (In Russ.).

Bobrova A.I. Natel'nye kresty s Tiskinskogo mogil'nika. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2004, No. 4, pp. 107–115. (In Russ.).

Bobrova A.I. The Priket'e Burial Crosses Worn Next to the Skin. In *Culture of Russians in archaeological researches*. Omsk; Tyumen; Yekaterinburg: Magellan, 2014, vol. I, pp. 215–219. (In Russ.).

Gnutova S.V. Orudiya Strastei Khristovykh na russkikh krestakh XVII–XIX vekov. In *Filevskie chteniya*, Moscow, 1994, iss. V: Materialy Tret'ei nauchnoi konferentsii po problemam russkoi kul'tury vtoroi poloviny XVII – nachala XVIII veka, 8–11 July, 1993, pp. 68–86. (In Russ.).

Molodin V.I. Cross-vests of the Ilimsk fortress. *Novosibirsk: Infolio*, 2007, 246 p. (In Russ.).

Pavlova N.I., Gaier I.N. Osobennosti zastroiki goroda Kuibysheva (Kainska). In *Balandinskie chteniya*. Novosibirsk: Novosibirskaya gosudarstvennaya arkhitekturno-khudozhestvennaya akademiya, 2015, vol. 10, pp. 256–260. (In Russ.).

Salnikova I.V. Staurographic Collection of the Krivoshchyokovo Necropolis (Typology and Semantics). In *Bulletin of Kemerovo State University*, 2020, No. 22 (1), pp. 67–77. doi:10.21603/2078-8975-2020-22-1-67-77. (In Russ.).

Sizyov A.S., Ermolenko L.N., Solovyev A.I. Collection of baptismal crosses from the archeological site of Kulakovo III in the Lower Tom' valley. In *Bulletin of Kemerovo State University*, 2018, No. 2, pp. 50–59. doi:10.21603/2078-8975-2018-2-50-59. (In Russ.).

Stanyukovich A.K., Osipov I.N., Solovyev N.M. Tsyacheletie kresta: Proizvedeniya russkoi khristianskoi metalloplastiki X–XX vekov iz chastnykh sobranii. Moscow: [s.n.], 2003, 62 p. (In Russ.).

Tataurova L.V., Kromm I.D. К вопросу о типологии крестов-тел'ников из russkikh pamyatnikov Sibiri. In *Kul'tura*

kak sistema v istoricheskom kontekste: Opyt Zapadno-Sibirskikh arkhologo-etnograficheskikh soveshchaniy. Tomsk: Agro-Press, 2010, pp. 284–285. (In Russ.).

Timoshchenko A.A., Morozov A.A., Kravtsova A.S., Selin D.M., Bychkov D.A., Kolontsov S.V. Preliminary Results of Historical and Archaeological Research of the Spassky Cathedral in the City of Kuibyshev in 2019. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019, vol. XXV, pp. 808–814. (In Russ.).

Veklenko V.A. Natelnye kresty Samari-Bogoroditskoi kreposti. Dnepropetrovsk: Dnepropetrovsk Nat. Univ. Press, 2010, 216 p. (In Russ.).

Vinokurova E.P. Metallicheskie kresty-tel'niki XVII v. In *Kul'tura srednevekovoï Moskvy*. Moscow: Nauka, 1999, pp. 326–360. (In Russ.).

Сальникова И.В. <https://orcid.org/0000-0003-3239-9418>
Тимошенко А.А. <https://orcid.org/0000-0003-2865-0841>

**М.В. Селецкий^{1,2}, О.А. Митько^{1,2}, В.А. Чертыков¹,
А.А. Морозов¹, Р.В. Давыдов^{1,2}✉, А.В. Выборнов¹**

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

²Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

E-mail: puer-viro@mail.ru; vybornov@archaeology.nsc.ru

Предварительные данные археологических раскопок погребальных комплексов периода поздней бронзы на курганном могильнике Казановка-6 в Аскизском районе Республики Хакасии в 2020 году

В ходе проведения спасательных археологических раскопок на площади курганного могильника тагарской культуры Казановка-6 в Аскизском р-не Республики Хакасии выявлен погребальный комплекс периода поздней бронзы, представленный серией каменных оградок и ящичков. Он занимает северную часть курганного могильника, изучен раскопами 6, 21а и 21б. В раскопе 6 был обнаружен могильный комплекс карасукской культуры. Могилы располагались как вокруг центрального сооружения в основной ограде, так и в отдельных оградах и пристройках. Они представлены каменными ящичками прямоугольной и трапецевидной формы. Ограды ориентированы по сторонам света. Большинство погребений разграблено или разрушено в древности. Перекрытия над могилами, состоящие из плоских плит, смещены или провалились в могильные ямы. Кости в могилах лежали хаотично. Судя по расположению сохранившихся неповрежденными частей скелетов и форме каменных ящичков, сделан вывод, что погребенные были ориентированы головой на запад или восток. Погребальный инвентарь составляют фрагменты керамических сосудов и бронзовые предметы (ременные обоймы, бляхи-«зеркала», фрагменты проволочных серег, заклепки с округлыми головками, лапчатая подвеска). В раскопе 21а выявлено разрушенное при строительстве и эксплуатации железной дороги скопление камней, которое интерпретировано как часть могильника поздней бронзы. Два погребения в каменных ящичках, окруженные оградами, обнаружены в раскопе 21б. Оба погребения сильно нарушены в древности. В могилах зафиксированы антропологические останки и керамический сосуд. Исходя из особенностей погребального обряда, морфометрической характеристики сооружений, состава погребального инвентаря, погребения предварительно отнесены к I (карасукскому) этапу периода позднего бронзового века.

Ключевые слова: Хакасско-Минусинская котловина, Аскиз, период поздней бронзы, карасукская культура, погребения, каменные оградки, каменные ящички.

**Maxim V. Seletskiy^{1,2}, Oleg A. Mitko^{1,2}, Vladimir A. Chertykov¹,
Anatoly A. Morozov¹, Roman V. Davydov^{1,2}✉, Anton V. Vybornov¹**

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

²Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia

E-mail: puer-viro@mail.ru; vybornov@archaeology.nsc.ru

Provisional Data of Rescue Excavations of Burial Sites of the Late Bronze Age in the Area of the Kazanovka-6 Burial Ground in the Askiz District of the Republic of Khakassia in 2020

During the rescue archaeological excavations in the area of the Kazanovka-6 burial mound of the Tagar culture in the Askiz district of the Republic of Khakassia, a Late Bronze Age burial complex, represented by a series of stone fences and

cysts, was discovered. It occupies the northern part of the burial mound and was studied by excavations No. 6, 21a, and 21b. A burial complex of the Karasuk culture was discovered in excavation No. 6. The graves were located both around the central structure in the main fence, and in separate fences and annexes. They are represented by rectangular and trapezoidal stone cysts. Fences are oriented to the cardinal points. Most of the burials were plundered or destroyed in antiquity. Overappings over the graves, consisting of flat slabs, are displaced or fell into the grave pits. The bones in the graves were arranged chaotically. Based on the location of undisturbed parts of the skeletons and the shape of the stone cysts, it was concluded that the buried were oriented to the west or east. The burial inventory is represented by fragments of ceramic vessels and bronze objects (belt clips, plate "mirrors," fragments of wire earrings, rivets with rounded heads, clawed pendant). Excavation 21a revealed an accumulation of stones destroyed during the construction and operation of the railway, which was interpreted as part of a Late Bronze burial ground. Two burials in stone cysts surrounded by fences were found in excavation 21b. Both burials were badly damaged in antiquity. Anthropological remains and a ceramic vessel were recorded in the graves. Based on the features of the burial rite, the morphometric characteristics of the structures, the composition of the burial implements, the burials were preliminarily attributed to Stage I (Karasuk) of the Late Bronze Age.

Keywords: Khakass-Minusinsk depression, Askiz, Late Bronze Age, Karasuk culture, burial mounds, stone cysts.

Наиболее полно эпоха поздней бронзы в Минусинской котловине представлена памятниками карасукской культуры. Благодаря хорошо разработанной периодизации погребальных комплексов и типологии сопроводительного инвентаря, многие ее памятники являются опорными не только для Южной Сибири, но и для сопредельных территорий. Цель статьи – осветить результаты полевых исследований курганов периода поздней бронзы (карасукской культуры) на площади курганного могильника Казановка-б, связанных с выполнением мероприятий по обеспечению сохранности объектов археологического наследия в зоне планируемого строительства объекта «Второй путь на перегоне Югачи–Казановская Красноярской железной дороги» в Аскизском р-не Республики Хакасии. Погребальные структуры карасукской культуры в зоне воздействия железной дороги в 2020 г. исследованы в рамках отдельных раскопок. Дальнейшие спасательные раскопки существенно расширят представления о планиграфии и хронологии могильника, поэтому в статье приведены предварительные результаты атрибуции и интерпретации полученных данных.

В процессе проведения спасательных археологических раскопок ИАЭТ СО РАН на площади курганного могильника тагарской культуры Казановка-б выявлен погребальный комплекс периода поздней бронзы. Курган 6 в ходе предшествующей разведки был определен как частично разрушенный тагарский курган, подобный нескольким десяткам других объектов могильника, расположенных вдоль железной дороги. Однако при раскопках этого кургана обнаружилось, что он содержит поле каменных оградок и ящиков периода поздней бронзы. В целях выяснения его границ раскоп был расширен и заложены дополнительные площади для исследования слабовыраженных воз-

вышенностей (раскопы 21а, 21б). Полевые работы показали, что могильное поле периода поздней бронзы распространяется за пределами исследованных площадей.

Еще при проведении рекогносцировочных работ было зафиксировано большое количество разновременных техногенных нарушений (лесозащитная полоса, противопожарная опашка, грунтовая дорога и пр.). Именно с их наличием связано смещение и частичное разрушение сооружений практически всех археологических объектов. Очевидно, что некоторые курганы могильника находились на участке, по которому непосредственно было проложено железнодорожное полотно.

Группа погребений периода поздней бронзы занимает северную часть курганного могильника. Со всех сторон, кроме северной, эти погребения приближаются (5–25 м) к курганам тагарской культуры. Часть могильника изучена серией раскопов: основной раскоп б с прирезками и раскопы 21а, 21б. Заложены с целью изучения слабовыраженных возвышенностей, предположительно, карасукской культуры раскоп 21в показал наличие курганов с разрушенной насыпью самых ранних этапов тагарской культуры; результаты работ в нем не приводятся в данной статье.

Курган 6. Объект представлял собой могильный комплекс позднего бронзового века – карасукской культуры. Абсолютное большинство погребений нарушено в древности. Центральная бровка проведена через выкладку горизонтально лежащих плит в центре раскопа, которые были использованы в качестве перекрытия могил и, как оказалось, смещены в результате разграбления.

После снятия дерна и зачистки исследуемой площади было зафиксировано семь могил. Благодаря расширению раскопа в северном направлении на 2 м в длину и 5,5 м в ширину обнаружена моги-

ла 8 с частично сохранившимися стенками ящика и ограды. Помимо этого, сделаны дополнительные прирезки с юго-восточной (четыре погребения) и восточной (четыре погребения) сторон.

Все могилы в пределах площади раскопа располагались как вокруг центрального сооружения в основной ограде, так и в отдельных оградах и пристройках. Исключение составила могила 1, у которой ограда отсутствовала. Могилы представлены каменными ящиками прямоугольной и трапециевидной формы (до 2 м в длину, 0,6–0,8 м в ширину, противоположные стенки параллельны или субпараллельны, толщина плит до 5–7 см). Их ориентировка соответствовала ориентировке оград по странам света. Верхние части плит ящиков сме-

щены в ходе тафономических процессов, разрушения лесозащитными насаждениями и строительными и ремонтными работами на железной дороге, а также древними нарушениями. Практически все перекрытия над могилами, состоявшие из плоских плит, уложенных в 1–2 слоя, смещены со своих мест или провалились в могильные ямы. Большинство захоронений разрушено и разграблено, кости скелетов лежали хаотично и встречались на всех уровнях заполнения могильных ям. Непотронутой осталась только могила 7 (рис. 1). В части могил черепа отсутствовали. Предварительно, судя по сохранившимся костям скелетов там, где можно видеть их положение *in situ*, и по форме каменных ящиков, погребенные были ориентированы головой на запад и восток. Планиграфические или хронологические детерминанты ориентировки погребенных на данном могильнике пока не установлены.

Во многих случаях на костях скелетов, в заполнениях и на дне могильных ям фиксировались следы окислов бронзы – остатки извлеченных из погребений бронзовых изделий. В большей части могил обнаружены керамические сосуды (до двух сосудов в погребении). В частности, в могиле 4 под наклонно стоявшей плитой уцелел керамический сосуд, тулово которого украшено орнаментом, сочетающим треугольные фигуры и зигзагообразные линии (рис. 2, 1).

В могиле 7 обнаружен анатомически почти полный скелет, лежащий вплотную к южной (длинной) стенке каменного ящика (грудной отдел на спине, ноги развернуты коленями вниз, череп на правой стороне) (см. рис. 1). А.В. Поляков относит подобную позу к варианту положения тела А, не связанному с местными традициями [2009, с. 41]. В районе тазовых костей располагалась бронзовая лапчатая подвеска (рис. 2, 4). В материалах карасукской культуры подвески с боковыми гранями в виде волнистых линий отнесены к типу I и идентифицируются преимущественно в качестве женских головных украшений. Они были распространены в поздний период «классического» и на протяжении всего «каменоложского» этапа карасукской культуры [Поляков, 2006, с. 89, 99].

Помимо этого, среди костей скелета

Рис. 1. Погребение в могиле 7 кургана 6 могильника Казановка-6.

и на дне могильной ямы найдено 25 обойм от ремня. Они изготовлены из тонкого бронзового листа и имеют плохую сохранность (длина до 1,4 см, ширина 0,3–0,5 см). Скорее всего, украшенный бронзовыми обоями узкий кожаный ремень был одной из деталей женского костюма и с ним могла быть связана лапчатая подвеска, что может отражать локальные различия в костюме отдельных групп карасукского населения. Из предметов сопроводительного инвентаря также следует отметить бляхи-«зеркала» (могилы 3, 6), отличающиеся от хорошо известных в сибирских древностях бронзовых зеркал раннего железного века небольшой выпуклостью (рис. 2, 2, 3), фрагменты бронзовых проволочных серег и небольшие заклепки с округлыми головками. Последние были обнаружены в районе окончания стоп (могила 1).

Раскоп 21а. В данном раскопе найдено разрушенное при строительстве и эксплуатации железной дороги скопление камней, ассоциированное с небольшой ямой. Судя по планиграфически-стратиграфической позиции, это часть могильника периода поздней бронзы. К северо-западу от скопления зафиксирован угол оградки карасукского кургана, сnivelированного насыпью железной дороги.

Раскоп 21б. Расположен к югу от раскопа кургана 6 и отделен от него железной дорогой. В нем обнаружены два погребения в каменных ящиках, окруженные каменными оградками. В обоих случаях зафиксированы отдельные сохранившиеся части стенок. Стенки ограды ориентированы по сторонам света с небольшим смещением против часовой стрелки на 15–20°. Средние размеры целых плиток ограды – 0,5 × 0,3 × 0,03 м. Большая часть плиток сильно повреждена распашкой территории могильника. Лучше всех сохранились северная и восточная стены. Каменные ящики расположены в центральной части конструкции с небольшим смещением в восточном направлении. Ориентированы по оси юг-юго-запад – север-северо-восток. Ящики сложены из цельных плит (по две поперечные и продольные). Плиты повреждены в процессе распашки и сильно растрескались. Толщина плит – 0,03–0,05 м. В погребениях зафиксированы антропологические останки и керамический сосуд. Обе могилы сильно нарушены в древности. На костях скелетов видны следы от бронзовых изделий. В одном из погребений сохранились кости барана.

В большинстве случаев можно судить о характере нарушения погребений. Предполагаем, что

Рис. 2. Погребальный инвентарь из кургана 6 могильника Казановка-6.

1 – керамический сосуд (могила 4); 2 – бляха (могила 3); 3 – бляха-«зеркало» (могила 6); 4 – лапчатая подвеска (могила 7).
2–4 – бронза.

после захоронения умершего и завершения формирования погребальной конструкции в могильную камеру было осуществлено проникновение. На момент повторного вскрытия каменный ящик не был еще заполнен грунтом либо был заполнен частично, соответственно, «грабителям» не понадобилось раскапывать камеру. Из захоронений, скорее всего, были извлечены бронзовые предметы, о присутствии которых свидетельствуют зеленые окислы на костях и камнях. В процессе изъятия предметов большинство костей было перемещено и извлечено полностью либо за небольшим исключением. После «разграбления» ящики были засыпаны грунтом вперемешку с небольшими плитами.

В научной литературе ко времени поздней бронзы в Хакасско-Минусинской котловине принято относить период с конца II по начало I тыс. до н.э., представленный на этой территории карасукской культурой [Теплоухов, 1929; Киселев, 1951; Грязнов, Пяткин, Максименков, 1968]. В нашей работе учитывается периодизация, относительно недавно разработанная А.В. Поляковым и И.П. Ла-

заретовым. В ней период поздней бронзы Южной Сибири представлен в четырех этапах, которые, в свою очередь, подразделяются на хронологические горизонты. Периодизация основана на детальном анализе встречаемости элементов погребальных конструкций, особенностях обрядовых традиций и инвентаря. Она отражает относительную последовательность позднебронзовых памятников Хакасско-Минусинской котловины. Таким образом, по хронологии погребальных комплексов определены временные рамки появления на этой территории ранее неизвестных украшений, их бытования, распространения и видоизменения.

За самым ранним, I этапом, А.В. Поляковым и И.П. Лазаретовым оставлено традиционное название карасукский. В его составе выделяются два последовательных хронологических горизонта или подэтапа: ранний I-а и поздний I-б. Следующий этап, карасук-лугавский (II этап), также включает два хронологических горизонта – II-а и II-б. В III этап, лугавский, входят хронологические горизонты III-а, III-б и III-в. Последний, IV этап, баиновский, состоит из подэтапов IV-а и IV-б [Лазаретов, 2006; Лазаретов, Поляков, 2008, с. 33–46; Поляков, 2002; 2020, с. 36]. Данная периодизация отражает динамику эволюции наборов украшений на протяжении всех четырех этапов эпохи поздней бронзы Минусинской котловины.

Особенности погребального обряда, морфометрическая характеристика сооружений и сопроводительного инвентаря, включающего бронзовые «зеркала», обоймы ремней и других украшений, в т.ч. предметов персонального использования, в сочетании с наличием плоскодонных керамических сосудов позволяют предварительно отнести часть курганного могильника Казановка-6 к I (карасукскому) этапу периода позднего бронзового века. При этом нельзя исключить, что присутствие могил с ориентацией умерших головой на запад может свидетельствовать о заключительном периоде этого этапа, граничащем с ранней стадией II (карасук-лугавского) этапа.

В настоящее время изучение карасукской культуры Минусинской котловины является актуальной и перспективной темой для реконструкции ряда ключевых моментов в истории бронзового века Южной Сибири, включая восстановление таких явлений, как миграции древнего населения из соседних, порой далеко расположенных регионов. Полученные в ходе полевых работ материалы раскопок карасукских курганов могильника Казановка-6 служат существенным дополнением археологических источников по древней истории населения Южной Сибири в эпоху бронзы.

Благодарности

Авторы искренне благодарны В.С. Зубкову, Ю.В. Тетерину, Н.А. Боковенко, А.В. Полякову, С.В. Александрову за советы и консультации при исследовании памятника, А.В. Герих за технологическое и камеральное сопровождение раскопок части курганного могильника. Культурно-хронологическая атрибуция и интерпретация материалов археологических полевых работ выполнены по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № 0329-2019-0007 «Изучение, сохранение и музеефикация археологического и этнокультурного наследия Сибири».

Список литературы

- Грязнов М.П., Пяткин Б.Н., Максименков Г.А.** Карасукская культура // История Сибири. – Л.: Наука, 1968. – С. 180–196.
- Киселев С.В.** Древняя история Южной Сибири. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 643 с.
- Лазаретов И.П.** Заключительный этап эпохи бронзы на Среднем Енисее: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2006. – 34 с.
- Лазаретов И.П., Поляков А.В.** Хронология и периодизация комплексов эпохи поздней бронзы Южной Сибири // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. – Барнаул: Концепт, 2008. – С. 33–55.
- Поляков А.В.** Схема периодизации классического этапа карасукской культуры // Степи Евразии в древности и средневековье. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. – С. 209–231.
- Поляков А.В.** Лапчатые привески карасукской культуры (по материалам погребений) // Археологические Вести. – 2006. – Вып. 13. – С. 82–101.
- Поляков А.В.** Положение тела погребенного в могилах эпохи поздней бронзы на Среднем Енисее // Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий: история, современное состояние, перспективы. – Абакан: Абакан. книж. изд-во, 2009. – С. 40–43.
- Поляков А.В.** Проблемы хронологии и культурогенеза памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – СПб., 2020. – 53 с.
- Теплоухов С.А.** Опыт классификации древних металлургических культур Минусинского края (В кратком изложении) // Материалы по этнографии. – 1929. – Т. IV, вып. 2. – С. 44–45.

References

- Gryaznov M.P., Pyatkin B.N., Maksimenkov G.A.** Karasukskaya kul'tura. In *Istoriya Sibiri*. Leningrad: Nauka, 1968, pp. 180–196. (In Russ.).

Kiselev S.V. Drevnyaya istoriya Yuzhnoi Sibiri. Moscow: AS USSR Publ., 1951, 643 p. (In Russ.).

Lazaretov I.P. Zaklyuchitel'nyi etap epokhi bronzy na Srednem Enisee: cand. sc. (history) dissertation abstract. St. Petersburg, 2006, 34 p. (In Russ.).

Lazaretov I.P., Polyakov A.V. Khronologiya i periodizatsiya kompleksov epokhi pozdnei bronzy Yuzhnoi Sibiri. In *Etnokul'turnye protsessy v Verkhnem Priob'e i sopredel'nykh regionakh v kontse epokhi bronzy*. Barnaul: Kontsept, 2008, pp. 33–55. (In Russ.).

Polyakov A.V. Skhema periodizatsii klassicheskogo etapa karasukskoi kul'tury. In *Stepi Evrazii v drevnosti i srednevekov'e*. St. Petersburg: Gos. Ermitazh Publ., 2002, pp. 209–231. (In Russ.).

Polyakov A.V. Lapchatye priveski karasukskoi kul'tury (po materialam pogrebenii). *Arkheologicheskiye Vesti*, 2006, iss. 13, pp. 82–101. (In Russ.).

Polyakov A.V. Polozhenie tela pogrebnogo v mogilakh epokhi pozdnei bronzy na Srednem Enisee. In *Narody*

i kul'tury Yuzhnoi Sibiri i sopredel'nykh territorii: istoriya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy. Abakan: Abakanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2009, pp. 40–43. (In Russ.).

Polyakov A.V. Problemy khronologii i kul'turogeneza pamyatnikov epokhi paleometalla Minusinskikh kotlovin: doct. sc. (history) dissertation abstract. St. Petersburg, 2020, 53 p. (In Russ.).

Teploukhov S.A. Opyt klassifikatsii drevnikh metallicheskh kul'tur Minusinskogo kraia (V kratkom izlozhenii). In *Materialy po etnografii*, 1929, vol. IV, iss. 2, pp. 44–45. (In Russ.).

Селецкий М.В. <https://orcid.org/0000-0003-2581-8792>

Митько О.А. <https://orcid.org/0000-0002-7741-3167>

Чертыков В.А. <https://orcid.org/0000-0002-3240-0311>

Морозов А.А. <https://orcid.org/0000-0002-5545-8356>

Давыдов Р.В. <https://orcid.org/0000-0001-6580-2811>

Выборнов А.В. <https://orcid.org/0000-0002-9063-5223>

А.А. Тимощенко✉, **О.В. Белан, А.С. Кравцова, А.А. Морозов**

*Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: timoshenkoaleksey@bk.ru*

Предварительные результаты второго этапа археологических работ на местонахождении «Археологический культурный слой Спасского собора» в городе Куйбышеве в 2020 году

В 2020 г. Каинским археологическим отрядом ИАЭТ СО РАН продолжены раскопки на выявленном объекте археологического наследия «Археологический культурный слой Спасского собора», которые проводились в связи с восстановлением Спасского собора г. Куйбышева (ранее – г. Каинск), построенного в 1828 г. Собор располагался по линии Московско-Сибирского тракта, на пересечении главных улиц. Напротив него, по другую сторону тракта, находилась Базарная площадь. Спасский собор в XIX в. являлся главной композиционной доминантой города. Был разрушен в 1939 г. Первый этап спасательных археологических работ был проведен в октябре – ноябре 2019 г. Работы 2020 г. дислоцировались на четырех участках, суммарно вскрытая площадь составила 533,4 м². В ходе работ обнаружена площадка для заготовки дегтя, относящаяся ко времени существования Каинского форпоста. Полностью исследованы фундамент Спасского собора и часть прилегающего к нему кладбища. Всего в полевой сезон 2020 г. на местонахождении «Археологический культурный слой Спасского собора» зафиксировано 268 погребенных и 340 ед. археологического материала. Наряду с одиночными погребениями обнаружены два коллективных захоронения с частично нарушенной анатомией костяков. Помимо грунтовых захоронений найдены два кирпичных склепа с арочным сводом. В одном из них, вероятно, захоронена православная монахиня, о чем свидетельствуют остатки одежды с вышитым на груди крестом, предположительно рясы, и фрагменты апостольника. Также в процессе работы на памятнике были отобраны образцы для антропологических, петрографических и дендрохронологических исследований.

Ключевые слова: Новосибирская обл., Куйбышев, погребальные комплексы, археологические исследования, XVIII–XX вв., Спасский православный храм.

Alexei A. Timoshchenko✉, **Olga V. Belan, Anastasia S. Kravtsova, Anatoly A. Morozov**

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: timoshenkoaleksey@bk.ru*

Second Stage Archaeological Work at the Site “Spassky Church Cultural Layer” in Kuibyshev in 2020: Preliminary Results

In 2020, the Kainsk archaeological team of the IAET SB RAS continued excavations at the site “Spassky Church Cultural Layer”. The work was performed in connection with the restoration of the Spassky Church built in 1828. The church was located along the Moscow-Siberian tract, at the main streets intersection. Opposite to it, on the other side of the road, the Market Square was located. In the 19th century, the Spassky Church was the main compositional dominant of the city. It was destroyed in 1939. The first stage of rescue archaeological work was carried out in October-November 2019. In 2020, the work was performed in 4 areas, the total excavated area was 533.4 m². During the research, the tar preparation area was discovered, dating back to the period of the Kainsk outpost existence. The Spassky Church foundation and the part of the adjacent cemetery have been fully explored. In total, 268 buried and 340 units of archaeological material were recorded during the 2020 field season. Along with single burials, two objects represented by collective burials with partially disturbed skeletal anatomy were recorded. In addition to ground burials, two brick crypts with

an arched vault were found. In one of them, there probably was the burial of an Orthodox nun. This can be seen in the accompanying goods, i.e. remains of clothing, presumably a habit, with a cross embroidered on the chest, and fragments of the wimpel. Moreover, during the work, the samples for anthropological, petrographic, and dendrochronological analysis were taken.

Keywords: *Novosibirsk region, Kuibyshev, burial complexes, archaeological research, 18th to 20th centuries, Spassky Church.*

В 2020 г. в связи с работами по восстановлению Спасского собора Каинским археологическим отрядом ИАЭТ СО РАН продолжены раскопки на выявленном объекте археологического наследия «Археологический культурный слой Спасского собора». Первый этап работ был проведен осенью 2019 г. [Тимошенко и др., 2019].

Город Куйбышев (ранее – Каинск) является административным центром Куйбышевского р-на Новосибирской обл. Он расположен на берегу р. Омь, притока Иртыша, в 316 км от г. Новосибирска.

История Куйбышева началась с построения в 1722 г. Каинского форпоста в среднем течении р. Омь при впадении в нее р. Каинки для защиты местного населения от набегов кочевников с юга.

В 1733 г. через Каинский форпост был проложен Московско-Сибирский тракт, вследствие чего поселение стало важнейшим пунктом на пути из Омска в Томск. Рядом с трактом была построена деревянная церковь Во имя Спасителя Нерукотворного Образа, и при ней возник погост. Церковь была освящена в 1751 г. В 1755 г. форпост и церковь были перенесены на другой берег р. Каинки.

В 1782 г. Каинск получает статус уездного города сначала Тобольского, а с 1783 г. – Колыванского наместничества Томской губ.

К концу XVIII в. население Каинска составляло 658 чел. В городе было 106 жилых домов, 7 лавок и амбаров – преимущественно одноэтажные строения, покрытые берестой и дерном. Главным зданием города являлась церковь.

В 1787 г. Епископом Варлаамом была выдана грамота на строительство в Каинске каменной двухпрестольной церкви Успения Божьей Матери, которое завершилось в 1828 г. Вскоре церковь была переименована в Успенский (Спасский) собор, а прицерковная площадь стала называться Соборной. Собор располагался на тракте, на пересечении главных улиц. Напротив собора, по другую сторону тракта, находилась Базарная площадь. Здание стало важнейшей композиционной доминантой города.

В XVIII – начале XIX в. характерным стилем церковного зодчества сибирских городов было сибирское барокко. Спасский собор выстроен скорее

в канонах классицизма и имел определенное сходство с томской Знаменской церковью [Гуменюк, Ляликов, 2014, с. 229; Ростовцева, 2014].

Спасский собор состоял из притвора, трехъярусной подквадратной в плане колокольни с высоким шпилем, прямоугольного наоса, увенчанного куполом с высоким барабаном, и алтарной части с престолом, окруженных кирпичной оградой [Ситникова, 2017].

В 1834 г. томским архитектором К. Турским был составлен план застройки Каинска. К 1866 г. центральная часть города пережила сильные изменения. В результате постройки новых зданий Соборная и Базарная площади отделились друг от друга и обрели вид самостоятельных градоформирующих объектов. Собор остался территориально в границах старой церковной зоны.

В 1939 г. Спасский собор, попав под общую линию конфискации имущества церкви и уничтожения храмов, был продан тюрьме и разрушен [Истюков, 2017].

После разрушения Спасского собора территория больше не застраивалась, а в дальнейшем на месте собора и принадлежавшего ему погоста появился сквер им. В.В. Куйбышева. Таким образом, на территории современного сквера им. В.В. Куйбышева за период развития Каинского поселения, а затем г. Каинска сформировался историко-археологический культурный слой, связанный исключительно с церковным строительством и первым каинским погостом.

Впервые археологический культурный слой Спасского собора был описан и обозначен на картографических материалах разработанного проекта зон охраны историко-культурного исторического центра г. Куйбышева Новосибирской обл. в 1995 г.

Формирование объекта было обусловлено особенностями застройки Каинской слободы, а затем городской застройки г. Каинска XVIII–XIX вв. Археологический культурный слой Спасского собора расположен в центральной части исторической застройки г. Куйбышева и включает территорию участка Соборной площади, окончательно сформировавшейся к началу XIX в.

Работы 2020 г. дислоцировались на четырех участках (рис. 1).

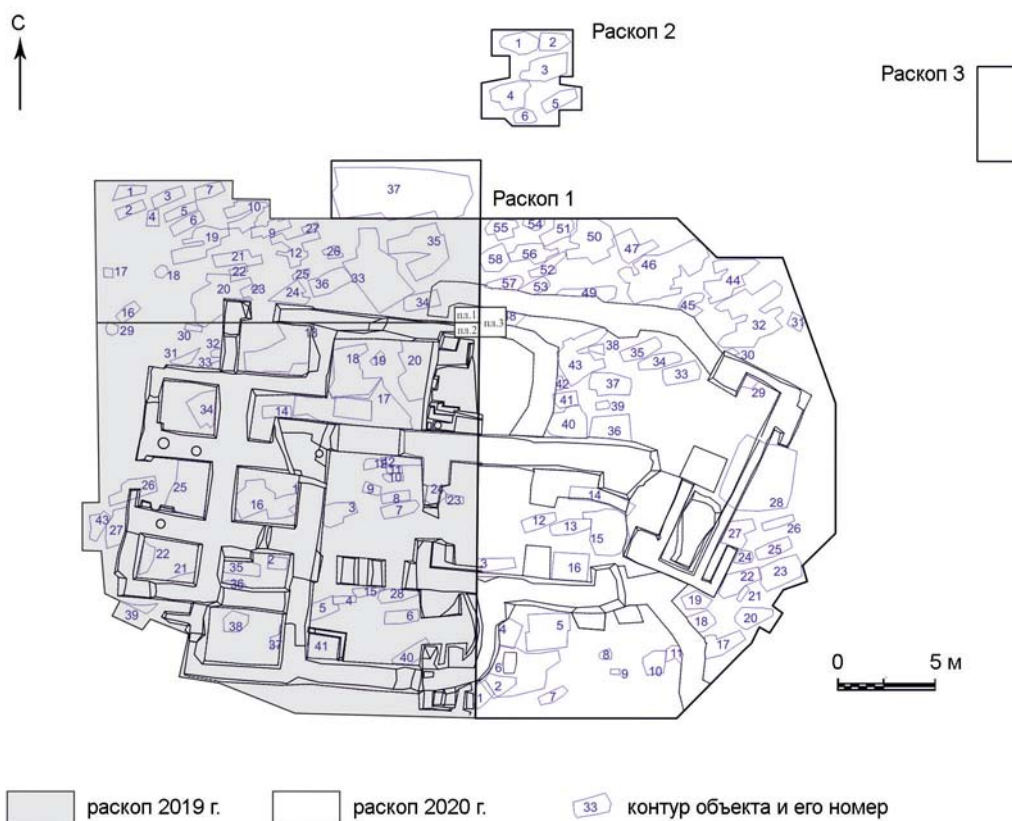

Рис. 1. Планиграфическая ситуация местонахождения «Археологический культурный слой Спасского собора».

1. Раскоп 1, площадь 3 – основная площадь работ, примыкающая к раскопу 2019 г. с востока. Всего вскрыто 469,497 м². Здесь зафиксировано продолжение фундамента Спасского собора – алтарная часть и остатки приделов. Территория раскопа подвергалась сильному техногенному воздействию в XX в. Культуросодержащие отложения

практически полностью уничтожены до «материкового» суглинка (слой 12). Здесь находилось строение прямоугольной формы на кирпичном фундаменте (постамент памятника В.В. Куйбышеву), которое разрушило фундамент собора. Всего на участке выявлено 58 объектов, содержащих останки 201 индивида. Три из них (8, 9, 11) не со-

держали археологического и антропологического материала, а являлись небольшими углублениями, заполненными строительным мусором. Объект 5 представлял собой два кирпичных склепа. Объект 6 помимо погребений включал фрагменты разрушенного стояночного комплекса. Остальные объекты являются погребальными комплексами.

2. Раскоп 1, площадь 1 – участок под опору сети теплоснабжения с северо-запада от раскопа 1, в границах законсервированной в 2019 г. территории. Вскрытая площадь составила 16,37 м². Участок был насыщен впущенными друг в друга погребениями и представлял собой пятно мешаного грунта, границы могильных ям не фиксировались. Всего исследовано 44 погребения.

3. Раскоп 2 – участок под опору сети теплоснабжения с севера от раскопа 1. Всего вскрыто 22,645 м². Здесь зафиксировано 6 объектов, содержащих 23 погребения.

4. Раскоп 3 – участок под опору сети теплоснабжения с северо-востока от раскопа 1. Археологических и антропологических материалов в раскопе не зафиксировано. Вскрытая площадь составила 13 м².

Сводная стратиграфическая ситуация выглядит следующим образом (описание дано по северной стенке раскопа 1 в рамках единого описания 2019 г.; в полевой сезон 2020 г. слои 1, 2, 4, 6, 10 не фиксировались).

Слой 2. Мешаный серый суглинок мощностью до 0,85 м.

Слой 5. Серо-желтый суглинок мощностью до 0,35 м с многочисленными включениями битого кирпича, фиксирующимися локально вокруг фундамента собора.

Слой 7. Серый суглинок мощностью до 0,15 м с включениями битого кирпича, прослоев извести с линзами песка фиксируется локально вокруг фундамента собора.

Слой 8. Темно-коричневый суглинок мощностью до 0,15 м с включениями истлевшей древесины.

Слой 9. Желтый опесчаненный суглинок мощностью до 0,08 м.

Слой 10. Темный гумированный суглинок мощностью до 0,1 м.

Слой 11. Черный суглинок с многочисленными включениями нижележащего слоя, мощностью до 0,11 м.

Слой 12. Желто-коричневый суглинок, глубина залегания от 0,2 м.

В результате работ 2019 г. было установлено, что объект является многослойным, выделяются два хронологических этапа формирования культурного слоя.

1. 1722–1787 гг. – период Каинского форпоста, старого Каинска, время функционирования первой деревянной церкви и относящегося к ней кладбища. К этому времени стоит отнести слои 8–10. Скорее всего, слой 10 является слоем погребенной почвы периода основания города. Слой 8 характеризует период функционирования деревянной церкви и погоста Каинского форпоста. Этот факт подтверждают две обнаруженные в слое 8 медные монеты 1749 г.

2. 1787–1937 гг. – период строительства, функционирования и разрушения Спасского собора. Эти этапы отражают слои 5–7. Слой 7 связан с началом строительства, содержит строительный мусор в виде кирпичной крошки и прослоек извести, ниже по разрезу кирпичная крошка не фиксируется. Слой 6 относится к периоду функционирования Спасского собора, а слой 5 – его разрушения.

Восточная часть храма и прилегающей территории, на которой проводились работы в 2020 г., сохранилась хуже западной. Кирпичные кладки приделов полностью разрушены земляными работами XX в., остались лишь фрагменты забутовки. Алтарная часть и северный придел перекрыты фундаментом строения прямоугольной формы советского времени и постаментом памятника В.В. Куйбышеву.

Каинский форпост (1722–1787). Ко времени существования Каинского форпоста отнесен объект 6 площади 3 раскопа 1 (рис. 2), расположенный внутри южного придела; стратиграфический контекст утрачен. Объект представлял собой углубление овальной формы размерами 1,8 × 2,3 м и глубиной до 0,4 м, с западной стороны разрушен траншеей фундамента. В кровле объекта исследованы четыре погребения, под которыми располагался культурный слой. Здесь зафиксированы развалы керамических сосудов со сквозными отверстиями, кости и позвонки крупных рыб, фрагменты бересты и углей. Внутренние стенки сосудов покрыты мощным нагаром. Предварительно данный комплекс интерпретируется как площадка для заготовки дегтя.

Спасский собор (1787–1937). К настоящему времени раскопаны все элементы фундамента. Установлено, что ширина храма, со всеми разновременными пристройками к нему, составляет 22,4 м, а длина по основной оси – 32 м (см. рис. 1).

Собор возводился в несколько этапов. На первом этапе были построены основные части храма, колокольня, наос и центральный алтарь. Фундамент этих строений выложен готической кладкой и сцеплен известковым раствором, укладывался во всю ширину вырытой для него траншеи. В основание клались продольные лежни, вероятнее

Рис. 2. Фрагмент культурного слоя времени Каинского форпоста на местонахождении «Археологический культурный слой Спасского собора».

всего из лиственницы, заливались известковым раствором, после чего происходила забутовка в несколько слоев битым кирпичом. Поверх забутовки начиналась выкладка кирпичной стены. Затем к существующему фундаменту были пристроены крыльцо с запада, а также приделы с севера и юга. Южный придел («Во имя святителя Христова Николая Чудотворца») был отведен под второй алтарь, его строительство закончилось в 1804 г. [Гусаченко, Матвеева, Тимяшевская, 1995, с. 10]. Северный придел («Во имя Успения Пресвятой Богородицы») отводился под хозяйственно-бытовые нужды, его строительство началось в 1828 г., а освящение последовало в 1836 г. [Там же].

Погребальные комплексы. Всего в полевой сезон 2020 г. на местонахождении «Археологический культурный слой Спасского собора» зафиксировано 268 погребенных.

Отсутствие значительных изменений погребального обряда во времени, а также его специфика, предполагающая лаконичный набор сопроводительного инвентаря в виде крестов и иногда элементов одежды, затрудняют хронологическое разделение погребальных комплексов. В этом плане хорошим временным «маркером» является собственно сам Спасский собор, строительство которого происходило прямо на погосте XVIII в., в результате чего строительными работами было

разрушено большое количество погребений. Погребальные комплексы, находящиеся внутри основных строений храма, а тем более разрушенные при его возведении, должны быть не моложе 1787 г. и относятся к погосту церкви Во имя Спасителя Нерукотворного Образа.

Захоронения имеют ориентацию по оси запад – восток, с различным отклонением к северу или югу, руки погребенных согнуты в локтях и соединены на груди. Внутримогильные конструкции представлены колодами и трапециевидными гробами-ящиками. Единственной категорией погребального инвентаря являются нательные кресты, фиксирующиеся на груди, под руками погребенных. В одном случае в погр. 3 объекта 36 площади 3 на пальце правой руки женщины 25–35 лет найдено медное кольцо.

Наряду с одиночными впущенными друг в друга погребениями в полевой сезон 2020 г. исследованы также два объекта, представленные коллективными захоронениями с частично нарушенной анатомией костяков. Зафиксированы они в восточной части раскопа 1.

Объект 28 площади 3, размерами 3,6 × 3,4 м, представлял собой яму подквадратной формы, ориентированную по линии север – юг, глубиной 0,5 м, с вертикальными стенками (рис. 3, 1). Располагался с внешней, восточной стороны основно-

Рис. 3. Коллективные захоронения на местонахождении «Археологический культурный слой Спасского собора».

1 – раскоп 1, площадь 3, объект 28; 2 – раскоп 1, площадь 3, объект 33.

го алтаря. Объект частично разрушен в северной части постройкой советского времени. При зачистке зафиксированы останки по меньшей мере 30 индивидов. Часть из них сохранила анатомический порядок. Судя по сохранившимся колодам, погребенные были уложены в два ряда вплотную друг к другу.

Объект 33 площади 3 в кровле представлял собой небольшую яму размерами $2 \times 0,8$ м (рис. 3, 2), зафиксирован внутри северного придела. При вскрытии обнаружено, что он являлся коллективной могилой глубиной 0,45 м, где в три яруса рядами были уложены останки как минимум 12 индивидов.

С учетом того, что анатомия костяков и целостность колод частично нарушена, а найденные при строительстве Спасского собора погребения в конце XVIII в. не переносились на новое место, а просто разрушались, данные объекты, скорее

всего, являются результатом единовременного массового перезахоронения с другого погоста.

Помимо грунтовых захоронений обнаружены два склепа (рис. 4). Они зафиксированы в объекте 5 площади 3 раскопа 1, во внутренней части южного придела. При зачистке кровли объект представлял собой заполнение прямоугольной формы размерами $1,8 \times 2$ м и первоначально был определен как остатки разрушенного храма, однако при дальнейшем разборе обнаружили два небольших примыкающих кирпичных склепа.

Склеп 1 имел размеры $0,7 \times 2$ м, представлял собой кирпичный ящик, выложенный «в полкирпича» (высота кладки 0,6 м), состоял из 8 кирпичных рядов и имел арочный свод. Кирпичная кладка клалась на известковый раствор, кирпичи в арке подтесывались. В склепе зафиксировано погребение взрослого мужчины в деревянном гробу-ящике, крышка была обтянута берестой. Обна-

Рис. 4. Склепы. Раскоп 1, площадь 3, объект 5 местонахождения «Археологический культурный слой Спасского собора».

1 – общий вид; 2 – зачистка склепа 2.

ружены крест-тельник в районе грудины и остатки кожаной обуви.

Склеп 2 примыкал к склепу 1 с южной стороны (размеры $0,9 \times 2$ м) и также представлял собой кирпичный ящик, сложенный в 7 кирпичей в высоту. Перекрытие не сохранилось. Погребение предположительно принадлежало взрослой женщине. Зафиксированы остатки одежды с вышитым на груди крестом, вероятнее всего рясы, фрагменты апостольника (головной платок с вырезом для лица, ниспадающий на плечи и покрывающий равномерно грудь и спину) и кожаные тапочки (рис. 4, 2).

Учитывая, что склепы примыкали к южной стене основного алтаря и находились внутри фундамента южного придела, датировать их можно интервалом между 1787 г. (начало функциони-

рования собора) и 1804 г. (строительство южного придела). К сожалению, в архивных записях Каинской епархии не удалось найти имени погребенной монахини. Подобные склепы широко известны на православных погостах XVIII–XIX вв. Ближайшие аналогии обнаружены на кладбище Богородице-Алексиевского монастыря в Томске [Боброва, 2017].

Таким образом, в мае 2020 г. Отделом спасательных археологических работ ИАЭТ СО РАН проведен второй этап работ по обеспечению сохранности (археологические раскопки) части выявленного объекта археологического наследия «Археологический культурный слой Спасского собора», расположенного на территории земельных участков, отводимых под проектирование и

строительство объекта «Строительство (восстановление) Спасского собора в г. Куйбышев».

В полевой сезон 2020 г. суммарно вскрытая площадь составила 533,4 м². Полностью исследованы фундамент Спасского собора и часть прилегающего к нему кладбища. Также зафиксированы локально сохранившиеся участки культурного слоя времен основания г. Каинска. В результате раскопок получена коллекция археологических (340 ед. хр.) и антропологических (268 индивидов) материалов. В процессе работы были отобраны образцы для антропологических, петрографических и дендрохронологических исследований.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР № 0329-2019-0007 «Изучение, сохранение и музеефикация археологического и этнокультурного наследия Сибири».

Список литературы

Боброва А.И. Некрополь Томского мужского Богородице-Алексиевского монастыря // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск: Издат. дом «Наука», 2017. – С. 387–389.

Гуменюк А.Н., Ляликов И.В. Зодчие малых городов Западной Сибири XVIII – начала XX в. К словарю архитекторов и инженеров Тобольской и Томской губерний // Ом. науч. вестн. – 2014. – № 3 (129). – С. 226–234.

Гусаченко В.Л., Матвеева Л.Л., Тимяшевская Л.В. Каинск исторический / НПЦ по сохранению историко-культурного наследия при администрации Новосибирской области. – Новосибирск: Наука, 1995. – С. 9–24.

Истюков С. Конфискация и уничтожение храмов и имущества церкви в 30-е годы XX века на территории современной Новосибирской области // Богослов. сб. Новосибир. православ. дух. семинарии. – 2017. – № 1 (11). – С. 119–137.

Ростовцева И.Л. Архитектура православных храмов досоветского периода на территории Новосибирской области (по результатам обмерных практик 2010–2013 гг.) // Баландинские чтения. – 2014. – Т. 9, № 3. – С. 54–63.

Ситникова Е.В. Формирование архитектурного облика г. Каинска под влиянием местного купечества // Сибирское купечество: истоки, деятельность, наследие. – Томск: Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2017. – С. 84–92.

Тимощенко А.А., Морозов А.А., Кравцова А.С., Селин Д.В., Бычков Д.А., Колонцов С.В. Предварительные результаты историко-археологического

исследования Спасского собора (город Куйбышев) в 2019 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. XXV. – С. 808–814. – doi:10.17746/2658-6193.2019.25.808-814.

References

Bobrova A.I. Necropolis of Bogoroditse-Alekseevskiy monastery of Tomsk. In *Culture of Russians in Archaeological Researches*. Omsk: Publ. House “Nauka”, 2017, pp. 387–389. (In Russ.).

Gumenyuk A.N., Lyalikov I.V. Architects of the small towns of Western Siberia of XVIII – early XX centuries. To the dictionary of architects and engineers of Tobolsk and Tomsk provinces. *Omsk Scientific Bulletin*, 2014, No. 3 (129), pp. 226–234. (In Russ.).

Gusachenko V.L., Matveeva L.L., Timyashevskaya L.V. Kainsk Istoricheskii / *Nauchno-proizvodstvennyi tsentr po sokhraneniyu istoriko-kul'turnogo naslediya pri administratsii Novosibirskoi oblasti*. Novosibirsk: Nauka, 1995, pp. 9–24. (In Russ.).

Istyukov S. Konfiskatsiya i unichtozhenie khramov i imushchestva tserkvi v 30-e gody XX veka na territorii sovremennoi Novosibirskoi oblasti. *Bogoslovskii sbornik Novosibirskoi pravoslavnoi dukhovnoi seminarii*, 2017, No. 1 (11), pp. 119–137. (In Russ.).

Rostovtseva I.L. Architecture of Orthodox churches, which were built on the territory of modern Novosibirsk region (but not in Novosibirsk) in Pre-Soviet period (shown by the results of students' field researches of 2010–2013). In *Balandin Reading*, 2014, vol. 9, No. 3, pp. 54–63. (In Russ.).

Sitnikova E.V. Formirovanie arkhitekturnogo oblika g. Kainska pod vliyaniem mestnogo kupechestva. In *Sibirskoe kupechestvo: istoki, deyatel'nost', nasledie*. Tomsk: State Univ. of Architecture and Building Press, 2017, pp. 84–92. (In Russ.).

Timoshchenko A.A., Morozov A.A., Kravtsova A.S., Selin D.V., Bychkov D.A., Kolontsov S.V. Preliminary Results of Historical and Archaeological Research of the Spassky Cathedral in the City of Kuibyshev in 2019. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019, vol. XXV, pp. 808–814. doi:10.17746/2658-6193.2019.25.808-814. (In Russ.).

Тимощенко А.А. <https://orcid.org/0000-0003-2865-0841>

Белан О.В. <https://orcid.org/0000-0002-9122-9948>

Кравцова А.С. <https://orcid.org/0000-0001-8709-5935>

Морозов А.А. <https://orcid.org/0000-0002-5545-8356>

А.А. Тимощенко[✉], **Д.А. Бычков**, **В.В. Ахметов**,
С.А. Когай, **Г.Д. Павленок**, **О.В. Белан**

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: timoshenkoalexey@bk.ru

Материалы финального верхнего палеолита стоянки Тайлеп-2 (по результатам спасательных работ 2020 года)

В статье приводятся предварительные данные об археологических материалах культурного горизонта 3 поселения Тайлеп-2 (Новокузнецкий р-н Кемеровской обл.), полученные в результате спасательных археологических работ 2020 г. Каменная коллекция культурного горизонта 3, насчитывающая 10 141 артефакт, демонстрирует полный цикл камнеобработки: от отбора сырья до истощения орудийных форм и их переоформления. В камнеобработке доминирует призматический принцип, также присутствуют ядрища плоскостного и (в подчиненном положении) торцового принципа расщепления для получения удлиненных заготовок. Помимо нуклеарного расщепления, в индустрии культурного горизонта 3 прослеживаются следы применения древними мастерами биполярной техники раскалывания. Орудийная коллекция достаточно многочисленна (651 экз.), в ней преобладают скребки различных конфигураций и долотовидные изделия; такие категории орудий, как скребла, ножи, ретушированные пластины и пластинки, в долевым выражении представлены слабо. Общий облик индустрии – призматическое первичное расщепление, присутствие в орудийном наборе разнообразных скребков, долотовидных орудий, скребел и ножевидных изделий – позволяет отнести данные материалы к финальноверхнепалеолитическому времени (14–10 тыс. л.н.). Наиболее близкими в культурном отношении ансамблями, вероятно, стоит признать комплексы бедаревской культуры. В ходе полевого цикла работ были отобраны остеологические образцы для AMS- и ZooMS-аналитики и седиментационные пробы из разреза для палинологического и литогеохимического анализов, что позволит получить абсолютные датировки, определить видовой состав фаунистической ассоциации, существовавшей во время функционирования стоянки, уточнить палеоэкологический фон и решить вопрос о месте индустрии на хронологической шкале каменного века Кузнецкой котловины – Горной Шории.

Ключевые слова: финальный верхний палеолит, каменная индустрия, первичное расщепление, орудийная коллекция, бедаревская культура, Кузнецкая котловина, предгорья Горной Шории.

Alexei A. Timoshchenko[✉], **Dmitrii A. Bychkov**, **Vladimir V. Akhmetov**,
Sergei A. Kogai, **Galina D. Pavlenok**, **Olga V. Belan**

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: timoshenkoalexey@bk.ru

Materials of the Final Upper Paleolithic of the Tailep-2 Site (Rescue Fieldworks in 2020)

The paper provides the preliminary data of the study of the archaeological materials of the cultural horizon 3 at the Tailep-2 site (Novokuznetsk district, Kemerovo region) obtained after the rescue archaeological work in 2020. The lithic collection of cultural horizon 3, consisting of 10,141 artifacts, demonstrates full cycle of lithic production from the selection of raw materials to the tool form depletion and their reshaping. The prismatic cores prevail in lithic production, and flat- and edge-faceted cores (in a subordinate position) for elongated blanks also present. In addition to core reduction, we can see the presence of the bipolar technique used by ancient masters in the cultural horizon 3 industry. The toolkit is rather numerous (651 pieces); various end-scrapers and pièce esquillées prevail, while such categories of tools as side-scrapers, knives, retouched blades and bladelets are poorly represented. The general appearance of the industry includes

prismatic primary reduction, the presence of various end-scrapers, pièce esquillées, side-scrapers and knife-like tools in the toolkit make it possible to attribute these materials to the Final Upper Paleolithic (14–10 ka). The closest industries are probably the complexes of the Bedarevo culture. In the fieldwork cycle, osteological samples for AMS and ZooMS analyses and sedimentation samples from the cross-section for palynological and lithochemical analyzes were taken for absolute dating, determining the species composition of the faunistic association existed during the functioning of the site, clarifying the paleoecological background and solving the question of the place of industry on the chronological scale of the Stone Age of the Kuznetsk Depression – Gornaya Shoriya.

Keywords: *Final Upper Paleolithic, lithic industry, primary knapping, toolkit, Bedarevo culture, Kuznetsk Depression, Gornaya Shoriya highlands.*

История изучения палеолитических местонахождений на территории Кузнецкой котловины и Горной Шории насчитывает немногим более полувека. Первые находки, относимые к древнему каменному веку, были сделаны здесь А.П. Окладниковым в 1962 г. (Кузедеево-1, -2, Старокузнецкое-1) [Окладников, 1968]. С тех пор массив палеолитических местонахождений значительно вырос, включает в себя в т.ч. раннепалеолитические местонахождения [Деревянко, Маркин, 2007]; к настоящему времени в научный оборот в той или иной мере введены материалы более 50 стоянок [Маркин, 1986, 2004; Палеолит..., 2005]. Однако в большинстве случаев выявленные палеолитические комплексы являются местонахождениями либо с поверхностным залеганием археологического материала, либо с нарушенным культуросодержащим слоем [Маркин, 2010]. Стоит отметить также количественную нерепрезентативность многих комплексов – после их обнаружения в ходе разведок или случайных находок стационарных работ на памятниках не производилось, в научный оборот вводились фактически начальные данные. Наиболее полно изученными местонахождениями эпохи палеолита здесь являются стоянки Бедарево-2, Ильинка-2, Шорохово-1 и Шумиха-1, отнесенные к заключительной стадии древнекаменного периода [Маркин, 1986]. При этом данные комплексы не обеспечены абсолютными датировками, их культурно-хронологическая принадлежность обоснована исключительно исходя из технико-типологических характеристик каменных индустрий. В свете вышеизложенного масштабные спасательные работы во многом способны помочь в решении некоторых накопившихся проблем регионального палеолитоведения.

Поселение Тайлеп-2 (Кемеровская обл.), расположенное на юге Кузнецкой котловины, было открыто в 2003 г. Ю.В. Шириным [Палеолит..., 2005]. В августе – октябре 2020 г. Новокузнецким отрядом ОСАР ИАЭТ СО РАН здесь проводились спасательные археологические работы (см. статью А.А. Тимощенко и др. «Результаты спасательных археологических работ на поселениях Тайлеп-1 и

Тайлеп-2 в Новокузнецком районе Кемеровской области – Кузбасса в 2020 году» в данном сборнике). В результате проведенных раскопок было зафиксировано три культурных слоя: 1) ранний железный век – этнографическая современность; 2) мезолит – ранний неолит; 3) финальный верхний палеолит.

В настоящей статье представлены предварительные результаты изучения археологических материалов культурного горизонта 3, приуроченного к верхней части литологического слоя 4 (описание стратиграфического контекста есть в вышеназванной статье настоящего сборника).

Сырьевой базой каменного производства комплекса служил местный галечник из руслового аллювия, в основном представленный кремнистыми породами, на их долю приходится более 90 %. Галечное сырье чаще всего негабаритное, трещиноватое, что затрудняло получение удлиненных сколов-заготовок.

Коллекция каменных артефактов культурного горизонта 3 насчитывает 10 141 экз., в т.ч. 98 нуклеусов и их преформ, 3 146 сколов (технических сколов, отщепов, пластин, пластинок и микропластин), 651 орудие и 6 246 экз. отходов каменного производства (колотых галек, обломков, осколков и чешуек).

Категория нуклевидных изделий включает 61 типологически определимый нуклеус, 28 преформ и 9 нуклевидных обломков. Типологически определимые нуклеусы демонстрируют плоскостной, призматический и торцовый принципы расщепления (см. рисунок, 1, 2). Плоскостной принцип расщепления представлен главным образом одноплощадочными монофронтальными нуклеусами для пластин и отщепов. В коллекции присутствуют и двухплощадочные нуклеусы как встречного скалывания, так и со смежным расположением ударных площадок. Как правило, такие ядрища являются продуктом переоформления после неудачных снятий. Призматический принцип расщепления, наиболее представительный в коллекции, был нацелен на получение пластин, пластинок и пластинчатых отщепов. В основном это

Каменные артефакты культурного слоя 3 местонахождения Тайлеп-2.
 1, 2 – нуклеусы; 3–11 – скребки; 12–14 – долотовидные изделия; 15 – микропластина с ретушью.

одноплощадочные нуклеусы с большой дугой фронта либо с замкнутым фронтом. Остаточные формы нуклеуса на своих рабочих поверхностях несут следы заломов, не позволявших продолжить расщепление. Торцовый принцип расщепления зафиксирован на двух нуклеусах, говорит о серийном его применении в контексте индустрии пока рано.

Технические сколы представлены первичными, вторичными, продольными и поперечными краевыми сколами, полуреберчатыми и реберчатыми пластинами, сколами подправки фронта, дугами скалывания, сколами-«таблетками».

Помимо нуклеарного расщепления, в материалах культурного горизонта 3 отчетливо прослеживаются следы использования биполярной техники раскалывания. На ее использование указывают специфические удлиненные сколы с прямым вентральным фасом, неподготовленной ударной площадкой и встречными ударными волнами с дистального окончания. Кроме того, в пользу применения данной техники древними мастерами свидетельствуют обнаруженные каменные наковальни с характерными следами забитости.

В целом первичное расщепление в индустрии было направлено на получение удлиненных заготовок, что прослеживается в остаточных формах нуклеусов и наборе технических сколов. Однако в связи с качеством сырья древним мастерам

не всегда удавалось получать пластинчатые заготовки в рамках выбранных стратегий утилизации камня. Данная ситуация прослеживается и в орудийном наборе – большая часть орудий изготовлена на отщепах или пластинчатых отщепах.

Орудийная коллекция многочисленна (651 экз.), в долевым выражении достигает 20 %, представлена скребками, долотовидными изделиями, скреблами, ножевидными изделиями, ретушированными пластинами, пластинками и микропластинами, отщепами с ретушью и недиагностируемыми фрагментами орудий (см. рисунок, 3–15). Наиболее массовой категорией орудийного набора являются скребки. Вариабельность скребковых форм достаточно велика, в индустрии присутствуют практически все варианты скребков по критериям расположения рабочих участков и их количества – от простых концевых и боковых до орудий с рабочим лезвием по периметру. Долотовидные изделия также широко присутствуют в материалах культурного горизонта 3, представлены в индустрии одно-, двух- и многолезвийными вариантами. Остальные категории орудий (скребла, ножи, ретушированные сколы) занимают подчиненное положение в коллекции и не образуют серий. Обращает на себя внимание присутствие в орудийном наборе комбинированных изделий, как правило, это скребок + долотовидное. Большое количество орудий с несколькими рабочими участками указывает на

высокую интенсивность использования орудий. Материалы стоянки свидетельствуют о проведении полного цикла первичного расщепления, но наряду с этим, возможно, что на примере этого комплекса мы имеем дело с долгосрочным лагем-стоянкой; бесспорно, такая трактовка носит предварительный характер и нуждается в проверке методами статистического анализа.

Обнаруженные в контексте комплекса фаунистические остатки немногочисленны, представлены неопределимыми фрагментами трубчатых костей млекопитающих. На сохранность костей повлияли как деятельность древних обитателей стоянки (вероятно, фрагментация происходила в результате намеренного дробления костей – для извлечения костного мозга или как часть производственного цикла в изготовлении костяных орудий), так и тафономические условия. Однако имеющихся образцов достаточно как для AMS-датирования, так и для видового определения при помощи ZooMS-метода.

Наиболее близким аналогом индустрии культурного горизонта 3 поселения Тайлеп-2, скорее всего, стоит признать ансамбль стоянки Бедарево II, расположенной в 50 км к северу [Маркин, 1986, 2004], и в целом с некоторыми оговорками комплексы бедаревской культуры. Согласно С.В. Маркину, для бедаревской культуры характерны следующие проявления: использование местного руслового, в основном кремнистого, галечника в качестве источника каменного сырья; направленность первичного расщепления на производство пластинок (в первую очередь) и пластин; применение в нуклеарном расщеплении плоскостного и призматического принципов, торцовое расщепление занимает подчиненное положение в индустриях, спорадически проявляется леваллуазская технология; в орудийных наборах преобладают разнообразно ретушированные пластины и пластинки (до 30 %), а скребки, резцы, долотовидные изделия и скребла в долевого отношении представлены значительно меньше [Там же]. Как видно из приведенной характеристики, качественно практически все элементы встречаются в материалах Тайлепа-2, однако долевого присутствия конкретных орудийных форм достаточно сильно разнятся. В первом приближении возможны две основные причины таких диспропорций: 1) разные ландшафтные и экологические позиции – практически все описанные С.В. Маркиным бедаревские комплексы расположены в Кузнецкой котловине, в то время как Тайлеп-2 находится на самом стыке Кузнецкой котловины и Горной Шории, практически в низкогорном поясе; 2) разные функциональные направленности стоянок.

Таким образом, каменная индустрия культурного горизонта 3 поселения Тайлеп-2 предварительно отнесена нами к бедаревской культуре, ее вероятный возраст находится в рамках 14–10 тыс. л.н. Тщательный технико-типологический анализ каменных материалов с применением атрибутивного подхода и анализ пространственного распределения артефактов в дальнейшем дадут возможность точнее определить культурную и функциональную специфику комплекса. Отобранные в ходе полевого цикла работ остеологические образцы позволят получить абсолютные датировки и решить вопрос о месте индустрии на хронологической шкале каменного века Кузнецкой котловины – Горной Шории. Помимо этого, материалы финальноверхнепалеолитического горизонта стоянки Тайлеп-2, наряду с бедаревскими комплексами, могут стать опорной индустрией для корреляций с синхронными местонахождениями на сопредельных территориях, таких как Алтай, Северный Казахстан, Енисейская Сибирь, Прибайкалье, Забайкалье и Монголия.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР № 0329-2019-0007 «Изучение, сохранение и музеефикация археологического и этнокультурного наследия Сибири».

Список литературы

- Деревянко А.П., Маркин С.В.** Нижнепалеолитическая стоянка МК I на юго-востоке Западной Сибири // Кавказ и первоначальное заселение человеком Старого Света. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. – С. 149–155.
- Маркин С.В.** Палеолитические памятники бассейна р. Томи. – Новосибирск: Наука, 1986. – 177 с.
- Маркин С.В.** Технологическая модель верхнепалеолитических индустрий юго-восточной части Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 4. – С. 12–19.
- Маркин С.В.** Разновидности палеолитических стоянок северо-западной части Алтае-Саянской горной области // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2010. – Т. 9, вып. 5. – С. 69–74.
- Окладников А.П.** Страница из жизни палеолитического мастера: клад каменных изделий у поселка Аил (село Кузедеево) // Из истории Сибири и Алтая. – Барнаул, 1968. – С. 57–70.
- Палеолит Горной Шории / Г.Я. Барышников, А.Л. Кунгуров, М.М. Маркин, В.П. Семибратов.** – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – 279 с.

References

Baryshnikov G.Ya., Kungurov A.L., Markin M.M., Semibratov V.P. Paleolit Gornoi Shorii. Barnaul: Az Buka, 2005, 279 p. (In Russ.).

Derevianko A.P., Markin S.V. Nizhnepaleoliticheskaya stoyanka MK I na yugo-vostoke Zapadnoi Sibiri. In *Caucasus and the Initial Human Dispersals in the Old World*. St. Petersburg: Sankt-Petersburg Centre for Oriental Studies, 2007, pp. 149–155. (In Russ.).

Markin S.V. Paleoliticheskie pamyatniki basseina r. Tomi. Novosibirsk: Nauka, 1986, 177 p. (In Russ.).

Markin S.V. Tekhnologicheskaya model' verkhne-paleoliticheskikh industrii yugo-vostochnoi chasti Zapadnoi Sibiri. *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*, 2004, No. 4, pp. 12–19.

Markin S.V. Types of Paleolithic sites in the Northwestern part of the Altai-Sayan mountain region. *Novosibirsk State Univ. Bulletin. Series: History and Philology*, 2010, vol. 9, iss. 5, pp. 69–74. (In Russ.).

Okladnikov A.P. Stranitsa iz zhizni paleoliticheskogo мастера: klad kamennykh izdelii u poselka Ail (selo Kuzedeevo). In *Iz istorii Sibiri i Altaya*. Barnaul, 1968, pp. 57–70. (In Russ.).

Тимошенко А.А. <https://orcid.org/0000-0003-2865-0841>

Бычков Д.А. <https://orcid.org/0000-0002-7646-9740>

Ахметов В.В. <https://orcid.org/0000-0002-7133-4417>

Когай С.А. <https://orcid.org/0000-0003-4232-9587>

Павленок Г.Д. <https://orcid.org/0000-0003-3727-776X>

Белан О.В. <https://orcid.org/0000-0002-9122-9948>

**А.А. Тимощенко¹✉, Д.А. Бычков¹, В.В. Ахметов¹,
Г.Д. Павленок¹, С.А. Когай¹, О.В. Белан¹,
А.А. Дудко¹, А.В. Веретенников²**

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

²Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН
Кемерово, Россия
E-mail: timoshenkoaleksey@bk.ru

Результаты спасательных археологических работ на поселениях Тайлеп-1 и Тайлеп-2 в Новокузнецком районе Кемеровской области – Кузбасса в 2020 году

С августа по октябрь 2020 г. Отделом спасательных археологических работ ИАЭТ СО РАН проводились исследования на объектах культурного наследия федерального значения «Поселение Тайлеп-1», «Поселение Тайлеп-2» в зоне отработки запасов угля участков недр «Корчаковский» и «Корчаковский Глубокий» акционерного общества «Кузнецкининвестстрой» в Новокузнецком р-не Кемеровской обл. – Кузбасса. Археологические объекты Тайлеп-1, -2 расположены на пологонаклонной поверхности I надпойменной террасы р. Кондомы, открыты Ю.В. Шириным в 2003 г. вместе с сотрудниками историко-архитектурного музея «Кузнецкая крепость». Поселение Тайлеп-1 было изучено девятью пикетами общей площадью 129,72 м². В результате проведенных работ археологического материала не обнаружено. Археологический материал здесь был зафиксирован при проведении археологической разведки в мае – июне 2020 г., когда исследовательский шурф был заложен в центральной части памятника археологии. Поселение Тайлеп-2 было изучено 233 пикетами общей площадью 5 362,5 м². В ходе работ уточнена датировка памятника и установлено, что он является многослойным. Помимо горизонта эпохи позднего палеолита зафиксированы горизонт с материалами раннеголоценового возраста и горизонт эпохи раннего железного века – этнографической современности. Археологические материалы горизонта 1 представлены в основном разрушенными металлургическими горнами, крицей, шлаками и фрагментами обломки горнов. Датирован он в широких рамках раннего железного века – этнографической современности. Исходя из стратиграфического контекста и облика индустрии, материалы культурного горизонта 2 датируются мезолитом – ранним неолитом. Культурный горизонт 3 поселения возможно отнести к финальнопалеолитическому времени (вторая половина сартанского похолодания).

Ключевые слова: Кемеровская обл., Кузбасс, р. Кондома, палеолит, ранний железный век, ранний голоцен.

**Alexei A. Timoshchenko¹✉, Dmitrii A. Bychkov¹, Vladimir V. Akhmetov¹,
Galina D. Pavlenok¹, Sergei A. Kogai¹, Olga V. Belan¹,
Aleksandr A. Dudko¹, Aleksei V. Veretennikov²**

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

²Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry SB RAS,
Kemerovo, Russia
E-mail: timoshenkoaleksey@bk.ru

Results of Rescue Archaeological Fieldwork at the Settlements Taylep-1 and Taylep-2 Sites (Novokuznetsk District, Kemerovo Region – Kuzbass) in 2020

From August to October 2020, the Department of Rescue Archaeological Research of the Institute of Archeology and Ethnography SB RAS conducted the studies at the “Settlement Taylep-1” and “Settlement Taylep-2” sites. The sites are

located on the gently sloping surface of the first terrace, located above the floodplain, of the Kondoma River. They were discovered by Yu.V. Shirin in 2003 together with the staff of the Kuznetsk Fortress Historical and Architectural Museum. The “Settlement Taylep-1” site was studied using 9 pickets with the total area 129.72 m². Archaeological materials at the Taylep-1 site were not found. Archaeological material was recorded during an archaeological survey in May-June 2020, when a research pit was laid in the central part of the archaeological site. The “Settlement Taylep-2” site was studied using 233 pickets with the total area 5362.5 m². During the work, the site’s dating was clarified. It was established that the Taylep-2 site is multilayered remains. In addition to the Late Paleolithic horizon, the Early Holocene as well as the Early Iron Age to ethnographic modernity horizons were recorded. Archaeological materials of horizon 1 are represented by destroyed metallurgical forges, iron ball, slag and fragments of clay. The horizon is dated within the broad range of the Early Iron Age to ethnographic modernity. Based on stratigraphic context and lithic industry appearance, the horizon 2 materials date back to the Mesolithic to Early Neolithic. Cultural horizon 3 of the settlement can be attributed to the Final Paleolithic (the second half of the Sartan Ice Age).

Keywords: Kemerovo region, Kuzbass, Kondoma River, Paleolithic, Early Iron Age, Early Holocene.

С августа по октябрь 2020 г. Отделом спасательных археологических работ ИАЭТ СО РАН проводились исследования на объектах культурного наследия федерального значения «Поселение Тайлеп-1» и «Поселение Тайлеп-2» в зоне отработки запасов угля участков недр «Корчаковский» и «Корчаковский Глубокий» акционерного общества «Кузнецкинвестстрой» в Новокузнецком р-не Кемеровской обл. – Кузбасса (рис. 1).

Данная территория соответствует Кузнецко-Салаирской области, расположенной в пределах геоморфологической страны гор Южной Сибири, граничащей с Западно-Сибирской равниной. Исследуемый участок находится в пределах струк-

туры Кузнецкого каменноугольного бассейна, который сложен образованиями девона, карбона и перми. В пределах распространения пород пермской системы в настоящее время идет активная открытая и закрытая добыча каменного угля (разрез Корчагольский, шахта Алардинская).

На исследуемом участке наблюдаются голоценовые отложения пойменной террасы р. Кондомы, лессовидные суглинки, которые, по-видимому, перекрывают увалистые формы предгорий Салаира на западе и надпойменные террасы, сформированные в плейстоценовое время. Делювиальным суглинком покрыты предгорья Кузнецкого Алатау на востоке, в северной части участка по правому

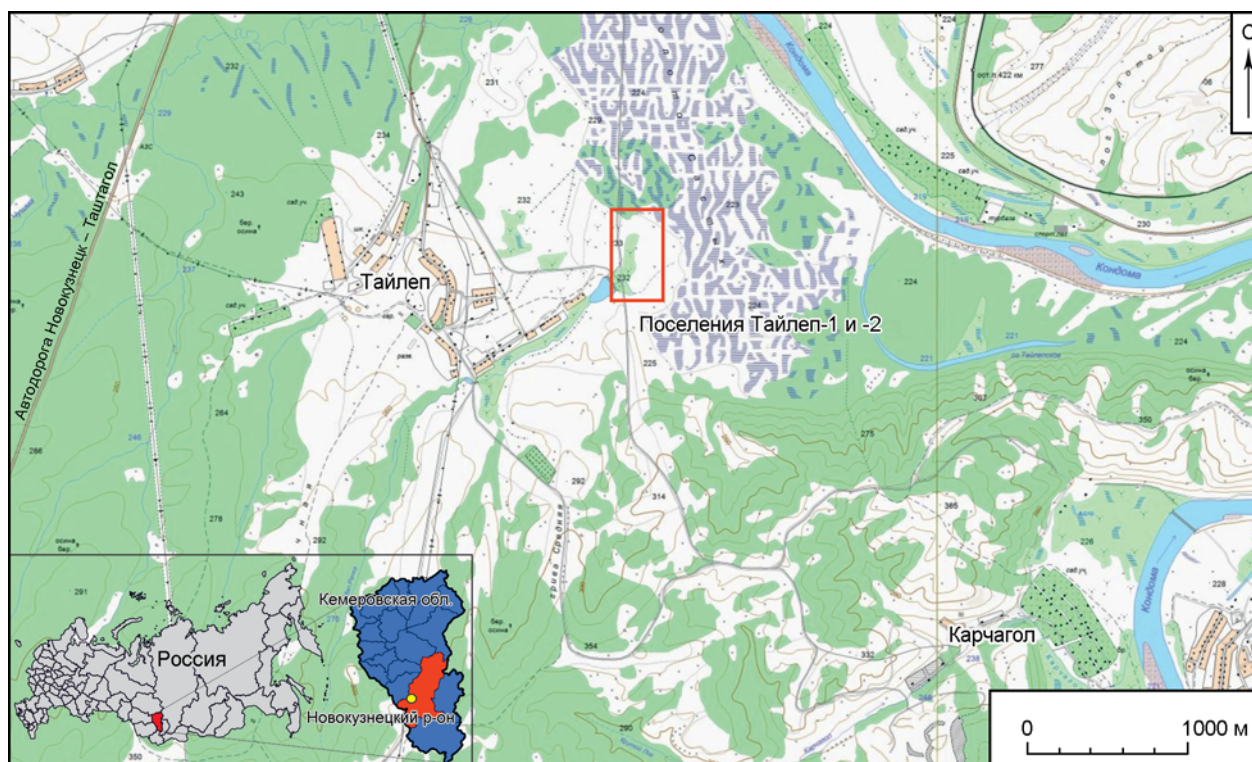

Рис. 1. Схема расположения поселений Тайлеп-1, -2.

берегу реки выступают дочетвертичные отложения, вероятно, пермской системы.

Участок в районе Тайлепа расположен в пределах увалистого рельефа возвышенной равнины в интервале высот от 210 до 519 м в юго-западной оконечности Кузнецкой котловины, упирающейся в Салаирский кряж, отроги Горной Шории и Кузнецкого Алатау. Территория характеризуется развитой эрозионной сетью. Все водотоки исследуемого участка принадлежат бассейну р. Кондома, которая берет начало на склонах Горной Шории и течет с юга на север, впадая в р. Томь близ г. Новокузнецка. Долина реки имеет асимметричную трапециевидную форму, где гипсометрически выделяются как минимум два уровня террас: пойменная и I надпойменная террасы (высота 12–15 м над урезом), протяженность русла реки в пределах участка составляет 35 км, перепад высот – 15 м. Пойма Кондомы достаточно широкая и местами достигает нескольких километров, осложнена прирусловыми отмелями, островами, осередками, в более высокой и древней части – старицами и гривами. Фрагментами наблюдается I надпойменная терраса близ поселков Тайлеп, Малиновка и Сарбала. Наиболее крупные ее левые притоки: р. Кинерка, р. Тайлеп; правые – р. Калтанчик, р. Сарбалка, р. Аларда. Их поймы зачастую заболочены. Среди малых эрозионных форм преобладают ложбины и балки с постоянными или временными водотоками.

Археологические объекты, обнаруженные близ п. Тайлеп (Тайлеп-1, -2), расположены на пологонаклонной поверхности I надпойменной террасы Кондомы, осложненной руслами небольших водотоков (рис. 2).

Первые сведения об археологических памятниках в Новокузнецком муниципальном районе были получены еще в 1930-х гг. краеведом К.А. Евреиновым [Ширин, Евреинов, 2000]. В 1940 г. под руководством археолога из Томска Н.А. Чернышева была проведена разведка по р. Томь: от Новокузнецка вниз по течению [Ширин, 1995]. В 1953 и 1954 г. археологическую разведку в Новокузнецком муниципальном районе Кемеровской обл. проводил У.Э. Эрдниев [Ширин, 2006]. В 1962 и 1971 гг. археологическую разведку на Кондоме и Томи провел А.И. Мартынов [Кулемзин, 1985]. По приглашению А.И. Мартынова в 1962 г. здесь побывал академик А.П. Окладников, который дал описание первых находок эпохи палеолита на Кондоме (в районе с. Кузедеево) и Томи (в Новокузнецке) [1968]. Много новых памятников было выявлено на террасах Кондомы и Томи в 1978 г. С.В. Маркиным – в ходе целенаправленных поисков палеолитических местонахождений [1979]. В по-

следующие несколько лет С.В. Маркин подверг стационарным раскопкам некоторые из выявленных палеолитических памятников, а также нашел еще несколько поселений, относящихся к более поздним эпохам [1980, 1986].

Начиная с 1984 г. и по настоящее время регулярные археологические разведки и раскопки на юге Кемеровской обл. проводит Ю.В. Ширин [1993, 2015]. За эти годы им были обследованы как берега Томи, так и внутренние районы вдоль ее левых притоков второго и третьего порядка. Поселения Тайлеп-1 и Тайлеп-2 найдены в 2003 г. Ю.В. Шириным вместе с сотрудниками историко-архитектурного музея «Кузнецкая крепость».

На поселении Тайлеп-1 артефакты обнаружены при осмотре дренажных канав, прокопанных по обеим сторонам грунтовой дороги. В бортах восточной канавы (ближайшей к бровке террасы), в 50 м от южного края плотины пруда отмечены осколки кремня. Каменные артефакты залегали на уровне контакта гумусированной почвы и подстилающего суглинка, что составляет 25–35 см от современной поверхности. Объект археологического наследия «Поселение Тайлеп-1» предварительно датирован Ю.В. Шириным финалом палеолита или ранним голоценом [Палеолит..., 2005].

На поселении Тайлеп-2 артефакты также обнаружены Ю.В. Шириным при осмотре дренажных канав, прокопанных по обеим сторонам грунтовой дороги. В дренажной канаве выявлен участок залегания каменных артефактов, собранных на протяжении ок. 40 м. Ю.В. Шириным проведена зачистка борта канавы [Там же].

При зачистке борта дренажной канавы прослежено два уровня залегания каменного материала: несколько отщепов найдено в кровле светло-коричневого суглинка (0,40–0,45 м от современной поверхности), а основная масса находок залегала на уровне 0,85 м. Верхний уровень находок был отнесен Ю.В. Шириным к раннему голоцену, нижний – к верхнему палеолиту [Там же, с. 235].

В мае 2016 г. при проведении экспедицией Кемеровского государственного университета научно-исследовательских работ в районе п. Тайлеп были обследованы поселения Тайлеп-1, -2 и объект, обладающий признаками объекта культурного наследия, «Грунтовой могильник Тайлеп-3».

В мае – июне 2020 г. Отдел спасательных археологических работ ИАЭТ СО РАН проводил археологические изыскания на объектах культурного наследия: памятниках археологии «Поселение Тайлеп-1», «Поселение Тайлеп-2» и на площади предположительного местонахождения объекта культурного наследия «Грунтовой могильник Тайлеп-3». В ходе исследований были уточнены све-

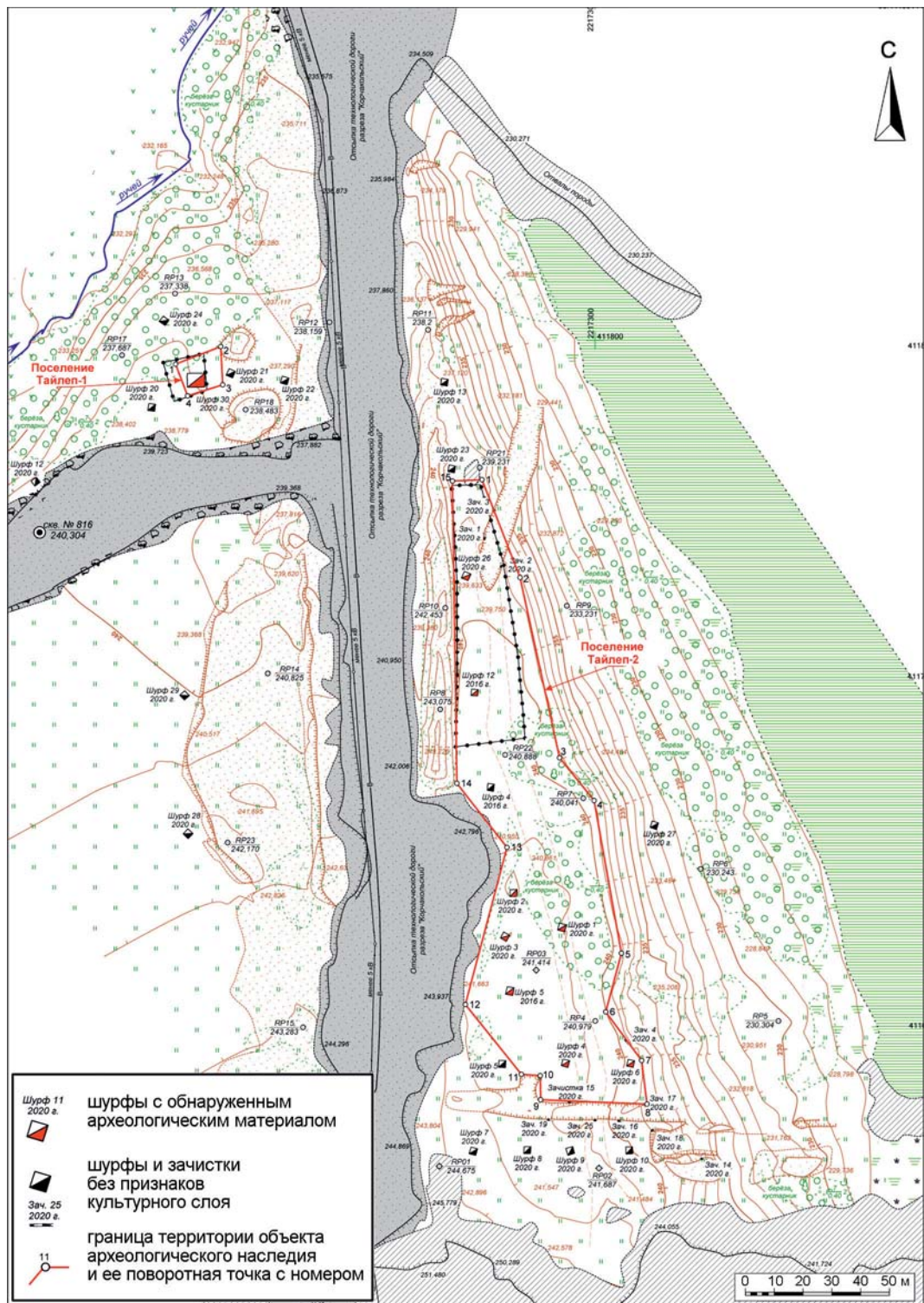

Рис. 2. Топографический план поселений Тайлеп-1, -2.

дения об объектах «Поселение Тайлеп-1» и «Поселение Тайлеп-2» и локализован объект «Грунтовый могильник Тайлеп-3». В августе – октябре 2020 г. Новокузнецким отрядом ИАЭТ СО РАН начаты раскопочные работы на поселениях Тайлеп-1 и Тайлеп-2. По результатам работы объем вскрытых площадей составил 5 492,22 м².

Сводная стратиграфическая ситуация, характерная для поселений Тайлеп-1, -2, выглядит следующим образом (рис. 3).

Слой 1. Современный дерново-почвенный слой. Включает корни растений. Граница с нижележащим слоем ясная, проведена по изменению цвета. Мощность – 0,04–0,15 м.

Слой 2. Темно-серая гумусированная супесь (первый культуросодержащий горизонт). Содержит корни растений. Немного пластичная, комковатая. Нижняя граница проведена по изменению цвета, размытая. Мощность – 0,40–0,67 м.

Слой 3. Серо-коричневатый мешаный суглинок (второй культуросодержащий горизонт). Присутствуют корни растений, включения материала выше- и нижележащих слоев. Структура неоднородная, комковатая, пятнистая. Нижняя граница проведена по изменению цвета и структуры, четкая. Мощность – 0,08–0,57 м.

Слой 4. Коричневатый суглинок (в кровле – третий культуросодержащий горизонт). Текстура комковатая, неоднородная. Нижняя граница ясная, четкая, проведена по изменению цвета и структуры. Видимая мощность – 0,06–0,40 м.

Поселение Тайлеп-1. Объект находится на левобережной коренной террасе Кондомы, в 50 м к юго-востоку от пруда на р. Малая Речка, на юго-восточной окраине п. Тайлеп Новокузнецкого р-на Кемеровской обл. Высота площадки над заболоченной поймой Кондомы – ок. 12 м. Поселение Тайлеп-1 было изучено девятью пикетами общей площадью 129,72 м². В результате проведенных работ археологического материала не обнаружено. Археологический материал здесь был зафиксирован при проведении археологической разведки в мае – июне 2020 г., когда исследовательский шурф заложили в центральной части памятника. Культурный слой объекта изучен полностью на всей площади на всю глубину залегания археологического материала.

Поселение Тайлеп-2. Объект находится в 60 м к юго-востоку от поселения Тайлеп-1. Высота площадки террасы здесь возвышается на 15–17 м над заболоченной поймой Кондомы. Поселение Тайлеп-2 было изучено 233 пикетами общей площадью 5 362,5 м². В ходе работ уточнена датировка: установлено, что поселение Тайлеп-2 является многослойным. Помимо горизонта эпохи позднего палеолита зафиксирован горизонт с материалами раннеголоценового возраста и горизонт эпохи раннего железного века – этнографической современности.

Культуросодержащий горизонт 1. Археологические материалы горизонта представлены в основном разрушенными металлургическими горнами, крицей, шлаками и фрагментами обмазки горнов. Немногочисленный каменный инвентарь, зафиксированный в культурном горизонте 1, вероятно, относится к более ранним эпохам, приуро-

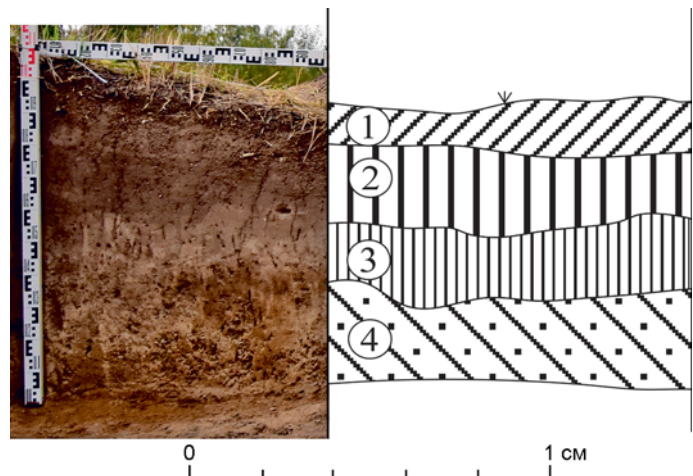

Рис. 3. Стратиграфическая ситуация на поселении Тайлеп-2.

ченным ко второму и третьему культурным горизонтам поселения. Его интрузия в вышележащий слой объясняется техногенными нарушениями, которым подверглась территория, расположенная к западу от границ поселения Тайлеп-2. Предварительно культурный горизонт 1 атрибутирован в широких рамках раннего железного века – этнографической современности.

Культуросодержащий горизонт 2. Сырьевой базой каменного производства в культурном горизонте 2 служил местный галечник, представленный в основном кремнистыми породами (халцедоны и кремни составляют ок. 90 %). Помимо этого, в литопроизводстве использовались окремненный песчаник и кварциты. Всего каменная индустрия культурного горизонта 2 насчитывает 1 143 экз., в т.ч. 26 нуклеусов и их преформ, 666 сколов (технических сколов, отщепов, пластин и пластинок), 109 орудий и 340 отходов производства (колотых галек, обломков, осколков, мелких отщепов и чешуек).

Первичное расщепление в комплексе представлено призматическим и торцовым принципами для получения удлиненных заготовок мелкопластинчатых пропорций. Однако зачастую из-за низкого качества сырья с призматического нуклеуса удавалось получить только укороченные сколы-заготовки, что нашло отражение в орудийной коллекции. Орудия представлены главным образом скребками различной конфигурации и долотовидными изделиями. Отличительной особенностью орудийного набора культурного горизонта 2 являются тесла. Всего зафиксировано пять заготовок тесел – трапециевидных форм, с оформленными в районе обуха выемками-«перехватами».

Предварительно, исходя из стратиграфического контекста и облика индустрии, материалы куль-

турного горизонта 2 датируются мезолитом – ранним неолитом.

Культуросодержащий горизонт 3. Сырьевой базой каменного производства служил местный галечник, в основном представленный кремнистыми породами (кремень, халцедон), на их долю приходится более 90 %. Коллекция каменных артефактов культурного горизонта 3 насчитывает 10 141 экз., в т.ч. 98 нуклеусов и их преформ, 3 146 сколов (технических сколов, отщепов, пластин, пластинок и микропластин), 651 орудие и 6 169 отходов каменного производства (колотых галек, обломков, осколков, мелких отщепов и чешуек).

Типологически определяемые нуклеусы демонстрируют плоскостной, объемный и призматический принцип расщепления. Плоскостной принцип расщепления представлен одноплощадочными однофронтальными нуклеусами для пластин и отщепов. Помимо самих остаточных нуклеусов, об использовании плоскостного принципа свидетельствуют технические сколы – краевые сколы, продольные и поперечные сколы подправки латералей, сколы типа *debordant*. Объемный принцип расщепления фиксируется на одноплощадочных однофронтальных нуклеусах для пластин и отщепов, дуга скалывания которых превышает 90°. Связанные с этим принципом технические сколы – это сколы подправки дуги скалывания, подправки фронта, реберчатые и полуреберчатые сколы. Призматический принцип расщепления представ-

лен одноплощадочными нуклеусами для пластин и пластинок с зачастую замкнутым фронтом. Специфические технические сколы, относящиеся к утилизации таких нуклеусов, – сколы-«таблетки».

Кроме нуклеарного расщепления, в материалах культурного горизонта 3 отчетливо выявляются следы применения биполярной техники раскалывания. На ее использование указывают специфические удлиненные сколы с прямым вентральным фасом, неподготовленной ударной площадкой и встречными ударными волнами с дистального окончания. В пользу применения данной техники древними мастерами также свидетельствуют наковальни с характерными следами забитости.

Орудийная коллекция включает скребки, долотовидные изделия, скребла, ножевидные изделия, ретушированные пластины, пластинки и микропластины, отщепы с ретушью и недиагностируемые фрагменты орудий. Наиболее многочисленной категорией орудийной коллекции являются скребки. Как правило, они изготовлены на укороченных сколах, однако встречаются и орудия, выполненные на пластинах.

Предварительно культурный горизонт 3 поселения Тайлеп-2 можно отнести к финальнопалеолитическому времени (вторая половина сартанского похолодания).

Таким образом, в полевой сезон 2020 г. площадь, занимаемая поселениями Тайлеп-1 и -2, исследована полностью (рис. 4). В ходе работ уточ-

Рис. 4. Вид на исследованную площадь поселения Тайлеп-2.

нена датировка объектов, установлено, что поселение Тайлеп-2 является многослойным. Помимо горизонта эпохи позднего палеолита зафиксированы горизонт с материалами раннеголоценового возраста и горизонт эпохи раннего железного века – этнографической современности. Получена коллекция артефактов, насчитывающая 12 340 ед., в т.ч. сырьевая база (кость, шлак). Определено культурно-хронологическое положение полученного материала. В процессе работы были отобраны различные образцы для радиоуглеродного датирования и геохимического анализа почв.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР № 0329-2019-0007 «Изучение, сохранение и музеефикация археологического и этнокультурного наследия Сибири».

Список литературы

Кулемзин А.М. История изучения археологических памятников в Кемеровской области // Археология Южной Сибири. – Кемерово, 1985. – С. 105–112.

Маркин С.В. Новые местонахождения каменного века на р. Томи // АО 1978 года. – М., 1979. – С. 131.

Маркин С.В. Новые археологические памятники в районе села Ильинка // Археология Южной Сибири. – Кемерово, 1980. – С. 3–10.

Маркин С.В. Палеолитические памятники бассейна р. Томи. – Новосибирск, 1986. – 176 с.

Окладников А.П. Страница жизни палеолитического мастера: клад каменных изделий у поселка Аил (с. Кузедеево) // Из истории Сибири и Алтая. – Барнаул, 1968. – С. 58–70.

Палеолит Горной Шории / Г.Я. Барышников, А.Л. Кунгуров, М.М. Маркин, В.П. Семибратов. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – 279 с.

Ширин Ю.В. Археологические памятники г. Новокузнецка // Кузнецкая старина. – Новокузнецк, 1993. – Вып. 1. – С. 10–45.

Ширин Ю.В. Археологические работы на Томи и Чулыме в 1940 г. // Тр. Том. гос. объедин. ист.-архит. музея. – Томск, 1995. – С. 57–64.

Ширин Ю.В. Вклад У.Э. Эрдниева в исследование древнего прошлого Кузнецкого края // Кузнецкая старина. – Новокузнецк, 2006. – № 8. – С. 104–105.

Ширин Ю.В. Материалы археологических разведок на р. Томи // Из Кузнецкой старины. – Новокузнецк, 2015. – № 6. – С. 4–75.

Ширин Ю.В., Евреинов К.А. У истоков кузнецкого краеведения // Тр. Том. обл. краевед. музея. – Томск, 2000. – Т. X. – С. 132–140.

References

Baryshnikov G.Ya., Kungurov A.L., Markin M.M., Semibratov V.P. Paleolit Gornoi Shorii. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2005, 279 p. (In Russ.).

Kulemzin A.M. Istoriya izucheniya arkheologicheskikh pamyatnikov v Kemerovskoi oblasti. In *Arkheologiya Yuzhnoi Sibiri*. Kemerovo, 1985, pp. 105–112. (In Russ.).

Markin S.V. Novye mestonakhozhdeniya kamennogo veka na r. Tomi. In *Arkheologicheskie otkrytiya 1978*. Moscow, 1979, 131 p. (In Russ.).

Markin S.V. Novye arkheologicheskie pamyatniki v raione sela Il'inka. In *Arkheologiya Yuzhnoi Sibiri*. Kemerovo, 1980, pp. 3–10. (In Russ.).

Markin S.V. Paleoliticheskie pamyatniki basseina r. Tomi. Novosibirsk, 1986, 176 p. (In Russ.).

Okladnikov A.P. Stranitsa zhizni paleoliticheskogo мастера: klad kamennykh izdelii u poselka Ail (s. Kuzedeevo). In *Iz istorii Sibiri i Altaya*. Barnaul, 1968, pp. 58–70. (In Russ.).

Shirin Yu.V. Arkheologicheskie pamyatniki g. Novokuznetska. In *Kuznetskaya starina*. Novokuznetsk, 1993, iss. 1, pp. 10–45. (In Russ.).

Shirin Yu.V. Arkheologicheskie raboty na Tomi i Chulyme v 1940. In *Trudy Tomskogo gosudarstvennogo ob'edinennogo istoriko-arkhitekturnogo muzeya*. Tomsk, 1995, pp. 57–64. (In Russ.).

Shirin Yu.V. Vklad U.E. Erdnieva v issledovanie drevnego proshlogo Kuznetskogo kraja. In *Kuznetskaya starina*. Novokuznetsk, 2006, No. 8, pp. 104–105. (In Russ.).

Shirin Yu.V. Materialy arkheologicheskikh razvedok na r. Tomi. In *Iz Kuznetskoi stariny*. Novokuznetsk, 2015, No. 6, pp. 4–75. (In Russ.).

Shirin Yu.V., Evreinov K.A. U istokov kuznetskogo kraevedeniya. In *Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya*. Tomsk, 2000, pp. 132–140. (In Russ.).

Тимошенко А.А. <https://orcid.org/0000-0003-2865-0841>

Бычков Д.А. <https://orcid.org/0000-0002-7646-9740>

Ахметов В.В. <https://orcid.org/0000-0002-7133-4417>

Павленок Г.Д. <https://orcid.org/0000-0003-3727-776X>

Корай С.А. <https://orcid.org/0000-0003-4232-9587>

Белан О.В. <https://orcid.org/0000-0002-9122-9948>

Дудко А.А. <https://orcid.org/0000-0003-2253-5658>

Веретенников А.В. <https://orcid.org/0000-0001-9204-5297>

Список сокращений

АМАЭС ТГУ	– Архив Музея археологии и этнографии Томского государственного университета
АН РС (Я)	– Академия наук Республики Саха (Якутия)
АН РТ	– Академия наук Республики Татарстан
АН РУз	– Академия наук Республики Узбекистан
АН СССР	– Академия наук СССР
АН ТССР	– Академия наук Туркменской ССР
АО	– Археологические открытия
БНЦ СО РАН	– Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН
ВОИРАО	– Восточное отделение Императорского русского археологического общества
ВСЕГЕИ	– Всероссийский научно-исследовательский геологический институт им. А.П. Карпинского
ВСОИРГО	– Восточно-Сибирское отделение Императорского русского географического общества
ГААК	– Государственный архив Алтайского края
ГАИМК	– Государственная академия истории материальной культуры
ГАНИИИЯЛ	– Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
ГИМ	– Государственный исторический музей
Госархив СПД РА	– Государственный архив социально-правовой документации Республики Алтай
ГУГК	– Государственное управление геодезии и картографии
ДУМ АЧР	– Духовное управление мусульман Азиатской части России
ЗИН РАН	– Зоологический институт РАН
ИА АН СССР	– Институт археологии АН СССР
ИА им. А.Х. Халикова АН РТ	– Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ
ИА РАН	– Институт археологии РАН
ИААЭ	– Институт антропологии, археологии и этнографии АН СССР
ИАОО	– Исторический архив Омской области
ИАЭТ СО РАН	– Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
ИВ АН СССР	– Институт востоковедения АН СССР
ИГ СО РАН	– Институт географии им. В.Б. Сочавы Сибирского отделения РАН
ИГИ ПМНС СО РАН	– Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН
ИИ АН РТ	– Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
ИИМК РАН	– Институт истории материальной культуры РАН
ИИФФ СО РАН	– Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения РАН
ИМБТ СО РАН	– Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН
ИНГГ СО РАН	– Институт нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука Сибирского отделения РАН
ИНИОН РАН	– Институт научной информации по общественным наукам РАН
ИЦиГ СО РАН	– Институт цитологии и генетики Сибирского отделения РАН
ИЭА РАН	– Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

ИЯФ СО РАН	– Институт ядерной физики Сибирского отделения РАН
КАЭЭ	– Камская археолого-этнографическая экспедиция
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАИ	– Московский авиационный институт
МАИКЦА	– Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии
МАН	– Монгольская академия наук
МАЭ ОмГУ	– Музей археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского
МАЭ РАН	– Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
МИКНСДВ	– Музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока
МИОН	– Межрегиональный институт общественных наук
МОКМ	– Мурманский областной краеведческий музей
МРКМ	– Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартынова
МРОМ	– местная религиозная организация мусульман
НАН РК	– Национальная академия наук Республики Казахстан
ОАН	– объект археологического наследия
ОНЦ СО РАН	– Омский научный центр Сибирского отделения РАН
ОНЭЦ	– Омский научный этнографический центр
ПМА	– полевые материалы автора
РА	– Российская археология
РАНХиГС	– Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов
РГО	– Русское географическое общество
СА	– Советская археология
САИ	– Свод археологических источников
САИПИ	– Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства
САПИ	– Сибирская ассоциация петроглифических исследований
СВКНИИ ДВО АН СССР	– Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н.А. Шило Дальневосточного отделения АН СССР
СВКНИИ ДВНЦ АН СССР	– Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт Дальневосточного научного центра АН СССР
СВНЦ ДВО РАН	– Северо-Восточный научный центр Дальневосточного отделения РАН
СЭ	– Советская этнография
ТИГ ДВО РАН	– Тихоокеанский институт географии Дальневосточного отделения РАН
ТИЭ	– Труды института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
ТФ ИАОО	– Тарский филиал Исторического архива Омской области
УрО СССР (РАН)	– Уральское отделение АН СССР (РАН)
ФИЦ УУХ СО РАН	– Федеральный исследовательский центр угля и углехимии Сибирского отделения РАН
ХМАО – Югра	– Ханты-Мансийский автономный округ – Югра
ХНИИЯЛИ	– Хакасский научно-исследовательский институт языка и литературы
ЦРО ДУМС	– Центральная религиозная организация духовного управления мусульман Сибири
ЭО	– Этнографическое обозрение
ЮНЦ	– Южный научный центр РАН
ЮТАКЭ	– Южно-Туркменская археологическая комплексная экспедиция
ЯНАО	– Ямало-Ненецкий автономный округ
ЯФ СО АН СССР	– Якутский филиал Сибирского отделения АН СССР

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ КАМЕННОГО ВЕКА ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ

Акимова Е.В., Харевич В.М. Скретки позднепалеолитической стоянки Троицкая (Красноярское водохранилище) . . .	7
Алишер кызы С., Шнайдер С.В. Каменная индустрия неолитических слоев грота Дам-Дам-Чешме-2 (по материалам раскопок А.П. Окладникова)	16
Анойкин А.А., Павленок Г.Д., Харевич В.М., Кулик Н.А. Археологическая разведка на Гилевском водохранилище в Алтайском крае в 2020 году	24
Анойкин А.А., Харевич В.М., Павленок Г.Д., Кулик Н.А., Козликин М.Б. Археологическая разведка в Змеиногорском и Курьинском районах Алтайского края в 2020 году	30
Васильев С.К., Козликин М.Б., Шуньков М.В. Фаунистические остатки из плейстоценовых отложений в южной галерее Денисовой пещеры (материалы 2019 года)	37
Васильев С.К., Пархомчук Е.В., Середнёв М.А., Милютин К.И., Растигеев С.А., Пархомчук В.В. Позднеплейстоценовая мегафауна юга Западной и Средней Сибири: новые данные по радиоуглеродному датированию и новые находки из аллювиальных местонахождений в 2020 году	43
Гладышев С.А. Истоки позднего палеолита Приморья	51
Гладышев С.А., Кандыба А.В., Нгуен За Дой, Нгуен Кхак Шу, Ле Хай Данг, Карпова С.О., Деревянко А.П. Археологическая разведка в провинции Залай во Вьетнаме в 2020 году	58
Деревянко А.П., Кандыба А.В., Гладышев С.А., Чеха А.М., Нгуен За Дой, Ле Хай Данг, Карпова С.О. Археологический памятник Гора До во Вьетнаме: новая интерпретация комплекса с поверхностным залеганием артефактов	68
Зольников И.Д., Анойкин А.А., Филатов Е.А., Васильев А.В., Аржанников М.А. Разведочные работы в нижнем течении реки Сыня (Шурышкарский район Ямало-Ненецкого автономного округа) в 2020 году	75
Зольников И.Д., Анойкин А.А., Филатов Е.А., Васильев А.В., Аржанников М.А., Чеха А.М. Разведочные работы на правом берегу Большой Оби в 2020 году	82
Иванова Д.А. Атрибуты ритуальной практики эпохи дзёмон, Японский архипелаг	89
Казанский А.Ю., Павленок Г.Д., Кот М., Шимчак К., Когай С.А., Хужаназаров М., Мухтаров Г., Павленок К.К. Петромагнитные и палеомагнитные исследования отложений палеолитических стоянок Каттасай-1, -2	97
Кандыба А.В., Дьяконов В.М., Павлов И.С., Зоткина Л.В., Протопопов А.В., Симокайтис Т.Б. Полевые исследования на территории Булунского района в Республике Саха (Якутия) в 2020 году	107
Кандыба А.В., Рыбалко А.Г. Результаты разведочных археологических работ в районе Геджухского водохранилища (Республика Дагестан) в 2020 году	113
Козликин М.Б., Васильев С.К., Шуньков М.В. Археологическая разведка в бассейне верхнего течения реки Ануй в 2020 году	119
Козликин М.Б., Оленченко В.В., Осипова П.С., Кулик Н.А., Алишер кызы С., Марковский Г.И., Шнайдер С.В. Геофизические и археологические исследования пещеры Бийка-1 на Алтае	124
Колобова К.А., Васильев С.К., Березина Н.Я., Колясникова А.С., Бочарова Е.Н., Колясникова А.С., Рыбалко А.Г., Чистяков П.В., Селецкий М.В., Гашенко А.В., Кадырбекова Т., Харевич А.В. Исследования среднепалеолитических комплексов Чагырской пещеры в полевом сезоне 2020 года	131
Колясникова А.С., Колясникова А.С., Чистяков П.В. Перспективы использования технологии ZooMS для идентификации пола бизонов по белкам эмали зубов	137
Кулик Н.А., Козликин М.Б., Мирошниченко Л.В., Шуньков М.В. Влияние фосфатной минерализации отложений на сохранность каменных артефактов (по материалам Денисовой пещеры)	142
Лебединцев А.И., Макаров И.В., Прут А.А., Пташинский А.В., Федорченко А.Ю., Харитонов Р.М., Гребенюк П.С. Результаты полевых исследований в Северном Приохотье и на Камчатке в 2020 году	148
Марченко Д.В., Рыбин Е.П., Хаценович А.М. Корреляция как инструмент определения функциональной вариативности в пределах стоянки	155

Марченко Ж.В., Гришин А.Е. Раннеолитическая стоянка Новая Курья-2 в Северной Кулунде	163
Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Кобелева Л.С., Хансен С., Селин Д.В., Нестерова М.С., Кудинова М.А., Райнхольд С., Швецова Е.С., Бобин Д.Н. Позднеолитический погребальный комплекс на памятнике Усть-Тартас-2 (Венгеровский район Новосибирской области)	172
Новосельцева В.М., Акимова Е.В., Стасюк И.В., Орешников И.А., Ключников Т.А. Раскопки позднепалеолитической стоянки Афонтова гора IV (Овражная) в 2020 году	181
Павленок Г.Д., Лелох М., Кот М., Павленок К.К., Когай С.А., Холматов А., Хужаназаров М., Шимчак К. Новые палеолитические местонахождения в долине Эрташася (Западный Тянь-Шань)	189
Павленок Г.Д., Лукъянов Р.Д., Павленок К.К. IT-Fact – новый программный продукт для создания унифицированных баз данных в археологии	195
Рыбалко А.Г. Основные типы макроорудий в ашельских комплексах Юго-Восточного Дагестана	199
Рыбалко А.Г., Кандыба А.В. Исследования многослойной стоянки Дарвагчай-залив-4 в 2020 году	206
Рыбалко А.Г., Кандыба А.В. Исследования раннепалеолитического комплекса стоянки Дарвагчай-залив-1 в 2020 году	213
Рыбин Е.П., Анойкин А.А., Хаценович А.М., Мансков С.А., Долгушин И.Д., Ганболд М.-Э. Новое палеолитическое местонахождение Алтайры-1 и доставка сырья на палеолитические стоянки Еловской котловины (центральная часть Горного Алтая)	218
Рыбин Е.П., Хаценович А.М., Гунчинсурен Б. Морфология сколов и организация выпуклости фронта расщепления в каменных индустриях позднего среднего палеолита и ранних стадий верхнего палеолита Южной Сибири и Центральной Азии	224
Селецкий М.В., Чистяков П.В., Федорченко А.Ю. Возможности трехмерного моделирования при исследовании каменных ударно-абразивных орудий эпохи палеолита	231
Сердюк Н.В., Шнайдер С.В., Алишер кызы С., Абдыканова А. Новые данные по фауне памятника Обишир-5 (Ферганская долина, Кыргызстан)	238
Табарев А.В. Археологические данные об использовании и роли водного транспорта в древнейших культурах Японского архипелага	244
Федорченко А.Ю., Белоусова Н.Е., Гребенюк П.С., Лебединцев А.И. Новый археологический комплекс раннего неолита на юге Камчатки	250
Филатов Е.А., Филатова М.О. Топографические исследования мастерской имени А.П. Окладникова в Восточном Забайкалье	258
Харевич А.В., Харевич В.М., Колясникова А.С., Бочарова Е.Н., Колобова К.А., Кривошапкин А.И. Новые археологические памятники на северо-западе Алтая (Краснощековский и Солонешенский районы Алтайского края)	263
Харевич В.М., Харевич А.В., Анойкин А.А., Акимова Е.В. Возобновление археологических работ на верхнепалеолитической стоянке Сабаниха (средний Енисей)	271
Харевич В.М., Харевич А.В., Анойкин А.А., Акимова Е.В. Разведочные работы на побережье Красноярского водохранилища в 2020 году	279
Хаценович А.М., Рыбин Е.П. Место комплексов с геометрическими микролитами в культурно-хронологической последовательности палеолита Монголии	287
Чеха А.Н. Каменные индустрии Усть-Кутарейского участка в Северном Приангарье. Новые данные	294
Чеха А.М., Кулик Н.А. Петрография палеолитических индустрий с местонахождений Северного Приаралья (Казахстан)	302
Шнайдер С.В., Алишер кызы С., Марковский Г.И. Геометрические микролиты как культурный маркер на территории западной части Центральной Азии	308
Шуныков М.В., Анойкин А.А., Козликин М.Б., Булатович Л., Дервянко А.П. Раскопки палеолитической стоянки Малишина Стена в Черногории в 2020 году	316
Шуныков М.В., Козликин М.Б., Михиенко В.А. Среднепалеолитический комплекс из южной галереи Денисовой пещеры: новые материалы	322
Шуныков М.В., Козликин М.Б., Михиенко В.А., Федорченко А.Ю., Чеха А.М., Чеха А.Н., Дервянко А.П. Новые данные о ранней стадии среднего палеолита из Денисовой пещеры	330
Шуныков М.В., Козликин М.Б., Павленок К.К., Федорченко А.Ю. Костяные ретушеры среднего палеолита со стоянки Биоче в Черногории	337
Шуныков М.В., Таймагамбетов Ж.К., Козликин М.Б., Кандыба А.В. Палеолитические комплексы местонахождения Курчум на Южном Алтае: новые материалы	342

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Ахметов В.В. Гробницы с фресками на юге Корейского полуострова	351
Бобров В.В., Марочкин А.Г. К проблеме абсолютной хронологии ирменских древностей Кузнецко-Салаирской горной области	357
Бородовский А.П., Оборин Ю.В. Предметы конского снаряжения и коневодства вкладах эпохи металла на среднем Енисее	364
Герман П.В., Дядьков П.Г., Кулешов Д.А., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю., Савельева А.С., Веретенников А.В. Первый опыт использования геофизических методов в исследовании археологических комплексов Мариинской лесостепи	372
Гнездилова И.С. Антропоморфные ханива. Теории интерпретации	381
Горохов С.В., Сальникова И.В. Размеры детских, женских и мужских нательных крестов различных типов в некрополе Никольской церкви села Кривошеково в Новосибирске	389
Давыдов Р.В., Половников И.С., Собинов Р.Л., Митько О.А. Опыт использования спутниковых снимков и беспилотных управляемых летательных аппаратов при проведении разведочных работ в северной части Тесинского археологического микрорайона в Боградском районе Республики Хакасия	397
Дураков И.А., Молодин В.И., Гришин А.Е. Литейная мастерская одиновской культуры (по материалам могильника Тартас-1)	405
Ефремова Н.С. К вопросу о месте медведя в жизненном укладе носителей культур эпохи бронзы (по западносибирским археологическим материалам)	414
Ефремова Н.С., Молодин В.И., Кравцова А.С., Кудинова М.А., Дураков И.А. К вопросу о вариативности обрядов жертвоприношения в эпоху поздней бронзы	421
Жилич С.В., Рудая Н.А. Высокоразрезающая реконструкция климата и растительности для последних двух тысяч лет по палеозаписи донных отложений озера Урег-Нур (Монголия) в историческом и палеоэкологическом контексте	428
Зайцева Е.А., Кениг А.В., Кимпицкая А.А. Предварительные результаты археологических исследований могильника Тохтымейпай-8	437
Зоткина Л.В., Солодейников А.К., Давыдов Р.В., Курбанов Р.Н., Постников Н.В., Сутугин С.В., Шевченко Т.А., Конохов В.А., Федоренко П.Ю. Результаты полевых исследований памятников наскального искусства древнейшего пласта на территории Минусинской котловины в 2020 году	445
Кишкурно М.С., Марченко Ж.В., Гришин А.Е. Биоархеологические аспекты изучения средневековых материалов курганного могильника Новая Курья (Северная Кулунда)	453
Кобелева Л.С. Погребения с оружием кротовской культуры юга Западной Сибири (по материалам могильника Ростовка): гендерный аспект	462
Комиссаров С.А., Черемисин Д.В. Петроглифы Цаньюанья в провинции Юньнань, Китай	467
Кубарев Г.В. Новые петроглифические и эпиграфические местонахождения на Алтае	476
Молодин В.И., Дураков И.А., Хансен С., Ненахов Д.А., Ненахова Ю.Н., Райнхольд С., Кобелева Л.С., Мыльникова Л.Н., Селин Д.В., Ефремова Н.С., Швецова Е.С., Бобин Д.Н., Борзых К.А. Особенности погребальной практики носителей андроновской (фёдоровской) культуры северо-западной части могильника Тартас-1	484
Молодин В.И., Ефремова Н.С., Дураков И.А., Ненахов Д.А., Бобин Д.Н. Металлические приклады святилища восточного варианта пахомовской культуры	493
Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Кобелева Л.С., Нестерова М.С., Хансен С., Селин Д.В., Кудинова М.А., Дураков И.А., Швецова Е.С., Ненахова Ю.Н., Райнхольд С., Бобин Д.Н. Продолжение раскопок грунтовых могильников эпохи бронзы в Барабинской лесостепи	501
Молодин В.И., Соловьев А.И. Бронзовые бляшки в виде хищников семейства кошачьих из Барабы и Казахстана	510
Мыльников В.П., Нестеров С.П. Керамика с реки Архары в Западном Приамурье	514
Мыльникова Л.Н. Формовочные массы керамики андроновской (фёдоровской) культуры могильника Тартас-1: результаты инструментального исследования	523
Ненахов Д.А. Орнаментальные традиции некоторых кельтов раннего железного века с территории Средней Сибири	534
Нестеркина А.Л. Элитные погребения культуры «трех хан» (по материалам памятников чинхан и пёнхан юго-восточной части Корейского полуострова)	541

Нестеркина А.Л., Соловьева Е.А. Погребения в пещерах на юге Кореи и в Японии в эпоху неолита и палеометалла: особенности погребального обряда и культурные контакты	548
Нестеров С.П., Соболев А.Е. Культурный тип ваньяньхэ на северо-востоке Китая	556
Пахунов А.С., Алкин С.В. Результаты изучения пигментов писаниц среднего и нижнего течения реки Шилка в Забайкальском крае	565
Пилипенко А.С., Пилипенко И.В., Черданцев С.В., Трапезов Р.О. Генетический состав домашних животных как маркер миграций человека	571
Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А. Исследование кургана на памятнике Катанда-2	579
Савко И.А. Погребальные сооружения андроновской (фёдоровской) культуры на северо-западных предгорьях Алтая	587
Селин Д.В., Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Кобелева Л.С., Ненахова Ю.Н., Нестерова М.С., Ненахов Д.А., Кудинова М.А., Бобин Д.Н., Сеитов Р.М. Разведочные работы в Венгерском районе Новосибирской области в 2020 году	594
Серегин Н.Н., Степанова Н.Ф. Роговое стремя из некрополя эпохи Тюркских каганатов Горный-10 (Северный Алтай)	603
Соловьев А.И. Культурные места Усть-Изеса. Вопросы реконструкции	611
Соловьев А.И., Харитонов Р.М. «Маньчжуро-монгольские» луки из фондов Национального музея Республики Бурятия	620
Соловьева Е.А. Вторичные погребения в древней Японии в периоды <i>дзёмон</i> и <i>яёй</i>	628
Степанова Н.Ф., Степанов Н.С., Лысенко Д.Н., Быкова М.В. Предварительные результаты изучения исходного сырья и формовочных масс керамики со стоянок Малая Коренная-1 и -2 (Таймырский полуостров)	634
Татауров С.Ф., Татауров Ф.С., Тихонов С.С., Чёрная М.П. Исследования в историческом центре города Тары в 2020 году	641
Татауров Ф.С., Татауров С.Ф. Результаты исследования одиночного кургана саргатской культурно-исторической общности близ поселка Большеречье в Омском Прииртышье	645
Татауров Ф.С., Татаурова Л.В. Первые итоги исследования русского могильника XIX – первой четверти XX века Евгацино IV в Омском Прииртышье	650
Татаурова Л.В. Археологические исследования русского поселения XVII–XVIII веков Ананьино I (Тарский район Омской области) в 2020 году	657
Тихомиров К.Н. Металлические предметы XII–XVIII веков из лесостепного Прииртышья из частного собрания (предварительное сообщение)	664
Трапезов Р.О., Черданцев С.В., Томилин М.А., Папин Д.В., Пилипенко А.С. Новые данные о генетическом составе андроновского населения юга Сибири (Верхнее Приобье и Кулунда)	671
Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю. Средневековые каменные изваяния, установленные у современного памятника в Иссык-Кульской котловине	678
Швецова Е.С. История изучения и элементы историографии погребальных памятников тюркского времени на территории Барабинской лесостепи	682
Шульга А.А., Шульга Д.П., Гирченко Е.А. К вопросу об источниках изучения ритуальных жертвоприношений у ранних земледельцев Восточной Азии	689
Шульга Д.П., Гирченко Е.А., Филатова М.О. Восточно-римские монеты из Северной Монголии и их имитации	695
Шульга П.И. Культуры раннего железного века в Китае как часть скифского мира	702

ЭТНОГРАФИЯ

Ахметова Ш.К. Реконструкция ислама в конце XX – начале XXI века в Омской области	709
Ахметова Ш.К., Толпеко И.В. Мазары на мусульманских кладбищах Омского Прииртышья (по материалам 2020 года)	715
Бадмаев А.А. Заяц в традиционных представлениях и обрядах бурят	723
Бурнаков В.А. Заяц в традиционной обрядности и шаманской практике хакасов (конец XIX – середина XX века)	730
Герасимов Ю.В., Корусенко М.А. Некоторые вопросы этнокультурной истории аборигенного населения в среднем и нижнем течении реки Тара в XV–XVI веках (по археологическим материалам)	736

Голубкова О.В. Представления о «нечистой» смерти в локальной традиции украинских и белорусских переселенцев на юге Западной Сибири	742
Жигунова М.А. Структура Омского научного этнографического центра и периодизация его истории	748
Ильина А.А. Национально-культурные объединения казахов сельских районов Омской области на рубеже XX–XXI веков	753
Лыгденова В.В. К вопросу о консолидации родов в Республике Бурятия на примере современных баргузинских бурят-эхиритов (по материалам полевых исследований в 2017–2019 годах)	758
Любимова Г.В. Ресурсные конфликты сквозь призму антропологических теорий: «ресурсное проклятие» и «трагедия общинных ресурсов»	764
Люцидарская А.А. Знаковые свидетельства о распространении знаний среди русских переселенцев в Сибири в XVII веке	770
Майничева А.Ю. Посвящения православных церквей Новосибирской митрополии (1990–2020 годы)	774
Майничева А.Ю., Радзюкевич А.В., Ежов А.О. Этнографические исследования материальной культуры: современные методы фиксации и прототипирования на примере архитектурных деталей и элементов	779
Мальцева О.В. Устное в написанном. Ренессанс нанайской легенды «О трех солнцах» в XX–XXI веках	785
Николаев В.В. Национально-культурное возрождение кумандинцев на рубеже XX–XXI веков	789
Октябрьская И.В., Чиркина Е.М. Анастасиевцы Западной Сибири: этнодемографическая и социальная характеристика	795
Сальникова И.В. Предварительные результаты исследований Приполярного этнографического отряда в 2020 году	800
Самушкина Е.В. Массовые праздники Ойротской автономной области 1920–1930-х годов: проблема формирования этнической идентичности алтайцев	808
Селезнев А.Г. Новые религиозные и религиозно-ориентированные экологические движения Омской области: предварительные результаты этнографического изучения	814
Сэкия А. Примеры поклонения духу лошади на Алтае и в Японии	820
Тихомиров К.Н., Тихомирова М.Н. Новые сведения по истории Аубатканско-Яланкульского куста поселений татар Большереченского района Омской области	825
Тихомирова М.Н. Пуховый промысел у татар Большереченского района Омской области во второй половине XX – начале XXI века (предварительное сообщение)	830
Тихонов С.С. Алгоритм описания рыболовства населения южнотаежного Прииртышья по археологическим и этнографическим данным	836
Фурсова Е.Ф. Вышитые полотенца с крестами и растительными орнаментами («проросшие кресты») у русских крестьянок в Западной Сибири	841
Чемчиева А.П. Этнокультурное развитие южных алтайцев в современном городе	848

СПАСАТЕЛЬНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

Блинова А.Н., Герасимов Ю.В., Корусенко М.А. Археологические работы на территории Омского военного госпиталя в 2020 году	855
Богданов Е.С., Солод Ю.А., Захарова И.П., Выборнов А.В. Исследование курганного могильника Станция Казановская-1 в 2020 году	862
Бычков Д.А. Перспективы и проблемы научного поиска в Латат-Яйском понизовье по результатам археологических разведок 2018–2019 годов	869
Гришин А.Е., Чертыков В.А., Выборнов А.В. Памятник Югачи-1 (Хакасско-Минусинская котловина) – новый источник по изучению позднетагарских древностей: могильник, поселение	874
Дудко А.А., Васильева Ю.А., Понедельченко Л.О., Кишкурно М.С., Выборнов А.В. Результаты спасательных археологических раскопок на могильнике Казановка-10 в Аскизском районе Республики Хакасии в 2020 году ...	883
Митько О.А., Зубков В.С., Поселянин А.И., Фролов Я.В., Тетерин Ю.В., Морозов А.А., Половников И.С., Чертыков В.А., Выборнов А.В. Предварительные результаты раскопок тагарских курганов могильника Казановка-6 в Аскизском районе Республики Хакасии	888
Половников И.С., Дудко А.А., Васильева Ю.А. Находки изделий косторезного производства на могильнике Казановка-10 в Аскизском районе Республики Хакасии	895

Постнов А.В., Бычков Д.А., Акимова Е.В., Ахметов В.В., Мартюшов Р.А., Марочкин А.Г., Герман П.В., Веретенников А.В., Плац И.А. Разведочные работы в левобережье нижнего течения р. Кондомы у поселка Тайлеп	901
Сальникова И.В., Тимошенко А.А. Предварительные результаты исследования ставрографической коллекции некрополя Спасского собора (Куйбышев – ранее Каинск)	909
Селецкий М.В., Митько О.А., Чертыков В.А., Морозов А.А., Давыдов Р.В., Выборнов А.В. Предварительные данные археологических раскопок погребальных комплексов периода поздней бронзы на курганном могильнике Казановка-6 в Аскизском районе Республики Хакасии в 2020 году	918
Тимошенко А.А., Белан О.В., Кравцова А.С., Морозов А.А. Предварительные результаты второго этапа археологических работ на местонахождении «Археологический культурный слой Спасского собора» в городе Куйбышеве в 2020 году	924
Тимошенко А.А., Бычков Д.А., Ахметов В.В., Когай С.А., Павленок Г.Д., Белан О.В. Материалы финального верхнего палеолита стоянки Тайлеп-2 (по результатам спасательных работ 2020 года)	932
Тимошенко А.А., Бычков Д.А., Ахметов В.В., Павленок Г.Д., Когай С.А., Белан О.В., Дудко А.А., Веретенников А.В. Результаты спасательных археологических работ на поселениях Тайлеп-1 и Тайлеп-2 в Новокузнецком районе Кемеровской области – Кузбасса в 2020 году	937
Список сокращений	944

CONTENTS

ARCHAEOLOGY OF THE STONE AGE PALEOECOLOGY

Akimova E.V., Kharevich V.M. End-Scrappers from the Troitskaya Upper Paleolithic Site (Krasnoyarsk Reservoir)	7
Alisher kyzy S., Shnaider S.V. Lithic Assemblage from the Neolithic Layers at the Dam-Dam-Cheshme-2 Site (the Evidence of Excavations by A.P. Okladnikov)	16
Anoikin A.A., Pavlenok G.D., Kharevich V.M., Kulik N.A. Archaeological Survey at the Gilevsky Reservoir (Altai Krai) in 2020	24
Anoikin A.A., Kharevich V.M., Pavlenok G.D., Kulik N.A., Kozlikin M.B. Archaeological Survey in Zmeinogorsky and Kuryinsky Districts of Altai Krai in 2020	30
Vasiliev S.K., Kozlikin M.B., Shunkov M.V. Faunal Remains from the Pleistocene Deposits in the Southern Chamber of Denisova Cave (Evidence of 2019)	37
Vasiliev S.K., Parkhomchuk E.V., Serednyov M.A., Milutin K.I., Rastigeev S.A., Parkhomchuk V.V. Late Pleistocene Megafauna from the South of Western and Central Siberia: New Data on Radiocarbon Dating and New Finds from Alluvial Sites in 2020	43
Gladyshev S.A. Origins of the Late Paleolithic in Primorye	51
Gladyshev S.A., Kandyba A.V., Nguyen Gia Doi, Nguyen Khac Su, Le Hai Dang, Karpova S.O., Derevianko A.P. Archaeological Survey in Gia Lai Province, Vietnam, in 2020	58
Derevianko A.P., Kandyba A.V., Gladyshev S.A., Chekha A.M., Nguyen Gia Doi, Le Hai Dang, Karpova S.O. Archaeological Site of Mount Do in Vietnam: New Interpretation of the Complex with Surface Occurrence of Artifacts	68
Zolnikov I.D., Anoikin A.A., Phylatov E.A., Vasiliev A.V., Arzhannikov M.A. Archaeological Survey on the Lower Synya River (Shuryshkarsky District, Yamalo-Nenets Autonomous Okrug) in 2020	75
Zolnikov I.D., Anoikin A.A., Phylatov E.A., Vasiliev A.V., Arzhannikov M.A., Chekha A.M. Archaeological Survey on the Right Bank of the Bolshaya Ob River in 2020	82
Ivanova D.A. Attributes of Ritual Practices of the Jōmon Period, Japanese Archipelago	89
Kazansky A.Yu., Pavlenok G.D., Kot M., Szymczak K., Kogai S.A., Khuzhanazarov M., Mukhtarov G., Pavlenok K.K. Petromagnetic and Paleomagnetic Studies of Sediments at the Kattasai-1 and -2 Paleolithic Sites	97
Kandyba A.V., Dyakonov V.M., Pavlov I.S., Zotkina L.V., Protopopov A.V., Simokaitis T.B. Field Research in Bulunsky District in Republic of Sakha (Yakutia) in 2020	107
Kandyba A.V., Rybalko A.G. Results of Archaeological Survey in the Area of the Gedzhukh Reservoir (Republic of Dagestan) in 2020	113
Kozlikin M.B., Vasiliev S.K., Shunkov M.V. Archaeological Survey in the Basin of the Upper Reaches of the Anui River in 2020	119
Kozlikin M.B., Olenchenko V.V., Osipova P.S., Kulik N.A., Alisher kyzy S., Markovsky G.I., Shnaider S.V. Geophysical and Archeological Research of Biyka-1 Cave in Altai	124
Kolobova K.A., Vasiliev S.K., Berezina N.Ya., Kolyasnikova A.S., Bocharova E.N., Kolyasnikova A.S., Rybalko A.G., Chistyakov P.V., Seletsky M.V., Gashenko A.V., Kadyrbekova T., Kharevich A.V. Chagyrskaya Cave Middle Paleolithic Assemblage Investigation in the 2020 Field Season	131
Kolyasnikova A.S., Koliashnikova A.S., Chistiakov P.V. Perspectives of Using the ZooMS Technology for Sex Estimation of Bisons by Teeth Anomel Proteins	137
Kulik N.A., Kozlikin M.B., Miroshnichenko L.V., Shunkov M.V. Impact of Phosphate Mineralization of Sediments on the Preservation of Stone Artifacts (Based on Evidence from Denisova Cave)	142
Lebedintsev A.I., Makarov I.V., Prut A.A., Ptashinskiy A.V., Fedorchenko A.Yu., Kharitonov R.M., Grebenyuk P.S. Results of Fieldwork in the Northern Priokhotye and Kamchatka in 2020	148
Marchenko D.V., Rybin E.P., Khatsenovich A.M. Correlation as a Tool for Establishing Functional Variability Within the Site	155
Marchenko Zh.V., Grishin A.E. Early Neolithic Site of Novaya Kurya-2 in the Northern Kulunda Steppe	163

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Kobeleva L.S., Hansen S., Selin D.V., Nesterova M.S., Kudinova M.A., Reinhold S., Shvetsova E.S., Bobin D.N. Late Neolithic Burial Complex at the Ust-Tartas-2 Site (Vengerovsky District, Novosibirsk Region)	172
Novoseltseva V.M., Akimova E.V., Stasyuk I.V., Oreshnikov I.A., Klyuchnikov T.A. Excavations at the Late Paleolithic Site of Afontova Gora IV (Ovrazhnaya) in 2020	181
Pavlenok G.D., Leloch M., Kot M., Pavlenok K.K., Kogai S.A., Kholmatov A., Khuzhanazarov M., Szymczak K. New Paleolithic Sites in the Ertashsai Valley (Western Tien Shan)	189
Pavlenok G.D., Lukianov R.D., Pavlenok K.K. IT-Fact – the New Software for Specialized Archaeological Databases ..	195
Rybalko A.G. Main Types of Macrotools in the Acheulean Complexes of Southeastern Dagestan	199
Rybalko A.G., Kandyba A.V. Research of the Darvagchai-Zaliv-4 Multi-Layer Site in 2020	206
Rybalko A.G., Kandyba A.V. Research of the Early Paleolithic Assemblage for the Darvagchay-Zaliv-1 Site in 2020 ...	213
Rybin E.P., Anokin A.A., Khatsenovich A.M., Manskov S.A., Dolgushin I.D., Ganbold M.-E. The Newly Discovered Altair-1 Paleolithic Site and Lithic Raw Material Transportation at the Paleolithic Sites in the Elovskaya Valley (Central Altai Mountains)	218
Rybin E.P., Khatsenovich A.M., Gunchinsuren B. Flake Morphology and Maintenance of Core Flaking Surface Convexity in Lithic Industries of Late Middle and Early Stages of Upper Paleolithic in Southern Siberia and Central Asia	224
Seletskiy M.V., Chistyakov P.V., Fedorchenko A.Yu. 3D Modelling of Paleolithic Percussive-Abrasive Stone Tools: Research Opportunities	231
Serduk N.V., Shnaider S.V., Alisher kyzy S., Abdykanova A. New Data on Faunal Remains from the Obishir-5 Site (Fergana Valley, Kyrgyzstan)	238
Tabarev A.V. Archaeological Data on the Use and Role of Water Transport in the Earliest Cultures of the Japanese Archipelago	244
Fedorchenko A.Yu., Belousova N.E., Grebenyuk P.S., Lebedintsev A.I. The New Archaeological Complex of the Early Neolithic in the South of Kamchatka	250
Phylatov E.A., Phylatova M.O. Topographic Studies of the A.P. Okladnikov Paleolithic Workshop in Eastern Transbaikalia	258
Kharevich A.V., Kharevich V.M., Kolyasnikova A.S., Bocharova E.N., Kolobova K.A., Krivoshapkin A.I. New Archaeological Sites in the Northwestern Altai (Krasnoschekovsky and Soloneshensky Districts of Altai Krai)	263
Kharevich V.M., Kharevich A.V., Anoykin A.A., Akimova E.V. Resuming Archaeological Research at the Sabanikha Upper Paleolithic Site (Middle Yenisei)	271
Kharevich V.M., Kharevich A.V., Anoykin A.A., Akimova E.V. Archaeological Exploration at the Krasnoyarsk Reservoir in 2020	279
Khatsenovich A.M., Rybin E.P. Location of Geometric Microlith Assemblages in the Paleolithic Cultural Chronological Sequence of Mongolia	287
Chekha A.N. New Data on Lithic Industries from the Ust-Kutarey Area in the North Angara Region	294
Chekha A.M., Kulik N.A. Petrography of Paleolithic Locations in the Northern Aral Sea Region (Kazakhstan)	302
Shnaider S.V., Alisher kyzy S., Markovsky G.I. Geometric Microliths as a Cultural Marker in Western Central Asia ..	308
Shunkov M.V., Anokin A.A., Kozlikin M.B., Bulatovich L., Derevianko A.P. Excavations at the Paleolithic Site Mališina Stijena in Montenegro in 2020	316
Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Mikhienko V.A. The Middle Paleolithic Assemblage from the South Chamber of Denisova Cave: New Evidence	322
Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Mikhienko V.A., Fedorchenko A.Yu., Chekha A.M., Chekha A.N., Derevianko A.P. New Evidence on the Early Middle Paleolithic from Denisova Cave	330
Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Pavlenok K.K., Fedorchenko A.Yu. Middle Paleolithic Bone Retouchers from the Bioč Site in Montenegro	337
Shunkov M.V., Taymagambetov Zh.K., Kozlikin M.B., Kandyba A.V. Paleolithic Assemblages from the Kurchum Location in the Southern Altai: New Evidence	342

ARCHAEOLOGY OF THE PALEOMETAL AND MIDDLE AGES

Akhmetov V.V. Tombs with Murals in the South of the Korean Peninsula	351
Bobrov V.V., Marochkin A.G. On the Problem of Absolute Chronology of Irmen Antiquities in the Kuznetsk-Salair Mountain Region	357
Borodovskiy A.P., Oborin Yu.V. Items of Harness and Horse Care in the Hoards of the Paleometal Age in the Middle Yenisei Region	364

German P.V., Dyadkov P.G., Kuleshov D.A., Marochkin A.G., Yurakova A.Yu., Savel'eva A.S., Veretennikov A.V. First Experience of Using Geophysical Methods for Studying Archaeological Sites in the Mariinsk Forest-Steppe . . .	372
Gnezdilova I.S. Anthropomorphic Haniwa. Theories of Interpretation	381
Gorokhov S.V., Sal'nikova I.V. Sizes of Children's, Women's, and Men's Baptismal Crosses of Different Types at the Necropolis of Saint Nicholas Church in the Village of Krivoshchekovo, Novosibirsk	389
Davydov R.V., Polovnikov I.S., Sobinov R.L., Mitko O.A. Use of Satellite Images and Drones in Surveying the Northern Part of the Tesinsky Archaeological Microdistrict in Bogradsky District of the Republic of Khakassia	397
Durakov I.A., Molodin V.I., Grishin A.E. Foundry Workshop of the Odinovo Culture (the Evidence from the Tartas-1 Site)	405
Efremova N.S. The Role of the Bear in the Life Cycle of the Carriers of the Bronze Age Cultures (Based on Western Siberian Archaeological Evidence)	414
Efremova N.S., Molodin V.I., Kravtsova A.S., Kudinova M.A., Durakov I.A. On Variability of Sacrificial Rites in the Late Bronze Age	421
Zhilich S.V., Rudaya N.A. High-Resolution Climate and Vegetation Reconstruction for the Last 2000 Years Based on Palaeorecord from Lake Ureg-Nur (Mongolia): Historical and Palaeoecological Context	428
Zaitseva E.A., Kenig A.V., Kimpitskaia A.A. Preliminary Results of Archaeological Research at the Tokhtymeipai-8 Burial Ground	437
Zotkina L.V., Solodeynikov A.K., Davydov R.V., Kurbanov R.N., Postnikov N.V., Sutugin S.V., Shevchenko T.A., Konokhov V.A., Fedorenko P.Yu. Results of Field Research of the Earliest Rock Art Sites in the Minusinsk Depression in 2020	445
Kishkurno M.S., Marchenko Zh.V., Grishin A.E. Bioarchaeological Aspects of Studying Medieval Evidence from the Novaya Kurya Burial Ground of the Barrow Type (Northern Kulunda)	453
Kobeleva L.S. Gender Aspects of Burials with Weapons (Krotovo Culture, South of Western Siberia) Based on Materials from Rostovka Site	462
Komissarov S.A., Cheremisin D.V. Petroglyphs at Cangyuan in Yunnan Province, China	467
Kubarev G.V. New Petroglyphic and Epigraphic Sites in the Altai	476
Molodin V.I., Durakov I.A., Hansen S., Nenakhov D.A., Nenakhova Yu.N., Reinhold S., Kobeleva L.S., Mylnikova L.N., Selin D.V., Efremova N.S., Shvetsova E.S., Bobin D.N., Borzykh K.A. Features of Funeral Practice of the Andronovo (Fedorovo) Culture in the Northwestern Part of the Tartas-1 Burial Ground	484
Molodin V.I., Efremova N.S., Durakov I.A., Nenakhov D.A., Bobin D.N. Metal Offerings from the Sanctuary of the Eastern Version of the Pakhomovo Culture	493
Molodin V.I., Mylnikova L.N., Kobeleva L.S., Nesterova M.S., Hansen S., Selin D.V., Kudinova M.A., Durakov I.A., Shvetsova E.S., Nenakhova Yu.N., Reinhold S., Bobin D.N. The Continuation of Archaeological Excavation of the Bronze Age Burial Grounds in the Baraba Forest-Steppe	501
Molodin V.I., Solovyev A.I. Bronze Plaques Representing Feline Predators from Baraba and Kazakhstan	510
Mylnikov V.P., Nesterov S.P. Ceramics from the Arkhara River, Western Priamurye	514
Mylnikova L.N. Ceramics Molding Masses of the Andronovo (Fedorovo) Culture Burial Ground Tartas-1: Instrumental Examination Results	523
Nenakhov D.A. Traditions of Ornamental Decoration on Some Early Iron Age Celts from Central Siberia	534
Nesterkina A.L. Elite Burials of the "Three Han" Culture (Based on the Materials of the Jinhan and Byeonhan Sites in the Southeastern Part of the Korean Peninsula)	541
Nesterkina A.L., Solovyeva E.A. Cave Burials of the Neolithic and Paleometal Period in the South of Korea and in Japan: Characteristic of the Funeral Rite and Cultural Contacts	548
Nesterov S.P., Sobolev A.E. Wanyanhe Cultural Type in Northeastern China	556
Pakhunov A.S., Alkin S.V. Preliminary Results of Study of Pigments from the Rock Art Sites of Middle and Lower Stream of the Shilka River in the Trans-Baikal Region	565
Pilipenko A.S., Pilipenko I.V., Cherdantsev S.V., Trapezov R.O. Genetic Composition of Domestic Animals as a Marker of Human Migrations	571
Polosmak N.V., Chikisheva T.A. Study of the Burial Mound at the Katanda-2 Site	579
Savko I.A. Burial Structures of the Andronovo (Fedorovo) Culture of the Northwestern Foothills of Altai	587
Selin D.V., Molodin V.I., Mylnikova L.N., Kobeleva L.S., Nenakhova Yu.N., Nesterova M.S., Nenakhov D.A., Kudinova M.A., Bobin D.N., Seitov R.M. Exploration Work in the Vengerovsky District of the Novosibirsk Region in 2020	594
Seregin N.N., Stepanova N.F. Horny Stirrup from the Gorny-10 Necropolis of the Turkic Khaganates' Era (Northern Altai)	603
Solovyev A.I. Ritual Places of Ust-Izes: Reconstruction Issues	611

Solovyev A.I., Kharitonov R.M. “Manchurian-Mongolian” Bows from the National Museum of the Republic of Buryatia	620
Solovyeva E.A. Secondary Burials of Ancient Japan in Jomon and Yayoi	628
Stepanova N.F., Stepanov N.S., Lysenko D.N., Bykova M.V. Preliminary Results of Studying Raw Materials and Pottery Molding Material from the Malaya Korennaya-1 and -2 Sites (Taimyr Peninsula)	634
Tataurov S.F., Tataurov Ph.S., Tikhonov S.S., Chernaya M.P. Research in the Historical Center of the City of Tara in 2020	641
Tataurov Ph.S., Tataurov S.F. Results of Studying a Single Mound of the Sargat Cultural and Historical Community near the Bolsherechye Village in Omsk Priirtyshye	645
Tataurov Ph.S., Tataurova L.V. First Results of the Study of the Russian Burial Ground of the 19th to the First Quarter of the 20th Century Evgashchino IV in the Omsk Irtysh Region	650
Tataurova L.V. Archaeological Research of the Russian Settlement of the 17th–18th Centuries in Ananyino I (Tarsky District of Omsk Region) in 2020	657
Tikhomirov K.N. Metal Objects of the 12th–18th Centuries from the Irtysh Forest-Steppe Region in a Private Collection (Preliminary Report)	664
Trapezov R.O., Cherdantsev S.V., Tomilin M.A., Papin D.V., Pilipenko A.S. New Data on the Genetic Composition of the Andronovo Populations from Southern Siberia (the Upper Ob Region and Kulunda Steppe)	671
Khudyakov Yu.S., Borisenko A.Yu. Medieval Stone Statues at a Modern Monument in the Issyk-Kul Depression ...	678
Shvetsova E.S. History of Research and Elements of the Historiography of Burial Sites of the Turkic Period in Baraba Forest-Steppe	682
Shulga A.A., Shulga D.P., Girchenko E.A. Concerning the Sources for Studying Ritual Sacrifices in Early Agricultural Societies of East Asia	689
Shulga D.P., Girchenko E.A., Filatova M.O. East Roman Coins from Northern Mongolia and Replicas Thereof	695
Shulga P.I. Cultures of the Early Iron Age in China as a Part of the Scythian World	702

ETHNOGRAPHY

Akhmetova Sh.K. Reconstruction of Islam in the Late 20th – Early 21st Century in Omsk Region	709
Akhmetova Sh.K., Tolpeko I.V. Mazars at Muslim Cemeteries of the Omsk Irtysh Region (the Evidence of 2020) ...	715
Badmaev A.A. The Hare in Traditional Beliefs and Rituals of the Buryats	723
Burnakov V.A. The Hare in the Traditional Rituals and Shamanic Practices of the Khakases (Late 19th – Mid 20th Century)	730
Gerasimov Yu.V., Korusenko M.A. Some Issues of Ethnic and Cultural History of the Indigenous Population Living in the Middle and Lower Tara Region in the 15th–16th Centuries (Based on Archaeological Evidence)	736
Golubkova O.V. Concept of “Unclean” Death in the Local Tradition of the Ukrainian and Belorussian Migrants in the South of Western Siberia	742
Zhigunova M.A. Structure of the Omsk Ethnographic Research Center and Periodization of Its History	748
Ilina A.A. Ethnic Cultural Associations of Kazakhs in the Rural Areas of Omsk Region at the Turn of the 20th–21st Centuries	753
Lygdenova V.V. Consolidation of Tribal Clans in the Republic of Buryatia Using the Example of the Contemporary Barguzin Ekhirit Buryats (Field Research of 2017–2019)	758
Lyubimova G.V. Resource Conflicts Through the Lens of Anthropological Theories: “Resource Curse” and “the Tragedy of the Commons”	764
Lyutsidarskaya A.A. Symbolic Evidence on the Spread of Knowledge Among Russian Colonists in Siberia in the 17th Century	770
Mainicheva A.Yu. Dedications of Orthodox Churches in Novosibirsk Diocese (1990–2020)	774
Mainicheva A.Yu., Radzyukevich A.V., Yezhov A.O. Ethnographic Research of Material Culture: Current Methods of Recording and Prototype Designing Based on the Example of Architectural Details and Elements	779
Maltseva O.V. Orality in Writing. Renaissance of the Nanai Legend “About Three Suns” in the 20th–21st Centuries ...	785
Nikolaev V.V. National and Cultural Revival of the Kumandins at the Boundary of the 20th–21st Centuries	789
Oktyabrskaya I.V., Chirkina E.M. The Ethnodemographic and Social Characteristics of the Anastasians of Western Siberia	795
Salnikova I.V. Preliminary Results of the Polar Ethnographic Party Research in 2010	800
Samushkina E.V. Mass Festivities in the Oyrot Autonomous Oblast in the 1920s and 1930s: Development of the Altai Ethnic Identity	808

Seleznev A.G. New Religious and Religious-Oriented Ecological Movements in the Omsk Region: Preliminary Results of Ethnographic Study	814
Sekiya A. Examples of Horse Spirit Worship in the Altai Mountains and in Japan	820
Tikhomirov K.N., Tikhomirova M.N. New Information on the History of the Aubatkan–Yalankul Cluster of Tatar Settlements in the Bolsherechensky District of the Omsk Region	825
Tikhomirova M.N. Downy Handicraft Among the Tatars of the Bolsherechensky District of the Omsk Region in the Second Half of the 20th Century to the Beginning of the 21st Century (Preliminary Information)	830
Tikhonov S.S. Algorithm for Describing the Fishing of Population of the Southern Taiga in the Irtysh Area Using Archaeological and Ethnographic Data	836
Fursova E.F. Embroidered Towels with Crosses and Floral Ornaments (“Sprouted Crosses”) from the Russian Peasant Women in Western Siberia	841
Chemchieva A.P. Ethnic and Cultural Development of Southern Altaians in Contemporary City	848

RESCUE ARCHAEOLOGY

Blinova A.N., Gerasimov Yu.V., Korusenko M.A. Archaeological Research in the Territory of Omsk Military Hospital in 2020	855
Bogdanov E.S., Solod Yu.A., Zaharova I.P., Vybornov A.V. Research at the Barrow Burial Ground Stantsiya Kazanovskaya-1 in 2020	862
Bychkov D.A. Prospects and Problems of Research at the Lower Reaches of the Latat and Yaya Rivers According to the Results of Archaeological Surveys in 2018–2019	869
Grishin A.E., Chertykov V.A., Vybornov A.V. Yugachi-1 (Minusinsk Depression) Site, a New Object for Studying Late Tagar Antiquities: Burial and Settlement	874
Dudko A.A., Vasileva Y.A., Ponedelchenko L.O., Kishkurno M.S., Vybornov A.V. Results of Rescue Archaeological Excavations at the Cemetery of Kazanovka-10 in Askizsky District of the Republic of Khakassia in 2020	883
Mitko O.A., Zubkov V.S., Poselyanin A.I., Frolov Ya.V., Teterin Yu.V., Morozov A.A., Polovnikov I.S., Chertykov V.A., Vybornov A.V. Preliminary Results of Excavations of the Tagar Kurgans at Kazanovka-6 Burial Ground in the Askizsky District of the Republic of Khakassia	889
Polovnikov I.S., Dudko A.A., Vasileva Yu.A. Analysis of Bone Carving Production from the Kazanovka-10 Burial Site (Askizsky District of the Republic of Khakassia)	895
Postnov A.V., Bychkov D.A., Akimova E.V., Akhmetov V.V., Martyushov R.A., Marochkin A.G., German P.V., Veretennikov A.V., Plats I.A. Exploration Work in the Left Bank of the Lower Course of the Kondoma River near the Taylep Village	902
Salnikova I.V., Timoshchenko A.A. Preliminary Results of Study of a Stavrographic Collection of the Spassky Cathedral Necropolis (Kuibyshev, Formerly Kainsk)	909
Seletskiy M.V., Mitko O.A., Chertykov V.A., Morozov A.A., Davydov R.V., Vybornov A.V. Provisional Data of Rescue Excavations of Burial Sites of the Late Bronze Age in the Area of the Kazanovka-6 Burial Ground in the Askiz District of the Republic of Khakassia in 2020	918
Timoshchenko A.A., Belan O.V., Kravtsova A.S., Morozov A.A. Second Stage Archaeological Work at the Site “Spassky Church Cultural Layer” in Kuibyshev in 2020: Preliminary Results	924
Timoshchenko A.A., Bychkov D.A., Akhmetov V.V., Kogai S.A., Pavlenok G.D., Belan O.V. Materials of the Final Upper Paleolithic of the Tailep-2 Site (Rescue Fieldworks in 2020)	932
Timoshchenko A.A., Bychkov D.A., Akhmetov V.V., Pavlenok G.D., Kogai S.A., Belan O.V., Dudko A.A., Veretennikov A.V. Results of Rescue Archaeological Fieldwork at the Settlements Taylep-1 and Taylep-2 Sites (Novokuznetsk District, Kemerovo Region – Kuzbass) in 2020	937

Научное издание

**Проблемы археологии,
этнографии, антропологии Сибири
и сопредельных территорий**

Том XXVI
2020

Редакторы *Д.В. Снытникова, О.А. Зикирина, А.В. Коненко, В.В. Игнатьева*
Технический секретарь *А.С. Кравцова*
Технические редакторы *И.П. Гемужева, Т.А. Клименкова*
Дизайнер *А.А. Фурсенко*

Подписано в печать 18.12.2020 г. Формат 60×84/8.
Усл.-печ. л. 111,25. Уч.-изд. л. 108,93. Тираж 50 экз. Заказ № 518.

Издательство ИАЭТ СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, 630090, Новосибирск
<http://www.archaeology.nsc.ru>